ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Библиотека "Руниверс"

Рисунки дозволены цензурою 15-го марта 1903 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Покойный Николай Карловичъ Шильдеръ послѣ изданія двухъ своихъ извѣстныхъ трудовъ: «Императоръ Павелъ I, его жизнь и царствованіе» и «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», приступилъ къ составленію, по той же программѣ, новаго труда «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Къ сожалѣнію, трудъ этотъ былъ прерванъ его неожиданной кончиной, и онъ успѣлъ обработать только первыя двѣ части, обнимающія время отъ рожденія императора Николая до подавленія польскаго мятежа 1831 года. По желанію Н. К. Шильдера, выраженному имъ незадолго до кончины, мы издаемъ эти двѣ части подъ наблюденіемъ редактора «Историческаго Вѣстника» Сергѣя Николаевича Шубинскаго, которымъ сдѣланъ также выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія. Большая часть ихъ воспроизведена, безъ всякихъ измѣненій и украшеній, съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова и любезно предоставленныхъ имъ въ наше распоряженіе.

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Николай Павловичъ.

Съ акварельнаго портрета съ натуры Рокштуля, 1821 года.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ среду, 25-го іюня (6-го іюля) 1796 года, въ три четверти четвертаго часа утра, великая княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась въ Царскомъ Селѣ отъ бремени сыномъ. Императрица Екатерина, всегда присутствовавшая при родахъ своей невѣстки, на этотъ разъ, вѣроятно, по нездоровью прибыла въ покои великой княгини уже по рожденіи внука; въ присутствіи государыни духовникъ ея, Савва Исаевъ, совершилъ молитву надъ новорожденнымъ, котораго нарекли небывалымъ въ нашемъ царственномъ домѣ отъ временъ Владимира именемъ: Николай.

По словамъ Шарлотты Карловны Ливенъ, записаннымъ великою княгинею Маріею Павловною, императрица была поражена величиною и красотою младенца и благословила его (l'impératrice fut frappée de le trouver si grand et si beau et le bénit).

О рожденіи великаго князя Николая Павловича было объявлено въ Царскомъ Селѣ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ, а въ С.-Петербургъ послано извѣстіе съ нарочнымъ. Раннимъ утромъ того же дня цесаревичъ Павелъ Петровичъ одинъ отслушалъ благодарственный молебенъ въ Царскосельской придворной церкви, а въ 10 часовъ утра явились къ нему съ поздравленіями придворныя особы, при чемъ жалованы имъ къ рукѣ. Парадное молебствіе въ присутствіи императрицы и всего двора было совершено въ полдень, послѣ чего всѣми придворными чинами принесены поздравленія императрицѣ Екатеринѣ, которая также жаловала ихъ къ рукѣ. Затѣмъ въ Царскосельскомъ дворцѣ состоялся парадный обѣдъ на 64 куверта.

Императрица не замедлила тотчасъ же сообщить Гримму о своей новой семейной радости въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Сегодня въ три часа утра мамаша родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного менѣе моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ» [1].

2-го іюля императрица извѣщала Гримма, что «въ воскресенье будутъ крестить рыцаря Николая (le chevalier Nicolas), здоровье котораго превосходно» [2].

Къ этимъ свѣдѣніямъ Екатерина присовокупляетъ 5-го іюля, то-есть менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія внука, еще слѣдующія подробности о первыхъ дняхъ жизни великаго князя:

«Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ, это неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется по прошествіи шести недѣль отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (il toise tout le monde), голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего» [3].

Великая княгиня Марія Ѳеодоровна, отвѣчая 10-го іюля 1796 года на полученное ею по поводу рожденія великаго князя Николая Павловича поздравительное письмо, выразилась о немъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ императрица Екатерина. «Dieu veuille me le conserver,—писала мать новорожденнаго,—j'ose l'espérer de Sa bonté, car il parait être très fort, robuste et bien constitué, on le trouve beau, et j'ose avouer qu'il le parait à mes yeux» [4].

Этотъ «рыцарь Николай» сдѣлался 14-го декабря 1825 года императоромъ Николаемъ и оправдалъ своею жизнью и царствованіемъ предсказаніе Екатерины: дѣйствительно Николай Павловичъ жилъ и умеръ рыцаремъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія великаго князя Николая Павловича были объявлены нѣкоторыя милости. Императрица увѣдомила 1-го іюля московскаго главнокомандующаго М. М. Измайлова, что «для рожденія внука» она всемилостивѣйше жалуетъ погорѣвшимъ дворцовой деревни Панокъ крестьянамъ по 25 рублей на каждый дворъ, всего 1.450 рублей. Сверхъ того, Екатерина писала тому же М. М. Измайлову 2-го іюля, что, разсмотрѣвъ дѣло о продажѣ нѣкоторыми купцами запрещенныхъ книгъ и приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ, она «для рожденія любезнаго внука» всемилостивѣйше ихъ прощаетъ.

Обрядъ крещенія новорожденнаго великаго князя происходилъ въ воскресенье 6-го іюля въ церкви Царскосельскаго дворца. Воспріемниками отъ купели назначены были: великій князь Александръ Павловичъ

Библиотека "Руниверс"

и великая княжна Александра Павловна; послѣдняя должна была заступить мѣсто императрицы Екатерины, которая по нездоровью не могла присутствовать при крещеніи внука и провела только нѣкоторое время на хорахъ. Младенецъ былъ принесенъ въ церковь статсъ-дамою Шарлоттою Карловною Ливенъ; ассистентами ея были оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ. Крещеніе и миропомазаніе совершалъ протоіерей Савва Исаевъ.

Во время литургіи великій князь Александръ Павловичъ подносилъ новокрещеннаго брата своего къ пріобщенію Святыхъ Тайнъ, а передъ окончаніемъ литургіи возложилъ на него знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ тотъ же день императрица и цесаревичъ Павелъ Петровичъ принимали поздравленія отъ всего двора, послѣ чего былъ парадный обѣдъ на 174 особы. Вечеромъ былъ придворный балъ.

Державинъ не упустилъ случая восторженно привѣтствовать появленіе на свѣтъ третьяго внука Екатерины. Въ стихотвореніи: «На крещеніе великаго князя Николая Павловича», между прочимъ читаемъ:

«Дитя равняется съ царями
.....Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ».

Тридцать лѣтъ спустя, въ царствованіе императора Николая I, эти стихи часто приводились, какъ пророчество.

Тотчасъ послѣ крещенія своего сына цесаревичъ Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ; великая княгиня Марія Ѳеодоровна пребывала въ Царскомъ Селѣ до 3-го (14-го) августа, а затѣмъ также отправилась въ Павловскъ. Что же касается новорожденнаго великаго князя Николая Павловича, то, по заведенному обычаю, онъ остался на попеченіи бабушки, которая почти каждый день навѣщала его.

Вскорѣ совершился переломъ въ исторической жизни Россіи: 6-го ноября 1796 года скончалась Великая Екатерина, и надъ Россіею, по выраженію Карамзина, пронесся грозный метеоръ. Отсутствіе просвѣщенной бабушки не замедлило также отразиться невыгоднымъ образомъ и на будущемъ развитіи великаго князя Николая Павловича, который получилъ другое воспитаніе, уже не похожее на то, какое дано было старшимъ братьямъ его Александру и Константину.

Императрица Екатерина успѣла, однако, сдѣлать одно: выбрать няню для Николая Павловича, и нужно признать, что выборъ государыни былъ превосходный. Это была англичанка, или, точнѣе, шотландка Евгенія Васильевна Лайонъ, дочь лѣпного мастера, вызваннаго въ Россію въ числѣ другихъ художниковъ императрицею. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ жизни великаго князя она была единственною его руково-

Библиотека "Руниверс"

дительницею; она всегда гордилась тѣмъ, что хотя и англичанка, но первая учила его произносить молитвы «Отче нашъ» и «Богородице», первая также учила его складывать пальцы для крестнаго знаменія. Николай Павловичъ пламенно привязался къ своей, какъ онъ называлъ, нянѣ-львицѣ (Lyon, каламбуръ самого императора Николая).

Баронъ М. А. Корфъ высказываетъ предположеніе, что въ первые годы жизни великаго князя, когда всѣ чувства, впечатлѣнія, антипатіи воспринимаются ребенкомъ безсознательно, между нимъ и его нянею существовала глубочайшая родственность натуръ; вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій, рыцарски благородный, сильный и открытый характеръ этой нянильвицы долженъ былъ неизбѣжнымъ образомъ повліять на образованіе характера будущаго русскаго самодержца [5].

Дѣйствительно, характеръ миссъ Лайонъ былъ смѣлый, рѣшительный, благородный. Она была весьма вспыльчива, но, какъ бо́льшая часть вспыльчивыхъ людей, необыкновенно добра. Привязанность къ ввѣренному ея попеченію августѣйшему воспитаннику доходила въ ней до страсти, до фанатизма, которые она сохранила до конца жизни.

Случайно будущая няня Николая Павловича находилась въ Варшавѣ въ 1794 году и вмѣстѣ съ русскими дамами провела время въ тяжеломъ семимѣсячномъ заключеніи. Плѣнницы были наконецъ освобождены Суворовымъ послѣ штурма Праги. Впослѣдствіи императоръ Николай разсказывалъ не разъ, что отъ няни онъ наслѣдовалъ свою ненависть къ полякамъ, и что чувство это укоренилось въ немъ со времени тѣхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ отъ нея въ первые годы своей жизни объ ужасахъ и жестокостяхъ, происходившихъ въ 1794 году въ Варшавѣ.

Второстепеннымъ значеніемъ при первоначальномъ воспитаніи Николая Павловича пользовались еще статсъ-дама Шарлотта Карловна Ливенъ и гувернантка полковница Юлія Ѳедоровна Адлербергъ (рожденная Баттовутъ).

Ш. К. Ливенъ вызвана была ко двору еще императрицей Екатериной, довѣрившей ей воспитаніе великихъ княженъ, дѣтей цесаревича Павла Петровича; она родилась въ Лифляндіи въ 1743 году и была дочерью вестфальскаго уроженца, генерала русской службы, барона Гаугребена, а затѣмъ женою артиллерійскаго генерала, кіевскаго коменданта, умершаго въ 1781 году [6]. Затѣмъ ей порученъ былъ также надзоръ за великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, а позже и за великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ Ш. К. Ливенъ графское достоинство, а императоръ Николай княжеское достоинство. Княгиня Ливенъ скончалась 24-го февраля 1828 года, незадолго до кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны. По свидѣтельству современника, это былъ личный другъ Маріи Ѳеодоровны; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ ее «женщиной рѣдкаго ума, необыкновеннаго

Библиотека "Руниверс"

Императрица Марія Ѳеодоровна.
(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

Библиотека "Руниверс"

хладнокровія, и, можно сказать, почти мужественной энергіи» [7]. Хотя безъ высшаго научнаго образованія, Ш. К. Ливенъ была одарена живымъ и проницательнымъ умомъ и особенно (по выраженію великой княгини Маріи Павловны) необыкновеннымъ тактомъ командованія (le tact du commandement), что вполнѣ выразилось въ той энергіи, съ которою она управляла многочисленнымъ женскимъ легіономъ, окружавшимъ царскихъ внуковъ и внучекъ. Вообще графиня умѣла вести себя съ такимъ искусствомъ, что одинаково удовлетворяла и императрицу Екатерину и родителей ввѣренныхъ ей дѣтей, несмотря на разность ихъ характеровъ и натянутость ихъ отношеній [8].

Юлія Ѳедоровна Адлербергъ заняла мѣсто гувернантки при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ въ 1797 году, уже послѣ кончины императрицы Екатерины, и была рекомендована ко двору довѣреннымъ секретаремъ Маріи Ѳеодоровны, барономъ Николаи. Полковница Адлербергъ оставалась при дворѣ до 1802 года, когда она пожалована была именнымъ указомъ въ генеральши и назначена начальницею Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь). Это была мать товарища дѣтства Николая Павловича и друга будущаго императора, графа Владимира Ѳедоровича Адлерберга.

28-го января 1798 года родился великій князь Михаилъ Павловичъ. Съ тѣхъ поръ, какъ братья могли совмѣстно предаваться дѣтскимъ играмъ, Николай и Михаилъ оставались неразлучными, подобно тому, какъ нѣкогда великій князь Константинъ Павловичъ росъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ.

Немедленно по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ назначилъ, 7-го ноября 1796 года, великаго князя Николая Павловича въ Конную гвардію полковникомъ, а затѣмъ онъ облеченъ былъ званіемъ шефа этого полка. Это званіе Николай Павловичъ продолжалъ носить до 28-го мая 1800 года, когда послѣдовало его назначеніе шефомъ Измайловскаго полка, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ сдѣланъ былъ шефомъ Коннаго полка.

Императоръ Павелъ страстно любилъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, особенно великаго киязя Николая. По этому поводу Анна Павловна, будущая королева Нидерландская, оставила слѣдующую замѣтку:

«Мой отецъ любилъ окружать себя своими младшими дѣтьми и заставлялъ насъ, Николая, Михаила и меня, являться къ нему въ комнату играть, пока его причесывали, въ единственный свободный моментъ, который былъ у него. Въ особенности это случалось въ послѣднее время его жизни. Онъ былъ нѣженъ и такъ добръ съ нами, что мы любили ходить къ нему. Онъ говорилъ, что его отдалили отъ его старшихъ дѣтей, отобравъ ихъ отъ него съ самаго рожденія, но что онъ желаетъ окружить себя младшими, чтобы познакомиться съ ними. (Mon père

Библиотека "Руниверс"

aimait à s'entourer de ses enfants cadets et nous faisait venir chez lui: Nicolas, Michel et moi, pour jouer dans sa chambre pendant qu'on le coiffait, seul moment de loisir qu'il eût. C'était surtout le dernier temps de sa vie. Il était tendre et si bon envers nous, que nous aimions à aller chez lui. Il disait qu'on l'avait éloigné de ses enfants aînés, en les lui enlevant dès qu'ils étaient nés, mais qu'il voulait s'entourer des cadets pour les connaître)» [9].

Баронъ М. А. Корфъ пишетъ: «Великихъ князей Николая и Михаила Павловичей онъ обыкновенно называлъ мои барашки, мои овечки, и ласкалъ ихъ весьма нѣжно, чего никогда не дѣлала ихъ мать. Точно также, въ то время, какъ императрица обходилась довольно высокомѣрно и холодно съ лицами, находящимися при младшихъ ея дѣтяхъ, строго заставляя ихъ соблюдать въ своемъ присутствіи придворный этикетъ, который вообще столько любила, императоръ совсѣмъ иначе обращался съ этими лицами, значительно ослаблялъ въ ихъ пользу этотъ придворный этикетъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ и имъ строго наблюдавшійся. Такимъ образомъ, онъ дозволялъ нянюшкѣ не только при себѣ садиться, держа великаго князя на рукахъ, но и весьма свободно съ собою разговаривать; нерѣдко нагибался самъ, чтобы достать съ полу какую нибудь игрушку или вещь, выроненную ребенкомъ, или нянею, которой тогдашніе робронды, прически, перья и фижмы были и безъ того уже значительною помѣхою во всякомъ свободномъ движеніи. Императрица съ своей стороны, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти неудобства и маленькія мученія няни или гувернантокъ, никогда не удостоивала ихъ ни малѣйшаго смягченія въ чопорномъ этикетѣ тогдашняго времени, а такъ какъ этотъ этикетъ простирался и на членовъ императорской фамиліи, то Николай и Михаилъ Павловичи въ первые годы дѣтства находились съ своею августѣйшею матерью въ отношеніяхъ церемонности и холодной учтивости и даже боязни; отношенія же сердечныя, и при томъ самыя теплыя, наступили для нихъ лишь впослѣдствіи, въ лѣта отрочества и юности».

Великій князь Николай Павловичъ не долго пользовался женскимъ попеченіемъ. Вскорѣ по вступленіи императора Павла на престолъ государя занимала уже мысль о выборѣ подходящаго воспитателя для своего сына. Вниманіе императора Павла остановилось первоначально, какъ утверждаютъ современники, на графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ, занимавшемъ тогда мѣсто нашего посланника при лондонскомъ дворѣ.

9-го апрѣля 1797 года, Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ писалъ графу Семену Романовичу: «Не знаю, извѣстно ли вамъ, что на васъ имѣютъ виды для воспитанія великаго князя Николая, и что васъ, по прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ, ожидаетъ эта трудная задача».

Библиотека "Руниверс"

Но прежде нежели успѣли сдѣлать графу Воронцову какія либо предложенія въ этомъ смыслѣ, онъ поспѣшилъ отклонить отъ себя эту честь. Въ письмѣ его къ барону Николаи отъ 11-го (22-го) августа 1798 года графъ Воронцовъ пишетъ: «Говорятъ, что есть предположеніе вернуть меня черезъ три или четыре года, чтобы сдѣлать меня воспитателемъ великаго князя Николая. Было бы большимъ несчастіемъ для меня, если бы меня предназначили для подобнаго мѣста, такъ какъ я былъ бы поставленъ въ безусловную необходимость отказаться отъ него, потому что нисколько не чувствую себя пригоднымъ для столь важныхъ обязанностей». Затѣмъ въ этомъ письмѣ къ своему давнишнему другу графъ Воронцовъ подробно развиваетъ свой образъ мыслей относительно обязанностей, предстоявшихъ будущему воспитателю великаго князя, и въ заключеніе пишетъ: «Народъ, который въ наши дни произвелъ столь выдающіеся таланты въ области военнаго дѣла, политики и государственнаго управленія, въ области наукъ и искусствъ, который далъ Румянцова, Безбородко, Ломоносова, Румовскаго и Баженова, такой народъ не безсмысленный народъ (nation stupide), и нѣтъ нужды отправляться искать за 400 льё немощнаго старца (un vieillard infirme), чтобы дать ему мѣсто, съ которымъ онъ не въ силахъ справиться, и которое должно быть занято лишь человѣкомъ 30-ти до 40 лѣтъ и крѣпкаго здоровья. Стоитъ только постараться немного, и подходящій человѣкъ (l'homme qu'il faut) найдется.... Я увѣренъ, что обо мнѣ никогда не думали, и что слухъ, дошедшій до меня, лишенъ малѣйшаго основанія, но такъ какъ мнѣ приходилось видѣть, какъ сбывались самыя невѣроятныя вещи, то я пишу вамъ это столь пространное письмо, чтобы вы дали ему подходящее употребленіе въ случаѣ, если бы былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи меня на указанное мѣсто» [10].

Баронъ Николаи, какъ извѣстно, пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и поэтому цѣль, преслѣдуемая графомъ Семеномъ Романовичемъ при отправленіи этого письма, сопровождалась желаемымъ успѣхомъ. Независимо отъ приведеннаго нами письма, на измѣненіе намѣреній императора Павла, вѣроятно, повліяло также нерасположеніе, которое государь почувствовалъ къ графу Воронцову, какъ сторонникуанглійскаго союза, когда отношенія Россіи къ лондонскому кабинету совершенно измѣнились и приняли враждебный характеръ. Затѣмъ слѣдуетъ также припомнить, что, будучи еще цесаревичемъ, Павелъ Петровичъ въ разговорѣ съ Леопольдомъ, великимъ герцогомъ тосканскимъ, выразился въ 1782 году крайне рѣзко и недоброжелательно о графѣ С. Р. Воронцовѣ, прибавивъ, что лишь власть перейдетъ въ его руки, онъ въ числѣ другихъ названныхъ тогда лицъ будетъ высѣченъ, разжалованъ и изгнанъ. Но сверхъ сего цесаревичъ

Библиотека "Руниверс"

упомянулъ еще, что императрица Екатерина намѣрена назначить графа С. Р. Воронцова воспитателемъ его сыновей, но онъ, совмѣстно съ великой княгиней, «ils en viendraient à toutes les extrémités», но не согласятся вручить своихъ дѣтей подобному человѣку [11]. Конечно, съ

Графиня Шарлотта Карловна Ливенъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

тѣхъ поръ прошло много времени, но едва ли мнѣнія и предразсудки цесаревича забыты были императоромъ.

Вопросъ о воспитателѣ Николая Павловича получилъ вскорѣ такое рѣшеніе, на которое никто не разсчитывалъ. «Подходящій человѣкъ» (l'homme qu'il faut), по выраженію графа С. Р. Воронцова, нашелся: императоръ Павелъ поручилъ воспитаніе своихъ младшихъ сыновей генералу Матвѣю Ивановичу Ламздорфу.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фамилія Ламздорфа происходила изъ стариннаго дворянскаго рода, владѣвшаго обширными помѣстьями въ Вестфаліи, переселившагося въ XV-мъ столѣтіи въ Остзейскій край. Въ 1620 году прадѣдъ Матвѣя Ивановича былъ утвержденъ въ правахъ дворянскихъ родовъ 1-го класса Курляндскаго рыцарства. Отецъ Матвѣя Ивановича воспитывался въ Петербургѣ въ шляхетскомъ корпусѣ и командовалъ впослѣдствіи Венденскимъ полкомъ. Матвѣй Ивановичъ родился въ 1745 году и также посвятилъ себя военной службѣ; будучи назначенъ адъютантомъ генерала Николая Ивановича Салтыкова, онъ принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ императрицы Екатерины II. Въ 1770 году Ламздорфъ сопровождалъ генерала Салтыкова въ путешествіи его за границу и пробылъ тамъ три года. Въ 1773 году онъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ возвратился въ Петербургъ ко времени бракосочетанія цесаревича Павла Петровича и былъ произведенъ въ премьеръ-майоры. Въ 1784 году Ламздорфъ, командуя Казанскимъ кирасирскимъ полкомъ, получилъ повелѣніе состоять кавалеромъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ; въ этой должности Матвѣй Ивановичъ пробылъ десять лѣтъ. Затѣмъ, въ 1795 году, Ламздорфъ въ чинѣ уже генералъ-майора назначенъ былъ императрицею Екатериною первымъ русскимъ губернаторомъ во вновь присоединенную Курляндію. Когда императоръ Павелъ посѣтилъ Митаву во время перваго своего путешествія по Россіи въ 1797 году, государь отнесся къ Ламздорфу весьма милостиво. Замѣтивъ однажды, что Матвѣй Ивановичъ стѣснялся занять за столомъ мѣсто рядомъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, какъ просилъ его о томъ его высочество, императоръ передъ всѣми громогласно сказалъ ему: «Asseyez vous là, mon général; le peu de bon qu'il a, il le tient de vous»[12].

Это обстоятельство не помѣшало Ламздорфу испытать въ царствованіе Павла Петровича милости и невзгоды наравнѣ съ прочими сановниками, находившимися на службѣ въ столь тревожную эпоху. За время управленія Курляндіею Ламздорфъ оставилъ самыя лучшія воспоминанія. Баронъ Гейкингъ, восхваляя въ своихъ запискахъ благородство и безкорыстіе курляндскаго губернатора, присовокупляетъ: «смѣнить его могли, но замѣнить невозможно»[13]. 7-го января 1797 года, Ламздорфъ былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 5-го апрѣля того же года пожалованъ былъ въ тайные совѣтники и затѣмъ еще награжденъ орденомъ св. Анны первой степени, а 4-го ноября 1798 года уволенъ былъ по прошенію отъ должности курляндскаго губернатора. Затѣмъ, 22-го марта 1799 года, Ламздорфъ снова принятъ былъ на службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта и назначенъ директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (съ 10-го марта 1800 года именованнаго первымъ кадетскимъ)[14].

Библиотека "Руниверс"

Въ 1800 году, императоръ Павелъ, посѣтивъ корпусъ, остался всѣмъ доволенъ и очень благодарилъ Ламздорфа, но на другой день послѣдовалъ приказъ, въ которомъ сказано было, что начальству корпуса слѣдовало бы брать примѣръ съ начальства другихъ заведеній. Оказалось, что директоръ другого учебнаго заведенія, посѣщеннаго въ тотъ же день императоромъ Павломъ, при отъѣздѣ государя преклонилъ колѣна, чего не догадался сдѣлать Ламздорфъ. Этотъ косвенный выговоръ не помѣшалъ, однако, Ламздорфу получить въ послѣдній годъ царствованія Павла Петровича повелѣніе явиться на слѣдующее утро въ 6 часовъ въ Зимній дворецъ. Въ то время подобныя приглашенія возбуждали въ семьяхъ справедливыя тревоги, и, конечно, никто не могъ предвидѣть, что этотъ неожиданный призывъ къ грозному владыкѣ послужитъ къ будущему возвышенію Матвѣя Ивановича.

— «Я избралъ васъ воспитателемъ моихъ сыновей»,—сказалъ удивленному генералу императоръ Павелъ.

На скромный отвѣтъ Ламздорфа, что, вполнѣ чувствуя великую къ нему милость и довѣріе монарха, онъ не смѣетъ, однакоже, принять такого лестнаго предложенія, изъ опасенія не умѣть исполнить его съ ожидаемымъ успѣхомъ, государь возразилъ: «Если вы не хотите взяться за это дѣло для меня, то вы обязаны это исполнить для Россіи; одно только скажу вамъ, чтобы вы не сдѣлали изъ моихъ сыновей такихъ шалопаевъ, каковы нѣмецкіе принцы. (Wenn sie es nicht für mich thun wollen, so müssen sie es für Russland thun; aber das sage ich ihnen, dass sie aus meinen Söhnen nicht solche Schlingel machen, wie die deutschen Prinzen es sind)».

Послѣ этихъ словъ государя генералу Ламздорфу оставалось только покориться судьбѣ и приняться за свои новыя обязанности. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 23-го ноября 1800 года объявлено было: «Генералъ-лейтенантъ Ламздорфъ назначенъ быть при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ. Отставной генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ принятъ въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса, ему въ помощь опредѣленъ туда генералъ-майоръ баронъ Дибичъ, а генералъ-майору Клингеру оставаться попрежнему командиромъ онаго корпуса»[15].

Совершенно ошибочно нѣкоторые приписываютъ назначеніе, полученное въ 1800 году генераломъ Ламздорфомъ, вліянію Лагарпа. Между ними дѣйствительно существовало семейное родство: они были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, рожденныхъ Бётлингъ; но затѣмъ съ 1799 года Лагарпъ впалъ въ совершенную немилость у императора Павла, который, лишивъ его ордена и пенсіи, повелѣлъ даже отправить въ Сибирь, въ случаѣ захвата бывшаго президента швейцарской директоріи во время нахожденія русскихъ войскъ въ Швейцаріи. Изъ краткаго очерка

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Николай Павловичъ въ дѣтствѣ.
(Съ гравированнаго портрета того времени).

служебнаго прохожденія генерала Ламздорфа можно заключить, что императоръ Павелъ имѣлъ полную возможность ближе познакомиться съ Матвѣемъ Ивановичемъ; дѣйствительно, государю извѣстны были въ достаточной мѣрѣ благородныя правила и высокія нравственныя качества Ламздорфа, чтобы лично избрать воспитателя для своего сына, помимо всякаго посторонняго вліянія.

1-го февраля 1801 года, императоръ Павелъ переѣхалъ во вновь отстроенный, по его мысли и указаніямъ, Михайловскій замокъ. «На этомъ мѣстѣ я родился, здѣсь хочу и умереть», замѣтилъ императоръ Павелъ. Предчувствіе его исполнилось черезъ нѣсколько недѣль. Младшія дѣти государя оставались еще нѣкоторое время въ Зимнемъ дворцѣ,

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Михаилъ Павловичъ въ дѣтствѣ.
(Съ гравированнаго портрета того времени).

гдѣ ихъ ежедневно посѣщала императрица Марія Ѳеодоровна. Незадолго до кончины императора Павла великій князь Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ братомъ и малолѣтнею сестрою, Анною Павловною, также перевезены были на жительство въ замокъ.

Въ это время императоръ Павелъ занятъ былъ мыслію объ измѣненіи установленнаго имъ же порядка престолонаслѣдія. Казалось, что государь намѣренъ былъ назначить наслѣдникомъ престола принца Евгенія Виртембергскаго, прибывшаго 7-го (19-го) февраля въ Петербургъ, предполагая вмѣстѣ съ тѣмъ женить его на своей дочери, великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Но существуютъ указанія и другого рода, что Павелъ Петровичъ предполагалъ будто бы избрать своимъ

Библиотека "Руниверс"

преемникомъ великаго князя Николая Павловича, который былъ любимцемъ отца. Къ этому намѣренію относили слова, сказанныя государемъ, что онъ вскорѣ помолодѣетъ на двадцать пять лѣтъ. «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великія дѣла!»—съ этими словами императоръ Павелъ обратился къ графу Кутайсову, намекая на какую-то предстоящую таинственную перемѣну.

Вечеромъ 11-го (23-го) марта 1801 года, въ послѣдній день своей жизни, императоръ Павелъ посѣтилъ великаго князя Николая Павловича. При этомъ свиданіи великій князь, которому уже шелъ пятый годъ, обратился къ своему родителю съ страннымъ вопросомъ, отчего его называютъ Павломъ Первымъ. «Потому что не было другого государя, который носилъ бы это имя до меня»,—отвѣчалъ ему императоръ.—«Тогда,—продолжалъ великій князь,—меня будутъ называть Николаемъ Первымъ».—«Если ты вступишь на престолъ»,—замѣтилъ ему государь. Погрузившись затѣмъ въ раздумье и устремивъ долгое время свои взоры на великаго князя, Павелъ крѣпко поцѣловалъ сына и быстро удалился изъ его комнатъ.

Въ ту же ночь императоръ Павелъ внезапно скончался.

— «Теперь ты ихъ отецъ»,—сказала императрица Марія Ѳеодоровна, приведя на другой день своихъ младшихъ сыновей къ воцарившемуся императору Александру Павловичу. Новый государь не отмѣнилъ распоряженій своего отца относительно генерала Ламздорфа, которому попрежнему порученъ былъ главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ день коронованія императора Александра, Ламздорфъ награжденъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго[16].

Во время коронаціонныхъ торжествъ юные великіе князья вмѣстѣ съ прочими членами императорскаго дома находились въ Москвѣ. Это было первое путешествіе, совершенное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Императоръ Александръ предоставилъ воспитаніе своихъ братьевъ исключительному усмотрѣнію вдовствующей императрицы. Въ замѣткѣ, написанной великой княгиней Анной Павловною, читаемъ: «L'empereur Alexandre m'a souvent dit qu'il s'abstenait de toute ingérence dans l'éducation de mes frères par délicatesse pour ma mère». Такимъ образомъ послѣ событій 12-го марта 1801 года императрица Марія Ѳеодоровна сдѣлалась полноправною и вполнѣ отвѣтственною руководительницею приготовленія великаго князя Николая Павловича, а также и младшаго его брата, къ занимаемому ими высокому сану.

Принявъ на себя всѣ заботы по воспитанію своихъ младшихъ сыновей, Марія Ѳеодоровна задалась цѣлью отклонить ихъ отъ всего военнаго, желая, чтобы вниманіе ихъ обращено было вмѣсто военной выправки,

Библиотека "Руниверс"

маршировки къ предметамъ болѣе существеннымъ и полезнымъ. Стремленія, преслѣдуемыя императрицею, были, безъ сомнѣнія, похвальными, но за исполненіе ихъ взялись неумѣлыми руками. Къ тому же парадоманія, экзерцирмейстерство, насажденныя въ Россіи съ такимъ увлеченіемъ Петромъ III и снова послѣ Екатерининскаго перерыва воскресшія подъ тяжелою рукою Павла, пустили въ царственной семьѣ глубокіе и крѣпкіе корни. Александръ Павловичъ, несмотря на свой либерализмъ, былъ жаркимъ приверженцемъ вахтпарада и всѣхъ его тонкостей. Не ссылали при немъ въ Сибирь за ошибки на ученьяхъ и разводахъ, но виновные подвергались строжайшимъ взысканіямъ, доходившимъ относительно нижнихъ чиновъ до жестокости. О братѣ его Константинѣ и говорить нечего: живое воплощеніе отца, какъ по наружности, такъ и по характеру, онъ только тогда и жилъ полной жизнью, когда былъ на плацу, среди муштруемыхъ имъ командъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что наслѣдственные инстинкты проявились съ тѣми же оттѣнками и у юныхъ великихъ князей; они вполнѣ раздѣляли симпатіи и увлеченія своихъ старшихъ братьевъ.

Воспитатели Николая Павловича не были способны направить умъ своего воспитанника къ преслѣдованію болѣе другихъ плодотворныхъ идеаловъ, и потому имъ не удалось побѣдить врожденныя наклонности и отвлечь его отъ проявившейся въ немъ страсти ко всему военному. Напротивъ того, благодаря системѣ воспитанія, настойчиво проводимой императрицею матерью, присущая ему склонность къ военной выправкѣ и къ внѣшностямъ военной службы, представилась еще въ глазахъ великаго князя во всей прелести запретнаго плода.

Итакъ обнаруженное Николаемъ Павловичемъ съ раннихъ лѣтъ пристрастіе къ военному ремеслу осталось основною чертою его характера и не покидало его впослѣдствіи даже и на престолѣ. Въ запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа сохранилось по этому поводу слѣдующее любопытное указаніе. «Государь,—говоритъ графъ, описывая гвардейскіе маневры 1836 года,—былъ неутомимъ, цѣлый день на конѣ подъ дождемъ, вечеромъ у бивачнаго огня, въ бесѣдѣ съ молодыми людьми своей свиты или въ рядахъ войскъ, окружавшихъ его маленькую палатку, онъ большую часть ночи проводилъ за государственными дѣлами, которыхъ теченіе нисколько не замедлилось отъ этого развлеченія государя съ своими войсками, составлявшаго, по собственному его сознанію, единственное и истинное для него наслажденіе».

Можно привести и другой разсказъ, относящійся къ болѣе ранней эпохѣ, а именно къ 1825 году. Очевидецъ Михайловскій-Данилевскій пишетъ: «Необыкновенныя знанія великаго князя по фрунтовой части насъ изумили, иногда, стоя на полѣ, онъ бралъ въ руки ружье и дѣлалъ ружейные пріемы такъ хорошо, что врядъ ли лучшій ефрейторъ могъ

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ сравняться, и показывалъ также барабанщикамъ, какъ имъ надлежало бить. При всемъ томъ его высочество говорилъ, что онъ въ сравненіи съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ ничего не знаетъ; каковъ же долженъ быть сей?—спрашивали мы другъ друга».

Съ 1802 года великаго князя Николая Павловича начали занимать ученьемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ старались, чтобы онъ рѣже видѣлъ своихъ гувернантокъ и нянюшку, во избѣжаніе быстраго перелома въ установившемся образѣ жизни. Затѣмъ, съ 1803 года Николай Павловичъ остался уже подъ надзоромъ однихъ мужчинъ. Генеральша Адлербергъ поступила въ начальницы Смольнаго монастыря; миссъ Лайонъ вышла замужъ и съ тѣхъ поръ стала весьма рѣдко навѣщать своего прежняго питомца.

Насталъ новый періодъ въ жизни Николая Павловича, остававшагося неразлучнымъ съ братомъ, но не слишкомъ радостный для обоихъ великихъ князей.

Установившаяся тогда система воспитанія была суровая, и телѣсныя наказанія играли въ ней большую роль. Такими мѣрами тщетно старались обуздывать и исправлять порывы строптиваго и вспыльчиваго характера Николая Павловича. Испытанные имъ въ дѣтствѣ педагогическіе пріемы принесли и другіе печальные плоды; они, несомнѣнно, повліяли на міросозерцаніе будущаго вѣнценосца, который впослѣдствіи провелъ подобныя же суровыя начала въ воспитаніе современнаго ему подраставшаго поколѣнія. Суровость обращенія, усвоенная при воспитаніи обоихъ великихъ князей, всецѣло отразилась на страницахъ ежедневныхъ журналовъ воспитателей; эти журналы, а также рапорты о ходѣ воспитанія, представлялись императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, тщательно за ними слѣдившей и безусловно одобрявшей образъ дѣйствій, усвоенный избранными ею педагогами. «Продолжайте, — писала императрица-мать генералу Ламздорфу 25-го іюня 1811 года, — ваши заботы о Николаѣ, ваши истинно отеческія заботы, и онъ оправдаетъ всѣ наши ожиданія. (Continuez vos soins à Nicolas, vos soins vraiment paternels, et il repondra à tous nos voeux)».

Кавалерами при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ находились: генералъ-майоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ. Въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываютъ до нѣкоторой степени мѣры кротости, желаніе воздѣйствовать на нравственную сторону своего воспитанника, хотя строптиваго нрава, но одареннаго нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ, отстраняя мѣры строгости, къ которымъ прибѣгали вообще слишкомъ часто и вполнѣ безуспѣшно.

Если затѣмъ обратиться къ избраннымъ для Николая Павловича преподавателямъ, то выборъ ихъ также не можетъ вызвать одобренія. Нѣкоторые изъ числа этихъ наставниковъ были люди весьма ученые,

Библиотека "Руниверс"

Императрица Екатерина II.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета писаннаго Лампи, въ 1794 году.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.
(Съ рѣдкаго карандашнаго портрета того времени).

но ни одинъ изъ нихъ не былъ одаренъ способностью овладѣть вниманіемъ своего ученика и вселить въ немъ уваженіе къ преподаваемой наукѣ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно мнѣніе, высказанное впослѣдствіи императоромъ Николаемъ Павловичемъ о своихъ преподавателяхъ. Государь припомнилъ въ разговорѣ, какъ его и великаго

Библиотека "Руниверс"

князя Михаила Павловича мучили отвлеченнымъ преподаваніемъ: «Два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень ученые, но оба несноснѣйшіе педанты: Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой—что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, который читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго». Что же касается до своего религіозно-нравственнаго воспитанія, то императоръ Николай замѣтилъ, что его съ братомъ «учили только креститься въ извѣстное время обѣдни да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ». Вообще императоръ Николай откровенно признавалъ, что онъ съ братомъ получилъ «бѣдное образованіе».

Къ сожалѣнію, среди педагоговъ, окружавшихъ Николая Павловича, не нашлось лицъ, подобныхъ Порошину, Лагарпу и Протасову, которыя передали бы потомству свои наблюденія о порядкѣ воспитанія великаго князя, о его способностяхъ, наклонностяхъ и характерѣ[17]. Поэтому за неимѣніемъ лучшаго приходится довольствоваться одними извлеченіями изъ ежедневныхъ журналовъ о поведеніи и учебныхъ занятіяхъ великаго князя, которые писались дежурными кавалерами и представлялись императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Эти журналы начинаются 3-го іюня 1802 года и непрерывно продолжаются по апрѣль 1816 года.

II.

Дѣтскій періодъ жизни великаго князя Николая Павловича (1802—1809 гг.) любопытенъ въ томъ отношеніи, что уже въ теченіе этого времени проявились задатки чертъ характера и наклонностей, составлявшихъ впослѣдствіи отличительныя черты императора Николая. Настойчивость, стремленіе повелѣвать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенная любовь къ строительному инженерному искусству, духъ товарищества, выразившійся въ позднѣйшее время, уже по воцареніи, въ непоколебимой вѣрности союзамъ, несмотря на вѣроломство союзниковъ,—все это сказывается уже въ раннемъ дѣтствѣ и, конечно, подчасъ въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ.

Библиотека "Руниверс"

Духъ товарищества развивался въ Николаѣ Павловичѣ подъ вліяніемъ совмѣстнаго воспитанія съ его младшимъ братомъ Михаиломъ Павловичемъ. Оба брата нѣжно любили другъ друга. Если находившіеся при нихъ кавалеры выказывали свое недовольство однимъ изъ нихъ, то другой, не бывшій виновнымъ, сожалѣлъ того и игралъ безъ всякаго удовольствія. Ихъ взаимная привязанность доходила до того, что если одинъ былъ боленъ, то другой не хотѣлъ никуда итти, хотя бы даже къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, гдѣ имъ обыкновенно бывало очень весело. Однажды, во время своего пребыванія у императрицы, младшій провинился въ чемъ-то передъ матерью, и когда они вернулись на свою половину, Николай Павловичъ разсказывалъ дежурному кавалеру, что у него все время были слезы на глазахъ отъ страха за брата, который могъ разсердить императрицу своимъ упрямствомъ, но что, слава Богу, она ему простила.

Удивительно, что вопреки стараніямъ, которыя прилагались, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, чтобы предохранить великаго князя Николая Павловича отъ увлеченія военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась въ немъ, тѣмъ не менѣе, съ неодолимою силой. Она особенно сказывалась въ характерѣ его игръ. Какъ только Николай Павловичъ вставалъ по утрамъ, онъ почти тотчасъ же принимался съ Михаиломъ Павловичемъ за военныя игры. У нихъ было большое количество оловянныхъ солдатиковъ; зимой они разставляли ихъ по столамъ въ комнатахъ, а лѣтомъ играли этими солдатиками въ саду, строили редуты, крѣпости и атаковали ихъ. Кромѣ солдатиковъ, оловянныхъ и фарфоровыхъ, у нихъ былъ цѣлый арсеналъ другихъ игрушекъ, напоминавшихъ о военномъ бытѣ: ружья, аллебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошади, барабаны, трубы, зарядные ящики и т. д. Любовь ко всему военному поддерживалась также и подъ вліяніемъ угодливости одного изъ кавалеровъ, Ахвердова, учившаго великаго князя строить и рисовать крѣпости, дѣлавшаго ему изъ воска бомбы, картечи, ядра и показывавшаго, какъ атаковать укрѣпленія и оборонять ихъ. Однимъ изъ любимыхъ занятій великаго князя было вырѣзываніе изъ бумаги крѣпостей, пушекъ, кораблей и т. под., а Ахвердовъ объяснялъ ему, какъ пользоваться этими фигурами для игръ.

Вообще все военное было до того на первомъ планѣ въ мысляхъ маленькаго Николая Павловича, что даже, когда онъ строилъ дачу для няни или гувернантки изъ стульевъ, земли или игрушекъ, то онъ никогда не забывалъ укрѣпить ее пушками «для защиты». Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Михаилъ Павловичъ, болѣе живой по характеру, столько же любилъ разрушать, сколько старшій строить, и поэтому послѣдній, заботясь о сохранности своихъ построекъ, боялся присутствія младшаго.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Склонность Николая Павловича къ строительной части начала выражаться очень рано: въ его играхъ замѣтно было стремленіе ко всякаго рода постройкамъ; рисовать любилъ онъ также не столько фигуры и другіе предметы, сколько «домики» и «крѣпости», и однажды (15-го декабря 1802 года), когда за обѣдомъ былъ разговоръ объ Александровской мануфактурѣ и о машинѣ ея, которую собирались устроить вновь съ особенною прочностью, потому что за годъ передъ тѣмъ ледъ испортилъ ее, онъ вскричалъ: «А хотятъ, для этого надобно вотъ что: вбить сваи въ Неву, или поставить столбы, обить ихъ желѣзомъ и сверху поставить машину». Ему было тогда шесть лѣтъ. И впослѣдствіи изъ всѣхъ учебныхъ занятій своихъ великій князь всего болѣе любилъ уроки полковника Джанотти, преподававшаго ему инженерную часть; а когда онъ уже былъ на престолѣ, часто говорилъ: «мы, инженеры», «наша инженерная часть». У Михаила Павловича, напротивъ, къ строительной части вовсе не было симпатіи, и его живость въ играхъ составляла совершенную противоположность съ терпѣніемъ, спокойствіемъ и усидчивостью старшаго брата, когда тотъ принимался за свои постройки. Но оба они одинаково сходились во вкусахъ ко всему военному, и нерѣдко, утромъ, одинъ изъ нихъ шелъ будить другого, надѣвъ гренадерскую шапку и съ аллебардою на плечѣ для рапорта. Иногда же, подражая часовымъ, которыхъ у нихъ такъ много было передъ глазами, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ, и даже,—сохранилось преданіе,—несмотря на строгій присмотръ кавалеровъ, иногда по ночамъ вскакивали съ постели, чтобы хоть немножко постоять на часахъ съ аллебардой или ружьемъ у плеча».

Несмотря на склонность и пристрастіе къ военной формалистикѣ, обнаружившіяся весьма рано въ Николаѣ Павловичѣ, онъ въ дѣтствѣ не отличался вовсе воинственнымъ духомъ и во многихъ случаяхъ обнаруживалъ даже совершенно противоположныя свойства: робость и даже трусость. Такъ, напримѣръ, онъ долгое время боялся выстрѣловъ. Когда, уступивъ просьбамъ его и Михаила Павловича, имъ было разрѣшено заняться стрѣльбою, и Ахвердовъ готовился произвести выстрѣлъ, чтобы показать, какъ стрѣляютъ, Николай Павловичъ испугался, сталъ плакать и спрятался въ бесѣдкѣ.

Подъ окнами Гатчинскаго дворца иногда производилось ученіе войскамъ, и происходила стрѣльба. И въ этихъ случаяхъ онъ пугался, плакалъ, затыкалъ себѣ уши и прятался. Однажды, еще при жизни императора Павла Петровича, услышавъ пушечную пальбу, Николай Павловичъ спрятался за альковомъ, а когда товарищъ его игръ, Адлербергъ, нашелъ его тамъ и сталъ стыдить, онъ ударилъ его прикладомъ ружья по лбу съ такою силою, что шрамъ отъ удара остался у него на всю жизнь. Впрочемъ не только стрѣльба, но даже одинъ видъ пушекъ

Библиотека "Руниверс"

страшилъ мальчика великаго князя, и разъ какъ-то, гуляя въ Гатчинѣ въ 1802 году, онъ даже не рѣшился обойти крѣпость, боясь выставленныхъ жерлъ орудій.

Когда его боязнь выстрѣловъ была замѣчена, его стали пріучать къ нимъ, и къ десяти годамъ онъ уже самъ любилъ стрѣлять.

Очень долго Николай Павловичъ боялся также грозы и фейерверковъ. Какъ только замѣчалось появленіе грозы, онъ просилъ, чтобы закрывали окна, трубы и принимали другія мѣры предосторожности.

Робость восьмилѣтняго Николая Павловича и его младшаго брата Михаила Павловича доходила до того, что они чувствовали себя неловко, находясь въ лагерѣ и среди большого собранія, а, встрѣчаясь съ офицерами, издали снимали шляпы и кланялись, опасаясь, чтобы ихъ не взяли въ плѣнъ.

Было также замѣчено, что Николай Павловичъ и братъ его страшились ступить на маленькій фрегатъ, стоявшій въ Павловскѣ. Чтобы пріучить великихъ князей къ пугавшимъ ихъ пушкамъ, снастямъ и проч., начальникъ императорскихъ шлюпокъ, капитанъ Клокачевъ, подарилъ имъ въ сентябрѣ 1802 года небольшой 74-хъ-пушечный корабль изъ краснаго дерева, особенно понравившійся Николаю Павловичу. На всѣхъ частяхъ корабля были поставлены номера, и великій князь по цѣлымъ часамъ разспрашивалъ Клокачева о названіи, назначеніи и употребленіи этихъ частей. Вскорѣ юный великій князь до того пристрастился къ этому, что однажды на сдѣланный ему вопросъ, какую службу онъ больше всего любитъ, Николай Павловичъ отвѣчалъ: «морскую и кавалерійскую».

Помимо ознакомленія съ морскимъ дѣломъ, Николая Павловича посвящали также и въ детали прочихъ отраслей военнаго дѣла. Такъ Ахвердовъ, а, можетъ быть, и другіе кавалеры сообщали великому князю первыя понятія объ артиллерійскомъ дѣлѣ и объ инженерномъ искусствѣ. Извѣстно также, что генералъ Корсаковъ представилъ Николаю Павловичу, когда ему было восемь лѣтъ, небольшія нарочно для него сдѣланныя пушки. Тотъ же Корсаковъ передалъ ему первыя познанія по піонерной части. Между прочимъ онъ поднесъ обоимъ великимъ князьямъ маленькіе понтоны со всѣми принадлежностями и инструментами, а затѣмъ прислалъ піонерныхъ офицеровъ для объясненія построенія и употребленія ихъ.

Съ этими понтонами связанъ слѣдующій анекдотъ изъ жизни Николая Павловича, характеризующій до извѣстной степени взаимное отношеніе между собою Николая и Михаила Павловичей.

Въ 1803 году, у Николая Павловича росъ кривой зубъ, который ему хотѣли вырвать; но онъ такъ боялся предстоявшей операціи, что постоянно плакалъ и почти пересталъ ѣсть. Михаилъ же Павловичъ, по отзы-

Библиотека "Руниверс"

вамъ кавалеровъ, отличавшійся бо́льшей смѣлостію, насмѣхался надъ трусостію брата и говорилъ, что «если онъ такой трусъ, то военныя игры для него не годятся, и наконецъ предлагалъ выдернуть ему зубъ понтонными ихъ клещами». Кончилось все тѣмъ, что зубъ былъ вырванъ въ то время, когда Николай Павловичъ съ братомъ находились въ половинѣ императрицы-матери.

Нельзя не замѣтить, что всѣ приведенные нами случаи изъ дѣтской жизни великихъ князей какъ-то плохо согласовались съ намѣреніями Маріи Ѳеодоровны, желавшей, какъ выше упомянуто, отклонить своихъ сыновей отъ пристрастія къ военному дѣлу. Является вопросъ: почему поступлено было какъ разъ обратно ея желаніямъ? Вообще трудно придумать разумное объясненіе для царствовавшаго воспитательнаго хаоса.

Явилось еще другое зло: великіе князья вообразили, что грубость обращенія неразлучна съ военнымъ званіемъ, и потому, по отзывамъ кавалеровъ въ 1803 году, они «часто забываются и думаютъ, что нужно быть грубымъ, когда они представляютъ военныхъ. (Ils s'oublient souvent et croient qu'il faut être grossier quand ils font les militaires)». Послѣдствіемъ такого заблужденія было то, что и внѣ военныхъ игръ манеры и обращеніе Николая Павловича сдѣлались вообще грубыми, заносчивыми и самонадѣянными.

Обыкновенно весьма серьезный, необщительный и задумчивый, а въ дѣтскіе годы и очень застѣнчивый мальчикъ, Николай Павловичъ точно перерождался во время игръ. Дремавшіе въ немъ дурные задатки проявлялись тогда съ неудержимою силою. Въ журналахъ кавалеровъ съ 1802 по 1809 годъ постоянно встрѣчаются жалобы на то, что «во всѣ свои движенія онъ вноситъ слишкомъ много несдержанности (trop de violence)», что «въ своихъ играхъ онъ почти постоянно кончаетъ тѣмъ, что причиняетъ боль себѣ или другимъ»[18], что ему свойственна «страсть кривляться и гримасничать», наконецъ, въ одномъ случаѣ при описаніи его игръ сказано, что «его нравъ до того мало общежителенъ, что онъ предпочелъ остаться одинъ и въ полномъ бездѣйствіи, чѣмъ принять участіе въ играхъ. Этотъ странный поступокъ можетъ быть объясненъ лишь тѣмъ, что игры государыни его сестры и государя его брата нисколько не нравились ему, и что онъ нисколько не способенъ ни къ малѣйшему проявленію снисходительности; и, несмотря на всѣ увѣщанія, онъ совершенно не подался на доводы, которые приводили ему»[19].

Игры великихъ князей рѣдко бывали миролюбивы; почти каждый день онѣ заканчивались ссорой или дракой. Вспыльчивость же и строптивость Николая Павловича проявлялись обыкновенно въ случаяхъ, когда что нибудь или кто нибудь его сердили; что бы съ нимъ ни случалось, падалъ ли онъ, или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными, а себя обиженнымъ, онъ тотчасъ же произносилъ бранныя

Библиотека "Руниверс"

слова, рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, игрушки, ломалъ ихъ, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей игръ своихъ, несмотря на то, что очень любилъ ихъ, а къ младшему брату былъ страстно привязанъ.

Конечно, перечисленные недостатки свойственны огромному большинству дѣтей того же возраста; что же касается отсутствія общительности со стороны Николая Павловича, о которомъ говорятъ его воспитатели, то въ немъ, несомнѣнно, отражаются задатки гордаго, замкнутаго въ самомъ себѣ характера, которымъ отличался впослѣдствіи императоръ Николай въ сношеніяхъ со всѣми, за исключеніемъ своемъ семьи.

Къ «недостаткамъ и шероховатостямъ» характера великаго князя, помимо грубаго обращенія не только съ приближенными (кавалерами) и прислугой, но и съ своимъ братомъ, даже съ сестрою, необходимо отнести и слѣдующія черты его характера, отмѣченныя также въ журналахъ кавалеровъ.

Такъ, въ журналѣ 15-го декабря 1804 года упоминается о рѣзкомъ (tranchant) тонѣ, которымъ онъ говорилъ за столомъ о политическихъ дѣлахъ; въ журналѣ 17-го февраля 1805 года—о томъ, что великій князь своимъ видомъ не разъ въ день обнаруживалъ желаніе противорѣчить тѣмъ, кто не одобряетъ его проступковъ, и уступалъ скорѣе настойчивости, чѣмъ увѣщаніямъ (témoigne par ses mines, plus d'une fois dans la journée, l'envie de contredire ceux qui désapprouvaint ses fautes, et cédait plutôt à la fermeté qu'aux remontrances); въ журналѣ 6-го октября 1805 года—за ужиномъ онъ доказывалъ возвышеннымъ голосомъ, что слѣдуетъ освободить его отъ обязанности писать на слѣдующій день подъ диктовку; въ журналѣ того же года сказано еще, что недостатокъ, который сильно развитъ въ немъ, это постоянная наклонность сознаваться въ своихъ ошибкахъ лишь тогда, когда онъ, такъ сказать, бываетъ принужденъ къ этому силою (un défaut auquel il tient encore beaucoup, c'est de ne vouloir jamais avouer ses fautes, que lorsqu'il y est pour ainsi dire amené de force). Притомъ замѣчали, что онъ охотно принимаетъ тонъ самодовольства, когда все идетъ хорошо, и когда онъ воображаетъ, что ни въ комъ не нуждается болѣе (il prend volontiers un ton de suffisance lorsque les choses vont bien, et qu'il s'imagine ne plus avoir besoin des autres); за урокомъ же нерѣдко утверждалъ, что знаетъ все, и не слушалъ болѣе того, что ему говорили.

Вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно случалось, что Николай Павловичъ спорилъ съ учителями своими даже насчетъ самого предмета преподаванія. Напримѣръ, съ Ахвердовымъ онъ спорилъ объ орѳографіи нѣкоторыхъ русскихъ словъ еще въ 1804 году, съ учителемъ каллиграфіи о томъ, какъ надо держаться во время писанія, и какъ разстанавливать строки и проч., такъ что, какъ кажется, кавалеры пришли

Библиотека "Руниверс"

наконецъ къ убѣжденію, что Николай Павловичъ обладаетъ весьма ограниченными способностями. Слѣдующіе два отзыва въ рапортахъ кавалеровъ, отъ 1805 и 1807 годовъ, указываютъ на трудность для великаго князя въ то время сосредоточиваться на одномъ предметѣ. «Онъ любопытенъ, внимателенъ къ тому, что ему разсказываютъ, очень

Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ.
(Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламздорфу).

любознателенъ, но какъ только ему приходится заниматься одному, его прилежаніе бываетъ крайне непродолжительно»[20].

Характерною для Николая Павловича чертою его дѣтства является постоянное стремленіе принимать на себя въ играхъ первую роль, представлять императора, начальствовать и командовать. Любопытно, что,

Библиотека "Руниверс"

понявъ своимъ дѣтскимъ инстинктомъ различіе между собою и своимъ младшимъ братомъ, онъ старался по-своему пользоваться имъ. «Отдавая Михаилу Павловичу преимущество въ остроуміи, наружномъ блескѣ и ловкости,—пишетъ баронъ Корфъ,— онъ оставлялъ за собою коман-

Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ.
(Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго графу Константину Николаевичу Ламздорфу).

дованіе и начальство во всѣхъ играхъ и съ самоувѣренностью хвалилъ одного себя, тогда какъ Михаилъ Павловичъ, чувствуя превосходство старшаго брата, всегда хвалилъ его, а не себя. Младшій былъ съ дѣтства насмѣшливъ, и Николай Павловичъ, не умѣя или не желая

Библиотека "Руниверс"

насмѣхаться надъ другими, употреблялъ для этого своего брата, котораго нарочно подстрекалъ и подзадоривалъ на насмѣшки и подшучиванія, и въ то же время, съ своей стороны, не сносилъ никакой шутки, казавшейся ему обидною, не хотѣлъ выносить ни малѣйшаго неудовольствія: однимъ словомъ, онъ какъ бы постоянно считалъ себя и выше и значительнѣе всѣхъ остальныхъ».

Настойчивость и непоколебимость, которыя Николай Павловичъ обнаруживалъ въ своихъ играхъ, и которыя могли въ пору дѣтства легко быть приписываемы капризу, представляли въ жизни великаго князя совершенно иное явленіе; онѣ сохранились и въ зрѣломъ возрастѣ, составляя впослѣдствіи отличительную черту его личности, какъ государя. Благодаря этимъ особенностямъ его дѣтскаго характера, произошло знакомство Николая Павловича съ сыномъ состоявшей при немъ гувернантки, полковницы Адлербергъ; это былъ маленькій Эдуардъ, сдѣлавшійся со временемъ генералъ-адъютантомъ, графомъ и министромъ императорскаго двора. Знакомство это произошло слѣдующимъ образомъ. Однажды, въ 1799 году, идя съ миссъ Лайонъ на половину императрицы-матери, Николай Павловичъ увидѣлъ мальчика Адлерберга. Послѣдній такъ ему понравился, что онъ схватилъ его за руку и непремѣнно хотѣлъ вести съ собою, чтобы вмѣстѣ играть у императрицы. Графиня Ливенъ, госпожа Адлербергъ и прочія гувернантки, зная строгость императрицы ко всему, что касалось этикета, и ея отвращеніе къ малѣйшей фамильярности съ частными людьми, стали отговаривать и останавливать великаго князя; но онъ, какъ всегда, оставался непреклоненъ и съ крикомъ и со слезами требовалъ выполненія своего желанія. Тогда миссъ Лайонъ, зная, что дальнѣйшіе уговоры послужатъ лишь къ усиленію упорства со стороны ея питомца, взяла на себя всю отвѣтственность за свое рѣшеніе и позволила великому князю взять съ собою Адлерберга. Сначала императрица была недовольна этимъ, но Павелъ Петровичъ взялъ представленнаго мальчика подъ свое покровительство, а затѣмъ онъ понравился и самой императрицѣ, такъ что ему было разрѣшено являться къ великому князю, чтобы играть съ нимъ вмѣстѣ. Послѣ этого для Николая Павловича было избрано еще нѣсколько товарищей игръ.

Прежде всѣхъ уроковъ начались занятія танцами съ 1802 года. Первое время оба великіе князья чувствовали необычайное отвращеніе къ танцамъ, но затѣмъ сильно пристрастились къ нимъ, такъ что въ 1803 году даже танцовали у себя съ великою княжною Анною Павловною сочиненный ею небольшой балетъ.

Что же касается музыкальныхъ занятій, то они шли менѣе успѣшно, и въ одномъ журналѣ 1802 года записано, что Николай и Михаилъ Павловичи неоднократно высказывали, что не любятъ музыки и предпочитаютъ барабаны [21].

Библиотека "Руниверс"

Если Николай Павловичъ не обнаруживалъ особеннаго сочувствія къ преподаваемой ему музыкѣ, то ему съ самыхъ раннихъ лѣтъ нравилось пѣніе церковныхъ пѣвчихъ, трогавшее его до слезъ; любовь къ церковному пѣнію онъ сохранилъ въ продолженіе всей своей жизни. Впослѣдствіи, уже будучи императоромъ, онъ часто пѣлъ съ пѣвчими, зналъ наизусть всѣ церковныя службы, самъ показывалъ пѣвчимъ условными знаками, какой пѣть номеръ Херувимской Бортнянскаго, и любилъ выслушивать малолѣтнихъ пѣвчихъ, набиравшихся въ Малороссіи и привозившихся въ Петербургъ.

Въ 1802 году, начались уроки французскаго языка, которые первоначально давала ежедневно съ большой аккуратностью сама императрица Марія Ѳеодоровна. Затѣмъ уже систематическое преподаваніе поручено было дю-Пюже (du Puget Dyverdon)[22]. Повидимому, уроки французскаго языка не особенно нравились великому князю, потому что онъ пряталъ книги, чтобы какъ нибудь уклониться отъ занятій.

Позднѣе Дю-Пюже читалъ великому князю также исторію. Разсказывая Николаю Павловичу о французской революціи, онъ сумѣлъ вселить въ него необходимое отвращеніе къ ея дѣятелямъ, которое съ теченіемъ времени лишь возрастало[23].

Первымъ учителемъ русскаго языка Николая Павловича слѣдуетъ признать миссъ Лайонъ, учившую его русской азбукѣ. Правильные уроки русскаго языка начались въ томъ же 1802 году и давались ежедневно дежурнымъ кавалеромъ. Занятія русскимъ языкомъ интересовали великаго князя, и онъ учился даже съ удовольствіемъ. Но упражненія въ сочиненіи какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ доставляли ему немало мученій. Такъ, въ одномъ изъ журналовъ сохранилось указаніе, что даже въ 1806 году, когда ему приходилось писать сочиненія, «онъ начиналъ тѣмъ, что вздыхалъ и говорилъ, что для него это самая трудная вещь на свѣтѣ (il commençait par soupirer et par dire que c'était pour lui la chose la plus difficile du monde)», и не прекращалъ своихъ жалобъ во все время писанія.

Первый урокъ Закона Божія относится къ февралю 1803 года и состоялъ въ объясненіи значенія и употребленія крестнаго знаменія, необходимости молиться Богу, превосходства молитвы «Отче нашъ», ея содержанія и разума.

Уроки нѣмецкаго языка начались въ январѣ 1804 года; ихъ давалъ извѣстный Аделунгъ, преподававшій впослѣдствіи великимъ князьямъ и латинскій и греческій языки.

Русскую исторію и русскую географію читалъ Ахвердовъ, всеобщую исторію и всеобщую географію на французскомъ языкѣ дю-Пюже.

Любопытны впечатлѣнія, которыя производило на девятилѣтняго великаго князя чтеніе русской исторіи: такъ, напримѣръ, онъ сильно по-

Библиотека "Руниверс"

рицалъ вражду удѣльныхъ князей и приходилъ въ восторгъ отъ Владимира Мономаха, который, побѣдивъ половцевъ, всю добычу оставилъ своимъ воинамъ.

Съ 1804 года начались также уроки рисованія; къ этимъ занятіямъ Николай Павловичъ чувствовалъ особое пристрастіе и сдѣлалъ по этой части большіе успѣхи.

Съ половины того же 1804 года Ахвердовъ приступилъ къ преподаванію ариѳметики, съ 1806 года геометріи, а съ 1808 года алгебры. Математическіе уроки великій князь бралъ неохотно.

Уроки физики поручены были съ 1807 года статскому совѣтнику Крафту, и уроки эти очень интересовали великаго князя[24].

Уроки верховой ѣзды начались лѣтомъ 1803 года, и при нихъ Николай Павловичъ не обнаруживалъ никакого страха[25].

Вотъ нѣкоторыя подробности изъ повседневнаго обихода дѣтской жизни Николая Павловича.

Вставалъ онъ между 7-ю и 8-ю часами утра и одѣвался очень медленно и лѣниво, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ отошла отъ него миссъ Лайонъ. Утромъ пилъ чай, за обѣдомъ кушалъ обыкновенно очень немного, а за ужиномъ иногда довольствовался кускомъ чернаго хлѣба съ солью. Спать онъ ложился въ десятомъ часу вечера и, прежде чѣмъ лечь, долженъ былъ вести свой журналъ, что̀, большею частью, дѣлалъ очень неохотно, совершенно машинально и пытался устроить такъ, чтобы думалъ «за него кавалеръ».

Здоровье Николая Павловича въ періодъ дѣтства было вообще очень хорошо, и только изрѣдка его безпокоили желчь и глисты. Обоихъ великихъ князей пріучали не бояться дурной погоды, и императрица Марія Ѳеодоровна приказывала имъ иногда оставаться въ саду и продолжать играть даже во время дождя, пока онъ не особенно усиливался.

Николая Павловича стали рано водить не только въ театръ, но и въ придворные маскарады, для которыхъ приготовлялись и особые костюмы. Но Николай Павловичъ, страстно любившій театръ и даже самъ иногда игравшій на половинѣ великой княжны Анны Павловны въ комедіяхъ, операхъ и балетахъ, сначала не могъ терпѣть маскарадовъ и разсказывалъ кавалерамъ послѣ перваго посѣщенія маскарада въ 1804 году, что «домино показались ему смѣшнымъ костюмомъ, а маски страшными и отвратительными лицами, и что онъ боялся бы ихъ, если бы ея величество императрица не подумала вести его за руку»[26].

Замѣтимъ здѣсь, что къ тремъ кавалерамъ, первоначально состоявшимъ при великихъ князьяхъ: Ахвердову, Арсеньеву и Ушакову, прибавили съ 1805 года еще трехъ: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дивова, коллежскаго совѣтника Вольфа и майора Алединскаго.

Библиотека "Руниверс"

Царскосельскій лицей.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

Библиотека "Руниверс"

Въ 1808 году, число кавалеровъ увеличилось еще двумя: статскимъ совѣтникомъ Саврасовымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Глинкою.

Любимыми мѣстопребываніями Николая Павловича были Петергофъ и Павловскъ; относительно Петергофа великій князь однажды замѣтилъ (въ 1802 году), что любитъ его болѣе другихъ мѣстъ. Къ Павловску же великіе князья такъ были привязаны, что, когда приходилось оттуда выѣзжать, они обхаживали всѣ любимыя свои мѣста, со всѣми прощались весьма нѣжно и препоручали ихъ, какъ и свои садики, осликовъ, кораблики и прочее, приставленному къ ихъ садикамъ солдату[27].

III.

Съ 1809 года Николай Павловичъ вступилъ въ отроческій возрастъ.

Начало этого періода, по словамъ барона Корфа[28], ознаменовалось для великаго князя Николая Павловича тѣмъ же самымъ явленіемъ, которымъ начался для него періодъ дѣтства: разлукою съ нѣсколькими любимыми и дорогими лицами, новою обстановкою, новымъ образомъ жизни, новыми требованіями. При вступленіи въ дѣтство ему пришлось разлучиться съ нянею и гувернантками, этими представителями для него всего нѣжнаго, преданнаго и привязаннаго; теперь, можетъ быть, съ гораздо меньшею необходимостію, отлучили отъ него и товарищей его дѣтства и игръ[29]. Не только самыя игры прежняго времени, но и присутствіе этихъ мальчиковъ, раздѣлявшихъ эти забавы съ великими князьями, были признаны неумѣстными и вредными для продолженія нравственнаго и умственнаго ихъ образованія: полагали, что, находясь въ обществѣ постороннихъ, они только развлекаются больше, чѣмъ слѣдовало бы, и, оставаясь въ соприкосновеніи съ другими дѣтьми, именно отъ нихъ заимствуютъ и нелюбовь, и невнимательность къ наукамъ, и особенное пристрастіе ко всему военному. Поэтому императрица Марія Ѳеодоровна признала за благо удалить отъ своихъ младшихъ сыновей прежнихъ товарищей ихъ игръ, которые, большею частію, были размѣщены въ разныя учебныя заведенія[30].

Но императрица не довольствовалась этою мѣрою; послѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1809 года, проведенныхъ въ Павловскѣ, Марія Ѳеодоровна, желая переломить характеръ и вкусы своихъ дѣтей, удалилась съ сыновьями въ Гатчину, гдѣ провела въ полномъ уединеніи двѣ зимы. Этою мѣрою императрица надѣялась удалить великихъ князей отъ всякихъ военныхъ зрѣлищъ и тѣмъ, по ея мнѣнію, оживить дремавшее въ нихъ до тѣхъ поръ расположеніе къ наукамъ. Наконецъ императрица остановилась даже на мысли испытать общественное воспитаніе и для этой цѣли предполагала даже отправить великихъ князей въ Лейпцигскій

Библиотека "Руниверс"

университетъ. Но этому предположенію рѣшительно воспротивился императоръ Александръ Павловичъ. Взамѣнъ того, ему пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи[31].

По мысли государя приступлено было къ учрежденію Царскосельскаго лицея, котораго воспитанники, по уставу, предназначались къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, и отъ котораго въ планѣ его учрежденія тщательно старались удалить все военное. Для этого лицея отведенъ былъ дворцовый флигель, соединенный галлерею съ главнымъ корпусомъ дворца. Но мысль помѣстить туда великихъ князей не осуществилась. Вскорѣ послѣ открытія лицея, 19-го октября 1811 года, началась война 1812 года, а за нею нескончаемые заграничные походы: по мнѣнію нѣкоторыхъ, эта воинственная эпопея измѣнила первоначальныя предположенія относительно довершенія образованія великихъ князей въ лицеѣ. Графъ В. Ф. Адлербергъ утверждалъ, однако, впослѣдствіи, что еще важнѣйшею или прямѣйшею къ тому причиною была воля императора Александра, которому съ первой минуты не нравилась мысль воспитывать своихъ братьевъ въ общественномъ заведеніи.

Съ наступленіемъ 1809 года прежній курсъ, названный барономъ Корфомъ гимназическимъ, былъ замѣненъ чѣмъ-то въ родѣ университетскаго. При этомъ особенное вниманіе было обращено на то, чтобы такъ распредѣлить время, чтобы у великаго князя не оставалось ни одной свободной минуты. Трудно сказать, какая цѣль преслѣдовалась при этомъ. Очень вѣроятно, что такимъ путемъ императрица Марія Ѳеодоровна стремилась отвлечь Николая Павловича отъ тѣхъ наклонностей его натуры, которыя отмѣчены въ журналахъ его кавалеровъ, и которыя, конечно, не могли не возбуждать въ ней желанія искоренить ихъ. Съ этою цѣлью составлены были особыя таблицы лекцій съ исчисленіемъ количества часовъ занятій поденно, понедѣльно и помѣсячно. Подобныя таблицы составлялись не только каждымъ преподавателемъ, но и сама императрица много занималась ихъ составленіемъ, просматриваніемъ и исправленіемъ, что доказывается огромнымъ числомъ сохранившихся расписаній, писанныхъ ея рукою.

Всѣ эти старанія плыть противъ теченія принесли одни плачевные плоды. Неумѣлый способъ, избранный для воздѣйствія на врожденныя наклонности великаго князя Николая Павловича, привелъ къ совершенно обратному результату, чѣмъ тотъ, о которомъ мечтала императрица-мать. Врожденныя наклонности Николая Павловича остались непоколебленными и въ полной силѣ, а наука явилась передъ нимъ въ такомъ бездарно-усыпительномъ образѣ, что она, конечно, не могла переработать и направить по другому пути этого замѣчательнаго по силѣ характера юношу. Напротивъ того, эта самая наука принесла съ собою скорѣе

Библиотека "Руниверс"

зло, такъ что многое изъ послѣдующей жизни Николая Павловича объясняется проведенными имъ безотрадными годами дѣтства и отрочества.

Насколько вообще Марія Ѳеодоровна слѣдила близко за учебными занятіями своихъ младшихъ сыновей, можно судить по уцѣлѣвшимъ письмамъ къ ней юнаго Николая Павловича, представляющимъ какъ бы отчетъ въ употребленіи имъ своего времени. Несмотря на однообразіе ихъ, даже и въ этихъ письмахъ проглядываютъ иногда знакомыя намъ черты, свойственныя основному міровоззрѣнію Николая Павловича, которому онъ всегда оставался вѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 5-го января 1813 года, великій князь пишетъ, что дю-Пюже читалъ ему о царствованіи Оттона II. «Я съ негодованіемъ,—прибавляетъ Николай Павловичъ,—усмотрѣлъ въ немъ вѣроломство, съ которымъ онъ поступилъ по отношенію къ главнымъ жителямъ Рима. (J'y ai vu avec indignation la perfidie dont il usa envers les principaux habitants de Rome)»[32].

Логику, «мораль», греческій и латинскій языки читалъ Аделунгъ, политическую экономію—профессоръ Шторхъ, естественное право—Кукольникъ, энциклопедію, или исторію права—Балугьянскій, высшую математику—Крафтъ, физику—Вольгемутъ. Входившій тогда въ моду англійскій языкъ, преподаваніемъ котораго особенно интересовалась императрица Марія Ѳеодоровна,—Седжеръ.

Къ числу любопытныхъ фактовъ въ воспитаніи Николая Павловича слѣдуетъ отнести и тотъ, что въ то время, какъ его учили или желали учить всему, даже такой воображаемой наукѣ, какъ «мораль», въ программу его занятій не была введена естественная исторія, хотя въ воспитаніи этой эпохи она уже играла видную роль.

Преподаваніе Николаю Павловичу греческаго языка было начато вслѣдствіе убѣжденія императрицы, что знаніе этого языка необходимо для пониманія многихъ терминовъ изъ области наукъ, искусствъ и разговора, происходящихъ отъ греческаго языка и перешедшихъ во французскій. Уроки греческаго языка сопровождались чтеніемъ греческихъ авторовъ. Аделунгъ предложилъ также прочесть курсъ древней миѳологіи, утверждая, что это столь же необходимо для основательнаго разсматриванія произведеній изящныхъ искусствъ и дальнѣйшихъ успѣховъ въ греческомъ языкѣ, сколько и для предотвращенія возможности, чтобы Николай Павловичъ не ознакомился съ миѳологіей изъ какой либо новѣйшей книжки, которая «слишкомъ заняла бы его воображеніе».

Греческій и латинскій языки съ трудомъ давались великому князю. Одинъ изъ кавалеровъ записалъ даже въ журналѣ: «il a fallu employer la menace de la baguette et beaucoup de bruit pour faciliter la conjugaison des verbes latins». Николай Павловичъ, сдѣлавшись уже императоромъ, неоднократно говорилъ барону Корфу о своей ненависти къ

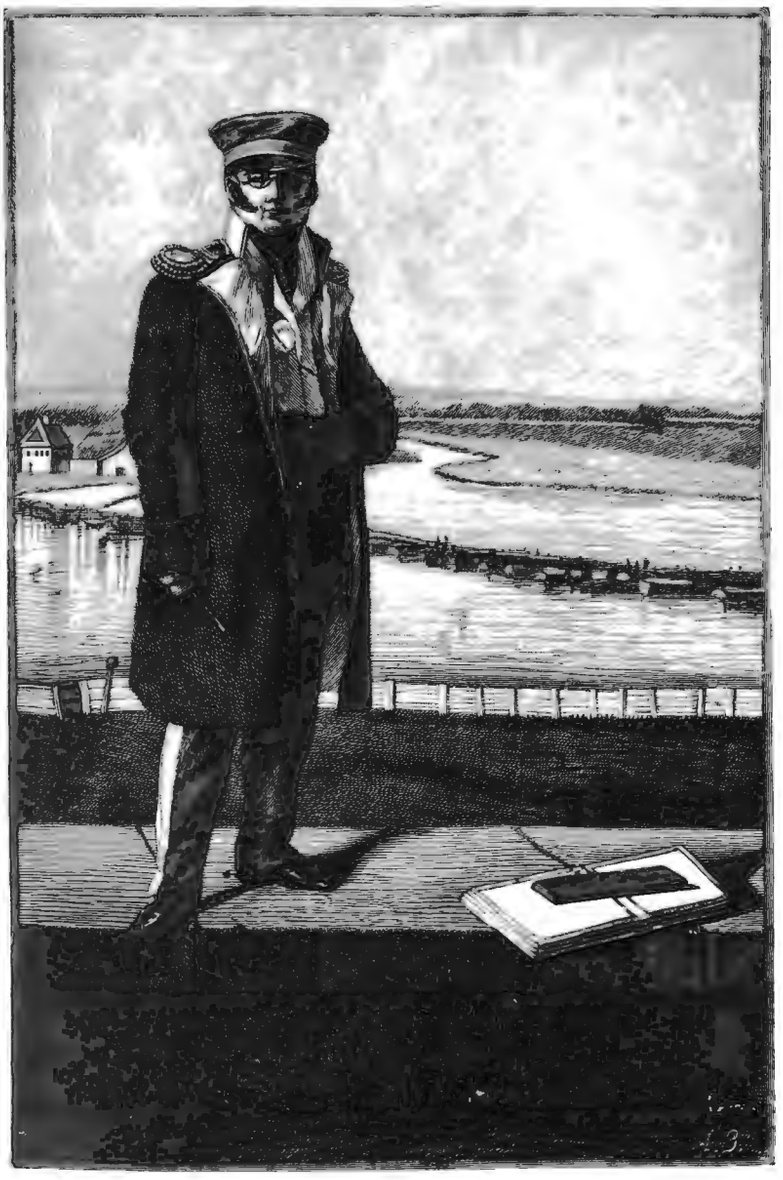
Библиотека "Руниверс"

Императоръ Павелъ I.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной по рисунку Аткинсона. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"



Графъ Карлъ Ивановичъ Оппермanъ.
(Съ рисунка съ натуры Киля).

латинскому языку, о вынесенныхъ имъ мученіяхъ при изученіи его и совершенно исключилъ этотъ языкъ изъ программы воспитанія своихъ собственныхъ дѣтей.

Слѣдующій разсказъ, относящійся къ позднѣйшему времени, лучше всего обрисовываетъ нелюбовь Николая Павловича къ латинскому языку.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ началѣ 1851 года, князь Волконскій сообщилъ барону Корфу, тогдашнему директору Публичной библіотеки, высочайшее повелѣніе о томъ, что къ нему въ библіотеку переданы будутъ изъ Эрмитажа всѣ вообще книги на латинскомъ языкѣ. «Что это значитъ?»—спросилъ Корфъ у князя Волконскаго при свиданіи.

— «То, что государь терпѣть не можетъ латыни съ тѣхъ еще поръ, когда его мучили надъ нею въ молодости, и не хочетъ, чтобы въ новомъ музеѣ (такъ называли вначалѣ вновь отстроенный Эрмитажъ) оставалось что нибудь на этомъ ненавистномъ ему языкѣ».

Встрѣтивъ затѣмъ барона Корфа и заговоривъ о передачѣ латинскихъ книгъ изъ Эрмитажа, императоръ Николай сказалъ: «терпѣть не могу вокругъ себя этой тоски»[33].

Вообще успѣхи, которые Николай Павловичъ оказывалъ и въ другихъ предметахъ, кромѣ древнихъ языковъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, рисованія, были далеко не блестящи. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ собственное признаніе Николая Павловича, сдѣланное имъ впослѣдствіи и уже приведенное нами выше. «На лекціяхъ нашихъ преподавателей,—говорилъ онъ,—мы или дремали или рисовали ихъ же карикатуры, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго».

Этотъ и подобные ему отзывы Николая Павловича свидѣтельствуютъ, что онъ не могъ питать большого уваженія къ своимъ учителямъ. И дѣйствительно, слѣдующій случай, относящійся къ 1810 году, когда ему было уже четырнадцать лѣтъ, показываетъ, какъ онъ былъ способенъ обращаться съ этими господами, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ нихъ. Однажды, читаемъ мы въ журналѣ 1810 года, «ласкаясь къ г. Аделунгу, великій князь вдругъ вздумалъ укусить его въ плечо, а потомъ наступать ему на ноги», и повторялъ это много разъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ выяснялась будущность, которая могла ожидать Николая Павловича въ виду бездѣтности императора Александра, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ приходилось убѣждаться въ невозможности отстранить великаго князя отъ занятій военными науками. «Этой побѣдѣ нѣжной матери надъ личными своими вкусами,—пишетъ баронъ Корфъ,—способствовали, конечно, и обстоятельства того времени, когда безпрерывныя войны, внесенныя въ Европу завоевательнымъ духомъ величайшаго военнаго генія новыхъ временъ—Наполеона, должны были убѣдить въ невозможности для юношей, принадлежащихъ къ русскому императорскому дому, исключительно гражданскаго воспитанія. Словомъ, признано было за необходимое пригласить особыхъ профессоровъ, которые прочитали бы Николаю Павловичу военныя науки въ возможно большей полнотѣ».

Библиотека "Руниверс"

Петръ Петровичъ Коновницынъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Для этой цѣли былъ приглашенъ извѣстный инженерный генералъ Опперманъ, подъ надзоромъ котораго чтеніе лекцій по военнымъ наукамъ было поручено полковникомъ Джанотти и Маркевичу.

Что касается характера Николая Павловича въ періодѣ его отрочества и ранней юности. то черты, проявлявшіяся у него уже съ дѣтства, за это время лишь усилились. Онъ сдѣлался еще болѣе самонадѣяннымъ,

Библиотека "Руниверс"

строптивымъ и своевольнымъ. Желаніе повелѣвать, развившееся въ немъ, вызывало неоднократныя жалобы со стороны воспитателей. Всѣ эти черты при добромъ сердцѣ юноши великаго князя могли бы смягчаться подъ вліяніемъ воспитанія, проникнутаго задушевной теплотою, нѣжною лаской, а этого-то и недоставало въ той обстановкѣ, которая окружала Николая Павловича въ его юности. Императоръ Александръ, какъ мы уже сказали, совершенно не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своего младшаго брата, и есть основанія предполагать, что даже рѣдко видѣлся съ нимъ. Въ ежедневныхъ журналахъ кавалеровъ встрѣчается только одно упоминаніе о свиданіи Александра Павловича съ младшими братьями, 28-го октября 1803 года. По всей вѣроятности, бывали и другія свиданія, но несомнѣнно очень рѣдкія, потому что о нихъ было бы отмѣчено въ журналахъ, обыкновенно не упускавшихъ никакихъ подробностей. Сердечныя заботы о сынѣ со стороны императрицы-матери сковывались во многомъ ея строгимъ представленіемъ объ этикетѣ. Что же касается его офиціальнаго воспитателя генерала Ламздорфа, то отношеніе къ нему Николая Павловича видно изъ слѣдующаго характернаго случая.

Однажды, въ 1809 году, Ламздорфъ, увѣщевая его, говорилъ ему о его возрастѣ, его положеніи и нераздѣльномъ съ нимъ достоинствѣ, о томъ, что онъ долженъ дать государству, и чего ждутъ отъ него, о быстротѣ, съ которою пролетаетъ время, что ему нельзя терять ни минуты и т. д.; и пока Ламздорфъ съ увлеченіемъ говорилъ ему все это, великій князь вдругъ предложилъ своему воспитателю посмотрѣть въ окно на дымъ, выходившій изъ трубы[34].

Кавалеры тоже не пользовались вліяніемъ на великаго князя, и къ тому же нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности, въ послѣдніе годы его воспитанія, старались потворствовать его наклонностямъ.

Въ этотъ же періодъ его жизни въ Николаѣ Павловичѣ развилась страсть къ фарсамъ, каламбурамъ, желаніе острить. Страсть эта, несомнѣнно развилась подъ вліяніемъ стремленія со стороны Николая Павловича ни въ чемъ не уступать Михаилу Павловичу, надѣленному врожденнымъ остроуміемъ. «Онъ постоянно хочетъ блистать своими острыми словцами,—писали про Николая Павловича кавалеры,—и самъ первый во все горло хохочетъ отъ нихъ, часто прерывая разговоръ другихъ». Попытки Ламздорфа останавливать въ этомъ отношеніи великаго князя ни къ чему не приводили[35].

По словамъ барона Корфа, однимъ изъ любопытныхъ фактовъ отроческой жизни Николая Павловича является еще слѣдующій разсказъ. Продолжающееся крайнее пристрастіе великаго князя ко всему военному думали побѣдить разсудкомъ, убѣжденіемъ, заставляя его самого разсуждать объ односторонности такого направленія и тѣмъ навести

Библиотека "Руниверс"

наконецъ на новую дорогу. Такъ, однажды ему задано было темою русскаго сочиненія: «доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другія занятія для него столько же почтенны и полезны». Что же изъ этого вышло? Великій князь, не поддаваясь расчету своихъ воспитателей, вмѣсто ожидаемыхъ разсужденій, просто ничего не написалъ, такъ что, наконецъ, Ахвердовъ, объясняя себѣ это пассивное упорство недостаткомъ внимательности или предубѣжденіемъ въ пользу военнаго сословія и сжалившись надъ великимъ княземъ, самъ продиктовалъ ему все сочиненіе, о чемъ и записалъ въ дневной журналъ императрицѣ. Это случилось 21-го декабря 1810 года.

По первоначальному плану императрицы, занятія Николая Павловича должны были продолжаться до достиженія имъ семнадцатилѣтняго возраста; но когда ему наступило семнадцать лѣтъ, въ іюнѣ 1813 года, занятія не были прерваны, такъ какъ Марія Ѳеодоровна желала продержать великаго князя за книгами какъ можно дольше, по всей вѣроятности, продолжая надѣяться заглушить въ немъ такимъ путемъ тѣ задатки, которые не могли нравиться ей въ немъ.

Между тѣмъ современныя событія должны были, напротивъ того, способствовать развитію страсти Николая Павловича ко всему военному; они были сильнѣе всякихъ умозрительныхъ заключеній и разсужденій. Безпрерывныя войны, которыми ознаменовалось царствованіе императора Александра, завершились наконецъ 1812 годомъ. Весьма естественно, что въ эту пору, когда Николаю Павловичу исполнилось уже 16 лѣтъ, и при извѣстныхъ его наклонностяхъ, онъ долженъ былъ рваться на войну; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ встрѣтилъ со стороны императрицы-матери рѣшительный отказъ относительно исполненія своихъ задушевныхъ стремленій.

Лакруа въ исторіи Николая I приводитъ по этому случаю разсказъ, излагая который онъ, по своему обыкновенію, не указываетъ источника, откуда онъ его почерпнулъ. По его свидѣтельству оказывается, что Николай Павловичъ, жалуясь императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на свое бездѣйствіе въ то время, когда отечество въ опасности, получилъ въ отвѣтъ: «васъ берегутъ для другихъ случайностей (on vous garde pour d'autres éventualités)». Тогда великій князь, не удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, обратился съ письмомъ къ императору Александру, въ которомъ онъ умолялъ государя разрѣшить ему отправиться въ армію. По полученіи этого письма, Александръ Павловичъ призвалъ къ себѣ великаго князя и старался утѣшить его. Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ разговора онъ съ грустнымъ, но серьезнымъ видомъ сказалъ ему, что время, когда ему придется стать на первую степень, быть можетъ, наступитъ ранѣе, чѣмъ можно предвидѣть его.

Библиотека "Руниверс"

«Пока же,—прибавилъ онъ съ отеческимъ доброжелательствомъ,—вамъ предстоитъ выполнить другія обязанности; довершите ваше воспитаніе, сдѣлайтесь насколько возможно достойнымъ того положенія, которое займете со временемъ: это будетъ такою службою нашему дорогому отечеству, какую долженъ нести наслѣдникъ престола»[36].

Эти загадочныя слова государя произвели, повидимому, сильное впечатлѣніе на юнаго великаго князя, такъ какъ съ этого времени въ его характерѣ началъ какъ бы подготовляться какой-то переломъ: на него стали находить моменты задумчивости, сосредоточенности, онъ становился болѣе сдержаннымъ и обдуманнымъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ.

Существуютъ другія болѣе положительныя данныя, по которымъ видно, что мысль о назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ существовала уже значительно ранѣе 1812 года въ мысляхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Довѣренный секретарь императрицы-матери, Григорій Ивановичъ Вилламовъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова Маріи Ѳеодоровны, сказанныя ему 16-го марта 1807 года: «Она видитъ, что престолъ все-таки современемъ перейдетъ къ великому князю Николаю, и по этой причинѣ его воспитаніе особенно близко ея сердцу (elle voyait qu'un jour pourtant le trône reviendrait au grand duc Nicolas, et que par cette raison son éducation lui tient si particulièrement à coeur)»[37].

Послѣ этихъ словъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Шторхъ въ запискѣ, поданной въ 1810 году императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, о необходимости начать съ Николаемъ Павловичемъ курсъ, обнимающій собою всѣ политическія науки, въ ихъ общей связи и взаимномъ дѣйствіи, говоритъ о великомъ князѣ, какъ о лицѣ, «qui probablement nous gouvernera un jour»[38].

Что же касается исхода войны 1812 года, то Николай Павловичъ въ своемъ патріотическомъ воодушевленіи не подвергалъ ни малѣйшему сомнѣнію конечный результатъ борьбы Наполеона съ Россіей. Такъ, по полученіи извѣстія о вступленіи французовъ въ Москву, онъ держалъ пари на рубль съ великой княжной Анной Павловной, что къ первому января предстоявшаго новаго года въ Россіи не останется ни одного непріятеля. Онъ выигралъ пари, и 1-го января 1813 года Анна Павловна вручила ему серебряный рубль. Это произошло, когда они отправлялись въ Казанскій соборъ на молебствіе, по случаю освобожденія Россіи отъ иноплеменнаго нашествія, и Николай Павловичъ спряталъ полученный рубль себѣ за галстукъ[39].

Наконецъ, лишь въ 1814 году, императоръ Александръ разрѣшилъ своимъ младшимъ братьямъ прибыть къ арміи за границу.

Императрица Марія Ѳеодоровна напутствовала обоихъ великихъ князей прекрасно написаннымъ письмомъ, проникнутымъ высоконравствен-

Библиотека "Руниверс"

ными тенденціями [40]. Она совѣтовала сыновьямъ продолжать быть строго религіозными, не быть легкомысленными, непослѣдовательными и самодовольными; полагаться въ своихъ сомнѣніяхъ и искать одобренія своего «второго отца», «достойнаго и уважаемаго (digne et respectable)»

Петръ Андреевичъ Клейнмихель.
(Съ литографіи Поля).

генерала Ламздорфа; избѣгать возможности оскорбить кого нибудь недостаткомъ вниманія, быть разборчивыми въ выборѣ себѣ приближенныхъ; не поддаваться своей наклонности вышучивать другихъ, быть обдуманными въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, такъ какъ изъ всѣхъ знаній знаніе людей самое трудное и требуетъ наибольшаго изученія. Удивительно, что Марія Ѳеодоровна, предусматривая легкость, съ которою ея дѣти могутъ увлечься мелочами военной службы, настойчиво предостерегала ихъ отъ этого, совѣтуя, напротивъ того, запасаться познаніями,

Библиотека "Руниверс"

создающими великихъ полководцевъ; слѣдуетъ, пишетъ она, изучить все, что касается до сбереженія солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красотѣ формы, безполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника.

Говоря объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ войною, императрица писала: «Опасность не должна и не можетъ удивлять васъ, вы не должны избѣгать ея, когда честь и долгъ требуютъ отъ васъ рисковать собою..... но если, мои дѣти, величайшая благороднѣйшая храбрость должна отличать васъ, то скажите себѣ, что она должна быть обдумана и совершенно не походить на хвастливость молодого человѣка (fanfaronade de jeune homme), играющаго своею жизнью; однимъ словомъ, я хочу, чтобы вы были храбрыми, но не безразсудными (je veux vous savoir braves, mais non téméraires)».

Совѣтуя дѣтямъ заботиться о правильномъ распредѣленіи времени, посвящать свободныя минуты чтенію, стараться проникаться чудными примѣрами античнаго міра, императрица предостерегала ихъ также отъ праздности, умственной лѣни, убивающей духовныя способности и заглушающей самые лучшіе задатки.

Насчетъ отношеній великихъ князей къ государю Марія Ѳеодоровна совѣтовала дѣтямъ относиться къ нему одному (за исключеніемъ окружавшихъ его лицъ) съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью, предостерегая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ выраженія своего мнѣнія относительно дѣлъ, о которыхъ онъ не будетъ съ ними говорить, «стараясь при томъ не быть навязчивыми и не терять своего времени въ передних (en évitant de vous rendre importun et de perdre votre temps dans les antichambres)».

Заканчивается письмо словами: «Ступайте съ Богомъ и возвращайтесь съ Богомъ (allez avec Dieu et revenez avec Dieu)».

Библиотека "Руниверс"

Императрица Марія Ѳеодоровна.

Съ гравированнаго портрета Карделли.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Великіе князья Николай и Михаилъ выѣхали изъ Петербурга 5-го (17-го) февраля 1814 года. Въ этомъ путешествіи ихъ сопровождали: генералъ Ламздорфъ, кавалеры Саврасовъ, Алединскій и Арсеньевъ, полковникъ Джанотти и докторъ Рюль.

Проѣздомъ черезъ Германію великіе князья посѣтили свою сестру, великую княгиню Марію Павловну, въ Веймарѣ. Они пріѣхали въ этотъ городъ изъ Берлина совершенно неожиданно, и Николай Павловичъ явился къ своей августѣйшей сестрѣ, переодѣвшись курьеромъ. Она не сразу узнала его, и только благородная осанка и красивый греческій носъ курьера побудили ее внимательно всмотрѣться въ черты его лица и выдали тайну[41].

Генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, назначенный императоромъ Александромъ состоять при великихъ князьяхъ на время военныхъ дѣйствій, посланъ былъ къ нимъ навстрѣчу. Но, благодаря дурнымъ дорогамъ, снѣжнымъ заносамъ, а затѣмъ весенней распутицѣ, путешествіе совершалось съ такою медленностью, что великіе князья не поспѣли къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года.

Когда, 12-го (24-го) марта, императоръ Александръ рѣшился предпринять движеніе къ Парижу, онъ лично приказалъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану Петру Андреевичу Клейнмихелю, взявъ нѣсколько казаковъ, отправиться по дорогѣ на Шомонъ и Лангръ навстрѣчу великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, чтобы передать имъ повѣленіе государя возвратиться въ Базель. Въ этомъ городѣ они должны были ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Клейнмихель встрѣтилъ ихъ высочества въ Везулѣ и, передавъ своевременно

Библиотека "Руниверс"

высочайшее повелѣніе, возвратился къ государю въ Парижъ кружнымъ путемъ, черезъ Нанси. 16-го мая 1814 года, Клейнмихель назначенъ былъ флигель-адъютантомъ; будущій преемникъ графа Аракчеева былъ найденъ. Встрѣча же съ Клейнмихелемъ въ Везулѣ не изгладилась изъ памяти великаго князя и не была забыта преемникомъ Александра.

Такимъ образомъ великіе князья лишены были возможности участвовать въ славныхъ дѣлахъ, заключившихъ собою трехлѣтнюю войну съ Наполеономъ. Они, къ великому своему горю, вынуждены были прожить въ бездѣйствіи въ Базелѣ до занятія союзниками французской столицы и затѣмъ отправились къ государю, когда проѣздъ въ Парижъ сдѣлался уже безопаснымъ.

Въ ожиданіи пріѣзда великихъ князей, императоръ Александръ въ одномъ изъ писемъ къ своей родительницѣ, отъ 3-го (15-го) апрѣля 1814 года, испрашивалъ ея распоряженій относительно предстоявшаго пребыванія своихъ братьевъ въ Парижѣ.

«Соблаговолите, дорогая матушка,—писалъ онъ между прочимъ,—дать мнѣ ваши приказанія относительно моихъ братьевъ, и что имъ предстоитъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы путешествовать нѣсколько по Голландіи, Англіи, Швейцаріи, или же вамъ угодно будетъ приказать, чтобы они вернулись тотчасъ же? Такъ какъ генералъ Ламздорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ — здѣсь, то было бы возможно составить планъ путешествія, крайне поучительнаго для нихъ, и которое съ пользою вознаградило бы за все то, что прекращеніе войны заставило ихъ потерять. Въ особенности путешествіе по Швейцаріи и Англіи могло бы быть очень полезно для нихъ. Но въ отношеніи всего этого только одна ваша воля должна рѣшить все. Пока же мы устроимъ все съ генераломъ Ламздорфомъ такъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть средства продолжать свое образованіе по всѣмъ отраслямъ знаній. Г. Лагарпъ принесетъ имъ большую пользу своими знакомствами со всѣми достойными (estimable) образованными людьми. Генералъ Ламздорфъ рѣшитъ и будетъ наблюдать за всѣмъ» [42].

Приведенная выдержка изъ письма императора Александра крайне характерна для обрисовки отношеній его къ вдовствующей императрицѣ и для уясненія того вполнѣ самостоятельнаго положенія, которое занимала Марія Ѳеодоровна при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся воспитанія своихъ младшихъ сыновей.

Что же касается назначенія генералъ-адъютанта Коновницына, то императрица-мать осталась вполнѣ довольною выборомъ, сдѣланнымъ государемъ, и писала, между прочимъ, новому наставнику великихъ князей, 2-го апрѣля 1814 года: «Я искренно обязана императору за сей выборъ, соотвѣтствующій моему о васъ мнѣнію и совершенному

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.
(Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Рейхерса).

удостовѣренію, что, доказавъ на опытѣ, сколь извѣстны вамъ качества и должности полководца, и запечатлѣвъ кровію приверженность вашу къ государю и любовь къ отечеству, вы въ полной мѣрѣ вникли въ обязанности возложеннаго на васъ порученія и чувствуете важность онаго и отвѣтственность, съ нимъ сопряженную. Я увѣрена, что, руководствуя

Библиотека "Руниверс"

великихъ князей вашими совѣтами, наставленіями и объясненіями, дабы они воспользовались случаемъ пріобрѣсть опытность въ наукѣ, ихъ сану, особливо въ нынѣшнія времена, толико нужной, вы не оставите обращать ихъ вниманіе на всѣ должности, въ ней соединяющіяся, и на то, что хотя долгъ и честь повелѣваютъ полководцу встрѣчать равнодушно опасности, когда онѣ случаются, и когда нужно дать примѣръ собою, однако истинное мужество не состоитъ въ пылкости, влекущей безъ нужды и разбора бросаться въ опасность, и будете удерживать юношескую и неопытную храбрость отъ излишняго воспаленія. На вашу совѣсть возложено теперь ихъ сохраненіе, и я съ полною надеждою полагаюсь на васъ, что вы въ семъ отношеніи будете ихъ другъ, совѣтникъ и хранитель и замѣните достойнаго ихъ наставника Матвѣя Ивановича Ламздорфа».

По прибытіи въ Парижъ великихъ князей они обозрѣвали различныя учрежденія столицы Франціи. И здѣсь сказалась наклонность Николая Павловича ко всему военному: онъ предпочиталъ осматривать учрежденія военныя, политехническую школу, домъ Инвалидовъ, казармы, госпитали. При посѣщеніи дома Инвалидовъ обоимъ великимъ князьямъ приходилось видѣть, какъ старые, искалѣченные солдаты, молча, со слезами на глазахъ, отворачивались отъ нихъ, какъ только замѣчали русскій мундиръ.

Во время обхода Николаемъ Павловичемъ этого убѣжища изувѣченныхъ солдать, его вниманіе привлекъ одинъ сержантъ съ лицомъ, покрытымъ рубцами, съ трудомъ передвигавшійся при помощи двухъ костылей.

— Въ какомъ дѣлѣ вы ранены?—спросилъ его великій князь.

— При переправѣ черезъ Березину,—отвѣчалъ инвалидъ, стараясь улыбнуться сквозь свои рубцы.—Казаки привели меня въ такой видъ, какъ вы видите, да и я, увѣряю васъ, не остался у нихъ въ долгу; я упалъ рядомъ съ ними въ снѣгъ, они не поднялись, а я имѣлъ счастіе возвратиться съ отмороженными ногами. Впрочемъ, такъ и надо: что намъ нужно было искать въ вашей Россіи? Дьявольская страна, защищающаяся безъ посторонней помощи; правда, въ нее легко входишь, а выйти—не выйдешь, а если и выйдешь, то, какъ я, чтобы попасть въ инвалидный домъ.

Великіе князья передали объ этомъ разговорѣ императору Александру, и послѣдній настолько заинтересовался старымъ сержантомъ, что пожелалъ видѣть его. Думая обрадовать его, онъ сказалъ ему, что всѣ французскіе плѣнные, остававшіеся въ Польшѣ и Россіи, въ числѣ болѣе 80.000 человѣкъ, должны вскорѣ возвратиться во Францію.

— Вотъ счастливцы!—воскликнулъ инвалидъ.—Государь, я совѣтую вамъ сообщить поскорѣе эту новость нашему императору Наполеону: онъ вамъ скажетъ большое спасибо.

Библиотека "Руниверс"

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Тогда Александръ спросилъ его, развѣ ему неизвѣстны послѣднія событія, положившія конецъ войнѣ и въ интересахъ всеобщаго умиротворенія приведшія къ перемѣнѣ во Франціи правительства. Старый солдатъ покачалъ головою и сразу сдѣлался грустнымъ и серіознымъ.

— Надо сознаться, государь, не доброе дѣло сдѣлали вы этимъ,— пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Что вы хотите, что бы мы дѣлали съ ко-

Библиотека "Руниверс"

ролемъ, который не въ состояніи сѣсть на лошадь? О, это не хорошо, это значитъ оскорблять насъ! Къ счастію, это не будетъ продолжительно. Безъ нашего императора Наполеона нѣтъ Франціи![43]

Простосердечная рѣчь ветерана должна была произвести на императора тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что онъ самъ уже начиналъ сознавать всю ошибочность своего образа дѣйствій по отношенію къ Бурбонамъ, водвореннымъ имъ на престолъ Франціи.

Во время своего перваго пребыванія въ Парижѣ Николай Павловичъ имѣлъ случай познакомиться съ герцогомъ Орлеанскимъ. Эта встрѣча не прошла безслѣдно въ жизни великаго князя; онъ былъ свидѣтелемъ семейнаго счастія герцога, и эта отрадная картина глубоко запала въ душу Николая Павловича.

— Какое громадное счастіе жить такъ, семьею! — сказалъ ему великій князь.

— Это единственное истинное и прочное счастіе,—отвѣтилъ герцогъ Орлеанскій убѣжденнымъ тономъ[44].

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ встрѣчахъ, также не прошедшихъ безслѣдно въ дальнѣйшей жизни нашего будущаго вѣнценосца.

Въ Парижѣ Николай Павловичъ впервые послѣ долгой разлуки снова увидѣлъ бывшаго товарища своихъ дѣтскихъ игръ, Адлерберга, поступившаго послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Великій князь радостно привѣтствовалъ его, обласкалъ и съ тѣхъ поръ уже никогда не измѣнялъ своего къ нему благоволенія. При первой возможности Николай Павловичъ взялъ его впослѣдствіи къ себѣ въ адъютанты (въ 1817 году).

Другая встрѣча была не менѣе знаменательна. Великій князь познакомился и сблизился съ генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ, начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.

Въ запискахъ Паскевича объ этомъ сохранился слѣдующій разсказъ:

«Въ Парижѣ начались, какъ и въ Петербургѣ, гвардейскіе разводы, и мы изъ гренадерскаго корпуса поочередно туда ѣзжали. Въ одинъ изъ сихъ разводовъ государь, увидавъ меня, подозвалъ и совершенно неожиданно рекомендовалъ меня великому князю Николаю Павловичу. «Познакомься,—сказалъ онъ ему,—съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ моей арміи, котораго я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу». Николай Павловичъ послѣ того постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы съ разложенными картами, по цѣлымъ часамъ, вдвоемъ разбирали всѣ движенія и битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Я часто у него обѣдывалъ, и когда за службою не могъ у него быть, то онъ мнѣ потомъ говорилъ, что я его опечалилъ. Этому

Библиотека "Руниверс"

завидовали многіе и стали говорить въ шутку, что онъ въ меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой онъ меня привлекъ къ себѣ, это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича онъ любилъ, но къ серіознымъ разговорамъ не допускалъ, да и тотъ ихъ не долюбливалъ... На балѣ у Талейрана государь и прусскій король подошли ко мнѣ, поздоровались, и государь поздравилъ меня съ только что полученною мною Александровскою лентою. «Le général l'a bien méritée», сказалъ прусскій король. На это государь, обратившись, сказалъ мнѣ по-французски: «Le cordon de l'ordre de St. Alexandre n'est qu'une faible preuve de mon estime pour vous et vos services». Я и не подозрѣвалъ, что нахожусь въ такой милости. Передъ этимъ баломъ Николай Павловичъ, узнавъ, что мнѣ пожалована Александровская лента, попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ и привезти эту ленту. Государь ему позволилъ у меня быть, но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ. Великій князь у меня обѣдалъ и провелъ почти весь день. Я сказалъ ему, что очень бы хотѣлъ представить ему всѣхъ моихъ генераловъ и полковыхъ командировъ, которыхъ рекомендовалъ наилучшимъ образомъ. Великій князь былъ съ ними отмѣнно любезенъ и прямотою своего обращенія обворожилъ ихъ. Они меня за это очень благодарили» [45].

Оба великіе князя должны были вернуться въ Россію черезъ Нидерланды и Германію. 6-го (18-го) іюня они прибыли въ Брюссель. Десять дней было посвящено на обозрѣніе главнѣйшихъ городовъ королевства; обозрѣніе это происходило въ сопровожденіи принца Оранскаго, принявшаго на себя трудъ быть проводникомъ юныхъ путешественниковъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Гаагѣ они отправились въ Амстердамъ, а оттуда ѣздили въ Саардамъ, чтобы посѣтить домикъ Петра Великаго.

На обратномъ пути въ Россію, черезъ Германію [46], великіе князья остановились на болѣе продолжительное время въ Берлинѣ. Здѣсь Николай Павловичъ ближе познакомился съ своей будущей женою, принцессою Шарлоттою, и взаимное впечатлѣніе, которое они произвели другъ на друга, лишь облегчило осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ сокровенныхъ желаній императора Александра и его друга, короля Фридриха-Вильгельма III. Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, конечно, извѣстны были эти давнишнія семейныя предположенія, и материнское сердце ея вполнѣ сочувствовало намѣченному союзу. Но въ виду молодости Николая Павловича рѣшено было только отложить это радостное событіе до наступленія совершеннолѣтія великаго князя.

Вскорѣ, однако, насталъ часъ разлуки; великимъ князьямъ нужно было спѣшить въ Петербургъ, чтобы застать тамъ императора Александра передъ отъѣздомъ его на Вѣнскій конгрессъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

Учебныя занятія Николая Павловича, прервавшіяся по случаю отъѣзда его за границу, возобновились послѣ его возвращенія въ Петербургъ; предметами ихъ служили исторія финансовъ и военныя науки. Однако съ этого времени занятія не велись съ прежнею правильностью, такъ какъ оба великіе князя стали часто присутствовать на разводахъ, парадахъ и ученіяхъ, посѣщали арсеналы и другія военныя учрежденія, смотрѣли рекрутъ и проч.; однимъ словомъ, они получили свободу и возможность предаваться всѣмъ тѣмъ занятіямъ, которыя прежде строго возбранялись имъ. Много времени поглощали также и всевозможныя придворныя празднества, въ которыхъ оба великіе князя стали принимать участіе.

Въ началѣ 1815 года къ числу лекцій по военнымъ наукамъ присоединились еще бесѣды Николая Павловича съ генераломъ Опперманомъ. Онѣ состояли въ томъ, что великій князь читалъ разработанныя имъ самимъ сочиненія и трактаты о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, или планы войны на заданную тему, при чемъ онъ долженъ былъ давать Опперману отвѣты на всѣ его вопросы, касавшіеся деталей самого плана. Такъ, между прочимъ, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1815 г., Николай Павловичъ защищалъ составленный имъ большой «трактатъ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши», которымъ Опперманъ остался весьма доволенъ; при первомъ чтеніи наставнику показалось даже, не имѣлъ ли его ученикъ въ своихъ рукахъ во время этой работы мемуаръ, написанный о томъ же предметѣ однимъ русскимъ генераломъ.

Судя по журналу 1815 года, генералъ Опперманъ совѣтовалъ Николаю Павловичу читать подробныя исторіи замѣчательныхъ кампаній, черезъ что, писалъ онъ, «неминуемо должны усовершенствоваться въ великомъ князѣ его блестящія военныя способности, преимущественно состоящія въ талантѣ вѣрно и ясно судить о военныхъ дѣйствіяхъ».

Возобновившіяся занятія Николая Павловича продолжались, однако, недолго: ихъ прервала новая война съ Наполеономъ, возвратившимся съ острова Эльбы въ Парижъ. Вся Европа ополчилась противъ него, и императоръ Александръ разрѣшилъ великимъ князьямъ отправиться къ дѣйствующей арміи въ Германію.

При этомъ случаѣ императрица Марія Ѳеодоровна снова напутствовала своихъ сыновей письмомъ. Въ общемъ оно явилось повтореніемъ прежняго. Къ особенностямъ этого письма слѣдуетъ, однако, отнести настойчивость, съ которою Марія Ѳеодоровна совѣтовала сыновьямъ умѣло распоряжаться временемъ, дорожить имъ, находить возможность читать и заниматься. «Повторяйте себѣ,—писала она,—что въ тотъ день, когда вы не увеличиваете вашихъ познаній, вы утрачиваете ихъ; душа, какъ и умъ, не можетъ оставаться на одномъ уровнѣ: надо обогащаться

Библиотека "Руниверс"

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
Императрица и Самодержица
ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ.

Въ 25 й день Іюня НАША любезная невѣстка Великая Княгиня разрѣшилася отъ бремени рожденїемъ НАМЪ внука, а ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ сына нареченнаго НИКОЛАЕМЪ.

Таковое ИМПЕРАТОРСКАГО Дома НАШЕГО приращенїе прїемлемъ МЫ вящимъ залогомъ благодати Всевышняго на НАСЪ и НАШУ Имперїю обильно изливаемой, и по тому возвѣщая о семъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ НАМИ усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ новорожденнаго и преуспѣяніи во всемъ что къ разширенїю славы Дома НАШЕГО и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ гдѣ приличествуетъ писать и именовать сего любезнаго НАМЪ внука ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ Великимъ Княземъ. Данъ въ Царскомъ селѣ Іюля 6го въ лѣто отъ рождества Христова 1796 е, Царствованїй же НАШИХЪ Всероссїйскаго въ тридесять пятое и Таврическаго въ третїенадесять.

На подлинномъ подписано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

МП
Ѣсто Ѣчати

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 9 дня 1796 года.

МАНИФЕСТЪ О РОЖДЕНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ.
(Изъ „Исторической портретной галлереи", изданной Брукманомъ).

нравственными достоинствами, пріобрѣтать познанія, или же характеръ портится, и умъ притупляется». Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее прекрасное мѣсто изъ письма императрицы; оно получаетъ особенное значеніе, если припомнить, чему Марія Ѳеодоровна была свидѣтельницею въ царствованіе Павла Петровича, и какое вліяніе на характеръ Николая Павловича оказывало въ его дѣтствѣ увлеченіе столь любимыми имъ военными играми. «Я надѣюсь, дорогія мои дѣти,—писала императрица,—что военный режимъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не привьетъ вамъ грубаго, суроваго или повелительнаго тона; онъ разви-

Библиотека "Руниверс"

ваетъ его у всѣхъ, но онъ нестершимъ у лицъ вашего происхожденія, которыя даже въ тѣ мгновенія, когда они бываютъ вынуждены обуздывать заблужденіе или проступокъ, должны употреблять лишь тонъ твердости, воздѣйствующій несравненно сильнѣе, чѣмъ горячность и вспыльчивость. (J'espère, mes chers enfants, que le régime militaire que vous aurez sous vos yeux, ne vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni impérieux; il déplait chez tout le monde, mais il est insupportable dans des personnes de votre naissance, qui même dans les moments où elles sont dans le cas de réprimer une erreur ou une faute ne doivent employer que celui de la fermeté, qui réprime infiniment mieux que la vivacité et l'emportement)».

По примѣру прошлаго 1814 года военнымъ ментором при великихъ князьяхъ назначенъ былъ снова генералъ-адъютантъ Коновницынъ. Отправляя сыновей въ армію, императрица Марія Ѳеодоровна писала Коновницыну 11-го мая 1815 года: «Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я предаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами, все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго Ламздорфа не могутъ они быть переданы лучшему наставнику на полѣ славы, какъ вамъ.

«Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты, подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ, подадутъ сыновьямъ моимъ истинное понятіе о воинѣ и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностію. Сколь ни больно материнскому сердцу подвергать жизнь дѣтей опасности, я, тѣмъ не менѣе, признаю, что они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ ихъ требуютъ подать собою примѣръ неустрашимости; но я увѣрена также, что я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что, внимая моимъ чувствованіямъ, вы стараться будете отвращать отъ нихъ безполезную опасность и удерживать ихъ, дабы пылкостію юношества не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя въ соединеніи столько же укрѣпляютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаетъ славу героя. Для сохраненія ихъ драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ великихъ князьяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ сими правилами, и огражденіе ихъ отъ

Библиотека "Руниверс"

хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительства».

Получивъ разрѣшеніе принять участіе въ предстоявшей новой кампаніи, великіе князья выѣхали изъ Петербурга 13-го (25-го) мая въ со-

Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
(Съ литографіи Клюквина).

провожденіи генерала Ламздорфа[47]. Послѣ остановки въ Берлинѣ[48] они отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ находилась главная квартира императора Александра. Здѣсь генералъ Ламздорфъ разстался съ своими воспитанниками и возвратился въ Россію, а его мѣсто при великихъ князьяхъ занялъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ[49]. Лестный пріемъ,

Библиотека "Руниверс"

оказанный генералу Ламздорфу императоромъ Александромъ, и награжденіе его орденомъ св. Андрея Первозваннаго (2-го іюня 1815 года) вызвали со стороны императрицы слѣдующее письмо къ нему, отъ 15-го іюня 1815 года, живо характеризующее ея дружескія отношенія къ воспитателю ея младшихъ сыновей, на котораго она постоянно смотрѣла, какъ на второго отца великихъ князей.

«Сердечно любимый папà Ламздорфъ (Lieber Herzens Papa Lamsdorf), вашъ благополучный пріѣздъ, оказанный вамъ братскій пріемъ (brüderliche Aufnahme) и теплая признательность, проявленная по отношенію къ вамъ императоромъ, чрезмѣрно радуютъ меня; будьте увѣрены, любезный папà, что каждая душа, одаренная чувствомъ, принимаетъ близко къ сердцу знаки вниманія, проявленнаго къ вамъ со стороны моего сына. Вы послужили Богу и людямъ; моя материнская душа говоритъ спасибо моему сыну и узнала это извѣстіе съ умиленіемъ, которое сопровождалось внутреннею радостью: все было бы къ лучшему въ настоящемъ положеніи, если бы я не знала, любезный папà, что вы нездоровы. Императоръ увѣряетъ меня, что вамъ лучше, но ваше письмо доказываетъ мнѣ, что вы страдаете, и это пугаетъ меня. Дай Богъ, чтобы спокойствіе принесло вамъ скорое выздоровленіе. Императоръ, повидимому, очень доволенъ и хвалитъ мнѣ моихъ сыновей: съ внутреннею радостью вижу я, что онъ сердечно любитъ ихъ, но они вѣдь и достойны этого. Мысль о томъ, что вскорѣ они будутъ разъединены съ вами, огорчаетъ меня, точно вторичная разлука ихъ со мною: не оставляйте ихъ своимъ отеческимъ благословеніемъ и почаще пишите имъ, что, конечно, они также будутъ дѣлать. Съ Божьей помощью разлука не будетъ продолжительна: всѣ надѣются, что война не затянется. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, и чтобы кровопролитія было меньше. Милости, которыхъ удостоены кавалеры, тоже очень радуютъ меня; я прошу васъ передать имъ это. Относительно добраго Рюля я написала императору, который, конечно, будетъ милостивъ. Не понимаю, по какой случайности письма моихъ дѣтей не дошли до меня, тогда какъ ваше письмо, любезный папà, получено мною: можетъ быть, тотъ, кому они отдали ихъ, забылъ отправить ихъ. Я написала имъ объ этомъ. Прощайте, любезный папà, да сохранитъ васъ Богъ, и да благословитъ Онъ васъ тысячу разъ за все добро, которое дѣлаете и сдѣлали моимъ дѣтямъ; не забывайте меня и будьте увѣрены, что я неизмѣнно остаюсь вашимъ истинно признательнымъ другомъ. Марія»[50].

При вступленіи русской арміи во французскіе предѣлы, великіе князья сопровождали императора Александра на маршѣ къ Парижу. Когда же получено было извѣстіе о занятіи столицы англо-прусскими войсками, то государь немедленно опередилъ армію и, проѣхавъ 200 верстъ по мѣстности, не занятой нашими войсками, прибылъ 28-го іюня (10-го іюля)

Библиотека "Руниверс"

въ Парижъ; на другой день вслѣдъ за нимъ отправились также великіе князья.

Неизбѣжность болѣе продолжительнаго пребыванія великихъ князей въ Парижѣ сильно безпокоила императрицу Марію Ѳеодоровну. Тревоги ея материнскаго сердца нашли себѣ отголосокъ въ перепискѣ съ генералъ-адъютантомъ Коновницынымъ, которому она писала 12-го (24-го) іюля, что довѣряетъ его отеческимъ попеченіямъ, столь нужнымъ въ сей столицѣ роскоши и разврата. «Я, конечно, нимало не сомнѣваюсь,—продолжала встревоженная императрица,—что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но теперь, когда они старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца».

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ въ отвѣтъ на полученное письмо постарался успокоить императрицу, 12-го іюля, слѣдующими строками:

«Ихъ императорскія высочества великіе князья находятся, благодаря Бога, въ вожделѣнномъ здравіи: образъ поведенія ихъ весьма согласуется съ волею вашею; господа кавалеры со свойственнымъ имъ усердіемъ при ихъ высочествахъ бываютъ неотлучны; я по преданности моей къ вашему величеству долгомъ моимъ поставляю засвидѣтельствовать о неусыпности и попеченіи ихъ. Ихъ высочества всякій день изволятъ кушать у государя, одинъ разъ были съ нимъ въ театрѣ, и во всѣхъ церемоніальныхъ выѣздахъ бываютъ при немъ; въ свободное время ихъ высочества обозрѣваютъ здѣсь всѣ заведенія, достойныя примѣчанія; третьяго дня изволили осматривать укрѣпленныя здѣсь окрестности съ военными замѣчаніями».

Тѣмъ не менѣе опасенія императрицы нисколько не уменьшились; Марія Ѳеодоровна признавалась въ письмѣ къ Коновницыну, что «сколь ни благопріятны всѣ сіи виды пребыванія великихъ князей въ Парижѣ», она все-таки весьма обрадуется выѣзду ихъ высочествъ изъ этого го-

Библиотека "Руниверс"

рода, «какъ по естественному желанію съ ними видѣться, такъ и по нравственнымъ побужденіямъ».

Всего чаще великіе князья бывали въ походѣ и въ Парижѣ въ обществѣ прусскихъ принцевъ, наслѣднаго принца и принца Вильгельма Прусскаго, который писалъ своему брату, принцу Карлу, что «великіе князья все только говорятъ объ удовольствіи пребыванія своего въ Берлинѣ и весьма признательны за оказанный пріемъ. Мы видимъ ихъ ежедневно, и съ каждымъ днемъ они становятся мнѣ дороже. Я теперь уже не дѣлаю между ними разницы; Михаилъ, котораго я предпочиталъ за его веселый нравъ, сдѣлался спокойнѣе, а Николай веселѣе»[51].

Послѣ тяжкаго и изнурительнаго похода русская армія такъ скоро оправилась, что до возвращенія ея въ отечество государь пожелалъ пощеголять ею и показать свои войска непріятелямъ и союзникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ, принявшій на себя роль великодушнаго покровителя Франціи, намѣревался представить союзникамъ огромныя силы, находившіяся у него подъ рукою для поддержки своихъ намѣреній, наканунѣ ихъ обратнаго выступленія въ отечество. Такимъ образомъ задуманный смотръ имѣлъ также въ виду политическую демонстрацію: выступленіе войскъ показывало, что Россія по водвореніи законнаго правительства Людовика XVIII не намѣрена болѣе участвовать въ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи, если бы парижскіе переговоры не пришли къ мирному концу; къ тому же «врагъ общаго мира и спокойствія», Наполеонъ, находился уже на пути къ мѣсту своего заключенія, острову св. Елены, а съ исчезновеніемъ его главная побудительная причина воинственнаго порыва императора Александра перестала существовать[52].

Мѣстомъ предположеннаго смотра избранъ былъ Вертю. 26-го августа (7-го сентября), въ памятный день Бородинскаго сраженія, рѣшено было произвести примѣрный смотръ, а затѣмъ 29-го августа (10-го сентября) парадный смотръ въ присутствіи союзныхъ государей и всѣхъ иностранцевъ, приглашенныхъ на это торжество. Въ строю находилось болѣе 150.000 человѣкъ при 540 орудіяхъ.

Репетиція была произведена въ присутствіи государя и великихъ князей Николая и Михаила и привела императора Александра въ полный восторгъ. Разсказывая о репетиціи парада въ Вертю, Михайловскій-Данилевскій сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ этотъ день онъ снова имѣлъ случай убѣдиться, что императоръ Александръ не любилъ воспоминаній объ отечественной войнѣ: когда генералъ Толь, смотря на выстроившуюся армію, сказалъ его величеству: «Какъ пріятно, что сегодня память Бородинскому сраженію!»—государь не отвѣчалъ ни слова и отвернулся. Данилевскій сопоставляетъ въ этомъ отношеніи императора Александра съ обоими великими князьями, его братьями, «которые

Библиотека "Руниверс"

восхищаются всѣмъ тѣмъ, что есть русское». «Михаилъ Павловичъ,—передаетъ Данилевскій,—взялъ меня съ жаромъ за руку, когда я ему сказалъ, что, къ моему большему удовольствію, сегодня не было съ нами ни одного иностранца, что всѣ окружавшіе государя русскіе, и радо-

Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
(Съ рѣдкой литографіи прошлаго столѣтія).

вались искренно величію Россіи, потому что мы были какъ бы посреди семейства нашего».

29-го августа (10-го сентября) смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и во время репетиціи, но въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, при чемъ во время церемоніальнаго марша императоръ Александръ лично предводительствовалъ арміей и салютовалъ союзнымъ

Библиотека "Руниверс"

монархамъ. Въ этотъ день Николай Павловичъ командовалъ второй бригадой въ 3-й гренадерской дивизіи и въ первый разъ обнажилъ шпагу передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ [53].

Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи.

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ поспѣшилъ донести объ этомъ событіи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и писалъ 31-го августа изъ Вертю по поводу смотра 29-го августа: «Сей день, командуя своими частями наилучшимъ образомъ, пріобрѣли истинное уваженіе отъ войскъ, имъ подчиненныхъ, исправностію въ командѣ, кротостію и снисхожденіемъ ко всѣмъ чинамъ. Намъ всѣмъ пріятно было видѣть великихъ князей нашихъ въ первый разъ передъ побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ на равнинахъ шалонскихъ. Да благословитъ Всевышній путь ихъ къ славѣ и къ благоденствію народовъ, радующихся доблестямъ князей своихъ; я поистинѣ, ваше величество, могу засвидѣтельствовать, что ихъ высочества обхожденіемъ своимъ пріобрѣтаютъ какъ отъ нашихъ, такъ и отъ иностранныхъ общую похвалу».

1-го сентября государь съ великими князьями отправился обратно въ Парижъ. Окончивъ смотръ своей арміи и возвѣстивъ обратное шествіе ея въ отечество, государь посвятилъ остальное время своего пребыванія въ Парижѣ исключительно политическимъ дѣламъ. Франція была спасена отъ излишнихъ домогательствъ союзниковъ, и территоріальная цѣлость ея сохранена; затѣмъ Александръ задумалъ еще договоръ братскаго христіанскаго союза, названнаго Священнымъ союзомъ [54]. Къ этому договору присоединились король прусскій и императоръ австрійскій; онъ состоялъ изъ трехъ статей, по которымъ союзники обязывались: 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять подданными своими въ томъ же духѣ братства для охраненія правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства, и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ Священный союзъ. Вообще же государи, подписавшіе договоръ, обязывались, «какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями».

Меттернихъ отзывался сначала пренебрежительно о Священномъ союзѣ (ce monument vide et sonore), признавая его безобидной болтовней, но отъ этой первоначальной оцѣнки ему вскорѣ пришлось отказаться. На дѣлѣ оказалось, что Меттернихъ получилъ въ руки драгоцѣнное орудіе, чтобы поставить Россію во главѣ реакціи въ Европѣ и связать ей руки на Востокѣ; австрійскій канцлеръ не замедлилъ этимъ восполь-

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Александръ Павловичъ.

Съ гравюры Одуена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Вурдономъ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

зоваться съ неподражаемымъ искусствомъ для достиженія намѣченныхъ имъ политическихъ цѣлей, не только въ остальные годы царствованія императора Александра, но и при его преемникѣ.

Между тѣмъ пребываніе великихъ князей въ Парижѣ продолжало безпокоить императрицу Марію Ѳеодоровну; она также сѣтовала, что великіе князья отвлекаются предметами военной службы отъ упражненій

Англійскій принцъ-регентъ Георгъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

въ наукахъ, и потому не могутъ помышлять объ усовершенствованіи познаній. По мнѣнію императрицы, «всякій молодой человѣкъ имѣетъ необходимую нужду отдѣлять нѣкоторое время для собранія своихъ мыслей и пріумноженія своихъ свѣдѣній и утвержденія въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ и правилахъ, ибо, по сохраняемому мною всегда въ памяти замѣчанію, тотъ, кто впередъ не подвигается въ ученіи, отступаетъ назадъ» [56].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коновницынъ въ свою очередь признавался императрицѣ, что по возвращеніи изъ Вертю «краткость времени» не позволила великимъ князьямъ заниматься науками. «Касательно же поступковъ ихъ высочествъ,—присовокупилъ Коновницынъ,— я не могу не увѣрить вашего величества, что можете быть совершенно спокойны. Господа кавалеры всегда ихъ сопровождаютъ безотлучно» [56].

16-го (28-го) сентября императоръ Александръ окончательно разстался съ Парижемъ и направился въ Брюссель, откуда онъ черезъ Лаонъ, Витри и Шомонъ поѣхалъ въ Дижонъ для осмотра собранной здѣсь австрійской арміи.

Великіе князья покинули Парижъ 20-го сентября (2-го октября) и прямо поѣхали въ Дижонъ. Здѣсь они 24-го и 25-го сентября (6-го и 7-го октября) присутствовали съ государемъ на маневрахъ австрійскихъ войскъ. Когда эта пріятная вѣсть достигла до императрицы Маріи Ѳеодоровны, она не замедлила писать Коновницыну: «Сколь ни утѣшительны для моего сердца всѣ отзывы о поведеніи и обращеніи великихъ князей, я не могу, однако, довольно изъявлять признательности моей Провидѣнію за удаленіе ихъ наконецъ изъ Парижа» [57].

Изъ Дижона императоръ Александръ совершилъ путешествіе по Швейцаріи и черезъ Линдау и Богемію направился въ Берлинъ. Великіе князья двинулись туда же, но болѣе прямою дорогою; они посѣтили императрицу Елисавету Алексѣевну въ Баденѣ [58] и побывали въ Франкфуртѣ, гдѣ встрѣтились съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и съ великою княгинею Екатериною Павловною, а затѣмъ остановились въ Веймарѣ. Отсюда великіе князья поѣхали въ Лейпцигъ, гдѣ обозрѣвали поле сраженія 1813 года, и 10-го (22-го) октября прибыли въ Берлинъ. Черезъ день, 12-го (24-го) октября, императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ прусскую столицу.

На этотъ разъ пребываніе государя въ Берлинѣ было ознаменовано однимъ важнымъ событіемъ, политическое значеніе котораго для Россіи и Пруссіи сопровождалось одинаково важными послѣдствіями.

23-го октября (4-го ноября) русскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король, вступилъ въ Берлинъ. Въ этотъ день при дворѣ состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка. Гости сидѣли за столомъ въ большой залѣ; рядомъ, въ другомъ покоѣ, кушали члены императорской и королевской фамилій; въ этотъ семейный кружокъ были приглашены только фельдмаршалы Блюхеръ и Барклай де-Толли. Среди обѣда императоръ и король поднялись съ своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свои поздравленія [59].

Библиотека "Руниверс"

Свадьбу было рѣшено отложить до совершеннолѣтія великаго князя Николая Павловича.

Императоръ Александръ пробылъ въ Берлинѣ до 27-го октября (8-го ноября) и затѣмъ отправился въ Варшаву; великіе князья въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Коновницына возвратились прямо въ Петербургъ.

Если императрица Марія Ѳеодоровна съ истинно материнскимъ безпокойствомъ не могла дождаться счастливой минуты, которая возвратитъ ей, послѣ столь долгаго отсутствія, сыновей, великихъ князей, то съ не меньшимъ нетерпѣніемъ она поджидала появленія въ Петербургѣ императора Александра. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Александръ, отправляясь на Вѣнскій конгрессъ, разстался съ Петербургомъ болѣе года тому назадъ, 1-го сентября 1814 года. Давно уже императрица признавала присутствіе государя въ столицѣ необходимымъ и писала сыновьямъ: «Je ne peux assez répéter combien il est essentiel qu'il revienne au plutôt».

Очевидно, что въ высшихъ сферахъ промелькнуло въ ту пору сознаніе о безотрадномъ положеніи внутреннихъ дѣлъ въ Россіи, требовавшихъ какого-то врачеванія со стороны умѣлой руки. Убѣжденіе въ этой необходимости отразилось даже въ перепискѣ 1815 года великой княжны Анны Павловны съ братьями. Она, не стѣсняясь, высказала мнѣніе, что отнынѣ малѣйшая политическая ошибка вызоветъ для Россіи самыя пагубныя послѣдствія (la moindre faute politique aurait ici les plus funestes conséquences). Къ этому приговору она прибавила еще слѣдующія не лишенныя интереса строки: «Vous savez comme les affaires de l'intérieur vont mal et chaque jour on apprend de nouveaux détails; de plus nous avons une race de mécontents, détracteurs et raisonneurs qui ne fait que s'accroître, et sans être injuste on ne peut pas nier les motifs qui leur donnent prise, car ils existent».

Если вспомнить, что приведенныя выше разсужденія принадлежатъ молодой, неопытной великой княжнѣ, то впечатлѣніе при чтеніи написанныхъ ею строкъ дѣлается еще сильнѣе; чувствуется дѣйствительно медленное приближеніе какой-то тяжелой развязки.

Между тѣмъ императоръ Александръ находился въ Варшавѣ, окруженный ликованіями своихъ новыхъ подданныхъ. 15-го (27-го) ноября государь подписалъ конституціонную хартію вновь призваннаго къ жизни Польскаго королевства и 2-го (14-го) декабря возвратился наконецъ въ Петербургъ.

Но столица уже не увидѣла прежняго Александра; по свидѣтельству современниковъ, онъ казался скученъ и даже сердитъ. Прежнихъ восторговъ со стороны населенія не замѣчалось. Государь сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ въ отношеніи военной дисциплины; офи-

Библиотека "Руниверс"

церамъ было запрещено носить гражданское платье, и обращено вниманіе на строжайшее соблюденіе установленной формы въ одеждѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во всѣ части государственнаго управленія во время трехлѣтней заграничной войны. Послѣдовали увольненія, начались слѣдствія.

Управлявшій военнымъ министерствомъ съ 1812 года князь Александръ Ивановичъ Горчаковъ былъ удаленъ, и самое министерство получило новое образованіе.

12-го (24-го) декабря 1815 года послѣдовалъ указъ сенату, въ которомъ сказано: «Трехлѣтній опытъ благополучно оконченной послѣдней войны, въ продолженіе коей лично присутствовалъ я при войскахъ, явилъ ощутительную пользу изданнаго въ 1812 году учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи. Находя необходимымъ сохранить тотъ же порядокъ и въ мирное время по управленію всѣмъ вообще военнымъ департаментомъ, призналъ я за полезное дать оному новое устройство, примѣненное въ главныхъ основаніяхъ къ упомянутому учрежденію».

Вслѣдствіе этого было выработано новое положеніе, на основаніи котораго военная администрація раздѣлялась на двѣ части, и каждая изъ нихъ поручалась особому лицу. Военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ; онъ получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части министерства (денежную, счетную, продовольственную) и былъ подчиненъ начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, который распоряжался всѣми прочими дѣлами прежняго военнаго министерства. Начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ генералъ-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

Разставаясь съ великими князьями, Петръ Петровичъ Коновницынъ начерталъ для нихъ прекрасное прощальное наставленіе, которое останется навсегда памятникомъ свѣтлаго ума и доброй души военнаго руководителя Николая Павловича [63].

II.

Обрученіе великаго князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой послужило поводомъ къ обмѣну письмами между императрицей Маріей Ѳеодоровной и императоромъ Александромъ, съ одной стороны, и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III — съ другой.

Письмо Маріи Ѳеодоровны отъ 14-го января 1816 года, написанное ею въ отвѣтъ на письмо прусскаго короля, любопытно еще и въ другомъ отношеніи; оно доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что уже въ 1809 году, во время пребыванія въ Петербургѣ покойной королевы

Библиотека "Руниверс"

Луизы, у дальновидной императрицы-матери явилась мысль о бракѣ Николая Павловича съ принцессой Шарлоттою [61].

«Удовольствіе вашего величества по поводу союза нашихъ дѣтей,— писала Марія Ѳеодоровна, — высказанное самымъ трогательнымъ образомъ въ письмѣ, переданномъ мнѣ гофмаршаломъ вашего двора,

Генералъ Натцмеръ.
(Съ портрета, приложеннаго къ его біографіи, изданной въ 1876 г. въ Берлинѣ).

барономъ Шильденомъ, раздѣляется мною со всею живостью материнской любви, отвѣчающей на это, государь, въ избыткѣ чувства, что завѣтное желаніе моего сердца исполнилось: желаніе это зародилось въ девятомъ году (le voeu fut formé l'année 9). Воспоминанія этого счастливаго времени возбуждаютъ во мнѣ горячія сожалѣнія, которыя примѣшиваются даже къ радости, порождаемой во мнѣ ожидаемымъ сча-

Библиотека "Руниверс"

стіемъ моего сына. Отзывчивая душа вашего величества пойметъ подобное соединеніе сожалѣній, огорченія и счастія; я надѣюсь даже, что оно послужитъ для васъ доказательствомъ чувствъ, внушаемыхъ мнѣ вашей милой дочерью, и нѣжныхъ и неустанныхъ заботъ, при помощи которыхъ я постараюсь снискать ея дружбу и довѣріе, оберегать ея счастіе и дѣлать ея жизнь пріятною, со всею заботливостью материнской нѣжности. Обворожительный характеръ юной принцессы, ея умъ основательный, неподдѣльный, нѣжность ея чувствъ наглядно предсказываютъ мнѣ счастіе моего сына и мое собственное; она сроднится съ нами и, сдѣлавъ Николая счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, сдѣлаетъ меня счастливѣйшею изъ матерей и утѣшитъ меня въ разлукѣ съ моими дочерьми. Вотъ мои ожиданія, государь, и они вамъ доказываютъ, насколько я расположена любить и лелѣять принцессу. Я глубоко тронута добротою вашего величества по отношенію къ Николаю, который, какъ должно, оцѣниваетъ ваше довѣріе, проявляющееся въ томъ, что вы ввѣряете его заботамъ принцессу: онъ оцѣниваетъ эту честь со всѣмъ жаромъ сердца религіознаго, чистаго, честнаго и прямодушнаго, всецѣло отдавшагося своей невѣстѣ и сознающаго всю отвѣтственность, связанную съ мыслью объ обязанности сдѣлать изъ счастья своей подруги постоянное занятіе своей жизни. Вотъ излюбленный предметъ нашихъ разговоровъ, возобновляемыхъ при каждомъ случаѣ. Благословеніе Божіе да снизойдетъ на этихъ двухъ дорогихъ существъ и сохранитъ имъ навсегда ихъ чувства, ихъ убѣжденія, обезпечивъ такимъ образомъ счастіе ихъ жизни».

Письмо императора Александра къ прусскому королю, отъ 15-го (27-го) января 1816 года, съ такою полнотою воплощаетъ въ себѣ руководящія начала его политики и съ такою яркостію очерчиваетъ его самого, что мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ.

«Я не найду выраженій,— писалъ императоръ Александръ,— чтобы высказать вамъ, государь, чувства, которыми я былъ проникнутъ, читая письмо, которое вашему величеству угодно было вручить генералу Шёлеру. Я берусь за перо, чтобы отвѣчать на него, и буду прислушиваться лишь къ голосу своего сердца. Это — единственный языкъ, который можетъ подходить для насъ. Онъ одинъ можетъ сдѣлать для насъ менѣе тягостной разлуку, на которую насъ обрекаетъ долгъ. Дружба, которая соединяетъ насъ, государь, беретъ свое начало въ чувствѣ. (L'amitié qui nous unit, sire, prend sa source dans le sentiment). Она скрѣплена испытаніями, воспоминаніями и надеждами, соединенными съ нашею судьбою. Она будетъ сопутствовать намъ до могилы. Она скраситъ своими прелестями и тѣмъ, что есть въ ней утѣшительнаго, жизненный путь, который намъ еще предстоитъ совершить, прежде чѣмъ достигнуть великой цѣли нашего существованія — быть счастливыми, какъ монархи

Библиотека "Руниверс"

и какъ люди, счастіемъ, которое намъ удастся раздѣлить съ нашими ближними. Эта святая дружба, всю сладость которой я постоянно вкушалъ, какъ въ лагерѣ, передъ лицомъ непріятеля, такъ и среди вашего народа и вашихъ войскъ, поддерживала, государь, мой духъ въ самыя бурныя мгновенія и удвоила отвагу моего народа и моихъ войскъ. И вотъ въ этомъ неизмѣнномъ чувствѣ и въ узахъ постоянно дѣйствующей близости я буду почерпать всегда настойчивость, необходимую для выполненія лежащей на насъ задачи. Она состоитъ въ томъ, чтобы предохранить отъ всякаго посягательства плодъ нашихъ трудовъ — миръ вселенной, возстановить въ силѣ непреложныя начала религіи и справедливости, единственное основаніе какъ процвѣтанія, такъ и славы народовъ. Въ этомъ-то смыслѣ я и спѣшу поздравить васъ, государь, съ успѣхомъ мудрыхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ вами съ цѣлью ослабить разрушительныя стремленія тайныхъ обществъ, заблужденія которыхъ могли бы подать поводъ къ справедливому безпокойству. Мнѣ пріятно имѣть возможность воздать должное мѣропріятіямъ, столь клонящимся къ общей пользѣ, и выразить вамъ безпрерывно одушевляющія меня пожеланія славы монарху, другу и товарищу по оружію, который дорогъ мнѣ по столькимъ причинамъ, а также и народу, который я такъ уважаю, какъ вашъ. Эти чувства настолько же правдивы, какъ и неизмѣнная дружба, съ которою остаюсь на всю жизнь,

«государь,
«вашего величества
«добрый братъ, другъ и союзникъ
«Александръ».

Въ отвѣтъ на это письмо Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ между прочимъ императору Александру:

«Съ чувствомъ живѣйшей признательности усмотрѣлъ я изъ вашего письма отъ 15-го (27-го) января, переданнаго мнѣ барономъ Шильденомъ, милостивое выраженіе той драгоцѣнной дружбы, которая постоянно оставалась вѣрна самой себѣ, и которую вамъ угодно доказать мнѣ при каждомъ случаѣ. Она служила мнѣ защитой въ несчастіи, государь, она будетъ спутницей моей жизни и оправдываетъ безграничныя довѣріе и надежды, которыми я чувствую себя проникнутымъ въ отношеніи къ вашему величеству, и которыя чужды какихъ бы то ни было политическихъ расчетовъ. (Elle fut mon égide dans le malheur, sire, elle sera la compagne de ma vie et elle justifie l'abandon et la confiance sans réserve dont je me sens pénétré pour votre majesté, et qui est étranger à tous les calculs de la politique). Мы были соединены намѣреніями и чувствами, и, чтобы еще болѣе скрѣпить эти узы, намъ не-

Библиотека "Руниверс"

доставало лишь родственныхъ связей между нашими семьями. Небу было угодно даровать намъ это счастіе, и никогда еще бракъ не былъ заключенъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Сожалѣнія, которыя причинитъ отсутствіе любимой дочери, будутъ менѣе тяжелы, когда я скажу себѣ, что тамъ она найдетъ второго отца, семью, не менѣе готовую расточать ей свою любовь, и супруга, явившагося избранникомъ ея сердца».

Въ этомъ же письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ благодарилъ императора Александра за его рѣшеніе, чтобы принцесса Шарлотта ознакомилась съ ученіемъ православной церкви въ Берлинѣ. Въ этомъ король усматривалъ новое проявленіе доброты императора Александра къ нему, Фридриху-Вильгельму [62].

Для преподанія принцессѣ Шарлоттѣ ученія православной церкви въ Берлинъ былъ посланъ протоіерей Музовской, который вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей и уроки русскаго языка.

III.

По возвращеніи изъ вторичнаго похода, начиная съ декабря 1815 года, великій князь Николай снова принялся за занятія съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ профессоровъ. Такъ, Балугьянскій читалъ «науку о финансахъ», Ахвердовъ — русскую исторію (съ царствованія Іоанна Грознаго до Смутнаго времени). Съ Маркевичемъ великій князь занимался «военными переводами», а съ Джанотти чтеніемъ сочиненій Жиро и Ллойда о разныхъ кампаніяхъ, войнѣ 1814 и 1815 годовъ, а также разборомъ проекта «объ изгнаніи турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ».

Правильное теченіе этихъ лекцій безпрерывно нарушалось происходившими парадами, смотрами, разводами и разными придворными церемоніями [63].

Начало 1816 года ознаменовалось особеннымъ изобиліемъ именно придворныхъ празднествъ, сопряженныхъ съ бракосочетаніями: 12-го (24-го) января великой княжны Екатерины Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ, а 9-го (21-го) февраля великой княжны Анны Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ.

Лѣтомъ 1816 года Николай Павловичъ долженъ былъ, для довершенія своего образованія, предпринять путешествіе по Россіи для ознакомленія съ своимъ отечествомъ въ административномъ, коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ; а затѣмъ, по возвращеніи изъ этой поѣздки, предполагалось совершить еще заграничное путешествіе,

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Николай Павловичъ.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

Библиотека "Руниверс"

чтобы познакомиться съ Англіею. По этому случаю по порученію императрицы Маріи Ѳеодоровны была составлена особая записка, въ которой въ сжатомъ видѣ излагались главныя основанія административнаго строя провинціальной Россіи, описывались мѣстности, которыя великій князь долженъ былъ проѣзжать, въ историческомъ, бытовомъ, промышленномъ и географическомъ отношеніяхъ, указывалось, что̀ именно могло составлять предметъ бесѣдъ великаго князя съ представителями губернской власти, на что слѣдовало обратить вниманіе и т. д.; между прочимъ въ этой же запискѣ давался совѣтъ вести эти бесѣды съ каждымъ въ отдѣльности, въ кабинетѣ, чтобы такимъ образомъ получить большую возможность сравнивать различныя мнѣнія и изучать людей [64]. Въ первоначальный маршрутъ путешествія Николая Павловича не была включена Москва, которую, какъ предполагалось, онъ долженъ былъ посѣтить лишь впослѣдствіи. Однако, этотъ планъ подвергся измѣненію. Императоръ Александръ, предпринявшій въ началѣ августа 1816 года путешествіе по Россіи, повелѣлъ брату прибыть въ Москву и ожидать тамъ его пріѣзда.

Послѣ назначенія генералъ-адъютанта Коновницына военнымъ министромъ, императрица Марія Ѳеодоровна была весьма озабочена выборомъ новаго лица, которое могло бы сопровождать великаго князя Николая Павловича во время его путешествій, какъ по Россіи, такъ и за границею. Императрица назвала государю нѣсколькихъ лицъ; судя по запискѣ ея отъ 15-го апрѣля 1816 года, вниманіе Маріи Ѳеодоровны остановилось на генералахъ Раевскомъ и Васильчиковѣ, а также на сенаторѣ Львовѣ. Императоръ Александръ, повидимому, желалъ избрать для этой цѣли генералъ-адъютанта, Иларіона Васильевича Васильчикова; неизвѣстно, почему это предположеніе не было приведено въ исполненіе, и возникшія недоумѣнія привели наконецъ къ выбору генералъ-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова [65].

Изъ кавалеровъ во время путешествія должны были находиться при великомъ князѣ: Саврасовъ и Глинка. Малѣйшія детали предстоявшей поѣздки, которой императрица Марія Ѳеодоровна придавала громадное воспитательное значеніе, были предусмотрѣны ею самою [66]; не была упущена также изъ виду и важность для Николая Павловича пріобрѣсти популярность среди народа: по пріѣздѣ въ какой либо губернскій городъ, намѣченный въ его маршрутѣ, онъ прежде всего долженъ былъ отправляться въ соборъ. Ему предлагалось по возможности устроивать пріемы у себя и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать приглашенія, которыя могли дѣлать ему, присутствовать на балахъ и т. д. При всемъ томъ генералу Кутузову было сказано предупреждать губернаторовъ, что великій князь не имѣетъ права принимать какія бы то ни было просьбы.

Библиотека "Руниверс"

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

Помимо приведенныхъ наставленій, императрица, по принятому обычаю, и на этотъ разъ напутствовала сына собственноручнымъ письменнымъ наставленіемъ, въ которомъ совѣтовала, какъ держаться, чтобы снискать всеобщія любовь и уваженіе. Заботливость Маріи Ѳеодоровны въ этомъ отношеніи доходила до того, что она предупреждала Николая Павловича не говорить слишкомъ громко, потому что его голосъ, повышаясь, пріобрѣталъ непріятный рѣзкій оттѣнокъ [67].

Во время своего путешествія Николай Павловичъ, по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, долженъ былъ вести особый журналъ, состоявшій изъ двухъ частей: изъ «общаго журнала по гражданской и промышленной части» и «журнала по военной части».

Великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го (21-го) мая 1816 года. Перечислимъ здѣсь нѣкоторые изъ главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, которыхъ коснулся маршрутъ великаго князя; это были: Луга, Порховъ, Великія Луки, Витебскъ, Смоленскъ, Могилевъ, Бобруйскъ, Черниговъ, Кіевъ, Полтава, Харьковъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Одесса, Херсонъ, Перекопъ, Симферополь, Севастополь, Южный берегъ Крыма, Керчь, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Курскъ, Орелъ и Тула.

Николай Павловичъ выполнилъ желаніе императрицы и хотя въ краткихъ словахъ, но заносилъ въ свой журналъ по гражданской части впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время путешествія. Особенно характерны его отзывы о полякахъ и евреяхъ; они получаютъ особенное значеніе въ виду того, что Николай Павловичъ не измѣнилъ этимъ взглядамъ до конца жизни. Приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ его журнала:

«Въ Бѣлоруссіи дворянство, состоящее почти все изъ весьма богатыхъ поляковъ, отнюдь не показало преданности къ Россіи, и, кромѣ нѣкоторыхъ витебскихъ и южныхъ могилевскихъ дворянъ, всѣ прочіе присягнули Наполеону. Крестьяне ихъ почти всѣ на тяжеломъ оброкѣ и весьма бѣдны, притомъ, общая гибель крестьянъ сихъ провинцій, жиды здѣсь совершенно вторые владѣльцы, они промыслами своими изнуряютъ до крайности несчастный народъ. Они здѣсь все—и купцы, и подрядчики, и содержатели шинковъ, мельницъ, перевозовъ, ремесленники и проч., и такъ умѣютъ притѣснять и обманывать простой народъ, что берутъ даже въ залогъ не засѣянный яровой хлѣбъ и ожидаемую не засѣянную жатву; они настоящія піявицы, всюду всасывающіяся и совершенно истощающія несчастныя сіи губерніи. Удивительно, что они въ 1812 году отмѣнно вѣрны намъ были и даже помогали, гдѣ только могли, съ опасностію жизни. Также не совсѣмъ безполезно будетъ упомянуть, что здѣсь въ губерніи 37 католицкихъ монастырей, изъ коихъ половина почти іезуитскихъ, воспитывающихъ юношество всѣхъ исповѣ-

Библиотека "Руниверс"

даній; главнѣйшіе въ Оршѣ и Могилевѣ; всякій день обращаютъ они въ свою вѣру молодыхъ людей, и какъ они совершенно отдѣлены отъ гражданскаго вѣдомства, даже ихъ имѣнія, то ежедневно происходятъ безпорядки и замѣшательства».

Присоединимъ еще къ этой любопытной замѣткѣ очеркъ арестантскаго острога въ Порховѣ, дающій понятіе о томъ, съ какими печальными картинами народной жизни приходилось сталкиваться русскому путешественнику того времени.

Въ Порховѣ, пишетъ Николай Павловичъ, «дворянство довольно многочисленно, но живетъ по деревнямъ. Арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ ономъ: ветхая деревянная изба, состоящая изъ трехъ низкихъ чулановъ, почти безъ оконъ и отдушинъ, въ коихъ посреди 22 человѣка инвалида безсмѣнно караульныхъ и 66 арестантовъ въ двухъ остальныхъ, безъ пищи, безъ одежды, въ спертомъ, гниломъ воздухѣ, безъ различія ни родовъ преступленій, ни возроста, одни на другихъ; старая разваливающаяся деревянная караульня, въ которой прилипчивыми болѣзнями одержимые больные арестанты въ одной комнатѣ со стерегущими инвалидами, на однѣхъ нарахъ, безъ одежды, безъ лѣкарствъ, безъ суммы на содержаніе, кромѣ отъ милостынь собираемой,—вотъ самое вѣрное и очевидное описаніе здѣшняго острога».

Картина, которую рисуетъ Николай Павловичъ о состояніи Воронежскаго острога, также довольно безотрадна и дополняетъ собою порховскій очеркъ:

«Воронежскій острогъ хотя обнесенъ довольно порядочной каменной стѣной, но внутреннее строеніе отмѣнно худо содержится: нечистота страшная и вообще великій безпорядокъ; я спросилъ списокъ арестантовъ; увидя отмѣнно много военныхъ и желая знать, давно ли тутъ содержатся, получилъ въ отвѣтъ отъ прокурора, что у него списка военныхъ нѣтъ, а что у караульнаго офицера; я послалъ за нимъ, и онъ отозвался, что у него его нѣтъ, а что долженъ быть у прокурора; я спросилъ у него, какъ же онъ дѣлаетъ перекличку, ежели не имѣетъ списка; онъ отвѣчалъ, что переклички не дѣлаетъ, ибо ни тѣмъ ни другимъ списка отъ прокурора не сообщено. При семъ долженъ я замѣтить, что въ числѣ арестантовъ есть рядовые гарнизоннаго баталіона за упущеніе колодниковъ; но, не имѣя списка и не дѣлая переклички, какъ требовать, чтобъ былъ порядокъ?»

Интересны также впечатлѣнія, навѣянныя на Николая Павловича поѣздкой по Южному берегу Крыма.

«Изъ Байдарской долины,—записалъ онъ,—выходитъ единственная и довольно худая дорога по самому краю Южнаго берега и идетъ чрезъ главныя селенія: Мухолатку, Алушку, Ялту, Лимену, Кучукъ-Ламбатъ

Библиотека "Руниверс"

и проч.—мѣста, весьма любопытныя для живописца или путешественника, ищущаго странныхъ и красивыхъ видовъ (un voyageur pittoresque), но не имѣющія ничего того, что бъ показывало изобиліе или богатство народа; нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ; ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальнаго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отмѣнно ограничены; одно и то же фруктовое дерево, которое кормило за 50 или 60 лѣтъ дѣда, кормитъ и внука, а этотъ рѣдко посадитъ молодое дерево, чтобъ уготовить что либо своимъ дѣтямъ. Они живутъ, можно сказать, совершенно на произволъ природы, которая здѣсь, правда, чрезмѣрно щедра: оливковыя деревья, фиги, капорцы, груши, яблоки, вишни, орѣшники, все растетъ дико и безъ присмотра; все удается — померанцы, лимоны и проч. Что жъ касается до видовъ, должно признаться, что, начиная отъ Байдаръ до Кучукъ-Ламбата, нѣтъ мѣста, которое бы не удивляло всякаго своею дикою, но плѣнительною красотою; но все это рука природы, ибо искусство, такъ сказать, и не заходитъ въ этотъ край; даже удобной для путешествующихъ дороги нѣтъ, равно и жилья, и отъ того, можетъ быть, не столь еще можно пользоваться симъ прекраснымъ краемъ..... Еслибъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ; тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы русскіе и малороссійскіе, то все иначе, и хлѣбъ есть и обширные сады, словомъ пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

«Журналъ по военной части» [63] представляетъ меньшій интересъ и вызвалъ строгую критическую оцѣнку со стороны барона Корфа въ его трудѣ: «Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I». Въ журналѣ по военной части, пишетъ баронъ Корфъ, «всѣ почти замѣчанія относятся до однѣхъ неважныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ военнаго дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко». Этотъ отзывъ, представляющійся слишкомъ суровымъ, если припомнить, что Николаю Павловичу, когда онъ писалъ журналъ, было всего двадцать лѣтъ, вызвалъ при чтеніи рукописи барона Корфа императоромъ Александромъ II слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Въ его лѣта и трудно было о семъ судить. Это была не его вина, ибо съ окончанія войны въ 1815 году до вступленія его на престолъ никто объ этомъ и не помышлялъ».

Приведемъ здѣсь изъ этого военнаго журнала одну лишь замѣтку, касающуюся поселеній Елецкаго полка, которымъ, какъ извѣстно, началась эта печальная страница русской исторіи.

«Благодѣтельное намѣреніе государя,—пишетъ Николай Павловичъ,—начинаетъ выполняться, но, какъ всякое начало, терпитъ великія за-

Библиотека "Руниверс"

трудненія. Баталіонъ расположенъ въ старыхъ весьма худыхъ бѣлорусскихъ хатахъ, кои кое-какъ поддерживаются, но весьма тѣсно, особливо отъ того, что, кромѣ по положенію живущихъ въ немъ двухъ семей, на постоѣ у нихъ еще двое холостыхъ; хотя они и помогаютъ хозяевамъ

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна.
(Съ портрета Гебауера 1817 года).

въ работѣ, но не менѣе того имъ даже весьма тѣсно. О сю пору скота мало; по положенію хозяинъ имѣетъ отъ казны двухъ лошадей и корову, лошадей у малыхъ по двѣ, и то самыя худыя изъ бракованныхъ артиллерійскихъ, и отъ того поля, коихъ почва песчаная, не бывъ

Библиотека "Руниверс"

одобриваемы довольнымъ количествомъ навоза, худо производятъ, и все полосами, судя по богатству хозяина.

«Теперь строится по плану магазинъ и 12 избъ съ офицерскимъ домомъ. Госпиталь всѣмъ отмѣнно дуренъ. Полкъ отмѣнно терпитъ тѣмъ, что подъ видомъ способныхъ или неспособныхъ къ поселенію выбираютъ лучшихъ людей изъ дѣйствующихъ баталіоновъ, а на ихъ мѣсто присылаютъ вовсе неспособныхъ и даже слѣпыхъ и горбатыхъ.

«Главное же худо есть то, что жившихъ тутъ 1.800 крестьянъ при переводѣ ихъ въ Крымъ такъ худо содержали, что половина ихъ пропала, не дойдя до назначенія».

На вопросъ, сдѣланный Маріей Ѳеодоровною генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову, доволенъ ли онъ великимъ княземъ, императрица получила слѣдующій отвѣтъ:

«Нелицемѣрно и съ восхищеніемъ долженъ повторить, что его высочество повсюду пріобрѣлъ отличное уваженіе, преданность и любовь отъ всѣхъ сословій. Я нерѣдко докладываю его высочеству, что всѣмъ онымъ обязанъ онъ вашему императорскому величеству; правила, внушенныя при воспитаніи, вашимъ величествомъ были предначертаны. Богъ васъ утѣшитъ, а Россія вѣчно будетъ вамъ признательна»[69].

По прибытіи въ Тулу, великій князь получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ Клинъ, чтобы дождаться тамъ государя и сопровождать его въ Москву. 15-го (27-го) августа императоръ Александръ въ сопровожденіи великаго князя Николая Павловича шествовалъ въ Успенскій соборъ, когда архіепископъ Августинъ привѣтствовалъ государя словами: «Тебѣ, побѣдителю нечестія и неправды, вопіемъ: Осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

Послѣ нѣсколькихъ дней совмѣстнаго пребыванія въ первопрестольной столицѣ императоръ Александръ отпустилъ брата въ Петербургъ.

Николай Павловичъ возвратился въ Петербургъ 26-го августа (7-го сентября) и 13-го (25-го) сентября выѣхалъ изъ него, отправляясь за границу. Конечною цѣлью этой новой поѣздки было посѣщеніе Англіи, «этой достойнѣйшей вниманія стороны», путешествіе по которой, по словамъ Маріи Ѳеодоровны, должно было не только удовлетворить любопытство великаго князя, но и обогатить его полезными познаніями и опытами, «изощряя при томъ его сужденіе»[70].

Во время этого путешествія при великомъ князѣ находились: генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка, докторъ Крейтонъ (Crighton). Но такъ какъ никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ Лондономъ и Англіей, императоръ Александръ согласился увеличить свиту великаго князя барономъ Павломъ Андреевичемъ Николаи, который хорошо знакомъ былъ съ Англіею по прежней службѣ своей въ лондонскомъ посольствѣ, при графѣ С. Р. Воронцовѣ.

Библиотека "Руниверс"

Съ гравированнаго портрета Кардели.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Аничковскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи Ланга).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

Во всемъ, что касалось отношеній къ принцу-регенту, этикета, пріема приглашеній на обѣды и проч., Николай Павловичъ долженъ былъ слѣдовать указаніямъ русскаго посла въ Лондонѣ, графа Ливена, при чемъ Маріей Ѳеодоровной ставилось на видъ, что чѣмъ меньше времени великій князь будетъ терять на эти обѣды, тѣмъ это будетъ лучше въ смыслѣ болѣе производительнаго употребленія имъ своего времени.

Судя по редакціи одного мѣста въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, посвященной путешествію Николая Павловича, можно предположить, что первоначально она желала, чтобы великій князь постоянно сохранялъ инкогнито, но что императоръ Александръ не призналъ этого необходимымъ, сказавъ, что можно прибѣгать къ этому лишь тогда, когда явится желаніе избѣжать различныхъ церемоній. Въ такихъ случаяхъ государь разрѣшилъ великому князю называться графомъ Романовымъ[71].

Наглядным памятникомъ всесторонней заботливости, съ которою императрица-мать относилась къ дѣлу воспитанія ума и сердца юноши Николая Павловича, служатъ ея письма къ графу Ливену; письма эти полны материнской попечительности не только о матеріальныхъ потребностяхъ сына, но и о духовной и нравственной сторонѣ его жизни; они проникнуты, быть можетъ, нѣсколько слишкомъ строгимъ взглядомъ на вещи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ о рѣдкой возвышенности образа мыслей императрицы относительно своихъ обязанностей, какъ матери.

Въ своемъ письмѣ къ графу Ливену отъ 21-го сентября 1816 года она просила его не только заботиться о томъ, чтобы обѣды и пріемы поглощали у великаго князя какъ можно менѣе драгоцѣннаго времени, котораго никогда нельзя сберечь въ достаточной степени, но чтобы онъ оберегалъ также Николая Павловича отъ всего, что тѣмъ или инымъ путемъ могло бы вредить его нравственности въ городѣ, въ которомъ «развращенность столь велика и смѣла (la perversité est si grande et si hardie)». Говоря о томъ, что великому князю предстоитъ увидѣть, она писала, что не слѣдуетъ сосредоточивать его вниманіе на какомъ либо одномъ родѣ предметовъ, но что оно должно быть удѣлено, по возможности, всему, что интересуетъ человѣчество (intéresse l'humanité) и выдѣляется съ точки зрѣнія общественной пользы. Императрица просила также при устройствѣ помѣщенія для великаго князя принимать въ соображеніе «нашъ девизъ—простоту (notre devise: la simplicité)»[72].

Хотя императрица Марія Ѳеодоровна и императоръ Александръ признавали путешествіе Николая Павловича по Англіи въ высшей степени желательнымъ въ воспитательныхъ и образовательныхъ цѣляхъ, однако, повидимому, существовало нѣкоторое опасеніе, какъ бы великій князь не слишкомъ увлекся свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ прямую связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Это

Библиотека "Руниверс"

предположеніе подтверждается запиской-наставленіемъ, составленной для великаго князя по случаю его путешествія графомъ Нессельроде. Въ этой запискѣ юный путешественникъ, «наблюдатель» (l'observateur), предостерегается отъ опасности, которой подвергается каждый чужеземецъ за границей: безсознательно подчиняться суммѣ постороннихъ вліяній. Ему указывается на безусловную необходимость судить о какой либо странѣ въ связи съ ея историческимъ прошлымъ. Такъ какъ главное, что должно поражать путешественника въ Англіи,—это ея конституціонныя учрежденія, то авторъ записки и переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса объ ихъ происхожденіи и развитіи.

По его словамъ, Англія своимъ примѣромъ служитъ наиболѣе наглядпымъ подтвержденіемъ той важной и столь упорно не признаваемой истины, что общественныя учрежденія никогда не являются слѣдствіемъ одной лишь воли человѣка, но, напротивъ того, являются плодомъ времени, событій, иначе говоря, самой природы обстоятельствъ. Развивая дальше эту мысль, Нессельроде пишетъ, что развитіе учрежденій, которыми Англія гордится по праву, происходило съ поражающею медленностью; что не только ни одинъ отдѣльный человѣкъ не можетъ быть признанъ положившимъ первый камень этого античнаго зданія, но что даже было бы трудно точно указать время, когда былъ данъ первый толчекъ въ этомъ направленіи; что возможность развитія и упроченія этихъ учрежденій во многомъ была обусловлена самимъ географическимъ положеніемъ страны.

Въ концѣ своей записки графъ Нессельроде подходитъ къ главной мысли, которая, безспорно, и составляетъ самую сущность его разсужденій и по его мысли должна была войти въ сознаніе великаго князя. Признавая, что нельзя удержаться, чтобы не отдать должной дани восторга общественному и политическому строю Англіи, онъ предостерегаетъ, что было бы опасно, въ порывѣ восторга, впасть въ столь распространенное заблужденіе, что возможно привить этотъ строй и другимъ народамъ и государствамъ. Поступать такъ значило бы забывать, что широкое развитіе англійскихъ учрежденій находится въ прямой связи съ изолированнымъ положеніемъ страны, и что, къ тому же, единственнымъ залогомъ долговѣчности учрежденій является сцѣпленіе естественныхъ причинъ и необходимыхъ послѣдствій; что желать позаимствовать чужеземныя формы и даровать ихъ какому либо народу значило бы причины, дѣйствующія испоконъ вѣковъ, замѣнить элементомъ случайной воли и пытаться получить тѣ же результаты; что такимъ образомъ можно пересадить букву конституціи, но не ея духъ (on n'aura donc jamais que la lettre d'une constitution, et non son esprit).

Въ заключеніе графъ Нессельроде писалъ: «Однимъ словомъ, учрежденія (англичанъ) заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь

Библиотека "Руниверс"

для того, чтобы изощрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ (enfin que leurs institutions ne méritent d'être contemplées de près que pour exercer l'esprit de l'observateur à la reflexion et non comme un répertoire de formes constitutionnelles, où l'on puisse emprunter les dimensions d'un nouvel édifice, sous tout autre ciel et dans tout autre climat)»[73].

Было ли извѣстно императору Александру содержаніе записки графа Нессельроде? Позволительно въ этомъ сомнѣваться; едва ли она могла служить отголоскомъ взглядовъ и убѣжденій государя, по крайней мѣрѣ, въ эту эпоху его царствованія[74]. Скорѣе можно предположить, что цѣль, положенная въ основу этой записки, соотвѣтствовала взглядамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и записка была составлена по ея просьбѣ. Что же касается Николая Павловича, то опасенія лицъ, внушившихъ графу Нессельроде обратиться къ великому князю съ подобнымъ доброжелательнымъ предостереженіемъ, были совершенно напрасны: онъ въ немъ совершенно не нуждался. Вообще же можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что въ сущности авторъ записки ломался въ открытую дверь. Въ это время характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько образоваться, съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности, міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть. Это былъ не ученикъ Лагарпа, не восторженный слушатель вдохновенныхъ рѣчей Паррота, а воспитанникъ Ламздорфа, прошедшій суровую воспитательную школу совершенно иного свойства, чѣмъ та, въ которой возросъ Александръ. Для Николая Павловича, даже въ юношескіе годы, немыслимъ былъ разговоръ, подобный тому, который велъ императоръ Александръ въ 1814 году въ Англіи съ выдающимися представителями партіи виговъ, о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, прибавивъ еще, что онъ озаботится вызвать въ Россіи къ жизни «un foyer d'opposition». Николай Павловичъ, напротивъ того, не былъ способенъ къ подобнымъ увлеченіямъ, а поэтому можно было обойтись и безъ предостереженія, даннаго ему насчетъ непримѣнимости англійскихъ конституціонныхъ учрежденій къ другимъ странамъ.

IV.

Выѣхавъ изъ Павловска 13-го (25-го) сентября 1816 года, великій князь Николай Павловичъ безостановочно слѣдовалъ до Берлина, сгорая отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣться съ своей невѣстой, принцессой Шарлоттой. «Nous irons, ou plutôt nous volerons sur les ailes de l'amour

Библиотека "Руниверс"

jusqu'à Berlin», писалъ баронъ Павелъ Андреевичъ Николаи къ графу Семену Романовичу Воронцову[75]. До Берлина великаго князя сопровождалъ генералъ Ламздорфъ, въ ожиданіи пріѣзда генералъ-адъютанта

Аничковскій дворецъ и Невскій проспектъ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ гравюры того времени).

Голенищева-Кутузова, которому разрѣшено было присоединиться къ путешественникамъ нѣсколько позже[76]. Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Берлинъ 21-го сентября (3-го октября) и затѣмъ почти все время проводилъ въ Шарлоттенбургѣ, гдѣ находился дворъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

Послѣ большихъ осеннихъ маневровъ прусскихъ войскъ, на которыхъ присутствовалъ великій князь по приглашенію короля, Николай Павловичъ отправился въ дальнѣйшій путь 15-го (27-го) октября [77]. Первая остановка его была въ Веймарѣ для свиданія съ великой княгиней Маріей Павловной. Отсюда великій князь направился черезъ Кассель, Кобленцъ, Кёльнъ, Ахенъ и Люттихъ въ Брюссель; затѣмъ изъ Калэ совершенъ былъ переѣздъ въ Англію [78].

Принцъ-регентъ былъ враждебно настроенъ противъ Россіи и въ частности противъ императора Александра. Подобное нерасположеніе, совпавшее съ пріѣздомъ великаго князя, вызвано было между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что принцъ Оранскій женился на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, а не на дочери принца-регента, принцессѣ Шарлоттѣ.

Принцъ-регентъ не упустилъ случая, чтобъ дать почувствовать Николаю Павловичу все свое неудовольствіе. Назначивъ часъ для пріема великаго князя, онъ заставилъ его ждать своего выхода въ продолженіе двадцати пяти минутъ; наконецъ графъ Ливенъ послалъ сказать принцу, что его ожидаетъ великій князь. Только тогда онъ вышелъ. Чтобы отплатить за такую нелюбезность, Николай Павловичъ, приглашенный къ принцу-регенту на парадный обѣдъ, умышленно опоздалъ на четверть часа. Принцъ-регентъ понялъ урокъ и съ этого времени сталъ вести себя въ отношеніи къ великому князю болѣе приличнымъ образомъ [79].

Николай Павловичъ провелъ въ Англіи четыре мѣсяца и предпринялъ изъ Лондона обширныя поѣздки по всѣмъ направленіямъ. Крайній сѣверный городъ, включенный въ маршрутъ путешественника, былъ Эдинбургъ, а на юго-западѣ Ливерпуль, Плимутъ и Портсмутъ. По свидѣтельству сопровождавшаго его кавалера, Григорія Андреевича Глинки, пріемъ, оказанный ему повсюду, былъ «дружелюбнѣйшій», и проявлено всѣми «доброхотство угождать и предупреждать всѣ желанія и мысли высокаго посѣтителя»... Иванъ Ѳедоровичъ Саврасовъ съ своей стороны доносилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Справедливость требуетъ сказать, что его высочество во все время сего путешествія не оставилъ вниманіемъ своимъ ни одного предмета, онаго заслуживающаго, и какъ самъ, такъ и ласковымъ обхожденіемъ, пріобрѣлъ всеобщее почтеніе и похвалу». Вмѣстѣ съ тѣмъ Саврасовъ сообщалъ, что великій князь во время поѣздки своей гостилъ въ различныхъ замкахъ и «получилъ полное понятіе объ образѣ жизни англійскихъ людей и ихъ гостепріимствѣ» [80].

Въ своей частной перепискѣ Г. А. Глинка отзывается объ этомъ путешествіи нѣсколько иначе и пишетъ: «Трудно подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня видъ столькихъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бы остановиться

Библиотека "Руниверс"

на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣскольку часовъ»[81].

Въ началѣ января 1817 года, Николай Павловичъ провелъ нѣсколько дней у принца-регента въ Брайтонѣ и, какъ пишетъ Г. А. Глинка, «безъ малѣйшаго стѣсненія, пользуясь вниманіемъ и расположеніемъ принца; погода стояла прекрасная, устроивались прогулки и балы, на которыхъ являлись первѣйшія красавицы въ мірѣ и гремѣла музыка; я думаю, что воображеніе представитъ мнѣ однажды это время, какъ рядъ волшебныхъ явленій» [82].

Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что великій князь встрѣченъ былъ въ Брайтонѣ «со всѣми военными почестями. Въ четырехдневное тамъ пребываніе его высочество всякое утро изволилъ прогуливаться верхомъ и одинъ разъ смотрѣлъ кавалерійское ученіе. На другой день нашего пріѣзда былъ балъ, а въ прочіе вечера музыка. Кажется, что принцъ-регентъ старается наилучшимъ образомъ угостить великаго князя и при всякомъ случаѣ оказываетъ ему все возможное уваженіе»[83].

Саврасовъ по поводу пребыванія въ Брайтонѣ сообщилъ императрицѣ еще слѣдующія подробности: «При въѣздѣ своемъ въ сіе мѣсто его высочество былъ встрѣченъ двумя эскадронами гусаръ, и вообще пріемъ, учиненный при семъ случаѣ и во все время его въ Брайтонѣ пребыванія принцемъ-регентомъ, былъ отличнѣйшій. За обѣденнымъ столомъ его королевское высочество пилъ здоровье императорской фамиліи, а потомъ въ особенности высокаго своего гостя. Въ вечеру его высочество занимался въ собраніи разговорами съ знатнѣйшими англійскими особами» [84].

16-го января, Николай Павловичъ присутствовалъ при открытіи парламента; вечеромъ великій князь былъ въ верхней палатѣ, какъ пишетъ Саврасовъ, «при совѣщаніяхъ о случившейся принцу-регенту, при возвращеніи его изъ парламента, непріятности отъ черни. Обстоятельство сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что не только его высочество со свитою допущены были въ палату, когда всѣ прочіе, какъ иностранные, такъ и здѣшніе, были изъ оной высланы, но еще сверхъ того введенъ былъ послѣ того въ особенную комнату, въ которой по сему же случаю происходила конференція между депутаціями обѣихъ палатъ, чему, какъ здѣсь говорятъ, и примѣру не бывало. Послѣ сего его высочество изволилъ нѣкоторое время провести въ нижней палатѣ»[85].

Продолжительное пребываніе Николая Павловича въ Англіи доставило ему возможность знакомиться съ самыми разнообразными политическими и государственными дѣятелями страны, которыми она тогда гордилась. Но лично великій князь предпочиталъ общество и бесѣды

Библиотека "Руниверс"

съ представителями британской арміи. Между ними герцогъ Веллингтонъ, два раза уже встрѣчавшійся съ Николаемъ Павловичемъ въ Парижѣ, въ 1814 и 1815 годахъ, считалъ своимъ долгомъ окружить брата императора Александра вниманіемъ и предупредительностію и нерѣдко служилъ ему руководителемъ и спутникомъ при обзорѣ замѣчательныхъ военныхъ и промышленныхъ учрежденій [86].

Николай Павловичъ менѣе всего интересовался ораторскими преніями въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, а также разговорами объ этихъ явленіяхъ англійской общественной жизни. По поводу же столь распространенныхъ въ Англіи клубовъ и митинговъ Николай Павловичъ замѣтилъ однажды генералу Кутузову:

«Если бы, къ нашему несчастію, какой нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе».

Если бы графъ Нессельроде услыхалъ этотъ рѣзкій отзывъ, онъ остался бы, вѣроятно, доволенъ словами «наблюдателя» и окончательно успокоился бы насчетъ возможнаго увлеченія конституціонными порядками со стороны молодого путешественника.

Изъ Лондона великій князь ѣздилъ, между прочимъ, два раза въ Кларемонъ, въ 20-ти верстахъ отъ Лондона, въ загородный дворецъ принцессы Шарлотты, дочери принца-регента, вышедшей замужъ за принца кобургскаго Леопольда, сдѣлавшагося впослѣдствіи бельгійскимъ королемъ. Во время посѣщенія великимъ княземъ Кларемонскаго замка его видѣлъ лейбъ-медикъ принца Леопольда, Штокмаръ, который оставилъ намъ описаніе наружности Николая Павловича въ то время. По его словамъ, это былъ необыкновенно красивый, плѣнительный молодой человѣкъ, прямой, какъ сосна, съ правильными чертами лица, открытымъ лбомъ, красивыми бровями, необыкновенно красивымъ носомъ, красивымъ маленькимъ ртомъ, тонко очерченнымъ подбородкомъ; военный костюмъ его отличался простотою. «Его манера держать себя,— прибавляетъ Штокмаръ,— полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ оттѣнить что либо особенное, то поднимаетъ плечи къ верху и нѣсколько аффектированно возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако, безъ всякой претензіи. Онъ не очень много занимался принцессою, которая чаще обращалась къ

Библиотека "Руниверс"

Любезная Машенька!

Въ Понедѣльникъ 30го въ урокъ россійской исторіи читали мы въ Славинѣ описаніе первобытнаго правленія Россіи. Онъ показалъ, что Гостомыслъ былъ сынъ К. Буривоя и что онъ произходилъ отъ рода Варяжскихъ Князей; а Гостомыслъ былъ отъ сына, хотя всѣ (старшій) прежнего; и при дворѣ, изъ коихъ вторая Умила была замужемъ за Сарагорисскимъ Княземъ. Когда Гостомыслъ почувствовалъ умираючи

конецъ

Библиотека "Руниверс"

отъ, то въ согласіи всѣхъ народовъ, подъ управленіемъ его бывшихъ, какъ-то: Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей, и Дреговичей, купивъ бѣга Умилѣй и своего внука Вузика въ братобаши, Силеосолъ и Тяхоролъ, изъ ѣхавъ первой его и послѣдовавъ въ Княженій; но — Вадимъ, сынъ старшей дочери Гостомысловой, бывшей хитрительно въ супружествѣ за Княземъ изъ поколѣнія Славянскаго, мужъ хитрый, храбрый и сварливый, думая имѣть больше права на

наслѣдство,

Библиотека "Руниверс"

старался препятствовать Вдове вступить
во настоящее управление Новагорода и земли
Славянорусской, что не преминуло воспоследовать
лишь по усмирении всех в. мятежей и безпокойств
и со смертию Вадима, во 862 мь. году
по рождестве Христове.

Во вторник во Артиллерийском в ружей
говорено было о разбое разстоянии на
коем удобно действовать можно из орудий
разбитыми снарядами. — Николай. —

С 3. Генваря,
1813. г.

ДѢТСКОЕ ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Форма русскихъ войскъ въ концѣ царствованія Александра I.

Кондукторъ Главнаго Инженернаго Училища.

Солдатъ л.-гв. Преображенскаго полка.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

нему, чѣмъ онъ къ ней. Онъ ѣлъ очень умѣренно для человѣка его лѣтъ и пилъ лишь одну воду. Послѣ обѣда, когда графиня Ливенъ [87] сыграла на рояли, онъ поцѣловалъ ей руку, что показалось англійскимъ дамамъ крайне страннымъ, но въ то же время рѣшительно желательнымъ. Мистриссъ Кэмбель (статсъ-дама принцессы Шарлотты, отличавшаяся требовательностію и строгостію въ своихъ сужденіяхъ о мужчинахъ) была неизсякаема въ своихъ похвалахъ насчетъ великаго князя: «О какое очаровательное созданіе! Онъ дьявольски красивъ! Это будетъ самый красивый мужчина въ Европѣ!» Когда вечеромъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, для великаго князя былъ принесенъ кожаный мѣшокъ, набитый сѣномъ на конюшнѣ его людьми, на которомъ онъ всегда спалъ». По словамъ Штокмара, англичане увидѣли въ этомъ со стороны великаго князя желаніе порисоваться [88].

Въ началѣ (половинѣ) марта великій князь разстался съ Англіею и совершилъ переѣздъ изъ Дувра въ Калэ. Во Франціи Николай Павловичъ остановился только не надолго въ Мобежѣ, гдѣ были расположены войска русскаго оккупаціоннаго отряда подъ начальствомъ князя М. С. Воронцова [89]. Кутузовъ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 7-го (19-го) марта 1817 года, изъ Мобежа: «Неоднократно уже имѣлъ счастіе донести вашему императорскому величеству, какую великій князь заслужилъ отъ всѣхъ похвалу во время пребыванія своего въ Англіи, а сдѣланныя отъ французскаго правительства встрѣча и всенародное восклицаніе и признательность къ августѣйшему нашему монарху за оказанное покровительство Франціи да послужатъ его высочеству наиполезнѣйшимъ нравоученіемъ».

Изъ Мобежа великій князь направился въ Брюссель для свиданія съ великой княгиней Анной Павловной, а затѣмъ въ Штутгартъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Здѣсь Николай Павловичъ говѣлъ и пріобщился Святыхъ Тайнъ: «ежели не со всѣми строгими обрядами нашей земли,—доносилъ Кутузовъ императрицѣ,—то не менѣе того съ самою чистою совѣстью истиннаго христіанина» [90].

Въ заключеніе своего продолжительнаго заграничнаго путешествія Николай Павловичъ провелъ еще нѣкоторое время въ Веймарѣ, а затѣмъ поспѣшилъ въ Берлинъ. Пребываніе въ Пруссіи сопровождалось для него на этотъ разъ еще новою неожиданною радостью. Король назначилъ 5-го (17-го) апрѣля 1817 года своего будущаго зятя шефомъ 3-го Бранденбургскаго кирасирскаго полка. 8-го (20-го) апрѣля король въ Потсдамѣ торжественно передалъ собранныхъ у королевскаго дворца кирасиръ ихъ новому шефу; Николай Павловичъ, обнаживъ палашъ, принялъ командованіе полкомъ и провелъ его передъ королемъ церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ парада всѣ офицеры полка представлялись новому своему шефу во дворцѣ и затѣмъ приглашены были къ коро-

Библиотека "Руниверс"

левскому завтраку. Великій князь, желая ознаменовать столь радостный для него день милостью для полка, испросилъ у короля производство въ сверхштатные майоры старшаго ротмистра фонъ-Бюлова [91].

Великій князь успѣлъ уже ранѣе усвоить себѣ въ совершенствѣ прусскій военный уставъ, и потому неудивительно, что онъ поразилъ своихъ новыхъ сотоварищей необычайнымъ знаніемъ всѣхъ установленныхъ у нихъ порядковъ службы. Въ этомъ всѣ могли убѣдиться во время происходившихъ тогда въ окрестностяхъ Берлина весеннихъ маневровъ и большого парада. Среди этихъ военныхъ упражненій Николай Павловичъ нашелъ даже возможнымъ произвести своему полку тревогу, исправное состояніе котораго доставило ему немалое удовольствіе.

Но всѣ эти радости продолжались недолго. 27-го апрѣля (9-го мая) 1817 года Николай Павловичъ возвратился въ Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, великій князь Николай Павловичъ пробылъ въ Петербургѣ только около мѣсяца, а затѣмъ снова отправился въ путь къ прусской границѣ для встрѣчи своей невѣсты, принцессы Шарлотты [92].

Принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ 31-го мая (12-го іюня) 1817 года. Во время путешествія въ Россію принцессу сопровождали ея братъ, принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I, и свита, состоявшая изъ оберъ-гофмейстерины графини Гааке, фрейлины графини Трухсесъ, воспитательницы принцессы Вильдерметъ, оберъ-гофмейстера барона Шильдена, камергера графа Лоттумъ, секретарей Шамбо и Шиллера, доктора Буссе, протоіерея Музовскаго и изъ необходимаго числа прислуги. Принца Вильгельма сопровождалъ генералъ Натцмеръ; военная же свита принца состояла изъ его личнаго адъютанта, поручика графа Шлифена, и сверхъ того изъ полковника Грабова, майора Лукаду и поручика Мутіуса.

Теперь какъ бы исполнялось пророческое слово о принцессѣ Шарлоттѣ, сказанное нѣкогда королевой Луизой:

«Наши дѣти—наши сокровища. Дочь моя Шарлотта замкнута въ себѣ, сосредоточенна, но, какъ и у ея отца, подъ холодной, повидимому, внѣшностью бьется горячее, сочувствующее сердце; вотъ причина, по которой въ ея обращеніи проглядываетъ нѣчто величественное. Если Господь сохранитъ ея жизнь, я предчувствую для нея блестящее будущее».

Передъ отъѣздомъ своей дочери Фридрихъ-Вильгельмъ снабдилъ генерала Натцмера особою письменною инструкціею, содержаніе которой

Библиотека "Руниверс"

наглядно доказываетъ отрицательныя выгоды, добытыя Россіею отъ политики, поставившей ее съ 1815 года во главѣ реакціи въ Европѣ. Въ каждой строчкѣ этой инструкціи проглядываетъ недовѣріе къ Россіи и высказывается полное сомнѣніе въ безкорыстіи политическихъ намѣреній императора Александра. Такъ продолжалось до 1854 года, а между тѣмъ сами же наши союзники открыто открещивались не разъ отъ дружескихъ услугъ, навязываемыхъ Европѣ творцомъ Священнаго союза, а затѣмъ и его преемникомъ....

Инструкція, врученная королемъ Натцмеру, заключалась въ слѣдующемъ:

«Наши политики того мнѣнія, что слѣдуетъ употребить съ нашей стороны всѣ возможныя усилія, чтобы не допустить войны между Россіей и Портой и тѣмъ отклонить всеобщую войну.

«Относительно революціоннаго движенія въ Пруссіи слѣдуетъ сказать, что нужно предоставить людямъ думать все, что имъ вздумается, лишь бы они повиновались и платили. Серьезнаго ничего нѣтъ. Есть основаніе предполагать, что императоръ дѣлаетъ столько шуму изъ этого революціоннаго духа лишь для того, чтобъ было чѣмъ оправдать громадный составъ своей арміи. Въ такомъ смыслѣ онъ высказался Пруссіи и Австріи.

«Относительно образованія ландвера—сказать правду. Убѣдить императора, что вся наша военная система основана на оборонительныхъ цѣляхъ. Для другихъ цѣлей наши силы недостаточны—у насъ подъ ружьемъ не болѣе 110.000 человѣкъ, но въ случаѣ нападенія мы можемъ располагать четырехсотъ-тысячной арміей и даже больше.... Истинная цѣль императора заключается, конечно, въ желаніи быть посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль, а чтобы имѣть возможность угрожать, онъ намѣренъ сохранить свои многочисленныя арміи»[93].

Но прусское правительство не довольствовалось всѣмъ этимъ. Генералъ Грольманъ, стоявшій во главѣ прусскаго генеральнаго штаба, снабдилъ Натцмера еще слѣдующими вопросными пунктами, которые безъ всякаго сомнѣнія, приличнѣе было бы Наполеону ставить своему военному агенту передъ нашествіемъ 1812 года, чѣмъ союзной намъ державѣ въ 1817 году, въ моментъ бракосочетанія дочери прусскаго короля съ вѣроятнымъ наслѣдникомъ русскаго престола:

«Можетъ быть,—пишетъ Грольманъ,—вамъ удастся узнать кое-что о слѣдующемъ:

«1) Поддерживается ли еще у Риги предмостное укрѣпленіе?

«2) Будутъ ли вновь отстроены рижскіе форштадты, окружающіе крѣпость, и въ какомъ отдаленіи отъ укрѣпленій?

«3) Приступили ли дѣйствительно къ укрѣпленію Пскова, и что именно сдѣлано въ этомъ отношеніи?

Библиотека "Руниверс"

«4) Въ какомъ положеніи находятся древнія укрѣпленія Новгорода?

«5) Въ какомъ положеніи находятся Нарва и Ивангородъ?» [84]

Путешествіе принцессы Шарлотты до самой русской границы было безпрерывнымъ рядомъ овацій и проявленія къ ней сочувствія со стороны ея соотечественниковъ.

8-го (20-го) іюня, принцесса Шарлотта и принцъ Вильгельмъ прибыли въ Мемель. Въ честь ихъ пріѣзда были устроены тріумфальныя ворота, суда расцвѣтились флагами, и появленіе путешественниковъ встрѣчено безконечнымъ ура. Почти одновременно съ ними въ Мемель пріѣхалъ полковникъ Адлербергъ, адъютантъ великаго князя Николая Павловича, съ извѣстіемъ о прибытіи великаго князя въ Полангенъ.

На другой день по прибытіи въ Мемель, принцъ Вильгельмъ, по совѣту Натцмера, рѣшилъ сдѣлать визитъ великому князю въ Полангенъ, но по дорогѣ туда встрѣтился съ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ прибытіемъ въ Мемель инкогнито доставить сюрпризъ принцу и принцессѣ. При встрѣчѣ они поспѣшили выйти изъ экипажей, сердечно поцѣловались и вмѣстѣ отправились въ Мемель.

Переѣздъ черезъ русскую границу совершился 9-го (21-го) іюня. Вдоль пограничной черты, со стороны Пруссіи и Россіи, выстроились отряды войскъ русскихъ и прусскихъ. Въ семь часовъ утра великій князь въ формѣ своего Бранденбургскаго кирасирскаго полка явился передъ строемъ пруссаковъ, гдѣ его встрѣтилъ принцъ Вильгельмъ съ обнаженною шпагою. Николай Павловичъ, поздоровавшись съ войсками, сказалъ имъ: «Мои друзья, помните, что я на половину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля».

Въ 9 часовъ подъѣхала придворная карета, изъ которой вышла принцесса Шарлотта, встрѣченная своимъ братомъ; она обошла ряды прусскихъ войскъ, чтобы съ ними проститься. Затѣмъ подъ руку съ принцемъ Вильгельмомъ принцесса направилась къ русской границѣ. Великій князь поспѣшилъ къ ней навстрѣчу и, протягивая руку, какъ бы желая помочь ей переступить пограничную черту, сказалъ шепотомъ: «Наконецъ-то вы среди насъ, дорогая Александра», а затѣмъ произнесъ такъ, чтобы быть услышаннымъ окружающими: «Добро пожаловать въ Россію, ваше королевское высочество».

Послѣ того онъ провелъ принцессу по рядамъ русскихъ войскъ и сказалъ, обратившись къ офицерамъ: «Это не чужая, господа; это—дочь вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга нашего государя».

Въ Полангенѣ Николай Павловичъ представилъ своей невѣстѣ русскій придворный штатъ; онъ состоялъ изъ княгини Волконской (рожд. княжны Репниной), фрейлинъ графини Шуваловой и Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера Альбедиля, камергера князя Долгорукова и камеръ-юнкера графа Соллогуба.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дальнѣйшее путешествіе по Россіи было крайне утомительно, такъ какъ стояла страшная жара, а дорожная пыль дѣлала его еще болѣе тяжелымъ. Тѣмъ не менѣе на каждой станціи великій князь показывалъ принцу Вильгельму войска и производилъ имъ ученіе. По этому поводу

Принцъ Вильгельмъ прусскій.

(Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Unser Heldenkaiser", изд. въ Берлинѣ въ 1896 г.).

Натцмеръ отмѣчаетъ у себя въ дневникѣ, что «нельзя повѣрить, чѣмъ этотъ господинъ способенъ заниматься по цѣлымъ днямъ».

Во время пути дѣлалось все, чтобы торжественностью встрѣчъ смягчить вполнѣ естественную грусть принцессы Шарлотты. Особенно блестящъ былъ въѣздъ въ Ригу, хотя проявленный при этомъ восторгъ показался почему-то Натцмеру нѣсколько искусственнымъ.

Библиотека "Руниверс"

16-го (28-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Дерптъ. На слѣдующій день праздновалось рожденіе ея брата, принца Карла, и это обстоятельство должно было особенно оживить ея грусть по покинутой родинѣ, поэтому неудивительно, что у нея на глазахъ часто навертывались слезы, и она казалась печальнѣе обыкновеннаго. Къ вполнѣ понятной тоскѣ по родинѣ у принцессы Шарлотты присоединялся еще страхъ при мысли о встрѣчѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, разсказы о которой напугали ее; страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что наканунѣ встрѣчи она плакала отъ того, что ей предстояло познакомиться съ вдовствующей императрицей. «Je pleurais beaucoup de l'idée de devoir faire la connaissance de l'impératrice Marie dont on m'avait fait peur»,—признается принцесса Шарлотта въ своихъ воспоминаніяхъ.

18-го (30-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Косково, гдѣ къ ней выѣхали навстрѣчу императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ. Страхъ принцессы оказался напраснымъ. Она въ воспоминаніяхъ пишетъ: «Я очутилась въ объятіяхъ моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мою любовь. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тою любезностью и съ такими сердечными и изысканными словами, которыя были ему одному свойственны. (L'empereur me reçut avec cette grâce et des paroles cordiales et choisies qui n'appartenaient qu'à lui)». Вообще свиданіе было въ высшей степени трогательное и сердечное. Государь представилъ своей матери принца Вильгельма, пользовавшагося еще съ 1814 года особеннымъ его расположеніемъ, съ словами: «рекомендую вамъ моего новаго брата», на что императрица отвѣчала, обнявъ принца: «стало быть, и у меня теперь однимъ сыномъ болѣе».

Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Гатчину и Царское Село. Въ Гатчинѣ осматривали дворецъ, въ которомъ воспитывались младшіе великіе князья. Дворецъ этотъ своимъ мрачнымъ видомъ произвелъ на иностранцевъ тяжелое впечатлѣніе.

19-го іюня (1-го іюля) принцесса прибыла въ Павловскъ, гдѣ собрался весь дворъ; тамъ же ее поджидала и императрица Елисавета Алексѣевна. Новизна впечатлѣній до того поразила принцессу, что она растерялась и не замѣтила императрицы, какъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь къ ней: «Не найдется ли у васъ и для меня взгляда? (N'avez vous pas un regard pour moi?)». Въ отвѣтъ принцесса бросилась въ объятія императрицы, тронувшей ее своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ выраженія излишнихъ чувствъ [95].

Вдовствующая императрица была въ восторгѣ отъ невѣсты и сказала, что идеалъ всѣхъ ея желаній исполнился, потому что небо послало

Библиотека "Руниверс"

ей такую дочь. Это расположеніе Маріи Ѳеодоровны къ принцессѣ возростало, можно сказать, съ каждымъ днемъ, такъ что графиня Ливенъ имѣла полное основаніе сказать впослѣдствіи великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «Sie sind das Herzblatt der Kaiserin Mutter (вы любимица императрицы-матери)».

20-го іюня (2-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты въ С.-Петербургъ. Всѣ смотрѣли на нее съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастіе ея матери. Что касается великаго князя Николая Павловича, то, какъ замѣчаетъ современникъ, русскіе тогда еще мало знали его[95]; «едва выпедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію, но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны потрясти міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ. И даже въ этотъ день ликованья царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе».

Во время торжественнаго шествія, по правую руку императора Александра ѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, а по лѣвую — принцъ Вильгельмъ; великій князь Михаилъ Павловичъ находился рядомъ съ братомъ. Принцесса слѣдовала въ золоченомъ открытомъ ландо съ обѣими императрицами. Войска разставлены были по всему пути, начиная отъ Московской заставы. По прибытіи въ Зимній дворецъ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго принцесса въ первый разъ приложилась къ кресту. Торжество заключилось прохожденіемъ войскъ церемоніальнымъ маршемъ; великіе князья находились во главѣ своихъ полковъ. Императрица, принцесса и дворъ помѣщались на существовавшемъ тогда деревянномъ балконѣ. «Съ этого балкона меня показали народу», записала принцесса.

Библиотека "Руниверс"

Chère Maman!

Jeudi dans la leçon d'art militaire j'ai continué à lire les principes de la stratégie dans Rochegymon. Dans la leçon de Morale il était question de la précaution qu'il faut employer dans notre conduite pour éviter tout ce que peut scandaliser les autres. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon Grecque j'ai lu des maximes morales tirées du livre élémentaire de Jacobs.

Vendredi dans la leçon de physique M.r Völk

mouth

Библиотека "Руниверс"

nous a montré et expliqué la fontaine de compression, et une machine pour montrer les angles de vision. Dans la leçon d'histoire d'Allemagne on m'a entretenu du règne d'Otthon II; dont le commencement fut troublé par la revolte d'Henri le Querelleur, Duc de Bavière. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon allemande nous avons fini la lecture du bonhomme Richard.

Samedi dans la leçon d'histoire d'Allemagne

Mlle Dupuget

Библиотека "Руниверс"

a continué le tableau du règne d'Otton II;
j'y ai vu avec indignation la perfidie dont
il usa envers les principaux habitants de
Rome. — Dans la leçon d'art militaire j'ai
lu dans Rocheaymon les différents cas où
il est permis de livrer bataille. — Après-
midi dans la leçon de M.r Dupuget j'ai continué
à répéter l'histoire d'Angleterre. — Dans la le-
çon latine nous avons fini la lecture de la description
du Colisée, d'après les antiquités de Nieuport.

Ce 5.me Janvier; Nicolas.
1813.

ДѢТСКОЕ ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Библиотека "Руниверс"

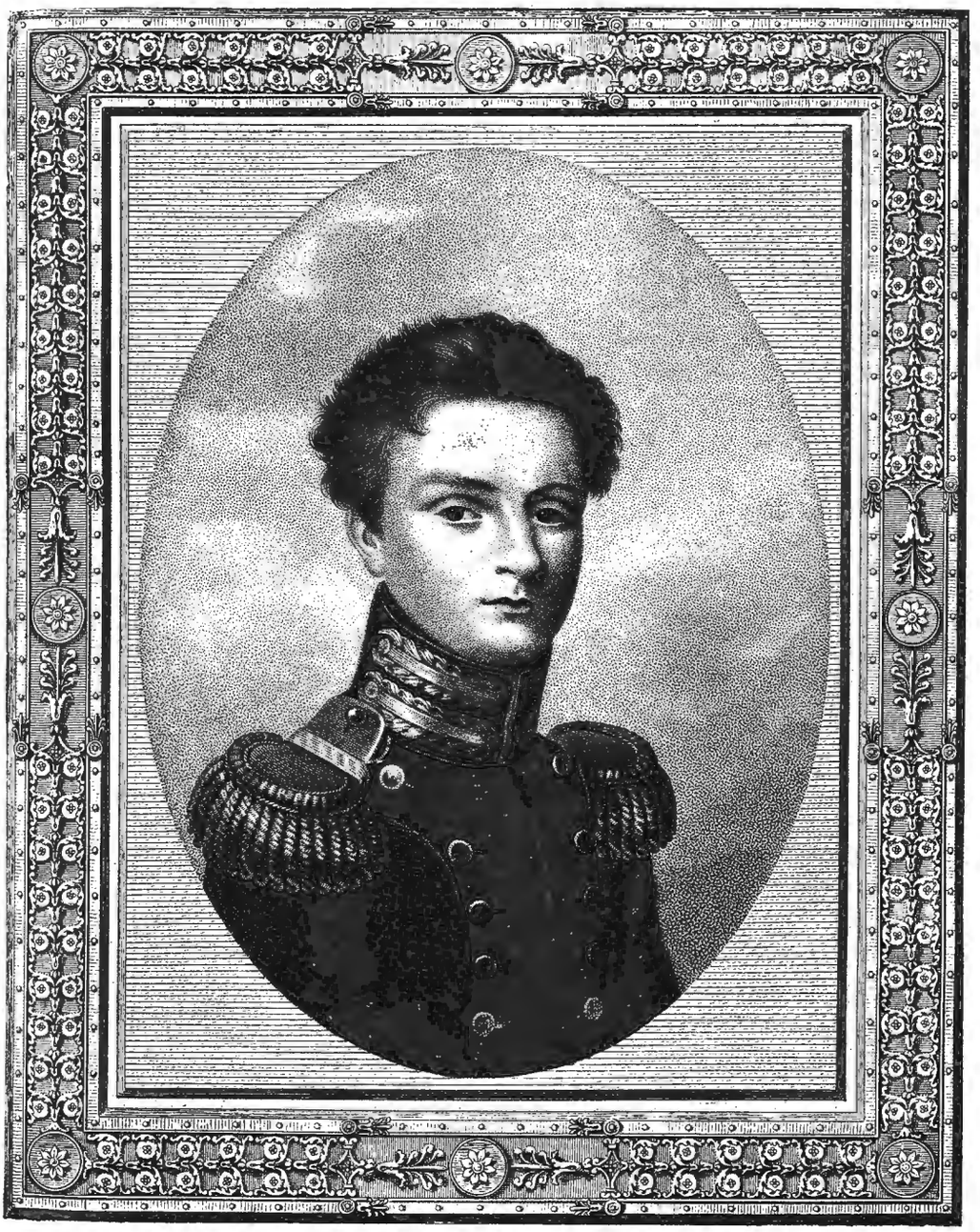
Библиотека "Руниверс"

Форма русскихъ войскъ въ концѣ царствованія Александра I.

Офицеръ Гренадерскаго корпуса.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"



Великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ тотъ же день Шильденъ и Натцмеръ передали государю — первый письмо короля [97], а второй — рапортъ о состояніи полка его имени. Натцмеръ пишетъ объ этомъ свиданіи: «Императоръ много говорилъ со мною о военныхъ, о нашемъ корпусѣ офицеровъ, которые опередили русскій. На мои слова: «Sire, nous amenons ce que nous avons de plus cher», онъ отвѣтилъ, что онъ прекрасно знаетъ и чувствуетъ, какую жертву принесли ему король и нація, но что черезъ это узы дружбы и согласія будутъ еще болѣе скрѣплены, если только это представляется возможнымъ. Онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы принцесса была здѣсь счастлива».

Когда поздно вечеромъ въ день своего въѣзда въ Петербургъ, послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, послѣ блеска торжественной встрѣчи въ столицѣ и ослѣпительной роскоши развернувшейся передъ нею придворной жизни, столь не походившей на все то, что ей приходилось видѣть съ дѣтства, принцесса Шарлотта очутилась наконецъ одна въ своей комнатѣ, она почувствовала, по словамъ ея біографа Гримма, что находится въ міровомъ царствѣ, гдѣ все представляется ей въ исполинскихъ формахъ [98].

22-го іюня (4-го іюля) изъ Варшавы прибылъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. «Je le trouvai bien laid», пишетъ о немъ будущая императрица въ своихъ воспоминаніяхъ, прибавляя: «хотя я уже видѣла его ребенкомъ въ Берлинѣ въ 1805 году».

24-го іюня (6-го іюля) состоялось миропомазаніе принцессы Шарлотты, нареченной великой княжною Александрой Ѳеодоровной. Событіе это оказало громадное вліяніе на ея нравственное состояніе. Мысль о перемѣнѣ религіи до того угнетала ее, что съ самаго своего въѣзда въ Петербургъ вплоть до 24-го іюня она плакала, какъ только оставалась одна.

Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Ѳеодоровна, упоминая о своемъ тогдашнемъ душевномъ настроеніи, впослѣдствіи писала:

«Протоіерей Музовской, посвящавшій меня въ догматы греческой церкви и который долженъ былъ подготовить меня къ первому причастію Св. Тайнъ, былъ человѣкъ прекрасный, но не особенно краснорѣчивый на нѣмецкомъ языкѣ. Не такого человѣка было мнѣ нужно для того, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ее въ подобную минуту; но я нашла въ молитвѣ то, что одно можетъ дать спокойствіе, я читала назидательныя книги, болѣе не думала о земныхъ вещахъ и была преисполнена счастіемъ пріобщиться въ первый разъ Святыхъ Тайнъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь; меня повелъ императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ я прочла символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черной рясѣ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣломъ, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе

Библиотека "Руниверс"

произвела я на все наше прусское общество, которое съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ видѣло появленіе бѣдной принцессы Шарлотты въ церковномъ обрядѣ, столь мистическомъ и странномъ въ глазахъ протестантовъ. Миропомазаніе моей невѣстки цесаревны[99] произошло при

Графъ Егоръ Карловичъ Сиверсъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

совершенно иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово за слово догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она имѣла время привыкнуть въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія въ Россіи. Но для меня все это случилось весьма быстро; все совершилось и окончилось въ теченіе шести дней. Съ той минуты,

Библиотека "Руниверс"

какъ я пріобщилась Св. Тайнъ, я почувствовала себя въ мирѣ съ самой собою и не проливала болѣе слезъ».

25-го іюня (7-го іюля), въ день рожденія великаго князя Николая Павловича, происходило обрученіе.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ день обрученія писала къ королю Фридриху-Вильгельму: «C'est d'effusion du bonheur que je trace ces lignes à votre majesté et que je la remercie mit tief gerührtem Herzen du don qu'elle nous a fait»[100]. Не менѣе восторженно отзывался императоръ Александръ въ письмѣ къ королю о великой княжнѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая завоевала всѣ сердца: «Ma mère en est dans l'enchantement..... Il n'est pas possible de s'être acquitté avec plus d'onction, de sentiment et de dignité des fonctions religieuses qu'elle a eu à remplir, et tout ce qu'elle fait à une grâce charmante».

Нѣсколько дней спустя, 28-го іюня (10-го іюля), великая княжна Александра Ѳеодоровна подписала актъ отреченія отъ наслѣдственныхъ правъ въ Пруссіи въ присутствіи графа Нессельроде, прусскаго посланника Шёлера, своихъ дамъ и великаго князя Николая Павловича[101].

30-го іюня (12-го іюля) состоялся на Семеновскомъ плацу большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса. Во время парада императоръ Александръ часто подзывалъ генерала Натцмера и давалъ ему различныя объясненія. Натцмеръ воспользовался случаемъ и сказалъ государю, какое счастіе для Европы, что всѣ эти войска принадлежатъ ему. Комплиментъ, повидимому, понравился, и Александръ замѣтилъ, что онъ никогда не употребитъ ихъ съ дурною цѣлью (malfaisant), но всегда будетъ стремиться поддерживать ими спокойствіе въ Европѣ.

1-го (13-го) іюля, въ день рожденія великой княжны Александры Ѳеодоровны, былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія[102].

«Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды», писала Александра Ѳеодоровна, вспоминая день 1-го іюля 1817 года.

Вѣнцы во время вѣнчанія держали великій князь Михаилъ Павловичъ надъ Николаемъ Павловичемъ, а принцъ Вильгельмъ надъ Александрой Ѳеодоровной.

Послѣ торжественнаго обѣда и бала новобрачные съ церемоніею поѣхали въ предназначенный для нихъ Аничковскій дворецъ. Императоръ Александръ и императрица Елисавета Алексѣевна отправились туда заранѣе и встрѣтили новобрачныхъ съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ имѣлъ мѣсто фамильный ужинъ съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ и приближенныхъ. Это были генералъ Ламздорфъ, графиня Ливенъ, а затѣмъ прусскія дамы. Прочая свита ужинала за другимъ столомъ.

Библиотека "Руниверс"

Мясной рынокъ въ С.-Петербургѣ въ 1794 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Императоръ Александръ подошелъ къ Натцмеру и сказалъ ему, что это счастливѣйшій день, до котораго онъ дожилъ; онъ только одного желалъ бы, чтобы король могъ быть свидѣтелемъ всего этого; однако онъ не теряетъ надежды, что король вскорѣ лично убѣдится въ счастіи своей дочери и, можетъ быть, найдетъ семейство умноженнымъ, что, можно надѣяться, и случится.

По случаю совершившагося бракосочетанія находившимся при Николаѣ Павловичѣ кавалерамъ назначены были награды. Генералъ Ламздорфъ также не былъ забытъ. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство[103], а сверхъ того императоръ Александръ пожаловалъ ему перстень съ своимъ портретомъ и табакерку съ портретами своихъ родителей и алмазною надписью: «Богъ благословилъ ихъ выборъ». Императрица Марія Ѳеодоровна съ своей стороны вручила столь почитаемому ею «Papa Lamsdorf» другую табакерку, осыпанную драгоцѣнными камнями, расположенными такимъ образомъ, что начальныя буквы ихъ французскихъ названій составляли слово: «Reconnaissance»[104].

Съ бракосочетаніемъ великаго князя Николая Павловича связано событіе, составившее важную эпоху въ исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 3-го іюля 1817 года, послѣдовало назначеніе его генералъ-инспекторомъ по инженерной части и шефомъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Этимъ назначеніемъ Николаю Павловичу открывался наконецъ путь къ самостоятельной государственной дѣятельности и къ тому же на поприщѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ его всегдашней наклонности къ инженерному дѣлу, замѣченной у него еще въ отроческіе годы.

Послѣ цѣлаго ряда торжествъ, ознаменовавшихъ собою бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича, императорская фамилія покинула Петербургъ. Императоръ Александръ съ императрицей Елисаветой Алексѣевной переѣхали въ Царское Село, а императрица Марія Ѳеодоровна въ сопровожденіи новобрачныхъ, великаго князя Михаила Павловича и принца Вильгельма отправилась въ свою любимую резиденцію—Павловскъ. Слѣдующіе затѣмъ два мѣсяца прошли для новобрачныхъ въ безпрерывныхъ переѣздахъ изъ одного загороднаго дворца въ другой, при чемъ главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ оставался Павловскъ. Здѣсь этикетъ, поддерживаемый императрицей-матерью, нѣсколько ослабѣвалъ, и воцарялось самое неподдѣльное веселье, поддерживавшееся прогулками цѣлымъ обществомъ, танцами и разными petits jeux. Иногда же въ дурную погоду устроивалось литературное чтеніе, при чемъ читали Жуковскій, Уваровъ и Плещеевъ.

Беззаботное теченіе жизни при Павловскомъ дворѣ было нарушено на время лишь слѣдующимъ прискорбнымъ случаемъ.

7-го (19-го) іюля, принцъ Вильгельмъ отправился осматривать лошадей великаго князя Михаила Павловича и передъ конюшнями былъ

Библиотека "Руниверс"

Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.
(Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ).

укушенъ въ ногу собакою. Поднялась страшная тревога. Позвали Вилліе, и онъ для предупрежденія возможныхъ послѣдствій рѣшился вырѣзать рану и прижечь. Великій князь приказалъ тотчасъ убить собаку и, тѣмъ затруднивъ точное изслѣдованіе, возбудилъ среди врачей опасенія за

Библиотека "Руниверс"

будущее. Принцъ перенесъ операцію со стойкостію и хладнокровіемъ; ни одной жалобы не сорвалось у него съ языка. Къ счастію, все ограничилось для принца только нѣсколькими днями, проведенными въ постели.

Въ связи съ этимъ событіемъ въ воспоминаніяхъ перваго камер-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны, Дарагана, разсказанъ слѣдующій случай, живо характеризующій личность Николая Павловича [105]. На другой день послѣ несчастнаго приключенія съ принцемъ Вильгельмомъ Александра Ѳеодоровна послала своего пажа узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, онъ встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились, и пажъ началъ говорить впередъ приготовленную французскую фразу о спокойной ночи и о хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ же словахъ: «Votre Altesse Impériale», великій князь, смотря на него и придавъ своему лицу комически серьезное выраженіе, началъ повторять за нимъ каждое слово, картавя еще болѣе, чѣмъ онъ. Великая княгиня захохотала, а бѣдный пажъ, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить. Къ его счастію, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проведя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, онъ стоялъ невеселый въ пріемной, когда великій князь, выйдя изъ комнаты великой княгини, подошелъ къ нему, поцѣловалъ и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? Это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ; благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ его еще разъ, онъ отпустилъ его до вечера. «Этотъ урокъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дараганъ,—остался мнѣ памятенъ на всю жизнь».

Разсказъ о приведенномъ случаѣ дополняется въ тѣхъ же воспоминаніяхъ интересной характеристикой Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ.

«Выдающаяся черта характера великаго князя Николая,— пишетъ Дараганъ,— была любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускного. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились, и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подно-

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КОРОЛЬ ПРУССКІЙ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ III.

Съ актатинты Югеля по рисунку Студи.

Библиотека "Руниверс"

Литовскій замокъ въ С.-Петербургѣ въ 1799 году.

Съ рисунка съ натуры Кнапе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

сить къ глазу лорнетку, все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что либо изъ манеръ императора, но даже великіе князья Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походкѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, ненатурально, а у Константина Павловича даже утрированно, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности красоты, которая въ императорѣ невольно поражала каждаго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камеяхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія нравиться; даже натуральная веселость его, смѣхъ, какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастія, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ бывалъ иногда веселъ до шалости».

Какъ примѣръ этой веселости, Дараганъ разсказываетъ слѣдующій случай.

Въ одинъ лѣтній день императрица Марія Ѳеодоровна, великій князь съ супругою и камеръ-фрейлина Нелидова вышли на террасу Павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой; это была сухощавая небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова проситъ о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова къ будкѣ, выноситъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки[103].

Повидимому, подобная веселость, проявлявшаяся притомъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, не удовлетворяла императрицу Марію Ѳеодоровну. Она находила своихъ младшихъ сыновей недостаточно изысканными и свѣтскими въ обществѣ и, сравнивая ихъ съ принцемъ Вильгельмомъ, выговаривала имъ, что они садятся въ углу съ вытянутыми и скучными лицами, точно медвѣди или марабу (comme des ours ou des marabouts). По поводу этого замѣчанія Александра Ѳеодоровна записала въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: «Правда, что мой Николай, какъ только онъ

Библиотека "Руниверс"

находился въ обществѣ и въ особенности на балу, принималъ выраженіе крайне философское (bien philosophe) для его 21-го года. Мы, онъ, какъ и я, были поистинѣ счастливы и довольны только тогда, когда оставались наединѣ въ нашихъ комнатахъ».

Вдовствующая императрица до того бывала иногда недовольна отсутствіемъ свѣтскаго лоска у великихъ князей Николая и Михаила, что, несмотря на свое пристрастіе къ этикету, дѣлала имъ замѣчанія даже въ присутствіи постороннихъ лицъ. Такъ Натцмеръ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что императрица Марія Ѳеодоровна при посѣщеніи принца Вильгельма во время его болѣзни, 12-го (24-го) іюля, въ присутствіи принца и Натцмера, стала сильно выговаривать находившимся здѣсь великимъ князьямъ, что они слишкомъ натянуты и мало любезны (aimable) въ обществѣ дамъ. При этомъ она совершенно разсердилась и въ концѣ концовъ сказала, что они должны бы брать примѣръ съ принца Вильгельма.

Вообще Марія Ѳеодоровна держала своихъ младшихъ сыновей въ строгомъ подчиненіи даже тогда, когда, казалось, они могли бы пользоваться относительной свободою дѣйствій. Для характеристики этихъ отношеній приведемъ слѣдующій случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Александры Ѳеодоровны. 11-го (23-го) іюля, Николай Павловичъ съ великой княгиней отправились вдвоемъ изъ Павловска въ Царское Село къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Возвращаясь оттуда, они встрѣтились со вдовствующей государыней, спросившей ихъ, гдѣ они катались. Услышавъ, что они были въ Царскомъ Селѣ, она замѣтила имъ, что, прежде чѣмъ отправляться туда, они должны были спросить у нея позволенія на это.

Однажды, во время обѣдни, великая княгиня Александра Ѳеодоровна почувствовала себя дурно и лишилась чувствъ. Николай Павловичъ почти на рукахъ вынесъ ее изъ церкви и привелъ во флигель, гдѣ находилось помѣщеніе, занимаемое велико-княжескою четою. Когда затѣмъ великій князь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, онъ подошелъ къ дежурному камерпажу Дарагану и спросилъ его:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать,—отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ видишь,—продолжалъ весело великій князь:—я тебя старше четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этихъ словахъ онъ поцѣловалъ Дарагана, и его лицо засіяло счастіемъ.

Съ этого дня при дворѣ стали говорить о беременности великой княгини [107].

20-го іюля (1 августа) дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ 22-го іюля, въ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоялась

Библиотека "Руниверс"

обычная великолѣпная иллюминація. Между тѣмъ принцъ Вильгельмъ уже настолько поправился отъ своей раны, что могъ 24-го іюля въ первый разъ выйти къ разводу.

Въ этотъ же день дворъ совершилъ поѣздку въ Кронштадтъ, гдѣ императоръ Александръ произвелъ смотръ флоту. На обратномъ пути императоръ Александръ взялъ ружье, далъ по ружью братьямъ Николаю и Михаилу и велѣлъ Адлербергу командовать ружейные пріемы, къ общей забавѣ многочисленнаго общества[108].

27-го іюля (8-го августа) начались подъ Петергофомъ маневры. Съ одной стороны командовалъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, а съ другой генералъ-адъютантъ баронъ Толь.

«О талантахъ обоихъ командовавшихъ генераловъ Дибича и Толя,—пишетъ Натцмеръ,—трудно судить по этимъ маневрамъ, потому что здѣсь они могли лишь проявить умѣніе въ точномъ исполненіи данной имъ задачи. Но по всему ясно видно, что у Толя при выполненіи имъ своихъ обязанностей проявляется болѣе спокойствія, чѣмъ у другого. Его приказанія коротки и опредѣленны, а между тѣмъ у Дибича они большею частью противорѣчивы и обнаруживаютъ у него отсутствіе спокойнаго общаго взгляда[109]. Впрочемъ, оба генерала оставались вѣрны основному положенію: въ началѣ боя отдавать непріятелю безъ всякой надобности деревни и укрѣпленныя позиціи, а потомъ овладѣвать ими обратно цѣною громадныхъ усилій. Обыкновенно русскіе поступали такимъ образомъ въ прошлую войну и, повидимому, намѣрены придерживаться подобнаго образа дѣйствій и впредь. Лично императоръ дѣлалъ нѣкоторыя, большею частью, очень вѣрныя замѣчанія о ходѣ маневровъ, но такъ какъ предположенія къ нимъ были выработаны величайшими геніями русской арміи, то онъ и не рѣшался открыто высказывать генераламъ свое неудовольствіе.

«Матеріалъ этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходенъ и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но, къ нашему счастію, всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ также немногимъ ихъ лучше. Лишь малое число генераловъ помышляютъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ. Никто не думаетъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ. Императоръ, несмотря на свое пристрастіе къ мелочамъ, сознаетъ этотъ недостатокъ, свойственный своей арміи, но утѣшается мыслію, что въ настоящую пору нельзя измѣнить это положеніе дѣлъ, вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ къ тому офицеровъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, ничего не дѣлается, чтобы помочь бѣдѣ. Я не знаю ни одного образовательнаго заведенія для молодыхъ офицеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ.
(Съ литографіи Клюквина).

«Просто непонятны тѣ ошибки, которыя дѣлались генералами, противно всякому здравому смыслу. Мѣстность совершенно не принималась въ соображеніе, равно какъ родъ войска, который для нея годится. Въ артиллеріи замѣтно болѣе военной сноровки; вообще это лучшій родъ оружія въ русской арміи».

Нельзя не остановиться на этой рѣзкой, но правдивой характеристикѣ, сдѣланной Натцмеромъ. Остается только сожалѣть, что въ подобной военной школѣ возросъ великій князь Николай Павловичъ; благодаря указанному обстоятельству, недостатки, отмѣченные наблюдательнымъ

Библиотека "Руниверс"

прусскимъ генераломъ, въ общихъ чертахъ сохранились, безъ существенныхъ измѣненій, болѣе тридцати лѣтъ и не утратили своего значенія и въ эпоху Крымской войны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ прочесть краткую замѣтку, вписанную княземъ А. С. Меншиковымъ въ своемъ дневникѣ, незадолго до высадки союзныхъ войскъ въ Крыму. Послѣ небольшихъ маневровъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ Севастополя, 24-го августа (5-го сентября) князь записалъ:

«Увы, какіе генералы и какіе штабъ-офицеры: ни малѣйшаго не замѣтно понятія о военныхъ дѣйствіяхъ и расположеніи войскъ на мѣстности, объ употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ» [110].

Но возвратимся къ 1817 году. Въ это время великій князь Михаилъ Павловичъ готовился предпринять образовательное путешествіе по Россіи, подобное тому, которое совершено было Николаемъ Павловичемъ въ 1816 году. Императрица Марія Ѳеодоровна избрала для сопровожденія великаго князя генералъ-лейтенанта Ивана Ѳедоровича Паскевича, который въ это время командовалъ 2-ю гренадерскою дивизіею. Вызванный изъ Смоленска въ Петербургъ, Паскевичъ явился къ государю во время маневровъ, производившихся подъ Петергофомъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, который дружески его привѣтствовалъ и сказалъ: «Ты знаешь, что назначенъ ѣхать съ братомъ».

«Я не могъ бы лучше быть принятъ государемъ, какъ тогда»,—отмѣтилъ Паскевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Ты у меня лучшій генералъ въ арміи,—сказалъ ему императоръ Александръ,—на все способенъ, на все годенъ. Я прошу тебя ѣхать съ братомъ путешествовать. Это не только дѣло государственное, но дѣло моего къ тебѣ довѣрія, и ты сдѣлаешь мнѣ собственно одолженіе. Требую отъ тебя, чтобъ ты открылъ ему, что знаешь, надѣюсь, что ты на то способы найдешь». Повидимому, генералъ Паскевичъ не очень довѣрялъ искренности словъ, съ которыми къ нему обратился императоръ Александръ, потому что сопровождаетъ лестныя слова государя замѣчаніемъ: «Мнѣ очень было больно, что система въ правительствѣ не перемѣняется; обольстить словами человѣка, когда онъ нуженъ, и въ той же пропорціи оказать неблагодарность и при малѣйшей кажущейся неисправности, безъ разбора обижать и взыскивать, во всякомъ случаѣ, черезчуръ строго» [111].

11-го (23-го) августа, великій князь Михаилъ Павловичъ отправился въ путь въ сопровожденіи генерала Паскевича. Началась поѣздка по Россіи совершенно курьерская, во время которой, по словамъ Паскевича, «много видишь, но мало пріобрѣтаешь основательныхъ о Россіи свѣдѣній».

Поручая попеченію Паскевича юнаго великаго князя, императрица Марія Ѳеодоровна не упустила случая просить избраннаго ею руково-

Библиотека "Руниверс"

дителя, чтобы Михаилъ Павловичъ «болѣе занимался гражданскою частью и елико возможно менѣе военною».—«Я знаю,—сказала императрица,—что у него есть особое расположеніе къ фронту, но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать быть государства».

Отсюда видно, что императрица Марія Ѳеодоровна не переставала бороться съ врожденными наклонностями своихъ сыновей; но настойчивыя требованія ея ни къ чему не привели; заботливой матери не удалось искоренить особое расположеніе къ фронтовымъ занятіямъ въ Николаѣ Павловичѣ, а еще менѣе въ Михаилѣ Павловичѣ.

Въ виду этой цѣли, нужно замѣтить, что лучшій выборъ спутника великому князю трудно было сдѣлать; но и онъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ экзерцирмейстерствомъ. Для характеристики господствовавшаго тогда въ военныхъ сферахъ направленія и предъявляемыхъ имъ требованій по отношенію къ войскамъ лучше всего привести слѣдующую замѣтку генерала Паскевича:

«Послѣ 1815 года, фельдмаршалъ Барклай де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ поддались этимъ требованіямъ; такъ, напримѣръ, генералъ Ротъ, командующій 3-ею дивизіею, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились винными приставами. Армія не выиграла оттого, что, потерявъ офицеровъ, осталась съ одними экзерцирмейстерами. Я требовалъ строгую дисциплину и службу, я не потакалъ безпорядкамъ и распутству, но я не дозволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но, къ горю моему, фельдмаршалъ Барклай де-Толли имъ заразился. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, который отъ отца своего наслѣдовалъ эту выучку. Хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ; не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и, какъ всегда случается, перенимая, еще болѣе портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагинаетъ до земли, чтобы ровнять носки гренадеръ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго майора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ

Библиотека "Руниверс"

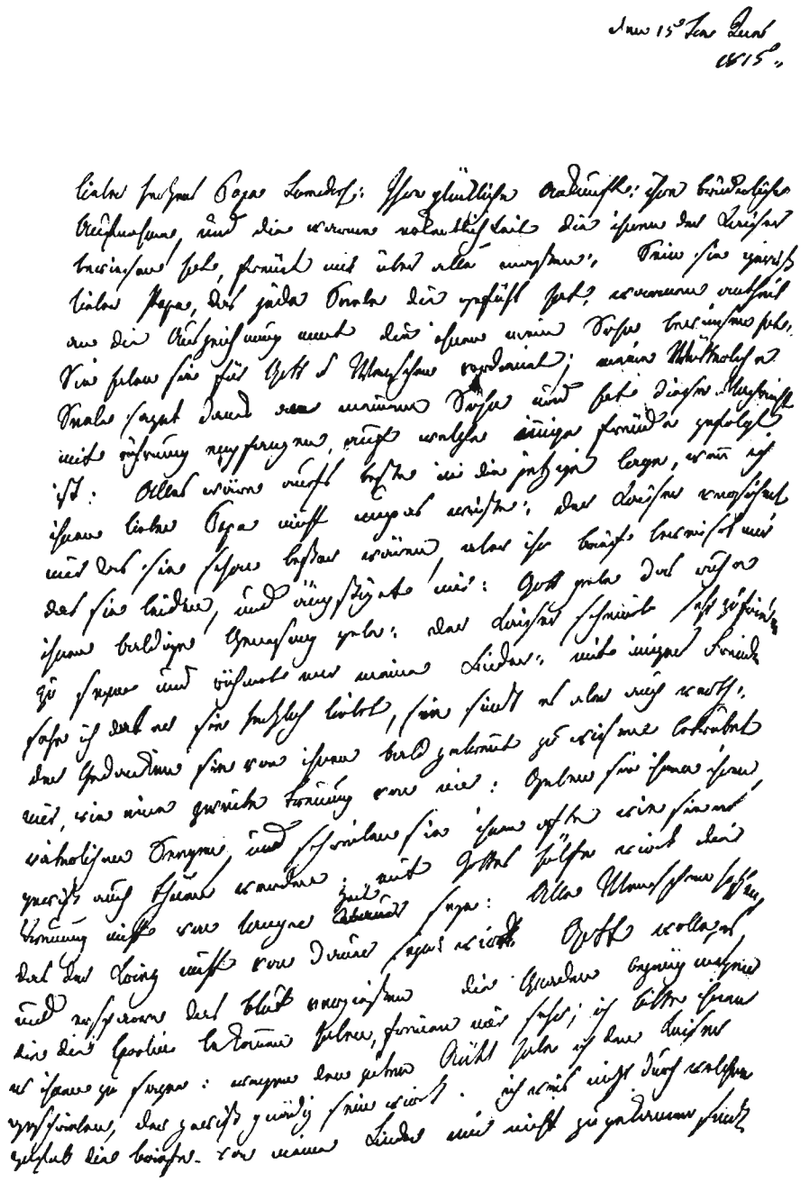
и помнилъ, что Фридрихъ дѣлалъ? А Барклай де-Толли былъ тутъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда и не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью».

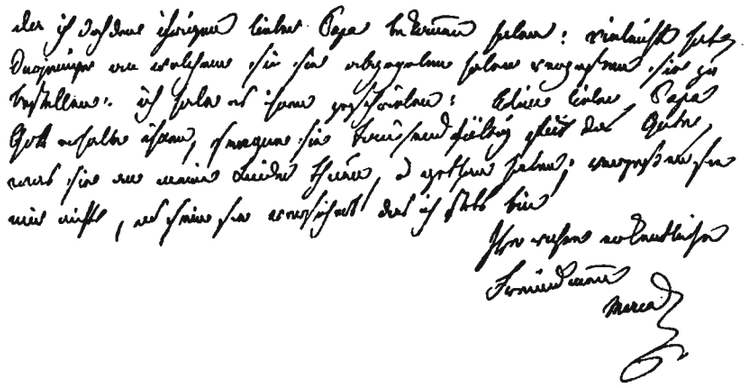
Трудно представить болѣе грозную и правдивую критику военныхъ порядковъ, установившихся у насъ въ Россіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ; она многое объясняетъ въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Къ этой правдивой оцѣнкѣ, сдѣланной будущимъ сподвижникомъ императора Николая и фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, нужно присовокупить то, что пишетъ по тому же поводу Д. В. Давыдовъ.

«Для лицъ, не одаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя, беззаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великій князь Михаилъ Павловичъ не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отросли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ, наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію и сознавая по опыту пользу строевого образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ

Библиотека "Руниверс"





ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ ГЕНЕРАЛУ ЛАМЗДОРФУ.

Библиотека "Руниверс"

Форма русскихъ войскъ въ концѣ царствованія Александра I.

Офицеръ роты Главнаго Инженернаго Училища.

Офицеръ л.-гв. Сапернаго баталіона.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Набережная р. Фонтанки у Калинкина моста въ С.-Петербургѣ, въ 1799 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности — это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится на дѣлѣ, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай, Боже, убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу! Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ не допускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ» [112].

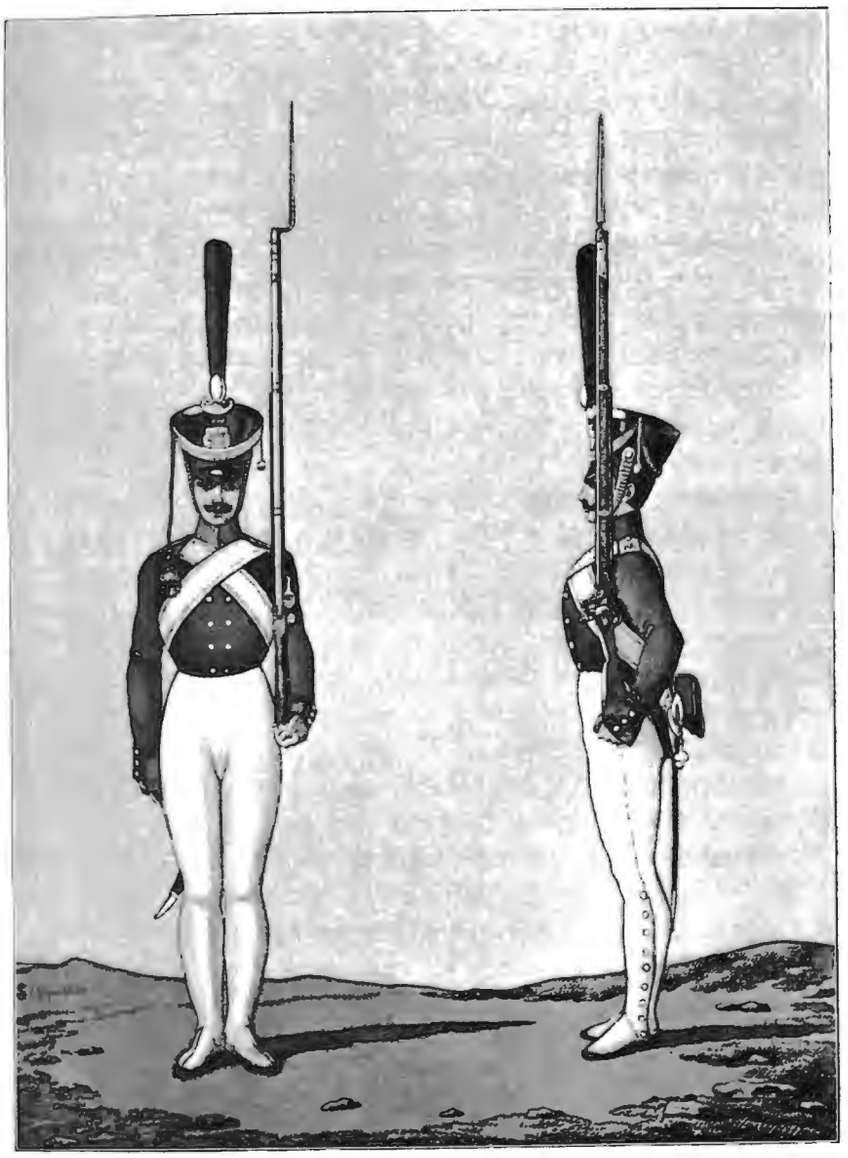
Опасенія, высказанныя нашимъ славнымъ партизаномъ, къ несчастію, оправдались самымъ блистательнымъ образомъ въ 1853 году!

II.

20-го августа (1-го сентября) 1817 года, императоръ Александръ принялся опять путешествовать; государь отправился сначала въ Витебскъ, а затѣмъ и далѣе для смотра войскъ первой арміи, которою командовалъ фельдмаршалъ Барклай де-Толли. Тогда же рѣшено было, что весь дворъ осенью переселится въ Москву, гдѣ предполагалось провести всю зиму и весну.

18-го (30-го) сентября, великій князь Николай Павловичъ съ супругою выѣхали изъ Петербурга въ Москву. Король прусскій разрѣшилъ принцу Вильгельму продлить свое пребываніе въ Россіи и сопутствовать сестрѣ во время ея путешествія; принцу попрежнему сопутствовалъ генералъ Натцмеръ. Положеніе, въ которомъ находилась

Библиотека "Руниверс"



Типы солдатъ въ концѣ царствованія Александра I.
(Съ рисунка того времени).

великая княгиня, препятствовало быстрому переѣзду; поэтому путешественники пробыли въ дорогѣ 12 дней.

Во время пути Натцмеръ имѣлъ случай убѣдиться, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчается въ Россіи введеніе военныхъ поселеній! На пути отъ Новгорода въ Крестцы собралась толпа крестьянъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, вышедшихъ изъ лѣса, для принесенія великому князю жалобы

Библиотека "Руниверс"

по поводу расквартированія у нихъ въ деревняхъ гренадерскаго имени графа Аракчеева полка; они заявляли, что у нихъ все отбираютъ, выгоняютъ изъ домовъ, и что они уже нѣсколько недѣль не видѣли своихъ жилищъ. «Русскіе говорятъ,—пишетъ Натцмеръ,—что въ то время, какъ мы стараемся превратить нашихъ крестьянъ въ солдатъ, у нихъ наоборотъ изъ солдатъ хотятъ сдѣлать крестьянъ. Вообще недовольство новымъ учрежденіемъ повсемѣстно».

«Можете судить, сколь поразила подобная встрѣча (незваныхъ, прибавлю),—замѣчаетъ современникъ въ своихъ запискахъ,—они всѣ бросаются на колѣни, плачутъ, крикомъ своимъ просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли primo въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу. Прекрасный разительный примѣръ пруссакамъ о нашемъ домашнемъ благоденствіи, улучшеніи, счастіи и пресчастіи» [113].

Крестьяне не довольствовались этимъ протестомъ. Они также остановили императрицу Марію Ѳеодоровну во время проѣзда ея въ Москву, прося о ея защитѣ и милости. Сверхъ сего, они снарядили еще депутацію въ Варшаву, къ цесаревичу Константину Павловичу, чтобы умолять его о заступничествѣ. Но всѣ эти протесты не привели ни къ чему, и крестьянамъ, обреченнымъ на нежданное благополучіе войти въ составъ военныхъ поселеній, оставался только одинъ исходъ: покориться постигшей ихъ печальной участи. Императоръ Александръ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи насильно облагодѣтельствовать русскій народъ и сказалъ, что военныя поселенія будутъ, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова».

«J'ai déjà maté des choses bien plus difficiles, et je veux être obéi dans celle-ci»,—отозвался государь одному дипломату.

30-го сентября (12-го октября) вся царская семья съѣхалась на послѣдней станціи передъ Москвою, за исключеніемъ великаго князя Михаила Павловича, который еще путешествовалъ по Россіи [114]. Торжественнаго въѣзда въ столицу не было; каждый пріѣхалъ туда самъ по себѣ. На слѣдующее утро Александра Ѳеодоровна, подойдя къ окну, увидѣла передъ собою впервые Москву, которая, подобно панорамѣ, разстилалась у ногъ ея. «Сердце мое забилось: я поняла Россію, я гордилась тѣмъ, что принадлежу ей! (J'eus un véritable saisissement au coeur, je compris la Russie, je me sentis fière de lui appartenir!)»,—вотъ въ какихъ выраженіяхъ великая княгиня записала свои впечатлѣнія.

1-го (13-го) октября, великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ первый разъ участвовала въ выходѣ въ Успенскій соборъ и положила, какъ она пишетъ, 18 земныхъ поклоновъ передъ образами и раками святыхъ. «Колѣнопреклоненія до того утомили мои ноги,—признается она,—что я едва могла двигать ими».

Библиотека "Руниверс"

Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1800 году.

(Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Пиратскаго).

Библиотека "Руниверс"

12-го (24-го) октября происходила закладка храма во имя Спасителя Христа, на Воробьевых горах, на которой присутствовал также великій князь Николай Павловичъ, равно какъ и принцъ Вильгельмъ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна отсутствовала.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ великій князь Николай Павловичъ окончательно разошелся съ своимъ гофмаршаломъ Кирилломъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Взаимныя отношенія обострились до того, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна увидѣла себя окончательно вынужденною настоять на удаленіи Нарышкина; по ея мнѣнію, отъ рѣшенія этого вопроса зависѣли миръ и спокойствіе въ великокняжескомъ домѣ (il y allait de la paix, de la tranquillité de notre ménage)[115].

На мѣсто Нарышкина великій князь избралъ графа Гаврила Францовича Модена. Извѣщая, 26-го декабря 1817 года, графа Модена объ утвержденіи государемъ его назначенія, Николай Павловичъ прибавилъ: «Soyez à moi, comme je suis à vous pour la vie et de coeur et d'âme». Дѣйствительно, между великимъ княземъ и графомъ Моденомъ установились наилучшія отношенія, продолжавшіяся и послѣ воцаренія Николая Павловича[116].

Александра Ѳеодоровна оставила въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характеристику графа Модена[117]:

«Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами стариннаго версальскаго двора, держалъ себя съ достоинствомъ, даже когда шутилъ, былъ услужливъ безъ низкопоклонства и устроивалъ все какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть только въ нѣкоторой обидчивости».

15-го (27-го) декабря 1817 года, принцъ Вильгельмъ покинулъ Москву, направляясь черезъ Варшаву въ Берлинъ; императоръ Александръ разстался съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, тщетно стараясь удерживать его еще долѣе при своемъ дворѣ. Насколько огорчена была этимъ отъѣздомъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна, видно изъ слѣдующихъ строкъ ея воспоминаній: «Я проводила его съ такою грустью, что почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцемъ, братьями и сестрами, это была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, я почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору на моей новой родинѣ, и его нѣжность совершенно вознаградила меня за все то, что я потеряла. Мы читали вмѣстѣ «Коринну» и «Малекъ Адель», и я вспоминаю съ наслажденіемъ объ этой мирной жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ моимъ родамъ»[118].

Прощаясь съ генераломъ Натцмеромъ, императоръ Александръ поручилъ ему передать королю выраженія своихъ дружескихъ чувствъ,

Библиотека "Руниверс"

прибавивъ, что онъ, его армія и вся страна его во всякое время готовы къ услугамъ Фридриха-Вильгельма[119].

Въ январѣ 1818 года, императоръ Александръ отправился на непродолжительное время въ Петербургъ.

Великій князь Николай Павловичъ также вынужденъ былъ совершить поѣздку въ Петербургъ, чтобы вступить въ управленіе инженернымъ корпусомъ по званію генералъ-инспектора по инженерной части. Это важное для русскаго инженернаго дѣла событіе совершилось въ достопамятный день 20-го января (1-го февраля) 1818 года.

Вступая въ должность генералъ-инспектора, Николай Павловичъ написалъ собственноручный приказъ, объявленный по инженерному корпусу, подлинникъ котораго хранится и понынѣ въ главномъ инженерномъ управленіи, въ кабинетѣ, гдѣ нѣкогда занимался великій князь. Въ приказѣ этомъ сказано:

«По высочайшей волѣ государя императора вступилъ я 20-го числа сего января въ должность генералъ-инспектора по инженерной части. Давая о семъ знать по инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ о пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ всякій заслужитъ государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая предъ лицемъ его величества. Но въ противномъ случаѣ, за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полнаго повиновенія подчиненныхъ ожидаю имѣть всегдашнее удовольствіе и, твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить милость государеву, сдѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса. 20-го января 1818 года. Генералъ-инспекторъ по инженерной части Николай».

2-го (14-го) февраля государь, равно какъ и великій князь, прибыли обратно въ Москву.

Однообразно и тихо проходило время въ Москвѣ, въ ожиданіи великаго семейнаго событія. 21-го февраля (5-го марта) императоръ Александръ уѣхалъ въ Варшаву для открытія перваго польскаго сейма. Наступилъ великій постъ. «Мы выѣзжали очень мало,—пишетъ Александра Ѳеодоровна,—при дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у матушки въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ оставались въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, это такъ наскучило мнѣ въ сравненіи съ воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, играли и особенно веселились, что я съ трудомъ могла скрывать свою тоску. Общество на этихъ собра-

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ ужасно отзывало старпною (les sociétés de ces réunions étaient aussi terriblement vieille rococo). Старые, полуслѣпые сенаторы, вельможи временъ императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати!» [120]

17-го (29-го) апрѣля, во время Свѣтлой недѣли совершилось великое событіе: въ исходѣ одиннадцатаго часа утра родился будущій Царь-Освободитель, великій князь Александръ Николаевичъ. Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны этой семейной радости посвящены слѣдующія строки:

«Въ 11 часовъ я услыхала первый крикъ моего перваго ребенка. Никсъ цѣловалъ меня, заливаясь слезами, и мы возблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная еще, даровалъ ли Онъ намъ сына или дочь, когда матушка, подойдя къ намъ, сказала: «это сынъ». Счастіе наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будетъ со временемъ императоромъ!» [121]

Какъ нѣкогда Державинъ привѣтствовалъ рожденіе Александра I, Жуковскій воспѣлъ рожденіе будущаго Александра II вдохновенными стихами, въ которыхъ вниманіе читателя невольно останавливается на строкахъ:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку! [122]

Другой поэтъ, Рылѣевъ, нѣсколько позже также привѣтствовалъ царственнаго отрока не менѣе пророческими стихами:

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье, истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Онъ есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Онъ надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОГУЛКА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ ВЪ КАВРІОЛЕТѢ.

Съ гравюры того времени.

Библиотека "Руниверс"

Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1818 году.

(Съ литографіи Поля, сдѣланной по рисунку Пиратскаго).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари. [123]

Одинъ русскій писатель по поводу стиховъ Рылѣева справедливо замѣчаетъ: «Чудесное происходитъ явленіе. Упоенная славою Россія, ничего не желавшая тогда, кромѣ мира, навѣваетъ на дѣтскую душу отрока свое дыханіе времени, и при строгомъ, желѣзномъ по волѣ отцѣ влагаетъ въ юнаго сына нѣгу кроткаго сердца, чувствительность въ самыхъ тонкихъ проявленіяхъ и оттѣнкахъ, любовь къ счастію человѣка, безконечное смиреніе и природное миролюбіе» [124].

Крещеніе великаго князя Александра Николаевича совершено было 5-го (17-го) мая въ церкви Чудова монастыря въ присутствіи императрицъ Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны духовникомъ ихъ величествъ Криницкимъ. Воспріемниками были императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго, король Фридрихъ-Вильгельмъ III. «Это былъ прелестнѣйшій маленькій ребенокъ, бѣленькій, пухленькій, съ большими темно-синими глазами; онъ улыбался уже черезъ шесть недѣль», пишетъ Александра Ѳеодоровна о новорожденномъ въ своихъ воспоминаніяхъ [125].

Императоръ Александръ узналъ о рожденіи племянника при проѣздѣ черезъ мѣстечко Бѣльцы въ Бессарабіи; государь тотчасъ же назначилъ великаго князя Александра Николаевича шефомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Предпринявъ въ это время поѣздку по южнымъ областямъ Россіи, императоръ Александръ поспѣшилъ возвратиться въ Москву 1-го (13-го) іюня, желая лично встрѣтить своего друга и союзника, короля прусскаго, собиравшагося навѣстить свою дочь, чтобы порадоваться ея семейному счастію. Къ этому времени прибылъ также изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

4-го (16-го) іюня, состоялся торжественный въѣздъ прусскаго короля въ Москву; его сопровождалъ наслѣдный принцъ, старшій братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны. Король оставался въ Москвѣ одиннадцать дней. Прогулки по городу и окрестностямъ, обѣды, балы и иллюминаціи слѣдовали другъ за другомъ съ такою быстротою, что дамы едва успѣвали переодѣваться. Къ 19-му іюня (1-му іюля) весь дворъ собрался въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, а 22-го іюня (4-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

«Все до того походило на мой прошлогодній въѣздъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна,—что я была какъ бы во снѣ. Только, когда я проѣзжала мимо Аничкова дворца и увидѣла въ одномъ изъ оконъ, на рукахъ у няни, нашего маленькаго Сашу, настоящее

Библиотека "Руниверс"

Калинкинскій пивоваренный заводъ у Калинкина моста въ С.-Петербургѣ, въ 1799 году.

(Съ рисунка съ натуры Кнаппс. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

дало себя знать самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. Выходя изъ экипажа у Казанскаго собора, императоръ предложилъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо: этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, такъ какъ они должны быть пріятны Господу. (Ce sont de ces mouvements de l'âme dont on ne doit pas rougir, car ils doivent être agréables au Seigneur)».

Въ Петербургѣ, по примѣру Москвы, также начались нескончаемыя празднества: смотры, парады, пріемы, балы, катанье по островамъ, посѣщенія институтовъ. По словамъ Александры Ѳеодоровны, «послѣднія заняли много времени, такъ какъ императрицѣ доставляло удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы объяснить королю, что и почему. Она шла подъ руку съ моимъ отцемъ, императрица Елисавета Алексѣевна съ наслѣднымъ принцемъ, а я обыкновенно доставалась на долю императора, который казался въ восторгѣ отъ этого и говорилъ по этому поводу тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ для меня вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе. Вдругъ во время этихъ празднествъ и удовольствій, въ одинъ прекрасный день мой Николай захворалъ послѣ парада и возвратился домой, дрожа отъ лихорадки, блѣдный, весь позеленѣвшій, почти совершенно обезсиленный. Я испугалась; его уложили въ кровать, и на слѣдующій день обнаружилась корь. Болѣзнь была довольно легкая и шла обыкновеннымъ путемъ. Я ухаживала за нимъ, однако иногда появлялась на празднествахъ.

«Петергофскій праздникъ, справлявшійся всегда 22-го іюля, состоялся въ этомъ году 1-го іюля, по случаю пребыванія короля, моего отца... Прошло еще нѣсколько дней, и мой отецъ покинулъ насъ; мы провожали его до Гатчины... Едва возвратившись въ Аничковъ дворецъ, я захворала, у меня оказалась корь... нашего малютку удалили; онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ, подъ покровительствомъ императрицы-матери».

Наслѣдный принцъ прусскій пробылъ еще въ Петербургѣ до 24-го іюля (5-го августа).

Петербургъ вскорѣ опустѣлъ. 27-го августа (8-го сентября) императоръ Александръ отправился на конгрессъ въ Ахенъ. Обѣ императрицы также выѣхали за границу, такъ что великій князь Николай Павловичъ съ супругою оставались до конца года единственными представителями царской семьи въ столицѣ. До сихъ поръ Николай Павловичъ занималъ только должность генералъ-инспектора по инженерной части; приказомъ отъ 27-го іюля 1818 года онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи (полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Егерскій). Эту скромную должность великій князь Николай Павловичъ занималъ до 1825 года.

Библиотека "Руниверс"

Согласно данной великокняжеской четѣ инструкціи, что дѣлать въ праздничные дни, Николай Павловичъ съ супругою присутствовали, 30-го августа, на торжественномъ богослуженіи въ Невской лаврѣ, въ день тезоименитства императора Александра. «Это было настоящее испытаніе для меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ для того, чтобы стоять во время церковныхъ церемоній; помню, что я испугалась, смотря на себя, по возвращеніи съ этого утомительнаго выѣзда! Волосы мои, которые были завиты, совсѣмъ распустились; я была блѣдна, какъ мертвецъ, и вовсе не интересна въ моемъ розовомъ глазетовомъ платьѣ, съ кокошникомъ, шитымъ серебромъ, на головѣ».

Теперь послѣ всѣхъ путешествій и отъѣзда большого двора за границу великій князь Николай Павловичъ могъ наконецъ предаться радостямъ тихой семейной жизни въ Аничковскомъ дворцѣ,—жизни, къ которой онъ давно уже стремился и о которой не переставалъ мечтать. Надежды его осуществились въ полной мѣрѣ, и онъ имѣлъ справедливое основаніе сказать своей супругѣ: «Если кто нибудь спроситъ, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастіе, сдѣлай одолженіе, пошли его въ Аничковскій рай».

По словамъ Жуковскаго, опредѣленнаго къ молодой великой княгинѣ преподавателемъ русскаго языка, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими.

Императрица Марія Ѳеодоровна разрѣшила Николаю Павловичу провести нѣсколько дней для охоты въ Гатчинѣ. Онъ съ радостью воспользовался этимъ позволеніемъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней въ самомъ тѣсномъ избранномъ кругу. «Всѣ были веселы, любезны каждый посвоему и разговорчивы; всѣ разстались довольные другъ другомъ», пишетъ Александра Ѳеодоровна.

Въ городѣ сезонъ балова начался рано и былъ открытъ баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 30-го октября. По разсказу Александры Ѳеодоровны, «это было событіе для нашего Аничковскаго дворца, такъ какъ намъ предстояло въ первый разъ принимать у себя петербургское общество, и меня увидѣли впервые исполняющей обязанности хозяйки дома. Къ намъ отнеслись снисходительно; очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу привѣтливость и подобнымъ поощреніемъ возбудили въ насъ желаніе принимать и веселить общество у себя. Когда человѣкъ молодъ и красивъ, когда сама любишь танцовать, легко всѣмъ угодить, безъ особенныхъ усилій».

22-го декабря 1818 года (3-го января 1819 года) императоръ Александръ возвратился изъ-за границы въ Царское Село. 25-го декабря

Библиотека "Руниверс"

состоялся большой выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день императоръ Александръ обѣдалъ у Николая Павловича въ Аничковскомъ дворцѣ. «Государь, по свидѣтельству Александры Ѳеодоровны, былъ братски добръ къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени любопытны».

Императрица Марія Ѳеодоровна возвратилась въ Петербургъ наканунѣ новаго года, что ей, однако, не помѣшало быть на выходѣ и въ церкви 1-го января. «Она признавалась, что чувствуетъ себя нѣсколько утомленною,—пишетъ Александра Ѳеодоровна,—но ей никогда не дѣлалось дурно, какъ намъ, бѣднымъ, слабымъ женщинамъ».

Разсчитывали веселиться зимою, какъ внезапная кончина королевы виртембергской Екатерины Павловны повергла все царское семейство въ горе и трауръ. Императоръ Александръ былъ крайне опечаленъ потерею любимой сестры.

III.

Въ дни юности императоръ Александръ, какъ извѣстно, мечталъ не разъ о томъ, чтобы удалиться въ частную жизнь; онъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, имѣлъ природное отвращеніе къ тому мѣсту, которое ожидало его въ будущемъ по праву рожденія. Стоитъ припомнить, какого рода мысли высказывалъ великій князь Александръ Павловичъ въ царствованіе императрицы Екатерины въ перепискѣ съ Лагарпомъ, а затѣмъ и съ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, чтобы уяснить себѣ душевное настроеніе внука Екатерины[126]. Всемірная исторія не представляетъ другого подобнаго примѣра полнаго отсутствія въ юношѣ, родившемся на подножіи престола, всякихъ честолюбивыхъ стремленій и рѣшительнаго отвращенія къ неограниченной власти.

21-го февраля 1796 года, великій князь Александръ Павловичъ писалъ Лагарпу: «Я жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей. (Je ne respire que la paix et la tranquillité, et je cède volontiers mon rang pour une ferme à côté de la vôtre)». Въ томъ же письмѣ великій князь признавался своему другу, что часто вспоминаетъ о немъ и обо всемъ, что онъ ему говорилъ; «но,— прибавилъ Александръ,— это не могло измѣнить принятаго мною рѣшенія отказаться со временемъ отъ носимаго званія. (Je pense souvent à vous et à tout ce que vous m'avez parlé pendant que nous etions ensemble, mais cela n'a pu changer la résolution que j'ai prise de me défaire, dans la suite, de ma charge)».

Нѣсколько позже, 10-го мая 1796 года, великій князь повторилъ тѣ же мысли Виктору Павловичу Кочубею и писалъ ему: «Я сознаю,

Библиотека "Руниверс"

что вовсе не гожусь для того званія, которое занимаю теперь, и еще менѣе для предназначеннаго для меня въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ... Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы по отреченіи отъ этого непригляднаго званія (я не могу еще положительно назначить время такого отреченія) поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ. (Je ne me sens pas du tout fait pour la place que j'occupe dans ce moment et encore moins pour celle qui m'est destinée un jour et à laquelle je me suis juré de renoncer soit d'une manière ou d'une autre... Mon plan est, qu'ayant une fois renoncé à cette place si scabreuse (je ne peux pas fixer l'époque d'une telle renonciation) j'irai m'établir avec ma femme aux bords du Rhin, où je vivrai tranquille en simple particulier)».

Но вскорѣ обстоятельства и неумолимый рокъ восторжествовали надъ этими идиллическими мыслями и насильно преобразили юнаго мечтателя въ самодержца. Тѣмъ не менѣе, Александръ никогда не разставался вполнѣ съ мечтами юности и потому, когда онъ уже приближался къ концу своего земного поприща, прежнія мысли и влеченія снова воскресли въ умѣ его съ неудержимой силой. Да иначе и не могло быть: тернистый жизненный путь, выпавшій на долю Александра, и испытанныя имъ потрясающія нравственныя горести должны были вызвать въ душѣ его неудержимое влеченіе къ тихому, созерцательному уединенію, вдали отъ мірскихъ суетъ.

Приближенныя къ императору Александру лица могли подмѣтить существованіе въ немъ небывалыхъ мыслей уже во время путешествія государя по Россіи въ 1817 году. За обѣдомъ въ Кіевѣ, 8-го (20-го) сентября, когда разговоръ коснулся обязанностей людей различныхъ состояній, равно и монарховъ, Александръ неожиданно произнесъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова[127]:

«Когда кто нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ моментъ опасности становиться лицомъ къ лицу съ нею. Онъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическія силы будутъ ему позволять это, или, чтобы сказать однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи садиться на лошадь. Послѣ этого онъ долженъ удалиться. (Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la nôtre, il doit au moment du danger être le premier à l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forces physiques le lui permettent, ou pour le dire en un mot, aussi longtemps qu'il peut rester à cheval. Passé ce terme il faut qu'il se retire)».

«При сихъ словахъ,— пишетъ свидѣтель флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій,— на устахъ государя явилась улыбка выразительная,

Библиотека "Руниверс"

и онъ продолжалъ: «Что касается меня, то въ настоящее время я чувствую себя здоровымъ, но черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, тогда... (Quant à moi je porte bien à présent, mais dans dix ou quinze ans, quand j'aurai cinquant ans, alors...)»... Тутъ нѣсколько присутствующихъ[128] прервали императора и, какъ не трудно догадаться, увѣряли, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ. Неужели, подумалъ я, государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ V? Какъ бы то ни было, но сіи слова Александра должны принадлежать исторіи».

Два года спустя послѣ словъ, сказанныхъ въ Кіевѣ, императоръ Александръ призналъ за благо ознакомить Николая Павловича съ своими тайными намѣреніями и открыть брату ту будущность, которую онъ ему готовилъ.

13-го (25-го) іюля 1819 года, императоръ Александръ присутствовалъ въ Красномъ Селѣ на линейномъ ученіи 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, которою командовалъ великій князь Николай Павловичъ; ученіе сопровождалось малымъ маневромъ. Государь остался доволенъ войсками и былъ чрезвычайно милостивъ къ своему брату. Послѣ ученія императоръ съ братомъ и великой княгиней Александрой Ѳеодоровной обѣдали втроемъ. Это свиданіе ознаменовалось разговоромъ, получившимъ историческое значеніе.

По разсказу Александры Ѳеодоровны, императоръ Александръ, сидя послѣ обѣда между ними и дружески бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, началъ въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ говорить своимъ слушателямъ, что онъ остался доволенъ утромъ тѣмъ, какъ братъ исполняетъ свои обязанности, какъ начальникъ бригады, что онъ вдвойнѣ обрадованъ такимъ отношеніемъ къ службѣ со стороны Николая, такъ какъ на немъ будетъ лежать со временемъ большое бремя, что онъ смотритъ на него, какъ на своего замѣстителя (remplaçant), и что это должно совершиться ранѣе, чѣмъ предполагаютъ, а именно еще при жизни его, императора. «Мы сидѣли, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова». Государь продолжалъ: «Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра (à me retirer du monde). Европа теперь болѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время (c'est de mon devoir de me retirer à temps).

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Константинъ Павловичъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу).

Я полагаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, назначивъ на свое мѣсто Фрица».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ

Библиотека "Руниверс"

представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мрачнымъ и недоступнымъ для счастія. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни».

Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ по поводу событій 14-го декабря передаетъ этотъ историческій разговоръ и вызванное имъ впечатлѣніе нѣсколько подробнѣе. Онъ пишетъ: «Разговоръ во время обѣда былъ самый дружескій, но принялъ вдругъ самый неожиданный для насъ оборотъ, потрясшій навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вотъ въ краткихъ словахъ смыслъ сего достопамятнаго разговора. Государь началъ говорить, что онъ съ радостью видитъ наше семейное блаженство (тогда былъ у насъ одинъ старшій сынъ Александръ, и жена моя была беременна старшею дочерью Маріею), что онъ счастія сего никогда не зналъ, виня себя въ связи, которую имѣлъ въ молодости, что ни онъ, ни братъ его, Константинъ Павловичъ, не были воспитаны такъ, чтобы умѣть оцѣнить съ молодости сіе счастіе, что послѣдствія для обоихъ были, что ни одинъ ни другой не имѣли дѣтей, которыхъ бы признать могли, и что сіе чувство самое для него тягостное».

«Что онъ чувствуетъ, что силы его ослабѣваютъ; что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро онъ лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ его разумѣетъ, и что потому онъ рѣшился, ибо сіе считаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который, бывъ однихъ съ нимъ почти лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, притомъ имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына. Что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство.

«Мы были поражены, какъ громомъ, въ слезахъ, въ рыданіи отъ сей ужасной, неожиданной вѣсти; мы молчали. Наконецъ, государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатлѣніе слова его произвели, сжалился надъ нами и съ ангельскою ему одному свойственною ласкою началъ насъ успокоивать и утѣшать, начавъ съ того, что минута сему ужасному для насъ перевороту еще не настала, и не такъ скоро настанетъ; что, можетъ быть, лѣтъ десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкнуть къ сей будущности неизбѣжной.

«Тутъ я осмѣлился ему сказать, что себя никогда на это не готовилъ, и не чувствую въ себѣ ни силъ ни духу на столь великое дѣло; что одна мысль, одно желаніе было служить ему изо всей души и силъ и

Библиотека "Руниверс"

разумѣнія моего, въ кругу порученныхъ мнѣ должностей; что мысли мои даже дальше не достигаютъ.

«Дружески отвѣчалъ онъ мнѣ, что, когда вступилъ на престолъ, онъ въ томъ же былъ положеніи; что ему было тѣмъ еще труднѣе, что нашелъ дѣла въ совершенномъ запущеніи, отъ совершеннаго отсутствія всякаго правила и порядка въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, ибо хотя при императрицѣ Екатеринѣ въ послѣдніе годы порядка было мало, но все держалось еще привычками, но при восшествіи на престолъ родителя нашего совершенное измѣненіе прежняго вошло въ правило, весь прежній порядокъ нарушился, не замѣнясь ничѣмъ [129]. Что съ восшествія на престолъ государя по сей части много сдѣлано къ улучшенію, и всему дано законное теченіе, и что потому я найду все въ порядкѣ, который мнѣ останется только удерживать.

«Кончился сей разговоръ, государь уѣхалъ, и мы съ женою остались въ положеніи, которое уподобить могу только тому ощущенію, которое должно поразить человѣка, идущаго спокойно по пріятной дорогѣ, усѣянной цвѣтами и съ которой всегда открываются пріятные виды, когда вдругъ разверзается подъ ногами пропасть, въ которую непреодолимая сила ввергаетъ его, не давая отступить или воротиться,—вотъ совершенное изображеніе нашего ужаснаго положенія.

«Съ тѣхъ поръ государь въ разговорахъ намекалъ намъ про сей предметъ, но не распространяясь болѣе объ ономъ, а мы всячески старались избѣгать онаго» [130].

Несмотря на этотъ разговоръ, служебное положеніе великаго князя Николая Павловича нисколько не измѣнилось и въ послѣдующіе годы; онъ продолжалъ съ обычнымъ рвеніемъ исполнять свои скромныя обязанности бригаднаго командира и попрежнему находился въ сторонѣ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ [131]. Онъ не былъ даже назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Нѣсколько бо̀льшая сфера дѣятельности открывалась Николаю Павловичу, какъ генералъ-инспектору по инженерной части — должности, которая въ сущности плохо согласовалась съ званіемъ бригаднаго командира, въ которомъ будущій замѣститель (remplaçant) императора Александра пробылъ почти восемь лѣтъ! Безспорно подобное распоряженіе представляетъ собою довольно оригинальный способъ приготовленія къ царственному поприщу избраннаго наслѣдника престола.

Николай Павловичъ, при всей своей безпритязательности, самъ тяготился своимъ служебнымъ положеніемъ, какъ видно изъ разсказа, записаннаго княземъ А. С. Меншиковымъ въ дневникѣ за 1823 годъ отъ 15-го ноября. Генералъ-адъютантъ А. Ф. Орловъ, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, сказалъ, что ему желательно отдѣлаться отъ командованія бригадой; Николай Павловичъ покраснѣвъ воскликнулъ: «Ты—Але-

Библиотека "Руниверс"

ксѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а я—Николай Павловичъ, между нами есть разница, и ежели тебѣ тошна бригада, каково же мнѣ командовать бригадою, имѣя подъ своимъ начальствомъ инженерный корпусъ съ правомъ утверждать уголовные приговоры до полковника».

Дѣятельность Николая Павловича, какъ генералъ-инспектора, была во всѣхъ отношеніяхъ блестящая и благотворная; она принесла великую пользу государству, вызвавъ къ жизни русскій инженерный корпусъ. Для достиженія этой цѣли великій князь призналъ необходимымъ безотлагательно учредить спеціальное инженерное училище. Это важное государственное дѣло осуществилось 24-го ноября 1819 года, когда императоръ Александръ утвердилъ докладъ генералъ-инспектора объ учрежденіи Главнаго инженернаго училища съ кондукторскими и офицерскими классами. Начальникомъ училища великій князь избралъ генералъ-майора графа Егора Карловича Сиверса. Торжественное открытіе училища послѣдовало 16-го марта 1820 года; оно было помѣщено въ зданіи бывшаго Михайловскаго замка, получившаго отнынѣ наименованіе Инженернаго замка [132].

Еще другое училище, также военное, хотя и не спеціальное, обязано было своимъ возникновеніемъ просвѣщенной заботливости Николая Павловича.

Когда великій князь съ гвардіею находился въ 1822 году въ Вильнѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ гвардейскіе подпрапорщики, оказывались совершенно несвѣдущими въ военныхъ наукахъ. Желая устранить этотъ недостатокъ, онъ повелѣлъ собрать подпрапорщиковъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ бригадную квартиру и организовалъ соотвѣтственное ихъ обученіе подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Этотъ опытъ привелъ къ тому, что по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ великій князь представилъ проектъ объ учрежденіи постоянной Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, утвержденный императоромъ Александромъ 9-го мая 1823 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣлъ состоять этой школѣ подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича.

Лѣтомъ 1819 года, возвратился изъ заграничнаго путешествія великій князь Михаилъ Павловичъ, а вмѣстѣ съ нимъ появился въ Петербургѣ и генералъ Паскевичъ. Онъ не вступилъ, однако, въ командованіе данной ему еще въ 1818 году 2-й гвардейской пѣхотной дивизіею, которая была ввѣрена генералъ-майору барону Бистрому. Паскевичу же, вмѣсто самостоятельнаго командованія, повелѣно было состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, такъ какъ императрица Марія Ѳеодоровна опасалась оставить своего сына безъ опытнаго руководителя: Михаилъ Павловичъ вступилъ тогда въ командованіе 1-й бригадой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Только 11-го мая

Библиотека "Руниверс"

Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1821 года генералъ Паскевичъ освободился наконецъ отъ своего неопредѣленнаго положенія негласнаго совѣтника и руководителя совершеннолѣтняго великаго князя, получивъ начальство надъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Съ этого времени Ивану Ѳедоровичу Паскевичу суждено было сдѣлаться «отцомъ командиромъ» великаго князя Николая Павловича.

Въ апрѣлѣ 1821 года, императоръ Александръ повелѣлъ войскамъ гвардейскаго корпуса выступить въ походъ къ Вильнѣ; они расположились въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ сентябрѣ, государь предполагалъ произвести гвардіи смотръ и маневры. Для этой цѣли войска сосредоточились къ Бѣшенковичамъ. Во время царскихъ смотровъ оба великіе князья принимали дѣятельное участіе въ упражненіяхъ своихъ бригадъ[133]. Государь остался доволенъ гвардіею, но не разрѣшилъ ей возвратиться въ С.-Петербургъ; соображенія политическаго свойства, связанныя съ воспоминаніемъ о Семеновской исторіи 1820 года, побудили императора Александра продлить еще опалу гвардіи, удержавъ ее вдали отъ столицы. Въ связи съ этими соображеніями находилось также послѣдовавшее тогда увольненіе генералъ-адъютанта Васильчикова отъ командованія гвардейскимъ корпусомъ; онъ былъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ Ф. П. Уваровымъ, который, однако, остался въ С.-Петербургѣ, почему генералъ Паскевичъ, какъ старшій, вступилъ въ командованіе гвардіею. Тогда, въ свою очередь, Паскевичъ предложилъ великому князю Николаю Павловичу вступить въ командованіе 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Паскевичъ расположился въ Минскѣ, а Николай Павловичъ поселился въ Вильнѣ.

Время командованія здѣсь Николая Павловича ознаменовано было непріятною исторіею съ офицерами лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, вызванною требовательностью и рѣзкостью выговоровъ со стороны великаго князя. Паскевичъ немедленно поскакалъ въ Вильну, чтобы разобрать дѣло; по его совѣту Николай Павловичъ отправился въ С.-Петербургъ для личнаго доклада случившагося дѣла государю. Все обошлось сравнительно довольно благополучно: переводомъ въ армію нѣсколькихъ офицеровъ тѣми же чинами[134].

Весною гвардія начала готовиться къ царскому смотру. Въ Вильну явился наконецъ генералъ-адъютантъ Уваровъ, и великій князь Николай Павловичъ снова вступилъ въ управленіе своей бригадою. Начальство принялось усердно учить войска, и труды ихъ увѣнчались успѣхомъ; 22-го мая 1822 года, состоялся парадъ въ Вильнѣ, въ присутствіи императора Александра, а затѣмъ гвардія выступила въ обратный походъ въ С.-Петербургъ.

Здѣсь гвардейская служба пошла обычнымъ порядкомъ, при чемъ генералу Паскевичу представился не разъ случай сдерживать чрезмѣрное

Библиотека "Руниверс"

усердіе своего бригаднаго начальника. Паскевичъ попрежнему не сочувствовалъ господствовавшей тогда утонченности маршировки и выправки войскъ, и въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ онъ пишетъ: «Регулярство въ арміи необходимо, но о немъ можно сказать то, что говорятъ про иныхъ, которые лбы себѣ разбиваютъ, Богу молясь: оно хорошо только въ мѣру, а градусъ этой мѣры знаніе войны указываетъ, а то изъ регулярства выходитъ акробатство». «Не разъ, возвращаясь съ плаца, мнѣ приходило желаніе все бросить и въ отставкѣ вполнѣ предаться семейной жизни; но я предчувствовалъ, что скоро понадоблюсь для серьезнаго дѣла. Россія, я тогда понималъ, безъ войны и скорой войны не обойдется. Волненіе въ Греціи — это начало разложенія Турецкой имперіи. Безъ войны и турки изъ Европы не уйдутъ и европейцы ихъ не пустятъ,— слѣдовательно быть войнѣ. Вотъ почему я рѣшился все терпѣть и выжидать свое время» [135].

Это время приближалось и наступило быстрѣе, чѣмъ предполагалъ тогда Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.

12-го (24-го) февраля 1825 года, Паскевичъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, а 27-го числа того же мѣсяца (11-го марта) командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Паскевичъ переселился въ Митаву, а великій князь Николай Павловичъ сдѣланъ былъ наконецъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи.

IV.

Передъ тѣмъ, чтобы обратиться къ обзору событій, ознаменовавшихъ собою 1825-й годъ, слѣдуетъ предварительно указать, какое направленіе дано было императоромъ Александромъ вопросу о престолонаслѣдіи, затронутому государемъ въ разговорѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, 13-го (25-го) іюля 1819 года.

Еще до брака великаго князя Константина Павловича, состоявшагося въ 1796 году, Растопчинъ писалъ графу Семену Романовичу Воронцову: «Заранѣе соболѣзную о его супругѣ (je plains d'avance son épouse)» [136]. Растопчинъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ, предсказывая нерадостную жизнь невѣстѣ Константина Павловича. Вспыльчивый характеръ и невозможныя выходки великаго князя причинили немало горя великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Случавшіяся тогда бурныя сцены относились къ тому періоду жизни Константина Павловича, когда онъ, какъ признавался впослѣдствіи своему другу, Ѳедору Петровичу Опочинину, слѣдуя своеобразной поговоркѣ князя Багратіона: «молода была — янычаръ была».

Послѣ кончины императора Павла великая княгиня Анна Ѳеодоровна поселилась за границею и съ тѣхъ поръ не возвращалась болѣе

Библиотека "Руниверс"

въ Россію, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ сталъ помышлять о разводѣ. Осуществленію этого намѣренія цесаревича препятствовала, однако, императрица Маріа Ѳеодоровна, отказывавшая ему въ испрашиваемомъ материнскомъ разрѣшеніи.

Въ 1803 году, императрица-мать писала сыну: «Легко вамъ будетъ повѣрить, мой любезный Константинъ Павловичъ, сколь глубоко огорчилась я, читая письмо ваше, если вы вспомните содержаніе того, которое писала я прошлаго года съ изображеніемъ душевнаго смущенія и скорби моей, также и моего желанія. Тогдашнимъ отвѣтомъ вашимъ, нынѣ вновь мною прочтеннымъ, вы меня въ опасеніяхъ моихъ успокоили. Въ соотвѣтственность желаніямъ матери вашей вы начертали въ немъ самыя сіи слова, кои изъ письма вашего выписываю: «что принадлежитъ до развода, молчу и повинуюсь, таковъ есть долгъ мой». Вы тогда довольствовались удаленіемъ жены вашей и пребываніемъ ея у своихъ родителей. Ничто съ того времени не перемѣнилось, а васъ однакожъ я вижу обращающимся паки къ сей пагубной и опасной мысли о разводѣ. Симъ растворяются всѣ раны сердца моего, но при всемъ томъ, мой любезный Константинъ Павловичъ, несмотря на скорбь, которую я чувствую, занимаясь печальною сею мыслью, я изображу вамъ мое по сему предмету мнѣніе, какъ оно мною видится, и наконецъ объявлю вамъ условія, на которыхъ нѣжная моя любовь къ вамъ можетъ склонить меня заняться мыслью о вашемъ разводѣ. При самомъ началѣ приведу вамъ на память пагубныя послѣдствія для общественныхъ нравовъ, также огорчительный и для всей націи опасный соблазнъ, произойти отъ того долженствующій; ибо по разрушеніи брака вашего послѣдній крестьянинъ отдаленнѣйшей губерніи, не слыша болѣе имени великой княгини, при церковныхъ молебствіяхъ провозглашаемаго, извѣстится о разводѣ вашемъ, его почтеніе къ таинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется, тѣмъ паче, что съ нимъ неудобно войти въ изслѣдованіе причинъ, возмогшихъ подать къ тому поводъ. Онъ предположитъ, что вѣра для императорской фамиліи менѣе священна, нежели для него, а такового мнѣнія довольно, чтобъ отщетить сердца и умы подданныхъ отъ государя и всего царскаго дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазнъ сей производится отъ императорскаго брата, обязаннаго быть для подданныхъ образцемъ добродѣтели! Нравы, уже и безъ того растлѣнные, испорченные, придутъ еще въ вящшее развращеніе чрезъ пагубный примѣръ стоящаго при самыхъ ступеняхъ престола, занимающаго первое по государѣ мѣсто. Повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, единою прелестью неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ увѣреніе, которое обще съ чувствованіемъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели на-

Библиотека "Руниверс"

Petersbourg ce 28 Juillet
1818.

J'ai mille et mille graces à vous rendre chère et bonne Constantia pour la bonté que vous avez eu de vous appeler de moi si souvent pour les tschakos, que j'ai reçus avec bien grand plaisir; ils sont tous deux parfaitement bien fait. — Demême vous avez eu l'amabilité de remplir la comission de mes fleurs pour des bouquets, qui lui sont à merveille; vous lui avez fait grandissime plaisir par là; elle tient beaucoup à notre amitié, dont elle a eu tant de preuves pendant notre court séjour à Modon.

Décoré enfin tout deux de la petite, moi je suis devenu brigadier, et comme demain

mes fonctions

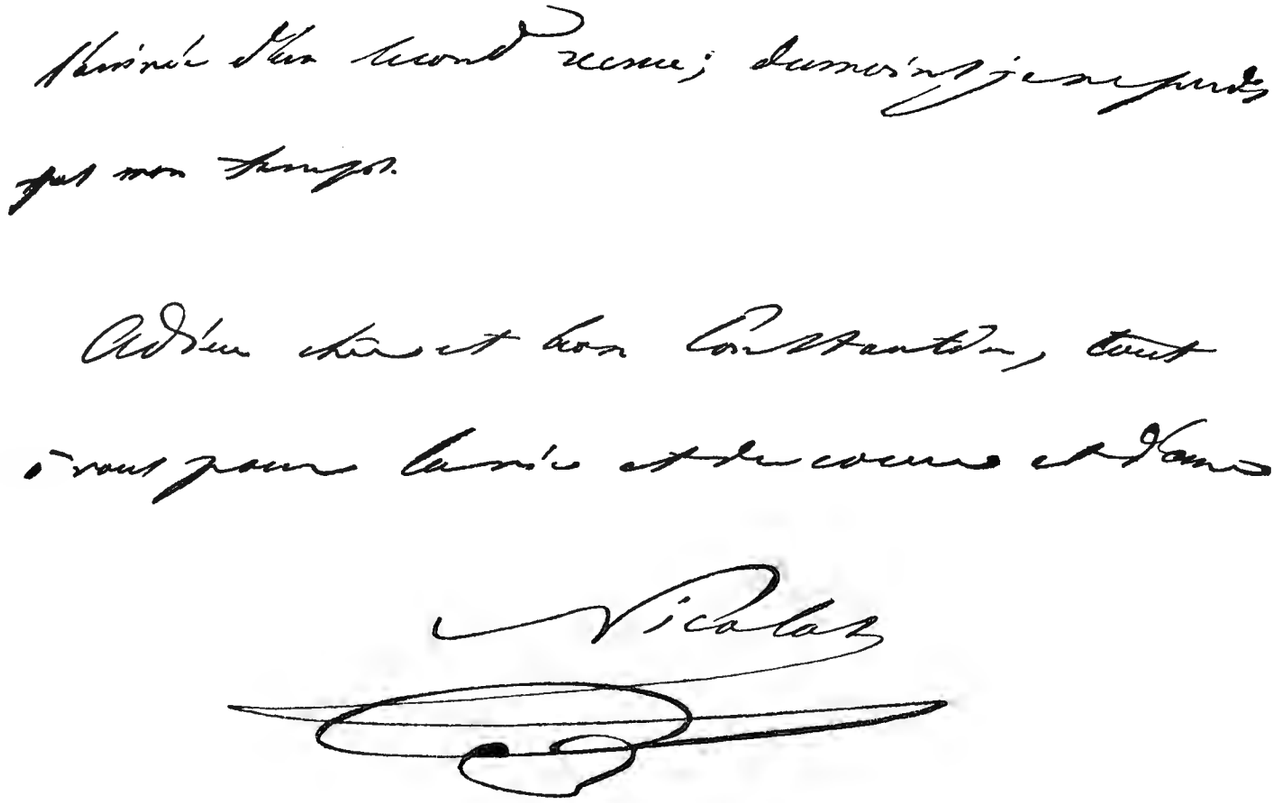
Библиотека "Руниверс"

à l'exercice de ligne dans notre bataillon à Smolensk par, j'éprouvais de véritables besoins de l'espérance et la confiance qui vont bien ne tromper ; — et comme nous étions notre chef à tous je désire pouvoir m'entretenir avec ma brigade, quelque regard indulgent quand nous nous reverrons. Les désirs que mes moyens peuvent correspondre à mon zèle.

Mon petit gâteau toujours un grand rassemblement avec vous, et désirant vraiment gentil ; notre tout ailé dans la calèche et l'armée beaucoup ; — peut-être pourrais-je bientôt vous

annoncer

Библиотека "Руниверс"



ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

рушеніи общее мнѣніе ниспровергается, почтеніе къ государю и къ его роду погибаетъ».

Высказавъ эти мысли, императрица переходитъ къ личнымъ отношеніямъ между разошедшимися супругами и, защищая невѣстку, обви-

Княгиня Ловичъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ“ 1877 года).

няетъ своего сына. «Обратитесь къ самому себѣ,—пишетъ Марія Ѳеодоровна,—и вопросите совѣсть свою, оправдаетъ ли она вѣтреность, горячность, вспыльчивость при началѣ несогласія, между вами и великою княгинею существующаго, оказанныя вами вопреки сильнѣйшихъ моихъ представленій при возвращеніи вашемъ изъ инспекціи въ послѣднюю

Библиотека "Руниверс"

осень царствованія покойнаго вашего отца, когда я, въ присутствіи брата вашего, просила, умоляла васъ жить въ супружескомъ дружелюбіи, а вы противу всѣхъ стараній матери вашей остались непреклонны; спросите, говорю я, сами у себя: укоризны сердца вашего дозволятъ ли вамъ помышлять о разводѣ?»

Предавая, однако, прошлое забвенію, императрица приходитъ окончательно къ заключенію, что если цесаревичъ, несмотря на всю силу ея возраженій, выскажетъ ей, что онъ желаетъ развода съ тѣмъ единственно, чтобы опять жениться и примѣромъ безпорочнаго и счастливаго союза загладить соблазнъ, произведенный расторженіемъ перваго брака, то только въ такомъ случаѣ дозволитъ «разсматриваніе сего предмета», хотя у нея навсегда останется въ сердцѣ чувство скорби, порожденное такою жестокою необходимостью.

Но, дѣлая эту уступку, императрица не предоставляла сыну свободнаго выбора невѣсты при вступленіи во второй бракъ. Марія Ѳеодоровна пишетъ: «когда вы предварительно и съ непремѣнностью опредѣлите выборъ, васъ достойный, дабы учинить оный соотвѣтственно рожденію вашему, поѣзжайте въ чужіе края. Въ пребываніе ваше у разныхъ дворовъ владѣтельныхъ князей Германіи изберите себѣ невѣсту, во всѣхъ отношеніяхъ васъ достойную. Какъ скоро утвердитесь въ вашемъ выборѣ и получите отъ меня и отъ императора дозволеніе, тогда на разводъ вашъ объявляю свое согласіе. На семъ только условіи признаю я возможность онаго... Ваше мѣсто обязываетъ васъ полнымъ самого себя пожертвованіемъ для государства».

Требованіе это императрица основывала на томъ соображеніи, что соблазнъ развода долженъ быть въ ту же минуту заглаженъ новымъ брачнымъ союзомъ, но союзомъ «соотвѣтственнымъ».

«Итакъ, — оканчиваетъ императрица письмо, — повторяю вамъ, любезный мой Константинъ Павловичъ, что на семъ только одномъ и единственномъ условіи вы можете получить отъ меня дозволеніе. Молодой человѣкъ лѣтъ вашихъ смотритъ только на настоящую минуту, но та, которая есть и всегда будетъ лучшимъ вашимъ другомъ, за васъ простираетъ взоръ свой на будущее и хочетъ спасти васъ отъ раскаянія и несчастія и отнять у васъ и потомства вашего возможность порицать тѣхъ, кому Провидѣніе ввѣрило стараніе о благѣ вашемъ. О великій Боже! кто паче матери долгъ имѣетъ пещись объ ономъ? Вотъ мои намѣренія; они непоколебимы. Всѣ совокупно должности мои чинятъ оныя навсегда непремѣнными, ибо они основаны на обязанностяхъ моихъ къ государству, драгоцѣннѣйшему праху отца вашего и къ самимъ вамъ. Соблюдать ихъ наисвятѣйше обѣщаюсь предъ вами и предъ моею совѣстью» [137].

Разводъ на подобныхъ условіяхъ совершенно не соотвѣтствовалъ намѣреніямъ цесаревича; новый бракъ съ нѣмецкой принцессою онъ при-

Библиотека "Руниверс"

равнивалъ въ сочиненной имъ и распѣваемой шутливой пѣснѣ къ пожару и наводненію. Но время и упорство, выказанное въ этомъ случаѣ цесаревичемъ, сдѣлали свое; спорное дѣло, много лѣтъ спустя, окончательно рѣшилось въ смыслѣ, желаемомъ Константиномъ Павловичемъ, то-есть безъ всякаго стѣсненія для его будущихъ намѣреній.

20-го марта (1-го апрѣля) 1820 года, появился манифестъ императора Александра, въ которомъ объявлялось, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ принесенною императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и государю просьбою «обратилъ вниманіе наше на его домашнее положеніе въ долговременномъ отсутствіи супруги его великой княгини Анны Ѳеодоровны, которая еще въ 1801 году удалилась въ чужіе края по крайне разстроенному состоянію ея здоровья, какъ донынѣ къ нему не возвращалась, такъ и впредь, по личному ея объявленію, возвратиться въ Россію не можетъ, и вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобы бракъ его съ нею былъ расторженъ».

«Внявъ сей просьбѣ,—сказано далѣе въ манифестѣ,—съ соизволенія любезнѣйшей родительницы нашей, мы предавали дѣло сіе въ разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который, по сличеніи обстоятельствъ онаго съ церковными узаконеніями, на точномъ основаніи 35-го правила Василія Великаго [138], положилъ: бракъ цесаревича и великаго князя Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною расторгнуть, съ дозволеніемъ ему вступить въ новый, естьли онъ пожелаетъ. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ усмотрѣли мы, что безплодное было бы усиліе удерживать въ составѣ императорской нашей фамиліи брачный союзъ четы, девятнадцатый годъ уже разлученной, безъ всякой надежды быть соединенною, и потому, изъявивъ соизволеніе наше, по точной силѣ церковныхъ узаконеній, на приведеніе выше изъясненнаго положенія святѣйшаго синода въ дѣйствіе, повелѣваемъ повсюду признавать оное въ свойственной ему силѣ».

Императоръ Павелъ въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», изданномъ 5-го (17-го) апрѣля 1797 года, ничего не упомянулъ о неравныхъ по рожденію бракахъ членовъ императорской фамиліи. «Учрежденіе» не предусматривало какихъ либо стѣсненій въ этомъ смыслѣ и ставило только одно условіе: «всякій бракъ, безъ согласія царствующаго императора сдѣланный, законнымъ признаваемъ быть не можетъ». Поэтому императоръ Александръ въ манифестѣ, изданномъ по случаю развода цесаревича, присовокупилъ слѣдующее дополнительное постановленіе:

«При семъ, объемля мыслью различные случаи, которые могутъ встрѣчаться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи, и которыхъ послѣдствія, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями,

Библиотека "Руниверс"

мы признаемъ за благо, для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой имперіи нашей, присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской фамиліи слѣдующее дополнительное правило: если какое лице изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то-есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лице императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола.

«Изъявляя сію волю нашу всѣмъ настоящимъ и будущимъ членамъ императорской нашей фамиліи и всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, по точному праву, опредѣленному въ 23-мъ пунктѣ Учрежденія объ императорской фамиліи[139], предъ лицемъ Царя царствующихъ обязуемъ всѣхъ и каждаго, до кого сіе касаться можетъ, сохранять сіе дополнительное наше постановленіе въ вѣчныя времена свято и ненарушимо»[140].

Такимъ образомъ, въ 1820 году, опредѣлилось наконецъ семейное положеніе цесаревича Константина Павловича. Разводъ цесаревича былъ первымъ подобнымъ случаемъ въ императорскомъ семействѣ, такъ какъ Петръ Великій, послѣ заточенія и постриженія царицы Евдокіи Ѳеодоровны (рожд. Лопухиной) въ монастырь, не призналъ нужнымъ получить разводъ по правиламъ церкви.

Вскорѣ выяснилась и другая сторона вопроса, а именно причина, вызвавшая обнародованіе новаго закона, объявленнаго въ манифестѣ 20-го марта.

12-го (24-го) мая 1820 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ обвѣнчался въ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ съ дѣвицею графинею Іоанною Грудзинскою, безъ всякой торжественности, въ присутствіи только четырехъ свидѣтелей, генераловъ: Курута, Альбрехта, Нарышкина и Кнорринга. Великій князь вѣнчался сперва по православному обряду, а потомъ по католическому. Послѣ вѣнчанія цесаревичъ сѣлъ съ своей супругой въ кабріолетъ, управлялъ парой въ дышлѣ лошадей самъ и отправился по Краковскому предмѣстью въ Бельведеръ. Молва о бракосочетаніи великаго князя быстро распространилась въ Варшавѣ, и улицы покрылись густою толпою народа, встрѣтившаго новобрачныхъ радостными кликами[141].

Офиціальное положеніе новой супруги цесаревича опредѣлилось манифестомъ отъ 8-го (20-го) іюля 1820 года, который, однако, не былъ обнародованъ. Въ этомъ манифестѣ супругѣ цесаревича пожалованъ былъ титулъ княгини Ловичъ; вмѣстѣ съ княжескимъ достоинствомъ ей былъ присвоенъ въ Россіи титулъ свѣтлости.

Библиотека "Руниверс"

Народная сцена въ окрестностяхъ С.-Петербурга, въ 1799 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бракъ цесаревича отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ на его неукротимомъ доселѣ нравѣ. Княгиня Ловичъ старательно заботилась, по мѣрѣ силъ, вліять на мужа, чтобы на будущее время предотвратить неудовольствіе и непріязнь, которыя цесаревичъ постоянно возбуждалъ противъ себя, какъ среди поляковъ, такъ и русскихъ, своею необузданною горячностью. По мѣткому выраженію современника, «левъ былъ побѣжденъ голубицею». Въ перепискѣ съ Лагарпомъ цесаревичъ упоминаетъ даже въ 1826 году о своей супругѣ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ: «Я ей обязанъ счастіемъ, спокойствіемъ и получилъ ее изъ рукъ моего покойнаго императора, который удостоивалъ ее своею дружбою и особымъ довѣріемъ. (Je lui dois mon bonheur, ma tranquillité, et je la tiens de la main de mon défunt empereur qui l'honorait de son amitié et de sa confiance particulière)».

Устроивъ свое домашнее счастіе, цесаревичъ Константинъ Павловичъ не замедлилъ также осуществить другое свое намѣреніе, задуманное много лѣтъ тому назадъ. Еще въ 1801 году, тотчасъ послѣ мартовскихъ трагическихъ событій, Константинъ Павловичъ сказалъ полковнику Николаю Александровичу Саблукову:

— Ну, хорошая это была каша.

— Хорошая дѣйствительно каша,—отвѣчалъ Саблуковъ,—и я весьма счастливъ, что къ ней не причастенъ.

— Это хорошо, другъ мой, — сказалъ цесаревичъ, торжественно присовокупивъ знаменательныя слова:—послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда нибудь, то я, конечно, никогда его не приму. (Après ce qui est arrivé, mon frère peut régner, s'il veut; mais si le trône me revenait jamais, je ne l'accepterais certainement pas)»[142].

Цесаревичъ и въ послѣдующіе годы своей жизни оставался всегда вѣрнымъ мысли, высказанной въ 1801 году Саблукову. Въ этомъ убѣждаютъ насъ также слова, сказанныя въ 1819 году императоромъ Александромъ въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, а именно, что цесаревичъ имѣетъ природное отвращеніе къ наслѣдованію престола.

Наконецъ, въ 1821 году, цесаревичъ высказалъ съ полною откровенностью свои мысли по вопросу о престолонаслѣдіи великому князю Михаилу Павловичу. Это случилось въ Варшавѣ.

Теперь нужно обратиться къ подлинному разсказу великаго князя Михаила Павловича, записанному со словъ его барономъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ въ 1847 году[143].

«Послѣ выдержанной въ 1819 году жестокой болѣзни, великій князь Михаилъ Павловичъ лѣтомъ 1821 года пользовался водами въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ и оттуда на возвратномъ пути пріѣхалъ въ Вар-

Библиотека "Руниверс"

шаву, гдѣ остановился, какъ всегда, у цесаревича Константина Павловича, въ Бельведерѣ. Въ то же время ожидали въ Варшавѣ съ Эмскихъ водъ и великаго князя Николая Павловича съ супругою, для которыхъ цесаревичъ готовилъ помѣщеніе въ Лазенкахъ. Не вполнѣ, можетъ статься, оцѣненный современниками, потому что они мало знали превосходныя качества высокой его души, но боготворимый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичъ Константинъ самъ особенно любилъ младшаго своего брата и постоянно являлъ ему теплую дружбу и неограниченное довѣріе, которыя при разности ихъ лѣтъ представляли почти отношенія нѣжнаго отца къ почтительному сыну. «Видишь ли, Michel,—сказалъ онъ ему однажды среди своихъ приготовленій къ встрѣчѣ великаго князя Николая Павловича, — съ тобою мы по-домашнему, а когда я жду брата Николая, мнѣ все кажется, будто готовлюсь встрѣтить государя».

«Но эти слова были только преддверіемъ или вступленіемъ къ другому важнѣйшему сообщенію. Разъ оба брата проѣзжались вмѣстѣ въ колескѣ по городскому валу. «Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ,—сказалъ вдругъ цесаревичъ[144],—я хочу явить новое ея доказательство, открывъ тебѣ великую тайну моей души. Не дай Богъ, чтобъ насъ постигло когда нибудь величайшее несчастіе, какое только можетъ разразиться надъ Россіею: потеря государя; но еслибъ этому суждено было случиться при моей жизни, я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться навсегда и невозвратимо отъ наслѣдственныхъ моихъ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю государя, чтобъ вообразить себя иначе, какъ съ прискорбіемъ и даже ужасомъ на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ, и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому, и, что еще болѣе, на полькѣ: слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности, и отношенія наши всегда останутся двусмысленными. Итакъ, я твердо положилъ уступить престолъ брату Николаю, и ничто не поколеблетъ этой зрѣло обдуманной рѣшимости. Покамѣстъ она должна остаться въ глубокой между нами тайнѣ; но когда впередъ у тебя будетъ рѣчь объ этомъ съ братомъ Николаемъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить; а если бъ и его не стало прежде меня, то я съ такимъ же усердіемъ буду служить его сыну, можетъ быть, еще и съ бо́льшимъ, потому что онъ носитъ имя моего благодѣтеля».

Вскорѣ послѣ этого разговора прибыли въ Варшаву ожидаемые гости. Недѣля, которую они вмѣстѣ тутъ жили, проведена была очень весело и въ блестящихъ празднествахъ; потомъ оба великіе князья, Николай и Михаилъ, отправились въ Бѣшенковичи, для командованія ввѣреннымъ имъ гвардейскими бригадами при смотрѣ и маневрахъ, кото-

Библиотека "Руниверс"

рые предназначены были въ присутствіи государя, возвратившагося весною передъ тѣмъ съ Лайбахскаго конгресса. Гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе послѣ маневровъ расположиться на зиму въ западныхъ губерніяхъ съ двоякою цѣлью: одною, чтобы нѣкоторымъ образомъ развлечь и освѣжить умы послѣ случившагося незадолго передъ тѣмъ извѣстнаго событія въ Семеновскомъ полку; другою, чтобы быть въ ближайшей готовности къ направленію въ Италію на случай, если бы ходъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ потребовалъ осуществить замышлявшуюся посылку арміи на помощь австрійцамъ. Въ Бѣшенковичахъ, обѣдая однажды съ великими князьями, государь спросилъ, намѣрены ли они возвратиться въ Петербургъ, или же оставаться при своихъ бригадахъ, что онъ предоставляетъ совершенно на ихъ волю. Оба единодушно отвѣчали, что какъ государю угодно было ввѣрить имъ въ командованіе бригады, то они и считаютъ долгомъ при нихъ оставаться. «Я и не ожидалъ отъ васъ иного, — сказалъ государь,—но какъ матушка все еще безпокоится о твоемъ здоровьѣ, Michel, то, отведя ваши бригады на мѣста ихъ расположенія, пріѣзжайте въ Петербургъ съ нею повидаться, послѣ чего опять отправитесь къ своимъ мѣстамъ». Такъ и сдѣлалось; но, оставляя Петербургъ послѣ нѣсколькихъ недѣль, великіе князья получили приказаніе снова туда пріѣхать ко дню рожденія государя (12-го декабря), къ которому ожидалась и сестра ихъ, великая княгиня Марія Павловна.

Великій князь Михаилъ Павловичъ явился еще нѣсколькими днями ранѣе 12-го декабря, по особому приглашенію императрицы-матери къ празднику, который она устроила въ Смольномъ монастырѣ для великой княгини. Позже прибылъ и цесаревичъ, такъ что въ зиму съ 1821-го на 1822-й годъ въ Петербургѣ соединилась впервые послѣ 1816-го года почти вся царственная семья. Великимъ князьямъ, которые сперва хотѣли ѣхать назадъ тотчасъ послѣ новаго года, велѣно было остаться долѣе, и они отправились къ своимъ бригадамъ не прежде начала февраля 1822 года. Въ это время надлежало совершиться тому великому историческому событію, которое цесаревичъ давалъ предчувствовать своему брату въ Варшавѣ.

Въ пріѣзды свои въ Петербургъ цесаревичъ останавливался всегда въ принадлежавшемъ ему Мраморномъ дворцѣ. Туда бывало, когда окончится вечеръ у большого двора, онъ увозилъ съ собою брата своего Михаила Павловича и тутъ за чашкою чая и сигарою проводилъ съ нимъ половину ночи въ неистощимыхъ бесѣдахъ о быломъ. Одаренный необыкновенною памятью и блестящимъ даромъ слова и богатый воспоминаніями о царствованіяхъ императрицы Екатерины и императора Павла, о Суворовскихъ походахъ и о другихъ происшествіяхъ своего времени, Константинъ Павловичъ любилъ предаваться имъ въ этихъ

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Николай Павловичъ въ костюмѣ Алариса, царя Бухарскаго,
и великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ костюмѣ Лалла-Рукъ.

Изъ весьма рѣдкаго изданія: „Lalla-Roukh. Divertissement executé au chateau royal de Berlin le 27 Janvier 1821, pendant le séjour de L. L. A. A. J. J. Msgr. le grand duc Nicolas et Mad. la grande duchesse Alexandra Feodorowna". Berlin. 1822.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

дружескихъ бесѣдахъ, а молодой братъ его никогда не утомлялся слушать его живые и одушевленные разсказы. Но передъ тѣмъ еще великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ ежедневно являться къ ужину императрицы-матери, который бывалъ обыкновенно часовъ

Митрополитъ московскій Филаретъ.
(Съ гравированнаго портрета Пожалостина).

около десяти. Въ одинъ вечеръ, въ январѣ 1822 года, онъ ожидалъ, какъ всегда, извѣщенія, что императрица вышла; но бьетъ десять часовъ, бьетъ и одиннадцать, а его все не зовутъ; наконецъ за нимъ прислали уже въ двѣнадцатомъ часу. Въ комнатахъ императрицы онъ засталъ цесаревича и великую княгиню Марію Павловну. Въ ту минуту, когда

Библиотека "Руниверс"

онъ вошелъ, великая княгиня цѣловала цесаревича въ плечо, говоря: «Vous êtes un honnête homme, mon frère». Между тѣмъ, послѣ входа Михаила Павловича всякія дальнѣйшія изъясненія прекратились; ужинъ обошелся безъ чего либо особеннаго, и потомъ цесаревичъ, по обыкновенію, повезъ брата къ себѣ въ Мраморный дворецъ.

«Помнишь ли ты нашъ разговоръ въ Варшавѣ? — спросилъ онъ его, какъ только они сѣли въ сани: — сегодня вечеромъ все кончилось; я объявилъ государю и матушкѣ мои намѣренія и мою непреложную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили ихъ, и государь обѣщалъ составить о всемъ томъ актъ, который будетъ помѣщенъ въ четырехъ экземплярахъ: въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ, въ синодѣ и на престолѣ Московскаго Успенскаго собора, но котораго содержаніе будетъ хранимо покамѣстъ въ глубокой тайнѣ и огласится тогда только, когда настанетъ нужное къ тому время».

Послѣ этого разговора цесаревичъ положилъ официальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола тѣмъ, что 14-го (26-го) января 1822 года онъ обратился къ императору Александру съ письмомъ, въ которомъ признаваясь, что, «не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію своему можетъ имѣть право», осмѣливается просить его величество передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него. Проектъ письма былъ сперва разсмотрѣнъ императоромъ Александромъ и собственноручно имъ исправленъ.

Отвѣтъ императора Александра на письмо цесаревича послѣдовалъ не скоро; онъ состоялся 2-го (14-го) февраля 1822 года, уже послѣ отъѣзда Константина Павловича изъ Петербурга. Собственноручный отвѣтъ государя заключался въ слѣдующемъ:

«Любезнѣйшій братъ!

«Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше. Умѣвъ цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно дало мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

«По вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

«Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

«Пребываю навѣкъ душевно васъ любящій братъ,

«Александръ».

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, ожидаемое цесаревичемъ утвержденіе его отреченія императорскимъ словомъ наконецъ состоялось; но въ отвѣтѣ императора Александра ничего не упомянуто было о составленіи обѣщаннаго государемъ акта по поводу одобреннаго имъ измѣненія порядка престолонаслѣдія. Затѣмъ невольно обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что въ приведенной перепискѣ отсутствуетъ имя великаго князя Николая Павловича. Вся офиціальная фразеологія писемъ витаетъ въ области тщательно оберегаемаго инкогнито. Вообще же, во всемъ этомъ дѣлѣ, начиная отъ его зародыша до окончательной развязки, проглядываетъ какая-то безцѣльная страсть къ тайнѣ, какое-то тщательное и послѣдовательное уклоненіе отъ прямого названія вещей настоящимъ именемъ; все сводится къ какой-то непостижимой игрѣ въ прятки, настойчиво поддерживаемой, неизвѣстно для какой цѣли, всѣми заинтересованными въ вопросѣ о престолонаслѣдіи лицами.

Таинственнымъ обмѣномъ писемъ на первый разъ все и ограничилось. Великій князь Николай Павловичъ и супруга его ничего не знали о семейныхъ переговорахъ, происходившихъ въ январѣ мѣсяцѣ въ Зимнемъ дворцѣ; только съ 1822 года императрица Марія Ѳеодоровна начала говорить съ ними въ томъ же смыслѣ, какъ прежде государь, и какъ пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ: «упоминая о какомъ-то актѣ, который будто бы братомъ Константиномъ Павловичемъ былъ учиненъ для отреченія въ нашу пользу, и спрашивала, не показывалъ ли намъ оный государь».

Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то онъ замѣтилъ, вспоминая въ 1847 году давно прошедшія событія тревожной эпохи: «И тогда, и послѣ, при дворѣ соблюдалось мертвое молчаніе насчетъ случившагося, и никто не показывалъ вида, чтобы что нибудь зналъ».

Основной законъ имперіи не могъ быть, однако, измѣненъ однимъ обмѣномъ семейныхъ писемъ; тѣмъ не менѣе, государь видимо колебался произнести рѣшительное слово. Наконецъ, только въ слѣдующемъ 1823 году, императоръ Александръ облекъ силою закона, хотя и тайнаго, семейное распоряженіе и тѣмъ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ цесаревичу еще до обмѣна писемъ по поводу измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Составленіе этого акта сопровождалось сугубо таинственными пріемами.

Лѣтомъ, въ 1823 году, архіепископъ московскій Филаретъ, находившійся тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ синодѣ, просилъ у императора Александра увольненія въ свою епархію. Министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, объявилъ ему на это открыто высочайшее соизволеніе и въ то же время секретно повелѣніе, чтобы онъ до отъѣзда изъ Петербурга исполнилъ особое порученіе государя. Вслѣдъ затѣмъ Филарету было передано подлинное письмо цесаревича 1822 года и повелѣно написать проектъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ пре-

Библиотека "Руниверс"

стола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы актъ сей, оставаясь въ тайнѣ, пока не настанетъ время привести его въ исполненіе, хранился въ Успенскомъ соборѣ съ прочими царственными актами: «Мысль о тайнѣ тотчасъ представилась архіепископу ведущею къ затрудненію. Какъ восшествію на престолъ естественно быть въ Петербургѣ, то какъ оно можетъ быть соображено съ манифестомъ, въ тайнѣ хранящимся въ Москвѣ? Архіепископъ не скрылъ сего недоумѣнія, представилъ, чтобы списки съ составляемаго акта хранились также въ Петербургѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ синодѣ и въ сенатѣ, и, получивъ на сіе также высочайшую волю, внесъ сіе въ самый проектъ манифеста». Такъ пишетъ объ этомъ чудесномъ дѣлѣ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ восшествію на престолъ императора Николая Павловича.

Вручивъ проектъ манифеста князю Голицыну, Филаретъ, какъ уже уволенный въ Москву, просилъ позволенія откланяться и былъ принятъ императоромъ Александромъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ повелѣніе дождаться возвращенія проекта для нѣкоторыхъ въ немъ исправленій[145]. Государь уѣхалъ въ Царское Село. Прошло нѣсколько дней. Филаретъ, заботясь о ввѣренной ему тайнѣ и замѣчая, что дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ, послѣ увольненія въ дорогу, возбуждаетъ любопытство, просилъ позволенія исполнить высочайшую волю при проѣздѣ черезъ Царское Село, гдѣ могъ остановиться подъ видомъ посѣщенія князя Голицына. Такъ и случилось. Филаретъ нашелъ у князя возвращенный проектъ; нѣкоторыя слова и выраженія манифеста императоръ Александръ собственноручно исправилъ и замѣнилъ другими. Болѣе затрудненій представляла для Филарета окончательная редакція заключительныхъ словъ манифеста. Въ первоначальной редакціи Филаретъ окончилъ манифестъ словами: «О насъ же къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу, по вѣрѣ въ котораго чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ, всѣ наши вѣрноподданные вознесутъ искреннія мольбы съ тою любовію, по которой мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагаемъ высочайшее на землѣ благо». Императоръ подчеркнулъ слова: «чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ», и съ боку поставилъ NB. Филаретъ старался угадать, почему написанное имъ не соотвѣтствовало мыслямъ государя, и представилъ три варіанта взамѣнъ подчеркнутыхъ словъ: «по благодати котораго чаемъ непреходящаго наслѣдія въ царствіи Его со всѣми вѣрующими въ Него», или «давшему намъ дерзновеніе вѣрою входить въ причастіе непреемственнаго царствія Его на небесахъ», или «вѣрою въ котораго пщемъ воспріятія въ непреходящее царствіе Его на небесахъ». Сомнѣнія государя разрѣшилъ князь А. Н. Голицынъ; онъ представилъ четвертый варіантъ, который удостоился высочайшаго

Библиотека "Руниверс"

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

(Съ портрета, писаннаго Брюловымъ и принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу).

утвержденія. Заключительныя слова эти были выражены въ слѣдующемъ видѣ: «О насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, да они съ тою любовію, по которой мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали высочайшее на землѣ благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу о принятіи души нашей, по неизреченному Его милосердію, въ царствіе Его вѣчное».

Князь Голицынъ очень гордился, что ему удалось найти подходящее выраженіе для мыслей Александра, и замѣтилъ впослѣдствіи: «Видно,

Библиотека "Руниверс"

Богу угодно было, чтобъ то, что касалось до души покойнаго государя, было мною изложено; такъ душа его мнѣ была очень любезна».

Въ такомъ окончательно исправленномъ видѣ императоръ Александръ подписалъ манифестъ 16-го (28-го) августа 1823 года въ Царскомъ Селѣ; въ немъ наконецъ произнесено было имя преемника Александра и сказано: «наслѣдникомъ нашимъ быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу».

25-го августа (6-го сентября) императоръ Александръ прибылъ въ Москву. 27-го августа (8-го сентября) государь прислалъ Филарету утвержденный актъ съ приложеніемъ подлиннаго письма цесаревича, въ запечатанномъ конвертѣ, съ собственноручною его величества надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія».

28-го августа, Филарета посѣтилъ графъ Аракчеевъ и, узнавъ сперва, получены ли отъ государя извѣстныя бумаги, спросилъ далѣе, какъ будутъ внесены онѣ въ Успенскій соборъ. Архіепископъ отвѣчалъ, что 29-го августа, въ навечеріе дня тезоименитства государя, онъ будетъ лично совершать всенощное бдѣніе въ Успенскомъ соборѣ и при вступленіи въ алтарь, по чину службы, прежде ея начатія, воспользуется симъ временемъ, чтобы положить запечатанный конвертъ въ ковчегъ къ прочимъ актамъ, «не открывая впрочемъ никому, что сіе значитъ». Мысль Филарета была, чтобы, по крайней мѣрѣ, тѣ немногіе, которые будутъ находиться въ алтарѣ, замѣтили, что нѣчто неизвѣстное пріобщено къ государственнымъ актамъ, и чтобы отъ сего остались, въ случаѣ кончины государя, нѣкоторая догадка и побужденіе вспомнить о ковчегѣ и заняться вопросомъ, нѣтъ ли въ немъ чего на этотъ случай. Графъ Аракчеевъ ничего не отвѣтилъ и удалился, но скоро опять явился и объявилъ, что государю не угодна ни малѣйшая гласность.

Получивъ такое повелѣніе, Филаретъ отправился 29-го августа въ Успенскій соборъ, когда тамъ никого не было, кромѣ протопресвитера, сакелларія и прокурора синодальной конторы съ печатью. Архіепископъ вошелъ въ алтарь, открылъ ковчегъ государственныхъ актовъ, показалъ присутствующимъ принесенный конвертъ и на немъ печать, но не надпись, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ свидѣтелямъ къ строгому наблюденію высочайшую волю, «чтобы о семъ никому открываемо не было». Хранители тайны были вѣрны, прибавляетъ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ: дѣйствительно никто ничего не узналъ.

Архіепископъ полагалъ, что существованіе новаго акта извѣстно, по крайней мѣрѣ, московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Вла-

Библиотека "Руниверс"

дмитровичу Голицыну, которому, судя по надписи государя на пакетѣ, поручалось наблюденіе за его вскрытіемъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не рѣшился съ нимъ объясниться по этому поводу, не имѣвъ на то высочайшаго уполномочія. Впослѣдствіи оказалось, что князь Голицынъ ничего не зналъ о распоряженіи, исполненномъ въ Москвѣ по повелѣнію императора Александра по вопросу первѣйшей государственной важности. Итакъ, не было упущено удобнаго случая нагромоздить еще новую тайну на всю длинную цѣпь предшествовавшихъ ей секретныхъ мѣропріятій!

Списки съ секретнаго манифеста, положеннаго въ Успенскомъ соборѣ, согласно совѣту Филарета были дѣйствительно посланы въ государственный совѣтъ, синодъ и сенатъ, но не тотчасъ, а значительно позже. Такъ, напримѣръ, въ государственный совѣтъ копія съ манифеста, подписаннаго 16-го августа, попала только въ половинѣ октября. Всѣ эти списки, равно какъ и подлинникъ, были переписаны рукою князя А. Н. Голицына и разосланы, по принадлежности, въ конвертахъ за императорскою печатью. На пакетѣ, доставленномъ въ совѣтъ, государь собственноручно написалъ: «Хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Подобныя же собственноручныя надписи были на двухъ другихъ конвертахъ [145].

Разсылка копій съ манифеста не могла пройти безслѣдно въ Петербургѣ; въ городѣ заговорили о загадочныхъ пакетахъ, но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Ничего подобнаго не случилось въ Москвѣ; разговоровъ не было, и тайна, въ которую облекъ императоръ Александръ сдѣланное имъ распоряженіе, не была нарушена, благодаря мѣропріятіямъ архіепископа Филарета.

Такимъ образомъ, о существованіи акта относительно престолонаслѣдія въ Россіи знали только три лица: архіепископъ Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ и графъ Аракчеевъ.

Насколько императрица Марія Ѳеодоровна посвящена была императоромъ Александромъ въ тайну своихъ распоряженій, трудно сказать. Извѣстно ли ей было одно отреченіе цесаревича Константина Павловича, которое она привыкла называть актомъ, или же она знала о существованіи секретнаго манифеста 16-го августа 1823 года,—все это нельзя установить съ желаемою точностью. Императрица же Елисавета Алексѣевна оставлена была совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ переговоровъ по этому дѣлу; ей ничего положительнаго не было извѣстно объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, что и обнаружилось впослѣдствіи съ достаточною очевидностью, въ моментъ кончины императора Александра въ Таганрогѣ.

Что же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ наравнѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ ничего не услышалъ отъ

Библиотека "Руниверс"

государя о послѣднихъ распоряженіяхъ его, то-есть о манифестѣ, измѣнившемъ порядокъ престолонаслѣдія; императоръ Александръ почему-то призналъ совершенно излишнимъ посвятить двухъ главныхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ тайну подписаннаго имъ важнаго манифеста.

Столь тщательно обставленная тайна была, однако, довѣрена государемъ одному лицу, которому, строго говоря, было совершенно безцѣльно знать о ея существованіи ранѣе лицъ, прямо къ ней прикосновенныхъ. Это былъ прусскій принцъ Вильгельмъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ со стороны Александра Павловича. Возвратившись изъ своей поѣздки по Россіи, 3-го (15-го) ноября 1823 года, императоръ имѣлъ разговоръ съ принцемъ 5-го ноября, передъ отъѣздомъ послѣдняго въ Берлинъ. Государь ознакомилъ принца со всѣми распоряженіями, сдѣланными имъ по поводу отреченія цесаревича Константина Павловича. По прибытіи въ Берлинъ принцъ Вильгельмъ не замедлилъ довѣрить королю тайну, услышанную отъ императора Александра; Фридрихъ-Вильгельмъ пришелъ отъ этого сообщенія въ неописанное удивленіе [147].

Императоръ Александръ не довольствовался, однако, разоблаченіями, почему-то сдѣланными имъ принцу Вильгельму; подобнымъ же довѣріемъ онъ удостоилъ Карамзина и его жену, повѣдавъ имъ свою тайну, наравнѣ съ прусскимъ принцемъ, осенью 1823 года. Наконецъ, принцу Оранскому, посѣтившему Петербургъ въ 1825 году, также посчастливилось узнать непосредственно отъ государя столь ревниво оберегаемую тайну касательно измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ разсказывалъ впослѣдствіи Михайловскому-Данилевскому:

«Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ, однакоже, объ этомъ (то-есть о престолонаслѣдіи) ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ: «тебѣ надобно будетъ это поддерживать». Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ».

Вотъ какими странными и непонятными мѣрами императору Александру благоугодно было обставить столь важный и жизненный для государства вопросъ, заранѣе обрекая избраннаго имъ наслѣдника престола на крайне двусмысленное положеніе какъ въ отношеніи къ своему старшему брату, такъ и къ Россіи вообще [148]. Все сводилось въ сущности къ тому, что въ случаѣ несчастія, какъ бы въ частномъ быту, раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія! Трудно прійти къ другому заключенію и придумать лучшее объясненіе.

Библиотека "Руниверс"

Сытный рынокъ въ С.-Петербургѣ въ 1801 году.

Съ рисунка съ натуры Кнаппе. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

V.

Остановимся нѣсколько на подробностяхъ семейной жизни великаго князя Николая Павловича за время съ 1819 по 1824 годъ.

6-го (18-го) августа 1819 года, родилась великая княжна Марія Николаевна. Слѣдующая затѣмъ беременность великой княгини Александры Ѳеодоровны окончилась менѣе благополучно: она родила 10-го іюня 1820 г. въ Павловскѣ мертваго ребенка. Какъ только состояніе здоровья великой княгини позволило ей двинуться въ путь, великокняжеская чета отправилась за границу, чтобы провести зиму въ Берлинѣ, а затѣмъ съ наступленіемъ весны пользоваться водами въ Эмсѣ. Дѣти оставлены были на попеченіи императрицы Маріи Ѳеодоровны[149].

«Дѣйствительно, три года прошло уже со времени моего замужества,—пишетъ Александра Ѳеодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ,—и было весьма естественно посѣтить моего отца и, если окажется возможнымъ, предпринять лѣтомъ 1821 года какое нибудь лѣченіе для возстановленія моего здоровья. Я имѣла въ теченіе двухъ лѣтъ троихъ дѣтей».

Великій князь Николай Павловичъ отвезъ жену въ Берлинъ и затѣмъ, по возвращеніи короля изъ Троппау, отправился, по приглашенію императора Александра, не надолго туда же[150].

Зимній сезонъ этого года въ прусской столицѣ былъ необыкновенно блестящій; оживленію двора и общества содѣйствовало присутствіе многочисленныхъ гостей. Тогда состоялось въ королевскомъ замкѣ, 15-го (27-го) января 1821 года, знаменитое представленіе поэмы Томаса Мура «Лалла Рукъ». Она была воспроизведена въ рядѣ живыхъ картинъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и исполненіемъ музыкальныхъ номеровъ, сочиненныхъ любимымъ королевскимъ капельмейстеромъ Спонтини. Главныя роли выпали на долю великаго князя Николая Павловича и вслшкой княгини Александры Ѳеодоровны; они изображали короля бухарскаго Алариса и Лалла Рукъ. Остальныя роли были распредѣлены между членами королевскаго семейства, иностранными гостями и знатнѣйшими придворными. Принцъ Вильгельмъ, братъ великой княгини, изображалъ собою Джегандеръ-шаха[151].

Во время пребыванія въ Берлинѣ, на этотъ разъ болѣе продолжительнаго сравнительно съ прежними посѣщеніями, Николай Павловичъ окончательно сблизился, можно сказать, дѣйствительно сроднился съ прусскою королевскою семьею. Всего ближе великій князь сошелся со вторымъ своимъ зятемъ, съ любимымъ братомъ Александры Ѳеодоровны, принцемъ Вильгельмомъ; ихъ соединяла къ тому же общая страсть къ военному дѣлу. Впечатлѣнія, вынесенныя тогда Николаемъ Павловичемъ. во время пребыванія при прусскомъ дворѣ, оставили глубокій

Библиотека "Руниверс"

слѣдъ въ его умѣ на всю послѣдующую жизнь; они отразились впослѣдствіи и на его царствованіи.

Не менѣе прочно было установившееся тогда окончательно сближеніе Николая Павловича съ прусскою арміею, которую онъ особенно полюбилъ. Великій князь съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми подробностями обученія прусскихъ солдатъ, поражая своихъ прусскихъ друзей знаніемъ всѣхъ мелочей военной службы.

Впослѣдствіи Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, желая объяснить Шнейдеру, издателю «Друга солдатъ (Soldatenfreund)», почему онъ чувствуетъ себя столь счастливымъ, находясь среди солдатъ, сказалъ ему: «Здѣсь порядокъ, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчія, все вытекаетъ одно изъ другого; никто не приказываетъ, прежде чѣмъ самъ не научится повиноваться; никто безъ законнаго основанія не становится впереди другого; все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе. Потому-то мнѣ такъ хорошо среди этихъ людей, и потому я всегда буду держать въ почетѣ званіе солдата. Я смотрю на всю человѣческую жизнь, только какъ на службу, такъ какъ каждый служитъ» [162].

Эти слова могутъ считаться вѣрнымъ отголоскомъ задушевныхъ, искреннихъ убѣжденій Николая Павловича, и этой безхитростной философіи онъ остался вѣренъ до самой смерти.

18-го (30-го) марта 1821 года, состоялось открытіе памятника на Крейцбергѣ близъ Берлина, воздвигнутаго въ память войнъ 1813, 1814 и 1815 годовъ; припомнимъ здѣсь, что первый камень при закладкѣ памятника положилъ императоръ Александръ во время пребыванія въ Берлинѣ въ 1818 году. Бранденбургскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго состоялъ Николай Павловичъ, участвовалъ въ парадѣ, на которомъ великій князь провелъ свой полкъ передъ королемъ.

Весною, Фридрихъ-Вильгельмъ съ семействомъ переѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ дворъ проводилъ время въ тѣсномъ семейномъ кругу. Въ половинѣ лѣта великая княгиня Александра Ѳеодоровна отправилась въ Эмсъ, гдѣ выдержала полный курсъ лѣченія водами. По возвращеніи въ Берлинъ, великокняжеская чета провела еще тамъ двѣ недѣли и оттуда отправилась черезъ Варшаву въ Россію.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ принялъ своего гостя съ свойственною ему привѣтливостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ его часто въ замѣшательство воздаяніемъ не подлежавшихъ его сану почестей; когда же великій князь, стараясь отъ нихъ уклониться, просилъ его освободить отъ такого почета, который казался ему иногда почти насмѣшкою, то Константинъ Павловичъ отговаривался шуткою: «Это все отъ того, что ты мирликійскій царь!» — прозвище, которое съ тѣхъ поръ цесаревичъ часто сталъ давать Николаю Павловичу.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возвращеніе великаго князя Николая Павловича въ Петербургъ состоялось 10-го (22-го) сентября 1821 года, послѣ почти годичнаго отсутствія изъ Россіи. Въ это время гвардія, выступившая въ походъ уже весною, готовилась къ царскому смотру; поэтому великій князь поспѣшно покинулъ Петербургъ, чтобы представить свою бригаду императору Александру. Гвардія, какъ выше упомянуто, возвратилась въ столицу только весною 1822 года, и до этого времени Николай Павловичъ изрѣдка появлялся въ семьѣ лишь гостемъ.

30-го августа (11-го сентября) 1822 года, Николай Павловичъ былъ обрадованъ рожденіемъ второй дочери, великой княжны Ольги Николаевны. Императоръ Александръ, собираясь на Веронскій конгрессъ, находился въ это время въ Вѣнѣ и здѣсь получилъ извѣстіе о новомъ приращеніи семейства Николая Павловича [153].

На обратномъ пути изъ Вероны въ Россію императоръ Александръ встрѣтился въ Миттенвальдѣ, въ концѣ декабря 1822 года, съ принцессой виртембергской Шарлоттой, невѣстой великаго князя Михаила Павловича. Государь остался въ восхищеніи отъ этой встрѣчи и нашелъ даже, что принцесса, несмотря на всѣ благопріятные о ней отзывы, превзошла его ожиданія. Въ письмѣ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ государь писалъ: «Je me contenterais simplement de vous dire, qu'à beaucoup de sens elle réunit infiniment de calme et d'aplomb, avec cela une très grande douceur et affabilité... Enfin je crois, qu'il n'y a pas beaucoup de nos pareils, qui se trouvent aussi avantageusement partagés, que le sont Nicolas et Michel. Ainsi selon moi, le dernier devrait remercier Dieu et se dire qu'il est difficile, qu'il puisse rencontrer mieux».

VI.

Для характеристики служебныхъ отношеній Николая Павловича за то время, когда онъ занималъ въ гвардіи должность бригаднаго командира, приведемъ написанныя объ этомъ великимъ княземъ замѣтки [154].

«До 1818 года,—пишетъ Николай Павловичъ,—не былъ я занятъ ничѣмъ; все мое знакомство со свѣтомъ ограничивалось ежедневнымъ ожиданіемъ въ переднихъ или секретарской комнатѣ, гдѣ, подобно биржѣ, собирались ежедневно въ 10 часовъ всѣ гг. генералъ и флигель-адъютанты, гвардейскіе и пріѣзжіе генералы и другія знатныя лица, имѣвшія допускъ къ государю. Въ семъ шумномъ собраніи проводили мы иногда часъ, иногда и болѣе, доколѣ не призывали къ государю военнаго генералъ-губернатора съ комендантомъ, и вслѣдъ за ними всѣ генералъ-адъютанты и полковые адъютанты съ рапортами, и мы съ ними, и представлялись фельдфебеля и вѣстовые.

Библиотека "Руниверс"

«Отъ нечего дѣлать вошло въ привычку, что въ семъ собраніи дѣлались дѣла по гвардіи; но большею частью время проходило въ шуткахъ и насмѣшкахъ насчетъ ближняго, бывало и интриги, въ то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали въ коридорахъ, теряя время или употребляя оное для развлеченія, почти не щадя начальства, ни правительства.

«До сего я видѣлъ и не понималъ; сперва родилось удивленіе, наконецъ и я смѣялся; потомъ началъ замѣчать, многое видѣлъ, многое понялъ; многихъ узналъ — и въ рѣдкомъ обманулся.

«Время не было потерей времени, но драгоцѣнной практикой для познанія людей и лицъ — я этимъ воспользовался.

«Осенью 1818 года, государю угодно было дѣлать мнѣ милость, назначивъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, то-есть Измайловскаго и Егерскаго полковъ. За нѣсколько передъ этимъ вступилъ я въ управленіе инженерною частью. Только что вступилъ я въ командованіе бригады, государь, императрица и матушка уѣхали въ чужіе края; тогда былъ конгрессъ въ Ахенѣ. Я остался съ женою и сыномъ, одни въ Россіи изъ всей семьи. И такъ при самомъ моемъ вступленіи въ службу, гдѣ мнѣ наинужнѣе было имѣть наставника, брата-благодѣтеля, оставленъ я былъ одинъ съ пламеннымъ усердіемъ, но съ совершенною неопытностью.

«Я началъ знакомиться съ своей командой и не замедлилъ убѣдиться, что служба шла вездѣ совершенно иначе, чѣмъ слышалъ волю государя, чѣмъ самъ полагалъ, разумѣлъ ее, ибо правила были въ насъ твердо влиты. Я началъ взыскивать — одинъ, ибо, что я по долгу совѣсти почитилъ, дозволялось вездѣ, даже моими начальниками. Положеніе было самое трудное; дѣйствовать иначе было противно моей совѣсти и долгу; но симъ я явно ставилъ и начальниковъ и подчиненныхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что меня не знали и многіе или не понимали, или не хотѣли понимать.

«Корпусомъ начальствовалъ тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ; къ нему я прибѣгъ, ибо ему порученъ былъ, какъ начальнику, матушкою; часто изъявлялъ ему свое затрудненіе; онъ входилъ въ мое положеніе, во многомъ соглашался и совѣтами исправлялъ мои понятія. Но сего недоставало, чтобъ поправить дѣло; даже рѣшительно сказать можно, не зависѣло болѣе отъ генералъ-адъютанта Васильчикова исправить порядокъ службы, распущенный, испорченный до невѣроятности съ самаго 1814 года, когда по возвращеніи изъ Франціи гвардія осталась въ продолжительное отсутствіе государя подъ начальствомъ графа Милорадовича. Въ сіе-то время и безъ того уже разстроенный трехгодовымъ походомъ порядокъ совершенно разстроился, и, къ довершенію всего, дозволено было офицерамъ носить фраки.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Было время (повѣритъ ли кто сему?), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу! Подчиненность исчезла и сохранялась только во фронтѣ; уваженіе къ начальникамъ исчезло совершенно, и служба была—одно слово, ибо не было ни правилъ, ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ бы поневолѣ, дабы только жить со дня на день.

«Въ семъ-то положеніи засталъ я мою бригаду, хотя съ малыми оттѣнками: ибо сіе зависѣло и отъ большей или меньшей строгости начальниковъ.

«По мѣрѣ того, какъ началъ я знакомиться съ своими подчиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я возымѣлъ мысль, что подъ симъ, то-есть военнымъ распутствомъ, крылось что-то важнѣе, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что офицеры дѣлились на три разбора: на искренно усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, то-эсть, говоруновъ дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ; но ихъ-то послѣднихъ гналъ я безъ милосердія и всячески старался оныхъ избавиться, что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь черезъ всѣ полки, и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось.

«Государь возвратился изъ Ахена въ концѣ года, и тогда въ первый разъ удостоился я добраго отзыва отъ моего начальства и милостиваго слова моего благодѣтеля, котораго одинъ благосклонный взглядъ вселялъ бодрость и счастіе. Съ новымъ усердіемъ принялся я за дѣло, но продолжалъ видѣть то же вокругъ себя, что меня изумляло, и чему я тщетно искалъ причину».

Разгадку своихъ подозрѣній и недоумѣній суждено было Николаю Павловичу уже найти 14-го декабря 1825 года на Петровской площади, въ день восшествія своего на престолъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Возвращеніе императора Александра изъ Вероны въ Петербургъ послѣдовало уже зимою 21-го января (3-го февраля) 1823 года. Для русскихъ интересовъ результаты окончившагося конгресса не представляли ничего утѣшительнаго. Александръ сказалъ Шатобріану въ Веронѣ: «Когда весь образованный міръ находится въ опасности (quand le monde civilisé est en péril), не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо частныхъ выгодахъ. Теперь уже не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; существуетъ одна политика общая, которая для спасенія всѣхъ должна быть принята сообща народами и государями. Я первый долженъ показать вѣрность началамъ, на которыхъ я основалъ союзъ... Провидѣніе предоставило въ мое распоряженіе восемьсотъ тысячъ солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, а для того, чтобы я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію и способствовалъ утвержденію тѣхъ началъ порядка, на коихъ зиждется человѣческое общество» [155].

Признавъ подобный взглядъ руководящимъ началомъ своей политики, императоръ Александръ отшатнулся отъ греческаго дѣла и озабоченъ былъ болѣе совершенно чуждымъ Россіи дѣломъ: водвореніемъ порядка въ Испаніи. Греки же предоставлены были своей печальной участи и брошены въ объятія Англіи.

Въ Россіи наступившій 1823-й годъ былъ особенно богатъ перемѣщеніями лицъ, стоявшихъ во главѣ высшихъ учрежденій имперіи. Вмѣсто князя Волконскаго, впавшаго въ немилость, во главѣ главнаго штаба его императорскаго величества явился генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ; въ министерствѣ финансовъ генералъ Канкринъ за-

Библиотека "Руниверс"

ступилъ мѣсто графа Гурьева; управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ перешло къ Василію Сергѣевичу Ланскому; военнымъ министромъ послѣ умершаго барона Меллера-Закомельскаго назначенъ былъ генералъ-кригсъ-комиссаръ Александръ Ивановичъ Татищевъ; графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ смѣнилъ графа Ланжерона въ должности новороссійскаго генералъ-губернатора; наконецъ генералъ-адъютантъ Закревскій получилъ Финляндское генералъ-губернаторство, а прежняя его должность дежурнаго генерала ввѣрена была генералу Потапову. Всѣхъ перечисленныхъ здѣсь сановниковъ Николай Павловичъ засталъ при своемъ воцареніи на занимаемыхъ ими должностяхъ, и съ этими лицами ему пришлось вступить въ дѣловыя сношенія въ тревожную эпоху кончины императора Александра.

Въ августѣ 1823 года, государь, по заведенному обычаю, принялся путешествовать по Россіи. Посѣтивъ Москву и осмотрѣвъ войска первой арміи, Александръ продолжалъ путь въ крѣпость Бобруйскъ; здѣсь его ожидалъ генералъ-инспекторъ по инженерной части, великій князь Николай Павловичъ. Изъ Бобруйска государь въ одной коляскѣ съ братомъ отправился въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ собраны были войска польской арміи и литовскаго корпуса, которыми командовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ Брестѣ Николай Павловичъ имѣлъ радость обнять принца Вильгельма Прусскаго, прибывшаго къ предназначеннымъ здѣсь маневрамъ, по желанію короля. Кромѣ прусскихъ офицеровъ, здѣсь собрались также представители армій австрійской, англійской и ганноверской.

Всѣ смотры окончились благополучно, и цесаревичъ былъ въ восторгѣ, что ввѣренныя ему войска удовлетворили требованіямъ государя. Относительно же Николая Павловича цесаревичъ писалъ генералу Чичерину: «Я столько былъ обязанъ дружбою великаго князя, что не знаю, какъ его благодарить. Онъ во все время продолженія маневровъ такой былъ мнѣ помощникъ и съ такимъ усердіемъ мнѣ содѣйствовалъ, что словъ не нахожу, какъ это изъяснить» [156].

Если судить по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ этихъ маневровъ очевидцемъ, бывшимъ наполеоновскимъ офицеромъ, то боевая подготовка войскъ цесаревича не стояла, однако, на очень высокой степени. Онъ пишетъ: «Несмотря на то, что роль каждаго отряда была выучена предварительно, и каждая случайность предусмотрѣна инструкціями, я сомнѣваюсь, чтобы эти маневры могли дать заграничнымъ офицерамъ выгодное представленіе о тактической способности нашего войска. Начальники отрядовъ, освоенные съ движеніями на плацпарадахъ (подобныхъ варшавской Саксонской площади), по тщательно обдуманной программѣ, какъ только очутились среди лѣсовъ, кустарниковъ, болотъ и пригорковъ, потеряли голову. Колонны натыкались одну на другую, не со-

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

Библиотека "Руниверс"

блюдая указанной дистанціи, шеренги спутались, артиллерія останавливалась въ оврагахъ и стрѣляла въ гору, кавалерія попадала въ топкія мѣста, откуда съ трудомъ выбиралась. Вообще всѣ присутствовавшіе на маневрахъ, а въ особенности иностранные наблюдатели, могли убѣдиться, что великій князь Константинъ Павловичъ былъ посредственнымъ полководцемъ и генераломъ, а войско являлось въ его рукахъ игрушкой, приспособленной для парада, но не для войны» [137].

Несмотря на всю рѣзкость приведеннаго здѣсь отзыва о плохой тактической подготовкѣ польско-литовскихъ войскъ, свидѣтельство этого очевидца должно быть признано соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Цесаревичъ, равно какъ и императоръ Александръ, а затѣмъ императоръ Николай Павловичъ, любили военное дѣло особеннымъ образомъ, какъ искусство для искусства; подобный взглядъ, унаслѣдованный отъ императора Павла, оставался въ Россіи господствующимъ съ 1796 года до крымскаго погрома. Военачальники совершенно утратили пониманіе той существенной цѣли, ради которой существуютъ ученія и парады; поэтому сторонникамъ подобной системы обученія войскъ война являлась лишь вреднымъ и нежелательнымъ перерывомъ идеальныхъ порядковъ мирнаго времени, поддерживаемыхъ въ арміи цѣною самыхъ тяжкихъ и неусыпныхъ трудовъ.

Лично для императора Александра брестъ-литовскіе маневры сопровождались непріятною случайностью, сильно повліявшею на здоровье государя. Во время смотра 19-го сентября (1-го октября) лошадь одного полковника лягнула и ударила копытомъ ногу императора. Несмотря на вызванную этимъ сильную боль, Александръ не сошелъ съ лошади; когда же онъ возвратился въ квартиру, ушибленное мѣсто оказалось настолько распухшимъ, что Вилліе пришлось разрѣзать сапогъ, чтобы осмотрѣть ногу и приложить примочку. Тѣмъ не менѣе государь скрылъ свои страданія и вышелъ къ обѣденному столу.

На другой день императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бреста на югъ Россіи. Въ пути пришлось, однако, государю держать ногу горизонтально съ приложенною примочкою; только въ Острогѣ боли стали уменьшаться, и государь провелъ ночь спокойно. Николай Павловичъ возвратился изъ Бреста въ Петербургъ въ сопровожденіи принца Вильгельма, между тѣмъ какъ императоръ Александръ спѣшилъ къ австрійской границѣ въ Черновицы, гдѣ должно было произойти свиданіе съ императоромъ Францемъ. Предметомъ переговоровъ, во время встрѣчи двухъ союзныхъ монарховъ, служилъ злополучный греческій вопросъ, который послѣ двухъ конгрессовъ — въ Лайбахѣ и Веронѣ, вступилъ на путь безконечныхъ и безполезныхъ словопреній. Въ Черновицахъ австрійская политика одержала новую побѣду: императоръ Александръ согласился на возобновленіе дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціею

Библиотека "Руниверс"

и тѣмъ отклонилъ на многіе годы опасность военнаго вмѣшательства въ дѣла Оттоманской Порты [158]. На долю преемника императора Александра выпало затѣмъ трудное дѣло разсѣчь гордіевъ узелъ Меттерниховской политики.

Послѣ осмотра войскъ второй арміи, южныхъ военныхъ поселеній и польской кавалеріи въ Замостьѣ, императоръ Александръ возвратился въ Царское Село 3-го (15-го) ноября. Въ Гатчинѣ государь встрѣтилъ еще 5-го (17-го) ноября принца Вильгельма, собиравшагося въ обратный путь. Прощаясь съ принцемъ, императоръ сообщилъ ему, какъ выше упомянуто, свои намѣренія и негласныя распоряженія относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія. По возвращеніи принца Вильгельма въ Берлинъ, разговоръ императора Александра былъ немедленно переданъ королю, пришедшему отъ этого извѣстія въ неописанное удивленіе. Остается только неразъясненнымъ вопросъ, умолчалъ ли принцъ Вильгельмъ объ этомъ довѣрительномъ сообщеніи государя въ разговорахъ съ сестрою и съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Письменныхъ слѣдовъ объ этомъ не сохранилось; по крайней мѣрѣ, намъ не удалось найти ихъ.

II.

Начало 1824 года ознаменовалось для Россіи событіемъ, глубоко взволновавшимъ населеніе Петербурга. Послѣ крещенскаго парада императоръ Александръ опасно занемогъ горячкою и рожистымъ воспаленіемъ на ногѣ, ушибленной на брестъ-литовскихъ маневрахъ. Неожиданно для всѣхъ наступили вдругъ дни, когда приходилось опасаться, не приближается ли пора новаго царствованія. Если бы тогда дѣйствительно послѣдовала печальная развязка, то, безъ всякаго сомнѣнія, воцареніе новаго государя совершилось бы мирно, тихо, не смущая умовъ и не возбуждая въ нихъ колебаній и недоумѣній. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, узнавъ о болѣзни государя, поспѣшилъ прибыть въ Петербургъ [159]; присутствіе же въ столицѣ законнаго наслѣдника престола воспрепятствовало бы, въ случаѣ несчастія, всякому необдуманному шагу, подобному присягѣ, случившейся въ слѣдующемъ 1825 году. Но Провидѣніе готовило для воцаренія Николая Павловича болѣе тернистый путь; тревоги улеглись, опасность возможнаго потрясенія государственнаго порядка миновала, и жизнь вступила въ обычную колею. Къ сожалѣнію, предостереженіе 1824 года не послужило ни къ чему, и манифестъ 16-го августа продолжалъ оставаться тайною для Россіи.

Съ этого времени въ умѣ императора Александра усилилось только существовавшее уже въ немъ съ нѣкотораго времени утомленіе жизнію, подмѣченное проницательнымъ Меттернихомъ еще въ Веронѣ [160]. Крикъ

Библиотека "Руниверс"

больной души, возносившейся къ небу и оторвавшейся отъ всего земного, всецѣло выразился въ словахъ, сказанныхъ императоромъ Александромъ по выздоровленіи генералъ-адъютанту Иларіону Васильевичу Васильчикову: «Въ сущности я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя это бремя короны, страшно тяготящей меня. (Je n'aurais pas été fâché, au fond, de me débrarasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement)» [161].

Еще во время болѣзни государя совершено было 8-го (20-го) февраля бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича съ принцессою виртембергскою, великою княжною Еленою Павловною. Императоръ въ это время не могъ еще ходить, поэтому въ смежной съ его кабинетомъ комнатѣ поставлена была походная церковь; во время богослуженія Александръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ.

Лѣтомъ 1824 года, Николай Павловичъ призналъ своевременнымъ передать воспитаніе своего сына, великаго князя Александра Николаевича, въ мужскія руки. При выборѣ воспитателя Николай Павловичъ остановился на капитанѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Карлѣ Карловичѣ Мердерѣ, лично ему извѣстномъ по его дѣятельности въ качествѣ превосходнаго ротнаго командира въ основанной великимъ княземъ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. 8-го іюля 1824 года, великая княгиня Александра Ѳеодоровна представила капитана Мердера въ Красномъ Селѣ императору Александру; государь обошелся съ нимъ очень милостиво и выразилъ увѣренность, что Мердеръ оправдаетъ хорошее о немъ мнѣніе. Послѣ этого представленія Николай Павловичъ, возвратившись домой, поздравилъ его и сказалъ: «Ну, теперь все кончено, ты мой».

Мердеръ немедленно вступилъ въ новую должность и съ этой минуты всецѣло посвятилъ себя съ рѣдкимъ самоотверженіемъ своему воспитаннику, который искренно полюбилъ и всѣмъ сердцемъ привязался къ избранному для него отцовскою заботливостью руководителю [162]. Послѣдствія доказали, что трудно было передать воспитаніе будущаго наслѣдника престола въ болѣе достойныя руки. 12-го декабря 1824 года, К. К. Мердеръ былъ произведенъ въ полковники и утвержденъ въ своей должности; съ этого времени положеніе его при дворѣ окончательно упрочилось, недоброжелательная критика умолкла, а воспитательная система его получила какъ бы офиціальное признаніе и одобреніе.

Назначеніе Мердера воспитателемъ шестилѣтняго великаго князя оказалось какъ нельзя болѣе своевременнымъ, потому что лѣтомъ того же 1824 года Николай Павловичъ съ супругою готовились предпринять новое заграничное путешествіе. На этотъ разъ великокняжеская чета рѣшилась отправиться въ путь моремъ. Для переѣзда назначенъ былъ 84-хъ-пушечный корабль «Эмгейтенъ». Выйдя изъ Кронштадта 24-го

Библиотека "Руниверс"

Великая княгиня Елена Павловна.

(Съ литографіи Погонкина).

Библиотека "Руниверс"

іюля (5-го августа), «Эмгейтенъ» подвергся во время пути сильнѣйшей бурѣ, и переѣздъ оказался продолжительнымъ и крайне непріятнымъ. Только 10-го (22-го) августа путешественники могли съѣхать на берегъ въ Варнемюнде, гдѣ ожидала ихъ прусская королевская семья.

«Это бурное плаваніе, — пишетъ историкъ русскаго флота, — было, такъ сказать, первымъ морскимъ крещеніемъ для будущаго императора, близко ознакомившимъ его съ трудностями и опасностями морской службы. Но, сколько можно судить по послѣдующему, постоянно милостивому расположенію императора Николая Павловича ко флоту, то испытанныя непріятныя и тяжелыя стороны морского плаванія возбудили въ великомъ князѣ не отвращеніе къ морю, а живую симпатію къ флоту и морякамъ» [163].

Дѣйствительно, Николай Павловичъ продолжалъ любить море, но море его не любило; большая часть послѣдовавшихъ затѣмъ морскихъ путешествій его не принадлежала къ числу пріятныхъ и счастливыхъ. Стоитъ припомнить переѣздъ на кораблѣ «Императрица Марія» изъ Варны въ Одессу въ 1828 году и путешествіе на пароходѣ до Ревеля въ 1833 году.

Позднее время года побудило великую княгиню Александру Ѳеодоровну отказаться отъ предположеннаго лѣченія; вмѣсто того она отправилась въ Силезію, гдѣ предназначено было произвести большіе маневры въ присутствіи короля. То же удовольствіе продолжалось затѣмъ для Николая Павловича въ окрестностяхъ Берлина, между тѣмъ какъ Александра Ѳеодоровна отдыхала еще нѣкоторое время въ Силезіи у принцессы Маріанны въ замкѣ Фишбахѣ, принадлежавшемъ брату короля, принцу Вильгельму.

О переѣздѣ моремъ, маневрахъ и пребываніи въ Пруссіи великій князь сообщилъ своему державному брату самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія [134]. Императоръ Александръ также путешествовалъ въ это время, предпринявъ поѣздку по восточнымъ областямъ Европейской Россіи; отправившись въ путь 16-го (28-го) августа, Александръ возвратился только 24-го октября (5-го ноября) въ Царское Село.

Независимо отъ неудавшагося лѣченія великой княгини Александры Ѳеодоровны, пребываніе ея среди родственной королевской семьи связано было въ этомъ году съ разными происшествіями нерадостнаго свойства. Случившіяся тогда событія возбудили даже неудовольствіе и политическія страсти въ сердцахъ самыхъ преданныхъ королю людей и нашли отголосокъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ прусскаго общества.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ, неожиданно для своей семьи, рѣшился внезапно вступить въ бракъ съ католичкою, графинею Гаррахъ. Вѣнчаніе совершилось въ величайшей тайнѣ въ Шарлоттенбургѣ, 28-го октября (9-го ноября), въ присутствіи кронпринца и герцога Георгія

Библиотека "Руниверс"

Мекленбургъ-Стрелицкаго, князя Витгенштейна и барона Шильдена. Затѣмъ новобрачная возвратилась въ гостиницу; вечеромъ король поѣхалъ въ театръ, гдѣ присутствовала также его супруга въ частной ложѣ. Прошло два дня; тайна не была нарушена. Наконецъ, 30-го октября (11-го ноября), король вышелъ къ обѣду съ супругою, получившей титулъ княгини Лигницъ, графини Гогенцоллернъ, и сказалъ приглашеннымъ лицамъ: «Meine Herren und Damen, ich stelle ihnen hier eine Dame vor, die meinem Herzen sehr theuer ist, und die ich ihrem Wohlwollen empfehle» [165].

Но этимъ не исчерпались семейныя безпокойства того времени; многолѣтніе переговоры о вступленіи въ бракъ принца Вильгельма, второго сына короля, съ княжною Елисаветою Радзивиллъ вступили въ новый фазисъ. Желая содѣйствовать сыну въ основаніи его семейнаго счастія, король обратился къ императору Александру съ просьбою, чтобы государь въ качествѣ старшаго представителя Гольштейнъ-Готторпскаго дома адоптировалъ княжну Елисавету Радзивиллъ, сдѣлавъ ее такимъ образомъ равноправною принцу Вильгельму. Съ этимъ довѣреннымъ порученіемъ Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ великаго князя Николая Павловича къ своему вѣрному и испытанному другу въ С.-Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ извѣстить государя о вторичномъ бракѣ короля.

Императоръ Александръ не призналъ, однако, возможнымъ удовлетворить желанію, выраженному прусскимъ королемъ относительно княжны Радзивиллъ [165]; поэтому предполагаемый бракъ принца Вильгельма не могъ состояться. Что же касается до второго брака короля, то государь написалъ Фридриху-Вильгельму самое дружеское и успокоительное письмо, не оставлявшее желать ничего лучшаго.

Съ этимъ отвѣтомъ великій князь Николай Павловичъ отправился обратно въ Берлинъ.

Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ государь писалъ по поводу событій, случившихся въ королевской семьѣ: «Я вполнѣ понялъ все, что должно было происходить въ вашемъ сердцѣ, и насколько живо воспоминаніе о вашей несравненной матушкѣ должно было воскреснуть въ васъ при подобныхъ обстоятельствахъ! Это — испытаніе, дорогой другъ, ниспосланное вамъ Провидѣніемъ, и одно изъ тѣхъ чувствительныхъ испытаній, которыя бываетъ трудно перенести. Еще не одно изъ нихъ ожидаетъ каждаго изъ насъ! Но не забывайте, добрый другъ, того, что было сказано и неоднократно повторено намъ, что кого Онъ любитъ, того и испытываетъ попреимуществу. Будьте покойны, дорогой другъ, насчетъ моего сужденія по отношенію къ королю. Никто еще никогда не слышалъ отъ меня что либо неблагопріятное о немъ. Теперь, когда дѣло кончено, у меня одна лишь мысль, одно желаніе —

Библиотека "Руниверс"

знать, что король счастливъ, насколько онъ заслуживаетъ этого, и если его супругѣ удастся доставить ему это счастіе, увѣряю васъ, я буду питать къ ней чувство расположенія и признательности. Увѣреніе съ вашей стороны, что согласіе въ семьѣ, слава Богу, не было нарушено, явилось для меня настоящимъ облегченіемъ, и я изъ глубины сердца благодарилъ Его за это» [167].

III.

Неожиданно явившись курьеромъ въ Петербургъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ здѣсь также далеко не радостное настроеніе.

Едва императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ послѣ продолжительнаго осенняго путешествія, какъ ему пришлось быть свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, внезапно обрушившагося на столицу. 7-го (19-го) ноября, произошло наводненіе, напомнившее собою, но въ болѣе ужасной степени, такое же явленіе 1777 года, имѣвшее мѣсто незадолго до рожденія великаго князя Александра Павловича.

Въ этотъ день съ восьми часовъ утра вода начала быстро прибывать и вскорѣ затопила всѣ низменныя части города. Въ двѣнадцатомъ часу двѣ трети столицы были затоплены, благодаря юго-западному вѣтру, превратившемуся въ сильнѣйшую бурю. Въ третьемъ часу вода начала убывать скорѣе, чѣмъ до того прибывала.

Императоръ Александръ былъ глубоко потрясенъ страшнымъ бѣдствіемъ, разыгравшимся передъ его глазами; благодаря овладѣвшему имъ въ ту пору мрачному настроенію, онъ смотрѣлъ на это происшествіе, какъ на наказаніе за свои грѣхи. Едва вода настолько спала, что можно было проѣхать по улицамъ, какъ государь поспѣшилъ въ Галерную и самъ позаботился объ оказаніи помощи пострадавшимъ и о временномъ пріютѣ несчастныхъ жертвъ наводненія.

Вскорѣ императора Александра постигло новое сердечное огорченіе. 20-го ноября, скончался командующій гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, который съ самаго воцаренія государя пользовался его особеннымъ довѣріемъ и дружескимъ расположеніемъ. «Меня постигло горе потерять въ немъ человѣка, съ которымъ меня тѣсно соединили около 30-ти лѣтъ испытаній и привязанности. (J'ai eu le chagrin de perdre en lui un être auquel près de 30 années d'épreuves et d'affection m'unissaient étroitement)»,—писалъ императоръ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [168]. Похороны Уварова были торжественныя, и Александръ присутствовалъ на церемоніи до окончанія ея, воздавъ полностію послѣдній долгъ своему вѣрному слугѣ. 12-го декабря 1824 года, командующимъ гвардейскимъ корпусомъ назначенъ былъ генералъ Воиновъ. Выборъ преемника Ува-

Библиотека "Руниверс"

Милостивый Государь мой
Князь Дмитрій Ивановичъ.

Тотъ кто будетъ имѣть честь вручить
вамъ сіе письмо есть мой сынъ Павелъ
Николаевичъ Ермоловъ, коего Я по праву
вамъ отъ вашей Государыни Императрицы
Екатерины II-й въ опредѣ. Онъ и увѣренъ
что офицеръ какъ Вашего полка
Школы-Офицеръ, будетъ стараться
всѣхъ не оставить его своего покровительства
имѣть ему много обязанъ.

Прошу васъ быть увѣренъ въ моемъ
моей почтеніи.

19-го Марта.
1820-го.

Николай.

22 мар. 1820 года отъ Вел. Кн.
Николая Павловича.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КНЯЗЮ Д. П. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Видъ Симеоновскаго моста и Михайловскаго замка въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ гравюры Иванова).

Библиотека "Руниверс"

рова нельзя, однако, признать удачнымъ. Впослѣдствіи, въ день 14-го декабря, императоръ Николай имѣлъ полную возможность въ этомъ убѣдиться, и въ своихъ воспоминаніяхъ написалъ о Воиновѣ, что это былъ человѣкъ почтенный и храбрый, но ограниченныхъ способностей, который не сумѣлъ пріобрѣсти въ своемъ корпусѣ никакого вѣсу[169].

Душевныя тревоги, которыми ознаменовался для императора Александра исходъ 1824 года, не ограничились этими событіями. Къ нимъ присоединились еще заботы о печальномъ состояніи здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны. «Здѣсь все печально или уныло,—писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву.—Я видѣлъ государя въ великомъ безпокойствѣ и въ скорби трогательной: онъ любитъ ее нѣжно. Дай Богъ, чтобы они еще долго пожили вмѣстѣ, въ такой любви сердечной»[170].

Великій князь Николай Павловичъ, прибывшій, какъ выше упомянуто, на короткое время изъ Берлина, гдѣ находилась тогда великая княгиня Александра Ѳеодоровна, записалъ въ дневникѣ своемъ отъ 19-го ноября: «L'ange inquiété d'anevrisme par l'impératrice».

Кто бы могъ предугадать во время этихъ тревожныхъ для государя дней, что императрицѣ суждено пережить своего супруга, и что не ей, а ему первому угрожаетъ кончина уже въ ближайшемъ будущемъ!

Съ этого времени императоръ Александръ сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и обнаруживалъ еще большую склонность къ уединенію. «Tout a une teinte lugubre autour de moi»,—писалъ государь великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ[171]. Свѣдѣнія, получавшіяся государемъ относительно все большаго распространенія среди арміи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственный строй имперіи, должны были навести его на грустныя размышленія. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать собственноручная записка императора Александра, относившаяся, вѣроятно, къ 1824 году и найденная въ кабинетѣ государя, послѣ его кончины.

«Есть слухи,—писалъ Александръ,—что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи.

«Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, графъ Гурьевъ, Дмитрій Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковыхъ командировъ, сверхъ того большая часть разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ»[172].

Лучшей характеристикой общественнаго настроенія, господствовавшаго въ Россіи въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, можетъ служить замѣтка, оставленная намъ однимъ изъ современниковъ этой эпохи:

Библиотека "Руниверс"

«Смутно вспоминаю я,—пишетъ А. И. Кошелевъ,—о либеральныхъ толкахъ, бывшихъ въ 1818—1822 годахъ, особенно между военными, возвратившимися изъ Франціи послѣ 1812—1815 годовъ; но очень положительно и ясно сохранились въ моей памяти жалобы на слабость императора Александра I-го въ его отношеніяхъ къ Меттерниху и Аракчееву. И старики и люди зрѣлаго возроста, и въ особенности молодежь, словомъ чуть-чуть не всѣ, безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-ти-лѣтнимъ юношею, у внучатнаго моего брата М. М. Нарышкина; это было въ февралѣ или мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: Рылѣевъ, князь Оболенскій, Пущинъ и нѣкоторые другіе, впослѣдствіи сосланные въ Сибирь. Рылѣевъ читалъ свои патріотическія думы, а всѣ свободно говорили о необходимости—d'en finir avec ce gouvernement» [173].

Вотъ чѣмъ кончились восторги и надежды 1801 года!—полнымъ разочарованіемъ лучшей части общественныхъ силъ страны. Единственнымъ исходомъ подобнаго положенія дѣлъ являлся тайный протестъ противъ реакціи внутренней и внѣшней, равно какъ противъ аракчеевскихъ порядковъ и господствовавшаго тогда экзерцирмейстерства въ арміи; этотъ тайный протестъ сопровождался всѣми обыкновенными послѣдствіями его, то-есть неизбѣжнымъ вступленіемъ недовольныхъ на преступную почву.

Въ полиціи и шпіонахъ не было недостатка. Современникъ пишетъ: «Въ это время была въ Петербургѣ тройная полиція, а именно генералъ-губернатора (графа Милорадовича), министра внутреннихъ дѣлъ и графа Аракчеева, но что она не принесла пользы, это, къ несчастію, доказалъ 1825-й годъ». Изъ разговоровъ въ обществѣ изгнаны были всѣ политическіе предметы. «Правительство было подозрительно, и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ, однакоже, большая часть были извѣстны. Иные принадлежали къ старинным дворянскимъ фамиліямъ, были украшены орденами и носили камергерскіе мундиры» [174].

Но, несмотря на изобиліе этой разнообразной полиціи, она попреимуществу сражалась съ вѣтряными мельницами, между тѣмъ какъ въ тайныхъ обществахъ спокойно обсуждался вопросъ о цареубійствѣ.

Рядомъ съ этимъ послѣднимъ явленіемъ, что же открывается взору изслѣдователя? Напримѣръ, князь А. С. Меншиковъ впадаетъ въ немилость, покидаетъ службу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется особеннымъ вниманіемъ полиціи [175]. Дѣйствительно, съ княземъ случились въ то время странныя приключенія: оказывается, что самый отъявленный консерваторъ, оставшійся не поколебленнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ даже въ

Библиотека "Руниверс"

эпоху реформъ Александра II, не могъ гулять по Невскому и бесѣдовать съ знакомыми, не замѣчая вокругъ себя появленія какихъ-то подозрительныхъ личностей; та же самая обстановка повторяется въ Москвѣ, гдѣ онъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ явныхъ доносчиковъ; въ случаѣ же переѣзда его изъ Москвы въ деревню вся полиція на ногахъ, такъ что огорченный оказаннымъ ему административнымъ вниманіемъ князь Александръ Сергѣевичъ наконецъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, 6-го мая 1824 года: «Когда перестанутъ сумнѣваться въ людяхъ, не имѣющихъ никакой выгоды быть карбонаріями и бунтовщиками, и за конхъ порукою значительная собственность?» [176].

Но всего этого было мало; для полной обрисовки столь печальной эпохи необходимо привести еще слѣдующій невѣроятный фактъ: даже графъ Аракчеевъ не былъ избавленъ отъ полицейскаго надзора! Трудно было бы повѣрить существованію подобной политической несообразности, если бы она не была засвидѣтельствована близкимъ въ то время къ графу Аракчееву лицомъ, Гавріиломъ Степановичемъ Батенковымъ, силою обстоятельствъ попавшимъ впослѣдствіи въ число декабристовъ. Онъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Квартальные слѣдили за каждымъ шагомъ всемогущаго графа. Полицеймейстеръ Чихачовъ обыкновенно угодничалъ и измѣнялъ обѣимъ сторонамъ. Мнѣ самому графъ указалъ на одного изъ квартальныхъ, который, будучи переодѣтымъ въ партикулярное платье, спрятался торопливо въ мелочную лавочку, когда увидѣлъ насъ на набережной Фонтанки».

Невзгоду, постигшую графа Аракчеева, Батенковъ объясняетъ тѣмъ, что императоръ Александръ «не почиталъ никого противъ себя чистымъ и безгрѣшнымъ, а потому попускалъ и терпѣлъ всякаго рода эпитиміи, лишь бы не прямо самому произвольно налагать ихъ; таковъ былъ нравъ его». Вообще же Батенковъ утверждаетъ, что «тяжесть двухъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I превосходила все, что мы когда либо воображали о желѣзномъ вѣкѣ. Гнетъ дѣйствовалъ пропорціонально его европейской славѣ. Всѣ подведены уже были подъ одинъ уровень невозмутимаго безсилія, и всѣ зависѣли отъ многочисленныхъ тайныхъ полицій».

Всѣ эти обстоятельства и связанное съ ними истинное положеніе дѣлъ въ Россіи оставались сокрытыми отъ великаго князя Николая Павловича; онъ только смутно замѣчалъ вокругъ себя что-то ненормальное и тщетно доискивался причины подобнаго явленія. Предназначенный наслѣдникъ престола продолжалъ стоять въ сторонѣ отъ дѣлъ высшаго государственнаго управленія; предназначенная ему сфера дѣятельности попрежнему ограничивалась начальствомъ надъ гвардейскою бригадою и управленіемъ инженернымъ корпусомъ.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Возвратившись въ Берлинъ 7-го (19-го) декабря, великій князь Николай Павловичъ вручилъ королю довѣренныя ему письма и бумаги, а затѣмъ писалъ императору Александру: «Я нашелъ короля очень счастливымъ, нашъ семейный кругъ, повидимому, такимъ же, какимъ я оставилъ его, за исключеніемъ лишь того, что въ комнатѣ находится одною личностью болѣе; впрочемъ, она никого не стѣсняетъ, и это-то я могу сказать въ похвалу ей. Общественное мнѣніе сумрачно, грустно, да, глубоко грустно (profondément triste), и всѣ проникнуты опасеніемъ, что король не найдетъ того счастья, котораго онъ искалъ въ этомъ бракѣ. Да поможетъ ему Богъ. Я вручилъ ему ваши письма, дорогой братъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за ихъ содержаніе; онъ будетъ говорить со мною по поводу приложенной записки послѣ нѣкотораго размышленія».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ государю Николай Павловичъ снова возвращается къ новой семейной обстановкѣ прусскаго двора и пишетъ: «Мнѣ пришлось услышать, какъ различныя лица отзывались по поводу брака короля. Такъ какъ все это честные люди и истинные слуги короля, то они плачутъ, убиваются и, въ концѣ концовъ, высказываютъ пожеланія, чтобы король не ошибся въ своемъ выборѣ и въ своихъ намѣреніяхъ. Достовѣрно, что, прежде чѣмъ мы узнали объ этомъ, король сдѣлалъ честь Витгенштейну, Шильдену и Вицлебену говорить съ ними о своемъ намѣреніи; лишь послѣдній изъ нихъ осмѣлился прямо, но съ величайшею покорностью, высказаться королю противъ этого шага; король нисколько не разгнѣвался на это, но снова спросилъ мнѣнія двухъ другихъ, qui firent les chiens couchants; второй осмѣлился отвѣтить, что король долженъ поступить такъ, какъ онъ полагаетъ это необходимымъ для своего счастья. Но не подлежитъ сомнѣнію, что король никогда не рѣшился бы на это, если бы его не побудилъ къ этому великій герцогъ Стрелицкій. Послѣ цѣлой недѣли, которую я провелъ здѣсь, я ничего не могу измѣнить въ томъ, что уже имѣлъ счастіе высказать вамъ по поводу княгини; я считаю ее дѣйствительно хорошей личностью, очень простой, скромной, но совершенно ничтожной (insignifiante); на мой взглядъ ея величайшее достоинство заключается въ томъ, что она никого не стѣсняетъ, а это много для такого семейнаго круга, какъ нашъ здѣшній; никто не замѣчаетъ, что раньше ея не было [177]. Ея католичество (sa catholicité) во всемъ этомъ несчастномъ дѣлѣ произвело одно изъ самыхъ дурныхъ впечатлѣній, такъ какъ утвердило публику въ мнѣніи, что разъ король не постѣснился взять себѣ жену этого вѣроисповѣданія, то еще менѣе будетъ настаивать на томъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы кронпринцесса приняла вѣроисповѣданіе страны — обстоятельство, которому придаютъ значеніе чрезмѣрное для страны, слывущей за вѣротерпимую[178]. На томъ же основаніи католики въ странѣ сильно торжествуютъ и радуются; однимъ словомъ, это вопросъ несравненно болѣе серьезный, чѣмъ, повидимому, предполагали сначала»[179].

Для великокняжеской четы настало теперь время подумать о возвращеніи въ Россію, но задача была не изъ легкихъ. Великая княгиня беременна, а погода была исключительно бурная и дождливая; дороги сдѣлались непроѣздными. Между тѣмъ, великій князь тяготился своею вынужденною бездѣятельностью и стремился въ Петербургъ. «Несмотря на всю радость, которую я испытываю оттого, что нахожусь подлѣ той, которая составляетъ счастіе моей жизни,— писалъ Николай Павловичъ къ государю,— сознаніе моей безполезности (de mon inutilité) и отсутствіе всякихъ служебныхъ обязанностей составляютъ для меня предметъ невыносимой муки; въ особенности меня подавляетъ мысль, что я рѣшительно не могу представить себѣ ясно продолжительности моей бездѣятельности (de ma fainéantise); одно утѣшаетъ меня, что по моемъ возвращеніи мое усердіе позволитъ мнѣ наверстать часть потерянаго времени, если только подобная потеря поправима».

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, остановились на рѣшеніи предпринять обратное путешествіе въ Петербургъ черезъ Польшу, какъ черезъ путь, наиболѣе удобный. Николай Павловичъ простеръ свою заботливость о великой княгинѣ до того, что лично испробовалъ путь въ Варшаву; по возвращеніи же его въ Берлинъ отъѣздъ въ Россію былъ немедленно рѣшенъ[180].

Насталъ уже роковой 1825-й годъ, и 24-го января (5-го февраля) послѣдовалъ выѣздъ въ Варшаву; здѣсь путешественники провели восемь дней у цесаревича Константина Павловича и княгини Ловичъ. Въ Варшавѣ великая княгиня получила отъ императора Александра письмо, въ которомъ государь, между прочимъ, писалъ:

«Съ наступленіемъ новаго года удовольствія снова вступили въ свою обычную колею. Танцуютъ достаточно; даже въ то время, какъ я пишу къ вамъ эти строки, у моей матушки балъ по случаю дня рожденія моей племянницы Маріи[181]. Что касается меня, то я остаюсь вѣрнымъ своимъ привычкамъ къ уединенію, которыя однѣ согласуются съ моими вкусами, моими занятіями, моимъ здоровьемъ. (Quant à moi, j'en reste à mes habitudes de retraite, qui cadrent seuls avec mes goûts, mes occupations et ma santé). При всемъ томъ 28-го января въ день рожденія Михаила назначенъ большой балъ въ Бѣлой залѣ, а 4-го февраля большой балъ-маскарадъ въ день рожденія Маріи, на которыхъ я полагаю присутствовать, какъ обыкновенно. Это—ежегодная дань, которую я выплачиваю каждую зиму, и она представляется мнѣ достаточной для того, чтобы за-

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ считать себя освобожденнымъ отъ остального. (C'est la contribution annuelle que je paye chaque hiver et elle me paraît suffisante, pour pouvoir ensuite me dispenser du reste)».

Теперь предстояло еще совершить самую трудную часть путешествія, которое продолжалось 17 дней; только 25-го февраля (9-го марта) этотъ

Карлъ Карловичъ Мердеръ.
(Съ литографіи Мюнстера).

мучительный для великой княгини переѣздъ окончился вполнѣ благополучно, единственно благодаря неусыпной заботливости и вниманію, которыми окружилъ Николай Павловичъ свою супругу во время пути. Императоръ Александръ выѣхалъ навстрѣчу къ путешественникамъ въ Красный Кабачокъ и лично проводилъ великую княгиню въ Аничковскій дворецъ, гдѣ она послѣ долгой разлуки могла наконецъ обнять своихъ дѣтей.

Возвращеніе Николая Павловича въ Петербургъ совпало съ нѣкоторымъ служебнымъ его повышеніемъ: 3-го марта 1825 года великій князь назначенъ былъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи [182].

Библиотека "Руниверс"

V.

Въ это время императоръ Александръ готовился посѣтить Варшаву, гдѣ предполагалось собрать третій польскій сеймъ. Открытію этого сейма предшествовало изданіе, 3-го (15-го) февраля 1825 года, подписаннаго въ Царскомъ Селѣ, дополнительнаго акта (Article additionnel) къ конституціонной хартіи, дарованной государемъ королевству. Этотъ актъ постановлялъ, что отнынѣ публичныя засѣданія сейма будутъ происходить только при открытіи и закрытіи сейма, или же въ въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенныя же совѣщанія будутъ имѣть мѣсто при закрытыхъ дверяхъ [183].

Дополнительный актъ, отмѣнявшій гласность сеймовыхъ засѣданій, возбудилъ большое неудовольствіе среди поляковъ; но современникъ, генералъ Колачковскій, хотя и сознается въ своихъ запискахъ, что и онъ въ то время былъ возмущенъ этимъ насиліемъ надъ конституціонной свободой, но что впослѣдствіи, лучше ознакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и съ польскимъ національнымъ характеромъ, онъ долженъ признать изданіе акта спасительнымъ дѣломъ, а, можетъ быть, и необходимымъ.

Сеймъ повелѣно было открыть 1-го (13-го) мая.

4-го (16-го) апрѣля, на третій день Пасхи, императоръ Александръ во время сильнѣйшей весенней распутицы выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Варшаву.

Въ произнесенной императоромъ при открытіи сейма рѣчи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: «Дабы упрочить мое твореніе, оградить его существованіе и обезпечить вамъ спокойное пользованіе его плодами, ожидаемыми въ будущемъ, я прибавилъ одну статью къ основному закону королевства. (Pour affermir mon ouvrage, en assurer la durée, et vous garantir la jouissance paisible des fruits que l'on en attend, j'ai ajouté un article à la loi fondamentale du royaume). Эта мѣра, предупреждающая необходимость вліять на ваши выборы и на ваши совѣщанія, доказываетъ, насколько я сочувствую упроченію вашей конституціи. Это есть единственная цѣль, которая была у меня въ виду, когда принималась эта мѣра, и я твердо убѣжденъ, что поляки сумѣютъ оцѣнить эту цѣль и средство, къ которому я обратился для достиженія ея... Представители королевства польскаго! Совѣщайтесь спокойно, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія. Въ вашихъ рукахъ—будущность вашего отечества. Имѣйте въ виду его благо, его истинныя пользы. Окажите ему всѣ тѣ услуги, которыхъ оно отъ васъ ожидаетъ, и содѣйствуйте мнѣ въ исполненіи тѣхъ желаній, которыя никогда не переставалъ я питать въ отношеніи къ вашему отечеству».

Библиотека "Руниверс"

ЕЛАГИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ НАЧАЛѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Съ актатинты Мартенса.

Библиотека "Руниверс"

Во время засѣданій сейма Александръ предпринялъ поѣздку для обозрѣнія нѣкоторыхъ воеводствъ королевства; конечнымъ пунктомъ этого путешествія былъ Калишъ.

Промышленность и благосостояніе края повсюду видимо возростали; населеніе, казалось, съ неподдѣльнымъ восторгомъ и искреннею признательностью встрѣчало своего короля. Но это видимое спокойствіе не соотвѣтствовало дѣйствительному настроенію общественныхъ классовъ въ Польшѣ; здѣсь, подобно тому какъ и въ Россіи, все болѣе разроставшіяся тайныя общества работали надъ осуществленіемъ своихъ пагубныхъ цѣлей. Недоставало одной искры, чтобы вызвать взрывъ, подготовляемый мнимыми патріотами, и привести къ полному крушенію систему, установленную съ такимъ трудомъ императоромъ Александромъ съ 1815 года.

1-го (13-го) іюня, императоръ закрылъ сеймъ. Государь остался доволенъ ходомъ совѣщаній представителей; это удовольствіе выразилось въ заключительныхъ словахъ его послѣдней варшавской рѣчи. «Вѣрьте,—сказалъ Александръ,—что я сумѣю отдать справедливость тому довѣрію (la confiance), доказательства котораго ознаменовали нынѣшнее ваше собраніе. Они не останутся безъ послѣдствій. Глубокое впечатлѣніе, которое они произвели на меня, сохранится и соединено будетъ всегда съ желаніемъ доказать вамъ, насколько искренна моя къ вамъ привязанность, и въ какой степени ваше поведеніе будетъ вліять на вашу будущность. (J'en conserve une impression profonde, qui s'unira toujours au désir de vous prouver combien est sincère l'affection que je vous porte, et combien votre conduite aura d'influence sur votre avenir)»[184].

Подъ вліяніемъ вынесенныхъ тогда въ Варшавѣ благопріятныхъ впечатлѣній императоръ Александръ возобновилъ въ частныхъ разговорахъ прежнія обѣщанія относительно неизмѣннаго намѣренія присоединить къ Польскому королевству западныя губерніи имперіи. Обстоятельство это не можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію; цесаревичъ Константинъ Павловичъ подтвердилъ это впослѣдствіи въ письмѣ отъ 15-го (27-го) февраля 1826 года къ императору Николаю Павловичу въ слѣдующихъ положительныхъ выраженіяхъ: «Не далѣе какъ во время своего послѣдняго пребыванія онъ дважды положительно это высказалъ намъ, моей женѣ и мнѣ; та же рѣчь была повторена имъ множеству лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. (Pas plus tard qu'à son dernier séjour il nous l'a dit positivement à deux reprises, à ma femme et à moi; le même discours a été répété à tout plein de personnes, des militaires et des civils)».

Не довольствуясь этимъ заявленіемъ, императоръ Александръ повелѣлъ еще всѣмъ генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ Литов-

Библиотека "Руниверс"

ского корпуса вмѣсто краснаго цвѣта имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый; кромѣ того, государю угодно было, чтобы и шитье на генеральскихъ мундирахъ было такое же, какъ у польскихъ генераловъ. Но въ это дѣло вмѣшался цесаревичъ и упросилъ Александра Павловича оставить прежнее шитье.

«Словомъ сказать,—пишетъ цесаревичъ,—государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ бывшимъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими, какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изволилъ изъяснять свои насчетъ ихъ намѣренія, слѣдовательно что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité» [185].

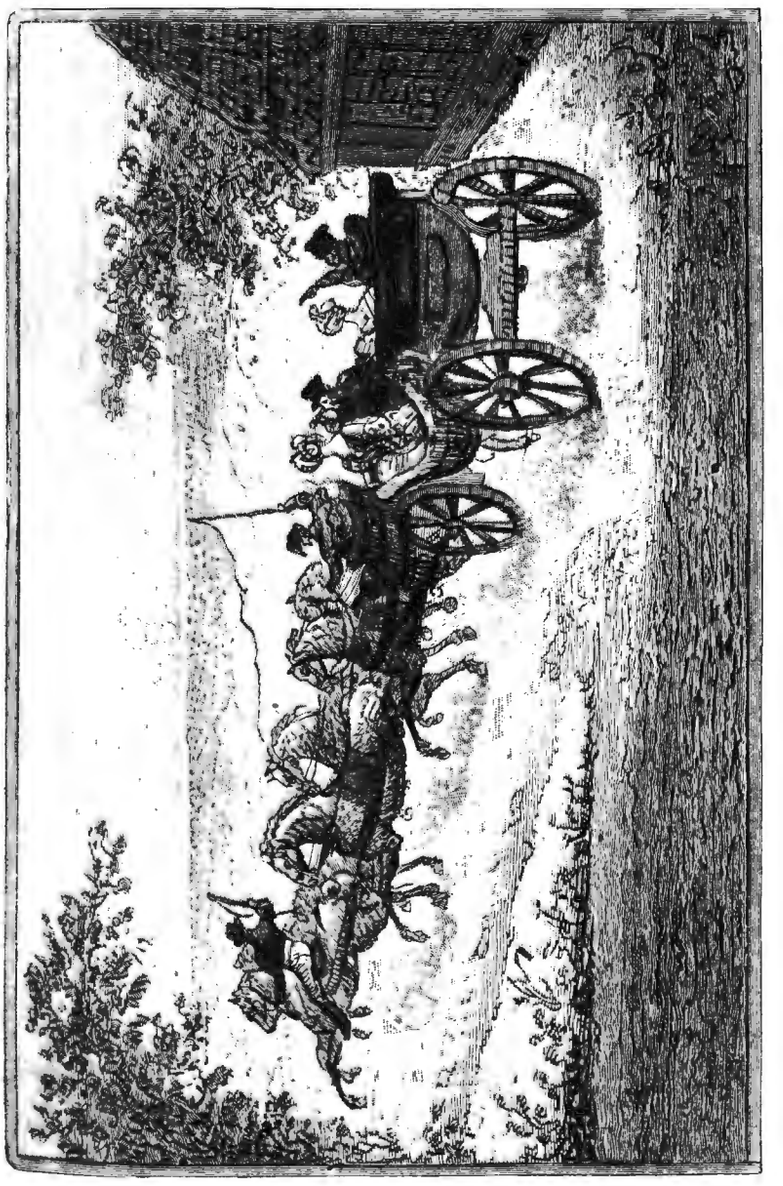
Тѣмъ не менѣе, несмотря на видимое удовольствіе государя по поводу хода дѣлъ въ королевствѣ, очевидецъ варшавскаго сейма 1825 года замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что хотя лицо императора Александра сохраняло обычное спокойное выраженіе, всѣмъ, однако, было извѣстно, что его сильно озабочиваетъ настроеніе умовъ въ Россіи и греческій вопросъ. Повидимому, существованіе тайныхъ обществъ было ему настолько извѣстно, что во время парада онъ сказалъ одному генералу: «Я знаю, что я окруженъ убійцами, которые злоумышляютъ на мою жизнь». Въ польскомъ обществѣ распространены были такъ же слухи насчетъ намѣренія императора отречься отъ престола; тотъ же современникъ утверждаетъ по этому поводу, что Александръ убѣждалъ своего брата и княгиню Ловичъ оставить суету міра сего и ѣхать съ нимъ въ Римъ, рисуя въ привлекательныхъ чертахъ то новое счастіе, которое они тамъ найдутъ [186].

2-го (14-го) іюня, императоръ Александръ, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, выѣхалъ изъ Варшавы по Ковенскому тракту. Въ Пултускѣ цесаревичъ откланялся государю; они разстались здѣсь уже навсегда. Несмотря, однако, на продолжительность своего пребыванія въ обществѣ цесаревича, Александръ Павловичъ ни единымъ словомъ не посвятилъ брата въ свои окончательныя распоряженія по вопросу о престолонаслѣдіи. Такимъ образомъ, существованіе манифеста, переданнаго на храненіе въ Успенскій соборъ и въ другія учрежденія, осталось неизвѣстнымъ для лица, ближе всего заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ. Остается сказать: чудесно и непонятно!

Во время отсутствія государя, семейство Николая Павловича поселилось въ Александровскомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ; здѣсь великая княгиня Александра Ѳеодоровна, 12-го (24-го) іюня, благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью: великою княжною Александрою. На другой день, 13-го (25-го) іюня, императоръ Александръ возвратился въ Царское Село изъ своего путешествія, и здѣсь отпраздновано было съ обычнымъ торжествомъ, 12-го (24-го) іюля, крещеніе новорожденной великой княжны.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ крестинъ происходили въ присутствіи государя ученія и маневры въ Красномъ Селѣ, а затѣмъ весь дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ 22-го іюля праздновалось обычнымъ образомъ тезоименитство императрицы Маріи Ѳеодоровны. Это былъ послѣдній Петергоф-



Пріѣздъ короля прусскаго для встрѣчи великаго князя Николая Павловича въ Варнемюндэ, въ 1824 году.
(Съ гравюры того времени Генцеля).

скій праздникъ, на которомъ присутствовалъ императоръ Александръ. Изъ Петергофа государь переѣхалъ въ Каменноостровскій дворецъ, а великій князь Николай Павловичъ съ семействомъ поселился въ Елагинскомъ дворцѣ, гдѣ провели четыре недѣли.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Между тѣмъ состояніе здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны продолжало внушать все большія опасенія. Доктора Виллié и Стофрегенъ высказали въ концѣ іюля мнѣніе, что императрица не можетъ провести предстоящую зиму въ Петербургѣ, и признавали пребываніе ея въ южномъ климатѣ безусловно необходимымъ; они указывали на Италію, южную Францію или южную Россію. Выборъ остановился окончательно на Таганрогѣ. Государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ Петербургъ къ новому году.

Князю Волконскому, только что возвратившемуся изъ Парижа послѣ коронаціи Карла X, поручено было сопровождать императрицу во время ея путешествія и состоять при ней во все время ея пребыванія на югѣ Россіи. Затѣмъ, въ виду переселенія двора въ Таганрогъ, архитектору Шарлеманю повелѣно было немедленно отправиться въ этотъ городъ для приготовленія необходимыхъ помѣщеній.

7-го (19-го) августа 1825 года, великій князь Николай Павловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«L'ange nous a dit que l'impératrice va passer l'hiver à Taganrog».

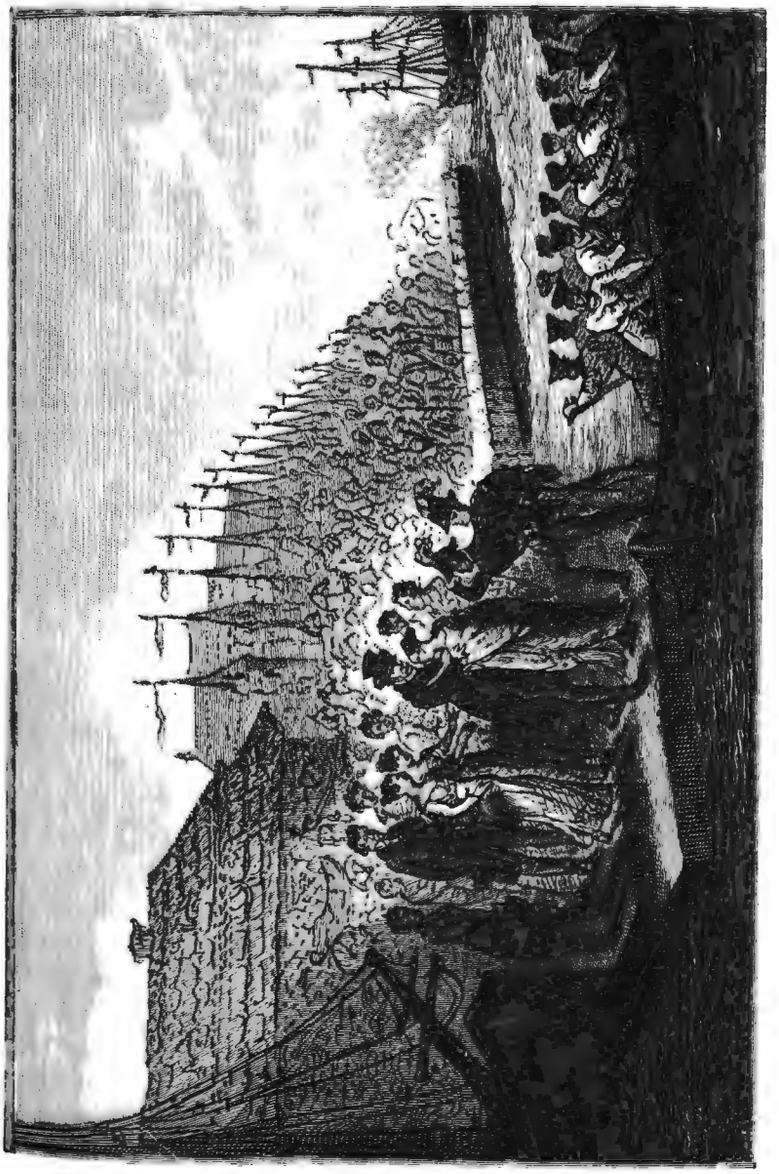
Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга императоръ Александръ поручилъ князю А. Н. Голицыну привести въ порядокъ бумаги въ своемъ кабинетѣ. Во время этой работы завязался разговоръ, и князь Голицынъ, изъявляя несомнѣнную надежду, что государь возвратится въ столицу въ полномъ здоровьѣ, позволилъ себѣ, однако, замѣтить, какъ неудобно акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, оставлять при продолжительномъ отсутствіи необнародованными, и какая можетъ возникнуть отъ этого опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія. Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына, но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «Remettons nous en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels! (Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ)»[187].

Невольно представляется вопросъ, почему императоръ Александръ рѣшился хранить эти акты въ столь глубокой тайнѣ отъ назначеннаго имъ наслѣдника и въ то же время и отъ Россіи. Трудно найти для подобнаго образа дѣйствій разумное объясненіе, и тайну свою Александръ унесъ съ собою въ могилу. Одинъ русскій писатель справедливо замѣтилъ, что человѣческимъ умомъ въ этомъ дѣлѣ ничего понять нельзя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, разгадку этого вопроса должно искать болѣе въ личныхъ свойствахъ Александра и въ особенностяхъ его характера. Одна изъ любимыхъ его поговорокъ, которой онъ всегда почти слѣдовалъ, была: «десять разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь»[188]. Принимая эту точку зрѣнія, нельзя упустить изъ виду, что послѣ всенароднаго объ-

Библиотека "Руниверс"

явленія Николая Павловича наслѣдникомъ вопросъ о престолонаслѣдіи былъ бы рѣшенъ безповоротно, и императоръ Александръ утратилъ бы съ этой минуты всякую возможность придать дѣлу другое направленіе,



Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Варнемюнде въ 1824 году.
(Съ гравюры того времени Геншеля).

въ случаѣ измѣненія своихъ взглядовъ, подъ вліяніемъ какихъ либо новыхъ обстоятельствъ. Послѣ сдѣланнаго разъ рѣшительнаго шага иначе «отмѣрить» представлялось бы невозможнымъ, а на таинственныхъ пакетахъ была между прочимъ и надпись: «хранить до моего

Библиотека "Руниверс"

востребованія», что ясно указываетъ на то, что императоръ Александръ имѣлъ еще въ виду какія-то другія, намъ неизвѣстныя, предположенія или случайности.

Другіе полагаютъ, что государь одновременно съ манифестомъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія намѣревался объявить и о собственномъ отреченіи отъ престола, и въ этомъ смыслѣ истолковываютъ надпись: «хранить до моего востребованія». Справедливость подобнаго предположенія усматриваютъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Весною 1825 года, императоръ Александръ повѣрилъ находившемуся въ Петербургѣ принцу Оранскому свое желаніе удалиться въ частную жизнь, предоставивъ престолъ великому князю Николаю Павловичу. «Съ пламеннымъ сердцемъ,—пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—старался онъ сперва на словахъ, потомъ письменно доказать, сколь мысль объ отреченіи отъ правленія могла быть пагубна для имперіи; какой опасный примѣръ подавалъ въ нашъ желѣзный вѣкъ, гдѣ каждый шагъ принимали предпочтительно съ дурной стороны. Все было напрасно; милостиво, но твердо отвергъ государь всѣ моленія благороднѣйшей души».

Можетъ быть, мы подойдемъ ближе всего къ истинѣ, если станемъ искать причину загадочныхъ дѣйствій императора Александра преимущественно въ той особенности характера государя, по которой онъ хотя и не дорожилъ своимъ саномъ, но ревновалъ къ совмѣстникамъ.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи:

«Императоръ Александръ въ цвѣтѣ лѣтъ мужества скучалъ жизнью, не находилъ отрады ни въ чемъ, искалъ чего-то и не находилъ, опасаясь вѣрить и честнымъ и умнымъ людямъ, и довѣрялъ хитрому льстецу (графу Аракчееву), не дорожилъ своимъ саномъ и между тѣмъ ревновалъ къ совмѣстникамъ». Припомнимъ, что, будучи наслѣдникомъ, Александръ внушилъ къ себѣ всеобщую любовь, и что вся Россія восторженно привѣтствовала его вступленіе на престолъ. «Это воспоминаніе тяготило царя. Онъ боялся имѣть наслѣдника, который затмилъ бы его въ глазахъ и мнѣніи народа, какъ онъ, конечно, безъ всякаго умысла затмилъ своего отца. Соперничества Константина Павловича онъ не боялся; цесаревичъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ, и давно уже говорилъ, что царствовать не хочетъ и не будетъ. Александръ боялся превосходства Николая и заставлялъ его играть жалкую и тяжелую роль пустого бригаднаго и дивизіоннаго командира, начальника инженерной части, неважной въ Россіи. Вообразите, каковъ бы былъ Николай съ своихъ благороднымъ, твердымъ характеромъ, съ трудолюбіемъ и любовью къ изящному, если бы его готовили къ трону, хотя бы такъ, какъ приготовляли Александра. Но того воспитывала Екатерина Алексѣевна, а этого Марія Ѳеодоровна, женщина почтенная, но

Библиотека "Руниверс"

ограниченная въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ, трудолюбивая и неусыпная хозяйка, но весьма недальновидная въ политикѣ, нѣмка въ душѣ» [189].

Судьба готовила, однако, въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ, недомолвкамъ и предположеніямъ совсѣмъ иное и, къ тому же, вполнѣ непредусмотрѣнное рѣшеніе.

Послѣдніе три дня передъ отъѣздомъ Александра въ Таганрогъ императорская семья провела въ Царскомъ Селѣ; здѣсь великая княгиня каталась неоднократно съ государемъ и вообще много съ нимъ бесѣдовала, пользуясь особеннымъ его вниманіемъ.

30-го августа 1825 года, въ день своего тезоименитства, императоръ Александръ слушалъ въ послѣдній разъ въ Невской лаврѣ божественную литургію. Съ нимъ ѣхалъ въ одной коляскѣ, и туда и назадъ, великій князь Николай Павловичъ. Государь былъ пасмуренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ пишетъ Николай Павловичъ, «снисходителенъ до крайности» [190]; но, тѣмъ не менѣе, во время бесѣды этого дня Александръ не коснулся ни единымъ словомъ вопроса о престолонаслѣдіи и распоряженій, сдѣланныхъ имъ послѣ разговора въ Красномъ Селѣ въ 1819 году. Точно также государь оставилъ великаго князя въ полномъ невѣдѣніи относительно сдѣланныхъ въ послѣднее время раскрытій по тайнымъ обществамъ; Николай Павловичъ ничего не зналъ объ опасности, угрожавшей государственному строю имперіи и лично ему, наравнѣ съ прочими членами царской семьи.

Изъ Невской лавры императоръ Александръ отправился на освященіе вновь отстроеннаго дворца великаго князя Михаила Павловича; при входѣ въ него брата, государь благословилъ его образомъ Спасителя, хлѣбомъ и солью. Затѣмъ былъ семейный обѣдъ. Что-то грустное связано было съ этимъ торжествомъ — всѣ присутствовавшіе это чувствовали, не высказывая своихъ мыслей. Пышность и блескъ дворцовой обстановки составляли рѣзкую противоположность съ настроеніемъ собравшагося здѣсь общества [191]. «Здѣсь,—пишетъ великій князь,—я простился навсегда съ государемъ, моимъ благодѣтелемъ, и съ императрицею Елисаветою Алексѣевною». Въ тотъ же вечеръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга для осмотра укрѣпленій Бобруйска и инспектированія собранныхъ здѣсь въ лагерѣ войскъ.

1-го (13-го) сентября, императоръ Александръ разстался навсегда съ Петербургомъ и направился въ Таганрогъ [192], 3-го (15-го) сентября за нимъ послѣдовала императрица Елисавета Алексѣевна. Въ столичной жизни водворилось полнѣйшее затишье. Оно прервалось только 15-го сентября, въ день коронаціи императора Александра, когда происходило молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи оставшихся въ Петербургѣ членовъ царской семьи; затѣмъ вечеромъ, по

Библиотека "Руниверс"

заведенному порядку, былъ торжественный спектакль въ Большомъ театрѣ.

Великій князь Николай Павловичъ пробылъ въ Бобруйскѣ около недѣли. Находившійся здѣсь въ лагерѣ съ своею бригадою Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что великій князь изумилъ всѣхъ своими знаніями по фронтовой части; даже показывалъ, какъ дѣлать ружейные пріемы, а барабанщиковъ училъ, какъ имъ слѣдовало бить[193].

15-го сентября, въ день коронаціи императора Александра, происходилъ большой парадъ, по случаю освященія вновь возведеннаго укрѣпленія, которому присвоено было названіе: «Фридрихъ-Вильгельмъ III»[194]. Вскорѣ послѣ этого торжества великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Бобруйска обратно въ Петербургъ.

Наступившія затѣмъ въ скоромъ времени вѣчно памятныя, потрясающія событія заставили современниковъ позабыть о печаляхъ и тревогахъ предшествовавшаго 1824 года.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Въ чемъ же заключались разоблаченія по тайнымъ обществамъ, дошедшія до императора Александра передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ и оставшіяся тайною для великаго князя Николая Павловича?

3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ, доставленный изъ Грузина въ Петербургъ, по распоряженію графа Аракчеева, лично доложилъ государю, 17-го (29-го) іюля, въ Каменноостровскомъ дворцѣ о существованіи въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй армій заговора противъ спокойствія Россіи и лично противъ императора Александра. Шервудъ напалъ на слѣдъ заговора черезъ случайное знакомство съ прапорщикомъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка, Вадковскимъ, переведеннымъ изъ Кавалергардскаго полка въ армію за дерзкіе разговоры [195].

Рѣшено было дать Шервуду годовой отпускъ и поручить ему дальнѣйшее разслѣдованіе открытаго имъ дѣла; условились, что Шервудъ 20-го сентября будетъ ждать на почтовой станціи въ городѣ Карачевѣ, Орловской губерніи, пріѣзда фельдъегеря отъ графа Аракчеева, которому передастъ донесеніе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ по открытію заговора. Побывавъ съ этою цѣлью въ разныхъ мѣстахъ на югѣ Россіи, а также въ Одессѣ, Шервудъ прибылъ къ Вадковскому въ Курскъ, находившемуся здѣсь съ караульными эскадронами. Свиданіе съ нимъ привело Шервуда къ дальнѣйшему раскрытію намѣреній тайныхъ обществъ.

Между тѣмъ вскорѣ по прибытіи императора Александра въ Таганрогъ онъ получилъ извѣстіе о разыгравшейся, 10-го (22-го) сентября, въ Грузинѣ трагедіи: Настасья Ѳедоровна Минкина, домоправитель-

Библиотека "Руниверс"

ница графа Аракчеева, была зарѣзана дворовыми людьми его. Огорченіе, причиненное этимъ печальнымъ случаемъ сердцу графа Аракчеева, было столь велико, что онъ самовольно бросилъ всѣ ввѣренныя ему дѣла, признаваясь, что онъ «никакого соображенія не можетъ сдѣлать», и сдалъ ихъ своимъ ближайшимъ помощникамъ.

Вслѣдствіе грузинскихъ событій фельдъегерь, котораго Шервудъ ожидалъ въ Карачевѣ, опоздалъ нѣсколькими днями, и потому желательный, болѣе быстрый ходъ начатаго дѣла нѣсколько замедлился. Только 11-го (23-го) октября, императоръ Александръ, во время поѣздки въ землю войска Донского, вручилъ генералъ-адъютанту Дибичу письмо Шервуда къ графу Аракчееву, въ которомъ тотъ просилъ послать къ нему въ ноябрѣ въ Харьковъ надежнаго чиновника. Государь избралъ для сего назначенія лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы Дибичъ ни ему, ни кому другому не объявлялъ объ этомъ до возвращенія изъ намѣченной уже тогда поѣздки въ Крымъ.

Таинственная завѣса, покрывавшая доселѣ намѣренія и дѣятельность тайныхъ обществъ, прорвалась послѣ появленія Шервуда еще съ другой стороны. Новыя разоблаченія сообщены были начальникомъ южныхъ военныхъ поселеній, графомъ Виттомъ, имѣвшимъ для собранія подобныхъ свѣдѣній особыя полномочія государя [195]. Графъ Виттъ написалъ о своихъ открытіяхъ императору Александру, 3-го (15-го) августа, въ Петербургъ, но за предстоявшимъ вскорѣ отъѣздомъ государя на югъ ему повелѣно было прибыть въ Таганрогъ. 18-го (30-го) октября, графъ Виттъ сообщилъ въ этомъ городѣ свѣдѣнія, полученныя имъ отъ своего агента, елисаветградскаго помѣщика, отставного коллежскаго совѣтника Александра Карловича Бошняка [197]. Императоръ Александръ приказалъ графу Витту продолжать свои разслѣдованія и затѣмъ, 20-го октября (1-го ноября), отправился въ Крымъ.

Государь возвратился въ Таганрогъ 5-го (17-го) ноября совершенно больной. Тѣмъ не менѣе, 10-го (22-го) ноября, императоръ Александръ повелѣлъ генералъ-адъютанту Дибичу отправить полковника Николаева, по прежнему предположенію, въ Харьковъ, какъ для содѣйствія унтеръ-офицеру Шервуду въ дальнѣйшемъ открытіи заговора, такъ и для арестованія сообщниковъ этого дѣла, «принимая при томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностію» [198]. Приказаніе, отданное генералъ-адъютанту Дибичу, было послѣднимъ распоряженіемъ государя; черезъ нѣсколько дней онъ окончательно слегъ, и правительственная дѣятельность Александра закончилась навсегда.

Наконецъ, нашелся и третій доносчикъ, сообщившій въ Таганрогъ еще болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія о заговорѣ; это былъ капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка Аркадій Майборода. Но его разоблаченія

Библиотека "Руниверс"

не застали въ живыхъ императора Александра, и имп пришлось уже воспользоваться генералъ-адъютанту Дибичу.

Въ Петербургѣ никто изъ лицъ, у власти стоявшихъ, за исключеніемъ одного графа Аракчеева, ничего не знали о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ императоромъ Александромъ, по раскрытію злоумышленныхъ обществъ, передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. Но, какъ выше упомянуто, убійство, случившееся въ Грузинѣ, внезапно прервало дѣятельность графа Аракчеева; надъ начатымъ разслѣдованіемъ внсѣла непроницаемая тайна, и потому всѣ, начиная отъ лицъ царской семьи, могли думать, что все обстоитъ въ Россіи благополучно.

II.

Великій князь Николай Павловичъ возвратился изъ своей поѣздки въ Бобруйскъ 20-го сентября (2-го октября) и нашелъ семью въ Гатчинѣ, гдѣ пребывала также императрица Марія Ѳеодоровна.

Два событія волновали въ то время столичное общество: убійство Настасьи Минкиной въ Грузинѣ и дуэль флигель-адъютанта Новосильцева съ подпоручикомъ Семеновскаго полка Черновымъ, кончившаяся смертію обоихъ противниковъ [199].

«Что скажетъ нашъ бѣдный, дорогой императоръ, и какое впечатлѣніе это произведетъ на него? Вотъ о чемъ тяжело думать. (Que dira notre pauvre, cher empereur et quelle impression cela fera-t-il sur lui? Voilà ce qui est poignant à penser)»,—писала императрица Марія Ѳеодоровна къ Николаю Павловичу. Что же касается Грузинскаго происшествія, то императрица справедливо замѣтила, что станутъ искать заговора и сочинятъ изъ всего случившагося исторію столь же ужасную, какъ и самое убійство. (Vous verrez qu'on y cherchera des complots et qu'on en fera une histoire tout aussi affreuse que la chose soit par elle-même) [200]. Марія Ѳеодоровна не ошиблась въ своемъ предсказаніи.

Секундантомъ Чернова былъ другъ его Рылѣевъ, и за гробомъ этой жертвы несчастной дуэли длинною вереницею слѣдовали будущіе декабристы, собравшіеся въ полномъ составѣ, чтобы отдать послѣдній долгъ сотоварищу, члену общества «Союза Благоденствія» [201].

Нѣсколько позже петербургскій офиціальный міръ, въ свою очередь, собрался на другихъ не менѣе торжественныхъ похоронахъ: 30-го сентября, скончался министръ удѣловъ, бывшій министръ финансовъ, графъ Д. А. Гурьевъ.

Великая княгиня Александра Ѳеодоровна была права, когда писала императору Александру, что со времени его отъѣзда послѣдовали одни

Библиотека "Руниверс"

печальныя происшествія: убійства, дуэль и смерти, которыя не могутъ располагать къ веселію![202]

2-го октября, Николай Павловичъ переселился въ Аничковскій дворецъ, избавившись наконецъ отъ безпрерывныхъ поѣздокъ по служебнымъ обязанностямъ изъ Гатчины въ Петербургъ[203]. Императрица Марія Ѳеодоровна переѣхала въ городъ еще позже, 5-го ноября, а великій князь Михаилъ Павловичъ отправился, съ разрѣшенія государя, въ Варшаву къ цесаревичу Константину Павловичу, только что возвратившемуся съ княгиней Ловичъ изъ заграничнаго путешествія. Великая княгиня Елена Павловна, по болѣзни, осталась въ Петербургѣ.

Уединенный образъ жизни, который продолжалъ вести въ это время императоръ Александръ съ императрицей въ Таганрогѣ, прервался только посѣщеніемъ Новочеркасска, а затѣмъ, 20-го октября, поѣздкою въ Крымъ. 5-го (17-го) ноября, государь возвратился изъ этого путешествія въ Таганрогъ совершенно больной.

Въ Петербургѣ объ этомъ обстоятельствѣ ничего не знали; 17-го (29-го) ноября, императрица Марія Ѳеодоровна получила только извѣстіе о легкой простудѣ, постигшей государя во время крымскаго путешествія. Судя по успокоительному письму императора Александра къ своей родительницѣ, это сообщеніе не могло возбудить особыхъ опасеній.

На другой день, 18-го (30-го) ноября, великая княгиня Елена Павловна получила письмо отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны отъ 9-го ноября, въ которомъ ея величество просила, между прочимъ, увѣдомить императрицу Марію Ѳеодоровну, что государь чувствуетъ себя лучше, и что сама не пишетъ къ ея величеству для того, чтобы не придавать этой болѣзни слишкомъ большого значенія.

22-го ноября (4-го декабря), въ воскресенье утромъ, получено было письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ императрицѣ-матери, отъ 12-го (24-го) ноября, въ которомъ ея величество сообщала о возобновленіи у государя лихорадки, препятствующей ему писать; въ этомъ же письмѣ выражалась надежда, что черезъ нѣсколько дней она, вѣроятно, уже будетъ въ состояніи касаться въ своихъ письмахъ другихъ, менѣе важныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ и по полученіи въ Петербургѣ письма отъ 12-го (24-го) ноября имѣли еще полное основаніе предаваться при дворѣ несбыточнымъ надеждамъ; всѣмъ могло казаться, что нездоровье государя не можетъ внушать серьезныхъ опасеній. Но затѣмъ обстановка разомъ совершенно измѣнилась.

Въ тотъ же день, 22-го ноября (4-го декабря), вечеромъ, получены были бюллютени Вилліе, которые представляли дѣло въ менѣе утѣшительномъ видѣ и вызвали въ придворныхъ сферахъ сильнѣйшее безпокойство. Вилліе доносилъ, что лихорадка, которою страдалъ государь,

Библиотека "Руниверс"

Александръ Львовичъ Воиновъ.
(Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета Доу).

и названная имъ гастрически-желчною (gastrique-bilieuse), бывъ дотолѣ перемежающеюся, съ 11-го на 12-е ноября продолжалась, будучи сопровождаема опасными явленіями.

25-го ноября (7-го декабря), вечеромъ, Григорій Ивановичъ Вилламовъ, секретарь императрицы Маріи Ѳеодоровны, получилъ письмо отъ генералъ-адъютанта барона Дибича отъ 15-го (27-го) ноября, въ которомъ начальникъ главнаго штаба, описывая усиленіе болѣзненнаго состоянія государя, сообщалъ, что его величество по совѣту окружавшихъ его лицъ причастился Св. Тайнъ. Въ заключеніе своего письма

Библиотека "Руниверс"

баронъ Дибичъ присовокуплялъ, что хотя медики еще не теряютъ надежды, но они, тѣмъ не менѣе, находятъ положеніе государя весьма опаснымъ [204]. Подобныя же печальныя сообщенія изъ Таганрога получили графъ Милорадовичъ, князь Лопухинъ и дежурный генералъ Потаповъ.

Съ этими потрясающими извѣстіями графъ Милорадовичъ явился вечеромъ къ великому князю Николаю Павловичу въ Аничковскій дворецъ и вручилъ его высочеству письма князя Волконскаго и барона Дибича.

Великій князь Николай Павловичъ въ собственноручной замѣткѣ описываетъ полученіе этого рокового извѣстія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«25-го ноября, вечеромъ, часовъ въ шесть, я игралъ съ дѣтьми, у которыхъ были гости, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ ко мнѣ пріѣхалъ; я сейчасъ пошелъ къ нему и засталъ его въ пріемной комнатѣ живо ходящимъ по комнатѣ съ платкомъ въ рукѣ и въ слезахъ; взглянувъ на него, я ужаснулся и спросилъ: «Что это, Михаилъ Андреевичъ? Что случилось?»—Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Il y a une horrible nouvelle!»—Я ввелъ его въ кабинетъ, и тутъ онъ, зарыдавъ, отдалъ мнѣ письма отъ князя Волконскаго и Дибича, говоря: «L'empereur se meurt; il n'y a plus qu'une faible espoir».—У меня ноги подкосились; я сѣлъ и прочелъ письма, гдѣ говорятъ, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плохъ. Первая моя мысль была матушка и какъ ей объявить это ужасное извѣстіе.

«Было другое письмо отъ тѣхъ же лицъ къ г. Вилламову, ему пришлось повѣстить о семъ матушкѣ, и только что успѣлъ я объявить о томъ же женѣ и хотѣлъ ѣхать къ матушкѣ, какъ она за мною прислала; я засталъ ее въ тѣхъ ужасныхъ терзаніяхъ, которыхъ опасался; положеніе ея было столь ужасно, что я не рѣшился ее покидать и остался всю ночь съ адъютантомъ моимъ Адлербергомъ въ камердинерской комнатѣ сидящимъ. Ночью часто меня матушка призывала, ища утѣшеній, которыхъ я не въ состояніи былъ ей дать. Подъ утро, часовъ въ семь, прибылъ второй фельдъегерь съ извѣстіемъ о минутной перемѣнѣ къ лучшему и съ письмомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны» [205].

Въ запискѣ «Отъ брата Николая къ брату Константину» встрѣчаются еще нѣкоторыя подробности о томъ, что случилось вечеромъ 25-го ноября. «Подавъ нужное пособіе ея величеству [206],—читаемъ мы въ этой запискѣ,—его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Воиновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о

Библиотека "Руниверс"

кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей неизречимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему брату, какъ законному наслѣднику престола» [207].

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны, о которомъ упоминаетъ Николай Павловичъ, было нѣсколько успокоительнаго содержанія и возвѣщало, что 17-го (29-го) ноября наступило явное улучшеніе въ состояніи здоровья государя: «Il y a du mieux très décidé dans l'état de l'empereur», писала Елисавета Алексѣевна, прибавляя: «il est faible à l'excès».

«Утромъ были мы у обѣдни и на молебствіи; весь день проведенъ въ радости и надеждѣ»,—пишетъ Николай Павловичъ. Въ городѣ еще ничего не подозрѣвали относительно безнадежнаго почти положенія дѣлъ въ Таганрогѣ; пока успѣла только распространиться одна молва о легкой болѣзни государя. 26-го ноября, послѣдовало распоряженіе во всѣхъ церквахъ столицы служить молебствія за здравіе императора Александра.

Радость, возбужденная письмомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, была, однако, непродолжительна; то, что въ Таганрогѣ императрица и нѣкоторые изъ приближенныхъ къ государю лицъ принимали за перемѣну къ лучшему, было только послѣднею вспышкою жизни, отсрочкой передъ близкимъ отходомъ императора въ вѣчность.

27-го ноября (9-го декабря), въ пятницу, назначено было молебствіе послѣ обѣдни въ большой церкви Зимняго дворца. Здѣсь находилась императорская фамилія и нѣкоторыя приближенныя особы; прочіе знатнѣйшіе военные и гражданскіе чины собрались въ Невской лаврѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна, не желая быть видимою присутствовавшими въ церкви, слушала обѣдню, по заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, въ ризницѣ; Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна находились тамъ же. «Дверь въ переднюю была стеклянная,—пишетъ Николай Павловичъ,—и мы условились, что, буде пріѣдетъ курьеръ изъ Таганрога, камердинеръ сквозь дверь дастъ мнѣ знакъ. Только что послѣ обѣдни начался молебенъ, знакъ мнѣ былъ данъ камердинеромъ Гриммомъ. Я тихо вышелъ и въ бывшей библіотекѣ, комнатѣ короля прусскаго, нашелъ графа Милорадовича; по лицу его я уже догадался, что роковая вѣсть пришла. Онъ мнѣ сказалъ: «C'est fini, courage maintenant, donnez l'exemple», и повелъ меня подъ руку; такъ мы дошли до перехода, что̀ былъ за кавалергардскою комнатою. Тутъ я упалъ на стулъ—всѣ силы меня оставили».

Дѣйствительно, изъ Таганрога прибылъ фельдъегерь съ письмами отъ князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича, извѣщавшими императрицу Марію Ѳеодоровну о кончинѣ императора Александра, по-

Библиотека "Руниверс"

слѣдовавшей 19-го ноября (1-го декабря). Въ заключеніи письма Дибича сказано было нѣсколько словъ о преемникѣ Александра въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Съ покорностью ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича. Отправивъ къ его императорскому величеству курьера, я не осмѣлился замедлить симъ донесеніемъ вашему величеству, по обязанности службы, на меня налагаемой»[208].

Николай Павловичъ послалъ за докторомъ Рюлемъ, безъ котораго великій князь опасался явиться къ императрицѣ. Рюль вскорѣ пришелъ, и тогда они пошли втроемъ въ ризницу. Молебенъ еще продолжался. Императрица замѣтила долгое отсутствіе великаго князя и, стоя на колѣняхъ, ожидала въ ужасномъ безпокойствѣ возвращенія сына. По разсказу Николая Павловича: «Войдя я простерся на землю, не говоря ни слова—она догадалась обо всемъ, но ни слова, ни слезы; ужасное оцѣпенѣніе ею овладѣло». Николай Павловичъ прошелъ черезъ алтарь и, выйдя изъ сѣверныхъ дверей, подалъ знакъ рукою къ прекращенію службы. «Все умолкло, оцѣпенѣвъ отъ недоумѣнія,—пишетъ очевидецъ этого событія, В. А. Жуковскій,—но вдругъ всѣ разомъ поняли, что императора не стало: церковь глубоко охнула. И черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача».

Возвращаясь въ ризницу, великій князь повелъ за собою къ своей родительницѣ совершавшаго молебенъ духовника ея, Криницкаго, съ крестомъ. Императрица тогда только могла пролить первыя слезы; прижавъ губы къ распятію, она лишилась чувствъ; ее подняли, посадили въ кресла и понесли во внутренніе покои. Затѣмъ, Николай Павловичъ, обратившись къ своей супругѣ, сказалъ ей: «soignez notre mère et moi je vais faire mon devoir»[209].

Между тѣмъ изъ церкви, мало-по-малу, молившіеся разошлись; въ ней остался только В. А. Жуковскій, сдѣлавшійся невольнымъ свидѣтелемъ всего происшедшаго въ ризницѣ, а затѣмъ и въ церкви.

«Въ смятеніи мыслей,—писалъ онъ впослѣдствіи, вспоминая событія этого дня[210],—я не зналъ, куда итти, и наконецъ, машинально, вмѣсто того, чтобъ выйти общими дверями изъ церкви, вошелъ сѣверными дверями въ алтарь. Что же я увидѣлъ? Дверь въ боковую горницу отворена; тамъ императрица Марія Ѳеодоровна почти безчувственная лежитъ на рукахъ великаго князя; передъ нею на колѣнахъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна, умоляющая ее успокоиться: Maman, chère maman, au nom de Dieu, calmez-vous! Въ эту минуту священникъ беретъ съ престола крестъ и, возвысивъ его, приближается къ дверямъ: увидѣвъ крестъ, императрица падаетъ передъ нимъ на землю, притиснувъ голову къ полу почти у самыхъ ногъ священника. Неска-

Библиотека "Руниверс"

РУСКІЙ ИНВАЛИДЪ
ИЛИ
ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 284.

Воскресенье, Ноября 29 го дня, 1825-го года.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Санктпетербургъ, 27-го *Ноября* Божественное Провидѣніе по непсповѣдимымъ судьбамъ своимъ поразило Россійскую Имперію такимъ несчастіемъ, котораго нельзя выразить. Фельдъегерь, прибывшій сюда изъ Таганрога 27-го сего мѣсяца, привезъ горестное извѣстіе о кончинѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Узнавъ о семъ неожиданномъ бѣдствіи, Высочайшіе Члены Императорской Фамиліи, Государственный Совѣтъ, Министры, собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ первый *Его Высочество* Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, а за нимъ всѣ Чиновники, тутъ находившіеся, также какъ всѣ полки Императорской Гвардіи присягнули въ вѣрности и подданствѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ I.

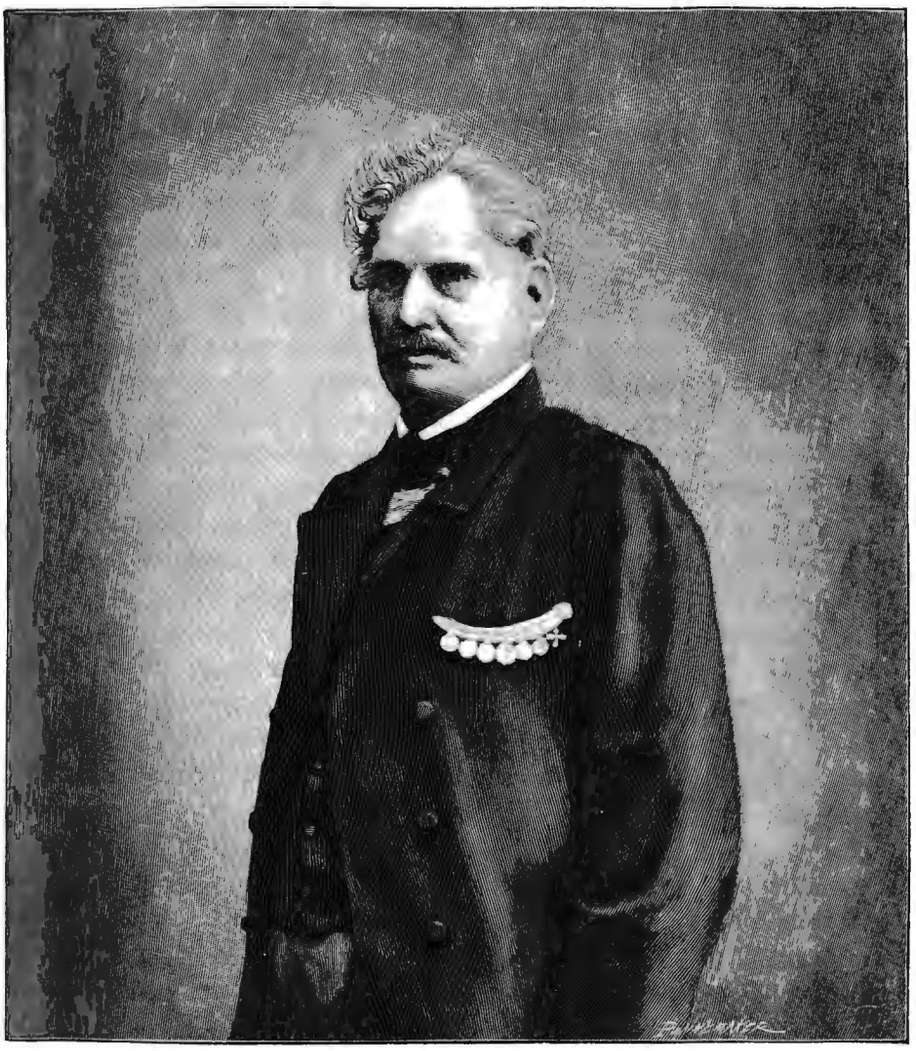
Печатать позволяется: С. Пешербургъ, Ноября 28-го дня, 1825 года. — Цензоръ А. *Бирюковъ*

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО И ПРИСЯГѢ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, НАПЕЧАТАННОЕ ВЪ «РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ» 29 НОЯБРЯ 1825 ГОДА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

занное величіе этого зрѣлища меня сразило: увлеченный имъ, я сталъ на колѣна передъ святынею материнской скорби, передъ головою царицы, лежащей въ прахѣ подъ крестомъ испытующаго Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, посадили въ кресла, понесли во



Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.
(Съ фотографіи, принадлежащей его дочери).

внутренніе покои; двери за нею затворились; я не могъ итти далѣе и возвратился на оставленное мною мѣсто въ церкви; она была пуста, царскія двери были затворены, за престоломъ стоялъ безмолвный священникъ, кругомъ меня царствовала глубокая тишина; я стоялъ непо-

Библиотека "Руниверс"

движно, точно прикованный къ мѣсту. Не прошло десяти минутъ, какъ вдругъ снова отворяются сѣверныя двери: входитъ великій князь Николай Павловичъ. «Отецъ Криницкій, — говоритъ онъ священнику, — поставьте налой и положите на него Евангеліе». Это исполнилось: налой съ открытымъ на немъ Евангеліемъ поставленъ предъ царскими дверями. «Принесите присяжный листъ», — продолжалъ великій князь. Присяжный листъ принесенъ.—«Читайте присягу».—Священникъ началъ читать. Великій князь поднялъ руку; задыхаясь отъ рыданія, дрожащимъ голосомъ повторялъ онъ за священникомъ слова присяги; но, когда надобно было произнести слова: государю императору Константину Павловичу, дрожащій голосъ сдѣлался твердымъ и громкимъ: все величіе этой чудной минуты выразилось въ его мужественномъ, рѣшительномъ звукѣ» [211].

Совершивъ присягу и подписавъ присяжный листъ, великій князь вышелъ изъ церкви и направился къ внутреннему дворцовому караулу, бывшему въ тотъ день отъ роты его величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и объявилъ людямъ о кончинѣ государя, и что теперь всѣ обязаны присягнуть законному императору Константину Павловичу [212]. То же самое великій князь лично возвѣстилъ двумъ другимъ внутреннимъ карауламъ: кавалергардскому и конногвардейскому. Затѣмъ Николай Павловичъ поручилъ дежурному генералу Потапову принять присягу отъ главнаго дворцоваго караула, а адъютанту своему полковнику Адлербергу отправиться съ тою же цѣлью въ инженерное вѣдомство. Сверхъ сего, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ Нейгардтъ, былъ посланъ въ Невскую лавру, гдѣ собрался къ молебну весь гвардейскій генералитетъ, чтобы предложить генералу Воинову распорядиться приведеніемъ къ присягѣ всѣхъ гвардейскихъ полковъ [213].

Всѣми этими распоряженіями, какъ сказано въ первомъ манифестѣ императора Николая, «желали мы утвердить уваженіе наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола . . . . . отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ и . . . . . предохранить отечество наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной, неизвѣстности о законномъ его государѣ».

По исполненіи всего этого великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, онъ поспѣшилъ къ императрицѣ-матери и сообщилъ ей, что исполнилъ священный долгъ, присягнувъ императору Константину, что повлекло за собою присягу карауловъ и лицъ, находившихся во дворцѣ, какъ-то: графа Милорадовича, генералъ-адъютантовъ князя Трубецкого и Голенищева-Кутузова, дежурнаго генерала Потапова и многихъ другихъ.

— «Nicolas, qu'avez vous fait? — воскликнула императрица въ испугѣ: — ne savez-vous donc pas qu'il y a un autre acte qui vous nomme héritier présomptif?»

Библиотека "Руниверс"

— «S'il y en a un,— отвѣчалъ великій князь,—il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maître, notre souverain légitime, est mon frère Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra!».

О существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола при жизни Александра, никто не зналъ, за исключеніемъ трехъ государственныхъ сановниковъ: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архіепископа московскаго Филарета. Изъ этихъ трехъ лицъ въ Петербургѣ находился одинъ князь А. Н. Голицынъ; узнавъ въ Невской лаврѣ о кончинѣ императора Александра, онъ немедленно отправился въ Зимній дворецъ. Тамъ присяга была уже окончена, и Голицынъ узналъ о томъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ къ великому князю. «Въ изступленіи,—пишетъ Николай Павловичъ,—внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти во дворцѣ, что всѣ присягнули Константину Павловичу, онъ началъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я брату присягнулъ и другихъ симъ завлекъ, и повторилъ мнѣ, что слышалъ отъ матушки, и требовалъ, чтобы я повиновался мнѣ неизвѣстной волѣ покойнаго государя; я отвергъ сіе неумѣстное требованіе положительно, и мы разстались съ княземъ: я, очень недовольный его вмѣшательствомъ, онъ—столько же моею неуступчивостью».

Между тѣмъ, къ двумъ часамъ пополудни, того же 27-го ноября (9-го декабря), возвѣщено было чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта. Извѣстіе о совершившейся во дворцѣ присягѣ принесъ туда рыдающій князь Голицынъ, разсказывая, какъ онъ представлялъ великому князю Николаю Павловичу, что его высочество напрасно поторопился присягою, потому что въ совѣтѣ есть особая бумага о порядкѣ наслѣдія. До открытія засѣданія, по мѣрѣ того какъ съѣзжались члены, онъ сообщалъ еще другія подробности: что вся бумага переписана его рукою; что такіе же экземпляры есть и въ сенатѣ и въ синодѣ, наконецъ, что подлинный актъ положенъ на престолѣ московскаго Успенскаго собора, съ повелѣніемъ, по кончинѣ императора, распечатать его тамъ генералъ-губернатору и епархіальному архіерею.

Предсѣдатель совѣта, князь Лопухинъ, и князь Голицынъ предложили, что до присяги необходимо прочитать совѣту хранящуюся за печатью бумагу, въ которой высказана воля покойнаго императора. Министръ юстиціи, князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, высказалъ мнѣніе, что бумаги открывать не нужно, что онъ не сдѣлаетъ этого въ сенатѣ, что совѣтъ есть только канцелярія государева, и что «les morts n'ont point de volonté»[214]. А. С. Шишковъ также высказался въ этомъ смыслѣ, предлагая, чтобы бумагу вскрыли послѣ присяги. «Онъ,—какъ пишетъ Сперанскій,— съ свойственнымъ ему искусственнымъ жаромъ утверждалъ въ частномъ разговорѣ, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ

Библиотека "Руниверс"

остаться безъ государя; что отъ воли Константина Павловича зависитъ принять или не принять престолъ, но что по порядку ему присягнуть должно»[215]. Самъ Шишковъ объясняетъ свою точку зрѣнія въ запискахъ слѣдующимъ образомъ: «Естьли паче чаянія въ ней (т.-е. въ бумагѣ) заключается что нибудь такое, которое можетъ общее мнѣніе привесть въ разногласіе, весьма въ подобныхъ обстоятельствахъ опасное, то лучше прочитать ее по совершеніи присяги, и тогда рѣшить, нужно ли содержащееся въ ней обнародовать или не нужно. На сіе князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что бумага эта ему извѣстна, писана его рукою, и что она не произведетъ никакого разногласія. Послѣ сего я замолчалъ»[216].

Въ это время, по приказанію князя Лопухина, таинственный пакетъ, возбуждавшій столько споровъ, былъ уже принесенъ изъ архива А. Н. Олениным, исправлявшимъ должность государственнаго секретаря, и можно было открыть засѣданіе. Но не всѣ члены совѣта были въ сборѣ; поджидали графа Милорадовича, который наконецъ явился. Онъ сказалъ громогласно: «Я имѣю честь донести государственному совѣту, что его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ изволилъ учинить присягу на подданство старшему брату своему императору Константину Павловичу, что онъ, военный генералъ-губернаторъ, и войско его величеству уже присягнули, и что онъ совѣтуетъ господамъ членамъ государственнаго совѣта прежде всего также присягнуть, а потомъ уже дѣлать, что угодно»[217]. Послѣ этихъ словъ начался общій разговоръ и сужденія, распечатывать ли пакетъ, или нѣтъ. Наконецъ А. Н. Оленинъ получилъ разрѣшеніе отъ предсѣдателя распечатать пакетъ и приступить къ чтенію. Водворилось молчаніе, и совѣтъ выслушалъ чтеніе манифеста императора Александра, заключавшаго его послѣднюю волю, и письмо цесаревича Константина Павловича на имя покойнаго государя съ отвѣтомъ на него императора Александра. По окончаніи чтенія молчаніе членовъ продолжалось. Графъ Милорадовичъ его прервалъ, повторяя первое свое предложеніе итти всѣмъ къ присягѣ императору Константину Павловичу, слѣдуя желанію великаго князя Николая Павловича, который торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему упомянутымъ манифестомъ, и первый присягнулъ императору Константину.

«Тутъ въ общемъ довольно шумномъ разговорѣ, между господами членами послѣдовавшемъ за третичнымъ предложеніемъ графа Милорадовича,—пишетъ А. Н. Оленинъ[218],—мнѣ казалось, что я разслышалъ заявляемое ими вообще желаніе: сіе предложеніе графа Милорадовича имѣть счастіе слышать изъ устъ самого великаго князя Николая Павловича и потому просить его высочество о удостоеніи государственнаго совѣта своимъ посѣщеніемъ. По крайней глухотѣ князя П. В. Лопухина, которая въ этотъ день отъ разстройства мыслей еще болѣе усилилась,

Библиотека "Руниверс"

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

(Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго).

я рѣшился его свѣтлости громогласно объяснить то, что мнѣ казалось общимъ мнѣніемъ господъ членовъ государственнаго совѣта, столь согласнымъ съ достоинствомъ сего верховнаго сословія. Предсѣдатель, одобряя сію мысль, вмѣстѣ съ другими господами членами, сталъ просить графа Милорадовича взять на себя трудъ убѣдительнѣйше просить великаго князя Николая Павловича удостоить государственный совѣтъ своимъ посѣщеніемъ, единственно въ томъ предметѣ, чтобъ изъ собственныхъ его устъ услышать непреложную его волю. Графъ Милорадовичъ охотно

Библиотека "Руниверс"

взялся исполнить сіе порученіе и тотчасъ отправился въ комнаты, гдѣ въ то время великій князь Николай Павловичъ находился. Господа члены остались сидящими на своихъ мѣстахъ. Между тѣмъ явились въ собраніе члены государственнаго совѣта, которые только-что получили приглашеніе къ засѣданію, а именно: генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и графъ Нессельродъ, и просили меня дать имъ прочитать бумаги, которыхъ они не слышали. Я предложилъ имъ мои услуги для прочтенія. Графъ Нессельродъ съ своего мѣста подошелъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову, я сталъ между ими и прочелъ имъ, какъ манифестъ покойнаго государя императора, такъ и отреченіе цесаревича и великаго князя Константина Павловича. Графъ Литта, который сидѣлъ подлѣ г. Васильчикова, повторялъ иногда громко мною читаемое. Между тѣмъ, графъ Милорадовичъ возвратился отъ великаго князя Николая Павловича и, ставъ опять подлѣ моего мѣста, объявилъ, что его высочество не считаетъ себя въ правѣ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и потому не можетъ согласиться прибыть въ собраніе совѣта. Тутъ опять возникъ общій разговоръ. Разсуждая съ близъ сидящими господами членами, я полагалъ, что если его императорскому высочеству неугодно самому пожаловать въ собраніе, то, кажется, весьма прилично будетъ достоинству сего верховнаго сословія испросить дозволеніе явиться in corpore предъ лицо его императорскаго высочества и, принявъ изустное его приказаніе, исполнить немедленно оное, какъ непреложное повелѣніе той высокой особы, которой мы въ семъ затруднительномъ обстоятельствѣ должны, по ближайшему соображенію, безмолвно повиноваться. Предложеніе сіе одобрено было гг. предсѣдателемъ и многими членами. Графъ Милорадовичъ снова былъ прошенъ объ исходатайствованіи у его императорскаго высочества дозволенія членамъ государственнаго совѣта явиться самимъ предъ лицо его высочества. Графъ, принявъ сіе порученіе на себя, отправился вторично къ его императорскому высочеству и вскорѣ возвратился съ милостивѣйшимъ отвѣтомъ и дозволеніемъ тотчасъ явиться къ его высочеству. Между тѣмъ, вошли въ собраніе еще нѣкоторые члены, не успѣвшіе явиться къ началу засѣданія, а именно: адмиралъ Мордвиновъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Тутолминъ. Такимъ образомъ, члены государственнаго совѣта, подъ предводительствомъ предсѣдателя, князя П. В. Лопухина и въ сопровожденіи меня, какъ исправляющаго должность государственнаго секретаря, поспѣшили явиться къ его высочеству государю великому князю Николаю Павловичу. Я съ собою взялъ извѣстный пакетъ, вложивъ въ оный читанныя мною бумаги, и держалъ его въ обѣихъ рукахъ [219].

«Лишь только мы всѣ вошли въ пріемную залу бывшихъ комнатъ великаго князя Михаила Павловича, то графъ Милорадовичъ пошелъ

Библиотека "Руниверс"

сказать о приходѣ нашемъ великому князю Николаю Павловичу. Его высочество не заставилъ себя ждать, но, вышедши изъ дверей внутреннихъ комнатъ, онъ поспѣшно подошелъ къ намъ, стоящимъ въ кучѣ, посреди комнаты, и началъ тотчасъ намъ говорить. Я постараюсь, сколько можно, припомнить его слова, хотя это весьма трудно будетъ по чувствамъ, которыя насъ всѣхъ въ то время волновали и помрачали, такъ сказать, нашъ разсудокъ.

«Великій князь, остановясь между нами и держа правую руку и указательный палецъ простертыми надъ своею головою, призывая, такъ сказать, сими движеніями Всевышняго во свидѣтели искренности его помышленій, являлъ въ лицѣ своемъ, сколько можно ему было болѣе твердости, но глубокая грусть, на челѣ его напечатлѣнная, и слѣды горькихъ и многихъ слезъ по блѣднымъ его щекамъ, а также по временамъ и судорожное движеніе всего тѣла, показывали, какою сильною онъ былъ удручаемъ печалью. Въ этомъ ужасномъ положеніи онъ произнесъ слѣдующія слова:

«Господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану».

«Тутъ онъ былъ прерванъ рыданіями членовъ государственнаго совѣта, и нѣкоторые голоса произнесли между другими восклицаніями: «какой великодушный подвигъ!»

«Никакого тутъ нѣтъ подвига, — воскликнулъ великій князь, — въ моемъ поступкѣ нѣтъ другого побужденія, какъ только исполнить священный долгъ мой предъ старшимъ братомъ. Никакая сила земная не можетъ перемѣнить мыслей моихъ по сему предмету и въ этомъ дѣлѣ. Я ни съ кѣмъ совѣтоваться не буду и ничего не вижу достойнаго похвалы. Я исполняю мою обязанность и больше ничего. Мнѣ бы весьма больно было,—продолжалъ онъ,—если бы кто либо изъ васъ, милостивые государи, могъ подумать, чтобъ я минуту на какой другой мысли могъ остановиться, кромѣ присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу по кончинѣ брата и благодѣтеля моего Александра».

«Тутъ всѣ сдѣлали движеніе, чтобъ облобызать великаго князя Николая Павловича. Онъ многихъ предупредилъ, цѣлуясь и бравши за руку. Онъ тѣ же рѣчи повторялъ. Наконецъ, не помню уже, князь ли П. В. Лопухинъ или другіе господа члены просили убѣдительнѣйше для совершенной очистки ихъ совѣсти передъ покойнымъ государемъ императоромъ прочитать его послѣднюю, такъ сказать, волю и отреченіе цесаревича и великаго князя Константина Павловича. Великій князь

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

Николай Павловичъ долго не могъ на усиленную нашу просьбу рѣшиться, объявляя намъ: «что онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда далъ себѣ клятвенное обѣщаніе поступить въ случаѣ подобнаго несчастія по тѣмъ правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ. Что волѣ его никто пренятствовать не можетъ, и что августѣйшая его родительница, которой все это дѣло также совершенно извѣстно, вполнѣ одобряетъ его поступокъ».

«По многимъ убѣжденіямъ, наконецъ, для успокоенія членовъ государственнаго совѣта великій князь, взявъ изъ моихъ рукъ пакетъ и вынувъ изъ онаго помянутыя двѣ бумаги, прочелъ ихъ про себя, показывая движеніемъ лица и тѣла знаки несогласія своего съ изложеннымъ въ манифестѣ положеніемъ, а также сожалѣнія и скорби, читая отреченіе цесаревича. Положивъ сіи бумаги въ пакетъ и отдавъ мнѣ оный, онъ опять обратился къ членамъ и началъ ихъ убѣдительно просить, чтобъ они шли къ присягѣ, предлагая быть ихъ предводителемъ въ церковь [220]. Тогда министръ юстиціи, князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, приступивъ близко къ великому князю Николаю Павловичу и закинувъ голову назадъ по весьма невзрачному росту его сіятельства, объявилъ ему, что онъ имѣющагося у него въ храненіи подобнаго пакета для открытія въ правительствующемъ сенатѣ послѣ сего уже не предъявитъ сенаторамъ, а возьметъ къ себѣ впредь до повелѣнія. Здѣсь кто-то изъ господъ членовъ совѣта замѣтилъ, что такіе пакеты находятся еще въ Москвѣ и здѣсь въ синодѣ. Великій князь отвѣчалъ, что онъ по сему предмету приметъ надлежащія мѣры, и повторилъ требованіе свое итти къ присягѣ, на что господа члены государственнаго совѣта, выслушавъ его волю, изъявили общую и единодушную свою готовность. Съ симъ словомъ его высочество опять сталъ многихъ изъ нихъ лобызать и въ особенности князя А. Н. Голицына, котораго онъ, схвативъ обѣими руками за голову, цѣловалъ въ уста, въ очи и въ лобъ. Затѣмъ, объявивъ намъ, что вдовствующая государыня императрица желаетъ видѣть насъ послѣ присяги, повелъ немедленно членовъ совѣта и меня для принятія оной [221].

«Такимъ образомъ въ большой придворной церкви священникъ оной, не помню его по имени, привелъ насъ къ присягѣ, то-есть тѣхъ, которые еще не учинили оной, ибо нѣкоторые по незнанію, а другіе по торопливости, пріѣхавъ прежде во дворецъ, исполнили сей обрядъ вслѣдъ за Николаемъ Павловичемъ, который къ сему дѣйствію приступилъ въ ту самую минуту, какъ узналъ о смерти императора Александра».

Затѣмъ А. Н. Оленинъ въ своей запискѣ переходитъ къ описанію пріема чиновъ государственнаго совѣта императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Библиотека "Руниверс"

«Здѣсь, по словамъ его, насъ ожидала плачевнѣйшая и величественнѣйшая живая картина, какую можно въ жизни видѣть.

«Двери въ кабинетѣ растворились. Неподалеку отъ нихъ на креслахъ сидѣла вдовствующая государыня императрица въ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ[222]. Въ такихъ же одеждахъ стояли за ней двѣ невѣстки, разливающіяся въ слезахъ: великая княгиня Александра Ѳеодоровна стояла

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
(Съ гравированнаго портрета Уткина).

по лѣвую руку государыни, а великая княгиня Елена Павловна по правую.... Государыня сидѣла въ креслахъ въ совершенномъ, но величественномъ отчаяніи. Она не плакала, не рыдала, но глаза ея были тусклые, и все лицо покрыто было красными и блѣдными пятнами. Тутъ, забывъ обыкновенный придворный этикетъ, мы бросились къ ней и ее окружили безъ всякихъ чиновъ, она заговорила, и мы всѣ зарыдали.

«— Хотя въ положеніи моемъ, — говорила вдовствующая государыня, — мнѣ весьма тяжко чѣмъ либо другимъ заниматься, кромѣ настоящаго моего несчастія, но я хотѣла васъ видѣть, чтобы вамъ изустно подтвердить, что мнѣ совершенно извѣстно положеніе, сдѣланное моимъ Александромъ въ разсужденіи Николая,— мнѣ извѣстно, и я васъ

Библиотека "Руниверс"

увѣряю, что все это сдѣлано по доброй волѣ и по непринужденному согласію моего Константина, но что со всѣмъ тѣмъ я совершенно соглашаюсь и одобряю поступокъ этого ангела», взявъ великаго князя Николая Павловича, который уже подлѣ нея стоялъ, за руку. Тутъ всѣ, кто только ближе стоялъ къ ея величеству, бросились къ ея рукамъ, чтобъ ихъ облобызать. Она, привставъ изъ своихъ креселъ и жалуя руки свои намъ, продолжала свою рѣчь, но разслушать нельзя было ничего другого, какъ то только, что она заповѣдывала намъ служить новому императору усердно и ревностно. Разслушивать же въ подробности ея слова было трудно за измѣняющимся ея отъ рыданія голосомъ и за общимъ, такъ сказать, нашимъ плачемъ и стономъ. Въ семъ-то положеніи мы возвратились въ комнаты государственнаго совѣта, гдѣ члены за позднимъ временемъ положили собраться для подписанія журнала всѣхъ сихъ происшествій въ 7 часовъ вечера того же самаго дня. Члены стали разъѣзжаться..... я поѣхалъ домой около трехъ часовъ..... занялся составленіемъ журнала; въ восьмомъ часу онъ былъ готовъ.

«Я привезъ его въ государственный совѣтъ, гдѣ всѣ наличные здѣсь члены уже собрались, кромѣ графа Милорадовича. Извинившись предъ ними въ нѣкоторой моей медлительности, причиною которой была непомѣрная моя по лѣтамъ усталость, я, сѣвъ на свое мѣсто, прочиталъ журналъ и приготовленное начерно заключеніе; по одобреніи господами членами того и другого, я послѣднее тотчасъ приказалъ въ канцеляріи приписать къ журналу. При входѣ моемъ съ готовымъ журналомъ князь А. Н. Голицынъ шепнулъ мнѣ, что великій князь Николай Павловичъ желаетъ журналъ нашъ видѣть по подписаніи. Такимъ образомъ, прочитавъ приписанное заключеніе, я подалъ журналъ къ подписанію г. предсѣдателю, отъ котораго оный по обыкновенію былъ переданъ господамъ членамъ на тотъ же предметъ[223]. По окончаніи сего обряда, я объявилъ присутствующимъ, отъ имени предсѣдателя, что засѣданія государственнаго совѣта будутъ продолжаться, а дѣла производиться, впредь до особаго повелѣнія, точно такъ, какъ доселѣ было установлено. Засѣданіе симъ закрылось, и члены начали разъѣзжаться... Я съ журналомъ поспѣшилъ къ великому князю Николаю Павловичу. Его не было въ занятыхъ имъ комнатахъ, онъ еще находился при августѣйшей своей родительницѣ. Это было въ 9 часовъ 45 минутъ вечера. Я побѣжалъ, сколько ноги меня тогда носили, на половину ко вдовствующей государынѣ императрицѣ, гдѣ я приказалъ о себѣ доложить великому князю Николаю Павловичу.

«Его высочество тотчасъ ко мнѣ вышелъ и пошелъ со мною въ свою спальную комнату. Тутъ, ставши противъ трюмо, гдѣ поставлены были свѣчки, онъ началъ прилежно читать журналъ и, когда въ ономъ дошелъ

Библиотека "Руниверс"

до мѣста, гдѣ сказано было, что «государственный совѣтъ желалъ явиться предъ лицо его высочества, дабы удостоиться изъ собственныхъ его устъ услышать великодушную его рѣшимость», онъ скорыми шагами пошелъ къ столу, который стоялъ въ углу комнаты, и, взявъ карандашъ, началъ это мѣсто перечеркивать, говоря: «тутъ нѣтъ никакого великодушія съ моей стороны, я исполнилъ долгъ, и больше ничего». Я замѣтилъ его высочеству, что журналъ уже подписанъ господами членами совѣта.—«Какъ же съ этимъ быть? Я очень желаю, чтобъ это было иначе сказано и въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ я это сдѣлалъ».—Я отвѣчалъ его высочеству, что я доложу г. предсѣдателю, который, конечно, согласится сіи слова замѣнить другими, ибо сія переправка существа дѣла никакъ не перемѣнитъ, а завтра по утру я этотъ журналъ съ переправкою представлю на благоусмотрѣніе его высочества. Великій князь успокоился симъ отвѣтомъ и, дочитавъ журналъ, отдалъ мнѣ его и, взявъ меня за руку, сказалъ: «кажется, мы всѣ наше дѣло сдѣлали, и совѣсть наша чиста и можетъ быть спокойна». У меня слезы навернулись, и духъ захватило; я молча поцѣловалъ его въ грудь и ушелъ изъ комнаты, поспѣшая домой, чтобы успѣть до полуночи списать копію съ журнала и заготовить двѣ докладныя записки, для предсѣдателя и для меня, чтобы все это отправить не позже назначеннаго времени съ фельдъегеремъ къ императору Константину Павловичу, къ которому посланнаго великій князь совѣтовалъ направить на Дубно, для того, что если его величество не выѣхалъ изъ Варшавы, то фельдъегерь туда повернетъ, если же онъ уже проѣхалъ Дубно, то онъ вслѣдъ за нимъ поскачетъ въ Таганрогъ.

«Пріѣхавъ домой, я все это исполнилъ и, замѣнивъ слова: услышать великодушную его рѣшимость, словами: услышать непреложную его по сему предмету волю, поѣхалъ въ 12 часовъ ночи къ князю П. В. Лопухину, котораго я засталъ уже ложащимся спать, однако же онъ тотчасъ вышелъ изъ своей спальни, прочиталъ бумаги и поблагодарилъ за изготовленную мною для него записку. По подписаніи оной я поскакалъ къ министру военному Татищеву».

Вручивъ ему пакетъ, Оленинъ сказалъ министру, что великій князь Николай Павловичъ совѣтуетъ послать фельдъегеря въ Дубно. Татищевъ отвѣчалъ: «я радъ исполнить волю его высочества, я все съ ихъ приказанія поступаю». Когда Оленинъ вышелъ изъ дома на улицу, онъ увидѣлъ готовую уже фельдъегерскую тройку[224].

«Ѣдучи отъ себя къ князю Лопухину,—пишетъ Оленинъ,—то-есть отъ Краснаго моста на Мойкѣ всей перспективой до Литейной и обратно до Большой Морской, кромѣ горящихъ фонарей на улицѣ, я ни въ одномъ домѣ огня не видалъ и, кромѣ моей кареты, никакого другого экипажа не слыхалъ. Не видѣлъ даже ни одного коннаго или пѣше-

Библиотека "Руниверс"

ходца, и только мнѣ слышался глухой стукъ колесъ моей кареты и бѣгъ моихъ лошадей, да изрѣдка перекличка часовыхъ и ночныхъ стражей».

Независимо отъ нарочнаго фельдъегеря, который повезъ въ Варшаву списокъ съ журнала государственнаго совѣта, сопровождаемый докладными записками Оленина и князя Лопухина, великій князь Николай Павловичъ отправилъ съ своей стороны къ императору Константину своего адъютанта Лазарева, съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

«Cher Constantin! C'est à mon empereur que je viens présenter le serment que je lui dois, que j'ai prêté déjà, ainsi que tous qui m'entourent, à l'église, dans le moment même où nous avons été terrassés par le plus horrible des malheurs. Que je vous plains, que nous sommes malheureux tous; au nom de Dieu ne nous abandonnez pas et ne nous laissez pas seuls.

«Votre frère, votre fidèle sujet pour la vie et pour la mort,

«Nicolas» [225].

Одновременно съ этимъ письмомъ, великій князь Михаилъ Павловичъ также получилъ отъ брата нижеслѣдующія строки:

«Милый Михаилъ, другъ мой, ты все знаешь; мы все потеряли, все: остались намъ однѣ слезы. Я долгъ святой исполнилъ, и Богъ помогъ мнѣ—всѣ мнѣ послѣдовали, всѣ, наша безцѣнная гвардія исполнила также долгъ свой вездѣ. Сердце чисто у насъ.

«Теперь о матушкѣ и о женѣ твоей. Матушка терпитъ смиренно, какъ ангелъ; она здорова.

«Жена твоя также здорова, и вотъ тебѣ письмо отъ нея [226] и отъ Сутгофа; я тебя могу объ этомъ увѣрить.

«Мы ждемъ нетерпѣливо государя, дай Богъ поскорѣе видѣть передъ нами; и ты ради Бога пріѣзжай. Вспомни меня и сжалься.

«Твой по гробъ

«Н.»

Сверхъ сего, въ Варшаву посланы были еще другіе нарочные: отъ военнаго министра Татищева адъютантъ Сабуровъ, который повезъ также рапортъ министра финансовъ, генерала Канкрина; отъ министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ чиновникъ Никитинъ [227]. Наконецъ, великій князь Николай Павловичъ повелѣлъ еще ѣхать тотчасъ въ Варшаву Ѳедору Петровичу Опочинину, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ цесаревича и жившему въ это время въ отставкѣ въ Петербургѣ. Опочининъ былъ нѣкогда адъютантомъ Константина Павловича и поддерживалъ съ нимъ самую дружескую переписку.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Одновременно съ этими распоряженіями графъ Милорадовичъ, по соглашенію съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, отправилъ своего адъютанта, графа Мантейфеля, въ Москву съ цѣлью увѣдомленія генералъ-губернатора первопрестольной столицы, князя Д. В. Голицына, о событіяхъ 27-го ноября въ Петербургѣ и съ приглашеніемъ приступить немедленно къ присягѣ императору Константину. О томъ же по-

Библиотека "Руниверс"

слано было также увѣдомленіе къ финляндскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Закревскому.

Послѣ пріема членовъ государственнаго совѣта, великій князь Николай Павловичъ снова пошелъ въ дворцовую церковь и, разсказавъ прибывшему туда митрополиту Серафиму о всемъ происшедшемъ въ совѣтѣ, уговорилъ его оставить хранившійся въ синодѣ пакетъ впредь до высочайшаго повелѣнія не распечатаннымъ. Потомъ великій князь выслушалъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія императору Константину и панихиду по усопшемъ императорѣ Александрѣ [228].

По принятымъ мѣрамъ, къ тремъ часамъ пополудни 27-го ноября, «какъ войско, такъ и всѣ чины и граждане восшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили, въ теченіе котораго времени вездѣ сохранялись тишина и порядокъ» [229].

Въ тотъ же день обнародованъ и разосланъ былъ повсемѣстно съ нарочными курьерами указъ сената о приведеніи всѣхъ званій къ присягѣ на вѣрность подданства императору Константину [230]. Въ приложенной къ указу печатной формѣ клятвеннаго обѣщанія повторили дословно формулу присяги 1801 года; перемѣнили лишь имя государя, сохранивъ выраженіе: «и наслѣднику престола, который назначенъ будетъ», хотя наслѣдникъ этотъ опредѣлялся самою уже силою коренного закона 1797 года.

Сенаторы присягнули по словесному предложенію министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго; пакетъ же съ послѣднею волею императора Александра не былъ вскрытъ.

На другой день послѣ петербургской присяги, 28-го ноября (10-го декабря), А. Н. Оленинъ отправился въ Зимній дворецъ, чтобы согласно постановленію государственнаго совѣта снова положить «извѣстный пакетъ» въ архивъ государственной канцеляріи, а затѣмъ поспѣшилъ къ великому князю Николаю Павловичу, чтобы показать ему исправленный, согласно желанію его, журналъ. Великій князь вторично прочиталъ журналъ; на замѣчаніе же Оленина, что однимъ графомъ Милорадовичемъ журналъ совѣта еще не подписанъ, Николай Павловичъ отвѣтилъ: «Онъ здѣсь, ему нужно также подписать». Это указаніе было вслѣдъ затѣмъ приведено въ исполненіе Олениным. «Великій князь опять меня взялъ за руку, повторилъ мнѣ то же, что говорилъ мнѣ вчера; я его опять облобызалъ, и такъ мы съ нимъ разстались», пишетъ Оленинъ.

Николай Павловичъ 28-го же ноября почтилъ генералъ-адъютанта барона Дибича слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ онъ ознакомилъ начальника главнаго штаба съ событіями, происходившими въ Петербургѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра:

Библиотека "Руниверс"

«Послѣ постигшаго насъ бѣдствія однимъ могли мы заплатить послѣдній долгъ тому, кто наше счастіе чинилъ, покуда онъ былъ въ живыхъ. Его именемъ, видя, чувствуя какъ бы передъ его лицемъ, я принесъ присягу моему законному государю императору Константину Павловичу. Теперь моя совѣсть спокойна и передъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ, и предъ законнымъ моимъ государемъ, а потомъ да будетъ воля Твоя!

«Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ долженъ я вамъ донести, что все послѣдовало моему примѣру; гвардія, городъ, все присягнуло; я самъ привелъ совѣтъ къ присягѣ при себѣ. Все спокойно и тихо, одни мы несчастные, безутѣшные остались сироты!

«Матушка, дражайшая матушка намъ примѣръ подаетъ твердаго христіанскаго смиренія; да сохранитъ ее Богъ!

«Если увидите государыню, если возможно, напомните ей о томъ, который въ глубинѣ души чувствуетъ за нее!

«Если братъ у васъ, то вы вѣрно уже чрезъ него обо всемъ извѣстны, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его пріѣзда. Если его при васъ нѣтъ то увѣдомляю васъ, что уже вчера, сейчасъ послѣ гибельнаго извѣстія, прямо отъ присяги послалъ я ему адъютанта своего съ моей присягой.

«Поцѣлуйте за несчастнаго брата гробъ его благодѣтеля, помолитесь у него, чтобъ онъ меня не оставилъ; я имъ дышу, имъ дѣйствую; пусть онъ мнѣ предводительствуетъ!

«Вашъ искренній

«Н.

«Петру Михайловичу всю мою дружбу!» [231].

Въ «Сѣверной Пчелѣ», въ субботу 28-го ноября 1825 года, (№ 143), въ траурной рамкѣ по всѣмъ страницамъ, въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, напечатано было:

«Неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ Промыслъ Всевышняго посѣтилъ Россійскую имперію горестію, коей никакими словами выразить невозможно.

«Прибывшій 27-го сего ноября изъ Таганрога курьеръ привезъ плачевную вѣсть о кончинѣ его величества государя императора Александра Павловича.

«При первомъ извѣстіи о семъ неожиданномъ несчастіи, августѣйшіе члены императорскаго дома, государственный совѣтъ и министры собрались во дворцѣ, гдѣ его высочество великій князь Николай Павловичъ сначала, а за нимъ и всѣ собравшіеся чиновники, учинили присягу въ вѣрности его императорскому величеству государю императору Константину Первому» [232].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

Въ слѣдующемъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» отъ 1-го декабря (№ 144) появилась передовая статья о кончинѣ императора Александра I-го, которая начиналась словами: «Кто изъ россіянъ, сыновъ Александра, можетъ равнодушно говорить о кончинѣ великаго государя, добраго нашего отца! Понимаемъ, понимаемъ теперь въ полной мѣрѣ смятеніе, съ коимъ, за сто лѣтъ предъ симъ, знаменитый пастырь церкви прервалъ начало рѣчи своей надъ бренными останками Петра! И мы говоримъ нынѣ: «Что се есть? до чего мы дожили, о россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Александра Перваго погребаемъ».

Сопоставленіе было удачное: дѣйствительно, сто лѣтъ тому назадъ, Россія лишилась Петра Великаго.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ относительно журнала засѣданія чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта, имѣвшаго мѣсто въ достопамятный день 27-го ноября. Баронъ Корфъ, приводя изъ этого журнала слова великаго князя Николая Павловича по поводу бумагъ, читанныхъ въ совѣтѣ, что онѣ «ему давно извѣстны и никогда не колебали его рѣшимости»[233], сопровождаетъ это заявленіе слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Здѣсь въ выраженіяхъ совѣтскаго журнала опять неточность, легко впрочемъ объяснимая и особенною поспѣшностію его изложенія и тѣмъ обстоятельствомъ, что, предназначаясь для отсылки къ новому государю, журналъ сей не могъ быть ни просмотрѣнъ и провѣренъ, ни подписанъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, какъ не имѣвшимъ званія члена совѣта. Мы говорили уже, что онъ тутъ впервые только увидѣлъ и прочелъ вскрытыя въ совѣтѣ бумаги, слышавъ отъ императрицы-матери при жизни императора Александра лишь объ одномъ: что есть гдѣ-то актъ отреченія цесаревича Константина, слѣдственно слова великаго князя предъ членами совѣта могли относиться только къ тому одному акту, а не къ другимъ дотолѣ ему неизвѣстнымъ»[234].

Такъ пишетъ баронъ Корфъ въ первомъ изданіи своего сочиненія. Въ третьемъ же изданіи это разсужденіе изложено слѣдующимъ образомъ:

«Слышавъ отъ императрицы-матери еще при жизни императора Александра, что есть какой-то актъ отреченія цесаревича Константина, великій князь свои изъясненія передъ совѣтомъ относилъ, какъ нельзя сомнѣваться, къ одному этому акту, а не къ другимъ, о содержаніи и самомъ даже существованіи которыхъ онъ впервые услышалъ только по своей присягѣ сначала отъ императрицы-матери, потомъ отъ князя Голицына. Иначе, если бы онъ объявилъ, какъ сказано въ журналѣ, что читанныя ему въ совѣтѣ «бумаги ему давно извѣстны», то не было бы и никакого побужденія къ упомянутой тутъ же «усильной просьбѣ» членовъ, чтобы онъ прочиталъ эти бумаги. Но въ поспѣш-

Библиотека "Руниверс"

Герцогъ Евгеній Виртембергскій.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Библиотека "Руниверс"

ности одно было смѣшано съ другимъ, и въ образѣ изложенія журнала пострадала истина событій».

Съ подобной постановкой вопроса нельзя согласиться. Если предположимъ даже, что великому князю извѣстенъ былъ самый фактъ существованія секретнаго манифеста императора Александра 1823 года, то все-таки изъ этого обстоятельства нельзя еще выводить заключенія, что не было никакого побужденія ознакомить Николая Павловича съ содержаніемъ документа, никогда имъ не читаннаго.

Въ собственноручной замѣткѣ, оставленной Николаемъ Павловичемъ, но относящейся къ позднѣйшему времени, а именно къ 1848 году, высказано слѣдующее категорическое заявленіе: «Мнѣ содержаніе манифеста было вовсе неизвѣстно, и я первый разъ видѣлъ и читалъ его, когда совѣтъ принесъ его ко мнѣ. Если бы я манифестъ и зналъ, я бы и тогда сдѣлалъ то же, ибо манифестъ не былъ опубликованъ при жизни государя, а Константинъ Павловичъ былъ въ отсутствіи, потому, во всякомъ случаѣ, долгъ мой и всей Россіи былъ присягнуть нашему законному государю. Бумагъ я не видалъ, какъ уже сказано, но слышалъ отъ матушки, что былъ гдѣ-то актъ отреченія Константина Павловича. О существованіи же манифеста мнѣ никогда ничего извѣстнаго не бывало».

Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ замѣчаніе, сдѣланное великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ по прочтеніи «Историческаго описанія 14-го декабря 1825 года» барона Корфа. Великій князь остался недоволенъ изложеніемъ событій 27-го ноября, подмѣтивъ въ трудѣ барона Корфа противорѣчіе, а именно несогласіе между журналомъ государственнаго совѣта и словами Николая Павловича относительно извѣстности послѣднему актовъ объ измѣненіи порядка въ наслѣдіи престола. Михаилъ Павловичъ сказалъ Корфу: «Вамъ надо было помѣстить въ вашей книгѣ или одно или другое, чему вы больше давали вѣры, а то теперь исторія станетъ втупикъ, что же изъ этого справедливо: увѣреніе ли журнала, что Николай Павловичъ передъ совѣтомъ сказалъ, что читанные въ совѣтѣ акты ему давно извѣстны, или же высказанное у васъ выше увѣреніе самого Николая Павловича, что онъ объ этихъ бумагахъ узналъ уже только послѣ понесенной имъ присяги».

Возвращаясь затѣмъ къ изложенію барона Корфа, замѣтимъ, что оно заключаетъ въ себѣ еще одну неточность: Корфъ утверждаетъ, что журналъ совѣта не былъ поднесенъ на просмотръ великому князю.

Между тѣмъ, оказывается, что А. Н. Оленинъ два раза подносилъ журналъ Николаю Павловичу; наконецъ, мало того, въ подписанномъ уже членами совѣта журналѣ Олениномъ, по настоятельнымъ требованіямъ великаго князя, замѣнилъ слова: «великодушную его рѣшимость», другимъ болѣе подходящимъ выраженіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти замѣчанія, на которыхъ мы здѣсь останавливаемся, имѣютъ большое значеніе при разрѣшеніи вопроса, весьма важнаго для надлежащаго освѣщенія этого историческаго эпизода. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: зналъ ли великій князь Николай Павловичъ о существованіи манифеста императора Александра отъ 16-го марта 1823 года, сопровождавшаго отреченіе цесаревича Константина Павловича въ 1822 году, или же ему извѣстно было одно отреченіе старшаго брата? Рѣшеніе этого вопроса, въ свою очередь, тѣсно связано съ другимъ вопросомъ: извѣстно ли было императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ существованіе манифеста 1823 года, или, лучше сказать, довѣрилъ ли ей императоръ Александръ полностію свою тайну, довѣренную имъ во всемъ ея объемѣ, какъ доподлинно извѣстно, лишь князю Голицыну, графу Аракчееву и архіепископу Филарету, а затѣмъ нѣсколько позже и прусскому принцу Вильгельму? Выяснить этотъ вопросъ окончательнымъ образомъ по имѣющимся теперь въ нашемъ распоряженіи историческимъ матеріаламъ довольно трудно; однако и теперь можно уже сказать, что едва ли удастся представить достаточно убѣдительныя доказательства въ пользу того мнѣнія, что императоръ Александръ оставилъ свою родительницу въ полномъ невѣдѣніи относительно сдѣланнаго имъ столь важнаго распоряженія по престолонаслѣдію, которому императрица-мать сочувствовала несомнѣнно всѣмъ сердцемъ. Остается также открытымъ вопросъ: не передалъ ли еще принцъ Вильгельмъ Николаю Павловичу содержанія своего разговора съ императоромъ Александромъ въ 1823 году?

Поэтому въ настоящее время позволительно прійти къ заключенію, что показанія современниковъ, А. Н. Оленина, а также адмирала Шишкова, подтверждаютъ вполнѣ правильность редакціи журнала засѣданія государственнаго совѣта, которую баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи (подвергшемся къ тому же, начиная съ перваго изданія, многоразличнымъ редакціоннымъ поправкамъ) тщетно старается оспоривать. Вслѣдствіе этого «тотъ величественный эпизодъ въ нашей исторіи, которому подобнаго не представляютъ лѣтописи ни одного народа»[235], утрачиваетъ нѣсколько въ своемъ блескѣ.

Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, самъ великій князь Николай Павловичъ не признавалъ въ своихъ дѣйствіяхъ великодушной рѣшимости и сказалъ Оленину: «тутъ нѣтъ никакого великодушія съ моей стороны, я исполнилъ долгъ, и больше ничего».

«Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ поставленъ, мнѣ невозможно было поступить иначе». Съ такими словами Николай Павловичъ обратился къ цесаревичу въ 1829 году, во время дружеской бесѣды, коснувшейся событій, вызванныхъ смертію императора Александра.

Библиотека "Руниверс"

Какія же это были обстоятельства, на которыя намекалъ Николай Павловичъ въ своемъ разговорѣ съ цесаревичемъ? Немаловажную роль въ этихъ соображеніяхъ занимали убѣжденія, представителемъ которыхъ являлся графъ Милорадовичъ[236]. Петербургскій генералъ-губернаторъ былъ въ это время, благодаря занимаемому имъ служебному положенію, вліятельнымъ совѣтникомъ Николая Павловича; онъ поддерживалъ великаго князя въ томъ убѣжденіи, что Константинъ Павловичъ призывается на престолъ всеобщимъ желаніемъ военнаго сословія и всего населенія. Съ другой стороны вліяніе графа Милорадовича въ придворныхъ сферахъ усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что великій князь ошибочно приписывалъ спокойствіе столицы въ эту трудную минуту распорядительности генералъ-губернатора. Вникая же ближе въ обстановку того времени, нельзя не признать, что мнѣніе, высказываемое графомъ Милорадовичемъ, какъ безусловнымъ сторонникомъ правъ цесаревича, не лишено было серьезнаго основанія; его личныя убѣжденія сходились съ общимъ настроеніемъ.

Для вѣрной оцѣнки событій, разыгравшихся въ Петербургѣ 27-го ноября, нужно перенестись мыслію въ то общество, среди котораго все это происходило. Достойно удивленія, что общее мнѣніе, всѣ симпатіи, въ особенности среди военныхъ, дѣйствительно склонялись въ пользу цесаревича въ ущербъ великаго князя Николая Павловича. «Что любопытно, такъ это то, что въ общемъ предпочитаютъ отсутствующаго. (Ce qui est curieux, c'est que c'est l'absent qui est le préféré)», читаемъ мы въ современной перепискѣ[237]. Не подлежитъ сомнѣнію, что Константину Павловичу охотно присягнули. Хотя цесаревичъ послѣднія десять лѣтъ находился въ Варшавѣ и сдѣлался почти чужимъ для русскихъ, но, предавъ забвенію прежнія неблагопріятныя о немъ воспоминанія, надѣялись, что нравъ его измѣнился къ лучшему. Его предпочитали Николаю Павловичу, предполагая въ немъ болѣе опытности, нежели въ молодомъ великомъ князѣ, заявившемъ себя дотолѣ одними увлеченіями по фронтовой службѣ; говорили, что ему служить можно, а братьямъ его нельзя. Вообще военные искренно желали, чтобы Константинъ остался императоромъ; имъ молодые великіе князья надоѣли[238]. Весьма немногіе относились критически къ подобной оцѣнкѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой эпохи. Приведемъ здѣсь современное свидѣтельство въ этомъ духѣ.

«Такъ вотъ онъ, этотъ князь,—пишетъ графиня М. Д. Нессельроде,—относительно котораго императоръ Александръ признавалъ полезнымъ, чтобы онъ не царствовалъ, призывается своей семьею и общественнымъ мнѣніемъ; чѣмъ оно руководствуется при этомъ? Я утверждаю, что ничѣмъ основательнымъ. Онъ удалился еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и его желаютъ, лишь основываясь на слухахъ, что онъ измѣнился, но я, убѣжденная внутренно, что онъ все тотъ же, трепещу, какъ бы

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Константинъ Павловичъ.

(Съ гравюры, изданной въ 1825 г. съ подписью: „Его Величество Императоръ Константинъ Первый“).

онъ не поддался удовольствію видѣть себя коронованнымъ. Помимо его личности, которая уже сама по себѣ является громаднымъ неудобствомъ, нужно подумать о княгинѣ Ловичъ и объ окружающей ее свитѣ . . . . . Всѣ эти люди, которые желаютъ его, станутъ потомъ проливать горькія слезы; онъ дастъ знать себя не въ первые мѣсяцы. Но я не дамъ и одного года для того, чтобы раскаяніе этого общественнаго мнѣнія стало горькимъ и удвоило слезы, проливаемыя о покойномъ императорѣ.

Библиотека "Руниверс"

Это будетъ царствомъ недовѣрія, шпіонства, бездны мелочности, мучительной, придирчивой».

Представивъ характеристику цесаревича, авторъ этихъ строкъ обращается къ великому князю Николаю Павловичу и въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказываетъ надежды, возлагаемыя на него, какъ на будущаго правителя: «Ему 29 лѣтъ; быть можетъ, сдѣлавшись главою государства, онъ отрѣшился бы отъ мелочей военной службы, выдѣлился бы, какъ администраторъ, сталъ бы принимать совѣты людей опытныхъ, и я утверждаю, что все-таки въ его царствованіе дышалось бы вольнѣе, пользовались бы большею свободою, чѣмъ въ царствованіе государя, котораго мы увидимъ вскорѣ возсѣдающимъ на престолѣ и могущаго быть сравненнымъ лишь съ деспотическимъ вихремъ (un ouragan despote)» [239].

Припомнимъ здѣсь еще, что въ письмѣ отъ 19-го ноября (1-го декабря) 1825 года, въ которомъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ увѣдомлялъ императрицу Марію Ѳеодоровну о кончинѣ императора Александра, сказано было: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича» [240]. Если бы въ Петербургѣ виновники присяги 27-го ноября послѣдовали примѣру лицъ, окружавшихъ въ Таганрогѣ смертный одръ Александра, и ждали бы также повелѣній отъ новаго государя, не предрѣшая могущихъ послѣдовать съ его стороны распоряженій самопроизвольною присягою и ограничиваясь однимъ представленіемъ цесаревичу вскрытаго въ государственномъ совѣтѣ пакета съ послѣднею волею императора Александра, то, можетъ быть, многія изъ затрудненій, сопровождавшихъ собою междуцарствіе, были бы устранены или же во всякомъ случаѣ упрощены. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ, а это обстоятельство было, повидимому, совершенно упущено изъ виду въ Петербургѣ, въ день 27-го ноября. Въ сущности принесенная тогда присяга представляла собою неоспоримый «coup d'état». Великій князь Михаилъ Павловичъ назвалъ даже образъ дѣйствій своего брата революціоннымъ [241].

Тѣмъ не менѣе, вникая ближе въ обстоятельства, при которыхъ совершилась присяга 27-го ноября, нельзя также отстранить постановку такого рода вопроса: могъ ли тогда великій князь Николай Павловичъ уклониться отъ принесенія присяги цесаревичу и съ покорностію ожидать повелѣній изъ Варшавы? Приходится и въ этомъ вопросѣ довольствоваться до нѣкоторой степени уклончивымъ отвѣтомъ. Загадочный образъ дѣйствія императора Александра въ дѣлѣ престолонаслѣдія создалъ такую невозможную обстановку, изъ которой Николаю Павловичу, можетъ быть, трудно было выйти инымъ образомъ, какъ путемъ немедленной присяги.

Библиотека "Руниверс"

Для лучшаго поясненія всего выше изложеннаго намъ остается еще привести разсказъ графа Милорадовича о событіяхъ 27-го ноября, записанный въ то время Рафаиломъ Михайловичемъ Зотовымъ. Этотъ разсказъ съ достаточною ясностію обрисовываетъ взгляды, которыми руководствовался графъ Милорадовичъ, и направленіе, которое постарался дать петербургскій генералъ-губернаторъ ходу событій этого рокового по своимъ послѣдствіямъ для Россіи дня.

«По причинѣ отреченія отъ престола Константина Павловича,— сказалъ графъ Милорадовичъ,— государь передалъ наслѣдіе великому князю Николаю Павловичу. Объ этомъ манифесты хранились въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ и у московскаго архіерея. Говорятъ, что нѣкоторые изъ придворныхъ и министровъ знали это. Разумѣется, великій князь и императрица Марія Ѳеодоровна тоже знали это; но народу, войску и должностнымъ лицамъ это было неизвѣстно. Я первый не зналъ этого. Могъ ли же я допустить, чтобъ произнесена была какая нибудь присяга, кромѣ той, которая слѣдовала? Мой первый долгъ былъ требовать этого, и я почитаю себя счастливымъ, что великій князь тотчасъ же согласился на это».

Все это, въ присутствіи Зотова, графъ Милорадовичъ разсказывалъ князю Александру Александровичу Шаховскому[242].

— «Признаюсь, графъ, — возразилъ князь Шаховской, — я бы на вашемъ мѣстѣ прочелъ сперва волю покойнаго императора».

— «Извините, — отвѣтилъ ему графъ Милорадовичъ, — корона для насъ священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долгъ. Прочесть бумаги всегда успѣемъ, а присяга въ вѣрности нужнѣе прежде всего. Такъ рѣшилъ и великій князь. У кого 60.000 штыковъ въ карманѣ, тотъ можетъ смѣло говорить. (Quand on a soixante mille bayonnettes dans sa poche, on peut parler courageusement), — заключилъ Милорадовичъ, ударивъ себя по карману.—Разные члены совѣта пробовали мнѣ говорить и то и другое; но самъ великій князь согласился на мое предложеніе, и присяга была произнесена; тотчасъ же разосланы были и бланки подорожныхъ на имя императора Константина. Теперь отъ его воли будетъ зависѣть вновь отречься, и тогда мы присягнемъ вмѣстѣ съ нимъ императору Николаю Павловичу. Вотъ прямая и торная дорога, по которой я всегда иду. Исполненіе долга—мой боевой конь (mon cheval de bataille)»[243].

Заявленіе Милорадовича не можетъ быть признано пустымъ хвастовствомъ. Дѣйствительно, по справедливому замѣчанію современника, судьбами отечества въ то время располагалъ одинъ графъ Милорадовичъ.

Замѣтимъ, что выраженіе Милорадовича объ исполненіи долга буквально соотвѣтствуетъ тому, что пишетъ Николай Павловичъ: «Во всякомъ случаѣ долгъ мой и всей Россіи было присягнуть нашему за-

Библиотека "Руниверс"

конному государю». Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ шествіе дѣятелей 27-го ноября «по прямой и торной дорогѣ» окончилось бы благополучно, и вторичная присяга не сопровождалась бы кровопролитіемъ; но при существовавшихъ тогда въ Россіи тайныхъ обществахъ и ихъ замыслахъ поспѣшная и самопроизвольная присяга могла какъ разъ привести къ крушенію государственнаго порядка. Между тѣмъ, графъ Милорадовичъ, равно какъ и великій князь Николай Павловичъ, ничего не подозрѣвали о возможномъ проявленіи подобной опасности и потому дѣйствовали смѣло и рѣшительно; императоръ Александръ и въ дѣлѣ тайныхъ обществъ успѣлъ окружить всѣ свои распоряженія непроницаемой тайной. Тѣмъ не менѣе, въ случаѣ окончательнаго отреченія цесаревича, графъ Милорадовичъ все-таки опасался встрѣтить нѣкоторую оппозицію со стороны одной только гвардіи, которая, какъ ему извѣстно было, не любила Николая; но онъ былъ далекъ отъ мысли встрѣтить на этой почвѣ организованный уже заговоръ. Несмотря на занимаемое имъ генералъ-губернаторское мѣсто и на избытокъ власти, присвоенный этой должности, Милорадовичъ столько же зналъ о подготовлявшейся въ столицѣ революціонной вспышкѣ, какъ и послѣдній обыватель Петербурга.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, прибывшій въ Петербургъ 23-го ноября (5-го декабря), за нѣсколько дней до присяги императору Константину, приводитъ въ своихъ запискахъ замѣчательный разговоръ съ графомъ Милорадовичемъ, подтверждающій вполнѣ высказанное нами выше заключеніе.

Въ то время, когда становилось уже почти вѣроятнымъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не приметъ престола, и слѣдовательно великому князю Николаю Павловичу предстояло сдѣлаться императоромъ, графъ Милорадовичъ сказалъ принцу Евгенію, что онъ сомнѣвается въ успѣхѣ, «такъ какъ гвардія не любитъ Николая».

— «О какомъ успѣхѣ вы говорите?—возразилъ ему удивленный принцъ.—Престолъ долженъ перейти къ Николаю, если Константинъ будетъ упорствовать въ своемъ отреченіи. При чемъ тутъ гвардія?»

— «Совершенно справедливо,—отвѣчалъ графъ,—имъ не слѣдуетъ имѣть голосъ, но это у нихъ обратилось уже въ привычку, почти въ инстинктъ».

Вслѣдствіе этого разговора принцъ настоялъ, чтобы генералъ-губернаторъ сообщилъ Маріи Ѳеодоровнѣ свои сомнѣнія; предупредивъ о томъ императрицу, принцъ привелъ къ ней графа. Бесѣда ихъ была продолжительная, но о результатахъ ея принцу Евгенію ничего не было сказано. Усвоенная всѣми система взаимнаго умалчиванія и въ этомъ случаѣ восторжествовала; такимъ образомъ даже родной племянникъ императрицы оставался наравнѣ съ прочими въ полномъ невѣдѣніи относительно настоящаго положенія дѣлъ. Однажды принцъ Евгеній

Библиотека "Руниверс"

ПРИБАВЛЕНІЕ къ №. 145 СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ

Санктпетербургъ, 3 Декабря.

3 Декабря, 10 часовъ утра. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила почивать въ прошедшую ночь хорошо, и чувствуетъ себя лучше вчерашняго дня.

Ея Величество Государыня Императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ Ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти Императора Александра Павловича.

Его Величество Государь Императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи.

С. П. б. въ тип. Н. Греча. — Печатать позволено. Декабря 3, 1825.
Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. А. Красовскій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

не вытерпѣлъ и обратился къ великому князю Николаю Павловичу за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, но долженъ былъ довольствоваться уклончивымъ отвѣтомъ: «Nous avons prêté serment; nous savons à qui obéir»[244].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Много бѣдствій произошло въ то время отъ таинственности, скрытности, съ которыми велось дѣло о престолонаслѣдіи»,—замѣтилъ впослѣдствіи принцъ Евгеній, вспоминая въ своихъ бесѣдахъ о 1825-мъ годѣ.

Въ заключеніе остается сказать, что истиннымъ виновникомъ наступившаго 19-го ноября междуцарствія и вызванныхъ имъ замѣшательствъ является лично императоръ Александръ. Единственно благодаря его загадочнымъ распоряженіямъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, всѣ члены царственной семьи были поставлены въ ложное положеніе, а Россія ввергнута въ полное недоумѣніе.

Современникъ этихъ недоумѣній замѣтилъ: «Ежели Александръ сколько нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 году такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ же образомъ могъ онъ хладнокровно подвергнуть Россію опасности междоусобной войны?»[245].

«Нельзя играть съ законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ съ частною собственностью»,—пишетъ другой очевидецъ событій междуцарствія, принцъ Евгеній Виртембергскій[246].

III.

Слухъ о кончинѣ императора Александра началъ распространяться въ Москвѣ съ 28-го ноября (10-го декабря). Объ этомъ сообщили архіепископу Филарету. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, архіепископъ отправился, утромъ 29-го ноября (11-го декабря), къ генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владимировичу Голицыну, въ сопровожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Сергѣя Михайловича Голицына.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ восшествію на престолъ императора Николая Павловича, Филаретъ пишетъ:

«Архіепископъ изложилъ свои мысли о затруднительности настоящихъ обстоятельствъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ написалъ къ государю императору Александру Павловичу письмо о своемъ отреченіи отъ наслѣдованія престола въ началѣ 1822 года. До половины 1823 года не было по сему составлено императорскаго акта. Послѣдовавшее составленіе и храненіе акта о назначеніи на престолъ государя великаго князя Николая Павловича произошло въ глубокой тайнѣ. Посему можетъ случиться, что цесаревичъ не знаетъ о существованіи сего акта и намѣреніе свое почитаетъ не получившимъ утвержденія, что посему онъ можетъ быть убѣжденъ къ принятію престола, и что мы можемъ получить изъ Варшавы манифестъ о вступленіи на престолъ Константина Павловича, прежде нежели успѣемъ получить изъ Петербурга манифестъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича.

«При семъ оказалось, что генералъ-губернаторъ не зналъ о существованіи новаго акта въ Успенскомъ соборѣ, и онъ изъявилъ было

Библиотека "Руниверс"

желаніе итти въ Успенскій соборъ, чтобы въ семъ удостовѣриться. На сіе архіепископъ не согласился, представляя, что изъ сего возникнуть могутъ молвы, какихъ нельзя предвидѣть, и даже клевета, будто теперь что-то подложено къ государственнымъ актамъ, или положенное подмѣнено.

«Въ заключеніе сего совѣщанія положено, чтобы въ томъ случаѣ, если бы полученъ былъ манифестъ изъ Варшавы, не объявлять о немъ и не приступать ни къ какому дѣйствію по оному въ ожиданіи манифеста изъ Петербурга, который укажетъ истиннаго императора.

«Едва такимъ образомъ взята предосторожность противъ возможнаго затрудненія, какъ открылось еще большее затрудненіе съ другой стороны.

«Вечеромъ того же дня, генералъ-губернаторъ пріѣхалъ къ архіепископу съ письмомъ графа Милорадовича, въ которомъ объявлялось, что въ Петербургѣ принесена присяга въ вѣрности императору Константину Павловичу, что первый присягнулъ великій князь Николай Павловичъ, что непремѣнная воля великаго князя есть, чтобы и въ Москвѣ принесена была та же присяга, и чтобы не была открываема бумага, какая есть въ Успенскомъ соборѣ [247]. Архіепископъ представилъ на сіе, что объявленіе графа Милорадовича не можетъ быть принято, какъ офиціальное, въ дѣлѣ толикой важности. Но генералъ-губернаторъ находилъ, что, когда присяга принесена уже въ Петербургѣ, отлагать оную въ Москвѣ было бы неблаговидно и, можетъ быть, неблагопріятно для общественнаго спокойствія. Архіепископъ продолжалъ представлять, что въ основаніе государственной присяги въ церкви нуженъ государственный актъ, безъ котораго, и также при непмѣніи указа отъ святѣйшаго синода, не удобно на сіе рѣшиться духовному начальству. Генералъ-губернаторъ сказалъ, что онъ уже видѣлся съ оберъ-прокуроромъ общаго собранія сената, княземъ Гагаринымъ, и что сей обѣщалъ созвать сенаторовъ въ чрезвычайное собраніе; что, впрочемъ, если они не рѣшатся ни на какое дѣйствіе, то онъ полагаетъ привести къ присягѣ, по крайней мѣрѣ, губернскіе чины. На сіе архіепископъ возразилъ, что было бы не только далеко отъ точности офиціальной, но и неблаговидно и сомнительно для народа, если бы присягала губернія, а сенатъ не присягалъ.

«Наконецъ, когда генералъ-губернаторъ требовалъ, чтобы присяга была, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если сенатъ постановитъ о семъ опредѣленіе, и оно прочитано будетъ въ Успенскомъ соборѣ, архіепископъ не нашелъ возможнымъ отказаться отъ сего и принять на свою отвѣтственность послѣдствія сего указа. Нельзя быть одному императору въ Петербургѣ, а другому въ Москвѣ. Какъ произошла присяга въ Петербургѣ, обстоятельства сего въ Москвѣ не были извѣстны. Нельзя было думать, чтобы безъ важныхъ причинъ объявленъ былъ бездѣйственнымъ актъ, ввѣренный государственному совѣту, синоду и сенату.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя было предполагать неизвѣстность содержанія сего акта, которое хотя было закрыто печатью, однако довольно обличалось надписью на конвертѣ и, безъ сомнѣнія, благовременно объяснено знавшимъ оное и всегда вѣрнымъ исполнителемъ въ Бозѣ почившаго императора, министромъ духовныхъ дѣлъ, княземъ Голицынымъ. Надобно было предположить крайне важныя причины, почему предсѣдатель государственнаго совѣта, первенствующій членъ синода и министръ юстиціи не напомнили государственному совѣту, синоду и сенату объ исполненіи, и сіи не исполнили того, что государь императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ имъ исполнить, въ случаѣ своей кончины, прежде всякаго другого дѣйствія. Сіи соображенія представлялись архіепископу повелительными, чтобы не отказываться долѣе отъ совершенія въ Москвѣ присяги, совершившейся уже въ Петербургѣ.

«Поелику нельзя было знать, рѣшится ли сенатъ постановить опредѣленіе о присягѣ, то дабы не производить неблаговременной гласности, старшему духовенству было только подтверждено собраться въ Успенскій соборъ на молебенъ 30-го ноября, въ день святого Андрея Первозваннаго обыкновенно совершаемый; а отъ генералъ-губернатора взято обѣщаніе, что о рѣшеніи сената дано будетъ въ 11 часовъ утра извѣстіе въ Чудовъ монастырь, гдѣ будетъ ожидать онаго архіепископъ. Когда получено было извѣстіе, что сенатъ составилъ опредѣленіе и идетъ къ присягѣ, тогда печальнымъ благовѣстомъ въ Успенскій колоколъ дано церковное извѣщеніе столицѣ о преставленіи благочестивѣйшаго императора Александра Павловича, и вслѣдъ за тѣмъ произошла въ Успенскомъ соборѣ предположенная присяга».

Въ сенатѣ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: генералъ-губернаторъ лично объявилъ собранію о содержаніи письма графа Милорадовича, а оберъ-прокуроръ князь Гагаринъ предложилъ заготовленное заранѣе опредѣленіе о принесеніи присяги императору Константину Павловичу. Послѣ выраженія нѣкотораго сомнѣнія все кончилось тѣмъ, что сенаторы подписали опредѣленіе и всѣ вмѣстѣ пошли въ соборъ.

Вслѣдъ за принесеніемъ присяги появился наконецъ присланный изъ Петербурга указъ сената отъ 27-го ноября.

Такимъ образомъ и въ Москвѣ принесеніе присяги императору Константину совершилось 30-го ноября (12-го декабря) 1825 года благополучно и безъ всякихъ замѣшательствъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Обратимся теперь къ тому, что происходило за это время въ Варшавѣ.

Какъ только императоръ Александръ заболѣлъ въ Таганрогѣ, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ не замедлилъ сообщить въ Варшаву свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи государя; они заключались въ письмахъ на имя генерала Куруты, занимавшаго мѣсто начальника штаба у цесаревича Константина Павловича. Первый фельдъегерь съ этимъ тревожнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ, какъ разъ въ самый день кончины императора Александра въ Таганрогѣ [248].

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ барону Дибичу отъ 19-го ноября (1-го декабря) не скрылъ овладѣвшаго имъ тяжкаго предчувствія. «Несмотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ,—пишетъ Константинъ Павловичъ.—Говорю вамъ откровенно, что, повинуясь лишь внушенію моего сердца (l'inspiration de mon coeur), я отправился бы къ вамъ. Но, къ сожалѣнію, мои обязанности и мое общественное положеніе не позволяютъ мнѣ слѣдовать этимъ естественнымъ чувствамъ».

Въ это время въ Варшавѣ находился великій князь Михаилъ Павловичъ; цесаревичъ не выказалъ овладѣвшаго имъ безпокойства и скрылъ отъ него, а также и отъ супруги своей, княгини Ловичъ, тревожныя извѣстія, получавшіяся имъ изъ Таганрога, начиная съ 19-го ноября.

«Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь,—читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 23-го ноября (5-го декабря),—ибо вамъ слиш-

Библиотека "Руниверс"

комъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ владыкъ и братьевъ (pour le meilleur des maîtres et des frères), чтобы вы могли въ нихъ сомнѣваться. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора, кромѣ меня, знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ [249]; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному влеченію моего сердца (l'impulsion de mon coeur), то разумѣется, давно уже былъ бы у васъ; но вы, конечно, сами можете обсудить все, что этому препятствуетъ».

Между тѣмъ фельдъегери изъ Таганрога продолжали быстро слѣдовать одинъ за другимъ, и, наконецъ, 25-го ноября (7-го декабря) въ 7 часовъ вечера цесаревичъ получилъ роковое извѣстіе о кончинѣ своего, державнаго брата; оно пришло въ Варшаву двумя днями ранѣе, чѣмъ въ Петербургъ.

Цесаревичъ излилъ первую тяжесть скорби въ объятіяхъ брата и супруги и потомъ созвалъ всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ, присланный генѣралъ-адъютантомъ Дибичемъ изъ Таганрога, не поколебалъ прежняго рѣшенія цесаревича отказаться отъ наслѣдованія престола, и онъ сказалъ тогда же великому князю Михаилу Павловичу: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь мой прежній образъ дѣйствія не былъ какою нибудь личиною, и продолжать съ тою же твердостію, съ которою я началъ; въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отречься отъ престола болѣе, нежели когда либо, непреложна. Приступимъ къ исполненію!» [250].

Изъ приглашенныхъ лицъ первымъ явился Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Цесаревичъ тотчасъ объявилъ ему объ утратѣ, постигшей Россію. «Какія же теперь приказанія вашего величества?»—спросилъ Новосильцевъ.—«Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула»,—возразилъ цесаревичъ и разсказалъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отрекся отъ наслѣдія престола въ пользу брата. Несмотря на данное ему предостереженіе, Новосильцевъ въ продолженіи разговора снова повторилъ тотъ же титулъ. «Въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить,—закричалъ цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ:—что теперь одинъ законный государь и императоръ нашъ—Николай Павловичъ».

Еще съ большею рѣзкостью цесаревичъ отнесся за подобное же слово къ своему адъютанту Павлу Андреевичу Колзакову. По разсказу

Библиотека "Руниверс"

послѣдняго, Константинъ Павловичъ, выйдя съ заплаканными глазами изъ кабинета своего, объявилъ собравшимся о горестномъ событіи, постигшемъ его и всю Россію; онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, утирая безпрестанно платкомъ катившіяся слезы, и съ возрастающимъ волненіемъ повторялъ:

— «Нашъ ангелъ отлетѣлъ, я потерялъ въ немъ друга, благодѣтеля, а Россія отца своего».

Наконецъ, увлекаясь постепенно, цесаревичъ прибавилъ:

— «Кто насъ поведетъ теперь къ побѣдамъ, гдѣ нашъ вождь? Россія осиротѣла, Россія пропала». Затѣмъ, закрывъ лице платкомъ, Константинъ Павловичъ предался на нѣсколько минутъ величайшему горю. Всѣ присутствующіе молчали, стоя съ поникшими головами; въ это самое время Колзаковъ, видя, что никто не рѣшается привѣтствовать новаго государя, и не зная ничего объ отреченіи его отъ престола, рѣшился, выступивъ изъ среды другихъ, сказать:

— «Ваше императорское величество, Россія не пропала, а привѣтствуетъ...», но не успѣлъ онъ докончить свою фразу, какъ великій князь, весь вспыхнувъ, бросился на него и, схвативъ его за грудь, съ гнѣвомъ вскрикнулъ:

— «Да замолчите ли вы! Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова, кто вамъ далъ право предрѣшать дѣла, до васъ не касающіяся? Вы знаете ли, чему вы подвергаетесь? Знаете ли, что за это въ Сибирь и въ кандалы сажаютъ? Извольте итти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу»[251].

Въ соотвѣтственность съ перепискою своею съ императоромъ Александромъ 1822 года по вопросу о престолонаслѣдіи, Константинъ Павловичъ велѣлъ изготовить письма къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу, въ которыхъ сказано, что цесаревичъ уступаетъ право свое на наслѣдіе престола младшему брату въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года[252]. Цесаревичъ употребилъ здѣсь выраженіе, что онъ уступаетъ престолъ великому князю Николаю Павловичу, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о существованіи государственнаго акта, облекшаго еще въ 1824 году эту уступку въ силу закона. Вотъ какими недоразумѣніями и недомолвками сопровождался таинственный и уклончивый образъ дѣйствій императора Александра въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи!

Сверхъ офиціальнаго письма, цесаревичъ написалъ еще Николаю Павловичу слѣдующее частное письмо:

«Дорогой Николай! Вы поймете по себѣ то глубокое горе, которое я долженъ испытывать вслѣдствіе ужасной потери, которую мы всѣ понесли, сколько насъ ни есть, а въ особенности я, утративъ бла-

Библиотека "Руниверс"

дѣтеля и обожаемаго повелителя и любимаго брата, друга съ самаго ранняго дѣтства. Вы слишкомъ хорошо знаете, было ли счастьемъ для меня служить ему и исполнять его державную волю въ важныхъ или въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Его намѣренія и его воля были и будутъ, несмотря на то, что его не существуетъ болѣе, неизмѣнно священными для меня, и я буду повиноваться имъ до конца дней моихъ.

«Перехожу къ дѣлу и увѣдомляю васъ, что, во исполненіе воли нашего покойнаго государя, я послалъ моей матушкѣ письмо, содержащее мои непреложныя рѣшенія (mes volontés irrévocables), заранѣе одобренныя, какъ моимъ покойнымъ императоромъ, такъ и моей матушкой. Не сомнѣваясь, что вы, которые были душою и сердцемъ привязаны къ покойному императору, въ точности исполните его волю и то, что было сдѣлано съ его согласія, я приглашаю васъ, дорогой братъ, добросовѣстно сообразоваться съ этимъ и не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете это и почтите память брата, который любилъ васъ, и которому страна обязана славой и степенью возвышенія, котораго она достигла. Сохраните мнѣ вашу дружбу и ваше довѣріе, дорогой братъ, и ни на мгновеніе не сомнѣвайтесь въ моей вѣрности и моей преданности. Изъ моего официальнаго письма вы узнаете объ остальномъ. Это письмо передастъ вамъ мой братъ Михаилъ, и онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности, которыя можете пожелать узнать..... Не забывайте меня, дорогой братъ, и разсчитывайте на усердіе и преданность вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друга» [253].

Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ написалъ дружескія письма къ князю Волконскому и барону Дибичу, въ которыхъ говоритъ, что попрежнему остается при теперешнемъ своемъ мѣстѣ товарищемъ ихъ и потому ни въ какія распоряженія не можетъ войти, а получатъ они ихъ изъ С.-Петербурга «отъ кого слѣдуетъ». Къ этому сообщенію цесаревичъ присоединялъ еще дружескій совѣтъ о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, относиться въ С.-Петербургъ, а къ нему подобныхъ представленій не присылать.

Въ этихъ письмахъ великій князь Николай Павловичъ ни разу не названъ, такъ что прежняя таинственность въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи соблюдалась попрежнему, даже и послѣ кончины императора Александра [254].

Работа по изготовленію всѣхъ этихъ бумагъ длилась всю ночь, и когда 26-го ноября все было окончено, то цесаревичъ поручилъ великому князю Михаилу Павловичу отвезти въ С.-Петербургъ пакеты, предназначавшіеся для императрицы-матери и Николая Павловича. «Я исполнилъ свой обѣтъ и свой долгъ,—сказалъ тогда цесаревичъ брату,—печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ вѣчно неизгладимою, но, по крайней мѣрѣ, я чистъ предъ священною для меня памятью и предъ собственною совѣстію. Ты понимаешь, что уже никакая

Библиотека "Руниверс"

сила не можетъ поколебать моей рѣшимости, но чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, я самого тебя къ нимъ отправляю» [255].

«Засимъ, — писалъ впослѣдствіи цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ торжественномъ объявленіи къ «любезнѣйшимъ своимъ со-

Николай Николаевичъ Новосильцевъ.
(Съ портрета Каневскаго 1832 года).

отчичамъ», найденномъ послѣ его кончины [256], — я ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній отъ вступившаго на престолъ государя императора, на томъ же мѣстѣ, гдѣ волею покойнаго государя, по долгу званія моего, находился, и по сей же самой причинѣ непремѣнною поставлялъ обязанностію исполнить то, что на случай кончины его императорскаго

Библиотека "Руниверс"

величества учинить мнѣ повелѣно, дабы еще тѣмъ самымъ продлить, въ важнѣйшія минуты, дѣйствія окончившагося царствованія, сколько было для меня возможно по пораженнымъ печалію чувствамъ моимъ, которыя всѣ прочіе, высочайше ввѣренные подчиненности моей, при семъ горестномъ случаѣ раздѣляя со мною, оставались спокойными въ ожиданіи о восшествіи на престолъ манифеста о учиненіи надлежащей присяги новому законному императору Россіи».

Легко себѣ представить, послѣ всего вышесказаннаго, удивленіе, гнѣвъ и огорченіе, испытанныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, когда онъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ изъ С.-Петербурга повелѣній вступившаго на престолъ новаго государя, получилъ донесеніе, что вся Россія присягаетъ ему, какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія.

Адъютантъ великаго князя Николая Павловича, Лазаревъ, прибылъ въ Варшаву 2-го (14-го) декабря и въ половинѣ девятаго часа вечера явился къ цесаревичу съ письмомъ, сказавъ: «имѣю счастіе явиться, ваше императорское величество».

«При послѣднихъ словахъ, — пишетъ Лазаревъ въ своемъ донесеніи[257],—у его величества видна была перемѣна въ лицѣ, съ которою онъ меня и отпустилъ. Генералъ-лейтенантъ Курута, какъ видно, по приказанію его величества, разспрашивалъ меня, какъ все было, когда получили извѣстіе, и скоро ли послѣ того стали присягать войска; я сказалъ, что караулы присягали тутъ же, не опуская времени, а прочіе полки шли къ присягѣ, когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, то-есть въ половинѣ четвертаго часа, на что онъ мнѣ сказалъ и очень тихо: немного поторопились. Вечеромъ хотѣли сейчасъ же меня послать обратно въ Петербургъ, но по моей болѣзни остановили это до завтрашняго утра. Отвели мнѣ во дворцѣ комнату. Два раза отъ генерала Куруты и одинъ разъ отъ его величества приходилъ ко мнѣ человѣкъ, чтобы я никуда не выходилъ и никому не показывался. Его величество изволилъ кончить свои занятія въ кабинетѣ въ половинѣ четвертаго часа пополуночи; по утру я получилъ отъ генерала то же приказаніе никому не показываться и ни съ кѣмъ не видѣться. Въ девять съ половиною часовъ я позванъ былъ къ его величеству, получилъ письмо для отправленія къ ея императорскому величеству въ собственныя руки, съ прибавленіемъ скорѣе ѣхать, никуда не заѣзжать, а прямо въ Зимній дворецъ, чтобы про письмо никто не зналъ. Отъ полученія письма, во все время, генералъ Курута не оставлялъ меня, по приказанію его величества, какъ онъ мнѣ самъ сказывалъ, и торопилъ скорѣйшимъ отъѣздомъ, приказывая мнѣ, если можно, догнать передового фельдъегеря».

Съ этою цѣлью Лазареву повелѣно было непремѣнно слѣдовать по Рижскому тракту.

Библиотека "Руниверс"

Упомянутый въ запискѣ Лазарева передовой фельдъегерь везъ письмо цесаревича Константина Павловича князю Лопухину, отъ 3-го декабря 1825 года, написанное великимъ княземъ послѣ прочтенія журнала чрезвычайнаго государственнаго совѣта.

Письмо, которое Константинъ Павловичъ вручилъ Лазареву для брата, было неутѣшительнаго содержанія и не могло вывести великаго князя Николая Павловича изъ затруднительнаго положенія, созданнаго, по его иниціативѣ, повсемѣстнымъ принесеніемъ присяги въ имперіи, безъ вѣдома и согласія цесаревича.

«Вашъ адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо,—писалъ цесаревичъ 2-го (14-го) декабря 1825 года.—Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо[258] и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора. Вашъ на жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ Константинъ. (Votre aide de camp, cher Nicolas, m'a exactement remis votre lettre à son arrivée ici. Je l'ai lue avec la plus vive peine et douleur. Ma résolution est inébranlable et sanctionnée par feu mon bienfaiteur, empereur et maître. Votre invitation d'arriver au plus tôt ne peut pas être acceptée par moi et je vous déclare que je m'éloignerai encore plus si le tout ne s'arrange pas d'après les volontés de feu notre empereur. Je suis pour la vie votre fidèle et sincère ami et frère Constantin)»[259].

Что же касается письма на имя князя Лопухина, помѣченнаго 3-мъ декабря 1825 года и отправленнаго съ фельдъегеремъ нѣсколько ранѣе Лазарева, то цесаревичъ высказывалъ въ немъ въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ свое неудовольствіе государственному совѣту за принесенную незаконную присягу, противную волѣ покойнаго государя. Константинъ Павловичъ указывалъ въ письмѣ, что государственному совѣту необходимо было имѣть въ виду присягу, учиненную при восшествіи на престолъ императора Александра, «въ коей, между прочимъ, именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться долженъ, какъ его императорскому величеству Александру Павловичу, такъ и его императорскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ. Каковая присяга, будучи повторяема при производствѣ въ чины и другихъ случаяхъ, тѣмъ вящше должна быть сохраняема въ памяти каждаго вѣрноподданнаго.

«А какъ изъ раскрытыхъ бумагъ въ государственномъ совѣтѣ явно обнаружена высочайшая воля покойнаго государя императора, дабы наслѣдникомъ всероссійскаго престола быть великому князю Николаю

Библиотека "Руниверс"

Павловичу, то безъ нарушенія сдѣланной присяги никто не могъ учинить иной, какъ только подлежащей великому князю Николаю Павловичу, и слѣдовательно присягу, нынѣ принесенную, ни признать законною, ни принять оную не могу; но, внимая священному долгу и глубочайшему благоговѣнію моему къ высочайшей волѣ блаженной памяти государя императора, пребываю непоколебимымъ въ моей присягѣ и той непремѣнной рѣшимости, которую изъявилъ въ письмахъ моихъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ его императорскому величеству Николаю Павловичу отъ 26-го минувшаго ноября, отправленныхъ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. При чемъ вашей свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ.

«Изложивъ такимъ образомъ священную для меня волю покойнаго государя императора, долгомъ поставляю изъявить съ крайнимъ прискорбіемъ государственному совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности принесеніемъ мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе, что сіе учинено безъ моего вѣдома и согласія; а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправильна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена его императорскому величеству Николаю Павловичу».

Если всѣ дѣйствія цесаревича по полученіи увѣдомленія о кончинѣ императора Александра были вполнѣ правильны и соотвѣтствовали обстоятельствамъ, то нельзя того же сказать относительно его послѣдующихъ распоряженій, когда изъ присланныхъ въ Варшаву донесеній оказалось, что вся Россія ему присягнула. Для спокойствія имперіи слѣдовало, конечно, позабыть личное неудовольствіе, можетъ быть, до нѣкоторой степени вполнѣ справедливое, и въ виду государственныхъ интересовъ, касавшихся уже общаго блага, пожертвовать чувствомъ личнаго самолюбія. Цесаревичу послѣ присяги 27-го ноября не оставалось другого исхода, какъ принять престолъ или же немедленно ѣхать въ Петербургъ, чтобы личнымъ присутствіемъ устранить возможныя недоразумѣнія и обезпечить спокойное воцареніе брата Николая Павловича, какъ предназначеннаго наслѣдника престола[269]. Наконецъ оставался еще одинъ исходъ: если цесаревичъ, не признавая возможнымъ объявить свою волю Россіи путемъ манифеста, рѣшился бы прислать въ Петербургъ бумагу, въ родѣ сочиненнаго имъ впослѣдствіи торжественнаго объявленія своимъ любезнѣйшимъ соотчичамъ, въ такомъ случаѣ воцареніе новаго императора совершилось бы, какъ должно полагать, безъ тѣхъ потрясеній, которыхъ справедливо опасались современники этихъ событій.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, вмѣсто выбора одного изъ указанныхъ здѣсь способовъ дѣйствій, цесаревичъ ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ своему брату, что онъ не только не намѣренъ прибыть въ Петербургъ, но еще далѣе удалится, если не будетъ приведена въ исполненіе воля

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

покойнаго императора Александра. Къ этому заявленію Константинъ Павловичъ присовокупилъ еще нѣчто въ родѣ письменнаго выговора предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Лопухину. Для довершенія всѣхъ затрудненій оба эти документы были редактированы въ такихъ выраженіяхъ, что устраняли всякую возможность къ ихъ обнародованію.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Итакъ въ сущности рѣшеніе, на которомъ остановился цесаревичъ, сводилось къ слѣдующему: я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ края! Въ подобномъ мнѣніи Константинъ Павловичъ окончательно утвердился, прочитавъ неизвѣстный ему дотолѣ манифестъ императора Александра 1823 года, узаконявшій отреченіе цесаревича, совершившееся въ 1822 году. Слѣдовательно, послѣ отправленія Лазарева съ письмомъ цесаревича къ великому князю Николаю Павловичу, дѣло о престолонаслѣдіи не подвинулись ни на шагъ впередъ, и все оставалось въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи; поэтому междуцарствіе съ двумя императорами должно было естественнымъ образомъ продолжаться до какихъ нибудь новыхъ окончательныхъ рѣшеній, которыя предстояло принять въ Варшавѣ или же въ Петербургѣ.

Для полной характеристики воззрѣній цесаревича Константина Павловича на положеніе дѣлъ въ Россіи, опредѣлившееся присягою 27-го ноября, остается еще привести переписку его съ дежурнымъ генераломъ А. Н. Потаповымъ.

8-го (20-го) декабря 1825 года Потаповъ писалъ генералу Курутѣ:

«Почтеннѣйшій благодѣтель Дмитрій Дмитріевичъ! Неужель государь оставитъ насъ? Онъ вѣрно не изволитъ знать, что Россія боготворитъ его и ожидаетъ, какъ ангела хранителя своего! Почтеннѣйшій Дмитрій Дмитріевичъ, доложите государю, молите его за всѣхъ насъ! Спасите Россію! Онъ—отецъ Россіи, онъ не можетъ отказаться отъ нея, и если мы осиротѣвшіе будемъ несчастны, онъ Богу отвѣчать будетъ. Умоляющій васъ и преданный вамъ Алексѣй Потановъ» [261].

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ, написанный Курутой, по порученію цесаревича:

«Его императорское высочество цесаревичъ приказалъ вамъ отвѣчать, что онъ ваше письмо ко мнѣ отъ 8-го сего декабря читалъ, и приказалъ вамъ сказать: что русскій долженъ повиноваться непрекословно,—тѣхъ, кто свою присягу государю покойному забыли, онъ ихъ не знаетъ и знать не будетъ, пока ея въ полной силѣ не исполнятъ. Великій князь цесаревичъ ея никогда не забывалъ и остался непоколебимъ къ оной. Воля покойнаго государя есть и будетъ священна. Россія будетъ спасена тогда только, ежели своевольства въ ней не будетъ, и всякій будетъ исполнять долгъ своей присяги законной; отъ всѣхъ прочихъ дѣйствій великій князь цесаревичъ чуждъ и знать ихъ не хочетъ» [262].

Не дождавшись отвѣта изъ Варшавы, генералъ Потаповъ въ пылу вѣрноподданническаго усердія написалъ 10-го (22-го) декабря новое письмо, обращенное уже прямо къ императору Константину. Это письмо, по содержанію своему отражая настроеніе нѣкоторыхъ слоевъ общества этой эпохи, заслуживаетъ полнаго вниманія:

Библиотека "Руниверс"

«Простите, всемилостивѣйшій государь,—писалъ Потаповъ,—что осмѣливаюсь безпокоить васъ сими строками: ихъ внушила мнѣ безпредѣльная къ вамъ преданность. Ваше императорское величество уже изволите быть извѣстны, что вся здѣшняя столица, войска и вся имперія, съ самаго полученія горестнаго извѣстія о кончинѣ блаженной памяти государя, учинили единодушно присягу на вѣрность подданства вашему величеству.

«Государь! я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ усердіемъ всѣ сословія—воины и граждане—исполняли сей священный долгъ. Ручаюсь жизнію, сколь ни болѣзненна потеря покойнаго императора, но нѣтъ ни единаго изъ вашихъ подданныхъ, который бы по внутреннему своему убѣжденію не радовался искренно, что Провидѣніе ввѣрило судьбу Россіи вашему величеству, и который бы не признавалъ восшествія вашего на престолъ залогомъ своего частнаго и общаго благоденствія.

«Одушевляясь симъ общимъ чувствомъ, всѣ находящіяся здѣсь войска, государственные чины и всѣ вообще жители, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали скораго вашего прибытія. Доколѣ не прошло время, необходимое для отправленія къ вамъ донесенія объ учиненіи здѣсь присяги и для полученія отзыва вашего величества, каждый оставался спокоенъ, ожидая со дня на день радостнаго о прибытіи вашемъ извѣстія. Послѣдовавшія затѣмъ объявленія въ вѣдомостяхъ о вожделѣнномъ здравіи вашего величества еще болѣе оживляли всѣ надежды.

«Но когда возвратившіеся сюда курьеры, коихъ донесенія сохраняются въ тайнѣ, не оправдали нашего ожиданія, то недоумѣнія о причинахъ, по коимъ изволите медлить пріѣздомъ вашимъ въ здѣшнюю столицу, стали поселять во всѣхъ невольное опасеніе, которое съ каждымъ днемъ возростаетъ и производитъ во всѣхъ классахъ народа различныя сужденія. Каждый дѣлаетъ предположенія по своему понятію, и горестное жестокое чувство неизвѣстности о собственной судьбѣ переходитъ отъ одного къ другому. Таковое смущеніе умовъ въ столицѣ, безъ сомнѣнія, перельется скоро и въ другія мѣста имперіи, толки увеличатся, и отчаяніе можетъ даже возродить неблагонамѣренныхъ, болѣе или менѣе для общей тишины опасныхъ. Словомъ, дальнѣйшее медленіе ваше, государь, пріѣздомъ сюда обниметъ ужасомъ всѣхъ, питающихъ чистое усердіе къ вамъ и Россіи.

«При такомъ положеніи вещей должны ли молчать предъ вашимъ величествомъ тѣ, которымъ ближе другихъ извѣстны свойства ваши, государь! Не говорить вамъ о благѣ и спокойствіи государства, когда они знаютъ твердо, что счастіе подданныхъ вашихъ для васъ драгоцѣнно. Всѣ преданные вашему величеству, видя непреложные знаки общей къ вамъ любви, рѣшились вмѣстѣ со мною довести до свѣдѣнія вашего все изложенное здѣсь и избрали меня истолкователемъ предъ вами едино-

Библиотека "Руниверс"

душнаго нашего чувствованія. Изъ глубины горящихъ къ вамъ искреннею приверженностію сердецъ нашихъ мы взываемъ къ вамъ, государь! Поспѣшите пріѣздомъ вашимъ въ здѣшнюю столицу. Явитесь предъ гвардіею, оживотворите народъ! Всѣ съ восторгомъ встрѣтятъ васъ, всемилостивѣйшій государь! Положите предѣлъ тягостному нашему состоянію» [263].

Прочитавъ эти строки, цесаревичъ разгнѣвался не на шутку и, возвративъ генералу Потапову письмо обратно «съ наддраніемъ», какъ принято было выражаться во времена императора Павла I, присовокупилъ еще нижеслѣдующій отвѣтъ, выясняющій въ полной мѣрѣ политическіе взгляды Константина Павловича на тотъ жгучій вопросъ, который затронутъ былъ съ такою настойчивостью дежурнымъ генераломъ въ приведенномъ нами письмѣ его.

«Изъ одного уваженія къ вамъ, Алексѣй Николаевичъ,— пишетъ цесаревичъ 16-го (28-го) декабря 1825 года,—распечаталъ я письмо, которое вы мнѣ прислали съ неподлежащею надписью. Я чуждъ всѣхъ дѣйствій противозаконныхъ. Явленіе предъ гвардіею, народомъ и тому подобное, суть дѣйствія, которыя я воздерживаюсь назвать истиннымъ словомъ сему роду поступковъ принадлежащихъ. Жалѣю весьма что вы, зная меня столь съ давняго времени, думали найти во мнѣ готовность сему образу дѣйствій поддаться. Умалчиваю, сколь мнѣ больно лично, что досель меня не знали, одно мнѣ остается сдѣлать изъ уваженія къ вамъ, то-есть, напомнить долгъ вашей присяги къ покойному государю и возвратить къ вамъ ваше письмо разодранное для уничтоженія, дабы тѣмъ очистить совѣсть вашу, ибо писано въ духѣ заблужденія и подъ личиною усердія оказующаго духъ неповиновенія и отступленіе отъ долга обязанностей вашихъ. Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей и священной власти».

Въ этихъ немногихъ словахъ вполнѣ обрисовывается личность цесаревича Константина Павловича и свойственный ему, согласно опредѣленію графини Нессельроде, «деспотическій вихрь (un ouragan despote)». «Безмолвное повиновеніе», — вотъ въ чемъ заключался бы лозунгъ Константиновскаго царствованія.

Когда стало извѣстно, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не принимаетъ присяги и отказывается прибыть въ Петербургъ и издать манифестъ о своемъ отреченіи, графъ Милорадовичъ, проходя въ своихъ комнатахъ, остановился передъ портретомъ Константина и, обратившись къ полковнику Ѳедору Глинкѣ, сказалъ: «я надѣялся на него, а онъ губитъ Россію» [264].

Библиотека "Руниверс"

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссійскаго Престола Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ Чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежитъ. и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

II.

Положеніе великаго князя Николая Павловича, послѣ опрометчивой присяги 27-го ноября, было крайне затруднительное. Изъ Варшавы не было никакихъ извѣстій; никто не зналъ даже, гдѣ находился императоръ Константинъ, оставался ли онъ въ Варшавѣ, или уѣхалъ въ Таганрогъ, или же направился въ Петербургъ. Столица имперіи представляла тогда странное зрѣлище. Наступило тяжелое время междуцарствія, во время котораго въ правительственныхъ сферахъ и среди общества господствовали чувства полнѣйшаго недоумѣнія. Былъ государь названный, но не было дѣйствительнаго, и никто не зналъ, кто имъ будетъ.

Вскорѣ въ Петербургъ начали стекаться извѣщенія о принесеніи присяги въ различныхъ частяхъ имперіи. Ранѣе прочихъ поступило донесеніе о присягѣ, совершившейся въ корпусѣ военныхъ поселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Аракчеевъ, увѣрявшій императора Александра, что онъ по тяжкому разстройству здоровья никакого соображенія не можетъ сдѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, и думаетъ только объ одномъ—пожить въ уединеніи ближе къ Фотію, вдругъ, по воцареніи императора Константина, разомъ освободился отъ своихъ недуговъ и 30-го ноября (12-го декабря) донесъ изъ Новгорода новому государю: «Получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній» [265].

Въ ночь съ 6-го на 7-е (19-е) декабря, графъ Аракчеевъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и остановился въ своемъ домѣ, но никого не принималъ.

2-го (14-го) декабря, въ С.-Петербургѣ получено было донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго изъ Финляндіи, что войска, сенатъ и прочія мѣста въ княжествѣ приведены къ присягѣ по формѣ, въ Россіи установленной, безъ всякаго упоминанія о конституціи. Наконецъ, 3-го (15-го) декабря, адъютантъ московскаго генералъ-губернатора привезъ извѣстіе, что въ первопрестольной столицѣ присяга состоялась въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ; пакетъ же, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго повелѣнія.

Только въ польской арміи и въ литовскомъ корпусѣ, находившихся подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, присяги, конечно, не состоялось. Относительно литовскаго корпуса генералъ Курута донесъ рапортомъ 3-го (15-го) декабря, «что по повелѣнію его высочества цесаревича отношеніе и при ономъ приложенные два печатные листа (сенатскій указъ и присяжный листъ) возвращаются, и что по онымъ по войскамъ литовскаго корпуса никакого исполненія не сдѣлано».

Въ виду полнѣйшаго отсутствія всякихъ признаковъ жизни со стороны новаго императора, на великаго князя Николая Павловича, какъ

Библиотека "Руниверс"

на единственнаго представителя императорскаго дома мужескаго пола, находившагося въ С.-Петербургѣ, выпадала совершенно исключительная и отвѣтственная роль. Чтобы быть ближе къ своей родительницѣ, онъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ тотчасъ послѣ событій 27-го ноября; не считая приличнымъ показываться въ публикѣ, при наступившихъ тогда печальныхъ обстоятельствахъ, Николай Павловичъ почти не выходилъ изъ дворца и допускалъ къ себѣ весьма немногихъ лицъ.

Въ своихъ запискахъ о 14-мъ декабря и предшествовавшихъ ему событіяхъ Николай Павловичъ пишетъ: «Надо было рѣшиться или оставаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ, по званію ихъ, власть находилась. Въ первомъ случаѣ, соблюдая форму по совѣсти, я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ искажаться, можетъ быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названіе эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собою, съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе[233]. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божію я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ графъ Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ».

Наконецъ, рано утромъ 3-го (15-го) декабря, великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ С.-Петербургъ.

Населеніе столицы было оповѣщено о пріѣздѣ великаго князя слѣдующимъ сообщеніемъ, появившимся 3-го же декабря въ видѣ прибавленія къ газетамъ:

«Ея величество государыня императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы его высочества государя великаго князя Михаила Павловича, который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти императора Александра Павловича».

Къ этому извѣщенію сочли нужнымъ прибавить еще слѣдующія строки:

«Его величество государь императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи».

Покинувъ Варшаву, какъ выше упомянуто, 26-го ноября, великій князь слѣдовалъ въ С.-Петербургъ черезъ Шавли, Митаву и Ригу. На всемъ протяженіи пути до Митавы никто не зналъ еще о кончинѣ импе-

Библиотека "Руниверс"

ратора Александра. Въ Митавѣ Михаилъ Павловичъ сообщилъ объ этомъ командиру 1-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту Паскевичу. Но затѣмъ великій князь, въ свою очередь, былъ пораженъ совершенно неожиданною вѣстію; одинъ проѣзжій разсказалъ свитѣ, что въ С.-Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ императора Александра сопровождалось при-

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

(Съ портрета, рисованнаго съ натуры на камнѣ Клемомъ).

сягою императору Константину. Что же будетъ при второй присягѣ другому, подумалъ великій князь, будучи твердо убѣжденъ въ непреклонномъ рѣшеніи брата не принимать царскаго вѣнца.

Послѣ краткаго свиданія съ своею супругою Михаилъ Павловичъ поспѣшилъ въ Зимній дворецъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. При слухѣ о его пріѣздѣ первое возбужденное общимъ любопытствомъ дви-

Библиотека "Руниверс"

женіе всѣхъ было броситься во дворецъ, чтобы узнать, присягнулъ ли Михаилъ Павловичъ императору Константину.—«Нѣтъ»,—отвѣчали возвратившіяся изъ Варшавы лица великокняжеской свиты.

«Матушка заперлась съ Михаиломъ Павловичемъ,—пишетъ Николай Павловичъ,—я ожидалъ въ другомъ покоѣ, и ожидалъ рѣшенія своей участи—минута непзгладимая! Наконецъ, дверь отперлась, и матушка мнѣ сказала: «Eh bien, Nicolas, prosternez vous devant votre frère, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône». Признаюсь мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюсь; но я себя спрашивалъ: кто большую приноситъ изъ насъ двухъ жертву?—тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство отцовское, подъ предлогомъ своей неспособности, и который, разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ, или тотъ, который вовсе не готовился къ званію, на которое, по порядку природы, вовсе не имѣлъ никакого права, которому воля братская была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого! Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10 лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ гораздо тягче. Я отвѣчалъ матушкѣ: «Avant de me prosterner, maman, veuillez me permettre de savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand, de celui qui refuse, ou de celui qui accepte dans de pareilles circonstances!»

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Николай Павловичъ оцѣнивалъ свое положеніе, когда онъ въ 1835 году писалъ свои воспоминанія о событіяхъ 14-го декабря.

Пріѣздъ великаго князя Михаила Павловича, привезенныя имъ бумаги и словесныя объясненія не могли, однако, привести къ концу водворившееся междуцарствіе; спорный вопросъ попрежнему оставался открытымъ. Дѣйствительно, дѣло нельзя было признать окончательно рѣшеннымъ даже и по полученіи офиціальныхъ писемъ цесаревича, главнѣйшимъ образомъ потому, что они были отправлены изъ Варшавы прежде полученія извѣстія о принесенной императору Константину присягѣ.

По словамъ Николая Павловича, на присягу не было еще отвѣта изъ Варшавы, и не существовало акта, который удостовѣрилъ бы народъ, что воля цесаревича не измѣнилась, и что отреченіе, оставшееся при жизни императора Александра тайной, служитъ и нынѣ выраженіемъ его непремѣнной воли.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, изъявляя сожалѣніе о всемъ совершившемся въ С.-Петербургѣ 27-го ноября, вполнѣ присоединился къ

Библиотека "Руниверс"

мнѣнію своего брата, что вопросъ нельзя признать рѣшеннымъ; онъ не скрылъ своихъ опасеній относительно затрудненій, могущихъ сопровождать принесеніе новой присяги, и говорилъ о трудности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ народѣ и въ войскѣ основанія и правоту этихъ, какъ онъ ихъ называлъ, домашнихъ сдѣлокъ[267].

Николай Павловичъ повторилъ при этомъ случаѣ сказанное имъ уже ранѣе, что не могъ дѣйствовать иначе въ томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ 27-го ноября тайною актовъ покойнаго государя.

Послѣ долгихъ совѣщаній Николай Павловичъ остался при томъ мнѣніи, что брату слѣдовало объявить всенароднымъ манифестомъ, что, оставаясь непреклоннымъ въ прежнемъ отреченіи, освященномъ послѣднею волею императора Александра, онъ снова повторяетъ его предъ лицемъ всей Росси, отклоняя и разрѣшая принесенную ему присягу. «Все впрочемъ,—прибавилъ Николай Павловичъ,—могло бы еще поправиться и получить оборотъ болѣе благопріятный, если бы цесаревичъ самъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, и только упорство его оставаться въ Варшавѣ будетъ причиною несчастій, которыхъ возможности я не отвергаю, но въ которыхъ, по всей вѣроятности, самъ первый и паду жертвою»[268].

Наконецъ, Николаю Павловичу удалось убѣдить императрицу Марію Ѳеодоровну, что бумагъ, присланныхъ цесаревичемъ, нельзя обнародовать безъ явной опасности, и что должно непремѣнно вторично убѣдить брата прибавить къ нимъ другой актъ въ видѣ манифеста, который рѣшилъ бы окончательно спорный вопросъ, кому царствовать. Въ этомъ смыслѣ рѣшили написать цесаревичу письма императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Николай Павловичъ. Оба письма были отправлены въ Варшаву съ фельдъегеремъ Бѣлоусовымъ 3-го (15-го) декабря.

Содержаніе письма великаго князя Николая Павловича было слѣдующее:

«Припадая къ стопамъ вашимъ, какъ братъ, какъ подданный, я молю васъ о прощеніи, о благословеніи, дорогой, дорогой Константинъ; рѣшайте мою судьбу, приказывайте вашему вѣрному подданному и разсчитывайте на его безпрекословное послушаніе. Что же, великій Боже, я могу сдѣлать, что могу сказать вамъ? Вы имѣете мою присягу, я вашъ подданный, я могу лишь покоряться и повиноваться вамъ; я сдѣлаю это, потому что таковъ мой долгъ, ваша воля моего владыки, моего государя, и который никогда не перестанетъ быть имъ для меня; но сжальтесь надъ несчастнымъ, единственное утѣшеніе котораго заключается въ убѣжденіи, что онъ исполнилъ свой долгъ и заставилъ другихъ сдѣлать то же самое; но если я и былъ не правъ, то я слѣдовалъ лишь чувству моего сердца, чувству, слишкомъ вкоренившемуся, слиш-

Библиотека "Руниверс"

комъ глубоко запечатлѣвшемуся въ моей душѣ съ самаго дѣтства, чтобы я могъ когда либо хоть на одно мгновеніе отрѣшиться отъ него, чувству, которое стало лишь болѣе священнымъ въ моихъ глазахъ послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ моего благодѣтеля и о вашихъ!

«Онъ, который видитъ насъ, который судитъ насъ, потому что онъ читаетъ въ глубинѣ нашихъ душъ, я призываю его, этого ангела, нашего благодѣтеля, и пусть онъ будетъ судьей между нами. Могъ ли я по человѣческимъ понятіямъ поступить иначе, могъ ли я, даже забывая свою честь, свою совѣсть, могъ ли я рисковать положеніемъ государства, этого обожаемаго отечества? Такимъ образомъ я исполнилъ свой долгъ и передъ вами, моимъ государемъ, и передъ моимъ отечествомъ, долгъ священный, но и ничего болѣе, какъ долгъ, такъ какъ у меня не было никакой задней мысли; увы, я васъ зналъ достаточно, чтобы не сомнѣваться, къ какому я приду результату, но, по крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь надѣяться, что вы не могли бы оскорбить меня, допуская возможность съ моей стороны другого образа дѣйствій. Теперь же съ чистою душею передъ вами, мой государь, передъ Богомъ, моимъ Спасителемъ, и передъ тѣмъ ангеломъ, которому я обязанъ былъ воздать этотъ долгъ, это обязательство, подыщите слово, какое хотите, я чувствую, но не могу выразить это, спокойно и безропотно покоряюсь я вашей волѣ и повторяю вамъ здѣсь клятву передъ Богомъ исполнить вашу волю, какъ бы тягостна она ни была для меня. Я не могу сказать вамъ ничего большаго: такъ я исповѣдался передъ вами, какъ бы передъ самимъ Богомъ.

«Здѣсь все въ порядкѣ; вамъ уже извѣстно, что Москва выполнила свой долгъ. Графъ Аракчеевъ вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей; онъ и его корпусъ также исполнили свой долгъ. Матушка чувствуетъ себя хорошо, несмотря на всѣ удары, ниспосланные ей Провидѣніемъ, да сохранитъ ее Господь! Ради Бога пріѣзжайте. (Arrivez au nom de Dieu).

«Моя жена обнимаетъ васъ. Умоляю васъ повергнуть меня къ колѣнямъ, къ стопамъ Жанеты, моей доброй, дорогой сестры. Моя жизнь порукой вамъ за мою покорность волѣ самаго дорогого, самаго уважаемаго изъ братьевъ и друзей.

«Вашъ покорный Николай»[269].

До полученія окончательнаго отвѣта отъ цесаревича рѣшено было письма, полученныя изъ Варшавы, хранить въ тайнѣ. «Но какъ было уяснить намъ молчаніе передъ публикой?—пишетъ Николай Павловичъ,—нетерпѣніе и неудовольствіе были велики и весьма основательны. Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство неприсяги Михаила Павловича навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Кон-

Библиотека "Руниверс"

стантина Павловича..... время сего ожиданія можно считать подходящимъ междуцарствію, ибо повелѣній отъ императора, которому присяга принесена была, по расчету времени должно было получить, но ихъ не приходило; дѣла остановились совершенно».

Къ довершенію общаго недоумѣнія стало извѣстнымъ, что Михаилъ Павловичъ выѣхалъ изъ Варшавы по полученіи цесаревичемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра; поэтому догадки о таинственныхъ причинахъ явнаго всѣмъ бездѣйствія правительства вскорѣ привели къ тому, что трудно было объяснить уклоненіе Михаила Павловича отъ присяги императору, котораго признала вся Россія. Постепенно стали распространяться слухи объ отреченіи цесаревича Константина Павловича отъ престола, и что императоромъ будетъ не то лицо, которому принесена была присяга 27-го ноября. «При дворѣ и въ публикѣ возникаютъ нѣкоторыя соображенія и сомнѣнія насчетъ будущаго», писалъ, 3-го (15-го) декабря, дежурный генералъ Потаповъ барону Дибичу.

При этихъ обстоятельствахъ дальнѣйшее присутствіе Михаила Павловича становилось тягостнымъ и для него и для всей царственной семьи. Чтобы избавить великаго князя отъ этого двусмысленнаго положенія, рѣшено было отправить его въ Варшаву, подъ предлогомъ личнаго успокоенія брата насчетъ здоровья ихъ родительницы, а въ сущности для убѣжденія цесаревича прибыть въ Петербургъ. Но чтобы не разъѣхаться въ пути съ какими нибудь важными сообщеніями изъ Варшавы, императрица Марія Ѳеодоровна снабдила великаго князя открытымъ предписаніемъ слѣдующаго содержанія:

«Предъявитель сего открытаго предписанія его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ, любезнѣйшій мой сынъ, уполномоченъ мной принимать моимъ именемъ и распечатывать всѣ письма, пакеты и прочее, отъ государя императора Константина Павловича ко мнѣ адресованные.

«Марія»[270].

Михаилъ Павловичъ отправился въ путь послѣ обѣда 5-го (17-го) декабря.

Въ этотъ же день въ прибавленіи къ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 146) напечатано было слѣдующее извѣщеніе:

«Государыня императрица Марія Ѳеодоровна, желая успокоить государя императора насчетъ здоровья ея величества, рѣшилась послать его высочество великаго князя Михаила Павловича съ извѣстіемъ объ ономъ къ государю императору»[271].

Отпуская сына, императрица сказала ему:

— «Quand vous verrez Constantin, dites et répétez lui bien, que si l'on en a agi ainsi, c'est parce que autrement le sang aurait coulé».

Библиотека "Руниверс"

— «Il n'a pas encore coulé, mais il coulera»,—отвѣчалъ великій князь въ печальномъ предчувствіи[272].

8-го (20-го) декабря, Михаилъ Павловичъ писалъ великому князю Николаю Павловичу со станціи Ненналь[273]:

«Пріѣхавъ на станцію Ранна-Пунгернъ, встрѣтилъ я, любезный Николай, фельдъегеря изъ Варшавы съ письмомъ къ князю Лопухину и, увидѣвъ на конвертѣ: отъ его императорскаго высочества цесаревича, я сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло; между тѣмъ узналъ отъ него, что Лазаревъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и потому я взялъ сего фельдъегеря съ собою, покуда не встрѣчу Лазарева. Что написано князю Лопухину, того не знаю, ибо не имѣю права ихъ отворять. Въ Ненналѣ нашелъ я Лазарева, который и подалъ мнѣ пакетъ, у него бывшій, на имя матушки; ты изъ письма Константина Павловича увидишь все его мнѣніе, которое по содержанію почти согласно съ тѣмъ, что я тебѣ говорилъ. Теперь, не зная, какія мѣры будутъ взяты въ Петербургѣ, я думаю, что хорошо мнѣ будетъ здѣсь оставаться и ждать твоихъ повелѣній, ибо, бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывало; можетъ быть, угодно будетъ матушкѣ и тебѣ еще новое что нибудь отправить къ брату. Увѣрьте себя, что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно. Два или три дня разницы пріѣзда моего въ Варшаву ничего не сдѣлаетъ, ибо Опочининъ уже, конечно, все сказалъ. Сдѣлай милость, чтобы приказанія ко мнѣ дошли какъ можно скорѣе. Прощай, твой навѣки

«Михаилъ».

Съ письмомъ Михаила Павловича прибылъ въ Петербургъ 9-го (21-го) декабря адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ, который привезъ письмо цесаревича отъ 2-го (14-го) декабря, уже выше приведенное нами; оно, конечно, не могло положить предѣлъ водворившемуся междуцарствію[274].

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукахъ Николая Павловича оказался также рескриптъ цесаревича на имя князя Лопухина отъ 3-го декабря, представлявшій собою, по словамъ великаго князя, «родъ выговора князю Лопухину, какъ предсѣдателю государственнаго совѣта». Дать этому документу гласность признано было невозможнымъ. Великій князь оставилъ его у себя. Итакъ, Николаю Павловичу оставалось еще ожидать возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова съ отвѣтомъ на письмо, отправленное къ цесаревичу 3-го (15-го) декабря.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться еще новое осложненіе.

Библиотека "Руниверс"

12-го (24-го) декабря, въ субботу, часовъ въ шесть утра, великаго князя Николая Павловича разбудили извѣстіемъ, что пріѣхалъ изъ Таганрога и желаетъ его видѣть полковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, баронъ Фредериксъ, исправлявшій при императорѣ Александрѣ должность коменданта[275]. Онъ привезъ пакетъ отъ начальника главнаго

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

штаба, барона Дибича, о самонужнѣйшемъ и адресованный: «Его императорскому величеству. Отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ въ собственныя руки».

На вопросъ великаго князя, знаетъ ли онъ о содержаніи пакета, Фредериксъ, отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что по неизвѣстности въ Таганрогѣ мѣстопребыванія государя такой же пакетъ посланъ въ Варшаву, а ему приказано только, если бы его величества не было

Библиотека "Руниверс"

еще въ Петербургѣ, вручить пакетъ его высочеству съ просьбою распечатать его.

«Заключивъ изъ сего, — пишетъ Николай Павловичъ, — что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности, я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться. Вскрыть пакетъ на имя императора былъ поступокъ столь отважный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью, къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе — и пакетъ вскрытъ! Пусть изобразятъ себѣ, что должно было произойти во мнѣ, когда, бросивъ глаза на включенное письмо отъ генерала Дибича, видѣлъ, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространялись черезъ всю имперію отъ Петербурга на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ я въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты, съ полною властью, съ опытностью, съ рѣшимостью: я не имѣлъ ни власти, ни права, на случай могъ только дѣйствовать черезъ другого, изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося, безъ увѣренности, что совѣту моему послѣдуютъ, и притомъ чувствовалъ, что тайну подобной важности должно было наитщательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ матушки, дабы ея не испугать или преждевременно заговорщикамъ не открывать, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться — одному, совершенно одному безъ совѣта!»

Въ письмѣ генералъ-адъютанта барона Дибича, приложенномъ къ всеподданнѣйшему докладу, онъ обращался къ великому князю Николаю Павловичу, уже какъ къ императору; оно было помѣчено 4-мъ декабря и заключалось въ слѣдующемъ:

«Всемилостивѣйшій государь.

«Въ бѣдственномъ случаѣ, насъ постигшемъ, я по вѣрноподданнѣйшей обязанности моей долженъ былъ о послѣдовавшей кончинѣ всемилостивѣйшаго государя нашего донести его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко старшему брату покойнаго императора и, слѣдовательно, по существующему закону, наслѣдующему всероссійскимъ престоломъ: ибо, кромѣ сего закона, мнѣ прежде, такъ и нынѣ, совершенно неизвѣстны никакія другія государственныя на сей предметъ положенія.

«Но на рапортъ мой я получилъ сего 4-го декабря отъ его императорскаго высочества цесаревича письмо, въ копіи при семъ прилагаемое, въ которомъ изволитъ совѣтовать мнѣ обо всѣхъ предметахъ, требующихъ высочайшихъ разрѣшеній, относиться въ С.-Петербургъ. Почему, слѣдуя тому же самому закону, я мню послѣ его императорскаго вы-

Библиотека "Руниверс"

сочества цесаревича видѣть въ вашемъ императорскомъ величествѣ моего всемилостивѣйшаго государя и съ покорностію буду ожидать высочайшихъ повелѣній вашего величества, надѣясь притомъ, что ваше величество простите мнѣ, если въ семъ необычайномъ и трудномъ положеніи моемъ сдѣлалъ какую либо ошибку. Будучи впрочемъ совершенно покойнымъ въ совѣсти моей, ибо при семъ несчастномъ случаѣ во всѣхъ поступкахъ моихъ я имѣлъ единственную цѣль—сохранить долгъ вѣрноподданной моей обязанности къ высочайшему престолу.

«Слѣдуя сему же самому долгу моему, я почитаю священнѣйшею обязанностію, не теряя ни малѣйшаго времени, донести вашему императорскому величеству чрезъ посылаемаго нарочнымъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса объ одномъ чрезвычайно важномъ случаѣ, касающемся до благосостоянія и спокойствія государства и не терпящемъ никакого отлагательства.

«Изъ приложеннаго при семъ доклада моего изволите усмотрѣть, всемилостивѣйшій государь, всю важность сего предмета и тѣ мѣры, къ коимъ на первый разъ я счелъ необходимымъ взять рѣшимость, предавая дальнѣйшія распоряженія въ волю и благоусмотрѣніе вашего величества. Тайну, въ семъ докладѣ содержащуюся, я почитаю столь великою, что не открылъ сіе и представляющему сіе вашему величеству полковнику Фредериксу, ибо по отдаленности вашего величества и невозможности получить въ скоромъ времени вашихъ приказаній я долженъ былъ, какъ въ семъ, такъ и вообще въ принятыхъ мною по сему случаю рѣшимостяхъ, слѣдовать даннымъ мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, при отправленіи лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, наставленіямъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и вѣрноподданническою преданностію имѣю счастіе быть и проч.».

Приложенный къ письму барона Дибича всеподданнѣйшій докладъ заключалъ въ себѣ свѣдѣнія по доносамъ, сдѣланнымъ унтеръ-офицеромъ 3-го Украинскаго уланскаго полка Шервудомъ[276] и капитаномъ Вятскаго полка Майбородою, равно какъ указанія главнѣйшихъ мѣропріятій, послѣдовавшихъ со стороны начальника главнаго штаба въ Таганрогѣ, въ виду разоблаченій поименованныхъ лицъ.

Всѣ эти обстоятельства великій князь Николай Павловичъ впервые узналъ изъ донесенія барона Дибича; императоръ Александръ всѣ полученныя свѣдѣнія тщательно скрывалъ отъ намѣченнаго имъ наслѣдника престола и, покидая Петербургъ, оставилъ брата въ совершенномъ невѣдѣніи относительно приближавшейся грозы, готовой подорвать въ корнѣ спокойствіе имперіи. Неудивительно, что при первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскрытыхъ бумагъ Николая Павловича объялъ неказанный ужасъ, какъ пишетъ баронъ Корфъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хотя всеподданнѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Дибича отъ 4-го (16-го) декабря 1825 года и былъ напечатанъ нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ Первый», но по важности его содержанія и тѣсной связи съ событіями, сопровождавшими воцареніе императора Николая Павловича, считаемъ необходимымъ воспроизвести здѣсь снова этотъ историческій документъ. Докладъ Дибича послужилъ исходной точкой начавшагося вскорѣ дѣла декабристовъ, а поэтому для лучшаго выясненія замысловъ декабристовъ дополнимъ его въ настоящемъ трудѣ нѣкоторыми важнѣйшими приложеніями.

«Въ прошедшее лѣто,—писалъ баронъ Дибичъ,—3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ [277] въ письмѣ, на высочайшее имя и въ собственныя руки писанномъ, объявилъ, что онъ имѣетъ открыть важный секретъ. Будучи по высочайшему повелѣнію, по распоряженію генерала графа Аракчеева, привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ, что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ времени до времени увеличивается, и что оно имѣетъ особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ конно-егерскомъ полку прапорщикъ Вадковскій (выписанный за дерзкій разговоръ изъ Кавалергардскаго полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу, живущими въ Харьковѣ, графами Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

«Положено было дать ему отпускъ на годъ, будто за то, что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика Сивиниса, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себѣ выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подозрѣніе найдено было неосновательнымъ. Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ большему открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

«Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ графу Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по пріѣздѣ въ Харьковъ былъ у графа Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его, графа Андрея, что онъ объявилъ имъ о взятіи его по подозрѣнію по дѣлу Сивиниса, что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣетъ отвѣта на три просьбы, на высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, объ обществѣ отозвался графъ Булгари незнаніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ, графъ Андрей Булгари, спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Николая Булгари,

Библиотека "Руниверс"

служащаго въ лейбъ-кирасирскомъ ея величества полку поручикомъ, что прапорщикъ Вадковскій въ семъ обществѣ.

«Шервудъ поѣхалъ прямо къ Вадковскому въ Курскъ. 9-го сентября, въ полночь, нашелъ его спящимъ въ своей квартирѣ, но, разбудивъ, объявилъ о случившемся съ нимъ, и что онъ выпросилъ себѣ годовой отпускъ единственно, чтобы дѣйствовать въ пользу извѣстнаго ему

Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

общества. Вадковскій вскочилъ съ постели, обнималъ его и спросилъ, сколько онъ имѣетъ членовъ; на сіе объявилъ ему Шервудъ: два генерала и 47 штабъ и оберъ-офицеровъ. Вадковскій обрадовался сей лжи, просилъ при вторичномъ пріѣздѣ въ Курскъ привезти списокъ, какихъ именно они полковъ, и сколько именно принято по поселенію; считая сіе весьма важнымъ, хвасталъ, что предпріятіе ихъ идетъ сверхъ чаянія хорошо, что изъ корпуса генералъ-адъютанта Бороздина есть двѣ значительныя особы и довольное число прочихъ, принадлежащихъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

обществу, и что онъ почитаетъ только труднѣйшимъ въ ихъ предпріятіи истребить вдругъ всю августѣйшую фамилію, что, впрочемъ, надѣется также въ семъ на содѣйствіе поляковъ столько же хорошо, какъ собственно на своихъ.

«Шервудъ послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ объясненій Вадковскаго, человѣка, котораго онъ прежде вовсе не зналъ, обѣщался ему доставить списокъ, который Вадковскій обще съ своимъ хотѣлъ въ половинѣ ноября доставить чрезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ. Посему просилъ Шервудъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ графу Аракчееву, послать къ нему въ половинѣ ноября надежнаго чиновника въ Харьковъ, который по объясненіи съ нимъ могъ бы перехватить Булгари съ бумагами. Его величество, вручивъ мнѣ сіе письмо по дорогѣ въ Новочеркасскъ, изволилъ выбрать для сего назначенія лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему, ни кому другому не объявить до возвращенія изъ Крыма.

«Между тѣмъ пріѣхалъ, по высочайшему соизволенію, въ Таганрогъ, 18-го октября, генералъ-лейтенантъ Виттъ[278] и объявилъ равномѣрно, что существуетъ таковое общество, которое значительно увеличилось въ обѣихъ арміяхъ и старалось, но тщетно, помощью генералъ-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевскаго, заразить и Черноморскій флотъ, что бываютъ часто подобныя собранія въ фамиліи Давыдовыхъ, кои всѣ заражены симъ духомъ, и что изъ числа дѣятельнѣйшихъ членовъ объявлены ему гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ, гвардейскій офицеръ Бестужевъ, служившій прежде во флотѣ, нѣкто Рылѣевъ (вѣроятно, секундантъ покойнаго поручика Чернова на дуэли съ флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ), что 18-я пѣхотная дивизія въ особенности заражена симъ духомъ, и что въ оной играетъ главную роль командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Пестель, что адъютантъ графа Витгенштейна Крюковъ и генералъ-лейтенанта Рудзевича Шишковъ—также члены, и что, наконецъ, одинъ изъ главныхъ членовъ — подпоручикъ квартирмейстерской части Лихаревъ, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Всѣ сіи извѣстія даны графу Витту однимъ членомъ, и по недовольной еще основательности оныхъ надѣялся онъ получить вѣрнѣйшія на кіевскихъ контрактахъ, ибо давалъ имъ надежду склониться на ихъ сторону по непріятностямъ, имѣвшимся между имъ, Виттомъ, и графомъ Аракчеевымъ. Графъ Виттъ при семъ прибавилъ, что онъ надѣется, что можно получить также свѣдѣніе отъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитана Корниловича, принадлежавшаго сему обществу, но раскаявшагося, увидя бездну ужасную, въ которую оно можетъ ввести; равномѣрно доставилъ графъ Виттъ письмо отъ неизвѣстнаго, который, объявляя объ обществѣ и огромности онаго, остерегаетъ

Библиотека "Руниверс"

его о личной его опасности тѣмъ, что заговорщики хотѣли его сдѣлать одною изъ первѣйшихъ жертвъ замысловъ своихъ.

«Его императорское величество приказалъ графу Витту продолжать открытія свои и изволилъ отправиться въ Крымъ; радостный пріемъ всѣхъ чиновъ 20-й пѣхотной дивизіи, совершенно по духу, издревле свойственному россійскому воинству, и увѣренія генералъ-лейтенанта Рудзевича въ таковомъ же духѣ ввѣренныхъ ему войскъ, хотя и успокоили его величество насчетъ общаго распространенія подобнаго зла, но не менѣе того приказалъ мнѣ еще 10-го ноября отправить полковника Николаева по прежнему предположенію въ Харьковъ, дабы онъ, по указанію унтеръ-офицера Шервуда, схватилъ вышеупомянутыя бумаги, посланныя прапорщикомъ Вадковскимъ черезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ, принимая при томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью.

«15-го ноября, полковникъ Николаевъ увидѣлъ въ предназначенномъ въ письмѣ Шервуда трактирѣ сего унтеръ-офицера и, призвавъ его къ себѣ, получилъ отъ него объясненіе, которое Шервудъ повторилъ письменно ко мнѣ, и главное содержаніе коего слѣдующее: послѣ нѣкотораго пребыванія Шервуда въ Орлѣ и окружности до 26-го октября (онъ не объясняетъ—съ какого числа) и во время котораго хотя и былъ два раза у генералъ-адъютанта Бороздина, но, какъ онъ говоритъ, по краткости времени, ничего касающагося до общества открыть не могъ, поѣхалъ онъ, Шервудъ, въ Курскъ, гдѣ засталъ прапорщика Вадковскаго, возвратившагося отъ поѣздки къ ротмистру Кавалергардскаго полка графу Захару Чернышеву, въ 80-ти верстахъ отъ Курска.

«Вадковскій принялъ его съ восхищеніемъ, разсказалъ ему о успѣхѣ ихъ дѣла, что онъ получилъ изъ С.-Петербурга извѣстіе, что 10 офицеровъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтреность поручика графа Николая Булгари, который съ графами Спиро и Андреемъ Булгари поѣхали въ Одессу, и черезъ то промедлитъ доставленіемъ списка въ С.-Петербургъ и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества заведенія секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духѣ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Шервуду.

«Шервудъ предлагалъ себя для посылки въ С.-Петербургъ, но Вадковскій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Булгари уже на сіе опредѣленъ и имѣетъ для сего подорожную во всю имперію. Шервудъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разныя замѣчанія о способностяхъ ихъ. Вадковскій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человѣкъ Вадковскаго можетъ ихъ сжечь, когда предстоитъ въ томъ надобность.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Дивизіонный начальникъ 1-й конноегерской дивизіи, генералъ-майоръ Зассъ, оставилъ Вадковскаго въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Шервудъ былъ у него въ гостяхъ въ караулѣ, куда приходилъ Сѣверскаго конноегерскаго полка майоръ Гофманъ, отъ котораго Шервудъ услышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. Вадковскій сказалъ ему послѣ: вотъ уже приготовленъ при первомъ. Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу Андрею Булгари, чтобы поручикъ графъ Николай Булгари воротился скорѣе. Сіе письмо повезетъ въ Одессу ротмистръ кавалергардскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры 1-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

«Вадковскій разсказывалъ Шервуду слѣдующее:

«Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ С.-Петербургѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камеръ-пажей); лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ Бураковъ, недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ Скарятинъ, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣстно котораго полка), который объявилъ, что онъ недавно къ сему пріуготовленъ былъ своимъ учителемъ; графъ Бобринскій (Шервуду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи; полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни Вадковскому, ни Шервуду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и какимъ именно полкомъ командуетъ, почему Вадковскій просилъ Шервуда узнать вѣрнѣе о семъ, и Шервудъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта генералъ-лейтенанта Рудзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у генералъ-адъютанта Киселева, майора Пущина. Наконецъ считаетъ въ числѣ членовъ генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго.

«Шервудъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ Вадковскаго, обѣщавъ заѣхать къ нему, когда поѣдетъ въ Москву и С.-Петербургъ, въ началѣ декабря.

«Въ доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма Вадковскаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ непозволительныя ихъ связи. Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ Вадковскимъ, въ началѣ декабря, уговорить препоручить ему отвезть списокъ членовъ, если не пріѣдетъ Булгари.

«По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, коими, вѣроятно, зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распро-

Библиотека "Руниверс"

страненія онаго, приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Шервудомъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска, и притворясь вступить черезъ Шервуда въ ихъ общество, стараться выманить секреты Вадковскаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ, смотря по обстоятель-

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

ствамъ, или арестовать Вадковскаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковые, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

«Я получилъ рапортъ полковника Николаева, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, получилъ я 1-го декабря съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта Рота, поручикомъ гусарскаго Оранскаго полка, графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника кор-

Библиотека "Руниверс"

пуснаго штаба, генералъ-майора князя Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на высочайшее имя.

«Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полкового своего командира, полковника Пестеля, въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія, дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстенъ. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ генералъ-майоръ Шеншинъ для захваченія бумагъ графа Булгари. Онъ проситъ послать довѣренную особу въ квартиру роты его, Липовецкаго повѣта, въ село Балабановку, которой откроетъ онъ, гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы подъ именемъ Русской Правды, сочиненіемъ коихъ занимаются генералъ-интендантъ Юшневскій, полковникъ Пестель и въ С.-Петербургѣ гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ. (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе на генералъ-интенданта первой арміи Пирогова. Шервудъ же и Майборода говорятъ про генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго и не упоминаютъ о Пироговѣ).

«Въ томъ же письмѣ проситъ Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему, не рѣшаясь открыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ генералъ-лейтенанту Роту.

«Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Майборода, явясь къ нему въ Житомиръ, объявилъ ему еще лично при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма [273], что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились, между прочимъ, командиры полковъ: Украинскаго пѣхотнаго полка—полковникъ Бурцовъ и Казанскаго—полковникъ Аврамовъ, также квартирмейстерской части полковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, особливо Комаровъ (который находится нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и въ временномъ отпуску). Сверхъ всего объявилъ Майборода, что денщикъ полковника Пестеля Савенко, ему совершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житомиръ.

Библиотека "Руниверс"

«По важности сихъ показаній и согласности ихъ съ трехъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена, казалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ; по отсутствію вашего императорскаго величества, я полагаю, буде не получу другого приказанія завтрашній день, въ который я ожидаю фельдъегеря изъ С.-Петербурга, отправить генералъ-адъютанта Чернышева прямо въ Тульчинъ, гдѣ онъ, откроясь одному главнокомандующему, приступитъ къ должнымъ мѣрамъ для арестованія полковника Пестеля и показанныхъ бумагъ. Я увѣдомляю равно главнокомандующаго первой арміи о принятыхъ противъ прапорщика Вадковскаго мѣрахъ, и что онѣ казались тѣмъ необходимыми, что по полученіи извѣстія сіе зло распространено не только по второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу.

«Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненнымъ, то обстоятельство сіе передаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества»[280].

Вотъ что прочелъ великій князь Николай Павловичъ въ достопамятное утро 12-го декабря 1825 года.

III.

Въ виду важности извѣстій, сообщенныхъ барономъ Дибичемъ, великій князь Николай Павловичъ долженъ былъ прежде всего подумать, къ кому обратиться за совѣтомъ, кому повѣрить открывшуюся передъ нимъ внезапно ужасную тайну. Выборъ его остановился на двухъ лицахъ.

«Графъ Милорадовичъ,—пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—казался мнѣ по долгу его званія первымъ, до свѣдѣнія котораго содержаніе сихъ извѣстій довести должно было; князь Голицынъ, какъ начальникъ почтовой части и довѣренное лицо императора Александра, казался мнѣ вторымъ. Я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ, и втроемъ принялись мы за чтеніе приложеній къ письму. Писанныя рукою генералъ-адъютанта Чернышева для большей тайны, они заключали изложеніе открытаго обширнаго заговора, чрезъ два разные источника: показаніями юнкера Шервуда, служившаго въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, и открытіемъ капитана Майбороды, служившаго въ тогдашнемъ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Извѣстно было, что заговоръ касается многихъ лицъ въ Петербургѣ и наиболѣе въ Кавалергардскомъ полку, но въ особенности въ Москвѣ и въ главной квартирѣ второй арміи и въ части войскъ, ей принадлежащихъ, а также и въ войскахъ 3-го корпуса. Показанія были весьма не ясны, не опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣлительныя; но однако еще за нѣсколько дней до кончины своей покойный императоръ велѣлъ генералу Дибичу, по показаніямъ Шервуда, послать полковника лейбъ-гвардіи казачьяго полка Николаева взять извѣстнаго Вадковскаго, за годъ выписаннаго изъ Кавалергардскаго полка. Еще болѣе не ясны были подозрѣнія на главную квартиру второй арміи, и генералъ Дибичъ увѣдомлялъ, что вслѣдъ за симъ рѣшился послать генерала Чернышева въ Тульчинъ, дабы увѣдомить графа Витгенштейна о происходившемъ и арестовать князя Сергѣя Волконскаго, командовавшаго бригадою, и полковника Пестеля въ этой бригадѣ, командовавшаго Вятскимъ полкомъ.

«Подобныя извѣстія въ столь затруднительное и важное время требовали величайшаго вниманія, и должно было узнать, кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ, и не медля ихъ арестовать; а какъ о капитанѣ Майбородѣ ничего не упоминалось, а должно было полагать, что чрезъ него получатся еще важнѣйшія свѣдѣнія, то рѣшился графъ Милорадовичъ послать адъютанта своего Мантейфеля къ генералу Роту, дабы, принявъ Майбороду, доставить въ Петербургъ. Изъ петербурскихъ заговорщиковъ по справкѣ никого не оказалось налицо; всѣ были въ отпуску, а именно Свистуновъ, графъ Захаръ Чернышевъ и Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для съѣзда, какъ то въ запискѣ упоминалось. Графъ Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ обѣщалъ обратить все вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности».

Насколько правъ былъ Николай Павловичъ, когда онъ въ столь тяжкую и затруднительную минуту ставилъ вопросъ: «къ кому мнѣ было обратиться—одному, совершенно одному безъ совѣта». можно усмотрѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Во время совѣщанія по дѣлу объ открытомъ тогда заговорѣ, конечно, должны были вспомнить объ Аракчеевѣ, какъ лицѣ, пользовавшемся безграничнымъ довѣріемъ императора Александра и къ тому же знавшемъ о заговорѣ, что было графомъ даже лично сказано Николаю Павловичу, при свиданіи съ нимъ 10-го декабря. Припомнимъ здѣсь, что графъ Алексѣй Андреевичъ въ это время покинулъ уже свое уединеніе въ Грузинѣ и находился въ Петербургѣ. Но на него нельзя было разсчитывать въ минуту опасности, потому что, когда Милорадовичъ явился къ нему въ домъ, по порученію великаго князя Николая Павловича, чтобы выяснить дѣло, затронутое графомъ Аракчеевымъ въ разговорѣ, то послѣдній отказалъ генералъ-губернатору въ пріемѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ принято за правило никого у себя не видѣть, даже и по службѣ. Этимъ непозволительнымъ поступкомъ графъ Аракчеевъ достойнымъ образомъ

Библиотека "Руниверс"

увѣнчалъ свое пагубное служеніе Россіи и почившему своему благодѣтелю. Вотъ какимъ образомъ наглый временщикъ осмѣлился отнестись къ генералъ-губернатору, присланному великимъ княземъ, который въ ту пору готовился вступить на престолъ,—обстоятельство, которое едва ли могло ускользнуть отъ проницательнаго взора такого опытнаго го-

Александръ Ивановичъ Якубовичъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

сударственнаго дѣльца, какимъ былъ графъ Алексѣй Андреевичъ. Но часъ возмездія былъ уже близокъ!

Упоминая о совѣщаніи своемъ съ графомъ Милорадовичемъ и княземъ Голицынымъ, Николай Павловичъ не назвалъ въ своихъ запискахъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, котораго онъ также привлекъ къ этому дѣлу. Припомнимъ здѣсь, что Бенкендорфъ представилъ въ 1821 году императору Александру записку о тайныхъ обществахъ, оставленную государемъ безъ вниманія [281], и потому авторъ ея могъ быть, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе полезнымъ совѣтникомъ при

Библиотека "Руниверс"

раскрытіи всѣхъ нитей заговора. Вѣроятно, обмѣнъ мыслей между нимъ и Николаемъ Павловичемъ состоялся, по позже первоначальнаго совѣщанія съ Милорадовичемъ и Голицынымъ.

Николай Павловичъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ барону Дибичу на сдѣланное имъ столь важное сообщеніе и въ тотъ же день, 12-го (24-го) декабря, написалъ ему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

«Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня по утру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что, не сговорясь между собою, мы оба, и я могу прибавить—за мною всѣ, исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ. Но воля его свята, и, присягнувъ ему, я долженъ свято исполнить все, что мнѣ ни повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни ужасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже, какъ государь, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему—здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все объяснится и докажетъ, что я, прежде всего, былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстью и дѣлами. Я открылъ пакеты и въ вашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, но которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Обязанность моя—не теряя ни минуты, приступить къ дѣлу, до общаго блага касающемуся, а потому и приступлю къ назначенію мѣръ, мною принятыхъ. Въ секретѣ—генералъ Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; князь Голицынъ, потому что онъ завѣдываетъ почтами и пользовался довѣріемъ покойнаго государя; генералъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, бывъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коихъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

«Третьяго дня видѣлъ въ первый разъ графа Аракчеева. Онъ мнѣ въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ дѣлѣ, не зная, на чемъ оно остановилось, и говоря мнѣ про оное, потому что полагаетъ его весьма важнымъ.

«Я тогда же сообщилъ объ этомъ генералу Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ графомъ Аракчеевымъ, но какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и не пустилъ къ себѣ Милорадовича, хотя онъ и велѣлъ сказать, что онъ отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера. Получивъ ваши бумаги, я тотчасъ увѣдомилъ о томъ графа Милорадовича и условился съ нимъ и Голицынымъ обратить непремѣнно бдительное вниманіе на нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь находящихся. Выслать навстрѣчу Булгари и Чер-

Библиотека "Руниверс"

нышеву фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ, и сюда доставить въ крѣпость. Генерала Милорадовича адъютантъ, графъ Мантейфель, поѣдетъ сегодня же на Житомиръ, въ село Балабановку, Липовецкаго повѣта, для доставленія сюда капитана Майбороды; какъ штабсъ-капитанъ Муравьевъ уже уѣхалъ въ отпускъ въ Орелъ на четыре мѣсяца, то для арестованія его на дорогѣ, гдѣ встрѣтится, посылается фельдъегерь къ князю Голицыну въ Москву.

«Но при томъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ либо подобномъ, и напротивъ можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало; я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собою, если бы говорилъ противное. Но «на Бога надѣйся и самъ не плошай» было и будетъ нашимъ правиломъ до конца, и мы не зѣваемъ.

«Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева, 2) отъ васъ, ибо Фредериксъ говорилъ мнѣ, что полковникъ Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно. Это одно можетъ опредѣлить дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры, чтобъ его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, что вся шайка догадается объ открытіи вполнѣ или отчасти заговора, а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые здѣсь, то-есть Борисовъ и Свистуновъ, оба дураки; но ce peuvent être des instruments. За ними будутъ смотрѣть. Про Корниловича я еще ничего не узналъ.

«Какъ по всему дѣлу видно, что въ Одессѣ должно быть гнѣздо заговора, ибо здѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно, что Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю необходимымъ, чтобы вы переговорили о семъ съ графомъ Воронцовымъ, дабы и тамъ принять нужныя мѣры; во всякомъ же случаѣ не оставьте меня въ неизвѣстности о вашемъ на сей счетъ распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю.

«Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, испросивъ приказанія государыни Елисаветы Алексѣевны, дозволитъ ли она открыть кабинетъ его императорскаго величества, забрали, какъ можно скорѣе, всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся, и доставили ихъ ко мнѣ наискорѣе съ надежнымъ человѣкомъ. Сами же, если присутствіе ваше въ Таганрогѣ не необходимо, пріѣзжайте сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны, и тогда вамъ нужно будетъ ѣхать на Могилевъ на Днѣпрѣ,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ условиться съ генераломъ Сакеномъ о многомъ, до сего и до будущихъ обстоятельствъ касающемся, en un mot pour m'orienter; я считаю, что вы тамъ, а, можетъ статься, и прежде, получите извѣстія, что все здѣсь въ порядкѣ кончено, или иначе я живъ не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей совѣсти, все хорошо привести къ заключенію.

«Князю Петру Михайловичу писалъ я то, что вы отъ него уже вѣрно слышали, насчетъ распоряженій, касающихся до тѣла нашего ангела. Я не могъ иному и инако писать, ибо тогда не имѣлъ на то права; теперь я вамъ о томъ подтверждаю, какъ лицо полуофиціальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ.

«Н.»

Едва Николай Павловичъ успѣлъ окончить приведенное здѣсь письмо, какъ во время обѣда пріѣхалъ изъ Варшавы Бѣлоусовъ. «Вскрывъ письмо брата,—пишетъ Николай Павловичъ,—удостовѣрился я съ первыхъ строкъ, что участь моя рѣшена».

Письмо цесаревича Константина Павловича, отъ 8-го (20-го) декабря, заключало въ себѣ одни назидательныя наставленія и нисколько не могло помочь Николаю Павловичу выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ слишкомъ поспѣшною присягою.

«Вчера вечеромъ въ девять часовъ получилъ я ваше письмо отъ 3-го (15-го) числа этого мѣсяца, дорогой и добрый Николай,—писалъ цесаревичъ,—и спѣшу выразить вамъ за него мою искреннѣйшую признательность, какъ равно и за чувства довѣрія и дружбы, которыя вы проявляете по отношенію ко мнѣ. Будьте увѣрены, дорогой братъ, что я умѣю цѣнить и чувствовать ихъ, и вся моя жизнь докажетъ вамъ, что я не недостоинъ ихъ. Довѣріе, смѣю сказать, безграничное, которое его величество, нашъ общій благодѣтель, благоволилъ оказывать мнѣ, ручается вамъ за искренность и чистоту моихъ руководящихъ началъ, я никогда не обманывалъ его; моя откровенность по отношенію къ нему, когда онъ призывалъ меня высказать ему правду, заслужила мнѣ его дружбу, смѣю выразиться такъ безъ какого бы то ни было тщеславія. Постоянно повинуясь его приказаніямъ, я оставлялъ въ сторонѣ свое мнѣніе, чтобы дѣйствовать сообразно его мнѣнію, нисколько не скрывая отъ него своего взгляда,—таковы были когда-то послѣдствія моего образа дѣйствій. Теперь, когда воля Божія взяла отъ насъ этого ангела хранителя, и когда новый порядокъ вещей открываетъ вамъ новое поприще дѣятельности, будьте увѣрены, дорогой и добрый Николай, что всѣ мои усилія будутъ направлены къ вашимъ услугамъ, въ силу долга, убѣжденій и дружбы. 30-ти-лѣтняя моя служба и мои 47 годовъ являются по-

Библиотека "Руниверс"

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

и прочая, и прочая, и прочая.

№ 3771

Отъ Санктпетербурга *до* Таганрога, *флигель Адъютанту Его Императорскаго Величества, Господину Полковнику и Кавалеру* Шкурину 2-му *Отправленному по Самонужнѣйшей Казенной надобности, съ Ордунцами изъ* Почтовыка — *давать по* Три — *лошади съ проводникомъ, за указные прогоны безъ задержанія*

въ Санктпетербургѣ 1825 *го года.* Декабря 7 *дня.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и Комитета ГГ. Министровъ, С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частію; всѣхъ Россійскихъ, Прусскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ и двухъ золотыхъ шпагъ украшенныхъ алмазами: одной съ надписью за храбрость и за спасеніе Букареста, а другой съ лаврами, кавалеръ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА П: ЕГО ИМПЕРАТОРСК: ВЕЛИЧЕС: ПРАВЛЕНІЕ:

Съ сей подорожной за

верстъ руб

коп

Казначей

ПОДОРОЖНАЯ ПО УКАЗУ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Библиотека "Руниверс"

Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ.

(Съ гравюры Вендрамини).

Библиотека "Руниверс"

рукою въ этомъ. Итакъ, я начну съ священнаго для меня долга и выскажу вамъ мнѣніе или совѣтъ, какъ вамъ угодно будетъ назвать это, заключающійся въ томъ, чтобы ничего не мѣнять изъ того, что было сдѣлано нашимъ дорогимъ, прекраснымъ и обожаемымъ усопшимъ, какъ въ наиважнѣйшихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Дайте себѣ время вполнѣ ознакомиться со всѣмъ, удостойте своимъ довѣріемъ тѣхъ, которые пользовались имъ со стороны покойнаго императора, дѣйствуйте осмотрительно, будьте спокойны и хладнокровны, глухи по отношенію къ вашимъ приближеннымъ, которые для того, чтобы вкрадываться въ ваше довѣріе, быть можетъ, пожелаютъ давать вамъ совѣты. Ничего не мѣняйте въ установившейся политикѣ Нессельроде, который, зная просвѣщенныя намѣренія императора, ознакомитъ васъ съ тѣмъ, чего онъ желалъ, и съ тѣмъ, что вознесло нашу страну на верхъ славы. Ничего не нужно выдумывать, но, дѣйствуя въ духѣ нашего покойнаго императора, поддерживать и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ, и что стоило ему столькихъ трудовъ и, быть можетъ, даже свело въ могилу, такъ какъ физическая сторона поборала нравственную. Однимъ словомъ, примите за основаніе, что вы лишь уполномоченный покойнаго благодѣтеля, и что въ каждое мгновеніе вы должны быть готовы отдать ему отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете и что сдѣлаете.

«Быть можетъ, моя откровенность не понравится вамъ, быть можетъ— нѣтъ, я не знаю этого, но я высказываю вамъ мой образъ мыслей, такой, какимъ онъ представляется моему разумѣнію, и потому, что вы просили меня объ этомъ, дорогой и добрый Николай. Уповайте на Бога, исключительно на Него одного, а Онъ сдѣлаетъ остальное. Да будетъ такъ!

«Мой почтительный привѣтъ вашей женѣ, ангелу доброты, который дарованъ вамъ Богомъ для облегченія вашихъ трудовъ. Маленькаго и маленькихъ цѣлую. Моя жена посылаетъ вамъ свой привѣтъ и проситъ васъ сохранить о ней память. Что касается меня, то я изъ глубины сердца шлю вамъ благословеніе старшаго брата, нѣжно любящаго васъ всѣми силами души и, какъ подданный, увѣряющаго васъ въ своемъ усердіи, преданности и привязанности, съ которыми я никогда не перестану быть вашимъ преданнымъ братомъ и другомъ» [282].

Въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, привезенномъ тѣмъ же фельдъегеремъ, цесаревичъ съ замѣчательнымъ упорствомъ продолжалъ отстаивать свою пагубную для общаго спокойствія точку зрѣнія. Поэтому Николай Павловичъ имѣлъ справедливое основаніе писать по поводу упорства, выказаннаго старшимъ братомъ: «Единому Богу извѣстно, какъ воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, ошираясь на то, что не признаваль себя императоромъ, отвергая присягу, ему дан-

Библиотека "Руниверс"

ную, какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованіе такового императора Александра и акта отреченія своего отъ престола. Я предчувствовалъ, что, повинуясь волѣ братней, иду на гибель, но нельзя было иного, и долгъ повелѣвалъ сообразить единственно, какъ исполнить сіе съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ».

Императрица-мать раздѣляла вполнѣ убѣжденія Николая Павловича, но была довольна, что «наступилъ конецъ нерѣшимости» [283].

Въ 9 часовъ вечера Николай Павловичъ сдѣлалъ въ выше приведенномъ письмѣ къ барону Дибичу еще слѣдующую приписку:

«Рѣшительный курьеръ воротился; послѣзавтра по утру я — или государь или безъ дыханія. Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ предъ мною выполнятъ. Но если гдѣ либо что заварится, и вы о томъ узнаете, поручаю вамъ сейчасъ ѣхать туда, гдѣ будетъ нужно ваше присутствіе. На васъ полагаюсь совершенно и впередъ разрѣшаю всѣ вами принимаемыя мѣры.

«Я вамъ послѣзавтра, если живъ буду, пришлю — самъ еще не знаю кого—съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить о всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходить будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, и отъ васъ кого выслать, напримѣръ, Германа или такого разбора; я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторяю: здѣсь у насъ о сю пору непостижимо тихо; mais le calme précède souvent l'orage.

«Довольно объ этомъ. Que la volonté de Dieu se fasse. Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя воли покойнаго государя, а потому я на все готовъ. Къ вамъ же навсегда буду искренно доброжелательнымъ.

«Николай.

«До вашего пріѣзда дѣла будутъ итти подъ именемъ Татищева чрезъ Потапова, который ко мнѣ съ докладомъ ходить будетъ».

12-го (24-го) же декабря, Николай Павловичъ писалъ между прочимъ князю Петру Михайловичу Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братній надъ мной совершается! 14-го числа я буду государь или

Библиотека "Руниверс"

мертвъ. Что во мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь — да, мы всѣ несчастные—но нѣтъ несчастливѣе меня! Да будетъ воля Божія!... Вы меня прежде любили, сколько я могъ замѣтить; надѣюсь, что и теперь не усомнитесь въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ моей»[284].

Рѣшительный отвѣтъ цесаревича былъ привезенъ Бѣлоусовымъ не черезъ Ковно и Ригу, а по Брестъ-Литовскому тракту, и потому онъ на пути своемъ не могъ встрѣтиться съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который все еще продолжалъ находиться на станціи въ Ненналѣ. Дальнѣйшее пребываніе его тамъ становилось безцѣльнымъ, и потому Николай Павловичъ, тотчасъ же по прибытіи фельдъегеря изъ Варшавы, послалъ за братомъ нарочнаго, съ повелѣніемъ спѣшить въ Петербургъ. Но посланный за великимъ княземъ достигъ Ненналя, какъ послѣ оказалось, только 13-го декабря въ два часа пополудни, вслѣдствіе чего Михаилъ Павловичъ не могъ прибыть въ Петербургъ ранѣе слѣдующаго утра, то-есть 14-го декабря. Это обстоятельство замедлило своевременное возвращеніе великаго князя въ столицу, гдѣ присутствіе его являлось настоятельною необходимостью въ виду предстоявшей новой присяги и связанныхъ съ нею возможныхъ недоразумѣній.

8-го декабря, цесаревичъ Константинъ Павловичъ отправилъ изъ Варшавы, сверхъ поименованныхъ бумагъ, еще рескриптъ на имя министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго, возвращая ему вмѣстѣ съ тѣмъ рапортъ о присягѣ сената.

Цесаревичъ писалъ:

«Служащій въ правительствующемъ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ коллежскій совѣтникъ Никитинъ доставилъ ко мнѣ отъ вашего сіятельства пакетъ съ надписью: его императорскому величеству Константину Павловичу всеподданнѣйшій рапортъ отъ министра юстиціи.

«Не почитая себя въ правѣ принять оный, я обращаю его къ вашему сіятельству съ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, какъ мнѣ по означенному титулу не слѣдующій. Изъ отношенія моего къ его свѣтлости предсѣдательствующему въ государственномъ совѣтѣ, г-ну дѣйствительному тайному совѣтнику I-го класса князю Лопухину, отъ 3-го сего декабря, должны быть уже извѣстны вашему сіятельству въ подробности причины, воспрещающія мнѣ принять императорское достоинство. За симъ остается мнѣ токмо вкратцѣ повторить здѣсь вамъ, что за учиненною всѣми подданными при восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Александра Павловича присягою, въ коей между прочимъ именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и повиноваться долженъ, какъ его императорскому величеству императору Александру Павловичу, такъ и его импе-

Библиотека "Руниверс"

раторскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ; а таковымъ по высочайшей волѣ покойнаго государя императора, явственно обнаруженной изъ бумагъ, раскрытыхъ въ государственномъ совѣтѣ и подобныхъ имъ, какъ ваше сіятельство объявили, хранящихся въ правительствующемъ сенатѣ, назначено быть наслѣдникомъ всероссійскаго престола великому князю Николаю Павло-

Николай Ивановичъ Пановъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

вичу, то вслѣдствіе сего правительствующему сенату, яко блюстителю закона, слѣдовало и слѣдуетъ въ точности исполнить высочайшую волю блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Александра Павловича.

«Впрочемъ чувствуя въ полной мѣрѣ оказанное правительствующимъ сенатомъ и къ лицу моему относящееся усердное расположеніе, я прошу ваше сіятельство изъявить сему высокопочтенному сословію истинную мою признательность, присовокупивъ къ тому, что чѣмъ больше

Библиотека "Руниверс"

чувствую цѣну таковой приверженности, тѣмъ вящше поставляю себѣ долгомъ пребыть непоколебимымъ исполнителемъ священнаго закона, установленнаго въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ.

«Константинъ цесаревичъ».

Рескриптъ цесаревича къ князю Лобанову-Ростовскому постигла одинаковая участь съ рескриптомъ къ князю Лопухину; признано было невозможнымъ его обнародовать, вѣроятно, въ виду осужденія, высказаннаго цесаревичемъ по поводу поспѣшной присяги 27-го ноября. А между тѣмъ оба рескрипта, вмѣстѣ взятые, болѣе разъясняли дѣло, чѣмъ манифестъ императора Николая отъ 12-го декабря, со всѣми его приложеніями. Своевременное обнародованіе этихъ документовъ остановило бы, можетъ быть, немалое число людей, готовыхъ уклониться на незаконный путь, благодаря ложнымъ толкованіямъ[285].

IV.

Теперь Николаю Павловичу предстояло заняться составленіемъ манифеста. Онъ продиктовалъ адъютанту своему Адлербергу главныя мысли по этому предмету и историческую его часть, а затѣмъ къ этой работѣ были привлечены Карамзинъ и Сперанскій.

Задача была не легкая. Нужно было объяснить Россіи необъяснимое, изложить всю запутанную исторію междуцарствія съ должною ясностью.

Карамзинъ въ собственноручной запискѣ по поводу проекта манифеста пишетъ[286]:

«Въ началѣ, думаю, надлежало бы выразить нашу горесть такими или подобными словами:

«Въ сокрушеніи сердецъ нашихъ, пораженныхъ столь внезапною кончиною государя императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить его, да, пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго великаго монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять и въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ,—царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

«Въ сіе время общихъ слезъ и моленій, мы, волею Божіею призываемые державствовать надъ Россіею, объявляемъ всенародно:

Библиотека "Руниверс"

«Согласно съ уставомъ блаженной памяти любезнѣйшаго родителя нашего государя императора Павла Петровича о наслѣдіи россійскаго престола, въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности новому законному монарху, старѣйшему брату, государю цесаревичу, великому князю Константину Павловичу и проч. и проч., какъ слѣдуетъ въ извѣстной бумагѣ.

«Въ заключеніе хотѣлось бы мнѣ также чего нибудь живѣйшаго, сильнѣйшаго для утѣшенія и надежды россіянъ. Напримѣръ:

«И мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами вѣнценосца. Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, доблестію государственною и воинскою, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ! Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный, тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа россійскаго!»

Мысли, изложенныя Карамзинымъ, не удостоились одобренія. Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ; что же касается заключенія, то въ немъ усмотрѣны были поводъ къ толкамъ, самохвальство, излишнія обязательства. Бумага Карамзина была передана Сперанскому съ порученіемъ ее передѣлать, выпустивъ все, что выразило бы характеръ и намѣренія новаго царствованія.

Въ приложеніяхъ къ манифесту рѣшено было помѣстить манифестъ императора Александра отъ 16-го августа 1823 года, утверждавшій отреченіе цесаревича Константина Павловича и назначающій наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича, письмо цесаревича къ покойному императору и отвѣтъ на него государя, равно какъ два письма цесаревича отъ 26-го ноября 1825 года: одно къ императрицѣ-матери, а другое къ великому князю Николаю Павловичу, какъ къ императору.

Манифестъ, составленный Сперанскимъ, былъ подписанъ Николаемъ Павловичемъ 13-го (25-го) декабря 1825 года, но помѣченъ 12-мъ числомъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который вопросъ о его воцареніи окончательно рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шился отвѣтомъ императора Константина. Рѣшено было, однако, оставить манифестъ безъ огласки до ожидаемаго возвращенія въ Петербургъ великаго князя Михаила Павловича. Воцареніе императора Николая объявлено было 13-го декабря лишь семилѣтнему великому князю Александру Николаевичу, но объявлено съ тѣмъ, чтобы онъ никому не разсказывалъ. «Le petit Sacha», какъ называли его тогда въ царской семьѣ, много плакалъ, какъ бы предчувствуя тяжелое бремя, которое со временемъ должно было лечь на него.

13-го декабря, Николай Павловичъ подписалъ также приготовленное по его мыслямъ Сперанскимъ письмо къ цесаревичу, въ которомъ сказано: «Желанія вашего высочества исполнены. Я вступилъ на ту степень, которую вы мнѣ указали, и коей, бывъ закономъ къ тому предназначены, вы занять не восхотѣли. Воля ваша совершилась!» Затѣмъ, въ этомъ же письмѣ Николай Павловичъ упоминалъ о ненарушимости своей внутренней, душевной присяги о сердечномъ подданствѣ; рескриптъ оканчивался слѣдующею собственноручною подписью воцарившагося государя: «вашего императорскаго высочества искренно душевно-вѣрноподданный братъ Николай»[287].

Въ этотъ же день воцарившійся императоръ написалъ еще собственноручно проектъ указа о назначеніи, въ случаѣ своей смерти, правителемъ государства великаго князя Михаила Павловича[288].

Но возвратимся снова къ 12-му декабря; этотъ день, преисполненный для Николая Павловича столькими душевными тревогами и заботами, завершился еще однимъ событіемъ, бросившимъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ явленія, съ которыми предстояло считаться при объявленіи новой присяги.

Около девяти часовъ вечера, въ Зимній дворецъ явился, какъ пишетъ баронъ Корфъ, благородный двадцатилѣтній юноша, горѣвшій любовію къ отечеству и преданный великому князю. Это былъ адъютантъ командующаго гвардейскою пѣхотою, генерала Бистрома, подпоручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Онъ явился съ пакетомъ на имя великаго князя отъ генерала Бистрома. Николай Павловичъ принялъ пакетъ и удалился въ другую комнату; вскрывъ пакетъ, онъ нашелъ въ немъ письмо самого подпоручика Ростовцева и прочелъ слѣдующее къ себѣ обращеніе[289]:

«Ваше императорское высочество!

«Всемилостивѣйшій государь!

«Три дня тщетно искалъ я случая встрѣтить васъ наединѣ, наконецъ принялъ дерзость писать къ вамъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя

Библиотека "Руниверс"

желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи; наконецъ въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня ни

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

презрѣннымъ льстецомъ, ни коварнымъ доносчикомъ; не думайте, чтобы я былъ чьимъ либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; нѣтъ, съ чистою совѣстію я пришелъ говорить вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы содѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюб-

Библиотека "Руниверс"

цевъ. Но вы только зачали славное дѣло: чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко влеченію вашего добраго сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили.

«Для вашей собственной славы погодите царствовать.

«Противъ васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междоусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть, и Литва отъ насъ отдѣлятся, Европа вычеркнетъ раздираемую Россію изъ списка державъ своихъ и содѣлаетъ ее державою азіатскою, и незаслуженныя проклятія вмѣсто должныхъ благословеній будутъ вашимъ удѣломъ.

«Ваше высочество! Можетъ быть, предположенія мои ошибочны, можетъ быть, я увлекся и личною привязанностію къ вамъ и любовію къ спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы преклонить Константина Павловича принять корону! Не пересылайтесь съ нимъ курьерами, ибо сіе длитъ пагубное для васъ междуцарствіе, и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву, или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излейте ему, какъ брату, мысли и чувства свои. Ежели онъ согласится быть императоромъ—слава Богу! Ежели же нѣтъ, то пусть всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ!

«Всемилостивѣйшій государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ,—казните меня! Я буду счастливъ, погибая за васъ и за Россію, и умру, благословляя Всевышняго! Если же вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ, не награждайте меня ничѣмъ: пусть останусь я бекорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и въ моихъ собственныхъ! Объ одномъ только дерзаю просить васъ: прикажите арестовать меня. Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью и позвольте мнѣ умереть возлѣ васъ.

«Вашего императорскаго высочества, всемилостивѣйшаго
«государя, вѣрноподданный Іаковъ Ростовцевъ».

«12-го декабря, 1825 года».

Библиотека "Руниверс"

Около десяти минутъ Ростовцевъ ждалъ отвѣта. Наконецъ дверь открылась, и Николай Павловичъ позвалъ его къ себѣ. Онъ заперъ тщательно обѣ двери, взялъ его за руку, обнялъ и, поцѣловавъ нѣсколько разъ, сказалъ:

— Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхивалъ никогда!

Тогда между Ростовцевымъ и великимъ княземъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ваше высочество, не почитайте меня доносчикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслужиться.

— Мой другъ, я давно зналъ тебя за благороднаго человѣка, и подобная мысль недостойна ни тебя, ни меня. Я умѣю понимать тебя! Я отъ тебя личностей и не ожидаю. Но какъ ты думаешь: нѣтъ ли противъ меня какого нибудь заговора?

— Не знаю никакого. Можетъ быть, весьма многіе питаютъ неудовольствіе противъ васъ; но я увѣренъ, что люди благоразумные въ мирномъ воцареніи вашемъ видятъ спокойствіе Россіи. Вотъ уже пятнадцать дней, какъ гробъ лежитъ у насъ на тронѣ, и обыкновенная тишина не прерывалась, но, ваше высочество, въ самой этой тишинѣ можетъ крыться коварное возмущеніе.

— Мой другъ, можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что сіе противно благородству души твоей,—и не называй! Ежели какой либо заговоръ тебѣ извѣстенъ, то дай отвѣтъ не мнѣ, а Тому, Кто насъ выше! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностью за довѣренность! Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекается. Въ приватномъ письмѣ проклинаетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ, и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно.

— Нѣтъ, ваше высочество, этого будетъ мало! Пусть онъ пріѣдетъ сюда самъ и всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

— Что дѣлать! Онъ рѣшительно отъ этого отказывается.

— Для блага Россіи вы должны убѣдить его это сдѣлать.

— Мой другъ, онъ мой старшій братъ! Впрочемъ будь покоенъ; нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но ежели умъ человѣческій слабъ, ежели воля Всевышняго назначитъ иначе, ежели мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правотѣ и святости своего дѣла, и съ чистою совѣстію предстану на судъ Божій.

— Ваше высочество, это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что будетъ съ нею?

— Мой другъ, можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя? Но престолъ празденъ, братъ мой отрекается, я един-

Библиотека "Руниверс"

ственный законный наслѣдникъ, Россія безъ царя быть не можетъ. Что же велитъ мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ.

Тутъ Николай Павловичъ обнялъ Ростовцева, и оба собесѣдника прослезились. Разговоръ продолжался.

— Ваше высочество, умоляю васъ: возьмите мою шпагу. Пусть послѣдствія обвинятъ меня или оправдаютъ.

— Нѣтъ, мой другъ, ты слишкомъ достоинъ носить ее. Подъ арестомъ ты не можешь быть мнѣ полезенъ, а съ нею въ случаѣ нужды ты будешь вѣрнѣйшимъ щитомъ моимъ.

— Ваше высочество, позвольте еще просить васъ, чтобы это осталось между нами.

— Это останется навсегда въ сердцѣ моемъ! Этой минуты я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ, что ты поѣхалъ ко мнѣ?

— Ваше высочество, онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ; этимъ я не хотѣлъ огорчить его; сверхъ того, я полагалъ, что только лично съ вами я могу быть откровененъ насчетъ васъ.

— И не говори ему ничего до времени; я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка и не ошибся.

— Ваше высочество, не дѣлайте мнѣ никакой награды; всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.

— Наградой тебѣ—дружба моя. Прощай.

Николай Павловичъ взялъ Ростовцева за руку, обнялъ, поцѣловалъ и удалился[290].

Итакъ, разговоръ Николая Павловича съ Ростовцевымъ, вечеромъ 12-го декабря, не привелъ къ какому либо практическому результату. Все сказанное тогда Ростовцевымъ сводилось къ простому предостереженію, что въ случаѣ новой присяги вспыхнетъ возмущеніе, а это Николай Павловичъ ясно сознавалъ и безъ него. Ростовцевъ никого не назвалъ по имени и, не желая быть «коварнымъ доносчикомъ», ограничился въ разговорѣ одними темными намеками. Подобной полумѣрой Іаковъ Ивановичъ дѣла не поправилъ и благороднымъ молчаніемъ своимъ не предупредилъ готовившагося пагубнаго предпріятія. Что же касается до розысковъ графа Милорадовича, то они, какъ и слѣдовало ожидать, остались совершенно безплодными. «Не было открыто ни одного лица,—пишетъ баронъ Корфъ,—на которое могло бы падать подозрѣніе». Слова Николая Павловича, сказанныя для успокоенія Ростовцева: «нами всѣ мѣры приняты»; не оправдались на дѣлѣ, потому что исполнителемъ ихъ являлся графъ Милорадовичъ, въ полной несостоятельности котораго, какъ генералъ-губернатора, убѣдились лишь послѣ

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай Павловичъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года.

(Съ литографіи Рябцова, сдѣланной съ рисунка В. Садовникова).

Библиотека "Руниверс"

взрыва 14-го декабря. Только тогда обнаружены были наконецъ дѣятели и соучастники заговора.

Еще въ запискѣ о тайныхъ обществахъ, врученной генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ императору Александру въ 1821 году [291], проницательный авторъ ея замѣтилъ, что наблюденіе за лицами, въ ней поименованными, нельзя поручить с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, «который окруженъ людьми, участвующими въ обществѣ, или приверженными имъ» [292]. Мнѣніе, высказанное генераломъ Бенкендорфомъ о графѣ Милорадовичѣ такъ же, какъ и о многомъ другомъ, блистательно оправдалось въ 1825 году, между тѣмъ какъ самая записка покоилась уже четыре года въ письменномъ столѣ императора Александра.

Нельзя не признать, что въ виду неминуемой опасности, угрожавшей въ то время всему государственному строю имперіи, со стороны правительства дѣйствительно не было принято никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Въ сущности, спокойное воцареніе новаго императора находилось въ зависимости отъ своевременнаго ареста много десяти лицъ, какъ-то: Рылѣева, князя Оболенскаго, Бестужевыхъ и другихъ, а затѣмъ, какъ пишетъ одинъ изъ декабристовъ, уже не трудно было справиться поодиночкѣ съ отдѣльными членами тайнаго общества. Для подобныхъ мѣропріятій правительство свободно располагало двумя днями, предшествовавшими новой присягѣ, 12-мъ и 13-мъ декабря, но въ этомъ смыслѣ ничего не было сдѣлано [293].

Спрашивается, имѣлъ ли Николай Павловичъ въ своихъ рукахъ списокъ главныхъ дѣятелей Сѣвернаго общества, дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ. Нужно полагать, что имена этихъ лицъ были ему извѣстны, хотя всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба касался преимущественно дѣятелей Южнаго общества. Подобное предположеніе подтверждается записками Александра Дмитріевича Боровкова, состоявшаго по особымъ порученіямъ при военномъ министрѣ, генералѣ Татищевѣ [294].

13-го (25-го) декабря, въ воскресенье, Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ генерала Воинова и, сообщивъ ему отреченіе Константина Павловича, условился съ нимъ, чтобы на другой день, т.-е. въ понедѣльникъ 14-го декабря утромъ, собрались въ Зимнемъ дворцѣ всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса. Николай Павловичъ намѣренъ былъ лично объяснить имъ весь ходъ дѣла по вопросу о престолонаслѣдіи, съ тѣмъ, чтобы они въ свою очередь ясно растолковали все своимъ подчиненнымъ, «дабы не было предлога къ безпорядку». Николай Павловичъ также лично предварилъ о всемъ случившемся митрополита Серафима.

Въ тотъ же день 13-го декабря, въ 9 часовъ утра, Николай Павловичъ еще призвалъ къ себѣ графа Нессельроде и сообщилъ ему о

Библиотека "Руниверс"

наступившемъ концѣ междуцарствія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ прочесть графу письмо, отъ 8 декабря, полученное изъ Варшавы отъ цесаревича [295].

Затѣмъ Николай Павловичъ написалъ слѣдующую записку князю Лопухину:

«Имѣя порученіе отъ государя императора сообщить высочайшую волю государственному совѣту, прошу васъ покорнѣйше приказать собраться оному секретнымъ собраніемъ въ восемь часовъ пополудни. Съ непремѣннымъ уваженіемъ имѣю честь быть искренно доброжелательнымъ».

Николай Павловичъ предполагалъ явиться въ совѣтъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ, какъ личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ воли цесаревича, и разсчитывалъ, что братъ возвратится въ Петербургъ къ вечеру 13-го декабря.

Престарѣлый и слабый по лѣтамъ и по духу князь Лопухинъ, по полученіи записки отъ великаго князя Николая Павловича, лично привезъ ее къ А. Н. Оленину.

— «Что это, ваша свѣтлость, давно ли вы записались въ курьеры?»— сказалъ ему удивленный Оленинъ.

— «Ну, ты, говори,—отвѣчалъ князь,—вѣдь, братецъ, у страха глаза велики—ты видишь, какія времена,—прибавилъ онъ, пожимая плечами въ разстроенномъ видѣ: — я не отдыхаю и не сплю».

Оленинъ тотчасъ разослалъ повѣстки членамъ государственнаго совѣта о секретномъ общемъ собраніи въ 8 часовъ вечера, а самъ прибылъ въ Зимній дворецъ къ семи часамъ. Затѣмъ онъ отправился въ комнаты великаго князя Николая Павловича и былъ тотчасъ принятъ.

«Представивъ ему чертежъ расположенія столовъ и мѣстъ въ присутственной комнатѣ государственнаго совѣта,—пишетъ А. Н. Оленинъ,— я получилъ отъ его высочества приказаніе: объявить совѣту, что онъ съ часа на часъ ожидаетъ возвращенія великаго князя Михаила Павловича и будетъ съ нимъ вмѣстѣ въ государственный совѣтъ. Касательно же занятія имъ мѣста въ государственномъ совѣтѣ его высочество приказалъ мнѣ такъ распорядиться, чтобы съ начала засѣданія до прочтенія его высочествомъ вносимыхъ въ оное бумагъ онъ сидѣлъ по правую сторону предсѣдателя, а подлѣ него великій князь Михаилъ Павловичъ, по прочтеніи же манифеста о восшествіи на престолъ онъ пересядетъ на мѣсто предсѣдателя, а предсѣдатель займетъ его мѣсто, а великій князь Михаилъ Павловичъ останется на своемъ мѣстѣ. Принявъ сіи приказанія, я поспѣшилъ въ комнаты государственнаго совѣта для надлежащихъ по сему предмету распоряженій... Наконецъ, всѣ приглашенные явились, кромѣ графа Литты и Саблукова за болѣзнію, и

Библиотека "Руниверс"

расположились въ комнатѣ совѣта, а частью въ передней къ оной горницѣ.

«Между тѣмъ часы проходили въ ожиданіи великаго князя Михаила Павловича. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ не присаживался и безпрестанно ходилъ изъ комнаты совѣта въ канцелярію, часто меня приглашая посмотрѣть въ покояхъ его высочества великаго князя Николая Павловича, не пріѣхалъ ли князь Михаилъ Павловичъ.

«Такимъ образомъ достигли мы до 11-ти часовъ ночи. Члены совѣта, утомленные отъ ожиданія и пустыхъ между собою разговоровъ и бесѣдуя въ разныхъ комнатахъ въ разныхъ углахъ, сидѣли уже въ молчаніи, разсѣянные по комнатѣ совѣта, даже самъ князь Лопухинъ, уставши отъ безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, сидѣлъ на стулѣ въ передней комнатѣ совѣта, какъ вдругъ къ намъ явился гофмаршалъ Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ съ предложеніемъ отъ имени его высочества великаго князя Николая Павловича, что такъ какъ его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ ожидается съ часу на часъ, а между тѣмъ уже поздно стало, то его высочество приказалъ изготовить ужинъ для членовъ совѣта въ ближайшей комнатѣ къ оному, а именно въ генералъ-адъютантской. Сіе предложеніе многихъ членовъ, удрученныхъ лѣтами и слабостью, нѣсколько оживило, и такъ мы стали уже ожидать ужина».

Кончился ужинъ [295]; тогда Николай Павловичъ, не признавая возможнымъ далѣе откладывать назначенное имъ засѣданіе, рѣшился отправиться въ государственный совѣтъ безъ своего брата.

«Подойдя къ столу,—пишетъ Николай Павловичъ,—я сѣлъ на первое мѣсто, сказавъ: я выполняю волю брата Константина Павловича, и вслѣдъ затѣмъ началъ читать манифестъ о моемъ восшествіи на престолъ; всѣ встали и я также; всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи и по окончаніи чтенія глубоко мнѣ поклонились, при чемъ отличился Н. С. Мордвиновъ, противъ меня бывшій, всѣхъ первый вскочившій и ниже прочихъ отвѣсившій поклонъ, такъ что оно мнѣ страннымъ показалось. За симъ долженъ былъ я прочесть отношеніе Константина Павловича къ князю Лопухину [297], въ которомъ онъ самымъ сильнымъ образомъ выговаривалъ ему, что ослушался будто воли покойнаго императора Александра, отославъ къ нему духовную и актъ отреченія, и принесъ ему присягу, тогда какъ на сіе права никто не имѣлъ. Кончивъ чтеніе, возвратился я въ занимаемыя мною комнаты, гдѣ находилась моя матушка и жена; былъ 1 часъ и понедѣльникъ, что̀ многіе считали дурнымъ началомъ; мы проводили матушку на ея половину, и хотя нѐ было еще объявлено о моемъ вступленіи, но комнатные люди матушки съ ея разрѣшенія насъ поздравляли».

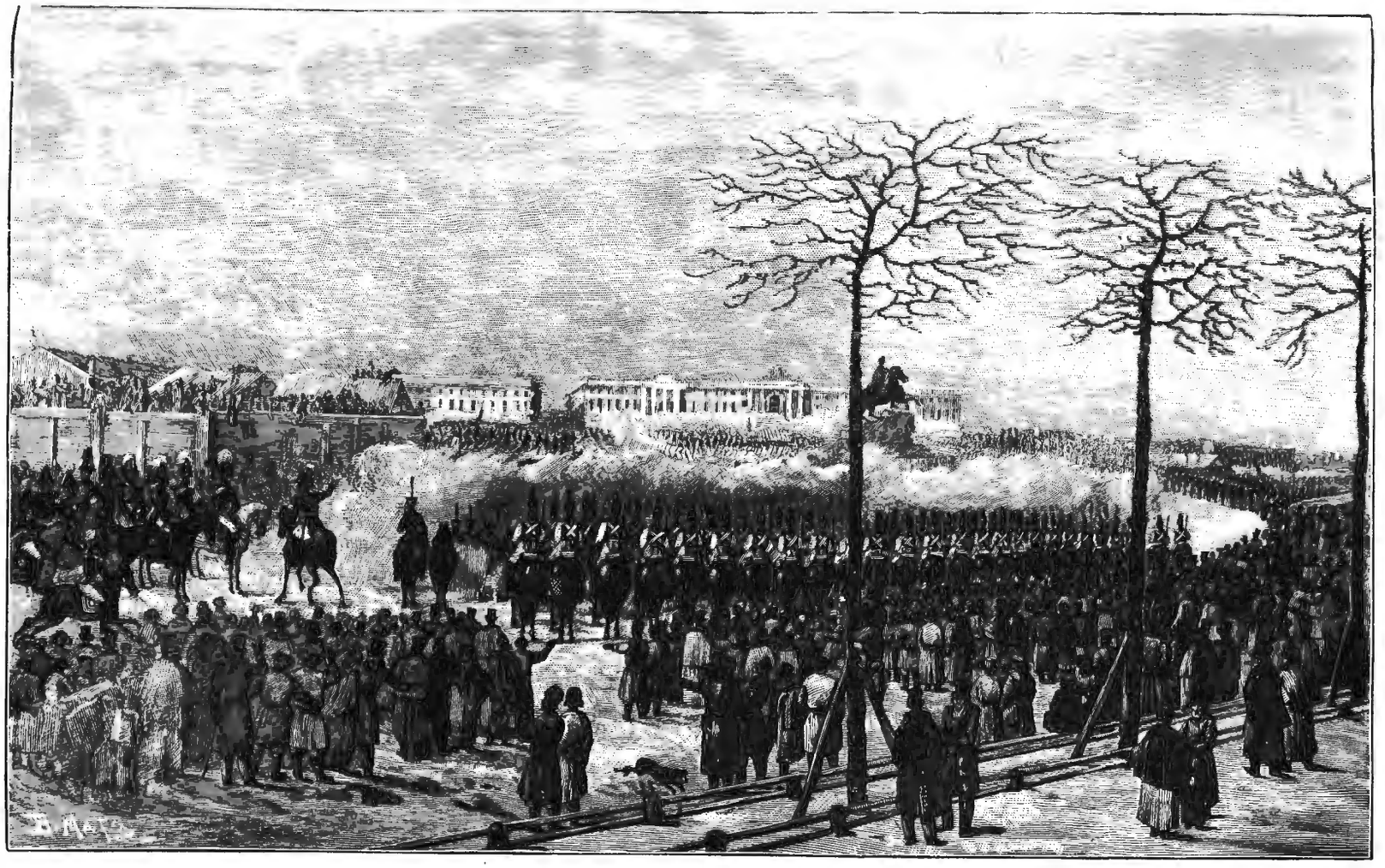
Библиотека "Руниверс"

Мраморный дворецъ въ 1806 году.

Съ акварели Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"



Четырнадцатое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ.

Съ фототипіи, приложенной къ „Русскому Архиву“ 1893 года. (Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ).

Библиотека "Руниверс"

Очевидецъ секретнаго собранія государственнаго совѣта А. С. Шишковъ описываетъ засѣданіе слѣдующимъ образомъ:

«Мы собираемся, не вѣдая тому причины, выключая, можетъ быть, одного князя Голицына, который по особой довѣренности присутствовалъ въ комнатныхъ у императрицы совѣщаніяхъ, при коихъ, какъ сказываютъ, находился также Карамзинъ (исторіографъ), Шторхъ (академикъ), Жуковскій (стихотворецъ) и нѣкоторые другіе. Когда мы собрались, то возвѣстили намъ, что оба великіе князя, Николай Павловичъ и Михайло Павловичъ, будутъ въ совѣтъ (послѣдній не возвратился еще изъ своего путешествія; но сказано было, что онъ уже близко и сего жъ вечера пріѣдетъ). Всѣ мы сидимъ въ глубокомъ молчаніи часъ, два, три и болѣе. Наступаетъ полночь. Позвали насъ ужинать. Отужинавъ, садимся мы опять по своимъ мѣстамъ. Тутъ вскорѣ приходитъ великій князь Николай Павловичъ, садится между нами и начинаетъ самъ читать письма Константина Павловича къ нему и къ матери своей, императрицѣ, въ которыхъ онъ отрицается навсегда отъ принятія престола и говоритъ, что онъ уже присягнулъ брату своему Николаю Павловичу. Вслѣдствіе сего новый императоръ Николай Первый подозвалъ къ себѣ министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго и, сказавъ намъ между прочимъ: «сегодня я васъ прошу, а завтра буду приказывать»,—поручилъ ему бумаги сіи тотчасъ напечатать, обнародовать и поутру привесть всѣхъ къ присягѣ. По окончаніи сего, откланялся намъ, ушелъ, и мы всѣ разъѣхались» [298].

V.

Разсмотримъ теперь, къ какимъ рѣшеніямъ пришли члены тайнаго общества въ Петербургѣ за время междуцарствія.

Николай Александровичъ Бестужевъ [299] оставилъ въ своихъ запискахъ правдивый очеркъ первыхъ начинаній членовъ тайнаго общества въ Петербургѣ, вслѣдъ за принесеніемъ присяги императору Константину 27-го ноября.

«Не знаю,—пишетъ Н. А. Бестужевъ,—былъ ли Рылѣевъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежавшихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключили, что общество наше многочисленно, и что значащіе люди участвуютъ въ ономъ. Въ семъ положеніи застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начатія дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по

Библиотека "Руниверс"

случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ[300]. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и вмѣсто дѣйствій я увидѣлъ, что Рылѣевъ совершенно не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

«— Гдѣ же общество,—говорилъ я,—о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетени объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія либо намѣренія, скажи ихъ намъ, и мы приступимъ къ исполненію. Говори!

«Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

«Онъ былъ пораженъ нечаянностью случая и наконецъ сказалъ:

«— Это обстоятельство явно даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи. Я обманулся самъ; мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ не велико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня ввечеру Между тѣмъ я поѣду собрать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и въ войскѣ.

«Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ.

«Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душою оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: они были неблагопріятныя. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія. Въ городѣ еще не знали, отречется ли Константинъ; тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

«Когда мы остались трое: Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ многихъ намѣреній положили было написать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое итти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обма-

Библиотека "Руниверс"

нули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ, и убавлена до 15-ти лѣтъ солдатская служба.

«Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету [301].

«Нельзя представить жадности, съ какою слушали солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

«Два дня сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало-по-малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду, и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

«Между тѣмъ сомнѣнія насчетъ наслѣдства престола возростали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества».

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Н. А. Бестужевъ излагаетъ, вызванный междуцарствіемъ, послѣдовательный ходъ петербургскаго заговора. Дѣйствительно, хотя сначала члены тайнаго общества полагали выждать воцаренія императора Константина, чтобы сообразовать дальнѣйшія мѣропріятія съ характеромъ новаго правленія, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ отреченіе цесаревича пріобрѣтало большую вѣроятность, лица, стоявшія во главѣ движенія, задумали воспользоваться благопріятными для ихъ замысловъ обстоятельствами и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Неизбѣжность второй присяги представляла заговорщикамъ единственный въ своемъ родѣ случай повліять на войска и, подъ предлогомъ защиты законныхъ правъ цесаревича, увлечь гвардію на путь открытаго мятежа.

Вопросъ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ подвергался въ собраніяхъ обсужденію подъ вліяніемъ восторженнаго слова Рылѣева. Но, тѣмъ не менѣе, мнѣнія членовъ общества расходились между собою. По свидѣтельству очевидца, среди заговорщиковъ не было увѣренности въ успѣхѣ, несмотря на видимый успѣхъ пропаганды и на прибытіе новыхъ членовъ; въ сущности никто не могъ ручаться за содѣйствіе цѣлаго полка; ротные командиры, принимавшіе участіе въ заговорѣ, могли отвѣчать только за свои роты, и то «при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ». По-

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ гравированнаго портрета Годара).

этому нѣкоторые участники происходившихъ тогда совѣщаній имѣли полное основаніе утверждать, что преждевременная вспышка открытаго мятежа въ Петербургѣ, не согласованная съ дѣйствіями остальныхъ членовъ тайныхъ обществъ, разсѣянныхъ по Россіи, можетъ сразу погубить

Библиотека "Руниверс"

все затѣянное ими дѣло. Такое мнѣніе высказывалъ князь Трубецкой. Другіе же болѣе пылкіе члены были того мнѣнія, что попытка возстанія, предпринятая при столь благопріятной, совершенно исключительной обстановкѣ, не должна быть упущена.

Послѣ оживленныхъ преній на шумныхъ совѣщаніяхъ мнѣніе въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій восторжествовало. Такимъ образомъ духъ тайнаго союза мгновенно измѣнился и уступилъ мѣсто духу открытаго мятежа. Одинъ изъ декабристовъ, Иванъ Пущинъ, писалъ: «Насъ по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынѣшній единственный случай». Къ тому же, какъ выше замѣчено, великій князь Николай Павловичъ не пользовался сочувствіемъ и любовью въ военныхъ сферахъ[302], а въ виду того, что предпочтеніе большинства явно склонялось въ пользу сохраненія престола за цесаревичемъ, членамъ общества казалось все-таки возможнымъ заручиться содѣйствіемъ гвардіи въ большей или меньшей степени и достигнуть намѣченной цѣли: «доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами, небывалыми въ Россіи», какъ замѣтилъ впослѣдствіи князь Трубецкой, отвѣчая на вопросы, предложенные ему слѣдственной комиссіей.

Ряды заговорщиковъ пополнялись многими офицерами, которыхъ пугалъ крутой нравъ Николая Павловича; они изъявляли готовность дѣйствовать подъ руководствомъ тайнаго общества. «Всѣ эти офицеры,— пишетъ князь Трубецкой, — были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира».

Рѣшившись прибѣгнуть къ силѣ оружія, заговорщикамъ оставалось согласиться между собою насчетъ способа выполненія задуманнаго предпріятія. Здѣсь также предстоялъ выборъ между двумя путями: или слѣдовать по торной дорогѣ прежнихъ петербургскихъ государственныхъ переворотовъ... примѣровъ изъ недавней русской исторіи успѣшныхъ дѣйствій въ этомъ духѣ можно было привести немалое число,—или же избрать новый, небывалый въ исторіи Россіи способъ. Будущіе декабристы отказались дѣйствовать подъ прикрытіемъ ночной темноты. Протестъ долженъ былъ послѣдовать гласно и открыто, среди бѣлаго дня; дѣйствуя такимъ образомъ, надѣялись придать движенію видъ легальности и обезпечить успѣхъ дѣла при поддержкѣ общественнаго сочувствія.

Совѣщанія между заговорщиками, какъ уже выше упомянуто, происходили главнымъ образомъ на квартирѣ Рылѣева. Хотя графу Милорадовичу донесли, что въ домѣ американской компаніи, гдѣ жилъ Рылѣевъ, ежедневно собирались разныя лица, но Милорадовичъ, зная, что Рылѣевъ издатель «Полярной Звѣзды», приписалъ этимъ сборищамъ литературную подкладку и потому не обратилъ никакого вниманія на получаемыя имъ свѣдѣнія.

Библиотека "Руниверс"

По поводу одного изъ такихъ совѣщаній у Рылѣева, когда обсуждались мѣры къ возстанію, на случай новой присяги, декабристъ баронъ Розенъ пишетъ [303]:

«Принятыя мѣры къ возстанію были не точны и не опредѣлительны, почему на нѣкоторыя мои возраженія и замѣчанія князь Оболенскій и Булатовъ сказали съ усмѣшкою: «вѣдь нельзя же дѣлать репетиціи». Всѣ изъ присутствовавшихъ были готовы дѣйствовать, всѣ были восторженны, всѣ надѣялись на успѣхъ, и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ, можно ли положиться навѣрно на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка; и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ: «Да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ пользу». Еще теперь слышу звуки, интонацію: «все-таки надо»; то сказалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ».

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ приводитъ слова Рылѣева Н. А. Бестужевъ; онъ пишетъ: «Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать; чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: «Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ».

Остановившись на рѣшеніи приступить къ открытому протесту, надо было выбрать руководителя для предположеннаго движенія. Выборъ остановился на полковникѣ князѣ Сергѣѣ Трубецкомъ [304]. Рылѣевъ лично объявилъ Трубецкому, что тайное общество избрало его диктаторомъ.

«Трубецкой предложилъ, чтобы первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ и шелъ съ барабаннымъ боемъ къ казармамъ ближняго полка, поднявши который оба вмѣстѣ продолжаютъ шествіе далѣе къ другимъ сосѣднимъ полкамъ; такимъ образомъ онъ надѣялся, что одинъ полкъ будетъ увлеченъ другимъ, и почти всѣ соберутся въ одну значительную массу, къ которой примкнутъ и баталіоны, находившіеся внѣ города; чтобъ лейбъ-Гренадерскій полкъ завладѣлъ арсеналомъ, а лейбъ-гвардейскій Финляндскій Петропавловской крѣпостью. Нѣкоторыми лицами было обѣщано содѣйствіе въ государственномъ совѣтѣ, если войско собравшись будетъ выведено изъ города во избѣжаніе безпорядковъ. Предложеніе Трубецкого не опровергали, но многіе изъ горячихъ членовъ положили, что надобно итти на Сенатскую площадь съ тѣмъ, чтобы захватить сена-

Библиотека "Руниверс"

торовъ въ сенатѣ и заставить ихъ издать манифестъ. Надъ войскомъ, которое соберется на площади, долженъ былъ принять начальство полковникъ Булатовъ[305], бывшій командиромъ баталіоннымъ въ лейбъ-Гренадерскомъ полку и только что назначенный командиромъ армейскаго. Рылѣевъ, можетъ быть, думалъ, что Трубецкой обидится выборомъ; когда онъ пришелъ ему это объявить, то прибавилъ: «васъ гвардія не знаетъ, а Булатова знаютъ солдаты всѣхъ полковъ, и онъ очень любимъ!»

«Солдаты гвардейскихъ полковъ не ожидали никакой перемѣны въ престолонаслѣдіи; они съ увѣренностію ожидали пріѣзда императора, которому присягнули. Подсылаемые въ полки люди съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина были солдатами худо приняты. Развѣдованіе, произведенное офицерами, принадлежащими къ обществу или содѣйствовавшими ему, убѣдило ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу, и что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить ихъ въ истинѣ отреченія его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія, были: Измайловскій, Егерскій, лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Московскій, морской экипажъ и частію артиллерія; сверхъ того, Преображенскій очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствія былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось... полкамъ собраться на Петровской площади и заставить сенатъ: 1) издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, и для рѣшенія которыхъ приглашаются въ назначенный срокъ выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія: за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, срокъ службы военной для рядовыхъ уменьшить до 15-ти лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованіи сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города и, притянувъ къ себѣ вторые баталіоны, расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, которые требовали, чтобъ имена ихъ остались неизвѣстными»[306].

Во время тревожныхъ дней междуцарствія, когда между членами Сѣвернаго союза обсуждался вопросъ о предстоявшихъ мѣропріятіяхъ,

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай Павловичъ.

Съ гравюры Робинзона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мтщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

произошелъ инцидентъ съ Ростовцевымъ. Онъ разыгрался слѣдующимъ образомъ.

Однажды Ростовцевъ зашелъ къ своему сотоварищу и другу, поручику князю Евгенію Оболенскому, занимавшему также мѣсто адъютанта въ штабѣ начальника гвардейской пѣхоты, генерала Бистрома. Ростовцевъ встрѣтилъ здѣсь два вечера сряду князя Трубецкого и Рылѣева, и оба раза Оболенскій просилъ непрошеннаго гостя удалиться, подъ предлогомъ, что онъ долженъ переговорить съ ними по нужному дѣлу.

«Видя общее недоумѣніе во всѣхъ сословіяхъ,—пишетъ Ростовцевъ въ своихъ запискахъ,—зная, что великій князь Николай Павловичъ не успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ приверженцевъ, зная непомѣрное честолюбіе и сильную ненависть къ великому князю Оболенскаго и Рылѣева, наконецъ, видя ихъ хлопоты, смущеніе и безпрерывныя совѣщанія, не предвѣщавшія ничего добраго и откровеннаго, я не зналъ, на что рѣшиться. Никогда еще не представлялся такой удобный случай къ возмущенію. Мысль о несчастіяхъ, которыя, можетъ быть, ожидаютъ Россію, не давала мнѣ покоя: я забылъ и пищу и сонъ. Наконецъ, 9-го числа утромъ, я прихожу къ Оболенскому и говорю ему: «князь, настоящее положеніе Россіи пугаетъ меня; прости меня, но я подозрѣваю тебя въ злонамѣренныхъ видахъ противъ правительства. Дай Богъ, чтобы я ошибся; откройся мнѣ и уничтожь мои подозрѣнія. Мой другъ, неужели ты пожертвуешь спокойствіемъ отечества своему честолюбію?»

«Онъ отвѣчалъ:

«— Яковъ, неужели ты сомнѣваешься въ моей дружбѣ? Всѣ поступки мои были тебѣ до сихъ поръ извѣстны; неужели ты можешь думать, что я для личныхъ видовъ измѣню благу отечества?

«— Князь, можетъ быть, ты обманываешь самъ себя,—возразилъ Ростовцевъ,—можетъ быть, ты честолюбіе свое почитаешь за патріотизмъ: войди хорошенько во внутренность своей души, размысли хладнокровно объ образѣ мыслей, тобою принятомъ и въ тебѣ укоренившемся».

Оболенскій нѣсколько времени молчалъ; наконецъ сказалъ: «Такъ, я размыслилъ!.. очень размыслилъ!.. Любезный Яша, я за одно не люблю тебя: ты иногда слишкомъ снисходителенъ къ великому князю; я съ тобою откровененъ и не скрываю моей къ нему ненависти»[507].

«— Любезный князь, я самъ иногда осуждалъ его за строгое и вспыльчивое обхожденіе съ офицерами, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ случай видѣть доброту души его. Почему ты знаешь, можетъ быть, его поведеніе было слѣдствіемъ необходимости?»

«— Нѣтъ, не могу и не хочу этому вѣрить».

«— Князь, ты увлекаешься страстію, ты можешь сдѣлаться преступникомъ; но я употреблю всѣ средства спасти тебя».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«— Пожалуйста, обо мнѣ не заботься, твои старанія будутъ напрасны, я не завишу отъ самого себя и составляю малѣйшее звено общей, огромной цѣпи! Не отваживайся слабой рукой остановить сильную машину, она измелетъ тебя въ куски».

«— Пусть я погибну, князь, но, можетъ быть, раздробленные члены мои засорятъ колеса и остановятъ ихъ движеніе! Такъ, я рѣшился принести себя въ дань моему долгу, и если умру, то умру чистъ и счастливъ».

Оболенскій быстро взглянулъ на Ростовцева и, нѣсколько помолчавъ, сказалъ:

«— Яковъ, не губи себя; я предугадываю твое намѣреніе».

«— Князь, другъ мой, скажи лучше: не будемъ губить себя и останемся каждый на своемъ мѣстѣ».

Въ это время за Оболенскимъ прислалъ генералъ Бистромъ. Уходя, князь сказалъ Ростовцеву: «нашъ разговоръ не доконченъ, мы возобновимъ его въ другое время».

«— Дай Богъ, чтобы конецъ былъ лучше начала»,—отвѣчалъ Ростовцевъ, и затѣмъ оба собесѣдника разошлись.

«Послѣ сего,—продолжаетъ Ростовцевъ,—я нѣсколько разъ старался возобновить разговоръ нашъ, но намъ мѣшали. Я видѣлся съ Рылѣевымъ, который говорилъ со мною въ томъ же духѣ. Я видѣлъ также барона Штейнгеля; зналъ, что онъ былъ недоволенъ покойнымъ государемъ, но никогда не думалъ, чтобы онъ былъ заодно съ Рылѣевымъ и Оболенскимъ.

«10-го декабря утромъ, Оболенскій пришелъ ко мнѣ. Послѣ разговоровъ по дѣламъ канцеляріи я ему сказалъ: «Оболенскій, кончимъ нашъ разговоръ; тѣхъ же ли ты мыслей, какъ и вчера?»

«— Любезный другъ, не принимай словъ за дѣло. Все пустяки! Богъ милостивъ, ничего не будетъ».

«— По крайней мѣрѣ, скажи, на чемъ основали вы ваши планы?»

«— Я не имѣю права открыть тебѣ это!»

«— Евгеній, Евгеній, ты лицемѣришь! Что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя противъ твоей воли, выполню обязанность добраго гражданина и сегодня же предувѣдомлю Николая Павловича о возмущеніи. Будетъ ли оно или нѣтъ, но я сдѣлаю свое дѣло».

«— Какъ ты малодушенъ! Какъ другъ, увѣряю тебя, что все будетъ мирно и благополучно, а этимъ ты погубишь себя».

«— Пусть такъ, но я исполню долгъ свой; ежели погибну, то погибну одинъ, а располагать самимъ собою я имѣю полное право».

«— Любезный другъ, я не пророкъ, но пророчу тебѣ крѣпость, и тогда,—прибавилъ онъ смѣючись,—ты принудишь меня поневолѣ итти освобождать тебя».

Библиотека "Руниверс"

Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ.
(Съ литографіи прошлаго столѣтія Поля).

«— Мой другъ, ежели бы ты мнѣ пророчилъ и смерть, то и это бы меня не остановило».

Оболенскій обнялъ Ростовцева и сказалъ: «Яковъ, Яковъ, ты еще молодъ и пылокъ! Какъ тебѣ не стыдно дурачиться! Даю тебѣ слово, что ничего не будетъ».

Въ тотъ же день на разводѣ Ростовцевъ тщетно старался встрѣтить великаго князя Николая Павловича наединѣ. По возвращеніи

Библиотека "Руниверс"

Оболенскій спросилъ своего товарища, смѣючись, видѣлъ ли онъ великаго князя, придавъ всему видъ шутки.

Послѣ этого разговоръ о таинственномъ предпріятіи болѣе не возобновлялся между обоими пріятелями. Но 12-го декабря, въ 4 часа пополудни, Ростовцевъ, зайдя къ князю Оболенскому, къ крайнему его удивленію нашелъ у него человѣкъ двадцать офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, чего прежде никогда не случалось. Между ними былъ и Рылѣевъ. «Они говорили другъ съ другомъ шопотомъ и примѣтно смѣшались, когда я вошелъ»,—пишетъ Ростовцевъ.

Неожиданная встрѣча съ собравшимся здѣсь обществомъ рѣшила дѣло. Ростовцевъ написалъ письмо великому князю Николаю Павловичу и отвезъ въ тотъ же вечеръ въ Зимній дворецъ. Выше приведены нами содержаніе письма и разговоръ съ великимъ княземъ.

На другой день, 13-го декабря, Ростовцевъ, взявъ съ собою копію письма къ великому князю, пришелъ къ Оболенскому.

По разсказу Ростовцева, «онъ былъ въ кабинетѣ своемъ съ Рылѣевымъ. Вошедши въ комнату, я сказалъ имъ: «Господа, я имѣю сильныя подозрѣнія, что вы намѣреваетесь дѣйствовать противъ правительства; дай Богъ, чтобы подозрѣнія эти были не основательны; но я исполнилъ долгъ свой. Я вчера былъ у великаго князя. Всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты, и ваши покушенія будутъ тщетны. Васъ не знаютъ; будьте вѣрны своему долгу, и вы будете спасены!» Тутъ я имъ отдалъ и письмо, и разговоръ мой, и Рылѣевъ началъ читать оные въ слухъ. Оба они поблѣднѣли и чрезвычайно смѣшались. По окончаніи чтенія Оболенскій сказалъ мнѣ:

«— Съ чего ты взялъ, что мы хотимъ дѣйствовать? Ты употребилъ во зло мою довѣренность и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ, либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ; но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ и будешь первою жертвою!»

«— Оболенскій, ежели ты почитаешь себя въ правѣ мстить мнѣ, то отомщай теперь!»

«Рылѣевъ бросился мнѣ на шею и сказалъ:

«— Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей! Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности; но какое право имѣлъ ты быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнію, идя къ великому князю, вновь жертвуетъ жизнію, придя къ намъ: ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка!»

«Оболенскій обнялъ меня и сказалъ:

«— Да, я его обнимаю и желалъ бы задушить въ моихъ объятіяхъ».

Библиотека "Руниверс"

«Я имъ сказалъ:

«— Господа, я оставляю у васъ мои документы; молю васъ, употребите ихъ въ свою пользу! Въ нихъ видите вы великую душу будущаго государя; она вамъ порукою за его царствованіе».

Рылѣевъ, сильно взволнованный разоблаченіями Ростовцева, не замедлилъ передать Н. А. Бестужеву происшедшій разговоръ и содержаніе полученныхъ бумагъ. Бестужевъ, замѣтивъ, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ, выразилъ увѣренность, что они будутъ арестованы, если не теперь, то послѣ присяги. Тогда Рылѣевъ спросилъ: «Что же, ты полагаешь, нужно дѣлать?»

«— Не показывать этого письма никому,— отвѣтилъ Бестужевъ,—и дѣйствовать: лучше быть взятымъ на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали».

Рылѣевъ бросился къ Бестужеву на шею и сказалъ въ сильномъ волненіи:

— «Я увѣренъ былъ, что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ—съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія, но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!»

Въ 12-мъ часу вечера 13-го декабря, Оболенскій пришелъ къ Ростовцеву и, обнявъ его, сказалъ:

«— Такъ, милый другъ, мы хотѣли дѣйствовать, но увидѣли свою безразсудность! Благодарю тебя, ты насъ спасъ».

«Такая перемѣна меня обрадовала, — замѣчаетъ Ростовцевъ, — но впослѣдствіи я увидѣлъ, къ несчастію, что это была только хитрость».

Когда Оболенскій прибѣгъ къ этой преднамѣренной хитрости, онъ возвратился съ послѣдняго рѣшительнаго совѣщанія у Рылѣева. Одинъ изъ участниковъ собранія, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, оставилъ любопытное описаніе собранія, состоявшагося вечеромъ 13-го декабря у Рылѣева; Бестужевъ называетъ его шумнымъ и бурливымъ.

«Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно высоконастроенномъ состояніи,—пишетъ Бестужевъ.—Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобно исполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе дорого поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго. Первый былъ храбрый офицеръ, но хвастунъ и самъ трубилъ о своихъ подвигахъ на Кавказѣ. Но не даромъ сказано: кто про свои дѣла твердитъ всѣмъ безъ умолку,

Библиотека "Руниверс"

въ томъ мало очень толку, и это онъ доказалъ 14-го декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика—не одно и то же. Въ первомъ случаѣ, даже при неудачѣ, его ожидаетъ почетъ и награды, тогда какъ въ послѣднемъ при удачѣ ему предстоитъ туманная будущность, а при проигрышѣ дѣла—вѣрный позоръ и безславная смерть[308]. Щепина-Ростовскаго, хотя онъ не былъ членомъ общества, я нарочно привелъ на это совѣщаніе, чтобъ посмотрѣть, не попятится ли онъ. Будучи наэлектризованъ мною, быть можетъ, чрезъ мѣру и чувствуя неопредолимую силу, влекущую его въ водоворотъ, билъ руками и ногами, и старался какъ бы заглушить разсудокъ всплескомъ воды и брызгами.

«Зато какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ не хорошъ собою, говорилъ просто, но не гладко; но, когда онъ попадалъ на свою любимую тему, на любовь къ родинѣ, физіономія его оживлялась; черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда бывало не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: быть или не быть, его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгофа[309], съ которымъ мы бесѣдовали, повѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ, сказалъ: «Миръ вамъ люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете свое дѣло. Мы...».

«Я прервалъ его:

«— Мнѣ крайне подозрительны эти бравады и хвастливыя выходки, особенно Якубовича. Вы поручили ему поднять артиллеристовъ и Измайловскій полкъ, прійти съ ними ко мнѣ и тогда уже вести всѣхъ на площадь къ сенату; повѣрь мнѣ, онъ этого не исполнитъ, а ежели и исполнитъ, то промедленіе въ то время, когда энтузіазмъ солдатъ возбужденъ, можетъ повредить успѣху, если не вовсе его испортить».

«— Какъ можно предполагать, чтобы храбрый кавказецъ?...».

«— Но храбрость солдата не то, что храбрость заговорщика, а онъ достаточно уменъ, чтобъ понять это различіе. Однимъ словомъ, я приведу полкъ, постаравшись не допустить его до присяги, а другіе полки пусть соединяются со мною на площади».

«— Солдаты твоей роты, я знаю, пойдутъ за тобою въ огонь и воду, но прочія роты?»—спросилъ, подумавъ немного, Рылѣевъ.

«— Въ послѣдніе два дня солдаты мои усердно работали въ другихъ ротахъ, а ротные командиры дали мнѣ честное слово не остана-

Библиотека "Руниверс"

вливать своихъ солдатъ, если они пойдутъ съ моими. Ротныхъ командировъ я убѣдилъ не ходить на площадь и не увеличивать понапрасну число жертвъ».

«— А что скажете вы?»—сказалъ Рылѣевъ, обратившись къ Сутгофу.

«— Повторю то же, что вамъ сказалъ Бестужевъ,—отвѣчалъ Сутгофъ.—Я приведу ее на площадь, когда соберется туда хоть часть войска».

«— А прочія роты?»—спросилъ Рылѣевъ.

«— Можетъ быть, и прочія послѣдуютъ за мною. Но за нихъ я не могу ручаться».

«Это были послѣднія слова, которыми мы обмѣнялись на этомъ свѣтѣ съ Рылѣевымъ[310]. Было близко полуночи, когда мы его оставили, и я спѣшилъ домой, чтобы быть готовымъ къ роковому завтрашнему дню и подкрѣпить ослабѣвшія отъ напряженной дѣятельности силы, хоть нѣсколькими часами сна».

Послѣ совѣщанія у Рылѣева къ Н. А. Бестужеву пріѣхалъ Кондратій Ѳедоровичъ съ Пущинымъ, чтобы сообщить о принятыхъ обществомъ окончательныхъ рѣшеніяхъ. Къ нимъ присоединились еще Рѣпинъ (штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка), Торсонъ и Батенковъ. Рылѣевъ объявилъ, что на другой день при принятіи присяги слѣдуетъ поднимать войска, на которыя можно разсчитывать, и, какъ бы ни были малы силы, итти съ ними немедленно во дворецъ. «Надобно нанесть первый ударъ,—сказалъ онъ,—а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Итакъ, братъ ли твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ, первый, кто придетъ на площадь, отправится тотчасъ во дворецъ.... довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдутъ оттуда, и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ, и самые нерѣшительные должны будутъ склониться на нашу сторону. Повторяю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзайте».

«Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14-го числа,—пишетъ Н. А. Бестужевъ.—Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13-го числа, утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13-го числа послѣ сего совѣщанія».

Въ истинѣ приведеннаго здѣсь свидѣтельства Бестужева нельзя сомнѣваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно доказываетъ, до какой степени предположенія тайнаго общества отличались безсвязностью, неопредѣленностью и непрестанными противорѣчіями.

Во всякомъ случаѣ жребій былъ брошенъ. 14-го декабря предстояла въ Петербургѣ кровавая расправа, по поводу которой генералъ-адъю-

Библиотека "Руниверс"

танту Левашову представился вскорѣ случай сказать князю Трубецкому, бывшему диктатору, уже узнику Петропавловской крѣпости: «Ah, mon prince! Vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans. (Ахъ, князь! вы причинили большое зло Россіи, вы ее отодвинули на пятьдесятъ лѣтъ)».

Пророчество сбылось и въ полной мѣрѣ.

«По мнѣнію людей, истинно просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ, какъ въ то время, такъ и позже,—пишетъ графъ В. А. Сологубъ,—это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, несмотря на полный благородства и самоотверженія характеръ заговорщиковъ» [311].

Библиотека "Руниверс"

Михайловскій замокъ и Марсово поле въ 1806 году.

Съ акварели Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мтш. г.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Наступило 14-е декабря, «роковой день», по словамъ Николая Павловича. Это было сумрачное декабрьское петербургское утро съ 8-ю градусами мороза.

Государь всталъ рано и сказалъ присутствовавшему при утреннемъ его одѣваніи генералъ-адъютанту Бенкендорфу: «Сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ» [312]. Принявъ затѣмъ генерала Воинова, императоръ Николай, въ мундирѣ Измайловскаго полка, вышелъ въ залу, гдѣ собраны были всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса. Объяснивъ имъ словесно, что, покоряясь неизмѣнной волѣ цесаревича Константина Павловича, которому недавно вмѣстѣ съ ними присягалъ, находится вынужденнымъ исполнить его волю и принять престолъ, какъ старшій за нимъ въ родѣ, государь прочиталъ имъ манифестъ императора Александра и отреченіе цесаревича и спросилъ, не имѣетъ ли кто какихъ сомнѣній. Всѣ присутствовавшіе отвѣчали, что не имѣютъ никакихъ сомнѣній. Тогда Николай Павловичъ, нѣсколько отступивъ, съ свойственными ему осанкою и величіемъ сказалъ: «Послѣ этого вы отвѣчаете мнѣ головою за спокойствіе столицы; а что до меня касается, если я хоть часъ буду императоромъ, то покажу, что этого достоинъ» [313]. Въ заключеніе онъ всѣмъ имъ приказалъ ѣхать въ главный штабъ присягать, а оттуда немедленно отправиться по своимъ командамъ, привести ихъ къ присягѣ и донести объ исполненіи.

Между тѣмъ, въ 7 часовъ утра созваны были въ своихъ мѣстахъ для присяги сенатъ и синодъ [314], и разосланы повѣстки, чтобы всѣ

Библиотека "Руниверс"

имѣющіе пріѣздъ ко двору собирались въ Зимнемъ дворцѣ къ 11-ти часамъ утра для торжественнаго молебствія.

Вскорѣ за симъ прибылъ во дворецъ къ государю графъ Милорадовичъ съ увѣреніемъ совершеннаго спокойствія въ городѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавилъ, что всѣ мѣры предосторожности приняты[315]. То же самое онъ повторилъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ снова встрѣтился съ государемъ[316]. Въ дѣйствительности же, «со стороны подчиненныхъ властей и мѣстныхъ исполнителей допущены были такія страшныя погрѣшности и оплошности, которыя однѣ уже могли поколебать умы и произвесть въ нихъ волненіе. Такъ, напримѣръ, духовное начальство распорядилось, чтобы во всѣхъ церквахъ, на эктеніяхъ за обѣднею 14-го декабря, возглашено было уже имя государя императора Николая Павловича; но самый манифестъ съ приложеніями велѣно прочесть только послѣ обѣдни, передъ молебномъ. Съ другой стороны, упущено было заблаговременно выпустить и разсыпать въ народѣ достаточное число печатныхъ экземпляровъ манифеста, которымъ объяснялось все дѣло, а на улицахъ частные разносчики вездѣ продавали экземпляры новой присяги безъ манифеста, то-есть безъ ключа къ ней. Манифестъ нигдѣ почти и достать нельзя было, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мятежники загородили зданіе сената, въ которомъ помѣщалась и типографія его съ книжною лавкою»[317].

Вслѣдъ за графомъ Милорадовичемъ первымъ изъ полковыхъ командировъ явился командовавшій конною гвардіею генералъ-адъютантъ А. Ѳ. Орловъ съ донесеніемъ объ окончаніи присяги. «Поговоривъ съ нимъ довольно долго,—пишетъ Николай Павловичъ,—я его отпустилъ. Вскорѣ за нимъ явился ко мнѣ командовавшій гвардейскою артиллеріею генералъ-майоръ Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ гвардейской конной артиллеріи офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги, желая сперва слышать удостовѣреніе сего отъ Михаила Павловича, котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что генералъ Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать. Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ Михаилъ Павловичъ, котораго я просилъ сейчасъ же отправиться въ артиллерію для приведенія заблудшихъ въ порядокъ.

«Спустя нѣсколько минутъ послѣ сего, явился ко мнѣ генералъ-майоръ Нейдгартъ, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, и, войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ, сказалъ: «Sire, le régiment de Moscou est en pleine insurrection, Chenchin et Frédericks (тогдашніе бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire; ordonnez de grâce au régiment Préobrajenski et à la garde à cheval de marcher contre».

Библиотека "Руниверс"

«Меня вѣсть сія поразила, какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасался, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ первому батальону преображен-

Николай Михайловичъ Карамзинъ.
(Съ гравированнаго портрета Уткина).

цевъ выходить, я дозволилъ конной гвардіи сѣдлать, но не выѣзжать, и къ нимъ отправилъ генерала Нейдгарта, пославъ въ то же время генералъ-майора Стрекалова, дежурнаго при мнѣ, въ Преображенскій батальонъ для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что̀ мнѣ дѣлать, и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшилъ самъ итти туда, гдѣ опасность угрожала.

Библиотека "Руниверс"

«Но должно было отъ всѣхъ скрыть настоящее положеніе наше и въ особенности отъ матушки, и, зайдя къ женѣ, сказалъ: «Il y a du bruit au régiment de Moscou, je veux y aller». Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира Кавалергардскаго полка, графа Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему ввѣренныя, вышли изъ повиновенія. За мною шелъ генералъ-адъютантъ Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-я стрѣлковая рота лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, подъ командою капитана Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было, и что по точной волѣ сіе брата Константина Павловича, получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: «Ребята московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами», велѣлъ зарядить ружья и самъ скомандовалъ: «дивизіонъ впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ», повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ, и налицо была только остальная часть людей.

«Съѣздъ ко дворцу уже начинался, и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился я къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ и, сказавъ: «Cela va mal, ils marchent au sénat, mais je vais leur parler», ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ[318].

«Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ нибудь необыкновеннымъ; всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ[319].

«Наконецъ, Стрекаловъ извѣстилъ меня, что Преображенскій первый батальонъ готовъ; приказавъ коменданту, генералъ-адъютанту Башуцкому, остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ батальону, стоявшему спиной къ комендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ

Библиотека "Руниверс"

экзерциргаузу; батальономъ командовалъ полковникъ Микулинъ, а полковой командиръ, генералъ-майоръ Исленьевъ, былъ при батальонѣ. Батальонъ мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и спросивъ, готовы ли итти за мной, куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое: рады стараться!—минута единственная въ моей жизни; никакая кисть не изобразитъ стройную, почтенную и спокойную наружность сего именно перваго баталіона въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту. Скомандовавъ по-тогдашнему: «къ атакѣ въ колонну, первый и восьмой взводы въ полъ-оборота налѣво и направо», повелъ я батальонъ лѣвымъ плечомъ впередъ, мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, къ углу Адмиралтейскаго бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома главнаго штаба полковника князя Трубецкого; ниже увидимъ, какую онъ тамъ игралъ роль.

«Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мною были генералъ-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурновъ, Стрекаловъ и адъютанты мои Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кавелина послалъ я итти въ Аничкинъ домъ перевезть дѣтей въ Зимній дворецъ. Перовскаго послалъ я въ конную гвардію, съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь.

«Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы, и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ князь Голицынъ[320], генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что графъ Милорадовичъ смертельно раненъ[321]. Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги баталіона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ стараго рейткнехта изъ конной гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобы полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы: «ура, Константинъ!»—на площади противъ сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала.

«Въ сіе время замѣтилъ я влѣво противъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, у котораго чернымъ обвязана голова, огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что-то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовичъ[322]; но не зналъ, съ какою цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: я былъ съ ними, но услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «спасибо, вы вашъ долгъ знаете»[323].

«Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ почти весь участвуетъ въ бунтѣ, и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее его намѣреніе было

Библиотека "Руниверс"

подъ сей личиной узнавать, что среди насъ дѣлалось, и дѣйствовать по удобности [324].

«Въ это время генералъ-адъютантъ Орловъ привелъ всю конную гвардію, обогнувъ Исаакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ военнаго министерства, что тогда было домомъ князя Лобанова; полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

«Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ, ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время доказать мнѣ сіе на дѣлѣ. Генералу Орлову велѣлъ съ полкомъ итти на сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобъ пресѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ, гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшимися до угла нынѣшняго синодскаго зданія; уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для собора, и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе, какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ, идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи, правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ почти достигая заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ, спиной къ старому сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по генералѣ Воиновѣ, но не успѣли ранить, тогда, когда онъ подъѣхалъ и хотѣлъ уговаривать людей.

«Флигель-адъютантъ Бибиковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба, бывъ ими схваченъ и жестоко избитый, отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту его величества Преображенскаго полка съ Исленьевымъ и младшимъ полковникомъ Титовымъ, подъ командою капитана Игнатьева, чрезъ бульваръ занять Исаакіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ конной гвардіи. Самъ же, съ прибывшимъ ко мнѣ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, выѣхалъ на площадь, чтобъ разсмотрѣть положеніе мятежниковъ; меня встрѣтили выстрѣлами.

«Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ сбираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка, съ большею частію офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ Михаилъ Павловичъ. Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу, у забора, противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2-й батальонъ Преображенскаго полка стояли уже на площади; сей батальонъ послалъ я вмѣстѣ съ первымъ, рядами направо, примкнуть къ конной гвардіи. Кавалергарды оставлены были мною въ резервѣ, у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было

Библиотека "Руниверс"

итти прямо, вокругъ Исаакіевскаго собора, къ манежу конной гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны Михаилу Павловичу. Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула, составлявшіе малый батальонъ, посланы были по Почтовой улицѣ и мимо конно-гвардейскихъ казармъ на мостъ у Крюкова канала и въ Галерную улицу.

«Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ безпорядокъ и нерѣшительность при присягѣ. Сколь мнѣ сіе ни больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ, а потому велѣлъ генералъ-адъютанту Левашову, ко мнѣ явившемуся, ѣхать въ полкъ и, буде есть какая либо возможность, двинуть его, хотя бы противъ меня, непремѣнно его вывесть изъ казармъ.

«Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ, и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ шталмейстеру князю Долгорукому приготовить загородные экипажи для матушки и жены, и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми, подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, въ Царское Село. Самъ же,ославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь, дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ саперным баталіонамъ: гвардейскому и учебному. Не доѣхавъ еще до дома главнаго штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами, безъ офицеровъ лейбъ-Гренадерскій полкъ, идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое: стой, отвѣчали мнѣ: мы за Константина. Я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: когда такъ, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ.

«Къ счастію, что сіе такъ было, ибо иначе бы началось кровопролитіе подъ окнами дворца, и участь наша была бы болѣе чѣмъ сомнительна, но подобныя разсужденія дѣлаются послѣ; тогда же одинъ Богъ меня наставилъ на сію мысль.

«Милосердіе Божіе оказалось еще разительнѣе при семъ же случаѣ, когда толпа лейбъ-гренадеръ, предводимая офицеромъ Пановымъ, шла съ намѣреніемъ овладѣть дворцомъ и въ случаѣ сопротивленія истребить все наше семейство. Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ почелъ ихъ за присланный мною отрядъ для занятія дворца. Но вдругъ Пановъ, шедшій во главѣ, замѣтилъ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ, только что успѣвшій прибѣжать и выстроиться въ колонны на дворѣ, и закричавъ: да это не наши, началъ ворочать входящихъ отдѣленіями кругомъ и бросился бѣжать съ ними обратно на площадь. Ежели бы Саперный батальонъ опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все наше семейство

Библиотека "Руниверс"

были бы въ рукахъ мятежниковъ, тогда какъ, занятый происходившимъ на Сенатской площади и вовсе безъ свѣдѣній отъ угрожавшей съ тылу иной важнѣйшей опасности, я бы лишенъ былъ всякой возможности сему воспрепятствовать. Изъ сего видно самымъ разительнѣйшимъ образомъ, что ни я, никто не могли бы бы сего дѣла благополучно кончить, ежели бы самому милосердію Божію не угодно было всѣмъ править къ лучшему...

«Воротившись къ войскамъ, поѣхалъ къ прибывшей артиллеріи, но, къ несчастію, безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усиливался; къ печальной массѣ Московскаго полка прибылъ гвардейскій экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной, а толпа гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлались безпрестанными, и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться, и многіе перебѣгали къ мятежникамъ, передъ которыми видны были люди невоенные. Однимъ словомъ ясно становилось, что не сомнѣніе въ присягѣ было истинной причиной бунта; существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. «Ура! конституція!» раздавалось и принималось чернью за ура, произносимое въ честь супруги Константина Павловича!

«Воротился генералъ-адъютантъ Левашовъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста; я поспѣшилъ къ нему, полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе; я сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что, впрочемъ, ежели среди нихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня итти, то я имъ не препятствую присоединиться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ. Я при себѣ приказалъ всѣмъ зарядить ружья и послалъ ихъ на площадь, велѣвъ поставить ихъ въ резервѣ, спиной къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже стоявшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полковника Шипова прибылъ въ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ, батальонъ за батальономъ. Михаилъ Павловичъ былъ уже тутъ.

«Съ этого мѣста было еще ближе видно, что съ гвардейскимъ экипажемъ, стоявшимъ на правомъ флангѣ мятежниковъ, было много офицеровъ экипажа сего и другихъ; видны были и другіе во фронтѣ, расхаживающіе между солдатъ и уговаривавшіе ихъ стоять въ порядкѣ.

«Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требованный мною митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, почтенный пастырь съ однимъ иподіакономъ вышелъ изъ церкви и, положа крестъ на голову, пошелъ прямо къ толпѣ [325]; онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрѣлять, если не удалится. Михаилъ Павловичъ предложилъ мнѣ подъѣхать къ толпѣ, въ надеждѣ при-

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай I.

Съ польской литографіи 1825 года.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

сутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича къ брату была всѣмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣннической руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но,

Александръ Дмитріевичъ Боровковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ“ 1898 г.).

желая испытать всѣ способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата, придавъ ему генералъ-адъютанта Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники имъ мѣшали. Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса не дали совершить[326]. Братъ воротился къ

Библиотека "Руниверс"

своему мѣсту, а я, объѣхавъ вокругъ собора, прибылъ снова къ войскамъ, съ той стороны бывшимъ, и нашелъ прибывшимъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, который оставался на площади противъ Гороховой, за пѣшей артиллерійской бригадой.

«Погода изъ довольно свѣжей становилась холоднѣе; снѣгу было весьма мало, и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже три часа пополудни. Шумъ и крикъ дѣлались настойчивѣе, и частые ружейные выстрѣлы многихъ въ конной гвардіи ранили и перелетали чрезъ войска.

«Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ; пули просвистали мнѣ черезъ голову, и, къ счастію, никого изъ насъ не ранило; рабочіе Исаакіевскаго собора изъ-за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи [327].

«Я согласился испробовать атаковать кавалеріею. Конная гвардія первая атаковала поэскадронно, но ничего не могли произвести, и по темнотѣ и отъ голедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротмистръ Веліо лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха.

«Тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Sire, il n'y a pas un moment à perde, on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille». Я предчувствовалъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ обнялъ. «Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon regne»,—отвѣчалъ я Васильчикову.—«Pour sauver votre empire»,—сказалъ онъ мнѣ.

«Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрно все, или, пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ.Ославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью; орудіями командовалъ штабсъ-капитанъ Бакунинъ. Все во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ приготовленій и сдадутся, не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ, я послалъ генералъ-майора Сухозанета объявить имъ, что, ежели сейчасъ не положатъ оружія, велю стрѣлять; ура и преж-

Библиотека "Руниверс"

нія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ. Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ «пли».

«Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка, ударили въ самую средину толпы, и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійскою набережной, на Неву, по Галерной и даже навстрѣчу выстрѣловъ изъ орудія при Семеновскомъ полку, дабы достичь берега Крюкова канала.

«Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ гвардейскій конно-піонерный эскадронъ и часть конной гвардіи преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной».

Михаилъ Бестужевъ съ московцами спустился на Неву и началъ строить колонну, намѣреваясь итти по льду къ Петропавловской крѣпости и занять ее. Но орудія, поставленныя на Исаакіевскомъ мосту, стали поражать ядрами этихъ людей; вдругъ среди нихъ раздался крикъ: тонемъ! Ледъ не выдержалъ, и внезапно образовалась полынья. Уцѣлѣвшіе солдаты бросились къ берегу на Васильевскій островъ; всякая возможность дальнѣйшаго сопротивленія исчезла.

Участь дня была рѣшена, и мятежъ прекращенъ. Оставалось только преслѣдовать бѣгущихъ и принять необходимыя мѣры предосторожности для обезпеченія Зимняго дворца. Императоръ Николай лично всѣмъ этимъ распорядился и отдалъ нужныя приказанія. Государь поручилъ Васильевскій островъ въ команду генералъ-адъютанта Бенкендорфа, а начальство по эту сторону Невы ввѣрилъ генералъ-адъютанту Васильчикову, повелѣвъ ему оставаться у сената; въ распоряженіе каждаго изъ нихъ назначены были извѣстныя части войскъ. Остальныя войска гвардейскаго корпуса расположились на всю ночь бивуакомъ вокругъ Зимняго дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты, ведущіе на Дворцовую площадь. Полнѣйшее спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ [328].

Остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, что происходило въ Зимнемъ дворцѣ въ то время, когда государь на площади въ борьбѣ съ мятежниками подвергалъ свою жизнь опасности. Собравшееся во дворцѣ общество проводило время въ томительномъ ожиданіи предстоявшаго молебна; большинство съѣхавшихся лицъ не знало хорошенько, въ чемъ дѣло. «Меня въ особенности поразило то обстоятельство,—замѣчаетъ П. Г. Дивовъ,—что болѣе шестидесяти дамъ сохранили полное спокойствіе среди всеобщей сумятицы. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что имъ не было извѣстно о существованіи опасности».

Военные всѣ уходили на площадь. Карамзинъ послѣдовалъ ихъ примѣру, желая удостовѣриться, гдѣ государь, чтобы потомъ успокоить импе-

Библиотека "Руниверс"

ратрицу Марію Ѳеодоровну. Будучи по тогдашнему обычаю въ чулкахъ и башмакахъ, онъ простудился и выходомъ на площадь окончательно разстроилъ свое здоровье. «Видѣлъ императора на конѣ, среди войска, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять, шесть упало къ моимъ ногамъ»,—писалъ черезъ нѣсколько дней исторіографъ И. И. Дмитріеву [329].

Оставшіеся во дворцѣ сановники, конечно, отдавали себѣ отчетъ въ томъ, какая въ то время опасность угрожала существующему порядку. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ графъ Аракчеевъ. Принцъ Евгеній Виртембергскій, посланный государемъ во время мятежа для принятія мѣръ къ обезпеченію Зимняго дворца, встрѣтился въ одной изъ залъ съ павшимъ временщикомъ; принца поразилъ мрачный и потупленный взоръ графа Аракчеева, сердце и совѣсть котораго подвергались, вѣроятно, въ этотъ день одинаковой пыткѣ [330].

По свидѣтельству другого очевидца, В. Р. Марченка, во дворцѣ оставались только два генерала: министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій, по старости, и графъ Аракчеевъ, по трусости, какъ говорили тогда, можетъ быть, злословно, но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слова, и онъ радъ былъ, усѣвшись на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ княземъ Лопухинымъ. Къ нимъ присоединился еще князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, и, какъ пишетъ Карамзинъ, среди общаго движенія, въ сторонѣ неподвижно сидѣли три магната, «какъ три монумента».

Марченко разсказываетъ еще, что графъ Аракчеевъ подошелъ къ нему съ просьбою, не можетъ ли онъ по старой дружбѣ подарить ему экземпляръ манифеста. Просьба графа была немедленно исполнена. На вопросъ же Аракчеева: «что, батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти?» Марченко отвѣтилъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ, у сената стоящей, и что графъ Милорадовичъ опасно раненъ. «Аракчеевъ съ ужасомъ отошелъ отъ меня,—пишетъ Марченко,—услышавъ первый разъ о ранѣ, нанесенной графу Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два всѣмъ уже извѣстно было» [331].

Когда грянула первая пушка, императрица Александра Ѳеодоровна упала на колѣни и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ отъ души говорила: «для чего я женщина въ эти минуты!»—Императрица Марія Ѳеодоровна повторяла: «что скажетъ Европа!» — «Я случился подлѣ нихъ,— писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву,— чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной; опасность подъ носомъ, уже не опасность, а рокъ, и не смущаетъ сердца: смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною».

Императоръ Николай по разсѣяніи мятежниковъ сошелъ съ коня у главныхъ воротъ Зимняго дворца и, войдя на дворъ, привѣтствовалъ

Библиотека "Руниверс"

лейбъ-гвардіи саперный батальонъ словами: «Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ, то съ другой стороны видѣлъ также много преданности и самоотверженія, которыя останутся для меня всегда памятными».

Послѣ этихъ милостивыхъ словъ императоръ Николай поспѣшилъ во дворецъ, по деревянной лѣстницѣ, которая до пожара 1837 года вела

Графъ Лаферронэ.
(Съ портрета, приложеннаго къ его „Воспоминаніямъ“).

изъ-подъ главныхъ воротъ къ покоямъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Здѣсь государя поджидала царственная семья.

Вмѣстѣ съ императрицами находился и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Воцарившійся императоръ, намѣреваясь изъявить саперамъ новое доказательство своего къ нимъ благодарнаго вниманія и располо-

Библиотека "Руниверс"

женія, пожелалъ показать сына выстроенному на дворѣ саперному баталіону. Камердинеръ императрицы Маріи Ѳеодоровны, Гриммъ, вынесъ наслѣдника, одѣтаго въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, слѣдуя за государемъ.

Подойдя къ саперамъ, Николай Павловичъ взялъ великаго князя на руки и, вызвавъ передъ баталіонъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена, передалъ имъ наслѣдника; саперы бросились цѣловать руки, ноги и платье царственнаго младенца. Приказавъ затѣмъ отнести наслѣдника обратно во дворецъ, государь сказалъ саперамъ: «Я желаю, чтобы вы такъ любили моего сына, какъ я самъ люблю васъ»[332].

Теперь только могли приступить къ молебствію, которое, первоначально назначенное въ 11 часовъ, потомъ отложенное до двухъ часовъ пополудни, совершилось наконецъ въ половинѣ седьмого вечера. Государь съ императрицею Александрою Ѳеодоровною и всѣми членами императорскаго дома вышелъ съ обычною торжественностію въ большую церковь дворца. Вдовствующая императрица на молебнѣ не присутствовала. Молебствіе было сокращено и продолжалось не болѣе десяти минутъ; многолѣтіе было провозглашено только императору Николаю[333].

Итакъ, въ смутахъ 14-го декабря грозно отозвалось 19-е ноября 1825 года. «Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давно прошедшихъ»,—пишетъ князь П. А. Вяземскій[334].

По словамъ Карамзина: «Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ними не такъ много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурею: да будетъ такъ и въ новомъ царствованіи!»[335]—«Богъ спасъ насъ 14-го декабря отъ великой бѣды. Это стопло нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы неземнаго»[336].—«Провидѣніе омрачило умы людей буйныхъ, и они въ порывѣ своего безумія рѣшились на предпріятіе, столь же пагубное, сколь и не сбыточное: отдать государство власти неизвѣстной, свергнувъ законную. Обманутые солдаты и чернь покорились мятежникамъ, предполагая, что они вооружаются противъ государя незаконнаго, и что новый императоръ есть похититель престола старшаго своего брата Константина. Въ сіе ужасное время общаго смятенія, когда рѣшительныя дѣйствія могли бы имѣть успѣхъ самый вѣрный, Богъ милосердый погрузилъ дѣйствовавшихъ въ какое-то странное недоумѣніе и неизъяснимую нерѣшительность: они, сдѣлавъ карре у сената, нѣсколько часовъ находились въ совершенномъ бездѣйствіи, а правительство между тѣмъ успѣло взять всѣ нужныя противъ нихъ мѣры. Ужасно вообразить, что бы они могли сдѣлать въ сіи часы роковые, но Богъ защитилъ насъ, и

Библиотека "Руниверс"

Россія въ сей день спасена отъ такого бѣдствія, которое если не разрушило, то, конечно, истерзало бы се»[337].

По мнѣнію принца Евгенія Виртембергскаго, заговоръ не имѣлъ успѣха по слѣдующимъ причинамъ, которыхъ онъ насчитываетъ пять:

1) хотя существовали поводы къ неудовольствію на императора Александра, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки пользовался вообще любовію;

2) нельзя отрицать, что многое въ русскомъ государственномъ устройствѣ и во внутреннемъ управленіи страною оставляло желать лучшаго, но это обстоятельство не вліяло на привязанность къ императорскому дому;

3) направленіе, данное всему предпріятію, было настолько позорно, безтолково и безсодержательно, что каждый осторожный и разсудительный человѣкъ долженъ былъ отклонить отъ себя участіе въ подобномъ дѣлѣ;

4) заговорщики не имѣли въ своемъ распоряженіи человѣка, который пользовался бы рѣшительнымъ вліяніемъ на войска,

и 5) во главѣ заговорщиковъ не находилось лица, которое, занимая высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ, подобно графу Палену въ 1801 году, могло бы руководить предпріятіемъ, содѣйствовать успѣху дѣла выборомъ соотвѣтственныхъ мѣръ и охранять безопасность участниковъ заговора.

«Но, тѣмъ не менѣе, — прибавляетъ принцъ, — нельзя не признать, что возможность осуществленія полнаго переворота въ Россіи, благодаря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, зависѣла отъ одной счастливой случайности[338]. Дѣйствительно, какъ легко пистолетъ Кюхельбекера могъ бы исполнить свое назначеніе, а Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ; и кто же изъ насъ всѣхъ разобрался бы въ хаосѣ непонятной, совершенно туманной обстановки, кто принялъ бы тотчасъ необходимыя мѣры для обезпеченія уцѣлѣвшихъ членовъ императорской семьи отъ неизвѣстныхъ убійцъ и загадочной вражьей силы? Мнѣ самому казалось въ началѣ, что ко мнѣ доносятся крики о спасеніи противъ огня, при одновременномъ напорѣ бушующихъ волнъ; такимъ образомъ я самъ недоумѣвалъ, нужно ли тушить или воздвигать плотину, склоняясь почти къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ одними ослѣпленными людьми»[339].

Другой очевидецъ событій этого памятнаго дня записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія мысли:

«Я горюю объ императорѣ; онъ не заслужилъ подобнаго несчастья въ день своего восшествія на престолъ, которое совершилось вполнѣ законнымъ образомъ, должно было соотвѣтствовать желаніямъ народа и представляло въ лѣтописяхъ исторіи изумительный и единственный доблестный примѣръ величайшей добродѣтели. Дай Богъ, чтобы онъ не возненавидѣлъ людей и отдалъ бы справедливость преданности истинно добрыхъ русскихъ»[340].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

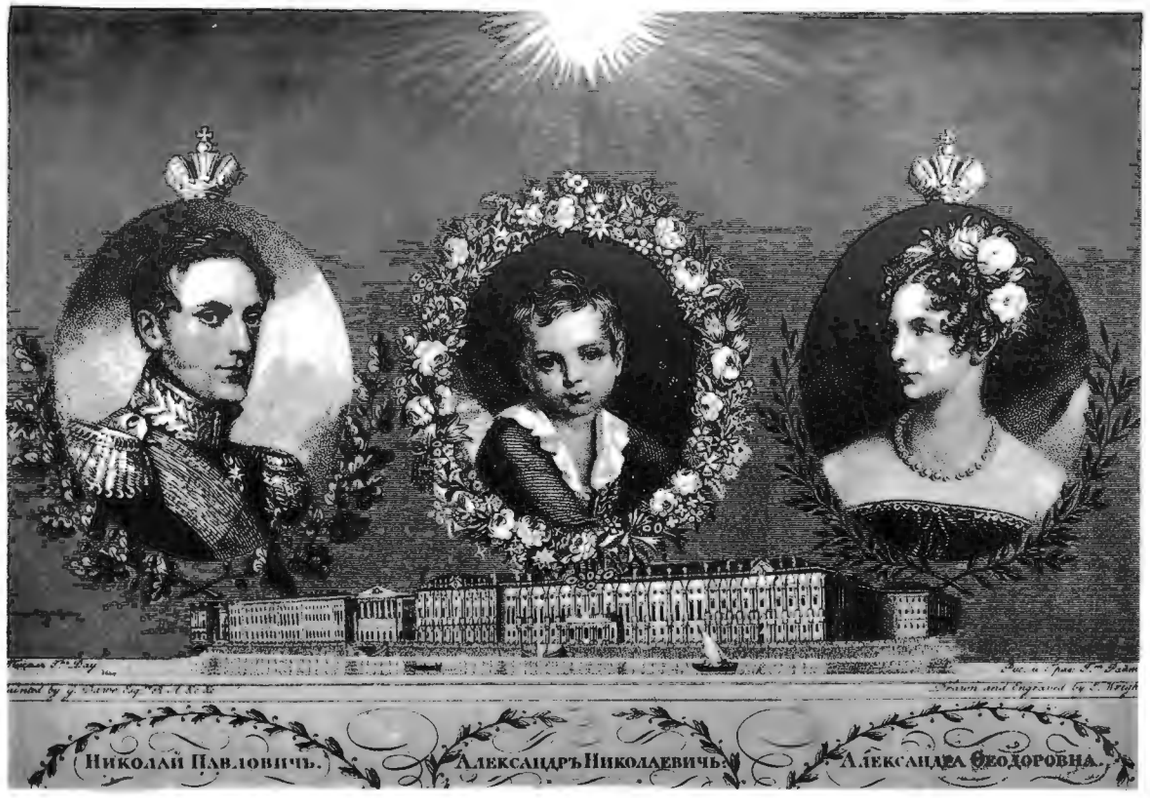
По мнѣнію того же очевидца, цесаревичъ Константинъ Павловичъ со временемъ не разъ порадуется, что отказался отъ престола въ виду разстройства, въ которомъ находились дѣла внутренняго и внѣшняго управленія послѣ кончины Александра I. «Прослѣдивъ всѣ событія этого царствованія, что мы видимъ? Полное разстройство внутренняго управленія, утрату Россіей ея вліянія въ сферѣ международныхъ сношеній и отсутствіе какихъ либо существенныхъ пріобрѣтеній для государства въ будущемъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что во всѣхъ отросляхъ администраціи накопилась такая масса горючаго матеріала, что онъ можетъ ежеминутно воспламениться. Исаакіевская церковь, въ ея теперешнемъ разрушенномъ состояніи, представляетъ точное подобіе правительства; ее разрушили, намѣреваясь на старомъ основаніи воздвигнуть новый храмъ изъ массы новаго матеріала, и все это съ цѣлью сохранить частицу жалкаго зданія изъ мрамора. Это потребовало огромныхъ затратъ, но постройку пришлось пріостановить, когда почувствовали, какъ опасно воздвигать зданіе, не имѣя строго выработаннаго плана. Точно также идутъ и государственныя дѣла: нѣтъ опредѣленнаго плана, все дѣлается въ видѣ опыта, на пробу, всѣ блуждаютъ впотьмахъ; разрушено все, что было хорошаго и прекраснаго, и замѣнено пагубными новшествами, которыя зачастую оказываются черезчуръ сложны и совершенно неудобоисполнимы. Генералъ-губернаторамъ даютъ въ управленіе по пяти губерній, тогда какъ ни одно изъ назначенныхъ на эту должность лицъ не въ состояніи управлять и одной губерніей. Содержатъ милліонъ войска и даютъ унижать себя, и кому же? Туркамъ! А почему?—потому что боятся затронуть принципъ легитимизма... Объяснить всѣ эти несообразности довольно трудно; ихъ можно только понять до нѣкоторой степени, допустивъ, что онѣ происходили отъ особенностей характера Александра I».

Вотъ какую печальную картину положенія Россіи при воцареніи императора Николая Павловича рисуетъ намъ одинъ изъ государственныхъ дѣятелей этой эпохи; она заслуживаетъ вниманія, потому что въ ней отражается то, что говорилось тогда въ обществѣ, и что волновало умы просвѣщенныхъ и даже безспорно благонамѣренныхъ людей того времени, вовсе не причастныхъ къ тайнымъ обществамъ. Очевидно, что затрудненія, съ которыми предстояло бороться новому государю, были велики; они могли заставить призадуматься и болѣе опытнаго правителя.

Нѣсколько иной приговоръ принадлежитъ перу Карамзина, да иначе и не могло быть, въ виду исключительныхъ отношеній, установившихся въ послѣднее время между исторіографомъ и почившимъ императоромъ.

«Вы знали искренность нашей любви къ государю и чувствуете нашу горесть, — писалъ Карамзинъ къ князю П. А. Вяземскому 30-го ноября 1825 года. — Слова не отвѣчаютъ сердцу. Онъ уже не захотѣлъ бы къ

Библиотека "Руниверс"



Императоръ Николай Павловичъ, императрица Александра Ѳеодоровна
и цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мтщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

намъ возвратиться, если бы и могъ, даже и для того, чтобы сдѣлать еще многое, многое для Россіи, какъ ему хотѣлось, по словамъ, слышаннымъ мною передъ его отъѣздомъ[341]. Двадцать пять лѣтъ мы, невинные и неподлые, жили мирно, не боясь ни тайной канцеляріи, ни Сибири: скажемъ ему спасибо. Могущество Россіи также при немъ не упало. Въ душѣ его было что-то ангельское. Если онъ, какъ человѣкъ, не былъ лучше всѣхъ насъ, то и мы вмѣстѣ не лучше его. Кто умѣлъ такъ прощать и не мстить за личныя оскорбленія? Любя Россію, желаю, чтобы будущіе государи ея уподобились ему въ великодушіи и во многихъ прекрасныхъ свойствахъ»[342].

II.

Тотчасъ послѣ молебна императоръ Николай написалъ собственноручное письмо къ раненому графу Милорадовичу:

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на Него уповаю, Онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ.

«Мнѣ тяжелъ сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе, ни съ чѣмъ не сравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей; да дастъ Богъ всещедрый силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится.

«Твой другъ искренній

«Николай».

Это письмо государь вручилъ принцу Евгенію Виртембергскому, какъ боевому товарищу раненаго, передать графу Милорадовичу. Смертельно пораженный выстрѣломъ Каховскаго, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ былъ перенесенъ съ площади въ Конногвардейскія казармы; здѣсь Арендъ вынулъ ему пулю.

«Образъ этого человѣка въ его предсмертныя минуты будетъ всегда внушать мнѣ настолько же грустное, какъ и памятное воспоминаніе,— пишетъ принцъ Евгеній въ своихъ запискахъ[343].—Онъ оказался столь же достойнымъ удивленія на своемъ смертномъ одрѣ, какъ и среди опасностей на полѣ битвы. Теперь Милорадовичъ не могъ уже никому показаться фанфарономъ, какимъ его иногда признавали; это былъ герой въ полномъ смыслѣ слова, какимъ онъ въ дѣйствительности всегда и былъ, чтобы такъ умирать. Когда я передалъ ему, со слезами на гла-

Библиотека "Руниверс"

захъ, письмо императора, онъ сказалъ: «Я не могъ получить его изъ болѣе достойныхъ рукъ; мы вѣдь раздѣляемъ славныя воспоминанія».

«На высказанное мною сердечное сожалѣніе по поводу его положенія, съ выраженіемъ надежды о сохраненіи его дней, онъ возразилъ: «Здѣсь не мѣсто предаваться обольщеніямъ. У меня антоновъ огонь въ кишкахъ. Смерть не есть пріятная необходимость; но вы видите, я умираю, какъ и жилъ, а прежде всего съ чистою совѣстью».

«По прочтеніи письма онъ сказалъ: «Я охотно пожертвовалъ собою для императора Николая. Меня утѣшаетъ то, что въ меня выстрѣлилъ не старый солдатъ». Тутъ онъ прервалъ разговоръ. «Прощайте, ваша свѣтлость. На мнѣ лежатъ еще важныя обязанности. До свиданія въ лучшемъ мірѣ». Это были его послѣднія слова. Когда я уходилъ, его меркнувшіе глаза бросили на меня еще послѣдній дружескій взглядъ».

Надежды спасти страдальца никакой не было. Графъ Милорадовичъ успѣлъ еще высказать свои послѣднія желанія и затѣмъ впалъ въ предсмертный бредъ. Ночью онъ скончался.

«Какъ генералъ-губернаторъ, Милорадовичъ остался въ нѣкоторой степени виновнымъ въ глазахъ общества,—замѣчаетъ въ заключеніе принцъ Евгеній,—но, какъ человѣкъ, онъ теперь высоко стоялъ въ глазахъ людей съ чувствительнымъ сердцемъ».

Съ вечера и въ продолженіе всей ночи начали привозить во дворецъ арестованныхъ предводителей мятежа, которыхъ немедленно допрашивали генералъ-адъютанты Толь и Левашовъ, а затѣмъ лично самъ государь. Въ числѣ этихъ лицъ находились: Рылѣевъ, князь Оболенскій, князь Щепинъ-Ростовскій, князь Трубецкой, Якубовичъ, Сутгофъ, Корниловичъ и другіе. По мѣрѣ допросовъ, императоръ Николай въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу сообщалъ брату подробности о событіяхъ дня, о начавшихся розыскахъ и о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ. Письмо, начатое вечеромъ 14-го декабря, закончено было 15-го (27-го) декабря, уже по полуночи. Въ виду важности этого историческаго документа, никогда еще не появлявшагося въ печати, мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ[344].

«Дорогой, дорогой Константинъ! Ваша воля исполнена; я—императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ! (Cher, cher Constantin! Votre volonté est faite, je suis empereur, mais à quel prix grand Dieu, au prix du sang de mes sujets!),—писалъ Николай Павловичъ.—Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ всѣ тяжело ранены! Но на ряду съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ утѣшительныхъ для меня, для насъ! Всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ заблудшихся изъ Московскаго полка и лейбъ-Гренадерскаго, исполнили свой долгъ, какъ подданные и вѣрные солдаты, всѣ безъ исключенія. Я надѣюсь, что этотъ ужасный

Библиотека "Руниверс"

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.
(Съ портрета съ натуры на камнѣ Эстерейха).

примѣръ послужитъ къ обнаруженію страшнѣйшаго изъ заговоровъ, о которомъ я только третьяго дня былъ извѣщенъ Дибичемъ; императоръ передъ своей кончиной уже отдалъ столь строгія приказанія, чтобы покончить съ этимъ, что можно вполнѣ надѣяться, что въ настоящую минуту повсюду приняты мѣры въ этомъ направленіи, такъ какъ Чернышевъ былъ посланъ устроить это дѣло совмѣстно съ графомъ Витгенштейномъ; я нисколько не сомнѣваюсь, что въ первой арміи генералъ Сакенъ, увѣдомленный Дибичемъ, поступилъ точно также. Я пришлю вамъ разслѣ-

Библиотека "Руниверс"

дованіе или докладъ о заговорѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ я его получилъ, и предполагаю, что вскорѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать то же самое здѣсь. Въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи находятся трое изъ главныхъ вожаковъ, и имъ производятъ допросъ у меня.

«Главою этого движенія былъ адъютантъ моего дяди, Бестужевъ; онъ пока еще не находится въ нашихъ рукахъ. Въ настоящую минуту ко мнѣ приводятъ еще четырехъ изъ этихъ господъ.

«Попозже.

«Милорадовичъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, Стюрлеръ тоже! Все болѣе и болѣе обнаруживаются чувствительныя потери. Веліо, конной гвардіи, потерялъ руку. У насъ имѣется доказательство, что все велось нѣкіимъ Рылѣевымъ, статскимъ, у котораго происходили тайныя собранія, что много ему подобныхъ состоятъ членами этой шайки; но я надѣюсь, что намъ удастся во время захватить ихъ.

«Въ 11½ вечера.

«Мнѣ только что доложили, что къ этой шайкѣ принадлежитъ нѣкій Горскинъ, вице-губернаторъ, уволенный съ Кавказа; мы надѣемся разыскать его. Въ это мгновеніе ко мнѣ привели Рылѣева. Это—поимка изъ наиболѣе важныхъ. Я узнаю сію минуту, что Шеншинъ, быть можетъ, будетъ спасенъ. Судите о моей радости! Я осмѣлился, дорогой Константинъ, временно назначить Кутузова военнымъ генералъ-губернаторомъ; соблаговолите не отказать мнѣ въ немъ, такъ какъ это единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться въ настоящій критическій моментъ, когда каждый долженъ находиться на своемъ посту.

«Въ 12½ пополуночи.

«Горскинъ въ нашихъ рукахъ и сейчасъ будетъ подвергнутъ допросу[345]; равнымъ образомъ я располагаю бумагами Бестужева.

«Въ четыре часа.

«Бѣдный Милорадовичъ скончался! Его послѣдними словами были распоряженія объ отсылкѣ мнѣ шпаги, которую онъ получилъ отъ васъ, и объ отпускѣ на волю его крестьянъ. Я буду оплакивать его во всю свою жизнь; у меня находится пуля; выстрѣлъ былъ сдѣланъ почти въ упоръ статскимъ, стоявшимъ сзади.

«Все спокойно, и аресты продолжаются своимъ порядкомъ; захваченныя бумаги дадутъ намъ любопытныя свѣдѣнія. Большинство возмутившихся солдатъ уже возвратилось въ казармы добровольно, за исключеніемъ около 500 человѣкъ изъ Московскаго и Гренадерскаго полковъ, схваченныхъ на мѣстѣ, и которыхъ я приказалъ посадить въ крѣпость; прочіе, въ числѣ 38 человѣкъ гвардейскаго экипажа, тоже тамъ, равно какъ и масса всякой сволочи (menue canaille), почти поголовно пьяной. Часть полковъ Гренадерскаго и Московскаго находилась въ караулѣ, и среди нихъ полнѣйшій порядокъ; тѣ, которые не послѣдовали за сво-

Библиотека "Руниверс"

лочью, явились съ Михаиломъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ и не оставляли меня, настойчиво требуя броситься въ атаку, что, къ счастію, не оказалось необходимымъ. Двѣ роты Московскаго полка смѣнились съ караула и, по собственному почину, подъ командою своихъ офицеровъ, явились присоединиться къ своему батальону, находившемуся возлѣ меня. Моряки вышли, не зная, ни почему, ни куда ихъ ведутъ; они снова приведены въ казарму и тотчасъ же пожелали принести присягу; лишь одни младшіе офицеры послужили причиною ихъ заблужденія, и почти всѣ вернулись съ батальономъ просить прощенія, съ искренними, повидимому, сожалѣніями. Я разыскиваю троихъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій.

«Только что захватили у князя Трубецкого, женатаго на дочери Лаваля, бумагу, содержащую предположенія объ учрежденіи временнаго правительства съ любопытными подробностями.

«15-го декабря.

«Да будетъ тысячу разъ благословенъ Господь Богъ, порядокъ возстановленъ, мятежники захвачены или вернулись къ исполненію своего долга, я лично пропзвелъ смотръ и приказалъ вновь освятить знамя гвардейскаго экипажа. Я надѣюсь, что вскорѣ представится возможность сообщить вамъ подробности этой позорной исторіи (infâme histoire); мы располагаемъ всѣми ихъ бумагами, а трое изъ главныхъ предводителей находятся въ нашихъ рукахъ, между прочимъ, Оболенскій, оказавшійся тѣмъ, который стрѣлялъ въ Стюрлера. Показанія Рылѣева, здѣшняго писателя, и Трубецкого раскрываютъ всѣ ихъ планы, имѣющіе широкія развѣтвленія внутри имперіи; всего любопытнѣе то, что перемѣна государя послужила лишь предлогомъ для этого взрыва, подготовленнаго съ давнихъ поръ, съ цѣлью умертвить насъ всѣхъ, чтобы установить республиканское конституціонное правленіе; у меня имѣется даже сдѣланный Трубецкимъ черновой набросокъ конституціи, предъявленіе котораго его ошеломило и побудило его признаться во всемъ. Сверхъ сего, весьма вѣроятно, что мы откроемъ еще нѣсколько каналій фрачниковъ (quelques canailles en frac), которые представляются мнѣ истинными виновниками убійства Милорадовича. Только что нѣкій Бестужевъ, адъютантъ моего дяди, явился ко мнѣ лично, признавая себя виновнымъ во всемъ.

«Все спокойно.

«Будучи обремененъ занятіями, я едва имѣю возможность отвѣчать вамъ нѣсколькими словами на ваше ангельское письмо, дорогой, дорогой Константинъ. Вѣрьте мнѣ, что слѣдовать вашей волѣ и примѣру нашего ангела—вотъ то, что я буду имѣть постоянно въ виду и въ сердцѣ; дай Богъ, чтобы мнѣ удалось нести это бремя, принятое при столь ужасныхъ обстоятельствахъ, съ покорностью волѣ Божіей и вѣрою въ его милосердіе.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Я посылаю вамъ копію рапорта объ ужасномъ заговорѣ, открытомъ въ арміи, и который я считаю необходимымъ сообщить вамъ въ виду открытыхъ подробностей и ужасныхъ намѣреній; судя по допросамъ членовъ здѣшней шайки, продолжающимся въ самомъ дворцѣ, нѣтъ сомнѣній, что все составляетъ одно цѣлое, а что также достовѣрно, на основаніи словъ наиболѣе смѣлыхъ, это то, что рѣчь шла о покушеніи на жизнь покойнаго императора, чему помѣшала его преждевременная кончина. Страшно сказать, но необходимъ внушительный примѣръ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убійцахъ, то ихъ участь не можетъ быть достаточно сурова.

«Я поручаю Чичерину доставить вамъ эти строки, потому что онъ будетъ въ состояніи поставить васъ въ извѣстность обо всемъ, что вы пожелаете узнать о происходящемъ здѣсь, и мнѣ пріятно думать, что вы не будете недовольны повидать его. Я позволилъ себѣ, дорогой Константинъ, назначить его своимъ генералъ-адъютантомъ, такъ какъ я не могъ бы сдѣлать болѣе подходящаго выбора для подобнаго назначенія.

«Я представляю вамъ, дорогой Константинъ, копію приказа по арміямъ; быть можетъ, вы позволите сдѣлать то же самое по отношенію къ войскамъ, состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ, такъ какъ мнѣ кажется, что все то, что будетъ напоминать имъ объ ихъ благодѣтелѣ, должно быть дорого имъ.

«Въ 12½ часовъ пополуночи.

«Чичеринъ не можетъ еще отправиться къ вамъ, дорогой Константинъ, такъ какъ ему нужно быть на своемъ посту. Все идетъ хорошо, и я надѣюсь, что все кончено, за исключеніемъ разслѣдованія дѣла, которое потребуетъ еще времени.

«Повергните меня къ стопамъ моей невѣстки за ея любезную память обо мнѣ; прощайте, дорогой Константинъ, сохраните мнѣ ваше расположеніе и вѣрьте неизмѣнной дружбѣ вашего вѣрнаго брата и друга Николая».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ получилъ письмо своего державнаго брата 20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года) и въ тотъ же день отвѣчалъ императору.

«Единственное, что я могу сдѣлать,—писалъ цесаревичъ,—это отъ глубины души поблагодарить васъ, что вы подумали обо мнѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ находились. На колѣняхъ и съ горячими слезами признательности я благодарилъ Бога, что онъ предохранилъ васъ отъ какого либо личнаго несчастья. Великій Боже, что за событіе! Эта сволочь (cette canaille) была недовольна, что имѣетъ государемъ ангела, и составляла заговоръ противъ него! Что же имъ нужно? Это чудовищно, ужасно, покрываетъ позоромъ всѣхъ хотя бы совершенно

Библиотека "Руниверс"

Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

невинныхъ, даже не думавшихъ о возможности чего либо подобнаго. Ваше поведеніе, дорогой братъ, безподобно, но ради Бога обдумывайте его, и пусть ваше милосердіе не увлечетъ васъ слишкомъ далеко... Какое счастіе среди этого горя, что я не былъ въ Петербургѣ во время

Библиотека "Руниверс"

этого злополучнаго событія, въ этотъ критическій моментъ, когда эта сволочь волновалась яко бы во имя меня! Богъ знаетъ, какое зло могло бы произойти, и даже теперь я буду сильно опасаться, какъ бы одно мое присутствіе не могло вызвать подобныхъ сценъ. Повидимому, во всемъ этомъ дѣлѣ мое имя является какъ бы средоточіемъ всего. Богъ, читающій въ глубинѣ моего сердца, видитъ тамъ чистоту моихъ намѣреній, и, конечно, я свободенъ отъ малѣйшаго упрека въ соучастіи съ этой сволочью. Я буду бояться пріѣхать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени все не утихнетъ и не успокоится нѣсколько, чтобы снова не воспользовались мною, какъ предлогомъ, чтобы сдѣлать что либо подобное; впрочемъ, какъ мнѣ кажется, мое присутствіе необходимо здѣсь для того, чтобы, когда все узнается здѣсь, не произошло чего либо неумѣстнаго... Я искренно сожалѣю и достойнаго графа Милорадовича, жертву своего рвенія и своей преданности, и всѣхъ прочихъ; что можно подѣлать противъ воли Божіей! Если это несчастное петербургское событіе, хотя оно и очень велико, можетъ водворить порядокъ въ остальной части имперіи,— это жертва, которая принесетъ извѣстную пользу; въ противномъ случаѣ сволочь увидитъ, что еще имѣются честные люди, умѣющіе быть преданными, и что не все пройдетъ ей даромъ»[346].

17-го декабря, императоръ Николай не замедлилъ сообщить цесаревичу, что въ столицѣ послѣ ужаснаго дня 14-го числа водворился уже обычный порядокъ, и осталось только нѣкоторое возбужденіе среди народа, которое, какъ выражался государь, разсѣется, «благодаря спокойствію — очевидное доказательство отсутствія опасности. Наши аресты идутъ хорошо, и мы имѣемъ въ рукахъ всѣхъ главныхъ дѣятелей дня... Прошу васъ, дорогой Константинъ, сохранить доброе расположеніе и вашу дружбу бѣдному малому (au pauvre diable), которому вы задали трудную задачу, и который очень желалъ бы освободиться отъ нея»[347].

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ отнеслась къ событіямъ междуцарствія императрица Марія Ѳеодоровна [348].

За нѣсколько дней до полученія извѣстія о кончинѣ императора Александра, въ Петербургъ прибылъ принцъ Евгеній Виртембергскій. По его видѣтельству, императрица Марія Ѳеодоровна никогда, повидимому, вполнѣ не разставалась съ своими честолюбивыми замыслами, проявившимися въ нѣсколько опредѣленной формѣ уже въ 1801 году при воцареніи императора Александра. Въ 1825 году, случилось нѣчто другое; во время междуцарствія принцъ Александръ Виртембергскій и Канкринъ обратились къ принцу Евгенію съ страннымъ вопросомъ: «что бы онъ сдѣлалъ, если бы вдовствующая государыня была провозглашена самодержавной императрицей?» Принцъ Евгеній благоразумно уклонился отъ участія въ подобномъ предпріятіи и отвѣтилъ, что онъ, какъ ино-

Библиотека "Руниверс"

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.
(Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Крюгера).

странецъ, какъ человѣкъ не русскій, не имѣетъ и не признаетъ за собою права голоса[349]. Вообще междуцарствіе вызвало къ жизни самые несбыточные планы и уклоненія отъ правильнаго пониманія дѣлъ; нѣкоторымъ казалось даже возможнымъ, что великіе князья, не желая царствовать, сами предложатъ императрицѣ занять престолъ. Вѣроятно, въ минуту всеобщаго недоумѣнія подобные разговоры велись безъ вѣдома императрицы-матери.

Между тѣмъ, въ продолженіе всего междуцарствія императрица Марія Ѳеодоровна держала своего племянника, принца Евгенія, въ совер-

Библиотека "Руниверс"

шенномъ невѣдѣніи того, что творилось вокругъ него, ограничиваясь лаконическимъ изреченіемъ: «Скоро послѣдуетъ рѣшеніе загадки». Наконецъ, вечеромъ 13-го декабря, она призвала къ себѣ принца и сказала ему: «Мы не вольны располагать чужими тайнами. Николай императоръ! Ночью онъ полагаетъ лично передать тебѣ все, что у него на душѣ». Принцъ поцѣловалъ у императрицы руку и прослезился. «Всѣ сомнѣнія исчезли,—пишетъ принцъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и образъ ея въ полной непорочности снова занялъ первое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ политическомъ отношеніи, я подвергалъ критикѣ ея поведеніе, равно какъ и поведеніе ея сына». Принцъ въ этомъ случаѣ подразумѣвалъ таинственность, которою окружена была переписка съ цесаревичемъ; Марія Ѳеодоровна и Николай Павловичъ никому не повѣрили всей правды; никто не зналъ достовѣрно, въ чемъ заключаются переговоры съ Варшавою, и въ какомъ положеніи находились дѣла, что вызвало, по мнѣнію принца Евгенія, всеобщую пагубную неизвѣстность [350].

Когда было все кончено, мятежъ укрощенъ, и воцареніе новаго императора совершилось, императрица Марія Ѳеодоровна, вспоминая недавнія событія, писала графу Кочубею, находившемуся тогда за границею:

«Смерть моего сына, этого ангела, застигла насъ врасплохъ, поразила, какъ громовымъ ударомъ; мы продолжали еще утѣшать себя надеждою, хотя, признаюсь, мое материнское сердце даже въ то время, когда она улыбалась намъ, испытывало смертельную тоску, и это тоскливое предчувствіе, къ несчастію, оправдалось 19-го ноября. 27-го я узнала о потерѣ возлюбленнаго сына, который составлялъ счастіе и славу моей жизни, всю прелесть и сладость моего существованія. Перо не въ состояніи передать того, сколько я выстрадала. Я думала, что потеря сына — верхъ несчастія; но 14-е декабря ознакомило меня съ новымъ родомъ ужасныхъ мученій: въ этотъ день два мои сына подвергали свою жизнь опасности, и спокойствіе государства зависѣло отъ гибельной случайности. Милосердіе Божіе отвратило это бѣдствіе, и благородное поведеніе моего сына Николая, величіе его души, твердость и удивительное самоотверженіе, равно какъ похвальная храбрость Михаила, спасли государство и семейство (la conduite noble de mon fils Nicolas, sa magnaminité, sa fermeté et son admirable abnégation, ainsi que le beau courage de Michel, ont sauvé l'état et la famille). Этотъ день былъ до дого ужасенъ, что, когда къ вечеру все было усмирено, и я осталась одна въ моей комнатѣ, то возблагодарила Бога, что сердце мое занято опять только постоянною моею скорбью. Но что за ужасное событіе! Благодарю Небо, что нашъ возлюбленный императоръ Александръ не зналъ его во всѣхъ подробностяхъ, хотя и имѣлъ свѣ-

Библиотека "Руниверс"

дѣніе о существованіи заговора. Вознесемъ моленія къ Всевышнему и за то, что участники въ бунтѣ, большею частію, люди молодые, мало значащіе, которые, за исключеніемъ предводителей, были увлечены гордостію и самолюбіемъ, не замѣчая, быть можетъ, пропасти, въ которую они стремились. Сами начальники бунта не имѣютъ, по своимъ прежнимъ заслугамъ, особеннаго значенія; есть между ними люди, которые хорошо служили, но, благодаря Бога, храбрость у насъ въ Россіи — наслѣдственная доблесть среди нашихъ военныхъ. Во всякомъ случаѣ тяжко, что они своимъ преступленіемъ запятнали свое званіе офицера и дурнымъ поведеніемъ (inconduite) повергли въ отчаяніе своихъ родителей и женъ» [351].

III.

Когда 14-го декабря, по окончаніи мятежа, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ принялъ главное начальство надъ Васильевскимъ островомъ, онъ расположилъ ввѣренныя ему войска передъ первымъ кадетскимъ корпусомъ, лицемъ къ Большому проспекту, приказалъ развести огни и принести людямъ пищу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялся дѣятельнымъ разыскиваніемъ мятежниковъ.

«Съ первымъ мерцаніемъ дня,— пишетъ А. Х. Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ,— народъ началъ сходиться въ толпы и казался взволнованнымъ при видѣ биваковъ и заряженныхъ пушекъ. Наблюдательное положеніе и невѣжливость этихъ сборищъ поразили меня; я подошелъ къ одной толпѣ и, увидѣвъ стоявшаго въ ней купца, котораго зналъ, какъ человѣка скромнаго и тихаго, спросилъ его, по какому поводу этотъ народъ, всегда кланявшійся мнѣ дружески со времени наводненія 1824 года, когда я начальствовалъ Васильевскою частію, теперь не хочетъ меня знать и даже какъ бы кичится передо мною, купецъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что онъ первый не знаетъ самъ, какъ ему смотрѣть на меня: «вчера,— продолжалъ онъ,— вы дрались и сегодня, кажется, снова хотите начать бой; вы присягнули Николаю Павловичу и преслѣдовали солдатъ, оставшихся вѣрными нашему государю; что жъ намъ обо всемъ этомъ думать, и что съ нами будетъ?»

«Видя изъ его словъ, что безпокойство народа проистекаетъ отъ общаго невѣдѣнія о манифестѣ, я поспѣшилъ написать государю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, съ просьбою доставить мнѣ достаточное число печатныхъ экземпляровъ манифеста, а также разослать его и во всѣ другія части города. Ходатайство мое было тотчасъ исполнено.

«Тогда съ манифестомъ и приложенными къ нему актами въ рукахъ я смѣло вошелъ въ середину толпы, ежеминутно возроставшей, и пригласилъ всѣхъ итти за мною въ находящуюся неподалеку отъ

Библиотека "Руниверс"

перваго кадетскаго корпуса церковь, гдѣ уже находился предваренный мною священникъ. Вручивъ ему печатные акты, я велѣлъ прочесть ихъ народу, сколько можно громче и внятнѣе, съ повтореніемъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ кто нибудь не пойметъ, послѣ чего, выйдя изъ церкви, самъ роздалъ находившіеся у меня экземпляры собравшимся вокругъ толпамъ. Едва манифестъ съ приложеніями былъ прочитанъ, какъ на всѣхъ лицахъ засіяла радость, и въ народныя массы возвратилось совершенное спокойствіе».

Вотъ какими простыми средствами генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ возстановилъ порядокъ и предупредилъ возможныя новыя волненія. Приведенный намп разсказъ одного изъ главныхъ дѣятелей наступившаго царствованія служитъ новымъ подтвержденіемъ тому, насколько велико было въ день 14-го декабря всеобщее недоумѣніе и взаимное недоразумѣніе; всѣ эти явленія обусловливались несоотвѣтственными мѣрами, принятыми для объявленія во всеобщее свѣдѣніе о причинахъ воцаренія императора Николая и принесенія новой присяги.

Независимо отъ свидѣтельства такого очевидца, какимъ является А. Х. Бенкендорфъ, нельзя также умолчать о подходящихъ къ его разсказу фактахъ, приводимыхъ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 14-мъ декабря. Оказывается, что въ самый разгаръ мятежа генералъ Головинъ[352], командовавшій бригадою во 2-й гвардейской дивизіи, и его подчиненные обратились къ принцу Евгенію съ вопросомъ: «Да что же такое происходитъ? Да какого мы ожидаемъ непріятеля?» — А генералъ Бистромъ, командовавшій всею гвардейскою пѣхотою, сказалъ тому же принцу: «Будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ».

Государь, вслѣдъ за укрощеніемъ мятежа, занимавшійся всю ночь отобраніемъ допросовъ и разными распоряженіями, сѣлъ уже въ 8 часовъ утра, 15-го декабря, на лошадь и объѣзжалъ войска.

Нижніе чины гвардейскаго экипажа, убѣдившись въ томъ, что ихъ ввели въ заблужденіе относительно присяги новому императору, умоляли о помилованіи. Государь тутъ же простилъ экипажъ и возвратилъ ему знамя, предварительно велѣвъ окропить его святою водою, какъ бы въ очищеніе отъ вчерашнихъ печальныхъ событій. Всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, а затѣмъ они возвратились въ свои казармы; въ городѣ съ того же дня возстановились обычная тишина и порядокъ, какъ бы ничего не случилось.

Въ этотъ день императоръ Николай еще разъ удостоилъ благодарить гвардейскихъ саперъ за преданность и усердіе, оказанныя ими наканунѣ. Взявъ за руку сопровождавшаго его великаго князя Михаила Павловича, государь представилъ его саперамъ, какъ преемника своего въ званіи генералъ-инспектора по инженерной части, прибавивъ, что

Библиотека "Руниверс"

онъ увѣренъ, что они брата его будутъ такъ же любить, какъ любили его. Затѣмъ государь объявилъ, что онъ оставляетъ за собою званіе шефа батальона, и поцѣловалъ командира батальона, флигель-адъютанта полковника Геруа.

15-го декабря 1825 года, императоръ обратился къ россійскимъ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ:

«Храброе россійское воинство! Вѣрные защитники царя и отечества!

«Кого изъ васъ не поразила страшная вѣсть, погрузившая насъ и всю Россію въ горесть неописанную? Вы лишились государя, отца, благодѣтеля, сотрудника въ подвигахъ безсмертныхъ.

«Но да не унываютъ сердца ваши! Онъ свыше зритъ на васъ и благословляетъ плоды неусыпныхъ трудовъ его объ устройствѣ вашемъ. Въ самые дни горести вы, вѣрные, храбрые воины, пріобрѣли новую, незабвенную славу, равную той, которую запечатлѣли вы своею кровію, поражая враговъ царя и отечества, ибо доказали своимъ поведеніемъ, что вы и твердые защитники престола царскаго на полѣ бранномъ и кроткіе исполнители закона и воли царской во время мира.

«Въ знакъ нашей къ вамъ любви и въ вознагражденіе по заслугамъ вашимъ, вамъ, полки гвардіи, Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Финляндскій, Литовскій, Волынскій, Павловскій, Кавалергардскій, Подольскій, Кирасирскій, Гусарскій, Конно-Егерскій, гвардейская артиллерія и лейбъ-гвардіи польскіе полки Гренадерскій и Конно-Егерскій, жалую тѣ самые собственные его величества мундиры, кои государь, вашъ благодѣтель, самъ носить изволилъ; храните сей залогъ, и да хранится онъ въ каждомъ полку, какъ святыня, какъ памятникъ, и для будущихъ родовъ незабвенный.

«Сверхъ сего повелѣваю:

«1) Въ ротахъ, носившихъ названіе ротъ его императорскаго величества полковъ Преображенскаго, Семеновскаго, польскаго Гренадерскаго и въ эскадронѣ его величества польскаго Конно-Егерскаго, носить всѣмъ чинамъ на эполетахъ и погонахъ вензелевое изображеніе имени государя императора Александра I, доколѣ кто изъ бывшихъ по спискамъ 19-го ноября 1825 года въ сихъ ротахъ и эскадронѣ оставаться будетъ. 2) То же самое вензелевое изображеніе сохранить, какъ генераламъ, при особѣ его императорскаго величества состоявшимъ, такъ и генералъ и флигель-адъютантамъ, при его императорскомъ величествѣ находившимся.

«Да хранится всегда между вами, храбрые воины, священная память Александра Перваго; да будетъ она страхомъ враговъ, надеждою отечества, залогомъ вашей вѣрности и любви ко мнѣ» [353].

Поселенныя войска удостоены были по тому же поводу нижеслѣдующимъ особымъ приказомъ, 22-го декабря 1825 года:

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Войска поселенныя! Вамъ извѣстенъ уже приказъ мой, сего мѣсяца 15-го числа отданный, въ которомъ, раздѣляя вообще съ храбрымъ Россійскимъ воинствомъ горе, несчастіе, насъ постигшее, полкамъ гвардіи пожаловалъ собственные мундиры императора Александра Павловича, въ Бозѣ почивающаго.

«По чувствамъ благоговѣнія къ памяти государя, отца и благодѣтеля, я не могу не обратиться къ вамъ въ особенности, поселенныя войска!

«Вы учреждены императоромъ Александромъ Первымъ и неоднократно за труды и усердіе получали монаршее его благоволеніе. Существованіе ваше указываетъ цѣль благихъ намѣреній Александра Перваго, а счастливое состояніе ваше есть плодъ трудовъ и отеческаго его объ васъ попеченія.

«Раздѣляя вполнѣ благонамѣренную цѣль вашего бытія, я поддержу счастіе ваше, и въ знакъ моего къ вамъ благоволенія жалую вамъ мундиръ, который самъ государь изволилъ носить.

«Мундиръ сей хранить въ Гренадерскомъ полку графа Аракчеева, какъ первомъ, получившемъ осѣдлость, въ церкви онаго, у портрета императора, основателя военнаго поселенія.

«Памятникъ сей сопричтите, воины, къ незабвенному памятнику учрежденія вашего, и да будетъ онъ всегдашнимъ залогомъ моей къ вамъ милости и путеводителемъ въ вѣрности къ престолу».

Событія 14-го декабря не поколебали увѣренности цесаревича Константина Павловича въ правильности усвоеннаго имъ образа дѣйствій; онъ продолжалъ считать себя правымъ, а всѣхъ прочихъ виноватыми. На совѣсти его нисколько не отразилась кровавая расправа 14-го декабря и сопряженныя съ нею несчастныя жертвы, вызванныя его упорствомъ не являться въ Петербургъ, чтобы лично распутать обрушившееся на Россію междуцарствіе. Взгляды цесаревича отразились всего лучше въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ князю Волконскому отъ 24-го января (5-го февраля) 1826 года:

«Воля покойнаго государя императора, какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ для меня священна: я слѣдовалъ и слѣдую оной такъ точно, какъ бы благодѣтель нашъ еще теперь здравствовалъ,—неизгладимая память о немъ останется въ сердцѣ моемъ до конца дней моихъ. Послѣ кончины его нѣкоторая поспѣшность была, можетъ быть, поводомъ случившимся несчастнымъ происшествіямъ, въ которыхъ, къ прискорбію моему, имя мое выставлялось на видъ, чего иначе, вѣроятно, не могло бы случиться, и посему я нахожусь въ такомъ положеніи, что до времени не могу еще явиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря Бога, все тихо и спокойно; около же насъ порядочныя были завирушки. По симъ обстоятельствамъ, правду сказать, мой теперь здѣсь

Библиотека "Руниверс"

ность жутковатоватъ, но воля Божія: надѣюсь на Всевышній Его Промыслъ» [364].

Что же касается императора Николая, то происшествія 14-го декабря произвели на него тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Укажемъ здѣсь на

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

подходящее къ разбираемымъ событіямъ явленіе: императору Александру I никогда не удалось одолѣть прискорбное припоминаніе о событіяхъ 11-го марта 1801 года, среди которыхъ совершилось его воцареніе, какъ преемника Павла I. Къ несчастію, самый фактъ немирнаго воцаренія повторился снова въ 1825 году, хотя и въ иной формѣ. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ днѣ», признался Николай Павловичъ французскому послу графу Лаферронэ вскорѣ послѣ своего воцаренія. Такимъ образомъ, несомнѣнно устана-

Библиотека "Руниверс"

вливается фактъ, что воспоминаніе о мятежѣ 14-го декабря и связанномъ съ нимъ обширномъ заговорѣ должно было оставить въ умѣ императора Николая неизгладимые слѣды, отъ которыхъ онъ дѣйствительно не могъ освободиться до смертнаго одра. Но этимъ не ограничилось причиненное зло. Печальныя событія, ознаменовавшія собою первый день его царствованія, должны были сопровождаться, сверхъ сего, еще и другимъ явленіемъ: они поставили государя въ совершенно особыя условія ко всякому свободному и независимому выраженію какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся съ его собственными крайне опредѣленными воззрѣніями. При малѣйшемъ нарушеніи общественнаго спокойствія и дисциплины императоръ Николай имѣлъ привычку повторять: «Ce sont mes amis du quatorze». Такимъ образомъ это печальное событіе надолго отдалило возможность какой бы то ни было либеральной реформы въ Россіи.

Высказанный нами взглядъ вполнѣ согласуется съ слѣдующими строками одной рукописной исторической записки графа Дмитрія Андреевича Толстого:

«Что сдѣлалъ бы великій государь для своего народа,— пишетъ Толстой,— если бы на первомъ шагу своего царствованія онъ не встрѣтился съ 14-мъ декабря 1825 года, неизвѣстно, но что это печальное событіе должно было имѣть на него огромное вліяніе,— кажется несомнѣннымъ. Ему, повидимому, слѣдуетъ приписать то нерасположеніе ко всякому либеральному движенію, которое постоянно замѣчалось въ распоряженіяхъ императора Николая. Одаренный сильною волею и обширнымъ государственнымъ умомъ, онъ твердою рукою повелъ Россію къ предположенной имъ цѣли, стремясь неуклонно по пути, самимъ имъ избранному, а такъ какъ характеръ этого великаго государя былъ вполнѣ національнымъ, то вышло, что Россія не только безропотно, но даже охотно за нимъ слѣдовала» [356].

Къ этой оцѣнкѣ правленія Николая Павловича, принадлежащей перу русскаго государственнаго дѣятеля, близко подходитъ характеристика, сдѣланная, по тому же поводу, англійскимъ дипломатомъ. По его мнѣнію: «Во всей личности императора Николая было что-то отмѣнно внушительное и величественное, и, несмотря на суровое и строгое выраженіе лица, въ его улыбкѣ и обращеніи было что-то чарующее. Это былъ выдающійся характеръ, благородный, великодушный и любимый всѣми, кто его близко зналъ. Строгость его была скорѣе вызвана необходимостью, нежели собственнымъ желаніемъ; она возникла изъ убѣжденія, что Россіей необходимо управлять твердой и сильной рукой, а не отъ врожденнаго чувства жестокосердія или желанія угнетать своихъ подданныхъ. Трагическая смерть его отца, императора Павла, таинственная смерть старшаго брата императора Александра въ отдаленномъ городѣ импе-

Библиотека "Руниверс"

Mitau le 1/13 Janv. 1826

reçu Jeudi 9 Février.
répondu 16. . . . .

Je vous dois bien reconnaissant mon Cher ami pour la lettre obligeante que vous m'avez écrit. Je vous joint cette ci incluse pour le Comte Ouvarow que je vous prie de remettre vous même. Vous voudrez bien me prompte établissement de votre santé. Je suis à vous

Votre Serviteur Witgenstein

Je vous prie de faire bien des complimens à Mons. votre père.

ПИСЬМО ГРАФА П. Х. ВИТГЕНШТЕЙНА КЪ П. И. ПЕСТЕЛЮ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ріи и смуты, которыя грозили возникнуть при его вступленіи на престолъ вслѣдствіе отреченія цесаревича Константина Павловича,— всѣ эти обстоятельства не могли не ожесточить сильный и дѣятельный умъ и расположить его править своимъ народомъ желѣзной рукой, не употребляя бархатной перчатки» [356].

Теперь наступилъ конецъ космополитизму, господствовавшему въ управленіи Россійскимъ государствомъ въ первой четверти XIX столѣтія.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

Хотя императоръ Николай и утверждалъ въ письмахъ къ цесаревичу, что начала, которыми руководствовался покойный ангелъ, служатъ ему катихизисомъ (les principes de feu notre ange me servent de catéchisme), но по своимъ убѣжденіямъ и вполнѣ національному характеру онъ не замедлилъ вступить на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому слѣдовалъ его предмѣстникъ. Дѣйствительно, престолъ занялъ государь, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, съ вполнѣ опредѣлившимся міро-

Библиотека "Руниверс"

созерцаніемъ и обладающій твердымъ и непреклоннымъ характеромъ. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что наступила новая эпоха, въ которой требовалось безпрекословное повиновеніе всемогущей и ясно выраженной волѣ воцарившагося монарха.

Для характеристики новаго вѣнценосца достаточно привести одну изъ резолюцій Николая Павловича, начертанную имъ въ началѣ 1826 года; въ ней высказана увѣренность, что никто не будетъ сомнѣваться въ присущей ему весьма точной волѣ (volonté très précise) относительно всего касающагося до дѣлъ имперіи, Провидѣніемъ ему ввѣренной. «Сомнѣваюсь,—прибавилъ императоръ Николай,—чтобы кто либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана моя точная воля. (Je doute que qui que ce fut de mes sujets osa ne pas marcher dans mon sens, sitôt que ma volonté précise lui est intimée)»[357].

Остановимся теперь въ заключеніе на томъ, какимъ образомъ императоръ Николай лично цѣнилъ свое собственное положеніе, когда неожиданно для него и для всѣхъ русскихъ онъ былъ призванъ стать во главѣ самодержавнаго правленія государствомъ. Николай Павловичъ высказалъ по этому поводу свои задушевныя мысли въ письмѣ къ цесаревичу отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года.

«Никто не ощущаетъ большей потребности, чѣмъ я, быть судимымъ съ снисходительностью,—пишетъ государь.—Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ образомъ я вознесся съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественнаго Провидѣнія и того, на кого еще при жизни я смотрѣлъ, какъ на своего благодѣтеля, и котораго мнѣ пріятно считать своимъ ангеломъ-хранителемъ,—мнѣ было бы не только невозможно поступать надлежащимъ образомъ, но даже справляться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ меня заурядный кругъ моихъ настоящихъ обязанностей; я твердо убѣжденъ въ божественномъ покровительствѣ, которое проявляется на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ для того, чтобы я могъ не замѣчать его во всемъ, случающемся со мною, и вотъ моя сила, мое утѣшеніе, мое руководящее начало во всемъ! (Personne ne sent plus que moi le besoin d'être jugé avec indulgence, mais aussi que la justice de ceux qui me jugent prennent en considération la manière extraordinaire dont je me suis trouvé porté du poste d'un très récent général de division à celui que j'occupe à cette heure; à qui j'ai succédé et dans quelles circonstances, et l'on conviendra qu'à moins d'une protection manifeste de la divine Providence et de celui que je considérais de son vivant comme mon bienfaiteur et que j'aime à regarder encore comme mon ange-gardien,

Библиотека "Руниверс"

il me serait impossible, non seulement de bien faire, mais même de suffire à ce que l'ordinaire de mes devoirs actuels exige de moi; mais j'ai la ferme conviction de cette protection divine qui s'exerce sur moi d'une manière trop palpable pour que je ne veuille l'apercevoir dans tout ce qui m'arrive,—et voilà ma force, ma consolation, voilà mon guide en tout)».

Разсказываютъ, что императоръ Николай подъ впечатлѣніемъ первыхъ допросовъ, сдѣланныхъ въ его присутствіи арестованнымъ декабристамъ, обратился къ великому князю Михаилу Павловичу съ словами: «Революція на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока, Божіею милостью, я буду императоромъ. (La révolution est aux portes de la Russie, mais elle n'y pénétrera pas, je le jure, tant que j'aurai un souffle de vie, tant que je serai empereur, par la grâce de Dieu!)»[358].

День 14-го декабря 1825 года окончательно закалилъ характеръ императора Николая. Нѣкоторымъ образомъ онъ обрекъ его на роль укротителя революцій (dompteur des révolutions)[359].

По мнѣнію Бисмарка, императоръ Николай руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ убѣжденіемъ, что, по волѣ Божіей, онъ призванъ быть вождемъ монархическаго движенія противъ надвигавшейся съ Запада революціи. Это была идеальная натура (ideale Natur), закалившаяся, однако, подъ вліяніемъ изолированности русскаго самодержавія; нельзя не удивляться, что онъ остался вѣренъ этому идеальному стремленію при всѣхъ обстоятельствахъ, начиная съ декабристовъ и кончая послѣдующими затѣмъ событіями[360].

Итакъ въ заключеніе остается только повторить справедливое замѣчаніе одного современника, задавшаго себѣ вопросъ: что сдѣлалъ бы императоръ Николай, если бы не встрѣтилъ сопротивленія на первомъ же шагу своего царствованія? На этотъ вопросъ онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «позволительно и теперь заключать, особенно изъ его личнаго характера и изъ исторіи его царствованія, что 14-е декабря дало этому государю совсѣмъ иное направленіе»[361].

IV.

На другое утро послѣ мятежа 14-го декабря во всѣхъ петербургскихъ газетахъ появилось извѣстіе о событіяхъ рокового дня[362]. Приведемъ здѣсь заключеніе этой офиціальной реляціи; неизвѣстный авторъ пишетъ: «Происшествія вчерашняго дня, безъ сомнѣнія, горестны для всѣхъ русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ государя императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего монарха въ сей памятный день, его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ

Библиотека "Руниверс"

дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ, съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ августѣйшій братъ его, великій князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ, всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ бо̀льшую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни, также пьяныхъ, и что изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства,—тотъ, конечно, съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи, непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей преданности русскихъ августѣйшему ихъ законному монарху. Признанія уже допрошенныхъ важнѣйшихъ преступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе,—все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей его императорское высочество самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему явному намѣренію зломыслившихъ сей бунтъ навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія».

18-го декабря, послѣдовало общее собраніе петербургскихъ департаментовъ правительствующаго сената, въ которомъ прочитанъ былъ рескриптъ цесаревича Константина Павловича на имя министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго отъ 8-го (20-го) декабря 1825 года, содержаніе котораго уже выше приведено нами. Сенатъ постановилъ напечатать рескриптъ цесаревича и разослать его при указахъ для свѣдѣнія ко всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ.

Сенаторъ П. Г. Дивовъ по этому поводу пишетъ: «Это письмо имѣло гораздо болѣе значенія, нежели манифестъ и всѣ приложенія къ нему. Напрасно его не обнародовали до катастрофы 14-го числа. Это лучше всего убѣдило бы тѣхъ, кто питалъ какія либо сомнѣнія, и не дало бы возможности заговорщикамъ-якобинцамъ воспользоваться невѣдѣніемъ войскъ». Но и послѣ 14-го декабря этому документу дана была гласность лишь на половину: сенату воспретили продажу печатнаго текста рескрипта цесаревича Константина Павловича къ министру юстиціи.

Затѣмъ обнародовано было также письмо цесаревича Константина Павловича къ государю отъ 20-го декабря 1825 года (1-го января

Библиотека "Руниверс"

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ.

(Съ картины масляными красками, принадлежащей графу Граббе).

Библиотека "Руниверс"

1826 года) изъ Варшавы, написанное чрезвычайно напыщеннымъ слогомъ и служащее отвѣтомъ на императорскій рескриптъ отъ 13-го декабря, которымъ великій князь былъ извѣщенъ о вступленіи Николая Павловича на престолъ. Содержаніе письма цесаревича было слѣдующее:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Съ сердечнымъ умиленіемъ имѣлъ я счастіе получить всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества, возвѣщающій радостное вступленіе ваше на прародительскій престолъ любезнѣйшей Россіи.

«Ея верховнымъ закономъ, — закономъ, священнѣйшимъ для всѣхъ земель, гдѣ твердость бытія уважается благимъ даромъ Небесъ, есть воля милостію Божіею царствующаго государя. Ваше императорское величество, послѣдовавъ сей волѣ, исполнили волю Царя Царей, коего направленіемъ и вдохновеніемъ дѣйствуютъ по столь важнымъ предметамъ цари земные.

«Совершилась воля священная. Поспѣшествуя въ томъ, я исполнилъ только долгъ мой, долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, преданнѣйшаго брата, долгъ россіянина, гордящагося счастіемъ повиноваться Богу и государю.

«Милосердіе Всемогущаго Творца, столь пекущееся о Россіи и величественномъ престолѣ ея, столь обильно изліявшее всѣ благости на народъ, сохранившій законъ Его, будетъ вождемъ, будетъ наставникомъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь.

«Ежели мои посильные труды, положенные у подножія престола, возмогутъ облегчить бремя, Богомъ на васъ возложенное, оные явятся въ моей безпредѣльной преданности, въ моей вѣрности, въ моемъ повиновеніи и рвеніи въ исполненіи высочайшей воли вашего императорскаго величества.

«Молю Всевышняго, да святый и невидимый промыслъ Его сохранитъ драгоцѣнное здравіе ваше, усугубитъ долгоденствіе, и слава ваша, всемилостивѣйшій государь, слава царева, да не престанетъ преходить въ роды родовъ.

«Всемилостивѣйшій государь,
«Вашего императорскаго величества,
«на подлинномъ подписано тако:
«вѣрнѣйшій подданный
«Константинъ цесаревичъ».

П. Г. Дивовъ пишетъ, что, «повидимому, всѣ были въ восторгѣ отъ этого письма. Мнѣ кажется, что оно было обнародовано съ цѣлью показать людямъ недоброжелательнымъ и войску, что Константинъ признаетъ своего брата законнымъ монархомъ, каковымъ онъ и есть въ дѣйствительности послѣ всего случившагося».

Библиотека "Руниверс"

Независимо отъ обмѣна официальныхъ писемъ между Петербургомъ и Варшавою, частная переписка между обоими братьями поддерживалась самымъ дѣятельнымъ образомъ. Со дня своего вступленія на престолъ императоръ Николай до кончины цесаревича въ 1831 году сообщалъ брату въ собственноручныхъ подробныхъ письмахъ о всѣхъ задуманныхъ имъ мѣропріятіяхъ, равно какъ и свѣдѣнія объ общемъ теченіи государственныхъ дѣлъ и всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ. Въ этихъ письмахъ государь, обремененный дѣлами и заботами, называлъ себя шутя: «votre каторжный du palais d'hiver»[363]. Переписка между обоими братьями драгоцѣнна и въ другомъ отношеніи: она служитъ самымъ достовѣрнымъ матеріаломъ для уясненія тѣхъ отношеній, которыя установились между отрекшимся отъ престола цесаревичемъ и воцарившимся въ силу этого отреченія государемъ[364]. Цесаревичъ, съ своей стороны, откровенно сообщалъ императору свои мнѣнія и взгляды по наиболѣе важнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики того времени, слѣдуя тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался при жизни императора Александра. Однажды въ одномъ изъ своихъ писемъ цесаревичъ признался даже, что онъ подъ клятвою обязался предъ Александромъ поступать такимъ образомъ и въ отношеніи къ его преемнику.

22-го декабря 1825 года, цесаревичъ писалъ императору Николаю:

«Я съ живѣйшимъ интересомъ и серьезнѣйшимъ вниманіемъ прочелъ сообщеніе о петербургскихъ событіяхъ, которое вамъ угодно было прислать мнѣ; послѣ того, какъ я трижды прочелъ его, мое вниманіе сосредоточилось на одномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, поразившемъ мой умъ, а именно на томъ, что списокъ арестованныхъ заключаетъ въ себѣ лишь фамиліи лицъ, до того неизвѣстныхъ, до того незначительныхъ самихъ по себѣ и по тому вліянію, которое они могли оказывать, что я смотрю на нихъ только, какъ на передовыхъ охотниковъ или застрѣльщиковъ шайки, дѣльцы которой остались сокрытыми на время, чтобы по этому событію судить о своей силѣ и о томъ, на что они могутъ разсчитывать. Они виновны въ качествѣ добровольныхъ охотниковъ или застрѣльщиковъ, и въ отношеніи ихъ не можетъ быть пощады, потому что въ подобныхъ вещахъ нельзя даже допустить увлеченій; но равнымъ образомъ нужно разыскивать подстрекателей и руководителей и безусловно найти ихъ путемъ признаній со стороны арестованныхъ. Никакихъ остановокъ (point de relâche) до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена исходная точка всѣхъ этихъ происковъ,— вотъ мое мнѣніе, такое, какимъ оно представляется моему уму, вотъ что я сказалъ бы покойному императору, какъ я и сказалъ ему когда-то, что не кто иной, какъ онъ, заразилъ всю армію (gangrené l'armée), разославъ въ ея нѣдра семеновцовъ, и что это распространитъ заразу повсюду»[365].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Послѣ усмиренія мятежа императоръ Николай точно такъ же, какъ и до своего воцаренія, не переставалъ выражать желаніе видѣть цесаревича въ Петербургѣ; государь признавалъ пріѣздъ брата лучшимъ средствомъ для окончательнаго успокоенія умовъ. Цесаревичъ же, съ своей стороны, упорно отказывался покинуть Варшаву, признавая появленіе свое въ Петербургѣ преждевременнымъ. Въ перепискѣ обоихъ братьевъ этотъ вопросъ не переставалъ служить предметомъ для оживленнаго обмѣна мыслей.

23-го декабря 1825 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу: «Начну съ завѣренія васъ, что здѣсь, съ Божіей помощью, во всемъ водворился обычный порядокъ. Настроеніе умовъ очень хорошо и сдѣлается еще лучше, когда васъ увидятъ здѣсь... Наши разслѣдованія идутъ превосходно, равно какъ и аресты всѣхъ имѣющихся подъ рукою лицъ, членовъ этого ужаснаго и необычайнаго заговора; извлеченіе всего, происходящаго въ этомъ отношеніи, посылается вамъ съ настоящимъ курьеромъ; вы встрѣтите въ немъ хорошо извѣстныя фамиліи, и у меня имѣются подозрѣнія, слишкомъ обоснованныя для того, чтобы быть увѣреннымъ, что это восходитъ до государственнаго совѣта, а именно до Мордвинова[366]; но такъ какъ я держусь правила обрушиваться лишь на тѣхъ, которые разоблачены, или на которыхъ падаютъ слишкомъ сильныя подозрѣнія для того, чтобы оставить ихъ на свободѣ, я ничѣмъ не спѣшу. Здѣсь одно рвеніе, чтобы помогать мнѣ въ этомъ ужасномъ дѣлѣ; отцы приводятъ своихъ сыновей; всѣ желаютъ примѣрныхъ наказаній и въ особенности видѣть свои семьи очищенными отъ подобныхъ личностей и даже отъ подозрѣній этого рода. Я ожидаю Михаила Орлова и Лопухина, которые должны быть уже арестованными. Самые главные, арестованные во второй арміи, что подтверждается, какъ Вадковскимъ, доставленнымъ сюда вчера, такъ и всѣми прочими. Въ особенности важно имѣть Пестеля и Сергѣя Волконскаго; я ожидаю также Муравьева и Чернышева, — вотъ въ какомъ мы положеніи. Я заваленъ дѣломъ, вы поймете это, пожалѣете меня и не будете сердиться на меня за безпорядочность этихъ строкъ; но у меня голова идетъ кругомъ, а существенно, чтобы вы знали все»[367].

Въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ цесаревичъ продолжалъ упорствовать въ своемъ отказѣ посѣтить Петербургъ.

«Не слѣдуетъ, чтобы я, благодаря своему присутствію, послужилъ предметомъ безпорядковъ или предлогомъ, какъ это уже случилось разъ,— писалъ цесаревичъ 30-го декабря,—прежде всего отчетливо разберитесь во всемъ, захватите всѣхъ этихъ мятежниковъ, такъ сказать, укрѣпите себя на вашемъ мѣстѣ; пока же я ясно вижу, что происходитъ вокругъ меня; требуется время и спокойствіе»[368].

Библиотека "Руниверс"

Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

«Необходимо, чтобы каждый оставался пока на своемъ посту, и вотъ причина, по которой я не могу еще помышлять о томъ, чтобы побывать у васъ,—продолжалъ въ томъ же духѣ цесаревичъ 31-го декабря,—сверхъ сего позволю себѣ замѣтить, что по поводу пріѣзда моего въ Петербургъ мнѣ представляются еще слѣдующія мысли. Можете ли вы

Библиотека "Руниверс"

отвѣчать за кажущееся спокойствіе столицы? Увѣрены ли вы, что всѣ соучастники заговора находятся въ вашихъ рукахъ? Кто можетъ поручиться, что при моемъ появленіи не произойдетъ новаго безпорядка? Быть можетъ, даже тѣ, которые, повидимому, желаютъ моего пріѣзда, являются сами заинтересованными въ томъ, чтобы произвести безпорядокъ, пользуясь моимъ несчастнымъ именемъ, и безъ того столь жестоко и столь злополучно скомпрометированнымъ..... Сами обдумайте ваше положеніе, ничего не ускоряйте, ничѣмъ не торопитесь и хорошенько упрочьтесь на вашемъ мѣстѣ прежде, чѣмъ предпринимать что бы то ни было другое. Помните то, что вы сами высказываете въ вашемъ письмѣ, что заговоръ восходитъ до государственнаго совѣта, и что подозрѣнія падаютъ даже на адмирала Мордвинова. Отсюда я могу быть вамъ болѣе полезенъ, и наша оживленная и непрерывная переписка можетъ разстроить всѣ планы вожаковъ, сдерживая каждаго на своемъ мѣстѣ. Я не уклоняюсь отъ своего мнѣнія; мнѣ достаточно знакомы мои люди, и я довольно хорошо знаю, какъ дѣлаются и двигаются дѣла; безопасность, дорогой братъ, не будетъ обезпечена, пока вы не будете располагать всѣми виновными, и пока они не будутъ наказаны. Наблюдайте за тѣми, которые увѣряютъ васъ, что спокойствіе возстановлено: быть можетъ, они являются наиболѣе опасными»[369].

Не довольствуясь этими объясненіями, цесаревичъ для подкрѣпленія своихъ доводовъ счелъ даже нужнымъ прикрыться авторитетомъ прусскаго короля, письмо котораго привезъ въ Варшаву принцъ Вильгельмъ, проѣздомъ въ Петербургъ; цесаревичъ не забылъ присовокупить, что мнѣніе короля вполнѣ раздѣляетъ принцъ Вильгельмъ[370].

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ писемъ цесаревича видно, что они не могли служить къ успокоенію его державнаго брата, утверждая въ немъ недовѣріе и подозрительную возбужденность. Они принесли свои плоды[371]; на внушенія, дѣлаемыя цесаревичемъ въ этомъ смыслѣ, императоръ Николай однажды отвѣчалъ (29-го января 1826 года): «Je veux et s'il plait à Dieu, j'irai au fond du lac, arrive ce qui voudra».

Что же касается пріѣзда цесаревича въ Петербургъ, то государь остался при своемъ мнѣніи и продолжалъ еще нѣкоторое время настаивать на его неотложности, но съ прежнимъ неуспѣхомъ. Цесаревичъ не исполнилъ желанія брата и не двинулся изъ Варшавы[372]; онъ не счелъ даже возможнымъ прибыть въ Петербургъ, когда въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовало погребеніе тѣла императора Александра. А между тѣмъ, судя по донесеніямъ полиціи въ январѣ 1826 года, въ народѣ говорили: «Надобно показать намъ Константина. Гдѣ онъ?» на что другіе отвѣчали, что, «безъ сомнѣнія, при погребеніи увидимъ его, и чужихъ де царей хоронить ѣздятъ, а онъ братъ покойному государю»[373].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Императоръ Николай былъ крайне озабоченъ мыслію, какимъ образомъ присяга совершится въ Москвѣ. Поэтому для объявленія въ первопрестольной столицѣ о восшествіи своемъ на престолъ государь послалъ 15-го (27-го) декабря въ Москву генералъ-адъютанта графа Комаровскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ долженъ былъ присутствовать при вскрытіи государственныхъ актовъ по престолонаслѣдію, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ. Къ сожалѣнію, военный министръ уже ранѣе отправилъ въ Москву особаго курьера, котораго графу Комаровскому не удалось догнать на пути.

Время междуцарствія въ Москвѣ ни для кого не было такъ тяжко, какъ для архіепископа Филарета, на долю котораго выпалъ, по его выраженію, «странный жребій быть хранителемъ свѣтильника подъ спудомъ». Зато «ему прежде другихъ показался открывающійся свѣтъ». Ночью съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) декабря, вскорѣ послѣ полуночи, Филаретъ былъ разбуженъ священникомъ Троицкой церкви близъ Сухаревой башни, пришедшимъ просить разрѣшенія о приведеніи къ присягѣ императору Николаю команды морского вѣдомства, находившейся на Сухаревой башнѣ. — На какомъ основаніи? — спросилъ архіепископъ. Священникъ отвѣчалъ, что у начальника есть печатный манифестъ.

«Странно было начать провозглашеніе императора съ Сухаревой башни,—пишетъ Филаретъ,—особенно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, при обуреваніи умовъ народа разными неблагопріятными и прекословными молвами, но и остановить сіе значило бы произвесть неблагопріятное впечатлѣніе. Посему архіепископъ, не произнося рѣшенія и выигрывая время, потребовалъ, чтобы ему для удостовѣренія показанъ

Библиотека "Руниверс"

былъ манифестъ, и къ то же время послалъ письмо къ генералъ-губернатору, спрашивая, не получилъ ли онъ манифеста, и прося его совѣта. Когда принесенъ былъ печатный манифестъ о восшествіи на престолъ всероссійскій государя императора Николая Павловича и приложенія къ нему, архіепископъ, увлеченный тѣмъ, что дѣло наконецъ вышло на чистую дорогу, тотчасъ разрѣшилъ священнику приведеніе къ присягѣ; но вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ генералъ-губернатора отвѣтъ, что онъ манифеста не получилъ, и что, по его мнѣнію, ничего не должно дѣлать по требованію начальствующаго на Сухаревой башнѣ. Между тѣмъ присяга на Сухаревой башнѣ была совершена.

«Утромъ 17-го декабря генералъ-губернаторъ получилъ собственноручный рескриптъ государя императора Николая Павловича о восшествіи его на всероссійскій престолъ; но не было получено ни въ сенатѣ высочайшаго манифеста, ни по духовному вѣдомству синодскаго указа о присягѣ на вѣрноподданство. Новое затрудненіе, потому что высочайшаго рескрипта нельзя было объявить сенату, между прочимъ потому, что въ немъ заключались не подлежавшія, при торжественномъ случаѣ, оглашенію упоминанія о происшествіи 14-го декабря и о судьбѣ графа Милорадовича, которому, какъ бы за то, что спѣшилъ объявить Москвѣ не существовавшаго императора, не суждено жить при истинномъ императорѣ.

«Затрудненіе разрѣшилось вечеромъ того же дня полученіемъ высочайшаго манифеста и прибытіемъ, по высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, для присутствованія при открытіи копіи манифеста и подлиннаго отреченія цесаревича, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ.

«Дабы послѣ бывшей погрѣшительной присяги народъ лучше понялъ настоящее дѣло, архіепископъ просилъ генералъ-губернатора въ продолженіе ночи напечатать и доставить потребное число экземпляровъ высочайшаго манифеста и приложеній къ нему, чтобы они 18-го дня могли быть прочитаны предъ присягою во всѣхъ церквахъ столицы. Сіе исполнено въ точности».

Утромъ 18-го (30-го) декабря, сенатъ собрался для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая, а затѣмъ всѣ военные и гражданскіе чины собрались въ Успенскомъ соборѣ для присяги. Громадная толпа народа собралась на Кремлевской площади. Филаретъ началъ священнослуженіе тѣмъ, что, предшествуемый духовенствомъ, вынесъ на головѣ изъ алтаря серебряный ковчегъ, въ которомъ хранятся государственные акты; поставивъ его на приготовленномъ на предалтарномъ амвонѣ облаченномъ столѣ, архіепископъ произнесъ слово, въ заключеніе котораго сказалъ: «Россіяне! двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи державной воли Александра

Библиотека "Руниверс"

Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните и найдете въ ней свое счастіе».

Послѣ сего Филаретъ, по снятіи печати, раскрылъ ковчегъ и вынулъ изъ него пакетъ съ послѣдней волей императора Александра. По освидѣтельствованіи печати московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Голицынымъ и генералъ-адъютантомъ графомъ Комаровскимъ, архіепископъ прочелъ заключавшіеся въ пакетѣ документы, а затѣмъ и манифестъ императора Николая, послѣ чего приступлено было къ принесенію присяги.

Филаретъ пишетъ: «По требованію обстоятельствъ, архіепископъ нашелъ нужнымъ чтеніе формы присяги предначать слѣдующимъ образомъ: «По уничтоженіи силы и дѣйствія прежней присяги отреченіемъ того, кому оная дана (за симъ слѣдовало осѣненіе народа крестнымъ знаменіемъ), азъ, многогрѣшный».... и проч.

Очевидецъ, графъ Комаровскій, передаетъ эти слова въ нѣсколько иной формѣ: «Прежде нежели приступить къ присягѣ, Филаретъ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: «разрѣшаю и благословляю». Это неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности, когда оно разнеслось между народомъ. Послѣ сего началась присяга».

Торжество кончилось молебномъ и многолѣтіемъ.

Графъ Комаровскій возвратился въ Петербургъ 22-го декабря (3-го января), обрадовавъ императора Николая скорымъ полученіемъ нетерпѣливо ожидаемаго извѣстія о благополучно совершенной присягѣ въ Москвѣ. При донесеніи о дѣйствіи, которое произвели на всѣхъ присутствовавшихъ въ Успенскомъ соборѣ, а въ особенности на народъ, произнесенныя Филаретомъ слова: «разрѣшаю и благословляю», замѣтно было,—пишетъ графъ Комаровскій,—что государь остался доволенъ догадкою архипастыря [374].

Графъ Комаровскій былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ Москву посланы были Андреевскія ленты московскому генералъ-губернатору князю Голицыну и командовавшему 5-мъ корпусомъ графу П. А. Толстому. Архіепископу Филарету пожалованъ былъ при милостивомъ рескриптѣ брилліантовый крестъ на черный клобукъ—подобнаго отличія никто прежде въ санѣ архіепископа не получалъ.

Въ заключеніе приведемъ еще слѣдующую замѣтку Филарета, служащую характеристикой порядковъ и отсутствія распорядительности, сопровождавшихъ всѣ распоряженія по воцаренію императора Николая.

«Въ сіе время не было заботы о томъ, что еще не былъ полученъ отъ святѣйшаго синода указъ съ приложеніемъ высочайшаго манифеста и съ предписаніемъ о вѣрноподданнической присягѣ; но когда прошло потомъ нѣсколько дней, и указа еще не было, а происшествіе 14-го декабря сдѣлалось въ Москвѣ извѣстнымъ, тогда мрачнымъ представлялся

Библиотека "Руниверс"

вопросъ: что же дѣлается въ Петербургѣ? Наконецъ, нарочно посланный отъ святѣйшаго синода съ указомъ явился въ Москвѣ и объяснилъ свое умедленіе тѣмъ, что останавливался въ Новгородѣ и въ Твери для раздачи указовъ. Сіе обстоятельство упоминается здѣсь для того, чтобы представить на усмотрѣніе, не заслуживаетъ ли вниманія и распоряженія то, чтобы въ случаяхъ государственной важности Москва не была поставлена послѣ Новгорода и Твери, и чтобы высочайшій манифестъ получаемъ былъ сенатомъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ и московскимъ епархіальнымъ архіереемъ не позже, нежели начальствующимъ на Сухаревой башнѣ».

Присяга императору Николаю въ Варшавѣ обошлась также совершенно благополучно. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ присутствовалъ при присягѣ варшавскаго гарнизона, которая совершилась 21-го декабря 1825 года (2-го января 1826 года); по отзыву великаго князя въ письмѣ къ государю: «le tout s'est passé avec une sévérité et un recueillement religieux». Цесаревичъ послѣ молебна обратился къ войскамъ съ импровизированною рѣчью на русскомъ, а затѣмъ и на польскомъ языкѣ, которая, по словамъ его, была встрѣчена не крикомъ «ура», но съ благоговѣніемъ и возгласомъ «рады стараться», произнесеннымъ съ силою и энергіею. (Je tins un discours impromptu à toute la troupe, tant en russe qu'en polonais, et qui fut reçu non par un hourra, mais avec un recueillement et un «рады стараться», prononcé avec force et avec énergie). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что цесаревичъ терпѣть не могъ русскаго ура; подобные крики его возмущали, возбуждая въ немъ гнѣвъ и сильнѣйшее неудовольствіе къ виновникамъ подобнаго выраженія восторженныхъ чувствъ со стороны войскъ[375].

Къ 3-му (15-му) января 1826 года вся польская армія, въ полномъ составѣ, успѣла уже присягнуть императору Николаю.

II.

Несмотря на быстрое возстановленіе полнаго порядка въ столицѣ, происшествіе 14-го декабря отозвалось, однакоже, тревожнымъ безпокойствомъ во всѣхъ сословіяхъ. «Мятежъ въ Петербургѣ былъ, правда, подавленъ присутствіемъ духа и мужествомъ новаго императора, — пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ, — но заговоръ, какъ тотчасъ обнаружилось изъ показаній захваченныхъ, имѣлъ множество участниковъ въ арміи, въ Москвѣ и въ губерніяхъ, и всѣ боялись, чтобы извѣстіе о петербургскомъ бунтѣ, преувеличенное злоумышленностью, не послужило знакомъ къ подобнымъ же сценамъ въ древней столицѣ и въ мѣстахъ квартированія армейскихъ полковъ»[376].

Библиотека "Руниверс"

Въ Москвѣ, послѣ присяги императору Константину, ждали извѣстія о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Петербургѣ. Возбужденіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества было весьма сильное, и толкамъ не было конца.

«Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ,—сказано въ запискахъ одного современника,—что нужно сдѣлать въ Москвѣ въ случаѣ полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ, князь Николай Ивановичъ Трубецкой, адъютантъ графа Петра Александровича Толстого, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, брался доставить своего начальника, связаннаго по рукамъ и по ногамъ (avec les mains et les jambes liés)[377]. Предположеніямъ и преніямъ не было конца, а мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступилъ 1789-й годъ»[378].

Когда вѣсти о событіяхъ 14-го декабря распространились въ Москвѣ и по Россіи, спокойствіе нигдѣ не было нарушено, но толки продолжались съ новою силою. Извѣстія изъ Петербурга передавались самыя странныя и одно другому противорѣчащія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то разсказывали, что вторая армія не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ намѣревается провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. «Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, — пишетъ современникъ, — что Москва, или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ».

По другому современному свидѣтельству, Петербургъ также находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи: «Видимо опасаются новой вспышки. Надзоръ учрежденъ весьма бдительный, но слишкомъ явный, слѣдовало бы дѣйствовать болѣе тайно, чтобы не было такъ замѣтно»[379].

Мятежъ въ Петербургѣ произвелъ въ общей массѣ провинціальнаго населенія потрясающее впечатлѣніе,—такъ выражается очевидецъ. По его словамъ, «посягательство на ограниченіе царской власти и на перемѣну образа правленія казалось намъ не только святотатствомъ, но историческою аномаліею; а народъ, видя, что заговорщики исключительно принадлежали къ высшему сословію, призналъ дворянство измѣнниками, и это прибавило еще одну рѣзкую черту къ той затаенной враждѣ, которую онъ питалъ уже къ помѣщикамъ. Передовые люди и столичная интеллигенція одни только сочувствовали несчастнымъ безумцамъ. Въ Москвѣ высшее сословіе, или, лучше сказать, люди высшаго образованія, смотрѣли на это событіе иначе, чѣмъ въ провинціи. Кромѣ весьма естественнаго сочувствія либеральнымъ идеямъ, многія, весьма многія семейства лишились своихъ лучшихъ членовъ, которые по прямому или косвенному участію въ заговорѣ или даже по тѣсной связи съ обвиняе-

Библиотека "Руниверс"

мыми были взяты, отвезены въ Петербургъ и томились въ крѣпости, находясь подъ слѣдствіемъ. Вообще Москва того времени носила характеръ какой-то грусти, какой-то боязни и недовѣрчивости»[380].

Однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Николая, послѣ своего воцаренія, должно было быть учрежденіе особаго комитета для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ, петербургскіе представители коихъ вызвали 14-го декабря въ столицѣ открытый мятежъ.

Личный составъ этого комитета или комиссіи являлся вопросомъ первостепенной важности. «Къ чести государя сказать должно, — пишетъ очевидецъ этихъ печальныхъ дней,—что въ комиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратиться въ инквизицію... общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: «что бы было, если бы сидѣли въ комиссіи графъ Аракчеевъ и Клейнмихель?» разумѣя подъ симъ не поточку злодѣямъ, но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству. Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ графа Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, а дружба и любовь къ ближнему составляли для него пустой наборъ словъ... Аракчеевъ утѣшался, видя, какъ дрожатъ передъ нимъ всѣ въ военныхъ поселеніяхъ. Царь зналъ молодца и приведеніе военныхъ поселеній къ присягѣ поручилъ не ему, а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать, и коль скоро присяга въ поселеніи кончилась, они отправились изъ столицы подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ спаслось русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная комиссія попала въ руки Аракчеева и Клейнмихеля».

15-го (27-го) декабря, императоръ Николай повелѣлъ военному министру, генералу Татищеву, представить ему проектъ указа объ открытіи комитета. Министръ немедленно призвалъ къ себѣ состоявшаго при немъ военнаго совѣтника Александра Дмитріевича Боровкова и поручилъ ему безотлагательно заняться составленіемъ требуемой бумаги. 16-го декабря, Татищевъ представилъ императору Николаю проектъ указа, который удостоился высочайшаго одобренія. Прочитавъ статью, въ которой Боровковъ написалъ, что комитету предстоитъ со всею осторожностью разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствій каждаго соучастника тайнаго общества, «ибо, руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію», государь обнялъ министра и сказалъ:

— Ты проникнулъ въ мою душу; полагаю, что многіе впутались не по убѣжденію въ пользѣ переворота, но по легкомыслію, такъ и надобно отдѣлить тѣхъ и другихъ.

Библиотека "Руниверс"

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Съ портрета писаннаго Доу.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

На другой день, 17-го декабря, императоръ Николай подписалъ указъ, оставшійся секретнымъ [381]. Содержаніе его заключалось въ слѣдующемъ:

«Указъ военному министру, генералу отъ инфантеріи Татищеву 1-му.

«Начальникъ главнаго штаба нашего, баронъ Дибичъ, донесъ намъ отъ 4-го декабря сего года о зловредномъ обществѣ, возникшемъ въ войскѣ

Графъ Поццо-ди-Борго.
(Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія).

къ нарушенію благосостоянія и спокойствія государства, высочайшимъ Промысломъ попеченію нашему ввѣреннаго.

«Пагубныя слѣдствія злоумышленія ознаменовались частью въ 14-й день сего декабря, но съ помощью Всевышняго тогда же уничтожены, и нѣкоторые изъ сообщниковъ взяты подъ стражу.

«Чтобы искоренить возникшее зло при самомъ началѣ, признали мы за благо учредить комитетъ подъ вашимъ предсѣдательствомъ, назначивъ членами: его императорское высочество генералъ-фельдцейхмейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, генералъ-адъютантовъ: Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа и Левашова [382].

Библиотека "Руниверс"

«Комитету сему повелѣваемъ: 1) открыть немедленно засѣданія и принять дѣятельнѣйшія мѣры къ изысканію соучастниковъ сего гибельнаго общества, внимательно, со всею осторожностью, разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствій каждаго изъ нихъ ко вреду государственнаго благосостоянія, ибо, руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію; 2) производство всего сего дѣла и съ кѣмъ нужно будетъ переписку весть по секрету отъ вашего имени; 3) по приведеніи всего въ надлежащую ясность, постановить свое заключеніе и представить намъ, какъ о поступленіи съ виновными, такъ и о средствахъ истребить возникшее злоупотребленіе; 4) правителемъ дѣлъ сего комитета повелѣваемъ быть состоящему при васъ по особымъ порученіямъ военному совѣтнику Боровкову, а помощникомъ флигель-адъютанту полковнику Адлербергу и находящемуся при васъ 9-го класса Карасевскому.

«Возлагая на комитетъ столь важное порученіе, мы ожидаемъ, что онъ употребитъ всѣ усилія точнымъ исполненіемъ воли нашей дѣйствовать ко благу и спокойствію государства» [383].

Впослѣдствіи назначены были еще членами комитета генералъ-адъютанты: дежурный генералъ Потаповъ, начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ и Чернышевъ; послѣдній съ 4-го января 1826 года.

Указъ, данный генералу Татищеву, остался необнародованнымъ. Вмѣсто него появился манифестъ 19-го декабря 1825 года, въ которомъ правительство дѣлало слѣдующую оцѣнку совершившимся событіямъ, представляющимъ собою итогъ злополучнаго междуцарствія:

«Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія манифеста о восшествіи нашемъ на престолъ, извѣстно уже въ подробностяхъ изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

«Тогда, какъ всѣ государственныя сословія, всѣ чины военные и гражданскіе, народъ и войска единодушно приносили намъ присягу вѣрности и въ храмахъ Божіихъ призывали на царствованіе наше благословеніе небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону, власти, военному порядку и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семъ кратко и состоитъ все происшествіе, маловажное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

«Сколько ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

«По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли сіе скопище: одни—заблудшіе, умыслу непричастные, другіе—злоумышленные ихъ руководители.

Библиотека "Руниверс"

«Чего желали заблудшіе? Быть вѣрными данной ими присягѣ. Всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ престолъ, и въ семъ увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ.

«Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: испровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе.

«Какія средства? Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ командиръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ: тяжко ранены генералъ-майоръ Шеншинъ, генералъ-майоръ Фридрихсъ и другіе, кровію своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

«Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя.

«Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ изысканіемъ, я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

«Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

«Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребятъ, какъ я уповаю, самый его корень, очистятъ Русь святую отъ сей заразы, извнѣ къ намъ нанесенной, смоютъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведутъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовію къ отечеству и страстію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній: покажутъ наконецъ всему свѣту, что россійскій народъ, всегда вѣрный своему государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ; покажутъ и дадутъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неисцѣльно.

«Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ намъ и престолу нашему всѣхъ состояній. Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи мы съ удовольствіемъ и признательностію зрѣли отъ обывателей столицы лю-

Библиотека "Руниверс"

бовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе, по первому знаку государя своего, карать непокорныхъ, отъ начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ чести и любви къ намъ утвержденную.

«Посреди ихъ отличался графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый полководецъ, любимый начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царской воли, вѣрный сынъ церкви и отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ, палъ, исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ отечества пребудетъ всегда незабвенна».

Независимо отъ манифеста 19-го декабря 1825 года появилась вскорѣ затѣмъ, 5-го января 1826 года, небольшая замѣтка въ газетахъ, въ которой сообщалось извѣстіе объ учрежденіи комитета, уже названнаго въ статьѣ слѣдственною комиссіею; а затѣмъ передавались во всеобщее свѣдѣніе нѣкоторыя подробности объ открытомъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью, какъ сказано въ статьѣ, истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ и убіеніе всѣхъ мирныхъ гражданъ [384].

Приведемъ здѣсь содержаніе этой офиціальной статьи, которая можетъ быть названа правительственнымъ сообщеніемъ того времени:

«Неожиданныя происшествія 14-го минувшаго декабря, печальныя сами по себѣ, имѣли счастливыя послѣдствія, ибо оными обнаружено существованіе гнуснаго, дотолѣ едва подозрѣваемаго заговора. Люди, недостойные имени русскихъ, умышляли неслыханныя въ отечествѣ нашемъ злодѣйства: истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ, расхищеніе имуществъ, убіеніе непринадлежащихъ къ мятежническому ихъ сообщничеству гражданъ, однимъ словомъ всѣ неисчислимые ужасы безначалія. Совершенный успѣхъ сего адскаго предпріятія былъ, безъ сомнѣнія, не возможенъ; но и самое покушеніе могло сдѣлаться источникомъ многихъ бѣдствій. Для предупрежденія оныхъ, для искорененія грозившаго государству зла, были необходимы строгія и скорыя мѣры осторожности. Оныя приняты немедленно. Государь императоръ назначилъ для сего особенную слѣдственную комиссію, въ коей присутствуютъ: его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, военный министръ генералъ отъ инфантеріи Татищевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, и генералъ-адъютанты Бенкендорфъ, Левашовъ и Потаповъ. Сія комиссія съ надлежащею, неусыпною дѣятельностію занимается порученнымъ ей изслѣдованіемъ, и по всѣмъ частямъ управленія сдѣланы нужныя распоряженія для отысканія злоумышленниковъ. Показанія тѣхъ, кои пойманы съ оружіемъ въ рукахъ, и открытіе тайнаго общества, издавна готовившаго себя къ

Библиотека "Руниверс"

возмущенію, принудили правительство взять подъ стражу многихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ людей. Благо отечества, безопасность общая сего неотмѣнно требовали; ибо единственно распространеніемъ слѣдствія, умноженіемъ допросовъ и сличеніемъ извѣтовъ можно было проникнуть въ самое начало заговора и обнаружить всѣ отрасли онаго. Старанія правительства увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ; ему уже извѣстны всѣ ковы заговорщиковъ, всѣ тайны составленнаго ими ненавистнаго сообщничества. По окончаніи суда, сіи свѣдѣнія будутъ обнародованы. Между тѣмъ для всякаго, безъ сомнѣнія, утѣшительно узнать, что изъ числа бывшихъ въ подозрѣніи нѣкоторые по сдѣланіи допросовъ оказались невинными; имъ немедленно возвращена свобода. Другіе ослѣпленные молодые люди вступили въ сообщество, не зная настоящей его цѣли, не постигая, сколь гибельны могли быть послѣдствія ихъ неосторожности, и теперь съ живымъ чувствомъ раскаянія видятъ бездну, въ которую влекло ихъ коварство. Есть и такіе, кои давно уже отреклись отъ всякихъ сношеній съ симъ сообществомъ, но виновны тѣмъ, что не объявили о злодѣйственныхъ намѣреніяхъ онаго. Правительство съ надлежащею точностію отличитъ сіи разныя степени преступленія. Главныхъ же, истинно злоумышленныхъ мятежниковъ ожидаетъ примѣрное наказаніе, коего требуетъ справедливость, польза государства и общее мнѣніе людей благомыслящихъ» [385].

Итакъ, готовился страшный судъ надъ несчастными жертвами своихъ политическихъ увлеченій; предполагалось истребить зло и каждому воздать заслуженное примѣрное наказаніе. Однако, не всѣ современники раздѣляли взглядъ государя относительно необходимости предать защитниковъ заговора всей строгости законовъ. «Pas de miséricorde pour ceux-là», — писалъ императоръ Николай цесаревичу, признавая, что братья и подданные «ангела» должны отомстить за Россію и за національную честь. Но рядомъ съ представителями неумолимаго возмездія явились и сторонники милосердія. По мнѣнію принца Евгенія Виртембергскаго, слѣдовало, напротивъ того, проявить снисхожденіе по отношенію къ заговорщикамъ, побѣдить сердца великодушіемъ.

Въ этомъ смыслѣ принцъ довѣрилъ сокровеннѣйшія желанія своего сердца императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, прося ее поддержать ихъ, какъ бы ея собственныя. Онъ полагалъ, что государю слѣдовало бы сказать провинившимся: «Я исполню то, что было бы сдѣлано императоромъ Александромъ. Я прощаю васъ. Удалитесь! Вы не достойны Россіи! Не переступайте болѣе никогда ея предѣловъ».

Марія Ѳеодоровна хотѣла возражать, но принцъ прервалъ императрицу и продолжалъ: «Положивъ руку на сердце, мы должны сознаться, что ни одинъ смертный не безгрѣшенъ, а Россійское государство также не безупречно, въ особенности въ своей исторіи. Пріятнѣе прощать,

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ карать, и при воцареніи, въ политическомъ отношеніи, слѣдуетъ отдать предпочтеніе милосердію передъ строгостью».

Императрица Марія Ѳеодоровна обѣщала племяннику дѣйствовать, по возможности, въ этомъ смыслѣ. Въ настоящее время трудно выяснить, что было сдѣлано императрицею-матерью въ духѣ взглядовъ, высказанныхъ ей племянникомъ; но, судя по дальнѣйшему ходу дѣла, проповѣдь принца Евгенія, очевидно, не нашла себѣ поддержки и отголоска въ правящихъ сферахъ—строгость восторжествовала надъ кротостію [383].

Другой современникъ этихъ событій, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, также высказалъ мысли, весьма близко подходившія къ выводамъ принца Евгенія. Тургеневъ писалъ брату Николаю Ивановичу:

«Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ русскихъ и поляковъ, и не исчезаетъ ли преступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, коему не должно было сопротивляться безъ преступленія? По любви къ государю и его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблудшихъ. Если вслѣдъ за нимъ блуждали и другіе, то какъ не принять кончину его, какъ средство, которое само Провидѣніе давало милости и правосудію человѣческому?» [387].

Существуетъ еще преданіе, что Карамзинъ дерзнулъ сказать императору Николаю: «Ваше величество! Заблужденія и преступленія этихъ молодыхъ людей суть заблужденія и преступленія нашего вѣка».

Суровая дѣйствительность отошла, однако, далеко отъ краснорѣчивыхъ заявленій и разсужденій гуманныхъ защитниковъ принципа милосердія и забвенія. Да иначе и не могло быть; трудно было ожидать иного рѣшенія, при тѣхъ вполнѣ опредѣленныхъ взглядахъ, которые съ самаго начала усвоилъ себѣ императоръ Николай относительно виновности и будущей судьбы зачинщиковъ декабрьскаго движенія.

По поводу дѣйствій учрежденнаго государемъ комитета генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ въ своихъ запискахъ:

«Мы немедленно приступили къ нашимъ занятіямъ со всѣмъ усердіемъ и жаромъ, какихъ требовало дѣло, тѣсно связанное съ политическимъ существованіемъ имперіи и съ безопасностію каждаго изъ ея подданныхъ. Государь подавалъ намъ лучшій примѣръ дѣятельности и рвенія къ общему благу. Онъ самъ призывалъ къ себѣ и предварительно допрашивалъ всѣхъ заговорщиковъ, какъ захваченныхъ въ Петербургѣ, такъ и тѣхъ, которыхъ постепенно привозили изъ разныхъ губерній и полковъ. Ни одинъ изъ соумышленниковъ, указанныхъ ихъ признаніями, не укрылся отъ бдительности правительства. Всѣ были забраны и представлены въ слѣдственную комиссію.

Библиотека "Руниверс"

«Во главѣ заговора въ Петербургѣ были: Рылѣевъ, писатель, служившій въ Россійско-американской компаніи, и князь Трубецкой. Послѣдній, несмотря на данный ему титулъ диктатора, скрылся въ минуту опасности, а затѣмъ умолялъ государя на колѣняхъ не лишать его жизни, который на это соизволилъ; Рылѣевъ, съ своей стороны, бывшій

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

(Съ гравированнаго портрета Райта).

душею мятежа, призналъ тоже за лучшее выждать ходъ обстоятельствъ и вышелъ изъ комнаты только уже тогда, когда пришла за нимъ полиція. Нѣсколько дней позже, я увидѣлъ его, заливающагося слезами умиленія, можетъ быть, и раскаянія, при вѣсти, что государь послалъ находившемуся въ нуждѣ семейству его 3.000 рублей и взялъ на себя попеченіе о дочери того, который поклялся лишить его жизни и ниспровергнуть престолъ.

Библиотека "Руниверс"

«Съ одной стороны, по волѣ государя были даны самыя строгія и подробныя приказанія о хорошемъ содержаніи и охраненіи здоровья арестованныхъ; съ другой—прилагалось неусыпное стараніе тотчасъ освобождать тѣхъ немногихъ, которые были задержаны по ошибкѣ, или которыхъ вина оказывалась слишкомъ маловажною. Такая заботливость, при совершенной гласности всѣхъ распоряженій правительства, внушила къ нему общую довѣренность и признательность[388]. Всѣ сердца обратились къ новому монарху, который въ первую минуту своего управленія, спасъ государство, а теперь польстилъ общественному самолюбію, отдавая, такъ сказать, публичный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ».

Въ такомъ же духѣ оцѣнивалъ дѣйствія комитета правитель дѣлъ этого учрежденія. Въ запискахъ Боровкова читаемъ:

«Комитетъ, дѣйствуя въ духѣ кротости и снисхожденія августѣйшаго монарха, благосклонно спрашивалъ призванныхъ къ допросамъ, позволялъ имъ говорить свободно, выслушивалъ терпѣливо. Заготовленные вопросы, послѣ личныхъ объясненій, отдавали имъ въ казематы, чтобы они могли обдумать свои отвѣты. Главное упорство большой части допрашиваемыхъ состояло въ открытіи соумышленниковъ; но когда имъ показали бывшіе въ комитетѣ списки членовъ ихъ обществъ, когда сказали имъ, что они почти всѣ уже забраны, тогда они стали чистосердечнѣе. Однако комитетъ съ чрезвычайною осторожностью руководствовался ихъ указаніями; онъ не прежде призывалъ къ допросу, какъ удостовѣрившись въ соучастіи сличеніями разныхъ показаній и свѣдѣній. Великій князь Михаилъ Павловичъ часто говорилъ: «Тяжела обязанность вырвать изъ семейства и виновнаго, но запереть въ крѣпость невиннаго—это убійство»[389]. Добрый предсѣдатель комитета, не взирая на полную ко мнѣ довѣренность и убѣжденіе въ моей осмотрительности, съ большимъ упорствомъ подписывалъ требованія о присылкѣ членовъ злоумышленныхъ обществъ. «Смотри, братъ,—говаривалъ онъ мнѣ,—на твоей душѣ грѣхъ, если подхватимъ напрасно». Допросы отбирались изустно въ полномъ присутствіи комитета, собиравшагося каждый вечеръ; только въ Рождество Христово и Новый годъ не было засѣданія. О всѣхъ допросахъ и отвѣтахъ, тотчасъ послѣ присутствія, составлялъ я ежедневно краткія меморіи для государя императора; онѣ подносились его величеству на слѣдующій день поутру, какъ только онъ изволитъ проснуться. Конечно, эти меморіи, написанныя наскоро поздно ночью, послѣ тяжкаго утомительнаго дня, безъ сомнѣнія, не обработаны, но онѣ должны быть чрезвычайно вѣрны, какъ отраженіе живыхъ свѣжихъ впечатлѣній».

Нѣсколько иначе отзывались подсудимые относительно веденія дѣлъ въ комитетѣ, или, какъ его затѣмъ вѣрнѣе называли, «слѣдственной комиссіи».

Библиотека "Руниверс"

по 1. 4 генваря 1826

Милостивый Государь
Аѳанасій Ивановичъ.

Г. Главнокомандующій въ крайнемъ
неудовольствіи читалъ донесеніе Г.
Коммиссара о происшествіи
въ Васильковѣ; и однакожъ въ донесеніи
объ ономъ увѣдавъ (что оному происше-
ствію дѣятельныя меры полу-
чены конечно, напротивъ того изъ рапор-
та Коммиссара Комиссіи видно тож-
ко распоряженій ~~отъ Бывшаго~~
~~начальника~~, а относительно же то-
го войски вступили немедленно
укротить возстановителя. Въ подо-
бныхъ важныхъ случаяхъ надобно
пользоваться временемъ и нашего въ

Библиотека "Руниверс"

Корпуса вайсит наивсем употребить
их наступление вперед.»

Господин главнокомандующий дал
мне словесно приказание
уничтожить Эльзен свалить
начало к левому крылу корпуса
донести ему об исполнении
чего и рапортовать:

Сам же: Граф Каттенгольм
проведши сей час в Ивно и
оттуда в Прилуки дабы вести
фронтом наступление Марширует
Корпусной дорогой Полки на
соединение к Корпусному Командиру
Если по пути сего не будет.

Библиотека "Руниверс"

присутствовать и надеюсь быть
завтра в ночи то поближе чем
отсюда полку возвратиться
на квартиры.

Я еще повторяю что сила
отдых дневной будет всем
храбрым перековорам: Пушкин
вчера 14 числа в Петербурге
конец в деле (выступление
шли с утра 25 дня как худо
сбрали.

Весь ваш

Друг К. Ф. Рылеев

2 числа ночью 1826
в 9 часов по полудни.

Библиотека "Руниверс"

Г. Главнокомандующий адъютантъ
Судженскихъ отъ вам Курьеръ
которыхъ отправленъ каждыя
Среду въ Могилевъ потому куръ
пока не присылаютъ всѣ вѣсти
Государя Николая Павловича
имѣ будутъ всѣ Среду
къ—Сей послѣдній пунктъ я пре
шу довесть до свѣдѣнія
Корпуснаго Командира.

ПИСЬМО БАРОНА К. Ѳ. ТОЛЯ КЪ ГЕНЕРАЛУ А. И. КРАСОВСКОМУ.

Библиотека "Руниверс"

Безспорно, что многіе изъ подсудимыхъ приводились къ государю для допроса со связанными руками назадъ веревками[390]. Въ уцѣлѣвшихъ запискахъ бывшихъ декабристовъ этотъ печальный фактъ подтверждается самымъ положительнымъ образомъ. Затѣмъ бывали случаи, что государь повелѣвалъ непокорныхъ заковывать въ кандалы; въ подобномъ положеніи инымъ приходилось оставаться болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени ихъ дальнѣйшаго упорства; къ такому испытанію нужно еще присоединить соотвѣтственную пищу, посѣщенія священника, назидательныя увѣщанія, сырой казематъ, угрозы пытки со стороны нѣкоторыхъ членовъ комитета, строгое одиночное заключеніе и проч. Само собою разумѣется, что декабристы не могли одинаковымъ образомъ выдержать удручающаго вліянія обстоятельствъ; одни пали ранѣе, другіе держались долѣе. Подъ вліяніемъ физическаго и нравственнаго гнета писались показанія, въ которыхъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ при первыхъ допросахъ отказывали комитету; иной разъ проявлялось даже съ избыткомъ раскаяніе.

«Можете ли вы себѣ представить, что грезится человѣку въ такомъ положеніи,— пишетъ одинъ изъ подсудимыхъ,— и какъ легко ему проговориться и прописаться, не щадя ни себя ни другихъ!»

Не всѣ привлеченные къ отвѣту обладали такою силою воли и твердостію убѣжденій, какъ, напримѣръ, Якушкинъ или Михаилъ Бестужевъ, послѣдній въ особенности. Въ своемъ разсказѣ о событіяхъ 14-го декабря Бестужевъ пишетъ, что послѣ перваго же допроса онъ увидѣлъ для себя необходимость опуститься, какъ улитка, на самое дно раковины безусловнаго отрицанія, чтобы утопая лишнимъ словомъ не топить другихъ. Онъ не увлекся льстивыми обѣщаніями, что единственный путь къ спасенію было чистосердечное раскаяніе. Система откровенности, которой поддались нѣкоторые изъ декабристовъ, не спасла ихъ отъ ожидаемой печальной участи; они договорились лишь благополучно до висѣлицы или до каторжной работы, втягивая къ тому же въ бѣду другихъ, часто неповинныхъ лицъ, запутывая самое дѣло. Къ такимъ личностямъ принадлежали болѣе мягкія, поэтическія натуры, какъ, напримѣръ, Рылѣевъ, который передъ слѣдственной комиссіей дошелъ до такихъ припадковъ откровенности, что при очной ставкѣ сказалъ одному изъ своихъ сотоварищей: «я совѣтую вамъ раскрыть вполнѣ сердце свое комитету, какъ я сдѣлалъ это».

Николай Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ:

«Рылѣевъ старался передъ комитетомъ выставить общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ нашею мыслію, чтобы знали, чего хотѣло общество, онъ открылъ мно-

Библиотека "Руниверс"

гія вещи, которыя открывать бы не надлежало. Со всѣмъ тѣмъ это не были ни ложныя показанія на лица, ни какія нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощеніе; впослѣдствіи, когда все было открыто, и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже стращали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены».

Другой свидѣтель оставилъ не менѣе внушительную картину слѣдственной обстановки. По словамъ Фонвизина: «Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по коридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены комитета дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто даже отказывали въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣдѣнію происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами.

«Послѣ того, могли ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны, и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи несбыточныя и до того нелѣпыя, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора и во вредъ самому себѣ и товарищамъ» [391].

Наконецъ, остается дополнить все вышесказанное слѣдующими строками изъ записокъ декабриста барона Розена. Онъ говоритъ, что лица, засѣдавшія въ слѣдственной комиссіи, были достойны уваженія по многимъ отношеніямъ, но невозможно признать въ нихъ судей свѣдущихъ и безпристрастныхъ. «Допросы и дѣлопроизводство этой комиссіи похо-

Библиотека "Руниверс"

дили на личные допросы императора и очередныхъ трехъ генералъ-адъютантовъ, только въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и въ подробнѣйшихъ частностяхъ, потому что въ комиссіи безпрестанно бывали очныя ставки. Если эта слѣдственная комиссія, по своему назначенію, должна была составить судъ военный, то въ такомъ случаѣ дѣло могло быть рѣшено въ 24 часа безъ помощи законовѣдовъ, и одинъ главный аудиторъ указалъ бы на статью воинскаго устава, по коей каждый обвиненный въ государственной измѣнѣ весьма имѣлъ быть аркебузированъ! Иначе и не возможно было принять эту слѣдственную комиссію, какъ за военный судъ; кромѣ единственнаго Голицына, всѣ члены были военные, и, слава Богу, что между ними были лица образованныя и честныя [392]. Нельзя было ожидать суда, который долженъ былъ бы допустить и пренія и защитниковъ опытныхъ, но тогда этого у насъ не водилось; слѣдственная комиссія представляла зрѣлище, куда вызывали обвиненныхъ, а обвинители ихъ были вмѣстѣ и судебными слѣдователями и судьями».

Къ этой оцѣнкѣ дѣйствій комитета баронъ Розенъ присовокупляетъ еще нѣкоторыя замѣчанія. «Припомните,—пишетъ онъ,—какъ содержались по этому дѣлу арестанты въ крѣпости, ихъ казематы; надѣвали наручники, кандалы, на нѣкоторыхъ и то и другое одновременно, уменьшали пищу, безпрестанно тревожили сонъ ихъ, отнимали послѣдній слабый свѣтъ, проникавшій чрезъ амбразуру крѣпостной стѣны въ окошечко съ рѣшеткою частаго переплета желѣзныхъ пластинокъ, и согласитесь, что эти мѣры стоили испанскаго сапога британскаго короля Іакова II и всѣхъ прочихъ орудій пытки. Пытка при Іаковѣ продолжалась нѣсколько минутъ, часовъ, иногда въ присутствіи короля, а наша крѣпостная продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что разслѣдованіе о злоумышленныхъ обществахъ могло быть ведено даже и въ XIX столѣтіи согласно старинным русскимъ преданіямъ, усвоеннымъ при веденіи прежнихъ, печальной памяти, политическихъ процессовъ; въ лицахъ же, которыя охотно приступили бы къ выполненію подобной задачи, конечно, не было недостатка. Мы уже упомянули о томъ, насколько возрадовались среди петербургскаго общества, когда стало извѣстнымъ, что государь не поручилъ веденія этого дѣла графу Аракчееву и Клейнмихелю. Но затѣмъ, хотя въ слѣдственной комиссіи и не было ни одной злой души, однако всѣ несовершенства нашей тогдашней судебной практики выказались въ полной мѣрѣ, какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ и въ засѣданіяхъ учрежденнаго впослѣдствіи верховнаго уголовнаго суда.

Сказаннаго довольно: покроемъ завѣсою эти печальныя страницы нашего прошлаго.

Библиотека "Руниверс"

III.

20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года), состоялся первый пріемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ дипломатическаго корпуса въ Зимнемъ дворцѣ. Молодому государю впервые надлежало держать публично рѣчь къ представителямъ всѣхъ европейскихъ державъ; онъ, не приготовясь, произнесъ эту рѣчь, въ которой въ сильныхъ и ясныхъ выраженіяхъ изобразилъ свой взглядъ на дѣла и на ту политику, которой намѣренъ былъ слѣдовать.

«Господа,— сказалъ императоръ Николай,— я радъ, что вижу васъ всѣхъ вмѣстѣ и что могу выразить вамъ благодарность за участіе, принятое вами, какъ въ понесенной моимъ домомъ и Россіей весьма прискорбной утратѣ, такъ и въ печальныхъ обстоятельствахъ, ознаменовавшихъ столь грустнымъ образомъ первыя минуты моего вступленія на престолъ. Я хочу, чтобы Европа узнала всю истину о событіяхъ 14-го декабря. Знаю, что многіе изъ васъ были свидѣтелями-очевидцами оныхъ; такимъ образомъ, вы имѣете возможность подтвердить предъ вашими дворами полную точность обѣихъ реляцій, сообщенныхъ вамъ по моему приказанію и уже доведенныхъ до свѣдѣнія всѣхъ кабинетовъ. Объявляю вамъ: ничто не будетъ скрыто; причины, послѣдствія, виновники заговора станутъ извѣстны всему міру. Вы также знаете объ обстоятельствахъ, за ними слѣдовавшихъ, о неожиданной кончинѣ императора. Они послужили предлогомъ, не причиною подавленнаго возстанія. Заговоръ существовалъ уже давно; покойный императоръ зналъ о немъ и относилъ его начало къ 1815 году. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, нѣсколько офицеровъ, проникшись революціонными ученіями и смутнымъ желаніемъ улучшеній, начали мечтать о преобразованіяхъ и подготовлять обширный заговоръ. Императоръ, братъ мой, имѣвшій ко мнѣ полное довѣріе, часто говорилъ о томъ со мною.

«Я знаю,— съ этими словами государь обратился къ датскому посланнику графу Бломе,— что онъ и вамъ нѣсколько разъ повѣдалъ свои опасенія и подозрѣнія, но до сего времени не удавалось схватить нить, ни обнаружить дѣйствительныхъ внушителей этого заговора. Мы долго могли предполагать существованіе иноземныхъ вліяній. Что до меня касается, то, будучи воспитанъ въ строю и проводя всю жизнь мою въ постоянномъ соприкосновеніи съ офицерами и солдатами, признаюсь, что я никогда не могъ повѣрить, чтобы возможно было увлечь русскую армію къ нарушенію ея долга. Я получалъ, напротивъ, ежедневно неопровержимыя доказательства преданности и любви солдатъ къ императору и ко всей нашей семьѣ, и то, что произошло, служитъ лишь несомнѣннымъ доказательствомъ, что я воздавалъ справедливость нашимъ вой-

Библиотека "Руниверс"

скамъ. Ибо, вы должны знать это, господа, въ вѣрности солдата его клятвѣ вожаки и могли только найти единственное средство ввести его въ заблужденіе на одно мгновеніе. Ни къ какому иному соблазну и не прибѣгали; онъ оказался бы безполезнымъ, и тѣ, съ кѣмъ пришлось обращаться, какъ съ мятежниками, не послушались голоса убѣжденія только

Графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ.
(Съ акварели Брюлова, 1829 года).

оттого, что были твердо увѣрены, что исполняютъ долгъ. А потому возстаніе это нельзя сравнивать съ тѣми, что происходили въ Испаніи и Піемонтѣ. Слава Богу, мы до этого еще не дошли и не дойдемъ никогда.

«Нужно будетъ,—продолжалъ государь,—провести большое различіе между участниками заговора. Найдутся въ немъ безусловно ви-

Библиотека "Руниверс"

новные, какъ, напримѣръ, князь Трубецкой, но еще болѣе значительно число людей, введенныхъ въ заблужденіе, которые не знали, куда ихъ ведутъ. Въ прошлый понедѣльникъ вокругъ меня было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, прекрасно исполнившихъ свой долгъ и безъ колебаній атаковавшихъ ряды мятежниковъ; между тѣмъ, многіе изъ нихъ участвовали въ заговорѣ, или по меньшей мѣрѣ знали о немъ, но, будучи связаны страшными клятвами, исторгнутыми у ихъ молодости и неопытности, они полагали, что честь воспрещаетъ имъ разоблачить его. Великое счастіе для Россіи и, могу прибавить, для Европы, что заговоръ разразился, потому что этотъ взрывъ, раскрывъ всѣ развѣтвленія заговора, даетъ намъ полную возможность предотвратить его послѣдствія. Каждый день приноситъ новыя признанія и проливаетъ больше свѣта на все дѣло. Вамъ будетъ сообщено все; я хочу, чтобы ничего не было утаено; я обязанъ дать этотъ примѣръ Россіи, оказать эту услугу Европѣ. Мнѣ кажется, что я уже оказалъ ей еще бо̀льшую услугу, убѣдивъ, что съ довѣріемъ и съ твердостью не невозможно обуздать дерзость революціонеровъ и разстроить ихъ злодѣйскіе умыслы. Но еще разъ повторяю вамъ: то было не возстаніе. Я болѣе, чѣмъ когда либо, увѣренъ въ своей арміи. Заговорщики гораздо ранѣе попытались бы осуществить свой замыселъ, если бы могли придумать способъ, чтобы поколебать вѣрность солдата. Революціонный духъ, внесенный въ Россію горстью людей, заразившихся въ чужихъ краяхъ новыми теоріями, пустилъ нѣсколько ложныхъ ростковъ и внушилъ нѣсколькимъ злодѣямъ и безумцамъ мечту о возможности революціи, для которой, благодаря Бога, въ Россіи нѣтъ данныхъ.

«Вы можете увѣрить ваши правительства,—заключилъ императоръ рѣчь свою,—что эта дерзкая попытка не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Я знаю, господа, что, въ 29 лѣтъ и бывъ всегда только солдатомъ, я не въ правѣ льстить себя надеждой, что съ самаго начала внушу вашимъ государямъ полное довѣріе; единственныя ручательства, которыя я могу имъ дать,—мои намѣренія и чувства. Но я могу завѣрить васъ,—воскликнулъ Николай Павловичъ, ударивъ себя по груди,—что какъ тѣ, такъ и другія чисты и полны откровенности. Къ счастію для меня, путь мой начертанъ, и, слѣдуя тому, на которомъ покойный императоръ обрѣлъ уваженіе, довѣріе и дружбу европейскихъ государей, я надѣюсь заслужить отъ нихъ тѣ же чувства. Передайте это, господа, ихъ величествамъ и поручитесь имъ безъ боязни, что поведеніемъ моимъ всегда будетъ руководить полнѣйшее прямодушіе».

Французскій посолъ графъ Лаферронэ попытался выразить императору, съ какимъ участіемъ и безпокойствомъ дипломаты слѣдили за его дѣйствіями 14-го декабря, и какое удивленіе внушило имъ проявленное государемъ въ этотъ день мужество. «Не станемъ говорить объ этомъ,—

Библиотека "Руниверс"

прервалъ его Николай Павловичъ,—я только исполнилъ свой долгъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ душа даетъ всегда добрый совѣтъ, и всякій, кто носитъ мундиръ, не поступилъ бы иначе. Къ тому же, я былъ слишкомъ увѣренъ въ большинствѣ своей гвардіи, чтобы хотя на минуту испытать малѣйшее безпокойство за исходъ дня».

Государь говорилъ громкимъ, одушевленнымъ голосомъ. Лицо его было полно выразительности, и каждый разъ, упоминая о своихъ намѣреніяхъ, онъ бралъ за руку близко стоявшаго къ нему Лаферронэ и крѣпко жалъ ее, какъ бы призывая его въ свидѣтели искренности своихъ рѣчей. Въ частности, онъ обратился лишь одинъ разъ къ датскому посланнику графу Бломе, а по окончаніи общей аудіенціи взялъ французскаго посла подъ руку и отвелъ его въ свой кабинетъ. Такой необычайный пріемъ привелъ въ смущеніе прочихъ дипломатовъ и возбудилъ среди ихъ немалую тревогу.

Лаферронэ пробылъ наединѣ съ императоромъ цѣлый часъ.

Едва успѣлъ посолъ войти въ кабинетъ, какъ Николай Павловичъ, обнявъ его и заливаясь слезами, воскликнулъ: «Какъ счастливъ я быть съ вами и имѣть возможность, наконецъ, свободно излить душу предъ другомъ, который сумѣетъ понять меня! Постигаете ли вы, какія впечатлѣнія и чувства волнуютъ и давятъ меня въ продолженіе цѣлаго мѣсяца? Я молодъ и неопытенъ, никогда не желалъ верховной власти и не мечталъ о ней, и вотъ, мой другъ, подъ какакими предзнаменованіями я вступаю на престолъ! Посудите же, что должно происходить у меня въ душѣ! Я говорю съ вами съ полною откровенностью и искренностью. Наше взаимное положеніе измѣнилось, но мое уваженіе и дружба къ вамъ не измѣнятся никогда. Я не знаю и не могу предвидѣть сущности отношеній, которыя можетъ установить политика между русскимъ императоромъ и посломъ французскаго короля; но въ чемъ я могу обязаться передъ вами честнымъ словомъ, такъ это, что Николай всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ доселѣ для графа Лаферронэ, и надѣюсь, что и съ вами будетъ то же».

Императоръ перешелъ къ событіямъ, сопровождавшимъ его воцареніе.

«Вы видѣли,—сказалъ онъ,—что произошло. Вообразите же, что я чувствовалъ, когда вынужденъ былъ пролить кровь, прежде чѣмъ окончился первый день моего царствованія! Никто, за исключеніемъ, быть можетъ, васъ и моей жены, не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую испытываю я и буду испытывать во всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ ужасномъ днѣ. Я зналъ заранѣе, какова подавляющая тяжесть короны, и Богъ мнѣ свидѣтель, что я всею силою своихъ помысловъ отвергалъ ту, которую необычайныя обстоятельства заставили меня принять. Между тѣмъ, злодѣи, задумавшіе этотъ мерзкій заговоръ, вынуждаютъ меня поступать такъ, какъ если бы мое намѣреніе было

Библиотека "Руниверс"

вырвать корону изъ рукъ того, кому она принадлежитъ. Я знаю, что многіе станутъ порицать поспѣшность, съ которою я дѣйствовалъ въ минуту полученія извѣстія о кончинѣ императора. То, что произошло, дѣйствительно, какъ бы осуждаетъ поспѣшность, съ которою я призналъ брата Константина и принесъ ему присягу. Тѣмъ не менѣе, если бы я снова очутился въ прежнемъ положеніи, я не поступилъ бы иначе. Отдаю мое положеніе на вашъ судъ. Находясь одинъ въ Петербургѣ въ минуту смерти императора, могъ ли я, долженъ ли я былъ воспользоваться правомъ, истекающимъ изъ акта, о которомъ, за исключеніемъ

Императоръ Александръ I.
(Съ гравюры Райта).

небольшого числа лицъ, никто не зналъ ничего во всей имперіи! Нѣтъ, я не долженъ былъ это сдѣлать, особенно въ отсутствіе брата. И если, невзирая на мое поведеніе, невзирая на все совершенное мною, дабы доказать чистоту моихъ намѣреній, я былъ настолько несчастливъ, что усомнились въ моемъ прямодушіи и честности и внушили это сомнѣніе солдатамъ моей гвардіи, то что бы сказали, какое оружіе далъ бы я противъ себя въ руки людей злонамѣренныхъ, если бы, безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ акта отреченія, которое клевета могла бы назвать невольнымъ, я поспѣшилъ вступить на престолъ въ отсутствіе того, кто прямо призванъ къ тому порядкомъ престолонаслѣдія? Развѣ я этимъ не подалъ бы повода утверждать, что то самое начало законности, коего

Библиотека "Руниверс"

мы себя провозглашаемъ защитниками, для насъ самихъ—лишь пустой звукъ, надъ которымъ мы первые насмѣхаемся, когда намъ внушаетъ это честолюбіе? Впрочемъ, кто посмѣетъ утверждать, что права мои на корону, единственно основанныя на манифестѣ покойнаго императора, который не могъ быть обнародованъ иначе, какъ по восшествіи моемъ на престолъ, были бы признаны всѣми? И какимъ именемъ назвали бы, въ какихъ краскахъ изобразили бы мѣры, которыя пришлось бы принять для ихъ поддержанія? Если поспѣшность, съ которою я отвергъ эту корону, не помѣшала заподозрѣть во мнѣ похитителя власти, то чего бы

Императрица Елисавета Алексѣевна.
(Съ гравюры Райта).

не сочли себя въ правѣ сказать, когда бы я устремился на престолъ тотчасъ по его освобожденіи? Чѣмъ былъ я, всего нѣсколько дней назадъ, въ Европѣ, въ мірѣ, дабы имѣть право требовать, чтобы безъ доказательствъ повѣрили моей искренности и честности? Положеніе мое, дорогой другъ, было ужасно, и никто не сумѣлъ или не захотѣлъ понять его. Но призываю въ свидѣтели небо и клянусь честью, что я прислушивался только къ голосу моей совѣсти, сообразовался лишь съ моими чувствами, которыя нынѣ и всегда останутся запечатлѣнными въ душѣ. Я находилъ, нахожу и теперь, что если бы братъ Константинъ внялъ моимъ настойчивымъ моленіямъ и прибылъ въ Петербургъ, то мы избѣжали бы ужасающей сцены, коей вы были свидѣтелемъ, и опасности,

Библиотека "Руниверс"

которой она подвергла насъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Онъ не счелъ нужнымъ уступить моимъ просьбамъ. Невозможность немедленно обнародовать все, происходившее между нимъ и мною, необходимость положить конецъ продолжительной и опасной неизвѣстности, въ которой находилось общество, заставили меня тогда принять престолъ. Но заговорщики вообразили, что они разомъ нашли и предлогъ и способъ дѣйствовать. Они ухитрились внушить о разладѣ между братомъ и мною, а мое поведеніе изобразили въ самомъ гнусномъ свѣтѣ. Одною силою клеветы и увѣривъ солдатъ, что государь, съ коимъ связывала ихъ первая присяга, находится въ заточеніи и ввѣряетъ имъ заботу отомстить за него, успѣли ввести нѣкоторыхъ изъ нихъ въ заблужденіе. Вотъ, что дѣлало мое положеніе въ прошлый понедѣльникъ въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ я могу вамъ это выразить. Я былъ увлеченъ необходимостью, чтобы спасти столицу, быть можетъ, имперію отъ страшной катастрофы, пролить кровь несчастныхъ, большая часть которыхъ доказывала своимъ участіемъ въ бунтѣ, до чего можетъ ихъ довести вѣрность присягѣ и преданность царю».

Слезы въ изобиліи текли изъ глазъ императора, рыданіе заглушало его голосъ. Послѣ минутнаго перерыва онъ продолжалъ:

«Извините меня, дорогой графъ. Я знаю, что передъ другомъ могу излить душу, раскрыть всѣ ея страданія, не опасаясь быть обвиненнымъ въ слабости. Повторяю: вамъ обязанъ я первою минутой испытаннаго облегченія. Я вѣрилъ вашей дружбѣ при обстоятельствахъ, которыя не давали повода ни вамъ ни мнѣ подозрѣвать тѣ, въ коихъ мы находимся нынѣ. Желалъ бы вѣрить, нуждаюсь въ надеждѣ, что событія, совершившіяся на нашихъ глазахъ, не только ничего не измѣняютъ въ вашихъ чувствахъ, но еще дадутъ мнѣ новое право на ваше уваженіе. Впрочемъ, душа моя глубоко опечалена, но не удручена, въ особенности же она не должна казаться такою націи, повелѣвать которою составляетъ мою гордость. Да, вы можете мнѣ повѣрить: сквозь тучи, затемнившія на мгновеніе небосклонъ, я имѣлъ утѣшеніе получить тысячу выраженій высокой преданности и распознать любовь къ отечеству, отомщающую за стыдъ и позоръ, которые горсть злодѣевъ пыталась взвесть на русскій народъ. Вотъ почему воспоминаніе объ этомъ презрѣнномъ заговорѣ не только не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго недовѣрія, но еще усиливаетъ мою довѣрчивость и отсутствіе опасеній. Прямодушіе и довѣріе вѣрнѣе обезоруживаютъ ненависть, чѣмъ недовѣріе и подозрительность, составляющія принадлежность слабости. Я предчувствую всѣ свои обязанности, скоро узнаю ихъ и сумѣю ихъ исполнить. Но въ дружеской бесѣдѣ я могу признаться въ тяжести бремени, возложеннаго на меня Провидѣніемъ. Въ 29 лѣтъ, дорогой графъ, позволительно въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, страшиться задачи, которая, казалось

Библиотека "Руниверс"

мнѣ, никогда не должна была выпасть мнѣ на долю, и къ которой, слѣдовательно, я не готовился. Я никогда не молилъ Бога ни о чемъ такъ усердно, какъ чтобы Онъ не подвергалъ меня этому испытанію. Его воля рѣшила иначе: я постараюсь стать на высотѣ долга, который Онъ на меня возлагаетъ. Я начинаю царствованіе, повторяю вамъ, подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями. Я сумѣю ихъ исполнить. Проявлю милосердіе, много милосердія, нѣкоторые даже скажутъ—слишкомъ много: но съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады. Законъ изречетъ кару, и не для нихъ воспользуюсь я принадлежащимъ мнѣ правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ. Но не устану вамъ повторять: сердце мое раздирается, и у меня постоянно предъ глазами ужасное зрѣлище, ознаменовавшее день моего вступленія на престолъ».

Государь былъ глубоко взволнованъ. Лаферронэ замѣтилъ, что Европа, узнавъ о событіи, содрогнется при мысли объ опасности, которой подвергалъ себя императоръ, но въ то же время испытаетъ глубокое восхищеніе, убѣдившись, что тотъ, кто призванъ возсѣсть въ сонмѣ ея монарховъ, съ перваго же дня показалъ себя достойнымъ престола и твердою рукой защитилъ и утвердилъ свой вѣнецъ. «О, что до этого касается,—прервалъ его государь съ выраженіемъ благородной гордости о взглядѣ и въ голосѣ,—ручаюсь вамъ, что то, что далъ мнѣ Богъ, ни одинъ человѣкъ у меня не отниметъ».

Николай Павловичъ началъ затѣмъ подробно разсказывать своему собесѣднику исторію заговора въ томъ видѣ, въ какомъ его выяснило дознаніе. Онъ имѣлъ обширныя развѣтвленія, преимущественно во второй арміи, въ которой служила большая часть офицеровъ, остававшихся долгое время во Франціи подъ начальствомъ графа Воронцова. Этотъ молодой генералъ самъ, по возвращеніи въ отечество, представилъ покойному императору записку, изложенную съ большою независимостью и энергіей. Въ ней требовались значительныя измѣненія въ существующемъ образѣ правленія, и подписалось подъ нею много лицъ весьма почтенныхъ. Хотя въ эту эпоху мысли императора Александра были несравненно менѣе враждебны либеральнымъ ученіямъ, чѣмъ стали впослѣдствіи, но все же онъ былъ крайне недоволенъ запиской, составитель которой оставался въ немилости нѣсколько лѣтъ.

Лаферронэ спросилъ государя, не замѣшаны ли въ заговорѣ иностранцы. «Пока нѣтъ ни одного,—отвѣчалъ Николай Павловичъ,—повидимому, эти господа какъ бы полагали національное тщеславіе въ томъ, чтобы обдѣлать дѣло между собою».

Бесѣда еще долго длилась на ту же тему. Въ заключеніе императоръ Николай сказалъ: «Сегодня я не разговариваю съ вами о политикѣ,

Библиотека "Руниверс"

потому что она для меня вещь совершенно новая, и намъ нужно прежде всего знать, въ какихъ отношеніяхъ стоимъ мы ко всѣмъ державамъ. Тѣмъ не менѣе, мое искреннѣйшее желаніе—остаться со всѣми европейскими дворами въ положеніи полнаго довѣрія и близкихъ сношеній, существовавшихъ между ними и покойнымъ императоромъ. Я знаю, дорогой графъ, что его величество не могъ нахвалиться расположеніемъ короля, вашего повелителя, и его министровъ. И мнѣ кажется, что для Франціи и Россіи одинаково полезно вступить въ соглашеніе и дѣйствовать сообща. Впрочемъ, я не знаю еще, чего требуютъ обстоятельства и сочетанія, порожденныя ходомъ событій. Но я знаю, что пока вы съ нами, я буду вѣрить въ дружбу короля ко мнѣ, и всякое дѣло легко обсудится между вами и мною[393]. Вѣрьте мнѣ: мы вмѣстѣ совершимъ добрыя дѣла. Впрочемъ, повторяю, я еще не посвященъ въ политику»[394].

Бесѣда императора Николая съ Лаферронэ продолжалась цѣлый часъ; пылкая и задушевная рѣчь государя произвела на французскаго дипломата весьма сильное впечатлѣніе. Лаферронэ прямо изъ дворца поѣхалъ къ графу Рибопьеру. «Ну, — воскликнулъ онъ,—у васъ есть властелинъ, какая рѣчь, какое благородство, какое величіе, и гдѣ до сихъ поръ онъ скрывалъ все это». Императоръ Николай явился ему, какъ онъ выразился, образованнымъ Петромъ Великимъ[395].

Продолжительная аудіенція французскаго посла у государя встревожила прочихъ дипломатовъ, въ особенности австрійскаго посла Лебцельтерна и англійскаго Странгфорда. Они опасались, не безъ нѣкотораго основанія, что политика Россіи, въ особенности въ Восточномъ вопросѣ, можетъ принять съ наступленіемъ новаго царствованія характеръ, болѣе сродный русскимъ интересамъ, чѣмъ выгодамъ великаго европейскаго союза.

Вообще съ самаго 14-го декабря проницательный наблюдатель могъ уже составить себѣ понятіе о характерѣ новаго повелителя Россіи; чувствовалось, что съ этой минуты нѣчто новое, еще неизвѣстное будетъ играть роль въ политикѣ русскаго двора.

Припомнимъ здѣсь, что въ день 14-го декабря къ императору Николаю подошелъ тогдашній ганноверскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Дёрнбергъ. Иностранные министры, собравшіеся на бульварѣ, чтобы взглянуть на необычайное для Петербурга происшествіе этого дня, поручили престарѣлому графу испросить имъ позволеніе стать въ свиту государя, какъ бы въ сильнѣйшее еще подтвержденіе передъ народомъ законности его правъ. Принявъ милостиво привѣтъ Дёрнберга, Николай Павловичъ поручилъ ему, поблагодаривъ своихъ товарищей, сказать имъ: «que cette scène était une affaire de famille, à laquelle l'Europe n'avait rien à démêler». Этотъ отвѣтъ очень полюбился стоявшимъ

Библиотека "Руниверс"

вокругъ русскимъ, пишетъ баронъ Корфъ, а иностраннымъ дипломатамъ далъ первое понятіе о характерѣ новаго монарха[396].

Дѣйствительно, вскорѣ обрисовалось съ достаточною ясностью, что космополитизмъ Александровской эпохи во внѣшней, равно какъ и во внутренней политикѣ, отжилъ свой вѣкъ.

«Теперь не существуетъ болѣе политики англійской, французской, русской, прусской и австрійской, а существуетъ только одна политика общая, которая для спасенія всѣхъ должна быть усвоена сообща народами и государями»,—такъ говорилъ въ 1822 году императоръ Александръ Шатобріану[397]. Императоръ Николай напротивъ былъ такого мнѣнія, что русская политика существуетъ, и считалъ себя ея представителемъ. Хотя Николай Павловичъ оставался сторонникомъ Священнаго союза и готовъ былъ во всякое время протянуть руку помощи своимъ союзникамъ, руководствуясь одними побужденіями полнаго безкорыстія, но по складу своего ума новый державный повелитель Россіи не могъ сдѣлаться сторонникомъ туманнаго космополитизма на религіозной подкладкѣ и не могъ жертвовать русскими интересами въ пользу соображеній какого-то высшаго порядка! Новая политическая система русскаго двора вскорѣ выяснилась тѣмъ, какимъ образомъ императоръ Николай отнесся къ стоявшему на очереди Восточному вопросу.

IV.

21-го декабря 1825 года (2-го января 1826 года) послѣдовалъ выносъ тѣла графа Милорадовича изъ Казанскаго собора для погребенія въ Невской лаврѣ. Императоръ Николай и великій князь Михаилъ Павловичъ почтили печальный обрядъ своимъ присутствіемъ, равно какъ всѣ первостепенные военные и гражданскіе чиновники. Дипломатическій корпусъ также присутствовалъ на похоронахъ въ полномъ составѣ.

Въ числѣ лицъ, явившихся въ Казанскій соборъ, находился также графъ Аракчеевъ, который поспѣшилъ въ тотъ же день довести это необычайное событіе до свѣдѣнія императора Николая и писалъ государю:

«Мнѣ именно запретили медики сегодня выѣзжать, но я ихъ не послушался и былъ ровно въ 9-ть назначенныхъ часовъ въ Казанскомъ соборѣ, дожидался моего государя императора, поклонясь ему, мимо меня прошедшему, вѣрноподданническимъ образомъ, и, сдѣлавъ почитаніе вѣрному и доброму товарищу, позавидовалъ ему, что онъ уже находится вмѣстѣ съ благословеннымъ Александромъ, вынужденъ былъ отъ бо-

Библиотека "Руниверс"

лѣзни своей возвратиться домой. Меня видѣли многіе, между прочими и новый военный губернаторъ, Павелъ Васильевичъ Кутузовъ».

Къ этой рекламѣ о своей персонѣ Аракчеевъ прибавилъ и добрый совѣтъ: «Вашему императорскому величеству весьма нужно беречь свое здоровье. Оно нужно для блага цѣлой Россіи и для истребленія открытаго вами зла.

«Вѣрнѣйшій вѣрноподданный до конца жизни графъ Аракчеевъ» [398].

Съ какимъ бы удовольствіемъ безъ лести преданный графъ принялся истреблять открытое зло; исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней послѣдовало бы, по всей вѣроятности, полное. Но, къ счастью, двери слѣдственной комиссіи для него не раскрылись, а готовилось нѣчто другое— полное крушеніе занимаемаго имъ первенствующаго положенія въ государствѣ.

Среди разныхъ горестныхъ происшествій, закончившихъ собою 1825 годъ, послѣдовало и одно радостное событіе, встрѣченное съ сочувствіемъ современниками, къ которому и отдаленное потомство не можетъ отнестись равнодушно. Вслѣдъ за 14-мъ декабря насталъ тотъ вожделѣнный моментъ, когда графъ Аракчеевъ пересталъ наконецъ управлять Россійскою имперіею. Воцарился государь, который чувствовалъ въ себѣ достаточную мощь самому управлять Богомъ ввѣреннымъ его государствомъ, а потому паденіе прежняго значенія графа Аракчеева являлось дѣломъ неизбѣжнымъ; оно не заставило себя ждать.

Императоръ Николай началъ съ того, что уволилъ графа Аракчеева отъ завѣдыванія дѣлами комитета министровъ и собственной его величества канцеляріи. Это былъ, конечно, только первый шагъ къ предстоявшему въ ближайшемъ будущемъ освобожденію и военныхъ поселеній отъ тяжелой опеки ихъ суроваго творца. Но самое увольненіе графа Аракчеева императоръ Николай обставилъ такими особыми знаками изысканнаго вниманія, которые не часто встрѣчаются въ исторіи административныхъ перемѣщеній; они дѣлаются понятными, если припомнить, что государь имѣлъ дѣло не только съ довѣреннымъ совѣтникомъ, но и съ другомъ почившаго императора Александра, память о которомъ оставалась священною для его преемника [399].

Для характеристики отношеній, установившихся между бывшимъ временщикомъ и молодымъ государемъ, обратимся теперь къ перепискѣ, завязавшейся между Николаемъ Павловичемъ и графомъ Аракчеевымъ, вскорѣ послѣ кончины императора Александра.

Хотя графъ Аракчеевъ послѣ присяги, принесенной цесаревичу Константину Павловичу, 30-го ноября внезапно выздоровѣлъ и снова вступилъ въ управленіе военными поселеніями, но это чудесное исцѣленіе было непродолжительнымъ; по мѣрѣ угасанія надежды на воцареніе императора Константина, здоровье графа Алексѣя Андреевича стало снова

Библиотека "Руниверс"

приходить въ худшее состояніе. Онъ заперся въ своемъ домѣ на Литейной, никого не принималъ у себя и нигдѣ не показывался. Когда же во время междуцарствія Николай Павловичъ пожелалъ видѣть графа

Василій Сергѣевичъ Ланской.
(Съ портрета, писаннаго масляными красками).

Аракчеева, послѣдній написалъ великому князю 10-го декабря 1825 года письмо, преисполненное элегическими возгласами:

«Богъ да вознаградитъ вашего императорскаго высочества Николая Павловича, что вы несчастнаго сироту вспомнили въ его неутѣшной пе-

Библиотека "Руниверс"

чали, который потеряніемъ своего государя вмѣстѣ съ онымъ лишился отца и благодѣтеля. Желаніе мое теперь только существуетъ въ безпрестанной ко Всевышнему Богу просьбѣ, дабы онъ скорѣе меня соединилъ съ покойнымъ моимъ благодѣтелемъ, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, что Богъ услышитъ мою молитву.

«Пока же угодно Богу оставить меня на страданія въ сей жизни, то отъ вашего императорскаго высочества зависѣть будетъ назначить мнѣ день и часъ и мѣсто, когда и куда явиться мнѣ къ вашему императорскому высочеству; но рабски прошу васъ принять меня наединѣ, ибо съ людьми я быть никакъ не могу, свидѣтельствуясь въ оном самимъ Богомъ.

«Вашего императорскаго высочества вѣрноподданный графъ Аракчеевъ» [400].

Свиданіе Николая Павловича съ графомъ Аракчеевымъ дѣйствительно состоялось 10-го декабря; во время происшедшаго тогда разговора графъ Алексѣй Андреевичъ упомянулъ о существованіи заговора, прибавивъ, что не знаетъ, на чемъ дѣло остановилось. Нужно полагать, что сообщенныя имъ тогда великому князю свѣдѣнія были весьма неопредѣленнаго свойства и заключались, вѣроятно, только въ томъ, что напали на слѣдъ какого-то заговора, на который нужно обратить вниманіе, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что только донесеніе генералъ-адъютанта барона Дибича бросило лучъ свѣта въ темныя догадки, безпокоившія уже съ нѣкотораго времени Николая Павловича. Когда же великій князь, почти наканунѣ своего воцаренія, прислалъ къ Аракчееву генералъ-губернатора для разъясненія этого важнаго дѣла, то, какъ выше упомянуто, безъ лести преданный графъ не допустилъ къ себѣ Милорадовича, несмотря на сдѣланное имъ заявленіе, что онъ присланъ великимъ княземъ, подъ предлогомъ, что принялъ за правило никого у себя не видѣть, даже и по службѣ.

Послѣ 14-го декабря элегическое настроеніе графа Аракчеева быстро перешло уже въ настойчивое желаніе полнаго удаленія отъ дѣлъ. Государь, конечно, не отказалъ Аракчееву въ немедленномъ удовлетвореніи выраженнаго имъ желанія и написалъ 20-го декабря графу письмо, къ которому приложилъ собственноручно написанную черновую записку относительно перевода собственной его величества канцеляріи въ непосредственное государя завѣдываніе и одновременнаго увольненія графа Аракчеева и отъ завѣдыванія канцеляріею комитета министровъ. «Я ожидаю отъ васъ вашихъ на оную замѣчаній, — писалъ Николай Павловичъ,—вмѣстѣ съ возвращеніемъ ко мнѣ оной. Я желаю симъ исполнить долгъ мой и удовлетворить справедливому желанію вашему» [401].

На это милостивое письмо императора Николая графъ Аракчеевъ отвѣтилъ въ тотъ же день слѣдующими строками:

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ, по копіи, сдѣланной проф. Швабомъ.

ХРОМОЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТТИНІОТЪ С.П.Б.

Библиотека "Руниверс"

«Ваше императорское величество,

«Всемилостивѣйшій государь!

«Принося вѣрноподданническую душевную мою благодарность за милостивое ваше къ подданному вниманіе, которое я не успѣлъ вашему величеству заслужить, но пріемлю сію вашу милость продолженіемъ милостей ко мнѣ покойнаго моего отца и благодѣтеля въ Бозѣ почившаго императора Александра Павловича, осмѣливаюсь представить другой проектъ рескрипта, коимъ я буду доволенъ, а для порядку нуженъ особый указъ и комитету гг. министровъ, который при семъ и представляю.

«Сія вѣрноподданная моя благодарность отправлена съ г.-м. Клейми-хелемъ, который имѣетъ препорученіе мое представить лично вашему императорскому величеству расписаніе корпуса военныхъ поселеній и на апробацію приказъ, издаваемый по корпусу, по случаю воспослѣдовавшаго на мое имя вчерашняго рескрипта вашего императорскаго величества[402].

«До конца жизни моей пребуду вѣрнѣйшимъ вѣрноподданнымъ.

«Г. Аракчеевъ».

Къ этому письму былъ приложенъ проектъ рескрипта, писанный рукою графа Аракчеева карандашемъ, коимъ согласно заявленію, сдѣланному государю, онъ останется доволенъ. Передѣлывая высочайшій рескриптъ, графъ Аракчеевъ выпустилъ изъ него все относящееся до военныхъ поселеній[403].

Императоръ Николай не замедлилъ исполнить желаніе Аракчеева, удостоивъ его рескриптомъ, согласнымъ съ проектомъ графа и помѣченнымъ 20-мъ же декабря 1825 года:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужное, я согласно желанію и просьбѣ вашей увольняю васъ отъ занятій дѣлами по собственной моей канцеляріи, которая посему и будетъ находиться въ непосредственномъ моемъ завѣдываніи; равномѣрно, удовлетворяя желанію вашему, предоставляю вамъ и канцелярію комитета министровъ поручить управляющему дѣлами сего комитета дѣйствительному статскому совѣтнику Гежелинскому, о чемъ указъ комитету сего числа послѣдовалъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ пребываю вамъ навсегда доброжелательнымъ.

«Николай»[404].

Библиотека "Руниверс"

Но императоръ Николай не ограничился приведеннымъ здѣсь милостивымъ рескриптомъ. Наканунѣ, 19-го декабря, государь осчастливилъ еще Аракчеева упомянутымъ уже выше другимъ рескриптомъ, относящимся до дѣятельности графа по военнымъ поселеніямъ и напечатаннымъ въ газетахъ того времени. Въ немъ императоръ говорилъ, что надѣется, что графъ попрежнему будетъ служить его величеству, какъ служилъ покойному государю.

Вотъ содержаніе этого рескрипта:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Въ Бозѣ почивающему императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военныя поселенія для пользы государства нашего, и вы, будучи всегда точнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ воли его, успѣли достигнуть цѣли благихъ его намѣреній. Предполагая и вмѣняя себѣ въ обязанность поддерживать устройство начатаго дѣла, я надѣюсь, что вы будете мнѣ вспомоществовать въ ономъ съ тѣмъ же чистымъ усердіемъ, которое всегда отличало васъ въ глазахъ покойнаго императора, и вслѣдствіе того предоставляю вамъ дѣйствовать тѣми постановленіями и узаконеніями, кои доселѣ по военному поселенію были изданы, и въ случаѣ надобности повелѣваю вамъ входить ко мнѣ съ докладами и испрашивать разрѣшенія тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ исполняли оное при покойномъ государѣ. Пребываю вамъ всегда благосклонный

«Николай».

Обрадованный графъ Аракчеевъ поспѣшилъ 20-го декабря разослать копію съ высочайшаго рескрипта по поселеннымъ войскамъ, при слѣдующемъ приказѣ:

«Войска поселенныя! Государю императору Николаю Павловичу благоугодно было, въ 19-й день сего мѣсяца, удостоить меня высочайшимъ рескриптомъ, которымъ соизволилъ объявить, что поддержитъ устройство военнаго поселенія, начатаго императоромъ Александромъ Павловичемъ, для пользы государства Россійскаго. Я спѣшу препроводить сей рескриптъ къ общему свѣдѣнію вашему. Да порадуется каждый изъ васъ, что благосостояніе ваше остается непоколебимымъ, и да усугубятся стараніе и усердіе всѣхъ васъ оправдать память императора, въ Бозѣ почивающаго, и заслужить милость всемилостивѣйшаго государя царствующаго».

По поводу рескрипта 19-го декабря Михайловскій-Данилевскій пишетъ:

«Странно, что къ одному графу Аракчееву пишутъ о продолженіи его службы; въ такомъ случаѣ надлежало бы писать, по крайней мѣрѣ,

Библиотека "Руниверс"

и къ обоимъ главнокомандующимъ, графамъ Витгенштейну и Сакену, чтобы и они остались на службѣ, или другимъ особамъ, занимающимъ важныя должности; но такъ какъ нѣтъ указа или приказа объ увольненіи ихъ, равно какъ и Аракчеева отъ службы, то не существуетъ и достаточной причины для написанія къ нимъ подобныхъ рескриптовъ. Но я думаю, что поводомъ къ оному были двѣ причины: во-первыхъ, графъ Аракчеевъ, противъ котораго по смерти Александра всѣ явно вопіяли, и желали симъ рескриптомъ, напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ, общенародно доказать, что онъ остается попрежнему при дворѣ, а, во-вторыхъ, другая побудительная причина, которая мнѣ кажется болѣе основательною, есть та, чтобы объявить волю монаршую о высочайшемъ намѣреніи оставить попрежнему военныя поселенія. Извѣстно, что сіе учрежденіе вѣка Александра вооружило противъ себя Россію, и потому по кончинѣ его думали, что преемникомъ его оное будетъ или отмѣнено, или не будетъ болѣе распространяться; но симъ рескриптомъ, послѣдовавшимъ на имя графа Аракчеева, ясно изображается высочайшая воля и въ семъ отношеніи поступить по примѣру Александра» [405].

Такъ разсуждали многіе изъ современниковъ разбираемой эпохи; дѣйствительно съ перваго взгляда могло казаться, что поселенной идилліи суждено продолжаться на прежнемъ основаніи. Но эти опасенія продержались недолго; уже приближался моментъ разлуки несчастнаго сироты съ своимъ дѣтищемъ! Что же касается поселеній, то они стали постепенно терять прежній характеръ, и затѣмъ не получили того дальнѣйшаго, пагубнаго для Россіи, расширенія, которое, угрожая имперіи новыми бѣдствіями, замышлялось еще недавно его творцами.

Между тѣмъ русское общество продолжало относиться съ прежнею строгостью къ бывшему временщику. Начавшееся паденіе его не возбудило и тѣни сожалѣнія; никто не помянулъ графа Аракчеева добрымъ словомъ [406]. Напротивъ того, даже въ донесеніяхъ высшей полиціи его дѣлали отвѣтственнымъ за неудовольствіе, вызвавшее взрывъ 14-го декабря. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ М. М. Фока къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, отъ 20-го іюля 1826 года, мы читаемъ:

«Въ сущности нѣкоторые изъ новаторовъ попросту задались мыслью отмѣтить злоупотребленія, указывая въ то же время и на лѣкарство. По ихъ мнѣнію, великія внѣшнія войны и иностранная политика до того поглотили все вниманіе правительства, что управленіе внутренними дѣлами страдало, находясь въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, органовъ и креатуръ единственнаго человѣка, облеченнаго довѣріемъ государя и до того честолюбиваго подъ личиною безкорыстія, что онъ пожертвовалъ честолюбію наиболѣе близкими интересами управляемыхъ и заставилъ правительство слѣдовать системѣ управленія, сущность кото-

Библиотека "Руниверс"

рой заключалась въ придиркахъ, а цѣль въ жаждѣ нераздѣльнаго господства; такимъ образомъ недовольство, безпрерывно возрастая, въ силу необходимости должно было привести въ концѣ концовъ къ взрыву. Затѣмъ эти же самые новаторы, не имѣя ни власти, ни средствъ, возвели себя на степень распорядителей и неизбѣжно должны были прибѣгнуть къ преступнымъ мѣрамъ, чтобы развить свои планы и привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, если, съ одной стороны, ничто не можетъ извинить предпріятій, отвергаемыхъ законами божескими и человѣческими, то, съ другой стороны, очевидно, что все было сдѣлано, чтобы вызвать недовольство, и ничего для того, чтобы подавить его въ самомъ зародышѣ» [407].

25-го декабря 1825 года былъ при дворѣ выходъ. Царедворцы, по свидѣтельству очевидца, были недовольны его мрачнымъ видомъ. Въ то время начали распространяться «всевозможные разсказы о разныхъ выдающихся личностяхъ, замѣшанныхъ въ преступномъ заговорѣ».

Тѣмъ не менѣе въ этотъ день и въ Новый годъ роздано было великое множество наградъ. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Командиръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, генералъ-адъютантъ, генералъ-майоръ, Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, возведенъ былъ 25-го декабря 1825 года въ графское достоинство, «въ воздаяніе отличнаго служенія намъ и отечеству», а, какъ говорили тогда, для отличія отъ брата, Михаила Ѳедоровича, который былъ сильно замѣшанъ въ дѣло о злоумышленныхъ обществахъ [408]. Военный министръ Татищевъ получилъ орденъ св. Владимира 1-й степени, генералъ-адъютанты Закревскій и Бенкендорфъ—орденъ св. Александра Невскаго и т. д.

Графу Модену повелѣно было быть при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ должности гофмейстера; кромѣ того, онъ былъ награжденъ Александровскою лентою.

Великій князь Михаилъ Павловичъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, равно какъ и петербургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Свита воцарившагося государя также сразу разрослась до почтенной цифры. Въ періодъ времени съ 14-го декабря до Новаго года назначены были 20 новыхъ генералъ-адъютантовъ и 38 флигель-адъютантовъ.

Назначеніе новыхъ генералъ-адъютантовъ навело Михайловскаго-Данилевскаго, находившагося въ это время въ Кременчугѣ, на слѣдующія размышленія:

«Изъ новыхъ генералъ-адъютантовъ, назначенныхъ приказомъ по арміи 15-го декабря, большая часть людей незначительныхъ, и, за исключеніемъ Сукина, Воинова, Демидова и Шеншина, пріобрѣтшихъ долголѣтнею службою и ранами уваженіе соотечественниковъ, всѣ другіе

Библиотека "Руниверс"

не что иное, какъ люди, занимавшіеся фрунтовою частью. Не знаю, что именно происходило въ Петербургѣ во время возмущенія 14-го декабря; можетъ быть, сіи господа имѣли случай показать чрезвычайную храбрость свою и необыкновенную преданность нашему новому монарху, и мнѣ пріятно думать, что они оказали опыты своего мужества, но, прочитавъ описаніе несчастнаго мятежа, происходившаго въ Петербургѣ

Петръ Андреевичъ Каховскій (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

14-го декабря, я не постигаю, что они могли сдѣлать отличнаго; за исключеніемъ полковъ Кавалергардскаго и Коннаго, ходившихъ на бунтовщиковъ въ атаку, тутъ прочимъ генераламъ не было случая блеснуть; досадовалъ я, что назначенія въ званія, на которыя мы привыкли смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ, должны были послѣдовать по той причинѣ, что гвардейскіе полки, можетъ быть, колебались въ принятіи присяги, и что командиры оныхъ оказали твердость и присутствіе

Библиотека "Руниверс"

духа. Въ такомъ случаѣ они достойны возможной награды. Нельзя, однако же, при семъ не привести на память генералъ-адъютантовъ царствованія Александра, который, за нѣкоторыми исключеніями, облекалъ въ это званіе людей, первѣйшія мѣста въ имперіи занимающихъ. Не отнимая заслугъ у вновь произведенныхъ генералъ-адъютантовъ, но съ прежними ни въ какомъ отношеніи сравнить ихъ невозможно, это сущіе пигмеи, а потому я и полагаю, чтобы возвысить сіе званіе, надобно будетъ назначить въ оное нѣсколькихъ отличныхъ генераловъ. Догадка моя отчасти оправдалась, увидя изъ высочайшаго приказа, отданнаго 25-го декабря, о назначеніи вице-адмирала Сенявина въ генералъ-адъютанты».

Вскорѣ послѣ воцаренія императоръ Николай не замедлилъ вспомнить объ одномъ изъ опальныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, бывшемъ генералъ-адъютантѣ императора Александра I-го, князѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Меншиковѣ. Припомнимъ здѣсь, что 24-го ноября 1824 года генералъ-майоръ, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ уволенъ былъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ; онъ впалъ въ немилость послѣ удаленія князя Волконскаго отъ управленія главнымъ штабомъ его императорскаго величества. Съ тѣхъ поръ князь Меншиковъ проживалъ съ семействомъ въ Москвѣ въ полномъ отчужденіи отъ дѣлъ. Государь вызвалъ князя Меншикова, который немедленно выѣхалъ 29-го декабря 1825 года и, прибывъ въ Петербургъ 1-го января 1826 года, остановился у графа А. Ѳ. Орлова. На другой день князь Меншиковъ явился къ возвратившемуся уже изъ Таганрога генералъ-адъютанту Дибичу, предложившему ему начальство надъ Кавказскою линіею; но князь отказался отъ подобнаго назначенія. 3-го января, князь Меншиковъ былъ принятъ императоромъ Николаемъ; государь предложилъ ему ѣхать съ особымъ порученіемъ въ Персію. Въ это время Россіи грозило новое столкновеніе съ шахомъ, и начались споры съ персидскимъ правительствомъ по поводу разграниченія земель, уступленныхъ имъ по Гюлистанскому миру 1813 года. Князь Меншиковъ согласился принять это дипломатическое порученіе. Послѣ разговора съ государемъ, въ высочайшемъ приказѣ, отъ 6-го января 1826 года, объявлено было: «Уволенный изъ свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части генералъ-майоръ князь Меншиковъ—въ ту же часть» [409].

Послѣ неоднократныхъ совѣщаній князя Меншикова съ генералъ-адъютантомъ Дибичемъ и графомъ Нессельроде, по возложенному на него порученію, онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Тифлисъ 9-го (21-го) февраля 1826 года.

1-го (13-го) января 1826 года, обнародованъ былъ манифестъ, начинавшійся словами:

Библиотека "Руниверс"

«Право миловать и щадить признавая драгоцѣннѣйшимъ преимуществомъ данной намъ отъ Бога самодержавной власти, мы съ восшествіемъ нашимъ на престолъ положили въ сердцѣ своемъ хранить сіе право во всей полнотѣ его, какъ залогъ, ввѣренный намъ отъ Бога, употребляя его всегда сообразно благу общему, и не въ ослабленіе правосудія, на коемъ утверждаются престолы, и зиждется благосостояніе царствъ земныхъ».

Затѣмъ манифестомъ постановлялись различныя льготы относительно преступниковъ, осужденныхъ до 19-го ноября 1825 года, и слагались многія казенныя денежныя взысканія по службѣ и недоимки. Въ заключеніе манифеста сказано было, «что вѣрные наши подданные признаютъ въ сихъ изъятіяхъ, колико мы желаемъ чувства сердца нашего, о всѣхъ болѣзнующаго, согласить по крайней возможности съ непреложною силою закона общаго».

Въ дополненіе краткаго обзора различныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ послѣ воцаренія императора Николая, остается еще упомянуть о торжественной раздачѣ, на основаніи приказа по россійскимъ войскамъ отъ 15-го декабря 1825 г., мундировъ императора Александра I полкамъ лейбъ-гвардіи; этой милости не удостоились только лейбъ-гвардіи Гренадерскій и Московскій полки вслѣдствіе участія, принятаго ими въ мятежѣ 14-го декабря.

19-го января, взводы отъ полковъ, назначенныхъ къ принятію мундировъ, выстроились противъ Салтыковскаго подъѣзда Зимняго дворца, а затѣмъ, по перенесеніи ихъ въ соотвѣтственныя части, на полковыхъ дворахъ отправлена была панихида[410].

Въ донесеніяхъ полиціи по поводу этой церемоніи сказано:

«Во дворцѣ къ чести въ немъ по обязанности бывшихъ замѣчена не только грусть, но и самыя слезы; равнодушнѣе всѣхъ были придворные. Черный народъ съ благоговѣніемъ взиралъ на церемонію; по счастію менѣе просвѣщенные даже и молились священнымъ памятникамъ. Но фраки, эти подлыя твари, вездѣ равны; слѣдственно и сей случай не безъ осужденія»[411].

Съ нижними чинами лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, принимавшими участіе въ мятежѣ, императоръ Николай поступилъ весьма милостиво. Изъ нихъ сформированъ былъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Шипова, который былъ отправленъ на Кавказъ для усиленія находившихся тамъ войскъ, въ виду предстоявшей войны съ Персіею. Сводный полкъ выступилъ изъ Петербурга 27-го февраля 1826 года, послѣ смотра, сдѣланнаго ему государемъ[412]; полкъ слѣдовалъ сухимъ путемъ до Рыбинска, а оттуда на судахъ рѣкою Волгою до Астрахани, потомъ Каспійскимъ моремъ до Шандруковской пристани, гдѣ, выйдя на берегъ, черезъ Кизляръ и Моздокъ прибылъ въ Тифлисъ 16-го (28-го) августа.

Библиотека "Руниверс"

V.

Пока въ печальное время междуцарствія въ Петербургѣ рѣшался вопросъ, кому быть императоромъ, положеніе генералъ-адъютанта барона Дибича, находившагося въ Таганрогѣ, было крайне затруднительнымъ. Онъ не зналъ, къ кому обратиться за необходимыми повелѣніями; на свои донесенія въ Варшаву онъ получалъ оттуда совѣты писать въ Петербургъ насчетъ требуемыхъ разрѣшеній. Изъ Петербурга же Дибичъ не получалъ никакихъ приказаній, а только извѣщенія, что въ столицѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда императора Константина.

Дѣйствительно, затруднительность положенія, въ которое былъ поставленъ генералъ-адъютантъ Дибичъ, лучше всего видна изъ двухъ писемъ къ нему цесаревича Константина Павловича отъ 25-го ноября и 1-го декабря 1825 года.

«Спѣшу васъ увѣдомить,—пишетъ Константинъ Павловичъ,—что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и посему ни въ какія распоряженія не могу войти, и получите вы ихъ изъ Петербурга отъ кого слѣдуетъ»... «Впрочемъ, ежели угодно будетъ вамъ при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, должно вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать»... «Ваше превосходительство, какъ начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, по высочайше предоставленной сему званію власти, можете дѣйствовать со всею требуемою въ такихъ случаяхъ рѣшительностью и принимать соотвѣтственныя важности обстоятельствъ мѣры, заставляя каждаго, отъ кого зависѣть будетъ, исполнить все, что требуетъ долгъ всякаго, по возложенной на него обязанности».

Едва генералъ-адъютантъ Дибичъ, въ отвѣтъ на отправленный всеподданнѣйшій рапортъ императору Константину, получилъ изъ Варшавы увѣдомленіе, что цесаревичъ остается на прежнемъ мѣстѣ, какъ въ Таганрогъ дошло повелѣніе о повсемѣстной въ Россіи присягѣ Константину Павловичу. Дибичу снова пришлось писать цесаревичу, какъ императору, и донести о присягѣ, принесенной въ Таганрогѣ. Цесаревичъ, въ свою очередь, продолжалъ возвращать Дибичу всѣ пакеты, адресованные на имя императора, нераспечатанными, «какъ по титулу, на оныхъ надписанному, до меня не принадлежащіе», объясняетъ Константинъ Павловичъ. Затѣмъ въ томъ же письмѣ отъ 15-го (27-го) декабря цесаревичъ для оправданія усвоеннаго имъ образа дѣйствій пишетъ: «Я не вмѣшиваюсь, что въ С.-Петербургѣ дѣлаютъ, гдѣ, несмотря на то, что открыли въ государственномъ совѣтѣ пакетъ, и хранится та-

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ (декабристъ).
(Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ „Русской Старинѣ“ 1886 г.).

ковой же въ сенатѣ, въ которомъ явственно означена воля покойнаго государя императора, что по добровольному моему отреченію назначенъ наслѣдникомъ престола его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ, но сего не привели въ исполненіе, я же напротивъ, исполняя свято и ненарушимо его священную волю, остаюсь непоколебимымъ въ исполненіи оной и въ своемъ рѣшеніи».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Цесаревичъ изъ присланныхъ къ нему пакетовъ распечаталъ только одинъ съ надписью: нужное въ собственныя руки, въ которомъ Дибичъ сообщалъ въ Варшаву свѣдѣнія о заговорѣ. Константинъ Павловичъ отнесся къ этому дѣлу свысока, не придавая ему никакой важности; цесаревичу весь заговоръ представился гнусной интригой генерала Витта. «Офицеръ Вадковскій, котораго я знаю,—отвѣчалъ цесаревичъ Дибичу,—есть дрянь, и всѣ прочіе, о которыхъ поминается, и которыхъ хотя не знаю, но тоже дрянь, унтеръ-офицеръ 3-го Бугскаго уланскаго полка Шервудъ долженъ быть большой плутъ, и за нимъ нужно весьма крѣпко и близко поглядѣть, также капитанъ Майборода, который явился къ генералъ-лейтенанту Роту съ доносомъ, долженъ быть такой же плутъ, да какъ я понимаю и генерала Рота, онъ человѣкъ затѣйливый, хитрый и не весьма прямой, какъ бы слѣдовало; а мнѣ кажется, что главная всему этому есть пружина генералъ-лейтенантъ графъ Виттъ, который, чтобы подслужиться покойному государю императору и сдѣлаться нужнымъ, нарочно надѣлалъ безпокойства и подвелъ свои хитрыя пружины; тутъ, можетъ быть, явятся еще какія письма, которыя будутъ перехватывать, но мнѣ кажется, что это все плутни, и по-моему графъ Виттъ есть такого рода человѣкъ, который не только чего другого, но недостоинъ даже, чтобы быть терпиму въ службѣ, и мое мнѣніе есть, что за нимъ надобно имѣть весьма большое и крѣпкое наблюденіе».

Въ французскомъ собственноручномъ письмѣ тому же Дибичу цесаревичъ выразилъ свое мнѣніе о заговорѣ и графѣ Виттѣ въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ[413]; послѣдняго цесаревичъ прямо признавалъ достойнымъ висѣлицы, негодяемъ, какихъ свѣтъ не производилъ (le général Witt est une canaille dont le monde-ci ne produit peut-être pas un autre, sans foi ni loix ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence)[414].

Между тѣмъ, какъ въ Таганрогѣ получались изъ Варшавы совѣты, столь мало соотвѣтствовавшіе печальной дѣйствительности, отъ распорядительности и пониманія дѣла генералъ-адъютанта Дибича зависѣли, можно сказать, спокойствіе и цѣлость имперіи. Къ счастью, начальникъ главнаго штаба оказался, среди этой затруднительной обстановки, вполнѣ на высотѣ занимаемаго имъ исключительнаго положенія; онъ безъ колебанія и потери времени рѣшился принять мѣры, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами этой тревожной эпохи, и, не ожидая особыхъ полномочій, дѣйствовалъ самостоятельно и рѣшительно[415].

Выше упомянуто было, что полковникъ Николаевъ и Шервудъ отправились, по порученію генералъ-адъютанта Дибича, въ Курскъ къ Вадковскому. Здѣсь, 3-го декабря, Шервуду удалось получить отъ Вадковскаго письмо на имя полковника Пестеля, которое полковникъ Нико-

Библиотека "Руниверс"

лаевъ тотчасъ привезъ въ Таганрогъ[416]. По прочтеніи этого письма генералъ-адъютантъ Дибичъ призналъ необходимымъ послать 10-го (22-го) декабря полковника Николаева снова въ Курскъ; ему поручено было арестовать прапорщика Вадковскаго и отправить его въ Шлиссельбургскую крѣпость, а бумаги его доставить въ Таганрогъ. Приказаніе Дибича было въ точности приведено въ исполненіе 13-го (25-го) декабря.

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ, посланный уже ранѣе къ графу Витгенштейну, въ главную квартиру второй арміи въ Тульчинѣ, также успѣшно выполнилъ данное ему порученіе. Полковникъ Пестель, генералъ-интендантъ второй арміи Юшневскій и другіе члены тайныхъ обществъ, находившіеся во второй арміи, были арестованы. Въ одномъ только отношеніи миссія генералъ-адъютанта Чернышева потерпѣла неудачу; ему не удалось захватить бумаги Пестеля[417]. Самая существенная ихъ часть, въ предвидѣніи возможныхъ случайностей, была зарыта въ землю и найдена, уже нѣсколько времени спустя, при содѣйствіи одного изъ соучастниковъ заговора въ февралѣ 1826 года: это была знаменитая Русская Правда.

Послѣ арестованія главныхъ членовъ тайныхъ обществъ Южнаго и Соединенныхъ Славянъ генералъ-адъютантъ Дибичъ могъ наконецъ покинуть Таганрогъ и отправиться въ Петербургъ; дорогою онъ остановился еще въ Могилевѣ, чтобы дать необходимыя указанія главнокомандующему первою арміею, графу Сакену, а затѣмъ начальникъ главнаго штаба продолжалъ безостановочно путь въ столицу, чтобы занять при новомъ государѣ то мѣсто, на которое онъ былъ призванъ довѣріемъ Александра I-го. Это довѣріе Дибичъ блистательно оправдалъ при исключительныхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Положеніе, въ которое былъ поставленъ начальникъ штаба второй арміи, генералъ-адъютантъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, открытіемъ заговора, было крайне тяжкое. На него взводились подозрѣнія, что онъ зналъ о существованіи тайнаго общества; одинъ изъ декабристовъ въ своихъ запискахъ даже прямо утверждаетъ подобное предположеніе и пишетъ: «Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы»[418]. Другіе обвиняли его, по меньшей мѣрѣ, въ бездѣйствіи власти. Даже императоръ Николай, хотя и не сохранилъ противъ Киселева малѣйшаго неудовольствія или подозрѣнія, но не могъ удержаться отъ справедливаго замѣчанія, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ заговорѣ, котораго въ теченіе долгаго времени не могли открыть, имѣя въ непосредственномъ распоряженіи полицію. Впрочемъ, подобныя чудеса совершались въ то время въ Россіи повсемѣстно; дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ декабристъ Александръ Никитичъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, «существованіе тайнаго общества въ теченіе десяти лѣтъ

Библиотека "Руниверс"

при неограниченномъ и подозрительномъ правительствѣ заключаетъ въ себѣ что-то феноменальное. (L'existence de la société occulte pendant dix années devant un gouvernement arbitraire et soupçonneux a quelque chose de phénoménal)».

Всѣ эти обстоятельства побудили генералъ-адъютанта Киселева, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ январѣ 1826 года, написать государю письмо, въ которомъ жалуется, что на него пало, если не положительное обвиненіе, то неопредѣленное подозрѣніе, которое еще въ тысячу разъ тягостнѣе (je suis atteint sinon d'une accusation positive, du moins d'un soupçon vague et par là mille fois plus douloureux). Въ заключеніи письма Киселевъ просилъ лишь суда, чтобы быть оправданнымъ или наказаннымъ [419].

Это письмо оставлено было безъ послѣдствій, и въ пріемѣ, оказанномъ Киселеву государемъ, онъ продолжалъ встрѣчать отсутствіе того царскаго благоволенія, къ которому привыкъ въ своихъ сношеніяхъ съ императоромъ Александромъ; но это обстоятельство не помѣшало, однако, Павлу Дмитріевичу сдѣлаться впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ приближенныхъ и вліятельныхъ совѣтниковъ императора Николая. Пока же Киселевъ остался на занимаемомъ имъ мѣстѣ и получилъ разрѣшеніе прибыть въ Москву къ предстоявшей въ 1826 году коронаціи.

Въ безыменномъ доносѣ 1826 года на генералъ-адъютанта Киселева возводились слѣдующія обвиненія:

«Общій гласъ винитъ его въ бездѣйствіи и совершенной безпечности, бывшихъ поводомъ къ свободнымъ съѣздамъ и совѣщаніямъ преступниковъ чрезъ столь долгое время въ городкѣ весьма необширномъ; по мнѣнію многихъ, и лѣниваго любопытства было бы достаточно, чтобъ узнать причину сборовъ людей, къ арміи не принадлежащихъ, но часто главную квартиру посѣщающихъ. Мое же мнѣніе о немъ: тайное ободреніе чрезъ пожатіе руки и явная хула всему свыше непримѣтнымъ образомъ увлекли къ преступленію всѣхъ его адъютантовъ, не за тѣломъ, но за душею его стремившихся. Къ сему имѣю дополнить и слѣдующій случай, въ памяти моей сохранившійся: въ 1822 году предложена была ему инструкція, къ лицу и дѣйствію генералъ-полицеймейстера составленная; отвергнувъ оную, онъ далъ чувствовать, что и одной собственной его расторопности достаточно къ удержанію арміи въ желаемой чистотѣ, но поелику таковой въ настоящее время не оказалось, то и позволяю себѣ мысль, что я столько же въ чаяніи своемъ на расторопность его ошибся, сколько онъ былъ удостовѣренъ, что и самый плохой блюститель порядка могъ быть опасенъ адскому плану, имъ ободряемому» [420].

Библиотека "Руниверс"

VI.

Послѣ происшествія 14-го декабря можно было, конечно, опасаться, что и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи новая присяга вызоветъ замѣшательства, а, можетъ быть, и безпорядки. Подобныя опасенія тревожили немало императора Николая. Тѣмъ не менѣе присяга по всей имперіи совершилась вполнѣ благополучно. Своевременные аресты главныхъ заговорщиковъ во второй арміи прервали въ корнѣ всякія попытки, клонившіяся къ возбужденію мятежа среди войскъ. Безпорядки проявились только въ первой арміи, въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, входящемъ въ составъ третьяго корпуса; стеченіе особыхъ, совершенно исключительныхъ обстоятельствъ вызвало мятежъ.

Въ Черниговскомъ полку служилъ одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тайнаго общества, подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, прекрасныя душевныя качества котораго пріобрѣли ему уваженіе и безпредѣльную преданность своихъ однополчанъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ; арестованіе Сергѣя Муравьева вызвало открытое сопротивленіе, перешедшее въ бунтъ. Полковой командиръ, подполковникъ Гебель, былъ тяжело израненъ [421]; затѣмъ Муравьевъ объявилъ нижнимъ чинамъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не согласился на отреченіе, а назначенная новая присяга есть незаконная. Черниговскій полкъ, за исключеніемъ трехъ ротъ, послѣдовалъ за Муравьевымъ, который, сосредоточивъ возмутившихся солдатъ, 30-го декабря 1825 года, въ Васильковѣ, двинулся съ ними къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться съ 8-ю пѣхотною дивизіею, расположенною за Житомиромъ, гдѣ мятежники разсчитывали на поддержку находившихся здѣсь членовъ тайнаго союза.

Передъ выступленіемъ въ походъ убѣдили полкового священника отслужить молебенъ и прочитать передъ войсками возмутительный катихизисъ, составленный Сергѣемъ Муравьевымъ и подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ немъ излагались на основаніи превратныхъ толковъ священнаго писанія обязанности воина къ Богу и отечеству, въ соединеніи съ оскорбительными разсужденіями противъ верховной власти.

Командиръ 3-го корпуса, генералъ Ротъ, немедленно двинулъ противъ мятежниковъ войска и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. 3-го (15-го) января 1826 года, завязалось дѣло съ гусарами и конною артиллеріею, предводительствуемыми генералъ-майоромъ барономъ Гейсмаромъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій Сергѣй Муравьевъ рѣшился прекратить неравный бой и началъ махать бѣлымъ платкомъ, но упалъ пораженный картечью. Когда онъ очнулся, то увидѣлъ себя и отрядъ свой въ плѣну. Вмѣстѣ съ нимъ захваченъ былъ братъ его, отставной

Библиотека "Руниверс"

подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ; младшій братъ, прапорщикъ квартирмейстерской части, послѣ дѣла застрѣлился изъ пистолета.

Первое извѣстіе о возмущеніи Черниговскаго полка императоръ Николай получилъ 5-го (17-го) января 1826 года. Государь немедленно сообщилъ цесаревичу Константину Павловичу, что онъ препоручаетъ ему начальство надъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и уполномочиваетъ принять всѣ мѣры, могущія воспрепятствовать распространенію мятежа. Императоръ выразилъ въ письмѣ своемъ только одно желаніе, чтобы цесаревичъ ввелъ войска польской арміи въ Россію лишь въ крайнемъ случаѣ, а дѣйствовалъ бы противъ мятежниковъ съ подчиненными ему Литовскимъ и 3-мъ корпусами [422].

Въ томъ же письмѣ отъ 5-го (17-го) января государь выразилъ цесаревичу опасеніе, чтобы число бунтовщиковъ не возросло до 6.000 или 7.000 человѣкъ: «à moins qu'il ne se trouve des honnêtes gens qui sauront maintenir l'ordre».

Генералъ-адъютанту барону Дибичу императоръ Николай писалъ:

«Считаю нужнымъ объявить въ приказѣ, что я Константину Павловичу самому поручилъ всѣ распоряженія по укрощенію начала сего возмущенія. Этимъ каждый увидитъ, что, хотя бунтовщики дѣйствуютъ его именемъ, я ему самому предоставляю всѣ мѣры противъ сихъ злодѣевъ» [423]. Тревога, возбужденная извѣстіями, полученными изъ первой арміи, продолжалась недолго. 8-го (20-го) января, получено было донесеніе отъ главнокомандующаго первою арміею графа Сакена, что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено.

Въ тотъ же день объявленъ былъ приказъ начальника главнаго штаба барона Дибича съ разъясненіемъ случившагося дѣла. Въ этомъ приказѣ между прочимъ сказано было:

«Государь императоръ, принявъ за правило дѣйствовать со всею откровенностію предъ войсками, коихъ вѣрность и непоколебимость къ законной власти испыталъ при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объявить имъ о всемъ вышеизъясненномъ, дабы, предавъ ихъ презрѣнію имя преступника Муравьева-Апостола, сдѣлать извѣстными имена подполковника Гебеля, майора Трухина и поручика Павлова, заслуживающихъ непоколебимымъ усердіемъ своимъ уваженіе храбрыхъ и вѣрныхъ россійскихъ войскъ».

Замѣтимъ здѣсь, что три роты Черниговскаго полка, оставшіяся вѣрными законному правительству, ушли отъ мятежниковъ подъ командою майора Трухина, а полковой адъютантъ, поручикъ Павловъ, спасъ полковую печать и бумаги [424].

Въ письмѣ отъ 10-го (22-го) января, цесаревичъ благодарилъ государя за оказанное довѣріе, но такъ какъ, слава Богу, дѣло кончено,

Библиотека "Руниверс"

Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій).
(Съ портрета, рисованнаго акварелью и принадлежащаго П. Я. Дашкову).

то, по мнѣнію Константина Павловича, онъ не считаетъ себя болѣе въ правѣ вмѣшиваться въ эти происшествія, о чемъ и поставилъ въ извѣстность графа Сакена[425].

11-го (23-го) января, императоръ Николай заключилъ свою переписку съ цесаревичемъ по поводу Черниговскаго дѣла слѣдующими строками:

«Мой курьеръ и то, что онъ привезъ вамъ отсюда, докажутъ, что при всей надеждѣ на божественную милость смотрѣлъ на все въ худшемъ свѣтѣ (au pire), и что мѣры, которыя я счелъ долгомъ предло-

Библиотека "Руниверс"

жить вамъ, были въ этомъ духѣ. Повидимому, Провидѣнію было угодно дать при посредствѣ этого событія новое доказательство своего неисчерпаемаго милосердія къ намъ, допустивъ разразиться событію, заранѣе предусмотрѣнному со всѣми его ужасными послѣдствіями, и позволивъ покончить съ нимъ такъ же легко, какъ здѣсь, чтобы дать невѣрующимъ филантропамъ вѣка еще новое доказательство послѣдствій, къ которымъ приводятъ ихъ начала, а честнымъ людямъ — неоспоримое доказательство того, что если есть негодяи, то находятся также и честные люди, умѣющіе, какъ взяться за дѣло въ подобномъ случаѣ»[426].

Своеобразную сторону мятежа Черниговскаго полка представляетъ захваченный тогда возмутительный катихизисъ. Содержаніе этого катихизиса такое, что онъ и теперь не можетъ быть воспроизведенъ въ печати; замѣтимъ здѣсь, что по цѣли и по духу онъ близко подходитъ къ прокламаціи, подброшенной въ 1820 году въ Преображенскомъ полку, во время извѣстнаго происшествія въ Семеновскомъ полку, авторъ которой остался неизвѣстнымъ[427].

VII.

Императоръ Николай не ограничился бесѣдою 20-го декабря съ графомъ Лаферронэ. Вскорѣ французскій посолъ получилъ отъ графа Нессельроде записку съ извѣщеніемъ, что ему поручено отъ имени императора пригласить графа Лаферронэ явиться на другой день, во фракѣ, къ великому князю Николаю. Фельдъегерь долженъ былъ провести его прямо во внутренніе покои, минуя пріемную залу, гдѣ находилось дежурство[428].

Императоръ Николай, обнявъ графа, сказалъ ему, что, пользуясь минутою досуга, онъ желалъ провести ее съ другомъ. «Для меня это отдыхъ,—продолжалъ государь.—Сверхъ того, я самъ хотѣлъ извѣстить васъ о результатѣ нашихъ первыхъ разслѣдованій, дабы облегчить вамъ средство сообщить королю самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ заговорѣ, который надѣлаетъ столько шума, вызоветъ столько предположеній и предсказаній. Тѣмъ не менѣе я уже далъ и возобновляю предъ вами обѣщаніе ничего не скрывать, высказать и сообщить все. Но я знаю также, что послѣ такого событія я не могу предотвратить ни преувеличенія страха, ни догадки неблагонамѣренности. Нелѣпыя басни, распространяемыя даже здѣсь, даютъ понятіе о тѣхъ, что будутъ выдуманы въ чужихъ краяхъ, и все, что я прочелъ о смерти императора въ вашихъ газетахъ, собирающихъ и переводящихъ вѣсти изъ газетъ англійскихъ, должно подготовить меня къ весьма страннымъ разсужденіямъ относительно происшедшаго здѣсь. Я предвижу, что потребуется много

Библиотека "Руниверс"

Императрица Александра Ѳедоровна.

Съ портрета, писаннаго Гессе въ Берлинѣ.

Библиотека "Руниверс"

времени, чтобы ослабить впечатлѣніе и успокоить боязнь, порожденную этимъ заговоромъ во всей Европѣ. Спокойствіемъ, хладнокровіемъ и большою твердостью я надѣюсь достичь разсѣянія тревоги и признанія того, что я оказалъ важную услугу всѣмъ монархамъ.

«Возстанія, коихъ мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы, привели къ наказанію лишь малое число виновныхъ и не вполнѣ обнаружили ихъ замыслы. Новая попытка, совершенная здѣсь, надѣюсь, поможетъ намъ дойти до источника зла и разоблачить наконецъ истинныя намѣренія заговорщиковъ. Признаюсь вамъ, мнѣ случалось иногда находить преувеличенными опасенія, высказываемыя покойнымъ императоромъ. Я думалъ, что они основаны болѣе на иностранныхъ внушеніяхъ, чѣмъ на положительныхъ данныхъ. Я никогда бы не допустилъ возможности въ Россіи задумать, подготовить и совершить заговоръ, столь обширный, какъ тотъ, что обнаруженъ нынѣ. Убѣдить меня могла одна только очевидность, но теперь уже нѣтъ мѣста сомнѣнію. Это не военный бунтъ, а обширный заговоръ, стремившійся, путемъ гнусныхъ преступленій, къ достиженію самой безсмысленной цѣли, и въ которомъ, къ сожалѣнію, замѣшано множество семействъ. Признанія виновныхъ, уже арестованныхъ, и бумаги, найденныя у нихъ, даютъ намъ гораздо болѣе разъясненій, чѣмъ я могъ ожидать. Если, съ одной стороны, прискорбно узнать, что люди, которые, по носимому ими имени, по значенію ихъ семей, по положенію ихъ въ обществѣ, должны были, повидимому, представить всѣ ручательства, обусловливаемыя состояніемъ и воспитаніемъ, могли участвовать въ столь отвратительномъ заговорѣ, то, съ другой стороны, сдѣланныя намъ признанія возбуждаютъ надежду, что въ рукахъ у насъ всѣ нити заговора, и что мы получимъ возможность вырвать его корни до послѣдняго. Я рѣшился довести разслѣдованіе сколь возможно дальше. Опасность, коей мы подверглись, была предостереженіемъ свыше, и было бы преступно имъ не воспользоваться. Дѣло идетъ не только о существованіи Россіи, но и о спокойствіи всей Европы.

«Мы захватили три проекта конституціи, одинаково нелѣпые, и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ и защитниковъ. Одни хотѣли республики безусловной (pure et simple), съ тремя консулами, съ трибунами, и эти заговорщики распускали армію, образовывая національную гвардію, исключительно предназначенную для защиты страны отъ иностраннаго вторженія, и немедленно объявляли полную свободу крестьянъ. Другіе требовали президента и образъ правленія, сходный съ тѣмъ, что существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Наконецъ, Пестель, одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ людей партіи, котораго мы только что арестовали во второй арміи, хотѣлъ конституціи, вполнѣ аристократической, съ сохраненіемъ крѣпостного права, съ удержаніемъ

Библиотека "Руниверс"

арміи на нынѣшней ногѣ и съ немедленнымъ объявленіемъ войны всѣмъ законнымъ правительствамъ.

«Первоначально заговоръ долженъ былъ вспыхнуть 12-го марта, въ годовщину вступленія покойнаго императора на престолъ. Каждый заговорщикъ носилъ желѣзное кольцо, на которомъ выгравировано было число 71, представляющее сумму 31-го дня января, 28-ми дней февраля и 12-ти первыхъ дней марта. Неожиданная кончина императора разстроила этотъ замыселъ, и въ первую минуту вожаки заговора отложили исполненіе его до коронаціи. То, что послѣ смерти императора произошло между Константиномъ и мною, глухое броженіе, возбужденное этимъ въ нѣкоторомъ родѣ междуцарствіемъ среди гвардіи, внушило находившимся въ Петербургѣ заговорщикамъ мысль, что настоящій случай благопріятнѣе всякаго другого, могущаго представиться впредь для того, чтобы ввести солдатъ въ заблужденіе и обратить ихъ заодно въ соучастниковъ и въ орудіе ихъ замысловъ.... Такъ какъ Константинъ отказался отъ короны, они импровизировали то средство, къ которому прибѣгли на вашихъ глазахъ. Впрочемъ, они не были согласны другъ съ другомъ. Князь Трубецкой, напримѣръ, былъ противъ предпріятія 14-го декабря, утверждая, что оно погубитъ все дѣло, потому что заговорщики въ Москвѣ, въ Варшавѣ и въ арміи, не имѣя возможности знать о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ, не произведутъ ни малѣйшаго движенія, тогда какъ для обезпеченія заговору успѣха слѣдовало согласовать мѣры такъ, чтобы взрывъ былъ всеобщій и внезапный. Онъ замѣтилъ, что если замышляемая вспышка не удастся, то все будетъ открыто, и заговорщиковъ арестуютъ во всѣхъ концахъ имперіи прежде даже, чѣмъ узнаютъ, что произошло въ Петербургѣ.

«Событія подтвердили справедливость такого разсужденія, и этимъ достаточно объясняется поведеніе князя Трубецкого во весь день 14-го декабря. Къ счастію, мнѣніе его не было принято. Рылѣевъ и Якубовичъ, пользуясь взволнованнымъ состояніемъ умовъ, убѣдили, что никогда не представится болѣе благопріятнаго случая для возбужденія къ бунту солдатъ, которые, будучи связаны первою присягою, вообразятъ, что исполняютъ долгъ, отказывая въ той присягѣ, которую отъ нихъ потребуютъ, а затѣмъ, коль скоро они будутъ скомпрометированы, ихъ уже можно будетъ повести куда угодно. Мнѣніе это, развитое съ жаромъ обоими названными лицами, обладающими большимъ краснорѣчіемъ, сильною энергіей и далеко превосходящими князя Трубецкого, было принято съ одушевленіемъ. Заговорщики распредѣлили роли между собою. Во всѣ казармы были посланы эмиссары, но необходимость дѣйствовать поспѣшно привела къ тому, что мѣры были плохо согласованы. Страшно подумать о поразительныхъ ужасахъ, которые совершились бы въ этомъ злополучномъ городѣ, если бы Провидѣніе не позволило намъ, давъ къ тому

Библиотека "Руниверс"

средство, разстроить этотъ адскій умыселъ. Съ перваго появленія на революціонномъ поприщѣ русскіе превзошли бы вашихъ Робеспьеровъ и Маратовъ, и когда этимъ злодѣямъ сказали, что они несомнѣнно сами пали бы первыми жертвами столь ужаснаго безумія, они дерзко отвѣчали, что знаютъ это, но что свобода можетъ быть основана только на трупахъ, и что они гордились бы, запечатлѣвая своею кровью то зданіе,

Никита Михайловичъ Муравьевъ (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

которое хотѣли воздвигнуть. Слава Богу, мы въ правѣ надѣяться, что все обнаружено, что въ рукахъ нашихъ всѣ нити заговора, и только для того, чтобы не порвать ихъ, еще отлагается наказаніе виновныхъ..... Мы трудимся день и ночь и надѣемся не только уничтожить зло въ настоящемъ, но и предупредить возможность его повторенія.

«Вы видите,—обратился императоръ къ послу,—что я говорю съ вами съ неограниченнымъ довѣріемъ. Я не стараюсь что либо утаить отъ васъ относительно размѣровъ и значенія опасности, коей мы под-

Библиотека "Руниверс"

вергались. Но съ тою же искренностью ручаюсь вамъ, что мы въ правѣ вполнѣ успокоиться насчетъ будущаго. Даю вамъ слово, что не испытываю болѣе ни малѣйшей тревоги, и я самъ хотѣлъ сказать вамъ это, дабы предоставить вамъ возможность успокоить короля касательно исхода событія, которое дѣйствительно могло имѣть ужасающія послѣдствія. Къ несчастію, оно оставитъ въ Россіи продолжительное и мучительное впечатлѣніе. Мятежъ, подавленный въ зародышѣ, будетъ имѣть для насъ нѣкоторыя изъ тѣхъ злополучныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою мятежъ совершившійся. Онъ внесетъ смуту и разладъ въ великое число семей, умы долго еще останутся въ состояніи безпокойства и недовѣрія. Со временемъ, терпѣніемъ и мудрыми мѣрами мнѣ, надѣюсь, удастся окончательно разсѣять это тягостное впечатлѣніе, но потребуются годы, чтобы исправить зло, причиненное намъ въ нѣсколько часовъ горстью злодѣевъ».

Во время продолжительной бесѣды съ Лаферронэ императоръ Николай только вскользь коснулся внѣшней политики, сказавъ, что онъ пока еще недостаточно подготовленъ къ подобному разговору, но не замедлитъ въ скоромъ времени объясниться съ посломъ о внѣшнихъ дѣлахъ съ тою же откровенностью, съ которою говорилъ о русскихъ домашнихъ интересахъ. Государь отпустилъ посла съ словами: «Сегодня я хотѣлъ только дать вамъ средство успокоить тревогу, которую безуміе нашихъ русскихъ либераловъ могло возбудить въ Парижѣ, и вы можете поручиться, что долго они не въ состояніи будутъ повторить подобную попытку».

Какъ ни прямодушна и откровенна была рѣчь императора Николая, пишетъ С. С. Татищевъ, ей не удалось разсѣять опасенія французскаго посла. «Вполнѣ признавая разумность и твердость правительственныхъ мѣръ, быстроту и энергію въ приведеніи ихъ въ исполненіе, онъ продолжалъ съ трепетомъ взирать на будущее въ глубокомъ убѣжденіи, что, несмотря на многочисленные аресты, истинные вожди и руководители заговора не обнаружены, что самое движеніе 14-го декабря было лишь частною вспышкою, и что участники его, обреченные на смерть, только орудія въ рукахъ лицъ, болѣе искусныхъ, которыя и послѣ ихъ казни станутъ продолжать свою преступную дѣятельность».

Вотъ на какихъ воззрѣніяхъ, исполненныхъ полнѣйшаго пессимизма, остановился графъ Лаферронэ, разсуждая о русскихъ внутреннихъ дѣлахъ того времени; онъ основывалъ свое мнѣніе на двухъ соображеніяхъ: на полномъ зараженіи высшаго русскаго общества революціонными идеями и на вопіющихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ во внутреннемъ строѣ имперіи. Лаферронэ дошелъ до такого увлеченія въ своихъ мрачныхъ предсказаніяхъ, что началъ даже осуждать людей разумныхъ реформъ въ русскомъ государственномъ строѣ и послѣ мя-

Библиотека "Руниверс"

тежа 14-го декабря. Онъ пишетъ: «Главная бѣда въ томъ, что люди, самые благоразумные, тѣ, кто съ ужасомъ и отвращеніемъ взирали на совершившіяся событія, думаютъ и громко говорятъ, что преобразованія необходимы, что нуженъ сводъ законовъ, что слѣдуетъ видоизмѣнить совершенно и основанія и формы отправленія правосудія, оградить крестьянъ отъ невыносимаго произвола помѣщиковъ; что опасно пребывать въ неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но итти за вѣкомъ и медленно готовиться къ еще болѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ».

По свидѣтельству Лаферронэ, чувство тревоги и безпокойства охватило все русское общество, считающее всѣ эти преобразованія безотлагательными и неизбѣжными. Но, по его мнѣнію, возможно ли совершить ихъ безъ потрясеній въ странѣ, какъ Россія, гдѣ развратъ и продажность начинаются у подножія престола и простираются до послѣднихъ общественныхъ слоевъ? Конечно, можно составлять планы и проекты; но трудно будетъ указать, быть можетъ, и на средство прекратить зло; но когда придется примѣнить къ дѣлу систему, требующую почти огульной перемѣны въ личномъ составѣ администраторовъ, кому ввѣрить ея исполненіе? Чтобы понять всю трудность предпріятія, необходимость коего признается, однако, всѣми, надо знать, до какой степени доведена продажность во всѣхъ отрасляхъ управленія, и какой чудовищный безпорядокъ царитъ внутри Россіи. Если бы новый государь, разсуждаетъ посолъ, вступившій на престолъ при столь трудныхъ обстоятельствахъ, могъ исключительно заняться упорядоченіемъ внутренняго строя имперіи; если бы онъ посвятилъ всѣ свои силы немедленному и разумному подготовленію мѣръ, могущихъ исцѣлить зло, то положеніе его оказалось бы менѣе критическимъ. Проявленныя имъ качества, крѣпость духа и сила воли, позволяютъ предположить, что онъ оказался бы на высотѣ выпавшей ему на долю исполинской задачи. Но внѣшнія дѣла отвлекаютъ его вниманіе отъ внутреннихъ, усложняютъ его положеніе и создаютъ новыя опасности.

На первомъ планѣ стоялъ тогда роковой и сложный, столь важный для Россіи Восточный вопросъ.

VIII.

Когда разыгрался мятежъ 14-го декабря и открытъ былъ повсемѣстный заговоръ въ Россіи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ утѣшалъ себя сначала надеждою, что поляки къ этому дѣлу не причастны и останутся въ сторонѣ. Намеки въ подобномъ смыслѣ встрѣчаются въ письмѣ его къ императору Николаю отъ 25-го декабря 1825 года, и цесаревичъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ: «Благодареніе Богу, до на-

Библиотека "Руниверс"

стоящаго времени среди этихъ гнусныхъ открытій не скомпрометировано имя кого бы то ни было изъ тѣхъ, которыхъ мой покойный благодѣтель соблаговолилъ ввѣрить моему начальствованію. Здѣсь все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами» [429].

Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на поляковъ. Ближайшее разслѣдованіе заговора въ С.-Петербургѣ открыло слѣдъ сношеній и переговоровъ между членами русскихъ тайныхъ обществъ и представителями подобныхъ же обществъ, существовавшихъ въ Польшѣ. Пестель и Бестужевъ-Рюминъ не замедлили выдать своихъ польскихъ собратьевъ головою, представивъ даже, можетъ быть, установившіяся между ними сношенія въ преувеличенномъ видѣ [430]. Цесаревичъ пытался, насколько могъ, выгородить виновныхъ поляковъ въ глазахъ императора и писалъ 7-го (19-го) января 1826 года государю:

«У насъ до настоящаго времени все, славу Богу, совершенно спокойно, и, полагаясь на Его милость, надѣюсь, что такъ оно и продолжится. Благоволите разрѣшить мнѣ, дорогой братъ, представить вамъ одно замѣчаніе по поводу всѣхъ сдѣланныхъ вамъ показаній: мнѣ кажется, что эти несчастные русскіе, оказавшись по своему поведенію недостойными этого имени и видя, что до настоящаго времени среди скомпрометированныхъ нѣтъ ни одного поляка, за отсутствіемъ доказательствъ, пытаются набросить на нихъ подозрѣнія; мой долгъ велитъ мнѣ обратить на это ваше вниманіе въ виду того, чтобы тѣ, которые пользовались покровительствомъ покойнаго императора, не сдѣлались жертвами интриги, подозрѣній и сомнѣній. Замѣтьте при этомъ, что всѣ сдѣланныя показанія заставляютъ подразумѣвать, что я задержанъ здѣсь, что я долженъ пріѣхать въ Петербургъ и т. д., и многое другое въ томъ же родѣ. Повторяю вамъ, дорогой братъ, отъ глубины привязанности, питаемой мною къ вамъ, что мое присутствіе здѣсь болѣе импонируетъ имъ, какъ русскимъ, такъ и полякамъ. Обдумайте это, и вы поймете справедливость того, что я говорю» [431].

Черезъ день, 9-го (21-го) января, цесаревичъ въ дополненіе къ сказанному имъ въ предшествовавшемъ письмѣ просилъ императора Николая прислать въ Варшаву довѣренное лицо, которое могло бы засвидѣтельствовать, что въ Польшѣ все спокойно, и дѣла идутъ, какъ въ царствованіе покойнаго императора; въ показаніяхъ арестованныхъ цесаревичъ продолжаетъ видѣть одну грубую интригу, сшитую бѣлыми нитками, которую не трудно разобрать съ перваго раза [432]. Армія, завѣрялъ цесаревичъ, одушевлена наилучшимъ духомъ.

Впрочемъ, защищая поляковъ отъ привлеченія къ отвѣтственности за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, цесаревичъ заступался также за одного русскаго, подполковника лейбъ-гвардіи Гродненскаго

Библиотека "Руниверс"

полка Лунина. Объ немъ Константинъ Павловичъ писалъ Ф. П. Опочинину для доклада государю:

«Статься можетъ, что онъ, находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что либо насчетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ однимъ имъ,—даже его императорское величество изволитъ припомнить, что мы даже иногда между собою, сгоряча, не обдумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда умѣренными; но это еще не означаетъ какого либо вреднаго направленія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ тогда правительству, хотя можно, но надобно принять въ соображеніе и то, что въ оное, какъ теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ его» [433].

Подобную точку зрѣнія трудно было удержать надолго, по мѣрѣ дальнѣйшихъ разоблаченій, добытыхъ въ С.-Петербургѣ, въ особенности послѣ допроса арестованнаго князя Яблоновскаго.

28-го января (9-го февраля) 1826 года, императоръ Николай заговорилъ уже въ письмѣ къ брату о «mesures de rigueur» и прислалъ ему необходимыя полномочія, чтобы дѣйствовать цесаревичу вполнѣ по его усмотрѣнію, не выходя изъ обычной колеи (sans sortir du train ordinaire). «Конечно,—прибавилъ государь,—нужно дѣйствовать съ величайшею мягкостью, чтобы не дать пищи недовольнымъ, но мнѣ кажется, что еще болѣе запаздывать карою было бы преступною слабостью съ нашей стороны; впрочемъ, скажу еще разъ: полная свобода вамъ дѣйствовать такъ, какъ вы найдете необходимымъ» [434].

Цесаревичъ призналъ невозможнымъ продолжать бездѣйствіе въ прежнемъ смыслѣ, и, 7-го (19-го) февраля, учрежденъ былъ въ Варшавѣ слѣдственный комитетъ для открытія тайныхъ обществъ, существовавшихъ, какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ областяхъ, отъ прежней Польши къ имперіи присоединенныхъ. Комитетъ состоялъ изъ десяти членовъ, пяти русскихъ и пяти польскихъ, а именно: предсѣдателя сената графа Станислава Замойскаго, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, сенаторовъ и воеводъ графа Станислава Грабовскаго и Франциска Грабовскаго, исправлявшаго должность военнаго министра, генерала Гауке, генералъ-лейтенанта Куруты, дивизіоннаго генерала Раутенштрауха, барона Моренгейма, генералъ-майора Кривцова и капитанъ-командора Колзакова.

Въ дополненіе къ официальнымъ донесеніямъ цесаревичъ писалъ императору Николаю 9-го (21-го) февраля:

«Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступилъ бы при жизни покойнаго императора, и согласно приказаніямъ, которыя онъ давалъ мнѣ, то-есть во всякихъ важныхъ случаяхъ заставлять поляковъ дѣйствовать самихъ; слѣдственный комитетъ составленъ изъ всѣхъ наи-

Библиотека "Руниверс"

болѣе выдающихся и именитыхъ людей страны; это довѣріе заставитъ замолчать критиковъ, прекратитъ слухи и тому подобныя вещи, порождающія безпокойство въ умахъ, и всѣ убѣдятся, въ чемъ дѣло. Никто не былъ арестованъ иначе, какъ на основаніи требованій самого комитета, и слѣдовательно я остаюсь совершенно въ сторонѣ и не могу быть обвиненъ въ лицепріятіи и произволѣ; я становлюсь исполнителемъ, а не источникомъ приказаній. Все это крайне необходимо, чтобы придать еще болѣе важности всему, что дѣлается. Я почти увѣренъ, что эти господа окажутся еще болѣе суровыми и строгими, чѣмъ мы были бы сами» [435].

Между тѣмъ удалось захватить бумаги генерала Княжевича; въ нихъ найдены были копіи писемъ, которыми обмѣнялись императоръ Александръ и Костюшко, послѣ занятія Парижа въ 1814 году [436]. Цесаревичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ мысляхъ, высказанныхъ тогда государемъ польскому патріоту, найти новые аргументы для оправданія цѣлей, которыми задались члены польскихъ тайныхъ обществъ. 15-го (27-го) февраля 1826 года, Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю:

«Бумаги, найденныя у генерала Княжевича, являются подтвержденіемъ того, что я постоянно говорилъ вамъ, дорогой братъ, по поводу обѣщаній, на которыхъ поляки основывали свои надежды; это—копіи переписки генерала Костюшки, и кто можетъ поручиться, что не существуетъ другихъ, распространенныхъ среди поляковъ? Прочтите конецъ письма покойнаго императора [437], и вы найдете въ немъ разгадку всего «національнаго общества (société nationale)»; что же вы хотите, чтобы послѣ столь положительныхъ обѣщаній, на которыхъ они основывали свои надежды, имъ говорили въ опроверженіе ихъ поступковъ и ихъ намѣреній; посудите сами безпристрастнымъ образомъ о положеніи вещей; я увѣренъ, что, быть можетъ, къ концу царствованія императора было многое, отъ чего бы онъ отказался, но было слишкомъ поздно, и обѣщаніе, разъ ужъ оно было дано при наличіи всевозможныхъ неоспоримыхъ документовъ, не могло быть взято обратно; сверхъ того, вся совокупность обстоятельствъ положительно доказала бы цѣль покойнаго императора, направленную къ обезпеченію успѣха задачи, которую онъ поставилъ себѣ; и не далѣе, какъ во время своего послѣдняго пребыванія, онъ дважды положительно это высказывалъ намъ, моей женѣ и мнѣ; та же рѣчь была повторена имъ множеству лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

«Нашъ слѣдственный комитетъ работаетъ своимъ порядкомъ, и я скажу болѣе, работаетъ хорошо, съ усердіемъ и настойчивостью. Поляки вообще возмущены и огорчены самымъ чувствительнымъ образомъ тѣмъ, что между ихъ соотечественниками могли встрѣтиться такія лица,

Библиотека "Руниверс"

которыя вступили въ прямыя сношенія съ революціонерами у васъ; комитетъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы открыть ихъ всѣхъ, и общественное мнѣніе высказывается въ крайне здравомъ смыслѣ, говоря, что если русскій долженъ быть наказанъ одинъ разъ, то полякъ долженъ быть наказанъ десять разъ, само собою разумѣется, въ томъ случаѣ, если они состояли въ связи съ революціонерами, чтобы все поставить вверхъ дномъ,

Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ (декабристъ).
(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

или даже если бъ они руководствовались личными побужденіями, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ повсюду; большаго нельзя требовать отъ нихъ послѣ обѣщаній, которыя были даны имъ столь положительнымъ образомъ. Уныніе—всеобщее, и всѣ съ огорченіемъ видятъ, что событія принудили — и основательно — дѣйствовать со строгостью въ отношеніи части ихъ соотечественниковъ, между тѣмъ какъ они надѣялись на противное, что свидѣтельствуетъ о хорошемъ духѣ, одушевляющемъ ихъ; я прилагаю всѣ усилія, чтобы успокоить ихъ, и неустанно повторяю

Библиотека "Руниверс"

имъ, что нѣсколько паршивыхъ овецъ не могутъ вліять на остальныхъ, разъ онѣ будутъ отдѣлены отъ нихъ, и что стадо останется прекраснымъ, и что оно таково, какимъ должно быть»[438].

Императоръ Николай въ отвѣтъ на доводы, представленные цесаревичемъ въ пользу и въ извиненіе поляковъ, отвѣчалъ брату 20-го февраля (4-го марта):

«Содержаніе вашего послѣдняго письма доставило мнѣ величайшее удовольствіе въ виду тѣхъ извѣстій, которыя вы сообщаете мнѣ относительно настроенія умовъ, господствующаго въ Варшавѣ; признаюсь, что у меня никогда не было ни малѣйшаго безпокойства на этотъ счетъ, ни сомнѣній относительно впечатлѣнія, которое должно было произвести на людей разсудительныхъ, вѣрныхъ и любящихъ порядокъ, извѣстіе о происках, направленныхъ къ ниспроверженію его подъ прикрытіемъ чувства, крайне почтеннаго, но обмануться насчетъ котораго могутъ, конечно, только немногіе, такъ какъ громадная разница, желать ли чего либо почти обѣщаннаго (presque promise) или же предупреждать (prévenir) правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, преступныхъ (coupable) средствъ. Такимъ образомъ, при установленныхъ вами порядкахъ, они могли бы видѣть въ этомъ лишь полное довѣріе со стороны правительства и, будучи польщены въ своемъ національномъ самолюбіи, усмотрѣть доказательство, что правительство не слабѣетъ въ виду опасности, а принимаетъ мѣры, чтобы предупредить и пресѣчь зло, прежде чѣмъ оно разовьется; нужно было быть сумасшедшимъ, чтобы не быть довольнымъ этимъ, и, конечно, ужъ не я подумалъ бы, что они могутъ быть таковыми; прибавьте къ этому чувство благодарности, которымъ они обязаны нашему ангелу! Что же касается тѣхъ, которые неизбѣжно, хотя и въ небольшомъ числѣ, будутъ неповинно смѣшаны съ истинными виновными, мнѣ кажется, что въ интересахъ каждаго порядочнаго человѣка желать, чтобы рано или поздно съ него было снято всякое подозрѣніе; поэтому знать, что тебя подозрѣваютъ, и не имѣть возможности оправдаться, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, невыносимое чувство. Мы арестуемъ не для того, чтобы искать жертвъ, а для того, чтобы оправдать оклеветанныхъ. Все, что вы сдѣлали для слѣдствія, превосходно и можетъ имѣть лишь наилучшіе результаты»[439].

Независимо отъ сообщенія императору Николаю своего мнѣнія по дѣламъ царства Польскаго и по поводу учрежденнаго варшавскаго слѣдственнаго комитета, цесаревичъ писалъ о тѣхъ же вопросахъ въ еще болѣе откровенныхъ выраженіяхъ своему другу Ф. П. Опочинину, съ просьбою сообщить содержаніе этихъ писемъ государю, «pour fixer son opinion».

Приведемъ здѣсь наиболѣе существенную часть письма цесаревича отъ 5-го (17-го) февраля 1826 года.

Библиотека "Руниверс"

«Изъ прочитанныхъ мною показаній Яблоновскаго, — писалъ Константинъ Павловичъ, — я усматриваю лишь естественныя послѣдствія того положенія, въ которомъ находится эта страна, и тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены съ высоты престола во время бывшихъ здѣсь трехъ сеймовъ; кромѣ того, всѣ эти господа видятъ, что старая Финляндія была присоединена къ новой, а не новая къ старой; теперь спрашиваю я васъ: какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Имъ всѣмъ были хорошо извѣстны слова и образъ мыслей покойнаго императора, потому что онъ и не скрывалъ ихъ передъ ними и даже, наконецъ, въ послѣднее время высказалъ ихъ, какъ статскимъ, такъ и военнымъ лицамъ. Говоря чистосердечно, можете ли вы ихъ въ томъ упрекнуть? Войдите въ ихъ положеніе и предположите, что Россія подверглась бы такому же раздѣлу, какъ Польша, какой въ такомъ случаѣ былъ бы вашъ собственный образъ дѣйствій и взглядъ? Доложите все это императору, такъ какъ желтый и малиновый цвѣтъ у васъ не настолько въ виду, какъ здѣсь, равно какъ и въ Литвѣ. Развѣ они слѣпы и глухи? Предположенія покойнаго императора были мнѣ извѣстны; однимъ словомъ я прошу подумать немного о прошломъ и поставить себя на занимаемое мною мѣсто. Тогда увидятъ затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, чтобы дѣйствовать, впрочемъ, умѣя только повиноваться, я именно буду поступать такъ же, какъ и прежде, съ тѣмъ же усердіемъ и тою же преданностью. Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ этой странѣ, слѣдовать стопамъ покойнаго императора, и привелъ этимъ всѣхъ въ восторгъ; теперь же увидятъ, быть можетъ, иное. Истина должна быть высказана, и я высказываю ее такою, какою она представляется моему сужденію, и буду ее повторять, пока мнѣ это позволятъ и пока желаютъ ее отъ меня выслушивать. Если я получу приказаніе молчать, я подчинюсь со всею покорностью, которая, какъ вамъ извѣстно, свойственна мнѣ со дня рожденія. Прочтите все сказанное здѣсь императору, ему необходимо это знать, чтобы установить свое мнѣніе» [440].

Черезъ день цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ перепискѣ съ Опочининымъ снова возвращается къ затронутому имъ вопросу, въ письмѣ отъ 7-го (19-го) февраля, прибавивъ къ нему слѣдующія собственноручныя строки [441]:

«Согласно намѣреніямъ императора и повелѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ по этому поводу графомъ Грабовскимъ, я облеченъ властью, такъ сказать, диктаторскою и неограниченною, чтобы приступить къ разслѣдованіямъ въ этой странѣ, руководствуясь показаніями князя Яблоновскаго. Вы поймете сами, и я попрошу васъ обратить вниманіе его величества на то, что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и, сверхъ того, благодаря обстоятельствамъ, весьма

Библиотека "Руниверс"

труднымъ. Умѣя только повиноваться и примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ благодѣтелемъ моимъ насчетъ этой страны и образа въ ней дѣйствія, мнѣ казалось полезнымъ учредить здѣсь по примѣру С.-Петербурга слѣдственный комитетъ, направленіе и наблюденіе за которымъ я предоставляю себѣ, а такъ какъ между лицами, которыхъ комиссія будетъ призывать, допрашивать и даже арестовывать, могутъ быть подданные имперіи (поляки) и королевства, а также русскіе, то я назначилъ членами комитета: Новосильцова, Куруту, Кривцова, Колзакова и Морейнгейма, какъ русскихъ, а затѣмъ: графа Замойскаго, президента сената, Соболевскаго, министра юстиціи, графа Грабовскаго, министра духовныхъ дѣлъ, Гауке, военнаго министра, воеводу Грабовскаго и генерала Раутенштрауха, въ качествѣ секретаря. Такимъ образомъ въ комитетѣ соединены люди разныхъ цвѣтовъ, разныхъ убѣжденій и всѣ занимающіе общественныя должности. Ихъ образъ дѣйствій сниметъ съ нихъ личину и заставитъ умолкнуть толки и сплетни свѣта; тогда они увидятъ, въ чемъ дѣло, и какую цѣль преслѣдуютъ люди, стремящіеся къ ниспроверженію установленнаго порядка. Наибольшая гласность и наибольшее довѣріе къ этимъ господамъ заставитъ ихъ дѣйствовать и поражать виновныхъ. C'est un indiciam delegate mixtum. Всѣ эти секретныя слѣдствія противны общественному мнѣнію и духу времени, а такъ какъ мы живемъ здѣсь при конституціонномъ порядкѣ вещей, то все остается здѣсь въ смыслѣ установленнаго правленія и не выходитъ, сверхъ того, изъ правилъ. Сообщите мнѣ, что скажетъ императоръ; я не могъ лучше дѣйствовать при моемъ взглядѣ на вещи» [442].

12-го (24-го) февраля, цесаревичъ продолжалъ:

«Скажу вамъ теперь, что комитетъ, о которомъ я васъ предувѣдомлялъ въ прошедшемъ письмѣ, что я учредилъ здѣсь, по предоставленной мнѣ власти государемъ императоромъ дѣйствовать неограниченно насчетъ открытій тайныхъ обществъ, началъ свои засѣданія съ прошедшаго понедѣльника. Объ арестованныхъ по сіе время лицахъ препровождаю при семъ списокъ; далѣе, кто будетъ, буду васъ увѣдомлять. О сю пору при всемъ неутомимомъ стараніи и изысканіи комитета ничего еще не открывается между какъ nationalité. Сіе самое поставляетъ меня въ обязанность повторить еще вамъ, что я уже писалъ отчасти, что надобно войти въ тонкость всѣхъ обстоятельствъ и поводовъ, которые были даны полякамъ питать въ себѣ этотъ духъ. Я ихъ нимало не защищаю: пускай что угодно будетъ съ ними сдѣлано; но долгъ мой есть поставить на видъ всю истинную правду и обстоятельства, которыя мнѣ ближе всѣхъ извѣстны, ибо и мое положеніе въ теперешнее время насчетъ сего весьма есть критическое. Покойному государю императору угодно было не только дать имъ питаться надеждою, но десять лѣтъ сряду

Библиотека "Руниверс"

словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ онъ въ нихъ сію мысль; и по сему самому что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться. Я поставляю вамъ въ свидѣтели: Василія Сергѣевича Ланского, который теперь въ С.-Петербургѣ, и Николая Николаевича Новосильцова, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда слухи насчетъ возстановленія царства Польскаго, — что по-моему бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и даже поименовывалъ таковыхъ[443]. Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 году, я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистріо въ то время насчетъ оной мнѣ сказалъ: «посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе». Я также поставляю въ свидѣтели его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ въ 1818 году, что, пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился его императорскому величеству отвѣчать насчетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что государь императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться. Потомъ, во всѣхъ случаяхъ, изволилъ мнѣ всегда твердить: «развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ вмѣсто красныхъ желтые». Сверхъ того, во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, государь императоръ изволилъ назначить губернаторовъ и вице-губернаторовъ изъ поляковъ; впослѣдствіи для всѣхъ сихъ губерній мундиры даны были съ малиновыми воротниками, и наконецъ во время послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ всего Литовскаго корпуса генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ вмѣсто краснаго цвѣта приказалъ имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый, и даже угодно было, чтобы и шитье генеральское на мундирахъ было золотое, но такое же самое, какъ у польскихъ генераловъ; я уже упросилъ его императорское величество оставить прежнее, и въ доказательство сего, что его было такое намѣреніе, вѣрно цѣлъ и хранится еще въ гардеробѣ въ С.-Петербургѣ воротникъ генеральскій, который онъ приказалъ сдѣлать на образецъ съ шитьемъ золотымъ на малиновомъ сукнѣ по образцу польскаго. Словомъ сказать, государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими, какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изъяснялъ свои насчетъ ихъ намѣренія; слѣдовательно, что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité? Имъ сіе безпрестанно внушалось, они привыкли къ сей мысли и полагали, что сіе есть положительное; винить же ихъ за это, кажется, не можно: кто бы такой, будучи на ихъ мѣстѣ, не по-

Библиотека "Руниверс"

желалъ сего? Въ нихъ эта мысль общая; развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить? А между тѣмъ, они хвастаются и весьма дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ даже въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы. Впрочемъ, я повторяю вамъ еще, что я далекъ отъ той мысли, чтобы защищать виновныхъ поляковъ; но только долгъ истины и обязанности моей побуждаетъ меня все сіе объяснить и просить васъ доложить его императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ обратить особенное свое на оное вниманіе.

«Рѣчи на сеймахъ при открытіи и закрытіи государемъ препровождаются при семъ. Онѣ служатъ доказательствомъ моимъ словамъ. Многіе думали и думаютъ, что это воля государя, чтобъ готовить умы. Еще же имъ кружитъ умы Финляндія и ея соединеніе въ одно. Vous n'avez qu'à juger vous-même de ce qui en est».

Насчетъ того, что примѣръ Финляндіи служитъ для поляковъ соблазномъ, цесаревичъ снова писалъ Опочинину въ письмѣ отъ 22-го февраля (6-го марта):

«Прошу доложить его императорскому величеству, что всѣ поляки однѣхъ мыслей, и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе отошедшихъ провинцій, но, чтобы предпринимать какія для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не одобряютъ таковыхъ намѣреній; а напротивъ весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ, ибо сіе могло быть мыслію только какого нибудь князя Яблоновскаго и ему подобныхъ; но поводы, данные имъ, а наиболѣе примѣръ, утверждаютъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи, и сдѣлано было, подобно царству Польскому, великое княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой. Слѣдовательно и они питаютъ такую же надежду. Я совсѣмъ далекъ выводить насчетъ сего какое либо мое собственное заключеніе, но только когда таковой примѣръ мнѣ выставятъ на видъ, прошу разрѣшить меня, что мнѣ на оное отвѣчать».

Когда Опочининъ прочелъ императору Николаю письмо цесаревича, государь пожалъ плечами и сказалъ: «ахъ!». Опочининъ сообщилъ Константину Павловичу этотъ эпизодъ, сопровождавшій чтеніе письма, и получилъ въ отвѣтъ слѣдующія строки:

«На статью, въ которой описываете, что при чтеніи письма моего касательно мнѣній поляковъ и ихъ сравненія положенія ихъ съ финнами государь императоръ изволилъ пожать плечами и сказать: ахъ! скажу, что хотя этотъ ахъ! весьма справедливъ, но поляки, имѣя предъ своими глазами примѣръ Финляндіи, какой давать имъ отвѣтъ, когда выставляютъ на видъ оный?» [444]

Библиотека "Руниверс"

Прямого отвѣта на поставленный столь категорическимъ образомъ вопросъ цесаревичъ не получилъ, и онъ замолкъ по поводу сравненія, настойчиво проводимаго имъ между Финляндіею и Польшею. Въ перепискѣ стали зато появляться намеки на дряхлость: «Старъ уже сталъ и дряхлъ,—писалъ Константинъ Павловичъ къ Опочинину,—кости болятъ; пора меня въ какую нибудь Цурукантскую крѣпость въ плацъ-майоры, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты». Въ письмахъ же къ государю цесаревичъ заговорилъ о старости и сталъ нерѣдко называть себя ветераномъ и инвалидомъ.

IX.

Перейдемъ теперь къ польскому вопросу, какъ его понималъ въ то время императоръ Николай.

Царствованіе императора Александра I-го далеко отодвинуло насъ отъ екатерининскихъ воззрѣній на польскій вопросъ, или, вѣрнѣе сказать, на значеніе, которое въ этомъ вопросѣ играютъ области, доставшіяся намъ по тремъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой; цѣлая пропасть раздѣляетъ политическія воззрѣнія двухъ столь различныхъ между собою эпохъ русской исторіи. Достаточно припомнить всю опредѣленность взглядовъ императрицы Екатерины II на историческое право, принадлежащее Россіи на эти земли, чтобы оцѣнить коренное измѣненіе, послѣдовавшее въ позднѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Взгляды императрицы съ полною яркостью выразились въ медали, которая появилась послѣ второго раздѣла Польши съ надписью: «отторженная возвратихъ». Подобная медаль не могла бы занять мѣсто въ лѣтописяхъ царствованія императора Александра; она служитъ наглядным выраженіемъ политическаго антагонизма, существовавшаго между бабушкою и внукомъ.

Еще опредѣленнѣе и яснѣе Екатерина II выразила свои мысли по поводу разбираемаго вопроса въ письмѣ къ Гримму отъ 5-го апрѣля 1795 года. Когда политическій противникъ Россіи, прусскій министръ Герцбергъ, высказывалъ мнѣніе о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ, императрица писала:

«Эта скотина Герцбергъ заслуживаетъ, чтобы его порядкомъ побили,—у него столько же познаній въ исторіи, какъ у моего попугайчика. (Cette pécore de Hertzberg seule mérite d'être tapée d'importance: il n'a pas plus des connaissances en fait d'histoire que ma perruche). Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, ибо Полоцкъ былъ отданъ Владимиромъ I

Библиотека "Руниверс"

старшему изъ двѣнадцати его сыновей Изяславу, отъ котораго произошли князья полоцкіе».

Переходя, затѣмъ, къ образованію Литовскаго княжества, императрица продолжаетъ:

«Пятый сынъ Ольгерда, Ягеллонъ, сталъ въ 1386 году королемъ Польши, принявъ латинство и женившись на Ядвигѣ, королевѣ польской. Онъ-то именно и присоединилъ Литву къ Польшѣ, но глупый, невѣжественный министръ ничего этого не знаетъ; высокомѣріе дѣлаетъ его глупымъ и грубымъ, какъ померанскій быкъ. Онъ не знаетъ, что не только Полоцкъ, но и вся Литва производила во всѣхъ судахъ всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что всѣ акты литовскихъ архивовъ писались на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе въ нихъ велось по нашему греко-церковному обычаю отъ сотворенія міра, при чемъ греческіе церковные индикты служили постоянно закономъ. Это доказываетъ, что до XVII вѣка не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ греческое исповѣданіе было господствующимъ, и что его исповѣдывали князья и великіе князья, что даже всѣ церкви, особливо же соборы, строились алтаремъ на востокъ, по обычаю восточной церкви. Если вамъ нужны еще доказательства, можете потребовать — правду доказать не трудно. Сверхъ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала части или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть при случаѣ еще болѣе побитъ за свое незнаніе... Оселъ!» [445]

Когда же Гриммъ сообщилъ Екатеринѣ, что поляки совѣтуютъ ей принять титулъ королевы польской, императрица отвѣчала ему 16-го сентября 1795 года: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Червонною Русью: Кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва же никогда не была коренною частью Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ королевы польской» [446].

Императоръ Александръ I-й, относившійся вообще критически и съ недоброжелательствомъ ко всѣмъ начинаніямъ своей бабки, усвоилъ себѣ съ молодыхъ лѣтъ совершенно иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Она выразилась окончательно въ рѣшеніи государя принять въ 1815 году титулъ короля польскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ на Вѣнскомъ конгрессѣ изъ обрѣзковъ Варшавскаго герцогства создано было конституціонное королевство Польское, которое одинъ польскій писатель, Мохнацкій, признаетъ «настоящей политической змѣей за пазухою самодержавной Россіи».

Библиотека "Руниверс"

Императрица Александра Ѳеодоровна съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжной Маріей Николаевной.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета писаннаго Доу.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Въ разговорѣ съ Лагарпомъ въ Вѣнѣ, въ октябрѣ 1814 года, императоръ Александръ высказалъ своему бывшему наставнику мысли, которыми намѣревался руководствоваться при рѣшеніи польскаго вопроса. «Невозможно, — сказалъ государь, — чтобы полякъ забывалъ, что онъ принадлежитъ къ народу, нѣкогда бывшему независимымъ. Я чувствую что, родись я полякомъ, я думалъ бы точно также. Поэтому слѣдуетъ

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій (декабристъ).
(Съ портрета, приложеннаго къ его „Запискамъ“).

ожидать, что поляки будутъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вернуть свое политическое существованіе, какъ народа; такимъ образомъ мнѣ придется осудить себя въ отношеніи ихъ на постоянную недовѣрчивость, принимать, быть можетъ, инквизиторскія мѣры, которыя усилятъ ихъ недовольство, не приводя къ успокоительнымъ результатамъ. Въ ихъ глазахъ я буду притѣснителемъ, противъ котораго они могутъ не возмутиться, помня великодушіе, съ которымъ я простилъ все; но они будутъ считать себя свободными отъ всякой благодарности въ отно-

Библиотека "Руниверс"

шеніи моихъ преемниковъ. По моему мнѣнію, лучше ужъ немедленно и по собственному побужденію дать имъ то, чего они такъ горячо желаютъ; это совмѣститъ въ себѣ одновременно и справедливость и хорошую политику. (Il est impossible qu'un polonais oublie qu'il appartient à une nation jadis indépendante. Je sens, que né polonais, je penserais de même. On doit donc s'attendre que les polonais profiteront de toutes les occasions, pour recouvrer leur existence politique, comme nation; ainsi il faudra me condamner, à leur égard, à une perpétuelle défiance, prendre peut-être des mesures inquisitoriales, qui accroîtront leur mécontentement, sans avoir de résultats tranquillisants. A leurs yeux je serai un oppresseur contre lequel il est possible qu'ils ne s'insurgent pas, en se rappelant la générosité avec laquelle j'ai tout pardonné; mais ils se regarderont comme déliés de toute reconnaissance à l'égard de mes successeurs. Il vaut mieux, ce me semble, leur accorder tout de suite et de bonne grâce, ce qu'ils désirent avec tant d'ardeur; il y a là justice et bonne politique à la fois)» [447].

Но Александръ, создавая вновь королевство Польское, не довольствовался подобнымъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ Екатерининской политики; онъ, не стѣсняясь, при разныхъ случаяхъ, высказывалъ полякамъ свое непреклонное намѣреніе дать королевству внутреннее расширеніе, возвративъ ему губерніи имперіи, нѣкогда входившія въ составъ Рѣчи Посполитой. Въ этихъ видахъ послѣдовало объединеніе въ военномъ отношеніи, а именно цесаревичъ Константинъ Павловичъ, носившій званіе главнокомандующаго польскою арміею, командовалъ также литовскимъ корпусомъ, мундирамъ котораго присвоены были польскіе цвѣта; составъ офицеровъ также былъ преимущественно польскій. Сверхъ сего, Литва и западныя губерніи подчинены были негласно цесаревичу и въ гражданскомъ отношеніи. Подобныя мѣропріятія должны были утвердить въ польскихъ умахъ убѣжденіе, что присоединеніе къ Польшѣ такъ называемаго забраннаго края составляетъ только вопросъ времени. Поэтому неудивительно, что дѣятельность тайныхъ обществъ направлена была къ той же цѣли, клонившейся именно къ осуществленію намѣченнаго правительствомъ исправленія исторической несправедливости; усердно работая въ этомъ духѣ, общества подготовляли почву для великаго переворота, въ теченіе многихъ лѣтъ настойчиво возвѣщавшагося съ высоты престола.

Такимъ образомъ императоръ Александръ въ порывѣ великодушнаго увлеченія посѣялъ вѣтры; расточая щедрою рукою обѣщанія, которымъ вслѣдствіе внезапной кончины государя не суждено было перейти въ жизнь, онъ невольно предоставилъ своему преемнику печальную участь пожинать бурю, которая въ 1831 году привела къ тому, что императоръ Николай нашелся вынужденнымъ писать цесаревичу Константину

Библиотека "Руниверс"

Павловичу: «Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne. Decidez vous-même?» [448].

Но возвратимся къ 1826 году. Нужно сказать, что императоръ Николай Павловичъ поставилъ сразу спорный вопросъ въ настоящія рамки. Воцарившійся молодой государь не замедлилъ произнести свой приговоръ надъ бывшими дотолѣ въ ходу мечтаніями, въ выраженіяхъ рѣзкихъ, можетъ быть, даже суровыхъ, но зато вполнѣ ясныхъ, не допускавшихъ превратныхъ толкованій. Спорный вопросъ распадался на двѣ части. Съ одной стороны, императоръ Николай твердо рѣшился строго соблюдать и поддерживать въ царствѣ Польскомъ дарованную предшественникомъ его конституцію и слово свое сдержалъ ненарушимо, въ чемъ отдаютъ ему теперь справедливость даже недоброжелатели его изъ польскаго лагеря.

Одинъ польскій историкъ пишетъ:

«Наши историки, смотрящіе на вещи лишь сквозь призму 1831 года, говорятъ о презрѣніи и непоборимомъ отвращеніи императора Николая къ конституціонному устройству Польши. Въ этой оцѣнкѣ можетъ заключаться доля правды, такъ какъ характеръ государя съ трудомъ поддавался малѣйшему раздѣлу власти; тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего царствованія, императоръ Николай не только пальцемъ не затронулъ учрежденій Польши, но не переставалъ выполнять свои обязанности конституціоннаго короля лучше, чѣмъ его предшественникъ..... Въ концѣ концовъ, быть можетъ, это былъ все-таки государь, наиболѣе подходящій для того, чтобы приспособить поляковъ къ условіямъ ихъ существованія и заставить ихъ утратить много дурныхъ привычекъ, усвоенныхъ ими въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ» [449]. Но, съ другой стороны, свято соблюдая ненарушимость польской конституціи, императоръ Николай, вмѣстѣ съ тѣмъ, провелъ рѣшительную грань между Польшею и Россіею, и не ратификовалъ загадочныхъ обѣщаній, которыя расточаемы были при разныхъ случаяхъ Александромъ I.

Основной взглядъ государя на этотъ спорный вопросъ лучше всего выразился въ слѣдующихъ строкахъ письма Николая Павловича къ цесаревичу:

«Честный человѣкъ, даже среди поляковъ, отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ. (Je le hais parce qu'il n'accomplit pas nos voeux, mais je l'estime, parce qu'il ne nous trompe pas)».

На этой почвѣ произошло полное разногласіе въ мнѣніяхъ между Константиномъ Павловичемъ и государемъ. Цесаревичъ упорно отстаивалъ Александровскую точку зрѣнія, усвоенную имъ во время десятилѣтняго пребыванія своего въ Варшавѣ, и полагалъ справедливымъ

Библиотека "Руниверс"

исправить историческую несправедливость, совершенную Екатериною II, императоръ же являлся защитникомъ русской государственной точки зрѣнія и признавалъ для русскаго монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость имперіи.

Не желая, чтобы поляки оставались въ недоумѣніи насчетъ взглядовъ правительства, императоръ Николай даровалъ Литовскому корпусу мундиры съ русскими цвѣтами, а затѣмъ предписалъ измѣненія въ порядкѣ комплектованія этого корпуса, не назначая для сего мѣстныхъ уроженцевъ, но русскихъ рекрутъ. Какъ эти мѣропріятія ни огорчали цесаревича, онъ долженъ былъ покориться волѣ своего державнаго брата, тщетно пытаясь въ продолженіе двухъ лѣтъ убѣдить его въ превосходствѣ прежней, Александровской политики.

Разность взглядовъ двухъ братьевъ въ польскомъ вопросѣ отразилась всего лучше въ перепискѣ ихъ, получившей временно полемическій оттѣнокъ. Приведемъ изъ нея выдержки, относящіяся къ разбираемому вопросу и могущія служить къ освѣщенію этой любопытной страницы русской исторіи.

«Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи,—писалъ императоръ Николай,—что продолжать питать и поддерживать идеи, которыя завѣдомо невозможно осуществить вслѣдствіе неудобствъ, крайне важныхъ и влекущихъ серьезныя послѣдствія, значило бы совершенно не выполнять нашъ долгъ, какъ русскихъ. Вы сами высказали это Грабовскому: «будьте полякомъ, что же касается меня, я — русскій и останусь русскимъ». Я же говорю: «будьте полякомъ, а я самъ буду тѣмъ и другимъ». Такимъ образомъ я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Поэтому оставимъ все въ его настоящемъ положеніи; не пойдемъ далѣе этого, будемъ сопротивляться тѣмъ, которые пожелали бы итти далѣе и, по крайней мѣрѣ, сохранимъ въ войскахъ сознаніе, которое вы такъ хорошо поддерживали въ нихъ до сихъ поръ, что они русскія. Вотъ какъ я далеко зашелъ въ спорѣ, крайне важномъ, но разъ я, не предполагая, зашелъ такъ далеко, увлеченный сердцемъ, которое постоянно раскрывается нараспашку, когда обращается къ вамъ, я прибавлю, что полагалъ бы крайне полезнымъ, насколько только возможно, скрещивать русскихъ въ средѣ офицеровъ съ литовцами» [450].

Цесаревичъ написалъ по поводу мыслей, высказанныхъ государемъ, слѣдующее возраженіе:

«Что касается Литвы, то это тема слишкомъ длинная для письма, и въ особенности для письма, нацарапаннаго и сочиненнаго мною. Благоволите разрѣшить мнѣ изложить мои мысли въ отдѣльномъ мемуарѣ, который я пришлю вамъ, какъ только онъ будетъ готовъ; но

Библиотека "Руниверс"

что я позволю себѣ высказать здѣсь, это то, что душею и сердцемъ я былъ, есмь и буду, пока буду живъ, русскимъ, но не однимъ изъ тѣхъ слѣпыхъ и глупыхъ русскихъ, которые держатся правила, что имъ все позволено, а другимъ ничего. «Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступивъ на горло»,— эта поговорка въ очень большомъ ходу между нами и постоянно возбуждала во мнѣ отвращеніе. Единственная положительная наука здѣшняго міра это — математика, а она доказываетъ, что, когда данныя невѣрны, выводы тоже дѣлаются невѣрными; неправое дѣло никогда не станетъ правымъ; это были бы лишь палліативы болѣе вредные, чѣмъ что бы то ни было другое...» [451]. «Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истинѣ, что его отечество было захвачено (spolié), а не завоевано (conquis) Екатериною въ продолженіе трехъ произошедшихъ раздѣловъ, которая поступила такъ въ мирное время и безъ объявленія войны, прибѣгнувъ при этомъ ко всѣмъ наиболѣе постыднымъ средствамъ, которыми побрезгалъ бы каждый честный человѣкъ. Одно лишь царство Польское было завоевано (est de bonne prise), и это было освящено договорами послѣ войны и явилось слѣдствіемъ заключенія мира; это чувствуется всѣми и цѣлымъ свѣтомъ; завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ — постыдный грабежъ, который рано или поздно падетъ на голову грабителя» [452].

Но еще до полученія записки, обѣщанной цесаревичемъ, императоръ Николай въ письмѣ, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года, снова коснулся вопроса, которому не переставалъ придавать первостепенное значеніе.

«Моя совѣсть побуждаетъ меня, дорогой Константинъ,— писалъ государь,— вернуться къ предмету, слишкомъ важному и для будущаго, въ виду лежащей на мнѣ отвѣтственности, чтобы я не рѣшился еще поговорить съ вами объ этомъ, рискуя встрѣтить съ вашей стороны противоположный взглядъ. Все время, пока я буду находиться на посту, на который вы и нашъ покойный ангелъ поставили меня, я не могу, не долженъ дѣлать ничего непослѣдовательнаго; въ виду этого я совершилъ бы одну изъ непростительнѣйшихъ непослѣдовательностей, если бы нисколько не заботился, чтобы мои поступки отвѣчали моимъ мыслямъ въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ моихъ обязанностей. Пока я существую, я никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая могла бы повлечь за собою для имперіи самыя плачевныя послѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ

Библиотека "Руниверс"

и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ даровалъ королевству; но, пока я живъ, я не могу потерпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной ко вреду имперіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе поощрять, какія либо подобныя надежды; поэтому необходимо, чтобы часть вашего комплектованія была набрана въ русскихъ губерніяхъ, и чтобы въ обмѣнъ часть комплектованія изъ литовскихъ губерній была размѣщена по прочимъ корпусамъ арміи. Къ несчастію, старые русскіе офицеры вашего корпуса исчезаютъ, а большинство молодежи — поляки; черезъ десять лѣтъ полки будутъ русскими лишь по названію, а въ сущности будутъ польскими; поэтому пора подумать предотвратить это. Итакъ, я предлагаю вамъ сохранить, напримѣръ, рекрутъ гродненскихъ, волынскихъ, бѣлостокскихъ и минскихъ, а виленскихъ и подольскихъ предоставить остальной арміи; въ обмѣнъ я предложу вамъ псковскихъ и тверскихъ и проч. или же какихъ либо другихъ по вашему выбору. Въ слѣдующій разъ мы возьмемъ другія губерніи, чтобы народности перекрещивались.

«Мнѣ тяжело затрогивать эту струну, но это мой долгъ передъ Богомъ и передъ вами, такъ какъ я никогда не буду въ состояніи обманывать васъ, хотя бы приходилось рисковать временно причинить вамъ неудовольствіе» [453].

Между тѣмъ записка цесаревича была окончательно выработана; отсылая ее къ государю, Константинъ Павловичъ сопровождалъ ее 31-го октября (12-го ноября) 1827 года слѣдующими строками:

«Благоволите позволить мнѣ представить вамъ прилагаемую при семъ записку, внушенную мнѣ моею вѣрностью моимъ государямъ въ теченіе минувшихъ тридцати двухъ лѣтъ. Долгій опытъ, безпрерывныя наблюденія во все продолженіе моей службы, отсутствіе какихъ бы то ни было личныхъ видовъ, однимъ словомъ, однѣ лишь откровенность и прямодушіе нашли въ ней свое выраженіе съ ясностью, какую только я могъ вложить въ нее; прочтите ее съ вниманіемъ, милостиво, съ благоволеніемъ и снисходительностью. Покойный императоръ пріучилъ меня время отъ времени посылать ему подобныя записки, и оставался доволенъ ими. Истина изложена въ ней такою, какою я понимаю ее; я не подчиняю истину мелочной и узкой политикѣ, а излагаю взгляды широкіе, великодушные, благородные и чистые, которые предъ лицемъ всего міра покажутъ вамъ, чѣмъ долженъ быть государь великой имперіи. Впрочемъ, если я ошибся, если мой поступокъ покажется вамъ смѣлымъ или неумѣстнымъ, благоволите простить мнѣ его и признать въ немъ лишь проявленіе усердія и преданности вашей августѣйшей особѣ; это послужитъ мнѣ предупрежденіемъ для будущаго не пользоваться правомъ, пріобрѣтеннымъ при нашемъ покойномъ императорѣ, и котораго

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ (декабристъ).

(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ“ 1877 г.).

онъ приказывалъ и совѣтовалъ держаться; много разъ онъ бранилъ меня за то, что я пользовался имъ со слишкомъ большою скромностью, и не позднѣе еще, какъ во время гнусной семеновской исторіи, когда онъ былъ огорченъ тѣмъ, что не поступилъ такъ, какъ я совѣтовалъ. Но не принимайте меня за самонадѣяннаго, осмѣливающагося давать вамъ совѣты; какъ я далекъ отъ подобной мысли! Но чувства, излагаемыя брату и идущія изъ преданнаго сердца, не суть совѣты, а дань, воздаваемая ненарушимой привязанности, питаемой къ нему. Однимъ словомъ, прочтите записку и поступите, какъ вамъ заблагоразсудится, а

Библиотека "Руниверс"

я выполнилъ долгъ моей совѣсти безупречной и чистой передъ Богомъ, вами и людьми» [434].

12-го (24-го) ноября, императоръ Николай отвѣчалъ цесаревичу по поводу затронутыхъ имъ политическихъ вопросовъ и писалъ:

«Я смотрѣлъ бы почти такъ же, какъ вы, дорогой Константинъ, на предметъ вашей записки, если бы мы не исходили изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Ни Пруссія, ни Австрія совершенно не имѣютъ Польши, за исключеніемъ ихъ владѣній въ Познани и Галиціи; обѣ эти провинціи слились съ государствами, которымъ онѣ принадлежатъ, и, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи, за исключеніемъ названія, не замѣтно никакого различія между этой и прочими провинціями королевства, и, мнѣ кажется, до настоящаго времени то же самое въ Галиціи. Литва и пр. русская провинція; она не можетъ возвратиться къ Польшѣ, потому что это значило бы посягать на цѣлость территоріи имперіи,—примѣръ того, что было испробовано съ Выборгскою губерніею, влечетъ уже за собою до того важныя неудобства, что возможно возвращеніе ея къ имперіи въ собственномъ смыслѣ слова. Исходя изъ этого начала, я вижу, что въ Австріи и Пруссіи существуетъ одна и та же форма, и я не вижу особенной формы для войскъ этихъ провинцій (т.-е. Галиціи и Познани), входящихъ въ составъ остальной арміи. У насъ же для войскъ Литовскаго корпуса существуетъ особая форма; до тѣхъ поръ пока ее носятъ русскіе, это не представляетъ никакого значенія, такъ какъ, какой бы цвѣтъ ни заставили ихъ носить, они останутся русскими; но дѣло обстоитъ иначе съ поляками, въ глазахъ которыхъ этотъ цвѣтъ пріобрѣтаетъ значеніе, клонящееся къ поддержанію въ нихъ надежды, отнынѣ немыслимой, возвратиться къ королевству, отдѣлившись отъ имперіи. Поэтому мой долгъ, какъ честнаго человѣка, ослаблять эту надежду, насколько только могу я, во всякомъ случаѣ не поощрять ея явно, упорствуя при первомъ же представившемся наглядномъ случаѣ (occasion ostensible) въ системѣ, раздѣлять которую не могу. Вотъ, дорогой Константинъ, моя откровенная и прямодушная исповѣдь, какою она была бы передъ Богомъ.

«Вѣрность Литовскаго корпуса была образцовая, и вотъ новое право для васъ на признательность со стороны отечества; но, дорогой Константинъ, мнѣ пріятнѣе тотчасъ же знать, кто недовольные, чѣмъ создавать ихъ, безпрерывно обманывая ихъ неосуществленіемъ надежды, неблагоразумно поддерживаемой и поощряемой. Поляки, разсѣянные въ русскихъ войскахъ, будутъ столь же хорошими солдатами, каковыми они были постоянно; дворяне станутъ служить попреимуществу, быть можетъ, въ королевствѣ, или же не будутъ служить. И вотъ, черезъ двадцать лѣтъ, съ Божьей помощью, этотъ порядокъ вещей смягчится, такъ какъ впечатлѣнія будутъ менѣе непосредственны, менѣе тяжелы.

Библиотека "Руниверс"

Если я ошибаюсь, повторяю, я предпочитаю заранѣе знать, на кого я могу полагаться, и честный человѣкъ среди нихъ самихъ отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ» [455].

Насколько искренни были слова императора Николая, что онъ считаетъ себя обязаннымъ быть столь же хорошимъ русскимъ, какъ и хорошимъ полякомъ, можно видѣть изъ просьбы, съ которою обратился въ то время государь къ цесаревичу.

«Позвольте, дорогой Константинъ,—писалъ императоръ Николай 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года,—чтобы въ качествѣ отца я выразилъ вамъ желаніе, котораго вы, тоже какъ отецъ, не отвергнете и, быть можетъ, простите мнѣ мою назойливую нескромность. Я дѣлаю, что могу, чтобы привить моему первенцу привычку къ языкамъ, знаніе которыхъ необходимо для него; поэтому-то, помимо русскаго, онъ знаетъ французскій и нѣмецкій языки настолько, что можетъ говорить на нихъ, и учится польскому и англійскому; необходимо, чтобы въ особенности польскій языкъ былъ, по возможности, настолько же близко знакомъ ему, какъ и русскій; онъ можетъ пріобрѣсти подобную легкость лишь подъ вліяніемъ необходимости и привычки быть обязаннымъ постоянно говорить на немъ. Чтобы достичь этой цѣли, я осмѣливаюсь просить васъ приказать избрать стараго солдата, надежнаго, хорошо знающаго свое дѣло солдата-фронтовика и умѣющаго говорить лишь по-польски. Я желалъ бы, чтобы этотъ ветеранъ состоялъ при моемъ мальчикѣ въ качествѣ дядьки, какъ при немъ уже состоитъ одинъ изъ его здѣшняго полка, который, наблюдая за нимъ въ продолженіе его игръ, въ то же время упражняетъ его и заставляетъ его продѣлывать все, какъ должно. Имѣя съ тою же цѣлью возлѣ себя поляка, онъ, самъ того не подозрѣвая, пріобрѣтетъ привычку говорить по-польски. Простите, что я обращаюсь къ вамъ съ подобною просьбою, и усматривайте въ ней лишь полное довѣріе, съ которымъ я отношусь къ вашей дружбѣ и къ вашимъ милостямъ ко мнѣ и къ моимъ мальчуганамъ» [455].

Что же касается цесаревича, нельзя не замѣтить, что было время, когда онъ по отношенію къ польскому вопросу проводилъ совершенно иную точку зрѣнія, чѣмъ ту, которую онъ защищалъ съ такимъ упорствомъ въ 1826 году и въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ годовъ.

Сообщая въ 1814 году графу В. Ф. Васильеву слухъ, что къ герцогству Варшавскому будутъ присоединены Литва, Подолія и проч., цесаревичъ замѣтилъ: «Кажется, по законамъ нашимъ кореннымъ, родового имѣнія отдавать нельзя», а затѣмъ продолжалъ: «Хотятъ законовъ, а начинаютъ посягательствомъ на уже существующіе. Герцогство Варшавское должно существовать, какъ оно есть, безъ приращеній и должно управляться русскимъ, на русскій образецъ (à la

Библиотека "Руниверс"

russe), но составлять отдѣльную часть. Я бы это дѣло взялъ на себя.. Но лучше было бы раздѣлить ее согласно съ прежнимъ раздѣломъ. Сохрани Богъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, производить раздробленіе Россіи. Къ несчастію, мы уже совершили нѣчто подобное въ Финляндіи, являющееся дѣломъ смѣшнымъ въ немалой степени. Какая слава для насъ, что то, чего не могъ сдѣлать непріятель, мы сдѣлаемъ сами; это исторія пеликана навыворотъ (c'est l'histoire du pélican à retours). Такимъ образомъ оказывается, что иногда пародіи нравятся болѣе, чѣмъ оригиналы» [457].

Но съ тѣхъ поръ, какъ цесаревичъ писалъ эти строки, прошло болѣе десяти лѣтъ, и въ это время онъ долженъ былъ сообразоваться съ волею государя и стоять на стражѣ системы, остроумно названной въ 1814 году исторіею пеликана навыворотъ. Неудивительно, что въ 1826 году цесаревичъ, по прошествіи дѣятельности, продолжавшейся цѣлое десятилѣтіе въ извѣстномъ направленіи, признавалъ уже для себя невозможнымъ отступать назадъ; поэтому онъ упорно отстаивалъ взгляды Александра I, намѣревавшагося сдѣлать изъ поляковъ своихъ венгерцевъ. «Я внутренно убѣжденъ,—писалъ цесаревичъ,—что тѣ, которые хотятъ и любятъ выставлять поляковъ не тѣмъ, что они есть, воздадутъ имъ должное» [458].

Въ то время, когда процессъ надъ участниками польскихъ тайныхъ обществъ еще не былъ оконченъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику политическаго положенія дѣлъ по отношенію къ польскому вопросу. Онъ писалъ, 26-го февраля 1827 года, барону Дибичу:

«Теперь дѣло въ томъ, чтобы знать, какой исходъ получитъ судъ надъ поляками; публика говоритъ объ этомъ мало; но злонамѣренные ожидаютъ и надѣются найти пищу для критики. Съ этимъ связывается вопросъ о ноціональности, и каждый оттѣнокъ будетъ схваченъ съ поспѣшностью. Это шагъ довольно трудный, потому что онъ послужитъ законной основой для большихъ или меньшихъ надеждъ, которыя могутъ быть дарованы Польшѣ, для большаго или меньшаго удара, нанесеннаго самолюбію Россіи. Этотъ великій польскій вопросъ — камень преткновенія, о который разбилась любовь русскихъ къ императору Александру; мы болѣе чѣмъ ясно почувствовали и увидѣли это во время слѣдствія [459]. Я понимаю лучше, чѣмъ публика, всѣ почти непреодолимыя затрудненія, окружающія нашего монарха, но нужно, чтобы его цѣль заключалась постоянно въ сглаживаніи ихъ, избѣгая ломки, и въ измѣненіи чрезмѣрно большихъ притязаній со стороны метрополіи, показывая видъ, что онъ какъ бы раздѣляетъ ея воззрѣнія. Это прекрасное дѣло составитъ силу царствованія и послужитъ основой спокойствія будущихъ царствованій» [460].

Библиотека "Руниверс"

X.

Междуцарствіе, водворившееся въ Россіи послѣ 19-го ноября 1825 года, было причиною, что если не позабыли о своевременномъ погребеніи тѣла императора Александра, то во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ полновластнаго распорядителя, дѣло затянулось. На запросы, дѣлаемые изъ Таганрога къ цесаревичу, получался отвѣтъ: обратиться за распоряженіями отъ кого слѣдуетъ въ Петербургъ. А между тѣмъ въ столицѣ ожидали повелѣній изъ Варшавы. Въ сущности же не знали, гдѣ находится императоръ, которому присягнула вся Россія; нѣкоторые полагали, что Константинъ Павловичъ выѣхалъ въ Таганрогъ, другіе же были того мнѣнія, что онъ слѣдуетъ въ Петербургъ.

Неопредѣленное положеніе дѣлъ дошло мѣстами до того, что, напримѣръ, къ генералу Михайловскому-Данилевскому, командовавшему въ то время въ Кременчугѣ бригадою, пріѣхалъ отъ корпуснаго командира генерала Рота жандармъ съ циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго, спрашивавшаго, не извѣстно ли бригадному начальству мѣстопребываніе императора Константина, и не проѣзжалъ ли государь въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ объѣхать расположеніе всего третьяго корпуса. «Такимъ образомъ,—пишетъ Данилевскій,—россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи» [461].

Наконецъ, 3-го (15-го) декабря, пятнадцать дней по прошествіи кончины Александра Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна написала князю Волконскому письмо, въ которомъ поручала ему, отъ имени всей семьи, испросить у императрицы Елисаветы Алексѣевны приказанія насчетъ перевозки тѣла почившаго государя, и прибавила: «Je vous réponds, je vous répète, de l'assentiment de l'empereur Constantin».

Просьбу императрицы-матери повторилъ въ письмѣ къ князю Волконскому отъ того же числа великій князь Николай Павловичъ. Онъ писалъ, что, такъ какъ рѣшеніе императрицы можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на князя падаетъ «тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего ангела распоряженій».

«Потому беру я на себя,—продолжалъ Николай Павловичъ,—просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ, разрѣшая напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, а равно и для увѣдомленія, что императрица изволитъ рѣшить относительно отъѣзда, дороги и времени прибытія сюда, равно и что самой государынѣ заблагоразсу-

Библиотека "Руниверс"

дится дѣлать, прошу сейчасъ прислать мнѣ увѣдомленіе; всѣ же сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно черезъ меня. Дабы быть всегда извѣстному, какъ о здоровьѣ государыни, такъ и о вашихъ распоряженіяхъ, нужнымъ считаю просить присылать увѣдомленіе, по крайней мѣрѣ, черезъ два дня. Государь предоставилъ мнѣ всѣ по оному распоряженія. Статья важная, и которую сама государыня изволитъ рѣшить, есть—везти ли тѣло отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сіе рѣшить. Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій—повторяю, помните, кого храните, и чей государь онъ былъ! Скорѣе много, чѣмъ мало. Вотъ мое мнѣніе»[462].

Не легко было князю Волконскому исполнить порученную ему тяжелую обязанность и распоряжаться въ Таганрогѣ при столь исключительныхъ и небывалыхъ условіяхъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ совершились извѣстныя событія, междуцарствіе кончилось, и послѣдовало воцареніе императора Николая Павловича. «Здѣсь все затихло,—писалъ государь князю Волконскому, — и Богъ видимо насъ благословилъ; съ Его помощью надѣюсь истребить зло до корня»[463].

29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года) печальная процессія выступила изъ Таганрога и направилась черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу въ Москву. Императрица Елисавета Алексѣевна поручила генералъ-адъютанту графу Василію Васильевичу Орлову-Денисову сопровождать прахъ почившаго императора до Петербурга. Выборъ лица вполнѣ согласовался съ мыслями императора Николая. Въ письмѣ къ князю Волконскому государь высказалъ одно желаніе: «Я хочу, чтобъ былъ русскій».

Во время движенія печальнаго шествія по Россіи не было недостатка въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, распространяемыхъ неблагонамѣренными людьми. Въ особенности встревожило начальствующихъ лицъ донесеніе тульскаго гражданскаго губернатора Тухачевскаго отъ 29-го января 1826 года. Онъ писалъ слѣдующее:

«Дошли до меня слухи, что якобы въ Москвѣ есть намѣреніе злодѣевъ въ день вступленія печальной процессіи съ тѣломъ покойнаго государя императора начать грабежи и неистовства въ сей столицѣ, и что злодѣи сіи будто бы имѣютъ сношеніе съ тульскими оружейниками. Съ моей стороны я не замѣчаю въ городѣ Тулѣ никакихъ признаковъ, чтобы оружейники имѣли злое намѣреніе противъ тишины и спокойствія; но принялъ мѣры строгія безъ малѣйшей огласки къ надзору за всѣми дѣйствіями ихъ и живущихъ въ городѣ иногородныхъ чиновниковъ».

По полученіи графомъ Орловымъ-Денисовымъ свѣдѣній объ этихъ слухахъ, онъ донесъ государю 24-го января изъ г. Мценска, что «съ сего дня, подъ предлогомъ сильно тѣснящагося по городамъ народа,

Библиотека "Руниверс"

принялъ я строжайшія мѣры къ совершенной безопасности безцѣннаго праха, при неослабномъ наблюденіи вообще всѣхъ мѣстъ, гдѣ только имѣетъ проходить печальное шествіе, усилилъ посты и предполагаю, въ случаѣ подтвержденія слуховъ, удвоить по возможности конвой.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (декабристъ).

(Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ „Русской Старинѣ" 1886 г.).

Благость Всевышняго, конечно, не допуститъ совершиться предположенію столь гнуснаго событія; но если неисповѣдимымъ судьбамъ Его угодно будетъ наказать россіянъ симъ бѣдствіемъ, смѣю ручаться вашему императорскому величеству, что послѣдняя капля крови моей за-

Библиотека "Руниверс"

стынетъ у подножія гроба августѣйшаго усопшаго, и черезъ хладный только трупъ мой насильство достичь можетъ дерзновеннаго прикосновенія. Свидѣтель отъ самаго Таганрога до города Орла единодушныхъ усилій всѣхъ сословій, стремящихся съ безпредѣльною ревностью ознаменовать свою приверженность къ вѣнценосцамъ, я съ душевнымъ прискорбіемъ осмѣлился роковымъ предположеніемъ симъ наполнить горестью благотворительное сердце милосерднѣйшаго монарха! Исполняя долгъ свой, я твердо уповаю при малѣйшихъ способахъ успокоить ваше величество благополучнымъ выступленіемъ изъ Москвы, которая въ самыя бѣдственныя для Россіи минуты доказала непоколебимость, достойную столицы. Въ случаѣ же крайности и теперь найду сподвижниковъ, ревнующихъ уничтожить мгновенное заблужденіе, достодолжною съ моей стороны предпріимчивостью» [464].

Несмотря на зловѣщіе слухи, въ Тулѣ не произошло ничего предосудительнаго, и самое строгое благочиніе не было ничѣмъ нарушено. Напротивъ того, 31-го января 1826 года, генералъ-адъютантъ Храповицкій (начальникъ 3-й гренадерской дивизіи) доносилъ барону Дибичу:

«Ничто такъ не поразило сопровождающихъ тѣло и всѣхъ свидѣтелей, какъ то, когда уже по окончаніи божественной службы гробъ былъ поставленъ на колесницу, и все уже готово было, чтобъ тронуться шествію, и къ оному поданъ былъ знакъ, триста или болѣе человѣкъ перекрестясь распростерлись передъ гробомъ и, сдѣлавъ еще два земныхъ поклона, въ неизъяснимой тишинѣ повезли колесницу. Подобные поступки обитателей города Тулы обнадеживаютъ весьма много, что распущенные слухи есть выдумка» [465].

Вступленіе траурнаго шествія въ Москву также совершилось (3-го (15-го) февраля) въ должномъ порядкѣ; населеніе столицы встрѣчало вездѣ тѣло «въ величайшей тишинѣ и съ нарочитымъ умиленіемъ» [466]. Гробъ поставленъ былъ въ Архангельскомъ соборѣ. Но въ виду распространившихся тревожныхъ слуховъ приняты были строгія мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ вечера запирали ворота въ Кремль и у каждаго входа ставили заряженныя орудія. Пѣхота располагалась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада съ осѣдланными лошадьми въ экзерцигаузѣ. Въ городѣ всю ночь ходили патрули. Однако, ни малѣйшаго шума или безпорядка замѣчено не было.

6-го (18-го) февраля, печальное шествіе выступило изъ Москвы.

По прибытіи тѣла къ заставѣ, «ямщики Тверской Ямской свободы и крестьяне Хорошевской волости, испросивъ убѣдительнѣйшими просьбами везти тѣло на себѣ, отвезли оное отъ заставы до подъѣзднаго Петровскаго дворца, у коего оно было переставлено на дорожную колесницу и отправилось въ путь тѣмъ порядкомъ, какимъ шествовало до Москвы» [467].

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ въ Петербургъ начали съѣзжаться представители иностранныхъ державъ, присланные европейскими правительствами для изъявленія своего участія по поводу горя, постигшаго Россію, и для привѣтствія преемника Александра I. По поводу пріѣзда иностранныхъ гостей графъ Лаферронэ писалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, барону Дамасу: «Я знаю изъ вѣрнаго источника, что государь съ искреннимъ неудовольствіемъ взираетъ на прибытіе столь великаго числа принцевъ и важныхъ особъ. Въ минуту, когда важность обстоятельствъ и обширность занятій поглощаютъ все его время, онъ вполнѣ естественно раздраженъ необходимостью удѣлять нѣкоторую часть его на этикетныя суеты, а, сверхъ того, ему можетъ быть непріятно имѣть столько свидѣтелей затруднительнаго положенія, въ коемъ самъ онъ находится»[458].

Въ прибавленіи къ «Русскому Инвалиду» отъ 21-го января 1826 года (№ 21) напечатана была по этому поводу слѣдующая статья:

«Нашимъ читателямъ извѣстно, съ какимъ глубокимъ чувствомъ прискорбія и чуждые намъ народы узнали о кончинѣ незабвеннаго императора Александра. Не мы одни лишились въ немъ великаго государя; слава его принадлежала Европѣ почти столько же, какъ Россіи, ибо она была цѣною избавленія отъ общаго ненавистнаго ига: и въ самые дни мира благодѣтельное вліяніе его могущества распространялось на другія державы, служа и для нихъ надежнымъ залогомъ тишины и устройства. Сіи знаки усерднаго участія въ нашей горести не прерываются. Дворы союзные,—а союзниками Александра были всѣ правительства просвѣщенныя,—кои столь часто изъявляли безпредѣльную довѣренность къ великодушнымъ правиламъ его политики, нынѣ стараются воздать должную честь его священной памяти единодушнымъ изъявленіемъ дружелюбія и уваженія къ августѣйшему преемнику престола его. Между ими первый тотъ, который въ самыхъ смутныхъ обстоятельствахъ не переставалъ въ сердцѣ быть другомъ нашего возлюбленнаго монарха и Россіи, король прусскій, назначилъ своимъ представителемъ въ семъ важномъ случаѣ сына своего, принца Вильгельма. За нимъ вскорѣ прибыли къ императорскому двору связанные съ онымъ узами родства и любви, равно какъ и взаимностію политическихъ выгодъ, наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, маркграфъ Леопольдъ Баденскій, и его королевское высочество принцъ Оранскій, отличенный особенною нѣжною дружбою въ Бозѣ почивающаго императора, и при послѣдней съ нимъ разлукѣ еще осыпанный новыми оной знаками; внезапно пораженный ужасною вѣстію, собственною неизъяснимою горестію и горестію супруги, онъ спѣшилъ въ мѣста, для него освященныя воспоминаніемъ, поклониться драгоцѣнному праху и раздѣлить скорбь съ другими членами сѣтующаго августѣйшаго семейства. Съ порученіемъ отъ импера-

Библиотека "Руниверс"

тора австрійскаго, давнишняго, постояннаго союзника нашего отечества и личнаго друга покойнаго государя, здѣсь также принцъ, ближній родственникъ его величества, эрцъ-герцогъ Фердинандъ Эстскій (д'Есте), прославившій себя въ кампанію 1805 года, а правительство Великобританіи въ истолкователи своихъ чувствъ и намѣреній избрало одного изъ героевъ нашего вѣка, полководца, который при Ватерлоо нанесъ послѣдній ударъ Наполеону, и тѣмъ въ лѣтописяхъ міра присоединилъ имя свое къ имени главнаго освободителя Европы Александра I. По извѣстіямъ, полученнымъ третьяго дня изъ Лондона, дюкъ Веллингтонъ долженъ былъ вскорѣ выѣхать и будетъ въ Санктпетербургѣ, вѣроятно, къ исходу февраля».

Фельдмаршалъ Веллингтонъ прибылъ въ С.-Петербургъ 18-го февраля (2-го марта).

Къ поименованнымъ здѣсь иностраннымъ гостямъ нужно еще присоединить баварскаго фельдмаршала князя Вреде.

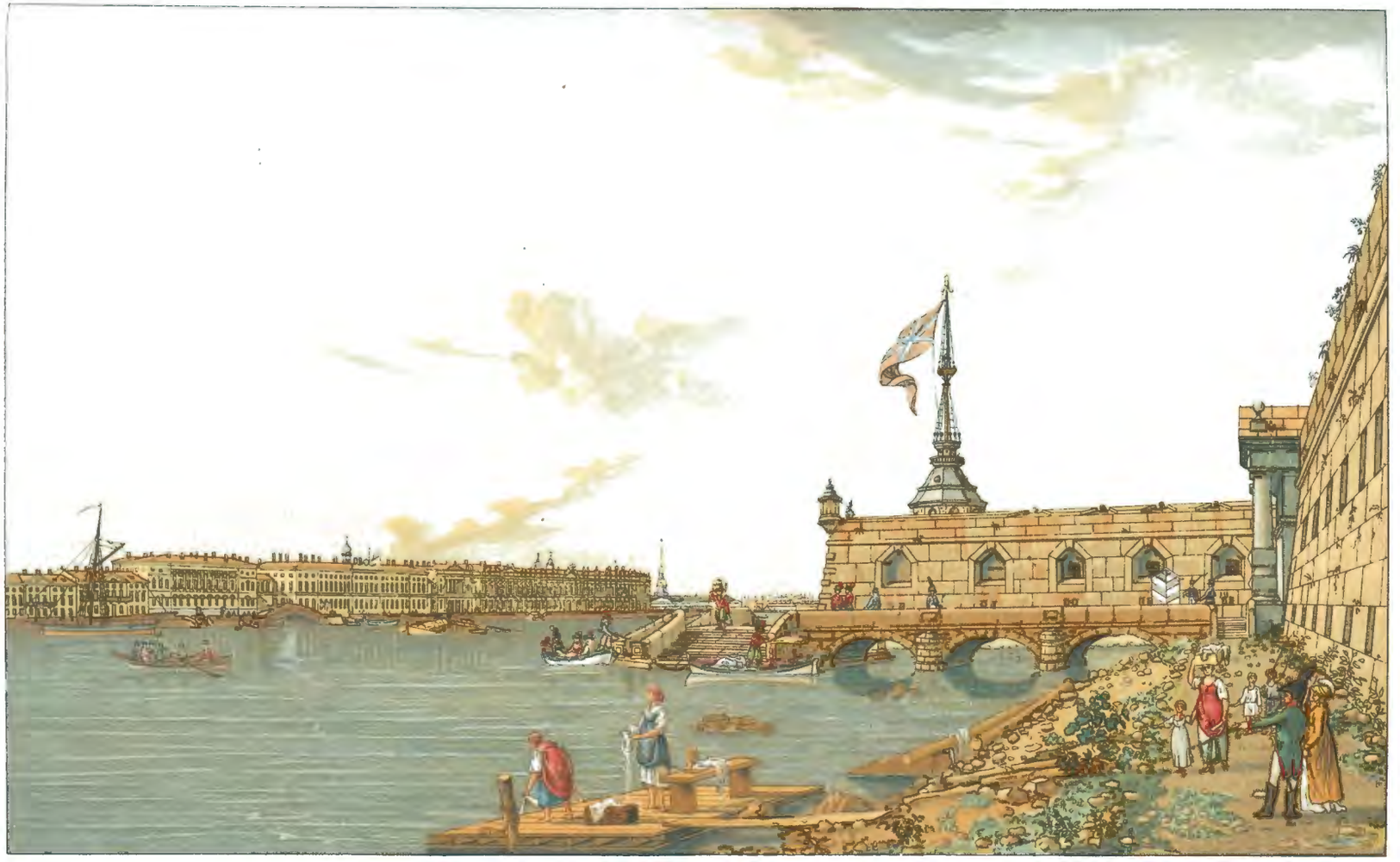
Карлъ X, желая засвидѣтельствовать свои дружескія чувства къ Россіи, не замедлилъ также отправить въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго посла, виконта де-Сенъ-При (Saint Priest), прежде служившаго въ Россіи, съ поздравительнымъ письмомъ короля къ императору Николаю; онъ прибылъ сюда въ первыхъ числахъ января 1826 года и былъ принятъ государемъ 8-го (20-го) января, который, обнявъ его, сказалъ: «Позвольте поцѣловать васъ, какъ стараго знакомаго. Избравъ васъ въ настоящемъ случаѣ, король далъ мнѣ новое доказательство своего вниманія и милости ко мнѣ».

«— Я слишкомъ уважаю ваше величество, — замѣтилъ между прочимъ Сенъ-При въ своей привѣтственной рѣчи,—чтобы осмѣлиться вамъ льстить, но достопамятный вашъ образъ дѣйствій въ день 14-го декабря и проявленная вами твердость указываютъ, чего должны ждать отъ васъ враги порядка.

«— О, что до этого касается, — отвѣтилъ Николай Павловичъ, — то вы можете положиться на меня. Я думаю, что оказалъ услугу всѣмъ правительствамъ, поступивъ такимъ образомъ; давно пора, чтобы люди эти, стремящіеся лишь къ возбужденію смутъ и возстаній, подверглись наказанію, и должно признаться, что ихъ слишкомъ щадили до сихъ поръ».

Въ бесѣдѣ съ Сенъ-При государь коснулся и усмиренія возстанія на югѣ, въ Черниговскомъ полку, и замѣтилъ: «Я радъ, что они обнаружили свои замыслы; они сами выдали себя и понесутъ заслуженную кару. Меня могутъ убить, это правда; каждый день мнѣ угрожаютъ смертью въ анонимныхъ письмахъ, но никто меня не запугаетъ. Да и въ этомъ случаѣ я получилъ трогательныя выраженія преданности. Народъ русскій покоренъ, и я горжусь тѣмъ, что повелѣваю имъ».

Библиотека "Руниверс"



Зимній дворецъ и дворцовая набережная въ 1806 году.

Съ акварели Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ (декабристъ).

(Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова).

Сенъ-При коснулся также европейскаго союза, коего императоръ Александръ былъ до нѣкоторой степени создателемъ и опорой, выразивъ надежду, что король найдетъ въ государѣ ту же поддержку. Императоръ Николай отвѣтилъ:

«— Король воздаетъ мнѣ справедливость. Основныя начала брата исповѣдуются и мною, и я надѣюсь найти во Франціи столь же вѣрную союзницу, какою она была въ отношеніи его».

Сенъ-При на эти слова государя сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«— Союзъ этотъ такъ естественъ, услуги, оказанныя намъ императоромъ Александромъ, до того живы въ памяти короля и его подданныхъ, что вы можете вполнѣ разсчитывать на насъ. У Франціи и Россіи нѣтъ интересовъ, которые бы взаимно исключались; но не таковы соотношенія прочихъ державъ. Франція, государь, правильнѣе другихъ судила о намѣреніяхъ покойнаго императора въ важномъ вопросѣ, который ваше величество призваны разрѣшить. Король охотно приступитъ ко всѣмъ мѣрамъ, которыя, будучи приняты въ общемъ интересѣ Европы и ограждены отъ всѣхъ частныхъ интересовъ, будутъ направлены къ сохраненію мира и къ удовлетворенію пользы человѣчества».

Императоръ отвѣтилъ на эти слова посла выраженіемъ мыслей, сходныхъ съ тѣми, которыя были имъ уже высказаны ранѣе графу Лаферронэ.

«— Въ настоящую минуту,—сказалъ государь,—я не могу еще заняться внѣшними дѣлами и трудною задачею, завѣщанною мнѣ братомъ. Надо упрочиться внутри, прежде чѣмъ думать о предпріятіяхъ внѣшнихъ, да, сверхъ того, все это для меня слишкомъ ново. Тѣмъ не менѣе, я смѣло ручаюсь вамъ за искренность моего желанія добра, желанія дѣйствовать сообща съ моими союзниками и въ особенности съ королемъ, отъ котораго я получаю столько выраженій драгоцѣннаго для меня участія. Онъ еще недавно далъ мнѣ величайшее доказательство въ томъ, оставивъ здѣсь графа Лаферронэ. Онъ не могъ сдѣлать ничего, что было бы мнѣ болѣе пріятно».

Во время прощальной аудіенціи, послѣдовавшей 17-го (29-го) января, Сенъ-При не скрылъ отъ государя своихъ опасеній за будущее въ виду всеобщаго стремленія къ преобразованіямъ въ управленіи, необходимость коихъ сознается даже людьми самыми преданными и благоразумными.

«— Кому вы это говорите,—прервалъ его императоръ,—кто знаетъ это лучше меня? Въ сущности нельзя помѣшать вещамъ казаться такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, и, быть можетъ, я самъ,—присовокупилъ онъ смѣясь,—въ бытность великимъ княземъ, былъ либераломъ въ этомъ смыслѣ. Но я отличалъ и всегда буду отличать тѣхъ, кто хочетъ справедливыхъ преобразованій и желаетъ, чтобы исходили они отъ законной власти, отъ тѣхъ, кто самъ хотѣлъ бы предпринять ихъ и Богъ знаетъ какими средствами. Все это, мой другъ, очень трудно. Въ концѣ концовъ, я полагаюсь на помощь Провидѣнія, которое такъ видимо покровительствовало намъ доселѣ и которое, надѣюсь, не оставитъ насъ».

Посолъ воспользовался случаемъ, чтобы коснуться восточныхъ дѣлъ.

«— Государь,—началъ онъ,—откровенность, съ которою вы удостоиваете бесѣдовать со мною, вызываетъ и меня на таковую же. Ваше величество знаете сущность переговоровъ, происходившихъ по поводу Гре-

Библиотека "Руниверс"

ціи. Одни хотѣли только примирительныхъ попытокъ; другіе сознавали необходимость понудительныхъ мѣръ противъ турокъ, и правительство короля придерживалось въ послѣднее время образа дѣйствій, наиболѣе близкаго видамъ императора Александра, который въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе заслуживалъ такого довѣрія, что онъ принялъ мужественное обязательство не руководиться никакими личными соображеніями, и что никакое реальное приращеніе не явится послѣдствіемъ его предпріятій, и мнѣ нѣтъ надобности настаивать предъ вашимъ величествомъ на необходимости такого ручательства для Европы и въ частности для Франціи».

«— Я приму на этотъ счетъ тѣ же обязательства, — отвѣчалъ императоръ, — вы можете быть въ томъ увѣрены. Я дамъ тѣ же ручательства и заявляю, что всякое приращеніе далеко отъ моихъ мыслей. Но нужно, чтобы союзники мои поддержали меня, чтобы они искренно помогли мнѣ разрѣшить вопросъ, послѣдствія коего могутъ быть столь важны. Если мнѣ въ томъ откажутъ, то я вынужденъ буду дѣйствовать одинъ, и я буду знать тогда, что мнѣ дѣлать».

Послѣднія слова государь произнесъ съ твердостью, обличавшею непреклонную рѣшимость. Николай Павловичъ разрѣшилъ Сенъ-При передать королю, что онъ не хочетъ войны и желалъ бы уговориться съ союзниками, прибавивъ: «Мнѣ нужно согласіе всѣхъ моихъ союзниковъ, безъ исключенія. Впрочемъ, повторяю, я не могу еще заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Съ меня пока довольно, что вы знаете о моихъ чувствахъ и доведете до свѣдѣнія короля, одобреніе котораго всегда мнѣ будетъ дорого. Я говорилъ съ вами съ полною откровенностью потому, что, несмотря на носимый вами синій мундиръ, я не могу отвыкнуть отъ того, чтобы не считать васъ своимъ».

Покидая Россію, Сенъ-При былъ лично очарованъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему императоромъ Николаемъ, и заявленіемъ его, что безкорыстіе Александра I и соглашеніе съ европейскими державами будутъ служить и впредь основаніемъ русской политики. «Во всемъ, что онъ говоритъ,—доносилъ Сенъ-При своему правительству,—звучитъ правдивость и искренность, которыя въ соединеніи съ даромъ слова, съ видомъ, полнымъ благородства и доброжелательства, плѣняютъ и убѣждаютъ. При покойномъ императорѣ достоинства его не имѣли случая выказаться. Онъ былъ занятъ мельчайшими подробностями службы, въ которой проявлялъ строгость, не умножавшую числа его друзей; его держали въ удаленіи отъ дѣлъ; тѣмъ поразительнѣе видѣть его нынѣ на высотѣ важныхъ событій, среди копхъ ему приходится дѣйствовать».

Относительно внутренняго положенія Россіи Сенъ-При высказывалъ взгляды, совершенно сходные съ мнѣніями графа Лаферронэ, на которыя уже выше указано нами. Сенъ-При казалось, что хотя положеніе Россіи не внушаетъ безпокойства въ настоящую минуту, но нельзя не

Библиотека "Руниверс"

бояться за будущее въ странѣ, гдѣ существуютъ великія злоупотребленія, гдѣ всѣ ихъ живо сознаютъ и чувствуютъ и почувствуютъ еще сильнѣе, когда уляжется возбужденіе, обыкновенно сопровождающее каждую перемѣну царствованія, и когда дерзкая партія, эксплоатирующая всеобщее недовольство, снова подниметъ поникшую голову. Сенъ-При свидѣтельствуетъ, что въ высшихъ слояхъ общества царитъ общій духъ нововведеній, даже среди людей болѣе благоразумныхъ, друзей порядка; что питается онъ всѣми грѣхами продажной администраціи, которою слишкомъ пренебрегалъ покойный государь, и которую необходимо исправить. «Духъ этотъ, — замѣчаетъ Сенъ-При,—еще не проникъ въ высшіе общественные слои, но не они производятъ революціи, коимъ служатъ только орудіемъ. И безъ того, нѣсколькимъ мятежнымъ офицерамъ едва не удалось совратить солдатъ. Должно надѣяться, что мудрость и твердость императора разстроятъ замыслы бунтовщиковъ. Этого нужно желать, ибо здѣсь революція была бы ужасна. Дѣло шло бы уже не о низведеніи съ престола одного государя для замѣны его другимъ, но весь общественный порядокъ былъ бы поколебленъ въ основаніи, и вся Европа покрылась бы его обломками» [469].

Наконецъ, 28-го февраля (12-го марта), печальная процессія съ тѣломъ императора Александра приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ выѣхалъ навстрѣчу шествію; государя сопровождали изъ прибывшихъ иностранныхъ гостей принцъ прусскій Вильгельмъ и принцъ Оранскій. Здѣсь же находились царскосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне дворцоваго вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь. Выйдя изъ коляски императоръ, приближаясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, поднявшись на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; государь съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

«1-го (13-го) марта, отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ лейбъ-медикъ Д. К. Тарасовъ.—Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

«— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?

«Я отвѣтилъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

«Въ 11 съ половиною часовъ вечера, священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытія гроба я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько перемѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

«По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія» [470].

Прусскій генералъ Герлахъ, сопровождавшій сына короля въ Россію, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи въ Царскомъ Селѣ гроба императора Александра присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ. По его разсказу, императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a maigri». Трижды возвращалась она къ гробу и подходила къ тѣлу. Принцъ Вильгельмъ, по свидѣтельству Герлаха, былъ также глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора [471].

5-го (17-го) марта, тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. Здѣсь тѣло императора присутствовавшими при этомъ генералъ-адъютантами изъ прежняго деревяннаго гроба, помѣщавшагося въ свинцовомъ гробѣ, переложено было въ новый великолѣпный гробъ. На другой день, 6-го (18-го) марта, шествіе двинулось изъ Чесменскаго дворца въ С.-Петербургъ. День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ, начиная отъ заставы, слѣдовали императоръ Николай, великій князь Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герцогъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ распущенныхъ шляпахъ и мантіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Въ половинѣ второго часа пополудни печальный поѣздъ прибылъ къ Казанскому собору [472]. Здѣсь закрытый уже гробъ императора Александра былъ выставленъ на поклоненіе всѣхъ сословій народа въ продолженіе семи дней.

По свидѣтельству Тарасова, «доложено было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила чертъ лица».

Мнѣніе, высказанное Д. К. Тарасовымъ въ своихъ запискахъ, вполнѣ расходится со взглядомъ, выраженнымъ княземъ Волконскимъ въ письмѣ изъ Таганрога къ Г. И. Виламову, значительно ранѣе, а именно еще 7-го (19-го) декабря 1825 года.

Князь Волконскій писалъ:

«Мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы здѣсь; ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго измѣнились, чрезъ нѣсколько времени еще потерпятъ; почему я думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть, о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго».

Въ С.-Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, въ ожиданіи печальныхъ церемоній, распускали нелѣпые слухи: разсказывали, что предположено злоумышленниками поставить четыре бочки съ порохомъ подъ Казанскимъ мостомъ и, когда повезутъ тѣло усопшаго государя, взорвать мостъ; то же самое злодѣяніе будто предполагаютъ исполнить и въ крѣпости. Ходили также не менѣе вздорные слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора. Порядокъ не былъ, однако, нарушенъ, и всѣ опасенія оказались напрасными.

13-го (25-го) марта, въ одиннадцать часовъ, во время сильной мятели, погребальное шествіе по прежнему церемоніалу направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; оно слѣдовало по Невскому, Большой Садовой, мимо Инженернаго, бывшаго Михайловскаго, замка, по Царицыну лугу черезъ Троицкій мостъ. По всему пути разставлены были войска. Въ тотъ же день послѣ литургіи происходило отпѣваніе и погребеніе. Въ три часа началась пальба съ крѣпости и изъ всѣхъ бывшихъ въ строю артиллерійскихъ орудій, а всѣми стоявшими въ строю войсками произведенъ былъ батальный огонь.

Библиотека "Руниверс"

Виньетка къ «Полярной Звѣздѣ» 1861 г., изданной Герценомъ, съ портретами пяти декабристовъ.

«Симъ,—какъ сказано въ церемоніалѣ,—заключился послѣдній отданный долгъ незабвенному и вѣчной памяти достойному великому государю всероссійскому императору Александру I».

По окончаніи печальнаго обряда, государь съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцами Оранскимъ и Прусскимъ, въ сопровожденіи фельдмаршала герцога Веллингтона и многочисленной свиты, возвратился въ Зимній дворецъ верхомъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не призналъ для себя возможнымъ покинуть Варшаву, чтобы раздѣлить горе императорской семьи во время этихъ печальныхъ дней. 16-го (28-го) марта, императоръ Николай писалъ брату: «Злополучные дни, предшествовавшіе 13-му числу, почти лишили меня всѣхъ моихъ способностей, физическихъ и духовныхъ, и только лишь со вчерашняго дня я вздохнулъ нѣсколько» [473].

«Я прекрасно понимаю, дорогой братъ,—отвѣчалъ Константинъ Павловичъ,—состояніе, въ которомъ вы должны были находиться въ періодъ времени, предшествовавшій ужасному дню 13-го числа. Я живо раздѣляю его издалека, гдѣ нахожусь; да будетъ воздано благодареніе Всевышнему, что вся наша семья перенесла его бодро и съ покорностью судьбѣ, и что останки нашего дорогого и безсмертнаго императора покоятся въ мирѣ» [474].

Печаль императора Николая была искренняя и глубокая, и она не разъ выразилась въ прочувствованныхъ строкахъ къ брату. Однажды онъ писалъ цесаревичу:

«Вообще вы не повѣрите, или, вѣрнѣе, вы мнѣ повѣрите, какое тяжелое ощущеніе испытываешь здѣсь; все въ его комнатѣ осталось, какъ было въ его время: его шляпа, его перчатки, его ѳполеты, платки и проч.—все рѣшительно, какъ будто онъ самъ долженъ находиться здѣсь; каждое мгновеніе ищешь его, каждое мѣсто до такой степени напоминаетъ его, что часто можно забыться; но зато и моментъ ужаснаго пробужденія отъ этой иллюзіи невыносимъ» [475].

19-го марта 1826 года, въ воспоминаніе того памятнаго дня, въ который россійскія и союзныя намъ войска, подъ предводительствомъ императора Александра, вступили въ Парижъ, передъ Зимнимъ дворцомъ происходилъ большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса; они два раза проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо государя. Иностранные гости, съѣхавшіеся въ С.-Петербургъ къ похоронамъ императора Александра, присутствовали на этомъ парадѣ. Прекрасная погода благопріятствовала торжеству; всѣ дома, площади, балконы, Адмиралтейскій бульваръ и тротуары съ ранняго утра наполнены были безчисленнымъ множествомъ зрителей.

Въ этотъ же день императоръ Николай увѣковѣчилъ подвигъ, совершенный Александромъ въ 1814 году, отдавъ по россійскимъ арміямъ слѣдующій приказъ:

«Въ манифестѣ 30-го августа 1814 года благоугодно было въ Бозѣ почивающему государю императору Александру Первому, предавая въ потомство достославныя происшествія войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, между прочими памятниками постановить, дабы въ ознаменованіе признательности къ побѣдоносному воинству, въ сей брани подвизавше-

Библиотека "Руниверс"

муся, учреждена была особенная медаль съ изображеніемъ на оной года и числа вступленія въ Парижъ.

«Сей святой обѣтъ того, котораго Россія вѣчно оплакивать будетъ, принялъ я въ наслѣдіе, и при первомъ наступленіи 19-го марта въ мое царствованіе я вмѣняю себѣ въ обязанность исполнить, и для сего повелѣваю: медаль съ изображеніемъ, для нея предназначеннымъ, распредѣлить въ награду всѣмъ тѣмъ воинамъ, кои по 19-е марта 1814 года въ дѣйствующихъ войскахъ состояли:

«Симъ исполняя волю, всегда для меня священную, довершаю завѣтъ отца-государя храброму его воинству, коего мужество и вѣрность непоколебимая утвердили миръ въ Европѣ, пріобрѣли незабвенную славу имени русскому, снискали себѣ признательность отца отечества, и за дверію гроба чрезъ меня ихъ благословляющаго».

Серебряная медаль, установленная въ память совершеннаго русскимъ воинствомъ подвига, была украшена изображеніемъ императора Александра I, озаряемымъ лучами, истекающими изъ ока Провидѣнія, и съ надписью на другой сторонѣ: За взятіе Парижа, 19-го марта 1814 года. Эту медаль повелѣно было носить на лентѣ, раздѣленной вдоль надвое: одна полоса Андреевскаго, а другая — Георгіевскаго ордена [476].

Уже наканунѣ парада государь приказалъ раздать въ полкахъ эти медали, которыя, по свидѣтельству современника, выбиты были еще по повелѣнію императора Александра, но «не были розданы по его всегдашней привычкѣ лавировать, чтобы никого не обидѣть». Генералъ-адъютантъ Дибичъ нѣсколько разъ напоминалъ императору Александру о сихъ медаляхъ, но всякій разъ государь отмалчивался. «Конечно, тому была причина — извѣстная скромность Александра, не желавшаго медалями оскорбить честолюбіе французовъ, — пишетъ Михайловскій-Данилевскій.—И онъ, подобно македонскому герою, хотѣлъ, чтобы его хвалили въ Аѳинахъ!»

Посылая цесаревичу Константину Павловичу медаль 1814 года, императоръ Николай писалъ брату:

«Вотъ медаль, которую нашъ ангелъ обѣщалъ, и которую онъ не имѣлъ времени раздать. Такимъ образомъ, это долгъ по отношенію къ арміи, который я вмѣнилъ себѣ въ обязанность отдать въ память нашего очаровательнаго ангела; не откажите принять эту медаль; она лежала на его гробѣ, и какъ будто исходитъ отъ него самого! Все, что напоминаетъ или имѣетъ отношеніе къ нему,—вещь священная, и мы не можемъ въ достаточной степени будить воспоминаніе о немъ въ тѣхъ, которые обязаны ему своею славою и своимъ счастьемъ. Это защита, которою слѣдуетъ прикрываться, и компасъ для насъ, его братьевъ, чтобы поступать, какъ честные люди (en gens de bien)» [477].

Библиотека "Руниверс"

XI.

Какъ только необычайныя событія, сопровождавшія воцареніе императора Николая, дали новому государю возможность вникнуть въ иностранную политику, Восточный вопросъ долженъ былъ, прежде всего, привлечь къ себѣ полное вниманіе преемника Александра.

Послѣ неудовлетворительнаго исхода петербургской конференціи, собранной для умиротворенія Востока, императоръ Александръ объявилъ, что онъ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствовать, какъ сочтетъ нужнымъ, помимо союзниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ графу Нессельроде спросить мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей при иностранныхъ державахъ. Въ семъ неопредѣленномъ положеніи находились восточныя дѣла, когда изъ Таганрога распространилась печальная вѣсть о внезапной кончинѣ Александра I-го.

Отвѣты нашихъ пословъ на циркулярное предложеніе графа Нессельроде суждено было прочесть уже не творцу Священнаго союза, но императору Николаю. Самый замѣчательный изъ нихъ принадлежитъ Поццо-ди-Борго. По словамъ Ковалевскаго (Егора Петровича), въ депешѣ посла при французскомъ дворѣ отразился весь свѣтлый умъ этого дипломата. «Какъ соколъ, спущенный наконецъ съ руки охотника, онъ понесся прямо и неудержимо къ цѣли; съ высоты, недосягаемой для другихъ, окинулъ онъ поле дѣйствія и, указывая на враговъ, поражалъ ихъ перомъ своимъ. Онъ писалъ, что Россія въ томъ положеніи, въ которомъ заявила себя передъ Европой, уклонившись отъ нея и предоставивъ себѣ полную свободу дѣйствій, конечно, поставитъ ее въ недоумѣніе, но это только на первое время. Европейскія державы, руководимыя княземъ Меттернихомъ, проникающимъ во всѣ тайны кабинетовъ путями темными, ему одному доступными, скорѣе поймутъ настоящее значеніе «нашей свободы дѣйствій»; если она, хотя временно, обратится въ бездѣйствіе, онѣ будутъ очень довольны имъ и постараются воспользоваться обстоятельствами, чтобы отучить Европу обращаться за разрѣшеніемъ международныхъ вопросовъ къ Россіи. А что однажды утрачено, то нелегко возвращается. Положеніе наше на материкѣ не то, что Англіи на острову; при томъ же у нея есть и другіе пути преобладанія—ея богатства, торговля, узаконенія, соблазняющія другіе народы. У насъ только одна сила матеріальная. Нужно, чтобы негодованіе наше противъ союзниковъ выразилось не однимъ пассивнымъ молчаніемъ, но и мѣрами болѣе существеннымп»[478].

Выражая затѣмъ радость по поводу временнаго разрыва Россіи съ союзомъ, Поццо-ди-Борго высказываетъ мнѣніе, что этотъ союзъ принесъ существенную пользу для другихъ, но не для насъ.

Библиотека "Руниверс"

Англія, пользуясь затишьемъ, охраняемымъ союзниками, не только устроила и умиротворила взволнованное и потрясенное состояніе страны, но успѣла развить свою промышленность и торговлю до того, что не только уплатила значительную часть изъ несмѣтныхъ долговъ, но опять стала изобиловать накопившимися капиталами. Австрія никогда не стѣсняется обязательствами союза, когда рѣчь идетъ о ея матеріальныхъ пользахъ, или не задѣты ея политическія цѣли. Священный союзъ служилъ ей щитомъ отъ внутреннихъ потрясеній и внѣшнихъ враговъ; пользуясь только имъ, она пріобрѣла такое сильное вліяніе въ Европѣ, которое рушилось, какъ скоро отклонился отъ нея главный союзникъ. Пруссія также воспользовалась поддержкою союза; оставаясь въ сторонѣ отъ пожертвованій, которыя союзъ требовалъ отъ другихъ, она успѣла залѣчить раны, нанесенныя кровопролитною и продолжительною войною, и совершить свои обширныя и общеполезныя реформы внутри государства. Что же касается Франціи, то союзъ ей напоминаетъ времена ея униженія; она охотно оставила бы его, но слабость и нерѣшительность кабинета и двора не дозволяютъ ей слѣдовать самостоятельной политикѣ [479].

По справедливому замѣчанію Ковалевскаго, если Поццо-ди-Борго не говоритъ, что Россія, стоявшая въ послѣднее десятилѣтіе на стражѣ спокойствія Европы въ полномъ вооруженіи, такъ дорого ей стоившемъ, не только не извлекла никакой пользы отъ этого союза, какъ ясно показали турецкія дѣла, но возбудила явное негодованіе народовъ и скрытую зависть правительствъ, если Поццо-ди-Борго не высказываетъ этой мысли, то ясно даетъ ее понять.

Въ заключеніе дипломатъ нашъ обращается къ мѣрамъ, которыя Россія обязана принять для возстановленія достоинства, правъ и интересовъ, попранныхъ насиліемъ Турціи. Онъ предлагаетъ представить Портѣ ультиматумъ, назначивъ самый короткій срокъ для отвѣта, а въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи нашихъ требованій двинуть войска въ княжества и выгнать оттуда турокъ. Поццо-ди-Борго приходитъ къ заключенію, что ни одна изъ европейскихъ державъ не заинтересована достаточно и не приготовлена къ тому, чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ насъ открыто, за исключеніемъ Австріи, которая приметъ дипломатическія мѣры для удержанія нашихъ войскъ отъ перехода черезъ Прутъ; можетъ быть, она приступитъ даже къ вооруженіямъ, а потому Поццо совѣтуетъ, оставивъ на Дунаѣ обсерваціонный корпусъ, быть наготовѣ на юго-западной границѣ, чтобы ринуться всѣми силами на Габсбургскую монархію и сразу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Турціи. Но онъ заранѣе предсказываетъ, что вѣнскій кабинетъ не допуститъ до этого и ограничитъ свои враждебныя дѣйствія интригами и нравственной поддержкой или тайной помощью

Библиотека "Руниверс"

Турціи, что, конечно, не принесетъ Портѣ существенной пользы противъ такого врага, какъ Россія.

Императоръ Николай усвоилъ себѣ воззрѣнія, высказанныя Поццо-ди-Борго, вполнѣ согласовавшіяся съ его собственнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, и остановился на рѣшеніи провести рѣзкую грань между распрею собственно Россіи съ Оттоманской Портой и греческимъ дѣломъ.

«Ни декабрьскіе дни 1825 года, ни собственное личное настроеніе юнаго государя не могли допустить мысли о сочувствіи его какому бы то ни было народному возстанію или революціонной вспышкѣ. Но Николай Павловичъ понялъ громадную силу стихійнаго стремленія своего народа на помощь къ избиваемымъ турками единовѣрцамъ и усмотрѣлъ неотложную необходимость уважить это стремленіе, направить его твердою рукою и потому итти по пути, намѣченному покойнымъ его братомъ» [480].

Предположенія графа Лаферронэ вполнѣ оправдались; онъ писалъ въ Парижъ:

«Восточный вопросъ несомнѣнно будетъ возбужденъ въ скоромъ времени, и нынѣ трудно предположить, чтобы онъ не сопровождался иными послѣдствіями, чѣмъ тѣ, на которыя можно было разсчитывать при императорѣ Александрѣ. Пусть намѣренія остаются тѣ же, заявленія будутъ согласны съ тѣми, что были намъ сдѣланы прежде; но положеніе слишкомъ различно, чтобы новый императоръ могъ въ точности слѣдовать по стопамъ своего предшественника».

Между тѣмъ Каннингъ началъ обнаруживать склонность къ совмѣстному дѣйствію съ Россіею въ греческомъ вопросѣ. Намѣтивъ себѣ подобную цѣль, Каннингъ рѣшился предложить чрезвычайное посольство въ Россію по случаю кончины Александра I-го герцогу Веллингтону, русскому фельдмаршалу, лично извѣстному императору Николаю, который пользовался радушнымъ пріемомъ и руководствомъ знаменитаго полководца во время своего пребыванія въ Лондонѣ въ 1816 году. Хотя Веллингтонъ не раздѣлялъ политическихъ убѣжденій главы кабинета виговъ, но принялъ, тѣмъ не менѣе, сдѣланное ему предложеніе ради самой его цѣли и изъ желанія отдать послѣдній долгъ праху императора Александра, къ которому онъ питалъ глубокую привязанность.

Герцогъ Веллингтонъ прибылъ въ Петербургъ 18-го февраля (2-го марта) и съ самаго вступленія на русскую почву окруженъ былъ самымъ изысканнымъ вниманіемъ. На границѣ онъ былъ встрѣченъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ Петербургѣ для него отведено было помѣщеніе во дворцѣ. Въ первой же аудіенціи, данной фельдмаршалу, онъ имѣлъ случай убѣдиться, что «императоръ руководится своимъ собственнымъ умомъ», и что «въ русскомъ министерствѣ нѣтъ лицъ, которыя могли бы на него вліять».

Библиотека "Руниверс"

20-го февраля (4-го марта) императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Веллингтонъ находится здѣсь съ четверга, очень старый и разбитый. При первомъ же свиданіи онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что облеченъ особымъ порученіемъ со стороны своего правительства—предложить мнѣ вдвоемъ, Россіи и Англіи, покончить съ греческимъ вопросомъ; я притворился изумленнымъ и далъ ему свободу высказаться, послѣ

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка.
(Съ гравированнаго портрета Аѳанасьева).

чего объяснилъ ему, что могу принять то, что онъ говорилъ, какъ совершенно новый вопросъ; что же касается интересовъ Россіи въ отношеніи Порты, однимъ словомъ нашихъ претензій, въ виду рѣшенія, принятаго его величествомъ императоромъ, прервать всякіе дальнѣйшіе переговоры или сношенія съ дворами, неприкосновенными къ этому дѣлу, то я, конечно, не могу или что либо измѣнить въ этомъ, или же погрѣшить передъ памятью нашего ангела, или передъ своимъ словомъ, уклонившись отъ образа дѣйствій, котораго онъ, такъ сказать, завѣщалъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

держаться; что такимъ образомъ я смотрю на это, какъ на свое частное дѣло, и надѣюсь окончить его съ Божьею помощію одинъ; что во всемъ этомъ рѣчь идетъ не о грекахъ, на которыхъ все время, пока только будетъ существовать Оттоманская имперія, я буду смотрѣть, какъ на ея возмутившихся подданныхъ.

«Онъ отвѣчалъ, что прекрасно понимаетъ меня и признаетъ за мною право покончить съ этими господами, но что порученіе, которымъ онъ облеченъ, касается исключительно греческаго дѣла, что черезъ нѣсколько дней онъ въ подробностяхъ ознакомитъ меня со своими инструкціями и предложеніями, но что въ основу всего онъ ставитъ принципъ, что мы — державы, дружественныя туркамъ, не имѣющія ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ претензій къ нимъ. На это я замѣтилъ ему, что, какъ мнѣ кажется, онъ плохо освѣдомленъ о положеніи вещей, потому что наши претензіи не только не устранены, но что вотъ уже четыре года, какъ онѣ въ такомъ положеніи. Онъ, казалось, былъ удивленъ услышаннымъ и оборвалъ разговоръ.

«Я приказалъ Нессельроде послать вамъ полный очеркъ всего Восточнаго вопроса, который въ подробностяхъ покажетъ вамъ положеніе дѣла. Нужно непремѣнно поговорить объ этомъ, и я убѣдился и рѣшился наконецъ твердо заговорить съ ними; я сомнѣваюсь, что это оказалось бы дѣйствительнымъ, но, если насъ не послушаютъ, я рѣшилъ приказать занять княжества, ни одной ногой не ступая на турецкую территорію. Мы лишь съ трудомъ сдерживаемъ сербовъ, и если это продолжится, произойдетъ открытый мятежъ» [481].

Начатые Веллингтономъ личные переговоры съ государемъ затѣмъ продолжались, при чемъ Николай Павловичъ спросилъ фельдмаршала, какъ ему вести бесѣду: «en diplomate» или «en ami». Веллингтонъ избралъ послѣдній способъ, выразивъ надежду, что его величество выскажетъ откровенно свои мысли и дозволитъ своему собесѣднику высказаться также вполнѣ свободно. Обмѣнъ мыслей на этой почвѣ привелъ къ заключенію Петербургскаго протокола, подписаннаго, 23-го марта (4-го апрѣля) 1826 года, графомъ Нессельроде, княземъ Ливеномъ и герцогомъ Веллингтономъ. Протоколъ установилъ соглашеніе между Англіею и Россіею съ цѣлью примиренія Порты съ греками. Условія примиренія поставлены были слѣдующія: Порта удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціею, которая платитъ ей однажды навсегда опредѣленную дань; турецкія земли въ Морѣ и въ Архипелагѣ отходятъ къ грекамъ за извѣстный выкупъ; Греція должна управляться властями, избранными самимъ народомъ и утвержденными Портой, но пользуется независимостью внутренняго управленія, свободою совѣсти и торговли.

Въ протоколѣ рѣшено было, что, если предложенное посредничество не будетъ принято Турціею, то все-таки Россія и Англія будутъ дер-

Библиотека "Руниверс"

жаться установленнаго между ними соглашенія, какъ основанія для примиренія Порты съ греками, которое должно совершиться при ихъ участіи общемъ или единоличномъ, пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами для воздѣйствія путемъ своего вліянія на обѣ стороны, съ цѣлью привести ихъ къ примиренію на упомянутыхъ основаніяхъ. Постановлено было также, что протоколъ имѣетъ быть сообщенъ дворамъ: Вѣнскому, Парижскому и Берлинскому.

Петербургскій протоколъ былъ первымъ дипломатическимъ актомъ, совершеннымъ въ царствованіе императора Николая Павловича; онъ пріобрѣлъ значеніе всемірной важности, потому что соглашеніе, подписанное 23-го марта, послужило краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи изъ-подъ мусульманскаго ига.

Во время переговоровъ съ герцогомъ Веллингтономъ императоръ Николай не скрылъ отъ фельдмаршала, что Оттоманской Портѣ повелѣно предъявить ультиматумъ. Дѣйствительно, 24-го марта (5-го апрѣля) 1826 года, Россія потребовала въ Константинополѣ отъ Порты исполненія слѣдующихъ трехъ пунктовъ. Порта должна была: 1) вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ, опредѣленный въ договорахъ и существовавшій до 1821 года, когда вслѣдствіе волненій въ княжествахъ она произвела одностороннія и противорѣчащія трактатамъ перемѣны; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ, задержанныхъ въ Константинополѣ, и даровать сербскому народу всѣ тѣ преимущества, которыя выговорены въ его пользу 8-ю статьею Букарестскаго трактата, и 3) отправить своихъ уполномоченныхъ къ русской границѣ для возобновленія переговоровъ, веденныхъ барономъ Строгановымъ съ 1816 по 1821 годъ по поводу русско-турецкихъ отношеній, и для заключенія новаго соглашенія, которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей.

Оттоманская Порта въ ту пору никакъ не ожидала столь рѣшительнаго шага со стороны Россіи, и требованія императора Николая застали ее врасплохъ; въ Турціи полагали, что внутреннія затрудненія не дадутъ государю возможности думать о внѣшней войнѣ, а вдругъ грозный ультиматумъ заставилъ встрепенуться совѣтниковъ султана. Князь Меттернихъ, обрадованный тѣмъ, что императоръ Николай разграничилъ русско-турецкій вопросъ отъ греческаго, предписалъ австрійскому интернунцію въ Константинополѣ, барону Оттенфельсу, совѣтовать Портѣ смириться и удовлетворить требованія, предъявленныя Петербургскимъ кабинетомъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали представители и другихъ европейскихъ державъ [482]. Турція вняла добрымъ совѣтамъ и уступила требованіямъ Россіи, а затѣмъ, 1-го (13-го) іюля 1826 года, открыты были переговоры между русскими и турецкими уполномоченными, которые съѣхались въ пограничномъ городѣ Аккерманѣ.

Библиотека "Руниверс"

Уполномоченными назначены были съ нашей стороны новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ и тайный совѣтникъ Рибопьеръ, а со стороны турокъ—Мегмедъ-Гади и Ибрагимъ-Афетъ.

Извѣстіе о заключеніи Петербургскаго протокола встрѣчено было княземъ Меттернихомъ менѣе сочувственно, чѣмъ русскій ультиматумъ; онъ былъ внѣ себя отъ негодованія и заявилъ нашему послу Татищеву: «Континентальный союзъ, на которомъ покоились тишина и благоденствіе Европы, пересталъ существовать». Затѣмъ Меттернихъ тщетно старался поколебать рѣшимость императора Николая и запугать его тѣмъ, что покровительство, оказываемое освобожденію Греціи, потворствуетъ революціи. Всѣ инсинуаціи и обвиненія австрійскаго канцлера, направленныя противъ ненавистнаго ему Каннинга, также не произвели ожидаемаго дѣйствія [483]. Государь продолжалъ съ твердостью итти по намѣченному пути и заявилъ австрійскому послу въ Петербургѣ, графу Лебцельтерну, не только о своемъ желаніи утвердить «великій союзъ», но прибавилъ: «Вы можете смѣло увѣрить его императорское величество, что какъ только онъ будетъ нуждаться въ моей помощи, силы мои будутъ постоянно въ его распоряженіи, какъ то было при покойномъ братѣ. Императоръ Францъ всегда найдетъ во мнѣ усерднаго и вѣрнаго союзника и искренняго друга».

Но всѣ заявленія императора Николая о незыблемости «великаго союза» не успокоили разгнѣваннаго князя Меттерниха; онъ продолжалъ упорствовать въ своей дипломатической оппозиціи новому теченію, приданному государемъ восточнымъ дѣламъ, стараясь по мѣрѣ силъ вредить политическимъ начинаніямъ Россіи.

Воззрѣнія князя Меттерниха нашли себѣ поддержку и отголосокъ въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ по поводу новой восточной политики Россіи. Онъ писалъ государю:

«Все, что вамъ сказалъ фельдмаршалъ Веллингтонъ о греческомъ вопросѣ, нисколько не удивило меня, и я заранѣе былъ увѣренъ, что въ этомъ и заключалась дѣйствительная цѣль его путешествія. Я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю данныхъ, которыя вы обѣщали мнѣ, дорогой братъ, и которыя графъ Нессельроде долженъ прислать мнѣ; во всякомъ случаѣ турецкій вопросъ и наше положеніе въ отношеніи турокъ—вещь щекотливая и изъ крайне сложныхъ. Я не оспариваю, что покойный императоръ при своей довѣрчивости былъ жестоко обманутъ и проведенъ образомъ дѣйствій нашихъ друзей, какъ вы называете ихъ;..... помимо того, онъ хотѣлъ казаться таковымъ, но въ сущности я не могу допустить этого, и я много разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ такія вещи, которыя доказывали обратное. Покойный

Библиотека "Руниверс"

28 генваря 1826. Варшава

Monseigneur

J'ai l'honneur de présenter à Votre Altesse Impériale les premières révélations du Sous-Lieutenant Bestoujeff, il faut espérer que les questions qu'on lui fera dans le comité nous jetteront plus de lumières sur les affiliations que les traîtres paroissent avoir eu aussi dans les provinces. Toutes les premières demandes faites par le Général Lewacheff tant à suite après l'arrivée du criminel, roulent après de base dans le suite des questions qu'on leur fait malheureusement le nombre des complices augmente; mais on reconnoit les simples ne paroissent pas encore avoir eu aucune influence réelle sur la trame. Sa Majesté l'Empereur a l'attention d'envoyer demain au Tchedjéphe à Votre Altesse Impériale et par elle faire Sa Majesté s'envoye par la lettre par cette estafette ordinaire.

Daignez Monseigneur agréer les sentimens de la plus profonde estime et de l'entier dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être

Monseigneur

De Votre Altesse Impériale

le très-humble et très obéissant serviteur

Дибичъ

St Petersbourg
ce 20 Janvier
1826.

ПИСЬМО И. И. ДИБИЧА КЪ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

императоръ былъ доволенъ подобнаго рода направленіемъ дѣла, чтобы такимъ образомъ получить возможность избѣгнуть необходимости имѣть дѣло съ турками, потому что одно занятіе княжествъ, даже безъ нарушенія неприкосновенности турецкой территоріи, само по себѣ является враждебнымъ дѣйствіемъ въ отношеніи ихъ, и оно, несмотря на всѣ увѣренія, которыми обставили бы эвакуацію послѣ удовлетворенія всѣхъ неудовольствій, повлекло бы за собою страшное пробужденіе и сотрясеніе во всей Европѣ; почитайте нѣсколько то, что уже пишутъ объ этомъ во всѣхъ либеральныхъ газетахъ, французскихъ и нѣмецкихъ, и высказываемое ими желаніе, чтобы вы заняли княжества,—это служитъ недвусмысленнымъ доказательствомъ того, что за этимъ скрывается что либо болѣе серьезное, и что выжидаютъ, чтобы вы сдѣлали этотъ шагъ, вслѣдствіе котораго въ Европѣ разразится Богъ вѣсть какое событіе, повторяю, болѣе чѣмъ серьезное, и, вотъ вмѣсто того, чтобы всецѣло располагать собою для противодѣйствія тому, что произойдетъ въ Европѣ, вы увидите свои силы парализованными, и вотъ на что они разсчитываютъ для своего успѣха. Помимо того, къ чему васъ приведетъ занятіе княжествъ, и въ чемъ заключается цѣль, которой вы хотите достигнуть? Стѣсняетъ ли васъ то небольшое количество турецкихъ войскъ, которое находится тамъ? Я не думаю этого. Для того ли, чтобы возстановить вашу торговлю на Черномъ морѣ? Или для того, чтобы тѣмъ испугать турокъ? Я не думаю, чтобы вы могли достигнуть этой двойной цѣли, потому что при существованіи этихъ двухъ предположеній вы постоянно будете имѣть противъ себя англичанъ; я допускаю, что ваша торговля на Черномъ морѣ возродится и распространится до Константинополя,—достигнете ли вы этимъ вашей цѣли? Не думаю, потому что англичане закроютъ выходы въ Архипелагъ, надъ которымъ они владычествуютъ, такъ какъ ничто не можетъ помѣшать имъ въ этомъ. Что касается турокъ, то они не столь страшны, какъ это думаютъ; въ дѣйствительности они фанатики и, слѣдовательно, настойчивы и усмотрятъ въ этомъ, что то, чего они опасались, какъ разъ случилось, и будутъ думать, что ихъ хотѣли обмануть; ихъ будутъ поддерживать въ этой мысли наши друзья, и, несмотря на свою слабость, они будутъ твердо держаться; поэтому я не думаю, что цѣль, которую вы ставите себѣ, будетъ достигнута. Помимо того, я увѣренъ, что разъ княжества будутъ заняты, вы увидите въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ, который произведетъ тамъ болѣе дѣйствительную оккупацію и который уничтожитъ послѣдній выходъ для торговли, который имѣется у насъ, и кто можетъ знать, что Карлъ-Іоаннъ не будетъ увлеченъ ими къ какимъ либо враждебнымъ мѣропріятіямъ; поэтому-то необходимо, чтобы вы усилили ваши сухопутныя войска со стороны Финляндіи, и менѣе чѣмъ тремя или четырьмя дивизіями пѣхоты вамъ нельзя будетъ обой-

Библиотека "Руниверс"

тись вслѣдствіе протяженія береговъ, на которые англичане, гдѣ имъ вздумается, могутъ высадить шведскія войска. Вотъ четыре дивизіи; въ Грузіи у васъ ихъ двѣ, одна въ Крыму и шесть, которыя вы предназначаете для занятія княжествъ: итакъ, тринадцать дивизій въ расходѣ, а остальное останется для наблюденія за Европой. Вы мнѣ пишете, кромѣ того, что ваши финансы въ неудовлетворительномъ положеніи; какъ же вы хотите тогда начать военныя дѣйствія, разъ для веденія войны нужны деньги, деньги и деньги, и, конечно, ужъ не въ княжествахъ вы найдете ихъ? Помимо того, я слышалъ это отъ покойнаго императора, державшагося принципа, что все вниманіе должно быть обращено въ сторону Европы, и что если она спокойна, можно оставаться спокойными, и что пушечный выстрѣлъ, сдѣланный по туркамъ, перевернетъ вверхъ дномъ всю Европу. Я прибавлю къ этому то, что покойный Уваровъ говорилъ постоянно покойному императору, что начать войну—въ его власти, но что окончить ее зависитъ отъ обстоятельствъ и событій, а я не думаю, чтобы его можно было заподозрѣть въ боязливости или трусости, такъ какъ онъ далъ доказательства самой блестящей храбрости. Вотъ мои убѣжденія, дорогой братъ, такія, каковы они у меня въ сердцѣ и умѣ; я предаю вамъ ихъ всецѣло, дѣлайте съ ними, что вамъ угодно, и, несмотря на свои взгляды, я готовъ дѣйствовать и исполнять ваши приказанія, отстранивъ всякія разсужденія, и какъ будто бы объ этотъ не было и рѣчи» [484].

XII.

1826-му году можетъ быть дѣйствительно присвоено названіе похороннаго года. Едва предали землѣ тѣло императора Александра I, какъ приходилось уже готовиться къ неизбѣжной кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны; между тѣмъ еще смертельно заболѣлъ Карамзинъ.

Простуда, которой подвергся исторіографъ въ день 14-го декабря, роковымъ образомъ отозвалась на его здоровьѣ. «Говорятъ мнѣ, и самъ чувствую, что хорошо было бы мнѣ удалиться отсюда лѣтомъ, даже необходимо для совершеннаго выздоровленія, но куда и какъ?—писалъ Карамзинъ 22-го марта И. И. Дмитріеву.—Наши способы? Мой характеръ? Александра нѣтъ. Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же, и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь въ духѣ и не ропщу. Не могу говорить съ живостію: задыхаюсь. Брожу по комнатѣ; читаю много; имѣю часто сладкія минуты въ душѣ: въ ней бываетъ какая-то тишина неизъяснимая и несказанно пріятная».

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ медики признали для Карамзина полезнымъ пребываніе во Флоренціи; тогда онъ обратился къ государю съ письмомъ, прося «смиренно» мѣсто резидента во Флоренціи. «Безъ нескромности, кажется, могу сказать, что имѣю понятіе о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ державамъ европейскимъ, и не хуже другого исполнилъ бы эту должность», — прибавилъ Карамзинъ.

6-го апрѣля 1826 года, Карамзинъ получилъ милостивое письмо отъ императора Николая, въ которомъ государь, между прочимъ, писалъ:

«Вамъ надо ѣхать въ Италію,—вотъ что говорятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, то-есть покойнѣйшій, какъ туда доѣхать: моремъ ли до Италіи или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто во Флоренціи еще не вакантно, но россійскому историографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особо флорентійской. Словомъ, я прошу васъ, не безпокойтесь объ этомъ, и, хотя мнѣ въ угожденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку».

Въ началѣ мая Карамзинъ переселился въ Таврическій дворецъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе, чтобы дать возможность больному пользоваться свѣжимъ воздухомъ въ саду. Съ каждымъ днемъ историографу становилось, однако, хуже; скоро доктора признали положеніе его безнадежнымъ. Друзья и въ числѣ ихъ В. А. Жуковскій поспѣшили похлопотать гдѣ слѣдуетъ, и 13-го мая Карамзинъ былъ обрадованъ слѣдующимъ рескриптомъ государя:

«Николай Михаиловичъ!

«Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро возвратились къ намъ съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время и за покойнаго государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете своею жизнію какъ гражданинъ, своими трудами, какъ писатель. Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною

Библиотека "Руниверс"

только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Александра. Желаю, чтобъ путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

«Николай».

«Указъ г. министру финансовъ.

«Исторіографу Россійской имперіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Карамзину, отъѣзжающему за границу, повелѣваемъ производить отнынѣ по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна женѣ его, а по смерти ея также сполна ихъ дѣтямъ — сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ».

15-го мая, Карамзинъ дрожащею рукою выразилъ государю свою признательность въ благодарственномъ письмѣ. Это было послѣднее произведеніе его несравненнаго пера,—пишетъ Погодинъ.

22-го мая (3-го іюня) 1826 года, страданія Карамзина кончились; онъ умеръ во второмъ часу пополудни.

На другой день пріѣхалъ императоръ Николай почтить покойнаго и, подойдя къ гробу, залился слезами. 25-го мая, происходило погребеніе въ Невской лаврѣ.

Многіе изъ дѣятелей царствованія императора Александра умерли въ томъ же 1826 году, а именно: государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ — 3-го (15-го) января, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ — 18-го (30-го) января[485], графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ Паленъ (бывшій с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ) — 13-го (25-го) февраля, графъ Бенигсенъ — 1-го сентября (3-го октября)[485]. Такимъ образомъ судьба свела въ могилу, въ одномъ и томъ же году, двухъ самыхъ выдающихся дѣятелей, подготовившихъ событія 11-го марта 1801 года.

Сверхъ этихъ русскихъ дѣятелей, умеръ еще, 28-го іюня 1826 года, намѣстникъ королевства Польскаго князь Заіончекъ. «C'est une perte irréparable et qui me peine beaucoup»,—писалъ императоръ Николай къ брату въ Варшаву. Назначенный въ 1815 году намѣстникомъ, генералъ Заіончекъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, оказанное ему императоромъ Александромъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ польскихъ сановниковъ, которые были убѣждены въ томъ, что Польша можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіею и должна стремиться,

Библиотека "Руниверс"

подъ покровительствомъ имперіи, къ подъему экономической жизни своего населенія.

Императоръ Николай не назначилъ ему преемника, вслѣдствіе чего гражданская власть, хотя и негласно, перешла всецѣло въ руки главнокомандующаго польской арміей, цесаревича Константина Павловича.

XIII.

Продолжавшееся болѣзненное состояніе императрицы Елисаветы Алексѣевны предвѣщало въ скоромъ времени печальную развязку.

23-го декабря 1825 года, императоръ Николай писалъ князю Волконскому: «Касательно вопросовъ насчетъ издержекъ и проч. для государыни я все оставляю на прежнемъ положеніи и все уже разрѣшилъ указами. Лонгиновъ же[487] на мѣсто 250.000 получать будетъ ежегодно милліонъ. Сверхъ того Ораніенбаумъ и Каменный островъ суть наслѣдственная собственность императрицы; а Царское Село остается по жизнь ея въ ея распоряженіи; о томъ ей не пишу, ибо не знаю и не умѣю какъ. Но все, все ея, начиная съ меня, скажите ей это, какъ умѣете»[488].

Императрица Елисавета Алексѣевна отклонила сперва назначенное ей увеличенное содержаніе, а затѣмъ склонилась къ тому, чтобы употребить эти деньги на назначеніе пенсій бѣднымъ вдовамъ гражданскихъ или военныхъ чиновниковъ, не имѣющимъ право на полученіе таковой по закону, и на содержаніе Каменнаго острова, который императрица уступила великому князю Михаилу Павловичу[489].

21-го апрѣля (3-го) мая 1826 года, императрица Елисавета Алексѣевна разсталась наконецъ съ Таганрогомъ, предполагая поселиться около Москвы въ Сухановѣ, въ имѣніи, принадлежавшемъ князю Волконскому. Императрица Марія Ѳеодоровна въ свою очередь выѣхала изъ С.-Петербурга и отправилась навстрѣчу своей невѣсткѣ, для свиданія, намѣченнаго въ Калугѣ. Но во время пути слабость Елисаветы Алексѣевны усиливалась съ каждымъ днемъ и вскорѣ дошла до того, что она могла съ трудомъ говорить. По пріѣздѣ же 3-го (15-го) мая на ночлегъ въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи, крайнее истощеніе силъ воспрепятствовало императрицѣ продолжать дальнѣйшій путь. Въ это время императрица Марія Ѳеодоровна находилась уже въ Калугѣ и въ виду угрожающихъ извѣстій, сообщенныхъ княземъ Волконскимъ, немедленно выѣхала въ Бѣлевъ, согласно желанію, выраженному августѣйшей больной. Между тѣмъ 4-го (16-го) мая, въ шестомъ часу утра, Елисавета Алексѣевна скончалась, и императрица-мать могла только присутствовать при первой панихидѣ по усопшей невѣсткѣ.

8-го (20-го) мая, императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

Библиотека "Руниверс"

«Въ это мгновеніе я прерванъ извѣстіемъ о новомъ несчастіи. Да упокоитъ Господь въ мирѣ бѣдную императрицу! Она перестала существовать 4-го. Я дрожу за матушку; какой рядъ огорченій и горе для нея! Да поддержитъ ее Господь и ниспошлетъ ей силы. Что касается меня, я не знаю, какъ быть, и полагаюсь въ этомъ на Бога, который не оставитъ насъ! Я кончаю, потому что вы можете представить себѣ, въ какомъ я трудномъ положеніи» [490].

Цесаревичъ на это извѣщеніе отвѣчалъ:

«Кончина императрицы погрузила насъ въ новый трауръ. Да приметъ ее Господь Богъ въ своемъ милосердіи; она заплатила свою дань заботъ и попеченій о своемъ безсмертномъ супругѣ, и во всемъ томъ, что происходило между ними, видимъ перстъ Провидѣнія; ей напутствуютъ мои молитвы» [491].

Снова потянулось печальное шествіе въ С.-Петербургъ, и 21-го іюня (3-го іюля) 1826 года гробъ императрицы Елисаветы Алексѣевны опущенъ былъ въ землю въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ могилой императора Александра Павловича.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Со времени учрежденія комитета 17-го декабря 1825 года работы по разслѣдованію надъ злоумышленными обществами дѣятельно продолжались. Желая скорѣе видѣть результаты трудовъ комитета, или, вѣрнѣе, слѣдственной комиссіи, императоръ Николай безпрестанно подтверждалъ предсѣдателю, генералу Татищеву, о скорѣйшемъ окончаніи начатаго разслѣдованія. Правитель дѣлъ комитета Боровковъ работалъ безъ устали, но такое громадное дѣло трудно было двигать скорѣе, чѣмъ оно шло. Нужно было о каждомъ арестованномъ, требованномъ къ отвѣту, приготовить особое дѣло и записку [492], которыми впослѣдствіи долженъ былъ руководствоваться, какъ матеріаломъ для своихъ сужденій, учрежденный затѣмъ уголовный судъ.

При самомъ началѣ дѣйствій комитета дѣло усложнилось еще тѣмъ, что явилось подозрѣніе, не восходитъ ли открытый неожиданно заговоръ до государственнаго совѣта и другихъ лицъ высшаго управленія. Какъ мы уже выше замѣтили, императоръ Николай въ самомъ началѣ предпринятаго разслѣдованія писалъ цесаревичу о подозрѣніяхъ, по которымъ заговоръ восходитъ до государственнаго совѣта, при чемъ государь указывалъ на адмирала Мордвинова. Затѣмъ, 9-го января 1826 года, генералъ-адъютантъ Чернышевъ въ составленной имъ запискѣ затронулъ, между прочимъ, вопросъ: не имѣли ли тайныя общества «высшихъ надъ собой правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно»?

Дѣйствительно, нѣкоторые подсудимые показывали, что надежды свои на успѣхъ основывали они на содѣйствіи членовъ государственнаго совѣта, адмирала Мордвинова и Сперанскаго, начальника штаба второй

Библиотека "Руниверс"

арміи, генералъ-адъютанта Киселева, и сенаторовъ: Муравьева-Апостола, Баранова и Столыпина [493]. Обстоятельство это побудило приступить къ разслѣдованію объ отношеніяхъ этихъ лицъ къ тайнымъ обществамъ, оно было произведено настолько тайно, что даже чиновники комитета о томъ не знали. Боровковъ собственноручно писалъ производство и хранилъ у себя отдѣльно, не вводя въ общее дѣло. «По точнѣйшимъ изысканіямъ обнаружилось,—пишетъ Боровковъ,—что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ» [494].

Когда въ 1839 году скончался Сперанскій, императоръ Николай сказалъ барону Корфу:

«Михаила Михайловича не всѣ понимали, и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть, больше всѣхъ былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю 14-го декабря, но всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль».

Затѣмъ въ комитетѣ возникъ еще другой щекотливый вопросъ: не имѣли ли иностранныя державы вліянія на дѣйствія и планы злоумышленниковъ? По этому поводу встрѣчается показаніе князя Трубецкого, который заявилъ, что вечеромъ 14-го декабря, своякъ его, австрійскій посланникъ графъ Лебцельтернъ, разсуждая о происшествіяхъ истекшаго дня, сказалъ: «Если хотите сдѣлать революцію, то должны бы не такъ за это взяться. (Que diable, si l'on voulait faire une révolution, ce n'est pas comme cela qu'il fallait s'y prendre)». Припомнимъ здѣсь, что князь Трубецкой былъ арестованъ ночью въ квартирѣ графа Лебцельтерна, къ которому онъ удалился по усмиреніи мятежа; за нимъ явился графъ Нессельроде и, по приказанію императора Николая, отвезъ бывшаго диктатора въ Зимній дворецъ.

Показанія другихъ участниковъ заговора относительно сношеній тайныхъ обществъ съ иностранными правительствами и заграничными революціонными дѣятелями отличались такою же неопредѣленностью, какъ и заявленіе князя Трубецкого, вслѣдствіе чего комитетъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ такомъ же отрицательномъ смыслѣ, какъ и первый,—объ участіи въ заговорѣ высшихъ сановниковъ.

Хотя вопросъ о напрасно подозрѣваемыхъ сановникахъ былъ рѣшенъ для нихъ въ благопріятномъ смыслѣ, но не такъ смотрѣли на дѣло люди, горѣвшіе пламеннымъ усердіемъ «исполнить святую обязанность, сыну церкви и вѣрному подданному приличную», руководившіеся «коренными русскими правилами (вопреки пагубной модѣ) все относящееся къ трону почитать священнымъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ». Какъ и слѣдовало ожидать, къ государю посыпались безыменные доносы, письма; его предостерегали, что онъ окруженъ выдающимися вожаками «якобинской партіи».

Библиотека "Руниверс"

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Въ подобныхъ доносахъ уже не довольствовались бросить тѣнь подозрѣнія на такъ называемыхъ либераловъ, но затронута была даже благонадежность лица такого консервативнаго образа мыслей, какъ, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Закревскій, названный змѣей, гнѣздившейся въ царской пазухѣ; вообще онъ не признавался надежной подпорой трона и выставлялся заслуживающимъ большой осторожности.

Авторъ одного изъ этихъ доносовъ, вѣроятно, сообщалъ уже ранѣе свои мысли императору Александру I, потому что сознается, что усердіе его показалось государю смѣшнымъ. Сверхъ Закревскаго, этотъ проницательный наблюдатель признавалъ неблагонадежными: адмирала Мордвинова, князя А. Н. Голицына, генерала Ермолова, генералъ-адъютантовъ Балашова и Киселева [495]. По мнѣнію доносчика, всѣ поименованные имъ «аристархи, безъ сомнѣнія, не были членами пагубныхъ клубовъ, но знали ихъ и были важными орудіями къ направленію варварскихъ замысловъ. А какъ люди смѣтливые, умные, то и удерживали себя на чертѣ неприкосновенія, разительно всѣми возможными средствами дѣйствуя, какъ-то: явными осужденіями всѣхъ безъ изъятія дѣлъ правительства, представленіемъ будто бы коротко извѣстныхъ имъ въ монархѣ недостатковъ, а, наконецъ, восклицаніями, что ничего хорошаго ожидать нельзя, и что гибель съ подобными распоряженіями неизбѣжна, чему я былъ личный свидѣтель весьма нерѣдко, и что всегда находилъ достаточнымъ къ произведенію искры, конецъ съ концомъ пожаръ произведшей».

Остановимся нѣсколько на обвиненіяхъ, возводимыхъ доносчикомъ на генералъ-адъютанта Закревскаго.

Доносчикъ пишетъ: «Правительству, безъ сомнѣнія, есть средства и нынѣ удостовѣриться, что сей вельможа, бывъ дежурнымъ генераломъ, для удержанія на себѣ важности, въ присутствіи многихъ, о начальникѣ главнаго штаба его величества отзывался не иначе, какъ о братѣ Петрѣ; явившись къ нему, и я въ очередь былъ спрошенъ: былъ ли я у Петра? Находясь въ 1816 году въ сей столицѣ для излѣченія болѣзни, какъ къ сослуживцу и прежнему товарищу, я ѣзжалъ къ нему довольно часто, заставая всегда во многомъ числѣ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, вѣроятно, для примѣра отъ родителей ему ввѣренныхъ, съ коими обращеніе его удивляло меня по новости своей до изступленія; напримѣръ: скидайте глупости! означало шпаги; были ли на дурачествѣ?— на ученіи. Сіи развратомъ пресполненныя выраженія не прекращались и въ присутствіи Ермолова, въ сіе время вмѣстѣ съ нимъ квартировавшаго.

«Объ осужденіяхъ говорить не буду; они лились, къ лицу... въ сопутствіи и самыхъ даже непотребнѣйшихъ выраженій, рѣкою. Многимъ поступки сіи казались плѣнительными, имена отца и молодца были не-

Библиотека "Руниверс"

разлучными ему спутниками. Я смотрѣлъ, удивлялся, но въ молчаніи ожидалъ дурного.

«Хотя при вступленіи въ полицію я съ извѣстными удостовѣреніями и указалъ на змѣю, въ царской пазухѣ гнѣздившуюся, но ударъ службѣ былъ уже нанесенъ, и правительство за первый шагъ къ развратy рѣшительно обязано ему».

Среди повальнаго повѣтрія самыхъ разнообразныхъ доносовъ клевета коснулась также и Царскосельскаго лицея. Неизвѣстное лицо прислало записку подъ заглавіемъ: «Нѣчто о Царскосельскомъ лицеѣ и духѣ его», въ которой отразились взгляды извѣстной части тогдашняго русскаго общества [493]. Въ запискѣ разобраны три вопроса: что значитъ лицейскій духъ? откуда и какъ онъ произошелъ? каково вліяніе его на общество?

Достаточно привести здѣсь выдержки изъ разсужденій анонимнаго автора, чтобы оцѣнить характеръ навѣтовъ, которыми старались очернить это перворазрядное учебное заведеніе, вселивъ въ государѣ недовѣріе къ бывшимъ воспитанникамъ лицея и къ установившейся въ немъ воспитательной системѣ.

«Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ,—объясняетъ авторъ,—когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда для фанфаронады надо показаться любителемъ равенства. Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентерахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и болѣе всего представляться филантропомъ и русскимъ патріотомъ. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово шагистика. Пророчество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. Вѣрноподданный значитъ укоризну на ихъ языкѣ; европеецъ и либералъ—почетныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной веселости. Вотъ образчикъ молодыхъ и даже многихъ немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ лицейскій духъ. Для возмужалыхъ людей прибрано другое

Библиотека "Руниверс"

названіе: «mépris souverain pour le genre humain», для третьяго разряда, то-есть сильныхъ крикуновъ, просто либераль».

Изъ приведенныхъ нами строкъ обрисовывается направленіе самаго доноса, который въ цѣломъ своемъ объемѣ старается провести мысль, что источникъ зла въ Россіи и обнаруженныхъ злоумышленныхъ обществъ—лицей. Мимоходомъ достается и обществу «Арзамасъ». «Это общество,—утверждаетъ авторъ записки,—сообщило свой духъ большой части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пламень».

Всѣ приведенныя здѣсь нареканія на лицей были раздуты до крайности, но, тѣмъ не менѣе, они раздѣлялись многими сановниками, бывшими очевидцами декабрьской смуты. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, напримѣръ, мнѣніе, высказанное въ своихъ запискахъ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ; онъ пишетъ: «Начала самыя разрушительныя терпѣлись и почти явно проповѣдывались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и именно въ Царскосельскомъ лицеѣ, подъ глазами самого государя».

Между тѣмъ, по словамъ барона М. А. Корфа, одного изъ бывшихъ воспитанниковъ лицея перваго, пушкинскаго, выпуска, «въ Царскосельскомъ лицеѣ никогда ничего подобнаго не было. Однимъ изъ доказательствъ сему, уже не говоря о послѣдующей службѣ и жизни многихъ воспитанниковъ, служитъ и то обстоятельство, что изъ числа двадцати девяти молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ первому выпуску 1817 года, въ заговорѣ были замѣшаны только двое: Иванъ Пущинъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ» [497].

Впрочемъ, смута 1825 года грозила репрессаліями и не одному лицею. Когда генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ, посланный въ Таганрогъ, проѣзжалъ черезъ Харьковъ, онъ постарался собрать свѣдѣнія о тамошнемъ университетѣ. Въ письмѣ отъ 11-го (23-го) января 1826 года, онъ по этому случаю счелъ долгомъ обратить вниманіе императора Николая на воспитаніе нашего юношества.

По словамъ Васильчикова: «Все современное поколѣніе заражено; нужно спѣшить исправить это зло, дѣйствіе котораго становится уже такъ ощутительно. (La génération actuelle est toute gangrenée, et l'on ne saurait assez tôt porter remède à un mal, dont les effets se font déjà si vivement sentir). Вниманіе правительства должно быть обращено не на одинъ только Харьковскій университетъ, не лучше того и Казанскій, а домашнее воспитаніе составляетъ также язву, которую слѣдуетъ всѣми силами искоренить (les éducations domestiques surtout une peste qu'il faut chercher à extirper). Ваше императорское величество, конечно, найдете средства, которыя слѣдуетъ употребить въ данномъ случаѣ, что же касается меня, то я думаю, государь, что было бы необходимо

Библиотека "Руниверс"

организовать въ губернскихъ городахъ кадетскіе корпуса, гдѣ образованіе, необходимое для нашего вѣка, соединялось бы съ военной дисциплиною, и которые находились бы подъ начальствомъ генераловъ, кои своими заслугами и нравственными принципами представляли бы къ тому всевозможныя гарантіи; однимъ словомъ намъ необходимо чисто монархическое, а не воспитаніе съ разрушительнымъ направленіемъ; иначе спокойствію имперіи можетъ грозить опасность. (En un mot il nous faut une éducation essentiellement monarchique et non subversive; autrement la tranquillité de l'empire est compromise»)[498].

Независимо отъ доносовъ, образцы которыхъ приведены выше, къ государю и къ барону Дибичу поступали также во множествѣ письма съ извѣтами на крамолу. Они исходили отъ пришлыхъ людей и отъ русскихъ подданныхъ. Большинство ихъ отличалось фантастичностью и жаждою злобы къ ближнему, прикрытою якобы желаніемъ принести свою лепту вѣрноподданническихъ чувствъ на алтарь отечества[499].

Въ числѣ такихъ сообщеній попадались и комическія письма, какъ, напримѣръ, князя Максутова, сообщившаго въ январѣ 1826 года генералъ-адъютанту Дибичу о разговорѣ двухъ лицъ на французскомъ языкѣ, подслушанномъ сочинителемъ письма на Невскомъ проспектѣ; ретивому князю не удалось, однако, задержать бесѣдовавшихъ пріятелей; они благополучно скрылись въ толпѣ на Красномъ мосту, и слѣдившему за ними Максутову оставалось только съ безмѣрною горестью и досадою возвратиться домой, почему, какъ онъ пишетъ, и не успѣлъ сдѣлать должнаго[500]. Этотъ же князь Максутовъ указывалъ на необходимость запирать въ С.-Петербургѣ послѣ богослуженія подъ какимъ либо предлогомъ всѣ колокольни, чтобы «изрыгнутымъ исчадіямъ ада, злоумышленникамъ звѣроподобнымъ, не могло служить сіе повсемѣстно къ незаконному дѣйствованію для нихъ сигналомъ». Максутовъ при этомъ случаѣ припоминаетъ, что подобною мѣрою графъ Растопчинъ въ 1812 году въ Москвѣ спасъ выѣзжавшее во множествѣ изъ столицы дворянство и купечество.

Къ распоряженіямъ, состоявшимся въ началѣ 1826 года и находящимся въ связи съ разслѣдованіемъ о злоумышленныхъ обществахъ, должно отнести рескриптъ императора Николая, отъ 21-го апрѣля 1826 года, на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Ланского[501].

«Василій Сергѣевичъ! Изъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія государства, составивъ тайныя подъ разными наименованіями общества, старались привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами благонамѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто бы единственною цѣлью распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности,

Библиотека "Руниверс"

человѣколюбія и проч., дабы впослѣдствіи уже, удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи. Хотя изысканіе комитета обнаруживаетъ, что изъ сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе при самомъ принятіи ихъ въ общества оставили оныя, а другіе оставались еще членами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ; но когда, вслѣдствіе состоявшагося, 21-го августа 1822 года, высочайшаго рескрипта на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣхъ графа Кочубея о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требованы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ изъясненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ,—тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеописанныхъ обстоятельствахъ, не объявилъ о томъ въ выданномъ отъ него обязательствѣ, и многіе, вѣроятно, тогда заключили, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ по одному обѣщанію.

«Таковое неисполненіе высочайшей блаженной памяти государя императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть виновныхъ строгому взысканію; но, желая употреблять мѣры строгости въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія объ общемъ благѣ сіе позволяетъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его: подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять для достиженія той цѣли?

«При требованіи сихъ обязательствъ объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и проч. по обязательствамъ чрезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои сдѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностію, и что скрытіе того послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія

Библиотека "Руниверс"

подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ.

«Объ исполненіи сей воли моей вы не оставите сдѣлать надлежащихъ распоряженій».

Значеніе и цѣль приведеннаго здѣсь рескрипта не нуждается въ комментаріяхъ. Несомнѣнно одно: онъ долженъ былъ вызвать въ то время немало душевныхъ тревогъ и тяжелыхъ думъ не только въ чиновныхъ сферахъ, но даже и среди людей, давно удалившихся отъ дѣлъ[502].

II.

Во время работъ комитета, или слѣдственной комиссіи, государь не переставалъ требовать скорѣйшаго представленія окончательнаго донесенія о злоумышленномъ обществѣ. Предсѣдатель комитета, генералъ Татищевъ, настаивалъ, въ свою очередь, чтобы Боровковъ немедленно принялся за составленіе этого труда.

«Озабоченный этимъ приказаніемъ,—пишетъ Боровковъ,—и не имѣя самъ досуга его исполнить, я указалъ на средство, которое укоротило открывшійся мнѣ быстрый полетъ по службѣ. Въ комитетъ присланъ былъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Блудовъ для составленія журнальной статьи о ходѣ и замыслахъ тайныхъ обществъ въ Россіи[503]. Я давалъ ему матеріалы для этого труда, кромѣ тѣхъ, которые его величеству не благоугодно было оглашать... Блудовъ читалъ мнѣ свою работу и пользовался моими совѣтами и указаніями, какъ человѣка, проникнувшаго духъ и направленіе не только цѣлаго тайнаго общества со всѣми его отрослями, но каждаго злоумышленника. Предсѣдатель безпрестанно повторялъ мнѣ:

«— Скоро ли займемся донесеніемъ? Государь требуетъ представить скорѣе.

«Наскучивъ повтореніемъ, я сказалъ:

«— Если непремѣнно надо ускорить, такъ прикажите статью, подготовляемую Блудовымъ для журналистовъ, обратить въ донесеніе. Въ ней немного нужно пополнить и передѣлать, и она достаточна будетъ, чтобы показать вообще ходъ дѣла и замыслы общества; а разборъ и судъ виновныхъ будетъ не по донесенію, но по моимъ отдѣльнымъ запискамъ о каждомъ прикосновенномъ къ слѣдствію.

«Мысль принята. Блудовъ занялся приготовленіемъ донесенія, а я употребилъ всѣ усилія округлять слѣдствіе и подготовлять записки. Донесеніе представлено государю 30-го мая 1826 года, когда еще о нѣкоторыхъ крамольникахъ, казавшихся мелочными, потому что не были членами общества, (дѣло) окончательно не было обслѣдовано, да и вообще

Библиотека "Руниверс"

не о всѣхъ еще сдѣлано предварительное распредѣленіе. Отъ этого вышло, что иные осужденные верховнымъ уголовнымъ судомъ на тяжкое наказаніе въ донесеніи совсѣмъ не упоминаются; напротивъ, о другихъ въ донесеніи говорится, а въ приговорѣ объ нихъ ни слова, потому что и къ суду они отсылаемы не были».

Вотъ какимъ образомъ Боровковъ объясняетъ происхожденіе донесенія слѣдственной комиссіи. Спрашивается: могло ли донесеніе быть написаннымъ въ другомъ духѣ, если бы оно вышло не изъ рукъ Блудова, а Боровкова? На этотъ вопросъ слѣдуетъ замѣтить, что по существу оно, вѣроятно, осталось бы безъ измѣненія, потому что матеріалъ, изъ котораго оно было извлечено, именно принадлежалъ перу правителя дѣлъ комитета, Боровкова.

Донесеніе слѣдственной комиссіи представлено было государю ранѣе 30-го мая и прочтено ему въ присутствіи членовъ комитета и нѣсколькихъ нарочно приглашенныхъ лицъ, между которыми находился и Сперанскій. Затѣмъ донесеніе, подписанное всѣми членами комитета и скрѣпленное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Д. Блудовымъ, напечатано было по высочайшему повелѣнію особою брошюрою, переведенною также и на французскій языкъ, и приложено ко всѣмъ русскимъ газетамъ.

6-го іюня 1826 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Вотъ наконецъ докладъ слѣдственной комиссіи и списокъ лицъ, преданныхъ верховному уголовному суду; хотя все дѣло достаточно знакомо вамъ, я думаю, вы не безъ интереса прочтете обозрѣніе, которое хорошо сдѣлано, точно и, можно вполнѣ прибавить, отвратительно (hideux). Нельзя въ достаточной степени возблагодарить Бога, что онъ спасъ насъ отъ всѣхъ ужасовъ, которые готовились для насъ, и, что еще важнѣе, отъ всего ужаса покушенія на нашего ангела. Повидимому, Богу угодно было позволить всему зайти какъ разъ настолько далеко, чтобы все это сплетеніе ужасовъ и нелѣпостей назрѣло, и чтобы тѣмъ еще болѣе наглядно показать вѣчно невѣрующимъ (incrédules), что порядокъ вещей, который существовалъ, и который столь трудно искоренить, рано или поздно долженъ привести къ подобнымъ результатамъ. Если же и послѣ этого примѣра найдутся неисправимые, то мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ право и преимущество доказывать прочимъ необходимость мѣръ, быстрыхъ и строгихъ, противъ всякой попытки разрушенія, направленной противъ установленнаго порядка, освященнаго вѣками славы» [504].

Изъ вышеизложеннаго видно, при какой обстановкѣ появился на свѣтъ докладъ слѣдственной комиссіи; происхожденіе его, безспорно, нѣсколько случайное, и это обстоятельство должно было отразиться на его содер-

Библиотека "Руниверс"

жаніи и внутреннемъ достоинствѣ. Бывшій статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, въ своемъ дневникѣ называетъ трудъ Д. Н. Блудова романическимъ[505]. Въ этомъ отзывѣ отразился вполнѣ трезвый взглядъ государственнаго дѣя-

Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій.
(Съ литографіи Мюнстера).

теля екатерининской эпохи, который сразу проникъ въ существо самаго дѣла, указавъ однимъ словомъ на слабыя его стороны.

Не всѣ декабристы отнеслись къ «донесенію» съ такою снисходительностью, какъ князь Оболенскій, который писалъ въ 1864 году: «Если дѣйствія слѣдственной комиссіи 1825 и 1826 годовъ подлежали критическому разбору тѣхъ, которые впослѣдствіи подверглись сентенціи верховнаго уголовнаго суда, то эта критика касалась единственно

Библиотека "Руниверс"

ошибокъ, неизбѣжныхъ въ дѣлопроизводствѣ такого обширнаго дѣла, какъ процессъ, обнимающій собою политическія дѣйствія болѣе 130-ти лицъ. Но изъ многочисленныхъ спутниковъ моей сибирской жизни ни одинъ не сообщилъ мнѣ не только о намѣренномъ искаженіи истины его показаній, но даже о натянутомъ и недобросовѣстномъ толкованіи оныхъ».

Въ своихъ запискахъ князь Оболенскій разсуждаетъ нѣсколько иначе, объясняя внутренній смыслъ показаній декабристовъ, послужившихъ матеріаломъ къ сочиненію «донесенія».

«Дѣйствія общества,—пишетъ Оболенскій,—и каждаго изъ его членовъ были изложены, какъ въ донесеніи слѣдственной комиссіи, такъ и въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда. Невозможно отрицать истину, основанную на фактахъ, но слѣдуетъ также признать, что человѣкъ уже не помнитъ того, что онъ дѣлалъ и говорилъ въ бреду горячки. Это именно и случилось съ нами въ настоящемъ случаѣ. Не могли и не должны были принимать за истину то, что было сказано и сдѣлано въ минуты, когда воображеніе предается лихорадочнымъ порывамъ. Но слѣдственная комиссія не могла быть свидѣтельницей того, что происходило на нашихъ совѣщаніяхъ, не могла судить о нравственномъ состояніи каждаго изъ насъ. Она обсуждала голый фактъ, и отрицать этотъ фактъ было невозможно. Покроемъ завѣсою прошедшее».

По мнѣнію декабриста Завалишина, донесеніе слѣдственной комиссіи запутало или затемнило дѣло, желая главнымъ образомъ представить декабристовъ и дѣйствія ихъ въ ужасномъ или смѣшномъ видѣ; докладъ останавливается преимущественно на сплетняхъ пустыхъ людей, которыхъ въ тайномъ обществѣ не занимали серіозныя работы, и потому съ ними совершенно незнакомыхъ.

Баронъ Штейнгель подвергаетъ донесеніе еще болѣе рѣзкой критикѣ и пишетъ: «Оно вышло точно такимъ, какимъ непремѣнно долженъ былъ выйти всякій обвинительный актъ, когда обвиняемые заперты и безгласны, и когда обвинители въ видахъ обезпеченія будущности заинтересованы представить дѣло сколь возможно презрительно-ужаснымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ хотятъ облечь свои дѣйствія искусною тканью лжи, съ отливами яркаго безпристрастія».

Баронъ Розенъ замѣчаетъ: «Кто внимательно вникнетъ въ донесеніе слѣдственной комиссіи, тотъ легко пойметъ, что большая часть обреченныхъ жертвъ была осуждена не за дѣйствія, а за разговоры и наговоры на нихъ. Мало ли что говорится въ кругу задушевныхъ товарищей? Мало ли кого посылаемъ въ адъ и уничтожаемъ словомъ? А между тѣмъ отъ слова до дѣла разстояніе неизмѣримо. Лучшіе юрисконсульты Европы опредѣлили, что слѣдовало бы исключить большую половину изъ списка осужденныхъ, а именно всѣхъ не участвовавшихъ въ двухъ возстаніяхъ».

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, Фонвизинъ свидѣтельствуетъ, что всѣ порожденія разстроенной фантазіи нѣкоторыхъ изъ узниковъ представлены въ донесеніи слѣдственной комиссіи, какъ истинныя намѣренія и дѣйствія. «Редакторъ этого акта воспользовался ими довольно ловко и умѣлъ придать видъ вѣроятности этому сплетенію искаженной истины съ небылицами и ложью, не только для обвиненія подсудимыхъ, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характеръ тайнаго союза и самую чистоту его намѣреній. Выраженію минутной досады или негодованія, вызванному какимъ нибудь непохвальнымъ дѣйствіемъ верховной власти, приписывали значеніе обдуманнаго намѣренія и считали наравнѣ съ преступленіемъ, какъ бы уже сдѣланнымъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ, вырвавшееся въ горячемъ разговорѣ, нескромное слово—мысль, назавтра отвергнутую и позабытую сказавшимъ ее, называли цареубійственнымъ замысломъ. Тутъ необдуманнымъ разговорамъ въ короткихъ дружескихъ бесѣдахъ, иногда за бокалами шампанскаго и не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, придана важность государственнаго преступленія».

По всѣмъ указаннымъ причинамъ трудно возсоздать вѣрный образъ людей этого движенія, руководствуясь донесеніемъ слѣдственной комиссіи. При какой обстановкѣ давались показанія, объ этомъ мы уже достаточно сказали. Болѣе достовѣрнымъ источникомъ для сужденія о прикосновенныхъ къ заговору лицахъ могли бы служить бумаги декабристовъ, отобранныя при ихъ арестованіи; по нимъ можно до нѣкоторой степени вѣрнѣе судить о людяхъ и ихъ намѣреніяхъ, присоединяя къ этимъ бумагамъ еще оставленныя ими записки. Но къ подобному труду наша исторіографія пока еще не призвана; эту задачу предстоитъ разрѣшить будущему историку русскихъ тайныхъ обществъ Александровскаго времени. Тогда только прольется свѣтъ исторической правды на многія пока еще темныя стороны движенія и добыта будетъ путеводная нить для надлежащей оцѣнки показаній подсудимыхъ и разъясненія недомолвокъ или искаженій, неразлучныхъ съ самымъ ходомъ слѣдствія и способомъ его веденія.

Со времени декабрьскаго мятежа прошло уже 78 лѣтъ, и вмѣсто пристрастія и увлеченія, понятныхъ въ отзывахъ современниковъ этихъ событій, должна наконецъ заговорить историческая правда.

Ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что въ дѣлѣ декабристовъ необходимо различать то, что является принадлежностью, общею всему дѣлу, отъ дѣйствій и преступныхъ увлеченій отдѣльныхъ лицъ, а въ этихъ дѣйствіяхъ необходимо также строго различать собственно политическія дѣйствія лицъ отъ тѣхъ, въ которыхъ проявилась нравственная характеристика ихъ. Но каковы бы ни были сужденія о дѣлѣ вообще, представителями котораго явились декабристы, въ немъ выдѣляется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дѣло

Библиотека "Руниверс"

ошибочнымъ или слѣдствіемъ заблужденія. Черта эта есть самопожертвованіе, въ самомъ обширномъ значеніи слова. Жертвами затѣяннаго движенія явились не такія лица, которымъ терять было нечего; напротивъ, всѣ или уже составили себѣ, или могли составить блестящую карьеру, именно при томъ порядкѣ, противъ котораго возставали. Съ другой стороны, тутъ не были люди неспособные, недоучки, которые примкнули бы къ тайному обществу отъ бездѣлія; напротивъ того, среди членовъ союза были люди, занимавшіе опредѣленныя, нерѣдко важныя мѣста, извѣстные своею исполнительностью по службѣ во всѣхъ званіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ; наконецъ, люди, которые въ ближайшей практической сферѣ дѣйствовали согласно съ своими убѣжденіями, гуманно, благородно, справедливо, заслуживая довѣріе, какъ подчиненныхъ, такъ и другихъ зависѣвшихъ отъ нихъ людей. Первоначальное движеніе было, несомнѣнно, чисто и безкорыстно, при чемъ самопожертвованіе руководителей его является еще тѣмъ болѣе яркимъ, что едва ли кто либо изъ нихъ лелѣялъ надежду на успѣхъ; всѣ, напротивъ того, приготовлялись пасть жертвою своихъ убѣжденій.

Одинъ изъ декабристовъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, писалъ въ 1870 году: «Мы были дѣтьми 1812 года. Жертвовать всѣмъ, даже жизнію для блага отечества, было влеченіемъ сердца. Въ нашихъ чувствахъ отсутствовалъ эгоизмъ. Призываю Бога въ свидѣтели. (Nous étions les enfants de 1812. Sacrifier tout, même sa vie pour l'amour de la patrie, était l'impulsion du coeur. Il n'y avait pas d'égoisme dans nos sentiments. J'en appelle Dieu en témoin)» [506].

Въ донесеніи слѣдственной комиссіи встрѣчается еще другой пробѣлъ; въ немъ совершенно не выяснено, какія причины могли вызвать такое необычайное явленіе, какъ повсемѣстный въ Россіи заговоръ, который, по словамъ Александра Никитича Муравьева, представляетъ явленіе феноменальное, безпрепятственно развиваясь десять лѣтъ, при правительствѣ неограниченномъ и подозрительномъ. Донесеніе не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ [507].

Въ предшествовавшемъ нашемъ трудѣ: «Императоръ Александръ I», мы уже вкратцѣ коснулись причинъ возникновенія тайныхъ обществъ въ его царствованіе. Здѣсь же скажемъ только, что все, что было въ Россіи просвѣщеннаго, благороднаго, было приготовлено первою половиною царствованія Александра I. Затѣмъ наступилъ крутой переломъ, и началась безумная реакція; положеніе сдѣлалось трагическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безвыходнымъ. Всякій тогда сознавалъ, что при системѣ дѣйствій извнѣ Меттерниха, а внутри Аракчеева, Россія будетъ отодвинута назадъ, и потому считали необходимымъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ декабристовъ, съ полнымъ самоотверженіемъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, провозглашеніе новыхъ началъ и

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ отдѣлить эпоху, дотолѣ безсознательную, отъ той, въ которой должно начаться дѣйствіе сознанія. Пусть, прибавляетъ онъ, назовутъ это заблужденіемъ, но въ ту эпоху подобное заблужденіе было возможно.

«Безъ сомнѣнія,—пишетъ баронъ Розенъ,—въ странахъ, въ коихъ водится хоть сколько нибудь свобода тисненія, хоть сколько нибудь гласности, и въ коихъ каждое частное лицо можетъ передать печатно и устно свои убѣжденія по дѣлу общественному, тамъ на что тайное общество? Оно было бы безсмысліемъ. Но въ Россіи, только что избавившейся отъ «слова и дѣла», отъ «тайныхъ канцелярій», не было ни одной основы государственной; всѣ прежніе и новые законы подчинены были неограниченной власти государя, озареннаго европейскою славою, наименованнаго Благословеннымъ и избавителемъ Европы, даровавшаго конституцію Польшѣ, Финляндіи, свободу крестьянамъ Прибалтійскихъ губерній, мужа умнаго, добраго, искренно желавшаго блага для своего отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишеннаго всѣхъ средствъ сдѣлать что нибудь для гражданственной жизни своего отечества. Александръ I, въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія, свалилъ все бремя государственнаго управленія на плечи Аракчеева, на слугу, ему вѣрнаго, но не государственнаго мужа, а самъ подчинился наущеніямъ Меттерниха, и подъ конецъ предался мистицизму, и думалъ только о спасеніи собственной души своей».

Наконецъ, докладъ умалчиваетъ также о тѣхъ преобразованіяхъ, осуществленіе которыхъ составляло главный предметъ дѣйствій, преслѣдуемыхъ тайнымъ союзомъ и лучшею частью его представителей [508]. Между тѣмъ, докладъ выводитъ на сцену какихъ-то изверговъ, злодѣевъ, помышляющихъ только объ убійствѣ и безначаліи, стремящихся къ одной цѣли — республикѣ, и проповѣдующихъ для достиженія этого государственнаго устройства цареубійство. Уклоненія и преступныя намѣренія отдѣльныхъ личностей послужили средствомъ для приданія всему дѣлу ложной окраски, за которою меркнетъ планъ реформъ, осуществившихся тридцать лѣтъ спустя, въ царствованіе императора Александра II.

III.

Представивъ докладъ государю, помѣченный 30-мъ мая 1826 года, комитетъ, принявъ въ уваженіе, что многіе вошли въ общество, какъ пишетъ Боровковъ, «худо понятою любовію къ отечеству, суетностію, возбужденнымъ любопытствомъ, родственными и пріятельскими отношеніями, легкомысліемъ и молодостію, счелъ противнымъ справедливости, великодушію и милосердію августѣйшаго монарха предать всѣхъ ихъ суду. На семъ основаніи комитетъ испросилъ высочайшее соизволеніе

Библиотека "Руниверс"

не отсылать къ суду: 1) бывшихъ членовъ союза Благоденствія, которымъ не была открыта сокровенная цѣль; 2) всѣхъ тѣхъ, которые хотя знали вполнѣ цѣль общества, но отпали отъ него послѣ объявленнаго закрытія на съѣздѣ въ 1821 году; 3) тѣхъ, которые тогда не рѣшительно отреклись отъ общества, однако не были съ нимъ въ сношеніи до 1822 года, когда всѣ тайныя общества въ Россіи повелѣно было закрыть, а послѣ этого повелѣнія совершенно удалились и не дѣйствовали; 4) знавшихъ о существованіи общества или приготовленіи мятежа въ С.-Петербургѣ, но не донесшихъ.

«Вотъ и еще причина,—прибавляетъ Боровковъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ,—что нѣкоторые члены, представленные въ донесеніи основателями общества, толкующими о цареубійствѣ, въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда совсѣмъ не упоминаются. Помню, это весьма удивило и произвело толки о пристрастіи, какъ обыкновенно бываетъ, когда пересуживаютъ дѣйствія правительства, не имѣя данныхъ и не зная побужденій. Отъ сего часто самое благо представляется зломъ».

1-го (13-го) іюня 1826 года, послѣдовалъ указъ о назначеніи надъ злоумышленниками верховнаго уголовнаго суда. Онъ былъ составленъ изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, сената и синода, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Государь въ манифестѣ требовалъ отъ суда одного: справедливости, прибавивъ: «справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной».

Предсѣдателемъ верховнаго уголовнаго суда назначенъ былъ князь Лопухинъ, а въ случаѣ болѣзни мѣсто его долженъ былъ заступить князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Министру юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому, повелѣно было исполнять въ судѣ званіе генералъ-прокурора.

Верховному уголовному суду преданы были 121 человѣкъ. Изъ нихъ принадлежали: къ Сѣверному обществу 61, къ Южному обществу 37, къ обществу Соединенныхъ Славянъ 23.

Первое засѣданіе верховнаго уголовнаго суда состоялось 3-го (15-го) іюня, а послѣднее 11-го (23-го) іюля 1826 года.

Въ письмѣ къ цесаревичу, отъ 6-го (18-го) іюня, императоръ Николай по этому поводу пишетъ:

«Въ четвергъ (3-го іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ десяти часовъ утра до трехъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть окончено. Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія. Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости» [509].

Библиотека "Руниверс"

Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

(Съ литографіи Поля).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отзывается въ своихъ запискахъ о дѣятельности верховнаго уголовнаго суда съ чрезвычайною похвалою и въ такихъ выраженіяхъ, съ которыми безпристрастная исторія не можетъ согласиться. Онъ пишетъ:

«Наконецъ, послѣ пятимѣсячныхъ неусыпныхъ трудовъ, слѣдственная комиссія закрыла засѣданія и передала свое дѣло въ руки правосудія.

«Государь, желая придать этому дѣлу возможную степень законности и гласности, приказалъ нарядить для разбора его верховный уголовный судъ изъ членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ и еще другихъ почетнѣйшихъ сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ, находившихся въ то время въ столицѣ. Никогда въ Россіи не бывало судилища, внушавшаго большее къ себѣ уваженіе и вмѣстѣ пользовавшагося большею независимостью.

«Этотъ верховный судъ, ознакомившись съ актами дѣла, назначилъ двѣ комиссіи для подробнаго ихъ разсмотрѣнія и для опроса подсудимыхъ, одного за другимъ: не имѣютъ ли они чего прибавить въ свою защиту, или предъявить какія нибудь жалобы на произведенное слѣдствіе, либо на кого нибудь изъ членовъ слѣдственной комиссіи. Всѣ отозвались, что уже истощили всѣ средства къ своему оправданію и могутъ только благодарить за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ.

«Тогда верховный судъ приступилъ къ обсужденію всей общности заговора и большей или меньшей виновности каждаго изъ участниковъ въ немъ. Всѣ были обличены въ измѣнѣ, большая часть и въ преступномъ умыслѣ противъ жизни монарха и членовъ императорскаго дома; всѣ принесли собственное сознаніе; намѣренія и дѣйствія ихъ были очевидны: оставалось слѣдственно опредѣлить лишь степень вины и приложить къ каждой существующій законъ.

«Желаніе судей и самого государя клонилось къ возможному снисхожденію. По законамъ, и военнымъ и гражданскимъ, всѣ безъ изъятія подсудимые повинны были смерти. Судъ раздѣлилъ преступниковъ на разряды, и государь, по тщательномъ пересмотрѣ его приговора, только для пятерыхъ утвердилъ смертную казнь. Прочіе были присуждены къ инымъ наказаніямъ, начиная отъ пожизненной каторжной работы до тюремнаго заключенія на нѣсколько мѣсяцевъ. Преступникамъ объявили сперва приговоръ, произнесенный надъ ними по законамъ, потомъ смягченія, дарованныя монаршимъ милосердіемъ».

Въ приведенномъ здѣсь разсказѣ Бенкендорфа три мѣста его повѣствованія обращаютъ на себя особенное вниманіе: признаніе, что суду придана была возможная степень законности и гласности; что никогда въ Россіи не бывало судилища, пользовавшагося большею независимостію, и что подсудимые, будто бы, благо-

Библиотека "Руниверс"

дарили за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ. Трудно въ немногихъ строкахъ высказать взглядъ, менѣе согласный съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Исторія должна признать, что верховный уголовный судъ не судилъ, а осудилъ декабристовъ, обреченныхъ уже предварительно на жертву. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что под-

Павелъ Ивановичъ Пестель (декабристъ).
(Съ портрета, находящагося въ „Альбомѣ Пушкинской выставки").

судимые видѣли своихъ судей только разъ, 12-го іюля, когда имъ объявленъ былъ состоявшійся уже о нихъ приговоръ.

Судъ происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ первомъ засѣданіи суда, состоявшемся въ залѣ общаго собранія сената, 3-го (15-го) іюня, собраніе открылось чтеніемъ манифеста и указа сенату. Затѣмъ были прочитаны историческій очеркъ всего дѣла, имена и чины участниковъ заговора, и въ заключеніе приступлено къ

Библиотека "Руниверс"

чтенію показаній; оно продолжалось въ слѣдующіе дни и потребовало пять засѣданій. Послѣ сего, судъ, признавъ невозможнымъ призвать къ себѣ подсудимыхъ и отобрать отъ нихъ подтвердительныя показанія, приступилъ къ избранію изъ среды своей ревизіонной комиссіи, которая должна была произвести положенное законами удостовѣреніе въ слѣдствіи, учиненномъ надъ государственными злоумышленниками. Въ этомъ случаѣ судъ хотѣлъ сохранить ежели не самую форму, требуемую въ судебныхъ мѣстахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть тѣнь этой формы.

Членами ревизіонной комиссіи судъ избралъ отъ государственнаго совѣта: графа Ливена, генералъ-адъютанта Балашова и князя Салтыкова, отъ сената: Баранова, Болгарскаго и Лаврова; а изъ числа прочихъ лицъ выборъ палъ на графа Головкина и генералъ-адъютантовъ: графа Ламберта и Бороздина. 8-го и 9-го іюня, избранные комиссары производили допросы въ крѣпости.

Такъ какъ въ слѣдственномъ комитетѣ все производство дѣла основано было на собственныхъ признаніяхъ обвиняемыхъ, подписью ихъ утвержденныхъ, или на уликахъ и очныхъ ставкахъ, то членамъ ревизіонной комиссіи вручены были всѣ подлинные акты и показанія обвиненныхъ, и каждому изъ нихъ предложили только слѣдующіе вопросы: 1) его ли рукою подписаны показанія, въ слѣдственной комиссіи имъ данныя? 2) добровольно ли подписаны показанія? 3) были ли ему даны очныя ставки?

Когда приступлено было къ исполненію этой формальности, большинство подсудимыхъ даже не знали, что уже надъ ними начался судъ, и крайне удивились допросу, учиненному не членами комитета, а незнакомыми имъ лицами. На вопросъ подсудимыхъ, что это значитъ, плацъ-адъютанты отвѣчали: государю угодно провѣрить безпристрастіе дѣйствій комитета.

Вопросы, съ которыми обращалась къ подсудимымъ новая комиссія, появившаяся въ крѣпости, оканчивались предложеніемъ: вотъ подписка, заготовленная въ утвердительномъ смыслѣ относительно поставленныхъ трехъ вопросныхъ пунктовъ, прочтите и подпишите. Подсудимые исполняли обращенныя къ нимъ требованія, въ большинствѣ случаевъ не понимая, для чего это требуется.

По окончаніи работы ревизіонной комиссіи судъ собрался 10-го іюня съ цѣлью избрать новую комиссію для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ. Въ нее избраны были члены государственнаго совѣта: графъ П. А. Толстой, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и Сперанскій; сенаторы: графъ Кутайсовъ, Барановъ и Энгель; изъ постороннихъ членовъ: сенаторъ московскихъ департаментовъ Кушниковъ, баронъ Строгановъ и генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ на долю Сперанскаго выпала печальная доля быть избраннымъ въ комиссію, которой предоставлено было опредѣлить степень преступности и мѣру наказанія каждаго обвиненнаго. Подобнаго рода занятія, какъ и слѣдовало ожидать, подѣйствовали удручающимъ образомъ на духъ Сперанскаго. Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ были лично ему знакомы и посѣщали его домъ. Дочь Сперанскаго пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и съ слезами на глазахъ, и что онъ даже покушался совсѣмъ оставить службу [510].

28-го іюня, верховный уголовный судъ собрался, чтобы выслушать чтеніе донесенія комиссіи, избранной для основанія разрядовъ. Всѣмъ членамъ суда розданы были печатные экземпляры этого донесенія [511].

2-го іюля, судъ избралъ трехъ членовъ для составленія всеподданнѣйшаго доклада, а именно: отъ государственнаго совѣта — Сперанскаго, отъ сената — Козодаева и изъ числа прочихъ лицъ — генералъ-адъютанта Бороздина. Послѣ обсужденія доклада въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ онъ былъ подписанъ членами суда 9-го іюля и представленъ государю.

Судъ рѣшилъ четвертовать пять человѣкъ, поставленныхъ внѣ прочихъ принятыхъ имъ одиннадцати разрядовъ, а именно: Павла Пестеля, Кондратія Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и Петра Каховскаго, а затѣмъ предать смертной казни отсѣченіемъ головы 31 человѣка [512], а прочихъ виновныхъ послать въ вѣчную каторгу и подвергнуть инымъ наказаніямъ, соотвѣтственно степени ихъ вины.

Императоръ Николай смягчилъ этотъ суровый приговоръ верховнаго уголовнаго суда, даровавъ всѣмъ виновнымъ жизнь, за исключеніемъ пяти преступниковъ, которые поставлены были внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, по тяжести ихъ злодѣяній. Въ указѣ верховному уголовному суду отъ 10-го іюля 1826 года сказано было, что участь ихъ предается рѣшенію суда «и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится».

Сколько въ рѣшеніи, принятомъ императоромъ Николаемъ относительно лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, принадлежитъ собственному побужденію, и какую роль играло въ этомъ дѣлѣ постороннее вліяніе, нескоро еще опредѣлится съ достаточною ясностью. Разсказываютъ, что, когда князь Лопухинъ представилъ приговоръ суда, то государь замѣтилъ: «офицеровъ не вѣшаютъ, а разстрѣливаютъ», не желая поступить съ ними, по его выраженію, какъ съ ворами; но генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ будто бы настаивалъ на пользѣ примѣра позорнаго наказанія [513].

Заботливость императора Николая о смягченіи вообще участи осужденныхъ выразилась въ другомъ распоряженіи.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Еще ранѣе, до доклада суда, представленнаго императору Николаю, Боровкову поручено было, по высочайшему повелѣнію, составить записку о степени виновности каждаго изъ отосланныхъ къ суду. Генералъ Татищевъ сказалъ ему:

— «Государь желаетъ злодѣевъ закоренѣлыхъ отдѣлить отъ легкомысленныхъ преступниковъ, дѣйствовавшихъ по увлеченію. Твою записку приметъ онъ въ соображеніе при разсмотрѣніи приговора верховнаго уголовнаго суда. Я лично представлю ее государю. Смотри, никто не долженъ знать о ней не только изъ чиновниковъ канцеляріи, но и помощниковъ твоихъ».

«Я понялъ важность этого порученія, — пишетъ Боровковъ, — о каждомъ преданномъ суду изобразилъ добросовѣстно, какъ мнѣ представлялось изъ совокупности слѣдствія и личной извѣстности. Сладко мнѣ было видѣть плоды этой моей работы въ указѣ верховному уголовному суду 10-го іюля 1826 года. Тамъ облегчены наказанія Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Кюхельбекеру, Александру Бестужеву, Никитѣ Муравьеву, князю Волконскому, Якушкину, Александру Муравьеву, графу Булгари и Бодиско 1».

11-го іюля, состоялось засѣданіе верховнаго уголовнаго суда для выслушанія высочайшаго указа, коимъ смертная казнь замѣнена для 31 лица ссылкой въ каторжныя работы безъ срока, смягчены наказанія и другимъ преступникамъ, и повелѣвалось примѣнить менѣе жестокую казнь, нежели четвертованіе, для тѣхъ пяти лицъ, которыя были выдѣлены изъ установленныхъ судомъ одиннадцати разрядовъ. Судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенію [514].

12-го іюля, всѣ члены верховнаго уголовнаго суда собрались въ сенатѣ, чтобы подписать протоколъ объ опредѣленіи, по волѣ государя, смягченныхъ наказаній; затѣмъ судъ отправился въ крѣпость для прочтенія приговора осужденнымъ, признавъ невозможнымъ объявленіе имъ сентенціи въ сенатѣ. Въ Петропавловскую крѣпость потянулись длинною вереницею кареты съ членами верховнаго уголовнаго суда, въ сопровожденіи двухъ жандармскихъ эскадроновъ. Въ комендантскомъ домѣ было уже все приготовлено къ открытію засѣданія, которое началось около часу. Первыми ввели тѣхъ пятерыхъ осужденныхъ, которые были приговорены къ повѣшенію. По свидѣтельству одного изъ судей, сенатора Дивова, онъ не замѣтилъ на ихъ лицахъ ни малѣйшаго смущенія. Затѣмъ были введены прочіе государственные преступники по разрядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе освѣдомленные о ходѣ дѣла, объяснили товарищамъ, что будутъ объявлять сентенцію.—«Какъ, развѣ насъ судили?»—вопрошали недоумѣвавшіе.—«Ужъ осудили»,—получили они въ отвѣтъ.

Въ ближайшей комнатѣ находился протоіерей Мысловскій, лѣкарь и два цырюльника съ приготовленіями для кровопусканія. Ихъ человѣко-

Библиотека "Руниверс"

Петръ Николаевичъ Свистуновъ (декабристъ).
(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

любивой помощи, однако, ни для кого не потребовалось. По свидѣтельству очевидца, весьма немногіе осужденные выказали нѣкоторое смущеніе, выслушивая приговоръ суда.

Подъ конецъ засѣданія произошла тягостная сцена. Одинъ изъ осужденныхъ, капитанъ Фурманъ, оказался помѣшаннымъ [515]. Онъ сказалъ

Библиотека "Руниверс"

громко: «жизнь его императорскаго величества въ опасности». Дивовъ, описывая этотъ случай, пишетъ: «Его отвели въ отдѣльную комнату, чтобы онъ написалъ свои показанія. Онъ написалъ цѣлый листъ бумаги, въ которомъ не было ни капли здраваго смысла; затѣмъ его ввели въ залу суда, гдѣ этотъ помѣшанный сказалъ, что солдаты дурно отзывались объ императорѣ, и тому подобное въ этомъ родѣ. Предсѣдатель, князь Лопухинъ, приказалъ вывести его».

Исполненіе приговора верховнаго уголовнаго суда должно было послѣдовать на другой день, 13-го іюля 1826 года.

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей по дѣлу о возмущеніи Черниговскаго полка.

Розыскъ по этому возмущенію порученъ былъ двумъ военносуднымъ комиссіямъ, учрежденнымъ по высочайшему повелѣнію въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, при главной квартирѣ первой арміи, надъ мятежными офицерами, и въ Бѣлой Церкви надъ мятежными солдатами Черниговскаго полка. Результаты этихъ розысковъ поступили въ аудиторіатскій департаментъ, который представилъ по сему дѣлу всеподданнѣйшій докладъ. 12-го іюля 1826 года, послѣдовала въ Царскомъ Селѣ слѣдующая высочайшая конфирмація:

«Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и о прочихъ, равно и касательно взысканія денегъ за разстроенныя амуничныя вещи, быть по мнѣнію аудиторіатскаго департамента».

Для поясненія приведенной здѣсь конфирмаціи нужно замѣтить, что по приговору военнаго суда баронъ Соловьевъ, Сухиновъ и Мозалевскій подлежали смертной казни. Императоръ Николай смягчилъ это рѣшеніе, руководствуясь тѣми же основаніями, какъ при утвержденіи приговора верховнаго уголовнаго суда надъ членами тайныхъ обществъ.

Однако не всѣ декабристы подверглись одинаковой печальной участи; между ними нашлись и такія соприкосновенныя къ тайнымъ обществамъ лица, которыя изъяты были отъ суда [516].

Къ числу такихъ выдающихся счастливцевъ принадлежатъ: генералъ-майоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, бывшій флигель-адъютантъ императора Александра I-го, полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка и полковникъ Павелъ Христофоровичъ Граббе.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ.

Библиотека "Руниверс"

Относительно М. Ѳ. Орлова послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція:

«Продержавъ еще мѣсяцъ подъ арестомъ и въ первомъ приказѣ отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять [517]. По окончаніи же срока ареста, отправить въ деревню, гдѣ жить безвыѣздно; мѣстному же начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ».

Милостивое рѣшеніе, опредѣлившее дальнѣйшую судьбу генерала Орлова, дѣйствительно поражаетъ изслѣдователя этой эпохи, если сравнить его съ печальною судьбою многихъ другихъ причастныхъ къ тайнымъ обществамъ лицъ [518]. А между тѣмъ Михаилъ Ѳедоровичъ, подобно Николаю Ивановичу Тургеневу, былъ членомъ союза Благоденствія [519].

М. Ѳ. Орловъ умеръ въ 1842 году въ Москвѣ, находясь подъ секретнымъ надзоромъ полиціи.

Не менѣе поразительнымъ представляется освобожденіе отъ суда полковника Ѳ. Н. Глинки, занимавшаго должность правителя канцеляріи генералъ-губернатора, графа Милорадовича.

Ѳедоръ Глинка принадлежалъ къ числу учредителей тайнаго общества и считался однимъ изъ ревностныхъ его членовъ; сверхъ сего, Глинка въ декабрѣ 1825 года присутствовалъ на совѣщаніяхъ заговорщиковъ у Рылѣева.

Пестель показалъ, что въ началѣ 1820 года въ квартирѣ Глинки было совѣщаніе коренныхъ членовъ союза Благоденствія, гдѣ послѣ долгихъ разсужденій и преній о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленія рѣшено было, чтобы каждый членъ сказалъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; собрали голоса, и когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ: «Le president sans phrases», вслѣдствіе чего единогласно приняли республиканское правленіе, не исключая и Глинки, который во время преній одинъ говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елисавету Алексѣевну.

На заявленіе Пестеля обличенный имъ Глинка возражалъ, что опредѣлительныхъ засѣданій не было, и что многіе изъ членовъ, слушая курсы политическихъ наукъ, по удобности квартиры его съѣзжались къ нему, когда трое, когда четверо; заводили разговоры и даже споры о разныхъ системахъ, иногда и о формахъ правленія, но все въ общемъ политическомъ или ученомъ смыслѣ и съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы лучше вразумляться въ сихъ наукахъ. Государыню императрицу въ такомъ смыслѣ, какъ показалъ Пестель, не предлагалъ, но говорилъ и печаталъ о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ, какъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, такъ и покойнаго государя и императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вслѣдствіе разнорѣчія, обнаружившагося въ показаніяхъ, представленныхъ Глинкою и Пестелемъ, имъ дана была очная ставка, на которой оба остались при своихъ мнѣніяхъ.

Фонъ-деръ-Бригенъ показалъ, что Глинка, не выразивъ рѣшительнаго мнѣнія по предложенному въ засѣданіи вопросу, замѣтилъ: такъ какъ Россія всегда блаженствовала подъ управленіемъ императрицъ, то желательно бы имѣть императрицу на престолѣ.

По свидѣтельству Александра Бестужева, Глинка зналъ, что передъ 14-мъ декабря готовилось что-то, а Рылѣевъ, съ своей стороны, заявилъ, что Глинка зналъ о намѣреніи тайнаго общества воспользоваться обстоятельствами передъ присягою.

Глинка опровергалъ эти показанія и утверждалъ, что Рылѣевъ, сообщая ему слухъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ задержанъ въ Варшавѣ, и войска о немъ безпокоятся, говоря, что надо его выручить, сказалъ: «Ну, если солдаты пойдутъ, то мы готовы надѣть сумы за Константина, чтобъ выручить».

За меньшія провинности Николай Тургеневъ былъ приговоренъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни и очутился въ первомъ разрядѣ осужденныхъ, наравнѣ съ княземъ Трубецкимъ и княземъ Оболенскимъ. А между тѣмъ относительно Глинки въ высочайшемъ приказѣ отъ 7-го іюля 1826 года сказано:

«Состоящій по арміи полковникъ Глинка отставляется отъ службы, и дозволяется употреблять его по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника».

Какимъ образомъ удалось Глинкѣ, участвовавшему въ дѣлахъ тайнаго общества до самаго взрыва 14-го декабря, избѣгнуть суровой кары, постигшей другихъ менѣе дѣятельныхъ участниковъ, это остается тайною и до сихъ поръ не разъяснено [520]. Существуетъ мнѣніе, что умирая графъ Милорадовичъ просилъ государя пощадить Глинку, какъ человѣка увлеченнаго, но не преступнаго и душевно преданнаго престолу.

Ѳ. Н. Глинка кончилъ жизнь въ Твери въ 1880 году девяноста двухъ лѣтъ.

Относительно полковника Сѣверскаго конно-егерскаго полка Павла Христофоровича Граббе состоялось постановленіе, по которому онъ былъ посаженъ въ крѣпость на четыре мѣсяца и потомъ выпущенъ на службу. Впослѣдствіи, 25-го іюня 1839 года, Граббе былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и умеръ графомъ въ царствованіе императора Александра II-го, въ 1875 году [521].

При ближайшемъ обозрѣніи списка лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, невольно поражаетъ изслѣдователя сравнительная ихъ молодость. За немногими исключеніями возрастъ большинства виновныхъ заключается между 20-ю и 35-ю годами [522]. Такимъ

Библиотека "Руниверс"

НАНЕСЕНІЕ СМЕРТЕЛЬНОЙ РАНЫ ГРАФУ МИЛОРАДОВИЧУ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Съ рисунка Шарлеманя, принадлежащаго графу Г. А. Милорадовичу.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Николаевичъ Сутгофъ (декабристъ).
(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

образомъ въ цвѣтѣ лѣтъ погибли люди, которые при другой обстановкѣ могли бы оказать со временемъ отечеству важныя услуги. Гречъ въ своихъ запискахъ высказываетъ эту мысль, упоминая объ Александрѣ Бестужевѣ, и пишетъ: «Намъ остается только жалѣть отъ глубины сердца о потерѣ человѣка, который при другой обстановкѣ сдѣлался бы полезнымъ своему отечеству, знаменитымъ писателемъ, великимъ полководцемъ: можетъ быть, Бестужевъ отстоялъ бы Севастополь.

Библиотека "Руниверс"

Богъ суди тѣхъ сумасбродовъ и злодѣевъ, которые сгубили достойныхъ иной участи молодыхъ людей и лишили Россію благороднѣйшихъ сыновъ! Остался урокъ потомству, да пользуются ли уроками?»

Что касается соціальнаго положенія подсудимыхъ, то почти всѣ они исключительно принадлежали къ военному сословію, изъ которыхъ самое ограниченное число находилось въ отставкѣ; гражданскихъ чиновниковъ встрѣчается только нѣсколько лицъ; вообще же лучшія дворянскія фамиліи имѣли среди декабристовъ своихъ представителей. Затѣмъ нельзя не замѣтить, что въ заговорѣ не участвовала ни одна женщина, ни одна даже ничего не знала о немъ. То же самое можно сказать о тогдашнихъ журналистахъ; они не были привлечены къ дѣлу о тайныхъ обществахъ. Главные представители журнальнаго міра: Ѳаддей Булгаринъ и Николай Гречъ, остались въ сторонѣ и не подвергались допросу, несмотря на близкія сношенія свои съ декабристами.

Въ день обнародованія манифеста, отъ 1-го (13-го) іюня 1826 года, послѣдовалъ также особый указъ сенату, содержаніе котораго оказалось въ тѣсной связи съ дѣломъ о тайныхъ обществахъ. Государь повелѣвалъ: «Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія нашего къ отличному подвигу, оказанному лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка прапорщикомъ Иваномъ Шервудомъ противъ злоумышленниковъ, посягавшихъ на спокойствіе, благосостояніе государства и на самую жизнь блаженныя памяти государя императора Александра I-го, къ нынѣшней фамиліи его прибавить слово Вѣрный и впредь какъ ему, такъ и потомству его именоваться Шервудомъ-Вѣрнымъ. Правительствующему сенату поручаемъ составить приличный для сей фамиліи гербъ и представить оный къ нашему утвержденію».

Въ сочиненномъ, вслѣдствіе приведеннаго здѣсь высочайшаго повелѣнія, гербѣ Шервуда-Вѣрнаго представлена была рука, выходящая изъ облаковъ и приподнятая вверхъ для присяги.

Замѣтимъ здѣсь, что унтеръ-офицеръ Иванъ Васильевичъ Шервудъ, главный виновникъ открытія заговора 1825 года, былъ англичанинъ по происхожденію и родился въ Кентѣ, близъ Лондона, въ 1798 году. Отецъ Шервуда, въ качествѣ механика, былъ вышисанъ въ 1800 году въ Россію, по повелѣнію императора Павла. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, для оживленія льняной промышленности и развитія механическаго пряденія и ткачества, у насъ были сдѣланы первыя попытки механическаго пряденія, съ каковою цѣлью и была основана въ 1798 году Александровская мануфактура, на которой служилъ отецъ Шервуда. Такимъ путемъ онъ сдѣлался лично извѣстнымъ императору Александру. Повидимому, молодой Шервудъ получилъ очень тщательное образованіе, соединенное съ знаніемъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и даже латинскаго языковъ, былъ отъ природы на-

Библиотека "Руниверс"

блюдателенъ, вдумчиво относился ко всему окружающему и при всемъ томъ былъ надѣленъ умомъ, привыкшимъ мыслить логично и строго послѣдовательно. Эти его качества и обусловили успѣхъ возложенной имъ на себя миссіи: въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ дошелъ до убѣжденія, что существуетъ какой-то заговоръ, какъ онъ взялся за раскрытіе злонамѣреннаго общества, въ его малѣйшемъ поступкѣ, такъ и проглядываетъ натура истаго англичанина, дѣйствующаго систематически, медленно, обдуманно, не роняющаго лишняго слова [52].

Двадцати одного года Шервудъ поступилъ рядовымъ въ 3-й Украинскій Уланскій полкъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ этомъ званіи онъ пробылъ шесть лѣтъ. Къ этому времени относятся его сближенія съ офицерами различныхъ полковъ, натолкнувшія его на подозрѣніе о существованіи заговора. Зато съ 1826 года, послѣ его донесенія о заговорщикахъ, его служебная карьера подвигалась впередъ очень быстро. 8-го января 1826 года, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ, 10-го января произведенъ въ прапорщики, а 6-го іюня въ поручики [54]. Въ 1833 году, Шервудъ-Вѣрный былъ назначенъ состоять по кавалеріи въ чинѣ подполковника и въ томъ же году вышелъ въ отставку; онъ умеръ въ 1867 году.

Трудно допустить, чтобы Шервудъ-Вѣрный, съ его характеромъ и умомъ, могъ оставаться совершенно бездѣйственнымъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати четырехъ лѣтъ, со времени своего выхода въ отставку по годъ смерти. Къ сожалѣнію, отсутствіе свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни не позволяетъ намъ сказать что либо положительное.

IV.

Въ ночь на 13-е (2-е) іюля, на валу кронверка Петропавловской крѣпости устроенъ былъ помостъ съ висѣлицею, которая предназначалась для пяти заранѣе намѣченныхъ жертвъ окончившагося политическаго процесса. Къ тремъ часамъ пополуночи на крѣпостной эспланадѣ выстроились части войскъ отъ каждаго полка гвардіи; среди нихъ находилась артиллерія съ заряженными орудіями; къ мѣсту казни прибыли также генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-адъютанты: Чернышевъ и Бенкендорфъ. Затѣмъ приговоренные къ каторжной работѣ и къ ссылкѣ были выведены подъ конвоемъ изъ крѣпости на гласисъ кронверка. Утро было мрачное, туманное. Около мѣстъ, назначенныхъ для исполненія приговора, разложены были пылавшіе костры. Каждый изъ числа осужденныхъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ гвар-

Библиотека "Руниверс"

діи, былъ выводимъ передъ отрядъ своего полка, по старшинству разряда, и выслушивалъ свой приговоръ, стоя на колѣняхъ, послѣ чего палачъ ломалъ надъ головою его шпагу и, сорвавъ съ него эполеты, мундиръ и знаки отличія, бросалъ ихъ въ огонь. Прочіе осужденные были поставлены на колѣни среди эспланады и тутъ же подверглись тому же поносному наказанію. Послѣ этой церемоніи государственные преступники надѣли халаты обыкновенныхъ ссыльныхъ и были обратно отведены въ крѣпость. Экзекуція продолжалась слишкомъ часъ [525].

Осужденнымъ странно было видѣть среди себя одного только оставшагося въ мундирѣ съ орденами; это былъ отставной полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, помилованнный государемъ [526]. Когда вторая группа разжалованныхъ двинулась въ крѣпость, раздался въ ней хохотъ. Это было приписано безчувственности, ожесточенію приговоренныхъ къ казни; между тѣмъ предметомъ смѣха послужилъ Якубовичъ, въ высокой офицерской шляпѣ, въ ботфортахъ и въ коротенькомъ до колѣнъ халатѣ, выступавшій съ комическою важностію.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ наблюдалъ за осужденными еще до выхода изъ крѣпости, чтобы посмотрѣть на нихъ и послушать разговоры; онъ передаетъ вынесенныя имъ впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ:

«Меня влекло къ тому не одно любопытство, но и состраданіе: то были большею частію молодые люди, дворяне хорошихъ фамилій; многіе изъ нихъ прежде служили со мною, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, князь Волконскій, были непосредственно моими товарищами. У меня щемило сердце; но вскорѣ чувство сожалѣнія, возбужденное во мнѣ мыслію объ ударѣ, поразившемъ столько семействъ, уступило мѣсто негодованію и омерзѣнію. Грязныя и неумѣстныя рѣчи и шутки этихъ несчастныхъ свидѣтельствовали и о глубокой нравственной ихъ порчѣ и о томъ, что сердца ихъ недоступны ни раскаянію, ни чувству стыда».

Въ такомъ же духѣ генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ государю послѣ исполненія приговора:

«La troupe s'est conduit avec dignité, les criminels avec cette bassesse que nous avons vu depuis le commencement».

По совершеніи печальнаго обряда разжалованія, приступлено было къ исполненію приговора надъ осужденными къ повѣшенію. Благодаря неумѣлымъ приготовленіямъ и еще болѣе неумѣлому исполненію, казнь ознаменовалась трагическимъ эпизодомъ: Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ сорвались съ петель; кромѣ страшныхъ ушибовъ, имъ пришлось два раза испытать предсмертныя муки... Наконецъ человѣческое правосудіе исполнилось. Тѣла повѣшенныхъ были скоро сняты и въ слѣдующую затѣмъ ночь неизвѣстно гдѣ преданы землѣ.

Библиотека "Руниверс"

Николай Васильевичъ Басаргинъ (декабристъ).

(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

Исполнились слова, сказанныя императоромъ Николаемъ вскорѣ послѣ 14-го декабря графу Лаферронэ: «Съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады. Законъ изречетъ кару, и не для нихъ воспользуюсь я принадлежащимъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ».

Смертная казнь пяти декабристовъ произвела въ русскомъ обществѣ потрясающее впечатлѣніе. Никто не ожидалъ такого исхода. Нѣкоторые изъ осужденныхъ и напутствовавшій ихъ протоіерей Мысловскій разсчитывали, кажется, на помилованіе. Ходили слухи о томъ, что будто бы императоръ Николай сказалъ: по приговору не будетъ пролито крови, онъ удивитъ всѣхъ своимъ милосердіемъ. И вдругъ случилось обратное!

Существовало мнѣніе, ни на чемъ не основанное, что императрица Елисавета Петровна отмѣнила смертную казнь, между тѣмъ какъ въ Россіи она, напротивъ того, продолжала существовать. Хотя во все царствованіе Александра I смертная казнь не примѣнялась, но полная неопредѣленность въ этомъ вопросѣ не была выяснена законодательнымъ путемъ. Эту юридическую неопредѣленность засталъ при своемъ воцареніи императоръ Николай Павловичъ, и потому верховный уголовный судъ долженъ былъ руководствоваться данными ему выписками, подъ заглавіемъ: «Въ законахъ изображено», помѣщенными нами въ приложеніяхъ. Но такъ какъ при Александрѣ I смертной казни не случилось, то и свыклись съ мыслію, что она какъ бы вполнѣ отмѣнена. «Описать или словами передать ужасъ и уныніе, которые овладѣли всѣми, нѣтъ возможности», пишетъ современникъ и очевидецъ этихъ впечатлѣній въ 1826 году въ Москвѣ [527].

Императоръ Николай провелъ день 13-го іюля въ Царскомъ Селѣ. Государь былъ блѣденъ и мраченъ. Послѣ пріѣзда фельдъегеря, привезшаго извѣстіе о казни пяти декабристовъ, Николай Павловичъ отправился въ церковь помолиться, а затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Вечеромъ за чаемъ у императрицы грустное настроеніе государя продолжалось, онъ почти не разговаривалъ, а великій князь Михаилъ Павловичъ казался озабоченнымъ и мрачнымъ [528].

Немедленно по исполненіи казни генералъ-адъютантъ Дибичъ отправилъ государю нижеслѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Sire! Le feldjegher Tchausoff vous portera le rapport du général Koutouzoff de la fin de l'exécution des scélérats et le général Czernicheff va le suivre de près pour vous en faire le rapport verbal... La troupe s'est conduit avec dignité, les criminels avec cette bassesse que nous avons vu depuis le commencement. (Государь! Фельдъегерь Чаусовъ доставитъ вамъ донесеніе генерала Кутузова объ окончаніи исполненія приговора надъ злодѣями, а вслѣдъ за нимъ прибудетъ генералъ Чернышевъ, который доложитъ вамъ объ этомъ словесно... Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи съ тою же низостью, которую мы видѣли съ самаго начала)».

Библиотека "Руниверс"

Въ тотъ же день императоръ Николай отвѣчалъ своему начальнику главнаго штаба:

«Je bénis Dieu de ce que tout soit fini heureusement; j'ai bien cru que les héros du 14 n'auraient pas dans l'occasion plus de courage qu'il ne faut. Je vous recommande, mon cher, pour aujourd'hui la plus grande prudence et dites bien à Benkendorf de redoubler d'activité et d'attention; même consigne à la troupe. Je veux partir d'ici de façon à être à 3 heures à ma maison en ville. (Благодарю Бога, что все окончилось благополучно; я вполнѣ былъ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, чѣмъ нужно. Прошу васъ, любезный другъ, соблюдать сегодня величайшую осторожность и въ особенности передать Бенкендорфу, чтобы онъ удвоилъ свою дѣятельность и бдительность; то же слѣдуетъ предписать и войскамъ. Я намѣреваюсь уѣхать отсюда такимъ образомъ, чтобы быть въ три часа въ моемъ домѣ въ городѣ)».

Въ самый день казни декабристовъ императоръ Николай подписалъ въ Царскомъ Селѣ манифестъ по случаю окончанія дѣла о злоумышленныхъ обществахъ и приговора верховнаго уголовнаго суда.

По мнѣнію П. Г. Дивова, «онъ написанъ очень просто и походитъ на совѣтъ родителямъ беречь нравственность ихъ дѣтей». Манифестъ 13-го іюля по содержанію и по слогу подвергался и болѣе рѣзкой критикѣ. Другіе, какъ, напримѣръ, баронъ Корфъ, усмотрѣли въ немъ величественную картину наступившаго царствованія.

Недавняя слѣдственная комиссія не была позабыта въ манифестѣ; сказано, что комиссія «въ теченіе почти пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, приведя самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію».

Лучшее мѣсто этого довольно длиннаго манифеста были безспорно заключительныя его слова:

«Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

«Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ

Библиотека "Руниверс"

отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій».

Еще 6-го іюня императоръ Николай сообщилъ цесаревичу, что послѣ казни состоится «искупительное богослуженіе за упокоеніе душъ тѣхъ, которые погибли въ день 14-го декабря, и молебствіе, чтобы возблагодарить Провидѣніе за то, что оно предохранило насъ отъ всѣхъ несчастій, которыя готовились разразиться надъ нашимъ дорогимъ отечествомъ».

Дѣйствительно, 14-го іюля, отслужено было на Сенатской площади возвѣщенное государемъ благодарственное молебствіе, по словамъ Бенкендорфа, «какъ бы въ очищеніе этого мѣста отъ посрамившихъ его злодѣяній и вмѣстѣ съ поминовеніе павшихъ 14-го декабря жертвами чести и своего долга». Войска расположились вокругъ походной церкви поставленной возлѣ памятника Петра Великаго[529]. Приглашенныя знатныя особы собрались въ адмиралтейской церкви; сюда подъѣхала императрица въ экипажѣ, и затѣмъ всѣ двинулись пѣшкомъ къ походной церкви, предшествуемые духовенствомъ. Во время литургіи служили литію по жертвахъ 14-го декабря. По окончаніи богослуженія, митрополитъ, въ сопровожденіи духовенства, обошелъ ряды войскъ, окропляя ихъ святою водою. Императоръ во время этой церемоніи слѣдовалъ верхомъ, императрица въ экипажѣ. По свидѣтельству очевидца, «молитва съ колѣнопреклоненіемъ произвела большое впечатлѣніе».

Подобное же молебствіе повелѣно было отслужить въ Москвѣ и по всей Россіи. Этимъ священноторжественнымъ актомъ завершилась кара тайныхъ обществъ.

Протоіерей Мысловскій не принималъ участія въ очистительномъ молебствіи, отслуженномъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ. Онъ отпустилъ образъ Казанской Божіей Матери съ другимъ священникомъ, а самъ въ это время въ черномъ облаченіи отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду; случайные богомольцы услышали произнесенныя Мысловскимъ имена: Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія, Петра.

Въ день молебствія, 14-го іюля, императоръ Николай отдалъ по россійскимъ войскамъ слѣдующій приказъ:

«Храбрыя россійскія войска! Когда во дни незабвенные 14-го декабря 1825 и 3-го генваря 1826 года вѣрными грудями вашими заслоненъ престолъ, спасена святыня православной вѣры, избавлено отечество отъ ужасовъ бунта,—извѣстилъ я васъ, что нѣкоторые зачинщики

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію Полиціи отыскивается здѣсь Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ, который примѣтами: росту высокаго, сухощавъ, глаза навыкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривиться, бакенбарды не ростутъ; борода мало заростаетъ, сутуловатъ и ходитъ не много искривившись; говоритъ протяжно, отъ роду ему около 30-ти лѣтъ.—Почему поставляется въ непремѣнную обязанность всѣмъ хозяевамъ домовъ и управляющимъ оными, что естьли такихъ примѣтъ человѣкъ у кого окажется проживающимъ или явится къ кому либо на ночлегъ, тотъ часъ представитъ его въ Полицію; въ противномъ случаѣ съ укрывателями поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Декабря 30 дня 1825 года.

С. Петербургскій Оберъ - Полиціймейстеръ Шульгинъ 1.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О РОЗЫСКѢ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

злодѣйскихъ умысловъ таились среди вашихъ вѣрныхъ рядовъ. Вы съ ужасомъ и негодованіемъ извергли ихъ; нынѣ судъ надъ ними и казнь, имъ подлежащая, исполнены, и очищены вѣрные полки ваши отъ заразы, вамъ и всей Россіи угрожавшей. Итакъ, съ помощію Всевышняго, сего дня на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы ровно за седьмь мѣсяцевъ не щадили крови своей и съ счастіемъ жертвовали жизнію вашему

Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бригенъ (декабристъ).
(Съ литографіи Мюнстера).

государю, на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ вами палъ незабвенный въ россійской арміи графъ Милорадовичъ, на томъ самомъ мѣстѣ принесены Господу Богу жертва благодаренія за дарованіе спасенія чрезъ васъ государству и молитва Ему же о упокоеніи душъ падшихъ за вѣру, царя и отечество.

«Возвѣщая о семъ вамъ, храбрыя россійскія войска, отъ лица Россіи благодарю васъ и взываю, сохраните вѣчно доблести, всегда васъ

Библиотека "Руниверс"

отличавшія: теплую вѣру къ Богу, вѣрность престолу, храбрость и неутомимость, и да познаетъ тогда каждый, что съ нами Богъ».

14-го же числа императоръ Николай послалъ генералъ-адъютанту Дибичу изъ дворца на Елагиномъ острову слѣдующее собственноручное письмо[530]:

«Баронъ Иванъ Ивановичъ!

«Вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ благодарить васъ за неутомимые труды ваши и за благоразумныя распоряженія, коими предупредили вы замыслы части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во второй арміи поднять знамя бунта.

«Среди заслугъ отечеству, вами оказанныхъ, справедливое потомство всегда вмѣнитъ вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ — рѣшимость принятыхъ вами мѣръ тогда, когда поражены были постигшимъ всеобщимъ нашимъ несчастіемъ, и дѣйствовали сами собою. Примите чрезъ меня отъ лица отечества совершенную признательность.

«Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

«Николай».

Въ самый день казни, 13-го іюля, началось отправленіе въ Сибирь осужденныхъ декабристовъ. Первыми увезены были въ Нерчинскіе рудники восемь человѣкъ: князь Трубецкой, князь Оболенскій, князь Волконскій, Якубовичъ, Артамонъ Муравьевъ, Давыдовъ и два брата Борисовы. Повелѣно было заковать ихъ въ желѣза, и въ такомъ видѣ они совершили путешествіе въ Сибирь на почтовыхъ съ фельдъегерями. При отправленіи слѣдующихъ партій поступлено было такимъ же образомъ.

За нѣкоторыми изъ осужденныхъ великодушно послѣдовали въ изгнаніе ихъ жены, явивъ собою замѣчательный примѣръ супружеской любви и самоотверженія; первыми изъ нихъ были княгини Трубецкая и Волконская[531].

Вспоминая объ этомъ самопожертвованіи много лѣтъ спустя, въ 1851 году, императоръ Николай въ разговорѣ сказалъ: «C'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire».

Нѣкоторыхъ изъ декабристовъ постигла судьба, совершенно не согласная съ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ подполковникъ Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, присужденный окончательно, какъ преступникъ третьяго разряда, къ 20-ти-лѣтней каторжной работѣ; исполненіе приговора, однако, не послѣдовало, и на него обрушилась совершенно иная, болѣе тяжелая кара.

Библиотека "Руниверс"

Сначала Батенковъ содержался около полугода въ казематѣ форта Свартгольмъ; затѣмъ его перевели снова въ С.-Петербургскую крѣпость и посадили въ полутемный казематъ. Сотоварищи его по суду, даже болѣе виновные, давно уже, а именно съ 1839 года, освобождены были отъ каторжной работы и жили въ Сибири на поселеніи или опредѣлены были рядовыми въ войска, а Гавріилъ Степановичъ все еще продолжалъ томиться въ казематѣ; о немъ какъ бы позабыли. Умъ его началъ омрачаться, и стройный ходъ мысли иногда прерывался; онъ потерялъ счетъ времени. Единственное утѣшеніе затворника составляли вѣра и духовно-нравственныя изслѣдованія. Наконецъ, въ 1846 году, комендантъ крѣпости генералъ Скобелевъ былъ уполномоченъ спросить Батенкова, въ который изъ городовъ Сибири онъ желаетъ ѣхать на поселеніе. Выборъ его остановился на Томскѣ, и послѣ двадцатилѣтней полной отчужденности отъ міра Батенковъ снова очутился среди людей, пользуясь къ тому же относительной свободой. Амнистія 1856 года застала Батенкова еще въ живыхъ; онъ возвратился въ Россію и поселился въ Калугѣ, гдѣ и умеръ въ 1863 году на 71-мъ году жизни.

Болѣе счастливая участь выпала на долю Вильгельма Кюхельбекера, причисленнаго къ преступникамъ перваго разряда, но по ходатайству великаго князя Михаила Павловича приговореннаго къ двадцатилѣтней каторжной работѣ; тѣмъ не менѣе его отправили не въ рудники, а въ арестантскія роты въ Динабургскую крѣпость, затѣмъ въ Ревель и окончательно въ Свеаборгъ. Въ 1835 году, Кюхельбекеръ обращенъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ умеръ въ 1846 году.

V.

Печальное положеніе нашего правосудія было однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя всю заботливость императора Николая тотчасъ послѣ воцаренія. «Я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ». Эту мысль выразилъ вступающій на престолъ самодержецъ своему бывшему наставнику, бесѣдуя съ нимъ 13-го декабря о предстоящей новому царствованію задачѣ[532]. Въ рѣчи же, произнесенной имъ много лѣтъ спустя, въ 1833 году, въ государственномъ совѣтѣ, императоръ Николай сказалъ:

«При самомъ моемъ вступленіи на престолъ я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ занявшимъ меня дѣломъ было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества ука-

Библиотека "Руниверс"

зовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ. Это побудило меня, съ первыхъ дней моего правленія, разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась комиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое руководство, закрывъ прежнюю комиссію».

Для осуществленія мысли, высказанной въ приведенной нами рѣчи, императоръ Николай, 31-го января 1826 года, обратился къ предсѣдателю государственнаго совѣта князю Лопухину, на котораго возложено было главное завѣдываніе комиссіею составленія законовъ, съ рескриптомъ, въ которомъ сказано было: «При первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на уложеніе отечественныхъ нашихъ законовъ, усмотрѣлъ я, что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли своей цѣли. Желая сколь можно болѣе удостовѣрить успѣшное ихъ совершеніе, я призналъ нужнымъ принять ихъ въ непосредственное мое вѣдѣніе. Для сего приказалъ я учредить въ собственной моей канцеляріи особое для нихъ отдѣленіе».

Этимъ актомъ получило свое образованіе Второе Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи; открытіе его послѣдовало 24-го апрѣля 1826 года.

Начальникомъ Второго Отдѣленія былъ назначенъ, 4-го апрѣля 1826 года, старшій членъ бывшей комиссіи составленія законовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій. Но сущность самаго дѣла поручена была члену государственнаго совѣта Сперанскому, который, однако, по этому новому возложенному на него дѣлу, не былъ облеченъ никакимъ официальнымъ званіемъ, хотя онъ одинъ распоряжался работами Второго Отдѣленія и имѣлъ всѣ личные доклады по этой части у государя[533]. Такой порядокъ продолжался до самой смерти Сперанскаго въ 1839 году[534].

Когда императоръ Николай поручилъ Сперанскому веденіе дѣла, столь близкаго своему сердцу, то выборъ былъ сдѣланъ отнюдь не по какому либо особому довѣрію къ образу мыслей и дѣйствій бывшаго

Библиотека "Руниверс"

опальнаго любимца Александра I, а только по необходимости, пишетъ баронъ Корфъ, «не найдя вокругъ себя никого, къ тому болѣе способнаго». При назначеніи Балугьянскаго начальникомъ Второго Отдѣленія, императоръ Николай, бесѣдуя съ своимъ бывшимъ наставни-

Иванъ Ивановичъ Горбачевскій (декабристъ).
(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ. Изъ собранія В. Р. Зотова).

комъ, сказалъ ему въ разговорѣ о Сперанскомъ: «Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году: ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ». Графиня Ливенъ разсказывала, что однажды, спустя нѣсколько недѣль послѣ 14-го декабря, императоръ Николай, зайдя къ ней по окончаніи своей работы съ Сперанскимъ, выразился о немъ чрезвычайно рѣзко, въ самыхъ неблагопріятныхъ выраженіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ успѣшнаго выполненія Сперанскимъ порученныхъ ему работъ, предубѣжденія императора Николая постепенно смягчались и наконецъ уступили мѣсто искреннему расположенію и полному довѣрію. Всѣ обвиненія и клеветы, взводимыя на Сперанскаго, по собственному выраженію государя, «разсыпались, какъ пыль». Измѣненіе взгляда императора Николая на прошедшее Сперанскаго послѣдовало съ тѣхъ поръ, какъ оклеветанный страдалецъ представилъ государю въ доказательство своей невинности два собственноручныхъ письма императора Александра отъ 22-го марта 1819 года. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Александръ писалъ тогдашнему пензенскому губернатору: «Болѣе трехъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ, призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ такимъ образомъ дарованіямъ вашимъ новый путь содѣлаться полезнымъ отечеству, не переставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812 году и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ себѣ. Сей способъ, по моему мнѣнію, былъ единственный, то-есть служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ. Иначе, призывъ вашъ въ С.-Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія... желаніе мое стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими дать мнѣ явную причину приблизить васъ къ себѣ» [535].

По прочтеніи императоромъ Николаемъ писемъ, представленныхъ ему Сперанскимъ, оклеветанный государственный дѣятель навсегда оправдался передъ государемъ отъ возведенныхъ на него въ 1812 году обвиненій.

Карамзинъ, нѣкогда рѣшительный противникъ преобразовательной дѣятельности Сперанскаго, какъ ревностный сторонникъ самодержавія и преданій старины, давно уже перемѣнилъ свой взглядъ относительно бывшаго государственнаго секретаря. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, Карамзинъ всячески поддерживалъ его во мнѣніи государя, а Сперанскій, съ своей стороны, какъ пишетъ баронъ Корфъ, показалъ видъ, что прощаетъ, или, по свойственному ему добродушію, въ самомъ дѣлѣ простилъ насмѣшки и укоризны автора записки «О древней и новой Россіи».

Когда въ 1826 году Карамзинъ опасно занемогъ, Сперанскій навѣстилъ его и сообщилъ исторіографу предположенія относительно образованія Второго Отдѣленія. Карамзинъ слушалъ внимательно, одобрилъ сообщенныя ему предположенія и сказалъ: «Вотъ это совершенно согласно съ моими давними убѣжденіями. Я всегда думалъ, какъ можно

Библиотека "Руниверс"

составлять законы, не зная всѣхъ тѣхъ, какіе у насъ есть и были. Надобно прежде знать свое; надобно собрать все безъ исключенія, и потомъ уже отдѣлить то, что дѣйствительно имѣетъ въ настоящее время обязательную силу: такъ составится вѣрный сводъ, по крайней мѣрѣ, того, что существуетъ» [516].

Въ такомъ духѣ и начались работы во Второмъ Отдѣленіи, по указаніямъ и подъ руководствомъ Сперанскаго. Императору Николаю въ его почти невольномъ выборѣ поблагопріятствовало особенное счастіе, и лучшаго исполнителя для задуманнаго дѣла онъ едва ли могъ бы найти. Сперанскій въ это время уже не ставилъ себѣ задачею ломку всего прежняго и существующаго; сила обстоятельствъ воздѣйствовала на нѣкогда смѣлаго реформатора, заставивъ позабыть свое нѣкогда любимое выраженіе: «Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap». Біографъ Сперанскаго пишетъ: «Онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы».

Результатомъ новой дѣятельности Сперанскаго явились «Полное собраніе законовъ» и систематическій «Сводъ».

Успѣхъ работы, порученной Сперанскому, конечно, во многомъ зависѣлъ отъ тѣхъ отношеній, которыя установятся между нимъ и Михаиломъ Андреевичемъ Балугьянскимъ; въ сущности, послѣдній былъ все-таки начальникомъ Второго Отдѣленія, между тѣмъ какъ главный руководитель всего дѣла стоялъ нѣкоторымъ образомъ въ сторонѣ, при чемъ за нимъ велѣно было еще смотрѣть, «чтобы онъ не надѣлалъ тѣхъ же проказъ, какъ въ 1810 году». Къ счастію для дѣла, между ними установилось самое тѣсное, самое единодушное сотрудничество, направленное къ осуществленію благихъ намѣреній государя, несмотря на то, что въ отношеніи характеровъ — это были двѣ типическія противоположности, не имѣвшія между собою ничего общаго. «Обѣ эти свѣтлыя личности,—пишетъ П. Барановъ въ біографическомъ очеркѣ Балугьянскаго,—самостоятельныя въ характерахъ, своеобразныя каждая въ своемъ родѣ, не только не расходились до конца жизни, но и не оставили слѣдовъ какихъ либо обоюдныхъ пререканій, почти неизбѣжно сопровождающихъ всякія человѣческія сближенія, большею частію кончающіяся враждою. Изъ этого назидательнаго примѣра можно вывести заключеніе о глубокомъ умѣ обоихъ дѣятелей-союзниковъ при служеніи отечеству, подъ руководствомъ такого самостоятельнаго, энергическаго, смирявшаго вокругъ себя человѣческія страсти вождя, какимъ былъ, вѣрный самому себѣ до конца жизни, незабвенный императоръ Николай I».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

VI.

Еще до окончанія суда надъ декабристами императоръ Николай принялъ весьма важную мѣру, положившую извѣстную печать на всѣ послѣдовавшіе годы его царствованія и находившуюся въ прямой связи съ событіями 14-го декабря: мы говоримъ объ учрежденіи Третьяго Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи и назначеніи генералъ-адъютанта Бенкендорфа шефомъ жандармовъ.

Если вспомнимъ о запискѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа относительно тайныхъ обществъ, представленной въ 1821 году императору Александру, которая безполезно пролежала въ письменномъ столѣ государя до его кончины, неудивительно, что выборъ императора Николая при назначеніи шефа жандармовъ остановился именно на Александрѣ Христофоровичѣ. Иначе и не могло быть. Уже въ январѣ 1826 года Бенкендорфъ, пользуясь измѣнившимися обстоятельствами, представилъ записку объ учрежденіи высшей полиціи, предлагая въ ней назвать главу ея министромъ полиціи и инспекторомъ корпуса жандармовъ. За этой запиской послѣдовали еще другія объ организаціи корпуса жандармовъ. Однако, императоръ Николай не пожелалъ присвоить задуманному новому учрежденію названіе министерства полиціи; вѣроятно, этому воспрепятствовали воспоминанія наполеоновской эпохи, связанныя съ именами Фуше и Савари. Окончательно придумано было для новаго учрежденія и новое дотолѣ небывалое названіе: Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи [537].

25-го іюня 1826 года, въ день рожденія императора Николая, появился высочайшій приказъ о назначеніи начальника 1-й кирасирской дивизіи, генералъ-адъютанта Бенкендорфа, шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою.

Директоромъ канцеляріи Третьяго Отдѣленія назначенъ былъ Михаилъ Максимовичъ Фокъ, человѣкъ, несомнѣнно, умный, разносторонне образованный и свѣтскій. Обширное знакомство и связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ давали ему возможность видѣть и знать, что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ столичнаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Фокъ пользовался самою предупредительною дружбою и довѣріемъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся между ними переписка.

3-го (15-го) іюля 1826 года, состоялся высочайшій указъ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского, на основаніи котораго уничтожалась особая канцелярія этого министерства и преобразо-

Библиотека "Руниверс"

Madame

J'ai eu l'honneur de montrer
la lettre que vous avez bien voulue
me confier; Sa Majesté l'Empereur
m'a chargé, de vous prévenir, que
vous aviez l'entière permission de
joindre votre époux à l'endroit de
sa destination.

En m'acquittant de cette commis-
sion, j'ai l'honneur, d'être,

Madame

votre très humble et
très obéissant serviteur
A Benckendorff

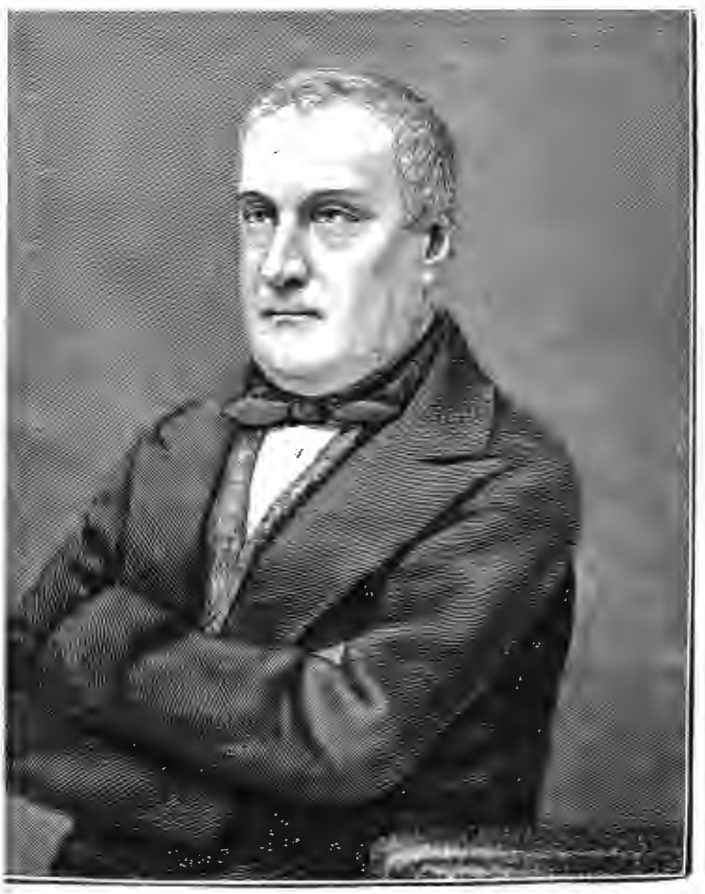
Moscou
ce 26 Août
1826

ПИСЬМО А. Х. БЕНКЕНДОРФА КЪ ЖЕНѢ ОДНОГО ИЗЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

вывалась въ Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, и повелѣно было учинить нужныя по сему распоряженія. Во исполненіе сего указа предписано было гг. начальникамъ губерній, чтобы они по предметамъ, въ составъ помянутаго Отдѣленія вошедшимъ, доносили уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ, а прямо его императорскому величеству.



Гавріилъ Степановичъ Батенковъ (декабристъ).
(Съ портрета, приложеннаго къ „Русской Старинѣ“ 1889 года).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ объясняетъ въ своихъ запискахъ появленіе Третьяго Отдѣленія слѣдующимъ образомъ; онъ пишетъ: «Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе; государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣснен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными. Число послѣднихъ возросло до ужасающей степени съ тѣхъ поръ, какъ множество французскихъ искателей приключеній, овладѣвъ у насъ воспитаніемъ юношества, занесли въ Россію революціонныя начала своего отечества, и еще болѣе со времени послѣдней войны, черезъ сближеніе нашихъ молодыхъ офицеровъ съ либералами тѣхъ странъ Европы, куда заводили насъ наши побѣды. Никогда не думавъ готовиться къ этому роду службы, я имѣлъ о немъ лишь самое поверхностное понятіе, но благородныя и благодѣтельныя побужденія, давшія поводъ къ этому учрежденію, и желаніе быть полезнымъ новому нашему государю не позволили мнѣ уклониться отъ принятія образованной имъ должности, къ которой призывало меня высокое его довѣріе.

«Рѣшено было учредить подъ моимъ начальствомъ корпусъ жандармовъ. Всю имперію раздѣлили въ семъ отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу, и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта. Учрежденное въ то же время Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей секретной полиціи, которая, въ лицѣ тайныхъ агентовъ, должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ. Государь, чтобы сдѣлать эту должность болѣе пріятною въ моихъ глазахъ, благоволилъ присоединить къ ней и званіе командующаго своей главной квартиры.

«Я неотложно приступилъ къ дѣлу, и Богъ помогъ мнѣ исполнить новыя мои обязанности къ удовольствію государя и не возстановивъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Мнѣ удалось дѣлать добро, оказывать многимъ одолженія, открыть много злоупотребленій и, въ особенности, предупредить и отвратить много зла».

Въ дополненіе къ сказанному генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ необходимо еще замѣтить, что возникновеніе разсматриваемаго николаевскаго административнаго учрежденія объясняется обстоятельствами, среди которыхъ оно зародилось. Продолжительное существованіе и спокойное развитіе тайнаго политическаго общества, о которомъ правительство долгое время имѣло лишь смутныя подозрѣнія, обнаружило съ достаточною очевидностью полное отчужденіе правительственныхъ сферъ отъ общества. Покончивъ съ мятежемъ и съ тайнымъ обществомъ, правительство увидѣло передъ собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобнаго явленія, чтобы всегда быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для достиженія подобной цѣли нельзя было попрежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія; отнынѣ надо было

Библиотека "Руниверс"

знать, что̀ затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ; для успѣшнаго рѣшенія подобной задачи предстояло проникнуть въ сердца и тайные людскіе помыслы. Политической прессы въ то время въ Россіи не существовало; къ тому же самая возможность обсужденія въ печати всякихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ представлялась тогда какъ бы государственною ересью; господствовало убѣжденіе, что одни управляющіе страною въ состояніи сообразить, что именно нужно и полезно для управляемыхъ. Событія 14-го декабря послужили для правительства предостереженіемъ, доказавъ на дѣлѣ, насколько для него опасно пренебрежительное отношеніе къ внутренней жизни мыслящихъ классовъ въ Россіи. Вслѣдствіе этого возникла мысль объ учрежденіи тайнаго надзора, хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же цѣли, какъ и родственныя съ нимъ учрежденія XVIII столѣтія, существовавшія въ разное время и подъ разными наименованіями, но обставленнаго въ своемъ новомъ видѣ несравненно мягче и порученнаго людямъ, до нѣкоторой степени образованнымъ, обладающимъ къ тому же свѣтскимъ лоскомъ. По мысли государя, лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла.

При такой постановкѣ вопроса оставалось надѣяться, что этотъ фениксъ, возродившійся изъ пепла, обладая средствами все узнавать, доставитъ правительству возможность прервать многочисленныя злоупотребленія, которыми страдала Россія, и не получитъ слишкомъ односторонняго направленія при развитіи своей разнообразной дѣятельности. Современники царствованія императора Николая Павловича признаютъ, однако, что ожиданія и надежды въ этомъ смыслѣ не оправдались въ дѣйствительной жизни наступившаго тогда тридцатилѣтія. Если даже и справедлива легенда о томъ историческомъ платкѣ, который, переданный императоромъ Николаемъ шефу жандармовъ, долженъ былъ замѣнить инструкцію, утирая какъ можно больше слезъ, проливаемыхъ повсемѣстно въ Россіи отъ разныхъ неустройствъ, то намѣченная благая цѣль не была достигнута, а случилось какъ разъ обратное. Именно этотъ платокъ еще болѣе оросился слезами, вызванными дѣятельностью новаго учрежденія, созданнаго въ 1826 году, а первоначальная руководящая цѣль отступила на задній планъ, какъ бы стерлась въ памяти призванныхъ къ дѣлу исполнителей, и скопленное вѣками зло осталось неприкосновеннымъ на многіе годы.

Для лучшей характеристики дѣятельности вновь учрежденнаго «Третьяго Отдѣленія» и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей достаточно привести здѣсь одинъ документъ: инструкцію, данную шефомъ жандармовъ, 13-го января 1827 года, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка поручику Шервуду-

Библиотека "Руниверс"

Вѣрному; она въ достаточной мѣрѣ знакомитъ съ духомъ новаго учрежденія и способами, придуманными имъ для осуществленія предначертанныхъ ему благихъ цѣлей и защиты страждущаго человѣчества.

Въ предписаніи, данномъ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, сказано было, что поручику Шервуду-Вѣрному предлагается «съ полученія сего отправиться для исполненія данныхъ мною вамъ порученій въ разныя губерніи Россійскаго государства, согласно полученной вами для сего инструкціи».

Упоминаемая шефомъ жандармовъ инструкція заключалась въ слѣдующемъ:

«Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

«1) Обратить особенное ваше вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

«2) Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личной властью и преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

«3) Прежде, нежели приступить къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлью вашей должности должно быть, прежде всего, предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла; напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварить о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и вывести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

«4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила, несомнѣнно, должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго граждa-

Библиотека "Руниверс"

нина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора.

«Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества.

«На таковомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

«5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные, или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о таковыхъ имѣете доставлять мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества: отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

«Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительности дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани, и чего даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

«Впрочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей».

Остается упомянуть здѣсь объ одномъ Александровскомъ учрежденіи, продолжавшемъ еще нѣкоторое время влачить свое номинальное существованіе, но сдѣлавшемся излишнимъ съ появленіемъ Третьяго Отдѣленія. Это былъ «комитетъ 13-го января 1807 года» [538]. Наконецъ, 17-го января 1829 года, послѣдовалъ указъ сенату о закрытіи комитета.

«Въ непремѣнномъ желаніи нашемъ, — сказано въ высочайшемъ указѣ,—сохранить благосостояніе нашихъ вѣрноподданныхъ извѣстными и непоколебимыми дѣйствіями нашихъ законовъ, повелѣваемъ закрыть

Библиотека "Руниверс"

особый комитетъ, учрежденный въ 13-й день января 1807 года для разсматриванія дѣлъ о зловредныхъ намѣреніяхъ, а дѣла, поступившія въ его разсмотрѣніе, обращать наравнѣ съ другими дѣлами преступленій къ обыкновенному законному разсмотрѣнію и рѣшенію судебныхъ мѣстъ, общими государственными постановленіями учрежденныхъ. Правительствующій сенатъ сдѣлаетъ къ исполненію сей нашей воли надлежащее распоряженіе» [539].

VII.

Смуты, сопровождавшія междуцарствіе, не прошли безслѣдно для крестьянскаго населенія, вызвавъ среди него временное броженіе; заговорили о свободѣ, и мѣстами проявились безпорядки—обычное въ прежнее время явленіе, сопровождавшее каждое новое царствованіе.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ замѣчаетъ по поводу случившихся тогда безпорядковъ:

«Помѣщичьи крестьяне въ нѣсколькихъ владѣніяхъ, обманутые злоумышленными внушеніями или ложными надеждами, отказались повиноваться своимъ владѣльцамъ и требовали свободы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это неповиновеніе перешло даже въ явный бунтъ, и для охраненія общественной безопасности потребовались мѣры самыя энергическія. Вслѣдствіе того государь велѣлъ преступниковъ сего рода судить военнымъ судомъ, и, благодаря твердости и бдительности правительства, эти безпорядки были вскорѣ подавлены».

Движеніе, обнаружившееся среди крестьянъ, побудило императора Николая обнародовать 12-го мая 1826 года манифестъ, въ которомъ сказано, что по донесеніямъ начальниковъ губерній дошло до свѣдѣнія правительства, что «въ нѣкоторыхъ селеніяхъ казенные и помѣщичьи крестьяне, обманутые ложными слухами и злонамѣренными разглашеніями, отступаютъ отъ должнаго порядка, полагая: первые, то-есть казенные крестьяне, что будутъ освобождены отъ платежа податей, а послѣдніе, то-есть помѣщичьи, отъ повиновенія ихъ господамъ. Сожалѣя о заблужденіи сихъ поселянъ и желая обратить ихъ на путь истинный мѣрами кротости, свойственными отеческому милосердію нашему, повелѣваемъ объявить повсемѣстно:

«1) Что всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ господамъ суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться на счетъ крестьянъ, по ихъ простодушію.

Библиотека "Руниверс"

«2) Всѣ состоянія въ государствѣ, въ томъ числѣ и поселяне, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, по всей точности должны исполнять всѣ обязанности, законами предписанныя, и безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ.

«3) Если и за симъ нашимъ повелѣніемъ откроется какой либо безпорядокъ между казенными поселянами или помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми, по ложнымъ слухамъ о свободѣ отъ платежа податей или отъ законной власти помѣщиковъ, то виновные навлекутъ на себя справедливый нашъ гнѣвъ и немедленно будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

«4) Подтверждается начальникамъ губерній имѣть неослабное наблюденіе, дабы разглашатели подобныхъ слуховъ или толковъ. были безъ замедленія предаваемы суду, для поступленія съ ними также по всей строгости законовъ.

«5) А какъ и до насъ уже прямо доходятъ недѣльныя просьбы поселянъ, писанныя на основаніи вышесказанныхъ слуховъ или толковъ, то для прекращенія сего зла и сохраненія тишины и порядка мы повелѣваемъ сочинителей или писателей таковыхъ просьбъ, яко возмутителей общаго спокойствія, предавать суду и наказанію по всей строгости законовъ».

Манифестъ 12-го мая повелѣно было читать въ теченіе шести мѣсяцевъ по церквамъ, на торгахъ и ярмаркахъ, и строго подтверждалось начальникамъ губерній имѣть неослабное наблюденіе за исполненіемъ изложенныхъ въ немъ мѣръ въ предупрежденіе всякаго неустройства.

Однако, императоръ Николай не довольствовался приведеннымъ здѣсь, если можно такъ выразиться, карательнымъ манифестомъ. Двумя рескриптами на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского, отъ 19-го іюня и 6-го сентября 1826 года, государь предписывалъ дворянству христіанское и сообразное законамъ обращеніе съ крестьянами, явно выказывая свое желаніе оградить крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола. «Но, къ истинному моему сожалѣнію,—сказано въ рескриптѣ отъ 19-го іюня,—доходятъ до моего свѣдѣнія несогласные съ симъ примѣры; а потому и повелѣваемъ вамъ поставить на видъ означенную волю мою, кромѣ всѣхъ начальниковъ губерній, въ особенности всѣмъ предводителямъ и маршаламъ дворянства... Вы имъ предпишите, что неуспѣшное исполненіе сей достойной уваженія ихъ обязанности подвергнетъ ихъ неизбѣжному взысканію по законамъ вмѣстѣ съ тѣми, кои дозволятъ себѣ удалиться отъ изъявляемой мною здѣсь воли моей, такъ какъ и порядокъ въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, ихъ заботливостію и предвареніями соблюденный, всегда будетъ предметомъ моего особеннаго вниманія и вмѣнится имъ въ заслугу».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Въ рескриптѣ отъ 6-го сентября изложены правила, которыми должны руководствоваться уѣздные предводители дворянства, когда обнаружено будетъ со стороны помѣщиковъ въ обращеніи съ крестьянами злоупотребленіе власти въ непомѣрномъ ли распорядкѣ работъ и повинностей, или въ непомѣрныхъ наказаніяхъ, ибо, какъ писалъ государь, «во всѣхъ случаяхъ я ищу и всегда искать буду лучше предупреждать зло, нежели преслѣдовать его наказаніемъ, когда оно уже возникло».

Наконецъ, заботливость императора Николая о крестьянскомъ сословіи выразилась еще другимъ дѣйствіемъ воцарившагося молодого государя. 6-го декабря 1826 года, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея учрежденъ былъ особый секретный комитетъ, которому поручался пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія и представленіе своего заключенія о необходимыхъ преобразованіяхъ; работы комитета должны были также коснуться и крестьянскаго вопроса. Обзоръ дѣятельности комитета 6-го декабря составитъ предметъ одной изъ послѣдующихъ главъ нашего труда.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

1. «Monsieur le souffre-douleur est averti que maman est accouchée ce matin à trois heures d'un énorme garçon, auquel on a conféré le nom de Nicolas. Il a une voix de basse avec laquelle il crie d'une manière étonnante; il est de la longueur d'une archine moins deux verchoks, et ses mains sont presque aussi grandes que les miennes; de ma vie je n'ai vu un chevalier pareil. S'il continue comme il débute, ses frères seront des nains à côté de ce colosse». «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», т. XXIII, стр. 679.

2. «Le chevalier Nicolas sera baptisé dimanche, et il se porte à merveille». «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXIII, стр. 681.

3. «Le chevalier Nicolas depuis trois jours mange déjà de la bouillie, parce qu'il veut manger à tout moment; je pense que jamais enfant de huit jours n'a fait pareil repas; c'est inoui. Les bras en tombent à toutes les bonnes; si cela continue, je pense qu'on le sévrera à six semaines. Il toise tout le monde et remue sa tête comme moi». «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXIII, стр. 681.

4. Къ сочиненію Н. Шильдера: «Императоръ Павелъ Первый» (Спб., 1901), приложенъ автографъ этого письма (стр. 161 и 592).

5. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 15. (Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія).

6. Опредѣленіе Ш. К. Ливенъ ко двору послѣдовало послѣ внезапной смерти въ 1783 году Софіи Ивановны Бенкендорфъ (матери отца графа А. Х. Бенкендорфа), на попеченіи которой находились великій князь Александръ Павловичъ и прочія дѣти цесаревича Павла Петровича (великій князь Константинъ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна).

7. Записки Саблукова (Revue Moderne, 1866, p. 130).

Свѣдѣнія о княгинѣ Ливенъ можно найти въ словѣ, сказанномъ пасторомъ Рейнботомъ въ день ея отпѣванія (Rheinbott: Gedächtnisspredigt am 27 Februar 1828. St.-Petersburg. 1828).

8. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 11.

9. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 21.

10. «Архивъ князя Воронцова», книга 11-я, стр. 304.

11. Н. Шильдеръ: «Императоръ Павелъ Первый», стр. 552.

12. Для характеристики отношеній, установившихся между великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и его бывшимъ воспитателемъ, можетъ служить нижеслѣдующее письмо великаго князя, относящееся, вѣроятно, къ царствованію императора Павла Петровича:

Библиотека "Руниверс"

«Mon général. Je me suis aujourd'hui effrayé singulièrement en recevant votre lettre qui avait l'air d'être un placet. Mais comme j'ai reconnu dedant notre vieux cher Lamsdorff, cela m'a desefrayé. Dites moi, je vous prie, comme on appelle en russe, quel шалости mes grenadiers ont fait chez vous. Je vous prie de ne leur pas permettre d'en faire, comme vous m'en avez pas permis d'en faire, à leur chef en temps et lieu, qui vous attaché sérieusement à toute votre famille de bon coeur. Санктъ-Петербургскаго гренадерскаго полка шефъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Константинъ». (Орѳографія подлинника сохранена).

Разсказываютъ, что великій князь Константинъ Павловичъ, будучи мальчикомъ: однажды заупрямился, что случалось нерѣдко, и, не желая повиноваться, угрожалъ Ламздорфу выпрыгнуть изъ окна. Находчивый воспитатель, отворивъ окно, сказалъ: «S'il vous plait, monseigneur!» Константинъ Павловичъ былъ до такой степени озадаченъ поступкомъ Ламздорфа, что немедленно смирился и просилъ у него прощенія.

13. Baron Heyking: «Aus den Tagen Kaiser Pauls», Leipzig, 1886, p. 173.

14. «Краткая исторія Перваго кадетскаго корпуса». С.-Петербургъ, 1832. Стр. 53 и 81.

15. Когда въ февралѣ 1801 года князь Зубовъ удостоенъ былъ званія шефа Перваго кадетскаго корпуса, то директоромъ сдѣлался генералъ-майоръ Клингеръ, остававшійся въ этомъ званіи до увольненія его, послѣдовавшаго въ 1820 году.

16. Впослѣдствіи, до 1815 года, генералъ Ламздорфъ получилъ еще двѣ награды, производство въ генералы отъ инфантеріи и орденъ св. Владимира первой степени.

17. Для нѣкоторой характеристики взаимныхъ отношеній между воспитателями и ихъ воспитанникомъ мы помѣстили въ приложеніяхъ нѣсколько дѣтскихъ писемъ великаго князя Николая Павловича къ генералу Ламздорфу и письма къ нему же Ахвердова. Къ этой же эпохѣ относится письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу отъ 5-го іюня 1806 года.

18. «Dans ses jeux il finit presque toujours par se blesser ou blesser les autres; ses jeux sont trop bruyants et trop pleins de mauvaises manières». (Журналъ 1805 года).

19. «Son humeur est si peu sociable, qu'il a préféré de rester seul et dans une parfaite inactivité, que d'être aux jeux. Cette bizarrerie ne pouvait provenir que de ce que les jeux de madame sa soeur et de monseigneur son frère ne lui plaisaient point et qu'il n'a point été capable du moindre effort de complaisance; et malgré toutes les recommandations il ne s'est nullement prêté aux raisons qu'on lui donnait». (Журналъ 1806 года).

20. «Il est curieux, attentif à ce qu'on lui raconte, avide de savoir; mais dès qu'il doit travailler lui-même, son application n'est que de peu de durée et finit par dégénérer en distraction». «Ses leçons, surtout celles qui demandent de la réflexion, ne sont pour la plupart que médiocres». (Журналы 1805 и 1807 годовъ).

21. Мнѣніе относительно ненависти Николая Павловича къ музыкѣ должно быть отнесено лишь къ дѣтскимъ годамъ великаго князя, потому что о позднѣйшемъ времени сохранились свидѣтельства какъ разъ противоположнаго свойства. А. Ф. Львовъ разсказывалъ, что императоръ Николай въ теченіе всей его жизни сохранилъ любовь къ музыкѣ; оказалось, что онъ одаренъ былъ необыкновенною музыкальною памятью и вѣрнымъ слухомъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бывали иногда у императрицы Александры Ѳеодоровны небольшіе домашніе концерты, на которыхъ сама она и великія княжны играли на фортепіано и пѣли вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ числа придворныхъ дамъ, фрейлинъ и кавалеровъ. Графъ М. Ю. Вielьгорскій игралъ на віолончели, А. Ф. Львовъ на скрипкѣ и т. д. Были сочиняемы инструментальныя пьесы нарочно для царственнаго персонала (обыкновенно А. Ф. Львовымъ), а для государя была назначена партія на трубѣ, т.-е. cornet à piston, инструментѣ, на которомъ онъ любилъ играть. Во время репетицій, государь обыкновенно уводилъ Львова къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ послѣдній долженъ былъ нѣсколько разъ сыграть ему на скрипкѣ его партію. Внимательно прослушавъ ее два или три раза, государь возвращался къ императрицѣ и принималъ участіе въ исполненіи назначенной пьесы, никогда не ошибаясь ни во времени своего вступленія, ни въ ритмѣ, ни въ нотахъ. («Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 47).

Библиотека "Руниверс"

22. Швейцарскій уроженецъ дю-Пюже (Du Puget Dyverdon) испыталъ въ царствованіе Павла Петровича чувствительныя невзгоды и подвергся 7-го сентября 1799 года ссылкѣ въ Омскую крѣпость за переписку съ Лагарпомъ и другими якобинцами. Въ числѣ другихъ пострадавшихъ дю-Пюже возвращенъ былъ изъ Сибири императоромъ Александромъ I. Судя по дѣлу государственнаго архива (разрядъ VII, № 3346): «Объ отправленіи въ Омскъ воспитателя великаго князя Николая Павловича швейцарца Дюпюжа 1799 года», онъ уже тогда привлеченъ былъ къ воспитанію маленькаго великаго князя, находившагося въ то время еще на женскомъ попеченіи.

23. Лакруа приводитъ въ своей исторіи Николая I слѣдующій отзывъ юнаго великаго князя о Людовикѣ XVI, высказанный имъ дю-Пюже:

«Король Людовикъ XVI не выполнилъ своего долга,—замѣтилъ онъ,—и былъ наказанъ за это. Быть слабымъ не значитъ быть милостивымъ. Государь не имѣетъ права прощать врагамъ государства. Людовикъ XVI имѣлъ дѣло съ настоящимъ заговоромъ, прикрывшимся ложнымъ именемъ свободы; не щадя заговорщиковъ, онъ пощадилъ бы свой народъ, предохранивъ его отъ многихъ несчастій».

(Paul Lacroix: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I». Paris. 1864. T. I, p. 39.

24. Крафтъ былъ членомъ академіи наукъ еще съ 1768 года и преподавалъ физику въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Горномъ корпусѣ, а въ послѣднемъ и механику. Эти же предметы онъ преподавалъ великому князю Александру Павловичу. Крафтъ умеръ въ глубокой старости въ 1814 году.

25. Для ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ личности Николая Павловича небезынтересны сохранившіяся свѣдѣнія о первыхъ книгахъ, съ которыми ему пришлось ознакомиться. Такъ въ 1802 году гувернантки разсказывали или читали обоимъ братьямъ повѣсти изъ Magasin des enfants и Magasin des adolescents. Ахвердовъ принесъ имъ Золотое зеркало, которое они разсматривали съ величайшимъ любопытствомъ, какъ равно и Индостанскіе виды и рисунки Чесменскаго сраженія съ описаніемъ его. Въ журналахъ упоминается еще книжка, подаренная императрицею: «Сцены храбрости австрійскихъ солдатъ во время войны 1799 года съ французами».

Въ 1804 году у Николая Павловича было уже довольно много книгъ: азбука французская, азбука натуральной исторіи, книга для чтенія Шридера, открытіе Америки, Дѣянія Петра Великаго Голикова, естественная исторія Бюффона, сочиненія Ломоносова, извлеченія изъ Плутарха, сочиненія Беркена и проч.

Конечно, въ числѣ книгъ, о которыхъ упоминается въ приходорасходныхъ книгахъ и журналахъ, отсутствуютъ, какъ и слѣдовало ожидать, сочиненія Екатерины II, нѣкогда ею изданныя для ея любимаго внука, столь мало чтившаго ея память. Бабушкина Азбука была бы, безъ сомнѣнія, болѣе подходящею книгою для чтенія, чѣмъ, напримѣръ, сочиненія мадамъ Дезульеръ или Геснера, о которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія.

26. «Le domino lui paraissait un habillement ridicule, les masques des figures hideuses et effrayantes, et qu'il aurait eu peur, si sa majesté l'impératrice n'avait pensé à le conduire par la main». (Журналъ 29-го февраля 1804 года).

27. Журналъ 20-го августа 1802 года.

28. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 57.

29. Адлербергъ, Фитингофъ (внукъ графини Ливенъ), Панаевъ, два брата графы Завадовскіе, графы Апраксины, два брата Ушаковы (сыновья кавалера), племянники кавалера Ахвердова.

30. Адлербергъ, Панаевъ и Ушаковъ поступили въ Пажескій корпусъ.

31. Собственноручное замѣчаніе, сдѣланное императоромъ Александромъ II на рукописи, представленной барономъ Корфомъ. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 58.

32. См. въ приложеніяхъ два собственноручныхъ письма великаго князя Николая Павловича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1813 года, одно писанное на русскомъ языкѣ, а другое на французскомъ.

33. Дневникъ барона М. А. Корфа (рукопись).

Библиотека "Руниверс"

34. «Lorsque le général Lamsdorf lui disait toutes ces choses avec le ton d'une âme pénétrée, le grand duc l'invita étourdiment à contempler par la fenêtre un phénomène: c'était la fumée qui sortait par le tuyau d'une cheminée». (Журналъ 11-го февраля 1809 года).

Приведемъ здѣсь еще другой подходящій случай, относящійся къ концу того же 1809 года. Арсеньевъ за что-то выговаривалъ и читалъ наставленія великому князю. Вѣроятно, все это сильно надоѣло послѣднему, и онъ наконецъ сказалъ: «Вамъ это не нравится, а я привыкъ такъ дѣлать». Арсеньевъ грозилъ жаловаться, но Николай Павловичъ остался при своемъ. На другой день, когда прошелъ первый пылъ заносчивости, великій князь просилъ у Арсеньева извиненія, но отнюдь не изъ страха наказанія, а сожалѣя, что огорчилъ воспитателя, который былъ ему преданъ. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 72.

35. Императрица Марія Ѳеодоровна, съ своей стороны, продолжала оказывать генералу Ламздорфу знаки своего особаго благоволенія и оставалась вполнѣ довольною его дѣятельностью. Достаточно привести для этой цѣли письмо императрицы отъ 25-го іюня 1811 года:

«Recevez, mon bon, cher et respectable Lamsdorf, la bague ci-jointe que je vous prie d'accepter à l'occasion du jour d'aujourd'hui où mon fils accomplit ses quinze ans. L'inscription de la bague c'est l'expression du sentiment que je vous porte et qui durera aussi longtemps que mon existence. Continuez vos soins à Nicolas, vos soins vraiment paternels, et il répondra à tous nos voeux». («Русскій Архивъ» 1871 года, стр. 1919).

Великая княгиня Марія Павловна называетъ генерала Ламздорфа «un homme droit et respectable», но допускаетъ присутствіе въ немъ «humeur désagréable et souvent injuste envers Nicolas qu'il ne saisissait pas». («Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 42).

36. Paul Lacroix: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I». Paris. 1864. T. I, p. 54

«En attendant, ajouta-t-il avec bonté, vous avez d'autres devoirs à remplir; complétez votre éducation; rendez vous digne, autant que possible, de la place que vous occuperez un jour: ce sera servir notre chère patrie comme un héritier du trône doit le faire».

37. Особенныя обстоятельства, сопровождавшія рожденіе дочери императрицы Елисаветы Алексѣевны, великой княжны Елисаветы Александровны, 3-го ноября 1806 года, о которыхъ также императрица Марія Ѳеодоровна говорила Г. И. Вилламову, а затѣмъ удаленіе за границу съ 1801 года супруги цесаревича Константина Павловича, великой княгини Анны Ѳеодоровны, позволяли остановиться на заключеніи, что ни у императора Александра Павловича, ни у цесаревича Константина Павловича не будетъ дѣтей; поэтому нисколько не удивительно, что многіе изъ современниковъ предвидѣли уже въ то время неизбѣжность воцаренія въ будущемъ великаго князя Николая Павловича.

38. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 65—66.

Судя по замѣткѣ П. И. Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года (книга 2-я, стр. 285), въ Эрмитажѣ хранится медаль съ изображеніемъ Николая Павловича; вокругъ надпись: «Цесаревичъ Николай 10-го января 1809 г.». Сверхъ сего, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что утромъ этого дня къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ приходили всѣ члены тогдашней царской семьи. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти разъясненія этихъ двухъ фактовъ, ознаменовавшихъ собою 1809-й годъ и отмѣченныхъ редакторомъ «Русскаго Архива».

39. «A l'entrée des français à Moscou Nicolas paria un rouble avec moi qu'au 1-er de janvier prochain il n'y aurait plus un ennemi en Russie. Il gagna son pari et le 1-er janvier 1813 je lui remis le rouble d'argent qu'il fourra sous sa cravate en allant au Te Deum qu'on chanta à la cathédrale de Kazan pour la délivrance de la Russie».

Собственноручная записка великой княгини Анны Павловны (королевы Нидерландской). «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 75.

40. На конвертѣ надпись: «A mes chers fils Nicolas et Michel».

Хотя въ этомъ письмѣ императрица обращалась къ обоимъ сыновьямъ, но, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его, можно думать, что она имѣла въ виду преимущественно Николая Павловича, косвенно исчисляя всѣ его недостатки. Такъ, напримѣръ, импера-

Библиотека "Руниверс"

трица пишетъ: «On voudra sonder vos caractères et on s'y prendra de différentes manières pour voir si vous avez du tact, de la réserve, de la solidité, le goût de l'application et cette modestie qui sied si bien à la jeunesse, ou si, par contre, vous avez du penchant à être tranchant, paresseux, suffisant, imprudent, incoséquent ou léger».

Это письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 года, стр. 338, а затѣмъ въ «Сборникѣ И. Р. И. О.», т. XCVIII, стр. 75—81.

41. «Nicolas arriva chez moi habillé à peu près comme les courriers l'étaient. Je savais que mes frères devaient arriver, mais j'ignorais quand, et comme c'était de fort bonne heure et qu'il passait sans cesse des courriers dans ce temps, qui se chargeaient de mes lettres pour mes frères à l'armée, ou pour ma mère et mes soeurs en Russie, je n'ai pas été surprise qu'un courrier de famille m'eût été annoncé, et en lui demandant, d'où il venait et où il allait, à quoi il répondit très simplement, je ne fus frappée que de son air particulièrement distingué et de la présence du commandant russe à Weimar d'alors (le colonel d'Engelhardt) qui d'ordinaire, quand il arrivait des courriers, n'entrait pas dans la pièce où je les recevais; enfin un examen plus attentif de la jeune figure qui se présentait à mes regards, et l'aspect de ce nez grec si régulier et si beau, qu'avait Nicolas, me le firent reconnaitre avec une joie impossible à décrire—nous avons souvent depuis beaucoup ri de ce que c'était son nez qui avait amenè notre reconnaissance. Michel est venu nous rejoindre un peu plus tard, ayant jugé que leur apparition tous deux à la fois m'aurait de suite mis sur la voie».

(Собственноручная записка великой княгини Маріи Павловны).

Великая княгиня Марія Павловна не встрѣчалась съ Николаемъ Павловичемъ съ 1809 года, со времени ея послѣдняго пребыванія въ Россіи (съ мая 1808 года по май 1809 года). «Сборникъ И. Р. И. О.», т. CXVIII, стр. 81.

Во время дальнѣйшаго пути на Базель великіе князья остановились на одинъ день въ Брухзалѣ, гдѣ находилась императрица Елисавета Алексѣевна, гостившая у своей матери, маркграфини Баденской. Въ воспоминаніяхъ баронессы Фрейштедтъ (Freiin Karoline von Freystedt: Erinnerungen aus dem Hofleben, Heidelberg, 1902) объ этомъ посѣщеніи сказано слѣдующее: «Am 17 Februar kamen die Grossfürsten Nikolaus und Michael auf ihrer Durchreise nach Frankreich spät Abends in Bruchsal an und blieben einen Theil des folgenden Tages. Sie schienen die Kaiserin sehr zu lieben, ihr ganzes Wesen war jugendlich freundlich. Die Markgräfin äusserte nach ihrer Abreise Bewunderung für die Kaiserin Mutter, welche die Erziehung der beiden geleitet hatte, zumal da ihre Töchter, die Kaiserin Elisabeth und die Princess Amalie ihrer Meinung nach, derselben nicht immer Gerechtigkeit widerfahren liessen».

42. См. въ приложеніяхъ письмо императора Александра къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 3-го (15-го) апрѣля 1814 года изъ Парижа.

43. Lacroix, t. I, p. 66—67.

44. Lacroix, t. I, p. 73.

Впослѣдствіи политика разстроила хорошія отношенія, установившіяся въ 1814 года между Николаемъ Павловичемъ и герцогомъ Орлеанскимъ. Послѣ событій 1830 года императоръ Николай сдѣлался непримиримымъ врагомъ Людовика-Филиппа, короля французовъ.

45. Князь Щербатовъ: «Генералъ-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность». С.-Петербургъ, 1888, т. I, стр. 250.

Довольно любопытно, что грамота на орденъ св. Александра Невскаго была выдана Паскевичу 15-го августа 1831 года, уже въ царствованіе императора Николая.

46. Въ запискахъ: «Erinnerungen aus dem Hofleben von Karoline von Freystedt», упомянуто, что въ 1814 году великіе князья Николай и Михаилъ, на обратномъ пути въ Россію, вторично посѣтили императрицу Елисавету Алексѣевну, при чемъ авторъ замѣчаетъ: «Ihr Einvernehmen mit der Kaiserin war immer das freundschaftlichste» (p. 102—103).

47. Изъ кавалеровъ при великихъ князьяхъ находились: Саврасовъ (имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи денежныя суммы, равно какъ и надзоръ за придворными служителями), Ушаковъ, Алединскій и, сверхъ того, докторъ Рюль.

Библиотека "Руниверс"

48. По поводу пребыванія великихъ князей въ Берлинѣ императрица Марія Ѳеодоровна писала дѣтямъ, 5-го іюня 1815 года: «Chers, bons, bien aimés enfants: j'aurai désiré que vous fussiez témoins invisibles de toute la satisfaction que l'arrivée de vos lettres de Berlin m'a causé, car certainement vous en auriez joui, et la vue du bonheur de maman aurait été une récompense pour vous. Que tous les détails que vous me donnez, mes chers amis, sont intéressants, que je me sens heureuse encore, cher enfant, de voir que malgré le sentiment que vous inspire l'aimable Alexandrine (такъ называли уже въ семьѣ принцессу Шарлотту), vous lui préférez votre devoir, qui vous appelle au champ de la gloire; c'est vous rendre plus digne d'elle, cher enfant, c'est acquérir des titres à son estime, à sa confiance, et en possédant et l'un et l'autre, votre bonheur futur sera basé solidement. Je suis charmé du changement avantageux que vous avez trouvé en elle, et certes l'éloge qu'en fait Michel ne peut que vous flatter . . . . Constantin Benkendorf m'écrivit dernièrement qu'il avait vu Alexandrine et l'avait trouvé extrêmement changé à son avantage par le maintien et la grâce: qu'il me tarde de la voir, mon coeur lui est ouvert, et je me sens bien disposé à l'aimer tendrement, tout comme je vous aime, cher Nicoche. Bien loin de vous gronder, de vous laisser aller au sentiment qui vous captive pour elle, cher enfant, je m'en réjouis; il sera constamment, j'ose l'espérer, votre sauvegarde et vous conduira au bonheur».

Въ письмѣ отъ 18-го іюня императрица Марія Ѳеодоровна снова возвращается къ предмету, столь близкому ея материнскому сердцу, и пишетъ: «Je reviens à vos lettres, chers enfants, et ne puis assez vous répéter, cher Nikoche, combien vos jugements sur Alexandrine me charment. Ils sont ceux d'un être qui cherche le bonheur véritable dans son union, qui ne veut pas la baser sur la passion, mais sur un examen réfléchi des qualités de celle à qui il veut donner la main; c'est baser votre félicité et celle d'Alexandrine que de penser et d'agir ainsi. Tout ce que vous me dites de cette intéressante et aimable jeune personne m'assure qu'elle sera bien reçue, bien vue, et bien aimée chez nous; j'en augure de même une grande dose de bonheur pour moi, et par celui dont elle vous fera jouir, et par le sentiment que j'espère qu'elle me portera; quant à moi je suis très disposée à l'aimer tendrement, et vous assure, cher Nikoche, que je lui porte déjà le plus vif et tendre intérêt».

49. О пребываніи въ Гейдельбергѣ Коновницынъ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 12-го іюня 1815 года: «Ихъ императорскія высочества находятся въ вожделѣнномъ здравіи: при проходѣ всякій почти день войскъ бываютъ при государѣ императорѣ, который изволитъ ихъ принимать по утрамъ всегда въ своемъ кабинетѣ, гдѣ нѣсколько уже разъ съ нимъ и кушали. Во всѣхъ случаяхъ я всегда стараюсь сопровождать ихъ высочества. Государь часто по предполагаемымъ движеніямъ самъ изволитъ съ ними заниматься, какъ нѣжный отецъ. Ваше величество можете совершенно быть насчетъ великихъ князей спокойны. Господа кавалеры неусыпно пекутся ревностно исполнять свои обязанности».

50. См. въ приложеніяхъ автографъ нѣмецкаго письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу отъ 15-го іюня 1815 года.

14-го іюня 1815 года императрица Марія Ѳеодоровна писала великимъ князьямъ: «Un courrier de l'empereur parti le 2 juin est arrivé ce soir, m'apporte une lettre charmante de notre cher Alexandre, qui me dit que vous êtes arrivés brillants de santé, que Michel est aussi long que Nikoche, qu'il s'est réjoui de tout son coeur de vous revoir, de vous embrasser, qu'il a témoigné sa reconnaissance au cher papa Lamsdorf en lui donnant le St. André, qu'il a distingué tous vos messieurs, de même que Gianotti: je m'en réjouis de tout mon coeur et les en félicite bien sincèrement . . . . que je me sens satisfaite, chers enfants, de voir l'empereur content de vous, et content de vous revoir: il m'a promis d'avoir tous les soins moraux et physiques pour vous; cette assurance m'est d'un grand prix. La lettre du bon papa Lamsdorf exprime le contentement et la plus grande sensibilité du tendre acceuil fraternel que l'empereur vous a fait, et tout aussi bien la peine sensible que le bon vieillard éprouve de vous quitter en peu. Je la sens avec lui et vous jure, chers enfants, que la pensée de vous voir en peu vous séparer de lui, re-

Библиотека "Руниверс"

nouvelle en moi toute la douleur de votre séparation. Je suis bien peinée de le savoir incommodé, l'empereur me parle de son indisposition, mais il m'assure qu'il se sent déjà mieux».

Въ томъ же письмѣ, императрица продолжала 15-го іюня: «Le contentement de l'empereur de vous me rend bien heureuse; restez comme vous êtes par les sentiments du coeur et les principes et vous mériterez toujours ses bontés. L'expérience et la connaissance des hommes vous sera utile, mais ne vous laissez pas induire par leurs erreurs et faiblesses. Occupez vous beaucoup et utilement . . . . Chers enfants, si papa Lamsdorf vous a déjà quitté, envoyez lui ces lignes; de grâce, écrivez lui souvent et ne négligez aucune occasion de lui témoigner toute votre reconnaissance».

Въ письмѣ отъ 29-го іюня императрица снова возвращается къ генералу Ламздорфу и по поводу его отъѣзда пишетъ: «J'ai lu avec un véritable serrement de coeur la nouvelle du bon vieux, respectable Lamsdorf, à qui vous devez tant de reconnaissance, mes chers enfants; la pensée de vous savoir éloigné de lui, de ne plus vous trouver sous son égide, m'est un poids sur le coeur. Ce bon et digne vieillard veillait sur vous et écartait de vous tout ce qui pouvait vous devenir nuisible. Sa vérité était le miroir dans lequel vous vous voyez toujours, mes enfants, dans votre véritable jour; privé de ce guide, que de raison de plus pour vous, mes bons amis, de veiller sur vous mutuellement, de vous avertir l'un l'autre de ce qui peut vous être utile ou nuisible, enfin de vous contrôler réciproquement et bien rigoureusement, pour éviter de l'être par d'autres».

51. Deutsche Revue 1901 (juni): «Jugendbriefe Kaiser Wilhelms».

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 17-го августа 1815 года изъ Парижа: «Во всѣхъ собраніяхъ ихъ высочества представляютъ себя наилучшимъ образомъ и пріобрѣтаютъ уваженіе, свойственное ихъ сану и матернему вашему о ихъ попеченію. По вечерамъ бываютъ въ театрахъ почасту съ принцами прусскими и оранскими».

52. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ. Его жизнь и царствованіе». С.-Петербургъ, 1897, т. III.

53. Въ это время гренадерскимъ корпусомъ командовалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ изъ смотра при Вертю и писалъ Ермолову 1-го (13-го) августа 1826 года, при началѣ столкновенія нашего съ Персіею: «Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть, явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры». «Записки Алексѣя Петровича Ермолова». Москва. 1868. Часть 2-я. Стр. 214.

54. Лакруа при этомъ случаѣ, какъ и всегда, передаетъ разговоры и отзывы, достовѣрность коихъ трудно провѣрить (t. I, p. III). Ознакомивъ Николая Павловича съ актомъ священнаго союза, императоръ Александръ будто бы сказалъ ему: «Помните, что съ сегодняшняго дня вы примкнули къ нему. Мнѣ хотѣлось бы думать, что со временемъ вы въ свою очередь будете твердой подпорой его. (Rappelez-vous que vous y avez adhéré dès aujourd'hui. J'aime à croire qu'un jour vous en serez aussi le plus ferme soutien)».

Допуская, что приведенныя слова были дѣйствительно сказаны государемъ, слѣдуетъ признать, что Николай Павловичъ, сдѣлавшись императоромъ, въ точности исполнилъ волю своего державнаго брата, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ этому завѣту до самой кончины.

Точно также трудно провѣрить достовѣрность другого факта, приведеннаго Лакруа, а именно разговора великаго князя Николая Павловича съ баронессою Крюденеръ, которая въ своемъ пророческомъ воодушевленіи сказала ему однажды: «Ваше высочество, вы будете императоромъ».

—«Императоромъ?»—переспросилъ великій князь, недовольный этимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ нему:—«вѣнецъ, который пришлось бы купить потерею моего благодѣ-

Библиотека "Руниверс"

теля и моего брата Константина, былъ бы терновымъ вѣнцомъ, который Христосъ носилъ на Голгоѳѣ».

—«Jeune homme»,—торжественно возразила госпожа Крюденеръ:—«rappelez-vous qu les princes sont dans la main de Dieu, qui fait et défait les rois et les empereurs; c'est de Dieu qu'ils tiennent leur mandat et leur puissance; c'est Dieu qu'ils représentent; c'est Dieu qui les inspire et qui les conduit. Soyez donc résigné, ceignez vos reins et attendez l'ordre d'en haut». (Lacroix, t. I, p. 105).

Эти слова, по свидѣтельству Лакруа, произнесенныя съ видомъ и тономъ вдохновенія, произвели на великаго князя глубокое впечатлѣніе и явились для него какъ бы сверхъестественнымъ откровеніемъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно сохранялъ убѣжденіе, что владыки земли не что иное, какъ уполномоченные Бога, и что преходящее могущество, которымъ Провидѣніе облекаетъ ихъ для осуществленія своихъ плановъ, исходитъ непосредственно отъ божественнаго источника.

Если таковы и были впослѣдствіи убѣжденія Николая Павловича, то едва ли онъ почерпнулъ ихъ изъ бесѣды съ баронессою Крюденеръ.

55. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералъ-адъютанту Коновницыну, отъ 16-го сентября 1815 года изъ Гатчины.

Въ письмѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великому князю Николаю Павловичу отъ 9-го сентября 1815 года изъ Павловска читаемъ: »Notre bon papa Lamsdorf est arrivé ce matin à 9 heures, frais, gai, dispos avec la mine brillante de santé, bien content de vous, mes bons amis, de vos lettres, il venait d'en recevoir une de vous, cher Nikoche, du 7 août. Les éloges qu'il entend faire de vous rajeunissent ce respectable vieillard; il me répètait ce matin avec l'accent du sentiment: j'espère qu'ils quitteront Paris purs, vertueux, dignes de vos bontés, et qu'en se retrouvant dans vos bras ils pourront vous dire: maman, vous pouvez être contente de nous. C'est ce dont je me flatte aussi, chers enfants, c'est ce que je demande à Dieu avec ardeur».

16-го сентября, императрица писала великимъ князьямъ изъ Гатчины на ту же тему: «Que je vous suis obligé, cher Nikoche, de me parler avec cette franchise et cet abandon: c'est le seul langage à admettre entre mère et fils, mes bons enfants, le seul qui établit la confiance, et la légitime par l'estime. Je bénis Dieu de vous savoir vous maintenir dans les principes que je vous ai souvent préché, cher Nicolas, de même que notre digne et respectable Lamsdorf; tenez vous y constamment, mon bon ami, et alors vous descendrez toujours avec satisfaction au fond de votre conscience, et vous direz: Dieu sera content de moi, ainsi maman le sera. Je vous dis la même chose, cher et bien aimé Michel, et voudrais bien que vous aussi me parliez avec toute l'ouverture possible. Il m'est pénible, mes bons amis, de voir par vos occupations continuellement militaires du matin que vous ne pouvez donner nul temps à une occupation sérieuse et suivie, qui soit au profit de votre esprit, de votre jugement, de vos connaissances. Voilà bien du temps perdu, mes bons amis; souvenez vous du précepte de mon père que je vous ai cité si souvent: le jour qu'on n'avance pas en connaissance on recule. Enfin j'espère s'il plait à Dieu que votre séjour à Paris tire à sa fin et que bientôt vous reprendrez la route qui vous ramènera chez nous, où vous tâcherez, j'en suis sûre, de regagner le temps perdu».

56. Письмо генералъ-адъютанта Коновницына къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 9-го сентября 1815 года изъ Парижа.

57. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералъ-адъютанту Коновницыну, отъ 10-го октября 1815 года изъ Гатчины.

58. Въ запискахъ: «Erinnerungen aus dem Hofleben von Karoline von Freystedt», читаемъ: «Die Grossfürsten Nikolas und Michael kamen wieder um ihre Schwägerin zu besuchen, an der sie mit zärtlicher Liebe zu hängen schienen. Besonders gesprächig war Grossfürst Nikolas, er erzählte viel von Paris und allem, was sich da zugetragen hatte» (p. 128). Авторъ записокъ хвалитъ «das frische lebendige Wesen dieser beiden Fürsten».

59. Получивъ извѣстіе о помолвкѣ великаго князя Николая Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна писала сыну 5-го ноября 1815 года изъ Петербурга: «Que je suis touchée, cher Nikoche, du souvenir tendre et respectueux que vous avez donné à votre

Библиотека "Руниверс"

bon et tendre père au jour heureux où vous reçutes les serments d'Alexandrine. Croyez moi, mon enfant, que ce bon papa vous bénit et intercède auprès de l'Être Suprême pour vous et lui demande votre bonheur. Je vous embrasse, cher Nikoche, d'avoir donné mon portrait à Alexandrine. Je désirerais pouvoir l'animer, pour qu'il lui exprime et ma tendresse et mes voeux: je voudrais qu'il lui dise que j'attendrai dorénavant la consolation de mes vieux jours de sa tendresse, et que tous mes soins seront donnés à lui prouver la mienne».

60. См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта Коновницына къ великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Оно помѣчено январемъ 1816 года.

П. П. Коновницынъ, черезъ годъ послѣ назначенія военнымъ министромъ, былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, а въ 1819 году возведенъ въ графское достоинство. Въ томъ же году Коновницынъ назначенъ былъ еще, сверхъ занимаемой имъ должности, главнымъ директоромъ; пажескаго, 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ, смоленскаго кадетскаго корпуса, дворянскаго полка и дворянскаго кавалерійскаго эскадрона, царскосельскаго лицея и пансіона. Графъ Коновницынъ скончался 28-го августа 1822 года.

61. Письмо это писано императрицей по-французски.

62. По этому же поводу король писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (въ мартѣ 1816 года):

«Ma fille a pu écouter la voix de son coeur; elle va unir sa destinée à celle d'un prince qui a captivé les suffrages de tous ceux qui le connaissent, et pour comble de bonheur, elle retrouvera le coeur d'une tendre mère . . . . Le baron Schilden m'a rendu compte en particulier des arrangements que votre majesté a bien voulu adopter de concert avec l'empereur pour que ma fille puisse achever à Berlin son instruction dans la religion grecque. Qu'il me soit permis de vous exprimer, madame, combien j'ai été sensible à cette nouvelle marque de votre condescendance».

63. 26-го января 1816 года великій князь Николай Павловичъ назначенъ былъ шефомъ Сѣверскаго конноегерскаго полка.

64. Въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 15-го апрѣля 1816 года, представленной императору Александру, она опредѣляла слѣдующимъ образомъ цѣль поѣздки великаго князя Николая Павловича:

«Le voyage du grand duc Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique».

65. Генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ извѣстенъ былъ ближе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ тѣмъ, что онъ два раза являлся въ Петербургъ радостнымъ вѣстникомъ побѣдъ: въ 1813 году послѣ Лейпцигской побѣды, а въ 1814 году послѣ занятія Парижа.

66. См. въ приложеніяхъ записки и письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, относящіяся къ путешествію великаго князя Николая Павловича въ 1816 году.

67. Вступительныя слова этого наставленія или письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 8-го мая 1816 года, помѣщеннаго нами въ приложеніяхъ, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе по особенному характеру его и наводятъ на размышленія. Это какъ бы наставленія наслѣднику престола: какъ же иначе объяснить слова: «on vous aime d'espérance».

68. Государственный архивъ. Разрядъ II, № 146.

69. Письмо генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 9-го іюля 1816 года изъ Таганрога.

Въ Таганрогъ великій князь Николай Павловичъ прибылъ моремъ изъ Керчи.

70. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Григорію Александровичу Глинкѣ. «Русская Старина», 1876 года, т. XVII, стр. 219.

71. См. въ приложеніяхъ записку императрицы Маріи Ѳеодоровны, читанную и одобренную императоромъ Александромъ 5-го августа 1816 года въ Таврическомъ дворцѣ.

72. См. въ приложеніяхъ два письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ графу Х. А. Ливену, отъ 5-го августа и отъ 21-го сентября 1816 года.

Библиотека "Руниверс"

73. См. въ приложеніяхъ записку графа Нессельроде: «Mémoire destiné à son altesse impériale monseigneur le grand duc Nicolas à l'occasion de son voyage dans les pays étrangers. Varsovie le 10 septembre 1816».

74. Впрочемъ, при обсужденіи записки графа Нессельроде нельзя, однако, упустить изъ виду слѣдующее обстоятельство: она помѣчена: «Варшава, 10-го сентября 1816 года», и такъ какъ императоръ Александръ посѣтилъ Варшаву осенью 1816 года, то можно предположить, что разсужденія графа Нессельроде остались небезызвѣстными государю. Лакруа въ своей исторіи идетъ еще далѣе и приводитъ даже разговоръ по этому предмету между Александромъ и братомъ. Императоръ будто бы сказалъ Николаю Павловичу при свиданіи въ Москвѣ: «въ Англіи лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно изучить устройство конституціонныхъ учрежденій; хорошо судить о достоинствахъ этихъ учрежденій по результатамъ, къ которымъ они приводятъ. Я не знаю хорошенько, насколько они подходятъ къ нашей странѣ. Впрочемъ, я никогда не стану врагомъ прогресса, но я постояно предпочту оставить зло, чѣмъ искоренять его реформой плохой и опасной. (Je ne sais pas trop si elles conviendraient à notre pays. Au reste, je ne serai jamais l'ennemi du progrès; mais je préférerai toujours laisser subsister un abus, plutôt que de le corriger par une réforme radicalement mauvaise et dangereuse). Во всякомъ случаѣ, путешествіе по Англіи явится превосходной школой для васъ, и я увѣренъ, что оно принесетъ плоды, которыми Россія воспользуется впослѣдствіи». (Lacroix: «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I», t. I, p. 125).

Къ сожалѣнію, Лакруа по заведенному порядку не указываетъ источника, откуда онъ почерпнулъ содержаніе этой нравоучительной бесѣды.

75. Архивъ князя Воронцова, т. XXII, стр. 46.

76. «Comme le général Koutouzow, qui a fait le voyage avec son altesse impériale en Russie, a besoin d'un peu de repos, il lui a été permis d'aller nous rejoindre à Berlin, et jusqu'à ce temps il est remplacé par le général Lamsdorf» (id., p. 466).

Сверхъ генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, великаго князя сопровождали еще кавалеры: Саврасовъ и Глинка, а также докторъ Крейтонъ.

77. Послѣ отъѣзда великаго князя Николая Павловича, король писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ:

«Le plaisir que j'ai eprouvé en embrassant le grand duc Nicolas a été sensiblement augmenté par la lettre qu'il m'a remis de la part de votre majesté impériale . . . . . Pendant le court séjour que ce prince a pu faire au milieu de nous, il s'est concilié l'amour et l'affection de toutes les personnes qui ont eu l'avantage de l'approcher. Il est difficile de ne pas l'aimer quand on peut apprécier la noblesse de ses sentiments et l'amabilité de son caractère. Plus je le vois, et plus je me félicite du bonheur qu'attend ma fille. C'est votre ouvrage, madame; car vous avez su inspirer à vos enfants cette pureté de principes dont vous fûtes toujours le modèle».

78. Нельзя здѣсь не замѣтить, что Лакруа помѣстилъ въ своей исторіи фантастическій разсказъ о томъ, что будто бы передъ отплытіемъ въ Англію великій князь Николай Павловичъ провелъ инкогнито нѣсколько дней въ Парижѣ... Но французскій историкъ этимъ не довольствовался; онъ украсилъ еще свой разсказъ вымышленнымъ описаніемъ посѣщенія великимъ княземъ герцога Орлеанскаго въ Нёльи, у котораго онъ провелъ цѣлый день, признавъ его идеаломъ мудраго и честнаго человѣка. Сверхъ сего, Лакруа приводитъ также цѣлую политическую бесѣду Николая Павловича съ Шатобріаномъ, въ которой авторъ «Génie du christianisme» сказалъ, что престолъ Людовика XVIII повисъ надъ бездной, гдѣ кишатъ тайныя общества и заговоры, порожденные атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартизмомъ; затѣмъ Шатобріанъ жаловался, что бурбоны не слушаютъ его совѣтовъ, что императоръ Александръ поступилъ бы иначе, когда съ нимъ заговорилъ бы въ подобномъ случаѣ русскій подданный. Николай Павловичъ не далъ Шатобріану докончить фразы и оборвалъ его слѣдующими характерными словами: «его величество императоръ принимаетъ совѣты только тогда, когда самъ удостоитъ спрашивать ихъ». И все это можно прочесть не въ романѣ, но въ многотомной исторіи, имѣющей претензію на достовѣрность.

Библиотека "Руниверс"

79. Депеша графа Ливена отъ 10-го (22-го) ноября 1816 года.

80. Письмо И. Ф. Саврасова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 9-го декабря 1816 года изъ Эдинбурга.

81. «Русская Старина», т. XVII, стр. 94.

82. «Русская Старина», т. XVII, стр. 92.

83. Письмо генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 11-го января 1817 года изъ Лондона.

84. Письмо И. Ф. Саврасова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 8-го января 1817 года изъ Лондона.

85. Письмо И. Ф. Саврасова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 23-го января 1817 года изъ Лондона.

86. Николай Павловичъ произвелъ вообще на англійское общество самое благопріятное впечатлѣніе.

Баронъ Николаи писалъ графу С. Р. Воронцову: «Il a plu généralement par son amabilité, par ses manières nobles et naturelles et par une candeur qui a été remarquée par tout le monde». — «Dans la société de Londres, tout le monde remarque à la fois son maintien distingué et modeste, et sa conversation aisée et sensée».

(Архивъ князя Воронцова, т. XXII, стр. 467 и 469).

Когда великій князь проѣзжалъ въ Лондонѣ верхомъ по улицамъ или по паркамъ, публика, любуясь его красивою и величавою осанкою, говорила: «взглянувъ на него, какъ не сказать, что это наслѣдникъ русскаго императора». Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Лондона (1816 года) помѣстилъ отзывъ, подходящій къ вышеприведенному отзыву барона Николаи: «вниманіе и благоразуміе, съ каковыми великій князь изволилъ осматривать все любопытное въ землѣ сей, заслужило всеобщее къ нему уваженіе».

87. Это была Дарья Христофоровна, супруга русскаго посла графа Ливена и сестра генералъ-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа, будущаго шефа жандармовъ.

Штокмаръ даетъ намъ въ своихъ запискахъ слѣдующую не очень лестную характеристику внѣшняго облика графини Д. Х. Ливенъ:

«Unangenehm steife, stolze, vornehme Haltung. Es ist wahr, sie ist voll Talent, spielt vortrefflich Klavier, spricht englisch, französisch und deutsch perfect, allein sie weiss das auch. Ihr Gesicht ist eigentlich schön, doch zu mager, und die spitzige Nase so wie der Mund, der faltenreich verzogen werden kann, zeigen schon von aussen ihre geringe Neigung, Andere für ihres Gleichen zu halten. Der Oberkörper ist skelettartig».

88. Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christian Friedrich von Stockmar. Braunschweig, 1872, p.p. 97—99.

Издатель этихъ записокъ сопровождаетъ характеристику Николая Павловича слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Dieser lebhaften Schilderung fügen wir nur die Bemerkung hinzu, dass sich darin bereits eine Hindeutung auf das schauspielernde Talent des nachherigen Kaisers Nicolaus findet, das sich bei diesem später immer mehr entwickelte».

89. По поводу пребыванія Николая Павловича въ Мобежѣ Лакруа приводитъ въ своей исторіи слѣдующую, мало правдоподобную, рѣчь, будто бы сказанную великимъ княземъ въ отвѣтъ на рѣчь подпрефекта, привѣтствовавшаго высокаго гостя во главѣ мѣстныхъ властей и находившейся подъ ружьемъ національной гвардіи: «Sa majesté l'empereur porte à la France un attachement que vous avez bien voulu reconnaitre en recevant ses soldats comme des frères d'arme. N'êtes vous pas, les uns et les autres, des défenseurs de la patrie? La garde nationale est une belle institution, quand elle ne se mêle pas de politique et qu'elle reste soumise à la discipline militaire. La garde nationale telle que je l'entends me parait être la grande force d'un pays. Vous m'observerez peut être que nous n'avons pas de garde nationale en Russie? Non, mais nous allons avoir des colonies militaires qui en tiendront lieu et qui conviennent mieux à notre système de gouvernement. Quand j'aurai le plaisir de vous revoir, messieurs, je vous reparlerai de nos colonies militaires, et vous voudrez bien, en échange, me donner quelques rensei-

Библиотека "Руниверс"

gnements sur la garde nationale. L'accueil que vous me faites aujourd'hui me prouve que je serai bien sûr, en revenant parmi vous, d'y retrouver des amis». (Lacroix: Histoire de la vie et du règne de Nicolas 1-er, t. I, p. 137).

Прочитавъ первые два тома исторіи Лакруа, графъ В. Ф. Адлербергъ писалъ барону М. А. Корфу (12-го декабря 1865 года): «Il n'y a rien à dire sur le soin qu'il a mis à mettre en relief la grande figure de son héros, mais à part cela quelles erreurs de dates, quelles fausses données, quelles déductions étonnées, quel fatras d'anecdotes et de discours inventés». — Къ категоріи «discours inventés» принадлежитъ также, безъ сомнѣнія, рѣчь Николая Павловича, произнесенная имъ въ Мобежѣ.

90. Письмо-генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 28-го марта 1817 года изъ Веймара.

91. Въ исторіи Бранденбургскаго кирасирскаго полка по поводу перваго появленія передъ нимъ новаго шефа сказано: «Der Grossfürst auf dem Ulysses, einem schönen englischen Fuchs reitend, war eine unvergleichlich imposante und glänzende Erscheinung; die grosse, schlanke majestätische Gestalt im Glanz der Jugend blickte so mild, freundlich und anmuthig auf uns nieder, dass ihm sogleich alle Herzen, vornehmlich die seines Regiments, in hoher ehrerbietiger Freude entgegenschlugen».

13-го (25-го) апрѣля полковой командиръ подполковникъ фонъ-Цолликоферъ получилъ слѣдующій рескриптъ отъ великаго князя Николая Павловича:

«Indem ich ihnem meine Zufriedenheit mit allen dem, was ich von dem Regimente gesehen habe, hierdurch zu erkennen gebe, gereicht es mir zum besondern Vergnügen, ihnen einen Beweis derselben zu geben. Sie werden 150 Ducaten erhalten, selbige sind für die Blessirten und Kinder der Gebliebenen des Regiments bestimmt, und überlasse ich ihnen die zweckmässige Vertheilung dieses Geldes.

«Ich bin ihr wohlaffectionirter

«Nicolas.

«Berlin, den 25 April, 1817».

(Geschichte des Königlich-Preussischen sechsten Kürassier-Regiments, gen. Kaiser von Russland-Brandenburg, 1842, p. p. 287—288).

92. См. въ приложеніяхъ письма императора Александра къ принцессѣ Шарлоттѣ до прибытія ея въ Россію въ 1817 году.

93. «Nos politiques sont d'avis de faire tout ce qui est en nous, de ne pas faire éclater la guerre entre la Russie et la Porte, pour éviter une guerre générale.

«A l'égard des sentiments révolutionnaires dans la Prusse dire: qu'il fallait penser aux hommes ce qu'ils voudront, pourvu qu'ils payent et qu'ils obéissent. Il n'existe rien de sérieux. Mais il y a beaucoup de vraisemblance, que l'empereur fait tant de bruit de cet esprit révolutionnaire, pour motiver la force de ses armées. Il a tenu ce langage à l'Autriche et à la Prusse.

«Sur la formation de la landwehr dire la vérité. Persuader l'empereur, que tout notre état militaire est fondé sur le système défensif. Pour agir autrement, nos forces sont insuffisantes—nous n'avons que 110.000 hommes tout au plus sous les armes. Mais au moment, où nous sommes attaqués, nous pouvons disposer d'une armée de 400.000 hommes et davantage. L'artillerie n'est pas disproportionnée en force. Pour chaque corps d'armée une brigade à 12 batteries en compagnies; et encore toutes les forteresses doivent être fournies de cette artillerie.

«Le vrai dessein de l'empereur est certainement de jouer en Europe le médiateur et par là le premier rôle; et pour pouvoir menacer, il veut conserver ses armées nombreuses».

Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. Berlin. 1876. T. I, p. 228.

94. Изъ вышепоименованной біографіи генерала Натцмера, стр. 237.

Натцмеръ отвѣчалъ по поводу сдѣланныхъ ему вопросовъ:

«Рижская крѣпость поддерживается крайне дурно. Предмостное укрѣпленіе новѣе и потому содержится лучше прочихъ укрѣпленій. Но оно расположено неудовлетворительнымъ образомъ.

Библиотека "Руниверс"

«На русскомъ берегу предмѣстья вновь отстроены, но въ разстояніи лишь 800 шаговъ отъ крѣпостныхъ верковъ. На противоположномъ берегу воспрещено вновь возводить ихъ. У Зокгольма, около Риги, Двину можно перейти въ бродъ. Съ нѣмецкой стороны весьма легко бомбардировать городъ. Всѣ бруствера такъ низки, что на нихъ можно взобраться безъ помощи лѣстницъ.

«Цитадель не снабжена лучшими верками. Широкій водяной ровъ съ одной стороны и Двина съ другой стороны представляютъ собою лучшую защиту города.

«Одинъ французскій инженеръ, недавно посланный императоромъ въ Ригу для осмотра ея и изысканія способовъ для лучшей обороны города, какъ говорятъ, отвѣтилъ ему: «Sire, la nature y a tout fait, l'art a tout gâté».

Король поблагодарилъ Натцмера за доставленныя имъ интересныя свѣдѣнія изъ Карлсбада 13-го іюня (5-го іюля) 1817 года. Достойно вниманія, что все это писалось въ то время, когда Натцмеръ собирался сказать императору Александру: «Sire, nous amenons, ce que nous avons de plus cher et de plus précieux».

Натцмеръ не позабылъ также о Новгородѣ, и на поставленный ему четвертый вопросъ сообщилъ въ Берлинъ, что тамъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій. Пруссія могла вообще успокоиться; оказалось, что въ Россіи никто не думалъ о возведеніи какихъ либо укрѣпленій въ пунктахъ, указанныхъ въ данной Натцмеру инструкціи; доступъ къ столицѣ съ сухопутной стороны былъ такъ же открытъ, какъ и въ 1812 году.

95. Je me jettais au cou de l'impératrice Elisabeth, qui me toucha par sa bienveillante réception, sans exagération, sans ostentation de grands sentiments». Воспоминанія императрицы Александры Ѳеодоровны.

96. Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 5-я, стр. 70.

97. Это было письмо отъ 30-го мая (11-го іюня) 1817 года изъ Берлина: «Sire, le baron de Schilden, grand-maître de ma cour, aura l'honneur de présenter cette lettre à votre majesté impériale. Connaissant son zèle et son dévouement pour mon service, je l'ai chargé d'accompagner la princesse Charlotte et de soigner les détails relatifs à son voyage. Il restera à St.-Pétersbourg jusqu'après l'auguste cérémonie du mariage, et je vous prie, sire, de vouloir lui continuer sa précieuse bienveillance et de le considérer comme un homme qui a su mériter ma confiance».

Въ другомъ письмѣ отъ 31-го мая (12-го іюня) король писалъ императору Александру о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ: «Le caractère de ce prince, que j'ai su apprécier, m'est un sûr garant du bonheur de Charlotte».

98. «Sie fühlte dass, sie sich in einem Weltreiche befinde, wo alle Verhältnisse in riesenhaften Formen ihr entgegen traten». Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland, von A. Th. von Grimm. Leipzig. 1866. T. I, p. 77.

99. Впослѣдствіи императрица Марія Александровна.

100. Correspondance inédite du roi Frédéric Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I, publiée par Paul Bailleu. Leipzig. 1900. p. 374.

101. Натцмеръ пишетъ: «Wie mir die Haacke sagte, ist sie dabei ganz ausgelassen gewesen». Aus dem Leben. T. I, p. 248.

102. Въ день бракосочетанія Николай Павловичъ получилъ отъ наслѣднаго принца прусскаго поздравительное письмо, въ которомъ тотъ ему писалъ между прочимъ: «Помните и ради самаго неба никогда не забывайте, что только изъ любви къ вамъ Шарлотта оставила свою семью, свое отечество и свою вѣру! Оставайтесь моимъ другомъ изъ любви къ Шарлоттѣ и другомъ моего народа, потому что онъ заслуживаетъ этого. (Pensez toujours et au nom du ciel ne l'oubliez jamais, que c'est pour l'amour de vous que Charlotte a quitté sa famille, sa patrie et sa foi! Continuez d'être mon ami pour l'amour de Charlotte et l'ami de ma nation parce qu'elle le mérite»).

Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. T. I, p. 249.

1-го (13-го) іюля императоръ Александръ въ собственноручномъ письмѣ къ королю Фридриху-Вильгельму между прочимъ писалъ: «C'est durant une lutte mémorable, lorsque nos peuples associé l'un à l'autre par de formidables destinées parcouraient avec

Библиотека "Руниверс"

nous la sanglante carrière de l'adversité et de la gloire, et pour ainsi dire, au milieu des camps que cette union si chère pour nous a été décidée. Elle met la dernière main à l'ouvrage de l'alliance indissoluble de la Prusse avec la Russie, en réunissant nos deux familles en une seule.... Ma mère est heureuse de l'aurore de bonheur qui luit à ses enfants».

103. Въ указѣ правительствующему сенату отъ 1-го іюля 1817 года читаемъ: «Въ ознаменованіе особеннаго нашего благоволенія къ достоинствамъ и заслугамъ генерала отъ инфантеріи Ламбсдорфа и въ изъявленіе совершенной признательности нашей къ трудамъ и попеченіямъ его, оказаннымъ при воспитаніи любезнѣйшихъ братьевъ нашихъ, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, всемилостивѣйше возводя его въ графское достоинство Россійской имперіи, распространяемъ сіе и на происходящее отъ него потомство».

104. Въ теченіе семнадцати лѣтъ, проведенныхъ при великихъ князьяхъ, графъ Ламздорфъ получилъ слѣдующія награды: чинъ генерала отъ инфантеріи, ордена св. Александра Невскаго, св. Владимира первой степени и св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ брака его воспитанника, 31-го октября 1821 года, графъ Ламздорфъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта; онъ скончался въ Петербургѣ 23-го марта 1828 года, на 83-мъ году отъ рожденія.

105. «Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны 1817—1810». «Русская Старина» 1875 года, т. XII и XIII.

106. Это была Екатерина Ивановна Нелидова (р. 1758).

Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Ѳеодоровна упоминаетъ о Е. И. Нелидовой въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Mademoiselle Nélidoff me parut étonnante de laideur, de disgrâce et de mauvaise odeur».

Это впечатлѣніе вынесла принцесса Шарлотта, при первомъ представленіи ей Нелидовой, въ день пріѣзда въ Павловскъ, 19-го іюня 1817 года.

107. Спрашивается: когда это случилось, въ какой день?

Въ запискахъ императрицы Александры Ѳеодоровны не указано дня, а сказано только: «A une messe où je m'efforçai de rester debout, je tombais évanouie comme raide morte. Nicolas m'emporta dans ses bras; je n'en savais rien, je jettai un cri lorsqu'on me donna des sels à respirer et je repris mes sens. Cet accident, qui au premier moment effraya les assistants, fut comme l'annonce de ma grossesse à laquelle moi-même je croyais à peine et cette nouvelle réjouit tout le monde! On dit, qu'à la place, où j'étais tombée, on trouva des feuilles de roses effeuillées apparamment de mon bouquet, ce qui parut très poétique aux dames».

Дараганъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что это случилось въ концѣ августа.

Въ дневникѣ Натцмера сказано, что 8-го (20-го) іюля великая княгиня упала въ обморокъ во время обѣдни. Назначенный въ этотъ день балъ былъ отмѣненъ. Затѣмъ 6-го (18-го августа генералъ записалъ, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна не присутствовала на церковномъ парадѣ Преображенскаго полка, потому что она вчера лишилась чувствъ, что случается почти каждый разъ во время церковной службы.

108. Это оригинальное препровожденіе времени, въ гатчинскомъ вкусѣ, подтверждается какъ собственноручными записками императрицы Александры Ѳеодоровны, такъ и дневникомъ Натцмера.

109. «Толь маневрировалъ довольно хорошо, но Дибичъ горячился и путалъ», пишетъ генералъ Паскевичъ въ своихъ запискахъ. Оказывается такимъ образомъ, что отзывъ Паскевича близко сходится съ характеристикой, сдѣланной Натцмеромъ.

Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. I.

110. Въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ: «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность» (Спб., 1885, т. I, стр. 289), этотъ случай, со словъ графа Тотлебена, разсказанъ слѣдующимъ образомъ: «24-го августа князь Меншиковъ произвелъ въ окрестностяхъ Севастополя маневры войскамъ, стоявшимъ въ лагерѣ. Тотлебенъ сопровождалъ свѣтлѣйшаго. Маневры были крайне неудачны;

Библиотека "Руниверс"

генералы Моллеръ и Кирьяковъ напутали порядкомъ, такъ что и разобраться было трудно. Командующій войсками остался всѣмъ ходомъ дѣла крайне недоволенъ. Возвращаясь въ Севастополь, князь Меншиковъ въ мрачномъ раздумьѣ ѣхалъ рядомъ съ Тотлебеномъ; дорогою онъ ему только сказалъ: «что я буду дѣлать съ подобными генералами; что же меня ожидаетъ, если придется дѣйствовать съ ними противъ непріятеля?»

111. Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. I, стр. 309.

Замѣтимъ здѣсь, что во время обратнаго движенія русскихъ войскъ изъ Франціи въ Россію въ 1815 году произошло въ Крейцнахѣ столкновеніе между нѣсколькими солдатами Московскаго гренадерскаго полка изъ дивизіи Паскевича и жителями города. За этотъ безпорядокъ Паскевичу объявленъ былъ высочайшій выговоръ въ приказѣ. Императоръ Александръ сказалъ при этомъ случаѣ Барклаю-де-Толли, что онъ на Паскевичѣ хочетъ показать примѣръ, и если увидятъ, что онъ одного изъ лучшихъ генераловъ своей арміи не пожалѣлъ, то поймутъ, какъ другимъ за безпорядокъ можетъ достаться.

Паскевичъ былъ до того огорченъ полученнымъ выговоромъ, что хотѣлъ подать въ отставку.

112. Записки Дениса Васильевича Давыдова. Лондонъ. 1863. Стр. 11.

113. Записки Алексѣя Ивановича Мартоса. «Русскій Архивъ», 1893 года. Книга 2-я, стр. 535.

Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны читаемъ: «En chemin nous avions trouvé par ci par là les habitants de quelques villages à genoux pour implorer, qu'on ne changeat pas leur sort».

114. 1-го (13-го) ноября великій князь Михаилъ Павловичъ, по окончаніи путешествія по Россіи, также пріѣхалъ въ Москву, въ сопровожденіи своего ментора генерала Паскевича. Императоръ Александръ назначилъ тогда Паскевича начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; но Ивану Ѳедоровичу еще не скоро пришлось вступить въ командованіе гвардейскими войсками.

Въ мартѣ 1818 года началось заграничное путешествіе великаго князя, окончившееся только въ слѣдующемъ году; Паскевичъ снова ему сопутствовалъ.

115. Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны читаемъ:

«Vers Noël, il se passa un événement à notre petite cour que je dois mentionner en peu de mots: notre maréchal K. A. Narichkin faisait à tout instant des scènes à mon mari: pour la moindre des plaisanteries, il se fâchait au point de devenir vert et jaune de fureur. Outre cela, il avait essayé plusieurs fois de faire des remarques déplacées au grand duc même à mon sujet. Son caractère éminemment bilieux le rendait parfois méchant, comme une vipère; les gens le détestaient, on fuyait à son approche. Enfin, je sentais, qu'aussi longtemps que cet homme resterait à notre cour je ne pouvais avoir l'âme en paix! Dans un si petit cercle, avoir un homme tous les jours près de soi qui tripotait, qui lançait des méchancetès avec des intentions malicieuses; non, ça n'était pas tenable et quoique bien des personnes s'intéressaient à sa femme, j'eus la force de caractère d'y résister et de désirer qu'il quittat cette place. Je crois, qu'on me blâma et qu'on pensa, que cette jeune princesse devait avoir le caractére peu accomodant, mais je compris, que la chose était par trop importante: il y allait de la paix, de la tranquillité de notre ménage: je fis mon devoir et je ne m'en repentis jamais..... Narichkine fut pris à la grande cour, reçut un cordon et fut distingué par l'empereur, ce qui au fond n'était pas agir fraternellement, car il jetait par là le blâme sur nous».

Натцмеръ въ своемъ дневникѣ отъ 29-го октября (10-го ноября) пишетъ, что распространились разсказы, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна не достаточно внимательна къ императрицѣ-матери; онъ прямо приписываетъ подобныя сплетни Нарышкину.

116. Отношенія Николая Павловича къ графу Модену лучше всего выясняются изъ переписки съ нимъ великаго князя. Приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ этой переписки.

Библиотека "Руниверс"

Денежныя дѣла великаго князя Николая Павловича не находились въ блестящемъ положеніи. По этому поводу великій князь писалъ графу Модену:

«Loin d'être d'un autre avis que le votre, je suis le premier à dire qu'il est impossible de vivre avec les moyens que j'ai; mais je vous avoue, mon cher, que demander et surtout demander de l'argent m'est odieux au possible».

Графъ Моденъ принялъ на себя переговоры, и по полученіи великимъ княземъ извѣщенія о томъ, что императоръ Александръ согласился уплатить его долги, гофмаршалъ получилъ благодарственную записочку:

«Vous êtes un ange, mon cher Modène; que le bon Dieu vous bénisse pour cette charmante surprise».

Заботливость графа Модена къ финансовому положенію великаго князя продолжалась и впредь; онъ выхлопоталъ у министра финансовъ денежную прибавку къ его содержанію въ 250.000 рублей. Николай Павловичъ прислалъ тогда графу Модену юмористическую записку:

«Victoire; l'ambassadeur Block mérite les mêmes honneurs dont a été recompensé Iermoloff, et si l'autre a reçu le cordon du Soleil, moi je le fais chevalier de la Lune».

Въ 1822 году графъ Моденъ извѣстилъ Николая Павловича о пожалованіи ему государемъ 50.000 рублей для уплаты долговъ. Немедленно великій князь прислалъ своему гофмаршалу слѣдующія строки:

«Puissiez vous avoir plus souvent des pièces de poésie pareilles, mon cher. Profitéz en d'abord, j'espère que cela nous soulagera du fardeau de nos dettes. Fasse le ciel que cela soit pour longtemps».

117. «Nous étions on ne peut plus content du comte de Modène, depuis qu'il avait remplacé Kyrile Narichkine; tournure distinguée de la vieille cour de Versailles, bon ton même en plaisantant, complaisant sans être bas, arrangeant tout à merveille. On ne pouvait lui reprocher qu'un peu de susceptibilité».

Натцмеръ о графѣ Моденѣ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «C'est un homme de cour, enté sur un homme d'esprit».

По поводу обидчивости графа Модена, на которую ссылалась великая княгиня Александра Ѳеодоровна, приведемъ здѣсь письмо къ нему Николая Павловича, которое относится къ 1820 году. Великій князь находился тогда съ супругою въ Берлинѣ, и между нимъ и графомъ Моденомъ пробѣжало какое-то облако, вслѣдствіе котораго послѣдній написалъ письмо, прося въ немъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ. Николай Павловичъ отвѣтилъ ему немедленно прекраснымъ письмомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какимъ золотымъ сердцемъ отличался великій князь.

«Si je ne vous connaissais que d'hier je pourrais me tromper et donner un bien faux sens au contenu de votre lettre; mais je ne vous en veux pas, et excuse parfaitement un moment d'hypochondrie, qui n'est pas le premier et ne sera pas peut-être le dernier; accoutumé à vous parler toujours franchement, et attendant en retour la même ouverture et point de rancune, je vous engage de venir demain chez moi entre neuf et dix, où nous reparlerons point par point tout ce qui s'est dit, et voyons si je suis coupable. En attendant dormez bien et ne vous tourmentez pas l'imagination de phantomes qui vous rendent souvent malheureux et pardonnez moi le terme, souvent sans fondement.

«Adieu donc, je vous embrasse sans rancune, faites en autant.

«N».

118. «A la fin de décembre, mon frère me quitta; je le vis partir avec une douleur si forte qu'elle réveilla toute ma mélancolie d'avoir quitté père, frères et soeurs, ce fut un moment affreux! Mais une fois passé, je me rapprochais encore davantage de mon Nicolas, je sentis n'avoir que lui pour appui, pour soutien dans ma nouvelle patrie et sa tendresse me dédommagea complètement de tout ce que j'avais perdu. Nous fîmes des lectures ensemble, Corinne et Malek Adel, et je me souviens avec bonheur de ces paisibles mois qui précédèrent mes couches».

119. 14-го (26-го) декабря 1817 года, Натцмеръ пишетъ въ своемъ дневникѣ:

Библиотека "Руниверс"

«Nach der Tafel ich allein beim Kaiser Abschieds-Audienz. Er wiederholte alle möglichen Freundschaftsbezeugungen für den König und sagte: Er, seine Armee, sein ganzes Land wären jederzeit für den König bereit».

(Aus dem Leben des Generals Oldwig, von Natzmer. Berlin. 1876. T. I, p. 282).

120. «On alla très peu dans le monde; la cour ne donna pas une fête le soir, mais beaucoup de diners. Le dimanche, ordinairement, on dinait en robe en queue chez maman et la soirée dans le même costume; on revenait pour faire cerele et pour jouer au macao. Ceci, je l'avoue, m'ennuyait tellement en comparaison du dimanche à Berlin, où l'on folâtrait et jouait et s'amusait tout particulièrement, que j'avais de la peine à cacher mon ennui. Les sociétés de ces réunions étaient aussi terriblement vieille rococo. De vieux sénateurs à moitié aveugles, des grands seigneurs du temps de l'impératrice Catherine, retirés du service depuis 20 à 30 ans!»

121. «A onze, j'entendis le premier cri de mon premier enfant! Nixa m'embrassait et fondait en larmes et nous remerciâmes Dieu ensemble sans savoir encore s'il nous avait donné un fils ou une fille, lorsque maman s'approcha de nous en nous disant: «c'est un fils». Le bonheur en redoubla et pourtant je me rappelle, que je sentis quelque chose de grave et de mélancolique en pensant que ce petit être serait un jour empereur!»

Въ тотъ же день Николай Павловичъ писалъ королю Фридриху-Вильгельму: «Enfin je puis donc avoir le bonheur de vous annoncer, cher papa (pardonnez moi de vous donner ce nom), que ma chère, mon excellente Саша m'a donné un gros et beau garçon, nommé Alexandre, ce matin à onze heures.... Veuillez accorder vos bontés au nouveau et premier petit fils de votre majesté et les continuer à celui qui les apprécie plus qu'il ne peut l'exprimer».

122. Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича въ Москвѣ.

123. «Видѣніе», ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

124. Князь Мещерскій: «Исторія царствованія императора Александра II», Спб., 1882.

125. «C'était le plus délicieux petit enfant qu'on pût voir, blanc potelé, grands yeux bleu foncé, souriant déjà à six semaines».

Императрица Елисавета Алексѣевна въ письмѣ къ матери отъ 29-го апрѣля (11-го мая) 1818 года пишетъ:

«Le petit est un joli enfant, trop blanc et pâle seulement; il ressemble d'une manière frappante au prince Guillaume de Prusse. Je trouve qu'il a une petite mine touchante».

126. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», ч. I, стр. 111—114.

127. Изъ рукописнаго журнала 1817 года флигель-адъютанта Михайловскаго-Данилевскаго. Онъ пишетъ, что ручается за точность словъ императора Александра, записанныхъ имъ тотчасъ послѣ обѣда.

128. На обѣдѣ присутствовали шесть приглашенныхъ: генералъ-адъютанты князь Волконскій и графъ Ожаровскій, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Виллие и флигель-адъютанты Орловъ и Михайловскій-Данилевскій.

129. Этотъ отзывъ императора Александра о царствованіи Павла I совершенно сходствуетъ съ тѣмъ, что онъ писалъ Лагарпу, будучи еще наслѣдникомъ (27-го сентября 1797 года изъ Гатчины): «Mon père en montant sur le trône a voulu tout réformer. Tout a été mis sens dessus dessous à la fois, ce qui n'a fait qu'augmenter la confusion déjà trop grande qui régnait déjà dans les affaires». (Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе», ч. I, стр. 281).

130. Собственноручныя записки императора Николая I о 14-мъ декабря 1825 года и о предшествовавшихъ сему событіяхъ, написанныя государемъ для своего семейства.

131. Въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1819 годъ есть одно довольно странное указаніе. Онъ пишетъ: «Съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ».

Библиотека "Руниверс"

Нельзя не замѣтить, что приведенныя нами слова Данилевскаго не подтверждаются никакими другими современными свидѣтельствами. Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ также не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, которое онъ едва ли обошелъ бы молчаніемъ. Не было ли присутствіе Николая Павловича въ кабинетѣ императора Александра случайнымъ явленіемъ, связаннымъ, можетъ быть, съ учрежденіемъ инженернаго училища, послѣдовавшимъ какъ разъ въ 1819 году?

132. До окончательнаго приспособленія покоевъ Инженернаго замка для своего новаго предназначенія, училище помѣщалось въ одномъ изъ такъ называемыхъ павильоновъ.

133. Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Витебскъ 12-го (24-го) сентября 1821 года, а великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ вслѣдъ за государемъ 13-го сентября. Замѣтимъ здѣсь, что Николай Павловичъ возвратился изъ-за границы 10-го (22-го) сентября, послѣ почти годичнаго отсутствія изъ Россіи съ великою княгинею Александрой Ѳеодоровною.

134. Письмо великаго князя Николая Павловича къ генералу Паскевичу отъ 3-го марта 1822 года изъ Вильны.

135. Князь Щербатовъ: «Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ», т. I, стр. 376.

136 Письмо Растопчина отъ 14-го сентября 1795 года. «Архивъ князя Воронцова», книга 8-я, стр. 112.

Въ перепискѣ Растопчина встрѣчается вообще весьма нелестная характеристика великаго князя Константина Павловича, относящаяся ко времени царствованія Екатерины II. 8-го декабря 1795 года Растопчинъ пишетъ: «Le grand duc Constantin découvre tous les jours quelques mauvaises qualités et promet d'égaler Pierre le Cruel et le tyran Dénis de Syracuse» (стр. 119).

137. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны, по поводу задуманнаго цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ развода, было написано, вѣроятно, на французскомъ языкѣ, но дошло до насъ въ современномъ его написанію русскомъ переводѣ.

138. Синодъ основалъ возможность развода цесаревича на 10-мъ пунктѣ «Духовнаго Регламента», касающемся «мірскихъ особъ». Въ этомъ пунктѣ окончательное постановленіе согласовано съ 35-мъ правиломъ Василія Великаго и главою 490-й «Кормчей книги».

139. 23-й пунктъ заключаетъ въ себѣ статью о начальствѣ императора надъ всею императорскою фамиліею и его попеченіи. Содержаніе его слѣдующее: «Во всякомъ случаѣ, царствующій императоръ почтенъ быть долженъ главою всей императорской фамиліи, и будетъ на всегдашнее время попечителемъ и покровителемъ ея».

140. По точному смыслу манифеста, цесаревичъ Константинъ Павловичъ не лишался въ немъ лично никакихъ принадлежавшихъ ему правъ на наслѣдованіе престола, но только въ случаѣ возможнаго съ его стороны, послѣ развода, неравнаго брака жена и дѣти не могли пользоваться соотвѣтственнымъ титуломъ и правами на наслѣдованіе престола.

141. Записки Н. В. Веригина (р. 1796+1872). «Русская Старина» 1893 г., т. LXXVII, стр. 434—435.

142. Sabloukoff: La mort de Paul I. «Revue Moderne», 1866, p. 137.

Саблуковъ пишетъ по поводу приведеннаго имъ разговора съ цесаревичемъ еще слѣдующее: «Par sa conduite en 1825, à l'avénement de l'empereur Nicolas, Constantin prouva qu'il parlait sérieusement et que sa résolution de ne pas régner était sincère. Je dis alors que toutes les démarches faites pour l'inviter à accepter le trône étaient inutiles, qu'il ne régnerait jamais, comme il me l'avait dit peu de jours après la mort de son père. Je ne me trompais pas».

143. Воспоминанія великаго князя Михаила Павловича о событіяхъ 14-го декабря 1825 года, записанныя барономъ М. А. Корфомъ и лично исправленныя его высочествомъ.

144. Великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ барону Корфу, что это случилось на одномъ, совершенно и теперь памятномъ ему мѣстѣ, между Вольскою и Іерусалимскою заставами.

Библиотека "Руниверс"

145. Переписка князя А. Н. Голицына, по поводу манифеста о престолонаслѣдіи 1823 года.

146. Баронъ Корфъ: Восшествіе, стр. 27 и 28.

147. «Ich allein hatte durch besonderes Vertrauen des Kaisers Alexander Kenntniss erhalten von der Resignation des Grossfürsten Constantin zu Gunsten Nikolaus. Diese Mittheilung geschah in Gatschina, Mitte Oktober 1823. Die Resignations-Acte ist vom Mai (?) 1823 datirt und die Unterhandlungen dazu fallen in die Zeit bald nach der Heirath des Grossfürsten Constantin mit der Fürstin Lowicz 1822. Kaiser Nikolaus und die Kaiserin Alexandra hatten nur oberflächliche, aber niemals offizielle Kenntniss des Actenstücks erhalten, daher das Verfahren des Grossfürsten Nicolaus beim Eintreffen der Todesnachricht des Kaiser Alexander sich erklärt. Ich habe bei meiner Rückkehr aus Petersburg dem Könige selbst sofort Mittheilung von der Eröffnung des Kaisers Alexander gemacht, zu des Königs unglaublichem Erstaunen. Sonst hat Niemand ein Wort darüber von mir gehört.... Als die Todesnachricht vom Kaiser Alexander nach Berlin kam, eilte ich zum König. Er und ich allein wussten nun, was bevorstand und was sich auch sofort durch die verschiedenen Eidesleistungen in Warschau und Petersburg herausstellte. Durch Kaiser Alexander wusste ich gleichfalls, dass die Acte im Archive zu Petersburg und in der Kathedrale zu Moskau in duplo niedergelegt war».

Записка короля прусскаго Вильгельма I о разговорѣ съ императоромъ Александромъ въ 1824 году напечатана въ сочиненіи Шнейдера: «Aus dem Leben Kaisers Wilhelm». Berlin. 1888. B. I, p.p. 199—201.

Въ одномъ только эпизодѣ память измѣнила принцу-регенту Вильгельму, когда онъ писалъ въ 1859 году для своего довѣреннаго чтеца и библіотекаря выше приведенную нами замѣтку, а именно онъ утверждаетъ, что императоръ Александръ сообщилъ ему тайну объ отреченіи цесаревича Константина Павловича въ половинѣ октября 1823 года; между тѣмъ государь возвратился изъ своей поѣздки по Россіи только 3-го (15-го) ноября. Король также ошибочно отнесъ «die Resignation-Acte» къ маю 1823 года.

148. Одинъ русскій писатель выразился по этому поводу весьма рѣзко: «L'Empereur Alexandre avait disposé de la couronne de Russie comme l'on dispose d'une voiture de voyage. Il avait changé l'ordre de succession au trône, du consentement, il est vrai, de l'héritier présomptif, mais sans se donner la peine de faire connaître de son vivant a soixante millions le nom du maître au pouvoir duquel ils allaient tomber après sa mort».

149. Императрица Елисавета Алексѣевна въ письмѣ къ матери отъ 21-го апрѣля 1821 года описываетъ слѣдующимъ образомъ дѣтей великаго князя Николая Павловича:

«Le petit Alexandre est un joli enfant, ce n'est pas un enfant vif, ni distingué par l'esprit, mais d'un naturel aimable. Quand il est de bonne humeur, il a une bien jolie physionomie, un joli sourire; pour la taille il est un peu pataud. Sa soeur a beaucoup plus de vivacité; c'est une petite fille dans toute la force du terme, d'une coquetterie et d'une minauderie à faire mourir de rire, et d'un tact si fin pour la parure qu'à peine avait-elle un an, qu'elle remarquait déjà lorsqu'on avait quelque chose d'un peu distingué dans la toilette; elle a une jolie petite mine, mais elle est presque toujours pâle et blanche comme un linge».

150. См. въ приложеніяхъ: Изъ переписки императора Александра за 1820 и 1821 годы (Троппау и Лайбахъ).

151. Lalla Rukh. Ein Festspiel mit Gesang und Tanz. Aufgeführt auf dem Königlichen Schlosse in Berlin am 27-sten Januar 1821 bei der Anwesenheit I. I. K. K. H. H. des Grossfürsten Nicolaus und der Grossfürstin Alexandra Feodorowna. Mit 23 colorirten Kupfern. Berlin. 1822.

Одинъ изъ рисунковъ этого изданія воспроизведенъ въ приложеніи къ настоящему труду.

152. Aus meinem Leben, von Louis Schneider. Berlin. 1879. B. I, p. 366—367.

153. По этому поводу императоръ Александръ писалъ великой княгинѣ 11-го (23-го) сентября 1822 года изъ Вѣны: «Une lettre si bonne, si amicale de votre part, un cadeau charmant et cela juste pour le matin de ma fête, et mieux que tout cela, l'heureuse

Библиотека "Руниверс"

nouvelle que tout s'est passé si bien, si promptement, grâces à la bonté Divine, et que la délicieuse maman et son enfant se portent aussi bien que possible, convenez, chère, tendre amie, que c'est plus de bonheur que j'étais en droit d'espérer! Aussi vous rendre tout le plaisir que l'arrivée de Kavélin m'a fait éprouver est impossible. Du fond de mon coeur j'ai remercié Dieu et je L'ai invoqué avec plus de ferveur encore que de coutume, pour qu'Il vous continue toutes ses bénédictions. Si vous aviez fait la chose exprès, vous ne l'auriez pas pu mieux arranger. La veille avoir quitté tranquillement Iélaguin et le lendemain matin, jour de la St Alexandre, le plus lestement possible, dans moins de trois heures, avoir fini toute votre besogne, sans avoir même donné à ceux qui vous chérissent, le temps de s'inquiéter pour vous—il faut convenir que c'est aussi adroit que possible, et digne de cette dextérité en toute chose, qui distingue ma charmante belle soeur».

154. Изъ собственноручныхъ записокъ императора Николая Павловича о событіяхъ 14-го декабря 1825 года.

155. Chateaubriand: Congrès de Vèrone, p. 108.

156. Письмо цесаревича Константина Павловича къ генералу Чичерину отъ 11-го (23-го) октября 1823 года (Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 410).

157. Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczkowskiegs. Księga III, w Krakowie, 1900 (p.p. 42—46).

158. Меттерних писалъ 4-го (16-го) октября 1823 года: «Le triomphe de la modération de l'empereur de Russie est complet; et ce triomphe, grâce à la constance de nos voeux, est à la fois le nôtre». Metternich: Mémoires, t. 4, p. 81.

159. Императоръ Александръ писалъ 13-го февраля 1824 года княгинѣ Ловичъ: «J'ai eu un plaisir extrême à revoir le cher Constantin. De tous les jours de l'année, le ciel l'a amené ici, au jour le plus favorable. Vous saurez déjà que ce que d'autres nomment par hazard et ce que j'appelle moi par la volonté de la Providence, il est arrivé justement la veille de la noce de Michel. Dans des romans ou des pièces de théatre on voit souvent de ces arrivées pour l'heure et la minute. Mais au réel, c'est le premier cas semblable que je puis citer».

160. «C'est à partir de ce moment qu'on le vit commencer à être fatigué de la vie». Metternich: Mémoires, t. I, p. 320.

161. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», часть 4-я, стр. 311.

162. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ дневникѣ своемъ отъ 1824 года пишетъ о К. К. Мердерѣ слѣдующее: «Ich beobachtete ihn und er gefällt mir wirklich in seiner Art zu sein mit dem Knaben, den er rein menschlich nimmt und nichts pedantisches und höfisches in seiner Art hat».

163. Ѳ. Веселаго: «Краткая исторія русскаго флота», выпускъ 2-й, Спб., 1895, стр. 376.

164. Изъ переписки великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны съ императоромъ Александромъ за время пребыванія ихъ высочествъ за границею въ 1824 году.

165. Aus der preussischen Hofgesellschaft. 1822—1826. (Deutsche Rundschau, 1898, p. 61).

166. Въ меморандумѣ, приложенномъ къ письму императора Александра отъ 28-го ноября (10-го декабря) 1824 года, слѣдующее разсужденіе обращаетъ на себя вниманіе: «Il est une autre considération que l'empereur ne saurait perdre de vue et qui n'échappera certainement pas à la pénétration et la délicatesse du roi. Elle se rapporte au mariage de monseigneur le grand duc Constantin et à l'impossibilité où sa majesté impériale s'est trouvée de faire dans cette circonstance ce qui lui est proposé aujourd'hui. Dès lors comment l'empereur pourrait il arrêter en faveur d'une princesse qui lui tient de moins près, une mesure qu'il ne se serait pas cru autorisé à prendre en faveur de l'épouse de son frère? Le roi est trop juste pour ne pas apprécier toute l'importance d'un tel obstacle». (Государственный архивъ. Разрядъ IV. № 249).

167. «Vous savoir dans l'affliction, c'est comme si j'en ressentais moi même. — J'ai si bien compris tout ce qui devait se passer dans votre coeur et combien le souvenir de

Библиотека "Руниверс"

votre inapréciable mère devait se reproduire vivement en vous dans une circonstance semblable! — C'est une épreuve, chère amie, par laquelle la Providence vous a fait passer, et une de ces épreuves sensibles, difficiles à supporter! Plus d'une en attend encore chacun de nous!—Mais n'oubliez pas, ma bonne amie, ce qui nous est dit et répété plus d'une fois, que c'est ceux qu'elle aime, qu'elle éprouve de préférance!—Soyez tranquille, chère amie, sur mon jugement quant au roi. Jamais personne encore n'a entendu de ma bouche rien de défavorable à son égard. Maintenant que la chose est faite, je n'ai plus qu'une pensée, qu'un voeu, c'est de savoir le roi heureux autant qu'il mérite de l'être, et si son épouse réussit à lui procurer ce bonheur, je vous assure que je lui porterais un sentiment d'affection et de reconnaissance. — L'assurance que vous me donnez que l'accord dans la famille, grâces à Dieu, n'a pas été troublé m'a fait un bien véritable et je L'en ai remericé du fond de mon coeur».

168. Письмо императора Александра великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отъ 19-го ноября (1-го декабря) 1824 года, оконченное 20-го ноября.

169. Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го февраля 1826 года императоръ Николай сообщаетъ, что онъ нуждается въ человѣкѣ, болѣе надежномъ, «que le triste, mais bon diable Woynoff, pour tenir tête à nos ecervelés de la garde».

170. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб., 1866, стр. 384, и 385 (письма отъ 23-го ноября и 8-го декабря 1824 года).

171. Изъ письма отъ 28-го ноября 1824 года.

172. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 12 и № 44.

Записка эта по повелѣнію императора Николая препровождена была генералъ-адъютантомъ барономъ Дибичемъ къ цесаревичу Константину Павловичу, который 26-го марта 1826 года отвѣчалъ начальнику главнаго штаба изъ Варшавы нижеслѣдующимъ письмомъ:

«По высочайшей его императорскаго величества волѣ, ваше превосходительство препроводили ко мнѣ записку собственной руки покойнаго государя императора, найденную между бумагъ въ его кабинетѣ, при чемъ вы увѣдомили, что его императорскому величеству угодно знать, зналъ ли я объ оной, и кому оная слѣдовала. Препровождая при семъ обратно сію записку, прошу васъ доложить его императорскому величеству, что хотя покойный государь императоръ изволилъ часто говаривать со мною о подобныхъ обстоятельствахъ, но о сей запискѣ я не зналъ, а полагаю, что оная слѣдовала или къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву или къ князю Александру Николаевичу Голицыну. Покойный же государь императоръ, какъ я и прежде уже писалъ, въ 1822 или 1823 годахъ, навѣрное никакъ не припомню, изволилъ мнѣ вручить въ С.-Петербургѣ для прочтенія весь уставъ общества Благоденствія; я тогда доложилъ, что какъ тетрадь большая, то не успѣю тамъ прочитать, государь изволилъ мнѣ приказать взять ее съ собою, и я оную, по прочтеніи, обратно отсюда представилъ его императорскому величеству, и вѣрно должна оная найтись въ кабинетѣ покойнаго».

173. Записки Александра Ивановича Кошелева, Берлинъ, 1884, стр. 13.

174. Михайловскій-Данилевскій: Журналъ 1823 года.

175. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 4-й.

176. 8-го мая 1824 года князь Меншиковъ въ англійскомъ клубѣ въ Москвѣ слышалъ разсказъ о причинахъ увольненія князя А. Н. Голицына отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: «я удалился,—пишетъ князь Меншиковъ въ своемъ дневникѣ,—ибо думаю, что разсказчикъ шпіонъ и agent provocateur. Я дурно сдѣлалъ, что прежде не ушелъ, ибо подобная бестія можетъ въ свои доносы запутать, сказавъ, что такой-то слышалъ или былъ тутъ».

22-го мая князь Меншиковъ по тому же поводу продолжаетъ: «надзоръ полиціи я давно замѣтилъ за собою, а нынѣ онъ явно обнаруживается, но по глупости или по нахальству офиціальныхъ шпіоновъ,—рѣшить не умѣю. Впрочемъ я бы весьма желалъ, чтобы всѣ мои дѣянія были доводимы до свѣдѣнія правительства и всего міра, но правда въ полицейскомъ доносѣ рѣдко бываетъ, ибо человѣкъ съ честью не приметъ

Библиотека "Руниверс"

на себя подобной обязанности, а бездѣльникъ, для выслуги, по недостатку матеріи, изобрѣтетъ и оклевещетъ и тѣмъ легче, что не имѣетъ никакой отвѣтственности».

177. Въ такомъ же смыслѣ о княгинѣ Лигницъ писала великая княгиня Александра Ѳеодоровна къ императору Александру 10-го (22-го) декабря 1824 года: «Tout mon séjour ici n'a pas été rose, comme vous pouvez facilement vous l'imaginer. Je mentirai cependant si je disais que la princesse de Liegnitz ait introduit le moindre changement dans le train de vie journalier. Tout est comme autrefois et pourtant le fond est changé».

178. Припомнимъ здѣсь, что къ усугубленію общественнаго недоумѣнія кронпринцъ, вступивъ въ бракъ съ баварскою принцессою Елисаветою, тѣмъ уже ввелъ католическій элементъ въ прусскую королевскую семью. «Elle écoute la messe avec la princesse de Liegnitz», писалъ великій князь Николай Павловичъ къ государю.

179. Письма великаго князя Николая Павловича къ императору Александру отъ 9-го (21-го) и 15-го (27-го) декабря 1824 года изъ Берлина.

180. Въ собственноручной замѣткѣ графа Модена отмѣчены слѣдующія подробности о возвращеніи въ Россію въ 1825 году великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны:

«Nous étions à Berlin à la fin de l'année 1824; la grande duchesse était enceinte; les chemins étaient impraticables; les pluies n'ayant pas discontinué, il n'y avait pas de chemin d'hiver: il était question de se mettre en route sans délai ou de se décider de rester pour les couches à Berlin. Nous profitions d'un moment de gelée qui survint vers la mi-janvier et revinmes par Varsovie. Le voyage fut de 32 jours, y compris 8 jours de séjour à Varsovie».

181. Замѣтимъ здѣсь, что въ это время посѣтили Петербургъ великая княгиня Марія Павловна съ двумя дочерьми: Августой (впослѣдствіи королева Прусская и императрица Германская) и Маріею, и великая княгиня Анна Павловна съ супругомъ принцемъ Вильгельмомъ Оранскимъ.

182. Одновременно съ назначеніемъ великаго князя Николая Павловича начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи, произошла перемѣна въ составѣ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, вслѣдствіе чего л.-гв. Измайловскій полкъ, бывшій прежде въ одной бригадѣ съ л.-гв. Егерскимъ полкомъ и л.-гв. саперымъ баталіономъ, составилъ одну бригаду съ л.-гв. Павловскимъ полкомъ и л.-гв. саперным баталіономъ. Бригада эта приняла названіе 3-й гвардейской пѣхотной бригады и вмѣстѣ съ 4-ю (изъ полковъ л.-гв. Егерскаго и л.-гв. Финляндскаго) образовала 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, которая была ввѣрена великому князю Николаю Павловичу.

183. «Les séances d'ouverture et de cloture de la Diète, ainsi que celles où la sanction royale des projets de loi sera promulgée, continueront d'être publiques comme par le passé et elles seront accompagnées de solennités ordinaires. Pour le choix des commissions, ainsi que pour les délibérations et discussions de tout genre, les chambres se formeront toujours en un comité particulier. Cet article est déclaré partie intégrante et inséparable de la charte constitutionnelle».

184. Удовольствіе, испытанное императоромъ Александромъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Польшѣ, отразилось и въ письмѣ его къ графу Аракчееву отъ 23-го мая 1825 года. «Здѣсь, благодаря Всевышнему,—писалъ государь,—идетъ все по желанію, и я отмѣнно доволенъ общимъ расположеніемъ». Въ такомъ же духѣ государь писалъ 22-го мая великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «Je suis bien content de l'état des choses ici. Les dispositions sont excellentes, et la Diète va à souhait. Aussi j'en remercie Dieu du fond de mon coeur».

185. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Ѳедору Петровичу Опочинину, отъ 12-го (24-го) февраля 1826 года изъ Варшавы.

186. Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczkowskiego. Księga III.

187. Баронъ М. А. Корфъ: «Восшествіе на престолъ императора Николая I», Спб., 1857 (третье изданіе), стр. 30.

188. Баронъ М. А. Корфъ: «Историческое описаніе 14-го декабря 1825 года и предшедшихъ къ тому событій», Спб., 1848.

Библиотека "Руниверс"

189. «Записки Николая Ивановича Греча» (рукопись).

Далѣе Гречъ пишетъ, что императрица Марія Ѳеодоровна окружила великихъ князей (Николая и Михаила) людьми добрыми и безхарактерными. Еще удивительно, что они не вышли хуже. Николай Павловичъ принужденъ былъ доучиваться уже женатый въ Берлинѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ только сдалъ послѣдній экзаменъ, заколотилъ огромнымъ гвоздемъ свой шкафъ съ книгами. Зато великія княжны были образованы и воспитаны тщательно и успѣшно. Всѣ онѣ принесли честь Россіи, своимъ родителямъ и фамиліи. «Отчего же, спрашиваетъ Гречъ, это превосходство женскаго пола надъ мужскимъ?»—и даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: «отъ ненавистнаго фрунта, который внесенъ былъ въ Россію слабоумнымъ Петромъ III, обожавшимъ Фридриха не за его дарованія и побѣды, а за штиблеты, краги, косы, пукли, за ефрейторскую палку. Павелъ былъ достойнымъ его преемникомъ и передалъ эту варварскую страсть своимъ дѣтямъ».

190. Александръ сказалъ въ этотъ день великому князю Николаю Павловичу, что онъ думалъ купить для него дачу Мятлевой (Знаменское, близъ Петергофа), однако остановился за невѣроятно высокою цѣною и жалуетъ ему, по его желанію, другое мѣсто также близъ Петергофа, на которомъ находится нынѣ дача Александрія.

191. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна написала въ своемъ дневникѣ 1825 года: «Es war etwas trauriges über diese Einweihung verbreitet, die wir alle fühlten ohne es zu äussern. Dies öde herrliche Haus mit all seiner Farben und Goldpracht schrie so disharmonisch in den Kreis so wenig froher Menschen».

192. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

193. Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1825 года.

Данилевскій командовалъ 3-й бригадой 7-й пѣхотной дивизіи со времени производства своего въ генералъ-майоры въ 1823 году.

194. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

195. Подробности доноса, сдѣланнаго Иваномъ Васильевичемъ Шервудомъ, изложены нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I», ч. 4-я, стр. 336—348.

196. Въ собственноручной запискѣ, представленной въ 1826 году графомъ Виттомъ, о порученіяхъ, которыя ему давалъ императоръ Александръ, упомянуто, что въ 1819 году по дошедшимъ до государя извѣстіямъ ему повелѣно было имѣть наблюденіе за губерніями: Кіевскою, Волынскою, Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою и въ особенности за городами Кіевомъ и Одессою. Графъ Виттъ по поводу даннаго ему порученія пишетъ: «его величество изволилъ поручить мнѣ употреблять агентовъ, которые никому не были извѣстны, кромѣ меня; обо всемъ же относящемся до сей части никому, какъ его императорскому величеству, доносить было не позволено, и всѣ на необходимые случаи разрѣшенія обязанъ я былъ принимать отъ самого въ Бозѣ почивающаго государя императора». (Военно-ученый архивъ. Отд. 3. № 1169).

197. См. въ приложеніяхъ письмо графа Витта къ императору Александру отъ 3-го августа 1825 года.

198. Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Дибича отъ 4-го декабря 1825 года.

199. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901 года, № 5 (стр. 591—602), можно найти подробности о дуэли Новосильцева съ Черновымъ, въ статьѣ С. Н. Шубинскаго, посвященной этому событію.

200. Изъ письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великому князю Николаю Павловичу отъ 15-го сентября 1825 года.

201. Въ письмѣ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 18-го октября 1825 года изъ Таганрога, императоръ Александръ писалъ: «Je regrette vivement l'horrible duel qui a eu lieu à Pétersbourg, ainsi que les deux victimes; c'étaient deux bons officiers et braves garçons. D'après ma manière de juger, si quelqu'un est coupable de cette triste catastrophe, c'est la mère de Novosiltzof. Après avoir donné la permission à son fils de se marier et l'avoir annoncée par une lettre au général Diebitsch, elle a

Библиотека "Руниверс"

tâché par vanité de faire rompre le mariage par tous les moyens possibles. Mais aussi elle a été cruellement punie».

202. «Depuis votre départ il n'y a eu que de tristes événements, qui nous ont occupés et interessé plus ou moins; assassinats, duel et morts, ne sont pas fait pour inspirer la gaieté». Изъ письма великой княгини Александры Ѳеодоровны къ императору Александру отъ 4-го октября 1825 года.

См. въ приложеніяхъ выдержки изъ переписки императора Александра съ великой княгиней, за время пребыванія государя въ Таганрогѣ.

203. 13-го октября 1825 года Николай Павловичъ писалъ графу Модену: «Je compte rentrer dans mes pénates mardi prochain 20 octobre (1 novembre), car j'avoue, je suis là de faire constamment la navette entre ici et la ville, et la campagne n'est pas riante, comme vous pensez bien».

Графъ Моденъ находился тогда за границею; въ августѣ 1825 года онъ отправился въ Карлсбадъ, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ его застало извѣстіе о кончинѣ императора Александра.

204. См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта Дибича къ Г. И. Вилламову отъ 15-го (27-го) ноября 1825 года.

205. Въ тотъ же день 17-го (29-го) ноября, въ 7 часовъ пополудни, генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ Г. И. Вилламову: «Спѣшу увѣдомить, что послѣ письма моего къ вамъ отъ 15-го сего ноября вчерашній день состояніе здоровья государя императора было еще въ большой опасности; но сегодня, благодаря Всевышняго, положеніе его величества подаетъ намъ хотя слабую надежду. Я прошу покорнѣйше доложить о семъ ея императорскому величеству такимъ образомъ, какъ вы за лучшее признать изволите».

Виллié писалъ Вилламову того же числа въ 6 часовъ пополудни: «Depuis hier les applications externes du visicatoire entre les épaules, les synapismes et de l'épongement avec du vinaigre aromatique et d'esprit camphré et des lavements appropriés ont tant soit peu reveillé sa majeste l'empereur d'un état soporeux, et par conséquent augmentent mes espérances».

206. Вспоминая черезъ годъ событія этой ночи, императоръ Николай писалъ 25-го ноября 1826 года цесаревичу Константину Павловичу: «Ma mère étant absente à Pavlovsky pour échapper pendant ces tristes jours à l'horreur du local, j'ai plus de loisir et me voilà donc à vous écrire. Au moment où je vous écris, il y a juste un an que j'appris par le malheureux Miloradowitsch la première nouvelle du danger éminent de notre ange, que je demandais à Dieu de me soutenir dans cette terrible épreuve, et que je passais la nuit dans l'antichambre de ma mère, dans les angoisses, que je ne compare qu'à celle de ma mort. Quelle nuit, grand Dieu! quel lendemain et quel terrible surlendemain! Je me demande souvent, comment il est possible que nous ayons résisté à tout cela et que Dieu, dans sa miséricorde, a daigné sauver ma mère. A la veille des journées d'un souvenir tout aussi pénible, mais plus solennelles pour moi, je viens implorer vos benédictions, comme à celui qu'il m'est et me sera toujours permis de regarder, en moi même, comme mon maitre, comme celui qui remplace, pour moi, mon adorable bienfaiteur, comme celui auquel j'ai dévoué toute mon existence; conservez moi indulgence avant tout, bonté, confiance, amitié, si j'en suis digne, et dites vous bien, que ma vie entière est consacrée à justifier votre confiance, devant Dieu, devant vous, devant les hommes, devant moi même et que Dieu me soit en aide».

По полученіи этого письма цесаревичъ отвѣчалъ брату на его трогательное посланіе 6-го (18-го) декабря 1826 года: «Si je ne vous aimais pas autant que je l'ai toujours fait, votre lettre aurait produit cet effet; il n'est pas possible de la lire sans un sentiment d'émotion, depuis la première ligne jusqu'à la dernière, j'en ai béni le bon Dieu, je L'en ai remercié et je L'ai prié qu'Il m'accorde encore la possibilité de vous servir et de vous être utile sur mes vieux jours, dont les jeunes ont été consécutivement employés, durant 31 ans, passés au service de deux maitres avec fidelité, zèle et dévouement; les mêmes sentiments vous sont offerts, cher frère, avec plénitude de coeur; puissent mes

Библиотека "Руниверс"

forces physiques être les mêmes que par le passé, pour y réussir complètement; ce plus comptez toujours sur moi, et certainement n'ayant aucune arrière pensée, aucun désir quelconque, mon intérêt personnel, s'il pouvait entrer en ligne de compte et si je n'étais inspiré par des sentiments plus élevés, me ferait toujours agir d'après la fidelité, le devoir, l'attachement et le dévouement sincère qui m'ont constamment animés pour mes maitres et m'animeront jusqu'à la fin de mes jours. Ainsi soit-il».

207. Ту же мысль Николай Павловичъ высказалъ Адлербергу, сидя съ нимъ ночью въ камердинерской: «Если Богъ опредѣлитъ испытать насъ величайшимъ изъ несчастій, кончиною государя, то по первому извѣстію надобно тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину».

208. См. въ приложеніяхъ хронологическій перечень извѣстій, полученныхъ въ Петербургѣ о ходѣ болѣзни императора Александра, а также письма князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 19-го ноября 1825 года.

209. См. въ приложеніяхъ записку великаго князя Николая Павловича: «Отъ брата Николая къ брату Константину».

На запискѣ не поставлено числа, но, судя по ея содержанію, она очевидно написана 3-го (15-го) декабря 1825 года; она была впервые напечатана нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

210. Изъ письма В. А. Жуковскаго отъ 25-го іюня (7-го іюля) 1848 года къ графу Ш . . . ку.

211. В. А. Жуковскій сопровождаетъ описанную имъ присягу, совершенную великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, которой онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ, слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Что прибавлю къ моему разсказу? Я съ своей стороны не знаю ни въ исторіи народовъ, ни въ исторіи души человѣческой ни одной болѣе возвышенной минуты. Великому князю извѣстно было отреченіе брата его отъ престола; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого отреченія престолъ неоспоримо принадлежалъ ему; онъ предвидѣлъ, что чрезъ нѣсколько минутъ всенародно откроется тайна отреченія, и что ему предложено будетъ воспользоваться правомъ, ему уступленнымъ; но въ то же время онъ въ душѣ своей признавалъ неприкосновенное право законнаго наслѣдника и не могъ знать, на что рѣшится этотъ наслѣдникъ (бывшій тогда далеко), подтвердитъ ли, уничтожитъ ли тайное свое отреченіе. Чего же требовала отъ него совѣсть, то было для него явно; но онъ страшился, чтобы воля его не поколебалась въ выборѣ между самоотверженіемъ и самодержавіемъ; онъ не повѣрилъ одной силѣ души своей, онъ поспѣшилъ подкрѣпить ее силою Бога, поспѣшилъ явиться предъ лицомъ этого Бога, дабы во храмъ Его, къ подножію престола, на которомъ совершается жертва безкровная, положить свою жертву земного величія; онъ поднялъ къ Богу свою руку съ клятвою: не принимать этого величія иначе, какъ отъ Вышней воли, которая одна всѣ земныя права даруетъ и освящаетъ. И эту клятву произнесъ онъ въ самую первую минуту великой скорби, когда вся душа охвачена была страшною, ей самой еще непонятною мыслію, что Александра не стало; и онъ ее произнесъ одинъ, безъ свидѣтелей, безъ всякой торжественности, безъ всякаго, увлекающаго душу людского одобренія, напротивъ, тайкомъ отъ толпы, наединѣ съ Богомъ; что былъ свидѣтель, подсмотрѣвшій его въ эту великую минуту жизни, онъ того не зналъ, онъ былъ одинъ. Сообразивъ все это, какое имя дамъ я тому, что мои глаза видѣли, что поразило тогда и что теперь, при воспоминаніи, наполняетъ трепетомъ благоговѣнія мою душу? Но зачѣмъ имя, когда дѣло само себя именуетъ? Подлинное же величіе этого дѣла заключается не въ огромности принесенной жертвы, а въ томъ смиреніи, съ какимъ была принесена она, въ отсутствіи всякаго самодовольнаго къ ней уваженія, въ какомъ-то младенческомъ незнаніи ея высокости, наконецъ въ совершенномъ о ней забвеніи, ибо до сихъ поръ, кромѣ меня, случайнаго ея свидѣтеля (и весьма немногихъ, которымъ я этотъ случай въ послѣднее время разсказывалъ), никто о видѣнномъ мною не вѣдаетъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

«Исторія есть не что иное, какъ лѣтопись человѣческаго честолюбія. Пріобрѣтеніе власти, праведное или неправедное, сохраненіе или распространеніе пріобрѣтенной власти, возвращеніе власти утраченной—вотъ главное ея содержаніе, около котораго сосредоточиваются всѣ другія историческія событія. Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ, болѣе или менѣе ей чуждымъ, именемъ патріотизма, любви къ человѣчеству, воли народа, общаго блага, свободы и проч., подлинное же имя ея: своекорыстіе. И всякое средство, самое преступное: обманъ, клевета, измѣна, хищничество, мятежъ, междоусобіе, кажется позволеннымъ для пріобрѣтенія такого великаго блага. Немного представляетъ намъ исторія такихъ дѣйствователей на поприщѣ власти, которыхъ властолюбіе было бы совершенно чисто отъ всякой примѣси своекорыстія; еще менѣе примѣровъ пожертвованія власти изъ одной любви къ правдѣ и долгу. То, что мною разсказано, представляетъ чистѣйшій примѣръ послѣдняго: здѣсь отверженіе власти—и какой власти!—совершилось безъ всякаго своекорыстнаго вида, а просто изъ уваженія къ святынѣ права, совершилось такъ тайно, такъ тихо, что именно то обстоятельство, которое составляетъ прямое достоинство принесенной жертвы, осталось невѣдомымъ для исторіи; но тѣмъ болѣе оно вѣдомо Тому, Кто ведетъ лѣтопись не земнымъ (минутнымъ или вѣковымъ) событіямъ человѣческаго общества, а дѣяніямъ души человѣческой. Народы и имперіи, ихъ начало, величіе и разрушеніе, и весь родъ человѣческій не иное что, какъ призраки; одно посреди ихъ существенно и живо: безсмертная душа наша. Минутныя земныя событія принадлежатъ листамъ исторіи, столь же минутнымъ и бреннымъ, какъ они; не умирающія дѣла души принадлежатъ листамъ той вѣчной книги Божіей, которая нѣкогда разогнется на послѣднемъ судѣ Его. И на одномъ изъ листовъ этой книги яркими чертами записана та великая минута моего императора, о которой, можетъ быть, ни слова не скажетъ исторія. Если же она скажетъ о ней, то она въ то же время должна будетъ признать, что слова: Божіею милостію, имѣютъ свой полный смыслъ въ императорскомъ титулѣ Николая I. Онъ прямо изъ руки Божіей принялъ свою корону и, разъ принявъ ее, мужественно отстоялъ даръ Божій въ ту роковую минуту, когда враждебная сила покусилась на его похищеніе. Данное Богомъ, Богомъ и сохранится, и русскій тронъ, въ виду мятежей народныхъ, уничтожающихъ святыню власти, непотрясаемо устоитъ на твердомъ основаніи Божіей правды и вѣры въ нее царя и народа».

Все вышеизложенное можно прочесть въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ графу Ш . . . ку, отъ 25-го іюня (7-го іюля) 1848 года. Это письмо было напечатано въ сочиненіяхъ Жуковскаго (Спб., 1857, т. II, стр. 297, Письмо къ графу Ш. о происшествіяхъ 1848 года). Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что это письмо не сходится съ имѣющейся у насъ рукописной копіей; въ напечатанномъ письмѣ встрѣчаются не только большіе пропуски, произвольныя измѣненія, но и такія вставки, которыя вполнѣ искажаютъ смыслъ письма. Жуковскій именно утверждаетъ, что онъ одинъ былъ невольный свидѣтель присяги великаго князя Николая Павловича въ церкви Зимняго дворца, и на этомъ основаніи строитъ всѣ свои послѣдующія разсужденія, между тѣмъ какъ въ напечатанномъ письмѣ сказано, что великій князь вошелъ въ церковь «и съ нимъ—графъ Милорадовичъ, князь Трубецкой, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и другіе». Затѣмъ въ рукописной копіи сказано, что по совершеніи присяги и подписаніи присяжнаго листа «великій князь велѣлъ кликнуть одного изъ своихъ адъютантовъ. Кто былъ имъ посланъ, и который изъ адъютантовъ явился, Кавелинъ, Перовскій или Адлербергъ, я не помню. «Сказать Михаилу Андреевичу Милорадовичу, чтобы велѣлъ приводить къ присягѣ гвардію»,—отдавъ такое приказаніе, великій князь вышелъ изъ церкви». Приведенныя строки выпущены въ напечатанномъ письмѣ.

Замѣтимъ здѣсь, что 28-го августа 1848 года цесаревичъ Александръ Николаевичъ подарилъ барону М. А. Корфу печатную брошюру въ 24 страницы подъ заглавіемъ: «Письмо къ графу Ш . . . ку». Эта брошюра и наша рукописная копія буквально отвѣчаютъ одна другой.

Библиотека "Руниверс"

212. Въ изложеніи событій 27-го ноября въ сочиненіи барона Корфа одно обстоятельство возбуждаетъ недоумѣніе. Судя по его разсказу, оказывается, что Николай Павловичъ обратился сперва съ рѣчью къ дворцовымъ карауламъ, а вслѣдъ затѣмъ присягнулъ въ большой церкви дворца императору Константину. Между тѣмъ въ дѣйствительности имѣлъ мѣсто какъ разъ обратный порядокъ, то-есть Николай Павловичъ сперва присягнулъ въ церкви одинъ, безъ всякихъ свидѣтелей (Жуковскій случайно при этомъ присутствовалъ и не былъ замѣченъ), а потомъ уже великій князь обратился съ рѣчью къ солдатамъ, занимавшимъ дворцовые караулы. Мы придержались въ нашемъ изложеніи записки: «Отъ брата Николая къ брату Константину», которая нисколько не расходится съ разсказомъ Жуковскаго объ этой присягѣ. Въ ней сказано, что великій князь Николай Павловичъ, послѣ учиненной имъ присяги, предсталъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ и объявилъ ему о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина.

213. 28-го ноября 1825 года генералъ Нейдгардтъ писалъ генералъ-адъютанту барону Дибичу въ Таганрогъ:

«25-го числа вечеромъ, мы получили отъ васъ первое несчастное извѣщеніе; опомнившись отъ перваго удара, Воиновъ и Милорадовичъ въ присутствіи моемъ и Потапова рѣшили держать это извѣстіе пока въ тайнѣ, о чемъ оба генерала посовѣтовались еще съ Лопухинымъ.

«26-го числа, получивъ извѣстіе объ облегченіи августѣйшаго больного, мы объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, а на 27-е число было назначено благодарственное молебствіе при дворѣ и въ Невской лаврѣ. Оно имѣло мѣсто, но не было окончено, явился вѣстникъ о кончинѣ императора. Я былъ при дворѣ; отчаяніе, проникшее во всѣ сердца, отразилось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ; великій князь немедленно присягнулъ императору Константину. Этому примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе и караулы. Но ранѣе, чѣмъ это было исполнено, великій князь приказалъ мнѣ передать отъ его имени генералу Воинову, бывшему съ прочими въ Невской лаврѣ, чтобы немедленно привели къ присягѣ гвардію. Я поспѣшилъ туда и возвѣстилъ это событіе въ церковь въ ту самую минуту и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ровно годъ тому назадъ, въ этотъ же часъ, незабвенный Александръ бросилъ горсть земли на могилу своего вѣрнаго Уварова. Точно громомъ поразило всѣхъ это извѣстіе.

«Мы собрались тотчасъ въ гвардейскомъ штабѣ, гдѣ всѣ генералы и полковые командиры принесли присягу, а затѣмъ отправились къ своимъ частямъ, и въ 5 часовъ вечера гвардія поклялась уже положить свою жизнь за новаго императора. Я присутствовалъ при присягѣ пяти полковъ. Старые гренадеры плакали, какъ дѣти, офицеры рыдали, но всѣ исполнили свой долгъ, соблюдая величайшій порядокъ и тишину. Это останется для гвардіи навсегда памятнымъ и послужитъ лучшей похвалой нашему незабвенному благодѣтелю».

(Переводъ съ нѣмецкаго). Военно-ученый архивъ, отд. I, № 961.

214. По свидѣтельству А. Н. Оленина, князь Лобановъ-Ростовскій сказалъ ему: «Все это вздоръ дѣлаютъ, великій князь Николай Павловичъ изволилъ присягнуть государю императору Константину Павловичу. Вѣдь покойный государь на мое имя такой же пакетъ прислалъ для храненія въ сенатѣ, но я его не распечатаю и имъ не покажу. Если вы здѣсь хотите пакетъ вашъ раскрыть, то пора было это кончить и сходку нашу распустить тѣмъ скорѣе, что мнѣ нужно итти скорѣе къ присягѣ, и что я затѣмъ только и остался».

Если вникнуть въ подробности хода дѣла при обращеніи съ послѣднею волею Александра I-го, то нечего удивляться исчезновенію распоряженія императрицы Екатерины II по престолонаслѣдію; какъ гласитъ преданіе, въ сенатѣ и въ синодѣ въ 1796 году также хранились какіе-то таинственные пакеты. Къ сожалѣнію, подробности этого дѣла остаются до сихъ поръ неизвѣстными, а въ современныхъ запискахъ также не встрѣчается, по этому поводу, положительныхъ указаній.

215. См. въ приложеніяхъ краткую собственноручную записку Сперанскаго о событіяхъ 27-го ноября 1825 года. Баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи привелъ слова

Библиотека "Руниверс"

Шишкова, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ государя, а императоръ Николай противъ этихъ словъ писалъ: «и правъ былъ».

216. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлинъ, 1870, т. II, стр. 272.

217. Въ журналѣ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября Оленинъ еще прибавилъ, что графъ Милорадовичъ возвѣстилъ собранію, что содержаніе манифеста вполнѣ извѣстно великому князю Николаю Павловичу, но что онъ торжественно отрекся отъ предоставленнаго ему онымъ права. Противъ этихъ словъ, включенныхъ барономъ Корфомъ въ первоначальную свою рукопись, императоръ Николай написалъ: «не знаю, съ чего Милорадовичъ могъ сіе объявить, ибо мнѣ содержаніе манифеста было вовсе неизвѣстно, и я въ первый разъ видѣлъ и читалъ его, когда совѣтъ принесъ его ко мнѣ».

218. Записка государственнаго секретаря Алексѣя Николаевича Оленина о засѣданіи государственнаго совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. («Сборникъ И. Р. И. О.», т. XX, стр. 507).

219. По поводу синодскаго пакета А. Н. Оленинъ дѣлаетъ слѣдующее отступленіе въ своемъ разсказѣ: «Выходя передъ тѣмъ для узнанія, былъ ли графъ Милорадовичъ у великаго князя, я видѣлъ въ прихожей комнатѣ совѣта оберъ-прокурора правительствующаго синода князя Мещерскаго, просившаго совѣта у князя А. Н. Голицына относительно открытія такового же пакета, присланнаго для храненія въ правительствующемъ синодѣ. Отвѣта князя Голицына я не слыхалъ».

220. Въ собственноручной замѣткѣ Николай Павловичъ пишетъ: «Когда услышали мой рѣшительный отказъ и требованіе присяги, графъ Литта первый сказалъ: «по волѣ покойнаго государя, мы, не присягнувшіе Константину Павловичу, признаемъ васъ нашимъ государемъ; вы одни можете намъ повелѣвать, и буде воля ваша непреклонна, мы должны вамъ повиноваться, но просимъ, ведите насъ къ присягѣ, что я и исполнилъ съ охотою».

Объ этихъ словахъ графа Литты не упомянуто въ запискѣ А. Н. Оленина.

221. Пріемъ членовъ государственнаго совѣта великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ разсказанъ адмираломъ Шишковымъ съ меньшими подробностями; онъ пишетъ, что Николай Павловичъ вышелъ къ нимъ «и всѣхъ со слезами въ очахъ убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривалъ, чтобъ мы шли присягнуть Константину Павловичу. Мы всѣ молчали. Одинъ князь Голицынъ, держа въ рукахъ вышеупоминаемую бумагу, неотступно просилъ его прочитать оную. Великій князь не хотѣлъ читать, говоря, что онъ о содержаніи ея извѣстенъ; но Голицынъ приступалъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно вслухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: «знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу васъ со слезами, успокойте меня и матушку; подите къ ней и скажите, что вы присягаете Константину Павловичу». При сихъ словахъ онъ почти каждаго изъ насъ бралъ за руку и упрашивалъ сдѣлать сіе непремѣнно. Мы пошли къ императрицѣ. Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи. Всѣ мы со слезами подошли къ ней. Она прерывнымъ голосомъ сказала намъ, что хотя, по волѣ покойнаго императора и ея собственной, сдѣлано завѣщаніе, въ которомъ Константинъ Павловичъ отрицается отъ принятія престола, однако-жъ по праву должно ему вступить на оный. По изреченіи сего, отпустили насъ, и мы присягнули новому императору».

Здѣсь записки Шишкова расходятся съ разсказомъ Оленина и другими современными свидѣтельствами. Адмиралъ ошибочно говоритъ, что чины государственнаго совѣта сперва явились къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а затѣмъ присягнули императору Константину. Случилось какъ разъ обратное.

222. А. С. Шишковъ пишетъ: «Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи». Наглядный примѣръ противорѣчій, встрѣчающихся въ запискахъ историческихъ дѣятелей.

Валишевскій не безъ основанія замѣтилъ: «Interrogez dix témoins d'un accident qui vient de mettre la rue en émoi: au troisième rapport, le cocher d'e fiacre qui a écrasé

Библиотека "Руниверс"

un piéton deviendra un vélocipediste écrasé par un omnibus. C'est avec cela que nous faisons de l'histoire». Waliszewsky: «Marysienka», Paris, 1898.

223. Журналъ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября 1825 года подписали 22 члена, а именно: князь Петръ Лопухинъ, князь Алексѣй Куракинъ, Николай Мордвиновъ, Вилимъ фонъ-Дезинъ, графъ Аркадій Морковъ, князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій, графъ Литта, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій, В. Ланской, Василій Пашковъ, Иванъ Тутолминъ, Петръ Кардовъ, А. Сукинъ, Татищевъ, Васильчиковъ, князь Александръ Голицынъ, графъ К. Нессельроде, Александръ Шишковъ, Егоръ Канкринъ, князь Сергій Салтыковъ, Алексѣй Болотниковъ, М. Сперанскій.

224. Журналъ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября 1825 года.

225. Въ сочиненіи барона Корфа: «Восшествіе» (стр. 61), это письмо напечатано въ русскомъ переводѣ; но не сказано, что это переводъ, и притомъ французское «vous» вездѣ замѣнено русскимъ «ты», чѣмъ совершенно измѣняются характеръ и оттѣнки, отличающіе переписку Николая Павловича съ цесаревичемъ. Тщетно я искалъ въ архивахъ это приведенное Корфомъ русское письмо Николая Павловича, и только много лѣтъ спустя послѣдовала для меня разгадка этого недоразумѣнія. Оказалось, что когда рѣшено было въ царствованіе императора Александра напечатать для публики сочиненіе барона Корфа о 14-мъ декабря, то графъ В. Ф. Адлербергъ написалъ 30-го апрѣля 1857 года автору письмо, въ которомъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: «à mon avis il vaudrait mieux ne pas citer textuellement les lettres de l'empereur Nicolas et du grand duc Constantin, écrites en français, mais les produire en traductions russes. Par le temps qui court, une correspondance entre souverain et frère de souverain en langue étrangère sur des objets aussi graves que ceux dont elle est l'objet, ferait mauvais effet, et verserait de l'eau sur le moulin des détracteurs, des slavénophiles etc. etc. etc.». Баронъ Корфъ послѣдовалъ этому коварному совѣту не только относительно письма отъ 27-го ноября, но и относительно всей послѣдовавшей затѣмъ, во время междуцарствія, переписки Николая Павловича и цесаревича; славянофилы могли успокоиться, а историческая правда пострадала на многіе годы.

226. «Cher ami! L'on ne sait où vous êtes: hier je vous ai écrit à Taganrog, aujourd'hui c'est sur la route de Varsovie que je vous cherche. Ah, cher ami, comment supportez vous ce malheur affreux. Ce cher empereur nous est ravi, nous ne devons plus le revoir, et pour nous le jour qui vient est plus triste encore que la veille. Ah, il vous aimait tant aussi, et combien il vous l'a prouvé. Chacune de ses qualités est pour nous une nouvelle source de larmes qui ne tarira jamais.

«Maman est aussi bien que la triste époque le permet. Pauvre, chère maman, un enfant après l'autre est ravi à son coeur. Elle communiera après demain et espère en Dieu. La pauvre impératrice! Ah, qu'elle est à plaindre, elle n'attend plus que la mort, elle a épuisé tous les chagrins.

«Voici un bulletin de ma santé que votre frère veut absolument que je vous envoie; il est parfait sous tous les rapports.

«Adieu, cher ami, venez bientôt. Quand les restes de notre cher empereur seront ici et que votre frère sera ici, maman ira trouver l'impératrice. Que je voudrais pouvoir recueillir aussi ses larmes». (Письмо великой княгини Елены Павловны къ великому князю Михаилу Павловичу, отъ 28-го ноября 1825 года).

227. По поводу сенатской присяги П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Министръ юстиціи, князь Лобановъ, прибывъ въ собраніе (общее собраніе правительствующаго сената), объявилъ печальное извѣстіе и предложилъ намъ присягнуть законному наслѣднику престола Константину Первому. Сенатъ въ полномъ составѣ отправился въ сенатскую церковь, принесъ обычную присягу и, возвратясь въ зало засѣданій, постановилъ разослать немедленно по всей имперіи указы о присягѣ новому императору. Въ тотъ же вечеръ его величеству было послано донесеніе обо всемъ происшедшемъ. По этому поводу возникъ споръ объ отправкѣ съ этимъ извѣстіемъ сенатора; это предложеніе было сдѣлано Егоромъ Александровичемъ Кушелевымъ, но

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ никто не согласился. Я ему замѣтилъ, что такъ какъ извѣстіе о кончинѣ императора было сообщено сенату оберъ-прокуроромъ, то только ему можетъ быть предоставленъ и выборъ того лица, съ коимъ донесеніе о присягѣ будетъ послано императору». («Русская Старина», 1897 года, т. LXXXIX, стр. 459).

228. Корфъ: «Восшествіе», стр. 60, и записка: «Отъ брата Николая къ брату Константину».

229. Записка: «Отъ брата Николая къ брату Константину».

230. Указъ правительствующаго сената отъ 27-го ноября 1852 года, съ приложеніемъ клятвеннаго обѣщанія.

231. Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 976.

На конвертѣ этого письма собственноручно написано великимъ княземъ:

«Его превосходительству
барону Ивану Ивановичу
Дибичу.
Отъ Николая Павловича».

232. Извѣщеніе о кончинѣ императора Александра и воцареніи императора Константина I было переведено изъ «Journal de St. Pétersbourg», гдѣ оно также появилось 28-го ноября 1825 года, № 143.

233. Въ другомъ мѣстѣ этого же журнала сказано, что когда графъ Милорадовичъ явился въ государственный совѣтъ во время чрезвычайнаго собранія, онъ сказалъ, что содержаніе манифеста вполнѣ извѣстно великому князю Николаю Павловичу, но что онъ торжественно отрекся отъ предоставленнаго ему онымъ права.

234. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе 14-го декабря 1825 года».

235. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 53.

236. Ѳедоръ Петровичъ Опочининъ разсказывалъ князю Сергѣю Трубецкому, что по полученіи тревожныхъ вѣстей изъ Таганрога великій князь Николай Павловичъ пригласилъ къ себѣ князя Лопухина, князя Алексѣя Куракина и графа Милорадовича. Великій князь объявилъ имъ свои права на престолъ вслѣдствіе отреченія Константина Павловича. «Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ наотрѣзъ, что великій князь Николай не можетъ и не долженъ никакъ надѣяться наслѣдовать брату своему Александру, въ случаѣ его смерти; что законы имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію, что притомъ завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; что отреченіе Константина также не явное и осталось не обнародованнымъ; что Александръ, если хотѣлъ, чтобы Николай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни волю свою и согласіе на нее Константина; что ни народъ, ни войско не поймутъ отреченія и припишутъ все измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что ни государя самого, ни наслѣдника по первородству нѣтъ въ столицѣ, но оба были въ отсутствіи; что наконецъ гвардія рѣшительно откажется принести Николаю присягу въ такихъ обстоятельствахъ, и неминуемое затѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе. Совѣщаніе продолжалось до двухъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись».

(Записки декабриста князя Сергѣя Трубецкого).

Всѣ доводы графа Милорадовича, излагаемые княземъ Трубецкимъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ взглядамъ, высказываемымъ тогда с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Что же касается самого совѣщанія, то припомнимъ, что въ запискѣ: «Отъ брата Николая къ брату Константину», дѣйствительно упомянуто, что вечеромъ 25-го ноября великій князь Николай Павловичъ, графъ Милорадовичъ и генералъ Воиновъ приступили къ совѣщанію, какія нужно принять мѣры въ случаѣ полученія извѣстія о кончинѣ императора Александра, и остановились на немедленномъ провозглашеніи императора Константина Павловича; Николай Павловичъ же при этомъ случаѣ заявилъ,

Библиотека "Руниверс"

что онъ первый приметъ присягу законному наслѣднику. Очевидно, что фактъ, сообщенный княземъ Трубецкимъ, вполнѣ достовѣренъ; память измѣнила ему только относительно состава лицъ, приглашенныхъ на совѣщаніе 25-го ноября. Присутствіе князя Лопухина, какъ предсѣдателя государственнаго совѣта, еще возможно допустить, но привлеченіе князя Алексѣя Борисовича Куракина, какъ заурядnаго члена совѣта, къ рѣшенію столь важнаго вопроса является просто невозможнымъ и ничѣмъ не объяснимымъ дѣйствіемъ.

237. Изъ письма графини Маріи Дмитріевны Нессельроде (рожд. Гурьевой) къ брату, графу Николаю Дмитріевичу Гурьеву, отъ 2-го (14-го) декабря 1825 года.

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

238. Записки декабриста князя Сергѣя Трубецкого.

239. Изъ письма графини М. Д. Нессельроде отъ 6-го (18-го) декабря 1825 года.

Многое разъясняетъ слѣдующая замѣтка современника:

«On prétend que l'empereur et le grand duc renièrent leur kaпральство et que Michel dit: я прежде былъ ефрейторомъ не по охотѣ, но я исполнялъ волю императора, какъ вѣрноподданный его, со всѣмъ возможнымъ усердіемъ. Ежели солдатъ какой нибудь худо одѣтымъ былъ, онъ мнѣ приказывалъ писать отношеніе».

По свидѣтельству того же современника, можно было бы подумать, что императоръ Александръ какъ бы задался цѣлью сосредоточивать на себѣ симпатіи и создавать контрасты между собою и своими братьями. (On dirait vraiment que l'empereur s'était mis à tâche de concentrer l'affection sur lui et de faire établir des contrastes).

Декабристъ баронъ Штейнгель пишетъ: «Покойный государь Александръ былъ подозрителенъ, имѣя даже къ тому сильный поводъ. Пріобрѣсть любовь, особливо войскъ, было бы со стороны великаго князя Николая Павловича болѣе, нежели политическою ошибкою».

240. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. IV.

См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта Дибича императрицѣ матери отъ 19-го ноября 1825 года и письмо князя Волконскаго отъ того же числа.

241. Дневникъ императрицы Александры Ѳеодоровны; она возмущена тѣмъ, что Михаилъ Павловичъ называетъ благородный поступокъ (edele Handlung) брата революціоннымъ (die er revolutionär nannte).

242. Князь А. А. Шаховской, р. 1773 г., ум. 1846 г., извѣстный драматическій писатель.

243. Записки Р. М. Зотова напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 года т. LXV, стр. 42—44). Мы придерживались при изложеніи этого разговора подлинной рукописи Зотова, которая полнѣе «Записокъ», напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

244. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. Berlin, 1862, t. IV, p. 16.

245. Петербургъ въ 1825 и 1826 годахъ, по дневнику П. Г. Дивова. «Русская Старина», 1897 г., т. LXXXIX, стр. 461.

246. «Man spielt nicht mit der legitimen Thronfolge, wie mit einem Privateigenthum».

Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg, t. IV, p. 13.

247. Содержаніе письма графа Милорадовича отъ 27-го ноября 1825 года, привезенное въ Москву адъютантомъ его, графомъ Мантейфелемъ, было слѣдующее:

«Милостивый государь, князь Дмитрій Володимировичъ! Всемогущему Богу угодно было взять къ себѣ обожаемаго нами монарха. Его императорскому величеству Константину Павловичу сдѣлана здѣсь присяга его императорскимъ высочествомъ Николаемъ Павловичемъ, государственнымъ совѣтомъ, синодомъ и войскомъ. По повелѣнію его высочества Николая Павловича посылаю я къ вашему сіятельству адъютанта моего, графа Мантейфеля, съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали распоряженіе къ приведенію къ присягѣ его императорскому величеству Константину Павловичу. У вашего сіятельства въ сохраненіи есть бумага блаженной и достойной памяти его величества Александра Павловича. Его высочеству Николаю Павловичу угодно, чтобы ваше сіятельство не распечатывали того пакета. Его же высочество самъ къ вамъ будетъ объ ономъ особо писать. На случай же сей пакетъ распечатанъ, то непремѣнная и непоколебимая воля

Библиотека "Руниверс"

его императорскаго высочества есть, чтобы присяга учинена была его величеству Константину Павловичу. Исполняя волю его императорскаго высочества, имѣю честь о семъ для точнѣйшаго исполненія увѣдомить. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства всепокорный слуга,

«графъ Милорадовичъ».

248. Это письмо отправлено было генералъ-адъютантомъ Дибичемъ изъ Таганрога 12-го (24-го) ноября 1825 года.

249. Генералъ-штабъ-докторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кучковскій.

250. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе».

251. Разсказъ П. А. Колзакова о полученіи цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра I. (Записанъ К. П. Колзаковымъ). «Русская Старина» 1870 года, т. I (изд. 1-е, стр. 495).

Не лишены также интереса объясненія генерала Куруты съ П. А. Колзаковымъ во время его ареста.

Курута упрекалъ Колзакова за то, что онъ перебилъ рѣчь цесаревича и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ великаго князя.

— «Да помилуйте, Дмитрій Дмитріевичъ,—оправдывался Колзаковъ: — я ждалъ, чтобы кто нибудь изъ васъ его привѣтствовалъ, какъ государя, но всѣ молчали; наконецъ, мнѣ больно было видѣть его отчаяніе и грусть, я хотѣлъ отвлечь его на время отъ его горести, ободрить его тѣмъ, что Россія не пропала».

— «Да какое вамъ, монъ серъ, дѣло до этого?—возражалъ Курута: — Россія пропала, ну, Христосъ съ ней, пропала!... на словахъ все можно сказать, но къ цему тутъ было возразать!»

Всѣ расхохотались, хитрый грекосъ самъ засмѣялся и, наконецъ, прибавилъ: «Вотъ вамъ, монъ серъ, ваша шпага, которую великій князь приказалъ вамъ возвратить, можете свободно отправиться домой».

252. Письма цесаревича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу были впослѣдствіи обнародованы въ приложеніяхъ къ манифесту отъ 12-го декабря 1825 года.

Въ письмѣ къ великому князю Николаю Павловичу цесаревичъ именовалъ его титуломъ императорскаго величества и подписался: «вѣрнѣйшій подданный Константинъ цесаревичъ».

253. См. въ приложеніяхъ письмо цесаревича Константина Павловича великому князю Николаю Павловичу отъ 26-го ноября (8-го декабря) 1825 года.

254. См. въ приложеніяхъ письма цесаревича Константина Павловича къ князю Волконскому и барону Дибичу отъ 26-го ноября 1825 года.

Въ особомъ секретномъ письмѣ на имя князя Волконскаго цесаревичъ присовокупилъ копію письма къ нему отъ императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года, для собственнаго свѣдѣнія князя Волконскаго и барона Дибича и храненія въ глубочайшей тайнѣ «до надлежащаго въ свое время по оному дѣйствія».

255. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе»...

256. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 31.

257. Донесеніе адъютанта великаго князя Николая Павловича, штабсъ-капитана Лазарева, отъ 6-го декабря 1825 года. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 27.

258. Слово непоколебимо (inébranlable) подчеркнуто карандашемъ Николаемъ Павловичемъ.

259. Государственный архивъ. На конвертѣ надпись цесаревича: «Pour mon frère Nicolas».

По всей вѣроятности, это письмо было вложено въ конвертъ съ письмомъ, предназначавшимся императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; послѣднее письмо намъ не удалось найти въ архивахъ.

Баронъ Корфъ въ сочиненіи своемъ: «Восшествіе» (стр. 82), приводитъ это письмо въ неточномъ переводѣ, при чемъ авторъ, по усвоенному имъ обыкновенію, не говоритъ, что напечатанное имъ письмо есть переводъ съ французскаго.

Библиотека "Руниверс"

260. Впослѣдствіи, даже когда цесаревичъ Константинъ Павловичъ узналъ о событіяхъ 14-го декабря, онъ нисколько не измѣнилъ своимъ взглядамъ и никогда не соглашался съ мнѣніемъ, что его появленіе въ Петербургѣ въ 1825 году сдѣлало бы невозможнымъ открытый бунтъ. Напротивъ того, 20-го декабря 1825 года, цесаревичъ въ письмѣ къ императору Николаю высказалъ совершенно обратный взглядъ и писалъ: «Quel bonheur dans ce malheur que je n'ai pas été à Pétersbourg dans ce moment critique et où cette canaille agitait, soit disant, en mon nom. Dieu sait quel mal il aurait pu arriver».

Еще въ самомъ началѣ междуцарствія графъ М. С. Воронцовъ писалъ графу Нессельроде (29-го ноября 1825 года): «La raison d'état et l'amour filial doivent le faire aller droit à Péterbourg».

261. Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 596.

262. Въ особой припискѣ было еще прибавлено:

«Его императорское высочество цесаревичъ приказать изволилъ вамъ напомнить и дабы вы прочли присягу, по которой вы присягали покойному государю императору Александру Павловичу и наслѣднику его императорскаго величества, который назначенъ будетъ».

263. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 38.

Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 139.

264. Записки декабриста князя Сергѣя Трубецкого.

265. Н. И. Шёнигъ въ своихъ запискахъ сопровождаетъ внезапное выздоровленіе графа Аракчеева и появленіе его на служебномъ поприщѣ слѣдующимъ остроумнымъ замѣчаніемъ:

«Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила». «Русскій Архивъ» 1880 года, книга 3-я, стр. 323.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ объ этомъ П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ отъ 5-го декабря 1825 года.

«Аракчеевъ вновь вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Удивительно, что этотъ человѣкъ, потерявшій голову, когда умерла его экономка и любовница, выказалъ полнѣйшее равнодушіе по случаю кончины своего друга императора Александра I (который называлъ его постоянно этимъ весьма мало имъ заслуженнымъ именемъ). «Русская Старина» 1897 года, т. LXXXIX, стр. 464.

Графиня Нессельроде писала брату 6-го декабря 1825 года:

«Il (т.-е. Аракчеевъ) apprend la fatale nouvelle. Jugez de notre étonnement. Au lieu de persister maintenant dans ce projet d'abandonner les affaires, il donne un ordre du jour dans lequel il déclare une guérison complète et que dès ce jour il reprendra toutes ses fonctions, et depuis cette nuit il est ici, mais barricadé à ce que l'on dit, ne voyant personne. Du vivant de l'empereur il lui donne le chagrin d'abandonner les affaires qui l'intéressent le plus, comme les colonies, il résiste à toutes ses lettres où il l'engage à les reprendre, et la nouvelle de sa mort qui tue moralement tout le monde, le fait revivre! On est persuadé que toute cette histoire aura fait beaucoup de peine à l'empereur en ce qu'elle a mis au jour ce personnage d'une manière si odieuse». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

266. Предосторожность побуждала принять мѣры къ тому, чтобы останавливать всѣ письма, приходившія изъ Варшавы. Великій князь Николай Павловичъ приказалъ также графу Милорадовичу, чтобы фельдъегерей, могущихъ прибыть изъ Варшавы, провожали отъ заставы прямо къ нему съ казакомъ. Эстафета съ бумагами изъ канцеляріи цесаревича, приходившая еженедѣльно въ Петербургъ, приносилась къ великому князю Николаю Павловичу; бумаги, не терпѣвшія отлагательства, онъ бралъ лично къ себѣ и просилъ лицъ, къ коимъ онѣ были адресованы вскрывать ихъ въ своемъ присутствіи.

267. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 75.

268. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

269. Письмо это написано великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ по-французски.

270. Предписаніе написано было рукою великаго князя Николая Павловича.

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 41.

271. 6-го декабря, явилось въ печати второе прибавленіе къ № 146 «Сѣверной Пчелы», въ которомъ читаемъ:

«Государыня императрица Марія Ѳеодоровна изволила вчера къ вечеру получить извѣстія, удостовѣряющія о вожделѣнномъ здравіи государя императора и обнадеживающія о скоромъ его прибытіи въ столицу».

3-го декабря императрица Марія Ѳеодоровна получила письма цесаревича, привезенныя Михаиломъ Павловичемъ; слѣдующія затѣмъ письма доставлены въ Петербургъ 9-го декабря. Спрашивается: на какія извѣстія, полученныя 5-го декабря, ссылалось газетное прибавленіе, поддерживая, сверхъ того, надежду на скорый пріѣздъ въ Петербургъ императора Константина? Не было ли все это сочинено для успокоенія столичной публики?

272. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 80.

273. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 27.

274. 7-го декабря 1825 года, адъютантъ великаго князя Николая Павловича, Перовскій, получилъ слѣдующее предписаніе дежурнаго генерала Потапова:

«Его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ приказалъ мнѣ объявить вамъ приказаніе его высочества, чтобъ по прибытіи въ Стрѣльну адъютанта Лазарева или фельдъегеря Гусева, взявъ того изъ нихъ, кто прежде пріѣдетъ, или обоихъ, если вмѣстѣ пріѣдутъ, ѣхать въ С.-Петербургъ и, не въѣзжая съ ними въ столицу, извѣстить тотчасъ, въ какое бы то время ни было, меня и ожидать у заставы моего увѣдомленія».

Что же касается письма къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отправленнаго цесаревичемъ одновременно съ письмомъ къ великому князю Николаю Павловичу, то намъ не удалось найти его въ архивахъ. Баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи также не приводитъ содержанія этого письма и, вѣроятно, не имѣлъ его въ рукахъ.

275. Баронъ Фредериксъ скончался въ 1849 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.

276. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Т. IV. Здѣсь помѣщенъ подробный разсказъ о доносѣ Шервуда о разговорѣ его съ императоромъ Александромъ, передъ отъѣздомъ государя въ Таганрогъ, равно какъ свѣдѣнія о распоряженіяхъ, вызванныхъ разоблаченіями, сдѣланными Шервудомъ.

277. Въ прочей официальной перепискѣ этого времени Шервудъ именуется унтеръ-офицеромъ 3-го Украинскаго уланскаго полка.

278. 13-го (25-го) августа 1825 года, графъ Виттъ писалъ между прочимъ императору Александру въ Петербургъ:

«Tout en cherchant à découvrir un principe de mécontentement là où il aurait pu se cacher, un hazard bien heureux a mis mes agents à la piste d'une affaire bien plus grave et d'une nature bien autrement sérieuse et conséquente; car il s'agit, sire, de la tranquillité de votre majesté impériale. ...actuellement que j'ai su le but auquel on vise, j'ose supplier votre majesté de me présenter à elle, car il est question de choses qui ne peuvent être écrites et qu'il est impossible de confier qu'à votre majesté impériale. Vous vous trouverez, sire, sur la voie de bien des événements.

«Pour ne pas donner d'ombrage du but de mon arrivée à Pétersbourg et que cela ne soit connu que de votre majesté, j'ai voulu demander un semestre de 28 jours, mais comme on dit ici que votre majesté impériale doit se rendre pour quelques jours à Taganrog, peut-être, sire, daigneriez vous permettre que je me présente là; étant dans le même gouvernement que les colonies, j'ose assurer votre majesté que ce n'est point des colonies dont-il s'agit, que ce n'est pas non plus un moyen dont je profite pour chercher à me justifier des calomnies et du mal qu'on cherche à me faire; ma conscience est trop nette, mon honneur et mon zèle pour le service de votre majesté trop irréprochable.

Библиотека "Руниверс"

D'ailleurs, sire, tout ce qui me regarde disparait en entier de ma pensée, car elle n'a que votre majesté et sa tranquillité pour objet, et plus que jamais vous verrez, sire, maintenant dans moi et toute ma conduite que zèle, dévouement et vénération pour votre majesté impériale».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959 (а).

279. См. въ приложеніяхъ всеподданнѣйшее письмо капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Аркадія Майбороды, отъ 25-го ноября 1825 года, изъ Житомира.

280. Въ дополненіе къ всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта Дибича отъ 4-го декабря 1825 года см. въ приложеніяхъ:

1) Предписаніе генералъ-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду отъ 10-го ноября 1825 года изъ Таганрога.

2) Открытый листъ, данный генералъ-адъютантомъ Дибичемъ полковнику Николаеву, отъ 11-го ноября 1825 года.

3) Донесеніе унтеръ-офицера Шервуда генералъ-адъютанту Дибичу отъ 18-го ноября 1825 года изъ Харькова.

4) Донесенія полковника Николаева генералъ-адъютанту Дибичу отъ 14-го и 18-го ноября 1825 года изъ Харькова.

5) Рапортъ и письмо командира 3-го корпуса генерала Рота къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 26-го ноября 1825 года изъ Житомира.

6) Письмо генералъ-адъютанта Дибича къ графу Сакену отъ 15-го декабря 1825 года изъ Таганрога.

7) Письмо генералъ-адъютанта Чернышева къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 9-го декабря 1825 года изъ Елисаветграда.

281. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Т. VI.

282. Письмо цесаревича Константина Павловича къ великому князю Николаю Павловичу отъ 8-го (20-го) декабря 1825 года написано по-французски.

283. Отвѣтъ цесаревича положилъ конецъ междуцарствію, о которомъ одинъ русскій писатель выразился: «Pendant quinze jours l'on joua la couronne de Russie au ballon en se la renvoyant mutuellement».

Графиня Нессельроде писала брату 7-го декабря 1825 года:

«On n'a jamais vu une nation plus calme attendre son tout avec plus de soumission, l'histoire n'offre point un exemple de deux frères si honnêtes qui se rejettent une couronne comme un ballon».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

284. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 34.

285. Рескриптъ цесаревича князю Лобанову-Ростовскому былъ прочитанъ въ сенатѣ и напечатанъ уже послѣ восшествія на престолъ императора Николая, а именно 18-го декабря 1825 года.

Что же касается до рескрипта князю Лопухину, то онъ оставался въ секретѣ до 1857 года, когда его впервые напечаталъ баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи.

286. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 36.

Проектъ манифеста о воцареніи императора Николая I, собственноручно написанный Карамзинымъ.

287. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 36.

Этому рескрипту не было дано гласности, несмотря на его офиціальный характеръ. Отвѣтъ цесаревича послѣдовалъ 20-го декабря 1825 года. Онъ помѣщенъ нами въ пятой главѣ, по современному печатному списку; между тѣмъ баронъ Корфъ утверждаетъ, что письмо цесаревича не было обнародовано («Восшествіе», стр. 116). У Корфа, кромѣ того, встрѣчается и другая ошибка, въ самой подписи рескрипта, которая обозначена слѣдующимъ образомъ: «душевно-вѣрноподданный Николай».

288. См. въ приложеніяхъ проектъ указа императора Николая о назначеніи правителя государства.

289. Два документа изъ бумагъ генералъ-адъютанта Іакова Ивановича Ростовцева. «Русскій Архивъ» 1873 года, стр. 449.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

Помѣщенное въ этой статьѣ письмо І. И. Ростовцева къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому (бывшему декабристу) отъ 18-го ноября 1858 года нѣсколько полнѣе въ «Русской Старинѣ» 1889 года, т. LXIII, стр. 617.

290. «Обливаясь слезами —пишетъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ въ своихъ запискахъ,—съ сердцемъ, исполненнымъ священнаго благоговѣнія, оставилъ я Зимній дворецъ. Я прежде не воображалъ, чтобы великій князь могъ быть до такой чрезмѣрной степени великъ душею. Съ этой минуты онъ получилъ безусловное право на жизнь мою. Какъ бы онъ ни былъ великъ впослѣдствіи, но его поступокъ со мною будетъ одно изъ великихъ дѣяній его жизни».

291. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Т. IV.

292. Многіе изъ современниковъ относились вообще очень строго къ графу Милорадовичу. Такъ, напримѣръ, графиня Нессельроде въ своей перепискѣ называетъ его «ce polichinelle sans coeur» и горько сожалѣетъ о сближеніи его съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, состоявшемся во время междуцарствія.

293. Записки декабриста. Лейпцигъ. 1870. Стр. 84.

294. Автобіографическія записки Александра Дмитріевича Боровкова. «Русская Старина», 1898 года. Т. XCVI, стр. 333.

13-го декабря Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ военнаго министра и сообщилъ ему извѣстія объ открытіи въ арміи тайнаго общества. По возвращеніи изъ дворца Татищевъ разсказывалъ своему довѣренному совѣтнику Боровкову, что онъ, ознакомившись съ дѣломъ, испрашивалъ соизволеніе арестовать злоумышленниковъ, имена которыхъ сдѣлались извѣстными.

— «Нѣтъ,—сказалъ Николай Павловичъ,—этого не дѣлай. Не хочу, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатлѣніе сдѣлаемъ на всѣхъ».

— «Но,—докладывалъ министръ,—безпокойные заговорщики могутъ произвести безпорядокъ».

— «Пусть такъ,—прервалъ его Николай Павловичъ,—тогда и аресты никого не удивятъ; тогда не сочтутъ ихъ несправедливостію и произволомъ».

Видя твердую волю и хладнокровную увѣренность великаго князя Николая Павловича, министръ не смѣлъ возражать. «Но сердце мое билось», признавался Татищевъ. Такимъ образомъ оказывается, что рыцарское прямодушіе Николая Павловича воспрепятствовало принятію мѣръ, которыя въ корнѣ подорвали бы всякое проявленіе мятежнаго движенія. Послѣ подобнаго положительнаго выраженія державной воли со стороны готовившагося вступить на престолъ монарха, переданной имъ военному министру, едва ли справедливо будетъ всю отвѣтственность за бездѣйствіе правительства возлагать попрежнему на одного графа Милорадовича, какъ это дѣлалось доселѣ лицами, разбиравшими воцареніе преемника Александра I.

Вообще въ исторіи междуцарствія остается еще немало темныхъ, неразъясненныхъ по сю пору сторонъ, но зато на каждомъ шагу встрѣчаются въ изобиліи колебаніе, недоумѣніе; все предоставлено было какъ бы случаю.

295. 10-го декабря 1825 года, графиня Нессельроде писала брату:

«Je sais que le grand duc Nicolas sent la nécessité de s'occuper de l'intérieur, il l'a dit et en sent la difficulté; pour la politique il a dit à mon mari que sa marche était tracée, qu'il ne se mélerait point ou moins de l'intérieur des pays voisins, donnerait moins de conseils et maintiendrait tant que possible la paix». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

Впослѣдствіи обстоятельства оказались сильнѣе высказанныхъ тогда великимъ княземъ благихъ намѣреній, которыми намѣренъ былъ руководствоваться будущій императоръ.

296. Въ ужинѣ не принимали участія князь Лопухинъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и графъ Аракчеевъ.

297. По журналу государственнаго совѣта императоръ Николай поручилъ А. Н. Оленину прочесть рескриптъ цесаревича къ князю Лопухину, а затѣмъ взялъ его къ себѣ обратно, не признавая возможнымъ дать ему гласность вслѣдствіе высказаннаго

Библиотека "Руниверс"

въ отвѣтѣ Константина Павловича рѣзкаго осужденія всего того, что было сдѣлано въ Петербургѣ въ день 27-го ноября; а въ сущности высказанное въ рескриптѣ осужденіе относилось къ Николаю Павловичу.

Рескриптъ князю Лопухину отъ 3-го (15-го) декабря 1825 года напечатанъ у Корфа: «Восшествіе», стр. 207.

298. Записки А. С. Шишкова, т. II, стр. 274.

299. Николай Бестужевъ, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.

300. Константинъ Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника морского штаба.

301. Высочайше учрежденный 17-го декабря 1825 года комитетъ для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ.

302. Въ письмѣ графини М. Д. Нессельроде отъ 10-го декабря 1825 года замѣчено:

«Il est facile au grand duc Nicolas de regagner les sentiments, en abolissant quelques mesures vexatoires, en rétablissant l'ordre, son rôle peut être fort beau. Le grand duc Nicolas a dit: «Je sais que j'ai été un désagréable chef de brigade, un divisionnaire insupportable, je le devais alors, mais maintenant ma position étant autre je changerai». Il y a de l'éxagération, personne ne lui a ordonné d'être emporté, munitieux, mais certainement que l'on exigeait de lui un maintien dans la troupe très sévère, que l'on s'en prenait à lui pour la moindre chose et que publiquement il était reprimandé. Son caractère étant empereur peut prendre un essor tout autre». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

303. Записки декабриста. Лейпцигъ. 1870. Стр. 86.

Авторъ этихъ записокъ, баронъ Андрей Розенъ, въ 1825 году былъ поручикомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

304. Дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой.

Главная квартира 4-го корпуса находилась въ Кіевѣ, и князь Трубецкой былъ тогда въ отпуску въ Петербургѣ, гдѣ его застало междуцарствіе.

305. Полковникъ Александръ Михайловичъ Булатовъ въ день 14-го декабря не принялъ начальства надъ войсками, собравшимися на Сенатской площади.

При личномъ допросѣ императоромъ Николаемъ полковника Булатова государь выразилъ удивленіе видѣть его въ числѣ мятежниковъ; на эти слова Булатовъ отвѣтилъ, что напротивъ того онъ удивленъ видѣть предъ собою государя.

— «Что это значитъ?»

— «Вчера слишкомъ два часа стоялъ я въ двадцати шагахъ отъ вашего величества съ заряженными пистолетами и съ твердымъ намѣреніемъ убить васъ; но каждый разъ, когда хватался за пистолетъ, сердце мнѣ отказывало»,—объяснилъ Булатовъ.

Государю понравилось откровенное признаніе.

(Записки декабриста. Лейпцигъ, 1870, стр. 98).

Полковникъ Булатовъ скончался 19-го января 1826 года въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Въ припадкѣ умопомѣшательства Булатовъ бился головою объ стѣну и раздробилъ себѣ черепъ («Русская Старина», 1887 года, т. LIII, стр. 218).

306. Записки князя Трубецкого.

Изложивъ предположенія свои относительно дѣйствій тайнаго общества въ Петербургѣ, князь Трубецкой сопровождаетъ ихъ слѣдующими разсужденіями:

«Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни, но онъ готовъ рисковать ею за всякую бездѣлицу. Вездѣ, гдѣ какая нибудь страсть овладѣетъ разсудкомъ, человѣкъ жертвуетъ ею, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ очень дорожитъ бытіемъ своимъ. Но во всѣхъ почти случаяхъ, когда разумъ не омраченъ, то за такую жертву онъ ожидаетъ какого нибудь вознагражденія, и, сверхъ того, есть какая нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобъ хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и, сверхъ того, подвергнуться, можетъ быть, безславію и позорной смерти, то недостаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ,

Библиотека "Руниверс"

дорожащій честію, не иначе рѣшится на такой шагъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены общества, рѣшившіеся исполнить то, что почитали своимъ долгомъ, на что обрекли себя при вступленіи въ общество, не убоялись позора. Они не имѣли въ виду никакихъ для себя личныхъ выгодъ, не мыслили о богатствѣ, о почестяхъ, о власти; они все это предоставляли людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществу, но такимъ, которыхъ считали способнѣйшими по истинному достоинству или по мнѣнію (которымъ пользовались) привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душею желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи и которые, къ несчастію, продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ, члены тайнаго общества союза Благоденствія рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе, всѣ преимущества, какими пользовались, все, что имѣли, — безъ всякаго возмездія».

Въ дѣйствительности князь Трубецкой исполнилъ свою пышную программу весьма неудовлетворительно. 14-го декабря избранный диктаторъ не явился на Сенатской площади и не принялъ начальства надъ ожидавшими его тамъ войсками, несмотря на несомнѣнную личную храбрость, доказанную имъ въ походахъ 1812 и 1813 годовъ, но по слабости характера онъ устрашился отъ собственныхъ предначертаній. Но этого было еще мало; въ то время, когда единомышленники его проливали кровь свою въ неравной борьбѣ, онъ присягнулъ въ главномъ штабѣ императору Николаю. Когда же государь выѣхалъ на площадь, онъ замѣтилъ князя Трубецкого около дома главнаго штаба, не подозрѣвая, что онъ имѣетъ передъ собою диктатора мятежнаго движенія.

Впослѣдствіи, при допросѣ въ слѣдственной комиссіи, князь Трубецкой призналъ себя главнымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ происшествій 14-го декабря и несчастной участи своихъ сотоварищей, коихъ вовлекъ въ преступленіе и примѣромъ и словами, потому что если бы онъ рѣшительно участвовать отказался, то никто бы не началъ. Трубецкой присовокупилъ, что «если бы онъ разъ вышелъ въ толпу мятежниковъ, то могъ бы сдѣлаться истиннымъ исчадіемъ ада, какимъ нибудь Робеспьеромъ или Маратомъ, почему въ раскаяніи благодаритъ Бога, что на площадь не явился».

Александръ Бестужевъ показалъ, что поступокъ князя Трубецкого имѣлъ рѣшительное вліяніе на офицеровъ и солдатъ, собравшихся на площади, «ибо съ маленькими эполетами и безъ имени никто принять команду не рѣшился».

Декабристъ Иванъ Пущинъ пишетъ: «При всей личной храбрости, Трубецкой—самый нерѣшительный человѣкъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и потому не въ его природѣ было рѣшиться взять на свою отвѣтственность кровь, которая должна была пролиться, и всѣ безпорядки, непремѣнно слѣдующіе за пролитой кровью въ столицѣ».

Вотъ какая бездна отдѣляетъ иной разъ умозрительныя разсужденія отъ осуществленія ихъ въ дѣйствительной жизни.

307. Нерасположеніе было обоюдное. Великій князь Николай Павловичъ не долюбливалъ князя Оболенскаго, и послѣ ареста послѣдняго, когда онъ былъ приведенъ въ Зимнемъ дворцѣ къ допросу, со связанными руками, государь сказалъ присутствовавшимъ здѣсь генераламъ: «Вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него». (Записки князя Трубецкого).

Припомнимъ, что Николай Павловичъ командовалъ гвардейскою бригадою и весьма недолго дивизіею, а князь Оболенскій занималъ должность старшаго адъютанта въ дежурствѣ командующаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса, генерала Бистрома. Оболенскій могъ, конечно, причинять великому князю множество мелкихъ непріятностей по службѣ.

308. На другой день утромъ Якубовичъ не исполнилъ даннаго ему порученія. «Онъ, по словамъ Александра Бестужева, сказаннымъ брату, остался на своей квартирѣ обдумывать, какъ бы похрабрѣе измѣнить намъ. На всѣ мои убѣжденія ѣхать

Библиотека "Руниверс"

къ артиллеристамъ и измайловцамъ онъ упорно повторялъ: «вы затѣяли дѣло несбыточное, вы не знаете русскаго солдата, какъ знаю я». — Когда же возмутившіяся части Московскаго полка устремились по Гороховой къ сенату, Якубовичъ торопливо сбѣжалъ изъ своей квартиры къ мятежникамъ, съ саблею наголо, на остріѣ которой красовалась его шляпа съ бѣлымъ перомъ. Онъ пошелъ впереди войскъ съ восторженными криками: ура, Константинъ!

«Что бы это значило?—сказалъ Александръ Бестужевъ своему брату:—надо испытать его». Затѣмъ онъ обратился къ Якубовичу съ словами: «По праву храбраго кавказца, прими начальство надъ войсками». — «Да для чего эти церемоніи?» — отвѣтилъ онъ въ смущеніи. Потомъ, подумавши немного, прибавилъ: «Ну, хорошо, я согласенъ».

«Вышедши на Сенатскую площадь,—пишетъ Михаилъ Бестужевъ:—мы ее нашли совершенно пустою».

— «Что? имѣю ли я теперь право повторить тебѣ, что вы затѣяли дѣло неудобоисполнимое? Видишь, не одинъ я такъ думалъ»,—говорилъ Якубовичъ.

— «Ты бы не могъ сказать этого, если бы сдержалъ данное тобою слово и привелъ сюда прежде насъ или артиллерію или измайловцевъ»,—возразилъ ему Александръ Бестужевъ.

309. Поручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка Александръ Сутгофъ.

310. Замѣтимъ здѣсь, что Михаилъ Бестужевъ въ своихъ запискахъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ Рылѣева въ послѣдній разъ на вечернемъ собраніи 13-го декабря, а затѣмъ въ своемъ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ совершенно умалчиваетъ о появленіи его на Сенатской площади въ день 14-го декабря.

Князь Оболенскій въ воспоминаніяхъ своихъ о Кондратіи Ѳедоровичѣ Рылѣевѣ пишетъ:

«Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ, я нашелъ Кондратія Ѳедоровича тамъ; онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь и готовился стать въ ряды войскъ. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-Гренадерскій полкъ, для ускоренія его прихода; онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе, но съ тѣхъ поръ я его уже не видалъ».

Записки Пущина не подтверждаютъ появленія Рылѣева въ казармахъ Гренадерскаго полка (онъ приписываетъ выступленіе лейбъ-гренадеръ стараніямъ графа Коновницына и князя Одоевскаго), но въ нихъ сказано, что Рылѣевъ пріѣзжалъ утромъ на сборное мѣсто и, не нашедши тамъ никакихъ войскъ, отправился въ казармы Измайловскаго полка.

Въ показаніяхъ, собранныхъ въ слѣдственной комиссіи, читаемъ: «На площади съ мятежниками Рылѣевъ былъ весьма недолго и, увидѣвъ совершенное безначаліе, побѣжалъ искать Трубецкого, а послѣ уже не былъ передъ сенатомъ».

Между тѣмъ Рылѣевъ заявилъ заговорщикамъ: «Если придетъ хоть 50 человѣкъ, я становлюсь въ ряды съ ними». Спрашивается, какимъ образомъ согласовать эти разнорѣчивыя показанія, а въ особенности объяснить, въ виду отношеній, существовавшихъ между Рылѣевымъ и Михаиломъ Бестужевымъ, отсутствіе со стороны послѣдняго въ своихъ запискахъ какого бы то ни было намека относительно появленія Кондратія Ѳедоровича среди солдатъ Московскаго полка; по странной случайности они, вѣроятно, не встрѣтились на площади.

Приведемъ здѣсь еще въ заключеніе отзывъ о Рылѣевѣ декабриста барона Розена; онъ пишетъ: «Рылѣевъ, какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками».

Близкій другъ Рылѣева, Н. А. Бестужевъ, также свидѣтельствуетъ о появленіи поэта на площади. «Когда я пришелъ на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ,—пишетъ Николай Бестужевъ,—уже было поздно. Рылѣевъ привѣтствовалъ меня первымъ цѣлованіемъ свободы и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій, отвелъ меня на сторону и сказалъ: «Предсказаніе наше сбывается: послѣднія минуты наши близки, но это минуты

Библиотека "Руниверс"

нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою!» Это были послѣднія слова Рылѣева, которыя мнѣ были сказаны».

311. Воспоминанія графа Владимира Александровича Сологуба. Спб. 1887. Стр. 102.

Графъ Сологубъ въ приведенной здѣсь характеристикѣ событій прибавляетъ еще слѣдующія строки: «Оно (т.-е. возстаніе) вселило въ сердце императора Николая I навсегда чувство недовѣрчивости къ русскому дворянству и потому наводнило Россію тою мелюзгою фоновъ и берговъ, которая принесла родинѣ столько неизгладимаго на долгое время вреда».

312. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 120.

313. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе».

314. Въ ночномъ засѣданіи государственнаго совѣта, происходившемъ, собственно говоря, уже 14-го декабря, положено было принести присягу въ большой церкви Зимняго дворца. Спрашивается, когда это происходило, ночью же или утромъ? Вѣроятно, утромъ, потому что А. С. Шишковъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «на другой день (послѣ засѣданія государственнаго совѣта), чувствуя себя не очень здоровымъ, поѣхалъ я однакожъ во дворецъ, присягнулъ, возвратился домой, и хотѣлъ опять ѣхать туда же, но голова у меня такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постель». «Записки А. С. Шишкова», т. II, стр. 274.

315. Кажется, одинъ министръ финансовъ, генералъ Канкринъ, принялъ должныя мѣры предосторожности, судя по секретному предписанію, данному 14-го декабря с.-петербургскому вице-губернатору.

«Старайтесь,—писалъ Канкринъ, — чтобъ безъ большей огласки кабаки, штофные подвалы и магазины были заперты, по крайней мѣрѣ, съ наступленіемъ ночи; въ какомъ либо случаѣ, что станутъ насильно отпирать кабаки, выливать вино».

316. Въ это же утро В. Р. Марченко встрѣтилъ графа Милорадовича въ коридорѣ Зимняго дворца, щегольски одѣтаго и веселаго. «Я сейчасъ былъ съ рапортомъ у новаго императора, съ рапортомъ о благополучномъ состояніи столицы, — сказалъ онъ,— всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра нельзя пробиться къ церквамъ». На вопросъ же Марченки о войскѣ Милорадовичъ замѣтилъ, что и оно присягнуло, только въ конной артиллеріи подъ Смольнымъ что-то случилось, но это вздоръ. Затѣмъ онъ предложилъ Марченкѣ ѣхать съ нимъ въ театральную школу на пирогъ къ директору театровъ Аполлону Александровичу Майкову, который въ тотъ день былъ именинникъ. (В. Р. Марченко: «Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся при вступленіи на престолъ императора Николая I». «Русская Старина», 1896 года, т. LXXXVI, стр. 309).

317. Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе».

Всѣ эти любопытныя подробности не вошли въ позднѣйшее изданіе сочиненія барона Корфа, названное ужс: «Восшествіе на престолъ императора Николая I». Въ послѣднемъ сочиненіи все было сглажено и безъ надобности усовершенствовано.

318. Какъ уже выше упомянуто, графъ Милорадовичъ утромъ 14-го декабря, высказавъ государю и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ полную увѣренность въ спокойствіи столицы, поѣхалъ изъ Зимняго дворца къ своему другу, директору театровъ, Аполлону Александровичу Майкову, который въ этотъ день праздновалъ свои именины у дочерей своихъ, жившихъ въ домѣ Голлидея, гдѣ находился Hôtel du Nord.

Генералъ-губернаторъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и, объявивъ собравшимся гостямъ, что всѣ ожиданія окончились, и на престолъ вступилъ императоръ Николай Павловичъ, сказалъ, что надобно вновь привести къ присягѣ чиновниковъ. Всѣ радовались прекращенію междуцарствія и поздравляли другъ друга съ новымъ царемъ. Вдругъ въ комнату вошелъ Фогель. Это былъ одинъ изъ главныхъ полицейскихъ агентовъ генералъ-губернатора и, не обращая вниманія на собравшееся общество, подошелъ къ графу и что-то шепнулъ ему на ухо. Милорадовичъ тотчасъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Майкову: «Ну, вы меня извините, мой добрѣйшій Аполлонъ Александровичъ. Мнѣ надо отправиться во дворецъ. Я едва ли возвращусь сюда. Развѣ вечеркомъ. До свиданія».

Библиотека "Руниверс"

Взявъ съ собою Фогеля, генералъ-губернаторъ отправился въ Зимній дворецъ. Но едва Милорадовичъ уѣхалъ, какъ прибѣжалъ капельдинеръ съ извѣстіемъ, что на площадь къ сенату пошли солдаты и бунтуютъ. Все общество разсыпалось и обратилось къ мѣсту событій 14-го декабря.

Р. М. Зотовъ: «Воспоминаніе о графѣ Милорадовичѣ». (Рукопись).

319. Подъ воротами императоръ Николай встрѣтилъ полковника лейбъ-гвардіи Московскаго полка Хвощинскаго, который, раненый и обагренный кровью, лицомъ своимъ подтвердилъ, до какой степени неистовства дошелъ бунтъ въ Московскомъ полку. Государь велѣлъ ему гдѣ нибудь укрыться, чтобы не воспалить еще болѣе страстей. (Баронъ Корфъ: «Историческое описаніе»).

320. Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ. Въ 1831 году онъ представилъ императору Николаю доносъ на Сперанскаго и другихъ государственныхъ дѣятелей, обвиняя ихъ въ иллюминатствѣ. Во второмъ томѣ настоящаго труда будетъ подробно разобранъ этотъ небывалый по содержанію своему доносъ.

321. Графъ Милорадовичъ палъ отъ выстрѣла изъ пистолета, сдѣланнаго отставнымъ поручикомъ Каховскимъ; дѣло довершилъ князь Оболенскій, который, держа ружье, ударилъ еще генералъ-губернатора штыкомъ. Впослѣдствіи, во время сдѣланнаго ему допроса, князь Оболенскій объяснилъ, что онъ имѣлъ только намѣреніе ударить лошадь штыкомъ, чтобы заставить Милорадовича удалиться съ площади, вовсе не намѣреваясь убить его, а ранилъ графа совершенно случайно.

Изъ свидѣтельства штадтъ-физика Буташевича-Петрашевскаго оказывается, что, кромѣ раны, причиненной графу Милорадовичу пулею, была нанесена ему другая—«острымъ орудіемъ въ правый бокъ близъ поясничныхъ позвонковъ, между послѣднимъ ребромъ и подвздошною костью; рана сія проницала до брюшной полости».

Р. М. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о графѣ Милорадовичѣ пишетъ:

«Я прибѣжалъ на Адмиралтейскій бульваръ, и хотя на Сенатской площади видѣлъ столпленіе солдатъ и слышалъ странные клики: «конституція», но съ другой стороны толпы народа бѣжали къ дворцовому подъѣзду со стороны бульвара. Я обратился туда же. Тутъ новый императоръ говорилъ рѣчь къ солдатамъ, оставшимся вѣрными, и къ народу, но я не могъ пробиться къ самому государю. Увидѣлъ только Якубовича, быстро шедшаго вдоль бульвара къ сенату и къ толпѣ бунтовщиковъ. Я догналъ его, какъ знакомаго человѣка, и спросилъ: «что у нихъ тутъ дѣлается?» Онъ мнѣ только рукою махнулъ и, не отвѣчая ни слова, пошелъ дальше и спустился къ бунтовщикамъ. Я машинально послѣдовалъ за нимъ; но въ эту самую минуту услышалъ знакомый звукъ трубъ конницы, идущей въ атаку. Я быстро повернулъ назадъ, и нѣсколько пуль просвистали мимо меня. Но какъ онѣ были направлены въ конногвардейцевъ, то, разумѣется, и не причинили мнѣ никакого вреда. Только въ эту самую минуту увидѣлъ я своего героя Милорадовича, скакавшаго среди бунтовщиковъ. Всѣ любили и уважали Милорадовича, и когда онъ имъ скомандовалъ: «налѣво кругомъ», то всѣ послушались и уже шли назадъ по пути чести и долга, какъ вдругъ выскочилъ изъ толпы Каховскій и выстрѣлилъ въ него. Онъ упалъ съ лошади; бунтовщики остановились, и двое даже подскочили къ нему и ранили его; но зато другіе отнесли его въ конно-гвардейскій манежъ.

«Такимъ образомъ человѣкъ, бывшій въ тысячѣ сраженіяхъ и ни разу не раненый, палъ отъ руки убійцы.

«Много о немъ писали, и мнѣ, конечно, нечего повторять всѣхъ панегириковъ, которые онъ вполнѣ заслужилъ своею геройскою жизнію и смертію... Не случись тутъ Каховскаго, Милорадовичъ привелъ бы несчастную толпу бунтовщиковъ къ чувству чести и присяги и, конечно, заслужилъ бы всю благодарность новаго императора... Правда, что впослѣдствіи открылось, что полиція графа Милорадовича ничего не знала о заговорѣ декабристовъ, но это было слабостію всѣхъ эпохъ, и мы видѣли, что его Фогели узнали только въ послѣднюю минуту о существованіи заговора, во время именинаго завтрака.

«Когда я увидѣлъ паденіе графа съ лошади, то принужденъ былъ обойти далеко кругомъ, чтобы добраться до него. Но и тутъ долго до него не допускали. По счастію

Библиотека "Руниверс"

пріѣхалъ и Майковъ, и вмѣстѣ съ нимъ успѣлъ войти и я. Тутъ уже былъ извѣстный нашъ врачъ Арендтъ. Графъ подалъ руку Майкову и сказалъ по-французски: «Eh bien! la comédie est finie».

— «Нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ тотъ,—этого быть не можетъ и не будетъ. Вы слишкомъ дороги для всей Россіи.

— «А скоро буду ровно ничего не значить. Впрочемъ, я свое сдѣлалъ, а раньше, позже ли, все равно.

«Тутъ онъ увидѣлъ и меня.

— «Ah! bonjour, — сказалъ онъ. — Вы уже смолоду попробовали вражескаго подарка. Только я не надѣялся окончить дни въ Петербургѣ.

— «Богъ милостивъ, онъ васъ сохранитъ,—отвѣчалъ я.

— «Спросите у Арендта: онъ лучше знаетъ; я тотчасъ же потребовалъ отъ него правды, и онъ не скрылъ, какъ честный человѣкъ»...

П. А. Каратыгинъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что на рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія разныя городскія сплетни и нелѣпые толки, много было зловѣщихъ слуховъ; въ народѣ говорили 13-го декабря, что на другой день назначена войскамъ присяга, и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю Павловичу. Но повидимому, одинъ генералъ-губернаторъ объ этомъ ничего не зналъ. Когда же наступило 14-е декабря, казалось, что все шло обычнымъ порядкомъ, и на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно. Вскорѣ пришлось разочароваться въ этомъ мнимомъ спокойствіи.

322. Если капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка (бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка) Александръ Ивановичъ Якубовичъ произвелъ такое невыгодное впечатлѣніе на императора Николая, то этому нельзя удивляться. Вотъ какими красками рисуетъ его Петръ Андреевичъ Каратыгинъ въ своихъ запискахъ:

«Якубовичъ былъ замѣчательный типъ военнаго человѣка: онъ былъ высокаго роста, смуглое его лицо имѣло какое-то свирѣпое выраженіе; большіе, черные, на выкатѣ глаза, словно налитые кровью; сросшіяся, густыя брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, придавали его физіономіи какое-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое значеніе. Когда онъ сардонически улыбался, бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, блестѣли изъ-подъ усовъ его, и двѣ глубокія, рѣзкія черты появлялись на его щекахъ, и тогда эта улыбка принимала какое-то звѣрское выраженіе... Онъ вполнѣ могъ назваться Демосѳеномъ военнаго краснорѣчія. Дѣйствительно даръ слова у него былъ необыкновенный: рѣчь его лилась, какъ быстрый потокъ, безостановочно... Если бы 14-го декабря ему довелось говорить народу или особенно солдатамъ, онъ бы представительной своею личностью и блестящимъ краснорѣчіемъ могъ сильно подѣйствовать на толпу, которая всегда охотница до эффектовъ». («Записки Петра Андреевича Каратыгина». Спб., 1880 г., стр. 138).

Правитель дѣлъ слѣдственной комиссіи А. Д. Боровковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ по поводу перваго допроса Якубовича слѣдующее: «Онъ старался увлечь болѣе краснорѣчіемъ, нежели откровенностію. Такъ, стоя посреди залы въ драгунскомъ мундирѣ, съ черною повязкою на лбу, прикрывавшею рану, нанесенную ему горцемъ на Кавказѣ, онъ импровизировалъ довольно длинную рѣчь и въ заключеніе сказалъ: «цѣль наша была благо отечества; намъ не удалось — мы пали; но для устрашенія грядущихъ смѣльчаковъ нужна жертва. Я молодъ, виденъ собою, извѣстенъ въ арміи храбростью; такъ пусть меня разстрѣляютъ на площади, подлѣ памятника Петра Великаго».

Боровковъ признаетъ вообще Якубовича краснорѣчивымъ болтуномъ, исполненнымъ болѣе хвастовства, нежели храбрости.

«Русская Старина», 1898 года. т. XCVI, стр. 336 и 339. «Автобіографическія записки А. Д. Боровкова».

323. Въ собственноручной рукописи императора Николая приведены только эти слова. Баронъ Корфъ передаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ, при чемъ, какъ и всегда, не

Библиотека "Руниверс"

указываетъ источника, на основаніи котораго онъ сдѣлалъ поправку: «спасибо, вы поняли вашъ долгъ, и я теперь же дамъ вамъ возможность загладить прошедшее. Ступайте къ своимъ и постарайтесь ихъ вразумить и воротить къ порядку, если впрочемъ не боитесь опасности».— «Вотъ доказательство, что я не изъ трусливыхъ», — отвѣчалъ Якубовичъ, указывая на свою обвязанную голову». («Восшествіе», стр. 140).

Въ разсказѣ Корфа не упомянуто, что государь взялъ Якубовича за руку. Въ «Историческомъ описаніи» Корфа эта подробность сохранена, и разговоръ императора Николая переданъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «спасибо, вы вашъ долгъ поняли, но такъ какъ вы были уже съ мятежниками, то не пойдете ли опять къ нимъ, чтобы стараться воротить и ихъ къ порядку и обязанности, если впрочемъ не боитесь съ ихъ стороны опасности». Якубовичъ указалъ на свою обвязанную голову: «вотъ доказательство, что я не трусливъ».

Отсюда видно, какъ баронъ Корфъ постепенно совершенствовалъ простое и сжатое собственноручное изложеніе императора Николая.

324. Михаилъ Бестужевъ въ своемъ разсказѣ о событіяхъ 14-го декабря пишетъ: «Окончивъ трудную работу, постройку карре изъ обрывковъ разныхъ ротъ, около котораго собрались уже многіе изъ нашихъ членовъ, и, не видя Якубовича, я спросилъ о причинѣ его отсутствія.—«Онъ сказалъ мнѣ,—отвѣчалъ братъ,—что по причинѣ страшной головной боли онъ удаляется съ площади. Но посмотри, — продолжалъ онъ, указывая на свиту государя,—вѣроятно, атмосфера новаго царя живительно подѣйствовала на его чувствительные нервы». И братъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Якубовичъ въ избыткѣ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ подошелъ къ государю и просилъ позволенія обратить насъ на путь законности. Государь согласился. Онъ, привязавъ бѣлый платокъ на свою саблю, быстро приблизился къ карре и, сказавъ вполголоса Кюхельбекеру (Михайлѣ): «держитесь, васъ крѣпко боятся», удалился.

325. Митрополиту Серафиму сопутствовали кіевскій митрополитъ Евгеній, также находившійся во дворцѣ, въ ожиданіи молебствія.

326. Коллежскій ассесоръ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, бывшій воспитанникъ лицея и товарищъ Пушкина. Гречъ называетъ его комическимъ лицомъ мелодрамы, справедливо замѣтивъ, что смѣтливые и проворные не успѣли бѣжать, а взбалмошный и безтолковый «хлѣбопекарь» (такъ называлъ его Ермоловъ) бѣжалъ изъ Петербурга въ Варшаву. Онъ былъ арестованъ въ Прагѣ унтеръ-офицеромъ л.-гв. Волынскаго полка Григорьевымъ. Такъ какъ онъ мѣтилъ пистолетомъ 14-го декабря въ Михаила Павловича, то великій князь просилъ о пощадѣ его.

Братъ Кюхельбекера, лейтенантъ гвардейскаго экипажа, также участвовалъ въ заговорѣ.

Императоръ Николай произвелъ Григорьева въ прапорщики съ опредѣленіемъ въ гвардейскій инвалидъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ выдать ему одновременно тысячу рублей и довести о похвальномъ поступкѣ его до свѣдѣнія всего военнаго вѣдомства. (Приказъ начальника главнаго штаба, барона Дибича, отъ 26-го января 1826 года, № 8).

Вильгельмъ Кюхельбекеръ умеръ въ Сибири на поселеніи въ 1846 году.

327. Михаилъ Бестужевъ пишетъ:

«День былъ сумрачный; вѣтеръ дулъ холодный. Солдаты, затянутые въ парадную форму съ пяти часовъ утра, стояли на площади уже болѣе семи часовъ. Со всѣхъ сторонъ мы были окружены войсками, безъ главнаго начальства, потому что диктаторъ Трубецкой не являлся, безъ артиллеріи, безъ кавалеріи, словомъ лишенные всѣхъ моральныхъ и физическихъ опоръ для поддержанія храбрости солдатъ. Они съ необычайною энергіею остались не колебимы и, дрожа отъ холода, стояли въ рядахъ, какъ на парадѣ. Кюхельбекеръ и Пущинъ уговаривали народъ очистить площадь, потому что готовились стрѣлять въ насъ. Я присоединился къ нимъ, но на всѣ мои убѣжденія былъ одинъ отвѣтъ: умремъ вмѣстѣ съ вами».

328. Весьма трудно установить, сколько жертвъ пало во время возмущенія 14-го декабря.

Библиотека "Руниверс"

Въ бумагахъ тайнаго совѣтника Михаила Максимовича Попова найдены нами по этому поводу нѣкоторыя указанія. Когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ, выстрѣлы попадали и въ скопившуюся около нихъ толпу. Началась паника, и произошла неизбѣжная давка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались на вопли бѣглецовъ. Разсказывали, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. По прекращеніи артиллерійскаго огня императоръ Николай повелѣлъ оберъ-полицеймейстеру, генералу Шульгину, чтобы трупы были убраны къ утру. Къ сожалѣнію, исполнители распорядились самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ ночь на Невѣ отъ Исаакіевскаго моста до Академіи Художествъ и далѣе къ сторонѣ Васильевскаго острова сдѣлано было множество прорубей, въ которыя опустили не только трупы, но, какъ утверждали, и многихъ раненыхъ, лишенныхъ возможности спастись отъ ожидавшей ихъ участи. Тѣ же изъ раненыхъ, которые успѣли бѣжать, скрывали свои увѣчья, боясь открыться докторамъ, и умирали безъ медицинскаго пособія. Но этимъ дѣло не обошлось: полиція и помогавшіе ей рабочіе пустились еще грабить; съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи; даже спасавшихся ловили и грабили. Когда въ теченіе зимы по Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ трупомъ. Тогда запретили рубку льда у берега Васильевскаго острова и назначили для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки трупы несчастныхъ жертвъ декабрьскаго мятежа унесены были въ море. Государь остался недоволенъ распоряженіями Шульгина и уволилъ его отъ занимаемой должности. 28-го декабря 1825 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Je suis très mécontent de notre police d'ici, qui ne fait, ne sait et ne comprend rien; Шульгинъ commence à boire et je ne suppose pas qu'il puisse rester à ce poste avec quelque utilité,—je ne sais encore par qui le remplacer». Въ началѣ 1826 года оберъ-полицеймейстеромъ назначенъ былъ генералъ-майоръ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ.

«Съ наставшимъ утромъ открылось ужасное зрѣлище,—пишетъ А. С. Шишковъ,—Исаакіевская площадь обагрена была кровью; множество тѣлъ лежало на ней. Скопившаяся толпа народа пострадала вмѣстѣ съ бунтовщиками». («Записки», т. II, стр. 275).

Едва ли Шишковъ правъ въ своемъ разсказѣ; къ утру, вѣроятно, всѣ тѣла были ж е убраны съ площади.

Вечеромъ, 14-го декабря, Михаилъ Бестужевъ, пробираясь по площади, гдѣ за нѣсколько часовъ рѣшалась участь Россіи, увидѣлъ, какъ рабочій людъ дѣятельно хлопоталъ смыть и уничтожить всѣ слѣды недавняго побоища. «Одни скоблили красный снѣгъ, другіе посыпали вымытыя и выскобленныя мѣста бѣлымъ снѣгомъ, остальные сбирали тѣла убитыхъ и свозили ихъ на рѣку». (Разсказъ М. Бестужева о событіяхъ 14-го декабря).

329. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріевву», С.-Петербургъ, 1866, стр. 411.

330. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. IV, p. 27: «Am Ausgange des Saalen fesselte mich einen Augenblick der düstere und gesenkte Blick des Grafen Araktschejeff, dessen Herz und Gewissen hier wohl gleichzeitig auf die Folter gespannt sein mochten».

331. В. Р. Марченко: «События, въ глазахъ моихъ совершившіяся».

332. В. И. Фелькнеръ: «14-е декабря 1825 года». «Русская Старина», 1870 г., т. II.

333. «Дневникъ П. Г. Дивова, 1825 годъ».

334. «Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго», т. II, стр. 96—98.

335. «Письмо Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву отъ 19-го декабря 1825 года».

336. «Старина и Новизна», книга первая, С.-Петербургъ, 1897 г.

Письмо Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому отъ 31-го декабря 1825 г., тр . 169.

337. М. Погодинъ: «Николай Михайловичъ Карамзинъ», Москва, 1866, часть 2-я, истр. 467—468.

338. По мнѣнію одного изъ декабристокъ, Д. И. Завалишина, безпристрастіе и сторическая правда обязываютъ сказать, что 14-го декабря были громадные элементы

Библиотека "Руниверс"

успѣха на сторонѣ мятежниковъ. «Я не берусь, конечно, гадать, что было бы дальше, такъ какъ мы не хотѣли, подобно Пестелю, присваивать себѣ диктаторскую власть, а предоставляли будущее устройство на рѣшеніе представителей Россіи, то, можетъ быть, они захотѣли бы даже возстановить самодержавную власть». Въ то время, когда Завалишинъ писалъ приведенныя здѣсь строки (это было въ 1878 году), онъ пришелъ къ убѣжденію, что ни въ произволѣ правительственномъ, ни въ произволѣ революціонномъ (несмотря на кажущееся противорѣчіе, принципъ обоихъ, по мнѣнію Завалишина, одинъ и тотъ же) нельзя отыскать средства для достиженія благосостоянія народа.

339. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. IV, p. 39.

340. Дневникъ П. Г. Дивова.

341. Прощаясь съ императоромъ Александромъ, передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ, Карамзинъ сказалъ государю: «Sire, vos années sont comptées; vous n'avez plus rien à remettre et vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement». Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи».

«Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», С.-Петербургъ, 1862 г., часть первая, стр. 12.

342. «Старина и Новизна», книга первая, стр. 168—169.

343. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. Berlin, 1862. Theil IV, p. 32.

344. Это письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу писано по-французски.

345. Это былъ не Горскинъ, но отставной статскій совѣтникъ князь Друцкой-Горскій; его постигла странная участь.

Бывшій артиллерійскій офицеръ, участникъ походовъ съ 1805 по 1814 годъ, георгіевскій кавалеръ, страдавшій еще отъ послѣдствій прежнихъ ранъ, оказался виновнымъ въ томъ, что въ день 14-го декабря находился на площади близъ мятежниковъ, съ незаряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ.

Въ докладѣ верховному уголовному суду отъ комиссіи, избранной для основанія разрядовъ, о Горскомъ написано:

«Хотя и ничѣмъ не доказано, чтобы Горскій участвовалъ въ мятежѣ и имѣлъ пистолетъ съ вреднымъ намѣреніемъ; но какъ за сіе нарушеніе правилъ благочинія, послужившее поводомъ къ обращенію на Горскаго подозрѣнія, по коему онъ преданъ суду, такъ и за предосудительную званію его бытность въ толпѣ мятежниковъ, комиссія полагаетъ: статскаго совѣтника Горскаго не относя ни къ какому разряду, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе его въ заключеніи».

Но, несмотря на подобное милостивое постановленіе, Горскаго не освободили, но увезли въ Сибирь, поселивъ въ Березовѣ; онъ умеръ въ Омскѣ въ 1849 году.

346. «Cher et excellent frère, que vous dire, que vous annoncer d'ici après la lecture de votre lettre du 15 de ce mois, et qui m'est parvenue ce matin; la seule chose que je puisse faire, c'est de vous remercier, du fond de mon coeur, d'avoir songé à moi au milieu des circonstances dans lesquelles vous vous êtes trouvé. J'ai remercié le bon Dieu de vous avoir préservé de tout malheur personnel à genoux et avec des larmes ardentes de reconnaissance. Grand Dieu, quel événement! Cette canaille n'était pas contente d'un ange pour souverain et elle tramait contre lui! Que leur faut-il donc? C'est horrible, affreux, déshonorant pour tous, quoique bien innocents n'y ayant pas même songé à la possibilité que ce fut. Votre conduite, cher frère, est sublime, mais de grâce, méditez la, et que votre clémence ne vous emporte pas trop loin... Quel bonheur dans ce malheur que je n'ai pas été à Pétersbourg dans ce moment critique et où cette canaille agitait, soit disant, en mon nom. Dieu sait quel mal il aurait pu arriver et même maintenant, je craindrai fort que ma vue ne faillit encore faire des scènes déplorables. Il semble que c'est une pierre d'achoppement que mon nom dans tout ceci. Dieu qui voit dans le fond de mon coeur, y sait la pureté de mes intentions, et certainement, je suis exempt de

Библиотека "Руниверс"

tout reproche d'être en connivence avec cette canaille. Je craindrai de venir auprès de vous avant que le temps ne prenne son assiette de calme et de tranquillité, afin que l'on ne se serve derechef de mon prétexte pour faire quoique ce soit de semblable; au reste, ma présence est je crois nécessaire ici, afin que lorsque tout se saura ici, il n'advienne quoique ce soit de déplacé... Je regrette sincèrement le brave comte Miloradowitch, victime de son zèle et de son dévouement, et ces autres messieurs; que peut on faire contre le décret de Dieu! Si ce malheur de Pétersbourg, quoique bien grand, peut ramener l'ordre dans le reste de l'empire, c'est un sacrifiice qui aura été de quelque utilité; dans le cas contraire, la canaille verra q'uil y a encore de braves gens qui savent se dévouer, et que tout ne leur passera pas».

347. «Cher et bon Constantin, je ne vous trace ce peu de lignes que pour vous donner de bonnes nouvelles d'ici; heureusement, depuis la terrible journée du 14, nous sommes rentrés dans l'ordre habituel et il ne reste qu'une certaine inquiétude dans le peuple, que j'espère voir dissipée par la tranquillité, — preuve évidente de l'absence du danger. Nos arrestations vont fort bien et nous sommes en possession de tous les principaux personnages de la journée... je baise les mains à ma chère belle soeur et vous prie, cher Constantin, de conserver vos bontés et votre amitié au pauvre diable, que vous avez embarqué dans une rude besogne et qui voudrait bien s'en dispenser».

348. По поводу отношеній, установившихся между императрицей Маріей Ѳеодоровною и воцарившимся государемъ, графиня Нессельроде въ письмѣ къ брату отъ 19-го марта 1826 года пишетъ:

«Il ne règne point encore un accord amical entre l'impératrice mère et son auguste fils; je crois qu'elle aurait voulu être plus consultée, être plus influente et que ce qu'elle excusait dans l'empereur défunt est regardé ou pris en mauvaise part de celui-ci. Sur tous les points il règne entre eux une grande contradiction, ce qui fatigue le monarque, qui a l'esprit constamment occupé de choses sérieuses. Il fallait prévoir ce genre de discussions, ce peu d'accord par le manque de tact de la mère. Avec des qualités angéliques elle manque totalement d'esprit de conduite; c'est le quatrième règne où ce défaut perce. Avec un peu plus de caractère il lui serait bien facile d'avoir l'aplomb, la dignité de la femme, de la mère de deux empereurs, elle en imposerait à ces têtes couronnées tout en étant tendrement avec eux. C'est une qualité que l'on ne peut acquérir, que même l'expérience ne donne pas».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

349. Theodor Bernhardi: Unter Nikolaus I und Friedrich-Wilhelm IV, Leipzig, 1893, p. 307.

350. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. IV, pp. 15—17.

351. Корфъ: «Восшествіе», стр. 201.

352. Генералъ-майоръ Евгеній Александровичъ Головинъ съ 14-го марта 1825 года командовалъ бригадою, состоявшей изъ полковъ л.-гв. Егерскаго и Финляндскаго. Эта бригада входила въ составъ 2-й гвардейской пѣхотной бригады, которою командовалъ до воцаренія великій князь Николай Павловичъ. 15-го декабря 1825 года Головинъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ.

353. Въ такомъ видѣ приказъ 15-го декабря 1825 года окончательно напечатанъ былъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» только 6-го января 1826 года (№ 4). Въ первоначальной редакціи приказа пропущены были польскіе полки, а затѣмъ еще Подольскій кирасирскій, Литовскій и Волынскій.

Императоръ Николай послалъ немедленно приказъ цесаревичу и писалъ ему 17-го декабря: «J'ai cru bien faire en donnant l'ordre du jour ci-joint; si vous daignez permettre, cher Constantin, la même mesure pour les troupes sous vos ordres, je suis sûr qu'elles le recevront avec la même joie et reconnaissance que celles d'ici».

22-го декабря 1825 года, Константинъ Павловичъ отвѣчалъ государю:

«Maintenant je viens à votre ordre du jour, que je trouve digne de vos sentiments et des impulsions dignes de votre coeur; nous le recevrons avec bonheur, j'en suis sûr d'avance; je vous le renvoie toutefois, puisqu'il n'est pas signé et je ne sais si j'aurais

Библиотека "Руниверс"

dû le faire, le donner tel, ou attendre vos ordres ultérieurs; de plus vous y avez oublié trois régiments, qui sont les cuirassiers de Podolie, dont l'uniforme était constamment porté par feu l'empereur ici, et ceux des grenadiers et chasseurs à cheval polonais, dont je crois—vu l'amalgame des troupes sous mes ordres, ouvrage de notre défunt empereur, auquel il tenait beaucoup—il faudrait pour le bien et pour ne pas choquer ces régiments, surtout ici, mettre au même ordre; c'est pour cela que j'ai cru bien faire de redemander vos ordres suprêmes. Je ne crois pas que vous me blâmiez pour ma circonspection et prudence».

Императоръ Николай далъ слѣдующее объясненіе цесаревичу въ письмѣ отъ 28-го декабря 1825 года:

«J'ai cru, en vous envoyant l'ordre du jour, vous avoir prié de le faire arranger et donner de suite; maintenant que je vois que j'ai de nouveau commis une erreur, j'ai fait rëimprimer l'ordre du jour en y faisant insérer les régiments de la garde russe et polonaise sous vos ordres. Je vous envoie ci joint la liste et les objets même. Je compte les faire recevoir du château ici, comme on prend les drapeaux avec la différence qu'un officier major du régiment portera sur un coussin l'uniforme; arrivé au quartier des régiments je crois lui faire rendre les honneurs et déposer sur un налой, puis faire chanter une панихида, après quoi rendre les honneurs et porter comme quand on rapporte les drapeaux, à l'église ou autre lieu, où l'uniforme doit être déposé et conservé au régiment».

Приказъ отъ 15-го декабря о старыхъ мундирахъ Александра I-го не понравился принцу Евгенію Виртембергскому. Государь прочелъ заготовленный уже приказъ принцу, при свиданіи съ нимъ ночью на 14-е декабря, послѣ засѣданія государственнаго совѣта. «Я увидѣлъ въ этомъ мелочность (Kleinlichkeit),—пишетъ принцъ, — а не мѣру, соотвѣтствующую обстоятельствамъ. И въ семъ дѣлѣ я снова не показалъ себя дипломатомъ».

354. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 33.

355. 15-го декабря 1825 года графиня М. Д. Нессельроде писала:

«L'empereur en se conduisant avec cette bravoure, en paraissant et se maintenant avec la troupe, aura arrêté bien des malheurs. Si Louis XVI s'était mis à cheval, il aurait arrêté la révolution française».

18-го декабря графиня продолжала:

«Je finis en vous disant que l'empereur continue comme il a commencé par étonner par sa présence d'esprit, son humanité, sa fermeté, son activité».

Наконецъ, 30-го декабря, графиня Нессельроде заключила свою оцѣнку событій, сопровождавшихъ воцареніе Николая Павловича, слѣдующей характеристикой дѣйствій новаго государя:

«L'empereur Nicolas a su le même 14 prouver, qu'il était capable de gouverner les 50 millions d'âmes qui lui sont échues par le destin. Le matin de ce jour l'on ignorait encore ses grandes qualités que ces tristes circonstances firent éclore subitement. Dans quelques heures par son courage, sa présence d'esprit, sa fermeté, son humanité, il sut se gagner les coeurs et la confiance de la troupe, des habitants de sa capitale qui confièrent à la renommée avec enthousiasme ce qu'il a été ce jour là et ce qu'il continue à être». (Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43).

356. The diplomatic reminiscenses of lord Augustus Loftus, 1837—1862. London, 1892, 2 vol.

357. Резолюція императора Николая на запискѣ князя А. С. Меншикова отъ 28-го января 1826 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 2-й. № 4438.

358. Lacroix: «Histoire», t. I, p. 489.

359. «Histoire générale» (изданная подъ редакціею Лависса и Рамбо), t. 10, p. 159.

«La journée du 14 (26) décembre 1825 avait achevé de tremper le caractère de Nicolas. Elle le voua en quelque sorte au rôle des dompteur de revolutions. Dans l'Europe si troublée de cette époque, les occasions de se manifester comme le champion du droit des rois ne lui manquèrent pas».

360. Bismarck: «Gedanken und Erinnerungen», Stuttgart. 1898, B. I. p. 218.

Библиотека "Руниверс"

361. Записки графа Д. Н. Толстого. «Русскій Архивъ», 1885 года, книга 2-я, стр. 24.

362. См. въ приложеніяхъ реляцію о 14-мъ декабрѣ.

Въ этомъ литературномъ произведеніи читателя поражаетъ слѣдующая фраза, въ которой говоря, что мятежниками начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ, прибавлено: «къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ».

363. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1827 года.

364. Одно смущало императора Николая въ письмахъ цесаревича Константина Павловича—это частое припаданіе его къ стопамъ и т. п. По этому поводу государь писалъ брату 29-го декабря 1825 года: «Au nom de Dieu, si vous ne voulez pas me désespérer et m'ôter le peu de calme que je conserve, ne me traitez pas avec ces terribles protestations de respect qui me blessent et me désespèrent; prenez pitié de moi et n'aggravez pas la difficulté et l'horreur de ma position par des choses, dont il vous est si facile de ne pas me chagriner».

365. «J'ai lu la relation des événements de Pétersbourg que vous daignez m'envoyer, avec le plus vif intérêt et avec l'attention la plus sévère; l'ayant relue trois fois, mon attention s'est arrêtée sur un point remarquable et qui a frappé mon esprit, qui est, que la liste des arrêtés ne contient le nom d'individus tellement obscures, tellement insignifiants, par eux-mèmes et l'influence qu'ils peuvent avoir, que je ne les considère que comme des enfants perdus ou voltigeurs de la bande, dont les faiseurs sont restés cachés, pour le moment pour juger par l'événement de leur force et sur ce qu'ils peuvent compter. Ils sont coupables, en enfants perdus ou voltigeurs, et il ne peut y avoir de ména gement envers eux, puisqu'il ne faut pas même admettre dans des choses semblables des entrainements; mais aussi il faut rechercher les instigateurs et les directeurs et les trouver absolument par les aveux des arrêtès. Point de relàche jusqu'à ce que l'on ait trouvé le point de départ de toutes ces menées, voilà mon avis, tel qu'il se présente à mon esprit,—voilà ce que j'aurai dit à feu l'empereur, comme je lui ai dit dans le temps, que c'est lui, qui a gangrené l'armée par le renvoi des Semenovsky dans son sein et qui empestera le reste».

366. Въ письмѣ отъ 28-го декабря 1825 года къ цесаревичу императоръ Николай снова возвращался къ этимъ подозрѣніямъ и писалъ: «Les faits sont cachés, mais le soupçon plane sur Мордвиновъ du conseil dont la conduite a été des plus singulières dans ces tristes journées, et sur les deux sénateurs Барановъ et Муравьевъ-Апостолъ; mais ce ne sont que des soupçons encore, qui s'éclairciront avec l'aide des papiers et instructions, qui me tombent entre les mains à chaque moment».

367. «Cher Constantin! Je commence par vous assurer, qu'avec l'aide de Dieu, tout est rentré ici dans l'ordre habituel; l'esprit est très bon et le deviendra encore plus quand on vous verra ici. Depuis ma dernière, Комаровскій, que j'avais envoyé à Moscou, est revenu porteur ou plutôt pour confirmer toutes les excellentes nouvelles que j'avais dèjà. Un semblable rapport m'est déjà parvenu de Finlande et de Mohilew; j'en attends de la 2-de armée.

«Nos enquêtes vont parfaitement, ainsi que les arrestations de tous les individus à portée, membres de cet horrible et extraordinaire complot; un extrait de ce qui se passe sous ce rapport vous est envoyé par ce courrier. Vous y verrez des noms bien connus, et j'ai les soupçons les plus fondés pour être persuadé que cela remonte jusqu'au conseil d'état, nommément jusqu'à Мордвиновъ; mais comme j'ai pour règle de ne mettre la main que sur ceux qui sont dévoilés ou trop fortement soupçonnés, pour pouvoir les laisser libres, je ne presse rien... Ici l'on est tout zèle pour m'aider à cette affreuse besogne; des pères m'amènent leurs fils; tout désirent des exemples et surtout voir leur famille purgée de pareils êtres, et même de soupçons de ce genre.

«J'attends Michel Orloff et Lopoukhin, qui doivent déjà être arrêtés, ceux de la 2-de armée sont les plus importants, ce que Vadkofsky, amené hier, ainsi que tous les autres confirment. C'est surtout Pestel et Serge Volkonsky qu'il m'importe d'avoir, j'attends aussi Муравьевъ et Чернышевъ; voilà où nous en sommes.

Библиотека "Руниверс"

«Je suis abimé de besogne, vous le comprendrez, me plaindrez et ne m'en voudrez pas du désordre de ces lignes; mais la tête me tourne et l'essentiel est que vous sachiez tout».

368. «Il faut que je ne devienne pas, par ma présence, un objet de désordre ou de prétexte, comme je l'ai été pour la première fois; voyez y clair auparavant, assurez-vous de tous ces perturbateurs et assurez-vous pour ainsi dire à votre place; en attendant je vois clair sur ce qui se passe autour de moi, il faut du temps et du calme».

369. «Il faut encore que chacun reste à son poste et c'est pour cela que je ne puis encore penser à venir vous rejoindre; de plus je me permets de vous faire les observations qui se présentent à ma pensée, vu mon arrivée à Pétersbourg; pourriez vous déjà répondre de la tranquillité apparente de la capitale? Etes-vous sûr d'avoir tous les complices entre vos mains? Qui peut répondre qu'à ma vue un nouveau désordre ne survienne? Peut-être, même ceux qui ont l'air de désirer mon arrivée, ne sont-ils pas eux-mêmes intéressés à le produire sous prétexte de mon malheureux nom, qui déjà a été si cruellement et si malheureusement compromis... Jugez bien votre position, n'accèlérez rien, ne précipitez rien et assurez-vous bien à votre place, avant que de rien faire d'autre. Souvenez-vous de ce que vous dites vous même dans votre lettre, que la trame remonte au conseil d'état et qu'il y a des soupçons même sur l'amiral Mordvinoff. D'ici je puis vous être plus utile et notre correspondance active et suivie peut dèjouer tous les plans des meneurs en contenant tout le monde à sa place. Je ne devie pas de mon opinion; je connais assez mes individus et sais assez bien comment se font et marchent les affaires; point de sécurité, cher frère, jusqu'à ce que vous n'ayez tous les coupables et qu'ils ne soient punis. Veillez à ceux qui vous assurent que la tranquillité est rétablie; ce sont les plus dangereux peut-être».

370. «Parlez à votre beau-frère sur ma venue à Pétersbourg et sur l'opinion qu'en porte votre beau-père, elle coincide avec la mienne parfaitement». (Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю 30-го декабря 1825 года).

«Votre beau-frère auquel j'ai parlé de tout cela est parfaitement de mon avis; il m'a dit que c'était celui du roi, son père». (Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю 31-го декабря 1825 года).

371. 28-го декабря 1825 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«D'après les notions qui me sont parvenues aujourd'hui, il se trouve, qu'il y a, par la poste d'hier, l'annonce de l'arrivée de 84 étrangers, français, suisses et allemands. Comme nous avons assez de notre propre canaille, je suppose qu'il serait utile et conséquent en ce moment d'arrêter cette facilité d'entrée dans le pays et je compte le faire proposer au conseil des ministres, pour rétablir le même état de choses que celui qui a précédé la dernière permission d'entrée».

372. 4-го января 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Je désirerai bien sous tous les rapports vous voir arriver, toute pénible que sera notre entrevue. Je ne vous cache pas que dans la troupe il y a encore une certaine inquiétude de ne pas vous voir et des bruits comme si vous marchiez avec un corps sur Pétersbourg; il n'y a que votre présence qui puisse tranquilliser complétement là-dessus».

9-го января 1826 года цесаревичъ отвѣчалъ:

«Quant à mon arrivée à Pétersbourg pour faire finir l'incertitude dans les troupes sur une soi-disante marche que je fais avec celles sous mes ordres, sur la capitale, il est tellement absurde, tellement bête, que je ne puis l'attribuer qu'à l'envie de reproduire quelques scènes de scandale nouveau sous l'égide, non de mon malheureux nom, mais de ma personne en présence. Ma présence est nécessaire loin de vous... Je vous le répète, aussurez vous ferme à votre place et dès que tout sera découvert et les meneurs saisis, vous verrez que tous ces bruits tomberont de soi-même. De grâce, cher frère, et au nom de Dieu, pas de précipitation, pas trop de foi aux aveux et repentirs, après coup, qui d'ordinaire ne se font que pour trainer et gagner du temps et compromettre en jetant des soupçons sur les gens fidèles et incapables d'aucune action deshonorante; méfiez vous des relations et des rapports sous le masque du zèle et de ceux qui espèrent se rendre nécessaires par là, et ne sont eux-mêmes que des flatteurs des plus nuisibles».

Библиотека "Руниверс"

11-го января 1826 года императоръ Николай еще разъ писалъ въ прежнемъ духѣ:

«Tout dans la troupe va bien; dans le peuple il y a encore des bruits, que vous n'arrivez pas parce que vous êtes arrêté à Varsovie, et autres sottises de ce genre».

Послѣ этого намека государь не затрогивалъ болѣе этого вопроса въ перепискѣ съ цесаревичемъ и довольствовался 16-го января извѣщеніемъ: «Les sots bruits de la ville durent encore; mais comme la troupe est bonne et le peuple parfait, peu importe le reste».

373. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40.

374. Въ воспоминаніяхъ своихъ Филаретъ пишетъ: «О семъ предисловіи присяги слышны были въ послѣдствіи времени неодинаковыя сужденія. Нѣкоторые говорили архіепископу, что мысль о предшествовавшей присягѣ и новой присягѣ при жизни того, кому дана предшествовавшая, дѣйствительно наводила на нихъ нѣкоторую мнительность, и вышеозначенное предисловіе дѣйствительно послужило для нихъ къ прекращенію сей мнительности. Другіе говорили, что архіепископъ принялъ на себя не принадлежащую ему власть разрѣшать отъ присяги. Но архіепископъ отнюдь не признавалъ, чтобы его дѣйствіе имѣло такое значеніе. Не разрѣшеніе отъ присяги произнесъ онъ, а только свидѣтельствовалъ, что сила и дѣйствіе прежней присяги сами собою уничтожились непреклоннымъ отъ престола отреченіемъ того, кому оная дана; онъ выразилъ словами мысль, которая должна была въ сіе время быть у каждаго приступающаго къ присягѣ».

375. Послѣ принесенія присяги цесаревичъ Константинъ Павловичъ подписалъ въ тотъ же день слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Le ministre secrétaire d'état pour le royaume de Pologne m'ayant transmis en date du 13 (25) décembre le manifeste du 12 (24) du même mois, par lequel votre majesté impériale et royale proclame son avènement au trône, j'en ai aussitôt ordonné l'impression et adressé un nombre d'exemplaires suffisants aux généraux commandants les différents corps de l'armée royale polonaise, ainsi qu'à la commission de la guerre, en leur enjoignant de prêter et de faire prêter en conséquence de cet acte et selon la forme prescrite, le serment de soumission et de fidélité dû à votre majesté impériale et royale par les troupes et le corps de l'administration militaire sous mes ordres. — Présent à cette solemnité qui a eu lieu pour la garnison de Varsovie aujourd'hui 21 décembre (2 janvier), j'ai été temoin de l'ordre et du recueillement avec lequel elle s'est accomplie, et je m'empresse d'en rendre compte par le présent rapport à votre majesté impériale et royale.

Varsovie ce $\frac{21 \text{ décembre}}{2 \text{ janvier}}$ $182\frac{5}{6}$

«Constantin Césarewitch».

3-го (15-го) января 1826 года цесаревичъ отправилъ другое всеподданнѣйшее донесеніе относительно присяги остальныхъ частей польской арміи:

«Je m'empresse, sire, de rendre compte à votre majestè impériale et royale, que par les différents rapports qui viennent de me rentrer successivement, je suis informé que votre armée royale polonaise tout entière, dont une partie se trouvait dans des cantonnements distants de Varsovie, a prêté serment de soumission et de fidélité à votre majesté, et qu'à cette occasion tout s'est passé avec ordre, recueillement et la tranquillité requise».

Военно-ученый архивъ. Отд. 3. № 1165.

376. Насколько велики были опасенія даже относительно безопасности государя, можетъ служить приведенное ниже письмо генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ императору Николаю.

«Voici une note qui m'a paru assez intéressante pour l'envoyer de suite à votre majesté.

«Quelques jeunes officiers tiennent des propos indécents; il y a encore des têtes brûlées, animées peut-être par la vue de la forteresse où sont leurs complices ou leurs amis.

Библиотека "Руниверс"

«On sait que la nuit votre majesté se promène seul en traineau; dans l'obscurité le crime est plus hardi, il n'y a pas de témoin. Sire, ce n'est pas moi qui prêcherai la méfiance, mais dans ce moment je crois que ces promenades de nuit sont imprudentes.

«Demain j'espère pouvoir me présenter à votre majesté impériale.

«A. Benkendorff».

Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 39, а.

377. Князь Николай Ивановичъ Трубецкой скончался въ 1874 году оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и членомъ государственнаго совѣта.

378. Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлинъ, 1884. Стр. 14.

Нѣсколько иначе отзывается о настроеніи Москвы генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ запискахъ своихъ пишетъ:

«Древняя столица выказала глубокое омерзѣніе къ преступнымъ начинаніямъ Петербурга и своимъ поведеніемъ представляетъ совершенную противоположность молодой своей соперницѣ».

379. Петербургъ въ 1825—1826 годахъ, по дневнику Павла Григорьевича Дивова. «Русская Старина», 1897 года, т. LXXXIX, стр. 468.

380. Записки графа Дмитрія Николаевича Толстого. «Русскій Архивъ» 1885 года, книга 2-я, стр. 20 и 24.

381. 17-го декабря 1825 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«J'ai nommé une commission spéciale pour l'instruction de l'affaire . . . . . Je suppose séparer ensuite pour le jugement les individus qui ont mal agi, avec connaissance de cause et prémèditation, d'avec ceux qui n'ont agi ainsi que par une espèce de délire».

20-го февраля 1826 года, императоръ Николай по поводу слѣдственной комиссіи писалъ цесаревичу:

«Nous arrêtons, non pour chercher des victimes, mais pour chercher à justifier les calomniés».

382. Первоначально императоръ Николай намѣревался назначить членомъ комитета генералъ-адъютанта А. Ѳ. Орлова, но вслѣдствіе того, что братъ его генералъ-майоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ оказался членомъ злоумышленнаго общества, государь зачеркнулъ Алексѣя Ѳедоровича, замѣнивъ его генералъ-адъютантомъ Левашовымъ.

383. Государственный архивъ. Разрядъ I.

384. 29-го мая 1826 года, генералъ-адъютантъ Дибичъ сообщилъ военному министру высочайшее повелѣніе, въ которомъ сказано, «что государю императору угодно, чтобы комитетъ для изысканія о злоумышленномъ обществѣ именовался комиссіею для изысканія о злоумышленномъ обществѣ».

385. Въ такомъ видѣ статья была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» № 3 (7-го января 1826 года) и заимствована изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 2).

Въ нѣсколько иной редакціи статья была напечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 5 (7-го января 1826 года), подъ заглавіемъ: «Прибавленіе къ подробному описанію происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14-го декабря 1825 года».

Обѣ статьи на русскомъ языкѣ составляютъ переводъ сообщенія, напечатаннаго въ «Journal de St. Pétersbourg» № 2, 1826 года.

386. Евгеній Виртембергскій не ограничился приведенными внушеніями; онъ подалъ государю еще другой совѣтъ, и, желая избавить Россію отъ ненавистныхъ ей поселеній, пытался убѣдить императора Николая въ необходимости ихъ упраздненія. Въ этомъ дѣлѣ онъ также потерпѣлъ неудачу; государь замѣтилъ ему, что онъ признаетъ эту мѣру несвоевременною.

387. Письма Александра Ивановича Тургенева къ брату Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ, 1872, стр. 51. (Письмо отъ 22-го іюля 1827 года).

388. Гласность, на которую ссылается генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, относится, вѣроятно, къ правительственному сообщенію, отъ 28-го января 1826 года, о за-

Библиотека "Руниверс"

нятіяхъ слѣдственной комиссіи, напечатанному въ русскихъ газетахъ того времени. Оно помѣщено нами въ приложеніяхъ. По повелѣнію императора Николая были также напечатаны въ газетахъ подробности о мятежѣ въ Черниговскомъ полку. Кромѣ того, выше приведена нами также офиціальная статья по поводу учрежденія слѣдственной комиссіи.

389. Юморъ и доброе сердце великаго князя Михаила Павловича извѣстны. Разсказывали, что великій князь послѣ бесѣды съ арестованнымъ Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ сказалъ, перекрестившись, своимъ адъютантамъ: «Слава Богу, что я съ нимъ не познакомился третьяго дня, онъ, пожалуй, втянулъ бы и меня». (Изъ записокъ барона Розена, стр. 109).

390. Нѣкоторыхъ декабристовъ вели даже по улицамъ со связанными руками. Такъ, напримѣръ, капитанъ-лейтенанты: Торсонъ и Николай Бестужевъ, препровождены были во дворецъ въ подобномъ видѣ.

391. Записки Фонвизина. Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. (Примѣчанія къ «Histoire philosophique et politique de Russie», par Enneaux et Chennechot. Paris, 1835).

392. По словамъ Фонвизина, пристрастнѣе прочихъ членовъ комиссіи поступалъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ. У князя А. Н. Голицына и генералъ-адъютанта Бенкендорфа часто вырывалось сердечное сочувствіе и состраданіе къ узникамъ.

393. Незадолго до кончины императора Александра, графъ Лаферронэ просилъ французское правительство объ отозваніи его изъ Петербурга. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, онъ выразилъ готовность не покидать своего поста, если король сочтетъ минуту благопріятною для сближенія съ Россіею.

394. Депеша графа Лаферронэ отъ 24-го декабря 1825 года (5-го января 1826 года), въ статьѣ С. Татищева: «Воцареніе императора Николая». «Русскій Вѣстникъ», 1893 года, № 4, стр. 7—16.

395. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. «Русскій Архивъ», 1877 года, стр. 15.

Графъ Рибопьеръ въ это время занималъ постъ посланника въ Константинополѣ, но находился въ Петербургѣ, вслѣдствіе разрыва дипломатическихъ сношеній съ Оттоманской Портой, послѣдовавшаго еще въ царствованіе императора Александра.

396. Баронъ Корфъ: «Восшествіе», стр. 159—160.

397. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», т. IV.

398. Военно-ученый архивъ. Отд. 1, № 412.

399. Насколько велико было вниманіе, съ которымъ императоръ Николай относился къ графу Аракчееву, можно видѣть по слѣдующимъ строкамъ письма государя къ графу изъ Царскаго Села, отъ 6-го апрѣля 1826 года:

«Я здѣсь остаюсь до субботы; квартира прежняя ваша готова и тепла, и прошу пожаловать, такъ чтобы послѣ обѣда можно было заняться».

Письмо императора Николая, изъ котораго здѣсь представлена выписка, настолько любопытно, что помѣщено нами въ приложеніяхъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ объяснительною запискою новгородскаго губернатора Жеребцова.

400. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 412.

401. Черновая записка, или, лучше сказать, проектъ рескрипта, написанный императоромъ Николаемъ, заключался въ слѣдующемъ:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужное для докончанія предпринятаго вами устройства военныхъ поселеній, памятника благодѣтельныхъ намѣреній покойнаго государя, отца нашего, вамъ къ исполненію ввѣреннаго, нашелъ я удобнымъ перевести собственную мою канцелярію въ непосредственное мое завѣдываніе; канцелярію же комитета министровъ вручить въ управленіе директору оной Гежединскому.

«Съ истиннымъ уваженіемъ есмь навсегда вамъ искренно доброжелательный».

Библиотека "Руниверс"

402. Упомянутый здѣсь графомъ Аракчеевымъ рескриптъ отъ 19-го декабря 1825 года и приказъ по поселеннымъ войскамъ, вызванный этимъ рескриптомъ, помѣщены нами въ приложеніяхъ.

403. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 412.

404. Въ тотъ же день, 20-го декабря 1825 года, послѣдовалъ указъ комитету г.г. министровъ:

«По желанію и просьбѣ генерала графа Аракчеева, увольняю его отъ завѣдыванія дѣлами комитета г.г. министровъ, а канцелярію онаго повелѣваю поручить управляющему дѣлами сего комитета д. с. с. Гежелинскому.

Николай».

405. Михайловскій-Данилевскій: «Журналъ 1826 года».

Отрывки изъ этого журнала были напечатаны нами въ «Русской Старинѣ» 1890 года, т. LVIII, подъ заглавіемъ: «Вступленіе на престолъ императора Николая I».

406. Въ дневникѣ П. Г. Дивова встрѣчается 3-го января 1826 года слѣдующая замѣтка:

«Графъ Аракчеевъ былъ очень обласканъ императоромъ, но, несмотря на все высказанное ему довѣріе и на стараніе его друзей, которые уговаривали графа не порывать связи съ дворомъ, онъ рѣшилъ окончательно не вмѣшиваться болѣе въ дѣла; любимецъ его, генералъ Клейнмихель, имѣлъ уже три раза аудіенцію у императора».

Эти аудіенціи касались, главнымъ образомъ, выше приведенныхъ нами рескриптовъ, данныхъ графу Аракчееву.

407. М. М. Фокъ—ген.-адъют. А. Х. Бенкендорфу 20-го іюля 1826 года:

«On s'attache dans plusieurs cercles à analyser les causes du mécontentement qui avait amené l'explosion. Dans le principe, plusieurs d'entre les novateurs avaient conçu simplement l'idée de signaler les abus, en indiquant en même temps le remède. Selon eux, les grandes guerres au dehors et la politique ètrangère avaient tellement absorbé toute l'attention du gouvernement, que l'administration de l'intérieur pâtissait entre les mains de quelques gouvernants, organes et crèatures d'un seul individu investi de la confiance du souverain et si éminement ambitieux, sous l'écorce du désintéressement, qu'il sacrifia à l'ambition les plus chers intérêts des gouvernés et fit adopter au gouvernement un système d'administration, qui avait pour attribution la tracasserie et pour but la soif de régner sans partage; de sorte que le mécontentement, allant toujours en croissant, a nécessairement dû finir par l'explosion. Par la suite ces mêmes novateurs s'érigèrent, sans pouvoirs, sans moyens, en régulateurs et dûrent nécessairement avoir recours à des moyens criminels pour développer leurs plans et les mettre en exécution. Ainsi, si d'un côté rien ne saurait excuser des entreprises réprouvées par les lois divines et humaines, de l'autre il est palpable qu'on a tout fait pour provoquer le mécontentement et rien pour l'étouffer dans sa naissance».

408. Въ указѣ сенату это обстоятельство до нѣкоторой степени оттѣнено; въ немъ сказано, что графское достоинство жалуется: «ему лично и его потомству», вмѣсто обычной фразы: «ему съ нисходящимъ отъ него потомствомъ».

409. Въ дневникѣ князя Меншикова записано:

«3-го января. Государь принялъ меня въ кабинетѣ. Отказъ шифровъ, предложеніе ѣхать въ Персію принято мною. Былъ у графа Нессельроде.

«4-го января. Былъ у барона Дибича, у графа Нессельроде.

«5-го января. Взялъ квартиру въ Демутовомъ трактирѣ за 105 рублей въ недѣлю съ сараемъ и конюшнею.

«6-го января. Переѣхалъ въ трактиръ отъ Орлова. Сегодняшнимъ числомъ принятъ въ службу.

«7-го января. Обѣдалъ у Гурьева. Надѣлъ сегодня мундиръ.

«8-го января. Представлялся государю въ кабинетѣ».

410. 21-го января 1826 года, императоръ Николай произвелъ смотръ поселенному баталіону гренадерскаго полка графа Аракчеева, пришедшему въ Петербургъ за пожа-

Библиотека "Руниверс"

лованнымъ ему мундиромъ императора Александра I, на основаніи высочайшаго приказа поселеннымъ войскамъ отъ 22-го декабря 1825 года.

411. Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра и вступленія на престолъ императора Николая. Донесенія полиціи о разныхъ происшествіяхъ 1825 и 1826 годовъ. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40.

412. Императоръ Николай нашелъ сводный гвардейскій полкъ во всѣхъ частяхъ въ отличномъ состояніи и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка. Штабъ и оберъ-офицерамъ полка объявлена была въ приказѣ совершенная благодарность.

413. Императоръ Александръ съ 1804 года пользовался услугами графа Витта для разныхъ секретныхъ политическихъ порученій.

Въ запискѣ графа Витта, представленной въ 1826 году «о порученіяхъ, въ которыхъ былъ употребленъ императоромъ Александромъ», генералъ пишетъ: «Того жъ 1819 года, по дошедшимъ до покойнаго блаженныя памяти государя императора извѣстіямъ, повелѣно мнѣ было имѣть наблюденіе за губерніями: Кіевскою, Волынскою, Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою, и въ особенности за городами Кіевомъ и Одессою, при чемъ его величество изволилъ поручить мнѣ употреблять агентовъ, которые никому не были бы извѣстны, кромѣ меня; обо всемъ же относящемся до сей части никому, какъ самому императорскому величеству, доносить было не позволено, и всѣ на необходимые случаи разрѣшенія обязанъ я былъ принимать отъ самого въ Бозѣ почивающаго государя императора». (Военно-ученый архивъ. Отд. 3. № 1169).

Вѣроятно, это послѣднее порученіе, которое, можетъ быть, не осталось тайною для цесаревича, возбудило его гнѣвъ, такъ какъ оно касалось Волынской и Подольской губерній, а слѣдовательно вторгалось въ сферу дѣятельности великаго князя, которому подчинено было гражданское управленіе въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ.

414. Varsovie, le 14 (26) décembre 1825, soir.

Mon cher général. Votre feldjäger m'a apporté toutes vos lettres que je vous renvois non décachetées vu mes rèsolutions et vu les ordres de feu notre maitre déposés au Conseil, Senat, Synode etc. et que l'on n'a pas suivi. Ce n'est pas à moi à juger de ce que l'on a fait, mais c'est à moi à suivre ponctuellement ce que l'empereur défunt avait prescrit. Ainsi soit-il et que Dieu me guide et me soutienne. Quant à votre paquet № 6 je l'ai décacheté puisque j'en savais le contenu par votre précédente et je vous le renvois. Je ne puis vous en dire rien de positif, mais je suppose que le tout est une intrigue des plus noires du général Witt, menteur et mauvais sujet dans la force du terme, le reste n'est que broderie. Le capitaine Maïboroda a effrayé le général Rott qui voit tout en noir, et tout le monde devient dans cette affaire à commencer par le sous-officier les instruments de la vilenie du général Witt.

Je ne conteste pas que Wadkowski c'est un détestable sujet, les autres je ne connais pas. Je vous le répète encore, cher général, que le général Witt est une canaille dont le monde ci ne produit peut être pas un autre, sans foi ni loix ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence. Soyez sur vos gardes, cher général, ne précipitez rien, marchez avec discernement, c'est un conseil d'ami que je vous donne. Je vous restitue votre papier ci-joint.

Présentez mes hommages trés humbles à l'impératrice. Mes amitiés sincères au prince Wolkonsky et pour vous, dites vous que vous n'avez au monde d'être qui sache plus vous apprécier et vous rendre justice et vous estime que ne le fait votre tout dévoué.

Constantin.

Toute l'affaire n'est que vengeance de Witt et envie de se faire valoir. Plus j'y pense et plus je ne puis changer d'avis. De la prudence, cher général.

415. См. въ приложеніи письмо генералъ-адъютанта барона Дибича къ графу Сакену, главнокомандующему первой арміи, отъ 15-го декабря 1825 года.

Библиотека "Руниверс"

416. См. въ приложеніяхъ содержаніе письма Вадковскаго отъ 3-го (15-го) декабря 1825 года, приведенное во всеподданнѣйшемъ рапортѣ генералъ-адъютанта Дибича отъ 11-го (23-го) декабря 1825 года.

417. Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта барона Дибича отъ 21-го декабря 1815 года (2-го января 1826 года):

«Стараніе схватить у полковника Пестеля бумаги не могло имѣть желаемаго успѣха, потому болѣе, что, вѣроятно, уже съ давняго времени онъ остерегается».

418. И. Д. Якушкинъ, въ «Сборникѣ записокъ декабристовъ», Лондонъ, 1862, стр. 46.

419. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 530. Всеподданнѣйшее письмо генералъ-адъютанта Киселева отъ 16-го января 1826 года. На письмѣ рукою генералъ-адъютанта Дибича написано: «къ свѣдѣнію».

Замѣтимъ здѣсь, что въ бумагахъ Пестеля найдены были дружескія письма къ нему Киселева, въ которыхъ послѣдній между прочими проявленіями дружескаго расположенія называетъ Пестеля «Machiavel». Встрѣчаются и такого рода фразы: «Vous avez une volonté ferme et tous les moyens de la bien employer».—«Mariez vous et quittons le service pour vivre dans la contemplation». (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 530).

420. Военно-ученый архивъ. Отд. секретный. № 48.

421. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ въ воспоминаніяхъ своихъ о возмущеніи Черниговскаго полка («Русскій Архивъ» 1871 года) утверждаетъ, что если бы на мѣстѣ Гебеля былъ другой полковой командиръ, не было бы возстанія; по его отзыву, Гебель не пользовался уваженіемъ офицеровъ и любовью солдатъ. Обстоятельствами Сергѣй Муравьевъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе.

422. «La nouvelle que je reçois à l'instant de la révolte du régiment de Чернигов par Муравьевъ-Апостолъ au moment même où il devait être arrêté, m'engage sans délai de vous faire part, cher Constantin, que je mets le 3-me corps sous vos ordres, ce dont j'ai écrit à Sacken, et je vous autorise de prendre toutes les mesures que vous jugerez nécessaires pour empêcher les progrès de ce germe de révolte; vous pouvez en conséquence faire marcher toutes les troupes de vos deux corps que vous trouverez nécessaire d'employer, en informant le général en chef pour qu'il puisse de son côté régler les démarches de son armée. Je désirerai éviter de faire entrer en Russie les troupes de l'armée polonaise, à moins que la chose ne devienne indispensable». (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) января 1826 года).

423. Графу Сакену императоръ Николай писалъ 6-го (18-го) января 1826 года:

«A tout considérer et surtout vu l'emploi que l'on fait du nom de mon frère pour révolter les troupes, j'ai cru devoir me décider à charger mon frère lui-même à réprimer la rébellion au cas qu'elle devienne plus grave, en mettant tout le 3-me corps sous ses ordres momentanés. Comme je fais tout connaitre au public, je compte publier aussi cet événement et dire pour montrer ma confiance pleine et entière dans mon frère, que c'est lui auquel j'ai confié de terminer ce scandale, cela ne peut que faire le meilleur effet». (Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 43).

424. Относительно первой роты Черниговскаго полка появился 20-го января 1826 года особый дополнительный приказъ начальника главнаго штаба:

«Черниговскаго пѣхотнаго полка первая гренадерская рота, подъ начальствомъ капитана, что нынѣ майоръ, Козлова, при возникшемъ въ семъ полку мятежѣ, сохранила непоколебимую вѣрность къ престолу и, удаляясь отъ злоумышленниковъ, явилась къ настоящему начальству, гдѣ съ ревностію способствовала въ покореніи мятежниковъ. Государь императоръ, во вниманіи къ таковой вѣрности и отличному усердію, высочайше повелѣть соизволилъ всѣхъ чиновъ оной роты перевесть въ полки лейбъ-гвардіи».

425. «C'est dans cet après midi que j'a eu le bonheur de recevoir votre lettre du 5 (17) de ce mois et je m'empresse de vous en témoigner toute ma gratitude, ainsi que pour la confiance que vous avez bien voulu avoir en moi, de me confier le commandement du 3-me corps d'armée, si le cas deviendrait urgent pour appaiser la révolte de Mou-

Библиотека "Руниверс"

ravieff-Apostol. Grâce à la bonté de Dieu le tout est fini et par conséquent je ne me crois plus en droit de m'en mêler, dont j'avise, de même, le comte Sacken». (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 10-го (22-го) января 1826 года).

426. Mon courier et ce qu'il vous a porté d'ici vous prouvera que, tout en espérant dans la bonté Divine, je voyais au pire et que les mesures que j'ai cru devoir vous proposer étaient dans ce sens. La Providence a voulu, il parait, par cet événement donner une nouvelle preuve de son inépuisable miséricorde pour nous, en faisant éclater un événement prévu, avec toutes ses atroces conséquences, et de le faire terminer aussi aisement qu'ici, pour donner une preuve de plus aux incrédules philanthropes du siècle des conséquences de leurs principes et aux honnêtes gens la preuve irrécusable que, s'il y a des coquins, il y a aussi de braves gens qui savent s'y prendre en pareil cas».

427. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», часть 4-я.

Мы упомянули здѣсь, что подозрѣніе въ составленіи прокламаціи пало на совершенно невиновнаго В. Н. Каразина. По всей вѣроятности, прокламація вышла изъ-подъ пера одного изъ будущихъ декабристовъ, но кого именно—это осталось тайною и до сихъ поръ.

428. С. Татищевъ: «Воцареніе Николая I». (Депеша графа Лаферронэ отъ 9-го (21-го) января 1826 года).

429. «Grâce à Dieu dans ces détestables découvertes il n'y a pas eu un seul nom de ceux que feu mon bienfaiteur a daigné soumettre à mon commandement, qui sont compromis. Ici tout est tranquille et dans l'étonnement et dans l'indignation des horreurs de Pétersbourg»,

430. На основаніи показаній Пестеля, условія соглашенія съ членами польскихъ тайныхъ обществъ заключались будто бы въ слѣдующемъ:

1) Независимость Польши съ уступкою провинцій, отъ нея къ Россіи присоединенныхъ.

2) Взаимое содѣйствіе на случай внѣшней войны.

3) Одинаковый образъ правленія.

4) Полякамъ поступить съ цесаревичемъ такъ, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями.

5) Поляки должны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными обществами и никакихъ съ ними условій безъ предварительнаго согласія Южнаго общества не заключать.

Князь Сергѣй Волконскій, принимавшій участіе въ этихъ переговорахъ, показалъ, что, сколько помнитъ, содержаніе условій были слѣдующее:

1) Революція должна быть произведена общими силами.

2) Поляки обязывались заточить всѣхъ тѣхъ членовъ императорской фамиліи, которые будутъ находиться въ Польшѣ.

3) Они не должны начинать никакихъ дѣйствій безъ сношенія съ русскими обществами.

4) Они обязаны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ иностранными обществами.

5) Русскія общества обѣщали Польшѣ независимость и уступку завоеванныхъ областей, сколько будетъ справедливо и возможно.

Карта Россіи, приложенная къ «Русской Правдѣ» Пестеля, разрисованная имъ красками, съ точнымъ обозначеніемъ будущей границы съ Польшею, не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какимъ образомъ авторъ этого сочиненія намѣренъ былъ распоряжаться достояніемъ Россіи.

Варшавскій слѣдственный комитетъ пришелъ къ заключенію, что окончательнаго договора или соглашенія между представителями русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ не было заключено.

431. «Chez nous jusqu'á ce jour, tout est parfaitement tranquille, grâce à Dieu, et j'espère de sa bonté que cela continuera à l'être. Veuillez me permettre de vous faire une

Библиотека "Руниверс"

observation, cher frère, au sujet de toutes les dépositions qui vous ont été faites, qu'il me semble que ces malheureux russes s'étant conduits comme indignes de ce nom et ne voyant jusqu'à ce jour aucun polonais de compromis cherchent à faire, par faute de preuves, des soupçons sur eux; c'est de mon devoir de vous le faire observer, afin que ceux, sur qui la protection de feu l'empereur reposait, ne deviennent pas la victime de l'intrigue, du soupçon et du doute; remarquez de plus que toutes les dépositions faites font sous-entendre que je suis retenu ici, que je dois arriver à Pétersbourg etc. etc. et toutes sortes de choses semblables. Je vous le répète, cher frère, du fond de l'attachement que je vous porte, que ma présence ici leur en impose plus, tant russes que polonais. Réfléchissez y et vous verrez la rectitude de ce que j'avance».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) января 1826 года.

432. «Envoyez, sous quelque prétexte, ou en courier ici quelqu'un, ou bien quelques uns de marquant, qui en revenant prouveront que personne ne bouge et que tout est ici comme du règne de feu l'empereur; c'est une intrigue trop grossière et cousue de fil blanc, pour ne pas s'en apercevoir du premier abord». (Изъ письма цесаревича отъ 9-го января 1826 года).

433. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 26-го января (7-го февраля) 1826 года. Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось отправить Лунина въ Петербургъ.

434. «Voici l'espèce d'interrogatoire fait à Antoine Iablonovsky; vous y verrez si la chose n'est pas de nature, surtout vue d'ici, à exiger des mesures de rigueur, or voici ce que j'ai fait: d'abord voici un office par lequel, sans sortir du train ordinaire, je vous munis des pleins-pouvoirs nécessaires, m'en remettant entièrement à vos décisions là-dessus; mais je crois la chose trop précise et ne doute pas qu'elle le devienne encore plus par les notions locales que vous pourrez avoir et saurez tenir de Iablonovsky. Il faut sûrement user de la plus grande douceur, pour ne pas donner la prise aux mécontents, mais je crois que tarder encore de sévir serait une faiblesse criminelle de notre part; au reste encore une fois liberté parfaite à vous d'agir selon ce que vous trouverez nécessaire».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 28-го января (9-го февраля) 1826 года.

435. «J'ai agi dans cette occasion comme je l'eus fait du temps de feu l'empereur et d'après les ordres qu'il m'avait donnés, c'est à dire de faire agir les polonais, eux-mêmes, dans tout cas grave; la commission d'enquête est composé de tous les personnages les plus marquants et les plus notables du pays, cette confiance fera taire les clabaudeurs, les on dit et autres choses semblables, qui donnent de l'inquiétude aux esprits, et tout le monde se persuadera de ce qui en est. Personne n'a été arrêté que d'après la requisition du comité lui-même, par conséquent je suis absolument de côté et ne peut pas être taxé de partialité et d'arbitraire; je deviens l'exécuteur et non l'ordonnateur des ordres. Ceci est très nécessaire pour tout, afin de prouver de plus la gravité des faits et donner un aplomb à tout ce qui se fait; je suis presque certain que ces messieurs seront encore plus rigides et plus sévères que nous l'eussions été nous mêmes».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) февраля 1826 года.

436. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», часть 3-я.

437. Письмо императора Александра къ Костюшкѣ отъ 3-го (15-го) мая 1814 года: «Un peu de temps encore, avec une marche sage et les polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs voeux. Combien il me sera satisfaisant, général, de vous voir mon aide dans ces travaux salutaires! Votre nom, votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis».

Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». т. III.

Библиотека "Руниверс"

438. «Les papiers trouvés chez le général Kniazevicz viennent à l'appui de ce que je vous disais constamment, cher frère, au sujet des promesses, sur lesquelles les polonais fondaient leur espoir; ce sont des copies de la correspondance du général Kosciusko, et qui répondra qu'il n'en existe de répandues entre d'autres polonais? Lisez la fin de la lettre de feu l'empereur et vous y verrez la clef de toute la société nationale; que voulez-vous que l'on leur dise, après des promesses aussi positives et sur lesquelles ils fondaient leur espoir, de contraire à leur vue et leurs démarches; jugez vous-même de la position des choses et avec impartialité. Je suis certain que peut-être vers la fin du règne de l'empereur il y avait bien des choses sur lesquelles il était revenu, mais c'était trop tard, et la promesse étant une fois donnée, avec tous les documents authentiques, ne pouvait être rétractée; en plus, toute la marche des choses prouverait positivement le but de feu l'empereur pour assurer le résultat qu'il s'était promis, et pas plus tard qu'à son dernier séjour il nous l'a dit positivement à deux reprises, à ma femme et à moi; le même discours a été répété à tout plein de personnes, des militaires et des civils.

«Notre comité d'enquête va son train et je dirai plus, va bien, avec zèle et vigueur. Les polonais, en général, sont indignés et peinés au vif de ce qu'il a pu se trouver de leurs compatriotes en rapports directs avec les révolutionnaires de chez vous; le comité fait tout son possible pour les découvrir tous et la voix publique se prononce dans un très bon sens, en disant que si le russe doit être puni une fois, le polonais doit l'être dix fois, bien entendu, s'ils ont trempé avec les révolutionnaires pour mettre tout en dessus dessous, ou bien même s'ils avaient des vues personnelles pour en faire de même de tous côtés; l'on ne peut pas exiger davantage d'eux, après les promesses que l'on leur a données si positivement. La consternation est générale et tout le monde voit avec peine que les événements ont forcé avec raison d'agir avec sévérité contre les individus de leur nation ayant espéré le contraire, ce qui prouve le bon esprit qui les anime; je fais tout mon possible pour les calmer et je ne cesse à leur répéter que quelques brebis galeuses ne peuvent pas influer sur le reste, une fois qu'elles en seront séparées, et que le troupeau restera beau et qu'il est tel qu'il doit l'être».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 15-го (27-го) февраля 1826 года.

439. «Le contenu de votre dernière lettre m'a fait le plus grand plaisir par les nouvelles que vous me donnez sur l'esprit qui règne à Varsovie; j'avoue que je n'ai jamais eu la moindre inquiétude là-dessus ni doute sur l'effet que devait produire sur des êtres raisonnables, fidèles et aimant l'ordre, la nouvelle des menées tendantes à le renverser sous le masque d'un sentiment fort respectable, mais dont certainement peu de monde peut être la dupe, car entre désirer une chose presque promise, ou bien prévenir le gouvernement dans ses mesures, d'une manière occulte et par conséquent coupable, est une énorme différence.—Ainsi, avec le mode établi par vous, ils ne pourraient qu'y voir confiance entière du gouvernement, et tout en flattant l'amour propre national, la preuve que le gouvernement ne faiblit pas à la vue du danger. mais se met en garde pour prévenir et couper le mal avant l'explosion, il faudrait être fou pour ne pas être content de cela et certainement ce ne sera pas moi qui croirais qu'ils puissent l'être—ajoutez-y le sentiment de reconnaissance qu'ils doivent à notre ange! — Quant à ceux qui, nécessairement quoiqu'en petit nombre, seront innocemment confondus avec les vrais coupables, j'observe qu'il est de l'intérêt de tout homme d'honneur de désirer d'être disculpé tôt ou tard de toute suspicion, or savoir que l'on est soupçonné et ne pas avoir la faculté de se justifier, est, quant à moi, un sentiment insupportable. Nous arrêtons, non pour chercher des victimes, mais pour chercher à justifier les calomniés. Tout ce que vous avez fait pour l'enquête est parfait et ne peut qu'avoir les meilleures suites».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го февраля (4-го марта) 1826 года.

440. «D'après ce que je lis dans les dépositions de Iablonovsky, je n'aperçois rien autre qu'une suite naturelle de la position de ce pays ci et des discours tenu du haut du trône lors des trois diètes qui ont eu lieu. De plus tous ces messieurs voient la vieille

Библиотека "Руниверс"

Finlande réunie à la nouvelle et non la nouvelle à la vieille, et je vous le demande comment ce que vous voulez qu'un exemple pareil ne leur tourne pas les têtes? Les paroles et les idées de feu l'empereur leur étaient connus à tous puisqu'il ne leur a pas caché et même en dernier lieu en l'ayant manifesté tant au civil qu'au militaire. — En bonne foi pouvez vous le leur reprocher? Mettez vous à leur place et supposez que la Russie soit devenu état de partage comme la Pologne, qu'auriez vous fait et pensé vous-même? Mettez tout ceci sous les yeux de l'empereur—ce que les couleurs jaunes et cramoisies ne sont pas en évidence comme ici ainsi qu'en Lithuanie.—Sont ils donc aveugles et sourds?—Les projets de feu l'empereur m'étaient connus, en un mot je prie que l'on réfléchisse un peu sur tout le passé et que l'on se mette à ma place ici. L'on verra la difficulté dans laquelle je me trouve pour agir.—Au reste ne sachant qu'obéir, je le ferai présentement comme je le faisais par le passé avec le même zèle et le même dévouement.—L'empereur à son avénement au trône et par son manifeste à ce pays-ci a promis de marcher sur les traces de feu l'empereur, ce qui a charmé tout le monde, maintenant l'on y verra peut-être autre chose. — La vérité doit être dite et je la dis telle qu'elle se présente à ma judiciaire et jusqu'à ce que l'on me permettra de la dire et que l'on voudra l'entendre de moi. Si je recevrai l'ordre de me taire, je m'y soumettrai avec toute l'obéissance que vous me connaissez depuis que j'existe. Lisez tout ceci à l'empereur, il est nécessaire qu'il le sache pour fixer son opinion».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) февраля 1826 года.

441. «D'après les intentions de l'empereur et les ordres qui me furent communiqués par le comte Grabowski à cet effet, je viens d'être revêtu de pouvoirs pour ainsi dire dictatoriaux et discrétionnaires pour commencer les enquêtes dans ce pays-ci depuis les déclarations du prince Iablonovsky. Vous sentirez vous-même et je vous prie de fixer l'attention de sa majesté à ce sujet, que ma position dans ce pays devient des plus délicates et des plus difficiles par les circonstances. elles-mêmes. Ne sachant qu'obéir et me réglant sur les intentions que feu mon bienfaiteur m'avait donné quand à ce pays et la marche à y suivre, j'ai cru bien faire d'instituer à l'instar de Pètersbourg une commission d'enquête, dont je me réserve la direction et la surveillance, et comme les individus qui pourraient y être appelés, être interrogés et arrêtés même, seraient des sujets de l'empire et du royaume, ainsi que des russes, j'ai nommé pour y siéger, M. M. Nowosiltzow, Kourouta, Kriwzow, Kolsakow et Morenheim, membres russes, le comte Zamoiski, président du sénat, Sobolewski, ministre de la justice, comte Grabowski, ministre des cultes, Haucke, ministre de la guerre, le palatin comte Grabowski et le général Rautenstrauch, pour tenir la plume. Il y a ici des hommes de toutes les couleurs, de toutes les opinions, et tous revêtus de fonctions publiques. Leur façon de faire les démasquera et fermera la bouche aux dires et aux claboderies du monde, et ils verront clair alors ce qui en est et quel est le but des perturbateurs de l'ordre établi.—La plus grande publicité et la plus grande confiance dans ces messieurs les forcera d'agir et de frapper les coupables, c'est un indiciam delegate mixtum. Toutes ces enquêtes secrétes sont contraires à l'opinion et à l'esprit du siècle, et comme nous sommes ici sous un ordre de choses constitutionnel le tout reste en règle. Dites moi ce que vous dira l'empereur; je n'ai pas pu mieux agir d'après ma façon de voir».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича Ф. П. Опочинину отъ 7-го (19-го) февраля 1826 года,

442. Цесаревичъ приложилъ къ своему письму списокъ лицамъ, арестованнымъ по распоряженію комитета, учрежденнаго для изысканія тайныхъ обществъ:

Графъ Солтыкъ, сенаторъ, каштелянъ царства Польскаго.

Гржимало, рекетмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ царства Польскаго.

Плихта, секретарь въ канцеляріи онаго же совѣта.

Кожуховскій, библіотекарь сего же совѣта.

Дембекъ, каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ.

Прондзинскій, подполковникъ польской квартирмейстерской части.

Библиотека "Руниверс"

Кршижановскій, подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго Конно-Егерскаго полка.

Мицельскій, адъютантъ его императорскаго высочества цесаревича, онаго же полка капитанъ.

Малаховскій (Густавъ), сынъ сенатора, каштеляна царства Польскаго; онъ служилъ прежде чиновникомъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Лелевель, сеймовой посолъ Станиславовскаго обвода.

443. Въ 1814 году цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ графу В. Ф. Васильеву: «Le duché de Varsovie doit exister comme il est sans augmentations, et doit être gouverné par un russe à la russe».

444. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 12-го (24-го) марта 1826 года.

445. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXXIII, стр. 620.

В. А. Бильбасовъ: Екатерина II и Гриммъ. «Русская Старина», 1893 года, т. LXXVII, стр. 521.

Въ заключеніе письма отъ 5-го апрѣля 1795 года Екатерина пишетъ: «Vous voyez que dans cette dissertation la politesse a cédé à l'envie de vous faire rire; au reste les dissertations des pédants ne sont pas toujours polies quand la colère ou le zèle les emporte, comme vous le savez très bien, et moi, je me suis ferré à glace sur tout cela en maniant archives et chroniques, comme vous ne l'ignorez pas non plus».

446. «Сборникъ И. Р. И. О.», т. XXXIII, стр. 647.

447. Въ перепискѣ Лагарпа съ Стапферомъ встрѣчаются еще слѣдующіе отзывы императора Александра о Польшѣ:

«Comment,—me disait chaleureusement en 1814 Alexandre I,—un homme de bien renoncerait-il à avoir une patrie? Si j'avais été polonais, j'aurais cédé à la tentation à laquelle ils ont succombé. Mon intention est de leur rendre de cette patrie tout ce que je pourrai, de leur donner une constitution que je me réserve de développer à mesure qu'ils m'inspireront plus de confiance».

Aus Philipp Stapfers Briefwechsel. (Quellen zur Schweizer Geschichte). Basel. 1891. B. 2, p. 449.

448. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

449. Lisicki: Le marquis Wielopolski. Vienne. 1880. T. I, p. 86.

450. «Ma conviction intime me reste que de continuer à nourrir et soutenir des idées prouvées impossibles à réaliser par des inconvénients d'une importance et d'une conséquence majeure serait manquer à tous nos devoirs de russes. Vous l'avez dit à Grabowski vous-même: «Soyez polonais, quant à moi je suis et resterai russe», et moi je dis: «Soyez polonais et moi je serai l'un et l'autre»; or je devrais cesser d'être russe à mes propres yeux si je voulais croire qu'il fut possible de séparer la Lithuanie de la Russie proprement dite. Ainsi laissons les choses sur le pied actuel; n'allons pas au delà, tenons tête à ceux qui veulent aller au delà et laissons du moins dans la troupe l'esprit que vous avez si bien maintenu jusqu'ici, qu'ils sont russes. Me voilà bien loin dans une discussion fort importante et puisque m'y voilà sans m'en douter, entraîné par le coeur qui s'ouvre toujours quand il s'adresse à vous, j'ajouterai, que je suppose fort utile de croiser dans la troupe tant que possible des russes parmi les officiers avec les lithuaniens. Les corps des cadets sont là pour cet objet. N'allez pas croire que j'écrive à la dictée de quelque influence; c'est tellement pur que ce n'est qu'avec Опочининъ que j'en ai jamais parlé».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) марта 1827 года.

451. «Quant à l'article de la Lithuanie, c'est une autre thèse qui est trop longue pour une lettre et surtout griffonnée et rédigée par moi. Veuillez me permettre de consigner mes idées dans un mémoire que je vous enverrai dès qu'il sera fait; mais ce que je me permettrai de dire ici, c'est que j'étais, suis et serai russe tant que je vivrai, de coeur et d'âme, mais pas un de ces russes aveugles et imbéciles qui ont pour principe

Библиотека "Руниверс"

qu'il leur est tout permis et aux autres rien. Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступя на горло — c'est un proverbe très usité entre les nôtres qui m'a fait toujours horreur. La seule science positive de ce bas-monde, ce sont les mathématiques et elles prouvent que lorsque les données sont fausses — les résultats le deviennent; une cause injuste ne deviendra jamais juste, ce ne serait que des palliatifs plus nuisibles qu'autre chose».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1827 года.

452. «Au reste il n'y a pas de polonais de quel parti qu'il ne soit, qui ne fut persuadé de la vérité que leur pays a été spolié et non conquis par l'impératrice Catherine durant les trois partages qui ont eu lieu et qui l'a fait durant la paix et sans déclaration de guerre et en y ayant employé tous les moyens les plus honteux, et dont chaque âme honnête aurait répugné. Le seul royaume de Pologne est de bonne prise et sanctionné par des traités après une guerre et à la suite de la paix; ceci est senti par tout le monde et par l'univers entier, la conquête est le fruit de la victoire, lorsque la spoliation est un larcin honteux et qui tôt ou tard rejaillit sur le spoliateur».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года).

Цесаревичъ выражался вообще всегда крайне рѣзко, когда ему случалось въ разговорѣ и въ письмѣ коснуться политической дѣятельности Екатерины II. Такъ, напримѣръ, 2-го іюня 1812 года Константинъ Павловичъ писалъ графу В. Ф. Васильеву:

«Les circonstances présentes ne sont qu'une suite de la fin du règne de Catherine, qui, très brillant en scèneries, n'a été rien autre chose, comme l'on dit vulgairement, que de la poudre aux yeux; vu que le partage de la Pologne a été l'exemple et le signal d'enfreindre, tout ce qui a été sacré jusqu'alors dans le monde, comme traité, serment, fidélité du peuple envers son souverain, et sous le dehors de la justice appuyée par des bayonnettes et des canons, dans une époque où le jacobinisme rompt par la guillotine tous les sus-dits freins». («Русскій Архивъ» 1881 года, книга 1-я, стр. 129). Такимъ образомъ, по мнѣнію цесаревича, оказывается, что императрица Екатерина своею политикою въ Польшѣ вызвала проявленіе якобинизма въ Европѣ, увѣнчавшееся движеніемъ Наполеоновской Франціи противъ Россіи: 1812 годъ поставленъ въ прямую связь съ царствованіемъ Екатерины II!!

453. «Ma conscience m'oblige, cher Constantin, à revenir à un article trop important pour ma responsabilité et pour l'avenir, pour que je ne prenne la résolution de vous en parler encore, au risque de vous trouver d'une opinion contraire. Tant que je suis au poste, où vous et feu notre ange m'avaient placé, je ne puis, ni ne dois rien faire d'inconséquent, or j'en commetrai une des plus impardonnables fautes, en ne veillant point à ce que mes démarches soient conformes à ma pensée dans un point des plus graves de mes fonctions. Je ne puis admettre aucune possibilité, tant que j'existe, à ce que des idées de réunion de la Lithuanie à la Pologne puissent être encouragées, car, dans ma conviction, c'est une chose infaisable et qui ne pourrait qu'entrainer les suites les plus funestes pour l'empire. Cela ne m'empêche pas d'être tout aussi bon polonais que je suis bon russe, je l'ai prouvé et je le prouverai en toute occasion par la stricte et fidèle observation et garantie des privilèges que feu notre ange a accordé au royaume; mais toute tentative au delà, au détriment de l'empire proprement dit, tant que j'existe, je ne puis la souffrir; en conséquence je ne puis nourrir aucun espoir pareil, encore moins l'encourager. Le moment actuel devient d'autant plus essentiel et important qu'une partie du noyau russe, qui compose les régiments du corps (composé) de Lithuaniens (les) quitte; en recomplétant le corps uniquement de Lithuanie, c'est dire à chacun que je persiste dans ce point dans les vues probables de notre ange. Ce serait mentir que de me les supposer ou que je les fasse subsister; il est de rigueur donc qu'une partie de votre complètement soit prise parmi les provinces russes et, qu'en échange, une partie de celui des provinces lithuaniennes passe dans les autres corps de l'armée. Les vieux officiers russes de votre corps disparaissent malheureusement et la plupart des jeunes

Библиотека "Руниверс"

sont polonais; dans dix ans les régiments ne seraient russes que de nom et polonais dans le fait; il est donc temps d'y obvier. Je vous propose donc de garder p. ex. les recrues de Grodno, Volhynie, Bialostock et Minsk et de cèder ceux de Wilna et de Podolie au reste de l'armée; je vous proposerai en échange ceux de Pskow et Twer etc. ou bien d'autres à votre choix. Une autre fois nous changerons de gouvernement, pour que les races se croisent.

«Il m'est pénible de toucher cette corde, mais c'est mon devoir devant Dieu et devant vous, car jamais je ne pourrai vous tromper au risque de vous déplaire momentanément; veuillez me donner votre réponse le plus tôt possible et par courier, car le temps presse».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года.

454. «Maintenant, cher et excellent frère, veuillez me permettre de vous présenter le mémoire ci-joint et que ma fidélité à mes maitres durant 32 ans passés m'a suggéré. Une expérience longue, des observations continues durant tout le cours de mes services, aucune vue personnelle — en un mot rien autre que ma franchise et ma loyauté y sont énoncées avec autant de clareté que j'ai pu seulement y mettre; lisez le avec attention, avec bonté, bienveillance et indulgence. Feu l'empereur m'avait accoutumé de lui en adresser de temps à autre et en était content. La vérité y est telle que je la vois; je ne la soumets pas à une petite et retrécie politique. mais j'y expose des vues grandes. magnanimes, nobles et pures et qui vous montreront à la vue du monde ce que doit étre le souverain d'un grand empire. Au reste, si je m'étais trompé, si ma démarche vous paraissait osée ou déplacée, veuillez me le pardonner et n'y reconnaitre qu'un zèle et un dévouement pour votre auguste personne; cela me servira d'avis pour l'avenir de ne pas user d'un droit acquis sous feu notre empereur et qu'il m'avait recommandé et ordonné d'avoir; maintes fois il m'avait grondé d'en avoir usé avec trop de discretion et, pas plus tard qu'à l'infâme affaire Séménovski, où il était peiné de n'avoir pas agi d'après mes conseils. N'allez pas me croire un présomptueux d'oser vous en donner, — bien loin de moi une idée semblable, mais exposer à un frère les sentiments d'un coeur dévoué ne sont pas des conseils, mais un tribut que l'on rend à l'attachement inviolable qu'on lui porte. En résumé lisez le mémoire et faites en ce qui bon vous semble et j'aurai rempli les devoirs de ma conscience pure et nette devant Dieu, vous et les hommes».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 31-го октября (12-го ноября) 1827 года.

455. «J'en viens à des reproches vis-à-vis de vous cher, bon et excellent Constantin, pourquoi m'injuriez vous en mettant des doutes à ce que je puisse jamais recevoir des avis de votre part autrement que comme des marques palpables d'intérèt et de cette amitié, à laquelle je tiens tant et qui fait réellement mon bonheur! Si je suis quelquefois d'un avis différent du vôtre, faut-il en déduire que les vôtres puissent jamais cesser de m'ètre chers et souvent précieux parce qu'ils m'éclairent? Ainsi, j'espère voilà qui est dit pour l'avenir.

«Je jugerais à peu près comme vous, cher Constantin, l'objet de votre mémoire, si nous ne partions de points de raisonnement différents. La Prusse, ni l'Autriche, n'ont point de Pologne, excepté leurs possessions de Posen et de Galicie; ces deux provinces sont fondues dans les deux états auxquels elles appartiennent, et du moins en Prusse, outre le nom, aucune différence n'est perceptible entre cette province et les autres du royaume et, je crois, qu'en Galicie c'était de même jusqu'à ce moment. La Lithuanie etc. est province russe, elle ne peut retourner à la Pologne parce que ce serait attenter à l'intégrité du territoire de l'empire, exemple qui a été pour le gouvernement de Wibourg et qui entraine déjà de graves inconvénients, au point qu'il est possible qu'il retourne à l'empire proprement dit. Partant de ce principe, je vois qu'en Autriche et en Prusse le même uniforme subsiste partout et je ne vois pas de particulier pour les troupes de ces provinces qui font partie du reste de l'armée. Chez nous, un uniforme particulier existe pour ce corps; tant que ce sont des russes qui le portent, il n'est d'aucune conséquence

Библиотека "Руниверс"

car telle couleur qu'on leur fasse porter, ils resteront russes; il en est autrement des polonais, aux yeux desquels cette couleur acquière une signification qui tend à soutenir en eux l'espoir, désormais impossible, de retourner au royaume, en se détachant de l'empire. Il est donc de mon devoir comme honnête homme d'atténuer cet espoir tant que je puis, et au moins de ne pas l'encourager évidemment, en persistant à la première occasion ostensible dans un système que je ne puis partager.

«Voilà, cher Constantin, ma confession franche et loyale, telle que je la ferais devant Dieu.

«La fidélité du corps de Lithuanie a été exemplaire et c'est un nouveau titre pour vous à la reconnaissance de la patrie; mais, cher Constantin, j'aime mieux savoir qui sont les mécontents tout de suite, que de les créer en les trompant toujours par le non-accomplissement d'espoir imprudemment soutenu et encouragé. Des polonais répandus dans la troupe russe seront aussi bons soldats qu'ils furent toujours, les nobles iront de préférence servir, peut-être dans le royaume, ou bien ne serviront pas; eh bien, dans vingt ans, avec l'aide de Dieu, cet état de chose s'atténuera, car les impressions seront moins vives, moins rudes. Si je me trompais, je le répète, j'aime mieux savoir d'avance sur qui je puis compter, et l'honnête homme parmi eux-mêmes me rendra justice en disant: je le hais parce qu'il n'accomplit pas nos voeux, mais je l'estime, parce qu'il ne nous trompe pas».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года.

456. «Permettez, cher Constantin, qu'à titre de papa je vous exprime un voeu que vous, comme père aussi, ne me refuserez pas et me pardonnerez, peut-être, mon indiscrétion importune. Je fais ce que je puis pour donner à mon ainé l'habitude des langues, qui lui sont nécessaires; c'est ainsi qu'outre le russe, il sait le français et l'allemand au point de pouvoir les parler et apprend le polonais et l'anglais; il faut que le polonais surtout lui soit aussi familier, s'il se peut, que le russe; il ne peut acquérir cette facilité que par la nécessité et l'habitude constantes de devoir le parler. Pour parvenir à ce but, j'ose vous supplier de faire le choix d'un vieux soldat, sûr, sachant bien son affaire comme soldat de front et ne sachant que le polonais. Je désirerai que ce vétéran fut près de mon garçon à titre de дядька, comme il en a un déjà de son régiment d'ici qui, tout en surveillant pendant ses jeux, l'exerce et lui fait faire les choses comme il le faut. Ayant donc pour le même but un polonais près de lui, il acquerra l'habitude de parler le polonais, sans qu'il s'en doute. Pardonnez moi de vous adresser une demande pareille et n'y voyez que la confiance entière que je mets dans votre amitié et dans vos bontés pour moi et nos bambins».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 28-го ноября (5-го декабря) 1827 года.

30-го ноября (12-го декабря) цесаревичъ по этому поводу отвѣчалъ государю «Quant à l'envoi et au choix du soldat polonais comme дядька pour notre cher petit Alexandre, j'ai déjà donné mes ordres pour en chercher un. J'ose vous supplier de me donner un peu de temps, afin que le choix corresponde parfaitement à votre attente sous tous les points de vue possibles».

457. «L'on veut des lois et l'on commence par empiéter sur celles qui existent. Le duché de Varsovie doit exister comme il est sans augmentations, et doit être gouverné par un russe à la russe, mais faire corps separé. J'en ferai bien mon affaire. Mais le mieux serait de le partager d'après l'ancien partage. Préserve le ciel de faire des démembrements de la Russie sous aucun prétexte. Malheureusement nous en avons fait un en Finlande qui n'est pas des moins ridicules. Quelle gloire pour nous que ce que l'ennemi n'a pu faire, nous le ferons nous-mêmes, c'est l'histoire du pélican à rebours. Aussi l'on voit que quelquefois les parodies plaisent davantage que les originaux».

«Русскій Архивъ» 1882 года, книга 1-я, стр. 159.

458. Письмо цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1827 года.

«Je ne vous parle plus ici des polonais et de vos vues,—ce n'en est pas le temps,—je me flatte de l'espoir qu'ils sauront mériter au champ d'honneur votre estime et votre

Библиотека "Руниверс"

approbation, et j'en ai la conviction intérieure et que ceux qui veulent et aiment à les faire passer pour ce qu'ils ne sont pas leur rendront justice. L'idée de feu l'empereur était d'en faire ses hongrois et j'aime à me persuader qu'ils sauront justifier cette attente».

Въ 1835 году Лагарпъ писалъ Стапферу: «C'était d'une nationalitè hongroise dont il s'agissait pour eux (т.-е. для поляковъ)».

Aus Stapfers Briefwechsel. B. 2, p. 455.

459. Насколько встревожилось русское общество намѣреніемъ императора Александра дать внутреннее расширеніе королевству Польскому насчетъ Россіи, можно видѣть изъ того, что произошло въ средѣ будущихъ декабристовъ при полученіи о томъ извѣстія въ Москвѣ въ 1817 году. Якушкинъ въ пылу негодованія вызвался на цареубійство! Испуганные товарищи удержали его отъ сего преступнаго намѣренія. На этой почвѣ, въ смыслѣ протеста, сошлись мыслями и самые крайніе консерваторы и передовые люди, примкнувшіе къ тайному обществу.

460. «Maintenant il s'agit de savoir comment sera terminé le jugement des polonais; le public en parle peu, mais les malveillants attendent et espèrent trouver matière à la critique. L'histoire de la nationalité s'y rattache et chaque nuance sera saisie avec empressement. C'est un pas assez difficile, d'autant qu'il fera lois pour le plus ou moins d'espérance à donner à la Pologne, pour le plus ou moins d'atteinte porté à l'amour propre de la Russie. Cette grande question de la Pologne est l'écueil contre lequel s'est brisé l'amour des russes pour l'empereur Alexandre; nous ne l'avons que trop senti, que trop vu par l'enquête. Je conçois, mieux que le public, toutes les difficultés presque insurmontables qui entourent notre maitre, mais il faut que son but tende toujours à les applanir sans les rompre, et à modifier les trop grandes prétentions de la mère patrie, en paraissant en partager l'opinion. Ce bel ouvrage sera la force du règne, et basera la tranquillité des règnes futurs».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

461. Михайловскій-Данилевскій: рукописный журналъ 1825 года.

462. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 34.

463. Письмо императора Николая къ князю Волконскому отъ 23-го декабря 1825 года.

464. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: «Дѣло о слухахъ, распространявшихся въ Москвѣ предъ вшествіемъ въ оную тѣла блаженныя памяти государя императора Александра Павловича, 1826 года».

465. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40: «Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра, восшествія на престолъ императора Николая и по другимъ случаямъ».

466. Изъ всеподданнѣйшаго донесенія московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына.

467. Изъ всеподданнѣйшаго донесенія московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына.

31-го декабря 1825 года князь Голицынъ въ письмѣ къ императору Николаю спрашивалъ:

«La seule chose sur laquelle j'ose demander ses ordres précis, c'est qu'au cas que le peuple montre un vif désir de dételer les chevaux du char funèbre et de trainer eux-mêmes, faudra-t-il le leur permettre, ou bien les retenir. J'espère qu'au cas où votre majesté ne le désire pas parvenir à l'empêcher».

Императоръ Николай на письмѣ князя Голицына положилъ слѣдующую резолюцію:

«Отвѣчать, что я считаю нужнымъ отклонить народъ отъ того, чтобъ на себѣ везъ тѣло, для избѣжанія всякаго безпорядка въ Москвѣ, а подавно здѣсь, гдѣ бы вѣрно, по примѣру Москвы, захотѣли бы то же сдѣлать».

Повелѣніе государя было сообщено князю Голицыну барономъ Дибичемъ 4-го января 1826 года, но 25-го января дополнено слѣдующимъ распоряженіемъ:

«Если бы, сверхъ чаянія, не было уже никакой возможности отклонить отъ того народъ, то, по крайней мѣрѣ, полиція обще съ градскою думою должны найти сред-

Библиотека "Руниверс"

ство устроить на таковой случай особый порядокъ, стараясь избѣгать всякаго замѣшательства».

Какъ выше упомянуто, только при выступленіи изъ Москвы, у самой заставы, начальству пришлось уступить народнымъ мольбамъ, безъ всякаго ущерба въ сохраненіи порядка.

468. 16-го (28-го) января 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Tout va bien ici. Mes gastes voient les troupes ce qui me donne bon prétexte de les voir et je puis dire, avec sincérité et justice, qu'elles sont parfaitement bien, et que notre ange, s'il les voit, est sûrement satisfait».

469. С. Татищевъ: «Воцареніе императора Николая».

(Донесеніе виконта де Сенъ-При барону Дамасу отъ 8-го (20-го) и 17-го (29-го) января 1826 года).

470. Воспоминанія моей жизни, записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. «Русская Старина» 1872 года, т. VI, стр. 138.

471. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin, 1891, Band I, p. 20).

472. Казанскій соборъ убранъ былъ по плану архитектора Росси, а Петропавловскій—архитектора Монферана.

473. «Les malheureuses journées qui ont précédé le 13, m'ont privé presque de toutes mes facultés physiques et morales; ce n'est que depuis hier que je respire un peu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) марта 1826 года.

474. «Je conçois parfaitement, cher frère, l'état où vous avez dû vous trouver durant l'époque qui a précédé la cruelle journée du 13, je l'ai vivement partagé dans mon éloignement, grâces en soient rendues à l'Être Suprême que toute notre famille l'a supporté avec courage et résignation et que les restes de notre cher et immortel empereur reposent en paix».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года.

475. «En général vous ne sauriez croire, ou plutôt vous le croirez facilement, quelle pénible sensation on éprouve ici, tout est comme de son temps, dans sa chambre: son chapeau, ses gants, ses épaulettes, mouchoirs etc., tout absolument comme s'il devait y être; on le cherche à tout moment, chaque lieu le rappelle au point que souvent on peut s'oublier; mais aussi le moment de l'affreux rèveil de cette illusion est insupportable».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года.

Цесаревичъ отвѣчалъ 7-го (19-го) мая: «Tous les détails que vous m'avez donné sur notre patrie et sur le cabinet de feu notre empereur m'ont fendu le coeur; j'avoue que toutes mes pensées s'y rattachent continuellement».

476. По указу сенату, данному 28-го марта 1826 года, объявлена была еще новая милость генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи «за точное исполненіе ими обязанностей по случаю происшествія, случившагося въ здѣшней столицѣ 14-го декабря»; тѣмъ изъ нихъ, которымъ въ приказахъ объявлена была высочайшая признательность и благоволеніе, повелѣно убавить одинъ годъ изъ 25-тилѣтняго срока, опредѣленнаго на выслугу военнаго ордена св. Георгія.

477. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 18-го (30-го) марта 1826 года:

«Voici une médaille que notre ange avait promise et qu'il n'a pas eu le temps de distribuer; c'est donc une dette envers l'armée, que je me suis fait un devoir de payer à la mémoire de notre adorable ange; veuillez accepter celle-ci, elle a été posée sur son cercueil, c'est comme si elle venait de lui! Tout ce qui le rappelle ou a rapport à lui est une chose sacrée et nous ne saurions trop ramener à son souvenir ceux qui lui doivent leur gloire et leur bonheur; c'est une égide dont il faut se couvrir et une boussole pour nous, ses frères, pour agir en gens de bien. Demain nous aurons revue de tout le corps, que j'ai gardé ici pour cette occasion et pour le faire voir au duc de Wellington».

Библиотека "Руниверс"

27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года цесаревичъ отвѣчалъ:

«Recevez tous mes plus sincères remerciments pour la médaille que vous avez bien voulu m'envoyer pour la bataille de Paris, je la conserverai précieusement; je ne m'en suis pas encore revêtu, attendant pour le faire que tous mes sous-ordres la reçussent pour le faire ensemble: en attendant veuillez donner des ordres que l'on m'en fasse de plus petites, telles que feu l'empereur en portait l'année 1812, puisque celle-ci est plus grande et ne coincide pas avec les deux autres dont je suis décoré et qui sont de la grandeur dont je parle».

478. Е. П. Ковалевскій: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 141.

479. Позднѣе, въ январѣ 1826 года, Поццо-ди-Борго писалъ графу Нессельроде: «Сила и природа вещей влекутъ Францію къ Россіи. Ихъ союзъ изолируетъ Англію и дѣлаетъ для нея невозможнымъ образовать континентальные союзы».

480. Ф. Мартенсъ: Императоръ Николай и королева Викторія. «Вѣстникъ Европы», 1896 года (ноябрь), т. VI, стр. 77.

481. «Wellington est ici depuis jeudi, très vieux et cassé. Dès la première entrevue il m'a dit, entre autres choses, être chargé expressement par son gouvernement de me faire des propositions pour terminer à nous deux, la Russie et l'Angleterre, l'histoire des grecs; j'ai fait le surpris et l'ai laissé dire; après quoi je lui dis que je ne pouvais prendre ce qu'il me débitait que comme une question toute nouvelle, car quant à ce qui regardait les intérêts de la Russie avec la Porte, en un mot nos griefs, sa majesté l'empereur ayant rompu toute communication ou négociation ultérieure avec les cours étrangères sur cette matière, ce ne serait pas moi, qui y pourrait rien changer, ni manquer à la mémoire de notre ange, ni à ma parole, en déviant de la conduite que lui m'avait pour ainsi dire légué à tenir; qu'ainsi j'en faisais mon affaire particulière et que j'espérais la terminer avec l'aide de Dieu seul. Que dans tout cela il ne s'agissait pas des grecs, que je ne considérais, tant que l'empire Ottoman existe, que comme ses sujets rebelles.

«Il me répondit qu'il me comprenait parfaitement et qu'il m'accordait le droit d'en finir avec ces messieurs, mais que ce dont lui était chargé regardait seulement l'affaire grecque, qu'il allait dans quelques jours me faire connaitre la notion détaillée de ses instructions et propositions, mais que pour fond de tout il mettait en base que nous étions puissances amies des turcs, qu'ayant, de part et d'autre, aucun grief contre eux. Là-dessus je lui observais que je supposais qu'il devait être mal informé, car non seulement nos griefs n'ont pas été levés, mais qu'ils étaient tels, qu'il y a quatre ans. Il en a paru surpris et rompit court.

«J'ai ordonné à Nesselrode de vous envoyer un résumé complet de toute l'affaire d'Orient, qui vous fera voir en détail l'état de l'affaire. Il faut en causer absolument, et je suis convaincu et résolu de leur parler enfin avec vigueur; je doute que cela ne soit efficace et si l'on ne nous écoute pas, je suis résolu à faire occuper les principautés sans mettre le pied sur le territoire des turcs. C'est avec peine que nous contenons les serviens et si cela dure ils seront en pleine révolte».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го февраля (4-го марта) 1826 года).

Любопытно, что въ дальнѣйшихъ переговорахъ императора Николая съ герцогомъ Веллингтономъ, государь коснулся извѣстныхъ сторонъ восточнаго вопроса, напоминающихъ собою нѣсколько содержаніе извѣстныхъ бесѣдъ съ лордомъ Сеймуромъ въ 1853 году, а именно слабости государственнаго организма Турціи, которая грозитъ скорымъ ея разрушеніемъ, и что поэтому слѣдовало бы предусмотрѣть возможность подобной случайности.

«Умретъ ли Турція отъ внутренняго истощенія или отъ внѣшняго насилія,—все равно; благоразуміе требуетъ не дожидаться открытія ея наслѣдства, чтобъ узнать наслѣдниковъ. Я готовъ объясниться объ этомъ съ Англіею», — сказалъ императоръ Николай.

Библиотека "Руниверс"

Веллингтонъ отвѣчалъ: «вопросъ легче было бы разрѣшить, если бы въ наслѣдствѣ послѣ султана Махмуда было два Константинополя. Я согласенъ, что Турція очень больна, но эта болѣзнь продолжается уже болѣе трехъ столѣтій».

Такимъ образомъ оказывается, что одинъ и тотъ же вопросъ и въ одинаковой постановкѣ привелъ въ началѣ и въ концѣ царствованія императора Николая къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Перемѣнился собесѣдникъ государя, измѣнилась и политическая обстановка. Во Франціи уже не царствовалъ болѣе Карлъ X, и монархія Бурбоновъ преобразилась во вторую имперію, съ Наполеономъ III во главѣ.

Отмѣтимъ еще одинъ анекдотическій эпизодъ изъ разговоровъ герцога Веллингтона съ государемъ. Фельдмаршалъ коснулся 14-го декабря и позволилъ себѣ обратиться къ своему царственному собесѣднику съ страннымъ вопросомъ: «Sire, avez vous eu bien peur ce jour-là», и получилъ отвѣтъ: «Autant que vous, monsieur le maréchal, à Waterloo avant l'arrivée des prussiens».

Переписка герцога Веллингтона за время его пребыванія въ Петербургѣ въ 1826 году помѣщена въ изданіи: «Despatches, correspondance and memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington». London, 1868, v. 3.

482. 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года императоръ Николай писалъ къ цесаревичу Константину Павловичу:

«J'ai les meilleures réponses de Vienne, Paris, Berlin et Londres, tous sont d'accord que nous avions droit de faire ainsi et, qui plus est, que c'était la seule manière d'en finir avec droit et honneur, tout en étant ultra correct; partout des ordres positifs et puissants ont été donnés aux envoyés de Constantinople, surtout de Vienne et Paris, et communication m'en a été faite... Que Dieu nous soit en aide et nous épargne cette guerre, qui, toute juste qu'elle serait, serait toujours un fléau».

483. Приведемъ здѣсь одинъ изъ отзывовъ Меттерниха о Каннингѣ: «Ce n'est pas un incendiaire, mais dès qu'une incendie éclate, on est sûr de le trouver entre le feu et les pompes».

Генцъ не отставалъ отъ австрійскаго канцлера въ брани, расточаемой противъ Каннинга, называя его: «un pitoyable ministre».

484. «Tout ce que vous a dit le maréchal Wellington sur l'affaire des grecs ne m'a pas du tout surpris et j'étais sûr d'avance que c'était le but réel de son voyage. J'attends avec la plus vive impatience les notions que vous me prommettiez, cher frère, et que le comte de Nesselrode doit m'envoyer; en tout cas c'est une circonstance dèlicate et des plus compliquées que cette affaire des turcs et de notre position vis-à-vis d'eux. Je ne conteste pas que feu l'empereur a été cruellement trompé et dupé de sa bonne foi par la manière de faire de nos amis, comme vous les appellez... de plus il voulait paraitre tel, mais au fond je ne puis l'admettre et je lui ai entendu maintes fois dire des choses qui prouvaient le contraire. Feu l'empereur était content de cette sorte de marche des affaires, afin d'éluder d'entrer en besogne avec les turcs, puisque l'occupation des principautés, pure et simple et sans empiéter le territoire turc, est une action déjà hostile envers eux et qui, malgré toutes les assurances que l'on donnerait à l'évacuation une fois les griefs rétablis, donnerait un terrible éveil et une secousse à l'Europe entière; lisez un peu ce qu'en disent déjà toutes les gazettes libérales françaises et allemandes et le désir qu'elles manifestent que vous occupiez les principautés, ceci est une preuve équivoque qu'il se cache là-dessous quelque chose de plus sérieux et que l'on attend que vous fassiez ce pas pour qu'en Europe il éclate Dieu sait quel événement, plus que sérieux, dis-je; au lieu donc de vous avoir tout entier pour vous opposer contre ce qui arrivera en Europe, vous aurez vos moyens paralysés et voilà sur quoi ils comptent pour leur réussite; de plus, à quoi vous ménera l'occupation des principautés et quel est le but que vous voulez atteindre? Est ce que ce peu de troupes turques vous gène, qui y est?—je ne le pense pas.—C'est pour retablir votre commerce de la mer Noire, ou pour effrayer par-là les turcs? Je ne crois pas que vous puissiez atteindre ce double but, puisque dans ces deux hypothèses, vous aurez toujours les anglais contre vous; j'admets que votre commerce de la mer Noire se rétablisse et qu'il parvienne jusqu'à Constantinople, auriez vous atteint votre

Библиотека "Руниверс"

but? Je ne le pense pas, puisque les anglais en fermeront les débouchés dans l'Archiple, dont ils sont les maitres, vu que personne ne peut le leur empêcher. Quant aux turcs, ils ne sont pas si effroyables qu'on ne le pense; ils sont de fait fanatiques et par conséquent persévérants et ils verront par-là que ce qu'ils appréhendaient vient d'arriver et croiront qu'on a voulu les tromper, et ils seront soutenus dans cette idée par nos amis, et malgré leur faiblesse ils tiendront bon et ferme; par conséquent je ne crois pas que le but que vous vous proposez sera atteint; de plus je suis certain qu'une fois les principautés seront occupées, vous aurez dans la Baltique une flotte anglaise, qui y fera une occupation plus réelle et qui paralysera le dernier débouché de commerce que nous avons et qui sait que Charles-Jean ne soit entrainé dans quelques mesures hostiles par eux; ainsi donc, il faut que vous renforceriez vos troupes de terre du côté de la Finlande et à moins de 3 ou 4 divisions d'infanterie vous ne saurez vous passer, vu l'extension des côtes, où les anglais peuvent jeter des troupes suédoises où ils veulent; voilà 4 divisions, en Géorgie vous en avez deux, 1 en Crimée et 6 que vous destinez pour l'occupation des principautés: ergo 13 divisions d'employées, le reste restera pour l'observation de l'Europe; vous me dites de plus que vos finances sont embarassées,—comment donc voulez vous commencer une hostilité, puisque pour la guerre il faut: de l'argent, de l'argent et de l'argent, et certes, ce n'est pas dans les principautés que vous en trouverez; de plus je le tiens de feu l'empereur, qui avait pour principe que toute l'attention devrait être tournée sur l'Europe, et, qu'elle tranquille, on pouvait l'être, et qu'un coup de canon, tiré contre les turcs, mettrait toute l'Europe en dessus-dessous; j'y ajoute ce que feu Ouvaroff disait toujours à l'empereur défunt, que commencer la guerre est de son pouvoir, mais la finir dépend des ciconstances et des événements, et, je ne pense pas que l'on puisse le taxer d'être craintif ou poltron, ayant donné des preuves de la plus brillante valeur. Voilà ma profession de foi, cher frère, telle qu'elle est dans mon coeur et dans ma pensèe; je vous la livre sans la moindre restriction, faites en ce que vous en voulez et malgré ma conviction je suis prêt à agir et à exécuter vos ordres, toute opinion éteinte et comme s'il n'en avait pas été question».

485. Событія 14-го декабря застали графа Растопчина уже страдающимъ отъ болѣзни, которая свела его въ могилу. Услышавъ о петербургскомъ мятежѣ, онъ сказалъ: «Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutions pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers». Эти слова были лебединою пѣснью неистощимаго острословія и злословія, которыми постоянно отличались всѣ изреченія графа Ѳедора Васильевича.

486. Относительно послѣднихъ минутъ графа Бенигсена встрѣчаются любопытныя подробности въ воспоминаніяхъ Фридриха Боденштедта. (Friedrich Bodenstedt: Erinnerungen aus meinem Leben. Berlin, 1888, Band I, p. 76).

По желанію графа Бенигсена, находившагося тогда въ своемъ имѣніи въ Ганноверѣ, къ нему явился пасторъ съ причастіемъ: «Als der Pfarrer dabei die Worte sprach: «Unser Herr in der Nacht, da er verrathen ward»... richtete der Sterbende sich wehfoll seufzend empor und sank nach den deutlich gesprochenen Worten: «Ach, ja, Herr Pastor, in der Nacht, da er verrathen ward!» entseelt auf sein Lager zurück. Der Pfarrer vertraute seinem späteren Amtsbruder, meinem noch lebenden Vetter an, dass nichts je ihn so gewaltig ergriffen habe, als seine Erlebnisse am Sterbelager des alten Generals von Bennigsen».

487. Статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

488. Государственный архивъ. Разрядъ III. № 34.

489. 15-го марта 1825 года, императрица Елисавета Алексѣевна писала по этому поводу государю:

«Croyez, cher frère, que je suis peinée d'abuser de votre temps pour un objet aussi minime, mais le titre de mon caissier que vous avez voulu vous donner m'interdit d'agir autrement et ce sera la dernière fois, j'espère, que je serai dans le cas de vous ennuyer sur cet article».

Государственный архивъ. Разрядъ IV. № 253.

Библиотека "Руниверс"

490. «Dans ce moment je suis interrompu par la nouvelle d'un nouveau malheur! Que Dieu reçoive en paix la pauvre impératrice, elle a cessé de vivre le 4. Je tremble pour ma mère, quelle suite de peines et de chagrins pour elle; que Dieu la soutienne et lui donne des forces. Pour moi je ne sais que faire! et m'en remets à Dieu qui ne nous abandonnera pas! Je finis, car vous pouvez penser aux embarras où je suis».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8-го (20-го) мая 1826 года.

491. «Le décès de l'impératrice nous a replongé dans un nouveau deuil; que le bon Dieu daigne la recevoir, dans sa miséricorde; elle a payé son tribut de soins et de veillées à son immortel époux et dans tout ce qui vient de se passer entre eux, le doigt de la Providence est visible; tous mes voeux et prières l'accompagnent».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го мая (5-го іюня) 1826 года.

492. Для ознакомленія съ самымъ характеромъ записокъ, составленныхъ о каждомъ подсудимомъ, мы помѣстили въ приложеніяхъ двѣ таковыя записки о Рылѣевѣ и Пестелѣ, какъ главныхъ дѣятеляхъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ. Въ запискахъ заключается отчасти сводка собственныхъ показаній каждаго изъ нихъ, равно какъ показанія, данныя свидѣтелями и участниками заговора.

493. Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, зять адмирала Мордвинова.

494. Автобіографическія записки А. Д. Боровкова. «Русская Старина», 1898 года.

495. Доносъ объ участіи нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ злобныхъ замыслахъ преступниковъ 1826 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 48).

О Сперанскомъ въ доносѣ ничего не сказано; авторъ говоритъ, однако, что уже въ 1823 году онъ при личномъ объясненіи съ императоромъ Александромъ выставилъ «съ нѣкоторыми доказательствами» одно лицо. Можетъ быть, подъ этимъ лицомъ подразумѣвался Сперанскій?

Въ другой запискѣ не посчастливилось статсъ-секретарю В. Р. Марченкѣ, который названъ: «un des frondeurs les plus déterminés et les plus influents. Il déraisonne avec le ton d'un stentor, et les énergumènes et les perroquets l'entourent pour colporter ailleurs les propos d'un homme d'état hableur».

496. Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 47.

На запискѣ рукою генералъ-адъютанта барона Дибича написано: «единственно для высочайшаго свѣдѣнія». Эти немногія слова могутъ служить доказательствомъ, что запискѣ придавалось въ офиціальномъ мірѣ нѣкоторое значеніе. Можетъ быть, Дибичу извѣстно было имя автора записки, но объ этомъ въ дѣлѣ не сохранилось никакихъ указаній.

497. Приведенная нами здѣсь замѣтка барона М. А. Корфа написана имъ по поводу обвиненія, высказаннаго генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ противъ Царскосельскаго лицея. Насколько предубѣжденія 1826 года противъ лицея были живучи и сохранились въ памяти даже слѣдующаго поколѣнія, могутъ служить слѣдующія строки, написанныя императоромъ Александромъ Николаевичемъ, при чтеніи записокъ Бенкендорфа:

«Но лицей слылъ дѣйствительно своимъ либеральнымъ направленіемъ, въ особенности во время завѣдыванія имъ Энгельгардтомъ».

498. Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 595.

499. Одно изъ такихъ писемъ, англичанки Бирчъ къ императору Николаю, можетъ служить примѣромъ подобнаго рода извѣтовъ. Оно было напечатано нами въ «Русской Старинѣ» 1886 года, т. LIX, стр. 577.

Въ этомъ письмѣ госпожа Бирчъ сообщаетъ, что въ 1822 году она была избрана Провидѣніемъ для извѣщенія императора Александра I-го о существовавшемъ въ то время заговорѣ, томъ самомъ, который разразился 14-го декабря. «Тогда уже дерзали пить за его смерть, — пишетъ госпожа Бирчъ. — Благословенному монарху все было извѣстно, но по чрезмѣрной благости своей онъ не могъ рѣшиться наказать виновныхъ и предоставилъ эту великую и страшную задачу своему наслѣднику».

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

См. въ приложеніяхъ два всеподданнѣйшихъ письма: чиновника Розанова и коллежскаго совѣтника Демидова. Оба письма даютъ понятіе о содержаніи тѣхъ сообщеній, которыми утруждали въ то время императора Николая разныя лица русскаго общества; приложенныя здѣсь письма были вызваны правительственнымъ сообщеніемъ о разслѣдованіи по злоумышленнымъ обществамъ отъ 28-го января 1826 года, напечатанномъ въ то время во всѣхъ газетахъ.

500. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: два письма князя Петра Максутова отъ 9-го и 15-го января 1826 года (отставного за ранами Шевича гусарскаго, что нынѣ Сумской, полка поручика).

Подслушанный Максутовымъ разговоръ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дьябль ампортъ сэтъ тэрибль мома; пуръ маліоріозъ, бонь жансъ пуркуа не па атандръ жюска тель танъ кантъ тутъ ле фамиль деве кондюиръ лекоръ, тю се. 2-й Пуркуа она депеше, она саве ту са. 1-й: Ме вуй. 2-й: Кеске а презанъ ресте. 1-й: Грасъ адіо—пятетръ онъ финира данъ сетъ танъ, онъ не па анкоръ при ту».—«Ваше превосходительство! Я много забылъ сей языкъ, а потому и писалъ россійскими буквами оный».

501. Послѣ смерти въ 1823 году Б. Б. фонъ-Кампенгаузена, временно управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, а затѣмъ назначенъ былъ управляющимъ д. т. сов. Василій Сергѣевичъ Ланской.

502. Для характеристики распоряженій, ознаменовавшихъ собою эпоху, наступившую въ исторіи Россіи послѣ 1825 года, приведемъ здѣсь еще одно правительственное распоряженіе.

1-го февраля 1826 года, А. Н. Оленинъ сообщилъ предсѣдателю государственнаго совѣта князю Лопухину слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Его императорское величество по одному изъ дѣлъ государственнаго совѣта, поднесенныхъ на высочайшее благоусмотрѣніе, изволилъ замѣтить, что голосъ сенатора, въ правительствующемъ сенатѣ данный, дошелъ до свѣдѣнія его величества помимо установленнаго порядка (т.-е. прежде поднесенія мнѣнія по сему дѣлу отъ государственнаго совѣта), вслѣдствіе чего его величеству угодно было повелѣть: обстоятельство сіе поставить на видъ государственнаго совѣта и притомъ объяснить, что какъ голосъ сей могъ только быть извѣстенъ въ правительствующемъ сенатѣ и его канцеляріи, или въ государственномъ совѣтѣ и въ государственной канцеляріи, то государь императоръ находитъ предосудительнымъ, чтобъ дѣла, слушанныя въ сихъ верховныхъ присутственныхъ мѣстахъ, преждевременно оглашались въ публикѣ; тѣмъ паче, что сіе совершенно противно кореннымъ нашимъ законамъ. А потому его величество принужденнымъ находится напомнить о постановленіяхъ касательно сохраненія тайны канцелярской, не токмо въ канцеляріяхъ, но и между присутствующими. Въ противномъ случаѣ его величество приметъ надлежащія мѣры къ неослабному исполненію сего закона».

503. Прежде Д. Н. Блудовъ слылъ либераломъ. Александръ Никитичъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ (Mon journal) приводитъ слова, сказанныя Блудовымъ въ домѣ матери Муравьева во время междуцарствія, за нѣсколько дней до 14-го декабря: «Ce qui est très singulier, voilà un mois que nous sommes sans souverain et cependant cela va aussi bien ou du moins aussi mal qu'avant».

504. «Voici enfin le докладъ de la commission d'enquête et la liste des individus, mis sous le jugement de la haute cour; quoique toute l'affaire vous est assez connue, je crois que vous n'en lirez pas sans intérêt le résumé, qui est bien fait, exact et l'on peut bien ajouter hideux. On ne peut assez bénir Dieu de nous avoir sauvés de toutes les horreurs qui se préparaient pour nous, et, ce qui est bien plus, de toute l'horreur d'un attentat sur notre ange. Il paraît que Dieu a voulu laisser aller les choses juste au point de faire mûrir tout ce fatras d'horreurs et d'inepties, et pour mettre d'autant plus en évidence des éternels incrédules, que l'ordre des choses qui régnait et qu'il est si difficile d'extirper, doit tôt ou tard amener à un résultat semblable. Si après cet exemple il se trouvait des incorrigibles, du moins avons-nous le droit et l'avantage de prouver aux autres la nécessité de mesures promptes et sévères envers toute tentative subversive contre l'ordre établi et sanctionné par des siècles de gloire».

Библиотека "Руниверс"

505. Воспоминанія и дневники А. М. Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Великой. «Русскій Архивъ», 1899 года, № 1, стр. 67.

506. «Русская Старина», 1886 года, т. 51, стр. 159.

507. Дополнимъ сказанное выдержкою изъ записокъ Н. И. Греча, въ которой онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину зарожденія заговора 1825 года:

«Едва ли случалось въ мірѣ какое либо великое бѣдствіе, возникло какое либо ложное и вредное ученіе, которое въ началѣ своемъ не имѣло хорошаго повода благой мысли... И у насъ бѣдственная и обильная злыми послѣдствіями вспышка 14-го декабря 1825 года имѣла зерномъ мысли чистыя, намѣренія добрыя. Какой честный человѣкъ и истинно просвѣщенный человѣкъ можетъ равнодушно смотрѣть на нравственное униженіе Россіи, на владычество въ ней дикой татарщины! Государство, обширностью своею не уступающее древней Римской монархіи, окруженное восемью морями, орошаемое великолѣпными рѣками, одаренное особою, неизвѣстною въ другихъ мѣстахъ, силою плодородія, скрѣпленное единствомъ и плотностью, обитаемое сильнымъ, смышленымъ, добрымъ въ основаніи своемъ народомъ, представляетъ съ духовной стороны зрѣлище грустное и даже отвратительное. Честь, правда, совѣсть у него почти неизвѣстны и составляютъ въ душахъ людей исключеніе, какъ въ иныхъ странахъ къ исключеніямъ принадлежатъ пороки. Не крѣпостное состояніе у насъ ужасно и отвратительно: оно составляетъ только особую форму подчиненности и бѣдности, въ которыхъ томится болѣе половины жителей всякаго и самаго просвѣщеннаго государства. У насъ злоупотребленія срослись съ общественнымъ нашимъ бытомъ, сдѣлались необходимыми его элементами. Можетъ ли существовать порядокъ и благоденствіе въ странѣ, гдѣ изъ шестидесяти милліоновъ нельзя набрать восьми умныхъ министровъ и пятидесяти честныхъ губернаторовъ, гдѣ воровство, грабежъ и взятки являются на каждомъ шагу, гдѣ нѣтъ правды въ судахъ, порядка въ управленіи, гдѣ честные и добродѣтельные люди страждутъ и гибнутъ отъ корыстолюбія и безчеловѣчія злодѣевъ, гдѣ никто не стыдится сообщества и дружбы съ негодяями и подлецами, только бы у нихъ были деньги; гдѣ ложь, обманъ, взятки считались дѣломъ обыкновеннымъ и нимало не предосудительнымъ; гдѣ женщины не знаютъ добродѣтелей домашнихъ, не умѣютъ и не хотятъ воспитывать дѣтей своихъ и разоряютъ мужей щегольствомъ и страстью къ забавамъ; гдѣ духовенство не знаетъ и не понимаетъ своихъ обязанностей, ограничиваясь механическимъ исполненіемъ обрядовъ и поддерживаніемъ суевѣрія въ народѣ для обогащенія своего; гдѣ народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и развратѣ».

508. Въ запискахъ Александра Никитича Муравьева (Mon journal) намѣченныя, тайнымъ союзомъ реформы перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Abolition de l'esclavage.
Egalité des citoyens devant la loi.
Publicité dans les affaires d'état.
Publicité dans la procédure judiciaire.
Abolition du monopole des eaux de vie.
Abolition des colonies militaires.
Amélioration du sort des défenseurs de la patrie.
Le terme fixé du service militaire (25 ans) diminué.
Amélioration du sort des membres de notre clergé.
Le chiffre de l'armée diminué en temps de paix.

509. «Jeudi le jugement a commencé avec tout l'appareil convenable; les séances sont continuelles depuis 10 heures du matin jusqu'à 3 heures de l'après midi; avec tout cela j'ignore encore vers quel jour, à peu près, cela peut être fini; vient ensuite l'exécution, journée horrible, à laquelle je ne puis songer sans frémir. Je suppose la faire sur l'esplanade de la citadelle».

510. Жизнь графа Сперанскаго. Спб., 1861, ч. 4-я, стр. 309.

511. По мнѣнію декабриста барона Розена, «въ распредѣленіи разрядовъ есть странности непонятныя, такъ что раздѣленіе и присужденіе наказаній выходитъ предрѣшенное. Сентенціи 2-го разряда не разнствуютъ отъ сентенцій 1-го разряда, а осужденіе

Библиотека "Руниверс"

совершенно различно. Въ одной сентенціи сказано, что онъ измѣнилъ свой прежній образъ мыслей, а между тѣмъ наказанъ наравнѣ съ тѣми, которые не измѣнили своему образу мыслей. Въ нѣсколькихъ сентенціяхъ сказано, что отстали отъ умысла на цареубійство, а между тѣмъ они наказаны за этотъ умыселъ».

512. Среди членовъ верховнаго уголовнаго суда засѣдали и такіе свирѣпые юристы, которымъ цифра 36 человѣкъ, приговоренныхъ къ смертной казни, показалась недостаточною. Такъ, напримѣръ, сенаторъ Иванъ Павловичъ Лавровъ полагалъ четвертовать 63 человѣка, подвергнувъ сверхъ сего еще казни 3 человѣкъ постыдной смертью и 1 смертью.

Не менѣе любопытны его замѣтки о декабристахъ. Напримѣръ: Пестель названъ террористомъ, изобрѣтшимъ всѣ ужасы и величайшія злодѣйства; Якубовичъ—бунтовщикъ злой и бѣшеный, цареубійца и мятежникъ.

И. П. Лавровъ р. 1786, † 1836.

513. Въ запискахъ А. О. Смирновой, Спб., 1897, часть 2-я, стр. 19—21, встрѣчаются по этому поводу любопытныя указанія.

Такъ, напримѣръ, здѣсь приведенъ разсказъ о томъ, что императору Николаю были представлены генераломъ Бенкендорфомъ рукописи Рылѣева уже послѣ совершившейся казни даровитаго декабриста, ознакомившись съ которыми государь сказалъ: «я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ».

514. См. въ приложеніяхъ собраніе важнѣйшихъ бумагъ, относящихся до верховнаго уголовнаго суда; онѣ съ достаточною ясностью выясняютъ весь ходъ дѣла.

515. Капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Андрей Фурманъ (31 года) принадлежалъ къ 8-му разряду и приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе.

516. См. въ приложеніяхъ:

1) Списокъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, кои понесли исправительныя наказанія (16 человѣкъ).

2) Списокъ лицъ, названныхъ членами обществъ, составившихся послѣ уничтоженія союза Благоденствія, но по маловажности показаній не требованныхъ къ слѣдствію, съ изъясненіемъ воспослѣдовавшихъ о нихъ высочайшихъ повелѣній (21 человѣкъ).

3) Списокъ лицъ, прикосновенныхъ по разнымъ случаямъ къ дѣлу о тайныхъ обществахъ, которыя не были требованы къ слѣдствію (64 человѣка). Въ числѣ ихъ помѣщены М. Орловъ, Ф. Глинка и полковникъ Граббе.

Въ общемъ итогѣ такихъ полупрощенныхъ дѣятелей тайныхъ обществъ оказывается всего 101 человѣкъ. Императоръ Николай по разсмотрѣніи дѣла этихъ лицъ, «изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другія обличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ, снисходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, а пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ неистовыхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общества, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ истинное раскаяніе, всемилостивѣйше соизволилъ, не предавая ихъ строжайшему наказанію и суду, опредѣлить имъ исправительныя мѣры наказанія».

Сверхъ сего, многіе арестованные освобождены были непосредственно государемъ, даже по отобраніи перваго допроса, какъ оказавшіеся невинными или весьма мало прикосновенными къ дѣлу. Что же касается мятежниковъ, не бывшихъ членами тайнаго общества, въ дѣлѣ Черниговскаго полка, то объ нихъ, какъ выше упомянуто, производились слѣдствіе и судъ по распоряженію начальства первой арміи.

Изъ числа арестованныхъ въ госпиталѣ умерли три человѣка.

517. Высочайшій приказъ состоялся 16-го іюня 1826 года.

518. 11-го января 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Якубовичъ vient d'être convaincu et il a avoué avoir voulu assassiner notre ange, et Orloff l'a su».

519. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ 14-го іюня 1826 года императору Николаю:

Библиотека "Руниверс"

«Une chose qui m'étonne et que je vous soumets en toute confiance, c'est la conduite d'Orloff et comment est ce qu'il a fait pour tirer son épingle du jeu et rester sans mise au jugement?»

Цесаревичъ не получилъ отвѣта на сдѣланный имъ вопросъ.

520. Приведемъ здѣсь разсказъ декабриста барона Розена о разговорѣ императора Николая съ арестованнымъ Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ. Государь былъ тронутъ его выраженіями и чувствами, проникнутыми высокою любовью къ отечеству, и сказалъ Бестужеву:

«— Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ».

— «Ваше величество! въ томъ и несчастіе, что вы все можете сдѣлать,—отвѣчалъ Бестужевъ:—что вы выше закона; желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности».

521. Въ бумагахъ графа Дибича сохранилась слѣдующая собственноручная записка императора Николая о полковникѣ Граббе, относящаяся къ 1826 году:

«Такъ какъ полковникъ Граббе ни въ чемъ не виноватъ, и доказать трудно, чтобы онъ былъ виноватъ, то и признаю справедливымъ прикомандировать къ гвардейскому гусарскому полку подъ присмотръ А».

522. Самому старшему декабристу полковнику Тизенгаузену было 47 лѣтъ, Лунину 43, Юшневскому 40, Краснокутскому 38. Небольшое число лицъ достигло 36-ти-лѣтняго возраста (Горбачевскій и другіе).

523. «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Часть 4-я.

524. Шервудъ-Вѣрный принималъ участіе въ двухъ войнахъ: въ 1828 году противъ турокъ и въ 1831 году противъ польскихъ мятежниковъ.

Судя по приведенному ниже предписанію генералъ-адъютанта Бенкендорфа отъ 13-го января 1827 года, можно видѣть, какія довѣрительныя порученія получалъ Шервудъ-Вѣрный со стороны шефа жандармовъ въ первые годы своего офицерскаго служенія.

525. Морскихъ офицеровъ повезли въ Кронштадтъ, гдѣ надъ ними въ тотъ же день, 13-го іюля, совершенъ былъ обрядъ разжалованія согласно морскому уставу.

526. Александръ Николаевичъ Муравьевъ былъ сосланъ на жительство въ Сибирь безъ лишенія чиновъ и дворянства, по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія; 18-го апрѣля 1828 года поступилъ снова на службу иркутскимъ городничимъ. Въ 1834 году Муравьевъ перемѣщенъ былъ на службу въ Европейскую Россію предсѣдателемъ вятской уголовной палаты.

527. Записки А. И. Кошелева, стр. 18.

528. Записки А. О. Смирновой, часть 1-я, стр. 89.

529. Съ 7-го по 9-е іюля происходили маневры войскъ гвардіи въ Красномъ Селѣ, которыми императоръ Николай остался вполнѣ доволенъ, выразивъ имъ свое спасибо въ приказѣ отъ 11-го іюля 1826 года.

530. На конвертѣ рукою императора Николая написано:

«Начальнику главнаго штаба моего барону Дибичу».

531. Приведемъ здѣсь одну изъ резолюцій императора Николая, касающуюся женъ государственныхъ преступниковъ, послѣдовавшихъ за мужьями въ Сибирь.

Въ предписаніи генералъ-губернатора Восточной Сибири на имя иркутскаго гражданскаго губернатора, отъ 1-го сентября 1826 года, относительно женъ государственныхъ преступниковъ, участь которыхъ рѣшена верховнымъ уголовнымъ судомъ, между прочимъ сказано: «прикажите внушить крѣпостнымъ людямъ, которые прибудутъ съ женами осужденныхъ, что соединеніе съ мужьями лишаетъ ихъ права имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ, и что могутъ они просить о возвращеніи ихъ изъ Сибири».

По этому поводу послѣдовала высочайшая резолюція:

«Это совершенно воспрещаю; бунтовать людей не должно, достаточно объявить женамъ, что по положенію онѣ не могутъ брать съ собой людей своихъ, какъ съ добровольнаго ихъ согласія».

Библиотека "Руниверс"

532. П. Барановъ: «Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ (1769—1847)». Біографическій очеркъ. Спб., 1882, стр. 23.

533. Съ образованіемъ въ государевой канцеляріи Второго Отдѣленія, прежняя получила названіе Перваго Отдѣленія, которымъ продолжалъ управлять статсъ-секретарь Муравьевъ, безъ всякаго вліянія на Второе Отдѣленіе.

534. Званіе главноуправляющаго Второго Отдѣленія было установлено только со времени назначенія Д. В. Дашкова преемникомъ Сперанскаго.

535. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», часть 4-я, стр. 148.

536. М. Погодинъ: «Николай Михайловичъ Карамзинъ». Москва, 1866, часть 2-я, стр. 475.

537. См. въ приложеніяхъ записку генералъ-адъютанта Бенкендорфа на французскомъ языкѣ объ учрежденіи высшей полиціи и инструкцію его жандармскому полковнику Бибикову; послѣдняя можетъ служить характеристикой требованій и обязанностей, возложенныхъ тогда шефомъ жандармовъ на своихъ подчиненныхъ.

538. Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», часть 2-я.

539. Дѣла комитета 13-го января 1807 года, по повелѣнію императора Николая, были сданы въ архивъ дѣлъ государственной канцеляріи.

За все время существованія комитета 13-го января всего состоялось въ немъ 126 журналовъ. Изъ нихъ на 1826 годъ приходится 5 журналовъ, на 1827 годъ 2 журнала и на 1828 годъ также 2 журнала.

Въ три года существованія комитета при императорѣ Николаѣ I, журналы засѣданій вносились къ государю статсъ-секретаремъ Н. Н. Муравьевымъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЯ

Библиотека "Руниверс"

I.

Дѣтскія письма великаго князя Николая Павловича къ генералу Ламздорфу, 1808—1810 годовъ.

1.

Ce 5 Juillet 1808.

Monsieur!

Votre Excellence!

Le plaisir que j'ai de Vous ecrir une lettre est diminué par les reproches de ma conscience. Hier et avant hier mes leçons n'ont pas é'é tout à fait bonnes, celle de Géométrie d'hier a été avec légereté de même que ma leçon Russe, pour quoi aussi j'ai été privé de la promenade à cheval; j'ose Vous prier mon général de vouloir bien me pardonner cette faute en Vous promettant de tacher de ne plus y retomber. Maman a eu la grâce de nous accorder le plaisir de voir lancer le grand vaisseau de 120 canons; à cette occasion nous avons eu le plaisir de voir M-r votre fils Constantin à la fenêtre. Adieu Votre Excellence soyez persuadé de l'attachement que Vous porte

de Votre Excellence
le très humble et
obéissant serviteur
Nicolas.

2.

Ce 13 Juillet 1808.

Monsieur!

Votre Excellence!

Je dois avouer Votre Excellence que la semaine passée mes leçons de Lundi, de Mardi et de Jeudi, n'ont pas été avec l'activité que vous auriez pu exiger de moi; j'ai

Библиотека "Руниверс"

commencé aujourd'hui et je tacherai de continuer de ne plus retomber; daignez m'informer, Votre Excellence, de l'état de votre santé. Adieu Votre Excellence, soyez persuadé de l'attachement que Vous porte

de Votre Excellence
le très humble et obéissant
serviteur
Nicolas.

3.

Ce 21 Juillet 1808.

Monsieur!

Je Vous prie d'être persuadée Votre Excellence que la lettre que je viens de recevoir de votre part m'a fait une très grande joie; surtout parce que Vous m'y donnez l'espérance de Vous revoir bientôt. Je désire que les eaux dont Vous allez Vous servir fassent tant de bien à votre santé que Vous n'eussiez plus besoin de nous quitter pour Vous en servir. Mes leçons et ma conduite ont été bonnes durant cette semaine. Adieu Votre Excellence, soyez persuadé de l'amitié et de la tendresse que Vous porte

Nicolas.

4.

Ce 19 Juillet 1809.

Monsieur le Général!

Je m'accuse de négligence de ne Vous avoir pas écrit jusqu'à ce moment. Je me flatte que Vous êtes en parfaite santé, ainsi que votre famille qui je crois a été bien aise de Vous revoir. Jusqu'à présent j'ose me flatter, que par les lettres de ma chère Maman et de M-r d'Achverdof, Votre Excellence a du être assez contente de mes attestats, du moins j'ai fait tout mon possible pour en mériter de bons. Je tâcherai de redoubler d'efforts pour que Votre Excellence à son retour me trouve changé. — Nous allons demain à Peterhof, ce qui nous fait à tous un très grand plaisir. Ma soeur Marie me charge de Vous dire qu'elle espère que Vous ne l'oublierez pas et que le duc et la duchesse la chargent de les rappeller à Votre souvenir. Mes soeurs Catherine et Anne, le Prince d'Oldenburg et la Comtesse Vous font leurs compliments.

En me recommandant à Votre souvenir permettez moi de Vous embrasser en idée.

Nicolas.

Библиотека "Руниверс"

5.

Pavlovsk.
10 Juin 1810.

Mon général!

Je prends la liberté de Vous ecrire pour Vous demander des nouvelles de votre santé ainsi que de celle de votre respectable famille. Je crois mon général que Vous devez être déjà chez M-r votre fils qui doit être bien heureux de Vous posséder chez lui. Nous avons reçu hier l'heureuse nouvelle de la prise de Silistrie, ce qui a obligé Maman d'aller en ville pour assister au te-Deum. On dit que c'est un grand pas que nous avons fait pour obliger les Turcs à la paix. Je crois, mon général, que Vous devez avoir reçu d'assez bonnes nouvelles de ma conduite, du moins j'ose m'en flatter. Je Vous prie Votre Excellence de vouloir bien présenter mes respects à Votre famille, ainsi que ceux de tous nos messieurs qui m'ont chargé de Vous presenter leurs hommages.

Adieu mon général, je Vous embrasse de tout mon coeur.

Nicolas.

II.

Три письма генерала Ахвердова генералу Ламздорфу 1806—1808 гг.

1.

Pavlovsk.
Ce 13 Juillet. 1806.

Monsieur!

C'est avec une joie extrême que je saisis la plume, pour donner à votre Excellence de charmantes nouvelles: le retour du beau temps qui dure depuis six jours, semble avoir opéré un changement remarquable dans nos chers Princes. Conduite, manières, études tout va à souhait. Des plaisirs variés, que Sa Majesté Impériale, leur tendre Mère, sait leur procurer tous les jours, servent de récompense pour avoir rempli leurs devoirs, et les encouragent infiniment. Ils sont beaucoup à l'air et parcourent les jardins de Pavlovsky d'un bout à l'autre sans s'en apercevoir, puisque chemin faisant ils rencontrent des amusements qui les délassent, comme par exemple: ils tirent de l'arc ou de fusil, vont en bateau, ou bien travaillent dans leur petit jardin près du vieux chalet, et que la fin de chaque voyage leur ménage quelque surprise. Ces exercices, contribuant naturellement au développement physique, répandent déjà des roses sur les joues de monseig-

Библиотека "Руниверс"

neur le Grand Duc Nicolas. Vous pouvez vous figurer, monsieur le général, combien tout cela donne de contentement à Sa Majesté Impériale, et nous rend tous heureux.—Leurs Altesses Impériales me chargent de vous assurer de leur amitié et du désir qu'elles ont de vous revoir au plutôt et en parfaite santé.

Veuillez, monsieur le général, agréer les assurances des sentiments de dévouement et de respect, avec lesquels je ne cesserai jamais d'être,

Monsieur,

de votre Excellence

Le très humble et très obéissant serviteur

N. Achverdoff.

2.

Pavlovsk.
Ce 13 Juillet 1808.

Monsieur!

Leurs Altesses Impériales Messeigneurs les Grand-Ducs jouissent constamment d'une très bonne santé. Quoique je ne puisse pas dire que leur conduite et leur application aux études soient aussi constamment bonnes, puisque de temps en temps il arrive de petites négligences, je puis cependant avancer hardiment qu'ils gagnent en bien, et j'ose me flatter que votre Excellence trouvera du changement. Quant aux divertissements, nous n'en manquons pas; avant-hier leurs Altesses ont assisté à une représentation de Phèdre, où la célèbre M-lle George a fait son début (elle joint, à mon avis, à la beauté de l'extérieur beaucoup de grâce et un grand talent, dans son art); hier il y eut un bal et les Grand-Ducs y sont restés jusqu'au souper. D'autres divertissements les attendent indubitablement, outre les amusements de tous les jours; mais Sa Majesté Impériale, Leur Maman, y mettra certainement de l'ordre, afin que la jouissance en soit modérée et que les plaisirs ne dérangeassent point leurs occupations utiles.

Veuillez agréer, monsieur le général, les assurances des sentiments du respect le plus sincère et de la considération la plus distinguée, avec lesquels je suis,

Monsieur,

de votre Excellence

Le très humble et très obéissant serviteur

Achverdoff.

Библиотека "Руниверс"

3.

Peterhoff.
Ce 24 Juillet 1808.

Monsieur!

C'est avec un plaisir infini que je saisis cette fois-ci la plume, puisque je puis vous donner une nouvelle, qui vous causera, j'en suis persuadé, une bien douce satisfaction; c'est que notre cher Grand-Duc Nicolas persévère à se sentir, à s'observer, à se bien conduire. Sa Majesté Impériale, son auguste Maman, comme ses cavaliers, s'en aperçoivent et s'en réjouissent.—Nous avons eu deux charmantes fêtes, l'une le 19 de ce mois à Pavlovsk, que Sa Majesté donna à madame la Grande-Duchesse Marie, dans son petit jardin, l'autre le 22 à Peterhoff; et monseigneur Nicolas s'y est conduit avec modération, décence et politesse. Outre cela il étudie avec bonne volonté, et l'on remarque en général plus de docilité et d'obéissance dans toute sa conduite. Monseigneur Michel se conduit bien aussi; mais il parait étourdi par les fêtes, et surtout par les apparitions militaires qui ne cessent ici de frapper sa vue; de là vient qu'on est souvent dans le cas de le reprendre.—Quant à leur santé, ils ont, tous les deux, eu de petites indispositions insignifiantes, effets de la chaleur ou de l'humidité; mais je puis vous assurer, mon général, qu'ils jouissent malgré cela de la meilleure santé du monde.

Veuillez, votre Excellence, agréer les assurances des sentiments du respect le plus sincère et de la considération la plus distinguée, avec lesquels je suis,

Monsieur,

de votre Excellence

Le très humble et très obéissant serviteur

Achverdoff.

III.

Шестьдесятъ восемь донесеній объ успѣхахъ великаго князя Николая Павловича въ 1806 году.

1-er Fevrier 1806.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas, après avoir assez bien appris le russe et l'arithmétique, a été très distrait et inatt entif à la leçon du français, de sorte que son maître, se servant de la permission du général, a été obligé de poser la baguette sur la table pour réveiller l'attention de monseigneur: aussi en a-t-il été puni par la privation de tous les jeux et par une retraite absolue dans ses appartements; comme toute la journée se passa en pénitence, ainsi monseigneur après l'étude de la religion s'occupa à memoriser la géographie et à la lecture; il fut doux et paraissait être sensible à la honte de s'être attiré cette humiliation. La santé de monseigneur s'était trouvée bonne dans tout le cours de la journée.

Библиотека "Руниверс"

2 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia le russe avec si peu de bonne volonté qu'il en a été puni pour quelques heures par la privation des jeux; mais le reste de la journée il se conduisit bien.

3 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit en tout.

4 Février. Dimanche.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien comporté durant cette journée, et l'a passée fort gaiement.

5 Février.

Les leçons de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été aujourd'hui assez bonnes; mais je n'ai pas été content de sa conduite, surtout chez Son Altesse Impériale Madame la Grande-Duchesse Anne, où l'on s'était rendu pour danser. Nonobstant de ce qu'avant d'y aller, je lui avais beaucoup recommandé de se conduire avec décence et que puis après je l'en avais averti plus d'une fois, il y fit peu d'attention et finit par se jeter par terre, ce qui m'obligea de l'emmener dans ses appartements. Je ne l'ai mené chez Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère que puisqu'il témoigna beaucoup de regret, et Sa Majesté ajouta à cette punition celle de souper chez lui, tandis que son frère Monseigneur le Grand-Duc Michel soupa avec Madame la Grande-Duchesse Anne. Il jouit d'une bonne santé.

6 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas prêta aujourd'hui de la bonne volonté avec moins de distraction aux études; ce ne fut qu'à la leçon du dessein que Monseigneur manqua d'attention, et retomba quelques fois pendant la journée dans ses fautes ordinaires.

7 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas était aujourd'hui assez appliqué à l'étude, toutes les parties de ses leçons ainsi que la danse ont été passablement bien achevées; la conduite de monseigneur a été bonne. Il reçût avec aisance la visite de monseigneur le duc de Brunsvick et fit la conversation sans embarras. Sa santé s'est trouvée dans l'état le mieux désiré.

8 Février.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été toute remplie d'étourderies, et en voulant en justifier quelques unes pendant sa leçon d'arithmétique, il se servit d'une phrase tellement ampoulée qu'on pourrait lui soupçonner un grand fond de présomption; mais quoiqu'il n'est pas tout à fait exempt de ce défaut, je crois cependant que cette fois-ci il a dit ce qu'il ne comprenait pas trop, du reste j'ai été assez satisfait de la manière dont le Grand-Duc se conduisit chez le duc de Brunsvick, il parla avec assez d'aisance et son maintien n'avait rien de gauche; de même au bal il ne dansa point mal quoiqu'avec infiniment de zèle.

Библиотека "Руниверс"

9 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit en tout.

10 Février. Samedi.

Les leçons de Monseigneur le Grand-Duc aîné ont été assez bonnes, et en général il s'est assez bien comporté durant cette journée.

11 Février.

La journée a été bonne, et j'ai été assez content de la conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Il s'est bien comporté à la messe, il a été poli envers le public aux montagnes, dont il a fait avec son frère Monseigneur Michel deux fois le tour, ce qui les a beaucoup amusé, et le reste de la journée s'est passé en divers jeux et en lecture. Avant de se mettre au lit, il m'embrassa avec un mouvement de sensibilité et dit: il y a bien longtemps que je n'ai passé ma journée aussi bien. Sa santé est bonne.

12 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas eut beaucoup de distractions à ses études, et à cet égard il fut privé du plaisir d'aller au manége par l'ordre de Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère. Cependant Monseigneur mit plus d'attention sur sa conduite, ayant témoigné du regret d'avoir manqué à ses devoirs.

13 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a fait d'assez bonnes leçons, et sa conduite aurait été également assez bonne sans la méfiance qu'il a marqué pour Monseigneur son frère, ce qui lui attira la punition de la privation des jeux.

14 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas eut encore quelques distractions à la leçon russe, mais qui ne durèrent pas longtemps. Il fut mieux disposé à celle du français, et se conduisit fort bien toute la journée.

15 Février. Jeudi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a été dissipé pendant la leçon de russe, mais les autres ont été assez bonnes de même que sa conduite.

16 Février.

Les leçons de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été assez bonnes; mais il s'est tenu si mal à la leçon de l'écriture, en répondant toujours, aux instances que je faisais pour le redresser, qu'il ne le pouvait pas, que je fus dans la nécessité de menacer, que je le ferai recommencer à écrire les lettres de l'alphabet afin qu'il reprenne l'habitude de se tenir bien. Quant à sa conduite et à ses manières, il y a encore de la légéreté, de l'inconséquence et même de la suffisance, qu'on tâche unanimement à réprimer. Sa santé est bonne.

Библиотека "Руниверс"

17 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ne fut pas bien disposé à ses leçons; du reste il s'est conduit assez bien.

18 Février.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas, sans être entièrement exempte d'étourderies, a été cependant assez bonne.

19 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas apprit parfaitement bien le russe et l'arithmétique, mais il ne soutint pas son attention jusqu'à la fin de la leçon française, quoiqu'elle fut assez bonne; et comme Monseigneur n'eut point de bonne volonté à la classe de danse, on a été obligé de lui défendre entièrement les jeux pour le reste de la journée.

20 Février. Mardi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a bien fait les leçons de géometrie et de l'allemand, mais il a été dissipé pendant celles d'arithmétique et de français. Sa conduite a été assez bonne.

21 Février.

Les distractions de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ne veuillent pas encore cesser; il a été de nouveau extrêmement distrait à ses leçons, excepté pourtant celle de danse, qui a été assez bonne. Outre cela il a recommencé à se tenir mal, de sorte que, comme je l'ai marqué sur le cahier, je le ferai encore une fois écrire les lettres de l'alphabet, pour le forcer à se défaire de cette mauvaise habitude; pour la même raison Monsieur le général de Lambsdorff lui interdit pour aujourd'hui le manége. Monseigneur le Grand-Duc jouit d'une bonne santé.

22 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia assez bien et se conduisit de même.

23 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a fait d'assez bonnes leçons et se conduisit très bien.

24 Février.

Les leçons de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été toutes bonnes, excepté la classe de danse où Monseigneur négligea beaucoup son maintien.

25 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit aujourd'hui passablement bien, fut quelquefois étourdi et se faisait plusieurs fois rappeller pour cesser de l'être; à l'égard de sa santé, elle devint beaucoup meilleure vers le soir: la toux ne se faisait plus apercevoir, nonobstant Monseigneur prit trois fois la médecine prescrite et se coucha heureusement.

Библиотека "Руниверс"

26 Février. Lundi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a été dissipé pendant les leçons russe et française, celle de la danse a été bonne; mais Monseigneur continue à se mettre trop souvent dans le cas d'être repris sur des choses dont il pourrait facilement éviter le désagrément des répétitions réitérées.

27 Février.

Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été aujourd'hui dans une disposition de lenteur et de distraction qui ont rendu toutes ses leçons très médiocres. Il fut si impatient de finir la leçon française qu'il répondait à tort et à travers, sans savoir ce qu'il disait, et comme tout ceci fut accompagné de mouvements, qui visiblement augmentaient ses étourderies, et qu'il ne les finissait pas contre mes ordres réitérés, je fus dans la nécessité de le mettre à genoux jusqu'à ce qu'il ait fini la leçon, ce qui le tranquillisa, et il finit aussitôt puisqu'il ne restait plus que quelques mots à dire. A la leçon russe, voyant que ses distractions me faisaient de la peine, il en fut tellement touché, qu'il se jeta à mon cou, fondant en larmes et sans pouvoir proférer une parole. Cette sensibilité me charma, et la leçon finit bien. Sa toux, quoique très peu considérable, continue encore et le tient à un régime très supportable.

28 Février.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia passablement, mais il fut très étourdi aux jeux.

1-er Mars.

Les études et la conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ont été assez bonnes, il n'y eut que les defauts des manières dont on a repris Son Altesse Impériale assez souvent.

2 Mars.

La conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été bonne. Il a été en général moins bruyant qu'à l'ordinaire, et la raison en fut probablement l'idée qu'il devait se confesser. Il est resté longtemps avec son aumônier, qu'il a quitté extrêmement touché et pleurant. Pour les leçons, excepté la russe qui ne fut que passable, tout le reste, d'après le témoignage des maîtres, a été bien. Sa toux et son rhume durent encore.

3 Mars. Samedi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien comporté durant cette journée; sa leçon de français a également été assez bonne.

4 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit toute la journée parfaitement bien, et même dans ses jeux il a marqué plus de modération que de coutume.

5 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia passablement et se conduisit de même en tout.

Библиотека "Руниверс"

6 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas dans toutes les parties de ses études a été lent et peu attentif, à la leçon d'arithmétique Monseigneur a eu même de la présomption, pour laquelle il a été puni sur le champ, étant mis à genoux par M-r Achverdoff; après-midi Monseigneur sembla vouloir réparer ses torts du matin et a très bien appris l'allemand; la conduite de Monseigneur a été passable et sa santé beaucoup meilleure, puisque la toux rarement se faisait apercevoir, mais malgré cela Monseigneur prit le soir une médecine et se coucha heureusement.

7 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas fut en général mal disposé aux leçons des sciences, et surtout à celle de l'arithmétique où l'attention de Son Altesse Impériale manqua entièrement; à cause de quoi on la fit cesser, et Monseigneur passa toute la journée dans sa chambre en se repentant. Au reste la classe de danse et sa conduite ont été bonnes.

8 Mars.

Après ce qui s'est passé hier à la leçon d'arithmétique, après tout ce que Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère et Monsieur le général de Lambsdorff ont dit à ce sujet à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas, je me serais attendu à un peu moins de gaîté et de légéreté; mais la crise n'est pas encore à son terme. Non seulement il a travaillé sans soins et sans réflexion au problème que je lui avais donné hier, mais il montra la même mollese et la même négligence à le refaire aujourd'hui, et parût être peu affecté et de ce qu'on lui avait dit et de ce qu'on lui disait; car, ayant eu dans l'après dîner la permission de jouer, il s'abandonna aussitôt à son ardeur naturelle, comme si rien n'avait été. Je ne puis pas me plaindre de son obéissance.

9 Mars. Vendredi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien conduit durant cette journée; à l'arithmétique et à la dictée de la leçon de français l'attention n'a pas été soutenu jnsqu'à la fin, la leçon de dessin n'a pas été bonne, mais celle de l'allemand a été très bien faite.

10 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été assez sage dans sa conduite, et ses études également ont été assez bonnes.

11 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit excepté ses étour. deries.

12 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas dès le commencement de ses leçons montra de la paresse et dans toute la suite eut des absences continuelles: après la leçon de danse qui s'était faite passablement bien, le général de Lambsdorff jugea nécessaire de le punir par

Библиотека "Руниверс"

l'ennui en faisant garder à Monseigneur sa chambre, sans nulle occupation pas même de lecture; il parût être peiné de sa conduite et versa des larmes de repentir, mais au moment du souper, quand Monseigneur fut réuni au Grand-Duc son frère et avec Madame la Grande-Duchesse, il donna derechef dans ses étourderies, de sorte que pour les finir on fut obligé de nouveau le faire asseoir. La santé de Monseigneur s'est trouvée bonne dans tout le cours de la journée.

13 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a très bien soutenu son attention aujourd'hui pendant toutes ses leçons, qui ont été très satisfaisantes, ainsi que sa conduite à tous égards.

14 Mars.

Il semble, que Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas commence à sentir le tort que sa légéreté et ses étourderies lui font, et le chagrin qu'il cause à sa Maman et à ceux qui l'entourent. Sa conduite, comme son attention durant les leçons, ont été aujourd'hui beaucoup meilleures que tout ce temps passé, et quoique de temps en temps sa patience paraissait être à bout, on voyait que cela ne provenait point de la mauvaise volonté, et qu'il tâchait de se vaincre. Ayant pu passer cette soirée chez Sa Majesté Impériale l'Impératrice Mère, à jouer avec Monseigneur son frère et Madame sa soeur, il eut l'attention de demander la permission de se retirer, pour étudier sa leçon de géographie pour le lendemain, et s'en occupa avec zèle. Sa santé est bonne.

15 Mars. Jeudi.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc aîné aîné assez bonne, de même que ses leçons, à l'exception du calcul durant lequel l'attention s'était parfois relachée.

16 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia avec assez d'application et il ne manquait à sa conduite qu'un peu de retenue dans les jeux.

17 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia passablement et se conduisit de même.

18 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit assez bien aujourd'hui, quoiqu'il fallait le prévenir souvent de ne point s'abandonner à l'étourderie; mais le mérite de l'obéissance au moment même lui a tenu lieu d'une conduite irréprochable. Sa santé s'est trouvée aussi dans l'état le plus heureux.

19 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia assez bien, quoiqu'avec quelques distractions qui ne durèrent pas longtemps, et sa conduite fut passable.

20 Mars.

J'ai été aujourd'hui assez content de la conduite et de l'application de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Toutes ses leçons ont été bonnes, à quel-

Библиотека "Руниверс"

ques distractions de temps en temps près, et ses manières moins violentes qu'à l'ordinaire. Il jouit d'une bonne santé.

21 Mars. Mercredi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné a été un peu lent pendant l'arithmétique et l'analyse grammaticale de russe; les leçons de français et de la danse ont été assez bonnes de même que sa conduite.

22 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas étudia assez bien, mais se conduisit avec beau coup d'étourderie.

23 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ne fut pas également bien disposé à ses leçons; la leçon française ne fut pas bonne. Du reste il s'est conduit passablement en tout.

24 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas avait assez d'application au commencement et à la fin de ses leçons à celle de géométrie et du français, mais au milieu de ses études, dans la partie du calcul et de la langue russe, il fut lent et inattentif; dans sa conduite Monseigneur était assez bien, et sa santé fut très heureuse au courant de la journée.

25 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit fort bien à tous égards.

26 Mars.

Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a bien fait toutes ses leçons, et a été surtout attentif à la leçon d'arithmétique; mais je ne puis pas en dire autant de sa conduite et de ses manières. Je n'ai presque pas cessé à le reprendre, tantôt pour une, tantôt pour une autre chose; enfin le soir je fus forcé de le séparer de son frère Monseigneur le Grand-Duc Michel, et de l'emmener dans ses appartements, pour faire cesser les querelles continuelles, dont le Grand-Duc Nicolas était pour la plupart la cause par son ardeur et ses étourderies. La santé est bonne.

27 Mars. Mardi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général assez bien comporté durant cette journée; et ses leçons ont été bonnes à l'exception de l'arithmétique.

28 Mars.

La conduite de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été assez bonne; et même ses leçons n'étaient point mauvaises, excepté qu'à l'arithmétique il n'était point assez à la chose, et que son écriture russe était moins soignée qu'il n'est en état de le faire.

29 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas s'est assez bien conduit en tout.

Библиотека "Руниверс"

30 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas dans la première partie de ses études à la leçon de français était inattentif et distrait; il se redressa dans la suite, et a bien fait le calcul et un extrait de l'histoire russe. Après midi la leçon de l'allemand a été bonne aussi. Sa conduite a été passable, puisque Monseigneur se donnait de trop bon coeur aux jeux et il fallait l'avertir souvent pour se modérer et ne pas sortir des bornes raisonnables; la santé de Monseigneur a été heureuse et la mieux désirée dans le cours de la journée.

31 Mars.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas fit assez bien ses études; mais à l'égard de sa conduite Son Altesse Impériale eut fort peu d'attention, en retombant dans les mêmes fautes, dont on l'avait déjà repris si souvent.

7 Décembre 1807.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas fut fort bien disposé à ses leçons et s'est conduit de même.

9 Décembre.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se conduisit bien et il a étudié de même.

11 Décembre.

J'ai été content de la conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Obéissant et docile, il ne manque que par légèreté. Ses leçons ont été bonnes; j'aurais dit de la leçon russe, qu'elle avait été très bonne, s'il ne faisait pas des fautes par précipitation. Ayant rencontré à l'Hermitage le général Savary, le Grand-Duc l'aborda avec aisance, et après lui avoir demandé, s'il avait déjà vu les galleries et comment il les trouvait, il le quitta sans s'être arrêté longtemps. Sa santé est bonne.

12 Décembre. Jeudi.

Monseigneur le Grand-Duc aîné s'est en général fort bien comporté pendant cette journée.

13 Décembre.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas commença ses études avec beaucoup d'application, mais cette bonne volonté ne s'est pas soutenue jusqu'au bout: à cause des distractions, la leçon d'arithmétique n'a pu être finie. Après le dîné Monseigneur la reprit et s'en occupant plus sérieusement acheva dans une demi heure, ce qu'il ne pouvait résoudre le matin malgré tous les éclaircissements possibles. La leçon de l'allemand, qui suivit immédiatement après cette heureuse disposition était très bonne, et la conduite de Monseigneur ainsi que sa santé se sont trouvées de même parfaitement bonnes.

14 Décembre.

La journée a été bonne, et j'ai été content de la conduite et des leçons de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas. Il jouit d'une parfaite santé.

Библиотека "Руниверс"

15 Décembre.

La journée de Monseigneur le Grand-Duc Nicolas se passa très bien à tous égards.

16 Décembre.

Monseigneur le Grand-Duc Nicolas a été bien en ses études, mais la fin de ses leçons de mathématique et du russe a été empreinte d'un peu de lenteur. La conduite de Monseigneur ainsi que sa santé se sont trouvées parfaitement bonnes.

18 Décembre.

La conduite de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc Nicolas ainsi que ses leçons, ont été bonnes en général; mais pendant la leçon d'arithmétique il eut un moment, où par étourderie il a tenu des discours inutiles, dont la continuité me mit dans la nécessité de le menacer, que j'allais le quitter, s'il ne cessait pas tout de suite. Il sentit aussitôt son tort; il rougit; et lorsqu'au lieu de la punition qu'il attendait, de ne pas monter à cheval, Monsieur le général de Lambsdorff lui dit: «hé bien! Monseigneur, puisque vous avez honte de ce qui s'est passé, allez au manége, amusez-vous, mais que cela soit pour la dernière fois»,—il en fut tellement affecté, qu'il pleura de sensibilité. Sa santé est très bonne.

IV.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны генералу Ламздорфу, 1806 года.

Pawlowsk, ce 5 Juin 1806.

L'éducation de mes fils, pour tout ce qui tient à la moralité, est établie sur des bases si solides, que je suis convaincue, qu'en suivant la route tracée, vous jouirez, mon bon et digne ami, de même que vos cavaliers, de la douce récompense de vos peines et veilles, et que j'aurai le bonheur de voir mes fils devenir bons chrétiens et des êtres distingués par la solidité de leurs principes et la loyauté de leur caractère.

Les points donc sur lesquels je m'arrête dans cet écrit, ne sont pour ainsi dire, que des règles d'observance, mais cependant nécessaires et utiles aux Grands Ducs. J'ai cru bien faire, mon bon général Lambsdorff, de les mettre par écrit comme le résumé de nos réflexions et en étant convenue avec vous, afin qu'en les ayant constamment présents à la mémoire, on puisse toujours et pendant votre absence conduire l'éducation dans les plus petits détails même, d'après des principes uniformes et stables. J'ai la satisfaction de voir mes enfants entourés, d'après le désir de mon coeur, par des hommes d'un caractère moral, probe et loyal et joignant à ces qualités l'avantage de l'instruction et le désir de bien faire et de marcher uniformément à tout ce qui peut être utile à l'éducation des Grands Ducs. Je vous prie donc, mon bon et digne ami, de communiquer ces observations aux cavaliers, et je suis persuadée d'avance, qu'ils ne

Библиотека "Руниверс"

les perdront jamais de vue, pour concourir tous au but commun de leurs soins et de leurs travaux.

La belle saison a si peu de durée et une influence si salutaire sur la santé, qu'il serait impardonnable de ne pas la mettre à profit: je désire par cette raison que les Grands Ducs soient couchés au plus tard à dix heures du soir, afin de pouvoir se lever sans difficulté entre six et sept heures du matin. Si après un sommeil tranquille de huit heures, ils ne s'éveillent pas d'eux-mêmes, il faut que le valet de chambre les éveille doucement. Les Grands Ducs doivent se lever sur-le-champ, faire sans délai une toilette soignée et réciter avec recueillement leur prière du matin.

D'après l'ordre établi, les Grands Ducs font tous les jours après leur déjeuner une promenade à pied ou à cheval. Comme cette promenade n'a d'autre but que de procurer au corps l'exercice nécessaire, mais non pour fournir des sujets de distraction pendant les leçons qui la suivent, toute espèce de jeu avant ces leçons est sévèrement interdit tout pendant la promenade, que dans les chambres, et toutes les fois que les Grands Ducs ne donnent pas toute leur application et toute l'attention nécessaire à leurs leçons, ils seront privés de tout amusement, jusqu'à ce que je leur en accorde de nouveau la permission.

Lorsque les Grands Ducs changent d'habits après leur promenade, ils le feront dans leur chambre de toilette, et ils répèteront dans leurs chambres d'etude les leçons prescrites par les maîtres. On ne permettra aux Grands Ducs d'indiquer la leçon par laquelle ils désirent commencer leurs études. Pendant les leçons toute conversation étrangère à l'objet dont on s'occupe, est absolument et rigoureusement interdite. Les Grands Ducs ne doivent pas même se permettre de faire sur le sujet que l'on traite avec eux, des questions oiseuses, qui ne menent pas directement à une explication nécessaire pour leur instruction de l'objet même, dont on leur parle, et qui ne servent qu'à faire perdre du temps et à éluder une attention sérieuse à la leçon qu'ils doivent recevoir. Il est de la plus grande importance d'habituer la jeunesse à un certain ordre et par cette même raison il faut insister fortement, qu'on ne s'écarte jamais de l'ordre une fois établi.

Lorsque dans leurs jeux les Grands Ducs ne s'accordent pas ou vont même jusqu'à se quereller, il faut d'abord les séparer et les reléguer chacun dans ses appartements.

Toutes les personnes employées à l'éducation des Grands Ducs se feront un devoir de combattre et déraciner les mauvaises habitudes, qu'ils peuvent avoir prises: comme de se tenir mal, de porter toujours les doigts au visage, de se mordre les lèvres, de s'appuyer contre les meubles, ou contre les personnes qui les entourent, de toucher tout avec les mains, etc.... comme autant de fautes contre les bonnes manières et le respect que les enfants doivent à leurs préposés. Ils ne leurs permettront non plus aucune espèce de familiarité: vis-à-vis de leurs cavaliers et leurs maîtres, elle est déplacée, étant contraire aux égards et au respect que les Grands Ducs leur doivent, et vis-à-vis de leurs domestiques elle ne convient sous aucun rapport.

Ils porteront particulièrement toute leur attention à habituer les Grands Ducs à obéir au premier mot et pendant les études les maîtres ne doivent jamais être dans le cas d'engager les Grands Ducs par les prières à l'attention qu'ils doivent aux leçons; un seul mot de leur part doit suffire pour la réveiller. Les cavaliers marqueront dans les rapports, qu'ils me remettent chaque matin, toutes les fois que les Grands Ducs auront manqué à ce devoir que je prescris bien expressément.

Библиотека "Руниверс"

En terminant ces lignes, je forme des vœux bien sincères et bien vifs de vous voir revenir au plutôt, car vous savez, mon bon et digne ami, la confiance sans bornes que je vous porte et avec laquelle j'ai remis mes enfants à vos soins. Adieu, mon ami, je suis pour la vie

Votre affectionnée et sincère

Marie.

V.

Два письма великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1813 года.

1.

Любезная маменька!

Въ понедѣльникъ 30-го въ урокѣ россійской исторіи читали мы въ Елагинѣ описаніе первобытнаго правленія Россіи. Онъ полагаетъ, что Гостомыслъ былъ сынъ князя Буривоя, и что они происходили отъ рода вандальскихъ князей; у Гостомысла были 4 сына, кои всѣ прежде его умерли; и три дочери, изъ коихъ вторая Умила была замужемъ за варягорусскимъ княземъ. Когда Гостомыслъ почувствовалъ приближающуюся кончину, то съ согласія всѣхъ народовъ, подъ управленіемъ его бывшихъ, какъ-то: славянъ, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дрягвичей, призвалъ сына Умилы и своего внука Рурика съ братьями Синеусомъ и Труворомъ, изъ коихъ первый ему и послѣдовалъ въ княженіи; но Вадимъ, сынъ старшій дочери Гостомысловой, бывшей уновательно въ супружествѣ за княземъ происхожденія славянскаго, мужъ хитрый, храбрый и сварливый, думая имѣть болѣе права на первенство, старался препятствовать Рурику вступить въ настоящее управленіе Новгорода и земли славянорусской, что не прежде воспослѣдовало, какъ по усмиреніи всѣхъ мятежей и безпокойствъ, и со смертью Вадима, въ 862-мъ году по Рождествѣ Христовѣ.

Во вторникъ въ артиллерійскомъ урокѣ говорено было о разныхъ разстояніяхъ, на коихъ удобно дѣйствовать можно изъ орудій разными снарядами.

Николай.

3-го генваря
1813 года.

2.

Chère Maman!

Jeudi dans la leçon d'art militaire j'ai continué à lire les principes de la stratégie dans Rocheaymon. Dans la leçon de morale il était question de la précaution qu'il faut employer dans notre conduite pour éviter tout ce qui peut scandaliser les autres. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon grecque, j'ai lu des maximes morales tirées du livre élémentaire de Iacobs.

Библиотека "Руниверс"

Vendredi dans la leçon de phisique M. Vohlgemouth nous a montré et expliqué la fontaine de compression et une machine pour montrer les angles de vision. Dans la leçon d'histoire d'Allemagne on m'a entretenu du règne d'Othon II, dont le commencement fut troublé par la révolte d'Henri le Querelleur, duc de Bavière.

Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon allemande nous avons fini la lecture du bon-homme Richard. Samedi dans la leçon d'histoire d'Allemagne, M. Dupuget a continué le tableau du règne d'Othon II; j'y ai vu avec indignation la perfidie dont il usa envers les principaux habitants de Rome. — Dans la leçon d'art militaire j'ai lu dans Rocheaymon les différents cas où il est permis de livrer bataille.— Après-midi dans la leçon de M. Dupuget j'ai continué à répéter l'histoire d'Angleterre. Dans la leçon latine nous avons fini la lecture de la description du Colisée, d'après les antiquités de Nieuport.

Nicolas.

Ce 5 Janvier
1813.

VI.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Коновницыну, 1814 года.

Въ Петербургѣ, апрѣля 2-го дня, 1814 года.

Петръ Петровичъ! Письмо ваше отъ 1-го марта, весьма медленно до меня дошедшее, имѣла я удовольствіе получить вчера и поспѣшаю отвѣтомъ на оное, чтобы, благодаря васъ за увѣдомленіе о назначеніи васъ императоромъ, любезнѣйшимъ моимъ сыномъ, быть при дѣтяхъ моихъ, и о пути, великимъ князьямъ предначертанномъ, воспользоваться случаемъ къ изъявленію вамъ, сколь пріятенъ мнѣ выборъ такового для сыновей моихъ путеводителя на полѣ славы. Я искренно обязана императору за сей выборъ, соотвѣтствующій моему о васъ мнѣнію и совершенному удостовѣренію, что, доказавъ на опытѣ, сколь извѣстны вамъ качества и должности полководца, и запечатлѣвъ кровію приверженность вашу къ государю и любовь къ отечеству, въ полной мѣрѣ вникли въ обязанности возложеннаго на васъ порученія, и чувствуете важность онаго и отвѣтственность, съ нимъ сопряженную. Я увѣрена, что, руководствуя великихъ князей вашими совѣтами, наставленіями и объясненіями, дабы воспользовались случаемъ пріобрѣсть опытность въ наукѣ, ихъ сану, особливо въ нынѣшнія времени, толико нужной, вы не оставите обращать ихъ вниманіе на всѣ должности, въ ней соединяющіяся, и на то, что хотя долгъ и честь повелѣваютъ полководцу встрѣчать равнодушно опасности, когда онѣ случаются, и когда нужно дать примѣръ собою, однако истинное мужество не состоитъ въ пылкости, влекущей безъ нужды и разбора бросаться въ опасность, и будете удерживать юношескую и неопытную храбрость отъ излишняго воспаленія. На вашу совѣсть возложено теперь ихъ сохраненіе, и я съ полною надеждою полагаюсь на васъ, что вы въ семъ отношеніи будете ихъ другъ, совѣтникъ и хранитель и замѣните достойнаго ихъ наставника Матвѣя Ивановича Ламбсдорфа. Я прошу васъ, какъ возможно чаще, да-

Библиотека "Руниверс"

вать подробныя объ нихъ извѣстія. Узнавая въ сихъ рѣчахъ моихъ внушенія сердца матери, о благѣ рожденія своего пекущейся, вы, безъ сомнѣнія, внимать будете гласу его чувствованій, и возвращеніемъ сыновей моихъ въ сохранности тѣлесной и душевной, послѣ окончанія со славою войны, въ материнскія объятія заставите меня присовокупить изъявленіе чувствительнѣйшей признательности за такое неоцѣненное попеченіе ваше къ увѣреніямъ о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ коими пребываю вамъ благосклонною.

«Марія» [1].

VII.

Письмо императора Александра императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, изъ Парижа, 1814 года.

Paris, ce 3 Avril.

Je suis toujours, chère et bonne Maman, dans l'attente de mes frères et de vos chères lettres. Si la privation m'en est pénible, j'ai la consolation au moins de pouvoir me dire, qu'aucune n'est tombée au pouvoir de l'ennemi. La joie générale est ici à son comble. L'arrivée du comte d'Artois n'a fait que l'augmenter encore. On sent le bonheur d'être débarassé du joug cruel de Napoléon, en même temps de voir la guerre finie. Chacun respire et se croit régénéré; enfin on ose à peine croire à tout ce qui est survenu et cela parait plutôt un beau rêve. Pour moi je jouis peu des plaisirs de Paris; mes occupations et mes goûts me retiennent beaucoup chez moi et à l'exception de trois spectacles et de la visite de quelques établissements publics, tels que l'Hôtel des Invalides etc., je n'ai pas vu grand'chose encore. Le comte d'Artois à son arrivée ayant pris le titre de Lieutenant-Général du Royaume, ma présence si rapprochée du gouvernement provisoire, ne pouvant plus être nécessaire, j'ai quitté ma demeure dans l'hôtel du prince de Bénévent et je suis allé me loger à l'Elysée-Bourbon, hôtel charmant qui appartenait à Napoléon et qui a l'avantage d'avoir un charmant petit jardin. Tout est déjà vert et de cette manière j'ai l'illusion d'être comme à la campagne et de ne pas entendre tout ce bruit de Paris.

J'espère que le nouveau gouvernement saura se conduire sagement; du moins je le souhaite du fond de mon coeur. Sa position est très délicate, car un oubli complet du passé doit être son premier principe, toutes les passions, toutes les personnalités, les réactions doivent être soigneusement comprimées. Il faut lier les choses, les partis, les affections et éviter avec soin tout ce qui peut désunir: en même temps il faut se dire que la France ne peut se passer des institutions libérales, qu'elle se doit en partie à la révolution, et que vouloir les détruire, ce serait provoquer une seconde révolution mille fois plus effrayante que la première. Il y aurait un volume à écrire sur tout cela.

[1] Это письмо получено было генералъ-адъютантомъ Коновницынымъ 19-го апрѣля 1814 года въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

L'Empereur François est arrivé anjourd'hui: nous l'avons reçu avec toute la pompe militaire possible etc.

Les maréchaux et généraux français ne reviennent pas de leur étonnement à la vue de la beauté de nos troupes, de l'état de notre cavalerie et de notre belle artillerie. Ils me témoignent en toute occasion les meilleurs sentiments possibles et même beaucoup d'affection et j'avoue qne si quelque chose me fait plaisir de notre entrée à Paris, c'est la manière dont Dieu a permis que cela se fit, c'est-à-dire, non en conquérants ou ennemis, mais en véritables amis de ceux qui avaient été si longtemps nos plus cruels ennemis. C'est là une véritable jouissance pour moi et dont je porte à Dieu une gratitude qu'aucun terme ne peut rendre.

Pour tout le reste je voudrais déjà être loin de Paris et voir les grands objets politiques qui se traitent dans ce moment et qui doivent fixer le sort futur de l'Europe, déjà réglés. Comme il ne dépend pas de moi cependant d'abréger les négociations sur des intérêts trop majeurs, pour qu'ils puissent être achevés d'un trait de plume, et leur fin dépendant aussi beaucoup de l'arrivée du roi Louis XVIII, après avoir réglé les principaux objets, pour ne pas rester ici sur place, ce qui m'est assez désagréable, je compte, chère Maman, faire une course à Londres, dont je ne suis qu'à trois jours de voyage. C'est la seule et unique occasion pour moi de voir quelque chose de l'Angleterre et je me retrouverai ici pour le temps où tout se trouvera prêt pour la signature du grand traité de paix, qui en couronnant l'oeuvre mettra fin, je l'espère avec l'aide du Tout Puissant, aux malheurs du monde. En même temps cela me procurera le plaisir de revoir ma soeur à Londres, et de cette manière je ne perds pas un moment et je ne sacrifie que des prétendues délices du séjour de Paris, qui n'en sont pas pour moi.

En même temps, chère Maman, veuillez me donner vos ordres sur le compte de mes frères, et qu'ont-ils à faire? Doivent ils profiter de cette occasion pour voyager un peu en Hollande, en Angleterre, en Suisse, ou bien ordonnez vous qu'ils reviennent tout de suite? M-r Lambsdorff étant avec eux et M-r Laharpe étant ici, il serait possible de combiner un voyage très instructif pour eux et qui compenserait avec utilité ce que la cessation de la guerre leur a fait perdre. Surtout un voyage en Suisse et en Angleterre pourrait être bien salutaire pour eux. Mais sur tout cela c'est votre volonté seule qui doit tout décider. En attendant nous arrangerons avec M-r Lambsdorff les choses de manière à ce qu'ils ne perdent pas le temps ici où il y a moyen de continuer les leçons dans tous les genres d'instruction possibles. M-r de Laharpe leur sera d'une grande utilité par la connaissance dans laquelle il se trouve avec tout ce qu'il y a d'estimable en fait d'hommes instruits. M-r de Lambsdorff décidera et surveillera le tout.

Adieu, chère et bonne Maman. Avec quelle impatience j'attends le moment où ayant fini toute cette si importante besogne, je pourrai voler à vos pieds. En attendant je vous baise mille fois les mains et me recommande à vos bénédictions.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Два письма императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Коновницыну, 1815 года.

1.

С.-Петербургъ, 11-го мая 1815 года.

Петръ Петровичъ! Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я предаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами—все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламбсдорфа не могутъ они быть переданы лучшему наставнику на полѣ славы, какъ вамъ.

Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты, подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ, подадутъ сыновьямъ моимъ истинное понятіе о воинѣ и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностію. Сколь ни больно материнскому сердцу подвергать жизнь дѣтей опасности, я, тѣмъ не менѣе, признаю, что они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ ихъ требуютъ подать собою примѣръ неустрашимости; но я увѣрена также, что я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что, внимая моимъ чувствованіямъ, вы стараться будете отвращать отъ нихъ безполезную опасность и удерживать ихъ, дабы пылкостію юношества не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя, въ соединеніи со скромностію, столько же украшаютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаетъ славу героя. Для сохраненія ихъ драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ великихъ князьяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ сими правилами, и огражденіе ихъ отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительства. Итакъ, поручая ихъ вашему отеческому попеченію, я съ полною довѣренностію полагаюсь на вашу приверженность и ваше усердіе и съ удовольствіемъ возобновляю здѣсь увѣреніе объ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною.

«Марія».

Библиотека "Руниверс"

2.

Въ Павловскѣ, іюля 12-го дня, 1815 года.

Петръ Петровичъ! Благодарю васъ за продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ, чрезъ послѣдняго курьера полученное. Я нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ, обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и превратa нужнѣе, нежели гдѣ-либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я, конечно, нимало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но, будучи теперь старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца. Весьма бы желательно было, если бы въ случаѣ продолжительнаго пребыванія императора въ Парижѣ можно было великимъ князьямъ воспользоваться тѣмъ временемъ для любопытнаго и полезнаго путешествія по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ окружности; но если сего устроить невозможно, или краткость времени не дозволитъ, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ всемѣрно стараться, чтобы они заняты были полезными упражненіями и ученіемъ, къ чему такой городъ, каковъ Парижъ, представляетъ много способовъ. Я въ сихъ отношеніяхъ обращаюсь къ вашему сердцу, которое умѣетъ раздѣлять заботы матери о душевномъ и тѣлесномъ благѣ дѣтей своихъ, и твердо надѣюсь на вашу ревность и приверженность, увѣряю васъ напередъ о чувствительнѣйшей моей признательности и съ совершеннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

«Марія».

Библиотека "Руниверс"

IX.

Письмо генералъ-адъютанта Коновницына великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, 1816 года.

Государю императору угодно было почтить меня довѣріемъ своимъ быть на случай предполагаемой войны при вашихъ высочествахъ. Обстоятельства случайно измѣнились. Войны, благодаря Бога, нѣтъ, и мы возвратились въ свое отечество.

Я, оставляя вашихъ высочествъ, пріятнѣйшимъ поставляю долгомъ изъявить чувствованія мои; они всегда преисполнены были усердія. Сердечно жалѣю, что имѣлъ весьма мало случаевъ показать вамъ приверженность мою и тѣмъ пріобрѣсти довѣренность вашу; но ежели я хотя нѣсколько имѣю оной, то позвольте мнѣ симъ воспользоваться и объяснить вамъ тѣ истины, какія открыты во мнѣ и опытами въ жизни, и собственнымъ сердцемъ, и сердечною преданностію моею къ особамъ, священнымъ и для насъ и для отечества. Буде истины сіи послужатъ къ пользѣ вашей и принадлежать будутъ къ славѣ имени вашего, тутъ исполнится источникъ сердечнаго моего блага. Не говорить же чувствуемой правды любезнѣйшимъ князьямъ нашимъ, во время драгоцѣнной молодости ихъ, не только не простительно, но даже было бы постыдно.

1) Сколько славенъ родъ вашихъ высочествъ въ Россіи, столько же надобно вамъ быть и знаменитыми въ потомствѣ. Лучи знаменитости сей истекаютъ отъ чистаго дѣйствія ума и сердца. Никакой добродѣтельный подвигъ безъ напряженій духа, безъ труда, не совершается. Слѣдовательно, для благихъ и полезныхъ подвиговъ умъ напитанъ быть долженъ добрыми познаніями, которыя украшаютъ и самую старость; а сердце исполнено быть должно добрыми правилами, которымъ покорить надобно поступки наши.

Вамъ Богъ послалъ дарованія: они, конечно, украсятъ умъ вашъ и сердце; но тутъ требуется нѣкоторое усердіе, нѣкоторое желаніе и нѣкоторый трудъ.

Чтобы непремѣнно занимать, питать разумъ, безъ чего онъ, такъ сказать, засыпаетъ, возьмите на себя хоть часъ одинъ въ день (но каждый день непремѣнно) занять разумъ какою либо наукою, или познаніемъ, составивъ въ самомъ чтеніи себѣ планъ, чтобы не перемѣшивались предметы въ одно время.

Чтобы непрестанно питать сердце, безъ чего оно, такъ сказать, черствѣетъ, отверзайте въ немъ пламенное состраданіе къ бѣднымъ, несчастнымъ, угнетеннымъ. Помощь ближнему да будетъ вамъ блистательнѣйшею радостію въ жизни. Скромное подаяніе милостыни да будетъ предметомъ вашей памяти и забвенія: исполненное да забудется, а новое подаяніе принесетъ съ собою новое удовольствіе.

Для введенія сердца въ таковое расположеніе открыты намъ средства: стараться надобно познать всѣ истины христіанскія, которыя многочисленны; познать обязанности наши, въ семъ Божественномъ законѣ изображенныя.

2) Слѣдуйте всякой день свои поступки: будьте имъ сами строгіе судіи, дабы на другой день быть въ своемъ поведеніи осторожнѣе. Одно слово иногда сдѣлаетъ вредъ человѣку на весь вѣкъ! Невѣроятно, какія важныя послѣдствія происходятъ отъ малѣйшихъ погрѣшностей въ высокомъ званіи вашемъ. Вы окружены подража-

Библиотека "Руниверс"

телями, особенно въ тѣхъ предметахъ, которые обольщаютъ ихъ страсти. Порокъ самъ по себѣ есть ядъ прилипчивый. Родъ человѣческій всегда готовъ къ очумленію. Искра часто производитъ пожаръ. Не думайте, чтобъ малѣйшій безпорядокъ въ поступкахъ вашихъ могъ остаться въ тайнѣ. По высокому рожденію вашему, вы сами по себѣ выше всякой защиты.

3) Въ разсужденіяхъ общихъ оскорблять никогда не должно, ниже говорить о комъ худо; по единой неосторожности получите недовольныхъ. Общая вѣжливость привлекаетъ, а надменность, и еще болѣе грубость, лишитъ васъ большихъ и невозвратныхъ выгодъ.

4) Убѣгайте льстецовъ, кои навѣрно проникнутъ въ чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своихъ выгодъ ко вреду вашему и другихъ. Держитесь людей такихъ, которые бы отъ васъ ничего не желали, которые бы не ослѣплялись величіемъ вашимъ, и съ надлежащимъ почтеніемъ говорили бы вамъ истину, и противорѣчили бы вамъ для воздержанія васъ отъ погрѣшностей. Есть средство узнать людей въ самыхъ разговорахъ: въ разговорахъ примѣтны и вѣтреность или неосновательность, и лесть, и нескромность, и гордость, и хитрость, и прочее. Иногда надобно скрыть собственное чувствованіе ихъ. Выслушивайте совѣты полезные, но потомъ разсуждайте объ истинѣ и пользѣ. Не удаляйтесь отъ познанія людей ни подъ какимъ предлогомъ, различайте ихъ, и да избавитъ васъ Богъ отъ такихъ, которые, притворяясь, что не видятъ вашихъ погрѣшностей, вкрадываются въ сердце, а такіе люди бываютъ, къ сожалѣнію, пріятны.

5) Не будьте высокомѣрны, не приписывайте себѣ ничего. Надобно всегда раздѣляться съ другими. Симъ самымъ вы никогда не оскорбите подчиненныхъ вашихъ. Уступайте лучше все другимъ. Не берите на себя ничего, а паче того, чего исполнить хорошо вамъ невозможно.

6) Умѣряйте честолюбивыя желанія, буде бы они въ васъ вкрались. Они могутъ привесть къ желанію пролитія крови вашихъ ближнихъ, за которую никто вознаградить не въ силахъ. Помните непрестанно, что вступать въ войну надобно всегда съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную, какъ возможно короче, и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и должна быть обязанностію начальственною, временною и даже непріятною для добрыхъ государей. Что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; что положеніе мирное доставляетъ счастіе, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ, и слѣдовательно изученіе оныхъ, наблюденіе за оными есть настоящее, естественное и неразлучное съ званіемъ вашимъ дѣло. Въ прочихъ же браняхъ, могущихъ касаться до спасенія отечества, славы и независимости его, идите съ твердостію, какъ славный родъ предковъ вашихъ подвизался. Вы имѣете предъ глазами примѣръ брата вашего, нынѣ царствующаго надъ нами государя, который, при всей доблести своей, кротокъ и милосердъ, какъ ангелъ. Въ нужныхъ и необходимыхъ случаяхъ, буде бы отечество потребовало, заплатите собою, прославьте себя, принесите отечеству вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни.

7) Повинуйтеся слѣпо императору брату вашему. Вы должны быть изъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ.

8) Если придетъ время командовать вамъ частями войскъ, сколько бы велики онѣ или малы ни были, да будетъ первѣйшее ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще

Библиотека "Руниверс"

и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ уже требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крикъ и угрозы только что раздражаютъ, а пользы вамъ не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться. Я выше упомянулъ, какъ должно стараться познавать ихъ; теперь прибавлю, что опредѣленіемъ людей въ мѣста низшія есть средство испытать, способны ли они къ мѣстамъ высшимъ. Слѣдуйте за ними въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что они дѣлаютъ, приказывайте имъ отдавать вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите ихъ свойство по тому обороту, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу.

9) Поверхностное и съ перваго взгляда сужденіе о людяхъ почти всегда обманчиво. Многіе не такъ кажутся, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть. Одно основательное и не весьма скорое движеніе ума прочно въ заключеніяхъ.

10) Крайне остерегаться надобно пристрастія. Предпочитая недостойнаго предъ достойнѣйшимъ, оскорбляется послѣдній, и соревнованіе уничтожается.

11) Буде случится вамъ быть въ военныхъ дѣйствіяхъ, принимайте совѣтъ людей опытныхъ. Обдумайте оный прежде, нежели рѣшитесь дѣйствовать. Не открывайте намѣреній вашихъ, дабы тайна не подверглась преждевременному разглашенію.

12) Украшайте себя познаніями военными по склонностямъ вашимъ. Подробности службы необходимо нужно знать по опыту; но до извѣстной степени и для того болѣе, чтобы умѣть взыскать оную на подчиненныхъ. Вамъ предстоитъ обширное поле. Учитесь быть искусными полководцами. Сіе званіе требуетъ великихъ познаній, навыку и неоцѣненной довѣренности, которую неминуемо заслужить надобно. Чтеніе лучшихъ военныхъ авторовъ пріуготовитъ васъ въ теоріи, а практика покажетъ вамъ дальнѣйшія познанія на опытѣ.

Быть можетъ, что откровенное начертаніе сіе покажется вашимъ высочествамъ слишкомъ разительнымъ и даже неприличнымъ; но, будучи вамъ преданъ сердцемъ, не могу я не открыть вамъ то, что у меня на сердцѣ. Примите великодушно откровенность мою знакомъ приверженности моей къ государю и отечеству и дайте честь сказать правду вашимъ императорскимъ высочествамъ, милостивымъ государямъ, преданнѣйшему слугѣ.

X.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны королю прусскому Фридриху-Вильгельму, 1816 года.

St.-Pétersbourg, 14 Janvier 1816.

Monsieur mon frère. La satisfaction de Votre Majesté sur l'union de nos enfants qu'elle m'exprime de la manière la plus touchante, par la lettre que son grand-maître de la cour, le baron de Schilden, m'a remise est partagée par moi, avec toute la vivacité de l'amour maternel, qui y dit, Sire, avec l'effusion du sentiment, que le voeu de mon coeur est rempli: le voeu fut formé l'année 9: le souvenir de cette heureuse époque

Библиотека "Руниверс"

me cause des regrets bien vifs qui s'allient même à la joie que me cause la perspective du bonheur de mon fils: l'âme sensible de Votre Majesté comprendra cette réunion de regrets, de peine et de bonheur, j'espère même qu'elle lui donne l'assurance des sentiments que son aimable fille m'inspire, des soins tendres et empressés que je mettrai à captiver son amitié et sa confiance, à veiller à son bonheur, à l'agrément de ses jours avec toute la sollicitude de la tendresse maternelle: le charmant caractère de la jeune princesse, son esprit solide, vrai, la délicatesse de ses sentiments, me font augurer avec sécurité le bonheur de mon fils, le mien; elle s'identifiera à nous et en rendant Nicolas le plus heureux des mortels, elle me rendra la plus heureuse des mères, et me consolera de l'absence de mes filles. Voilà mon attente, Sire, qui vous prouve combien je suis disposée à aimer et chérir la Princesse. Je suis vivement touchée des bontés de Votre Majesté pour Nicolas, qui apprécie comme il doit le faire votre confiance de remettre à ses soins les destinées de la Princesse: il apprécie cet honneur avec toute la chaleur d'un coeur religieux, pur, honnête et loyal, qui est tout entier à sa promise, et qui sent toute la responsabilité attachée à la pensée de devoir faire du bonheur de sa compagne l'étude constante de sa vie. Voilà le sujet favori de nos conversations que nous renouvellons à chaque occasion: la bénédiction divine daignera reposer sur ces deux êtres chéris et leur conserver à tout jamais leurs sentiments, leurs principes, et assurer ainsi la félicité de leurs jours.

Je ne puis assez exprimer à Votre Majesté combien j'ai été sensible à l'envoi de m-r de Schilden, que je savais être si attaché à celle, dont le souvenir est toujours présent à ma pensée. En terminant ces lignes je renouvelle à Votre Majesté l'assurance du plus inébranlable et serieux attachement avec lequel je suis pour la vie

Monsieur mon frère

de Votre Majesté

la bonne soeur et fidèle amie

Marie.

XI.

Записка императрицы Маріи Ѳеодоровны императору Александру по поводу путешествія великаго князя Николая Павловича, 1816 года.

Questions à présenter à la décision de l'Empereur.

Le voyage du G. D. Nicolas peut être envisagé sous deux rapports, celui de voir simplement les localités des pays ou celui d'en acquérir des connaissances statistiques. Si ce dernier but que je crois le plus utile au G. D. rencontre de même les intentions et le suffrage de l'Empereur, sera-t-il permis au G. D. de visiter les dicastères, établisse-

L'Empereur a consenti au contenu de ce point. Nicolas pourra se dire que ce n'est que pour écouter et voir la marche des affaires qu'il visitera les di-

Библиотека "Руниверс"

ments publics avec les principaux employés de la province, lui sera-t-il permis de les questionner pour s'instruire, et l'Empereur agréerait-il que le G. D. tienne un journal précis des objets qu'il aura vu, des renseignements qu'il aura demandé et de ses remarques, pour oser les mettre sous les yeux de l'Empereur à son retour; c'est ce que je crois de plus essentiel pour fixer l'attention du jeune homme sur ce qui est véritablement utile.

Je trace un itinéraire assez étendu embrassant les gouvernements Pétersbourg, Pskof, Smolensk et Kaluga en passant par Mojaisk et Wereja, par le gouvernement de Tula, Orel, Tchernigof, Kiew, Pultawa et Ekaterinoslaw, Kherson, la Tauride, je propose de s'embarquer à Kertch pour passer la mer d'Azof et débarquer à Taganrog, traverser le pays des Cosaques, le gouvernement de Woronège, Tambof, Pensa par Simbirsk à Casan, ou si vu le malheureux état de Casan [1] on veut l'éviter, on pourrait aller par Morchansk à Arsamas à Makariéf, suivre le cours du Wolga par Nijnie Nowgorod, Kostroma, Iaroslaw, Ribinsk et Mologa, de là suivre les communications jusqu'à Witegra faire une course à Petrosavodsk et revenir par Olonetz et Novaja Ladoga à Pétersbourg. Ce voyage fait un peu plus de 8.000 werstes, si on va par Pensa, Simbirsk et Casan, ou quelques centaines de werstes de moins si on évite ce détour. Je suppose sa durée de 4 mois à 4 mois et demi, ce qui fait 136 jours, en comptant 120 werstes par jour, il y aurait 68 jours de voyage et 68 jours de séjour. Je crois donc avoir largement compté en mettant 4 mois et demi pour le voyage. L'Empereur agrée-t-il cet itinéraire, u veut-il y faire quelques changements?

Ne m'arrêtant cependant pas uniquement au plan que j'ai tracé, je prie le comte Kotchubej dont les connaissances de l'intérieur sont si bien connues, de vouloir m'obliger en s'occupant de son côté d'un plan de voyage pour le G. D. Il m'a dit le faire sur une plus petite echelle, en faisant en même temps un aperçu des objets qui méritent fixer l'attention du voyageur. L'Empereur permettra-t-il que, lorsque je recevrai ce plan, je le lui soumette?

J'anticipe le départ du G. D. d'un mois pour lui donner le plaisir d'être à l'anniversaire de ses promesses à Berlin, ainsi je suppose que le départ doit avoir lieu les premiers jours du mois de Mai. Cela rencontre-t-il la volonté de l'Empereur?

castères, le temps étant trop raccourci pour pouvoir se mettre au fait, mais il pourra énoncer par écrit son opinion sur les établissements publics comme gymnase, école, prisons etc.

L'Empereur approuve ce plan de voyage et y ajoute la course de Tcherkask à Kharkof pour retourner de là par Woronège et Tambof d'où Nicolas se dirigera par Morchansk, Arsamas à Makarief pour suivre la course de Wolga jusqu'à Mologa: et puis par les communications jusqu'à Witegra à moins que le temps du voyage ne sera déjà trop avancé; car pour que le G. D. puisse se rendre à Berlin pour le 6 Oct., il faudra partir d'ici à la mi-Sept. Comme il lui faudrait une 15 des jours de repos et de préparation pour ce nouveau voyage, il faudrait que le G. D. fut de retour pour le 30 Août.

L'Empereur a consenti que je lui présente ce plan lorsque je le recevrai.

Le départ sera fixé du 5 au 10 Mai.

[1] Въ 1815 году страшный пожаръ истребилъ значительную часть города Казани.

Библиотека "Руниверс"

Le point essentiel est de faire le choix de l'individu principal qui accompagnera le G. D. et qui influera si essentiellement sur le plus ou moins d'utilité de ce voyage. Je ne cache pas que cette pensée a absorbée toute ma réflexion, car je reconnais ce choix très difficile. Parmi bien des généraux distingués et jouissants de la bienveillance de l'Empereur, je puis nommer entre autres Mrs. de Rajewski et de Wassiltchikof qui réunissent l'assentiment général, mais je sais, qu'ils ont des corps à commander, et j'ignore s'il entrerait dans l'intention de l'Empereur de les en éloigner. Comme le voyage du G. D. Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique, peut-être l'Empereur trouvera-t-il qu'une personne de distinction civile qui aurait la connaissance de l'intérieur serait propre à accompagner mon fils, et sous ce rapport le sénateur Lwof, quoique je ne le connaisse pas personellement se présente à ma pensée comme quelqu'un qui jouit d'une réputation distinguée et qui a réuni tous les suffrages comme gouverneur, ce qui fait préjuger qu'il pourrait être d'une grande utilité dans ce voyage pour le G. D. qui ne durant que 4 mois ne l'éloignera pas trop longtemps des affaires de la maison des enfants trouvés, dans l'espérance que les jours de Mr. Lunin seront conservés aussi longtemps. Je propose en outre de faire accompagner le G. D. par Mr. de Savrassof et Mr. de Glinka tous deux bien faits pour contribuer de leur côté à l'utilité du voyage. Toute la suite ne serait donc composé que de ces trois messieurs et de son chirurgien, quand aux détails je ne m'étends pas à leur sujet dans ce papier, l'Empereur voudra prononcer sur tous ces points.

Le choix de l'Empereur tombe sur M-r de Wassiltchikow et à son défaut sur le général Weliaminof ou Demidof.

L'Empereur approuve le choix de M-r de Savrassof et Glinka.

Lorsque le G. D. sera revenu de sa tournée dans le pays et qu'il entreprendra son voyage à Berlin, la Hollande et l'Angleterre il faudra un nouveau choix pour la personne de marque qui l'accompagnera, et alors il sera de nécessité que ce soit un militaire, mais comme nous avons quelques mois à y penser, je présenterai alors mes idées à l'Empereur.

La réponse de M-r de Wassiltchikof déterminera, si c'est lui ou un autre qui accompagnera Nicolas pour ce nouveau voyage.

L'Empereur permettra-t-il de fournir aux frais du voyage et aux dépenses qu'il exigera de la somme des apanages?

L'Empereur a consenti à ce point.

Ce 15 Avril 1816.

Библиотека "Руниверс"

XII.

Записка императрицы Маріи Ѳеодоровны по поводу путешествія великаго князя Николая Павловича, 1816 года.

Рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны написано: «Copie faite sur mon original donné à mon fils, ce 1 Mai 1816».

Réponses.	Questions à proposer à l'Empereur.
Oui.	1°) L'Empereur permet-il de fixer le départ du Grand-Duc au 9 Mai, Mercredi matin?
Oui.	2°) L'Empereur permet-il à M-r de Koutouzoff de prévenir où il appartient du départ du Grand-Duc pour préparer les chevaux?
Oui.	3°) L'Empereur ayant déjà permis de subvenir aux frais de ce voyage du département des apanages. M. de Savrassoff est-il autorisé de s'adresser à ce sujet à M. de Gourieff, comme aussi au comte de Tolstoy pour les frais de la table?
L'Empereur le fera.	4°) L'Empereur daignerait-il donner ses ordres à l'amiral Greigh pour préparer un bâtiment à Kertch pour la traversée de la mer d'Asoff?
Il doit le faire.	5°) Le Grand-Duc à son arrivée dans les villes de gouvernement doit-il se rendre droit à l'église?
Il faut qu'il s'arrête dans les villes marquées dans l'itinéraire.	6°) Le Grand-Duc doit-il s'arrêter partout où se trouve du militaire ou seulement dans les endroits où il se trouve rassemblé en bataillons ou escadrons?
Où cela sera possible et abandonner ceci au jugement du général Koutouzoff et de Nicolas.	7°) Le Grand-Duc doit-il inviter chez lui le gouverneur, vice-gouverneur et maréchal de la noblesse et le chef du militaire? La cuisine du Grand-Duc ne se compose que d'un seul cuisinier et d'un garçon de cuisine.
Très certainement: comme aussi d'assister et de participer aux bals qu'on lui donnera.	8°) Le Grand-Duc doit-il accepter les invitations qu'on pourrait lui faire?
Très certainement.	9°) Le général Koutouzoff peut-il avertir les gouverneurs des provinces que le Grand-Duc n'a pas le droit d'accepter aucune supplique.
	10°) Comme le retour du Grand-Duc est à attendre du 5 au 10 Août et qu'ainsi qu'il est avancé de plus d'un mois, l'Empereur ne trouverait-il pas utile de profiter de ce surplus de temps pour accélérer le voyage d'Angleterre? En même temps Nicolas jouirait d'autant plus tôt du plaisir de revoir sa promise. Je propose donc, à compter du jour

Библиотека "Руниверс"

du retour de Nicolas de se reposer quinze jours chez nous et d'entreprendre ensuite son voyage à Berlin, d'où après être resté trois semaines, il partirait pour l'Angleterre. L'itinéraire à suivre sera déterminé d'ici à ce temps: naturellement il doit lui donner la satisfaction de revoir ses soeurs en passant pour arriver à Calais, où vu la saison avancée il serait préférable que l'embarquement se fasse. Par cet arrangement il me parait que le départ du Grand-Duc pour ce voyage étant avancé d'un mois, il pourra arriver un mois plus tôt en Angleterre et pourra donner du moins quatre mois à la connaissance de ce pays si intéréssant. Il y serait donc à la fin d'Octobre, au lieu d'y arriver pour la fin de Novembre et y resterait Novembre, Décembre, Janvier, Février; il en repartirait au mois de Mars et serait rendu chez nous à la mi-Avril pour se préparer à la réception de la princesse que nous attendons en Mai.

Approuvé par l'Empereur le 30 Avril 1816.

XIII.

Наставленіе императрицы Маріи Ѳеодоровны великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія по Россіи въ 1816 году.

8 Mai 1816.

Le voyage que vous allez entreprendre, cher Nicoche, occupe toutes mes pensées et toute ma sollicitude maternelle, car quoique heureusement je n'aie pas (avec la bénédiction Divine) à craindre pour votre santé et conservation, elle n'en est pas moins vive, car elle porte sur l'influence que ce voyage aura sur votre bonheur futur, qui dépend si essentiellement de l'opinion que vous donnerez de vous à vos compatriotes. Dites-vous, cher Nicoche, que vous attirerez dans cette occasion toute l'attention publique sur vous. Vous avez un bel enjeu, car jusqu'à ce moment on vous aime d'espérance; on a entendu dire du bien de vous; mais voici l'instant où il faut consolider ce sentiment d'affection: il faut le mériter par votre bonté, votre affabilité qui doit se montrer dans vos manières, dans vos paroles, jusque dans le ton de votre voix, car en l'élevant trop, en la laissant se déployer dans toute sa force, elle acquiert une expression rude, qui ressemble à la brusquerie, ce qu'il faut absolument éviter.

Profitez avec reconnaissance pour l'Empereur de tous les moyens qu'il vous offre pour vous instruire; que toutes vos questions portent ce caractère réfléchi qui vous mène à ce but et faites attention que vos réflexions toujours mesurées, jamais tranchantes, conservent cette nuance de modestie, de retenue qui convient si bien à un jeune homme, surtout lorsque, comme pour vous encore, cher Nicolas, le but du voyage ne porte que sur l'instruction, la connaissance à acquérir de son pays et non pas celui d'une inspection qui exige un jugement plus sevère, toujours déplacé lorsque le devoir ne le com-

Библиотека "Руниверс"

mande pas. Souvenez vous, cher Nicolas, que le voyage que vous faites dans ce moment n'a pas le militaire pour but principal; celui-ci consiste à apprendre à connaître votre patrie, à savoir l'apprécier dans ses détails, à connaître l'état de chaque province que vous parcourrez, ses ressources, ses manques, le moyen de les soulager; à voir tous les établissements utiles sous le rapport de la bienfaisance, de la science, les fabriques etc. Voilà, cher Nicolas, ce qui doit occuper votre esprit et toutes vos facultés, car vous devez rassembler pour la vie un fond de connaissances qui vous mettra un jour à même de bien servir l'Empereur, ainsi donc de vous rendre utile à votre patrie. Les connaissances militaires que vous acquérrez dans ce voyage ne sont à envisager que comme un accessoire utile, mais non pas devant l'emporter sur le principal. Jouissez et profitez aussi de celui-là; mais ne donnez pas à penser qu'il vous intéresse plus que le véritable, celui d'acquérir la connaissance de votre pays dans tous ses rapports, administratifs, commerciaux et d'industrie. Donnez tous vos soins, cher Nicolas, à la rédaction de votre journal. Dites-vous en vous occupant que c'est sur sa lecture et sur l'exposé de votre manière de voir, de juger, de sentir, d'apprécier, de présenter les objets, que l'Empereur, dis-je, basera l'opinion qu'il doit prendre de vous et fondera ses espérances sur votre utilité future. Que cette réflexion vous électrise, cher Nicoche, qu'elle vous fasse redoubler d'efforts, de moyens, de sollicitude pour votre travail. Combien même vous vous préparez à vous-même de jouissances, lorsqu'à un âge plus avancé vous pourrez le relire avec contentement et y puiser même quelques aperçus utiles à l'acquit de vos devoirs. Enfin, cher Nicoche, surveillez vous dans tous les moments de la journée, portez votre attention sur tout ce qui peut vous captiver l'estime de vos compatriotes. Dites-vous, que pour ainsi dire de province en province, de ville à ville, vous serez jugé. L'opinion sur vous se basera, et si comme je l'espère, l'impression que vous laisserez partout vous sera favorable, le voyage vous vaudra l'estime de vos compatriotes et c'est à la mériter constamment que doit tendre toujours et toujours le soin de votre vie entière. Je suis persuadée, cher Nicoche, que vous trouverez plaisir à consulter le général Koutouzoff (dont vous appréciez si bien le mérite) dans tous les cas douteux et que vous recevrez constamment ses avis avec reconnaissance et déférence. Vous connaissez de même le tendre intérêt que vous portent M. M. de Savrassoff et de Glinka, leur zèle éprouvé depuis tant d'années; ainsi je ne mets pas en doute les égards que vous témoignerez à leurs conseils.

Je ne prolonge pas ma lettre, cher Nicoche, à votre âge, mon bon ami, le coeur et l'esprit saisissent vite et bien les conseils émanés de la tendresse maternelle. Je termine donc ces lignes, en vous demandant et conjurant, cher et bien aimé Nicoche, de remplir ma juste attente et de me donner le bonheur de vous revoir plus digne encore de ma tendresse, pouvant me dire avec vérité: Maman, je suis content de moi-même, ainsi vous pouvez l'être. Alors mes voeux seront accomplis et je vous serrerai contre mon coeur avec toute la tendresse que je vous porte. Adieu, cher et bon Nicoche, que Dieu vous conserve; soignez votre santé, et dites-vous que dans tous les instants de ma vie je vous renouvelle toutes, toutes mes bénédictions.

Je vous embrasse de tout mon coeur

Marie.

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Инструкція императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову, 1816 года.

Monsieur le général de Koutouzoff. Appelé par la confiance de l'Empereur et la mienne à la mission d'accompagner mon très cher fils le Grand-Duc Nicolas, dans la tournée qu'il va faire en Russie, vous m'avez parlé avec tant de sensibilité des obligations que cette confiance vous impose sous tous les rapports, que je me crois autoriser à vous tracer une esquisse de mes réflexions sur ce sujet important, d'en fixer sur le papier les principales et d'arrêter ainsi le plan que vous vous êtes sans doute déjà tracé vous-même, tant pour la partie morale que la partie matérielle du voyage. Le premier objet qui se présente à la pensée sous le rapport moral est le but que l'on doit se proposer en faisant voyager dans sa patrie un jeune prince de l'âge du Grand-Duc Nicolas. Il ne s'agit pas de satisfaire une vaine curiosité, ni par conséquent de voir en courant beaucoup de pays, des nouveaux objets et usages, de beaux sites, mais de s'instruire en apprenant à connaître sa patrie sous les rapports qui intéressent le plus sa prospérité et de former son jugement sur des objets aussi essentiels. C'est donc dans ce sens qu'il faut venir au secours du Grand-Duc et l'aider à diriger son attention principalement sur les notions qui peuvent lui faire connaître l'état de chaque province, lui faire faire des comparaisons de l'une à l'autre, pour voir les divers degrés de prospérité, le plus ou moins de facilités ou d'entraves qui trouve l'action du gouvernement sous ce rapport, la cause de cette différence. Le Grand-Duc verra d'après la permission de l'Empereur les dicastères et les établissements publics, tels qu'université, école, hopitaux, prisons, hospices, et remarquera leur état, mais en s'entretenant avec les principaux employés des provinces pour recueillir les renseignements qui peuvent lui être utiles, l'intention de s'instruire doit seule se faire remarquer sans être égaré par le désir de juger, de prononcer et surtout de censurer, auquel la jeunesse se laisse aller quelquefois trop facilement.

Le Grand-Duc tiendra un journal exact de ce qu'il aura vu dans la journée, de renseignements intéressants qu'il aura recueilli, des observations qu'il aura faites et des réflexions que tout cela lui aura suggéré. Avoir soin que ce journal soit continué avec exactitude, rédigé avec sagesse et

Approuvé par mon fils ce dimanche 30 Avril 1816.

Copié et envoyé à M-r de Koutouzoff le 8 Mai 1816.

Библиотека "Руниверс"

mesuré pour pouvoir être présenté à l'Empereur au retour du Grand-Duc, voila ce qui fera aussi un objet de votre sollicitude, auquel je vous prie de donner une attention particulière, en fixant surtout l'attention de mon fils sur cette occupation, d'autant plus que ce journal sera pour ainsi dire un certificat donné par le Grand-Duc lui-même du fruit qu'il aura retiré de ce voyage. Toute la conduite, le ton, les manières, les questions, les entretiens et réflexions, tout doit montrer dans le Grand-Duc non le frère de l'Empereur qui serait chargé d'une inspection, mais un jeune prince qui ne désire que de s'instruire. Il est essentiel de même que le Grand-Duc s'observe soigneusement pour que la haine qu'il éprouve contre toute géhenne ne donne prise à des observations désavantageuses. En donnant toute votre attention à ce que j'ai appelé plus haut la partie morale du voyage, vous l'apporterez, mon général, avec le même zèle, j'en suis sûre, aussi sur les parties matérielles et physiques, en y veillant par des courses trop prolongées ou trop fatiguantes dans les chaleurs, ou bien des voyages de nuit dans les contrées où ils sont pernicieux, n'altèrent la santé de mon fils, qu'en visitant les hopitaux et autres établissements de ce genre, l'intérêt qu'ils lui inspireront ne l'expose pas au danger de quelque contagion si funeste à son âge.

En vous retraçant ainsi rapidement et en raccourci mes réflexions, je me dis que vous les avez certainement fait vous-même au sujet du voyage projeté, et même j'ai la conviction intime que vous les développerez de plus en plus, à mesure que le besoin de les mettre en pratique se présenera et selon que l'esprit juste et éclairé, un coeur droit et animé de zèle et de dévouement pour la famille de votre souverain appuyé sur l'expérience vous les suggérera, afin de rendre ce voyage aussi utile au Grand-Duc qu'il est susceptible de le devenir, sans que les occasions qui s'offriront d'elle-même sous le rapport militaire soit par le local, soit par le souvenir des grands événements de l'année 1812, en satisfaisant au goût naturel, à l'âge et à l'état du jeune voyageur puissent tourner au détriment de l'objet qui forme le but principal du voyage, celui de la connaissance de la patrie.

C'est avec cette espérance et avec le sentiment de la plus parfaite estime que je suis etc.

Библиотека "Руниверс"

XV.

Записка императрицы по случаю путешествія великаго князя Николая Павловича за границу въ 1816 году.

L'original est donné à mon fils.

L'arrivée du Grand-Duc Nicolas de son voyage actuel et son départ pour Berlin et l'Angleterre ayant lieu pendant l'absence de l'Empereur, il était essentiel de fixer dès à présent tout ce qui a rapport à ce second voyage et il a été arrêté ce qui suit:

1. L'Empereur a consenti que le général Koutouzoff accompagne, s'il le peut, le Grand-Duc dans ce nouveau voyage, ainsi que M. M. de Savrassoff et de Glinka, et considérant qu'aucun de ces messieurs ne connaît l'Angleterre, il a permis de leur adjoindre le baron de Nicolay, qui ayant longtemps séjourné et beaucoup voyagé dans ce pays, en a une connaissance exacte. Il a donc été arrêté d'envoyer un courrier au général Koutouzoff pour savoir ses dispositions relativement à ce nouveau voyage et dans le cas, où il n'y accompagnerait pas le Grand-Duc, on prendra d'autres arrangements.

2. L'Empereur accorde à M. M. de Savrassoff et Glinka leurs gages en argent pour tout le temps qu'ils seront hors du pays.

3. Les sommes qu'exigeront les dépenses indispensables du voyage, de la table, de l'entretien du Grand-Duc et de toute sa suite, ainsi que ses dépenses personnelles, étant trop considérables pour pouvoir être fournies de ce que reçoit le Grand-Duc vu la longue durée du voyage et le séjour extrêmement dispendieux en Angleterre, l'Empereur a permis de s'aboucher avec M. M. de Gourieff et le comte Tolstoy, afin que les sommes nécessaires soient fournies par le département des apanages et du comptoir de la cour, que tous les détails relatifs à ces objets soient réglés et déterminés et que dans le cas où les sommes fixées deviendraient insuffisantes, celui qui accompagnera le Grand-Duc, en premier, puisse de concert avec le comte de Lieven et par son canal faire les démarches nécessaires pour y suppléer. Il sera donc adressé des lettres à M. M. de Gourieff et le comte de Tolstoy, concernant les mesures à prendre pour ces dépenses.

4. L'Empereur accorde pour les dépenses personnelles du Grand-Duc la somme de cent mille roubles, que M-r de Gourieff passera des apanages.

Lu et approuvé par l'Empereur ce 5 Août au Palais Taurique.

Ce 5 Août 1816. Marie.

Библиотека "Руниверс"

5. En considérant que l'arrivée du Grand-Duc à Pétersbourg, retardée par son séjour à Moscou, ne pourra guère avoir lieu que dans les derniers jours d'Août, qu'il ne pourra donc partir pour Berlin que le 10 Septembre et y arriver le 20, qu'y restant trois semaines il ne pourra repartir que du 10 au 12 Octobre, que la saison sera déjà bien avancée et que si le Grand-Duc s'arrête encore en Allemagne et à Bruxelles, son arrivée en Angleterre sera bien retardée et son séjour dans ce pays de beaucoup raccourci, il a été convenu avec l'Empereur, pour abréger la route, que le Grand-Duc se rendra de Berlin à Weimar, prendra de là le chemin le plus droit pour se rendre soit à la Haye, soit à Bruxelles et après un court séjour auprès de sa soeur, il ira au port le plus commode dans cette saison pour faire le trajet, soit à Ostende ou Dunkerque ou même à Calais pour abréger la traversée, vu la mauvaise saison. Il disposera son voyage de manière à être rendu en Angleterre à la fin d'Octobre ou tout au plus tard au commencement de Novembre.

6. Il a été arrêté de même qu'à l'arrivée du Grand-Duc à Londres, on dressera le plan de sa tournée par l'Angleterre et l'Ecosse et on déterminera s'il doit faire son principal séjour à Londres avant de commencer la tournée ou après l'avoir achevée. Il doit repartir d'Angleterre au commencement de Mars.

7. D'après le plan arrêté avec l'Empereur, le Grand-Duc se rendra d'Angleterre à Bruxelles ou à la Haye, selon que sa soeur se trouvera à l'un ou à l'autre des ces endroits. Après y avoir passé quelques jours avec elle, il prendra, soit par la Hollande à Dusseldorff et Cologne, soit par le Belgique à Aix-la-Chapelle et Cologne, le long du Rhin à Mayence et puis à Francfort sur le Mayn pour se rendre à Stuttgart. De là il fera un petit détour pour voir Cassel et se rendre ensuite par Weimar et Magdebourg à Berlin, où il se trouvera vers la fin de Mars; après y avoir passé une huitaine de jours, il arrivera vers la mi-Avril à Pétersbourg, afin d'avoir le temps nécessaire pour tous les préparatifs et arrangements que doivent précéder l'arrivée de la Princesse Charlotte.

8. L'Empereur permet que le chirurgien Criehton accompagne le Grand-Duc.

9. L'Empereur permet d'avertir M-r de Moukhanoff pour préparer les équipages du Grand-Duc.

10. L'Empereur permet de même d'écrire au comte de Lieven, afin qu'il ait soin de loger le Grand-Duc de la manière qu'il jugera la meilleure.

Библиотека "Руниверс"

11. Le Grand-Duc consultera le comte de Lieven sur les relations avec le Prince Régent et la cour et se réglera d'après ses avis.

12. Le Grand-Duc consultera de même le comte de Lieven sur les invitations qui lui seront faites pour les dîners, en observant que moins il perdra de temps à ces dîners et mieux cela sera pour l'emploi du temps du Grand-Duc.

13. L'Empereur trouve qu'il n'est pas nécessaire de garder toujours l'incognito qu'on peut le prendre quand on veut pour éviter des cérémonies et dans le cas le Grand-Duc prendra le nom de comte de Romanoff.

XVI.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны графу Ливену, въ Лондонъ, 1816 года.

1.

5 Août 1816.

Monsieur le comte. Mon très cher fils, le Grand-Duc Nicolas, n'ayant pas eu l'occasion pendant son premier voyage de voir l'Angleterre, qui sous tant de rapports attire et mérite l'attention et l'intérêt du voyageur, il va maintenant se mettre en route pour vous arriver. Faisant des séjours à Berlin, Weimar et la Haye ou Bruxelles, il ne sera rendu en Angleterre qu'à la fin d'Octobre ou au commencement de Novembre et après avoir employé quatre mois pour son séjour à Londres et sa tournée par l'Angleterre et l'Ecosse, il reprendra au commencement de Mars le chemin du continent. Je vous en informe du consentement de l'Empereur, mon très cher fils, pour reclamer votre zèle et votre complaisance, dont le Grand-Duc aura grand besoin pendant son séjour en Angleterre; mais pour le moment je vous les demande particulièrement par rapport à son logement à Londres. De concert avec l'Empereur, je m'en remets entièrement à votre choix et jugement, et vous prie de lui en préparer de la manière que vous trouverez le plus convenable, en consultant votre connaissance locale et la conciliant avec notre devise: la simplicité. Vous trouverez ci-joint une note de toutes les personnes qui accompagnent mon fils et voudrez bien être persuadé de la confiance parfaite avec laquelle je m'en repose sur vos soins, ainsi que des sentimens d'estime et de bienveillance avec lesquels je suis

Votre affectionnée

Marie.

Au Palais Taurique.
Ce 5 Août 1816.

Библиотека "Руниверс"

2.

Gatchina, ce 21 Septembre 1816.

Monsieur le comte. Ces lignes vous seront remises par mon très cher fils, le Grand-Duc Nicolas, pour lequel je reclame votre zèle et vos soins avec cette confiance que m'inspire la certitude de ne pouvoir le désirer en des meilleures mains pour tous les conseils, avis et directions dont il aura besoin pendant son séjour en Angleterre. Le temps qu'il doit y passer tant pour séjourner à Londres que pour faire une tournée par l'Angleterre et l'Ecosse étant limité à quatre mois, il s'agit de rendre ce court espace de temps aussi utile au Grand-Duc et aussi conforme au but du voyage, uniquement consacré à l'instruction, qu'il est possible de le faire. Son instruction, dont je joins un extrait, lui prescrit de vous consulter sur les relations avec la cour et le Prince Régent sur les invitations qui pourront lui être faites et sur son séjour à Londres, s'il doit précéder la tournée par le pays, ou si le Grand-Duc doit s'y arrêter, après avoir parcouru la Grande-Bretagne, ce que l'on croit préférable. Je suis persuadée qu'il recevra de vous les meilleurs conseils relativement à ce qu'il aura à observer envers la cour et le Régent et qu'en combinant ce qu'exige du Grand-Duc la stricte convenance avec la connaissance que vous avez des circonstances locales et des habitudes, ainsi qu'avec l'utilité pour mon fils, vous le dirigerez dans ces cas avec le zèle et l'intérêt que vous inspirera votre dévouement pour le frère de l'Empereur et mon fils. Tant à l'égard des invitations qui lui seront peut-être faites, qu'en général de son séjour à Londres, ayant toujours devant les yeux l'emploi le plus utile de son temps, qu'on ne saurait assez économiser, vous l'aiderez à éviter non-seulement autant que possible la perte de ce temps précieux par les dîners et les grandes réunions que cependant on ne peut, ni ne doit décliner entièrement; mais encore tout ce qui pourrait d'une manière plus ou moins déguisée attaquer le moral du Grand-Duc, dans une ville où la perversité est si grande et si hardie. Pour procéder avec plus de méthode tant pour la tournée par l'Angleterre et l'Ecosse que pour le séjour dans la capitale, le premier travail à faire dès l'arrivée du Grand-Duc, sera de dresser un plan raisonné, qui servira de guide pour son voyage dans les provinces, et les visites qu'il y fera, ainsi qu'à Londres et dans ses environs aux établissements de tout genre les plus remarquables et les plus dignes d'attention. Celle de mon fils ne devant pas se borner à un seul genre d'objets, mais s'étendra autant que possible sur tout ce qui intéresse l'humanité, est d'une utilité générale, ou peint le caractère et les progrès particuliers d'une nation et le degré de culture dont elle jouit sous tous les rapports; c'est d'après ces vues que sera dressé le plan de voyage et il indiquera tant les établissements qui tiennent à l'administration civile, tels que le Parlement, dont les séances ne sauraient qu'intéresser le Grand-Duc, les tribunaux, les prisons, les maisons de correction etc., qu'à la partie militaire et marine, comme les arsenaux, ports, magasins, casernes, ateliers du gouvernement pour les besoins de l'armée et de la flotte, ou bien qui regardent les sciences et les arts, comme les universités, les musées, collections, manufactures, fabriques etc. ou enfin les provinces et les campagnes qui se distinguent par leur beauté et leur culture, les canaux et autres travaux publics, qui montrent la richesse et la prospérité d'un pays. La connaissance des personnages les plus distingués dans les sciences, les arts et même les lettres, autant que cela peut s'allier avec le temps dont le Grand-Duc peut disposer,

Библиотека "Руниверс"

est un objet qui trouvera, j'en suis sûre, aussi sa place dans le plan à dresser et sous tous ces divers rapports vos conseils et vos directions seront de la plus grande utilité, de même que votre coopération dans les besoins pécuniers, en cas qu'il fut nécessaire de tirer de nouveaux fonds de Russie à l'expiration du crédit fourni au Grand-Duc, ce qui toute fois n'est pas probable vu l'étendue de ce crédit. Aussi je compte sur vous avec une confiance aveugle, suffisamment motivée par la connaissance que j'ai de votre zèle, de votre jugement, de vos connaissances locales et de votre empressement à vous rendre utile à mon fils, à mériter ma reconnaissance et l'approbation de l'Empereur. Ce sera une véritable jouissance pour moi que de trouver dans les services que vous rendrez à mon fils, un nouveau titre pour vous aux sentiments que je vous ai déjà voués et dont je me plais à vous renouveller l'expression, étant avec une estime et bienveillance sincères.

Votre affectionnée

Marie.

Vous voyez, mon bon comte Lieven, que je compte en plein sur votre zèle et votre attachement. Je me flatte, que vous trouverez dans ma confiance l'assurance la plus positive de mon estime.

XVII.

Записка графа Нессельроде великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія за границу въ 1816 году.

Mémoire destiné à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Nicolas à l'occasion de son voyage dans les pays étrangers.

Varsovie,
le 10 Septembre
1816.

Chaque pays est un monde. L'homme y passe. Une foule d'objets innombrables animés et inanimés, vivants et morts, mourants et renaissants, réels et factices, l'environnent. Sa pensée leur donne un mouvement rapide, une grande étendue et des relations très compliquées qui embrassent le passé, le présent et l'avenir.

L'attention de l'observateur le plus exercé en les contemplant en est absorbée très infructueusement, si des précautions bien calculées ne la dirigent invariablement dans sa marche.

Ces précautions se rapportent d'abord à l'observateur lui-même. Elles ont trait en second lieu aux objets qu'il observe et à la manière de les observer.

C'est en suivant cette division, qu'on tâchera de remplir le but, qu'on se propose d'atteindre par ce mémoire.

Библиотека "Руниверс"

De l'observateur.

Arrivés à l'âge de maturité la nourriture de notre esprit et de notre coeur ne résulte essentiellement que du retour constant que nous faisons sur nous-mêmes soit en passant en revue nos pensées, soit en descendant souvent jusqu'au fond de notre conscience. Toute nouvelle notion n'est alors que le développement d'une connaissance déjà acquise antérieurement. Toute direction ou force nouvelle de nos affections n'est qu'une nouvelle expérience que nous faisons de nos propres sentiments.

Ses nouveaux objets qui tombent sous nos yeux ne sont donc, sous le rapport de l'instruction morale et intellectuelle, que des occasions au moyen desquelles nous nous étudions nous-mêmes, en apprenant véritablement ce que nous ignorions, et en sentant purement et profondément ce que nous devons à nous-mêmes et à nos semblables.

Cette vérité dont l'application indique toutes les précautions qui se rapportent à l'observateur, n'est que trop connue des hommes les plus habitués, ou les plus intéressés à se faire illusion, ou à faire illusion sur la nature des choses.

L'observateur en fournissant sa carrière dans des pays étrangers est conséquemment exposé à deux dangers.

A celui de ne point assez s'écouter et se sentir lui-même, et à celui de trop écouter et de trop sentir à la manière d'autrui.

Du premier danger.

Un Prince moins que tout autre homme a le temps de s'isoler et de se livrer aux épreuves de la méditation. Un jeune Prince moins encore.

Cependant sans faire souvent ces épreuves, les idées ne se coordonnent point. Leur absence ne se fait point apercevoir. Le besoin de les acquérir ne se laisse point sentir, comme un besoin de la première nécessité.

L'entendement d'un jeune Prince est le plus souvent meublé et même trop enrichi des connaissances empruntées à l'éducation littéraire et scientifique.

Assujetti, pour ainsi dire, à leur poids accablant, son esprit n'ose point les combiner, en s'élevant aux domaines supérieurs de l'invention. Il n'ose pas le faire parcequ'une nécessité extérieure ne lui en a point imposé le devoir, ni fait sentir vivement le besoin. Trop d'hommes habiles et instruits entourent le jeune Prince.

De là il résulte qu'il ne peut avoir autant qu'un jeune homme appartenant à tout autre classe, la juste mesure de ses forces intellectuelles, ni assez la conscience de ses propres sentiments.

Il est néanmoins plus que tout autre homme appelé à voir et à juger des choses, et à faire apprécier le jugement qu'il en porte.

De cette situation dérive la nécessité involontaire dans laquelle il se trouve ou de se référer habituellement à l'opinion de ses instituteurs, toutes les fois que de nouveaux objets fixent son attention, ou de les laisser passer sans y faire attention, pour ne point recourir sans cesse à ces secours importuns.

C'est là peut être le principe de cette méfiance, que les Princes ont quelquefois de leur propre aptitude aux conceptions et au travail, et de celle aussi que doivent néces-

Библиотека "Руниверс"

sairement leur inspirer les hommes qu'ils jugent les plus capables et les plus excercés au maniement de la pensée, de la parole et de la plume.

Pour acquérir donc une confiance juste et modérée dans ses propres-moyens, un jeune Prince semble devoir se familiariser de bonne heure avec les connaissances qu'il possède, avec les sentiments dont il est pénétré.

C'est par un acte sévère de sa volonté qu'il passera en revue habituellement ses propres conceptions, en remontant, par des transitions spontanées, à celles mêmes qui constituent les rêves bizarres de la première enfance.

En associant à cette revue des connaissances, celle des sentiments intérieurs qui sont gravés au fond du coeur, il se jugera journellement sous les rapports plus essentiels encore de ses actions, de leur intention et de leur moralité.

Renforcé ainsi de tous ces secours intellectuels, accompagné des souvenirs les plus chers, qui rattachent la vie entière, au berceau, à la famille et à la patrie, ce Prince pourra se sentir, et ne sentir que soi, toutes les fois que de nouveaux objets lui fourniront l'occasion de développer ses connaissances et de former son coeur à l'école d'une véritable expérience.

Du second danger.

Placé dans cette attitude un jeune Prince ne se laissera point séduire par défaut de confiance en lui-même.

Mais il peut l'être par trop de confiance dans la politique étrangère qui tâchera de lui faire envisager toute chose sous les couleurs les plus favorables à ses propres intérêts.

Elle flattera à cet effet l'amour propre du jeune Prince en lui prêtant à chaque occurence, les idées et les opinions, qu'il n'a pas eu ni le loisir, ni l'occasion de former. En lui persuadant, qu'elles lui appartiennent en toute propriété, il n'est point difficile de les lui faire adopter.

On aime en général à jouir de préférence d'une fortune dont on se trouve inopinément le maître.

C'est en touchant sur des tons variés cette seule et unique corde, qu'une politique astucieuse s'empare à l'homme qui porte sans précaution ses premiers pas dans la carrière de la vie civile et publique.

Le moyen de se garantir de ce danger est un: être constamment et à chaque occasion de bonne foi avec soi-même. Si nous avons la connaissance la plus juste et la plus familière de nos propres moyens, et une confiance entière dans notre aptitude à en acquérir, il est impossible d'en emprunter d'étrangers, sans nous en apercevoir, ou de le faire volontairement sans nous l'avouer.

Dès lors nous jugeons des choses par nous-mêmes, l'opinion d'autrui, au lieu de devenir la nôtre. à notre insu, nous aide à rectifier celle qui nous appartient, et qui est le résultat de notre application.

Des objets à observer et de la manière de les observer.

Dès que le Prince voyageur aura la conviction intime des principes indiqués ci-dessus, ainsi que l'usage des précautions qu'ils suggèrent, il lui sera très facile de voir tous les objets qui intéressent son attention, dans leur ordre le plus naturel et sous le point de vue le plus juste.

Библиотека "Руниверс"

Plutôt que de tracer ici la division et la subdivision de ces objets, on se bornera à établir une règle générale de laquelle dépend toute règle partielle à cet égard.

Tous les pays se ressemblent sous des rapports généraux. L'homme est partout le même. Partout il y a une classe nombreuse obéissante, et un ordre moins nombreux qui gouverne.

Nous avons la connaissance de notre patrie ou bien de notre imagination et de nos connaissances historiques. C'est toujours en comparant les idées qu'on a, avec celles qu'on se propose d'acquérir, que l'on procède à l'examen des choses qu'on observe, et qu'on en forme un jugement.

Mais des idées générales ne peuvent point se comparer à des idées particulières. Et c'est assurément du peu d'attention qu'on met à cette importante distinction, que dérivent toutes les erreurs et toutes les fausses opinions en fait de législation et de politique.

Pour étudier utilement un pays dans ses rapports intérieurs et extérieurs, on ne doit point le comparer à un autre pays idéal.

Il faut de toute nécessité le comparer à lui-même. Il en est d'un pays ou d'une nation comme d'un homme. On juge arbitrairement de l'homme, en le comparant à la hâte avec son semblable. On le scrute par contre jusqu'aux replis du coeur, lorsqu'on le juge d'après ses actions..... c'est-à-dire, lorsqu'on le compare constamment à lui-même.

Pour juger donc des moeurs, des lois, de l'administration et de la politique d'un pays, il faut comparer la situation actuelle de ce pays à son histoire.

Cette règle générale embrasse toutes celles que le Prince voyageur s'imposera de son propre mouvement à l'effet de bien voir et de bien juger des choses.

Il s'en suit qu'il s'occupera de préférence, durant ses voyages, de la lecture des aperçus qui renouvellent dans sa mémoire les notions historiques qu'elle possède.

Ayant sous les yeux l'histoire du pays qu'on visite indépendamment des grands avantages qu'on vient d'indiquer, le voyageur recueillera celui de devenir éminemment agréable aux hommes les plus noblement dévoués à l'honneur et à la gloire de leur patrie. Il leur parlera familièrement et facilement le langage qui est le plus fait pour relever ces sentiments.

On ajoutera ici un aperçu sur l'origine des institutions politiques de l'Angleterre. Il est le résultat de la manière de voir, qui est la plus conforme aux principes qu'on a tâché de consigner brièvement dans ce mémoire.

Plutôt que de juger de l'Angleterre sous ce rapport en comparant cette nation aux autres nations de l'Europe, on en juge en la comparant à elle-même.

Origine des institutions politiques de l'Angleterre.

L'Angleterre est de tous les Etats de l'Europe celui qui constate le plus évidemment aux yeux de l'observateur cette vérité importante et si obstinément méconnue, savoir, que les institutions sociales ne sont jamais le résultat de la seule volonté de l'homme, mais au contraire le fruit du temps, des évènements, c'est-à-dire de la nature des choses.

Le progrès de ces institutions dont la Grande Bretagne s'enorgueillit maintenant à si juste titre, a été d'une lenteur vraiment extraordinaire. Non-seulement aucun individu

Библиотека "Руниверс"

ne peut être cité pour avoir posé la première pierre de cet antique édifice, mais même il serait difficile d'assigner au juste l'époque, à laquelle la première impulsion fut donnée.

En consultant les annales de ce pays qui doit tout à sa situation géographique, la première trace historique que l'on puisse découvrir d'une tendance nationale vers un système de liberté, c'est incontestablement la concession de la Grande Charte par Jean-sans-terre.

Cet acte passé entre le souverain du pays et les diverses classes d'habitants, en 1215, c'est à dire il y a six cents ans, ne fut nullement un pacte prémédité entre le gouvernement et le peuple.

Il ne présente encore que des concessions portant sur de simples privilèges partiels, et qui ne furent motivées que par des circonstances désastreuses, personnelles au roi.

Ce point de départ devenu si important depuis, par ses conséquences éloignées, n'offrait alors aucun présage de combinaisons plus générales.

C'était un germe, dans lequel personne ne soupçonnait encore la source imperceptible d'une immense végétation.

Peut on de bonne foi attribuer à ce fait isolé l'origine de la constitution anglaise? Les concessions obtenues en 1215, n'étaient-elles pas depuis longtemps l'objet des voeux et des tentatives des grands barons et du peuple? Le mélange de la race saxonne aux indigènes bretons, et par conséquent le souvenir des libertés germaniques, l'isolement du pays si propre à diriger l'activité de la nation vers son intérieur, la certitude de pouvoir se diviser impunément, enfin l'ascendant des croisades sur l'esprit du temps, qui était alors dans toute l'Europe un moyen irrésistible d'affranchissement et de liberté, toutes ces causes ne doivent-elles pas être considérées, comme autant d'éléments de la constitution auglaise, comme autant de conditions nécessaires, sans lesquelles la volonté des hommes n'eut jamais pu produire rien de semblable.

Après avoir donné à cette vérité de fait toute l'application dont elle est susceptible, l'observateur étudiera avec fruit toutes les variations, que la marche de l'esprit public a subies en Angleterre pendant une longue suite de siècles. Il ne sera pas étonné de voir tous les efforts vers la liberté interrompus pendant de longs intervales.

La lutte formidable entre les maisons de York et de Lancaster, qui déchira pendant si longtemps l'Angleterre, ne se termina que par l'affermissement du pouvoir absolu, qui dégénéra bientôt en despotisme.

L'intérêt national fut comprimé; on s'éloigna du but, mais la nature des choses ne peut être transformée, et le sceptre de fer de Henry VII, Henry VIII et Elisabeth, qui s'étendit même jusque sur les consciences, ne réussit jamais à détruire les germes de liberté que renfermait le sol de la Grande-Bretagne.

Quel acte de la volonté humaine plus absolu que celui de faire abjurer instantanément son culte à tout un peuple?

Quel est l'observateur contemporain, qui n'ait vu dans cette métamorphose inouïe l'affermissement à perpétuité du despotisme en Angleterre? Cependant, c'est là ce qui a préparé et déterminé la renaissance des formes constitutionnelles.

La reformation en rattachant l'Angleterre à l'esprit du temps réveilla tous les besoins, toutes les inclinations nationales, et prononça d'avance l'arrêt de proscription de la maison des Stuarts. Mais encore, par combien d'épreuves a-t-il fallu passer pour atteindre ce but!

Библиотека "Руниверс"

Lors même que les évènements eurent porté les choses à leur point de maturité, on se garda de créer de nouvelles institutions.

On se borna à supprimer celles qui étaient d'une date postérieure, telles que la Chambre étoilée et les commissions arbitraires parce qu'elles avaient transformé la prérogative royale en pouvoir absolu.

On reprit les communes là où les avaient laissées la Grande Charte et l'on aima mieux se soumettre à quelques inconvénients secondaires, que d'ouvrir la voie à des dangereuses innovations.

C'est de ce mélange d'usages antiques et de formes nouvelles que se composent les institutions anglaises.

L'observateur, en les étudiant avec attention, découvrira dans ces incohérences mêmes le secret de leur solidité.

Personne n'a fait la constitution anglaise, et personne n'y touche. C'est du conflit soutenu et modéré entre l'esprit du gouvernement et celui de la nation qu'est resulté ce bel édifice. Il peut être comparé à une digue élevée au confluent de deux fleuves, qui l'ont consolidée par leurs alluvions.

On ne saurait donc se défendre de payer un juste tribut d'admiration à ce phénomène de l'existence sociale et politique. Mais il serait dangereux de tomber, en l'admirant, dans une erreur si commune de nos jours: je veux dire la persuasion, qu'il est possible d'adopter ces mêmes formes à d'autres peuples et à d'autres états. Ce serait oublier, que le grand développement des institutions anglaises n'est dû qu'à l'isolement de ce pays. Sans cette circonstance il est hors de doute, que les grandes secousses que l'Angleterre a subies, auraient menacé plus d'une fois son indépendance nationale et politique. D'ailleurs l'enchaînement des causes naturelles et des effets nécessaires est la seule garantie de la durée d'une institution.

Or vouloir emprunter des formes étrangères, pour constituer un peuple quelconque, c'est substituer l'ascendant accidentel de la volonté à une série entière de causes souvent immémoriales, et s'efforcer d'en imiter les effets. On n'aura donc jamais que la lettre d'une constitution, et non son esprit.

Mais il y a plus. Non-seulement les formes d'une constitution ne sont point applicables à d'autres états: souvent même les principes sur lesquels elle se fonde, et qui cependant sont d'une vérité générale, ne sauraient être adoptés sans des mesures préparatoires et mûrement combinées. Par exemple, le principe qui établit, que tout citoyen doit être jugé par ses pairs, est d'une vérité et d'une justice universelle. Cependant que de soins ne faut-il pas pour amener toutes les classes au point de pouvoir exercer avec fruit cette juridiction honorable. Il en est de même du droit de se taxer, d'examiner la conduite des ministres de l'état, et autres prérogatives de cette nature.

La composition du parlement décèle la tendance mercantile et industrieuse du peuple anglais. La classe agricole n'y a point de représentants distincts, comme en Suède et dans quelques parties de l'Allemagne. Les villes et bourgs représentent la nation. Il serait peut-être très dangereux d'altérer cette nuance soit en Suède, soit en Angleterre. Les abstractions éloigneraient du but, tout en consultant la justice. La noblesse anglaise ne déroge point en faisant le commerce, parce que le gouvernement lui-même n'est que le premier et le plus riche spéculateur. Sous des auspices différents, cette même loi serait ailleurs très pernicieuse, soit parce qu'elle dénaturerait la destination de la noblesse, soit

Библиотека "Руниверс"

enfin parce qu'elle ne réserverait aucun moyen de bien être aux classes, qui ne possèdent point les grandes proprietés foncières.

Il en est de même de toutes les particularités, qui composent le système de gouvernement qui a prévalu en Angleterre. Plus on les étudie et plus on se persuade, que le tout n'est point l'ouvrage de la volonté des hommes: que les bases de cette constitution sont la vie domestique, les mœurs et les souvenirs du peuple anglais, préservés de toute atteinte par les mers qui environnent sa terre natale: enfin que leurs institutions ne méritent d'être contemplées de près que pour exercer l'esprit de l'observateur à la réflexion et non comme un répertoire de formes constitutionnelles, où l'on puisse emprunter les dimensions d'un nouvel édifice, sous tout autre ciel et dans tout autre climat.

XVIII.

Письма императора Александра принцессѣ Шарлоттѣ Прусской, 1816—1817 годовъ.

1.

Madame!

Je prie Votre Altesse Royale de recevoir mes plus humbles remercîments pour l'aimable lettre qu'Elle a eu la bonté de confier à Monsieur de Schilden pour moi. Son retour me fournit l'occasion de me rappeler au souvenir de Votre Altesse et de lui dire que j'ai tâché de m'acquitter de mon mieux de ses intentions, que M. de Schilden m'a fait connaître.

D'abord le voyage de mon frère Nicolas à Berlin est définitivement arrêté. il se fera seulement un mois et demi plus tard, mais par contre aussi mon frère aura l'avantage d'y retourner une seconde fois en revenant de sa tournée. Le second objet, l'arrivée de Votre Altesse chez nous ne lui sera proposée qu'absolument d'accord avec ses intentions, c'est-à-dire dans le courant du mois de Mai 1817, par conséquent un mois avant que mon frère ait atteint sa 21-me année, époque jugée être la plus convenable pour la conclusion du mariage.

Croyant ainsi avoir rempli ses désirs, me serait-il permis d'énoncer à Votre Altesse Royale les miens? Ils se bornent à lui demander comme une grâce, qu'Elle voulut bien d'abord mettre de côté tous ces titres et ces cérémonies qu'Elle emploie dans ses lettres à moi, et qui me paraissent si peu fait entre soeur et frère. J'ose me croire quelques droits à ce dernier titre, soit par les liens qui vont se former, soit surtout par tout l'attachement respectueux que je lui ai voué dès le moment que j'ai eu le bonheur de la connaître. Au reste il m'est bien plus cher et plus flatteur que tous les autres. De mon côté je me conformerais aussi à ce qu'Elle voudra établir entre nous.

La seconde grâce que je lui demande, c'est de vouloir bien accepter comme souvenir, le petit envoi que j'ose lui adresser et pour lequel je lui demande son indulgence.

Библиотека "Руниверс"

En même temps je prie Votre Altesse Royale de me conserver ses bontés et de recevoir l'hommage de tous les sentiments que je lui porte.

De Votre Altesse Royale

le bien respectueusement dévoué

futur beau-frère

Alexandre.

St. Pétersbourg,
le $\frac{15}{27}$ Janvier 1816.

2.

Madame!

Je profite du départ de Monsieur de Jouffroy, pour mettre aux pieds de Votre Altesse Royale, l'hommage de ma vive reconnaissance pour sa lettre du 16 Janvier et pour le souvenir qu'Elle a bien voulu y donner à ma fête. C'est surtout la bonté avec laquelle Elle s'exprime sur le lien qui va l'unir à notre famille, qui m'a bien sensiblement touché. Appréciant ce bonheur dans toute sa valeur, j'ose l'assurer cependant, qu'il ne saurait rien ajouter aux sentiments d'attachement respectueux que je Lui ai voué déjà, et qui, j'ose le dire, sont indépendant et de la position dans laquelle nous allons nous trouver, et du rang qu'Elle occupe.

C'est au charmant séjour de Landeck que je dois le bonheur de Vous avoir connu, d'avoir pu vous apprécier, aussi ce souvenir me sera constamment cher.

Je prie Votre Altesse Royale de vouloir agréer avec indulgence l'expression de ces sentiments qui sont aussi sincères qu'inaltérables, et suis:

de Votre Altesse Royale

le bien respectueusement dévoué

futur beau-frère

Alexandre.

St. Petersbourg,
le $\frac{8}{20}$ Janvier 1816.

3.

Le désir de vous offrir mes félicitations et mes voeux, très chère soeur, sur votre jour de naissance, me fournit cette occasion pour me rappeler à votre souvenir et vous remercier pour votre aimable lettre du 2 de Mars, qui m'aurait encore fait plus de plaisir, si les Majestés et les Sires en aurait été bannis. Vous voyez, très chère soeur, que je suis plus docile que vous et que j'obéis à vos ordres, quoique bien certainement, cela aurait été à vous à commencer et à m'autoriser par votre exemple. Au reste j'avoue avec franchise que c'est avec un véritable plaisir que je vous trace le nom de soeur et je me sens tout fier d'en avoir une pareille. Puisse-t-elle conserver un peu de ses anciennes bontés à un frère qui lui est bien sincèrement attaché.

Библиотека "Руниверс"

Nos dernières nouvelles de Nicolas ont été de Kiew. Il se porte très bien et met une très grande diligence à son voyage qui sera terminé j'espère au commencement d'Août v. st., par conséquent il se trouvera à Berlin exactement au temps que je vous l'avais annoncé, chère soeur. Je suis sûr qu'il est bien impatient de ce moment, et nous tous, nous attendons celui du mois de Mai 1817.

En attendant je prie ma chère et si aimable soeur, de me continuer son précieux souvenir et de me croire de coeur et d'ame tout à elle pour la vie

Alexandre.

Zarscosélo,
le $\frac{17}{29}$ Juin 1816.

Ma chère soeur voudra-t-elle être assez bonne pour me rappeler au souvenir du Roi, de ses frères et soeurs, et particulièrement à celui de la Princesse Frédérique et du alte Stabsofficier.

4.

Au lieu d'indiscrétion, chère soeur, c'est un plaisir bien véritable que me procurent chaque fois vos aimables lettres. Je serais même tenté de vous faire un peu la guerre, pour une expression si contrastante de l'impression que toute marque de votre souvenir doit produire et surtout sur un frère, qui vous est aussi sincèrement attaché que je le suis.

L'heureux moment où nous espérons vous posséder chez nous approche, et il me serait difficile de vous exprimer combien nous en sommes heureux et impatients. Cependant vous pouvez voir par la lettre de ma Mère, ainsi que par la mienne au Roi, que c'est à lui seul que nous nous en soumettons, pour fixer l'instant de votre départ. Nous savons sentir tout ce que cette séparation a de cruel.

Nicolas aura le bonheur de vous recevoir à la frontière, ensuite il fera votre quartier maître, en vous recevant de même dans toutes les villes successivement sur toute la route.

Combien je suis reconnaissant au Roi de me procurer le véritable plaisir de posséder chez moi le Prince Guillaume. Tout ce que je désire c'est de réussir à ce qu'il se plaise chez nous.

Quant à vous, chère soeur, tout ce qui peut exister de soins et de tendresse vous seront vouées. Nous sentons tous si bien le prix de vous avoir dans notre famille, que chacun rivalisera du désir de vous prouver son affection.

L'espoir de voir dans un an le Roi et le Prince Royal chez nous m'enchante. C'est une nouvelle obligation que j'aurais à Sa Majesté. Aussi je vous certifie que je m'en fais une vraie fête.

Le profond respect avec lequel vous terminez, chère soeur, votre lettre, s'il pouvait être remplacé par un peu d'amitié, m'aurait fait mille fois plus de plaisir. Quant à moi je finis en vous réitérant l'assurance du tendre et sincère attachement que je vous ai voué pour la vie.

Alexandre.

Veuillez embrasser de ma part l'alte Stabsofficier.

Zarscosélo,
le $\frac{4}{16}$ Mai 1817.

Библиотека "Руниверс"

XIX.

Письма императора Александра великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 1820—1821 годовъ.

1.

Varsovie, le 10 Septembre 1820.

C'est avec une bien vive reconnaissance, chère soeur, que j'ai reçu votre si aimable lettre du 27 Août, ainsi que les souhaits que vous avez bien voulu y exprimer pour ma fête. Persuadez-vous que toute marque d'amitié de votre part a un prix infini pour moi.

Je regrette bien vivement que vous croyez qu'il existe encore quelques nuages entre nous [1]. Au moins de mon côté je puis vous garantir, que dès le moment que je vous en avais parlé tout était dit, et qu'il ne restait en moi d'autre sentiment que celui de la plus tendre affection pour vous. Plus cette affection est vive et plus tout ce qui vient de vous, doit nécessairement avoir de valeur pour moi.

Nous serons longtemps sans vous voir, chère soeur, et c'est une idée qui m'afflige beaucoup. C'est bien à moi à craindre d'être si non entièrement effacé de votre souvenir, du moins de vous retrouver désacoutumée de moi et de cette indulgence à mon égard, dont je sens si parfaitement avoir besoin plus que bien d'autres. Veuillez vous persuader que chaque lettre de votre part sera reçue avec un plaisir extrême et avec autant de reconnaissance.

Celle-ci vous parviendra au moment à peu près de votre départ. J'aime à penser que vous goûterez une jouissance véritable de vous retrouver au sein de votre famille et je préfère m'arrêter à cette idée, qu'à celle de la peine inévitable que vous éprouverez, en vous séparant de vos charmants enfants. Les réflexions que vous faites sur les singulières contradictions dont la vie humaine est parsemée, sont parfaitement justes. Plus vous avancerez en age et plus vous en aurez de preuves convaincantes. Heureux sont ceux, qui s'attachent par préférence aux verités immuables, elles seules traversent les temps, les époques, les circonstances, sans éprouver de variations.

Dites, je vous prie, mille choses de ma part à votre mari. J'aurais grand plaisir à le revoir et l'avertirais exactement à Berlin sur le moment et le lieu où notre entrevue à nous deux pourra avoir lieu.

Adieu, chère soeur,—puis-je dire chère amie? Cette expression a une grande signification dans mon coeur! Je ne me soucie pas beaucoup de cette amitié banale du monde. Un ami ou une amie deviennent des êtres sacrés pour moi. Je sens pour vous tout ce

[1] Это мѣсто императора Александра объясняется воспоминаніями великой княгини Александры Ѳеодоровны за 1820 годъ, въ которыхъ записано:

«Je n'avais pas compris le caractère soupçonneux de l'Empereur, défaut inhérent au sourds... Il s'imaginait voir des choses auxquelles personne n'avait pensé, qu'on se moquait de lui, qu'on l'écoutait pour rire, qu'on se faisait des signes que lui ne devait pas remarquer... Je pleurais tellement, lorsqu'il me fit ces remarques et reproches, que j'en suffoquais presque; mais depuis, jamais il n'y eut plus un nuage entre nous; il crut à ma bonne foi, à mon amitié pour lui, qui tenait de l'adoration, presque à l'exaltation et certes pas à de la moquerie».

Библиотека "Руниверс"

qu'il faut pour vous donner ce nom en toute pureté. Mais il faut de la reciprocité et surtout sincère. En attendant tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

A.

P. S. La diète a commencé sous de très bons auspices et j'ai lieu d'être très satisfait de la disposition des esprits. Je joins ici le discours d'ouverture.

2.

Troppau, le $\frac{14}{26}$ Novembre 1820.

Ecrivant à Nicolas, je ne puis résister, chère soeur, au besoin de vous tracer quelques lignes. Tant que vous étiez privée de la présence du Roi, de votre frère, je n'ai pas voulu vous séparer encore de votre mari. Maintenant que le Roi et le Prince Royal vous ont rejoint, j'écris à Nicolas pour qu'il vienne me voir pour quelques jours. Ce n'est pas pour mon seul plaisir que je vous impose, chère soeur, cette nouvelle séparation; Marie est ici et elle partage mon désir de revoir Nicolas. Ainsi du moins, ne m'en voulez pas de mal à moi tout seul.

Après cette exorde, il faut que je vous exprime tout le plaisir extrême que m'ont causé vos deux dernières lettres de Gatchina du 16 Septembre et de Berlin du $\frac{4}{16}$ Octobre, par la manière si amicale dont vous m'y parlez. Ce que je vous dis là au moins n'est pas une phrase chère amie, et je vous en offre ma plus sensible reconnaissance. Avec quelle satisfaction je me sers de ce nom: vous m'y avez autorisé vous-même et d'une manière si aimable, aussi je vous le dis chère amie du fond du coeur. Qui a plus de droit que vous, d'avoir cette douce persuasion dont vous me parlez, d'être aimée? Jamais nul doute ne devait, ne pouvait s'élever à ce sujet de votre part. Mais il ne s'en suit pas, que chacun puisse avoir cette même certitude, surtout quand on porte en soi la conviction de n'y pas avoir les mêmes titres.

Croyez que j'ai bien vivement partagé toute la joie que vous avez éprouvée de vous retrouver au sein de votre famille. Aussi ai-je bien pensé que cette réunion de Troppau vous paraîtra être venue bien mal à propos troubler votre contentement. Mais puisque le Roi et votre frère vous sont revenus, il me sera permis de vous dire, que j'ai eu infiniment de plaisir à les revoir et à me retrouver encore une fois avec le Roi dans ces relations d'intimité et de rapport journalier, dans lesquels nous avons été pendant toutes ces mémorables époques passées.

Je vous remercie, chère soeur, pour les voeux que vous faites, pour que la Providence Divine daigne bénir notre ouvrage. J'aime à espérer qu'ils nous porteront bonheur et qu'Elle les exaucera. Sans Son secours rien de bon ne peut se faire.

Le Roi vous aura fait j'espère une description fidèle des charmes de la ville de Troppau et de ses agréables promenades si propres, et surtout de la température délicieuse dont nous y avons joui. Heureusement encore, nos logements sont bons, et du moins est-on commodément arrangé pour s'occuper de son travail.

Combien je suis charmé de savoir que votre santé s'améliore sensiblement. Mais en grâce continuez à vous ménager et point d'imprudences. J'espère surtout que vous êtes complétement docile aux ordres des médecins.

Библиотека "Руниверс"

Vous avez appris l'événement scandaleux, survenu au régiment de Semenovsky. Il m'a fait une peine sensible, je ne le cache pas. La chose est mauvaise sous tous les rapports, malgré qu'elle ne ressemble pas à ce que nous avons vu se passer en Espagne, Naples et Portugal. Mais dans une bonne armée rien de pareil ne doit arriver. Aussi le pauvre Michel est-il désolé, quoique il n'y a certainement pas le plus léger reproche à lui en faire et qu'il n'a employé ses soins et ses peines, qu'à rendre le régiment bon.

Avant de finir cette lettre, j'ai bien envie de vous gronder un peu, chère amie, sur un passage de votre lettre de Gatchina: «moquez-vous de mon style, de mes expressions, je vous les abandonne!» Pourquoi dire des choses pareilles? Vos lettres sont aussi charmantes, que vous l'êtes vous-même; il n'y a donc pas de quoi se moquer. D'ailleurs vous savez que je ne suis pas moqueur! Au lieu de cela, laissez-moi vous répéter qu'elles m'ont fait un plaisir véritable par l'amitié que vous m'y temoignez. Continuez-la moi, chère amie, j'ose croire n'en être pas tout à fait indigne par le tendre et sincère attachement que je vous porte et qui vous est voué pour la vie. Tout à vous de coeur et d'âme.

A.

Rappelez-moi au souvenir de Sa Majesté et remerciez-le pour la manière dont il a bien voulu être pour moi, et à laquelle je mets tant de prix. Mille respects à la Princesse Guillaume, à vos frères et soeurs. Veuillez remercier ma future nièce pour avoir eu la bonté de se rappeller de moi. J'ai osé lui adresser une épitre par Goutakovsky pour la remercier du sien.

3.

Laybach, le $\frac{9}{21}$ Mars 1821.

Il y a bien longtemps, chère soeur, que je n'ai pris la plume pour me rappeler à votre souvenir. Dans un séjour comme celui de Laybach, à moins de vous parler d'affaires, il n'est guère possible de rendre une lettre intéressante. Recevez mille remercîments pour la vôtre du $\frac{30}{18}$ Décembre et pour tout ce qu'elle contient d'aimable pour moi.

C'est le comte Bernstorf, chère amie, qui vous remettra celle-ci. Il pourra vous rendre compte, que la nouvelle insurrection à la mode d'Espagne, qui vient d'éclater en Piémont, n'a pas diminué de nos occupations. Il est bien heureux, que nous nous trouvions encore réunis à Laybach, et que les mesures décisives ont pu être prises le lendemain. Elles sont sérieuses et telles que les conjonctures actuelles les exigent.

Le comte Bernstorf vous porte en même temps l'heureuse nouvelle de la fin des opérations militaires sur Naples. Le succès a été au delà de tout ce qu'on avait droit d'attendre, soit pour la promptitude, soit pour le peu de résistance qu'on a rencontré. Cette guerre n'a coûté que 50 hommes à l'Autriche. Grâces en soient rendues à la Providence Divine.

Puïsse-t-elle nous accorder le même bonheur dans l'affaire Piémontaise et prévenir d'autres explosions, auxquelles je m'attends je vous l'avoue, connaissant l'activité infernale du foyer directeur qui se trouve à Paris.

En voilà cependant assez sur les affaires.

Библиотека "Руниверс"

J'espère que votre état de veuvage va bientôt cesser, et Nicolas doit vous rejoindre sous peu. Dites-lui mille choses de ma part quand il sera de retour. J'ai eu une lettre de lui de Pétersbourg, dans laquelle il paraissait très content des troupes sous ses ordres, mais surtout d'avoir revu ses enfants qu'il a trouvé prospérés.

J'ai fait exactement la même réflexion que vous sur les suites de la partie en telechka par rapport au mariage de M-lle Samoïlof. Combien d'autres auraient voulu avoir été à cette partie pour obtenir un résultat semblable. Cependant cet hiver-ci paraît avoir été fécond en arrangements de mariages. Celui d'Adèle Stroganof est fait. On parle de celui de Lévachof avec M-lle Miatlef, de Nicolas Dolgorouky avec la Pr. Galitzin, fille du Pr. Dmitri, de Wladimir Galitzin avec une demoiselle Matunin, du général Ermolof, qui commande le corps en Géorgie, avec M-lle Pachkof, du Pr. Woronetzky, aide de camp d'Ojarofsky, avec une demoiselle Lang de Varsovie, de Choiseul, des Hussards de la Garde, avec la Pr. Galitzin, fille du Pr. Grégoire. En voilà assez j'espère?

A Laybach par exemple, il n'y a ni parties en telechka, ni mariages qui parviennent du moins à notre connaissance. La situation locale est très pittoresque, ainsi que les environs; du reste un train de vie monacal dans la force du terme.

Il n'en est pas de même pour vous et le carnaval de Berlin a été superbe à ce qu'on dit. Le Prince Partana, entre autre, nous en a fait de brillantes descriptions. Ce dont je jouis plus, c'est de l'idée que vous êtes heureuse et contente, au sein d'une famille qui vous chérit. Dites-vous, chère amie, que toute sensation de bonheur que vous éprouvez est profondément sentie par moi et que tous mes voeux vous accompagnent constamment partout. Mille hommages au Roi de ma part, et rappelez-moi au souvenir de vos frères et soeurs. Adieu, chère amie, ne m'oubliez pas tout à fait et persuadez-vous que je vous porte le plus tendre et le plus sincère attachement.

A.

4.

Laybach, le $\frac{21 \text{ Avril}}{3 \text{ Mai}}$ 1821.

Je ne veux pas laisser passer cette journée, chère amie, sans vous offrir mes félicitations et mes voeux les plus sincères pour votre bonheur inaltérable. Puisse la Divine Providence vous combler de tous ses bienfaits les plus précieux. C'est un frère qui vous aime du fond de son âme qui, vous offrant l'expression de ses sentiments, désire ardemment que vous lui conserviez votre amitié à laquelle il attache un prix infini. Tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

Alexandre.

Je rouvre ma lettre, chère amie, pour vous dire que j'avais espéré avoir une occasion pour vous l'expédier, cependant jusqu'à aujourd'hui elle ne s'est pas présentée, aussi ma lettre sera un peu vieille quand elle vous arrivera. Depuis trois jours je suis en possession de la vôtre du $\frac{19 \text{ Avril}}{1 \text{ Mai}}$ pour laquelle je ne saurais assez vous remercier, ainsi que pour l'amitié que vous m'y témoignez. C'est demain que je pars pour Pétersbourg après avoir achevé toutes nos affaires ici. Vous concevez l'impatience avec laquelle je voudrais déjà m'y trouver, mais elle aurait été encore plus grande si j'avais l'espoir de vous y trouver.

Библиотека "Руниверс"

Adieu, chère amie, présentez mille hommages au Roi, ainsi que les choses les plus affectueuses à toute la famille. J'embrasse Nicolas. Tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

A.

Laybach,
le $\frac{30\ \text{Avril}}{12\ \text{Mai}}$ 1821.

5.

Zarscosélo, le 19 Juillet 1821.

Je veux absolument profiter de ce courrier qui est expédié à Nicolas, pour vous adresser ces lignes, chère amie, et pour vous remercier pour votre dernière aimable lettre du $\frac{14}{26}$ Mai.

Tout ce que vous m'y dites d'amical, m'est allé droit au coeur comme toujours et croyez que ce coeur sait vous rendre la pareille en affection bien franche et bien tendre.

Vous avez eu raison de croire que je ne m'attribuais certainement pas le bien que nous avons pu produire dans ces derniers temps, parce que d'abord je n'étais pas le seul en action, et ensuite vous connaissez très positivement ma conviction, que le bien vient de plus haut que nous. Je suis toujours heureux quand le bien se fait, n'importe comment, ni par qui?

Cependant malgré tous nos efforts communs, toutes les incendies ne sont pas encore éteintes et donneront beaucoup d'ouvrage encore. Celle qui nous concerne plus particulièrement en Turquie, se trouve encore dans un état de choses tel, à nous tenir dans une incertitude complète, si nous réussirons à éviter une guerre qui m'est odieuse ou bien si nous y serons obligés malgré nous?

J'ai éprouvé un plaisir extrême à me retrouver dans la cara patria. L'ouvrage ne me manque pas comme vous pouvez le penser. Vos enfants, je les ai trouvé délicieux et extrêmement développés et j'ai grand plaisir à les tenir sur mes genoux.

Ne m'en voulez pas, chère soeur, si je n'ai pu vous écrire le 1-er Juillet; malgré tout mon désir je n'ai pas eu un moment ce jour-là et antidater ma lettre, je m'en serais fait un reproche vis à vis de vous. Mes voeux pour votre conservation, pour votre constant bonheur, n'en ont pas été moins sincères. Au reste ils sont continuels et n'ont pas besoin d'anniversaires pour être adressés à Dieu.

Vous me demandez des détails sur l'intérieur de Constantin. Je puis vous garantir, chère amie, que je l'ai quitté le plus heureux des hommes et extrêmement content de son ménage. Tout ce qu'on a débité, ne sont que des fagots. Pendant quelque temps de l'hiver passé ma belle-soeur a eu à peu près le même mal que vous. Ce dérangement, purement physique, a produit en elle, comme dans beaucoup de femmes, une sorte de tristesse momentanée. Mais aussitôt le cours régulier de la nature rétabli, elle a repris complètement sa bonne humeur, ce dont vous vous convaincrez par vos propres yeux.

Marie a été très sensible à votre amitié. Dites à Nicolas, chère amie, que je n'ai pas une minute pour lui écrire, mais cette lettre est commune pour vous deux.

J'ai été extrêmement content de la 1-ère division de la Garde que j'ai passé en revue en venant ici. Elle a gagné d'une manière visible, et tout le monde se conduit très bien. Le changement des généraux de division a été très utile.

Библиотека "Руниверс"

Adieu, chère amie, je ne puis vous écrire plus longtemps quoique j'aurais beaucoup de choses à vous dire encore. Croyez que vous me manquez beaucoup ici et que j'ai un grand désir de vous revoir. Adieu, chère soeur, chère bonne amie, tout à vous de coeur et d'àme.

A.

J'embrasse bien tendrement Nicolas.
Félicitez le Roi en mon nom sur la
fête du 3 Août.

XX.

Письмо великаго князя Михаила Павловича императору Александру по поводу безпорядковъ въ Семеновскомъ полку, 1820 года.

Mon très cher frère! L'histoire la plus malheureuse et la plus déplorable vient d'arriver au régiment de Sémenovsky. Tout était parfaitement tranquille jusqu'au 16 dans la nuit, au 17; dans cette nuit dans la 1-re compagnie de Grenadiers on entendit tout d'un coup crier на перекличку; c'était vers les 10½ du soir, déjà quand tous les soldats étaient couchés; le sergent major Брагинъ étonné sort dans le corridor de l'étage d'en bas, ne pouvant pas concevoir, d'où sortaient ces cris; et il voit déjà le peloton des tirailleurs, qui logeait en haut, descendu; il leur demande qui leur avait ordonné de sortir, ils dirent qu'il ne le savait point, mais en attendant ils continuaient leur chemin; les grenadiers qui de même se rassemblaient en entendant le sergent major leur dire de s'en aller, commencèrent par obéir et se disperçaient, lorsque derechef, quelques voix partant du peloton des tirailleurs dirent: стой, стой, на перекличку; les grenadiers s'arrêtent; le sergent major effrayé leur demande qui leur a ordonné de s'assembler, si ce n'était point par une méprise du sous-officier de service à la compagnie, ou d'un des дневальный; ils lui répondent sur cela, qu'on aille chercher le capitaine; sur quoi le sergent major voulut lui-même le faire; mais les soldats lui dirent de rester et d'envoyer un sous-officier; on en envoya un, et le capitaine Кашкаровъ, commandant de la compagnie, arriva et demanda aux soldats, ce qu'ils voulaient, et n'avaient-ils point des prétenions sur lui; sur quoi ils lui répondirent: мы всѣмъ начальствомъ довольны, но просимъ ваше высокоблагородіе, чтобы вы довели до свѣдѣнія начальства, чтобы насъ десятками не водили къ полковому командиру, и что, такъ какъ надобно для этого чиститься, мы совершенно времени не имѣемъ отдыхать. Le colonel Schwartz les faisait effectivement venir chez lui pour arranger la nouvelle amunition que nous avons reçu, par dix, par compagnie chaque jour, et si le matin il n'était point content, il les faisait venir encore l'après-dinée; ce qui les mettait dans la nécessité de s'habiller plusieurs fois par jour. Enfin le capitaine à force de paroles les a fait rentrer dans leurs chambres. Ce n'est que le lendemain matin, avant d'aller à la parade, que l'aide de camp du régiment Bibikoff vint me

Библиотека "Руниверс"

dire ce qui était arrivé; et le colonel Schwartz, qui était de même venu, me répéta la même chose; dans ce même moment le général Benkendorff était chez moi; nous convînmes donc d'aller ensemble chez ie général Vassiltchikoff; c'était le régiment de Préobrajensky qui montait la garde. La parade finie je me rendis avec le général Benkendorff chez le général Vassiltchikoff, qui ignorait encore cette histoire; le général m'ordonna d'aller à la compagnie pour faire un слѣдствіе ensemble avec le général Benkendorff; ce que je fis de suite; arrivé à la compagnie je fis appeler premièrement le capitaine, et lui demandais qu'il me raconta ce qui était arrivé, il me répéta ce que je viens de marquer plus haut, après j'interrogeais successivement le sergent-major, le sous-officier de service et les дневальные qui me répétèrent mot pour mot la même chose que le capitaine avait dit; je leur demandais s'ils ne savaient point d'où les premiers cris étaient partis, ils dirent qu'ils l'ignoraient, puis qu'ils supposaient que c'était d'une chambre d'en haut qu'ils m'indiquèrent, j'y allais et je trouvais tous les gens très tranquilles, je leur ai parlé et leur demandais, qu'ils m'indiquent les auteurs de ces cris, ils dirent qu'ils ne le savaient point; j'appelais les (не разобранное слово) унтеръ-офицеръ, tous unanimement me firent la même réponse. Enfin je pris un tirailleur, qui était un vieux soldat, qui avait fait campagne, et l'amenais dans une chambre à part, je lui présentais toute la gravité de la faute; cet homme les larmes aux yeux me dit: Ваше Высочество, я долженъ подъ присягой вамъ говорить всю правду, но, ей-Богу, я виновнаго не знаю, стыдно послѣ этого на улицу показываться и какъ нашъ этотъ проступокъ заслужить. Après cela je rassemblais tous les grenadiers ensemble dans le corridor d'en bas et ordonnais en même temps que les tirailleurs se rassemblent en haut; mais eux ayant appris que je parlais aux grenadiers voulurent à toute force descendre; et ce n'est que par des menaces du colonel Vadkovsky, qui commande en l'absence du colonel Kaznakoff le 1-er bataillon, qu'ils arrêtèrent. En attendant je disais aux grenadiers: стыдно, гренадеры, вамъ, которые должны быть зеркало всей арміи, подавать примѣръ ослушанія противъ начальства; образумьтесь, это срамъ, который вы всю свою жизнь должны стараться загладить,—ils étaient parfaitement tranquilles et ne disaient mot,—теперь пойдемъ по камерамъ и покажите мнѣ начинщиковъ (зачинщиковъ), а не то вы подвергнете себя самому строгому наказанію. Ils rentrèrent sans dire mot; après je montais chez les tirailleurs et leur répétais la même chose, même conduite et même silence; après je priais le général Benkendorff de les rassembler ensemble et de leur demander de quoi ils se plaignaient; et en même temps je pris trois grenadiers que je connaissais dans une chambre à part et leur répétais la même chose que j'avais dit plus haut, et ajoutais: я васъ знаю, ребята, какъ отличныхъ солдатъ, вы всегда служили примѣрно, я имѣю довѣренность къ вамъ, скажите мнѣ всю правду; l'un d'eux me répéta ce qu'ils avaient dit la nuit au capitaine, et deux: что мы чувствуемъ всю нашу вину, что мы готовы государю послѣднюю каплю крови нашей отдать, и намъ за все это происшествіе стыдно. Le général Benkendorf en attendant revint et me dit que les gens lui disaient d'une voix: мы нашимъ начальствомъ довольны, все получили, одно только, что полковой командиръ взыскиваетъ съ насъ много ненужной службы и насъ бьетъ; sur cela le général ordonne à ceux qu'on avaient rossé de sortir en avant; après quelques instants sort un homme; il lui demande combien de coups il avait reçu, il lui dit trois. Pendant ces pourparlers, le capitaine dit qu'hier un

Библиотека "Руниверс"

grenadier, qui était au nombre de ces dix qu'on avait amené chez le colonel, avait été trouvé par lui mal habillé, et qu'il avait ordonné au capitaine de lui donner dix coups de тесакъ ce qu'il exécute; nous demandâmes ce soldat, on le chercha, il ne se trouvait pas à la caserne; mais après quelques instants on le retrouva ivre; le général Benkendorff lui demanda où il avait été, il répondit: à la messe; enfin on demanda à d'autres soldats s'ils l'avaient vu à l'église, ils répondirent que non, et ce même homme finit par avouer qu'effectivement il n'y avait point été, nous l'envoyâmes de suite au corps de garde. Avant de quitter la caserne pour faire mon rapport au général Vassiltchikoff je rassemblais encore une fois la compagnie entière, et leur expliquais tout ce à quoi ils s'exposaient en ne voulant point indiquer les moteurs de ce désordre; mais tout cela fut en vain, et un silence parfait régnait, je les envoyais dans leurs chambres, ils s'en allèrent sans dire mot et fort tranquillement. Alors je rassemblais tous les sergents-majors du régiment et leur dis que j'étais sûr que par l'ordre parfait qu'ils contiendraient dans leurs compagnies ils tâcheraient de mériter la faute de la 1-e compagnie; en même temps j'ordonnais aux colonel Vadkovsky de signifier aux chefs de compagnies et aux officiers d'être sur leur garde; et moi-même me rendis avec le général Benkendorff chez le général Vassiltchikoff pour lui faire mon rapport; il était près de quatre heures; j'osais émettre mon opinion au général, que je croyais qu'il fallait dissiper la compagnie, et faire passer les dixièmes par les verges, et former à la place de cette compagnie une nouvelle de grenadiers, et disperser celle-ci dans les autres; mais le général m'ordonna de faire venir le colonel Vadkovsky et de lui dire qu'à 8 heures il fasse amener la compagnie à l'état major et qu'il voulait leur parler, et ordonna au général Benkendorff de faire dire au général Bistrom du régiment de Pavlovsk, de faire tenir prête deux compagnies du régiment à la maison d'exercice du palais d'hiver pour les mener s'ils ne voulaient point indiquer les moteurs à la forteresse. Rentré chez moi je fis venir le colonel Vadkofsky, et lui transmettais les ordres du général; en attendant dans les autres compagnies tout était tranquille, et les gens se nettoyaient et se préparaient à monter la garde le lendemain. A 8 heures la compagnie arrive à l'état major, le général la fit amener à la maison d'exercice; les deux compagnies du régiment de Pavlovsk y étaient déjà. Le général leur parla, mais le silence le plus parfait comme le matin régna, alors le général les fit entourrer et les envoya à la forteresse, ils marchèrent sans la moindre resistance et tout à fait tranquillement. Le général avait aussi ordonné que comme les sous-officiers n'avaient point trempé dans ce désordre, qu'on les renverrait à la caserne, une fois qu'ils auraient amené la compagnie à sa destination; ce qu'on fit. Ce fut vers minuit, les gens des autres compagnies étaient tranquilles; comme il manquait une compagnie pour la garde du lendemain, les sergents-majors firent un nouveau расчетъ, pour remplir des trois compagnies le manque. Les gens demandèrent la raison, on leur dit donc que la 1-re compagnie des grenadiers était à la forteresse, alors ils commencèrent à tapager et à crier: мы безъ головы и въ карaулъ не идемъ; enfin le colonel Vadkovsky voulut mettre le holà, mais pas moyen, le feu se communiqua de la 1-re compagnie de fusiliers à la seconde et de celle-ci à la troisième; la troisième compagnie alla sur la deuxième de grenadiers, qui dormait tranquillement, les gens de la 2-e de grenadiers ne voulaient point se lever, mais les fusiliers du 1-r bataillon les chassèrent d'un côté et les orcèrent de sortir, et les grenadiers trois fois sortirent par une des portes et rentrèrent par l'autre; le colonel Vadkovsky arriva chez moi me dire tout cela, de même que Bibikoff,

Библиотека "Руниверс"

je leur dis d'en avertir le général Benkendorff, et en même temps je me rendis chez le général Vassiltchikoff; le général Benkendorff y était; je demandais au général d'aller moi-même à la caserne et de supprimer s'il était possible le désordre; mais il m'ordonna nommément de ne pas y aller, et me dit qu'il avait ordonné que le régiment ne monte point la garde, et que cela soit celui d'Ismailovsk, et qu'il passerait la revue d'inspection à 8 heures du matin que maintenant il allait chez le comte Miloradovitch, et que pour moi j'aille chez moi attendre ce qu'il m'ordonnerait après la revue d'inspection; il était 4½ heures du matin; j'avoue que je me suis trouvé dans la plus cruelle position, j'avais cru devoir désobéir, mais en même temps que faire, puisque j'étais dans l'alternative terrible de faire ce que je croyais de mon devoir et la désobéissance envers mon chef; j'obéis le désespoir dans l'âme, en attendant le désordre gagna le 3-ième bataillon, de même par le 1-r. Des casernes les gens sortirent sur la place devant l'hôpital, en criant: отдайте намъ нашу голову, мы на все готовы; le comte Miloradovitch se rendit, ils lui répétèrent la même chose, et ajoutant qu'ils ne pouvaient point supporter les traitements du colonel. Après le général Vassiltchikoff leur envoya le général Bistrom des chasseurs, avec ordre de prendre le commandement du régiment, il leur lut l'ordre, et parvint même à ranger le 2-e et 3-e bataillons, mais les trois compagnies du 1-er bataillon prirent à dos les deux autres et les culbutèrent, malgré tous les efforts du général Bistrom qui leur parla à plusieurs reprises mais toujours la même réponse: мы безъ головы не можемъ строиться; enfin arriva le général Potemkin, qui de même réussit à ranger le 2-e et 3-e bataillons, mais le premier y mit derechef le désordre; finalement à 10 heures le général Vassiltchikoff arriva lui-même et exigea des gens qu'ils se rangent; eux encore lui repondirent: отдайте намъ нашу голову, мы на все готовы; sur cela le général leur dit: пока я буду живъ, я вамъ ее не отдамъ безъ воли государя, можете, если вы не хотите слушаться, итти въ крѣпость, ce que les gens firent de suite, et marchèrent quoique non rangés mais sans le moindre effort à la forteresse. Le général avait fait en attendant occuper les casernes par les chasseurs et plusieurs régiments étaient en marche, en vu de désordre et surtout pour qu'ils ne se jettent pas pour prendre les fusils, mais le fait est qu'ils n'en avaient pas l'idée et que toute leur haine se portait contre le seul colonel Schwartz. Il était près de dix heures et le général ne m'ayant rien fait dire je suis resté chez moi, et comme à l'ordinaire j'allais à la parade. Ce matin le général décida que le 1-r bataillon resterait ici dans les casemates et que le 2-e partirait par eau pour Swiabourg et le 3-e marcherait à Keksholm; les gens avec la plus grande tranquillité allèrent en manteaux sous armes, et bien repentant de leur faute, en disant qu'ils sont prêts à aller partout où on leur ordonnerait et qu'ils sont au désespoir de tout ce qui était arrivé; et qu'ils ne demandaient qu'à mériter par leur subordination et par leur obéissance aveugle à mériter leur faute. Enfin c'est une chose inouïe et incompréhensible car je puis le jurer, que la veille tout était parfaitement calme et tranquille. Le plus malheureux dans toute cette histoire c'est moi, et je puis le jurer que j'ai la mort et le désespoir dans l'âme, tout ce que je désire au monde c'est de pouvoir effacer un jour cette affreuse tache; en attendant je suis le plus malheureux des êtres. Tout ce que je vous dis dans cette lettre, cher frère, c'est la plus exacte vérité; j'ai mérité la plus terrible punition, je le sens puisque c'est dans une troupe sous mes ordres que c'est arrrivé, de la subir ce serait une consolation

Библиотека "Руниверс"

pour moi, car je suis coupable. Il ne me reste qu'à tâcher de mériter toute ma vie d'effacer en quelque sorte ce malheur et de mériter par là, cher frère, votre clémence, car pour vos bontés j'en suis indigne.

Votre plus soumis sujet et frère

M.

St.-Pétersbourg,
le 19 Octobre
1820.

XXI.

Отвѣтъ императора Александра великому князю Михаилу Павловичу.

Troppau, le 4 Novembre
1820.

Cher Michel, j'ai absolument besoin de vous écrire ces lignes pour vous rassurer sur ma conviction. Quel tort puis-je vous reprocher dans toute cette hideuse histoire? Je sais que vous avez mis tous vos soins, tout votre zèle, à rendre le régiment bon, et je sais aussi que vous n'avez jamais employé de brutalité. La seule chose donc qu'on pourrait vous imputer, avec la dernière rigueur, c'est de n'avoir pas su que le colonel exercait une sévérité déplacée ou brutale. Mais ce fait encore doit être prouvé et n'est nullement certain. J'avoue pour ma part que j'en doute. Mais de quoi je ne doute pas par exemple, c'est qu'une influence étrangère a été exercée sur le régiment. J'en parle d'une manière plus détaillée dans ma lettre à ma Mère qu'elle vous montrera probablement. Mais persuadez-vous que je conçois toute la peine que vous devez éprouver et personne ne la partage plus que moi. Dites-vous, cher frère, qu'il n'est pas possible d'être plus convaincu que moi de votre zèle et de votre bonne volonté et croyez moi tout à vous de coeur et d'âme pour la vie.

XXII.

Письмо графа Витта императору Александру 13-го августа 1825 года.

Arrondissement du 2 régiment du Boug.
Ce 13 d'Août 1825.

Sire.

Deux professeurs de Vilna impliqués dans l'affaire qui a eu lieu en Lithuanie, ayant été envoyés de Pétersbourg pour être employés au Lycée de Richelieu à Odessa, j'ai cru de mon devoir de les faire strictement observer par des agents secrets. Quelque temps après leur arrivée, le ministre de l'instruction me fit part que je devais leur annoncer qu'ils

Библиотека "Руниверс"

ne pouvaient rester à Odessa, mais qu'on leur accordait la permission de choisir une place dans l'intérieur. En attendant les réponses qui devaient leur arriver, il s'est réuni à Odessa une quantité d'habitants des provinces polonaises, cela m'a forcé de les entourer d'une plus sévère attention, mais il n'y a eu rien à leur reprocher à leur conduite ici. Tout en cherchant à découvrir un principe de mécontentement là, où il aurait pu se cacher, un hasard bien heureux a mis mes agents à la piste d'une affaire bien plus grave et d'une nature bien autrement sérieuse et conséquente; car il s'agit, Sire, de la tranquillité de Votre Majesté Impériale.

Dans ma lettre écrite au général Diebitch à Varsovie, je lui ai glissé légèrement quelques mots sur une affaire sur laquelle il m'avait demandé des renseignements, mais j'étais alors sur le chemin des découvertes, actuellement que j'y suis arrivé, et que j'ai su le but auquel on vise, j'ose supplier Votre Majesté de me présenter à elle; car il est question de choses qui ne peuvent être écrites et qu'il est impossible de confier qu'à Votre Majesté Impériale. Vous vous trouverez, Sire, sur la voie de bien des événements.

Pour ne pas donner d'ombrage du but de mon arrivée à Pétersbourg et que cela ne soit connu que de Votre Majesté, j'ai voulu demander un semestre de 28 jours, mais comme on dit ici que Vorte Majesté Impériale doit se rendre pour quelques jours à Taganrog, peut être, Sire, daigneriez Vous permettre que je me présente là, étant dans le même gouvernement que les Colonies, j'ose assurer Votre Majesté que ce n'est point des Colonies dont il s'agit, que ce n'est pas non plus un moyen dont je profite pour chercher à me justifier des calomnies et du mal qu'on cherche à me faire; ma conscience est trop nette, mon honneur et mon zèle pour le service de Votre Majesté trop irréprochable. D'ailleurs, Sire, tout ce qui me regarde disparaît en entier de ma pensée, car elle n'a que Votre Majesté et sa tranquillité pour objet, et plus que jamais vous verrez, Sire, maintenant dans moi et toute ma conduite que zèle, dévouement et vénération pour Votre Majesté Impériale.

Pour ce qui regarde les Colonies de la 3-me division des cuirassiers, positivement elle pourra entrer dans ses foyers le 1-r de Janvier. Les bâtisses seront totalement achevées, l'approvisionnement des régiments totalement assuré et tout ce qui a été proposé sera fait bien au-delà et au-dessus de toutes les attentes.

J'ai conduit les généraux des cuirassiers dans les arrondissements, leur ai montré le tout en détails, leur ai donné toutes les explications et instructions nécessaires et ai vu avec plaisir, l'enchantement et la surprise qu'ils ont éprouvés en trouvant les choses si différentes de ce qu'on leur avait dit, même à Pétersbourg, ils ont tous avoués que les soldats de réserve et les cantonistes serviront d'exemple aux régiments.

De Votre Majesté Impériale
le très humble, très obéissant
et fidèle sujet
comte de Witt.

Библиотека "Руниверс"

XXIII.

Донос А. К. Бошняка 3-го августа 1825 года.

Ce 3 d'Août 1825.

Obligé de prendre de fortes précautions pour prévenir Votre Excellence sur les choses importantes que j'ai à lui dire, je prends la voie de l'anonyme pour faire arriver jusqu'à elle quelques données sur le tissu d'horreurs dont le souvenir glace mon sang et dont les résultats ne cessent de m'apparaître sous les formes hideuses du crime, du malheur et des plus horribles désordres.

Voyant depuis quelque temps de sombres nuages s'élever de tous les points de notre horizon, entouré de mécontents, n'entendant que de vagues mais terribles menaces, apercevant au milieu de l'obscurité se former un plan combiné, suivi et semblable à un embrasement s'étendre sourdement pour n'éclater qu'avec plus de violence, je voulu enfin m'assurer de ce qui en était au juste. Je fis semblant de ne plus résister à tout ce qu'on fit pour me gagner, je me laissais tout dire et tout expliquer et c'est ainsi que je fus informé de ce qui en était du plus noir des complots, je suivis ces détours impénétrables et combinés avec une admirable prudence. Je vis dans tout leur jour les menées politiques sourdes et noires et qui malheureusement avaient trouvé accès auprès de l'Empereur.

Pendant que les carbonari de l'Europe occupaient les souverains, il se formait dès l'an 1819 au sein de cette Russie si paisible et si florissante un noeud de jacobinisme fomenté hors des frontières du pays et dont le but était de parvenir à jeter de profondes racines dans un empire qui seul mettait obstacle au changement et au bouleversement général des trônes. Il était clair après tant de révolutions, entamées et manquées, que l'influence seule de notre pays et la crainte de ces forces gigantesques que l'Empereur seul pouvait marcher dans l'esprit des principes monarchiques, avait arrêté les progrès qu'on se promettait; renverser ce colosse devint leur seul espoir et le ralliement de tous les malveillants et dès lors se forma des ténébreuses connexions entre les carbonari de l'Europe et les esprits turbulents de la Russie.

Malheureusement une fatalité inexplicable ou peut-être même une influence indirecte et dont la finesse échappait à l'observation, a fait faire au gouvernement une suite de fausses démarches dont on a encore profité pour détacher de ce gouvernement et gagner toujours de nouveaux sujets à la nouvelle puissance qui voulait s'élever et s'étendre afin d'écraser l'ennemi qu'elle redoutait. D'ici part le point révolutionnaire qui s'est étendu sur toutes les classes; les bureaux des ministres et ceux de l'administration en général se sont remplis de gens qu'il n'a été que trop aisé de gagner, car ils voyaient dans un bouleversement autant de carrières et de fortunes s'élever pour eux. Le plus éminent danger est parti de là; ces individus ayant la partie administrative, ont eu les moyens d'influencer leurs chefs, contrecarrer en leur nom la marche du gouvernement et lancer des ordres et des mesures ennemies qui tendaient à détruire le bonheur et la prospérité de l'empire.

Библиотека "Руниверс"

Dès qu'on a vu en Russie la possibilité d'une révolution, il n'a plus été question que de décider si c'était par le peuple ou par la force armée qu'on devait commencer; malheureusement le germe de mécontentement qu'on a découvert dans l'armée a décidé pour ce dernier moyen et depuis on n'a cessé de travailler l'esprit de l'officier et du soldat. Il est impossible que Votre Excellence ne s'aperçoive que l'armée a des mécontents, mais ce qu'elle ignore certainement, c'est que la majeure partie de cette armée naguère si dévouée à son souverain partage les voeux de ceux qui l'ont travaillés et n'attend qu'un premier ordre pour commencer des scènes d'horreurs et de carnages qui surpasseront certainement toutes celles dont l'histoire a ensanglantée ses pages. Je ne veux ici nommer personne, mais parmi les généraux, parmi les chefs de régiments il y en a beaucoup qui trempent dans le complot, autant dont on ne se soucie pas et fort peu qu'on redoute comme soutient de l'état, ceux-là doivent trembler .... l'amitié que je vous porte, Monsieur le Comte, la reconnaissance que je vous dois m'oblige de vous dire que vous êtes marqué comme devant périr un des premiers; on voit en vous une créature toute monarchique, devant tout à l'Empereur, attendant tout de lui et pouvant à la tête de votre corps mettre une forte digue à l'explosion qu'on voudrait faire éclater.

Effrayé de tout ce que j'avais appris, m'attendant à tout instant à un renversement qui menaçait l'existence et le bien-être de chacun, j'eus le courage d'adresser à l'Empereur une lettre anonyme; j'ignore si elle lui est parvenue, car la surveillance qu'on a établie peut s'étendre jusqu'aux postes; voilà ce qui me décide à vous adresser celle-ci. Vous en ferez ce que vous voudrez, mais il est de mon devoir et ma conscience m'oblige de vous supplier de ne point l'envisager avec indifférence; le danger est proche et il n'est que trop réel, en vous en prévenant, c'est à vous maintenant que j'en remets la responsabilité. Encore une fois soyez sur vos gardes et s'il vous est possible parlez à l'Empereur; ce n'est pas seulement sa vie, c'est celle de tous les siens qui est en danger. Peut-être les circonstances me permettront-elles un jour de vous parler de tout cela de vive voix et de vous donner de plus longues explications.

Je finis pour le moment en vous répétant encore que le danger est proche, qu'il est terriblement bien calculé et qu'il faut chercher à prendre au plus vite de justes et sages mesures.

Ce 3 Août
1825.

XXIV.

Изъ переписки великой княгини Александры Ѳеодоровны съ императоромъ Александромъ во время пребыванія его въ Таганрогѣ въ 1825 году.

1.

Gatchina,
ce 4 Octobre 1825.

Je profite de la permission que vous m'avez donné le jour de votre départ, cher frère, d'oser vous écrire de temps en temps; il me tardait bien de m'entretenir avec vous, mais j'ai laissé passer les premières semaines, désirant non-seulement vous savoir en

Библиотека "Руниверс"

place avec l'Impératrice, mais encore installé et accoutumé à votre nouvelle résidence. Nous avons suivis avec inquiétude et sollicitude chaque pas de l'Impératrice, et la nouvelle de son arrivée à Taganrog et de sa bonne santé nous a rendu bien heureux. On ne peut assez remercier le ciel de ce qu'il lui a donné les forces pour supporter et achever si heureusement ce long et pénible voyage.

Bien souvent je dois penser au triste moment de notre séparation; je ne m'attendais nullement à ressentir une si vive émotion et connaissant vos idées sur les scènes d'adieu j'avais pris mes précautions, mais mille idées à la fois vinrent assiéger mon coeur, je ne pouvais vous regarder sans une profonde vénération, je vous trouvai si admirable et si touchant, si j'ose m'exprimer ainsi, par mille pensées confuses qu'on ne pourrait rendre, mais qui n'en étaient pas moins bien distinctement senties. Oh! cher ami, comme la conviction de faire son devoir d'une manière si belle doit se changer en bénédictions divines sur un être tel que vous.

Depuis votre départ il n'y a en que de tristes événements, qui nous ont occupés et interessés plus ou moins; assassinats, duel et morts ne sont pas fait pour inspirer la gaieté, et j'avoue que la mort de Novossiltzof, quoique je le connaissais peu et que lui, étant bien fautif dans cette histoire, elle m'a néanmoins parue bien tragique et la situation de la pauvre malheureuse mère si complétement désespérée que j'en ai ressentie une vive douleur. La mort du pauvre Gourief vous fera aussi de la peine, j'en suis sûre.

Nous passons ici notre temps d'une manière très uniforme; j'ai seulement accompagnée une fois Nicolas à Pétersbourg et à Peterhof, ce dernier endroit était même beau en habit d'automne.

Vous saurez que mes deux frères ont passé par Weimar où on a eu mille bontés pour eux, et mon frère Charles est plus épris que jamais de certaine personne, c'est tout ce que j'en sais.

Nicolas est en ville et je ne puis rien dire de sa part à son frère bien aimé; il doit faire une cure pour ses clouds, mais il la fait bien mal, courant toujours entre Pétersbourg et Gatchina. Je serai charmée à cause de cela d'être en ville. Je vous embrasse avec tendresse et amitié, cher et bon frère, et désirerai que ce ne fut pas en idée.

Votre fidèle amie

A.

2.

Taganrog,
le 18 Octobre 1825.

Le dernier courrier m'a apporté votre aimable lettre, chère amie, et c'est avec un véritable plaisir que j'ai revu de votre écriture. Je ne saurais assez vous remercier pour tout ce qu'elle contient de si amical pour moi et vous savez que tout ce qui me vient de vous et qui porte ce caractère a un si grand prix pour moi. Quand dans le cours de notre vie il se présente des circonstances, où on a deux routes à suivre à choix, et qu'on préfère celle qui impose le plus de privations, peut-être a-t-on quelque mérite dans ce cas; mais tel n'était pas le mien et je n'ai pas eu de choix dans le parti à prendre. C'est en réponse à un passage de votre lettre que je vous trace ces lignes, chère amie. Vous

Библиотека "Руниверс"

vous le rappelerez sûrement, je n'en suis pas moins touché, de ce que ce passage contient de si bon, de si bienveillant pour moi. Ma femme sur la santé de laquelle vous voulez bien me parler dans votre lettre, va assez bien et a mieux soutenu le voyage qu'on avait osé l'espérer; cependant cela serait une erreur de croire qu'elle est déjà en chemin de convalescence complète. Malheureusement pour ma part, je crois son mal incurable, autrement dit, je suis tous les jours plus convaincu de la dilatation de cette artère qui partant du coeur passe près de l'estomac. Les palpitations dans cette partie sont constamment visibles à l'oeil, à travers même des vêtements, ainsi qu'une vibration dans tout le corps très forte, avec cela un manque d'appetit et de forces. On ne guérit pas d'un mal pareil entièrement. Tout ce qu'on peut espérer de mieux, c'est que le mal n'augmente pas et c'est déjà beaucoup. La tranquillité complète dont elle jouit ici, sous ce rapport lui est très salutaire, ainsi qu'un climat plus doux.

J'ai su comme vous, chère amie, la visite de vos frères à Weimar: qu'on s'y est empressé de leur témoigner tous les égards et déférences qui leurs sont dus, rien de plus simple et de plus naturel, pour tout le reste je suis tout aussi peu à même de vous donner des nouvelles, que vous-même l'avez été d'en apprendre.

Je regrette vivement l'horrible duel qui a eu lieu à Pétersbourg, ainsi que les deux victimes; c'étaient deux bons officiers et braves garçons. D'après ma manière de juger, si quelqu'un est coupable de cette triste catastrophe, c'est la mère de Novossiltzof [1]. Mais aussi elle a été cruellement punie.

J'ai bien regretté aussi le vieux Gourief. Malgré ses défauts, il possédait des qualités bien essentielles.

Si quelques détails sur Taganrog peuvent vous intéresser, je vous dirais que la ville est bien située, les rues très droites et bien tracées. De presque toutes on découvre la mer, comme point de vue. Depuis l'année 1818 que j'y ai été la première fois, elle a immensément gagné, et n'est pas à reconnaître.

Depuis deux jours, je suis revenu d'une course que j'ai faite à Tcherkask et dans le pays des cosaques du Don, ainsi qu'à Asof. Votre mari qui connait toutes ces contrées pourra vous dire combien c'est intéressant de voir ces braves cosaques chez eux et dans leurs habitudes nationales. Après demain je pars pour la Crimée, ayant dû renoncer à aller à Astracan, la saison étant trop avancée.

Je m'aperçois, chère amie, que j'abuse de votre patience, par le plaisir que je trouve à causer avec vous. Conservez-moi votre amitié à laquelle j'attache tant de prix et comptez à tout jamais sur celle que je vous ai voué pour la vie. J'embrasse de tout mon coeur Niks et les enfants.

A.

3.

St. Pétersbourg,
ce 3 Novembre 1825.

Votre lettre, cher ami, m'a remplie de bonheur et de reconnaissance; vous me parlez avec amitié et confiance, qu'il me semblait converser avec vous dans mon cabinet. C'était une douce mais courte illusion, je ne vois pas de fin à votre absence, car j'avoue

[1] Après avoir donné la permission à son fils de se marier et l'avoir annoncé par une lettre au général Diebitch, elle a tâché par vanité de faire rompre le mariage par tous les moyens possibles.

Библиотека "Руниверс"

que ce que vous voulez bien me dire concernant la santé de l'Impératrice ne me rassure nullement et me fait une peine bien véritable. A dire vrai, je suis persuadée que votre genre de vie à Taganrog vous convient à l'un et à l'autre à merveille; connaissant votre goût pour la retraite et pour la solitude je me dis que vous n'êtes jamais plus content que lorsque vous êtes seul, ou plutôt vous n'êtes jamais seul, parce que vous reconnaissez la présence de cet Etre invisible qui guide nos destinées. Plus vous êtes dans la solitude plus vous vous rapprochez de Lui, il épure votre coeur et vous donne cette paix de l'âme qui vaut mieux que toutes les jouissances mondaines. Je conçois tout cela, mais en soupirant, je le comprends, mais je vous avoue que je ne suis pas assez parfaite pour ne pas gémir de ce que cet amour pour la retraite vous éloigne de vos autres relations. Vous aimez vos amis, j'en suis sûre, mais ils ne sont pas nécessaires à votre bonheur.

Le 7 Novembre.

C'est aujourd'hui l'anniversaire de la terrible inondation et sûrement mille prières montent au ciel pour vous, les malheureux qui ne le sont plus grâce à votre bienfaisance vous bénissent, et votre nom est dans toutes leurs bouches.

Le mariage de Vanette se fera mercredi le 11 Novembre, elle est dans le bonheur, depuis deux jours, après avoir été séparée de son promis pendant 7 semaines, qui avait fait un voyage à Moscou. Je vous importune encore une fois en faveur du bon papa Ouchakof, et je vous demande bien pardon, mais vraiment je ne puis le refuser à un si ancien et fidèle serviteur et attaché de la famille. On n'aura pas compris vos ordres ou bien vous avez trouvé sa première demande trop forte. Voilà donc maintenant la grâce qu'il ose vous demander, au moment d'établir sa fille, c'est dans le papier ci-joint que vous la trouverez. Pourquoi ne sommes nous pas à Ielagin, votre réponse viendrait plus tôt et je serai un peu plus près de vous, cher ami.

Vous avez reçu une lettre de mon père, je sais ce qu'elle contient, nous en avons parlé si souvent et je sais votre manière de penser là-dessus. Malheureusement on ne peut changer la manière d'envisager de personne et je crains que Marie restera inébranlable. Ce qui est surtout fort triste c'est qu'apparemment le bonheur de l'un des frères ferait le malheur de l'autre. Guillaume ne se fait aucune illusion là-dessus, jamais je ne le lui aurais dit, mais il le sait parfaitement bien. Il faut savoir que Charles est très décidément amoureux et ce qui plus est, et ce qui restera entre nous, il se croit payé d'un peu de retour. Si Marie (la mère) pouvait alléguer le contraire, surtout si elle pouvait dire avec raison que Marie (la jeune) avait placé ses affections sur l'autre parti, certainement que mon frère se retirerait de suite. Mais aussi longtemps qu'il n'entendra pas dire cette raison, il est naturel qu'un jeune homme chérisse ses espérances. Il paraît qu'on ne consulte du tout les affections de la jeune personne, c'est un peu le principe de Marie de laisser ses filles dans l'ignorance, espérant conserver leurs idées innocentes. Ce serait bel et bon, si on pouvait vraiment par là empêcher les jeunes personnes de penser. mais c'est ce qui n'est nullement le cas, et l'imagination travaille malgré cela, seulement que la fille n'a pas assez de véritable confiance envers sa mère pour le lui dire. Je vois plus de danger que de bon dans cette manière d'élever. Elle est fondée sur des illusions maternelles.

J'ai désirée vous parler de cela, ne pouvant le faire avec Maman, qui en général n'ouvre pas la bouche sur cet article, ce qui me paraît de mauvaise augure. Voilà donc

Библиотека "Руниверс"

de nouveau une triste histoire qui est bien embrouillée et pour laquelle vous ne pourrez pas faire beaucoup, même si vous en aviez la bonne volonté. Papa tient extrêmement à ce mariage, il aurait tant désiré voir nos deux familles encore plus unies.

Depuis la mort de Gourief, nous n'avions plus oser espérer qu'on se souviendrait de notre campagne, lorsque le prince Galitzin se fit annoncer il y a deux jours chez Nicolas pour lui communiquer les ordres qu'il avait reçu de vous. Oh, cher ami, comment vous remercier, comment vous exprimer notre reconnaissance pour cette marque de votre inconcevable bonté? Je voudrais que vous puissiez voir la joie que vous nous avez fait par là. Ce n'est certainement pas à des ingrats que vous prodiguez votre amitié. Nicolas est à vos pieds et vous embrasse bien tendrement; il ne vous écrit pas, l'ayant fait depuis peu.

Notre petite famille se porte bien. La cadette prend un air humain et m'amuse beaucoup comme la plus petite; c'est bien gai d'avoir toujours un petit enfant dans le ménage, mais je voudrai cependant me reposer pendant plusieurs années, je vous avoue.

Ce que vous me dites de madame Novossiltzof m'a fait peine, je me plaisais à la croire peu fautive et à rejeter tout sur le père, qui est un vilain à ce que l'on dit. Je ne puis que la plaindre encore davantage, les remords doivent envenimer sa douleur.

Maman se trouve bien tristement au palais d'hiver; il est sûr que la différence est un peu sensible, surtout après l'année dernière.

Hélène est établie parmis ses magnificences, et elle s'y plait. Tout en admirant ces belles pièces, je ne troquerai pas mon cabinet pour tous les salons d'Hélène. J'aime mon cabinet d'affection, c'est mon petit monde et je m'y trouve si bien, que j'ai peine à le quitter pour quelques heures. Dimanche passé j'ai eu grande présentation diplomate, ce qui m'a embarassé fort. Le corps diplomatique est très considérable et il y a un ambassadeur et deux ministres qui vous attendent pour votre retour.

Il n'y a pas beaucoup de fêtes encore en ville, la princesse Galitzin m'a cependant engagé pour un de ces jours, et ce sera la première fois que je me lancerai de nouveau dans le monde.

En voilà assez, je me suis oubliée un peu longtemps au charme de parler à vous, cher ami, pardonnez le moi généreusement et aimez un peu celle qui est pour la vie

votre tendrement
dévouée amie

Alexandra.

Veuillez dire mille choses à l'Impératrice.

Библиотека "Руниверс"

XXV.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича Г. И. Виламову.

№ 847.

Г. Таганрогъ.
15-го ноября 1825.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

Нужнымъ считаю предупредить ваше превосходительство о настоящемъ положеніи здоровья государя императора.

По возвращеніи изъ Крыма въ Таганрогъ, 5-го сего мѣсяца, его императорское величество почувствовалъ, еще на возвратномъ пути сюда, сильную простуду. Въ первые дни пріѣзда его величества признаки желчной горячки ознаменовались постепенно, но не подавали повода къ большому сомнѣнію. Съ 13-го же, и въ особенности 14-го числа, припадки сдѣлались гораздо сильнѣе, и положеніе болѣзненное его величества возрождало тѣмъ болѣе безпокойствъ, что родъ горячки сей возобновлялъ припадки почти безпрерывно. Таковое состояніе августѣйшаго больного рѣшило окружающихъ его величество совѣтовать прибѣгнуть къ священнымъ таинствамъ. Сего утра въ 5 часовъ государь императоръ изволилъ исповѣдаться и причаститься святыхъ таинъ, съ свойственною его величеству вѣрою и твердостію.

Съ тѣхъ поръ употребленіе піявицъ и другихъ средствъ успокоило нѣсколько жаръ и припадки, и хотя медики не теряютъ вовсе надежды, однако же и не скрываютъ, что они находятъ положеніе его величества весьма опаснымъ.

Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство о таковомъ несчастномъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ положеніи государя императора, если признаете нужнымъ, доложить ея императорскому величеству, съ крайнею при томъ осторожностію по вашему благоусмотрѣнію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Дибичъ.

P. S. Я считаю долгомъ васъ о семъ увѣдомить предварительно, дабы дѣйствовать по благоразумію вашему, а лейбъ-медикъ Виллié доставитъ письмо и журналъ подробный съ завтрашнею экстрапочтою, подобно какъ онъ сіе сдѣлалъ съ прошедшею экстрапочтою.

Библиотека "Руниверс"

XXVI.

Извѣстія о здоровьѣ императора Александра, полученныя въ С.-Петербургѣ 17-го—27-го ноября 1825 года.

Le 17 Novembre à 3 heures après midi est arrivée la lettre de Sa Majesté l'Empereur du 5 Novembre, qui annonce son retour à Taganrog avec une légère indisposition.

Le 18 Novembre Mercredi au soir Madame la Grande Duchesse Hélène a reçu une lettre de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth du 9 qui prie Son Altesse Impériale d'informer Sa Majesté l'Impératrice Mère, que l'Empereur va mieux et qu'Elle ne lui écrit pas à Elle-même, pour n'avoir pas l'air de donner trop d'importance à cette indisposition.

Le 22 Novembre, Dimanche dans la matinée est arrivée la lettre de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth du 12, qui parle d'un renouvellement de la fièvre de Sa Majesté l'Empereur, qui l'empêchait d'écrire lui-même,—mais elle ajoute que dans un couple de jours Elle espérait déjà parler d'autres objets moins importants.

Le soir du même jour, le bulletin de M. Wylie du 4 au 12 donne déjà bien des inquiétudes. Il dit que la fièvre qu'il caractérise comme gastrique bilieuse, après avoir été intermittente, avait du 11 au 12 été continue et accompagnée de quelques symptomes alarmants.

Le 25 Novembre, Mercredi à 8 heures du soir a été reçue la lettre du 15 Novembre dans laquelle le baron Diebitch parle des progrès de la maladie, en la nommant bilieuse; il dit qu'elle avait été intermittente, qu'en augmentant le 13 et surtout le 14 elle était devenue continue; que l'état de l'auguste malade avait engagé le 15 ceux qui entouraient Sa Majesté Impériale de conseiller l'administration du Saint Sacrement, que l'Empereur a pris avec sa piété et sa force d'âme ordinaire. On a depuis employé des remèdes, qui ont un peu calmé la chaleur, les médecins ne perdaient pas toute espérance, mais ne cachaient pas qu'ils trouvaient l'état de l'auguste malade très dangereux.

Le 25 Novembre, Jeudi à midi à la fin de la messe et des prières est arrivé le courrier porteur de la lettre de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth du 17, qui annonce qu'il y a un mieux décidé dans l'état de l'Empereur, ce qui a été confirmé par une lettre particulière du prince Wolkonsky qui ajoute, que le matin l'Empereur a reconnu les personnes qui l'entouraient et a parlé d'une voix assez forte à l'Impératrice.

Wylie dit dans son bulletin de la même date, 17, que par des remèdes extérieurs on est parvenu à réveiller l'Empereur de l'état soporeux, dans lequel il se trouvait, ce qui augmente les espérances.

Le soir de ce même jour est arrivé une lettre et un bulletin de M. Wylie du 16, qui montre que l'Empereur était ce jour-là à toute extrêmité, avec des symptomes très alarmants, mais ce bulletin ayant tardé, on connaissait déjà le mieux du lendemain 17.

Enfin le 27 entre onze heures et midi est arrivée la nouvelle du plus grand des malheurs! Sa Majesté l'Empereur est décédé le 19 Novembre Jeudi à 10 heures 50 minutes avant midi.

Библиотека "Руниверс"

XXVII.

Записка великаго князя Николая Павловича императору Константину Павловичу, съ подписью: отъ брата Николая къ брату Константину[1].

1825 года ноября 25-го дня прибыло въ 4 часа пополудни съ эстафетою отъ г. Дибича извѣстіе о усилившейся болѣзни государя императора до такой степени, что вынуждены были предложить его величеству пріобщиться святыхъ таинъ, что въ то же время и приведено въ дѣйствіе, и что жизнь государя коли не безнадежная, то по крайней мѣрѣ находится въ большой опасности (собственныя слова генерала Дибича).

Такое печальное свѣдѣніе было прислано къ графу Милорадовичу, къ князю Лопухину, къ г. Виламову и къ дежурному генералу Потапову.

Графъ Милорадовичъ донесъ о семъ его императорскому высочеству государю великому князю Николаю Павловичу и по совѣщаніи съ нимъ, какимъ бы лучше образомъ объявить о семъ государынѣ императрицѣ, поѣхалъ за г. Виламовымъ, дабы привесть его къ великому князю; но въ отсутствіи ихъ императрица изволила прислать за его высочествомъ, тогда Николай Павловичъ, будучи пораженъ всѣми сими событіями, тотчасъ обратился во дворцѣ къ доктору Рюлю, дабы при присутствіи и помощи его объявить о семъ государынѣ, но, не заставъ его въ его комнатахъ, пошелъ на половину матушки, гдѣ и нашелъ какъ его, г-на Рюля, такъ и г-на Виламова—императрица была уже чрезъ нихъ о всемъ извѣстна. Ея высочество государыня великая княгиня Александра Ѳеодоровна прибыла также во дворецъ.

Подавъ нужное пособіе ея величеству, его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Воиновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей неизречимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему братцу, какъ законному наслѣднику престола.

Всю сію ночь его высочество провелъ въ передней комнатѣ у императрицы,—государыня цѣлую ночь не изволила раздѣваться и почивала очень дурно.

26-е число посредствомъ фельдъегеря доставлены изъ Таганрога свѣдѣнія, во время какъ находились въ церкви, о положеніи государя, подающія нѣкоторыя малыя надежды,—по полученіи коихъ приказано во всѣхъ церквахъ производить молебствія за здравіе обожаемаго монарха (государыня Елисавета Алексѣевна сама изволила о семъ писать).

27-е число, по окончаніи Божественной литургіи, когда уже начинался молебенъ за здравіе, его высочество былъ вызванъ графомъ Милорадовичемъ изъ ризничей, и ему объявлено, что все совершилось. Его императорскому высочеству сдѣла-

[1] На запискѣ не выставлено число, но она очевидно написана 3-го декабря 1825 года.

Библиотека "Руниверс"

лось дурно, но, пришедъ въ себя, онъ возвратился въ ризничью съ докторомъ Рюлемъ. Государыня стояла на колѣняхъ, и, бывъ уже продолжительнымъ отсутствіемъ великаго князя приготовлена и изъ лица его увидавъ жребій свой, ей стало дѣлаться дурно, священникъ между тѣмъ подалъ ей крестъ, и она, поцѣловавъ его, лишилась чувствъ.

Его императорское высочество, обратясь къ своей супругѣ, сказалъ ей: «Soignez notre Mère et moi je vais faire mon devoir». Съ симъ вмѣстѣ вошелъ въ церковь и, прекратя молебенъ, приказалъ принесть налой, произнесъ въ подданствѣ присягу возлюбленному братцу своему и императору Константину и утвердилъ оную своею подписью, и за нимъ подписались и другіе, тутъ случившіеся, какъ-то: военный министръ, Потаповъ и прочіе всѣ тутъ находящіеся.

Послѣ сего предсталъ онъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ (роты его величества гренадерскаго взвода) и объявилъ имъ о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина. Гренадеры со слезами приняли объявленіе и мгновенно присягнули.

Потомъ его императорское высочество поручилъ дежурному генералу Потапову, ибо коменданта Башуцкаго тутъ не случилось, о объявленіи, такъ и о приведеніи къ присягѣ главнаго и прочихъ карауловъ съ ихъ постами, что̀ безотложно все приведено въ исполненіе и вездѣ съ тою же горестію и усердіемъ, а генералъ Нейдгартъ былъ посланъ въ Невскій монастырь, гдѣ находился весь гвардейскій генералитетъ, съ предложеніемъ генералу Воинову исполнить то же во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ.

Наконецъ послано повелѣніе о подобномъ же объявленіи и приведеніи къ присягѣ всѣхъ полковъ и командъ, здѣсь и въ окрестностяхъ города находящихся.

Въ теченіе сего времени государственный совѣтъ собравшись открылъ свое засѣданіе предложеніемъ приступить къ распечатанію конверта, въ которомъ заключалась воля покойнаго императора. Тутъ возникли нѣкоторыя пренія, и наконецъ положено пакетъ распечатать, дабы принять послѣднюю волю царя Благословеннаго.

Въ актѣ семъ начертано было отреченіе отъ престола государя цесаревича и нареченіе наслѣдникомъ государя великаго князя Николая Павловича.

Нѣкоторыя пренія паки по сему случаю возникли, но прекратились мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобъ пригласить его высочество въ присутствіе совѣта, на что графъ Милорадовичъ отозвался, что его высочество уже присягнулъ, и во всякомъ случаѣ почитаетъ неприличнымъ ни его высочество призывать, ни его высочеству приходить въ совѣтъ, но вызвался довесть все сіе до свѣдѣнія его и просить допустить совѣтъ къ себѣ для доклада обо всемъ происходившемъ, что̀ и исполнено, а великій князь отозвался, что онъ не можетъ воспретить ихъ прибытію.

Когда предсталъ совѣтъ предъ великимъ княземъ, онъ сообщилъ имъ, что содержаніе сего акта ему давно извѣстно, и именно съ 13-го іюля 1819 года. но что ни въ какомъ случаѣ онъ не дерзнетъ занять мѣсто старшаго брата, отъ высочайшей воли коего зависитъ его участь, и что, поставивъ себѣ въ священную обязанность всеподданнѣйше ему повиноваться, онъ далъ въ томъ присягу и затѣмъ остается въ полномъ увѣреніи, что и онъ для блага государства послѣдуетъ его примѣру.

Совѣтъ послѣдовалъ его высочеству въ церковь и по просьбѣ ихъ при немъ далъ присягу, а потомъ имъ же представленъ въ присутствіе императрицы, которая

Библиотека "Руниверс"

изволила объявить, что актъ и содержаніе онаго ей извѣстенъ и сдѣланъ съ ея родительской воли, но что и она увлеклась подвигомъ сына и, утверждая всѣ его дѣйствія, проситъ совѣтъ общими силами сохранить спокойствіе царства.

По принятымъ мѣрамъ къ 3-мъ часамъ по полудни какъ войско, такъ всѣ чины и граждане восшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили, въ теченіе котораго времени вездѣ сохранились тишина и порядокъ, что и понынѣ исполняется.

Актъ, хранящійся въ сенатѣ, министромъ юстиціи всеподданнѣйше представленъ государю императору съ донесеніемъ, что сенатъ учинилъ присягу, и указы разосланы повсемѣстно для подобнаго же дѣйствія.

Его высочество, увидя въ церкви, предъ молебномъ о здравіи государя императора Константина Павловича, митрополита, сообщилъ ему о событіяхъ, въ совѣтѣ происшедшихъ, и согласилъ его пакетъ, хранящійся въ синодѣ, не распечатывать до полученія объ оном высочайшаго повелѣнія.

Въ то же время главный штабъ его императорскаго величества присягнулъ въ церкви главнаго штаба, и вслѣдъ затѣмъ посланы курьеры ко всѣмъ главнокомандующимъ и начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ предписаніемъ приступить немедленно къ той же священной обязанности, а отъ графа Милорадовича, по условію съ великимъ княземъ, отправленъ адъютантъ съ увѣдомленіемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына о событіяхъ въ столицѣ и приглашеніемъ немедленно исполнить то же и въ Москвѣ. О томъ же самомъ послано къ генералъ-адъютанту Закревскому для приведенія того же въ исполненіе по великому княжеству Финляндскому.

Въ то же время отправленъ къ его величеству адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ съ письмомъ.

Съ тѣхъ поръ 2-е число декабря столица находилась въ совершенно обычной тишинѣ и строгомъ порядкѣ, служба какъ по гарнизону, такъ и по всѣмъ прочимъ военнымъ и гражданскимъ частямъ сохранила обычный свой ходъ во время отсутствія государя, что принято соблюдать до полученія высочайшихъ повелѣній.

Донесеніе о исполненіи присяги поступило съ начала отъ корпуса военныхъ поселеній, съ приложеніемъ приказа 30-го числа ноября о вступленіи паки въ должность графа Аракчеева и генералъ-майора Клейнмихеля. Вчера по утру 2-го числа декабря получено донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго, что какъ русскія, такъ и финляндскія войска въ Гельсингфорсѣ, а равно сенатъ и прочія мѣста приведены къ присягѣ, и даже не упоминая о конституціи, но по формѣ, въ Россіи введенной. Наконецъ, сего 3-го числа въ 5-ть часовъ утра, адъютантъ князя Голицына Новосильцевъ привезъ извѣстіе, что въ Москвѣ все приведено къ присягѣ въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Пакетъ же, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго разрѣшенія.

Кабинетъ его императорскаго величества въ Зимнемъ дворцѣ тотчасъ по полученіи извѣстія 27-го числа поручено опечатать графу Милорадовичу, что и исполнено. А какъ камердинеръ покойнаго государя донесъ, что находятся бумаги и въ кабинетѣ Сарскаго Села, то для опечатанія посланъ чиновникъ, а его высочество возложилъ сіе порученіе на генералъ-майора Стрекалова, въ присутствіи самого камердинера Воробьева.

Библиотека "Руниверс"

XXVIII.

Краткая собственноручная записка Сперанскаго о событіяхъ 27-го ноября 1825 года.

1825. Ноября 27-го. Первый день новаго царствованія.

26-го утромъ получено письмо государыни императрицы отъ 17-го, въ коемъ сказано: «il y a un mieux très décidé. mais il est très faible». По сему письму 27-го назначено молебствіе о здравіи. Одни отправились въ 11 часовъ въ придворную церковь, другіе въ Невскій монастырь. Я былъ въ числѣ сихъ послѣднихъ. Тутъ же былъ князь Куракинъ, Воиновъ и нѣсколько генералъ-адъютантовъ. Во дворцѣ въ то самое время, какъ священникъ готовился выходить къ молебну, великій князь Николай Павловичъ вышелъ изъ алтаря и сказалъ: остановитесь, все кончено; повергся передъ образомъ и потомъ повелъ духовника съ крестомъ къ императрицѣ матери, бывшей на хорахъ. Въ Невскомъ, во время причастнаго, явился Нейдгартъ и объявилъ сію вѣсть сперва Воинову: въ одно мгновеніе ока она разлилась по всей церкви и обнаружилась рыданіемъ. Всѣ отправились во дворецъ. Въ совѣтѣ я нашелъ графа Моркова и князя Дмитрія Лобанова. Вскорѣ узнали, что великій князь Николай Павловичъ, а за нимъ и другіе, въ томъ числѣ князья Дм. и Як. Лобановы, учинили присягу государю императору Константину Павловичу. Вѣсть сію принесъ въ совѣтъ рыдающій князь А. Н. Голицынъ, при чемъ онъ мнѣ сказалъ, что онъ представлялъ великому князю, что его высочество напрасно поторопился присягою, ибо въ совѣтѣ есть бумага о порядкѣ наслѣдія. Вслѣдъ за нимъ явились князь Куракинъ и князь Лопухинъ. Потомъ собрались и другіе. Прежде еще засѣданія, князь Голицынъ сообщилъ въ разговорахъ, что содержаніе хранящейся въ совѣтѣ бумаги ему извѣстно; что она переписана его рукою, и что не только внесена въ сенатъ и синодъ, но положена на престолъ и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, съ повелѣніемъ въ случаѣ кончины распечатать генералъ-губернатору и епархіальному архіерею. Тѣмъ не менѣе князь Дм. Лобановъ изъявлялъ въ разговорахъ мысль, что бумаги открывать не нужно; что онъ не сдѣлаетъ сего въ сенатѣ; что государственный совѣтъ есть только государева канцелярія, и что les morts n'ont pas de volonté. Кажется, мысль Шишкова была та же. Онъ не изъявлялъ ее съ точностію, но съ свойственнымъ ему искусственнымъ жаромъ утверждалъ въ частномъ разговорѣ, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ государя; что отъ воли Константина Павловича зависитъ принять или не принять престолъ, но что по порядку ему присягнуть должно. Большая часть членовъ въ самыхъ частныхъ разговорахъ изъявляли мысль о прочтеніи бумагъ. Оленинъ былъ посланъ за нею. Какъ скоро онъ явился, то и составилось засѣданіе. Въ сію минуту является графъ Милорадовичъ и объявляетъ волю великаго князя о присягѣ государю императору Константину Павловичу; что содержаніе бумаги ему извѣстно, но, тѣмъ не менѣе, онъ первый далъ примѣръ присяги. Тутъ же упомянулъ онъ и о волѣ императрицы матери. Невзирая на сіе, по единогласному мнѣнію пакетъ былъ распечатанъ.

Содержаніе его было...

Библиотека "Руниверс"

XXIX

Письмо генералъ-адъютанта Дибича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ императора Александра.

Ваше императорское величество,

всемилостивѣйшая государыня!

По жестокой обязанности моей нахожусь принужденнымъ писать къ вашему императорскому величеству письмо сіе; сердце мое, преисполненное горести, едва позволяетъ мнѣ сіе выполнить. Всеавгустѣйшій сынъ нашего императорскаго величества, обожаемый нами государь нашъ, императоръ Александръ Павловичъ, въ сіе утро кончилъ жизнь свою отъ тяжкой болѣзни, о коей ваше императорское величество едва еще только получили увѣдомленіе.

По отправленіи послѣдняго извѣщенія моего отъ вчерашняго числа къ тайному совѣтнику Виламову, положеніе его величества не оставляло намъ почти никакой надежды, съ полуночи оно сдѣлалось отчаяннѣе, а въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ Всевышнему угодно было призвать его величество въ жизнь вѣчную.

Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича. Отправивъ къ его императорскому величеству курьера, я не осмѣлился замедлить симъ донесеніемъ вашему величеству, по обязанности, службою на меня налагаемой.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть,
всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества
вѣрноподданнѣйшій

баронъ Иванъ Дибичъ.

Въ Таганрогѣ.
Ноября 19 дня 1825 года.

XXX.

Письмо князя П. М. Волконскаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ императора Александра.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, преисполненнымъ совершеннѣйшаго прискорбія, всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству о бѣдствіи, постигшемъ насъ и всю Россію.

Всевышнему Творцу благоугодно было переселить изъ временнаго царства въ вѣчное обожаемаго монарха нашего, государя императора Александра Павловича,

Библиотека "Руниверс"

сего ноября девятнадцатаго дня по утру въ 10 часовъ и 50 минутъ, послѣ тридцатидневной желчной горячки, обратившейся наконецъ въ нервическую.

Потеря его императорскаго величества велика и чувствительна есть не только вамъ, всемилостивѣйшая государыня, какъ нѣжнѣйшей матери его, но вообще всѣмъ его вѣрноподданнымъ, и даже всему свѣту, мнѣ же въ особенности, имѣвшему счастіе двадцать девять лѣтъ находиться при высочайшей особѣ его императорскаго величества, пользоваться всемилостивѣйшею его довѣренностію. Несчастіе сіе и горесть неизреченныя и никогда ничѣмъ замѣниться не могутъ.

Оплакивая потерю вселюбезнѣйшаго монарха моего, остается мнѣ умолять Всемогущаго Бога о успокоеніи души его въ царствѣ небесномъ и подкрѣпленіи силъ вашего императорскаго величества для перенесенія столь жесточайшаго для всѣхъ удара.

При семъ долгомъ поставляю донести вашему императорскому величеству, что ея императорское величество государыня императрица Елисавета Алексѣевна находилась почти безвыходно при государѣ императорѣ во время болѣзни любезнѣйшаго супруга своего и ухаживала за больнымъ. Удручена будучи общимъ бѣдствіемъ, переноситъ оное съ помощію Божіею съ удивительною твердостію духа.

Всевозможныя пособія, оказываемыя какъ со стороны медиковъ, такъ и отъ окружающихъ его величество людей, по неизреченному несчастію остались тщетны.

Повергая себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь,

всемилостивѣйшая государыня,

вашего императорскаго величества

всеподданнѣйшій слуга,

князь Петръ Волконскій.

Таганрогъ.
19-го ноября 1825 года.

XXXI.

Письмо цесаревича Константина Павловича великому князю Николаю Павловичу, 28-го ноября 1825 года

Varsovie. 26 Novembre (8 Décembre) 1825.

Cher Nicolas! Vous sentirez par vous-même le chagrin profond que je dois éprouver par la perte cruelle que nous venons de faire tous, tant que nous sommes, et moi en particulier d'un bienfaiteur et d'un maître adoré et d'un frère chéri, ami de la plus tendre enfance. Vous savez trop bien si c'était un bonheur pour moi de le servir et de remplir ses volontés suprêmes dans les grandes et dans les plus petites choses. Ses intentions et ses volontés ont été et seront, malgré qu'il n'existe plus, toujours sacrées pour moi et j'y obéirai jusqu'à la fin de mes jours.

Библиотека "Руниверс"

Je viens au fait et je vous annonce que d'ordre de feu notre maître j'ai envoyé à ma mère une lettre qui contient mes volontés irrévocables et qui d'avance ont été sanctionnées tant par feu mon Empereur que par ma mère. Ne doutant pas que vous qui étiez attaché de coeur et d'âme à feu l'Empereur, ne remplissiez ponctuellement ses volontés et ce qui a été fait de son consentement, je vous invite, chèr frère, à vous y conformer scrupuleusement et ne doute pas que vous ne le fassiez et que vous n'honoriez pas la mémoire d'un frère qui vous chérissait et auquel notre pays doit la gloire et le degré d'élévation auquel il est monté. Conservez-moi votre amitié et votre confiance, cher frère, et ne doutez pas un seul instant de ma fidélité et de mon dévouement. Ma lettre officielle vous apprendra le reste. Mon frère Michel vous porte cette lettre et vous instruira de tous les détails que vous pouvez désirer avoir. Ma femme se rappelle à vous—faites en autant de ma part auprés de la vôtre, embrassez vos enfants de ma part, ne m'oubliez pas, cher frère, et comptez sur le zèle et le dévouement du plus fidèle des frères et amis.

XXXII.

Два письма цесаревича Константина Павловича князю Волконскому отъ 26-го ноября 1825 года.

1.

Князь Петръ Михаиловичъ!

Съ стѣсненнымъ горестію сердцемъ я получилъ увѣдомленіе ваше о кончинѣ обожаемаго государя императора и безпредѣльнаго благодѣтеля нашего. Не нахожу словъ изъяснить того величайшаго прискорбія, въ которое погруженъ таковымъ ударомъ рока, и при семъ спѣшу васъ увѣдомить, что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и потому ни въ какія распоряженія войти не могу, а получите вы оныя изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ; о чемъ я вмѣстѣ съ симъ пишу и къ барону Ивану Ивановичу Дибичу. Впрочемъ, ежели угодно при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, должно вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать.

Затѣмъ прошу ваше сіятельство принять увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ особенномъ почтеніи и уваженіи.

Константинъ.

Ноября 26-го дня
1825 года.
Варшава.

2.

Князь Петръ Михайловичъ!

Для собственнаго вашего и барона Ивана Ивановича свѣдѣнія посылаю при семъ я засвидѣтельствованныя копіи собственноручнаго покойнаго государя императора

Библиотека "Руниверс"

Александра Павловича ко мнѣ рескрипта отъ 2-го февраля 1822 года, съ присовокупленіемъ, что по волѣ его же, покойнаго государя, хранился оный у меня въ тайнѣ до кончины его императорскаго величества, и что вслѣдствіе таковой же высочайшей воли утвержденное въ немъ непоколебимое рѣшеніе мое просилъ я вселюбезнѣйшую родительницу мою, государыню императрицу Марію Ѳеодоровну, привести нынѣ въ надлежащее исполненіе, съ каковымъ распоряженіемъ братъ мой великій князь Михаилъ Павловичъ, здѣсь находившійся, изволилъ сего числа отправиться въ С.-Петербургъ.

Полагаясь совершенно на дружеское ко мнѣ ваше и барона Ивана Ивановича расположеніе, я остаюсь въ полной мѣрѣ удостовѣреннымъ, что сей рескриптъ останется между вами въ глубокой тайнѣ до надлежащаго въ свое время по оному дѣйствія.

Прошу ваше сіятельство принять увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ почтеніи и уваженіи.

Константинъ.

Ноября 26-го дня
1825 года.
Варшава.

XXXIII.

Всеподданнѣйшее письмо капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Майбороды.

Городъ Житомиръ.

25-го ноября 1825 года.

Ваше императорское величество,

всемилостивѣйшій государь!

Слишкомъ уже годъ, какъ замѣтилъ я въ полковомъ моемъ командирѣ, полковникѣ Пестелѣ, наклонность къ нарушенію всеобщаго спокойствія. Я, понимая въ полной мѣрѣ сію важность, равно какъ и гибельныя послѣдствія, могущія произойти отъ сего заблужденія, усугубилъ все мое стараніе къ открытію сего злаго намѣренія и нынѣ только разными притворными способами наконецъ достигъ желаемой цѣли, гдѣ представилось взору моему огромное уже скопище, имѣющее цѣлью какое-то переобразованіе, донынѣ въ отечествѣ нашемъ не слыханное, почему я, какъ вѣрноподданный вашего императорскаго величества, узнавши обо всемъ, и спѣшу всеподданнѣйше донести.

Въ Россіи назадъ тому уже десять лѣтъ родилось и время отъ времени значительнымъ образомъ увеличивается тайное общество (подъ именемъ общества либераловъ). Члены сего общества или корень онаго мнѣ до совершенства извѣстны не только внутри Россіи, но частію и въ другихъ мѣстахъ, ей принадлежащихъ, равно

Библиотека "Руниверс"

какъ и планъ дѣятельныхъ ихъ дѣйствій, которыя производились довольно открыто до времени, когда ваше императорское величество изволили якобы отправить сего года въ мартѣ мѣсяцѣ генерала Шеншина въ городъ Харьковъ, по дѣлу генерала Булгари, то это неизвѣстно, отчего сдѣлалось гласнымъ, почему и тутъ взяты всевозможныя предосторожности; ежели благоугодно вашему императорскому величеству будетъ удостовѣриться въ сей истинѣ, то повелите кому прибыть Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда, въ с. Балабановку, гдѣ нахожусь я со ввѣренною мнѣ ротою на квартирахъ, я укажу мѣсто, хранящее пріуготовленные уже какіе-то законы, подъ названіемъ «Русская Правда», и много другихъ имъ подобныхъ сочиненій, составленіемъ коихъ занимается тутъ генералъ-интендантъ арміи Юшневскій и полковникъ Пестель, а въ Петербургѣ служащій въ генеральномъ штабѣ Никита Муравьевъ.

Не имѣю дара, ваше императорское величество, объяснить все подробно на бумагѣ, да сверхъ того не имѣю къ тому и способа. Будучи въ подозрѣніи, а къ тому же преслѣдуемъ даже своими служителями, я дерзаю ожидать отъ вашего величества за неограниченную мою преданность награды только той, что осчастливите меня въ скорѣйшемъ времени повелѣніемъ предстать предъ особу вашего величества, и ежели не лично удостоите выслушать всѣ подробности сего обстоятельства, то вблизи васъ передать повелите чрезъ кого будетъ вамъ угодно, я считаю, что вашему императорскому величеству угодно будетъ знать все то, что только я успѣлъ узнать и на что имѣю ясные доводы, тогда достаточно уже будетъ искоренить зло, ужасными своими послѣдствіями каждому угрожающее.

Государь, жизнь моя съ сего времени въ опасности, потерявъ меня, ваше величество едва ли сыщете человѣка, которому бы случай доставилъ узнать эту вещь столько, сколько мнѣ она извѣстна. Ежели вашему императорскому величеству не благоугодно будетъ меня видѣть, то поручите сіе человѣку такому, чрезъ котораго бы я могъ смѣло передать все то, что на душѣ моей для вашего величества хранится; я намѣревался открыть сіе моему начальству, но по соображенію обстоятельствъ и по мнительному моему характеру сего сдѣлать не рѣшился, тогда о себѣ осмѣливаюсь ваше императорское величество всеподданнѣйше просить не обнаружить меня, какъ человѣка, готоваго во всякое время въ подобныхъ случаяхъ быть вамъ полезнымъ и тѣмъ самымъ исполнить долгъ моей присяги. Сверхъ того, удалите меня вовсе изъ 2-й арміи, куда благоугодно вашему императорскому величеству будетъ; позвольте присовокупить ваше величество и то, что на случай предвидѣть буду я опасность, то долженъ буду поручить себя въ покровительство генерала Рота, неподалеку отъ моего мѣстопребыванія находящагося.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный
и всенижайшій слуга

Аркадій Майборода,

Вятскаго пѣхотнаго полка капитанъ.

Библиотека "Руниверс"

XXXIV.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича капитану Майбородѣ.

Вслѣдствіе письма вашего благородія къ государю императору отъ 25-го ноября изъ Житомира, доставленнаго командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенантомъ Ротомъ, предписываю вамъ по извѣстной мнѣ высочайшей волѣ открыть объясненія ваши на извѣстное вамъ секретное общество и бумаги, до онаго касающіяся, посланному съ симъ нарочно чиновнику главнаго штаба 7-го класса Вахрушеву, который сіи свѣдѣнія передастъ для дѣйствія по онымъ генералъ-адъютанту Чернышеву. Точное открытіе подобнаго зла доставитъ мнѣ долгъ о усердіи и вѣрности вашей представить на всемилостивѣйшее уваженіе.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

5-го декабря 1825 года.

XXXV.

Предписаніе генералъ-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду.

По личному высочайшему повелѣнію въ Таганрогѣ, ноября 10-го дня 1825 года,

3-го Украинскаго полка унтеръ-офицеру Шервуду.

По письму вашему отъ 20-го сентября къ г. генералу отъ артиллеріи, графу Аракчееву, отправляется съ высочайшимъ повелѣніемъ въ Харьковъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ, съ полною высочайшею довѣренностью дѣйствовать по извѣстному дѣлу. Вы ему укажите способы схватить графа Николая Булгари или другого, если бы въ семъ случилась перемѣна съ спискомъ, о которомъ вы говорите въ упомянутомъ письмѣ, равно можете объясниться съ полною откровенностію и посовѣтоваться съ нимъ о мѣрахъ, нужныхъ для совершеннаго открытія найденнаго вами.

Во всякомъ случаѣ нужно будетъ присутствіе выше въ Таганрогѣ, отъ обстоятельствъ можетъ зависѣть, что къ сему полезно будетъ для дальнѣйшихъ открытій, что таковая мѣра должна казаться другимъ противъ воли вашей, вы о семъ также не оставите изложить мнѣніе ваше, основанное на точномъ существѣ дѣла полковнику Николаеву, которому извѣстно все содержаніе сего ордера, даннаго вамъ по высочайшему повелѣнію и коего имѣете исполнить въ точности.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Библиотека "Руниверс"

XXXVI.

Открытый листъ, данный полковнику Николаеву, отправленному по высочайшему повелѣнію въ Харьковъ.

Отправленному по высочайшему повелѣнію по самому нужнѣйшему дѣлу лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковнику Николаеву имѣютъ всѣ воинскія и гражданскія начальства по предъявленіи сего открытаго предписанія въ сдѣланномъ ему препорученіи оказать всѣ возможныя пособія и требованія его исполнить безъ малѣйшаго промедленія, о чемъ симъ по высочайшей волѣ строжайше предписывается.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

11-го ноября 1825 года.

XXXVII.

Донесеніе Шервуда генералъ-адъютанту Дибичу 18-го ноября 1825 года.

3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ — начальнику главнаго штаба его императорскаго величества генералъ-адъютанту Дибичу.

Предписаніе вашего превосходительства отъ г. полковника и кавалера Николаева я имѣлъ честь получить, на которое симъ почтеннѣйше доношу, что изъ донесенія моего къ главному надъ военными поселеніями начальнику видно, на чемъ остановилъ я свои дѣйствія.

И такъ, пробывши въ городѣ и окрестностяхъ Орла до 26-го числа прошлаго октября мѣсяца, изыскивалъ всѣ средства къ открытію извѣстнаго, имѣя разныя письма, былъ между прочимъ два раза и у корпуснаго командира генералъ-адъютанта Бороздина, но по малому времени было все безуспѣшно. Узнавъ, что графъ Николай Булгари проѣхалъ изъ полка къ отцу, поспѣшилъ возвратиться къ прапорщику Вадковскому и нашелъ его еще въ г. Курскѣ, съ эскадронами, занимающими караулъ; весьма обрадовался онъ моему пріѣзду, говоря, что ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ даже и прежде сего, и что можетъ служить доказательствомъ письмо, оставленное имъ мнѣ отъ 20-го октября, по случаю отъѣзда его изъ г. Курска къ графу Захару Чернышеву въ 80-ти верстахъ отъ города; письмо мною было спрятано (которое при семъ честь имѣю приложить).

Онъ былъ въ восхищеніи, что дѣла текутъ такъ хорошо, и что онъ получилъ изъ С.-Петербурга свѣдѣніе, что въ весьма короткое время принято въ гвардіи человѣкъ до 10-ти, но чрезъ кого—онъ мнѣ не сказалъ; потомъ я всячески старался узнать, откуда оно имѣетъ свое начало, сталъ ему говорить о его прежнемъ предположеніи

Библиотека "Руниверс"

составить со мною вѣдомость и отослать съ графомъ Николаемъ Булгарьемъ, какъ онъ хотѣлъ, по принадлежности. Вообрази, сказалъ онъ мнѣ, что Булгари уѣхалъ съ графомъ Спиро и Андреемъ Булгари въ г. Одессу, чѣмъ сдѣлалъ мнѣ большую остановку въ отправленіи донесеніи, имѣя притомъ нужду сдѣлать требованіе отъ главныхъ членовъ, какъ-то: о заведеніи секретной типографіи, выдавать въ публику разныя сочиненія на русскомъ діалектѣ, чтобъ болѣе приготовить всѣхъ къ сказанному содѣйствію, и требовать конституцію въ трехъ экземплярахъ: одинъ для доставленія въ С.-Петербургъ, другой собственно Вадковскому, третій для меня, какъ уже имѣю столь значительное число подъ своимъ вѣдѣніемъ. Впрочемъ сказалъ онъ мнѣ, что способнѣе онъ не находитъ никого послать, какъ поручика графа Николая Булгари, и что долженъ непремѣнно дождаться его пріѣзду. Я давалъ ему чувствовать, что я теперь на свободѣ и душевно желалъ бы на себя взять таковое порученіе; онъ мнѣ отвѣчалъ, что графъ уже на то опредѣлилъ себя и имѣетъ подорожную во всю Россійскую имперію (что и дѣйствительно). Послѣ чего писалъ онъ мнѣ вопросы. Я долженъ былъ ему отвѣчать насчетъ своихъ дѣйствій, вопросы были слѣдующіе:

«Главная причина, побуждающая ихъ быть сообщниками, негодованіе вообще генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и какія мѣры были взяты мною къ открытію имъ сего, какъ ими было оное принято, свойство нижнихъ чиновъ вообще, число войскъ, могущихъ поднять оружіе въ случаѣ нужды, сколько мною принято, есть ли въ числѣ принятыхъ съ отличными способностями ума, могущихъ во всякомъ случаѣ быть полезными (которыхъ показалъ я числомъ шесть)».

Прозваніевъ ничьихъ я не писалъ и такъ составилъ вѣдомость, какъ можно ближе къ образу мыслей ихъ; на вѣдомости надписалъ:

«1825 года, октября 30-го дня, г. Курскъ. Состояніе военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ».

Послѣ чего велѣлъ онъ подать свѣчу, и сожжены были его вопросные пункты и моя черновая вѣдомость, а бѣлую онъ спряталъ въ скрипичный свой футляръ, гдѣ она вѣрно и теперь съ какими-то бумагами, полагаю—какія нибудь письма изъ С.-Петербурга. Онъ указалъ на нихъ, сказалъ: вотъ гдѣ храню свои бумаги, въ случаѣ не дай Богъ чего, то человѣкъ сей же часъ можетъ взять и зажечь, что будетъ не замѣтно. Въ бытность мою у него одинъ день провелъ онъ въ караулѣ, гдѣ и я былъ цѣлый день на главной Курской гауптвахтѣ, куда днемъ принесены были ему письма, въ числѣ коихъ одно изъ Елисаветграда отъ Николая Булгари, гдѣ изъясняетъ, что онъ по причинѣ отъѣзда Спиро и Андрея Булгари поѣхалъ съ ними въ Одессу и которые ѣдутъ въ Корфу. Вечеромъ пришелъ къ Вадковскому Сѣверскаго конно-егерскаго полка майоръ Гофманъ, котораго онъ такъ довелъ своими сужденіями и разговорами о разныхъ несправедливостяхъ, притѣсненіяхъ и невыгодахъ деспотическаго правленія, что тотъ самъ сказалъ, что удивительно, что столько умныхъ людей и не предпринимаютъ ничего къ измѣненію правленія. Но Вадковскій ему ничего при мнѣ не открылъ. А когда онъ ушелъ, то онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже его давно къ сему приготовлялъ, и при первомъ съ нимъ свиданіи будетъ принятъ, какъ человѣкъ, согласный съ общимъ ихъ мнѣніемъ, а какъ съ хорошимъ умомъ, то можетъ быть очень полезенъ.

Эскадроны выступили изъ города, а другіе на мѣсто ихъ пришли. Дивизіонный начальникъ, генералъ Зассъ, оставилъ Вадковскаго еще на полтора мѣсяца въ г. Курскѣ

Библиотека "Руниверс"

за адъютанта при вновь вступившихъ эскадронахъ. Будучи у Вадковскаго, писалъ я къ графу Андрею Булгари, чтобъ скорѣе возвратился Николай Булгари, гдѣ и онъ приписалъ къ Николаю, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ; письмо это повезетъ графъ Чернышевъ Захаръ, который также ждетъ себѣ отпуска изъ главной квартиры 1-й арміи; отъ Вадковскаго узналъ я слѣдующее, что въ семъ обществѣ состоитъ графъ Захаръ Чернышевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка; Свистуновъ того же полка—дѣйствующее лицо по сему заговору въ С.-Петербургѣ; Бурашовъ Конно-гвардейскаго полка, что̀ женится на Ушаковой, находящейся при дворѣ, недавно принятъ Вадковскимъ; не знаю, по какому случаю проѣзжалъ чрезъ Курскъ и видѣлся съ Вадковскимъ юнкеръ, пріѣхавшій къ роднымъ близъ Орла изъ Кіева, Скарятинъ, но, какъ его зовутъ и котораго полка, мнѣ неизвѣстно, по открытіи ему о семъ Вадковскимъ онъ сказалъ, что давно своимъ учителемъ къ подобнымъ мыслямъ приготовленъ.

Графъ Бобринскій, который—мнѣ еще неизвѣстно именно, жертвуетъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи, полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Воронцова и командуетъ нынѣ во 2-й арміи полкомъ, но которымъ—даже и Вадковскому неизвѣстно. Почему просилъ меня, если имѣю во 2-й арміи знакомыхъ, то чтобъ написалъ отъ себя письма, чтобъ увѣдомили, гдѣ онъ стоитъ съ полкомъ и какимъ командуетъ, что ему самому писать неловко къ нему, почему я и написалъ къ капитану Шишкову, моему знакомому адъютанту у генерала Рудзевича, и къ майору Пузину, находящемуся для особыхъ порученій у генерала Киселева.

Генералъ-интендантъ 2-й арміи Юшневскій, — все сіе узналъ я изъ нашихъ съ Вадковскимъ въ разное время разговоровъ и, дабы удалить всякое на меня подозрѣніе, не рѣшился спросить, даже который Бобринской и чины нѣкоторыхъ, — между прочимъ Вадковскій показывалъ мнѣ письмо, писанное имъ къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой, прося о исходатайствованіи брату своему прощенія у государя императора, которое ею вручено государынѣ императрицѣ во время проѣзда ея величества чрезъ городъ Бѣлгородъ; въ письмѣ семъ онъ ясно говоритъ, что въ послѣдующемъ времени онъ будетъ знать, какъ отблагодарить государя императора, что̀ было предметомъ общаго моего съ нимъ смѣха гдѣ онъ также упоминаетъ, что если онъ прежде дѣлалъ по молодости лѣтъ глупости, то теперь вѣрно не сдѣлаетъ того (т.-е. что онъ теперь дѣйствуетъ гораздо осторожнѣе).

Я оставилъ его 2-го числа ноября подъ предлогомъ, что ѣду къ брату въ Харьковъ, съ которымъ въ проѣздъ мой въ Орелъ, спѣша по дѣламъ полковника Гревса 2-го, не успѣлъ видѣться, и что буду въ Чугуевѣ собственно для того, имѣя знакомыхъ, пригласить въ общество (о чемъ на сихъ дняхъ его увѣдомлю, что человѣка два мною принято), и что буду ѣхать въ первыхъ числахъ декабря въ Москву и С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ и къ нему заѣду. Онъ обѣщалъ дать мнѣ письма къ своимъ сотоварищамъ.

Комиссіонеръ графа Якова Булгари, Кирьяковъ, будучи посланъ въ Бѣлгородъ къ графинѣ Чернышевой отъ графа, нашелъ тамъ Вадковскаго, чрезъ его прислалъ мнѣ приложенное при семъ письмо, въ коемъ предлогъ собирать долги есть не что иное, какъ приглашеніе сообщниковъ, и что графъ не заѣхалъ къ нему въ деревню, это значитъ къ нему самому, для доставленія донесенія, куда хотѣлъ съ нимъ отправить.

Всѣ сіи обстоятельства я представилъ г. полковнику Николаеву и общимъ нашимъ мнѣніемъ предположилъ слѣдующее.

Библиотека "Руниверс"

Пробыть въ г. Харьковѣ до 1-го числа декабря мѣсяца, въ теченіе коего времени, можно полагать, что будутъ отвѣты отъ майора Пузина и капитана Шишкова, также не пріѣдетъ ли графъ Николай Булгари, который долженъ прежде пріѣхать къ отцу, т.-е. въ Харьковъ, и дѣйствовать по прибытіи его такъ, чтобъ взять его на дорогѣ съ донесеніемъ; въ противномъ случаѣ, если бы графъ Николай Булгари къ тому времени не пріѣхалъ, то мнѣ ѣхать непремѣнно къ Вадковскому и всѣми силами стараться, чтобъ самому отвезть донесеніе (въ чемъ надѣюсь успѣть). А въ томъ и другомъ случаѣ, взявши донесеніе, снять точную копію, съ которымъ мнѣ отправиться, куда будетъ слѣдовать, а подлинное хранить, а тамъ стараться связать ихъ отвѣтомъ или полученіемъ конституціи, и узнать возможное; г. полковнику Николаеву быть всегда въ недальнемъ разстояніи отъ меня, на всякій случай могущихъ встрѣтиться надобностей.

Потомъ, возвратясь оттуда, ѣхать въ Петербургъ и взять отъ него письма къ петербургскимъ сочленамъ, съ коихъ также снявъ копіи, подлинныя оставить къ дѣлу и копіями связать и тѣхъ отвѣтами.

Буде же графъ Булгари не пріѣдетъ, и Вадковскій не поручитъ мнѣ отвезти донесеніе его, въ такомъ случаѣ узнавъ, гдѣ донесеніе его хранится, взять самого Вадковскаго со всѣмъ, что у него находится, отобравъ отъ него однакожъ письма, которыя онъ мнѣ обѣщалъ въ С.Петербургъ.

3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ.

1825 года
Ноября 18-го дня.
Харьковъ.

XXXVIII.

Рапорты полковника Николаева генералъ-адъютанту Дибичу, 14-го и 18-го ноября 1825 года.

1.

Вчерашняго числа въ 10 часовъ утра прибылъ я въ Харьковъ. Грязная мѣстами дорога, худыя на нѣкоторыхъ станціяхъ лошади и болѣзнь, случившаяся съ однимъ казакомъ отъ ушиба лошадью, прежде пріѣхать мнѣ помѣшали. До сего времени покупать ничего не начиналъ, ибо ничего не нашелъ еще. Здѣсь пробуду я до того времени, когда казакъ выздоровѣетъ, а послѣ отправлюсь, если не успѣю здѣсь искупить всего, о чемъ въ то же время донесу вашему превосходительству.

Всепокорнѣйшій слуга
Степанъ Николаевъ.

14-го ноября
1825 г.
Харьковъ.

Библиотека "Руниверс"

2.

Харьковъ, 18-го ноября 1825 г.

Ровно 15-го числа пришелъ Шервудъ въ трактиръ Матускà, и я изъ числа многихъ другихъ тотчасъ узналъ его по желтому мундиру. При входѣ моемъ онъ примѣтно встревожился, ибо тотчасъ отгадалъ, кто я, несмотря на то, что я одѣтъ былъ просто въ сюртукѣ.

По приглашенію, онъ явился тогда же у меня и, прочитавши повелѣніе вашего превосходительства, разсказалъ мнѣ все дѣло, какъ писалъ къ графу Аракчееву и лично доносилъ государю императору.

Чрезъ нарочнаго унтеръ-офицера Мульганова имѣю честь представить вашему превосходительству новое донесеніе Шервуда по сему случаю и два письма, писанныя къ нему Вадковскимъ. Сами по себѣ письма сіи ничего не объясняютъ; но, соображая съ содержаніемъ дѣла и разсказами Шервуда, смыслъ оныхъ довольно дѣлается внятнымъ.

Теперь, соглашая дѣйствія мои съ показаніями Шервуда, я останавливаюсь на томъ, что графъ Николай Булгари съ нѣкотораго времени находится въ Одессѣ, и неизвѣстно, когда возвратится. Хотя же Шервудъ и надѣется собою замѣнить Булгарія и выманить отъ Вадковскаго порученіе, но мнѣ кажется, что онъ въ семъ не успѣетъ; ибо, сколько я понимаю, Вадковскій не имѣетъ къ нему большого довѣрія. Впрочемъ, я рѣшаюсь, какъ и условились мы съ нимъ, до 1-го декабря пробыть здѣсь въ ожиданіи писемъ и графа Булгарія, а тогда ѣхать въ Курскъ, отправивъ туда напередъ Шервуда. Между же тѣмъ, чрезъ письмо Шервудъ спрашиваетъ у Вадковскаго, «нашелъ ли онъ кѣмъ замѣнить Булгарія».

Я предполагаю, что если бы Булгари пріѣздомъ своимъ замедлилъ, и удалось Шервуду выманить донесенія и вѣдомости у Вадковскаго, содержаніе которыхъ мнѣ будетъ извѣстно, тогда узнавши, какія именно бумаги остались еще у Вадковскаго, я намѣренъ взять его, какъ лицо, по словамъ Шервуда, въ заговорѣ семъ довольно значащее.

Не знаю, будутъ ли одобрены предположенія Шервуда насчетъ собранія имъ на письма Вадковскаго отвѣтовъ; но мнѣ кажется, что таковыя дѣйствія будутъ весьма медленны, и ходъ ихъ не надеженъ. Впрочемъ первыя бумаги, попавшіяся мнѣ въ руки, должны открыть болѣе.

Изъ донесенія Шервуда ваше превосходительство усмотрѣть изволите, что, имѣя сильныя предстательства, Вадковскій надѣется получить позволеніе ѣхать въ отпускъ. Если бы это случилось, то человѣкъ сей по пылкости ума своего и неспокойному духу чрезъ личныя свиданія надѣлать можетъ очень много.

Основывая донесеніе мое единственно на показаніяхъ Шервуда и моемъ заключеніи, я осмѣливаюсь наконецъ признаться, что, дѣйствуя съ вѣрноподданнѣйшимъ усердіемъ, я не боюсь неудачи по возложенному на меня порученію, важность котораго понимаю въ полной мѣрѣ; но, какъ худой политикъ, боюсь ошибки, которая можетъ испортить все дѣло. Взять человѣка легко; но если не найдется при немъ предполагаемыхъ доказательствъ, то симъ въ обществѣ надѣлать можно весьма невыгодныхъ толковъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ симъ посланнымъ буду имѣть честь ожидать вашихъ приказаній. Съ нимъ же покорнѣйше прошу прислать мнѣ еще два бланкета; ибо, употребивъ одинъ для посылки унтеръ-офицера и замѣнивъ другимъ свою подорожную, дабы имѣть оную поскромнѣе, у меня остается свободнымъ только одинъ.

Полковникъ Николаевъ.

XXXIX.

Рапортъ и письмо командира 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенанта Рота.

Г. Житомиръ,
26-го ноября
1825 г.

Генералъ-адъютанту
барону Дибичу.

№ 17. Рапортъ.

Сего числа, въ четыре часа по полуночи, явился ко мнѣ Вятскаго пѣхотнаго полка, принадлежащаго 2-й арміи, капитанъ Майборода, съ просьбою доставить его императорскому величеству запечатанный конвертъ, заключающій, по его словамъ, весьма важное донесеніе. Не зная капитана Майбороды, я объявилъ ему, что не могу иначе исполнить сего, какъ арестовавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ впредь до повелѣнія. Онъ изъяснился, что задержаніе его уничтожитъ всю пользу донесенія, имъ дѣлаемаго, и наконецъ, распечатавъ конвертъ, показалъ мнѣ содержаніе рапорта своего. Усмотрѣвъ, что заключающіяся въ ономъ обстоятельства относятся до намѣренія открыть тайное общество, и что доводы его заслуживаютъ вниманія, я счелъ себя въ обязанности не оставить рапортъ сего офицера безъ уваженія и препроводить его къ вашему превосходительству черезъ нарочно посланнаго адъютанта моего, поручика графа Штейнбока, отправленнаго подъ видомъ командировки въ 7-ю пѣхотную дивизію. Донося о семъ вашему превосходительству, имѣю честь присовокупить, что капитанъ Майборода нынѣшнею же ночью отправился обратно въ свой полкъ, объявя мнѣ, что по принятымъ имъ мѣрамъ надѣется, что отсутствіе его изъ онаго останется въ тайнѣ.

Генералъ-лейтенантъ Ротъ.

Житомиръ. 26-го ноября, 1825 года.

Ваше превосходительство,

милостивый государь.

Ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ рапорта Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды, который я имѣю честь препроводить сего числа при донесеніи за № 17, важныя обстоятельства, въ ономъ заключающіяся. Я считаю нуж-

Библиотека "Руниверс"

нымъ сверхъ того довести до свѣдѣнія вашего, что офицеръ сей показался мнѣ въ полномъ разсудкѣ, и что на запросъ, сдѣланный мною, зачѣмъ онъ не обратился къ своему начальству для доставленія его императорскому величеству донесенія своего, онъ отозвался, что нашелъ удобнѣе для сохраненія тайны обратиться ко мнѣ, не по какому либо сомнѣнію на вышнее начальство 2-й арміи, но для того, что по близости расположенія Вятскаго полка (въ Липовецкомъ уѣздѣ) счелъ легче скрыть поѣздку въ Житомиръ, нежели въ штабъ 7-го пѣхотнаго корпуса или въ главную квартиру; а также и по тому уваженію, что опасается, чтобъ въ числѣ чиновниковъ, окружающихъ генераловъ 2-й арміи, не было сообщниковъ тайнаго общества, которое онъ намѣренъ открыть.

Хотя я убѣдительно старался, чтобъ онъ доставилъ больше подробностей относительно онаго, но онъ отозвался, что не можетъ мнѣ дать другихъ свѣдѣній, кромѣ слѣдующихъ:

Что общество сіе было прежде составлено подъ именемъ общества просвѣщенія.

Что впослѣдствіи времени оно преобразовалось, и что многіе члены отъ онаго отклонились.

Что въ числѣ сихъ послѣднихъ находятся командиръ Украинскаго полка, полковникъ Бурцевъ, Казанскаго полка Абрамовъ и квартирмейстерской части подполковникъ Комаровъ, которые, какъ онъ полагаетъ, не откажутся дать насчетъ онаго свѣдѣніе (въ особенности подполковникъ Комаровъ).

Что денщикъ полковника Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный, долженъ также знать много подробностей, и въ особенности извѣстенъ, гдѣ находятся важныя бумаги, о коихъ капитанъ Майборода упоминаетъ, и которыя хранятся частію въ двухъ большихъ зеленыхъ портфеляхъ.

Я счелъ нужнымъ отпустить капитана Майбороду обратно въ полкъ, дабы не дать полковнику Пестелю сомнѣніе, которое могло бы побудить его истребить бумаги, заключающія доказательства тайнаго общества.

Изъ словъ его можно было заключить, что полковникъ Пестель имѣетъ около себя довольно значительное число сообщниковъ, которые имѣютъ за капитаномъ Майбородою весьма бдительное наблюденіе, такъ что, можетъ быть, и поѣздка, имъ предпринятая теперь, не останется отъ нихъ скрыта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Логгинъ Ротъ.

XL.

Письмо императора Николая Павловича графу Аракчееву.

Сейчасъ только получилъ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, о появившемся бродягѣ и о счастливомъ заключеніи его. Я приказалъ его закованнаго доставить сюда, гдѣ мы до него доберемся, если онъ въ связи съ нашими злодѣями, что весьма вѣроятно.

Библиотека "Руниверс"

Я поручаю вамъ объявить по корпусу мою совершенную благодарность полковнику Фрикену за его исполнительность, равно и дежурному офицеру; а равно объявить сему, что я приказалъ выдать ему не въ зачетъ годовое жалованье. Покуда будутъ вѣрные слуги, такъ тѣ, кои подъ вами, и вѣрный достойный начальникъ, нечего намъ бояться, а впрочемъ по пословицѣ «на Бога надѣйся, а самъ не плошай». Прошу обратить вниманіе на Московскій отрядъ, чтобы не сдѣлали какіе нибудь молокососы какихъ нибудь дурачествъ; впрочемъ, я увѣренъ, послѣ сдѣланнаго подтвержденія будутъ они исправны и осторожны.

Я здѣсь остаюсь до субботы; квартира прежняя ваша готова и тепла; и прошу пожаловать такъ, чтобъ послѣ обѣда можно было заняться.

Николай.

Царское Село.
1826 г., апрѣля 6-го.

Объяснительная записка бывшаго новгородскаго губернатора Жеребцова.

Означенный человѣкъ былъ подосланъ къ военнымъ поселянамъ въ полкъ графа Аракчеева. Онъ одѣтъ былъ такъ, какъ рисуется образъ Спасителя, въ шелковой рясѣ, сапоги зеленые сафьянные, по холодному тогда времени, что было въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ сверхъ платья одѣтъ былъ въ лисьей шубѣ, крытой тонкимъ синимъ сукномъ. Съ нимъ былъ образъ, украшенный брилліантами, и книга Апокалипсисъ, изъ которой онъ читалъ и указывалъ другимъ статьи о Николайченкахъ; онъ называлъ себя столпомъ церкви, посланнымъ отъ Бога, для избавленія христіанъ отъ заблужденія. Онъ предлагалъ военнымъ поселянамъ позволить имъ носить опять бороды, но они отказались сказавъ, что они боятся начальниковъ. Въ полку графа Аракчеева онъ взятъ былъ подъ караулъ, какъ безпаспортный, и присланъ къ намъ въ губернское правленіе при отношеніи, какъ бродяга, безъ всякаго увѣдомленія о его разглашеніяхъ и возмущеніяхъ военныхъ поселянъ. Но онъ, сидя въ городовой тюрьмѣ, началъ такимъ же образомъ разглашать между арестантами; почему немедленно взятъ былъ моими совѣтниками въ губернское правленіе и по случаю моего тогда отсутствія изъ Новгорода содержался въ особой комнатѣ. По прибытіи моемъ, я принялся за него, узналъ отъ него, какъ онъ прибылъ изъ Петербурга въ военное поселеніе въ образѣ святого, старался возмутить военныхъ поселянъ, произнося разныя хулы насчетъ государя и предковъ его и обѣщая поселянамъ свободу и обращеніе ихъ въ первобытное ихъ состояніе. Допрося его тогда при предсѣдателяхъ палатъ и при моихъ совѣтникахъ, я тогда же отправилъ его съ частнымъ приставомъ и жандармами къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору при донесеніи моемъ на имя государя въ собственныя руки; вмѣстѣ съ тѣмъ далъ знать о семъ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, который, какъ видно успѣлъ написать о семъ государю съ фельдъегеремъ, отчего его донесеніе пришло прежде моего, а мое осталось скрытымъ. Вотъ отъ чего ему и его полковому командиру вышло благоволеніе государя; а обо мнѣ ни слова не сказано, тогда какъ по настоящему начальство военнаго поселенія заслуживало похвалу за то, что поселяне такъ опасались его, что изъ страха не приняли предложенія возмутителя; но

Библиотека "Руниверс"

со всѣмъ тѣмъ не обнаружили его, и онъ остался бы скрытымъ, и могъ еще сдѣлать попытку и даже успѣть по другимъ полкамъ, если бы онъ не былъ нами обнаруженъ, и лишенъ способа произвести и впредь такое дѣло.

Впослѣдствіи времени, когда государь короновался въ Москвѣ, и сей самый отрядъ возвращался изъ Москвы, интригами начальниковъ его, генералъ-адъютантовъ Демидова и Пселеньева, поставленъ былъ противъ меня великій князь Михаилъ Павловичъ, который наговорилъ мнѣ много непріятностей и выпросилъ у государя, чтобъ меня уволили отъ должности губернатора, какъ будто безъ моего прошенія, а послѣ отдали подъ судъ по дѣлу графа Аракчеева, которое давно было уже рѣшено, и я не найденъ былъ виновнымъ, и тутъ скрыли сіе отъ государя, представили ему виновнымъ, и тѣмъ вовлекли его въ несправедливость противъ вѣрнаго слуги его.

XLI.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича графу Сакену, 5-го декабря 1825 года.

Милостивый государь,

графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ.

Не осмѣливаясь до высочайшаго разрѣшенія увѣдомить васъ о бѣдствіи, насъ постигшемъ, о которомъ не могло достаточно предварить васъ послѣднее мое письмо, я не вхожу въ подробности сего несчастія, тоже въ объясненіе чувствъ моихъ, столь давно всѣмъ извѣстныхъ и вами раздѣленныхъ; но должно побѣждать печаль свою, дабы исполнить долгъ вѣрности и службы, увѣдомляю васъ для единственнаго вашего сіятельства и начальника главнаго штаба арміи свѣдѣнія о слѣдующемъ: уже съ нѣкотораго времени доходили до высочайшаго свѣдѣнія довольно вѣроятныя извѣстія о существованіи секретныхъ обществъ, распространяющихся въ арміяхъ и особенно во 2-й, но по симъ же извѣстіямъ также и въ первой, именно въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ существующихъ, но до сего времени не могли указать ни на' одно лицо поименно, кромѣ одного изъ главныхъ сочленовъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщика Вадковскаго, который, завербовавъ членовъ, не принадлежащихъ арміи, объявилъ, что въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, кромѣ двухъ значительныхъ чиновниковъ, имѣется довольное число членовъ сего общества. По имѣющимся извѣстіямъ, отправленъ былъ 11-го прошедшаго мѣсяца, по высочайшему повелѣнію, лично мнѣ объявленному, лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ, дабы по представляющейся по вѣроятности возможности перехватить посланные отъ Вадковскаго списки своимъ сообщникамъ, но обстоятельства перемѣнились и принудили дать полковнику Николаеву приказаніе, что если ему, какъ сіе по обстоятельствамъ касалось вѣроятнымъ, возможно будетъ надѣяться вступить въ Курскѣ въ мнимые члены сего общества, то пользоваться симъ случаемъ, дабы вывѣдывать секреты Вадковскаго (который по непростительному упущенію генерала Засса, будучи выписанъ за проступки изъ гвардіи, находится уже

Библиотека "Руниверс"

другую очередь за адъютанта при караульныхъ эскадронахъ), послѣ чего онъ долженъ или арестовать Вадковскаго съ его бумагами и главными сообщниками, въ силу даннаго ему по высочайшему повелѣнію полномочія или же предувѣдомить меня для принятія отсюда возможныхъ мѣръ; о томъ, что получу, не премину тотчасъ увѣдомить васъ, но почелъ тѣмъ необходимымъ предварить о семъ ваше сіятельство, что по полученному извѣстію подобные злоумышляющіе существуютъ во 2-й арміи въ довольно значительномъ числѣ, о чемъ съ симъ же предваряю г-на главнокомандующаго оною и обо всемъ довожу до высочайшаго свѣдѣнія. О мнѣніи вашемъ, равно если бы до васъ дошли какія либо подобныя извѣстія о подробностяхъ оныхъ и о мѣрахъ, вами предполагаемыхъ, или которыя изволите считать нужнымъ принять съ вашей стороны, прошу всепокорнѣйше почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ чрезъ сего нарочно посланнаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребывать

вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дибичъ.

Таганрогъ.
Декабря 5-го дня
1825 года.

На письмѣ помѣта:

«Получено въ канцеляріи 19-го декабря 1825 года».

XLII.

Письмо генералъ-адъютанта Дибича графу Сакену, 15-го декабря 1825 года.

Секретно.

Таганрогъ, 15-го декабря 1825 года.

Милостивый государь,

графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ.

Вслѣдъ за письмомъ моимъ, отправленнымъ къ вашему сіятельству чрезъ нарочнаго фельдъегеря отъ 6-го сего декабря, считаю нужнымъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что возвратившійся изъ г. Курска лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ доставилъ ко мнѣ такія доказательства насчетъ выписаннаго изъ гвардіи въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ прапорщика Вадковскаго, кои не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи общества, къ коему онъ принадлежитъ, вреднаго и опаснаго для общаго спокойствія и для благосостоянія государства. Почему я, не теряя ни малѣйшаго времени, отправилъ полковника Николаева опять

Библиотека "Руниверс"

въ г. Курскъ съ предписаніемъ, дабы онъ арестовалъ прапорщика Вадковскаго и отправилъ его съ нарочнымъ фельдъегеремъ по данному ему отъ меня назначенію, и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ схватилъ всѣ его бумаги и доставилъ ко мнѣ. А чтобы скрыть до времени настоящую причину его арестованія, то я извѣстилъ генерала Засса, что прапорщикъ Вадковскій арестуется за то, что оказался опять въ тѣхъ же проступкахъ, за которые былъ выписанъ изъ гвардіи, и приказалъ полковнику Николаеву дать видъ, что Вадковскій отправляется за сіе въ Архангельскій гарнизонъ.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ, кои Николаевъ ко мнѣ доставилъ, видно, что Вадковскій, по всему вѣроятію, не имѣлъ никого сообщниковъ въ Нѣжинскомъ конно-егерскомъ полку, но что имѣетъ таковыхъ во 2-й арміи; и, кажется, не видно въ 1-й арміи (исключая гвардіи) никакихъ сношеній, кромѣ того, что сіи же самыя свѣдѣнія даютъ сильное подозрѣніе на дежурнаго штабъ-офицера 4-го пѣхотнаго корпуса, полковника князя Трубецкого, который, какъ говорятъ, есть одинъ изъ горячайшихъ сочленовъ тайнаго общества. Также показано, что въ оное недавно принятъ Вадковскимъ юнкеръ Скарятинъ, племянникъ корпуснаго командира князя Щербатова, который уже прежде былъ приготовленъ къ тому своимъ учителемъ, но что связи его съ симъ обществомъ еще не открыты полковнику князю Трубецкому.

При тѣхъ мѣрахъ, кои уже приняты вообще къ сему важному обстоятельству, я полагаю, что со стороны вашего сіятельства достаточно будетъ ограничиться только тѣмъ, чтобы поручить кому либо изъ довѣренныхъ и самыхъ благонадежнѣйшихъ лицъ, по вашему благоусмотрѣнію, имѣть ближайшее наблюденіе за поступками и дѣйствіями какъ полковника князя Трубецкого, такъ и юнкера Скарятина. А притомъ нельзя ли узнать секретнымъ образомъ, кто у сего послѣдняго былъ учителемъ? О послѣдующемъ же покорнѣйше прошу меня увѣдомить, равно какъ и о томъ, въ которомъ полку состоитъ Скарятинъ.

О всѣхъ сихъ свѣдѣніяхъ я донесъ на высочайшее усмотрѣніе какъ въ С.-Петербургъ, такъ и въ Варшаву.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дибичъ.

Помѣта:
«Получ. 22-го декабря».

XLIII.

Письмо генералъ-адъютанта Чернышева Дибичу, 9-го декабря 1825 года.

Elisabethgrad.

Ce 9 de Décembre 1825,
à 7 heures du matin.

Mon général.

Je crois devoir vous expédier une estafette d'ici, mon général, quand ce ne serait que pour vous prévenir que le comte de Witt et la 2-e armée ont preté serment à Sa

Библиотека "Руниверс"

Majesté l'Empereur Constantin, en vertu d'un oukase de senat en date du 27 de Novembre dont je joins ici un exemplaire.

D'après ce que m'a dit le comte Witt (qui est en pleine convalescence) tout s'est passé fort tranquillement, tant chez lui que dans les différents corps de la 2-e armée. Je l'ai beaucoup fait causer; mais outrè des suppositions vagues, sur des appréhensions concernant les 3-e et 4-e corps, au cas qu'il survienne encore un changement, il ne m'a presque rien dit de remarquable et surtout de relatif à l'objet de mon voyage. Conformément à vos instructions, mon général, je ne lui ai rien dit qui puisse lui faire croire autre chose qu'une course pour moi à Varsovie.

Je continue ma route sur-le-champ et vais jour et nuit, de manière que dans 7 à 8 jours, ou vous me verrez arriver à Taganrog, ou vous aurez un courrier de ma part. Dans tous les cas, soyez persuadé, que je ferai tout ce qui dépendra de moi pour atteindre le but que de fidèles sujets et de bons serviteurs doivent considerer comme leur devoir le plus sacré.

Je vous réitère, cher général, l'expression de toute ma gratitude pour les preuves de confiance et d'amitié que vous m'avez donnés à l'époque la plus malheureuse de notre existence et vous prie d'agréer l'assurance de mes sentiments les plus sincères et les plus devoués.

A. Czernicheff.

P. S.

Je vous supplie, cher général, d'avoir la bonté d'expédier la lettre ci-jointe pour Moscou par l'extraposte; c'est pour ma pauvre femme, mais elle est à l'adresse de son père.

Mes hommages au prince Volkonsky.

XLIV.

Проектъ указа о назначеніи великаго князя Михаила Павловича правителемъ государства.

Желая утвердить еще болѣе на будущее время, сколько возможно по человѣчеству предвидѣть, ненарушимое спокойствіе дражайшаго отечества на залогахъ священныхъ, рѣшились мы нынѣ же, прежде нежели приступить къ царствованію, опредѣлить съ помощію Божіею и съ твердымъ упованіемъ на покровительство Его нашимъ благимъ намѣреніямъ: возлюбленнаго сына нашего Александра Николаевича признать нынѣ же, какъ законнаго наслѣдника нашего, наслѣдникомъ престола Россійскаго, царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго и проч., и проч., и проч.

Но поелику дни наши въ рукахъ Божіихъ и прекратиться могутъ ранѣе, чѣмъ предвидѣть по вѣроятности возможно, опредѣляемъ на случай кончины нашей до законнаго совершеннолѣтія законнаго наслѣдника нашего, любезнѣйшаго брата нашего, Михаила Павловича, правителемъ государства. Если же Богу угодно будетъ призвать къ Себѣ и любезнѣйшаго сына нашего, Александра Николаевича, до закон-

Библиотека "Руниверс"

наго совершеннолѣтія, и не будетъ у насъ другого сына, но супруга наша, Александра Ѳеодоровна, останется беременною, то любезнѣйшему брату, Михаилу Павловичу, оставаться правителемъ государства до разрѣшенія отъ бремени супруги нашей. Если она родитъ сына, то Михаилу Павловичу быть правителемъ государства до законнаго совершеннолѣтія новорожденнаго послѣ смерти нашей сына и наслѣдника. Но если супруга наша родитъ великую княжну, то тогда же великій князь Михаилъ Павловичъ есть законный наслѣдникъ нашъ и законный государь имперіи и проч.

Любезнѣйшей супругѣ нашей, Александрѣ Ѳеодоровнѣ во всякомъ случаѣ быть опекуномъ сына или сыновей нашихъ до ихъ законнаго совершеннолѣтія.

Да поможетъ Богъ нашимъ благимъ намѣреніямъ, и да пребудетъ десница Его надъ нашимъ императорскимъ домомъ и любезнѣйшимъ нашимъ государствомъ.

XLV.

Реляція о 14-мъ декабря 1825 года.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ, № 100.

ВТОРНИКЪ, ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ.

1825.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИСШЕСТВІЯ.

Санктпетербургъ.

15-го декабря.

Вчерашній день будетъ, безъ сомнѣнія, эпохою въ исторіи Россіи. Въ оный жители столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему, и въ слѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи престола. Но Провидѣнію было угодно сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое внезапно, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сунодъ присягали въ вѣрности Монарху: въ теченіи утра должны были дать присягу всѣ полки лейбъ-гвардіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Пре-

Библиотека "Руниверс"

ображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ Гренадерскимъ, Гвардейскимъ Егерьскимъ, Финляндскимъ и Сапернымъ баталіономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; но сему причиною полагали отдаленность ихъ казармъ отъ Дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре офицера гвардейской конной артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе какъ офицеры, такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отмѣннымъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ), выступивъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами и провозглашая Императоромъ Великаго Князя Константина Павловича, идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ Дворцемъ. Государь Императоръ вышелъ изъ Дворца безъ свиты, явился одинъ народу и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ двѣ возмутившіяся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построились въ баталіонъ-карре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемъ оберъ-офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полку и, предводительствуя онымъ, приближился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе; но съ твердымъ намѣреніемъ не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостію и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ Санктпетербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности, но въ ту самую минуту стоявшій возлѣ него человѣкъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній Его Императорскаго Величества. Твердость и милость равномѣрно оказывались въ сдѣланныхъ нѣсколько разъ по Его повелѣнію увѣщаніяхъ возмутившимся. Государь призывалъ ихъ къ долгу и смиренію, но не внимая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самою скорою покорностію долженствуетъ необходимо и во всякомъ случаѣ послѣдовать примѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ Его Величество далъ приказаніе бывшій въ караулѣ у Дворца полкъ Финляндскій Егерскій усилить Сапернымъ баталіономъ, а полкамъ Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому Гренадерскому и Лейбъ-Гвардіи Артиллерійской первой бригадѣ явиться къ Нему. Всѣ сіи войска ревностно просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ и мятежниковъ. Къ симъ послѣднимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полку и Гвардейскаго Морского Экипажа; но съ другой стороны Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который въ ту лишь минуту возвратился въ С.-Петербургъ, узнавъ, что часть принадлежащаго къ его дивизіи Московскаго полка обезславила себя возстаніемъ на законную власть, не медля отправился къ казармамъ и тамъ, даже не употребляя никакихъ строгихъ мѣръ, привелъ къ присягѣ шесть ротъ сего полка, кои при началѣ возмущенія хотя отказывались присягать, однакожъ не хотѣли и слѣдовать

Библиотека "Руниверс"

примѣру вышедшихъ на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязавъ сіи роты клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности къ Государю Императору Николаю Павловичу, привелъ ихъ къ Августѣйшему Брату Своему; онѣ пылали равнымъ съ другими войсками нетерпѣніемъ положить конецъ мятежу.

Но Государь Императоръ еще щадилъ безумцевъ, и лишь при наступленіи ночи, когда уже были вотще истощены всѣ средства убѣжденія, и самое воззваніе Преосвященнаго Митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, Его Величество наконецъ рѣшился вопреки желанію сердца своего употребить силу. Вывезены пушки, и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавшихъ, преслѣдуя и хватая ихъ. Потомъ разосланы по всѣмъ улицамъ сильные дозоры, и въ шесть часовъ вечера изъ всей толпы возмутившихся не было уже и двухъ человѣкъ вмѣстѣ; они бросали оружіе или сдавались въ плѣнъ. Въ десять часовъ взято было дозорами болѣе пяти сотъ, кои скитались разсѣянные; виновнѣйшіе изъ офицеровъ пойманы и отведены въ крѣпость.

Въ шесть часовъ вечера Государь возвратился во Дворецъ, и молебствіе по случаю восшествія Его Императорскаго Величества на Престолъ совершено въ присутствіи Ихъ Величествъ, всего Двора, и при великомъ стеченіи знатныхъ особъ. Въ городѣ уже было возстановлено повсемѣстное спокойствіе.

Таковы были происшествія вчерашняго дня; будучи очевидцами оныхъ, мы описали всѣ обстоятельства съ величайшею подробностію и точностію. Они, безъ сомнѣнія, горестны для всѣхъ русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ Государя Императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монарха въ сей памятный день, Его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ Августѣйшій Братъ Его Великій Князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни также пьяныхъ, и что изо всѣхъ Гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и Морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства, тотъ, конечно, съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи, непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей преданности русскихъ къ Августѣйшему ихъ законному Монарху. Признанія уже допрошенныхъ важнѣйшихъ приступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе, все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени Цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей Его Императорское Высочество Самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ Своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему

Библиотека "Руниверс"

явному намѣренію замыслившихъ сей бунтъ навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія.

Праведный Судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками безпорядковъ. Помощію Неба, твердостію Правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы, и войска, кои изъ предосторжности провели минувшую ночь на бивуакахъ близъ Дворца, возвратились въ казармы.

Нынѣ поутру Государь Императоръ объѣзжалъ всѣ находившіеся при немъ полки и узнавъ, что рядовые Гвардейскаго Экипажа изъявляютъ живѣйшее раскаяніе, утверждаютъ, что они были вовлечены въ мятежъ обманомъ и уже въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича дали присягу въ вѣрности, дозволилъ сему баталіону предстать предъ Него, даровалъ имъ великодушное прощеніе и возвратилъ знамя, коего по волѣ Его Императорскаго Величества они были лишены вчера. Они со слезами славятъ милосердіе Монарха.

XLVI.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Дибича, 11 декабря 1825 года.

Его императорскому величеству

начальника главнаго штаба

Таганрогъ.
11-го декабря 1825 г.
№ 12.

рапортъ.

Въ послѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада моего отъ 4-го сего декабря, представленнаго вашему императорскому величеству чрезъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса, имѣю долгъ поднести при семъ вашему величеству записку, объясняющую, съ какимъ успѣхомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ продолжалъ сдѣланное ему порученіе. При чемъ имѣю счастіе донести, что по содержанію письма прапорщика Вадковскаго къ полковнику Пестелю я нашелъ нужнымъ отправить вчерашняго числа полковника Николаева опять въ г. Курскъ, давъ ему приказаніе, по прибытіи туда, тотчасъ арестовать прапорщика Вадковскаго и отправить его съ нарочнымъ фельдъегеремъ въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія въ оной подъ строжайшимъ карауломъ впредь до повелѣнія, а бумаги прапорщика Вадковскаго схватить и запечатавъ доставить ко мнѣ.

Обо всемъ этомъ я нынѣ же увѣдомляю и генералъ-адъютанта Чернышева для необходимаго ему соображенія при дѣйствованіи по возложенному на него порученію.

Дабы по возможности скрыть до времени ходъ сего дѣла, я приказалъ полковнику Николаеву при арестованіи прапорщика Вадковскаго объявить, что онъ аре-

Библиотека "Руниверс"

стуется за то, что оказался вновь въ тѣхъ же проступкахъ, за которые былъ выписанъ изъ гвардіи, и что онъ отправляется въ Архангельскъ.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Николаевъ, по сдѣланному ему высочайшему довѣрію, прибывъ въ г. Курскъ, подъ именемъ отставного штабсъ-ротмистра, по соображеніи съ унтеръ-офицеромъ Шервудомъ, дабы не упустить важное открытіе чрезъ какое либо подозрѣніе прапорщика Вадковскаго къ мнимому члену, ему совершенно еще неизвѣстному, рѣшились оставить дѣйствіе начально одному Шервуду. Вадковскій, будучи совершенно обрадованъ прибытіемъ Шервуда и чувствуя важность пользы для ихъ цѣли (мнимаго) сильнаго подкрѣпленія, заведеннаго будто бы Шервудомъ отдѣленія общества въ поселеніяхъ, рѣшился по важности нынѣшнихъ обстоятельствъ отправить самого Шервуда къ командиру Вятскаго пѣхотнаго полка, полковнику Пестелю, коего, повидимому, считаетъ главною пружиною ихъ дѣйствій. Посему далъ Шервуду собственное письмо къ Пестелю, запечатавъ его вмѣстѣ съ выдуманными Шервудомъ извѣстіями о духѣ Екатеринославскаго и Херсонскаго поселеній и Донского войска, препоручилъ ему доставить лично къ Пестелю.

Какъ по содержанію сего письма можно было надѣяться, что оно убѣдитъ Пестеля открыться во всемъ Шервуду, то полковникъ Николаевъ, не показываясь Вадковскому, доставилъ лично упомянутое письмо ко мнѣ. Онъ полагалъ тѣмъ удобнымъ не приступить тотчасъ къ арестованію Вадковскаго, что по содержанію письма сего можно быть увѣреннымъ, что онъ не имѣетъ никакихъ сообщниковъ въ своемъ полку, и, вѣроятно, число оныхъ вообще малозначащее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вадковскій находится.

По мѣрамъ, уже принятымъ противъ Пестеля, посылка Шервуда къ нему была бы излишнею.

Главное содержаніе письма слѣдующее.

Вадковскій объясняется, что, можетъ быть, Пестель уже его позабылъ, но что воспоминаніе о своей присягѣ наполняетъ все его сердце, что онъ существуетъ и дышитъ единственно для священной цѣли, которая ихъ соединяетъ. Далѣе продолжаетъ, что Пестель можетъ себѣ вообразить, что Вадковскій въ нынѣшней ссылкѣ своей долженъ былъ скрывать свои чувства и обманывать, что онъ сіе исполнилъ, и надѣется, что Пестель о томъ увѣдомленъ черезъ Сергѣя, брата Матвѣя (Шервудъ объяснилъ, что это братья Муравьевы, изъ коихъ одинъ въ отставкѣ—по всей вѣроятности, Муравьевы-Апостолы, оба изъ бывшаго состава лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, изъ коихъ Сергѣй—подполковникъ Черниговскаго полка, а Матвѣй въ отставкѣ, бывшій адъютантъ у генералъ-адъютанта князя Репнина).

Вадковскій продолжаетъ: что онъ былъ весьма наблюдаемъ начальствомъ; не менѣе того отыскалъ знакомство молодыхъ офицеровъ его полка, но нашелъ ихъ совершенно ниже себя и (по его мнѣнію) презрѣнія достойныхъ, живущихъ однимъ жалованьемъ и слѣдующихъ голосу одного полкового командира, коего при семъ называетъ самымъ низкимъ браннымъ словомъ.

Сергѣй (Муравьевъ) рекомендовалъ Вадковскому видѣться съ Граббе (бывшимъ командиромъ Лубенскаго гусарскаго полка, а нынѣ служащимъ въ Сѣверскомъ конно-

Библиотека "Руниверс"

егерскомъ полку). Сей послѣдній не совсѣмъ понравился Вадковскому, что впрочемъ (по мнѣнію сего послѣдняго) могло быть отъ различія чиновъ и лѣтъ, считая Граббе впрочемъ благомыслящимъ въ ихъ смыслѣ. Вадковскій ему говорилъ насчетъ Михаила Орлова, и Граббе отзывался, что этотъ человѣкъ съ умомъ и созданъ быть головою партій. Вадковскій про сіе говоритъ, что таковое сужденіе заслуживаетъ смѣха, если не больше. Вадковскій говоритъ, что онъ тѣмъ меньше могъ быть откровененъ съ Граббе, что нѣкто Толстой изъ Москвы, который принятъ въ общество ихнымъ другомъ Барятинскимъ, сказалъ ему, что зеленая книга (вѣроятно, названіе какого либо общества) сдѣлала въ себѣ реформу, и что она рѣшительно противъ ихъ общества; а Сергѣй, братъ Матвѣя, увѣрилъ Вадковскаго, что Граббе одинъ изъ горячѣйшихъ зеленой книги; не менѣе того Вадковскій намѣренъ зимою опять ѣхать къ Граббе, дабы видѣть, что полезно принять.

Полгода послѣ прибытія Вадковскаго въ Нѣжинскій полкъ, какъ пишетъ онъ къ Пестелю, сдѣлалъ онъ знакомство съ Шервудомъ. Онъ не можетъ довольно выхвалить достоинствъ его и называетъ пріемъ его въ общество самымъ важнѣйшимъ дѣломъ, которое онъ сдѣлалъ, и что Пестель сіе увидитъ изъ услугъ, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе года. Онъ проситъ Пестеля быть съ Шервудомъ совершенно откровеннымъ, ибо онъ можетъ оказать самыя большія для нихъ услуги. Онъ еще повторяетъ, что Пестель долженъ быть съ нимъ откровеннымъ, ибо малѣйшая недовѣрчивость покажется обидною для сего достойнаго сочлена, что испыталъ Вадковскій, коему стоило величайшихъ трудовъ не потерять для ихъ Шервуда, когда и онъ разъ хотѣлъ его испытать нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Вадковскій разсказываетъ, что онъ обязанъ Шервуду важнѣйшимъ извѣстіемъ насчетъ поселеній, и что теперь, когда нужно ему доставить къ Пестелю бумаги, несмотря на то, что Шервудъ имѣетъ необходимыя дѣла въ Москвѣ, онъ жертвуетъ ими, дабы быть полезнымъ обществу.

Вадковскій продолжаетъ въ отчетѣ своемъ Пестелю, что Свистуновъ (по объясненію Шервуда, офицеръ Кавалергардскаго полка) далъ ему лучшее извѣстіе изъ С.-Петербурга, что полкъ, въ которомъ служилъ Вадковскій (Кавалергардскій), имѣя тогда, какъ Пестель долженъ знать, только 4-хъ членовъ, имѣетъ таковыхъ 10; что это идетъ и въ другихъ полкахъ довольно хорошо; что, напримѣръ, ему сказалъ Свистуновъ, что онъ надѣется принять въ короткомъ времени въ Измайловскомъ полку 5 или 6, что онъ препоручилъ Свистунову стараться, чтобы онъ былъ возвращенъ, дабы онъ присутствіемъ своимъ могъ возжечь ихъ дѣйствія.

Вадковскій продолжаетъ, что онъ принялъ во время ихъ пріѣзда 3-хъ членовъ: одного Конной Гвардіи (по объясненію Шервуда, сей есть нѣкто Барыковъ), другого Лейбъ-Кирасирскаго ея величества полка (по тому же объясненію Шервуда, поручикъ графъ Булгари) и третьяго изъ корпуса князя Щербатова (юнкеръ Скарятинъ). Вадковскій говоритъ, что первый женится, что невѣста мыслитъ хорошо (единственная причина, которая заставила Барыкова на ней жениться, какъ онъ объяснялъ Вадковскому). Посему совѣтовалъ ему Вадковскій держать открытый домъ для соединенія членовъ ихъ общества; второго (Булгари) завербовалъ для посылокъ, а третьяго, юнкера Скарятина, дабы получать извѣстія отъ корпуса дѣда его (князя Щербатова). Онъ рекомендовалъ сему юнкеру отнюдь не открываться Трубецкому, коего вялость не отвѣчаетъ живости молодого сердца (Вадковскій сказалъ Шервуду, что сіе будетъ проба

Библиотека "Руниверс"

для Скарятина, и что онъ полка князя Трубецкого, находящагося дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, считаетъ однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ). Вадковскій продолжаетъ, что Шервудъ можетъ Пестелю дать идею о нѣкоторомъ майорѣ Гофманѣ, на котораго онъ имѣетъ виды, но еще не совершенно его удостовѣрилъ. Онъ далѣе говоритъ, что Пестель долженъ помнить, что онъ черезъ Матвѣя (Муравьева) обѣщалъ прислать ему конституцію еще въ С.-Петербургѣ; что онъ проситъ при всемъ, что для насъ есть священнѣйшаго, исполнить сіе; что Шервудъ скажетъ ему, какъ онъ хранитъ бумаги свои, что онъ не можетъ сомнѣваться въ его приверженности и усердіи, развѣ въ благоразуміи его; но что онъ уже прежде ему обѣщалъ, и необходимо сіе исполнить. Вадковскій продолжаетъ для доказательства сего, что кончина императора Александра должна ускорить работы ихъ. По его мнѣнію, если бы можно было предвидѣть оную и принять нужныя мѣры, то сіе было бы, можетъ быть, минута объявить общество. По несчастію, говоритъ онъ, они не довольно увѣрены въ своихъ силахъ въ С.-Петербургѣ, что, вѣроятно, заставитъ ихъ дожидаться. и ожидать или болѣе неудовольствія въ народѣ, и тѣмъ умноженія ихъ членовъ, или въ противномъ случаѣ, при общемъ благоденствіи, усиленія своихъ работъ и трудовъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ, по мнѣнію его, будетъ имъ болѣе свободы.

Сверхъ того, говоритъ Вадковскій, нужно дать новымъ членамъ, кои рѣшаются жертвовать жизнью, временемъ и всѣмъ, что для нихъ есть священнаго, какія нибудь доказательства. Онъ полагаетъ, что сіи причины достаточно убѣдятъ Пестеля прислать ему экземпляръ конституціи, изъ коей онъ возьметъ одну только копію для С.-Петербурга, гдѣ она по тѣмъ же причинамъ столько же нужна, и что Свистуновъ о томъ его убѣдительно проситъ. Сверхъ того, Вадковскій проситъ законовъ ихъ общества въ подробности, жалуясь на свою память, что, несмотря на то, что Пестель объяснялъ оные ему нѣсколько разъ, иногда ихъ вовсе забываетъ. Вадковскій продолжаетъ, что онъ между прочимъ принялъ Шервуда бояромъ, не имѣя на это права (по объясненію Шервуда, бояръ имѣетъ право принимать другихъ сочленовъ), извиняясь впрочемъ большими достоинствами Шервуда, по которымъ онъ даже согласенъ сложить съ себя преимущество, слѣдующее ему по ихъ закону, въ пользу Шервуда.

Вадковскій пишетъ далѣе, что онъ препоручилъ Шервуду привести къ Пестелю одного изъ генераловъ, принятыхъ имъ (по мнимому Шервуда показанію) по поселенію, и рекомендуетъ Пестелю принять ихъ съ отличіемъ, полагая, что должно бы принять ихъ обоихъ, какъ бояровъ, съ тѣмъ, чтобы Шервудъ былъ назначенъ для доставленія приказовъ отъ дирекціи по поселеніямъ.

Онъ заключаетъ письмо надеждою, что при новомъ царствованіи онъ, можетъ быть, будетъ возвращенъ въ С.-Петербургъ.

Письмо сіе писано изъ Курска по-французски 3-го декабря, но вмѣсто декабря написано ноября, что, безъ сомнѣнія, есть ошибка, въ чемъ самое содержаніе письма удостовѣряетъ.

Въ двухъ прибавленіяхъ предлагаетъ Вадковскій Пестелю о назначеніи нѣсколькихъ самыхъ надежнѣйшихъ членовъ для сообщенія главными начальниками округовъ, ибо какой успѣхъ (говоритъ онъ) можно ожидать, когда директорія можетъ только одинъ разъ въ годъ, и то еще невѣрнымъ образомъ, имѣть извѣстія изъ столь важныхъ для работы пунктовъ, какъ, напримѣръ, объ столицы и поселенія.

Библиотека "Руниверс"

Во второмъ прибавленіи говоритъ, что онъ слышалъ, что графъ Бобринскій (по объясненію Шервуда, отставной изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка офицеръ) хочетъ въ пользу ихъ въ чужихъ краяхъ завести типографію; что сіе усердіе его столь же похвально, какъ идея его глупа; но что онъ полагалъ бы возможнымъ завести типографію въ имѣніяхъ кого либо изъ ихъ членовъ, подъ надзоромъ члена же и стараться распространить произведенія оной въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста печатанія. Онъ говоритъ, что Пестель можетъ найти сію идею отважною, но что онъ при семъ употребляетъ собственное его, Пестеля, выраженіе: «мы не должны ходить по розанамъ; кто ничего не рискуетъ, тотъ ничего не имѣетъ».

XLVII.

Манифестъ 20-го декабря 1825 года съ приложеніями.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любезное Отечество Наше объявшей, въ единомъ Богѣ Мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, Любезнѣйшаго Брата Нашего, Мы лишилися Отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго.

Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27-й день ноября мѣсяца до Насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности Старѣйшему Брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, Наслѣднику Престола Всероссійскаго.

По совершеніи сего священнаго долга, извѣстились Мы отъ Государственнаго Совѣта, что въ 15-й день октября 1823 года предъявленъ оному, за печатію покойнаго Государя Императора, конвертъ съ таковою на оном Собственноручною Его Величества надписью: «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до Моего востребованія, а въ случаѣ Моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія

Библиотека "Руниверс"

въ чрезвычайномъ Собраніи»; что сіе Высочайшее Повелѣніе Государственнымъ Совѣтомъ исполнено, и въ оном конвертѣ найдено: 1) Письмо Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору отъ 14-го генваря 1822 года, въ коемъ Его Высочество отрекается отъ наслѣдія Престола, по праву первородства Ему принадлежащаго; 2) Манифестъ, въ 16-й день августа 1823 года собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утвержденный, въ коемъ Государь Императоръ, изъявляя Свое согласіе на отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, признаетъ Наслѣдникомъ Насъ, яко по Немъ старѣйшаго и по коренному закону къ наслѣдію ближайшаго. Вмѣстѣ съ симъ донесено Намъ было, что таковые же акты и съ тою же надписью хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Свѣдѣнія сіи не могли перемѣнить принятой Нами мѣры. Мы въ актахъ сихъ видѣли отреченіе Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласіемъ Его Величества утвержденное; но не желали и не имѣли права сіе отреченіе, въ свое время всенародно не объявленное и въ законъ не обращенное, признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали Мы утвердить уваженіе Наше къ первому коренному Отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія Престола. И въ слѣдствіе того, пребывая вѣрными присягѣ, Нами данной, Мы настояли, чтобъ и все Государство послѣдовало Нашему примѣру; и сіе учинили Мы не въ прекаліе дѣйствительности воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго Государя Императора, Общаго Нашего Отца и Благодѣтеля, воли, для Насъ всегда священной, но дабы оградить коренный законъ о порядкѣ наслѣдія Престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній Нашихъ и дабы предохранить любезное Отечество Наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о Законномъ его Государѣ. Сіе рѣшеніе, въ чистотѣ совѣсти предъ Богомъ Сердцевѣдцемъ Нами принятое, удостоено и личнаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Любезнѣйшей Родительницы Нашей, благословенія.

Между тѣмъ горестное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора достигло въ Варшаву прямо изъ Таганрога 25-го ноября, двумя днями прежде, нежели сюда. Пребывая непоколебимо въ намѣреніи Своемъ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ на другой же день, отъ 26-го ноября, призналъ за благо снова утвердить оное двумя актами, Любезнѣйшему Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Павловичу, для доставленія сюда врученными. Акты сіи суть слѣдующіе: 1) Письмо къ Государынѣ Императрицѣ, Любезнѣйшей Родительницѣ Нашей, въ коемъ Его Высочество, возобновляя прежнее Его рѣшеніе и укрѣпляя силу онаго грамотой покойнаго Государя Императора, въ отвѣтъ на письмо Его Высочества, во 2-й день февраля 1822 года состоявшеюся, и въ спискѣ при томъ приложенною, снова и торжественно отрекается отъ наслѣдія Престола, присвояя оное въ порядкѣ, коренным законом установленномъ, уже Намъ и Потомству Нашему. 2) Грамота Его Высочества къ Намъ; въ оной, повторяя тѣ же самыя изъявленія воли, Его Высочество даетъ Намъ титулъ Императорскаго Величества; Себѣ же предоставляетъ прежній титулъ Цесаревича и именуетъ Себя вѣрнѣйшимъ Нашимъ подданнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Сколь ни положительны сіи акты, сколь ни ясно въ нихъ представляется отреченіе Его Высочества непоколебимымъ и невозвратнымъ, Мы признали однако же чувствамъ Нашимъ и самому положенію дѣла сходственнымъ пріостановиться возвѣщеніемъ оныхъ, доколѣ не будетъ получено окончательное изъявленіе воли Его Высочества на присягу, Нами и всѣмъ Государствомъ принесенную.

Нынѣ получивъ и сіе окончательное изъявленіе непоколебимой и невозвратной Его Высочества воли, возвѣщаемъ о томъ всенародно, прилагая при семъ: 1) Грамоту Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору Александру Первому; 2) Отвѣтную Грамоту Его Императорскаго Величества; 3) Манифестъ покойнаго Государя Императора, отреченіе Его Высочества утверждающій и Насъ Наслѣдникомъ признающій; 4) Письмо Его Высочества къ Государынѣ Императрицѣ, Любезнѣйшей Родительницѣ Нашей; 5) Грамоту Его Высочества къ Намъ.

Въ послѣдствіе всѣхъ сихъ актовъ и по коренному закону имперіи о порядкѣ наслѣдія, съ сердцемъ, исполненнымъ благоговѣнія и покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, Насъ ведущаго, вступая на Прародительскій Нашъ Престолъ Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ: 1) присягу въ вѣрности подданства учинить Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу, Любезнѣйшему Сыну Нашему; 2) время вступленія Нашего на Престолъ считать съ 19-го ноября 1825 года.

Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія Наши жить единственно для любезнаго Отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя; да будетъ Царствованіе Наше токмо продолженіемъ Царствованія Его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ Тотъ, Коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ. Данъ въ Царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ, въ двунадесятый день декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Приложенія къ манифесту.

1.

Копія.

Всемилостивѣйшій Государь!

Обнадеженъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія Вашего Императорскаго Величества ко Мнѣ, осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть къ оному и изложить у ногъ Вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу Мою.

Библиотека "Руниверс"

Не чувствуя въ Себѣ ни дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію Моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ Меня, и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе Нашего Государства. Симъ могу Я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое далъ Я непринужденно и торжественно при случаѣ развода Моего съ первою Моею женою. Всѣ обстоятельства Моего нынѣшняго положенія Меня наиболѣе къ сему убѣждаютъ и будутъ предъ Государствомъ Нашимъ и всѣмъ свѣтомъ новымъ доказательствомъ Моихъ искреннихъ чувствъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Примите просьбу Мою благосклонно и испросите на оную согласіе Всеавгустѣйшей Родительницы Нашей и утвердите оную Вашимъ Императорскимъ Словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ Вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго Государства Нашего.

Есмь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ,
Всемилостивѣйшій Государь!
Вашего Императорскаго Величества
Вѣрнѣйшій подданный и Братъ.

На подлинномъ, собственною рукою писанномъ письмѣ подписано тако:

Константинъ Цесаревичъ.

С.-Петербургъ.
Генваря 14-го дня
1822 года.

На копіи написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Съ подлиннымъ вѣрно:

АЛЕКСАНДРЪ.

2.

Списокъ съ копіи.

Любезнѣйшій Братъ!

Съ должнымъ вниманіемъ читалъ Я письмо Ваше. Умѣвъ цѣнить всегда возвышенныя чувства Вашей души, сіе письмо Меня не удивило. Оно Мнѣ дало новое доказательство искренней любви Вашей къ Государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

По вашему желанію, предъявилъ Я письмо сіе любезнѣйшей Родительницѣ Нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и Я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, Васъ руководствовавшимъ.

Библиотека "Руниверс"

Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, Вами изъясненныя, дать полную свободу Вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію Вашему, прося Всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

Пребываю на вѣкъ душевно Васъ любящій Братъ.

На подлинномъ подписано Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

На копіи написано: вѣрно.

КОНСТАНТИНЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

С.-Петербургъ,
февраля 2-го дня
1822 года.

3.

Копія.

Божіею милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ непрестанно Мы чувствуемъ себя обязанными предъ Вседержителемъ Богомъ, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго Намъ Отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ Насъ, чрезъ ясное и точное указаніе Преемника Нашего, сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ Наслѣдника Престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ остаться празднымъ.

Между тѣмъ, какъ Мы носили въ сердцѣ Нашемъ сію священную заботу, Возлюбленный Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое Онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ Него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному

Библиотека "Руниверс"

акту о наслѣдованіи Престола, постановленному Нами въ 1820 году, и Имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Нашъ Возлюбленный Братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для Государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола,— съ согласія Августѣйшей Родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Императорской Фамиліи и по врученной Намъ отъ Бога Самодержавной власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ, свободному отреченію перваго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и въ трехъ высшихъ Правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и въ Правительствующемъ Сенатѣ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе того на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола Наслѣдникомъ Нашимъ быть второму брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше въ надлежащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго, о Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его вѣчное.

Данъ въ Царскомъ Селѣ 16-го августа въ лѣто отъ Рождества Христова 1823-е, Царствованія же Нашего въ двадесять третіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Библиотека "Руниверс"

4.

Копія.

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вселюбезнѣйшая Родительница!

Съ сокрушеннымъ сердцемъ получивъ вчерашняго числа въ 7-мъ часовъ вечера поразившее Меня глубочайшею горестію отъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанта барона Дибича и генералъ-адъютанта князя Волконскаго увѣдомленіе и актъ, при семъ въ оригиналахъ прилагаемые, о кончинѣ обожаемаго Нами Государя Императора Александра Павловича, Моего Благодѣтеля, спѣшу раздѣлить съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ постигшую Насъ скорбь, прося Всевышняго, дабы Онъ Всемогущею Благодатію Своею подкрѣпилъ силы Наши къ перенесенію столь жестоко постигшаго Насъ рока.

Степень, на которую Меня возводитъ сіе поразившее Насъ несчастіе, поставляетъ Меня въ обязанность излить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ со всею откровенностію истинныя чувствованія Мои по сему важному предмету.

Небезызвѣстно Вашему Императорскому Величеству, что по собственному Моему побужденію просилъ Я блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича объ устраненіи Меня отъ права наслѣдія Императорскаго Престола, на что и удостоился получить отъ 2-го февраля 1822 года собственноручный Высочайшій Рескриптъ, у сего въ засвидѣтельствованной копіи прилагаемый, въ коемъ Его Императорское Величество изъявилъ на то Высочайшее Свое соизволеніе, объявя, что и Ваше Императорское Величество на то согласны, что̀ самое и лично изволили Мнѣ подтвердить. Притомъ воля покойнаго Государя Императора была, дабы помянутый Высочайшій Рескриптъ хранился у Меня въ тайнѣ до кончины Его Величества.

Обыкши съ младенчества исполнять свято волю какъ покойнаго Родителя Моего, такъ и скончавшагося Государя Императора, а равно Вашего Императорскаго Величества, Я, не выходя и нынѣ изъ предѣловъ оной, почитаю обязанностію Моею право Мое на наслѣдіе, согласно установленному Государственному акту о наслѣдіи Императорской Фамиліи, уступить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу и Наслѣдникамъ Его.

Съ тѣми же чувствами откровенности вмѣняю въ долгъ изъявить, что Я, не простирая ни до чего болѣе Моихъ желаній, единственно сочту себя счастливѣйшимъ, если удостоюсь продолжать выше тридцатилѣтнее Мое служеніе блаженной памяти Государямъ Императорамъ, Родителю и Брату, нынѣ же Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу съ такимъ же глубочайшимъ благоговѣніемъ, живѣйшимъ усердіемъ и безпредѣльною преданностію, которыя во всѣхъ случаяхъ Меня одушевляли и одушевлять будутъ до конца дней Моихъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ истинныя и непоколебимыя чувствованія Мои и повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всенижайше прошу, удостоивъ Благосклоннымъ Вашимъ принятіемъ сіе письмо, оказать Мнѣ милость объявленіемъ онаго, гдѣ слѣдуетъ, для приведенія въ надлежащее исполненіе, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

совершится въ полной мѣрѣ и силѣ соизволеніе Его Императорскаго Величества покойнаго Государя и Благодѣтеля Моего, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе на оное Вашего Императорскаго Величества.

При семъ осмѣливаюсь также всенижайше представить Вашему Императорскому Величеству кошю съ письма Моего Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, вмѣстѣ съ симъ посланнаго.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,
Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества,

на подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою подписано тако:

Всенижайшій и всепокорнѣйшій сынъ

КОНСТАНТИНЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Варшава,
26-го ноября 1825 года.

5.

Любезнѣйшій Братъ!

Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ Я вчерашняго числа вечеромъ въ 7-мь часовъ горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, Моего Благодѣтеля.

Спѣша раздѣлить съ Вами таковую, постигшую Насъ тягчайшую скорбь, Я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ Я письмо къ Ея Императорскому Величеству Вселюбезнѣйшей Родительницѣ Нашей, съ изъявленіемъ непоколебимой Моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго Рескрипта покойнаго Государя Императора, отъ 2-го февраля 1822 года ко Мнѣ послѣдовавшаго, на письмо Мое къ Его Императорскому Величеству объ устраненіи Меня отъ наслѣдія Императорскаго Престола, которое было предъявлено Родительницей Нашей, удостоилось какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества Мнѣ о томъ подтвержденія, уступаю Вамъ право Мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу Любезнѣйшую Родительницу Нашу о всемъ томъ объявить, гдѣ слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой Моей воли въ надлежащее исполненіе.

Изложивъ сіе, непремѣнною затѣмъ обязанностію поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ Меня перваго вѣрноподданническую Мою присягу и, дозволивъ Мнѣ изъяснить, что не простираю никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ Я за службу покойнымъ Нашимъ Родителемъ.

Единственнымъ себѣ счастіемъ навсегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго Моего благоговѣнія и

Библиотека "Руниверс"

безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-тилѣтнюю Мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ Родителю и Брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней Моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и потомству Вашему Мое служеніе при настоящей Моей обязанности и мѣстѣ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,
Всемилостивѣйшій Государь!
Вашего Императорскаго Величества,

на подлинномъ рукою Его Императорскаго Высочества подписано тако:

вѣрнѣйшій подданный
КОНСТАНТИНЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Варшава.
26-го ноября 1825 года.

XLVIII.

Записка о Рылѣевѣ.

Объ отставномъ подпоручикѣ Рылѣевѣ.

Рылѣевъ принятъ въ общество коллежскимъ асессоромъ Пущинымъ въ началѣ 1823 года, когда оно состояло изъ немногихъ членовъ и безъ всякаго дѣйствія готово было уничтожиться. Съ самаго вступленія онъ оказался дѣятельнымъ и рѣшительнымъ, споспѣшествовалъ возстановленію общества и доставилъ оному многихъ членовъ.

Въ 1823 году было первое совѣщаніе у Пущина, гдѣ разсуждали о различныхъ распоряженіяхъ по обществу и предлагали членамъ избрать занятія. Такимъ образомъ Николай Тургеневъ обѣщалъ написать объ уголовномъ судопроизводствѣ, Никита Муравьевъ хотѣлъ сообщить планъ своей конституціи, Оболенскій взялся написать объ обязанностяхъ гражданина, а впослѣдствіи Рылѣевъ принялъ на себя составить катихизисъ вольнаго человѣка, писалъ возмутительныя пѣсни и вольнодумныя стихотворенія.

Послѣ того Рылѣевъ былъ въ собраніи у Митькова, гдѣ говорили о новомъ устройствѣ общества.

Изъ членовъ Южнаго общества, пріѣзжавшихъ въ С.-Петербургъ въ 1823 и 1824 году, видѣлся съ Поджіо, Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Пестелемъ. Переговоры были о содиненіи Южнаго общества съ

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернымъ, о чемъ одинъ разъ происходило у него совѣщаніе, въ которомъ полагали, что соединеніе и полезно и необходимо; но главное препятствіе находили въ противоположности конституцій Никиты Муравьева и Пестелевою. Въ семъ совѣщаніи говорили также, чтобы введеніе новаго порядка вещей произвесть посредствомъ временнаго правленія и чтобы въ оное назначить директоровъ общества. Рылѣевъ утверждаетъ, что ни въ совѣщаніяхъ, при немъ бывшихъ, ни въ частныхъ разговорахъ никто положительно не сказывалъ ему о намѣреніи Южнаго общества ввести республику, истребивъ государя и всю царствующую фамилію. Хотя онъ и изъявилъ по сему свои подозрѣнія Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Трубецкому, Никитѣ Муравьеву и Оболенскому, но всѣ говорили, что они также подозрѣваютъ Южное общество, а Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, хотя и защищалъ республиканское правленіе, но часто не выдавая за мнѣніе своего общества. Рылѣевъ съ своей стороны былъ того мнѣнія, что Россія не созрѣла еще для республиканскаго правленія, защищалъ ограниченную монархію, хотя душевно предпочиталъ ей правленіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, признавая оное приличнѣйшимъ для Россіи. Онъ соглашался на республику съ императоромъ, котораго власть не должна превосходить власти президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, тогда только, когда уставъ ея одобрится большинствомъ народныхъ представителей. На вопросъ, что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ, Рылѣевъ сказалъ: не вывезти ли за границу? на что согласились и присутствовавшіе въ совѣщаніи члены.

Напротивъ того другіе показываютъ:

Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

Что Рылѣевъ раздѣлялъ опредѣленіе Южнаго общества о республикѣ и истребленіи царствующаго дома.

Показаніе Александра Бестужева.

Что Рылѣевъ съ Оболенскимъ вслѣдствіе южныхъ инстанцій говорили о необходимости уничтожить всю царствующую фамилію.

Показаніе Каховскаго.

Что Рылѣевъ при самомъ принятіи Каховскаго въ общество въ началѣ прошедшаго года объявилъ ему цѣль—истребленіе всей царствующей фамиліи и водвореніе народнаго правленія. Впослѣдствіи времени узналъ онъ отъ Рылѣева, что истребленіе сіе назначено было совершить или на праздникѣ въ Петергофѣ, или въ Зимнемъ дворцѣ въ маскарадѣ на новый годъ.

Библиотека "Руниверс"

Показаніе Торсона.

Осенью прошлаго года Торсонъ слышалъ отъ Рылѣева, что намѣрены посягнуть на жизнь государя и великихъ князей, и ввесть республику. На вопросъ же Торсона, если государь и великіе князья кончатъ жизнь, тогда что будетъ съ прочими особами императорской фамиліи, Рылѣевъ отвѣчалъ, что возьмемъ мѣры, увидимъ...

Рылѣевъ, поддерживая запирательство свое противъ показаній Муравьева, Бестужева и Каховскаго, наконецъ противъ показанія Торсона сознался, что, говоря съ нимъ о Южномъ обществѣ, точно сказалъ, что оно намѣрено посягнуть на жизнь императора и ввесть республику. Слова же насчетъ особъ императорской фамиліи отвергнулъ и на очныхъ ставкахъ съ Торсономъ и Каховскимъ остался при своемъ показаніи.

Впослѣдствіи времени Рылѣевъ сознался, однако, что ему приходила мысль о необходимости для прочнаго введенія новаго порядка вещей истребить всю царствующую фамилію, полагая, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи, и что все это совокупно породитъ неминуемо междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же императорской фамиліи Рылѣевъ думалъ, что всѣ партіи поневолѣ должны будутъ соединиться, или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче будетъ успокоить, но сего преступнаго мнѣнія никому не объявлялъ.

Въ началѣ 1825 года, предъ отъѣздомъ князя Трубецкого въ Кіевъ, Рылѣевъ избранъ на мѣсто его членомъ въ думу и усугубилъ свою дѣятельность.

Рылѣевъ предполагалъ завесть общество въ Кронштадтѣ. На сей конецъ ѣздилъ туда къ Торсону около средины лѣта 1825 года, и когда сей отрекся, то Рылѣевъ упрекалъ его и Николая Бестужева въ недѣятельности. Однако въ іюлѣ при отъѣздѣ Бригена въ Кіевъ поручилъ ему сказать Трубецкому, что онъ вновь будетъ стараться о приготовленіи въ Кронштадтѣ нѣсколькихъ офицеровъ, дабы въ случаѣ отверженія императоромъ конституціи великаго собора отправить его и всю фамилію за границу. Къ сей мысли Рылѣевъ снова обратился въ то время по случаю знакомства съ Завалишинымъ, чрезъ котораго сначала много надѣялся сдѣлать въ Кронштадтѣ. Но, возымѣвъ подозрѣніе на Завалишина, объявилъ уже о предположеніи своемъ Торсону, которому на замѣчаніе, что лучше императорскую фамилію

Библиотека "Руниверс"

оставить во дворцѣ, она тутъ подъ надзоромъ, Рылѣевъ сказалъ: нѣтъ! въ Петербургѣ нельзя, развѣ въ Шлиссельбургѣ. Тамъ можно приготовить старый Семеновскій полкъ, а въ случаѣ возмущенія — примѣръ Мировича.

Тѣмъ же лѣтомъ Рылѣевъ познакомился съ капитаномъ Якубовичемъ, открылъ ему о существованіи тайнаго общества и узналъ о ужасномъ намѣреніи его покуситься на жизнь покойнаго государя на маневрахъ или на Петергофскомъ праздникѣ. Рылѣевъ сообщилъ о семъ Александру Бестужеву, Оболенскому, Никитѣ Муравьеву и Бригену. Положено было всячески стараться отклонить Якубовича отъ его намѣренія, и послѣ продолжительныхъ убѣжденій Рылѣевъ едва успѣлъ уговорить его отложить оное на годъ, а потомъ и на неопредѣленное время.

Съ одобренія Сѣверной думы Рылѣевъ старался принять въ члены нѣкоторыхъ изъ здѣшняго купечества. Достигнуть сего надѣялся посредствомъ барона Штейнгеля, о чемъ и говорилъ ему, но онъ рѣшительно отвѣчалъ, что это дѣло не возможное, что наши купцы невѣжды; симъ кончилось покушеніе Рылѣева.

Однажды, показываетъ Каховскій, Александръ Бестужевъ сообщилъ ему, что Рылѣевъ предназначаетъ его для совершенія цареубійства. Когда о семъ Каховскій объяснялся съ Рылѣевымъ, то онъ ужасно разсердился, говоря, что обманулся въ чистотѣ его намѣреній, что Бестужевъ такъ о немъ не говорилъ, и что безъ него есть много желающихъ и чище его. Каховскій увѣряетъ, что никогда не вызывался убить покойнаго императора, но въ разговорѣ о самоотверженіи сказалъ Рылѣеву: «для блага моего отечества я готовъ бы и отцомъ моимъ пожертвовать, потому, кто рѣшится жертвовать собою, надобно знать, для чего онъ сіе дѣлаетъ, чтобы не пасть для тщеславія другихъ». Рылѣевъ и въ семъ оспаривалъ его, назвалъ ходячею оппозицію и ставилъ въ примѣръ Якубовича, который безъ дальнихъ разсужденій вѣритъ чести людей и готовъ всячески жертвовать собою, говоря, что Якубовичъ рѣшился убить покойнаго государя императора при парадѣ на Царицыномъ лугу. Сверхъ сего, Рылѣевъ, услышавъ о намѣреніи Каховскаго уѣхать изъ С.-Петербурга, представлялъ ему, что общество скоро будетъ дѣйствовать, и совѣтовалъ ему вступить въ службу въ Новгородскія поселенія, говоря, что обществу нужно имѣть тамъ надежныхъ людей.

Библиотека "Руниверс"

Рылѣевъ всѣ сіи показанія, какъ при допросѣ, такъ и на очной ставкѣ съ Каховскимъ, отвергнулъ, объясняя, что сей послѣдній самъ вызывался на цареубійство.

Напротивъ того Александръ Бестужевъ рѣшительно утверждаетъ, что Рылѣевъ назначалъ Каховскаго для нанесенія удара, почему Бестужевъ, желая отклонить его отъ столь преступнаго дѣйствія, говорилъ, что его хотятъ употребить низкимъ орудіемъ, и до того возбудилъ негодованіе Каховскаго, что Каховскій сказалъ: если Рылѣевъ почитаетъ меня кинжаломъ, то обманется, объ этотъ кинжалъ онъ можетъ уколоться, и я никому ступенью къ возвышенію быть не могу. Бестужевъ на очной ставкѣ съ Рылѣевымъ, подтверждая свое показаніе, объяснилъ, что слышалъ отъ Рылѣева, что Каховскій самъ вызывался убить императора, и что Рылѣевъ говорилъ ему также, что въ случаѣ переворота можно будетъ употребить Каховскаго для нанесенія удара его величеству.

По пріѣздѣ Трубецкого изъ Кіева (осенью 1825 года) объявилъ онъ Рылѣеву и Оболенскому, что дѣла Южнаго общества въ самомъ хорошемъ положеніи, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижнихъ чиновъ, на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать чрезъ солдатъ стараго Семеновскаго полка, что южные готовы начать хотя сейчасъ, что едва не поднялись лѣтомъ, когда у Швейковскаго отняли полкъ, и что, по всей вѣроятности, приступятъ къ дѣйствію въ 1826 году. Впослѣдствіи Трубецкой спрашивалъ Рылѣева, что̀ можетъ сдѣлать Сѣверное общество для содѣйствія Южному, Рылѣевъ отвѣчалъ: совершенно ничего, если прежніе члены думы будутъ дѣйствовать попрежнему; что онъ со своею отраслью готовъ подняться, но они будутъ вѣрныя и безполезныя жертвы.

Когда получено извѣстіе о кончинѣ покойнаго государя, Рылѣевъ былъ боленъ. Трубецкой пріѣхалъ къ нему и разсказывалъ, съ какою готовностью всѣ полки присягнули цесаревичу; впрочемъ, прибавилъ Трубецкой, это не бѣда! надобно приготовить, сколько возможно, дабы содѣйствовать южнымъ членамъ, если они подымутся, что̀ можетъ очень случиться, ибо они готовы воспользоваться каждымъ случаемъ... Вслѣдствіе сего разговора предложено было Рылѣевымъ избрать Трубецкого диктаторомъ, всѣ изъявили согласіе; съ этого времени начались рѣшительныя и каждодневныя совѣщанія.

Съ извѣстіемъ о слухѣ, что государь цесаревичъ отрекается отъ престола, первый пріѣхалъ къ Рылѣеву

Библиотека "Руниверс"

Трубецкой, и положено было воспользоваться симъ непремѣнно. Если же слухъ сей несправедливъ, то выжидать, что предпримутъ на югѣ. Квартира Рылѣева съ того времени сдѣлалась мѣстомъ совѣщаній заговорщиковъ, откуда исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію. Онъ возбуждалъ подъ предлогомъ вѣрности присягѣ, данной цесаревичу, воспользоваться удобнымъ случаемъ привесть въ исполненіе цѣль общества.

При совѣщаніи о средствахъ возмущенія солдатъ Рылѣевъ полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами, что цесаревичъ отъ престола не отказывается, что, присягнувъ одному государю, присягать другому чрезъ нѣсколько дней грѣхъ. Мнѣніе сіе принято единодушно, и поручено было офицерамъ, принадлежавшимъ къ обществу, привесть оное въ исполненіе. Рылѣевъ думалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана для возмущенія всѣхъ нижнихъ чиновъ, по причинѣ негодованія ихъ противъ взыскательности начальства, и когда онъ спросилъ Трубецкого, какую силу полагаетъ достаточною для совершенія ихъ намѣреній, Трубецкой отвѣчалъ: довольно одного полка. Тогда Рылѣевъ сказалъ: такъ нечего и хлопотать; можно ручаться за три, а за два навѣрное. Когда же имѣли въ виду до шести полковъ, то всѣ безъ исключенія говорили, что сами обстоятельства призываютъ общество къ началію дѣйствій, и что не воспользоваться онымъ было бы непростительное малодушіе и даже преступленіе. На полки Гренадерскій, Московскій и Морской экипажъ надѣялись потому, что имѣли въ оныхъ весьма рѣшительныхъ членовъ: Арбузова, Щепина-Ростовскаго, Михаила Бестужева и Суттофа. На Егерскій полагались по увѣренію Арбузова, на Измайловскій по словамъ нѣкоторыхъ офицеровъ онаго и по той же причинѣ на Финляндскій.

Въ планѣ дѣйствій опредѣлено было не присягать самимъ и подать черезъ то примѣръ солдатамъ, и если они увлекутся, то каждому, кто сколько можетъ, привесть ихъ на Петровскую площадь, гдѣ Трубецкой долженъ принять начальство и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Трубецкой полагалъ захватить царскую фамилію и предоставить рѣшеніе судьбы ея великому собору; но уничтожить ее на совѣщаніи, по словамъ Рылѣева, никто не предлагалъ, равно никто не возставалъ противъ нынѣ

Библиотека "Руниверс"

царствующаго императора. Рылѣевъ приводитъ въ доказательство: во-первыхъ, если бы положено было уничтожить царствующую фамилію, то общество приняло бы предложеніе Якубовича или Каховскаго,—напротивъ Рылѣевъ о вызовѣ Каховскаго никому не сказалъ, а предложеніе Якубовича отвергнуто единодушно, несмотря на то, что Арбузовъ завѣрялъ, что нѣтъ ничего легче, какъ убить императора во дворцѣ на выходѣ; во-вторыхъ, манифестъ, который Трубецкой поручилъ ему, Рылѣеву, написать. Въ семъ манифестѣ должно было изложить, что государь цесаревичъ и нынѣ царствующій императоръ отказались отъ престола, что послѣ такового ихъ поступка сенатъ почелъ необходимымъ задержать императорскую фамилію и созвать на великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства. Написать такового содержанія манифестъ Рылѣевъ передалъ барону Штейнгелю, считая его способнѣйшимъ для сочиненій подобнаго рода.

На совѣщаніи у Оболенскаго 12 декабря Рылѣевъ, видя нерѣшительность со стороны офицеровъ Измайловскаго полка, прервалъ разговоръ рѣшительнымъ объявленіемъ, что они собрались здѣсь обѣщаться честнымъ словомъ быть на площади въ день присяги съ тѣмъ числомъ войскъ, которое каждый можетъ привесть, въ противномъ случаѣ находиться на площади хотя самому.

Рылѣевъ сознается, что 13 декабря, обнявъ Каховскаго, онъ сказалъ: любезный другъ! ты сиръ на сей землѣ; я знаю твое самоотверженіе, ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади, — истреби царя! По утру того дня, поясняетъ Рылѣевъ, долго обдумывалъ онъ планъ своего предпріятія и находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію; болѣе всего страшился онъ, если нынѣ царствующій императоръ не будетъ схваченъ, то въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло ему на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно принесть его величество на жертву, и эта мысль была причиною его злодѣйскаго предложенія.

Кромѣ вышеприведенныхъ мнѣній разныхъ членовъ, Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынесть изъ какой нибудь церкви хоругви и итти къ дворцу. Предложеніе сіе было единодушно отвергнуто, а князь Евгеній Оболенскій показываетъ, что когда Якубовичъ предложилъ разбить кабаки для возбужденія рвенія солдатъ, то, убѣдясь краснорѣчіемъ Якубовича и мнѣніемъ его,

Библиотека "Руниверс"

основаннымъ на опытѣ о солдатѣ русскомъ, что ему нужны средства для возбужденія къ дѣйствію, онъ, Оболенскій, и другіе согласились съ его предположеніемъ. Но Рылѣевъ первый возсталъ противъ сей мысли, говоря, что мы подвизаемся за дѣло великое и не должны употреблять такія средства.

Показаніе Оболенскаго.

Занять дворецъ брался Якубовичъ съ Арбузовымъ, занятіе же крѣпости и другихъ мѣстъ должно было послѣдовать по плану Трубецкого послѣ задержанія императорской фамиліи. Въ случаѣ неудачи положено было ретироваться на военныя поселенія.

Рылѣевъ на очныхъ ставкахъ съ Каховскимъ отвергъ показанія его, что Рылѣевъ будто сказывалъ ему: 1) если не истребятъ всей императорской фамиліи во время безпорядка при занятіи дворца, то положено заключить оную въ крѣпость, и когда убьютъ въ Варшавѣ цесаревича, то истребить ее подъ видомъ освобожденія. 2) Если цесаревичъ не откажется отъ престола, то должно убить его всенародно, и когда схватятъ того, кто на сіе рѣшится, то онъ долженъ закричать, что побужденъ былъ къ сему его высочествомъ. При чемъ Рылѣевъ присовокупилъ: знаешь, братъ, какое это дѣйствіе сдѣлаетъ въ народѣ? тогда разорвутъ великаго князя, нынѣ царствующаго императора. 3) Если же не успѣютъ здѣсь, то истребить царствующую фамилію въ Москвѣ на коронаціи и 4) въ случаѣ неудачи, отретировавшись къ новгородскимъ поселеніямъ, зажечь городъ, чтобы и праха нѣмецкаго не было.

По ссылкѣ на сихъ показаніяхъ на барона Штейнгеля, Александра и Николая Бестужевыхъ, они были допрошены, и по отрицаніи также даны имъ съ Каховскимъ очныя ставки, но они вышеизложенное показаніе на Рылѣева отвергли, при чемъ баронъ Штейнгель присовокупилъ только, что если сіе и сказано было Рылѣевымъ, то это слова и мысли скороцѣходящія, принадлежащія къ числу, можетъ быть, многихъ, которыя во время взаимныхъ бесѣдъ и пылкихъ мечтаній были произнесены и на другой день забыты, а самъ Рылѣевъ показываетъ, что объ убійствѣ императорской фамиліи говорено не разъ послѣ предложенія Якубовича.

На площади съ мятежниками Рылѣевъ былъ весьма недолго и, увидѣвъ совершенное безначаліе, побѣжалъ искать Трубецкого, а послѣ уже не былъ передъ сенатомъ.

Сверхъ собственныхъ дѣйствій Рылѣевъ слышалъ: 1) отъ Муравьева-Апостола передъ отъѣздомъ его изъ

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербурга въ 1824 году о заговорѣ покуситься на жизнь покойнаго государя въ 1823 году при Бобруйскѣ; 2) отъ Трубецкого, что въ прошедшемъ 1825 году открыто на Югѣ Сергѣемъ Муравьевымъ цѣлое общество, имѣвшее цѣлію истребить государя, и что оно присоединилось къ Южному; 3) что въ Польшѣ существуютъ тайныя общества, которыя въ сношеніи съ Южнымъ, и о томъ, что южными директорами положено признать независимость Польши съ возвращеніемъ пріобрѣтенныхъ Россіею польскихъ провинцій, и 4) отъ Корниловича, что Южное общество намѣревалось истребить покойнаго императора въ Таганрогѣ, но что отложено до удобнѣйшаго времени.

Показаніе Александра Бестужева, Сутгофа, князя Трубецкого и Николая Бестужева.

Въ заключеніе должно сказать, что Рылѣевъ былъ пружиною возмущенія въ С.-Петербургѣ, воспламенялъ всѣхъ своимъ воображеніемъ и подкрѣплялъ настойчивостію, давалъ приказанія, какъ не допускать солдатъ къ присягѣ и какъ поступать на площади.

Признаюсь чистосердечно, говорилъ самъ Рылѣевъ, я почитаю себя главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14-го декабря, ибо я могъ остановить оное, и не только сего не подумалъ сдѣлать, а напротивъ еще преступною рѣшимостью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли самымъ гибельнымъ примѣромъ.

XLIX.

Записка о Пестелѣ.

Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.

Полковникъ Пестель на вопросы, данные ему въ Тульчинѣ, отвѣчалъ отрицательно; но въ продолженіе изслѣдованія въ С.-Петербургѣ сознался, что онъ былъ въ числѣ основателей тайнаго общества, составившагося здѣсь въ 1816 году, и написалъ для онаго уставъ.

Въ 1818 году общество сіе вошло въ составъ Союза Благоденствія или Зеленой книги, въ которомъ онъ былъ кореннымъ членомъ (такъ назывались присутствовавшіе при учрежденіи общества).

Пестель, отправившись по службѣ въ Тульчинъ, началъ тамъ дѣйствовать для распространенія общества, и въ 1819 году въ совокупности съ полковникомъ Бурцевымъ завелъ управу.

Библиотека "Руниверс"

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣленныя; почему въ 1820 году въ коренной думѣ, имѣвшей законодательную власть и собравшейся въ С.-Петербургѣ, Пестель изложилъ всѣ выгоды и невыгоды монархическаго и республиканскаго правленія. Послѣ долгаго разсужденія и многихъ споровъ всѣ единогласно приняли республику, почему онъ по прибытіи въ Тульчинъ объявилъ о томъ своимъ сочленамъ и склонилъ ихъ къ сей преступной мысли.

Пестель тогда же въ бытность его въ столицѣ, при разсужденіи въ одномъ частномъ собраніи членовъ о цареубійствѣ, по замѣчанію нѣкоторыхъ, что сіе повлечетъ за собою безначаліе и безпорядки, старался успокоить тѣмъ, что отвратитъ оные учрежденіемъ временнаго правленія, которое должно быть составлено изъ членовъ общества.

Въ мартѣ 1821 года, когда Комаровъ и Бурцевъ, возвратившись изъ Москвы съ бывшаго тамъ общаго съѣзда членовъ, объявили объ уничтоженіи союза Благоденствія и сами удалились, Пестель первый возсталъ противъ сего, доказывая, что московскіе члены не имѣли права уничтожить союзъ, который онъ рѣшается продолжать. Вспомоществуемый Юшневскимъ и Аврамовымъ, онъ безъ труда согласилъ на то прочихъ членовъ. При семъ случаѣ предложилъ вопросъ: измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили поддерживать ее, при чемъ самъ Пестель говорилъ въ ея пользу и до того воспламенилъ умы, что успѣлъ исторгнуть согласіе на упраздненіе престола съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны къ достиженію предположенной цѣли. Въ томъ же собраніи Пестель съ Юшневскимъ были избраны предсѣдателями съ полною властію надъ членами.

Показанія Сергѣя Муравьева-Апостола и князя Сергѣя Волконскаго.

Здѣсь для дѣятельности Пестеля открылось обширное поприще; онъ завелъ сношенія съ другими обществами, поощрялъ членовъ къ дѣйствію, составлялъ и одобрялъ различные планы. Такимъ образомъ въ Кіевѣ на контрактахъ 1822 года склонилъ присоединившихся къ республикѣ и объяснялъ главныя черты составляемой имъ Русской Правды.

Показанія Сергѣя и МатвѣяМуравьевыхъ-Апостоловъ, князя

Въ продолженіе 1823 года члены Южнаго общества собирались въ Кіевѣ на контракты и въ селеніи Давыдова, въ Каменкѣ. Пестель снова объяснялъ свою Рус-

Библиотека "Руниверс"

скую Правду, и притомъ предлагалъ введеніе республиканскаго правленія посредствомъ революціи съ истребленіемъ государя и всей императорской фамиліи; для убѣжденія членовъ въ необходимости сихъ ужасныхъ мѣръ Пестель представлялъ, что если останутся великіе князья, то произойдетъ междоусобная война, ибо не только въ войскахъ, но и въ народѣ нашлись бы люди, которые, составя партіи, воспрепятствовали бы введенію республики. Разсуждая о способѣ исполненія столь преступнѣйшаго предложенія, считалъ нужнымъ составить отрядъ рѣшительныхъ.

Волконскаго, Давыдова и Никиты Муравьева.

Тогда же съ согласія Пестеля Бестужевъ-Рюминъ открылъ сношенія съ Польскимъ обществомъ, которыя впослѣдствіи продолжалъ лично самъ Пестель. Условія были слѣдующія:

1) независимость Польши съ уступкою провинцій, отъ нея къ Россіи присоединенныхъ;

2) взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны;

3) одинаковый образъ правленія;

4) полякамъ поступить съ цесаревичемъ такъ, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями;

5) поляки должны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ чужеземными обществами и никакихъ съ ними условій безъ предварительнаго согласія Южнаго общества не заключать.

Пестель въ маѣ 1823 года поручилъ князю Барятинскому, а потомъ Волконскому и Давыдову и Матвѣю Муравьеву-Апостолу, отправлявшимся въ С.-Петербургъ, войти въ сношеніе съ Сѣвернымъ обществомъ, сообщить оному о цѣли, принятой южными управами, и способѣ достиженія; потребовать рѣшительнаго отвѣта о силѣ Сѣвернаго общества и готовности его къ начатію возмутительныхъ дѣйствій, и вообще стараться соединить Сѣверное общество съ Южнымъ. Видя худые успѣхи, Пестель полагалъ, что личное присутствіе его болѣе подѣйствуетъ, поѣхалъ самъ въ 1824 году въ С.-Петербургъ и употребилъ всѣ усилія, чтобы достигнуть сей цѣли.

Здѣсь Пестель предлагалъ свою Русскую Правду, старался водворить преступныя свои мнѣнія, но, замѣчая нерѣшимость сѣверныхъ членовъ, ударилъ по столу рукою и сказалъ: «такъ будетъ же республика!». Опасаясь, однако, совершеннаго разрыва, Пестель предложилъ, чтобы Сѣверное общество продолжало сношенія съ Южнымъ чрезъ Матвѣя Муравьева, которому между тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

поручилъ составить въ Петербургѣ общество, отдѣльное отъ Сѣвернаго, и самъ успѣлъ принять нѣсколькихъ офицеровъ Кавалергардскаго полка, коихъ склонилъ раздѣлить преступную цѣль Южнаго общества.

Показанія Никиты Муравьева, подполковника Поджіо и Матвѣя Муравьева-Апостола.

Въ то же время, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, говорилъ ему Пестель: что конституціонныя начала, оставаясь тайною управляющихъ обществомъ, не должны быть объявлены для избѣжанія преній; что правленіе общества должно сперва убить членовъ императорской фамиліи, заставить святѣйшій синодъ и сенатъ объявить оное временнымъ правительствомъ, которое должно быть облечено неограниченною властью; что временное правительство сіе, принявъ присягу отъ синода, сената и всей Россіи, раздавъ министерства, арміи, корпуса и прочія начальства членамъ общества, мало-по-малу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ постепенно вводить новое образованіе; что между тѣмъ общество будетъ продолжаться, принимать членовъ, и что никто, не поступивъ предварительно въ оное, не долженъ быть облеченъ никакою гражданскою или военною властью. На сіе Муравьевъ замѣтилъ, что люди, обагренные кровью, будутъ посрамлены въ общемъ мнѣніи, которое не дастъ имъ послѣ того пользоваться похищенною ими властью. Но Пестель возразилъ ему, что избранные на сіе должны находиться внѣ общества, которое послѣ удачи своей пожертвуетъ ими и объявитъ, что оно мститъ за императорскую фамилію.

Напротивъ того Пестель, сознаваясь, что истребленіе императорской фамиліи предполагалъ онъ исполнить посредствомъ заговора, составленнаго изъ членовъ внѣ общества, и что по совершеніи сего должно было, по мнѣнію его, заставить синодъ и сенатъ издать два манифеста: первый отъ синода всему народу русскому о присягѣ временному правленію, а второй отъ сената, долженствовавшій дать понятіе народу, что временное правленіе обязывалось вводить un cadre en grand de la constitution, основаніемъ коему предполагалъ онъ Русскую Правду, — присовокупляетъ, что насчетъ назначенія директоровъ членами временнаго правленія положительнаго мнѣнія онъ не имѣлъ и точнаго предположенія не дѣлалъ, а готовъ былъ съ своей стороны согласиться на то, что прочіе пожелаютъ; дѣлая же различныя предположенія, могъ и оное говорить; равнымъ образомъ, какъ подтвердилъ и на очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ, пожертвовать людьми, употребленными на истребленіе

Библиотека "Руниверс"

императорской фамиліи, дабы очистить общество въ глазахъ народа, онъ никогда не полагалъ.

По возвращеніи на югъ Пестель побудилъ Бестужева-Рюмина писать къ полякамъ объ истребленіи цесаревича и совѣщался съ нимъ о покушеніяхъ на жизнь государя во время смотра войскъ при Бѣлой Церкви. Для совершенія сего предпріятія въ 1824 или 1825 году приготовилъ нѣсколькихъ свитскихъ офицеровъ, которымъ приказывалъ запастись армейскими мундирами, и которые при дѣйствіи должны стать во фронтъ, а полковые командиры, въ заговорѣ участвовавшіе, отдать наканунѣ въ приказахъ о переводѣ сихъ офицеровъ въ ихъ полки.

Въ сентябрѣ 1824 года при разговорѣ съ подполковникомъ Поджіо объ истребленіи императорской фамиліи Пестель считалъ по пальцамъ число жертвъ. Въ сей ужаснѣйшій счетъ входили и всѣ высочайшія особы женскаго пола.

По показанію Поджіо, который подтвердилъ сіе и на очной ставкѣ, Пестель говорилъ ему при семъ, что для исполненія сего злодѣйства поручилъ онъ князю Барятинскому составить изъ 12-ти отважнѣйшихъ человѣкъ une garde perdue, однако ни Пестель, ни Барятинскій въ томъ не сознались.

Пестель въ 1824 году послѣ маневровъ говорилъ капитану Майбородѣ и штабсъ-капитану Фохту, что при начатіи дѣйствія надобно будетъ арестовать главную квартиру, для чего должно стараться снискать привязанность солдатъ.

Съ согласія Пестеля возложено на князя Трубецкого въ октябрѣ 1825 года увѣдомить Сѣверное общество о рѣшительномъ намѣреніи Южнаго начать возмущенія въ 1826 году, а чрезъ Бестужева-Рюмина писалъ къ Трубецкому, что надѣется на содѣйствіе его въ С.-Петербургѣ; самъ же онъ непремѣнно откроетъ дѣйствія въ слѣдующемъ году. Вскорѣ потомъ условился онъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ начать дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ, не отлагая до 1826 года, о чемъ въ декабрѣ 1825 года говорилъ князю Волконскому, котораго просилъ передать сіе Ентальцову, чтобы онъ былъ готовъ съ своею ротою, когда предварительно извѣщенъ будетъ. Свитскимъ офицерамъ, принадлежащимъ къ обществу, Пестель поручилъ предъ начатіемъ возмущенія, о которомъ будутъ предварены, не отлучаться изъ Тульчина и не выпускать оттуда главнокомандующаго и начальника штаба, самъ же имѣлъ намѣреніе арестовать

Библиотека "Руниверс"

главную квартиру съ 1-го января, когда Вятскій полкъ долженъ былъ вступить въ караулъ.

Сверхъ собственныхъ дѣйствій Пестель зналъ о намѣреніяхъ и покушеніяхъ членовъ общества, принималъ участіе въ оныхъ и, смотря по обстоятельствамъ, одобрялъ или отвергалъ.

Лунинъ въ 1817 году, разсуждая о насильственныхъ мѣрахъ, къ коимъ крайность могла бы принудить въ случаѣ неудачнаго открытія явныхъ дѣйствій общества, говорилъ о средствѣ нѣсколькимъ человѣкамъ въ маскахъ покуситься на жизнь императора на Царскосельской дорогѣ.

О вызовѣ Якушкина въ 1817 году на совѣщаніи, происходившемъ въ Москвѣ, покуситься на жизнь государя императора сообщено было и Пестелю, находившемуся тогда въ С.-Петербургѣ, но онъ сего не одобрялъ.

Зачеркнуто: «но онъ на сіе согласія своего тогда не далъ».

Равнымъ образомъ не одобрялъ онъ плана овладѣть особою государя въ Бобруйскѣ въ 1823 году, доказавъ, что одно арестованіе государя для видовъ общества недостаточно.

Напротивъ того въ С.-Петербургѣ (въ 1824 году) одобрилъ намѣреніе Матвѣя Муравьева, который, не получая писемъ отъ брата своего Сергѣя, началъ опасаться, не взятъ ли онъ, и не открыто ли общество, рѣшился посягнуть на жизнь императора.

Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

Пестель зналъ о совѣщаніяхъ, происходившихъ 1825 г. въ лагерѣ при Лещинѣ, и о порывахъ Сергѣя Муравьева произвесть тамъ бунтъ и раздѣлялъ непремѣнное намѣреніе начать открытыя дѣйствія въ маѣ 1826 г. при соединеніи смотрѣ 3-го и 4-го корпусовъ.

Наконецъ Пестелю извѣстно было о вызовѣ Артамона Муравьева итти въ Таганрогъ для покушенія на жизнь государя.

Изъ показаній Пестеля и его сообщниковъ открывается, что онъ безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества съ самаго вступленія по самое его арестованіе. Онъ не только самовластно управлялъ Южнымъ обществомъ, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на дѣла Сѣвернаго. Онъ господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ его разрушить существующій образъ правленія, ниспровергнуть престолъ и лишить жизни августѣйшихъ особъ императорскаго дома, словомъ онъ былъ главою общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій.

Показанія Юшневскаго, Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ, М. Бестужева-Рюмина, подполковника Поджіо, шт.-кап. Басаргина и другихъ.

Библиотека "Руниверс"

L.

Письмо чиновника Розанова императору Николаю.

3-го февраля 1826 г.

Всеавгустѣйшій монархъ,

государь всемилостивѣйшій!

Послѣднія публичныя объявленія о сдѣланныхъ донынѣ открытіяхъ касательно происшествія 14-го декабря прошедшаго года, приведя въ изумленіе и ужасъ сердце каждаго вѣрноподданнаго вашего императорскаго величества, пробудили всѣ воспоминанія прошедшаго и заставили каждаго строго изслѣдовать все ему извѣстное, въ продолженіе тѣхъ лѣтъ вблизи и вдали отъ него происходившее. При сихъ припоминаніяхъ всякое недоразумѣніе, всякая двузначительность, не обращавшія до сего времени на себя вниманія по своему наружному виду, нынѣ пересматриваемыя съ иной точки зрѣнія при малѣйшей неопредѣлительности, въ нихъ замѣчаемой и дающей мѣсто предположенію какого либо въ нихъ сходства или отношенія къ изъясненнымъ въ объявленіяхъ обстоятельствамъ, не могутъ уже не казаться столько подозрительнымм, чтобы, оставя ихъ въ неизвѣстности, не быть уже виновнымъ передъ совѣстью своею и долгомъ; но съ другой стороны рѣшиться на столь важный шагъ по одному только предположенію, наводящему сомнѣніе по одному сходству и нѣкоторой видимой связи съ обстоятельствами, тогда какъ самое подозрѣніе для невинности уже убійственно, не можетъ не поколебать болѣе или менѣе и самые твердые характеры — и одна только великость души вашего императорскаго величества, при самомъ вступленіи вашемъ на прародительскій престолъ успѣвшая уже такими неизгладимыми чертами ознаменовать себя на пути славы вашей и нашего благоденствія, наполняя сердца утѣшительною довѣренностью, даетъ имъ смѣлость взывать, какъ къ всевѣдущему, для чьей прозорливости вездѣ равно ясна истина.

Всеавгустѣйшій монархъ! благоволите повелѣть вашему истинному вѣрноподданному, сими чувствованіями и побужденіями влекомому къ подножію престола вашего, предстать предъ священную особу вашу и, всеподданнѣйше повергнувъ себя къ стопамъ вашимъ, открыть сомнѣнія, возмущающія душу мою, всегда и вездѣ питавшую и питающую въ себѣ чистѣйшій пламень любви и благоговѣнія къ даруемымъ намъ Богомъ помазанникамъ Его и въ глубинѣ своей безпрестанно благословляющую благодѣтельный скипетръ самодержавія, отъ Царя царей ввѣренный нынѣ вашему императорскому величеству.

Всемилостивѣйшій государь,

вашего императорскаго величества

вѣрноподданный

Алексѣй Розановъ.

Адмиралтейской временной счетной комиссіи начальникъ отдѣленія, уволенный изъ майоровъ Смоленскаго драгунскаго полка съ повышеніемъ чина, изъ котораго переименованъ въ 7-й классъ.

Библиотека "Руниверс"

LI.

Письмо коллежскаго совѣтника Демидова императору Николаю.

10-го февраля, 1826 года.

Августѣйшій самодержецъ!

Младый законный царь Россіи, пріемля бразды правленія твердою, сильною рукою, долженъ плѣнять сердца не только мужествомъ и благостію, но предпріятіями великими, необыкновенными.

Ваше императорское величество уже восхитили души подданныхъ своихъ двумя первыми доблестями царей безсмертныхъ, слѣдовательно легко можете третьей статьею украсить вѣнецъ прародительскій.

Коренной россіянинъ (вопреки понятій европейскихъ народовъ о правахъ человѣчества) всѣхъ благъ жизни, всей славы отчизны своей ожидаетъ всегда единственно отъ престола монаршаго. «Тѣмъ лучше!» — такъ и всегда быть долженствуетъ! Въ премудрости царя онъ зритъ залогъ милости Небесной. Государь! обѣщайте же ему итти по стопамъ великихъ вѣнценосцевъ нашихъ; обѣщайте ему возвесть Россію на степень первенствующей державы во вселенной... и внутреннія крамолы усмирятся, и самая тѣнь заговоровъ исчезнетъ!

Духъ россіянъ требуетъ славы для безсмертныхъ, займите же умы и помышленія народныя достойными ихъ подвигами!

Молва твердитъ: истощены финансы; правосудіе въ упадкѣ; земледѣліе, промышленность, торговля разстроены; иностранцы взяли верхъ надъ Россіею. Пусть такъ! Но развѣ геній-царь не отъ всего намъ спасенье?

Границы Россіи могутъ быть не приступны, сіе уже доказано. Такъ пусть воскрилятся флоты «отечественные»... и тысячи мануфактуръ оживутъ! «Сокровища Востока» (трудами войскъ твоихъ) пусть польются отъ древнихъ кочевьевъ Златой Орды внутрь Европы чрезъ Россію... и богатства наши будутъ неистощимы. «Дары природы» (изъ нѣдръ земныхъ, просвѣщеніемъ добываемые) да хлынутъ новыми путями во всѣ концы шара земного, и родъ Романовыхъ вовѣки благославляемъ будетъ!

Государь! все сіе легко свершиться можетъ! Удостой только выслушать доказательства мои, а правда, наединѣ, благоговѣйно предложенная, являясь даже во всей наготѣ своей, не можетъ оскорблять слуха, величія царева. Она постороннихъ свидѣтелей не имѣетъ... но заставляетъ трепетать прозорливости монаршей тѣхъ изъ вельможъ, которые одной лестію, однимъ лукавствомъ держатся въ блестящей сферѣ ложнаго величія своего.

Августѣйшій самодержецъ, Александръ благословенный, Александръ паче мѣръ добрый... былъ ангелъ кротости, ангелъ во плоти... или, лучше сказать, олицетворенная благость на землѣ (грядущія времена отдадутъ ему сію справедливость). Но окружающіе его министры, благоденствуя одни во сонмѣ своемъ, не щадили даже и памяти его. Они всегда все зло государства относили къ дипломатическому его импе-

Библиотека "Руниверс"

ріи управленію. Обвиненіе сіе слыхалъ я самъ не разъ даже отъ самыхъ ближнихъ къ нему.

Свободный доступъ до престола монаршаго прямыхъ сыновъ отчизны, какого бы они званія и состоянія ни были, — вотъ что вѣрнѣе всего докажетъ, любятъ ли царя всѣ сословія россійскія! Но царедворцы, воспитанники чужеземцевъ, не россіяне... Они — космополиты, невѣдущіе цѣны благъ отечественныхъ и пресыщающіеся богатствами своими безъ дѣлъ, соотчичамъ столь нужными.

Всемилостивѣйшій государь! Мнѣ 50 лѣтъ. Въ царствованіе Великой Екатерины я былъ уже гвардіи офицеромъ, чины и ленты никогда меня не прельщали. Они не могутъ доставить личнаго достоинства, не могутъ созиждить прочной славы въ потомствѣ, — предокъ мой Демидычъ ихъ не имѣлъ, а имя его навѣки не забвенно! Оно идетъ на ряду съ дѣяніями Петра Великаго... и заведенія его въ Россіи, въ Сибири свидѣтельствуютъ, что онъ былъ за человѣкъ! Къ тому жъ, дядя мой простой дворянинъ Демидовъ, нигдѣ не служилъ, а получилъ Владимира 1-й степени. Государь! я жажду безсмертія... жажду славы царей россійскихъ; преклони жъ ухо твое къ вѣщаніямъ усердія моего, и имя твое да благословится вовѣки!

Всемилостивѣйшій государь,
вашего императорскаго величества
вѣрнѣйшій и благоговѣйнѣйшій подданный, въ чинѣ
коллежскаго совѣтника простой россійской дворянинъ
Демидовъ.

Жительство имѣю противъ церкви о Всѣхъ Скорбящей въ домѣ Милова.

10-го февраля
1826 года.

LII.

Собраніе бумагъ, относящихся до верховнаго уголовнаго суда.

1.

Манифестъ по поводу событій 14-го декабря 1825 года.

Божіею Милостію
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая,
объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія манифеста о восшествіи нашемъ на престолъ, извѣстно уже въ его подробностяхъ изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

Библиотека "Руниверс"

Тогда, какъ всѣ государственныя сословія, всѣ чины военные и гражданскіе, народъ и войска единодушно приносили намъ присягу вѣрности и въ храмахъ Божіихъ призывали на царствованіе наше Благословеніе Небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону власти и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семъ кратко состоитъ все происшествіе, маловажное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

Сколь ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли сіе скопище: одни—заблудшіе, умыслу не причастные, другіе—злоумышленные ихъ руководители.

Чего желали заблудшіе? Быть вѣрными данной ими присягѣ. Всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ престолъ, и въ семъ увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ.

Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ими тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: испровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе.

Какія средства? Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ командиръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены генералъ-майоръ Шеншинъ, генералъ-майоръ Фридрихсъ и другіе, кровью своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя.

Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ изысканіемъ, я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребитъ, какъ я уповаю, самый его корень, очиститъ Русь святую отъ сей заразы, извнѣ къ намъ нанесенной, смоетъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведетъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовью къ отечеству и страстью къ безначалію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній, покажетъ, наконецъ, всему свѣту, что россійскій народъ, всегда вѣрный своему государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ; пока-

Библиотека "Руниверс"

жетъ и дастъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неисцѣльно.

Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ намъ и престолу нашему всѣхъ состояній. Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи мы съ удовольствіемъ и признательностью зрѣли отъ обывателей столицы любовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе по первому знаку государя своего карать непокоривыхъ, отъ начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ чести и любви къ намъ утвержденную.

Посреди ихъ отличался графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый полководецъ, любимый начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царскія воли, вѣрный сынъ церкви и отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ, палъ, исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ отечества пребудетъ всегда незабвенна. Данъ въ Санктпетербургѣ въ 19-й день декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова, царствованія же нашего въ первое.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ, декабря 20-го дня 1825 года.

Николай.

2.

Манифестъ объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ манифеста нашего 19-го декабря минувшаго года и изъ послѣдовавшихъ всенародныхъ объявленій извѣстно уже всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ существованіе злыхъ умысловъ на испроверженіе престола, на превращеніе государственнаго порядка, отечественныхъ законовъ, всего Россіи священнаго.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдственной комиссіи, для изысканія ихъ учрежденной, поставили мы въ обязанность объять дѣло сіе во всемъ его составѣ, дойти до самыхъ сокровенныхъ его корней, обнаружить его начало и расширеніе, всѣ его связи и постепенности, и обнаружить не признаками вѣроятностей или подозрѣній, но доказательствами достовѣрными, очевидными, неопровергаемыми.

Столь точное и столь обширное изысканіе было необходимо. Когда въ самые первые дни царствованія нашего неисповѣдимымъ судьбамъ Вышняго благоугодно было разверзть передъ нами ужасную тайну, за десять лѣтъ прежде составленную и столько времени во мракѣ сокровенную, то былъ перстъ Божій, указующій намъ путь и средства и обязанность нашу, обязанность, тѣмъ болѣе для насъ священную, что не во дни державы нашей возникло и не намъ лично, но всему отечеству совокупно грозило сіе бѣдствіе.

Таковы были мысли наши при учрежденіи слѣдственной комиссіи; таковы были и правила, данныя ей въ руководство. Въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ ежедневно занимаясь ввѣреннымъ ей дѣломъ, трудами поистинѣ неусыпными, сличая и повѣряя каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе, устраняя вѣроятности, отвергая мнимыя подозрѣнія, утверждаясь на единой очевидности, на собственномъ признаніи обвиняемыхъ или на уликахъ, ничѣмъ не опровергаемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя имъ всѣ возможные способы къ оправданію, комиссія наконецъ достигла цѣли, ей предназначенной, и въ окончательномъ донесеніи представила намъ всю совокупность ея изысканій, съ приложеніемъ въ подлинникѣ всѣхъ доказательствъ, на коихъ они утверждаются.

При разсмотрѣніи сего донесенія и приложеній къ оному, представляются въ нихъ два рода обвиненій, очевидно, различныхъ: обвиненія тяжкія—въ преступленіяхъ государственныхъ, въ замыслахъ долголѣтнихъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ, и обвиненія въ поступкахъ, коихъ начало состояло въ малодушіи, въ слѣпомъ довѣріи къ другимъ, въ неумѣніи проникнуть въ ихъ тайны, или въ кратковременномъ порывѣ страстей, раскаяніемъ сопровождаемомъ, и вообще въ намѣреніяхъ колеблемыхъ, безъ цѣли, постоянно опредѣленной, а паче всего безъ участія въ какомъ либо дѣйствіи. Сіи послѣднія обвиненія сами по себѣ подлежатъ дѣйствію мѣръ исправительныхъ; первыя же, хотя въ разныхъ степеняхъ, но всѣ, относясь болѣе или менѣе къ самому существу и средоточію злоумышленій, всѣ равно подлежатъ одному и тому же суду.

Сей судъ положили мы составить изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода, присоединивъ къ онымъ нѣсколько особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. Предсѣдатель и члены слѣдственной комиссіи не будутъ въ немъ присутствовать.

Таковымъ устройствомъ сего суда мы желали не токмо сохранить законную силу прежнихъ примѣровъ, но еще болѣе желали означить, что мы всегда признавали дѣло сіе дѣломъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества, дѣломъ всей Россіи.

Ввѣряя сему верховному уголовному суду участь обвиняемыхъ, мы единаго отъ него ожидаемъ и требуемъ: справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой.

Библиотека "Руниверс"

По совершеніи суда и по поднесеніи намъ доклада, приговоръ онаго со всѣми обстоятельствами будетъ преданъ во всеобщее извѣстіе. Данъ въ Санктпетербургѣ іюня 1-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1826-е, царствованія же нашего первое.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюня 2-го дня 1826 года.

Николай.

3.

Указъ правительствующему сенату.

Вслѣдствіе манифеста нашего, въ сей день состоявшагося, повелѣваемъ:

1) Предсѣдателемъ въ верховномъ уголовномъ судѣ быть дѣйствительному тайному совѣтнику 1-го класса, князю Лопухину, а на случай болѣзни его дѣйствительному тайному совѣтнику, князю Куракину.

2) Министру юстиціи исполнять въ семъ судѣ обязанность по званію генералъ-прокурора.

3) Сверхъ членовъ трехъ государственныхъ сословій, присутствовать въ верховномъ уголовномъ судѣ нижеслѣдующимъ чинамъ: дѣйствительному тайному совѣтнику графу Головкину, генералу графу Ланжерону, дѣйствительному тайному совѣтнику барону Строганову, генералъ-адъютанту Воинову, инженеръ-генералу Опперману; генералъ-адъютантамъ: графу де-Ламберту, Сенявину, Бороздину, Паскевичу, генералъ-лейтенанту Еманюелю, генералъ-адъютантамъ: графу Комаровскому, Башуцкому, Закревскому и Бистрому, и сенатору московскихъ департаментовъ тайному совѣтнику Кушникову.

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою тако:

Николай.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюня 1-го дня 1826 года.

4.

Списокъ особамъ, присутствующимъ въ верховномъ уголовномъ судѣ.

Предсѣдатель, князь П. В. Лопухинъ.

Члены государственнаго совѣта:

Князь Куракинъ, Мордвиновъ, графъ Морковъ, князь Лобановъ-Ростовскій 2-й, Ланской 1-й, графъ Толстой, Карцовъ, Сукинъ, Балашовъ, Васильчиковъ, графъ Нессельроде, Шишковъ, графъ Воронцовъ, князь Салтыковъ, графъ Ливенъ, Болотниковъ, Сперанскій.

Библиотека "Руниверс"

Члены святѣйшаго синода:

Митрополитъ Серафимъ, митрополитъ Евгеній, архіепископъ Авраамъ.

Особо назначенные чиновники:

Графъ Головкинъ, графъ Ланжеронъ, баронъ Строгановъ, Воиновъ, Ошерманъ, графъ де-Ламбертъ, Сенявинъ, Бороздинъ, Паскевичъ, Еманюель, графъ Комаровскій, Башуцкій, Закревскій, Бистромъ, Кушниковъ.

Сенаторы:

Фешъ, царевичъ Миріанъ, князь Гагаринъ, Ададуровъ, Обресковъ, Васильчиковъ, Михайловскій, Гладковъ, графъ Хвостовъ, Энгель, Нелидовъ, графъ Орловъ, князь Шаховской, Хитрово, Грушецкій, Мертенсъ, графъ Кутайсовъ, Барановъ, Дивовъ, Корниловъ, Батюшковъ, Ланской, Безродный, Дубенскій, Мечниковъ, Сумароковъ, князь Куракинъ, Хвостовъ, Щулеповъ, Болгарскій, Мавринъ, Мансуровъ, Лавровъ, Полетика, Вистицкій, Казадаевъ.

5.

Дополнительныя статьи обряда въ засѣданіяхъ верховнаго уголовнаго суда.

I.

Распоряженія предварительныя.

1. День и часъ открытія засѣданій назначается съ высочайшаго разрѣшенія повѣсткою отъ министра юстиціи.

2. По повѣсткѣ, всѣ члены верховнаго суда соберутся въ домъ присутствія правительствующаго сената.

3. По собраніи, вводятся они министромъ юстиціи въ залу, для засѣданія верховнаго уголовнаго суда назначенную, и занимаютъ мѣста по сословіямъ.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: «Быть по сему».

«Николай».

Въ С.-Петербургѣ іюня 1 дня 1826 года.

II.

Открытіе присутствія.

4. Присутствіе открывается чтеніемъ высочайшаго манифеста, объ учрежденіи суда состоявшагося, указомъ правительствующему сенату и указомъ министру юстиціи.

5. Министръ юстиціи представляетъ и въ присутствіи суда вскрываетъ акты слѣдственной комиссіи.

6. Чтеніе актовъ во всемъ ихъ пространствѣ, чтеніе никѣмъ не прерывается.

Библиотека "Руниверс"

III.

Порядокъ по разсмотрѣніи.

7. По окончаніи чтенія предлагается суду вопросъ: какимъ порядкомъ признано будетъ произвести положенное законами удостовѣреніе въ произведенномъ слѣдствіи?

8. Если сообразно прежнимъ примѣрамъ положено будетъ нарядить для сего ревизіонную комиссію изъ членовъ верховнаго суда, то вслѣдъ затѣмъ избираются члены сей комиссіи.

Примѣчаніе. Всѣ вопросы предлагаются суду предсѣдателемъ онаго, разрѣшаются судомъ или единогласно или простымъ большинствомъ голосовъ. Голоса собираются оберъ-прокурорами. Протоколъ держитъ оберъ-прокуроръ съ двумя помощниками, по назначенію министра юстиціи. Мнѣнія членовъ, съ большинствомъ голосовъ несогласныхъ, означаются въ протоколѣ; каждому оставляется полная свобода изъявлять ихъ, но письменныя мнѣнія не допускаются.

9. За симъ приступаютъ къ чтенію суда законовъ.

10. По окончаніи сего чтенія, и когда представлено и выслушано будетъ донесеніе ревизіонной комиссіи, судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію обвиненій во всей ихъ подробности, и для сего читаются изъ актовъ записки о каждомъ подсудимомъ въ особенности.

11. По прочтеніи оныхъ предлагаются къ разрѣшенію суда слѣдующіе вопросы:

1) Въ чемъ состоитъ общая вина подсудимыхъ?
2) Какое за сію вину положено по законамъ наказаніе?
3) Въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными для каждаго лица обстоятельствами, слѣдственною комиссіею обнаруженными и въ актахъ ея означенными?

12. Дабы приуготовить сей вопросъ къ разрѣшенію, предлагается суду избрать изъ среды себя особенную комиссію, которая бы изъ подробнаго разсмотрѣнія самыхъ актовъ извлекла начала, по коимъ бы можно было установить разряды разныхъ степеней виновности, и, составивъ на сихъ началахъ предположеніе разрядовъ,

Библиотека "Руниверс"

представила бы оное суду на дальнѣйшее усмотрѣніе и рѣшеніе.

13. Когда такимъ образомъ послѣдній вопросъ будетъ разрѣшенъ, и число разрядовъ и степеней будетъ опредѣлено, тогда предлагается суду слѣдующій вопросъ: какое каждому степени слѣдуетъ положить наказаніе?

14. По разрѣшеніи сего вопроса судъ приступаетъ къ распредѣленію подсудимыхъ по разрядамъ и степенямъ. Для сего:

15. О каждомъ подсудимомъ порознь предлагается вопросъ: къ которому именно разряду и степени онъ принадлежитъ? При семъ изъ актовъ извлекаются и вновь прочитываются статьи, къ каждому изъ нихъ относящіяся.

IV.

Порядокъ составленія приговоровъ.

16. Какъ опредѣленія суда о выборѣ членовъ въ комиссіи, такъ и рѣшенія его на вопросы, ему предлагаемые, и приговоры его о каждомъ подсудимомъ вносятся въ протоколъ въ самомъ присутствіи, а въ слѣдующее засѣданіе представляется протоколъ сей къ подписанію установленнымъ порядкомъ.

17. Когда всѣ предметы разсмотрѣнія будутъ окончены, тогда изъ всѣхъ тѣхъ приговоровъ, кои большинствомъ голосовъ будутъ утверждены, составляется одинъ общій протоколъ, и сей протоколъ пріемлется основаніемъ всеподданнѣйшаго доклада.

18. Составленіе доклада возлагается на комиссію, изъ членовъ суда избранную.

19. По утвержденіи и подписаніи доклада судъ закрывается, а докладъ представляется чрезъ предсѣдателя и министра юстиціи на высочайшее усмотрѣніе.

Подписалъ начальникъ главнаго штаба, баронъ Дибичъ.

Библиотека "Руниверс"

6.

СПИСОКЪ

лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ предаются по высочайшему повелѣнію верховному уголовному суду въ силу манифеста отъ 1-го числа іюня сего 1826 года.

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ славянъ.
1. Князь Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.	1. Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.	1. Борисовъ 2-й, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
2. Рылѣевъ, отставной подпоручикъ.	2. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ.	2. Борисовъ 1-й, отставной подпоручикъ.
3. Князь Евгеній Обобенскій, поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Бистрома 1-го.	3. Бестужевъ - Рюминъ, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.	3. Спиридовъ, майоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. Муравьевъ, Никита, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ.	4. Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй, отставной подполковникъ.	4. Горбачевскій, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
5. Каховскій, отставной поручикъ.	5. Юшневскій, 4-го класса, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи.	5. Бечасновъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
6. Князь Щепинъ-Ростовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.	6. Князь Волконскій, Сергѣй, генералъ-майоръ.	6. Пестовъ, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
7. Бестужевъ Александръ, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ, адъютантъ его королевскаго высочества герцога Александра Виртембергскаго.	7. Давыдовъ, Василій, Львовъ сынъ, отставной полковникъ.	7. Андреевичъ 2-й, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.

Библиотека "Руниверс"

8. Бестужевъ Михайло, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.

9. Арбузовъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

10. Бестужевъ Николай, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.

11. Пановъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

12. Сутгофъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

13. Кюхельбекеръ, коллежскій асессоръ.

14. Пущинъ. Иванъ, коллежскій асессоръ.

15. Князь Одоевскій, гвардіи Коннаго полка корнетъ.

16. Якубовичъ, Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ.

17. Цебриковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.

18. Рѣпинъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ.

19. Муравьевъ, Александръ, отставной полковникъ.

20. Якушкинъ, отставной капитанъ.

8. Князь Барятинскій, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

9. Поджіо, отставной подполковникъ.

10. Муравьевъ, Артамонъ, Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ.

11. Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ.

12. Вадковскій, Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ.

13. Тизенгаузенъ, полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.

14. Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части.

15. Крюковъ, квартирмейстерской части поручикъ.

16. Фаленбергъ, подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи по квартирмейстерской части.

17. Лореръ, Вятскаго пѣхотнаго полка майоръ.

18. Краснокутскій, оберъ-прокуроръ сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

19. Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.

20. Вольфъ. штабъ-лѣкарь, состоящій при главной квартирѣ 2-й арміи.

8. Люблинскій, дворянинъ Волынской губерніи.

9. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка

10. Громницкій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

11. Киреевъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.

12. Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

13. Веденяпинъ 1-й, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.

14. Веденяпинъ 2-й, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.

15. Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.

16. Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

17. Ивановъ, провіантскій чиновникъ 10 класса.

18. Фроловъ 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.

19. Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.

20. Лисовскій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

Библиотека "Руниверс"

21. Фонвизинъ, отставной генералъ-майоръ.	21. Крюковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.	21. Выгодовскій, канцелярист.
22. Князь Шаховской, Ѳедоръ, отставной майоръ.	22. Поджіо, отставной штабсъ-капитанъ.	22. Берстель, подполковникъ, бывшій командиръ легкой роты № 2-й, 9-й артиллерійской бригады.
23. Лукинъ, Михаилъ, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ.	23. Аврамовъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.	23. Шахиревъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка поручикъ.
24. Мухановъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ.	24. Норовъ, отставной подполковникъ.	
25. Митьковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ.	25. Ентальцовъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27.	
26. Завалишинъ, 8-го флотскаго экипажа лейтенантъ.	26. Ивашевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-й арміи.	
27. Батенковъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ.	27. Басаргинъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи.	
28. Баронъ Штейнгель, отставной подполковникъ.	28. Корниловичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ.	
29. Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника морского штаба.	29. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, поручикъ квартирмейстерской части.	
30. Князь Голицынъ Валеріанъ, камеръ-юнкеръ.	30. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, поручикъ квартирмейстерской части.	
31. Бѣляевъ 1-й. (Гвардейскаго экипажа мичманы.)	31. Занкинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.	
32. Бѣляевъ 2-й. (Гвардейскаго экипажа мичманы.)	32. Аврамовъ, поручикъ квартирмейстерской части.	
33. Дивовъ, гвардейскаго экипажа мичманъ.	33. Загорѣцкій, поручикъ квартирмейстерской части.	

Библиотека "Руниверс"

34. Бестужевъ, Петръ, мичманъ 27-го флотскаго экипажа.

35. Свистуновъ, Кавалергардскаго полка корнетъ.

36. Анненковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ.

37. Кривцовъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ.

38. Муравьевъ, Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка.

39. Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.

40. Фонъ-деръ-Бригенъ, отставной полковникъ.

41. Пущинъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитанъ.

42. Бодиско 1-й, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

43. Кюхельбекеръ, того же экипажа лейтенантъ.

44. Мусинъ-Пушкинъ, того же экипажа лейтенантъ.

45. Акуловъ, того же экипажа лейтенантъ.

46. Вишневскій, того же экипажа лейтенантъ.

47. Бодиско 2-й, того же экипажа мичманъ.

48. Горскій, статскій совѣтникъ.

49. Графъ Коновницынъ 1-й, гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ.

50. Оржитскій, отставной штабсъ-ротмистръ.

34. Поливановъ, отставной полковникъ.

35. Баронъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части.

36. Фохтъ, штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.

37. Графъ Булгари, Николай, поручикъ Кирасирскаго ея величества полка.

Библиотека "Руниверс"

51. Кожевниковъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
52. Фокъ, того жъ полка подпоручикъ.
53. Лапша, того жъ полка подпоручикъ.
54. Назимовъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ.
55. Баронъ Розенъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.
56. Глѣбовъ, коллежскій секретарь.
57. Андреевъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
58. Толстой, Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ.
59. Графъ Чернышевъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ.
60. Чижовъ, 2-го флотскаго экипажа лейтенантъ.
61. Тургеневъ, Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Подписалъ: начальникъ главнаго штаба, баронъ Дибичъ.

7.

Всеподданнѣйшій докладъ верховнаго уголовнаго суда.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому

Верховнаго уголовнаго суда

всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года для сужденія государственныхъ преступниковъ составленный, всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе вашего императорскаго величества существо приговора, о нихъ состоя-

Библиотека "Руниверс"

вшагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо.

Обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими законами, но въ дѣлѣ высшихъ государственныхъ преступленій общій уголовный обрядъ не могъ быть достаточенъ. Посему ваше императорское величество, при самомъ составленіи сего суда, соизволили преподать ему дополнительныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя и для успѣшнаго движенія сего дѣла необходимыя.

Верховный уголовный судъ въ 3-й день іюня мѣсяца открылъ свои засѣданія чтеніемъ высочайшаго манифеста, потомъ донесенія слѣдственной комиссіи и подробныхъ о каждомъ подсудимомъ свѣдѣній, составленныхъ въ той же комиссіи изъ подлиннаго о нихъ производства. Все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ преступленій, при чтеніи актовъ представилось суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась передъ нимъ бездна злобы и нравственнаго ожесточенія. Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою.

Но судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами; онъ измѣрялъ преступленія, но видѣлъ передъ собою еще токмо подсудимыхъ. Сколь ни достовѣрны были акты слѣдственной комиссіи, но общій порядокъ правосудія и правила, вашимъ императорскимъ величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлежали: призывъ подсудимыхъ передъ судъ или нарядъ къ нимъ комиссіи, судомъ избранной и изъ среды ея составленной. Ваше императорское величество тотъ и другой способъ соизволили предоставить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣдній, какъ равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Ревизіонная комиссія исполнила порученное ей дѣло съ точностью. Всѣ подсудимые безъ исключенія подтвердили передъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія. Имъ открыты были способы дополнять оныя всѣми обстоятельствами, кои могли они считать нужными къ ихъ оправданію; нѣкоторые, и именно пять подсудимыхъ, пользуясь симъ дозволеніемъ, и дѣйствительно представили поясненія. И хотя комиссія не нашла въ нихъ ничего важнаго и существеннаго, тѣмъ не менѣе представила оныя верховному суду на усмотрѣніе. По заключенію его, они пріобщены къ дѣлу и приняты къ совокупному съ онымъ соображенію.

По окончаніи, такимъ образомъ, ревизіи слѣдствія, судъ приступилъ къ чтенію законовъ, на преступленія сего рода постановленныхъ и въ выпискѣ, при семъ прилагаемой, во всей подробности ихъ изложенныхъ.

Изъ соображенія сихъ законовъ съ дѣломъ сами собою проистекали два слѣдующіе вопроса:

1) Къ какому роду преступленій относятся преступленія, въ актахъ слѣдственной комиссіи обнаруженныя? Судъ призналъ единогласно, что всѣ они принадлежатъ къ преступленіямъ государственнымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ въ законодательствѣ нашемъ извѣстныхъ.

2) Какое наказаніе по законамъ нашимъ положено за сіи преступленія? Судъ призналъ и единогласно опредѣлилъ, что преступленія, въ актахъ означенныя и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя, подлежатъ всѣ безъ изъятія смертной казни.

Библиотека "Руниверс"

Симъ однимъ общимъ приговоромъ оканчивалось дѣло во всей законной его точности. Строгость нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семъ родѣ преступленій различать никакихъ постепенностей. Всѣ, и дѣйствовавшіе, и соглашавшіеся, и участвовавшіе, и даже токмо знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ посягательства на священную особу государя императора или кого либо изъ императорской фамиліи, также объ умыслѣ бунта и воинскаго мятежа, всѣ безъ изъятія подлежатъ смертной казни и по точной силѣ законовъ всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются къ сей казни присужденными.

Сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема, но смягчаема частно, въ видѣ изъятій, въ извѣстномъ и опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила, которое всегда остается одно и то же во всей его силѣ и дѣйствіи.

Въ семъ самомъ уваженіи благоугодно было вашему императорскому величеству и въ настоящемъ случаѣ всемилостивѣйше повелѣть, чтобъ верховный уголовный судъ опредѣлилъ: «Въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными каждаго лица обстоятельствами; чтобъ онъ установилъ разряды разныхъ степеней виновности; чтобъ каждому степени положилъ наказаніе и чтобъ по симъ разрядамъ и степенямъ распредѣлилъ подсудимыхъ». (Дополнит. статьи, отдѣленіе II. статьи 3, 12, 13 и 14).

Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, для приготовленія началъ, на коихъ должны быть основаны разряды, избрана была изъ среды суда особая комиссія. Ясно, что основаній разрядовъ надлежало искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему два средства представлялись: донесеніе слѣдственной комиссіи и самыя дѣла, въ ней произведенныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности; въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Комиссія признала справедливымъ соединить оба сіи средства, то-есть, свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ и для сего прочесть и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его комиссія, во-первыхъ, пріобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121 дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ черезъ слѣдственную комиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ большую ясность.

Въ семъ порядкѣ обозрѣвъ все дѣло, комиссія приступила къ установленію разрядовъ. Для сего ей предлежало: опредѣлить главные роды преступленій; отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды и, оставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ сложенія и сопряженія ихъ произвесть начала разрядовъ.

Библиотека "Руниверс"

Роды преступленій.

Всѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла въ совокупномъ ихъ обозрѣніи представляютъ одинъ главный умыслъ: умыслъ на потрясеніе имперіи, на испроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій.

Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій. Всѣ они принадлежатъ вообще къ тремъ: 1) къ знанію умысла, 2) къ согласію въ немъ, 3) къ вызову на совершеніе его; но каждый изъ сихъ видовъ заключаетъ въ себѣ еще разныя постепенности, коихъ подробное изложеніе состоитъ въ слѣдующемъ.

По первому пункту.

1) Умыслъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго, принятіе таковыхъ назначеній изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого либо изъ членовъ императорской фамиліи.

2) Умыслъ на истребленіе императорской фамиліи или кого либо изъ членовъ ея возбужденіемъ къ тому другихъ или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3) Умыслъ на лишеніе свободы священной особы государя или кого либо изъ членовъ императорской фамиліи; умыслъ на удаленіе императорской фамиліи, собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, хотя безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т.-е. на удаленіе императорской фамиліи или лишеніе свободы, хотя съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостныя дѣла, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ, и означающія не умыслъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ.

7) Участіе въ умыслѣ въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся и съ отступленіемъ отъ онаго.

7) Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся съ отступленіемъ и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

9) Знаніе умысла въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту.

1) Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью бунтъ: пріуготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими,— участіе или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія съ цѣлью отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

3) Участіе въ семъ умыслѣ распространеніемъ обществъ или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то: печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или даже и съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

6) Полное знаніе сего умысла, хотя безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу.

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, хотя безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, хотя безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, хотя по увлеченію и безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Библиотека "Руниверс"

Въ семъ состоятъ разные виды, кои комиссія нашла и различила въ преступленіяхъ.

Основанія разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединенія сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій, соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія, долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, но коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ комиссія основала разряды, но въ приложеніи онаго къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина, весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею, то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо по другимъ его винамъ принадлежало къ разрядамъ низшимъ.

Въ разнообразіи преступленій комиссія искала болѣе всего, чтобъ не смѣшать одного вида съ другимъ; чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Такимъ образомъ произошли одиннадцать разрядовъ преступленій.

Дабы удостовѣриться въ ихъ точности, комиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самаго распредѣленія въ нихъ лицъ,—опытъ, но не самое распредѣленіе, ибо сіе послѣднее принадлежало верховному суду, и комиссія не могла предварять его.

Для сего надлежало ей пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго: обозрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои уликами и собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностью, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ комиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ съ точностью и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями.

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами.

Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія.

Напротивъ, вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ удаленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ, юностью лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Комиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ по мѣрѣ ихъ вины въ своихъ мѣстахъ, признала, однако же, справедливымъ, соста-

Библиотека "Руниверс"

вивъ имъ отдѣльный списокъ, присовокупить обстоятельства сіи къ общему соображенію верховнаго уголовнаго суда.

2) Вины подсудимыхъ утверждены собственнымъ ихъ признаніемъ. Во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла найдены четыре токмо лица, коихъ вины утверждаются на обстоятельствахъ, а не на сознаніи. Составя о сихъ лицахъ особенное изложеніе, комиссія представила оное на дальнѣйшее верховнаго суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ итти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Комиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ съ изложеніемъ ихъ злодѣяній особенный списокъ.

Въ семъ заключились представленія комиссіи.

Верховный уголовный судъ, разсмотрѣвъ оныя во всей подробности, большинствомъ голосовъ призналъ, что число разрядовъ, комиссіею предположенныхъ, за исключеніемъ тѣхъ злодѣяній, кои по чрезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ оныхъ, стоитъ въ надлежащей соразмѣрности съ разнообразіемъ и многочисленностью видовъ преступленій.

За симъ судъ въ исполненіе высочайше предначертанныхъ ему правилъ приступилъ къ опредѣленію каждому разряду наказаній. При семъ опредѣленіи верховный уголовный судъ не могъ отступить отъ общаго правила, въ самомъ началѣ единогласно имъ постановленнаго, а именно, что всѣ подсудимые безъ изъятія по точной силѣ нашихъ законовъ подлежатъ смертной казни. И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ вашему императорскому величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизнь, то сіе будетъ не дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ суда, но дѣйствіемъ единаго монаршаго милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай по высочайшему вашему предназначенію допускаемымъ. И хотя милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ; но верховный уголовный судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія, столь высокія и съ общею безопасностью государства столь смежныя, что самому милосердію онѣ, кажется, должны быть недоступны. По симъ уваженіямъ судъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ представить на усмотрѣніе вашего императорскаго величества слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ.

Первое. Всѣмъ преступникамъ, кои по особому свойству и важности ихъ злодѣяній не могутъ войти въ составъ разрядовъ, положить смертную казнь четвертованіемъ.

Второе. Всѣмъ преступникамъ, къ первому разряду принадлежащимъ, положить смертную казнь отсѣченіемъ головы.

Третье. Всѣмъ преступникамъ, ко второму разряду принадлежащимъ, опредѣлить такъ называемую въ законахъ нашихъ политическую смерть, то-есть, положить голову на плаху и потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

Четвертое. Преступникамъ, къ третьему разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства ссылку въ каторжную работу вѣчно.

Библиотека "Руниверс"

Пятое. Преступникамъ, къ четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу на опредѣленное время и потомъ вѣчно на поселеніе.

Шестое. Преступникамъ, къ восьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку на поселеніе.

Седьмое. Преступникамъ, къ девятому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку въ Сибирь.

Восьмое. Преступниковъ, къ девятому разряду принадлежащихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты до выслуги.

Девятое. Преступниковъ, къ одиннадцатому разряду принадлежащихъ, лиша чиновъ, написать въ солдаты съ выслугою.

Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, судъ приступилъ къ распредѣленію самыхъ преступниковъ по разрядамъ и о каждомъ изъ нихъ постановилъ приговоръ. Существо всѣхъ сихъ приговоровъ, т.-е. имена преступниковъ, главные виды ихъ преступленій и казни, имъ опредѣленныя, содержатся въ особенной росписи, изъ общаго протокола составленной и при семъ на усмотрѣніе вашего императорскаго величества подносимой.

Изъ сей росписи ваше императорское величество усмотрѣть изволите:

1) Что изъ 121 человѣка подсудимыхъ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаются: пять человѣкъ, внѣ разрядовъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ; тридцать одинъ человѣкъ, въ первомъ разрядѣ состоящихъ, къ смертной казни отсѣченіемъ головы; семнадцать человѣкъ, во второмъ разрядѣ состоящихъ, къ политической смерти съ ссылкою вѣчно въ каторжную работу; два человѣка, въ третьемъ разрядѣ состоящіе, къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно; тридцать восемь человѣкъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ разрядѣ состоящихъ, въ каторжную работу на опредѣленное время и потомъ на поселеніе; пятнадцать человѣкъ, въ восьмомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства на поселеніе вѣчно; три человѣка, въ девятомъ разрядѣ состоящіе, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ Сибирь вѣчно; одинъ человѣкъ, въ десятомъ разрядѣ состоящій, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ солдаты до выслуги; восемь человѣкъ, въ одиннадцатомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ, въ солдаты съ выслугою.

2) При семъ распредѣленіи изъ тѣхъ четырехъ подсудимыхъ, коихъ вины утверждаются обстоятельствами безъ собственнаго ихъ сознанія, трое, и именно: Тургеневъ, князь Шаховской и Цебриковъ, по особому разсмотрѣнію ихъ преступленій отнесены верховнымъ уголовнымъ судомъ къ свойственнымъ имъ разрядамъ и вмѣщены—первый изъ нихъ въ первый разрядъ, второй въ восьмой, третій въ одиннадцатый; о Горскомъ же, какъ не вошедшемъ ни въ какой разрядъ, представляется при семъ выписка изъ особаго протокола, о немъ состоявшагося.

Въ заключеніе верховный уголовный судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству голосовъ всего собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія.

Члены святѣйшаго синода, въ верховномъ судѣ присутствовавшіе при заключеніи общаго протокола, сообразно правиламъ ихъ и прежнимъ примѣрамъ, изъявили мнѣнія ихъ слѣдующими словами: «Слушавъ въ верховномъ уголовномъ судѣ слѣдствіе

Библиотека "Руниверс"

о государственныхъ преступникахъ, Пестелѣ, Рылѣевѣ и другихъ ихъ сообщникахъ, умышлявшихъ на цареубійство и введеніе въ Россію республиканскаго правленія, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе и совершенное обличеніе, согласуемся, что сіи государственные преступники достойны жесточайшей казни, а, слѣдовательно, какая будетъ сентенція, отъ оной не отрицаемся, но поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ».

Всемилостивѣйшій государь! Съ того самаго дня, какъ горестныя происшествія обнаружили сіе дѣло, когда вспыхнувшій мятежъ укрощенъ былъ единымъ личнымъ присутствіемъ вашимъ, всѣ вѣрные подданные ваши въ благоговѣйномъ чувствѣ признали единодушно, что судьба Россіи, твердой вашей десницѣ Провидѣніемъ ввѣренная, пребудетъ непоколебима. Впослѣдствіи, когда, признавъ дѣло сіе дѣломъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, дѣломъ всей Россіи, ваше императорское величество соизволили по образу высокихъ вашихъ предковъ призвать къ сужденію онаго высшія государственныя сословія съ присоединеніемъ къ нимъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, симъ самымъ снова утвердили ту истину, что если мрачный духъ крамолы, внѣшними примѣрами подстрекаемый, можетъ вторгнуться въ Россію, то, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ отчаяннаго разврата или буйнаго своевольства мыслей, никогда не проникнетъ онъ въ нѣдро ея, для него неприступное; и что въ отечествѣ нашемъ любовь къ государю и преданность къ престолу опираются на коренныхъ законахъ нашихъ, на самыхъ нравахъ и свойствахъ природныхъ.

Верховный уголовный судъ, чувствуя всю важность его призыванія, желалъ въ полной мѣрѣ оправдать изъявленное ему вашимъ императорскимъ величествомъ довѣріе и, проходя съ неутомимымъ вниманіемъ весь многосложный составъ сего обширнаго дѣла, искалъ по слову вашему единаго: «справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ неколеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной».

Подлинный за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

8.

Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

I.

Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

№.	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Полковникъ Пестель.	Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ, учреждалъ и съ неограниченною

Библиотека "Руниверс"

властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и приготовлялъ къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

2. Подпоручикъ Рылѣевъ. Умышлялъ на цареубійство; назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи и приуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, приуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, принималъ членовъ, приуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3. Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатихизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4. Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора; избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха; имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

	умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти государя императора и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія; участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатихизиса; возбуждалъ и приготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ имперіи и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.
5. Поручикъ Каховскій.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера.

II.

Государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отсѣченіемъ головы.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Полковникъ князь Трубецкой.	Въ 1825 году умышлялъ на цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ; предлагалъ лишеніе свободы императора и императорской фамиліи при занятіи дворца; управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.
2. Поручикъ князь Оболенскій.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи союза Благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя приготовлять сочиненія

Библиотека "Руниверс"

для содѣйствія цѣли общества; пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

3. Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. — Имѣлъ умыселъ на цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4. Подпоручикъ Борисовъ 2-й. — Умышлялъ на цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго и умышлялъ на лишеніе свободы его высочества цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; пріуготовлялъ способы къ оному; составилъ катихизисъ и клятвенное обѣщаніе; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

5. Подпоручикъ Борисовъ 1-й. — Умышлялъ на цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго; учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, содѣйствовалъ составленію устава; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

6. Подпоручикъ Горбачевскій. — Умышлялъ на цареубійство, обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ; участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ; возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву, старался распространить общество принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7. Майоръ Спиридовъ. — Умышлялъ на цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ, совершить оное и назначалъ къ тому другихъ; участвовалъ въ управленіи Славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

8. Штабсъ-ротмистръ князь Барятинскій. — Умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества, старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

9. Коллежскій асессоръ Кюхельбекеръ. — Покушался на жизнь его высочества великаго князя Михаила Павловича во время мятежа на площади; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова и

Библиотека "Руниверс"

разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй.

10. Капитанъ Якубовичъ. — Умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жеребей на убіеніе нынѣ царствующаго императора; былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные домы, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церкви, итти ко дворцу; во время самаго мятежа, присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ, и пришелъ съ ними на площадь.

11. Подполковникъ Поджіо. — Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ, совѣтовалъ и убѣждалъ князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

12. Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. — Умышлялъ на цареубійство съ собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго; участвовалъ въ умыслѣ произвесть бунтъ; привлекалъ въ тайное общество другихъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

13. Прапорщикъ Вадковскій. — Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

14. Прапорщикъ Бечасновъ. — Соглашался въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

15. Полковникъ Давыдовъ. — Имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи областей отъ имперіи и пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовою къ дѣйствіямъ.

Библиотека "Руниверс"

16. 4-го класса Юшневскій. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества; управлялъ тѣмъ обществомъ вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи.

17. Штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

18. Подпоручикъ Андреевичъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы его императорскаго высочества цесаревича; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и пріуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.

19. Капитанъ Никита Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя впослѣдствіи и измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, однакожъ предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества и въ составленіи плановъ и конституціи.

20. Коллежскій асессоръ Пущинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

21. Генералъ-майоръ князь Волконскій. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи и употреблялъ поддѣльную печать полевого аудиторіата.

22. Капитанъ Якушкинъ. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей.

23. Подпоручикъ Пестовъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго и соглашался въ умыслѣ бунта.

Библиотека "Руниверс"

24. Лейтенантъ Арбузовъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.
25. Лейтенантъ Завалишинъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, возбуждая къ тому словами и сочиненіями. и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.
26. Полковникъ Повало-Швейковскій.	Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго государя императора въ Бобруйскѣ и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго государя императора въ Бобруйскѣ; и зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.
27. Поручикъ Пановъ 2-й.	Принадлежалъ къ тайному обществу и, по учиненіи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько ротъ; вступилъ съ ними на дворъ Зимняго дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади; команда его производила стрѣльбу.
28. Поручикъ Сутгофъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу и по учиненіи присяги лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу.
29. Штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ: Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.
30. Мичманъ Дивовъ.	Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи съ возбужденіемъ другихъ словами и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
31. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ.	По показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе; удалясь за границу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.

Библиотека "Руниверс"

III.

Государственные преступники второго разряда, осуждаемые къ политической смерти, по силѣ указа 1753 года, апрѣля 29-го числа, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

№ Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Капитанъ Тютчевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.
2. Поручикъ Громницкій.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; участвовалъ ъ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей; зналъ о приготовленіи къ мятежу.
3. Прапорщикъ Кирѣевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; также соглашался въ умыслѣ бунта и приготовлялъ товарищей къ военному мятежу.
4. Поручикъ Крюковъ 2-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.
5. Подполковникъ Лунинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ литографіи для изданія сочиненій общества.
6. Корнетъ Свистуновъ.	Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства и истребленія императорской фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.
7. Поручикъ Крюковъ 1-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.
8. Поручикъ Басаргинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.
9. Подполковникъ Митьковъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.
10. Поручикъ Анненковъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Библиотека "Руниверс"

11. Штабъ-лѣкарь Вольфъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
12. Ротмистръ Ивашевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
13. Подпоручикъ Фроловъ 2-й.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.
14. Подполковникъ Норовъ.	Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти императора и нынѣ царствующаго государя, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
15. Капитанъ-лейтенантъ Торсонъ.	Зналъ умыселъ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.
16. Капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ 1-й.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.
17. Штабсъ-капитанъ Михайло Бестужевъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

IV.

Государственные преступники третьяго разряда, осужденные къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подполковникъ баронъ Штейнгель.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ.
2. Подполковникъ Батенковъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами.

Библиотека "Руниверс"

V.

Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

№.	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Штабсъ-капитанъ Мухановъ.	Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.
2.	Генералъ-майоръ Фонвизинъ.	Умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, хотя впослѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.
3.	Штабсъ-капитанъ Поджіо.	Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
4.	Подполковникъ Фаленбергъ.	По принятіи въ 1822 или 1823 году княземъ Барятинскимъ въ тайное общество, соглашался произвести цареубійство, и хотя впослѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ.
5.	10-го класса Ивановъ.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.
6.	Подпоручикъ Мозганъ.	Зналъ объ умыслѣ цареубійства, участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена и возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.
7.	Штабсъ-капитанъ Корниловичъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному и въ приготовленіи къ мятежу.
8.	Майоръ Лореръ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарища.
9.	Полковникъ Аврамовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.
10.	Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бу-

Библиотека "Руниверс"

	магъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена.
11. Прапорщикъ Шимковъ.	Зналъ объ умыслѣ цареубійства и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена.
12. Корнетъ Александръ Муравьевъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.
13. Мичманъ Бѣляевъ 1-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
14. Мичманъ Бѣляевъ 2-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
15. Полковникъ Нарышкинъ 2-й.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.
16. Корнетъ князь Одоевскій.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

VI.

Государственные преступники пятаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли и приготовлялъ товарищей къ мятежу.
2. Коллежскій секретарь Глѣбовъ.	Зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, дававши деньги солдатамъ для покупки вина.
3. Поручикъ баронъ Розенъ.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ.
4. Лейтенантъ Кюхельбекеръ.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
5. Мичманъ Бодиско 2-й.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Государственные преступники шестого разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 6 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Полковникъ Александръ Муравьевъ.	Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли его правительству не донесъ.
2. Дворянинъ Люблинскій.	Зналъ умыселъ на цареубійство и участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго общества, съ составленіемъ и переводомъ плановъ, хотя послѣ изъ онаго и выбылъ.

VIII.

Государственные преступники седьмого разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подпоручикъ Лихаревъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
2. Подполковникъ Ентальцовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.
3. Поручикъ Лисовскій.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу
4. Полковникъ Тизенгаузенъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и на лишеніе свободы всей императорской фамиліи и участвовалъ въ умыслѣ бунта.
5. Подпоручикъ Кривцовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
6. Прапорщикъ Толстой.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
7. Ротмистръ графъ Чернышевъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
8. Поручикъ Аврамовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Библиотека "Руниверс"

9. Поручикъ Загорѣцкій.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
10. Полковникъ Поливановъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
11. Поручикъ баронъ Черкасовъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
12. Поручикъ графъ Булгари.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
13. Канцеляристъ Выгодовскій.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
14. Подполковникъ Берстель.	Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы императорской фамиліи и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
15. Полковникъ фонъ-деръ-Бригенъ.	Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

IX.

Государственные преступники осьмого разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подпоручикъ Андреевъ 2-й.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и возбуждалъ къ мятежу.
2. Подпоручикъ Веденяпинъ 1-й.	Соглашался на умыселъ бунта и зналъ о приготовленіи къ военному мятежу.
3. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Краснокутскій.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ сената и зналъ о приготовленіи къ мятежу 14 декабря 1825 года.
4. Лейтенантъ Чижовъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и соглашался на мятежъ.
5. Камеръ-юнкеръ князь Голицынъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.
6. Штабсъ-капитанъ Назимовъ.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного товарища.
7. Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.
8. Подпоручикъ Заикинъ.	Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.
9. Капитанъ Фурманъ.	Соглашался въ умыслѣ бунта.
10. Майоръ князь Шаховской.	По уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу.

Библиотека "Руниверс"

11. Штабсъ-капитанъ Фохтъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
12. Подпоручикъ Мозгалевскій.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
13. Поручикъ Шахиревъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.
14. Полковникъ Враницкій.	Принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т.-е. измѣненіе государственнаго порядка.
15. Лейтенантъ Бодиско 1-й.	Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ бытностію на площади.

X.

Государственные преступники девятаго разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Подпоручикъ графъ Коновницынъ 1-й.	Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли относительно бунта, и соглашался на мятежъ.
2. Штабсъ-ротмистръ Оржитскій.	Хотя не вполнѣ, но зналъ сокровенную цѣль тайнаго общества относительно бунта, равно какъ зналъ и о предстоящемъ мятежѣ.
3. Подпоручикъ Кожевниковъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли, и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

XI.

Государственный преступникъ десятаго разряда, осуждаемый къ лишенію чиновъ и дворянства и написанію въ солдаты до выслуги.

Имя преступника.	Главные виды преступленій.
Капитанъ Пущинъ.	Зналъ о приготовленіи къ мятежу, но не донесъ.

XII.

Государственные преступники одиннадцатаго разряда, осуждаемые къ лишенію токмо чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою.

№. Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1. Мичманъ Петръ Бестужевъ.	Принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

Библиотека "Руниверс"

2. Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й.	Соглашался на умыселъ бунта.
3. Лейтенантъ Вишневскій.	Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.
4. Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ.	Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.
5. Лейтенантъ Акуловъ.	Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.
6. Поручикъ Фокъ.	Бывъ увлеченъ обманомъ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.
7. Поручикъ Цебриковъ.	По показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го декабря произносилъ возмутительныя слова морскому экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь, самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ, князю Оболенскому.
8. Подпоручикъ Лаппа.	Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Подлинная роспись за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

9.

Указъ верховному уголовному суду.

Разсмотрѣвъ докладъ о государственныхъ преступникахъ, отъ верховнаго уголовнаго суда намъ поднесенный, мы находимъ приговоръ, онымъ постановленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ.

Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія, признали мы за благо опредѣленныя симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями.

I. Преступниковъ перваго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни осужденныхъ, а именно: полковника князя Трубецкого, поручика князя Оболенскаго, подпоручика Борисова 2-го, отставного подпоручика Борисова 1-го, подпоручика Горбачевскаго, майора Спиридова, штабсъ-ротмистра князя Барятинскаго, капитана Якубовича, отставного подполковника Поджіо, полковника Артамона Муравьева, прапорщика Вадковскаго, прапорщика Бечаснова, отставного полковника Давыдова, 4-го класса Юшневскаго, подпоручика Андреевича 2-го, коллежскаго асессора Пущина, подпоручика Пестова, лейтенанта Арбузова, лейтенанта Завалишина, полковника Повало-Швейковскаго, поручика Панова 2-го, поручика Суттофа, штабсъ-капитана князя Щепина-Ростовскаго, мичмана Дивова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева,—даровавъ имъ жизнь, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу.

Библиотека "Руниверс"

II. Нижеслѣдующихъ преступниковъ того же перваго разряда и къ той же смертной казни верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе; а именно: 1) отставного подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія; 2) коллежскаго асессора Кюхельбекера по уваженію ходатайства его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича; 3) штабсъ-капитана Александра Бестужева по уваженію того, что лично явился ко мнѣ съ повинною головою; 4) капитана Никиту Муравьева по уваженію совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія; 5) генералъ-майора князя Волконскаго по уваженію совершеннаго раскаянія; 6) отставного капитана Якушкина также по уваженію совершеннаго раскаянія.

III. Преступниковъ второго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ политической смерти съ положеніемъ головы на плаху и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, а именно: капитанъ-лейтенанта Николая Бестужева 1-го и штабсъ-капитана Михаила Бестужева, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу. Капитана Тютчева, поручика Громницкаго, прапорщика Кирѣева, поручика Крюкова 2-го, подполковника Лунина, корнета Свистунова, поручика Крюкова 1-го, поручика Басаргина, полковника Митькова, поручика Анненкова, штабъ-лѣкаря Вольфа, ротмистра Ивашева, подпоручика Фролова 2-го и капитанъ-лейтенанта Торсона, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе; отставного подполковника Норова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

IV. Преступниковъ третьяго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ въ каторжную работу вѣчно, а именно: отставного подполковника барона Штейнгеля и подполковника Батенкова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

V. Преступниковъ четвертаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: штабсъ-капитана Муханова, отставныхъ: генералъ-майора Фонвизина и штабсъ-капитана Поджіо, подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, подпоручика Мозгана, штабсъ-капитана Корниловича, майора Лорера, полковника Аврамова, поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, прапорщика Шимкова, корнета Александра Муравьева, мичмана Бѣляева 1-го, мичмана Бѣляева 2-го, полковника Нарышкина 2-го и корнета князя Одоевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VI. Преступниковъ пятаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: штабсъ-капитана Рѣпина и лейтенанта Кюхельбекера, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на восемь лѣтъ и потомъ на поселеніе; мичмана Бодиско 2-го сослать въ крѣпостную работу, а коллежскаго секретаря Глѣбова и поручика барона Розена сослать въ каторжную работу по приговору на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VII. Преступниковъ шестого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ и потомъ на поселеніе, а

Библиотека "Руниверс"

именно: отставного полковника Александра Муравьева по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства; дворянина Люблинскаго, по лишеніи дворянства, сослать въ каторжную работу на пять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VIII. Преступниковъ седьмого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года и потомъ на поселеніе, а именно: подпоручика Лихарева, подполковника Ентальцова, поручика Лисовскаго, полковника Тизенгаузена, подпоручика Кривцова, прапорщика Толстого, ротмистра графа Чернышева, поручика Ивана Аврамова, поручика Загорѣцкаго, полковника Поливанова, поручика барона Черкасова, канцеляриста Выгодовскаго и отставного полковника фонъ-деръ-Бригена, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на два года и потомъ на поселеніе, а подполковника Берстеля и поручика графа Булгари по уваженію молодости его лѣтъ въ крѣпостную работу на два года.

IX. Съ преступниками восьмого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденными къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе, а именно: съ подпоручикомъ Андреевымъ 2-мъ, подпоручикомъ Веденяпинымъ 1-мъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Краснокутскимъ, лейтенантомъ Чижовымъ, камеръ-юнкеромъ княземъ Голицынымъ, штабсъ-капитаномъ Назимовымъ, поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 1-мъ, подпоручикомъ Заикинымъ, капитаномъ Фурманомъ, майоромъ княземъ Шаховскимъ, штабсъ-капитаномъ Фохтомъ, подпоручикомъ Мозгалевскимъ, поручикомъ Шахиревымъ и съ полковникомъ Враницкимъ, поступить по приговору верховнаго уголовнаго суда, а лейтенанта Бодиско 1-го написать въ матросы.

X. Преступниковъ девятаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь, а именно: подпоручика графа Коновницына, отставного штабсъ-ротмистра Оржитскаго и подпоручика Кожевникова, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

XI. Съ преступникомъ десятаго разряда, капитаномъ Пущинымъ 1-мъ, осужденнымъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги, поступить по приговору суда.

XII. Съ преступниками одиннадцатаго разряда, осужденными верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою, и именно: съ мичманомъ Петромъ Бестужевымъ, прапорщикомъ Веденяпинымъ 2-мъ, лейтенантомъ Вишневскимъ, лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, лейтенантомъ Акуловымъ, подпоручикомъ Фокомъ и съ подпоручикомъ Лаппою, поступить по приговору суда, распредѣливъ ихъ въ дальнѣйшіе гарнизоны; но поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

XIII. Наконецъ, участь преступниковъ, здѣсь не поименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, предаю рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

Библиотека "Руниверс"

Верховный уголовный судъ въ полномъ его присутствіи имѣетъ объявить осужденнымъ имъ преступникамъ, какъ приговоръ, въ немъ состоявшійся, такъ и пощады, отъ насъ имъ даруемыя, и потомъ обратить все къ надлежащему, куда слѣдуетъ, исполненію. Правительствующій сенатъ съ своей стороны не оставитъ докладъ верховнаго суда и настоящія по оному постановленія издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село.
10-го іюля 1826 года.

10.

Указъ правительствующаго сената.

Указъ его императорскаго величества

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

изъ правительствующаго сената

объявляется во всенародное извѣстіе.

Правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи санктпетербургскихъ департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный изъ верховнаго уголовнаго суда въ спискѣ протоколъ, состоявшійся въ 11-й день сего іюля, при коемъ приложены въ копіяхъ: во-первыхъ, всеподданнѣйшій его императорскому величеству докладъ онаго суда, съ росписью государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ; во-вторыхъ, именный высочайшій указъ, данный верховному уголовному суду въ 10-й день сего же іюля о пощадахъ, его императорскимъ величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ,—приказали: о совершеніи казней и наказаній надъ государственными преступниками, высочайшимъ указомъ и приговоромъ верховнаго уголовнаго суда опредѣленныхъ, предписать г. санктпетербургскому военному генералъ-губернатору. Докладъ же верховнаго суда, съ росписью осужденнымъ преступникамъ, и высочайшій указъ, равно выписку изъ помянутаго протокола верховнаго уголовнаго суда, съ изъясненіемъ учиненнаго въ оном, по высочайше предоставленной ему власти, окончательнаго постановленія о пяти преступникахъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими по тяжести ихъ злодѣяній, издать совокупно во всеобщее извѣстіе, каковыхъ постановленій и прилагается у сего по одному экземпляру.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената. (Мѣсто печати). Печатанъ въ Санктпетергѣ при сенатѣ іюля 16, а въ Москвѣ при сенатѣ жъ іюля 18-го числа 1826 года.

Библиотека "Руниверс"

11.

Выписка изъ протокола верховнаго уголовнаго суда отъ 11-го іюля 1826 года.

Верховный уголовный судъ, по выслушаніи высочайшаго именного указа, въ 10 день іюля сему суду даннаго, положили: поелику XIII-ою статьею сего высочайшаго указа его императорское величество всемилостивѣйше соизволилъ участь преступниковъ, въ оном не поименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, предать рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится, то, сообразуясь съ высокомонаршимъ милосердіемъ, въ семъ самомъ дѣлѣ явленнымъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, верховный уголовный судъ по высочайше предоставленной ему власти приговорили: вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ: Павлу Пестелю, Кондратію Рылѣеву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговоромъ суда опредѣленной, сихъ преступниковъ за ихъ тяжкія злодѣянія повѣсить.

Подлинный протоколъ за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

12.

Манифестъ 13-го іюля 1826 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа, явилась предъ нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь русскую, за

Библиотека "Руниверс"

вѣру, царя и отечество на семъ самомъ мѣстѣ проліянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ она расторгла завѣсу, указала зло, помогла намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ — туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобъ потушить умыселъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Составленный горстію изверговъ, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную, но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя русское измѣною престолу и отечеству. Напротивъ, мы видѣли при семъ самомъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлію умысловъ была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ же Промыслъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ царствованія нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить насъ на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная комиссія въ теченіе пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный уголовный судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ теченіе краткаго времени, укрощено зло, въ другихъ нравахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались, и, какъ мы при помощи Божіей уповаемъ, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла, изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, нечужеземнаго воспитанія мы пріимемъ

Библиотека "Руниверс"

съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверсты въ отечествѣ нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія—все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ правительству. Въ государствѣ, гдѣ любовь къ монархамъ и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ: они могутъ таиться во мракѣ, но при первомъ появленіи, отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и, спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ, ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій.

Въ Царскомъ Селѣ, 13-го іюля 1826 года.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

Николай.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюля 13-го, а въ Москвѣ при сенатѣ жъ сего жъ іюля 18-го числа 1826 года.

13.

Донесеніе комиссіи для основанія разрядовъ.

ВЕРХОВНОМУ УГОЛОВНОМУ СУДУ

отъ комиссіи, избранной для основанія разрядовъ,

донесеніе.

Комиссія, приступивъ къ исполненію порученія, верховнымъ судомъ уголовнымъ ей даннаго, признала нужнымъ прежде всего съ точностію означить существо его и предѣлы.

Библиотека "Руниверс"

Существо порученія состоитъ въ слѣдующемъ: при первоначальномъ обозрѣніи въ верховномъ судѣ донесенія слѣдственной комиссіи и приложенныхъ при ономъ о каждомъ подсудимомъ подробныхъ свѣдѣній, усмотрѣно было, что хотя всѣ обвиненія принадлежатъ къ одному роду преступленій, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ у насъ извѣстному, но степени участія и виновности весьма разнообразны. Чтобы опредѣлить сіи степени, должно сравнить разныя преступныя дѣйствія, и тѣ изъ нихъ, кои по сему сравненію окажутся равно тяжкими, отнести къ одному разряду. Дѣло комиссіи есть приготовить и представить верховному суду основанія, по коимъ бы онъ могъ съ точностію установить сіи разряды.

Ясно, что сихъ основаній должно искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему есть два средства: донесеніе слѣдственной комиссіи и самыя дѣла, въ оной произведенныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности; въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя, и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Комиссія признала справедливымъ соединить оба сіи средства, то-есть свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ, и для сего прочесть и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его комиссія, во-первыхъ, пріобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121-го дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ чрезъ слѣдственную комиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ бо́льшую ясность.

Въ семъ порядкѣ обозрѣвъ все дѣло и приготовивъ оное къ дальнѣйшему его движенію, комиссія нашла нужнымъ прежде всего разрѣшить слѣдующій вопросъ: извѣстно, что въ общемъ уголовномъ производствѣ пріемлется не токмо собственное признаніе, но и улики, и въ числѣ уликъ свидѣтельства лицъ постороннихъ, но лицъ достовѣрныхъ, безпристрастныхъ, присягою въ истинѣ утвержденныя. Въ настоящемъ дѣлѣ личныя свидѣтельства суть многочисленны и разнообразны; но свидѣтели суть лица подсудимыя и слѣдовательно не безпристрастныя,—должно ли принимать таковыя свидѣтельства за достовѣрныя? Трудно было бы по симъ однимъ показаніямъ безъ другихъ уликъ достигнуть очевидности. Но сія трудность разрѣшается самымъ производствомъ слѣдствія. Въ числѣ 121-го дѣла найдено токмо четыре случая, и случаи не самые важные, относящіеся къ лицамъ, въ заговорѣ не значительнымъ, коихъ достовѣрность опирается на таковыхъ показаніяхъ. Тѣмъ не менѣе комиссія признала справедливымъ отдѣлить сіи четыре случая, разсмотрѣть и представить ихъ на разрѣшеніе верховнаго суда особо. За симъ отдѣленіемъ всѣ остальныя вины подсудимыхъ утверждаются на собственномъ ихъ признаніи, и слѣдовательно стоятъ на самомъ высшемъ степени очевидности, каковой законъ въ дѣлахъ сего рода требуетъ.

Библиотека "Руниверс"

По разрѣшеніи такимъ образомъ сего предварительнаго вопроса, комиссія приступила къ установленію началъ, на коихъ должны быть основаны разряды. Для сего ей предлежало, во-первыхъ, опредѣлить главные роды преступленій; во-вторыхъ, отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды и поставить ихъ въ порядкѣ постепенности; въ-третьихъ, изъ сложенія и сопряженія сихъ видовъ произвесть начала разрядовъ.

Роды преступленій. Всѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыселъ: умыселъ на потрясеніе имперіи, на испроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій. Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій.

Къ первому роду принадлежитъ вообще: 1) знаніе, 2) согласіе, 3) вызовъ къ совершенію; въ подробности же сюда принадлежатъ слѣдующіе виды.

I. Къ вызову принадлежитъ:

1) Умыселъ на цареубійтсво собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго; принятіемъ таковыхъ назначеній; изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого либо изъ членовъ императорской фамиліи.

2) Умыселъ на истребленіе императорской фамиліи или кого либо изъ членовъ ея возбужденіемъ къ тому другихъ или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3) Умыселъ на лишеніе свободы священной особы государя или кого либо изъ членовъ императорской фамиліи; умыселъ на удаленіе императорской фамиліи собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

II. Къ согласію принадлежитъ:

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, но безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, то-есть на удаленіе императорской фамиліи или лишеніе свободы, но съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостныя слова, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ, и означающія не умыселъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ.

7) Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

Библиотека "Руниверс"

8) Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ не токмо измѣнившимся съ отступленіемъ, но и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

III. Къ знанію принадлежитъ:

9) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, то-есть безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

Ко второму роду принадлежитъ вообще: 1) знаніе, 2) согласіе, 3) дѣятельное участіе съ возбужденіемъ; въ подробности же сюда принадлежатъ слѣдующіе виды.

I. Къ дѣятельному участію принадлежитъ:

1) Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: пріуготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими: участіемъ или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

II. Къ согласію принадлежитъ:

3) Участіе въ семъ умыслѣ: распространеніемъ обществъ или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или даже и съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

III. Къ знанію принадлежитъ:

6) Полное знаніе сего умысла, но безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ третьему роду, т.-е. къ воинскому мятежу, принадлежатъ слѣдующіе виды:

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, но безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу, безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу, безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ, безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семъ состоятъ разные виды, кои комиссія нашла и различила въ преступленіяхъ при подробномъ разсмотрѣніи производства дѣлъ о подсудимыхъ.

Основаніе разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія, долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, но коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ основаны разряды, но въ приложеніи его къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина, весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею, то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо по другимъ его винамъ принадлежало къ разрядамъ низшимъ. На сихъ соображеніяхъ основаны нижеслѣдующія предположенія разрядовъ.

Библиотека "Руниверс"

Разрядъ первый.

По первому пункту:

Умыселъ на цареубійство или собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго; пріятіемъ таковыхъ назначеній; изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ; сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого либо изъ членовъ императорской фамиліи.

Умыселъ на истребленіе императорской фамиліи или кого либо изъ членовъ ея: возбужденіемъ къ оному другихъ съ согласіемъ и одобреніемъ лица, предназначеннаго къ совершенію.

Умыселъ на лишеніе свободы священной особы государя или кого либо изъ членовъ императорской фамиліи; умыселъ на удаленіе императорской фамиліи съ собственнымъ вызовомъ или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

По второму пункту:

Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: пріуготовленіемъ способовъ къ бунту, назначеніемъ къ тому срочнаго времени, составленіемъ плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими: распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

По мятежу:

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ познаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, но безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

Такимъ образомъ первый разрядъ соединяетъ въ себѣ: по первому пункту—три первые вида преступленія; по второму—первый и второй видъ; по мятежу—два первые его вида.

Отличительное свойство сего разряда есть: по первому пункту—вызовъ, нарядъ или согласіе на дѣйствительное и непосредственное совершеніе умысла; по второму пункту—соединеніе главныхъ средствъ къ произведенію бунта, средствъ, безъ коихъ всѣ другія не могли бы быть дѣйствительны; по мятежу отличительное его свойство есть личное дѣйствіе съ пролитіемъ крови.

Библиотека "Руниверс"

Разрядъ второй.

По первому пункту:

Участіе въ умыслѣ согласіемъ, но безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т.-е. на удаленіе императорской фамиліи или лишеніе свободы, но съ противорѣчіемъ на два первые.

По второму пункту:

Дѣятельное участіе въ умыслѣ бунта, когда уже онъ былъ основанъ другими; участіе или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

Участіе въ семъ умыслѣ: распространеніемъ обществъ—принятіемъ ихъ порученій, привлеченіемъ товарищей; сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ и съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли мятежа.

Такимъ образомъ второй разрядъ заключаетъ въ себѣ: по первому пункту 4-й и 5-й видъ преступленія, по второму пункту 2-й и 3-й видъ, по мятежу 3-й видъ сего преступленія.

Отличительное свойство его по первому пункту есть постоянное согласіе въ умыслѣ; по второму пункту—тоже постоянное согласіе и соединеніе средствъ къ возмущенію менѣе дѣятельныхъ, нежели тѣ, кои въ первомъ разрядѣ полагаются; по мятежу отличительное его свойство есть возбужденіе нижнихъ чиновъ.

Разрядъ третій.

По первому пункту:

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е безъ согласія и противорѣчія.

По второму пункту:

Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или даже и съ противорѣчіемъ онымъ.

Библиотека "Руниверс"

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

Такимъ образомъ третій разрядъ содержитъ въ себѣ: по первому пункту 9-й видъ преступленія; по второму 4-й; по мятежу также 4-й.

Отличительное свойство сего разряда по первому пункту есть знаніе умысла, по второму—участіе безъ согласія на мѣры жестокія; по мятежу—дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ планами, совѣтами и сочиненіями. Сіе послѣднее дѣйствіе, отягощая вину, опредѣляетъ сему разряду мѣсто высшее, нежели какое принадлежало бы другимъ винамъ, съ сею сопряженнымъ.

Разрядъ четвертый.

По первому пункту:

Злодерзостныя слова, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ, и означающія не умыселъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ.

Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ, или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

По второму пункту:

Участіе въ умыслѣ распространеніемъ обществъ или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

Сей разрядъ соединяетъ: по первому пункту 6-й и 7-й виды преступленія, по второму 3-й, по мятежу 4-й.

Отличительное его свойство есть—по первому пункту участіе, въ дерзостныхъ словахъ изъявленное, но мгновенное, или участіе, впослѣдствіи измѣнившееся, по второму пункту — согласіе постоянное, по мятежу — возбужденіе нижнихъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Разрядъ пятый.

По второму пункту:

Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ общества.

По мятежу:

Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, но безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

Такимъ образомъ разрядъ сей содержитъ въ себѣ по второму пункту одинъ токмо случай участія, принадлежащій къ 6-му виду; прочіе же принадлежатъ къ участію въ мятежѣ въ 4-мъ его видѣ.

Отличительное его свойство есть въ мятежѣ—возбужденіе нижнихъ чиновъ безъ полнаго знанія цѣли или пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами съ знаніемъ сокровенной цѣли.

Разрядъ шестой.

По первому пункту:

Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ не токмо измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго, но и съ противодѣйствіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

По второму пункту:

Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

Разрядъ сей содержитъ по первому пункту 8-й и 9-й виды преступленія, по второму 5-й.

Отличительное его свойство: по первому пункту—согласіе измѣнившееся или одно токмо знаніе, по второму—также согласіе, совершенно впослѣдствіи измѣнившееся.

Библиотека "Руниверс"

Разрядъ седьмой.

По первому пункту:

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, но безъ согласія, даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту:

Полное знаніе умысла, но безъ всякаго дѣйствія.

Отличительное свойство сего разряда: по первому пункту есть знаніе (виды 9-й и 10-й); по второму — также знаніе умысла (видъ 6-й).

Разрядъ восьмой.

По второму пункту:

Полное знаніе умысла, но безъ всякаго дѣйствія.

По мятежу:

Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

Отличительное свойство сего разряда: по второму пункту (видъ 6-й) есть знаніе съ нѣкоторымъ участіемъ въ мятежѣ, или участіе въ умыслѣ распространеніемъ общества (видъ 3-й), но безъ участія въ мятежѣ, или, наконецъ, одно полное знаніе умысла безъ распространенія его и безъ участія въ мятежѣ.

Разрядъ девятый.

По второму пункту:

Неполное знаніе умысла, особенно жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу:

Знаніе о предстоящемъ мятежѣ безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Библиотека "Руниверс"

Отличительное свойство сего разряда есть: по второму пункту (видъ 7-й) неполное знаніе съ нѣкоторымъ прикосновеніемъ къ мятежу, а по мятежу (виды 9-й и 10-й) или знаніе безъ дѣйствія, или дѣйствіе безъ знанія.

Разрядъ десятый.

По мятежу:

Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

Разрядъ одиннадцатый.

По мятежу:

Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ знанія сокровенной цѣли.

Въ семъ состоятъ предположенія о разрядахъ. Въ чрезмѣрномъ разнообразіи видовъ преступленій комиссія искала не столько свода и сокращенія, сколько того, чтобъ не смѣшать одного вида съ другимъ; чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Со всѣмъ тѣмъ комиссія не могла надѣяться, чтобъ при распредѣленіи по симъ разрядамъ подсудимыхъ не открылись еще нѣкоторыя разности. Но сіи личныя разности, въ дѣлѣ столь многосложномъ неизбѣжныя, могутъ, однако же, быть еще уравнены мѣстнымъ каждаго лица въ разрядѣ положеніемъ такъ, что между двумя лицами смежными разность будетъ почти ничтожна, хотя между первымъ и послѣднимъ въ разрядѣ она можетъ быть чувствительна.

Въ семъ уваженіи, и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе удостовѣриться въ точности предполагаемыхъ разрядовъ, комиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самаго распредѣленія въ нихъ лицъ,—опытъ, но не самое распредѣленіе, ибо сіе послѣднее принадлежитъ верховному суду, и комиссія не могла и не должна предварять его.

Для сего надлежало пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго; обозрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностью, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ комиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ точностію и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями:

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами. Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ

Библиотека "Руниверс"

воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія. Напротивъ вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ отступленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ юностію лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Комиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ, и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ вины, въ своихъ мѣстахъ, признала, однако же, вмѣстѣ съ тѣмъ справедливымъ составить имъ отдѣльные списки.

2) Выше было примѣчено, что комиссія въ опредѣленіи доказательствъ винности руководствовалась очевидностію собственнаго подсудимыхъ признанія, и что во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла встрѣтились 4 только лица, и лица, не весьма въ дѣлѣ значительныя, коихъ вины не могли быть подчинены сему правилу. Комиссія признала нужнымъ, составя о сихъ лицахъ особенную записку, представить оную на дальнѣйшее верховнаго суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ итти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ, силою примѣра, неукротимостію злобы, свирѣпымъ упорствомъ и наконецъ хладнокровною готовностію къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Комиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній, особенный списокъ.

Симъ образомъ исполнивъ данное порученіе и изложивъ въ семъ донесеніи основанія разрядовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія представляетъ на усмотрѣніе верховнаго суда: 1) списокъ подсудимыхъ, кои, по особому свойству ихъ преступленій, не могли быть поставлены въ ряду съ прочими, и потому представляются отдѣльно съ означеніемъ противъ каждаго преступленій; 2) общій списокъ подсудимыхъ, съ означеніемъ противъ каждаго преступленій, собственнымъ признаніемъ утвержденныхъ; 3) списокъ тѣхъ подсудимыхъ, коихъ вины усиливаются особенными обстоятельствами; 4) списокъ тѣхъ, коихъ вины ослабляются обстоятельствами; 5) списокъ тѣхъ подсудимыхъ, вины коихъ утверждаются уликами свидѣтелей, а не собственнымъ ихъ признаніемъ; 6) протоколъ о дополненіяхъ, кои сдѣланы по сношенію съ слѣдственною комиссіею; 7) наконецъ протоколы по разнымъ бумагамъ, поступившимъ на разсмотрѣніе комиссіи во время производства порученнаго ей дѣла.

Подлинное за подписаніемъ членовъ комиссіи.

27 іюня
1826 года.

Библиотека "Руниверс"

Списокъ подсудимыхъ, коихъ вины, собственнымъ ихъ признаніемъ обнаруженныя, по особенному свойству ихъ и степени не входятъ въ общіе разряды.

№. Имена подсудимыхъ.	По собственному признанію.
1. Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Павелъ Пестель, 32 лѣтъ.	По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ. По второму пункту. Учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.
	По собственному признанію.
2. Отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ, 32 лѣтъ.	По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство; назначалъ лицъ къ совершенію онаго, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства. По второму пункту. Усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи и принималъ членовъ. По мятежу. Пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь. Примѣчаніе. Воспротивился сдѣланному на совѣщаніи у него предложенію разбить питейные домы, допустить грабежъ и привлечь чернь во дворецъ.
	По собственному признанію.
3. Черниговскаго пѣхотнаго полка под-	По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ

Библиотека "Руниверс"

полковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 29 лѣтъ.

къ тому другихъ. Соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ. Имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту. Участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію передъ рядами бунтующихъ лжекатихизиса. имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

По собственному признанію.

4. Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Михайло Бестужевъ-Рюминъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора; избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго. Имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха. Имѣлъ умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти государя императора, и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатихизиса; возбуждалъ и приготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа. Составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ имперіи и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго. Принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

5. Отставной поручикъ Петръ Каховскій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія, и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался.

По второму пункту. Участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера.

Списокъ подсудимыхъ, съ означеніемъ ихъ винъ, собственнымъ каждаго признаніемъ обнаруженныхъ.

I.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 1-мъ, или во 2-мъ, или въ 3-мъ видѣ сего преступленія, по второму пункту въ 1-мъ или во 2-мъ видѣ сего преступленія, по мятежу въ 1-мъ или 2-мъ видѣ сего преступленія.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

1. Полковникъ князь Сергѣй Трубецкой, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Въ 1825 году умышлялъ на цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ; предлагалъ лишеніе свободы императора и императорской фамиліи при занятіи дворца.

По второму пункту. Управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ.

По мятежу. Согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.

По собственному признанію.

2. Поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка князь Евгеній Оболенскій, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. По разрушеніи союза Благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять сочиненія для содѣйствія цѣли общества.

По мятежу. Приготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

По собственному признанію.

3. Отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, 33 лѣтъ.

По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества и зналъ умыслы Южнаго общества во всемъ ихъ пространствѣ.

По мятежу. Дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Примѣчаніе. Въ декабрѣ 1825 года отклонялъ Бестужева-Рюмина отъ намѣренія отправиться въ С.-Петербургъ для изведенія царствующаго государя императора; удержалъ Щепилова отъ нанесенія подполковнику Гебелю смертельнаго удара; признался во всемъ скоро и чистосердечно; изъявлялъ необыкновенные знаки раскаянія, хотя и послѣ уже признанія.

По собственному признанію.

4. Подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады Петръ Борисовъ 2-й, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго и умышлялъ на лишеніе свободы его высочества цесаревича.

По второму пункту. Учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; пріуготовлялъ способы къ оному; составилъ катихизисъ и клятвенное обѣщаніе.

По мятежу. Дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

По собственному признанію.

5. Отставной подпоручикъ Андрей Борисовъ 1-й, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ и содѣйствовалъ къ составленію устава.

По мятежу. Дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

По собственному признанію.

6. Подпоручикъ 2-ой артиллерійской бригады Иванъ Горбачевскій, 36 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство; обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ, возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву и старался распространить общество принятіемъ членовъ.

По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу, безъ личнаго въ ономъ дѣйствія.

По собственному признанію.

7. Майоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка Михайло Спиридовъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ, на совершеніе его и назначалъ къ тому другихъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

8. Штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка князь Александръ Барятинскій, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

9. Коллежскій асессоръ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Покушался на жизнь его высочества великаго князя Михаила Павловича во время мятежа на площади.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй.

По собственному признанію.

10. Нижегородскаго Драгунскаго полка капитанъ Александръ Якубовичъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жеребей на убіеніе нынѣ царствующаго императора, хотя предложеніе сіе не имѣло никакихъ послѣдствій.

По второму пункту. Былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные домы, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церкви, итти ко дворцу; во время самаго мятежа, присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ; пришелъ съ ними на площадь и потомъ, удалясь, прекративъ дальнѣйшее дѣйствіе, явился къ государю императору съ повинною въ учиненіи мятежа.

По собственному признанію.

11. Отставной подполковникъ Александръ Поджіо, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ.

По мятежу. Совѣтовалъ и убѣждалъ князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

12. Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ Артамонъ Муравьевъ, 32 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство съ собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ въ тайное общество другихъ.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

Примѣчаніе. При начатіи мятежа въ Васильковѣ рѣшительно отказался дѣйствовать съ полкомъ своимъ.

По собственному признанію.

13. Прапорщикъ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка Ѳедоръ Вадковскій, 25 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

По собственному признанію.

14. Прапорщикъ 8-ой артиллерійской бригады Владиміръ Бечасновъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Соглашался въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

По собственному признанію.

15. Отставной полковникъ Василій Давыдовъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное при

Библиотека "Руниверс"

нятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи областей отъ имперіи.

По мятежу. Пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовою къ дѣйствіямъ.

По собственному признанію.

16. Бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи, 4-го класса Алексѣй Юшневскій, 40 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества.

По второму пункту. Управлялъ Южнымъ обществомъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи.

По собственному признанію.

17. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Александръ Бестужевъ, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

Примѣчаніе. Удерживалъ Каховскаго отъ совершенія цареубійства, хотя прежде оное и одобрялъ; на площади удерживалъ солдатъ отъ стрѣльбы; на другой день явился самъ къ стопамъ государя императора, съ самаго начала признался чистосердечно и первый сдѣлалъ важное открытіе о тайномъ обществѣ.

По собственному признанію.

18. Подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады Яковъ Андреевичъ 2-й, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы его императорскаго высочества цесаревича.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.

По собственному признанію.

19. Капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Никита Муравьевъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 годахъ, но впослѣдствіи совершенно измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, и не только не соглашался, но сильно противодѣйствовалъ всѣмъ умысламъ сего рода, до того, что въ 1825 году совѣтовался съ другими о томъ, чтобы донести правительству о намѣреніи Якубовича покуситься на жизнь государя императора, въ случаѣ невозможности другимъ средствомъ удержать его отъ сего злодѣянія; предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи токмо въ случаѣ крайности.

По второму пункту. Участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи общества, въ составленіи плановъ и конституціи; самъ въ члены никого не принималъ.

Примѣчаніе. Скоро и чистосердечно признался и добровольно открылъ разныя подробности касательно заговора. Управляя обществомъ, онъ такъ былъ недѣятеленъ, что нѣкоторые изъ членовъ Южнаго общества полагали его смѣнить, находя, что Сѣверное общество не могло при немъ дѣйствовать.

По собственному признанію.

20. Коллежскій асессоръ Иванъ Пущинъ, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго.

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

21. Генералъ-майоръ князь Сергѣй Волконскій, 36 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи. Имѣлъ умыселъ на заточеніе императорской фамиліи.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ, дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи, употреблялъ поддѣльную печать полевого аудиторіата.

Примѣчаніе. Отрекся дѣйствовать въ возмущеніи войскъ по предложенію Поджіо.

По собственному признанію.

22. Отставной капитанъ Иванъ Якушкинъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей.

Примѣчаніе. Въ 1822 году, коль скоро узналъ о запрещеніи тайныхъ обществъ, то тотчасъ прекратилъ съ обществомъ всѣ сношенія, сжегъ бумаги и совершенно отъ онаго отказался.

По собственному признанію.

23. Подпоручикъ 9-ой артиллерійской бригады Александръ Пестовъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Соглашался въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго.

По второму пункту. Соглашался въ умыслѣ бунта безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

24. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Антонъ Арбузовъ, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.

По собственному признанію.

25. Лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа Дмитрій Завалишинъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи возбужденіемъ словами и сочиненіями.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

По собственному признанію.

26. Полковникъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Иванъ Повало-Швейковскій, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго государя императора въ Бобруйскѣ и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго государя императора въ Бобруйскѣ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, но во всякое время оному сопротивлялся, утверждая, что жизнь государя должна быть всегда священна; а при Бобруйскѣ говорилъ, что если общество рѣшится пролить хотя одну каплю крови, тогда онъ его оставляетъ, хотя бы то стоило ему самой жизни.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.

По собственному признанію.

27. Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Николай Пановъ 2-й, 22 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

По мятежу. По учиненіи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько ротъ; вступилъ съ ними на дворъ Зимняго дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади. Команда его производила стрѣльбу.

По собственному признанію.

28. Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка АлександръСутгофъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія сокровенной цѣли онаго относительно бунта, съ принятіемъ одного члена.

По мятежу. По учиненіи присяги лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ. Команда его производила стрѣльбу.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

29. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка князь Дмитрій Щепинъ-Ростовскій, 28 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ по убѣжденію въ данной имъ присягѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.

По собственному признанію.

30. Мичманъ гвардейскаго экипажа Василій Дивовъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи съ возбужденіемъ другихъ словами.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

Примѣчаніе. Первый самъ собою признался чистосердечно въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ даже не былъ подозрѣваемъ.

II.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 4-мъ или 5-мъ видѣ сего преступленія, по второму пункту во 2-мъ или 3-мъ видѣ сего преступленія, по мятежу въ 3-мъ видѣ сего преступленія.

№. Имена подсудимыхъ.

По собственному признанію.

31. Капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Алексѣй Тютчевъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

32. Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Петръ Громницкій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

33. Прапорщикъ 8-ой артиллерійской бригады Иванъ Киреевъ, 25 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Соглашался въ умыслѣ бунта безъ дѣйствія.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ военному мятежу.

По собственному признанію.

34. Поручикъ квартирмейстерской части Николай Крюковъ 2-й, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и членовъ.

По собственному признанію.

35. Подполковникъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка Михаилъ Лунинъ, 43 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и заведеніемъ литографіи для изданія сочиненій общества.

По собственному признанію:

36. Корнетъ Кавалергардскаго полка Петръ Свистуновъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства и истребленія императорской фамиліи согласіемъ.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.

Примѣчаніе. Отрекся дѣйствовать въ мятежѣ и отвергалъ планы мятежниковъ.

По собственному признанію.

37. Поручикъ Кавалергардскаго полка Александръ Крюковъ 1-й, 32 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.

По собственному признанію.

38. Поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Николай Басаргинъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.

Примѣчаніе. Находился въ обществѣ весьма недолго и съ 1822 года оставался въ совершенномъ бездѣйствіи. При вступленіи въ общество былъ 20-ти лѣтъ.

По собственному признанію.

39. Полковникъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Михайло Митьковъ, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

По собственному признанію.

40. Поручикъ Кавалергардскаго полка Иванъ Анненковъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Примѣчаніе. Отвергъ предложеніе къ мятежу.

По собственному признанію.

41. Состоявшій при главной квартирѣ 2 арміи штабъ-лѣкарь Крестьянъ Вольфъ, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По собственному признанію.

42. Ротмистръ Кавалергардскаго полка Василій Ивашевъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Примѣчаніе. Въ обществѣ былъ кратковременно и безъ всякаго дѣйствія.

По собственному признанію.

43. Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Александръ Фроловъ 2-й, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.

По собственному признанію.

44. Отставной подполковникъ Василій Норовъ, 32 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти государя императора и нынѣ царствующаго.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

45. Флота капитанъ-лейтенантъ Константинъ Торсонъ, 31 года.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство, но соглашался токмо на отнятіе свободы.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

Примѣчаніе. Отвергнулъ предложеніе возмутить матросовъ въ Кронштадтѣ.

По собственному признанію.

46. Капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа Николай Бестужевъ 1-й, 34 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

По собственному признанію.

47. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Михайло Бестужевъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

III.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 9-мъ видѣ сего преступленія; по второму пункту въ 4-мъ; по мятежу въ 4-мъ же, но съ особенными обстоятельствами, силу послѣдней вины умножающими.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

48. Отставной подполковникъ баронъ Владимиръ Штейнгель, 40 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы съ противорѣчіемъ на 1-е, но съ согласіемъ на 2-е.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ.

Примѣчаніе. Скоро и чистосердечно признался и открылъ важныя подробности о мятежѣ.

По собственному признанію.

49. Подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія Гаврило Батенковъ, 36 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, но безъ согласія и противорѣчія.

По второму пункту. Соглашался на умыселъ бунта безъ дѣйствія, но и безъ противорѣчія.

По мятежу. Пріуготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами, но безъ личнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. Когда предложено было во время мятежа занять дворецъ, то Батенковъ сказалъ, что дворецъ есть мѣсто священное, что̀, по показанію князя Трубецкого, предохранило отъ многихъ бѣдственныхъ послѣдствій.

IV.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 6-мъ или 7-мъ видѣ сего преступленія; по второму пункту въ 3-мъ видѣ сего преступленія; по мятежу въ 4-мъ.

№. Имена подсудимыхъ.

По собственному признанію.

50. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Петръ Мухановъ, 30 лѣтъ.

По первому пункту. Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія не умыселъ, но мгновенную мысль и порывъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.

По собственному признанію.

51. Отставной генералъ-майоръ Михайло Фонвизинъ, 38 лѣтъ.

По первому пункту. Умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, съ отступленіемъ отъ онаго.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

Примѣчаніе. Узнавъ объ умыслѣ Якубовича, намѣревался противодѣйствовать оному и даже донести правительству.

По собственному признанію.

52. Отставной штабсъ-капитанъ Іосифъ Поджіо, 34 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Зналъ о приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Учинилъ признаніе скоро и чистосердечно.

По собственному признанію.

53. Подполковникъ квартирмейстерской части Петръ Фаленбергъ, 36 лѣтъ.

По первому пункту. По принятіи въ 1822 или 1823 году княземъ Барятинскимъ въ тайное общество соглашался произвести цареубійство, но вскорѣ потомъ началъ отъ общества уклоняться, и оставался въ совершенномъ бездѣйствіи, такъчто имя его было почти забыто.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

Примѣчаніе. Злоумышленіе на цареубійство открылъ онъ самъ чистосердечно и добровольно, когда объ ономъ не было и извѣстно; требовалъ съ княземъ Барятинскимъ очныхъ ставокъ и на оныхъ его уличилъ въ сдѣланномъ ему отъ него порученіи.

По собственному признанію.

54. Провіантскій чиновникъ 10-го класса Илья Ивановъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ.

По мятежу. Приуготовлялъ товарищей къ мятежу.

По собственному признанію.

55. Подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Павелъ Мозганъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ цареубійства.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ принятіемъ одного члена.

По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.

По собственному признанію.

56. Штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Александръ Корниловичъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство безъ согласія и съ противорѣчіемъ, но безъ донесенія.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта единственно принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества Сѣверному.

По мятежу. Участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Подойдя на площади къ карре мятежниковъ, совѣтовалъ имъ покориться законной власти.

По собственному признанію.

57. Майоръ Вятскаго пѣхотнаго полка Николай Лореръ, 31 года.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарища.

По собственному признанію.

58. Полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка Павелъ Аврамовъ, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.

По собственному признанію.

59. Поручикъ квартирмейстерской части Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

Библиотека "Руниверс"

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ одного члена.

По собственному признанію.

60. Прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Иванъ Шимковъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ цареубійства, но безъ противорѣчія.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

По собственному признанію.

61. Корнетъ Кавалергардскаго полка Александръ Муравьевъ, 23 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

Примѣчаніе. Принятъ въ общество 18-ти лѣтъ.

По собственному признанію.

62. Мичманъ гвардейскаго экипажа Александръ Бѣляевъ 1-й, 25 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

По собственному признанію.

63. Мичманъ гвардейскаго экипажа Петръ Бѣляевъ 2-й, 22 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

64. Полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка Михайло Нарышкинъ 2-й, 31 года.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство, но безъ согласія и съ противорѣчіемъ, токмо безъ донесенія.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ принятіемъ членовъ.

По собственному признанію.

65. Корнетъ гвардіи Коннаго полка, князь Александръ Одоевскій, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ распространенія тайнаго общества принятіемъ одного члена.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія другихъ, но съ пистолетомъ въ рукахъ.

V.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ по мятежу въ томъ же 4-мъ видѣ; но по второму пункту они или состоятъ въ низшихъ видахъ, или не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

66. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Николай Рѣпинъ, 29 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

По мятежу. Приготовлялъ товарищей къ мятежу.

По собственному признанію.

67. Коллежскій секретарь Михайло Глѣбовъ, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Зналъ о цѣли тайнаго общества, но не вполнѣ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и далъ деньги солдатамъ для покупки вина.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

68. Поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка баронъ Андрей Розенъ, 27 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, хотя возбужденіе сіе было отрицательное, т.-е. онъ остановилъ взводъ, который долженъ былъ итти для усмиренія мятежниковъ.

По собственному признанію.

69. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа МихайлоКюхельбекеръ, 28 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

Примѣчаніе. Изъ карре подходилъ къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу и просилъ его высочество подъѣхать къ экипажу для прекращенія мятежа.

По собственному признанію.

70. Мичманъ гвардейскаго экипажа Михайло Бодиско 2-й, 25 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

VI.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 8-мъ или 9-мъ видѣ сего преступленія, по второму пункту въ 5-мъ видѣ преступленія, а по мятежу не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

71. Отставной полковникъ Александръ Муравьевъ, 35 лѣтъ.

По первому пункту. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, однажды и мгновенно въ 1817 году изъявленнымъ, а потомъ не только измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго, но и съ противодѣйствіемъ, вскорѣ потомъ оказаннымъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ учрежденіи тайнаго общества, но съ отступленіемъ еще въ 1819 году не только отъ жестокихъ средствъ, прежде принятыхъ, но и отъ самаго общества.

Примѣчаніе. Въ 1819 году не только прекратилъ всѣ сношенія съ тайнымъ обществомъ, но, объявя оному письменно о своемъ мнѣніи, старался разрушить сіе общество; убѣждалъ всѣхъ послѣдовать его примѣру и отказаться отъ всѣхъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей; но былъ обманутъ письменнымъ ложнымъ увѣреніемъ, что общество уничтожено.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

72. Дворянинъ Волынской губерніи Юліанъ Люблинскій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ цареубійства безъ согласія и противорѣчія.

По второму пункту. Участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго общества съ составленіемъ и переводомъ плановъ.

Примѣчаніе. По соединеніи Славянскаго общества съ Южнымъ, Люблинскій, бывъ изъ онаго исключенъ, не согласился на предложеніе вступить въ Польское общество.

VII.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по первому пункту въ 9-мъ или 10-мъ видѣ преступленія, по второму пункту въ 6-мъ видѣ преступленія, а по мятежу они состоятъ или въ низшихъ видахъ, или вовсе въ оныхъ не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

73. Подпоручикъ квартирмейстерской части Владимиръ Лихаревъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

По собственному признанію.

74. Командиръ конно-артиллерійской роты № 27, подполковникъ Андрей Ентальцовъ, 38 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

75. Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка Николай Лисовскій, 27 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По мятежу. Зналъ о приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Узнавъ о приготовленіяхъ къ мятежу, не только отказался, но и удержалъ одного изъ своихъ товарищей.

По собственному признанію.

76. Полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка Василій Тизенгаузенъ, 47 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и на лишеніе свободы всей императорской фамиліи, и хотя не изъявлялъ на то согласія, но и не противорѣчилъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

77. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Сергѣй Кривцовъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Узналъ объ умыслѣ на цареубійство не въ совѣщаніяхъ, на которыхъ никогда не бывалъ, но въ частномъ разговорѣ.

По собственному признанію.

78. Прапорщикъ Московскаго полка Владиміръ Толстой, 20 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. При принятіи въ 1824 году въ общество былъ 18-ти лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

79. Ротмистръ Кавалергардскаго полка графъ Захаръ Чернышевъ, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

По собственному признанію.

80. Поручикъ квартирмейстерской части Иванъ Аврамовъ, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

81. Поручикъ квартирмейстерской части Николай Загорѣцкій, 28 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

82. Отставной полковникъ Иванъ Поливановъ, 29 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Отступилъ отъ общества съ прекращеніемъ всякихъ съ нимъ сношеній, коль скоро узналъ о преступной его цѣли.

По собственному признанію.

83. Поручикъ квартирмейстерской части баронъ Алексѣй Черкасовъ, 26 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на царе-убійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго, но безъ дѣйствія.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

84. Поручикъ Кирасирскаго ея величества полка графъ Николай Булгари, 21 года.

По первому пункту. Зналъ умыселъ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Находился въ обществѣ кратковременно и, вступивъ въ оное въ 1825 году на 20 году, оставался по угрозамъ Вадковскаго.

По собственному признанію.

85. Канцеляристъ Павелъ Выгодовскій, 24 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

По собственному признанію.

86. Подполковникъ 9-ой артиллерійской бригады Александръ Берстель, 37 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы императорской фамиліи.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Во время мятежа Черниговскаго пѣхотнаго полка, по требованію начальства, онъ доставилъ четыре артиллерійскихъ орудія въ возможной скорости, за что̀ отъ корпуснаго командира объявлена ему признательность. Оставшись старшимъ по бригадѣ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы прочія орудія и ящики, въ случаѣ приближенія мятежниковъ, были увезены, для чего въ 24 часа собрано было до 200 обывательскихъ лошадей.

По собственному признанію.

87. Отставной полковникъ Александръ фонъ-деръ-Бригенъ, 33 лѣтъ.

По первому пункту. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство не только безъ согласія, но и съ противорѣчіемъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по второму пункту въ 6-мъ видѣ сего преступленія; по мятежу или въ 6-мъ или въ низшихъ видахъ сего преступленія, или же въ одномъ 3-мъ видѣ по второму пункту.

№. Имена подсудимыхъ.	По собственному признанію.
88. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Андрей Андреевъ 2-й, 21 года.	По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго. По мятежу. Возбуждалъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія. Примѣчаніе. Принятъ былъ въ общество за нѣсколько дней до 14 декабря и при допросахъ чистосердечно признался.
	По собственному признанію.
89. Мичманъ 27-го флотскаго экипажа Петръ Бестужевъ, 24 лѣтъ.	По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли относительно бунта. По мятежу. Лично дѣйствовалъ, безъ возбужденія другихъ. Примѣчаніе. По показанію Каховскаго, Бестужевъ отвелъ пистолетъ, Кюхельбекеромъ направленный на его императорское высочество, великаго князя Михаила Павловича, хотя, по показанію Кюхельбокера, сіе учинено матросами. Бестужевъ увлеченъ примѣромъ трехъ своихъ старшихъ братьевъ.
	По собственному признанію.
90. Подпоручикъ 9-ой артиллерійской бригады Аполлонъ Веденяпинъ 1-й, 25 лѣтъ.	По второму пункту. Соглашался на умыселъ бунта, но безъ дѣйствія. По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ военному мятежу. Примѣчаніе. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу, но отсовѣтовалъ.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

91. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Краснокутскій, 38 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ сената, но безъ всякаго дѣйствія въ возбужденіи къ бунту.

По мятежу. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу 14 декабря.

По собственному признанію.

92. Лейтенантъ 2-го флотскаго экипажа Николай Чижовъ, 26 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

По мятежу. Соглашался на мятежъ безъ личнаго дѣйствія.

По собственному признанію.

93. Камеръ-юнкеръ князь Валеріанъ Голицынъ, 24 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. При вступленіи въ общество былъ на 21 году.

По собственному признанію.

94. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи конноіонернаго эскадрона Михайло Назимовъ, 27 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного товарища.

По собственному признанію.

95. Поручикъ квартирмейстерской части Николай Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.

По собственному признанію.

96. Подпоручикъ квартирмейстерской части Николай Заикинъ, 24 лѣтъ.

По второму пункту. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

97. Капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Андрей Фурманъ, 31 года.

По второму пункту. Соглашался въ умыслѣ бунта.

Примѣчаніе. Былъ въ обществѣ не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ и, желая удалиться отъ онаго, вышелъ въ отставку.

По собственному признанію.

98. Прапорщикъ 9-ой артиллерійской бригады Алексѣй Веденяпинъ 2-й, 22 лѣтъ.

По второму пункту. Соглашался на умыселъ бунта.

Примѣчаніе. Зашедши къ Горбачевскому случайно и найдя тамъ членовъ тайнаго общества на совѣщаніи, вступилъ въ оное по угрозамъ, бывъ тогда 21 года, болѣе же на совѣщаніяхъ не участвовалъ.

По собственному признанію.

99. Штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка Иванъ Фохтъ, 31 года.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ всякаго дѣйствія.

По собственному признанію.

100. Подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Николай Мозгалевскій, 24 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія, до того, что, по показанію его и Шимкова, на совѣщаніяхъ спалъ.

Примѣчаніе. Принадлежалъ къ тайному обществу около 5 мѣсяцевъ и учинилъ скорое чистосердечное признаніе.

По собственному признанію.

101. Поручикъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Андрей Шахиревъ, 25 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія.

Примѣчаніе. Былъ на совѣщаніи одинъ только разъ.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

102. Полковникъ квартирмейстерской части Василій Враницкій, 43 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу, зналъ цѣль его, т.-е. измѣненіе государственнаго порядка, но не соглашался на жестокія средства и сильно онымъ противился. Самъ никогда не дѣйствовалъ.

По собственному признанію.

103. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Борисъ Бодиско 1-й, 27 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ бытностію на площади, безъ возбужденія другихъ.

Примѣчаніе. Намѣревался съ площади увести свою роту и уговаривалъ къ тому же своего брата.

IX.

Подсудимые, коихъ вины состоятъ: по второму пункту въ 7-мъ видѣ сего преступленія, а по мятежу они состоятъ или въ 9-мъ, или въ 10-мъ видѣ преступленія, или совсѣмъ въ оныхъ не участвуютъ.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

104. Подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба, графъ Петръ Коновницынъ 1-й, 23 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли относительно бунта.

По мятежу. Соглашался на мятежъ безъ личнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. Хотя во время мятежа даны были ему порученія, но онъ, въ ту же минуту раскаявшись, не исполнилъ; сверхъ того, хотя и признается, что слышалъ о заговорѣ на жизнь покойнаго государя императора въ Таганрогѣ, но слышалъ сіе отъ Корниловича не прежде 13-го декабря.

По собственному признанію.

105. Отставной штабсъ-ротмистръ Николай Оржитскій, 29 лѣтъ.

По второму пункту. Зналъ не вполнѣ о сокровенной цѣли тайнаго общества относительно бунта.

По мятежу. Зналъ о предстоящемъ мятежѣ безъ согласія и личнаго дѣйствія.

Библиотека "Руниверс"

По собственному признанію.

106. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Нилъ Кожевниковъ, 21 года.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли и безъ дѣйствія.

По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. При принятіи въ общество былъ 20 лѣтъ.

По собственному признанію.

107. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Матвѣй Лапша, 27 лѣтъ.

По второму пункту. Принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Примѣчаніе. Лапша, бывъ въ Петергофѣ, не принималъ никакого участія въ мятежѣ, но по первому объ ономъ извѣстію явился къ своему полковнику и просилъ арестовать его и отправить, куда слѣдуетъ, для оправданія.

X.

Подсудимый, коего вина состоитъ по мятежу въ 7-мъ видѣ сего преступленія.

По собственному признанію.

№. Имя подсудимаго.

108. Капитанъ лейбъ-гвардіи конноціонернаго эскадрона Михайло Пущинъ 1-й, 23 лѣтъ.

По мятежу. Зналъ о приготовленіи къ мятежу.

Примѣчаніе. Хотя и зналъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и противорѣчилъ, представляя успѣхъ невѣроятнымъ, а дѣло постыднымъ.

XI.

Подсудимые, коихъ вина по мятежу состоитъ въ 10-мъ видѣ сего преступленія.

По собственному признанію.

№. Имена подсудимыхъ.

109. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Ѳедоръ Вишневскій, 27 лѣтъ.

По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, по обману, безъ всякаго знанія сокровенной цѣли.

Библиотека "Руниверс"

		По собственному признанію.
110.	Гвардейскаго экипажа лейтенантъ Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, 33 лѣтъ.	По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія нижнихъ чиновъ, по обману и безъ знанія цѣли.
		По собственному признанію.
111.	Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Николай Акуловъ, 28 лѣтъ.	По мятежу. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія нижнихъ чиновъ.
		По собственному признанію.
112.	Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Александръ Фокъ, 23 лѣтъ.	По мятежу. Возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу безъ личнаго дѣйствія, но по обману, безъ всякаго знанія о сокровенной цѣли.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Списокъ подсудимыхъ, степень виновности коихъ усиливается особеннымъ свойствомъ преступленія.

I.

Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка князь Щепинъ-Ростовскій.

1) Князь Щепинъ-Ростовскій возбуждалъ нижнихъ чиновъ своей роты не присягать, говоря: ребята, все обманъ! насъ заставляютъ присягать насильно; государь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, а находится въ цѣпяхъ; его высочество, шефъ полка, также въ цѣпяхъ; съ симъ же намѣреніемъ ходилъ и по другимъ ротамъ, приказывалъ людямъ брать боевые патроны и зарядить ружья.

2) Когда требовали князя Щепина къ генералу, то онъ сказалъ, что не хочетъ знать генерала.

3) По приказанію князя Щепина, толпа бросилась отнимать знамена у гренадеръ, коихъ били прикладами.

4) Князь Щепинъ-Ростовскій нанесъ генералъ-майору Фридрихсу сильный ударъ саблею по головѣ и повергъ его на землю.

5) Князь Щепинъ-Ростовскій бросился на бригаднаго командира Шепшина, ударомъ руки повергъ его на землю и нанесъ нѣсколько ударовъ саблею; сдѣлалъ три кровавыя раны полковнику Хвощинскому, ранилъ гренадера Крассовскаго въ животъ и унтеръ-офицера Мосеева въ голову, при чемъ кричалъ на солдатъ: заруб лю! и отнялъ одно знамя.

Библиотека "Руниверс"

6) По приказанію князя Щепина, нижніе чины избили при слѣдованіи по улицамъ прикладами полицейскаго офицера.

7) По приходѣ на Петровскую площадь, князь Щепинъ построилъ карре. Когда подъѣхалъ къ нему графъ Милорадовичъ, то, по приказанію Щепина, нижніе чины стрѣляли по немъ и по кавалеріи, и во все время происшествія Щепинъ возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ буйству, къ уклоненію отъ присяги и отъ довѣренности къ начальникамъ.

Комиссія, признавъ его принадлежащимъ къ первому разряду, сверхъ того, сочла нужнымъ дѣйствія сіи представить особенному уваженію верховнаго уголовнаго суда.

II.

Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Сутгофъ.

1) Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Сутгофъ, по учиненіи уже присяги государю императору Николаю Павловичу въ порученной командованію его ротѣ, пришедъ въ обѣденное время, говорилъ: ребята! вы напрасно присягнули! одѣньтесь скорѣе, зарядите ружья, слѣдуйте за мною и не выдавайте меня. Вотъ со мною ваше жалованье, которое раздамъ не по приказу.

2) Потомъ, когда полковой командиръ Стюрлеръ, достигнувъ побѣжавшую за Сутгофомъ роту, началъ уговаривать, тогда Сутгофъ, находясь впереди толпы, кричалъ: ребята! не выдавай! не слушай его!

3) По приходѣ на площадь, Сутгофъ цѣловался съ Щепинымъ-Ростовскимъ, который въ ту же минуту построилъ карре.

Комиссія, отнеся Сутгофа къ первому разряду, сверхъ того, нужнымъ признала представить дѣйствія его особенному уваженію верховнаго уголовнаго суда.

III.

Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Пановъ.

Будучи членомъ тайнаго общества, Пановъ, получивъ отъ общества приказаніе возмутить солдатъ и привести ихъ на Петровскую площадь или въ случаѣ неудачи прибыть туда одному, по учиненіи уже присяги, тронулъ полкъ съ мѣста, повелъ въ Зимній дворецъ, надѣясь найти тамъ московцевъ; но, увидя на дворѣ саперовъ, вернулся вдоль бульвара и, встрѣтивъ останавливавшую ихъ кавалерію, выскочилъ впередъ, закричалъ людямъ итти за нимъ и пробившись сталъ подлѣ Московскаго полка карреемъ.

Къ симъ личнымъ дѣйствіямъ, имѣвшимъ цѣлію овладѣніе Зимнимъ дворцомъ, присовокупляются слова, коими Пановъ старался увлечь за собою устрашенныхъ и колебавшихся нижнихъ чиновъ, приказывая кричать: ура, Константинъ! и говоря, что Константинъ самъ скоро прибудетъ съ войсками и истребитъ гвардейскій корпусъ за его непостоянство.

Комиссія, отнеся Панова къ первому разряду, сверхъ того, нужнымъ признала представить дѣйствія его особенному уваженію верховнаго уголовнаго суда.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Библиотека "Руниверс"

Списокъ подсудимыхъ, коихъ вины уменьшаются разными обстоятельствами, изъясненными о каждомъ въ общемъ спискѣ.

№.

1. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.
2. Артамонъ Муравьевъ.
3. Александръ Бестужевъ.
4. Никита Муравьевъ.
5. Князь Сергѣй Волконскій.
6. Якушкинъ.
7. Повало-Швейковскій.
8. Дивовъ.
9. Свистуновъ.
10. Басаргинъ.
11. Анненковъ.
12. Ивашевъ.
13. Торсонъ.
14. Баронъ Штейнгель.
15. Батенковъ.
16. Фонвизинъ.
17. Штабсъ-капитанъ Поджіо.
18. Фаленбергъ.
19. Корниловичъ.
20. Корнетъ Муравьевъ.
21. Лейтенантъ Кюхельбекеръ.
22. Полковникъ Александръ Муравьевъ.
23. Люблинскій.
24. Лисовскій.
25. Кривцовъ.
26. Толстой.
27. Поливановъ.
28. Графъ Булгари.
29. Берстель.
30. Андреевъ.
31. Петръ Бестужевъ.
32. Веденяпинъ 1-й.
33. Князь Голицынъ.
34. Фурманъ.
35. Веденяпинъ 2-й.
36. Мозгалевскій.
37. Шахиревъ.
38. Враницкій.
39. Бодиско 1-й.
40. Графъ Коновницынъ.

Библиотека "Руниверс"

41. Кожевниковъ.
42. Лаша.
43. Капитанъ Пущинъ.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Списокъ подсудимыхъ, коими не учинено собственнаго признанія во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ.

I.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ.

Бытность Тургенева членомъ тайнаго общества, равно какъ участіе въ учрежденіи, возстановленіи, въ совѣщаніяхъ и въ распространеніи онаго, доказываются показаніями двадцати четырехъ членовъ общества, въ томъ числѣ принятыхъ самимъ имъ Миклашевскаго и Митькова.

На Тургенева показываютъ 24 человѣка[1], что онъ былъ членомъ тайнаго общества, изъ коихъ трое[2], что Тургеневъ участвовалъ въ учрежденіи; трое[3], что Тургеневъ былъ директоромъ; четверо[4], что Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи; шестнадцать[5], что Тургеневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ; одинъ[6], что Тургеневъ на совѣщаніи былъ предсѣдателемъ; одинъ[7], что Тургеневъ сочинялъ правила о изыскиваніи средствъ къ измѣненію правительства и полученію конституціи, и трое[8], что Тургеневъ участвовалъ въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ членовъ.

Сомнѣніе настоитъ въ томъ: раздѣлялъ ли Тургеневъ съ другими преступные умыслы на истребленіе императорской фамиліи въ одномъ случаѣ и на удаленіе оной отъ престола въ другомъ?

Насчетъ сего показываютъ:

1) Полковникъ Пестель: «Въ началѣ 1820 года, въ собраніи коренной думы союза Благоденствія, въ которомъ послѣ долгихъ преній всѣ единогласно приняли республиканское правленіе, на вопросъ, кого желаютъ: монарха или президента?— Тургеневъ сказалъ по-французски: le président sans phrases (президента безъ даль-

[1] Князь Трубецкой, Семеновъ, князь Оболенскій, Колошинъ, Фонвизинъ, Краснокутскій, Глинка, Орловъ, Никита Муравьевъ, Нарышкинъ, Якушкинъ, Комаровъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Вадковскій, Митьковъ, Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Поджіо, князь Барятинскій, Юшневскій, Швейковскій, Миклашевскій.

[2] Князь Трубецкой, Семеновъ и Матвѣй Муравьевъ.

[3] Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Муравьевъ и Юшневскій.

[4] Князь Трубецкой, Орловъ, Никита Муравьевъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

[5] Князь Трубецкой, Семеновъ, Колошинъ, Фонвизинъ, Орловъ, Рылѣевъ, Митьковъ, Пестель, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Никита Муравьевъ, Нарышкинъ, Якушкинъ, Сергѣй Муравьевъ, Поджіо, князь Барятинскій, Швейковскій.

[6] Комаров .

[7] Митьковъ.

[8] Семеновъ, Миклашевскій, Митьковъ.

Библиотека "Руниверс"

нихъ толковъ). Сіе заключеніе коренной думы сообщено было всѣмъ частнымъ думамъ, и съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими».

Изъ числа бывшихъ на семъ совѣщаніи членовъ, на данныхъ имъ очныхъ ставкахъ, Никита Муравьевъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ показаніе Пестеля подтвердили; трое: Семеновъ, Бригенъ и Колошинъ, не подтвердили; а послѣдній, Глинка, даже бытность сего засѣданія отвергаетъ.

2) Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ въ первомъ показаніи 14 апрѣля: «Никита Муравьевъ и князь Трубецкой въ 1823 году не были согласны съ преступнымъ предложеніемъ Южнаго общества ввести республиканское правленіе, съ истребленіемъ всей императорской фамиліи; но Николай Тургеневъ раздѣлилъ мнѣніе сіе съ княземъ Оболенскимъ, Рылѣевымъ, Александромъ Бестужевымъ, Митьковымъ, Поливановымъ, княземъ Голицынымъ, Вадковскимъ, Анненковымъ и Свистуновымъ» (которые всѣ почти сознались въ семъ преступленіи).

3) Полковникъ Митьковъ: «Въ 1823 году въ бывшемъ у него, Митькова, собраніи читали написанныя Тургеневымъ и всѣми одобренныя правила о изысканіи средствъ къ измѣненію правительства и къ полученію конституціи».

4) Пестель — въ другомъ показаніи: «Въ бытность его, Пестеля, въ 1824 году въ Петербургѣ, при свиданіи съ Тургеневымъ, онъ нашелъ его въ республиканскомъ образѣ мыслей. Бестужевъ-Рюминъ сказывалъ ему, Пестелю, что князь Трубецкой и Бригенъ сообщили ему о намѣреніи Сѣвернаго общества назначить Николая Тургенева производителемъ дѣлъ въ предполагавшемся верховномъ правленіи».

5) Бестужевъ-Рюминъ на вопросъ: кто изъ членовъ общества наиболѣе стремился къ достиженію и исполненію цѣли введенія республики посредствомъ революціи, совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?—отвѣчалъ: «директоры общества: Тургеневъ на сѣверѣ, а Пестель на югѣ», присовокупивъ, что «общество вознамѣрилось ввести въ Россіи республиканское правленіе съ самаго начала по предложенію, сдѣланному Николаемъ Тургеневымъ».

6) Рылѣевъ: «Въ одномъ изъ собраній общества и, кажется, въ томъ, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи великаго собора, онъ, Рылѣевъ, сдѣлалъ вопросъ: а что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народа? Не вывезть ли за границу? Князь Трубецкой, подумавъ, отвѣчалъ: болѣе нечего дѣлать, и всѣ бывшіе у него, Рылѣева: Митьковъ, Никита Муравьевъ, Оболенскій и Тургеневъ, согласились на сіе».

На сдѣланные 16 сего іюня по распоряженію комиссіи верховнаго уголовнаго суда по сему предмету вопросы показали:

Пущинъ: достовѣрно не знаетъ, былъ ли Тургеневъ въ семъ собраніи.

Митьковъ: въ семъ собраніи у Рылѣева онъ, Митьковъ, не находился.

Князь Оболенскій: ни утвердить сего, ни отвергнуть не можетъ.

Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ: совѣщаніе о семъ предметѣ происходило въ квартирѣ полковника Митькова; о Тургеневѣ же не упоминаетъ.

Князь Трубецкой: въ присутствіи его Тургеневъ никогда не изъявлялъ согласія на вывозъ государя императора за границу.

Наконецъ, Никита Муравьевъ о собраніи, бывшемъ у Рылѣева, знаетъ только, что оно происходило незадолго до отъѣзда Николая Тургенева за границу; но не въ состояніи привести выраженій, коими Тургеневъ изъявилъ свое условное согласіе.

Библиотека "Руниверс"

Изъ свода всѣхъ сихъ показаній открывается, что оныя касаются до разныхъ періодовъ существованія тайнаго общества. Показаніе Пестеля о совѣщаніи 1820 года хотя и подтверждается, кромѣ Пестеля, еще двумя сообщниками; но трое, въ томъ же совѣщаніи бывшіе, показанія сего не подтвердили, а четвертый отвергъ даже и бытность сего совѣщанія.

По показанію Матвѣя Муравьева-Апостола, относящемуся къ 1823 году, поименованныя имъ лица спрошены не были, вѣроятно, потому, что тотъ же Муравьевъ впослѣдствіи объяснилъ, что онъ Тургеневу сказалъ только, что южная управа, при своемъ основаніи, положила введеніе республиканскаго правленія, и сказалъ ему Пестель, что онъ говорилъ съ членами сѣверной управы объ удаленіи изъ Россіи императорской фамиліи.

Показаніе Рылѣева, относящееся къ послѣднему времени пребыванія Тургенева въ Россіи, хотя насчетъ бытности совѣщанія и не отвергается; но никто, кромѣ Никиты Муравьева, и то неопредѣлительно, не подтверждаетъ согласія Тургенева на вывозъ императорской фамиліи за границу.

Слѣдовательно остаются только показанія двухъ членовъ общества: Пестеля и Рылѣева, и то по разнымъ предметамъ, которыхъ комиссія, почитая опаснымъ въ столь важномъ преступленіи принять достаточными къ обвиненію, считаетъ справедливымъ предоставить сіе обстоятельство разсмотрѣнію верховнаго уголовнаго суда.

II.

Отставной статскій совѣтникъ Горскій.

Отставной статскій совѣтникъ Горскій оказывается виновнымъ въ томъ, что въ день происшествія 14-го декабря, по собственному признанію его, онъ былъ на площади близъ мятежниковъ, съ не заряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ.

Спрошенные показали:

1) Александръ Бестужевъ:

«Кажется, Горскій говорилъ солдатамъ, что онъ радъ умереть за Константина Павловича».

2) Пущинъ:

«Горскій спрашивалъ у него пороху».

3) Сутгофъ:

«Съ народомъ Горскій кричалъ ура! и, кажется, держалъ обнаженную шпагу».

Показанія сіи остались не доказанными, и Горскій ни одного не утвердилъ.

Хотя и ничѣмъ не доказано, чтобы Горскій участвовалъ въ мятежѣ и имѣлъ пистолетъ съ вреднымъ намѣреніемъ; но какъ за сіе нарушеніе правилъ благочинія, послужившее поводомъ къ обращенію на Горскаго подозрѣнія, по коему онъ преданъ суду, такъ и за предосудительную званію его бытность въ толпѣ мятежниковъ комиссія полагаетъ: не относя статскаго совѣтника Горскаго ни къ какому разряду, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе въ заключеніи.

Библиотека "Руниверс"

III.

Отставной майоръ князь Шаховской.

На члена тайнаго общества, князя Шаховского, показываютъ: генералъ-майоръ Фонвизинъ, полковникъ Александръ Муравьевъ, подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и капитанъ Никита Муравьевъ, «что князь Шаховской участвовалъ въ совѣщаніи 1817 года, когда Якушкинъ вызвался покуситься на жизнь покойнаго государя».

Изъ числа сихъ четырехъ лицъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ дополнилъ, «что на семъ совѣщаніи князь Шаховской предложилъ совершить покушеніе въ то время, когда Семеновскій полкъ будетъ въ караулѣ, и что послѣ онаго его не иначе называли, какъ le Tigre».

Но князь Шаховской, отвергая сіи улики, утверждаетъ, что на совѣщаніи не былъ и объ умыслѣ ничего не зналъ.

На очныхъ ставкахъ князь Шаховской остался при своихъ отзывахъ, а изъ обвинителей Фонвизинъ показалъ сими словами: что онъ не можетъ утвердительно сказать, былъ ли князь Шаховской при означенномъ намѣреніи, но, кажется, былъ. Полковникъ же Александръ Муравьевъ показалъ сими словами: что за долгопрошедшимъ временемъ не можетъ утвердительно сказать, былъ ли Шаховской въ означенномъ собраніи, но, кажется, былъ; а то, чтобы воспользоваться для покушенія временемъ, когда Семеновскій полкъ будетъ въ караулѣ, князь Шаховской точно говорилъ, и о семъ же говорилъ впослѣдствіи и наединѣ; а подполковникъ Матвѣй Муравьевъ и капитанъ Никита Муравьевъ же и на очныхъ ставкахъ остались при сдѣланныхъ ими показаніяхъ.

Хотя по показанію четырехъ свидѣтелей князь Шаховской и уличается въ бытности на совѣщаніи 1817 года, а двумя изъ нихъ въ предложеніи совершить покушеніе, когда Семеновскій полкъ будетъ въ караулѣ, но въ столь важномъ преступленіи комиссія не осмѣливается къ обвиненію его принять одно только свидѣтельство подсудимыхъ, самихъ въ томъ же умыслѣ участвовавшихъ; но какъ онъ самъ сознается, что принадлежалъ къ тайному обществу и прекратилъ съ нимъ всякія сношенія въ 1817 году, то комиссія считаетъ справедливымъ отнести его къ VIII разряду.

IV.

Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ.

Поручикъ Финляндскаго полка Цебриковъ, послѣ происшествія 14-го декабря представленный полковымъ командиромъ за то, что, получивъ на три дня увольненіе изъ баталіона, расположеннаго за городомъ, рапортовался больнымъ и проживалъ у брата своего, лейтенанта гвардейскаго экипажа Цебрикова, былъ на площади и наконецъ съ княземъ Оболенскимъ скрылся въ квартирѣ штабъ-лѣкаря Смирнова, обвиняется:

1) Показаніями мичмановъ гвардейскаго экипажа Дивова и двухъ Бѣляевыхъ въ томъ:

Библиотека "Руниверс"

«Что, встрѣтивъ Морской экипажъ у Конногвардейскихъ казармъ, кричалъ слѣдующія слова: въ карре! противу кавалеріи!».

Цебриковъ не отвергаетъ, что онъ кричалъ, но вмѣсто словъ: въ карре, противу кавалеріи, онъ кричалъ: карбонаріи! куда вы идете?

На очныхъ ставкахъ каждый остался при своемъ показаніи.

2) Показаніями князя Оболенскаго и Рѣпина, изъ коихъ Оболенскій показалъ: «что Цебриковъ, придя на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ, объявилъ ему, что онъ знаетъ отъ Рѣпина цѣль ихъ и готовъ оной содѣйствовать».

А. Рѣпинъ:

«Что Цебриковъ, бывъ у него наканунѣ происшествія, говорилъ, что отъ Арбузова и другихъ извѣстно ему рѣшительное ихъ намѣреніе не присягать».

Цебриковъ отвѣчалъ, что онъ отъ Рѣпина ничего не слыхалъ, и не только не говорилъ съ Оболенскимъ на площади, но тамъ его и не видалъ.

На очной ставкѣ Цебриковъ остался при своемъ отзывѣ, который подкрѣпленъ и отзывомъ Арбузова, что ему неизвѣстно, чтобы кто нибудь сообщалъ Цебрикову о намѣреніи общества.

3) Показаніемъ Александра Бестужева:

«Что на площади онъ назначилъ Цебрикову мѣсто на углу карре къ монументу, и что впрочемъ удивился, увидѣвъ его, пріѣхавшаго къ карре, ибо зналъ его съ малолѣтства и образъ мыслей его весьма тихимъ».

Цебриковъ отвѣчалъ, что точно Бестужевъ говорилъ въ то время, когда онъ подошелъ изъ любопытства къ карре: поди, стань на углу карре; но онъ не становился.

4) Показаніемъ двухъ матросовъ экипажа Дороѳеева и Ѳедорова: «что Цебриковъ у Поцѣлуева моста кричалъ: катай, въ колонну стройся!»

Сверхъ того, Дороѳеевъ показалъ, «что съ Кюхельбекеромъ въ то время, когда онъ цѣлилъ прежде въ великаго князя Михаила Павловича, а потомъ въ генерала Воинова, былъ финляндскій офицеръ, похожій на лейтенанта Цебрикова».

А Ѳедоровъ, показывая точно то же, что и Дороѳеевъ, финляндскаго офицера называетъ именно Цебриковымъ.

Цебриковъ, называя слова матросовъ несправедливыми, утвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Дороѳеевымъ и Ѳедоровымъ, что онъ словъ сихъ не говорилъ, равно какъ не видалъ и того, чтобы Кюхельбекеръ цѣлился въ великаго князя, и чтобы матросъ вышибъ у него пистолетъ.

Насчетъ же пребыванія у штабъ-лѣкаря Смирнова Цебриковъ показалъ, что, вышедъ отъ Смирнова на проспектъ, онъ встрѣтилъ князя Оболенскаго и по человѣколюбію провелъ его на квартиру, знакомства же съ нимъ не имѣлъ и на площади не видалъ.

Изъ всѣхъ сихъ показаній наиболѣе вѣроятія заслуживающимъ можно было бы принять показаніе матросовъ; но, такъ какъ приводимыя ими слова слышаны были ими мимоходомъ на пути къ площади, другихъ же уликъ въ томъ, чтобы Цебриковъ принималъ какое либо участіе въ мятежѣ, кромѣ показаній Бестужева и Рѣпина, ничѣмъ впрочемъ не подтвержденныхъ, въ дѣлѣ не открывается, напротивъ показаніями Бестужева и Кюхельбекера онъ, Цебриковъ, выставляется нерѣшительнымъ и недоумѣвавшимъ,—то комиссія, считая опаснымъ обвинять его только за слова, въ произнесеніи коихъ онъ и на очныхъ ставкахъ не сознался, полагаетъ: не относя его

Библиотека "Руниверс"

ни къ какому разряду, вмѣнить ему содержаніе въ заключеніи въ наказаніе за то, что онъ вмѣсто нахожденія при своей командѣ былъ въ толпѣ мятежниковъ и произнесеніемъ неумѣстныхъ словъ привлекъ самъ на себя подозрѣніе въ участіи.

Подлинный за подписаніемъ членовъ комиссіи.

Назначеніе наказаній за преступленія по разрядамъ.

За преступленія, не вошедшія въ общіе разряды, чѣтвертовать.

За преступленія по		1-му	разряду:	казнить смертію.
»	»	»	2-му	» по силѣ указа 1753 года апрѣля 29 числа наказать политическою смертію, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.
»	»	»	3-му	» сослать вѣчно въ каторжную работу.
»	»	»	4-му	» временная ссылка въ каторжную работу отъ 10 до 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
»	»	»	5-му	» временная ссылка въ каторжную работу отъ 2 до 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
»	»	»	6-му	» временная ссылка въ каторжную работу отъ 3 до 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
»	»	»	7-му	» временная ссылка въ каторжную работу отъ 2 до 5 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
»	»	»	8-му	» лишить чиновъ, дворянства и сослать на поселеніе.
»	»	»	9-му	» лишить чиновъ, дворянства и сослать въ Сибирь.
»	»	»	10-му	» лишить чиновъ и дворянства и написать въ солдаты до выслуги.
»	»	»	11-му	» лиша токмо чиновъ, написать въ солдаты съ выслугою.

Въ законахъ изображено.

Уложенія (1649 года) гл. 2, стат. 1. Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертію.

Стат. 2. Также будетъ кто при державѣ царскаго величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злова умышленія начнетъ рать сбирать, или кто царскаго величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатися, и помочь имъ всячески чинити, чтобы тѣмъ госу-

Библиотека "Руниверс"

даревымъ недругамъ по его ссылкѣ Московскимъ государствомъ завладѣть или какое дурно учинить, и про то на него кто извѣститъ, и по тому извѣту сыщется про тое его измѣну допряма, и такова измѣнника потому же казнить смертію.

Стат. 19. А будетъ кто, свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людѣхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ, а государю и его государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ и въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертію безо всякія пощады.

Стат. 20. Также самовольствомъ, скопомъ и заговоромъ къ царскому величеству и на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей, и ни на кого никому не приходити и никого не грабити и не побивати.

Стат. 21. А кто учнетъ къ царскому величеству или на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ людей и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей или на кого нибудь приходити скопомъ и заговоромъ, и учнутъ кого грабити или побивати, и тѣхъ людей, кто такъ учинитъ, за то потому же казнити смертію безо всякія пощады.

Воинскаго устава (1716 года) артик. 19. Если кто подданный войско вооружитъ или оружіе предпріиметъ противъ его величества, или умышлять будетъ помянутое величество полонить или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имѣютъ тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали или совѣтъ свой подали, яко оскорбители величества, четвертованы быть и ихъ пожитки забраны.

Толкованіе. Такожде равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не произведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было, и надъ онымъ, которой о томъ свѣдомъ былъ, а не извѣстилъ.

Артик. 20. Кто противъ его величества особы хулительными словами погрѣшитъ, его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишенъ быть и отсѣченіемъ главы казненъ.

Толкованіе. Ибо его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять. И яко же о его величествѣ самомъ въ ономъ артикулѣ помянуто, разумѣется тако и о его величества цесарской супругѣ и его государства наслѣдіи.

Артик. 127. Кто какую измѣну или сему подобное учинить намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однакоже имѣетъ по состоянію дѣла и признанію воинскаго суда таковымъ же высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, якобы за произведенное самое дѣйство.

Артик. 135. Никто бъ ниже словомъ или дѣломъ или письмами, самъ собою или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію, или иное что учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится или на тѣлѣ наказанъ будетъ.

Артик. 136. Такимъ же образомъ имѣютъ быть наказаны и тѣ, которые такія слова слышали или таковыя письма читали, въ которыхъ о бунтѣ и возмущеніи упомянуто, а въ надлежащемъ мѣстѣ или офицерамъ своимъ вскорѣ не донесли.

Библиотека "Руниверс"

Артик. 137. Всякой бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано.

Толкованіе. Въ возмущеніи надлежитъ виннымъ на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить, а особливо ежели опасность въ медленіи есть, дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать (пока не расширится) и болѣе бъ не умножилось.

Морского устава (1720 года) кн. V, гл. I, пунктъ 1. Если кто противъ персоны его величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали или совѣтъ свой подавали, или вѣдая не извѣстили, яко измѣнники, четвертованы будутъ, и ихъ пожитки движимые и недвижимые взяты будутъ.

Пунктъ 2. Кто противъ его величества особы хулительными словами погрѣшитъ, его дѣйства и намѣреніе препятствовать или указъ презирать, или непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ быть живота лишенъ.

1721 года, генваря 25-го. Прибавленіе къ Духовному Регламенту, о правилахъ причта, пунктъ 11. Если кто при исповѣди объявитъ духовному отцу своему нѣкое не сдѣланное, но еще къ дѣлу намѣренное отъ него воровство, наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь или здравіе государево и на фамилію его величества, а объявляя толикое намѣряемое зло, покажетъ себѣ, что не раскаивается, но ставитъ себѣ въ истину, и намѣренія своего не отлагаетъ, и не яко грѣхъ исповѣдуетъ, но паче дабы тако согласіемъ или молчаніемъ духовника своего въ намѣреніи своемъ утвердился, что отсюда познать мощно, если повелитъ ему духовный отецъ именемъ Божіимъ отстать всеконечно отъ намѣренія своего злаго, а онъ, молча и аки бы сумняся или оправдая себя, въ томъ непремѣненъ явится, то долженъ духовникъ не токмо его за прямо исповѣданные грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять (не есть бо исповѣдь правильная, аще кто не всѣхъ беззаконій своихъ кается), но и донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ, слѣдуя состоявшемуся апрѣля 28 числа 1722 года именному его царскаго величества указу, каковъ о такихъ злодѣяхъ печатными листы публикованъ, по которому и за слова, до высокой его царскаго величества чести касающіяся и государству вредительныя, таковыхъ злодѣевъ въ самой скорости имая, въ опредѣленныя мѣста приводить повелѣно; чего ради таковаго, кто злое и нераскаянное свое намѣреніе на исповѣди покажетъ, тотчасъ по содержанію онаго его царскаго величества именнаго указа, кому надлежитъ, долженъ духовникъ объявить, однакожъ въ томъ объявленіи важности того на исповѣди показаннаго не открывать, понеже по оному указу такихъ злодѣевъ, которые въ вышеозначенныхъ злыхъ словахъ явятся, нигдѣ, кромѣ тайной канцеляріи и Преображенскаго приказу, разспрашивать не повелѣно, но токмо въ томъ объявленіи тайно сказать, что такой-то человѣкъ (показавъ тѣмъ чинъ и имя) имѣетъ злую на государя или на прочее, что выше сего помянуто, мысль и нераскаянное намѣреніе, отъ чего великой вредъ быть хощетъ, за что безъ всякаго медленія пойманъ и заарестованъ быть долженъ. И понеже по оному его царскаго величества именному указу и доносителей для надлежащаго такихъ злодѣевъ обличенія въ помянутые тайную канцелярію или Преображенскій приказъ за поруками или, буде порукъ не будетъ, за провожатыми, подъ честнымъ арестомъ высылать повелѣно; того ради и священнику, объявивъ оное и давъ по себѣ поруку, ѣхать по высылкѣ въ указное мѣсто неотложно и неотбывательно, и тамо уже, гдѣ о такихъ

Библиотека "Руниверс"

злодѣйствахъ слѣдованіе бываетъ, все объ ономъ зломъ намѣреніи слышанное объявить именно, безъ всякаго прикрывательства и сомнѣнія; ибо симъ объявленіемъ духовникъ не объявляетъ совершенной исповѣди и не преступаетъ правилъ, но еще исполняетъ ученіе Господне, тако реченное: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ; аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего, и прочая; аще же не послушаетъ, повѣждь церкви. И отъ сего можно разсуждать, что когда уже такъ о братнѣ согрѣшеніи, до единой точію обиды или до подобнаго той касающемся, въ которомъ кто не кается и пребываетъ непослушливъ, повѣдать церкви Господь повелѣваетъ, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя или на тѣло церкви умышленіи и о хотящемъ отъ того быть вредѣ доносить и объявлять должно есть. Къ тому жъ и сіе кійждо духовникъ да памятствуетъ, что всякому іерею рукоположившій архіерей, въ данной ему отъ себя ставленной граммать, по древнему отеческому преданію завѣщеваетъ отъ своего лица тако: исповѣдавшихъ ему своя совѣсти вязати и рѣшити грѣхи разсудно по правиламъ и прочая, и по нашему архіерейскому благословенію же и повелѣнію, вящшія же и неудоборазсудныя вины намъ приносити да имать. И аще тако вящшія и неудоборазсудныя вины, съ раскаяніемъ уже исповѣданныя, до архіерея духовнику приносить издревле уставися, то кольми паче о нераскаянномъ намѣреніи и злодѣйственномъ на государя или на государство умышленіи объявлять надлежитъ.

1722 года, апрѣля 28-го. Между прочимъ изображено:... А буде кто, видя означенныхъ злодѣевъ (злоумышленниковъ противъ государя), явно что злое въ народъ разсѣвающихъ, или вѣдая, что такое зло тайно они производятъ, а ихъ не поймаетъ или о томъ не извѣститъ, и въ томъ отъ кого изобличенъ будетъ, и за то учинена будетъ таковымъ смертная казнь безо всякаго пощаденія, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе все взято на его императорское величество.

Выписка изъ указа 10-го апрѣля 1730 года.

Важнѣйшіе два пункта называются сіи:

1) Ежели кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на императорское здоровье злое дѣло или персону и честь злыми и вредительными словами поносить.

2) О бунтѣ или измѣнѣ. Сіе разумѣется, буде кто за кѣмъ подлинно увѣдаетъ бунтъ или измѣну противъ императорскаго величества или государства.

Когда такія великія дѣла самъ свѣдаетъ или отъ кого услышитъ и доказать бы могъ, а нигдѣ не донесетъ, а потомъ отъ кого обличенъ будетъ, что онъ про такое велнкое дѣло вѣдалъ и доказательства имѣлъ, а нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ, да поздно, и тѣмъ время упуститъ, а сыщется про то допряма,—и тѣмъ людямъ за то чинить смертную казнь безъ всякія пощады.

Именной высочайшій указъ 1753 года, апрѣля 29-го: «Отнынѣ политическою смертію именовать то: ежели кто положенъ будетъ на плаху или взведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, или хотя и безъ всякаго наказанія, токмо вѣчной ссылкѣ, и по прежнимъ нашимъ указамъ о таковыхъ осужденныхъ, какъ къ натуральной, такъ и политической смерти колодникахъ, въ главныхъ командахъ дѣла разсматривая и сочиняя изъ тѣхъ дѣлъ обыкновенные краткіе экстракты, съ подписаніемъ точныхъ и приличныхъ

Библиотека "Руниверс"

указовъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія, не чиня виннымъ экзекуціи, присылать къ разсмотрѣнію въ сенатъ»; «а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ, и по государственнымъ правамъ и указамъ за тѣ ихъ воровства надлежать будутъ наказанію, бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣютъ быть въ ссылки вѣчно, то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть, и таковыя наказанія таковымъ ворамъ чинить въ губерніяхъ губернаторамъ съ товарищи, а въ провинціяхъ и городахъ воеводамъ, и не описываясь въ сенатъ, токмо съ апробаціи губернаторской, а въ сенатъ о таковыхъ осужденныхъ къ наказанію экстрактовъ для разсмотрѣнія не присылать».

Указъ 1754 года, сентября 30-го. Правительствующій сенатъ, во исполненіе высочайшей ея императорскаго величества воли, за подписаніемъ собственныя ея руки марта 29-го дня прошлаго 1753 года на докладѣ отъ сената конфирмаціи, приказали: во всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и приказы, въ губерніи и провинціи послать указы, велѣть объ осужденныхъ къ смертной и политической казни колодникахъ, производимыя объ нихъ дѣла и приговоры въ силѣ государственныхъ правъ и указовъ по сущей справедливости и съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, дабы невинные осуждены не были, разсматривать и апробаціи чинить, нижеписаннымъ мѣстамъ, а именно: 1-е, о находящихся въ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ —губернаторамъ и вице-губернаторамъ съ товарищи, какъ указомъ ноября 12 дня 1721 года и по губернаторскому и воеводскому наказу 1728 года, по 15 и 16 пунктамъ, повелѣно; и для того всѣмъ опредѣленнымъ для сыску и искорененія воровъ и разбойниковъ офицерамъ, коимъ хотя по данной инструкціи 4 пункту и велѣно по окончаніи розыска о таковыхъ подлежащихъ натуральной и политической смерти, не чиня экзекуціи, присылать выписки съ мнѣніями въ сенатъ, но впредь имъ о тѣхъ подлежащихъ какъ къ натуральной и политической смерти, такъ и къ вѣчной ссылкѣ, не чиня самимъ экзекуціи, со обстоятельными выписками, съ мнѣніями, для разсмотрѣнія и апробаціи, и съ тѣми колодниками отсылать къ тѣмъ губернаторамъ съ товарищи; 2-е, въ Москвѣ въ сыскномъ приказѣ юстицъ-коллегіи, по указу 1721 года ноября 12 дня; 3-е, по кригерехтамъ о воинскихъ съ конфирмаціи командующихъ корпусами генераловъ, а объ офицерахъ, кромѣ штабовъ военной коллегіи, о морскихъ адмиралтейскихъ коллегій, такъ, какъ въ указѣ 1724 года ноября 11 дня изображено; 4-е, о состоящихъ въ вѣдомствѣ главной полицеймейстерской канцеляріи, по силѣ именнаго ея императорскаго величества мая 1-го 1746 года указа, той главной полицеймейстерской канцеляріи, и по тѣмъ апробаціи, которые той натуральной и политической смерти по государственнымъ правамъ и указамъ совершенно надлежатъ, таковымъ по прежнимъ ея императорскаго величества указамъ той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить; а дабы оные, за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ, наказанія не избывали и изъ ссылки побѣговъ чинить и за непостановленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія жъ воровства вступать не дерзали, при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія опредѣленныя по посланнымъ изъ правительствующаго сената іюня отъ 18 дня 1753 года указамъ мѣста, до разсмотрѣнія чинить наказанія подлежащимъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое кнутомъ, и, вырѣзавъ ноздри, ставить на лбу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р, а которые осуждены будутъ на политическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ

Библиотека "Руниверс"

съ вырѣзаніемъ ноздрей и, по учиненіи имъ того наказанія, заклепавъ въ кандалы, ссылать до указу въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста по прежде посланнымъ указамъ, а въ правительствующій сенатъ съ показаніемъ ихъ винъ и рѣшительныхъ въ силѣ указовъ приговоровъ присылать краткіе экстракты, а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ и по государственнымъ правамъ и указамъ за тѣ ихъ воровства надлежать будутъ наказанію, бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣютъ быть въ ссылку вѣчно, то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть, и таковыя наказанія таковымъ ворамъ чинить въ губерніяхъ губернаторамъ съ товарищи, а въ провинціяхъ и городахъ воеводамъ, токмо съ апробаціи губернаторской, какъ о томъ и публикованнымъ мая 25 дня 1753 года указомъ повелѣно; и для того при разсмотрѣніи въ губерніяхъ о таковыхъ осужденныхъ къ натуральной и политической смерти и къ вѣчной ссылкѣ колодникахъ присылаемыхъ выписокъ, ежели окажется какое сомнѣніе и недостатокъ, то и подлинныя дѣла, какъ изъ провинцій и городовъ, такъ и отъ сыщиковъ къ тому разсмотрѣнію брать, которыя отсылать въ тѣ губернскія канцеляріи безъ всякаго умедленія, о чемъ къ опредѣленнымъ для сыску и къ искорененію воровъ и разбойниковъ офицерамъ послать указы жъ отъ военной коллегіи, а о томъ же для вѣдома въ святѣйшій синодъ и сенатскую контору сообщить вѣдѣнія.

Манифестъ 1762 года, февраля 21-го. Всѣмъ извѣстно, что ко учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ имянъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ времянъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы.

Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ, но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ; то злымъ подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать въ даль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей.

Сего ради и послѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію и прилагая крайнее стараніе, не только неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію, объявили уже въ нашемъ сенатѣ во время присутствія нашего въ 7 день сего мѣсяца, что отнынѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ, и она совсѣмъ уничтожается, а дѣла, если бъ иногда такія случились, кои до сей канцеляріи принадлежали бъ, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ сенатѣ.

Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ совершенное дѣйство имѣла, а напротиву того не показалось бы безстрашно составлять, хотя и тщетные и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то-есть перваго указомъ 1730 года апрѣля 14-го дня описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противу насъ и государства, то-есть втораго тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта; то восхотѣли мы чрезъ сіе точняе объявить наши соизволенія, и потому:

Библиотека "Руниверс"

1-е, вышепомянутая тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся;

2-е, ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло, не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ употреблять оное, а если кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники;

3-е, напротиву того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему-жъ воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать, а только бъ въ случаѣ, если кто не умѣетъ грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не инако, какъ тѣмъ же порядкомъ, то-есть пришедъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ.

Выписка изъ высочайшаго манифеста 1762 года, октября 24-го. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Петръ Хрущовъ обличенъ и винился въ изблеваніи оскорбленія величества, и что онъ старался другихъ привлекать къ умышляемому имъ возмущенію противъ насъ и общаго покоя, затѣвая, якобы уже онъ и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи; вторый Ингерманлавдскаго пѣхотнаго полка поручикъ Семенъ Гурьевъ, яко сообщникъ съ первымъ, не токмо въ злодѣйскомъ его умыслѣ соглашался, но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ лживыхъ внушеній, изъ чего во многомъ въ первомъ допросѣ, а по обличеніи отъ свидѣтелей и во всемъ самъ признался; третій лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ сдѣлалъ себя имъ соучастникомъ тѣмъ, что зналъ ихъ умыселъ, объ ономъ нигдѣ не донесъ и самъ, яко свѣдущій, другому о томъ внушалъ, о чемъ въ первомъ своемъ допросѣ утаилъ и во вторичномъ и на очныхъ ставкахъ по изобличеніи винился; четвертый лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка квартирмистръ Петръ Гурьевъ слышалъ отъ Петра Хрущова противу насъ оскорбительныя слова, какъ и о зломъ умыслѣ къ возмущенію, о томъ не доносилъ и сначала запирался, а наконецъ отчасти изобличенъ былъ, отчасти же и добровольное признаніе принесъ и винился; да по сему же слѣдствію коллежскій асессоръ Алексѣй Хрущовъ остается подозрительнымъ въ томъ, что онъ обличаемъ однимъ, но безъ свидѣтеля, якобы и онъ ему сказывалъ объ общемъ вышепомянутыхъ зломъ намѣреніи, и притомъ онъ, Алексѣй Хрущовъ, слышалъ отъ Петра Хрущова нѣкоторыя двоякія и сумнительныя слова, въ чемъ и однимъ свидѣтелемъ обличаемъ былъ. Хотя мы собственное наше оскорбленіе въ таковомъ злодѣяніи великодушно презираемъ, но не могли пренебречь правосудія къ обиженному народу, видѣвъ въ немъ возмутителей общаго покоя, чего ради повелѣли нашему сенату въ полномъ собраніи, присовокупя президентовъ нашихъ коллегій, осудить по законамъ сихъ преступниковъ, при чемъ однакожъ наше человѣколюбивое сердце не могло оставить безъ напоминанія, чтобъ и тутъ, наблюдая надобность государственной строгости, сила законовъ была соображаема съ достойнымъ монаршимъ милосердіемъ. И такъ нашъ правительствующій сенатъ по вышеписаннымъ винамъ приговорилъ тѣмъ преступникамъ слѣдующее: хотя по всѣмъ го-

Библиотека "Руниверс"

сударственнымъ законамъ за толь богомерзкое и злодѣйское дѣло надлежитъ Петра Хрущова и Семена Гурьева, яко главныхъ въ томъ дѣлѣ зачинщиковъ, четвертовать и потомъ отсѣчь головы, а Ивану и Петру Гурьевымъ отсѣчь головы же, но въ разсужденіи нашего правила о наблюденіи монаршаго милосердія сенатъ обще съ собранными президентами согласно присуждаютъ, а имянно: «Помянутыхъ преступниковъ лиша всѣхъ чиновъ и исключа изъ дворянскаго достоинства, Петру Хрущову и Семену Гурьеву вмѣсто мучительной смерти отсѣчь головы, Ивану и Петру Гурьевымъ политическую смерть, то-есть: положить на плаху и потомъ, не чиня экзекуціи, послать вѣчно въ каторжную работу, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе оставить дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ; Алексѣя Хрущова, лиша всѣхъ чиновъ, сослать въ Сибирь на вѣчное житье». Посему не оставалось бы намъ болѣе, какъ конфирмовать сената нашего сентенцію; но чувствительное наше сердце не можетъ и тутъ допустить дѣйствіе гнѣва и жестокости, а убѣждаетъ преступниковъ оставить раскаянію въ жизни сей и предать ихъ суду Божію. Чего ради повелѣваемъ мечъ, данный намъ отъ Бога и по слову Его не безъ ума носимый, удержать отъ отнятія живота осужденныхъ, а вмѣсто казни смертной Петра Хрущова и Семена Гурьева, лиша чиновъ, исключа изъ званія ихъ фамиліи и изъ числа благородныхъ людей, обоихъ Петра и Семена бывшихъ Хрущовыхъ и Гурьева ошельмовать публично, а потомъ послать ихъ въ Камчатку въ Большерѣцкой острогъ на вѣчное житье и имѣнія ихъ отдать ближнимъ въ родствѣ; Ивана и Петра Гурьевыхъ, отнявъ чины, послать въ Якутскъ вѣчно; Алексѣю Хрущову, лишивъ его всѣхъ чиновъ, жить въ своихъ деревняхъ, не въѣзжая въ наши столицы. И сей манифестъ публиковать во всей нашей имперіи.

Выписка изъ сентенціи 1764 года, сентября 9-го. Подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Василій Мировичъ оказался виновнымъ въ зломъ умыслѣ, который и въ дѣйство произвелъ, чтобы похитить врученный Божіимъ промысломъ и всего народа общимъ желаніемъ ея императорскому величеству престолъ всероссійскій, лишить наслѣдства его императорское высочество государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и возвесть на тронъ принца Іоанна, съ такимъ къ сему твердымъ устремленіемъ, чтобы противящихся по всякой возможности принуждать, не исключая самаго правительствующаго сената и святѣйшаго синода, яко же безъ изъятія и всѣхъ прочихъ ему воспротивляющихся людей. И какъ все сіе инако произведено быть не могло, какъ невиннымъ кровопролитіемъ вѣрныхъ ея императорскаго величества подданныхъ и сыновъ отечества, то всемѣрно чрезъ такое его предпріятіе, которое онъ дѣйствительно столько уже исполнилъ, сколько силъ и возможности его было, учинилъ себя клятвопреступникомъ, возмутителемъ, бунтовщикомъ, измѣнникомъ и государственнымъ злодѣемъ. Правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи съ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ, съ особами первыхъ трехъ классовъ и президентами коллегій приговорили: 1-е, хотя по важности злодѣйства Мировича надлежало бы казнить его смертію, четвертовать; но какъ ея императорское величество сего судимаго во всемъ, что принадлежитъ до ея величества собственнаго оскорбленія, всемилостивѣйше прощаетъ, то единственно за домогательство о нарушеніи цѣлости государственной, общаго благополучія и тишины, за исключеніемъ 19 воинскаго артикула, яко содержащаго въ себѣ точно то преступленіе, въ чемъ ея величество его, Мировича, всемилостивѣйше уже

Библиотека "Руниверс"

простить соизволила, вмѣсто мучительной смерти, по силѣ главы 3-й артикуловъ 20, 127, 135 и 137, отсѣчь ему, Мировичу, голову и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сжечь оное потомъ, купно съ эшафотомъ; 2-е, бывшему его, Мировича, во всемъ томъ злодѣйскомъ намѣреніи единомышленнику и сообщнику, поручику Аполлону Ушакову, надлежало было равномѣрную же смертную казнь, какъ и Мировичу, учинить, если бы онъ былъ живъ, но изъ произведеннаго дѣла явствуетъ, что онъ утонулъ; 3-е, бывшимъ въ караулѣ съ Мировичемъ капраламъ и солдатамъ, кои не токмо до начинанія Мировичемъ злаго его предпріятія за нѣсколько часовъ самимъ имъ къ тому соглашены и подговорены, но и дѣйствительно въ исполненіи его злодѣйства употреблены были, надлежало было учинить смертную казнь, но какъ они при первомъ Мировичевомъ согласованіи отъ сообщества усильно отговаривались и желанія своего отнюдь не оказывали, а потомъ болѣе по простотѣ и несмысленности своей на сіе злодѣйство злоковарною хитростію Мировича подговорены, то учинить имъ вмѣсто смертной казни жестокое наказаніе прогнаніемъ шпицъ-рутенъ и сослать вѣчно въ каторжную работу; 4-е, придворнаго лакея Тихона Касаткина, который признался самъ, что имѣлъ непозволенные и ему неприличные разговоры съ Мировичемъ, по важности которыхъ надлежало ему безъ всякаго времени отлагательства всемѣрно о томъ донесть, чего онъ не учинилъ, а сверхъ того и собственное изъявлялъ продерзостно негодованіе свое. И хотя по строгости законовъ подлежалъ и онъ жесточайшему наказанію, но во уваженіи того, какъ онъ къ произнесенію тѣхъ разговоровъ съ его простоты единственно злоковарнымъ вывѣдываніемъ злодѣя Мировича приведенъ былъ, для того въ разсужденіи его, Касаткина, неумышленности и простоты высѣчь его батоги и отослать для опредѣленія въ дальнія воинскія команды въ солдаты; 5-е, подпоручикъ изъ грузинцовъ, Семенъ Чефаридзевъ, сверхъ непристойныхъ съ Мировичемъ разговоровъ и разсужденій, тѣмъ точно виннымъ себя оказалъ: 1-е, что безъ вѣдома своей команды изъ Санктпетербурга отлучился, что, слышавъ отъ Мировича обстоятельное откровеніе о его намѣреніи, хотя не съ тѣмъ, что онъ, Мировичъ, оное неотмѣнно и въ какое именно время исполнить хотѣлъ, но со всѣмъ тѣмъ дѣйствительно о такомъ его намѣреніи, когда онъ ему прямо отозвался, объ освобожденіи и привозѣ Ивана Антоновича въ Петербургъ къ артиллерійскому корпусу, изъ его рѣчей увѣдомленъ былъ, а о томъ никому не донесъ и навелъ противу себя справедливое подозрѣніе, что онъ исполненіемъ того отъ Мировича слышаннаго дѣла себя нѣкоторымъ образомъ довольнымъ быть сказывалъ, а именно, что какъ ему Мировичъ сказалъ, что сожалѣть де надобно, что солдатство несогласны и нескоро ихъ на то приведешь, Чефаридзевъ въ отвѣтъ отозвался, что де это правда, и я знаю; а какъ сіе дѣло есть великой важности, то слѣдовало бъ ему, Чефаридзеву, о томъ шлиссельбургскому коменданту, а, по крайней мѣрѣ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, своему командиру или кому приличествовало донести, чего онъ однакожъ не сдѣлалъ. Почему хотя надлежало и ему, Чефаридзеву, за его преступленіе учинить смертную же казнь, но какъ онъ сіе учинилъ съ одной своей простоты, а злоковарнымъ вывѣдываніемъ злодѣя Мировича къ тѣмъ разговорамъ приведенъ былъ, какъ о томъ и выше о лакеѣ Касаткинѣ показано; того ради онаго подпоручика Чефаридзева отъ смертной казни избавить, а вмѣсто того лишить его всѣхъ чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ и потомъ написать въ отдаленные полки въ солдаты.

Библиотека "Руниверс"

Выписка изъ указа 1771 года, ноября 10-го. Во исполненіе имяннаго ея императорскаго величества указа, будучи въ собраніи, сенатъ, синодъ и первыхъ пяти классовъ особы слушали экстрактъ изъ дѣла о происшедшемъ въ 15 и 16 день сентября мѣсяца у Варварскихъ воротъ и въ Чудовѣ монастырѣ смятеніи и о убійствѣ архіепископа Амвросія московскаго и калужскаго въ Донскомъ монастырѣ и подлинные допросы, преступникамъ учиненные особо опредѣленными къ тому отъ сената калужскими членами, и выслушавъ приказали: 1) Изобличенныхъ и повинившихся въ убійствѣ преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго, дворовaго человѣка Василія Андреева и купца московскаго Ивана Дмитріева, по уложенію 2-й главы 21-й статьи, 21-й главы 72-й статьи и имянному указу 1721 года ноября 12 дня, воинскаго артикула 17-й главы 137 пункта, 21-й главы 185 пункта, казнить висѣлицею, не токмо какъ убійцъ, но какъ злѣйшихъ изъ всѣхъ нарушителей общей тишины преступниковъ. 2) Всѣ приличившіеся участниками сего смятенія, по вышеизображенному закону, а именно: 185 артикулу воинскаго устава, вообмѣрно такой же смертной казни подлежали бъ, но, какъ главнѣйшіе или дерзостнѣйшіе изъ нихъ сами въ своемъ остервенѣніи и злодѣйству своему и жизни конецъ пріяли, и чрезъ то Божескому и гражданскому правосудію удовлетвореніе уже сдѣлано, то оставшіеся изъ тѣхъ пойманные, въ допросахъ винившіеся, ополиченные, изобличенные, хотя и не столько дерзостные, не меньше однакожъ, какъ теперь сказано, смертной казни достойны, но, сообразуясь человѣколюбію ея императорскаго величества, присуждаются изъ нихъ токмо двое по жеребью висѣлицѣ, а имянно: дворовые люди Алексѣй Леонтьевъ и Ѳедоръ Деяновъ, какъ во удовлетвореніе точности законовъ, такъ и на будущій страхъ другимъ, а прочіе тѣлесному вмѣсто смерти, по имянному указу 1754 года, сентября 30-го дня, наказанію, которымъ указомъ повелѣно: «подлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, заклепавъ въ кандалы, ссылать до указу въ каторжную работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста». Имена сихъ злодѣевъ суть слѣдующія: дьячекъ Антонъ Ивановъ, купецъ Ѳедотъ Парѳеновъ и прочіе.

Выписка изъ сентенціи 1775 года, генваря 10-го. О государственномъ преступникѣ Пугачевѣ по слѣдствію оказалось, что онъ, презрѣвъ присягу монаршей власти, сдѣлался не токмо измѣнникомъ, но, похитивъ имя монарха, сталъ возмутителемъ народа и учинилъ себя виновникомъ бѣдствія и губителемъ многихъ невинныхъ людей. Грады, заводы и селенія для того только и бралъ, чтобы предавать огню и грабительству. Всѣхъ вышняго степени людей истреблялъ, не разбирая ни пола, ни возраста для того, что опасался, чтобы просвѣщеннѣйшіе люди слѣдующихъ за нимъ въ пагубу слѣпцовъ не просвѣтили. Общее собраніе правительствующаго сената, святѣйшаго синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ коллегій приговорили: 1-е, бунтовщику и самозванцу Пугачеву учинить смертную казнь, а имянно: четвертовать, голову взоткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города, положить на колеса, а послѣ на тѣхъ же мѣстахъ сжечь; 2-е, яицкій казакъ Перфильевъ былъ главнѣйшій содѣйствователь во всѣхъ злыхъ предпріятіяхъ Пугачева, и когда злодѣйское скопище было разрушено, и многіе, искавъ спасенія, разбились на разныя шайки, то казакъ Пустоваевъ увѣщевалъ товарищей своихъ явиться съ повинною, на что̀ другіе и согласились; но сей ненавистный предатель сказалъ,

Библиотека "Руниверс"

что онъ лучше желаетъ живымъ быть зарыту въ землю, нежели отдаться въ руки опредѣленнымъ начальствамъ, то его, Перфильева, четвертовать въ Москвѣ; 3-е, яицкій казакъ Чика назвался графомъ Чернышевымъ, былъ приснымъ любимцемъ злодѣя Пугачева; при самомъ началѣ бунта паче всѣхъ утвердилъ злодѣя въ самозванствѣ, съ крайнимъ раченіемъ укрылъ его отъ поиска; когда за самозванцемъ выслана была изъ города сыскная команда, начальствовалъ отдѣленною толпою, разорялъ многіе въ той провинціи заводы и селенія, похищалъ имущества и чинилъ смертоубійства вѣрнымъ подданнымъ. Приговорено: отсѣчь ему голову и взоткнуть на колъ для всенароднаго зрѣлища, а трупъ его сжечь со эшафотомъ купно. И сію казнь совершить въ Уфѣ, яко въ главномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всѣ его богомерзкія дѣла производимы были; 4-е, яицкій казакъ Шигаевъ разглашалъ о Пугачевѣ въ городѣ и произвелъ тѣмъ во многихъ къ бунтовщику привязанность, при обложеніи Оренбурга, когда самъ главный злодѣй отлучался, оставлялъ его начальникомъ бунтующей толпы, и въ сіе начальство производилъ онъ многія злости и повѣсилъ посланнаго въ Оренбургъ отъ генералъ-майора князя Голицына рейтара съ извѣстіемъ о его приближеніи. Казачій сотникъ Подуровъ не токмо предался самъ злодѣю, но и писалъ многія развратительныя въ народъ письма, увѣряя, якобы Пугачевъ былъ истинный государь; казакъ Торновъ былъ сущій злодѣй и губитель душъ человѣческихъ, разорившій Нагайбатскую крѣпость и нѣкоторыя жительства; то ихъ всѣхъ троихъ повѣсить въ Москвѣ; 5-е, яицкіе казаки Плотниковъ и Короваевъ при самомъ началѣ злодѣйскаго умысла пріѣзжали къ самозванцу и, условясь съ нимъ о возмущеніи Яицкихъ казаковъ, дѣлали первыя разглашенія въ народѣ. Казакъ Закладновъ былъ подобно первымъ изъ начальныхъ разглашателей о злодѣѣ и самый первый, предъ кѣмъ злодѣй дерзнулъ назвать себя государемъ. Мещерякской сотникъ Канзаферъ Усаевъ былъ двоекратно въ толпѣ злодѣйской и въ разныя ѣздилъ мѣста для возмущенія башкирцовъ. Ржевскій купецъ Долгополовъ разными лжесоставленными вымыслами приводилъ простыхъ людей въ ослѣпленіе такъ, что и Усаевъ, утвердясь больше на его увѣреніяхъ, прилѣпился вторично къ злодѣю; то всѣхъ ихъ пятерыхъ высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу и изъ нихъ Долгополова сверхъ того содержать въ оковахъ; 6-е, казаковъ Почиталина, Горшкова и Ульянова, первыхъ двухъ за то, что были производителями письменныхъ дѣлъ при самозванцѣ, составляли и подписывали листы, называя ихъ государевыми манифестами и указами, а послѣдняго, яко бывшаго съ ними всегда въ злодѣйскихъ шайкахъ и производившаго равно, какъ и они, убійства, высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу; 7-е, восемь человѣкъ казаковъ, одного пахотнаго солдата и одного ссыльнаго, яко бывшихъ при самозванцѣ и способствовавшихъ ему въ лживыхъ разглашеніяхъ и въ составленіи злодѣйскихъ шаекъ, высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, послать на поселеніе; 8-е, отставного гвардіи фурьера Голева, саратовскаго купца Кобякова и раскольника Пахомія, первыхъ за прилѣпленіе къ злодѣю и происходившіе соблазны отъ ихъ разглашеній, а послѣдняго за ложныя показанія, высѣчь кнутомъ Голева и Пахомія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ, да саратовскаго жъ купца Протопопова за несохраненіе въ нужномъ случаѣ должной вѣрности высѣчь плетьми; 9-е, подпоручика Шановича за то, что, будучи въ толпѣ злодѣйской, слѣпо повиновался самозванцовымъ приказамъ, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишивъ чиновъ и дворянства,

Библиотека "Руниверс"

ошельмовать, переломя надъ нимъ шпагу. Инвалидной команды прапорщикъ Юматовъ, за гнусную по чину офицерскому робость при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго достоинъ наказанія, но, за старостію лѣтъ уменьшая оное, лишить его чиновъ. Астраханскаго коннаго полка сотника и депутата Горскаго за легкомысленное прилѣпленіе къ толпѣ злодѣйской лишить депутатскаго достоинства и названія.

Высочайшій указъ 1767 года, ноября 11-го. Указомъ нашимъ, даннымъ сенату прошлаго 1766 года, генваря 15, повелѣно отмѣнить въ уѣздныхъ городахъ слѣдующія по законамъ пытки, а остались оныя въ однѣхъ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ. Нынѣ же всемилостивѣйше повелѣваемъ, для большаго сбереженія рода человѣческаго отъ напраснаго кровопролитія, послать секретныя изъ сената нашего повелѣнія въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, чтобъ въ несчастливыхъ случаяхъ, гдѣ по законамъ инако не могутъ дѣла производить, какъ пыткою, то бы, не производя пытку, докладывалися губернатору и ожидали отъ него приказаній. Губернаторамъ же сенатъ имѣетъ послать при семъ указѣ по одному экземпляру наказа комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, съ тѣмъ, чтобъ они, губернаторы, въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи о изысканіи доказательства и облики до указа, на правилахъ X главы вышепомянутаго наказа.

Наказъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, 1767 года, іюля 30-го, главы X-ой пунктъ 201-й. Хотя законы и не могутъ наказывать намѣренія, однакожъ нельзя сказать, чтобъ дѣйствіе, которымъ начинается преступленіе, и которое изъявляетъ волю, стремящуюся произвести самимъ дѣломъ то преступленіе, не заслуживало наказанія, хотя меньшаго, нежели какое установлено за преступленіе, самою вещію уже исполненное. Наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію; но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быть промежутокъ времени, то нехудо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобъ тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія.

Пунктъ 202-й. Также надобно положить наказанія не столь великія сообщникамъ въ беззаконіи, которые не суть безпосредственными онаго исполнителями, какъ самимъ настоящимъ исполнителямъ. Когда многіе люди согласятся подвергнуть себя опасности, всѣмъ имъ общей, то чѣмъ болѣе опасность, тѣмъ больше они стараются сдѣлать оную равною для всѣхъ. Законы, наказующіе съ большею жестокостію исполнителей преступленія, нежели простыхъ только сообщниковъ, воспрепятствуютъ, чтобъ опасность могла быть равно на всѣхъ раздѣлена, и причинятъ, что будетъ труднѣе сыскать человѣка, который бы захотѣлъ взять на себя совершить умышленное злодѣяніе: понеже опасность, которой онъ себя подвергнетъ, будетъ больше въ разсужденіи наказанія, за то ему положеннаго, неравнаго съ прочими сообщниками. Одинъ только есть случай, въ которомъ можно сдѣлать изъятіе изъ общаго сего правила, то-есть, когда исполнитель беззаконія получаетъ отъ сообщниковъ особенное награжденіе: тогда для того, что разнота опасности награждается разностію выгодъ, надлежитъ быть наказанію, всѣмъ имъ равному. Сіи разсужденія покажутся очень тонки, но надлежитъ думать, что весьма нужно, дабы

Библиотека "Руниверс"

законы сколь возможно меньше оставляли средствъ сообщникамъ злодѣянія согласиться между собою.

Пунктъ 203-й. Нѣкоторыя правительства освобождаютъ отъ наказанія сообщника великаго преступленія, донесшаго на своихъ товарищей. Такой способъ имѣетъ свои выгоды, также и свои неудобства, когда оный употребляется въ случаяхъ особенныхъ. Общій всегдашній законъ, обѣщающій прощеніе всякому сообщнику, открывающему преступленіе, должно предпочесть временному особому объявленію въ случаѣ какомъ особенномъ; ибо такой законъ можетъ предупредить соединеніе злодѣевъ, вперяя въ каждаго изъ нихъ страхъ, чтобъ не подвергнуть себя одного опасности, но должно потомъ и наблюдать свято сіе обѣщаніе и дать, такъ говоря, защитительную стражу всякому, кто на сей законъ ссылаться станетъ.

Пунктъ 210-й. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими, чего для, если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна ни нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи, ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то-есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца,—въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію взящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

Пунктъ 214-й. Кто мутитъ народное спокойство, кто не повинуется законамъ, кто нарушаетъ сіи способы, которыми люди соединены въ общества и взаимно другъ друга защищаютъ, тотъ долженъ изъ общества быть исключенъ, то-есть стать извергомъ.

Глава VII, стат. 79. Нарушающіе спокойство и устремляющіеся вмѣстѣ противъ безопасности гражданъ относятся къ четвертому роду преступленій.

Наказанія сихъ послѣднихъ преступленій называются особливымъ именемъ казни. Казнь не что иное есть, какъ нѣкоторый родъ обратнаго воздаянія, посредствомъ коего общество лишаетъ безопасности того гражданина, который оную отнялъ или хочетъ отнять у другого. Сіе наказаніе произведено изъ свойства вещи, основано на разумѣ и почерпнуто изъ источниковъ блага и зла. Гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять. Смертная казнь есть нѣкоторое лѣкарство больного общества. Если нарушается безопасность въ разсужденіи имѣнія, то можно сыскать доказательства, что въ семъ случаѣ не надлежитъ казнить смертію; а кажется лучше и съ самимъ естествомъ сходственнѣе, чтобы преступленія, противъ безопасности во владѣніи имѣніемъ устремляющіяся, наказываемы были потеряніемъ имѣнія; и сему бы надлежало непремѣнно такъ быть, если бы имѣніе было общее или у

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ равное. Но какъ неимущіе никакого стяжанія стремятся охотнѣе отнимать оное у другихъ, то надлежало, конечно, вмѣсто денежнаго въ пополненіе употребить тѣлесное наказаніе. Все мною здѣсь сказанное основано на естествѣ вещей и служитъ къ защищенію вольности гражданской.

Глава XX, пунктъ 486. Во многихъ державахъ законъ повелѣваетъ подъ смертною казнію открывать и тѣ заговоры, о которыхъ кто не по сообщенію съ умышленниками, но по слуху знаетъ. Весьма прилично сей законъ употребить во всей онаго строгости въ преступленіи самаго высочайшаго степени, касающемся до оскорбленія величества.

Жалованной дворянству 1785 года, апрѣля 21-го, грамоты стат. 6. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) : живые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ или научалъ подобныя преступленія учинить.

Стат. 13. Дѣло благороднаго, впавшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества.

Стат. 15. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго.

Стат. 23. Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наслѣднику или наслѣдникамъ.

Высочайшій указъ 1799 года, апрѣля 20-го. Запрещеніе смертной казни, по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній въ имперіи нашей существующее, всемилостивѣйше распространяемъ и на тѣ губерніи, коимъ предоставили мы имѣть судъ и расправу на основаніи древнихъ ихъ правъ и привилегій, повелѣвая въ случаяхъ сего рода повсемѣстно и безысключительно поступать сообразно изданнымъ отъ насъ законамъ.

Выписка изъ журнала государственнаго совѣта, состоявшагося 16-го ноября 1814 года. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта читана записка министра юстиціи по вопросу: преступники по первымъ двумъ пунктамъ и святотатцы могутъ ли подходить подъ всемилостивѣйшій манифестъ, въ 30 день августа 1814 года изданный? Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи, по надлежащемъ соображеніи сего вопроса съ точною силою всемилостивѣйшаго манифеста, находитъ въ 18 статьѣ онаго рѣшительное по сему предмету заключеніе, состоящее въ томъ, что всякое преступленіе, за которое положена въ законахъ смертная казнь, прощенію по силѣ сего манифеста подлежать не можетъ, а потому и положилъ: постановить правиломъ, чтобъ, всѣ преступленія, содѣянныя до изданія всемилостивѣйшаго манифеста въ 30 день августа сего года, за которыя въ законахъ положена смертная казнь (въ томъ числѣ и святотатство), не подводя подъ сей манифестъ, подвергать изобличенныхъ преступниковъ наказанію, на основаніи нынѣ существующихъ законовъ, освобождая токмо ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, по силѣ 17 статьи всемилостивѣйшаго сего манифеста.

Библиотека "Руниверс"

Дополненіе къ своду законовъ по первымъ двумъ пунктамъ.

Воинскихъ процессовъ (1716 года), первой части, главы II пунктъ 1. Салвъ-кондуктъ есть явная грамота, которая отъ вышняго начальства земли преступленія ради ушедшему (когда онаго поймать не можно) дается. Въ той же грамотѣ опредѣляется ему нѣсколько времени, въ которое онъ принужденъ быть въ судѣ и оправданіе въ дѣлѣ своемъ приносить, буде онъ себя почитаетъ невинно и мнить себя вывести изъ невинности, а между тѣмъ временемъ можетъ онъ въ судѣ явиться, и отъ суда отлучиться свободно, и всякую притомъ имѣть вольность.

Пунктъ 2. Ежели бѣглый преступитель такой грамоты пожелаетъ, то оному никакой высокой судъ, ниже губернаторъ, не имѣетъ власти ему прежде дать, пока не получитъ отъ вышняго начальства той земли соизволенія.

Пунктъ 3. Однакожъ находится такое обыкновеніе, что фельдмаршалы или генералы (когда одни особливо отправленное войско, яко главнѣйшіе, командуютъ) такія безопасныя грамоты безъ полученнаго соизволенія отъ государей своихъ даютъ токмо сихъ ради причинъ, чтобъ бѣглый для долгаго замедленія къ непріятелю не ушелъ, отъ чего злыя слѣдованія почасту происходятъ.

Пунктъ. 4. Между тѣмъ таковыя безопасныя грамоты даются тогда, когда преступитель въ такомъ мѣстѣ обрѣтается, откуда можетъ всегда свободно уйти.

Пунктъ 5. Въ таковой грамотѣ надлежитъ всеконечно упомянуть, какой ради причины бѣглому дана оная грамота, и обѣщанную безопасность ненарушимо содержать такъ, что, ежели кто надъ бѣглымъ дѣйствительно что учинитъ, оный можетъ живота своего лишенъ быть.

Пунктъ 6. Напротивъ же надлежитъ бѣглому равнымъ образомъ содержать себя, однакожъ хотя онъ между тѣмъ временемъ какое другое преступленіе учинитъ, на которое ему грамоты безопасной не дано, и тогда не можетъ онъ ради онаго дѣйствія въ темницу посаженъ быть. Также бѣглому съ заряженнымъ ружьемъ или проселочными дорогами ѣхать не можно, только знатнымъ офицерамъ позволяется прибочное ружье или незаряженныя пистоли при сѣдлѣ имѣть.

Второй части, главы II пунктъ 1. Когда кто признаетъ, чѣмъ онъ виненъ есть, тогда дальняго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе есть лучшее свидѣтельство всего свѣта.

Пунктъ 2. Но оное признаніе такое быть имѣетъ:

1) Чтобъ признанное въ дѣйствѣ всеконечно было.

2) Чтобъ оное признаніе вольное было.

3) И въ судѣ предъ судьею учинено, ибо внѣ суда учиненное признаніе не имѣетъ за дѣйствительно признано быть.

4) Чтобъ притомъ доказать такія обстоятельства, которыя бъ могли быть достовѣрны, и о правдѣ бъ не сумнѣваться.

Воинскаго устава (1716 года), главы XII артикулъ 98. Ежели полки, войско или шквадроны дезертуютъ и весьма отступны явятся, оные имѣютъ во время девяти недѣль чрезъ публичной барабанный бой и трубы трижды въ генеральной кригсрехтъ позываны, и онымъ салвусъ-кондуктусъ (безопасная грамота) позволена будетъ. А буде найдется послѣ, что они прютивно присягѣ и своей должности учи-

Библиотека "Руниверс"

нили, тогда нарушитель вѣры, хотя онъ явится или нѣтъ, шельмованъ и осужденъ, и его пожитки на его величество взяты будутъ. Такожде ежели онъ послѣ пойманъ, безъ всякой милости повѣшенъ имѣетъ быть. Прочимъ же, которые передъ судомъ явились и оправдались, онымъ данный салвъ-кондуктъ ненарушимо содержанъ будетъ

Толкованіе. Хотя правда онымъ, которые по полученіи салвъ-кондукта (безопасной грамоты) передъ судомъ явятся, и данный салвъ-кондуктъ ненарушимо содержанъ быть имѣетъ, однако же, несмотря того, приговоръ будетъ противъ оныхъ учиненъ, и въ ономъ наказаніе, которое они заслужили, означено. (О безопасной грамотѣ, или салвѣ-кондуктѣ, я уже въ описаніи судебныхъ тяжебъ, или процессовъ, пространно упоминалъ, того ради здѣсь паки повторять за непотребно почитается).

Указъ 1720 года, февраля 16-го. Которые всякихъ чиновъ люди въ какихъ дѣлахъ въ первыхъ своихъ допросѣхъ сказывали вины свои, то тѣ ставить въ повинные, а которые съ улики и съ розыску, тѣхъ въ дѣло и въ повинные не ставить.

Высочайшаго манифеста 30-го ноября 1806 года о образованіи временныхъ ополченій, или милиціи, пунктъ 20. Всѣ сіи мѣры для успѣшнаго исполненія требуютъ строжайшаго повиновенія и порядка, и малѣйшее ослушаніе начальству, обращаясь ко вреду общему, заслуживаетъ скорое и строгое наказаніе, то въ отвращеніе сего зла, угрожающаго всеобщимъ потрясеніемъ имперіи, главнокомандующему дается чрезъ сіе власть арестовать и предать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности и присяги (которая особенно для сего войска дана будетъ), и приговоры военнаго суда немедленно исполняемы будутъ, хотя бы оные касались лишенія живота.

Полевого уголовнаго уложенія, для большой дѣйствующей арміи изданнаго 1813 года, января 12-го.

Глава I.

Объ измѣнѣ.

§ 1. Всякій чиновникъ арміи и всякое лицо, къ арміи принадлежащее, какого бы чина, званія или состоянія они ни были, уличенные въ измѣнѣ, наказываются смертію.

Глава II.

О побѣгѣ къ непріятелю.

§ 3. Побѣгъ къ непріятелю наказывается смертію.

Глава V.

О неповиновеніи.

§ 32. Невыполненіе приказаній начальства, буде оно имѣло важныя послѣдствія, наказывается смертію.

§ 34. Открытое неповиновеніе и упорство въ ономъ на словахъ и на дѣлѣ наказывается гражданскою смертію; въ высшихъ же чинахъ отъ подполковника смертію.

§ 36. Въ неповиновеніи цѣлою командою, ротою, батальономъ и проч. зачинщики наказываются смертію; начальники неповинующагося войска, буде въ непови-

Библиотека "Руниверс"

новеніи участвовали, наказываются смертію; буде же безъ участія, не предупредили токмо онаго зависѣвшими отъ нихъ средствами, разжалываются въ солдаты до выслуги.

§ 37. Десятый человѣкъ неповинующагося войска наказывается по жребію смертію.

§ 38. Подъятіе руки или оружія противъ начальника наказывается смертію.

§ 39. Явное неповиновеніе или бунтъ жителей, мѣстъ и областей, арміею занимаемыхъ, истребленіе ея продовольствія и всякое злоупотребленіе, препятствіе ея движенію и успѣхамъ наказываются смертію.

§ 40. Склоненіе къ бунту и неповиновенію жителей земель, арміею занимаемыхъ, хотя бы и не произвело возмущенія, наказывается смертію.

Глава VII.

§ 61. Грабежъ лицъ, домовъ, селеній и вообще собственности наказывается смертію.

§ 63. Когда которое либо изъ сихъ преступленій учинено цѣлою командою, начальники команды наказываются смертію.

§ 64. Буде же команда посягнула на то безъ дозволенія начальства, сіе почитается бунтомъ, который наказывается по §§ 36 и 37 главы V сего уложенія.

Карантиннаго устава, изданнаго 1818 года, августа 21-го дня, § 230. Обличившійся въ несправедливомъ вопреки данной присягѣ, по какой бы то ни было причинѣ, показаніи насчетъ здоровья прибывшихъ съ нимъ людей на суднѣ или сухимъ путемъ наказывается смертію.

§ 231. Обличившійся въ поддѣлкѣ фальшиваго документа для того, чтобы сократить карантинные обряды или и совсѣмъ избѣгнуть ихъ, наказывается смертію.

§ 232. Тотъ, кто, находясь подъ карантиннымъ наблюденіемъ, безъ дозволенія карантиннаго начальства сойдетъ или съѣдетъ съ судна или выйдетъ въ карантинномъ домѣ изъ отдѣленія, которое для него назначено, съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, буде какое либо чрезвычайное происшествіе ни сдѣлало сіе необходимо нужнымъ, наказывается смертію.

§ 233. Тотъ, кто насильственнымъ образомъ осмѣлится противиться карантинному начальству или опредѣленнымъ отъ онаго стражамъ, наказывается смертію.

LIII.

Списокъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, кои понесли исправительныя наказанія.

1) Витебскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Хотынцовъ 1-й продержанъ еще 3 мѣсяца въ крѣпости, возвращенъ на службу съ отрѣшеніемъ отъ командованія полкомъ и 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ.

Библиотека "Руниверс"

2) Чиновникъ интендантства 2-й арміи 9-го класса Юшневскій продержанъ еще мѣсяцъ въ крѣпости и возвращенъ на службу.

3) Пермскаго пѣхотнаго полка полковникъ Леманъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Томскій пѣхотный полкъ съ тѣмъ, чтобы не давать ему баталіона впредь до повелѣнія, и съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

4) Командиръ конно-артиллерійской бригады, состоящей при 3-й гусарской дивизіи, подполковникъ Фроловъ 4-й переведенъ 7-го іюля 1826 года въ 15-ю конно-артиллерійскую роту, лишенъ роты съ тѣмъ, чтобы не давать ему оной впредь до повелѣнія, и съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

5) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Гангебловъ 7-го іюля 1826 года переведенъ во Владикавказскій гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 4 мѣсяца.

6) Конногвардейскаго полка корнетъ Арцыбашевъ 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Таманскій гарнизонный полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости 1 мѣсяцъ.

7) Гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Пскрицкій 7-го іюля 1826 г. переведенъ въ Орскій гарнизонный баталіонъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

8) Ахтырскаго гусарскаго полка ротмистръ Семичевъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

9) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ князь Вадбольскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Вятскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

10) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Малютинъ 7-го іюля переведенъ въ Севастопольскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

11) Старшій адъютантъ 2-го пѣхотнаго корпуса лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка ротмистръ Сабуровъ 2-й 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

12) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Кожевниковъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Иркутскій гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

13) Конно-артиллерійской № 1 роты прапорщикъ графъ Иванъ Коновницынъ, прикомандированный къ гвардейской конной артиллеріи,—высочайше повелѣно перевесть и отправить на службу въ конно-батарейную № 23-й роту, поручивъ бдительному тайному надзору начальства, и о поведеніи ежемѣсячно доносить.

14) Служившій въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку князь Павелъ Голицынъ,—высочайше повелѣно учредить бдительный тайный надзоръ.

15) Астраханскаго кираспрскаго полка ротмистръ Антроповъ, — высочайше повелѣно, освободивъ изъ-подъ ареста, отправить на службу съ переводомъ въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ, имѣть за нимъ строжайшій присмотръ и о поведеніи ежемѣсячно доносить.

16) Артиллеріи подполковникъ Пановъ, — высочайше повелѣно учредить секретный надзоръ и ежемѣсячно доносить о поведеніи.

Библиотека "Руниверс"

Списокъ лицъ, названныхъ членами обществъ, составившихся послѣ уничтоженія союза Благоденствія, но по маловажности показаній не требовавшихся къ слѣдствію, съ измѣненіемъ воспослѣдовавшихъ о нихъ высочайшихъ повелѣній.

1) Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка поручикъ Сухоруковъ оставленъ на Дону, не отправляя лейбъ-гвардіи въ Казачій полкъ, подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ, и ежемѣсячно доносить о его поведеніи.

2) Старшій адъютантъ главнаго штаба Яковъ Толстой порученъ секретному надзору начальства, и ежемѣсячно повелѣно доносить о его поведеніи. Вышедъ въ отставку, проживаетъ въ Парижѣ.

3) Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Колокольцовъ порученъ секретному надзору начальства, съ донесеніемъ ежемѣсячно о поведеніи.

4) Гусарскаго принца Оранскаго полка поручикъ Поздѣевъ.

5) Саратовскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Ольшевскій.

6) Артиллерійской бригады поручикъ Шультенъ.

7) Гусарскаго принца Оранскаго полка штабсъ-ротмистръ Веселовскій, — всѣ четверо оставлены подъ надзоромъ съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о поведеніи ихъ.

8) Пензенскаго пѣхотнаго полка поручикъ Зарѣцкій выдержанъ на гауптвахтѣ 1 мѣсяцъ и опредѣленъ въ 3-ю пѣхотную дивизію подъ строгій надзоръ полкового, бригаднаго и дивизіоннаго начальниковъ.

9) Жительствующій въ Староконстантиновскомъ повѣтѣ Ипполитъ Скольмировскій порученъ секретному надзору мѣстнаго начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о поведеніи его.

10) Жительствующій въ Тульчинѣ дворянинъ Рынкевичъ — тоже.

11) Квартирмейстерской части во 2-й арміи прапорщикъ Юрасовъ порученъ секретному надзору начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о поведеніи.

12) 36-го Егерскаго полка майоръ Мартыновъ отданъ подъ строгій надзоръ.

13) Квартирмейстерской части при 2-й арміи поручикъ Лачиновъ, — по военному суду высочайше повелѣно: лишивъ чиновъ, дворянства и ордена, переломить шпагу передъ войсками и написать въ рядовые въ Кавказскій корпусъ.

14) Живущій въ Новгородѣ-Волынскомъ отставной поручикъ Красницкій, по освобожденіи изъ-подъ ареста, отданъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о его поведеніи.

15) Квартирмейстерской части подполковникъ Гвоздевъ посаженъ въ крѣпость на 4 мѣсяца и потомъ переведенъ въ пѣхотный армейскій полкъ Кавказскаго корпуса.

16) Квартирмейстерской части поручикъ Жемчужниковъ.

17) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка штабъ-ротмистръ Бревернъ, адъютантъ главнокомандующаго 1-й арміи.

18) Адъютантъ генералъ-адъютанта Закревскаго Путята.

19) Муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Рачинскій, — всѣ четверо отданы подъ секретный надзоръ начальства съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ о ихъ поведеніи.

Библиотека "Руниверс"

20) Графъ Полиньякъ, отставной полковникъ, находящійся за границей, — высочайше повелѣно сообщить копію съ записки графу Нессельроде.

21) Отставной изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ графъ Бобринскій, находящійся за границей, — высочайше повелѣно сообщить графу Нессельроде для учрежденія за нимъ секретнаго надзора.

Списокъ лицъ, прикосновенныхъ по разнымъ случаямъ къ дѣлу о тайныхъ обществахъ, которыя не были требованы къ слѣдствію.

1) Ахтырскаго гусарскаго полка корнетъ Годеніусъ.

2) Гусарскаго принца Оранскаго полка корнетъ Рославлевъ.

3) Того же полка юнкеръ Лосевъ.

Всѣхъ трехъ высочайше повелѣно оставить подъ секретнымъ надзоромъ начальства съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносить о поведеніи ихъ.

4) Пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала герцога Веллингтона полка поручикъ Вильмансъ оставленъ по высочайшему повелѣнію подъ надзоромъ начальства съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносить о поведеніи его.

5) Черниговскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Быстрицкій, — по военному суду высочайше повелѣно: лишя чиновъ и дворянскаго достоинства и переломя надъ головою его шпагу, сослать въ Сибирь, въ каторжную работу.

6) Саратовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Бѣльченко,—высочайше повелѣно перевести въ 21-й Егерскій полкъ, поручивъ особенному бдительному надзору полкового командира съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносить о поведеніи его.

7) Островскій и

8) Невенгловскій, польскіе дворяне, живущіе близъ Новгорода-Волынска, въ имѣніи покойнаго генерала Уварова, — высочайше повелѣно оставить подъ надзоромъ и ежемѣсячно доносить о поведеніи ихъ.

9) Находящійся при генералъ-интендантѣ Головнинѣ мичманъ Лутковскій, — высочайше повелѣно перевести въ Черноморскій флотъ, поручивъ особенному надзору вице-адмирала Грейга.

10) 7-го флотскаго экипажа мичманъ Писаревъ, — высочайше повелѣно перевести въ Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы тамъ состоялъ на службѣ подъ бдительнымъ надзоромъ начальства.

11) Гвардейскаго экипажа мичманъ Тыртовъ, — высочайше повелѣно перевести въ ластовый экипажъ Каспійской флотиліи и имѣть за нимъ бдительный надзоръ.

12) Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи прапорщикъ Малиновскій высочайше прощенъ, но повелѣно отдать подъ тайный надзоръ и ежемѣсячно доносить о поведеніи его.

13) Титулярный совѣтникъ Колошинъ выдержанъ еще 1 мѣсяцъ въ крѣпости, запрещенъ въѣздъ въ столицы и опредѣленіе въ службу.

14) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикъ Плещеевъ 1-й 7-го іюля 1826 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Курляндскій драгунскій полкъ.

15) Кавалергардскаго полка полковникъ Кологривовъ 2-й 7-го іюля 1826 г. переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости 6 мѣсяцевъ.

Библиотека "Руниверс"

16) Кавалергардскаго полка поручикъ Свиньинъ 15-го іюня 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Харьковскій драгунскій полкъ.

17) Кавалергардскаго полка корнетъ князь Вяземскій 2-й 15-го іюня 1826 г. переведенъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ.

18) Состоящій по арміи генералъ-майоръ Орловъ, по выдержаніи еще 1 мѣсяца подъ арестомъ, 16-го іюня 1826 года отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ и жить безвыѣздно, запретить въѣздъ въ столицы и мѣстному начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ.

19) Гусарскаго принца Оранскаго полка штабсъ-ротмистръ Паскевичъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще два мѣсяца.

20) Конно-артиллерійской № 6 роты прапорщикъ Высочинъ 1-й 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 17-ю конно-артиллерійскую роту, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

21) 1-го морского полка полковникъ фонъ-Вольскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Эстляндскій пѣхотный полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

22) Кавалергардскаго полка корнетъ Васильчиковъ 7-го іюля переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тверской драгунскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

23) Лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка поручикъ Титовъ 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Омскій гарнизонный полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 3 мѣсяца.

24) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Петровскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

25) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка корнетъ Ренкевичъ 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Бакинскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 2 мѣсяца.

26) 17-го Егерскаго полка подпоручикъ Вадковскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Моздокскій гарнизонный баталіонъ, по выдержаніи въ крѣпости еще 4 мѣсяца.

27) Ахтырскаго Гусарскаго полка ротмистръ Франкъ 5-й 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Уральскій гарнизонный баталіонъ капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 2 мѣсяца.

28) Конно-артиллерійской № 5 роты капитанъ Пыхачевъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 13-ю конно-артиллерійскую роту, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 2 мѣсяца.

29) 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тихоновъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 11-ю артиллерійскую бригаду, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

30) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Шторхъ 8-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Вильманстрандскій пѣхотный полкъ.

31) Конно-артиллерійской № 5 роты поручикъ Нащокинъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 11-ю конно-артиллерійскую роту, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 3 мѣсяца.

Библиотека "Руниверс"

32) 22-го Егерскаго полка подполковникъ Миклашевскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ 42-й Егерскій полкъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 мѣсяцъ.

33) Состоящій по арміи полковникъ Ѳедоръ Глинка отставленъ отъ службы и сосланъ на жительство въ г. Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія, дозволено употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

34) Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка поручикъ князь Оболенскій 7-го іюля 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ 45-й Егерскій полкъ.

35) Балтійскаго флота лейтенантъ Романовъ продержанъ еще 3 мѣсяца въ крѣпости и отправленъ на службу въ Черноморскій флотъ; изъ-подъ надзора освобожденъ въ іюлѣ 1828 года.

36) Отставной изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Зыковъ продержанъ еще 1 мѣсяцъ въ крѣпости, и воспрещено жить въ столицахъ.

37) Отставной поручикъ графъ Спиридонъ Булгари продержанъ еще 2 мѣсяца въ крѣпости и высланъ за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію.

38) Графъ Андрей Булгари высланъ за границу съ воспрещеніемъ возвращенія.

39) Титулярный совѣтникъ Горсткинъ, по выдержаніи еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправленъ на службу въ Вятку подъ бдительный надзоръ мѣстнаго начальства.

40) Титулярный совѣтникъ Перетцъ, по выдержаніи еще 2 мѣсяца въ крѣпости, отосланъ на жительство въ Пермь подъ бдительный тайный надзоръ мѣстной полиціи.

41) Губернскій секретарь Кашкинъ, по выдержаніи еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправленъ на службу въ Архангельскъ.

42) Титулярный совѣтникъ Семеновъ, по выдержаніи еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправленъ въ Сибирь на службу, но безъ повышенія чина.

43) Секретарь графа Илинскаго, шляхтичъ Жебровскій,—вмѣненъ арестъ въ наказаніе, и отправленъ на мѣсто жительства подъ надзоръ мѣстной полиціи.

44) Нарвскаго драгунскаго полка фаненъ-юнкеръ Скарятинъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ, вмѣнивъ ему въ наказаніе арестъ.

45) Гусарскаго графа Витгенштейна полка полковникъ Горленко 8-го іюля 1826 года переведенъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, по выдержаніи въ крѣпости два мѣсяца.

46) Гусарскаго принца Оранскаго полка штабсъ-ротмистръ Жуковъ 27-го іюля 1826 года переведенъ въ Архангелогородскій гарнизонный полкъ штабсъ-капитаномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 6 мѣсяцевъ.

47) 32-го Егерскаго полка полковникъ Непенинъ 7-го іюля 1826 года отставленъ отъ службы, продержанъ въ крѣпости еще шесть мѣсяцовъ и потомъ высланъ немедленно изъ здѣшней столицы на жительство въ Тульскій уѣздъ подъ секретный надзоръ.

48) Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Гудима 7-го іюля 1826 года опредѣленъ въ Дербентскій гарнизонный баталіонъ тѣмъ же чиномъ, потомъ 6-го сентября переведенъ въ Навагинскій.

49) Кавалергардскаго полка поручикъ Горожанскій 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Кизильскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 4 года.

Библиотека "Руниверс"

50) 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Черноглазовъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Верхнеуральскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости два года.

51) Гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Палицынъ 7-го іюля 1826 года переведенъ въ Петровскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще 1 годъ.

52) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ Корсаковъ 24-го іюля 1826 года переведенъ въ Куринскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.

53) Вятскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Лядуховскій 4-го іюля 1826 года переведенъ въ Куринскій пѣхотный полкъ.

54) Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Прянишниковъ отправленъ въ гвардейскій сводный полкъ.

55) Квартирмейстерской части подполковникъ Галяминъ 20-го марта 1826 года переведенъ въ Петровскій пѣхотный полкъ.

56) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ Волковъ 28-го мая 1826 года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

57) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка поручикъ Броке 28-го мая 1826 года переведенъ въ Мингрельскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.

58) Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Добринскій 28-го мая 1826 года переведенъ въ 43-й Егерскій полкъ тѣмъ же чиномъ.

59) Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка подпоручикъ Богдановъ отправленъ въ сводный гвардейскій полкъ.

60) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка подпоручикъ князь Кудашевъ отправленъ въ сводный гвардейскій полкъ.

61) Сѣверскаго конно-егерскаго полка полковникъ Граббе посаженъ въ крѣпость на 4 мѣсяца и потомъ выпущенъ на службу.

62) Свиты его величества по квартирмейстерской части подполковникъ фонъ-Руге выдержанъ въ крѣпости 1 мѣсяцъ и потомъ отправленъ на службу.

63) Тарутинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Любимовъ 1-й 8-го апрѣля 1826 года переведенъ въ Бѣлевскій пѣхотный полкъ и выдержанъ въ крѣпости 1 мѣсяцъ.

64) Украинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Бурцовъ 8-го апрѣля 1826 года переведенъ въ Колыванскій пѣхотный полкъ и выдержанъ въ крѣпости 6 мѣсяцевъ.

LIV.

Письмо императора Николая князю А. Н. Голицыну, написанное послѣ казни декабристовъ.

Tout est fini; restent les veuves, c'est mon cher Galitzine que je charge de ce dont vous vous chargerez, j'en suis bien sûr, avec plaisir; faites savoir des nouvelles de la pauvre Riléeff et dites-lui que je lui demande qu'elle dispose de moi en toute occasion et que j'espère qu'elle ne me refusera pas de m'en informer toujours de ce dont

Библиотека "Руниверс"

elle peut avoir besoin. De même sachez, je vous prie, ce que font la Mourawiew Nikita et la Troubetzkoy. Que Dieu soit béni de ce que tout est fini. L'on me tourmente de tous côtés: ce matin madame Konovnizine est presque entrée dans ma chambre; c'est ces femmes que je redoute le plus.

Tout à vous Nicolas.

LV.

Собственноручная записка генералъ-адъютанта Бенкендорфа объ учрежденіи высшей полиціи подъ начальствомъ особаго министра и инспектора корпуса жандармовъ.

Les événements du 14 Décembre et les horribles trames qui depuis plus de 10 ans ont préparé cette explosion, prouvent assez la nullité de la police de l'Empire, comme aussi, l'indispensable nécessité d'en organiser une, d'après un plan adroitement combiné et activement exécuté. Une contre-police secrète n'est presque pas possible; les honnêtes gens en sont effrayés, les coquins la devinent.

La perlustration des correspondances est déjà une contre-police, et la meilleure, par ses moyens constants, qui embrassent toute l'étendue de l'Empire. Il faut pour cela avoir, dans quelques points seulement, des chefs de bureaux de poste d'une probité et d'un zèle éprouvé: comme à Pétersbourg, Moscou, Kiew, Wilna, Riga, Kharkow, Odessa, Kazan et Tobolsk.

Il faut que la police pour être bonne et pour couvrir toute l'étendue de l'Empire ait un centre connu, et des ramifications aboutissantes à tous les points; qu'elle soit crainte, et respectée par les qualités morales de celui qui en sera le chef.

Il devrait porter le nom de ministre de la police et inspecteur des gens d'armes militaires et des provinces. Ce titre seul lui ouvre les avis de tous les honnêtes gens, qui voudraient prévenir le gouvernement sur quelques trames, ou lui donner des nouvelles intéressantes. Les coquins, les intrigants et les dupes, revenus de leurs erreurs ou cherchant à racheter leurs fautes par les délations, sauront où s'adresser.

Ce titre réunirait la coopération de tous les officiers de gens d'armes, dispersés dans toutes les villes de la Russie et dans toutes les divisions de l'armée: donnerait le moyen d'y placer des gens intelligents et d'employer des hommes purs, qui souvent répugnant au rôle d'espions cachés se font un devoir de ce métier, sous l'uniforme, qui les rend coopérateurs du gouvernement.

Des grades, des croix, un remercîment, encouragent davantage l'officier, que des sommes d'argent n'encouragent des gens secrètement employés, qui souvent font le double métier d'espionner pour et contre le gouvernement. Le ministre de police devra voyager tous les ans; se trouver de temps en temps aux grandes foires, aux contrats, ou plus aisément il peut former des liaisons utiles et séduire des gens, avides d'argent.

Il dépendra de sa perspicacité de ne donner une confiance positive à personne en particulier. Le chef de chancellerie même ne doit pas connaître tous les individus employés ni tous les aboutissants.

Библиотека "Руниверс"

L'intérêt personnel, la crainte de perdre une place qui doit être très lucrative, répondront de la fidélité de ce chef de chancellerie, pour ce qui indispensablement doit être connu de lui.

Les différents ministres civils et militaires les particuliers même trouvront un aide, un appuis dans une police organisée dans ce sens. Cette police devra mettre tous ses soins à acquérir une force morale, qui dans toute opération est la plus sûr garant du succès. Tout homme comme il faut conçoit la nécessité et appelle de ses voeux la vigilence d'une police conservatrice de la tranquillité, dévoilant et prévenant le désordre et les crimes. Mais tout homme craint une police de délation et d'intrigue. La première donne la sécurité aux honnêtes gens, la seconde les effraye et les éloigne du trône.

C'est donc du choix de ce ministre, de l'organisation de ce ministère, qui dépendra l'impulsion première et la plus importante de cette police et de l'opinion qu'elle imprimera au public.

La chose décidée il faudra combiner un travail, qui trop important pour être précipité, doit être le résultat de mûres réflexions d'essais et de la pratique même [1].

LVI.

Инструкція жандармскаго полка полковнику Бибикову.

Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію: утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе,—я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) Обратить особенное вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

3) Прежде нежели приступите къ обнаруженію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ, или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлію вашей должности должно быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и

[1] Записка эта относится къ январю 1826 года.

12-го апрѣля 1826 г. она была по высочайшему повелѣнію препровождена къ генералъ-адъютанту Дибичу и къ графу П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы по разсмотрѣніи возвратить въ собственныя его величества руки «съ мнѣніемъ вашимъ».

Библиотека "Руниверс"

дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварить въ томъ родителей или тѣхъ, отъ кого участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и возвести ихъ на путь истины, прежде нежели обнаружатся гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству; въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора. Сколько дѣлъ беззаконныхъ и безконечныхъ тяжебъ посредничествомъ вашимъ прекратиться можетъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества! На такомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно вѣрою и правдою, не могущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ; о таковыхъ имѣете доставлять ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія имъ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества—отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ. Вамъ теперь открыто ясно, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, отъ чего Боже сохрани, и чего я даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

Впрочемъ нѣтъ возможности наименовать случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей.

Подлинную подписалъ: генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Рожденіе великаго князя Николая Павловича. — Описаніе его внѣшности, сдѣланное императрицей Екатериной II.—Няня-англичанка, миссъ Лайонъ.—Надзирательница Ш. К. Ливенъ и гувернантка Ю. Ѳ. Аддербергъ.—Любовь императора Павла къ младшимъ сыновьямъ. — Графъ С. Р. Воронцовъ.—Воспитатель великаго князя Николая Павловича М. И. Ламздорфъ.—Кончина императора Павла.—Пристрастіе великаго князя Николая Павловича къ военному ремеслу. — Система его воспитанія. — Эпизоды изъ его дѣтской жизни.—Его характеръ.—Учебныя занятія.—Заботы императрицы Маріи Ѳеодоровны о младшихъ сыновьяхъ 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Поѣздка великихъ князей Николая и Михаила Павловичей за границу.—Назначеніе генералъ-адъютанта Коновницына сопровождать ихъ.—Великій князь въ Парижѣ.—Возвращеніе въ С.-Петербургъ черезъ Германію.—Знакомство великаго князя Николая Павловича съ будущей невѣстой.—Генералъ Опперманъ.—Вторичная поѣздка великихъ князей за границу.—Переписка императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Коновницынымъ.—Смотръ русской арміи при Вертю. — Помолвка великаго князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской.—Переписка императора Александра съ королемъ Прусскимъ.—Путешествіе великаго князя Николая Павловича по Россіи. — Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.—Путевой журналъ великаго князя.—Поѣздка въ Англію.—Наставительная записка графа Нессельроде.—Впечатлѣнія великаго князя Николая Павловича отъ поѣздки въ Англію.—Посѣщеніе Берлина 41

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Встрѣча великаго князя Николая Павловича съ невѣстой на русской границѣ.—Пріѣздъ принцессы Шарлотты въ С.-Петербургъ и впечатлѣніе, ею произведенное.—Воспоминанія ея объ этомъ времени.—Бракосочетаніе.—Разсказы, характеризующіе великаго князя Николая Павловича.—Прусскій генералъ Натцмеръ и его замѣтки о Россіи. — Взглядъ И. Ѳ. Паскевича и Д. В. Давыдова на состояніе русскихъ войскъ въ концѣ царствованія императора Александра. — Пребываніе великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Москвѣ. — Назначеніе великаго князя генералъ-инспекторомъ по инженерной части. — Рожденіе великаго князя Александра Николаевича.—Пріѣздъ въ Москву короля и наслѣднаго принца Прусскихъ. — Отъѣздъ двора въ С.-Петербургъ. — Семейная жизнь великаго князя Николая Павловича. — Первые намеки императора Александра о назначеніи его наслѣдникомъ престола. — Учрежденіе главнаго инженернаго

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

стран.

училища.—Командованіе великаго князя Николая Павловича первой гвардейской дивизіей.—Разводъ цесаревича Константина Павловича съ великой княгиней Анной Ѳеодоровной и женитьба на княгинѣ Ловичъ.—Мысли цесаревича о престолонаслѣдіи.—Переписка его по этому поводу съ императоромъ Александромъ.—Секретный актъ государя объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія.—Поѣздка великаго князя Николая Павловича въ Варшаву.—Его служебныя отношенія 83

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Маневры въ Брестѣ. — Болѣзнь императора Александра.—Бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича.—Назначеніе К. К. Мердера воспитателемъ великаго князя Александра Николаевича.—Поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны за границу.—Наводненіе въ С.-Петербургѣ въ ноябрѣ 1824 года.—Кончина генералъ-адъютанта Ѳ. П. Уварова. — Свѣдѣнія о распространеніи тайныхъ обществъ.—Разочарованіе и недовольство въ обществѣ.—Письма великаго князя Николая Павловича къ государю.—Назначеніе великаго князя командиромъ второй гвардейской дивизіи.—Варшавскій сеймъ.—Загадочныя дѣйствія императора Александра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. — Отъѣздъ его въ Таганрогъ 151

ГЛАВА ПЯТАЯ. Грузинская трагедія. — Первыя разоблаченія относительно тайныхъ обществъ. — Унтеръ-офицеръ Шервудъ. — Болѣзнь императора Александра.—Полученіе въ С.-Петербургѣ извѣстія о его кончинѣ.—Присяга великаго князя Николая Павловича императору Константину Павловичу. — Чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта. — Таинственный пакетъ.—Представленіе членовъ государственнаго совѣта великому князю и слова его къ нимъ.—Принесеніе имп присяги.—Объясненіе великаго князя съ государственнымъ секретаремъ Олениным.—Письма Николая Павловича къ братьямъ.—Показанія современниковъ о засѣданіи государственнаго совѣта. — Разсказъ графа Милорадовича о событіяхъ 27-го ноября 1825 года. — Принесеніе присяги императору Константину Павловичу въ Москвѣ 177

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Впечатлѣніе, произведенное кончиной императора Александра на цесаревича Константина Павловича.—Его рѣшеніе отказаться отъ престола.—Переписка по этому поводу между цесаревичемъ и великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.—Отказъ цесаревича пріѣхать въ С.-Петербургъ и издать манифестъ о своемъ отреченіи. — Затруднительное положеніе великаго князя Николая Павловича.—Пріѣздъ въ С.-Петербургъ изъ Варшавы великаго князя Михаила Павловича.—Отправка его обратно въ Варшаву. — Новыя осложненія.—Донесеніе Дибича и доносы Шервуда и Майбороды.—Первыя мѣропріятія относительно заговорщиковъ. — Рѣшеніе великаго князя Николая Павловича принять престолъ. — Составленіе манифеста по этому поводу.—Письмо подпоручика Ростовцева великому князю Николаю Павловичу.—Его объясненіе съ великимъ княземъ.—Секретное собраніе государственнаго совѣта.—Совѣщанія и рѣшенія членовъ тайнаго общества въ С.-Петербургѣ 213

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Принесеніе присяги императору Николаю Павловичу.—Событія 14-го декабря 1825 года.—Мятежъ и его подавленіе.—Смерть графа Милорадовича.—Положеніе Россіи при воцареніи императора Николая.—Письмо государя цесаревичу о мятежѣ.—Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны графу Кочубею.—Приказъ императора Николая по войскамъ.—Впечатлѣніе, произведенное на государя событіями 14-го декабря.—Письмо цесаревича императору Николаю Павловичу по случаю восшествія его на престолъ.—Ихъ дальнѣйшая переписка 281

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Присяга императору Николаю въ Москвѣ.—Присяга польской арміи.—Учрежденіе особаго комитета для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ.—Секретный указъ военному министру Татищеву. — Манифестъ 19-го декабря 1825 года.—Дѣятельность комитета. — Первый пріемъ императоромъ Николаемъ дипломатическаго корпуса. — Бесѣда государя съ французскимъ посломъ графомъ Лаферронэ.—Графъ Аракчеевъ.—Его увольненіе.—Награды и перемѣны въ день новаго года.—Посылка князя Меньшикова въ Персію.—Манифестъ 1-го января 1826 года.—Отсылка на Кавказъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ. — Дѣятельность Дибича по раскрытію злоумышленной организаціи.—Бунтъ Черниговскаго полка.—Вторичная бесѣда императора Николая съ графомъ Лаферронэ. — Учрежденіе слѣдственнаго комитета въ Варшавѣ.—Польскій вопросъ и взглядъ на него императора Николая.—Переписка его съ цесаревичемъ о польскихъ дѣлахъ. — Перевезеніе тѣла императора Александра изъ Таганрога въ Петербургъ.—Бесѣда императора Николая съ французскимъ чрезвычайнымъ посломъ, графомъ Сенъ-При. — Погребеніе тѣла императора Александра.—Восточный вопросъ.—Дипломатическіе переговоры.—Карамзинъ и отношенія къ нему императора Николая.—Кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны 323

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Слѣдствіе надъ декабристами.—Доносы.—Рескриптъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Докладъ слѣдственной комиссіи.—Мнѣнія о немъ нѣкоторыхъ декабристовъ.—Учрежденіе верховнаго уголовнаго суда.—Его дѣятельность.—Приговоръ надъ декабристами.—Шервудъ-Вѣрный.—Казнь пяти декабристовъ.—Приказъ по войскамъ 14-го іюля 1826 года.—Батенковъ.—Учрежденіе Второго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи.—Сперанскій.—Учрежденіе Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи.—Корпусъ жандармовъ. — Предписаніе графа Бенкендорфа поручику Шервуду-Вѣрному. — Закрытіе комитета, учрежденнаго 13-го января 1807 года.—Манифестъ 12-го мая 1826 года.—Заботы императора Николая о крестьянскомъ сословіи.—Учрежденіе особаго секретнаго комитета для пересмотра государственнаго устройства и управленія 433

ПРИМѢЧАНІЯ 473

ПРИЛОЖЕНІЯ 547

Библиотека "Руниверс"

ИЛЛЮСТРАЦІИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

Александръ Павловичъ, императоръ.

— Съ гравюры Одуена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Бурдономъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 57.

— Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 97.

— Съ гравюры Райта. Стр. 344.

Александръ Николаевичъ, цесаревичъ.

— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и императрицей Александрой Ѳеодоровной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 297.

— Съ портрета, писаннаго Доу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ) Стр. 329.

— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великой княжной Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 385.

Александра Ѳеодоровна, императрица.

— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 297.

— Съ портрета, писаннаго Гессе въ Берлинѣ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 369.

— Съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжной Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 385.

— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 67.

— Съ портрета Гебауера 1817 года. Стр. 71.

— Пріѣздъ ея въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Стр. 173.

Анна Ѳеодоровна, великая княгиня. Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 125.

Балугьянскій, Михаилъ Андреевичъ. Съ литографіи Мюнстера. Стр. 433.

Библиотека "Руниверс"

Басаргинъ, Николай Васильевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 453.

Батеньковъ, Гавріилъ Степановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1889 года. Стр. 465.

Бенкендорфъ, графъ, Александръ Христофоровичъ. Съ литографіи Поля. Стр. 439.

Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ (декабристъ). Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ «Русской Старинѣ» 1896 года. Стр. 361.

Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій). Съ портрета, рисованнаго акварелью и принадлежащаго П. Я. Дашкову. Стр. 367.

Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1898 года. Стр. 289.

Бригенъ, Александръ Ѳедоровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 457.

Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ. Стр. 95.

Вильгельмъ, принцъ Прусскій. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Unser Heldenkaiser», изд. въ 1896 г. въ Берлинѣ. Стр. 86.

Вонновъ, Александръ Львовичъ. Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 181.

Волконскій, князь, Петръ Михайловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 43.

Волконскій, князь, Сергѣй Григорьевичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ». Стр. 385.

Воронцовъ, графъ, Семенъ Романовичъ. Съ рѣдкаго карандашнаго рисунка того времени. Стр. 17.

Воронцовъ, графъ, Михаилъ Семеновичъ. Съ гравированнаго портрета Райта. Стр. 335.

Георгъ, принцъ-регентъ англійскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 57.

Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ. Съ гравированнаго портрета Аѳанасьева. Стр. 413.

Голенищевъ-Кутузовъ, Петръ Васильевичъ. Съ литографіи Клюквина. Стр. 51.

Голицынъ, князь, Александръ Николаевичъ. Съ портрета, писаннаго Брюловымъ и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Стр. 141.

Голицынъ, князь, Дмитрій Владимировичъ. Съ литографіи прошлаго столѣтія Поля. Стр. 275.

Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 461.

Дибичъ, баронъ, Иванъ Ивановичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 209.

Евгеній, принцъ Виртембергскій. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 201.

Екатерина II, императрица. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи въ 1794 году. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Елена Павловна, великая княгиня. Съ литографіи Погонкина. Стр. 157.

Елисавета Алексѣевна, императрица.

— Съ гравюры Карделли, сдѣланной съ портрета, писаннаго Рейхелемъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 73.
— Съ гравюры Райта. Стр. 345.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ. Съ гравированнаго портрета Уткина. Стр. 283.

Каховскій, Петръ Андреевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 357.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Крюгера. Стр. 305.

Клейнмихель, Петръ Андреевичъ. Съ литографіи Поля. Стр. 39.

Коновницынъ, Петръ Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 35.

Константинъ Павловичъ, великій князь.

— Съ миніатюры, принадлежащей его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Стр. 121.
— Съ гравюры, изданной въ 1825 году съ подписью: «Его величество императоръ Константинъ Павловичъ». Стр. 205.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ. Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 257.

Ламздорфъ, графъ, Матвѣй Ивановичъ.

— Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламздорфу. Стр. 24.
— Съ портрета, принадлежащаго графу Константину Николаевичу Ламздорфу. Стр. 25.

Ланской, Василій Сергѣевичъ. Съ портрета масляными красками. Стр. 351.

Лаферронэ, графъ. Съ портрета, приложеннаго къ его «Воспоминаніямъ». Стр. 293.

Ливенъ, графиня, Шарлотта Карловна. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 9.

Ловичъ, княгиня. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года. Стр. 129

Лопухинъ, князь, Петръ Васильевичъ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго. Стр. 189.

Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 401.

Марія Ѳеодоровна, императрица.

— Съ гравированнаго портрета Карделли. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ) Стр. 41.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 5.

Марія Николаевна, великая княжна.

— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 385.

Библиотека "Руниверс"

Меншиковъ, князь, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета, съ натуры, на камнѣ Эстерейна. Стр. 299.

Мердеръ, Карлъ Карловичъ. Съ литографіи Мюнстера. Стр. 167.

Милорадовичъ, графъ, Михаилъ Андреевичъ.

— Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 197.
— Нанесеніе ему смертельной раны 14-го декабря 1825 года. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 449.

Михаилъ Павловичъ, великій князь.

— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Стр. 13.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 89.
— Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 153.

Мордвиновъ, графъ, Николай Семеновичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 425.

Муравьевъ, Артамонъ Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 377.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 371.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 313.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергій Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 311.

Натцмеръ, прусскій генералъ. Съ портрета, приложеннаго къ его біографіи, изданной въ 1876 году въ Берлинѣ. Стр. 61.

Нессельроде, Карлъ Васильевичъ. Съ рѣдкой литографіи прошлаго столѣтія. Стр. 55.

Николай Павловичъ, императоръ.

— Съ акварели, рисованной съ натуры Рокштулемъ въ 1821 году. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ въ началѣ книги). Стр. 1.
— Въ кабріолетѣ вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной. Съ гравюры начала прошлаго столѣтія. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 113.
— Въ костюмѣ Алариса, царя бухарскаго. Изъ рѣдкаго изданія «Lalla Roukh. Divertissement exécuté au château royal de Berlin le 27 Janvier 1821». (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 137.
— Съ гравюры Робинзона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 273.
— Съ польской литографіи 1825 года. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 289.
— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 297.
— Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ, по копіи, сдѣланной проф. Швабомъ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 353.
— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Стр. 12.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Стр. 65.
— На Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Съ литографіи Рябцова сдѣланной съ рисунка В. Садовникова. Стр. 261.
— Съ гравированнаго портрета Годара. Стр. 269.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Новосильцевъ, Николай Николаевичъ. Съ портрета Каневскаго, 1832 года. Стр. 217.

Оболенскій, князь, Евгеній Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 241.

Одоевскій, князь, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1886 года. Стр. 397.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ. Съ гравюры Уткина. Стр. 193.

Ошерманъ, графъ, Карлъ Ивановичъ. Съ рисунка съ натуры Киля. Стр. 33.

Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года. Стр. 391.

Орловъ, Алексѣй Ѳедоровичъ. Съ гравюры Вендрамини. Стр. 249.

Орловъ-Денисовъ, графъ, Василій Васильевичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 321.

Павелъ I, императоръ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной по рисунку Аткинсона. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 33.

Пановъ, Николай Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 253.

Паскевичъ, Иванъ Ѳедоровичъ. Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Реймерса. Стр. 43.

Пестель, Павелъ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Стр. 441.

Поццо-ди-Борго, графъ. Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія. Стр. 329.

Рибопьеръ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ акварели Брюлова 1829 года. Стр. 341.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры на камнѣ Клемомъ. Стр. 227.

Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ. Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 233.

Сакенъ, графъ, Фабіанъ Вильгельмовичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 303.

Свистуновъ, Петръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 445.

Сиверсъ, графъ, Егоръ Карловичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 91.

Сперанскій, графъ, Михаилъ Михаиловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 221.

Сутгофъ, Александръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 449.

Трубецкой, князь, Сергѣй Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 237.

Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ. Съ литографіи Клюквина. Стр. 101.

Филаретъ, митрополитъ московскій. Съ гравированнаго портрета Пожалостина. Стр. 137.

Фридрихъ-Вильгельмъ, король Прусскій.

— Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 97.

— Съ портрета изъ «Исторической портретной галлереи», изданной Брукманомъ. Стр. 49.

Библиотека "Руниверс"

Шервудъ-Вѣрный, Иванъ Васильевичъ. Съ фотографіи, принадлежащей его дочери. Стр. 185.

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Стр. 245.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Виньетка къ «Полярной Звѣздѣ», 1861 года, изданной Герценомъ, съ портретами пяти декабристовъ. (Факсимиле). Стр. 407.

Лицей Царскосельскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 29.

Нанесеніе графу Милорадовичу смертельной раны 14-го декабря 1825 года. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 449.

Народная сцена въ окрестностяхъ С.-Петербурга, въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 133.

Петербургъ.

— Аничковскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Стр. 73.
— Тотъ же дворецъ и Невскій проспектъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры того времени. Стр. 77.
— Елагинскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ акватинты Мартенса (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 169.
— Зимній дворецъ и Дворцовая набережная въ 1806 году. Съ гравюры Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 401.
— Калинкинскій пивоваренный заводъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 115.
— Литовскій замокъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 97.
— Михайловскій замокъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 281.
— Мраморный дворецъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 265.
— Мясной рынокъ въ 1794 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 92.
— Набережная рѣки Фонтанки у Калинкина моста въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 105.
— Симеоновскій мостъ и Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры Иванова. Стр. 161.
— Сытный рынокъ въ 1801 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Стр. 145.

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ. Съ картины, принадлежащей графу Граббе. Стр. 317.

Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Стр. 173.

Пріѣздъ короля Прусскаго для встрѣчи великаго князя Николая Павловича въ Варнемюнде, въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Стр. 171.

Типы солдатъ въ концѣ царствованія Александра I. Съ рисунка того времени. Стр. 107

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Форма русскихъ войскъ:

— Кондукторъ главнаго инженернаго училища и солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 81.

— Офицеръ Гренадерскаго корпуса. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 89.

— Офицеръ роты главнаго инженернаго училища и офицеръ лейбъ-гвардіи Саперная баталіона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 104.

— Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1800 году. Съ литографіи Поля сдѣланной съ рисунка Пиратскаго. Стр. 109.

— Форма того же полка въ 1818 году. Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Пиратскаго. Стр. 113.

Четырнадцатое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ. Съ фототипіи, приложенной къ «Русскому Архиву» 1893 года. (Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ). Стр. 265.

Автографы.

I.

Манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Павловича.

Божіею милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица

Всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Въ 25-й день іюня наша любезная невѣстка Великая Княгиня разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ внука, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ сына, нареченнаго Николаемъ.

Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемлемъ мы вящшимъ залогомъ благодати Всевышняго, на Насъ и Нашу Имперію обильно изливаемой, и потому, возвѣщая о семъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ Нами усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ новорожденнаго и преуспѣяніи во всемъ, что къ расширенію славы Дома Нашего и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, писать и именовать сего любезнаго Намъ внука Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ. Данъ въ Царскомъ Селѣ Іюля 6-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1796-е, Царствованій же Нашихъ Всероссійскаго въ тридесять пятое и Таврическаго въ третіенадесять.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 9 дня 1796 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

Библиотека "Руниверс"

II.

Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на русскомъ языкѣ.

Любезная Маминька!

Въ Понедѣльникъ 30-го въ урокѣ россійсской исторіи читали мы въ Елагинѣ описаніе первобытнаго правленія Россіи. Онъ полагаетъ, что Гостомыслъ былъ сынъ К. Боривоя и что они произходили отъ рода вандальскихъ Князей; у Гостомысла были 4 сына, кои всѣ прежде его умерли; и три дочери, изъ коихъ вторая Умила была замужемъ за варягорусскимъ Княземъ. Когда Гостомыслъ почувствовалъ приближающуюся кончину свою, то съ согласія всѣхъ народовъ, подъ управленіемъ его бывшихъ, какъ-то: Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей, и Дрягвичей, призвалъ сына Умилы и своего внука Рурика съ братьями, Синеусомъ и Труворомъ, изъ коихъ первый ему и послѣдовалъ въ Княженіи; но—Вадимъ, сынъ старшей дочери Гостомысловой, бывшей уповательно въ супружествѣ за Княземъ произхожденія Славянскаго, мужъ хитрый, храбрый и сварливый, думая имѣть болѣе права на первенство, старался препятствовать Рурику вступить въ настоящее управленіе Новагорода и земли Славянорускоѣ, что не прежде воспоследовало какъ по усмиреніи всѣхъ мятежей и безпокойствъ и со смертію Вадима, въ 862-мъ году по Рождествѣ Христовѣ.

Во Вторникъ въ Артиллерійсскомъ урокѣ говорено было о разныхъ разстояніяхъ на коихъ удобно дѣствовать можно изъ орудій разными снарядами.—

Николай.—

Се 3-го Генваря,
1813-го.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 81).

III.

Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на французскомъ языкѣ.

Chère Maman!

Jeudi dans la leçon d'art militaire j'ai continué à lire les principes de la stratégie dans Rocheaymon. Dans la leçon de Morale il était question de la précaution qu'il faut employer dans notre conduite pour éviter tout ce qut peut scandaliser les autres. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon Grecque j'ai lu des maximes morales tirées du livre élementaire de Jacobs.

Vendredi dans la leçon de physique M-r Vohlgemouth nous a montré et expliqué la fontaine de compression, et une machine pour montrer les angles de vision. Dans la leçon d'histoire d'Allemagne on m'a entretenu du règne d'Othon II, dont le commencement fut troublé par la revolte d'Henri le Querelleur, Duc de Bavière. Après-midi j'ai dessiné; puis dans la leçon allemande nous avons fini la lecture du bonhomme Richard.

Samedi dans la leçon d'histoire d'Allemagne M-r Dupuget a continué le tableau du règne d'Othon II; j'y ai vu avec indignation la perfidie dont il usa envers les principaux habitants de Rome.—Dans la leçon d'art militaire j'ai lû dans Rocheaymon les différents

Библиотека "Руниверс"

cas où il est permis de livrer bataille.—Après-midi dans la leçon de M-r Dupuget j'ai continué à répéter l'histoire d'Angleterre.—Dans la leçon latine nous avons fini la lecture de la description du Colisée, d'après les antiquités de Nieuport.

Nicolas.

Ce 5-r Janvier,
1813.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 89).

IV.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу.

Den 15-ten Juni 1815.

Lieber Herzens Papa Lamsdorf: Ihre glückliche Ankunft, ihre brüderliche Aufnahme und die warme Erkenntlichkeit die ihnen der Kaiser bewiesen hat, freuet mich über alle massen; sein sie gewiss lieber Papa, das jede Seele die Gefühl hat warmen Antheil an die Auszeichnung nimmt die ihnen mein Sohn bewiesen hat. Sie haben sie für Gott u. Menschen verdient; meine Mütterliche Seele saget Dank an meinem Sohn und hat diese Nachricht mit Rührung empfangen, auf welche innige Freude gefolgt ist: Alles wäre auf's beste in die jetzige Lage, wenn ich ihnen lieber Papa nicht unpass wüsste: der Kaiser versichert mir das sie schon besser wären, aber ihr Brief beweiset mir das sie leiden, und äustiget mir: Gott gebe das Ruhe ihnen baldige Genesung gebe: der Kaiser scheint sehr zufrieden zu sein und rühmt mir meine Kinder: mit inniger Freude sehe ich dass er sie herzlich liebet, sie sindt es aber auch werth: der Gedanken sie von ihnen bald getrennt zu wissen betrübet mir, wie eine zweite Trennung von mir: Geben sie ihnen ihren väterlichen Seegen, und schreiben sie ihnen oefter wie sie es gewiss auch thun werden; mit Gottes Hülfe wird die Trennung nicht von langer Zeit [1] sein: Alle Menschen hoffen das der Krieg nicht von Dauer seyn wird. Gott wolle es, und erspaare das Blut vergiessen: die Gnaden bezeug wegen, die die Cavaliere bekommen haben, freuen mir sehr; ich bitte ihnen es ihnen zu sagen: wegen den guten Rühl habe ich den Kaiser geschrieben, der gewiss gnädig sein wirdt: ich weis nicht durch welchen Zufall die Briefe von meine Kinder mir nicht zugekommen sindt da ich doch den ihrigen lieber Papa bekommen haben: vielleicht hat derjenige an welchem sie sie abgegeben haben vergessen sie zu bestellen, ich habe es ihnen geschrieben: Adieu lieber Papa, Gott erhalte ihnen, segne sie tausendfältig für das Gute, was sie an meine Kinder thuen, u. gethan haben; vergessen sie mir nicht, u. seien sie versichert das ich stets bin

Ihre wahre erkentliche
Freundinen
Maria.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 105).

V.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ цесаревичу Константину Павловичу.

Petersbourg. Le 29 Juillet. 1818.

J'ai mille et mille grace à vous rendre cher et bon Constantin pour la bonté que vous avez eu de vous rappeler de ma priere pour les tschakos, que jai ressus avec bien grand plaisir; ils sont tous deux parfaitement bien fait.—De même vous avez eu l'amabilité de

[1] Dauer вычеркнуто.

Библиотека "Руниверс"

remplir la comission de ma femme pour des souillet qui lui vont a merveille; vous lui avez fait grandissime plaisir par la; elle tient bocoup a votre amitié, dont elle a eu tant de preuves pendant notre court sejour a Moscou.

Debarassés en fin tout deux de la peste, moi je suis devenu brigadier, et comence demain mes fonctions a un exercice de ligne dant notre bourbier a Smolenskoe pole; je tacherais de merité les bontés de l'Empereur et la confiance qu'il veut bien me temoigner; — et comme vous êtes notre chef a tous je desir pouvoir meriter avec ma brigade quelque regard indulgent quand vous viendrez nous voir. Je desir que mes moyens puissent corespondre a mon zele.

Mon petit garde toujours une grande ressemblance avec vous, et devient vraiment gentil; reste seul assis dans la caleche et bavarde bocoup; — peut etre pourraije bientot vous anoncer l'arrivée d'un second recrue; dumoins je ne perds pas mon temps.

Adieu cher et bon Constantin, tout a vous pour la vie et de coeur et d'ame

Nicolas.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 129).

VI.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Милостивый Государь мой

Князь Дмитрій Ивановичъ!

Тотъ что будетъ честь имѣть вручить вамъ сіе письмо есть тотъ самый полковникъ Ермолаевъ, коего дѣло препровождено къ вамъ Государемъ Императоромъ для рѣшенія не въ очередь. Знаю и уважаю сего офицера какъ достойнаго весьма штабъ-офицера, беру на себя смѣлость просить васъ не оставить его безъ своего покровительства, чемъ вы меня особенно обяжете.

Прошу васъ быть увѣренны въ истинномъ моемъ почтеніи

Николай.

19 марта
1820-го.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 161).

VII.

Объявленіе о кончинѣ императора Александра Перваго и присягѣ императору Константину Павловичу, напечатанное въ «Русскомъ Инвалидѣ» 29-го ноября 1825 года.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

или

ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 284.

Воскресенье, Ноября 29-го дня, 1825-го года.

Внутреннія Извѣстія.

Санктпетербургъ, 27-го Ноября Божественное Провидѣніе по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ поразило Россійскую Имперію такимъ несчастіемъ, котораго нельзя выразить. Фельдъегерь, прибывшій сюда изъ Таганрога 27-го сего мѣсяца, привезъ го-

Библиотека "Руниверс"

рестное извѣстіе о кончинѣ Его Величества Императора Александра. Узнавъ о семъ неожиданномъ бѣдствіи, Высочайшіе Члены Императорской Фамиліи, Государственный Совѣтъ, Министры, собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ первый Его Высочество Великій Князь Николай Павловичъ, а за нимъ всѣ Чиновники, тутъ находившіеся, также какъ всѣ полки Императорской Гвардіи присягнули въ вѣрности и подданствѣ Его Величеству Императору Константину I.

Печатать дозволяется: С.-Петербургъ, Ноября 26-го 1825 дня, года. Цензоръ А. Бируковъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 185).

VIII.

Прибавленіе къ №. 145 «Сѣверной Пчелы».

С.-Петербургъ, 3 Декабря.

3 Декабря, 10 часовъ утра. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила почивать въ прошедшую ночь хорошо, и чувствуетъ себя лучше вчерашняго дня.

Ея Величество Государыня Императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ Ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти Императора Александра Павловича.

Его Величество Государь Императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи.

С. П. б. въ тип. Греча. — Печатать позволено. Декабря 3, 1825. Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. А. Красовскій.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 209).

IX.

Клятвенное обѣщаніе.

Я нижеимянованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Константину Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ

Библиотека "Руниверс"

и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ Чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества-подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 225).

X.

Подорожная по указу императора Константина Павловича.

По указу Его Величества Государя Императора

КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,

Самодержца Всероссійскаго,

и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Санктпетербурга до Таганрога, Флигель-Адьютанту Его Императорскаго Величества, Господину Полковнику и Кавалеру Шкурину 2-му отправленному по самонужнѣйшей казенной надобности, съ будущимъ изъ почтовыхъ давать по три лошади съ проводникомъ, за указные прогоны безъ задержанія.

Въ Санктпетербургѣ
1825-го года.
Декабря 7-го дня.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Генералъ отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и Комитета Гг. Министровъ, С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частію; всѣхъ Россійскихъ, Прусскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ и двухъ золотыхъ шпагъ украшенныхъ алмазами: одной съ надписью за храбрость и за спасеніе Букареста, а другой съ лаврами, кавалеръ

Милорадовичъ.

№ 3771.

(Мѣсто печати).
Съ сей подорожной за
верст руб
коп взято
Казначей

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 249).

Библиотека "Руниверс"

XI.

Письмо графа П. Х. Витгенштейна П. И. Пестелю.

1 fevrier 1816.

Je vous suis tres reconnaissant mon cher ami pour la lettre obligente que vous m'avez ecrite. Je vous joint cette incluse pour le Comte Аракчеевъ que je vous prirai de remettre vous meme. Vous souhaitant un prompt retablissement de votre santé je suis pour toujour.

Votre devoué Witgenstein.

Je vous prie faite bien des compliments a Monsieur votre Pere.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 313).

XII.

Письмо барона К. Ѳ. Толя генералу Красовскому.

пол. 4 Генваря 1826.

Милостивый Государь

Афанасій Ивановичь!

Г. Главнокомандующій съ крайнимъ неудовольствіемъ читалъ донесеніе г. Корпуснаго Командира о произшествіи въ Васильковѣ; и ожидалъ съ донесеніемъ объ ономъ узнать въ то же время что оному произшествію рѣшительными мѣрами положенъ конецъ, напротивъ того изъ рапорта Корпуснаго Командира видны только распоряженія а отнюдь не то чтобы войска выступили немедленно укротить бунтовщиковъ. Въ подобныхъ важныхъ случаяхъ надобно пользоваться временемъ и какого бы корпуса войска ни были употребить ихъ немедленно въ дѣло.

Господинъ Главнокомандующій ожидаетъ что силою оружія вы поспѣшите уничтожить зло въ своемъ началѣ и съ первымъ курьеромъ донесете ему объ прекращеніи всѣхъ безпорядковъ.

Ген. Маі. Графъ Ностицъ отправился сейчасъ въ Нѣжинъ а оттуда въ Прилуки дабы вести форсированнымъ маршемъ Нарвскій драгунскій полкъ на соединеніе къ Корпусному Командиру. Если по полученіи сего все уже прекратилось и надобности въ кавалеріи нѣтъ то пошлите на встрѣчу полку воротить оный на квартиры.

Я еще повторяю что сила оружія должна быть употреблена безъ всякихъ переговоровъ: произшествіе 14 числа въ Петербургѣ коему я былъ свидѣтель лучшимъ служитъ для насъ примѣромъ.

вашъ слуга покорный

баронъ К: Толь.

2 числа Генваря 1826,
въ 9 часовъ по полудни.

Г. Главнокомандующій ожидаетъ ежедневныхъ отъ васъ курьеровъ которыхъ отправляйте каждый вечеръ въ Могилевъ по тѣхъ поръ пока не присягнутъ всѣ войска Государю Николаю Павловичу и не прекратятся всѣ безпорядки. Сей послѣдній пунктъ прошу довести до свѣденія Г. Корпуснаго Командира.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 337).

Библиотека "Руниверс"

XIII.

Письмо И. И. Дибича цесаревичу Константину Павловичу

Monseigneur.

J'ai l'honneur de presenter a Votre Altesse Imperiale les premiers violations du sous-lieutenant Bestousheff, il faut esperer que les questions qu'on lui fera dans le comité même jetterons plus de lumiere sur les afiliations que ces traitres paroissent avoir eu aussi dans les provinces Polonaises ses premieres demandes faites par le general Lewacheff tout de suite après l'envoie du criminel servent apres de base dans la suite des questions qu'on leur fait malheureusement le nombre des coupables augmente; mais en revanche les complices ne paraissent pas encore avoir eu aucune influence reelle sur la trouppe. Sa Majesté l'Empereur a l'intation d'envoyer demain un feldjeger a Votre Altesse Imperiale et pour cette raison Sa Majesté n'envoye pas Sa lettre par cette estafette ordinaire.

Daignez Monseigneur aggrées les sentiments de la plus profonde estime et de l'entier devoument avec les quels j'ai le bonheur d'etre

Monseigneur
de Votre Altesse Imperiale
le tres humble et tres obeissant serviteur
J. Diebitch.

St. Petersbourg
ce 20 Janvier
1826.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 417).

XIV.

Объявленіе о розыскѣ В. К. Кюхельбекера.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію Полиціи отыскивается здѣсь Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ который примѣтами: росту высокаго, сухощавъ, глаза навыкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривиться, бакенбарды не ростутъ; борода мало заростаетъ, сутуловатъ и ходитъ не много искривившись; говоритъ протяжно, отъ роду ему около 30-ти лѣтъ.—Почему поставляется въ непремѣнную обязанность всѣмъ хозяевамъ домовъ и управляющимъ оными, что естьли такихъ примѣтъ человѣкъ у кого окажется проживающимъ или явится къ кому либо на ночлегъ, тотъ часъ представить его въ Полицію; въ противномъ случаѣ съ укрывателями поступлено будетъ по всей строгости законовъ.

Декабря 30 дня
1825 года.

С.-Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ Шульгинъ 1.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 457).

Библиотека "Руниверс"

XV.

Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ женѣ одного изъ декабристовъ.

Madame.

J'ai eu l'honneur de montrer la lettre que vous avez bien voulue me confier; Sa Majesté l'Empereur m'a chargé, de vous prévenir, que vous aviêz l'entiere permission de joindre votre epoux a l'endroit de sa destination.

En m'acquittant de cette comission j'ai l'honneur d'etre

Madame
votre tres humble et
tres obeissant serviteur
A. Benckendorf.

Moscou
le 26 Aout
1826.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 464).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

—o—

Н. К. ШИЛЬДЕРА

—o—

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

—o—

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Библиотека "Руниверс"

Рисунки дозволены цензурою 31-го октября 1903 г. С.-Петербургъ

—

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, великій князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, цесаревичъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, князь П. М. ВОЛКОНСКІЙ и графъ А. Х. БЕНКЕНДОРФЪ.

Съ портрета писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевской залѣ Зимняго дворца.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Немедленно по окончаніи процесса декабристовъ дворъ переселился въ Москву.

Императрица Марія Ѳеодоровна уже со времени кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны жила въ Москвѣ, гдѣ, по словамъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «благотворительной ея душѣ открывался кругъ дѣйствія не менѣе обширный, чѣмъ въ Петербургѣ». Императоръ Николай прибылъ въ Петровскій дворецъ 20-го іюля (1-го августа). Торжественный въѣздъ въ Москву послѣдовалъ 24-го іюля (5-го августа). Государь былъ верхомъ; за нимъ слѣдовали въ каретахъ обѣ императрицы и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Къ предстоявшей коронаціи явились также въ первопрестольную столицу чрезвычайные представители иностранныхъ державъ. Ранѣе прочихъ, еще весною, прибылъ въ Петербургъ чрезвычайный посолъ Карла X, маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, въ сопровожденіи большой военной свиты. О немъ императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Il me paraît un franc soldat et tout à fait facile à vivre; du moins il ne me gêne point»[1]. Представителемъ Пруссіи былъ братъ императрицы, принцъ Карлъ Прусскій, Австріи — принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Англіи — герцогъ Девонширскій, Швеціи и Норвегіи — фельдмаршалъ графъ Стедингъ[2].

Слабость, ощущаемая императрицею Александрой Ѳеодоровной, по пріѣздѣ въ Москву заставила отнести коронованіе къ концу поста; для укрѣпленія ея здоровья государь съ семьею поселился въ Нескучномъ, на дачѣ графини А. А. Орловой-Чесменской[3].

Къ пріѣзду двора въ Москву собраны были на Ходынскомъ полѣ сводныя войска гвардейскаго[4] и гренадерскаго корпусовъ: государь

Библиотека "Руниверс"

производилъ частые смотры и ученья, на которыхъ присутствовали иностранные гости. «Мармонъ,— сообщалъ императоръ Николай цесаревичу, — сравниваетъ эти войска съ состояніемъ французскихъ войскъ въ Булонскомъ лагерѣ. На смотру мой маленькій молодецъ ѣхалъ рысью и галопомъ на правомъ флангѣ дивизіона своего полка, все какъ слѣдуетъ, къ великому удовольствію отца и зрителей» [5].

Маршалъ Мармонъ, вспоминая въ своихъ запискахъ о московскомъ смотрѣ, высказываетъ удивленіе по поводу смѣлости и искусства, обнаруженныхъ во время смотра восьмилѣтнимъ наслѣдникомъ. Императоръ Николай, смотря на своего сына съ выраженіемъ самой нѣжной заботливости, обратился къ герцогу съ словами: «Вы полагаете, что я испытываю волненіе и безпокойство, видя этого столь дорогого мнѣ ребенка среди подобной сутолоки; но я предпочитаю покориться этому, чтобы выработать въ немъ характеръ и съ малолѣтства пріучить его быть чѣмъ нибудь, благодаря самому себѣ» [6].

«Вотъ что можно назвать хорошими началами воспитанія, — замѣчаетъ Мармонъ,—а когда они примѣняются къ воспитанію человѣка, предназначеннаго быть главою великой націи, отъ этого должно ожидать наилучшихъ послѣдствій».

Изъ приведенныхъ уже ранѣе различныхъ отзывовъ, извлеченныхъ изъ писемъ цесаревича, видно было, съ какимъ упорствомъ и съ какою настойчивостію Константинъ Павловичъ отклонялъ малѣйшій намекъ государя на желательное, въ видахъ успокоенія умовъ, появленіе его въ Петербургѣ. Ссылаясь на недавній мятежъ, цесаревичъ признавалъ для себя невозможнымъ покинуть Варшаву.

Если уже государю не удалось привлечь Константина Павловича въ Петербургъ, то оставалось желать, чтобы при предстоявшемъ въ Москвѣ коронованіи присутствовалъ также цесаревичъ. Императоръ Николай не рѣшался, однако, облечь это желаніе въ форму просьбы, а еще менѣе придать своей мысли оттѣнокъ положительной воли.

Зимою 1826 года, въ Петербургъ прибылъ министръ финансовъ царства Польскаго, князь Любецкій, сопровождавшій польскую депутацію, явившуюся привѣтствовать воцарившагося императора. При прощаніи съ Любецкимъ государь выразилъ желаніе скорѣе увидѣться съ братомъ. Тогда, по разсказу князя Любецкаго, онъ осмѣлился замѣтить:

— «Государь, нужно, чтобы цесаревичъ прибылъ на коронацію въ Москву; нужно, чтобы тотъ, который уступилъ вамъ корону, явился возложить ее на васъ предъ лицемъ Россіи и Европы. (Sire, il faut qu'il arrive pour le couronnement à Moscou; il faut que celui qui vous a cédé la couronne vienne aussi vous la mettre à la face de la Russie et de l'Europe)».

Послѣ этихъ словъ Любецкаго разговоръ продолжался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ литографіи Шмидта).

Библиотека "Руниверс"

— «Это невыполнимо и въ особенности невѣроятно. (La chose est infaisable et surtout improbable).

— «Это осуществится, государь. (Elle se fera, Sire).

— «Во всякомъ случаѣ, по пріѣздѣ въ Варшаву, отправьтесь къ княгинѣ Ловичъ поцѣловать ей ручки отъ моего имени. (En tout cas arrivé à Varsovie, allez baiser les mains à la princesse Lowicz)» [7].

Князь Любецкій понялъ этотъ намекъ и, по возвращеніи въ Варшаву, обратился по этому дѣлу прямо къ княгинѣ Ловичъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на цесаревича, княгиня сумѣла убѣдить великаго князя въ необходимости своимъ появленіемъ въ Москвѣ обрадовать государя и успокоить Россію.

Передъ отъѣздомъ въ Москву императоръ Николай въ своей перепискѣ съ цесаревичемъ осторожно намекалъ насчетъ своихъ задушевныхъ желаній.

«Я надѣюсь, съ Божіею помощью, — писалъ государь, — быть въ Москвѣ 22-го іюля; итакъ, вы освѣдомлены о моихъ планахъ столько же, сколько я самъ. Я не скрываю отъ васъ, что я буду очень счастливъ увидѣть васъ; если это невозможно, я покоряюсь судьбѣ, разъ очевидно такова воля Божія» [8].

Находясь въ Москвѣ и не получая отвѣта на высказанное желаніе, императоръ Николай пересталъ уже разсчитывать на возможность свиданія съ братомъ, какъ вдругъ 14-го (26-го) августа, въ 11-ть часовъ утра, цесаревичъ совершенно неожиданно подъѣхалъ въ Кремлѣ къ дворцу, занимаемому государемъ [9]. Очевидцы разсказываютъ, что императоръ Николай въ это время занимался въ своемъ кабинетѣ. Цесаревичъ, войдя въ смежную съ нимъ комнату, приказалъ доложить о себѣ. Государю доложили о прибытіи великаго князя безъ упоминанія титула цесаревича и имени. Николай Павловичъ полагая, что пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, велѣлъ подождать. Спустя нѣсколько минутъ, другой, болѣе догадливый камердинеръ доложилъ его величеству, что это — не Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Тогда государь опрометью кинулся навстрѣчу и въ объятія брата, объяснивъ причину не совсѣмъ почтительнаго пріема. Тотчасъ же оба брата поѣхали къ императрицѣ-матери [10].

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, упоминая объ этомъ событіи въ своихъ запискахъ, пишетъ:

«Появленіе цесаревича было блестящимъ всенароднымъ свидѣтельствомъ и покорности его новому государю и добросовѣстности его отреченія отъ престола, было вмѣстѣ и драгоцѣннымъ залогомъ согласія, связывавшаго ко благу имперіи всѣхъ членовъ царственнаго ея дома. Публика была въ восторгѣ, а дипломатическій корпусъ пришелъ въ совершенное удивленіе. Народъ выражалъ цесаревичу свое удовольствіе

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ Крюгеромъ. Изъ собранія П. Я. Дашкова)

Библиотека "Руниверс"

единодушными кликами; сановники окружали его знаками почтительшаго благоговѣнія».

По свидѣтельству Дивова, записанному въ его дневникѣ, извѣстіе о прибытіи цесаревича Константина Павловича въ Москву произвело большую сенсацію въ благомыслящей части общества. «Въ извѣстіяхъ изъ Москвы описываютъ, что свиданіе императора съ его братомъ Константиномъ было очень трогательно. Ихъ объятія, ихъ волненіе въ присутствіи придворныхъ придали этому неожиданному свиданію нѣкоторый оттѣнокъ сентиментализма, который передать трудно».

Цесаревичъ надѣялся пробыть въ Москвѣ не долго, но расчеты его не оправдались, и ему пришлось прожить въ столицѣ до 22-го августа, дня, назначеннаго для коронованія. До наступленія этого торжества его развлекали разводами и маневрами, происходившими въ окрестностяхъ Москвы.

На разводѣ 15-го августа, когда государь вышелъ изъ кремлевскаго дворца съ обоими братьями, толпа народа пришла въ неописанный восторгъ, бросала вверхъ шапки, раздавались громкіе крики, въ которыхъ смѣшивались имена Николая Павловича и цесаревича. Императоръ подалъ знакъ, и войско крикнуло: «Ура! Константинъ Павловичъ!»

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней крики возобновлялись всякій разъ, когда цесаревичъ показывался въ публикѣ; народъ окружалъ его экипажъ; если онъ ѣхалъ верхомъ, то ему было трудно пробираться сквозь толпу, которая восторженно привѣтствовала его.

II.

22-го августа (3-го сентября) 1826 года, состоялась наконецъ давно ожидаемая коронація императора Николая Павловича. Ясное безоблачное небо благопріятствовало торжеству; солнце сіяло во всемъ блескѣ.

Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ при содѣйствіи кіевскаго митрополита Евгенія и московскаго архіепископа Филарета, возведеннаго въ этотъ день въ санъ митрополита. Во время обряда коронованія ассистентами государя были цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

На паперти Успенскаго собора Филаретъ произнесъ рѣчь, тронувшую до слезъ монарха[11].

Въ рѣчи митрополита особенно выдѣляется слѣдующее мѣсто, касавшееся тяжкихъ событій послѣдняго времени:

«Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто ты умедлилъ? если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе твое намъ радость, такъ и предшествовавшее

Библиотека "Руниверс"

умедленіе твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ ты явить намъ твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, яко царь не только наслѣдственнаго твоего, но и тобою сохраненнаго царства. Не возмущаютъ ли при семъ духа твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семею; не диво, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы, а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву. Что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона! Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ. Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости твоей и нашей».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Во время священнаго обряда и утомительныхъ его церемоній цесаревичъ тронулъ всѣхъ нѣжною попечительностію объ императрицѣ; а минута, въ которую старшій братъ принялъ шпагу отъ младшаго, приступившаго къ св. причастію, извлекла у всѣхъ слезы. При выходѣ изъ церкви безподобное лицо государя подъ драгоцѣнными камнями императорской короны сіяло красотою. Молодая императрица и наслѣдникъ возлѣ императрицы-матери также обращали на себя взоры всѣхъ. Нельзя было создать воображеніемъ болѣе прекраснаго семейства».

Извѣстіе о совершеніи коронаціи привезено въ Петербургъ генералъ-адъютантомъ, графомъ Комаровскимъ, 26-го августа. Въ привезенномъ имъ рескриптѣ на имя петербургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, напечатанномъ затѣмъ въ газетахъ, государь писалъ, что къ особенному его удовольствію присутствовалъ при коронованіи цесаревичъ Константинъ Павловичъ, «прибывшій сюда за нѣсколько передъ тѣмъ дней».

Въ манифестѣ, изданномъ 22-го августа, въ день коронаціи, объявлены были милости и облегченія, дарованныя разнымъ состояніямъ. Кромѣ того, начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, получены были два указа, заключавшіе въ себѣ различныя милости, оказанныя россійскому войску.

Въ день же коронованія послѣдовали два именные указа о смягченіи наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ на каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, а также сосланнымъ въ крѣпостную работу и дальніе гарнизоны. Въ силу этихъ указовъ уменьшены сроки всѣмъ сосланнымъ на каторгу, поселеніе и крѣпостныя работы, а сосланныхъ въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ рядовыми съ лишеніемъ дворянства и безъ лишенія велѣно опредѣлить въ полки кавказскаго корпуса до «отличной выслуги» [12].

День коронаціи императора Николая ознаменованъ былъ еще важною реформою въ придворномъ вѣдомствѣ, измѣнившею въ корнѣ существо-

Библиотека "Руниверс"

вавшій доселѣ способъ управленія его путемъ сліянія всѣхъ разнообразныхъ придворныхъ учрежденій въ одно цѣлое. 22-го августа образовано было для этой цѣли новое, небывалое доселѣ въ Россіи министерство, а именно, министерство императорскаго двора, управленіе которымъ ввѣрено было князю Петру Михайловичу Волконскому. Такимъ образомъ долголѣтній сподвижникъ императора Александра I-го снова занялъ мѣсто довѣреннаго сановника при его преемникѣ; князь Волконскій безсмѣнно оставался министромъ двора до своей кончины, послѣдовавшей въ 1852 году.

Согласно учрежденію, обнародованному 22-го августа, министерству императорскаго двора подчинены всѣ «придворныя вѣдѣнія» и театральная дирекція; вмѣстѣ съ тѣмъ министръ двора былъ министромъ департамента удѣловъ и управляющимъ кабинетомъ[13].

Необходимо здѣсь также отмѣтить, что 22-го августа обнародованъ былъ составленный уже ранѣе манифестъ объ опредѣленіи, въ случаѣ кончины императора, правителемъ государства великаго князя Михаила Павловича, до наступленія законнаго совершеннолѣтія наслѣдника. Званіе же опекуна надъ всѣми дѣтьми государя до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ предоставлено было императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ манифестѣ сказано было, что постановленіе это состоялось съ благословенія императрицы Маріи Ѳеодоровны и «съ предварительнаго одобренія любезнѣйшаго брата нашего, цесаревича и великаго князя Константина Павловича». Упомянутый здѣсь манифестъ подписанъ былъ еще задолго до коронаціи, а именно 28-го января 1826 года въ Петербургѣ[14].

Награды, дарованныя 22-го августа, заключались преимущественно въ весьма значительной раздачѣ чиновъ и орденовъ. Главнокомандующіе первой и второй арміи, графы Сакенъ и Витгенштейнъ, произведены были въ генералъ-фельдмаршалы, а начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, въ генералы отъ инфантеріи. Графинѣ Ливенъ пожаловано было княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости[15]; военному министру Татищеву, генералъ-адъютанту Чернышеву, начальнику штаба цесаревича Курутѣ, барону Строганову и генералъ-адъютанту Поццо ди Борго — графское достоинство.

Особенныхъ милостей удостоены были только два лица: графу Нессельроде, въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ, пожалованъ былъ участокъ казенной земли въ 4.702 десятины въ Тамбовской губерніи, а князю П. М. Волконскому ежегодный пенсіонъ въ 50.000 рублей изъ суммъ департамента удѣловъ.

Генералъ-адъютантами назначены были: начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, генералъ-майоръ Клейнмихель, и командиръ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, генералъ-майоръ Геруа.

Библиотека "Руниверс"

Публичное объявленіе о коронаціи императора Николая I въ Москвѣ.
(Съ литографіи того времени Куртена).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На другой день послѣ коронаціи, 23-го августа, ночью, цесаревичъ Константинъ Павловичъ уѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ торжествъ и увеселеній. Разсказываютъ, что по окончаніи коронованія цесаревичъ сказалъ своему другу Ѳ. П. Опочинину: «теперь я отпѣтъ». Такъ пишетъ Денисъ Давыдовъ.

По возвращеніи въ Варшаву цесаревичъ немедленно написалъ императору Николаю 30-го августа (11-го сентября) слѣдующія строки по поводу своего пребыванія въ Москвѣ:

«Примите, дорогой братъ, полнѣйшую и живѣйшую благодарность за всю дружбу, которую вамъ угодно было проявить по отношенію ко мнѣ во время моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ возлѣ васъ. Будьте увѣрены, дорогой братъ, что я сумѣю оцѣнить ее и надѣюсь, что съ помощью Божіей никогда не окажусь недостойнымъ ея. Эти восемь дней, проведенные возлѣ васъ въ Москвѣ, никогда не изгладятся изъ моей памяти, равно какъ и не изгладится ваша дружба ко мнѣ. Да ниспошлетъ вамъ Господь всѣ свои блага и благословеніе; я молю Его объ этомъ сердцемъ, душею и мыслью. Вотъ я возвратился домой и счастливъ, что нахожусь возлѣ своей жены, и огорченъ, что разстался со всѣми вами: понимайте это буквально и такъ, какъ я говорю это» [16].

Въ отвѣтъ на выраженныя цесаревичемъ дружескія чувства императоръ Николай писалъ:

«Мнѣ бы первому, дорогой Константинъ, слѣдовало высказать вамъ все счастіе, которое ваше посѣщеніе насъ и ваша особенная доброта по отношенію ко мнѣ заставили меня испытать, и какъ разъ въ это самое мгновеніе я получаю ваше милое и прекрасное письмо отъ 30-го августа (11-го сентября); но вы слишкомъ добры и слишкомъ справедливы, чтобы не простить меня; вы были свидѣтелемъ моего образа жизни, и то, что произошло съ тѣхъ поръ, еще болѣе стѣснило меня въ употребленіи моего времени. Но все это является плохимъ извиненіемъ по отношенію къ вамъ, чье расположеніе мое сердце умѣетъ цѣнить; ваша дружба и ваше довѣріе являются для меня неоцѣнимымъ благомъ, составляющимъ спокойствіе моей жизни; угадывать ваши намѣренія и ваши желанія есть и будетъ постоянною потребностью для меня; да будетъ вамъ это извѣстно разъ навсегда» [17].

По поводу образа дѣйствій цесаревича во время коронаціи императора Николая въ Москвѣ, Лагарпъ выразилъ своему бывшему воспитаннику письменно полнѣйшее свое одобреніе. Константинъ Павловичъ отвѣчалъ ему, что весьма счастливъ, заслуживъ одобреніе своего наставника, но прибавилъ:

«Откровенность моя заставляетъ, однако, просить васъ не придавать этому такой большой цѣны, ибо, послѣ того какъ я рѣшился не уклоняться отъ того образа дѣйствій, который я себѣ предначерталъ, все сдѣланное съ

Библиотека "Руниверс"

моей стороны было лишь просто и естественно. Никто въ мірѣ болѣе меня не боится и ненавидитъ дѣйствій эффектныхъ, конхъ эффектъ заранѣе разсчитанъ, или же дѣйствій драматическихъ, восторженныхъ, движеній самопроизвольныхъ и другихъ; признаюсь въ моей глупости, что я въ нихъ ровно ничего не смыслю, какъ сказалъ выше. Если уже я принялъ рѣшеніе, утвержденное покойнымъ нашимъ безсмертнымъ императоромъ и моею матерью, все остальное является лишь чистымъ и простымъ послѣдствіемъ, и роль моя тѣмъ болѣе была легка, что я оставался на томъ же постѣ, который занималъ прежде и котораго не покидалъ. Сверхъ того, признаюсь съ извѣстною вамъ, милостивый государь, откровенностію, что я ничего не желаю, ровно ничего, ибо доволенъ и счастливъ, насколько это возможно. То, что мнѣ собственно принадлежитъ, этого никто въ мірѣ у меня отнять не можетъ,— это воспоминаніе о времени, употребленномъ мною на службу двумъ моимъ императорамъ съ испытанною честностью, вѣрностію, усердіемъ, преданностью и привязанностью въ продолженіе 32-хъ лѣтъ, съ надеждою служить также и нынѣшнему, насколько это можетъ быть ему угодно, и насколько позволятъ мнѣ мои физическія силы, оставаясь къ тому же всегда чуждымъ всякихъ интригъ, знакомый съ однимъ пассивнымъ повиновеніемъ и дѣйствуя всегда въ отношеніи ихъ съ самою безкорыстною откровенностію и безъ всякой задней мысли, храня свое частное мнѣніе для себя и выражая его лишь тогда, когда къ тому былъ призываемъ, подчиняясь всегда, даже вопреки моему убѣжденію, исполненію воли моихъ государей съ самою строгою добросовѣстностію и дѣлая, такъ сказать, родъ рыцарства изъ того, чтобы удалось, хотя бы противно моему мнѣнію, то, что было мнѣ предписано. Вотъ что мнѣ принадлежитъ, и чего никто въ мірѣ не можетъ и не будетъ въ состояніи отнять у меня. Къ тому же поддержки я буду искать въ одномъ Богѣ, а Онъ, видя чистоту, вложенную Имъ въ мое сердце, и которую буду стараться сохранять, совершилъ остальное, соблаговоливъ руководить меня между препятствіями, которыя я иногда встрѣчалъ на пути. За то я и благодарю Его ежедневно изъ глубины сердца и отъ всей души. Очень многіе не поймутъ меня, дорогой и почтенный наставникъ; это ихъ дѣло, они не имѣли, какъ я, счастія служить императору брату, императору другу, товарищу, и императору благодѣтелю, и питать къ нему тѣ чувства, которыя меня воодушевляли, и которыя онъ, въ свою очередь, питалъ по отношенію ко мнѣ. Но довольно объ этомъ предметѣ.

«Пожеланія ваши для блага нашей страны, съ которыми вы ко мнѣ обращаетесь, не могутъ быть приняты мною иначе, какъ съ живѣйшею признательностію. Смѣю надѣяться, что они также были бы приняты и всякимъ изъ моихъ соотчичей. Да будетъ счастлива дорогая и великая Россія, да не увидитъ она болѣе печальныхъ и гнусныхъ сценъ, да

Библиотека "Руниверс"

будетъ она велика не только своимъ пространствомъ, но и истинными чувствами чести, которыя должны ее поддерживать и внушать къ ней уваженіе, ибо безъ этого сила ея не была бы прочна. Здѣсь я говорю, какъ русскій, дорогой наставникъ, а не какъ представитель ея, коимъ я никогда не былъ, и такъ какъ вы говорите мнѣ, что привыкли выражать ваши пожеланія нашему безсмертному императору въ свое время, прося меня принять ихъ его именемъ, мнѣ невозможно съ этимъ согласиться, не погрѣшивъ противъ него, но я могу развѣ принять ихъ единственно, какъ туземецъ страны, и въ такомъ качествѣ пріемлю ихъ отъ всего сердца и всей души» [18].

Въ этихъ немногихъ строкахъ всецѣло обрисовалась вся личность цесаревича, съ присущимъ ей внутреннимъ міросозерцаніемъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ она выработалась путемъ тяжелаго жизненнаго опыта, и какою она уже неизмѣнно оставалась до самой кончины великаго князя.

Послѣ отъѣзда цесаревича изъ Москвы начались въ столицѣ празднества и увеселенія, продолжавшіяся до 30-го сентября, когда императоръ Николай направился обратно въ Петербургъ.

По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «всѣ оживились; веселость снова вступила въ свои права и вознаграждаетъ себя за годы, утраченные для ея культа. Молодежь снова принимается за танцы и уже значительно менѣе занимается устройствомъ государства, политикою обоихъ полушарій и мистическими бреднями» [19].

Такимъ образомъ тревоги и опасности, ознаменовавшія эпоху восшествія на престолъ, понемногу забывались среди оживленія, вызваннаго коронаціонными празднествами. Балы, данные маршаломъ Мармономъ и герцогомъ Девонширскимъ, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ; но балы у князя Николая Борисовича Юсупова и у камеръ-фрейлины графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской одержали верхъ изяществомъ помѣщенія и роскошью [20]. Государь, присутствуя на всѣхъ празднествахъ и балахъ, тѣмъ не менѣе продолжалъ работать попрежнему, съ обычною дѣятельностію [21]. Онъ, сверхъ того, ревностно посѣщалъ разныя учрежденія столицы и отдавалъ приказанія о введеніи необходимыхъ улучшеній, присутствуя вмѣстѣ съ тѣмъ каждое утро у развода, привлекавшаго несмѣтныя толпы народа. Государь успѣлъ даже посѣтить Тулу, гдѣ осматривалъ, 21-го сентября, оружейный заводъ.

Празднества закончились 23-го сентября блистательнымъ фейерверкомъ. Одинъ заключительный букетъ состоялъ изъ 140.000 ракетъ, къ которому присоединился грохотъ изъ 100 пушекъ. Изъ декорацій этого фейерверка обращали на себя вниманіе тріумфальныя врата съ надписью: «Успокоителю отечества Николаю Первому».

Библиотека "Руниверс"

Въѣздъ императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны въ Москву.

(Съ литографіи того времени).

Библиотека "Руниверс"

III.

Событія 14-го декабря застали Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ онъ былъ водворенъ по распоряженію правительства съ 9-го (21-го) августа 1824 года.

Поводомъ къ этой суровой мѣрѣ, принятой еще въ александровское царствованіе, послужило слѣдующее обстоятельство. Пушкинъ имѣлъ неосторожность написать изъ Одессы шуточное письмо одному пріятелю въ Москву, въ которомъ говорилъ, что беретъ уроки чистаго аѳеизма у какого-то англичанина, названнаго имъ единственнымъ умнымъ аѳеемъ, котораго имѣлъ случай встрѣтить. Къ этимъ строкамъ Пушкинъ прибавилъ еще заключеніе: «Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная».

Приведенныя нами строки вздорнаго письма рѣшили судьбу поэта. Пушкинъ былъ исключенъ изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (par son inconduite), и сосланъ въ деревню, съ подчиненіемъ надзору мѣстныхъ властей.

Когда получены были въ Михайловскомъ извѣстія о Петербургскомъ мятежѣ, Пушкинъ рѣшился немедленно выѣхать въ столицу, но, не доѣхавъ до первой станціи, возвратился въ деревню. Преданіе говоритъ, что разныя дурныя примѣты поколебали его въ принятомъ рѣшеніи. При выѣздѣ изъ Михайловскаго отъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ далѣе какой-то зловѣщій заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу и побудилъ поэта отказаться отъ путешествія. Дальнѣйшія же извѣстія изъ Петербурга были такого свойства, что Пушкинъ замолкъ и притихъ въ Михайловскомъ.

Въ началѣ 1826 года, Пушкинъ писалъ барону Дельвигу письмо, въ которомъ сообщилъ другу о своемъ желаніи «вполнѣ и искренно примириться съ правительствомъ». Результатомъ подобнаго настроенія явилось прошеніе на высочайшее имя, которое Пушкинъ представилъ, по совѣту петербургскихъ друзей, псковскому гражданскому губернатору, барону фонъ-Адеркасу. Содержаніе этого прошенія было слѣдующее:

«Всемилостивѣйшій государь.

«Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ.

«Нынѣ съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не про-

Библиотека "Руниверс"

тиворѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

«Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

«Всемилостивѣйшій государь,
«ваше императорское величество,
«вѣрноподданный
«Александръ Пушкинъ».

Къ всеподданнѣйшему письму было приложено обязательство: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года».

Послѣ коронованія генералъ-адъютанту барону Дибичу сообщено было 28-го августа для исполненія нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе: «Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому гражданскому губернатору».

4-го сентября, Пушкинъ въ сопровожденіи фельдъегеря выѣхалъ изъ Пскова и 8-го (20-го) сентября прибылъ въ Москву, прямо въ канцелярію дежурнаго генерала Потапова. По извѣщеніи о томъ барона Дибича, повелѣно было привезти Пушкина въ Чудовъ дворецъ. Здѣсь поэтъ былъ тотчасъ представленъ императору Николаю въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ, не совсѣмъ обогрѣвшійся, усталый и даже не совсѣмъ здоровый. Съ этой минуты Пушкинъ снова пріобрѣлъ утраченную имъ съ 1824 года свободу. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди московскаго общества, и, какъ пишетъ П. Анненковъ, въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной [22].

Императоръ Николай имѣлъ при этомъ свиданіи продолжительный разговоръ съ опальнымъ поэтомъ, о которомъ государь отозвался въ 1826 году Д. Н. Блудову, что Пушкинъ самый замѣчательный человѣкъ въ Россіи. Въ печати не появлялось еще до сихъ поръ описаніе разговора Пушкина съ государемъ въ полномъ объемѣ; существуютъ только отрывочныя указанія объ этомъ историческомъ свиданіи.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ 1848 году, императоръ Николай, бесѣдуя съ барономъ М. А. Корфомъ, сообщилъ ему о разговорѣ съ Пушкинымъ слѣдующія подробности.

«Я, — сказалъ государь, — впервые увидѣлъ Пушкина послѣ моей коронаціи, когда его привезли изъ заключенія ко мнѣ въ Москву совсѣмъ больного. — Что сдѣлали бы вы, если бы 14-го декабря были въ Петербургѣ? — спросилъ я его между прочимъ.

«— Сталъ бы въ ряды мятежниковъ,— отвѣчалъ онъ.

«На вопросъ мой, перемѣнился ли его образъ мыслей, и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать иначе, если я пущу его на волю, онъ наговорилъ мнѣ пропасть комплиментовъ на счетъ 14-го декабря, но очень долго колебался прямымъ отвѣтомъ и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ руку съ обѣщаніемъ сдѣлаться другимъ».

По словамъ Пушкина, государь между прочимъ сказалъ поэту:

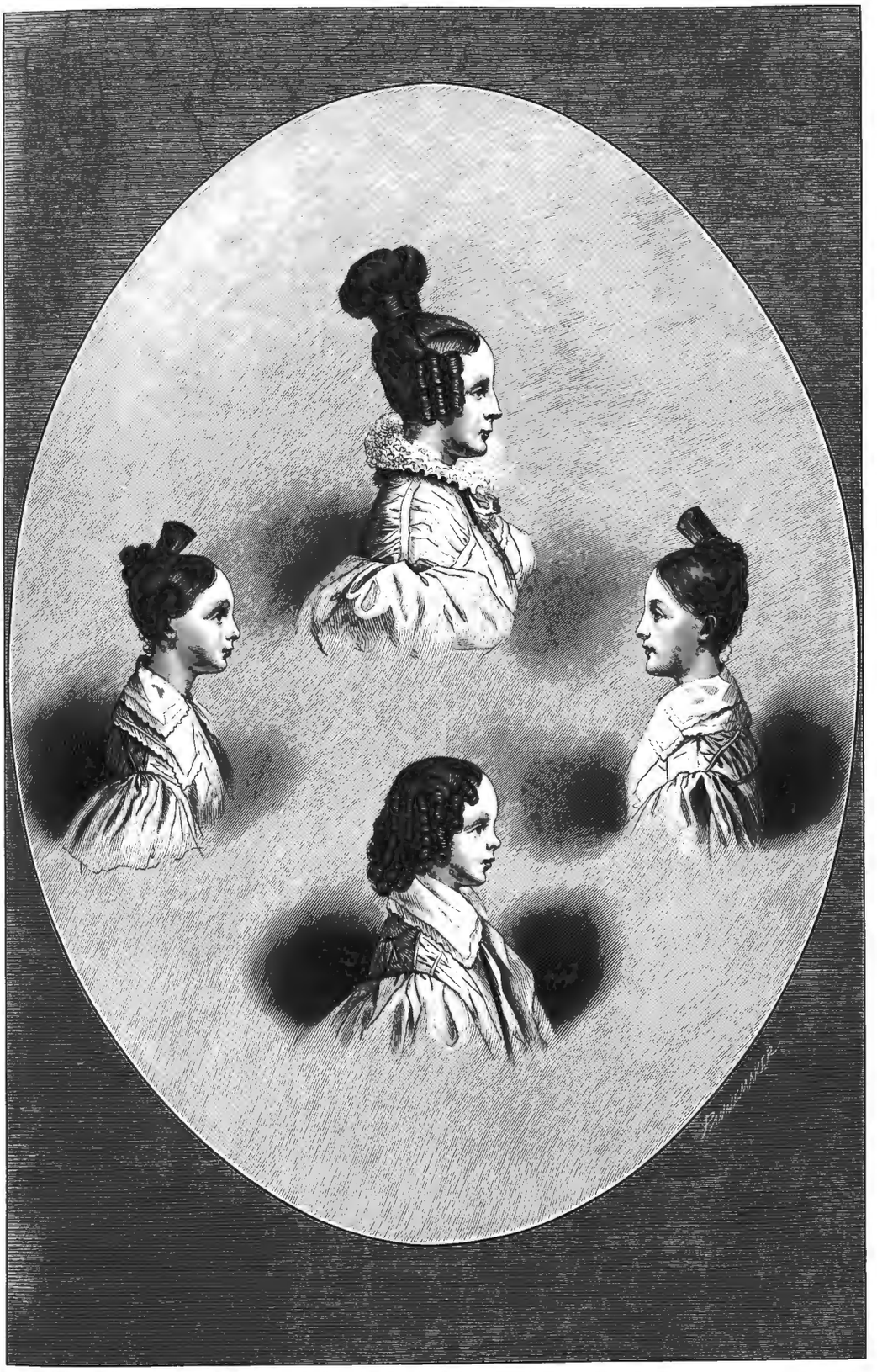
— «Довольно ты подурачился, надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Вспоминая впослѣдствіи московскую аудіенцію 1826 года, Пушкинъ признавался А. О. Смирновой, что онъ думаетъ, что Петръ Великій вдохновилъ тогда государя, прибавивъ: «мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ».

Эти слова Пушкина, свидѣтельствующія о его мистическомъ настроеніи, можно объяснить тѣмъ, что императоръ Николай былъ восторженнымъ поклонникомъ Петра Великаго, и Пушкинъ, въ свою очередь, также преклонялся передъ личностью великаго преобразователя; въ своемъ воображеніи поэтъ сближалъ Петра и Николая и подъ впечатлѣніемъ этого настроенія написалъ, какъ говорятъ, въ присутствіи государя въ его кабинетѣ импровизацію, которая могла быть названа: «Петръ Великій и Николай I-й», но вошла въ сочиненія Пушкина подъ заглавіемъ: «Стансы», которые явились такимъ образомъ поэтическимъ комментаріемъ этого достопамятнаго свиданія [23].

Изъ разговора императора Николая съ Пушкинымъ мы уже видѣли, что государь принялъ на себя обязанности цензора поэта, прославившаго наступившее новое царствованіе, на которое возлагали тогда великія надежды многіе изъ писателей и ученыхъ, потерпѣвшихъ въ концѣ правленія Александра Павловича за свободу мысли и слова. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ не замедлилъ сообщить Пушкину, 30-го сентября 1826 года, высочайшую волю: «Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ».

Библиотека "Руниверс"



ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА И ВЕЛИКІЯ КНЯЖНЫ ОЛЬГА, МАРІЯ И АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНЫ.

Съ гравюры того времени.

Библиотека "Руниверс"

Пушкинъ по этому случаю съ восторгомъ увѣдомилъ Н. М. Языкова, 9-го ноября 1826 года: «Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная».

Обращаясь къ «друзьямъ», поэтъ писалъ:

Въ изгнаньѣ жизнь моя текла,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ, — и съ вами снова я
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою.

Столь радостное настроеніе поэта не могло, однако, долго продлиться; вскорѣ возникли недоразумѣнія, и наступило нѣкоторое разочарованіе. По словамъ Сухомлинова, Пушкинъ не могъ непосредственно обращаться къ своему высокому критику и цензору: «Непзбѣжнымъ посредникомъ оставался постоянно генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и главный начальникъ грознаго нѣкогда Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, по отзыву его современниковъ, былъ человѣкъ добрый, но совершенно равнодушный къ просвѣщенію и не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ литературѣ. При кажущейся мягкости пріемовъ онъ относился въ сущности весьма жестко и недоброжелательно къ литературному міру, не щадя и цензурнаго вѣдомства. Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», по выраженію Пушкина, полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ, и всего пуще — къ свободѣ мысли и слова. Легко представить себѣ, какія отношенія образовались между человѣкомъ такого склада понятій и поэтомъ, который «свободу смѣлую избралъ себѣ въ законъ» и славу свою полагалъ въ томъ, что и «въ жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу». Бенкендорфъ увѣрялъ Пушкина, что относится къ нему по-отечески, будучи приставленъ къ нему для того, чтобы руководить его своими совѣтами, не какъ шефъ жандармовъ, а какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ государя. Но Пушкинъ никакъ не могъ пріучить себя къ сыновней почтительности, да и переписка съ Бенкендорфомъ, надо правду сказать, была плохою школою въ этомъ отношеніи» [24].

А. О. Смирнова остроумно замѣчаетъ о Бенкендорфѣ въ своихъ запискахъ [25]: «Мнѣ кажется, что ему хотѣлось бы совсѣмъ упразднить русскую литературу, онъ считаетъ себя sehr gebildet. (Je crois qu'il voudrait supprimer la littérature russe et il se croit sehr gebildet)».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

30-го сентября 1826 года, Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ и безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія».

Пушкинъ не отвѣчалъ на это письмо, но послѣ вторичнаго напоминанія взялся за перо и представилъ записку подъ заглавіемъ: «О народномъ воспитаніи».

«При оцѣнкѣ этого труда, или, точнѣе, этихъ набросковъ,—пишетъ Сухомлиновъ,—не слѣдуетъ забывать, что авторъ взялся за перо не по собственной волѣ, а по приказу, и самъ вполнѣ сознавалъ свою неподготовленность къ рѣшенію предложенной ему задачи. Несмотря на то, что ему прямо указано было, въ какомъ духѣ и направленіи должно писать, Пушкинъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность и написалъ въ сущности совсѣмъ не то, что требовалось, и чего ожидали. Основная мысль Пушкина заключается въ томъ, что просвѣщеніе можетъ удалить поводы къ общественнымъ волненіямъ и смутамъ. Съ развитіемъ просвѣщенія поднимается и нравственный уровень общества: просвѣщеніе дѣйствуетъ благотворно не только на умы, но и на нравы людей. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Упоминая о политическихъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ, Пушкинъ указываетъ на то обстоятельство, что «рукописные пасквили на правительство» и другія возмутительныя вещи размножились именно тогда, когда литература была подавлена самою своенравною цензурою».

Въ письмѣ отъ 23-го декабря 1826 года, Бенкендорфъ сообщилъ Пушкину, что государь прочелъ съ удовольствіемъ его записку, но прибавилъ: «Нравственность, прилежное служеніе, усердіе, предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Въ отвѣтъ на полученное внушеніе, что усердіе важнѣе просвѣщенія, Пушкинъ послалъ Бенкендорфу стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что только рабъ или льстецъ можетъ внушать государю, что «просвѣщенья плодъ — развратъ и нѣкій духъ мятежный»; подобные навѣты на просвѣщеніе лишь «горе на царя накличутъ».

Библиотека "Руниверс"

Практическимъ плодомъ сношеній Пушкина съ шефомъ жандармовъ явилось наконецъ высочайшее разрѣшеніе, сообщенное поэту 28-го апрѣля 1840 года, напечатать трагедію «Борисъ Годуновъ» подъ отвѣтственностью автора (sous votre propre responsabilité). По напечатаніи драмы Пушкинъ получилъ 9-го января 1831 года увѣдомленіе отъ Бенкен-

Великій князь Константинъ Павловичъ.

(Съ гравированнаго портрета Кардели).

дорфа, что государь прочелъ сочиненіе «Борисъ Годуновъ» съ особымъ удовольствіемъ.

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу письмомъ отъ 18-го января 1831 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ

Библиотека "Руниверс"

русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе»[26].

Въ Москвѣ въ 1826 году рѣшилась судьба другого русскаго поэта Полежаева, но въ менѣе благопріятномъ смыслѣ.

Полежаевъ былъ тогда студентомъ Московскаго университета и обратилъ на себя вниманіе полиціи поэмой «Сашка», списки которой ходили по рукамъ. Авторъ былъ привезенъ во дворецъ, по требованію императора, который приказалъ ему прочесть поэму въ своемъ присутствіи и министра народнаго просвѣщенія; государь хотѣлъ показать Шишкову образчикъ университетскаго воспитанія, и чему учатся молодые люди.

— «Что скажете? — спросилъ Николай Павловичъ по окончаніи чтенія.—Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще слѣды.... послѣдніе остатки.... Я ихъ искореню!»

Полежаеву государь сказалъ: «Я тебѣ даю военной службой средство очиститься. Отъ тебя зависитъ твоя судьба»,—и, поцѣловавъ его въ лобъ, отпустилъ[27].

4-го августа 1826 года, юный поэтъ уже былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ.

IV.

Въ то время, когда Москва готовилась къ коронаціоннымъ торжествамъ, императоръ Николай озабоченъ былъ новыми и совсѣмъ для него неожиданными происшествіями, случившимися на отдаленныхъ окраинахъ имперіи; получены были извѣстія о вторженіи персіянъ въ наши предѣлы. «Cette malheureuse affaire m'est insupportable, comme un pénible hors d'oeuvre»,—писалъ государь къ цесаревичу[28]. По мѣрѣ полученія тревожныхъ донесеній изъ Тифлиса, неудовольствіе и недовѣріе государя противъ Ермолова возрастали, можно сказать, съ каждымъ днемъ и часомъ.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нерасположеніе императора Николая къ Ермолову началось уже прежде. Ранѣе было упомянуто, что еще въ день своего воцаренія, 12-го (24-го) декабря 1826 года, Николай Павловичъ писалъ генералъ-адъютанту, барону Дибичу, что не будетъ спокоенъ, пока не получитъ присяги Ермолова и кавказскихъ войскъ, присовокупивъ роковыя для Алексѣя Петровича слова: «я виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю». Вообще въ Петербургѣ были недовольны Ермоловымъ. «Въ военномъ кругу говорили, что онъ распустилъ войска, что въ нихъ нѣтъ порядка, знанія службы, выправки, нѣтъ даже дисциплины, что и одѣты они не по формѣ и съ виду не походятъ на солдатъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ упрекали

Библиотека "Руниверс"

его въ крайне жестокихъ мѣрахъ съ персіянами, а равно и съ владѣтелями покоренныхъ народовъ. Приписывали ему планы, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Наконецъ, упрекали его въ томъ, что онъ не принялъ никакихъ мѣръ на границахъ, не успѣлъ соединить разбросанныхъ постовъ, не усилилъ гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостцахъ»[29].

Маршалъ Мармонъ.
(Съ гравированнаго портрета Калена).

Замѣтимъ здѣсь еще, что вскорѣ послѣ междуцарствія распространились самые нелѣпые слухи относительно генерала Ермолова, что корпусъ его не присягалъ, какъ равно и вся Грузія; затѣмъ, что будто самъ Ермоловъ объявилъ себя независимымъ, что онъ якобы самопроизвольно удержалъ у себя курьеровъ и фельдъегерей, присланныхъ изъ Петербурга, и что ни одинъ оттуда назадъ не возвращался.

Въ связи съ подобными нелѣпостями разсказывали также, какъ повѣствуютъ секретныя донесенія того времени, будто бы государь послѣ происшествія 14-го декабря просилъ прусскаго короля послать

Библиотека "Руниверс"

къ нему свою армію для усмиренія возмутившихся его войскъ: «посему король посылаетъ въ Россію пятидесяти-тысячный корпусъ прусскихъ войскъ, но идутъ ли сіи войска или нѣтъ, о томъ ничего не слышно».

Наконецъ, дошло до того, что даже барону Дибичу пришлось защищать Ермолова отъ взводимыхъ на него напрасныхъ подозрѣній и 22-го декабря писать изъ Таганрога: «Насчетъ кавказскаго корпуса я долженъ сказать, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, кои доходили къ намъ до сего времени, я не могу предполагать отъ командира онаго и малѣйшаго отклоненія отъ пути закона и увѣренъ по извѣстной его способности, что также и не допуститъ зломыслящихъ до какого либо предпріятія. Изъ словеснаго объясненія графа Витта знаю я, что зломыслящіе, выхваляя прежде генерала Ермолова при всякомъ случаѣ, весьма охладѣли насчетъ его въ послѣдніе года, что̀ по нѣкоторымъ вѣроятностямъ даетъ заключеніе, что они не нашли въ немъ желаемаго. Я посему опасаюсь, что посылка кого либо изъ флигель-адъютантовъ могла бы возродить подозрѣніе въ такомъ человѣкѣ, который дѣйствуетъ въ хорошемъ смыслѣ и по уму своему можетъ навѣрное проникнуть всякій предлогъ, и по извѣстному честолюбію его даже могла бы возродить въ немъ другія мысли».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на защиту, оказанную Ермолову со стороны начальника главнаго штаба, извѣстныя впечатлѣнія вызваны были тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и ко всѣмъ дѣйствіямъ кавказскаго начальства начали относиться съ предвзятою критикою.

По мѣрѣ того, какъ запутывались дѣла въ Грузіи, императоръ Николай Павловичъ сталъ помышлять, если не о замѣнѣ Ермолова другимъ лицомъ, то, по крайней мѣрѣ, о необходимости имѣть теперь же на Кавказѣ человѣка, которому онъ могъ бы вполнѣ довѣрять; его мысли остановились на своемъ бывшемъ отцѣ-командирѣ, генералъ-адъютантѣ Паскевичѣ. «У меня не было людей преданныхъ»,— признавался въ 1851 году императоръ Николай Ивану Ѳедоровичу Паскевичу, тогда уже преобразившемуся въ фельдмаршала и князя Варшавскаго. «Дѣла на Востокѣ требовали назначенія туда человѣка твоего ума, твоихъ военныхъ способностей, твоей воли! Я остановился на тебѣ, само Провидѣніе мнѣ указало на тебя»[30].

— «Этого я уважаю, какъ только сынъ можетъ уважать отца»,— сказалъ императоръ Николай, въ началѣ 1831 года, де-Санглену, упоминая въ разговорѣ о Паскевичѣ.

Новое назначеніе, полученное генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ въ 1826 году, состоялось слѣдующимъ образомъ.

Въ числѣ лицъ, приглашенныхъ по̀ случаю коронаціи въ Москву, находился также командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Паскевичъ.

Библиотека "Руниверс"

«За нѣсколько дней до коронаціи получилъ я вечеромъ записку отъ генералъ-адъютанта барона Дибича, — пишетъ Паскевичъ въ своихъ запискахъ. — Онъ увѣдомлялъ меня, что государь императоръ приказалъ мнѣ быть у него на другой день, и просилъ, если угодно, зайти предварительно къ нему. Не зная, зачѣмъ требовалъ меня государь, я иду къ Дибичу, который говоритъ мнѣ: «Государь получилъ отъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, генерала Ермолова, донесеніе, что персіяне вторгнулись въ наши закавказскія провинціи, заняли Ленкорань и Карабагъ и идутъ далѣе съ 60.000 войскъ регулярныхъ и 60.000 иррегулярныхъ, имѣя около 80-ти запряженныхъ орудій, что у него нѣтъ достаточныхъ силъ противопоставить персіянамъ, и что онъ не ручается за сохраненіе края, если ему не пришлютъ въ подкрѣпленіе двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Государь желаетъ,—сказалъ мнѣ Дибичъ,—чтобы вы ѣхали на Кавказъ командовать войсками. Сила персіянъ должна быть преувеличена, и его величество послѣ такого донесенія не вѣритъ Ермолову». При этомъ Дибичъ присовокупилъ, что и покойный императоръ Александръ Павловичъ былъ недоволенъ Ермоловымъ и хотѣлъ отозвать и назначить на его мѣсто Рудзевича, ибо поступки Ермолова самоуправные, войска же распущены, въ дурномъ состояніи, дисциплина потеряна, воровство необыкновенное, люди нѣсколько лѣтъ не удовлетворены и во всемъ нуждаются, матеріальная часть въ запущеніи и проч., что, наконецъ, онъ дѣйствительно не можетъ тамъ оставаться.

«Я отвѣчалъ Дибичу: какъ я поѣду на Кавказъ и что буду дѣлать, когда тамъ Ермоловъ? Въ чемъ могу помочь дурному положенію дѣлъ, если тамъ нѣтъ силъ? Да, зная тамошній климатъ по примѣру Молдавіи и Валахіи, гдѣ я былъ пять лѣтъ, думаю, что его не выдержу.

«Мы говорили съ Дибичемъ еще разъ, на другой день рано утромъ, до представленія моего государю. Я повторилъ ему, что, кромѣ болѣзни, я встрѣчу другія важнѣйшія затрудненія: я знаю Ермолова; онъ мнѣ не дастъ и роты въ команду. Дибичъ отвѣчалъ, что будетъ данъ приказъ о назначеніи моемъ командовать подъ начальствомъ Ермолова войсками въ Грузіи; я прибавилъ: и на линіи, ибо, судя о положеніи дѣлъ по описанію Ермолова, весьма можетъ быть, что онъ очистилъ уже Грузію, и я найду его уже на линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что если я поѣду, то необходимо, чтобы безъ меня не дѣлалось ни гражданскихъ распоряженій, ни дипломатическихъ. Дибичъ согласился и прибавилъ, что онъ не полагалъ, да и быть не можетъ иначе. Я повторилъ ему, что я не желалъ бы ѣхать, ибо всѣ эти затрудненія слишкомъ велики, и наконецъ спросилъ: что мнѣ дѣлать, если я найду всѣ имъ мнѣ разсказанные громадные безпорядки? Дибичъ отвѣчалъ, что не знаетъ и спроситъ приказанія государя. Впрочемъ вы сами его увидите,—прибавилъ Дибичъ.

Библиотека "Руниверс"

«Являюсь къ государю. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, наединѣ.

«—Я знаю,—говоритъ мнѣ его величество,—что ты не хочешь ѣхать на Кавказъ; мнѣ Дибичъ все разсказалъ. Но я тебя прошу, сдѣлай это для меня.

«Когда повторилъ я тѣ причины, о которыхъ сказалъ Дибичу, и добавилъ къ тому, что я буду въ подчиненіи у Ермолова и потому никакого распоряженія сдѣлать и отвѣчать за исполненіе его не могу, тогда государь началъ говорить такъ:

«— Неужели я такъ несчастливъ, что едва я только коронуюсь, и даже персіяне уже взяли нѣсколько нашихъ провинцій; неужели въ Россіи нѣтъ людей, которые бы могли сохранить ея достоинство? Я тебя прошу, поѣзжай, для меня и для Россіи. Видишь ли ты, — около меня 40 генераловъ, и покажи мнѣ хоть одного, которому я могъ бы довѣрить это порученіе, на кого бы я могъ вполнѣ положиться. Я знаю, ты любилъ моего брата, тѣнь его между нами; и онъ проситъ тебя ѣхать. Ты говоришь о затрудненіяхъ отъ Ермолова; все это правда, но я посылаю ему указы, чтобы онъ ничего безъ совѣщанія съ тобою не предпринималъ, никакихъ распоряженій военныхъ и по гражданской части не дѣлалъ, а тебѣ дамъ особый указъ о смѣнѣ его въ случаѣ безпорядковъ, или если бы онъ умышленно сталъ противодѣйствовать и не исполнялъ моихъ указовъ о томъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ тобою.

«Указъ этотъ его величество написалъ собственноручно и самъ мнѣ отдалъ.

«Такимъ убѣжденіямъ не могъ я противиться и принялъ предложеніе. Дибичъ, какъ казалось, радовался, что Ермолову показано недовѣріе, и при этомъ случаѣ много еще говорилъ мнѣ о его дѣйствіяхъ, разумѣется, дурныхъ» [31].

Въ рескриптѣ на имя генерала Ермолова отъ 11-го (23-го) августа сказано было:

«Для подробнѣйшаго изъясненія вамъ намѣреній моихъ посылаю къ вамъ генералъ-адъютанта моего Паскевича, коему сообщивъ оныя во всей подробности, увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего храбраго генерала, лично вамъ извѣстнаго, для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, препоручая ему командованіе войскъ подъ главнымъ начальствомъ вашимъ».

Затѣмъ, въ томъ же рескриптѣ государь объявлялъ Ермолову, что «твердое мое есть намѣреніе наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира», для чего повелѣно было 20-й пѣхотной дивизіи итти на усиленіе кавказскихъ войскъ.

Въ другомъ рескриптѣ, помѣченномъ днемъ раньше (10-го августа 1826 года), императоръ Николай отзывается о Паскевичѣ, какъ о своемъ бывшемъ начальникѣ, который пользуется «всею моею довѣренно-

Библиотека "Руниверс"

стію», и по поводу пріѣзда его въ Тифлисъ высказываетъ Ермолову тѣ же мысли, какъ и въ рескриптѣ отъ 11-го августа. «Онъ лично можетъ вамъ объяснить все,—пишетъ государь,—что по краткости времени и по безызвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
(Съ гравированнаго портрета Гоффмейстера).

сотрудника, который выполнитъ всегда всѣ ему дѣлаемыя порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостію. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать, какъ наичаще. Засимъ прощайте, Богъ съ вами! Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій и, съ помощію Божіею, успѣховъ» [32].

Библиотека "Руниверс"

Распоряженія, указанныя въ приведенныхъ здѣсь рескриптахъ, создавали на Кавказѣ вполнѣ неестественное положеніе. Паскевичу предстояло наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира, а Ермолову оставалось только охранять Кавказъ отъ внутреннихъ безпорядковъ и снабжать Паскевича для веденія войны находящимися въ его распоряженіи средствами. Трудно уяснить себѣ, почему императоръ Николай остановился на полумѣрѣ и не предпочелъ сразу замѣнить Ермолова своимъ довѣреннымъ отцомъ-командиромъ, видимо, предпочитая дѣйствовать какъ бы окольнымъ путемъ.

Біографъ князя Варшавскаго по этому поводу пишетъ: «Паскевичъ безъ опредѣленной власти, какъ подчиненный Ермолова, долженъ былъ въ порядкѣ службы исполнять его приказанія, а Ермоловъ обязанъ былъ получать отъ Паскевича «изъясненіе высочайшихъ намѣреній и повелѣній». Но такъ какъ государь поручалъ Паскевичу «наказаніе персіянъ», а въ этомъ отношеніи приказанія Ермолова могли не согласоваться ни съ высочайшими намѣреніями, ни съ возложенною лично на Паскевича отвѣтственностью, то «главное начальство» Ермолова въ дѣйствительности могло послужить только поводомъ къ постояннымъ между ними столкновеніямъ. Государь въ данномъ случаѣ такъ очевидно отступалъ отъ обязательныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику, такъ явно нарушалъ всегда имъ же тщательно охраняемый законный порядокъ службы, что нельзя было не предположить здѣсь впередъ обдуманнаго плана и подготовленнаго исхода созданной его волею неестественности въ порядкѣ служебной подчиненности... Въ крайнемъ случаѣ Паскевичъ могъ предъявить данный ему государемъ указъ о смѣнѣ Ермолова, но предъявить этотъ указъ ему было дозволено только при очевидномъ намѣреніи Ермолова не исполнять высочайшихъ повелѣній... Можетъ быть, извѣстная пылкость нрава Паскевича давала нѣкоторый поводъ предположить, что, увлекаясь минутнымъ раздраженіемъ, онъ предъявитъ указъ о смѣнѣ Ермолова, не имѣя на то вполнѣ и опредѣлительно выясненныхъ основаній» [33].

Но Паскевичъ не рѣшился воспользоваться даннымъ ему полномочіемъ и, по прибытіи 29-го августа въ Тифлисъ, добровольно сталъ въ положеніе подчиненнаго. Что же касается Ермолова, то непрошенный новый подчиненный, генералъ-адъютантъ Паскевичъ, долженъ былъ произвести на Алексѣя Петровича крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе; въ его глазахъ Паскевичъ являлся живымъ выраженіемъ недовѣрія государя. Поэтому неудивительно, что во время первыхъ же разговоровъ Ермоловъ, не скрывая чувства оскорбленнаго самолюбія, замѣтилъ Паскевичу, «что лучше у него совершенно взять команду, нежели быть въ такомъ положеніи».

Библиотека "Руниверс"

Во всякомъ случаѣ задача, которую предстояло рѣшить Паскевичу, была не легкая; онъ долженъ былъ одновременно воевать съ персіянами и съ проконсуломъ въ Грузіи, какъ называлъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ Ермолова [34].

Рѣшеніе первой задачи оказалось легче второй. 13-го (25-го) сентября 1826 года, Паскевичъ одержалъ подъ Елисаветполемъ побѣду надъ персидскими войсками, предводительствуемыми Аббасъ-Мирзою. Осада же Ермолова продолжалась шесть съ половиною мѣсяцевъ, когда наконецъ, указомъ 12-го (24-го) марта 1827 года, Паскевичъ окончательно водворенъ былъ на мѣсто опальнаго проконсула.

Извѣстіе объ Елисаветпольской побѣдѣ императоръ Николай получилъ еще во время пребыванія въ Москвѣ; это была первая побѣда, ознаменовавшая новое царствованіе. Обрадованный успѣхомъ, одержаннымъ надъ вѣроломнымъ врагомъ, государь наградилъ Паскевича шпагой, украшенной алмазами, съ надписью: «За пораженіе персіянъ при Елисаветполѣ».

Сверхъ офиціальнаго рескрипта, императоръ Николай написалъ еще побѣдителю, 28-го сентября, изъ Москвы частное и дружеское письмо, написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ полученныхъ донесеній, которое приведемъ здѣсь дословно, какъ документъ, служащій отправной точкой тѣхъ исключительныхъ отношеній, которыя установились съ этого времени между государемъ и его отцомъ-командиромъ, въ продолженіе послѣдующихъ затѣмъ двадцати девяти лѣтъ.

«Получивъ отъ васъ извѣстіе объ одержанной вами побѣдѣ, первой въ мое царствованіе, и пріемля оную, какъ знакъ видимой благодати Божіей на насъ, мнѣ душевно пріятно, любезный мой Иванъ Ѳедоровичъ, старый мой командиръ, что предсказаніе мое при прощаніи сбылось; не менѣе того, я увѣренъ, что если бы не ваши стараніе и умѣніе, такихъ послѣдствій не было бъ, и, зная это, послалъ я васъ. Теперь надо не довольствоваться симъ добрымъ началомъ; когда можно, и первыя подкрѣпленія подоспѣютъ, итти должно, pour rendre la visite; свѣдѣнія, которыя князь Меншиковъ доставилъ намъ объ Эривани, доказываютъ, что надо ожидать въ Эривани главнаго сопротивленія, и что безъ осады не обойдется, потому должно къ тому приготовиться; я писалъ къ генералу Ермолову, что я считаю возможнымъ взять крѣпостныя орудія изъ ближнихъ крѣпостей; минеръ я высылаю нѣкоторое число отсюда; но все сіе требуетъ время. Рѣшить должно, можно ли войти въ Персію и, дойдя до Аракса, блокировать Эривань до прибытія осадныхъ принадлежностей; во всякомъ случаѣ, желательно не давать персіянамъ опомниться; стало, чѣмъ скорѣе появимся мы у нихъ, тѣмъ считаю лучше.

Библиотека "Руниверс"

«Я жду списки отъ васъ представляемыхъ къ наградамъ; невольно вспоминаю Вильну, и какъ мы оба, лежа на брюхѣ на столахъ, воевали, спорили до слезъ! Вотъ судьба!

«Прощайте, любезный Иванъ Ѳедоровичъ; моя благодарность и дружба вамъ навсегда принадлежатъ.

«Искренно вамъ доброжелательный

«Николай»[35].

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько строкъ изъ записокъ одного изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Ермолова: генералъ-адъютанта А. Х. Бенкендорфа; по этому отзыву можно судить о томъ, какимъ образомъ въ то время въ извѣстныхъ сферахъ разсуждали о проконсулѣ въ Грузіи.

«Генералъ Ермоловъ, десять лѣтъ начальствовавшій Кавказомъ, — пишетъ Бенкендорфъ, — давно предсказывавшій войну съ Персіей, снабженный постепенно по его требованіямъ всѣми средствами къ защитѣ края, наконецъ имѣвшій въ своемъ распоряженіи вдвое болѣе войскъ, чѣмъ его предмѣстникъ, — генералъ Ермоловъ, несмотря на все это, былъ застигнутъ врасплохъ. Крѣпости нуждались и въ жизненныхъ и въ боевыхъ припасахъ; начальникамъ не были даны инструкціи и не были назначены сборные пункты; словомъ онъ десять лѣтъ управлялъ краемъ со всѣмъ самовластіемъ и непредусмотрительностію турецкаго паши! Въ его донесеніи государю о вѣроломномъ вторженіи персіянъ явно отозвались нерѣшительность и малодушіе, и онъ до того растерялся, что предсказывалъ даже могущую открыться необходимость очистить Грузію и столицу ея, Тифлисъ, уступить персіянамъ. Въ то же время онъ просилъ прислать генерала, которому могъ бы поручить начальствованіе частію войскъ, считая себя слишкомъ занятымъ, чтобы лично распоряжаться военными дѣйствіями, и представляя положеніе края уже почти въ совершенно отчаянномъ видѣ. Между тѣмъ этотъ же Ермоловъ, котораго репутація была плодомъ частію собственной его хвастливости, постоянно критиковалъ образъ дѣйствія своихъ предшественниковъ, обѣщалъ золотыя горы и, вмѣсто того, возстановилъ только противъ насъ всѣ сосѣдственныя племена строгостію и заносчивостію, прямо противоположными наказамъ, которыми всегда руководствовались въ сношеніяхъ съ ними наши главноуправляющіе въ этомъ краѣ».

Отзывы о Ермоловѣ, встрѣчающіеся въ перепискѣ А. Х. Бенкендорфа, отличаются еще большею рѣзкостью. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ графу М. С. Воронцову отъ 17-го января 1827 года Бенкендорфъ съ радостью восклицаетъ: «Вотъ онъ, этотъ великій патріотъ, который

Библиотека "Руниверс"

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
(Съ портрета, писаннаго Кипренскимъ).

находилъ, что Барклай, Витгенштейнъ и всѣ тѣ, которые не носили московскаго имени, — недостойны чести называться русскими, теперь онъ является въ своемъ настоящемъ значеніи»[36].

Въ этихъ немногихъ словахъ обнаруживается истинная подкладка всѣхъ нападокъ на Ермолова; исходную точку враждебнаго противъ

Библиотека "Руниверс"

него настроенія слѣдуетъ искать въ событіяхъ 1812 года и въ послѣдующихъ затѣмъ походахъ. Въ этомъ случаѣ представляется одинъ возможный выводъ: извѣстная партія никогда не могла простить Ермолову все, что онъ говорилъ, писалъ и творилъ въ эту достопамятную эпоху. Счеты были сведены въ 1826 году.

V.

Императоръ Николай возвратился изъ Москвы въ Царское Село 5-го (17-го) октября, а на другой день 6-го (18-го) октября прибылъ въ Петербургъ. Городъ былъ иллюминованъ три дня сряду.

Еще будучи въ Москвѣ, государь, ожидая со дня на день окончанія переговоровъ съ турками въ Аккерманѣ и заключенія конвенціи, писалъ цесаревичу 27-го сентября: «Dieu veuille qu'elle nous épargne la guerre qui serait un vrai fléau». Надежды, высказанныя Николаемъ Павловичемъ, сбылись. Проѣздомъ черезъ Тверь, 1-го (13-го) октября, государь получилъ радостное извѣстіе объ успѣшномъ окончаніи переговоровъ; турецкіе уполномоченные приняли и 25-го сентября (7-го октября) 1826 года подписали проектъ конвенціи, предъявленный Россіею.

Порта обязалась: подтвердить во всей силѣ Букарестскій трактатъ; принять разграничительную линію на Дунаѣ; оставить за нами спорныя мѣстности на восточномъ берегу Чернаго моря; удовлетворить иски русскихъ подданныхъ и обезпечить наши торговые интересы на Востокѣ. Къ конвенціи присоединены были два отдѣльныя постановленія о княжествахъ Молдавіи и Валахіи, и относительно Сербіи.

Аккерманская конвенція должна была положить конецъ нашимъ пререканіямъ съ Оттоманской Портой, не прекращавшимся съ самаго Букарестскаго мира; но хотя временно война Россіи съ Турціей была отклонена, однако уступчивость Порты, вызванная бунтомъ янычаръ и греческимъ возстаніемъ, не предвѣщала въ будущемъ продолжительнаго сохраненія мира на Востокѣ. Къ тому же заключеніе Аккерманской конвенціи возбудило неудовольствіе Австріи. Гентцъ нашелъ даже, что ничего не бывало болѣе насильственнаго и вѣроломнаго даже въ дипломатическихъ актахъ Наполеона и его достойныхъ сподвижниковъ! Совѣты же австрійскихъ дипломатовъ, конечно, не остались безъ вліянія на послѣдующій образъ дѣйствій Оттоманской Порты по отношенію къ Россіи.

По свидѣтельству одного изъ декабристовъ, въ донесеніи слѣдственной комиссіи не выставлено было ни одно обстоятельство, ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить участіе и сочувствіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ,

Библиотека "Руниверс"

въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи! Сколько сдѣлано было вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка и въ законодательствѣ, и въ администраціи! Сколько высказано было уроковъ для уврачеванія тяжкихъ язвъ, снѣдавшихъ Россію, — уничтоженіемъ крѣпостного рабства цѣлой трети ея народонаселенія, винныхъ откуповъ. Всѣ эти горькія истины и многія другія откровенно и добросовѣстно высказаны были подсудимыми. Долгое время думали, что императоръ Николай не обратилъ на эти заявленія никакого вниманія; однако же оказывается, что строгіе критики ошиблись въ своихъ заключеніяхъ. Всѣ заявленія подсудимыхъ въ упомянутомъ смыслѣ не прошли безслѣдно.

По возвращеніи въ Петербургъ послѣ коронаціи, императоръ Николай повелѣлъ передать Боровкову мнѣнія, высказанныя декабристами по поводу внутренняго состоянія государства въ царствованіе императора Александра, съ тѣмъ, чтобы составить изъ нихъ особую записку. Бывшій правитель дѣлъ комитета приступилъ къ этой работѣ и составилъ сводъ мнѣній въ систематическомъ порядкѣ, откинувъ только, какъ онъ пишетъ, повторенія и пустословіе; «но мысли даже въ способѣ изложенія оставилъ я по возможности безъ перемѣны. Сводъ главнѣйше извлеченъ изъ отвѣтовъ Батенкова, Штейнгеля, Александра Бестужева и Переца». Записка Боровкова была представлена императору Николаю 6-го (18-го) февраля 1827 года[37]. Государь, оставивъ у себя записку, передалъ одну копію цесаревичу Константину Павловичу, а другую графу Кочубею.

«Государь, — сказалъ графъ Кочубей Боровкову, — часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго; да и я часто къ нему прибѣгаю. Вы хорошо и ясно изложили разсѣянныя идеи, кажется, добавили и своихъ свѣдѣній». «Мнѣ пріятно было, — пишетъ Боровковъ въ своихъ запискахъ, — слышать лестный отзывъ умнаго государственнаго мужа о моей работѣ, но еще пріятнѣе было видѣть проявленіе ея въ разныхъ постановленіяхъ и улучшеніяхъ, выходящихъ съ того времени».

Приведемъ здѣсь изъ этой записки заключительныя слова ея:

«Кратко изображенное внутреннее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріялъ скипетръ нынѣ царствующій императоръ, и сколь великія трудности предлежатъ къ преодолѣнію. Надобно даровать ясные положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улуч-

Библиотека "Руниверс"

шить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ — исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія».

Еще въ исходѣ 1826 года престарѣлый князь Лопухинъ обратился къ императору Николаю съ просьбою объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 2-го ноября онъ писалъ:

«Въ службу вступилъ я въ царствованіе блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны 1760 года, марта 5-го дня, и прослужилъ оную какъ въ военномъ, такъ и гражданскомъ званіи со всѣмъ усердіемъ вѣрноподданнаго. Усилившаяся глухота, слабость зрѣнія, преклонность лѣтъ моихъ и разстроенное здоровье дѣлаютъ меня нынѣ совершенно неспособнымъ къ службѣ и лишаютъ возможности продолжать оную съ желаемымъ усердіемъ. Почему, припадая къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я могъ остатокъ дней моихъ провести въ тишинѣ и спокойствіи, моля Всевышняго о ниспосланіи вамъ, всемилостивѣйшій государь, и всей императорской фамиліи, долголѣтняго здравія и благоденствія» [38].

Желаніе князя Лопухина не было, однако, уважено; онъ продолжалъ занимать должность предсѣдателя государственнаго совѣта до своей кончины, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1827 года. Его мѣсто занялъ 29-го апрѣля графъ В. П. Кочубей, назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ комитета министровъ.

Вскорѣ послѣ этого назначенія графу Кочубею пришлось принять участіе въ рѣшеніи весьма важнаго вопроса, возбужденнаго генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ. Императоръ Николай пожелалъ, «дабы государственный совѣтъ постановилъ законъ, чтобъ крѣпостныя дѣти отнюдь не были отдаваемы для воспитанія въ такія учебныя заведенія, въ коихъ они могли получить образованіе, превышающее состояніе ихъ, и чтобъ были обучаемы въ приходскихъ училищахъ» [39]. Когда высочайшая воля была сообщена на заключеніе графу Кочубею (10-го іюля 1827 года), то онъ, вполнѣ сочувствуя предложенной мѣрѣ, высказалъ, однако, мнѣніе, что она можетъ быть приведена въ дѣйствіе безъ всякаго участія государственнаго совѣта, простымъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія.

«Я смѣю думать, — писалъ графъ Кочубей, — что таковое распоряженіе и потому было бы удобнѣе, что оно произвело бы менѣе огласки. Законъ, совѣтомъ изданный, сдѣлался бы всей Европѣ извѣстнымъ, произошли бы разные толки и проч., и хотя мы находимся въ особомъ положеніи отъ другихъ европейскихъ державъ по внутреннимъ нашимъ установленіямъ, однако жъ не можно презирать мнѣніемъ оныхъ, ни

Библиотека "Руниверс"

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу.

Библиотека "Руниверс"

мнѣніемъ внутри самого государства; наипаче должно стараться основать оное, сколько можно лучше, при началѣ царствованія, большія надежды въ подданныхъ породившаго» [40].

Мнѣніе графа Кочубея было принято императоромъ Николаемъ [41], и затѣмъ Д. Н. Блудову повелѣно было изготовить проектъ указа на имя

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Исторіи русской словесности" Полевого).

министра народнаго просвѣщенія, адмирала Шишкова. Онъ удостоился высочайшаго одобренія 19-го августа 1827 года.

Приведемъ здѣсь содержаніе этого рескрипта, который служитъ характеристикой правительственныхъ воззрѣній, вступившихъ въ силу послѣ 14-го декабря 1825 года. Вотъ что возвѣщалъ рескриптъ:

«Александръ Семеновичъ. Вамъ извѣстно, что, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державы, отъ Бога мнѣ врученной, я желаю, чтобъ для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобъ повсюду предметы ученія и

Библиотека "Руниверс"

самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость, но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу [42]. До свѣдѣнія моего дошло между прочимъ, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій. Съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ. Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

«1) чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ или подъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія, а равно и въ гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ, кои представятъ удостовѣрительные въ томъ виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству и не имѣли никакого иного званія;

«2) чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ;

и 3) чтобъ они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены, или впредь будутъ учреждаемы казною и частными людьми для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и

Библиотека "Руниверс"

въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусствъ и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ въ уѣздныхъ училищахъ.

«Постановляя сіи правила и поручая вамъ привести оныя въ дѣйство, я не сомнѣваюсь, что воля моя будетъ въ точности исполнена. Снабдивъ попечителей учебныхъ округовъ и прочія подчиненныя вамъ мѣста и лица надлежащими наставленіями, вы можете, когда нужно, объявлять о сихъ распоряженіяхъ и начальствамъ другихъ вѣдомствъ, распространяя отнынѣ надзоръ министерства, вамъ ввѣреннаго, на всѣ училища безъ исключенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ; комитетъ устройства учебныхъ заведеній не оставитъ съ своей стороны заняться изысканіемъ средствъ, чтобы въ уѣздныя училища ввести курсъ ученія, достаточный для воспитанія людей нижнихъ состояній въ государствѣ, стараясь въ особенности обогащать ихъ тѣми свѣдѣніями, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть имъ истинно полезны.

«Пребываю благосклонный къ вамъ».

Адмиралу Шишкову недолго пришлось слѣдить за исполненіемъ повелѣній приведеннаго здѣсь рескрипта. Преклонныя лѣта заслуженнаго государственнаго дѣятеля заставили его покинуть министерство, во главѣ котораго онъ находился съ 1824 года по волѣ императора Александра [43]. Но до своего удаленія онъ успѣлъ наградить русскую литературу новымъ тяжеловѣснымъ цензурнымъ уставомъ, или, какъ его называли, чугуннымъ, высочайше утвержденнымъ 10-го іюня 1826 года. Онъ состоялъ изъ 230 параграфовъ и, по суровости своей, заставилъ не разъ вспоминать объ уставѣ, изданномъ въ 1804 году, въ лучшую пору царствованія императора Александра Павловича. Шишковскій уставъ существенно разнился отъ прежняго, допускавшаго руководствоваться «благоразумнымъ снисхожденіемъ» и «выгоднѣйшимъ» для сочинителя толкованіемъ, между тѣмъ какъ уставъ 1826 года допускалъ толкованіе сомнительныхъ и двусмысленныхъ мѣстъ въ худшую сторону. Цензоръ С. Н. Глинка говорилъ, что, руководствуясь уставомъ Шишкова, «можно и Отче нашъ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ».

При такомъ направленіи цензурнаго дѣла не легко было что либо печатать, а дѣятелямъ, подобнымъ извѣстному А. И. Красовскому, открывалось обширное поле дѣятельности. Къ прежнимъ цензурнымъ куріозамъ прибавилось несмѣтное число новыхъ, изъ которыхъ возможно набрать цѣлую книгу. Красовскій дошелъ до того, что по поводу одного слегка эротическаго стихотворенія Даля, не дозволеннаго цензурнымъ комитетомъ, прибавилъ съ своей стороны нравоучительное наставленіе: «особенно неприлично нынѣ, въ продолженіе великаго поста». Офиціаль-

Библиотека "Руниверс"

ная переписка того времени явственно обрисовываетъ положеніе, въ которое было поставлена цензура, — «положеніе чисто страдательное и почти зависимое отъ всѣхъ прочихъ вѣдомствъ» [44]. Дѣло дошло до того, что въ сущности одна только чистая поэзія и беллетристика подлежали вѣдѣнію цензурныхъ комитетовъ, все же прочее требовало разрѣшенія того или другого вѣдомства. А впрочемъ случались и такіе эпизоды, что какое нибудь министерство вооружалось и противъ напечатанной повѣсти, если въ разсказѣ затронуто было въ неблагопріятномъ смыслѣ лицо, облеченное въ мундиръ извѣстнаго вѣдомства. Что же касается цензоровъ, то за провинности по должности для нихъ широко раскрывались двери гауптвахты, авторамъ же грозила иной разъ солдатская шинель.

Цензурныя строгости нѣсколько смягчились съ назначеніемъ въ 1828 году новаго министра народнаго просвѣщенія, генерала князя Карла Андреевича Ливена. Явился новый цензурный уставъ, утвержденный 22-го апрѣля 1828 года, облегчившій, хотя и въ слабой степени, драконовскія постановленія Шишкова. Въ новомъ уставѣ, между прочимъ, постановлено было, чтобы цензора принимали всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Но событія 1830 года вскорѣ снова ухудшили положеніе печати, которая съ того времени постепенно все болѣе стѣснялась до 1855 года.

Обращая особенную заботливость на положеніе учебныхъ заведеній, усердно навѣщая ихъ, императоръ Николай не оставлялъ также безъ вниманія и другихъ правительственныхъ учрежденій.

10-го (22-го) августа 1827 года, Николай Павловичъ неожиданно посѣтилъ около десяти часовъ утра сенатъ. Государь вошелъ черезъ уголовный департаментъ, не заставъ тамъ никого, прошелъ во 2-й департаментъ, который также нашелъ пустымъ. Наконецъ, войдя въ 3-й департаментъ, онъ засталъ въ немъ сенатора П. Г. Дивова. «Его величество подалъ мнѣ руку и пожалъ мою, — записалъ Дивовъ въ своемъ дневникѣ.—Я повелъ его изъ департамента въ департаментъ. Онъ сказалъ мнѣ сначала на ухо: «это кабакъ», затѣмъ повторилъ это слово очень громко. Я замѣтилъ, что хорошо только зало общаго собранія. — «Дѣйствительно оно красиво», — сказалъ государь, войдя въ это зало. Оттуда я повелъ его въ 1-й департаментъ, но государь туда не зашелъ. Уходя онъ поручилъ мнѣ передать моимъ сотоварищамъ сенаторамъ, что онъ былъ у нихъ съ визитомъ, но никого не засталъ».

Слѣдствіемъ этого посѣщенія былъ рескриптъ, послѣдовавшій на имя министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго, который сообщилъ сенаторамъ, что высочайше повелѣно имъ собираться безъ отговоровъ въ часы, указанные регламентомъ Петра Великаго; о тѣхъ же, кои сего не исполнятъ, узнавъ причину, доносить при ежедневныхъ табеляхъ.

Библиотека "Руниверс"

Статсъ-секретарь Муравьевъ заступился за сенаторовъ; хотя, по его мнѣнію, посѣщеніе государя «сдѣлало полезную электризацію параличному», но во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 11-го августа Муравьевъ донесъ, что по регламенту присутствіе должны начинать въ кратчайшіе дни въ 6, а въ долгіе въ 8 часовъ утра и продолжать оное 5 часовъ времени, между тѣмъ «по силѣ рода нынѣшней общей жизни мало найдется людей довольно сильныхъ, чтобы быть въ состояніи долго перенесть регламентомъ учрежденный порядокъ присутствованія». «Никто изъ государственныхъ людей, безъ крайней нужды, не выѣзжаетъ изъ дома ранѣе 9-ти или 10-ти часовъ утра». Поэтому,—заключаетъ Муравьевъ,—императоръ Александръ въ 1805 году постановилъ членамъ адмиралтействъ-коллегіи съѣзжаться въ присутствіе между 10 и 11 часовъ утра.

Вѣроятно, рѣшеніе императора Николая относительно сената видоизмѣнено было въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго Муравьевымъ.

Посѣщеніе государемъ городскихъ больницъ, Обуховской и Калинкинской, найденныхъ въ непростительномъ запущеніи, также сопровождалось соотвѣтственной «электризаціей».

8-го ноября 1826 года, великій князь Михаилъ Павловичъ назначенъ былъ въ день своего тезоименитства командующимъ гвардейскимъ корпусомъ на мѣсто генералъ-адъютанта Воинова, который, какъ сказано было въ высочайшемъ приказѣ, «увольняется въ отпускъ для излѣченія болѣзни на шесть мѣсяцевъ и назначается командиромъ 7-го пѣхотнаго корпуса»[45].

На первыхъ же порахъ императору Николаю пришлось сдерживать порывы вспыльчивости и горячности брата; строгость и мелочная требовательность великаго князя должны были неизбѣжно вызвать неудовольствіе среди подчиненныхъ ему чиновъ гвардіи. Добрый, рыцарски благородный, преисполненный отеческой заботливости къ ввѣреннымъ ему войскамъ вообще и корпусу гвардейскихъ офицеровъ въ особенности, великій князь, увлекаемый ревностью къ страстно любимой имъ фронтовой службѣ и горячностью своего темперамента, вдавался иногда въ чрезмѣрныя вспышки неудовольствія.

Въ перепискѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа сохранились слѣды этихъ столкновеній и его личнаго вмѣшательства въ возникавшіе раздоры съ цѣлью умиротворенія. «Начиная съ нѣкотораго времени,—пишетъ шефъ жандармовъ,—жалобы на мелочную требовательность и строгость великаго князя Михаила возросли до такой степени, что это стало казаться тревожнымъ; графъ Кочубей, генералъ Васильчиковъ и наконецъ я говорили объ этомъ съ императоромъ, предварительно, однако, не условившись между собою, что доказало, что слухъ былъ повсемѣстный. Мнѣ приказали переговорить съ великимъ княземъ; сцена должна была

Библиотека "Руниверс"

быть преисполнена волненія и тягостна для меня и огорчительна для государя; въ результатѣ оказалось, что вотъ уже четыре дня, какъ его высочество сдѣлался неузнаваемымъ; онъ вѣжливъ, привѣтливъ, однимъ словомъ, такой, какимъ бы долженъ быть постоянно, а я, быть можетъ, навсегда поссорился съ нимъ. Но лишь бы была польза, а я во всемъ утѣшусь, потому что моя единственная цѣль — благо, но трудно дѣйствовать; съ каждымъ днемъ гнѣвъ высшихъ чиновниковъ, а именно генералъ-губернаторовъ обѣихъ столицъ, ростетъ противъ меня, по той причинѣ, что общественное мнѣніе высказывается за учрежденіе высшей охранительной полиціи и, осмѣлюсь сказать, за то, какъ я руковожу ею. Пока только окажется возможнымъ, я оберегу императора отъ какихъ бы то ни было непріятностей; я посѣдѣю отъ этого, но никогда не стану жаловаться; когда интриги превзойдутъ мѣры моего терпѣнія, я попрошу мѣсто моего брата во главѣ какой либо кавалерійской части, тамъ, по крайней мѣрѣ, когда гремятъ орудія, интрига остается позади фронта»[46].

Черезъ нѣсколько недѣль Бенкендорфъ могъ сообщить своему конфиденту, что все идетъ хорошо; великій князь обходителенъ съ своими подчиненными, и остается желать, чтобы онъ заставилъ гвардію полюбить себя, что такъ легко для него; тогда, заключаетъ Бенкендорфъ, мы можемъ оставаться спокойными, прося лишь Бога о продленіи счастія, которымъ пользуемся. «Я одинъ лишь расплачиваюсь за все; но я готовъ помириться съ этимъ, лишь бы были довольны великимъ княземъ».

Но, къ сожалѣнію, подобное затишье продолжалось обыкновенно не долго, и жалобы возобновлялись попрежнему, такъ что однажды въ значительно позднѣйшее время императоръ Николай нашелся вынужденнымъ писать А. Х. Бенкендорфу: «Больно читать, ей-Богу, не знаю, чѣмъ помочь, ибо ни убѣжденія, ни приказанія, ни просьбы не помогаютъ, — что дѣлать?»

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая для Россіи наступила если не новая эра, то все-таки нѣкоторое обновленіе правительственной системы, господствовавшей въ послѣднее десятилѣтіе правленія Александра I. Для осуществленія этого обновленія нѣкоторые наиболѣе вредные для общественнаго благополучія люди должны были сойти съ занимаемаго ими поприща дѣятельности; къ такимъ лицамъ принадлежали графъ Аракчеевъ и Магницкій.

Послѣ отстраненія графа Аракчеева отъ завѣдыванія общими государственными дѣлами, 20-го декабря 1825 года, можно было быть увѣреннымъ, что онъ не останется надолго и во главѣ управленія военными поселеніями. Послѣ погребенія тѣла императора Александра наступило и это вожделѣнное событіе. Здоровье графа Аракчеева, послѣ потери своего отца и благодѣтеля, сильно пошатнулось; по его собственному признанію, онъ, «убитый старикъ», дошелъ до такого состоянія, что ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Наконецъ, по совѣту пользовавшихъ его врачей, онъ нашелъ себя вынужденнымъ просить объ увольненіи за границу для пользованія карлсбадскими водами.

Неумолимый противникъ графа Аракчеева, генералъ-адъютантъ Закревскій, признававшій всегда грузинскаго отшельника самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи, относился скептически къ страданіямъ его и писалъ князю Волконскому [47]:

«О змѣѣ по слухамъ знаю, что онъ при началѣ весны намѣренъ ѣхать въ Карлсбадъ; но вѣрно не для того, чтобы отогрѣть свое ядовитое замерзшее жало, а чтобы скрыть себя отъ отечества, которое смотритъ теперь на него, какъ на чудовище. Но гдѣ онъ укроется отъ тер-

Библиотека "Руниверс"

занія своего сердца? И можетъ ли имѣть столько духу, чтобъ возвратиться скоро на зыблемое свое логовище».

Но болѣзнь существовала въ дѣйствительности и оказалась столь же неумолимою, какъ и приговоръ современниковъ надъ дѣяніями бывшаго всемогущаго временщика.

9-го (21-го) апрѣля 1826 года, графъ Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, имѣющимъ первостепенное значеніе для характеристики безъ лести преданнаго графа и его дѣятельности по управленію военными поселеніями. Приведемъ здѣсь полностію этотъ замѣчательный историческій документъ. Графъ Аракчеевъ пишетъ:

«Ваше императорское величество,

«всемилостивѣйшій государь!

«Нѣсколько лѣтъ уже я страдаю болію въ груди: общее несчастіе — горестная кончина государя императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего, довершило разстройство моего здоровья и довело наконецъ до такого состоянія, что я ни днемъ ни ночью не имѣю покою. Я совѣтовался со многими врачами, но ни одинъ не могъ облегчить меня. Всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно средство — испытать карлсбадскія воды; я долженъ послѣдовать ихъ совѣту. Всемилостивѣйшій государь! Я служу уже четвертому россійскому государю, офицеромъ съ 1787 года, и во всѣ сіи тридцать девять лѣтъ въ первый разъ прошу у моего императора объ отпускѣ меня за границу. Я испрашиваю сего отпуска единственно для поправленія моего здоровья. Ежели Всевышній благоволитъ ниспослать мнѣ облегченіе отъ болѣзни, то я могу продолжать мое служеніе вамъ, всемилостивѣйшій государь, съ тѣмъ же чистымъ и прямымъ усердіемъ, которое руководило меня при жизни покойнаго государя, отца и благодѣтеля моего, ежели только служба моя угодна будетъ вашему императорскому величеству.

«Новое государственное учрежденіе военныхъ поселеній, въ моемъ управленіи состоящее, съ Божіею помощію и особымъ высочайшимъ въ Бозѣ почивающаго государя императора, отца и благодѣтеля моего, Александра Павловича, попеченіемъ, получило уже твердое основаніе во всѣхъ частяхъ его устройства, такъ что теперь оно не требуетъ болѣе ничего, кромѣ охраненія заведеннаго вездѣ порядка.

«Что касается до денежныхъ способовъ военныхъ поселеній, то я оставляю наличныхъ денегъ болѣе тридцати двухъ милліоновъ рублей. Кажется, могу я открыто и съ позволеннымъ вѣрному слугѣ своего государя христіанскимъ удовольствіемъ сказать, что сія часть въ такомъ положеніи, какое, конечно, не всѣмъ другимъ извѣстно, и въ какомъ, можетъ быть, никто не воображаетъ себѣ военныхъ поселеній; въ

Библиотека "Руниверс"

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

дополненіе же онаго всеподданнѣйше доношу, что всѣ закономъ установленные отчеты по военнымъ поселеніямъ сданы уже государственному контролю по 1825 годъ, въ чемъ удостовѣряютъ полученныя отъ онаго квитанціи.

«Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе особую записку о капиталахъ военныхъ поселеній[48].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Ежели мои труды и усердіе въ скопленіи и пріобрѣтеніи сихъ значительныхъ суммъ удостоятся обратить на себя хотя нѣсколько вниманія вашего императорскаго величества, то въ награду оныхъ я прошу оказать мнѣ двѣ монаршія милости: дозволить мнѣ подносимую записку напечатать въ «Инвалидѣ» къ общему свѣдѣнію и предоставить мнѣ пользоваться во время отпуска нынѣ получаемымъ мною содержаніемъ. Оно не огромно, всемилостивѣйшій государь, и менѣе получаемаго не только моими сотоварищами, но даже и многими статсъ-секретарями.

«Не позволилъ бы я себѣ утруждать ваше императорское величество просьбою о послѣднемъ, ежели бы могъ безъ того обойтись въ приготовленіи себя къ отъѣзду и въ содержаніи себя за границею, но мои нужды доказываетъ продажа домовыхъ моихъ столовыхъ серебряныхъ вещей, что должно быть небезызвѣстно и вамъ, всемилостивѣйшій государь, по докладамъ вашего гофмаршала и управляющаго кабинетомъ. Письмо мое къ сему послѣднему я бы желалъ, дабы оно доведено было до высочайшаго свѣдѣнія.

«Но ежели я не пріобрѣлъ службою моего права и на сію милость вашего императорскаго величества, то долженъ буду прибѣгнуть для путевыхъ издержекъ къ займу денегъ подъ залогъ единственнаго Грузинскаго моего имѣнія, дарованнаго мнѣ за службу въ Бозѣ почивающимъ вашимъ родителемъ: имѣніе сіе составляетъ все мое благосостояніе, и я со времени пожалованія онаго мнѣ не прибавилъ къ нему ни единой души крестьянъ, ни единой десятины земли, ни покупкою, ни наградами розданныхъ арендъ и земель.

«Всемилостивѣйшій государь, все здѣсь изложенное столь истинно, что я могу подвергнуть оное суду самыхъ моихъ недоброжелателей. Мнѣ кажется, и они, прочитавъ все оное, ежели бы не отдали мнѣ справедливости, то, конечно, восчувствовали бы въ совѣсти своей нѣкоторое волненіе. Я предаю себя сердцевѣдцу Богу и моему всемилостивѣйшему государю, августѣйшему брату блаженныя памяти государя, отца и благодѣтеля моего. Служа его величеству вѣрою и правдою, я не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства, я имѣлъ счастіе удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ: его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшеніемъ, а нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство, изречетъ всему справедливый приговоръ.

«Остаюсь навѣкъ, съ глубочайшимъ и истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію,

«вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный,
«графъ Аракчеевъ».

Библиотека "Руниверс"

Въ отвѣтъ на это письмо государь, разрѣшивъ графу Аракчееву заграничный отпускъ, пожаловалъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, на дорожныя издержки 50.000 рублей.

Оставаясь вѣрнымъ системѣ, усвоенной себѣ въ продолженіе всего царствованія императора Александра и заключавшейся въ неизмѣнномъ уклоненіи отъ высочайшихъ наградъ, графъ Аракчеевъ и на этотъ разъ остался себѣ вѣрнымъ, не соблаговоливъ воспользоваться дарованною ему наградою; онъ не замедлилъ дать пожалованнымъ ему деньгамъ такое назначеніе, которое едва ли найдетъ себѣ въ служебномъ мірѣ много подражателей. 17-го апрѣля, графъ обратился къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ просьбою принять отъ него 50.000 рублей для составленія капитала, на проценты котораго воспитывать въ императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ пять дѣвицъ сверхъ штата.

Но графъ Аракчеевъ не довольствовался этимъ великодушнымъ поступкомъ и довершилъ оказанное имъ благодѣяніе тѣмъ, что пожертвовалъ въ добавокъ къ 50.000 рублямъ еще 2.500 рублей, «дабы бѣдныя дѣвицы, — какъ писалъ онъ 3-го мая императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, — въ семъ году еще воспользовались дарованною мнѣ отъ государей императоровъ милостію» [49].

Что же касается до денежныхъ средствъ, въ которыхъ нуждался графъ Аракчеевъ для заграничнаго путешествія, то, какъ упомянуто во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 9-го апрѣля, онъ приступилъ къ продажѣ своихъ драгоцѣнностей. Для этой цѣли графъ Аракчеевъ обратился 9-го марта 1826 года съ просьбою къ князю А. Н. Голицыну о продажѣ въ кабинетъ его величества своихъ драгоцѣнностей, прося оцѣнить ихъ по-христіански. Приведемъ здѣсь это письмо, преисполненное свойственнымъ графу Аракчееву язвительнымъ юморомъ.

«Судьбы человѣческія неисповѣдимы! — пишетъ Аракчеевъ. — Я всегда располагалъ себя такъ, чтобъ мнѣ никогда ваше сіятельство не безпокоить моими просьбами, но нынѣ долженъ по необходимости преступить сіе правило и адресоваться къ вашему сіятельству съ моею слѣдующею просьбою.

«Служа съ офицерскаго чина 39 лѣтъ четвертому россійскому государю, во все оное время накопились у меня жалованныя вещи. Но какъ я по болѣзни моей долженъ буду просить себѣ увольненія къ водамъ, а для сего нужны деньги, то я и рѣшился всѣ имѣющіяся жалованныя вещи продать.

«Прилагая о сихъ вещахъ подробную опись, прошу васъ, милостивый государь, приказать купить оныя въ кабинетъ его величества, гдѣ, я полагаю, по нынѣшнему приближающемуся торжественному коронованію подобныя вещи будутъ нужны.

Библиотека "Руниверс"

«Если ваше сіятельство прикажете оныя мои вещи, накопленныя въ 39 лѣтъ моей службы, оцѣнить по-христіански, то я за оное буду вамъ, милостивый государь, весьма благодаренъ, ибо симъ самымъ увеличится моя сумма, потребная мнѣ на приготовленіе къ моему отъѣзду».

Письмо это является тѣмъ болѣе любопытнымъ историческимъ документомъ, если вспомнить, что еще не задолго до того, а именно въ 1824 году, графъ Аракчеевъ, въ союзѣ съ архимандритомъ Фотіемъ, сокрушилъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которымъ управлялъ тогда князь А. Н. Голицынъ; по свидѣтельству же Фотія, графъ Аракчеевъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, «яко Георгій Побѣдоносецъ» [50].

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ не оказался злопамятнымъ и отнесся къ своему недавнему врагу вполнѣ по-христіански; онъ тотчасъ отвѣтилъ графу Аракчееву, что оцѣнка вещей его будетъ сдѣлана по всей справедливости.

Сверхъ брилліантовъ графъ Аракчеевъ продалъ еще въ придворную контору серебро и фарфоръ, такъ что окончательно продажа всѣхъ вещей состоялась на слѣдующихъ условіяхъ:

Табакерка черепаховая, оправленная въ золото и украшенная брилліантами, подаренная въ 1812 году наслѣднымъ принцемъ шведскимъ.	8.400 р.
Перстень брилліантовый съ вензелемъ императора Павла.	2.100 »
Серебряная посуда, десертное вызолоченное серебро и фарфоровыя десертныя тарелки. . . .	28.390 »
Итого. .	38.890 р.

На счетахъ же рукою графа Аракчеева написано: «Всего денегъ получено 38.890 рублей, которыя всѣ отданы въ коммерческій банкъ 7-го апрѣля 1826 года и взяты на расходы графомъ за границу 1-го мая 1826 года».

Судьба военныхъ поселеній опредѣлилась слѣдующимъ рескриптомъ императора Николая на имя графа Аракчеева, отъ 30-го апрѣля 1826 года:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Для поправленія разстроеннаго вашего здоровья, сходно съ желаніемъ вашимъ, увольняю васъ къ водамъ за границу, предоставляя вамъ управленіе отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній во время вашего отсутствія поручить на общихъ правилахъ начальнику штаба,

Библиотека "Руниверс"

Графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій.
(Съ гравированнаго портрета Киселева 1828 года).

генералъ-майору Клейнмихелю, который обязанъ о дѣлахъ важныхъ, требующихъ вашего разрѣшенія, относиться къ начальнику главнаго моего штаба. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ» [51].

Хотя по смыслу рескрипта 30-го апрѣля казалось, что графъ Аракчеевъ только временно разстается съ корпусомъ военныхъ поселеній, до излѣченія болѣзни, но въ дѣйствительности онъ простился съ своимъ твореніемъ навсегда. 1-го мая, графъ Аракчеевъ отдалъ свой послѣдній

Библиотека "Руниверс"

прощальный приказъ, въ которомъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, называетъ ихъ почтенными сотоварищами и добрыми солдатами военныхъ поселеній. Этотъ трогательный приказъ былъ послѣднимъ откликомъ той отнынѣ замиравшей сельской идилліи, которою графъ Аракчеевъ восхищалъ и утѣшалъ императора Александра въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія[52].

По возвращеніи графа Аракчеева изъ-за границы въ исходѣ 1826 года, онъ уже болѣе не вступалъ въ исправленіе своихъ обязанностей. На основаніи послѣдовавшаго тогда указа, штабъ военныхъ поселеній былъ присоединенъ къ главному штабу его императорскаго величества, подъ вѣдѣніе начальника его, генералъ-адъютанта барона Дибича[53]. Съ этого времени новгородское военное поселеніе поступило въ полное управленіе генерала отъ инфантеріи князя Шаховского, получившаго званіе командира отдѣльнаго гренадерскаго корпуса; Херсонское и Екатеринославское поселенія были подчинены также на правахъ командира отдѣльнаго корпуса начальнику этихъ поселеній, графу Витту, а поселенія въ Слободско-Украинской и Могилевской губерніяхъ остались въ завѣдываніи своихъ прежнихъ начальниковъ, имѣвшихъ званіе отрядныхъ командировъ.

Извѣстіе объ этой новой организаціи военныхъ поселеній графъ Аракчеевъ получилъ при возвращеніи въ Россію. Это видно изъ письма его къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 5-го декабря 1826 года изъ Кіева.

«Не осмѣливаясь,—пишетъ Аракчеевъ,—безпокоить моимъ донесеніемъ его императорскому величеству, всемилостивѣйшему моему государю императору, о полученномъ мною 2-го декабря, послѣдовавшемъ на мое имя прошлаго октября 23-го числа указѣ, о присоединеніи военныхъ поселеній въ главный штабъ его императорскаго величества, я по званію вашему увѣдомляю объ оном васъ, милостивый государь, для доклада государю императору.

«Покорно прошу ваше высокопревосходительство, при докладѣ вашемъ его императорскому величеству, изъяснить мою вѣрноподданную благодарность за увольненіе меня отъ занятіевъ по военному поселенію, что дѣйствительно мнѣ нужно для поправленія совершенно разстроеннаго моего здоровья, которое необходимо требуетъ единственной мнѣ уединенно-спокойной жизни».

24-го декабря 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ отвѣчалъ своему бывшему покровителю:

«Содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства ко мнѣ отъ 5-го сего декабря я доводилъ до свѣдѣнія государя императора, и по высочайшему повелѣнію въ отвѣтъ на оное имѣю честь увѣдомить, что его величество искренно желаетъ, дабы отдохновеніе отъ долговремен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ трудовъ, на пользу службы вами понесенныхъ, могло способствовать къ совершенному возстановленію разстроеннаго вашего здоровья».

Судя по приведеннымъ здѣсь письмамъ, остается открытымъ вопросъ: составлялъ ли указъ отъ 23-го октября неожиданное для Аракчеева проявленіе высочайшей воли, или же прекращеніе исключительнаго положенія, существовавшаго для военныхъ поселеній въ администраціи имперіи, являлось результатомъ соглашенія, состоявшагося еще до отъѣзда графа Алексѣя Андреевича за границу. Но, какъ бы то ни было, съ этого времени графъ Аракчеевъ, распростившись окончательно съ служебнымъ поприщемъ, дѣйствительно обратился въ грузинскаго отшельника — наименованіе, которымъ онъ столь часто злоупотреблялъ въ дни прошедшихъ навсегда силы и могущества. Теперь графу Аракчееву оставалось спокойно выжидать, чтобы, какъ онъ выражался въ письмѣ къ императору Николаю, нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство, изрекъ всему справедливый приговоръ.

Поселившись уже навсегда въ своемъ грузинскомъ монастырѣ, графъ Аракчеевъ занимался хозяйствомъ, продолжалъ благодѣтельствовать по-своему крестьянамъ и устраивать свое великолѣпное помѣстье, «хранилище драгоцѣннѣйшихъ для него залоговъ довѣренности и благодѣяній, коими онъ пользовался отъ своихъ монарховъ», пишетъ Михайловскій-Данилевскій. «Какъ святыню, берегъ онъ всѣ украшенія комнатъ, въ которыхъ останавливался миротворецъ Европы, во время неоднократныхъ его пребываній въ Грузинѣ; не могъ безъ слезъ вспоминать и говорить о немъ; хранилъ подъ стекломъ его рескрипты и письма; взнесъ 50.000 рублей ассигнаціями въ государственный заемный банкъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія оставалась тамъ неприкосновенною, со всѣми процентами, 93 года, для обращенія потомъ въ награду лучшему историку царствованія Александра[54], и соорудилъ своему вѣнценосному благодѣтелю передъ грузинскимъ соборомъ великолѣпный бронзовый памятникъ. На немъ изображены Вѣра, Надежда и Милосердіе, вѣнчающія бюстъ монарха. По сторонамъ подножія представлены освобожденная Европа и владѣлецъ Грузина, въ видѣ воина, сидящаго на опрокинутой мортирѣ[55]. Надпись на памятникѣ: «Государю благодѣтелю — по кончинѣ его»[56]. «Теперь я все сдѣлалъ,—писалъ графъ къ одному изъ своихъ приближенныхъ, — и могу явиться къ императору Александру съ рапортомъ»[57].

II.

Пока графъ Аракчеевъ еще приготовлялся предстать съ рапортомъ къ императору Александру, случилось невѣроятное приключеніе, которое сильно встревожило грузинскаго отшельника и омрачило спокойное и однообразное теченіе его уединенной жизни.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

31-го января (12-го февраля) 1827 года, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Тифлисъ обратился къ графу Аракчееву съ слѣдующимъ письмомъ:

«До свѣдѣнія государя императора дошло, что здѣсь въ С.-Петербургѣ появились печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, будто бы писанныя покойнымъ государемъ императоромъ къ вашему сіятельству. Его величество полагаетъ, что таковыя письма и записки напечатаны безъ вѣдома вашего сіятельства кѣмъ либо недоброжелательствующимъ вамъ, будучи увѣренъ въ собственномъ вашемъ убѣжденіи, сколь неприлично бы было напечатать то, что покойный государь императоръ, по особенной къ вамъ довѣренности, могъ писать къ вамъ партикулярно и по секрету. А потому его величество желаетъ знать: не извѣстно ли вашему сіятельству, изъ какого источника могли быть почерпнуты сіи напечатанныя письма и записки, и кѣмъ выданы въ печать? Буде же сіе вамъ неизвѣстно, то для предупрежденія всякихъ толковъ въ публикѣ его величество полагалъ бы лучшимъ средствомъ напечатать вашему сіятельству отъ себя объявленіе, что таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вѣроятія.

«Прося покорнѣйше ваше сіятельство почтить меня на сіе увѣдомленіемъ вашимъ для доклада государю императору, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства

«покорнѣйшимъ слугою
«Иванъ Дибичъ» [58].

Графъ Аракчеевъ находился въ это время въ Тверской губерніи, въ городѣ Бѣжецкѣ, гдѣ похоронены были его родители; онъ говѣлъ и готовился пріобщиться святыхъ таинъ. Алексѣй Андреевичъ немедленно отвѣчалъ барону Дибичу собственноручнымъ письмомъ, 13-го февраля 1827 года:

«Получа вашего высокопревосходительства письмо, писанное ко мнѣ 31-го января, касательно появившихся въ Петербургѣ печатныхъ книгъ, въ коихъ помѣщены письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, отцомъ и благодѣтелемъ моимъ, я сдѣлалъ объ ономъ нынѣ же мое донесеніе его императорскому величеству, которое нынѣ же и отправилъ.

«Касательно же требуемаго, по высочайшему повелѣнію, отъ меня объявленія о неизвѣстности моей касательно печатанія оныхъ писемъ, то я оное при семъ въ оригиналѣ къ вамъ, милостивый государь, препровождаю для объявленія онаго, куда слѣдуетъ.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего высокопревосходительства

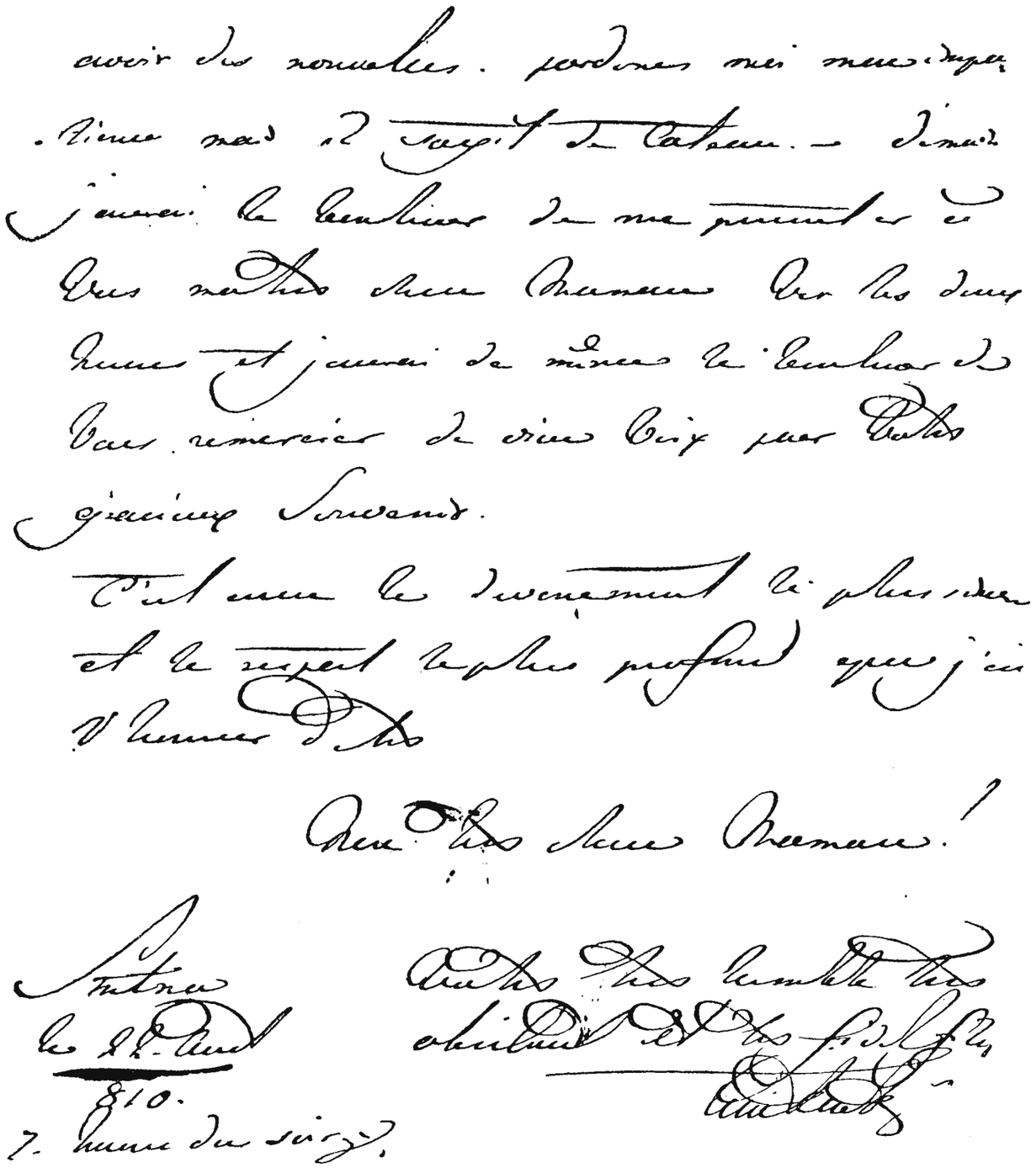
«покорнѣйшій слуга,
«графъ Аракчеевъ».

Библиотека "Руниверс"

Ma très chère Princesse!

Je ne mets pas immédiatement à vos pieds pour vous remercier des nouvelles que vous daignez me donner de ma sœur. Grâce à Dieu que le mal va bien et j'espère que dans peu elle sera complètement rétablie. Dieu veut combien je le désire. — C'est à 7 heures du soir que j'ai eu le bonheur de recevoir votre très chère communication et je vous avouerai que d'impatience j'ai envoyé à ma chère sœur pour avoir

Библиотека "Руниверс"



ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

Библиотека "Руниверс"

Конференція въ Аккерманѣ въ 1826 году.
(Съ литографіи того времени Кавеи, сдѣланной съ картины Гульманделя).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Дошло до свѣдѣнія графа Аракчеева, что въ С.-Петербургѣ появились въ публикѣ печатныя книги, въ коихъ помѣщены будто бы письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ,— то какъ я, графъ Аракчеевъ, никому ничего никогда не только не позволялъ печатать, но даже и не отдавалъ никому никакихъ сего рода бумагъ, то и объявляю, что всѣ таковыя изданныя въ печати письма и записки должны быть невѣрныя и не заслуживающія вѣроятія. 13-го февраля 1827 года.

«Генералъ графъ Аракчеевъ» [59].

Императоръ Николай послалъ это письмо Дибичу въ Тифлисъ и 27-го февраля 1827 года писалъ ему:

«Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе всѣхъ насъ; я получилъ цѣлыхъ два, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ злоумышленниковъ изобрѣлъ дѣло на него, и что я погрѣшу, если сему вѣрить буду!— je vous abandonne les réflexions» [60].

Дѣйствительно «истинно русскій новгородской неученой дворянинъ», какъ называлъ себя нѣкогда Аракчеевъ въ перепискѣ своей съ Сперанскимъ, написалъ 13-го февраля изъ Бѣжецка два письма къ государю, одно лучше другого, представляющія собою неподражаемыя свидѣтельства для характеристики безъ лести преданнаго графа; говѣніе, повидимому, не располагало его къ излишней правдѣ. Приведемъ здѣсь полностію содержаніе этихъ писемъ:

«Ваше императорское величество,
«всемилостивѣйшій государь!

«Къ удивленію моему, ваше императорское величество, узналъ я изъ отношенія ко мнѣ начальника главнаго штаба вашего величества, что появились въ С.-Петербургѣ печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, писанныя покойнымъ государемъ императоромъ ко мнѣ. Если бы оное свѣдѣніе дошло когда либо до меня постороннимъ образомъ, то я бы никогда не повѣрилъ оному быть возможнымъ по той причинѣ, что, доживъ до 60-ти лѣтъ, стыдно бы мнѣ, старику, было не знать, что милостивыя покойнаго государя императора ко мнѣ писанныя письма должны быть для меня одного драгоцѣнны, а объявлять ихъ въ печатныхъ книгахъ въ публику не только неприлично, но вредно и непозволительно. Почему я всеподданнѣйше прошу вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшаго государя моего, приказать разыскать, кто позволилъ оныя печатать, и кто оныя письма для

Библиотека "Руниверс"

онаго употребленія выдалъ, тогда и откроются тѣ люди, кои сіе обидное для меня дѣло выдумали.

«По случаю десятимѣсячнаго моего отсутствія изъ С.-Петербурга, я вышедшихъ въ публику печатныхъ книгъ нигдѣ ни у кого не только не видалъ, но и ни отъ кого объ оныхъ не слыхалъ, то и не могу придумать и вообразить себѣ, на кого бы я въ ономъ могъ имѣть подозрѣніе. Почему повторяю мою всеподданнѣйшую просьбу приказать оное изслѣдовать, что, кажется, весьма легко и удобно исполнить.

«Касательно требуемаго начальникомъ штаба отъ моего имени объявленія въ публику, что оныя письма никому мною не выдаваемы были для печатанія, то я оное препроводилъ къ нему нынѣ же, для объявленія онаго, гдѣ слѣдуетъ.

«Вашего императорскаго величества навѣки

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ».

«Ваше императорское величество! Всемилостивѣйшій государь императоръ.

«Изъяснивъ мой отвѣтъ вашему императорскому величеству касательно появившихся въ С.-Петербургѣ печатныхъ книгъ, въ коихъ помѣщены письма, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, въ особомъ письмѣ моемъ, которое, можетъ быть, угодно будетъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, отдать къ общимъ дѣламъ, — я осмѣливаюсь писать сіе особое мое письмо къ вашему императорскому величеству, въ коемъ открываю мою душу въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, коими былъ я наученъ покойнымъ государемъ, отцомъ и благодѣтелемъ моимъ, оставаясь въ той надеждѣ и упованіи, что оное письмо будетъ извѣстно только вамъ однимъ, всемилостивѣйшій государь!

«Ваше императорское величество, конечно, изволили сами давно уже замѣтить, сколь много я имѣю у себя не только недоброжелательныхъ людей, но и самыхъ злодѣевъ, число коихъ извѣстно одному Богу и покойному государю императору, отцу и благодѣтелю моему! Но прошу васъ, всемилостивѣйшій государь, обратить на сіе ваше милостивое вниманіе, какая оному могла быть иная причина, какъ только моя вѣрная и истинная служба и вѣрная преданность покойному государю императору, ибо въ теченіе оной не обогатилъ я себя никакими способами и не выпросилъ себѣ никакихъ особенныхъ почестей и наградъ, въ сравненіи моихъ товарищей, слѣдовательно, никого онымъ не обидѣлъ, а былъ только вѣрный слуга моему государю и говорилъ ему всегда правду, что видѣлъ и слышалъ; вотъ чѣмъ самымъ и получилъ себѣ сіе безчисленное число недоброжелателей.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Всемилостивѣйшій государь! Я всегда служилъ покойному вашему родителю и августѣйшему вашему брату вѣрно и истинно и не имѣлъ ничего у себя иного въ предметѣ, какъ только быть истиннымъ вѣрнымъ слугою, и всѣ ввѣренныя мнѣ части я оставилъ, кажется, въ хорошемъ положеніи, въ чемъ имѣлъ, слава Богу, счастіе заслужить и ваше, всемилостивѣйшій государь, благоволеніе, то на что мнѣ въ публикѣ хвастать бывшими ко мнѣ письмами, ибо я не имѣю причины въ чемъ либо себя предъ публикою оправдывать, то сіе рѣшите, государь. Если вы подумаете, что изданныя печатныя письма по моему согласію изданы, я онаго никогда себѣ и въ умѣ не воображалъ, а дѣйствительно, видно, оное сдѣлано недоброжелателями моими, и должно, кажется, тутъ скрываться, кромѣ намѣренія сдѣлать мнѣ непріятное, предположеніе онымъ поселить въ вашихъ мысляхъ дурное обо мнѣ мнѣніе; но можетъ быть и общее какое либо злонамѣреніе, почему весьма нужно открыть издателей оныхъ книгъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Здоровье мое такъ худо, что я теперь ничего себѣ не долженъ желать, какъ только одного покоя, но онаго я отъ моихъ недоброжелателей никогда не буду имѣть, если вы, всемилостивѣйшій государь, не обратите вашего милостиваго вниманія на стараго слугу вашихъ августѣйшихъ предковъ. Не оставьте меня вашею отцовскою защитою и будьте увѣрены, что я окажу свои послѣдніе годы жизни, хотя уже не службою, но тою же вѣрною преданностію къ вамъ, августѣйшему монарху, всемилостивѣйшему государю моему, о коемъ я ежедневно молюсь Богу, ведущему всѣ наши помышленія.

«Я теперь говѣю и готовлюсь пріобщиться святыхъ таинъ въ той деревнѣ, гдѣ находятся гробы моихъ родителей, а потомъ велю себя перевезти въ мое Грузино и буду жить уединенно. Но прошу у васъ, всемилостивѣйшій государь, милости — позволить мнѣ въ случаѣ важныхъ какихъ либо обидъ и угнетеніевъ отъ злодѣевъ моихъ адресоваться прямо къ вашему императорскому величеству съ тою искреннодушевною откровенностью, съ какою я всегда оное дѣлалъ въ теченіе моей жизни.

«Окончу сіе письмо принесеніемъ моей вамъ, всемилостивѣйшій государь, вѣрноподданнической душевной благодарности за ваши мнѣ оказанныя до сего времени милости и буду просить Господа Бога, дабы онъ даровалъ вашему величеству здоровье, нужное для счастія любезнаго нашего отечества; а я всю достальную жизнь пребуду съ душевнымъ вѣрноподданническимъ высокопочитаніемъ и преданностію.

«Вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный
«графъ Аракчеевъ».

Библиотека "Руниверс"

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ“).

Трудно встрѣтить болѣе наглое обращеніе съ истиною, какъ въ этомъ произведеніи пера «истинно русскаго новгородскаго неученаго дворянина», являющемся къ тому же вполнѣ ложною исповѣдью. Остается только повторить слова, сказанныя императоромъ Николаемъ

Библиотека "Руниверс"

въ письмѣ къ барону Дибичу: «Je vous abandonne les réflexions!» Но чаша беззаконій оказалась переполненною, и наказаніе не замедлило послѣдовать неожиданно быстрымъ образомъ.

Начавшееся уже ранѣе разслѣдованіе обнаружило, что графъ Аракчеевъ самъ распорядился напечатать въ типографіи военныхъ поселеній письма и записки императора Александра, подъ заглавіемъ: «Собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля, Александра I-го къ его подданному графу Аракчееву. Съ 1796 года до кончины его величества, послѣдовавшей въ 1825 году» [61]. Затѣмъ графъ Аракчеевъ имѣлъ неосторожность подарить одинъ экземпляръ, съ собственноручною надписью, одному изъ своихъ бывшихъ ближайшихъ сотрудниковъ и другу, который не замедлилъ представить императору Николаю полученный имъ драгоцѣнный сборникъ. Желаемая улика оказалась налицо, и отнынѣ неосторожному издателю трудно было продолжать свою защиту, сваливая содѣянный имъ грѣхъ на какихъ-то невѣдомыхъ злодѣевъ и выпрашивая себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отцовскую защиту государя.

Нашелся и другой доносчикъ, нѣкій Сальватори (Antoine Salvatori), который передалъ черезъ руки генерала Канкрина въ руки государя французскій переводъ двухъ послѣднихъ писемъ императора Александра къ своему другу, заказанный графомъ Аракчеевымъ [62].

Тогда императоръ Николай, убѣдившись въ виновности графа Алексѣя Андреевича, рѣшился послать въ Грузино графа Чернышева, какъ бывшаго нѣкогда «dans les bonnes grâces du comte», съ полномочіемъ отобрать у Аракчеева напечатанную имъ переписку и доказать ему «son mensonge impudent», какъ выразился генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Порученіе было не изъ пріятныхъ, если припомнить, въ какихъ выраженіяхъ Чернышевъ кадилъ нѣкогда онміамъ всесильному временщику [63].

Графъ Чернышевъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое свиданіе съ грузинскимъ отшельникомъ въ письмѣ къ барону Дибичу отъ 26-го марта (7-го апрѣля) 1827 года:

«Я заставилъ этого господина (l'individu) признаться во всемъ и взялъ отъ него всѣ напечатанные экземпляры, которые находились у него въ рукахъ, якобы для своего собственнаго употребленія. Мое сердце содрогнулось при мысли, что человѣкъ, настолько пользовавшійся милостями нашего ангела-благодѣтеля, выказалъ себя столь низкимъ и столь трусливымъ» [64].

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выразился объ этомъ дѣлѣ, которое называетъ грязнымъ (sale affaire), еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ:

«Чернышевъ былъ посланъ къ графу Аракчееву съ документами въ рукахъ, чтобы доказать ему его преступленіе въ отношеніи его благо-

Библиотека "Руниверс"

дѣтеля и государя, его злоупотребленіе довѣріемъ въ отношеніи дружбы, которою онъ былъ почтенъ, и его безстыдную ложь (mensonge impudent) въ отношеніи царствующаго императора. Его миссія носитъ положительный характеръ, но она не является пріятною для человѣка, который въ теченіе столькихъ лѣтъ искалъ и добился милостей опальнаго визиря.

«Онъ все отдалъ, онъ былъ настолько же трусливъ, настолько же подлъ, насколько прежде былъ высокомѣренъ. Какой урокъ! Императоръ проявилъ къ этому преступному человѣку всю внимательность, которую его чудная душа должна была воздать памяти его несравненнаго брата; люди уважали въ немъ даже слабость государя, котораго не существовало болѣе; никто не нападалъ на него, хотя всѣ осуждали его. Онъ самъ палъ подъ собственною тяжестью своихъ дѣяній, и Провидѣніе, начавшее карать его со дня убійства его любовницы, не имѣло надобности ни въ содѣйствіи людей, ни въ могуществѣ императора, чтобы сдѣлать его несравненно болѣе несчастнымъ, чѣмъ былъ несчастенъ Меншиковъ, сосланный на сѣверъ Сибири» [65].

15-го (27-го) марта 1827 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Сегодня утромъ Чернышевъ вернулся ко мнѣ изъ Грузина, куда я посылалъ его объясниться устно съ Аракчеевымъ. Я выбралъ его для бо̀льшей вѣрности, такъ какъ онъ пользовался милостями графа. И что же вы подумали бы? Онъ привезъ 18 экземпляровъ и признаніе, что онъ былъ не правъ, но что какъ его спрашивали, не извѣстно ли ему о подобныхъ книгахъ, ходившихъ по рукамъ, а не спрашивали, не велѣлъ ли онъ напечатать ихъ для себя, то онъ не думалъ, что лжетъ (il n'avait pas cru mentir), сказавъ, что онъ не слышалъ разговоровъ объ этомъ. Онъ плакалъ, увѣрялъ, что печаталъ ихъ съ вѣдома императора, и что даже императоръ часто спрашивалъ его, насколько увеличилось изданіе. Что онъ подарилъ ихъ только двумъ лицамъ, но что возможно, что часть ихъ украли у него, что, впрочемъ, онъ показывалъ ихъ нѣсколькимъ. Что касается пресловутыхъ послѣднихъ писемъ, то справедливо, что онъ показывалъ ихъ, переводилъ, списывалъ и раздавалъ, и что въ этомъ онъ признаетъ себя виновнымъ передо мною въ томъ отношеніи, что не испросилъ у меня разрѣшенія» [66].

Еще ранѣе императоръ Николай послалъ цесаревичу письма графа Аракчеева отъ 13-го февраля и печатный экземпляръ его изданія, переданный государю другомъ-предателемъ. Возвращая государю эти рѣдкости, Константинъ Павловичъ писалъ:

«У меня просто опускаются руки, и мнѣ нечего прибавлять къ негодованію, которое я испытываю, какъ противъ Аракчеева, такъ и противъ презрѣннаго (misérable). . . . . ., который, осыпанный въ полной мѣрѣ его милостями, имѣлъ подлость (la bassesse) отдать свой экзем-

Библиотека "Руниверс"

пляръ съ его собственноручною надписью; я на его мѣстѣ постарался бы уничтожить ее, сохранивъ все-таки экземпляръ, если бы не могъ истребить его. Человѣкъ, обнаруживающій недостатокъ благодарности къ своему благодѣтелю, каковъ бы ни былъ послѣдній самъ по себѣ,—человѣкъ гадкій и низкій, заслуживающій презрѣнія и недостойный, по моему мнѣнію, оставаться среди общества и, въ особенности, на какомъ бы то ни было мѣстѣ близъ государя (un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque). Таково мое мнѣніе. Что же касается книги самой по себѣ, она не представляетъ ничего другого, какъ, съ одной стороны, слѣпую довѣрчивость человѣка, судившаго о прочихъ по своему ангельскому сердцу, а, съ другой стороны—глупое тщеславіе (sotte vanité), безстыдное самолюбіе (amour propre déhonté) и желаніе возвеличить себя даже въ ущербъ тому, кого онъ называлъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ,—однимъ словомъ, это прискорбно» [67].

Государь, отвѣчая Константину Павловичу, постарался до нѣкоторой степени смягчить рѣзкій приговоръ брата относительно лица, выдавшаго тайну своего благодѣтеля, объяснивъ побудительную къ тому причину; но затѣмъ Николай Павловичъ все-таки окончательно какъ бы подтверждаетъ справедливость отзыва, сдѣланнаго цесаревичемъ. Приведемъ здѣсь относящіяся до этого строки изъ письма государя отъ 14-го (26-го) марта 1827 года:

«Я вполнѣ раздѣлилъ бы ваше мнѣніе насчетъ . . . . ., если бы фактъ былъ самъ по себѣ точенъ; но такъ какъ книга была вытребована у него внезапно и неожиданно для него, то это смягчаетъ его вину; но, къ несчастью, болѣе чѣмъ часто бываешь вынужденъ пользоваться услугами людей, которыхъ не уважаешь, если они могутъ принести хоть какую нибудь пользу, а таково именно положеніе даннаго лица. (Je partagerais complétement votre opinion sur . . . . ., si le fait était exact; mais comme le livre lui a été redemandé subitement et à sa surprise, cela diminue de sa culpabilité; mais malheureusement on n'est que trop souvent forcé d'employer des individus que l'on n'estime pas, quand ils peuvent être de quelque utilité — et c'est bien le cas du personnage)».

Объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ повинная графа Аракчеева, привезенныя Чернышевымъ изъ Грузина, заключались въ нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 13-го (25-го) марта 1827 года:

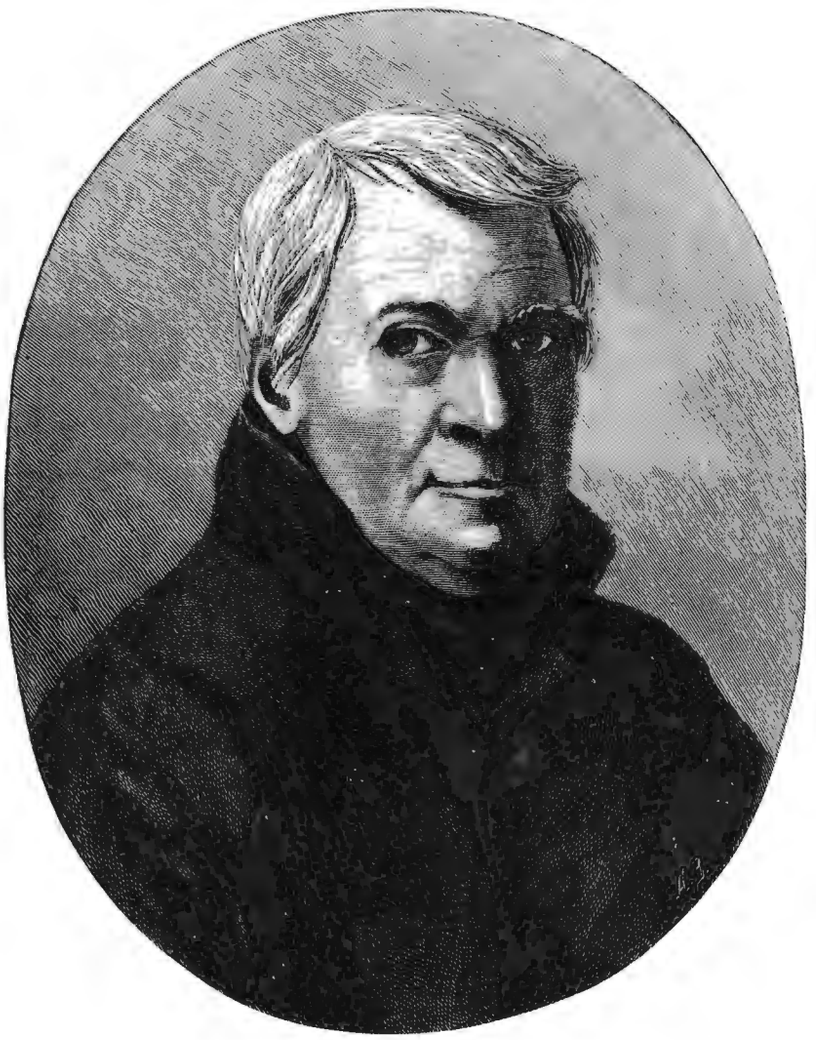
«Ваше императорское величество,

«всемилостивѣйшій государь!

«Я благодарю ваше императорское величество, что вы изволили выбрать честнаго человѣка и справедливаго, Александра Ивановича

Библиотека "Руниверс"

Чернышева, которому я подробно и истинно все объявилъ, и всѣ печатные бывшіе у меня осьмнадцать экземпляровъ при семъ представляю; девятнадцатый отданъ былъ господину Клейнмихелю, а двадцатый оставилъ у себя, и болѣе сего, то-есть двадцати экземпляровъ, я не пере-



Александръ Семеновичъ Шишковъ.
(Съ портрета, рисованнаго съ натуры въ альбомъ С. Д. Пономаревой).

плеталъ и не собиралъ, о чемъ извѣстенъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель и чиновникъ Ольденборгеръ, управляющій типографіею и переплетной. Печатаны же сіи экземпляры съ самаго учрежденія типографіи каждогодно, по прошествіи каждаго года, и я имѣлъ счастіе каждый годъ показывать покойному государю императору, который послѣдніе

Библиотека "Руниверс"

годы уже самъ изволилъ спрашивать меня, напечаталъ ли я письма, и сколько ихъ прибыло, что я все ясно и подробно объяснилъ Александру Ивановичу.

«Касательно же перваго моего письма о сихъ письмахъ, то я разумѣлъ письмо Ивана Ивановича Дибича, что онъ спрашивалъ меня о появившихся книгахъ, печатныхъ, въ публику, то я и думалъ, что письма сіи напечатаны въ какихъ либо журналахъ или анекдотахъ, а если бы онъ спросилъ у меня, нѣтъ ли для себя печатныхъ экземпляровъ, то я бы все то написалъ, что нынѣ лично объяснилъ генералу графу Чернышеву. Послѣ сего, кажется, ваше величество изволите увидѣть совершенно мою невинность и простите милостиво мое желаніе имѣть сіи письма въ печати, собственно для себя, а не для публики, о чемъ и покойный государь меня благословлялъ и позволялъ изъ представленныхъ ежегодно печатныхъ ему писемъ, а виноватъ, всемилостивѣйшій государь, я предъ вами, что я послѣдній годъ напечаталъ при вашемъ царствованіи.

«Господину Шкурину [68] я непереплетеннаго экземпляра не передавалъ, и не знаю, откуда онъ получилъ; даже я родному брату оныхъ не давалъ, и ихъ у него нѣтъ. Всемилостивѣйшій государь, простите мнѣ вину мою, если я виновенъ въ ономъ, ибо я терзаюсь онымъ, что вы гнѣваетесь на меня, и оной гнѣвъ вашъ меня ускоритъ къ смерти.

«Письма послѣднія государя покойнаго я показывалъ его величеству королю прусскому, и онъ изволилъ, кажется, списать копіи, ибо изволилъ ихъ оставлять у себя, то-есть, въ переводѣ, французскія и нѣмецкія. Болѣе не могу писать, ибо, въ какомъ положеніи мое здоровье, то видѣлъ Александръ Ивановичъ, а пребуду навѣки

«вашего императорскаго величества

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ.

«Позвольте, ваше величество, Александру Ивановичу вамъ пересказать, что я ему говорилъ».

На это письмо графа Аракчеева императоръ Николай отвѣчалъ немногими строками:

«Генералъ-адъютантъ Чернышевъ вручилъ мнѣ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, и посылку; онъ мнѣ передалъ весь вашъ разговоръ. Излишне мнѣ входить съ вами въ разсужденіе о предметѣ, на который мы взираемъ совершенно съ разныхъ точекъ. Я исполнилъ долгъ, какъ братъ и какъ государь. Ваше опасеніе на счетъ собственный излишне; гдѣ есть законы, тамъ и защита каждому; мое же дѣло: смот-

Библиотека "Руниверс"

рѣть за соблюденіемъ ихъ безъ лицепріятій, но съ должною справедливостію».

Затѣмъ императоръ Николай повелѣлъ уничтожить всѣ полученные имъ изъ Грузина экземпляры изданія графа Аракчеева, за исключе-

Князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ.

(Съ портрета, писаннаго масляными красками).

ніемъ двухъ экземпляровъ: одинъ оставилъ у себя, а другой согласно просьбѣ цесаревича послалъ въ Варшаву[69]. Но сверхъ сего существуютъ еще экземпляры этого изданія, замуравленные въ грузинской колокольнѣ. 19-го февраля (3-го марта) 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

Библиотека "Руниверс"

«L'on a enterré 12 exemplaires sous chacune des colonnes d'un magnifique clocher élevé à Grousino, pour que la chose passe à la postérité la plus reculée».

Кромѣ заслуги освобожденія Россіи отъ правительственной опеки графа Аракчеева, императору Николаю принадлежитъ также слава избавленія русскаго просвѣщенія отъ другой, не менѣе губительной язвы: Михаила Леонтьевича Магницкаго.

Невзгоды Магницкаго начались тотчасъ послѣ кончины императора Александра, когда въ началѣ декабря 1825 года Михаилъ Леонтьевичъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ С.-Петербургъ, высланъ былъ обратно въ Казань. Распоряженіе объ его удаленіи изъ столицы сдѣлано было графомъ Милорадовичемъ, по требованію великаго князя Николая Павловича, который писалъ генералъ-губернатору: «За нимъ должно что нибудь крыться, и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полезнаго». Затѣмъ въ началѣ 1826 года генералъ-майору П. Ф. Желтухину повелѣно было произвести подробную ревизію Казанскаго университета по учебной и хозяйственной частямъ. На этотъ разъ неутомимый искатель почестей и фортуны какими бы то ни было средствами погибъ безповоротно. 6-го мая 1826 года, послѣдовалъ указъ правительствующему сенату, въ которомъ сказано: «попечителя Казанскаго университета и учебнаго округа онаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, повелѣваемъ уволить какъ отъ сей должности, такъ и отъ званія члена главнаго правленія училищъ».

Но этимъ указомъ дѣло не ограничилось. Магницкій остался жить въ Казани и по свойствамъ своего характера продолжалъ, по обыкновенію, интриговать и косвенно вліять на покинутый имъ университетъ, такъ что генералъ Желтухинъ нашелся вынужденнымъ донести о семъ императору Николаю. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 11-го ноября 1826 года онъ пишетъ:

«Г. Магницкій вопреки правиламъ благомыслящаго человѣка и убѣжденнаго въ своей невинности, какъ онъ имѣлъ счастіе доносить вашему императорскому величеству, вмѣсто того, чтобы скромною жизнію, удаленіемъ себя отъ всякихъ неприличныхъ ему, по теперешнему положенію, пронырствъ по дѣламъ университета, а особливо по отчетамъ, требуемымъ по израсходованію денегъ, вмѣшивается вообще во всѣ дѣйствія совѣта, такъ и правленія, чрезъ тѣхъ профессоровъ, коихъ вопреки всѣхъ правилъ, постановленныхъ для удостоенія профессорскаго званія, вывелъ въ таковое, а именно по совѣту чрезъ бывшаго секретаря Караблинова, по правленію чрезъ бухгалтера Липунова, но болѣе еще имѣетъ вліяніе на всѣ дѣла университетскія чрезъ бывшаго своего правителя канцеляріи Чесовникова, занимающаго и нынѣ при ректорѣ то же самое званіе, и чрезъ удаленнаго отъ университета

Библиотека "Руниверс"

адъюнкта Кроузе, невѣрнаго не только своимъ обязанностямъ по университету, но и самой религіи, ибо по настоянію г. Магницкаго третій разъ оную перемѣнилъ.

«Междоусобія между господами профессорами, медленное составленіе отчетовъ по строительной части и вообще по израсходованію суммъ происходятъ отъ вредныхъ внушеній г. Магницкаго, распространяющаго слухи о себѣ, что никогда не пользовался таковою довѣренностію отъ высшаго начальства, какъ нынѣ, и что присланъ сюда по порученіямъ тайной полиціи, къ каковой якобы принадлежитъ... обѣщая покровительствовать тѣмъ изъ профессоровъ, которые ему остались преданными и не подчиняются теперешнему начальству, поселяетъ въ университетѣ совершенное неповиновеніе, которое ежели продолжится, то несомнѣнно повлечетъ за собою общее разстройство онаго... Г. Магницкій не ограничиваетъ себя занятіями вышеизложенными, но желая поддержать еще болѣе себя въ мнѣніи людей, готовыхъ всегда на всякіе подвиги, коль скоро только имѣютъ надежду получить какія награды, которыя по обѣщаніямъ г. Магницкаго щедро на нихъ посыплются, связи съ самыми потерянными поведеніемъ и нравственностью чиновниками, подъ замѣткою бывшими у правительства и даже удаленными... составляютъ доносы и стараются возродить всякаго рода партіи противъ самаго губернатора, выдавая его несвѣдущимъ, и стремятся единственно какими бы то ни было средствами поставить ему преграды въ дѣйствіяхъ его, направляемыхъ къ пресѣченію столь закоренѣвшихъ злоупотребленій, взятокъ и медленнаго теченія дѣлъ».

Рѣшеніе государя послѣдовало быстрое и рѣшительное; на письмѣ Желтухина рукою императора Николая написано:

«Послать фельдъегеря съ приказаніемъ губернатору арестовать Магницкаго, опечатать его бумаги и то и другое прислать, Магницкаго въ Ревель подъ присмотръ коменданта, а бумаги сюда. Г. Бахметеву[70] приказать за упомянутыми лицами имѣть строгій надзоръ и, если будутъ продолжать свои дѣйствія, то донести»[71].

Когда фельдъегерь явился въ Казань для доставленія Магницкаго въ Ревель, Михаилъ Леонтьевичъ разыгралъ свою роль до конца и, нимало не смущаясь, сказалъ: «что онъ совершенно доволенъ, что государь императоръ изволилъ удовлетворить просьбу его о переводѣ въ Ревель, гдѣ онъ будетъ находиться въ близкомъ разстояніи и отъ своей жены, что онъ видѣлъ во снѣ настоящее событіе, и что ему одинъ человѣкъ сказывалъ, что нынѣшній день съ нимъ что нибудь случится».

Въ Ревелѣ Магницкій прожилъ болѣе шести лѣтъ, обязанный подпискою никуда не отлучаться.

Библиотека "Руниверс"

— «Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель! Туда ѣздятъ за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ заразитъ»,—замѣтилъ Сперанскій по случаю ссылки своего прежняго сослуживца[72].

Не менѣе печальная участь постигла сподвижника и подражателя Магницкаго, Дмитрія Павловича Рунича, исправлявшаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Указомъ 25-го іюня 1826 года, Руничъ былъ удаленъ отъ должности и отъ званія члена главнаго правленія училищъ за несообразныя дѣйствія его по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ и въ особенности по строительной части[73]. До разсмотрѣнія отчетовъ повелѣно было считать его подъ слѣдствіемъ. Руничъ воображалъ, что онъ спасъ Россію, удаливъ изъ университета Раупаха, Германа, Арсеньева и Плисова, и что онъ страдаетъ за правое дѣло. «Россія спасена, и я живъ, но погибель моя совершилась»,—писалъ онъ въ 1832 году.

Возмездіе, которое судьба опредѣлила Руничу за его просвѣтительные подвиги, было ужасное: увольненіе, безконечное слѣдствіе, затѣмъ судъ, лишили его всѣхъ средствъ существованія, и несчастный въ борьбѣ со страшною нуждою, среди семейныхъ невзгодъ, окончилъ свою истинно многострадальную жизнь 80-ти лѣтъ, въ 1860 году.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Зима съ 1826-го на 1827-й годъ въ С.-Петербургѣ была чрезвычайно оживленная. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «императрица Александра Ѳеодоровна, оправясь совершенно отъ разстройства здоровья, увеличеннаго всѣми предшедшими 14-му декабря и послѣдовавшими за ними тревогами, одушевляла и украшала своимъ присутствіемъ столичные балы. Давно уже такъ не веселились у насъ. Послѣдніе годы жизни императора Александра какъ бы парализировали всѣ общественныя удовольствія. Избѣгая ихъ самъ, онъ своимъ отшельничествомъ и своею наклонностію къ мистицизму внушилъ всѣмъ родъ замкнутости и лицемѣрія, которыя препятствовали увеселеніямъ и раздѣлили петербургское общество на маленькіе кружки. Всѣ, какъ будто бы вдругъ очнувшись отъ скучнаго и однообразнаго существованія, предались снова танцамъ и другимъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Дворъ самъ поощрялъ къ тому, и, съ одной стороны, милая привѣтливость императрицы, а съ другой, простой и открытый тонъ августѣйшаго ея супруга служили обществу лучшимъ примѣромъ. Впрочемъ, государь, вполнѣ сочувствуя такому возвращенію С.-Петербурга къ общественной жизни, нисколько не ослабѣвалъ черезъ то въ своей дѣятельности и въ полезныхъ своихъ трудахъ».

Столичная жизнь оживилась еще пріѣздомъ цесаревича Константина Павловича, который наконецъ нашелъ для себя возможнымъ посѣтить С.-Петербургъ впервые послѣ событій 14-го декабря. Объ этомъ не лишенномъ историческаго значенія появленіи цесаревича генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ 9-го февраля барону Дибичу, отсутствовавшему въ то время изъ С.-Петербурга.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Прибытіе великаго князя причинило удовольствіе, но не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; можно было бы сказать, что въ теченіе настоящаго царствованія онъ въ десятый разъ появляется въ С.-Петербургѣ. Цесаревичъ въ очень хорошемъ настроеніи, но въ общемъ мало предупредителенъ. Какъ передаютъ одинъ другому, онъ не перемѣнился. Третьяго дня на разводѣ онъ попросилъ позволенія командовать конными ординарцами. Онъ кричалъ, охрипъ и тѣмъ самымъ оттѣнилъ спокойствіе и выдержку императора до того рѣзкимъ образомъ, что на это обратили вниманіе не только генералы и офицеры, но и солдаты» [74].

Черезъ недѣлю Бенкендорфъ сообщилъ Дибичу еще слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о цесаревичѣ:

«Слава Богу, его пребываніе здѣсь еще болѣе упрочило доброе согласіе между обоими братьями; они разстались крайне довольные другъ другомъ, а публика въ восторгѣ отъ манеры держать себя императора и отъ почтительнаго рвенія великаго князя. Послѣдній можетъ пріѣхать или не пріѣзжать болѣе — это безразлично; его настоящее появленіе было крайне полезно въ томъ отношеніи, что поставило все опять на свое мѣсто. Великій князь положительно находится теперь въ томъ же положеніи, которое занималъ во время императора Александра, съ тою разницею, что та своего рода партія, которая распускала слухи о происшедшей въ немъ перемѣнѣ и восхваляла его административныя способности, совершенно молчитъ, а публика спрашиваетъ себя, откуда явилось это движеніе въ его пользу» [75].

Одною изъ первыхъ заботъ императора Николая съ самаго его воцаренія были мѣры, направленныя къ возрожденію флота, чтобы извлечь наши морскія силы изъ того «забвенія и ничтожества, въ которыхъ онѣ прозябали въ послѣднее время предшествовавшаго царствованія» [76]. Съ этою цѣлью рескриптомъ на имя начальника морского штаба, вице-адмирала Моллера, отъ 31-го декабря 1825 года, повелѣно учредить комитетъ образованія флота, съ тѣмъ, чтобы онъ составилъ соображенія о новомъ лучшемъ устройствѣ и флота и морского управленія [77].

По возвращеніи князя Меншикова изъ персидскаго посольства (9-го ноября 1826 года), снова награжденнаго званіемъ генералъ-адъютанта, императоръ Николай привлекъ его къ работамъ комитета. 28-го ноября, баронъ Дибичъ, призвавъ къ себѣ князя Меншикова, объявилъ ему, что государю угодно, чтобы князь занялся проектомъ образованія морского министерства, по образцу главнаго штаба, и вручилъ ему собственноручную краткую записку его величества, въ которой указаны были въ общихъ чертахъ основные пункты намѣченнаго преобразованія [78]. 30-го ноября, вечеромъ, князь Меншиковъ былъ у государя, который изложилъ ему свои мысли насчетъ преобразованія морского министерства. Съ этого времени начались непосредственныя работы

Библиотека "Руниверс"

trouverez une occasion favorable de me mettre aux pieds de l'Impératrice vous me l'obligerez infiniment.

Nancy: 24 fev: 1826.
Dbre.

Mon Prince

D'après les ordres de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth, que vous m'avez communiqués, j'ai pris les renseignemens necessaires sur la maniere de faire la donation de Kamennoi Ostroff au Grand-Duc Michel.

D'après l'acte de la Famille Impériale toute affaire de Famille doit être adressée a l'Empereur qui la termine par un rescript ou un Ukase; par conséquent il me semble que si Sa Majesté l'Impératrice voulait ecrire une lettre a l'Empereur en l'informant qu'Elle a disposé de Kamennoi Ostroff en faveur du Grand-Duc et priant Sa Majesté de donner ces ordres en conséquence.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА КНЯЗЮ П. М. ВОЛКОНСКОМУ.

Библиотека "Руниверс"

l'Empereur alors donnera un Ukase a la Cour-intendance pour qu'elle remette Kamennoi Ostroff d'après la volonté de l'Impératrice au Grand-Duc.

Pour ce qui concerne la volonté de l'Impératrice que l'entretien de Kamennoi Ostroff ne soit pas a charge au Grand-Duc et qu'il soit assigné sur les 400 Roubles offerts en augmentation des 600 R. de l'argent de Poche de Sa Majesté — j'ai eu l'honneur d'en faire mon rapport a l'Empereur. Sa Majesté m'a chargé de faire les dispositions necessaires pour cela en y ajoutant qu'il le faisait un plaisir de remplir les ordres de l'Impératrice Elisabeth et qu'il veut etre toujours le caissier pour ces

400 Roubles.

J'aurais l'honneur de Vous informer combien il faudra pour l'entretien de Kamennoi ostroff. Agreez je vous prie en meme tems l'expression des sentiments les plus distingués de votre tout devoué

Serviteur le Prince
Alexandre Galitzin

St. Petersbourg
le 16 fevrier 1826.

P.S. l'Empereur m'a chargé encore de Vous ecrire sur Monsieur Longuinoff Il voudrait savoir si Sa Majesté l'Impératrice ~~[illegible]~~ trouverait bon que l'Empereur lui conferat l'ordre de Ste Anne de la 1ere classe. Si Vous

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Библіографическимъ Запискамъ“ 1892 года).

князя Меншикова съ государемъ по морской части, продолжавшіяся безъ перерыва до знаменитаго константинопольскаго посольства 1853 года.

Въ дневникѣ князя Меншикова отъ 1-го декабря 1826 года записано:

«Былъ у начальника морского штаба для предварительнаго сношенія по преобразованію морского министерства, и хотя непріятно было ему видѣть меня, но мы разстались хорошо, ибо я не иначе съ нимъ объяснялся, какъ въ видѣ присланнаго для сообщенія справокъ, а не для совѣта, предоставляя себѣ понемногу вступить въ званіе совѣщающаго».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Работа, порученная князю Меншикову, и неожиданное вторженіе его въ чуждую доселѣ сферу не были встрѣчены сочувственно со стороны морскихъ чиновъ; по мѣрѣ возможности старались даже затруднять его при исполненіи порученной государемъ работы. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующая замѣтка въ дневникѣ князя Меншикова отъ 17-го декабря 1826 года:

«Вечеромъ баронъ Дибичъ читалъ мнѣ, по высочайшему повелѣнію, записку полицейскую, въ которой сказано было, что Моллеръ предписалъ своимъ подчиненнымъ не давать мнѣ справокъ и меня запутывать».

Привлеченіе князя Меншикова къ дѣлу о преобразованіяхъ по морской части дѣйствительно привело многихъ современниковъ въ изумленіе; но критики не знали, что будущій адмиралъ уже давно теоретически ознакомился съ морскими науками и не былъ чуждъ этой отрасли военнаго дѣла.

Сохранился дневникъ князя Меншикова за 1824 годъ; онъ былъ тогда въ немилости и поѣхалъ лѣчиться въ Крымъ. Дорогою князь посѣтилъ Николаевъ и всесторонне ознакомился со всѣми морскими учрежденіями этого порта. Затѣмъ князь Меншиковъ направился въ Севастополь, гдѣ онъ объѣзжалъ верхомъ окрестности и не разъ посѣщалъ мѣстности, игравшія такую роковую роль въ его жизни, тридцать лѣтъ спустя. Всѣ замѣчанія и разсужденія, занесенныя Меншиковымъ въ свой дневникъ, свидѣтельствуютъ о знаніи и полномъ пониманіи морского дѣла со стороны любознательнаго посѣтителя; они какъ бы вышли изъ-подъ пера моряка спеціалиста[79].

Всѣ козни, направленныя противъ князя Меншикова, не затормозили, однако, начатаго императоромъ Николаемъ съ обычною энергіею. Князь Меншиковъ продолжалъ работать съ государемъ и постоянно сопровождалъ его при непрестанныхъ поѣздкахъ въ Кронштадтъ, предпринимаемыхъ зимою и лѣтомъ. Новое образованіе морского министерства было выработано и утверждено государемъ, а приказомъ, отъ 25-го марта 1828 года, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, переименованный въ контръ-адмиралы, назначенъ былъ исправляющимъ должность начальника морского штаба его императорскаго величества. Вице-адмиралъ Моллеръ занялъ мѣсто морского министра.

9-го (21-го) сентября 1827 года, императоръ Николай обрадованъ былъ рожденіемъ сына, великаго князя Константина Николаевича, которому предназначено было сдѣлаться генералъ-адмираломъ русскаго флота. Въ тотъ же день государь поспѣшилъ сообщить эту радостную вѣсть цесаревичу Константину Павловичу и писалъ ему:

«Небо, дорогой Константинъ, даруетъ мнѣ милость представить вамъ сына, которому я осмѣлился дать имя Константинъ, будучи увѣренъ, что вы не отвергнете этого приношенія. Пусть это имя будетъ

Библиотека "Руниверс"

для дорогого дитяти залогомъ вашихъ милостей, которыми я и всѣ мои были постоянно осыпаемы вами, и вѣрьте мнѣ, когда я говорю вамъ, что я счастливъ сверхъ всякаго выраженія тѣмъ, что небо даровало мнѣ счастіе имѣть сына, имя котораго постоянно будетъ мнѣ напоминать того, которому посвящена вся моя жизнь. Соблаговолите быть крестнымъ отцомъ этого дорогого дитяти. Да ниспошлетъ мнѣ Богъ счастіе видѣть, какъ этотъ дорогой ребенокъ станетъ достойнымъ имени, которое онъ носитъ, — достойнымъ принадлежать вамъ!»

Съ этимъ письмомъ императоръ Николай немедленно отправилъ въ Варшаву генералъ-адъютанта, графа А. Ѳ. Орлова, бывшаго тогда дежурнымъ. Цесаревичъ былъ глубоко тронутъ вниманіемъ государя и писалъ 16-го (28-го) сентября:

«Какъ, дорогой братъ, я сумѣю когда либо отблагодарить васъ за все вниманіе и за всѣ милости, которыми вы удостоиваете меня:

«1) ваша память обо мнѣ въ столь важный моментъ,

«2) дать вашему сыну имя въ память обо мнѣ,

«3) возвѣстить мнѣ объ этой болѣе чѣмъ счастливой новости черезъ посредство одного изъ вашихъ генералъ-адъютантовъ,

«4) назначить меня его крестнымъ отцомъ.

«Я перечисляю всѣ ваши милости для того, чтобы вы были увѣрены, что я умѣю цѣнить ихъ и быть за нихъ болѣе чѣмъ признательнымъ. Матушка соблаговолила сообщить мнѣ въ своемъ письмѣ, что при совершеніи обряда крещенія я буду замѣщенъ маленькимъ Александромъ; дай Богъ, чтобы мой крестникъ встрѣтилъ со стороны моего замѣстителя то же покровительство и тѣ же милости, которыми я когда-то пользовался со стороны того, чье священное имя онъ носитъ, — это мое первое горячее пожеланіе для моего второго тома (pour mon tome second) и для его счастія».

Императоръ Николай на дружескія изліянія брата отвѣчалъ выраженіемъ слѣдующаго пожеланія:

«Будьте для него тѣмъ, чѣмъ вы были и чѣмъ постоянно являетесь для меня. Что же касается обоихъ братьевъ, я сказалъ Сашѣ, что вы говорите объ этомъ, и надѣюсь, что они будутъ въ отношеніи другъ къ другу тѣмъ, чѣмъ вы были, а онъ будетъ молить Бога за нихъ, онъ, который такъ любилъ того, который носитъ его имя, и который такъ желалъ видѣть, чтобы второй сталъ для него тѣмъ, чѣмъ вы были для него. (Soyez pour lui ce que vous avez été et êtes toujours pour moi. Quant aux deux frères, j'ai dit à Саша ce que vous en dites et j'espère qu'ils seront l'un pour l'autre ce que vous fûtes, et Lui priera Dieu pour eux, Lui qui aimait tant celui qui porte son nom et qui désirait tant voir un second devenir pour lui ce que vous fûtes pour Lui)».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По желанію императора Николая новорожденный великій князь былъ тотчасъ зачисленъ въ польскую армію, чтобы доказать ей, какъ выразился государь, что онъ съ самаго рожденія посвященъ тому, чтобы принадлежать ей, и что онъ родился настолько же польскимъ, какъ и русскимъ слугою (qu'il est né serviteur polonais aussi bien que russe).

II.

Ненормальное положеніе дѣлъ, созданное на Кавказѣ появленіемъ въ Тифлисѣ генералъ-адъютанта Паскевича, достигло въ началѣ 1827 года своего апогея. При воцарившемся тогда двоеначаліи дѣла не могли итти въ должномъ порядкѣ, а къ тому же среди этихъ неурядицъ Россіи предстояло еще вести наступательную войну противъ Персіи для окончательнаго обезпеченія предѣловъ имперіи отъ вторженій вѣроломнаго сосѣда. Нельзя было далѣе откладывать рѣшеніе вопроса: кому оставаться на Кавказѣ—Ермолову или Паскевичу; отъ ихъ дальнѣйшаго совмѣстнаго служенія «самая служба государя императора потерпитъ», такъ выражался въ то время Паскевичъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ императоръ Николай повелѣлъ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту барону Дибичу, отправиться въ Тифлисъ. Во время его отсутствія графу П. А. Толстому поручено было завѣдывать дѣлами главнаго штаба; вмѣстѣ съ тѣмъ, 3-го февраля 1827 года, графъ Чернышевъ назначенъ былъ товарищемъ начальника главнаго штаба. Они должны были вмѣстѣ докладывать государю дѣла. По данной Дибичу инструкціи, онъ послѣ совершенной увѣренности въ неспособности или въ «дурной волѣ Ермолова» имѣлъ право уволить его отъ управленія краемъ и отъ командованія кавказскими войсками.

31-го января (12-го февраля) 1827 года, государь въ собственноручномъ письмѣ сообщилъ генералъ-адъютанту Паскевичу о предстоявшемъ пріѣздѣ барона Дибича, присовокупивъ: «Я вамъ однимъ даю знать. Его пріѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ хранить сіе въ тайнѣ и не показывать по пріѣздѣ его, что вы о томъ прежде знали. Онъ мной совершенно уполномоченъ дѣйствовать, какъ обстоятельства потребуютъ; я все надѣюсь, что съ вашимъ усердіемъ и опытностью можетъ все притти въ должное положеніе, бывъ настроено начальникомъ моего штаба. Прочее онъ вамъ самъ объяснитъ. Если же иныя мѣры нужны будутъ, моя воля рѣшительна, и ничто ея не остановитъ. Но крайность избѣгать есть долгъ мой... Если бы исполнено было по нашему, можетъ быть, были бы мы уже въ Тавризѣ о сю пору.... но съ Божіею помощью все будетъ къ лучшему. Прощайте, любезный Иванъ Ѳедоро-

Библиотека "Руниверс"

Князь Иванъ Леонтьевичъ Шаховской.
(Съ литографіи Поля).

вичъ, моя старая дружба вамъ извѣстна, она не измѣнна такъ, какъ и моя благодарность».

Получивъ такія милостивыя строки отъ своего державнаго друга, генералъ-адъютантъ Паскевичъ могъ спокойно ожидать страшнаго суда начальника главнаго штаба.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

20-го февраля (4-го марта) 1827 года, баронъ Дибичъ прибылъ въ Тифлисъ и немедленно приступилъ къ допросамъ какъ Ермолова, такъ и Паскевича[80].

8-го (20-го) марта, императоръ Николай призналъ полезнымъ прислать Дибичу письменное предостереженіе противъ возможныхъ съ его стороны увлеченій. «Я надѣюсь,—писалъ государь,—что вы не позволите себя обмануть этому человѣку, для котораго ложь, какъ только она ему полезна, становится добродѣтелью, и который ни во что не ставитъ получаемыя имъ повелѣнія. Наконецъ, да поможетъ вамъ Богъ и да внушитъ вамъ быть справедливымъ»[81].

Императоръ Николай не напрасно предостерегалъ Дибича; произошло нѣчто удивительное! Не скрывая нисколько отъ государя собранныхъ имъ разнообразныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и образѣ дѣйствій какъ Ермолова, такъ и Паскевича, баронъ Дибичъ началъ незамѣтно склоняться въ пользу оставленія въ Тифлисѣ Ермолова и отозванія Паскевича. Сила ума Ермолова могла торжествовать побѣду; она начинала увлекать Дибича на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, который былъ намѣченъ въ Петербургѣ.

«Дибичъ,—пишетъ Паскевичъ въ сохранившемся отрывкѣ изъ его дневника,—сталъ удивляться, какъ это я не сошелся съ Ермоловымъ и дурно объ немъ отзываюсь; я ему отвѣчалъ, что все, что я писалъ о Ермоловѣ, во сто разъ лучше того, что онъ мнѣ о немъ въ Москвѣ говорилъ, но какъ бы то ни было, сказалъ я, и кого бы изъ насъ ни считали въ томъ виновнымъ, я ни въ какомъ случаѣ съ Ермоловымъ служить не могу и не буду. Повторить срамное медленіе послѣ Елисаветпольскаго сраженія я уже не въ силахъ, а съ Ермоловымъ безъ этого не обойдется»[82].

Дибичъ писалъ государю 21-го февраля (5-го марта), на другой день послѣ своего пріѣзда: «Паскевичъ съ благодарностью уважилъ мои резоны, однако остался непоколебимъ». «Резоны» Дибича клонились къ тому, чтобы убѣдить Паскевича оставаться «вѣрнѣйшимъ помощникомъ Ермолова», а Паскевичъ, хотя и принялъ ихъ «съ благодарностью», однако остался «непоколебимымъ» въ намѣреніи не служить съ Ермоловымъ. При этомъ, какъ пишетъ Дибичъ, Паскевичъ объяснилъ свое непоколебимое рѣшеніе тѣмъ, что, по его убѣжденію, «Ермоловъ фальшивъ и показываетъ неспособность какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками»[83].

Въ послѣдующихъ донесеніяхъ Дибичъ, высказывая различные поводы къ обвиненію Ермолова, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма вѣскія соображенія, клонившіяся къ его оправданію[84]. Наконецъ, въ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 28-го февраля (12-го марта) Дибичъ съ крайнею осторожностью старался внушить государю необходимость оста-

Библиотека "Руниверс"

вить Ермолова на Кавказѣ, но опасаясь, что недовѣріе императора Николая къ Ермолову можетъ пересилить его доводы, предлагалъ замѣнить его графомъ Витгенштейномъ, а Паскевича выставлялъ, какъ еще не подготовленнаго и вообще не способнаго для первостепеннаго мѣста, при чемъ, конечно, принимая въ соображеніе личныя отношенія государя къ Паскевичу, онъ превозносилъ рыцарски благородныя его чувства, можетъ быть, только, по его мнѣнію, слишкомъ пылкія для государственнаго дѣятеля [85].

Но внушенія Дибича не привели къ желаемой цѣли. Императоръ Николай сразу разсѣкъ гордіевъ узелъ, которымъ старались его опутать. Монаршей волей никто не руководилъ, пишетъ біографъ князя Паскевича, она была вполнѣ самобытна и самодержавна [86].

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что 12-го (24-го) марта императоръ Николай сообщилъ Дибичу слѣдующее рѣшеніе, положившее конецъ осадному положенію, въ которомъ находился Ермоловъ. Отправляя съ этимъ письмомъ къ барону Дибичу фельдъегеря, 13-го (25-го) марта, государь ничего не сообщилъ о принятомъ имъ рѣшеніи ни графу Толстому, ни графу Чернышеву.

«Я ясно вижу,—писалъ государь,—что дѣла не могутъ итти подобнымъ образомъ; когда вы и Паскевичъ уѣдете, этотъ человѣкъ, предоставленный самому себѣ, поставитъ насъ въ то же положеніе относительно знанія дѣлъ и увѣренности, что онъ будетъ дѣйствовать въ нашемъ духѣ, какъ это было до отъѣзда Паскевича изъ Москвы,—такую отвѣтственность я не могу принять на себя. Поэтому, зрѣло взвѣсивъ все и продолжая ожидать вашего второго курьера, если онъ не доставитъ мнѣ иныхъ данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя вы уже дали мнѣ возможность предвидѣть, я не усматриваю иного исхода, какъ поручить вамъ воспользоваться полномочіемъ, предоставленнымъ вамъ для смѣщенія Ермолова. Его преемникомъ я предназначаю Паскевича, потому что изъ вашихъ донесеній я не усматриваю, чтобы онъ хоть въ чемъ либо нарушилъ обязанности, налагаемыя самой строжайшей дисциплиной. Опозорить же этого человѣка отозваніемъ его при подобныхъ обстоятельствахъ было бы несогласно съ моею совѣстью... Прежде всего поставьте Паскевича на должную ногу и дайте ему понять всю важность поста, на который я призываю его въ данномъ случаѣ, и внушите ему всю цѣну моего довѣрія; онъ человѣкъ чести и мой прежній начальникъ, онъ сумѣетъ, я отвѣчаю за него, выполнить мои желанія» [87].

Въ томъ же письмѣ императоръ Николай сообщалъ еще, что онъ предназначилъ генералъ-адъютанта Сипягина для занятія мѣста военнаго губернатора въ Тифлисѣ [88].

По полученіи письма государя, утромъ 28-го марта, баронъ Дибичъ спохватился во время; новыхъ данныхъ (d'autres données), о кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ упомпналъ императоръ Николай, конечно, не оказалось, и начальнику главнаго штаба оставалось только сообщить Ермолову высочайшее повелѣніе объ его увольненіи и о замѣнѣ его генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ [89]. Дѣло наконецъ завершилось тѣмъ, съ чего бы ему слѣдовало начаться.

Между тѣмъ, генералъ Ермоловъ, благодаря своей проницательности, уже съ своей стороны, ранѣе Дибича, вѣрно оцѣнилъ истинное положеніе дѣлъ. «Старый левъ не пожелалъ тянуть агонію своей власти на Кавказѣ» [90]. 3-го (15-го) марта, Ермоловъ отправилъ въ Петербургъ всеподданнѣйшее письмо, идущее совершенно въ разрѣзъ съ инспнуаціями, сдѣланными уже государю въ пользу проконсула Кавказа начальникомъ главнаго штаба.

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего императорскаго величества,—писалъ Ермоловъ,—долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣло здѣшняго края поручено человѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается тою мыслію, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь!

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми, но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій».

Это письмо, однако, не рѣшило собою участи Ермолова; оно пришло въ С.-Петербургъ, когда уже повелѣно было Дибичу уволить проконсула.

По странной случайности высочайшій приказъ объ увольненіи Ермолова отданъ былъ въ С.-Петербургѣ 28-го марта, слѣдовательно въ тотъ же день, когда Дибичъ объявилъ Ермолову въ Тифлисѣ высочайшее повелѣніе о замѣнѣ его Паскевичемъ [91].

Когда Дибичъ начиналъ склоняться къ тому, чтобы оставить Ермолова на Кавказѣ, онъ, повидимому, надѣялся, что будетъ руководить военными дѣйствіями противъ Персіи и направлять проконсула. Между тѣмъ государь, порѣшивъ дѣло самостоятельно, не подчиняясь внушеніямъ начальника своего штаба, уполномочилъ лишь Дибича продлить свое пребываніе въ Тифлисѣ настолько, чтобы водворить Паскевича

Библиотека "Руниверс"

на новомъ мѣстѣ и установить соотвѣтственные порядки[92]. Что же касается смѣны Ермолова, то Николай Павловичъ требовалъ, чтобы при этомъ отсутствовали шумъ, скандалъ, оскорбленія, комедія, неумѣстные вопли. «Пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы», — писалъ государь Дибичу 27-го марта[93].

Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ.
(Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга).

Опасенія императора Николая были напрасны; шумъ и оскорбленія не имѣли вовсе мѣста[94]. Отсутствовали также выраженія общественнаго сочувствія къ павшему герою; отъ него отвернулись, какъ отъ зачумленнаго, и обратились къ восходящему солнцу. Н. Н. Муравьевъ въ запискахъ своихъ пишетъ: «Я поѣхалъ навѣстить Алексѣя Петровича, но

Библиотека "Руниверс"

въ какомъ состояніи засталъ я домъ сей, прежде того наполненный людьми, ищущими его покровительства! Домъ, въ коемъ умеръ хозяинъ, есть лучшее уподобленіе, которое можно прибрать къ сему случаю».

Ермоловъ прожилъ еще мѣсяцъ въ Тифлисѣ частнымъ человѣкомъ для приведенія своихъ дѣлъ въ порядокъ; дождавшись отъѣзда Алексѣя Петровича, Дибичъ также разстался съ Тифлисомъ и выѣхалъ 30-го апрѣля обратно въ Россію.

По словамъ Погодина: «Ермоловъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, въ которой и пріѣхалъ туда за десять лѣтъ, съ третнымъ жалованіемъ въ карманѣ, съ глубокою раною въ сердцѣ. Жить онъ расположился близъ Орла, въ родовой деревушкѣ у престарѣлаго отца»[95]. Впереди лежало тридцать пять лѣтъ вынужденной праздности; не имѣя еще полныхъ пятидесяти лѣтъ отъ роду, Ермоловъ отправлялся на долгій и безполезный для своей родины созерцательный покой.

«Какая тишина послѣ шумной жизни! Какое уединеніе послѣ всегдашняго множества людей, — пишетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ.— Я не отставленъ отъ службы, не уволенъ въ отпускъ, не сказано, чтобы состоялъ по арміи... Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали мнѣ его постовые начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ».

По дорогѣ въ деревню, Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ, по словамъ Алексѣя Петровича, «похоронено и мое счастіе». Дѣйствительно, звѣзда Ермолова угасла вмѣстѣ съ жизнію монарха, въ царствованіе котораго онъ проложилъ себѣ путь къ славѣ.

Жалованье Ермолова было обращено въ пенсію по 14.000 рублей ассигнаціями. Вотъ все, что онъ имѣлъ. Въ донесеніи государю отъ 29-го марта 1827 года о смѣщеніи Ермолова Дибичъ писалъ, что даже и въ этомъ краѣ, гдѣ о каждомъ распространяютъ массу позорящихъ клеветъ, никто не могъ и не смѣлъ заподозрѣть личнаго безкорыстія Алексѣя Петровича[96]. Въ царствованіе императора Александра Ермоловъ отказался отъ дарованной ему аренды, сказавъ, что на малыя его нужды достанетъ ему жалованья. Враги его толковали, что это уловка, хитрость со стороны Ермолова, что въ этомъ отказѣ вѣрно кроется какая нибудь задняя мысль, желаніе получить болѣе со временемъ. «Жаль, что они сами не прибѣгли къ той же уловкѣ, — пишетъ Е. П. Ковалевскій: — отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли»[97].

Біографъ Ермолова пишетъ: «Горько было Ермолову удаляться съ Кавказа, съ поприща своихъ подвиговъ и побѣдъ, гдѣ онъ въ продолженіе десяти лѣтъ, имѣя подъ начальствомъ малое количество войска,

Библиотека "Руниверс"

смирилъ дикихъ горцевъ, навелъ на нихъ ужасъ, такъ что матери стращали его именемъ своихъ младенцевъ, покорилъ цѣлыя области, утвердилъ русское владычество, построилъ крѣпости на всѣхъ важныхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ, образовалъ и приготовилъ Суворовское войско, готовое итти хоть въ преисподнюю по гласу любимаго начальника, и бросалъ русско-петровскіе взоры на Турцію, Персію, Бухару, Хиву, Индію... горько было Ермолову, но, вѣрный подданный, онъ оставилъ жезлъ начальства безъ прекословія, въ надеждѣ, что сердце царево въ рукѣ Божіей, подвигнется когда нибудь съ гнѣва на милость.

«Что сказать о гражданскихъ его заслугахъ въ Грузіи? Онъ утвердилъ безопасность жителей, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность, открылъ новые источники доходовъ для правительства.

«Дѣятельность его была неимовѣрная: въ одно время онъ и сражался, и строилъ, и распоряжался, награждалъ и наказывалъ, заводилъ, повѣрялъ, свидѣтельствовалъ. Спалъ онъ по четыре и пяти часовъ въ день, на простомъ войлокѣ, гдѣ случалось. Такъ провелъ онъ десять лѣтъ, всегда преданный службѣ, не зная семейныхъ наслажденій, не пользуясь обществомъ, никакими удобствами, съ единою мыслію объ общей пользѣ, о славѣ и могуществѣ Россіи».

Одинъ изъ сослуживцевъ Ермолова пишетъ: «Противникамъ его (а у него ихъ было много) я скажу кратко: всякій человѣкъ имѣетъ недостатки; но пускайте, господа, заставить уважать и любить себя такъ безгранично, какъ уважали и любили Алексѣя Петровича, кто его зналъ, и тогда пускай тѣшатся и бросаютъ камни въ его огородъ» [98].

Императоръ Николай въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 9-го (21-го) апрѣля 1827 года, слѣдующимъ образомъ объяснилъ брату увольненіе Ермолова [99]:

«Изъ приказа вы уже узнали о замѣнѣ Ермолова Паскевичемъ. Судя по точной картинѣ того, что мнѣ описалъ Дибичъ, все, будучи далеко не столь безмѣрно дурно, какъ это разсказывалось, было, однако, достаточно дурно для того, чтобы доказывать ясно, какъ день, что послѣ отъѣзда Дибича и Паскевича все снова превратилось бы въ хаосъ, безпорядокъ, которые были раньше и сдѣлались обычными въ этой странѣ, въ виду системы, усвоенной Ермоловымъ. Вы согласитесь со мною, что наканунѣ войны это являлось плачевными гарантіями успѣха. Паскевичъ былъ безупреченъ (irréprochable), поэтому я не могъ колебаться и сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Въ теченіе двухъ-трехъ дней здѣсь были совершенно ошеломлены: «качели» [100] заставили позабыть и Ермолова и Грузію. Сегодня утромъ я получилъ отъ Дибича донесеніе, что перемѣна совершилась, и что все произошло въ порядкѣ; Ермоловъ подчинился рѣшенію съ покорностію и безъ жалобъ. Я строго внушилъ Ди-

Библиотека "Руниверс"

бичу воспользоваться всею своею властью и моимъ именемъ, чтобы воспрепятствовать и предупредить какіе бы то ни были восторги и восклицанія какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, чтобы все произошло, строго придерживаясь служебнаго порядка; повидимому, мнѣ удастся все-таки увидѣть все дѣло оконченнымъ, не какъ паденіе придворнаго, немилость и тому подобное, а такъ, какъ «сдача» и должна происходить»[101].

Генералъ-адъютантъ Дибичъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Россію 30-го апрѣля (12-го мая) 1827 года.

Весною императоръ Николай предполагалъ осмотрѣть въ Вязьмѣ войска 2-го пѣхотнаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ князя Щербатова, и съ этою цѣлью отправился въ путь 7-го (19-го) мая[102]. Свиту государя составляли: графъ П. А. Толстой, графъ Чернышевъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Въ Вязьмѣ послѣ общаго смотра войска два дня маневрировали. Государь остался ими совершенно доволенъ, пожаловалъ начальникамъ разныя награды, а городу пособіе въ возмездіе за разореніе, понесенное имъ въ 1812 году отъ нашествія французовъ.

На смотрахъ присутствовали великій князь Михаилъ Павловичъ и главнокомандующій первой арміи, фельдмаршалъ графъ Сакенъ[103].

Генералъ-адъютантъ Дибичъ засталъ императора Николая еще въ Вязьмѣ; здѣсь его ожидалъ милостивый пріемъ со стороны государя, а 25-го іюня (7-го іюля) 1827 года, баронъ Дибичъ возведенъ былъ въ графское достоинство, продолжая занимать должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ императоръ Николай посвятилъ три дня на подробный осмотръ новгородскихъ военныхъ поселеній[104], а осенью 1827 года предпринялъ новое путешествіе въ Динабургъ, Ригу и Ревель.

Императоръ Николай и послѣ воцаренія продолжалъ слѣдить за успѣхами инженерной части, которую онъ, въ качествѣ великаго князя, будучи генералъ-инспекторомъ, вывелъ изъ прежняго у насъ ничтожества; несмотря на все бремя другихъ государственныхъ заботъ, онъ никогда не забывалъ своей прежней спеціальности. Поэтому государь, желая осмотрѣть работы по Динабургской крѣпости, производившіяся уже нѣсколько лѣтъ подъ личнымъ его управленіемъ, отправился въ Динабургъ 19-го октября, въ сопровожденіи только графа Дибича; оттуда онъ поѣхалъ въ Ригу и Ревель и возвратился въ С.-Петербургъ 1-го (13-го) ноября.

«Лифляндія,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—счастливая, со временъ Петра Великаго, подъ скипетромъ русскихъ самодержцевъ, душевно къ нимъ привязана и желаетъ только продолженія того же благоденствія, которымъ она наслаждается полтора вѣка. Рига приняла въ восторгомъ молодого императора. Получивъ во время своего тамъ пребыванія нѣсколько новыхъ трофеевъ, взятыхъ у вѣроломныхъ пер-

Библиотека "Руниверс"

сіянъ, онъ пожаловалъ ихъ городу, для храненія въ той же каѳедральной церкви, гдѣ развѣшаны вооруженія и щиты древнихъ меченосцевъ, побѣжденныхъ наконецъ русскими, праотцевъ современнаго дворянства, которое съ честію и славою служитъ въ рядахъ нашихъ войскъ.

«Изъ Риги государь поѣхалъ въ Ревель, куда велѣно было также явиться мнѣ и князю Волконскому. И Ревель привѣтствовалъ новаго

Графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ.

(Съ портрета, находящагося въ „Военной галлереѣ“ Зимняго дворца).

императора съ восторгомъ; и здѣсь, какъ въ Ригѣ, онъ вошелъ въ малѣйшія подробности военнаго и гражданскаго управленія, обративъ преимущественное вниманіе на учебныя заведенія и на устройство Ревельскаго порта. Онъ почтилъ своимъ присутствіемъ обѣдъ, предложенный ему отъ дворянства, и балъ, данный гражданами города».

Независимо отъ увольненія Ермолова, 1827-й годъ ознаменованъ былъ еще другою не менѣе важною перемѣною въ личномъ составѣ высшаго

Библиотека "Руниверс"

военнаго управленія. По свидѣтельству А. Д. Боровкова, довѣреннаго сотрудника военнаго министра графа Татищева, составился сильный комплотъ столкнуть его съ кресель министерскихъ, на которыя хотѣлось сѣсть графу Чернышеву. Къ достиженію своихъ честолюбивыхъ замысловъ онъ нашелъ себѣ содѣйствіе со стороны начальника главнаго штаба, барона Дибича, и вскорѣ явился желанный, благовидный предлогъ.

Во время пребыванія императора Николая въ Москвѣ, доставленъ былъ въ руки государя доносъ, что графъ Татищевъ, въ бытность его генералъ-кригскомиссаромъ, допустилъ по комиссаріату безпорядки и злоупотребленія. Разслѣдованіе поручено было генералъ-адъютанту Храповицкому, «человѣку пустому и дерзкому, — какъ пишетъ Боровковъ, — дѣйствовавшему по волѣ и направленію графа Чернышева». Донесенія свои Храповицкій представлялъ непосредственно государю, который, не оскудѣвъ еще благоволеніемъ къ графу Татищеву, присылалъ бумаги на его заключеніе. Началась полемика, продолжавшаяся почти годъ, которая побудила наконецъ военнаго министра написать императору Николаю 22-го мая 1827 года письмо, которое поручилъ составить Боровкову. «Долго я размышлялъ объ этомъ, — сказалъ ему Татищевъ, — но у меня не станетъ силъ: я старъ, пусть молодые пройдохи возятся съ министерствомъ. Въ защиту свою и моихъ подчиненныхъ я представилъ все, что могъ; да будетъ воля Божія и государя».

Содержаніе письма было слѣдующее:

«Всемилостивѣйшій государь.

«Долговременное служеніе мое большею частію въ должностяхъ, требовавшихъ неусыпной дѣятельности, бореніе съ огорченіями и непріятностями, съ сими должностями сопряженными, и наконецъ гнетущая рука времени такъ разстроили и душевныя и тѣлесныя силы, что управленіе военнымъ министерствомъ часъ отъ часу становится для меня тягостнѣе.

«Страшусь, всемилостивѣйшій государь, чтобы въ преклонности лѣтъ болѣзненное состояніе, преодолѣвая ревность къ сохраненію пользы отечественной, не произвело на обширномъ поприщѣ по званію военнаго министра невольныхъ упущеній и не возбудило тѣмъ праведный гнѣвъ августѣйшаго монарха, щедро явившаго на мнѣ опыты своего благоволенія и высочайшей довѣренности.

«Ободренный сими опытами, я дерзнулъ повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго величества съ вѣрноподданническою просьбою о сложеніи съ меня званія военнаго министра. Но, пламенѣя въ душѣ посиль-

Библиотека "Руниверс"

ными трудами заслужить милости, вашимъ величествомъ на меня изліянныя, я приму всякое назначеніе съ чувствомъ искренняго благоговѣнія.

«Вашего императорскаго величества
«вѣрноподданнѣйшій
«графъ Александръ Татищевъ» [105].

Боровковъ разсказываетъ, что на другой день пріѣхалъ къ графу Татищеву баронъ Дибичъ; болѣе часу продолжалось ихъ совѣщаніе. Дибичъ убѣждалъ его именемъ государя не оставлять министерства, старикъ упрямствовалъ и настоялъ на своемъ. Желаніе его было исполнено, но только черезъ три мѣсяца, 26-го августа 1827 года. Въ послѣдовавшемъ тогда же высочайшемъ приказѣ поручено было управлять военнымъ министерствомъ, впредь до повелѣнія, товарищу начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанту графу Чернышеву. Такъ достигъ комплотъ своей цѣли,—замѣчаетъ названный выше современникъ.

Съ этого времени управленіе главнымъ штабомъ и военнымъ министерствомъ сосредоточилось въ одномъ лицѣ, и подготовлялось въ будущемъ полное сліяніе всѣхъ частей военнаго управленія въ рукахъ графа Чернышева.

Вообще, съ 1827 года, началось нѣкоторое обновленіе въ личномъ составѣ министровъ, назначенныхъ еще въ царствованіе императора Александра. Подобной перемѣны ожидали еще во время коронаціонныхъ торжествъ; но когда эти надежды не оправдались, въ петербургскомъ обществѣ начали говорить: «Императоръ хочетъ удержать старыхъ глупцовъ, чтобы доказать, что онъ одинъ умѣетъ управлять. (L'Empereur veut conserver les vieilles ganaches pour faire voir qu'il sait gouverner tout seul») [106]. 15-го октября 1827 года, преклонныя лѣта князя Лобанова-Ростовскаго побудили его просить о сложеніи съ него должности министра юстиціи, которую онъ занималъ десять лѣтъ. Увольненіе князя состоялось 18-го октября, а товарищъ его, князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ, назначенъ былъ министромъ.

Въ началѣ слѣдующаго года перемѣны продолжались. 19-го апрѣля 1828 года, генералъ-адъютантъ Закревскій занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія финляндскаго генералъ-губернатора и командира отдѣльнаго финляндскаго корпуса. Почти одновременно, нѣсколькими днями позже (23-го апрѣля), состоялось также, какъ уже выше упомянуто, увольненіе адмирала Шишкова.

Изъ бывшихъ александровскихъ министровъ остались нетронутыми и еще болѣе укрѣпились на занимаемыхъ ими мѣстахъ: графъ Нессельроде, пожалованный 24-го марта 1827 года въ вице-канцлеры, и

Библиотека "Руниверс"

генералъ Канкринъ, возведенный въ 1829 году въ графское достоинство.

По свидѣтельству одного современника, императоръ Александръ былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ. «На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное расположеніе, или которые удостоивались его горячей дружбы, и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его довѣріе. Только безсердечный Аракчеевъ, а отчасти и другъ дѣтства государя, князь А. Н. Голицынъ, составляли исключеніе. Вполнѣ повредить Голицыну не могъ даже Аракчеевъ, несмотря на всѣ свои интриги. Совершенно инымъ былъ императоръ Николай. У него не было любимца, который имѣлъ бы такое вліяніе, какое имѣлъ Аракчеевъ. Кромѣ того, если кто либо заслужилъ однажды его милостивое вниманіе, тотъ могъ разсчитывать на его благоволеніе до тѣхъ поръ, пока не лишался по собственной ошибкѣ» [107].

Приведенный здѣсь отзывъ современника долженъ быть признанъ вполнѣ справедливымъ. Стоитъ припомнить выдающееся значеніе и довѣріе, которымъ пользовались въ продолженіе всего царствованія императора Николая князь Волконскій, графъ Бенкендорфъ, графъ Орловъ, графъ Дибичъ, князь Паскевичъ, князь Меншиковъ, князь Чернышевъ, графъ Клейнмихель, графъ Киселевъ, графъ Нессельроде, графъ Канкринъ и многіе другіе государственные дѣятели того времени, чтобы убѣдиться въ основательности высказанныхъ сужденій.

III.

Прошли многіе годы послѣ увольненія А. П. Ермолова, когда Николай Герасимовичъ Устряловъ вздумалъ написать: «Историческое обозрѣніе царствованія императора Николая I-го». Это было въ 1846 году. Сочиненіе Устрялова было прочитано государемъ въ рукописи и собственноручно имъ исправлено [108]. Въ своемъ историческомъ обозрѣніи авторъ коснулся, конечно, и персидскихъ дѣлъ и написалъ:

«За Кавказомъ содержался малочисленный корпусъ, разсѣянный мелкими отрядами по крѣпостямъ и въ совокупности не составлявшій даже одной полной дивизіи. Но тамъ былъ Ермоловъ: недоступный страху, онъ умѣлъ вселить мужество въ каждаго солдата, и русскій штыкъ остановилъ врага на первомъ шагу».

Приведенныя здѣсь слова были зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и на полѣ написано его величествомъ [109]:

«Неправда, Ермоловъ въ это время донесъ мнѣ, что не чувствуетъ въ себѣ силу начальствовать войсками въ подобное время, и просилъ

Библиотека "Руниверс"

D'après les détails de l'engagement que le détachement de la Compagnie eut avec l'ennemi, je crois voir que les soldats, peu exercés dans leurs mouvements, ont pu se conduire de manière à ne pas vous rendre très content d'eux ainsi que mes Officiers aux deux rencontres dans lesquels peuvent gâter l'esprit des autres et vous ne réussiriez pas à le remettre facilement. Ce n'est pas à un Lieutenant de commander un bataillon, qui, en but à un ennemi rusé, exige un chef actif, entreprenant et capable de faire observer l'ordre nécessaire avec exactitude et sévérité. —

Ермолов

ЗАПИСКА А. П. ЕРМОЛОВА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

присылки довѣреннаго лица, тогда я послалъ къ нему генералъ-адъютанта Паскевича и впослѣдствіи начальника штаба генералъ-адъютанта графа Дибича».

Сообразно съ высочайшими указаніями, Устрялову пришлось измѣнить многія части своей рукописи, и въ такомъ переработанномъ видѣ его историческое обозрѣніе появилось въ печати въ 1847 году [110]. По-

Библиотека "Руниверс"

хвальный отзывъ о Ермоловѣ, написанный Устряловымъ, былъ, конечно, исключенъ и замѣненъ слѣдующими строками:

«Ермоловъ донесъ императору, что онъ не чувствуетъ въ себѣ силы начальствовать войсками въ подобное время, и просилъ присылки довѣреннаго лица. Государь послалъ къ нему генералъ-адъютанта Паскевича, а впослѣдствіи начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Дибича».

Какъ и слѣдовало ожидать, Ермоловъ очень огорчился напечатаннымъ о немъ отзывомъ и столь явнымъ искаженіемъ исторической истины; гнѣвъ почтеннаго ветерана обрушился на неповиннаго ни въ чемъ историка. Устряловъ находился въ это время въ Москвѣ; въ своихъ воспоминаніяхъ онъ пишетъ:

«Въ Москвѣ я сблизился съ М. П. Погодинымъ, обѣдалъ у него и осматривалъ его любопытное и замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ книгохранилище. Отъ него я узналъ также, что Ермоловъ очень огорчился отзывомъ моимъ въ «Историческомъ обозрѣніи царствованія Николая I» объ увольненіи его на Кавказѣ. Я объяснилъ Погодину все, какъ было, что написалъ я въ рукописи, и какъ поправилъ сказанное мною самъ государь. Погодинъ говорилъ, что нѣсколько разъ ѣздилъ къ Ермолову и говорилъ ему, что я нисколько не виноватъ. Тѣмъ не менѣе, Ермоловъ написалъ ко мнѣ письмо, гдѣ довольно рѣзко говоритъ о моемъ выраженіи, и, не присылая мнѣ письма, распустилъ его по знакомымъ въ Москвѣ. Ихъ было очень много, и всѣ наперерывъ читали. Ермоловское посланіе было, разумѣется, не въ мою пользу. Мѣсяца черезъ три, уже возвратившись въ С.-Петербургъ, я получилъ это письмо. Я не зналъ, что дѣлать; писать къ Ермолову отвѣтъ и выставить все, какъ было, не видѣлъ никакой возможности; оставить безъ отвѣта тоже не хотѣлъ. Письмо Ермолова я отвезъ къ графу Уварову съ просьбою доложить государю. Послѣ мнѣ сказывалъ братъ мой, Ѳедоръ Герасимовичъ, служившій въ канцеляріи военнаго министра, что у нихъ, по волѣ государя, были большія хлопоты: отыскивали бумаги Ермолова при его увольненіи. Дѣло тѣмъ и кончилось. Я видѣлъ Ермолова впослѣдствіи на юбилеѣ Московскаго университета, но не говорилъ съ нимъ ни слова» [111].

Ермоловъ по поводу этой полемики написалъ Погодину слѣдующія строки: «Препровождая письмо мое г. Устрялову, я высоко цѣню одобреніе ваше умѣренности, съ которою я сдѣлалъ возраженіе. Легко могъ бы я обойтись безъ него, убѣжденъ будучи, что мало вреда принесетъ мнѣ изложенное г. Устряловымъ на счетъ мой мнѣніе, ибо въ настоящее время я нѣсколько извѣстенъ, а исторіографъ оцѣненъ будетъ по достоинству и теперь, и впослѣдствіи, но такъ долженъ я былъ поступить по причинамъ, изъясненнымъ въ концѣ письма сего. Не думалъ ли исторіографъ, бросивъ на меня черную тѣнь, придать блеску

Библиотека "Руниверс"

фельдмаршалу князя Варшавскому, но, и меня не трогая, довольно той подлой лести, которую расточаетъ въ похвалахъ ему» [112].

Та подлая лесть, на которую жалуется Ермоловъ въ письмѣ къ Погодину, заключается, вѣроятно, въ слѣдующихъ словахъ исторіографа въ честь Паскевича: «Подъ стѣнами Елисаветполя встрѣтилъ его (Аббасъ-Мирзу) тотъ, кому судьба предназначила быть въ наше время грозою враговъ Россіи въ Азіи и въ Европѣ, вождь, достойный русскаго воинства: тамъ встрѣтилъ его Паскевичъ. Прибывъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ на Кавказъ, для содѣйствія главнокомандующему, съ особенною довѣренностію императора, онъ немедленно принялъ по волѣ Ермолова [113] начальство надъ войсками, назначенными противъ персіянъ, и первымъ дѣломъ его было совершенное пораженіе вдесятеро сильнѣйшей арміи, подъ личнымъ предводительствомъ Аббаса-Мирзы, въ семи верстахъ отъ Елисаветполя».

Каково же было прочесть рядомъ съ направленнымъ противъ него несправедливымъ обвиненіемъ диѳирамбъ въ честь полководца, котораго онъ язвительно называлъ графомъ Ерихонскимъ, сравнивая его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука!

Для полной характеристики всѣхъ этихъ взаимныхъ недоразумѣній приведемъ здѣсь письмо Ермолова къ Устрялову отъ 17-го сентября 1847 года; оно свидѣтельствуетъ, что съ 1827 года страсти еще не улеглись, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Выстрадавъ въ молчаливомъ уединеніи двадцать лѣтъ, Ермоловъ, затронутый сочиненіемъ Устрялова за живое, не могъ удержаться отъ составленія ядовитаго возраженія, въ которомъ бывшій проконсулъ весьма искусно, подъ видомъ несчастнаго исторіографа, громилъ совершенно другое лицо: всѣхъ бѣдъ своихъ содѣтеля [114].

«Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего государя императора, — пишетъ Ермоловъ, — долго не могъ я пріобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемаго съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

«Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя въ правѣ говорить, что въ немъ, упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ, совершенно несвойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу, пройденному мною на службѣ и что, прежде нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя или, по крайней мѣрѣ, правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ я подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣстность.

«Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу, но малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«По произволу вашему приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе его поставили на такую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ, имъ избираемыхъ, недостатки способностей могли легко укрываться отъ его проницательности и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственною его волей. Такъ въ 1812 году, въ эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80.000 войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріей; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначенъ начальствовать арміей въ Италіи, болѣе нежели изъ ста тысячъ человѣкъ составленною, и для того вызванъ былъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшею для каждаго наградою.

«Прежняя война съ Персіей была современною войнѣ отечественной и, невзирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями.

«Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска кавказскаго корпуса значительно умножены и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха, Аббасъ-Мирза, столь же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ.

«Вамъ, милостивый государь, многое не извѣстно; но я, знавши хорошо обстоятельства, войну съ персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для персіянъ.

«Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его царствованія, и уваженіе къ памяти обо мнѣ прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня замѣтить вамъ, милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

«Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть

«милостиваго государя покорнѣйшій слуга

«Алексѣй Ермоловъ».

Библиотека "Руниверс"

IV.

Избавившись отъ двухъ непрошенныхъ своихъ руководителей: Ермолова и Дибича [115], генералъ-адъютантъ Паскевичъ смѣло и энергически принялся за выполненіе предположеннаго похода противъ Персіи. Своими распоряженіями и блестящими успѣхами Паскевичъ не замедлилъ оправдать безграничное довѣріе, которое питалъ къ его дарованіямъ императоръ Николай.

Еще до отъѣзда Дибича военныя дѣйствія начались движеніемъ русскихъ войскъ въ Эриванскую область. 13-го (25-го) апрѣля, генералъ-адъютантъ Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ занялъ Эчміадзинскій монастырь [116]. Неимовѣрная жара, превосходящая 40°, отсутствіе дорогъ и продовольствія въ безлюдной странѣ (персіяне угнали жителей) сильно затрудняли быстрый ходъ намѣченныхъ военныхъ дѣйствій. Число больныхъ возрастало ужасающимъ образомъ; баталіоны начали замѣтно рѣдѣть. Тѣмъ не менѣе приступили къ осадѣ крѣпости Аббасъ-Абада, расположенной на Араксѣ, въ десяти верстахъ отъ Нахичевани. Аббасъ-Мирза, согласно предположенію Паскевича, не замедлилъ двинуться на выручку созданнаго имъ оплота въ Южно-Эриванской области, но попытка персидскаго полководца привела 5-го (17-го) іюля къ полному пораженію его войскъ при Джеванъ-Булахѣ; Аббасъ-Мирза съ трудомъ избѣгъ плѣна. Рѣшительная побѣда, одержанная Паскевичемъ, сопровождалась сдачею крѣпости Аббасъ-Абада, послѣдовавшею 8-го (20-го) іюля [117].

Теперь предстояло Паскевичу овладѣть Эриванью. Операціи противъ этой крѣпости должны были рѣшить участь кампаніи; но для успѣшнаго выполненія подобной задачи нужно было выждать прибытія осадныхъ орудій; нестерпимый же зной и недостатокъ продовольствія препятствовали немедленно начать осаду Эривани. Пришлось отвести войска въ лагерь въ горы Карабабы.

Между тѣмъ наступательныя дѣйствія Аббаса-Мирзы, предпринятыя къ Эчміадзину противъ генерала Красовскаго, кончились тѣмъ, что персидскій полководецъ, несмотря на громадный перевѣсъ въ силахъ, отступилъ до появленія здѣсь нашихъ главныхъ силъ, пришедшихъ на выручку. Тогда Паскевичъ рѣшился овладѣть крѣпостью Сардаръ-Абадомъ. 19-го сентября (1-го октября) она была занята русскими войсками. Здѣсь побѣдитель нашелъ значительные запасы продовольствія, которые могли обезпечить содержаніе нашихъ войскъ во время предстоявшей теперь осады Эривани, къ обложенію которой немедленно приступили. 1-го (13-го) октября, Эривань, служившая оплотомъ персид-

Библиотека "Руниверс"

ского могущества въ Закавказьѣ, перешла въ руки Россіи. Паскевичъ доносилъ императору Николаю, 3-го (15-го) октября 1827 года:

«Знамя вашего императорскаго величества развѣвается на стѣнахъ эриванскихъ. Ключи сей столько прославленной крѣпости, весь гарнизонъ ея, взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣми главными начальниками, самого Гассанъ-Хана, который на этотъ разъ не могъ ни бѣжать [118], ни пробиться, завоеванные трофеи: 4 знамя, 37 пушекъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, до 50 фальконетовъ, наконецъ подданство и благодарность жителей, освобожденныхъ нами отъ мнимыхъ защитниковъ и свирѣпыхъ утѣснителей,—все сіе спѣшу повергнуть къ всемилостивѣйшему воззрѣнію вашему, государь. Войско вашего императорскаго величества вновь увѣнчалось блескомъ побѣды. Быстрое покореніе Сардаръ-Абада навело ужасъ на непріятеля, и симъ должно было пользоваться... Потеря наша, по стеченію многихъ счастливыхъ случайностей, самая ничтожная [119]. Знаменитая Эривань, которой пріобрѣтеніе, какъ полагали, должно было стоить потоковъ крови, пала предъ побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ безъ великихъ пожертвованій съ нашей стороны. Теперь лезгины, дагестанцы и всѣ мятежники въ кавказскихъ горахъ приведены будутъ въ трепетъ покореніемъ города, вѣчнаго ихъ убѣжища, гдѣ они находили помощь деньгами, оружіемъ и всѣмъ коварствомъ персидской политики. Слава его въ Турціи и Персіи неимовѣрна, но еще неимовѣрнѣе покажется овладѣніе имъ по шестидневной осадѣ. 3.000 человѣкъ военноплѣннаго гарнизона уже мною отправляются въ Грузію».

Императоръ Николай щедро наградилъ Паскевича. За побѣду при Джеванъ-Булахѣ и взятіе Аббасъ-Абада онъ получилъ орденъ св. Владимира первой степени, а за взятіе Сардаръ-Абада и Эривани орденъ св. Георгія второй степени. Сверхъ сего государь написалъ еще своему полководцу 6-го (18-го) ноября слѣдующее собственноручное письмо:

«Богу угодно было благословить труды ваши, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, преодолѣвъ всѣ препоны, природою и непріятелемъ вамъ противоставимыя, исполнили вполнѣ мое желаніе и покорили Россіи тѣ области, которыя ей отнынѣ принадлежать должны въ возмездіе за наглое покушеніе персіянъ.

«Изъ офиціальныхъ бумагъ вы увидите все мое удовольствіе; но мнѣ желательно, чтобъ мой старый командиръ зналъ, что я имъ сердечно доволенъ и вѣчно благодаренъ буду за то, что поддержалъ честь русскаго имени и исполнилъ мою волю. Спасибо, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, спасибо отъ всей души. Я полагаю, что письмо сіе застанетъ васъ въ Тавризѣ, можетъ быть, съ помощію Божіею, и тогда же, какъ миръ заключенъ. Я сего искренно желаю; но если бы сего не было, и ослѣпленіе персіянъ вело ихъ къ гибели продолженіемъ войны, вы найдете всѣ мысли мои въ начертаніи, которое шлетъ вамъ Иванъ Ива-

Библиотека "Руниверс"

новичъ. Считаю необходимымъ намъ далеко не лѣзть въ глубину Персіи; но елико возможно скорѣе сдѣлать экспедицію въ Астрабадъ или Зинзили, гдѣ по вашему удобнѣе, и стать тамъ твердой ногой».

Дмитрій Павловичъ Руничъ.

(Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Храбро-Василевской).

Въ то время, какъ русскія войска заняли Эривань, Аббасъ-Мирза окапывался въ лагерѣ въ Хоѣ и совершенно отказался отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Для русскихъ войскъ дорога въ главный городъ Адербейджана, Тавризъ, была открыта. 13-го (25-го) октября, князь Эристовъ занялъ съ отрядомъ безъ выстрѣла этотъ городъ; цита-

Библиотека "Руниверс"

дель, крѣпость, склады, арсеналъ, литейный заводъ—все было передано въ распоряженіе русскихъ. 19-го (31-го) октября, Паскевичъ съ авангардомъ вступилъ въ Тавризъ. Городское населеніе толпами вышло ему навстрѣчу, усыпая дорогу цвѣтами и закалывая быковъ, какъ это принято въ Персіи при торжественныхъ въѣздахъ шаха. «Вообще народъ изъявляетъ здѣсь къ намъ большое усердіе,—писалъ тогда Паскевичъ,—что впослѣдствіи можетъ сдѣлаться для насъ затруднительнымъ» [120].

Шахъ Фетъ-Али-ханъ убѣдился наконецъ въ неизбѣжности заключенія мира, тѣмъ болѣе, что наслѣдникъ персидскаго престола и главнокомандующій Аббасъ-Мирза заявилъ своему повелителю: «мы не можемъ драться, намъ ничего другого не остается, какъ примириться».

Не довольствуясь подобнымъ признаніемъ своего пораженія, Аббасъ-Мирза, главный виновникъ войны съ Россіею, явился въ Дей-Карганъ для личнаго свиданія съ Паскевичемъ. Главное затрудненіе къ заключенію мира состояло въ уплатѣ военныхъ издержекъ, которую требовала Россія; противъ территоріальныхъ же уступокъ никто не возражалъ. Въ Персіи всѣ государственные доходы принадлежали лично шаху, и Фетъ-Али-Ханъ дорожилъ сохраненіемъ своей казны. Поэтому уплата военныхъ издержекъ, писалъ Паскевичъ императору Николаю, «самая затруднительная въ землѣ, въ которой государь казну и личныя пользы свои совершенно отдѣляетъ отъ пользы народа». Препятствія къ заключенію мира увеличивались еще тѣмъ, что англійское правительство, снабжавшее Персію субсидіями, употребляло всѣ усилія для задержанія успѣховъ русской политики.

Хотя съ появленіемъ русскихъ войскъ въ Тавризѣ политическая обстановка сразу измѣнилась въ нашу пользу и приняла даже антидинастическій характеръ противъ царствовавшаго тогда въ Персіи шаха [121], но императоръ Николай и въ этомъ случаѣ остался себѣ вѣренъ. «Непреклонный въ убѣжденіяхъ строго-легитимныхъ,—пишетъ князь Щербатовъ,—государь не допускалъ мысли о возможности воспользоваться непокорностію подданныхъ законному ихъ монарху. Настаивая на удовлетвореніи Россіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ Паскевича и сохраненія цѣлости Персіи и неприкосновенности законной власти и престола шаха» [122]. Между тѣмъ въ донесеніяхъ Паскевича сквозило совершенно иное направленіе; онъ, повидимому, не особенно опасался разложенія Персіи. Паскевичъ, находясь въ Тавризѣ, всякій день все болѣе убѣждался въ возможности, окончательно завладѣвъ Адербейджаномъ, управлять ханами всей Персіи. «Съ потерею Адербейджана,—писалъ Паскевичъ,—англійскіе чиновники могутъ сѣсть на корабли въ Бендеръ-Бушрѣ и возвратиться въ Индію» [123]. Разсужденія русскаго главнокомандующаго, принимая во вниманіе одни персидскія дѣла, вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ; тѣмъ не менѣе близость неминуемой

Библиотека "Руниверс"

войны съ Турціею не позволяла, однако, слишкомъ увлекаться одержанными успѣхами, такъ какъ низверженіе каджорской династіи удержало бы надолго русскія войска въ Персіи.

Персидское правительство съ свойственною восточнымъ политикамъ изворотливостію сумѣло затянуть переговоры, несмотря на то, что Аббасъ-Мирза подписалъ уже предъявленныя ему предварительныя условія

Императоръ Николай I, императрица Александра Ѳеодоровна и великій князь Константинъ Николаевичъ.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

мира [124]. «Безъ хитростей, безъ изворотовъ ничего здѣсь не дѣлается», — замѣтилъ Паскевичъ въ донесеніи къ государю отъ 21-го декабря 1827 года [125]. Наконецъ Паскевичъ вынужденъ былъ объявить о разрывѣ перемирія и снова двинуть войска для поддержанія своихъ требованій. Русскія заняли Міянъ и Ардебиль и, невзирая на холодное зимнее время, начали готовиться къ походу на Тегеранъ. Рѣшительныя мѣры, принятыя Паскевичемъ, и совѣты англійской миссіи заглушили наконецъ вспыхнувшіе новые воинственные порывы шаха; онъ смирился, и

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

10-го (22-го) февраля 1828 года въ Туркманчаѣ подписанъ былъ мирный договоръ съ Персіею.

Существенныя статьи трактата заключались въ уступкѣ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, въ возвращеніи ханства Талышинскаго (съ Ленкоранью), занятаго персидскими войсками, и въ уплатѣ двадцати милліоновъ рублей за военныя издержки.

По полученіи этого радостнаго извѣстія, императоръ Николай возвелъ, 15-го (27-го) марта 1828 года, Паскевича въ графское достоинство, повелѣвъ ему именоваться графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ[126], и, сверхъ того, пожаловалъ ему одинъ милліонъ ассигнаціями изъ персидской контрибуціи. Эти милости императоръ Николай возвѣстилъ «отцу командиру» въ собственноручномъ письмѣ, въ которомъ писалъ:

«Воздавъ Всемогущему Богу благодареніе за дарованіе столь желаннаго миою мира, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, съ изъясненіемъ чувствъ признательности, которую отъ глубокаго сердца къ вамъ питаю за важныя услуги отечеству и точное исполненіе моихъ желаній; вы все вполнѣ совершили. Желая, чтобъ и въ потомствѣ сохранились неразлучныя съ именемъ вашимъ пріобрѣтенія, копми вамъ Россія обязана, пріобщилъ я къ фамиліи вашей названіе той твердыни, покореніемъ которой походъ принялъ рѣшительный оборотъ въ нашу пользу».

Затѣмъ въ томъ же письмѣ, какъ пишетъ біографъ Паскевича, государь въ мягкихъ, дружескихъ выраженіяхъ упрекалъ «отца командира» въ недовѣріи къ своимъ ближайшимъ помощникамъ и въ излишней раздражительности. Это замѣчаніе было вызвано тѣмъ, что до свѣдѣнія государя постоянно доводимы были случаи, свидѣтельствовавшіе о раздражительности и неуживчивости Паскевича. Слава, которую стяжалъ себѣ «отецъ командиръ» въ Персіи, и милость къ нему монарха встревожили немалое число лицъ, естественнымъ образомъ вызвавъ легіонъ недоброжелателей и завистниковъ, не пропускавшихъ удобнаго случая повредить ему во мнѣніи государя.

«Теперь,—писалъ императоръ Николай,—какъ старому знакомому, могу сказать, какъ другу, дозвольте мнѣ изъяснить со всею искренностью новое желаніе мое, собственно до васъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, касающееся. Я душу вашу знаю; знаю, что благородная душа ваша не оскорбится голосомъ друга, которому честь ваша, ваша слава точно дороги.

«Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что съ прискорбіемъ я видѣлъ, что многіе достойные сотрудники ваши, люди, копхъ вы уважать должны, ибо они вполнѣ сего достойны, лишились подъ конецъ похода вашего довѣрія, не сдѣлавъ, я смѣло скажу, ничего, дабы провиниться и тѣмъ заслужить неудовольствіе ваше справедливымъ образомъ. Мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ ли высокая и благородная душа ваша быть преступна въ незаслуженной недовѣрчивости? Достойно ли васъ угнетать или быть несправедливу къ тѣмъ, кои, не щадя ни трудовъ, ни самой жизни, дабы заслужить мое благоволеніе, были истинными вамъ сотрудниками и помощниками?

«Не мнѣ вамъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, упоминать, что прощать великодушно, притѣснять же безъ причины — неблагородно. Прошу васъ, какъ другъ, примите сіе увѣщаніе отъ меня, какъ долгъ тому, которому я самъ многими добрыми совѣтами обязанъ. Я желаю, чтобы моего Ивана Ѳедоровича всякій подчиненный любилъ и почиталъ, какъ отца, и чтобы не было другихъ ему завистниковъ, какъ завистниковъ его славы и добродѣтели.

«Слава сія на полѣ чести пріобрѣтена вами, — остается пріобрѣсти другую, столь же важную: быть любиму своими подчиненными. Для сего нужна строгая справедливость, даже самый видъ пристрастія или прихоти долженъ быть устраненъ. И можетъ ли быть иначе между благородныхъ людей, обязанныхъ уваженіемъ другъ къ другу?

«Я льщу себя надеждой, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, что вы постараетесь будущимъ вашимъ обращеніемъ съ вашими добрыми, усердными подчиненными доказать, что не въ нравѣ вашемъ поступать постоянно, какъ донынѣ случалось, и что совѣтъ искренняго вамъ друга не будетъ тщетнымъ. Въ трехъ вашихъ главныхъ подчиненныхъ: Эмануелѣ, Сипягинѣ и Красовскомъ, имѣли вы людей способныхъ, надежныхъ и заслуживающихъ мою довѣренность; съ ними въ особенности будьте въ должныхъ начальническихъ, но дружественныхъ отношеніяхъ. Ни одинъ изъ нихъ не будетъ, какъ говорится, искать выслуживаться помимо васъ; каждый въ своемъ мѣстѣ будетъ преполезенъ... Съ сими тремя помощниками, дѣйствуя черезъ нихъ по принятому плану и занимаясь тогда болѣе общимъ направленіемъ, наблюденіемъ и частыми осмотрами, я надѣюсь, мой Иванъ Ѳедоровичъ поставитъ скоро край сей на ряду лучшихъ и самыхъ цвѣтущихъ областей Россіи»[127].

Приведенныя здѣсь строки, служащія лучшей характеристикой отношеній, установившихся между Паскевичемъ и его другомъ, императоромъ, сдѣлаются вполнѣ понятными, если сказать, что даже ближайшій сотрудникъ Паскевича, графъ Сухтеленъ, отзывался о немъ въ своей перепискѣ, какъ о человѣкѣ честномъ, храбромъ, добромъ и справедливомъ, но въ то же время недовѣрчивомъ, подозрительномъ и крайне тяжеломъ въ служебныхъ отношеніяхъ[128].

Впрочемъ, въ письмѣ къ государю самъ Паскевичъ признавалъ жалобы своихъ подчиненныхъ отчасти справедливыми[129]. Въ письмѣ же къ великому князю Михаилу Павловичу, написанному по окончаніи Персидскаго похода изъ Туркманчая, Паскевичъ не отрицалъ проявлен-

Библиотека "Руниверс"

ной имъ съ нѣкоторыхъ поръ раздражительности, объясняя ее слѣдующимъ образомъ:

«Все счастливо кончилось,—пишетъ Паскевичъ,—однако прибавлю къ сему вашему высочеству, что если когда нибудь удостоюсь явиться въ присутствіе ваше, то узнать меня будетъ трудно. Безсонныя ночи въ теченіе долгаго времени, отсутствіе спокойствія, смѣна безпрерывныхъ происшествій, непріятности всякаго рода, которыхъ никакимъ человѣческимъ расчетомъ ни предвидѣть, ни отвратить невозможно, наконецъ климатъ, послѣ несносныхъ жаровъ стужа такая, какъ въ Россіи, все это преобразило меня совершенно, и я устарѣлъ прежде времени. Характеръ мой даже совсѣмъ измѣнился. Требуя часто невозможнаго отъ людей и обстоятельствъ, нельзя сохранить себя въ обыкновенномъ положеніи души. Желаніе исполнить болѣе, нежели долгъ свой,—чрезмѣрно: препятствія раздражаютъ, и поневолѣ взыскивается часто и много, а это никому не нравится» [130].

Блистательный миръ съ Персіею навелъ генералъ-лейтенанта А. Х. Бенкендорфа на слѣдующія остроумныя размышленія, высказанныя имъ въ письмѣ, отъ 16-го (28-го) марта 1828 года, къ графу М. С. Воронцову:

«Нужно сознаться, что мусульмане не проявляютъ остроумія въ выборѣ времени для заключенія мира. Въ 1812 году турки поспѣшили подписать его въ моментъ, когда Наполеонъ, имѣя позади себя всю Европу, надвигался на имперію. Теперь персіяне подражаютъ имъ, облегчая для насъ возможность раздавить ихъ единовѣрцевъ [131]. Миръ великолѣпный... Поэтому-то Паскевичъ и былъ сдѣланъ графомъ Эриванскимъ съ пожалованіемъ одного милліона. Вотъ какъ слѣдуетъ награждать... Наконецъ дѣло кончено такимъ образомъ, какъ и подобаетъ русскому императору. Всѣ восторгаются этимъ, и даже соперники, завистники, критики, крикуны ничего не находятъ для возраженія» [132].

Нѣсколькими днями ранѣе Бенкендорфъ писалъ тому же графу Воронцову, что ожидаемое ежеминутно извѣстіе о мирѣ ошеломило дипломатовъ (parmi les diplomates elle a été comme un coup de massue).

Поздравляя императора Николая съ заключеніемъ мира, цесаревичъ Константинъ Павловичъ воспользовался случаемъ рѣзко осудить Ермолова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенно кольнуть также и новаго героя Паскевича, котораго онъ не долюбливалъ.

«Я позволяю себѣ принести вамъ мои болѣе чѣмъ искреннія поздравленія съ другой одержанной вами побѣдой,—писалъ цесаревичъ,—которая, по моему слабому разумѣнію, не лишена значенія и заключается въ томъ, что все обошлось безъ генерала Ермолова, бывшаго кумиромъ общественнаго мнѣнія и слывшаго за единственнаго способнаго человѣка въ нашемъ отечествѣ. Это является, по моему мнѣнію, не менѣе существенной побѣдой и призоветъ къ порядку очень многихъ

Библиотека "Руниверс"

съ ихъ новыми идеями, пагубными для всякаго законнаго порядка, и въ силу которыхъ геній долженъ замѣнять постоянно то, что установлено. Вы доказали, что можно было обойтись безъ него, и я отъ всего сердца благодарю за это небо; это — хорошій урокъ, данный всему міру» [133].

Императрица Александра Ѳеодоровна.
(Съ гравюры Райта).

9-го (21-го) апрѣля 1827 года, цесаревичъ писалъ по тому же поводу Ѳ. П. Опочинину:

«На то, что вы пишете, что генералъ Ермоловъ отозванъ, а на мѣсто его назначенъ генералъ Паскевичъ, скажу вамъ: жаль, что съ такими военными достоинствами, каковъ генералъ Ермоловъ, онъ такъ себя своими дѣяніями запуталъ. Я ему во время оно нѣсколько разъ предвѣщалъ, что съ нимъ когда нибудь да будетъ такой конецъ. Съ послѣдняго же его пріѣзда въ Варшаву въ 1821 году, гдѣ онъ велъ себя не такъ, какъ бы слѣдовало, я совершенно прекратилъ мои съ нимъ соотношенія».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Насколько отношенія цесаревича къ А. П. Ермолову стали недружелюбны, можно видѣть изъ другого, болѣе ранняго, письма Константина Павловича къ тому же Ѳ. П. Опочинину, отъ 12-го (24-го) марта 1826 года:

«Насчетъ выступившихъ въ походъ на Кавказъ баталіоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, что государь императоръ не могъ безъ слезъ смотрѣть ихъ, будучи растроганнымъ, видя ихъ усердіе и ревность, съ коими они стремились итти загладить свой проступокъ,—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что таковыя милосердыя чувства его императорскаго величества есть совершенно ему свойственны, въ чемъ всякій долженъ отдать справедливость, Алексѣй же Петровичъ Ермоловъ потѣшится теперь съ этими людьми, они ему на убой попались. Я весьма помню, когда въ 1814 году, во время атаки Парижа, изъ числа состоящей у меня въ командѣ прусской и баденской гвардіи я послалъ баденскій баталіонъ въ Pantin, и какъ Алексѣй Петровичъ стоялъ тогда въ сторонѣ, то я, подъѣхавъ къ нему, сказалъ ему объ ономъ, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ за нимъ, а по сродному своему человѣколюбію съ удовольствіемъ сказалъ, врядъ ли кто изъ онаго возвратится, и дѣйствительно такъ вышло, изъ 500 человѣкъ вступило въ Парижъ только 280».

Чѣмъ же разгнѣвалъ А. П. Ермоловъ цесаревича въ 1821 году? Дневникъ Ермолова отъ 20-го мая 1821 года даетъ слѣдующее объясненіе:

«Великій князь принялъ меня благосклонно. Почти ежедневно бывалъ я у развода; видѣлъ парады, ученья всякаго рода войскъ, смотры и маневры. Я отказался отъ квартиры во дворцѣ государя и остановился въ гостиницѣ. По приказанію цесаревича, всѣ польскіе генералы и прочіе чиновники на другой день по пріѣздѣ моемъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе. Я просилъ объ отмѣнѣ его приказанія, но не успѣлъ. Я не принялъ ихъ, не желая дѣлать имъ безпокойства, зная при томъ, что изъ нихъ знакомые охотно увидятся со мною и безъ объявленнаго приказа. Цесаревичъ былъ въ большомъ негодованіи на меня, и начальнику штаба, генералу Курутѣ, поручилъ объясниться со мною самымъ непріятнымъ образомъ».

Но «патеръ Ермоловъ»[134] этимъ не довольствовался и причинилъ цесаревичу еще и другую непріятность: онъ разсказывалъ польскимъ генераламъ о Суворовскомъ штурмѣ Праги, за который украшенъ былъ Георгіевскимъ крестомъ. Варшавскія выходки Ермолова, шедшія совершенно въ разрѣзъ съ александровской политикой, проводимой тогда въ Польшѣ, навсегда разстроили отношенія цесаревича къ «проконсулу въ Грузіи», котораго онъ нѣкогда въ своихъ письмахъ называлъ не иначе, какъ: «почтеннѣйшій, любезнѣйшій и храбрѣйшій старинный

Библиотека "Руниверс"

другъ и товарищъ», находя, «что единственный Ермоловъ гораздъ на все» [135].

— «У васъ много враговъ»,—сказалъ цесаревичъ однажды Ермолову.

— «Я считалъ ихъ, — отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, — когда ихъ было много, но теперь ихъ набралось безъ счету, и я пересталъ объ нихъ думать».

V.

Варшавскій слѣдственный комитетъ, учрежденный для открытія польскихъ тайныхъ обществъ, окончилъ свои занятія значительно позже петербургскаго [136]; онъ представилъ цесаревичу Константину Павловичу свое донесеніе только 22-го декабря 1826 года (3-го января 1827 года). Правительству предстояло тогда рѣшеніе весьма важнаго вопроса: какимъ образомъ вести далѣе дѣло и какой учредить судъ надъ привлеченными къ отвѣтственности лицами?

Императоръ Николай высказалъ первоначально желаніе учредить по этому случаю въ Варшавѣ судъ на началахъ, сходныхъ съ тѣми, которыя были положены въ основаніе петербургскаго верховнаго уголовнаго суда. Въ письмѣ къ цесаревичу, отъ 15-го (27-го) сентября 1826 года, императоръ Николай припомнилъ, что онъ подалъ въ Россіи примѣръ почти представительнаго образа веденія дѣла, «которое тѣмъ самымъ показало передъ лицомъ всего міра, насколько наше дѣло было просто, ясно, священно»; а между тѣмъ въ Польшѣ, въ странѣ конституціонной, государь, къ сожалѣнію своему, видитъ себя вынужденнымъ учредить судъ, по его мнѣнію, почти некомпетентный для того, чтобы судить государственныхъ преступниковъ. «Явится ли это, — замѣчаетъ императоръ, — болѣе вѣрнымъ средствомъ охранить страну отъ всякихъ волненій и закрыть ротъ тѣмъ, которые пожелали бы видѣть несправедливость въ карѣ, которую предстоитъ наложить на виновныхъ? У меня нѣтъ ни знанія мѣстныхъ условій, ни опытности, поэтому я говорю совершенно зря и единственно по долгу безусловнаго довѣрія къ моему брату, моему лучшему другу; такимъ образомъ, дорогой Константинъ, примите это за то, чѣмъ оно есть, какъ исповѣдь сердца, а что касается прочаго, будьте увѣрены, что я исполню то, на что вы укажете мнѣ, какъ на необходимое и неизбѣжное». Въ заключеніе государь присовокупилъ, что будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать донесенія комитета по дѣлу, о которомъ онъ имѣетъ лишь общее и смутное представленіе.

По поводу предположеній, высказанныхъ императоромъ Николаемъ въ приведенномъ нами письмѣ, цесаревичъ написалъ самое рѣшительное возраженіе и подвергъ критикѣ петербургскій верховный уголовный судъ. «Я позволю себѣ, — читаемъ въ письмѣ Константина Павловича отъ 12-го (24-го) октября 1826 года,— представить вамъ, что составъ

Библиотека "Руниверс"

суда въ родѣ того, какъ было сдѣлано у васъ, не можетъ имѣть мѣста у насъ безъ нарушенія всѣхъ конституціонныхъ началъ, потому что спеціальные суды не допускаются, а петербургскій судъ былъ именно такимъ, потому что, на ряду съ сенатомъ, въ составъ его введены были члены, назначенные особо въ данномъ случаѣ; въ конституціонныхъ странахъ уже отвергаютъ компетентность и правосудіе петербургскаго суда и называютъ его чѣмъ-то въ родѣ военнаго суда (cour prévôtale); сверхъ того, самое судопроизводство представляется имъ незаконнымъ, такъ какъ въ немъ не было допущено гласной защиты; виновные или же подсудимые были осуждены, не бывъ, такъ сказать, ни выслушаны публично, ни защищены тѣмъ же путемъ; въ конституціонныхъ странахъ дѣйствуютъ учрежденные на то суды, при гласной защитѣ... впрочемъ я приказалъ составить для васъ по этому поводу записку, которая, надѣюсь, можетъ оказаться полезною для васъ и вполнѣ поставитъ васъ въ извѣстность о томъ, что можно будетъ сдѣлать для того, чтобы, насколько возможно, остаться на законной почвѣ».

Императоръ Николай отвѣтилъ цесаревичу: «Съ нетерпѣніемъ ожидаю записки, о которой вы говорите мнѣ; само собою разумѣется, что родъ суда, подобный здѣшнему, не можетъ быть примѣненъ въ Польшѣ, и это тѣмъ болѣе безполезно, что польскій сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ, взятыхъ изъ всѣхъ отраслей службы; поэтому я никогда не имѣлъ въ виду чего либо другого, какъ придерживаться въ этомъ отношеніи требованій закона; здѣсь, гдѣ не существуетъ ничего подобнаго, нужно было дѣйствовать, насколько только возможно, законнымъ образомъ (aussi légalement que possible), и, слѣдовательно, ничего не выдумывать, а руководствоваться примѣрами прошлаго».

Переписка по этому дѣлу между Петербургомъ и Варшавою кончилась тѣмъ, что члены польскихъ тайныхъ обществъ были, согласно конституціи, по статьѣ 152-й, преданы сеймовому суду, образованному изъ всѣхъ членовъ сената; тѣ же изъ поляковъ, которые состояли русскими подданными, подверглись суду правительствующаго сената.

Засѣданія сеймоваго суда начались въ Варшавѣ 3-го (15-го) іюня 1827 года. Цесаревичъ выражалъ государю надежду, что судъ докажетъ своимъ ходомъ, насколько общественное мнѣніе страны стоитъ на должной высотѣ, безъ всякаго оттѣнка раболѣпства; вмѣстѣ съ тѣмъ, Константинъ Павловичъ полагалъ, что при этомъ случаѣ убѣдятся въ Петербургѣ, насколько несостоятельно воззрѣніе, по которому королевство изображалось, какъ находящееся въ состояніи броженія или даже революціи. «Не знаю, что выйдетъ изъ этого въ будущемъ, — писалъ цесаревичъ 26-го мая 1827 года,— но ручаюсь, что въ настоящее время нѣтъ и тѣни броженія, и, если сумѣютъ взяться за это, то и въ будущемъ можетъ не произойти ничего подобнаго».

Библиотека "Руниверс"

Кремль въ Москвѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Съ акварели того времени, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Императорское семейство въ Монплезирѣ въ Петергофѣ.
(Съ литографіи Бегрова).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Предсказанія цесаревича не оправдались. Весь край не замедлилъ покрыться густою сѣтью тайныхъ обществъ и заговоровъ; началась усиленная революціонная пропаганда, чтобы воздѣйствовать на умы населенія въ пользу людей виновныхъ, какъ выражались тогда, въ томъ, что въ глубинѣ сердца они питали желаніе независимости отечества. Немногочисленные противники подобнаго воззрѣнія признавались отщепенцами общества, покидались своими друзьями, подвергались оскорбленіямъ на улицахъ города. Прокламаціи, расклеенныя въ публичныхъ мѣстахъ, съ самаго открытія засѣданій сеймоваго суда, грозили плохимъ патріотамъ местью народа. Памфлеты и подпольныя изданія разжигали страсти. Малѣйшій поводъ служилъ предлогомъ для шумныхъ манифестацій, устраиваемыхъ молодежью, съ каждымъ днемъ все болѣе совращаемой агитаторами, и которую стало столь трудно сдерживать, что власти, убѣдившись наконецъ въ своемъ безсиліи, перестали свирѣпствовать противъ нея [137].

Если бы польское общество того времени было болѣе зрѣлое и вѣрнѣе оцѣнило бы свои истинныя выгоды, то оно, довольствуясь настоящимъ, спокойно вынесло бы временныя невзгоды, на которыя жаловались патріоты, уповая на лучшее будущее. Но, какъ справедливо отмѣтилъ одинъ писатель, «всѣ мысли народа витали не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ». Передовые дѣятели страны стремились къ одной цѣли, къ политической реставраціи прежней Польши; а подобное направленіе польской интеллигенціи могло только привести къ крушенію систему, которую Александръ I осуществилъ съ такимъ трудомъ въ 1815 году.

Сеймовому суду на основаніи королевскаго декрета отъ 7-го (19-го) апрѣля 1827 года преданы были восемь человѣкъ: Кржижановскій, графъ Солтыкъ, Маевскій, ксендзъ Дембекъ, Заблоцкій, Гржимайло, Плихта, графъ Залусскій. Предсѣдателемъ суда назначенъ былъ Бѣлинскій, старшій сенаторъ, замѣнившій собою настоящаго предсѣдателя сената, графа Замойскаго, отстраненнаго отъ дѣла, какъ бывшаго членомъ варшавскаго слѣдственнаго комитета.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности суда, открывшаго свои засѣданія въ Варшавѣ въ іюнѣ 1827 года.

Императору Николаю приходилось во время хода этого политическаго процесса либо сдерживать порывы неудовольствія цесаревича, либо выслушивать, съ его стороны, взгляды совершенно противоположнаго свойства, клонившіеся къ оправданію польскихъ подсудимыхъ. Такъ, напримѣръ, государь остался недоволенъ обвинительнымъ актомъ, предшествовавшимъ суду; цесаревичъ призналъ его слабо редактированнымъ (je l'ai trouvé faiblement rédigé), а затѣмъ высказалъ слѣдующія соображенія въ пользу подсудимыхъ, идущія совершенно въ разрѣзъ съ отправной точкой, которой придерживался въ этомъ дѣлѣ императоръ Николай.

Библиотека "Руниверс"

«Что касается того,—пишетъ Константинъ Павловичъ,—что вы говорите мнѣ, что не можете понять, какъ можно назвать отдаленной попыткой (tentative éloignée) знаніе заговора, имѣвшаго цѣлью убійство короля и его семьи, то это можетъ казаться такъ на первый взглядъ; но преступленіе тѣхъ, которые знали объ этомъ, можетъ быть названо, по существующимъ законамъ, лишь сокрытіемъ,—понятіе вполнѣ опредѣленное и предусмотрѣнное кодексомъ. Что же касается самаго убійства, къ которому подстрекали русскіе, то на основаніи показаній подсудимыхъ, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, дознано, что послѣдніе постоянно отказывались отъ дѣлаемыхъ имъ предложеній и даже не хотѣли слушать разговоровъ объ этомъ, выставляя тотъ доводъ, что никогда еще цареубійство не запятнало польскаго народа. Поэтому преступленіе состоитъ исключительно въ сокрытіи этого факта. Такимъ образомъ отдаленная попытка (tentative éloignée), о которой упоминается, безусловно относится къ желанію низвергнуть настоящее правительство, пользуясь для осуществленія этой цѣли перемѣнами, которыя могли бы произойти въ Россіи, а такъ какъ время для совершенія этихъ перемѣнъ не было установлено, то оно и не могло быть названо иначе, какъ это сдѣлано было прокуроромъ, въ особенности въ виду показаній самихъ русскихъ, откладывавшихъ осуществленіе своихъ намѣреній изъ года въ годъ» [138].

Изъ С.-Петербурга присланы были делегаты правительствующаго сената и снова привезены участники польскихъ тайныхъ обществъ, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ. Дѣло тянулось безконечно долго и кончилось лѣтомъ 1828 года оправданіемъ подсудимыхъ, изъ которыхъ только нѣкоторые приговорены были къ незначащимъ тюремнымъ заключеніямъ, съ вычетомъ времени, проведеннаго подъ арестомъ. Предсѣдатель суда, Бѣлинскій, сказалъ: «Мое сердце препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство!». Приговоръ суда какъ бы торжественно оправдывалъ въ прошедшемъ всѣ попытки, которыя были направлены къ низверженію существовавшаго законнаго порядка, и какъ бы разрѣшалъ въ будущемъ всѣ дальнѣйшіе заговоры и попытки подобнаго рода.

Когда состоялся этотъ приговоръ, императоръ Николай находился въ Турціи при дѣйствующей арміи, озабоченный исходомъ бывшей въ полномъ разгарѣ войны съ Портою. Разсказываютъ, что государь, узнавъ о столь неожиданномъ исходѣ варшавскаго политическаго процесса, воскликнулъ: «Несчастные, они спасли виновныхъ, но погубили отечество!». Цесаревичъ приведенъ былъ приговоромъ сеймоваго суда въ состояніе сильнѣйшаго гнѣва; письма къ государю, отправленныя во время суда, испещрены выраженіями: «notre sot et imbécile senat», «la vieille ganache de président», «l'insigne bêtise de Bielinski» и т. п. Константинъ Павловичъ готовъ былъ прибѣгнуть даже къ крайнимъ мѣ-

Библиотека "Руниверс"

рамъ, быстро позабывъ свои недавнія назидательныя конституціонныя наставленія, сообщенныя брату. Благоразуміе императора Николая отклонило всякія неосмотрительныя рѣшенія. Повелѣно было административному совѣту королевства высказать свое мнѣніе по поводу судебнаго приговора и поведенія сената въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ приговоръ остался неутвержденнымъ, и сенаторамъ воспрещено отлучаться изъ Варшавы. Снова потребовались недѣли, обратившіяся въ мѣсяцы, для новой работы, возложенной на польскихъ государственныхъ людей. Административный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ сената слѣдуетъ приписать не злонамѣренности его членовъ, но неудовлетворительности существовавшаго тогда уголовнаго законодательства. Такимъ образомъ административный совѣтъ въ сущности оправдывалъ рѣшеніе, постановленное сеймовымъ судомъ. Заключеніе совѣта было препровождено къ императору Николаю въ декабрѣ 1828 года.

Въ слѣдующемъ 1829 году столь плачевное и безконечное пререканіе между властями наконецъ прекратилось. Государь повелѣлъ прочесть сенату высочайшій выговоръ, а затѣмъ утвердилъ приговоръ суда, который вступилъ въ законное дѣйствіе. 14-го (26-го) марта послѣдовало закрытіе сеймоваго суда, но зло, нанесенное этимъ политическимъ процессомъ странѣ, было непоправимо.

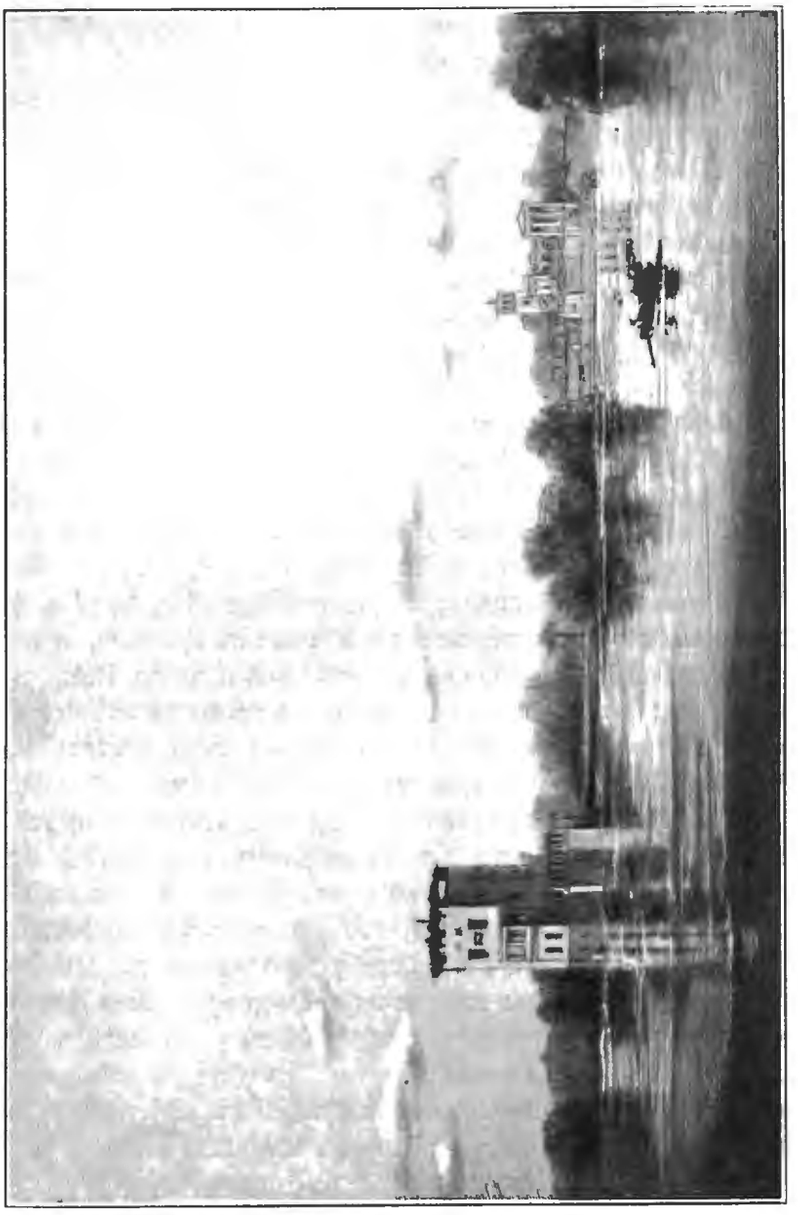
Между тѣмъ 22-го февраля (6-го марта) умеръ предсѣдатель сеймоваго суда, сенаторъ Бѣлинскій. Ему устроили пышныя похороны, которыя сопровождались нѣкоторыми безпорядками со стороны учащейся молодежи и послужили къ еще большему возбужденію умовъ.

9-го (21-го) марта 1829 года цесаревичъ писалъ государю:

«Выговоръ (la mercuriale) былъ принятъ съ почтительностью и покорностью, но не съ убѣжденіемъ, какъ это видно изъ донесеній, получаемыхъ мною со всѣхъ сторонъ; впрочемъ, чего же можно ожидать отъ подобныхъ существъ и отъ сброда, какимъ являются въ большинствѣ сенаторы этой страны? Тѣмъ не менѣе нужно быть справедливымъ и сказать, что среди нихъ есть такіе, которые сознаютъ, что сдѣлали ложный шагъ, и раскаиваются. Вмѣсто того, чтобы чувствовать деликатность вашего образа дѣйствій, выразившагося въ приказаніи сдѣлать имъ выговоръ при закрытыхъ дверяхъ, встрѣчаются такіе, которые въ этомъ видятъ опасеніе дѣйствовать публично, но что впрочемъ они восторжествовали, освободивъ патріотовъ, которые жертвовали для отечества. Подобное толкованіе распространено между праздною молодежью и, въ особенности, среди студентовъ; со дня на день они становятся все болѣе дерзкими и болѣе смѣлыми и, въ особенности, послѣ погребенія Бѣлинскаго. Я уже предупредилъ правительство объ этомъ и о крайней необходимости водворить порядокъ среди всей этой неугомонной молодежи; всѣ добромыслящіе люди чувствуютъ это и держатся

Библиотека "Руниверс"

моего мнѣнія; но не знаю, чѣмъ это можно объяснить: мѣры, которыя считаютъ возможнымъ принять, не отвѣчаютъ безотлагательнымъ потребностямъ даннаго случая. Слѣдуетъ замѣтить, что



Ольгинъ и Царицынъ острова въ Петергофѣ.
(Съ акварели Шарлемана).

съ нѣкотораго времени учащаяся молодежь усвоила крайне замѣтную наклонность ко злу. Я склоненъ думать, что она получаетъ руководство извнѣ, а именно изъ Познанскаго герцогства и изъ Франціи» [139].

Библиотека "Руниверс"

Совершенно иначе сложилась судьба поляковъ, русскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ тайныхъ обществъ. Ихъ судили въ правительствующемъ сенатѣ, а затѣмъ дѣло о нихъ поступило въ государственный совѣтъ, и на основаніи высочайше утвержденнаго 24-го февраля (8-го марта) 1829 года мнѣнія онаго виновные по степени ихъ преступленія подвергнуты были наказаніямъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ромеръ, по лишеніи чиновъ и орденовъ, выдержанъ годъ въ крѣпости и отданъ подъ надзоръ навсегда; графъ Ворцель и графъ Карвицкій по лишеніи чиновъ и графскихъ достоинствъ написаны въ рядовые до выслуги; отставной майоръ Ивашкевичъ, графъ Мошинскій и Гродецкій по лишеніи чиновъ, графскаго достоинства и дворянства сосланы въ Сибирь на поселеніе, первый на 8, второй на 10 и третій на 15 лѣтъ; отставной штабсъ-ротмистръ Пуласскій, помѣщикъ Билевичъ, губернскій регистраторъ Новомейскій, титулярный совѣтникъ Струмило, дворяне Завиша, Вагнеръ и Тышковскій, по вмѣненіи имъ въ наказаніе трехлѣтняго содержанія въ крѣпости, первые трое освобождены, а послѣдніе отданы подъ надзоръ полиціи на годъ; Сабанскій и графъ Тарновскій, по выдержаніи еще мѣсяцъ въ крѣпости, отданы подъ надзоръ на два года; Цишевскій, Чарковскій, Ходьзко, Іомейко, графъ Оссолинскій, Карвацкій, Гружевскій и Чарковскій, по выдержаніи еще нѣкотораго опредѣленнаго времени въ крѣпости, отданы подъ надзоръ полиціи на разные сроки, а послѣдній навсегда. Всѣмъ поименованнымъ лицамъ воспрещенъ былъ въѣздъ въ столицы и въ Варшаву.

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о князѣ Антонѣ Яблоновскомъ, который своими разоблаченіями привелъ бывшихъ членовъ тайныхъ обществъ на скамью подсудимыхъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію княжескаго достоинства и дворянства и ссылкѣ навсегда въ Сибирь на поселеніе, но по уваженію чистосердечнаго признанія и раскаянія Яблоновскій удостоился получить всемилостивѣйшее прощеніе.

Сверхъ того, на основаніи высочайше утвержденнаго въ сентябрѣ 1829 года положенія комитета министровъ, подвергнуты были секретному надзору оказавшіеся прикосновенными къ дѣлу о польскихъ тайныхъ обществахъ еще 15 человѣкъ [140].

«Наконецъ этотъ безконечный польскій процессъ оконченъ, — пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, — тѣ изъ заключенныхъ, которые были освобождены, искренно тронуты милосердіемъ императора. Яблоновскій, самъ признающій, что заслужилъ смертную казнь, былъ внѣ себя отъ радости, когда узналъ о своемъ прощеніи. Онъ залился слезами и бросился цѣловать портретъ императора» [141].

Вотъ чѣмъ кончилась, по свидѣтельству Бенкендорфа, трагикомедія польскихъ тайныхъ обществъ 1825 года.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ то время, какъ графъ Паскевичъ-Эриванскій побѣдоносно кончалъ наши расчеты съ Персіею, на Востокѣ произошли важныя событія, которыя сдѣлали неизбѣжнымъ разрывъ Россіи съ Оттоманской Портой, несмотря на недавнее заключеніе Аккерманской конвенціи.

21-го мая (2-го іюня) 1827 года, эскадра подъ начальствомъ генералъ-адъютанта адмирала Сенявина вытянулась на Кронштадтскій рейдъ. Адмиралъ поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Азовъ». Императоръ Николай осматривалъ эскадру три раза.

30-го мая (11-го іюня), государь утвердилъ наставленіе адмиралу Сенявину, въ которомъ указывалось, что по прибытіи эскадры изъ Кронштадта въ Портсмутъ ему предстоитъ (по предварительному сношенію съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ, княземъ Ливеномъ) отдѣлить особую эскадру изъ 4 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бриговъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Логгина Петровича Гейдена; эта эскадра должна была отправиться въ Средиземное море для оказанія защиты русской торговлѣ въ Архипелагѣ. Указанная здѣсь скромная цѣль вскорѣ расширилась, благодаря измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ.

9-го (21-го) іюня, императоръ Николай, въ сопровожденіи князя Меншикова, неожиданно прибылъ къ 12-ти часамъ ночи на корабль «Азовъ». Ночнымъ сигналомъ приказано было сняться съ якоря; въ пять часовъ утра весь флотъ былъ подъ парусами. За Красной Горкой государь произвелъ флоту маневръ и затѣмъ, послѣ молебна, простился съ адмираломъ и, пересѣвъ на свою яхту, возвратился въ Петергофъ.

Когда эскадра Сенявина прибыла въ Портсмутъ, петербургскій протоколъ преобразился въ международный договоръ, заключенный между

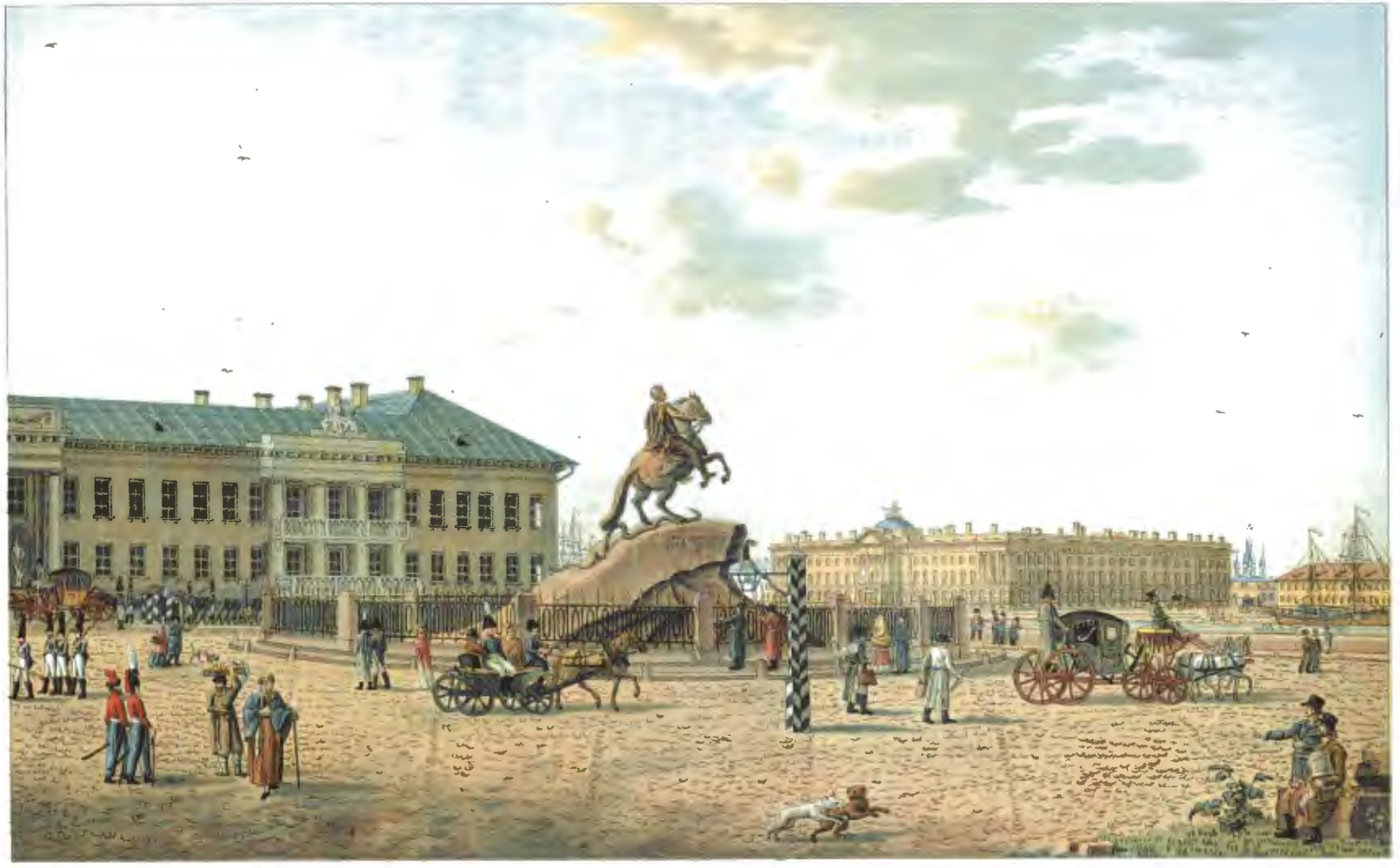
Библиотека "Руниверс"

Англіею, Франціею и Россіею 24-го іюня (6-го іюля) и названный Лондонскимъ договоромъ. Цѣлью новой конвенціи или договора было остановить пролитіе крови и предотвратить всякаго рода бѣдствія, неразлучныя съ продолженіемъ порядка вещей, существовавшаго тогда на Востокѣ. Греціи же грозили тогда новыя бѣдствія. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя, турецкое правительство рѣшилось просить помощи у египетскаго паши Мегмета-Али. Послѣдній согласился снарядить флотъ и съ войсками отправить подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши въ Грецію, задавшись цѣлью истребить христіанское населеніе Морей; исполненіе этого чудовищнаго плана обратило бы Грецію въ пустыню, возстаніе прекратилось бы само собою. Императоръ Николай намѣренъ былъ ни въ какомъ случаѣ не допустить турокъ до осуществленія этой варварской мѣры, и стараніями русской дипломатіи явился договоръ, обезпечившій постановленія петербургскаго протокола. Австрія, оставшись вѣрною своей туркофильской политикѣ, отказалась присоединиться къ какимъ бы то ни было дипломатическимъ мѣропріятіямъ противъ Оттоманской Порты. Но три союзныя державы рѣшились, согласно договору, предложить Портѣ посредничество, съ цѣлью привести ее къ соглашенію съ греками на слѣдующихъ условіяхъ: 1) посредничество будетъ предложено немедленно по ратификаціи договора, посредствомъ совокупной декларація, за подписью посланниковъ въ Константинополѣ; 2) въ то же время будетъ предложено враждующимъ сторонамъ заключить перемиріе, необходимое для открытія переговоровъ; 3) основаніемъ соглашенія Порты съ греками должно служить возстановленіе Греціи подъ верховнымъ владычествомъ султана; Греція будетъ платить ему ежегодную подать, размѣръ которой опредѣлится съ общаго согласія.

Въ секретныхъ статьяхъ того же договора постановлено было:

1-е) объявить Портѣ, что порядокъ вещей, существующій на Востокѣ уже шесть лѣтъ, вынуждаетъ союзныя державы принять мѣры къ сближенію съ греками, при помощи установленія коммерческихъ съ ними сношеній; 2-е) если греки или Порта откажутся отъ заключенія перемирія, то союзныя державы объявятъ отказавшейся сторонѣ или обѣимъ сторонамъ, что онѣ сообща примутъ мѣры къ прекращенію этой вражды, не принимая впрочемъ участія во взаимныхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ враждующихъ сторонъ; въ этомъ смыслѣ державы пошлютъ инструкціи своимъ адмираламъ, начальствующимъ надъ ихъ эскадрами въ моряхъ Леванта; 3-е) если эти мѣры окажутся недостаточными, чтобы побудить Порту принять предложенія союзныхъ державъ, или же если греки не согласятся на постановленныя въ ихъ пользу въ договорѣ условія, то державы все-таки будутъ продолжать дѣло замиренія на основаніяхъ, принятыхъ ими по заим-

Библиотека "Руниверс"



Сенатская площадь въ 1806 году.

Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мтщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

ному соглашенію, и поэтому онѣ уполномочиваютъ своихъ представителей въ Лондонѣ согласиться насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ, какія могутъ оказаться необходимыми.

День подписанія конвенціи совпалъ со днемъ рожденія императора Николая, и по этому случаю князь Ливенъ писалъ графу Нессельроде: «Съ этого дня будетъ считаться возрожденіе христіанскаго народа, и его благословенія придадутъ новый ореолъ годовщинѣ, столь священной для насъ. (De ce jour va se dater la régénération d'un peuple chrétien,

Императрица Александра Ѳеодоровна на верхней террасѣ Ольгина острова въ Петергофѣ.

(Съ сепіи съ натуры Чернышева).

et ses bénédictions vont attacher un nouveau lustre à un anniversaire si sacré pour nous)».

На депешѣ, извѣщавшей государя о подписаніи Лондонскаго договора, императоръ Николай собственноручно написалъ: «Да будетъ тысячу разъ благословенъ Богъ, и будемъ надѣяться, что все пойдетъ къ лучшему. (Que Dieu soit mille fois béni et espérons que tout sera pour le mieux)».

Прямымъ послѣдствіемъ Лондонскаго договора явилось неожиданное происшествіе: 8-го (20-го) октября 1827 года, турецко-египетскій флотъ былъ истребленъ въ Наваринской бухтѣ соединенными флотами трехъ союзныхъ державъ, которыми, какъ старшій, командовалъ англійскій вице-адмиралъ Кодрингтонъ. Подъ его начальствомъ командовали: русскою эскадрою контръ-адмиралъ графъ Гейденъ, а французскою контръ-адмиралъ де-Риньи. Громадный перевѣсъ въ силахъ находился на сторонѣ турокъ; они располагали 65 судами при 2.106 орудіяхъ, между тѣмъ какъ союзники могли ввести въ дѣло только 28 судовъ

Библиотека "Руниверс"

при 1.298 орудіяхъ. Несмотря на эту несоразмѣрность въ силахъ, побѣда все-таки осталась на сторонѣ христіанскаго флота[142].

Годъ тому назадъ, султанъ Махмудъ былъ вынужденъ уничтожить янычаръ, лишивъ себя арміи въ самую критическую минуту, переживаемую Оттоманской имперіей. За янычарами послѣдовалъ флотъ: морскія силы Порты были сокрушены. Одно изъ главныхъ препятствій, которое предстояло преодолѣть Россіи въ случаѣ войны съ Турціею, было устранено вопреки намѣренію державъ, подписавшихъ Лондонскій договоръ съ цѣлью связать сѣвернаго исполина союзомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы воспрепятствовать ему въ самостоятельномъ и одностороннемъ образѣ дѣйствій,—такъ разсуждаетъ объ этомъ событіи графъ Мольтке[143].

Хотя султанъ писалъ своему визирю: «Соберись духомъ, ибо Аллахъ вѣдаетъ, опасность велика», но, тѣмъ не менѣе, Махмудъ не упалъ духомъ и не склонялся къ уступкамъ; онъ рѣшился не иначе, какъ только съ оружіемъ въ рукахъ потерять то, что было пріобрѣтено его предками цѣною крови[144].

Сначала представители союзныхъ державъ опасались, что извѣстіе о Наваринскомъ погромѣ возбудитъ въ Константинополѣ взрывъ мусульманскаго фанатизма, подобный тому, который проявился въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ въ 1821 году, но ничего подобнаго не случилось. Конечно, нечего и говорить о тѣхъ радостныхъ чувствахъ признательности, которыя овладѣли христіанскимъ населеніемъ Востока, при извѣстіи о жестокомъ пораженіи, нанесенномъ его вѣковымъ притѣснителямъ. Но, хотя обычный въ такихъ случаяхъ религіозный фанатизмъ не заявилъ себя послѣ Наварина новою рѣзнею, однако же тревога, овладѣвшая посольскими дворцами въ Константинополѣ вслѣдъ за этимъ событіемъ, не лишена была нѣкотораго основанія. Турецкое населеніе взялось за оружіе, и воинственные клики слышались повсюду. Что же касается султана, то, по свидѣтельству нашего посла Рибопьера, Наваринское дѣло раздражило Махмуда до того, что онъ задумалъ было безъ объявленія войны умертвить всѣхъ пословъ въ возмездіе за уничтоженіе турецкаго флота. Вмѣшательство Хозревъ-паши и визиря спасло представителей союзныхъ державъ отъ вѣрной гибели. Когда же драгоманъ Порты осмѣлился Рибопьеру грозить Семибашеннымъ замкомъ, посолъ отвѣтилъ ему: «Скажите тѣмъ, кто васъ послалъ, что времена подобныхъ нарушеній международнаго права прошли безвозвратно, что я никому не совѣтую переступать мой порогъ, что я вооружу всѣхъ своихъ и буду защищаться до послѣдней капли крови, и что если кто осмѣлится посягнуть на мою жизнь или даже на мою свободу, камня на камнѣ не останется въ Константинополѣ: государь и Россія сумѣютъ отомстить за это». «Лицо драгомана послѣ этихъ словъ,—пишетъ Рибопьеръ,—отъ страха сдѣлалось смѣшно до крайности»[145].

Библиотека "Руниверс"

Послы снова принялись за безплодные переговоры съ Портою; на сдѣланный имп вопросъ, намѣрена ли Турція считать «событіе въ Наварпнѣ» поводомъ къ войнѣ, Рейсъ-Эффенди отвѣчалъ уклончиво: «Когда женщина не разрѣшилась еще отъ бремени, невозможно сказать, кого родитъ она — мальчика или дѣвочку». Наконецъ султанъ объявилъ посламъ союзныхъ державъ послѣднія уступки, которыя онъ намѣренъ сдѣлать грекамъ; обѣщаемыя милости заключались въ слѣдующемъ: не требовать съ нихъ за шесть протекшихъ лѣтъ поголовной подати, которой они не заплатили, не требовать вознагражденія за понесенные убытки и со дня изъявленія покорности освободить ихъ отъ всѣхъ податей на годъ.

Представители Россіи, Англіи и Франціи признали себя неудовлетворенными подобными уступками, а Порта, съ своей стороны, замолкла. Дипломатамъ оставался одинъ исходъ—потребовать паспорты и покинуть Константинополь [146]. Послѣднимъ выѣхалъ Рибопьеръ; онъ тщетно поджидалъ въ Буюкъ-дере попутнаго вѣтра для выхода въ Черное море и наконецъ 5-го (17-го) декабря рѣшился отплыть въ Тріестъ [147].

Впечатлѣніе, которое произвело въ Европѣ извѣстіе о Наваринской побѣдѣ, было неодинаково; оно подверглось самой разнообразной оцѣнкѣ.

Императоръ Францъ называлъ Кодрингтона и его сподвижниковъ не иначе, какъ убійцами, а Меттернихъ былъ твердо убѣжденъ, что Наваринскій погромъ открываетъ собою эпоху всеобщаго замѣшательства и хаоса [148]. «Событіе 20-го октября является началомъ новой эры въ Европѣ»,—писалъ Меттернихъ. Гнѣвъ австрійскаго канцлера дошелъ до того, что по прочтеніи одного письма графа Нессельроде къ нашему послу въ Вѣнѣ онъ сказалъ: «такъ думали и говорили Карно и Дантонъ (c'est ainsi qu'ont pensé et parlè Carnot et Danton)!» [149].

Во Франціи отнеслись къ пораженію турокъ болѣе сочувственнымъ образомъ. Въ своей тронной рѣчи Карлъ X упоминалъ даже о Наваринѣ, какъ о событіи, которое покрыло славою французское оружіе и служитъ блестящимъ залогомъ согласія между тремя державами.

Въ Англіи извѣстіе о неожиданной побѣдѣ принято было съ смущеніемъ; правительство даже думало о томъ, чтобы предать Кодрингтона суду. Торійская партія находила, что истребленіе турецкаго флота оставляетъ Турцію въ беззащитномъ положеніи противъ Россіи. Въ рѣчи Георга IV при открытіи парламента Наваринская бптва названа была «непріятнымъ событіемъ» (untoward event). Общественное мнѣніе страны было, однако, на сторонѣ Кодрингтона; либеральная партія видѣла въ событіи 8-го октября первый шагъ къ тому, чтобы освободить европейскую политику отъ реакціоннаго характера, принятаго ею послѣ 1815 года. «Наваринская бптва, — какъ превосходно замѣтилъ о ней одинъ изъ французскихъ публицистовъ, — была выиграна не правитель-

Библиотека "Руниверс"

ствами, а народами. Побѣдный кликъ на водахъ Архипелага былъ первымъ, на который въ теченіе послѣдняго времени могли отозваться всѣ народы съ общимъ одинаковымъ сочувствіемъ. Наваринскіе выстрѣлы возвѣщали наступленіе новой эпохи — эпохи торжественнаго воцаренія общественнаго мнѣнія, этой могучей силы, которая владычествуетъ на морѣ и на сушѣ, повелѣваетъ арміями и флотомъ, увлекаетъ за собою самихъ монарховъ, заставляя ихъ преклоняться предъ ея побѣдами и присвоивать себѣ завоеванные ею лавры» [150].

Въ Россіи извѣстіе о Наваринской побѣдѣ было принято совершенно инымъ образомъ. Императоръ Николай пожаловалъ вице-адмиралу Кодрингтону орденъ св. Георгія второй степени [151]. Мысли, высказанныя въ рескриптѣ, данномъ англійскому адмиралу 8-го (20-го) ноября 1827 года, могутъ служить вѣрнымъ выраженіемъ чувствъ восторга и признательности, проявившихся повсюду въ Россіи по случаю пораженія, нанесеннаго туркамъ.

«Вы одержали побѣду,— писалъ императоръ Николай,— за которую цивилизованная Европа должна быть вамъ вдвойнѣ признательна. Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшіе ей смѣлые маневры говорятъ міру не объ одной лишь степени рвенія, проявленнаго тремя великими державами,—въ дѣлѣ, безкорыстіе котораго еще болѣе оттѣняетъ его благородный характеръ; они доказываютъ также, что можетъ сдѣлать твердость — противъ численнаго превосходства, искусно руководимое мужество — противъ слѣпой отваги, на какія бы силы послѣдняя ни опиралась. Ваше имя принадлежитъ отнынѣ потомству. Мнѣ кажется, что похвалами я только ослабилъ бы славу, окружающую его, но я ощущаю потребность предложить вамъ блистательное доказательство благодарности и уваженія, внушаемыхъ вами Россіи. Въ этихъ видахъ посылаю вамъ прилагаемый военный орденъ св. Георгія. Русскій флотъ гордится тѣмъ, что заслужилъ подъ Навариномъ ваше одобреніе. Мнѣ же особенно пріятно завѣрить васъ въ чувствахъ питаемаго къ вамъ уваженія» [152].

Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года, императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку совершившихся тогда на Востокѣ событій:

«Я не удивился этому (то-есть извѣстію о Наваринскомъ сраженіи), такъ какъ, по моему мнѣнію, оно является вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ условій договора [153], ставившихъ наши эскадры въ неизбѣжную необходимость прибѣгнуть къ подобной крайности, коль скоро турки будутъ продолжать поддаваться австрійскимъ наущеніямъ; все, что мы дѣлали подъ видомъ союза, было лишь скернымъ фарсомъ (une mauvaise farce), продолжая же упорствовать въ своихъ идеяхъ разрушенія, они ставили насъ въ необходимость разрушить весь нашъ союзный договоръ

Библиотека "Руниверс"

Эрмитажъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи Ланга).

Библиотека "Руниверс"

изъ страха крайнихъ осложненій. И вотъ предусмотрѣнный случай произошелъ: парламентеры были убиты, слѣдствіемъ чего явилось уничтоженіе флота, а пораженная Европа получила доказательство, насколько наши рѣшенія покончить съ этимъ дѣломъ были серіозны, искренни, и насколько искренно и чистосердечно было единеніе нашихъ трехъ дворовъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Въ исторіи не встрѣчается другого примѣра: три флага изъ наиболѣе разновидныхъ соединились и сражались вмѣстѣ, подобно братьямъ одного и того же народа».

Далѣе Николай Павловичъ писалъ, что, дѣйствуя въ подобномъ случаѣ столь же рѣшительно противъ грековъ, мы докажемъ, что «въ этомъ дѣлѣ мы не являемся ни греками, ни турками, но что настойчиво продолжаемъ прилагать всѣ наши усилія, чтобы заставить прекратить эту позорную борьбу (cette infâme lutte) съ той и съ другой стороны, и что мы желаемъ лишь порядка и спокойствія». «Прежде чѣмъ эта цѣль, столь сильно и съ столь давнихъ поръ желаемая,—продолжалъ онъ,—не будетъ достигнута, очень возможно, все въ силу тѣхъ же причинъ, что слѣдствіемъ этого явится война; мнѣ уже извѣстно, что императоръ австрійскій, подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ досады, вызванной полученіемъ этого извѣстія, сказалъ: «Если бы я слѣдовалъ только своему чувству, я двинулъ бы 100.000 человѣкъ, чтобы покорить Морею, но я чувствую, что не могу сдѣлать этого!» Сказанное, въ соединеніи съ другими данными, побуждаетъ насъ къ величайшей осмотрительности» [154].

Насколько политическіе взгляды цесаревича не сходились съ воззрѣніями императора Николая, можно видѣть изъ разсужденій Константина Павловича по поводу Наварина, высказанныхъ въ письмѣ отъ 20-го ноября (1-го декабря) 1827 года [155].

«Что касается Наваринской побѣды,—пишетъ цесаревичъ,—то, признавая храбрость и доблесть нашего флота и изъ глубины сердца поздравляя его съ этимъ, я въ то же время могу лишь сожалѣть и о причинахъ, и о результатахъ, и о неисчислимыхъ послѣдствіяхъ этой морской побѣды. Англичанинъ, какъ истый Макіавель, сумѣлъ воспользоваться положеніемъ русскаго и француза, которые во всякомъ случаѣ, будучи прижаты къ стѣнѣ, не могли сдѣлать ничего другого, какъ принять предложеніе сражаться, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ робости или трусости. Русскій попалъ въ это положеніе по своему чистосердечію, французъ — по своей глупости и одинъ англичанинъ для своихъ выгодъ, уничтожая флотъ, каковъ бы онъ ни былъ, который могъ бы вызывать въ немъ хоть нѣкоторыя опасенія, такъ какъ онъ принялъ за правило не относиться съ пренебреженіемъ ни къ одному челну на водѣ. Простите, дорогой братъ, что я вамъ излагаю эти мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются вамъ че-

Библиотека "Руниверс"

ловѣкомъ, удѣлъ котораго — ничтожество (elles ne tirent à aucune conséquence venant d'un homme dont la nullité est le partage), но я долженъ былъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ что бы то ни было; таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не прикажете поступать иначе» [156].

Такимъ образомъ, изъ словъ цесаревича оказывалось, что Наваринское сраженіе разыгралось въ пользу одной Англіи, въ ущербъ прочимъ союзникамъ; между тѣмъ въ дѣйствительности оказывалось, что Наваринскій погромъ повергъ англійскихъ политиковъ и даже самое общество въ полное смущеніе, возбудивъ опасенія, что Англія сыграла въ руку Россіи.

Императоръ Николай не оставилъ безъ возраженія столь рѣзкой оцѣнки своей восточной политики, сдѣланной братомъ, и написалъ ему 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года:

«Наваринское дѣло, какъ оно ни было пагубно для турокъ, является только естественнымъ и законнымъ слѣдствіемъ договора, задолго до этого объявленнаго Портѣ и объявленнаго потому, что это было единственнымъ средствомъ прекратить порядокъ вещей, несовмѣстимый съ законнымъ порядкомъ въ этой части вселенной [157]. Турція не могла покончить одна борьбу, позорную какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Англія покончила бы ее своими собственными средствами и такъ, какъ это удобно ей; я не могъ потерпѣть этого, такъ какъ это значило бы добровольно уступить ей право дѣлать тамъ то, что ей заблагоразсудится въ исключительныхъ цѣляхъ не блага дѣла вообще, а блага ея исключительныхъ интересовъ. Поэтому было необходимо принудить ее обязаться предъ лицомъ всей Европы отказаться отъ какихъ бы то ни было видовъ на исключительныя преимущества въ этихъ странахъ, вотъ смыслъ договора 6-го іюля. Франція примкнула къ нему изъ недовѣрчивости, и тѣмъ лучше: такимъ образомъ онѣ обѣ связаны; мы являемся во всемъ этомъ противовѣсомъ или антидотомъ; слѣдствіемъ этого будутъ не республика или республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ и грековъ, послѣднихъ же мы вскорѣ въ свою очередь заставимъ образумиться, и возстановленіе въ этихъ краяхъ свободы торговли — обстоятельство слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы я могъ довѣрить попеченіе о немъ англичанамъ или даже самому другу Меттерниху (l'ami Metternich). Теперь, если войнѣ суждено произойти, она будетъ крайне прискорбнымъ и даже весьма вѣроятнымъ слѣдствіемъ безразсудства турокъ, но здѣсь уже мнѣ невозможно что бы то ни было предусмотрѣть заранѣе» [158].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ясное и убѣдительное изложеніе русской политики на Востокѣ, сдѣланное Николаемъ Павловичемъ, не склонило, однако, цесаревича къ признанію справедливости начинаній своего державнаго брата. Константинъ Павловичъ остался ярымъ противникомъ освобожденія Греціи отъ турецкаго ига; греческое дѣло онъ признавалъ всецѣло якобинскимъ дѣломъ (cette cause grecque est la cause du jacobinisme pur et simple), и вся его политическая мудрость сводилась къ афоризму: «il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi» [139]; онъ служилъ исходной точкой всѣхъ политическихъ разсужденій цесаревича по восточному вопросу. Въ 1825 году, Меттернихъ не напрасно радовался при мысли о возможности воцаренія Константина Павловича; австрійскій канцлеръ тогда же предугадалъ, что въ такомъ случаѣ политическія дѣла пойдутъ по знакомому, старому руслу, а вѣнскому кабинету останется только торжествовать побѣду, расточая похвалы великодушію и умѣренности преемника Александра I. А теперь случилось нѣчто невообразимое: даже графъ Нессельроде заговорилъ, какъ утверждалъ Меттернихъ, языкомъ Карно и Дантона.

Опасенія императора Николая относительно возможности войны, благодаря безразсудству турокъ, оказались справедливыми. Султанъ не довольствовался отъѣздомъ пословъ изъ Константинополя, но дальнѣйшими своими мѣропріятіями прямо вызвалъ Россію на войну. 8-го (20-го) декабря 1827 года, Порта обнародовала гатти-шерифъ, въ которомъ турецкое правительство указывало на Россію, какъ на своего явнаго, непримиримаго врага [160]. По словамъ сего воззванія къ правовѣрнымъ, Россія обвинялась въ томъ, что она вызвала возстаніе грековъ; единственно по ея ухищреніямъ Англія и Франція заняли враждебное положеніе къ Портѣ; она нарочно возбудила противъ нея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, чтобы воспрепятствовать введенію преобразованій, которыя должны были возвратить Турціи прежнюю силу; наконецъ Порта объявляла, что она вовсе не обязана исполнять исторгнутый у нея аккерманскій договоръ. На этомъ основаніи Порта признавала войну съ Россіею религіозною и призывала всѣхъ магометанъ взяться за оружіе и стать подъ ея знамена.

Вслѣдъ затѣмъ русскіе подданные были изгнаны изъ турецкихъ владѣній, Босфоръ закрылся для торговыхъ судовъ, и начались сношенія съ Персіей, съ цѣлью уговорить шаха продолжать войну съ Россіею.

Султанскій гатти-шерифъ разосланъ былъ всѣмъ пашамъ и губернаторамъ Оттоманской имперіи. Русскій генеральный консулъ въ Букарестѣ, Минчіаки, представилъ его главнокомандующему второй арміи, графу Витгенштейну, при письмѣ отъ 24-го января (5-го февраля) 1828 года, и копія этого документа препровождена была генералъ-адъютан-

Библиотека "Руниверс"

En vous remettant les livres
que vous avez bien voulu me
prêter et en y ajoutant les
mémoires de Bourienne, je
vous proposerai, monsieur, de
venir partager avec moi mon
dîner de Gruau à 4. heures —
et nous parlerons de la philosophie
de Platon. Agréez mes hom-
mages.

Speranskij

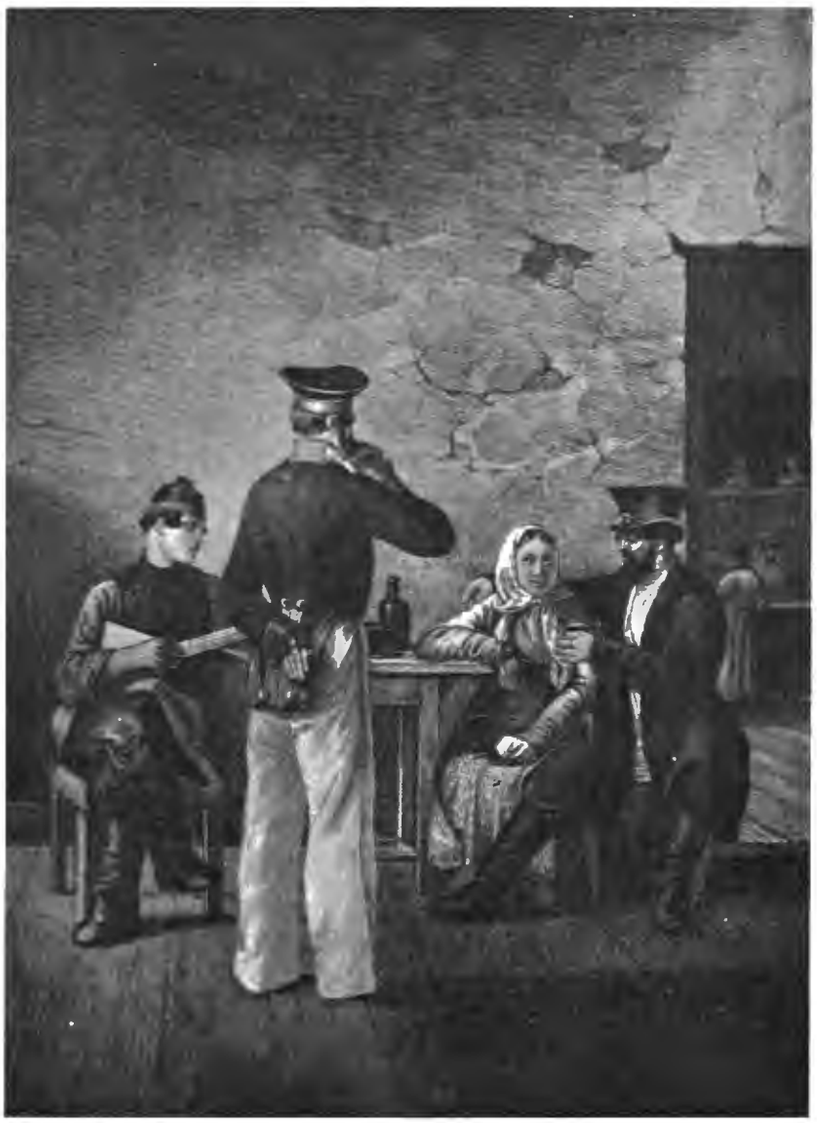
Samedi

à Monsieur
Monsieur Schneider.

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСКАГО В. В. ШНЕЙДЕРУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Въ пивной.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

томъ Киселевымъ въ С.-Петербургъ при рапортѣ отъ 1-го (13-го) февраля. Императоръ Николай получилъ ихъ 8-го (20-го) февраля.

Вызывающій образъ дѣйствій Турціи привелъ къ большому политическому кризису. «Крайне трудно предвидѣть его развязку, — писалъ въ то время генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову, — фактъ тотъ, что императоръ спокоенъ, выжидаетъ дальнѣй-

Библиотека "Руниверс"

шаго хода событій, готовится ко всему, что они могутъ представить наиболѣе затруднительнаго, и постоянно останется прямодушнымъ и умѣреннымъ. Если это и не понравится нѣкоторымъ кабинетамъ, зато народы будутъ рукоплескать этому, а послѣднее имѣетъ большое значеніе въ дѣлахъ нашего времени» [161].

Россіи оставалось одно: принять вызовъ, дерзко брошенный ей Портою [162]. 14-го (26-го) апрѣля 1828 года, въ С.-Петербургѣ обнародованы были: манифестъ о войнѣ съ Турціею, декларація русскаго правительства [163], приказъ россійскимъ войскамъ и манифестъ о рекрутскомъ наборѣ (по два рекрута съ 500 душъ).

Увѣдомляя графа Витгенштейна о принятыхъ рѣшеніяхъ, императоръ Николай повелѣвалъ ему приступить съ 25-го апрѣля (7-го мая) къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Графу Паскевичу также повелѣно было считать съ 25-го апрѣля войну съ Турціею начатою.

Указомъ 12-го апрѣля, сенаторъ Абакумовъ назначенъ былъ главноуправляющимъ продовольственною частью арміи, назначенной къ переходу въ предѣлы Турціи [164]. Въ этомъ указѣ сообщалось еще слѣдующее распоряженіе: «Для управленія княжествами Молдавіею и Валахіею, состоящими подъ нашимъ покровительствомъ, мы утвердили особыя правила, которыя съ занятіемъ оныхъ войсками нашими и будутъ приведены въ дѣйствіе; всѣ же прочія земли, кои оружіемъ нашимъ заняты будутъ, поступаютъ въ завѣдываніе главноуправляющаго продовольствіемъ арміи».

II.

Для военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи предназначена была вторая армія, подъ предводительствомъ фельдмаршала графа Витгенштейна. Съ первыхъ же дней воцаренія императора Николая началась подготовка этихъ войскъ къ предстоявшему имъ трудному подвигу. Но приведеніе ихъ на военное положеніе, или, выражаясь современнымъ языкомъ, мобилизація этой арміи, а также другихъ частей русскихъ войскъ и польской арміи, прошло различные колебательные фазисы, въ зависимости отъ политическихъ теченій данной минуты и не скрываемой правительствомъ надежды сохранить миръ, дѣйствуя въ согласіи съ своими союзниками [135]. «Ce ne sera pas moi qui commencera», — писалъ государь цесаревичу [163] даже послѣ Наваринскаго сраженія.

Наконецъ, сами турки обнародованіемъ гатти-шерифа оказали, по мнѣнію Николая Павловича, Россіи истинную услугу и помогли намъ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія [167]. Окончательныя распоряженія были сдѣланы, и войска двинулись въ походъ, который оттягивался, начиная съ 1821 года.

Библиотека "Руниверс"

Готовясь къ разрыву съ Турціею, императоръ Николай имѣлъ намѣреніе привлечь къ предстоявшей Россіи войнѣ и польскую армію. Трудно сказать, какой оборотъ приняли бы будущія политическія событія въ Европѣ, если бы планъ государя былъ приведенъ въ исполненіе[168]. Но воля императора встрѣтила упорное противодѣйствіе въ лицѣ цесаревича Константина Павловича; онъ, какъ мы видѣли выше, не сочувствовалъ направленію, принятому нашей восточной политикой послѣ кончины императора Александра, неизмѣнно оставаясь безусловнымъ сторонникомъ мира, упорно отстаивая, по крайней мѣрѣ, ввѣренную ему польскую армію отъ привлеченія къ ненавистному ему дѣлу[169].

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ вообще того убѣжденія, что война съ Турціею есть неполитическое и несвоевременное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ предпріятіе предосудительное для легитимности. «Эта война лишь дѣло либерализма, — писалъ цесаревичъ, — и потому столь превозносится тѣми, которые ему покровительствуютъ, и мнѣнія которыхъ (горжусь тѣмъ) я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда либо. По слабому моему разумѣнію, не съ Востока можемъ мы ожидать зла, но съ Запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей»[170].

При такихъ взглядахъ на восточную политику своего брата, легко себѣ представить, въ какой ужасъ привело цесаревича намѣреніе императора Николая двинуть польскую армію въ Турцію, чтобы сражаться рядомъ съ своими русскими собратьями за правое христіанское дѣло. Для выигрыша времени Николай Павловичъ намѣревался двинуть польскую армію къ Дунаю, а въ Варшаву направить изъ С.-Петербурга гвардейскій корпусъ.

Предварительный обмѣнъ мыслей по этому предмету между государемъ и цесаревичемъ, вѣроятно, произошелъ во время пребыванія Константина Павловича въ началѣ 1828 года въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ дальнѣйшіе фазисы этого вопроса можно прослѣдить въ личной перепискѣ императора Николая съ цесаревичемъ, при чемъ слѣдуетъ вообще замѣтить для уясненія дѣла, что императоръ дѣйствовалъ вполнѣ независимо отъ совѣтовъ старшаго брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгалъ, по возможности, предпринимать что либо ему непріятное[171]. Послѣднее обстоятельство имѣло также мѣсто въ перепискѣ между С.-Петербургомъ и Варшавою по поводу участія польской арміи въ предстоявшей тогда Россіи войнѣ.

Въ числѣ причинъ, которыя выставлялись для удержанія польской арміи въ бездѣйствіи въ царствѣ, главную роль играло возбужденіе преувеличенныхъ опасеній насчетъ предстоящихъ враждебныхъ дѣйствій противъ насъ какъ Австріи, такъ и Пруссіи. На послѣднюю обрушилось все вниманіе цесаревича, систематически старавшагося внушить импе-

Библиотека "Руниверс"

ратору недовѣріе къ намѣреніямъ прусскаго правительства. Наконецъ, Константинъ Павловичъ, предостерегая брата отъ опрометчивыхъ рѣшеній, припомнилъ даже Суворова, который сказалъ: «глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налѣво», — подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свою ненависть къ отступленіямъ, что, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, нужно посмотрѣть назадъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли сдѣлать въ этомъ направленіи два шага или даже четыре [172].

Цесаревичъ обвинялъ прусское правительство въ приготовленіяхъ къ войнѣ, въ поощреніи какихъ-то полонофильскихъ тенденцій, сообщалъ также свѣдѣнія о мобилизаціи 5-го и 6-го корпусовъ, объ укрѣпленіи Позена и пр. [173].

Всѣ опасенія, высказанныя Константиномъ Павловичемъ насчетъ коварныхъ намѣреній нашихъ сосѣдей, оказались напрасными. Австрія и Пруссія не двинулись съ мѣста, а Фридрихъ-Вильгельмъ поручилъ даже посланному въ русскую главную квартиру генералу Ностицу передать государю, что если австрійцы осмѣлились бы только когда либо напасть на насъ, то это послужитъ для него сигналомъ немедленно двинуться противъ нихъ. (Si jamais les autrichiens s'avisaient de tomber sur nous, c'était pour lui le signal de marcher de suite contre eux) [174].

Немалую долю вліянія на рѣшенія императора Николая въ дѣлѣ предназначенія польской арміи активной роли въ предстоявшей войнѣ имѣли также внушенія цесаревича относительно того, что настоящее зло грозитъ Россіи не съ Востока, а съ Запада, и что этотъ враждебный намъ Западъ, втянувъ Россію въ войну съ Турціею, освободился, такъ сказать, отъ нашего наблюденія (il s'est soustrait pour ainsi dire à notre surveillance) [175]. Подобныя предостереженія могли дѣйствительно поколебать начала истинно-русской политики, проводимыя молодымъ государемъ, такъ какъ внушенія цесаревича совпадали съ задушевными мыслями и симпатіями императора Николая; они грозили увлечь государя на ложный, роковой путь, на который онъ подъ вліяніемъ позднѣйшихъ политическихъ обстоятельствъ не замедлилъ вступить, въ ущербъ своей собственной славѣ.

Прочитавъ политическія разсужденія цесаревича, императоръ Николай поспѣшилъ отвѣтить брату и писалъ ему 8-го (20-го) марта 1828 года:

«Прежде всего примите мою искреннюю благодарность за доброту и довѣріе, съ которыми вамъ угодно говорить со мною; я живо чувствую ихъ, и вѣрьте, что я пользуюсь ими, насколько могу: иногда внѣшность можетъ заставлять предполагать обратное, тогда какъ въ сущности я вполнѣ слѣдую началамъ, которыя вы намѣчаете мнѣ (quelquefois les apparences feraient croire le contraire, quand au fond je suis bien réellement les principes que vous me tracez)».

Библиотека "Руниверс"

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Разносчики.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

Цесаревичъ своимъ отвѣтомъ еще болѣе усилилъ впечатлѣніе, произведенное на государя политическими разсужденіями предыдущаго письма, признавшись вдругъ, что онъ преподанными брату совѣтами исполнилъ только завѣтъ, оставленный ему императоромъ Александромъ.

Библиотека "Руниверс"

«Я никогда не позволю себѣ, дорогой братъ,—писалъ цесаревичъ,—намѣчать вамъ начала, которыхъ вы должны придерживаться, какъ вы пишете объ этомъ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ; и если иногда я высказываю вамъ съ присущею мнѣ откровенностью истину,—то, что я признаю истиною въ душѣ,—это является не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ привычки, привитой обыкновеніемъ поступать такъ въ отношеніи нашего покойнаго безсмертнаго императора и побуждающей меня дѣйствовать подобнымъ образомъ, и слѣдствіемъ священнаго слова, даннаго ему мною поступать такъ и въ отношеніи васъ, какъ только его не станетъ, что было потребовано имъ отъ меня подъ клятвою (ce qu'il a exigé de moi sous serment)» [176].

Благодаря сочетанію этихъ противорѣчившихъ мнѣній, взглядовъ и внушеній, моментъ для своевременнаго появленія польской арміи былъ упущенъ, и дѣло замолкло. Но императоръ Николай не сразу отказался отъ своей любимой мысли создать для двухъ соединенныхъ подъ его скипетромъ народовъ братство по оружію. Онъ обратился къ полумѣрѣ и потребовалъ, по крайней мѣрѣ, хотя бы высылку въ дѣйствующую на Дунаѣ армію нѣкотораго числа польскихъ офицеровъ: «pour croiser et fraterniser les uniformes» [177]. Но и это скромное желаніе государя встрѣтило противодѣйствіе со стороны цесаревича; на этотъ разъ императоръ настоялъ, однако, на своемъ. Цесаревичъ долженъ былъ покориться высочайшей волѣ: польскіе офицеры, хотя и въ ограниченномъ числѣ (18-ть офицеровъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса), явились среди русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, къ величайшему удовольствію государя [173].

Такимъ образомъ, благой мысли императора Николая не суждено было осуществиться; польская армія осталась нетронутою въ царствѣ, и попрежнему спокойно упражнялась во всѣхъ тонкостяхъ гарнизонной службы, подъ требовательнымъ окомъ своего главнокомандующаго, а тайныя общества могли безпрепятственно продолжать въ рядахъ ея свою подпольную, разлагающую работу, которая, благодаря близорукому упорству цесаревича, привела къ взрыву 1830 года.

III.

Рѣшившись на войну съ Оттоманской Портою, императоръ Николай пожелалъ принять личное участіе въ предстоявшихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ виду продолжительнаго, можетъ быть, отсутствія изъ столицы, государь призналъ необходимымъ установить на это время нѣкоторыя особыя мѣры по управленію имперіею.

Съ этою цѣлью, 24-го апрѣля (6-го мая) 1828 года, учреждена была временная верховная комиссія, которая состояла изъ трехъ лицъ: графа

Библиотека "Руниверс"

В. П. Кочубея, графа П. А. Толстого и князя А. Н. Голицына. Вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ секретнымъ указомъ на имя членовъ этой комиссіи объявлялось, что въ случаѣ кончины императора, на основаніи манифеста отъ 28-го января 1826 года, великій князь Михаилъ Павловичъ «облекается самомъ и властью правителя государства», а въ случаѣ отсутствія его изъ Петербурга и до его прибытія повелѣвалось комиссіи издать манифестъ отъ лица наслѣдника, «сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной ему присягѣ», а также завѣдывать всѣми дѣлами управленія и посылать указы и повелѣнія отъ имени новаго императора. Порядокъ управленія на время отсутствія государя установленъ былъ особымъ наказомъ, даннымъ на имя членовъ комиссіи [179].

Кромѣ того, было еще разработано особое постановленіе объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора, въ виду отъѣзда въ армію вмѣстѣ съ государемъ и начальника главнаго штаба, графа Дибича. Управляющій военнымъ министерствомъ графъ Чернышевъ долженъ былъ на это время управлять также и главнымъ штабомъ. 24-го апрѣля 1828 года, послѣдовалъ на его имя особый указъ, въ которомъ устанавливался порядокъ для хода дѣлъ какъ по военному министерству, такъ и по главному штабу [180]. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ П. А. Толстой назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ.

Передъ отъѣздомъ въ армію императоръ Николай обратился съ слѣдующими трогательными прощальными словами къ цесаревичу Константину Павловичу:

«Позвольте мнѣ, дорогой Константинъ, принести вамъ здѣсь заранѣе мои поздравленія съ приближающимся днемъ вашего ангела; пусть Божественное Провидѣніе осыплетъ васъ во всемъ всѣми своими благословеніями; пусть вы останетесь въ отношеніи ко мнѣ постоянно однимъ и тѣмъ же; и въ эту торжественную минуту, когда, быть можетъ, на небесахъ начертано, что я долженъ найти смерть въ этой войнѣ, вѣрьте, что я служилъ вамъ съ такою же преданностью, и что я испущу послѣднее дыханіе съ тѣмъ же чувствомъ нѣжности и признательности къ вамъ, которыя постоянно руководили мною во всѣ мгновенія моей жизни; если такова въ самомъ дѣлѣ воля Божія, я покину жизнь съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ, и съ сожалѣніемъ, что не могъ быть болѣе полезнымъ моему дорогому отечеству. Подумайте же тогда о моей бѣдной женѣ, объ этомъ ангельскомъ существѣ, которому я обязанъ всѣми счастливыми моментами моей жизни за эти послѣднія одиннадцать лѣтъ; не откажите замѣнить для нея отца и друга; продолжайте оказывать ваше расположеніе моимъ дорогимъ дѣтямъ и въ особенности бѣдному несчастному, которому придется замѣнить

Библиотека "Руниверс"

меня (surtout au pauvre malheureux qui devra me remplacer). Однимъ словомъ, знайте тогда, что въ мірѣ однимъ существомъ, преданнымъ вамъ, станетъ меньше. Благословите меня и не откажите въ прощеніи моихъ, конечно, невольныхъ прегрѣшеній въ отношеніи васъ» [181].

Отвѣчая на это письмо, 5-го (17-го) мая 1828 года, цесаревичъ писалъ:

«Что касается конца вашего письма, дорогой братъ, я не сумѣю передать вамъ глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія, которое оно произвело на меня. Пусть милосердый Богъ позволитъ вамъ испытать всѣ блага земли, предохранивъ васъ, дорогой братъ, отъ всякаго зла; я не могу допустить другой столь грустной мысли. Я осмѣливаюсь ожидать отъ Его милосердія, что Его благословенія будутъ постоянно сопутствовать какъ вамъ, такъ и нашей дорогой Александрѣ и всѣмъ вашимъ дѣтямъ, и что вы всѣ соединитесь снова въ совершенномъ мирѣ и спокойствіи. Вы — такой хорошій мужъ и отецъ, что было бы вполнѣ справедливо, чтобы вы долго вкушали семейное счастіе, которымъ столь заслуженно наслаждаетесь. Если, тѣмъ не менѣе, мои благословенія необходимы вамъ, дорогой братъ, они всецѣло принадлежатъ вамъ, и я, конечно, не колеблюсь дать вамъ ихъ, не потому, чтобы я считалъ себя въ правѣ поступать такъ, а просто по сердечной преданности и истинной привязанности» [182].

IV.

Теперь остается еще разсмотрѣть, какими планами намѣрены были руководствоваться въ борьбѣ съ Оттоманскою Портою. До послѣдней минуты императоръ Николай не терялъ еще надежды обойтись безъ кровопролитія и полагалъ возможнымъ достигнуть цѣли однимъ занятіемъ придунайскихъ княжествъ. По крайней мѣрѣ, судя по письму государя къ цесаревичу отъ 17-го февраля 1828 года, отправленному уже послѣ полученія въ Петербургѣ турецкаго гатти-шерифа, государь выражалъ еще подобную надежду и писалъ брату, что съ помощью Божіею достаточно будетъ одного занятія княжествъ [183].

Въ этомъ смыслѣ даны были государемъ указанія генералъ-адъютанту Киселеву, находившемуся въ это время въ Петербургѣ; на сдѣланныя имъ возраженія по поводу отсутствія денегъ и воловъ ему отвѣчали, что только стоитъ перейти Дунай, и тогда турки потребуютъ мира. Киселевъ говорилъ, что въ Петербургѣ настолько увѣрены были въ несомнѣнномъ успѣхѣ войны, что даже разсуждали, что̀ сдѣлать съ Константинополемъ по взятіи его, оставить ли его за Россіею, или же отдать какой нибудь другой державѣ. Счастливое окончаніе Персидской войны вызвало, вѣроятно, подобное ослѣпленіе. Еще ранѣе были также

Библиотека "Руниверс"

Полицейскій мостъ въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи того времени).

Библиотека "Руниверс"

вспышки въ другомъ родѣ. Такъ, напримѣръ, князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 1827 года пишетъ: «11-го ноября былъ съ докладомъ у государя. Онъ мнѣ сказалъ между прочимъ, что ежели будетъ война съ турками, то чтобы я готовился ѣхать въ Николаевъ къ адмиралу Грейгу, на волю котораго полагаетъ итти въ Босфорскій заливъ и жечь Константинополь. Государь полагаетъ самъ быть при сухопутной арміи».

Когда графъ Витгенштейнъ узналъ о томъ, что вначалѣ желаютъ ограничиться однимъ занятіемъ княжествъ, фельдмаршалъ очень огорчился подобнымъ рѣшеніемъ, утверждая, что нужно дѣйствовать съ энергіею, а не ощупью; мысли свои онъ поспѣшилъ изложить въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 11-го (23-го) марта 1828 года. Но уже было поздно поправить дѣло, и неудачно задуманный и подготовленный походъ неизбѣжно привелъ къ неудовлетворительному результату [184].

Полное разочарованіе смѣнило вскорѣ иллюзіи, съ которыми приступили тогда къ войнѣ съ Турціею. Къ тому же, сверхъ ожиданія, султанъ твердо рѣшился не дѣлать уступокъ и принялся по мѣрѣ силъ отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ.

Еще съ 1821 года, въ царствованіе императора Александра, когда разрывъ съ Оттоманскою Портою представлялся вѣроятнымъ, въ главномъ штабѣ его величества, равно какъ и въ штабѣ второй арміи, накопилось немало плановъ войны съ Турціею [185]. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ записка генералъ-адъютанта барона Дибича: О дѣйствіяхъ противъ турокъ [186]. Она не осталась безъ вліянія на войну съ Портою, осуществившуюся уже въ царствованіе преемника Александра I-го.

Предположеніе, выработанное въ 1821 году генералъ-адъютантомъ Дибичемъ, отличалось большою смѣлостью; будущій забалканскій герой полагалъ тогда возможнымъ покончить съ Турціею въ теченіе одной кампаніи, а именно: начавъ войну 1-го марта, перейти Балканы уже въ концѣ мая, въ іюнѣ занять Адріанополь и до 1-го августа овладѣть Царьградомъ при содѣйствіи флота. Одновременно съ этими рѣшительными операціями въ Европейской Турціи генералъ Ермоловъ долженъ былъ занять Эрзерумъ и угрожать Трапезонду [187].

Въ 1828 году, не предполагалось совершить подобнаго орлинаго полета. Трудно узнать въ совѣтникѣ императора Николая прежняго сторонника рѣшительныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Программа предстоявшей кампаніи была гораздо скромнѣе; судя по сохранившейся перепискѣ того времени, полагали ограничиться занятіемъ княжествъ, переправой черезъ нижній Дунай и взятіемъ придунайскихъ крѣпостей. Кромѣ того, признано было необходимымъ, при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій, направить черноморскій флотъ съ десантомъ

Библиотека "Руниверс"

для овладѣнія Анапою; эта задача была поручена контръ-адмиралу, князю А. С. Меншикову.

Повидимому, все еще надѣялись, что турки во-время образумятся и, по открытіи военныхъ дѣйствій, не замедлятъ предложить миръ, который правительство склонно было заключить на умѣренныхъ условіяхъ, чтобы не возбудить противъ себя своихъ европейскихъ союзниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пока мы откладывали до послѣдней возможности объявленіе войны, руководствуясь общими политическими соображеніями, чтобы не казаться зачинщиками, явилось другое зло: мы дали Портѣ время для приготовленія къ войнѣ, для созданія арміи, замѣнившей собою янычаръ, и для вооруженія крѣпостей [188]. О мирѣ же турки и не хотѣли помышлять.

Но эти невзгоды, вызванныя ошибочными расчетами, оказались недостаточными. Непмовѣрныя трудности, сопряженныя съ войною на Балканскомъ полуостровѣ, были еще усилены той особенной обстановкой, при которой предполагалось начать операціи на Дунаѣ. Императоръ, сопутствуемый своимъ начальникомъ главнаго штаба, графомъ Дибичемъ, долженъ былъ находиться среди войскъ второй арміи, не принимая, однако, главнаго начальства надъ нею. Громадная главная квартира предназначалась къ слѣдованію съ государемъ; она состояла изъ военной свиты и дипломатовъ, русскихъ и иностранныхъ. Фельдмаршалу графу Витгенштейну предписано было командовать попрежнему арміею, имѣя при себѣ своего начальника штаба, генералъ-адъютанта Киселева. Великій князь Михаилъ Павловичъ, носившій званіе генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части, долженъ былъ также отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Все это изобиліе начальствующихъ лицъ и вызываемое присутствіемъ ихъ разнообразіе мнѣній, столкновеніе интересовъ и преслѣдованіе часто противоположныхъ цѣлей должно было до крайности стѣснить самостоятельность дѣйствій главнокомандующаго, препятствуя проявленію всякой съ его стороны иниціативы. Указанныя здѣсь обстоятельства предвѣщали въ будущемъ мало утѣшительнаго и не замедлили отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на ходѣ военныхъ дѣйствій.

Двинутая противъ Турціи на Балканскій полуостровъ вторая армія состояла изъ 3-го, 6-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, находившихся подъ начальствомъ генераловъ: Рудзевича, Рота, Воинова и Бороздина. По строевому рапорту отъ 15-го апрѣля 1828 года, она могла выставить въ поле 113.920 человѣкъ при 384 орудіяхъ [189]. Эту армію предположено было еще усилить гвардейскимъ корпусомъ, который съ 1-го (13-го) апрѣля началъ постепенно выступать изъ С.-Петербурга, но не могъ явиться на театръ военныхъ дѣйствій ранѣе августа мѣсяца.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Графъ Дибичъ заблаговременно отправился въ главную квартиру второй арміи; 24-го апрѣля, онъ послалъ изъ Кишинева свое первое донесеніе къ государю. Такимъ образомъ еще до вступленія русскихъ войскъ въ княжества графъ Витгенштейнъ не оставался безъ руководителя и наставника.

«25-го числа,—писалъ графъ Дибичъ,—воспослѣдуетъ переходъ черезъ Прутъ. Чрезмѣрно затруднительныя переправы замедлятъ нѣсколькими днями обложеніе Браилова, такъ что при самомъ удобномъ случаѣ оно не можетъ воспослѣдовать ранѣе 29-го числа. Начатіе осады Браилова зависѣть будетъ отъ возможности достать лѣсъ и другіе мѣстные предметы; осадная же артиллерія при помощи части упряжи подвижнаго магазина выступила уже изъ Тирасполя и можетъ прибыть во-время».

Императоръ Николай покинулъ С.-Петербургъ 25-го апрѣля. На другой день, вслѣдъ за государемъ, отправилась въ Одессу императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Николаевна, въ сопровожденіи министра двора князя Волконскаго. Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 22-го апрѣля, ранѣе прочихъ членовъ царской семьи. Великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ прочими августѣйшими дѣтьми оставлены были на попеченіи императрицы Маріи Ѳеодоровны.

До отъѣзда государя отправился въ путь оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Станиславъ Потоцкій, назначенный исправлять во время похода должность гофмаршала военнаго двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ въ армію весь багажъ съ палатками, конюшнею и кухнею. Мѣстомъ сбора главной квартиры государя назначенъ былъ Измаилъ; здѣсь ей предстояло ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ числѣ генералъ-адъютантовъ, предназначенныхъ сопровождать государя во время похода, обращали на себя вниманіе знаменитый стратегъ баронъ Жомини и состоящій при особѣ его величества принцъ Евгеній Виртембергскій, герой войнъ 1812—1814 годовъ. Въ дипломатахъ также не было недостатка; назовемъ здѣсь: графа Нессельроде, графа Матусевича, французскаго посла графа Мортемара, посланниковъ: ганноверскаго графа Дёрнберга и датскаго графа Бломе, австрійскаго генерала принца Гессенъ-Гомбургскаго, прусскаго генерала графа Ностица, Кистера и др. Изъ своихъ статсъ-секретарей императоръ Николай назначилъ состоять при себѣ Дмитрію Васильевичу Дашкову, какъ близко знакомому съ восточными дѣлами по своей прежней служебной дѣятельности въ Константинополѣ, въ званіи совѣтника посольства въ 1821 году[190].

При выѣздѣ изъ С.-Петербурга, государя сопровождалъ нѣкоторое время принцъ Оранскій, отъѣзжавшій за границу. Когда они разста-

Библиотека "Руниверс"

лись, Николай Павловичъ взялъ къ себѣ въ коляску генералъ-адъютанта Бенкендорфа, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ на многіе годы неизмѣннымъ спутникомъ государя во всѣхъ его безчисленныхъ поѣздкахъ по Россіи и за границею. Этотъ порядокъ продолжался до 1837 года, когда Бенкендорфъ по болѣзненному своему состоянію долженъ былъ впредь отказаться отъ чести сопровождать монарха. Съ тѣхъ поръ мѣсто Бенкендорфа въ коляскѣ государя занялъ графъ А. Ѳ. Орловъ.

Желая скорѣе явиться среди своей арміи, императоръ Николай ѣхалъ день и ночь и остановился только не надолго въ Могилевѣ, Елисаветградѣ и Вознесенскѣ для осмотра войскъ. Испорченныя продолжительными дождями дороги весьма затрудняли переѣздъ. Тѣмъ не менѣе съ 5-го (17-го) и на 6-е (18-е) мая государь имѣлъ уже ночлегъ въ Тирасполѣ. «Мы задыхались отъ жары», — пишетъ генералъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ. 7-го мая государь переѣхалъ по мосту черезъ Прутъ въ Водулай-Исаки, направляясь къ Браилову. Со времени Петра Великаго императоръ Николай былъ первый изъ русскихъ монарховъ, вступившихъ на оттоманскую территорію.

Въ Россіи съ безпокойствомъ взирали на отъѣздъ государя въ армію и на тѣ опасности, которыя неминуемо ожидали его среди непривѣтливой, вражеской земли. Приводимое ниже письмо генералъ-адъютанта Храповицкаго [191] служитъ отголоскомъ тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя овладѣли многими изъ современниковъ этой эпохи.

«Государь,— писалъ Храповицкій,—Всемогущій видитъ сердце мое, надѣюсь, что услышитъ и молитвы наши и сохранитъ васъ для блага Россіи. Но для сего необходимо содѣйствіе ваше. Не только Россія, но почти весь міръ знаетъ неустрашимость и твердость вашу; Россія спасена ими! За что жъ, подвергая себя опасностямъ, страшить всѣхъ, искренно любящихъ оную, видѣть ее въ бѣдствіи? Такъ, государь! это будетъ неминуемое послѣдствіе потери вашей, отъ чего избави насъ Всемогущій Богъ. Ваше императорское величество неоднократно не только дозволяли, но даже требовали отъ меня говорить вамъ истину съ откровенностію; пользуясь симъ, смѣю васъ увѣрять, что это общій голосъ вашихъ вѣрноподданныхъ, здѣсь находящихся, и никакому сомнѣнію не подвержено, что мнѣніе сіе раздѣляютъ и остальная часть вамъ подвластныхъ» [192].

Если отъѣздъ императора Николая въ армію вызывалъ тревогу и разнообразную оцѣнку, то на самую войну смотрѣли также съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Цесаревичъ стоялъ какъ бы во главѣ оппозиціи, являясь безусловнымъ сторонникомъ мира и политическихъ преданій конца царствованія императора Александра. За нимъ слѣдовала цѣлая фаланга государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, не сочувствовавшая начинаніямъ

Библиотека "Руниверс"

Николая Павловича и порицавшая направленіе, данное государемъ русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Даже такой практическій умъ, какъ генералъ-адъютантъ Закревскій, не понялъ печальной необходимости для Россіи силою оружія возстановить насущные жизненные интересы имперіи, попранные турецкимъ правительствомъ. Въ перепискѣ своей съ генераломъ-адъютантомъ Киселевымъ онъ высказывался противъ войны, называя нашихъ, какъ онъ говоритъ, «дипломатиковъ» недальновидными. «Дай Богъ, — писалъ Закревскій 9-го февраля 1828 года,—чтобы всѣ ваши заботы остались безъ цѣли, чѣмъ имѣть войну, не приносящую никакой пользы Россіи, а болѣе сдѣлаетъ вреда по слабому ея состоянію» [193]. Если Закревскій высказывалъ Киселеву такое мнѣніе, оно, конечно, принадлежало не ему одному, и критика доходила, безъ сомнѣнія, до свѣдѣнія государя; тѣмъ болѣе велика заслуга его передъ исторіею, что онъ не внялъ подобнымъ возгласамъ, а привелъ въ исполненіе свои планы, какъ онъ ихъ понималъ. Если въ подробностяхъ осуществленіе этой политики и подлежитъ критикѣ, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространено на основныя политическія начала, которыми въ этомъ вопросѣ руководствовался императоръ Николай.

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Молодежь восхищалась предстоявшими ей опасностями и славою; но масса публики смотрѣла на начало новой войны довольно равнодушно и безъ всякой примѣси какого нибудь національнаго чувства. Турція — этотъ исконный врагъ Россіи и христіанства, уже слишкомъ часто была укрощаема нашими войсками и уже слишкомъ ослабѣла, чтобы внушать какое либо опасеніе или даже ненависть. Никто не сомнѣвался въ новыхъ лаврахъ, а на жертву людьми и деньгами смотрѣли единственно, какъ на неизбѣжное зло, требуемое нашею народною честію и интересами нашей торговли».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Согласно предначертаніямъ императора Николая, войска 6-го корпуса генерала Рота и 7-го корпуса генерала Воннова совершили 25-го апрѣля (7-го мая) переправу черезъ Прутъ въ трехъ пунктахъ: въ Скулянахъ, Фальчи и Водулай-Исаки. Затѣмъ войска безъ выстрѣла заняли Яссы, Галацъ, Букарестъ и Краіову [194], въ то время какъ 7-й корпусъ приступилъ къ обложенію Браилова; главное начальство надъ войсками, предназначенными для осады этой крѣпости, по повелѣнію государя, ввѣрено было великому князю Михаилу Павловичу.

Одновременно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій тайный совѣтникъ графъ Паленъ немедленно вступилъ въ исправленіе должности полномочнаго предсѣдателя диванов обоихъ княжествъ.

Затѣмъ предстояло совершить переправу черезъ Дунай. Для этой цѣли предназначался 3-й корпусъ генерала Рудзевича, который сосредоточенъ былъ въ Болградѣ и готовился перейти черезъ нижній Дунай у Сатунова. Но «безпримѣрное», какъ писали тогда, весеннее разлитіе Дуная задержало исполненіе этой операціи на цѣлый мѣсяцъ [195], предоставивъ туркамъ драгоцѣнное время для сосредоточенія войскъ въ Шумлѣ и подготовки театра военныхъ дѣйствій къ предстоявшему вторженію русской арміи.

Въ виду невозможности немедленно приступить къ переправѣ черезъ нижній Дунай, явилось предположеніе о переправѣ черезъ Дунай у Гирсова или же у Туртукая [196]. Приступлено было къ мѣстнымъ разслѣдованіямъ, которыя привели къ тому, что предпочтеніе отдано было Туртукаю. Однако, затрудненія, встрѣченныя при первыхъ же подготовительныхъ къ тому мѣрахъ, побудили главный штабъ арміи снова возложить

Библиотека "Руниверс"

всѣ надежды на Сатуновскую переправу [197]. Къ тому же въ виду господствующаго положенія русскаго флота въ Черномъ морѣ и полнаго обезпеченія морского подвоза продовольствія, переправа черезъ нижній Дунай представлялась все-таки болѣе цѣлесообразнымъ предпріятіемъ, несмотря на сопряженную съ нимъ потерю драгоцѣннаго времени, чѣмъ внезапная перемѣна намѣченной заранѣе операціонной линіи.

7-го (19-го) мая, въ полночь, императоръ Николай прибылъ къ Браилову. Государь остановился въ загородномъ домѣ паши браиловскаго, расположенномъ почти въ срединѣ блокаднаго лагеря; здѣсь при входѣ ожидали его великій князь Михаилъ Павловичъ, графъ Дибичъ, главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, генералъ-адъютантъ Киселевъ, генералъ-адъютантъ Воиновъ и весь главный штабъ второй арміи.

На другой день императоръ Николай въ сопровожденіи громадной свиты объѣхалъ верхомъ мѣстность вокругъ крѣпости и всѣ войска блокаднаго корпуса, которыя восторженно встрѣтили своего молодого царя, явившагося ободрить ихъ и раздѣлить съ ними труды и опасности предпринятаго похода. Въ этотъ же день государь отослалъ обратно въ крѣпость всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, захваченныхъ съ самаго начала блокады, наградивъ ихъ еще деньгами.

Очевидецъ, увидавшій подъ Браиловымъ впервые императора Николая описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него государемъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Императоръ Николай Павловичъ былъ тогда 32-хъ лѣтъ; высокаго роста, сухощавъ, грудь имѣлъ широкую, руки нѣсколько длинныя, лицо продолговатое, чистое, лобъ открытый, носъ римскій, ротъ умѣренный, взглядъ быстрый, голосъ звонкій, подходящій къ тенору, но говорилъ нѣсколько скороговоркой. Вообще онъ былъ очень строенъ и ловокъ. Въ движеніяхъ не было замѣтно ни надменной важности, ни вѣтреной торопливости, но видна была какая-то неподдѣльная строгость. Свѣжесть лица и все въ немъ выказывало желѣзное здоровье и служило доказательствомъ, что юность не была изнѣжена, и жизнь сопровождалась трезвостью и умѣренностію. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ превосходнѣе всѣхъ мужчинъ изъ генералитета и офицеровъ, какихъ только я видѣлъ въ арміи, и могу сказать попстинѣ, что въ нашу просвѣщенную эпоху величайшая рѣдкость видѣть подобнаго человѣка въ кругу аристократіи» [198].

Но, несмотря на желѣзное здоровье, которымъ, безспорно, обладалъ императоръ Николай Павловичъ, утомительный переѣздъ и климатическая перемѣна произвели на него неблагопріятное дѣйствіе. Уже наканунѣ государь чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ, и, вернувшись домой съ объѣзда позицій и лагеря, онъ занемогъ лихорадкою, отъ ко-

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ ФОРМѢ ПРУССКАГО КИРАСИРСКАГО ЕГО ИМЕНИ ПОЛКА.

Съ портрета приложеннаго къ исторіи полка, изданной въ 1842 году.

Библиотека "Руниверс"

торой оправился только на третій день [199]. Тревожныя опасенія, вызванныя этимъ неожиданнымъ событіемъ въ главной квартирѣ арміи, были весьма велики, но, какъ замѣчаетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ

Великая княжна Марія Николаевна.

(Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера).

запискахъ, благодаря крѣпкому сложенію государя и чрезвычайной умѣренности въ пищѣ, онъ скоро оправился.

Дѣйствительно, 10-го (22-го) мая обрадованныя войска снова увидѣли среди себя неутомимаго монарха. Въ этотъ день государь лично раздавалъ отличившимся солдатамъ георгіевскіе кресты.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трудность добыванія матеріаловъ для заготовленія туровъ и фашинъ замедлила нѣсколько открытіе осадныхъ работъ. Къ разсвѣту 13-го (25-го) мая окончена была большая батарея, вооруженная 12-ю осаднымп и 12-ю батарейными орудіями и заложенная въ 200 саженяхъ отъ крѣпости. Когда батарея была окончена, государь на разсвѣтѣ пришелъ на нее, чтобы лично удостовѣриться въ ея дѣйствіи. Непріятель, замѣтивъ на ближайшемъ къ крѣпости возвышеніи скопленіе большого числа людей, среди которыхъ находился государь со свитою, направилъ туда свои выстрѣлы и стрѣлялъ такъ мѣтко, что многія ядра ударялись въ подошву этой высоты, а нѣкоторыя даже перелетали черезъ нее и попадали въ стоявшихъ тутъ верховыхъ лошадей. «Намъ стоило продолжительныхъ усилій и много трудовъ уговорить государя оставить это мѣсто, сдѣлавшееся цѣлью непріятельскаго огня», пишетъ очевидецъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

Въ тотъ же день императоръ Николай заботливо обошелъ раненыхъ и больныхъ, роздалъ имъ деньги и вникалъ въ малѣйшія подробности касательно пищи солдатъ и попеченія о нихъ.

Затѣмъ государь оставилъ блокадный корпусъ подъ Браиловымъ. Въ Водулай-Исаки Николай Павловичъ вышелъ изъ коляски и, желая показать собою примѣръ исполненія законовъ, подвергся всѣмъ окуркамъ и дезинфекціи, установленнымъ для прибывающихъ изъ княжествъ. 14-го (26-го) мая, государь прибылъ въ Бендеры, гдѣ встрѣтился съ императрицею Александрой Ѳеодоровной. На другой день ихъ величества продолжали вмѣстѣ путь въ Одессу и по прибытіи въ этотъ городъ 16-го (28-го) мая остановились въ домѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова[200].

Не долго, однако, государь пользовался отдыхомъ; ночью на 18-е (30-е) мая онъ отправился въ Измаилъ.

Къ этому времени здѣсь совершилось важное событіе. Запорожскіе казаки, которые нѣкогда бѣжали за Дунай и нашли себѣ здѣсь пріютъ, возвратились снова въ нѣдра прежняго своего отечества. 12-го (24-го) мая измаильскій комендантъ, генералъ-майоръ Тучковъ I, донесъ объ этомъ генералъ-адъютанту Киселеву. «Сѣчь Запорожская, съ давнихъ поръ во владѣніи турецкомъ существовавшая,—писалъ Тучковъ,—преклонясь подъ власть государя императора, совершенно тамъ уничтожилась. Новый и прежній кошевые, оба писаря, всѣ атаманы и эсаулы съ двумя бунчуками, тремя знаменами, со всею церковною утварью, съ двумя священниками, съ султанскими привилегіями и дарованными имъ грамотами, съ войсковою канцеляріею, съ тысячью человѣкъ казаковъ, прибыли въ границы наши. Кошевой Іосифъ Гладкій, имѣющій достоинство двухбунчужнаго паши, съ десятью человѣкъ атамановъ, съ двумя бунчуками, тремя знаменами, находятся въ здѣшнемъ карантинѣ, а прочіе непо-

Библиотека "Руниверс"

далеку отъ Килiи на лодкахъ и завтра или послѣзавтра прибудутъ сюда» [201].

Успѣшнымъ исходомъ этого дѣла мы обязаны были генералу Тучкову, который сумѣлъ искусно завести съ Гладкимъ сношенія и пробудить въ

Великая княжна Александра Николаевна.

(Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера).

его душѣ чувства преданности и любви къ законному государю и къ покинутой имъ родинѣ.

По прибытіи въ Измаилъ, императоръ Николай 19-го (31-го) мая осмотрѣлъ въ карантинѣ запорожцевъ, возвратившихся въ родное свое пепелище; онъ простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ Гладкому

Библиотека "Руниверс"

золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. Запорожцы повергліись къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь, принявъ отъ кошевого грамоты и регаліи, жалованныя сѣчи турецкими султанами, сказалъ: «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю». Слова эти Николай Павловичъ повторилъ потомъ всему составу сѣчи, присовокупивъ: «Я знаю, что вы за люди»[202]. Казаки поклялись вѣрою и правдою служить Россіи противъ турокъ и вскорѣ блистательнымъ образомъ подтвердили данное ими слово.

Осмотрѣвъ Измаильскія укрѣпленія и флотилію, императоръ Николай отправился въ Болградъ къ сосредоточенному здѣсь 3-му корпусу генерала Рудзевича. За государемъ послѣдовала и его главная квартира. Парадъ имѣлъ мѣсто 20-го мая (1-го іюня) на равнинѣ между городомъ и лагеремъ. Войска представились въ великолѣпномъ видѣ, и государь остался ими вполнѣ доволенъ. Вечеромъ происходила заря съ церемоніею.

Изъ лагеря подъ Болградомъ императоръ Николай отправился въ сопровожденіи графа Дибича и генерала Рудзевича къ мѣсту, предназначенному для совершенія переправы черезъ Дунай, впереди селенія Сатунова. Въ это время въ императорскую главную квартиру изъ-подъ Браилова вызванъ былъ главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, и генералъ-адъютантъ Киселевъ. По прибытіи главнокомандующаго, за подписью графа Дибича отданъ былъ 24-го мая (5-го іюня) слѣдующій приказъ:

«Его императорское величество, прибывъ къ дѣйствующей арміи, высочайше предоставляетъ и въ присутствіи своемъ въ оной господину главнокомандующему, генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну, всю власть и права, присвоенныя ему учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи».

Но этимъ приказомъ не уничтожилось многовластіе въ арміи; оно продолжало фактически существовать силою самой обстановки и оказывало, въ продолженіе всей кампаніи 1828 года, неблагопріятное вліяніе на ходъ военныхъ операцій. Нерѣдко, въ счастливую пору войны, забывали совершенно о главнокомандующемъ; арміею распоряжался графъ Дибичъ, его мнѣніе преобладало въ совѣтахъ, и только при неудачѣ вспоминали о существованіи графа Витгенштейна; на престарѣлаго фельдмаршала сыпались тогда незаслуженные упреки за его бездѣятельность и непредусмотрительность. Ко всей этой ненормальной обстановкѣ, тормозившей правильный ходъ дѣлъ, присоединилось еще въ скоромъ времени убѣжденіе, что война предпринята съ недостаточными силами для достиженія какихъ либо рѣшительныхъ результатовъ, въ виду упорства турокъ не заключать мира. Уже 9-го (21-го) іюня императоръ Николай признался цесаревичу Константину Павловичу, что съ

Библиотека "Руниверс"

Марсово поле въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи того времени).

Библиотека "Руниверс"

каждымъ днемъ приходится все болѣе убѣждаться въ настоятельной необходимости (nécessité absolue) подкрѣпленій и въ невозможности, по недостатку силъ, дать кампаніи рѣшительный оборотъ (nous sommes donc beaucoup trop faibles pour pousser la campagne vigoureusement).

Что же касается до переправы черезъ Дунай, то задуманное предпріятіе было весьма рискованное. Генералъ Рудзевичъ въ день, назначенный для совершенія перехода, сказалъ Киселеву передъ началомъ боя, что переправа невозможна и не исполнится; генералъ Сухтеленъ также признавалъ успѣхъ безнадежнымъ. Дѣйствительно мѣстныя условія могли навести на размышленія. Для того, чтобы войска добрались до мѣста, избраннаго для переправы, вынуждены были приступить къ постройкѣ гати на протяженіи болѣе пяти верстъ. На эту работу ежедневно высылали 2.000 нижнихъ чиновъ и до 2.000 обывателей. Въ виду подобныхъ приготовленій неудивительно, что турки обратили вниманіе на дѣйствія своего противника и съ своей стороны приступили къ устройству укрѣпленій на высотахъ праваго берега Дуная, примыкавшихъ съ восточной стороны къ крѣпости Исакчи. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, гать была доведена 25-го мая (6-го іюня) до самаго Дуная; затѣмъ приступили къ заложенію 25-ти-орудійной батареи на самомъ краю берега, въ виду турецкихъ укрѣпленій, появившихся на противоположной сторонѣ рѣки.

Въ это время императорскій лагерь раскинутъ былъ въ Сатуновѣ, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ. По словамъ Бенкендорфа, сверхъ всей свиты и иностранныхъ пословъ и генераловъ, въ немъ находились, для его охраненія и вмѣстѣ какъ резервъ, два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, три эскадрона жандармовъ, столько же гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ. Маркитанты, рестораторы и торговцы всякаго рода увеличивали еще многолюдство лагеря. «Вся эта команда, съ которою не легко было управляться, состояла подъ моимъ начальствомъ,— пишетъ Бенкендорфъ. — Въ первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потомъ все обошлось, и дѣло устроилось къ удовольствію государя и всѣхъ жителей этой кочевой столицы.

«По вечерамъ огни турецкой арміи живописно обрисовывали позицію, занимаемую турками, которая, будучи примкнута съ одной стороны къ крѣпости Исакчи, а съ другой — къ глубокому болоту, возвышенностію своею и протяженіемъ какъ бы смѣялась надъ всѣми нашими приготовленіями. Наша позиція, напротивъ, между гніющими камышами и среди болотъ, была совершенно подавлена господствовавшими надъ ними непріятельскими высотами, а наши лагерные огни горѣли, укутанные въ туманѣ.

Библиотека "Руниверс"

«Государь продолжалъ дѣятельно ускорять минуту переправы. Понтоны и большія барки, приготовленныя для пловучаго моста, ждали у устья маленькой рѣчки сигналъ ко входу въ Дунай. Гребныя флотиліи, наша и новыхъ русскихъ подданныхъ, запорожцевъ, приблизились противъ теченія къ мѣсту переправы. Батарея на берегу была вооружена орудіями; полки, которымъ слѣдовало итти въ головахъ колоннъ, подошли къ плотинѣ, и всѣ малыя суда находились между камышами и кустами, покрывавшими нашъ берегъ».

Обсуждая подробности переправы черезъ Дунай, императоръ Николай, по свидѣтельству Киселева, обнаруживалъ въ особенности желаніе сохранить людей, что̀ составляло замѣчательную черту въ характерѣ молодого и твердаго государя[203].

Переправу предположено было произвести 27-го мая (8-го іюня), и для этой цѣли императоръ Николай собственноручно написалъ диспозицію, согласно которой и произошло дѣло[204]. Переходъ совершился при личномъ присутствіи государя, прибывшаго съ разсвѣтомъ на оконечность плотины; турки, занимавшіе въ числѣ до 10.000 человѣкъ выгодную позицію на высотахъ противоположнаго берега, были отброшены, укрѣпленія ихъ заняты, и дальнѣйшая безпрепятственная переправа войскъ 3-го корпуса обезпечена. За этотъ успѣхъ русская армія заплатила потерею 112-ти человѣкъ убитыми и ранеными.

Турки, сбитые съ своей укрѣпленной позиціи, обратились въ бѣгство въ Базарджикъ, отчасти же бросились въ Исакчу. Успѣху выполненнаго русскими войсками смѣлаго предпріятія много содѣйствовали запорожцы, явившіеся къ мѣсту боя на 40 лодкахъ. Охотники ихъ, сверхъ того, отыскали заблаговременно на правомъ берегу Дуная мѣсто, удобное для высадки переправившихся войскъ, переѣхавъ наканунѣ на непріятельскую сторону. Особенное отличіе выказалъ также генералъ-адъютантъ Киселевъ. Государь поздравилъ его генералъ-лейтенантомъ и сказалъ ему:

— Ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ съ благородною откровенностью Киселевъ, — это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ[205].

Фельдмаршалу графу Витгенштейну государь подарилъ одну изъ пушекъ, найденныхъ въ турецкихъ укрѣпленіяхъ.

28-го мая (9-го іюня), императоръ Николай лично отправился на турецкій берегъ, не дождавшись наводки моста, доставленнаго изъ Измаила, къ устройству котораго приступлено было немедленно по совершеніи переправы. Къ удивленію своей ближайшей свиты, государь

Библиотека "Руниверс"

потребовалъ для переправы черезъ Дунай лодку атамана Гладкаго. По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «въ виду еще не сдавшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, государь сѣлъ въ шлюпку запорожскаго атамана. Гладкій самъ стоялъ у руля, а двѣнадцать его казаковъ гребли. Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ и едва за три недѣли передъ тѣмъ оставившимъ непріятельскій станъ, стоило только ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего только двухъ генераловъ. Но атаманъ и его казаки были въ восторгѣ отъ такого знака довѣрія и съ жаромъ кричали: «Мы, батюшка царь, твои, и не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи». Государь благополучно пристalъ къ турецкому берегу».

Здѣсь императоръ Николай былъ встрѣченъ графомъ Витгенштейномъ и Киселевымъ. Въ сопровожденіи ихъ, государь осмотрѣлъ позицію, занятую турками 27-го мая, и затѣмъ возвратился на русскій берегъ съ тѣми же запорожскими казаками.

Императоръ Николай вполнѣ призналъ заслуги, оказанныя запорожцами въ дѣлѣ переправы, и наградилъ Гладкаго чиномъ полковника и георгіевскимъ крестомъ 4-го класса; сверхъ того, государь назначилъ ему десять знаковъ отличія военнаго ордена для раздачи отличившимся подъ начальствомъ его казакамъ. Не были также забыты тѣ четыре запорожца, которые 26-го мая переправились въ лодкахъ черезъ Дунай для отысканія удобнѣйшаго мѣста для высадки войскъ и переночевали на непріятельскомъ берегу; государь пожаловалъ имъ знаки отличія военнаго ордена, повелѣвъ перевести ихъ въ гвардію [206].

Въ виду предполагавшагося дальнѣйшаго наступленія, императорскій лагерь перенесенъ былъ на правый берегъ Дуная. 30-го мая (11-го іюня), въ то время, когда государь объѣзжалъ нашу передовую цѣпь, изъ Исакчи явились два турецкіе парламентера съ извѣстіемъ, что комендантъ Эюбъ-паша готовъ сдать ввѣренную ему крѣпость. Вскорѣ комендантъ и Гассанъ-паша, искавшій убѣжища въ крѣпости, по разсѣяніи войскъ его въ сраженіи 27-го числа, явились къ государю съ изъявленіемъ покорности. Крѣпость была немедленно занята нашими войсками; гарнизонъ же получилъ позволеніе свободнаго выхода съ оружіемъ, оставивъ, однако, въ нашихъ рукахъ весь военный матеріалъ. Въ крѣпости найдено было 85 орудій, 18 знаменъ и богатые военные и продовольственные припасы. Паши удалились въ Константинополь и были обезглавлены по приказанію султана.

Съ занятіемъ Исакчи, русская армія могла безпрепятственно продолжать наступленіе по Добруджѣ къ Траянову валу.

Библиотека "Руниверс"

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Шарманщики.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

Относительно переправы черезъ Дунай 27-го мая графъ Мольтке въ сочиненіи своемъ о русско-турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ[207] останавливается на критической оцѣнкѣ совершеннаго тогда русскими войсками подвига. По его словамъ:

«Русскіе по теченію нижняго Дуная не могли избрать для наводки моста другого пункта, какъ Сатуново. Тѣмъ не менѣе мѣстныя условія

Библиотека "Руниверс"

были здѣсь такого рода, что казалось почти невыполнимымъ совершить переправу открытою силой. Доступъ къ лѣвому берегу былъ возможенъ только послѣ устройства гати, продолжавшагося нѣсколько недѣль и устранявшаго всякое сомнѣніе насчетъ цѣли работы. Еще съ большими затрудненіями было сопряжено дебушпрованіе на противоположномъ берегу, гдѣ турки имѣли достаточно времени укрѣпиться на командующихъ высотахъ. Близъ турецкой крѣпости присутствіе значительнаго непріятельскаго корпуса, закрытое расположеніе 15-ти орудій большого калибра, въ сферѣ самаго дѣйствительнаго пушечнаго выстрѣла которыхъ находилась оконечность гати, проведенной вдоль лѣваго берега, равно какъ самое теченіе рѣки, — все это должно было сдѣлать совершенно невозможнымъ наводку моста, хотя при нѣкоторомъ только сопротивленіи обороняющагося. Едва ли можно было разсчитывать на бѣгство 10.000 человѣкъ въ виду горсти высадившихся казаковъ и егерей.

«Поэтому, смотря по одержанному успѣху, переходъ черезъ Дунай 3-го корпуса составляетъ блистательно удавшееся отважное предпріятіе. Но развѣ можно было на этомъ основывать первое важное предпріятіе кампаніи? Можетъ быть, было бы проще испытать высадку при помощи лодокъ и плотовъ, вмѣсто столь сомнительной наводки моста?

«Матеріалы для подобнаго предпріятія, которые, конечно, слѣдовало заготовить въ обширныхъ размѣрахъ, могли быть доставлены съ удобствомъ и въ достаточномъ числѣ изъ Прута и проведены мимо Исакчи, такъ какъ эта крѣпость нисколько не господствуетъ надъ главнымъ рукавомъ Дуная. Высадка могла быть выполнена въ Ренни или же въ любомъ другомъ пунктѣ въ то время, когда турки не были бы нисколько подготовлены встрѣтить ее силою, какъ въ Сатуновѣ. Бригаду пѣхоты съ легкою батареей можно было переправить на правый берегъ въ 10 минутъ времени, при помощи 70-ти поромовъ и сравнительно небольшомъ числѣ плотовъ; затѣмъ уже осталось бы только продолжать усиливать этотъ отрядъ. Притомъ можно бы было ввести противника въ заблужденіе демонстраціями, между тѣмъ какъ въ нечаянности нападенія именно заключалась вѣроятность успѣха. Предпріятіе подъ Сатуновомъ и удалось только при помощи высадки на лодкахъ запорожскихъ казаковъ. По утвержденіи же русскаго отряда на правомъ берегу Дуная и обложеніи Исакчи, можно бы было приступить еще къ наводкѣ судового моста для болѣе легкаго и удобнаго сообщенія. Но при подобномъ образѣ дѣйствій особенную важность заслуживаетъ то обстоятельство, что переходъ черезъ Дунай можетъ быть произведенъ одновременно съ переходомъ черезъ Прутъ, между тѣмъ какъ постройка моста у Сатунова задержала переправу черезъ Дунай болѣе чѣмъ на четыре недѣли.

«Если же не хотѣли иначе перейти черезъ Дунай, какъ по мосту, то съ военной точки зрѣнія все-таки представляется вопросъ, отчего

Библиотека "Руниверс"

подготовительныя мѣры къ постройкѣ его не были приняты ранѣе. Еще и прежде было извѣстно, что Дунай ежегодно наводняетъ свои низкіе берега до конца мая (средины іюня), и нельзя было выжидать до средины лѣта осушенія этой мѣстности. Если даже принять въ соображеніе, что политическія условія не позволяли объявлять войны ранѣе средины (конца) апрѣля, то никто не могъ препятствовать русскимъ сосредоточить необходимое число судовъ на своихъ собственныхъ рѣкахъ, давно уже освобожденныхъ отъ льда, и провести по собственной землѣ фашинную гать къ берегамъ Дуная. Всѣ эти приготовленія можно было бы произвести скрытно и затѣмъ немедленно приступить къ постройкѣ моста. Вторженіе въ Валахію, обложеніе Браилова и наступленіе въ Добруджу обратились бы тогда въ одновременныя предпріятія, которыя поддерживали бы одно другое. Выполненныя же отдѣльно и въ разное время, они только возбудили зависть Европы, разбудили усыпленныхъ турокъ и доставили имъ безцѣнное время для окончанія своихъ вооруженій» [208].

II.

Послѣ паденія Исакчи императоръ Николай во главѣ войскъ, перешедшихъ Дунай, двинулся къ Бабадагу [209]. 2-го (14-го) іюня, за нѣсколько верстъ до этого города, государя ожидала депутація отъ некрасовцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи еще въ началѣ XVIII столѣтія, во время Булавинскаго бунта. Это племя, занимавшее нѣсколько большихъ деревень, выстроенныхъ на русскій образецъ, сохранило нашу вѣру, одежду и родные обычаи. Депутаты встрѣтили русскаго самодержца съ хлѣбомъ и солью и въ минуту его приближенія пали на землю. Императоръ велѣлъ имъ встать и сказалъ: «Не стану обманывать васъ ложными надеждами: я не хочу удерживать за собою этотъ край, въ которомъ вы живете, и который занятъ теперь нашими войсками; онъ будетъ возвращенъ туркамъ, слѣдственно поступайте такъ, какъ велятъ вамъ ваша совѣсть и ваши выгоды. Тѣхъ изъ васъ, которые захотятъ возвратиться въ Россію, мы примемъ, и прошедшее будетъ забыто; тѣхъ же, которые останутся здѣсь, мы не тронемъ, лишь бы они не обижали нашихъ людей. За все, что вы принесете въ нашъ лагерь, будетъ всегда заплачено чистыми деньгами».

Замѣтимъ здѣсь, что во все продолженіе войны не было нашей арміи повода къ жалобамъ на некрасовцевъ. Надѣленные, однако, турецкимъ правительствомъ угодьями и рыбными ловлями, всѣ предпочли остаться на оттоманской землѣ и не возвратились въ Россію.

Подвигаясь далѣе къ Траянову валу, императорская и главная квартира арміи расположились лагеремъ у Карасу, гдѣ оставались съ 7-го (19-го)

Библиотека "Руниверс"

по 24-е іюня (6-е іюля). Здѣсь государь поджидалъ извѣстія о покореніи крѣпостей, оставшихся въ тылу арміи [210].

6-го (18-го) іюня, послѣдовало занятіе Мачина, занятаго полковникомъ Роговскимъ. 7-го (19-го) іюня сдался на капитуляцію Браиловъ, послѣ неудачнаго штурма (3-го іюня), стоившаго намъ болѣе 3.000 человѣкъ [211]. Извѣстіе о покореніи Браилова привезъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, полковникъ Бибиковъ; онъ прискакалъ въ лагерь при Карасу, 8-го (20-го) іюня. «Благодареніе Богу! Браиловъ нашъ!» — воскликнулъ императоръ, обнимая радостнаго вѣстника, и тотчасъ поспѣшилъ въ палатку графа Витгенштейна сообщить главнокомандующему извѣстіе о покореніи крѣпости, надѣлавшей намъ столько бѣдъ. Немедленно повелѣно было отслужить въ лагерѣ молебенъ.

Затѣмъ послѣдовательно сдались: Гирсовъ 11-го (23-го) іюня — генералу князю Мадатову, Кюстенджи 12-го (24-го) іюня — генералу Ридигеру и Тульча 19-го іюня (1-го іюля) — генералу Ушакову.

Великій князь Михаилъ Павловичъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Онъ прибылъ къ государю въ лагерь при Карасу 22-го іюня (4-го іюля).

Императоръ Николай удостоилъ также графа Витгенштейна лестнымъ рескриптомъ, въ которомъ, приписавъ ему, по чувству благодушной снисходительности, всю честь успѣховъ, одержанныхъ въ начавшейся кампаніи, пожаловалъ фельдмаршалу алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ это время послѣдовали еще и нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ второй арміи. Государь назначилъ генералъ-майора Берга генералъ-квартирмейстеромъ на мѣсто князя Горчакова, который получилъ въ командованіе 18-ю пѣхотную дивизію, вмѣсто генерала барона Людинсгаузенъ-Вольфа, смертельно раненаго при штурмѣ Браилова.

Сдача всѣхъ поименованныхъ выше крѣпостей не передала, однако, въ руки побѣдителей турецкихъ гарнизоновъ военноплѣнными; ради ускоренія капитуляцій имъ повсюду предоставлено было право свободнаго выхода къ желаемому пункту Оттоманской территоріи, сохраняя право участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Россіею. Это обстоятельство отразилось весьма невыгоднымъ для насъ образомъ на послѣдовавшихъ затѣмъ операціяхъ, въ особенности противъ крѣпости Силистріи, гарнизонъ, который усилился храбрыми защитниками Браилова, въ числѣ до 17.000 человѣкъ [212].

Итакъ, къ 20-му іюня (2-му іюля) всѣ придунайскія крѣпости, ниже Силистріи, находились въ нашихъ рукахъ; мы господствовали въ странѣ до Траянова вала; свободный подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ обезпеченъ былъ занятіемъ гавани Кюстенджи. До сихъ поръ русскія войска выходили побѣдителями во всѣхъ своихъ предпрія-

Библиотека "Руниверс"

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.
Швейцаръ и продавецъ щетокъ.
(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

тіяхъ, и военное счастіе всюду имъ благопріятствовало: они совершили открытой силою переправу черезъ Дунай, казавшуюся невозможною, и въ шесть недѣль овладѣли шестью турецкими крѣпостями. Вѣра въ непобѣдимость ихъ оружія предшествовала ихъ знаменамъ и могла имѣть неисчислимое вліяніе на противниковъ, подобныхъ туркамъ, если бы обаяніе это не было поколеблено послѣдующими затѣмъ событіями. На

Библиотека "Руниверс"

подобномъ заключеніи относительно нашихъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, за истекшій періодъ времени, начиная съ 14-го (26-го) апрѣля, справедливо останавливается графъ Мольтке.

Во время стоянки въ лагерѣ при Карасу императоръ Николай получилъ 20-го іюня (1-го іюля) еще одно радостное извѣстіе о благополучномъ окончаніи осады Анапы. 12-го (24-го) іюня, князь Меншиковъ овладѣлъ крѣпостью. Занятіемъ Анапы развязаны были руки Черноморскому флоту, и открывалась возможность присоединить посланный туда десантный отрядъ къ арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. Государь наградилъ князя Меншикова орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала; Грейгу пожалованъ былъ чинъ адмирала. 3-го (15-го) іюля, эскадра Черноморскаго флота взяла снова на корабли десантныя войска, а именно 13-й и 14-й Егерскіе полки при восьми орудіяхъ, для доставленія въ Мангалію, откуда они должны были сухимъ путемъ присоединиться къ войскамъ, предназначеннымъ для осады крѣпости Варны.

Съ этого времени невыгодныя послѣдствія поздняго перехода черезъ Дунай съ каждымъ днемъ дѣлались все болѣе очевидными. По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «жары начинали сильно утомлять солдатъ; мало было воды, и та дурная; заросшія камышемъ болота распространяли вредное зловоніе; трава погорѣла; для огромной массы лошадей уже оказывался недостатокъ въ фуражѣ; многія тысячи воловъ, перевозившихъ провіантъ и резервные парки, за неимѣніемъ достаточныхъ пастбищъ, худѣли, дѣлались неспособными къ извозу и издыхали въ пути, еще болѣе заражая воздухъ».

Императоръ Николай воспользовался стоянкою въ лагерѣ въ Карасу, чтобы съѣздить въ Кюстенджи, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ казаковъ, и отдалъ приказаніе объ устроеніи тамъ госпиталей, равно какъ распоряженія относительно выгрузки провіанта, привезеннаго на купеческихъ судахъ.

Спустя нѣсколько дней, 24-го іюня (6-го іюля), сняли наконецъ лагерь при Карасу, и главныя силы арміи двинулись къ Базарджику; здѣсь, при приближеніи къ городу, передовымъ войскамъ ея представился первый случай въ эту кампанію вступить въ бой съ турками въ открытомъ полѣ. Непріятельская конница, воспользовавшись излишнимъ увлеченіемъ двухъ нашихъ уланскихъ эскадроновъ, нанесла имъ сильный уронъ и даже совсѣмъ изрубила бы ихъ, если бы не подоспѣли на помощь гусары съ двумя конными орудіями. Турки продолжали свое отступательное движеніе.

Базарджикъ, брошенный жителями и окруженный множествомъ кладбищъ, представлялъ наглядный образъ опустошенія и смерти. Непріятель передъ уходомъ испортилъ тамъ всѣ фонтаны и колодцы, зава-

Библиотека "Руниверс"

ливъ ихъ соромъ и мѣшками съ мыломъ, такъ что не было возможности ими пользоваться.

Въ Базарджикѣ осуществилось, 29-го іюня (11-го іюля), ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ соединеніе съ 7-мъ корпусомъ, освободившимся послѣ взятія Браилова [213]; однако, за отдѣленіемъ различныхъ отрядовъ, предназначавшихся для особыхъ цѣлей, главныя силы арміи не превышали 44-хъ баталіоновъ и 20-ти эскадроновъ. Тогда ясно обнаружилось, что война съ Портою начата была съ недостаточными силами. Турки, разсчитывавшіе имѣть дѣло съ громадными средствами своего противника, крайне удивились, что противъ нихъ вводились въ дѣло только нѣсколько эскадроновъ и небольшая горсть пѣхоты; произведенное такимъ положеніемъ дѣлъ нравственное впечатлѣніе было благопріятно туркамъ, неосновательность же первоначальныхъ расчетовъ, вкравшаяся въ предначертанную кампанію, являлась трудно поправимымъ дѣломъ. Подкрѣпленія ожидались, но когда? Гвардія могла прибыть къ Дунаю только въ августѣ, а 2-й корпусъ, вытребованный послѣ неудачнаго Браиловскаго штурма, могъ подойти къ Дунаю только въ сентябрѣ. Вся эта невыгодная обстановка была еще усугублена непоправимою стратегическою ошибкою, въ которую впали послѣ занятія Базарджика. Рѣшено было измѣнить первоначальный операціонный планъ, двинувъ главныя силы вслѣдъ за авангардомъ генерала Ридигера, выступившаго къ Козлуджѣ; вмѣсто того, чтобы обратить всѣ усилія къ овладѣнію Варною, слабыя силы русской арміи вдругъ обречены были на безплодную борьбу съ Шумлинскими твердынями [214]. «Русская армія въ Базарджикѣ,— пишетъ графъ Мольтке,— была противъ своей воли и какъ бы магнитомъ притянута присутствіемъ турецкой арміи въ Шумлѣ».

Какъ бы ни были недостаточны средства атаки, которыми могли располагать противъ Варны, все-таки своевременное и полное обложеніе ея подготовило бы предстоявшую противъ этой крѣпости постепенную атаку. Впрочемъ, какъ бы ни былъ малъ корпусъ, который, въ случаѣ такого рѣшенія, можно было выставить къ сторонѣ Шумлы, для обезпеченія операціи противъ Варны, все-таки въ подобномъ случаѣ представлялось болѣе вѣроятія на успѣхъ съ десятитысячнымъ отрядомъ разбить въ открытомъ полѣ непріятеля, выступившаго изъ Шумлы для освобожденія Варны, чѣмъ овладѣть шумлинскими твердынями, даже располагая арміею, значительно превосходящею турецкую. Предполагая же, что намъ удалось бы цѣною большихъ потерь вытѣснить Гуссейна-пашу изъ Шумлы, то занятіе обширнаго непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря представляло бы только одну отрицательную выгоду, равносильную устраненному препятствію; взятіе же Варны, напротивъ того, составляло бы для русской арміи положительное пріобрѣтеніе, обезпечивающее за ней прочную базу

Библиотека "Руниверс"

для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій черезъ Балканы. Спрашивается, какимъ образомъ остановились на рѣшеніи итти къ Шумлѣ, и кто подалъ императору Николаю коварный совѣтъ, поставившій русскую армію въ самое трудное положеніе, подвергая ее непзбѣжнымъ случайностямъ неравнаго состязанія съ турками, занимавшими недоступную позицію.

Неудачную мысль движенія главныхъ силъ арміи къ Шумлѣ приписываютъ графу Дибичу, между тѣмъ какъ главнокомандующій, подвергавшійся столькимъ критическимъ нападкамъ еще съ 1813 года, вѣрнѣе оцѣнилъ обстановку, высказываясь противъ подобнаго плана дѣйствія. Разсказываютъ, что графъ Витгенштейнъ выразилъ Дибичу сожалѣніе о томъ, что не воспользовался своими правами главнокомандующаго, и прибавилъ, что теперь намѣренъ снять съ себя отвѣтственность, уступивъ ему главное начальство при такихъ обстоятельствахъ, когда одинъ необдуманный шагъ можетъ погубить армію. Вслѣдствіе подобнаго разногласія въ мнѣніяхъ, между фельдмаршаломъ и начальникомъ главнаго штаба произошло жаркое объясненіе. Императоръ Николай принялъ сторону мнѣнія графа Дибича, полагая, что дѣйствующая армія настолько сильна, что можетъ въ ожиданіи подходившихъ подкрѣпленій дѣйствовать одновременно противъ Шумлы, Варны и Силистріи.

Итакъ главныя силы арміи предприняли роковое движеніе черезъ Козлуджу вправо, направляясь къ Шумлѣ. Для наблюденія за Варною выдвинутъ былъ къ этой крѣпости слабый отрядъ генералъ-адъютанта графа Сухтелена; къ нему долженъ былъ присоединиться генералъ Ушаковъ, слѣдовавшій изъ Тульчи. Другой отрядъ генералъ-адъютанта К. Х. Бенкендорфа занялъ Праводы.

Движеніе войскъ послѣ оставленія Базарджика сопряжено было съ большими затрудненіями; лѣсистая мѣстность, изрытая оврагами, черезъ которые вели однѣ только узкія и иногда очень крутыя тропинки, крайне задерживавшія спускъ и подъемъ артиллеріи и обозныхъ фуръ, заставляла удвоить мѣры предосторожности. Къ тому же вооруженные жители, разсѣянные по лѣсамъ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для нападенія на людей или же на транспорты. Только за Козлуджею, по мѣрѣ подъема въ горы, край принималъ болѣе привѣтливый видъ; долины, орошаемыя небольшими ручьями, расширялись.

Всѣ вопросы, связанные съ движеніемъ къ Шумлѣ, вновь обсуждались на военномъ совѣтѣ, собравшемся у государя 7-го (19-го) іюля въ Енибазарѣ. На этомъ совѣтѣ возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ относительно того, что императоръ, продолжая наступленіе въ избранномъ вновь направленіи, подвергаетъ себя опасности быть окруженнымъ между Варною, Силистріею и Шумлою превосходными силами противника, подобно Петру Великому на берегахъ Прута въ 1711 году.

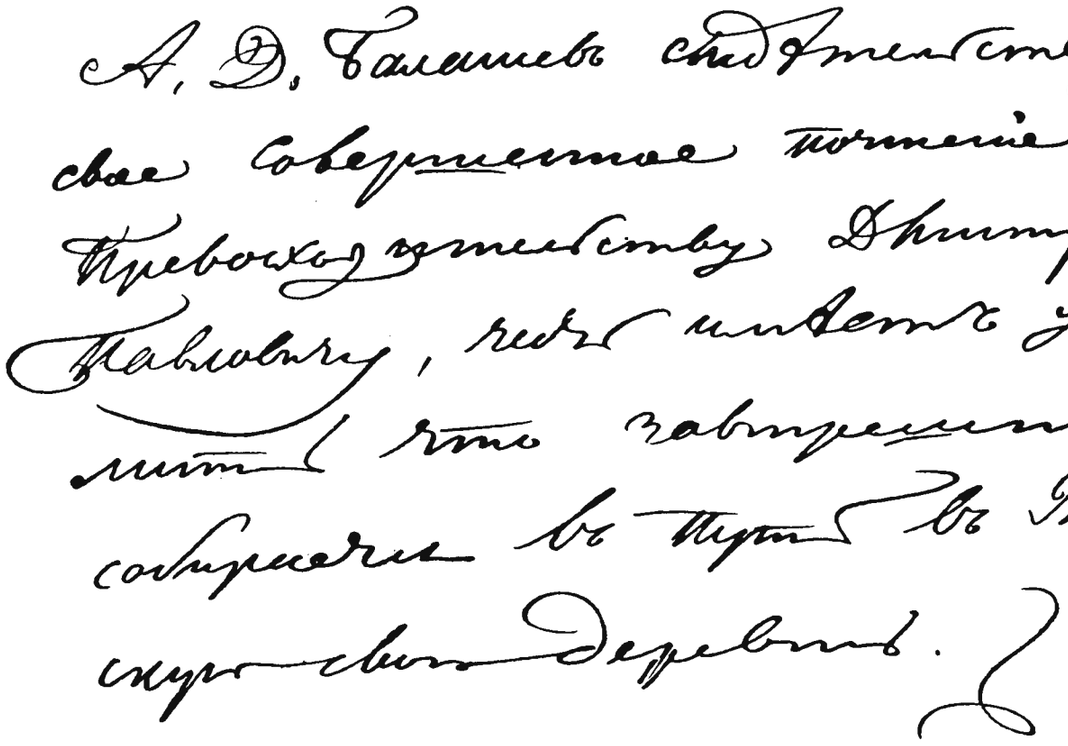
Библиотека "Руниверс"

Позвольте мнѣ покорнѣйше
просить Васше Высокородіе
объявить мое
въ Казанской день, на которой, чаю,
смѣю имѣть честь быть увѣ-
ренъ разговаривать объ
занятіи вашемъ? Я имѣю нѣ-
которую надобность, въ
объясненіи съ вами; нашелся
недавно, нужное для меня рас-
положеніе, какъ удостоивать меня
изволите, прибывая съ глубоко-
почитаніемъ и преданностію

Вашего Высокородія
Покорнѣйшій слуга,
Дмитрій Языковъ.

С.Пб.
27 Декаб.
1834 Года.

Библиотека "Руниверс"



А. Д. Балашев свидетельствует свое совершенное почтение Его Превосходительству Дмитрию Павловичу, коей имеет удовольствие сообщить, что завтрешнего дня отправится в путь в Рязанскую свою деревню.

30. Декабря 1834.

ПИСЬМО Д. П. РУНИЧА А. Д. БАЛАШЕВУ.

Библиотека "Руниверс"

Симеоновскій мостъ въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ литографіи того времени).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Если бы Провидѣніе не предохранило меня отъ подобнаго бѣдствія,— спокойно возразилъ государь,— если бы я имѣлъ несчастіе попасть въ руки моихъ враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многознаменательныя слова сенату моего прапрадѣда: если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо».

Это историческое припоминаніе, столь приличное въ настоящемъ случаѣ, произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ [215].

Рѣшено было, что 8-го (20-го) іюля послѣдуетъ общее наступленіе отъ Енибазара къ Шумлѣ, чтобы рекогносцировать силы противника и занять позицію въ виду его укрѣпленнаго лагеря. Это движеніе привело къ Буланлыкскому сраженію, результатомъ котораго было, что турки въ порядкѣ отступили въ свой укрѣпленный лагерь. Императоръ Николай во время дѣла распоряжался съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло шло о простомъ мирномъ маневрѣ. Очевидцы невольно припомнили Красное Село; сравненіе такъ и напрашивалось [216]. По окончаніи боя, государь объѣхалъ всѣ ряды войскъ, благодарилъ солдатъ и объявилъ, что проведетъ съ ними ночь на бивакѣ.

Занявъ послѣ дѣла 8-го (20-го) іюля высоты передъ Шумлою, русскія войска увидѣли передъ собою вершины минаретовъ города, который еще никогда не былъ занятъ непріятельскою арміей. Знаменитыя шумлинскія линіи тянулись передъ ними въ равнинѣ и поднимались по крутымъ высотамъ, кончаясь у отвѣсныхъ скалъ, замыкавшихъ долину. Нѣсколько выдвинутыхъ турецкихъ укрѣпленій были вооружены сильною артиллеріею, самый же городъ скрывался за плоскими холмами, и только на позади лежащихъ высотахъ виднѣлись зеленыя палатки турецкихъ войскъ.

Шумла почти совершенно не была занята турецкими войсками въ концѣ мая (началѣ іюня), но ко времени появленія передъ крѣпостью русской арміи Гуссейнъ-паша сосредоточилъ здѣсь до 40.000 человѣкъ, которымъ мы могли противопоставить не болѣе 30.000 человѣкъ, въ составѣ 48 баталіоновъ и 36 эскадроновъ. Вотъ къ какой скромной цифрѣ была приведена дѣйствующая противъ Турціи армія, вычитая изъ нея отдѣльные отряды, направленные къ Варнѣ и къ Праводамъ.

При такихъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ началась такъ называемая блокада Шумлы, которая безъ всякаго результата приковала къ себѣ главныя силы русской арміи, принудивъ въ слѣдующемъ году предпринять вторичную кампанію противъ Порты. Для осуществленія блокады остановились на рѣшеніи занять высоты, простирающіяся до Шумлы, и построить здѣсь систему редутовъ, которые могли бы служить другъ

Библиотека "Руниверс"

другу взаимною поддержкою. Въ ночь съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) іюля приступили къ устройству укрѣпленій, которыя лично назначены были государемъ на планѣ. Императоръ Николай самъ сдѣлалъ первый ударъ киркою для рва перваго редута, названнаго «редутомъ Рудзевича». На третій день блокады перенесены были на позицію противъ Шумлы обѣ главныя квартиры.

Вслѣдъ за этимъ первымъ укрѣпленіемъ явилась постепенно цѣлая система редутовъ, числомъ до 27-ми, возведенныхъ въ виду противостоявшихъ имъ непріятельскихъ верковъ. Всѣ эти редуты построены были въ такомъ разстояніи отъ турецкаго лагеря, что подвергались огню крѣпостной артиллеріи, но съ своей стороны, конечно, не могли бороться съ нею успѣшно изъ полевыхъ орудій. Предположено было постепенно придвигать редуты къ высотамъ, и затѣмъ слѣдовало уже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начать противъ нихъ дѣйствовать. Но турки воспрепятствовали исполненію подобнаго предположенія тѣмъ, что сами начали выдвигать отдѣльныя укрѣпленія, въ виду ближайшихъ къ нимъ редутовъ. Сильный артиллерійскій огонь, которымъ хотѣли противодѣйствовать заложенію непріятельскихъ укрѣпленій, не привелъ къ желаемой цѣли. Но этимъ не исчерпывались еще всѣ затрудненія, встрѣченныя русскою арміею въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Шумлы.

Для того, чтобы задуманную въ главной квартирѣ блокаду сдѣлать дѣйствительною, предстояло еще отдѣлить отъ главныхъ силъ большое число самостоятельныхъ отрядовъ, которые не могли быть слабыми, такъ какъ непріятель, благодаря закрытой и пересѣченной мѣстности, могъ скрытно подойти и неожиданно напасть на нихъ въ значительно превосходныхъ силахъ, нисколько не ослабляя себя съ фронта въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Между тѣмъ съ нашей стороны, по отдѣленіи всѣхъ этихъ отрядовъ, необходимо было оставаться еще настолько сильными въ открытомъ полѣ, чтобы противостоять возможному наступленію турокъ. Но, такъ какъ наши облегающія войска были вообще слабѣе непріятеля, котораго предстояло блокировать въ Шумлѣ, то они подвергались опасности быть разбитыми по частямъ.

Но предположивъ, что намъ удалось бы въ самомъ дѣлѣ голодомъ принудить турецкій гарнизонъ къ отступленію, которому отнюдь нельзя было бы воспрепятствовать, благодаря множеству выходовъ изъ этой горной крѣпости и дорогъ, разсѣянныхъ на протяженіи нѣсколькихъ миль,—то обладаніе Шумлою нисколько не поправило бы нашихъ дѣлъ. Дѣйствительно эта крѣпость, обращенная фронтомъ къ сѣверу, требуетъ для своей защиты присутствія сильной арміи, которой графъ Витгенштейнъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи; затѣмъ обладаніе Шумлою вовсе не открывало прохода черезъ Балканы, продовольствіе арміи не было здѣсь нисколько обезпечено, и въ заключеніе все-таки пришлось бы приступить къ покоренію Варны.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вскорѣ стало очевиднымъ, что въ виду пассивнаго образа обороны, усвоеннаго себѣ турками, нельзя разсчитывать и въ будущемъ на какой либо успѣхъ подъ Шумлою. Поэтому вслѣдствіе полной невозможности рѣшить исходъ кампаніи сраженіемъ въ открытомъ полѣ пришлось, въ силу необходимости, подумать о Варнѣ, взятіе которой представляло отнынѣ единственный способъ приличнымъ образомъ закончить походъ 1828 года.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности нашихъ операцій подъ Шумлою; отмѣтимъ только нѣкоторыя черты, относящіяся къ пребыванію и дѣятельности императора Николая въ блокадномъ лагерѣ.

Два раза въ день государь, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и свитою, объѣзжалъ лагерь во всѣхъ направленіяхъ, посѣщалъ аванпосты, осматривалъ укрѣпленія, входилъ въ палатки и разспрашивалъ офицеровъ и солдатъ. Всякій же разъ, какъ изъ Шумлы открывали огонь, онъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ лично являлся на мѣсто дѣйствій, чтобы судить о положеніи дѣлъ. Нерѣдко государь самъ руководилъ дѣйствіемъ артиллеристовъ и вопреки убѣжденіямъ окружавшихъ его лицъ наблюдалъ за непріятельскимъ огнемъ, подвергаясь нерѣдко явной опасности. Турки дѣлали частыя вылазки, съ цѣлью препятствовать нашимъ работамъ, но почти каждый разъ были отражаемы съ уономъ; тѣмъ не менѣе всякое подобное дѣло увеличивало лишь среди нашихъ войскъ число раненыхъ безъ достиженія существенной пользы. Послѣ боя государь лично награждалъ многихъ нижнихъ чиновъ, прикрѣпляя къ груди отличившагося крестъ и поощряя его къ совершенію новыхъ подвиговъ [217].

Пока русская армія безцѣльно расходовала свои силы подъ Шумлою, дѣла подъ Варною оставались въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Наконецъ, къ слабому отряду генерала Ушакова начали подходить привезенные моремъ изъ-подъ Анапы 13-й и 14-й Егерскіе полки, а вмѣстѣ съ тѣмъ явился передъ Варною адмиралъ Грейгъ съ черноморскимъ флотомъ. Князь Меншиковъ, прибывшій въ Каварну 13-го (25-го) іюля, вызванъ былъ государемъ въ главную квартиру и получилъ здѣсь повелѣніе принять начальство надъ отрядомъ, предназначеннымъ для дѣйствій противъ Варны. Сверхъ сего, императоръ Николай принялъ тогда внезапное рѣшеніе оставить блокадныя войска и поѣхать къ Варнѣ для распоряженій относительно осады этой крѣпости, а затѣмъ совершить кратковременную поѣздку въ Одессу моремъ.

Повидимому, императоръ Николай сознавалъ уже въ это время ошибочность воззрѣній, проводимыхъ графомъ Дибичемъ. Дѣйствительно, объясняя въ письмѣ къ цесаревичу побудительныя причины своего отъѣзда изъ-подъ Шумлы, государь называлъ уже Варну ключемъ кампаніи, присовокупляя, что море и прибрежье составляютъ нашу настоящую операціонную базу [218].

Библиотека "Руниверс"

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.
Дворникъ и почталіонъ.
(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ по поводу рѣшенія, принятаго императоромъ Николаемъ, пишетъ:

«Графъ Дибичъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и зашедшій слишкомъ далеко, продолжалъ предсказывать скорое паденіе Шумлы. Всѣ прочіе генералы начинали въ томъ сомнѣваться, и каждый потерянный день все болѣе и болѣе подтверждалъ ихъ печальныя предви-

Библиотека "Руниверс"

дѣнія. Государь, одаренный при всемъ кипучемъ своемъ жарѣ вѣрнымъ сужденіемъ и взглядомъ, вскорѣ самъ убѣдился въ безполезности нашихъ усилій и въ двусмысленности угрожающаго намъ положенія. Онъ призналъ ниже своего достоинства напрасно тратить время передъ неприступною позиціею, тѣмъ болѣе, что высшіе интересы требовали присутствія его на другихъ пунктахъ.

«Государь, еще не видавшій черноморскаго флота, захотѣлъ взглянуть на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать первыя распоряженія къ осадѣ Варны, потомъ отправиться моремъ въ Одессу, съ цѣлью осмотрѣть резервные баталіоны, формировавшіеся тамъ для укомплектованія дѣйствующей арміи, и, наконецъ, посвятить нѣсколько дней дѣламъ государственнаго управленія».

Такимъ образомъ, переломъ, совершившійся во взглядахъ императора Николая Павловича, обезпечилъ до нѣкоторой степени приличный исходъ кампаніи, исправивъ, насколько это было возможно, шумлинскія увлеченія графа Дибича.

Передъ своимъ отъѣздомъ государь назначилъ генералъ-адъютанта Воинова командующимъ всею кавалеріей дѣйствующей арміи, а принца Евгенія Виртембергскаго командиромъ 7-го корпуса. Графъ Дибичъ долженъ былъ остаться въ Шумлѣ и руководить попрежнему графа Витгенштейна.

При выѣздѣ изъ шумлинскаго лагеря, императора Николая сопровождали только великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Бенкендорфъ, графъ Нессельроде, графъ Матусевичъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ Адлербергъ и нѣсколько другихъ лицъ. Дорога въ Варну была далеко не безопасна, пролегая по сильно пересѣченной мѣстности, наполненной турецкими шайками, сильно затруднявшими сообщенія въ тылу арміи своими безпрерывными нападеніями на наши транспорты; тѣмъ не менѣе, Бенкендорфу лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить государя приказать слѣдовать при себѣ для конвоя Сѣверскому конно-егерскому полку, тремъ сотнямъ Атаманскаго полка, двумъ баталіонамъ 19-го Егерскаго полка и Донской батареѣ.

Еще 12-го (24-го) іюля графъ Дибичъ сообщилъ адмиралу Грейгу слѣдующія извѣстія о предстоявшемъ переѣздѣ государя изъ шумлинскаго лагеря къ Варнѣ:

«По прибытіи ввѣреннаго вамъ флота къ крѣпости Варнѣ, его величество намѣренъ прибыть туда для обозрѣнія крѣпости и окружнаго мѣстоположенія, а равно для осмотра флота, вслѣдствіе чего и предоставляетъ вамъ избрать удобное и безопасное мѣсто, гдѣ бы его величество могъ сѣсть на катеръ для пріѣзда на адмиральскій корабль. Сверхъ того, государь императоръ, полагая, что ходъ военныхъ дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствій, можетъ быть, дозволитъ его величеству отбыть на время въ г. Одессу, желаетъ, чтобы ваше высокопревосходительство на сей случай приготовили для сего плаванія одинъ фрегатъ или другое удобное судно и пароходъ, также сдѣлали бы всѣ нужныя распоряженія для нагруженія на сіи суда двухъ колясокъ и другихъ багажей и вещей какъ его величества, такъ и прочихъ лицъ, имѣющихъ сопровождать высочайшую его особу».

16-го (28-го) іюля, адмиралъ Грейгъ отвѣчалъ съ корабля «Парижъ», при мѣстечкѣ Каварнѣ:

«Въ настоящее время нѣтъ другого удобнѣйшаго мѣста для прибытія на флотъ государя императора, какъ Каварна; когда же назначенное для осады Варны войско подойдетъ къ сей крѣпости и расположится такимъ образомъ, что однимъ изъ фланговъ будетъ примыкать къ берегу моря, тогда не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству въ семъ мѣстѣ сѣсть на флотъ, со стороны котораго и будетъ устроена тамъ надежная пристань. Заливъ Саганлыкъ кажется мнѣ удобнѣйшимъ пунктомъ для таковой пристани».

Вотъ при какой неопредѣленной, къ тому же и не безопасной, обстановкѣ предстояло императору Николаю совершить переѣздъ къ крѣпости Варнѣ.

III.

21-го іюля (2-го августа), около девяти часовъ утра, императоръ Николай оставилъ шумлинскій лагерь въ сопровожденіи назначеннаго для сего конвоя, направляясь по той самой дорогѣ, по которой слѣдовалъ съ войсками двѣ недѣли тому назадъ. По распоряженію генералъ-адъютанта Бенкендорфа, оба баталіона пѣхоты выступили еще наканунѣ, съ приказаніемъ остановиться на половинѣ дороги, между Шумлою и Козлуджи, для наблюденія за этою наиболѣе опасною частью мѣстности, равно какъ для того, чтобы не слишкомъ ихъ утомить переходомъ заразъ слишкомъ въ 35 верстъ. Прибывъ благополучно въ Енибазаръ, государь, не останавливаясь, продолжалъ путь, желая скорѣе достигнуть конечной цѣли переѣзда.

Императоръ, казалось, не подозрѣвалъ опасностей, ему грозившихъ, и даже настолько увѣренъ былъ въ своей безопасности, что лично приказалъ Конно-Егерскому полку и конной батареѣ воротиться въ лагерь подъ Шумлу. «Зачѣмъ напрасно утомлять людей?— сказалъ Николай Павловичъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу:— они будутъ полезнѣе въ лагерѣ, нежели здѣсь. На насъ не нападутъ, а въ случаѣ надобности мы сумѣемъ отбиться».

Къ счастію, приказаніе, данное государемъ, не успѣли привести еще въ исполненіе, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что

Библиотека "Руниверс"

дорога преграждена отрядомъ турецкой кавалеріи. Бенкендорфу повелѣно было немедленно воротить конныхъ егерей, которые по приказанію государя уже остались въ тылу: отрядъ построился въ боевой порядокъ, и турки, увидѣвъ нашу готовность къ бою, отступили къ окрестнымъ горамъ и скрылись въ лѣсу. Послѣ случившейся тревоги уже не помышляли болѣе объ отсылкѣ въ Шумлу артиллеріи и конныхъ егерей; императоръ наконецъ убѣдился, что путешествіе его сопряжено было съ дѣйствительною опасностью. «Я придерживалъ при себѣ весь конвой», написалъ императоръ Николай графу Дибичу [219]. Государь продолжалъ затѣмъ безпрепятственно путь до Туркъ-Арнаутлара, гдѣ стояла бивуаками высланная впередъ пѣхота; отобѣдавъ и отдохнувъ здѣсь, Николай Павловичъ двинулся далѣе на Козлуджу.

Дорога шла по мѣстности, перерѣзанной горами, лѣсами, и представляла собою непривлекательный видъ, внушая справедливыя опасенія насчетъ благополучнаго исхода дальнѣйшаго переѣзда въ Варну; она была покрыта гніющими трупами животныхъ, заражавшими воздухъ, потому что волы и обозныя лошади издыхали отъ жажды и изнуренія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были покидаемы своими погонщиками. Кое-гдѣ попадались обломки экипажей и остатки обозовъ, разграбленныхъ или сожженныхъ непріятелемъ.

«Отвѣтственность въ безопасности государя лежала преимущественно на мнѣ, въ качествѣ командующаго главной его квартирой, — пишетъ Бенкендорфъ.—Меня невольно обнималъ ужасъ при мысли о слабости защиты, окружавшей владыку могущественной Россіи: вся наша сила состояла изъ 700 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы, и съ этою горстью людей мы шли по пересѣченному горами и рѣчками краю, гдѣ предпріимчивый непріятель, имѣвшій еще на своей сторонѣ и ревностную помощь жителей, могъ напасть на насъ и одолѣть, благодаря численному перевѣсу. Я взялъ всѣ возможныя въ нашемъ положеніи мѣры предосторожности, но сердце мое сильно билось».

Вечеромъ, довольно поздно, государь прибылъ въ Козлуджу; отрядъ расположился лагеремъ близъ плохого редута, которымъ прикрывался находившійся тамъ казачій этапъ. Едва успѣли составить ружья въ козлы, какъ въ долинѣ послышались крики и ружейные выстрѣлы. Казакъ явился просить помощи для обоза съ провіантомъ, на который напали турки позади нашей позиціи. Государь тотчасъ выслалъ пѣхоту на помощь, но, когда люди подоспѣли къ мѣсту боя, турки успѣли уже скрыться, убивъ нѣсколько погонщиковъ и уведя съ собою воловъ. Императоръ провелъ ночь въ солдатской палаткѣ.

Въ тотъ же вечеръ прибылъ курьеръ съ донесеніями отъ князя Меншикова, извѣщавшаго государя, что онъ вступилъ въ командованіе отрядомъ генерала Ушакова, расположеннаго близъ Варны, и тотчасъ

Библиотека "Руниверс"

Благодарю, любезнѣйшій Дмитрій
Ивановичъ, за дружескія ваши услуги.
Вчера въ вечеру очень нѣкто приѣзжіе.
Средствъ мнѣ отказать по почтѣ;
а лично довѣрить меня К. ал: нѣк:
увѣдомилъ, что Государь приказалъ
Сурѣеву сегодня до полудня указъ
отпечатать, которую я прошлъ.
– Я думаю, что онъ будетъ сіе
тѣмъ скорѣе исполнить сообщено.

ПИСЬМО М. Л. МАГНИЦКАГО Д. П. РУНИЧУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Мастеровые.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

по прибытіи послалъ одинъ баталіонъ, для открытія сообщенія съ Каварною и высадившеюся здѣсь егерскою бригадой, прибывшей изъ-подъ Анапы съ черноморскимъ флотомъ. Въ письмѣ къ государю князь Меншиковъ предупреждалъ, что для обезпеченія его переѣзда необходимъ сильный конвой, такъ какъ мѣстность переполнена разбойниками; по мнѣнію князя, слѣдовало очистить окрестности Козлуджи [220].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ночь прошла безъ всякой тревоги. 22-е іюля государь провелъ въ лагерѣ, расположенномъ при Козлуджѣ; рѣшено было ожидать дальнѣйшія извѣстія изъ отряда князя Меншикова. Императоръ Николай отпраздновалъ въ Козлуджѣ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны. За неимѣніемъ священника нельзя было даже отслужить молебенъ; все празднество ограничилось тѣмъ, что государь произвелъ смотръ войскамъ своего конвоя и казакамъ, составлявшимъ гарнизонъ Козлуджи, одарилъ ихъ деньгами, приказалъ раздать чарку вина и за скромной трапезой провозгласилъ здоровье императрицы-матери.

«Тутъ, подъ солдатскими палатками, — пишетъ Бенкендорфъ, — мы провели 22-е іюля, столько лѣтъ ознаменованное блестящимъ петергофскимъ праздникомъ. Этотъ контрастъ крайне поразилъ и государя, и всѣхъ насъ, и навѣялъ на наше общество невыразимую грусть».

Императоръ объявилъ, что завтра, 23-го іюля, онъ намѣренъ во всякомъ случаѣ продолжать движеніе къ Варнѣ. Въ виду подобнаго рѣшенія Бенкендорфъ еще до разсвѣта отрядилъ двѣ егерскія роты для занятія дороги, по которой предстояло слѣдовать государю. Едва замерцала утренняя заря, Николай Павловичъ сѣлъ на коня и хотѣлъ ѣхать во главѣ находившихся при немъ войскъ, но, уступая убѣдительнымъ просьбамъ всей его свиты, согласился занять мѣсто между авангардомъ и пѣхотою прикрытія. Къ счастію, государь былъ въ шинели, скрывавшей генеральскій мундиръ, и потому не отличался отъ лицъ свиты, спѣшившихъ сплотиться вокругъ него. При выходѣ изъ Козлуджинской долины путь пролегалъ черезъ густой лѣсъ, въ которомъ каждая трущоба могла служить засадою для непріятеля. Лѣсъ проѣхали благополучно, но едва конные егеря, замыкавшіе шествіе, вышли изъ него, какъ изъ опушки лѣса раздался выстрѣлъ, ранившій одного изъ егерей; виновника выстрѣла не удалось найти.

Во время дальнѣйшаго движенія не произошло болѣе никакихъ приключеній, и послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды достигли наконецъ открытой возвышенности, съ которой виднѣлся вдали Варнскій заливъ, городъ и русскій флотъ. «Видъ этотъ былъ столько же великолѣпенъ, сколько для насъ радостенъ»,—замѣчаетъ Бенкендорфъ. До отряда князя Меншикова оставалось еще полъ-дня ѣзды; зной становился невыносимымъ; люди и лошади были до крайности утомлены. Поэтому остановились у небольшого редута, занятаго казачьимъ постомъ. Ночью получили извѣстіе, что князь Меншиковъ 22-го іюля сбилъ турокъ съ позиціи, занятой ими на высотахъ къ сѣверу-востоку отъ Варны.

Въ пятомъ часу утра государь двинулся въ путь и къ девяти часамъ 24-го іюля (5-го августа) прибылъ на высоты, господствовавшія надъ Варною и занятыя отрядомъ князя Меншикова. У ногъ этой позиціи разстилался городъ, окруженный укрѣпленіями; можно было раз-

Библиотека "Руниверс"

смотрѣть башни, валы, бастіоны, равно какъ орудія и ружья, сверкавшія на солнцѣ; минареты мечетей, закрытые дома и казавшіяся опустѣлыми улицы, по которымъ двигались одни солдаты. Повсюду замѣчались слѣды правильной, безмолвной дѣятельности, соотвѣтствовавшей осадному положенію города.

При въѣздѣ въ лагерь императоръ Николай былъ встрѣченъ княземъ Меншиковымъ. Осмотрѣвъ съ позиціи въ зрительную трубу Варну, государь объѣхалъ всѣ войска отряда, благодарилъ 13-й и 14-й егерскіе полки за славные ихъ подвиги подъ Анапою и обсудилъ съ княземъ Меншиковымъ планъ предстоявшей осады Варны [221]. Затѣмъ, позавтракавъ у начальствующаго осадой, императоръ Николай направился къ мѣсту, избранному для переѣзда на корабль. Пристань была устроена у греческаго монастыря св. Константина, въ девяти верстахъ отъ крѣпости, въ заливѣ Саганлыкѣ. Дорога къ берегу шла по крутымъ и поросшимъ лѣсомъ скатамъ; въ маленькой бухтѣ путешественниковъ поджидала шлюпка съ матросами гвардейскаго экипажа. Выѣхавъ изъ бухты, государь пересѣлъ на пароходъ «Метеоръ», который подвезъ его къ флоту, стоявшему на варнскомъ рейдѣ. На кораблѣ «Парижъ» адмиралъ Грейгъ встрѣтилъ монарха съ рапортомъ; съ палубы корабля открывался видъ на всю крѣпость, можно было даже пересчитать амбразуры въ ея стѣнахъ. Черноморскій флотъ, состоявшій изъ восьми линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ и семи меньшаго размѣра судовъ (не считая транспортныхъ судовъ), величественно рисовался въ виду минаретовъ и пушекъ грозной, какъ ее величаетъ Бенкендорфъ, Варны. Осмотрѣвъ корабль и отобѣдавъ у адмирала, императоръ Николай переѣхалъ на фрегатъ «Флора», который въ семь часовъ снялся съ якоря для слѣдованія въ Одессу. Когда поднятъ былъ на фрегатѣ императорскій штандартъ, произведенъ былъ салютъ со всѣхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Погода была безподобная; умѣренный попутный вѣтеръ предвѣщалъ спокойное и благопріятное плаваніе. По свидѣтельству Бенкендорфа, переѣздъ совершенно походилъ на увеселительную прогулку [222].

Императоръ Николай оставилъ въ распоряженіе князя Меншикова конвой, съ которымъ прибылъ къ Варнѣ изъ Шумлинскаго лагеря; въ виду того, что князь Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только съ небольшимъ 4.000 штыковъ, и это незначительное подкрѣпленіе представляло для осаждающаго существенную поддержку.

Неожиданный отъѣздъ императора Николая изъ лагеря подъ Шумлою далъ англійской, французской и нѣмецкой печати желанный поводъ къ распространенію самыхъ лживыхъ и фантастическихъ догадокъ. Не было предѣла разнымъ нелѣпостямъ, усердно измышляемымъ въ то время составителями газетныхъ статей. По всей Европѣ разнесся слухъ, будто императоръ Николай, самъ осажденный въ своемъ лагерѣ голодомъ и

Библиотека "Руниверс"

чумою, не хотѣлъ снять внезапно осаду Шумлы, но передъ отъѣздомъ приказалъ отвести къ берегамъ Прута остатки арміи, почти истребленной непріятельскимъ мечомъ и лишеніями, связанными съ продолжительнымъ походомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на то, что только новая кампанія можетъ рѣшить участь борьбы, завязавшейся между Россіею и Портою, и утверждали, что при посредничествѣ Австріи и Англіи заключено уже перемиріе между обѣими воюющими имперіями.

Теперь вполнѣ обрисовалось то пагубное вліяніе, которое оказало направленіе, данное главнымъ силамъ русской арміи при движеніи ихъ къ Шумлѣ, въ ущербъ своевременному занятію Варны. Ошибочный планъ привелъ къ тому, что рѣшеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ затянулось на неопредѣленное время, а недоброжелателямъ Россіи представилось обширное поле для затѣянныхъ ими интригъ и дипломатическихъ козней. Во всякомъ случаѣ, благодаря безполезной тратѣ людей и времени подъ Шумлою, въ соединеніи съ недостаточными силами, двинутыми черезъ Прутъ, утрачивалась всякая возможность помышлять о перенесеніи въ 1828 году войны за Балканы. Неизбѣжность новой кампаніи въ слѣдующемъ году становилась очевидною даже для лицъ, не посвященныхъ въ тайны военнаго искусства; она являлась единственнымъ средствомъ, чтобы рѣшить нашу распрю съ блистательной Портою сообразно съ достоинствомъ Россіи.

Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу императоръ Николай замѣтилъ:

«Все, что касается этой кампаніи, представляется мнѣ неяснымъ, и я рѣшительно не могу высказать что либо опредѣленное относительно нашего будущаго... я надѣюсь, что милостивый Господь поможетъ намъ выпутаться изъ нея, какъ онъ помогалъ намъ въ несравненно болѣе трудныхъ обстоятельствахъ» [223].

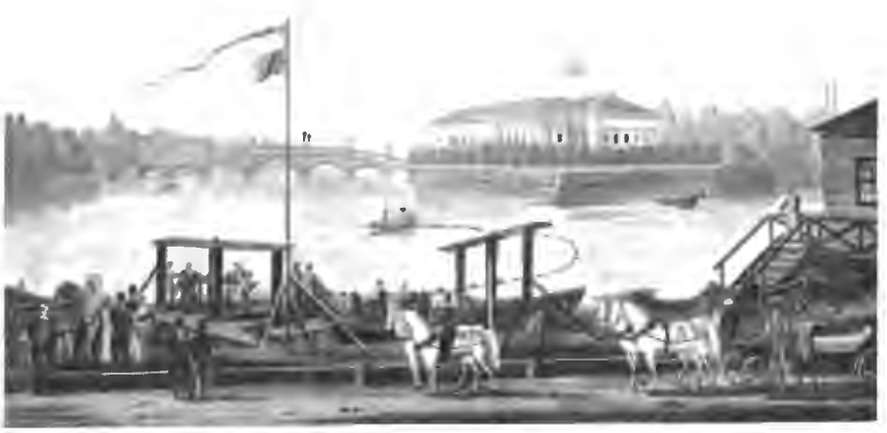
IV.

27-го іюля (8-го августа) князь Волконскій изъ оконъ хутора Рено, занимаемаго императрицею Александрою Ѳеодоровною близъ Одессы, услышалъ салютъ фрегата, бросившаго якорь противъ этой дачи. Смотря въ подзорную трубу, князь узналъ на палубѣ государя. Вскорѣ къ бебегу причалилъ катеръ, въ которомъ находился Николай Павловичъ; навстрѣчу ему выбѣжали императрица и великая княжна Марія Николаевна [224].

«Государь съ обычною своею дѣятельностію, — пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,— умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осмотрѣлъ резервные баталіоны и городскія заведенія и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ, желая взгля-

Библиотека "Руниверс"

нуть на морскія учрежденія въ Николаевѣ, онъ отправился туда вмѣстѣ съ императрицею на корветѣ, который былъ буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія (13-го августа) пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ, пролетѣвшимъ между его ногъ [225]. Надо было тотчасъ озаботиться его замѣщеніемъ. Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ варнскимъ отрядомъ графу Михаилу Семеновичу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибы-



Посѣщеніе императорскимъ семействомъ тоней противъ Каменнаго острова въ Петербургѣ.

(Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова).

тіемъ его туда моремъ. Воронцовъ съ радостію принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ» [226].

Государь выѣхалъ обратно изъ Николаева 15-го августа и прибылъ въ Одессу, послѣ сильной качки, къ утру 17-го августа.

Пока императоръ Николай находился въ Одессѣ, онъ получилъ крайне неблагопріятныя извѣстія о ходѣ нашихъ дѣлъ подъ Шумлою.

Хотя послѣ отъѣзда государя изъ-подъ Шумлы въ главной квартирѣ должны были наконецъ признать критическое положеніе, въ которомъ находилась армія, благодаря избранному плану дѣйствія, но случилось обратное: поставивъ себя разъ въ ложное положеніе, направивъ главныя силы къ Шумлѣ, стали предаваться надеждѣ достигнуть луч-

Библиотека "Руниверс"

шаго результата дальнѣйшимъ еще развитіемъ принятой разъ ошибочной системы. Разсчитывали на нравственное превосходство собственныхъ войскъ и на неспособность непріятельскихъ полководцевъ. Послѣднее соображеніе дѣйствительно не было лишено основанія, но только до извѣстнаго предѣла. Безспорно, что Гуссейнъ-паша бездѣйствовалъ, но зато, пользуясь выгодами своего положенія, онъ спокойно смотрѣлъ съ своихъ тѣнистыхъ, лѣсистыхъ высотъ, какъ русскіе среди безводной, безлѣсной равнины, подъ палящимъ зноемъ солнца, старались цѣною невѣроятныхъ усилій и лишеній уничтожить у турокъ источники ихъ изобилія и безопасности. Съ 17-го (29-го) августа мы осуждены были быть пассивными зрителями торжества нашего противника; видно было, какъ длинные ряды верблюдовъ, навьюченныхъ продовольственными припасами, входили въ Шумлу по освободившейся дорогѣ, черезъ Эски-Стамбулъ и Кіостешъ.

Графъ Дибичъ заболѣлъ, а состояніе духа фельдмаршала также не вселяло къ себѣ довѣрія. Киселевъ писалъ 2-го (14-го) августа князю Меншикову: «Le vieux est affaissé par l'âge, la chaleur et les conseils de toutes nos vieilles ganaches». За всѣхъ бодрствовалъ генералъ-адъютантъ Киселевъ; онъ сочинилъ 25-го іюля (6-го августа) записку объ измѣненіи образа дѣйствій противъ Шумлы.

Мнѣніе его существенно заключалось въ томъ, что для возможно полнаго стѣсненія Шумлы слѣдуетъ занять долину Буюкъ-Камчика и стать твердою ногой на главномъ сообщеніи турокъ съ Константинополемъ черезъ Эски-Стамбулъ. Киселевъ полагалъ, что постояннымъ наблюденіемъ и изысканіемъ удобопроходимыхъ дорогъ на высоты въ тылъ Шумлы представится наконецъ возможность утвердиться на хребтѣ горъ и тѣмъ еще болѣе стѣснить укрѣпленный турецкій лагерь, «а, можетъ быть, съ помощью Божіею и занять оный» [227]. Главнокомандующій рѣшился выполнить этотъ планъ, насколько позволяли ограниченныя средства, находившіяся въ его распоряженіи. Донося государю о своихъ распоряженіяхъ 29-го іюля (9-го августа), графъ Витгенштейнъ присовокупилъ, что «мѣра сія, вынужденная обстоятельствами и желаніемъ дать хотя нѣкоторой части арміи наступательное дѣйствіе, не завѣряетъ однакожъ въ успѣхѣ главной цѣли, которая можетъ быть достигнута только усиленіемъ войскъ подъ Шумлою».

Обезпокоенный наступательными намѣреніями русскихъ войскъ и неприбытіемъ транспортовъ, Гуссейнъ-паша наконецъ встрепенулся и рѣшился положить предѣлъ осуществленію нашихъ намѣреній; онъ атаковалъ 14-го (26-го) августа оба фланга нашего расположенія, что̀ привело къ бою при Стражѣ-Марашѣ, едва не сопровождавшемуся гибелью отрядовъ принца Евгенія Виртембергскаго. Казалось, что турки поняли наконецъ затруднительность положенія русской арміи, но затѣмъ Гус-

Библиотека "Руниверс"

сейнъ-паша впалъ въ прежнее бездѣйствіе, опасаясь, повидимому, что малѣйшее неосторожное движеніе сорветъ лавры съ его чела, которыми увѣнчали полководца собственное бездѣйствіе и счастіе. Что же касается графа Витгенштейна, то ему оставалось только обратиться къ спасительной мѣрѣ — постепенно очищать позиціи, занятыя имъ въ тылу турокъ, и бросать одно укрѣпленіе за другимъ, сосредоточиваясь передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря.

По мѣрѣ ухудшенія положенія дѣлъ подъ Шумлою, становилось все важнѣе рѣшеніе относительно направленія, которое дано будетъ приближавшейся къ Дунаю гвардіи. Повидимому, императоръ Николай не сразу пришелъ къ рѣшенію двинуть гвардію къ Варнѣ. Шумла продолжала попрежнему привлекать вниманіе его; не разъ являлась мысль двинуть гвардію къ этому роковому пункту, «pour ne pas laisser une verrue pareille à notre dos», какъ выражался государь въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу [228].

Извѣстіе о дѣлахъ 14-го августа подъ Шумлою рѣшило вопросъ о будущемъ назначеніи гвардіи; донесеніе застало еще государя въ Одессѣ и вызвало съ его стороны противъ фельдмаршала сильнѣйшій гнѣвъ, который выразился полностію въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября):

«Ивеличъ только что прибылъ, — пишетъ императоръ Николай, — и я не знаю, что сказать вамъ, любезный другъ, именно больше ли я возмущаюсь или опечаленъ тѣмъ, что у васъ произошло. Мнѣ кажется, что со времени моего отъѣзда и вашей болѣзни все заснуло и идетъ наперекоръ здравому смыслу. Дѣло 14-го, не знаю, какъ и назвать, и вы можете сказать отъ меня фельдмаршалу, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ, командуя русскою арміей, допустилъ турокъ у себя подъ носомъ занимать русскій редутъ цѣлые 12 часовъ. Потеря орудій еще болѣе похвальна; вотъ уже восемь въ рукахъ турокъ, и что же сдѣлано съ того времени, какъ стоятъ подъ Шумлою? Такъ ли должно исполнять мои положительныя приказанія? Узнавъ изъ вашего послѣдняго донесенія, что турки разрушили деревню Стражу, я тотчасъ сталъ опасаться, что они намѣрены построить тамъ новую батарею, или редутъ, либо атаковать насъ въ этомъ пунктѣ; какимъ образомъ никто у васъ не догадался о томъ? Очищеніе Эски-Стамбула также прекрасное дѣло! Ну, что же дѣлаетъ вся собранная у васъ несмѣтная артиллерія; развѣ она существуетъ для того, чтобы переморить съ голода лошадей, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла? Наконецъ, что же думаетъ фельдмаршалъ, если онъ думаетъ! (Enfin qu'est ce que le maréchal pense donc, s'il pense)! Все это плачевно и скверно. Меня всего болѣе озабочиваетъ рапортъ Абакумова; все можетъ поправиться, но ежели намъ нечѣмъ кормить армію, то что же остается дѣлать, какъ не уда-

Библиотека "Руниверс"

литься какъ можно скорѣе: прекрасный результатъ послѣ столькихъ пожертвованій!

«Уполномочиваю васъ исполнить предложенный вамъ планъ дѣйствій. Приказываю, однако, чтобы фельдмаршалъ остался съ своимъ штабомъ при корпусѣ, который расположенъ будетъ у Енибазара. Я обойдусь безъ него въ Варнѣ; вамъ слѣдуетъ присоединиться ко мнѣ съ остальною частію 3-го корпуса и 20-мъ Егерскимъ полкомъ, оставя конно-егерскую дивизію въ Козлуджѣ, въ видѣ общаго резерва, для прикрытія нашихъ сообщеній, равно какъ для поддержанія фельдмаршала или же Мадатова, если бы его оттѣснили, либо же насъ, если въ томъ окажется надобность. Я отправляюсь сегодня послѣ обѣда. Баталіоны, назначенные на укомплектованіе 3-го корпуса, должны уже подойти къ вамъ по маршруту, присланному ко мнѣ Виттомъ .... я двину гвардію, чтобы она прибыла къ Варнѣ 29-го. Постарайтесь эвакупровать больныхъ и раненыхъ на Варну или Каварну; надѣюсь также, что вы подумали обезпечить артиллерію, которую вы отсылаете. Необходимо обезпечить также дорогу на Силистрію и во всякомъ случаѣ предупредить Рота, чтобы онъ былъ остороженъ .... Все это для меня крайне прискорбно, и, право, не знаю, какъ намъ удастся выйти изъ такого положенія. Сдѣлайте гласнымъ, что я очень недоволенъ начальниками, и что ихъ однихъ виню во всемъ..... Я подписалъ манифестъ о наборѣ четырехъ съ 500..... Вы пишете мнѣ, что вы приступите къ дѣйствію не прежде, какъ въ то время, когда я по прибытіи въ Варну найду это нужнымъ; но я предпочитаю развязать вамъ руки, чтобы вы могли предупредить событія, и не оставить васъ въ неизвѣстности о томъ, что вамъ слѣдуетъ предпринимать. И такъ, если по прибытіи графа Воронцова онъ признаетъ, что, по присоединеніи гвардіи, можно совершенно обложить крѣпость и надѣяться овладѣть ею вскорѣ, а вы не признаете опаснымъ стоять подъ Шумлою и будете имѣть продовольствіе, то оставайтесь тамъ. Въ противномъ же случаѣ, дѣйствуйте по предложенному плану, но, ради Бога, спасайте больныхъ и раненыхъ, а также артиллерію. Если вы останетесь подъ Шумлою, то необходимо поднять духъ войска какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ. Не разъ предполагали овладѣть редутомъ близъ Мараша, нельзя ли будетъ предпринять это дѣло? Если вы отойдете отъ Шумлы, то, по всей вѣроятности, васъ будутъ преслѣдовать; можетъ даже случиться, что сдѣлаютъ это неосторожно, и представится возможнымъ воспользоваться подобнымъ обстоятельствомъ. Какъ только мы будемъ находиться въ открытомъ полѣ, то, располагая многочисленною артиллеріею и прекрасною нашей пѣхотою, окажется возможнымъ разбить непріятеля. Подумайте о томъ хорошенько, и да поможетъ вамъ Богъ» [229].

По полученіи графомъ Дибичемъ приведеннаго здѣсь письма, фельдмаршалъ былъ сильно огорченъ, узнавъ, что онъ имѣлъ несчастіе навлечь

Библиотека "Руниверс"

Sire.

Privé du bonheur le plus inappréciable à
mon coeur — celui de combattre sous Vos yeux et
de donner à Votre Majesté Impériale de nouvelles
preuves de dévouement sur le champ de bataille;
qu'il me soit permis du moins, de porter à Vos
pieds, Sire, mes félicitations et mes voeux
ardents, à l'occasion du 25. Juin!

Je n'ai point profité jusqu'à ce moment,
de la permission que Votre Majesté a daigné
m'accorder de lui écrire, parceque l'état satis-
faisant de la marche des affaires et l'esprit
calme et tranquille de Pétersbourg, ne m'ont point
fourni de sujet assez intéressant pour être

Библиотека "Руниверс"

porté à sa connoissance. Tout ce que je puis dire à ce sujet, c'est que tous et chacun en particulier, pénétrés du sentiment de leur devoir et de l'esprit de Votre Majesté, travaillent avec accord et confiance et redoublent de zèle, pour continuer l'activité et l'énergie, que Votre Majesté Impériale a su imprimer à l'expédition des affaires.

On est ivre de joie ici, de l'heureux début de la campagne et du brillant passage du Danube; les sentimens d'attachement à Votre Personne, Sire, et de l'honneur national se développent de la manière la plus honorable: toutes les pensées et tous les vœux Vous accompagnent et l'on se croit en droit de tout attendre des glorieux travaux de Votre Majesté et de sa brave armée. — Il n'y a que la contenance des étrangers qui contraste singulièrement avec la joie générale; ils paroissent effrayés et jaloux du succès qui accompagne toutes les entreprises de Votre Majesté et de l'unanimité des vœux et des pensées, qu'ils voyent régner ici.

Après Vous avoir porté, Sire, le plus grand sacrifice de ma vie, je ferai tout ce qui sera humainement possible, pour me rendre digne de Votre confiance dans la pénible sphère d'activité où il Vous a plu de me placer

Je suis avec le plus profond respect

Sire.

de Votre Majesté Impériale

le sujet le plus dévoué

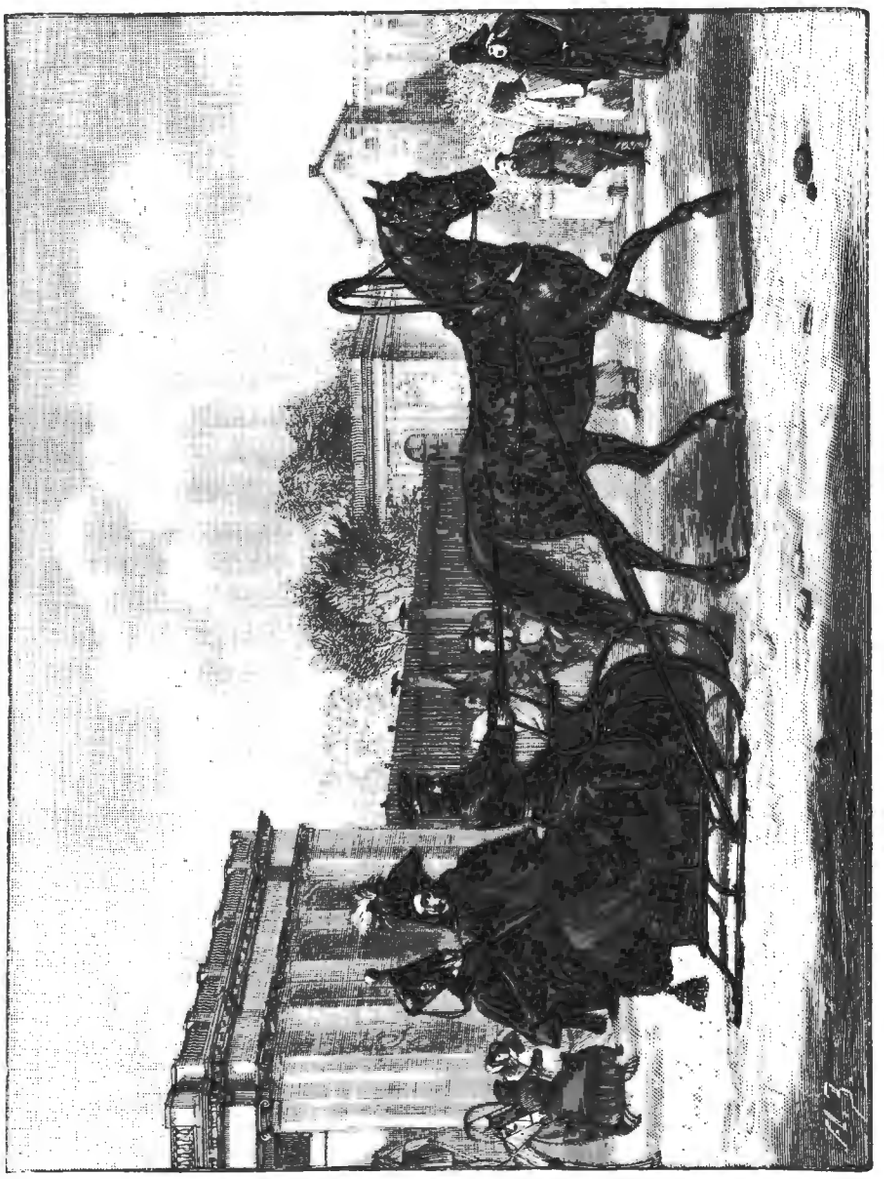
C.te A. Czernichett

13. Juin 1828.

ПИСЬМО А. И. ЧЕРНЫШЕВА ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ.

Библиотека "Руниверс"

на себя неудовольствіе и гнѣвъ государя за дѣло 14-го августа подъ Шумлою. Стараясь оправдать себя въ письмѣ отъ 27-го августа (8-го сентября) къ императору Николаю, главнокомандующій между прочимъ замѣтилъ, что онъ ни одного шагу не предпринималъ безъ совѣщанія



Императоръ Николай Павловичъ и герцогъ Лейхтенбергскій.
(Съ литографіи того времени).

съ графомъ Дибичемъ, и въ заключеніе сказалъ: «Объяснивъ истину сего дѣла, я долженъ откровенно признаться предъ вами, государь, что на важномъ посту, мною занимаемомъ, должно имѣть неусыпную дѣятельность, которая, чувствую, къ несчастью, во мнѣ чрезвычайно осла-

Библиотека "Руниверс"

билась, какъ отъ старости, такъ и отъ нѣсколькихъ рецидивовъ здѣшней лихорадки, которая произвела во мнѣ чрезвычайную слабость, а для того осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить ваше императорское величество, дабы не подвергнуть себя чрезъ какое либо упущеніе гнѣву вашего императорскаго величества, за что долженъ бы былъ дѣлать себѣ упреки до конца жизни моей, уволить меня отъ столь важнаго дѣла» [230].

Въ отвѣтъ на это заявленіе главнокомандующаго государь выразилъ желаніе, чтобы фельдмаршалъ остался на своемъ посту до конца кампаніи.

Хотя извѣстія, полученныя изъ-подъ Шумлы, были весьма прискорбнаго свойства, но неудачи 14-го августа несомнѣнно благопріятно повліяли на послѣдующія рѣшенія. Отнынѣ рѣшено было обратить главныя усилія противъ Варны и двинуть туда для поддержанія осаждавшихъ ее войскъ гвардію. Шумлинскій кошмаръ наконецъ кончился [231].

21-го августа (2-го сентября), послѣ обѣда, императоръ Николай отправился изъ Одессы на фрегатѣ «Флора» въ Варну [232]. Сначала благопріятный вѣтеръ позволялъ разсчитывать на благополучный исходъ плаванія, но къ утру вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, перешелъ въ бурю. «Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—насъ относило назадъ, и никакое лавированіе не приносило пользы. Капитанъ предсказывалъ, что такой же вѣтеръ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, и предлагалъ въ избѣжаніе несчастія воротиться въ Одессу. Государь, нетерпѣливо желавшій поскорѣе быть въ Варнѣ, принялъ рѣшеніе ѣхать туда сухимъ путемъ и повелѣлъ повернуть назадъ, къ Одессѣ. Вѣтеръ стремительно несъ насъ къ городу, такъ что не было почти возможности держаться на всѣхъ парусахъ. Еще очень далеко отъ цѣли насъ застигла страшная темь; буря все болѣе и болѣе разыгрывалась; къ ней присоединилась гроза, и только при блескѣ молніи мы иногда могли видѣть берегъ. Маякъ, на который мы должны были держать курсъ, по непростительной небрежности не горѣлъ; мы нашлись вынужденными дѣлать ночные сигналы брандвахтѣ, которая вскорѣ стала намъ на нихъ отвѣчать. Одесскіе огни и дома, освѣщенные молніею, служили намъ дальнѣйшимъ указаніемъ, и около полуночи фрегатъ бросилъ якорь.

«Государь сошелъ въ шлюпку, и насъ повезли къ берегу. Погода была самая ужасная; мы высадились въ совершенной темнотѣ; не встрѣчая ни души, побрели по липкой грязи къ дому графа Воронцова. У входа туда я разстался съ государемъ и пошелъ на квартиру князя Волконскаго, который страшно перепугался, увидѣвъ меня вдругъ у своей кровати, когда считалъ насъ въ морѣ и ближе къ Варнѣ, чѣмъ къ Одессѣ. Императрица и весь городъ не меньше были удивлены этимъ неожиданнымъ возвращеніемъ.

Библиотека "Руниверс"

«Я немедленно занялся всѣми распоряженіями къ сухопутной поѣздкѣ и послѣ обѣда 23-го августа (4-го сентября) уже мчался съ государемъ въ колискѣ[233]. Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся государева свита. Прочіе остались на фрегатѣ, которому велѣно было снова итти къ Варнѣ, какъ только позволитъ вѣтеръ.

«24-го августа (5-го сентября), мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ длинную плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся при первой нашей переправѣ громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубочайшее безмолвіе. По ту сторону Дуная намъ пришлось довольно долго ждать лошадей. Дороги были совершенно испорчены; большой лѣсъ, которымъ должно было проѣзжать, славился разбойничьимъ притономъ: насъ конвоировали всего четыре казака на дрянныхъ лошаденкахъ. Выѣхавъ оттуда на открытое мѣсто, мы встрѣтили множество болгаръ, которые, спасаясь отъ хищничества турокъ, блуждали по краю съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имуществомъ. Подобно имъ, могли тутъ шататься и турецкія партіи; самые эти болгары и особенно некрасовцы, воры по ремеслу, могли напасть на нашу коляску. Государь, незнакомый со страхомъ, спокойно въ ней спалъ, или велъ со мною живую бесѣду, какъ бы на переѣздѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. Мнѣ же было вовсе не до сна и не до разговоровъ[234]. Въ Бабадагѣ государь подробно осмотрѣлъ находившійся тамъ небольшой госпиталь; почти всѣ врачи лежали больные; смертность уже причиняла такія опустошенія, отъ которыхъ отцовское его сердце обливалось кровью.

«Отсюда на клячахъ и съ ничтожнымъ конвоемъ отправились въ Кюстенджи. На пути къ этой крѣпости насъ застигла ночь. По скверной и почти непроложенной дорогѣ надо было волочиться чуть-чуть не шагомъ. Мѣстами огни просвѣчивали сквозь мракъ, но чьи — свои или непріятельскіе? Наконецъ, по правильному ихъ расположенію мы догадались, что тутъ стоятъ наши войска, и вскорѣ признали палатки и оклики нашихъ. Мы очутились среди лагеря гвардейской легкой кавалерійской дивизіи. Государя узнали по голосу, и въ минуту всѣ генералы, офицеры и солдаты высыпали къ палаткѣ дивизіоннаго командира генералъ-адъютанта Чичерина, у которой остановилась наша коляска. Восторгъ увидѣть такъ неожиданно государя былъ неописуемъ, и еще возросъ при извѣстіи, что онъ проѣхалъ почти одинъ около 200 верстъ по непріятельской землѣ. Необходимо было поѣсть и отдохнуть. Намъ подали хорошій супъ и постлали хорошія постели.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Рано утромъ государь сдѣлалъ смотръ полкамъ Драгунскому, Гусарскому и Уланскому, съ принадлежащими къ нимъ конными батареями. Конно-Егерскій, по усиленной моей просьбѣ, былъ посланъ къ Мангаліи, для занятія эшелонами нашей дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ превосходнымъ сбереженіемъ всѣхъ этихъ полковъ, и, дѣйствительно, люди и лошади, казалось, только что выступили въ походъ. Поблагодаривъ всѣхъ и взглянувъ на госпиталь и магазины въ Кюстенджи, государь поѣхалъ далѣе.

«Въ Мангаліи, небольшомъ городкѣ на берегу моря, онъ навѣстилъ больныхъ, которые, за недостаткомъ одного просторнаго помѣщенія, размѣщались въ пятидесяти домахъ. На обходъ ихъ, по смертельной духотѣ, потребовалось слишкомъ два часа. Для всѣхъ этихъ маленькихъ госпиталей оставалось всего лишь два медика, и изъ нихъ уже одинъ лежалъ въ горячкѣ; всѣ прочіе пали жертвами утомленія и климата. Такой же недостатокъ былъ и во всей госпитальной прислугѣ, въ людяхъ на кухняхъ и пр. Государя сильно разстроило это печальное положеніе. Къ вечеру (25-го августа) мы пріѣхали въ Каварну, гдѣ находился главный царскій обозъ. Государь и тутъ пошелъ осматривать больныхъ, а я занялся отправленіемъ обоза къ Варнѣ, куда, за два дня передъ тѣмъ, выступила гвардія[235].

«Между тѣмъ и фрегатъ, везшій свиту изъ Одессы, прибылъ въ Каварну. Графъ Потоцкій сошелъ на берегъ для нужныхъ распоряженій, а вслѣдъ затѣмъ государь подъ вечеръ (26-го августа) сѣлъ въ шлюпку, которая при очень сильномъ вѣтрѣ привезла насъ на фрегатъ «Флора».

«На другое утро (27-го августа) фрегатъ бросилъ якорь посреди флота противъ Варны. Видъ на нее во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли тутъ въ первый разъ. Греческія церкви и магометанскія мечети, возвышавшіяся надъ прочими строеніями, были дѣйствіемъ нашихъ бомбъ и ядеръ или разрушены или обезображены. Отрядъ, которымъ командовалъ прежде князь Меншиковъ, и который мы оставили на высотахъ, далеко внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, спустился внизъ и посредствомъ параллелей и траншей пододвинулся къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Демонтиръ-батареи дѣйствовали, съ промежутками, день и ночь; каждый изъ линейныхъ кораблей выходилъ по очереди на полъ-выстрѣла отъ города и громилъ его изъ своихъ орудій. Графъ Воронцовъ сталъ лагеремъ въ виноградникахъ и садахъ, которые давали все удобство прикрывать осадныя работы; часть экипажей съ судовъ была обращена въ прислугу на батареи; наконецъ гвардейская пѣхота занимала гребень горы. Все это вмѣстѣ представляло картину очень разнообразную и живую. Государь и часть его свиты помѣстились на кораблѣ «Парижъ», а остальные въ палаткахъ возлѣ гвардейскаго лагеря, гдѣ расположился и обозъ.

Библиотека "Руниверс"

«Государь сошелъ на берегъ (въ день прибытія къ флоту 27-го августа) для свиданія съ княземъ Меншиковымъ, очень страдавшимъ отъ своей раны, а также для осмотра разныхъ лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ[236]. Число тѣхъ и другихъ возрастало ежедневно, и государь съ истинно отеческою заботливостію не пропускалъ ни одного дня, чтобы ихъ не навѣстить».

Императоръ Николай Павловичъ на охотѣ.
(Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ).

Императоръ Николай проводилъ ежедневно утро въ осадномъ лагерѣ, гдѣ велѣлъ раскинуть для себя палатку, и только къ закату солнца возвращался на «Парижъ». Нерѣдко, при сильномъ вѣтрѣ, спускъ на берегъ или входъ на корабль сопряжены были съ крайнею опасностью.

9-го (21-го) сентября, государь вызвалъ къ себѣ графа Дибича, повелѣвъ, однако, фельдмаршалу оставаться попрежнему подъ Шумлою[237].

Несмотря на постепенное усиленіе средствъ атаки, турки съ необыкновеннымъ упорствомъ и свойственнымъ имъ искусствомъ отстаивали шагъ за шагомъ осажденную крѣпость. Наступила половина сен-

Библиотека "Руниверс"

тября, а между тѣмъ нельзя было еще предвидѣть конца осады, тогда какъ взятіе Варны являлось необходимымъ заключительнымъ дѣломъ оканчивающейся неудачной кампаніи 1828 года и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія на Балканскомъ полуостровѣ.

Всѣ усилія атакующаго, съ самаго открытія постепенной атаки, ошибочно направлены были противъ перваго (приморскаго) бастіона Варны и не обѣщали рѣшительнаго результата. Хотя къ 12-му (24-му) сентября открыты были уже въ крѣпости двѣ бреши, одна въ первомъ бастіонѣ, а другая въ куртинѣ, примыкавшей къ второму бастіону, но существованіе ихъ нисколько не подвигало насъ къ завѣтной цѣли всѣхъ стремленій. Правда, брешь въ приморскомъ бастіонѣ была доступна для штурмующихъ колоннъ, но не подлежало сомнѣнію, что занятіе бастіона было бы сопряжено съ значительными потерями, а недавній примѣръ Браилова былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Что же касается бреши въ куртинѣ возлѣ второго бастіона, то она независимо отъ своей неудобовсходимости еще прикрыта была находившейся во рву глубокой рытвиной, размѣры которой невозможно было изслѣдовать. Занятіе же бреши одного перваго бастіона, по мѣстнымъ особенностямъ этой части крѣпостныхъ верковъ, было бы недостаточно для овладѣнія Варною.

Въ такомъ незавидномъ положеніи находились осадныя работы, когда 12-го (24-го) сентября къ Варнѣ прибылъ командующій лейбъ-гвардіи сапернымъ баталіономъ полковникъ Шильдеръ, оставшійся по болѣзни въ Каварнѣ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Шильдеръ предложилъ новый планъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью вѣроятное овладѣніе крѣпостью безъ штурма. 15-го (27-го) сентября, онъ имѣлъ счастіе лично представить свои соображенія императору Николаю, и государь повелѣлъ немедленно приступить къ выполненію вновь предположенныхъ осадныхъ работъ.

Планъ полковника Шильдера состоялъ въ томъ, чтобы перенести атаку на середину куртины, между первымъ и вторымъ бастіонами, и, устроивъ въ куртинѣ пространный ложементъ, дѣйствовать изъ него по городу, принудивъ крѣпость къ сдачѣ безъ штурма. Но для исполненія новыхъ работъ, при значительномъ ихъ количествѣ, недоставало рабочихъ, а потому было рѣшено и государемъ одобрено обратить главную атаку не на куртину, какъ предполагалъ Шильдеръ, а на второй бастіонъ, обрушивъ его минами. Къ работамъ приступлено было 15-го (27-го) же сентября. Находчивость и изобрѣтательность полковника Шильдера преодолѣли всѣ усилія храбрыхъ защитниковъ, и 22-го сентября (4-го октября) второй бастіонъ взлетѣлъ на воздухъ, и притомъ такъ, что онъ всталъ вверхъ дномъ, обратившись фронтомъ къ непріятелю; открылась здѣсь пологая брешь, и выброшенной землей засыпалась часть водяного ровика, находившагося въ глубинѣ рытвины.

Библиотека "Руниверс"

Какъ только государь получилъ донесеніе объ удачномъ взрывѣ второго бастіона, онъ послалъ полковнику Шильдеру черезъ флигель-адъютанта князя Суворова орденъ св. Георгія 4-й степени.

Продолжая преслѣдовать намѣченную имъ цѣль, овладѣть крѣпостью безъ штурма, Шильдеръ съ разсвѣтомъ 23-го сентября приступилъ къ веденію подступовъ по скату воронки, чтобы безъ большихъ потерь приблизиться къ ея гребню, обращенному къ непріятелю, и утвердиться на немъ.

Между тѣмъ почему-то рѣшено было 25-го сентября штурмовать брешь перваго бастіона, образованную въ немъ взрывомъ, произведеннымъ еще 21-го сентября. Безцѣльный штурмъ стоилъ намъ до 200 человѣкъ убитыми и ранеными и не привелъ къ цѣли. Послѣ этой неудачи возвратились снова къ дальнѣйшему исполненію работъ, предположенныхъ по первоначальному плану полковника Шильдера, и приступили къ заложенію минъ въ куртинѣ для образованія въ ней бреши.

Въ это время турки пришли наконецъ къ убѣжденію въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія и приступили къ переговорамъ. 28-го сентября (10-го октября) повелѣно было прекратить осадныя работы.

Но передъ описаніемъ самой сдачи Варны необходимо сказать еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ нашихъ на южной сторонѣ осажденной крѣпости.

По недостатку числительной силы осадныхъ войскъ, турки долгое время сохраняли свободу своихъ сообщеній въ южной части города. Только съ приходомъ гвардіи оказалось возможнымъ подумать о довершеніи обложенія и приступить къ нѣкоторымъ мѣрамъ, клонившимся къ пресѣченію неудобствъ, сопряженныхъ съ подобною обстановкою. Турки, пользуясь нашею малочисленностью, двинули войска для выручки осажденнаго города, и съ южной стороны Варны появился Омеръ-Вріоне, съ 30.000 человѣкъ. Съ нашей стороны одною изъ первыхъ мѣръ для наблюденія за сообщеніями непріятеля на этой мѣстности было расположеніе слабаго отряда генералъ-адъютанта Головина на полуостровѣ Галата, тыломъ къ мысу Галата-Бурну; занятую здѣсь позицію укрѣпили редутами.

Операціи, предпринятыя нами затѣмъ на южной сторонѣ Варны, среди лѣсистой, гористой и сильно пересѣченной мѣстности, ознаменованы были двумя неудачами: въ Гассанъ-Ларѣ и при Куртепэ.

Первое дѣло происходило 10-го (22-го) сентября, въ которомъ польской арміи флигель-адъютантъ графъ Залускій безцѣльно погубилъ, по собственной неосторожности, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Послѣ Гассанъ-Ларскаго дѣла войска генералъ-адъютанта Головина были усилены до 8.000 человѣкъ, начальство надъ которыми принялъ генералъ-адъютантъ Бистромъ. 16-го (28-го) сентября, турки атаковали занятую

Библиотека "Руниверс"

нами позицію, но были отбиты, послѣ чего Омеръ-Вріоне отошелъ къ Куртепэ (Волчья гора), гдѣ приступилъ къ устройству укрѣпленнаго лагеря. Въ это время со стороны Шумлы придвинулся принцъ Евгеній Виртембергскій; силы, которыми онъ располагалъ, были весьма слабы и въ общей сложности не превосходили 8.000 человѣкъ. Императоръ Николай повелѣлъ принцу рѣшительно атаковать позицію Омеръ-Вріоне и соединиться съ отрядомъ генералъ-адъютанта Бистрома [238]. 18-го (30-го) сентября, произошелъ въ Куртепэ кровопролитный бой, стоившій намъ до 1.400 человѣкъ; турки удержались на своей позиціи. Атака, произведенная противъ нихъ въ тотъ же день отрядомъ генералъ-адъютанта Бистрома, также была отбита съ потерею 500 человѣкъ.

«Атака на Куртепэ, — пишетъ графъ Мольтке, — является однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ похода 1828 года; хотя предположенное нападеніе и не увѣнчалось успѣхомъ, но храбрость русскихъ войскъ произвела на турокъ столь сильное впечатлѣніе, что послѣдствія этого боя существеннымъ образомъ повліяли на исходъ кампаніи. Примѣръ этотъ служитъ новымъ доказательствомъ, насколько строгое повиновеніе даже среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ представляетъ одну изъ первѣйшихъ военныхъ добродѣтелей. Вынужденный противъ своей воли руководить предпріятіемъ, успѣхъ котораго казался ему сомнительнымъ, принцъ Евгеній выполнилъ полученныя приказанія съ полною рѣшимостью и слѣпымъ повиновеніемъ. Только два баталіона оставлены были имъ въ резервѣ; всѣ прочія части выдержали кровопролитный бой, при чемъ пѣхота, почти совершенно лишенная содѣйствія кавалеріи и артиллеріи, дѣйствуя какъ бы ощупью, сражалась съ истинно львиною храбростью» [239].

Послѣ боя 18-го (30-го) сентября положеніе Омеръ-Вріоне было блистательное. Насталъ самый рѣшительный моментъ всей кампаніи. Освобожденіе Варны было во власти Омера и могло сопровождаться для насъ самыми плачевными послѣдствіями, даже обратнымъ движеніемъ за Дунай. Но, къ счастію, ничего подобнаго не случилось [240]. Омеръ-Вріоне пробылъ одиннадцать дней въ бездѣйствіи въ лѣсу; слышалъ, какъ взрывали въ Варнѣ одну мину за другою, и остался безучастнымъ свидѣтелемъ успѣховъ осаждающаго. Когда же русскія знамена взвились на развалинахъ крѣпости, онъ совершилъ поспѣшное отступленіе за Камчикъ, какъ бы пораженный событіемъ, подготовленнымъ собственнымъ бездѣйствіемъ.

3-го (15-го) октября, турки пытались перейти снова Камчикъ, но были отброшены съ большимъ урономъ [241]. Послѣ этого неудачнаго наступленія турки удалились въ Балканы, оставивъ противъ насъ небольшія партіи.

«Конечно, — справедливо заключаетъ графъ Мольтке, — отношенія, существующія между албанскимъ пашей и Оттоманскою Портой, не мо-

Библиотека "Руниверс"

C'est parfait, mais je vous prie
de croire que je serai fort embarassé
si je devais composer une lettre aussi
bien écrite; вслѣдъ этого можете быть увѣрены.

Je Vous remercie, Mon cher Comte; pour la lettre affectueuse que Vous M' avez adressée en date du 13. Juin etc que J' ai lue avec un véritable plaisir. J' apprécie le sacrifice que Vous Me faites de Vos inclinations en demeurant éloigné du champ des batailles. Mais un homme vraiment dévoué à son pays le sert partout avec le même zèle, quel que soit le cercle d' activité qu' il se trouve appelé à remplir: Moi-même, premier serviteur de notre patrie commune, Je Lui offre souvent de pareils sacrifices. D' ailleurs Votre réputation militaire est si bien etc depuis si longtemps établie parmi Vos compagnons d' armes, que la conviction de l' utilité réelle dont Votre présence etc Vos travaux Me sont à Pétersbourg, doit Vous satisfaire pleinement.

Je suis très-content du témoignage que Vous Me rendez sur le zèle des employés de l' Etat etc sur la tranquillité qui règne dans la Capitale. L' attitude des étrangers etc les sentimens qui les animent Me sont assez indifférens: comme vous le savez fort bien ceux qui j'estime Me suffisent.

ЧЕРНОВОЙ ОТПУСКЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ГРАФУ А. И. ЧЕРНЫШЕВУ, ПИСАННЫЙ Д. В. ДАШКОВЫМЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ПРИПИСКОЙ ГОСУДАРЯ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳеодоровна на парадѣ Кавалергардскаго полка.

(Съ рисунка, приложеннаго къ „Исторіи Кавалергардскаго полка").

гутъ быть сравниваемы съ отношеніями европейскаго полководца къ своему державному вождю и отечеству. Дѣйствіями Омеръ-Вріоне руководили, вѣроятно, не стратегическія, но совершенно иного рода соображенія».

Между тѣмъ, какъ эти событія происходили на южной сторонѣ крѣпости Варны, Юсуфъ-паша 28-го сентября (10-го октября) вышелъ изъ крѣпости и предалъ себя подъ покровительство императора съ своими сторонниками. «Вскорѣ вокругъ насъ,—замѣчаетъ Бенкендорфъ,—толпилось гораздо болѣе турокъ, чѣмъ русскихъ». Капуданъ-паша Изетъ-Мегметъ сначала не хотѣлъ присоединиться къ капитуляціи. Онъ удалился въ цитадель внутри города и тамъ грозилъ взорвать себя на воздухъ съ остатками вѣрныхъ защитниковъ крѣпости. Начатый тогда, по совѣту Юсуфа-паши, сильный огонь съ флота и съ батарей побудилъ, однако, остатокъ гарнизона и многихъ жителей со своими семействами выйти изъ города, а затѣмъ 29-го сентября (11-го октября), когда капуданъ-пашѣ съ вооруженнымъ конвоемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ обѣщанъ былъ свободный выходъ изъ города, крѣпость покорилась императору Николаю. Остальной гарнизонъ, до 6.000 человѣкъ, сдался военноплѣннымъ.

Государь, прибывъ утромъ въ лагерь, видѣлъ уже турецкій гарнизонъ, выходившій изъ крѣпости[242], и затѣмъ отправился осматривать

Библиотека "Руниверс"

осадныя работы; спустившись въ ровъ, изъ котораго ведены были минныя работы, и осмотрѣвъ тщательно все сдѣланное нашими саперами, Николай Павловичъ поднялся на Варнскія твердыни, увѣнчанныя турами атакующаго. Турки, по свидѣтельству Бенкендорфа, спокойно сидѣли за трубками и равнодушно глядѣли на побѣдителей.

Прославившимся въ эту войну своими подвигами 13-му и 14-му Егерскимъ полкамъ предоставлено было первымъ вступить въ сдавшуюся крѣпость; за ними слѣдовалъ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, а за нимъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—почесть, оказанная войскамъ, наиболѣе отличившимся при осадѣ Варны.

30-го сентября (12-го октября), свободнымъ войскамъ осаднаго корпуса повелѣно было собраться въ лагерѣ для принесенія благодарственнаго молебствія. По прибытіи императора Николая началось богослуженіе. Громъ орудій полевой артиллеріи и съ кораблей возвѣстилъ славное окончаніе кровавой борьбы подъ Варною. Послѣ молебствія государь объѣзжалъ войска и милостиво привѣтствовалъ каждый полкъ. Когда потомъ его величество подошелъ къ гвардейскимъ саперамъ, августѣйшій шефъ самъ привязалъ къ ихъ знамени георгіевскій крестъ, говоря: «Вы это заслужили; мнѣ пріятно, что не забыли вы словъ покойнаго государя, когда дано было вамъ это знамя, что при первомъ случаѣ промѣняете его на Георгіевское,—осада Варны оправдала мои ожиданія». Завязавъ ленту, государь поцѣловалъ крестъ. На глазахъ многихъ навернулись слезы, и самъ императоръ прослезился. Осмотрѣвъ всѣ другія войска, снова приблизился онъ къ лейбъ-гвардіи Саперному баталіону и сказалъ: «Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ. Вы мнѣ, старому своему товарищу, дали этимъ прекрасный праздникъ» [243].

Командующій баталіономъ полковникъ Шильдеръ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и утвержденъ командиромъ лейбъ-гвардіи Саперная баталіона. Съ этого времени во все продолженіе своей службы генералъ Шильдеръ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ и высокимъ расположеніемъ императора Николая.

Императоръ Николай щедро наградилъ всѣхъ участниковъ славной осады Варны. Графъ Воронцовъ получилъ шпагу съ алмазами съ надписью: «За взятіе Варны», а графъ Дибичъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Государь не позабылъ также въ эти радостныя минуты раненаго князя Меншикова и пожаловалъ ему турецкую пушку.

Графу Воронцову повелѣно было возвратиться къ мѣсту своего прежняго служенія. Въ то же время онъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Михаилъ Семеновичъ! Воздавъ жертву должной хвалы и благодаренія Богу, поборающему правдѣ и увѣнчавшему оружіе россійское новымъ блистательнымъ успѣхомъ, я желаю почтить память моего предшественника, утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подъ стѣ-

Библиотека "Руниверс"

Форма офицеровъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка въ 1826 году.
(Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной съ рисунка Теребенева).

нами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ, ратуя подъ знаменемъ Христовымъ, мужественный сынъ Ягайлы, Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія незнаемо, но да будетъ ему воздвигнутъ въ самой столицѣ Польши памятникъ, его достойный. Назначивъ для сего ей въ даръ 12 турецкихъ пушекъ изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ, по распоряженію его императорскаго высочества цесаревича, въ честь герою и въ честь храбрымъ

Библиотека "Руниверс"

россійскимъ войскамъ, отомстившимъ побѣдою за его паденіе. Возлагая на васъ исполненіе моей воли, пребываю вамъ всегда благосклонный».

Цесаревичу Константину Павловичу государь писалъ: «Я жалую Варшавѣ 12 орудій, какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія, что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ, чтобы отомстить смерть другого польскаго короля[244]... Да сблизятся поляки и русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій моего разума. Быть можетъ, подаренныя пушки докажутъ то, что я высказываю вамъ здѣсь этими словами»[245]. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай въ письмѣ къ брату отозвался съ величайшей похвалой о польскихъ офицерахъ, прикомандированныхъ къ арміи; находившагося при немъ полковника Гауке назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ.

Торжественный въѣздъ императора Николая въ Варну въ сопровожденіи всего штаба и иностранныхъ дипломатовъ состоялся 1-го (13-го) октября. «Смерть Владислава отомщена»,—сказалъ государь, въѣзжая въ крѣпость[246].

«Насъ обдало,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—такимъ невыносимымъ смрадомъ отъ безчисленнаго множества падали всякаго рода и человѣческихъ тѣлъ, такъ дурно похороненныхъ, что у иныхъ торчали ноги, а другія едва прикрыты были нѣсколькими лопатками земли. Страшная неопрятность еще болѣе заражала воздухъ. Не возможно описать положенія, въ которое приведенъ былъ городъ бомбардированіемъ. Вездѣ встрѣчались полуразрушенныя мечети; дома, пронизанные ядрами или обрушившіеся отъ разрыва бомбъ; цѣлые кварталы, обращенные въ груды развалинъ, безъ всякаго почти слѣда бывшихъ тутъ прежде зданій. Какимъ-то чудомъ только уцѣлѣла греческая церковь, хотя именно та часть города, въ которой она находилась, наиболѣе пострадала отъ огня нашего флота и сухопутныхъ батарей. Государь, остановившись передъ этою церковью, очень маленькою, мрачною и построенною во дворѣ, велѣлъ отслужить въ ней благодарственное молебствіе. Это священнослуженіе, посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ, угнетенномъ полулуніемъ храмѣ имѣло что-то неописуемо поразительное».

Утромъ, 2-го (14-го) октября, императоръ Николай прибылъ на южную сторону крѣпости Варны къ отряду генералъ-адъютанта Бистрома. Онъ благодарилъ войска, обнялъ предводителя ихъ и самъ повелъ находившіеся здѣсь полки гвардейскаго корпуса, съ распущенными знаменами, черезъ крѣпость на сѣверную сторону, гдѣ они расположились лагеремъ[247].

Въ виду предстоящаго отъѣзда изъ арміи, по случаю окончанія кампаніи 1828 года, императоръ Николай лично распорядился относительно размѣщенія арміи по зимнимъ квартирамъ, устройства госпиталей

Библиотека "Руниверс"

Обученіе рекрутъ въ Николаевское время.

(Съ рисунка А. Васильева).

Библиотека "Руниверс"

и магазиновъ, а также исправленія варнскихъ укрѣпленій. Гвардію рѣшено было немедленно отправить на зимнія квартиры въ Подольскую губернію, въ Тульчинъ[248]. Въ особомъ рескриптѣ отъ 2-го (14-го) октября, на имя главнокомандующаго, императоръ Николай ввѣрилъ ему ближайшее исполненіе всѣхъ распоряженій, связанныхъ съ зимнимъ расквартированіемъ войскъ; графъ Дибичъ долженъ былъ оставаться при фельдмаршалѣ еще нѣкоторое время до полнаго устройства дѣлъ и окончанія похода. Намѣреніе государя было возвратиться въ Россію сухимъ путемъ, но адмиралъ Грейгъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ склонили его отправиться моремъ; онъ пересѣлъ на корабль «Императрица Марія», который 2-го (14-го) октября поднялъ паруса при столь попутномъ вѣтрѣ, что можно было надѣяться черезъ три дня прибыть въ Одессу. Корабль сопровождали яхта «Утѣха» и пароходъ «Метеоръ». Въ тотъ же день отплылъ и фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ помѣщены были иностранные дипломаты, находившіеся при государѣ въ арміи[249].

Императора Николая сопровождали: графъ Воронцовъ, графъ Нессельроде, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, графъ Орловъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій и прусскій генералъ Ностицъ. Кораблемъ «Императрица Марія» командовалъ каштанъ Папа-Христо.

По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го (15-го) октября, довелъ суда благополучно до высоты Георгіевскихъ дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до десятаго часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный вѣтеръ (NO) мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го (16-го) октября обратился въ сильный штормъ; дождь лилъ, какъ изъ ведра. Штормъ свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду и началъ стихать только 5-го (17-го) октября, пополуночи въ шестомъ часу. Наконецъ корабль «Императрица Марія», пробывъ въ морѣ семь дней, бросилъ якорь на Одесскомъ рейдѣ ночью на 8-е (20-е) октября[250].

По поводу этого страшнаго переѣзда очевидецъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, пишетъ:

«Мы были уже на половинѣ дороги къ Одессѣ, какъ вдругъ началась буря, превратившаяся вскорѣ въ совершенный штормъ. Въ нѣсколько минутъ у насъ совсѣмъ сломало бизанъ-мачту, повредило и другія, и порвало снасти. Волненіе сдѣлалось такъ сильно, что невозможно было ни предупреждать, ни исправлять поврежденій; оставалось закрѣпить руль и отдаться на произволъ волнамъ. Всѣ особы свиты легли по койкамъ; большая часть прислуги и даже экипажа страдала морскою болѣзнію. Только государь, графъ Потоцкій и я были здоровы и на ногахъ, цѣпляясь за все встрѣчное, когда хотѣли передвинуться съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ такъ ревѣлъ, что нельзя было раз-

Библиотека "Руниверс"

слышать другъ друга иначе, какъ крича на ухо, а въ прибавокъ ко всему этому и воздухъ охладился до нестерпимости. Насъ неудержимо гнало къ враждебнымъ берегамъ Босфора. Въ продолженіе двадцати часовъ корабль уже уклонился въ этомъ направленіи отъ настоящаго курса слишкомъ на 60 миль, и не было никакого средства бороться противъ этой новой опасности. Еще сутки такой же бури, и русскаго монарха выбросило бы на турецкую землю! Государь, остававшійся неизмѣнно твердымъ и снисходительнымъ, упрекнулъ меня въ данномъ мною совѣтѣ плыть моремъ лишь словами, что ему непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Петербургъ къ 14-му октября, т.-е. къ рожденію его матушки, но теперь эта задержка, вѣроятно, тому воспрепятствуетъ. Наконецъ, послѣ 26-ти-часовой бури, вѣтеръ, перемѣнивъ отчасти направленіе, сталъ нѣсколько ослабѣвать и позволилъ намъ, по крайней мѣрѣ, не пятиться назадъ. Люди принялись за работу со всѣмъ жаромъ, который имъ внушало присутствіе государя, главнѣйшія поврежденія были по возможности исправлены, и корабль сталъ слушаться руля. Къ послѣобѣденной порѣ вѣтеръ стихъ и принялъ попутное намъ направленіе; но на морѣ была еще такая зыбь, что огромный нашъ линейный корабль качало, какъ бы легкій яликъ. Къ Одессѣ мы подошли только съ наступленіемъ ночи (8-го октября). Надо было обратиться къ помощи ночныхъ сигналовъ и бросить якорь довольно далеко отъ города, чтобы избѣжать несчастія, если бы мы слишкомъ приблизились къ рейду. Погода была ужасная. Несмотря на холодный, пронзительный вѣтеръ, государь сѣлъ въ шлюпку, которая отвезла его къ одесской пристани [251]. Онъ явился въ домъ графа Воронцова къ восхищенію жителей всего города, страшившихся за дни своего монарха. Вѣсть объ отправленіи его въ такую бурю моремъ и, слѣдственно, о грозившей ему опасности привезъ за нѣсколько часовъ до того адъютантъ Михаила Павловича, посланный великимъ княземъ изъ Варнскаго лагеря за извѣстіями о государѣ сухимъ путемъ. Буря перепугала и армію и флотъ; послѣдній при всей удобности своей стоянки довольно пострадалъ, а въ лагерѣ сорвало и разнесло палатки.

«На дорожныя наши приготовленія потребовалось немного времени, и въ четыре часа утра я уже сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ государемъ. Онъ остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались подъ церковными сводами. Въ соборѣ находился только одинъ священникъ, и нѣсколько свѣчей, зажженныхъ у иконъ, освѣщали царствовавшую въ немъ глубокую темноту. Этотъ отъѣздъ былъ печаленъ, и хотя мы только что освободились отъ смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастіе».

Императора Николая тяготило въ то время предчувствіе близости великаго несчастія, хотя онъ не отдавалъ себѣ отчета, какое именно горе готово

Библиотека "Руниверс"

поразить его. Государь признался въ этихъ чувствахъ цесаревичу по пріѣздѣ въ Петербургъ и писалъ: «Quelque chose d'irrésistible me poussait vers ici».

Мрачное предчувствіе государя, которое сообщилось и генералъ-адъютанту Бенкендорфу, въ минуту отъѣзда изъ Одессы, скорѣ объяснилось: Николая Павловича ожидало въ столицѣ великое семейное горе.

V.

Когда императоръ Николай на кораблѣ «Императрица Марія» отправился въ Россію, кампанія 1828 года была закончена[252]. Отъѣзжая, государь оставилъ графа Дибича при фельдмаршалѣ графѣ Витгенштейнѣ, чтобы помочь главнокомандующему устроить армію на зимнихъ квартирахъ.

Пока продолжалась осада Варны, Гуссейнъ-паша въ Шумлѣ не предпринималъ ничего особеннаго, за исключеніемъ поиска къ Базарджику, не увѣнчавшагося успѣхомъ, и неудачной вылазки 2-го (14-го) октября. Послѣ паденія Варны настало наконецъ время окончательно отвести войска изъ-подъ Шумлы, и оставалась еще слабая надежда овладѣть крѣпостью Силистріею; но, повидимому, у исполнителей энергія стала ослабѣвать къ исходу столь трудной кампаніи.

Еще ранѣе, 3-го (15-го) сентября, обѣимъ дивизіямъ 6-го корпуса генерала Рота велѣно было слѣдовать къ Шумлѣ, при чемъ онѣ подъ Силистріею были смѣнены войсками 2-го корпуса генералъ-адъютанта князя Щербатова. Войска 7-го корпуса принца Евгенія Виртембергскаго частями двинуты были къ Варнѣ для усиленія операцій противъ этой крѣпости. Затѣмъ, 4-го (16-го) октября, началось отступательное движеніе нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы: 6-й корпусъ генерала Рота отошелъ въ Козлуджу, а генералъ Рудзевичъ съ 3-мъ корпусомъ двинулся къ Силистріи. Послѣдній былъ слабо преслѣдуемъ непріятелемъ, и только 7-го (19-го) октября завязались жаркія арьергардныя дѣла въ Айдоадской лощинѣ съ восьмитысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Дороги сдѣлались непроходимыми вслѣдствіе проливныхъ дождей, и 3-му корпусу, при изнуренныхъ лошадяхъ и истощенныхъ въ силахъ людяхъ, лишенныхъ надлежащаго продовольствія, пришлось бороться съ неимовѣрными затрудненіями, въ особенности въ Айдоадской лощинѣ, изъ которой приходилось подниматься на крутизны, простирающіяся на двѣ версты. Артиллерію удалось спасти, но въ виду натиска турокъ пришлось пожертвовать обозомъ. Генералъ Рудзевичъ роздалъ людямъ, что они могли взять, а затѣмъ истребилъ большую часть своихъ обозовъ, застрявшихъ въ лощинѣ. Въ этомъ дѣлѣ мы понесли потерю болѣе 700 человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ литографіи того времени).

По прибытіи генерала Рудзевича къ Силистріи, силы облегавшихъ ее войскъ возросли до 30.000 человѣкъ, но благопріятное время для рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости прошло. Проливные дожди наводнили траншеи и затопили мѣстность, по которой надлежало вести подступы. Вскорѣ дождь смѣнился мятелью, при восьми-градусномъ морозѣ; снѣгомъ занесло землянки и батареи. На Дунаѣ сталъ уже появляться ледъ, грозившій совершенно прервать сообщеніе съ лѣвымъ

Библиотека "Руниверс"

берегомъ и прекратить подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, въ которыхъ и безъ того ощущался недостатокъ. Къ тому же 3-й корпусъ нуждался въ отдыхѣ на зимнихъ квартирахъ послѣ всѣхъ трудовъ и потерь, понесенныхъ имъ въ теченіе кампаніи. Между тѣмъ, 18-го (30-го) октября, графъ Витгенштейнъ въ сопровожденіи графа Дибича прибылъ изъ Варны въ Каларашъ. Убѣдившись лично въ невозможности продолжать осаду въ столь позднее время года, главнокомандующій по совѣщаніи съ графомъ Дибичемъ рѣшился, 1-го (13-го) ноября, снять блокаду Силистріи[253]. Главная квартира арміи была перенесена въ Яссы, куда прибылъ фельдмаршалъ 7-го (19-го) ноября; за нимъ послѣдовалъ графъ Дибичъ. Графу Ланжерону ввѣрено было начальство надъ всѣми войсками, занимавшими лѣвый берегъ Дуная, а генералу Роту подчинены войска, предназначенныя для охраненія занятой нами части Болгаріи.

Графъ Мольтке пишетъ: «Если принять въ соображеніе огромныя жертвы, которыми ознаменовалась для русскихъ кампанія 1828 года, то трудно сказать, кто ее выигралъ или потерялъ: русскіе или турки? Значеніе этого похода должно было опредѣлиться второю кампаніею».

«Но,—замѣчаетъ тотъ же авторъ,—если кампанія получила сносный исходъ, то въ этомъ нисколько не повинны соображенія русской стратегіи. Кампанія была подготовлена неудовлетворительно, начата недостаточными средствами и открыта слишкомъ поздно; направленіе же, данное главному корпусу войскъ, было такое, отъ котораго иногда нельзя было ожидать какого либо результата. Но всѣ эти ошибки были исправлены отличными качествами, свойственными русскимъ войскамъ, самоотверженнымъ повиновеніемъ начальникамъ, настойчивостью солдата, бодростью его духа въ перенесеніи лишеній и непоколебимымъ мужествомъ среди опасности — вотъ обстоятельства, отклонившія гибель, которая угрожала русскимъ подъ Шумлою, и удерживавшія предпріимчивость сераскира; они же побѣдили всѣ затрудненія и противодѣйствіе, встрѣченныя подъ Варною, и въ такой степени подѣйствовали на Омеръ-Вріоне, что онъ, несмотря на одержанную имъ побѣду, простоялъ, какъ ошеломленный, десять дней въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Варна, этотъ оплотъ Оттоманской имперіи, пала передъ его глазами. Начинанія полководцевъ должны подвергаться критическому разбору, который не всегда можетъ относиться къ нимъ благопріятно; но поведеніе войскъ, отъ послѣдняго солдата и кончая самымъ главнымъ начальникомъ, какъ при штурмѣ Браилова, такъ и въ натискѣ подъ Куртепэ, равно какъ и въ минахъ и подступахъ подъ Варною, выше всякихъ похвалъ кабинетнаго пера».

Очевидецъ заключительнаго эпизода кампаніи 1828 года, генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ, писалъ фельдмаршалу графу Сакену, 16-го (28-го) ноября, изъ Тульчина:

Библиотека "Руниверс"

«По слабому моему понятію о большихъ военныхъ операціяхъ, я ничего не смѣю сказать о толкахъ про нынѣшній походъ и кампанію. Кажется мнѣ, однако же, что чудесное паденіе Варны нѣсколько поправило наше неблистательное положеніе, бывшее до того времени, и котораго былъ я свидѣтель. Если симъ концемъ для переду воспользуются, какъ должно полагать, то, можетъ быть, и вся строгая критика уничтожится. При семъ, почитая ваше сіятельство душевно, рѣшаюсь доложить мое мнѣніе о двухъ важныхъ частяхъ безпорядка, какового въ пятидесятилѣтнюю мою службу не видывалъ и котораго причиною полагаю почти уничтоженіе арміи безъ боя, а именно: медицинской и провіантской. У первой былъ одинъ лѣкарь на 600 человѣкъ больныхъ; въ медикаментахъ былъ еще большій недостатокъ по пропорціи слабыхъ въ искусствѣ докторовъ; для раненыхъ, которыхъ число, можно сказать, было ничтожно, противу прежнихъ, вашему сіятельству извѣстныхъ, недостатокъ во всѣхъ припасахъ былъ таковъ, что бинты употреблялись изъ палатокъ. Транспортировка изъ одного въ другой пунктъ госпиталя и всѣ распоряженія по сей части были столь слабы, что превышаютъ всякое воображеніе. Не лучше сей части было распоряженіе господина сенатора (Абакумова) по продовольствію. Гвардія и небольшая часть арміи, находившіяся по единственной нашей довольно вѣрной береговой линіи, по милости флота, невзирая на невѣрность и непостоянность стихіи, были довольно счастливы и мало нуждались. Но армія, особливо подъ Шумлою, изрядно потерпѣла».

Въ заключеніе остается намъ еще вкратцѣ упомянуть о побѣдахъ, одержанныхъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ Азіатской Турціи. Совершенный имъ въ 1828 году походъ ознаменовался непрерывнымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ; побѣды «отца командира» служили императору Николаю истиннымъ утѣшеніемъ среди невзгодъ и затрудненій, съ которыми приходилось въ то же время бороться русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ.

Графъ Паскевичъ, едва окончивъ изнурительный персидскій походъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи для дѣйствій противъ Азіатской Турціи 11.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ турки угрожали намъ вторженіемъ въ Закавказскій край. Положеніе дѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ было не изъ блестящихъ, но Паскевичъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и предупредилъ рѣшительностью своихъ дѣйствій всѣ намѣренія непріятеля. Окончивъ приготовленія къ походу, Паскевичъ перешелъ 14-го (26-го) іюня въ Гумрахъ границу и, двинувшись къ Карсу, взялъ его штурмомъ 23-го іюня (5-го іюля).

Послѣ этого успѣха явилось новое бѣдствіе: въ Карсѣ открылась чума. Благодаря принятымъ мѣрамъ, чумная зараза не усилилась, но вскорѣ начала ослабѣвать, и, простоявъ двадцать дней внѣ крѣпости въ

Библиотека "Руниверс"

лагерѣ, Паскевичъ направился къ Ахалцыху. Затѣмъ, занявъ дорогою Ахалкалаки и Гертвизъ и разбивъ 30.000 турокъ, выступившихъ противъ него изъ Эрзерума, овладѣлъ 16-го (28-го) августа крѣпостью Ахалцыхомъ. Вслѣдъ за сими побѣдами занятъ былъ безъ боя Ацкуръ.

О движеніи черезъ Саганлугскія горы на Эрзерумъ, конечно, нельзя было помышлять. Оставалось еще занять Баязетъ и Ардаганъ, что̀ и было исполнено безъ особенныхъ затрудненій, и въ заключеніе обратить все вниманіе на устройство зимнихъ квартиръ и обезпеченіе продовольствія войскъ.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, Паскевичу удалось съ самыми ограниченными средствами разсѣять непріятельскую армію и занять три паша̀лыка: Карсскій, Ахалцыхскій и Баязетскій.

Императоръ Николай наградилъ графа Паскевича-Эриванскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

VI.

Желая непремѣнно поспѣть въ С.-Петербургъ къ 14-му октября, императоръ Николай совершилъ переѣздъ изъ Одессы съ необыкновенной быстротою, несмотря на темныя ночи и осенніе дожди.

Бенкендорфъ пишетъ: «Мы прискакали въ Царское Село, правда измученные и полузамерзшіе, но 14-го числа утромъ. Государь остановился здѣсь, чтобы переодѣться и пріѣхать въ С.-Петербургъ именно въ то время, когда обѣ императрицы со всѣмъ дворомъ будутъ у обѣдни. Ему хотѣлось войти въ Зимній дворецъ, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ; но, когда мы подъѣзжали почти украдкою со стороны Дворцовой набережной, его узнали въ рядахъ двухъ эскадроновъ Кавалергардскаго полка, стоявшихъ тутъ, чтобы взять и провезти по улицамъ привезенныя изъ-подъ Варны турецкія знамена. Общее «ура» прогремѣло при видѣ государя, и онъ вошелъ во дворецъ между трофеями завоеванной Варны, сопровождаемый кликами стоявшей на набережной толпы. Но по вступленіи въ царскіе чертоги, гдѣ радостно бросились ему навстрѣчу супруга и дѣти, онъ былъ жестоко пораженъ вѣстью объ опасной болѣзни императрицы Маріи Ѳеодоровны» [254].

Безпрестанныя тревоги, сопровождавшія тяжелую для насъ войну, опасности, которымъ подвергался государь, и радость, вызванная полученіемъ извѣстія о взятіи Варны, потрясли крѣпкое дотолѣ здоровье ея. Сначала болѣзнь не внушала особыхъ опасеній; императрица могла даже письменно сообщить цесаревичу извѣстіе о возвращеніи государя въ С.-Петербургъ и о собственномъ нездоровьѣ. Поэтому неудивительно,

Библиотека "Руниверс"

Михайловскій дворецъ въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи того времени).

Библиотека "Руниверс"

что императоръ Николай въ письмѣ къ Константину Павловичу отъ 21-го октября (2-го ноября) увѣдомилъ брата, что Рюль не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ скораго ея выздоровленія[255]. Оказалось, однако, что врачъ ошибся въ опредѣленіи болѣзни, и 22-го октября (3-го ноября) докторъ Крейтонъ вынужденъ былъ пустить императрицѣ кровь; тѣмъ не менѣе появились признаки паралича. Отнынѣ всѣ принятыя мѣры не могли уже привести къ цѣли, и 24-го октября (5-го ноября) 1828 года, въ два часа тридцать минутъ пополуночи, императрица Марія Ѳеодоровна скончалась.

Въ тотъ же день государь писалъ цесаревичу:

«Помолимся Богу за ту, которая на этой землѣ составляла для насъ все! Да будетъ воля Его, и да ниспошлетъ Онъ намъ силы, чтобы перенести ужаснѣйшее изъ несчастій. Все кончено съ двухъ съ половиною часовъ утра. Болѣзнь развилась съ такою быстротою, что никакое лѣкарство не могло остановить ея; такъ какъ кровь бросилась къ головѣ, то третьяго дня вечеромъ пустили кровь; это, казалось, принесло пользу. Ночь была сносная; утромъ, такъ какъ голова была тяжела, попытались прибѣгнуть къ слабительному; дѣйствіе было таково, что доказало необходимость сдѣланнаго, но силы уменьшались послѣ каждаго дѣйствія; языкъ повиновался плохо, и глотаніе было затруднено; врачи опасались немедленнаго паралича легкихъ; шпанская муха на спинѣ не произвела никакого дѣйствія, и силы и сознаніе ослабѣвали. Нужно было дать ей почувствовать ея положеніе и склонить ее выполнить свой христіанскій долгъ! О дорогой Константинъ, представьте себѣ мое состояніе, когда я выполнилъ эту ужасную обязанность! Я далъ ей понять, что наступило время подумать объ этомъ; она часто задавала мнѣ вопросъ: «развѣ я въ опасномъ положеніи?» — и сказала мнѣ: «о, значитъ, я въ очень опасномъ положеніи!». Я отвѣчалъ ей: «я надѣюсь, что нѣтъ, но я знаю ваши чувства, и хорошо почерпнуть силы въ томъ, что постоянно даетъ ихъ». Она отвѣтила мнѣ: «я сдѣлаю это завтра, я хочу приготовиться сегодня». Я сказалъ ей: «зачѣмъ откладывать? вы постоянно готовы». Она проговорила мнѣ: «позовите Вилламова». Онъ вошелъ, но ничего не могъ понять, такъ какъ языкъ уже повиновался съ трудомъ; затѣмъ послѣдовалъ моментъ возбужденія: она непремѣнно хотѣла перейти въ свою постель, затѣмъ сѣсть, и при всемъ томъ не понимая самое себя. Наконецъ, черезъ нѣсколько мгновеній мнѣ удалось заставить ее замѣтить духовника; тогда она снова стала спокойной и исповѣдалась въ полномъ сознаніи, горячо молясь. Какой назидательный и ужасный для насъ моментъ! Я молился одинъ возлѣ нея, и вся семья съ моею бѣдной, моею чудной женою; я молился за всѣхъ васъ, и Богъ услышитъ наши молитвы, чтобы ниспослать намъ силы, и за ту, которая соединяла въ себѣ всѣ мои привязанности! Когда

Библиотека "Руниверс"

это было сдѣлано, она позвала насъ къ себѣ и, не имѣя возможности говорить, взяла насъ за руки и даже съ силою; я называлъ имена всѣхъ членовъ семьи; она открыла глаза и сказала нѣсколько словъ, изъ которыхъ мы могли понять лишь «Aly»; я велѣлъ привести всѣхъ дѣтей, она крѣпко поцѣловала мою маленькую «Adine» и двухъ маленькихъ

Императоръ Николай Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.
(Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лошкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса).

Михаила и даже улыбнулась. Что касается другихъ, то на нихъ она могла лишь положить руку. Она не страдала; конечности холодѣли, и дыханіе учащалось, но безъ хрипѣнія и усилій; наконецъ въ два съ половиною часа [256], безъ малѣйшихъ страданій и судорогъ, она послѣ нѣсколькихъ вздоховъ тихо перестала дышать.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Вотъ мы сиротами! Намъ остаетесь лишь вы — старшій и глава нашей несчастной семьи. На васъ именно переходятъ наши привязанности, не отталкивайте ихъ, дорогой Константинъ, и замѣните намъ, насколько это возможно для васъ, ту, которая все время, пока Господь хранилъ ее, составляла для насъ все.

«Я отъ глубины души благодарю Бога, что онъ даровалъ мнѣ грустное утѣшеніе имѣть возможность быть при ней въ этотъ ужасный моментъ; у меня была потребность или какъ бы предчувствіе этого; что-то неотразимое влекло меня сюда. Я былъ далекъ отъ мысли предвидѣть — зачѣмъ! Я выбился изъ силъ, моя бѣдная жена надломлена; да поддержитъ ее Господь! Что будетъ съ вами? съ моей доброй сестрой? Однако, именно на нее я разсчитываю, что она поддержитъ васъ; кто же лучше ея могъ бы сдѣлать это? Думая, что, можетъ быть, въ ваши намѣренія входитъ пріѣхать сюда, чтобы воздать матушкѣ послѣдній долгъ, я могу сообщить вамъ, что у васъ имѣется для этого вполнѣ достаточно времени, такъ какъ приготовленія потребуютъ, по крайней мѣрѣ, десять дней. Васъ не можетъ удивить, если я скажу, что быть вмѣстѣ въ такія ужасныя минуты было бы счастіемъ. Да поддержитъ насъ милосердный Богъ.

«Душею и сердцемъ обнимаю васъ и прошу у васъ благословенія, какъ я просилъ его у нея, — для меня, моей жены и для моихъ добрыхъ дорогихъ дѣтей» [257].

По полученіи этого письма, цесаревичъ немедленно собрался въ путь и, выѣхавъ изъ Варшавы 30-го октября (11-го ноября), прибылъ въ Петербургъ въ субботу 3-го (15-го) ноября. На другой день, въ воскресенье, вечеромъ, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при положеніи въ гробъ и перенесеніи тѣла императрицы-матери изъ тронной комнаты на «Castrum doloris», устроенный съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ въ Кавалергардской залѣ, обращенной въ траурную залу.

Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ еще ранѣе цесаревича; получивъ въ Кишиневѣ извѣщеніе объ опасной болѣзни императрицы-матери, онъ немедленно поспѣшилъ въ столицу.

Во время нахожденія тѣла въ Зимнемъ дворцѣ допущены были повседневно на поклоненіе всякаго званія люди. Выносъ тѣла изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ и отпѣваніе послѣдовали 13-го (25-го) ноября. Процессія шествовала отъ дворца по Милліонной, Царицыну лугу, Суворовской площади и Троицкому мосту въ крѣпость. За колесницею слѣдовалъ императоръ Николай въ траурной епанчѣ, съ распущенною шляпою съ длиннымъ флеромъ. Это было послѣднее погребеніе члена императорской фамиліи, совершенное при соблюденіи всего стариннаго церемоніала, установившагося со времени кончины Петра Великаго. Императоръ Николай выразилъ при этомъ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

Съ портрета, писаннаго Ладурнеромъ.

Библиотека "Руниверс"

Факсимиле заглавнаго листа книги «Собраніе портретовъ , изданной въ 1825 году.

желаніе, чтобы подобный церемоніалъ не былъ примѣненъ при его погребеніи.

16-го (28-го) ноября цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ обратно въ Варшаву[258].

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику императрицы-матери:

«Марія Ѳеодоровна прожила слишкомъ 50 лѣтъ въ томъ дворцѣ, гдѣ теперь испустила духъ, и служила въ немъ живымъ урокомъ всѣхъ добродѣтелей; стараясь умягчать суровую строгость императора Павла, супруга его подавала собою примѣръ покорности его волѣ; она

Библиотека "Руниверс"

даровала Россіи двухъ монарховъ; была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣтельствовать бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ. Важнѣйшія, какъ и самыя мелкія подробности надзора за воспитаніемъ принятыхъ ею подъ свое попеченіе нѣсколькихъ тысячъ дѣтей и за устройствомъ множества больницъ занимали ее ежедневно по нѣскольку часовъ, и всѣмъ этимъ заботамъ она посвящала себя со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ высоко христіанской своей души. Уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, императрица никогда не отходила къ покою, не окончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не отвѣтивъ на всѣ полученныя ею въ тотъ день письма, даже самыя малозначащія. Она была рабою того, что называла своимъ долгомъ. Науки и художества всегда находили въ ней просвѣщенную и благоволительную покровительницу. Она любила чтеніе, не гнушалась рукодѣліемъ и, между тѣмъ, считая обязанностію своего сана содѣйствовать свѣтскимъ удовольствіямъ, съ этою цѣлью нерѣдко собирала во дворцѣ многолюдное общество на театральныя представленія и на балы. Въ лѣтнюю пору пріятно развлекалъ ее Павловскъ съ своими роскошными садами, въ которыхъ она занималась, съ особеннымъ знаніемъ дѣла, ботаникою и садоводствомъ. Къ числу отличительныхъ ея способностей принадлежало умѣнье такъ распредѣлять свои занятія, что у нея доставало времени на все, чему способствовали необычайная дѣятельность и необычайное здоровье.

«Взыскательная къ самой себѣ, она была требовательна и къ своимъ подчиненнымъ; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми; наконецъ, любя искренно и постоянно тѣхъ, кого удостоивала своею дружбою, или кому покровительствовала по влеченію сердца или по разсудку, требовала отъ нихъ полной взаимности. Единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была излишняя, можетъ статься, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ.

«Смертное ложе императрицы Маріи Ѳеодоровны было орошено слезами сокрушенія и благодарности. Трогательно было видѣть рыданія молодыхъ воспитанницъ ея заведеній, когда ихъ привозили на поклоненіе бездыханному тѣлу. Старые гренадеры, дѣти, сироты, придворные, вдовы и нищіе — все это плакало, ибо всѣ лишились въ ней матери и ангела хранителя».

Графиня Нессельроде въ письмахъ къ брату пишетъ:

«Для всѣхъ эта ужасная потеря является кошмаромъ; для своего возраста она была свѣжа, красива, никогда не болѣла. Всѣ слои общества будутъ въ отчаяніи; это именно была евангельская жена; доброты, благотворительности болѣе широкой, болѣе неустанной нельзя найти; ея жизнь была благомъ, еще необходимымъ для всей семьи. Императоръ глубоко опечаленъ... Я убѣждена, и это общее мнѣніе, что Рюль, докторъ императрицы, не понялъ болѣзни. Такова ужъ судьба, что наша

Библиотека "Руниверс"

императорская фамилія окружаетъ себя плохими докторами и настолько любитъ ихъ, что не хочетъ другихъ, а этотъ Рюль не понялъ болѣзни»

Императрица Марія Ѳеодоровна оставила обширныя, многотомныя записки, но, къ сожалѣнію, повелѣла ихъ сжечь послѣ своей кончины. Для исторіи Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія исчезновеніе этихъ записокъ составляетъ невознаградимую потерю.

14-го (26-го) января 1829 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«По ея приказанію, я былъ долженъ лично сжечь цѣлый ящикъ, наполненный серіей томовъ, родомъ воспоминаній или дневника, писанныхъ ею собственноручно, изъ года въ годъ, восходящихъ до семидесятыхъ годовъ и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, что это меня очень огорчило. Непонятно, какъ моя матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею» [260].

Отвѣчая государю, цесаревичъ писалъ, что ему вполнѣ понятно огорченіе, испытанное братомъ при сожженіи дневника императрицы-матери. «Было бы очень любопытно прочесть его, но если уже такова была ея воля, то оставалось только въ точности ее исполнить» [261],— заключаетъ Константинъ Павловичъ.

6-го (18-го) декабря 1828 года, въ день тезоименитства императора Николая, розданы были щедрыя награды многимъ сановникамъ.

Предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Кочубей получилъ портретъ государя, украшенный алмазами; князь А. Н. Голицынъ, графъ П. А. Толстой и генералъ-адъютантъ Васильчиковъ — алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; графъ Нессельроде — орденъ св. Андрея Первозваннаго; генералъ-адъютанты графъ Чернышевъ и Бенкендорфъ — орденъ св. Владимира первой степени.

О принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ вспомнили нѣсколько позже, въ 1829 году. Послѣ назначенія графа Дибича главнокомандующимъ напечатана была 1-го (13-го) апрѣля высочайшая грамота:

«Въ ознаменованіе особеннаго уваженія нашего къ благоразумнымъ распоряженіямъ и отличной храбрости, оказаннымъ вашимъ королевскимъ высочествомъ въ продолженіе кампаніи 1828 года противу турокъ, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пребывая навсегда императорскою нашею милостію къ вамъ благосклонны».

Кромѣ того, принцъ получилъ по этому случаю еще ранѣе особый рескриптъ государя слѣдующаго содержанія:

«Командуя въ продолженіе большей части прошлой кампаніи 7-мъ корпусомъ, ваше королевское высочество оказали на полѣ чести отличныя заслуги во многихъ бояхъ примѣрною твердостію и храбростію и выказали себя передъ непріятельскими войсками опытнымъ и

Библиотека "Руниверс"

проницательнымъ полководцемъ. Поэтому почитаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вашему высочеству за всѣ эти похвальные труды и отличныя дѣйствія мою искреннюю признательность, въ знакъ чего препровождая у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный и доброжелательный».

Несмотря на всѣ старанія принца Евгенія, рескриптъ не былъ обнародованъ въ Россіи. «Journal de St. Pétersbourg» отвѣтилъ принцу, что редакція не уполномочена принять рескриптъ. «Я подозрѣваю, какъ все это случилось,— пишетъ принцъ въ своихъ запискахъ.— Первыя слова вылились у Николая отъ души, когда же затѣмъ онъ подписывалъ грамоту, пущено было въ ходъ, съ вѣдома его или нѣтъ, чужое коварство. И развѣ уже во времена Александра со мною не случалось неоднократно нѣчто подобное «во имя требованій политики»[262]? Развѣ не могли сказать Николаю Павловичу: «Оправдывая публично своего двоюроднаго брата, вы обвиняете самого себя»? Отрекаясь теперь отъ того, что имъ было признано по чувству справедливости, императоръ служилъ не своему интересу, могущему только выиграть при каждомъ благородномъ поступкѣ, а явился орудіемъ мести. Мнѣ извѣстна пружина этой мести, но я ея не назову; скажу только, что во всѣхъ странахъ люди интригуютъ, клевещутъ и злословятъ, и честные люди при дворѣ бываютъ заклеймены навѣтами».

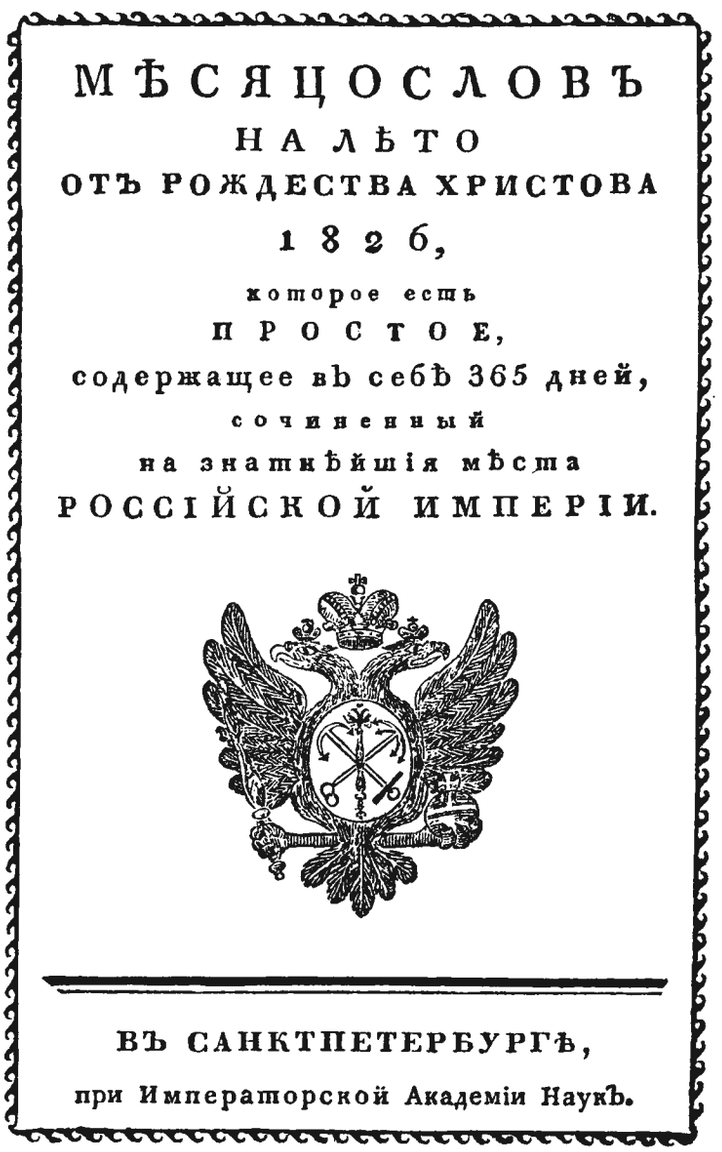
Недоброжелателя своего, графа Дибича, принцъ не признаетъ причастнымъ въ случившемся дѣлѣ. «Я думаю скорѣе,— пишетъ принцъ,— что Дибичъ отъ души пожелалъ бы мнѣ теперь цѣлые милліоны, даже цѣлое королевство, такъ какъ онъ не былъ завистливъ, но только честолюбивъ и жаждалъ славы». Замѣтимъ здѣсь, въ объясненіе отзыва принца Евгенія, что въ то время графъ Дибичъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи.

Немедленно послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣдовалъ, 26-го октября (7-го ноября) 1828 года, указъ сенату, въ которомъ сказано:

«Желая, чтобъ всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Бозѣ почившей любезнѣйшей родительницы нашей, государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, и ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми же преимуществами и выгодами, дѣйствовать, какъ доселѣ, на пользу государства и человѣчества, мы признали за благо для теченія дѣлъ, къ симъ учрежденіямъ относящихся, установить предварительно слѣдующій порядокъ:

«1) Императорскій воспитательный домъ со всѣми принадлежащими къ оному заведеніями, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, учи-

Библиотека "Руниверс"


МѢСЯЦОСЛОВЪ
НА ЛѢТО
ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
1826,
которое есть
ПРОСТОЕ,
содержащее въ себѣ 365 дней,
сочиненный
на знатнѣйшія мѣста
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ.

Факсимиле заглавнаго листа «Мѣсяцеслова» на 1826 годъ.

лище ордена св. Екатерины, Павловская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи любезнѣйшей родительницы нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особенное наше покровительство.

«2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учрежденій, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою, остаются прежнія безъ всякаго измѣненія.

«3) Начальства каждаго изъ сихъ учрежденій представляютъ намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ долженствовали бы по-

Библиотека "Руниверс"

ступить на разсмотрѣніе въ Бозѣ почивающей любезнѣйшей родительницы нашей.

«4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія нашихъ по онымъ повелѣній, назначается при насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи».

На эту вновь созданную должность императоръ Николай назначилъ долголѣтняго секретаря и довѣреннаго сотрудника императрицы Маріи Ѳеодоровны, тайнаго совѣтника Григорія Ивановича Вилламова; вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно было присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Одновременно съ этими распоряженіями канцелярія императрицы Маріи Ѳеодоровны была переименована въ IV-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи и ввѣрена управленію статсъ-секретаря Вилламова.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Война въ Европейской Турціи въ 1828 году не привела къ какимъ либо рѣшительнымъ результатамъ; она имѣла для русской арміи одинъ почетный исходъ, не оправдавъ ожиданій императора Николая. Покореніе Браилова и Варны вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика могло только обезпечить открытіе въ 1829 году новой кампаніи, благопріятный исходъ которой привелъ бы насъ къ желанному миру и позволилъ бы кончить «cette guerre odieuse», какъ называлъ эту войну императоръ Николай въ своей перепискѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Между тѣмъ духъ турецкой арміи и рѣшимость оттоманскаго правительства возвысились послѣ неудачныхъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ Шумлы и Силистріи, а также поздняго паденія Варны. Громадныя же потери среди русской арміи отъ болѣзней[263], соединенныя съ утратою почти всѣхъ лошадей, независимо отъ частныхъ неудачъ, испытанныхъ арміею графа Витгенштейна въ открытомъ полѣ, должны были вселить въ Константинополѣ надежду на успѣшное продолженіе борьбы, начавшейся въ 1828 году при крайне неблагопріятной для Порты обстановкѣ. Уже одно то обстоятельство, что султанъ Махмудъ безъ всякой посторонней помощи не погибъ въ единоборствѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлась Россія, должно было поднять значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ и обрадовать всѣхъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Менѣе благопріятно для Оттоманской Порты сложилась кампанія на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Покореніе Карса и Ахалцыха покрыло славою графа Паскевича, обезпечивая за нимъ достиженіе столь же блестящихъ успѣховъ въ 1829 году.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Императоръ Николай немедленно занялся самымъ важнымъ въ то время для Россіи дѣломъ: реорганизаціей дѣйствующей арміи и подготовленіемъ средствъ для продолженія войны. Но ко всѣмъ этимъ заботамъ чисто военнаго характера присоединялись еще политическія соображенія: какимъ образомъ отнесется Европа къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ?

При всей враждебности къ Россіи мнѣнія западно-европейскихъ державъ относительно исхода борьбы Россіи съ Турціею расходились между собою. Неудачи наши возбудили прежде всего ликованіе въ Вѣнѣ: Турціи пророчили въ будущемъ полную побѣду. Канцлеръ, «l'ami Metternich», по выраженію императора Николая, считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина русскихъ войскъ, тѣснимыхъ турками и доведенныхъ до печальной необходимости искать убѣжища на трансильванской территоріи [264]. Изреченіе, встрѣчающееся въ перепискѣ того времени: «le jour où un cabinet prononcera le mot de coalition, on s'étonnera de la trouver toute prête», представляло извѣстную долю правды [265]. Недавно еще Европу пугали русскимъ исполиномъ; теперь этого исполина хотѣли изобразить карликомъ. Положеніе русской арміи стали сравнивать съ отступленіемъ французовъ въ 1812 году. Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ Меттерних ласкалъ себя увѣренностію, что вскорѣ ему представится случай разыграть роль посредника, чтобы явиться рѣшителемъ судебъ Востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества вѣнскій кабинетъ призналъ даже полезнымъ поддерживать Порту въ ея рѣшеніи продолжать борьбу съ Россіею.

Вообще же, за исключеніемъ обычнаго коварства со стороны Австріи по отношенію къ нашимъ восточнымъ дѣламъ, случайное сочетаніе политическихъ созвѣздій намъ благопріятствовало; неудачи же наши на Балканскомъ полуостровѣ какъ бы поддерживали это счастливое сочетаніе. Посолъ нашъ при французскомъ дворѣ, графъ Поццо ди-Борго, прекрасно формулировалъ причину подобнаго явленія въ слѣдующихъ словахъ: «Смѣлость и мѣры правительствъ, враждебныхъ намъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую онѣ составятъ себѣ о нашемъ могуществѣ».

Въ виду роковой необходимости продолжать борьбу съ Портою для нанесенія ей болѣе рѣшительныхъ ударовъ и достиженія такимъ путемъ желаемаго мира, приходилось государю, прежде всего, подумать о выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленіи личнаго состава штаба арміи, предназначенной дѣйствовать въ 1829 году на Балканскомъ полуостровѣ.

Выше было уже не разъ указано на зависимое положеніе, въ которое былъ поставленъ фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ во время всего

Библиотека "Руниверс"

ПРИКАЗЪ

РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ.

Миръ съ Персіею, славный и полезный Отечеству, не положилъ еще конца знаменитымъ подвигамъ Россійскаго воинства. Брань справедливая прекращена съ одной стороны: но съ другой предстоитъ намъ новая брань, столько же справедливая, для защиты чести нашей и правъ, купленныхъ цѣною крови Русской. Великодушное терпѣніе Благословеннаго АЛЕКСАНДРА было уже истощено враждебными поступками Турецкаго Правительства: нынѣ сіе Правительство преисполнило мѣру и явно сложило съ себя личину дружелюбія, едва утвердивъ миръ священнѣйшими клятвами. Мы идемъ пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ.

Воины! сражаясь съ народами просвѣщенными, искусными въ битвѣ, вы пріобрѣли славу неувядаемую, не одною храбростію побѣждая, но и благодушіемъ. Безотвѣтное повиновеніе Начальникамъ, строгое соблюденіе порядка и милосердіе къ побѣжденнымъ, были всегда отличительною чертою Русскихъ ратниковъ. Отъ того мирные граждане вездѣ столь же радовались вашему пришествію, и вами побѣжденные именовали васъ избавителями. Вы сохраните и нынѣ сію драгоцѣнную славу: простирая дружелюбно руку къ единовѣрцамъ нашимъ, поражайте строптивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ; щадите достояніе, домы и самые храмы враговъ, хотя и другую вѣру исповѣдающихъ. Такъ велитъ наша вѣра, Святое ученіе Спасителя! Преклонившій къ себѣ кротостію и человѣколюбіемъ ожесточенныхъ, защитившій сиротy и вдовицу — наравнѣ съ храбрѣйшимъ въ боѣ будешъ близокъ къ Моему сердцу.

Воины Русскіе! Вы не обманете Моихъ ожиданій. Съ нами Богъ, вѣнчающій побѣдами доблесть и правду!

На подлинномъ подписано Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

НИКОЛАЙ.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 14 дня 1828 года.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

(Съ литографіи Басина, сдѣланной съ портрета А. Брюлова).

Библиотека "Руниверс"

похода. Рядомъ съ нимъ возсѣдала власть какъ бы другого негласнаго главнокомандующаго, въ лицѣ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, графа Дибича, который все время находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ, велъ помимо фельдмаршала обширную по дѣламъ арміи переписку и руководилъ ходомъ операцій вполнѣ самостоятельно, будучи уполномоченъ на то высочайшимъ довѣріемъ. О настоящемъ главнокомандующемъ, графѣ Витгенштейнѣ, въ счастливую пору войны 1828 года обыкновенно какъ бы забывали; онъ вполнѣ стушевался предъ всепоглощающимъ авторитетомъ графа Дибича. Только неудачи и затрудненія, проявившіяся во время безцѣльнаго шумлинскаго сидѣнія, заставляли вспоминать о лицѣ официально отвѣтственнаго главнокомандующаго[266]. Укоры сыпались тогда на голову несчастнаго старца, клястицкіе лавры котораго уже сильно поблекли еще съ 1813 года, послѣ Люцена и Бауцена. «Tenez tête à votre vieux maréchal et employez mon nom quand on ne vous obéit pas», — писалъ 27-го августа (8-го сентября) императоръ Николай графу Дибичу, но просьба главнокомандующаго объ увольненіи, заявленная послѣ неудачныхъ дѣлъ подъ Шумлою, тѣмъ не менѣе не была уважена[267]. Въ другомъ письмѣ къ Дибичу государь еще болѣе рѣзко выразился насчетъ графа Витгенштейна, сказавъ: «Вообще глупость и безпечность фельдмаршала проглядываютъ во всемъ, и ваша болѣзнь, любезный другъ, открыла ему совершенный просторъ для полнаго обнаруженія своей неспособности»[238].

Послѣ паденія Варны и отъѣзда государя изъ арміи въ Россію фельдмаршалъ возобновилъ свою просьбу объ увольненіи, испрашивая соизволеніе на отъѣздъ въ Подольскую губернію, по отправленіи войскъ на зимнія квартиры[269].

Просьба графа Витгенштейна была вторично отклонена; онъ удостоился получить изъ С.-Петербурга рескриптъ слѣдующаго содержанія, помѣченный 11-мъ (23-мъ) ноября 1828 года:

«Графъ Петръ Христіановичъ! Съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, отъ 5-го октября, намѣреніе ваше оставить командованіе дѣйствующею арміею. Предводительствуя оною въ продолженіе кампаніи столь трудной, какова настоящая, подвергаясь вліянію климата вреднаго и всѣмъ тягостямъ военнымъ, вы стяжали несомнѣнныя права на живѣйшую мою признательность и многими опытами вновь доказали, сколь полезна отечеству усердная ваша служба. Посему убѣдительно прошу васъ сохранить начальство надъ ввѣренною вамъ арміею и не оставлять оной даже временно, доколѣ не расположите войскъ на зимнія квартиры, не возстановите въ оныхъ частей, разстроенныхъ въ продолженіе настоящей кампаніи, не обезпечите успѣшнаго открытія будущей. Вы не отклоните отъ себя исполненія сего моего желанія, и

Библиотека "Руниверс"

новымъ доказательствомъ постояннаго усердія вашего къ отечеству и личной ко мнѣ привязанности пріиму служеніе ваше; но, если, совершивъ труды, въ продолженіе зимы вамъ предстоящіе, вы почувствуете необходимость возвратиться въ кругъ вашего семейства на мѣсяцъ или на шесть недѣль, не слагая съ себя впрочемъ командованія арміею, то я охотно на сіе соглашаюсь, оставаясь въ совершенной увѣренности, что, собравъ временнымъ отдохновеніемъ новыя силы, вы съ полною готовностію возвратитесь къ исполненію предначертаній моихъ для будущей кампаніи.

«Пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ

«Николай» [270].

По полученіи рескрипта, столь милостиво выражавшаго волю государя, графу Витгенштейну оставалось только благодарить и съ покорностію продолжать нести почетное бремя, обратившееся для него уже давно въ терновый вѣнецъ [271].

Въ половинѣ декабря графъ Дибичъ пріѣхалъ изъ арміи въ С.-Петербургъ. Для полнаго разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ возвращеніе въ столицу начальника главнаго штаба, необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

Послѣ своего пріѣзда изъ Варны императоръ Николай приступилъ въ письмахъ къ графу Дибичу къ обсужденію условій будущей кампаніи противъ турокъ. Первоначально она обрисовывалась государю въ слѣдующемъ видѣ: онъ признавалъ невозможнымъ удержать фельдмаршала на мѣстѣ главнокомандующаго, въ виду выраженнаго имъ положительнаго желанія отказаться отъ командованія арміею; но, конечно, отъѣздъ его долженъ будетъ послѣдовать не ранѣе расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ. «Проѣзжая черезъ Могилевъ,— писалъ императоръ Николай графу Дибичу 16-го (28-го) октября,—я видѣлся съ добрымъ старикомъ Сакеномъ (le bon vieux Sacken), и я опасаюсь, что слабость воспрепятствуетъ ему принять то новое назначеніе, которое вообще вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ; пока Ланжеронъ можетъ оставаться, какъ старѣйшій изъ генераловъ, безъ титула командующимъ войсками въ Молдавіи, а Ротъ въ Болгаріи; если же нельзя будетъ избѣжать второй кампаніи, то мнѣ придется возвратиться, и тогда я буду лично командовать, имѣя подъ своимъ начальствомъ Ланжерона» [272].

Относительно плана будущей кампаніи государь подъ вліяніемъ, конечно, недавнихъ событій полагалъ полезнымъ не переходить Балканъ, находя, что здравый смыслъ и благоразуміе настоятельно требуютъ оставить всякую о томъ мысль. Признавалось достаточнымъ удержать за нами то, что было покорено, и затѣмъ овладѣть тѣми пунктами, ко-

Библиотека "Руниверс"

торые еще не находились въ нашей власти [273]. Слѣдовательно, вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію одной линіи Дуная, то-есть къ плану кампаніи, примѣненному уже однажды съ такимъ неуспѣхомъ во время семилѣтней войны съ Турціею въ царствованіе императора Александра (съ 1806 по 1812 годъ). «Этотъ планъ кампаніи,—писалъ императоръ Николай,—докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ дѣло, не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осмотрительнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который можетъ привести насъ къ большимъ результатамъ» [274].

Въ такомъ же духѣ императоръ Николай писалъ графу Паскевичу 15-го (27-го) ноября:

«Опыты настоящей кампаніи въ Европейской Турціи показали, съ какими затрудненіями и пожертвованіями по естественному положенію и состоянію сего края сопряжены въ ономъ отдаленныя предпріятія. Сюда наиболѣе принадлежатъ разрушительныя дѣйствія вреднаго здоровью климата и совершенный недостатокъ мѣстныхъ способовъ къ удовлетворенію потребностей многочисленной арміи, болѣе еще увеличивающійся по чрезвычайнымъ трудностямъ, коими перевозки и доставки всякаго рода сопровождаются. По симъ соображеніямъ и въ особенности по видамъ нынѣшняго состоянія Европы, я предполагаю въ продолженіе будущей кампаніи вести за Дунаемъ войну болѣе систематическую, нежели наступательную: ограничиться овладѣніемъ Силистріи, Журжи и другихъ крѣпостей, оставшихся доселѣ въ рукахъ турокъ на рѣкѣ сей, стать на оной твердой ногою и съ сего основанія дѣлать демонстраціи къ сторонѣ Бургаса и, смотря по обстоятельствамъ, отъ сего рода войны перейти къ дѣйствіямъ болѣе наступательнымъ, ежели, по соображеніи силъ и движеній непріятеля, въ открытомъ полѣ представится тому благопріятный случай».

Для выполненія подобнаго плана кампаніи графъ Витгенштейнъ признавался вполнѣ способнымъ, и предположено его не трогать.

Графъ Дибичъ, съ своей стороны, одобрилъ всѣ предположенія государя относительно обреченія арміи на атаку дунайской оборонительной линіи, предполагая только, предварительно, при открытіи кампаніи овладѣть, во что бы то ни стало, Шумлою—при помощи штурма. Затѣмъ уже графъ находилъ возможнымъ спокойно приступить къ покоренію дунайскихъ крѣпостей. «Это движеніе главныхъ силъ вполнѣ оборонительное и даже до нѣкоторой степени отступательное,—писалъ въ заключеніе Дибичъ государю,—доказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и выяснило бы принятую систему дѣйствій» [275].

Но въ то время, когда графъ Дибичъ разсуждалъ такимъ образомъ, полагая, что дѣйствуетъ согласно мыслямъ государя, въ Петербургѣ

Библиотека "Руниверс"

произошелъ переворотъ въ мнѣніяхъ насчетъ плана будущей кампаніи, произведенный со стороны, отъ которой никто ничего подобнаго не ожидалъ.

Генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ обратился къ императору Николаю съ прямодушною рѣчью честнаго солдата и представилъ

Императоръ Николай Павловичъ на денныхъ маневрахъ.
(Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца).

государю записку, заключающую въ себѣ самую безпощадную критику всего совершившагося въ 1828 году на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Записка Васильчикова, носящая заглавіе: «Apperçu sur la campagne de 1828», настолько важна и поучи-

Библиотека "Руниверс"

тельна, что необходимо познакомиться съ ея содержаніемъ, прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему изложенію событій этого времени.

Исходной точкой разсужденій Васильчикова была мысль, что, готовясь къ новой войнѣ, нужно воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ истекшей кампаніи, остерегаясь впасть въ тѣ же ошибки, которыя воспрепятствовали намъ въ достиженіи болѣе положительныхъ результатовъ.

«Цѣль этого обзора,— пишетъ Васильчиковъ,— заключается въ изслѣдованіи причинъ, которыя вызвали неудачный исходъ кампаніи, и въ указаніи средствъ, могущихъ обезпечить успѣхъ похода, нынѣ предстоящаго къ исполненію. Я не имѣю намѣренія представить планъ военныхъ дѣйствій и еще менѣе принять на себя роль строгаго критика. Я хочу только высказать моему государю тѣ замѣчанія, которыя я имѣлъ случай сдѣлать. Оканчивая свою военную карьеру, одержимый недугами, я не могу быть обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ или въ интригѣ. Я буду вполнѣ счастливъ, если хотя одна мысль, заключающаяся въ предлагаемомъ обзорѣ, будетъ признана полезною и послужитъ къ славѣ моего государя».

Затѣмъ Васильчиковъ продолжаетъ: «Причины неудачнаго исхода этой кампаніи не слѣдуетъ искать ни въ дурно избранной операціонной линіи, ни въ стратегическихъ или тактическихъ ошибкахъ, наконецъ ни въ превосходствѣ и искусствѣ непріятеля; легко прослѣдить ихъ въ ошибочныхъ расчетахъ относительно численности войскъ, которыя должны были быть введены въ дѣло, и въ невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись о наступательныхъ средствахъ султана и духѣ, воодушевлявшемъ его войска. Пренебрегая своимъ противникомъ, возмечтали, къ несчастію, о тріумфальномъ шествіи до Константинополя и не обращали вниманія на безчисленныя затрудненія, представляемыя этой войною. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно обратить вниманіе на силы, съ которыми двинули императора россійскаго для покоренія Оттоманской имперіи; при семъ окажется, что эта армія Ксеркса, какъ называли ее иностранные дипломаты въ Петербургѣ, заключала въ себѣ едва 90.000 человѣкъ. Этими силами предполагали занять Молдавію и Валахію, блокировать дунайскія крѣпости, предпринять осаду Браилова и двинуться противъ Варны и Шумлы. Очевидно, что надежда одержать успѣхъ столь незначительными силами могла только быть основана на убѣжденіи, что придунайскія крѣпости падутъ при нашемъ появленіи, и что Шумла представляетъ собою открытую позицію, какъ говорили лица, утверждавшія, что обозрѣвали ее... Очевидно, что начальникъ штаба основалъ приготовленія къ войнѣ на неточныхъ данныхъ, отстранивъ всякое обсужденіе съ военными людьми, опытность которыхъ могла бы представить болѣе положительныя свѣдѣнія. Даже геній не можетъ все сдѣлать самъ собою, и нѣтъ настолько талантливыхъ людей, которые

Библиотека "Руниверс"

могли бы обойтись безъ чужихъ мыслей. Осмѣливаюсь обратить вниманіе государя на сію истину; его императорское величество не располагаетъ въ своей арміи и въ своемъ совѣтѣ столь высокимъ геніемъ, которому онъ могъ бы всецѣло одному съ полнымъ довѣріемъ поручить разработку приготовленій ко второй кампаніи; но онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько талантливыхъ людей, опытностью и мнѣніемъ коихъ нельзя пренебречь. Собравъ въ комитетѣ тѣхъ изъ нихъ, достоинства которыхъ внушаютъ наиболѣе довѣрія, и поручивъ имъ въ своемъ присутствіи обсужденіе плана дѣйствій и принятіе мѣръ, обезпечивающихъ успѣшное его выполненіе, государь имѣлъ бы возможность всесторонне обсудить дѣло и остановиться на мнѣніи, отвѣчающемъ его намѣреніямъ. Частное обсужденіе въ отдѣльности съ этими же самыми лицами было бы болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ... Нѣтъ надобности, чтобы этотъ комитетъ былъ очень многолюднымъ: достаточно призвать трехъ или четырехъ лицъ».

Указавъ на необходимость совѣщанія для рѣшенія столь важнаго вопроса, Васильчиковъ останавливается на разсмотрѣніи другого больного мѣста истекшей кампаніи и яркими красками рисуетъ неудобство, происходящее отъ назначенія фельдмаршала главнокомандующимъ арміею въ то время, когда императоръ лично ею предводительствуетъ. «Подобный конфликтъ власти не можетъ быть полезенъ,—пишетъ Васильчиковъ,—новѣйшая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ. Дѣйствительно, если фельдмаршалъ даровитый и достойный человѣкъ, онъ не пожелаетъ принять на себя роль подобія главнокомандующаго; если же, напротивъ того, выборъ падетъ на неспособнаго человѣка, который все позволитъ, я не вижу пользы отъ его назначенія[276]. Напрасно мнѣ скажутъ, что государь не можетъ самъ войти въ частности администраціи арміи, и что именно для этого необходимо присутствіе главнокомандующаго; на подобное возраженіе я долженъ дать тотъ же отвѣтъ, что талантливый человѣкъ не пожелаетъ ограничиться исполненіемъ обязанностей интенданта арміи, и что человѣкъ неспособный не въ состояніи управлять ею, но приведетъ въ разстройство. Если даже предположить, что найдутъ достойнаго человѣка, готоваго жертвовать своимъ самолюбіемъ, то его начальникъ штаба будетъ находиться въ положеніи столь же ложномъ, какъ и трудномъ; столкновеніе двухъ властей: главнокомандующаго и начальника штаба императора, стѣснитъ и затруднитъ его работу; онъ будетъ состоять подъ руководствомъ какъ того, такъ и другого; вынужденный угождать обоимъ, онъ не дерзнетъ исполнить приказанія главнокомандующаго, не заручившись одобреніемъ начальника штаба императора; онъ будетъ терять время на пустые переговоры, дѣла будутъ накопляться, рѣшенія пострадаютъ отъ слишкомъ большой поспѣшности, и слѣдствіемъ всего этого явится безпорядокъ. Я имѣлъ случай

Библиотека "Руниверс"

убѣдиться положительнымъ образомъ въ вѣрности того, что я здѣсь утверждаю, и поэтому я не опасаюсь возраженій. Итакъ, принимая за исходную точку принципъ, что централизація и единство власти составляютъ одно изъ главнѣйшихъ условій для хорошо организованной арміи, я твердо стою на томъ, что если государь командуетъ лично, главнокомандующій представляется лишнимъ колесомъ, которое затрудняетъ движеніе машины».

Всѣ эти правдивыя, но рѣзкія замѣчанія по поводу кампаніи 1828 года Васильчиковъ нѣсколько смягчилъ, высказавъ въ заключеніе истину, противъ которой, какъ онъ выражается, никто не станетъ возражать, а именно: ни переходъ черезъ Дунай, ни покореніе Варны не имѣли бы мѣста безъ твердой воли и предусмотрительности государя; продолжали бы упорствовать въ штурмѣ или въ блокадѣ Шумлы, притянули бы къ ней гвардію [277], а благопріятное для военныхъ дѣйствій время года было бы окончательно утрачено безъ всякаго полезнаго результата [278].

Императоръ Николай оцѣнилъ по достоинству правдивое слово Васильчикова, и высказанныя имъ въ представленной запискѣ истины и полезные совѣты не остались подъ спудомъ. Государь освоился съ принципомъ, выставленнымъ Васильчиковымъ, какъ непреложная истина: на войнѣ, въ виду непріятеля, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями; но, занимаясь подготовленіемъ кампаніи, слѣдуетъ призвать для обсужденія людей опытныхъ и способныхъ. Эти мысли не замедлили получить практическое примѣненіе.

19-го ноября (1-го декабря) 1828 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, собранъ былъ комитетъ, въ которомъ приняли участіе: графъ В. П. Кочубей, графъ Чернышевъ, баронъ Толь и П. В. Васильчиковъ [279]. Въ этомъ засѣданіи, получившемъ несомнѣнно важное историческое значеніе, государь счелъ умѣстнымъ заявить собранію, что цѣль дальнѣйшей войны съ Турціею не заключается вовсе въ покореніи Константинополя или же въ низверженіи султана, но единственно въ пріобрѣтеніи возможно большихъ гарантій для принужденія Оттоманской Порты заключить миръ, могущій впредь обезпечить прочнымъ и непоколебимымъ образомъ точное выполненіе преимуществъ, утвержденныхъ за Россіею прежними трактатами. Затѣмъ государь присовокупилъ, что полагаетъ возможнымъ назначить для предстоявшей теперь кампаніи не болѣе 120.000 человѣкъ, и пригласилъ собравшихся лицъ изложить свое мнѣніе о наилучшемъ употребленіи этихъ силъ для достиженія результата, имѣвшагося въ виду правительствомъ при объявленіи войны Турціи [280].

Выслушавъ объясненія, данныя государемъ, всѣ присутствовавшіе на совѣщаніи сановники высказались противъ предположенной систе-

Библиотека "Руниверс"

Mon Mr le Comte je vous remercie de votre
lettre je suis extrêmement content
de tout vos dispositions, ainsi du pla-
pour votre detachement au moins pour 6 a
7 jours — Peut etre je viendrai vous —
rejoindre, — autrement vous marcherés —
sur le grand chemin de Trapesonde et
de la vous faires votre retraite, sur Bibout
tout nos bagage vont tout droit sur —
cette route. adieu je vous remercie beaucoup.

Votre très humble serviteur.

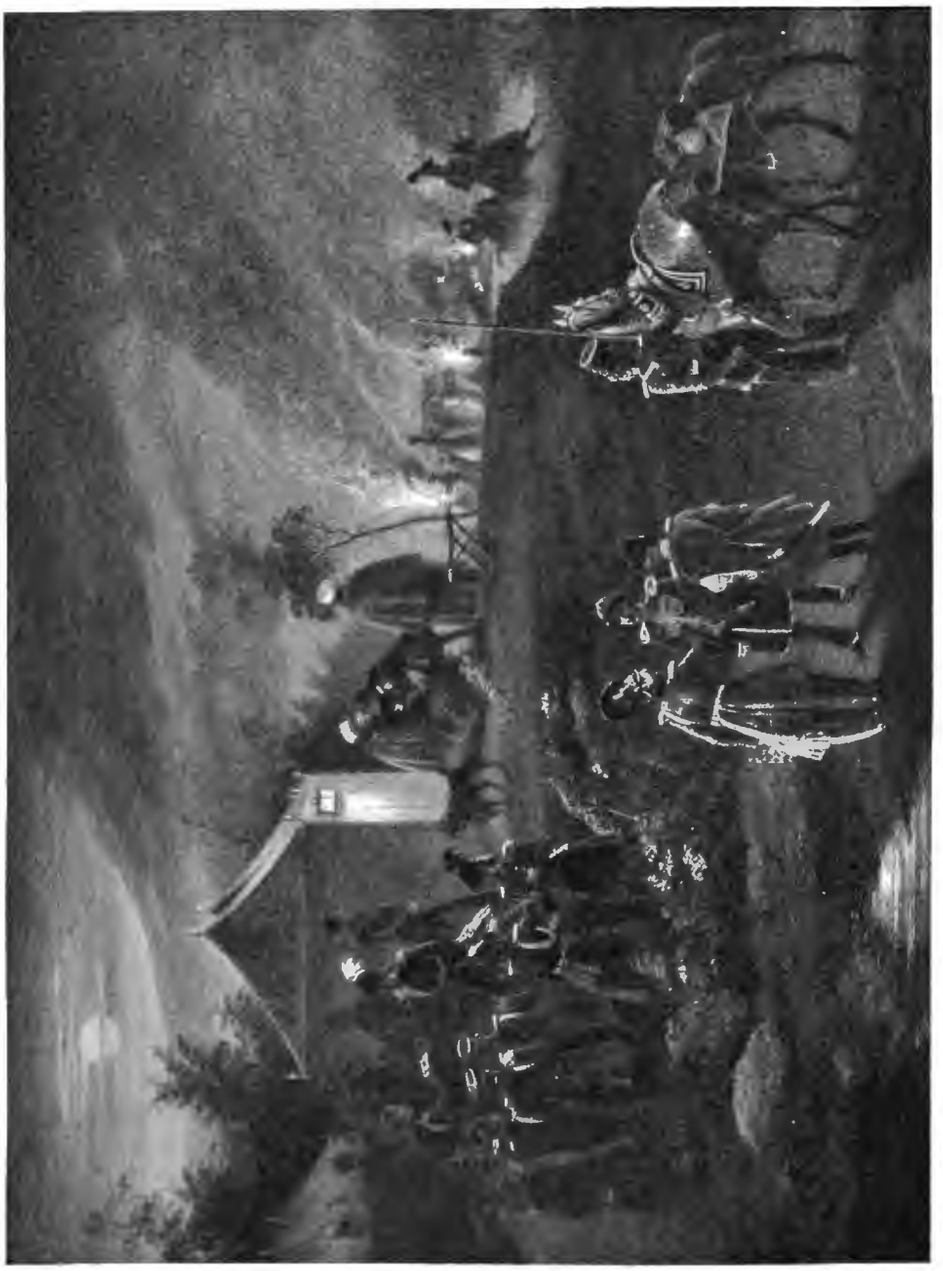
C. Jean Paskewitch d'Erivan.

1829 le 15/27 11.
Camp. de Tmlia.

ПИСЬМО ГРАФА И. Ѳ. ПАСКЕВИЧА ГРАФУ СИМОНИЧУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



Императоръ Николай Павловичъ на ночныхъ маневрахъ.
(Съ литографіи того времени).

Библиотека "Руниверс"

матической войны на Дунаѣ, а, напротивъ того, признали необходимымъ стараться причинить непріятелю чувствительные, сильные и неожиданные удары, могущіе ввергнуть его въ состояніе полнаго оцѣпенѣнія и страха; только такимъ способомъ веденія войны признавалось возможнымъ принудить султана къ уступкамъ [281]. Принявъ такую точку зрѣнія относительно характера предстоявшихъ въ 1829 году военныхъ дѣйствій, комиссія перешла къ обсужденію въ общихъ чертахъ будущаго Забалканскаго похода.

Во время засѣданія 19-го ноября былъ затронутъ весьма важный вопросъ: слѣдуетъ ли воспользоваться настроеніемъ сербовъ и содѣйствовать возстанію ихъ въ нашу пользу? Вопросъ о сербахъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ признавалось затруднительнымъ отдѣлить отъ арміи для этой цѣли 15.000 человѣкъ, и сверхъ того привлеченіе сербовъ къ войнѣ затронуло бы слишкомъ близко интересы вѣнскаго кабинета, усложнивъ чрезвычайно заключеніе мира. Тѣмъ не менѣе, совѣщаніе признало, однако, что если успѣхи русскаго оружія дозволятъ предложить миръ и въ случаѣ, если умѣренность требованій государя не была бы признана Европою, то въ такомъ случаѣ это понудительное средство могло бы быть употреблено безъ неудобства; никто не имѣлъ бы тогда права протестовать [282].

Когда все это совершилось, и императоръ Николай уже освоился съ новымъ взглядомъ на задачи предстоявшей кампаніи, графъ Дибичъ появился въ Петербургѣ. Нужно полагать, что онъ былъ немало удивленъ перемѣною, совершившейся въ воззрѣніяхъ государя; но Дибичъ съ присущею ему ловкостью тотчасъ примѣнился къ новымъ требованіямъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ постепенно отступился отъ своихъ прежнихъ заявленій и, сдѣлавшись сторонникомъ Забалканскаго похода, пересталъ признавать занятіе Шумлы необходимымъ условіемъ завершенія кампаніи; когда же рѣчь заходила объ ошибкахъ прошлогодней кампаніи, онъ постоянно повторялъ: «я это прекрасно знаю, это ужасно, это постыдно».

Всего важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, было рѣшеніе, принятое государемъ, отказаться отъ личнаго предводительствованія арміею. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, придавая своему рѣшенію религіозный оттѣнокъ, любилъ говорить: «que ce n'est pas la volonté de Dieu qu'il se distingue à la tête de ses armées» [283]. При такой постановкѣ дѣла рѣшеніе вопроса, кому быть главнокомандующимъ, стало на первой очереди.

Графъ Дибичъ повелъ дѣло съ большимъ искусствомъ. Прежде всего онъ вспомнилъ о своемъ бывшемъ главнокомандующемъ, при которомъ онъ нѣкогда состоялъ начальникомъ штаба. Поднятъ былъ вопросъ о замѣнѣ графа Витгенштейна такой же развалиной: «ce bon vieux Sacken». 31-го декабря, графъ Дибичъ поручилъ генералъ-адъютанту Толю на-

Библиотека "Руниверс"

писать въ этомъ смыслѣ частное письмо въ Могилевъ[284]. 4-го (16-го) января 1829 года фельдмаршалъ Сакенъ отвѣчалъ, что старость и недуги его, конечно, требуютъ снисхожденія, но что уже одно предполагаемое присутствіе въ арміи государя воодушевитъ его и обезпечитъ успѣхъ; содѣйствіе же со стороны барона Толя послужитъ ему существенною поддержкою.

На это письмо Толь сообщилъ Сакену, что онъ доложилъ графу Дибичу содержаніе полученнаго письма, но еще рѣшительнаго отвѣта не послѣдовало, а поэтому онъ полагаетъ, что почтенные годы фельдмаршала все-таки будутъ приняты въ соображеніе[285].

Между тѣмъ графъ Витгенштейнъ, пребывая въ своей главной квартирѣ въ Яссахъ, ничего не подозрѣвая о томъ, что творилось въ это время въ Петербургѣ, предавался мыслямъ о систематической войнѣ, предстоявшей ему въ 1829 году; спокойное теченіе его мыслей было внезапно прервано сообщеніемъ графа Дибича, что «систематическая война» отстранена, и для кампаніи 1829 года намѣченъ переходъ черезъ Балканы.

Въ отвѣтъ на это письмо фельдмаршалъ написалъ графу Дибичу 13-го (25-го) января, что для предположеннаго послѣ взятія Силистріи движенія за Балканы и занятія Бургаса, Айдоса и Карнабата потребуются большія силы (de grandes forces réunies), а потому указывалъ на необходимость направить гвардію въ княжества ко времени наступательнаго движенія арміи, въ противномъ же случаѣ графъ Витгенштейнъ выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ и отказывался отъ принятія на себя отвѣтственности (je doute du succès et je ne prends pas la responsabilité sur moi)[286].

Письмо фельдмаршала развязало руки въ Петербургѣ. Графъ Витгенштейнъ получилъ отвѣтъ, который долженъ былъ привести его въ немалое изумленіе. Въ немъ графъ Дибичъ писалъ, что государь усматриваетъ изъ разсужденій фельдмаршала, что, такъ какъ въ виду недостаточныхъ силъ арміи онъ не признаетъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность за исполненіе требуемаго плана дѣйствій, его величеству приходится, къ сожалѣнію, приступить къ выбору новаго главнокомандующаго. Преемникъ графа Витгенштейна не былъ названъ въ письмѣ, но въ заключеніе графъ Дибичъ сообщалъ, что онъ въ скоромъ времени лично привезетъ въ Яссы окончательное высочайшее повелѣніе по этому предмету.

Участь графа Витгенштейна была рѣшена. Графъ Дибичъ достигъ наконецъ главной цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій, преслѣдуя которую онъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ, подготовилъ неудачный исходъ кампаніи 1828 года. 9-го (21-го) февраля 1829 года появился слѣдующій высочайшій приказъ:

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Государь императоръ, снисходя на прошеніе генералъ-фельдмаршала, графа Витгенштейна, всемилостивѣйше соизволяетъ на увольненіе его отъ командованія второю арміею, по совершенно-разстроенному трудами прошедшей кампаніи здоровью. Назначается начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ графъ Дибичъ, главнокомандующимъ второю арміею со всѣми правами, властію и преимуществами, главнокомандующему большою дѣйствующею арміею присвоенными».

Въ тотъ же день генералъ-адъютантъ баронъ Толь назначенъ былъ начальникомъ штаба второй арміи, а генералъ-адъютантъ Киселевъ получилъ въ командованіе 4-й резервный кавалерійскій корпусъ. Съ открытіемъ же кампаніи Киселеву подчинены были всѣ войска, предназначенныя къ защитѣ верхняго Дуная; графъ Ланжеронъ удалился изъ арміи послѣ назначенія новаго главнокомандующаго.

Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ сопровождалось еще увольненіемъ генералъ-квартирмейстера второй арміи, генералъ-майора Берга, и замѣною его генералъ-майоромъ Д. П. Бутурлинымъ. Во время же кампаніи генералъ Бергъ снова занялъ прежнюю должность. Кромѣ того, еще ранѣе, 19-го января 1829 года, командиромъ второго пѣхотнаго корпуса назначенъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Паленъ.

Ко времени открытія новой кампаніи совершились еще и другія перемѣны въ личномъ составѣ начальствующихъ лицъ въ арміи. Еще осенью 1828 года, послѣ отъѣзда принца Евгенія Виртембергскаго, генералъ-лейтенантъ Ридигеръ принялъ начальство надъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Затѣмъ, послѣ скоропостижной кончины генерала Рудзевича, 23-го марта (4-го апрѣля) 1829 года, генералъ-лейтенантъ Красовскій вступилъ въ командованіе 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ [287]. Вмѣсто тайнаго совѣтника графа Палена полномочнымъ предсѣдателемъ диванова княжествъ назначенъ былъ кіевскій военный губернаторъ, генералъ Желтухинъ. Дежурный генералъ Байковъ былъ смѣненъ генераломъ Обручевымъ.

Выборъ новаго главнокомандующаго и его начальника штаба «представился мнѣ наилучшимъ, — писалъ императоръ Николай къ цесаревичу,—и, признаюсь, почти единственнымъ, который можно было сдѣлать. Лишь одно сходство недостатковъ обоихъ лицъ заставляло меня опасаться, что они не сойдутся, и, чтобы быть увѣреннымъ, что я не повреж'у легкомысленнымъ рѣшеніемъ столь важному дѣлу, я призналъ необходимымъ, прежде чѣмъ офиціально заговорить объ этомъ съ Толемъ, заставить ихъ сначала объясниться между собою частнымъ образомъ; Толь выказалъ себя благороднымъ человѣкомъ, обѣщавъ другому повиноваться и ревностно стараться, какъ только можетъ, помогать ему и обѣщалъ сдерживаться, чтобы не заслужить упрековъ, которые

Библиотека "Руниверс"

часто цѣлаютъ ему за его характеръ. Призвавъ затѣмъ его къ себѣ, я предложилъ ему откровенно сказать мнѣ, сознавая затруднительность своего положенія въ отношеніи къ своему начальству въ виду ихъ характеровъ, считаетъ ли онъ возможнымъ обѣщать мнѣ принять мѣсто,

Императоръ Николай Павловичъ на бивуакѣ.
(Съ литографіи, сдѣланной съ рисунка Шварца).

которое я предназначаю ему; онъ далъ мнѣ слово, и, зная его за честнаго человѣка, я убѣжденъ, что онъ не по-пустому далъ мнѣ свое слово. Съ тѣхъ поръ письмо фельдмаршала (Витгенштейна) показало мнѣ окончательно, что онъ не можетъ оставаться, и я рѣшилъ произвести

Библиотека "Руниверс"

перемѣну[288]. Дибичъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ (5-го февраля). Мнѣ остается лишь молить Бога благословить это важное рѣшеніе и надѣяться, что милость свыше увѣнчаетъ мои добрыя намѣренія»[289].

Получивъ извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ, цесаревичъ отвѣчалъ:

«Что касается назначенія Дибича и Толя и удаленія фельдмаршала, я ничего не могу сказать, какъ выразить лишь пожеланія насчетъ исполненія вашихъ повелѣній; но если уже вы соблаговолили говорить со мною объ этомъ, я не считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ общее недовольство, которое господствуетъ противъ генерала Дибича, въ особенности же въ арміи, въ командованіе которой онъ вступитъ, гдѣ онъ сумѣлъ, за малыми исключеніями, всѣхъ нерасположить къ себѣ. Генералъ Толь тоже не изъ наиболѣе любимыхъ, но онъ отличается лучшимъ обхожденіемъ и имѣетъ болѣе сторонниковъ. Я откровенно высказываю вамъ это, дорогой братъ, не умѣя скрывать отъ васъ истину и будучи крайне огорченъ, что приходится говорить дурно о двухъ лицахъ, съ которыми я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ, и которыхъ особенно уважаю. Образъ дѣйствій генерала Дибича слишкомъ оскорблялъ самолюбія и личности, чтобы это могло быть тотчасъ же забыто, и ему придется вести двойной походъ: одинъ противъ турокъ, а другой — чтобы снова завоевать доброе мнѣніе, уваженіе и довѣріе своей арміи»[290].

Обмѣнъ мыслей между братьями по поводу новыхъ назначеній закончился слѣдующими строками императора Николая:

«Ваше мнѣніе о Дибичѣ и Толѣ очень вѣрно; я надѣюсь, что первый сумѣетъ заставить забыть прошлое, которое я настойчиво поставилъ ему на видъ; онъ слишкомъ чувствуетъ тяготѣющую надъ нимъ отвѣтственность и слишкомъ любитъ самого себя, чтобы не сдѣлать всего для выполненія ко всеобщему удовольствію лежащей на немъ задачи»[291].

Если цесаревичъ Константинъ Павловичъ не очень обрадовался новымъ назначеніямъ, то въ обществѣ появленіе графа Дибича въ роли главнокомандующаго также не было встрѣчено съ сочувствіемъ и вызывало до нѣкоторой степени скептическое къ нему отношеніе, подтверждаемое въ достаточной мѣрѣ современными свидѣтельствами. Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ частной переписки одной близкой ко двору особы, которая пишетъ:

«Послѣ безконечныхъ разсужденій, собраній особаго комитета, массы представленныхъ записокъ кончили тѣмъ, что назначили Дибича главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, придавъ ему Толя въ качествѣ начальника штаба. Если они пожелаютъ сойтись другъ съ другомъ, дѣло можетъ пойти, но оба они — горячія головы, которыя, весьма вѣроятно, несмотря на обѣщанія, данныя каждымъ въ отдѣльности, вцѣпятся другъ другу въ волосы. Здравая часть общества желала бы

Библиотека "Руниверс"

назначенія Воронцова; но государю не было угодно это; тогда захотѣли оставить фельдмаршала съ Толемъ, но и этотъ проектъ потерпѣлъ крушеніе, потому что маленькій человѣкъ, котораго осенью я очень желала бы признать великимъ, не выпустилъ своей добычи (le petit homme que je voudrais bien surnommer le grand cet automne n'a pas lâché sa prise); онъ былъ настолько уменъ, что, когда ему говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ прошломъ году, онъ постоянно повторялъ: «но я это прекрасно знаю; что говорятъ — справедливо; это ужасно, это постыдно». Стали говорить: человѣкъ, который такимъ образомъ признаетъ свои промахи, не впадетъ снова въ тѣ же ошибки, и вотъ онъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу если не Россіи, то, внѣ всякаго сомнѣнія, судьбу нашего преобладанія въ Европѣ. Вы поймете, что этотъ выборъ никого не успокоиваетъ, и что мы проникнуты опасеніями, тѣмъ болѣе, что армія снова не достаточно многочисленна... поэтому нельзя разсчитывать на блестящую кампанію»[292].

По прибытіи въ Яссы, графъ Дибичъ отдалъ 15-го (27-го) февраля слѣдующій собственноручно сочиненный имъ приказъ:

«Храбрые воины второй арміи!

«Государю императору благоугодно было поручить мнѣ главное надъ вами начальство. Чувствую всю важность монаршаго довѣрія и уповаю въ успѣхѣ на благость Всевышняго. Съ полною довѣренностію къ вамъ, возросши въ рядахъ вашихъ, будучи всѣмъ обязанъ подвигамъ вашимъ, я знаю, чего отъ васъ ожидать можно, и не страшуся затрудненій. Въ любви къ вамъ не отступлю отъ примѣра любимаго полководца, коего недуги лишаютъ насъ счастія побѣждать вновь враговъ подъ отеческимъ его начальствомъ, въ коемъ я столь многократно былъ свидѣтелемъ доблестей вашихъ и вашей къ достойному вождю привязанности. Надѣюсь, что строгая справедливость и неусыпныя о васъ попеченія, сходно съ священною волею всемилостивѣйшаго нашего государя, пріобрѣтутъ и мнѣ вашу довѣренность. Да поможетъ намъ Богъ, и докажемъ, что для русскихъ воиновъ нѣтъ ничего непреодолимаго въ подвигахъ за вѣру, царя и отечество».

Въ перепискѣ одного очевидца сохранилось описаніе пріема чиновъ штаба арміи новымъ начальствомъ; онъ пишетъ:

«Начальникъ штаба, баронъ Толь, плотный, невысокаго роста мужчина, съ полнымъ, широкимъ лицомъ и яснымъ твердымъ взоромъ. Видно по всему, что онъ гнуться не дастъ и взора не потупитъ ни передъ кѣмъ. Весь штабъ собрался у генерала Киселева, чтобы быть ему представленнымъ. Генералъ Киселевъ всѣхъ насъ назвалъ поименно. Какъ это кончилось, думали всѣ, что новый начальникъ скажетъ два

Библиотека "Руниверс"

слова. Не тутъ-то было. Онъ сталъ на конецъ залы и зычнымъ голосомъ сказалъ: «Да что тутъ вамъ говорить? Познакомимся. Прощайте!»

«Вчера было зрѣлище другого рода. Мы отправились къ фельдмаршалу Витгенштейну, чтобы представиться новому главнокомандующему... Онъ говорилъ съ жаромъ и долго, но зато невнятно. Поняли мы болѣе по движеніямъ, нежели по словамъ, что онъ говорилъ о преданности къ доблестному начальнику, и какъ ему трудно будетъ замѣнить его и пр. и пр. Потомъ послѣдовали лобзанія и такъ далѣе. «А все-таки старика славно свернулъ», — сказалъ кто-то тихимъ голосомъ. Вотъ и все» [293].

Остается еще замѣтить, что, если мы будемъ руководствоваться разнообразными отзывами современниковъ, личность графа Дибича по своему внѣшнему облику представится намъ вообще мало привлекательною. Небольшой ростъ, короткая шея, несоразмѣрно большая голова, длинные, рыжіе, нечесанные волосы, непріятный голосъ, неумѣніе говорить съ солдатами и воодушевлять ихъ—вотъ какими красками рисуютъ наружность Дибича его тогдашніе сослуживцы.

При вступленіи въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, графъ Дибичъ вручилъ фельдмаршалу графу Витгенштейну рескриптъ императора Николая, подписанный государемъ еще 6-го (18-го) февраля 1829 года. Содержаніе рескрипта было слѣдующее:

«Графъ Петръ Христіановичъ! Соглашаясь на желанія мои, изъявленныя вамъ въ рескриптѣ отъ 11-го ноября прошлаго года, вы доселѣ, невзирая на постигшіе васъ недуги, сохранили начальство надъ ввѣренною вамъ арміею, и я съ удовольствіемъ вижу, что предназначенія мои къ приведенію оной въ состояніе, соотвѣтствующее цѣли и видамъ будущей кампаніи, неусыпными попеченіями вашими, большею частію, исполнены. Руководствуясь опытами многолѣтняго служенія, обезпечили вы будущіе успѣхи оружія нашего распоряженіями вашими. Такимъ образомъ совершили вы кругъ усильнаго труда и занятій, за предѣлы коего, безъ несправедливости къ вамъ, не могу требовать продолженія дѣятельности вашей, а потому и соглашаюсь на увольненіе ваше отъ командованія дѣйствующею арміею. Въ надеждѣ, что здоровье ваше, возстановясь временнымъ отдохновеніемъ, дозволитъ вамъ паки быть полезнымъ отечеству, мнѣ остается только повторить вамъ при семъ случаѣ чувства истинной благодарности за долговременное и знаменитое служеніе ваше на поприщѣ славы, труда и опасностей.

«Вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ я сохранить вамъ полное содержаніе, по званію главнокомандующаго вамъ производимое.

«Пребываю навсегда вамъ доброжелательнымъ».

Разставаясь съ арміею, столь долгое время имъ предводимою, графъ Витгенштейнъ, въ свою очередь, отдалъ приказъ, въ которомъ, обра-

Библиотека "Руниверс"

Дворцовый мостъ и набережная Васильевскаго острова въ 1806 году.

Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, обозрѣвающій маневры изъ павильона Дудергофскаго дворца.

(Съ литографіи Иванова, сдѣланной съ картины Чернецова).

щаясь къ своимъ бывшимъ подчиненнымъ, фельдмаршалъ между прочимъ сказалъ: «Вамъ, храбрые сподвижники, вамъ неотъемлемая хвала! И кому болѣе извѣстны подвиги ваши, если не мнѣ, ихъ давнему свидѣтелю? По бремени лѣтъ, прощаясь съ вами, я буду утѣшаться вѣстію о дѣлахъ знаменитыхъ, коихъ ожидаю отъ васъ подъ предводи-

Библиотека "Руниверс"

тельствомъ достойнаго преемника моего, и которыми докажете свѣту пламенную любовь вашу къ вѣрѣ, царю и отечеству».

Графъ Дибичъ и его начальникъ штаба дѣятельно занялись приготовленіями къ задунайскому походу и реорганизаціею арміи. Обращеніе съ солдатами стало вообще снисходительнѣе. Невыносимый гнетъ и неестественная выправка, по словамъ графа Мольтке, нѣсколько смягчены. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи оставалось сдѣлать еще многое. Такъ, напримѣръ, въ разсыпномъ строѣ все еще держались ноги и равнялись, вслѣдствіе чего ученья производились только на ровномъ мѣстѣ.

Нельзя не признать, что графъ Дибичъ пользовался, какъ главнокомандующій, бо́льшимъ значеніемъ и находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ. Опытъ прошлогодней кампаніи пришелся кстати ему и подчиненнымъ генераламъ; императорская и дипломатическая свита не была прикована къ пятамъ его, и потому свобода дѣйствій его не была стѣснена; слѣдовательно, Дибичъ могъ руководствоваться исключительно военными соображеніями и собственными убѣжденіями. 2-го (14-го) апрѣля главная квартира выступила изъ Яссъ и перешла въ Галацъ. Военныя дѣйствія должны были начаться осадою Силистріи, но подготовительныя дѣйствія потребовали много времени, такъ что обложеніе этой крѣпости главными силами арміи совершилось только 5-го (17-го) мая. Для кампаніи 1829 года Силистрія имѣла одинаковое значеніе съ Брайловымъ въ 1828 году, и покореніе ея должно было служить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій предстоявшаго намъ новаго похода.

Что же касается императора Николая, то взгляды его въ военномъ отношеніи настолько просвѣтлѣли послѣ тяжелаго опыта прошлогодней кампаніи, что на одной запискѣ графа Дибича, въ которой будущій забалканскій герой снова заговорилъ о Шумлѣ, государь написалъ: «Повторять прошлогоднихъ глупостей я не могу дозволить» [294].

До вступленія графа Дибича въ командованіе арміею мы одержали надъ турками нѣкоторые успѣхи. 13-го (25-го) января 1829 года взята была штурмомъ крѣпостца Кале, а 30-го января (11-го февраля) сдалась на капитуляцію Турно; сверхъ того, 6-го (18-го) февраля удалось сжечь турецкую флотилію, зимовавшую въ устьѣ рѣки Осьмы, близъ Никополя. Такимъ образомъ за турками оставалась на лѣвомъ берегу Дуная одна крѣпость Журжа. Сдача ея послѣдовала уже при заключеніи мира, на основаніи условій Адріанопольскаго договора.

Остается еще упомянуть, что 3-го (15-го) февраля контръ-адмиралъ Кумани предпринялъ нечаянное нападеніе на Сизополь, находящійся въ трехъ переходахъ отъ Айдова. Городъ Сизополь былъ занятъ, и намъ удалось въ немъ удержаться, несмотря на старанія турокъ снова овладѣть этимъ пунктомъ.

Библиотека "Руниверс"

Замѣтимъ здѣсь, что нѣсколько дней до назначенія графа Дибича главнокомандующимъ послѣдовалъ указъ 5-го (17-го) февраля 1829 года, по которому командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, графу Паскевичу-Эриванскому, повелѣно быть главнокомандующимъ тѣмъ же кор-

Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій.

(Съ портрета, находящагося въ военной галлереѣ Зимняго дворца).

пусомъ, «со всѣми правами, властію и преимуществами, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи званію главнокомандующаго присвоенными».

Такимъ образомъ императоръ Николай позаботился о своевременномъ уравненіи правъ «отца-командира» съ вновь назначеннымъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, графомъ Дибичемъ. Новому званію, дарованному тогда графу Паскевичу, суждено было оставаться за нимъ безъ перерыва, во все продолженіе послѣдующей службы, до самой кончины его, послѣдовавшей въ 1856 году.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ началѣ 1829 года едва не произошло новое столкновеніе съ Персіею: 30-го января (11-го февраля) посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, безсмертный авторъ «Горе отъ ума», Грибоѣдовъ, умерщвленъ былъ съ большею частію свиты во время возстанія столичной черни[295]. Уцѣлѣлъ одинъ секретарь посольства, Мальцевъ. Персидское правительство, устрашенное возможными послѣдствіями тегеранской кровавой драмы, въ которой англійскія деньги и наущенія играли немалую роль, сообщило графу Паскевичу, что «всякаго рода возмездіе и наказаніе, согласное съ постановленіями обѣихъ религій, будетъ исполнено». Завязались переговоры, во время которыхъ графъ Паскевичъ, предостерегая Аббасъ-Мирзу отъ злоупотребленія терпѣніемъ россійскаго императора, настаивалъ, вопреки мнѣнію графа Нессельроде, на присылкѣ лица царствующаго дома въ С.-Петербургъ съ письмомъ отъ шаха къ государю. Настойчивость графа Паскевича привела къ желаемой цѣли; мы избѣгли второй войны съ Персіею; союзъ послѣдней съ Турціею остался только на бумагѣ, и Хозревъ-Мирза, старшій сынъ наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы, прибылъ въ Тифлисъ. Политика Паскевича восторжествовала надъ трепетною уступчивостью графа Нессельроде, опасавшагося возбудить возможное неудовольствіе Англіи.

Замѣшательства съ Персіею и появленіе чумы въ рядахъ нашихъ войскъ задержали нѣсколько открытіе кампаніи. Тѣмъ не менѣе, 19-го (1-го іюля) и 20-го іюня (2-го іюля) Паскевичъ нанесъ выступившему противъ насъ эрзерумскому сераскиру рѣшительное пораженіе при Каинъ-Лы и Милидюзѣ; сераскиръ бѣжалъ, Гачки-паша взятъ въ плѣнъ, а 27-го іюня (9-го іюля), въ день Полтавской битвы, Эрзерумъ былъ занятъ русскими войсками. Сераскиръ съ четырьмя пашами сдался въ плѣнъ, и стотысячное городское населеніе безмолвно приняло побѣдителей. Такимъ образомъ намѣренія турокъ возвратить себѣ области, утраченныя въ прошлогоднюю кампанію, привели только Порту къ новымъ потерямъ и пораженіямъ, между тѣмъ какъ блескъ русскаго оружія въ Азіи возсіялъ съ новой силой.

II.

Съ самаго воцаренія императора Николая на очереди стоялъ вопросъ о короноваціи его, какъ польскаго короля. Сначала оборотъ, принятый судомъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, а затѣмъ и война 1828 года, препятствовали императору посѣтить Варшаву и осуществить 45-й параграфъ конституціи, дарованной королевству Александромъ I-мъ, который гласилъ: «Всѣ наши преемники въ королевствѣ Польскомъ обязаны короноваться себя королями польскими въ столицѣ по обряду, ко-

Библиотека "Руниверс"

Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
(Съ портрета, принадлежащаго князю А. Б. Лобанову-Ростовскому).

торый мы установимъ, и они будутъ приносить слѣдующую присягу: «Я клянусь и обѣщаю передъ Богомъ и на Евангеліи поддерживать и всею моею властью побуждать къ выполненію конституціонной хартіи» [296].

Рѣшивъ этотъ вопросъ принципіально, императоръ Александръ не установилъ, однако, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ ни способа коронованія, ни подробностей предначертаннаго имъ обряда; для преемника его остался такимъ образомъ въ силѣ одинъ 45-й параграфъ конституціи.

Когда, въ 1826 году, возникъ вопросъ о коронаціи въ Варшавѣ, то разсказывали, что будто бы императоръ Николай замѣтилъ князю Кса-

Библиотека "Руниверс"

верію Францовичу Друцкому-Любецкому: «Понимаю, что, короновавшись уже императоромъ русскимъ, мнѣ надо еще короноваться и королемъ польскимъ, потому что этого требуетъ ваша конституція, но не вижу, почему такая коронація должна быть непремѣнно въ Варшавѣ, а не въ С.-Петербургѣ или Москвѣ: въ конституціи сказано глухо, что этотъ обрядъ совершается въ столицѣ».

«— Такъ точно, — отвѣчалъ Любецкій въ шутку, — и нѣтъ ничего легче, какъ исполнить вашу волю: стоитъ только объявить, что конституція, въ которой это постановлено, распространяется и на русскія ваши столицы».

Но, переходя отъ анекдотическаго міра къ міру дѣйствительному, нужно сказать, что истинныя воззрѣнія императора Николая на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ письмахъ его къ цесаревичу Константину Павловичу; въ нихъ государь высказалъ вполнѣ откровенно, какъ онъ смотрѣлъ на политическій актъ, совершеніе котораго ему предстояло въ Варшавѣ.

Еще задолго до московской коронаціи императоръ Николай поручилъ Ѳ. П. Опочинину спросить мнѣніе цесаревича относительно варшавской коронаціи. 24-го мая (5-го іюня) 1826 года Константинъ Павловичъ писалъ государю, что онъ о коронаціи не въ состояніи высказать никакого мнѣнія, такъ какъ со стороны императора Александра вопросъ не былъ рѣшенъ; затѣмъ цесаревичъ испрашивалъ разрѣшенія посовѣтоваться съ Новосильцевымъ [297]. Государь изъявилъ свое согласіе, прибавивъ: «Я очень желаю, чтобы это могло произойти съ возможно меньшими церемоніями, и въ остальномъ полагаюсь на васъ; что касается духовной церемоніи, то само собою разумѣется, что это совершенно невозможно» [298]... «чѣмъ меньше будетъ шутовства, тѣмъ это будетъ лучше для меня (le moins il y aura de farces, le mieux cela vaudra pour moi)» [299].

Записка, выработанная Новосильцевымъ, въ которой предлагалось разыграть церемонію на Вольскомъ полѣ, не была одобрена императоромъ Николаемъ, сдѣлавшимъ контръ-предложеніе:

«Я заранѣе принесъ присягу, требуемую закономъ; я далъ ее по собственному побужденію и добровольно, какъ лучшій залогъ искренности моихъ намѣреній въ отношеніи польскихъ подданныхъ императора и короля; поэтому я считаю себя выполнившимъ въ отношеніи ихъ все то, что статья хартіи представляетъ для меня обязательнаго по части формы; что же касается способа коронованія, то всякая церемонія, которую мнѣ заблагоразсудится избрать, будетъ имѣть силу закона; такимъ образомъ, если я созову чрезвычайный сеймъ и повторю присягу, уже данную мною народу, и если затѣмъ, въ завершеніе, предпишу отслужить по римскому обряду благодарственное молебствіе на открытомъ полѣ, чтобы избѣжать этого въ соборѣ и имѣть возможность

Библиотека "Руниверс"

произвести службу въ присутствіи войскъ, — всего сказаннаго довольно, какъ мнѣ думается; если же прибавить еще торжественный въѣздъ и обычныя празднества въ городѣ, то оно хватитъ съ меня, вашего бѣднаго брата. Вотъ откровенное изложеніе моей мысли для васъ, которую я вамъ представляю» [300].

Когда политическій процессъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, «cette éternelle et odieuse affaire», — какъ называлъ его императоръ Николай, — наконецъ кончился, то государь сообщилъ цесаревичу, что онъ пріѣдетъ въ Варшаву, «дабы не оставаться вѣчно чуждымъ странѣ, въ которой я не могу быть отвѣтственнымъ за что бы то ни было, такъ какъ я едва знаю ее и еще менѣе знаю лицъ, дѣйствующихъ тамъ моимъ именемъ, и, конечно, ужъ не желаніе отсутствовало у меня для сего» [301].

Когда императоръ Николай отказался отъ личнаго участія во второй турецкой кампаніи, ничто уже не могло болѣе препятствовать ему назначить, въ маѣ 1829 года, намѣченную съ самаго воцаренія коронацію въ Варшавѣ.

Готовясь къ отъѣзду въ польскую столицу, императоръ Николай обратился къ брату съ слѣдующими трогательными строками:

«Прошу позволенія выразить вамъ чистосердечное и горячее желаніе найти васъ въ Варшавѣ тѣмъ же по отношенію ко мнѣ, какъ и въ прошломъ: превосходнымъ братомъ и безупречнымъ другомъ (excellent frère et parfait ami); будьте снисходительны ко мнѣ и поймите всю затруднительность моего положенія, единственнаго въ мірѣ (unique au monde) и болѣе труднаго тамъ, возлѣ васъ, въ мѣстѣ вашего обычнаго пребыванія, чѣмъ каково оно уже всюду въ другихъ мѣстахъ. Пусть ваша снисходительная дружба будетъ моимъ руководителемъ и моею поддержкою, чтобы я могъ черпать въ ней бодрость, и чтобы я нашелъ въ ней поощреніе, въ которомъ часто нуждаюсь, когда мой духъ слабѣетъ подъ тяжестью заботъ. Я надѣюсь на Бога; Онъ знаетъ мои добрыя намѣренія; они чисты, такъ какъ это—намѣренія брата, посвятившаго вамъ свое существованіе; Онъ вдохновитъ также и васъ» [302].

Незадолго до отъѣзда императора Николая религіозная сторона коронаціи въ Варшавѣ снова была затронута въ его перепискѣ съ цесаревичемъ. Великій князь въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ настаивалъ на необходимости для государя присутствовать на молебствіи въ католическомъ соборѣ, между тѣмъ какъ Николай Павловичъ полагалъ возможнымъ ограничиться молебствіемъ во дворцѣ. Константинъ Павловичъ сопровождалъ свои доводы слѣдующими разсужденіями:

«Богъ призвалъ васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ ваша; поэтому вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать, а не подвергать ее, такъ сказать, съ вашей стороны запрещенію (de

Библиотека "Руниверс"

votre index). Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ этого они не будутъ менѣе вѣрны и признательны вамъ; помимо того молебствіе не таинство, вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его»[303].

Императоръ Николай покорился желанію цесаревича и согласился на молебствіе въ католическомъ соборѣ, разъ оно со стороны брата признано было необходимымъ (dès que vous le trouvez opportun).

Въ Россіи извѣстіе о предстоявшей варшавской коронаціи не было встрѣчено съ сочувствіемъ; говорили, что не было примѣра, чтобъ два раза короновались цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ; въ самомъ торжествѣ усматривали умаленіе императорскаго достоинства и негодовали, что помазанника Божія коснется рука нечестивца. «Слухъ о коронаціи оживилъ новыми надеждами жителей возвращенныхъ отъ Польши губерній и не порадовалъ русскихъ», замѣчаетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ[304].

25-го апрѣля (7-го мая) императоръ Николай въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича отправился изъ Царскаго Села въ Динабургъ, гдѣ по прибытіи немедленно занялся осмотромъ укрѣпленій. 29-го апрѣля (11-го мая) сюда прибыла императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. При наслѣдникѣ находились генералъ Мердеръ и В. А. Жуковскій. Изъ Динабурга императрица съ сыномъ продолжали свой путь прямо на Варшаву, а государь посѣтилъ еще Вильно, Гродно и Бѣлостокъ. По свидѣтельству Бенкендорфа, «повсюду происходили представленія, парады и осмотры общественныхъ учрежденій, что значитъ, что мы ничего не видѣли. Отчасти это составляло цѣль государя, который опасался видѣть то, чего онъ не желалъ бы видѣть; нужно было пріѣхать въ Варшаву довольнымъ, и такъ оно и случилось»[305].

Выѣхавъ изъ Динабурга, государь слѣдовалъ безостановочно до Бѣлостока, гдѣ былъ первый ночлегъ. Затѣмъ императоръ Николай съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ направился къ Тыкочину, расположенному на границѣ имперіи съ королевствомъ.

«Хотя я не видалъ этихъ мѣстъ съ войны 1806 и 1807 годовъ,— пишетъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ, — однако не сомнѣвался, что тотчасъ узнаю мѣстности, изъѣзженныя мною верхомъ, съ небольшимъ за двадцать лѣтъ, во всѣхъ направленіяхъ, и даже увѣрялъ государя, что объясню ему на дорогѣ всѣ позиціи, сраженія и марши нашихъ войскъ. Каково же было мое удивленіе, когда съ самаго выѣзда изъ Бѣлостока насъ, вмѣсто тогдашнихъ сыпучихъ песковъ и бездонныхъ болотъ, повезли по чудесному шоссе. Точно также измѣнилась мѣстность передъ Тыкочиномъ; самое мѣстечко приняло видъ опрят-

Библиотека "Руниверс"

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову.

Библиотека "Руниверс"

ности и довольства. Все преобразилось; край самый бѣдный и самый грязный въ мірѣ, чуждый всякой промышленности, былъ превращенъ, какъ бы волшебствомъ, въ страну богатую, чистую и просвѣщенную. Роскошныя почтовыя дороги, опрятные города, обработанныя поля, фабрики, общее благосостояніе, наконецъ, все, чего мудрое и отеческое

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи“).

правительство можетъ достигнуть развѣ послѣ полувѣковыхъ усилій, было сдѣлано императоромъ Александромъ въ пятнадцать лѣтъ. Самая закоренѣлая неблагодарность молодыхъ польскихъ патріотовъ вынуждена была очевидностью воздать дань истинѣ и сознаться, что покойный императоръ пересоздалъ эту часть Польши.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«На полѣ сраженія близъ Пултуска я не могъ въ разговорѣ съ государемъ не перенестить воображеніемъ къ тому, что было двадцать три года тому назадъ, и что съ тѣхъ поръ произошло. Тогда Наполеонъ торжествовалъ въ Варшавѣ и угрожалъ Россіи; поляки предавались мечтамъ о своемъ возрожденіи, а наши войска, отступавшія къ своимъ границамъ, находились въ состояніи полнаго уныпія и изнеможенія. А теперь? Наполеонъ уже давно перешелъ въ область исторіи; Парижъ видѣлъ наши побѣдоносныя знамена; поляки же — русскіе подданные, обязанные своимъ благосостояніемъ единственно великодушію русскаго императора, а я — въ коляскѣ возлѣ могущественнаго преемника этого государя, короля той же самой Польши, гдѣ въ то время я воевалъ для защиты собственныхъ нашихъ границъ. Мы философствовали объ этихъ міровыхъ переворотахъ до самой той минуты, пока не остановились на городской площади для принятія назначеннаго для встрѣчи государя почетнаго караула. Спустя нѣсколько минутъ, пріѣхала императрица съ наслѣдникомъ, и мы, переночевавъ въ Пултускѣ, на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ Варшаву».

4-го (16-го) мая, цесаревичъ ожидалъ императора Николая въ загородномъ дворцѣ князя Понятовскаго, Яблонѣ. Сюда же прибыла княгиня Ловичъ, и оба брата съ своими супругами провели здѣсь вмѣстѣ остатокъ дня; свиданіе отличалось самой сердечной другъ къ другу пріязнію. Великій князь Михаилъ Павловичъ находился также здѣсь.

На слѣдующій день, 5-го (17-го) мая, въ воскресенье, долженъ былъ произойти торжественный въѣздъ императора въ Варшаву. Шествіе при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ началось отъ пражской заставы, среди войскъ, разставленныхъ по пути шпалерами; прекраснѣйшая погода благопріятствовала блеску церемоніи. По словамъ очевидца, въ ту минуту, какъ государь со всею свитою проѣхалъ на мостъ, лошадь цесаревича Константина Павловича вдругъ повернула назадъ и, несмотря на всѣ усилія всадника, не захотѣла ему повиноваться. Взбѣшенный великій князь долженъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и отчасти по городу пѣшкомъ, пока привели заводную лошадь взамѣнъ той, которая теперь заупрямилась такъ некстати. Командуя парадомъ и слѣдуя за государемъ съ опущенною шпагою, цесаревичъ отъ этой непріятной случайности потерялъ все удовольствіе, которое онъ ощущалъ при прѐдставленіи своихъ блестящихъ польскихъ войскъ. Черты лица его совершенно измѣнились, и привычные къ вспышкамъ его гнѣва подчиненные легко могли угадать, что ихъ ожидаетъ. Эта нечаянная случайность, какъ она ни была маловажна сама по себѣ, набросила облако на все торжество и болѣе или менѣе всѣхъ поразила.

По разсказу того же очевидца, войско и народъ встрѣчали государя радостными кликами; дамы у оконъ и на балконахъ махали платками

Библиотека "Руниверс"

и казались въ восторгѣ отъ красоты императора, отъ безподобнаго личика его сына, отъ привѣтливыхъ поклоновъ и всей очаровательной осанки императрицы; однимъ словомъ, глазъ самый наблюдательный не открылъ бы въ варшавской встрѣчѣ ничего, кромѣ радости и привязанности къ своему монарху народа. «Таковъ сей послѣдній намъ представился; таковъ онъ былъ и въ сущности, по крайней мѣрѣ, относительно массы», пишетъ Бенкендорфъ.

Примасъ, окруженный духовенствомъ столицы, ожидалъ ихъ величества на паперти церкви францискановъ. Государь остановился и, выслушавъ молитвы, принялъ тутъ святую воду, къ общему удовольствію присутствовавшихъ.

Сойдя съ лошади у входа въ королевскій замокъ, императоръ Николай остановился, чтобы подождать императрицу. Княгиня Ловичъ и знатнѣйшія польскія дамы встрѣтили свою королеву внизу лѣстницы. Во дворцѣ ожидали государя сенатъ и главныя начальствующія лица. Затѣмъ ихъ величества присутствовали еще при молебствіи въ грекороссійской церкви замка.

Послѣ обѣда государь пошелъ къ цесаревичу въ Брюлевскій дворецъ пѣшкомъ, объ руку съ императрицею, одинъ, безъ всякаго конвоя или свиты. Этотъ знакъ довѣрія и эта простота очаровали всѣхъ жителей; единодушные виваты долго сопровождали августѣйшую чету по улицѣ.

На слѣдующее утро, 6-го (18-го) мая, императоръ Николай присутствовалъ у развода на Саксонской площади; несмѣтная толпа ожидала тамъ прибытія государя. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился, какъ бы простой генералъ, устрашенный высочайшимъ присутствіемъ; при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ войскъ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній.

Послѣ развода главнокомандующій польской арміи, цесаревичъ, представилъ государю въ залахъ замка генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Представленіе сенаторовъ, нунціевъ и депутатовъ послѣдовало тогда же. На другой день военные чины представились императрицѣ, при чемъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ находился предъ корпусомъ офицеровъ 1-го Конно-Егерскаго его имени полка.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни до коронаціи неизбѣжные разводы повторялись ежедневно, а 9-го (21-го) мая состоялся большой парадъ и смотръ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ.

11-го (23-го) мая герольды, предводимые церемоніймейстеромъ и сопровождаемые отрядами гвардейскаго польскаго егерскаго полка, разъѣзжая по улицамъ Варшавы, возвѣщали народу предстоявшее коронованіе ихъ величествъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ воскресенье, 12-го (24-го) мая, совершился обрядъ коронованія въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената. На одномъ концѣ ея воздвигнутъ былъ тронъ, а посреди залы возвышался крестъ. Послѣ того какъ архіепископъ примасъ произнесъ молитву, государь возложилъ на себя императорскую корону, надѣлъ порфиру, украсилъ цѣпью ордена Бѣлаго Орла императрицу и принялъ въ руки державу и скипетръ. Когда же затѣмъ, по принесеніи присяги монархомъ, примасъ провозгласилъ троекратно: «Vivat rex in aeternum», присутствовавшіе сенаторы, нунціи и депутаты воеводствъ не повторили этихъ установленныхъ обычаемъ словъ; говорили, что ихъ объ этомъ не предупредили. «Эта черта, по мнѣнію одного польскаго историка, свидѣтельствовала о холодности, которую противоставили предупредительности Николая, и соединеніе всѣхъ симптомовъ не оставляло никакого сомнѣнія какъ насчетъ настоящаго, такъ и насчетъ будущаго: разрывъ между поляками и династіей въ духовномъ отношеніи совершился» [306].

По прочтеніи примасомъ молитвы за короля и благоденствіе его державы, ихъ величества въ коронахъ и порфирахъ, а государь съ скипетромъ и державою въ рукахъ, сопровождаемые августѣйшими братьями его, великимъ княземъ наслѣдникомъ, княгинею Ловичъ и всѣми присутствовавшими при коронаціи сенаторами, нунціями и депутатами шествовали въ соборъ св. Іоанна, гдѣ воспѣтъ былъ благодарственный молебенъ.

«Въ соборѣ,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—подъ древними сводами котораго столько королей воспринимали корону и столько поколѣній поклонялись своимъ владыкамъ, поляками не могло не овладѣть нѣкоторое самодовольство, при видѣ потомка Петра Великаго, отдающаго почесть вѣроисповѣданію ихъ края, и католическое духовенство не могло не ощущать страннаго чувства, вознося молитвы о возведенномъ на престолъ православномъ королѣ. На насъ, напротивъ, все это произвело какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатитъ со временемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ. Возвратившись во внутреннія комнаты замка, государь послалъ за мною. При видѣ моего духовнаго смущенія онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистыми помыслами и съ твердою рѣшимостью свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли» [307].

Сами поляки признаютъ теперь, что императоръ Николай не нарушилъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, какъ конституціоннаго короля Польши. «Онъ сдѣлалъ это къ тому же съ полною предупредительностью, предоставляя полякамъ прекрасный случай загладить ихъ ошибки и съ своей стороны набросить на прошлое покровъ забвенія.

Библиотека "Руниверс"

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ:

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Нова-города Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія земли, и Армянскія области; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій Дитмарсенскій и Ольденбургскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

ФАКСИМИЛЕ ПЕРВОЙ СТРАНИЦЫ СТАТУТА ОРДЕНА СВ. АННЫ, 1829 ГОДА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Арсеній Андреевичъ Закревскій.

(Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Ранделя).

Библиотека "Руниверс"

Онъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи столь неумолимо суровымъ въ отношеніи поляковъ, тогда прилагалъ всѣ усилія лично понравиться имъ, вызвать славныя воспоминанія польской исторіи и превознесть во всеуслышаніе свой титулъ короля польскаго» [308].

Но всѣ эти старанія не принесли желаемыхъ плодовъ и оказались напрасными. Въ то самое время, когда Варшава, повидимому, ликовала, и все принимало обликъ преданности и восторга, существовалъ заговоръ, имѣвшій цѣлью путемъ злодѣянія разорвать на вѣчныя времена связь и единеніе между Польшею и Россіею. Но Провидѣніе спасло Польшу отъ подобнаго позора; между заговорщиками произошелъ разладъ, колебаніе, и на этотъ разъ твореніе Александра I-го уцѣлѣло отъ гибели.

Между тѣмъ балы, иллюминаціи, смотры, разводы и народныя увеселенія не прерывались и шли своимъ чередомъ.

16-го (28-го) мая устроено было для народа угощеніе на Уяздовскомъ полѣ. Государь съ императрицею изъ особой бесѣдки, украшенной цвѣтами, надъ куполомъ которой возвышался польскій орелъ, любовались зрѣлищемъ увеселенія народа. Затѣмъ императрица въ экипажѣ, а государь верхомъ, со свитою, объѣхали всю площадь; на ста длинныхъ столахъ, накрытыхъ скатертями, разставлены были кушанья всякаго рода, а напитки разливались подлѣ столовъ и били фонтанами.

При оцѣнкѣ событій, разыгравшихся въ Варшавѣ до революціи 1830 года, исторія должна принять во вниманіе особенное, вполнѣ исключительное положеніе, въ которое судьба поставила императора Николая относительно своего старшаго брата; стѣсненія, налагаемыя этими отношеніями, должны были вліять на свободу рѣшеній и дѣйствій государя, когда она касалась предѣловъ власти, предоставленной цесаревичу еще въ царствованіе императора Александра въ королевствѣ и въ прилегавшихъ русскихъ губерніяхъ.

По наружности между обоими братьями царствовало полнѣйшее согласіе, и Николай Павловичъ прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать и ничѣмъ не поколебать. Но при всемъ томъ пребываніе государя въ Варшавѣ тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать, какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его «humeur massacrante». Сознавая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился проницательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ наперсниковъ цесаревича также опасались подпасть заслуженной отвѣтственности, между тѣмъ какъ

Библиотека "Руниверс"

поляки разсчитывали на измѣненіе установленнаго образа управленія и въ особенности надѣялись увидѣть ограниченіе власти великаго князя. Бенкендорфъ разсказываетъ, что, когда во время торжественнаго обѣда ему пришлось сидѣть между нунціями, они жаловались ему на нестерпимую грубость цесаревича и превозносили привѣтливость новаго ихъ короля, увѣряя, что они охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россіею [309].

Вся эта ненормальная обстановка крайне смущала и затрудняла императора Николая. Избрать средній путь между двумя крайними теченіями представлялось невозможнымъ: надо было или поссориться съ старшимъ братомъ, котораго самъ онъ нѣкогда призналъ своимъ монархомъ, но уступившимъ ему престолъ, или же, отдавая предпочтеніе братскимъ связямъ передъ благосостояніемъ края, уронить себя въ глазахъ своихъ польскихъ подданныхъ. Николай Павловичъ сумѣлъ, конечно, лишь временно выйти изъ этого двусмысленнаго положенія благородною твердостію въ отклоненіи разныхъ желаній своего брата и тою внимательностію, съ которою онъ занялся дѣлами по управленію королевства.

Любопытно указать здѣсь, какимъ образомъ отразилось коронованіе императора въ Варшавѣ на настроеніи умовъ жителей австрійскихъ владѣній. Въ Венгріи стало замѣтно нѣкоторое возбужденіе умовъ, и въ большихъ собраніяхъ часто провозглашались тосты въ честь короля польскаго Николая, при чемъ памятовали Владислава, короля венгерскаго и польскаго, погибшаго, сражаясь за христіанство, и чествовали его преемниковъ; между словаками также замѣчался большой энтузіазмъ [310].

«Здѣсь я вполнѣ доволенъ всѣмъ, и войска дѣйствительно безподобны», писалъ императоръ Николай графу Дибичу изъ Варшавы [311].

По полученіи этого милостиваго отзыва государя, графъ Дибичъ отвѣтилъ слѣдующими нравоучительными разсужденіями:

«Дай Богъ, чтобы удовольствіе, испытанное вашимъ императорскимъ величествомъ въ Варшавѣ, оставалось всегда прочнымъ и неизмѣннымъ. Я убѣжденъ въ этомъ, поскольку это касается превосходной польской арміи; но вслѣдствіе частыхъ сношеній, которыя мнѣ пришлось имѣть, я хорошо и съ различныхъ сторонъ знаю самый народъ и увѣренъ, что онъ тоже надѣленъ превосходными качествами, но въ обращеніи съ нимъ болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому народу, необходимо совмѣщать постоянно великодушное благородство съ большою твердостію и даже строгостію; особенно же надо остерегаться попасть въ западню, благодаря кажущемуся прямодушію высшихъ классовъ, являющемуся слѣдствіемъ громадной власти, присущей въ этой странѣ полу, который здѣсь еще болѣе, нежели въ другихъ странахъ, помимо всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествъ, надѣленъ чѣмъ-то въ родѣ рыцарскаго духа,

Библиотека "Руниверс"

якобы народнаго, весьма мало похожаго, однако, на духъ рыцаря безъ страха и упрека. Простите мнѣ, государь, если я осмѣлился включить въ мое письмо эти разсужденія, но переживаемое время представляется мнѣ слишкомъ важнымъ, чтобы не высказать вамъ всего того, что внушаетъ мнѣ мое сердце» [312].

«Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ поляковъ» [313], отвѣтилъ императоръ Николай по прочтеніи письма графа Дибича.

III.

19-го (31-го) мая въ Варшаву прибылъ принцъ прусскій Вильгельмъ; онъ привезъ извѣстіе, что король прусскій по болѣзни долженъ отказаться отъ поѣздки въ Силезію, гдѣ намѣчено было свиданіе съ государемъ и его семействомъ въ Сибилленортѣ. Императоръ Николай въ ту же минуту рѣшился, безъ всякаго предувѣдомленія, лично отправиться въ Берлинъ, чтобы навѣстить августѣйшаго своего тестя, и, какъ сказано въ официальныхъ извѣстіяхъ того времени: «для изъявленія симъ его величеству новаго доказательства нѣжныхъ своихъ чувствованій къ нему».

Императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ выѣхала изъ Варшавы въ Берлинъ 21-го мая (2-го іюня), а государь, неожиданно для всѣхъ, отправился въ путь 22-го мая (3-го іюня). При немъ находились только генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ. Въ Гринбергѣ Николай Павловичъ встрѣтился съ императрицею. Во Франкфуртѣ на Одерѣ наслѣдный принцъ прусскій съ братьями поджидали сестру и вдругъ, къ величайшей радости и удивленію, увидѣли и государя. Не меньшую радость испыталъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, выѣхавшій навстрѣчу дочери въ Фридрихсвальде, когда 25-го мая (6-го іюня) встрѣтилъ среди своей семьи неожиданнаго гостя. «Вѣсть объ этомъ вскорѣ достигла Берлина, — пишетъ Бенкендорфъ, — и весь городъ поднялся на ноги и побѣжалъ ко дворцу; всѣ поздравляли другъ друга, кричали и толпились на улицахъ; казалось, Пруссію посѣтило какое-то неожиданное счастіе. Дѣйствительно, народное самолюбіе было польщено и появленіемъ русскаго монарха, и нѣжною предупредительностью его къ королю, столь любимому своимъ народомъ. Общій кликъ радости привѣтствовалъ короля, императора и императрицу, при входѣ ихъ во дворецъ, и перешелъ почти въ неистовый вопль, когда король показался на балконѣ, держа за руку своего маленькаго внука, наслѣдника русскаго престола. Остановившись въ первую минуту въ гостиницѣ, я могъ, въ моей роли неизвѣстнаго зрителя, вполнѣ судить о радостномъ чувствѣ, объявшемъ всѣхъ жителей города до ниж-

Библиотека "Руниверс"

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ.
(Съ литографіи Мишелиса, сдѣланной съ портрета Крюгера).

нихъ слоевъ. Потомъ, когда пригласили меня перейти изъ гостиницы въ отведенное во дворцѣ помѣщеніе, я, пробираясь сквозь толпу пѣшкомъ, снова убѣдился въ томъ же самомъ. Это было такое наслажденіе, которымъ одинаково могли гордиться и русскіе и пруссаки» [314].

Пребываніе императора Николая въ Берлинѣ ознаменовано было тотчасъ большимъ парадомъ «Подъ Липами», передъ малымъ королевскимъ дворцомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ съ обнаженною шпагою ѣхалъ подлѣ государя и, ставъ во главѣ войскъ, провелъ ихъ мимо своего августѣйшаго зятя. На другой день состоялся еще особый смотръ потсдамскаго гарнизона.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Что сказать вамъ о томъ, что происходитъ здѣсь? — писалъ государь къ цесаревичу:—что мы были приняты съ той сердечностью, съ тѣмъ добродушіемъ, которыя отличаютъ здѣсь всѣхъ (nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici), что и не подозрѣвали о моемъ пріѣздѣ, и что король чуть не упалъ отъ удивленія, увидавъ меня позади себя! Онъ непзмѣнно превосходенъ, но онъ страдаетъ и, по своему обыкновенію, нисколько не бережетъ себя» [315].

Въ это время въ Берлинѣ готовились къ встрѣчѣ невѣсты принца Вильгельма, принцессы Саксенъ-Веймарской Августы, дочери великой княгини Маріи Павловны и слѣдовательно племянницы императора Николая. Бракосочетаніе состоялось 29-го мая (10-го іюня) 1829 года.

Дипломатическій корпусъ приглашенъ былъ также къ этому торжеству; когда же онъ собрался въ капеллѣ вмѣстѣ съ прусскими сановниками, сюда явился министръ двора князь Волконскій и во всеуслышаніе пригласилъ французскаго посла, графа Агу (comte Agout), послѣдовать за нимъ въ кабинетъ къ императору Николаю, желавшему съ нимъ бесѣдовать.

Государь въ разговорѣ съ посломъ передалъ ему свое намѣреніе продолжать войну съ Турціей соотвѣтственно тѣмъ началамъ, которыя были высказаны имъ въ своемъ манифестѣ; что онъ рѣшилъ, въ случаѣ, если войнѣ не суждено кончиться во время кампаніи настоящаго 1829 года, предпринять третью, четвертую, пятую и т. д.; что онъ сожалѣетъ о необходимости пролить столько крови и принести столько жертвъ изъза малозначащихъ, повидимому, причинъ, но что честь и достоинство его имперіи, равно какъ личное положеніе его, какъ преемника императора Александра, не позволяютъ ему отклониться отъ принятаго непоколебимаго рѣшенія; поэтому, если, съ одной стороны, онъ не можетъ положить оружія, доколѣ цѣль, высказанная въ его манифестѣ, останется не выполненною, то, съ другой стороны, онъ также ненарушимо исполнитъ все обѣщанное въ манифестѣ, а именно, по окончаніи борьбы, отказываясь отъ всякихъ завоеваній, будетъ довольствоваться исключительно однимъ вознагражденіемъ за военныя издержки, которое будетъ ликвидировано особою комиссіей. Подобное принятое на себя добровольно обязательство даетъ союзнымъ съ нимъ монархамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Европѣ, гарантію въ его будущемъ образѣ дѣйствій. Все это, сказалъ императоръ послу, сообщается ему для донесенія королю; вмѣстѣ съ тѣмъ государь изъявилъ сожалѣніе объ отсутствіи англійскаго посла, которому онъ сообщилъ бы то же самое. Все это онъ не намѣренъ скрывать ни отъ кого, а всего менѣе отъ своего врага, султана [316].

Независимо отъ этого разговора съ французскимъ посломъ, императоръ Николай поручилъ еще генералъ-адъютанту Бенкендорфу перего-

Библиотека "Руниверс"

ворить объ этомъ дѣлѣ съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Бернсторфомъ, который, по болѣзни, не могъ принять участія въ придворныхъ торжествахъ. Министръ этотъ, повидимому, чрезвычайно опасался послѣдствій честолюбивыхъ видовъ императора Николая, которые иностранные кабинеты не переставали упорно приписывать государю.

Бесѣдуя съ министромъ и перечисливъ причины, вызвавшія войну съ Портой, неизбѣжность которой предвидѣлъ еще императоръ Александръ, всегда столь умѣренный въ своихъ требованіяхъ, Бенкендорфъ развилъ старанія его преемника къ сохраненію мира, высказанныя имъ при Аккерманскихъ переговорахъ. Затѣмъ Бенкендорфъ указалъ ему, что настойчивость императора Николая продолжать начатую войну съ усугубленною энергіею слѣдуетъ приписать происканъ европейскихъ кабинетовъ и надеждамъ, которыя они подаютъ Турціи на ихъ посредничество; что если кампанія нынѣшняго года не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то на слѣдующій годъ государь снова лично станетъ во главѣ своихъ войскъ, за которыми, въ случаѣ нужды, послѣдуетъ вся Россія, готовая всѣмъ пожертвовать для славы нашего оружія; что Европа своими интригами понудитъ насъ дойти до Константинополя и сама вызоветъ паденіе Турціи, тогда какъ сохраненіе ея входитъ въ обоюдные наши интересы; что если, напротивъ, кабинеты, вмѣсто ободренія султана къ борьбѣ съ Россіею и обѣщанія ему или помощи, или посредничества, постараются убѣдить его въ безсиліи Порты и въ необходимости просить того мира, который предложенъ ему былъ императоромъ Николаемъ еще при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, то они тотчасъ увидятъ готовность нашу предложить честныя условія и довольствоваться тѣми гарантіями, какихъ необходимо требуютъ наша торговля и обезпеченіе нашихъ азіатскихъ границъ.

— Но вы вѣрно оставите за собою, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію? — возразилъ Бернсторфъ.

Импровизированный дипломатъ отвѣчалъ министру, что намъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности, и что ему надлежало бы имѣть болѣе довѣрія къ слову нашего императора, объявившаго передъ войною, что онъ начинаетъ ее не для завоеваній. Въ заключеніе Бенкендорфъ сказалъ, что прибытіе императора Николая въ Берлинъ даетъ прусскому кабинету поводъ принять на себя въ восточномъ вопросѣ роль миротворца. «Тестю, — сказалъ онъ, — прилично завести въ Константинополѣ рѣчь о мирѣ, въ качествѣ услуги и своему зятю, котораго умѣренныя и справедливыя требованія ему вполнѣ извѣстны, и доброму своему союзнику — султану. Такая миссія, не имѣя вида посредничества и способствуя къ увеличенію славы Пруссіи, привела бы, по всей вѣроятности, къ послѣдствіямъ, одинаково полезнымъ и для Турціи, и для Россіи, и для всей Европы, желающей сохраненія мира».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Высказанная Бенкендорфомъ мысль понравилась министру. Обѣщаясь тотчасъ довести ее до свѣдѣнія короля, онъ прибавилъ, что вѣритъ въ искренность словъ своего собесѣдника и въ желаніе императора Николая окончить дружественно эту борьбу, столь опасную для политическаго равновѣсія Европы.

Всѣ эти переговоры привели къ тому, что, по соглашенію императора Николая съ королемъ, рѣшено было немедленно отправить въ Константинополь съ мирными совѣтами Мюфлинга, а пока сохранить данное ему порученіе въ величайшей тайнѣ. Въ то время, когда остановились на этомъ рѣшеніи въ Берлинѣ, никто не подозрѣвалъ, что на Востокѣ произошли важныя событія, которыя дѣлали излишнимъ дипломатическое вмѣшательство Пруссіи, создавъ совершенно новую для насъ политическую обстановку.

Послѣдній день пребыванія императора Николая въ Берлинѣ, 31-е мая (12-е іюня), ознаменованъ былъ слѣдующимъ событіемъ. Государь, король и великій князь наслѣдникъ отправились верхомъ черезъ Бранденбургскія ворота на смотръ уланскаго полка, коего шефомъ именованъ былъ тогда наслѣдникъ. По прибытіи къ полку, король объявилъ о семъ назначеніи командиру полка и представилъ его новому шефу. Въ изъявленіе благодарности великаго князя Александра Николаевича, читаемъ мы въ «Русскомъ Инвалидѣ» того времени, «должная почтительность къ августѣйшему дѣду соединилась съ непритворною радостію, свойственною его возрасту. Сей случай произвелъ самое сильное впечатлѣніе во всѣхъ собравшихся зрителяхъ, и самъ король былъ видимо тронутъ. Полкъ привѣтствовалъ новаго своего шефа продолжительными восклицаніями «ура», кои были повторяемы всѣмъ народомъ. Юный князь, обнаживъ шпагу, принялъ команду надъ полкомъ и повелъ оный мимо короля, императора и императрицы съ ловкостію и непринужденностію, восхитившими всѣхъ присутствующихъ. Его императорское высочество ввелъ полкъ въ городъ и самъ проводилъ штандартъ во дворецъ» [317].

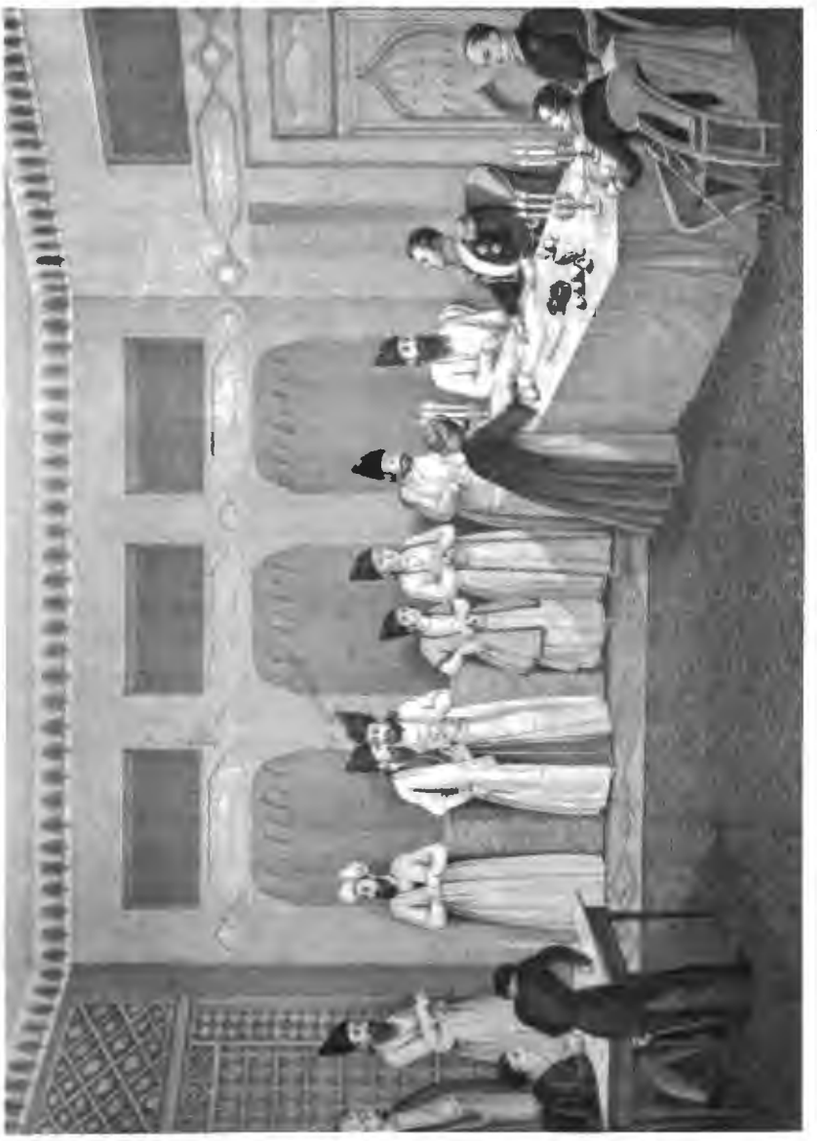
31-го мая (12-го іюня), ночью императоръ Николай отправился въ обратный путь въ Варшаву. Императрица Александра Ѳеодоровна осталась еще на нѣкоторое время въ Берлинѣ.

Шестидневное пребываніе въ прусской столицѣ было для государя, какъ пишетъ Бенкендорфъ, отдохновеніемъ и истинною отрадою. Въ офиціальныхъ же современныхъ извѣстіяхъ разсказъ объ этомъ пребываніи сопровождался слѣдующими разсужденіями: «Сіе кратковременное его тамъ пребываніе надолго останется въ памяти. На многіе годы оставитъ оно воспоминаніе о непоколебимой дружбѣ и о самомъ искреннемъ союзѣ, заключенномъ между императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ, о союзѣ, который утвержденъ взаимнымъ уваженіемъ двухъ народовъ въ продолженіе знаменитой общей брани и увѣковѣченъ узами

Библиотека "Руниверс"

родства между августѣйшими домами, коимъ Провидѣніе поручило судьбу сихъ народовъ».

Близъ Бреславля, въ маленькомъ замкѣ Сибилленортъ (Sybillenort), императоръ Николай въ 9 часовъ утра сдѣлалъ смотръ кирасирскому



Заключеніе мира въ Туркманчаѣ 10-го февраля 1828 года.
(Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова).

полку своего имени, явившемуся сюда по повелѣнію короля. Государь въ мундирѣ этого полка, пишетъ Бенкендорфъ, училъ его цѣлый часъ и командовалъ на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому воинскому уставу, ни разу не ошибаясь, какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался. Полкъ и всѣ зрители не могли довольно ему надивиться и

Библиотека "Руниверс"

нарадоваться. Потомъ императоръ провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ корпуснымъ командиромъ Цитеномъ и, пригласивъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному своему столу, пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ ордена, а нижнихъ чиновъ щедро наградилъ червонцами.

IV.

При въѣздѣ въ царство Польское императоръ Николай остановился въ Калишѣ для осмотра въ этомъ городѣ кадетскаго корпуса и одной бригады конно-егерской дивизіи. Здѣсь его встрѣтили цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Затѣмъ, во время дальнѣйшаго пути, государь сдѣлалъ еще смотръ войскамъ, расположеннымъ въ Ловичѣ, и 4-го (16-го) іюня возвратился въ Варшаву. 6-го (18-го) іюня сюда же прибылъ изъ Берлина наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Въ это время года войска польской арміи собирались обыкновенно въ учебный лагерь подъ Варшавой, такъ что цесаревичу представился наконецъ случай показать государю различныя части ея, доведенныя многолѣтними стараніями до рѣдкой степени совершенства, какъ въ выправкѣ, такъ и въ строевомъ обученіи. Удовольствіе, испытанное императоромъ Николаемъ видомъ столь превосходныхъ войскъ, было еще усилено полученіемъ радостнаго извѣстія изъ арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. 7-го (19-го) іюня изъ главной квартиры арміи прибылъ адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ князь Трубецкой, съ извѣстіемъ о блестящей побѣдѣ, одержанной графомъ Дибичемъ надъ верховнымъ визиремъ, 30-го мая (11-го іюня), при Кулевчѣ.

Въ письмѣ къ главнокомандующему князь Трубецкой писалъ:

«Было бы трудно описать впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ, съ которымъ вамъ угодно было послать меня. На верху радости, или, вѣрнѣе, счастія, онъ осыпалъ меня поцѣлуями, бросился на колѣни, чтобы поблагодарить Бога, и тотчасъ же поздравилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ—двѣ милости, которыхъ я никоимъ образомъ не ожидалъ одновременно. Затѣмъ, не давъ мнѣ времени опомниться, онъ, такъ сказать, увлекъ меня на свои дрожки, чтобы отправиться сообщить эту пріятную новость великому князю Константину; я прибавилъ на словахъ все то, что зналъ изъ подробностей, касающихся какъ этого дня, такъ и всего нашего движенія отъ Силистріи. Императоръ не уставалъ слушать и проявлять свое крайнее удовольствіе относительно всего случившагося; особенно дѣлало его счастливымъ нахожденіе артиллеріи верховнаго визиря въ нашихъ рукахъ. Вечеромъ въ день моего пріѣзда императоръ снова призвалъ

Библиотека "Руниверс"

меня къ себѣ въ кабинетъ и, пригласивъ меня пить съ нимъ вмѣстѣ чай, около двухъ часовъ разговаривалъ со мною наединѣ о томъ, какъ вообще у насъ обстоитъ дѣло» [318].

Радостное чувство, овладѣвшее императоромъ Николаемъ при полученіи извѣстія о побѣдѣ 30-го мая, является естественнымъ послѣдствіемъ нерѣшительнаго исхода кампаніи 1828 года. Въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ раздавались зловѣщія предсказанія насчетъ дальнѣйшихъ неудачъ, ожидавшихъ Россію въ ея борьбѣ съ Портой; по мнѣнію однихъ, война должна была затянуться на многіе годы, по мнѣнію другихъ, русскимъ войскамъ предстояло неминуемое пораженіе и во второмъ походѣ; не было также недостатка въ злорадныхъ насмѣшкахъ надъ позорнымъ унынiемъ, будто бы овладѣвшимъ Россіею. И что же оказалось въ дѣйствительности: получается вдругъ извѣстіе, что армія верховнаго визиря разбита, даже разсѣяна, утратила свою артиллерію, и что движеніе русской арміи за Балканы можетъ отнынѣ входить въ расчеты ея главнокомандующаго [319].

Императоръ Николай повелѣлъ отпраздновать Кулевчинскую побѣду торжественнымъ молебствіемъ въ лагерѣ при Повонзкахъ. Оно состоялось 9-го (21-го) іюня подъ двумя палатками, изъ которыхъ одна предназначалась для православнаго, а другая для римско-католическаго богослуженія. По окончаніи молебствія, во время пушечной пальбы, государь самъ первый закричалъ «ура», повторенное за нимъ десятками тысячъ голосовъ, къ большому неудовольствію цесаревича, очень не жаловавшаго подобной демонстраціи и даже самаго слова «ура». Затѣмъ войска проходили церемоніальнымъ маршемъ. Въ строю было болѣе 30.000 человѣкъ. Послѣ парада трофеи, знамена и штандарты, отбитые у турокъ, возимы были по лагерю и по улицамъ Варшавы, подъ прикрытіемъ эскадрона польскихъ гвардейскихъ конноегерей и потомъ поставлены въ придворной греко-россійской церкви.

Въ тотъ же день императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Да будетъ Господь тысячекратъ благословенъ, и да вознаградитъ Онъ васъ, любезный другъ, въ будущей жизни за ту выдающуюся услугу, которую вы оказали нашему отечеству! Вамъ извѣстны чувства, питаемыя мною къ вамъ, и вы знаете также то довѣріе, которое я имѣю къ вашимъ чувствамъ; я счастливъ, что вы доказали всему міру, что довѣріе мое къ вамъ было справедливо. Примите мою сердечную и душевную благодарность. Отнынѣ имя ваше начертано безсмертными строками въ лѣтописяхъ славы нашей арміи! Радость здѣсь была большая: вся армія подъ ружьемъ и подъ моею командою присутствовала при молебнѣ, который мы отслужили сегодня по утру, при громѣ залповъ всей артиллеріи и въ присутствіи всей Варшавы. Георгій 2-й степени васъ украситъ; сдѣлайте такъ, чтобы я могъ перемѣнить его на

Библиотека "Руниверс"

первую степень, и никто тому не будетъ радоваться болѣе меня. Что же касается возможности попытки противъ Шумлы, то я предпочитаю сомнѣваться въ ней, чѣмъ обольщать себя напрасною надеждою; впрочемъ я увѣренъ, что вы не захотите терять плодовъ побѣды, рискуя войсками безъ увѣренности въ успѣхѣ. Шумла—полезный придатокъ, но не необходимый, между тѣмъ какъ приготовленія къ переходу черезъ Балканы представляютъ цѣль, которую вы всегда должны имѣть передъ глазами, и къ достиженію которой вамъ слѣдуетъ направить всѣ ваши усилія. Я сдѣлаю все, что возможно, чтобы облегчить вамъ успѣхъ предпріятія» [320].

Генералъ-адъютантъ баронъ Толь, «храбрый и достойный помощникъ» главнокомандующаго, какъ его называетъ императоръ Николай въ томъ же письмѣ къ Дибичу, возведенъ былъ за Кулевчу въ графское достоинство.

Поздравляя графа Дибича съ одержанной побѣдой, генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ ему изъ Варшавы одновременно съ государемъ:

«Ваши таланты, ваша настойчивость, ваша твердость, ваша предпріимчивая рѣшительность не могли быть подвержены сомнѣнію, такъ какъ множество фактовъ подтверждали ихъ; но счастіе могло вамъ не благопріятствовать; вы только что доказали міру, что со всѣми выдающимися качествами, составляющими отличительное свойство генерала, вы соединяете еще ту столь необходимую особенность, то счастіе, которое создаетъ великаго полководца. Армія, Россія, императоръ нуждались въ побѣдѣ, чтобы занять въ глазахъ завистливой Европы ихъ прежнее положеніе рѣшительнаго превосходства; вы сами нуждались въ ней, чтобы заставить замолчать зависть и интригу; вы блестящимъ образомъ достигли этой двойной цѣли; побѣдивъ визиря, уничтоживъ его армію, вы тѣмъ самымъ поразили вашихъ враговъ и враговъ государства, тайныхъ и явныхъ. Еще разъ поздравляя васъ съ этимъ успѣхомъ, поздравляю также и себя и всѣхъ добромыслящихъ людей! Да благословитъ Небо и впредь ваши усилія и даруетъ вамъ возможность присоединить къ чуднымъ побѣднымъ лаврамъ не менѣе славные лавры миротворца. Я не буду пытаться описать вамъ радость императора; она отвѣчаетъ важности событія, вызвавшаго ее, она на уровнѣ его любви къ счастью и славѣ его народа и его арміи, его милостивой дружбы, его безграничнаго довѣрія къ вамъ» [321].

Во время пребыванія императора Николая въ Варшавѣ онъ получилъ также донесенія о дѣйствіяхъ Черноморскаго флота, одно радостное, а другое печальное.

Адмиралъ Грейгъ донесъ рапортомъ о подвигѣ брига «Меркурія», выдержавшаго 14-го (26-го) мая трехчасовое сраженіе съ двумя ли-

Библиотека "Руниверс"

нейными турецкими кораблями въ виду всего непріятельскаго флота, неожиданно появившагося въ Черномъ морѣ. Командиръ брига, капитанъ-лейтенантъ Козарскій, приказалъ прибить флагъ къ мачтѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не могло быть рѣчи о сдачѣ, офицеры же поклялись, что тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ, воспламенитъ крюйтъ-камору пистолетомъ. Императоръ Николай написалъ на рапортѣ Грейга:

«Капитанъ-лейтенанта Козарскаго произвести въ капитаны 2-го ранга, дать Георгія 4-го класса, назначить въ флигель-адъютанты съ оставле-

Входъ въ Наваринскую бухту.

(Съ рисунка Вебера).

ніемъ при прежней должности и въ гербъ прибавить пистолетъ. Всѣхъ офицеровъ въ слѣдующіе чины, и у кого нѣтъ Владимира съ бантомъ, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверхъ чина дать Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена и всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ двойное жалованье въ пожизненный пенсіонъ. На бригъ «Меркурій» георгіевскій флагъ».

Одновременно съ донесеніемъ о блистательномъ подвигѣ брига «Меркурія», мужественно вступившаго въ бой, предпочитая очевидную гибель безчестію плѣна, получено было извѣстіе о позорной сдачѣ фрегата «Рафаилъ», командиръ котораго, капитанъ 2-го ранга Стройниковъ, спустилъ флагъ при встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Графъ Мольтке пишетъ: «Капуданъ-паша захватилъ призъ, самъ не вѣдая, какимъ образомъ это случилось; Аллахъ въ сущности послалъ ему даръ во снѣ. Но, тѣмъ не менѣе, эта добыча причинила туркамъ большую радость, возбудивъ въ народонаселеніи неосновательныя надежды. Фрегатъ «Рафаилъ» привели съ торжествомъ въ Константинополь».

4-го (16-го) іюня императоръ Николай подписалъ въ Варшавѣ указъ на имя адмирала Грейга объ учрежденіи подъ его предсѣдательствомъ комиссіи для разбора обстоятельствъ, побудившихъ Стройникова къ сдачѣ фрегата. Указъ заканчивался словами: «Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ Черноморскій, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата «Рафаилъ», не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но, когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то, почитая фрегатъ сей впредь недостойнымъ носить флагъ Россійскій и служить наряду съ прочими судами нашего флота, повелѣваю вамъ предать оный огню».

Повелѣніе императора Николая исполнено было въ точности, почти 25 лѣтъ спустя, вице-адмираломъ Нахимовымъ во время Синопскаго боя 1853 года. Фрегатъ «Рафаилъ», названный турками «Фазли-Аллахъ» (данный Богомъ), зажженъ былъ во время сраженія выстрѣлами съ нашего флагманскаго корабля «Императрица Марія» и взлетѣлъ на воздухъ въ виду русской эскадры.

Ободренный одержаннымъ нечаяннымъ успѣхомъ, капуданъ-паша рѣшился вторично выйти въ море, 24-го мая (4-го іюня), намѣреваясь атаковать Сизополь. Послѣ десятидневнаго плаванія турецкій флотъ показался въ виду Сизополя, но, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, столь же неожиданно возвратился въ Босфоръ. Съ этого времени адмиралъ Грейгъ блокировалъ со своимъ флотомъ Босфоръ, въ то время какъ вице-адмиралъ, графъ Гейденъ, блокировалъ Дарданеллы; они прервали по обоимъ проливамъ подвозъ жизненныхъ припасовъ къ столицѣ, захватили множество призовъ и безпокоили прибрежье. Что же касается капудана-паши, то, опасаясь утратить пріобрѣтенные лавры въ случаѣ новыхъ предпріятій, онъ по совершеніи прогулки въ Сизополь болѣе не покидалъ занятаго обезпеченнаго рейда.

Намѣреваясь произвести смотръ войскамъ гвардейскаго корпуса, расположеннымъ лагеремъ въ Тульчинѣ, императоръ Николай выѣхалъ изъ Варшавы 13-го (25-го) іюня, вечеромъ. По пути слѣдованія предназначены были еще смотры въ Красноставѣ, Замосцѣ и Луцкѣ, въ присутствіи цесаревича Константина Павловича.

Во время проѣзда въ Красноставъ императоръ Николай имѣлъ встрѣчу, которая не осталась безъ вліянія на послѣдующія событія въ Польшѣ.

Библиотека "Руниверс"

За станцію до Пулавъ, по разсказу Бенкендорфа, къ государю явился какой-то человѣкъ во фракѣ съ приглашеніемъ отъ княгини Чарторижской, матери князя Адама, остановиться у нея въ Пулавскомъ замкѣ. «Такой странный образъ приглашенія,— пишетъ Бенкендорфъ,— побудилъ государя къ отказу, выраженному впрочемъ въ вѣжливыхъ формахъ. Противъ самыхъ Пулавъ надо было переѣзжать черезъ Вислу на поромѣ. Мы увидѣли, что на противоположномъ берегу стоитъ много людей, и когда переѣхали рѣку, то княгиня сама подошла повторить государю свое приглашеніе. Государь, стоя, несмотря на палящіе лучи

Битва при Наваринѣ.

(Съ рисунка тушью того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

солнца, безъ фуражки, извинялся тѣмъ, что не можетъ медлить въ пути, такъ какъ цесаревичъ ожидаетъ его на ночлегѣ. Старуха, которая имѣла видъ настоящей сказочной вѣдьмы, продолжала настаивать и на повторенный отказъ сказала: «Ахъ! вы меня жестоко огорчили, и я не прощу вамъ этого вовѣкъ». Государь поклонился и уѣхалъ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, эта случайная встрѣча императора Николая съ княгинею Чарторижскою имѣла пагубныя послѣдствія, ускоривъ развязку польскихъ дѣлъ въ революціонномъ смыслѣ.

Послѣ смотра въ Красноставѣ государь направился въ Замосцъ, гдѣ онъ съ особеннымъ вниманіемъ ознакомился также съ крѣпостными сооруженіями, а затѣмъ въ Луцкѣ осмотрѣлъ собранную здѣсь 25-ю

Библиотека "Руниверс"

пѣхотную дивизію отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Здѣсь цесаревичъ простился съ его величествомъ.

Послѣ отъѣзда государя изъ Варшавы генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ письмѣ къ графу Дибичу высказалъ слѣдующія заключенія по поводу польскихъ дѣлъ:

«Благодаря Богу и самообладанію императора надъ самимъ собою, все кончилось благополучно, и оба августѣйшіе брата разстались крайне довольные одинъ другимъ. Поляки въ восторгѣ отъ своего короля и преисполнены довѣрія къ его мудрости. Увѣряю васъ, что невозможно быть болѣе разсудительными, чѣмъ они, и болѣе покорными волѣ Провидѣнія, подчинившаго ихъ военному вліянію великаго князя. Теперь, дорогой графъ, я видѣлъ собственными глазами и буду вѣрить лишь своимъ глазамъ. Польскія русскія провинціи заслуживаютъ еще бо́льшаго сожалѣнія; нѣтъ прибѣжища, нѣтъ конституціи, которыя можно было бы противопоставить волѣ военнаго начальника. Всѣ надѣются и съ покорностью выжидаютъ повелѣній императора» [322].

Изъ Луцка императоръ Николай проѣхалъ, не останавливаясь, до Тульчина, гдѣ нашелъ 19-го іюня (1-го іюля) свою палатку, раскинутую въ лагерѣ гвардейскаго корпуса, расположенномъ среди прекрасной мѣстности близъ бывшей главной квартиры второй арміи. По разсказу Бенкендорфа: «войско было въ восхищеніи, что увидѣло государя, онъ тоже былъ чрезвычайно радъ тому, что снова находился посреди своей гвардіи, въ которой зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но и многихъ изъ нижнихъ чиновъ. Государь любовался своимъ войскомъ и на общихъ парадахъ, и на частныхъ смотрахъ, и на маневрахъ, и остался имъ вполнѣ доволенъ. Гвардейскій корпусъ былъ опять такъ же хорошъ, какъ и при выступленіи изъ Петербурга. Слѣды утомленія отъ похода и военныхъ потерь совершенно исчезли: здоровый и бодрый видъ людей и лошадей не оставлялъ ничего желать».

Разставшись съ гвардіею, императоръ Николай направился черезъ Бѣлую Церковь въ Кіевъ, въ которомъ онъ не былъ съ 1816 года, когда впервые посѣтилъ этотъ городъ, будучи еще великимъ княземъ. 23-го іюня (5-го іюля), въ девятомъ часу вечера, государь съ дороги прямо подъѣхалъ къ Печерской лаврѣ, гдѣ ожидали его митрополитъ Евгеній съ духовенствомъ и всею монастырскою братіей. Множество богомольцевъ, въ эту пору года стекавшихся въ Кіевъ, наполняло всю монастырскую ограду; древній соборъ переполненъ былъ народомъ, военными и гражданскими чиновниками, городскими дамами. Выйдя изъ лавры, государь взялъ къ себѣ въ коляску находившагося здѣсь главнокомандующаго первою арміею, фельдмаршала графа Сакена, и отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру, а потомъ уже поѣхалъ въ домъ военнаго губернатора въ Липкахъ, предназначенный для помѣщенія державнаго гостя.

Библиотека "Руниверс"

Адмиралъ Кодрингтонъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

На слѣдующій день, утромъ, здѣсь представлялись государю генералы и полковые командиры расположенныхъ въ Кіевѣ войскъ, гражданскіе чиновники, купечество и др., а затѣмъ его величество слушалъ въ Софійскомъ соборѣ литургію и прикладывался къ мощамъ. Изъ собора государь направился въ лавру для поклоненія почивающимъ въ пещерахъ угодникамъ. Въ 4 часа изъ Тульчина прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а въ 6 часовъ вечера происходилъ смотръ войскамъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

25-го іюня (7-го іюля), въ день рожденія императора Николая, получено было отъ графа Дибича извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи, которая 18-го (30-го) іюня сдалась на капитуляцію генералу Красовскому. Силистрія взята была безъ штурма; осадными работами руководилъ генералъ-майоръ Шильдеръ, который благополучно довелъ крѣпость до сдачи одними лопатами. Побѣдителю достались 220 орудій, 80 знаменъ, флотилія и гарнизонъ въ 10.000 человѣкъ. Послѣ развода государь слушалъ обѣдню въ Андреевской церкви, а въ часъ пополудни присутствовалъ въ Софійскомъ соборѣ на благодарственномъ, по поводу взятія Силистріи, молебнѣ, совершенномъ митрополитомъ Евгеніемъ.

Изъ наградъ, пожалованныхъ за покореніе Силистріи, отмѣтимъ слѣдующія: графъ Дибичъ назначенъ былъ шефомъ Черниговскаго полка, генералъ Красовскій награжденъ орденомъ св. Владимира первой степени, а генералъ Шильдеръ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

26-го іюня (8-го іюля), государь осматривалъ крѣпостныя работы, производившіяся плѣнными турками; при этомъ онъ далъ повелѣніе избрать изъ нихъ 200 человѣкъ старшихъ и семейныхъ и отпустить ихъ въ Турцію. Въ тотъ же день государь послѣ обѣда выѣхалъ въ Козелецъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, неразлучный спутникъ императора Николая, во время путешествія 1829 года, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу высочайшаго пребыванія въ Кіевѣ, что, кромѣ важнѣйшихъ городскихъ церквей, государь осмотрѣлъ также общественныя заведенія, арсеналъ и крѣпостныя сооруженія. «На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему при обычной его дѣятельности дозольно было двухъ дней, хотя въ то же время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно пріѣзжавшіе, въ продолженіе высочайшаго путешествія, изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ безъ изъятія поступившія бумаги. Такимъ образомъ, доклады государственнаго совѣта, комитета министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, и начальниковъ армій возвращались точно такъ же безъ замедленія, какъ бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ находилъ время ежедневно писать подробныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появлявшіяся въ печати книги на русскомъ и французскомъ языкахъ».

Во время пребыванія въ Козельцѣ государь дѣлалъ смотры 2-му резервному кавалерійскому корпусу и черезъ Черниговъ прибылъ 30-го іюня (12-го іюля) въ крѣпость Бобруйскъ. Здѣсь императоръ Николай,

Библиотека "Руниверс"

какъ бывшій генералъ-инспекторъ, съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ крѣпостныя сооруженія. Едва выйдя изъ коляски, онъ тотчасъ пошелъ по работамъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, вникнуть лично во всѣ подробности, все обсудить и всему дать дальнѣйшее направленіе. Подобно тому, какъ въ Кіевѣ, здѣсь также работали плѣнные турки; государь явился среди занимаемаго ими лагеря совершенно одинъ и возвратилъ многимъ свободу. Въ Бобруйскъ къ этому времени доставлено было великое множество турецкихъ знаменъ; государь помѣстилъ часть изъ нихъ въ бобруйскій крѣпостной соборъ, въ память своего здѣсь пребыванія, а прочія отосланы были въ Петербургъ.

Императоръ Николай вспомнилъ въ Бобруйскѣ заслуги своего бывшаго ближайшаго сотрудника по управленію инженернымъ корпусомъ (съ 1818 по 1825 годъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ основателя этой крѣпости — инженеръ-генерала Оппермана: 16-го (28-го) іюля 1829 года государь подписалъ въ Бобруйскѣ рескриптъ на его имя, по которому генералъ Опперманъ возведенъ былъ въ графское достоинство, «за долговременное неутомимо-дѣятельное и полезное служеніе».

Пробывъ въ Бобруйскѣ три дня, императоръ Николай, направивъ свой дальнѣйшій путь черезъ Могилевъ, Витебскъ, Великія Луки и Старую Руссу, прибылъ 11-го (23-го) іюля вечеромъ въ Царское Село. На другой день государь съ наслѣдникомъ и великими княжнами переѣхалъ въ Петергофъ.

13-го (25-го) іюля въ Красномъ Селѣ въ присутствіи государя состоялся парадъ расположеннымъ здѣсь въ лагерѣ войскамъ. Военно-плѣнные турецкіе офицеры, одинъ двухъ-бунчужный паша и двѣнадцать бимъ-башей были приглашены на парадъ. Имъ даны были лошади, осѣдланныя по-турецки, и вообще оказаны, какъ сообщалось въ современныхъ печатныхъ извѣстіяхъ, «всѣ учтивости, съ коими обходятся у насъ съ обезоруженными плѣнными непріятелями. Турки въ полной мѣрѣ чувствовали отличіе, имъ оказанное таковымъ пріемомъ при самомъ монархѣ всероссійскомъ. Но какою радостію были они поражены, когда послѣ развода, бывшаго въ лагерѣ, его императорское величество изволилъ подойти къ нимъ и объявить, что онъ даруетъ имъ свободу; что они могутъ возвратиться на свою родину, и что уже повелѣлъ снабдить ихъ какъ деньгами, такъ и всѣмъ нужнымъ для совершенія столь дальняго путешествія».

Въ тотъ же день императоръ Николай снова сѣлъ въ дорожную коляску съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ и скакалъ навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Берлина; государь имѣлъ радость встрѣтиться съ нею за двѣ станціи отъ Нарвы. 16-го (28-го) іюля ихъ величества прибыли въ Петербургъ къ молебствію въ Казанскомъ соборѣ, назначенному по случаю побѣдъ, одержанныхъ графомъ Дибичемъ при

Библиотека "Руниверс"

Кулевчѣ и графомъ Паскевичемъ при Милиджозѣ. Послѣ молебствія ихъ величества отправились въ Елагинскій дворецъ[323].

Этимъ завершились путешествія императора Николая въ 1829 году, продолжавшіяся безъ перерыва почти три мѣсяца[324].

Пока готовились громадной важности событія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Азіи, въ Петербургъ прибылъ персидскій принцъ Хозревъ-Мирза, который долженъ былъ исходатайствовать у подножія царскаго престола прощеніе въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Выше уже было упомянуто, что Аббасъ-Мирза прислалъ въ Тифлисъ своего сына Хозревъ-Мирзу. Но онъ явился къ главнокомандующему скорѣе, какъ аманатъ, чѣмъ какъ посланникъ; принцъ не былъ снабженъ письмомъ шаха къ государю и не имѣлъ даже денегъ для дальнѣйшаго путешествія. Графъ Паскевичъ распорядился тогда по-своему и разсѣкъ гордіевъ узелъ, отправивъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ Хозревъ-Мирзу въ Петербургъ и увѣдомивъ Аббасъ-Мирзу о сдѣланномъ распоряженіи. Шахъ спохватился еще вò-время и немедленно отправилъ курьера съ письмомъ къ государю, исполненнымъ смиреннѣйшихъ извиненій. Этотъ курьеръ догналъ Хозревъ-Мирзу въ Новгородѣ, и такимъ образомъ рѣшительный образъ дѣйствій Паскевича привелъ къ желаемой цѣли.

10-го (22-го) августа состоялась торжественная аудіенція персидскаго принца въ Зимнемъ дворцѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа:

«Государственные сановники, дворъ, свита государева, генералы и офицеры гвардіи и городскія дамы были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, обставленную дворцовыми гренадерами, и размѣщены по обѣимъ ея сторонамъ, а государь съ императрицею стали на ступеняхъ, ведущихъ къ трону. Оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ молодого принца съ его свитою и послѣ трехъ поклоновъ тому, котораго онъ прибылъ умолять о пощадѣ именемъ своего дѣда, Хозревъ-Мирза прочелъ свою рѣчь съ видимымъ для всѣхъ волненіемъ, внушеннымъ ему и ея цѣлью и высокимъ кругомъ предстоявшихъ слушателей. Отвѣтъ нашъ, написанный въ самыхъ дружественныхъ и успокоительныхъ выраженіяхъ, былъ прочитанъ вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде[325].

«По волѣ государя приложено было все стараніе сдѣлать персидскому принцу пріятнымъ пребываніе его въ Петербургѣ. Его окружили всевозможнымъ почетомъ, разнообразными развлеченіями и самою нѣжною предупредительностью со стороны двора, даже ввели въ тѣснѣйшій кругъ императорскаго дома. Его возили по всѣмъ общественнымъ заведеніямъ, театрамъ, кадетскимъ корпусамъ, приглашали на разводы и на маленькіе маневры въ окрестностяхъ Царскаго Села; наконецъ, осыпали вмѣстѣ съ чинами его свиты подарками, достойными его высокаго сана и того монарха, отъ котораго они жаловались.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Логгинъ Петровичъ Гейденъ.

(Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Е. И. В. Великому Князю Николаю Михаиловичу).

«Хозревъ-Мирза уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему пріема и отъ достигнутаго черезъ его пріѣздъ возобновленія дружественныхъ сношеній между Россіею и Персіею. Двѣнадцать пушекъ, посланныхъ въ даръ Аббасъ-Мирзѣ еще отъ имени императора Але-

Библиотека "Руниверс"

ксандра и взятыхъ у персіянъ съ боя въ продолженіе минувшей войны, были замѣнены равнымъ числомъ орудій превосходнѣйшей отдѣлки и отправлены въ Тавризъ съ прочими подарками для отца принца-посланника».

V.

Послѣ Кулевчинской побѣды и покоренія Силистріи императору Николаю оставалось ждать перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. «Подготовляйте и торопитесь приготовленіями къ переходу черезъ горы (soignez et pressez les préparatifs du passage des monts)», — писалъ императоръ Николай графу Дибичу еще 21-го іюня (3-го іюля) 1829 года изъ Тульчина. 30-го іюля (11-го августа) извѣстіе объ этомъ счастливомъ событіи обрадовало государя. Переходъ черезъ Балканы совершился благополучно [326]. 5-го (17-го), 6-го (18-го) и 7-го (19-го) іюля, затѣмъ съ 11-го (23-го) по 31-е іюля (12-е августа) заняты были Мисемврія, Ахіоло, Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ, Ямболь и Сливно, а въ заключеніе 8-го (20-го) августа сдался на капитуляцію, безъ выстрѣла Адріанополь. Вслѣдъ затѣмъ войска наши заняли 9-го (21-го) августа Люле-Бургасъ; Иніада покорена Черноморскимъ флотомъ, Демотика сдалась добровольно, а 26-го августа (7-го сентября) занятъ городъ Энось, послѣ чего армія наша вошла въ связь съ находившеюся въ Архипелагѣ эскадрою графа Гейдена. Съ этого момента слава графа Дибича, какъ полководца, окончательно утвердилась, а завистники и недоброжелатели его умолкли надолго.

«Любезный другъ, съ какою радостью я могу сказать вамъ: спасибо, Забалканскій, — писалъ императоръ Николай графу Дибичу 4-го (16-го) августа: — названіе это принадлежитъ вамъ по праву, и я даровалъ его вамъ отъ всего сердца. Но прежде всего да будетъ тысячекратъ благословенъ Господь за Его столь явное вамъ содѣйствіе, признаемъ Его покровительство во всемъ, что случается для насъ счастливаго. Затѣмъ примите полную мою благодарность за ваше движеніе, столь же счастливо, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими. Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, насколько вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы вполнѣ ошибочно упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ предметомъ атаки и цѣлью движенія представлялись Балканы. Доказательство налицо. Побѣда подъ Кулевчею положила всему основаніе, и вы пожинаете ея плоды» [327].

Нѣсколькими днями ранѣе императоръ Николай, по полученіи донесенія о взятіи Эрзерума, писалъ 30-го іюля (11-го августа) графу Паскевичу:

Библиотека "Руниверс"

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.
(Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ).

«Трудно мнѣ вамъ выразить, любезный мой Иванъ Ѳедоровичъ, съ какимъ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я извѣстія, привезенныя Дадіановымъ и Фелькерзамомъ. Вы все сдѣлали, что можно было только ждать послѣ продолжительной и трудной кампаніи, и все сдѣлали въ

Библиотека "Руниверс"

14 дней; вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско, и сами пріобрѣли новую неувядаемую славу; да будетъ награда ваша — первая степень Георгія — памятникомъ для васъ и для войскъ, вами предводительствуемыхъ, славныхъ вашихъ подвиговъ и того уваженія, которое съ искренней дружбой и благодарностію моей навѣки принадлежитъ вамъ. Изъявите всѣмъ мое совершенное удовольствіе и признательность; поведеніе войскъ послѣ побѣды мнѣ столь же пріятно, сколь славнѣйшіе подвиги военные; оно стоитъ побѣдъ вліяніемъ въ пользу нашу... Сего же вечера получилъ я рапортъ Ивана Ивановича изъ Айдоса... вопросъ: чего хочетъ султанъ? Казалось бы, правда, и этого довольно, но товарищъ Махмудъ упрямъ; зато мои Иванъ Ѳедоровичъ и Иванъ Ивановичъ его прошколятъ досыта».

Извѣстія изъ дѣйствующихъ армій крайне запаздывали. Когда начался Забалканскій походъ, императоръ Николай оставался въ невѣдѣніи о ходѣ операцій въ продолженіе четырнадцати дней. Донесеніе же о занятіи Адріанополя пришло въ С.-Петербургъ лишь 27-го августа (8-го сентября), послѣ семнадцати тревожныхъ дней, проведенныхъ государемъ въ ожиданіи курьера.

28-го августа (9-го сентября) императоръ Николай писалъ графу Дибичу Забалканскому:

«Послѣ семнадцати тревожныхъ дней я получилъ вчера, любезный другъ, ваше безподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ Адріанополя. Да будетъ тысячекратно благословенъ Богъ за сію новую милость, вы же примите мою живѣйшую и искреннюю признательность за блестящій и прочный результатъ, достигнутый благодаря отличнымъ вашимъ распоряженіямъ и превосходному ихъ выполненію. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи и прославитъ наши военныя лѣтописи... Богъ да наставитъ васъ и поддержитъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да сподобитъ васъ сколь возможно скорѣе подписать прекрасный Адріанопольскій миръ»[328].

Послѣ рѣшительныхъ успѣховъ русскаго оружія въ Европѣ и въ Азіи, двухлѣтняя кровавая борьба съ Портою приближалась наконецъ къ вожделѣнной развязкѣ, предвѣщавшей скорый миръ. Предвидя уже съ нѣкотораго времени подобную развязку, императоръ Николай отправилъ въ армію графа Дибича для веденія мирныхъ переговоровъ генералъ-адъютанта графа А. Ф. Орлова, «человѣка надежнаго, умнаго и русскаго по имени»[329], и тайнаго совѣтника графа Ф. П. Палена.

Судя по письму графа Дибича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) августа 1829 года, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, вступая въ Адріанополь: 12.200 человѣкъ пѣхоты, 4.500 кавалеріи и 100 орудій. Вотъ съ какими скромными силами предстояло Забалканскому принудить турокъ къ миру или же принять крайнія мѣры противъ даль-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшаго упорства Порты. Къ этому ариѳметическому, такъ сказать, элементу данной минуты нужно присоединить еще и нравственный элементъ, о которомъ въ то время въ с.-петербургскихъ сферахъ, конечно, не могли составить себѣ яснаго представленія. Между тѣмъ, по свидѣтельству очевидца адріанопольскихъ событій, генерала Михайловскаго-

Графъ Петръ Александровичъ Толстой.
(Съ рѣдчайшей гравюры Доу).

Данилевскаго[330], оказывается, что графъ Дибичъ желалъ чрезмѣрно мира, потому что армія наша таяла, какъ ледъ при лучахъ солнца, и отъ невѣроятнаго количества больныхъ, ежедневно умножавшихся, появился какой-то духъ унынія въ войскахъ, въ особенности же среди генераловъ, — «унынія, которому подобнаго я еще въ нашей арміи не

Библиотека "Руниверс"

видалъ». Приведенное нами свидѣтельство Данилевскаго не лишено значенія, если припомнить, что онъ прожилъ въ арміи всѣ тяжелыя минуты, случавшіяся не разъ во время походовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Къ тому же приближался сентябрь мѣсяцъ, а съ нимъ вмѣстѣ дождливое время года, которое, дѣлая дороги окончательно непроходимыми, возбуждало справедливыя опасенія насчетъ успѣшнаго хода дальнѣйшихъ операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій не терялъ изъ виду, что онъ находился съ горстью людей среди непріятельской земли, имѣя въ тылу Балканы и до 80.000 больныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Турціи, изъ которыхъ многіе подверглись чумной заразѣ. Неудивительно, что при подобной обстановкѣ наши генералы, а во главѣ ихъ даже графъ Толь, мечтали болѣе о мирѣ и скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію, чѣмъ о пріобрѣтеніи новыхъ лавровъ; у всѣхъ, даже среди ближайшихъ сотрудниковъ главнокомандующаго, замѣчались признаки какой-то усталости, апатіи, вызванныхъ болѣзненнымъ состояніемъ и лишеніями, сопряженными съ трудностями похода.

Принимая всѣ изложенныя нами обстоятельства во вниманіе, нельзя удивляться, что появленіе въ Адріанополѣ 16-го (28-го) августа уполномоченныхъ, присланныхъ султаномъ, преисполнило главную квартиру радостными чувствами [331]. Начатые немедленно переговоры подвигались, однако, не слишкомъ быстро впередъ, послѣ того какъ турки, оправившись отъ перваго испуга, нѣсколько осмотрѣлись. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе сговорчивыми, графу Дибичу пришлось прибѣгнуть къ демонстраціямъ и двинуть передовыя силы арміи по направленію къ Константинополю, занявъ пространство отъ Мидіи на Черномъ морѣ до Родосто на Мраморномъ морѣ. Разъѣзды, высылавшіеся изъ Чорлу, доходили до 60 верстъ къ Царьграду; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были всѣ распоряженія къ выступленію главной квартиры въ Люле-Бургасъ.

Мѣры, принятыя графомъ Дибичемъ, устрашили турокъ и привели къ миру. Вечеромъ 29-го августа (11-го сентября) пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя отъ прусскаго посланника Ройе (Royer) съ письмомъ къ главнокомандующему отъ французскаго и англійскаго пословъ при Оттоманской Портѣ (графа Гильемино и Р. Гордона), въ которомъ они увѣдомляли, что въ случаѣ движенія русскихъ войскъ къ Царьграду Порта перестанетъ существовать (dans ce cas elle cessera d'exister), и что самое ужасное безначаліе, уничтоживъ власть ея, подвергнетъ безъ защиты самому пагубному жребію христіанъ и мусульманъ Турецкой имперіи [332].

«Письмо это,—пишетъ Данилевскій,—въ коемъ представители двухъ сильныхъ державъ объявляли торжественно, что Порта проситъ пощады и жребій свой предоставляетъ великодушію побѣдителей, исполнило насъ неописанною радостію. Главнокомандующій столь былъ пораженъ сло-

Библиотека "Руниверс"

вами, что въ случаѣ движенія его существованіе Турціи прекращается, что у него изъ глазъ лились ручьи слезъ». Графъ Толь также плакалъ.

Императоръ Николай назвалъ декларацію пословъ: «un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre»[333].

Заботливое къ намъ участіе европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ не ограничилось присылкою декларацiи. 30-го августа (11-го сентября) въ Адріанополь лично явился прусскій посланникъ Ройе, котораго турецкое правительство упросило, по причинѣ тѣсныхъ связей, существовавшихъ между берлинскимъ дворомъ и русскимъ, ѣхать въ главную квартиру графа Дибича ходатайствовать о скорѣйшемъ заключеніи мира. На рѣшеніе, принятое Портою, повліяли до нѣкоторой степени переговоры, начатые прибывшимъ въ Константинополь прусскимъ генераломъ Мюфлингомъ; но, съ другой стороны, данное ему, какъ выше упомянуто, дипломатическое порученіе крайне облегчалось успѣхами русскаго оружія[334].

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны турецкихъ уполномоченныхъ въ Адріанополѣ продолжать оспариваніе предъявленныхъ нами требованій, они наконецъ покорились судьбѣ. 2-го (14-го) сентября 1829 года подписанъ былъ во дворцѣ Эски-Сарай Адріанопольскій мирный договоръ.

Главнѣйшія условія этого столь желаннаго мира заключались въ слѣдующемъ. Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Безопасность нашей азіатской границы до нѣкоторой степени обезпечена присоединеніемъ къ имперіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ацхура и Ахалкалаки. Прежніе трактаты съ Портою признаны ею во всей силѣ. Постановлена также уплата Турціею военныхъ издержекъ и убытковъ, понесенныхъ русскими подданными. Права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, при чемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не дозволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство. Грецію признана вассальнымъ государствомъ.

Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и негоціантамъ въ милліонъ пятьсотъ тысячъ дукатовъ.

Въ день заключенія мира, 2-го (14-го) сентября, главнокомандующій писалъ графу Чернышеву:

«Адріанопольскій миръ подписанъ сегодня, семнадцать лѣтъ спустя послѣ вступленія французовъ въ Москву и пять мѣсяцевъ спустя послѣ выступленія изъ Яссъ главной квартиры второй арміи. Результатъ его — maximum условій, которыми я долженъ былъ руководствоваться,

Библиотека "Руниверс"

какъ основаніемъ; вся Европа несомнѣнно усмотритъ въ мирѣ избытокъ великодушія со стороны нашего дорогого повелителя въ моментъ, когда ничто не могло бы помѣшать его побѣдоноснымъ арміямъ овладѣть Константинополемъ и Босфоромъ, и когда Порта при посредствѣ иностранныхъ пословъ сознавалась, что она перестанетъ существовать, если мы будемъ продолжать наше движеніе.

«Вы узнаете подробности изъ моихъ донесеній императору и Нессельроде, а сегодня мнѣ невозможно писать вамъ болѣе. Въ настоящемъ случаѣ пруссаки дѣйствовали, какъ истинные и вѣрные друзья; вы можете себѣ представить, что это сдѣлало меня очень счастливымъ» [335].

VI.

Въ то время, когда мирные переговоры въ Адріанополѣ уже приближались къ концу, въ Петербургѣ не могли еще быть увѣренными въ ихъ благополучномъ исходѣ. Нужно было готовиться ко всякимъ случайностямъ. Поэтому императоръ Николай писалъ графу Дибичу 28-го августа (9-го сентября):

«Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ принятыя вами мѣры, но настаиваю, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили отрядъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть увѣреннымъ, что незваные гости не явились тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ... Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего. Если же употребятъ силу, вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ» [336].

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1-го (13-го) сентября государь коснулся Константинополя:

«Перейдемъ теперь къ случайностямъ (possibilités), осуществленія которыхъ молю Бога не допустить! Это — увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать, слѣдовательно, исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній на случай, если бы дѣйствительно дошло уже до этого. При неуспѣшности переговоровъ слѣдуетъ вамъ немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ; не обращайте вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравновѣшиваются вашимъ моральнымъ превосходствомъ. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія коихъ вы положительно откажитесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было. Тѣмъ болѣе вы не дозволите никакому иностранному флоту

Библиотека "Руниверс"

СВИДАНІЕ ГРАФА ПАСКЕВИЧА СЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ПЕРСИДСКАГО ПРЕСТОЛА, АББАЗЪ-МИРЗОЙ, ВЪ ДЕЙКАРГАНѢ, ВЪ 1828 ГОДУ.

Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Мошкова.

Библиотека "Руниверс"

войти въ Дарданеллы впредь до приказанія... Полученныя мною сегодня утромъ съ курьеромъ извѣстія изъ Лондона положительно утверждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога не обходитесь съ нами по-дибичевски и пощадите нашу честь...

Баронъ Жомини.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

словомъ сказать, это — полное торжество. Богу благодареніе, а вамъ спасибо; это болѣе, чѣмъ всѣ фразы. Но затѣмъ, любезный другъ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, отнесемъ все Богу и да будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго; вотъ слава, къ которой я стремлюсь, и да хранитъ меня Господь добиваться

Библиотека "Руниверс"

иной, я же увѣренъ, что вы меня понимаете... Итакъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, впередъ»[337].

Въ виду упоминаемыхъ императоромъ Николаемъ случайностей, къ которымъ, безъ сомнѣнія, нужно было быть готовымп, государь учредилъ особый секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, изъ князя А. Н. Голицына, графа П. А. Толстого, графа Нессельроде, Д. В. Дашкова и графа Чернышева. Комитету поручено было выяснить положеніе Турціи и обсудить вопросъ о томъ, какое положеніе должна занять Россія, въ случаѣ паденія Оттоманской Порты. Въ первомъ же засѣданіи комитета, состоявшемся 4-го (16-го) сентября 1829 года, графъ Нессельроде прочелъ собранію записку, въ которой проведена была мысль о пользѣ для Россіи сохранить дальнѣйшее существованіе Турціи; по мнѣнію вице-канцлера, всякій другой порядокъ вещей, которымъ была бы замѣнена Турція, не можетъ доставить намъ выгодъ, сопряженныхъ съ сосѣдствомъ слабой державы (qu'aucun ordre de choses que l'on pourrait y substituer, ne saurait balancer pour nous l'avantage d'avoir pour voisin un état faible). Если же паденіе Оттоманской имперіи представляется дѣломъ неизбѣжнымъ, если существованіе турокъ въ Европѣ должно уступить мѣсто новой политической комбинаціи, то графъ Нессельроде полагалъ, что Россія должна пригласить своихъ союзниковъ съ цѣлью совмѣстнаго обсужденія (à délibérer en commun) этого важнаго вопроса. Намѣреваясь рѣшить его безъ ихъ участія, въ то самое время, когда ихъ важнѣйшіе интересы съ нимъ связаны, значило бы, по мнѣнію вице-канцлера, нанести самый чувствительный ударъ ихъ чести и взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность. (Vouloir la résoudre sans leur participation, tandis que leurs intérêts les plus puissants s'y rattachent, serait porter l'atteinte la plus sensible à leur honneur, et nous charger nous-mêmes d'une trop grave responsabilité).

Комитетъ выслушалъ также записку Д. В. Дашкова, близко знакомаго съ восточными дѣлами. Въ запискѣ его высказывалось убѣжденіе, что политика, поставившая себѣ цѣлью паденіе Турецкой имперіи, не соотвѣтствовала бы истиннымъ выгодамъ Россіи. Теперь, утверждалъ Дашковъ, когда границы имперіи простираются отъ Бѣлаго моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, осталось мало пріобрѣтеній, которыя могли бы ей быть полезными.

Въ этомъ же засѣданіи комитета члены его ознакомились, между прочимъ, и съ письмомъ графа Каподистріи къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) марта 1828 года. Бывшій русскій министръ предполагалъ въ случаѣ переустройства Балканскаго полуострова обратить Константинополь въ вольный городъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ конфедераціи пяти вновь образованныхъ балканскихъ госу-

Библиотека "Руниверс"

дарствъ, а именно: герцогства или королевства Дакіи (Молдавія и Валахія), королевства Сербіи (Болгарія, Сербія и Боснія), королевства Македоніи, королевства Эпира и, наконецъ, Эллинскаго государства (l'état Hellénique).

Послѣ всесторонняго обсужденія всѣхъ прочитанныхъ записокъ комитетъ пришелъ единогласно къ слѣдующему рѣшенію:

1) Выгоды, представляемыя сохраненіемъ Оттоманской имперіи въ Европѣ, превосходятъ сопряженныя съ ея существованіемъ неудобства.

2) Вслѣдствіе сего паденіе Оттоманской имперіи не соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи.

3) Благоразуміе требуетъ предупредить это паденіе, изыскавъ всѣ могущія еще представиться средства для заключенія почетнаго мира.

Во второмъ засѣданіи комитета императоръ Николай лично принялъ на себя предсѣдательство; удостоивъ полнаго одобренія заключенія комитета, государь повелѣлъ сообщить ихъ графу Дибичу для руководства [338].

Но пока въ Петербургѣ занимались обсужденіемъ вопроса о будущей судьбѣ Оттоманской Порты, графъ Дибичъ успѣлъ уже предупредить на мѣстѣ желаніе комитета, обезпечивъ дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ. 30-го августа (11-го сентября), въ день тезоименитства наслѣдника и за два дня до заключенія Адріанопольскаго мира, главнокомандующій писалъ государю:

«Примите мои поздравленія и самыя искреннія пожеланія по случаю сегодняшняго торжества, въ которомъ свѣтлыя надежды на будущее, которое уже не можетъ быть нашимъ достояніемъ, соединяются въ вѣрныхъ сердцахъ съ настоящимъ счастіемъ и дорогими воспоминаніями. Великій Богъ, видимо благословляя оружіе вашего императорскаго величества, ниспослалъ намъ радость возвѣстить въ такой день увѣренность въ заключеніи славнаго мира. Послѣ всего того, что мнѣ писалъ и говорилъ прусскій посолъ, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира, и, кромѣ того, при чтеніи памятнаго документа, подписаннаго сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильемино и содержащаго въ себѣ заявленіе Порты, подтвержденное гг. послами, что движеніе вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положитъ конецъ существованію Оттоманской имперіи,— все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ для вашего оружія, государь, но и самою прочною гарантіею для мира, ибо Порта не станетъ дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на бой. Я полагаю, что слѣдующій фельдъегерь привезетъ вашему императорскому величеству мирный трактатъ» [339].

12-го (24-го) сентября императоръ Николай отвѣчалъ Забалканскому:

«Я не могу иначе начать мое посланіе, какъ, возблагодаривъ Бога, сказать вамъ: bravo, bravo et bravo. Мой отвѣтъ — св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю; вы его вполнѣ заслужили. Теперь

Библиотека "Руниверс"

еще разъ искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій, столь же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго русской арміи, стоящей у воротъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно, и воображеніемъ едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ, отправленный изъ Кронштадта, лѣвый — на севастопольскій флотъ; прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбы султана и свидѣтельство о гибели, подписанное послами французскимъ и англійскимъ! Послѣ этого остается только сказать: великъ Богъ русскій и спасибо Забалканскому»[340].

Мирный договоръ привезъ государю въ Царское Село флигель-адъютантъ Чевкинъ[341]. Въ письмѣ къ графу Дибичу этотъ историческій моментъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Прибывъ въ Царское Село, я прежде всего передалъ графу Чернышеву депеши на его имя; вскорѣ, по счастливой случайности, пришелъ графъ Нессельроде, коему я вручилъ привезенныя ему депеши, а затѣмъ мы всѣ втроемъ пошли къ государю. Его величество принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ величайшею радостію; онъ тотчасъ послалъ за императрицею, которая прибѣжала въ сопровожденіи великаго князя наслѣдника, молодыхъ великихъ княженъ и даже маленькаго великаго князя Константина. Тогда произошелъ взаимный обмѣнъ поздравленій, радости и сочувствія. Я не могу найти выраженій, чтобы высказать то глубокое впечатлѣніе, которое я испыталъ въ эту минуту, которая, безъ сомнѣнія, останется въ моей памяти, какъ лучшее воспоминаніе моей жизни. Послѣ этого государь познакомился съ депешами и съ договоромъ; все удостоилось полнаго его одобренія; одна статья, казалось, возбудила въ немъ сожалѣніе: это возвращеніе Карса; я осмѣлился высказать нѣкоторыя мысли относительно незначительности выгодъ, представляемыхъ этимъ пріобрѣтеніемъ; его величество соблаговолилъ ихъ выслушать; когда же, нѣсколько дней спустя, графъ Нессельроде, бесѣдуя со мною объ этомъ, просилъ доставить ему о семъ записку, онъ высказалъ предположеніе, что государь не будетъ настаивать на этомъ пріобрѣтеніи, но что, повидимому, пожелаетъ имѣть Батумъ и турецкую Гурію»[342].

22-го сентября (4-го октября) государь, по случаю заключенія мира, велѣлъ собрать на Царицыномъ лугу войска, расположенныя въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ[343]. Посреди плаца воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Европѣ и Азіи, а войска расположились вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣ-

Библиотека "Руниверс"

стѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячнаго «ура» возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, по свидѣтельству очевидца, знаменіемъ силы прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а въ заключеніе торжества

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи).

турецкія знамена отнесены были въ Преображенскій соборъ[344]. Впослѣдствіи, послѣ 1831 года, ограда этого собора украшена была еще другими турецкими трофеями, а именно орудіями, взятыми въ Варнѣ, затѣмъ подаренными въ 1828 году императоромъ Николаемъ полякамъ и отбитыми снова у нихъ гвардіею во время мятежа 1831 года[345].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ день парада императоръ Николай произвелъ графа Дибича-Забалканскаго въ фельдмаршалы и написалъ ему слѣдующія милостивыя строки:

«Возблагодаривъ Бога на Марсовомъ полѣ среди войскъ и огромной толпы, я обращаюсь къ вамъ, мой любезный другъ, съ душевною благодарностію за счастливый конецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію. Адріанопольскій миръ — самый славный изъ когда либо заключенныхъ, и вы сумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность зажметъ ротъ всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью. Еще разъ повторяю вамъ мою признательность на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала, пожалованный вамъ сегодня, принадлежитъ вамъ по праву» [346].

Сверхъ фельдмаршальскаго званія, императоръ Николай пожаловалъ еще графу Дибичу милліонъ рублей. Графъ Толь награжденъ былъ орденомъ св. Георгія второй степени, св. Владимира первой степени, назначенъ шефомъ 20-го Егерскаго полка и получилъ 300.000 рублей. Графу Чернышеву пожаловано было также 300.000 рублей, а генералъ-адъютанту Бенкендорфу аренда на 50 лѣтъ. Генералъ Канкринъ возведенъ былъ въ графское достоинство. Графъ Нессельроде и графъ Воронцовъ награждены были орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а графъ А. Ф. Орловъ и генералъ-адъютантъ Киселевъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, подобно графу Дибичу, также награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала. 25-го сентября (7-го октября) 1829 года императоръ Николай въ собственноручномъ письмѣ возвѣстилъ «отцу командиру» новое его отличіе, приложивъ эполеты, украшенные фельдмаршальскими жезлами:

«Богъ благословилъ наше дѣло, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и славный миръ положилъ конецъ подвигамъ армій нашихъ, стяжавшихъ новые неувядаемые лавры подъ предводительствомъ вашимъ и товарища вашего въ Европѣ. Воздавъ благодареніе Всевышнему, видимо намъ помогавшему, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, примите искреннее благодареніе стараго вашего друга, умѣющаго цѣнить ваши заслуги.

«Чинъ фельдмаршала, мною вамъ данный, принадлежитъ вамъ не по пристрастію какому, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединили имя ваше къ именамъ Румянцева и Суворова; съ сердечною радостью пишу вамъ это, ибо слова сіи въ моихъ устахъ не лесть, а справедливость.

«Но позвольте другу вашему сказать вамъ: ничто столько не украшаетъ величія дѣла, какъ скромность, въ этомъ нахожу я величайшую красу, истинную доблесть великихъ людей. Во всякомъ дѣлѣ, нами исполняемомъ, мы должны искать помощи Божіей; Его рука насъ караетъ, Его же рука насъ возноситъ; васъ она поставила на высшую ступень славы! Да украситъ васъ и послѣдняя слава, которая истинно

Библиотека "Руниверс"

будетъ ваша принадлежность: скромность! воздайте Богу и оставьте намъ славить васъ и дѣла ваши. Вотъ совѣтъ друга, васъ искренно любящаго и изъ глубины души благодарнаго.

«Надѣюсь, что о сю пору у васъ уже все спокойно, ибо по моему расчету офицеръ отъ Ивана Ивановича могъ до васъ доѣхать; надѣюсь также, что безъ большого затрудненія исполнено будетъ очищеніе края, котораго удерживать за собой не призналъ я полезнымъ для Россіи въ строгомъ смыслѣ ея выгодъ.

«Кончивъ такимъ образомъ одно славное дѣло, предстоитъ вамъ другое, въ моихъ глазахъ столь же славное, а въ разсужденіи прямыхъ пользъ гораздо важнѣйшее,—усмиреніе навсегда горскихъ народовъ или истребленіе непокорныхъ. Дѣло сіе не требуетъ немедленнаго приближенія, но рѣшительнаго и зрѣлаго исполненія, когда получу отъ васъ планъ вашъ, которому слѣдуя надѣетесь исполнить мое ожиданіе. Я для сего предоставляю вамъ временно всѣ войска, подъ командою вашей нынѣ находящіяся, съ тѣмъ, чтобъ ударъ былъ столь же рѣшителенъ, какъ и внезапенъ. Прочее рѣшить предоставляю вамъ.

«Жена моя вамъ сердечно кланяется. Прощайте, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, вѣрьте дружбѣ искренно вамъ доброжелательнаго

«Николая.

«Прилагаемые эполеты прошу носить, меня поминая» [347].

Приведенное здѣсь письмо государя, несмотря на выраженныя въ немъ глубоко дружескія чувства къ «отцу командиру», отличается, тѣмъ не менѣе, нравоучительнымъ характеромъ и напоминаетъ собою приведенное уже выше письмо императора Николая отъ 18-го (30-го) марта 1828 года, посланное послѣ заключенія Туркманчайскаго договора. Очевидно, что, несмотря на преподанные тогда совѣты, государю снова пришлось умѣрять пылкость нрава графа Паскевича; недовѣріе къ ближайшимъ помощникамъ, подозрительность, раздражительность проявились также и во время малоазіатскихъ кампаній не въ меньшей степени, чѣмъ во время персидской; многіе достойнѣйшіе генералы нашлись вынужденными искать новаго поприща дѣятельности, внѣ кавказскаго корпуса—обстоятельство, сдѣлавшееся, конечно, извѣстнымъ императору Николаю такъ же, какъ и многое другое. Для «отца командира» все кончилось дружескимъ внушеніемъ и проповѣдью о скромности и прелестяхъ этой добродѣтели.

1-го (13-го) октября императоръ Николай повелѣлъ всѣмъ участникамъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ носить медаль на лентѣ св. Георгія, установленную въ этотъ день. Тогда же государь отдалъ приказъ войскамъ второй арміи, отдѣльнаго кавказскаго корпуса и дѣйствовавшимъ эскадрамъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ:

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Благословеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя незабвенною новою славою, и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный.

«Въ двухъ странахъ свѣта неумолкно раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду, и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей. Смѣлою стопою переносились вы чрезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя, принудили его къ торжественному сознанію, что мужеству вашему противостоять онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣжденными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени русскихъ воиновъ.

«Въ ознаменованіе толикихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству повелѣваю: носить всѣмъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ, установленную мною особую медаль за Турецкую войну, на лентѣ ордена святого великомученика и побѣдоносца Георгія.

«Да будетъ знакъ сей памятникомъ вашей славы и моей къ вамъ признательности! Да послужитъ онъ залогомъ и будущей вѣрной вашей службы!»

Оцѣнка Адріанопольскаго мирнаго договора со стороны современниковъ сдѣлана была самая разнообразная.

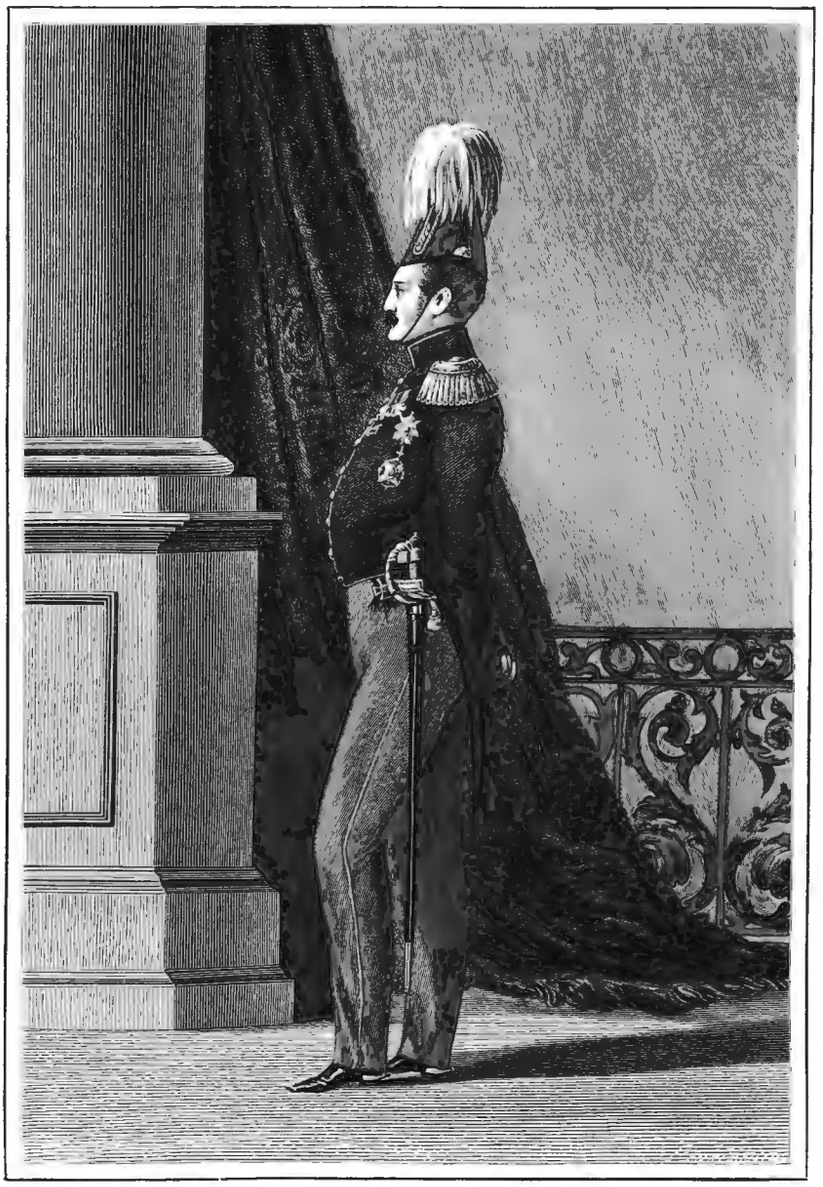
Графъ Нессельроде писалъ 13-го (25-го) октября 1829 года графу Дибичу:

«Иностранныя газеты уже начинаютъ болтать вздоръ по поводу нашего мирнаго договора. Пусть себѣ болтаютъ, всѣмъ вѣдь нельзя угодить, но всѣ люди разумные, разсуждающіе спокойно и безпристрастно, всѣ они не находятъ ничего, заслуживающаго возраженія, и полагаютъ, что миръ соединяетъ выгоды, требовать которыхъ даютъ намъ право столько побѣдъ,— съ тою умѣренностію, которая столь благороднымъ образомъ характеризуетъ политику императора. Удовольствуемся же, мой дорогой фельдмаршалъ, ихъ одобреніемъ и не будемъ обращать вниманія на остальное. Придерживаясь подобнаго правила, всегда бываешь увѣренъ, что дѣлаешь хорошее дѣло» [348].

Самая вѣрная оцѣнка Адріанопольскаго мира принадлежитъ авторитетному перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Гентца, который по поводу договора, заключеннаго 2-го (14-го) сентября, пишетъ:

«Умѣренность — понятіе относительное, но въ случаѣ, сходномъ съ настоящимъ, оно должно одинаково распространяться какъ на побѣдителя,

Библиотека "Руниверс"



Императоръ Николай Павловичъ.
(Съ акварели съ натуры).

такъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить Турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствію. Но они могли потребовать уступки княжествъ и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи и вмѣсто десяти милліоновъ червонцевъ — пятьдесятъ, при чемъ

Библиотека "Руниверс"

ни Порта не имѣла бы власти, ни кто либо изъ добрыхъ друзей ея серьезнаго намѣренія этому воспрепятствовать. Конечно, императоръ неоднократно увѣрялъ, что онъ не хочетъ завоеваній въ этой войнѣ[349]. Но отъ подобныхъ увѣреній легко отречься при содѣйствіи сотни дипломатическихъ тонкостей, и если бы даже голосъ нѣсколькихъ честныхъ людей обозвалъ его вѣроломнымъ, зато несравненно сильнѣйшая часть глубоко испорченнаго общественнаго мнѣнія со всѣхъ сторонъ громко привѣтствовала бы его. Представляется вопросъ: что могло побудить императора не переступать границъ, предписанныхъ имъ его генераламъ и дипломатамъ? Любовь ли къ справедливости, великодушіе, благоразуміе, или соображенія, касающіяся отечественныхъ условій, или же другія какія либо причины? Одно остается несомнѣннымъ, что онъ могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность»[350].

Все сдѣланное въ Адріанополѣ было дѣйствительно безконечно великодушно, но спрашивается, оцѣнила ли Европа по достоинству умѣренность, проявленную императоромъ Николаемъ при заключеніи договора 2-го (14-го) сентября. На подобный вопросъ можно только отвѣтить отрицательно. Недруги наши были сначала лишь ошеломлены и поражены удивленіемъ отъ неожиданнаго исхода борьбы нашей съ Портой, а затѣмъ дѣла пошли по-старому, и антагонизмъ западныхъ державъ по отношенію къ Россіи продолжалъ свою подпольную работу въ Константинополѣ, успѣшно подтачивая, гдѣ можно, плоды нашихъ недавнихъ побѣдъ.

Баронъ Оттенфельсъ, занимавшій постъ австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, называлъ Адріанопольскій договоръ «самымъ жестокимъ, самымъ унизительнымъ изо всѣхъ когда либо исторгнутыхъ побѣдителемъ у слабаго побѣжденнаго». По его мнѣнію, заключенный нами договоръ содержалъ въ себѣ тотъ смертельный ядъ, который рано или поздно долженъ привести къ распаденію Оттоманской имперіи. Адріанопольскимъ договоромъ Россія будто бы исключила Порту изъ числа независимыхъ державъ; въ немъ Россія найдетъ все, что захочетъ, и если гибель Порты входитъ въ ея расчеты, то она обезпечила себѣ предлоги и средства къ ея осуществленію.

«L'ami Metternich» съ своей стороны громилъ своимъ перомъ Николая Павловича не менѣе внушительно и писалъ въ 1830 году: «Императоръ посредствомъ денежной сдѣлки, безъ существенныхъ жертвъ, окруживъ себя ореоломъ великодушія, доказалъ, что умѣетъ простирать далеко искусство пользоваться ложными положеніями».

Съ русской стороны нападки на Адріанопольскій договоръ выразились главнымъ образомъ въ томъ, что не одобряли возвращенія Портѣ

Библиотека "Руниверс"

крѣпости Карса и, сверхъ того, сожалѣли, что трактатомъ не было выговорено присоединеніе Батума къ нашимъ владѣніямъ. Карсъ и Батумъ стоятъ нѣсколькихъ милліоновъ контрибуціи, замѣтилъ императоръ Николай въ письмѣ къ графу Дибичу [351]. Между тѣмъ главнокомандующій въ особой оправдательной запискѣ оспаривалъ значеніе для насъ Карса и Батума; относительно же послѣдняго пункта находилъ сверхъ того неудобнымъ требовать отъ Турціи уступки города, которому во время кампаніи даже не угрожали наши войска. Послѣдній доводъ поражаетъ своею наивностью, если просмотрѣть 2-ю и 4-ю статьи Адріанопольскаго договора, въ которыхъ перечисленъ длинный рядъ сдѣланныхъ нами въ Европѣ и въ Азіи завоеваній, возвращаемыхъ Оттоман-

Переправа императора Николая черезъ Дунай въ 1828 году
(Съ гравюры Петрова, сдѣланной съ рисунка Звѣрева).

ской Портѣ; казалось бы, что въ виду этого списка требованіе уступки Батума не представляло бы ничего особеннаго, даже оставляя въ сторонѣ возможное уменьшеніе военной контрибуціи.

Графъ Паскевичъ смотрѣлъ на этотъ важный вопросъ территоріальнаго расширенія Россіи въ Закавказьѣ нѣсколько иначе и въ письмѣ къ графу Нессельроде сообщилъ о степени той важности, съ какою должны быть цѣнимы при заключеніи мира области, покоренныя оружіемъ нашимъ въ Азіатской Турціи. Онъ неоднократно особенно настаивалъ на удержаніи нами Карсскаго пашалыка и написалъ вицеканцлеру пророческія слова: «Остается только надѣяться, что намъ не придется раскаяться въ сдачѣ Карса и хребта Саганлугскихъ горъ, а уступка немаловажная». Къ сожалѣнію, пророчество Паскевича сбылось съ неотразимою вѣрностію, и намъ пришлось не разъ въ 1855 и 1877 го-

Библиотека "Руниверс"

дахъ памятовать объ ошибкѣ, учиненной графомъ Дибичемъ при заключеніи Адріанопольскаго мира.

Въ письмѣ къ вице-канцлеру графъ Дибичъ приводитъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что записка Паскевича объ азіатскихъ границахъ, присланная графомъ Нессельроде въ Адріанополь, получена была въ главной квартирѣ, два дня спустя послѣ того, какъ турецкимъ уполномоченнымъ врученъ былъ maximum нашихъ требованій [352].

VII.

Напряженная дѣятельность, въ которой императоръ Николай провелъ весь 1829 годъ, дала себя подъ конецъ чувствовать; вечеромъ 29-го октября (10-го ноября) государь почувствовалъ себя нездоровымъ. Сперва при общей увѣренности въ крѣпкомъ сложеніи императора Николая никто даже и во дворцѣ не предполагалъ, что болѣзнь его можетъ вызвать какія либо опасенія; но на третій день она до такой степени усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Это были Крейтонъ, Раухъ и Арендтъ. Тогда и при дворѣ и въ городѣ всѣ перетревожились. Входъ въ комнату, гдѣ лежалъ государь, былъ всѣмъ воспрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ, желая получить извѣстія о положеніи больного; разспрашивали докторовъ, камердинеровъ; опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для блага и славы имперіи. Невольно очевидцы кончины императора Александра Павловича припоминали недавніе еще печальные таганрогскіе дни. «Императрица,— пишетъ Бенкендорфъ,— съ ангельскою своею добротою выходила по временамъ изъ комнатъ своего супруга съ заплаканными глазами сообщать намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нервическая горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня [353]. Я видѣлся съ императрицею по нѣскольку разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, котораго она не покидала ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми въ эту болѣзнь государя многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе. Наконецъ, послѣ двѣнадцати томительныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою и лучше всего доказавшихъ искреннюю и общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ итти очень медленно, и больному легко

Библиотека "Руниверс"

можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужденіи, о чемъ мы и были предваряемы неоднократно передъ допускомъ къ нему.

«Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ перемѣною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ его отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, что новаго случилось въ его болѣзнь, и, удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ, однакожъ, всемѣрно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой нибудь утайки отъ него. Разговоръ въ такомъ родѣ, продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и по-

Видъ Рущука съ русской батареи въ 1828 году.
(Съ рисунка съ натуры. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

добныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о большей или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо оправляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіе его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

«Однимъ утромъ, 15-го (27-го) ноября, былъ призванъ не видѣвшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость на вопросъ государя, нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «кажется, ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань» [354]. Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ, началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ

Библиотека "Руниверс"

немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились внѣ себя отъ неосторожности Толстого, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ въ страшномъ жару и приказалъ отправить линейный корабль и фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ съ депешами о семъ непремѣнно въ тотъ же день [355].

«По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе, и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что не возможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли. Къ счастію, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемое государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; благодаря умнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а Лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской Портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ, остался въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англіею, окончилось совершенно благополучно».

Вскорѣ здоровье императора Николая совсѣмъ возстановилось, и 10-го (22-го) декабря 1829 года государь могъ уже собственноручно написать графу Дибичу:

«Наконецъ, мой любезный другъ, благодаря Богу, я самъ могу отвѣчать вамъ на ваше письмо, которое получилъ вчера. Я почти совсѣмъ оправился отъ поразившаго меня сильнаго потрясенія: милосердіе Божіе на этотъ разъ сохранило меня женѣ и дѣтямъ; чувствую только слабость въ ногахъ, однако я могъ сегодня сѣсть верхомъ и слѣдовательно готовъ на службу» [356].

Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1829 года, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ написалъ фельдмаршалу слѣдующія строки насчетъ событія, взволновавшаго тогда собою всю Россію:

«Вы поймете, дорогой и высоко чтимый графъ, насколько мы должны были тревожиться здѣсь насчетъ здоровья императора. Зная, насколько разстояніе должно было еще болѣе усиливать вашу тревогу по этому поводу, я каждый день просилъ Чернышева сообщать вамъ, насколько возможно чаще, извѣстія о ходѣ болѣзни. Теперь, слава Богу, нашъ несравненный государь чувствуетъ себя совершенно хорошо, и отъ

Библиотека "Руниверс"

болѣзни остались лишь слабость и худоба, служащія сильнѣйшимъ доказательствомъ опасности, которой мы подвергались. Эта мысль владѣла всѣми умами, и отъ нея волосы на головѣ становились дыбомъ. Сознавали весь ужасъ послѣдствій, которыя повлекла бы за собою потеря человѣка, котораго какъ самый злонамѣренный, такъ и самый равнодушный признаютъ необходимымъ не только для нашего счастья, но и для нашего существованія. Впечатлѣніе, которое извѣстіе объ этой болѣзни произвело въ Москвѣ и провинціи, является прекраснѣйшимъ доказательствомъ привязанности, которую императоръ сумѣлъ внушить. Все было поглощено этимъ великимъ интересомъ; только говорили что объ императорѣ; быть можетъ, это испытаніе было необходимо, чтобы заставить императора понять истинное значеніе заботливости, съ которою онъ долженъ относиться къ своему здоровью, и послужить поводомъ къ вознагражденію его за его труды, которое лишь одна любовь можетъ давать государю» [357].

Послѣ благополучнаго исхода этого тревожнаго эпизода петербургская общественная жизнь вступила понемногу въ свою обычную колею.

«Я не припомню зимы въ Петербургѣ,—писалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ графу Дибичу,—которая была бы болѣе наполнена балами, празднествами и удовольствіями. Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, приведшимъ къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостью, въ цѣлой Европѣ — внушительнымъ положеніемъ, а внутри — спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привести лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильны болѣе чѣмъ когда бы то ни было въ мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается Россія (rien n'empêche de se livrer avec suite aux améliorations, aux revirements nouveaux que demande la Russie). Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехъ лѣтъ войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также мало отступитъ передъ административными трудностями, какъ и передъ трудностями войны; онъ не встрѣтитъ въ этой области дѣятелей столь блестящихъ, столь быстрыхъ въ дѣйствіи, какъ «Забалканскіе» и «Эриванскіе», но, если эти трудности будутъ побѣждены, онъ извлечетъ изъ нихъ славу, столь же блестящую и еще болѣе полезную для своихъ многочисленныхъ подданныхъ» [358].

Дѣйствительно, все предвѣщало родъ политическаго затишья. Европа казалась до нѣкоторой степени успокоенною; всѣ дѣла наши съ Персіею и Портою были окончательно улажены; зависть западныхъ державъ, повидимому, какъ бы умолкла предъ умѣренностію и прямодушіемъ императора Николая; можно было думать, что милостивая судьба пре-

Библиотека "Руниверс"

доставляетъ наконецъ императору Николаю возможность посвятить себя, согласно своему сердечному влеченію, исключительно дѣламъ по улучшенію внутренняго положенія своей обширной имперіи. Однако случилось какъ разъ противное. Наступилъ 1830 годъ и вмѣсто успокоенія принесъ съ собою рядъ такихъ потрясающихъ событій, стеченіе которыхъ, одного вслѣдъ за другимъ, создало истинно смутное время для Европы и Россіи. Въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція со своими отраженіями въ другихъ европейскихъ государствахъ; затѣмъ начался польскій мятежъ и война имперіи съ королевствомъ, созданнымъ Александромъ I-мъ, а въ довершеніе всѣхъ бѣдъ появился неизвѣстный доселѣ зловѣщій гость: холера; она посѣтила Москву, а затѣмъ и Петербургъ, вызывая повсюду народныя волненія, а въ заключеніе кровавый бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ. Подъ давленіемъ всѣхъ перечисленныхъ тягостныхъ послѣдствій всѣ «améliorations и revirements nouveaux», о которыхъ возвѣщалъ шефъ жандармовъ, отступили на задній планъ. Неумолимая сила событій толкнула правительство совсѣмъ въ другую сторону; нужно было прежде всего возстановить попранный мятежемъ порядокъ и спасти имперію отъ угрожавшаго ей отторженія западныхъ ея окраинъ. Первую роль въ разыгравшейся тогда кровавой драмѣ снова пришлось играть тѣмъ же «Забалканскимъ» и «Эриванскимъ», на которыхъ ссылался въ своемъ письмѣ Бенкендорфъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Въ началѣ 1830 года въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный посолъ султана Галиль-паша въ сопровожденіи Неджиба-Сулеймана-эфенди. Цѣль турецкаго посольства, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ любимцевъ Махмуда, заключалась въ томъ, чтобы прійти къ соглашенію относительно подробностей уплаты вознагражденія за военныя издержки; но вмѣстѣ съ тѣмъ Порта имѣла въ виду и скрытую цѣль: просить государя о смягченіи условій Адріанопольскаго договора. Въ секретной инструкціи рейсъ-эфенди, данной Галиль-пашѣ, ему поручалось представить русскому двору о неудобоисполнимости всѣхъ условій заключеннаго мира и ходатайствовать о пересмотрѣ трактата.

Галиль-паша прибылъ въ Одессу еще осенью 1829 года; внезапная болѣзнь государя задержала здѣсь посольство въ ожиданіи разрѣшенія дальнѣйшаго путешествія.

Между тѣмъ, генералъ-адъютантъ графъ А. Ф. Орловъ, посланный въ Константинополь послѣ ратификаціи Адріанопольскаго договора, давно уже съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ турецкой столицѣ, снискавъ особенное расположеніе къ себѣ султана [359]. Наконецъ, 25-го января (6-го февраля) 1830 года, Галиль-паша въ свою очередь появился въ Петербургѣ и 28-го января (9-го февраля) принятъ былъ императоромъ Николаемъ въ торжественной аудіенціи въ Георгіевской тронной залѣ Зимняго дворца, въ присутствіи всего двора.

Послѣ торжественной аудіенціи государь удостоилъ еще Галиля и Неджиба частной аудіенціи, которая длилась полтора часа. Въ продолжительномъ дружескомъ разговорѣ императоръ Николай ознакомилъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

съ своими взглядами на политическое положеніе дѣлъ, созданное на Востокѣ Адріанопольскимъ миромъ. Чтобы подтвердить въ турецкой памяти все сказанное, государь приказалъ Фонтону, служившему ему переводчикомъ, тотчасъ же составить очеркъ этой достопамятной бесѣды и сообщить Галиль-пашѣ.

Составленный тогда «précis de l'entretien particulier»[360] заключался въ слѣдующемъ:

«По окончаніи сегодняшней аудіенціи его величество императоръ, соизволивъ удостоить частнымъ разговоромъ оттоманскихъ пословъ, началъ съ того, что выразилъ свое удовольствіе по поводу увѣреній, лично высказанныхъ султаномъ генералъ-адъютанту графу Орлову, о твердомъ намѣреніи своемъ въ точности выполнить обязательства, принятыя по Адріанопольскому договору; что онъ не менѣе остался доволенъ завѣреніями, только что сдѣланными самими послами именемъ и по порученію султана, но что нѣкоторыя инструкціи, которыя, какъ извѣстно его величеству, были даны имъ рейсъ-эфенди,—о чемъ этотъ министръ конфиденціально сообщилъ графу Орлову,—ему крайне не понравились, потому что онѣ шли совершенно въ разрѣзъ съ чувствами, проявленными султаномъ; что даже нѣкоторыя мѣста изъ частнаго письма султана, съ которымъ его величество только что ознакомился, повидимому не вполнѣ отвѣчаютъ этимъ чувствамъ; что, тѣмъ не менѣе, будучи убѣжденъ, что, когда дѣло происходитъ между государями, и когда уже протянули другъ другу руки и обязались своимъ словомъ, то это обязательство становится священнымъ и ненарушимымъ, онъ нисколько не колеблется придать полную и безусловную вѣру искренности истинныхъ намѣреній султана, отвѣчающихъ его собственнымъ; что, убѣжденный въ этомъ, онъ поставляетъ себѣ въ удовольствіе объявить, что готовъ сдѣлать все, что могло бы быть пріятно султану, но лишь бы только Адріанопольскій договоръ продолжалъ служить основаніемъ будущихъ отношеній между обоими государствами, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не было произведено посягательство на неприкосновенность и дѣйствительность этой сдѣлки, но что при этомъ онъ ставитъ одно предварительное и непремѣнное условіе, а именно, что инструкціи рейсъ-эфенди будутъ признаны недѣйствительными и какъ бы несуществующими, и что о нихъ не будетъ болѣе и рѣчи.

«Оттоманскіе послы поспѣшили возразить, что въ намѣренія султана, ихъ повелителя, отнюдь не входило оказать хоть малѣйшее посягательство на дѣйствительность Адріанопольскаго договора, что этотъ актъ, торжественно признанный и ратифицированный имъ, былъ и долженъ остаться обязательнымъ; что, преисполненный довѣрія къ справедливости и умѣренности его императорскаго величества, султанъ далъ имъ спеціальное порученіе къ императору исключительно лишь для того, чтобы

Библиотека "Руниверс"

во имя великодушной дружбы исходатайствовать у него нѣкоторыя льготы, нѣкоторыя измѣненія, внѣ договора; что, въ виду этого только, сообразуясь съ приказаніями и намѣреніями его императорскаго величе-

Видъ крѣпости Варны въ 1828 году.
(Съ рисунка съ натуры генерала К. А. Шильдера).

ства, они могли бы приступить къ изложенію ходатайствъ, которыя имъ предписано представить ему.

«Мнѣ пріятно слышать эти рѣчи,—возразилъ императоръ,—и я не могъ бы слышать чего либо другого. Разсматриваемое съ этой точки

Библиотека "Руниверс"

зрѣнія порученіе, данное этимъ господамъ, крайне пріятно для меня; я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ дать султану доказательства моей искренней дружбы и моего желанія быть пріятнымъ ему. Я прошу немного терпѣнія, такъ какъ намѣренъ изложить историческій ходъ моего образа дѣйствій съ самаго начала, чтобы доказать, насколько мое отношеніе къ Оттоманской имперіи было неизмѣнно одно и то же. Какъ только началось мое царствованіе, тѣ, которые величаютъ себя друзьями Порты, и которые доказали, что они за друзья, выставили меня, какъ государя честолюбиваго, какъ подражателя Наполеона, мечтающаго только о побѣдахъ и захватахъ. Дѣло, однако, въ томъ, что, вступая на престолъ, я взошелъ на него со славнымъ наслѣдствомъ, состоявшимъ изъ благородныхъ и великодушныхъ принциповъ, неизмѣнно руководившихъ политикою покойнаго императора Александра, терпѣніе и кротость котораго,—надо признаться въ этомъ,—были подвергнуты чрезмѣрному испытанію вслѣдствіе дурныхъ поступковъ Порты. Въ моментъ моего воцаренія я былъ слишкомъ исключительно поглощенъ внутренними дѣлами имперіи, чтобы имѣть возможность посвящать свои заботы интересамъ внѣшней политики. Но, нѣсколько времени спустя, осложненія на Востокѣ привлекли мое исключительное вниманіе. Я желалъ предотвратить несчастія, которыя, какъ я предвидѣлъ, должны были явиться слѣдствіемъ этого, и начались Аккерманскіе переговоры. Результатомъ ихъ явилась конвенція, прилично образомъ рѣшившая всѣ спорные вопросы и подавшая намъ надежду, что миръ и спокойствіе упрочатся. Эта надежда не просуществовала долго. Вскорѣ, вслѣдствіе прискорбнаго заблужденія, Порта сама порвала всѣ узы, связывавшія ее съ Россіей. Слишкомъ пресловутый фирманъ, широко распространенный, открыто указывалъ на насъ, какъ на неумолимыхъ враговъ Оттоманской имперіи. Я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ оружію; но, подчиняясь необходимости войны, я въ то же время рѣшилъ испытать всѣ средства, чтобы воспрепятствовать ей сдѣлаться продолжительной. Я лично отправился по ту сторону Дуная во главѣ корпуса, численный составъ котораго самъ по себѣ доказывалъ, что онъ не предназначался для завоеванія Турціи. Вступая такимъ образомъ во владѣнія султана, я льстилъ себя мыслью, что найду случай вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, чтобы выяснить ему положеніе его, убѣдить его въ моемъ расположеніи и тѣмъ покончить нашу распрю. Въ этихъ-то видахъ я и объяснялся откровенно сначала съ Гассанъ-пашею и Эюбъ-пашею шакчинскими, затѣмъ съ Джаферъ-пашею мачинскимъ, а еще позднѣе въ Варнѣ съ капуданъ-пашею и Юсуфъ-пашею. Всѣ эти попытки оказались безплодными. Не позднѣе еще, какъ въ концѣ 1828 года, когда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, явился поводъ думать, что въ Константинополѣ желаютъ вступить въ переговоры, я не колебался позво-

Библиотека "Руниверс"

лить послать туда парламентера, который по прибытіи былъ почти позорно отосланъ обратно. Началась кампанія 1829 года, и ея первыя событія позволили мнѣ судить о бѣдствіяхъ, которыя явятся ея слѣдствіемъ для Оттоманской имперіи. Я пожелалъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы предотвратить ихъ. Находясь въ Варшавѣ, я проѣхалъ до Берлина и побудилъ его величество короля Прусскаго, моего тестя, послать въ Константинополь генерала Мюфлинга, чтобы попытаться вразумить султана и заставить его оцѣнить мои истинныя намѣренія. Тѣмъ временемъ наши войска вступили въ Адріанополь, и слѣдствіемъ сего явился миръ.

«Теперь я спрашиваю, съ какой стороны находятся друзья, и съ какой—враги? Кто пытался спасти Порту отъ грозившей ей опасности?

Взятіе крѣпости Варны въ 1828 году.

(Съ рисунка съ натуры того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Тѣ ли, которые вѣроломными совѣтами, гнусными наущеніями старались поощрять ее къ сопротивленію, или же тѣ, которые миролюбивымъ образомъ дѣйствій и благоразумными увѣщаніями не переставали стремиться къ тому, чтобы предотвратить опасность?

«Такимъ образомъ, среди самой войны я поставилъ себѣ задачею доказать, что я не былъ, какъ пытались меня выставить, неумолимымъ врагомъ Оттоманской имперіи, съ остервенѣніемъ думавшимъ о ея разрушеніи. Повсюду, гдѣ были мои войска, мы никогда не пытались возмущать населеніе противъ султана. Нигдѣ недовольные янычары не могли замѣтить ни поддержки, ни поощренія. Даже христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, мы не переставали убѣждать оставаться спокойными и покорными. Султанъ можетъ быть увѣренъ, что всюду, гдѣ еще мои

Библиотека "Руниверс"

войска временно остаются, его власть останется неприкосновенной. Пусть же султанъ убѣдится, что его друзья находятся въ Петербургѣ, а не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, и что одинъ изъ этихъ друзей и самый вѣрный это — я. Не нужно, чтобы между нами находился кто либо: будь то Англія, Австрія, Франція или даже рейсъ-эфенди. Да сохранитъ насъ Богъ отъ новой войны, но если иностранцы будутъ мѣшаться въ наши дѣла, они въ концѣ концовъ снова поссорятъ насъ. Итакъ, я не желаю имѣть какого-либо посредника между султаномъ и мною, даже въ лицѣ рейсъ-эфенди съ его инструкціями.

«Когда его величество кончилъ свою рѣчь, оттоманскіе послы снова повторили прежнія увѣренія относительно намѣреній султана. Они подтвердили, что именно въ видахъ воздать блестящую дань чувствамъ императора, всю искренность которыхъ ихъ повелитель признаетъ въ настоящее время, и чтобы высказать высокое довѣріе, которое они внушаютъ ему, султану и было угодно поручить имъ, его посланнымъ, выразить его мысль во всемъ объемѣ. Они прибавили, что имъ не остается ничего другого, какъ умолять его императорское величество дать полную свободу великодушнымъ порывамъ своей души, и что въ воздаяніе своихъ благодѣяній онъ соберетъ всеобщія молитвы и благодарность.

«Однимъ словомъ,—продолжалъ императоръ,—я хочу быть другомъ султана и сдѣлаю для него все, что возможно. Онъ предпринялъ важныя реформы и преобразованія въ своемъ государствѣ. Чтобы окончить и упрочить свое твореніе, ему необходимы время и спокойствіе, тогда какъ въ случаѣ новаго разрыва, если бы по несчастью онъ снова произошелъ между нами, все было бы ниспровергнуто и сопровождалось бы для Турціи самыми пагубными послѣдствіями. Пусть же султанъ предохранитъ себя отъ этого несчастія, пусть онъ предохранитъ отъ него меня самого. Онъ можетъ разсчитывать на меня. Я хочу, чтобы Оттоманская имперія была сильна и спокойна. Но нужно также принять во вниманіе, что каждый государь имѣетъ обязанности въ отношеніи своей страны. У меня есть свои обязанности, которыя я долженъ выполнить, и поэтому я не могу отказаться отъ всѣхъ выгодъ, постановленныхъ Адріанопольскимъ трактатомъ послѣ столькихъ потерь и жертвъ.

«Императоръ положилъ конецъ этому свиданію, обратившись къ турецкимъ посланнымъ со словами, пріятными лично для нихъ, и милостиво отпустилъ ихъ, извиняясь за то, что такъ долго задержалъ ихъ».

Вечеромъ того же дня (28-го января) состоялся балъ въ Бѣлой залѣ, какъ пишетъ графъ Чернышевъ, «самый многолюдный и самый красивый изъ всѣхъ, которые давались когда либо; по собственному признанію турокъ, имъ казалось, что они перенесены въ область тысячи и одной ночи» [351].

Библиотека "Руниверс"

Въ 1830 году турецкіе посланные впервые явились въ Петербургѣ не въ традиціонномъ національномъ костюмѣ, но въ формѣ, придуманной султаномъ, имѣя на головѣ феску вмѣсто азіатской чалмы. Галиль-паша объѣздилъ всѣ общественныя заведенія въ столицѣ, присутствовалъ ежедневно при разводѣ, а также при возвращеніи въ столицу изъ похода различныхъ полковъ гвардіи, посѣщалъ театры, а также собранія частныхъ лицъ. Вообще онъ остался чрезвычайно доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и тронутъ былъ въ особенности милостями государя, который, вручивъ ему богатые дары для султана, надѣлилъ какъ пашу, такъ и свиту его щедрыми подарками.

Послѣ категорическихъ объясненій, сдѣланныхъ императоромъ Николаемъ въ день первой же аудіенціи, турки отказались отъ всякой мысли возможнаго пересмотра Адріанопольскаго договора. Но Галиль-паша получилъ другія доказательства благосклоннаго расположенія государя къ побѣжденной Турціи. 14-го (26-го) апрѣля 1830 года въ Петербургѣ заключена была конвенція, по которой императоръ Николай уменьшилъ военную контрибуцію на два милліона червонцевъ и остальную сумму въ восемь милліоновъ червонцевъ разрѣшилъ выплачивать ежегодными взносами по одному милліону каждый. Сверхъ сего императоръ Николай добровольно отказался отъ выговореннаго въ Адріанополѣ десятилѣтняго права оккупаціи придунайскихъ княжествъ русскими войсками, обѣщая вывести ихъ тотчасъ послѣ уплаты Портою вознагражденія за убытки русскихъ подданныхъ. До окончательной же расплаты контрибуціи Россія удерживала за собою только одну Силистрійскую крѣпость, съ правомъ пользоваться проложенною черезъ княжества военною дорогою и Дунаемъ [362]. Но этимъ не исчерпалось великодушное отношеніе императора Николая къ своему недавнему врагу: государь обѣщалъ уступить еще одинъ милліонъ червонцевъ, если Порта признаетъ постановленія Лондонской конференціи, то-есть полную независимость Греціи. Объ этомъ сообщено было Галиль-пашѣ особой нотой.

Въ это время распространился слухъ, что будто султанъ Махмудъ, встрѣтивъ въ своихъ преобразованіяхъ противодѣйствіе со стороны высшаго магометанскаго духовенства и всѣхъ приверженцевъ старины, помышлялъ будто бы о принятіи христіанства и объявленіи христіанской вѣры господствующимъ исповѣданіемъ въ имперіи. Какъ все это ни представлялось сказочнымъ, но въ то время подобному слуху придавали, повидимому, вѣру. Во время прощальной аудіенціи Галиль-паши императоръ Николай призналъ возможнымъ затронуть въ разговорѣ этотъ замысловатый вопросъ.

Галиль-паша откланивался императору въ присутствіи директора азіатскаго департамента Радофиникина и старшаго драгомана министерства иностранныхъ дѣлъ Фонтона. Принявъ изъ рукъ его величества

Библиотека "Руниверс"

письмо къ султану, Галиль-паша спросилъ государя, не имѣетъ ли онъ возложить на него какого либо словеснаго порученія, которое не можетъ быть довѣрено бумагѣ, обязуясь въ точности исполнить полученныя приказанія. Подумавъ немного, императоръ Николай сказалъ:

— Да, есть такія вещи, писать о которыхъ нельзя. Величайшимъ доказательствомъ дружбы моей къ вашему повелителю былъ бы именно подобный совѣтъ въ этомъ родѣ, но я сомнѣваюсь въ возможности для васъ передать его.

Галиль-паша поклонился, и государь продолжалъ:

— Если такъ, то будемъ вполнѣ откровенны. Я поручаю вамъ сдѣлать словесное сообщеніе, впрочемъ условное. Вы передадите его другу моему султану, лишь при удобномъ случаѣ, если вамъ представится возможнымъ повторить мои слова его величеству, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе его. Я нахожу, что лучшее средство для монарха утвердить свое государство, престолъ, династію, состоитъ въ томъ, чтобъ исповѣдывать религію великаго большинства своихъ подданныхъ. (Je suis d'avis que pour le souverain le moyen le plus sûr de consolider l'état, le trône, la dynastie, c'est de professer la religion de la grande majorité de ses sujets).

Галиль-паша, видимо смущенный, безмолвствовалъ.

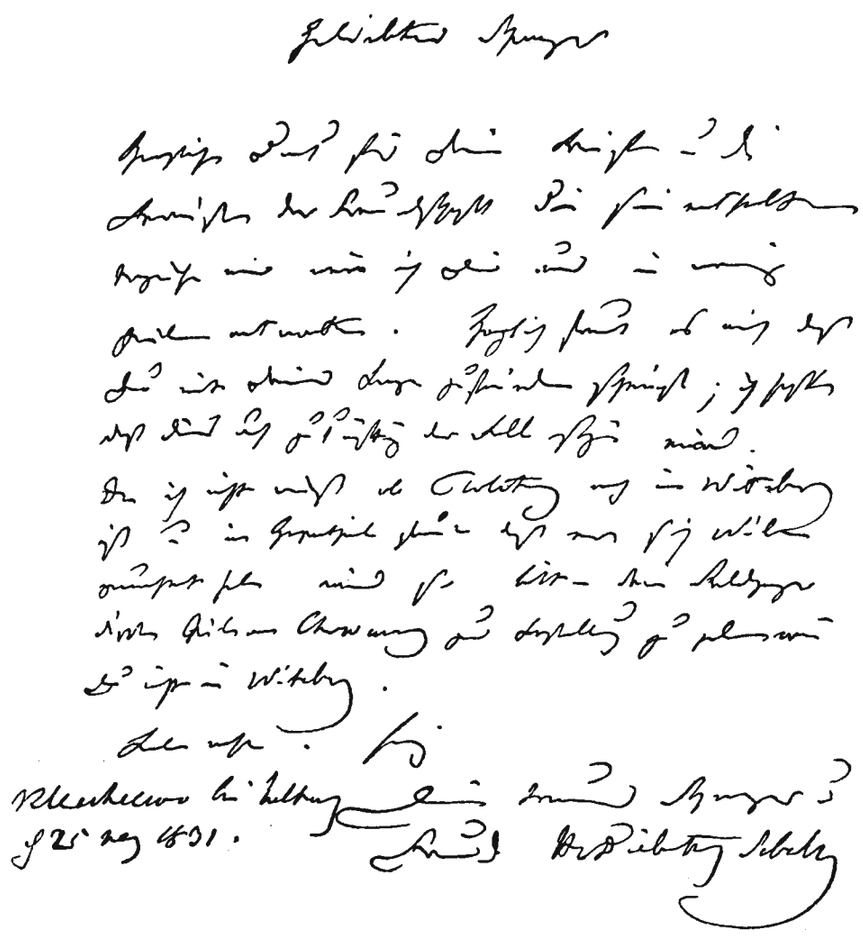
— Можете ли вы передать эти слова султану?—спросилъ его государь.

— Ваше величество,—возразилъ Галиль,—соблаговолите дать мнѣ условное приказаніе. Быть можетъ, когда нибудь и представится случай повторить дословно моему государю эти слова, которыя запечатлѣются въ моей памяти, какъ самое очевидное доказательство благоволенія вашего величества къ моему отечеству и дружбы къ моему повелителю [363].

Мы не располагаемъ никакими данными, по которымъ можно было бы судить, дошло ли до султана содержаніе приведеннаго разговора, и какимъ образомъ повелитель правовѣрныхъ отнесся къ преподанному ему совѣту. Но замѣчательно, что въ 1832 году императоръ Николай вторично остановился на этомъ вопросѣ, высказавъ генералу Муравьеву, при отправленіи его на Востокъ, что есть основаніе предполагать въ султанѣ склонность къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры.

Во время пребыванія при русскомъ дворѣ Галиль-паша встрѣтился съ своимъ константинопольскимъ знакомымъ, прусскимъ генераломъ Мюфлингомъ, который въ исходѣ 1829 года прибылъ въ Россію, сопровождая въ С.-Петербургъ младшаго брата императрицы Александры Ѳеодоровны, принца Альбрехта. Императоръ Николай не разъ бесѣдовалъ съ прусскимъ генераломъ о восточныхъ дѣлахъ; одна изъ такихъ бесѣдъ произвела на него особенно сильное впечатлѣніе. Приведемъ здѣсь относящійся къ ней отрывокъ изъ записокъ генерала Мюфлинга [364]:

Библиотека "Руниверс"



ПИСЬМО ГРАФА И. И. ДИБИЧА БАРОНУ Б. К. ТИЗЕНГАУЗЕНУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

«Императоръ сказалъ, что со времени паденія янычаръ Оттоманское государство утратило завоевательный характеръ. Онъ хвалилъ характеръ мусульманъ, ихъ любовь къ правдѣ, вѣрность, съ которою они держатъ данныя обѣщанія, и отсюда приходилъ къ заключенію, что онъ не можетъ и желать себѣ лучшихъ сосѣдей, поэтому онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы поддержать ихъ неприкосновенность и, насколько

Видъ крѣпости Шумлы въ 1828 году.
(Съ акварели того времени).

только возможно, предохранить ихъ отъ внутреннихъ распрей и внѣшнихъ нападеній. Если въ Европѣ иногда высказываютъ опасеніе, что будто бы онъ, поддаваясь любви къ войнамъ или ложному честолюбію, способенъ выступить противъ Порты въ качествѣ завоевателя, то это доказываетъ не только полное незнакомство съ направленіемъ его ума, но обусловливаетъ также предположеніе, что онъ мало вдумался и въ свое собственное положеніе и въ положеніе своего государства. Пространство

Библиотека "Руниверс"

подвластныхъ его скипетру земель, равно какъ ихъ населеніе, могутъ съ избыткомъ занять одну человѣческую жизнь; съ его стороны было бы безразсудствомъ стремиться къ завоеваніямъ; отъ Бога предначертанный ему путь заключается въ способствованіи благоденствію его подданныхъ, а для этого нужно прежде всего оберечь ихъ отъ легкомысленныхъ войнъ. Подобной цѣли можно достигнуть путемъ вѣрнаго выполненія обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ другимъ государствамъ, и послѣдовательнаго воздержанія отъ вмѣшательства въ область чужихъ правъ. Это составляетъ стремленіе его жизни, и онъ молитъ Бога ниспослать ему необходимыя къ тому здоровье и силы».

«Мысли, высказанныя императоромъ,—продолжаетъ Мюфлингъ,—привели меня въ трудно поддающееся описанію волненіе. Онѣ были выражены такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою теплотою, что не могло явиться и мысли о чемъ либо искусственномъ или преднамѣренномъ. Благородное сердце, богато одаренная душа, свѣтлый умъ проявились съ правдивостью при важномъ, хотя и самомъ случайномъ поводѣ. Я тотчасъ же записалъ этотъ навсегда памятный для меня разговоръ, и въ теченіе моего почти пятимѣсячнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ я не нашелъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ императора ничего такого, что не стояло бы въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи со словами этого разговора».

II.

3-го (15-го) марта 1830 года императоръ Николай отправился въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа для осмотра военныхъ поселеній гренадерскаго корпуса. Осмотрѣвъ тамъ нѣсколько полковъ, также госпитали и нѣкоторыя постройки, государь, по возвращеніи въ Новгородъ, вдругъ велѣлъ санямъ повернуть на московскій трактъ.

«Я чрезвычайно удивился такой внезапной перемѣнѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—а онъ, позабавившись моимъ смущеніемъ, разсказалъ, что еще изъ С.-Петербурга выѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но сообщилъ о немъ одной лишь императрицѣ, чтобы сохранить свой маршрутъ въ совершенной тайнѣ и тѣмъ болѣе удивить Москву. Мы употребили на переѣздъ туда менѣе 34-хъ часовъ и остановились у Кремлевскаго дворца въ два часа ночи. И тамъ, и въ цѣломъ городѣ всѣ, разумѣется, спали, и появленіе наше представилось разбуженной придворной прислугѣ настоящимъ сновидѣніемъ. Съ трудомъ можно было допроситься свѣчи, чтобы освѣтить государеву комнату. Онъ тотчасъ пошелъ безъ огня въ придворную церковь помолиться Богу и по возвращеніи оттуда, отдавъ мнѣ приказанія для слѣдующаго дня, прилегъ на диванѣ. Я послалъ за оберъ-полицеймейстеромъ, который прискакалъ, перепуганный моимъ

Библиотека "Руниверс"

неожиданнымъ пріѣздомъ, и совершенно остолбенѣлъ, когда услышалъ, что надъ моей комнатой почиваетъ государь. Комендантъ, гофмейстеръ, шталмейстеръ, полицейскіе чиновники стали появляться одинъ за другимъ съ лицами, крайне меня смѣшившими, и не дали мнѣ заснуть цѣлую ночь. Братъ императрицы, принцъ Альбрехтъ, сопровождавшій

Карлъ Андреевичъ Шильдеръ.
(Съ миніатюры, принадлежащей Н. К. Шильдеру).

государя въ военныя поселенія и пріѣхавшій въ древнюю столицу за сутки до насъ, удивился еще болѣе другихъ, когда проснувшись узналъ, что въ Москвѣ находится государь.

«Въ 8 часовъ утра (7-го марта) я велѣлъ поднять на дворцѣ императорскій флагъ, и вслѣдъ за тѣмъ кремлевскіе колокола возвѣстили москвичамъ прибытіе къ нимъ царя. Еще гулъ колоколовъ не замолкъ,

Библиотека "Руниверс"

а уже народъ и экипажи со всѣхъ сторонъ устремились ко дворцу; началась толкотня, давка; всѣ другъ друга поздравляли съ нечаянною радостью; всѣ были въ восторгѣ и удивленіи. На дворцовой площади происходило такое волненіе, что можно было бы принять его за бунтъ, если бы на всѣхъ лицахъ не изображалось благоговѣнія и радости, свидѣтельствовавшихъ, напротивъ, о народномъ счастіи. Въ 11-ть часовъ государь вышелъ изъ дворца пѣшкомъ въ Успенскій соборъ; всѣ головы обнажились, загремѣло многотысячное «ура», и толпа до того сгустилась, что генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, и я насилу могли слѣдовать за государемъ, да и самъ онъ при всѣхъ усиліяхъ народа раздаваться передъ нимъ едва могъ подвигаться впередъ. Только на какой нибудь аршинъ очищалось вокругъ него мѣста; онъ безпрестанно останавливался и, чтобы пройти двѣсти шаговъ, раздѣляющихъ дворецъ отъ собора, употребилъ, конечно, десять минутъ. На паперти ожидали его митрополитъ Филаретъ и духовенство съ крестами; при видѣ ихъ народные клики тотчасъ смолкли. Выслушавъ краткое молебствіе и приложившись къ ракамъ св. угодниковъ и образамъ, государь вышелъ въ двери, противоположныя тѣмъ, которыми вошелъ, и направился къ старому дворцу. И здѣсь встрѣтили его такое же стеченіе народа и такія же трудности добраться до Краснаго крыльца, ступени котораго были заняты сплошными рядами дамъ. Дойдя до верху, государь обернулся и привѣтливо поклонился толпѣ, отозвавшейся на сію царскую милость новыми, долго не умолкавшими криками. Потомъ онъ поѣхалъ въ экзерциргаузъ, окружаемый вездѣ такими же толпами.

«Время пребыванія въ Москвѣ государь провелъ съ обычною своею дѣятельностью. Цѣлыя утра онъ проводилъ въ посѣщеніи общественныхъ заведеній, училищъ, госпиталей, въ пріемѣ купцовъ и фабрикантовъ и въ осмотрѣ произведеній мануфактурной промышленности, все болѣе и болѣе развивавшейся въ Москвѣ. Къ обѣденному столу были приглашаемы высшіе сановники и старые слуги царскіе, доживавшіе свой вѣкъ въ отставкѣ. Вечеромъ онъ появлялся въ театрѣ и на балахъ въ дворянскомъ собраніи и у военнаго генералъ-губернатора. Такъ мы провели шесть дней, которые были для Москвы постояннымъ праздникомъ, а для сердца государя — истинною наградою за лежавшее на немъ бремя и за чистую его любовь къ своему народу. 12-го (24-го) марта, въ полночь, мы снова сѣли въ сани, и 14-го (26-го), въ два часа пополудни, государь былъ въ Зимнемъ дворцѣ, промчавшись 700 верстъ въ 38 часовъ».

Библиотека "Руниверс"

III.

Оставаясь всегда и вездѣ строгимъ исполнителемъ даннаго слова, императоръ Николай призналъ необходимымъ собрать къ 16-му (28-му) мая 1830 года польскій сеймъ. Это былъ первый сеймъ въ его царствованіе и четвертый со времени возстановленія Польскаго королевства Александромъ Первымъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не сочувствовалъ этой мѣрѣ, называя сеймъ «нелѣпой шуткой», но государь остался при своемъ мнѣніи, сказавъ: «мы существуемъ для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій ею (nous sommes là pour régler l'usage des libertés publiques et pour en réprimer l'abus)».

Императоръ Николай отправился въ путь по Динабургскому тракту 2-го мая, въ полночь, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа. Въ Динабургѣ государя поджидалъ великій князь Михаилъ Павловичъ; послѣ осмотра крѣпостныхъ сооруженій и находящихся здѣсь войскъ, императоръ, съ великимъ княземъ продолжая свой путь на Ковно и Остроленку, прибылъ въ Варшаву 9-го (21-го) мая. На слѣдующій день государь поскакалъ назадъ въ Пултускъ, навстрѣчу императрицѣ, которую упредилъ нѣсколькими минутами.

Отобѣдавъ въ Пултускѣ, поѣхали вмѣстѣ въ Варшаву. Здѣсь повторился весь образъ жизни прошедшаго года: разводы, смотры, пріемы, балы слѣдовали одинъ за другимъ.

«Вообще въ царствѣ ничего не измѣнилось, кромѣ развѣ того, что были еще недовольнѣе самовластіемъ цесаревича, — пишетъ Бенкендорфъ. — «Всякая надежда поляковъ на перемѣну къ лучшему исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили довѣрять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался осторожно въ отношеніи этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренни, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому положенію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе причиняло ему досаду; даже похвалы государя кому либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда же предугадать близость реакціи и мятежа, если бы жалобы скрывались въ тайнѣ; но онѣ высказывались совершенно явно.

Библиотека "Руниверс"

«На государя всѣ смотрѣли, какъ на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояніе края служило важнымъ противовѣсомъ тѣмъ непріятностямъ и уничиженіямъ, отъ которыхъ терпѣли отдѣльныя личности, а не нація. Въ этомъ отношеніи даже самые раздраженные изъ числа недовольныхъ отдавали справедливость правительству. Прибытіе государя, императрицы, множества иностранцевъ и нунціевъ утишили ропотъ, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, и Варшава приняла блестящій и очень оживленный видъ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ, со всею роскошью и со всѣмъ веселіемъ богатой столицы. 16-го (28-го) мая государь велѣлъ открыть сеймъ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, опредѣленныхъ конституціею. Цесаревичъ, засѣдая въ камерѣ нунціевъ, въ качествѣ депутата отъ Пражскаго предмѣстья, привезъ съ собой туда и меня посмотрѣть на эту «нелѣпую шутку», какъ онъ громко называлъ сеймъ, къ крайнему неудовольствію поляковъ.

«Камера нунціевъ избрала депутацію, въ составъ которой былъ выбранъ и цесаревичъ, чтобы вмѣстѣ съ депутаціею отъ сената представиться королю и довести до свѣдѣнія, что оба государственныя сословія готовы его принять. Государь съ императрицею пришли въ тронную залу, за ними слѣдовали дворъ и вся военная свита, а галлереи были наполнены почетнѣйшими дамами. По занятіи всѣми своихъ мѣстъ государь открылъ собраніе рѣчью, заслужившею общее одобреніе. Всѣ любовались величественною его осанкою и звонкимъ голосомъ и казались исполненными самой ревностной къ нему привязанности».

Приведемъ здѣсь самыя выдающіяся части первой конституціонной рѣчи императора Николая, обращенной на французскомъ языкѣ къ собравшимся вокругъ него представителямъ королевства Польскаго.

«Пять лѣтъ протекло со времени вашего послѣдняго собранія,—началъ свою рѣчь императоръ,—причины, не зависѣвшія отъ моей воли, помѣшали мнѣ созвать васъ раньше; но причины этого запозданія, къ счастью, миновали, и сегодня я съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ вижу себя въ первый разъ окруженнымъ представителями народа.

«Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было отозвать къ Себѣ возстановителя вашего отечества (le restaurateur de votre patrie); вы всѣ чувствовали великое значеніе этой утраты, и поэтому ощутили глубокую печаль: сенатъ, истолкователь вашихъ чувствъ, выразилъ мнѣ желаніе увѣковѣчить воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о глубокой благодарности. Всѣ поляки призваны содѣйствовать сооруженію памятника, предположенія о которомъ будутъ вамъ представлены.

«Всемогущій благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только что должна была вести. Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей, однако она пользуется выгодами, которыя явились слѣд-

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ портрета масляными красками, писаннаго въ 1842 году Ѳ Агинымъ и принадлежащаго Н.Н.Буху.

Библиотека Руниверс

ствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ славѣ и интересахъ, которое связуется отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ; мое довѣріе указало

Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.
(Съ гравюры того времени П. Ѳедорова).

ей другой постъ, не менѣе важный; она составляла авангардъ арміи, долженствовавшей охранять безопасность имперіи... Безпрерывно возрастающее развитіе промышленности, расширеніе внѣшней торговли, увеличеніе обмѣна продуктами между Польшей и Россіей являются

Библиотека "Руниверс"

несомнѣнными выгодами, которыми вы уже пользуетесь въ настоящую минуту, и которыя въ то же время даютъ вамъ увѣренность въ непрерывномъ возрастаніи вашего благосостоянія... Представители польскаго народа, выполняя во всемъ объемѣ 45-ю статью конституціонной хартіи, я далъ вамъ залогъ моихъ намѣреній. Теперь ваше дѣло упрочить твореніе возстановителя вашего отечества, пользуясь съ умѣренностью и благоразумiемъ правами, которыя онъ даровалъ вамъ. Пусть спокойствіе и единеніе сопутствуютъ вашимъ занятіямъ! Поправки, которыя вы найдете нужнымъ сдѣлать къ проектамъ законовъ, которые будутъ представлены вамъ, будутъ встрѣчены благопріятно, и льщу себя надеждой, что Небо благословитъ дѣянія, начатыя при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ».

Вообще тронная рѣчь императора Николая имѣла характеръ дѣловой рѣчи и не оживляла въ памяти ни одного тягостнаго воспоминанія. Но это была первая рѣчь къ польскому сейму, которая затрогивала вопросы внѣшней политики; что же касается внутреннихъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи она отличалась большею откровенностью и большею опредѣленностью, чѣмъ рѣчи Александра. Въ ней отсутствовалъ сентиментальный оттѣнокъ; никакое обѣщаніе не возбуждало угасшихъ надеждъ на присоединеніе Литвы; но король приглашалъ представителей упрочить твореніе возстановителя Польши благоразумнымъ и умѣреннымъ пользованіемъ своихъ правъ.

Въ Россіи рѣчь императора встрѣтила слѣдующую оцѣнку со стороны одного уцѣлѣвшаго екатерининскаго дѣятеля. «Странно видѣть государя самодержавнаго,—пишетъ А. М. Грибовскій,—обладающаго 50.000.000 народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченною предъ горстью народа, всегда Россіи враждебнаго, въ то время, когда въ сей послѣдней указъ, не только имъ подписанный, но отъ его имени объявленный, рѣшаетъ безъ малѣйшихъ обрядовъ или формъ жизнь и участь и высшихъ и низшихъ сословій, и гдѣ за малѣйшее противъ правленія замѣчаніе со стороны частнаго человѣка можетъ онъ ужасно пострадать» [355].

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, къ обсужденію которыхъ камера нунціевъ приступила, было предложеніе, единогласно принятое, воздвигнуть народный памятникъ императору Александру, возстановителю отечества. Маршалъ сейма далъ большой обѣдъ всѣмъ почетнѣйшимъ сановникамъ, находившимся въ Варшавѣ, и всѣмъ нунціямъ. На немъ присутствовалъ и государь. Здоровье его было провозглашено при единодушныхъ кликахъ, и это пиршество, по свидѣтельству Бенкендорфа, совершилось со всевозможнымъ приличіемъ и всѣми признаками сердечной преданности. Прекрасные балы нѣсколько разъ соединяли все

Библиотека "Руниверс"

Григорій Ивановичъ Вилламовъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

высшее варшавское общество въ Лазенкахъ и у предсѣдателя сената, графа Замойскаго. Все по виду казалось спокойнымъ, и ни въ чемъ не обнаруживалось непріязненнаго чувства противъ особы монарха.

Государь, желая отстранить даже и тѣнь какого нибудь вліянія съ его стороны на работы сейма, оставилъ на все время ихъ продолженія Варшаву и даже самые предѣлы королевства. 21-го мая (2-го іюня)

Библиотека "Руниверс"

императрица уѣхала въ Фишбахъ въ Силезіи, гдѣ ожидала ее прусская королевская семья, а вечеромъ государь отправился въ Елисаветградъ.

Въ это время наша Забалканская оккупація окончилась. Порта сдѣлала второй взносъ по своему денежнему долгу, и фельдмаршалъ графъ Дибичъ выѣхалъ изъ Бургаса въ Россію [366]. Государь встрѣтился съ своимъ полководцемъ на послѣдней почтовой станціи передъ Елисаветградомъ 25-го мая (6-го іюня) и, пригласивъ его къ себѣ въ коляску, продолжалъ путь. Въ Елисаветградѣ государя ожидалъ Галиль-паша, возвращавшійся съ посольствомъ въ Константинополь.

Послѣ смотровъ въ Елисаветградѣ императоръ Николай направился черезъ Кременчугъ въ Козелецъ, гдѣ также произвелъ смотры и маневры, а затѣмъ 31-мая (12-го іюня) прибылъ въ Кіевъ. Пробывъ здѣсь два дня въ обычной дѣятельности, государь направился въ мѣстечко Кодни и послѣ нѣсколькихъ смотровъ послѣдовалъ въ Брестлитовскъ, гдѣ цесаревичъ представилъ императору собранныя здѣсь части Литовскаго корпуса. По прибытіи въ Варшаву, государь 7-го (19-го) іюня поспѣшилъ въ Ловичъ навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Силезіи, а затѣмъ пробылъ въ польской столицѣ до закрытія сейма, послѣдовавшаго 16-го (28-го) іюня.

Въ послѣдній разъ народные представители услышали рѣчь своего конституціоннаго короля; она заканчивалась словами: «quoique éloigné de vous, je veillerai perpétuellement à votre véritable bonheur». Впослѣдствіи императору Николаю представился еще разъ случай произнести рѣчь въ Варшавѣ; но она была уже другого содержанія и выходила на этотъ разъ изъ устъ грознаго и неумолимаго побѣдителя мятежа.

Во время занятій сейма 1830 года въ средѣ его образовалась довольно сильная оппозиція, которая даже отвергла проектъ закона, очень интересовавшій государя, объ ограниченіи удобства къ брачнымъ разводамъ; впрочемъ все это, какъ пишетъ Бенкендорфъ, было прикрыто внѣшними изъявленіями преданности и довѣрія къ монарху, удалявшими всякое подозрѣніе о разладѣ между трономъ и народнымъ представительствомъ. Все окончилось по виду миролюбиво, хотя въ сущности довольно холодно.

За нѣсколько дней до выѣзда государя изъ Варшавы пришло туда извѣстіе, что населеніе Корабельной слободки въ Севастополѣ, состоявшее большею частію изъ матросовъ съ ихъ семействами, взбунтовавшись по случаю неудачныхъ мѣръ начальства противъ чумы, открывшейся въ тамошнемъ портѣ и проникнувшей до Одессы, отважилось на самыя преступныя дѣйствія и даже убило временнаго севастопольскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Столыпина, равно какъ и нѣсколько другихъ лицъ. Вызваны были со всѣхъ сторонъ на помощь войска, при-

Библиотека "Руниверс"

былъ графъ Воронцовъ, и открылись дѣйствія слѣдственной комиссіи, обнаружившей 980 человѣкъ обоего пола участниковъ бунта. Тишина и спокойствіе снова водворились въ Севастополѣ. Графу Воронцову предписано было государемъ принять мѣры «для истребленія духа своеволія и непокорности, столь неожиданно оказавшагося на самомъ дѣлѣ».

17-го (29-го) іюня выѣхала въ Петербургъ императрица, въ сопровожденіи прибывшаго въ Варшаву принца Карла Прусскаго. Государь же отправился въ путь 19-го іюня (1-го іюля) послѣ маневра всѣми войсками, собранными подъ Варшавою. Въ этотъ день Николай Павловичъ разставался навсегда съ цесаревичемъ: обоимъ братьямъ не суждено было болѣе встрѣтиться.

Бенкендорфъ высказываетъ слѣдующія мысли по поводу пребыванія императора Николая въ Польшѣ въ 1830 году: «Не совсѣмъ довольный собою и еще менѣе своимъ старшимъ братомъ, государь чувствовалъ неловкость положенія русскаго монарха въ королевствѣ Польскомъ; чувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ; понимая всю тяжелость характера цесаревича, считалъ, однако же, присутствіе его въ Польшѣ необходимымъ, въ виду противовѣса притязаніямъ польской аристократіи; наконецъ, всю свою надежду полагалъ единственно на будущее и какъ бы страшился дать себѣ полный отчетъ въ настоящемъ положеніи этой важной части его огромной державы. Впрочемъ ничто не указывало на вѣроятность близкаго взрыва, и, напротивъ, видимое матеріальное благосостояніе казалось надежнѣйшимъ оплотомъ общественнаго спокойствія. Время могло устранить все непріятное въ личномъ положеніи государя, и, говоря вообще, онъ остался не совсѣмъ недоволенъ своею поѣздкою и націею, подвластною ему и,—прибавляетъ Бенкендорфъ,—всѣмъ обязанною русскимъ царямъ».

Дорогою императоръ Николай остановился въ Дерптѣ, гдѣ въ подробности осмотрѣлъ университетъ; остальную часть пути государь совершилъ вмѣстѣ съ императрицею. 24-го іюня (6-го іюля) ихъ величества прибыли въ Петергофъ, а черезъ день въ Петербургъ; посѣтивъ Казанскій соборъ, отправились въ Елагинскій дворецъ.

Едва государь успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ вдругъ новое событіе, новая забота дали почувствовать ему, что онъ не избавился отъ несчастій, преслѣдовавшихъ его со дня вступленія на престолъ. Въ имперіи показалась холера, занесенная изъ Персіи, и съ 1830 года стала подвигаться по Россіи. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотолѣ только по имени и по описаніямъ производимыхъ ею опустошеній, наводила повсюду тѣмъ большій ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскихъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе склонялось, однако, въ пользу карантиновъ и оцѣ-

Библиотека "Руниверс"

пленій, какъ бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ нужныя мѣры, съ тою дѣятельностію, которую твердая воля государя умѣла влагать во всѣ его распоряженія. На указанные пункты направлялись войска, и изъ нихъ, равно какъ и изъ мѣстныхъ жителей, образовывались чумные кордоны для спасенія отъ этого бича внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились вскорѣ и внѣшнія осложненія.

IV.

Императоръ Николай уже давно озабоченъ былъ направленіемъ, даннымъ Карломъ X своей внутренней политикѣ. Еще 22-го марта (3-го апрѣля) 1830 года государь въ письмѣ къ графу Дибичу выражалъ свои опасенія насчетъ положенія дѣлъ во Франціи и благополучнаго исхода правительственныхъ мѣропріятій, которыя заставляютъ трепетать за будущее (qui font trembler pour leur suite) [367]. Выражая надежду, что Богъ предохранитъ Францію и Европу отъ новыхъ несчастій, Николай Павловичъ прибавилъ: «во всякомъ случаѣ прискорбно сказать, что сумасшествіе короля всему тому причиною (toutefois il est cruel de devoir le dire, que c'est la folie du roi qui est cause de tout cela)». Шаткое положеніе французскаго правительства тѣмъ болѣе огорчало императора Николая, въ виду того обстоятельства, что отношенія Россіи къ Франціи были самыя дружественныя. Государь съ признательностью относился къ Карлу X за дружественную политику, которой онъ придерживался во время русско-турецкой войны; насколько Николай Павловичъ относился благосклонно къ тогдашнему французскому правительству, можно видѣть изъ словъ, сказанныхъ барону Бургоэну (французскому повѣренному въ дѣлахъ) въ Красномъ Селѣ во время ученія гвардейской артиллеріи: «Французы взяли Алжиръ. Напишите вашему королю, что это завоеваніе наполнило меня такою радостію, какъ бы оно было совершено пушками, выстрѣлы которыхъ раздаются въ настоящій моментъ» [368].

Между тѣмъ тревожныя извѣстія изъ Парижа стали быстро слѣдовать одни за другими и подтвердили опасенія императора Николая. Государственный переворотъ совершился: Карлъ X нарушилъ хартію и данную имъ клятву, а затѣмъ начались іюльскіе дни.

Въ это время императоръ Николай предполагалъ совершить поѣздку по Финляндіи, которую до сихъ поръ еще не имѣлъ времени посѣтить. Въ день отъѣзда, 30-го іюля (11-го августа), государь принималъ прибывшаго въ Петербургъ фельдмаршала графа Дибича [369] и барона Бур-

Библиотека "Руниверс"

гоэна. Разговоръ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ изложенъ имъ въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ [370]:

«Лишь только я вступилъ въ кабинетъ императора,—пишетъ Бургоэнъ,—какъ его величество подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

«— То, что мы предвидѣли, совершилось. Сообщенія прерваны; но и этого довольно, чтобы опасаться всего. Сообщенія прерваны — дока-

Максимъ Яковлевичъ фон-Фокъ.

(Съ портрета, находящагося въ „Альбомѣ Пушкинской выставки").

зательство, что мятежъ торжествуетъ. Какое ужасное несчастіе (quel affreux malheur)!

«Я присоединился къ сожалѣніямъ, къ печальнымъ опасеніямъ императора.

«— Чѣмъ кончится все это? — сказалъ онъ. — Что, по вашему мнѣнію, выйдетъ изъ всего этого?

«— Увы, государь, догадки тутъ невозможны: въ Парижѣ мятежъ, вотъ все, что мы знаемъ. Когда страна видитъ возмущеніе въ своей

Библиотека "Руниверс"

столицѣ, оно сходно съ умопомѣшательствомъ въ человѣкѣ, никто не можетъ сказать, что онъ предприметъ.

«— Что произойдетъ, если Карла X свергнутъ? Кого посадятъ на его мѣсто? Не будетъ ли у васъ республики?

«— Нѣтъ признаковъ, чтобы думали о республикѣ, — отвѣчалъ я.

«— Не изберутъ ли какого нибудь Бернадота?

«— Онъ слишкомъ далекъ, государь, и вполнѣ забытъ.

«— Я не говорю о королѣ шведскомъ, но о какомъ нибудь военачальникѣ, выбранномъ преторіанцами.

«— Нѣтъ, государь, нѣтъ, наши солдаты, славу Богу, еще никогда не покушались на такія преступныя, безумныя дѣйствія, какъ преторіанскій выборъ.

«— Такъ что же будетъ?

«— Подобно вашему величеству, я блуждаю во тьмѣ хаоса.

«По настоянію императора, я приступилъ съ нимъ къ разсмотрѣнію различныхъ догадокъ; отреченіе въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, примѣры котораго нашъ вѣкъ представлялъ въ минуты смутъ или анархіи, казалось намъ наиболѣе желательнымъ и наиболѣе вѣроятнымъ рѣшеніемъ. Впрочемъ, такъ какъ императоръ готовился ѣхать въ Финляндію, такъ какъ полученныя имъ извѣстія были неполны, я же не имѣлъ никакихъ и не могъ разсчитывать на скорое прибытіе курьера изъ Парижа, то настоящая бесѣда была непродолжительна. Императоръ все еще надѣялся, хотя и весьма слабо, на торжество или на долгое сопротивленіе королевской партіи или въ Парижѣ или же внѣ возмутившейся столицы. Во всякомъ случаѣ онъ полагалъ, что весь дипломатическій корпусъ послѣдуетъ за Карломъ X.

«— Станемъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что монархическое начало будетъ спасено, — повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ.

«Желаніе видѣть монархическое начало неприкосновеннымъ посреди смутъ было неоднократно выражаемо императоромъ, хотя ничего положительнаго не было высказано. Онъ произнесъ между прочимъ имя Орлеанской вѣтви, не останавливаясь, однако, на подобной гипотезѣ болѣе, чѣмъ на другихъ выставляемыхъ съ его стороны; на первомъ планѣ онъ естественно ставилъ герцога Ангулемскаго, затѣмъ герцога Бордоскаго; но всѣ эти предположенія, всѣ личные вопросы затронуты были мимоходомъ, съ непослѣдовательностью, отличающей быстрый и отрывистый разговоръ. Передъ тѣмъ, какъ разстаться, возвращаясь къ упорному бою королевской гвардіи, императоръ сказалъ мнѣ:

«— Молодцы ваши гренадеры королевской гвардіи! Я желалъ бы поставить золотую статую каждому изъ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

«Послѣ этихъ словъ, такъ благородно обрисовывающихъ свойственныя ему чувства и способъ выраженія, равно уваженіе его къ военной вѣрности и преданности, онъ простился со мною, сказавъ:

«— До свиданія черезъ шесть дней: долѣе я не пробуду въ Финляндіи, отъ поѣздки въ которую не могу отказаться; я тороплюсь возвратиться сюда для полученія извѣстій; скоро возвратится Нессельроде; пока же я поручилъ князю Ливену сообщать вамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получитъ. Я понимаю вашу душевную тревогу».

Въ тотъ же вечеръ императоръ Николай съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ сѣлъ въ дрожки и направился въ Выборгъ.

«Сидя вдвоемъ въ этой ломкой повозкѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—мы, разумѣется, говорили только о парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню, какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что съ самой смерти Людовика XIV французская нація, болѣе испорченная, чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а что самъ онъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ со временъ Петра Великаго всегда впереди націи стояли ея монархи; но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти».

Къ сожалѣнію, Бенкендорфъ ничего не пишетъ, что̀ отвѣтилъ императоръ Николай на историческую импровизацію своего спутника, и продолжаетъ свой разсказъ:

«За нѣсколько станцій до Выборга дрожки сломались, и мы вынуждены были пересѣсть въ запасныя, менѣе покойныя и еще менѣе прочныя, чѣмъ первыя. Въ Выборгѣ мы остановились у православнаго собора (31-го іюля, въ 9 часовъ утра), на паперти котораго ожидали государя губернаторъ и всѣ власти. По осмотрѣ имъ войскъ, укрѣпленій, госпиталя и немногихъ казенныхъ зданій, украшающихъ этотъ городокъ, мы, переночевавъ въ немъ, на слѣдующій день пустились далѣе и вскорѣ очутились въ новой Финляндіи, то-есть въ той ея части, которая была завоевана императоромъ Александромъ».

Не доѣзжая Фридрихсгама, государь въ Питтерлаксѣ свернулъ въ сторону въ простой крестьянской телѣжкѣ для осмотра каменной ломки, гдѣ приготовлялся гранитный монолитъ для памятника Александру I-му. Послѣ осмотра войскъ и финляндскаго кадетскаго корпуса въ Фридрихсгамѣ, императоръ Николай черезъ Ловизу и Борго прибылъ 1-го (13-го) августа вечеромъ въ Гельсингфорсъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На другой день генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Закревскій, возведенъ былъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство. Его величество, какъ сказано въ рескриптѣ, «оказываетъ сей знакъ монаршаго благоволенія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ финляндскимъ сенатомъ: соединить его, Закревскаго, тѣснѣйшими узами съ согражданами финляндской націи и считать его въ числѣ ея сочленовъ».

3-го (15-го) августа государь посѣтилъ Свеаборгъ и обѣдалъ на кораблѣ «Кульмъ», съ которымъ прибылъ сюда князь Меншиковъ.

Относительно пребыванія императора Николая въ Финляндіи Бенкендорфъ пишетъ: «Сердечный пріемъ, сдѣланный государю всѣми классами населенія, быстрое возрастаніе столицы, наконецъ общій видъ довольства, не оставляли сомнѣнія въ выгодахъ благого и отеческаго устройства, даннаго этому краю. Прежніе навыки, преданія и семейные союзы не могли не поддерживать еще до нѣкоторой степени симпатической связи его со Швеціею; но матеріальные интересы и управленіе, столько же либеральное, сколько и національное, уже производили свое дѣйствіе, и все обѣщало Россіи въ финляндцахъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ».

Въ ночь на 5-е (17-е) августа императоръ Николай возвратился въ С.-Петербургъ и остановился во дворцѣ на Елагиномъ островѣ.

Ко времени пріѣзда государя французскія дѣла окончательно разъяснились. Отреченіе Карла X въ пользу внука, герцога Бордоскаго, не доставило ему престола, и намѣстникъ королевства, герцогъ Орлеанскій, Людовикъ-Филиппъ, преобразился въ короля французовъ. Николай Павловичъ усмотрѣлъ въ устраненіи старшей линіи Бурбоновъ и законнаго короля Генриха V одно коварство и вѣроломство намѣстника королевства и рѣшился прервать сношенія съ Франціею. Первый же докладъ графа Чернышева сопровождался высочайшимъ повелѣніемъ, переданнымъ имъ 5-го (17-го) августа 1830 года кронштадтскому военному губернатору, вице-адмиралу Рожнову, и гласившимъ слѣдующее:

«По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ ни подъ какимъ видомъ не допускать кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехцвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входъ въ Кронштадтскій портъ, но если бы усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія. Его императорскому величеству равномѣрно благоугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ остающихся нынѣ въ Кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехцвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому исполненію, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ увѣ-

Библиотека "Руниверс"

Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ").

домляю объ оной г. начальника морского штаба его императорскаго величества».

Утромъ 5-го (17-го) августа графъ Чернышевъ навѣстилъ барона Бургоэна и сказалъ ему:

— «Императоръ, зная наши короткія отношенія, полагаетъ, что сообщеніе, которое онъ хочетъ сдѣлать вамъ, было бы менѣе непріятно

Библиотека "Руниверс"

въ устахъ друга, чѣмъ всякимъ другимъ путемъ. Вамъ, конечно, извѣстно, какъ недоволенъ его величество случившимся во Франціи. Его непоколебимыя правила не позволяютъ ему признать то, что было сдѣлано. Поэтому рѣшено прислать вамъ ваши паспорты и прервать всѣ сношенія съ Франціею».

Кронштадтскія распоряженія и слова графа Чернышева служили явнымъ доказательствомъ предвзятаго намѣренія правительства довести дѣло до разрыва; поэтому баронъ Бургоэнъ немедленно испросилъ черезъ князя Ливена аудіенцію у государя и получилъ приглашеніе прибыть въ Елагинскій дворецъ въ тотъ же день (5-го августа) въ 11-ть часовъ вечера. Аудіенція сопровождалась продолжительнымъ разговоромъ, ярко обрисовавшимъ характеръ и политическіе взгляды императора Николая.

Государь принялъ Бургоэна въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, расположенномъ во второмъ этажѣ Елагинскаго дворца; одна комнатка отдѣляла его отъ спальни императрицы. Оживленный разговоръ продолжался часъ и три четверти [371]. Съ первыхъ же словъ государя Бургоэнъ убѣдился въ справедливости словъ, переданныхъ ему утромъ графомъ Чернышевымъ о предстоявшемъ немедленномъ разрывѣ Россіи съ Франціею.

«Когда я вошелъ,—пишетъ Бургоэнъ,—императоръ встрѣтилъ меня на самомъ порогѣ и, ставъ передо мною, произнесъ мрачнымъ, но рѣзко отчетливымъ голосомъ слѣдующія слова:

«— Ну, что, имѣете ли вы извѣстія отъ вашего правительства, отъ господина намѣстника королевства (de monsieur le lieutenant général du royaume)? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другого порядка вещей, кромѣ прежняго, и считаю его единственно законнымъ, потому что онъ истекаетъ изъ легитимной королевской власти.

«На обращенныя ко мнѣ столь рѣзкія слова я отвѣчалъ въ томъ же духѣ.

«— Признаюсь, государь, я крайне удивленъ, что ваше величество смотрите такъ на вопросъ, отнынѣ безповоротно рѣшенный моимъ отечествомъ, которое всегда умѣло отстаивать то, что дѣлало.

«Мы подошли въ это время къ столу, стоявшему влѣво, въ глубинѣ комнаты. Императоръ, идя возлѣ меня, сказалъ возвышеннымъ голосомъ:

— ‹Да, таковъ образъ моихъ мыслей: принципъ легитимизма, вотъ что будетъ руководить мною во всѣхъ случаяхъ (le principe de légitimité, voilà ce que me guidera en toute circonstance).

«Подойдя въ это время къ столу, императоръ, сильно ударивъ по нему, воскликнулъ:

«— Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франціи.

«Я оставался спокойнымъ въ виду этого энергическаго проявленія необдуманной воли, которую мнѣ предстояло побороть.

Библиотека "Руниверс"

Баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

«— Государь, — возразилъ я, — нельзя говорить никогда; въ наше время слово это не можетъ быть произносимо: самое упорное сопротивленіе уступаетъ силѣ событій.

«— Никогда, — продолжалъ императоръ съ тѣмъ же жаромъ, — никогда не уклонюсь я отъ моихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку, я же не вступлю въ сдѣлку съ моею честью.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«— Знаю, — отвѣчалъ я, — что слово вашего величества свято, и что если вы принимаете на себя обязательство, то оно становится для васъ непреложнымъ закономъ; вотъ почему я и придаю столько цѣны тому, чтобы вы не связывали себя на будущее время поспѣшными заявленіями.

«То, что я предвидѣлъ, случилось: императоръ при самомъ началѣ нашего разговора хотѣлъ мнѣ показать свое неудовольствіе въ полной силѣ; но очевидно, что онъ призвалъ меня не для того единственно, а желалъ выслушать объясненія, даже настоянія, потому что обстоятельства были равно важны и для него и для насъ. Въ своихъ чувствахъ, симпатіяхъ, принципахъ онъ былъ увѣренъ, но серіозная дѣйствительность минуты ставила его въ мучительную нерѣшимость, въ большое недоумѣніе; въ продолженіе нѣсколькихъ дней его осаждали самыми противоположными совѣтами: воинственныя подстрекательства преобладали, но онъ не пренебрегалъ соображеніями, которыя могли быть ему представлены и въ другомъ смыслѣ. Въ такомъ настроеніи духа онъ сказалъ мнѣ тономъ, уже въ значительной степени смягченнымъ:

«— Садитесь и поговоримъ спокойно, — въ то же время онъ указалъ мнѣ на стулъ, находящійся противъ своего по другую сторону стола, который онъ только что ударилъ своею мощною рукою.

«— Ваше величество съ самаго начала говорили со мною такъ опредѣлительно, такъ рѣшительно, что и я считаю себя въ правѣ сдѣлать то же.

«— Говорите все, — возразилъ императоръ, — выскажите все, что у васъ на сердцѣ, для того-то я и пригласилъ васъ; мы здѣсь вовсе не для того, чтобы обмѣниваться любезностями.

«— Итакъ, государь, позвольте мнѣ представить вамъ вполнѣ откровенно картину того, что случилось бы, если бы вы исполнили рѣшеніе, о которомъ мнѣ говорилъ графъ Чернышевъ сегодня утромъ.

«— Хорошо, я слушаю васъ.

«— Эта картина будетъ проста; ваше величество увидите, какъ послѣдствія связываются между собою. Допустимъ, что мнѣ предложили бы выѣхать изъ С.-Петербурга. Отъѣзжая, я отправилъ бы впередъ курьера, который возвѣстилъ бы объ удаленіи меня и объ исключеніи нашего національнаго флага. Неужели вы полагаете, что мы останемся спокойными при такомъ извѣстіи? Это не въ нашихъ обычаяхъ; въ тотъ же самый день мы удалили бы вашего посланника, какъ вы удалили меня. Тогда что случилось бы? Ваше величество знаете, какое положеніе занимаетъ въ Парижѣ генералъ Поццо-ди-Борго. Столько же по своему искусству, сколько и по могуществу монарха, котораго служитъ представителемъ, онъ — какъ бы опорная точка всему парижскому дипломатическому корпусу. Всѣ его товарищи пользуются его совѣтами... но если весь дипломатическій корпусъ разсѣется, то, какъ вы полагаете, какое дѣйствіе произведетъ этотъ отъѣздъ на моихъ соотечественниковъ? Вы знаете, до ка-

Библиотека "Руниверс"

кой степени мы порывисты въ нашихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ. Ваша прежняя коалиція не можетъ устрашить насъ. Мы скажемъ себѣ, что она постарается вновь образоваться, и выведемъ немедленно заключеніе, что нужно предупредить ее. Мы будемъ имѣть дѣло съ организованною массою, но располагаемъ съ нашей стороны дезорганизаціонной силой и нашей способностью быстраго расширенія; мы вынуждены будемъ бро-

Алексѣй Самойловичъ Грейгъ.

(Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ).

ситься на Европу, прежде нежели она будетъ готова. Вотъ, государь, какое будетъ послѣдовательное сцѣпленіе фактовъ, если мнѣ не удастся убѣдить васъ посмотрѣть на событія съ настоящей точки зрѣнія.

«— Я еще въ недоумѣніи, какъ поступлю; но какимъ образомъ вы хотите, чтобы мы стали на сторону того, что совершилось въ Парижѣ?

— «Тѣмъ лучше, государь, если вы еще не приняли рѣшенія въ виду столь важныхъ событій, это доказываетъ вашу мудрость, потому

Библиотека "Руниверс"

что всѣ мы въ подобныя минуты должны усугублять спокойствіе и осторожность. Что случилось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго движенія, когда сегодня утромъ вашъ военный министръ сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени рѣшительное сообщеніе? Въ какомъ видѣ были бы теперь дѣла, если бы я принялъ это сообщеніе въ буквальномъ смыслѣ или только написалъ о немъ въ Парижъ? Полагаю, что я поступилъ согласно съ моими обязанностями, желая переговорить прежде всего съ вами, потому что вы одинъ господинъ здѣсь.

«— Вы хорошо сдѣлали, что пожелали видѣть меня; полезно, чтобы мы имѣли настоящую бесѣду.

«— Въ этомъ я также убѣжденъ наравнѣ съ вашимъ величествомъ; но къ чему послужила бы наша бесѣда, если бы мнѣ не удалось измѣнить вашихъ намѣреній? Если я выйду изъ этого кабинета, не убѣдивъ васъ, то послѣдствіемъ будетъ война болѣе обширная и кровавая, чѣмъ войны республики и имперіи. Разсчитаемъ, сколько милліоновъ людей погубили эти войны; а та, которую вы, государь, вызвали бы, была бы еще губительнѣе, и вы отвѣчали бы за нее передъ Богомъ.

«Воззваніе къ искренно-религіозному чувству императора Николая произвело свое дѣйствіе.

«Устремивъ глаза къ небу, онъ сказалъ:

«— Да предастъ Господь эту отвѣтственность въ руки достойнѣе моихъ.

«— Отклонить отвѣтственности вы не можете, государь: она—естественное послѣдствіе того высокаго положенія, которое вы занимаете на землѣ. Я счелъ, однако, своимъ долгомъ напомнить вамъ всю важность того, что мы говоримъ и обсуждаемъ въ настоящую минуту.

«— Повторяю,—отвѣчалъ императоръ,—я еще не знаю, на что мы рѣшимся; но я, конечно, сообщу свой взглядъ моимъ коллегамъ (mes collègues). Я передамъ имъ безъ утайки мое мнѣніе о случившемся и о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать; графъ Орловъ въ скоромъ времени скажетъ это въ Вѣнѣ. Вчера я писалъ Вильгельму (принцу Оранскому); мы не объявимъ вамъ войны, будьте въ томъ увѣрены; но если мы когда либо признаемъ то, что совершилось у васъ, то лишь послѣ взаимнаго согласія.

«— Что же выйдетъ, государь, изъ подобнаго конгресса?

«— Рѣчь идетъ не о конгрессѣ; мы располагаемъ другими средствами для соглашенія.

«— Покамѣстъ вы условитесь, государь, долгъ каждаго изъ васъ воздерживаться въ отдѣльности отъ всякаго раздражительнаго слова, отъ всякой декларації или демонстраціи, которая могла бы встревожить или оскорбить насъ.

«— Я долженъ былъ быть весьма недоволенъ тѣмъ, что случилось, и я никогда не стану скрывать своего мнѣнія,—возразилъ императоръ.

Библиотека "Руниверс"

«— Ваше величество припомните, что въ нашемъ разговорѣ въ Аничковомъ дворцѣ, когда мы еще ничего не знали, мы коснулись множества предположеній; не пришли ли мы къ заключенію, что посреди столь страшнаго переворота все было возможно? Роковая случайность революцій управляла обезумѣвшимъ населеніемъ. Я отвѣчалъ вамъ, что, къ сожалѣнію, никто не могъ ничего знать и ничего предрекать. Я видѣлъ мое отечество на краю пропасти и подобно большинству благоразумныхъ людей страны, испытавшей столько революцій, призывалъ всѣми пожеланіями моими руку, которая могла бы ее спасти. Чувства мои не измѣнились; попрежнему я съ болѣзненнымъ сожалѣніемъ вспоминаю о мѣрахъ, погубившихъ короля Карла X, и съ прежнею признательностію о храброй королевской гвардіи, тщетно защищавшей его.

«Императоръ продолжалъ:

«— Повторяю вамъ, любезный другъ, я обѣщаю вамъ не предпринимать торопливаго рѣшенія; что же касается до моего мнѣнія, то я всегда выскажу его прямо; мы не объявимъ вамъ войны, примите въ этомъ увѣреніе; но мы условимся сообща, какого образа дѣйствій намъ слѣдуетъ держаться въ отношеніи Франціи.

«— Я готовъ вѣрить, что вы не объявите намъ войны: со стороны державъ это было бы дѣйствіемъ столько же безумнымъ, сколько и опаснымъ. Но развѣ вы полагаете, что мы удовольствуемся холодными и оскорбительными отношеніями? Мы — уже не истощенная Франція 1814 года, а вы—уже не соединенная Европа 1815 года. Вы говорите, что не желаете войны, это не подлежитъ сомнѣнію; но между правительствами, какъ и между частными людьми, дѣло постепенно доходитъ со ссоры, а потомъ и до столкновенія. Недоброжелательные поступки влекутъ за собою рѣзкія объясненія, затѣмъ являются оскорбленія и угрозы, и оба противника скоро становятся лицомъ къ лицу, со шпагою въ рукѣ.

«— Надѣюсь, мы будемъ дѣйствовать осторожно, но всѣ сообща,— замѣтилъ императоръ.—Надобно, однако, предвидѣть, что другія державы, не сожалѣя, подобно мнѣ, о томъ, что Франція намѣревается снова броситься въ революціонныя случайности, возрадуются, что вы губите ваши прекрасныя начала преуспѣянія.

«Весьма вѣроятно, что на аудіенціяхъ посланникамъ и министрамъ другихъ великихъ державъ императоръ уже упомянулъ со времени іюльской революціи условнымъ образомъ о коаліціи. Впрочемъ, онъ все еще сохранялъ нѣкоторое расположеніе къ Франціи; онъ далъ мнѣ въ томъ новое доказательство даже во время нашего пренія, и я не могу забыть словъ, сказанныхъ имъ по этому поводу.

«Замѣтивъ ему, что если Россія, хотя и сохраняя миръ, покажетъ себя враждебною въ отношеніи къ намъ, то съ нашей стороны есте-

Библиотека "Руниверс"

ственнымъ образомъ произойдетъ сближеніе съ Англіею, императоръ отвѣчалъ:

«— Не теряйте изъ виду большую разницу между Англіей и мною. Несмотря на все то, что меня волнуетъ, и что мнѣ не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня безпокоила мысль, что Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у васъ это прекрасное владѣніе. Что же касается Австріи, то она трепещетъ за Италію; изъ-за этого страха она сожалѣетъ о вашей новой революціи, и потому только безпокоится; она никогда не будетъ сожалѣть о вашихъ горестяхъ; мы же, напротивъ того, всегда счастливы, когда Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи.

«— Государь, вы вполнѣ правы питать въ отношеніи насъ подобныя чувства, потому что они вполнѣ взаимныя. Не мнѣ напоминать вамъ, что французы сдѣлали для васъ во время послѣдней турецкой войны. Наша политическая поддержка сопровождала васъ до Адріанопольскаго трактата, а что касается до нашего военнаго братства, то вы помните, сколько французовъ служили въ рядахъ вашей арміи, и сколько другихъ желали послѣдовать за ними. Вотъ эту медаль за турецкую кампанію, которую вы намъ пожаловали, мы носимъ, какъ дорогое воспоминаніе. Правда, офицеры и другихъ великихъ державъ пріѣзжали и находились также въ вашей дунайской арміи, но, за исключеніемъ насъ и пруссаковъ, по сочувствію ли, или только изъ любопытства? Австрійскихъ офицеровъ было на Дунаѣ, въ 1828 году, почти столько же, какъ и французскихъ; но въ то же самое время австрійскія газеты унижали славу вашего оружія и предсказывали вамъ бѣдствія въ кампанію 1829 года. Въ противоположность подобнымъ дѣйствіямъ что же дѣлали мои молодые соотечественники? Лаферронэ и Ларошжакелены храбро дрались за васъ, бросались въ первые ряды вашихъ авангардовъ. Пруссаки и французы, государь, вотъ кто были въ тяжелыхъ обстоятельствахъ 1828 и 1829 годовъ вашими единственными друзьями.

«Я одушевился при этихъ словахъ; государь казался тронутымъ и дружески протянулъ мнѣ руку. Разговоръ принялъ затѣмъ болѣе спокойный тонъ простого обсужденія; императоръ еще разъ подтвердилъ, что говоритъ и дѣйствуетъ лишь изъ интереса къ Франціи.

«— Государь, если вы продолжаете интересоваться моимъ отечествомъ, то явите себя его другомъ въ этомъ новомъ кризисѣ и не увеличивайте его замѣшательства враждебнымъ положеніемъ.

«— Никакой вражды не питаю я къ Франціи, это вѣдомо Богу; но я ненавижу начала, васъ ослѣпляющія (je déteste les principes qui vous égarent); вы говорите мнѣ о враждебномъ начинаніи съ нашей стороны, оно можетъ послѣдовать и съ вашей.

Библиотека "Руниверс"

«— Этого не случится, государь, будьте въ томъ увѣрены, если къ намъ отнесутся такъ, какъ мы въ правѣ ожидать по нашей независимости и справедливой гордости. Наши внутреннія перемѣны ни до кого не касаются; поэтому нѣтъ повода къ постороннему вмѣшательству. Если бы союзные монархи захотѣли возобновить коалицію, то пусть они

Александръ Ивановичъ Козарскій.
(Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ).

вспомнятъ, что только въ такомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать поддержки у народовъ.

«При этомъ словѣ императоръ своимъ движеніемъ выразилъ удивленіе и неудовольствіе. Я прибавилъ, чтобы успокоить его:

«— Слова, мною сказанныя, относятся лишь къ предположенію, которое, какъ вы говорите, не осуществится. Мы не предпримемъ пропаганды, потому что намъ не предстоитъ бороться съ коалиціею. Впрочемъ, все, что я говорю по поводу защиты нашей независимости, и тѣ французы,

Библиотека "Руниверс"

которыхъ вы наиболѣе уважаете, герцогъ Мортемаръ и графъ Лаферронэ, сказали бы то же самое.

«— Да, я знаю, что, слушая васъ, я вопрошаю мнѣніе умѣренной Франціи, и что со мной какъ бы говорятъ Лаферронэ или Мортемаръ.

«— Эти люди, столь достойные вашей дружбы, государь, сказали бы вамъ, какъ и я, что отвращеніе къ иноземному вторженію преобладаетъ въ ихъ сердцѣ надъ всѣми другими чувствами, и что они и дѣти ихъ взялись бы за оружіе. Мы всѣ дружно соединимся, чтобы защитить Францію; всѣ партіи забудутъ свои распри.

«Мнѣ не предстояло надобности распространяться болѣе о громадной силѣ, во имя которой я говорилъ: императоръ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что съ величайшимъ спокойствіемъ выслушалъ все сказанное мною, имѣвшее угрожающій оттѣнокъ. Императоръ постепенно успокоился: онъ сталъ обсуждать важнѣйшія статьи новой конституціи, замѣнившей собою хартію 1814 года. Онъ критиковалъ, съ своей точки зрѣнія, главнѣйшія статьи, и нашъ разговоръ, въ началѣ столь оживленный, принялъ тонъ теоретическаго разсужденія. Онъ закончилъ обзоръ введенныхъ новыхъ конституціонныхъ комбинацій, долженствовавшихъ имѣть силу съ нѣкоторыми измѣненіями въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, словами, не менѣе всѣхъ выше приведенныхъ достойными быть сохраненными.

«— Если бы,—сказалъ императоръ,—во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказывался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе учрежденныхъ конституцій, утвержденныхъ присягою. (On se fût fort étonné de voir l'autocrate de Russie charger son représentant de recommander au roi constitutionnel l'observation des constitutions établies et jurées).

«Таково въ общемъ мнѣніе императора Николая относительно нашей іюльской революціи; онъ совѣтовалъ не производить государственнаго переворота, разсматривая его скорѣе, какъ крайне опасный неблагоразумный шагъ, чѣмъ заслуживающій порицанія проступокъ; прежде всего онъ интересовался королемъ Карломъ X и Франціею.

«Императоръ всталъ наконецъ, чтобы отпустить меня. Всѣ слѣды неудовольствія исчезли. Видя его въ такомъ расположеніи духа, я сказалъ:

«— До всѣхъ этихъ печальныхъ событій, государь, вы соблаговолили пригласить меня сопутствовать вашему величеству въ поѣздкѣ на берега Волхова для осмотра военныхъ поселеній и для инспектированія гренадерскаго корпуса. Осмѣливаюсь надѣяться, что это приглашеніе не отмѣнено.

Библиотека "Руниверс"

«При столь неожиданномъ напоминаніи императоръ взглянулъ на меня улыбнувшись; затѣмъ послѣ минутнаго раздумья отвѣчалъ:

«— Хорошо, я согласенъ; у меня только одно слово. Вы поѣдете со мною, но это удивитъ весьма многихъ.

«Императоръ обнялъ меня. Дѣло было улажено, и я возвратился въ Петербургъ. Корабли подъ трехцвѣтнымъ флагомъ были допущены въ Кронштадтъ.

«На другой день ко мнѣ явились всѣ главные члены дипломатическаго корпуса. Въ предшествовавшіе дни разнесся общій слухъ о присылкѣ мнѣ паспортовъ и полномъ разрывѣ сношеній между Франціей и Россіей. Это извѣстіе вызвало большое безпокойство, и каждый желалъ знать истину, чтобы донести своему двору. Меня посѣтили лордъ Гейтесбюри, англійскій посланникъ, графъ Фикельмонъ, австрійскій посланникъ, генералъ Шёлеръ, прусскій министръ, и многіе другіе. Всѣ спрашивали меня со страхомъ:

«— Правда ли, что вы покидаете Петербургъ?

«— Правда, конечно,— отвѣчалъ я,—черезъ три дня я уѣзжаю, но чтобы сопровождать императора въ поѣздкѣ по военнымъ поселеніямъ».

Поѣздка въ новгородскія военныя поселенія дѣйствительно состоялась, однако не черезъ три дня, какъ разсказывалъ Бургоэнъ навѣщавшимъ его дипломатамъ, но въ началѣ сентября [372].

Между тѣмъ, императоръ Николай, отказавшись отъ немедленнаго разрыва съ Франціею, все-таки продолжалъ увлекаться мыслію стать во главѣ легитимистскаго крестоваго похода въ духѣ Александра I-го. Возстаніе, начавшееся въ Брюсселѣ, подняло вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ съ новой силой. Миролюбивый цесаревичъ Константинъ Павловичъ сильно встревожился воинственными намѣреніями своего державнаго брата, и изъ Варшавы немедленно раздалась правдивая рѣчь безусловнаго сторонника мира, противника новаго крестоваго похода.

«Я сильно сомнѣваюсь,— писалъ цесаревичъ 13-го (25-го) августа,— чтобы въ случаѣ, если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно случившемуся въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы встрѣтили то же рвеніе и то же одушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній, не исполненныхъ или же обойденныхъ, и сколько попранныхъ интересовъ; тогда, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшую надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что рано или поздно то же оружіе могутъ повернуть противъ насъ самихъ» [373].

Относительно Польши цесаревичъ присовокупилъ:

«До сихъ поръ у насъ все спокойно, и я льщу себя надеждою, что при помощи и по милости Божіей такъ продолжится и далѣе. Поляки

Библиотека "Руниверс"

докажутъ вамъ свою вѣрность,—я осмѣливаюсь ожидать этого отъ Его милосердія,—и уничтожатъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ».

Отвѣчая цесаревичу, императоръ Николай писалъ 17-го (29-го) августа:

«Мнѣніе, которое вы высказываете относительно поляковъ, какъ разъ то самое, котораго я считаю себя въ правѣ держаться въ отношеніи ихъ; что же касается моего довѣрія къ этой прекрасной и храброй арміи, оно всецѣло и полно, и я ни одного мгновенія не сомнѣвался въ ней».

Государь сообщилъ также цесаревичу, что вопросъ о трехцвѣтномъ флагѣ не существуетъ болѣе, послѣ того какъ «мы офиціальнымъ образомъ получили извѣстіе, что это не цвѣтъ возстанія (la couleur de la rebellion), но что правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X и слѣдовательно сдѣлавшееся, въ нашихъ глазахъ, законнымъ (rendu légal à nos yeux), торжественно его приняло». Затѣмъ, переходя къ ближайшему разбору современныхъ политическихъ вопросовъ, государь старался успокоить брата насчетъ своихъ воинственныхъ намѣреній.

«Все, что было сдѣлано здѣсь дипломатическимъ путемъ, было сообщено вамъ,—писалъ императоръ,—надѣюсь, что вы найдете наши рѣшенія отвѣчающими чести и началамъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашего покойнаго ангела. Мы вовсе не торопимся дѣйствовать, но мнѣ кажется, что по части началъ непреложныхъ, священныхъ (principes immuables, sacrés) никогда не слѣдуетъ оставлять мѣста сомнѣніямъ; и вотъ не изложить открыто нашего взгляда на узурпацію герцога Орлеанскаго значило бы поступить какъ разъ такимъ образомъ. Впрочемъ, событія чередуются съ такою быстротою, что буквально едва хватаетъ времени, чтобы зрѣло взвѣсить дѣло, приготовить депеши, какъ вдругъ разыгрывается новое событіе, измѣняющее кажущійся обликъ положенія дѣлъ. Таковы, по моему мнѣнію, обстоятельства данной минуты, такъ какъ законный король въ моихъ глазахъ, Генрихъ V-й, вывезенъ своимъ дѣдомъ изъ предѣловъ Франціи; такимъ образомъ онъ фактически эмигрировалъ и бросилъ страну. Эта страна не можетъ оставаться безъ главы, а за непмѣніемъ его должна впасть въ состояніе самой ужасной анархіи; поэтому фактически наиболѣе близкій къ трону, находящійся во Франціи, за непмѣніемъ тѣхъ, которые были до него, становится для насъ фактически королемъ Франціи; если же мои союзники находятъ единогласно, что мы должны помириться въ этомъ отношеніи на герцогѣ Орлеанскомъ, то, мнѣ кажется, лучше признать королевскую власть, исходящую изъ подобнаго факта, чѣмъ королевскую власть по выбору народа: страшный примѣръ, пагубный для всякаго порядка и который подорвалъ бы наше собственное

Библиотека "Руниверс"

существованіе; повторяю, мнѣ было бы слишкомъ противно признать его подобнымъ образомъ» [374].

Однако, цесаревичъ не успокоился, повидимому, не слишкомъ довѣряя незыблемости мирныхъ заявленій, присылаемыхъ ему изъ Петербурга;

Хозревъ-Мирза.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

онъ продолжалъ, съ своей стороны, посылать предостереженія противъ возможныхъ увлеченій и писалъ государю:

«Вы понимаете и оцѣниваете текущія событія, какъ истинно благородный человѣкъ, простите мнѣ это совершенно простое выраженіе, но

Библиотека "Руниверс"

на ряду съ этимъ не слѣдуетъ забывать, что вы государь и властелинъ громадной имперіи, и что вашъ первый долгъ—примирять интересы вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ, поставленныхъ въ положенія относительно крайне различныя».

Руководствуясь подобными соображеніями, цесаревичъ указывалъ, что въ случаѣ разрыва Россіи съ Франціею почтенный прусскій король прежде всего будетъ компрометированъ въ своихъ отношеніяхъ къ этой странѣ; географическое положеніе Пруссіи вынудитъ его принять, можетъ быть, тяжелыя, но неизбѣжныя рѣшенія. Сравнивая давно прошедшія событія съ настоящими, цесаревичъ въ заключеніе своихъ разсужденій снова повторялъ сдѣланную имъ ранѣе справедливую оцѣнку дѣлъ, обусловленную необыкновенно яснымъ пониманіемъ политической обстановки данной минуты.

«Когда происходила первая революціонная война,—писалъ цесаревичъ,—все дѣлалось съ энтузіазмомъ, порожденнымъ долгомъ и ужасомъ, который испытывали; всѣ хотѣли сохранить свое общественное положеніе и были спокойны за свой тылъ. При второй войнѣ, если она случится, пойдутъ по чувству долга и, въ большинствѣ случаевъ, неохотно. Новыя идеи настолько созрѣли во всѣхъ головахъ и вообще пустили слишкомъ глубокіе корни среди большинства новаго поколѣнія, чтобы можно было вѣрить въ обратное. Сверхъ того, въ прошломъ было слишкомъ много нарушено интересовъ и не исполнено обѣщаній, чтобы явилась возможность разсчитывать на единодушное содѣйствіе правому дѣлу» [375].

Прежде всего императоръ Николай, въ виду возможныхъ случайностей, пожелалъ ознакомить своихъ ближайшихъ союзниковъ, Австрію и Пруссію, съ своими взглядами на политическое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать намѣренія ихъ правительствъ. Съ этою цѣлью 16-го (28-го) августа генералъ-адъютантъ графъ Орловъ отправился въ Вѣну; съ подобнымъ же порученіемъ посланъ былъ 19-го (31-го) августа въ Берлинъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ.

«Я избралъ его,—писалъ императоръ Николай къ цесаревичу,—потому что онъ смотритъ на дѣла такъ же, какъ вы и я, а для меня именно важно, чтобы мои слова и мысли были переданы королю съ тѣмъ тономъ, который я придаю этой музыкѣ» [376].

Передъ отъѣздомъ государь передалъ Дибичу изустно свою инструкцію, а фельдмаршалъ немедленно изложилъ ее письменно. Въ составленной такимъ образомъ запискѣ между прочимъ сказано въ заключеніе, что для движенія своихъ войскъ императоръ, ожидая призыва его величества короля, предполагаетъ, отдавъ нужныя приказанія, полетѣть въ Берлинъ (voler à Berlin), чтобы еще лично совѣщаться съ августѣйшимъ тестемъ своимъ и затѣмъ рядомъ съ нимъ сражаться противъ враговъ общаго спокойствія (les ennemis du repos général) [377].

Библиотека "Руниверс"

Консервативныя воззрѣнія прусскаго короля не оказались, однако, на высотѣ той «музыки», которую заиграли въ Петербургѣ. Дѣйствительно немедленно по прибытіи въ Берлинъ графъ Дибичъ приглашенъ былъ 27-го августа (8-го сентября) въ Шарлотенбургъ, гдѣ на аудіенціи, продолжавшейся полтора часа, изложилъ королю все, что поручилъ фельдмаршалу сказать государь. Но русскій посланный, преисполненный воинственнаго пыла, видѣвшій себя уже новымъ героемъ дня на высотахъ Монмартра, ангеломъ-спасителемъ въ революціонномъ пожарѣ, не нашелъ въ королѣ особенной склонности къ военнымъ предпріятіямъ; лѣта и опытъ жизни, богатой великими событіями, воспоминанія о былыхъ несчастіяхъ и о дорого купленномъ торжествѣ внушали тестю императора Николая большую сдержанность и трезвый взглядъ на дѣла сего міра. Выслушавъ графа Дибича, король былъ видимо тронутъ дружескими чувствами и довѣріемъ къ нему императора, заявлялъ, что вполнѣ раздѣляетъ его политическія убѣжденія и считаетъ войну неизбѣжною; но при этомъ выразилъ, ссылаясь на примѣръ Александра I-го въ 1812 году, что не желалъ бы ни въ какомъ случаѣ быть начинающею стороною [378].

По желанію короля, графъ Дибичъ остался въ Берлинѣ до выясненія обстоятельствъ. Начались безконечныя совѣщанія фельдмаршала съ прусскими государственными людьми, не менѣе короля опасавшимися по отношенію къ Франціи всякаго дѣйствія, носящаго вызывающій оттѣнокъ; войны же Пруссія хотѣла избѣжать, во что бы то ни стало.

Но русскіе чрезвычайные посланцы: Орловъ и Дибичъ, не успѣли еще доѣхать до мѣстъ своего назначенія, какъ уже состоялось офиціальное признаніе совершившейся во Франціи перемѣны правленія, какъ со стороны Австріи, такъ и Пруссіи, безъ предварительнаго соглашенія съ нами. Еще ранѣе Англія также признала королемъ Людовика-Филиппа. Императору Николаю оставалось только послѣдовать ихъ примѣру. Въ Петербургъ прибылъ въ началѣ сентября генералъ Аталэнъ съ собственноручнымъ письмомъ короля Людовика-Филиппа. Въ этомъ письмѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки:

«На васъ, государь, въ особенности Франція останавливаетъ взоръ. Ей отрадно видѣть въ Россіи свою наиболѣе естественную и наиболѣе могущественную союзницу. Ручательствомъ въ томъ служитъ мнѣ благородный характеръ и всѣ качества, отличающія ваше императорское величество» [379].

Генералъ Аталэнъ принятъ былъ при дворѣ съ большою вѣжливостью и даже предупредительностью; его приглашали не только на всѣ празднества, но и на смотры, парады. Менѣе удовлетворенъ былъ французскій генералъ отвѣтнымъ письмомъ государя. Рыцарская прямота императора Николая воспрепятствовала ему скрыть свои взгляды и чувства по отношенію къ іюльской монархіи подъ личиною искусныхъ дипломатическихъ сборотовъ рѣчи. Въ сущности отвѣтъ государя заключалъ въ

Библиотека "Руниверс"

себѣ неодобрительное и условное признаніе ненавистнаго ему совершившагося факта, безъ соблюденія даже обычныхъ формъ, установившихся для переписки съ царственными особами. Николай Павловичъ не назвалъ себя въ отвѣтномъ письмѣ «добрымъ братомъ» короля французовъ, власть котораго въ глазахъ русскаго монарха была запятнана революціоннымъ происхожденіемъ.

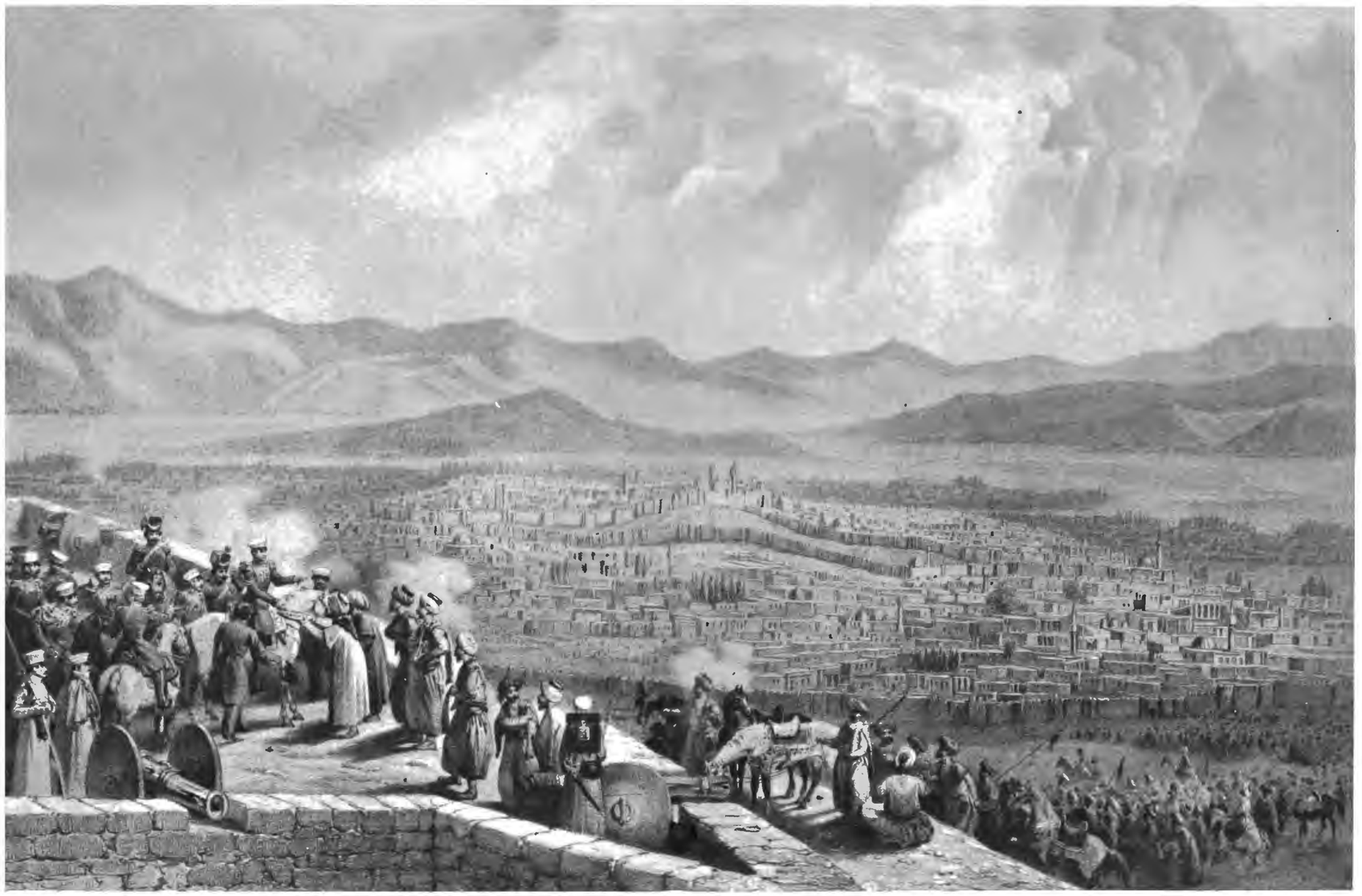
Приведемъ здѣсь дословный переводъ письма императора Николая, отъ 6-го (18-го) сентября, опредѣлившаго собою отношенія Россіи къ Франціи въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ восемнадцати лѣтъ.

«Я получилъ изъ рукъ генерала Аталэна,—писалъ государь,—привезенное имъ посланіе. Событія, навѣки прискорбныя (des événements à jamais déplorables), поставили ваше величество въ тягостное положеніе. Ваше величество приняли рѣшеніе, которое одно, казалось вамъ, могло предотвратить отъ Франціи великія бѣдствія. Я ничего не скажу о побужденіяхъ, внушившихъ образъ дѣйствій, усвоенный вашимъ величествомъ въ данномъ случаѣ, но я возсылаю горячія мольбы къ Божественному Провидѣнію, дабы оно благословило намѣренія вашего величества и усилія ваши на благо французскаго народа. Въ согласіи съ союзниками моими я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе желанія вашего величества поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружественныя сношенія. Доколѣ эти сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ и на твердой рѣшимости поддерживать права и обязательства, торжественно ими признанныя, а равно и поземельныя владѣнія, Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи.

«Призванный совмѣстно съ союзниками моими поддерживать съ Франціею подъ новымъ ея правительствомъ таковыя охранительныя отношенія, я, съ своей стороны, поспѣшу не только отнестись къ нимъ съ надлежащею заботливостью, но и не устану проявлять чувства, въ искренности коихъ мнѣ пріятно увѣрить ваше величество въ отвѣтъ на чувства, выраженныя вами» [380].

Письмо императора Николая произвело въ Парижѣ самое удручающее впечатлѣніе не только на короля и его министровъ, но и на общественное мнѣніе страны, почувствовавшее въ немъ оскорбленіе достоинства Франціи. Тѣмъ не менѣе при обоихъ дворахъ остались прежніе дипломатическіе представители: въ Парижѣ графъ Поццо-ди-Борго, а герцогъ Мортемаръ снова возвратился въ Петербургъ; но императоръ Николай продолжалъ относиться къ королю французовъ съ чувствомъ сильнѣйшаго негодованія, укоряя его въ коварствѣ, вѣроломствѣ и совершенно не признавая въ немъ виновника спасенія монархическаго начала. Булавочные уколы смѣнялись болѣе крупными размолвками вплоть до 1848 года, когда императоръ Николай съ нескрываемымъ удо-

Библиотека "Руниверс"



ВЗЯТІЕ ГОРОДА ЭРЗЕРУМА ВЪ 1829 ГОДУ.

Съ литографіи Гастейна, сдѣланной съ картины Машкова.

Библиотека "Руниверс"

вольствіемъ могъ наконецъ сказать: «Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas».

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «Итакъ, послѣ долгой внутренней борьбы и гласно заявленнаго отвращенія къ новому монарху

Вступленіе русской арміи въ Адріанополь 8-го августа 1829 года.
(Съ рисунка съ натуры очевидца. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Франціи, нашему государю не оставалось ничего иного, какъ покориться силѣ обстоятельствъ и принести личныя чувства въ жертву сохраненія мира и отчасти общественному мнѣнію. Императоръ Николай впервые принудилъ себя дѣйствовать вопреки своему убѣжденію и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французовъ».

Библиотека "Руниверс"

V.

Вскорѣ къ политическимъ тревогамъ присоединились неблагопріятныя внутреннія вѣсти. 24-го сентября (6-го октября) получено было сообщеніе, что въ Москвѣ открылась холера. Императоръ Николай немедленно рѣшился поспѣшить въ первопрестольную столицу, чтобы личнымъ присутствіемъ успокоить встревоженное населеніе; быстро собравшись въ путь, государь 27-го сентября (9-го октября) уже выѣхалъ въ Москву. Трудно описать чувства московскихъ жителей при неожиданномъ появленіи царя въ зараженномъ болѣзнію городѣ. «Мы знали, что ты будешь; гдѣ бѣда, тамъ и ты!» — вотъ крики, которые раздавались среди народной толпы, когда государь остановился у Иверскихъ воротъ и приложился къ образу. «Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской... Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, государь; да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь»,— сказалъ императору въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Филаретъ.

Въ это время генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ находился въ отпуску, въ своемъ имѣніи Фаль; но уже черезъ нѣсколько дней къ шефу жандармовъ прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ государя и съ повелѣніемъ послѣдовать за нимъ въ Москву.

«Я былъ въ восхищеніи отъ героической рѣшимости моего царя,— пишетъ Бенкендорфъ,—и спустя два часа послѣ полученія извѣстія уже летѣлъ по почтовой дорогѣ. Прибывъ въ Петербургъ, я заѣхалъ въ Царское Село за приказаніями императрицы и поспѣшилъ въ Москву. А тамъ, пріѣхавъ вечеромъ, немедленно явился къ государю съ выраженіемъ благодарности моей за память ко мнѣ въ минуту, столь тяжкую для отеческаго его сердца. Онъ былъ, какъ всегда, спокоенъ и благодушенъ. Его пріѣздъ оживилъ, но не удивилъ добрыхъ москвичей, которые среди ужаса таинственной заразы предчувствовали, что ихъ не покинетъ царь. Когда онъ появился передъ народомъ, презрѣвъ опасность, чтобы пособить ему, общій энтузіазмъ достигъ крайнихъ предѣловъ, и всѣмъ казалось, что сама болѣзнь должна уступить его всемогуществу. Было рѣшено оцѣпить Москву для охраненія отъ заразы прочихъ губерній и Петербурга; все исполнилось безъ затрудненій, и покорность народа, одушевленнаго благодарностію, не знала границъ. Холера, однако же, съ каждымъ днемъ усиливалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число ея жертвъ. Лакей, находившійся при собственной комнатѣ государя, умеръ въ нѣсколько часовъ; женщина, проживавшая во дворцѣ, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно посѣщалъ общественныя учрежденія, презирая опас-

Библиотека "Руниверс"

ность, потому что тогда никто не сомнѣвался въ прилипчивости холеры. Вдругъ за обѣдомъ во дворцѣ, на который было приглашено нѣсколько особъ, онъ почувствовалъ себя нехорошо и принужденъ былъ выйти изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ поспѣшилъ докторъ, столько же испуганный, какъ и мы всѣ, и хотя черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ намъ съ приказаніемъ отъ имени государя не останавливать обѣда, однако никто въ смертельной нашей тревогѣ уже болѣе не прикасался къ кушанью. Вскорѣ затѣмъ показался въ дверяхъ самъ государь, чтобы

Графъ Иванъ Антоновичъ Каподистрія.
(Съ гравированнаго портрета Милова 1822 года).

насъ успокоить; однако его тошнило, трясла лихорадка, и открылись всѣ первые симптомы болѣзни. Къ счастію, сильная испарина и данныя во́-время лѣкарства скоро ему пособили, и не далѣе какъ на другой день все наше безпокойство миновалось».

Государь почувствовалъ себя дурно 5-го (17-го) октября; въ тотъ же день вечеромъ Николай Павловичъ получилъ извѣстіе о дальнѣйшихъ успѣхахъ бельгійской революціи, вслѣдствіе которыхъ король нидерландскій нашелъ себя вынужденнымъ просить вооруженной помощи,

Библиотека "Руниверс"

въ силу существовавшихъ трактатовъ [381]. Несмотря на нездоровье, государь безотлагательно отправилъ повелѣнія графу Чернышеву, фельдмаршалу Сакену и цесаревичу о приведеніи арміи на военное положеніе.

Графу Чернышеву государь писалъ:

«Любезный другъ, депеши, только что полученныя мною, таковы, что надо принять безотлагательныя мѣры для нашего выступленія въ походъ. Нидерландскій король пишетъ мнѣ, прося въ силу существующихъ трактатовъ вооруженной помощи. Нетерпѣніе его въ этомъ отношеніи такъ велико, что Вильгельмъ (принцъ Оранскій) проситъ меня его именемъ послать часть войскъ, если то возможно, моремъ. Вы сами чувствуете, что это вещь, не исполнимая въ настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба явилась мѣсяцемъ ранѣе, то всѣ принятыя мною мѣры позволили бы ее осуществить... Первый контингентъ, который я, какъ членъ союза, обязанъ выставить, будетъ составленъ изъ арміи, находящейся подъ начальствомъ брата. По моему расчету, ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца, мы не въ состояніи будемъ выступить, по крайней мѣрѣ, со всѣми силами. Поэтому малѣйшій выигрышъ времени въ семъ дѣлѣ будетъ весьма цѣненъ. Можетъ быть, извѣстія обо всѣхъ этихъ громадныхъ приготовленіяхъ послужатъ къ тому, чтобы предотвратить войну, которой всѣ мы искренно желаемъ избѣгнуть; о приготовленіяхъ вы можете говорить громко, но безъ аффектаціи, не дѣлая изъ нихъ тайны. Сообщите прямо отъ себя генералу Вицлебену о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему для сообщенія королю, что отнынѣ я считаю наши арміи уже соединенными и желаю посему, чтобы по всѣмъ военнымъ между нами сношеніямъ всякая дипломатическая формальность была отложена въ сторону; что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности обо всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ, и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ въ самыхъ простыхъ и самыхъ непосредственныхъ формахъ... Успокойте Канкрина насчетъ первоначальныхъ расходовъ и старайтесь по возможности уменьшить ихъ» [382].

Графъ Чернышевъ по полученіи письма государя могъ торжествовать; всѣ предначертанныя мѣры прямо соотвѣтствовали воинственному пылу графа, проявлянному имъ съ самаго начала іюльской революціи. Сообщая Дибичу въ Берлинъ распоряженія императора, графъ Чернышевъ писалъ: «Если бы другіе кабинеты имѣли ту же энергію, какую придаетъ императоръ нашему кабинету, то какъ должны бы были трепетать зачинщики смутъ и мятежей!» [383].

Графъ Нессельроде былъ менѣе восхищенъ вѣроятіемъ предстоявшей войны и склонялся къ мирному, дипломатическому разрѣшенію возникшихъ вопросовъ. «Мы тоже не отдыхаемъ на розахъ,—писалъ вице-канцлеръ графу Дибичу, — холера-морбусъ господствуетъ въ очень

Библиотека "Руниверс"

многихъ губерніяхъ, которыя посему пришлось освободить отъ рекрутскаго набора; внутренняя торговля остановилась вслѣдствіе мѣръ, кои пришлось принять для воспрепятствованія распространенію этого бича, и мы не увѣрены въ томъ, что онъ и здѣсь не настигнетъ насъ, такъ какъ говорятъ о его появленіи уже около Тихвина. Урожай былъ ду-

Соборъ Спаса Преображенія въ Петербургѣ.
(Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бетрова).

ренъ, и поступленіе податей идетъ плохо. Вотъ подъ какими предзнаменованіями мы приступаемъ къ приготовленіямъ къ войнѣ, послѣдствія которой одинъ лишь Богъ можетъ предвидѣть. Не надо, конечно, унывать и падать духомъ передъ обстоятельствами; но я считалъ необходимымъ представить вамъ печальную картину нашего внутренняго по-

Библиотека "Руниверс"

ложенія, дабы вы могли принимать ее въ соображеніе во всѣхъ совѣщаніяхъ вашихъ съ прусскимъ кабинетомъ» [384].

Изъ строкъ графа Нессельроде видно, при какой печальной для Россіи обстановкѣ императоръ Николай готовъ былъ начать войну, совершенно чуждую всякаго государственнаго эгоизма; къ тому же онъ одинъ оставался вѣренъ смыслу договора, заключеннаго между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею 8-го (20-го) ноября 1815 года. Но съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ, политическіе взгляды измѣнились, и въ данномъ случаѣ одинъ русскій самодержецъ готовъ былъ съ полнымъ безкорыстіемъ стоять на стражѣ возстановленія нарушеннаго законнаго порядка. Прочія державы предпочли обратиться къ содѣйствію дипломатическихъ лѣкарствъ; въ результатѣ вмѣсто вооруженнаго вмѣшательства началась работа общеевропейской конференціи, собравшейся въ Лондонѣ для улаженія бельгійскаго вопроса мирнымъ путемъ.

Но обратимся снова къ пребыванію императора Николая въ Москвѣ. Государь провелъ тамъ десять дней въ неутомимой, безпрерывной дѣятельности; онъ лично наблюдалъ, какъ по его приказаніямъ устроивались больницы въ разныхъ частяхъ города, отдавалъ повелѣнія объ удовлетвореніи Москвы въ жизненныхъ потребностяхъ, о денежныхъ вспомоществованіяхъ неимущимъ, объ учрежденіи пріютовъ для дѣтей, у которыхъ болѣзнь похитила родителей; безпрестанно показывался на улицахъ; посѣщалъ холерныя палаты въ госпиталяхъ и только, устроивъ и обезпечивъ все, что могла человѣческая предусмотрительность, выѣхалъ 7-го (19-го) октября изъ Москвы.

Въ Твери, гдѣ проѣзжающіе должны были останавливаться въ карантинѣ, самъ законодатель подалъ примѣръ, какъ должно уважать законъ. Государь остановился во дворцѣ, который нѣкогда былъ занимаемъ великою княгинею **Екатериной Павловной** и супругомъ ея, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, во время бытности его тамошнимъ генералъ-губернаторомъ. «Здѣсь, по разсказу Бенкендорфа, врачъ принялъ насъ въ особо приготовленной комнатѣ и окурилъ, согласно съ существовавшими тогда правилами, хлоромъ, послѣ чего дворецъ и маленькій его садъ оцѣпили часовыми, для совершеннаго отдѣленія его отъ города, а насъ, во исполненіе собственной воли государя, желавшаго дать примѣръ покорности законамъ, засадили въ карантинъ и разъединили отъ всего міра. Свиту государеву составляли, кромѣ меня, графъ П. А. Толстой, бывшій нѣкогда моимъ начальникомъ въ парижскомъ посольствѣ, генералъ-адъютанты Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты Кокошкинъ и Апраксинъ и доктора Арендтъ и Енохинъ. Всѣхъ насъ размѣстили въ томъ же дворцѣ. Утромъ занимались бумагами, которыя ежедневно присылались изъ Петербурга и Москвы, а потомъ прогуливались по саду, впрочемъ очень худо содер-

Библиотека "Руниверс"

жимому; государь стрѣлялъ воронъ, я подметалъ дорожки. За этими забавами слѣдовалъ прекрасный обѣдъ для всего общества вмѣстѣ, послѣ котораго расходились по своимъ комнатамъ до вечера, соединявшаго опять всѣхъ на государевой половинѣ, гдѣ играли въ карты. Такъ мы, до возвращенія въ Царское Село, провели одиннадцать дней въ этой тюрьмѣ, хотя очень спокойной и удобной, но, тѣмъ не менѣе, жестоко намъ надоѣвшей».

20-го октября (1-го ноября) императоръ Николай благополучно возвратился въ Царское Село, а 25-го октября (6-го ноября) прибылъ въ Петербургъ. На другой день, въ воскресенье, состоялся первый разводъ.

VI.

Событія, ознаменовавшія собою вторую половину 1830 года, глубоко опечалили императора Николая. Съ сокрушеннымъ сердцемъ государь увидѣлъ себя вынужденнымъ признать воцареніе короля французовъ Людовика-Филиппа, а затѣмъ даже отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи. Съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ совершившемся на западѣ Европы политическомъ переворотѣ и отношеніи къ нему Россіи, государь изложилъ свои мысли и взгляды въ особой запискѣ, названной имъ «исповѣдью (ma confession)».

Приведемъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго подлинника содержаніе этого замѣчательнаго историческаго документа, опредѣлившаго собою дальнѣйшее направленіе русской политики до рокового 1849 года, ознаменованнаго спасеніемъ Австріи.

«Важность нынѣшнихъ обстоятельствъ, въ ихъ связи съ непосредственными интересами Россіи, — пишетъ императоръ Николай, — привели меня къ мысли отдать самому себѣ отчетъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя они пробуждаютъ во мнѣ. Результатъ этого испытанія передъ судомъ моей совѣсти, какъ мнѣ кажется, намѣчаетъ мнѣ, въ чемъ заключается мой долгъ.

«Географическое положеніе Россіи до такой степени благопріятно, что въ области ея собственныхъ интересовъ ставитъ ее въ почти независимое положеніе отъ происходящаго въ Европѣ; ей нечего опасаться; ея границы удовлетворяютъ ее; въ этомъ отношеніи она можетъ ничего не желать, и слѣдовательно она ни въ комъ не должна была возбудить опасеній. Обстоятельства, приведшія къ заключенію дѣйствующихъ трактатовъ, относятся къ тому времени, когда Россія, побѣдивъ и уничтоживъ неслыханное нашествіе Наполеона, въ качествѣ освободительницы, помогала Европѣ скинуть угнетавшее ее иго. Но воспоминаніе о благодѣяніяхъ скорѣе сглаживается временемъ, чѣмъ воспоми-

Библиотека "Руниверс"

наніе объ обидахъ; недобросовѣстность въ Вѣнѣ уже чуть было не порвала только что закрѣпленнаго союза, и потребовалась новая очевидная опасность для того, чтобы державы открыто примкнули къ тому, кто, уже явившись разъ ихъ освободителемъ, оставался неизмѣнно великодушнымъ.

«Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей казался тѣснымъ. Однако, обѣ эти державы неоднократно уклонялись отъ буквальнаго смысла или основныхъ началъ, служившихъ краеугольнымъ камнемъ союзныхъ трактатовъ. Неизмѣнно лишь терпѣнію и умѣренности императора, при его неистощимомъ желаніи сохранить внѣшніе признаки самой полной близости, удавалось возвращать на истинный путь или скрывать различіе взглядовъ. Когда Провидѣніе отняло его у Россіи, мы увидѣли вскорѣ, что Австрія одновременно съ прекраснѣйшими завѣреніями обнаруживала свои заднія мысли; правда, Пруссія оставалась вѣрною намъ болѣе долгое время, но между личными отношеніями къ королю и отношеніями къ его министерству сказывалась явная разница.

«Однако яркаго различія во взглядахъ не было вплоть до подлой іюльской революціи (l'infâme révolution de juillet). Мы издавна предвидѣли это ужасное событіе и исчерпали по отношенію къ Карлу X и къ его министрамъ всѣ средства убѣжденія, которыя только допускались дружбою и нашими хорошими отношеніями. Все было напрасно. Тогда мы не колебались болѣе высказать сильное порицаніе незаконнымъ поступкамъ Карла X, но развѣ въ то же время мы могли бы признавать законнымъ государемъ Франціи кого либо другого, какъ не того, который долженъ былъ быть призванъ къ этому въ силу всѣхъ своихъ правъ? Поступить такъ значило исполнить нашъ долгъ и остаться вѣрнымъ началамъ, руководившимъ всѣми дѣйствіями союзниковъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Однако наши союзники, не условившись съ нами относительно шага столь важнаго, столь рѣшительнаго, поторопились своимъ признаніемъ совершившагося факта увѣнчать мятежъ и узурпацію — шагъ роковой, непонятный, и которому слѣдуетъ приписать рядъ несчастій, не переставшихъ съ этого времени обрушиваться на Европу. Мы противились, потому что мы должны были поступать такъ; я уступилъ лишь изъ одного побужденія — сохранить союзъ; но легко было предвидѣть, что послѣ подобнаго примѣра столь пагубной трусости цѣпь вытекавшихъ отсюда событій и дѣйствій не могла оборваться на этомъ, и дѣйствительно вскорѣ Брюссель послѣдовалъ примѣру Парижа. Здѣсь вина была на сторонѣ королевской власти, такъ какъ именно послѣдняя дала поводъ разыграться революціи; въ Брюсселѣ же напротивъ не произошло ничего подобнаго, если не считать благодѣяній со стороны монарха. Однако было принято въ осно-

Библиотека "Руниверс"

Галиль-паша.

(Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Histoire de la Turquie").

ваніе то же начало; было сказано: страна не признаетъ болѣе прежняго государя, слѣдовательно, эта страна независимая; поторопимся же признать ее за таковую и узаконимъ это, давъ ей государя. Но монархъ оставался еще повелителемъ своей старой отчины, которая, думая лишь о своей чести, не колебалась приложить всѣ свои усилія, чтобы поддер-

Библиотека "Руниверс"

живать его, являя собою чудный примѣръ, заслуживающій и лучшей участи и монарха, болѣе достойнаго оцѣнить его.

«Точно такъ же, какъ было поступлено по отношенію къ Франціи, не посовѣтовавшись предварительно со своимъ союзникомъ, Австрія и Пруссія поспѣшили обѣщать свое согласіе, но мы съ самаго начала держались болѣе благороднаго образа дѣйствій и, явившись единственными носителями принципа справедливости, нашли возможнымъ пренебречь яростью Англіи и Франціи. Можемъ ли мы, не покрывая себя позоромъ, измѣнить своей системѣ?

«Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о чести и будемъ говорить только о выгодахъ. Выгодно ли для насъ согласиться на этотъ новый актъ беззаконія? Работать вмѣстѣ надъ разрушеніемъ нашего собственнаго дѣла значитъ ли это поддерживать старый союзъ, когда двѣ державы дѣйствуютъ въ прямо противоположномъ направленіи тому, что составляло сущность союза? Существуетъ ли онъ еще, когда Пруссія даетъ понять намъ, что даже въ случаѣ французскаго нашествія на Австрію она окажетъ послѣдней лишь одну нравственную поддержку? Господи Боже, развѣ это союзъ, созданный нашимъ безсмертнымъ императоромъ? Сохранимъ этотъ священный огонь неприкосновеннымъ и не осквернимъ безмолвнымъ одобреніемъ беззаконныхъ и гнусныхъ дѣйствій державъ, стремящихся къ союзу съ нами только тогда, когда онѣ хотятъ превратить насъ въ сообщниковъ подобныхъ дѣяній; сохранимъ, повторяю, священный огонь для торжественнаго мгновенія, котораго никакая человѣческая сила не можетъ ни избѣжать, ни отдалить,—мгновенія, когда должна разразиться борьба между справедливостью и силами ада (la lutte entre la justice et le principe infernal). Это мгновеніе близко, приготовимся къ нему, мы—знамя, вокругъ котораго въ силу необходимости и для собственнаго спасенія вторично сплотятся тѣ, которые трепещутъ въ настоящее время.

«Мы признали самый фактъ независимости Бельгіи, потому что его призналъ самъ нидерлаидскій король; но не признаемъ Леопольда, потому что мы не имѣемъ никакого права сдѣлать это, пока его не признаетъ нидерландскій король[385]. Но въ то же время не станемъ скрывать нашего порицанія двусмысленному и лживому поведенію короля и отстранимся отъ конференціи.

«Если Англія и Франція соединятся, чтобы напасть на Голландію, мы будемъ протестовать, потому что мы не можемъ сдѣлать ничего бо́льшаго, но, по крайней мѣрѣ, русское имя не будетъ запятнано соучастіемъ въ подобномъ поступкѣ. Нашъ образъ дѣйствій по отношенію къ Австріи и Пруссіи долженъ оставаться неизмѣнно одинъ и тотъ же; онъ долженъ постоянно указывать имъ на опасности пути, по которому онѣ слѣдуютъ, и уяснить имъ, что это онѣ отдаляются отъ основъ союза,

Библиотека "Руниверс"

что мы никогда не впадемъ въ ту же ошибку, потому что мы усматривали бы въ этомъ неизбѣжную гибель благороднаго дѣла, что въ минуту опасности насъ всегда увидятъ готовыми летѣть на помощь союзникамъ, которые снова вернулись бы къ прежнимъ воззрѣніямъ, но что въ противномъ случаѣ Россія никогда не принесетъ въ жертву ни своихъ денегъ, ни драгоцѣнной крови своихъ солдатъ.

«Вотъ моя исповѣдь (voilà ma confession), она серіозна, рѣшительна, она ставитъ насъ въ положеніе новое, одинокое, но, — я осмѣлюсь высказать это, — почетное и достойное насъ. Кто посмѣлъ бы напасть на насъ? А если бы посмѣли, я былъ бы увѣренъ въ поддержкѣ страны, потому что она оцѣнила бы по достоинству свое положеніе и съ помощью Бога сумѣла бы покарать дерзость зачинщиковъ».

VII.

Повелѣнія, отданныя императоромъ Николаемъ въ Москвѣ, предвѣщавшія близость европейской войны, не нашли себѣ сочувственнаго отголоска ни въ Берлинѣ, ни въ Варшавѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III остался вѣренъ своей осторожной, выжидательной политикѣ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ продолжалъ попрежнему предостерегать государя отъ опрометчивыхъ рѣшеній, вмѣняя ему въ обязанность сохраненіе спокойствія и хладнокровія (mais au nom de Dieu pas de précipitation, mais du calme et du sang froid).

Распоряженія императора Николая, доложенныя графомъ Дибичемъ королю прусскому 18-го (30-го) октября въ Шарлотенбургѣ, были встрѣчены прежде всего похвалою относительно великодушія, энергіи и быстроты рѣшенія государя. Мобилизацію и приближеніе русскихъ корпусовъ къ западной границѣ Фридрихъ-Вильгельмъ признавалъ одною изъ спасительнѣйшихъ мѣръ, такъ какъ, по его словамъ, онъ не сомнѣвался въ предстоявшей въ будущемъ необходимости покончить дѣло оружіемъ. Къ окончательной же мобилизаціи польской арміи король отнесся несочувственно по той причинѣ, что первый корпусъ его арміи, стоявшей въ одной линіи съ польскими войсками, еще не могъ собрать своихъ ландверовъ, мѣра, на которую Пруссія рѣшится только тогда, когда исчезнетъ всякая надежда на сохраненіе мира; болѣе же ранняя мобилизація польскихъ войскъ могла бы породить сомнѣніе насчетъ согласія обѣихъ державъ въ преслѣдованіи своихъ политическихъ цѣлей. Въ заключеніе король сказалъ, что считаетъ полезнымъ выработать записку о политическомъ и военномъ положеніи дѣлъ и послать на обсужденіе австрійскаго и англійскаго кабинетовъ [385].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ какъ бы предугадалъ мысли прусскаго короля и писалъ 14-го (26-го) октября графу Дибичу въ Берлинъ:

«Не имѣя отъ васъ никакихъ указаній, не имѣя также свѣдѣній о мѣрахъ, которыя приняты прусскимъ дворомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Бельгіи, видя, съ другой стороны, изъ извѣстій, обнародованныхъ въ «Observateur Autrichien», что Австрія не намѣрена занять наступательное положеніе, я имѣю поводъ думать, что если мы одни станемъ принимать мѣры, которыя могутъ привести къ вооруженному вмѣшательству въ Бельгіи, предпринимая обширныя военныя приготовленія и подвергаясь большимъ затратамъ, безъ единодушнаго принятія такихъ же распоряженій другими державами, то эта большая поспѣшность съ нашей стороны только усилитъ нынѣшнее смятеніе и можетъ повредить интересамъ Пруссіи. Если бы во Франціи царствовалъ еще Карлъ X, а во владѣніяхъ нидерландскаго короля вспыхнуло подобное возстаніе, то вооруженное вмѣшательство Россіи совмѣстно съ другими державами, получивъ другое освѣщеніе и пріобрѣтая законное основаніе, въ силу совершившагося факта и по смыслу договоровъ, наложило бы на эти самыя державы неотмѣнную обязанность водворить въ томъ краѣ спокойствіе и возстановить короля во всей полнотѣ его власти. Но духъ крамолы и броженія, господствующій не только во Франціи, но и во многихъ частяхъ Европы, могъ бы лишь усилиться отъ шума этихъ военныхъ приготовленій и произвести всеобщій пожаръ, участіе въ коемъ могла бы принять Франція, и послѣдствія котораго трудно было бы въ настоящую минуту опредѣлить. Такъ какъ высочайшія повелѣнія, сообщенныя графомъ Чернышевымъ, опредѣляютъ 10-е (22-е) декабря, какъ срокъ, къ которому войска должны быть готовы къ выступленію, то въ виду близости этого срока я посылаю къ вамъ фельдъегеря, прося увѣдомить меня и съ нимъ же и въ возможно скорѣйшемъ времени, долженъ ли я привести сіи мѣры въ исполненіе или нѣтъ» [387].

Графъ Дибичъ отвѣчалъ цесаревичу въ желаемомъ имъ смыслѣ и сообщилъ въ Варшаву, что мобилизація польскихъ войскъ можетъ быть отложена, по крайней мѣрѣ, еще на мѣсяцъ, въ виду ихъ близости къ предполагаемому театру военныхъ дѣйствій.

Изъ отвѣта фельдмаршала видно, что «Дибичъ настолько уже разочаровался въ своихъ воинственныхъ ожиданіяхъ, что принялъ смѣлость измѣнить весьма категорическое приказаніе самого государя. По тону, господствовавшему въ правительственныхъ кружкахъ Пруссіи, онъ видѣлъ, что вопреки нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ государство это подниметъ мечъ развѣ для самозащиты, а ужъ никакъ не изъ-за платонической любви къ легитимности или безусловной преданности

Библиотека "Руниверс"

принципамъ священнаго союза. Ни обѣщанная нами помощь, ни заявленная около того же времени готовность Австріи выставить 150.000 человѣкъ въ Италіи и столько же въ Германіи не могли сбить пруссаковъ съ принятаго ими направленія» [388].

Пока продолжались дипломатическіе переговоры, императоръ Николай возвратился изъ Москвы и въ крайне возбужденномъ состояніи ожидалъ рѣшительнаго слова изъ Берлина. Между тѣмъ отсутствіе

Французскій король Карлъ X.
(Съ гравюры Метцерони).

рѣшительнаго отвѣта Дибича, отъѣздъ котораго все откладывался королемъ, окончательно взволновало государя и побудило его писать 1-го (13-го) ноября фельдмаршалу:

«Любезный другъ, я рѣшительно теряю терпѣніе; въ одномъ письмѣ за другимъ вы извѣщаете меня то объ отъѣздѣ курьера съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, то о предстоящемъ вашемъ отъѣздѣ, и вотъ скоро два мѣсяца, не случается ни того ни другого; вотъ вамъ разгадка моего молчанія по поводу вашихъ писемъ: я хотѣлъ отвѣчать на что либо положительное, а это положительное не являлось. Наконецъ, вчера жена получила письмо отъ короля, который пишетъ ей, что еще удержалъ васъ при себѣ ради важныхъ причинъ. Хочу, по крайней мѣрѣ, чтобы

Библиотека "Руниверс"

вы знали, что мы здоровы, что наши военныя приготовленіи, при помощи Божіей, идутъ хорошо, и что 10-го (22-го) декабря мы можемъ выступить съ корпусами: 1-мъ, 2-мъ и Литовскимъ, съ польскими войсками, съ гренадерами и резервною кавалеріею; а дабы устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что мною твердо и безповоротно рѣшено, я приказалъ все это обнародовать въ газетахъ. Я болѣе, чѣмъ когда либо, убѣжденъ, что если есть еще средство предотвратить войну, то оно состоитъ въ томъ, чтобы доказать якобинцамъ всѣхъ странъ, что ихъ нисколько не боятся, что повсюду стоятъ подъ ружьемъ, и что если даже въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣніе рѣшило, что мы должны погибнуть, — мы погибнемъ съ честью, на самой бреши. Таково мое чувство вотъ уже пять лѣтъ, такимъ оно останется всю мою жизнь; я желалъ бы передать этотъ взглядъ повсюду и всѣмъ; пока же исполнимъ нашъ долгъ.

«Австрійскій императоръ желаетъ, чтобы арміи поставлены были подъ ваше начальство; я, конечно, не отказалъ, такъ какъ это есть знакъ лестнаго довѣрія и служитъ ручательствомъ въ его намѣреніяхъ. Я совершенно доволенъ чувствами нашихъ военныхъ; всѣ готовы и въ восхищеніи, что идутъ въ походъ, а я молю Бога, чтобы въ этомъ не было надобности. Константинъ не хочетъ итти, какъ главнокомандующій; онъ проситъ быть поставленнымъ подъ чье мнѣ угодно начальство» [389].

Въ такомъ же духѣ писалъ нѣсколько позже графъ Чернышевъ тому же фельдмаршалу; по его мнѣнію:

«Хотя и есть еще люди, достаточно слѣпые для того, чтобы вѣрить въ возможность отстраненія грозы посредствомъ конференцій и переговоровъ, но въ настоящее время идетъ уже вопросъ о существованіи, о борьбѣ на жизнь и смерть между законными правительствами и демагогіею, во всемъ, что послѣдняя можетъ представить наиболѣе отвратительнаго и наиболѣе цинническаго; настало уже время поставить твердую преграду этому ужасному разврату, который въ одинъ годъ, а, можетъ быть, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ охватитъ значительную часть Европы, и гдѣ тогда найдутся средства для его обузданія? Если бы лондонскій, берлинскій и вѣнскій кабинеты мыслили о семъ такъ же, какъ нашъ возлюбленный повелитель, который съ перваго же раза не поколебался оцѣнить, какъ слѣдуетъ, послѣдствія всѣхъ этихъ грустныхъ событій, то зло давно уже было бы подрѣзано въ самомъ корнѣ» [390].

Переходя затѣмъ къ подробностямъ относительно хода вооруженій въ Россіи, графъ Чернышевъ сообщалъ фельдмаршалу, что мѣстомъ сосредоточенія войскъ избрано королевство Польское, при чемъ, независимо отъ другихъ соображеній, имѣлось также въ виду доставить экономію для государственной казны, такъ какъ содержаніе вводимыхъ въ него войскъ императоръ Николай полагалъ возложить на польское правитель-

Библиотека "Руниверс"

ство, въ зачетъ уплаты должныхъ имъ нашему казначейству болѣе тридцати милліоновъ. Начальникомъ штаба дѣйствующей арміи государь избралъ графа Толя.

Нѣсколько иначе разсуждалъ въ то время графъ Нессельроде; онъ сообщалъ Дибичу менѣе утѣшительныя вѣсти и находилъ, что спасеніе не въ войнѣ, а въ Лондонской конференціи [391].

«Я провелъ утро въ засѣданіи весьма грустнаго комитета,—пишетъ вице-канцлеръ,—гдѣ Канкринъ развернулъ передъ нами картину бѣдности нашихъ финансовъ. Не вполнѣ раздѣляя его мнѣніе относительно нашихъ невозможностей (nos impossibilités), я долженъ, однако, согласиться, что источники займовъ и нѣкоторыхъ другихъ чрезвычайныхъ средствъ совершенно изсякли. Безъ субсидій отъ Англіи, я не знаю, гдѣ мы почерпнемъ рессурсы для веденія войны, продолжительность которой никто не можетъ предвидѣть» [392].

Наконецъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ продолжалъ сообщать графу Дибичу откровенное изложеніе своихъ мыслей, совершенно расходившихся съ петербургскими воззрѣніями.

«При всѣхъ распоряженіяхъ моихъ,—пишетъ цесаревичъ 6-го (18-го) ноября,—я руководствуюсь осторожностію, чтобы излишнею торопливостію и несвоевременными мѣрами не повредить интересамъ нашего августѣйшаго, почтеннаго и достоуважаемаго союзника, короля прусскаго. Впрочемъ, какъ бы мудры ни были повелѣнія, приходящія ко мнѣ изъ Петербурга, въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, они для меня уже старая исторія, такъ какъ пятнадцатью днями ранѣе узнаю о событіяхъ. Итакъ, я ожидаю отъ васъ указаній, мой любезный фельдмаршалъ, и что до меня касается, признаюсь, что буду крайне сожалѣть о вашемъ отъѣздѣ изъ Берлина. Мнѣ будетъ казаться тогда, что я нахожусь между молотомъ и наковальней, положеніе очень ненадежное и весьма трудное. Причины, заставляющія меня все болѣе и болѣе держаться принятаго мною образа дѣйствій, основываются на доходящихъ до меня политическихъ извѣстіяхъ насчетъ мнѣній и поступковъ Англіи, въ коихъ я усматриваю лишь рознь и формальное отреченіе отъ единодушнаго согласія, которое должно руководить намѣреніями августѣйшихъ союзниковъ. Что же касается Франціи, то она, не отказываясь отъ логики и не впадая въ противорѣчіе, не можетъ въ чужихъ земляхъ проповѣдывать не тѣ принципы, что у себя дома, и потому она не можетъ открыто высказаться противъ революцій внѣ своихъ предѣловъ, если она сама дышитъ одною революціею. Впрочемъ, по моему слабому мнѣнію, ей слѣдовало бы предоставить рвать и раздирать себя на части (il faut la laisser se déchirer et s'entredéchirer à elle seule), но не скоро проходящими смутами и бунтами, а искусно возбужденною междоусобною войною (par une guerre civile bien fomenté); въ против-

Библиотека "Руниверс"

номъ случаѣ, европейская война противъ Франціи только бы соединила въ ней всѣ партіи, въ виду сохраненія неприкосновенности французской территоріи и обезпеченія ея отъ всякаго покушенія. Это не должно мѣшать намъ быть готовыми къ дѣйствію; но я говорилъ и всегда буду говорить, что слѣдуетъ поступать неторопливо, сохраняя спокойствіе и хладнокровіе. Вотъ вамъ, мой любезный фельдмаршалъ, моя исповѣдь во всей ея чистотѣ и полнотѣ; повергаю ее съ совершеннымъ довѣріемъ на ваше просвѣщенное воззрѣніе. Наконецъ, если я вынужденъ буду дѣйствовать вопреки моего мнѣнія, то исполню это съ тѣмъ послушаніемъ, которое вамъ извѣстно, сохраняя всегда мой взглядъ на вещи» [393].

Если цесаревичъ, при всемъ своемъ консерватизмѣ, не сочувствовалъ петербургскимъ мѣропріятіямъ и возвѣщенному крестовому походу, то легко себѣ представить, съ какими чувствами польское общество относилось къ направленію, принятому русской политикой. Польша не могла не сочувствовать іюльскому перевороту, армія же должна была опасаться похода, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціею во имя началъ священнаго союза. Хотя, повидимому, въ Варшавѣ царствовало спокойствіе, но тайныя общества продолжали тѣмъ съ большимъ стараніемъ свою разлагающую работу. Не было, впрочемъ, недостатка въ разныхъ зловѣщихъ признакахъ, указывавшихъ на приближеніе развязки, однако цесаревичъ продолжалъ утѣшать себя несбыточными надеждами. Еще 10-го (22-го) ноября 1830 года Константинъ Павловичъ нашелъ возможнымъ писать Ѳ. П. Опочинину: «Вы пишете насчетъ Бельгіи, что дѣла въ ней ни въ какомъ отношеніи не утѣшительны. Это — правда: совершенный хаосъ; одному Всевышнему извѣстно, чѣмъ всѣ эти мерзости кончатся. У насъ, слава Богу, доселѣ все смирно и по-старому, и надѣюсь на благость Его, что такъ и останется» [394]. Но Богъ разсудилъ иначе.

Графъ Дибичъ все еще выжидалъ въ Берлинѣ окончанія переговоровъ, когда они внезапно прервались довольно неожиданнымъ образомъ. 21-го ноября (3-го декабря) 1830 года фельдмаршалъ получилъ отъ графа Бернсторфа извѣщеніе о революціи, происшедшей въ Варшавѣ 17-го (29-го) ноября: польская армія, входившая въ составъ подготовлявшейся коалиціи, обратила оружіе противъ Россіи. Прусское министерство получило эти печальныя свѣдѣнія отъ своего варшавскаго консула Шмидта, и за обѣдомъ, къ которому приглашенъ былъ въ тотъ же день графъ Дибичъ въ Шарлотенбургѣ, король подтвердилъ фельдмаршалу справедливость сдѣланныхъ ему сообщеній. Разсказываютъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ Дибичу съ вопросомъ: «гдѣ же теперь 160.000 человѣкъ, обѣщанныя намъ Россіей?»

Дибичу оставалось только поспѣшить въ Петербургъ; извѣщая объ этомъ императора Николая, онъ писалъ: «Надѣюсь на милость съ вашей

Библиотека "Руниверс"

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Съ портрета принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу.

Библиотека "Руниверс"

Дворецъ въ Лазенкахъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

Библиотека "Руниверс"

стороны, государь, что вы разрѣшите мнѣ сражаться вмѣстѣ съ вашими храбрыми и вѣрными подданными противъ этихъ презрѣнныхъ мятежниковъ (ces misérables rebelles), чтобы строго наказать зачинщиковъ, которые своими ужасными происками и еще болѣе отвратительными принципами увлекли за собою массу народа, легко поддающуюся внушеніямъ, и молодежь, испорченную всѣмъ, что только невѣріе, тщеславіе и распущенность (l'irréligion, la vanité et la licence) представляютъ наиболѣе достойнаго порицанія». Все случившееся, присовокупилъ графъ Дибичъ, будутъ восхвалять, какъ славный подвигъ; польскій народъ искупитъ послѣдствія всеобщей испорченности; столь укоренившіеся пороки нельзя уничтожить иначе, какъ вырвавши ихъ съ корнемъ. (Le peuple Polonais subira les peines d'une corruption générale; on ne peut détruire des vices radicaux, qu'en les déracinant). Вотъ съ какими мыслями Забалканскій герой направился въ Петербургъ, воображая вмѣстѣ съ тѣмъ, что усмиреніе польскаго мятежа—дѣтская игра[395].

Когда графъ Дибичъ разстался наконецъ съ Берлиномъ, въ С.-Петербургѣ еще ничего не знали о кровавыхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою ночь 17-го (29-го) ноября. Только вечеромъ 25-го ноября (7-го декабря) 1830 года императоръ Николай получилъ отъ цесаревича донесеніе о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы. Оно не содержало въ себѣ никакихъ подробностей о совершившихся событіяхъ, но служило дополненіемъ къ донесенію, ранѣе отправленному, которое еще не прибыло въ С.-Петербургъ. Изъ полученнаго же донесенія государь узналъ только имена убитыхъ генераловъ и наименованіе войскъ, оставшихся вѣрными законному правительству. «Ce fut là la première nouvelle telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise»,—пишетъ императоръ Николай. Но это было не первое донесеніе цесаревича; онъ упоминалъ въ немъ о другомъ, которое государь получилъ только четырнадцать часовъ спустя[393].

На другой день, въ среду 26-го ноября (8-го декабря), назначенъ былъ разводъ отъ 3-го баталіона Преображенскаго полка. Государь, по обыкновенію, пріѣхалъ въ манежъ. Сначала все шло своимъ порядкомъ; даже слѣдовъ душевной тревоги не обнаруживалось на этомъ прекрасномъ лицѣ съ классически-правильнымъ профилемъ; оно сохраняло, какъ и всегда, свое величавое благородство. При концѣ развода императоръ Николай, выѣхавъ на средину манежа, подозвалъ къ себѣ офицеровъ и лично объявилъ имъ о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы, моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ»,—сказалъ государь. Единодушный взрывъ негодованія

Библиотека "Руниверс"

Дворецъ намѣстника въ Варшавѣ.

(Съ гравюры начала прошлаго столѣтія).

Библиотека "Руниверс"

охватилъ мгновенно всѣхъ присутствовавшихъ, раздался восторженный крикъ: ведп насъ противъ мятежниковъ; мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіп. Цѣловали у государя руки, ноги, одежду, при крикахъ «ура». Порывъ негодованія былъ такъ силенъ, что Николай Павловичъ счелъ необходимымъ умѣрить его и съ свойственнымъ ему величіемъ напомнилъ офицерамъ, его окружавшимъ, что не всѣ поляки нарушили клятву вѣрности, что должно карать зачинщиковъ мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти [397].

По возвращеніи съ развода во дворецъ, государь получилъ наконецъ запоздавшее первое донесеніе цесаревича, а на слѣдующій день 27-го ноября (9-го декабря) прибыло третье донесеніе. Оказалось, что цесаревичъ разрѣшилъ остававшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; взамѣнъ того явившіеся къ цесаревичу въ Вержбну депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ имперіи.

По мнѣнію Бенкендорфа, «это снисхожденіе поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ, по виду, дальнѣйшихъ указаній цесаревича».

«Да будетъ воля Господня,—писалъ императоръ Николай къ цесаревичу.—Мы трепещемъ за васъ, но если бы даже намъ пришлось погибнуть всѣмъ, мы спасемъ васъ; это — обѣтъ всецѣло преданнаго вамъ на жизнь и на смерть Николая. (Que la volonté de Dieu soit faite... Nous tremblons pour vous, mais dussions nous perir tous, nous vous sauverons, c'est le voeu de tout à vous pour la vie et la mort Nicolas»)[398].

Государь повелѣлъ генералъ-адъютанту барону Розену приступить немедленно къ сосредоточенію войскъ Литовскаго корпуса въ Брестѣ и Бѣлостокѣ и вести ихъ противъ мятежниковъ прямо на Варшаву, если онъ не получитъ особаго повелѣнія отъ цесаревича относительно дѣйствій подчиненныхъ ему войскъ. Генералъ-адъютанту графу Палену предписано было поддержать это движеніе войсками перваго корпуса. 28-го ноября (10-го декабря), приведенное нами распоряженіе было отчасти измѣнено, такъ какъ при ближайшемъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ признано было необходимымъ сосредоточить сперва достаточное число войскъ, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ мятежниковъ. Къ 1-му января императоръ Николай обѣщалъ ввести 100.000 человѣкъ въ Польшу. «Я исполню мой долгъ по отношенію къ отечеству и къ Польшѣ и заставлю уважать ихъ достоинство»,—присовокупилъ государь.

По достиженіи цесаревичемъ русской границы, онъ писалъ государю 1-го (13-го) декабря изъ Влодавы:

Библиотека "Руниверс"

«И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компаніею. Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ,

Князь Любецкій.

(Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга).

кто только владѣетъ хоть какимъ нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты, не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ

Библиотека "Руниверс"

словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благости Божіей, выйдетъ. Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться... Вотъ мы, русскіе, у границы, но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто... Я сокрушенъ сердцемъ; на 51½ году жизни и послѣ 35½ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ» [399].

«Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ противъ нея будутъ приняты понудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній» [400].

Съ каждымъ днемъ вѣроятность возможнаго соглашенія съ Польшею становилась все болѣе невозможною. Обѣ враждующія стороны готовились къ войнѣ. 5-го (17-го) декабря обнародовано было воззваніе императора Николая къ войскамъ и народу царства Польскаго, а 12-го (24-го) декабря манифестъ, въ которомъ выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Послѣ этой послѣдней примирительной попытки государь писалъ цесаревичу 8-го (20-го) декабря:

«Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня въ отношеніи поляковъ, и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня, я исполню въ отношеніи ихъ всѣ свои обязанности, до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу, и я не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь» [401].

Между тѣмъ въ Варшавѣ водворился диктаторомъ генералъ Хлопицкій, но и онъ не былъ въ силахъ спасти Польшу отъ разрыва съ Россіей. Въ Петербургъ посланы были два депутата для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ: выборъ палъ на министра финансовъ князя Любецкаго и члена сейма графа Езерскаго. Они должны были представить государю домогательства Польши и просить о возстановленіи королевства въ прежнихъ предѣлахъ. Императоръ Николай, желая отстранить всякую мысль, что имъ была допущена какая либо депутація отъ мятежниковъ, не принялъ ихъ вмѣстѣ. Князь Любецкій призванъ былъ къ государю въ качествѣ министра, а графъ Езерскій принятъ былъ, какъ путешественникъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го (31-го) декабря императоръ Николай представилъ слѣдующую картину происшедшаго тогда свиданія:

«Какъ только я былъ извѣщенъ о пріѣздѣ Любецкаго и Езерскаго, я отдалъ приказаніе не позволить имъ пододвинуться ближе Нарвы и черезъ Грабовскаго велѣлъ увѣдомить ихъ, что если они являются въ качествѣ депутатовъ правительства или власти, которыхъ я не могу признать, то они не могутъ быть допущены ко мнѣ, ни даже оставаться здѣсь. На это Любецкій отъ имени ихъ обоихъ написалъ отвѣтъ, который я приказалъ напечатать въ газетахъ, что онъ никогда не принялъ бы подобнаго порученія, и что онъ является въ качествѣ члена моего правительства для того, чтобы представить отчетъ о происшедшемъ, что г. Езерскій сопутствуетъ ему. Это было то, что требовалось и для меня самого, и для тѣхъ, кто здѣсь, и для тѣхъ, кто тамъ. Итакъ они пріѣхали; я собралъ у себя Михаила Волконскаго, Толстого, Нессельроде и Грабовскаго (которымъ я какъ нельзя болѣе доволенъ) и призвалъ Любецкаго одного... послѣ полуторачасового разговора я отпустилъ его. Въ тотъ же вечеръ я велѣлъ сказать черезъ Бенкендорфа Езерскому, путешественнику (voyageur), что я буду имѣть удовольствіе видѣть его у себя. Онъ привелъ его ко мнѣ; какъ только онъ вошелъ въ комнату, онъ бросился передо мною на колѣни, рыдая, какъ ребенокъ; я съ трудомъ успокоилъ его, и послѣ того какъ я обнялъ его, мы усѣлись всѣ трое, и я предложилъ ему разсказать все то, что онъ желалъ передать мнѣ. Онъ повторилъ мнѣ почти все то, что я уже зналъ отъ васъ, Гауке и Любецкаго. Все, что онъ высказалъ, было проникнуто самымъ лучшимъ духомъ. Когда онъ кончилъ, я попросилъ его на мгновеніе стать на мое мѣсто и сказать мнѣ, что̀ мнѣ слѣдовало бы сдѣлать. Онъ испустилъ громкое восклицаніе и сказалъ, что одинъ лишь Богъ можетъ вдохновить меня. Я спросилъ его, читалъ ли онъ воззваніе; онъ сказалъ мнѣ, что «да», и что оно хорошо для честныхъ людей, но что оно не прощаетъ виновныхъ, и что эти изверги (ces diables) нарочно замѣшали въ дѣло какъ можно болѣе лицъ, чтобы быть увѣренными, что ихъ не оставятъ и не предадутъ. Я отвѣтилъ ему, что гнѣваюсь только на убійцъ, что остальные должны быть увѣрены въ моемъ прощеніи. Я указалъ ему, что случаю угодно было, чтобы именно сегодня, 14-го декабря, баталіонъ, занимавшій у меня караулъ, былъ тотъ же самый гвардейскій экипажъ, который пять лѣтъ тому назадъ былъ противъ меня; что вслѣдствіе этого приведенный примѣръ доказываетъ, что я найду средство не только простить, но также дать войскамъ случай очистить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ нашелъ эту мысль очень хорошею, въ особенности, если для этого не будетъ избрана Азія; Азія или нѣтъ, сказалъ я, но нужно искать случай возстановить честь,—

Библиотека "Руниверс"

и онъ согласился, что это вѣрно. Тогда ему пришла мысль, чтобы я созвалъ сеймъ; я замѣтилъ ему на это, что я, безъ сомнѣнія, могъ бы сдѣлать это, но что они сами приняли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и что мнѣ уже не приличествуетъ мѣшаться въ это; но я предлагаю вамъ другое средство,—сказалъ я:—вы возвратитесь въ Варшаву, вы нунцій; устройте же такимъ образомъ, чтобы утвердили диктатора; сдѣлайте болѣе: если вы увѣрены въ большинствѣ вашихъ сотоварищей, предложите и даже потребуйте отъ диктатора, чтобы онъ покаралъ виновныхъ, то-есть, тѣхъ, которые убили своихъ начальниковъ и нарушили всѣ требованія дисциплины, вы мнѣ окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вамъ, роль палача отталкиваетъ меня, и я хочу пользоваться лишь своимъ правомъ миловать. Если вы дорожите тѣмъ, чтобы смыть съ себя пятно, марающее вашу армію, вашъ народъ, то вы очистите себя въ глазахъ вашего государя, вашего отечества и всей Европы. «Ну, такъ я сдѣлаю это»,—сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ. «И васъ повѣсятъ»,—отвѣчалъ я ему. «Все равно, я сдѣлаю это».

«Такимъ образомъ мы разстались очень довольные другъ другомъ. Два дня спустя, онъ, весь возбужденный, является къ Бенкендорфу и говоритъ ему: «Я нашелъ вѣрное средство устроить все».—«Что такое?»—«Пусть императоръ скажетъ: поляки! я недоволенъ вами! Вы обезчестили себя, но я предлагаю вамъ средство поправить все: сейчасъ же двиньтесь на Галицію и Познань—я даю вамъ ихъ!»—Бенкендорфъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и спросилъ его, не сошелъ ли онъ съ ума.—«Почему?»—было его отвѣтомъ. Тогда тотъ перечислилъ ему все, что заключалось въ подобной мысли безразсуднаго, и очарованіе исчезло; онъ согласился со всѣмъ. Однимъ словомъ, они всѣ болѣе или менѣе страдаютъ разсудкомъ (ils sont tous plus ou moins malades d'esprit). Я не умѣю объяснить этого иначе»[402].

По возвращеніи графа Дибича изъ Берлина, фельдмаршалъ, какъ и и слѣдовало ожидать, назначенъ былъ, указомъ 1-го (13-го) декабря 1830 года, главнокомандующимъ дѣйствующей арміи[403], сосредоточивавшейся противъ польскихъ мятежниковъ; мѣсто начальника штаба арміи занялъ генералъ-адъютантъ графъ Толь, а генералъ-квартирмейстера генералъ-адъютантъ Нейдгартъ. Послѣ необходимыхъ совѣщаній и распоряженій фельдмаршалъ не замедлилъ своимъ отъѣздомъ; 28-го декабря 1830 года (9-го января 1831 года) онъ находился уже въ Гроднѣ.

Графъ Дибичъ, разставаясь съ Петербургомъ, находился въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ своему шурину, барону Тизенгаузену: «Признаюсь тебѣ, что въ предстоящемъ мнѣ жребіи непонятная тягость подавляетъ мой духъ непреоборимою силою, и темное

Библиотека "Руниверс"

предчувствіе, что этотъ походъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, преслѣдуетъ меня повсюду, ибо неудачи я не переживу столь же мало, какъ пораженія на полѣ битвы. Для меня смерть въ пылу сраженія предпочтительнѣе, чѣмъ избавленіе отъ опасности съ потерею пріобрѣ-

Польское возстаніе 1830 года.
Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ.
(Съ акварели Дитриха).

тенной славы. Но не это обстоятельство угнетаетъ меня темнымъ чувствомъ какой-то неизъяснимой боли; я предвижу, что кинжалъ измѣны или ядъ злодѣя прекратитъ дни мои, потому что война противъ крамолы, противъ фанатизма и отчаянія, восторженнаго ослѣпленія освя-

Библиотека "Руниверс"

щаетъ каждое средство, чтобы избавиться отъ врага. Я, можетъ быть, объясняюсь слишкомъ легко и съ положительной увѣренностію въ полномъ успѣхѣ предполагаемаго похода, считая предстоящія намъ затрудненія маловажнѣе, нежели я самъ ихъ признаю, чтобы противнымъ объясненіемъ не произвести уныпія въ окружающихъ меня помощникахъ и военныхъ товарищахъ, но тебѣ признаюсь, что я разсчитываю эти затрудненія въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ я ихъ оцѣниваю въ разговорахъ, и потому я долженъ дѣйствовать быстро, безъ малѣйшей потери времени, чтобы лишить бунтовщиковъ возможности сосредоточиться и развить всѣ свои средства къ защитѣ и къ нападеніямъ. Сколько я здѣсь, въ Петербургѣ, въ состояніи окинуть политическій горизонтъ моихъ завистниковъ, стало быть, моихъ противниковъ, я опасаюсь, что они соединенными силами постараются замедлить всѣ вспомогательныя средства къ быстрому началу похода, — средства, въ которыхъ армія безъ резерва, безъ заготовленнаго продовольствія чрезвычайно нуждается. Я предвижу, что, кромѣ открытаго врага въ сраженіяхъ, я оставляю за собою въ тылу легіонъ непріятелей»[404].

Независимо отъ мрачныхъ предчувствій, которыя, по собственному признанію графа Дибича, «никогда въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и въ такихъ мрачныхъ откликахъ не представлялись его воображенію», самое здоровье фельдмаршала сильно пошатнулось послѣ турецкаго похода. Нельзя также не указать на послѣдствія того нравственнаго потрясенія, которое испыталъ графъ Дибичъ, когда во время пребыванія съ арміею въ Бургасѣ, въ 1830 году, онъ лишился горячо любимой супруги, внезапно скончавшейся въ Петербургѣ[405]. Принимая всѣ приведенныя здѣсь обстоятельства во вниманіе, можно было дѣйствительно опасаться за благополучный исходъ новой кампаніи, предстоявшей Забалканскому герою,—кампаніи, отъ которой, по мѣткому выраженію императора Николая, зависѣло «политическое бытіе Россіи (l'existence politique de la Russie)». До Монмартра, о занятіи котораго мечталъ Дибичъ въ Берлинѣ, было теперь далеко; приходилось довольствоваться Варшавой, да и въ нее не суждено было ему вступить. Подобно обѣтованной землѣ, фельдмаршалъ увидѣлъ ее только издали.

За нѣсколько дней до новаго года, императоръ Николай, окончательно убѣжденный въ неизбѣжности вооруженнаго столкновенія съ мятежною Польшею, писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Твердо помните, что я исчерпалъ всѣ средства, чтобы вернуть этихъ безразсудныхъ на путь разума; сдѣлать большее превосходитъ мое пониманіе (dépasse ma conception), такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ честью лица, которое я представляю, и съ честью имперіи, недостойнымъ образомъ оскорбленной; такимъ образомъ насъ заставитъ сражаться не месть, а необходимость[406].

Библиотека "Руниверс"

Насколько глубоко было впечатлѣніе, произведенное на императора Николая событіями, ознаменовавшими собою исходъ 1830 года, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ цесаревичу:

«Желая приготовиться ко всему, я предложилъ женѣ отговѣть вмѣстѣ, не зная, будетъ ли Богу угодно позволить намъ быть вмѣстѣ въ такое время, когда мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать это; по крайней мѣрѣ, мы причастимся, и я прошу у васъ обоихъ прощенія и вашего благословенія; да сподобитъ меня таинство, къ которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствіе духа, въ которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе нуждаюсь, и которыя я тщетно искалъ бы гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ тамъ, откуда истекаетъ милосердіе и сила» [407].

Смутныя времена, наступившія въ 1830 году, нашли себѣ тотчасъ отголосокъ среди помѣщичьихъ крестьянъ и вызвали разные толки. Доказательствомъ тому можетъ служить секретный циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника Энгеля, къ губернаторамъ, отъ 22-го декабря 1830 года (3-го января 1831 года).

«Г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, — пишетъ Энгель,—что до свѣдѣнія государя императора доходили неоднократно нелѣпые толки, распространяемые въ губерніяхъ неблагонамѣренными, или, вѣроятнѣе, глупыми людьми, о переходѣ крестьянъ изъ владѣнія помѣщиковъ въ казну, и тому подобные; что таковые толки тѣмъ болѣе требуютъ вниманія, что, распространяясь въ мѣстахъ, подверженныхъ холерѣ, они еще болѣе возмущаютъ легковѣрныхъ и тревожатъ малодушныхъ, и что его императорское величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: обратить особенное вниманіе на сіе обстоятельство и предписать циркулярно г.г. предводителямъ дворянства, чтобы они старались благоразумными и скромными мѣрами открывать источники таковыхъ толковъ и по долгу своего званія сколь можно содѣйствовать къ прекращенію ихъ въ самомъ началѣ».

Толки среди крестьянъ замѣчены были, впрочемъ, уже ранѣе, еще до возникновенія польскаго мятежа, какъ видно изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Закревскаго, къ губернаторамъ отъ 4-го (16-го) мая 1830 года слѣдующаго содержанія:

«До свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, что съ нѣкотораго времени люди неблагонамѣренные или развратные начали, подобно прочимъ прежнимъ примѣрамъ, разсѣвать слухи о намѣреніи правительства дать крестьянамъ свободу. Хотя ваше превосходительство въ высочайшемъ манифестѣ, 12-го мая 1826 года изданномъ и 13-го того же мѣсяца отъ правительствующаго сената распубликованномъ, имѣете уже полное руководство къ дѣйствіямъ вашимъ по предмету сему; однакожъ его величеству угодно было высочайше повелѣть мнѣ

Библиотека "Руниверс"

поставить вамъ снова въ непремѣнную обязанность преслѣдовать строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ, кои подобные ложные слухи распространять будутъ, принимая вмѣстѣ и самыя дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію и малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ ихъ. Его величество, пребывая въ непреложныхъ правилахъ о сохраненіи тѣхъ отношеній, въ коихъ крестьяне находятся къ помѣщикамъ ихъ, поставляетъ въ особенную обязанность вашего превосходительства опровергать всѣ толки, сему не сообразные».

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Наступилъ 1831-й годъ, — годъ страшнаго расчета между Россіею и Польшею, наложившаго свою роковую печать на правительственныя мѣропріятія послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго двадцатипятилѣтія.

Несмотря на всѣ недавнія личныя огорченія, испытанныя цесаревичемъ въ Польшѣ, незлобіе и доброе сердце его имѣли случай выказаться еще разъ въ полномъ блескѣ въ самомъ началѣ года. Посылая императору Николаю въ письмѣ изъ Бржестовицы, отъ 1-го (13-го) января 1831 года, свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, Константинъ Павловичъ прибавилъ:

«Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата. Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ — это мольба брата, имѣвшаго несчастіе изъ послушанія посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны. Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Затѣмъ цесаревичъ выразилъ желаніе остаться при своемъ гвардейскомъ отрядѣ, выведенномъ имъ изъ Варшавы. «Потерпите, чтобы я остался съ нимъ,—писалъ Константинъ Павловичъ,— ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрѣшите мнѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершеннымъ ничто (que je devienne absolument

Библиотека "Руниверс"

nul), чѣмъ, — я чувствую это все болѣе и болѣе, — я являюсь въ дѣйствительности»[408].

Почти одновременно императоръ Николай писалъ цесаревичу 3-го (15-го) января:

«Трудно прозрѣть будущее, но, соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣшивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого. Кто изъ двухъ долженъ погибнуть, — такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо, — Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе; средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать»[409]?

Вскорѣ въ Варшавѣ принято было рѣшеніе, довершившее разрывъ Польши съ Россіею. 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ сами поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство Россіи съ Польшею стало неизбѣжнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ, 25-го января (6-го февраля), манифестомъ, въ которомъ было сказано:

«13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но съ спокойною твердостію царя, исполняющаго священный долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы свои съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ онъ оружіе наше для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранитъ скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ

Библиотека "Руниверс"

Гельмгутъ, генералъ польской арміи.

(Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга).

Библиотека "Руниверс"

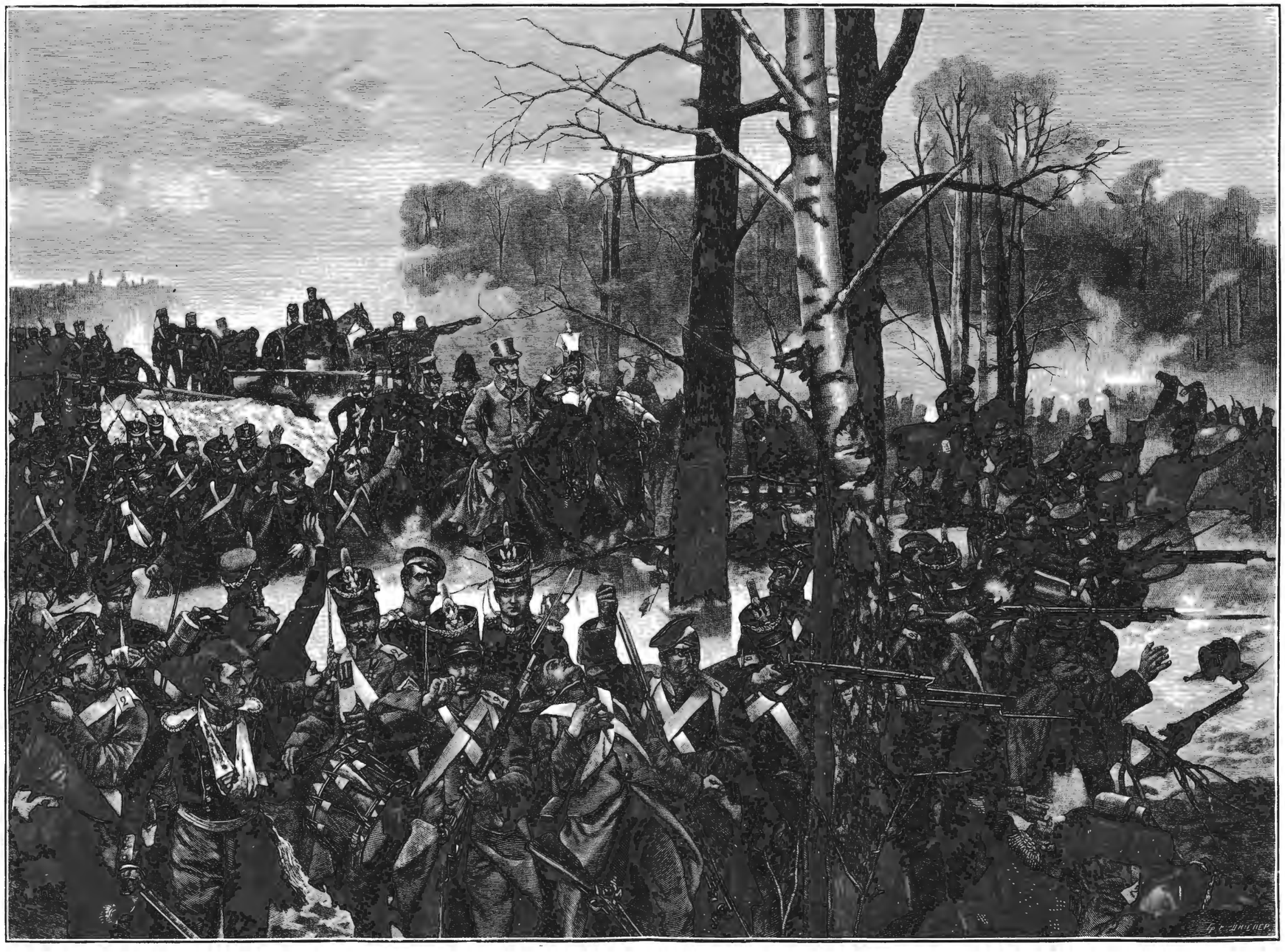
съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

Въ день изданія манифеста главныя силы русской арміи перешли границы имперіи и вступили въ царство Польское, а 13-го (25-го) февраля послѣдовалъ рѣшительный бой передъ Прагою при Гроховѣ, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерею до 12.000 человѣкъ. Съ нашей стороны потери были также весьма велики и состояли изъ 9.400 человѣкъ.

Около пяти часовъ вечера графъ Дибичъ послѣ нѣкотораго колебанія прекратилъ бой и приказалъ войскамъ стать биваками въ одной верстѣ отъ Праги. Рѣшеніе, внезапно принятое фельдмаршаломъ, лишило его плодовъ одержанной побѣды и возможности окончить кампанію однимъ рѣшительнымъ ударомъ. А между тѣмъ дѣла противника находились не въ блистательномъ положеніи. Во время сраженія Хлопицкій былъ тяжело раненъ; удаленіе его съ поля битвы лишило польскую армію общаго управленія. Номинальный главнокомандующій, Радзивиллъ, совершенно растерялся, шепталъ про себя молитвы, а на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія; малодушный Шембекъ плакалъ; Уминскій ссорился съ Круковецкимъ, и изъ старшихъ строевыхъ начальниковъ одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и обнаружилъ распорядительность, содѣйствовавшую поддержанію нѣкотораго порядка въ потрясенной арміи [410]. Когда же послѣ нашей кавалерійской атаки среди поляковъ распространилась паника, она отразилась и на Радзивиллѣ, который ускакалъ со свитой въ Варшаву.

«Если бы Дибичъ зналъ, въ какомъ состояніи находилась польская армія,— пишетъ генералъ Пузыревскій,—то едва ли бы пріостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище. Радзивиллъ до того растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ; только впослѣдствіи онъ отмѣнилъ это приказаніе, вернувшись и самъ въ Прагу, чтобы озаботиться отступленіемъ арміи за Вислу; Скржинецкій долженъ былъ прикрывать эту опасную операцію, которая началась въ 6 часовъ вечера; сначала должны были переправиться обозы, затѣмъ кавалерія, наконецъ пѣхота. При этомъ случаѣ обнаружилась главная невыгода Гроховской позиціи, т.-е. что въ тылу ея было дефиле — единственный мостъ чрезъ Вислу. Потрясенныя части собрались къ нему въ безпорядкѣ; пѣхота, кавалерія, артиллерія, обозы — все это торопилось переправиться поскорѣе, мѣшало одно другому. Около полуночи переправа окончилась. Радзивиллъ поручилъ защиту тетдепона бригадѣ Малаховскаго, а самъ возвратился въ Варшаву.

Библиотека "Руниверс"



СРАЖЕНІЕ ПРИ ГРОХОВѢ ВЪ 1831 ГОДУ.

Съ польской литографіи того времени.

Библиотека "Руниверс"

«Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были устрашены постепеннымъ приближеніемъ гула канонады; множество приносимыхъ съ поля сраженія раненыхъ, разсказы бѣглецовъ—

Польское возстаніе 1830 года.
Медовая улица 17-го ноября 1830 года.
(Съ акватинты Дитриха).

все это повергло ихъ въ ужасъ и смятеніе, національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ; не много нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству; но когда гроза притихла,—всѣ постепенно успокоились, и настроеніе быстро измѣнилось» [41].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Спрашивается: въ чемъ заключалась таинственная причина ранняго прекращенія боя? Почему графъ Дибичъ отказался отъ немедленнаго штурма Праги и на плечахъ непріятеля не овладѣлъ мостомъ, представлявшимъ собою единственный путь отступленія для разбитаго непріятеля, или же не выставилъ на берегу многочисленную артиллерію съ угрозой бомбардировать мятежную столицу? Для объясненія столь страннаго образа дѣйствій фельдмаршала приводятъ разныя причины: графомъ Дибичемъ руководилъ будто ложный расчетъ, на основаніи котораго онъ полагалъ, что послѣ разгрома польской арміи Варшава покорится безъ новаго кровопролитія. Другіе утверждаютъ, что прекращеніе боя послѣдовало по настоятельному совѣту графа Толя.

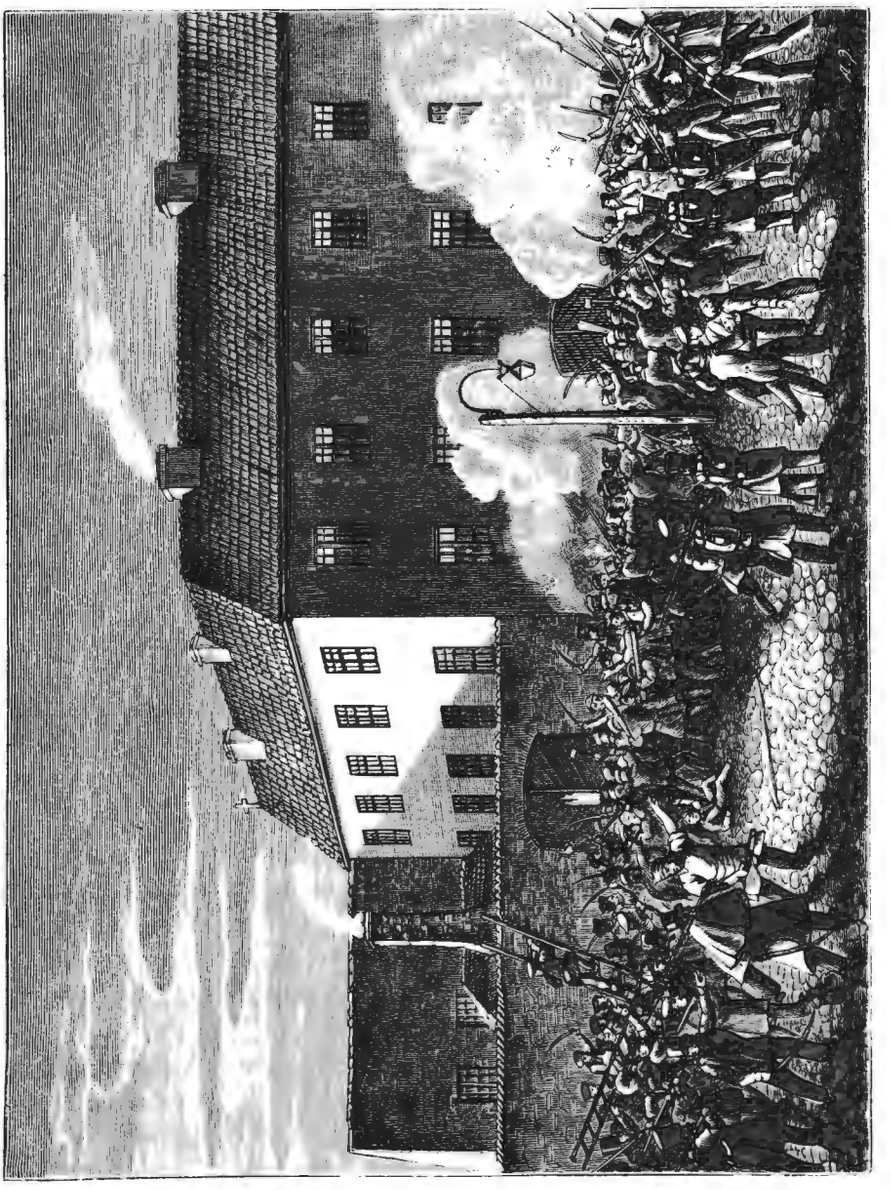
Бенкендорфъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа Дибича неумѣстнымъ совѣтамъ цесаревича Константина Павловича и пишетъ:

«Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителю ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть пражскими укрѣпленіями, Варшава была бы наша, и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную и кровавую войну. Съ этого времени, убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ всю энергію и то, можетъ быть, преувеличенное довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на пражскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ, но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову:

«Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россіею. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образо-

Библиотека "Руниверс"

вались его связи, и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки,—видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если



Польское возстаніе 1830 года.
Взятіе инсургентами тюрьмы въ Варшавѣ.
(Съ акватинты Дитриха).

точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и уничиженіи, не переставшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы» [412].

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Въ письмѣ къ императору Николаю, посланномъ графомъ Дибичемъ на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, главнокомандующій ничего не упоминаетъ о данномъ ему совѣтѣ и объясняетъ прекращеніе боя слѣдующимъ образомъ:

«Вся линія войскъ подвинулась впередъ, и такъ какъ Грохово оказывалось занятымъ, то поляки бѣжали въ безпорядкѣ и оставили поле сраженія, покрытое трупами и усѣянное ружьями, киверами и даже косами. По приближеніи князя Шаховского, я построилъ его баталіоны въ колонны къ атакѣ; въ это время его артиллерія подбивала послѣднія полевыя батареи поляковъ. Пѣхота, кавалерія—все искало спасанія въ бѣгствѣ. Но такъ какъ наступилъ вечеръ, то я не могъ штурмовать само предмѣстье, еще вооруженное многочисленною артиллеріею. Я приказалъ прекратить огонь (j'ai fait cesser le feu); мятежники отступили къ Прагѣ, гдѣ расположились подъ прикрытіемъ орудій этого укрѣпленія; тамъ они не могли держаться и ночью очистили это предмѣстье» [413].

Предмостное укрѣпленіе продолжало держаться и, по мнѣнію графа Дибича, занято было на другой день послѣ Гроховской битвы четырьмя или пятью баталіонами.

Что же касается цесаревича Константина Павловича, то онъ писалъ государю 14-го (26-го) февраля: «Если бы всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другого раза. Если бы князь Шаховской прибылъ на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но, — не понимаю, — произошло колебаніе. Впрочемъ поговорка говоритъ: que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles» [414].

Получивъ донесеніе о Гроховской побѣдѣ и достигнутыхъ ею отрицательныхъ результатахъ, императоръ Николай высказалъ фельдмаршалу свое неудовольствіе, справедливо замѣтивъ: «Почти невѣроятно, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти свою артиллерію и перейти Вислу по одному мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть своей артиллеріи, и что произойдетъ вторая Березинская переправа [415]... Итакъ, потеря 8.000 человѣкъ, и никакого результата, развѣ только тотъ, что непріятель потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей. Это очень, очень прискорбно! Но да будетъ воля Божія!» [416].

Но, какъ бы то ни было, графъ Дибичъ не сумѣлъ воспользоваться психологическимъ моментомъ и потому несетъ передъ потомствомъ отвѣтственность за недовершеніе побѣды подъ Гроховомъ, а вслѣдствіе сего за семимѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго [417]. Поляки опомнились во-время; князь Радзивиллъ отказался отъ званія главнокомандующаго, и вмѣсто него избранъ былъ Скржинецкій, который немед-

Библиотека "Руниверс"

Графъ Гауке, военный министръ царства Польскаго

(Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга).

Библиотека "Руниверс"

ленно принялся за реорганизацію арміи. Измѣнившаяся обстановка препятствовала графу Дибичу исправить ошибку, сдѣланную 13-го февраля; а затѣмъ предстоявшее вскрытіе Вислы не позволяло и думать о переправѣ на лѣвый берегъ. Оставалось только расположить армію по квартирамъ. Съ этого времени для злополучнаго фельдмаршала начался періодъ колебаній, дѣйствій ощупью и нелѣпыхъ предначертаній, между тѣмъ какъ инціатива дѣйствій всецѣло перешла на сторону поляковъ, которые воспользовались ею не безъ успѣха. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Ѳ. П. Опочинину 13-го (25-го) марта изъ Бѣлостока: «Военныя наши дѣйствія не заключаютъ, какъ ихъ ни разсказывай, доселѣ ничего рѣшительнаго, и, по моему глупому смыслу, поляки имѣютъ доселѣ l'initiative дѣйствій надъ нами. У насъ войска на бумагѣ бездна и, какъ говорится, чортова пропасть, а на дѣлѣ взять—вездѣ такой некомплектъ, что ей-ей страшно». По мнѣнію Дениса Давыдова: «Дибичъ былъ человѣкъ умный, это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая нибудь войнишка, съ какимъ нибудь Гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ ли онъ могъ управиться даже съ королемъ Саксонскимъ. Мантія полководца была не по росту Дибичу». Скржинецкій и его сотрудники олицетворили собою образъ того фантастическаго саксонскаго короля, созданнаго воображеніемъ Давыдова, который долженъ былъ низвести Забалканскаго героя на степень прежняго ничтожества. Въ этой печальной истинѣ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться постепенно императору Николаю, и къ тому же въ войнѣ, отъ которой, по мѣткому выраженію государя, зависѣло «политическое бытіе Россіи».

Николай Павловичъ высказалъ эту мысль въ письмѣ отъ 2-го (14-го) апрѣля, сопровождая ее слѣдующими разсужденіями:

«Да будетъ воля Божія! Я ей покоряюсь; однако мнѣ да позволено будетъ выразить вамъ мое изумленіе и мою скорбь, что въ теченіе всей этой несчастной войны вы извѣщаете меня больше о пораженіяхъ, чѣмъ о счастливыхъ дѣлахъ, что, имѣя, согласно вашему рапорту, 189.000 человѣкъ подъ ружьемъ, мы ничего не предпринимаемъ противъ приблизительно 80.000 человѣкъ, и что непріятель встрѣчаетъ насъ повсюду, по меньшей мѣрѣ, въ равномъ числѣ, мы же почти всегда дѣйствуемъ малыми и недостаточными силами... Безпокойство мое не поддается описанію, потому что во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ я не вижу ничего могущаго обѣщать успѣхъ и наконецъ обезпечить за вами исходъ кампаніи, такъ какъ я не усматриваю въ вашихъ собственныхъ мысляхъ ничего опредѣленнаго (je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées)... Не удивляйтесь поэтому, что я удрученъ оборотомъ, который приняла правая война, начатая съ огромными средствами и,

Библиотека "Руниверс"

скажемъ прямо, отъ которой зависитъ политическое бытіе Россіи,— все это держится вашей головою! Что же я могу сдѣлать на такомъ разстояніи другого, какъ не скорбѣть послѣ совершившагося факта и не проповѣдывать постоянно одного и того же? Докажите мнѣ, что я ошибаюсь, и я буду счастливъ этимъ; но я не брежу, я говорю на основаніи фактовъ... Не обижайтесь сказаннымъ мною: оно приличествуетъ тому, который одинъ имѣетъ право говорить вамъ правду, и который васъ искренно любитъ, хотя и не всегда одобряетъ ваши измѣнчивыя рѣшенія (vos déterminations trop peu stables). Да вдохновитъ васъ Богъ»[418].

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ письмахъ императоръ Николай писалъ Дибичу:

«Суворовъ умѣлъ бить поляковъ съ малымъ числомъ людей»[419]. «Я не отчаиваюсь и не буду ни въ чемъ отчаиваться. Русскіе не могутъ быть постоянно побѣждаемы поляками; въ томъ порукою вѣка. Богъ поможетъ намъ снова сіе доказать. Итакъ мужество, твердость; обладайте ею сами и вселите ее въ души тѣхъ, которые могли бы колебаться, съ нами Богъ, и все можетъ еще поправиться»[420]. «Правду сказать, я не знаю болѣе ни того, что вы дѣлаете, ни того, что происходитъ въ васъ, и готовъ поспорить, что этого не пойметъ кто бы то ни было.... Ваша постоянная нерѣшительность, марши и контръ-марши могутъ только истощать и убивать армію; она должна потерять всякое довѣріе къ своему вождю, когда она не видитъ другого результата своихъ безполезныхъ усилій, какъ нужду и смерть!... Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смѣлымъ и блестящимъ подвигомъ доказать Европѣ, что русская армія неизмѣнно та же, какою дважды она была въ Парижѣ. Плачевное воздѣйствіе этой несчастной кампаніи на нашихъ враговъ и на нашихъ друзей—хуже, чѣмъ можно представить себѣ это. Все можетъ быть исправлено, если въ концѣ концовъ вы снова станете тѣмъ, чѣмъ вы были. Постоянство, сила и непоколебимая твердость и поболѣе дѣятельности и порядка, съ Божіей помощью, снова приведутъ насъ къ днямъ славы. Русскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я не можемъ понять, чтобы его армію нельзя было вести къ побѣдѣ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы повести русскихъ сражаться съ поляками. Нужно снова доказать ему это, и съ Божіею помощью мы достигнемъ этого»[421]. «Я ничего не понимаю ни во всемъ томъ, что происходитъ, ни въ вашихъ намѣреніяхъ, и съ покорностью волѣ Божіей ожидаю того, что Ему въ Его милосердіи будетъ угодно сотворить изъ всего этого. Вѣдь это въ первый разъ, что русская армія въ составѣ, по словамъ вашего же собственнаго рапорта, 189.000 человѣкъ оказывается въ оборонительномъ положеніи противъ мятежниковъ численностью отъ 40.000 до 50.000 человѣкъ. Суворовъ, располагая вдвое меньшими силами, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

у непріятеля, умѣлъ побѣждать его, потому что онъ умѣлъ внушать русскому солдату, что онъ долженъ постоянно побѣждать двухъ непріятелей; я опасаюсь, чтобы вскорѣ армія не утратила этого преданія и не увѣровала бы въ противное». «Tout cela est pitoyable», прибавилъ государь [422].

Приведенныя здѣсь выписки изъ писемъ императора Николая въ достаточной мѣрѣ выясняютъ плачевное положеніе дѣлъ въ дѣйствующей арміи въ 1831 году и отношеніе къ нимъ государя. Затруднительность нашего положенія усиливалась еще появленіемъ въ рядахъ нашей арміи холеры и возстаніемъ въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, затруднявшихъ сообщеніе съ арміею и самое продовольствованіе ея. Пришлось организовать резервную армію, начальство надъ которой ввѣрено было графу П. А. Толстому. Наконецъ графъ Дибичъ пришелъ къ печальному заключенію, что русская армія не въ силахъ побороть польскую революцію, и что для сего потребуется содѣйствіе народнаго ополченія [423]. Всѣ эти обстоятельства побудили императора Николая 5-го (17-го) апрѣля вызвать изъ Тифлиса фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

II.

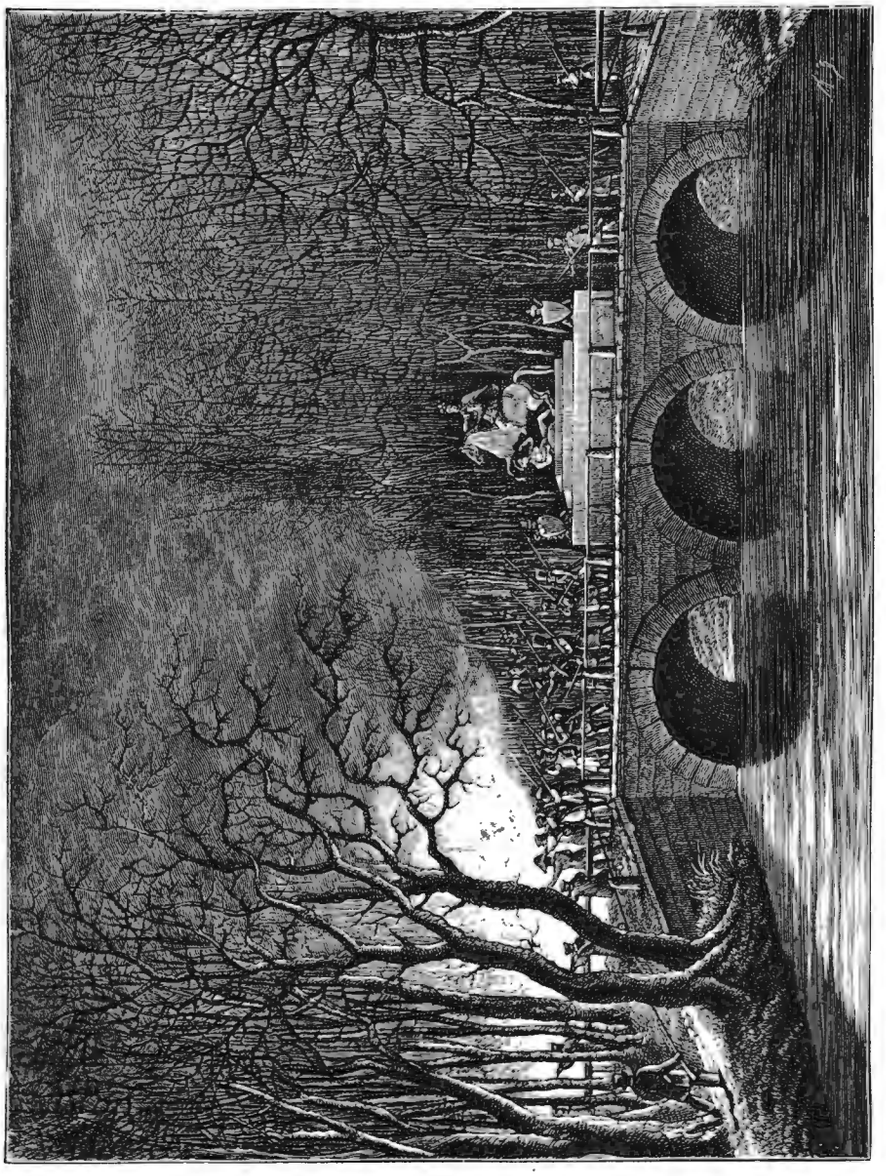
Когда дѣйствующая армія перешла границу царства Польскаго, и началась междоусобная война, императоръ Николай задалъ себѣ вопросъ, что же слѣдуетъ дѣлать послѣ вторичнаго покоренія возставшей страны и какимъ образомъ удовлетворить интересы Россіи въ этомъ сложномъ политическомъ дѣлѣ. Первоначальныя мысли свои по этому вопросу государь изложилъ въ собственноручной запискѣ, въ которой подъ впечатлѣніемъ огорченія, вызваннаго недавними событіями, онъ пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ обнаружилась столь очевиднымъ образомъ. Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, государь остановился на мысли новаго раздѣла Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею.

Приведемъ здѣсь содержаніе записки императора Николая.

«Польша постоянно была соперницей и самымъ непримиримымъ врагомъ Россіи,—пишетъ государь.—Это наглядно вытекаетъ изъ событій, приведшихъ къ нашествію 1812 года, и во время этой кампаніи опять таки поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всего злодѣйствъ изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россіею. Но Богъ благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это—неоспоримый фактъ. Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по

Библиотека "Руниверс"

праву завоеванія. Императоръ Александръ полагалъ, что онъ обезпечитъ интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть имперіи, но съ титуломъ королевства, особою администраціею и собственною арміею. Онъ даровалъ ей конституцію, установившую ея будущее устройство, и



Польское возстаніе 1830 года.
Мостъ Собіескаго въ Лазенкахъ.
(Съ акватинты Дитриха).

заплатилъ такимъ образомъ добровольнымъ благодѣяніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местью чудной души (c'était la vengeance d'une belle âme). Но цѣль императора Александра была ли достигнута?

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Я сказалъ выше, что главная цѣль заключалась въ обезпеченіи интересовъ Россіи путемъ возсозданія Польши, счастливой и процвѣтающей подъ покровительствомъ и благодаря связи съ Россіею. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная безпрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени достигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но послужили еще для образованія наличнаго фонда казначейства, пригодившагося въ теченіе почти года для покрытія всѣхъ нуждъ настоящей борьбы. Наконецъ, армія, созданная по образцу арміи имперіи, снабженная всѣмъ и богато надѣленная запасами въ арсеналахъ, безъ всякаго обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100.000 человѣкъ. Что же хорошаго вышло изъ этого для имперіи? Огромныя жертвы, хотя и не выдѣленныя особо изъ того, что было сдѣлано въ 1813 и 1814 годахъ, были принесены для осуществленія завоеванія ея; другія столь же значительныя жертвы были принесены въ послѣдующія 15 лѣтъ частью для содержанія и снаряженія арміи, частью для вооруженія крѣпостей и обременительнаго содержанія ядра войскъ, служившихъ ей инструкторами.

«Имперія въ ущербъ своей собственной промышленности была наводнена польскими произведеніями; однимъ словомъ, имперія несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи, видя, какъ ихъ соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда либо стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества имперіи. Поэтому оказалось, что при первой же искрѣ эти провинціи готовы были возстать и, какъ слѣдствіе этого, самымъ пагубнымъ образомъ повліять на дѣйствія арміи. Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными идеями, почти неосуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно невозможнаго въ имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смутъ эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что со-

Библиотека "Руниверс"

ставляло силу имперіи, то-есть убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ. То, что было ложно въ основаніи, не могло продержаться долго. При первомъ же толчкѣ зданіе рухнуло; такъ какъ

Польское возстаніе 1830 года.
Бельведеръ 17-го ноября 1830 года.
(Съ акватинты Дитриха).

интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, то отсюда проявилось разногласіе въ воззрѣніяхъ на жизненный вопросъ, какимъ образомъ разсматривать и судить преступленія противъ безопасности государства и особы государя. То, что признавалось и наказывалось, какъ

Библиотека "Руниверс"

преступленіе въ имперіи, было оправдано и даже нашло защитниковъ въ королевствѣ. Вслѣдствіе всего этого создались непреодолимыя затрудненія, настроеніе умовъ обострилось, поляки укрѣпились въ своемъ намѣреніи избавиться отъ русскаго владычества и наконецъ довели дѣло до катастрофы 1830 года.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства примиренія, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россіи, были снова испробованы, но напрасно. Присяга была повсюду нарушена, измѣна сдѣлалась общею, и всякая возможность соглашенія исчезла. Тогда-то были двинуты русскія войска. Они шли, чтобы отомстить за свою народную честь, оскорбленную самою черною неблагодарностію въ томъ, что она представляетъ наиболѣе священнаго. Всевозможныя неслыханныя жертвы приносятъ ежедневно для этой цѣли. Но, когда она будетъ достигнута, и вопросъ будетъ рѣшенъ силою оружія, въ чемъ же будетъ заключаться результатъ, къ которому нужно будетъ стремиться? Или, лучше сказать, въ чемъ будетъ заключаться при этихъ обстоятельствахъ истинная польза Россіи?

«Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ Польшѣ, очевидно, доказываетъ, что прошла пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его невозможнымъ, и на будущее время во всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся Польши, все должно быть подчинено истиннымъ интересамъ Россіи. Установивъ это положеніе, нельзя не согласиться, что русскій интересъ несовмѣстимъ съ существованіемъ Польскаго королевства въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ 1815 году, и при условіи сохраненія имъ своей конституціи. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы лишить Польшу матеріальной возможности вредить Россіи, но слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какое вознагражденіе можетъ получить Россія за свои тяжкія жертвы, и какія выгоды она можетъ извлечь изъ обладанія Польшей. На первый вопросъ легко отвѣтить: ничто не можетъ вознаградить Россію за жертвы и потери, понесенныя ею лишь для отомщенія за свою народную честь. Что же касается второго вопроса, мнѣ кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши, такой, какова она есть, никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ, и, что еще болѣе важно, что для имперіи даже нѣтъ гарантій, которыя могли бы обезпечивать ей въ будущемъ спокойное обладаніе этой страною. Итакъ, вѣрный принципу, который я высказалъ вначалѣ, то-есть истинной пользѣ Россіи, я полагаю, что единственный способъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ заключается въ слѣдующемъ.

«Россія—держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не должна быть угрозою ни для другихъ сосѣднихъ государствъ, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное, оборонительное положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Если бросишь взглядъ на карту, страшно становится, когда видишь, что гра-

Библиотека "Руниверс"

ница польской территоріи имперіи доходитъ почти до Одера, тогда какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полангена въ Балтійское море и у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится армія, чтобы держать ее въ покорности. Эта страна ничего не приноситъ имперіи. Напротивъ того, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны имперіи, чтобы дать ей возможность удовлетворять потребностямъ собственной администраціи. Такимъ образомъ, убѣдительно, что выгоды отъ этого неудобнаго положенія ничтожны, а недостатки велики и даже угрожающи. Остается рѣшить, какъ помочь этому. Я тутъ не вижу другого средства, кромѣ слѣдующаго:

«Объявить, что честь Россіи получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть страною, неблагодарность которой была столь очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остального, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію; что, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрною своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользованіе ея законами и учрежденіями въ той мѣрѣ, которая окажется совмѣстимою съ истинными будущими интересами; что титулъ королевства Польскаго останется присвоеннымъ этой части страны, во избѣжаніе того, чтобы подобное наименованіе, данное другой какой либо части, не создало вновь государства, враждебнаго Россіи, чего она не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ» [424].

По мѣрѣ дальнѣйшаго хода междоусобной польско-русской войны, императоръ Николай пришелъ къ заключенію, что задуманное имъ рѣшеніе польскаго вопроса представляется въ дѣйствительности невозможнымъ. Такимъ образомъ мысли государя, изложенныя въ вышеприведенной запискѣ, остались безъ примѣненія и перешли къ потомству, какъ любопытное политическое разсужденіе.

Тѣмъ не менѣе, записка императора Николая была, вѣроятно, передана на обсужденіе фельдмаршала Паскевича, потому что послѣдній, съ своей стороны, представилъ государю 4-го (16-го) іюня 1831 года записку, въ которой вмѣсто безвозмездныхъ уступокъ воеводствъ лѣваго берега Вислы и Кракова онъ предлагалъ замѣнить ихъ устьями Нѣмана съ городомъ Мемелемъ и крѣпостью Торномъ, съ одной стороны, и Восточной Галиціей—съ другой.

Паскевичъ въ упомянутой запискѣ высказывалъ государю слѣдующее:

«Разсматривая со всѣхъ сторонъ теперешнее положеніе, мнѣ пришло въ мысль: нельзя ли наказать дерзкихъ и неблагодарныхъ такъ, чтобы они въ дальнѣйшемъ своемъ потомствѣ чувствовали сіе, упрочить на

Библиотека "Руниверс"

всегда наше положеніе въ Польшѣ; словомъ постановить такимъ образомъ, какъ вы, государь, въ манифестѣ изволили сказать, что надобно, чтобы Польша для Россіи была полезна, но не вредна [425].

«Разсуждая на сихъ основаніяхъ, я осмѣливаюсь изложить мои мысли:

«Какимъ образомъ наказать неблагодарныхъ поляковъ, какъ не лишивши ихъ даже имени поляка?

«Для исполненія сего надобно уничтожить царство Польское.

«Въ Европѣ согласятся ли на сіе? ибо въ этомъ (то-есть въ настоящемъ положеніи вещей) они видятъ ослабленіе Россіи, а всѣ государства, не исключая ни одного, думаютъ, какъ бы насъ ослабить.

«То какимъ образомъ постановить, чтобы интересовать государства въ нашу пользу?

«Я полагаю слѣдующее:

«1) Три воеводства на лѣвой сторонѣ Вислы уступить Пруссіи, то-есть Мазовецкое, Калишское и Сандомірское; четвертое — Краковское, уступить Австріи.

«2) Взамѣнъ уступленныхъ Пруссіи сихъ трехъ воеводствъ Пруссія должна уступить намъ крѣпость Торнъ съ окрестностями, по удобству, и въ восточной Пруссіи по рѣку Прегель; если же большое сопротивленіе будетъ на сіе, или доходы, или населеніе превышаютъ требуемыя нами земли отъ Пруссіи, то уступку взять по мѣстности. Въ семъ краѣ, перерѣзанномъ многими рѣками въ разныхъ направленіяхъ, можно сдѣлать хорошую границу. Если и на сіе Пруссія не согласится, то можетъ взамѣнъ земель, сею получаемыхъ, додать деньгами; но во всякомъ случаѣ граница съ этой стороны должна быть, по крайней мѣрѣ, по Нѣманъ съ городомъ Мемелемъ и съ другими городами, сколько удобство для коммерціи того потребуетъ.

«3) Австріи уступить Краковское воеводство, а взамѣнъ взять Тарнополь или другія земли въ обмѣнъ, по числу народонаселенія и доходовъ.

«4) Если же отъ Пруссіи трудно будетъ получить взамѣнъ трехъ воеводствъ, то уступить Пруссіи два, а два воеводства уступить Австріи на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

«Такимъ образомъ сіи двѣ державы будутъ дѣйствовать съ нами, ибо участвовали въ семъ раздѣлѣ, какъ то было и при вашей бабушкѣ. Польза обѣихъ сихъ державъ въ уничтоженіи королевства состоитъ въ томъ, что притязанія Россіи, какъ королевства Польскаго, на взятыя Пруссіею и Австріею провинціи симъ уничтожаются. Если взять въ соображеніе, что королевство Прусское не только имѣетъ отъ Польши пріобрѣтенныя въ первомъ раздѣлѣ провинціи, но даже и сама Пруссія есть уступка отъ Польши курфюрсту Бранденбургскому, то удовольствіе ея будетъ велико, когда все могущее возродить домогательства однимъ актомъ уничтожается. Австрія находится въ томъ же положеніи, и су-

Библиотека "Руниверс"

ществованіе королевства Польскаго есть ей всякую минуту угроза на ея галиційскія провинціи. Итакъ, Пруссія и Австрія будутъ въ нашихъ интересахъ. Но Франція и Англія что скажутъ?

«По теперешнемъ новомъ образованіи Франціи, она весьма сильна, и, конечно, съ нею надобно бы весьма осторожно поступать.

«Но можетъ быть, что для общаго спокойствія, когда онѣ увидятъ, что Россія, отдавая свои провинціи за Вислой, отступаетъ, такъ сказать, отъ Европы, то, можетъ быть, согласятся; въ противномъ случаѣ надобно выждать время, или когда Франція будетъ имѣть внутреннія безпокойства.

«Что же касается до Англіи, то я не полагаю, что если будутъ согласны съ нами Австрія и Пруссія, чтобы Англія могла намъ вредна быть, выключая въ коммерціи.

«Итакъ, изъ сихъ предложеній явствуетъ:

«1) Что Россія ничего не потеряетъ въ народонаселеніи и въ доходахъ, ибо получитъ взамѣнъ то же.

«2) Государство выиграетъ гораздо лучшую границу, ибо Висла представляетъ всѣ удобства къ дефансивной войнѣ и для коммерціи во время мира.

«3) Симъ ваше императорское величество докажете европейскимъ государямъ, что вы не хотите распространяться въ Европѣ, ибо отдаете провинціи, которыя въ наступательной войнѣ ихъ устрашали.

«4) Накажете сей народъ за его вѣроломство и неблагодарность искорененіемъ его съ лица земли, и тѣмъ покажете, что вы не хотите сдѣлать ему честь носить имя его короля.

«5) Введете Пруссію и Австрію быть участницами въ семъ дѣлѣ.

«6) Но важнѣе всего, что вы изволите уничтожить представительное правленіе въ вашемъ государствѣ, которое, по теперешнимъ мыслямъ въ Европѣ, влечетъ и вашихъ россійскихъ подданныхъ къ симъ новизнамъ; но если онаго не будетъ, то государство Россійское, не имѣвши въ себѣ ничего разнообразнаго, будетъ представлять оплотъ противъ вольнодумства» [426].

Русское правительство не рѣшилось, однако, вступить на путь международныхъ переговоровъ по вопросу, затронутому въ приведенныхъ нами запискахъ; поэтому высказанныя въ нихъ предположенія остались лишь любопытными памятниками политическаго настроенія минуты.

Библиотека "Руниверс"

III.

Неудачный оборотъ, принятый польско-русскою войною, вызвалъ слѣдующее письмо графа Чернышева къ фельдмаршалу Паскевичу отъ 5-го (17-го) апрѣля:

«Государь императоръ, желая, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ, ваше сіятельство находились при особѣ его величества, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить о семъ вашему сіятельству и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ исполненіе сей высочайшей воли поспѣшить сколь возможно пріѣздомъ въ С.-Петербургъ.

«Управленіе войсками и краемъ, вамъ ввѣреннымъ, его величество соизволитъ предоставлять устроить тѣмъ же порядкомъ, какой былъ принятъ во время отсутствія вашего въ С.-Петербургѣ въ минувшемъ году, а именно: войска на кавказской линіи подчинить совершенно генералу отъ кавалеріи Эмануелю, а войска, въ Грузіи находящіяся, подчинить начальнику штаба вашего, генералъ-лейтенанту Панкратьеву; гражданскую же часть оставить на томъ основаніи, какое заблагоразсудить изволите. Впрочемъ, если ваше сіятельство изволите признать нужнымъ сдѣлать въ порядкѣ управленія по военной части какія либо измѣненія, то его величество предоставляетъ оныя вашему усмотрѣнію, но желаетъ только, чтобы всѣ распоряженія о семъ были окончены въ нѣсколько дней, дабы его величество могъ сколь возможно скорѣе имѣть удовольствіе увидѣть васъ въ С.-Петербургѣ».

Графъ Паскевичъ получилъ письмо 20-го апрѣля (2-го мая); сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса 26-го апрѣля (8-го мая) и прибылъ въ С.-Петербургъ 12-го (24-го) мая[427]. Между тѣмъ, съ самаго вызова Паскевича, неудовольствіе императора Николая противъ графа Дибича съ каждымъ днемъ все болѣе возрастало. Нерѣшительность главнокомандующаго и неустойчивость въ его мысляхъ (je ne vois rien de fixe dans vos progres idées) побудили государя выработать планъ для дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ; но, сообщая графу Дибичу свои предположенія, государь не хотѣлъ, однако, насиловать намѣренія и волю главнокомандующаго, напротивъ того въ письмѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля предоставлено было фельдмаршалу, по обсужденіи плана совмѣстно съ Толемъ и Нейдгартомъ, слѣдовать собственному плану, если онъ будетъ признанъ лучшимъ; но государь прибавилъ: «требую письменнаго опроверженія».

Спорный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: графъ Дибичъ предполагалъ перейти Вислу въ верхнемъ ея теченіи, между тѣмъ какъ импе-

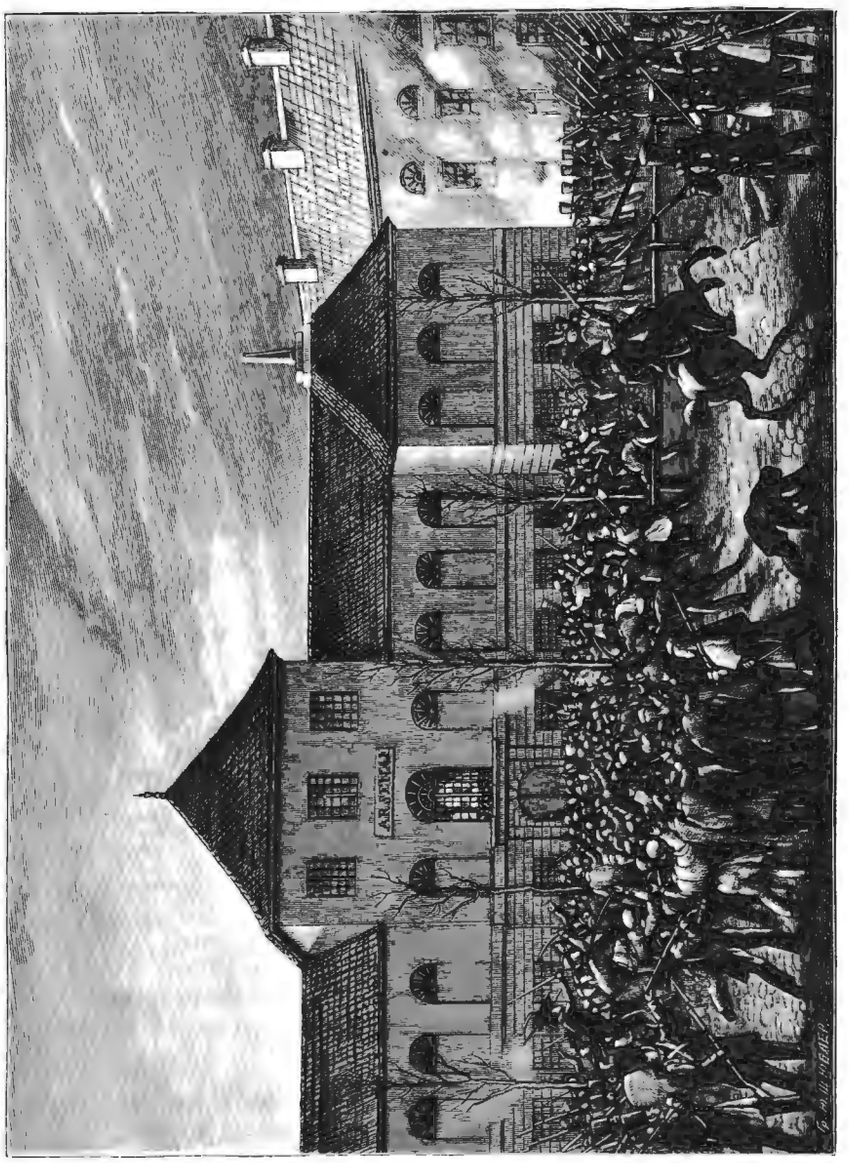
Библиотека "Руниверс"

Графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій.

Съ портрета того времени, писаннаго масляными красками.

Библиотека "Руниверс"

раторъ Николай справедливо признавалъ нижнюю Вислу мѣстомъ будущей переправы арміи на лѣвый берегъ, при чемъ продовольствованіе войскъ могло быть обезпечено соглашеніемъ съ прусскимъ правительствомъ [428].



Польское возстаніе 1830 года.
Арсеналъ 17-го ноября 1830 года
(Съ акватинты Дитриха).

Отвѣтъ графа Дибича на присланный ему планъ дѣйствій не удовлетворилъ императора Николая. «Отвѣтъ вашъ на мой проектъ, — писалъ государь 22-го апрѣля (5-го мая) 1831 года, — мнѣ доказываетъ, что вы съ удовольствіемъ готовы отказаться отъ всякой отвѣтственности, сваливъ ее на меня, предоставляя себѣ впослѣдствіи сказать, что

Библиотека "Руниверс"

я помѣшалъ вамъ исполнить ваши намѣренія, и я предвижу уже, что, можетъ быть, подобное соображеніе побудило васъ отказаться отъ наступленія, которое вы начали. Я не хочу характеризовать, насколько подобный образъ дѣйствій можетъ быть признанъ предосудительнымъ, тѣмъ болѣе, что, хотя я и убѣжденъ, что мой планъ представляетъ единственно возможное рѣшеніе вопроса, я вамъ, однако, положительно приказалъ руководствоваться исключительно вашимъ личнымъ убѣжденіемъ. Только быстрое и немедленное исполненіе могло сдѣлать эту операцію удобною и рѣшительною, но если вы предполагаете двинуться лишь черезъ четыре недѣли и притомъ вести дѣло съ тою же слабостью, съ тою же нерѣшительностію и при соблюденіи того же безпорядка, я предвижу одно несчастіе и гибель вмѣсто почти вѣрнаго успѣха»[429].

Для разъясненія положенія дѣлъ въ арміи императоръ Николай послалъ къ фельдмаршалу генералъ-адъютанта графа Орлова, «pour suppléer par une conversation à tout ce que mes lettres paraissent n'avoir pu vous faire comprendre». Но, пока графъ Орловъ пробирался черезъ возставшую Литву въ главную квартиру фельдмаршала, на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли новыя событія. Скржинецкій, ободренный бездѣйствіемъ Дибича, предпринялъ наступательное движеніе противъ гвардейскаго корпуса. По мнѣнію императора Николая, высказанному въ письмѣ къ графу Дибичу, «все это движеніе непріятеля было бы настоящимъ безумiемъ, если бы вы не пріучили его безнаказанно предпринимать все. Есть мѣра всякому терпѣнію, а я, кажется, проявилъ его въ достаточной степени»[430].

Дибичъ наконецъ встрепенулся, и 14-го (26-го) мая разыгралась кровопролитная битва при Остроленкѣ. Здѣсь подобно тому, какъ и подъ Гроховомъ, одержана была рѣшительная побѣда, но нерѣшительность главнокомандующаго вторично спасла польскую армію отъ гибели; несмотря на настоянія графа Толя, фельдмаршалъ, отказавшись отъ преслѣдованія непріятеля, далъ Скржинецкому возможность спокойно отступить съ разбитою арміею въ Варшаву[431]. Бездѣйствіе графа Дибича послѣ Остроленской побѣды принесло плачевные плоды. Совершилось то, что предвидѣлъ императоръ Николай, когда писалъ фельдмаршалу: «Теперь поляки будутъ имѣть достаточно времени, чтобы восполнить свои потери, укрѣпить, что имъ нужно, однимъ словомъ изгладить всѣ слѣды своего пораженія, заставляя насъ путемъ новыхъ и тяжелыхъ жертвъ искупить выгоды, за которыя мы уже такъ дорого заплатили, и отъ которыхъ добровольно отказываемся». Дибичъ расположился между Пултускомъ, Голыминомъ и Масковымъ, готовясь къ движенію на нижнюю Вислу.

«Prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій»,— писалъ императоръ Николай графу Дибичу, но государь такъ и не дождался

Библиотека "Руниверс"

воскресенія стараго Забалканскаго. 1-го (13-го) іюня Николаю Павловичу пришлось заключить переписку съ своимъ фельдмаршаломъ горестнымъ восклицаніемъ: «Прощайте, любезный другъ, поступите же наконецъ такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ. (Adieu, mon cher ami, faites de façon que je puisse vous comprendre)». Но это письмо [432] не было уже прочитано графомъ Дибичемъ: 29-го мая (9-го іюня) фельдмаршалъ внезапно скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ около Пултуска. Графъ Толь, на основаніи «учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи», вступилъ во временное командованіе вой-

Засада. Эпизодъ изъ войны 1831 года.
(Съ акварели Зауервейда).

сками [433], но, отправляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ С.-Петербургъ всеподданнѣйшее письмо, онъ просилъ государя о скорѣйшемъ назначеніи главнокомандующаго, признаваясь, что чувствуетъ себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность. Просьба графа Толя вполнѣ соотвѣтствовала прежнимъ его заявленіямъ, сдѣланнымъ еще покойному фельдмаршалу.

Желаніе графа Толя исполнилось въ самомъ скоромъ времени.

Еще до Остроленскаго сраженія смѣна Дибича графомъ Паскевичемъ представлялась уже до нѣкоторой степени вполнѣ вѣроятною; но,

Библиотека "Руниверс"

какъ справедливо замѣтилъ будущій князь Варшавскій, «Остроленское дѣло удержало мою поѣздку въ армію, ибо трудно было послать смѣнить главнокомандующаго, выигравшаго сраженіе»[434]. Когда же, 3-го (15-го) іюня, пришло въ С.-Петербургъ извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, то на другой же день, 4-го (16-го) іюня, послѣдовалъ указъ сенату о назначеніи фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго главнокомандующимъ дѣйствующею арміею. Въ виду возстанія въ Литвѣ, принимавшаго все большіе размѣры, новый главнокомандующій долженъ былъ для большей безопасности избрать морской путь, а затѣмъ слѣдовать въ армію черезъ Пруссію. Онъ быстро собрался въ предстоявшій ему новый походъ и 6-го (18-го) іюня отправился изъ Петергофа въ три часа утра на пароходѣ «Ижора» въ Мемель. По прибытіи въ этотъ городъ, 9-го (21-го) іюня, фельдмаршалъ, продолжая путь черезъ Тильзитъ, пріѣхалъ въ армію въ ночь съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) іюня.

Изъ Пултуска фельдмаршалъ Паскевичъ 17-го (29-го) іюня писалъ императору Николаю: «Я рѣшилъ дѣйствовать по плану, апробованному вашимъ величествомъ». Планъ же государя заключался въ томъ, чтобы совершить переправу на нижней Вислѣ и затѣмъ итти къ Варшавѣ[435].

Вскорѣ послѣ кончины графа Дибича-Забалканскаго прусская армія также понесла чувствительную потерю. 11-го (23-го) августа 1831 года въ Познани скончался отъ холеры фельдмаршалъ графъ Гнейзенау; его постигла одинаковая участь съ другомъ и сотоварищемъ по наполеоновскимъ войнамъ, графомъ Дибичемъ. Смерть Гнейзенау весьма опечалила императора Николая; онъ писалъ по этому случаю графу Паскевичу изъ Царскаго Села 26-го августа (7-го сентября) 1831 года:

«Прусская армія и мы всѣ понесли невозвратную потерю въ фельдмаршалѣ Гнейзенау, который меня и Россію любилъ и видѣлъ спасеніе Европы и пользу Пруссіи въ короткой связи обоихъ государствъ».

Не напрасно императоръ Николай отзывался въ столь сочувственныхъ выраженіяхъ о героѣ войнъ за освобожденіе Германіи, никогда не забывавшемъ чувство признательности къ Россіи за жертвы, принесенныя ею въ 1813 году; во время польско-русской войны Гнейзенау искренно соболѣзновалъ о неудачахъ, постигшихъ русскую армію подъ предводительствомъ графа Дибича, и въ апрѣлѣ 1831 года совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму III немедленно вступить съ двумя корпусами въ Польшу, чтобы покончить съ возстаніемъ[436].

Библиотека "Руниверс"

IV.

Обратимся теперь къ тому, что дѣлалъ въ самое критическое время польско-русской войны цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Послѣ Гроховской битвы цесаревичъ въ виду временнаго затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ находилась княгиня Ловичъ [437]. Съ этого времени для цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. «Мое положеніе такое, — пишетъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину, — что дѣйствительно живу со дня на день, и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойти. Жена у меня шибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати уже другую недѣлю. Всѣ ея недуги не суть иное, какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣнія всѣхъ безпокойствъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего положенія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно и надежды нѣтъ къ тому» [438].

Когда военныя дѣйствія возгорѣлись съ новой силой, цесаревичъ пожелалъ опять возвратиться къ своему гвардейскому отряду и даже настаивалъ на этомъ, но императоръ Николай воспротивился подобному намѣренію, находя неудобнымъ, чтобы братъ принялъ на себя вторично ту незначащую роль, не соотвѣтствующую занимаемому имъ положенію (le rôle insignifiant et inconvenant à votre rang), которую онъ уже разъ разыгралъ. «C'est préjudiciable et à votre caractère et à ce que vous avez été pour moi et à ce que vous êtes encore», — прибавилъ государь.

«Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что вы ревностно и преданно будете служить мнѣ, — писалъ государь къ цесаревичу, — такъ вотъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ вашей стороны, и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у васъ, потребовать ея. Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изо дня въ день она становится болѣе серіозной, болѣе ожесточенной, благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которымъ они пользуются между прочимъ для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ подобной мысли. Я уже сказалъ вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать васъ въ томъ, что вы не раздѣлили опасностей вашихъ храбрецовъ; благопріятный для этого моментъ ми-

Библиотека "Руниверс"

новалъ; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь также отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ вамъ снова вступить въ него, что было бы вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ вашимъ начальствомъ. Вы сего не желаете, вѣроятно, у васъ должны быть свои причины отказываться отъ него, но, повторяю, это именно то, чего я желаю. Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту вы отказались отъ намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться» [439].

Убѣдительные доводы императора Николая оказались тщетными; цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи. Тогда государь написалъ брату, что, исчерпавъ «все, что только было у меня на душѣ высказать вамъ, какъ въ качествѣ брата, такъ и въ качествѣ преданнаго друга, и, наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—по долгу моего положенія (par devoir de ma place), къ этому мнѣ болѣе нечего прибавлять... Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно вашей совѣсти, вашимъ убѣжденіямъ,—и я умолкаю. (Vous êtes le maître d'en agir selon votre conscience, votre conviction, et je me tais)» [440].

Не легко было императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію государя, «былъ нашимъ властелиномъ и остался для меня таковымъ навсегда въ глубинѣ моего сердца (vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur)»,—но долгъ въ умѣ императора-рыцаря, какъ и всегда, взялъ верхъ надъ чувствомъ. Цесаревичъ покорился волѣ государя, которая, по его словамъ, для него была, есть и будетъ святая, и остался въ Бѣлостокѣ.

Наступили пасхальные праздники, и Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину:

«Дай, Боже, чтобы при сихъ высокоторжественныхъ дняхъ по благости Его всѣ наши до сихъ поръ не весьма благополучныя событія военныя и мірскія перемѣнились въ нашу пользу. Я увѣренъ, что вы, любезный Ѳедоръ Петровичъ, раздѣляете въ полной мѣрѣ мои желанія, истекающія отъ глубины сердца моего, чуждаго всегда всякаго зла и ничего другого не желающаго, какъ общаго блага и справедливости... Я здоровъ, но до крайности скученъ, и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... есть минуты таковыя, что голова идетъ въ кругъ и до сумасшествія не далеко. Я бы былъ одинъ, почти все потерявъ, бѣда не большая, но всѣ сіи невинныя жертвы

Библиотека "Руниверс"

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ

(Съ гравированнаго портрета Турнера).

Библиотека "Руниверс"

и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ» [441].

«Какая для меня разница въ окончаніи монхъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предыдущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе $16^1/_2$ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло — молчаніе, терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву, и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ наиживѣйшихъ чувствъ привязанности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ какъ бы сказать, водворить моего государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, $16^1/_2$ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что, спустя два года, все будетъ поставлено вверхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь ехидными способами, и которые завлекли цѣлый народъ и $^3/_4$ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только что объ этомъ подумаешь» [442].

Вскорѣ пребываніе цесаревича въ Бѣлостокѣ сдѣлалось небезопаснымъ, вслѣдствіе появленія въ окрестностяхъ польскаго отряда Хлаповскаго. Тогда цесаревичъ съ княгинею Ловичъ выѣхалъ, 9-го (21-го) мая, въ Слонимъ; но здѣсь поджидалъ его новый врагъ — холера. Страшась за свою супругу, цесаревичъ продолжалъ начатое отступленіе по Бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. По прибытіи въ послѣдній городъ, 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ поселился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго. Здѣсь Константинъ Павловичъ написалъ государю, 7-го (19-го) іюня 1831 года, свое послѣднее письмо, въ которомъ коснулся своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ С.-Петербургъ.

«Я осмѣливаюсь настоятельно умолять васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты, — писалъ цесаревичъ, — и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть; блуждая, какъ я, отдѣленный отъ плачевныхъ остатковъ моихъ, которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе, какъ съ жизнью, и изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицомъ и съ какимъ выраженіемъ хотите вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ вамъ въ С.-Петер-

Библиотека "Руниверс"

бургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фамильной распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по-своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36-ти лѣтъ службы. Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ ввѣрили, и которыхъ я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ, и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ. Всѣмъ говорунамъ я не могу представить въ свое оправданіе письма, которыя вы соблаговолили мнѣ написать; они увидѣли бы въ нихъ только мою покорность и мое послушаніе въ исполненіи вашей высочайшей воли, удаляясь согласно вашему желанію изъ арміи» [443].

Одновременно съ письмомъ къ государю цесаревичъ излилъ также свою скорбь Ѳ. П. Опочинину и писалъ ему 7-го (19-го) іюня изъ Витебска:

«Я живу здѣсь уже четвертыя сутки и отдыхаю отъ скуки и усталости физической и моральной и никакого занятія другого не имѣю, какъ скуку, скуку и скуку. Впрочемъ здоровъ, но жена по пріѣздѣ сюда крайне ослабла и уже третьи сутки, какъ изъ кровати не встаетъ, авось Господь Богъ поможетъ, надежда на Него одного. Здѣсь покамѣстъ все тихо и хорошо. По всей дорогѣ насъ окружали уваженіемъ и желаніемъ угодить и дѣлать пріятное во всѣхъ сословіяхъ. Симъ, признаюсь, я былъ весьма тронутъ и благодаренъ, въ особенности въ моемъ теперешнемъ скитающемся положеніи. Долго ли я здѣсь пробуду, и что изъ меня будетъ,—зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ разрѣшенія государя императора на письмо, которое я сегодня къ нему послалъ. Испытавъ все въ службѣ военной, на старость лѣтъ испыталъ и должность фурштатдскаго чиновника: du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. Что же дѣлать, ежели судьбѣ такъ угодно?»

Развязка была уже близка. Въ ночь съ 14-го (26-го) на 15-е (27-е) іюня 1831 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ заболѣлъ холерою и въ тотъ же день въ $7^1/_4$ часовъ вечера скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила государя о случившемся печальномъ событіи особымъ письмомъ:

«Мой братъ, вы будете очень несчастны, потому что несчастна я, а одно лишь обстоятельство въ мірѣ могло сдѣлать меня несчастной.

Библиотека "Руниверс"

Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера!.. О, мой Боже, сжальтесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами... Мой братъ, каковы будутъ ваши приказанія относительно его?» [444].

Вечеромъ, 17-го (29-го) іюня, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отправился къ государю, находившемуся въ Петергофѣ. На пути, пишетъ Бенкендорфъ, «встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подалъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшаго именемъ государя неотложнаго моего прибытія. Нѣсколько удивленный симъ, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однако же, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домика, занимаемаго государемъ. Первыя попавшіяся мнѣ лица были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ на вопросъ мой услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь въ такомъ волненіи, какъ мнѣ никогда не случалось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что братъ его Константинъ Павловичъ скончался отъ холеры [445]. Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живого участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ съ изъявленіемъ ей своего соболѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя при выѣздѣ изъ города совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ, но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ, Арендтъ, прибѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ имъ лѣкарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы. Но государь въ ту же ночь навѣстилъ меня и потомъ въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго».

Въ это время ко всѣмъ заботамъ, обременявшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль: съ 14-го (26-го) іюня, въ Петербургѣ открылась холера, которая черезъ нѣсколько дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепетъ всѣ классы

Библиотека "Руниверс"

Штурмъ укрѣпленія Воли 25-го августа 1831 года.

(Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной по рисунку Тимма).

Библиотека "Руниверс"

населенія и въ особенности простонародье, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. Напослѣдокъ, 22-го іюня (4-го іюля), чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и посреди многихъ другихъ безчинствъ бросилась съ яростію разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. Всѣ этажи, какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколькихъ врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, попрятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ, военный генералъ-губернаторъ, графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномѣрно не успѣлъ возстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что̀ предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками князь Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія послѣдній привелъ на Сѣнную площадь баталіонъ Семеновскаго полка съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. Въ ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далекъ отъ обыкновеннаго порядка.

Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ пишетъ: «Принуждены были двинуть войска, которыя, не видя государя, показали недовѣріе къ начальству, но магическое для русскихъ слово все перемѣнило. Графъ Закревскій сказалъ, что поляки подбиваютъ народъ, и мигомъ преображенцы зарядили ружья. 23-го іюня (5-го іюля) государь поѣхалъ въ Петербургъ водою, на пароходѣ «Ижора», взялъ меня и доктора Арендта; мы пристали къ Елагину острову, который запертъ для охраненія отъ холеры. Здѣсь государь узналъ о положеніи города отъ военнаго генералъ-губернатора и другихъ лицъ, призванныхъ для свиданія и объясненія. Сѣлъ въ коляску и, взявъ меня съ собою, отправился на преображенское парадное мѣсто, гдѣ лагеремъ стоялъ баталіонъ сего полка. Государь объявилъ имъ, что есть злоумышленные люди, подбивающіе народъ къ безпокойству, что войска вчера возстановили порядокъ, что онъ войска благодаритъ и увѣренъ, что впредь также будутъ дѣйствовать. Солдаты отвѣчали восклицаніями преданности весьма замѣ-

Библиотека "Руниверс"

чательными и крикомъ «ура». Государь проѣхалъ потомъ Каретною частью, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ толпамъ и лавочникамъ. Оттуда проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собрано было до 5.000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ:

«— Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ. Стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ подучаютъ, ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству, но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви, на колѣни, и просите у Всемогущаго прощенія!

«Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; были слышны нѣкоторыя восклицанія: согрѣшили, окаянные! Продолжая потомъ рѣчь свою къ народу, государь объявилъ толпѣ, что, «клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго ему Промысломъ народа, онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ и за безпорядки, а потому онъ ихъ не попуститъ»,— повторяя еще: «самъ лягу, но не попущу, и горе ослушникамъ».

«Въ это время нѣсколько человѣкъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ къ народу:

«— До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я (показываетъ на свою грудь)!

«Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ «ура». Послѣ сего государь поцѣловалъ одного старика изъ народа и воротился на Елагинъ и въ Петергофъ.

«24-го іюня (6-го іюля) слухи и ложныя извѣстія о безпокойствахъ въ Петербургѣ тревожили насъ цѣлый день, и государь нѣсколько разъ собирался туда ѣхать. 25-го іюня (7-го іюля)—день рожденія государя. Послѣ обѣда онъ опять поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ къ Елагину острову, гдѣ, взявъ графа Чернышева съ собою, объѣзжалъ городъ, былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и возвратился въ Петергофъ» [446].

Порядокъ былъ возстановленъ, но холера не уменьшалась: умирало до 600 человѣкъ въ день. Несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало; священники едва успѣвали отпѣвать трупы.

26-го іюня (8-го іюля) императоръ Николай писалъ фельдмаршалу Паскевичу:

«Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія, которыя, однако, съ помощію всемогущаго, всемилосердаго Бога, мы превозможемъ. Холера уже тринадцатый день насъ посѣтила, и ею заболѣло болѣе 1.200 человѣкъ всѣхъ состояній, изъ коихъ до половины умерли. Народъ ей не вѣритъ, и буйство возросло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря и другихъ. Мнѣ удалось унять

Библиотека "Руниверс"

народъ своими словами безъ выстрѣла, но войска, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобъ укрощать и разсѣивать толпы. Вчера былъ я опять въ городѣ, меня съ покорностію слушаютъ и, слава Богу, начинаютъ приходить въ порядокъ. Но, признаюсь, все это меня крайне мучитъ, отъ тебя жду съ нетерпѣніемъ утѣшенія. Да поможетъ тебѣ Богъ» [447].

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 4-го (16-го) іюля, государь сообщилъ графу Паскевичу еще слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ болѣзни въ Петербургѣ:

«Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря милосердому Богу, холера нѣсколько слабѣетъ. Но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія. Мы лишились отличнаго почтеннаго графа Оппермана; потеря сія для меня наичувствительнѣйшая, я его никѣмъ не могу замѣнить. Умерли также генералъ-интендантъ флота, генералъ Головинъ, морской артиллеріи генералъ-майоръ Богдановъ, путей сообщенія генералъ-майоръ Шефлеръ и Аѳанасьевъ и много другихъ, графъ Ланжеронъ умираетъ, и наконецъ сею же болѣзнію умерла штатсъ-дама, княгиня Куракина. Въ городѣ все тихо, и народъ вѣритъ и унылъ. Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ ужасна! Потерялъ я также бѣднаго графа Потоцкаго, котораго любилъ и уважалъ, какъ друга, но сей не отъ холеры, а отъ камня въ печени».

15-го (27-го) іюля государь могъ уже сообщить Паскевичу болѣе успокоительныя извѣстія: «Здѣсь все тихо и въ порядкѣ... болѣзнь, слава Богу, столь же скоро исчезаетъ, какъ страшно скоро разлилась».

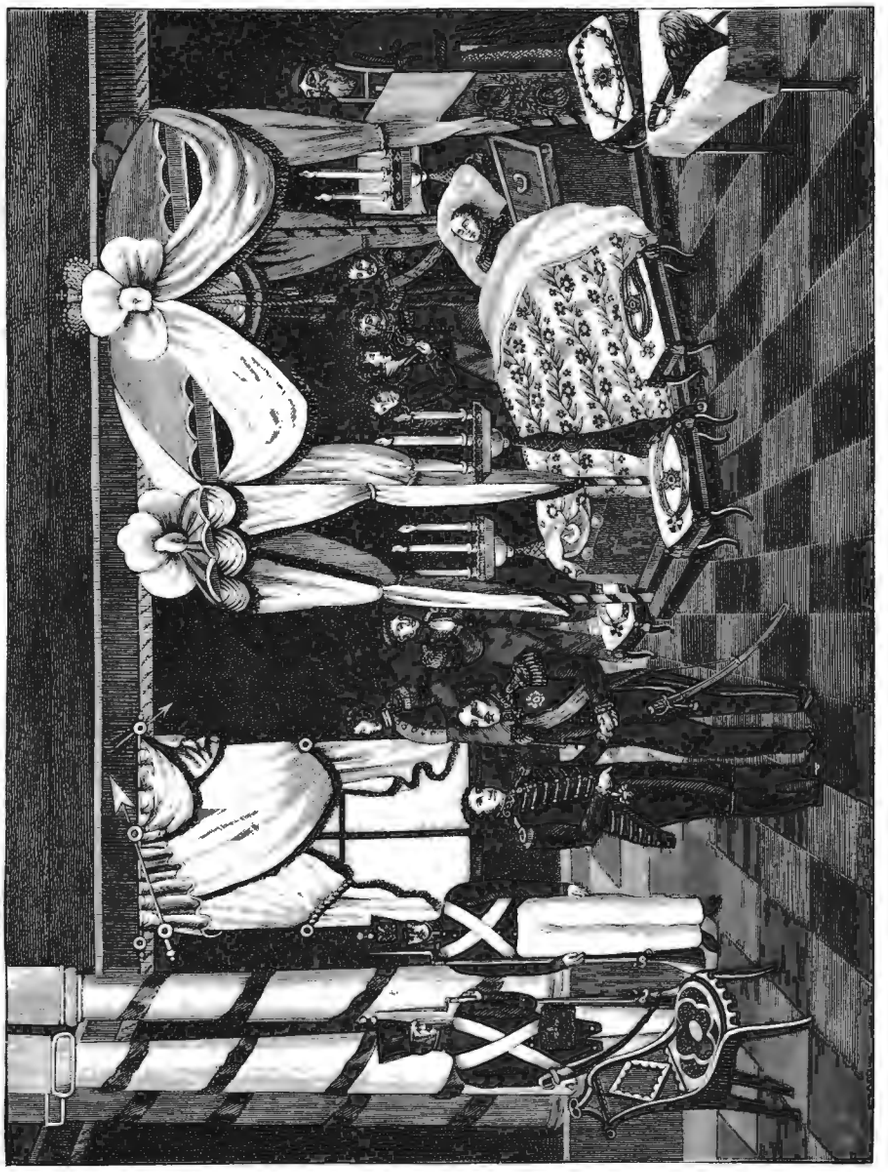
По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, въ Петербургѣ «на каждомъ шагу встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено, какъ бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи, вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпуса. За исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительство должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи».

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1831 году издано было «Наставленіе къ распознанію признаковъ холеры, предохраненію отъ оной и къ первоначальному ея лѣченію». Эта брошюра наполнена многими любопытными правилами и причинила немало бѣдъ руководствовавшимся заключавшимися въ ней наставленіями. Лицамъ, подающимъ помощь одержимому холерою, предписывалось: «имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлориновой извести, или съ крѣпкимъ уксусомъ, которымъ чаще

Библиотека "Руниверс"

потирать себѣ руки, около носа, виски и проч., кромѣ сего, носить въ карманѣ сухую хлориновую известь въ полотняной сумочкѣ».

Между тѣмъ всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это правило, народъ на улицахъ останавливалъ и, если находилъ въ карманѣ въ



Поклоненіе тѣлу великаго князя Константина Павловича.
(Факсимиле гравюры 1831 года).

скляночкѣ уксусъ либо порошки хлористой извести, заставлялъ въ удостовѣреніе, что это не ядъ, выпивать, а порошокъ насильно сыпалъ въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многія поплатились даже жизнію. Всѣ эти печальныя явленія про-

Библиотека "Руниверс"

исходили отъ усвоенной тогда властями ложной отправной точки, что холера обладаетъ свойствами чумы и переносится людьми и вещами; поэтому правительство придумывало цѣлый рядъ охранительно-стѣснительныхъ мѣръ, вызвавшихъ только народныя волненія и всеобщее неудовольствіе.

Въ «Наставленіи» попадаются и комическія страницы; такъ, напримѣръ, запрещалось жить въ жилищахъ тѣсныхъ и нечистыхъ; запрещалось предаваться гнѣву, страху, унынію и безпокойству духа и вообще сильному движенію страстей; запрещалось вскорѣ послѣ сна выходить на воздухъ. «А если требуетъ того необходимость, то должно одѣваться теплѣе и никакъ не выходить безъ обуви». Запрещалось выходить изъ дому, не омывши всего тѣла или, по крайней мѣрѣ, рукъ, висковъ и за ушами «растворомъ хлориновой соды или извести, а за недостаткомъ оныхъ чистымъ уксусомъ или простымъ виномъ, смѣшаннымъ съ деревяннымъ чистымъ масломъ».

Въ объявленіи «Положенія С.-Петербургскаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ г. губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ» отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано было: «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельствованія больного, оказанія ему пособія и чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы всѣ мѣры къ огражденію самого дома были приняты» и проч.

Очевидецъ тревожныхъ холерныхъ дней 1831 года разсказываетъ слѣдующій случай, вызванный упомянутымъ объявленіемъ: «Разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехъэтажный домъ, находящійся наискось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій ходилъ подъ окнами по тротуару. Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всѣхъ этажей, что-то кричали, — я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы или нюхая уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель, или частный, или квартальный, и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія: прошло вѣрныхъ полчаса, никто не являлся, и никакого распоряженія не послѣдовало. Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются, и видно, что на нихъ изнутри напираютъ. Къ счастію жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбилъ калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; всѣ ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ;

Библиотека "Руниверс"

Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ.

Съ портрета акварелью художника Эртингера.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ

(Съ литографіи того времени).

полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой» [448].

Встрѣчались и другія картины тогдашнихъ петербургскихъ нравовъ. Неумѣлая и невѣжественная полиція того времени нерѣдко забирала въ домахъ пьяныхъ людей и, принимая ихъ за холерныхъ, отправляла въ больницы. Здѣсь подобный мнимый больной, очнувшись, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ на-

Библиотека "Руниверс"

родѣ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, а также молву, что туда хватаютъ народъ для отравы.

Множество народа покинуло въ холерное время столицу; эти бѣглецы разнесли по Россіи нелѣпые слухи объ отравѣ; въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ подобные слухи нашли для себя благопріятную почву и послужили поводомъ къ страшному возмущенію. «Въ Старой Руссѣ,—писалъ императоръ Николай графу Паскевичу 15-го (27-го) іюля 1831 года,—и въ другихъ мѣстахъ повторились здѣшнія сцены и подъ тѣмъ же глупымъ предлогомъ. Въ Старую Руссу посланы войска, и дальнѣйшаго еще не знаю».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ посвятилъ этому печальному событію въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ военныя поселенія императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, взращенное между поселянами кореннымн основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Прежніе обыватели этихъ мѣстъ, оторванные отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненные строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенные въ ихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь же недовольны своимъ положеніемъ, какъ и прежніе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военные поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округи огласились общимъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безпощадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го карабинернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные баталіоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства и, хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренные начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали баталіоны, но не отваживались итти на бунтовщиковъ изъ опасенія, что приказанія ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ унынie и бездѣйствовало[449].

Библиотека "Руниверс"

«Но среди произведенныхъ безчинствъ поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать депутацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь пожелалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величество, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія. — «Ступайте домой, — заключилъ онъ,—и скажите вашимъ, что я пришлю моего генералъ-адъютанта Орлова, чтобы произвести строжайшее разысканіе и принять надъ ними начальство. Смотрите же, слушаться его».

«Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселенія. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повиновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

«Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселенія совершенно одинъ, оставивъ императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ; ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

«Онъ пріѣхалъ прямо въ кругъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными баталіонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному баталіону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣяніями и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ экзерцигауза и итти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей размѣстить по крѣпостямъ, подвергнуть суду и выключить изъ списковъ. Весь баталіонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ въ величайшемъ порядкѣ къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отважился даже попросить позволенія проститься съ семьею или взять что нибудь изъ своего имущества.

«Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдалъ имъ приказанія о составѣ военносудныхъ комиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для возстановленія порядка[450]. Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилованія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздра-

Библиотека "Руниверс"

женный, отозвался, что его нога не будетъ въ ихъ преступномъ городѣ, и что ихъ разберетъ также военный судъ.

«Между тѣмъ обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія существованія военныхъ поселеній почти у воротъ столицы и глубоко укоренившагося въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнить начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и притомъ вооруженную общину, разъединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но какъ послѣ случившагося надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и притомъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ велѣно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распредѣлять безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убыль въ гренадерскихъ полкахъ пополнить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлить солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительствѣ у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Впослѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго отведено подъ кадетскій корпусъ.

«Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу царствованія императора Николая, онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его, 27-го іюля (8-го августа) 1831 года, рожденіемъ сына, Николая[451]. Послѣ всѣхъ испытанныхъ государемъ огорченій это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печалями и бѣдствіями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, возстаніе въ западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, мятежъ на Сѣнной площади и въ военныхъ поселеніяхъ—все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходить одна за другою лишь добрыя вѣсти».

Но до прибытія въ Петербургъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ добрыхъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи императоръ Николай испыталъ еще много душевныхъ волненій. «Что за минута! лихорадка бьетъ, но съ покорностью жду, что Богъ дастъ»,—писалъ государь графу Паскевичу. Къ существовавшимъ тогда политическимъ тревогамъ присоединилось еще потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на государя погребеніе тѣла скончавшагося цесаревича Константина Павловича. 1-го (13-го) августа императоръ Николай писалъ графу Пас-

Библиотека "Руниверс"

Сѣнная площадь въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.

(Съ литографіи Гаузера).

Библиотека "Руниверс"

кевичу: «Вчера привезли тѣло брата въ Гатчино, и, признаюсь, тяжелый былъ мнѣ день; свиданіе съ сестрой было ужасно, и я больной воротился».

Церемонія ввоза тѣла цесаревича черезъ Петербургъ въ крѣпость состоялась лишь 14-го (26-го) августа; шествіе двинулось отъ Московской заставы и продолжалось четыре часа во время проливного дождя. За колесницею ѣхалъ верхомъ императоръ Николай со свитою. 17-го (29-го) августа тѣло было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ кончины цесаревича Константина Павловича явился указъ отъ 29-го августа 1831 года, въ которомъ сказано:

«На основаніи закона, постановленнаго въ учрежденіи объ императорской фамиліи, повелѣваемъ: любезнѣйшаго сына нашего, наслѣдника всероссійскаго престола, его императорское высочество великаго князя Александра Николаевича, отнынѣ впредь именовать во всѣхъ случаяхъ государемъ наслѣдникомъ, цесаревичемъ и великимъ княземъ».

Княгиня Ловичъ поселилась въ Царскомъ Селѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть и заключилась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и притомъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствія своего покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушавшемъ остатокъ жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ. Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга».

Между тѣмъ, польскій мятежъ все болѣе приближался къ окончательной кровавой развязкѣ. 4-го (16-го) іюля русская армія начала переправляться на лѣвый берегъ Вислы у Осьска близъ прусской границы; а затѣмъ продолжала медленно и осторожно наступать къ Варшавѣ. Наконецъ, двухдневный штурмъ 25-го и 26-го августа (6-го и 7-го сентября) рѣшилъ участь польской столицы; остатки мятежной арміи очистили городъ и Прагу, отступивъ къ Модлину. Гвардія, подъ личнымъ предводительствомъ великаго князя Михаила Павловича, вступила 27-го августа (8-го сентября) въ покоренную Варшаву, черезъ Іерусалимскую заставу; къ вечеру графъ Паскевичъ переѣхалъ въ Бельведерскій дворецъ.

Библиотека "Руниверс"

«Варшава у ногъ вашего императорскаго величества», доносилъ фельдмаршалъ Паскевичъ императору Николаю. Посланный съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, флигель-адъютантъ ротмистръ князь Суворовъ, внукъ генералиссимуса, прибылъ въ Царское Село 4-го (16-го) сентября. За два дня до того государь получилъ отъ фельдмаршала диспозицію для предстоявшаго штурма Варшавы; легко представить себѣ, въ какомъ безпокойствѣ провелъ Николай Павловичъ эти двое сутокъ въ ожиданіи рѣшительнаго извѣстія. Все русское общество въ Петербургѣ и въ Москвѣ находилось съ нѣкотораго времени въ подобномъ же тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Наконецъ, вожделѣнный курьеръ прибылъ. Окружавшая Царское Село цѣпь остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его, торжествуя, во дворецъ.

«Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были внѣ себя отъ радости»,—пишетъ Бенкендорфъ.

По словамъ государя, «восторгъ Петербурга описать нельзя, только что съ ума не сходятъ, что будетъ въ Москвѣ».

Императоръ Николай осчастливилъ своего побѣдоноснаго фельдмаршала слѣдующими милостивыми строками:

«Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу! Слава тебѣ, мой старый отецъ командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство безпокойства, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24-го числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дни, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти, и наконецъ то счастье, то неизъяснимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника.

«Ты съ помощью Бога всемилосерднаго поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву — отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства, а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искренное изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой попрежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи; больно носить мундиръ и въ таковые дни быть прикованну къ столу, подобно мнѣ, несчастному» [452].

Паденіе Варшавы не положило сразу конецъ кровопролитію въ Польшѣ. Война продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго.

Ромарино съ 14.000 человѣкъ при 42 орудіяхъ перешелъ въ Галицію и 5-го (17-го) сентября сдался австрійцамъ; вмѣстѣ съ нимъ удалился изъ Польши князь Адамъ Чарторижскій, который, предуга-

Библиотека "Руниверс"

дывая печальную судьбу, ожидавшую его въ Россіи, воспользовался случаемъ безпрепятственно выйти изъ сферы русскаго вліянія [453].

Занятіе генераломъ Рндигеромъ вольнаго города Кракова побудило Ружицкаго также искать спасенія на австрійской территоріи. Главныя силы польской арміи, удалившіяся къ Модлину, кончили тѣмъ, что 23-го сентября (5-го октября) подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Рыбинскаго перешли въ Пруссію въ числѣ 21.000 человѣкъ при 95 орудіяхъ. При польскихъ войскахъ, удалившихся изъ Варшавы, находилось и новое мятежное правительство, съ Бонавентурой Немоевскимъ во главѣ. Модлинъ съ 6.000-мъ гарнизономъ сдался 26-го сентября (8-го октября), а въ заключеніе Замостье съ 4.000-мъ гарнизономъ 9-го (21-го) октября 1831 года. Польскій мятежъ кончился; но для Россіи вожделѣнный миръ сопровождался новымъ зломъ: въ Европѣ появилась польская эмиграція. Десятки тысячъ человѣкъ разсѣялись по всему міру, утративъ отечество; интересы ихъ и испытанныя невзгоды требовали выставлять себя и Польшу жертвами тиранства и гоненій; они понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и Америку. Образовавшейся тогда эмиграціи обязаны мы были съ 1831 года враждебнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ къ русскому правительству, выражавшимся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Въ Петербургѣ побѣдоносное окончаніе польско-русской войны отпраздновали 6-го (18-го) октября торжественнымъ парадомъ и молебствіемъ на Марсовомъ полѣ.

«Помолившись сегодня утромъ Богу и воздавъ Ему за благодѣянія Его,—писалъ государь князю Варшавскому,—обращаюсь вторично къ тебѣ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, какъ виновнику сегодняшняго торжества, именемъ моимъ и отъ лица благодарнаго отечества: спасибо, отъ глубины души спасибо! Смотръ и вся церемонія были прекрасны; войска было 19.000 при 84 орудіяхъ, погода прекрасная и видъ чрезвычайный». Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай обрадовалъ князя Варшавскаго новою милостью: сынъ фельдмаршала удостоился производства въ прапорщики. «Поздравляю тебя съ прапорщикомъ имени твоего полка, княземъ Ѳедоромъ Варшавскимъ; желаю, чтобъ онъ шелъ по стопамъ отца и былъ достойный ему во всемъ наслѣдникъ».

Глубоко растроганный неожиданною царскою милостію фельдмаршалъ отвѣчалъ государю:

«Еще одна милость изліяна вашимъ императорскимъ величествомъ на меня пожалованіемъ моего сына въ офицеры. Увеличенныя благодѣянія ваши налагаютъ на меня обязанность приложить стараніе заслужить оныя, но вашимъ милостямъ нѣтъ конца, и силы мои къ службѣ вашей, государь, у ногъ вашихъ, чтобы заслужить оныя» [454].

Библиотека "Руниверс"

НА ПОБѢДЫ РУССКИХЪ

въ Польшѣ.

Возмнилъ Ляхъ буйный, вѣроломный
Измѣной Россовъ устрашить:
Скрывая въ сердцѣ духъ къ нимъ злобный,
Мечталъ, ихъ кровью мечь острить.
Но кто сражалъ сыновъ Беллоны?
Кто Россовъ удержалъ полетъ!
Что нѣтъ ихъ мужеству препоны,
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.
И въ полѣ, и въ окопахъ, равныхъ
Себѣ не вспрѣтилъ храбрый Россъ!
Съ временъ непамятныхъ и давныхъ,
Среди побѣдъ, гигантъ возросъ.
Когда сыны Героевъ — Славы,
Кѣмъ, гдѣ они побѣждены?
Основы Росскія Державы
Мечами ихъ утверждены.

Библиотека "Руниверс"

И ежели ихъ силы ратны,

Могла судьба остановить,

Умѣли груди ихъ булатны

Гранитны стѣны проломить.

И *Сену* и *Дунай* смирили,

И Альпы и Кавказъ прешли;

Являлись гдѣ, — все покорили,

И въ храмъ безсмертія вошли.

Д. Руничъ.

С. Петербургъ.
13 Сентября 1831.

Печатать позволяется

18 Сентября 1831. *Цензоръ В. Семеновъ.*

Санктпетербургъ. Въ Типографіи Н. Греча.

Библиотека "Руниверс"

НА ПОБѢДЫ
КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО.

От Эривана до Варшавы
Побѣдъ твоихъ промчался слухъ,
И что потомки Росской славы,
Съ тобой, явили предковъ духъ!
Не лавры ихъ, сей слухъ докажетъ,
Побѣды, храбрость, ихъ удѣлъ:
И штурмъ Варшавскій лишь покажетъ,
Что мужеству ихъ — смерть предѣлъ.

Д. Руничъ.

С. Петербургъ
13 Сентября 1831.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ПОРТРЕТУ

КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

ГРАФА

ПАСКЕВИЧА – ЭРИВАНСКАГО.

Гнѣздо предательства, измѣны,
Онъ въ основаньи разгромилъ;
Чтожъ въ духѣ Русскихъ нѣтъ премѣны,
Варшавскимъ штурмомъ подтвердилъ!

Д. Руничъ.

С. Петербургъ
6 Сентября 1831.

ФАКСИМИЛЕ ТРЕХЪ ПЕЧАТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Д. П. РУНИЧА.

Библиотека "Руниверс"

Посѣщеніе императоромъ Николаемъ генералъ-адъютанта Сухозанета, потерявшаго ногу при штурмѣ Варшавы въ 1831 году.

(Съ литографіи Корна).

Библиотека "Руниверс"

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ безцѣнными для фельдмаршала строками, ярко освѣщающими отношенія, окончательно установившіяся, послѣ взятія Варшавы, между государемъ и его другомъ, отцомъ-командиромъ.

«Я радуюсь,—писалъ государь,—ежели назначеніемъ сына могъ тебѣ принести удовольствіе; но знай, что и твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки милостей для людей; но то сердечное чувство благодарности, которое въ моемъ сердцѣ, оно для твоей души, которая мою понимаетъ; стало, ежели ты вѣришь моей благодарности, моей искренней любви, дружбѣ и довѣренности, то я доволенъ» [455].

Въ день петербургскаго мирнаго торжества обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ объявлялось, что возженная измѣной война прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ государь коснулся въ немъ и будущей своей политической программы по отношенію къ побѣжденной Польшѣ.

«Россіяне! съ помощію Небеснаго Промысла мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками,—читаемъ мы въ заключительныхъ словахъ манифеста.—Время и попеченія наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями имперіи, и сей государственный неразрывный союзъ къ утѣшенію нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія» [456].

На молебствіе 6-го октября были также приглашены представители дипломатическаго корпуса. Французскій полномочный министръ, баронъ Бургоэнъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ императору Николаю людей сказалъ: «Что скажетъ Франція, если въ моемъ лицѣ ея цвѣта появятся на предстоящемъ торжествѣ? Я не въ правѣ поступать такъ, и сердце мое возмущается при этой мысли». Послѣ приведенныхъ здѣсь словъ французскаго дипломата неудивительно, что онъ не присутствовалъ на молебствіи, чѣмъ очень опечалилъ государя, осыпавшаго его нѣкогда знаками своего вниманія.

Въ Варшавѣ молебствіе и парадъ по случаю окончанія польской войны происходили 4-го (16-го) октября. Торжество имѣло мѣсто на равнинѣ между Іерусалимскою и Вольскою заставами; парадомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По окончаніи молебствія его

Библиотека "Руниверс"

Въѣздъ императора Николая въ Москву во время холеры 1831 года.

(Съ гравюры того времени).

Библиотека "Руниверс"

высочество неожиданно, приказавъ войскамъ взять на караулъ, отдалъ честь князю Варшавскому и, подъѣхавъ къ фельдмаршалу, опустилъ шпагу предъ представителемъ русской военной славы. Шумное и долго неумолкавшее «ура» раздалось въ рядахъ войска. «Въ минуту этого піитическаго состоянія каждаго изъ находившихся на парадѣ всѣ были поражены новымъ зрѣлищемъ,—пишетъ очевидецъ этого торжества,—фельдмаршалу угодно было приказать войскамъ взять на караулъ, чтобъ отблагодарить его высочество, и только что его свѣтлость, подъѣхавъ къ его высочеству, снялъ шляпу, безъ всякаго предварительнаго приказанія вновь разлилось по войску «ура» —безпрерывное, безконечное; восторгъ былъ всеобщій» [457].

За границею извѣстіе о взятіи Варшавы, какъ и слѣдовало ожидать, не было принято сочувственно. «Въ Парижѣ бѣсились нѣсколько дней сряду,—писалъ императоръ Николай,—и насъ ругали до крайности; но все это очень хорошо, ибо доказываетъ ясно, что они заодно стояли, и что сей ударъ, par contre-coup, имъ отдался сильно. Въ Англіи напротивъ приняли сіе, какъ должно и благородно» [458].

Государь остался также недоволенъ австрійскимъ правительствомъ, когда, между прочимъ, явились затрудненія при выдачѣ нижнихъ чиновъ корпуса Ромарино. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки письма императора Николая къ князю Варшавскому: «Затѣи австрійцевъ подлы и двуличность гнусна, но не время съ ними ссориться, а ты весьма умно и хорошо поступилъ, велѣвъ объявить нижнимъ чинамъ, что могутъ возвратиться; оно не только не противно, но даже совершенно согласно съ моими намѣреніями, тебѣ извѣстными. Поведеніе нашихъ сосѣдей тѣмъ неблагоразумнѣе, что не даетъ имъ права въ тяжелое для нихъ время просить нашей помощи; и я вѣрно не пролью капли драгоцѣнной русской крови за ихъ дѣло, ежели они произвольно нарушать станутъ трактаты, а для насъ однихъ считать ихъ будутъ святыми. Предвижу имъ всѣмъ плохой конецъ съ подобной политикой. Тѣмъ нужнѣе намъ скорѣе кончить и упрочить наше дѣло» [459].

Основной взглядъ императора Николая на польскія дѣла, выработавшійся послѣ братоубійственной войны 1831 года и опредѣлившій собою послѣдующую судьбу Польши, выразился въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ государемъ въ разговорѣ съ барономъ Бургоэномъ:

«Да, я знаю, Европа несправедлива въ отношеніи меня. Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ. Я имѣю обязанности, какъ императоръ россійскій. Я долженъ

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай въ саняхъ на набережной Невы.

(Съ рисунка Тимма, сдѣланнаго съ картины Сверчкова).

Библиотека "Руниверс"

остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать лишь полнѣйшая недовѣрчивость (méfiance absolue). Привожу доказательства: покойный братъ мой осыпалъ благодѣяніями королевство Польское, а я свято уважалъ все, имъ сдѣланное. Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здѣсь превосходные пути сообщенія, вырыли каналы въ главныхъ направленіяхъ. Промышленности не существовало въ этой странѣ; мы основали суконныя фабрики, развили разработку желѣзной руды, учредили заводы для ископаемыхъ произведеній, которыми изобилуетъ страна, дали обширное развитіе этой важной отрасли народнаго богатства. Я расширилъ и украсилъ столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ея новыхъ продуктовъ, возбудило даже зависть въ моихъ другихъ подданныхъ. Я открылъ подданнымъ королевства рынки имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русская торговля высказалась даже по этому поводу, что всѣ новыя льготы дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшихъ сыновей. Вы отвѣтите, что это только матеріальныя благодѣянія, и что въ сердцахъ таятся другія чувства, кромѣ стремленій къ выгодамъ. Очень хорошо! Посмотримъ, не сдѣлали ли мы, мой братъ и я, всего возможнаго, чтобы польстить душевнымъ чувствамъ, воспоминаніямъ объ отечествѣ, о національности и даже либеральному чувству. Императоръ Александръ возстановилъ названіе королевства Польскаго, на что не рѣшался даже Наполеонъ. Братъ мой оставилъ за поляками народное обученіе на ихъ національномъ языкѣ, ихъ кокарду, ихъ прежніе королевскіе ордена, Бѣлаго Орла, святого Станислава и даже тотъ военный орденъ, который они носили въ память войнъ, веденныхъ съ вами и противъ насъ. Они имѣли армію, совершенно отдѣльную отъ нашей, одѣтую въ національные цвѣта. Мы надѣлили ихъ оружейными заводами и пушечными литейнями. Мы дали имъ не только то, что удовлетворяетъ всѣ интересы, но и что льститъ страстямъ законной гордости: они нисколько не оцѣнили всѣхъ этихъ благодѣяній. Оставить имъ все, что было даровано, значило бы не признать опыта. Мои-то дары они и обратили противъ своего благодѣтеля. Прекрасная армія, такъ хорошо обученная братомъ моимъ Константиномъ, снабженная вдоволь всѣми необходимыми предметами, вся эта армія возстала; литейни, оружейные заводы, арсеналы, мною же столь щедро наполненные, послужили ей для того, чтобы воевать со мною. Я въ правѣ принять предосторожности, чтобы предупредить повтореніе случившагося. Углубимся, какъ говорятъ, въ самую суть вопроса. Что такое поляки? Народъ, разбросанный по обширной терри-

Библиотека "Руниверс"

торіи, которая принадлежитъ тремъ различнымъ державамъ. Развѣ я въ правѣ вернуться къ раздѣлу, такъ давно исполненному тремя различными державами? Всѣ сторонники поляковъ разглагольствуютъ объ этомъ надосугѣ. Они забываютъ, что я россійскій императоръ, что я долженъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти моихъ русскихъ подданныхъ и сочувствовать ихъ страстямъ въ томъ, что онѣ имѣютъ въ себѣ справедливаго. Гдѣ же я возьму составныя начала Польши, возстановляемой въ воображеніи? Имѣютъ ли въ виду раздѣлъ 1792 года, или мечтаютъ о возстановленіи всей Польши, какъ она существовала до перваго раздѣла? Но вѣдь ни Австрія, ни Пруссія, ни мои русскіе подданные не позволили бы мнѣ этого. Вы видите, что нѣтъ возможности вернуться къ прошедшему. Могу утверждать съ полною искренностью, мы осыпали поляковъ всякаго рода благодѣяніями; могу сказать ихъ самымъ восторженнымъ сторонникамъ: найдите мнѣ, въ какое угодно время, подъ русскимъ ли владычествомъ, въ эпоху ли герцогства Варшавскаго, въ пору ли буйнаго избирательнаго королевскаго правленія, Польшу, болѣе богатую, лучше устроенную, съ болѣе превосходною арміей, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностію передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое. Поляки не оцѣнили всѣхъ этихъ преимуществъ; довѣріе навсегда разрушено между ими и мною. (La confiance est à jamais détruite entre eux et moi)».

Всѣ доводы императора Николая не поколебали, однако, убѣжденій барона Бургоэна, который продолжалъ настаивать на необходимости возстановить въ Польшѣ, хотя отчасти, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до мятежа, находя, что поляковъ скорѣе можно образумить милосердіемъ, нежели строгостію. Государь возразилъ, въ свою очередь, дипломату, что никогда не позволитъ себѣ этого (je m'en garderai bien). Впрочемъ, въ семъ роковомъ вопросѣ баронъ Бургоэнъ былъ не одинокимъ проповѣдникомъ политики милосердія и всепрощенія. Парротъ, опальный другъ императора Александра, также заступился за поляковъ и писалъ въ 1831 году его преемнику:

«Прежде чѣмъ написать вамъ эти строки, я палъ ницъ передъ Божествомъ. Я просилъ его очистить мое сердце отъ всякой слабости, а мой умъ—отъ всякаго предубѣжденія. Я умолялъ Его осѣнить меня, чтобы подать вамъ совѣтъ. Почтите, государь, эту мольбу безкорыстнаго старца, который имѣетъ въ виду лишь васъ, ваши истинные интересы, вашу славу. Я вопрошалъ свое сердце, соразмѣрялъ настоящее и будущее, и вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ—это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе. Казня живыхъ, нельзя воскресить мертвыхъ. Месть—проявленіе страстей. Про-

Библиотека "Руниверс"

щать — это сѣять братство среди людей, предотвратить месть въ какой либо критическій моментъ. А кто поручится вамъ, государь, что критическій моментъ не наступитъ для васъ? или для вашего дорогого сына? Развѣ у васъ, государь, нѣтъ какого либо грѣха, который нужно было бы искупить? И вотъ милосердіе въ отношеніи Польши искупитъ ихъ всѣ» [460].

Наконецъ, независимо отъ краснорѣчивыхъ изліяній неисправимаго александровскаго идеалиста, даже среди русскаго общества, несмотря на патріотическія увлеченія минуты, раздавались голоса въ пользу примирительной политики. Князь П. А. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: «Что дѣлается въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы? Именемъ Бога (если Онъ есть) и человѣчности (если она есть) умоляю васъ, распространяйте чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ! Право сильнаго восторжествовало. Такимъ образомъ, Провидѣніе удовлетворено. Да будетъ Оно прославлено, равно какъ и тѣ, кому сіе надлежитъ; но не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова европейцами» [461].

Тѣмъ не менѣе идеи строгости и возмездія одержали верхъ. Императоръ остался вѣренъ мысли, высказанной имъ еще до усмиренія польскаго мятежа, что «если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе (la méfiance la plus absolue)».

V.

Государь, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 году холерное бѣдствіе, пожелалъ теперь побывать снова въ своей древней столицѣ, когда послѣ усмиренія польскаго мятежа воцарились опять въ землѣ Русской миръ и спокойствіе. 11-го (23-го) октября императоръ Николай прибылъ въ Москву; черезъ три дня пріѣхала туда императрица Александра Ѳеодоровна, а 28-го октября (9-го ноября) — наслѣдникъ цесаревичъ.

«Ты удивишься, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, когда узнаешь мой внезапный отъѣздъ съ женой сюда; но я считалъ его полезнымъ для того, чтобъ удостовѣриться самому о духѣ Москвы и дать оному нужное мнѣ направленіе», писалъ императоръ Николай князю Варшавскому 15-го (27-го) октября 1831 года. По пріѣздѣ же въ Москву государь писалъ: «Сказать восторгъ жителей Москвы невозможно, надо самому это видѣть; день былъ прелестный, и народу было столько, что сверху страшно было смотрѣть. Замѣчательно, что ключи Модлина ко мнѣ доставлены наканунѣ молебствія; ключи Замостья здѣсь — наканунѣ

Библиотека "Руниверс"

БИЛЕТЪ

Отъ Начальника Вышневолоцкаго Карантина.

№ 2486.

Объявитель сего Действительнаго Статскаго Совѣтника Бутковъ дворовой человѣкъ Петръ Кирѣевъ въ Вышневолоцкомъ Карантинѣ выдержалъ опредѣленной 14-ти дневный терминъ и выпущенъ изъ Карантина 29 числа Генваря мѣсяца 1831 года въ благополучномъ состояніи.

Генералъ-Маіоръ Шабковъ 2

КАРАНТИННЫЙ БИЛЕТЪ 1831 ГОДА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

же молебствія. Великъ Богъ русскій, десница Его видна вездѣ и во всемъ, Онъ любитъ Россію»[462].

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ по поводу пребыванія государя въ Москвѣ, что площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кипѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого нибудь изъ членовъ импера-

Императрица Александра Ѳеодоровна.
(Съ литографіи Гольдбаха, сдѣланной съ портрета Разумихина).

торской фамиліи въ окошко. «При ихъ выѣздахъ толпа бѣжала имъ навстрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работалъ между тѣмъ неусыпно надъ преобразованіемъ управленія царства Польскаго и надъ сліяніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ от-

Библиотека "Руниверс"

ношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено въ правахъ и привилегіяхъ своихъ отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получили тѣ же, какъ и въ Россіи. Въ это пребываніе двора въ Москвѣ привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками[463]. Тамъ же, на полу, у подножья императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная царству Польскому»[464].

По этому поводу императоръ Николай писалъ князю Варшавскому изъ Москвы: «Спасибо за charte constitutionnelle и за знамена; все здѣсь храниться будетъ въ Оружейной палатѣ, какъ памятникъ великодушія нашего Александра I-го и польской благодарности, равно какъ твоей славы и храбраго нашего войска»[465].

Затѣмъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ фельдмаршалу государь посвятилъ тому же предмету еще нѣсколько строкъ: «Я получилъ ковчегъ съ покойницей конституціей, за которую благодарю весьма; она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной палатѣ»[466].

Относительно генераловъ бывшей польской арміи императоръ Николай распорядился не очень милостиво.

Сначала казалось, что правительство откажется отъ респрессивныхъ мѣръ относительно генераловъ мятежной арміи. Дѣйствительно, 10-го (22-го) сентября, графъ Чернышевъ писалъ князю Варшавскому, что государь повелѣваетъ, чтобы всѣ польскіе генералы, пользовавшіеся этимъ званіемъ въ арміи до революціи, отправлены были въ Москву и тамъ ожидали бы полученія дальнѣйшихъ приказаній его величества. Чернышевъ прибавилъ, что государь не желаетъ, чтобы господа эти, направляясь въ Москву, были арестованы, но только сопровождаемы (elle désire que ces messieurs se dirigent sur Moscou sans être arrêtés, mais accompagnés); напротивъ того, писалъ Чернышевъ, государь желаетъ, чтобы генералы эти знали, что, требуя ихъ въ Москву, онъ не намѣревается принять противъ нихъ карательныя мѣры; они должны остаться въ Москвѣ, пока Польша не будетъ вновь организована, и тогда, какъ полагалъ Чернышевъ, государь намѣревается ихъ видѣть и дозволить имъ возвратиться (il ne faut pas qu'ils croient que l'empereur a l'intention de sévir contre eux, ou qu'il leur arrive autre chose que de séjourner à Moscou jusqu'à ce que la Pologne se réorganise).

Библиотека "Руниверс"

Но вскорѣ снисходительное настроеніе государя измѣнилось, и уже 1-го (13-го) октября государь писалъ князю Варшавскому изъ Царскаго Села: «Польскихъ генераловъ ни въ какомъ случаѣ я не полагалъ оставить въ Москвѣ, но разошлю врозь по губернскимъ городамъ и подалѣе». Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Москву, государь писалъ въ разное время: «Польскіе генералы валятъ сюда ежедневно и спроваживаются не медля въ Ярославль и Вологду». «Подвозъ поляковъ съ недѣлю какъ пріостановился было, какъ вдругъ сегодня привезены трое, въ томъ числѣ и его милость Крюковецкій. Какъ имъ будетъ весело любоваться другъ на друга! Я ихъ прибралъ по мастямъ, такъ что всѣ наслѣдники главнокомандованія обрѣтаться будутъ въ Ярославлѣ, а прочая вся сволочь въ Вологдѣ» [467].

Разрѣшеніе возвратиться въ Польшу дано было весьма немногимъ избраннымъ лицамъ, сумѣвшимъ внушить къ себѣ довѣріе правительства.

Императоръ Николай воспользовался своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы съѣздить въ Ярославль. Въ этой поѣздкѣ сопровождалъ государя генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «На пути въ Ярославль мы ночью посѣтили Троицко-Сергіевскую лавру. Архимандритъ съ братіею встрѣтили насъ у святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12 градусовъ мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и коридоры въ ту древнюю и великолѣпно украшенную церковь, гдѣ нѣкогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти для причащенія въ послѣдній разъ св. тайнъ, а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятеля. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молитвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣиваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоцѣнные камни на иконахъ, — все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣйное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города принялъ и обѣдъ, поданный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усѣяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось наконецъ выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать; только тогда толпа

Библиотека "Руниверс"

разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами. Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивеллировка волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и прекрасный Спасскій монастырь обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается приказъ общественнаго призрѣнія и училище для неимущихъ дѣтей обоего пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября (7-го декабря). Большіе концерты въ дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генералъ-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицезрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ привѣтливостью, передъ которой исчезали принужденность этикета и различіе сана».

Пребываніе государя въ Москвѣ ознаменовалось встрѣчею съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Она не прошла безслѣдно.

Императоръ Николай, какъ уже выше упомянуто, питалъ глубокое, можно сказать, непреодолимое недовѣріе и нерасположеніе къ бывшему проконсулу Грузіи; эти чувства продолжали существовать и въ 1831 году, хотя со времени невольной отставки Ермолова прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ. Настроеніе государя вполнѣ отразилось въ перепискѣ его съ княземъ Варшавскимъ. 15-го (27-го) октября императоръ Николай писалъ отцу-командиру: «Здѣсь нашелъ я Ермолова, онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и, какъ кажется, присмирѣлъ. Полагаютъ, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя онъ мнѣ про сіе ничего не говорилъ; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать. Je connais mon homme». Нѣсколькими днями позже, 24-го октября (5-го ноября), государь продолжалъ: «Мое ожиданіе сбылось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять паки въ службу! Вотъ до чего дожили, посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, присмирѣлъ; не проведетъ дружокъ!» [468].

Къ этимъ неблагопріятнымъ отзывамъ императоръ Николай прибавилъ 3-го (15-го) ноября слѣдующія строки: «Ермоловъ покуда скроменъ и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую, и покуда еще не понимаю».

Внѣшнимъ образомъ государь и императрица Александра Ѳеодоровна обошлись съ Ермоловымъ въ Москвѣ чрезвычайно милостиво; при различныхъ встрѣчахъ съ ветераномъ 1812 года Николай Павловичъ удостоивалъ его продолжительными разговорами [469]. Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе, и, какъ пишетъ

Библиотека "Руниверс"

Погодинъ: «придворные паразиты посыпались къ нему съ визитами». Тѣмъ не менѣе ничего особеннаго или чрезвычайнаго не случилось, и назначеніе Ермолова на должность, соотвѣтствующую его способностямъ и опытности, все-таки не послѣдовало. Императоръ Николай принялъ только Ермолова вновь на службу и назначилъ членомъ государственнаго совѣта, вслѣдствіе чего Алексѣй Петровичъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ[470].

Денисъ Давыдовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности относительно обстоятельствъ, обусловившихъ вторичное вступленіе на службу Ермолова. «Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, облас-

Бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году.
(Съ картины того времени).

канный имъ, вступитъ снова въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Бенкендорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему по порученію государя слѣдующее: «его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу», на что Ермоловъ отвѣчалъ: «государь властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ». Это было передано, куда слѣдуетъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Онъ сказалъ ему, что государь даетъ ему слово, что его никогда не сведетъ съ фельд-

Библиотека "Руниверс"

маршаломъ. Вынужденный написать въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ вскорѣ узналъ изъ приказа о принятіи своемъ въ службу» [471].

Можетъ быть, нѣчто подобное дѣйствительно случилось и можетъ быть до нѣкоторой степени согласовано съ содержаніемъ писемъ императора Николая о Ермоловѣ къ князю Варшавскому.

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ распоряженіи, сдѣланномъ императоромъ Николаемъ въ Москвѣ въ 1831 году; оно касалось государственной уставной грамоты императора Александра I-го.

Когда вспыхнула революція въ Варшавѣ, поляки захватили множество секретныхъ бумагъ, принадлежавшихъ цесаревичу Константину Павловичу и Н. Н. Новосильцову. Въ числѣ послѣднихъ находилась также государственная уставная грамота, разработкою которой нѣкогда занимался Новосильцовъ. Польское революціонное правительство воспользовалось сдѣланной находкой для своихъ цѣлей и напечатало грамоту 18-го (30-го) іюля 1831 года въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ съ прибавкою предисловія, написаннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Андреемъ Городискимъ (André Horodyski) [472]. Когда русскія войска вступили въ Варшаву, государственная уставная грамота продавалась въ книжныхъ магазинахъ города; узнавъ объ этомъ, императоръ Николай написалъ князю Варшавскому, 14-го (26-го) сентября 1831 года, слѣдующія замѣчательныя строки:

«Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденнаго у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ — и главное не забудутъ. Это пуще всего меня безпокоитъ. Для того столь желательно мнѣ, какъ менѣе возможно, продержать гвардію въ Варшавѣ. Вели графу Витту стараться достать елико можно болѣе экземпляровъ сей книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мнѣ, равно какъ и оригинальный актъ конституціи польской, который искать должно въ архивѣ сената.... Начальникамъ велѣть обращать самое бдительное вниманіе на сужденія офицеровъ и стараться и словами и собственнымъ примѣромъ доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ оружіемъ намъ вредить хотятъ».

Князь Варшавскій отвѣчалъ государю, 26-го октября (7-го ноября) 1831 года:

«Генералъ графъ Виттъ, которому я во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества поручилъ сдѣлать разысканіе о такъ называемой русской конституціи, донося мнѣ, что изъ числа 2.000 экземпляровъ, въ Варшавѣ напечатанныхъ, взято революціоннымъ правительствомъ для раздачи всѣмъ министрамъ, членамъ революціоннаго пра-

Библиотека "Руниверс"

вленія и депутатамъ сейма 150, отправлено помянутымъ правленіемъ къ главнокомандующему арміею мятежниковъ для употребленія по его усмотрѣнію 150, распродано частнымъ лицамъ: до занятія нашими войсками Варшавы 102 и въ первые дни по занятіи сего города распродано 18,— доставилъ ко мнѣ рукопись сей книги на французскомъ и русскомъ языкахъ и 1.578 печатныхъ экземпляровъ, нами выкупленныхъ, кромѣ экземпляра, представленнаго вашему императорскому величеству, и экземпляра, врученнаго его императорскому высочеству государю великому князю Михаилу Павловичу. Поднося при семъ вашему императорскому величеству упомянутую рукопись, всеподданнѣйше доношу, что означенные 1.578 экземпляровъ отправлены мною въ двухъ запечатанныхъ печатью генерала графа Витта ящикахъ для представленія вашему императорскому величеству къ генералъ-адъютанту графу Чернышеву.

«Что же касается до экземпляровъ, взятыхъ революціоннымъ правительствомъ и распроданныхъ частнымъ лицамъ, то генералъ графъ Виттъ при всемъ усерднѣйшемъ стараніи не успѣлъ еще открыть, у кого оные находятся, и по сіе время никакого не оказалось повода, по коему бы можно было полагать, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ экземпляровъ были у гвардейскихъ офицеровъ».

Участь присланныхъ въ Москву ящиковъ съ уставною грамотою вскорѣ опредѣлилась. 23-го ноября (5-го декабря) генералъ-адъютантъ Адлербергъ сообщилъ московскому коменданту генералу Стаалю, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ въ присутствіи вашего превосходительства и моемъ сжечь 1.578 экземпляровъ одного сочиненія, распространеніе коего, по содержанію своему, не можетъ быть допущено. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство назначить на сихъ же дняхъ время и мѣсто къ должному исполненію сей высочайшей воли».

Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ нижеслѣдующаго секретнаго всеподданнѣйшаго рапорта, отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1831 года:

«Во исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія доставленные отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею два запечатанныхъ ящика, сего числа, со всѣми находившимися въ оныхъ 1.578-ю экземплярами такъ называемой русской конституціи, на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены. О чемъ счастіе имѣемъ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству.

«Московскій комендантъ генералъ-майоръ Стааль.

«Генералъ-адъютантъ Адлербергъ» [473].

Императоръ Николай остался чрезвычайно доволенъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ, отдохнувъ здѣсь отъ девятимѣсячнаго мученія, какъ выразился государь въ письмѣ къ князю Варшавскому,

Библиотека "Руниверс"

прибавивъ, «которое Богъ прекратилъ черезъ твое лицо». Печальное извѣстіе внезапно прервало пребываніе двора въ первопрестольной столицѣ: 17-го (29-го) ноября княгиня Ловичъ скончалась въ Царскомъ Селѣ въ первую годовщину польской революціи. «Бѣдная сестра княгиня Ловичъ кончила свою страдальческую жизнь» [474], писалъ государь князю Варшавскому. Подобно императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, княгиня не могла пережить своего супруга.

Государь выѣхалъ изъ Москвы 25-го ноября (7-го декабря) вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Здѣсь онъ сѣлъ въ открытыя, какъ всегда, въ его поѣздкахъ сани и проѣхалъ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. По разсказу Бенкендорфа, «близъ Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ во всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отданія послѣдняго долга скончавшейся княгинѣ Ловичъ. Весь дворъ былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обиталища».

Когда императоръ Николай возвратился въ Петербургъ, совершилась уже одна, не лишенная значенія, перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Еще до московской поѣздки государь сообщилъ князю Меншикову, что графъ Закревскій просится въ отставку, и поручилъ ему спросить графа, кого онъ избралъ бы себѣ въ преемники по управленію министерствомъ. Вскорѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1831 года, дѣйствительно состоялось увольненіе графа Закревскаго въ отставку, въ которой Арсеній Андреевичъ пробылъ до 1848 года, когда, по личной просьбѣ государя, графъ снова вступилъ на служебное поприще. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ; должность же финляндскаго генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Въ чемъ же заключалась причина столь внезапнаго и неожиданнаго увольненія столь заслуженнаго государственнаго дѣятеля? Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ объясняетъ, что графъ Закревскій при назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій въ незнаніи угодливости сильнымъ нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властью, въ особенности предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ графа Кочубея, графъ Арсеній Андреевичъ естественно не могъ долго удержаться на мѣстѣ. Начало его опалѣ по-

Библиотека "Руниверс"

ложено было проектомъ закона о состояніяхъ, разсматривавшимся въ государственномъ совѣтѣ въ 1830 году.

«Я не только,—разсказывалъ Закревскій барону Корфу,—сопротивлялся всѣми силами этому, какъ онъ его называлъ, нелѣпому проекту, но и осмѣлился даже въ совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда въ Варшаву, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю присутствіе его величества въ столицѣ. Почему же?—спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ. Потому, отвѣчалъ я, что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества. Прямого возраженія не послѣдовало, и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако съ тѣхъ именно поръ государь видимо ко мнѣ охолодѣлъ, а Кочубеи, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, потому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ: чему я приписываю народное волненіе?

«— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

«— Это что значитъ?

«— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащитъ въ холерныя больницы и больныхъ и здоровыхъ, а потомъ выпускаетъ только тѣхъ, которые откупятся.

«— Что это за вздоръ!—закричалъ государь, видимо разгнѣванный.— Кокошкинъ, доволенъ ли ты своею полиціею?

«— Доволенъ, государь,—отвѣчалъ оберъ-полицеймейстеръ, тутъ же находившійся.

«— Ну, и я совершенно тобою доволенъ!

«Съ этимъ словомъ государь отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тутъ я еще болѣе убѣдился, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предпочтеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторыя, особо мнѣ данныя, порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ дѣло нѣсколько оттянулось отъ того, что государь велѣлъ мнѣ ѣхать въ Финляндію для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ по случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ октя-

Библиотека "Руниверс"

бря 1831 года, въ самую минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигшую его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же, безъ затрудненій, безъ объясненій и даже безъ личнаго свиданія».

Въ дополненіе къ этому разсказу слѣдуетъ еще замѣтить, что немилости, въ которую впалъ тогда графъ Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутыя мѣры, принятыя имъ во время объѣзда Россіи по случаю холерной эпидеміи; онѣ вызвали много неудовольствія и справедливыхъ жалобъ [475].

Въ эту пору императора Николая не переставала занимать мысль о возможномъ вредномъ вліяніи польскаго общества на молодыхъ представителей нашей арміи среди покоренной ею страны. Тотчасъ послѣ занятія Варшавы государь не замедлилъ высказать фельдмаршалу, что онъ крайне опасается для офицеровъ, находящихся въ Польшѣ, «заразы нравственной», и писалъ 14-го (26-го) сентября изъ Царскаго Села, совѣтуя чаще мѣнять гарнизонъ въ Варшавѣ и обратить самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ. Къ этому наставленію государь присовокупилъ: «заразы нравственной всего болѣе боюсь». Послѣднія слова были три раза подчеркнуты государемъ.

По прибытіи изъ Москвы, императоръ Николай въ своей перепискѣ снова возвратился къ этому жгучему вопросу и 10-го (22-го) декабря сообщилъ князю Варшавскому еще слѣдующія дополнительныя мысли:

«Все, что говоришь о спокойствіи края, мнѣ весьма пріятно [476]; но прошу на сіе не полагаться и вездѣ подтверждать быть осторожну. Я боюсь женщинъ; этотъ адскій народъ ими всегда дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольныхъ мыслей точно въ опасномъ положеніи; молю тебя, ради Бога смотри, что̀ дѣлается, и не принимается ли зараза у насъ. Въ семъ наблюденіи нынѣ состоитъ какъ твоя, такъ и всѣхъ начальниковъ, самая первая, важная, священная обязанность. Надо вамъ сохранить Россіи вѣрную армію; въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, желаніемъ подражанія. Сохрани насъ отъ того Богъ! Но, повторяю, въ семъ вижу крайнюю опасность и неотступно прошу усугубить за симъ самое бдительное попеченіе, надзоръ и подтвержденіе всѣмъ начальникамъ. Надо елико можно дѣйствовать оружіемъ презрѣнія и во всѣхъ случаяхъ передъ нашими выставлять всю гнусность мятежническихъ правилъ и указать ужасныя онаго послѣдствія для края и для всѣхъ состояній. Пиши мнѣ, что ты по сему думаешь и замѣчаешь. Но лучшій способъ избѣгать опасности есть удаляться отъ оной, то-есть выслать домой все, безъ чего обойтись можно».

Библиотека "Руниверс"

На предостереженіе императора Николая князь Варшавскій отвѣчалъ 18-го (30-го) декабря:

«Спокойствіе края до сихъ поръ, благодаря Бога, продолжается; ни одного важнаго происшествія не случилось; съ самаго начала я сколь возможно занялся, чтобы войска, а особливо офицеры не испортились въ Варшавѣ, и для того по вашему повелѣнію войска перемѣняются; солдаты стоятъ въ казармахъ. Гренадеры теперь смѣняются; офицеры сего корпуса весьма хорошо вели себя, сохраняя дисциплину и мало гдѣ знакомились. Я займусь, нельзя ли будетъ какими постановленіями предупредить дурныя знакомства; но сіе весьма трудно по деревнямъ исполнить; но я думаю, что на массу офицеровъ знакомства сіи не сдѣлаютъ большого вліянія, но, можетъ быть, нѣсколько шалуновъ и будутъ въ ихъ мысляхъ. Я думаю, что сіе еще не такъ опасно, ибо до сихъ поръ почти половина нашей арміи стояла въ Польшѣ; но, кромѣ 6-го корпуса, который былъ составленъ изъ поляковъ, всѣ другія войска весьма хорошо дрались, и не слышно было приверженности къ революціоннымъ мыслямъ; но еще предпишу всѣмъ начальникамъ обратить на сіе строгое вниманіе. Притомъ же я сколько примѣчаю, что и самые поляки не весьма хорошо насъ принимаютъ; вмѣсто того, я замѣчаю нѣкоторую въ нихъ гордость и удивленіе, что осмѣливаются съ ними строго обходиться и пренебрегать. Словомъ я не вижу, чтобы сей народъ былъ къ намъ весьма уклончивъ».

Въ отвѣтъ на приведенное нами письмо государь благодарилъ отца-командира «за добрыя извѣстія о краѣ», но прибавилъ: «Весьма желаю, чтобы надежды твои насчетъ сохраненія добраго духа въ войскахъ сбылись, но самая бдительная осторожность необходима. Для бо̀льшаго раздѣленія офицеровъ варшавскаго гарнизона отъ жителей предлагаю тебѣ размѣстить ихъ предпочтительно, въ видѣ казармъ, въ домахъ секвестрованныхъ, какъ, напримѣръ, въ домѣ Паца и Чарторижскаго; такимъ образомъ, всѣ будутъ вмѣстѣ и подъ однимъ надзоромъ, и городу будетъ тогда легче отъ квартированія. Гордость польская не помѣшаетъ имъ всячески стараться пробовать и портить образъ мыслей молодежи, въ чемъ женщины будутъ главнымъ орудіемъ, такъ какъ это всегда бывало. Удивленіе же ихъ, что строго съ ними обходятся, крайне мило и забавно... Прощай, любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя сердечно и поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ; да будетъ онъ миренъ и счастливъ для Россіи, которой нуженъ отдыхъ; но ежели присуждено быть иначе, да будетъ же онъ случаемъ новой славы храбрымъ нашимъ героямъ, подъ предводительствомъ варшавскаго побѣдителя. Да благословитъ тебя Богъ!» [477].

Закончился столь тревожный всякими событіями 1831-й годъ; для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся безъ пере-

Библиотека "Руниверс"

рыва до венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ явился на престолѣ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи. Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, привело принца Евгенія Виртембергскаго къ слѣдующимъ размышленіямъ:

«Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушенъ, человѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердъ и рѣшителенъ, что тебѣ предначертано играть блестящую роль во главѣ могущественнѣйшаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ; но если ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ!» [478].

Этими строками заканчиваются воспоминанія принца Евгенія, сочувственныя отношенія котораго къ императору Николаю и къ Россіи не могли быть поколеблены, несмотря на всѣ невзгоды и несправедливости, испытанныя имъ въ разное время на служебномъ поприщѣ. Поэтому за отзывомъ принца слѣдуетъ признать значеніе безпристрастнаго историческаго приговора.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

1. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го мая 1826 года.

2. Въ числѣ особъ, прибывшихъ въ Москву по случаю коронованія, находились еще: представитель папы, чрезвычайный посолъ монсиньоръ Бернетти, и представитель сардинскаго короля, маркизъ де-Бриньоле-Салъ.

3. Императоръ Николай писалъ 3-го (15-го) августа 1826 года цесаревичу Константину Павловичу:

«Nous sommes ici depuis dix jours; j'ai remis le couronnement à la fin du carême; la santé de ma femme, excessivement ébranlée depuis tout ce hiver, exige des soins particuliers et la plus parfaite uniformité d'existence et de genre de vie; nous sommes à cet effet établis dans la maison de la comtesse Orloff, jouissant en plein de ce superbe local».

4. За своднымъ гвардейскимъ отрядомъ, отправленнымъ въ Москву, начальство зорко слѣдило; о немъ поступало великое множество секретныхъ донесеній, въ которыхъ встрѣчаются и разнаго рода безсмысленныя сплетни. Такъ, напримѣръ относительно Преображенскаго полка сообщалось, что солдаты любятъ и преданы государю, но въ нихъ будто бы стараются вселить любовь къ цесаревичу Константину Павловичу и ненависть къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; разсказывали, будто цесаревичъ просилъ недавно государя уменьшить гвардейскимъ солдатамъ срокъ службы до 15-ти лѣтъ; государь изъявилъ на то согласіе, но императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась сему и настояла на томъ, чтобы цесаревичу было отказано въ его просьбѣ. «за что его высочество остался столь недовольнымъ, что не пишетъ болѣе къ государю императору».

Донесенія поступали и о частяхъ, расположенныхъ въ Петербургѣ; агентами служили прачки, которыхъ нанимала и наставляла одна дама, и ей сообщались слухи и разговоры въ полкахъ.

Генералъ-адъютанту Закревскому поручено было при проѣздѣ въ Москву развѣдывать скромнымъ образомъ о мнѣніяхъ и разговорахъ выступившихъ на коронацію гвардейскихъ солдатъ. Онъ писалъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 20-го іюня 1826 года: «Сказывали мнѣ. якобы нижніе чины говорили, что ихъ мучатъ ученіями и не даютъ покоя на растагахъ, и они готовы сами дать по два рубля на мѣсто жалуемыхъ имъ денегъ за хорошее ученіе, лишь бы перестали мучить».

5. «Je suis très content de Moscou et de son aspect physique et moral; j'en dirai de même des troupes... Nos étrangers crient merveille, et je les prie de ne pas tant s'extasier jusqu'à ce qu'ils n'aient vu la garnison d'été de Varsovie. Marmont compare ces

Библиотека "Руниверс"

troupes à l'état de l'armée française au camp de Boulogne. A la revue mon petit drôle au trot et au galop à la droite de la division de son régiment et s'en est bien tiré, au grand plaisir du papa et des spectateurs».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) августа 1826 года.

6. «L'empereur me disait, en regardant son fils avec l'expression de la sollicitude la plus tendre: «Vous imaginez que j'éprouve de l'agitation et de l'inquiétude en voyant cet enfant, qui m'est si cher, dans un pareil mouvement; mais j'aime mieux m'y soumettre pour lui former le caractère et l'accoutumer de bonne heure à être quelque chose par lui même».

«Voila ce qu'on peut appeler de bons principes d'éducation; et quant ils sont appliqués à l'éducation d'un homme destiné à être chef d'un grand empire, on doit en prévoir les meilleurs résultats».

Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792 á 1841. Paris. 1857. T. VIII, p. 50.

По поводу воспитанія наслѣдника Александра Николаевича Мармонъ еще пишетъ (p. 49):

«Une chose admirable est l'éducation donnée par Nicolas à son fils, prince charmant, d'une rare beauté, et dont le temps n'aura sans doute fait que développer les qualités. Je demandai à l'empereur à lui être présenté, et il me répondit: «Vous voulez donc lui tourner la tête. Ce serait un beau motif d'orgueil pour ce petit bonhomme que de recevoir les hommages d'un général qui a commandé les armées. Je suis fort touché de votre désir de le voir, et vous pourrez le satisfaire quand vous irez à Zarskoie-Sélo. On vous fera rencontrer mes enfants. Vous les examinerez et vous causerez avec eux; mais une présentation d'étiquette serait une chose inconvenante. Je veux faire de mon fils un homme, avant d'en faire un prince». Plus d'une fois l'empereur, en apprenant les détails de l'éducation de M. le duc de Bordeaux, a gémi avec moi de la pompe ridicule qui entourait ce prince dans sa plus grande enfance».

7. Изъ записокъ барона Модеста Андреевича Корфа. Императоръ Николай относился вообще съ большимъ благоволеніемъ къ князю Любецкому. Для характеристики этихъ отношеній можетъ служить слѣдующій разсказъ, также записанный барономъ М. А. Корфомъ.

Однажды, въ первый годъ царствованія императора Николая, при откровенной бесѣдѣ, князь Любецкій выговорилъ ему множество истинъ относительно Россіи и его самого. Выслушавъ все благосклонно, государь вдругъ остановилъ своего собесѣдника вопросомъ:

«— Да скажи, пожалуйста, откуда у тебя берется смѣлость высказывать мнѣ все это прямо въ глаза?

«— Я вижу, государь, что кто хочетъ говорить вамъ правду, не въ васъ находитъ къ тому помѣху, и дѣйствую по этому убѣжденію. Но власть—самая большая баловница въ мірѣ. Теперь вы милостиво позволяете мнѣ болтать и не гнѣваетесь, но лѣтъ черезъ десять или и меньше все перемѣнится, и тогда, свыкнувшись съ всемогуществомъ, съ лестью и съ поклонничествомъ, вы за то, что теперь такъ легко мнѣ сходить, прикажете, можетъ быть, меня повѣсить.

«— Никогда, я всегда буду радъ правдѣ и позволяю тебѣ тогда, какъ и теперь, если я стану говорить или дѣлать вздоръ, сказать мнѣ прямо: Николай, ты врешь.

«Года два послѣ того, — продолжалъ Любецкій въ своемъ объ этомъ разсказѣ, — я опять пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ государю. Въ этотъ разъ онъ принялъ меня чрезвычайно холодно, даже не въ кабинетѣ, какъ прежде, а въ передней залѣ, и, оборотясь съ разсѣяннымъ лицомъ къ окошку, встрѣтилъ самыми сухими разспросами о погодѣ, о дорогѣ и пр. Не было и тѣни прежней довѣрчивости, и я, разумѣется, сохранялъ съ моей стороны глубочайшій этикетъ, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ намековъ на прежнія бесѣды. Вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, государь оборотился ко мнѣ съ громкимъ хохотомъ и съ протянутою рукою:

«— Что, хорошо ли я сыгралъ свою роль избалованнаго могуществомъ и лестью? Нѣтъ, братецъ, я не перемѣнился и не перемѣнюсь никогда, и если ты въ чемъ не согласишься со мною, то можешь попрежнему смѣло сказать: Николай, ты врешь».

Библиотека "Руниверс"

8. «J'espère, avec l'aide de Dieu, être pour le 22 Juillet à Moscou; ainsi donc vous voilà au fait, autant que moi-même de mes projets. Je ne vous cache pas que je serai bien heureux de vous voir; si la chose est impossible, je me résigne, puisque apparemment telle sera la volonté de Dieu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года.

9. Цесаревичъ находился въ пути пять дней. На станціяхъ онъ приказалъ разспрашивать ѣдущихъ изъ Москвы, была ли уже коронація или нѣтъ. При въѣздѣ въ Москву цесаревичъ оставилъ своихъ спутниковъ въ ихъ экипажахъ у Смоленской заставы и одинъ отправился въ Кремль.

10. Изъ разсказовъ сенатора Данилова о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ («Русская Старина» 1870 года, томъ 1-й, изданіе 1-е, стр. 280).

Сенаторъ Иванъ Даниловичъ Даниловъ находился при цесаревичѣ съ 1801 года до самой его кончины и нѣсколько лѣтъ управлялъ военно-походною канцеляріей его высочества.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 20-го августа 1826 года напечатано было въ извѣстіяхъ изъ Москвы отъ 15-го августа: «Вчера въ одиннадцать часовъ пополуночи прибылъ сюда изъ Варшавы его императорское высочество цесаревичъ. Его высочество изволилъ остановиться въ Кремлевскомъ дворцѣ».

11. Свиньинъ: Историческое описаніе священнѣйшаго коронованія. «Отечественныя Записки» 1827 года, № 88.

12. Присужденнымъ на каторжную работу вѣчно опредѣленъ былъ по указу 22-го августа срокъ на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

На печатномъ указѣ рукою генералъ-адъютанта Бенкендорфа написана была высочайшая воля слѣдующаго содержанія:

«По истеченіи 20 лѣтъ остаются въ Сибири, не какъ поселенцы, а на основаніи прочихъ вольныхъ жителей, припишутся въ какой нибудь цехъ или гильдію, а въ Россію не могутъ возвращаться, ибо они остаются политически умершими для Россіи».

13. Въ учрежденіи императорскаго двора сказано было: «Министръ императорскаго двора имѣетъ состоять подъ собственнымъ вѣдѣніемъ государя императора; слѣдственно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ отчетъ даетъ токмо его императорскому величеству, равно и всѣ повелѣнія получаетъ отъ его величества, а другое никакое правительство никакого отчета по дѣламъ., ввѣряемымъ его распоряженію, требовать и предписаній по оному чинить права не имѣетъ».

14. Проектъ этого манифеста императоръ Николай послалъ цесаревичу Константину Павловичу, который по этому поводу писалъ государю 4-го (16-го) января 1826 года: «Quant à l'acte ci-joint, je le trouve, devant Dieu qui m'entend et d'après mon âme et conscience, parfaitement logique et bien pensé, hormis un point, auquel je ne puis souscrire et qui est celui où il fait mention de moi et écrit de votre main au crayon, puisqu'ayant renoncé à tout droit à la couronne, je ne puis en aucune façon me mêler d'actes semblables, sans tomber dans une alternative des plus fausses possibles, qui aurait l'air que ce n'est que pour la forme que j'ai fait ma renonciation, mais qu'au fond je dirige au dessous, ou bien je me mêle des affaires du gouvernement; voilà ma profession de foi publique. Quant à la particulière, je ne puis qu'y reconnaitre un procédé de plus de votre part, cher frère, auquel je suis bien sensible et reconnaissant et qui me prouve votre amitié et votre tolérance. Ainsi soit-il».

15. Графиня Ливенъ находилась въ Петербургѣ. Графъ Комаровскій пишетъ: «Со мной посланы были нѣкоторыя награжденія; между прочими мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенъ самому вручить браслетъ съ портретомъ императора, осыпанный брильянтами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей съ титломъ свѣтлости, ибо грамоту на сіе достоинство не имѣли время еще изготовить».

Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. («Историческій Вѣстникъ», 1897 года, т. LXX, стр. 456).

*

Библиотека "Руниверс"

16. «Recevez, cher et excellent frère, ma plus entière et ma plus vive reconnaissance pour toute l'amitié que vous avez bien voulu me témoigner lors de mon dernier séjour à Moscou, auprès de vous. Soyez sûr, cher frère, que je sais l'apprécier et que j'espère, avec l'aide de Dieu, n'en être jamais indigne. Ces huit jours passés auprès de vous à Moscou, ne s'effaceront jamais de ma mémoire, ainsi que votre amitié pour moi. Que le bon Dieu daigne répandre sur vous tous Ses bienfaits et Ses bénédictions, je le Lui demande de coeur et d'âme et de pensée. Me voilà rentré chez moi et heureux de me retrouver auprès de ma femme et peiné de vous avoir tous quittés, — prenez le au pied de la lettre et tel que je le dis».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го августа (11-го сентября) 1826 года.

17. «C'est moi, cher Constantin, qui aurais dû être le premier à vous exprimer tout le bonheur que votre visite chez nous et vos bontés particulières pour moi m'ont fait éprouver, quand dans ce moment même je reçois votre chère et excellente lettre du 30 Août (11 Septembre); mais vous êtes trop bon et trop juste pour ne pas me pardonner; mais vous avez été témoin de mon genre de vie et ce qui s'est passé depuis m'a encore plus gêné dans l'emploi de mon temps; mais tout cela ne sont que de mauvaises excuses vis-à-vis de vous dont mon coeur sait apprécier les bontés; votre amitié et votre confiance sont pour moi un bien inappréciable et qui fait la tranquillité de ma vie; deviner vos intentions et vos désirs est et sera toujours un besoin pour moi, sachez le, et pour toute occasion».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) сентября 1826 года.

18. «Ma soeur Marie m'a fait exactement parvenir votre lettre en date du 15 de ce mois, mon cher et respectable instituteur, pour laquelle je vous prie d'agréer les expressions de ma plus sincère gratitude, ainsi que pour les sentiments que vous voulez bien me conserver. Votre suffrage m'est des plus flatteurs, monsieur, et je suis bien heureux de l'avoir mérité par ma conduite lors du couronnement de Moscou, mais il est de ma franchise de vous prier de ne pas y mettre un si grand prix, puisque décidé à suivre les traces de la conduite que je me suis imposée sans en dévier, il n'y a eu de ma part que le simple et le naturel qui y a agi. Personne au monde ne craint et n'a en horreur plus que moi des conduites à faire effet, dont on calcule d'avance les effets ou bien des conduites à représentations, à drame, à enthousiasme, a mouvement spontané et autres, j'avoue ma bêtise que je n'y entend rien, comme je l'ai dit plus haut. Mon parti une fois pris, ayant été sanctionné par feu notre immortel empereur et ma mère, tout le reste ne devient que pure et simple conséquence et mon rôle était d'autant plus facile que je me retrouvais au même poste que j'avais rempli antérieurement et que je n'avais pas quitté. J'avoue de plus avec la franchise que vous me connaissez, monsieur, que je ne désire rien, rien du tout, puisque je suis content et heureux autant que l'on peut l'être. Ce que j'ai à moi en propre personne au monde ne peut me l'ôter, c'est le souvenir des temps que j'ai employé au service de mes deux empereurs avec fidélité, zêle, dévouement et attachement à toute épreuve durant 32 années, comme j'espère servir celui d'à présent autant que cela pourra lui être agréable et que mes forces physiques me le permettront. Ayant de plus toujours été étranger à toutes intrigues, n'ayant connu que l'obéissance la plus passive et ayant agi envers eux avec la franchise la plus désintéressée et sans aucune arrière pensée, gardant mon opinion privée pour moi et ne l'énonçant que lorsque j'étais appelé à le faire, me soumettant toujours contre mon opinion même à remplir la volonté de mes maîtres avec la plus scrupuleuse bonne foi et y mettant pour ainsi dire une espèce de chevalerie pour faire réussir contre mon avis même ce qui m'était prescrit. Voila ce qui m'appartient et ce que personne au monde ne peut et ne pourra m'ôter. De plus, mon appui je le chercherai dans le bon Dieu et Lui voyant dans mon coeur la pureté qu'il a daigné y placer et que je tâcherai de conserver, a fait le reste en daignant me guider entre les écueils que je rencontrais parfois. Aussi je l'en remercie tous les jours du fond de mon coeur et de toute

Библиотека "Руниверс"

mon âme. Bien des personnes, mon cher et respectable instituteur, ne me comprendront pas, cela n'est pas mon affaire, c'est la leur, ils n'ont pas eu comme moi le bonheur d'avoir un frère empereur, un ami empereur, un camarade et un bienfaiteur empereur et lui avoir porté les sentiments que je lui portais et qu'il me portait à son tour. En voilá assez sur cet article.

«Les voeux que vous voulez bien m'adresser pour le bonheur de notre pays ne sauraient être agréés par moi qu'avec la plus vive reconnaissance. Comme j'aime à le croire ils l'auraient été par chacun de mes compatriotes. Puisse cette chère et grande Russie être heureuse, puisse-t-elle ne plus revoir des scènes de désolation et de honte, puisse-t-elle être grande non seulement par son étendue, mais par les véritables sentiments d'honneur qui doivent la soutenir et la faire considérer, puisque sans cela sa force ne peut être stable. Je parle ici en Russie, mon cher instituteur, et non comme son représentant, puisque je ne l'ai jamais été, et puisque vous me dites avoir été accoutumé à offrir vos voeux à notre immortel empereur en temps et lieu, vous me priez de les agréer en son nom. Je ne saurais y adhérer sans lui manquer, à moins que je ne les agrée comme indigène du pays et à ce titre je les agrée avec tout coeur et toute âme».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Лагарпу отъ 24-го декабря 1826 года (5-го января 1827 года) изъ Варшавы. Государственный архивъ. Разрядъ V.

19. «Tout le monde s'est ranimé: la gaité reprend ses droits et se venge de ces années perdues pour son culte. La jeunesse se remet à la danse et s'occupe déjà beaucoup moins de l'organisation de l'état, de la politique des deux mondes et des rêves de la mysticité».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу М. С. Воронцову изъ Москвы отъ 19-го сентября 1826 года. (Архивъ князя Воронцова, книга 35-я, стр. 268).

20. Въ письмѣ отъ 19-го сентября 1826 года къ графу М. С. Воронцову генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ:

«Celle de la comtesse Orlow a écrasé toutes les fêtes par sa magnificence et son bon goût. C'est la plus belle fête qu'on aie jamais donnée, les proportions dépassaient même celles d'un particulier; le local et les ornements appartenaient au luxe d'un souverain».

Архивъ князя Воронцова, книга 35-я.

21. «Nous sommes abimés de bals etc., je serai content d'en voir la fin», писалъ императоръ Николай цесаревичу 5-го (17-го) сентября 1826 года.

22. П. Анненковъ: А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху. 1799 — 1826 гг. С.-Петербургъ. 1874.

23. Александръ Михайловичъ Тургеневъ въ письмѣ въ Михайловскому-Данилевскому отъ 10-го января 1828 года пишетъ: «Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu, написанные авторомъ въ присутствіи государя въ кабинетѣ его величества».

Редакція этихъ стиховъ, написанная рукою Тургенева, нѣсколько разнится отъ того, въ какомъ видѣ стихотвореніе это, подъ заглавіемъ «Стансы», напечатано въ собраніи сочиненій Пушкина.

24. М. Н. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. С.-Петербургъ. 1889. Томъ 2-й. Стр. 211 и 212.

25. Записки А. О. Смирновой. С.-Петербургъ. 1895. Часть 1-я. Стр. 45.

26. Для характеристики отношеній, установившихся между императоромъ Николаемъ и Пушкинымъ, можетъ служить нижеслѣдующая высочайшая резолюція 1828 года на докладѣ о богохульной поэмѣ Гавріиадѣ, по поводу которой поэтъ удостовѣрилъ, что не онъ ее писалъ и не помнитъ, отъ кого онъ ее досталъ; свой же списокъ, вѣроятно, сжегъ въ 1820 году:

«Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю; но желаю, чтобъ онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ».

Графъ П. А. Толстой занималъ въ то время мѣсто главнокомандующаго въ Петербургѣ, полученное имъ при отъѣздѣ императора Николая въ армію, на Балканскій полуостровъ.

Библиотека "Руниверс"

27. «Русскій Архивъ» 1881 года. Книга 1-я. Стр. 338.

28. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) сентября изъ Москвы.

29. Е. П. Ковалевскій. Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ.—«Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 155.

Къ приведенной нами замѣткѣ Ковалевскаго онъ прибавляетъ еще слѣдующее поясненіе: «Конечно, на Кавказѣ войска не такъ обучены фронтовой службѣ, какъ внутри Россіи; оно и понятно: имъ некогда; но знаніе боевой службы, своего рода образованіе солдата существовало, то образованіе, какое, по крайней мѣрѣ, по началамъ своимъ, признали нынче у насъ за единственное раціональное; Ермоловъ въ этомъ случаѣ былъ учителемъ опытнымъ и свѣдущимъ, въ чемъ нельзя не сознаться. Въ томъ же духѣ была и дисциплина, правда, своеобразная и въ то же время, можетъ быть, поражавшая людей, не привыкшихъ къ ней, но теперь она кажется естественной».

30. Записки Петра Кононовича Меньковa. С.-Петербургъ. 1898. Т. 2-й. Стр. 169.

Приведенныя нами слова были сказаны императоромъ Николаемъ при посѣщеніи имъ 21-го августа 1851 года въ Москвѣ фельдмаршала князя Варшавскаго.

31. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. С.-Петербургъ. 1888. Т. 1-й. Стр. 392—395.

32. Записки Алексѣя Петровича Ермолова. Москва. 1868. Т. 2-й. Стр. 216—218.

33. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Т. 2-й. Стр. 45, 56 и 57.

Впослѣдствіи, когда генералъ-адъютантъ Паскевичъ началъ жаловаться на трудность своего положенія на Кавказѣ, подъ начальствомъ Ермолова, генералъ-квартирмейстеръ, графъ Сухтеленъ, писалъ ему 24-го января 1827 года:

«L'on eut peut-être été charmé de vous voir dès le commencement user des pouvoirs qui vous étaient donnés. Une fois que vous vous êtes contenté d'acquérir la gloire et de vous ranger en sous-ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de vous qu'un esprit d'abnégation... plus vous pourrez vous maintenir en bonne intelligence avec César (т.-е. съ Ермоловымъ) plus, j'en suis convaincu, vous serez réellement utile où vous êtes, et utile à vous même ici où vous n'êtes pas (т.-е. въ Петербургѣ)».

Графъ Сухтеленъ былъ близкій человѣкъ къ Дибичу, посвященный во всѣ тайны и дѣла того времени.

34. «Вы, вспоминая древнія римскія времена, теперь проконсуломъ въ Грузіи, а я здѣсь префектомъ, или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы, или, лучше сказать, въ срединѣ оной».

Письмо цесаревича Константина Павловича къ генералу Ермолову отъ 3-го (15-го) августа 1818 года изъ Варшавы.

35. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Т. 2-й. Стр. 82.

Въ день коронаціи, 22-го августа, И. О. Паскевичъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи. Объ этомъ Паскевичъ узналъ уже по прибытіи въ Тифлисъ.

36. «Les nouvelles de Georgie sont telles que je les ai prévues. M-r Yermolow ne ait rien; à le croire les Persans sont inatacables; il a demandé des troupes, on les lui a envoyé; il se trouve qu'il n'a pas de quoi les nourrir; il prétend qu'il fait trop froid maintenant pour ouvrir la campagne; il demande des canons de siège; on les lui envoie; il dit déjà qu'ils seront inutiles; il craint les georgiens, les arméniens, il craint tout après avoir tout exaspéré; en attendant l'indiscipline fait des progrès dans son armée. Le pauvre Paskéwitch ne peut y remédier à côté d'un chef qui n'a acheté les crieurs en sa faveur que par le relâchement de toutes les exigences militaires. Voilá ce grand patriote, qui trouvait Barclay, Wittgenstein et tout ce qui n'avait pas un nom moscovite indigne de l'honneur du nom russe; le voilá à sa juste valeur!... Pas un plan de fait pas un arrangement pris; les vaisseaux persans se promènent dans la mer Caspienne; nos forteresses ne sont pas approvisionnées et nos soldats mal vêtus. Rtitchew même avait mieux fait, mais Yermolow a beaucoup crié, et on l'a cru».

Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я. Стр. 272.

Библиотека "Руниверс"

37. Записка, сочиненная Л. Д. Боровковымъ, была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1898 года, т. 96-й, стр. 353—362.

Она состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Введеніе; 2) Воспитаніе; 3) Законы; 4) Судопроизводство; 5) Система правленія; 6) Жалованье чиновникамъ; 7) Взиманіе податей; 8) Дорожная повинность; 9) Недоимки; 10) Казенное хозяйство; 11) Торговля; 12) Состояніе флота; 13) Военныя поселенія; 14) Экономическій капиталъ поселеній; 15) Состоянія; 16) Заключеніе.

38. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 595.

39. Убѣжденія императора Николая въ смыслѣ необходимости подобныхъ ограничительныхъ постановленій возбуждались и поддерживались разными, доставляемыми ему изъ Третьяго Отдѣленія, свѣдѣніями. Примѣромъ можетъ служить слѣдующая записка:

«Извѣстно ли вашему императорскому величеству, что отставной артиллеріи генералъ-майоръ Николай Муравьевъ, учредитель бывшей въ Москвѣ школы колонновожатыхъ, имѣетъ нынѣ здѣшней губерніи Рузскаго уѣзда въ деревнѣ своей другое заведеніе, въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній. По слухамъ Муравьевъ намѣревается теперь распространить еще сіе заведеніе. Но, сообразивъ извѣстныя послѣдствія отъ прежней его школы, не благоугодно ли будетъ вашему величеству приказать подробно и съ точностію разсмотрѣть сіе новое крестьянское Муравьева заведеніе, ибо оное, дѣйствуя на многочисленнѣйшій классъ народа, можетъ быть въ будущемъ гораздо опаснѣе первой его школы».

На этой запискѣ написано рукою императора Николая: «Не мѣшаетъ узнать».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

40. Дѣло о воспрещеніи обучать крѣпостныхъ дѣтей высшимъ наукамъ. 1827 года. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

41. Собственноручная резолюція императора Николая, относящаяся къ этому дѣлу, заключалась въ слѣдующемъ:

«Мнѣніе Г. Кочубея совершенно согласно съ моимъ; я не выразилъ довольно en détail классъ учебныхъ заведеній, въ который принимать крѣпостныхъ полагаю; надо велѣть С. С. Блудову изготовить проектъ указа министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ подробно изложить сей предметъ».

Для характеристики воззрѣній императора Николая на дѣло воспитанія дѣтей лицъ высшаго класса приведемъ здѣсь слѣдующую замѣтку изъ дневника князя А. С. Меншикова отъ 21-го мая 1827 года:

«Въ 9 часовъ былъ съ докладомъ у государя на Елагиномъ островѣ и между прочими предметами показывалъ записку князя Павла Павловича Гагарина, въ которой онъ проситъ объ опредѣленіи сына въ морскую службу и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ отправить его въ Англію для изученія мореходства. На сію статью государь сказалъ слѣдующее: «Je vous avoue que je n'aime pas les envois à l'étranger; les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver peut-être avec raison les institutions de leur pays défectueuses».

42. Рескриптомъ отъ 14-го мая 1826 года на имя адмирала Шишкова повелѣно было образовать комитетъ устройства учебныхъ заведеній, который долженъ былъ между прочимъ опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оныя должны впредь быть преподаваемы.

43. А. С. Шишковъ былъ уволенъ при слѣдующемъ рескриптѣ отъ 23-го апрѣля 1828 года:

«Александръ Семеновичъ! Согласно прошенію вашему увольняю васъ по преклонности лѣтъ и разстроенному вашему здоровью отъ должностей: министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Оставляя васъ въ званіи члена государственнаго совѣта и президента императорской россійской академіи, я увѣренъ, что вы съ извѣстнымъ мнѣ рвеніемъ употребите опытъ вашего долговременнаго служенія для пользъ государства. Вмѣстѣ съ симъ я

Библиотека "Руниверс"

далъ повелѣніе министру финансовъ объ оставленіи при васъ всего получаемаго вами нынѣ содержанія».

Адмиралъ Шишковъ умеръ въ 1841 году.

44. «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». С.-Петербургъ. 1862. (Въ типографіи морского министерства). Въ продажу не поступало.

45. Командиръ 7-го пѣхотнаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Рудзевичъ, въ томъ же высочайшемъ приказѣ, назначался командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса.

46. «Depuis quelque temps, les plaintes contre les exigences minitieuses et la sévérité du grand duc Michel avaient augmentés à un point qui paraissait allarmant; le comte Kotchoubey, le général Wassiltchikow et enfin moi en parlâmes à l'empereur, sans pourtant nous être abouchés entre nous, ce qui prouva que le bruit était général. On m'ordonna de parler au grand duc; la scène devait être vive et pénible pour moi, et chagrinante pour notre maître; le résultat en est, que depuis quatre jours on ne reconnait pas son altesse, il est poli, affable, enfin ce qu'il devrait être toujours, et que moi je suis brouillé peut-être pour toujours avec lui. Mais pourvu que le bien se fasse et je me console de tout, car mon seul but est le bien: mais il est difficile à faire: de jour en jour la colère des grands employés et nommément des gouverneurs généraux des deux capitales augmente contre moi, en raison que l'opinion publique se prononce pour l'établissement d'une haute police protectrice, et j'ose le dire, pour la manière dont je la conduis. Tant que faire se pourra j'éviterai à l'empereur toute espèce de tracasserie; j'en grisonnerai, mais je ne me plaindrai jamais; lorsque les intrigues dépasseront ma patience, je demanderai la place de mon frère à la tête d'une cavalerie; là au moins, lorsque le canon tire, l'intrigue reste derrière le front».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 8-го (20-го) марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд, 1. № 1048).

47. 14-го февраля 1826 года. Сборникъ Имп. Русск. ист. общ., т. 73-й, стр. 186.

48. Записка о денежномъ капиталѣ военнаго поселенія, состоящемъ по вѣдомостямъ къ 1-му марта 1826 года.

(Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму графа Аракчеева отъ 9-го апрѣля 1826 года).

1)	Общаго капитала на устройство военнаго поселенія	17.611.072 рубл.
2)	Для содержанія конныхъ заводовъ	3.347.099 »
3)	Для покупки офицерскихъ верховыхъ лошадей	291.217 »
4)	Для кантонистовъ учебныхъ баталіоновъ и эскадроновъ	150.271 »
5)	Капиталъ мастеровыхъ поселенныхъ войскъ	451.312 »
6)	Для учрежденія и содержанія церквей	200.243 »
7)	Заемный денежный офицерскій капиталъ	446848 »
8)	Заемный военныхъ поселянъ хозяевъ	2.095.239 »
9)	Для поддержанія хлѣбныхъ запасныхъ магазейновъ	385.380 »
10)	Для устройства офицерамъ ресторацій 1-й гренадерской дивизіи .	72.171 »
11)	Для заведенія полковыхъ библіотекъ въ сей же дивизіи	14.915 »
12)	Разныхъ мелочныхъ суммъ	140.772 »
13)	Ремонту для содержанія отстроенныхъ поселенныхъ ротъ	33.886 »
14)	Капиталъ для военно-сиротскихъ отдѣленій	1.365.950 »
15)	Ремонта Охтенскаго порохового завода	84.853 »

Поступающихъ въ 1826 году изъ министерства финансовъ:

16)	Назначенные по государственной росписи	1.430.240 »
17)	Рекрутскихъ по 89 и 90 наборамъ и откупная за продажу питей .	36.961 »

Библиотека "Руниверс"

Изъ министерства военнаго:

18) Изъ комиссаріатскаго департамента по указу 25-го декабря 1826 г.	2,550.742 рубл.
19) Отъ провіантскаго департамента за продовольствіе войскъ въ 1826 году отъ земли своихъ округовъ, по докладу, высочайше конфирмованному 15-го января 1826 года	1.773.580 »
Всего капитала военныхъ поселеній находится въ наличныхъ деньгахъ	32.482.733 рубл.
20) Сверхъ сего сокращено на сей 1826 годъ по государственной росписи о расходахъ военнаго министерства продовольствіемъ поселенныхъ войскъ отъ земли	1.774.558 »

49. См. въ приложеніяхъ письмо графа Аракчеева къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 3-го мая 1826 года.

50. Н. Шильдеръ: «Александръ I». Т. 4-й.

51. Пока графъ Аракчеевъ управлялъ еще военными поселеніями, то-есть до 1-го мая 1826 года, императоръ Николай осматривалъ новгородскія поселенія съ 23-го по 26-е апрѣля. Это было первое путешествіе государя по Россіи, предпринятое имъ послѣ воцаренія. Николай Павловичъ, оставшись вполнѣ довольнымъ осмотрѣнными войсками, объявилъ свою особенную признательность графу Аракчееву. 30-го апрѣля по военнымъ поселеніямъ послѣдовалъ по случаю этого радостнаго событія приказъ:

«Усердіе, которое всегда отличало 1-ю поселенную гренадерскую дивизію въ устройствѣ, ученіяхъ и смотрахъ, къ особенному удовольствію моему, отличило ее и нынѣ, при высочайшемъ смотрѣ, бывшемъ 22-го, 23-го, 24-го, 25-го и 26-го числъ сего апрѣля мѣсяца. Государь императоръ совершенно доволенъ. Прилагаемый при семъ высочайшій приказъ, отданный въ 28-й день сего апрѣля мѣсяца, удостовѣритъ каждаго въ монаршемъ благоволеніи. Гордитесь, воины, царскою милостію и потщитесь усердіемъ и добрымъ поведеніемъ болѣе и болѣе обратить на себя монаршее вниманіе! Въ поселенныхъ баталіонахъ, столь отлично учившихся, не производить никакого ученія до сентября мѣсяца сего года. Первое царское денежное награжденіе, по высочайшему приказу получаемое, раздать въ присутствіи полковыхъ командировъ, по принадлежности, каждому человѣку въ руки непремѣнно, а бригаднымъ командирамъ оное засвидѣтельствовать. Высочайшій приказъ и сей отдаваемый мною прочитать во всѣхъ поселенныхъ полкахъ 1-й гренадерской дивизіи, въ каждой ротѣ».

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ находился за границею, онъ удостоился еще разъ получить монаршее благоволеніе. Императоръ Николай во время проѣзда изъ Петербурга въ Москву для коронаціи, 17-го іюля 1826 года, снова осмотрѣлъ войска новгородскаго отряда военныхъ поселеній и, найдя ихъ въ отличномъ видѣ, объявилъ о томъ въ приказѣ. Въ заключеніи высочайшаго приказа сказано: «Его величество, относя таковое отличное состояніе означенныхъ войскъ наиболѣе неутомимымъ трудамъ главнаго надъ военными поселеніями начальника генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, объявляетъ ему особенную свою признательность».

52. См. въ приложеніяхъ приказъ по отдѣльному корпусу военныхъ поселеній отъ 1-го мая 1826 года, съ критическимъ разборомъ неизвѣстнаго лица. На этой бумагѣ рукою генералъ-адъютанта барона Дибича написано: «къ свѣдѣнію».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1047.

53. Во всякомъ случаѣ послѣдовавшее въ 1826 году уничтоженіе прежняго исключительнаго положенія, занимаемаго въ государствѣ военными поселеніями, позволяло, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что дальнѣйшему расширенію или развитію этого зловреднаго учрежденія положенъ будетъ предѣлъ.

Не такъ смотрѣлъ на любимое твореніе Александра I цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 22-го января (3-го февраля) 1827 года онъ писалъ императору Николаю:

«C'est à vous, cher frère, de mettre la dernière main à l'oeuvre favorite de notre immortel empereur au sujet des colonies militaires qui n'ont été, pour ainsi dire, qu'ébauchées par lui».

Библиотека "Руниверс"

54. Въ завѣщательномъ распоряженіи графа Аракчеева о предназначенной наградѣ за лучшую исторію царствованія императора Александра I сказано, что сумма сія назначается въ награду тому изъ россійскихъ писателей, который къ 1925 году напишетъ исторію Александра Перваго «лучше всѣхъ, то-есть полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе».

Остается пожелать, чтобы тотъ невѣдомый, заранѣе отмѣченный Аракчеевымъ, историкъ вдохновился при своей работѣ мудрыми словами графа:

«Нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство, изречетъ всему справедливый приговоръ».

55. На щитѣ воина изображенъ былъ гербъ графа Аракчеева, съ его извѣстнымъ девизомъ: «Безъ лести преданъ».

Въ перепискѣ своей во поводу этого памятника Аракчеевъ писалъ: «Хотѣлось бы мнѣ, дабы русскій воинъ былъ я именованный».

Отливка и постановка фигуръ стоила 22.000 рублей, подножіе изъ гранита 9.000 р.

«Что дѣлать, что дорого, то мило, а что дешево, то гнило», выразился однажды графъ Аракчеевъ при заказѣ знаменитыхъ грузинскихъ часовъ.

56. На задней сторонѣ памятника надпись: «Отъ подданнаго въ 1833 году. Царствовалъ 25 лѣтъ».

57. Михайловскій-Данилевскій: Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго дворца. С.-Петербургъ. 1845—1849, т. 6-й, стр. 21.

58. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 622.

59. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

60. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973.

61. Поименованное здѣсь изданіе графа Аракчеева слѣдуетъ признать вторымъ.

Первое изданіе было напечатано въ 1822 году, еще при жизни «отца и благодѣтеля» графа Аракчеева, подъ заглавіемъ:

«Собственноручные рескрипты государя императора Александра I къ графу Аракчееву. Съ 1796 по 1822 годъ».

62. «Que dites vous de l'impudence de M. le comte Araktcheeff qui nie formellement avoir imprimé les fameuses lettres, demande une enquête et prétend que c'est une invention des злоумышленники. Entre autres preuves pour le confondre, l'empereur a reçu par m-r Kankrin la traduction des deux dernières lettres faites par un nommé Salvatori, qui dit en avoir eu l'ordre du comte et y avoir travaillé en sa présence. On tache de rassembler les imprimés et Czernicheff ira en ambassade à Grousino, dès l'arrivée du seigneur pour lui prouver son mensonge. Qu'un homme capable d'une impudence aussi hardie est dangereux auprès d'un souverain».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 26-го февраля 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

19-го февраля (3-го марта) 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Le lendemain de votre départ j'ai reçu les deux lettres que voici, dont le contenu peut fournir à maintes réflexions!—je n'en ferai aucune et me bornerai à ajouter qu'après pareille déclaration, j'ai procédé officiellement à réclamer les exemplaires et qu'à cette occasion l'individu chargé par le comte de la traduction en français des deux fameuses lettres de Taganrog, est venu restituer les deux brouillons de la traduction avec les ratures dessus!—Je vous prie instamment de me renvoyer les lettres, ainsi que le livre, vu l'importance de l'inscription autographe; il m'est indispensable pour l'avenir».

63. 20-го февраля 1815 года генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ графу Аракчееву:

«Зная, сколь всякое слово вашего сіятельства уважается нашимъ обожаемымъ монархомъ, почелъ я долгомъ показать ему лестное писомо, коимъ вы меня удостоили».

8-го августа 1815 года:

«Благосклонное расположеніе вашего сіятельства всегда было для меня столь драгоцѣнно, что въ каждомъ случаѣ не переставалъ я руководствоваться желаніемъ бо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе и болѣе удостоиться оказанной вашимъ сіятельствомъ мнѣ ласки. Если обстоятельства не дозволяли мнѣ объяснять вамъ безпрерывною перепискою привязанность мою и давать отчетъ дѣяніямъ моимъ, то не менѣе того служило мнѣ простое одобреніе ваше всегда цѣлію, вмѣстѣ и наградою... Мы всѣ крайне сожалѣли, что вы не изволили во все послѣднее время сопутствовать государю императору; всѣмъ извѣстно уваженіе, которое его величество признаетъ къ совѣтамъ и видамъ вашимъ».

Въ времена силы и могущества Аракчеева Чернышева приводили въ благоговѣйный трепетъ усердіе и преданность къ славѣ государя и пользѣ службы, о коихъ графъ Алексѣй Андреевичъ неутомимо пещись изволилъ. Въ 1827 году онъ обратился уже для него въ «individu».

64. «Lors de l'expédition du dernier courrier j'étais absent pour une commission fort désagréable à Grousino; j'ai fait convenir de tout l'individu et lui ai pris tous les exemplaires imprimés qu'il avait entre les mains, soi-disant pour son propre usage. Mon coeur a gémi de ce qu'un homme qui a été si fort dans les bonnes grâces de notre angélique bienfaiteur, se soit montré même si bas et si poltron».

Изъ письма графа Чернышева къ барону Дибичу отъ 26-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

65. «Le comte Araktchéew est de retour à Grousino; avant hier le comte Tchernicheff lui a été envoyé, les documents en mains, pour lui prouver son crime envers son bienfaiteur et maître, son abus de confiance envers l'amitié dont il en était honoré, et son mensonge impudent envers l'empereur régnant. La mission est positive, mais elle n'est pas agréable pour un homme qui pendant tant d'années a cherché et obtenu les bonnes grâces du vizir disgracié». (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 13-го марта 1827 года).

Une autre affaire moins importante, mais plus sale encore, vient d'être terminée à Grousino, par l'entremise de Tchernicheff; il a tout remis, il a été aussi poltron, aussi bas qu'il avait été arrogant autrefois. Quelle leçon; l'empereur a comblé cet homme coupable de toute la délicatesse que sa belle âme devait à la mémoire de son incomparable frère; les hommes ons respecté en lui jusqu'à la faiblesse du maître qui n'existait plus; personne ne l'a attaqué, quoique tous le condamnaient. Lui seul est tombé par le propre poids de ses actions, et la Providence qui a commencée sa punition du jour de l'assassinat de sa maîtresse, n'a pas eu besoin de l'assistence des hommes, ni de la puissance de l'empereur, pour le rendre bien plus malheureux que ne l'a été Menchikow exilé au nord de la Sibérie», (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 19-го марта 1827 года).

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

66. «Ce matin m'est revenu Чернышевъ de Grousino, où je l'avais envoyé s'expliquer verbalement avec Аракчеевъ. J'avais fait choix de lui pour plus de sûreté parce qu'il avait été dans les bonnes grâces du comte. Eh bien que croyez vous? il m'a rapporté 18 exemplaires et un aveu de ce qu'il avait eu tort; mais que comme on lui avait demandé s'il n'avait pas connaissance de livres pareils qui couraient le monde et non s'il les avait fait imprimer pour lui, il n'avait pas cru mentir en disant qu'il n'en avait pas entendu parler. Il a pleuré, protesté que c'était de l'aveu de l'empereur qu'il les avait fait imprimer et que même l'empereur lui avait souvent demandé de combien l'édition avait augmentée. Qu'il n'en a fait cadeau qu'à deux personnes, mais qu'il est possible qu'on lui en a volés; qu'au reste il les avait fait voir à plusieurs. Quant aux fameuses dernières, il était vrai qu'il les avait montrées, traduites, copiées et distribuées, et qu'en cela il s'avouait coupable devant moi de ne m'en avoir pas demandé permission. Voici un exemplaire que vous m'avez demandé».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 15-го (27-го) марта 1827 года.

67. «Les mains m'en tombent et je n'ai rien à ajouter à l'indignation que j'en ressens tant envers lui, qu'envers le misérable... qui, comblé comme il l'a été de ses bontés, a eu la bassesse de rendre son exemplaire avec la souscription autographe; moi, à

Библиотека "Руниверс"

sa place, je l'aurais fait disparaître, en gardant toutefois l'exemplaire, si je n'aurais pu l'annuler. Un homme qui manque de reconnaissance envers son bienfaiteur, tel qu'il puisse être est un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque—c'est mon avis. Quant au livre en soi-même, il ne contient rien autre qu'une aveugle confiance d'une part d'un homme, qui jugeait les autres d'après son coeur angelique, et de l'autre une sotte vanité, un amour propre déhonté et une envie de se faire valoir au détriment même de celui qu'il appelait son père et son bienfaiteur—en un mot c'est déplorable. Si vous pouvez, cher frère, me procurer un des exemplaires, veuillez me l'envoyer, vous m'obligeriez par là infiniment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1827 года.

68. Вѣроятно, упомянутый здѣсь Шкуринъ есть флигель-адъютантъ Павелъ Сергѣевичъ Шкуринъ, произведенный въ октябрѣ 1827 года въ генералъ-майоры. Въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 23-го февраля 1827 года онъ объявилъ, что получилъ отъ графа Аракчеева только копію съ письма къ нему отъ императора Александра изъ Таганрога отъ 3-го октября 1825 года, а матушка его получила отъ него двѣ копіи на французскомъ языкѣ также съ писемъ императора Александра отъ 22-го сентября и отъ 3-го октября 1825 года, «изъ коихъ въ первой четыре строки были помараны». Эти строки относились къ Минкиной, и на это обстоятельство мы указали въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I». Копіи эти Шкуринъ препроводилъ Бенкендорфу и заявилъ, что отъ графа Аракчеева никогда не получалъ никакихъ печатныхъ экземпляровъ писемъ императора Александра.

69. 30-го марта (11-го апрѣля) 1827 года цесаревичъ писалъ императору Николаю: «Veuillez agréer mes remercîments pour le livre du comte Araktchéew; je ne puis rien concevoir à toute sa conduite,—elle me passe».

70. Генералъ Бахметьевъ занималъ мѣсто генералъ-губернатора въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Пензенской.

71. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: «Дѣло о вредномъ вліяніи д. с. с. Магницкаго по Казанскому университету и объ отправленіи его арестованнымъ изъ Казани въ Ревель».

72. Подражатель Магницкаго, Д. П. Руничъ, находясь также въ опалѣ, написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Магницкій думалъ нагибать и тою и другой рукою,
Кого ни встрѣтитъ на пути,
А самъ надѣялся уйти
Заблаговременной порою.
Не такъ-то вышло, какъ мечталъ:
Въ тенета скоро самъ попалъ,—
Согнули самого дугою.

73. Въ своихъ запискахъ Руничъ пишетъ: «Ce jour était l'anniversaire de la naissance de l'empereur Nicolas: il fut le jour de ma mort politique et du commencement des calamités incessantes qui m'accablèrent pendant seize ans».

74. «L'arrivée du grand duc a fait plaisir, mais pas le moindre effet; on dirait que c'est pour la dixième fois sous ce règne qu'il paraît à Pétersbourg. Il est de très bonne humeur, mais peu prévenant en général. On se dit l'un à l'autre, il n'a pas changé. Avant hier, à la parade, il demanda la permission de commander les ordonnances à cheval. Il a crié, s'est enroué, et a fait ressortir le calme et la tenue de l'empereur d'une manière si éclatante, que généraux, officiers et même soldats en ont fait la remarque».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ генералъ-адъютанту барону Дибичу, отъ 9-го февраля 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 1048).

75. «Le grand duc Constantin a quitté St.Pétersbourg hier soir pour coucher à Strelna et se mettre ce matin en route pour Varsovie. Dieu soit loué, son séjour ici a

Библиотека "Руниверс"

encore consolidé la bonne harmonie des deux frères; ils se sont quittés très content l'un de l'autre et le public est enchanté de la tenue de l'empereur et de l'empressement respectueux du grand duc. Celui-ci peut venir ou ne plus arriver; cela devient indifférent; cette dernière apparition a été très utile, en ce qu'elle a remis tout à sa place. Le grand duc est maintenant positivement à la place qu'il occupait du temps de l'empereur Aiexandre, avec la différence que cet espèce de parti, qui prônait le changement qui s'était opéré en lui et qui vantait ses qualités pour l'administration, se tait entièrement et que le public se demande d'où était venu cette impulsion en sa faveur».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 16-го (28-го) февраля 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

76. Записки графа Бенкендорфа.

77. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ начальникъ морского штаба, а членами вице-адмиралы: Сенявинъ, Пустошкинъ и Грейгъ, контръ-адмиралъ Рожновъ и капитанъ-командоры: Крузенштернъ, Ратмановъ и Белингсгаузенъ.

78. Собственноручная записка императора Николая.

Устройство морского министерства.

Морское министерство состоитъ изъ:

1) инспекторскаго департамента,
2) комиссаріатскаго,
3) провіантскаго,
4) артиллерійскаго,
5) инженернаго,
6) аудиторіатскаго.

При морскомъ министрѣ: 1) особая канцелярія, 2) совѣтъ.

Должность морского министра правитъ начальникъ морского штаба.

1) Инспекторскій департаментъ ведетъ счетъ людямъ.

2) Комиссаріатскій одѣваетъ и снабжаетъ все, что принадлежитъ до экипажной части морского вѣдомства, завѣдываетъ и медицинскою частью.

3) Провіантскій кормитъ и снабжаетъ флотъ провизіей.

4) Артиллерійскій вооружаетъ экипажи и флотъ.

5) Инженерный завѣдываетъ всею строительною частью и снабжаетъ верфи всѣми строевыми подробностями и содержитъ въ исправности всѣ суда.

6) Аудиторіатскій — судная часть.

7) Канцелярія министра — общій центръ дѣлъ.

8) Совѣтъ — посторонніе члены для обсуживанія проектовъ и попеченія о постепенномъ улучшеніи всего.

79. Выпишемъ здѣсь замѣчательный отзывъ князя Меншикова о дѣятельности вице-адмирала Грейга:

«Сердце восхищается, видя труды сего человѣка, единственно къ пользѣ и усовершенствованію обращенные. Онъ нашелъ флотъ и всѣ принадлежности въ гнусномъ и отвратительномъ положеніи; офицеровъ невѣждъ, корабли гнилые, дурно вооруженные, и флагмановъ и капитановъ, боящихся ночью плавать; постепенно сіи предметы улучшены, охота къ наукамъ водворяется. Эскадры по три мѣсяца плаваютъ, не входя въ порты; а наиболѣе меня удивило, что ни одно изобрѣтеніе новое, ни одна книга, вышедшая въ Европѣ, не остается въ безызвѣстности, и все здѣсь испытывается и примѣняется».

80. Въ первыхъ числахъ марта въ Тифлисъ прибылъ еще товарищъ дѣтства и другъ государя, флигель-адъютантъ Адлербергъ, съ порученіемъ помогать Дибичу. Въ письмѣ своемъ къ Дибичу императоръ Николай называетъ его: «votre secrétaire privé».

81. «Je suis charmé, je vous avoue, de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues; j'éspère que vous ne vous laisserez pas frascine

Библиотека "Руниверс"

les yeux par cet homme pour qui mentir est une vertu quand cela peut lui être utile et qui se joue des ordres qu'on lui donne. Enfin que Dieu vous assiste et vous inspire pour être juste».

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 8-го (20-го) марта 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

82. Князь Щербатовъ. Т. 2-й. Стр. 177.

83. Князь Щербатовъ. Т. 2-й. Стр. 178.

84. Дибичъ не оставался безъ извѣщеній изъ Петербурга о томъ, какіе преобладаютъ тамъ взгляды относительно кавказскихъ дѣлъ.

14-го (26-го) февраля 1827 года, графъ Сухтеленъ писалъ Дибичу: «Il m'est revenu par voies que je crois sûres, que sa majesté l'empereur aurait témoigné de plus en plus son mécontentement à l'égard du général Yermoloff. Je me tromperai fort, ou l'on espère de vous, mon général, un parti décisif. Ne trouvez pas mauvais si j'ose me méler de vous communiquer un semblable avis, ni même si j'ajoute, qu'on paraît redouter de vous voir mettre un excès de chevalerie dans vos rapports avec l'homme qui vous a regardé comme son ennemi personnel. Dire cela à votre excellence n'est point intriguer auprès d'elle. Le lui cacher, serait une réticence que je me reprocherais. Bref, je puis me tromper, mais je crois que la destitution est la chose indispensable autant que désirée, et que tout terme moyen exigerait un vrai plaidoyer pour être agréé ici».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своей перепискѣ съ Дибичемъ также давалъ ему понять, чего отъ него желаютъ въ Петербургѣ, и писалъ 16-го (28-го) февраля 1827 года:

«Toutes les nouvelles qu'on reçoit depuis votre départ sur la Georgie officielles et particulières augmentent la persuasion de l'empereur et même du public, que votre envoi était indispensable, et que l'honneur de la Russie a été complètement compromise par m-r Ermolow. Les loix et la discipline qui sont notre force en Asie, puisqu'ils sont en balance contre l'arbitraire et l'indiscipline musulmane ont été rejetés par la vanité et le désir de séduction de celui qui pour premier devoir aurait du professer le respect pour les loix, le zèle pour la discipline militaire. Je fais des voeux bien sincères pour votre santé et la pleine réussite de la grande et belle commission dont vous êtes chargé. Tout le monde conçoit la difficulté de votre position, mais aussi tout le monde s'accorde à dire, que vous la remplirez avec loyauté et adresse».

Наконецъ въ письмѣ своего товарища, графа Чернышева, генералъ-адъютантъ Дибичъ могъ найти еще болѣе драгоцѣнныя указанія для рѣшенія порученнаго ему щекотливаго дѣла.

28-го февраля (12-го марта) 1827 года графъ Чернышевъ писалъ:

«Avant d'avoir eu de vos nouvelles, tous les jours, notre travail commençait par un calcul de l'endroit où vous pouviez être arrivé. Sa majesté le fesait avec le plus vif intérêt, se reposant entièrement sur tout ce que vous jugerez à propos de décider pour le bien des affaires; une autre fois il m'a dit à moi tout seul, que si vous ne parveniez pas à y mettre fin et si la mesure de votre envoi ne suffisait point, il paraîtrait qu'il n'y aurait plus d'autre moyen à prendre que d'y aller soi même. Je ne vous rapporte tout cela que pour vous prouver l'importance que l'on met à votre envoi et l'influence que vos décisions doivent avoir; je suis trop de vos amis pour ne point vous répéter que tant que vous garderez là l'homme qui y est, vous n'aurez rien terminé, vous aurez de belles promesses et voilà tout, à moins de rester là pour terminer le tout, et Dieu nous en garde; mon voeu le plus cher est que vous preniez vos mesures de manière à ce qu'en votre présence, comme après votre départ, l'impression que vous aurez donnée se poursuive également. Nos amis communs spéculent là dessus, mais ils seront bien confondus lorsque, comme je l'espère, vous reviendrez avec des titres de plus et à la reconnaissance de notre souverain si judicieux et de la patrie. Je regrette beaucoup de ne pas être à même de vous aider sur les lieux, je pense que j'aurais pu aussi vous y être utile».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

Библиотека "Руниверс"

Еще ранѣе, въ письмѣ отъ 14-го (26-го) февраля, графъ Чернышевъ умолялъ Дибича отложить въ сторону: «toute délicatesse et ce sentiment de générosité qui vous honore, mais qui pourrait entraîner après soi des conséquences bien funestes pour le service et qui retomberait sur vous. Il faut bien vous aimer et vous porter un estime à toute épreuve pour vous parler de la sorte. Tout ce que je vois et entend me fait désirer ardemment que vous terminiez au plus tôt vos affaires avèc un plein succès d'une manière stable et définitive et nous reveniez sous peu».

85. Князь Щербатовъ, т. 2-й, стр. 187, и Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 4442.

По словамъ графа В. Ф. Адлерберга, «Дибичъ Ермолова не любилъ, но еще болѣе не любилъ Паскевича, котораго побаивался, зная къ нему дружбу государя».

Паскевичъ, вспоминая пріѣздъ Дибича въ Тифлисъ въ 1827 году, разсказывалъ, что онъ всячески упрашивалъ Ермолова остаться на Кавказѣ, съ тѣмъ, чтобы не поручать Паскевичу этого высокаго поста. «А отчего? — прибавилъ Паскевичъ: — оттого, что Ермоловъ былъ уже старъ и слѣдовательно не могъ быть ему опасенъ, а на меня онъ завистливо смотрѣлъ, какъ на своего соперника; я былъ однихъ съ нимъ лѣтъ и заявилъ уже свой военный талантъ; но Ермоловъ былъ непреклоненъ въ рѣшимости своей удалиться съ Кавказа».

«Древняя и Новая Россія», 1878 года, т. 1-й, стр. 84: А. А. Филипповъ: «Воспоминанія о князѣ И. О. Паскевичѣ-Эриванскомъ».

86. Князь Щербатовъ, т. 2-й, стр. 122.

87. «Hier soir est arrivé votre courrier, porteur de votre intéressante lettre du 28. Que voulez-vous que je vous dise après pareille lecture? Si vous qui êtes sur les lieux n'avez pas cru pouvoir vous décider encore, comment pourrais-je moi le faire à cette distance et d'après tout ce que vous me dites. Je vois clairement que les choses ne peuvent pas aller de cette sorte; vous et Paskévitch partis, cet homme abandonnè à lui même vous mettra dans la même position à l'égard de la connaissance des affaires et de la certitude de le voir marcher dans notre sens, comme cela fut avant le départ de Paskévitch à Moscou — responsabilité que je ne puis prendre sur moi. Aussi après avoir tout pesé murement et tout en attendant votre second courrier, s'il n'apporte pas d'autres données que celles que vous m'avez déjà fait entrevoir, je ne vois pas de possibilité autre que de vous faire user du plein pouvoir donné pour renvoyer Yermoloff. C'est Paskévitch que je destine pour le remplacer, car je ne vois pas dans vos rapports qu'il aie en rien manqué aux devoirs de la plus stricte discipline. Or, deshonorer cet homme par son rappel en pareil cas est contre ma conscience... Pour administrer le pays c'est Sipiaguine que j'enverrais par le retour du courrier décisif que j'attends de vous. Enfin, je vous le répète, si votre dernier courrier ne porte aucune circonstance de plus de celle de celui-ci, sans plus tardes exécutez ce que je vous ai parlé et informez m'en de suite. Mettez d'abord Paskévitch sur le pied convenable et faites lui voir toute l'importance du poste auquel je l'appelle en pareil cas et sentir tout le prix de ma confiance; homme d'honneur et mon ancien chef il saura, je réponds de lui, remplir mes voeux... Voilà, cher ami, mon dernier mot, et je vous répète encore qu'il est pour le cas que votre courrier que j'attends ne m'apporte pas d'autres nouvelles que les dernières reçues hier... Que Dieu vous guide dans vos démarches et recevez tous mes remerciments pour votre zèle et vos soins dans une démarche aussi difficile. Que Dieu vous assiste et fasse marcher tout pour le mieux».

Изъ письма императора Николая къ барону Дибичу отъ 12-го (24-го) марта 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

88. Въ письмѣ отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года императоръ Николай по поводу Сипягина еще разъ писалъ Дибичу:

«Portez toute votre attention à ce que Sipiaguine dès son arrivée se met bien avec Paskévitch et sur le pied le plus confiant possible; je compte sur votre zèle, cher ami, et sur votre savoir faire, pour arranger cette partie importante du service dès le commencement de façon à ne devoir rien apréhender pour l'avenir. Dites bien à Sipiaguine que

Библиотека "Руниверс"

j'espère que les intrigues n'auront plus jeu près du commandant de là bas, et que c'est sur lui que je compte pour prévenir les suites d'une aussi fâcheuse tendance». (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

Генералъ-адъютантъ Сипягинъ прибылъ въ Тифлисъ въ концѣ апрѣля 1827 года и тамъ же умеръ въ октябрѣ 1828 года.

89. Отношеніе генералъ-адъютанта Дибича генералу Ермолову отъ 29-го марта 1827 года:

«По высочайшему его императорскаго величества соизволенію на увольненіе вашего высокопревосходительства въ Россію и на вступленіе по сему случаю въ главное начальство надъ войсками кавказскаго отдѣльнаго корпуса и въ главное управленіе здѣшнимъ краемъ, на существующемъ нынѣ основаніи, генералу отъ инфантеріи Паскевичу, прошу ваше высокопревосходительство покорнѣйше учинить нужное о семъ съ вашей стороны распоряженіе».

Наканунѣ, т.-е. 28-го марта, Дибичъ сообщилъ словесно повелѣніе государя прежде всего Паскевичу, а затѣмъ и Ермолову.

90. Ѳ. М. Уманецъ: «Проконсулъ Кавказа». «Историческій Вѣстникъ», 1888 года.

91. 26-го марта (7-го апрѣля) 1827 года графъ Чернышевъ писалъ барону Дибичу:

«Le contenu de la lettre que sa majesté vous a adressée par le courrier du 13, nous a été entièrement inconnu, tant au comte Tolstoy qu'à moi, jusqu'à ce matin; c'est au moment de notre travail qu'on est venu apporter vos dépêches; l'empereur en a pris connaissance en notre présence et nous a dit vous avoir écrit que si votre prochain courrier n'apportait point une détermination positive de votre part, sa majesté résoudrait l'éloignement du général Yermoloff, en confiant le commandement de cette contrée au général Paskéwitch; en même temps sa majesté a ordonné de préparer un courrier pour être expédié au général Sipiaguine que sa majesté impériale nomme gouverneur militaire de Tiflis, dirigeant aussi la partie civile sous les ordres du chef de corps; ce courrier vient d'être expèdié ce matin et il porte l'ordre à ce général de partir dans les 24 heures et 10.000 roubles pour ses fraix de route. Cette issue était inévitable et bien à prévoir et voici sur quoi on base non seulement ce qui justifie, mais plus sur ce qui a rendu cette détermination de toute nécessité: d'abord on assure que conserver à cette distance un homme qui inspire de la méfiance tant pour ses capacités, que pour sa bonne volonté, ne pourrait être qu'essentiellement nuisible pour le bien du service et même pour la tranquillité de l'empereur; que dix ans de son administration et les derniers événements militaires, ont donné sa mesure sous ces deux rapports et loin de donner une garantie quelconque pour des opérations vigoureuses et bien entendues; tous les antécédents déposent contre lui et font prévoir la même marche tortilleuse et indécise dès que vous aurez tourné les talons; que sans parler des sentiments de haine, qui lui portent les peuplades soumises à notre domination, sa position personnelle politique vis-à-vis la dynastie régnante en Perse éloignerait les bienfaits d'une paix prompte et honorable, et lui ferait toujours préférer des moyens révolutionnaires pour parvenir à ses fins, si peu d'accord et avec nos véritables intérêts et en général au principe conservateur qu'on ne saurait observer assez religieusement; qu'en définitif même en lui confiant les opérations militaires, il faudrait toujours le changer pour conclure la paix. Vos amis y ajoutaient qu'en gardant Yermoloff dans son poste contre le désir prononcé de sa majesté impériale et l'opinion de la grande majorité des gens bien pensants, vous vous rendiez en quelque sorte garant de toutes ses actions et porteriez la responsabilité morale, à moins de rester là pour le surveiller constamment; je vous avouerai avec une entière franchise que je partage moi-même une bonne partie de ces raisonnements et me félicite de ce que vous allez sortir d'une situation des plus délicates et qui aurait pu devenir de plus en plus désagréable».

92. «Je m'applaudis d'avoir désigné Paskévitch pour remplaçant; car je vois par votre lettre, qu'au cas que ce fut lui que je nommasse, vous ne supposiez pas nécesaaire de prolonger votre séjour. Vous aurez vu par ma dernière lettre que je vous autorisais de rester aussi longtemps que vous le jugeriez nécessaire, pour mettre Paskévitch sur le pied convenable et régler tout le nouvel ordre des choses».

Библиотека "Руниверс"

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года.

93. «Vous me donnerez tous les détails possibles sur la manière dont tout se passera; point de bruit, de scandale; je défends toute injure de la manière la plus positive et vous en rends tous responsables, mais point de farces, de lamentations déplacées, que tout se passe en ordre, avec dignité et dans la stricte règle de service».

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года.

94. О томъ, какъ совершилась смѣна, баронъ Дибичъ не замедлилъ донести государю въ письмѣ отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1827 года:

«J'ai communiqué de suite l'ordre de votre majesté verbalement au général Paskéwitch qui a reçu sa nomination avec pleine reconnaissance et mettra certainement tout son zèle à s'en rendre digne; sans se cacher nullement les difficultés de sa situation, il paraît être persuadé de ne pas devoir les craindre; avec le fond de droiture que je lui connais, je serais entièrement rassuré, si je ne craignais toujours un peu l'influence des intrigues asiatiques. Je lui en ai parlé en ami et en serviteur fidèle de votre majesté impériale et il m'a répondu de même et je ne laisserai certainement pas passer la moindre occasion sans la lui faire remarquer avec sincerité et délicatesse. Le général Yermoloff auquel j'ai parlé après a reçu cet ordre avec la plus parfaite soumission et une résignation, qui a surpassé mon attente en me répétant qu'il prouverait, comme il l'avait dit avant, que dans tout état il serait un sujet soumis et fidèle. Il m'a parlé après sur beaucoup de détails regardants le pays et le service, et je dois dire que dans tout cela je n'ai pu remarquer la moindre astuce. Ce n'est qu'en prenant congé de moi qu'il m'a adressé la demande sur quoi je croyais surtout fondée la mauvaise opinion de votre majesté impériale sur son compte. Je lui ai repondu que je ne me croyais pas en droit de faire là dessus aucune réponse, que votre majesté disposait sur le choix de ses généraux d'après le degré de confiance qu'elle portait à leur capacité de bien remplir ses ordres, mais s'il voulait savoir mes suppositions à moi, que je devais croire que c'était surtout le peu d'assurance dans une marche décisive des opérations qui avait dû baser une telle résolution».

(Военно-ученый архивъ. Отд. II. № 4442).

95. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864. Стр. 390.

96. «Le renvoi du général Yermoloff m'impose le devoir de présenter à votre majesté impériale que dans ce pays aussi enclin aux délations même fausses, on ne porte aucun doute au désintéressement complet de ce général. Il est pauvre en même temps, car la fortune de son père doit être extrêmement délabrée. Il me paraît juste de recompenser la qualité bonne, même en reprimant les torts. En osant fixer l'attention de votre majesté sur cet objet, je dois ajouter qu'on dit que le général Yermoloff a refuser une ferme accordée par sa majesté feu l'empereur».

Изъ письма генералъ-адъютанта Дибича къ императору Николаю отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1827 года.

По свидѣтельству Погодина, графиня А. А. Орлова-Чесменская, услышавъ о скудномъ содержаніи Ермолова, сказала у себя за столомъ, что она почла бы себя счастливою, если бы Алексѣю Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе — Островъ. Тогда государь велѣлъ обратить столовыя деньги также въ пенсію Ермолову, и онъ началъ получать по 30.000 рублей асс. ежегодно.

97. Е. П. Ковалевскій: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 161.

Насколько примѣръ безкорыстія Ермолова не нашелъ себѣ подражателей, можетъ служить слѣдующій эпизодъ его антагониста Дибича.

2-го марта 1816 года Дибичу было всемилостивѣйше выдано 150.000 рублей ассигнаціями изъ государственнаго заемнаго банка заимообразно на 15 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы уплату начать производить по прошествіи семи лѣтъ, т.-е. со 2-го марта

Библиотека "Руниверс"

1823 года. 22-го октября 1817 года князь Волконскій увѣдомилъ Дибича, что государь императоръ въ знакъ особеннаго своего благоволенія за отличную и ревностную службу его повелѣть соизволилъ платить ежегодно (въ продолженіе 14-ти лѣтъ) изъ кабинета государственному заемному банку причитающіеся оному проценты. Высочайше разрѣшено было уплачивать капиталъ съ 1823 года согласно особому расчету, составленному генералъ-адъютантомъ Дибичемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ по 10.000 капитала, а остальныя шесть лѣтъ по 20.000 рублей. Замѣчательно, что расчеты Дибича кончились роковымъ для него впослѣдствіи 1831 годомъ (2-го марта).

98. Воспоминанія Э. В. Бриммера — «Кавказскій Сборникъ», т. 15-й.

99. «L'ordre du jour vous aura appris le changement de Yermolow par Paskévitch. D'après le tableau exact de ce que Diebitsch m'a décrit, les choses tout en n'étant pas aussi outrées mauvaises qu'on les décrivait, se trouvaient l'être assez pour prouver, blanc sur noir, que Diebitsch et Paskévitch partis, tout rentrerait dans le cahos, le désordre qui avaient précédés et étaient habituels dans ce pays, vu les principes en usage chez Yermolow. Vous m'avouerez qu'à la veille d'une guerre c'étaient de tristes garanties pour le succès. Paskévitch était irréprochable; je ne pouvais donc balancer et j'ai franchi le grand pas. On a été tout abasourdi ici pendant deux à trois jours et les kачели on fait oublier et Yermolow et la Georgie. Ce matin j'ai reçu de Diebitsch le rapport que le changement a eu lieu et tout s'est passé en ordre; Yermolow a reçu la chose humblement et sans plaintes. J'ai fortement intimé à Diebitsch à user de tout son pouvoir et de mon nom pour empêcher et prévenir tout transport ni exclamation ni pour ni contre, mais que tout se passe sévèrement dans le strict ordre de service; il parait que je réussirai donc à voir la chose finie non ainsi qu'une chute de personnage de cour, disgrâce ou etc. mais comme une сдача doit avoir lieu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1827 года.

100. Слово «качели» въ кавычкахъ написано императоромъ Николаемъ по-русски.

Въ письмѣ графа Чернышева къ барону Дибичу, отъ 12-го апрѣля 1827 года, по тому же поводу сказано:

«On a beaucoup bavardé en ville, lorsque l'ordre du jour a été connu, et quelques uns même, que vous connaissez, d'une manière impermise; actuellement ce sujet de conversation tombe».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

101. Сообщая барону позднѣйшія извѣстія изъ Грузіи, императоръ Николай 27-го апрѣля (9-го мая) 1827 года писалъ:

«Les affaires même à en juger par les rapports ont pris un air d'ordre qui me fait espérer pouvoir bien augurer de l'avenir».

102. Императоръ Николай возвратился изъ Вязьмы въ Петербургъ 19-го (31-го) мая 1827 года.

103. Графъ Сакенъ обнаруживалъ въ это время уже поразительные признаки старости. По окончаніи смотра, фельдмаршалъ не могъ доѣхать до квартиры верхомъ; его сняли съ лошади и, разостлавъ коверъ у самой дороги, по которой двигался народъ обратно, сложили старика, который и заснулъ, несмотря на шумъ и топотъ кругомъ. Около него сталъ караулъ и не позволялъ экипажамъ ѣхать слишкомъ скоро.

Записки М. С. Николаевой: «Русскій Архивъ», 1893 года, книга 3-я, стр. 184.

104. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 26-го іюля и возвратился изъ поѣздки 30-го числа.

105. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

На письмѣ рукою барона Дибича написано:

«Хранить въ канцеляріи по секретной части до востребованія».

106. Изъ письма М. М. Фока къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 14-го сентября 1826 года.

107. Peter von Goetze: Fürst Alexander Nikolajewitsch Galitzin und seine Zeit. Leipzig. 1882, p. 393.

Библиотека "Руниверс"

108. На рукописи «Историческаго обозрѣнія» Н. Г. Устряловымъ написано собственноручно:

«Сочиненіе сіе написано мной въ 1841—1842 годахъ и въ свое время было представлено министру народнаго просвѣщенія. Министръ не нашелъ удобнымъ докладывать о немъ государю императору. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года попечитель С.-Петербургскаго университета и предсѣдатель цензурнаго комитета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, внимательный ко всему благонамѣренному, препроводилъ рукопись, по разсмотрѣніи ея, къ управлявшему министерствомъ императорскаго двора генералъ-адъютанту Адлербергу. Генералъ Адлербергъ представилъ ее императору 1-го декабря 1846 года утромъ и на другой день вечеромъ получилъ обратно, съ повелѣніемъ пригласить автора и поручить ему исправить свой трудъ согласно съ сдѣланными его величествомъ собственноручными карандашемъ замѣчаніями. Всѣ сіи замѣчанія переписаны слово въ слово красными чернилами въ семъ нарочно снятомъ для того спискѣ съ подлинной рукописи.

«Декабрь 1846 года. Н. У».

109. Эта замѣтка была очевидно вызвана воспоминаніемъ о всеподданнѣйшемъ письмѣ Ермолова отъ 3-го марта 1827 года. Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются выраженія о неспособности, бездѣятельности, отсутствіи доброй воли, но Ермоловъ нисколько не приписываетъ себѣ этихъ качествъ, но пишетъ, что государь можетъ приписать ему эти недостатки. Притомъ, какъ выше упомянуто, увольненіе Ермолова составляло уже совершившійся фактъ, когда письмо его доставлено было въ Петербургъ.

110. Историческое обозрѣніе царствованія государя императора Николая I. Сочиненіе Н. Устрялова. С.-Петербургъ. 1847.

111. Н. Г. Устряловъ: «Воспоминанія о моей жизни».—«Древняя и Новая Россія», 1880 года, стр. 651.

Біографъ Ермолова пишетъ: «Алексѣй Петровичъ былъ очень огорченъ однимъ мѣстомъ въ исторіи царствованія Николая Павловича, которое касается до увольненія его изъ Грузіи. Онъ написалъ письмо къ автору и прочелъ мнѣ уже переписанное набѣло. Я сказалъ нѣсколько словъ за Устрялова; Ермоловъ началъ по обыкновенію отклоняться: «это правда, я напрасно сердился на него, онъ не виноватъ и проч.» (Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864, стр. 406).

112. Николай Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина. С.-Петербургъ. 1895. Книга 9-я. Стр. 178.

113. Замѣтимъ здѣсь, что слова «по волѣ Ермолова» написаны были императоромъ Николаемъ; Устряловъ написалъ, что Паскевичъ немедленно принялъ по высочайшей волѣ начальство надъ войсками. Государь написалъ съ боку: «неправда». Слова: «по высочайшей волѣ», зачеркнуты и замѣнены: «по волѣ Ермолова».

Затѣмъ остается еще сказать, что на стр. 38 своего «Историческаго обозрѣнія» Устряловъ написалъ, что государь назначилъ вмѣсто генерала Ермолова главнокомандующимъ генерала Паскевича. Императоръ Николай прибавилъ: «вмѣсто уволеннаго по желанію своему Ермолова».

114. По поводу письма А. П. Ермолова въ дневникѣ графа П. Х. Граббе читаемъ:

(1847 г.) «Письмо А. П. Ермолова къ Устрялову по поводу одного мѣста объ немъ въ его исторіи нынѣшняго царствованія. Нахожу, что нѣсколько вычурно. Главное возраженіе не могло быть высказано по вышинѣ, откуда брошена молнія».

Записная книжка графа П. Х. Граббе. Москва. 1888. Стр. 198.

115. Передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса Дибичъ осматривалъ нѣкоторыя части войскъ, двинувшіяся въ походъ; судя по его донесеніямъ, все его вниманіе, при оцѣнкѣ боевой готовности этихъ войскъ, сосредоточивалось на одиночной выправкѣ людей, равненіи при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ и щеголеватою пригонкою мундировъ.

116. К. Х. Бенкендорфъ, подобно своему брату, шефу жандармовъ, также относился къ Ермолову недружелюбно и недовѣрчиво. По пріѣздѣ Дибича въ Тифлисъ Бенкен-

Библиотека "Руниверс"

дорфъ увѣрялъ его, что общее мнѣніе не позволяетъ оставить Ермолова начальникомъ на Кавказѣ. Въ такомъ же духѣ Бенкендорфъ писалъ, конечно, въ Петербургъ.

117. 14-го (26-го) іюля къ Паскевичу прибылъ изъ Петербурга генералъ-квартирмейстеръ, графъ П. П. Сухтеленъ, и вступилъ въ исправленіе должности начальника корпуснаго штаба.

118. Гассанъ-ханъ бѣжалъ ночью изъ крѣпости Сардаръ-Абада.

119. Съ нашей стороны во все время осады убыль доходила до ста человѣкъ убитыми и ранеными.

120. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 18.

121. «Вообще всѣ провинціи пристаютъ къ намъ,—доносилъ Паскевичъ,—такъ что я теперь только стараюсь удержать ихъ отъ лишняго порыва противъ своего прежняго правленія».

Ханы Урмійскій и Хойскій предлагали Паскевичу не только предаться намъ, но и содѣйствовать истребленію послѣднихъ войскъ Аббаса-Мирзы.

122. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 23.

123. Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Паскевича отъ 29-го октября 1827 года.

124. По странной случайности, въ одинъ и тотъ же день утромъ пришло въ Петербургъ извѣстіе о подписаніи Аббасъ-Мирзою предварительныхъ условій мира, а вечеромъ императоръ Николай получилъ отъ генерала Ермолова прошеніе объ увольненіи его въ отставку. По этому поводу государь писалъ цесаревичу Константину Павловичу 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года:

«Nos troupes sont admirables dans leur conduite dans ce pays et comme Constantin Benkendorf l'écrivait à son frère, fort justement, c'est là le plus beau des lauriers que notre immortel ange ait acquis dans la campagne de 14, car c'est bien de ce moment que notre excellente armée a senti le prix d'une conduite pareille: Yermoloff a failli nous faire perdre cette belle qualité. A propos de lui, n'est-il pas extraordinaire que ce même vendredi matin, j'ai reçu sa demande de démission du service et le soir le courrier avec les préliminaires de la paix de ce même Tauris où il prétendait que nous ne pouvions arriver que l'automne 1828».

По полученіи приведеннаго здѣсь отзыва о Ермоловѣ, сдѣланнаго императоромъ Николаемъ, цесаревичъ отвѣчалъ 7-го (19-го) декабря 1827 года:

«Quant au général Yermoloff il doit crever dans sa peau, comme on le dit, et, si jamais Figaro a eu raison, c'est bien le cas de dire, comme il le dit, que les gens d'esprit sont bêtes. Je suis bien peiné de ce qu'il ait tourné de la sorte puisqu'on ne peut lui contester ni des talents, ni du mérite; je vois par l'ordre du jour qu'il vient d'obtenir son congé».

125. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

126. Указъ правительствующему сенату отъ 15-го марта 1828 года:

«Въ воздаяніе отличнаго усердія и важныхъ отечеству заслугъ генералъ-адъютанта нашего, генерала отъ инфантеріи Паскевича, многими блистательными побѣдами, въ продолженіе счастливо прекратившейся нынѣ съ Персіей войны пріобрѣтшаго новую славу нашему оружію и увѣнчавшаго сіи подвиги заключеніемъ выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ мира, коимъ предѣлы государства распространяются за Араксъ, и присоединяется къ владѣніямъ нашимъ область Армянская,—всемилостивѣйше жалуемъ его и потомство его въ графское Россійской имперіи достоинство, повелѣвая ему отнынѣ именоваться графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ».

127. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 55.

128. Н. Глиноецкій: «Русскій генеральный штабъ въ началѣ царствованія императора Николая I». «Военный Сборникъ», 1877 года, № 5.

129. На письмо императора Николая отъ 18-го марта графъ Паскевичъ отвѣчалъ государю 12-го апрѣля 1828 года изъ Тифлиса:

Библиотека "Руниверс"

«Ваше императорское величество,

«всемилостивѣйшій государь.

«Ваше императорское величество явили на мнѣ милости необыкновенныя; никогда малыя заслуги подданнаго не были награждаемы столь щедро государемъ милосердным. Памятникъ благотвореній вашихъ увѣковѣченъ на мнѣ и моемъ потомствѣ.

«Никакія слова, никакія выраженія не могутъ изъяснить чувствъ безпредѣльной сердечной благодарности моей къ государю моему и благодѣтелю; вся жизнь моя, посвящаемая службѣ вашему императорскому величеству, всѣ силы мои и способности да обратятся къ одной цѣли и мысли—заслужить щедроты столь безпримѣрныя.

«Но, бывъ осчастливленъ великимъ благоволеніемъ вашимъ, государь всемилостивѣйшій, съ ощущеніемъ радости смѣшиваю прискорбіе душевное: жалобы моихъ подчиненныхъ на строгую мою взыскательность, отчасти справедливыя, дошли до высочайшаго престола; повергаю милосердному воззрѣнію вашего императорскаго величества полную мою въ томъ исповѣдь.

«Съ вѣчною признательностію къ великимъ благодѣяніямъ вашего императорскаго величества и съ вѣрноподданническою покорностію повергаюсь къ стопамъ государя премилосерднаго,

«вашего императорскаго величества,

«всемилостивѣйшаго государя

вѣрноподданный

«графъ Иванъ Паскевичъ Ериванскій».

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

Упомянутую въ письмѣ графа Паскевича исповѣдь намъ не удалось найти въ архивахъ.

Письмо графа Паскевича отъ 12-го апрѣля не приведено въ біографіи его, написанной княземъ Щербатовымъ.

130. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 96.

131. На просьбу султана о содѣйствіи Персіи въ войнѣ съ Россіею шахъ отвѣчалъ: «Когда Персія находилась въ затруднительномъ положеніи и требовала вспоможенія отъ турокъ, то они оставались равнодушными зрителями покоренія областей ея; что, заключивъ нынѣ вѣчный миръ съ Россіею, онъ не можетъ измѣнить своему слову, но считаетъ обязанностью ходатайствовать за турокъ у императора россійскаго чрезъ своего посланника, котораго намѣренъ вскорѣ отправить».

Рапортъ графа Паскевича графу Дибичу отъ 10-го (22-го) іюня 1828 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2759.

132. «Il faut avouer que les musulmans sont spirituels pour le moment de faire la paix. L'année 1812 les turcs se sont pressés de la signer au moment que Napoléon avec l'Europe à sa suite envahissait l'empire; maintenant les persans les imitent pour nous faciliter les moyens d'écraser leurs corréligionnaires. La paix est superbe... Aussi Paskévitch a-t-il été fait comte d'Erivan avec une dot d'un million. Voilà comme il faut récompenser... Enfin la chose est terminée. comme il convient à un empereur de Russie. Tout le monde y applaudi, et même les jaloux, les envieux, les critiqueurs, les aboyeurs ne trouvent rien à dire».

Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я. Стр. 276.

133. «Je me permets de vous faire mes félicitations plus que sincères sur une autre victoire que vous avez remportée et qui à mon faible avis n'est pas sans conséquence, c'est celle que le tout s'est passé sans le général Yermoloff, qui a été l'idole de l'opinion publique et réputé comme le seul capable dans notre pays. Ceci, à mon avis, est une victoire non moins essentielle et qui fera rentrer bien des gens à leur place avec leurs idées du siècle et subversives de tout ordre légal où le génie doit toujours rempla-

Библиотека "Руниверс"

cer ce qui est établi. Vous avez prouvé que l'on a pu se passer de lui et j'en bénis le ciel de tout coeur, c'est une bonne leçon donné à l'univers entier».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

134. Письмо цесаревича Константина Павловича къ А. П. Ермолову, отъ 25-го іюня 1816 года.

Выражая въ этомъ письмѣ опасенія, чтобы Персія не перевела много православныхъ, цесаревичъ пишетъ: «Впрочемъ все зависитъ отъ миссіонерства послѣдника общества Грубера. У насъ все смирно и слава Богу хорошо; дѣло идетъ впередъ, но хлопотъ и работъ много. Задникъ дверей у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что я послѣдникъ Грубера, но въ оправданіе скажу вамъ, что для этого слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ».

Цесаревичъ любилъ приравнивать Ермолова къ извѣстному своею хитростью іезуитскому патеру Груберу и писалъ: «Я всегда къ вамъ какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда и съ обманцомъ бывало». (Изъ письма отъ 17-го февраля 1817 года).

135. Когда Ермоловъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи, цесаревичъ писалъ ему 5-го марта 1818 года:

«Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца я весьма обрадованъ былъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу вашего высокопревосходительства поздравить съ онымъ. Всякъ, кто безпристрастенъ и не терзаемъ завистью, знавши дарованія ваши, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ».

136. 28-го іюня 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ донесъ цесаревичу рапортомъ, что государь проситъ его высочество: «всѣхъ прикосновенныхъ къ слѣдствію варшавскаго комитета лицъ, принадлежащихъ къ россійскимъ губерніямъ, отъ Польши присоединеннымъ, по совершенному окончанію производящагося объ нихъ изысканія, приказать отправить въ С.-Петербургъ ко мнѣ, для посаженія ихъ въ крѣпость и преданія суду на основаніи россійскихъ узаконеній».

Une haute cour nationale connaitra des crimes d'état et des délits commis par les grands fonctionnaires du royaume, dont le sénat décrète la mise en jugement d'après l'article 116. La haute cour est composée de tous les membres du sénat.

(Article 152).

137. Lisicki: Le marquis Wielopolski. Vienne. 1880. T. I, 1, p. 76.

138. «Quant à ce que vous me dites de ce que vous ne pouvez comprendre comment est-ce que l'on peut qualifier de tendance éloignée la connaissance d'un complot qui avait pour but l'assassinat du roi et de sa famille,—ceci peut paraître au premier aperçu; mais le crime de ceux qui le servaient, d'après les lois existantes ne peut être qualifié que de non révélation, chose tout à fait distincte et prévu par le code. Quant à l'assassinat même et que les russes provoquaient, il est prouvé par les dépositions des prévenus tant russes que polonais que ces derniers s'y sont constamment refusés et n'on pas voulu seulement entendre parler, mettant en avant qu'aucun régicide n'a entaché la nation polonaise. Le crime donc consiste purement dans la non révélation de ce fait. La tentative éloignée dont il est fait mention se rapporte donc purement et simplement au désir du renversement du gouvernement actuel en profitant pour l'exécuter sur les changements qui auraient pu arriver en Russie et, comme l'époque n'en était pas fixée, il ne peut donc être autrement dénommé comme il l'a été par le procureur général, surtout vu les dépositions même des russes qui le remettaient d'année en année».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года.

Въ письмѣ императора Николая къ цесаревичу отъ 23-го ноября (5-го декабря 1827 года, на которое ссылается Константинъ Павловичъ, государь пишетъ: «J'ai achevé la lecture de la première partie de l'acte d'accusation . . . . Je ne cache donc pas à Grabowski qne cette lecture ne m'a entièrement satisfait, car je ne comprend pas la manière dont on peut qualifier de tentative éloignée la connaissance d'un complot

Библиотека "Руниверс"

(par quelques uns des prévenus) dont le but avoué, permanent était l'assassinat de leur roi et de sa famille. Il y a d'autres expressions aussi que je ne trouve pas bien choisies».

139. «La mercuriale a été reçue avec respect et soumission, mais pas avec persuasion, d'après tous les rapports qui me parviennent de différentes parts; au reste à quoi peut-on s'attendre d'êtres semblables et à un ramassis comme le sont les sénateurs dans la majorité de ce pays-ci. Pourtant il faut être juste qu'il y en a entre eux qui sentent le faux pas qu'ils ont fait et sont repentants. Au lieu de sentir la délicatesse de votre procédé envers eux, en leur faisant faire des reproches à huis clos, il y en a qui l'attribuent à ce que l'on n'a pas osé le faire publiquement et qu'au reste ils ont emporté la prise en délivrant des patriotes qui faisaient tout pour la patrie. C'est l'interprétation qui court entre la jeunesse oiseuse et, surtout, entre les étudiants; ils deviennent de jour en jour plus insolents et plus audacieux et surtout depuis l'enterrement du palatin Bielinski. J'en ai déjà prévenu le gouvernement et de la grande urgence qu'il y a de remettre toute cette jeunesse turbulente à l'ordre; tous les êtres bien pensants le sentent et sont de mon avis: mais je ne sais à quoi cela tient, les mesures que l'on croit pouvoir prendre ne répondent pas à l'urgence du cas. Il est à remarquer que la jeunesse studieuse a pris une tendance très remarquable pour le mal depuis peu, et je serai assez porter à le croire, qu'elle est guidée du dehors et nommément du duché de Posen et de la France; au reste tout le monde dirigeant est averti et l'on fait tout son possible pour prévenir et réprimer le mal s'il venait à se manifester d'une manière plus hostile».

140. Графъ Грабовскій, Шабанскій, Родовицкій, Оскерко, Іосифъ Булгаринъ, Сержпутовскій, Довнаровичъ, Дочевскій, Кленковскій, Дерамеръ, Дениско, графъ Грохольскій, Ленкевичъ, Рокицкій и графъ Мощенскій.

141. Письмо генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 9-го (21-го) марта 1829 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961.

142. 24-го октября (5-го ноября) 1827 года Рибопьеръ писалъ изъ Буюкъ-дере графу Палену, управляющему Новороссійскими губерніями:

«Un combat terrible entre les escadres alliées et la flotte Turco-Egyptienne a eu lieu à Navarin le 8 (20). La flotte turque a été détruite. Cette nouvelle étant parvenue ici a plongé la Porte dans un état de stupeur et d'exagération. La seule mesure qui semble arrêtée jusqu'ici, c'est d'empêcher les bâtiments russes, français et anglais de sortir. Je crains qu'on n'arrête ma poste; je n'ai pas de nouvelles de Smyrne depuis cinq jours, quoique j'en attend de l'amiral Heyden et que mes collégues aient à en recevoir de leurs amiraux. La Porte pourrait se porter à quelque excès contre nous. Je ne crois pas ma position sans danger. Ne laissez sortir aucun bâtiment russe du port d'Odessa jusqu'à ce que vous recevriez de mes nouvelles et envoyez cet avis à Pétersbourg, Greig et au comte Wittgenstein. Bonjour, cher Pahlen. Dieu veuille que cette crise ne soit que passagère. Je vous embrasse en me recommandant à votre souvenir.

«Ribeaupierre».

По полученіи этого письма, графъ Паленъ отправилъ немедленно изъ Одессы, 30-го октября (11-го ноября) 1827 года, нижеслѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю письмо полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, тайнаго совѣтника Рибопьера, сейчасъ мною полученное, о важномъ сраженіи, происшедшемъ при Наваринѣ между соединенными и турецко-египетскимъ флотами, въ которомъ сей послѣдній совершенно истребленъ. Свѣдѣніе сіе доставлено сюда и партикулярнымъ образомъ шкиперомъ коммерческаго судна, бѣжавшаго изъ пролива, который объявляетъ, что поводомъ сраженія было дерзкое поведеніе начальниковъ турецкаго флота, которые, не принимая никакихъ миролюбивыхъ предложеній со стороны союзниковъ, желали дѣйствовать военною силою и даже стрѣляли въ парламентеровъ, изъ коихъ одинъ, племянникъ англійскаго адмирала, убитъ. Шкипера коммерческихъ судовъ, прибывшихъ въ Одессу изъ пролива въ четыре дня, присовокупляютъ, что флотъ вашего императорскаго величества, бывъ въ самомъ пылу сраженія, болѣе всѣхъ отличился, но что корабль «Азовъ» пострадалъ нѣсколько.

Библиотека "Руниверс"

«При семъ всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что о пріостановленіи отправленія въ Константинополь коммерческихъ судовъ подъ россійскимъ флагомъ сдѣлано отъ меня надлежащее распоряженіе по всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ портамъ, съ дружескимъ предвареніемъ о томъ и судовъ подъ англійскимъ и французскимъ флагами.

«О настоящемъ случаѣ увѣдомлены мною главнокомандующій 2-ю арміею и вице-адмиралъ Грейгъ».

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2599.

Наваринское сраженіе сопровождалось слѣдующимъ случаемъ въ Рени, о которомъ донесъ 3-го (15-го) ноября 1827 года командиръ военной брандвахты:

«Сего числа въ 5 часовъ пополудни турецкое судно, проходя мимо брандвахты, было, по заведенному порядку, опрашиваемо, откуда и куда слѣдуетъ. Имѣя ходъ сильный и будучи въ полномъ своемъ грузу, почти промчалось мимо мнѣ ввѣреннаго поста, крича гвалтомъ: «Война, война! Гибель русскимъ!»

«Соображая сіи дерзости съ полученными отъ галацкой агенціи извѣстіями, за нужное считаю о томъ увѣдомить».

Галацкія извѣстія заключались въ томъ, что въ Браиловѣ былъ читанъ султанскій фирманъ, чтобы всѣ военные чины были въ готовности и при своихъ постахъ и чтобы цѣпь выставить со стороны Молдавіи, по обоимъ берегамъ Серета, дабы наблюдать, съ которой стороны послѣдуетъ нападеніе.

143. Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829. Berlin. 1845.

144. Австрійскій дипломатъ Прокешъ-Остенъ справедливо замѣтилъ: «Avant Navarin les grecs n'avaient en leur faveur que dix chances sur cent, ils en ont aujourd'hui soixante dix contre trente».

145. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. «Русскій Архивъ», 1877 года, стр. 23.

146. 22-го ноября 1827 года Рибопьеръ писалъ графу Витгенштейну изъ Перы: «Наконецъ дѣла наши съ Портою приняли оборотъ рѣшительный; истощивъ безполезно всѣ средства убѣжденія, я и сотоварищи мои, французскій и англійскій послы, выѣзжаемъ отсюда».

Письмо Рибопьера получено было въ Тульчинѣ 7-го декабря.

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2578.

147. Рибопьеръ писалъ 5-го (17-го) декабря 1827 года генеральному консулу Минчіаки въ Букарестѣ:

«Ayant vainement attendu un vent favorable pour me rendre à Odessa et ne pouvant plus prolonger mon séjour ici, je me suis décidé à me rendre à Trieste . . . . Je crois encore une fois pouvoir vous assurer que d'après toutes les apparences aucun turc ne passera le Danube et que vous pourrez par conséquent rester dans les principautés sans inconvénient jusqu'aux ordres que vous recevrez de m. le comte de Nesselrode».

148. По словамъ Меттерниха: «L'événement de Navarin, ses causes et ses suites plus que probables, tout place sa majesté impériale dans la situation morale la plus pénible. Je vous avouerai même que dans le long cours de plus de huit ans que j'occupe une place qui me met en contact journalier avec sa personne, je n'ai jamais vu notre auguste maitre ni plus douloureusement affecté ni plus activement inquiet».

Mémoires de Metternich, t. 4, p. 404.

149. «Dans cet écrit le comte de Nesselrode s'exprime en vrai bravache . . . . C'est ainsi qu'ont pensé et parlé Carnot et Danton avec ceux qui les ont copiés plus tard. Ils n'en ont pas moins été ecrasés par les «vieux et ennuyeux principes», et c'est ce qui arrivera également au comte de Nesselrode avec ces rodomontades».

Mémoires de Metternich, t. 4, p. 416.

150. Е. Ѳеоктистовъ: Борьба Греціи за независимость. С.-Петербургъ. 1863. Стр. 169.

151. Контръ-адмиралу де-Риньи императоръ Николай пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго.

Библиотека "Руниверс"

152. Графа Гейдена императоръ Николай наградилъ орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала. Въ числѣ отличившихся русскихъ моряковъ находились капитанъ 1-го ранга М. П. Лазаревъ, будущій начальникъ Черноморскаго флота, равно какъ и лейтенантъ П. С. Нахимовъ и мичманъ В. А. Корниловъ — все имена, стяжавшія себѣ впослѣдствіи всемірную извѣстность.

«Вообще въ теченіе этой кампаніи выказались блестящія дарованія Лазарева въ управленіи эскадрою, состоявшею по большей части изъ полусгнившихъ судовъ и неопытной команды, въ образованіи отличныхъ офицеровъ, въ умѣніи узнавать въ молодыхъ людяхъ достойныхъ себѣ преемниковъ и пріобрѣсть уваженіе и признь лучшихъ моряковъ англійскаго флота». (Исторія вмѣшательства Россіи, Англіи и Франціи въ войну за независимость Греціи. С.-Петербургъ. 1862. Стр. 29).

153. Лондонскій договоръ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года.

154. «Pour vous donner une idée de la besogne que j'ai eue, figurez vous que cette nouvelle [1] est venue me surprendre le soir même du jour que le courrier porteur de la nouvelle de la bataille de Navarin, m'était arrivée!—Voilà bien d'une autre affaire!—Je ne me suis pas étonné de la chose, car, selon moi, elle était la conséquence très naturelle des clauses du traité [2], qui mettaient nos escadres dans le cas, selon moi, immanquable d'en venir à l'extrémité pareille, sitôt que les turcs persistaient à céder aux insinuations autrichiennes, que tout ce que nous faisions sous le nom d'alliance n'était qu'une mauvaise farce et que faisant les obstinés dans leurs idées d'extermination, ils nous mettraient dans le cas de faire crouler tout notre traité d'alliance par crainte d'en venir à des extrémités. Hé bien!—le cas prévu est arrivé; des parlementaires ont été tués, la destruction de la flotte s'en est suivie et a prouvé à l'Europe étonnée combien nos résolutions d'en finir étaient sérieuses, sincères et combien sincère et franche était l'union de nos trois cours dans cette délicate affaire. Chose unique dans l'histoire, les trois pavillons les plus hétéroclites réunis et combattant comme des frères d'une même nation! Je m'attends toujours, d'après le même principe que nous devons suivre fidèlement, à quelque coup semblable contre les grecs, si eux de leur côté ne finissent l'infâme métier qu'ils font; les ordres les plus sévères sous ce rapport ont déjà été donnés et j'engage instamment mes alliés à les répéter encore le plus solennellement possible, pour prouver que nous ne sommes dans cette affaire ni grecs, ni turcs, mais que nous persistons à user de tous nos moyens pour faire finir cette infâme lutte de part et d'autre et que nous ne désirons qu'ordre et tranquillité. Avant que ce but, tant et si longuement désiré, ne fut atteint, il est très possible toujours par les mêmes causes, qu'une guerre s'en suive; déjà je sais que l'empereur d'Autriche, dans le premier moment de peine à la réception de cette nouvelle, a dit: «Si je ne suivais que mon sentiment je ferais marcher 100.000 hommes pour soumettre la Morée, mais je sens que je ne puis le faire»!—Cela joint à d'autres nations nous commande la plus grande circonspection».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года).

155. Повидимому, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, также не слишкомъ сочувствовалъ обороту, данному въ то время нашей политикѣ въ восточномъ вопросѣ, если судить по слѣдующему отрывку его записокъ:

«Посреди стеченія взаимныхъ неудовольствій и недовѣрчивости, Европу вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о кровавой Наваринской битвѣ. Нашъ флотъ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ сражался противъ оттоманскаго, сжегъ его, захватилъ турецкія суда и матросовъ. Какъ было изъяснить, что этотъ лютый бой, истребившій соединенныя морскія силы Турціи и Египта, произошелъ единственно отъ недоразу-

1 Императоръ Николай получилъ извѣстіе о занятіи нашими войсками Тавриза.

2 Лондонскій договоръ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года, заключенный между тремя державами: Россіею, Англіею и Франціею.

Библиотека "Руниверс"

мѣнія и не долженъ имѣть никакого вліянія на прерваніе добраго согласія между сказанными кабинетами и константинопольскимъ дворомъ? Нужно ли прибавлять, что такое странное изъясненіе трудно было Портѣ понять и еще труднѣе съ нимъ согласиться? Съ этого времени отношенія къ намъ Турціи стали еще хуже; наша торговля подверглась новымъ притѣсненіямъ, данныя въ Аккерманѣ обѣщанія остались неисполненными, и наконецъ явный разрывъ былъ неминуемъ. Начались приготовленія къ войнѣ».

156. «Quant à la victoire de Navarin, tout en reconnaissant la valeur et le courage de notre marine et en leur faisant mes félicitations du fond de mon coeur, je ne puis que déplorer et les motifs et les résultats et les suites incalculables de cette victoire navale: l'anglais en vrai Machiavel a sû profiter de la situation du russe et du français qui, dans tous les cas, étant mis au pied du mur ne pouvaient qu'accepter la proposition du combat sans être taxés de timidité ou de poltronnerie. Le russe y est pour sa bonne foi, le français pour sa bêtise et l'anglais seul pour son avantage en détruisant une flotte n'importe quelle, qui pût lui faire un peu d'ombrage, ayant pour principe de ne mépriser aucune nacelle sur eau. Pardon, cher frère, de vous exposer ces idées; elles ne tirent à aucune conséquence vous venant d'un homme dont la nullité est le partage, mais je le devais à ma loyauté et ma franchise et comme un tribut de franchise que je vous doit et ne pouvant et ne devant rien vous cacher; c'était ma marche envers feu notre immortel empereur et le sera toujours le même envers vous, jusqu'à ce que vous n'en ordonnier autrement».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича отъ 20-го ноября (1-го декабря) 1827 года).

157. Оцѣнка политическаго значенія Наваринскаго боя, сдѣланная императоромъ Николаемъ, сходится вполнѣ съ мнѣніемъ Джона Росселя, сказавшаго: «Я рѣшительно того мнѣнія, что эта блистательная побѣда была необходимымъ результатомъ Лондонскаго договора. Кромѣ того, я полагаю, что это была одна изъ самыхъ честныхъ побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ какой либо державы отъ начала міра».

158. «L'affaire de Navarin toute désastreuse qu'elle ait été pour les turcs, n'est qu'une conséquence naturelle et légale du traité qui a été longtemps d'avance déclaré à la Porte et déclaré parce que c'était le seul moyen de faire cesser un ordre de choses incompatible avec un ordre légal dans cette partie du monde. Cinq années ont prouvé que la Turquie ne pouvait terminer elle-même une lutte infâme de part et d'autre. L'Angleterre l'aurait terminée à elle seule et comme il lui convenait; je ne pouvais le souffrir, car c'eut été lui céder de bon gré le droit d'y faire ce que bon lui semble dans le sens exclusif non du bien de la chose en général, mais bien pour ses intérêts exclusifs. Il fallait là forcer donc à s'engager à la face de l'Europe de renoncer à toute vue d'avantages exclusifs dans ces contrées—voilà la raison du traité du 6 Juillet. La France par défiance y est entrée, et tant mieux; les voilà liées; nous y sommes comme contrepoids ou antidote; les conséquences en seront non une république ou des républiques, mais la cessation de la part des turcs et des grecs, que nous allons à leur tour mettre à la raison, de toute hostilité, et le rétablissement de la liberté de commerce dans ces parages,—point trop important pour tout notre midi pour que je puisse en confier le soin ni aux anglais, ni même à l'ami Metternich. Maintenant si la guerre doit avoir lieu. c'est une conséquence fort malheureuse et fort probable même à la déraison des turcs, et voilà où il m'est impossible de rien préciser d'avance».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года).

159. «Quant à l'affaire turque, elle est bien d'une autre conséquence; les nouvelles que nous en avons ici sont tellement contradictoires que réellement on ne sait à quoi s'en tenir. Dans tous les cas, si la guerre a lieu ou non, la cause des grecs n'en sera pas pour cela terminée; elle est trop embrouillée, trop compliquée pour ses résultats et pour ses intérêts pour que l'on puisse dès à présent porter un jugement définitif. D'après ce que j'en pense, toute politique mise à part ainsi que les intérêts particuliers des puissances européennes, cette cause grecque est la cause du jacobinisme pur et simple et n'en

Библиотека "Руниверс"

déplaise au dire de m-r le président Capodistrias, qui peut vouloir la faire envisager sous un autre point de vue pour le moment, n'en est pas moins du jacobinisme ou bien du libéralisme qui l'a remplacé dans ce siècle. En résumé, c'est la cause de l'émancipation des peuples par la révolte contre leurs gouvernements légaux, et si l'on l'admet où que ce soit, elle entraine des conséquences semblables à l'infini et encouragées par la réussite et le soutien que l'on y a données. J'ai le droit plus que personne d'en parler et de dire hautement ma façon de penser, puisque je l'ai dite au comte lui-même et que je n'ai pas changé d'avis à ce sujet dès le principe de l'insurrection. Je dirai plus que, si les chances des événements tournent à l'avantage des grecs, ce qui est fort probable, nous verrons le comte changer de conduite, augmenter ses prétentions et, en résumé, établir un ordre républicain et un état qui remplacerait celui des turcs. Alors, j'oserai demander ce que l'on aura gagné au change?

«La cause a été et est appuyée par toutes les têtes révolutionnaires du monde entier; y prêter les mains — c'est se mettre de pair et compagnie avec eux, et déja l'on a été trop loin, d'après ce que j'en pense, par la reconnaissance du président d'un état révolutionnaire et de fait et non de droit. C'est l'histoire des états du midi de l'Amérique qui, à mon avis, devraient être détruits aujourd'hui même et non demain, si toute fois on pouvait y parvenir».

«L'opinion publique, comme on l'appelle de nos jours, est une peste et si les gouvernements s'y soumettent et assissent d'après il n'y a plus de bornes puisqu'elle est aussi versatile que le vent,—c'est au gouvernement à la diriger et non de la suivre pour avoir la majorité du moment; il faut penser aux conséquences. Au reste les grecs si vantés pour leurs malheurs, sont aussi peu civilisés et sont aussi plus barbares que les turcs que l'on veut leur faire remplacer. Voilà ma profession de foi, elle peut déplaire à bien du monde, ce qui ne m'importe guère, mais elle n'en restera pas moins la même. Il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) декабря 1827 года).

Въ такомъ же духѣ цесаревичъ писалъ и въ слѣдующемъ году, предъ самымъ открытіемъ кампаніи на Дунаѣ, 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

«Quant à votre politique et à vos mesures envers les turcs, il ne me reste qu'à former les voeux les plus sincères pour que tout finisse à votre gloire et pour le bien-être de notre pays; mais je me permettrai d'observer que la cause des turcs est une et celle des grecs une autre chose. Je ne conçois pas comment est ce que l'on peut exiger des premiers la clause de devoir gouverner les seconds de telle ou telle manière; si c'était le cas, on pourrait à juste titre exiger de nous de gouverner tel peuple de notre dépendance, de la même façon, d'après les intérêts de nos voisins. Peut-être je ne sais ce que je dis, mais je vous dois ma franchise de vous exposer mes idées telles qu'elles me viennent, puisqu'à mes yeux la justice est partout justice et elle est immuable; le vieux proverbe dit: «ne faites pas à autrui ce que vous ne voulez pas que l'on vous fasse».

160. Султанская прокламація начиналась прямымъ обращеніемъ къ Россіи:

«Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, что какъ всякій мусульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ, такъ и невѣрные суть равномѣрно смертельные враги мусульманъ, и что наипаче дворъ Россійскій есть непримиримый врагъ народа мусульманскаго и Оттоманской имперіи».

161. «Enfin nous sommes dans une grande crise politique. Il est très difficile d'en calculer le dénouement; le fait est que l'empereur est calme, attend les événements, se prépare à tout ce qu'ils peuvent avoir de plus difficile et restera toujours loyal et modéré. Si cela déplait à quelques cabinets, au moins les peuples y applaudiront, et c'est une grande balance dans les affaires de nos jours». Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я, стр. 275. (А. Х. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову 12-го марта 1828 года).

162. Въ февралѣ 1828 года графъ Нессельроде писалъ въ Лондонъ князю Ливену:

«Nous ne connaissons pas d'état qui puisse permettre que son commerce soit ainsi arrêté, ses sujets maltraités, son honneur insulté, ses traités foulés aux pieds. Nous ne

Библиотека "Руниверс"

connaissons pas d'état qui puisse laisser des actes pareils impunis et ne point chercher dans des mesures de répression la garantie d'un avenir moins contraire à ses intérêts. Les droits de la Russie à cet égard sont incontestables, indépendants de toute transaction avec des puissances tierces, et ils ne sauraient provoquer leur opposition, de même qu'ils ne demandent pas leur concours».

163. Въ декларацiи, обнародованной тогда русскимъ правительствомъ, обращаютъ на себя вниманiе слѣдующiя заключительныя ея строки, свидѣтельствующiя о безкорыстныхъ видахъ, отличавшихъ политику императора Николая:

«Принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россiя, вопреки разглашенiямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенiя. Если бы намѣренiя нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенiю Турецкой имперiи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ бозчисленныхъ, непрестанно представляющихся случаевъ къ разрыву. Россiя не имѣетъ и видовъ честолюбiя; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ, ему подвластныхъ».

Нельзя сказать, чтобы русскiй официальный переводъ декларацiи, подлинникъ которой написанъ на французскомъ языкѣ, отличался точностiю. Достаточно привести для сравненiя по-французски послѣднiя вышеприведенныя слова декларацiи: «Assez de pays et de peuples reconnaissent ses lois; assez de soins s'attachent à l'etendue de ses domaines».

164. Въ силу указа 12-го апрѣля генералъ-интендантъ второй армiи, генералъ-майоръ Мельгуновъ, оставаясь въ своемъ званiи, долженъ былъ состоять подъ начальствомъ главноуправляющаго Абакумова.

165. Одинъ изъ такихъ фазисовъ обозначился, напримѣръ, въ слѣдующемъ письмѣ графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 4-го декабря 1827 года:

«Je vous restitue, mon cher comte, le rapport du comte Wittgenstein qui me semble s'exagérer extrêmement les difficultés de l'occupation des principautés. L'idée d'une explication préalable avec l'Autriche a été, comme vous devez vous en rappeler, prise en mure considération et rejetée comme déplacée et même, je vous l'avouerai, comme un peu ridicule. D'après ma plus intime conviction il m'est impossible de lui supposer l'intention de nous prévenir dans l'occupation des principautés. Ce sont de ces mesnres que pourrait prendre Bonaparte, d'audacieuse mémoire, mais ni l'empereur François, ni même son principal ministre, n'ont fait preuve jusqu'ici d'une pareille témérité. D'ailleurs je ne comprendrai même pas trop comment ils pourraient effectuer une opération aussi hardie. Il faudrait pour cela qu'ils eussent munis leurs généraux sur les frontières d'ordres éventuels et d'une latitude qui ne sont pas dans leurs habitudes. Je ne doute donc pas qu'une colonne poussée avec vigueur de Reni sur Boucarest n'ait le temps de les prévenir partout. Au reste d'après les derniers rapports de Ribeaupierre, il parait que la Porte, tout en laissant partir les représentants, continuera à éviter soigneusement de nous fournir aucum grief direct. L'entrée de nos troupes sur le territoire Turc devra donc nécessairement être arrêtée en commun avec nos alliés, ce qui nous donnera également le temps d'eclaircir davantage l'attitude que l'Autriche sera disposée à prendre au milieu de cette complication. D'après cette considération il me semble que d'autoriser le comte Wittgenstein à mettre son armée dès à présent sur le pied de guerre serait prématuré».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2563).

166. «Tout jusqu'à ce moment est tranquille sur la frontière turque, et ce ne sera pas moi qui commencerai, à moins que je n'y sois forcé par les circonstances prévues par le traité».

Императоръ Николай — цесаревичу Константину Павловичу 28-го ноября (5-го декабря) 1827 года.

167. «Mes résolutions sont prises; elles sont irrévocables et en cela les turcs nous ont rendu un vrai service», писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 17-го февраля 1828 года.

168. Принцъ Евгенiй, ничего не знавшiй объ этихъ намѣренiяхъ императора Николая, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, если бы государь послалъ польскую армiю

Библиотека "Руниверс"

въ Турцію, то въ 1830 году въ Польшѣ не вспыхнула бы революція. «На полѣ битвы быстро заключается братскій союзъ, — пишетъ принцъ, — къ тому же поляки храбрые солдаты, а безъ ихъ содѣйствія возстаніе было бы немыслимо».

169. 15-го (27-го) февраля 1828 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ фельдмаршалу графу Сакену, что, находясь въ Петербургѣ, «нимало не скрывая, откровенно и гласно» высказывалъ мнѣніе, «начиная сіе предъ самимъ государемъ императоромъ, что имѣть намъ войну нѣтъ никакой въ виду пользы. Начать оную весьма легко; какой же будетъ конецъ, одному только Богу извѣстно. Надѣяться на свою силу не можно. Наполеонъ показалъ надъ собою разительный примѣръ: при всемъ могуществѣ его какія вышли послѣдствія».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 410).

170. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Вильгельму Николаевичу Оливу, отъ 20-го августа (1-го сентября) 1829 года, изъ Франкфурта на Майнѣ. «Русскій Архивъ», 1870 года, стр. 425.

171. Для характеристики отношеній между двумя братьями приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ двухъ писемъ императора Николая къ цесаревичу.

Отъ 15-го (27-го) сентября 1827 года:

«Je puis vous assurer que toute ma vie mon seul désir est d'être constamment digne de vous; s'il m'arrive quelquefois d'être dans le cas d'émettre une opinion qui diffère de la votre, croyez toujours que j'agis d'après ma conscience, le sentiment de l'énorme responsabilité dont je suis accablé et la conviction que toute autre manière de m'acquitter de mes devoirs serait blâmable et ne mériterait pas votre estime, chose à laquelle je tiens plus qu'à toute chose!»

Отъ 2-го (14-го) ноября 1827 года:

«Je voudrais que vous puissiez lire dans mon coeur et vous trouveriez le désir ardent que chaque geste, chaque mot, enfin tout ce que je fais, puisse me mériter vos bontés, votre satisfaction—c'est là le but de mon existence, que ne m'est il toujours possible de vous en donner des preuves; c'est du moins là tout ce que je désire».

172. «Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté, et permettez moi de vous répéter les paroles du maréchal Souvorow qui disait: глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налѣво, et ajoutait à ceci, malgré son horreur des retraites, en prétendant qu'il ne devait pas y en avoir, qu'avant de faire un pas en avant, il fallait regarder en arrière pour voir si on pouvait en faire deux et même quatre».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю, изъ Варшавы отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года.

173. См. въ приложеніяхъ переписку по поводу прусскихъ и австрійскихъ вооруженій и предположеній объ участіи польской арміи въ турецкой войнѣ.

174. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) іюня 1828 года, изъ лагеря близъ Траянова вала.

175. Quant aux affaires de l'Orient et puisque vous m'en parlez, je crois de mon honneur et de mon devoir de ne pas vous cacher en rien mon opinion, qui est celle d'éviter toute rupture formelle avec les turcs si ne le faire qu'à la dernière extrémité et sans précipitation. Le mal ne viendra pas de ce côté, mais s'il vient, il viendra de l'Occident, c'est pour cela qu'il fait tout son possible pour nous occuper tant en Perse, contre les turcs et pour les grecs. L'Occident craignait notre force physique, prête à fondre sur lui, s'il bougeait; maintenant que ces forces sont nécessairement divisées, elles imposent moins et nos ennemis d'Occident pourront agir à leur aise. Par cet état de chose, il s'est soustrait pour ainsi dire de notre surveillance. Je parle de ceci généralement, puisque tout bouleversement, n'importe quel, est une atteinte portée à votre dignité et à votre puissance. L'Occident a voulu nous donner de la tablature en Orient et y a réussi arfaitement. Nous y sommes par nos moyens, nos intérêts et notre bonne foi et risques, orsque l'Occident se soucie fort peu de nous et ayant réussi à détourner notre surveil-

Библиотека "Руниверс"

lance de dessus lui, pourra se réunir dans le sens tel qu'il voudra. Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté».

Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года.

176. «Je ne me permettrai jamais de vous tracer des principes que vous devez suivre, cher frère, comme vous le dites dans votre lettre, et si la vérité, que je crois être telle d'après ma conscience, vous est parfois exprimée par moi, avec toute la franchise qui me caractérise, ce n'est que l'habitude que j'ai contractée de le faire auprès de feu notre immortel empereur qui m'y engage et la parole sacrée que je lui ai donnée d'en user de même envers vous, une fois qu'il n'existerait plus et ce qu'il a exigé de moi sous serment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

177. Императоръ Николай впервые упомянулъ о своемъ желаніи имѣть у себя польскихъ офицеровъ въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года:

«J'allais oublier de vous demander si vous ne trouveriez pas très convenable de m'envoyer pour la campagne quelques officiers polonais, pour être près de moi la première fois que depuis la réunion nous avons guerre; si c'est faisable je l'aimerai bien».

178. «Je ne puis assez me louer des officiers que vous avez bien voulu m'envoyer; ils se distinguent partout où l'on les emploie et plusieurs méritent déjà des recompenses. J'espère qu'ils sont contents de leurs camarades qui sont vraiment frères avec eux».

Императоръ Николай — цесаревичу Константину Павловичу 18-го іюля 1828 года, изъ лагеря противъ Шумлы.

То же самое повторено было въ кампанію 1829 года: цесаревичъ прислалъ въ распоряженіе главнокомандующаго 19 офицеровъ.

179. См. въ приложеніяхъ распоряженія императора Николая по случаю отправленія его въ турецкую кампанію.

Государственный архивъ. Разрядъ II. № 1.

180. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: дѣло объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора изъ С.-Петербурга въ 1828 году.

Задача, выпавшая на долю графа Чернышева, была не легкая. Онъ писалъ 6-го (18-го) іюня 1828 года графу П. Х. Сухтелену:

«Je mène ici une existence d'enfer, je succombe sous les poids des affaires; en temps de paix, ces deux parties réunies seraient déjà très fortes pour un seul, à plus forte raison dans le moment actuel; aussi vous qui me connaissiez, vous pouvez bien vous imaginer si je me donne du repos. Puissai-je réussir à bien conduire cette immense besogne. Tout est triste et morne en ville, tous les yeux, toutes les pensées sont tournés de votre côté».

181. «Permettez, cher Constantin, que je vous offre ici mes voeux d'avance pour votre fête qui approche; puisse la divine Providence vous combler en tout de toutes ses bénédictions; puissiez vous être toujours le même pour moi, et dans cet instant solennel, où il peut être écrit là haut que je dois trouver ma fin dans cette campagne, croyez que je vous ai servi avec le même dévouement et que je rendrai mon dernier souffle avec le même sentiment de tendresse et de reconnaissance pour vous qui m'a constamment guidé dans tous les instants de ma vie. Si telle, en effet, était la volonté divine, je quitterai la vie avec le sentiment d'avoir fait mon devoir en honnête homme et avec le regret de n'avoir pu être plus utile à ma chère patrie. Pensez alors à ma pauvre femme, à cet être angélique, auquel je dois depuis onze ans tous les instants heureux de mon existence; veuillez lui tenir lieu de père et d'ami; continuez vos bontés à mes chers enfants et, surtout, au pauvre malheueux qui devra me remplacer! Enfin, sachez alors qu'il vous restera un être dévoué de moins dans le monde. Donnez moi vos bénédictions et accordez moi le pardon pour mes fautes, certainement involontaires, vis à vis de vous».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года, изъ С.-Петербурга.

Библиотека "Руниверс"

182. «Quant à la fin de votre lettre, cher frère, je ne saurai vous dépeindre l'impression profonde et pénible qu'elle m'a fait éprouver. Que le bon Dieu veuille vous faire éprouver tous les biens de cette terre, cher frère, en vous évitant tout mal, et je ne saurai m'arrêter à cette triste idée. J'ose espérer de sa clémence que ses bénédictions vous accompagneront toujours ainsi que notre chère Alexandrine et tous vos enfants, et en vous réunissant tous dans la paix et la tranquillité la plus parfaite. Vous êtes si bon mari et père, qu'il est de toute justice de vous faire goûter longtemps du bonheur domestique dont vous jouissez à si juste titre. Si mes bénédictions vous sont toutefois nécessaires, cher frère, vous les avez en plein et je n'hésite pas certainement à vous les donner, sans me croire autorisé à le faire, mais simplement par dévouement de coeur et réel attachement».

183. «Je ne sais pas encore ce que l'Angleterre fera; j'ai tout lieu d'espérer que la France restera fidèle à ses engagements; j'espère donc, avec l'aide de Dieu, que la seule occupation des principautés nous suffira. Nos mesures vont être prises en conséquence, tout en nous préparant à pousser à fond si la nécessité l'exige. L'empereur d'Autriche s'est exprimé envers Tatischew de manière à me faire supposer que nous n'avons rien à craindre de ce côté les armes à la main».

184. «Je dois vous avouer, mon cher ami, que cela m'a beaucoup peiné de voir que l'on ne veut pour le commencement qu'occuper les principautés, n'y voyant qu'une demi-mesure qui paralyse le début de la campagne et qui me fait penser qu'en voulant échelonner les réserves depuis Mohilew jusqu'a Ismail, l'on ait le but d'avoir un corps d'observation contre les autrichiens, ce qui fait croire que les affaires ne trainent de nouveau en longueur. Mon opinion serait qu'une fois la décision prise, il faut agir avec énergie et ne pas marcher en tatonnant. Cela fera un bon effet sur l'Europe, et procurera des avantages à la Russie, en conséquence il serait nécessaire:

«1) de concentrer les troupes pour effectuer le passage en masse et le même jour sur le Pruth et le Danube;

«2) de prendre Toultcha et Isaktcha, assiéger Brailoff et occuper jusqu'au rempart de Trajan;

«3) se porter avec rapidité et avec force sur Boukarest, car il est probable qu'au moment où nous passerons le Pruth, les turcs effectueront le passage du Danube en grande masse pour dévaster la Valachie; les nouvelles que nous recevons viennent à l'appui de cette assertion:

«4) nos troupes avancées devant être soutenus par de bonnes réserves pour agir à coup sûr et ne pas être dans les cas de se replier. car s'est la première affaire qui décide du succès de la campagne et influe sur le moral de toute l'armée, surtout sur une armée qui a peu d'expérience, après qu'elle n'a pas vu l'ennemi depuis 13 ans;

«5) comme je n'ai pas le droit d'accélérer la marche des troupes de la 2-de armée, l'on ne peut commencer les opérations, si le tout doit se faire à la fois, que vers le 13 de Mai. Cela n'empêchera pas cependant d'être au pied du Balkan dans les premiers jours du mois de Juin et ce qui est absolument nécessaire.

«Je suis bien heureux si sa majesté daigne approuver mes idées qui du reste ne changent rien à ses dispositions, excepté que je tiens beaucoup à effectuer le passage le même jour sur tous les points. Je ne doute pas, mon cher ami, que vous ne soyez de mon opinion, car plus que nous tarderons d'effectuer le passage du Danube, plus nous perderons de temps précieux, et cela fera croire à notre ennemi que nous n'agissons pas sérieusement et ce qui encore pire, c'est que cela nous gênera pour les approvisionnements du côté de la mer, ne pouvant être maitre des embouchures du Danube. Du reste je n'ai plus rien à vous dire; le général Kisseleff vous exposera l'état de notre armée et différentes choses que nous supplions; j'espère que vous aurez la bonté d'appuyer ces demandes. Je me fais une véritable fête de vous posséder bientôt, cher ami, et de faire encore une campagne avec mon ancien camarade et compagnon de gloire de Kliastizi et Polotzk».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322).

Библиотека "Руниверс"

185. Въ царствованіе императора Александра даже генералъ Канкринъ занимался разработкою плана войны съ турками. Въ 1819 году онъ представилъ записку подъ заглавіемъ:

«Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe, surtout par rapport à l'administration militaire, avec un plan de campagne».

Эта обширная записка представлена была при всеподданнѣйшемъ письмѣ генерала Канкрина отъ 4-го апрѣля 1819 года изъ Шклова. Въ упомянутомъ письмѣ между прочимъ сказано: «La permission que votre majesté a daigné m'accorder de présenter à elle un mémoire secret quant à la guerre avec les turcs m'a encouragé de traiter de ce sujet sous tous les points de vue».

На запискѣ 1819 года неизвѣстный критикъ, читавшій ее, написалъ карандашемъ слѣдующія строки:

«Te Deum, diner-galàs, feux d'artifices et festins. Bal officiel au sérail, cancan non officiel au harem! Les épouses du grand-seigneur seront plus ou moins épousées par l'armée victorieuse, le tout pour le triomphe de la foi orthodoxe. Suum cuique».

Въ 1821 году Канкринъ представилъ новую записку по тому же предмету:

«Военныя соображенія о походѣ противъ турокъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

186. Собственноручная записка генералъ-адъютанта барона Дибича: о дѣйствіяхъ противъ турокъ, отъ 7-го іюля 1821 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 4. № 198.

187. Въ 1821 году генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ:

«Твердость вашего императорскаго величества въ точнѣйшемъ наблюденіи объявленнаго въ Лайбахѣ намѣренія своего въ полной мѣрѣ должна была доказать всей Европѣ, что миролюбіе ваше превосходитъ даже желаніе прекратить бѣдствія единовѣрцевъ. Но усилившіеся безпорядки во всей Турціи и извѣстная черта въ характерѣ азіатскихъ владѣльцевъ, что скромность противъ ихъ возраждветъ всегда болѣе наглости, въ скоромъ времени могутъ принудить насъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Предусмотрительность вашего императорскаго величества въ политическихъ дѣлахъ ожидаетъ, конечно, самую крайность къ совершеннѣйшему убѣжденію всѣхъ въ твердомъ миролюбіи вашемъ... но великое терпѣніе ваше въ пользу общаго спокойствія Европы не можетъ, кажется, остановить нужныя приготовленія, дабы тогда, когда самая крайность заставитъ начать военныя дѣйствія, быть въ совершенной готовности рѣшительнымъ и безостановочнымъ ходомъ оныхъ окончить войну въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи въ одной кампаніи; ибо опыты прежнихъ временъ доказываютъ несчастныя послѣдствія медленности, происходящей отъ степеннаго приведенія дѣйствующихъ войскъ или отъ лишняге раздѣленія оныхъ во время самыхъ дѣйствій... Нынѣшняя война противъ турокъ, по мнѣнію моему, требуетъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій. Уже одни политическіе виды заставляютъ желать, чтобы мы овладѣли Царьградомъ прежде всякой другой державы».

Залогомъ успѣха войны Дибичу казалось тогда «быстрое наступленіе достаточныхъ силъ, которыя поражаютъ и дѣятельностью и скоростью всѣ противостоящія войска, конхъ сообщенія сохраняются слѣдующими непосредственно за ними другими войсками нашими, которымъ ввѣряются блокады крѣпостей и устройство земли».

188. Насколько важно было открыть какъ можно ранѣе военныя дѣйствія противъ Турціи, можно видѣть изъ сообщенія, сдѣланнаго графомъ Виттомъ начальнику главнаго штаба еще 3-го сентября 1827 года: «La puissance turque n'a jamais été plus faible que dans ce moment; ils ne seraient pas en état de présenter une armée en campagne avant le mois de Juin 1828 et alors serait ce encore très insignifiant; ils ne peuvent compter que sur une cinquantaine de milliers de cavaliers qui viendraient de l'Asie et tout au plus 40.000 hommes de faible infanterie».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2599).

189. Генералъ-адъютантъ Киселевъ признавалъ эти силы недостаточными, такъ какъ, по его мнѣнію, занятіе княжествъ потребуетъ въ теченіе войны отъ 30 до 40.000 человѣкъ

Библиотека "Руниверс"

190. Судя по именному списку «лицамъ, имѣющимъ быть при главной квартирѣ», подписанному генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, число ихъ (включая сюда прислугу, писарей, мастеровыхъ и проч.) простиралось до 300 человѣкъ.

При главной квартирѣ должны были состоять: дивизіонъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, взводъ лейбъ-гвардіи жандармскаго полуэскадрона, казачій его высочества наслѣдника полкъ и 6 фурштадтскихъ ротъ. Лошадей верховыхъ, упряжныхъ, обозныхъ насчитывалось до 550-ти.

191. Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, генералъ-адъютантъ съ 30-го августа 1816 года.

192. Всеподданнѣйшее письмо генералъ-адъютанта Храповицкаго, отъ 30-го мая 1828 года, изъ Петербурга.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

193. Сборникъ И. Р. И. О., т. 78, стр. 304.

Въ этомъ же письмѣ генералъ-адъютантъ Закревскій упоминаетъ о безденежьѣ. Тотъ же аргументъ выставлялся также цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ перепискѣ его съ братомъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 4-го (16-го марта) 1826 года онъ писалъ государю:

«Vous me dites de plus, que vos finances sont embarrassées,—comment donc voulez vous commencer une hostilité, puisque pour la guerre il faut: de l'argent et de l'argent et, certes, ce n'est pas dans les principautés que vous en trouverez».

194. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 10-го (22-го) мая 1828 года объявлено было особенное благоволеніе его величества командиру 2-й бригады 4-й уланской дивизіи, генералъ-майору барону Гейсмару, за быстрое движеніе къ Букаресту отряда, ему ввѣреннаго, и предохраненіе тѣмъ сего города отъ нашествія непріятеля.

195. 1-го мая 1828 года графъ Дибичъ писалъ государю:

«Послѣднія извѣстія о возможности къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ неудовлетворительны; вода нимало не убыла и покрываетъ берегъ отъ пяти до десяти верстъ на два и на три аршина».

Въ донесеніи же отъ 15-го мая 1828 года графъ Дибичъ пишетъ о безпримѣрномъ въ семъ году разлитіи Дуная.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2518).

196. «On hâte tant que l'on peut les préparatifs du passage du Danube près d'Ismaïl, mais le débordement excessif du Danube rend l'opération difficile et longue; nous sommes à chercher un point près de Туртукай, pour y passer en cas qu'il fut plus aisé de l'y faire». Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) мая 1828 года изъ Одессы.

197. Изъ безчисленныхъ затрудненій, встрѣченныхъ при подготовленіи переправы у Туртукая, здѣсь достаточно указать на то, что 30-го мая 1828 года генералъ Ротъ доносилъ генералъ-адъютанту Киселеву, что для устроенія предположеннаго здѣсь моста нельзя достать якорей, канатовъ и смолы. Поэтому даже 22 лодки, собранныя на рѣкѣ Аржисѣ для употребленія при первоначальной переправѣ, оставались не осмоленными. Заготовленіе лѣса сопряжено было также съ величайшими затрудненіями.

198. Записки Іосифа Петровича Дубецкаго. «Русская Старина» 1895 года, т. 83.

199. Императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) мая изъ Одессы: «J'ai eu un fort accès de fièvre qui m'a tout à fait mis à bas pendant 36 heures. Le lendemain, j'ai dû rester en chambre; enfin le troisième jour, j'en ai été quitté par une forte diarrhée qui m'a remis tout à fait».

200. «Эта поѣздка, со всѣми ея удобствами, такъ отличалась отъ обыкновенныхъ путешествій государя, скакавшаго всегда день и ночь и безъ кухни, что показалась мнѣ настоящею прогулкою», пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

201. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2754.

202. Осипъ Михайловичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской сѣчи. «Русская Старина» 1881 года, т. 30-й, стр. 384.

Библиотека "Руниверс"

203. Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и его время». С.-Петербургъ. 1862 года, т. 1, стр. 275.

204. Посылая графу Дибичу диспозицію, императоръ Николай писалъ своему начальнику штаба:

«Voici, mon cher ami, crainte de confusion et de sois-disants ordres de ma part, mon idée sur l'ordre dans lequel le passage doit se faire; faites y vos remarques, et si vous n'y trouvez rien à changer, faites copier et donner à qui de droit la disposition en son temps. Si vous trouvez quelque chose à changer, marquez le moi».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 968.

205. Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ П. Д. Киселевъ», т. 1, стр. 277.

206. 3-го іюня 1828 года изъ лагеря при Бабадагѣ графъ Дибичъ сообщилъ графу Чернышеву слѣдующее высочайшее повелѣніе относительно запорожцевъ:

«Государь императоръ, одобривъ представленіе генералъ-лейтенанта Инзова о водвореніи въ Аккерманскомъ цинутѣ перешедшихъ къ намъ запорожцевъ, соизволилъ поручить ему надлежащія по сему предмету соображенія, а между тѣмъ высочайше повелѣть соизволилъ помянутыхъ запорожцевъ наименовать Дунайскимъ казачьимъ полкомъ и пожаловать имъ знамя съ надписью: «За храбрость и усердіе, оказанныя при переходѣ черезъ Дунай 27-го мая 1828 года».

Въ заключеніе графъ Дибичъ просилъ приказать изготовить въ Петербургѣ знамя, на подобіе пожалованнаго лейбъ-гвардіи Казачьему полку.

207. Der Russisch-Türkische Feldzug in der Europäischen Turkei 1828 und 1829 dargestellt durch Freiherr von Moltke, Major im königlich-preussischen Generalstabe. Berlin. 1845.

Французскій переводъ этого сочиненія появился въ 1854 году; въ Россіи же къ переводу классическаго сочиненія Мольтке приступлено было только въ 1873 году, и появилось оно подъ заглавіемъ:

«Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ. Сочиненіе графа Мольтке. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ. С.-Петербургъ. 1876».

Переводъ, прерванный Восточною войною 1877 года, былъ оконченъ лишь въ 1883 году. (Кампанія 1829 года).

208. Графъ Мольтке: «Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ», стр. 87.

209. Въ Бабадагѣ получено было извѣстіе объ успѣшномъ ходѣ осадныхъ работъ, предпринятыхъ противъ крѣпости Анапы. Поздравляя князя Меншикова съ одержаннымъ успѣхомъ, графъ Дибичъ писалъ ему изъ Бабадагскаго лагеря 3-го (15-го) іюня 1828 года:

«Nos affaires ici vont en général bien, mais le siège de Brailof traine plus longtemps que je ne l'avais espéré. La saison nous protége, les chaleurs ne sont pas excessives et l'herbe est encore bien fraiche. Il n'existe point d'armée turque en deça du Balcan et à peine Hussein-Pacha pourra-t-il rassembler 20 à 30.000 à Choumla, ayant encore assez mal fourni toutes les places du Danube».

Очевидно, что настроеніе графа Дибича было въ ту пору еще вполнѣ оптимистическимъ; вскорѣ уже дальнѣйшій ходъ событій долженъ былъ навести его на другія размышленія.

210. Послѣ переправы черезъ Дунай, диспозиціи по 3-му корпусу, а затѣмъ при движеніи главныхъ силъ къ Базарджику, Енибазару и во время обложенія Шумлы, отдаваемыя за подписью генералъ-адъютанта Киселева, начинались словами:

«По соизволенію его императорскаго величества г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить слѣдующее на завтрашній день распоряженіе».

Или: «Г. генералъ-фельдмаршалъ съ высочайшей его императорскаго величества воли приказать изволилъ».

Или: «По высочайшей волѣ г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить къ исполненію слѣдующее».

Библиотека "Руниверс"

211. 970 убитыхъ и 2.237 раненыхъ; въ этомъ числѣ находились 13 убитыхъ и 110 раненыхъ офицеровъ.

212. По мнѣнію графа Мольтке, Силистрійская крѣпость находилась въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи, что до прибытія браиловскаго гарнизона нечаянное на нее нападеніе представляло вѣроятіе успѣха.

213. Изъ лагеря близъ Базарджика императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу 30-го іюня (12-го іюля) 1828 года:

«Hier nous avons été joints par le 7-me corps; je l'ai trouvé dans le plus grand ordre, malgré ses pertes et ses fatigues; les derniers jours étaient très fatiguants; pas d'eau et 44 degrés au soleil».

Относительно дальнѣйшаго пути къ Козлуджѣ государь писалъ:

«La route est fort étroite et difficile; les bois sont infestés par des habitants armés qui tirent et attaquent où ils peuvent impunément et sous ce rapport nous gênent beaucoup».

214. «Nous ne voulons rien précipiter, mais user de tous les moyens pour parvenir à un bon résultat sans rien compromettre».

Такъ писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 2-го (14-го) іюля 1828 года изъ лагеря близъ Базарджика, когда уже рѣшено было двинуться къ Шумлѣ съ 3-мъ и 7-мъ корпусами. Результатъ получился какъ разъ обратный содержанію письма.

215. Lacroix: Histoire de Nicolas 1-r. T. 3, p. 360.

216. По поводу Буланлыкскаго сраженія императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу 18-го (30-го) іюля 1828 года:

«Nous avons eu une fort belle affaire contre près de 10.000 chevaux. C'était une vraie belle manoeuvre et pour la disposition et pour l'exécution».

Датскій посланникъ графъ Бломъ писалъ изъ-подъ Шумлы, 12-го (24-го) іюля 1828 года:

«Sa majesté l'empereur commandait en personne tous les mouvements, et les troupes les exécutèrent avec une précision qui n'aurait pu être plus parfaite aux manoeuvres de Krasnoe-Sélo. Le calme et la tranquillité avec lesquels sa majesté donnait ses ordres étaient admirables, digne du général le plus consommé. Aucun mouvement d'impatience, ni d'humeur, quand même les aides de camp qui avaient mal compris les ordres osèrent lui demander de les leur répéter. Il les leur expliquait avec une clareté et une précision, qui ont provoqué l'étonnement des officiers qui ont toute l'habitude de commander».

«Chaque jour ajoute à la haute opinion que dès le moment de son avénement au trône, ce souverain a su inspirer de son caractère, de ses moyens et de ses talents».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

217. Графъ Бломе въ письмѣ отъ 12-го (24-го) іюля 1828 года пишетъ:

«Sa majesté l'empereur en faisant des reconnaissances journalières, observe des précautions pour ne pas être reconnu par les avant-postes de l'ennemi; mais tout ce qui l'approche de près ne se méprend pas sur la violence que ce jeune et courageux prince s'impose, en se refusant de braver gratuitement les plus grands dangers de la guerre au milieu des boulets et des balles, et c'est un pénible sacrifice qu'il porte à l'amour de ses peuples, et j'ose ajouter à celui de tout être bien pensant, qui ne peut que reconnaitre dans sa conservation le bonheur de la Russie et celui de toute l'Europe. On frissonne à l'idée seule d'un malheur qui puisse lui arriver et auquel sa situation présente ne prête que trop de chances funestes».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

218. «Les motifs sont fort simples; durant ces trois semaines il n'y avait rien à faire à l'armée qu'à continuer le blocus de Choumla et le siége de Varna; il m'importait de voir ce point moi-même, car je le regarde comme la clef de la campagne, bien plus que Choumla, notre véritable base d'opérations étant sur la mer et le long de la côte».

Изъ письма императора Николая цесаревичу Константину Павловичу отъ 11-го (23-го) августа 1828 года изъ Одессы.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

219. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Дибичу изъ лагеря при Козлуджѣ, отъ 21-го іюля 1828 года.

220. Письмо князя Меншикова императору Николаю отъ 21-го іюля 1828 года, изъ лагеря при Дервентхіой.

«Je serai, sire, demain à la pointe du jour en position sur les hauteurs au N. E. de Varna et je tacherai d'établir un poste fortifié au bord de la mer, ce qui probablement ne pourra se faire qu'à la suite d'un combat. Ce poste établi il me servira de point de départ pour gagner successivement du terrain afin de bloquer la place de ce côté du lac. L'étendue est immense et dans un pays de chicane. Je ne puis me mouvoir que lentement, pour ne pas agir à tatons. Le plateau sur lequel je vais m'établir est une plaine qui prolonge vers Bazardjik et Kawarna, mais ma cavalerie n'est pas en état de la reconnaitre, les chevaux sont exténués par défaut de fourage. Dans une reconnaissance que j'ai entrepris hier, un peloton de lanciers n'a pas pu atteindre deux turcs à pied dans la plaine. . . . . J'expédierai Dellingshausen à votre majesté dès que je pourrai entrer en communication avec l'escadre, et en attendant je l'ai expédié à Tetikiu avec le bataillon de Wellington, il doit revenir ce matin avec deux compagnies et les deux autres pousseront jusqu'à Kawarna, pour ouvrir la communication et revenir avec la brigade de chasseurs. Votre majesté ne pourra voyager qu'avec une forte escorte, le pays est infesté de brigands; il serait urgent avant votre arrivée, sire, de faire battre par de l'infanterie les environs de Kosludji».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2744).

Въ донесеніи къ графу Витгенштейну князь Меншиковъ жалуется на недостатокъ зернового фуража, благодаря которому Бугскій уланскій полкъ скоро спѣшится; артиллерійскія лошади также слабосильны. «Разъѣздовъ для открытія окрестностей почти не имѣю возможности посылать,—пишетъ князь Меншиковъ,—нападать же на турецкую конницу никакъ не осмѣлюсь, по худобѣ лошадей, отъ недостатка фуража происшедшей». Онѣ питались соломою съ крышъ деревни Дервентхіой.

Численный составъ отряда генерала Ушакова, поступившаго подъ начальство князя Меншикова, простирался до 6.500 человѣкъ.

221. Въ запискѣ князя Меншикова о дѣйствіяхъ подъ Варною въ 1828 году встрѣчается довольно странная замѣтка: «Осматривая съ позиціи въ зрительную трубу Варну, государь изволилъ отозваться князю Меншикову, что эта крѣпость болѣе недѣли держаться не можетъ». (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4448).

222. 25-го іюля 1828 года князь Меншиковъ писалъ графу Дибичу:

«L'empereur est escorté par la fregate le Standart, qui va prendre les ambassadeurs à Kustendji, le brig Mercure et un pyroscaphe».

223. «Tout est dans le vague pour moi quant à l'issue de cette campagne et je ne puis absolument rien préciser sur notre avenir. . . . . j'espère que le bon Dieu nous aidera à nous en tirer, comme il nous a aidé en des occasions bien plus difficiles».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го августа (1-го сентября) 1828 года изъ Одессы.

224. См. въ приложеніяхъ письмо князя Волконскаго къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 27-го іюля 1828 года изъ Одессы.

225. Въ дневникѣ князя Меншикова 9-го августа 1828 года записано:

«Послѣ обѣда вылазка. Непріятель прогнанъ, отбито у него два знамени. Послѣдній выстрѣлъ изъ крѣпости ранилъ меня ядромъ, коимъ вырвана внутренность обѣихъ лядвей. На правой ногѣ рана въ 6 вершковъ, а на лѣвой въ 4. Я могъ еще пройти нѣсколько шаговъ, потомъ упирался на адъютантѣ моемъ Д. П. Бурмейстерѣ. Встрѣтившійся лѣкарь Олейниковъ наложилъ первую перевязку. Пока несли меня въ лагерь, я могъ еще распорядиться войсками».

«10-го августа. Отправленъ въ Одессу флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ съ извѣстіемъ къ государю о моей ранѣ. Хорошо переношу и съ веселымъ духомъ свое положеніе. Докторъ Павловской говоритъ по-латыни своимъ товарищамъ, что нечего

Библиотека "Руниверс"

много хлопотать обо мнѣ, ибо не переживу. Приказанія по отряду отдаетъ моимъ именемъ начальникъ штаба, генералъ-майоръ Перовскій».

226. Графъ Воронцовъ 13-го (25-го) августа 1828 года писалъ императору Николаю:

«Le général Benkendorf m'a communiqué votre volonté à mon égard. Je suis non seulement prêt, mais heureux de vous obéir et je désire seulement justifier votre confiance».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2744).

16-го (28-го) августа графъ Воронцовъ принялъ уже подъ Варною начальство надъ отрядомъ князя Меншикова.

227. Записка начальника главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанта Киселева, отъ 25-го іюля 1828 года (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2704).

Одна изъ побудительныхъ причинъ, склонившихъ Киселева къ наступательнымъ дѣйствіямъ, заключалась въ томъ, «что фуражирное довольствіе становилось съ каждымъ днемъ скуднѣе, и что фуражиры наши должны уже отъѣзжать на 20 и болѣе верстъ отъ лагеря, дабы имѣть нѣсколько сноповъ соломы для прокормленія лошадей».

Къ тому же по запискѣ сенатора Абакумова (отъ 23-го іюля) оказывалось, что продовольствіе арміи подъ Шумлою, съ отрядомъ при Праводахъ, можетъ безостановочно производиться (кромѣ фуража) до порчи дорогъ отъ дождей, ожидаемой въ концѣ августа.

Генералъ-адъютантъ Киселевъ придавалъ взятію Шумлы рѣшающее значеніе для исхода кампаніи, что не свидѣтельствуетъ о вѣрности его военнаго взгляда. Въ одномъ изъ писемъ его, отъ 28-го іюля 1828 года, онъ пишетъ: «J'ai toujours pensé que la prise de Choumla déciderait de la campagne et peut-être de la guerre».

228. 13-го (25-го) августа 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу изъ Одессы:

«Quelle sera notre direction ultérieure m'est encore indécis; je suppose cependant que ce devra être vers Choumla, pour ne pas laisser une verrue pareille à notre dos».

20-го августа (1-го сентября) 1828 года, императоръ Николай въ другомъ письмѣ изъ Одессы снова коснулся этого вопроса въ томъ же неопредѣленномъ смыслѣ:

«A Choumla tout reste dans le même état et ne pourra faire de progrès jusqu'à l'arrivée des gardes, alors il faudra agir vigoureusement pour en finir».

229. См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября) 1828 года.

230. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

16-го (28-го) августа графъ Дибичъ писалъ по поводу здоровья графа Витгенштейна, еще до полученія имъ высочайшаго выговора: «Le maréchal est au désespoir sur ces événements et a été attaqué par une forte dyssenterie le 15, mais aujourd'hui cela va beaucoup mieux».

231. Даже графъ Дибичъ опомнился во-время и писалъ императору Николаю 16-го августа 1828 года:

«J'aime à me persuader que votre majesté sera aussi de l'avis que la prise de Warna est sinon plus importante, au moins plus nécessaire pour nous que celle de Choumla».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757 (а)).

232. Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ уже ранѣе навстрѣчу гвардіи, 5-го (17-го) августа, въ Кюстенджи.

233. Императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Николаевна выѣхали изъ Одессы 9-го (21-го) сентября и прибыли въ Петербургъ 3-го (15-го) октября 1828 года.

234. Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ Бенкендорфъ пишетъ:

«Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія, дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ, по непріятельской землѣ, съ русскимъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ!»

Отсюда можно вывести заключеніе, что генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году.

235. Въ то время въ Каварнѣ, въ одной изъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной, лежало тѣло брата Александра Христофоровича Бенкендорфа, генералъ-

Библиотека "Руниверс"

адъютанта Константина Христофоровича, въ ожиданіи перевозки въ Одессу. Онъ занемогъ отъ трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ этой войной, находясь съ отрядомъ въ Праводахъ, гдѣ не было ни лѣкаря ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной помощи.

«Государь въ благодушіи своемъ,—пишетъ А. Х. Бенкендорфъ,—желая, чтобы я не видѣлъ этого дорогого гроба, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло брата моего еще въ Каварнѣ, а самого меня во время осмотра имъ города услалъ въ лагерь».

236. При посѣщеніи князя Меншикова, государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго. 31-го августа раненаго князя перенесли на фрегатъ «Флора»; здѣсь его вторично посѣтилъ государь. На этомъ фрегатѣ князь Меншиковъ былъ перевезенъ въ Николаевъ.

237. «J'aime mieux que le maréchal reste à Шумла. . . . . montez la machine et revenez ensuite me rendre compte de tout l'état des choses», писалъ императоръ Николай 9-го (21-го) сентября 1828 года къ графу Дибичу съ корабля «Парижъ».

238. Принцъ Евгеній исполнилъ полученное приказаніе, признавая. однако, предписанную ему атаку: «entreprise trop téméraire».

До и послѣ боя 18-го сентября происходили большія несогласія между генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ и принцемъ Евгеніемъ, весьма невыгодно повліявшія на бывшія здѣсь операціи. Дошло до того, что послѣ боя принцъ написалъ графу Дубичу: поведеніе Сухозанета превосходитъ предѣлы возможнаго снисхожденія (dont la conduite a passée les bornes de l'indulgence). Интриговалъ также и графъ Дибичъ.

Впослѣдствіи императоръ Николай сказалъ принцу Евгенію: «Если тутъ кто виноватъ, то это я одинъ, такъ какъ я далъ повелѣніе къ нападенію, но бѣда учитъ разуму».

239. Moltke: Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829.

240. Англійскій писатель Henry Bulwer справедливо замѣчаетъ: «Quoi que fassent les turcs, cherchez s'il existe une interprétation raisonnable de leur conduite. Quand vous l'aurez trouvée, écartez la complètement. Toute autre conclusion peut être possible; celle à ne l'est sûrement pas».

241. Въ дѣлѣ 3-го октября 1828 года принцъ Евгеній Виртембергскій въ послѣдній разъ распоряжался русскими войсками. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе императора Николая отправиться въ Петербургъ; здѣсь онъ присутствовалъ при похоронахъ императрицы Маріи Оеодоровны, послѣ чего удалился за границу.

242. «Le matin quand j'arrivais au camp, je vis la scène la plus extraordinaire possible: Ioussouf-Pacha avec un tas des siens établis dans notre quartier général le plus amicalement du monde; puis plus loin, un corps de près de 3.000 turcs armés, à pied et à cheval, approchant tranquillement, escortés par des hussards de la garde et quelques pelotons d'infanterie, s'arrêtèrent devant la 1-re brigade de la garde, sous les armes; puis un des officiers de Ioussouf-Pacha assis sur une caisse de tambour à nous, faisant approcher un à un tout ce monde et rendre les armes à un bas-officier Préobrajensky et cela avec le plus grand calme et l'ordre le plus parfait».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 1-го (13-го) октября 1828 года, съ корабля «Парижъ».

243. А. Волькенштейнъ: Исторія лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона 1812—1852. С.-Петербургъ. 1852.

Исторія баталіона была прочитана императоромъ Николаемъ въ рукописи и собственноручно имъ исправлена.

244. «Je fais hommage à Varsovie de 12 pièces comme souvenir historique remarquable, car il est particulier que ce fut une armée russe avec un roi de Pologne qui fut venue venger la mort d'un autre roi de Pologne; j'ai cru la chose convenable et pouvant faire plaisir au public. Si vous en jugez autrement, je vous demande pardon d'avance».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 1-го (13-го) октября 1828 года, съ корабля «Парижъ».

245. «Avec quel plaisir j'ai vu par la lettre que vous avez bien voulu adresser à Benkendorf la part que l'on a prise à Varsovie à l'heureuse reddition de Warna; puissent

Библиотека "Руниверс"

polonais et russes s'identifier les uns aux autres de plus en plus, c'est là le but de tous mes voeux et de tous les efforts de mon entendement. Peut-être que le cadeau des pièces de canons pourra-t-il leur prouver ce que je vous exprime ici par ces mots».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 22-го октября (2-го ноября) 1828 года изъ С.-Петербурга.

Цесаревичъ писалъ государю 15-го (27-го) октября 1828 года:

«D'après vos ordres, j'ai communiqué à l'armée par un ordre du jour et au conseil d'administration, par un office, le don de 12 pièces de canons, trophée que vous daignez faire à ce pays en mémoire de la prise de Warna et des mânes vengées du roi Vladislas de Pologne. Je ne doute nullement que cette marque d'attention de votre part ne fut appréciée à sa juste valeur, ce qui prouve qu'au milieu de vos sérieuses occupations du moment, votre souvenir se rapportait nonobstant sur vos nouveaux sujets..... Je suis bien heureux d'apprendre par votre lettre que m.m. les officiers polonais aient justifié par leur conduite mon attente et mon choix et je ne doute nullement qu'il en serait de même de toute l'armée, si un jour elle aurait à combattre pour son souverain; c'est une justice facile qu'il m'est doux de lui rendre, que certainement ce n'est pas de leur côté que vient l'éloignement que je me suis efforcé de faire disparaître et qui existait entre les deux nations, mais bien de la notre. Je suis bien charmé que le colonel Haucke ait pu fixer votre attention, cher et excellent frère; j'en ai été constamment très content..... C'est un honneur de plus accordé à l'armée de ce pays que sa nomination à la place de votre aide de camp, puisqu'elle avait dans son sein un officier que vous avez jugé digne de l'être».

См. въ приложеніяхъ приказъ цесаревича Константина Павловича по польской арміи отъ 16-го (28-го) октября 1828 года.

Въ исторіи императора Николая I-го Лакруа по поводу дара государя сказано:

«Замѣчательно, что поляки неблагосклонно встрѣтили благородную, истинно рыцарскую мысль императора Николая; она показалась имъ скрытымъ намѣреніемъ унизить ихъ, напоминая, что одинъ изъ польскихъ королей былъ побѣжденъ мусульманами, а русскій императоръ побѣдилъ ихъ».

Въ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу (отъ 8-го (20-го) октября 1828 года), о которомъ упоминаетъ императоръ Николай, великій князь пишетъ:

«A peine les feuilles publiques, annonçant cet heureux événement, avaient elles été imprimées, qu'elles furent enlevées d'emblée. La joie est si grande et si universelle dans la troupe et dans toutes les classes, qu'il est impossible de la dépeindre. On est en extase Et ce qui surtout y a contribué le plus, c'est de savoir que Warna a été prise sans qu'il y ait eu du sang répandu, ce que l'on craignait au dessus de tout... Pour célébrer ici cette victoire le mot d'ordre d'aujourd'hui est Warna. C'est un hommage rendu, dans notre eloignement, à un succès obtenu sous les yeux de notre auguste maitre».

См. также въ приложеніяхъ письмо цесаревича Константина Павловича къ генералъ-адъютанту барону Розену, отъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года.

246. Владиславъ III, король польскій и венгерскій, погибъ подъ стѣнами Варны, въ битвѣ съ султаномъ Амуратомъ, 10-го ноября 1444 года.

247. Н. Лукьяновичъ: Біографія генералъ-адъютанта Бистрома. С.-Петербургъ. 1841. Стр. 42.

248. Гвардія перешла Дунай въ Сатуновѣ (въ августѣ) въ составѣ 25.518 человѣкъ нижнихъ чиновъ. При обратномъ переходѣ черезъ Дунай, когда войска возвращались въ предѣлы Россіи, въ строю находилось 19.474 человѣкъ.

249. Плѣнный Юсуфъ-паша позже отвезенъ былъ въ Одессу на фрегатѣ «Рафаилъ». Это былъ тотъ самый фрегатъ, который въ слѣдующемъ 1829 году сдѣлался добычею турокъ.

250. Въ донесеніи отъ 8-го (20-го) октября 1828 года генералъ-адъютанта Адлерберга графу Дибичу о плаваніи императора Николая отъ Варны до Одессы, написанномъ на кораблѣ по прибытіи его на рейдъ, событіе это изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Библиотека "Руниверс"

«По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го числа, довелъ корабль «Императрица Марія» благополучно до высоты Георгіевскихъ Дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до 10-го часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный NO вѣтеръ мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го числа сдѣлался сильнымъ штормомъ, который свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду, началъ утихать только 5-го числа пополуночи въ шестомъ часу.

«Въ продолженіе сей бури корабль потерялъ на фокмачтѣ стеngу и брамстеngу и на бушпертѣ утлегеръ и бамутлегеръ съ парусами, и былъ увлеченъ отъ настоящаго курса своего назадъ, почти до высоты крѣпости Кюстенджи, а отъ берега слишкомъ на 70 миль. Качка была столь велика, что по всѣмъ палубамъ и на шканцахъ были перетянуты веревки, дабы матросамъ можно было за оныя держаться. Государь императоръ много страдалъ отъ морской болѣзни, и изъ всѣхъ сопровождавшихъ его величество особъ не было никого здороваго. Его величество при семъ случаѣ сожалѣлъ весьма, что не предпринялъ обратной дороги сухимъ путемъ. По окончаніи бури вѣтеръ продолжалъ дуть противный и только въ ночь съ 5-го на 6-е число сдѣлался попутнымъ, въ полдень же 6-го числа вновь сдѣлался противнымъ, что и принудило лавировать, и лишь 8-го числа во второмъ часу утра корабль «Императрица Марія» бросилъ якорь въ Одесскомъ рейдѣ, и государь императоръ съѣхалъ на берегъ, гдѣ ожидали его величество дорожные экипажи».

Копія съ этого донесенія была послана цесаревичу Константину Павловичу и великому князю Михаилу Павловичу.

Императоръ Николай писалъ цесаревичу уже по пріѣздѣ въ Петербургъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года:

«Nous avons eu en mer la nuit du 3 au 4 et jusqu'à celle du 5 une tempête horrible qui a failli nous faire faire le voyage de Constantinople au lieu d'ici; vous m'avouerez que l'erreur eut été un peu forte; enfin, grâce au bon Dieu, c'est passé et n'y pensons plus».

251. Фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ находились дипломаты, испыталъ одинаковую участь съ кораблемъ «Императрица Марія». Гибель его казалась неизбѣжною, и онъ спасся какимъ-то чудомъ. Буря привела фрегатъ въ Севастополь.

252. Къ концу осады Варны императоръ Николай обрадованъ былъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной генераломъ Гейсмаромъ въ Малой Валахіи.

Сераскиръ виддинскій, Ибрагимъ-паша, собравъ 26.000 человѣкъ, вздумалъ овладѣть Краіовымъ. 14-го (26-го) сентября, генералъ-майоръ баронъ Гейсмаръ съ четырехтысячнымъ отрядомъ началъ съ турками бой при Бойлештахъ, а затѣмъ по наступленіи ночи нечаяннымъ нападеніемъ обратилъ Ибрагима-пашу въ бѣгство, овладѣлъ его лагеремъ и преслѣдовалъ до Калафата.

Императоръ Николай наградилъ барона Гейсмара чиномъ генералъ-лейтенанта и назначилъ генералъ-адъютантомъ. Городъ Букарестъ, въ знакъ признательности къ генералу Гейсмару, поднесъ ему богатую брильянтами украшенную саблю, съ благодарственнымъ письмомъ отъ лица всей Валахіи.

253. Графъ Мольтке справедливо называетъ операціи подъ Силистріей въ 1828 году «предпріятіемъ, невѣрно соображеннымъ, слабо выполненнымъ и совершенно неудавшимся».

Подъ Силистріею ощущался недостатокъ въ снарядахъ. На это обстоятельство встрѣчается указаніе въ письмѣ генерала Довре къ графу Дибичу отъ 14-го октября 1828 года:

«Le tout n'est pas bien consolant, cependant je ne perds pas courage; le seul article des munitions de siége est odieux. Que m.m. les artilleurs débrouillent la chose s'ils le peuvent. Il me semble que tout le monde a écrit, mais seulement trop tard. Personne n'a pensé que le temps marchait».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5323).

254. 21-го октября (2-го ноября) 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

Библиотека "Руниверс"

«J'ai retrouvé ma femme fort bien, à un gros rhume près, mes enfants, grâce au bon Dieu et aux soins bienveillants de ma mère, ont beaucoup prospéré, l'aîné a grandi et s'est développé beaucoup: les petites sont gentilles et votre filleul devient fort drôle et marche un peu. Enfin, quant à moi même, je me porte bien à 6 verchoks de culotte et d'habit de moins qu'à mon départ d'ici; j'étais plaisant à voir en arrivant dans les habits que j'avais laissé ici».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 16-го октября 1828 года (№ 258) появилась слѣдующая статья по случаю возвращенія государя изъ заграничнаго похода:

«С.-Петербургъ, 14-го октября.

«Сего утра въ 11½ часовъ государь императоръ изволилъ возвратиться изъ турецкаго похода въ вожделѣнномъ здравіи. Нельзя представить себѣ восхищенія жителей здѣшней столицы, когда они увидѣли развѣвающійся на Зимнемъ дворцѣ флагъ. Прибытіе его величества было для большей части жителей неожиданно: тѣмъ живѣе, тѣмъ сердечнѣе наша радость, наше счастіе».

255. «Rhul est parfaitement satisfait de son état et n'a aucun doute sur son prompt rétablissement».

Въ томъ же письмѣ императоръ Николай пишетъ еще брату: «la santé de ma mère depuis deux jours marche à grands pas vers son entier rétablissement».

256. Такъ писалъ императоръ Николай къ цесаревичу. Въ манифестѣ же отъ 24-го октября 1828 года сказано, что императрица Марія Ѳеодоровна скончалась въ два часа пополуночи.

Въ этомъ манифестѣ сказано, что всѣ минуты драгоцѣнной жизни ея «были посвящены исполненію обязанностей высшей добродѣтели», а въ заключеніе упомянуто о ея «кроткой душѣ, бывшей вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей».

257. «Prions Dieu pour celle qui fut tout pour nous sur cette terre! Que sa volonté soit faite et qu'Il nous accorde des forces pour supporter le plus affreux des malheurs! Tout est fini depuis ce matin à deux heures et demie. Le mal a empiré avec une promptitude telle qu'aucun remède n'a pu l'arrêter: le sang portant à la tête on l'avait saignée avant hier soir; cela parut faire du bien. La nuit fut passable; le matin la tête n'était pas libre, on fit l'essai de la purge; l'effet fut tel à prouver cette nécessité, mais les forces diminuaient après chaque effet; la langue servait mal et il y avait difficulté d'avaler; les médecins craignèrent de suite une paralysie de poumons; une cantharide au dos ne produisit aucun effet et les forces et la présence d'esprit décroissaient. Il fallut lui faire sentir son état et l'engager à remplir ses devoirs religieux. Ah, cher Constantin, figurez-vous mon état en m'acquittant de ce terrible devoir. Je lui fis comprendre qu'il était temps d'y penser; comme elle m'avait souvent fait la question: «Suis-je donc en danger?»— elle me dit: «Ah, je suis donc en grand danger?» — je lui répondis: «J'espère que non, mais je connais vos sentiments et il est bon de puiser de la force dans ce qui nous en donne toujours». Elle me répondit: «Je le ferai demain, je veux me préparer aujourd'hui»,— je lui dis: «Pourquoi remettre, vous êtes prête toujours»,—elle me dit: «Appelez Villamow». Il entra, mais il ne put rien comprendre, la langue allant déjà avec peine; alors un instant d'agitation suivit: elle voulut absolument passer dans son lit, puis s'asseoir et le tout sans se comprendre elle-même. Enfin, dans quelques instants, je parvins à lui faire entrevoir le confesseur, alors, elle redevint calme et confessa et communia avec toute sa tête, priant avec ferveur. Quel moment édifiant et affreux pour nous! Je priais seul près d'elle et toute la famille avec ma pauvre, mon excellente femme; je priais pour vous tous et Dieu aura entendu nos prières pour nous donner des forces et pour celle qui réunissait en elle toutes mes affections! Cela fait, elle nous appela près d'elle, et sans pouvoir parler elle nous prit par les mains avec force encore; je nommais tous les noms de la famille; elle leva les yeux et dit quelques paroles dont nous ne pûmes comprendre que «Aly»; je fis venir tous les petits, elle embrassa avec force ma petite Adine et les deux petites de Michel et sourit même. Les autres, elle ne put que leur mettre la main. Elle ne souffrait pas; les extrémités devenaient froides et la respiration accélérée, mais sans

Библиотека "Руниверс"

râle ni effort; enfin, à deux heures et demie, sans aucune souffrance ni crampe, elle finit doucement de respirer par quelques soupirs!

«Nous voilà orphelins! Il ne nous reste que vous, vous — l'aîné et le chef de notre pauvre famille. C'est à vous que passent nos affections, ne les repoussez pas, cher Constantin, et remplacez pour nous tant que vous le pouvez celle qui fut tout pour nous tant que Dieu la conserva.

«Je remercie Dieu du fond de mon âme de m'avoir accordé la triste consolation d'avoir pu être près d'elle à cet affreux instant; j'en avais comme le besoin ou le pressentiment; quelque chose d'irrésistible me poussait vers ici; j'étais loin de prévoir pourquoi!—Je n'en puis plus, ma pauvre femme est abîmée; Dieu veuille la soutenir. Que sera ce de vous? de ma bonne soeur? c'est elle cependant sur qui je me fonde pour vous soutenir, qui mieux qu'elle saurait le faire. Croyant qu'il est peut-être de votre intention de venir ici lui rendre vos derniers devoirs, je puis vous dire que vous en avez tout le temps, les préparatifs durant au moins dix jours. Vous dire que ce serait un bonheur dans ces cruels moments d'être ensemble, ne peut vous étonner! Que Dieu de miséricorde nous soutienne.

«Je vous embrasse de coeur et d'âme et vous demande à vous la bénédiction comme je le demandais à elle pour moi, ma femme et mes bons, chers enfants.

«Nicolas».

(Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1828 года).

Цесаревичъ получилъ письмо государя 28-го октября (9-го ноября) и отвѣчалъ: «Je ne vous parle pas de moi, cher frère; vous devez juger par vous même de l'état où je suis, ma seule consolation est dans les vertus éminentes de maman, qui rapporte à Dieu son talent non seulement doublé, mais centuplé et qui recevront leur recompense de Celui dont tout émane. Que Dieu daigne nous protéger dans ce bas et triste monde Je me représente vos prières, vos angoisses, votre seule position dans ces tristes et augustes moments! Dieu saura vous en recompenser, cher frère, certainement, dans votre femme et vos enfants. Songez, que vous êtes père et chef de votre famille; ménagez vous pour eux, c'est votre devoir et qui vous est imposé par Dieu même... J'emploierai la journée de demain pour mettre ordre à mes affaires et, si le bon Dieu le permet et que ma santé ne s'y oppose, je compte me mettre en route mardi, matin, 30 du courant; il me faudra 5 à 6 jours pour arriver, toutefois si les rivières n'y mettent obstacle, ainsi que les routes qu'on dit épouvantables. J'ose vous supplier d'une grâce que j'espère vous ne me refuserez pas, c'est celle de me laisser paisiblement arriver et m'établir chez moi. Je vous avoue qu'après un voyage aussi rude et violent, et avec toutes les émotions qui m'attendent pour le lendemain, je demande au préalable quelques heures de repos».

258. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ переночевалъ въ Стрѣльнѣ и здѣсь утромъ 17-го (29-го) ноября 1828 года получилъ письмо императора Николая, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Deux mots, cher et excellent Constantin, pour vous souhaiter un bon voyage et vous exprimer encore toute ma vive et profonde gratitude pour toutes les marques d'amitié et de bonté dont vous m'avez comblé durant votre séjour parmi nous; puissais-je en être toujours digne et vous le prouver. Mettez moi aux pieds de ma belle-soeur et que le bon Dieu nous réunisse le plutôt possible».

259. «Je suis persuadée et c'est l'opinion générale, que Ruhl, médecin de l'impératrice aura méconnu la maladie; c'est un sort que notre famille impériale s'entoure de médecins détestables et les aiment tellement qu'elle n'en veuille pas d'autres, et ce Ruhl a méconnu la maladie».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

260. «J'ai dû, par ses ordres, brûler moi-même une caisse entière remplie d'une suite de volumes, année par année, d'une espèce de mémoires ou de journal de sa main remontant aux années 70 et finissant vers 1800. J'avoue que cela m'a fait beaucoup de peine. Il est incompréhensible où ma mère trouvait le temps pour écrire tout ce qu'elle a tracé de sa propre main».

Библиотека "Руниверс"

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) января 1829 года.

261. «Je conçois la peine que vous avez dû éprouver en brûlant, d'ordre de ma mère, son journal depuis 1770 jusqu'à 1800; il aurait été fort curieux de lire, mais puisque telle fut sa volonté, il fallait l'exécuter ponctuellement».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го января (5-го февраля) 1829 года.

262. Въ 1818 году императоръ Александръ сказалъ матери принца Евгенія въ Веймарѣ: «Je conviens de tous mes torts envers lui, mais on ne peut taxer les souverains d'après l'échelle des particuliers. La politique leur dicte des devoirs que le coeur réprouve».

Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und dem Chef seines Stabes von Hofmann-Cannstatt, 1883, p. 63.

263. 15-го декабря 1828 года въ госпиталяхъ дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи числилось 23.787 человѣкъ больныхъ, между тѣмъ какъ въ іюлѣ въ нихъ находились 11.315 человѣкъ, слѣдовательно, въ полгода число больныхъ возросло вдвое.

264. Представимъ здѣсь нѣкоторыя выписки изъ свѣдѣній, доставленныхъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, касающихся заграничныхъ разсужденій по поводу неудачнаго исхода войны 1828 года:

Варшава 1-го (13-го) декабря 1828 года.

«Les bruits qu'on répand à Vienne sur le compte de l'armée russe ne sauraient ce répéter; en un mot on la compare à la retraite de l'armée française en 1812. On dit que hors plusieurs régiments des gardes, qui ont leurs rangs garnis, le reste de l'armée, dont les bataillons ont passé la frontière forts de 1000 hommes, s'en reviennent à 200, et quelques uns moins que cela; que la cavalerie de la ligne est à peine sortie avec ses cadres et quant au materiel de l'armée, ce qui n'a pas été évacué avant la saison pluvieuse, les premiers froids et le dégel, a été perdu, tout est resté dans les neiges ou dans la boue. Enfin commence la critique des opérations de la campagne, où personne n'est épargné, ce qu'on dit ne saurait être rapporté comme dépassant les bornes de la convenance et de la justice».

Варшава 8-го (20-го) декабря 1828 года.

«On se livre avec plaisir et même avec enthousiasme à conter et détailler les différents désastres qu'éprouve l'armée russe en quittant les positions de la droite pour passer sur la gauche du Danube. Il n'est pas question de la mise à exécution d'un mouvement ordonné pour prendre les quartiers d'hiver; c'est envisagé comme la totalité de l'armée russe, y compris les gardes, désorganisée et forcée à se retirer devant un ennemi qui la poursuit avec vigueur et mine le reste de cette armée en masse ou en détail comme il la rencontre. On dirait que nourrissant des projets hostiles, l'Autriche a besoin d'inventer toutes ces misères pour donner du courage à ses troupes et faire consentir tacitement ses peuples à une guerre, pour ensuite en supporter le fardeau sans murmure».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

Варшава 20-го декабря 1828 года (1-го января 1829 года).

«On conclut que les affaires de la Russie ne se trouvent pas entre les meilleures mains. Dès le commencement des hostilités on a fait l'observation que le général Wittgenstein n'avait jamais été heureux, qu'il s'était souvent laissé battre; que la présence de l'empereur à l'armée, sans que sa majesté prenne le commandement en chef, n'était pas faite pour favoriser cet ensemble que est de rigueur lorsqu'il s'agit d'opérations militaires, dont dépend le succès d'une campagne en pays ennemi. Aujourd'hui que toutes les craintes ont été outrepassées, que la retraite de l'armée russe parait avoir été accompagnée d'affreux désastres; que la puissance morale de la Russie et sa renommée militaire ont subi une atteinte mortelle, on peut s'imaginer que les conversations de nos salons se ressentent plus ou moins de cette tournure désavantageuse, et que l'on trouve partout quelque partisan des turcs, qui croit devoir leur faire amende honorable aux frais du gouvernement russe, lequel on n'hésite pas d'accuser d'un manque absolu de prévoyance,

Библиотека "Руниверс"

d'un mécompte complet dans le calcul des moyens de résistance de la Porte. A tout prendre la conviction est générale que la Russie se trouve dans une situation embarrassante. L'honneur lui défend de déposer le glaive, tandis que les conjectures ne sont pas aussi favorables pour une seconde campagne qu'elles l'ont été pour la première, qui cependant a été perdue... Cet exposé démontre assez la tournure désavantageuse qu'a pris l'opinion publique, qui ne veut pas voir des victoires là où l'on se retire, et qui embarrasse à vrai dire les partisans les plus zélés de la Russie.

«On remarque que l'activité qui a regné dans le ministère des affaires étrangères autrichien, dès le commencement des hostilités entre la Russie et la Porte Ottomane, a sensiblement augmentée depuis qu'on est instruit du malheureux résultat de la dernière campagne. Immédiatement après que les premières nouvelles officielles de la retraite des armées russes sont parvenues à la connaissance du cabinet de Vienne, on a expédié un officier d'état major au commandant en chef en Transylvanie, à ce qu'on présume avec l'instruction sur la conduite à tenir pour le cas où des corps détachés de l'armée russe, trop pressés par les troupes ottomanes, se verraient obligés de chercher une retraite sur le territoire transylvain. L'officier employé à cette mission et qui fut expédié au milieu de la nuit, avait reçu l'ordre de mettre toute la diligence possible, afin de parvenir à temps au but de sa destination.

«La conversation dans les salons de Vienne roule principalement sur les revers désastreux qui, à ce que l'on prétend, ont accompagné la retraite precipitée des armées russes, et on remarque que les nouvelles qui concernent cet événement malheureux, sont accueillies avec tous les symptomes d'une joie secrète».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

265. Недружелюбное къ намъ отношеніе Австріи не подлежало сомнѣнію, но оно сопровождалось не пролитіемъ крови, но только однихъ чернилъ. Трудно было бы подвинуть императора Франца къ какимъ либо воинственнымъ предпріятіямъ, монарха, остроумно замѣтившаго русскому послу: «Mon empire est comme une maison vermoulue; si on veut en démolir une partie, on ne peut prévoir combien d'autres on en fera crouler».

266. Такъ, напримѣръ, 9-го (21-го) сентября 1828 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: «Voilà un nouvel échantillon de l'insouciance du maréchal». Въ то время оказалось, что въ Каваріѣ имѣются только 500 четвертей сухарей; виновникомъ этого непріятнаго открытія оказался, конечно, главнокомандующій.

267. 29-го августа (10-го сентября) 1828 года императоръ Николай писалъ къ графу Дибичу съ корабля «Парижъ»:

«Vous direz au maréchal que j'ai reçu sa lettre avec peine; que puisqu'il sentait la honte de ce qui s'est passé je n'en parlerai plus; que quant à l'état de sa santé je pensais qu'elle n'était pas telle à le forcer à quitter le commandement avant la fin de la campagne, et que je désirais qu'il garde son poste au moins jusqu'à ce qu'elle fût finie».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2, № 2757б).

268. «En général la bêtise et l'insouciance du maréchal se fait voir en tout, et votre maladie, mon cher ami, lui a donné beau jeu pour faire voir son ineptie en plein».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) августа 1828 года, «à bord de l'Утѣха». Въ это время государь собирался отправиться въ Николаевъ.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757б).

269. Всеподданнѣйшее письмо фельдмаршала графа Витгенштейна отъ 5-го (17-го) октября 1828 года изъ Варны:

«Всемилостивѣйшій государь.

«Имѣвъ счастіе удостоиться всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества рескрипта, во 2-й день сего октября послѣдовавшаго, коимъ ввѣряются моему попеченію всѣ войска дѣйствующей арміи, чувствую въ полной мѣрѣ столь высокомонаршую для меня милость и довѣріе. Но съ особеннымъ прискорбіемъ долженъ признаться, что

Библиотека "Руниверс"

при всемъ желаніи моемъ оправдать оныя усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ, чувствую себя не въ состояніи того исполнить; ибо ваше императорское величество изволите быть извѣстны, что въ продолженіе настоящей кампаніи я имѣлъ неоднократно лихорадочные припадки, которые при нынѣшнемъ осеннемъ времени и по здѣшнему климату вновь начинаютъ оказываться. А потому, предположивъ, при всей слабости моего здоровья, отправиться по окончаніи дѣлъ къ Силистріи для скорѣйшаго, если Богъ поможетъ, покоренія оной нашему оружію и по отправленіи войскъ на зимовыя квартиры, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія на отъѣздъ мой въ Подольскую губернію.

«Вашего императорскаго величества
«вѣрноподданнѣйшій графъ Витгенштейнъ».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

270. Посылая приведенный здѣсь рескриптъ, императоръ Николай писалъ графу Дибичу 10-го (22-го) ноября 1828 года:

«Je vous charge de dire au maréchal, en lui remettant la lettre ci-jointe, que j'attends de son zèle et de son dévouement qu'il conserve le commandement en chef de l'armée; sa position actuelle l'exige impérieusement et l'expérience du passé et surtout le rôle que j'assigne à l'armée pour la campagne prochaine, le mettront parfaitement à même de remplir mes instructions à ma satisfaction. Je compte sur vous pour l'y persuader. Kisselef doit rester comme par le passé».

271. 20-го ноября (2-го декабря) 1828 года графъ Витгенштейнъ писалъ императору Николаю изъ Яссъ:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Удостоясь получить всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества отъ 11-го сего ноября мѣсяца и посвятивъ себя безусловно на службу вашу, государь, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ превозмочь недуги мои и исполнить священную волю вашего императорскаго величества, оставаясь при арміи, доколѣ силы мои дозволятъ, и пока ваше императорское величество изволите найти, что могу еще быть полезнымъ вамъ и отечеству.

«Всемилостивѣйшій государь,
«вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный графъ Витгенштейнъ».

272. 5-го (17-го) октября 1828 года графъ Дибичъ писалъ императору Николаю изъ Варны:

«Le maréchal paraît vraiment sentir le besoin de se retirer, après avoir ramené l'armée dans les quartiers d'hiver. Dans le cas où votre majesté impériale jugerait bon d'acquiescer à sa prière, je compte de mon devoir de vous répéter, sire, que la troupe, surtout depuis le colonel jusqu'au dernier soldat, n'a pas perdu une juste confiance des anciens succès par quelques échecs partiels, qui sont arrivés pendant la prise de deux principautés et de la Bulgarie jusqu'aux monts Balcans avec toutes les forteresses très bien garnies, résultats plus grands que tous ceux des campagnes précédentes et plus que la somme de ceux de 1808—1811, si Dieu voudra nous donner la prise de Silistrie.

«Votre majesté jugera tout cela et je n'ose pas même porter un jugement, car je pourrais craindre que des sentiments inspirés par la reconnaissance et l'expérience ce qu'un quartier-maître général qui n'est mené que par ses devoirs doit produire, pourraient m'inspirer. Mais mon devoir impose de vous soumettre, sire, que d'après le caractère et les actions de personnes que ma situation et la confiance dont sa majesté feu l'empereur et votre majesté impériale ont bien voulu m'honorer, je suis persuadé que le maréchal comte Wittgenstein est bien difficile à remplacer; mais si votre majesté veut ce changement, je suis persuadé qu'il n'y a que le comte Sacken, qui gardant son état major, pourrait le remplacer dans le cas que votre majesté ne voudrait pas être elle même à

Библиотека "Руниверс"

la tête de ses armées, et que dans le cas de sa présence le comte Langeron me paraitrait celui qui remplirait avec le plus de zèle et d'abnégation d'amour propre les ordres de votre majesté impériale. Mon devoir de serviteur fidèle et reconnaissant toutes les preuves non méritées de grâce et de confiance que votre majesté a bien voulu me donner, a dû me dicter ces lignes. En attendant vos ordres ultérieurs, sire, j'emploierais toutes mes forces à remplir ceux que vous m'aviez donnés».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757а).

Императоръ Николай отвѣчалъ графу Дибичу 16-го (28-го) октября 1828 года:

«J'en viens à l'article le plus important de votre lettre, celui qui parle du remplacement du maréchal, puisqu'il ne veut pas rester, je ne puis le retenir, mais en tout cas il ne doit pas quitter, avant que tout ne soit emplacé dans les quartiers d'hiver. Passant par Mohileff j'ai vu le bon vieux Sacken et je crains que son état de faiblesse le rends impossible pour lui d'accepter ce nouveau commandement, qui pour le reste me conviendrait je crois qu'en attendant Langeron peut rester sans titre le plus ancien à commander en Moldavie et Roth en Bulgarie; s'il n'y a aucun espoir d'éviter une seconde campagne il faudra bien que j'y retourne et alors je commenderai moi-même ayant Langeron sous moi. En attendant au cas qu'il fût possible que Sacken accepte ce nouveau commandement, il faut que vous me disiez ce que vous pensez faire de Kisseleff et des autres membres de l'état major de la ci-devant seconde armée et que vous me disiez vos pensées sur le, mode d'administration pour ce qui reste en place de la première armée».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757б).

273. Тѣ же мысли императоръ Николай высказалъ въ разговорѣ съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, въ ноябрѣ 1828 года. «Обстоятельства и политика требуютъ пока однѣхъ оборонительныхъ мѣръ», сказалъ ему государь.

274. «Passons à l'essentiel pour l'année qui vient: au plan de campagne. Tout pensé, tout pris en considération, je m'arrête à l'idée qui suit. L'expérience de cette campagne nous a prouvé à l'évidence à quel pays et à quelle nation nous avions affaire. Répéter les pertes gratuites que nous devons à nos fausses mesures, provenant de nos données erronées sur ces deux points si importants, serait un crime, dont je ne chargerai jamais ma conscience. Il s'agit donc de décider: que devons nous faire d'après ce que nous pouvons faire ou entreprendre. Avant de commencer la guerre j'ai annoncé que je désirais obtenir des garanties qui puissent me faire espérer des conditions honorables pour la paix. Malgré que la campagne n'a pas répondue en entier à nos espérances, néanmoins la Providence a daigné mettre en nos mains deux provinces intactes et une autre, théatre de la guerre, dont la clef est Varna; en Asie, excepté Anapa et Poti, trois pachaliks sont en notre pouvoir. Ce sont des garanties considérables si elles ne sont pas suffisantes encore, pour obtenir notre but. Serait-ce prudent à moi de vouloir pousser au hasard une campagne au delà des Balkans, sans aucune sûreté de succès, si même j'en pouvais avoir l'espoir, tandis que pour s'assurer la possession des garanties, il me reste à m'emparer des places situées le long du Danube? Il me paraît donc que loin de pousser au delà du Balkan, le bon sens et la prudence exigent impérieusement d'abandonner l'idée d'une invasion au delà des monts, et à se borner d'occuper de pied ferme ce que nous possédons déjà, en achevant de s'emparer de ce qui n'est pas encore en notre pouvoir. Des expéditions partielles, exécutées par la flotte, avec des troupes de débarquement, peuvent être faits et seront utiles. Mais une division est suffisante pour cet objet; le reste, c'est à dire, les 6-e et 7-e corps, seront destinés à se maintenir à Varna et environs tandis que le 2-me et une du 3-me s'occuperont du siége de Silistrie et Jourja, tout en menaçant en flanc qui voudrait marcher vers Bazardjik. Par contre l'armée de Géorgie opérerait activement vers Erzeroum et Trebizonde, d'après l'opinion et les connaissances locales du comte Paskévitch. Enfin si le blocus des Dardanelles est faisable, il coopérera au plan général, qui est de se maintenir dans les pays occupés et de gêner, autant que possible, le sultan dans tous les besoins de la capitale et de son empire, pour l'amener à traiter, sans faire nous mêmes de grands sacrifices ni en hommes, ni en moyens pécuniers. Ce plan prouvera à l'univers entier que nous continuons non en conquérants,

Библиотека "Руниверс"

mais en gens sages et prudents un plan qui ne peut que nous amener à de grands résultats. Il nous met en mesure de tenir l'Europe en respect et fermer la bouche à ceux qui sous prétexte d'arrêter mon ambition, voudraient contrecarrer nos opérations hasardeuses».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 27576).

275. «J'espère au reste que l'exécution du plan projeté ne peut pas trouver de grandes difficultés, excepté celle des approvisionnements, qui par l'extrême pauvreté et la mauvaise administration des principautés est devenue bien grande... D'après des calculs probables sur le nouveau plan d'opération, je ne crois pas que la prise de Silistrie, ainsi que celle de Roustchouk et Giurgevo devront nous mener au delà de la mi-juillet et tout au plus aux premiers jours d'août, il restera donc encore deux mois et peut-être même deux mois et demi de campagne. Il faudra les employer utilement et dans le sens politique et militaire du plan général. Il me parait qu'il y a quatre points qui méritent dans ce cas à se disputer le choix. Sinope, si les opérations de l'armée d'Asie peuvent en assurer la possession pour l'hiver; Bourgas ou une autre place sur son golfe, si les localités permettent à s'y fortifier et y rester en permanence, soutenu du côté de la mer; Choumla, si nous aurons encore assez de moyens de siége et surtout si la grande armée turque se trouve au delà du Balkan; enfin Widdin avec toutes les petites places peu considérables du haut Danube.

«Chacune de ces places augmenterait d'une manière réelle les otages que votre majesté se désire procurer pour la paix. Sinope ne pourra être mise en ligne qu'à raison de nos succès en Asie. Widdin opposerait apparemment le moins de difficultés, surtout si le général Geismar passait le Danube beaucoup plus tôt et lui couperait les communications. Mais la prise de cette place éleverait la jalousie de l'Autriche au plus haut degré et il serait difficile même qu'elle n'eut pour effet la révolution en Servie, malgré tous nos conseils, ce qui me paraît entièrement contraire au plan proposé. La prise de Bourgas serait extrêmement importante, mais je crois que les puissances étrangères regarderaient cette conquête plutôt comme une base pour une campagne au delà du Balkan, que comme un gage de paix. Celle de Choumla, faite en automne, pourrait bien inspirer les mêmes idées, quoique dans un degré moins fort, mais nous avons vu les immenses difficultés d'un long séjour devant cette place. Si au contraire nous pouvons commencer la campagne assez de bonne heure, pour qu'il n'y eut point d'armée, mais seulement une garnison à Choumla, je pense autant pour l'opinion que pour intimider les turcs, de manière qu'ils penseraient sérieusement à la paix, on devrait commencer par là tout de suite après avoir investi Silistrie. En marchant avec le 3-me, 6-me et 8-me corps d'armée sur Choumla, nous pouvons y réunir six à sept divisions d'infanterie et trois de cavalerie, avec une douzaine de régiments de cosaques, et il faut marcher avec la ferme résolution d'emporter coûte qu'il coûte, d'assaut, premièrement les hauteurs et puis la ville même, et sans regarder à la perte de 8 à 10.000 hommes tués et blessés, en calculant qu'il nous en coûtera autant dans des petits combats que les liaisons entre Roth et l'armée demanderont et que nous perderons, en marches, contre-marches et positions, que nous devrons souvent choisir malgré nous, beaucoup plus encore en malades et morts de maladies.

«Cette expédition devrait être commencée avant le premier de mai et finie avant le 10; plus tard elle ne serait plus à conseiller, à moins que l'armée turque ne reste pas au delà du Balkan, supposition difficile à faire après la moitié du mois de mai. Choumla prise d'une telle manière serait rasée, mais un fort sur les hauteurs nous en assurerait la possession et le corps de Roth se mouvant entre Choumla, Pravody et Varna, serait assez fort pour défendre tout passage de la grande armée turque, et nous pourrions à notre aise nous occuper des places du Danube. Ce mouvement entièrement défensif et en quelque façon retrograde des forces principales prouverait en même temps de la manière la plus claire nos dispositions pacifiques et le système adopté».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

276. До этой мысли додумался въ концѣ 1828 года и графъ Витгенштейнъ. Передъ отъѣздомъ графа Дибича въ Петербургъ главнокомандующій вручилъ ему 12-го (24-го) декабря 1828 года слѣдующую записку:

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«Исполнивъ обязанность вѣрноподданнаго, оставаясь согласно высочайшей волѣ въ званіи, на меня возложенномъ, доколѣ силы преклонныхъ лѣтъ моихъ сіе дозволятъ, я поставляю себѣ въ обязанность, при неограниченной преданности моей къ государю, представить на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе тѣ истины, которыя почитаю полезными для службы его императорскаго величества. А какъ ваше сіятельство отправляетесь въ С.-Петербургъ, то не только по мѣсту, вами занимаемому, но и по долголѣтнему моему къ вамъ уваженію и пріязни, я за удобнѣйшее почитаю просить васъ изустно доложить его величеству, что прошлая кампанія доказала, что большая часть безпорядковъ въ арміи происходила не отъ чего другого, какъ отъ раздѣленія властей, которые тѣмъ болѣе вредны были, что затрудненія въ сообщеніяхъ не дозволяли своевременно исправлять ошибки, происходящія отъ разныхъ отдаленныхъ повелѣній; нынѣ къ душевному прискорбію вижу, что сіе можетъ возобновиться, ибо одному начальнику войскъ сообщено отъ вицеканцлера наставленіе для политическихъ сношеній съ сербами, другому же предписано отъ товарища начальника главнаго штаба доносить прямо его императорскому величеству не только объ экстренныхъ военныхъ происшествіяхъ, но и о всѣхъ внутреннихъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Посему въ предупрежденіе невыгодныхъ послѣдствій, произойти могущихъ, я полагалъ не для личнаго желанія безраздѣльной власти, но для пользы службы:

«1) Если государю императору угодно будетъ командовать арміею, то всѣ высочайшія повелѣнія должны быть отдаваемы именемъ его величества начальникомъ его штаба, которому должно находиться безотлучно при немъ, главнокомандующему же поручить въ командованіе часть войскъ на общихъ правилахъ, какъ то и было въ прошлую войну, гдѣ князь Барклай и я командовали корпусами.

«2) По отбытіи государя отъ арміи главнокомандующій принимаетъ оную въ полное свое распоряженіе и всѣ высочайшія повелѣнія, какого бы то роду ни были, получаетъ отъ его величества или чрезъ его начальника штаба и передаетъ ихъ подчиненнымъ своимъ, которые затѣмъ ни отъ кого и ни въ какомъ случаѣ мимо главнокомандующаго таковыхъ не получаютъ.

«3) Строго воспретить корпуснымъ и отряднымъ командирамъ, равно и всѣмъ вообще лицамъ, находящимся при арміи, дабы никто не могъ доносить мимо главнокомандующаго государю императору.

«4) То же правило относится и къ полномочному предсѣдателю диванова княжествъ, всѣ повелѣнія къ нему должны быть объявляемы чрезъ главнокомандующаго, равно и предсѣдатель диванова не долженъ мимо его доносить; все, что главнокомандующій не можетъ разрѣшить, представляетъ по общему соображенію военныхъ обстоятельствъ на благоуваженіе и рѣшеніе его императорскому величеству.

«Въ сихъ статьяхъ заключаются, по моему мнѣнію, необходимыя основанія подчиненности, порядка и успѣховъ».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5323).

Приведенная нами записка доказываетъ, что упрекъ, сдѣланный фельдмаршалу Витгенштейну во время кампаніи 1828 года: «думаетъ ли онъ?»—и обвиненіе въ глупости, безпечности и неспособности не вполнѣ справедливы. Напротивъ того, теперь выясняется, что графъ Витгенштейнъ отлично понялъ и оцѣнилъ обстановку, среди которой ему приходилось и предстояло, можетъ быть, еще и впредь дѣйствовать; основываясь на пріобрѣтенномъ опытѣ, онъ откровенно заявилъ свои скромныя требованія во избѣжаніе повторенія въ будущемъ испытанныхъ имъ прежнихъ невзгодъ.

277. Замѣтимъ здѣсь, что еще во время кампаніи 1828 года генералъ-адъютантъ Васильчиковъ высказался въ пользу присоединенія гвардіи къ войскамъ, осаждавшимъ Варну, предостерегая двинуть ее къ Шумлѣ. По этому животрепещущему тогда вопросу онъ написалъ записку: «Projet d'opérations contre les turcs au mois de septembre 1828».

278. См. въ приложеніяхъ записку генералъ-адъютанта Васильчикова: «Aperçu sur la campagne de l'année 1828».

279. Министръ финансовъ, генералъ Канкринъ, не принималъ участія въ совѣщаніяхъ комитета 19-го ноября. Еще ранѣе, 7-го ноября 1828 года, Канкринъ предста-

Библиотека "Руниверс"

вилъ записку: «Considérations sur la campagne suivante contre la Porte». Она состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ:

«1) Les puissances étrangères ont sans doute l'arrière pensée de nous affaiblir en hommes, en matériel et argent, et elles calculent qu'une guerre contre les turcs est coûteuse.

«2) En considérant la briéveté du temps, les difficultés naturelles et l'opiniâtreté des turcs, il n'est pas probable de finir la guerre par une campagne vigoureuse, si même on parvenait à rassembler tout ce qu'il y faut.

«3) En se bornant à l'observation et à tenir les forteresses conquises ayant une armée moyenne sur le Danube et une armée considérable sur le Dniestre on ferait la guerre avec le minimum de dépenses de toute nature; la population turque se lasserait du service, les ressources pécuniaires de la Porte tariraient, le blocus des Dardanelles fatiguerait la capitale et les intentions des puissances seraient déjoués.

«4) Si au contraire on se décidait de finir la guerre dans une campagne, elle doit être vite, vigoureuse, sanglante, entreprise avec de grandes forces et des grands moyens, et même dans ce cas si l'ennemi nous attendait à Adrianople, ce succès être précaire».

Припомнимъ здѣсь (см. «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 4-й), что еще въ 1819 году генералъ Канкринъ представилъ императору Александру записку: «Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe, surtout par rapport à l'administration militaire» (архивъ канцеляріи военнаго министерства), а въ 1821 году записку: «Военныя соображенія о походѣ противъ турокъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ» (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2517А). Записки эти свидѣтельствуютъ, что генералъ Канкринъ уже давно изучалъ условія возможной войны Россіи съ Портою, въ особенности съ военно-административной точки зрѣнія.

У генерала Канкрина было немало враговъ, а назначеніе его министромъ финансовъ, конечно, послужило къ немалому ихъ увеличенію; послѣ воцаренія императора Николая приложено было немало старанія, чтобы поколебать довѣріе къ нему государя. Строгій критикъ тогдашнихъ порядковъ и дѣятелей, графиня Нессельроде, пишетъ въ 1827 году: «Le ministre des finances s'est ancré, malgré sa tête à l'envers». Конечно, нельзя было ожидать другого отзыва отъ дочери графа Гурьева.

Вѣроятно, къ концу 1828 года генералу Канкрину нанесены были какія-то особыя огорченія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ написалъ императору Николаю 30-го ноября слѣдующее письмо:

«Sire! M'apercevant que l'état de mes forces ne me permets plus de veiller au ministère des finances avec le succès indispensable et de résister aux contrariétés inséparables d'un emploi de cette nature: je me vois réduit à la nécessité de recourir à la clémence se votre majesté impériale et de la supplier humblement de bien vouloir me délivrer d'une charge, où je crains de rétrograder. Le budjet pour 1828 allant être conclus, mon successeur ne trouvera pas de difficulté au commencement de son administration; quant à moi, je me flatte que votre majesté ne me privera pas entièrement de ses bonnes grâces.

«Je suis avec respect et soumission, sire, de votre majesté impériale,

«le très fidèle sujet

«G. de Cancrine».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

Императоръ Николай не согласился на просьбу, заявленную генераломъ Канкринымъ, который оставилъ должность министра финансовъ только 1-го (13-го) мая 1844 года, уже вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья.

Замѣтимъ здѣсь, что Канкринъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи 25-го іюня (7-го іюля) 1828 года.

280. «Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828». Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445.

Библиотека "Руниверс"

Въ этой запискѣ отъ 26-го ноября 1828 года графъ Чернышевъ собственноручно изложилъ общій ходъ обсужденія вопросовъ, предложенныхъ государемъ комитету, и заключеній, на которыхъ тогда остановились.

281. Въ «Mémoire sur les discussions» графъ Чернышевъ пишетъ: «Votre majeste a jugé à propos de rappeler que le but de notre guerre actuelle contre la Turquie n'était point de conquérir Constantinople ou de renverser le sultan, mais d'obtenir le plus de garanties possibles, pour forcer la Porte Ottomane à conclure une paix qui puisse désormais assurer d'une manière solide et immuable l'exécution positive de tous les avantages que la Porte avait déjà concédés à la Russie par les traités précédents et que sept années de négociations n'avaient pu obtenir du cabinet Ottoman. En conséquence de ce principe et prenant en considération l'état politique de l'Europe, votre majesté a déclaré qu'elle ne croyait pas devoir employer pour la campagne prochaine plus de 110 à 120.000 hommes au plus. A la suite de divers raisonnements, à l'appui de cette détermination, votre majesté a daigné inviter les personnes que sa confiance a rassemblé autour d'elle, à émettre leur opinion sur le meilleur emploi à tirer de ses forces, pour obtenir le résultat que le gouvernement avait en vue en déclarant la guerre à la Turquie.

«D'un commun avis il a été soumis à votre majesté impériale qu'une guerre systématique qui se bornerait simplement à la prise de quelques forteresses sur le Danube, tout en conservant notre gauche dans sa position actuelle et en faisant quelques démonstrations de ce côté, ne pourrait dans aucun cas forcer le sultan à demander la paix, ni donner un espoir fondé d'attirer ses troupes dans la plaine, par suite du système que les turcs ont adopté de ne point se hasarder contre nous dans ce genre de combat. Que les progrès de nos opérations en Asie, fort essentiels, en ce qu'ils ne permettraient point au sultan de tirer de cette partie de ses états tous les renforts qui lui étaient nécessaires en Europe, ne pouvaient point produire d'effet assez immédiat pour forcer Mahmoud à plier. Que le seul moyen d'obtenir le but désiré était de chercher à porter à l'ennemi des coups sensibles, vigoureux et inattendus, propres à le jeter dans un véritable état de stupeur et de crainte. Que les glorieux efforts et sacrifices que cela nous coûterait eraient plus que compensés par la prompte fin d'une lutte qui, si elle devait durer plusieurs campagnes, nous occasionnerait gratuitement des pertes immenses en hommes et en argent, épuiserait les ressources de l'empire et nous maintiendrait dans une situation précaire vis-à-vis des autre puissances de l'Europe».

Изъ записки: «Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828».

282. Въ заключеніе собранія 19-го ноября императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы присутствовавшія въ немъ лица изложили письменно мысли, которыя могли еще прійти имъ на умъ, по поводу обсуждавшихся въ совѣщаніи вопросовъ первостепенной важности. Приглашенію государя послѣдовали генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Толь, а также графъ Кочубей.

Въ запискѣ Васильчикова (отъ 26-го ноября) сказано: «Mon opinion ne sera jamais que pour une paix solide, une paix signée au delà des Balkans. Si non, je la regarderai comme une trève qui nous fera perdre notre considération en Europe et nous mettra dans le cas de recommencer bientôt la guerre, avec des chances de succès bien moins favorables».

Противъ этого мѣста записки написано графомъ Дибичемъ: «c'est très vrai».

283. «Русская Старина», 1886 года, т. 51-й, стр. 42: Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839. (Извлечено изъ сочиненія: «Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. Leipzig. 1857. 3 Bände).

284. Графъ Сакенъ въ своемъ дневникѣ записалъ 4-го января 1829 года:

«General Toll macht durch einen Feldjäger aus Petersburg auf Befehl des Kaisers den Antrag die active Armee zu commandiren».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 411).

285. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. №№ 441 и 959.

286. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

Въ этомъ же письмѣ графъ Витгенштейнъ писалъ о своемъ здоровьѣ:

Библиотека "Руниверс"

«Pour ce qui regarde ma santé, elle est très bonne et si sa majesté l'empereur veut me confier son armée, il peut être persuadé que je mettrai tout le zèle possible pour exécuter le plan ci-dessus mentionné».

Генералъ-адъютантъ Киселевъ раздѣлялъ взгляды фельдмаршала и имѣлъ даже въ виду третью кампанію противъ Турціи! 11-го (23-го) января 1829 года Киселевъ писалъ графу Дибичу: «Il faut surtout rendre celle campagne préparatoire pour celle de l'année suivante». (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

287. Генералъ Красовскій, находившійся въ 1827 году въ кавказскомъ корпусѣ, удалился оттуда вслѣдствіе несогласій съ графомъ Паскевичемъ.

288. 1-го (13-го) февраля 1829 года графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ генералъ-адъютанту Киселеву:

«Я не понимаю, какимъ образомъ эти два характера сойдутся. Надо надѣяться, что они почувствуютъ необходимость не вредить другъ другу; иначе никакого толку не выйдетъ. Увѣряютъ, что свыше уже заручились ихъ обѣщаніемъ въ этомъ родѣ».

289. «J'ai eu la certitude que le maréchal ne pourrait pas conduire les opérations de la campagne prochaine, ses forces ayant réellement baissées et au moral et au physique, et qu'il fallait le remplacer; cependant j'ai attendu encore pour le décider que je le sus d'une manière plus positive; en attendant j'ai dû préparer un choix, l'autre maréchal étant tout aussi âgé et plus cassé encore que Wittgenstein, j'ai dû chercher parmi les autres aspirants ou candidats et, ne pouvant me passer près de moi de Tolstoy, je me suis décidé à donner le commandement à Diebitsch, non comme major général, mais comme un véritable главнокомандующій, en lui donnant pour chef d'état major Toll. Ce choix m'a paru être le meilleur et, je l'avoue, presque le seul à faire. Il n'y a que la similitude des défauts des deux individus qui m'a fait craindre qu'ils ne s'arrangeraient pas et, pour être sûr de ne pas compromettre à la légère des intérêts aussi graves, j'ai résolu de faire expliquer les individus entre eux d'abord et d'une manière privée, avant que d'en parler officiellement à Toll; celui-ci s'est montré en galant homme, en promettant à l'autre obéissance et zèle pour le seconder de son mieux et a promis de ce maitriser pour ne pas mériter le reproche que l'on fait souvent à son caractère. L'ayant alors appelé chez moi, je l'ai engagé de me dire franchement s'il croyait pouvoir me promettre de se charger du poste que je lui donnais, en sentant la difficulté de la position vis-à-vis de son chef, vu leurs caractères respectifs; il m'a donné sa parole et, le sachant honnête homme, je crois qu'il ne m'a pas donné en vain sa parole. Depuis lors, une lettre du maréchal nous a démontré qu'il ne pouvait décidement rester et j'ai décidé le changement. Diebitsch part ce soir. Il me reste à demander à Dieu de bénir cette détermination importante et à espérer qu'Il daignera bénir mes bonnes intentions».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) февраля 1829 года.

290. Quant à la nomination de Diebitsch et Toll et la retraite du maréchal, je ne puis rien en dire qu'à faire des voeux pour l'accomplissement de vos volontés; mais puisque vous daignez m'en parler je ne crois pas devoir passer sous silence le mécontentement général qui règne contre le général Diebitsch et surtout à l'armée dont il va prendre le commandement, où il a su indisposer tout le monde à peu d'exception près. Le général Toll n'est pas non plus des plus aimés, mais il réunit plus de formes et plus de suffrages. Je le dis avec franchise à vous, cher frère, ne sachant vous nier la verité et bien fâché de dire du mal de deux individus avec lesquels je suis au mieux et que j'estime particulièrement. La manière de faire du général Diebitsch a trop blessé d'amours-propres et de personnalités pour pouvoir être oublié de sitôt, et il aura une double campagne à faire: l'une contre les turcs et l'autre pour regagner la bonne opinion, l'estime et la confiance de son armée».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 16-го (28-го) февраля 1829 года.

291. «Votre opinion sur Diebitsch et Toll est bien juste; j'espère que le premier saura faire oublié le passé que je lui ai vivement placé sous les yeux; il sent

Библиотека "Руниверс"

trop la responsabilité qui pèse sur lui et s'aime trop lui-même pour ne pas tout faire pour s'acquitter de sa charge au contentement de tout le monde».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го февраля (7-го марта) 1829 года.

292. Изъ письма графини Нессельроде къ своему брату, графу Николаю Гурьеву, отъ 13-го (25-го) февраля 1829 года. Государственный архивъ, разрядъ III. № 43.

16-го (28-го) февраля 1829 года генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ графу Дибичу:

«Votre nomination n'a étonné personne, on s'y attendait et le fameux parti se tait; il n'agit point, parce qu'il sent son impuissance, mais il n'est point dissout; les circonstances ranimeront peut-être son activité, mais elle n'aura pas plus de succès, j'en ai l'intime conviction». (Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 5322).

Къ сожалѣнію, въ перепискѣ Адлерберга съ Дибичемъ не выяснено, изъ кого состоялъ «le fameux parti». Можетъ быть, тутъ подразумѣвались сторонники опальнаго А. П. Ермолова.

«Перемѣна чрезвычайная и, по крайней мѣрѣ, неожиданная. Дай, Боже, ожидаемой отъ нея пользы.... а у меня изъ головы не выходитъ малороссійская пословица: старый быкъ борозды не портитъ»,—писалъ генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ фельдмаршалу графу Сакену 28-го февраля 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 45186).

293. Ф. П. Фонтонъ: Юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1823 и 1829 годахъ. Лейпцигъ. 1862, т. I-й, стр. 256.

294. Ошибка, сдѣланная во время турецкой кампаніи 1828 года, сопровождавшаяся Шумлинскимъ сидѣніемъ, оставила въ умѣ императора Николая столь глубокое впечатлѣніе, что онъ вспоминалъ о ней даже во время Польской войны 1831 года и писалъ графу Дибичу 8-го (20-го) февраля: «Un long séjour devant Praga serait fatal sous tous les rapports possibles et serait pir que celui de Choumla».

295. Тѣло А. С. Грибоѣдова перевезено было въ Тифлисъ и похоронено въ монастырѣ св. Давида. Жена Грибоѣдова воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, на которомъ написано съ одной стороны:

«Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня».

На другой сторонѣ:

«Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

296. «Tous nos successeurs au royaume de Pologne sont astreints à se faire couronner rois de Pologne dans la capitale, suivant la forme que nous établirons, et ils prêteront le serment ci-après: «Je jure et promets devant Dieu et sur l'Evangile de maintenir et faire exécuter de tout mon pouvoir la charte constitutionnelle».

297. «Opotchinine m'a parlé de votre couronnement d'ici et m'a dit que vous désiriez avoir mon avis à ce sujet; avec toute la franchise que vous me connaissez et avec la meilleure volonté possible de satisfaire en vous énonçant mon opinion, je ne saurais le faire, puisque la charte constitutionnelle de ce pays parle bien de l'obligation de couronnement pour les successeurs de celui qui l'a octroyée, en y ajoutant la clause, qu'il se fera d'après ce qui aura été établi; mais comme rien ne l'a été, je suis dans le plus cruel embarras de vous rien dire de positif; veuillez me permettre d'agir d'après ma façon de faire du temps de feu l'empereur, alors j'en parlerai à Novossiltzoff, ce que je n'ai pu faire sans votre consentement, et nous arrangerons la chose ensemble pour vous la soumettre. J'attends vos ordres; j'avoue ma bêtise dans des cas pareils».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го мая (5-го іюня) 1826 года.

298. «Vous désirez vous aboucher avec Novossiltzoff pour l'affaire du couronnement à Varsovie; veuillez le faire et m'informer des résultats. Je tiens beaucoup à ce que cela puisse se faire avec le moins de formes possibles et m'en remets à vous sur tout le reste; pour une cérémonie religieuse, il s'entend bien que c'est complètement impossible».

Библиотека "Руниверс"

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 6-го (18-го) іюня 1826 года.

299. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года.

Вообще въ перепискѣ съ цесаревичемъ императоръ Николай высказывалъ относительно варшавской коронаціи слѣдующіе взгляды:

«La cérémonie qui se répète à Varsovie n'est pas un sacre, mais la répétition pour les polonais du couronnement seul». Или же: «Le couronnement pour les russes du roi de Pologne s'est fait à Moscou et ne se répète à Varsovie que pour les polonais».

300. «J'ai prêté d'avance le serment exigé par la loi; je l'ai fait spontanément et de bon gré, comme le meilleur gage de la sincérité de mes intentions envers les sujets polonais, de l'empereur et roi; je me tiens donc quitte vis-à-vis d'eux, pour tout ce que l'article de la charte avait de formes obligatoires pour moi; quant au mode de couronnement, telle cérémonie que bon me semble aura force de loi; ainsi si j'ordonne une diète extraordinaire et que je réitère le serment déjà prêté par moi à la nation et que je le fasse ensuite suivre d'un Te Deum romain en actions de grâce, en plein champ pour éviter de le faire à la cathédrale et pour pouvoir y faire assister les troupes,—en voilà bien assez je le pense, si nous y ajoutons une entrée solennelle et les fêtes de rigueur en ville, il y en aura assez pour moi, votre pauvre diable de frère. Voilà franchement ma pensée pour vous que je vous soumets».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) августа 1826 года изъ Москвы.

301. «J'espère que sous peu tout sera fini et cette éternelle et odieuse affaire terminée. J'espère alors que je pourrai enfin me rendre chez vous et voir de mes yeux ce qu'il est bien temps que je puisse voir et entendre, pour ne pas rester éternellement étranger à un pays où je ne puis être responsable de rien, ne le connaissant qu'à peine et encore moins les individus qui y agissent en mon nom, et certes, ce n'est pas l'envie qui m'a manqué pour le faire».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 2-го (14-го) января 1829 года.

302. «Permettez que je vous expose le voeu sincère et ardent de vous trouver à Varsovie le même pour moi comme par le passé: excellent frère et parfait ami; soyez indulgent pour moi et sentez toute la difficulté de ma position, unique dans le monde et plus difficile là, près de vous, dans le lieu de votre séjour habituel, qu'elle ne l'est déja partout ailleurs! Que votre indulgente amitié soit mon guide et mon soutien, que j'y puise le courage et que j'y trouve l'encouragement dont j'ai souvent besoin, quand mon moral fléchit sous le poids de mes peines. J'espère en Dieu; Il connait mes bonnes intentions; elles sont pures, car elles sont celles d'un frère qui vous a dévoué son existence; Il vous inspirera aussi».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1829 года.

303. «Je pense qu'aucun acte religieux ne peut avoir lieu dans la salle du sénat, sans porter préjudice à la religion elle même, n'importe le rite, puisque l'on n'est que trop enclin à éliminer tout culte chrétien et ne l'envisager que comme une vaine cérémonie, et cette manière de faire n'encouragerait que trop les esprits à un ordre ou bien désordre semblable. A mon avis, tout en invitant processionnellement le clergé à se rendre au sein du sénat et votre serment prêté; vous devrez vous rendre pour le Te Deum dans la cathédrale, ce qui prouverait tolérance et protection de tous les cultes... Dieu vous a appelé à regner sur un peuple d'un autre rite que le vôtre, c'est à vous à le protéger, à le respecter et à le maintenir, et à ne pas le frapper pour ainsi dire de votre index. Il ne vous est pas donné comme à qui que ce soit de vous immiscer dans des controverses; laissez les croyances aux hommes, ils ne vous en seront pas moins fidèles et reconnaissants; au plus, assister à un Te Deum n'est pas un sacrement, vous y serez comme assistant... Voilà mon opinion et je ne puis la changer. Nos troupes russes assistent dans

Библиотека "Руниверс"

les grandes solennités aux messes catholiques-romaines au camp et font ce que font les troupes polonaises; tel est l'ordre établi par feu notre immortel empereur et personne n'a rien à y redire; vous l'avez vu vous même lors de votre premier séjour ici à la S-t Alexandre; votre femme y a aussi assisté. Suivez mon conseil et vous-vous en trouverez bien, j'en ai la conviction».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1829 года).

Цесаревичъ не довольствовался приведенными здѣсь доводами и въ письмѣ къ государю отъ 16-го (28-го) апрѣля 1829 года еще разъ возвратился къ защитѣ своей точки зрѣнія и продолжалъ настаивать на необходимости молебствія въ католическомъ соборѣ:

«Le clergé catholique assistant dans la salle du château prouverait parfaitement que le couronnement ne s'est pas fait à l'église catholique et personne n'y aurait rien à redire. Je dirai plus, que si, comme grand duc de Finlande, il y aurait dû y avoir un couronnement, je serai d'avis que vous assistiez au sermon luthérien comme un hommage rendu au culte professé par le peuple sur lequel la volonté de Dieu vous a appelé à régner et en prouvant une tolérance générale et universelle, sans vous arroger le droit de vous immiscer dans les affaires de conscience. Voilà mon avis, cher et excellent frère, d'après mon coeur et la pureté qui y règne devant Dieu et les hommes. J'y ajoute que tout ceci coincidera fort bien avec l'émancipation qui vient d'avoir lieu en Angleterre».

304. Въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выразилъ ту же мысль въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ:

«Les fougeux patriotes y voient l'abaissement de la dignité impériale, les nuls s'occupent à discuter les fêtes, les cérémonies et les récompenses qu'il y aura à cette occasion; les raisonnables et les vrais amis de notre maitre sentent l'urgence de ce voyage et font des voeux pour qu'il tourne au profit de la tranquillité et de la bonne harmonie; moi, je crains autant que j'espère et je plains de toute mon âme l'empereur, car je prévois les grandes difficultés qui se présenteront à lui, lorsqu'il s'agira de conclure en dernière analyse; elle est simple, mais l'exécution en est difficile: 1) Novossiltzow et... éloignés; 2) de bons remplaçants!!; 3) les provinces polonaises mises sur pied du reste de l'empire; 4) le royaume se gouvernant sans secousses arbitraires. Tout cela est aisé à dire. Que le Ciel protège l'empereur».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

305. «Partout présentation, parade et courses dans les établissements publics, c'est à dire que nous n'avons rien vus. C'était un peu le but de sa majesté l'empereur qui craignait de devoir voir ce qu'il n'aurait pas voulu voir; il fallait arriver satisfait à Varsovie, et c'est ce qui a été: partout une population heureuse de voir son souverain; des démonstrations de joie sincère; de l'ordre, de belles troupes, enfin ce qui plait à l'oeil, et doit rejouir le coeur d'un maitre, mais qui en même temps doit lui prouver qu'on attend tout de lui, et qu'il a une tâche bien sacrée à remplir, celle de justifier les grandes espérances de ses sujets».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 16-го (28-го) мая 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

Великій князь Михаилъ Павловичъ, по просьбѣ цесаревича, изъ Динабурга прямо прослѣдовалъ въ Варшаву.

306. «Ce trait accuse la froideur que l'on opposa aux avances de Nicolas et l'ensemble des symptomes ne laissait aucun doute quant au présent et à l'avenir: la rupture entre les polonais et la dynastie était moralement consommée».

Lisicki: Le marquis Wielopolski, t. I, p. 82.

307. 21-го мая (2-го іюня) 1829 года генералъ-адъютантъ Нейдгартъ писалъ графу Дибичу изъ Тульчина:

Библиотека "Руниверс"

«Благодареніе небу, въ Варшавѣ все прошло благополучно и продолжаетъ итти какъ нельзя лучше. Тѣмъ не мѣнѣе все вообще является чѣмъ-то уродливымъ. Черный двуглавый орелъ — отецъ бѣлаго одноглаваго; они различны по природѣ и останутся таковыми. (Doch ist das ganze eine Missgeburt. Der schwarze zweiköpfige Adler ist der Vater eines einköpfigen; sie sind verschiedener Natur und werden es bleiben)».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959.

308. «Un homme d'un caractère aussi entier avait dû se sentir obligé dans son for intérieur à satisfaire aux devoirs qu'il avait contractés envers la Pologne, lors de son avénement au trône. Il le fit d'ailleurs avec une bonne grâce parfaite, offrant aux polonais une excellente occasion d'effacer leurs torts, et de jeter de leur côté un voile d'oubli sur le passé. Lui, plus tard si impitoyablement dur à l'égard des polonais, s'évertuait pour lors à leur plaire personnellement, à évoquer les souvenirs glorieux de notre histoire, et à faire sonner bien haut son titre de roi de Pologne».

Lisicki, t. I, p. 81.

309. Въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 16-го (28-го) мая изъ Варшавы генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ:

«J'ai trouvé l'esprit raisonnable et préparé à recevoir les volontés du souverain; dans les provinces russes-polonaises, comme dans le royaume, on ne compte plus sur la réunion; on demande dans les premières le terme du régime militaire en temps de paix, dans le second, la fin de l'arbitraire qui s'y est glissé et qui effraye toutes les classes. Tout cela parait aisé et est bien difficile à obtenir. L'empereur est adoré par ses manières nobles et franches; hommes et femmes sont dans l'enthousiasme de lui, de l'amabilité de l'impératrice, des espérances futures que donne l'heritier. Varsovie est dans l'ivresse et Vienne je crois très désapointé... Nous sommes dans une capitale sous tous les rapports; la population est augmentée d'une foule de peuple arrivé des environs, de seigneurs et de dames venues jusque de Paris, pour voir le roi de Pologne. Le couronnement a été sous ce rapport l'acte le plus politique possible; les polonais datent de ce moment seulement la sécurité de leur existence nationale et les espérances dans l'avenir; ils disent, en parlant des provinces russes-polonaises, nous ne devons plus regarder derrière nous, c'est en avant que notre ambition et la gloire de notre souverain doit nous faire porter nos regards».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

310. Заграничныя свѣдѣнія, доставленныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, отъ 6-го (18-го) іюля и 6-го (18-го) октября 1829 года.

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

311. «Je suis parfaitement satisfait ici de tout, et les troupes sont réellement superbes».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) мая 1829 года изъ Варшавы:

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

312. «Dieu veuille que le contentement que votre majesté impériale a éprouvé à Varsovie soit toujours stable et sans variations. J'en suis persuadé pour l'excellente armée polonaise, mais connaissant par des relations fréquentes que j'ai eu beaucoup et sous différents rapports la nation même, je suis persuadé qu'elle a aussi d'excellentes qualités, mais qu'il faut toujours lier à une générosité magnanime beaucoup de fermeté et même de sévérité beaucoup plus qu'avec toute autre, et qu'il faut surtout se garder de tomber avec les individus des classes élevées dans le piège d'une loyauté apparente, qui est une suite du pouvoir immense qu'exerce dans ce pays un sexe qui à toutes ses belles qualités joint dans ce pays là encore plus que dans les autres une espèce d'esprit chevaleresque, soi-disant national, et qui est bien loin de ressembler à l'esprit du chevalier sans peur et sans reproche. Pardonnez moi, sire, si j'ai osé faire entrer ces réflexions dans ma lettre, mais je crois l'époque trop importante pour ne pas vous dire tout ce que mon coeur m'inspire».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 16-го (28-го) мая 1829 года изъ лагеря близъ Силистріи.

(Военно-ученый архивъ. Отд. № 2. 2895а).

Библиотека "Руниверс"

Письмо графа Дибича получено было въ Варшавѣ послѣ отъѣзда государя въ Берлинъ. Цесаревичъ, уполномоченный вскрывать письма главнокомандующаго, по прочтеніи его, писалъ императору Николаю 23-го мая (4-го іюня) 1829 года:

«D'après vos ordres, cher et excellent frère, j'ai décacheté les lettres en mains propres que vous adresse le général Diebitsch et qui, grâce à Dieu, sont assez satisfaisantes, hormis les progrès de la maladie contagieuse. Ayant lu avec la plus grande attention la lettre autographe du général Diebitsch, j'y ai vu les observations et les idées d'un homme de bien et je ne puis que partager entièrement ses conclusions au sujet de la nation polonaise et vous me rendrez justice, cher et excellent frère, qu'elles furent constamment les miennes».

313. «Je partage parfaitement votre opinion à l'égard des polonais».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина.

314. На другой день послѣ пріѣзда государя въ Берлинъ король повезъ въ театръ также и императорскую чету, которую публика встрѣтила съ безконечными рукоплесканіями. Давали оперу «Нѣмая въ Портичи» (Фенелла). Бенкендорфъ сопровождаетъ разсказъ объ этомъ представленіи слѣдующими разсужденіями. По его мнѣнію, революціонныя сцены этой оперы, восхищавшія въ то время всю Европу своею музыкою, испугали бы даже на театрѣ всякое другое монархическое правительство, кромѣ прусскаго, сильнаго любовію къ нему народа и общимъ благодѣяніемъ.

315. «Que vous dire d'ici? que nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici, que l'on ne s'est pas douté de mon arrivée et que le roi est presque tombé à la renverse de surprise en me voyant derrière lui. Toujours excellent, mais il souffre, et selon sa manière de faire ne se ménage pas du tout».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ государь писалъ графу Дибичу (26-го мая):

«C'est d'ici, du cher Berlin que je réponds à votre lettre. . . . Que vous dirai-je d'ici? que je suis arrivé tellement inattendu, que je me tenais derrière le roi, qui ne me voyait pas et qui ne s'en doutait pas encore; il est presque tombé à la renverse en m'apercevant. Enfin je me repose ici, après quatre années de peines! Tout le monde nous a reçu, non avec plaisir, mais avec enthousiasme et nous avons l'air d'appartenir ici».

316. Müffling: Aus meinem Leben. Berlin. 1855. S. 255.

317. «Русскій Инвалидъ» 1829 года, № 155. (Письмо къ издателю «Сѣверной Пчелы», напечатано по приказанію высшаго начальства).

318. «Il serait difficile de dépeindre à votre excellence la sensation que la nouvelle dont vous avez bien voulu me faire le porteur a produite sur l'empereur. Au comble de la joie ou plutôt du bonheur, il m'a couvert de baisers, s'est jeté à genoux pour rendre grâces à Dieu et m'a tout de suite félicité comme son aide de camp et colonel, deux grâces auxquelles je ne m'attendais nullement à la fois; puis sans me laisser le temps de me reconnaître, m'a enlevé pour ainsi dire dans son drochky pour aller communiquer cette agréable nouvelle au grand duc Constantin; j'ai ajouté de vive voix tout ce que je savais en fait de détails sur cette journée, ainsi que sur tout le temps de notre marche de Silistrie. L'empereur ne se lassait pas d'écouter et de témoigner son extrême safisfaction sur tout ce qui s'est passé; l'artillerie du vizir surtout entre nos mains le rendait heureux. . . . Le soir du jour de mon arrivée, l'empereur m'a fait revenir dans son cabinet, et tout en me faisant prendre le thé ensemble, a causé près de deux heures avec moi en tête à tête sur l'ordre des choses chez nous en général».

Изъ письма князя Трубецкого къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

319. Цесаревичъ сообщилъ слѣдующія извѣстія изъ Австріи отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1829 года:

Библиотека "Руниверс"

«La nouvelle de la défaite de l'armée du grand vizir a presque généralement produit une sensation désagréable à Vienne et a intimidé le parti Metternich. Le prince a de suite annoncé la nouvelle aux archiducs, ainsi qu'au prince de Hohenzollern et après une entrevue avec l'ambassadeur d'Angleterre, le prince s'est rendu en personne auprès de son souverain. L'empereur était à sa toilette au moment où le premier ministre entra pour lui annoncer la nouvelle en question. L'empereur lui répondit en allemand: «eh bien, vois-tu». Les gens de service sortirent de la chambre, on ne connait point la suite de la colloque, mais «Nu siehst du» circule à la cour et dans la capitale».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

320. «Que Dieu soit mille fois béni, mon cher ami, et qu'il vous récompense dans l'autre vie pour le service signalé que vous venez de rendre à notre patrie! Vous connaissez mes sentiments pour vous et vous savez aussi la confiance que je mets dans les vôtres; je suis heureux que vous avez prouvé à la face du monde que je l'avais bien placée en la plaçant en vous. Recevez ma reconnaissance de coeur et d'âme. Voilà votre nom inscrit dans les fastes de notre armée d'une manière immortelle! . . . . La joie ici a été grande et toute l'armée sous les armes a assissté sous mes ordres au Te Deum, que nous avons chanté ce matin au bruit des salves de toute l'artillerie et en présence de tout Varsovie . . . . Quant à la possibilité d'une tentative sur Choumla, j'aime mieux en douter, que de me flatter d'un vain espoir; au reste je suis persuadé que vous ne voudrez pas perdre les fruits de la victoire, en compromettant les troupes sans certitude de succès. Choumla est un accessoire utile, mais non indispensable, tandis que les préparatifs du passage des Balkans sont le but que vous devez avoir constamment devant les yeux et vers lequel vous devez tourner tous vos efforts. Je ferai ce que je puis pour vous en faciliter le succès».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

321. «Vos talents, votre persévérance, votre fermeté, votre entreprenante résolution ne pouvaient être mis en doute, tant de faits les ont attesté, mais la fortune pouvait vous manquer; vous venez de prouver au monde, qu'à toutes les grandes qualités qui constituent le général, vous joignez encore cet accessoir si indispensable, cette fortune qui fait le grand capitaine. L'armée, la Russie, l'empereur avaient besoin d'une victoire pour reprendre aux yeux de l'Europe jalouse, leur ancienne attitude d'importante supériorité; vous en aviez besoin vous même pour faire taire l'envie et l'intrigue; vous avez atteint ce double but d'une manière éclatante; en battant le vizir, en détruisant son armée, vous avez terrassé vos ennemis et ceux de l'état secrets et déclarés. Encore une fois je vous en félicite, que je m'en félicite moi-même et tous les gens de bien! Puisse le Ciel continuer à bénir vos efforts, puissiez vous ajouter bientôt aux beaux lauriers de la victoire, ceux non moins glorieux de pacificateur... Je n'essayerai pas de vous peindre la joie de l'empereur, elle est en proportion de l'importance de l'événement qui en est la cause, elle est à l'unisson de son amour pour le bonheur et la gloire de son peuple et de son armée, de sa bienveillante amitié, sa confiance illimitée pour vous».

Изъ письма генералъ-адъютанта Адлерберга къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322).

322. «Dieu soit loué et grâce en soit rendu à la force que l'empereur a sur lui-même, tout s'est bien terminé et les deux augustes frères se sont séparés très satisfaits l'un de l'autre; les polonais enchantés de leur roi et plein de confiance en sa sagesse. Je vous assure qu'il n'est pas possible d'être plus raisonnables qu'ils ne sont, et plus soumis au décret de la Providence qui les a mis sous l'influence militaire du grand duc. J'ai vu maintenant, mon cher comte, par mes propres yeux et ne croirai qu'à mes yeux. Les provinces russes-polonaises sont encore bien plus à plaindre; pas d'appel, pas de constitution à opposer à la volonté d'un chef militaire. Tous espèrent et attendent avec resignation les décrets de l'empereur.

Библиотека "Руниверс"

«La division d'infanterie la 25-e est très belle, et Dieu soit loué restée ou redevenue russe; Rosen est parfaitement à sa place; c'est là que nous avons entendus de nouveau ces hourras bien nourris que la contrainte étouffe à Varsovie».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25-го іюня 1829 года изъ Кіева.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

323. 16-го іюля, 94 знамени, отбитыя у непріятеля въ Европейской и Азіатской Турціи, возимы были по улицамъ Петербурга. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

324. По окончаніи главнѣйшихъ занятій въ лагерномъ сборѣ подъ Варшавой, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и княгиня Ловичъ отправились на воды за границу. Императоръ Николай назначилъ брату на путевыя издержки 100.000 рублей.

Цесаревичъ отправился въ путь 5-го (17-го) августа 1829 года и въ тотъ же день писалъ государю:

«Je laisse ici tout sous le commandement de mon vieil et fidèle Kourouta qui saura, Je n'en doute pas, maintenir le tout dans l'ordre établi et auquel il a travaillé sans relâche depuis 15 ans concurremment avec moi. Je pars donc comblé de vos bienfaits et avec un coeur rempli de reconnaissance, et je m'en vais me rincer, me laver et remettre tant mon physique que mon moral et qui a ressenti. je ne le cache pas. une rude atteinte par toutes les calomnies infâmes et la lâcheté des moyens dont on s'est servi contre moi, sans égard aucun à 34 années de service passées sans tâche, ni au zèle, ni au dévouement qui n'ont cessé de me guider».

Цесаревичъ возвратился изъ поѣздки и снова вступилъ въ должность 20-го ноября (2-го декабря) 1829 года.

325. Императоръ Николай писалъ 12-го (24-го) августа графу Дибичу:

«Avant-hier Hozrew-Mirza a eu son audience de pardon; c'était très réel et fort beau et imposant».

326. Графъ Дибичъ распорядился во время этой операціи слѣдующимъ образомъ: генералъ Красовскій послѣ занятія Силистріи оставленъ былъ для наблюденія за Шумлою, въ то время какъ три корпуса: 6-й, 7-й и 2-й, двинулись черезъ Балканы.

327. «Mon cher ami, avec quelle joie je puis vous dire: спасибо, Забалканскій; ce nom vous revient de droit et je vous l'ai donné de bien bon coeur. Mais avant tout que le bon Dieu soit mille et mille fois bénit de ce qu'il vous aie secondé d'une manière si visible; reconnaissons sa protection dans tout ce qui nous arrive d'heureux. Ensuite recevez toute ma reconnaissance pour votre mouvement aussi heureusement qu'habilement combiné et parfaitement exécuté par vos braves aides. Vous avez raison de dire que l'on doit se convaincre maintenant combien avaient raison ceux qui soutenaient qu'il était complétement faux de s'acharner à prendre Choumla, tandis que le vrai point à attaquer et à pénétrer était celui des Balkans. La preuve est là. La victoire de Kulevtcha a mis la base de tout et vous, vous en cueillez les fruits».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 4-го (16-го) августа 1829 года изъ Александріи близъ Петергофа.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

328. «Après 17 jours d'inquiétude j'ai reçu hier, cher ami, votre excellente lettre du 9 d'Adrianople! Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette nouvelle grâce et recevez toute ma vive et sincère reconnaissance pour le résultat brillant et solide obtenu par vos excellentes dispositions et par suite de l'exécution parfaite qui y fut apportée. Votre nom, cher ami, appartient désormais à jamais à l'histoire et il illustrera les fastes de notre armée... que Dieu vous guide et vous assiste dans vos dernières oeuvres et vous permette le plus tôt possible de signer une belle paix d'Adrianople».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года изъ Царскаго Села.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

329. «Un homme sûr, d'esprit et un nom russe».—Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

Библиотека "Руниверс"

330. Генералъ-майоръ Михайловскій-Данилевскій былъ вызванъ графомъ Дибичемъ въ Адріанополь для исправленія должности дежурнаго генерала, вмѣсто заболѣвшаго генерала Обручева. Въ началѣ кампаніи 1829 года онъ командовалъ бригадой въ 6-й пѣхотной дивизіи и находился въ отрядѣ, блокировавшемъ крѣпость Журжу, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Киселева.

331. Портой были присланы два уполномоченныхъ: Мегметъ-Садикъ-Ефенди, великій дефтердаръ, и Абдулъ-Кадиръ-Бей, кази-аскеръ анатолійскій.

332. Письмо за подписью англійскаго и французскаго пословъ отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года заключалось въ слѣдующемъ:

«Monsieur le comte.

«Dans les circonstances actuelles, il est un devoir impérieux que nous ne saurions nous dispenser de remplir, c'est d'informer votre excellence des conséquences infaillibles, qu'entrainerait la marche des armées impériales sur Constantinople. La Sublime Porte nous a formellement déclaré et nous n'hésitons point à attester la vérité de sa déclaration, que, dans ce cas, elle cessera d'exister et que la plus terrible anarchie, en anéantissant son pouvoir, livrera indistinctement sans défense aux chances les plus déplorables, l'existence des populations chrétiennes et musulmanes de l'empire. En vous taisant cet état de choses, monsieur le comte, nous eussions assumé sur nous vis-à-vis de nos cours, de sa majesté impériale elle même, en un mot de l'Europe entière, une responsabilité que nous devons repousser avec toute l'énergie dont nous sommes capables: ce devoir, nous le remplissons aujourd'hui, en vous adressant la présente lettre. Nous n'avons plus désormais qu'à nous occuper des moyens qui pourraient encore dépendre de nous, pour chercher à préserver, autant que possible, les chrétiens de cette capitale du désastre imminent qui plane en ce moment sur leurs têtes.

«Nous avons l'honneur de renouveler à votre excellence, monsieur le comte, l'assurance de notre haute considération.

«R. Gordon.
«Comte Guilleminot».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Замѣтимъ здѣсь, что, несмотря на то, что Порта продолжала упорствовать въ признаніи Лондонскаго договора 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года, сэръ Робертъ Гордонъ и графъ Гильеминo все-таки явились въ Константинополь въ самый разгаръ кампаніи 1829 года и 6-го (18-го) іюня приняты были въ торжественной аудіенціи султаномъ.

333. Письмо императора Николая графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года.

Въ письмѣ графа Дибича къ вице-канцлеру графу Нессельроде отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года главнокомандующій по поводу заявленія пословъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою: «le plus beau monument que la politique européenne puisse élever à la gloire de l'empereur Nicolas, l'hommage le plus éclatant rendu à sa puissance et à sa magnanimité».

334. 17-го (29-го) сентября императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Enfin, cher et excellent Constantin, je suis heureux de pouvoir vous annoncer que la divine Providence, qui a si évidemment béni nos armes, a daigné nous accorder la paix tant désirée, et une paix digne de la Russie. Cet heureux événement a eu lieu le 2 (14) Septembre, dix-sept ans après l'entrée des français à Moscou! rapprochement singulier qui ne vous échappera point. Tout ce que nous pouvions désirer obtenir l'a été et nos garanties sont immenses... L'envoi de Muffling a été des plus utiles et cet officier s'est acquitté de la commission avec une intelligence vraiment au dessus de tout éloge; au reste, il lui a été assez aisé de faire les commentaires des progrès de nos armes à deux marches de Constantinople. Le rôle de l'ambassadeur d'Autriche a été le plus plat possible, car il n'en a pas même été fait mention. Ceux de France et d'Angleterre bon gré mal gré ont fait ce qu'il fallait pour faire chorus avec celui de Prusse».

Библиотека "Руниверс"

335. «Mon cher et bon ami. La paix d'Adrianople a été signée aujourd'hui, dix-sept ans après l'entrée des français à Moscou et cinq mois après le départ du qnartier général de la seconde armée de Iassy. Le maximum des conditions qui m'ont été donné pour base en est le résultat, regardé certainement par toute l'Europe pour un excès de magnanimité de notre maitre chéri, au moment où rien ne pouvait arrêter ses armées victorieuses de s'emparer de Constantinople et du Bosphore et où la Porte par des ambassadeurs étrangers faisait l'aveu qu'elle cessait d'exister si nous continuons notre marche. Vous verrez les détails dans mes offices à l'empereur et à Nesselrode et il m'est impossible de vous écrire beaucoup aujourd'hui. Les prussiens ont agi dans cette occasion en vrais et fidèles amis; vous pouvez vous imaginer que cela m'a rendu bien heureux».

Изъ письма графа Дибича къ графу Чернышеву отъ 2-го (14-го) сентября 1829 года изъ Адріанополя (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

336. «J'approuve en tout point vos mesures; mais j'insiste pour qu'au cas que les négociations soient rompues, vous poussiez un corps vers les Dardanelles, pour être sûr que des незваные гости ne s'y présentent pour se mêler et gâter nos affaires... Enfin si vous êtes aux Dardanelles, vous refuserez positivement le passage à toute autre flotte qu'à la nôtre. Et si l'on forçait, vous répondrez par des coups de canon. Mais que Dieu nous en préserve».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2.805б)).

337. «Maintenant passons aux possibilités que je prie Dieu de ne pas nous faire voir arriver! Celles de nous voir maitres de Constantinople et par conséquent de la disparition de l'empire Ottoman en Europe. Cependant je ne veux pas vous laisser sans quelques directions générales, pour le cas où effectivement nous en fussions déjà là. Si les négociations manquaient il faut que vous marchiez sans délai sur Constantinople en vous assurant des Dardanelles; ne faites pas attention à votre peu de force numérique, elle est plus que compensé par votre force morale. Maitre de Constantinople vous refuserez positivement d'entrer dans aucun pourparler quel qu'il fut et avec qui que ce fut. A plus forte raison vous ne permettrez à aucune flotte étrangère d'entrer dans les Dardanelles jusqu'à nouvel ordre... Mes nouvelles de Londres de ce matin par courrier disent positivement que le ministère anglais est complétement terrassé par le succès de nos armes, au point qu'Aberdeen a dit aux nôtres: au nom de Dieu ne nous traitez pas à la Diebitch et ménagez notre honneur... Enfin c'est un triomphe complet. Dieu soit béni et à vous спасибо, c'est plus que toutes les phrases. Mais, cher ami, maintenant plus que jamais tout à Dieu et soyons plus calmes, plus modestes, plus généreux et plus conséquents que jamais; voilà les triomphes que moi je cherche et que Dieu m'en préserve d'en chercher d'autres, et je suis sûr que vous me comprenez.... Ainsi donc si tout est fini revenez, si non впередъ».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) сентября 1829 года изъ Елагина острова.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

338. Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient, par F. Martens. Gand. 1877.

См. въ приложеніяхъ свѣдѣнія о секретномъ комитетѣ, извлеченныя изъ писемъ графа Нессельроде и графа Чернышева къ графу Дибичу.

339. «Veuillez recevoir mes félicitations et mes voeux les plus sincères à la fête que nous célébrons aujourd'hui, et dans laquelle les belles espérances d'un avenir qui nous n'appartiendra plus se lient dans les coeurs fidèles au bonheur présent et aux souvenirs les plus chers. Le Grand Dieu qui a si visiblement béni les armes de votre majesté impériale, nous a donné encore le bonheur de pouvoir annoncer à une telle journée la certitude d'une paix glorieuse. D'après tout ce que l'envoyé de la Prusse, envoyé par la Porte pour en hâter la conclusion m'a écrit et dit, et surtout en lisant la pièce mémorable signée par R. Gordon et le comte Guilleminot, et qui porte la déclaration de la Porte

Библиотека "Руниверс"

confirmée par m. m. les ambassadeurs, qu'un mouvement de vos armées victorieuses sur Constantinople mettra fin à l'existence de l'empire Ottoman, cela me parait non seulement un monument de gloire pour vos armes, sire, mais en même temps le garant le plus sûr de la paix, car on ne fait pas de pareils aveux quand il reste encore un espoir de combattre».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895а).

340. «Je ne puis commencer mon épitre autrement qu'après avoir remercié Dieu de vous dire bravo, bravo et bravo. Le premier de s-t George, que je vous envoie, est ma réponse, au reste il vous est dû en plein. Maintenant recevez encore tous mes sincères remerciments pour votre conduite aussi ferme, habile, que noble et modérée. Votre position est digne du commandant en chef d'une armée russe aux portes de Constantinople. Militairement elle est fabuleuse et l'esprit à peine peut se l'imaginer: la droite appuyée à la flotte partie de Cronstadt, la gauche à celle de Sevastopol, un ministre de Prusse arrivant à votre quartier général, porter les supplications du sultan et un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre! Après cela il ne reste qu'à dire: Великъ Богъ русскій et спасибо Забалканскому».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

(Военно-ученный архивъ. Отд. 2. № 2895б).

За занятіе Адріанополя графъ Дибичъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго, а графиня Дибичъ пожалована въ статсъ-дамы.

Такія же награды удостоился получить графъ Паскевичъ за занятіе Эрзерума.

341. Въ дневникѣ князя А. С. Меншикова 17-го сентября 1829 года записано:

«Государь пріѣхалъ въ городъ по случаю полученнаго извѣстія о мирѣ съ турками и ѣздилъ со мною поклониться Казанской иконѣ въ соборъ».

342. Изъ письма флигель-адъютанта Чевкина къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

Графъ Нессельроде писалъ дѣйствительному статскому совѣтнику Фонтону 10-го (22-го) сентября 1829 года:

«Je n'ai pas une seule observation à faire sur le projet du traité. Comme vous dites tout y est au maximum. Avec Batoum de plus et une cinquantaine de millions de moins, le traité serait parfait, et je défierai les plus hargneux de trouver un seul mot à y réduire».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Черезъ два дня графъ Нессельроде писалъ графу Дибичу 12-го (24-го) сентября 1829 года:

«Quant aux acquisitions en Asie je pense comme vous qu'il ne faudrait pas les porter trop loin. Je n'attache pas une grande importance à Kars et Bayazid, mais Batoum nous serait nécessaire et j'espère encore que vous nous l'obtiendrez contre une diminution de l'indemnité pécuniaire».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5329).

343. Манифестъ о заключеніи мира съ Турціею объявленъ былъ 19-го сентября (1-го октября) 1829 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай повелѣлъ по объявленному уже манифестомъ отъ 10-го (22-го) августа 1829 года рекрутскому набору, вмѣсто трехъ рекрутъ съ пяти сотъ душъ, собрать только по два рекрута.

344. 22-го сентября 1829 года графъ Чернышевъ писалъ графу Дибичу:

«Aujourd'hui nous vous devons la plus belle journée; une grande parade au champ de Mars, au milieu duquel était placé un autel ouvert comme lors du Te Deum à Paris, ont servi à célébrer la bienheureuse conclusion de la paix».

Замѣтимъ здѣсь, что недавно (5-го августа 1829 года) состоялось освященіе вновь отстроеннаго, по проекту архитектора Стасова, Преображенскаго собора, вмѣсто сгорѣвшаго въ 1825 году.

Библиотека "Руниверс"

6-го (18-го) августа 1829 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Aujourd'hui nous avons chanté le Te Deum à la nouvelle église de Preobrajensky, et votre nouveau surnom a été proclamé pour la première fois dans le temple de Dieu, que cela vous porte bonheur! Après la messe et le Te Deum, les régiments des chevaliers gardes et de la garde à cheval y ont porté les trophées des deux campagnes au nombre de 562 pièces; c'était un beau et imposant spectacle».

345. Насчетъ этихъ орудій императоръ Николай, при чтеніи записокъ графа Бенкендорфа, написалъ по поводу ошибочно изложенныхъ въ нихъ фактовъ:

«Ils furent pris à Varna et donnés aux polonais par moi comme souvenir de la mort du roi Wenceslas sous ces mêmes murs de Varna; les polonais, par reconnaissance de ce don, les tournèrent un an après contre nous; la garde les reprit: j'en fis cadeau à ceux qui deux fois en firent la conquête au prix de leur sang».

346. «Après avoir rendu grâce au Tout-Puissant sur le champ de Mars au milieu des troupes et d'une foule immense, je vous adresse à vous, mon cher ami, mes bien sincères remerciments pour l'heureuse fin qui couronne votre belle campagne. La paix d'Adrianople est une des plus glorieuses qui jamais eut été conclue, et vous avez su lui imprimer le caractère qui convenait à une paix, issue d'une pareille guerre; notre modération doit fermer la bouche à tous nos détracteurs, pour nous même elle nous met d'accord avec notre conscience. Encore une fois toute ma reconnaissance vous est vouée pour la vie. Le grade de maréchal auquel je vous ai promu aujourd'hui vous appartient de droit».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года изъ Петербурга.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

347. Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. 3-й, стр. 228.

Когда Паскевичъ награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала, ему было 47 лѣтъ.

348. «Les gazettes étrangères commencent déjà à déraisonner sur notre traité de paix. Laissons les dire, allen kann man es ja nicht recht machen, mais tout ce qu'il y a de gens raisonnables, jugeant sans passion et avec impartialité, ne trouve rien à redire et pense que la paix unit aux avantages que tant de victoires nous autorisaient à réclamer cette modération qui caractérise si noblement la politique de l'empereur. Contentons nous, mon cher maréchal, de leur suffrage et moquons nous du reste. Avec cette maxime on est toujours sûr de faire de la bonne besogne».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) октября 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5329).

349. По вѣрному замѣчанію Поццо-ди-Борго, подобное обѣщаніе очень мало цѣнится въ началѣ дѣла, а при завершеніи его бываетъ крайне вреднымъ.

350. Prokesch-Osten: Geschichte des Abfalls der Griechen. Wien. 1867. B. 2, S. 384.

351. «Exigez absolument d'abord Batoum, et même Kars si c'est possible. Batoum nous est des plus utiles et Kars pourrait être l'équivalent de quelques millions».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

352. «Je vous prie de vous rappeler que des raisons que j'avais présenté par vous à sa majesté sur la question d'Asie m'avaient paru être reçu avec approbation, car vous m'avez communiqué alors son auguste volonté de ne tenir qu'au seul Akhalzyk au delà du minimum. C'est pour cela que je n'ai pas demandé ni Kars, ni Batoum, d'autant plus que je n'ai reçu les dépêches avec le mémoire de Paskéwicz que deux jours après que j'avais déjà donné officiellement aux négociations le maximum de nos demandes, auquel j'aurai certainement mis le tout, si ce mémoire et les ordres de l'empereur me seraient parvenu trois jours plus tôt, tout peiné que je suis été de devoir démander une place comme Batoum qui n'a pas même été menacée par nos troupes pendant la guerre et pourra guère l'être vu sa situation géographique».

Изъ письма графа Дибича къ графу Нессельроде отъ 8-го (20-го) октября 1829 года изъ Адріанополя.

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Библиотека "Руниверс"

353. Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 7-го ноября 1829 года записалъ:

«Государю вчера пускали кровь; рѣшительно горячка воспалительнаго свойства. Не дай Боже потерять его и Россіи оставить регентство».

Князь Меншиковъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 24-го августа; но онъ еще не вполнѣ оправился отъ полученныхъ имъ подъ Варною ранъ. Государь разрѣшилъ ему для облегченія не носить шпаги, а кортикъ.

2-го сентября подписанъ былъ указъ о вступленіи князю Меншикову, по выздоровленіи, въ должность начальника морского штаба.

354. Это былъ фрегатъ «Blonde», которому разрѣшено было пройти Дарданеллы, съ орудіями, хотя и маскированными, еще во время кампаніи 1829 года. Турки смотрѣли на него въ ту пору, какъ на предвѣстника англійскаго флота, который освободитъ Черное море отъ русскаго владычества. Осенью капитанъ этого фрегата (какъ увѣряли потомъ) вздумалъ совершить прогулку по Черному морю.

355. 27-го ноября (9-го декабря) 1829 года императоръ Николай продиктовалъ генералъ-адъютанту Адлербергу письмо къ графу Дибичу, въ которомъ сказано:

«J'apprends que vous avez été tout aussi furieux que moi de l'apparition de la fregate anglaise dans la mer Noire; c'est encore un tour de la façon de nos amis de Londres. Ma fureur en a été telle que j'ai failli en reprendre la fièvre et j'espère que les ordres que je vous ai adressés en conséquence ne s'en ressentent pas et que vous aurez trouvé que j'ai en raison d'exiger des représailles pareilles. L'ami Orloff n'a qu'à s'escrimer».

Въ этомъ же письмѣ государь сообщалъ графу Дибичу, что онъ провелъ четыре недѣли въ постели: «digne d'appartenir à la С.-Петербургская инвалидная команда, car non seulement j'étais dans l'impossibilité de me mouvoir, mais parfaitement incapable de m'occuper, ni même d'entendre parler d'affaires».

356. «Enfin, mon cher ami, me voilà grâce au bon Dieu en état de vous répondre. Je suis presque retabli en entier de la forte secousse que j'ai éprouvé, mais la miséricorde divine, pour cette fois, m'a conservé à ma femme et à mes enfants; je n'ai plus que les pieds qui sont faibles: cependant j'ai pu aujourd'hui monter à cheval, ainsi готовъ на службу».

357. «Vous concevez, cher et bien respectable comte, combien nous avons dû être inquiets ici pour la santé de l'empereur. Sachant combien l'éloignement d vait encore aggraver vos alarmes à ce sujet, je priais tous les jours Czernichew de vous donner le plus souvent possible des nouvelles sur la maladie. Maintenant Dieu soit loué, notre excellent maître est tout à fait bien, et il ne lui reste qu'une faiblesse et une maigreur, qui sont la plus forte preuve du danger que nous avons courus. Cette idée s'était emparée de tout le monde et faisait dresser les cheveux. On a vu dans toute son horreur les suites de la perte de l'homme, que le plus mal intentionné ou le plus indifférent, voit être indispensable, non seulement pour notre bonheur, mais pour notre existence. L'effet que la nouvelle de cette maladie a fait à Moscou et dans les provinces sont les plus belles preuves de l'attachement que l'empereur a su inspirer. Tout a été absorbé par ce grand intérêt; on ne parlait que de l'empereur; il fallait peut-être cette épreuve pour donner à l'empereur la juste valeur des soins qu'il doit à sa conservation, et la recompense de ses travaux, que l'amour seul des sujets peut donner au souverain».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25 ноября (7-го декабря) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

358. «Je ne me rappelle pas d'hiver à Petersbourg qui ait été plus rempli de bals. de fêtes et de plaisirs. Grâce à vos victoires et aux sages dispositions qui les ont arrêtées, nous jouissons ici d'une joie véritable, dans l'Europe entière d'une attitude imposante, et dans l'intérieur d'une tranquillité et d'une confiance envers le gouvernement qui ne peuvent qu'amener de bons résultats. Nous sommes libres maintenant de toute entrave, forts plus que jamais dans l'opinion de tous les peuples; rien n'empêche de se livrer avec suite aux améliorations, aux revirements nouveaux que demande la Russie. Ce sera le beau fruit de quatre années de guerre et d'efforts qui ont commencés le règne de notre

Библиотека "Руниверс"

maître. Il ne reculera pas plus devant les difficultés de l'administration qu'il n'a reculé devant celle de la guerre, il n'y trouvera pas des instruments aussi prompts, aussi brillants que les Забалканскіе et les Эриванскіе, mais ces difficultés une fois surmontées, il en retirera une gloire aussi belle et plus utile encore pour ses nombreux sujets».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) октября 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

359. По поводу дѣятельности графа Орлова въ Константинополѣ императоръ Николай писалъ графу Дибичу 17-го (29-го) января 1830 года: «Je suis extrêmement satisfait d'Orloff; il agit au delà de mes souhaits et vous pouvez vous applaudir de l'avoir désigné»,—и 27-го февраля (11-го марта): «Je ne puis assez vous dire combien je suis satisfait d'Orloff; il agit vraiment à me surprendre moi-même, malgré mon tendre pour lui».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

360. 1-го (13-го) февраля 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Nesselrode vous transmet le récit le plus exact de la mémorable conversation que j'ai eue avec les deux envoyés, n'ayant pour quatrième que Fonton; vous verrez que je leur ai dit leur fait avec ma franchise ordinaire, et les ai amenés à poser de fait que la fameuse instruction du Reiss-Effendi était désormais déclarée nulle et non avenue, ce dont j'ai pris acte en leur faisant remettre sur papier le lendemain tout ce que je leur avais dit et ce qu'ils m'ont répondu. Je dois leur rendre la justice que je les ai trouvés parfaitement dans la bonne voie; ils m'ont répété que le sultan était fermement résolu d'accomplir le traité. Il paraît qu'ils sont satisfaits, car je les comble de politesses; Halil me suit partout et il est extraordinaire qu'il aie paru pour la première fois à la rentrée de la 3-me brigade de la garde, et que le premier exercice auquel il a assisté est celui des chasseurs de la garde».

361. Письмо графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) февраля 1830 года.

362. Во время переговоровъ въ Петербургѣ была сдѣлана попытка относительно замѣны части денежной контрибуціи новыми территоріальными уступками въ Азіи, но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки; то, что не было додѣлано въ Адріанополѣ, нельзя было дополнить новыми поправками.

18-го (30-го) апрѣля 1830 года графъ Нессельроде писалъ графу Дибичу:

«Il nous a été impossible d'amener les envoyés turcs à nous offrir quelques cessions territoriales en Asie comme équivalant d'une partie de l'indemnité de guerre. Toutefois je dois leur rendre la justice qu'ils ont eu le bon esprit de ne point mettre en avant les réclamations qu'ils avaient ordre de faire valoir relativement à Akhaltzik et de reconnaître en général que le mode de payement et de garantie de l'indemnité de guerre devait faire le seul et unique objet de la négociation».

363. L'Empire Ottoman 1839 — 1877. — L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient, par un ancien diplomate. Paris. 1877, p. p. 52—54.

364. Freiherr von Müffling: Aus meinem Leben. Berlin. 1855. S. 335.

365. Изъ дневника Адріана Моисеевича Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины.

366. 15-го (27-го) мая 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу изъ Варшавы:

«Je bénis Dieu de vous savoir hors de tout cet horrible pays. L'idée de vous revoir sous peu et de faire partie de la route ensemble me réjouit sincèrement».

Фельдмаршалу графу Дибичу разрѣшено было для отдыха отправиться за границу въ Силезію, для свиданія съ родными.

30-го іюля (11-го августа) графъ Дибичъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ему отведена была квартира въ Шепелевскомъ дворцѣ.

367. Поццо-ди-Борго давно уже остроумно замѣтилъ: «Le gouvernement de la France est un cone placé sur la pointe».

368. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques, par le baron Paul de Bourgoing. Paris. 1864, p. 471.

Библиотека "Руниверс"

369. Въ 1830 году посѣтилъ также Петербургъ другой молодой фельдмаршалъ: графъ Паскевичъ Эриванскій. Его служебное положеніе на Кавказѣ осталось за нимъ и послѣ заключенія мира; нѣсколько инымъ являлось положеніе графа Дибича. Съ возвращеніемъ второй арміи изъ Турціи въ предѣлы имперіи она была расформирована; войска, ее составлявшія, вошли въ составъ первой арміи. Тогда наступила для графа Чернышева непріятная минута; представлялось возможнымъ, что графъ Дибичъ снова займетъ мѣсто начальника главнаго штаба. Дѣйствительно, 16-го (28-го) марта 1830 года, императоръ Николай писалъ графу Дибичу, находившемуся тогда еще въ Бургасѣ:

«Je vous fais libre, mon cher ami, de faire tout ce qui vous agrée, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maitre complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions, mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abîmeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tout le loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'état major de l'empire de Russie! Voilà, mon cher ami, mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre».

Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1830 года государь снова коснулся этого вопроса:

«Voici à peu près l'arrangement que je me propose pour le partage des affaires à votre rentrée en fonction. Etant parfaitement satisfait de Чернышевъ pour les deux années d'administration, je pense le confirmer ministre de la guerre en continuant à travailler avec lui journellement en votre présence, comme nous l'avons déjà fait. Vous n'auriez donc que le département d'inspection pour les grandes dispositions et celui du quartier-maitre à diriger en personne. De cette façon je pense que tout le temps vous resterait pour être mon chef d'état major en grand, c'est à dire de diriger tout ce qui est mesure d'état, et ce qui a plus particulièrement trait aux mesures. Vous seriez mon aide pour m'éclairer dans toutes les grandes questions, sans vous surcharger de détails minutieux, qui resteraient à Чернышевъ pour sa partie, comme à Tolstoy pour les colonies».

Всѣ высказанныя государемъ предположенія были донельзя милостивы, но довольно неопредѣленны и едва ли удовлетворяли графа Чернышева. Въ этомъ убѣдился фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Графъ Дибичъ сказалъ барону Тизенгаузену: «Благодарность и любовь къ монарху налагаютъ на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его величествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ». Затѣмъ фельдмаршалъ признался, что вступленіе въ новую должность, назначенную государемъ, сопряженно съ затрудненіями, такъ какъ оно касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить, какъ друга. «Я предвижу,—говорилъ онъ,—что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи предмѣстникъ мой (графъ Чернышевъ) будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя требуетъ отъ меня и этой жертвы; единственно воля монарха избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ, какъ повелѣніе, всегда было священно».

На другой день графъ Дибичъ узналъ о парижскихъ событіяхъ и предвидя, что государь снова будетъ нуждаться въ немъ, какъ въ полководцѣ, онъ сталъ выжидать ходъ дальнѣйшихъ событій, оставаясь въ сторонѣ отъ дѣлъ. «Я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вельможу, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои»,—признался графъ Дибичъ тому же Тизенгаузену.

Когда фельдмаршалъ послѣ возвращенія государя изъ Финляндіи высказалъ ему причину, по которой не вступилъ въ новую должность, Николай Павловичъ одобрилъ предусмотрительность Дибича.

370. За отсутствіемъ графа Нессельроде, уволеннаго для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ управлялъ посолъ нашъ въ Лондонѣ, князь Ливенъ. На него легло все бремя первыхъ распоряженій государя, вызванныхъ іюльскою революціею.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

30-го іюля (11-го августа) 1830 года, Бургоэнъ получилъ отъ князя Ливена слѣдующую записку:

«Le prince de Lieven s'acquitte des ordres exprès de l'empereur en portant à la connaissance de m. le baron Bourgoing les pièces ci-jointes qu'il vient de recevoir de Berlin. Désirant s'entretenir elle-même avec m. de Bourgoing sur l'objet des nouvelles affligeantes que renferment ces pièces, sa majesté impériale l'invite à se rendre chez elle, à son palais particulier, dit le palais Anitchkoff, aujourd'hui mercredi, à huit heures du soir, en frac».

Приложенныя къ запискѣ бумаги заключали въ себѣ свѣдѣнія о революціи, вспыхнувшей въ Парижѣ.

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ ошибочно говоритъ, что государь, собираясь въ путь, принималъ Бургоэна въ Елагинскомъ дворцѣ.

371. «Cette pièce était si voisine de celle où l'impératrice était couchée que, quelques ours après, cette princesse me dit qu'elle avait entendu tout notre entretien, et que nous l'avions empêchée de dormir».

Baron de Bourgoing: Episodes militaires et politiques, p. 507.

372. «Мы жили въ то время (то-есть въ началѣ сентября) въ Царскомъ Селѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—государю, недовольному самимъ собою, нужно было развлечься, и мы отправились въ военныя поселенія. Весь гренадерскій корпусъ былъ собранъ лагеремъ у Княжева двора. Государь, расположившись въ палаткѣ напротивъ лагеря, сдѣлалъ большой парадъ, а на другой день ученье и маневры. Потомъ мы поѣхали по полковымъ штабамъ и наконецъ въ Старую Руссу. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Бургоэнъ сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; онъ не могъ довольно надивиться всему, что онъ видѣлъ, въ особенности же общему довольству, замѣченному имъ въ Старой Руссѣ и въ нѣсколькихъ многолюдныхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали».

Бургоэнъ въ своихъ запискахъ выражаетъ, однако, умѣренный восторгъ: «Je me bornais à être content, sans être surpris ni emerveillé, des beaux maniements d'armes et des magnifiques alignements de ces trente mille grenadiers».

373. «Je doute fort pourtant que, s'il advenait une seconde croisade européenne contre la France comme de 1813, 1814 et 1815, nous y trouvions le même zèle et le même enthousiasme de la bonne cause. Il y a eu depuis bien des promesses non exécutées ou éludées et bien d'intérêts lésés; on s'est servi alors de voies populaires partout pour abattre la tyrannie de Bonaparte, qui pesait sur le continent, et l'on ne prévoyait pas que ces mêmes mesures tôt ou tard pouvaient tourner contre nous-mêmes. Depuis il y a une époque de 16 ans, durant laquelle les événements se sont rapidement succédés et qui n'ont prouvé que trop qu'il ne faut pas démuseler le peuple, comme disait Mirabeau au commencement de la révolution, puisque personne ne saurait le remuseler. Bonaparte l'a prédit haut à Leipzig, en disant que l'alliance employe des moyens populaires contre moi qui tourneront contre elle-même, et je crois qu'il n'a pas eu tort. J'ai vu afficher en 1813 et publier en Silésie, lors de l'armistice, que si le roi voudrait faire la paix, il faudrait ne pas lui obéir et continuer la guerre, en le déclarant indigne de régner sur ce peuple généreux qui veut reconquérir ses droits. Que d'émancipations n'avons nous pas vu depuis, grand Dieu! Quant à l'esprit public de ce pays, je puis l'attester bon pour le moment dans la majorité, aux incorrigibles près qui ne sont pas en majorité; pourtant il ne faut pas se laisser induire en erreur que, malgré le bien-être du pays, il y a toujours l'ancien pactum conventa qui tient à coeur, c'est à dire que si le souverain enfreint en quoi que ce soit la constitution, l'on est délié envers lui des serments de fidélité et que la confédération est autorisée par le fait même; pourtant malgré cela, je garantis que vous pouvez compter sur l'armée et la majorité de la population ..... La bourgeoisie est très bonne et fort devouée; la petite noblesse l'est de même, la grande par intérêt; il n'y a que la race des juges et avocats, des professeurs et étudiants, qui ne me donne pas de sécurité, malgré qu'il y en a de bons sujets parmi eux ..... Tout est tranquille chez nous jusqu'à ce moment, et je me flatte de l'espoir que cela restera de

Библиотека "Руниверс"

même avec l'aide et la grâce de Dieu; qu'Il me soit en aide! Les polonais vous prouveront leur fidélité, j'ose l'espérer de Sa clémence, et feront tomber le doute à ce sujet».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 13-го (25-го) августа 1830 года.

374. «Il y a quelques heures que mom courrier est revenu, porteur de votre lettre du 13 (25). Recevez en, cher Constantin, toutes mes actions de grâces. Je suis réellement heureux, plus que je ne puis vous le rendre, de ce que nous nous rencontrions si parfaitement dans notre manière de voir; au point que même la divergence au sujet du pavillon tricolore n'existe même plus, l'ayant levé aussitôt que nous avions reçu officiellement la nouvelle que ce n'était plus la couleur de la rébellion, mais que le gouvernement du lieutenant-général du royaume, confirmé par Charles X et par conséquent rendu légal à nos yeux, l'avait solennellement adopté. La légation française d'ici a parfaitement compris la chose, et il n'y a pas un seul français ici, qui ait pensé de prévenir ou dévancer l'ordre ou la permission de porter ces nouvelles couleurs. . . . . Le jugement que vous portez quant aux polonais est exactement celui que je croyais en porter, et quant à ma confiance dans cette belle et brave armée, elle est pleine et entière et je n'en ai pas seulement douté un seul instant.

«Tout ce qui a été fait diplomatiquement ici, vous a été envoyé; j'espère que vous trouverez nos déterminations conformes à l'honneur et aux principes que nous avons hérité de feu notre ange. Nous ne nous pressons point d'agir, mais il me paraît, qu'en fait de principes immuables, sacrés, il ne faut jamais laisser subsister de doute; or c'eut été le faire que de ne pas exposer franchement notre manière d'envisager l'usurpation du duc d'Orléans. Au reste les événements marchent avec une telle rapidité qu'à la lettre à peine a-t-on le temps de murement peser une chose, de préparer les dépêches, qu'un nouvel incident survient et change l'apparence des choses. Telle est, selon moi, la circonstance du moment, car le roi légitime à mes yeux, — Henri V, est emmené par son grand père hors de France; ainsi de fait, il émigre et abandonne le pays. Ce pays ne peut rester sans chef et sans tomber, à son défaut, dans l'anarchie la plus affreuse; ainsi, de fait, le plus proche du trône, présent dans le pays, au défaut de ceux qui étaient avant lui, devient de fait roi de France pour nous; ainsi, si mes alliés trouvent à l'unanimité que nous devons en passer par le duc d'Orléans, il me paraît qu'il vaut mieux reconnaître la royauté de ce fait là que de celui du choix du peuple! Effrayant exemple, subversif de tout ordre et qui saperait notre propre existence; je le répète il me répugnerait trop de le reconnaître ainsi. . . . . On m'a annoncé de Paris l'arrivée du général Athalin; j'ai même la copie de la lettre du duc pour m'annoncer sa royauté; elle est aussi raisonnable que possible; l'individu m'est connu de Londres; c'est le confident le plus intime et un homme de bien, il en a fait choix pour se justifier verbalement de ce qui nous paraît avec grande raison inexcusable. Je compte le recevoir en attendant comme envoyé par le chef du gouvernement, jusqu'à ce que l'avi de mes alliés me fut connu sur cet important objet».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

375. «Vous sentez et vous appréciez les événements du jour en vrai homme d'honneur, pardonnez moi cette expression toute simple, mais à côté de cela, il ne faut pas oublier que vous êtes souverain et maître d'un empire immense, et que votre premier devoir est de concilier les intérêts de vos sujets et de vos alliés, qui sont placés dans des positions respectives bien différentes. Je place en premier lieu votre respectable et vénérable beau-père qui, certes, serait le premier compromis envers la France, si vous vous en détachiez; sa position géographique lui impose des devoirs peut-être durs, j'en conviens, mais que l'on ne saurait éviter. Il y a de cela 40 ans, et je m'en souviens parfaitement, que la révolution à son début inspirait une horreure à tout être pensant et à toutes les classes de la société, grands et petits, nobles et bourgeois, négociants et indistruels, en un mot tout le monde la voyait en horreur. Depuis ce temps les choses ont bien changé de face et je suis certain que jadis sur 100 et 200 personnes il n'y en

Библиотека "Руниверс"

avait pas une qui eut seulement osé ouvrir la bouche pour en faire l'apologie et se compromettre par là envers la société entière, lorsque maintenant sur 100 personnes bien pensantes il y en a certainement 25 qui sont pour la révolution. Les unes le sont par esprit du siècle, les autres par intérêt, d'autres par insouciance, d'autres enfin par cosmopolitisme. Les nations ont été dans ces derniers temps trop en contact entre elles pour ne pas se connaitre à fond et, certes, le bien être matériel a fait place aux principes professés naguère. Il dépend de vous de commencer la guerre, mais non de la finir. A la première guerre de la révolution tout marchait avec enthousiasme provenant du devoir et de l'horreur que l'on ressentait; tous voulaient conserver leurs positions sociales et l'on était sûr de ses derrières. A la seconde, s'il y a lieu, on marchera par devoir et à contre coeur pour le grand nombre. Les nouvelles idées ont germé trop dans toutes les têtes et se sont trop enracinées dans la généralité de la nouvelle génération pour pouvoir croire au contraire. En outre il y a eu trop d'intérêts lésés, trop de promesses faites et non réalisées pour pouvoir compter sur un concours unanime de la bonne cause ..... Au mot de guerre, au mot de la reprise des frontières du Rhin, de la Belgique, les partis cessent en France, la France devient une et se bat pour propager des principes subversifs au dehors et se donne par là de la consistance que lui oppose le courage seul des maitres; c'est bien peu lorsque les intérêts des individus ne sont pas de la partie, lorsqu'au contraire, laissant la France à elle-même avec tous les germes le discorde qui réyent par tous les intérêts froissés, l'on y amène nécessairement une guerre civile, et ils s'entre-détruiront eux mèmes et du désordre jaillera l'ordre plus tôt que l'on ne s'y attendra et, si même la France a la bêtise de vouloir commencer une guerre au dehors, on a l'argument pour les siens que l'agression est venue de leur part, malgré notre reconnaissance bassée sur la promesse de rester dans leurs frontières. Alors on est quitté envers sa conscience et, je le répète, en finissant ce long article, que telle est mon opinion ..... Au nom de Dieu, pas de précipitation, mais du calme et du sang froid».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года.

376. «J'en ai fait choix, parce qu'il voit les choses exactement comme vous et moi et qu'il m'importe que mes paroles et mes pensées soient rendues au roi avec le ton que je mets à cette musique et pour recevoir de bouche la même chose du roi».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

377. См. въ приложеніяхъ записку фельдмаршала графа Дибича, составленную имъ послѣ разговора съ императоромъ Николаемъ передъ отъѣздомъ въ Берлинъ въ августѣ 1830 года.

378. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, убѣждая императора Николая не начинать войны безъ вызова со стороны Франціи, сошелся мыслями съ королемъ прусскимъ. Цесаревичъ писалъ: »Feu notre immortel empereur dans son manifeste au sujet de la guerre de 1812 concluait en disant: «на начинающаго Богъ», et les faits l'ont prouvé du reste».

(Изъ письма отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года).

379. Письмо короля Людовика-Филиппа императору Николаю отъ 7-го (19-го) августа 1830 года.

380. «J'ai reçu des mains du général Athalin la missive dont il était porteur. Des événements à jamais déplorables ont placé votre majesté dans une cruelle alternative. Votre majesté a pris une résolution qui seule lui paraissait propre à epargner à la France de plus grands maux. Je ne dirai rien des motifs qui ont inspiré la conduite de votre majesté en cette occasion, mais j'adresse les voeux les plus ardents à la divine Providence, pour qu'il lui plaise de bénir les desseins de votre majesté, et vos efforts pour le bien-être du peuple français. De concert avec mes alliés je reçois avec satisfaction le désir exprimé par votre majesté d'entretenir des relations de paix et d'amitié avec tous les états européens.

Библиотека "Руниверс"

«Aussi longtemps que ces relations seront fondées sur les traités existants, et sur la ferme volonté de maintenir les droits et les obligations solennellement reconnus par ceux-ci, ainsi que les propriétés territoriales, l'Europe y verra une garantie de la paix qui est si nécessaire même pour le repos de la France.

«Appelé conjointement avec mes alliés à continuer avec la France sous son nouveau gouvernement ces relations conservatrices, je m'empresserai de mon côté de mettre non-seulement tous les soins qu'elles exigent, mais je manifesterai encore sans cesse les sentiments de la sincérité desquels je me fais un plaisir d'assurer votre majesté, en échange de ceux qu'elle m'a exprimés».

381. Читая впослѣдствіи записки Бенкендорфа, императоръ Николай написалъ на поляхъ рукописи слѣдующую замѣтку:

«Cette nouvelle me parvint à Moscou, le soir même du jour où je me trouvais mal et le même soir j'expédiais les ordres au ministre de la guerre, au maréchal Sacken et à mon frère Constantin pour mettre l'armée sur le pied de guerre».

Бенкендорфъ ошибочно относитъ сдѣланныя тогда распоряженія къ пребыванію государя въ Твери.

382. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Чернышеву отъ 5-го (17-го) октября 1830 года изъ Москвы.

383. «Si les autres cabinets avaient la même énergie que l'empereur imprime au notre, comme les artisans de troubles et de rébellion auraient à trembler; il faudra bien avoir recours aux moyens de repression, mais le germe du mal aura gagné du terrain».

Изъ письма графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) октября 1830 года.

384. «Et nous aussi, mon cher comte, nous ne sommes pas sur des roses. Le choléra-morbus règne dans un grand nombre de gouvernements qu'il a fallu exempter du recrutement, le commerce intérieur est arrêté par les mesures qu'il a fallu prendre pour empêcher le fléau de s'étendre, et nous ne sommes pas sûrs qu'il ne nous atteigne ici, car on dit qu'il est déjà près de Tikhvin; la récolte a été mauvaise et les impôts rentrent mal. C'est sous de pareils auspices que nous allons faire les préparatifs d'une guerre, dont Dieu seul peut prévoir les conséquences. Il ne faut certainement pas se décourager et tomber plus bas que les événements, mais j'ai pensé qu'il était indispensable de vous tracer le triste tableau de notre situation intérieure, afin que vous puissiez le prendre en considération dans toutes les combinaisons que vous aurez à arrêter avec le cabinet prussien».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) октября 1830 года.

385. Упомянутое здѣсь имя Леопольда (принца Саксенъ-Кобургскаго) служитъ указаніемъ, что записка императора Николая написана имъ въ 1831 году. Избраніе принца бельгійскимъ королемъ состоялось 23-го мая (4-го іюня) 1831 года.

Въ виду того, что записка исключительнымъ образомъ останавливается на оцѣнкѣ событій іюльской революціи 1830 года и совершенно умалчиваетъ о польскомъ мятежѣ, начавшемся въ концѣ того же года, мы признали умѣстнымъ предпослать эту записку изложенію событій, вызванныхъ варшавской революціей.

Императоръ Николай вообще не жаловалъ принца Леопольда. Еще во время кандидатуры принца на греческій престолъ государь въ письмѣ къ графу Дибичу жаловался на «conduite plus qu'équivoque» Леопольда, прибавивъ: «Je n'aime pas les êtres faux, vous le savez».

386. «Sa majesté m'a donné ce matin une audience à Charlottenbourg. J'ai eu l'honneur de lui présenter les mesures énergiques que votre majesté a bien voulu prendre au moment de l'appel du roi des Pays-Bas. Sa majesté m'a dit qu'elle s'était toujours attendu de la part de votre majesté à cet élan généreux d'énergie et de promptitude; elle me chargea de vous en porter sa plus vive reconnaissance, sire, mais d'y ajouter que depuis déjà de nouvelles circonstances avaient amené de nouvelles considérations, que l'envoi du prince d'Orange et les mauvaises suites qu'ils paraissent avoir présageaient que l'affaire Belgique ne pourra plus être décidée que par le commun accord établi par les conférences de Londres ou de la Haye; qu'elle regarde cependant la mobilisation de

Библиотека "Руниверс"

l'armée russe et le rapprochement des troupes éloignées pour une mesure des plus salutaires, ne doutant nullement elle-même de la nécessité dans laquelle on se trouvera de finir par les armes. Le roi croit cependant qu'il serait utile sous le rapport politique de ne pas mettre définitivement en était de guerre les troupes polonaises et leurs corps de réserve qui se trouvent sur la même hauteur que le 1-er corps prussien, pour ne pas faire naître des soupçons sur une différence d'intention entre les deux puissances, car les prussiens ne peuvent pas encore rassembler leurs landwehrs, mesure qui pèse extrêmement sur toutes les branches de l'administration et à laquelle le roi ne pourra se résoudre qu'au moment où déjà il ne restera plus une lueur d'espérance pour la paix ..... Sa majesté croyait qu'il serait utile de faire tant des idées politiques sur les différentes questions que l'état actuel et ses suites vraisemblables font naître, que des idées militaires sur les opérations qui pourraient en être une suite. deux résumés raisonnés pour les communiquer à l'Autriche et l'Angleterre par des organes de confiance afin de demander leur adhésion ou les changements qu'elles trouveraient indispensables à y faire, et qu'en suite de cela sa majesté désirait que je reste encore peu de temps ici, tant pour y participer que pour pouvoir les porter ensuite moi-même à votre majesté».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) октября 1830 года изъ Берлина.

387. «N'ayant reçu aucune direction de votre part, ni des renseignements sur les mesures adoptées par la cour de Prusse, dans la situation actuelle des affaires de la Belgique, voyant d'un autre côté par les nouvelles publiées par l'Observateur autrichien que l'Autriche déclare ne point vouloir se mettre sur le pied d'agression, j'ai lieu de croire que si nous sommes les seuls à adopter des mesures à l'effet d'amener une intervention armée en Belgique, en faisant de grands préparatifs de guerre et en nous exposant à de grands frais, sans que de pareilles dispositions soient unanimement adoptées par d'autres puissances, cette grande précipitation de notre part ne ferait qu'augmenter la fermentation actuellement existante et pourrait compromettre les intérêts de la Prusse.

«Si le roi Charles X régnait encore en France et qu'une insurrection de cette nature eut éclatè dans les états du roi des Pays-Bas, l'intervention armée de la Russie collectivement avec celle des autres puissances eussent été placées dans un autre jour, et tout en se légitimant par le fait même et par la teneur des traités, auraient emposées à ces mêmes puissances une obligation irrévocable dans le retablissement de la tranquillité dans ce pays et la réinstallation du roi, dans toute la plénitude de son pouvoir. Mais l'esprit de trouble et de fermentation qui règne non seulement en France, mais encore dans plusieurs parties de l'Europe, ne pourrait qu'augmenter au bruit de ces préparatifs de guerre, produirait un embrasement général, dans lequel la France elle-même pourrait participer et dont les conséquences seraient difficiles à apprécier pour le moment.

«Comme les ordres suprèmes de sa majesté, communiqués au comte Czernichef, fixent au 10 (22) Décembre prochain le terme pour les troupes d'être prêtes à marcher et comme cette époque est rapprochée, je vous adresse ce feldjaeger, monsieur le comte, en vous priant de m'informer dans le plus bref délai possible et par ce même courrier, si je dois mettre ces mesures à exécution ou non. J'aurai soin de préparer en attendant tous les ordres nécessaires à ce sujet».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) октября 1830 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 676).

388. Статья «Между двумя войнами. Эпизодъ изъ царствованія императора Николая. 1830 годъ».

(«Русская Старина», 1881 года, т. 31-й).

389. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) ноября 1830 года.

390. См. въ приложеніяхъ письмо графа Чернышева въ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года.

Библиотека "Руниверс"

391. «Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience j'attends l'ouverture des conférences de Londres et leurs premières délibérations, car c'est là notre ancre de salut».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) ноября 1830 года.

392. «J'ai passé ma matinée dans un bien triste comité où Cancrin nous a déroulé le tableau de notre pénurie financière. Sans partager en entier son opinion sur nos impossibilités, je dois cependant convenir que la source des emprunts et de quelques autres moyens extraordinaires est complétement tarie. Sans les subsides de l'Angleterre, je ne sais pas trop où nous puiserions les ressources pour faire une guerre dont personne ne saurait prévoir la durée».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года.

Графъ Дибичъ не одобрялъ политики графа Неесельроде, клонившейся къ отстраненію неумѣстнаго вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Европы, вызваннаго Іюльскою революціею.

18-го (30-го) ноября 1830 года фельдмаршалъ писалъ вице-канцлеру, въ отвѣтъ на письмо его отъ 9-го (21-го) ноября.

«Si nos finances ne nous permettent pas de défendre la paix de l'Europe, alors elles nous permettront encore bien moins de soutenir le combat quand cette même Europe émancipera la Pologne. Telle est au moins ma conviction. Comme je n'ai jamais eu l'honneur de servir dans les armées autrichiennes, je ne puis encore comprendre l'axiome de Montecuculi; je crois au contraire avec notre grand dernier maître dans l'art de guerre: que la guerre donne l'argent pour la faire, si on la fait de bonne manière: vorwärts ou ypa! Alors elle dure moins et coûte moins d'argent et surtout en hommes, ce que je dois pourtant compter en ancien gentilhomme et en bon serviteur, bien au dessus de ce malheureux mobile d'argent, dont un système de juifs et d'athées veut faire la base des institutions futures de l'Europe, — en remplaçant par du métal et des papiers la foi et l'honneur de nos pères et ceux d'entre nous qui s'honorent de leur ressembler.

«Si on me reproche quelquefois de voir trop en rose, vous voyez du moins, cher comte, que mon humeur n'est pas toujours de cette couleur. Elle changera du reste dès que je verrai qu'on se persuadera que les délais gâtent plus les affaires qu'ils ne les font avancer. Ce qui est arrivé heureusement dans notre affaire d'Orient qui n'a pu et dû être débrouillée que par le glaive arrivera encore, et ce n'est que ce même glaive qui coupera le noeud gordien de la Belgique, mais il faudra un coup d'autant plus fort qu'on aura donné plus de temps pour entrelacer les liens, et la perte de tout genre en deviendra plus grande, même en argent et en crédit.

«Ne m'en voulez pas, cher comte, mais je ne sais jamais parler que d'après mon coeur; je ne crois pas l'avoir mauvais; je ne puis donc désirer aucune guerre, que je regarde toujours comme le plus grand fléau, mais je crois que ce fléau s'aggrandit et se prolonge quand dans des cas inévitables on se trompe sur cette inévitabilité».

393. «Toutes mes dispositions guidées par la prudence ont pour objet de ne pas compromettre par trop de précipitation et par des mesures intempestives les intérêts de notre auguste, respectable et vénérable allié le roi de Prusse. Au reste quelque sages que soient tous les ordres qui me viennent de St.-Pétersbourg, ils ne sont pour moi, dans la position où je me trouve, que de l'histoire ancienne, puisque je suis avancé de 15 jours sur les événements. J'attends donc mes lumières de votre part, mon cher maréchal, et j'avoue en mon particulier, que c'est avec le plus grand regret, que je vous verrai quitter Berlin. Je me croirai alors placé entre le marteau et l'enclume, position très précaire et fort difficile. Les motifs qui me déterminent à persévérer de plus en plus dans cette voie se fondent sur les notions politiques qui me parviennent au sujet des opinions et de la conduite de l'Angleterre, dans lesquelles je ne vois qu'une espèce de désunion et un démenti formel à l'accord unanime qui doit présider aux vues des augustes alliés. Quant à la France, elle ne peut sans manquer de logique et sans se contredire elle-même, publier à l'étranger d'autres principes, que ceux qu'elle a professés chez elle, en se déclarant ouvertement contre les révolutions au dehors, tandis qu'elle ne respire elle-même que révolution. Au

Библиотека "Руниверс"

reste, d'après mon faible avis, il faut la laisser se déchirer et s'entre-déchirer à elle seule, non par des émeutes ou des insurrections éphémères, mais par une guerre civile bien fomentée; autrement une guerre européenne contre la France ne ferait qu'y réunir tous les partis, dans la vue de maintenir l'intégrité du sol français et de le mettre hors de toute atteinte. Cela ne doit point nous empêcher d'être en mesure d'agir; mais je le dis et le répéterai toujours, que cela soit sans précipitation et en usant de calme et de sang froid.

«C'est là, mon cher maréchal, ma profession de foi, pure et entière; je la soumets en toute confiance à vos lumières. Enfin, si je devais agir contre mon opinion je le ferai avec l'obéissance que vous me connaissez, mais en conservant toujours ma manière de voir».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) ноября 1830 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 967).

Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ, цесаревичъ высказывалъ уже ранѣе въ письмѣ къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года, выдержки изъ котораго приведены нами выше.

394. Мѣсяцемъ ранѣе, 12-го (24-го) октября 1830 года, цесаревичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину выражалъ тѣ же мысли:

«Какой несчастный нынѣшній годъ: возмущенія, повальная болѣзнь и сверхъ того во всемъ полуденномъ краю совершенный неурожай. Chez nous jusqu'à ce moment tout est tranquille et j'espère dans la clémence de Dieu que tout restera de même».

395. Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 22-го ноября (4-го декабря) 1830 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 676).

Принцъ Евгеній Виртембергскій смотрѣлъ на событія, разыгравшіяся въ Варшавѣ, съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Одновременно съ береговъ Невы прогремѣла вѣсть: «я иду съ 200.000 русскихъ», а полякамъ сказано: «вы будете моимъ авангардомъ». Французы же воскликнули: «авангардъ, обратись противъ главныхъ силъ»,—и авангардъ парировалъ. Поляковъ воодушевляла не столько ненависть къ русскимъ, сколько озлобленіе противъ системы русскаго правительства. Напротивъ того, я постоянно видѣлъ въ Варшавѣ, что поляки и русскіе братались и часто бранили сообща правительство».

396. «Je reçus ce soir là (т.-е. 25-го ноября) la nouvelle de la révolution par un rapport de mon frère qui n'était pas le premier, mais me parlait d'un autre qu'il m'avait envoyé, mais que je ne reçus que 14 heures plus tard, de façon que j'ignorais tout ce qui c'était passé et ne sus d'abord que les noms des officiers généraux tués et le nombre et le nom des troupes restées près de mon frère. Ce fut là première nouvelle telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise».

Собственноручная замѣтка императора Николая, написанная имъ при чтеніи записокъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа.

397. Дневникъ князя А. С. Меншикова 1830 года.

Замѣтки генералъ-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева о царствованіи императора Николая I-го.

398. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1830 года.

399. «Voici donc un ouvrage de 16 ans détruit totalement par des sous-officiers, de jeunes officiers et des étudiants et compagnie. Je n'en dis pas davantage, puisqu'il est de mon devoir de vous certifier que les propriétaires, les gens de la campagne et tout ce qui est seulement avec quelque avoir en sont en désespoir. Officiers, généraux, ainsi que les soldats n'ont pu d'empêcher de suivre le mouvement, entraînés par la jeunesse et les sous-officiers qui ont égaré tout le monde. Bref les choses sont au pire et je ne sais ce qui en adviendra de la clémence de Dieu. Tous mes moyens de surveillance ont été nuls, malgré que tout se découvrait . . . . . Nous voilà, nous autres russes à la frontière, mais grand Dieu dans quel état, presque nus-pieds, sortis comme pour une alerte et

Библиотека "Руниверс"

croyant rentrer en casernes et au lieu de cela ayant fait des marches terribles. Les officiers ont tout perdu et n'ont que ce qu'ils ont sur le corps . . . . . J'ai le coeur navré; à 51½ ans et après 35½ de service, je ne croyais pas finir ma carrière d'une manière aussi déplorable».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) декабря 1830 года изъ Влодавы.

400. «Tous mes voeux sont adressés au bon Dieu, afin que la masse de cette armée à laquelle j'ai consacré 16 années d'existence, fasse un retour sur elle même et rentre dans le chemin de l'honneur et du devoir et reconnaisse son égarement avant que les mesures coercitives fussent employés contre elle. Ceci est trop beau pour le siècle où nous vivons et, malgré mes voeux, j'en doute fort».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 26-го декабря 1830 года (7-го января 1831 года).

401. «Si des deux nations et des deux trônes l'un doit périr, puis-je balancer un instant?—Vous même ne le ferez pas? Ma position est grave, ma responsabilité terrible, mais ma conscience ne me reproche rien vis-à-vis des polonais et je puis assurer qu'elle ne me reprochera rien, je m'acquitterai envers eux jusqu'à la dernière possibilité de tous mes devoirs, je n'ai pas prêté en vain serment, et je ne l'ai pas vidé, que le reproche donc des suites affreuses de cet événement, si elles ne pouvaient être évitées, retombe en entier sur ceux qui en sont coupables! Аминь».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8-го (20-го) декабря 1830 года.

402. Dès que je fus informé de l'arrivée de Lubecki et Ieserski, je fis donner ordre de ne pas les laisser avancer plus loin que Narwa, et je leur fis adresser un avis par Grabowski que, s'ils arrivaient comme députés d'un gouvernement ou d'un pouvoir que je ne puis reconnaitre, ils ne pouvaient être admis ni devant moi, ni même rester ici: sur quoi Lubecki adressa une réponsse au nom de tous deux, que je fis mettre dans les journaux, qu'il n'eut jamais accepté une commission pareille et qu'il arrivait comme membre de mon gouvernement pour rendre compte de ce qui s'était passé; que m-r Ieserski l'accompagnait. C'était ce qu'il me fallait et pour moi-même, et pour ici, et pour là bas. Ils arrivèrent donc; je réunis chez moi Michel Wolkonsky, Tolstoy, Nesselrode et Grabowski (dont je suis on ne peut plus content) et je fis venir Lubecki seul; il arriva, comme toujours, le nez en l'air, et d'un air très gai commença le recit . . . . . je le traitais très froidement . . . . . après une heure et demie de conversation, je le congédiais. Le même soir, je fis dire à Ieserski, voyageur, par Benkendorf que j'aurai plaisir à le voir chez moi. Il me l'amena; dès qu'il entra dans la chambre, il se jeta à deux genoux devant moi, sanglotant comme un enfant; j'eus peine à le calomer, et, après l'avoir embrassé, nous nous assimes tous trois et je lui dis de me raconter tout ce qu'il avait à me dire. Il me répéta à peu-près tout ce que je savais déjà par vous, Haucke et Lubecki. Tout ce qu'il disait était dans le meilleur sens possible. Après qu'il eut fini, je le priais de se mettre un instant à ma place et de me dire ce que j'avais à faire?— Il fit une grande exclamation et me dit que c'était Dieu seul qui pouvait m'inspirer. Je lui demandais s'il avait lu la proclamation; il me dit que «oui», et qu'elle était bonne pour les honnêtes gens, mais qu'elle ne pardonnait pas les coupables et que ces diables avaient exprès compromis le plus de monde possible pour être surs de ne pas être abandonnés et livrés. Je lui répondis que je n'en voulais qu'aux assassins, que le reste devait être sûr de son pardon. Je lui citais que ce même 14 Décembre le hasard voulait que le bataillon qui me donnait la garde était ces mêmes marins de la garde qui furent contre moi, il y avait 5 ans, que par conséquent cet exemple prouvait que je trouverai moyen non seulement de pardonner, mais aussi de donner à la troupe l'occasion de se rehabiliter à ses propres yeux. Il trouva cette idée fort bonne, surtout si ce n'était pas en Asie; en Asie ou non, je dis, qu'il fallait chercher l'occasion de regagner l'honneur,— et il convint que c'était juste. L'idée lui vint alors que je convoque la Diète; je lui observais que j'eusse pu le faire sans doute, mais qu'eux-mêmes avaient pris l'initia-

Библиотека "Руниверс"

tive et qu'il ne me convenait plus de m'en mêler; mais, lui dis-je, je vous offre un autre moyen, tout aussi efficace: vous reviendrez à Varsovie, vous êtes nonce, faites en sorte que l'on confirme le dictateur, faites plus, si vous êtes sûr de la plupart de vos collègues, proposez et même exigez du dictateur qu'il fasse justice des coupables, c'est à dire de ceux qui ont tué leurs chefs et enfreint toute discipline, vous me rendrez le plus grand service possible, car, je vous le répète, je repousse le rôle de bourreau, et je ne veux user que de mon droit de gracier. Soyez jaloux de vous laver de la tâche qui souille votre armée, votre nation, et vous vous rehabiliterez aux yeux de votre souverain, de votre patrie et de l'Europe entière?—Eh bien, je le ferai, me dit-il avec chaleur, et on vous pendra, lui répondis-je. C'est égal, je le ferai.

«Nous nous quittâmes ainsi, fort contents l'un de l'autre. Deux jours après, il arrive chez Benkendorf, tout fringant, et il lui dit: j'ai trouvé un moyen infaillible de tout arranger!—Quoi donc?—Que l'empereur dise: «Polonais! je suis mécontent de vous, vous avez forfait à l'honneur, mais je vous offre le moyen de tout réparer: marchez à l'instant sur la Galicie et Posen, je vous les donne!» — Benkendorf fit de grands yeux et lui demanda s'il était fou?—Pourquoi? fut sa réponse. Alors l'autre lui énumera tout ce qu'il y avait d'insensé dans une pensée pareille,—et le charme se dissipa; il convint de tout. En un mot, ils sont tous plus ou moins malades de raison! Je ne sais l'expliquer autrement».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

403. 1-го декабря 1830 года даны были два указа:

1) «Главнокомандующимъ дѣйствующей арміею, собираемою къ западнымъ границамъ имперіи, повелѣваемъ быть генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому со всѣми правами, властію и преимуществами, присвоенными званію сему учрежденіемъ объ управленіи большою дѣйствующею арміею».

2) «Губерніи: Гродненскую, Виленскую, Минскую, Подольскую и Волынскую, и Бѣлостокскую область повелѣваемъ объявить состоящими въ военномъ положеніи, подчинивъ оныя главнокомандующему дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому.

404. Фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 году барономъ Тизенгаузеномъ. «Русская Старина», 1891 года, т. 69.

405. Едва открылась кампанія 1831 года, какъ уже начались сѣтованія графа Дибича по поводу своего потрясеннаго здоровья. 8-го (20-го) февраля, за нѣсколько дней до Гроховскаго сраженія, фельдмаршалъ писалъ императору Николаю изъ Милосны:

«Nous sommes tous harasté de fatiguss, surtout moi qui malheureusement me ressent toujours d'une faiblesse de nerfs qui m'est resté des fièvres orientales et peut-être des émotions morales que la faiblesse humaine n'a pas permis de supporter avec toute la résignation que notre religion divine nous prescrit».

406. «Dites vous bien que j'ai épuisé tous les moyens pour ramener des insensés à la raison; faire plus dépasse ma conception, comme cela serait incompatible avec l'honneur du personnage que je représente et de l'empire indignement insulté: ce n'est donc pas la vengeance qui nous fera combattre mais la nécessité».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 27-го декабря 1880 года (8-го января 1831 года).

407. «Voulant me préparer à tout, j'ai engagé ma femme à faire nos dévotions, ne sachant pas si, à l'époque où nous sommes dans l'habitude de le faire, Dieu nous permet d'être ensemble; du moins nous allons communier et je viens vous demander à tous deux mon pardon et votre bénédiction; puissé-je dans l'acte que je vais consommer trouver cette force et cette présence d'esprit qui de jour en jour me deviennent plus nécessaires, et que je chercherai en vain ailleurs que là d'où émanent la miséricorde et la force».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

408. «Mais je ne saurais le faire sans oser encore recommader à votre clémence une nation égarée et dont tous les membres ne sont pas tous coupables, mais bien ceux qui

Библиотека "Руниверс"

les ont induits dans le sentier du crime et de la perversité de tous genres. Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour tous, — c'est le voeu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle epoque de sa vie et par obéissance à former une troupe qui malheureusement a tourné ses armes contre son pays natal. Mon rôle public est fini après tout ce qui vient de m'arriver; tout commandement ne me flatte aucunément. ..... Souffrez que je reste avec elle (la garde); leur sort sera le mien. Si toutefois vous jugez, cher et excellent frère, que je dusse la quitter, souffrez que je me retire entièrement et que je devienne absolument nul, ce que je sens de plus en plus que je le suis».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) января 1831 года.

409. «Il est difficile de pénétrer dans l'avenir, mais en combinant humainement parlant les diverses chances, il parait difficile qu'elle put être pire pour nous que celle de 1830, et fasse le ciel que je ne me trompe pas. Je voudrais vous voir tranquillement établi dans votre Belvédère et tout rentré dans l'ordre, mais que de choses à faire avant que de pouvoir en venir là. — Qui des deux doit périr, car il parait que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur; les seuls moyens compatibles avec l'honneur et ma conscience, ces moyens sont épuisés, ou du moins rien ne peut me faire croire que l'on en veuille là bas; que me reste-t-il à faire?».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

410. Донося императору Николаю 28-го января (9-го февраля) 1831 года изъ Высоко-Мазовецка о благополучномъ вступленіи арміи въ предѣлы царства Польскаго, графъ Дибичъ украсилъ письмо свое тяжеловѣснымъ разсужденіемъ, могущимъ служить образцомъ стилистики Забалканскаго героя:

«L'absence totale des troupes régulières, même de tout poste d'avertissement dans une espace aussi grande et vis-à-vis nos forces concentrées parait indiquer une grande nullité dans les mesures défensives du gouvernement qui a osé prendre sur lui la conduite de la rébellion criminelle, soutenue malheureusement par la soi-disante noblesse en presque totalité, ainsi que par le clergé, avec cette chaleur insensée qui a toujours distinguée les sarmates des slaves du nord et qui me parait une suite de l'éducation faite toujours dans un sens semi republicain aristocratique et des séductions d'un sexe qui s'est distingué dans ce malheureux pays depuis des siècles plus encore par son immoralité et son penchant pour les intrigues. et qui est mené encore par un clergé ignorant et inconséquent et plus immoral encore».

411. Пузыревскій: Польско-русская война, 1831 года. С.-Петербургъ, 1890. Т. 1. Стр. 106. Т. 2. Стр. 108.

412. Записки генералъ-адъютанта Бенкендорфа были послѣ его смерти прочитаны императоромъ Николаемъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ истины или неточности разсказа, государь дѣлалъ на поляхъ поправки; поэтому историкъ не можетъ оставить безъ вниманія обстоятельство, что разсказъ Бенкендорфа о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ не вызвалъ со стороны императора Николая ни малѣйшаго возраженія. Не служитъ ли отсутствіе всякой поправки косвеннымъ доказательствомъ справедливости разсказа Бенкендорфа?

Въ неизданной части записокъ Эразма Ивановича Стогова разсказъ о вмѣшательствѣ Константина Павловича въ исходъ Гроховскаго сраженія переданъ со словъ очевидца, съ нѣкоторымъ фантастическимъ оттѣнкомъ, слѣдующимъ образомъ:

«Полы у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки; замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные, адъютанты, ординарцы — всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича оставался я одинъ. Вижу: галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхалъ и громко сказалъ: «Фельдмаршалъ, поздравляю васъ съ побѣдой!» — Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ черезчуръ. Великій

Библиотека "Руниверс"

князь громко говоритъ: «Фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ, какъ барановъ! Фельдмаршалъ, милосердія!» — Дибичъ не шевелился. Великій князь вспылилъ: «Фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!» — Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочилъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: «Что угодно приказать вашему высочеству?» — «Прекратить рѣзню!» — Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и адъютантамъ и повелительно скомандовалъ: «Отбой на всѣхъ пунктахъ».

413. «Toute la ligne s'étant avancée et Grokhowa se trouvant occupée, les polonais ont fui en désordre et ont abandonné le champ de bataille, couvert de morts et parsemé de fusils, de schakos, etc. Le prince Schakhowskoy s'étant rapproché, j'ai formé ses bataillons en colonnes d'attaque; son artillerie démontait pendant ce temps les dernières batteries de campagne polonaises. Infanterie, cavalerie, tout cherchait son salut dans la fuite. Le jour étant cependant tombé je n'ai pu faire attaquer le faubourg lui-même, garni encore de nombreux canons. J'ai fait cesser le feu; les rebelles se sont retirés à Prague où se sont placés sous le canon de cette place; ils n'y pouvaient tenir et comme j'ai eu déjà l'honneur de le dire, ils ont évacué dans la nuit ce faubourg».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года изъ Грохова, которое начинается слѣдующимъ общимъ обзоромъ боя 13-го числа: »La journée d'hier a été sanglante et décisive. Les troupes de votre majesté impériale ont battu les rebelles, les polonais fuyent derrière la Vistule; les approches de Prague avaient été occupées et le faubourg a été évacué durant la nuit, la tête de pont tient seule encore et ne peut contenir que 4 ou 5 bataillons au plus».

414. «Si tout le monde s'eut trouvé à sa place, comme il y avait à prévoir, la journée eut été décisive et la campagne terminée; mais le bon Dieu en a décidé autrement et c'est pour une autre fois que la partie est remise. Si le prince Schakhowskoy serait arrivé à notre aile droite, comme il devait le faire, jamais les polonais n'eussent revu Prague, mais je ne sais il y a eu hésitation. Au reste le proverbe dit que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles».

Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года.

415. «C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position vous offrait. Il est presque incroyable qu'aprés de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la vigueur possible».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го февраля (5-го марта) 1831 года. Въ томъ же письмѣ государь снабдилъ фельдмаршала слѣдующими наставленіями на случай сдачи Варшавы:

«Reste enfin la supposition d'une redditisn; elle ne doit être qu'à discretion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la мелочь; j'appelle grands coupables les auteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et surtout Tchartorisky et Lélével, et autres faquins semblables. Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le château royal en hopital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'empereur. Tous les objets, tels que l'uniforme de l'empereur et autres objets qui lui ont appartenus, me seront envoyé sur le champ. Les objets royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellès jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'université et celle de la société des belles-lettres. Les canons de Varna devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible

Библиотека "Руниверс"

en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la garde, qui y possède ses établissements et ses habitudes».

Въ письмѣ отъ 4-го (16-го) марта 1831 года государь снова возвращается къ этому предмету и пишетъ:

«Ma lettre précédente vous a délié les bras et mis au fait de mes résolutions irrévocables: 1) soumission complète, 2) amnistie pour tous, hors les grands coupables, et rien de plus; il s'entend que je conserverais au pays ses lois d'administration, mais rien d'engagements constitutionels et surtout de conditions de soumission. Plus que l'on tardera à se soumettre et plus que l'on aura versé de sang et moins l'on pourra espérer d'indépendance».

416. «Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien, bien fâcheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse!».

Изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 24-го февраля (8-го марта) 1831 г.

417. Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года императоръ Николай писалъ. между прочимъ графу Дибичу:

«D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez vous? Voudrez vous faise le second volume de l'assaut de Praga? Je n'y vois rien d'avantageux! Ainsi que reste-t-il à faire? Il me parait, comme je vous l'ai toujours dit, qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c'est à dire en la privant par là de ses relations avec l'Europe, vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous et cette armée tombée, détruite, Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise».

Приведенныя строки изъ письма государя подали поводъ къ ошибочному заключенію, будто бы императоръ Николай, не одобряя повторенія Суворовскаго штурма, вызвалъ бездѣйствіе графа Дибича послѣ Гроховской побѣды. Между тѣмъ письмо государя написано при томъ очевидномъ предположеніи, что поляки въ виду наступавшей русской арміи откажутся отъ намѣренія принять сраженіе въ открытомъ полѣ впереди Праги; сверхъ того, упомянутое здѣсь письмо получено было графомъ Дибичемъ 14-го (26-го) февраля, на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, въ то время, когда фельдмаршалъ собирался послать въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ наканунѣ боѣ; слѣдовательно письмо государя, даже ложно понятое, не могло повліять на несвоевременный отбой, данный, по приказанію главнокомандующаго, вечеромъ 13-го (25-го) февраля.

Графъ Дибичъ пишетъ государю 14-го (26-го) февраля: «C'est au moment où je voulais envoyer le colonel Boudberg avec la nouvelle de la sanglante bataille d'hier, qui après des chances quelquefois presque douteuses par le retard du détachement du prince Chakhowskoi à reprendre l'offensive, a eu pour résultat décisif la retraite de l'armée rebelle dans un état bien dérangé au delà de Vistule, que j'ai eu le bonheur de recevoir avec une grande célerité la lettre de votre majesté impériale du 8 Février».

Дѣйствительно письмо императора Николая отъ 8-го (20-го) февраля, снабженное еще припискою отъ 9-го (21-го) февраля, доставлено было графу Дибичу съ необычайною скоростью, пробывъ въ дорогѣ всего шесть дней. Отвѣтъ же главнокомандующаго полученъ былъ государемъ только по прошествіи восьми дней, т.-е. 20-го февраля (4-го марта).

Замѣтимъ здѣсь, что императоръ Николай былъ вообще того мнѣнія, что драма, разыгравшаяся въ Польшѣ, должна быть окончена рѣшительнымъ ударомъ, и писалъ графу Дибичу 17-го февраля (1-го марта) 1831 года, еще до полученія донесенія о Гроховскомъ сраженіи: «Il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante».

418. «Que la volonté de Dieu soit faite! et je m'y resigne; mais il m'est très permis de vous exprimer ma surprise et ma douleur de ce que dans cette malheureuse guerre

Библиотека "Руниверс"

vous m'annoncez bien plus d'échecs que de bonnes nouvelles; qu'avec 189.000 hommes dans votre rapport, nous ne faisons rien devant à peu près 80.000, que l'ennemi est partout en nombre pour le moins égal, et nous partout presque toujours en forces inférieures et insuffisantes . . . . . Mon inquiétude ne peut se décrire, parce que je ne vois rien dans toutes vos dispositions, qui puisse faire présager un succès, qui puisse enfin vous assurer l'issue de la campagne, parce que je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées . . . . . Ne vous étonnez pas alors que je sois navré de la tournure qu'a prise une guerre juste, commencée avec des moyens immenses et tranchons le terme, dont dépend l'existence politique de la Russie, — tout cela repose sur votre tête! Que puis-je moi dans cet éloignement si non me désoler après coup et prêcher toujours la même chose. Prouvez-moi que je me trompe et j'en serais heureux; mais je ne rêve pas, je parle sur des faits . . . . . Ne vous offensez pas de mon langage, il est celui qui convient à celui qui seul a le droit de vous parler vrai, et qui vous aime sincèrement malgré qu'il n'approuve pas toujours vos déterminations trop peu stables. Que le bon Dieu vous inspire».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 2-го (14-го) апрѣля 1831 года.

419. «Souvorof savait battre les polonais avec peu de monde».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) апрѣля 1831 года.

420. «Que Sa sainte volonté soit faite! Je suis prêt et résigné à tout. Je prends de grands moyens, mais ne désespère, ni ne désespérerais de rien. Des russes ne peuvent pas être toujours vaincus par des polonais; les siècles sont là pour le prouver. Dieu nous aidera pour le prouver encore. Courage donc, fermeté; ayez en vous-même et sachez la faire passer dans l'âme de ceux qui pourraient faiblir, съ нами Богъ et tout pourra se remettre».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1831 года.

Въ такомъ же духѣ государь писалъ 13-го (25-го) апрѣля 1831 года:

«Il ne faut pas ni se laisser abattre par un grand revers, ni surtout laisser voir aux autres ce que l'on éprouve et faire ainsi tomber l'esprit de l'armée. Dites positivement à tous, officiers et soldats, que j'attends la nouvelle d'une victoire, que des russes doivent toujours finir par battre les polonais, et que je croirais jamais le contraire Il faut les conduire et vous le saurez faire, je n'en doute pas avec l'espoir que nous mettons en Dieu, tous tant que nous sommes . . . . . constance et persévérance et tout ira bien et à bonne fin».

421. «En vérité je ne sais plus ce que vous faites ni ce qui se passe en vous et je défie qui que ce soit de le comprendre . . . . . Tout cela est réellement inexplicable et fort triste et pour ici et pour l'armée, que vos continuelles irrésolutions, marches et contre-marches ne font que épuiser et abattre; elle doit perdre toute confiance en son chef, quand elle ne voit d'autre résultat de ses efforts inutiles que la misère et la mort! . . . . . Au nom de Dieu, ne perdez pas de temps, soyez ferme dans vos résolutions, ne tergiversez pas continuellement, et tachez par une action brillante et hardie à prouver à l'Europe que l'armée russe est toujours celle qui a été deux fois à Paris. L'effet détestable de cette malheureuse campagne sur nos ennemis et même sur nos amis est pire que l'on ne peut se l'imaginer. Tout peut-être réparé, si à la fin des fins vous redevenez ce que vous avez été. Constance, force et fermeté inébranlable et plus d'activité et d'ordre nous ramèneront avec l'aide de Dieu à des journées de gloire. La nation russe ne peut comprendre et moi avec, que ses armées ne soient pas menées à la victoire, quand il s'agit de mener des russes combattre des polonais. Il faut le lui prouver de rechef, et avec l'aide de Dieu, nous y arriverons».

422. «Je ne comprends rien à tout ce qui se passe, ni à vos intentions, et j'attends avec soumission aux volontés de Dieu ce qu'il voudra dans sa miséricorde faire dériver e tout cela. C'est la première fois qu'une armée russe forte d'après votre propre rapport

Библиотека "Руниверс"

de 189.000 combattants, se trouve sur la défensive devant 40.000 à 50.000 revoltés. Souvorof avec la moitié des forces de l'ennemi savait le battre, parce qu'il savait persuader aux soldats russes qu'ils devaient battre toujours deux ennemis; je crains que bientôt l'armée n'en perde la tradition et ne croie le contraire».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1831 года.

423. Въ письмѣ къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) апрѣля графъ Дибичъ пишетъ:

«En général il est certain qu'il faut les plus grands moyens pour dompter cette révolution et qu'il faudra employer contre l'incendie dans nos provinces même toutes les forces militaires et même nationales de la Russie. Je répéte que c'est la plus cruel malheur pour moi d'avoir si mal répondu par les opérations de l'armée aux justes espérances de votre majesté impériale. Je prie Dieu de vouloir me donner les forces pour ne pas succomber à l'abattement du chagrin profond qui me dévore et de m'inspirer le moyens pour rétablir autant que possible les malheurs essuyés».

Всего болѣе долженъ былъ безпокоить императора Николая полнѣйшій упадокъ духа, замѣченный имъ въ фельдмаршалѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо графа Дибича отъ 12-го (24-го) апрѣля 1831 года:

«Que je serais heureux de pouvoir réparer le passé au moins en partie, mais je serais pas digne de vous servir, sire, si je ne vous avouerai pas avec franchise, que je sens avoir baissé sensiblement dans mes facultés morales et physiques, et que malgré toute la peine que je me donne pour reprendre mes anciens sentiments de confiance dans le succès, les revers continuels et surtout la non réussite de toutes les opérations que j'ai cru pouvoir mener à un but heureux avec les forces principales, m'ont inspiré [une espèce de timidité morale qui m'a été inconnue autrefois dans les plus grands revers et qui d'après moi est un des plus grands défauts d'un commandant en chef. Je ferais tout mon possible pour vaincre ce malheureux sentiment; les conseils du brave Toll m'aideront en cela, mais je répète que je craindrais de manquer à mon devoir si je n'exprimais pas devant votre majesté mes appréhensions, d'autant plus qu'une faiblesse toujours augmentante de nerfs, irrités par des effets moraux pourra augmenter le mal. Votre majesté connait mon dévouement entier à remplir exactement ses volontés, j'espère qu'elle est aussi persuadé que je sacrifie avec plaisir toute personnalité et tout amour propre, si elle trouverait un chef plus digne que moi pour commander ses armées, et qu'elle l'est aussi de mes sentiments que je suis dans tous les temps, et partout à ses ordres, sans bornes et sans limites».

Спрашивается, что же можно было ожидать отъ полководца, утратившаго всякую вѣру въ свои собственныя предначертанія, который самъ произнесъ надъ собою приговоръ, выраженный въ приведенныхъ выше строкахъ, и, будучи удрученъ постоянными неудачами, называлъ себя: «le plus malheureux des hommes»?

Графъ Толь находился не въ лучшемъ положеніи; о немъ фельдмаршалъ писалъ 4-го (16-го) мая 1831 года:

«Il y a dans plusieurs chefs et surtout dans ceux que l'âge et les fatigues de tant de guerres ont vieilli, une certaine fatigue, suite d'une rude campagne d'hiver et dont le succès n'a pas répondu aux espérances qu'on s'était formé. Je ne m'exclus pas de ce nombre, sire, malgré toutes les peines que je me donne, et mon moral est encore plus abattu que mon physique. Le mécontentement de notre majesté impériale exprimé d'une manière aussi douloureuse pour moi, m'abat encore tout les jours davantage. Je prie Dieu qu'Il veuille bien me donner des nouvelles forces et je cherche à employer celles qui me restent aussi bien que je l'entends, mais je sens bien qu'elles ne répondent pas à mes voeux et je serai coupable si je ne répétai pas cette malheureuse conviction à votre majesté. En vertu d'elle je n'aurais pas hésité un moment de supplier votre majesté de permettre que je remette les hauts intérêts qu'elle a daigné me confier au comte Toll, mais malheureusement il sent aussi ses forces décliner et m'a formellement déclaré qu'il ne pourrait jamais accepter le commandement de l'armée; si

Библиотека "Руниверс"

donc votre majesté n'a pas d'autre en vue, je ne puis qu'à me fier à la grâce de Dieu qu'Il m'inspirera mieux dans le sens de vos augustes intentions et dans vos intérêts, sire, et qu'Il voudra dans Sa misèricorde suprême augmenter mes forces et me laisser surpasser avec résignation les cruelles épreuves, pour pouvoir recouvrir votre confiance».

Упадокъ силъ, замѣченный главнокомандующимъ въ графѣ Толѣ, побудилъ 11-го (23-го) мая 1831 года фельдмаршала написать о немъ государю еще слѣдующія строки:

«Malheureusement ma triste situation est encore bien empirée par le changement visible qui s'est opéré dans l'état physique de mes premiers et fidèles aides Toll et Neidhart. Les fatigues énormes de la campagne d'hiver et l'âge, qui ne permet pas de supporter pareille chose, les a rendu méconnaissables et tous les deux viennent encore me répéter aujourd'hui leur ferme persuasion qu'il leur est impossible de remplir leurs fonctions avec cette activité que les circonstances actuelles demandent si sérieusement et qu'ils ont au moins besoin d'un repos, après lequel le premier se fera un devoir de revenir à l'armée comme chef de corps et le second sera disponible pour le poste que votre majesté impériale lui destinera.

«Je ne puis pas leur refuser de présenter cette persuasion à votre majesté; je vous ai fait mes aveux sur le même article depuis assez longtemps, sire, mais si votre majesté impériale malgré cela et la fatalité dont le Providence divine paraît vouloir punir toutes mes entreprises, veut cependant me conserver dans mon poste, j'espérerai comme toujours dans l'aide de Dieu de trouver des forces, et dans ce cas je ne pourrai demander que Gortchakoff et Berg à la place de Toll et Neidhart. Ayant exposé cette conviction à votre majesté en serviteur malheureux mais fidèle, il me reste à répéter avec la même franchise, que j'ai la parsuasion qui peut être fausse comme tant de mes suppositions l'ont été, mais que je crois jusqu'à présent vraie, que même le passage de la Vistule ne donnera pas une souveraine décision aux affaires, tant que les insurgés ne sont pas comprimés dans nos provinces».

На это заявленіе императоръ Николай отвѣчалъ 23-го мая (5-го іюня) 1831 года:

«Je ne vous réponds rien au sujet de ce que vous m'avez écrit au nom de Toll et Neidhart, quoique j'aie peine à croire qu'ils vous aient chargé de me demander à s'en aller dans le moment le plus décisif de la guerre. Si à leur honte c'est le cas, alors je dis hardiment qu'ils ne sont plus dignes de porter l'uniforme russe; l'on meurt à son poste, mais on ne le quitte pas, et c'est vous qui auriez dû le leur dire».

Вообще въ то время государь былъ недоволенъ штабомъ графа Дибича и писалъ главнокомандующему 2-го (14-го) мая:

«En attendant il m'est revenu que Toll s'est permis de donner un soufflet à un officier polonais prisonnier: je vous laisse à penser l'effet qu'une pareille cochonnerie a produit sur moi. Je vous prie de lui dire que je suis étonné de ce qu'un aide de camp général à moi aie osé se souiller au point de faire chose pareille».

Еще ранѣе, 22-го апрѣля (4-го мая), государь писалъ: «Je dois à cette occasion vous dire que toutes les notions qui nous arrivent de l'armée s'accordent à dire que l'on se plaint généralement de la grossiéreté de Toll qui l'est surtout envers les généraux».

Графъ Дибичъ на послѣднее обвиненіе отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

«J'ai parlé à Toll de ce que votre majesté impériale m'écrit sur son compte; il a été extrêmement sensible et peiné d'un pareil reproche qu'on lui fait, ne se rappelant positivement pas d'avoir dit des grossiéretés à aucun général, tout en ayant souvent fortement exigé l'exécution des ordres donnés. Il supplie de lui citer un fait pour pouvoir s'en rappeler et être plus sur ses gardes, ou se laver du reproche s'il serait injuste».

Относительно пощечины, данной графомъ Толемъ, въ перепискѣ графа Дибича не встрѣчается никакихъ разъясненій.

Но если графъ Дибичъ до извѣстной степени отстаивалъ въ глазахъ государя своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, графа Толя и Нейдгарта, то онъ, съ другой стороны, съ полною безпощадностью обвинялъ большинство генераловъ своей арміи въ

Библиотека "Руниверс"

неспособности и отсутствіи соображеній. Такъ, напримѣръ, главнокомандующій неодобрительно отзывался о генералъ-адъютантѣ баронѣ Розенѣ, равно какъ о графѣ Паленѣ 2-мъ; князя Щербатова признавалъ: «une nullité des plus tristes pour toute disposition militaire»; одинъ графъ Паленъ 1-й удостоился особенной похвалы, но и тому фельдмаршалъ желалъ побольше здоровья. Вообще же графъ Дибичъ въ письмѣ отъ 27-го апрѣля (9-го мая) произнесъ надъ своими сотрудниками слѣдующій безпощадный приговоръ:

«Dans plusieurs de mes rapports précédents j'ai eu occasion de soumettre à votre majesté toute la gêne que m'impose constamment le manque d'aides capables de bien diriger une opération ou un commandement isolé. Parmi mes généraux, sans en excepter même les chefs de corps, la grande majorité remplie de bravoure personnelle et même de très bonne volonté, se trouve dénuée soit de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et surtout de toute combinaison militaires. Une fois soumis à une direction supérieure ils pensent que leur devoir se borne uniquement à obéir et exécuter, pour tout objet soit grave, soit peu important, ils attendent des ordres, sans même les demander, et toute mesure, tout détail que les instances du chef n'auraient point prévus restent négligés. C'est ainsi que parvenus eux-même à un commandement isolé, ils se trouvent manquer de l'aplomb et de l'expérience nécessaires pour le mener habilement, surtout au milieu de circonstances un peu graves ou compliquées. Une semblable gêne m'est principalement pénible au milieu de la guerre actuelle, lorsque le système dont l'ennemi a fait choix, son extrême activité, la hardiesse de ses partis et tous ses efforts pour attiser une guerre nationale m'obligent impérieusement à détacher des troupes, tantôt pour maintenir nos communications, tantôt pour défendre quelque point menacé sur l'immense étendue que nous avons à couvrir, ou bien pour escorter nos convois et préserver nos depôts et nos hôpitaux, ou enfin pour étouffer quelques germes de rébellion naissante. Dans toutes ces opérations secondaires j'ai pu jusqu'à présent soit trouver quelques officiers actifs parmi les plus jeunes des généraux, soit remédier à l'inhabilité du chef par un surcroit de forces à sa troupe. Tel ne pourrait plus être le cas dans une combinaison stratégique; là je me trouve limité pour le choix d'un chef détaché aux seuls commandants des corps, et la force numérique elle-même ne sait remédier à l'impéritie du commandant ou au manque de vigilance».

Много лѣтъ спустя, императору Николаю пришлось вторично услышать нѣчто подобное въ 1854 году, но при несравненно болѣе тягостныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, когда князь Меншиковъ началъ жаловаться на своихъ крымскихъ сотрудниковъ.

424. См. въ приложеніяхъ: «Ecrit autographe de l'empereur Nicolas sur la question polonaise».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

425. Припомнимъ здѣсь, что въ манифестѣ императора Николая отъ 25-го января 1831 года сказано: «возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

426. Князь Щербатовъ: Князь Паскевичъ. Т. 4-й. Стр. 175—179.

427. 23-го апрѣля (5-го мая) 1831 года графъ Паскевичъ писалъ графу Чернышеву:

«Отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го апрѣля № 180 я имѣлъ честь получить 20-го числа сего мѣсяца. Для исполненія высочайшей государя императора воли во всей точности, я въ то же время приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ, а по окончаніи оныхъ, поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность выѣхать изъ Тифлиса сего мѣсяца 26-го числа, хотя и теперь страдаю лихорадочными припадками. Прося покорнѣйше васъ, милостивый государь, доложить о семъ его императорскому величеству, съ истиннымъ почтеніемъ» и пр.

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

Библиотека "Руниверс"

Еще до вызова графа Паскевича въ Петербургъ болѣзненное состояніе фельдмаршала Паскевича возбудило нѣкоторыя опасенія со стороны государя, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣщенная въ приложеніяхъ переписка по этому предмету.

428. См. въ приложеніяхъ планъ войны, указанный императоромъ Николаемъ въ собственноручной запискѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля 1831 года.

Въ письмѣ отъ того же числа императоръ Николай писалъ:

«Je vous propose donc dans la note ci-jointe mon plan de campagne que j'abandonne tout à fait à votre jugement, quoique convaincu de l'immense avantage qu'il vous présente. Je désire que vous le raisoniez avec Toll et Neidhart, décidez ensuite, et au cas qu'il vous convienne, tout en me répondant, procédez de suite à son exécution; dans le cas contraire suivez votre plan, arrêté avec Toll dans la note que vous m'avez envoyé».

429. «La réponse à mon projet me prouve que vous êtes charmé de vous décharger de la responsabilité de tout ce qui se fait sur moi, en pouvant dire pour le futur, que c'est moi qui vous ait empêché de suivre vos projets, et je prévois déjà que c'est peut-être cela qui vous a fait renoncer à l'attaque que vous aviez commencé. Je ne caractériserai pas ce qu'une pareille manière de faire aurait de blâmable, d'autant plus, que tout en étant convaincu, que ce que je proposais était le seul parti à prendre, je vous ai expressément ordonné de ne suivre que votre propre conviction. Il n'y avait qu'une prompte et immédiate exécution qui pouvait rendre cette opération aisée et décisive; mais si ce n'est qu'en quatre semaines que vous comptez vous mettre en mouvement, et que le tout soit conduit avec la même faiblesse, la même irrésolution et le même désordre, je ne prévois que le malheur et désastre, au lieu d'un succès presque certain».

Когда графъ Дибичъ усмотрѣлъ изъ этихъ строкъ гнѣвъ государя, онъ отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

«Je suis bien malheureux du mécontentement de votre majesté impériale avec les opérations, mais je m'y soumets avec résignation,—je ne me sens pas au contraire coupable du reproche accablant d'avoir cédé au plan d'agir par la droite et basse—Vistule par un calcul qui serait, j'ose le dire, infâme de ma part. Si votre majesté peut me croire coupable d'une telle conduite, je ne puis trouver de consolation que dans la conviction que l'Être suprême qui lit dans tous les coeurs me donne la force de supporter comme homme ce malheur si inattendu pour quelqu'un qui trouvait une consolation réelle, dans les malheurs de la carrière politique, dans des intentions toujours fidèles et à toute épreuve; mais ces mêmes sentiments qui ne me quitteront jamais, sire, me font un devoir, sire, de vous avouer franchement que je ne conçois pas comment avec une pareille supposition de l'intention infâme (je dois répéter le seul mot applicable à une telle conduite) de vouloir rejeter mes torts sur mon souverain, ne fussiez vous pas même mon bienfaiteur, ne m'eussiez vous pas même comblé de cette confiance qui est bien au dessus de toutes les grâces,—vous pourriez garder la moindre confiance pour les temps futurs, confiance sans laquelle tout sera glacé».

Императоръ Николай остался при своемъ мнѣніи и писалъ 6-го (18-го) мая:

«Vous vous êtes offensé de ce que j'ai dû vous écrire, en recevant la singulière note qui a motivé ma réponse. Je suis persuadé que vous n'avez pas voulu donner un sens pareil à ce que vous écriviez, le fait est cependant que vous l'avez écrit, et que l'effet que cela a produit sur moi d'abord, a été partagé par tous ceux qui l'ont lu comme moi».

Когда въ письмѣ отъ 4-го (16-го) мая графъ Дибичъ выражалъ свое глубокое горе по поводу того, что совершенно лишился довѣрія государя,—императоръ Николай отвѣчалъ фельдмаршалу 10-го (22-го) мая:

«Vous me dites que vous voyez avoir perdu ma confiance; si c'était entièrement le cas, vous me connaissez assez pour savoir que je ne vous aurai pas conservé le commandement de l'armée; ce n'est pas dans mon caractère. Mais rappelez vous de ce qui s'est passé avant votre départ d'ici, de ce que je n'ai cessé de vous répéter depuis, de ce que vous avez persisté de faire depuis, et des résultats que tout cela a eu et jugez

Библиотека "Руниверс"

vous-même si ma confiance a été complétement justifée .... Ici tout va bien, le commerce est pareil à celui de l'année 1817, c'est à dire immense; l'année dernière il n'y avait que 15 vaisseaux d'arrivés à cette époque; il y en a plus de 400 déjà à Cronstadt, et plus de 800 à Riga; des victoires à coté de cela et une prompte fin et tout serait bien,—mais!»

Изъ этихъ строкъ письма императора Николая видно, насколько ошибочна была сложившаяся легенда о томъ, что графъ А. Ѳ. Орловъ, отправляясь въ дѣйствующую армію, былъ вѣстникомъ увольненія графа Дибича отъ должности главнокомандующаго.

430. «Tout ce mouvement de sa part serait une vraie folie, s'il n'avait pas été habitué par vous de pouvoir tout entreprendre impunément et en face de vous, sans que même vous le sachiez. J'espère dans la misericorde Divine qu'il vous donnera dans ce moment décisif assez d'énergie pour ne pas laisser échapper cette occasion précieuse de punir l'ennemi de son audace et de le battre dans la position la plus avantageuse possible pour vous et la plus fatale pour lui, si vous savez en profiter. Aussi mon angoisse n'est pas à décrire; il est temps que nous sachions enfin que l'armée russe existe, car en vérité on pourrait en douter d'après tout ce qui arrive .... L'ennemi vous dérobe le mouvement de toutes ses forces, vous brûle votre pont de communication et vous n'en savez rien: enfin depuis trois jours la garde se bat et se tire par son audace et la sagesse de Michel de la position la plus difficile, et c'est à peine alors que vous daignez vous convaincre qu'elle mérite la peine que vous marchiez à son secours! — Je défie qui que ce soit de vous comprendre.—Enfin voici la dernière occasion pour vous justifier aux yeux de tout militaire: espérons en Dieu que vous ne la laisserez pas échapper; cela serait trop fort .... Il y a mesure à toute patience et je crois en avoir eu assez .... Enfin je veux encore espérer de la bonté Divine, que vous redeviendrez ce que vous devez être, et personne n'en sera plus heureux et sous tous les rapports que moi».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) мая 1831 года.

431. 23-го мая (5-го іюня) 1831 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«J'ai reçu hier soir votre lettre du 15 (27) d'Ostrolenka; la bravoure de nos grenadiers, ainsi que des autres troupes qui ont pris part au combat sanglant du 14 (26), est admirable comme toujours. Il est d'autant plus triste de voir que ces braves ont été sacrifié comme le 13 (25) sous Praga, dans une affaire sans résultat, comme sans vrai but dans cette occasion, tandis qu'une autre direction prise depuis Nur, amenait imanquablement la destruction de l'amée polonaise .... L'on peut encore moins comprendre pourquoi vous n'avez pas profité du succès du 14, pour poursuivre l'ennemi, et ayez attendu 24 heures pour le faire suivre par un détachement. Tout cela est inexplicable et fait craindre de nouvelles pertes sans plus de résultats».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 27-го мая (7-го іюня) 1831 года государь снова возвращается къ оцѣнкѣ Остроленскаго сраженія и пишетъ:

«Les détails sur la bataille sont d'un grand intérêt et relévent encore plus l'éclat de la bravoure admirable de nos excellentes troupes; d'autant plus je regrette que ce succès nous ait coûté si cher. Je crois toujours aussi que si vous aviez poussé de suite fortement ce qui ne s'était pas battu aux trousses de l'ennemi, le succès eut été bien plus grand encore .... Activité, prudence et vigueur et que le Ciel vous soit en aide, un grand pas est fait, sachez en profiter et prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій».

432. «Hier soir est arrivée votre lettre du 25; elle n'a fait qu'augmenter mon étonnement et mon affliction par les lenteurs inexplicables que vous mettez à vos opérations. C'est elles qui vous ont privé de tous les avantages que la glorieuse journée d'Ostrolenka vous offrait pour abîmer encore plus un ennemi battu. Toutes les lettres de Varsovie prouvent unanimement leur surprise et leur joie de ce que vous ne les avez pas poursuivi. Maintenant ils auront tout le temps pour se refaire de leurs pertes, fortifier ce qui leur convient, en un mot effacer toutes les traces de leur défaite, pour nous faire acheter par de nouveaux et cruels sacrifices les avantages que nous avons déjà si chère-

Библиотека "Руниверс"

ment payés, et que nous abandonnons gratuitement.... Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) іюня 1831 года.

433. См. въ приложеніяхъ всеподданнѣйшее донесеніе и письмо графа Толя отъ 29-го мая 1831 года.

Сообщая 4-го (16-го) іюня 1831 года цесаревичу Константину Павловичу извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, императоръ Николай писалъ:

«Vous vous êtes dit d'avance avec quel pénible sentiment j'ai appris hier soir la triste nouvelle de la mort de notre digne maréchal; j'y perds un ami, et vous, cher Constantin, un être qui vous était sincèrement dévoué et vous conservait un profond sentiment de reconnaissance».

Цесаревичъ по поводу того же событія писалъ государю 2-го (14-го) іюня:

«Malgré les défauts du maréchal et ses fautes stratégiques, dont certes je ne suis pas juge, je ne saurais m'empêcher de le plaindre ainsi que sa perte, l'ayant sincérement aimé. Sa mort est trop prompte au dire du courrier pour qu'elle soit toute naturelle; est-ce choléra, est-ce autre chose?»

Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) іюня цесаревичъ снова возвращается къ смерти графа Дибича, высказывая о немъ слѣдующее сужденіе:

«Je regrette infiniment le maréchal, qui certainement était un homme de bien et de rare probité et ayant des principes moraux et de soumission qui ne sont plus de ce siècle. Pour les défauts, et qui n'en a pas?—et il serait fort injuste et de peu d'équité de vouloir prétendre qu'il n'en ait pas, lorsque chacun en a plus ou moins».

Ѳ. П. Опочинину цесаревичъ писалъ изъ Витебска 3-го (15-го) іюня 1831 года: «полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1) или отъ холеры, 2) или отъ отравленія въ ядѣ, 3) или отъ отравленія своевольнаго, и 4) или отъ удара. Вотъ слухи. Странно и странно, въ два часа будучи здоровымъ и гуляющимъ по саду въ 11 часовъ вечера, умереть въ часъ пополуночи».—Разсуждая о скоротечности человѣческой жизни, цесаревичъ не предчувствовалъ, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы; ему лично предстояло въ скоромъ времени испытать, что можетъ сотворить холера въ нѣсколько часовъ времени.

Подробности кончины фельдьмаршала, дошедшія до цесаревича, оказались невѣрными: Дибичъ заболѣлъ ночью на 29-е мая и скончался утромъ въ $11^1/_4$ часовъ.

434. Князь Щербатовъ: Князь Паскевичъ, т. 4-й, стр. 19.

435. См. въ приложеніяхъ: «Предположеніе графа Паскевича о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ, составленное въ маѣ 1831 года» (Архивъ канцеляріи военнаго министерства). Эта записка была составлена въ Петербургѣ еще при жизни графа Дибича, и въ сущности, не заключая въ себѣ ничего новаго, имѣетъ только предметомъ развитіе нѣкоторыхъ частей плана императора Николая отъ 7-го (19-го) апрѣля 1831 года.

Въ запискахъ П. К. Меньков[а] (томъ 2-й, стр. 183) воспроизведенъ со[словъ Паскевича фантастическій разсказъ фельдмаршала о томъ, какъ «отецъ-командиръ» на вопросъ государя, какому плану онъ намѣренъ слѣдовать, внезапно вдохновившись, указалъ на Осьскъ, какъ на мѣсто будущей переправы черезъ Вислу, и получилъ благословеніе государя на совершеніе этого подвига. Однимъ словомъ изъ этого разсказа оказывается, что переправа на нижней Вислѣ была придумана Паскевичемъ, какъ нѣчто новое, не приходившее никому въ голову, равно какъ и продовольствованіе арміи изъ Пруссіи; въ дѣйствительности же подобный планъ дѣйствій былъ уже давно предначертанъ государемъ, и подготовительныя къ тому работы приведены въ исполненіе графомъ Дибичемъ.

436. Briefe des Feldmarschalls Grafen Gneisenau an seinen Schwiegersohn Wilhelm Scharnhorst.—Historische Zeitschrift. 1896.

Большинство напечатанныхъ въ этомъ историческомъ журналѣ писемъ графа Гнейзенау относятся къ 1831 году.

437. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу императору Николаю:

Библиотека "Руниверс"

«Le maréchal, n'ayant rien en vue pour le moment, a bien voulu me permettre de prolonger mon sejour ici (т.-е. въ Бѣлостокѣ) jusqu'á ce qu'il entreprenne quoique ce soit».

438. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳедору Петровичу Опочинину отъ 13-го (25-го) марта 1831 года изъ Бѣлостока.

439. «Vous avez bien voulu me dire souvent que vous me serviriez avec zèle et dévouement; eh bien, permettez que ce soit au nom de cette promesse de votre part et à titre de service que vous me rendrez que je vous la demande, que je l'exige. Toute cette guerre change de caractère; elle devient de jour en jour plus grave, plus acharné par l'impulsion que les meneurs savent lui donner en profitant de notre longue inaction; déjà un des prêtextes dont ils se servent entre autre pour animer la troupe contre nous est celui de votre présence passée à l'armée comme une preuve de vengeance directe. Eloignons même cette apparence de raison. Je vous l'ai dit et vous le répéte: personne n'est en droit de vous faire le reproche de ne pas avoir partagé les périls de vos braves; le moment pour le faire est passé; d'autres motifs plus impérieux doivent s'opposer à votre retour là bas. Vous refusez aussi le commandement de la garde, quoique je vous avais proposé de le reprendre, ce qui eut été parfaitement naturel et en règle et plus tard réunissait le tout sous vos ordres. Vous ne voulez pas, vous devez avoir probablement vos raisons pour le refuser, cependant je le répète, c'est là ce que je désire. L'état souffrant de mon excellente soeur, dont Michel me donne les détails, est aussi un puissant motif pour vous fixer près d'elle dans ce moment. En un mot, cher Constantin, je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention, à laquelle il m'est impossible de consentir».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) марта 1831 года.

440. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1831 года.

441. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину отъ 1-го (13-го) мая 1831 года изъ Бѣлостока.

442. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) мая 1831 года.

Въ припискѣ къ этому письму цесаревичъ написалъ:

«Pro memorio:

«1° сего дня 52 года, какъ я крещенъ.

«2° сего дня 36 лѣтъ, какъ я поступилъ на службу.

«3° сего дня 2 года, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву для коронаціи».

443. «J'ose vous supplier instamment d'entrer dans ma pénible situation du moment et du faux rôle que je suis forcé de jouer; errant comme je le suis, séparé des tristes restes des miens, avec lesquels j'aurais dû ne me séparer qu'avec l'existence et par gratitude de la fidélité qu'ils m'ont prouvée et témoignée depuis tous mes malheurs, quelle mine et quelle figure voulez vous, cher et excellent frère, que j'apporte auprès de vous à Pétersbourg où déjà grâce à Dieu l'on m'a, j'espère, presque oublié? Est-ce avec la mine de honte que je pourrai vous approcher?—est-ce avec la mine d'un mécontent que certes je ne serai jamais?—est-ce avec une mine peinée et qui sera interprêtée par les siens et les étrangers comme mécontentement et brouille de famille partout?—est-ce enfin pour me claquemurer chez moi, sans en sortir puisque, je l'avoue, que je ne pourrai me présenter nulle part sans honte du triste rôle que je suis forcé de jouer après 36 années de service. De plus, veuillez songer combien de monde me demanderont compte de leurs parents et enfants qu'ils m'avaient confiés et que j'ai l'air d'avoir abandonnés et auxquelles je ne pourrai répondre preuves en mains et, malgré cela, ils y croiront avec peine. Je ne pourrai présenter mes justifications dans les lettres, que vous avez daigné m'écrire, à tous ces parleurs et dans lesquelles ils ne verraient que ma soumission et mon obéissance à exécuter vos ordres suprêmes .... en m'éloignant d'après vos désirs de l'armée».

Библиотека "Руниверс"

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) іюня 1831 года изъ Витебска.

444. «Witebsk ce $\frac{15}{27}$ 1831. Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au monde pouvait me rendre malheureuse. A quatre, il est tombé malade, mais à huit du soir.... O mon Dieu, prenez pitié de nous, de l'empereur, de moi, de nous.... Mon frère, qu'ordonnez vous à propos de lui?»

445. Кончина цесаревича Константина Павловича возвѣщена была манифестомъ, подписаннымъ 17-го іюня 1831 года на дачѣ Александріи близъ Петергофа, въ которомъ сказано:

«Среди печальныхъ сердцу нашему событій Всевышнему угодно было усугубить горесть нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душею скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали».

446. См. въ приложеніяхъ донесенія, представленныя генералъ-адъютанту Бенкендорфу изъ III Отдѣленія по поводу событій, сопровождавшихъ появленіе холеры въ Петербургѣ въ 1831 году.

447. Графу П. А. Толстому государь писалъ 29-го іюня (10-го іюля) 1831 года:

«Здѣсь появилась холера, и уже около 2.000 ею заболѣло, и половина померла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращены безъ оружія; но гибель это большая!»

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 645.

448. И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ: Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. «Русская Старина» 1884 года. Т. 44-й. Стр. 395.

449. Когда начался бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, графъ Аракчеевъ, опасаясь за свою безопасность, поспѣшилъ удалиться изъ Грузина въ Новгородъ. Но здѣсь графа ожидало новое, не менѣе чувствительное огорченіе; мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждало его къ выѣзду въ Тверскую губернію. Тогда Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ письменною жалобою.

По поводу этого письма государь написалъ графу Чернышеву нижеслѣдующія строки:

«Изъ прилагаемаго письма графа Аракчеева увидите, сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ, въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люце и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю блюсти за безопасностью графа Аракчеева во время его пребыванія въ Новгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждаго, подавно же тѣхъ, коихъ удостаиваю носить мой военный мундиръ. Г. Люце, какъ временному коменданту, поставить слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому графа Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ, чему не вѣрю, была точная опасность, чтобъ съ нимъ ничего не приключилось. Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ».

Вслѣдствіе высочайшей воли, выраженной въ приведенной нами резолюціи, графъ Чернышевъ обратился изъ Царскаго Села 1-го (13-го) августа 1831 года къ новгородскому коменданту, генералъ-майору Люце, съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«До высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности отъ буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но что вопреки сего ожиданія мѣстное начальство не только не озаботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, но напротивъ того совершенно несоотвѣтственными ни званію, ни лѣтамъ его, своими поступками показало рѣшительную наклонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

Библиотека "Руниверс"

«Въ чувствахъ негодованія на столь неприличное отношеніе къ полному генералу, состоящему на службѣ его величества, государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ немедленно предписать вашему превосходительству, что его величество изволитъ возлагать на личную вашу и г. новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностію графа Аракчеева, во все пребываніе его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя притомъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему своему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанностію ограждать отъ обидъ всѣхъ и каждаго, то кольми паче были обязаны обратить сугубое вниманіе ваше къ особѣ генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности ваше превосходительство, какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ, и вообще употребить къ охраненію его всѣ способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая либо опасность, что, однако же, государь императоръ изволитъ полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Такую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано уже объ оной и г. новгородскому гражданскому губернатору».

450. Подверглись наказанію:

Розгами 150 человѣкъ.

Шпицъ-рутенами 1.599 человѣкъ.

Кнутомъ 88 человѣкъ.

Исправительно 773 человѣка.

Послѣ тѣлеснаго наказанія и во время такового умерло 129 мятежниковъ.

451. Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому императоръ Николай 28-го іюля (9-го августа) пишетъ: «Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ».

Въ тотъ же день государь писалъ по тому же поводу графу Паскевичу:

«Богъ благословилъ жену мою, давъ ей вчера счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Наша радость велика, и нельзя отъ глубины души не признавать милость Божію, что среди всѣхъ несчастій и скорбей поддержалъ здоровье жены моей столь удивительнымъ образомъ».

452. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ князю Варшавскому отъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) сентября 1831 года. Приложенная къ письму собственноручная записка государя не напечатана въ сочиненіи князя Щербатова.

453. 6-го (18-го) октября 1831 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату:

«Члена государственнаго совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ, до самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить».

454. Изъ письма князя Варшавскаго императору Николаю отъ 19-го (31-го) октября 1831 года.

455. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года.

456. См. въ приложеніяхъ манифестъ императора Николая отъ 6-го (18-го) октября 1831 года.

Одновременно съ манифестомъ императоръ Николай отдалъ еще приказъ по арміи, который также помѣщенъ нами въ приложеніяхъ.

457. Достопамятныя черты изъ жизни генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ. Москва. 1833. Стр. 193 — 201.

458. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го сентября (6-го октября) 1831 года изъ Царскаго Села.

Библиотека "Руниверс"

459. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18-го (30-го) октября 1831 года изъ Москвы.

460. «Avant de vous écrire ces lignes je me suis prosterné devant la Divinité. Je L'ai priée de purifier mon cœur de toute faiblesse et mon esprit de toute prévention. Je L'ai suppliée de me sanctifier pour vous donner des conseils. Honorez, sire, cette prière d'un vieillard désintéressé qui ne voit que vous, votre véritable intérêt, votre gloire. J'ai sondé mon cœur, j'ai calculé le présent et l'avenir et mon âme entière vous crie: clémence! clémence! Confisquer le bien des rebelles, c'est s'enrichir d'une manière odieuse. Vouloir venger le sang russe qui a coulé, c'est une erreur. On ne ressuscite pas les morts par le supplice des vivants. La vengeance est de la passion. Pardonner, c'est fraterniser les hommes, c'est prévenir la vengeance dans un moment critique. Et qui vous répondra, sire! que le moment critique ne viendra pas pour vous? ou pour votre fils chéri? N'avez vous pas, sire, quelque péché à expier. Eh bien! la clémence envers la Pologne les expiera tous».

Изъ письма Паррота къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1831 года.

461. «Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle; gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent autour des buchers de leurs ennemis. Redevenons européens».

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, отъ 7-го (19-го) октября 1831 года изъ Москвы. «Русскій Архивъ», 1895 года. Книга 2-я. Стр. 111.

462. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18-го (30-го) октября 1831 года изъ Москвы.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ 27-го октября 1831 года:

«Восторгъ жителей Москвы меня не удивляетъ; это восторгъ благороднаго народа, который чувствуетъ, чѣмъ онъ обязанъ своему царю».

463. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ забылъ упомянуть, что въ качествѣ трофеевъ также присланы были въ Москву тронъ королевскій и дворцовый флагъ. Всѣ эти знаки прежняго существованія Польши, какъ самостоятельнаго королевства, сданы были, подобно знаменамъ и штандартамъ, на храненіе въ оружейную палату.

464. Къ этимъ словамъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ прибавляетъ, что императоръ Александръ въ послѣдній годъ царствованія оплакивалъ дарованную имъ царству Польскому конституцію, «какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности царства, сколько оскорбительный для самолюбія Русской имперіи». Здѣсь, кажется, Бенкендорфъ приписываетъ собственныя свои мысли и разсужденія императору Александру; едва ли мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что творецъ соглашенія 1815 года съ Польшею измѣнилъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ по поводу этого вопроса и оплакивалъ принятое имъ рѣшеніе? Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя доказательства, что императоръ Александръ помышлялъ даже объ увѣнчаніи водруженнаго имъ политическаго зданія новыми мѣропріятіями въ прежнемъ духѣ. Поэтому нельзя приписать императору Александру мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ душѣ его преемника неумолимымъ ходомъ позднѣйшихъ событій.

465. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 15-го (27-го) октября 1831 года изъ Москвы.

466. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года изъ Москвы.

467. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года изъ Москвы.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Николая къ князю Варшавскому отъ 14-го (26-го) декабря 1831 года изъ Петербурга гнѣвное настроеніе государя выразилось еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Упоминая о безпорядкахъ, происшедшихъ въ

Библиотека "Руниверс"

Данцигѣ, Николай Павловичъ пишетъ: «Поляки въ Данцигѣ до того начудили, что самихъ французовъ испугали; очень здорово и здорово и пруссакамъ за всѣ ихъ комплименты съ этими мерзавцами».

468. Въ такихъ же мало сочувственныхъ выраженіяхъ императоръ Николай отозвался въ своей перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ и о князѣ П. А. Вяземскомъ и А. И. Тургеневѣ: «Довольно странно, что всѣ извѣстные говоруны, какъ-то князь Вяземскій и А. Тургеневъ, зашаркались, и первый усердно служитъ».

Изъ письма императора Николая князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года изъ Москвы.

Камергеръ, коллежскій совѣтникъ князь П. А. Вяземскій, въ то время занималъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ въ министерствѣ финансовъ; въ 1831 году онъ былъ командированъ въ Москву членомъ комиссіи по устройству выставки россійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ.

469. Денисъ Давыдовъ пишетъ, что Ермоловъ, будучи позванъ къ императорскому столу, едва не навлекъ гнѣва государя принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, которые, какъ онъ выразился, поступили, какъ благородные граждане. Государя, начавшаго возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: «никто ихъ, конечно, не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ».

470. А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864.

471. Когда Ермоловъ находился уже въ Петербургѣ, ему было сдѣлано странное предложеніе. Графъ Чернышевъ спросилъ Алексѣя Петровича, согласился ли бы онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ.. Ермоловъ отклонилъ сдѣланное ему лестное предложеніе, сказавъ: «Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ». Такъ пишетъ М. П. Погодинъ.

Денисъ Давыдовъ формулируетъ отказъ Ермолова почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: «Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать». Государь замѣтилъ на это: «Ермоловъ не такъ это понимаетъ».

472. Государственная уставная грамота напечатана въ приложеніяхъ къ 4-му тому сочиненія: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе».

Въ предисловіи Городискій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину появленія въ печати государственной уставной грамоты:

«Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les polonais désirent ardemment, que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe, qu'il serait temps enfin, que la nation dont il se fait obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique, que cette nation composée de tant de millions d'êtres opprimés par le despotisme, commence enfin à goûter les fruits d'une monarchie constitutionnelle. Les polonais s'estimeront heureux, si en portant ce projet à la connaissance du public ils se trouvent avoir rendu service à ce grand peuple».

473. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

474. Въ томъ же письмѣ отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1831 года къ князю Варшавскому императоръ Николай пишетъ: «Я ѣду въ среду съ тѣмъ, чтобы быть на похоронахъ. Въ Петербургѣ будемъ съ женой въ субботу 28-го числа; признаюсь, съ сожалѣніемъ оставляю Москву».

475. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующую записку, полученную имъ 4-го (16-го) іюля 1831 года отъ графа Кочубея изъ Царскаго Села, подтверждающую повсемѣстный ропотъ, вызванный мѣропріятіями графа Закревскаго: «Изъ докладной записки г. министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ наконецъ и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры

Библиотека "Руниверс"

предписанныхъ. Страшно подумать, что по одному московскому тракту скопилось въ карантинахъ до 12.000 душъ. Нѣтъ добрѣе и смиреѣе нашего народа!»

Впрочемъ неудовольствіе, высказанное императоромъ Николаемъ противъ графа Закревскаго, началось ранѣе 1831 года. Приведемъ здѣсь примѣръ, относящійся къ 1828 году. Во время пребыванія государя въ арміи въ Турціи главнокомандующій въ Петербургѣ графъ П. А. Толстой представилъ графу Дибичу отзывъ Закревскаго, въ которомъ сообщалось, что министръ внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ общемъ учрежденіи министерствъ, относительно сношеній министровъ съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

20-го августа (1-го сентября) 1828 года послѣдовала въ Одессѣ нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая:

«Поручить графу Толстому, призвавъ генералъ-адъютанта Закревскаго къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнемъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ».

Слово «прихоть» было три раза подчеркнуто государемъ.

476. 29-го ноября (11-го декабря) 1831 года князь Варшавскій писалъ императору Николаю: «Здѣсь вездѣ утихло и успокоилось; въ провинціяхъ гораздо лучше приняли манифестъ вашего императорскаго величества. Варшава издавна была гнѣздо революціонистовъ; надобны годы на ихъ исправленіе. Въ провинціяхъ же даже въ продолженіе самой войны, гдѣ жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все имущество потеряли, не находилъ я того ожесточенія, каковое встрѣчалось въ другихъ войнахъ и противъ другихъ народовъ. Я думаю, что если уменьшится власть помѣщиковъ надъ крестьянами, такъ какъ я буду имѣть счастіе представить проектъ, то Польша можетъ со временемъ быть если не привержена, то, по крайней мѣрѣ, во время войны съ другими націями неопасна.

477. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 26-го декабря 1831 года (7-го января 1832 года).

478. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4. S. 158.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЯ

Библиотека "Руниверс"

I.

Два письма графа Аракчеева императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

1.

Ваше императорское величество!

Всемилостивѣйшая государыня императрица Марія Ѳеодоровна!

По крайне разстроенному моему здоровью, послѣдуя совѣту врачей, я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго государя императора объ увольненіи меня за границу къ водамъ Карлсбадскимъ.

Его величество, всемилостивѣйше снисходя на просьбу мою, изволилъ облагодѣтельствовать меня пожалованіемъ 50.000 рублей на дорожныя мои издержки.

Всемилостивѣйшая государыня! Я не имѣлъ еще ни времени, ни случая заслужить сіе монаршее благодѣяніе. Оно есть награда за службу мою въ Бозѣ почившему государю императору Александру Павловичу, моему отцу и благодѣтелю.

Обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго мною пути продажею бывшаго у меня столоваго серебра и фарфора, я нашелся въ способахъ свободно расположить всемилостивѣйше пожалованною мнѣ суммою.

Я предназначилъ сію сумму на доброе христіанское дѣло, и не могу лучше употребить оной, какъ на прославленіе великаго имени и благоговѣйное почитаніе памяти того, кто и за гробомъ, чрезъ августѣйшаго брата, благодѣтельствуетъ слугѣ его вѣрному — императора Александра Благословеннаго.

Всемилостивѣйшая государыня! Удостойте, съ свойственною вамъ милостію и благоволеніемъ, внять всеподданнѣйшему прошенію, которымъ дерзаю утруждать ваше императорское величество. Оно заключается въ слѣдующемъ:

1. Приказать принять отъ меня въ ломбардъ наличныхъ денегъ пятьдесятъ тысячъ рублей для составленія вѣчнаго капитала, въ принадлежность императорскаго военно-сиротскаго дома, первому отдѣленію дѣвичьяго училища.

2. Ежегодные проценты съ сей суммы, двѣ тысячи пятьсотъ рублей, употреблять на воспитаніе пяти дѣвицъ, сверхъ положеннаго въ семъ заведеніи штатнаго числа.

3. Назначать на сію сумму преимущественно тѣхъ дѣвицъ, коихъ отцы служатъ въ военномъ поселеніи новгородскаго отряда; когда же ихъ не будетъ, то назначать дочерей дворянъ Новгородской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

4. Дѣвицамъ симъ именоваться пансіонерками императора Александра Благословеннаго.

Милостивое вашего императорскаго величества благоснисхожденіе на сіе всеподданнѣйшее прошеніе мое, хотя нѣсколько усладитъ разлуку мою съ милымъ отечествомъ и огорченія, глубоко напечатлѣнныя въ моемъ сердцѣ кончиною обожаемаго мною государя, отца и благодѣтеля. Праведная душа Александра Благословеннаго, по благочестивой здѣсь жизни, навѣрное предстоитъ нынѣ тамъ, на небеси, у престола славы Божіей. Она подкрѣпляетъ всегдашнія молитвы наши ко Всевышнему о продолженіи здравія и спокойствія вашего императорскаго величества, толико драгоцѣнныхъ для отечества, толико нужныхъ для удовольствія и облегченія государственнаго бремени царствующаго императора.

Вашего императорскаго величества до конца моей жизни

вѣрноподданный

генералъ графъ Аракчеевъ.

Апрѣля 17-го дня
1826 года.

2.

Ваше императорское величество,
всемилостивѣйшая государыня
императрица Марія Ѳеодоровна.

Приношу вашему императорскому величеству всеподданнѣйшую благодарность мою за милостивый рескриптъ, мною полученный, который навсегда пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ благоволенія вашего императорскаго величества ко мнѣ.

Всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что капиталъ 50.000 рублей мною въ сохранную казну внесенъ, и билетъ на оный препровожденъ къ генералъ-майору Арсеньеву; но желаю вмѣстѣ съ симъ, дабы бѣдныя дѣвицы въ семъ же году еще воспользовались дарованною мнѣ отъ государей императоровъ милостію. Я при билетѣ препроводилъ къ генералъ-майору Арсеньеву и денегъ 2.500 рублей, то-есть годовые проценты съ вышеписанной суммы на сей годъ, испрашивая вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго соизволенія, дабы оныя деньги нынѣ же употреблены были на воспитаніе тѣхъ дѣвицъ, кои будутъ вашимъ императорскимъ величествомъ назначены.

Гдѣ бы я ни находился, то вездѣ буду, до конца моей жизни, вашего императорскаго величества

вѣрноподданный слуга

графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ,
3-го мая
1826 года.

Библиотека "Руниверс"

II.

Приказъ графа Аракчеева и критическій его разборъ, сдѣланный неизвѣстнымъ лицомъ.

Приказъ.

По отдѣльному корпусу военныхъ поселеній.

С.-Петербургъ, мая 1-го дня, 1826 года.

№ 153.

1) Господа генералы и офицеры войскъ поселенныхъ! къ удовольствію моему многіе изъ васъ, почтенные мои сотоварищи, находятся въ сихъ войскахъ съ самаго открытія военныхъ поселеній; я не могу имѣть справедливѣйшихъ цѣнителей трудовъ по сей части, какъ васъ, достойные мои сотрудники, и особенно васъ, г.г. генералы и командиры поселенныхъ полковъ 1-й гренадерской дивизіи, принимавшихъ дѣятельное участіе въ образованіи округовъ, отъ первоначальнаго плана до настоящаго ихъ положенія.

Возраженіе.

По пунктамъ сего приказа.

1) Всѣ г.г. генералы и офицеры поступили въ его команду поневолѣ, а оставались донынѣ еще болѣе по сей же причинѣ, ибо жестокіе примѣры съ тѣми, кои осмѣливались просить увольненія оттуда, удержавали ихъ въ политичной ссылкѣ. А какое множество достойнѣйшихъ чиновниковъ, которые, предвидя, что части войскъ, ими командуемыя, должны вскорѣ поступить въ его же команду, рѣшились вовсе оставить службу, чтобы только избавиться сего несчастія, чрезъ что государь императоръ и отечество лишились усердныхъ и вѣрныхъ слугъ, и особливо, когда графъ Аракчеевъ, не удовольствуясь тиранствомъ своимъ, съ тѣми, кои желали избавиться поселенія, не исключая и раненыхъ, въ вящшее поощреніе противъ дворянской грамоты, успѣлъ выпросить высочайшій приказъ, чтобы всѣхъ тѣхъ, кои выйдутъ изъ поселенія въ отставку, никуда не опредѣлять. Можно ли же было послѣ сего кому либо оставить поселеніе? Обращаясь со всѣми варварски, теперь называетъ почтенными сотоварищами и достойными сотрудниками, исключая, однако же, прочія поселенія, которыя вѣрно не меньше трудились 1-й гренадерской дивизіи. Повидимому, надѣется больше успѣть въ своей лести.

Бѣсъ преданъ лести!

Девизъ, милымъ отечествомъ, какъ онъ называетъ, давно справедливо данный ему.

Библиотека "Руниверс"

2) Сіе новое никогда нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и существованіемъ величайшему изъ царей, въ Бозѣ почившему государю императору Александру Благословенному. Въ его всеобъемлющемъ умѣ родилась счастливая мысль о военныхъ поселеніяхъ; его мудрыми соображеніями получила свою зрѣлость, и ему только одному въ началѣ извѣстны были тѣ основанія, на какихъ надлежало сію великую мысль произвести въ дѣйствіе.

3) Мнѣ первому и единому, мнѣ она была открыта. Удостоенный довѣренности его величества, я одинъ имѣлъ счастіе принимать его приказанія, руководствоваться его наставленіями.

2) Правда—какъ то, что новое, никогда, нигдѣ небывалое предпріятіе, такъ и то, что обратило вниманіе всей Европы, но для чего онъ не приложилъ многихъ письменныхъ иностранныхъ сужденій? Извѣстно, что оныя совершенно противны мнѣнію Аракчеева и ясно доказываютъ, что предпріятіе сіе несравненно больше приноситъ государству вреда, чѣмъ пользы. Кажется, мысль сія родилась въ Аракчеевѣ единственно для прославленія своего имени и чтобы, окруживъ Грузино свое войскомъ, могъ удобнѣе тиранствовать надъ своими крестьянами и удовлетворять неномѣрному своему честолюбію.

3) Подтверждаетъ сказанное въ концѣ 2-го пункта возраженія: ибо великое государственное предпріятіе должно быть открыто всему государству, а не единому Аракчееву. По распространившемуся отъ него слуху, якобы цѣль сія клонится къ тому, что поселеніе само собою продовольствуется: до сихъ поръ не только что поселенія довольствуются отъ казны, но навѣрное можно положить третью часть дороже противу всѣхъ войскъ. Стоитъ только исчислить отпуски суммъ какъ на продовольствіе, такъ на заведеніе вновь магазейновъ и на постройки по смѣтамъ, имъ же представляемымъ, и разсмотрѣть расходы,—тогда откроется настоящая экономія, имъ сдѣланная, которая состоитъ въ разореніи государства не только деньгами, но и людьми. Изъ ста баталіоновъ знаменитой арміи, поступившихъ въ его команду, едва ли третья часть осталась въ живыхъ, а прочіе всѣ въ гробѣ въ землѣ лежатъ отъ египетской работы и чистоты и украшенія его Грузина, облитая кровью человѣческою. Якобы рекрутскихъ наборовъ не будетъ, а вмѣсто того 14 лучшихъ въ государствѣ губерній, составляющихъ половину рекрутскаго набора, комплектуютъ, не на баталіяхъ за

Библиотека "Руниверс"

4) Приводя въ исполненіе священную волю его величества, я самъ былъ новъ въ семъ важномъ дѣлѣ и долженъ былъ съ людьми совершенно новыми въ одно и то же время учить, учиться, объяснять, растолковывать каждому благую, но еще никому тогда неизвѣстную цѣль военныхъ поселеній и защищать устройство оныхъ противъ несправедливыхъ разглашеній, устрашившихъ не только нижнихъ чиновъ, но, можетъ быть, нѣкоторыхъ и изъ васъ самихъ.

5) Сего же довольно, чтобы истощить силы человѣка въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ и со слабымъ моимъ здоровьемъ, но вы были свидѣтелями, какихъ трудовъ мнѣ стоилъ выборъ для военныхъ селеній мѣстъ, которыя бы по своему положенію соединяли въ себѣ всѣ удобности для жительства предполагаемаго числа людей и достаточно обезпечивали будущее ихъ положеніе. Вы часто видѣли меня, съ сею цѣлію ѣдущаго въ телѣгѣ и верхомъ, видѣли пробирающагося пѣшкомъ по мѣстамъ, до того непроходимымъ, и въ грязи и въ лѣсахъ назначающаго сіи самыя столь хорошо съ Божіею помощью обработанныя нынѣ поля и заотечество убитыхъ и отъ ранъ умершихъ, но погибшихъ отъ варварскихъ работъ Аракчеева.

4) Какое противорѣчіе безумное! быть нову въ важномъ дѣлѣ, дѣйствовать съ людьми совершенно новыми, учить, учиться, объяснять, растолковывать благую цѣль военныхъ поселеній (и донынѣ только ему извѣстную),—какихъ же должно ожидать послѣдствій отъ такой школы, когда и учитель сознается въ незнаніи,—доказываютъ издержанныя чрезвычайныя суммы и ужасная потеря людей! Какія же и кому Аракчеевъ давалъ баталіи, защищая устройство поселеній отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію и словамъ, разглашеній? Кажется, для него сія защита не только ни трудна, ни изнурительна не была, но напротивъ доставляла пищу кровожадной душѣ его. Если только кто осмѣлился, по истинной преданности своей государю императору и отечеству, проговорить о частицѣ неистовыхъ дѣяній Аракчеева и могущемъ отъ того быть общемъ несчастіи, то стоило только Аракчееву пожаловаться на помѣшательство въ его злодѣяніяхъ, тотъ навѣрное былъ жертвою его злобы и мщенія.

5) Что, защищаясь отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, заглашеній, онъ нисколько не могъ изнуриться, о томъ ясно сказано въ предыдущемъ пунктѣ, а развѣ отъ трудовъ, которые онъ ко всеобщему посмѣянію честолюбія его выставилъ выше дѣяній—графа Румянцова, князя Суворова, князя Барклая де-Толли и имъ подобныхъ. Нѣсколько верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ, верхомъ, прошелъ пѣшкомъ,—возможно ли о семъ писать въ приказѣ? И для чего же такіе геройскіе труды? думаютъ дать баталіи, рѣшить войну, доставить безсмертную славу и выгоды отечеству, ничего не бывало! назначить мѣсто вреднѣйшему селенію, вы-

Библиотека "Руниверс"

строенныя мѣста, которыя составляютъ предметъ хвалы пріѣзжающихъ видѣть настоящее положеніе военныхъ поселеній.

6) Постоянство нашихъ трудовъ могло поддерживать единымъ только моимъ усердіемъ и безпредѣльною моею приверженностію къ блаженной памяти государя, отца-благодѣтеля моего, на служеніе которому посвятилъ я 30-ть лучшихъ лѣтъ моей жизни. Его милостивый взоръ награждалъ меня за всё; его отеческое вниманіе облегчало бремя трудовъ и заботъ моихъ и укрѣпляло слабыя силы мои, но судьбамъ Всевышняго угодно было воззвать отъ насъ къ себѣ сего отца монарха. Внезапная, горестная для всего свѣта кончина его величества поразила мой духъ и сердце и до того разстроила мое здоровье, что я ни днемъ, ни ночью не имѣлъ спокойствія.

строить домики, по наружности блестящіе, а въ самомъ дѣлѣ гробы, стоящіе государству разоренія несмѣтныхъ суммъ, а и того важнѣе истребленія народа, столь нужнаго Россіи. О чемъ умалчиваетъ, какъ и о томъ, чего еще будетъ стоить поддерживать сіи строенія и селенія, отъ коихъ въ послѣдствіи времени ожидать должно общей погибели.

6) Возможно ли, чтобы постоянство имъ же описанныхъ въ предшедшемъ пунктѣ трудовъ его, то-есть, что нѣсколько верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ, верхомъ и пѣшкомъ прошелъ,—позволяло ему хвастаться единымъ своимъ усердіемъ и безпредѣльною приверженностію, которая состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Когда внезапная и подлинно для всего свѣта горестная кончина его величества поразила духъ и сердца всѣхъ, то тогда одинъ только онъ, Аракчеевъ, выздоровѣлъ отъ приключившейся ему болѣзни чрезъ смерть истиннаго его друга, простой бабы Анастасіи, которой за тиранства ея, въ угодность ему, дворовые его люди, числомъ до 60 человѣкъ, потерявши терпѣніе, согласились отрѣзать ей голову. И съ того-то времени, съ 10-го числа сентября 1825 года, пораженъ былъ духъ и сердце Аракчеева; онъ не устыдился цѣлаго свѣта показать свое малодушіе, не остановился огорчить общаго отца и благодѣтеля великаго государя, имѣвшаго несчастіе въ отсутствіе свое поручить ему важныя государственныя дѣла; дерзновенно отъ всѣхъ порученій отказался: для чего же? что нечестивой бабѣ достойно отрѣзали голову. Вотъ тогда-то не имѣлъ онъ подлинно ни днемъ ни ночью покоя, лишившись достойнаго своего друга, сходнаго съ его правилами, сколько отъ горести, столько и отъ страха, чтобы и его подобная Анастасіи участь не постигла. Теперь прилично возразить. Такъ, какъ онъ начи-

Библиотека "Руниверс"

	наетъ въ приказѣ своемъ,5-го пункта сего уже довольно, чтобы доказать, что и весь его приказъ исполненъ такой же наглой лжи, лести, коварства, какъ и сей его пунктъ. Такимъ же точно образомъ и въ то же время на дѣлѣ оказалъ онъ таковое же свое усердіе и безпредѣльную преданность блаженныя памяти государю императору Павлу I-му, отцу и благодѣтелю своему, подъ бюстомъ въ церкви высочайшей особы сдѣлавъ девизъ: «Сердце и духъ правъ предъ тобою». Приготовя себѣ могилу и гробъ, удостоилъ положить туда же бабу Анастасію, любезнаго своего друга, какой чести удостоилъ царскую фамилію; и вотъ какъ онъ всѣмъ безъ лести преданъ.
7) По совѣту врачей мнѣ осталось одно средство: испытать Карлсбадскія воды.	7) Лучше бы ему послушаться сдѣланной ему умной епитафіи: милымъ отечествомъ, какъ онъ называетъ, подъ камнемъ симъ покоится прахъ непотребной Анастасіи: пора, нечестивецъ, и тебѣ туда же отправляться для блага Россіи.
8) Съ душевнымъ прискорбіемъ я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго государя императора Николая Павловича объ увольненіи меня за границу для пользованія минеральными водами.	8) Такой же отвѣтъ, какой на 7-й пунктъ сдѣланъ.
9) Его величество, всемилостивѣйше снисходя на мою просьбу, изволилъ пожаловать мнѣ увольненіе высочайшимъ рескриптомъ, въ 30 день апрѣля на имя мое послѣдовавшимъ и при семъ въ копіи прилагаемымъ, повелѣвая управленіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній на время отсутствія моего оставить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніи начальника штаба военныхъ поселеній.	9) Въ высочайшемъ рескриптѣ при увольненіи его хотя сказано поручить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніе начальника штаба военныхъ поселеній, но, прилагая уже при приказѣ своемъ копію высочайшаго рескрипта, казалось, не нужно было выписывать изъ онаго ничего, или уже весь повторить, но онъ слова въ концѣ высочайшаго рескрипта: въ важныхъ случаяхъ относиться къ начальнику главнаго штаба его величества, исключилъ. Какая примѣрная дерзость! единственно, чтобъ показать свое величіе и возвеличить Клейнмихеля, котораго отецъ началъ свою службу гусаромъ, стоя за каретою.

Библиотека "Руниверс"

10) Всемилостивѣйшій государь императоръ при увольненіи меня высочайше изволилъ прислать мнѣ на собственные мои расходы 50 тысячъ рублей. Принимая сію царскую награду милостивымъ ко мнѣ его благоволеніемъ, я долгомъ моимъ считаю о сей высочайшей милости объявить по корпусу военныхъ поселенныхъ войскъ, прилагаемая же при семъ копія со всеподданнѣйшаго моего просительнаго письма къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ покажетъ моимъ сослуживцамъ сдѣланное мною оной суммѣ употребленіе.

11) Оставляя такимъ образомъ васъ, почтенные мои сотоварищи, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ принести вамъ истинную и совершенную мою благодарность за тѣ опыты вашего усердія къ

10) Безстыдный, безсовѣстный льстецъ, имѣя пребольшое состояніе, безъ заслугъ, по единой велицѣй щедротѣ блаженныя памяти государя императора Павла I-го, не имѣя покоя въ семъ знаменитомъ имѣніи отъ угрызенія совѣсти, что за отрѣзаніе головы бабы Анастасіи онъ пролилъ кровь болѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ иные подъ кнутомъ лишились жизни, а прочіе, варварски пересѣченные, сосланы въ Сибирь. Не устыдился послать въ кабинетъ его величества табакерки съ портретами въ Бозѣ почившаго государя императора Александра, общаго и своего особаго отца и благодѣтеля, на продажу, дабы могъ на сію сумму сдѣлать вояжъ въ чужіе края, гдѣ его такъ же любятъ, какъ и въ называемомъ имъ миломъ отечествѣ. По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ нынѣ царствующему государю императору, его величество высочайше повелѣть изволилъ выдать ему на сей вояжъ 50 тысячъ рублей. А онъ, Аракчеевъ, долгомъ поставилъ по своимъ единственнымъ чувствамъ похвастаться поселенію о сей милости, утаивъ, однако же, въ приказѣ продажу портретовъ, а также и въ письмѣ своемъ ея императорскому величеству умолчавъ объ оной; говоритъ, что, обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго пути продажею бывшаго у него столоваго серебра и фарфора, предназначаетъ 50 тысячъ рублей на доброе христіанское дѣло. Не есть ли это лесть, подлость и глупость совершенная? и могутъ ли служить памятникомъ величайшему изъ государей 5 пансіонерокъ Аракчеевскихъ, когда всѣ чрезвычайныя благодѣтельныя училища и заведенія обязаны существованіемъ великому монарху?

11) Подлинно особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ спасена Россія, что ни одинъ изъ гнусныхъ заговорщиковъ не рѣшился адресоваться въ поселеніе, по всеобщему тамошнему огорченію и раз-

Библиотека "Руниверс"

службѣ, которые оказывали вы во все время бытія подъ моимъ начальствомъ. Ваша вѣрность обязаностямъ вашего званія имѣетъ уже лестную награду: она ознаменована особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ ко всѣмъ войскамъ поселеннымъ, ибо ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не причастенъ извѣстному гнусному заговору, объявленному отъ правительства во всенародное извѣстіе. Сіе дѣлаетъ честь корпусу военныхъ поселеній и, конечно, будетъ отличительною чертою въ исторіи государства Россійскаго.

12) Теперь къ вамъ обращаюсь, добрые солдаты войскъ поселенныхъ. Я васъ благодарю за ту довѣренность, которую вы ко мнѣ имѣли съ самаго начала вашего поселенія. Вы мнѣ повѣрили, что поселеніе ваше будетъ источникомъ вашего благополучія, и видите на дѣлѣ событіе сей истины. Служа царю, вы наслаждаетесь всѣми удовольствіями жизни семейной: вы не разлучны съ своими женами и дѣтьми, съ своими родными, пріятелями, друзьями, вы не обязаны уже разлучаться съ ними и переходить на квартиры изъ одной страны въ другую. Благодарю васъ также за усердіе ваше при всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ Бозѣ почившаго государя: осматривая васъ, онъ, какъ отецъ, входилъ въ ваше положеніе. Особенно же благодарю васъ, солдаты 1-й Гренадерской дивизіи и всего Новгородскаго отряда. Удостоиваясь ежегодно счастія быть представленными сему отцу монарху, вы доставляли своимъ устройствомъ истинное ему удовольствіе, и время высочайшаго его величества смотра было всегда временемъ вашего торжества, временемъ особеннаго къ вамъ благоволенія, что всякому извѣстно изъ печатныхъ моихъ приказовъ. Награды, кои отъ него вы ежегодно получали, и которыя составляютъ значительную передраженію; сомнительно, чтобы такъ и скоро и благополучно уничтоженъ былъ злодѣйскій умыселъ. О томъ же, что настоящая причина сего гнуснаго заговора есть варварскія дѣянія Аракчеева, какъ и о томъ, что во время общей присяги всѣ начальники находились при своихъ мѣстахъ и сами читали присягу своимъ подчиненнымъ, а онъ съ Клейнмихелемъ въ то время находился въ Петербургѣ, повидимому, опасаясь участи Анастасіи, вовсе умалчиваетъ.

12) Можетъ ли тотъ имѣть понятіе о добромъ солдатѣ, который въ жизнь свою нигдѣ противъ непріятеля не бывалъ? находясь во всю войну, при безсмертномъ своими дѣяніями государѣ императорѣ, не щадившемъ жизни своей для пользы и славы своихъ подданныхъ, безъ стыда признался и ни въ одномъ сраженіи не былъ. Теперь благодаритъ добрыхъ солдатъ за довѣренность къ нему, которую, якобы съ начала поселенія, они имѣли. Всей Россіи и даже Европѣ извѣстна сія довѣренность: какъ около Бронницы несчастные крестьяне, бывъ окружены войскомъ, нѣкоторые предпочли голодную смерть, чѣмъ воспользоваться обѣщаемымъ имъ благополучіемъ, многіе засѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь,—подобное совершалось въ Чугуевѣ. И онъ безъ стыда и совѣсти говоритъ, что солдаты видятъ на дѣлѣ событіе сей истины! Да неугодно ли ему и теперь одному безъ конвоевъ и предосторожностей показаться въ томъ же поселеніи? Они вѣрно докажутъ ему какъ вѣру, такъ и любовь свою къ нему, подобно Анастасіи. Ихъ должно спросить объ упоминаемомъ имъ наслажденіи жизнію семейною! Человѣкъ, который тиранствомъ своимъ заставилъ благороднѣйшихъ чувствъ и поведенія законную жену свою оставить его, и

Библиотека "Руниверс"

чатную книгу, будутъ вѣчнымъ памятникомъ его къ вамъ милостей.

13) Наконецъ прошу васъ, добрые солдаты, молите Бога объ успокоеніи души великаго основателя вашихъ селеній, общаго нашего благодѣтеля и отца, государя Александра, который, по благочестивой, праведной здѣсь жизни, предстоя навѣрное тамъ, на небеси, у престола славы Божіей, молитъ Его Всемогущество: да сохранитъ насъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, и да будемъ мы въ нашемъ служеніи великому его преемнику, государю императору Николаю Павловичу, одушевлены тѣмъ же усердіемъ и вѣрностію, которыя всегда отличали русскія войска.

14) Прошу гг. полковыхъ командировъ, баталіонныхъ и командировъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ сей приказъ прочитать въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ и раздать военные печатные его экземпляры.

Генералъ графъ Аракчеевъ.

который предпочелъ ей и избралъ себѣ другомъ подлую Анастасію, можетъ ли говорить солдатамъ о неразлукѣ ихъ съ женами, изъ которыхъ большая часть, по приказу его, насильно соединена. Но одинъ можетъ увѣрять, но никто не повѣритъ, чтобы 1-я Гренадерская дивизія и прочее войско могли вѣчно недвижимо оставаться въ выстроенныхъ имъ гробахъ: при первой войнѣ и они должны попрежнему переходить изъ страны въ другую, и это настоящая участь солдата, которою онъ справедливо гордиться можетъ, чтобы защищать и успокоивать отечество, Аракчеевъ о семъ понятія не имѣетъ.

13) Безъ просьбы Аракчеева, навѣрное, не только все поселеніе, вся Россія, но даже и вся Европа, молятъ Бога объ успокоеніи души государя императора Александра. А ему, Аракчееву, самому весьма нужно прилежнѣе и не по-фарисейски молить Бога, чтобы обратилъ его на путь истины и сохранилъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ.

14) Вѣроятно, всѣ благомыслящіе нашли приказъ сей исполненнымъ наглой лжи, лести, коварства, само и честолюбія. А если прочтутъ возраженіе, то всякій благомыслящій скажетъ, хотя и жестоко, но справедливо.

Библиотека "Руниверс"

III.

Собственноручныя резолюціи императора Николая на докладныхъ запискахъ графа Нессельроде, 1826—1832 годовъ.

1.

Note particulière et secrète du grand duc Constantin.

$\frac{31 \text{ Janvier}}{12 \text{ Février}}$ 1826

Le propriétaire polonais Morawski, impliqué dans un délit politique préjudiciable aux intérêts de notre gouvernement, réussit à s'évader en Prusse et ayant été réclamé auprès des autorités locales à titre de conscriptible, le président du grand duché de Posen refusa de le livrer, en alléguant que, selon le cartel en vigueur, il fallut que le délit fut spécifié. En conséquence de quoi le grand duc le réclama comme étant impliqué dans une affaire qui intéressait la tranquillité de l'état, mais on lui répondit que Morawski s'était évadé en Angleterre.

Son altesse observant que c'est déjà pour la seconde fois que le gouvernement Prussien favorise l'invasion d'un individu de ce genre, prie l'empereur de déterminer les mesures à prendre, afin de prévenir le retour d'un pareil déni de justice et de réciprocité, que, s'il devait se renouveler, nous placerait, dans une fausse position à l'égard d'une puissance voisine, amie et alliée.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Il faut répondre que je crois éviter une fois pour toutes ces sortes de façon de faire des employés prussiens, en m'adressant toujours, ainsi que mon frère, directement au roi, comme je l'ai déjà indiqué au roi».

2.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

10-го іюля 1827 года.

Nesselrode, en mettant sous les yeux de l'empereur des dépêches arrivées au chargé d'affaires de France, avec la première nouvelle de la signature du traité [1], qui a eu lieu à Londres le 6 Juillet n. s., félicite sa majesté sur l'heureux résultat de nos longues négociations qui paraissaient exposés au plus fâcheuses vicissitudes.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Que Dieu soit mille fois béni, et espérons que tout sera pour le mieux. Faites part à Capodistrias» [2].

1 Трактатъ этотъ былъ заключенъ между Россіею, Франціею и Англіею, съ цѣлью возстановить миръ и спокойствіе между Турціею и греками.

2 Бывшій статсъ-секретарь его величества, въ то время уже избранный въ президенты временнаго греческаго правленія, но проживавшій еще въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

3.

Татищевъ[1] графу Нессельроде.

$\frac{7}{19}$ августа 1827 года.

Je transmet en copie des instructions que le prince Metternich vient d'adresser au comte Apony[2] pour le charger d'engager le gouvernement français à démentir formellement les assertions calomnieuses des journaux, relatives au prétendu projet de l'Autriche sur le Piémont, et ajoute que Metternich, attachant une importance particulière à ces publications, qui lui semblent tenir à un vaste plan de faction révolutionnaire, dirigé non pas contre l'Autriche en particulier, mais en général contre les bases, sur lesquelles repose la paix de l'Europe, exprime le désir que sa majesté daigne faire adresser des représentations au ministère français sur la tendance dangereuse de la presse périodique.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Nous pouvons le faire, mais il est bon de répéter aux autrichiens ce que nous leur avons dit, je crois, déjà une fois, que nous nous moquons des articles des gazettes — du Beobachter en tête».

4.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{2}{31}$ декабря 1827 года.

Il fait part que le 6 (18) Décembre l'empereur d'Autriche a envoyé son grand chambellan pour complimenter notre ambassadeur à l'occasion de la fête de sa majesté et ui porter l'expression des voeux qu' il forme pour la prospérité du règne de son auguste ami et allié.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Vous voyez quelle tendresse, il faut bien y répondre».

Сверхъ сего, его величество изволилъ въ подлинной депешѣ послѣ слова «ami» поставить три знаки восклицанія.

5.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

29-го сентября 1830 года.

Il soumet à l'empereur des dépêches du comte Gouriew[3] qui annoncent que tous les efforts du prince Fredéric des Pays-Bas pour se rendre maître de la ville basse de Bruxel-

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je suis navré de ce terrible résultat de nos espérances, j'avoue que la cho-

[1] Русскій посланникъ въ Вѣнѣ.

[2] Австрійскій посланникъ въ Парижѣ.

[3] Нашъ посланникъ при Нидерландскомъ дворѣ.

Библиотека "Руниверс"

les sont restés infructueux, et qu' il a même été forcé, après les combats les plus acharnés, à se retirer de la position qu' il occupait dans la ville haute [1]. Les conséquences de ce désastreux événement—ajoute Nesselrode—sont incalculables pour le royaume des Pays-Bas comme pour l'Europe entière, et dans le premier moment, où nous ne faisons que recevoir ces nouvelles, lui, Nesselrode, se trouve dans l'impossibilité de soumettre ses réflexions sur les mesures qu'elles réclament. D'ailleurs il est nécessaire de connaître les idées qui auront été échangées entre Diebitsch [2] et le cabinet Prussien et surtout la détermination que l'Angleterre, si intéressée au sort de la Belgique, proposera à ses alliés.

6.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

11-го октября 1830 года.

Nesselrode soumet à sa majesté deux lettres de l'empereur d'Autriche, qui lui ont été remises par le comte Orlow [3] ainsi qu'un mémoire du prince Metternich sur la situation actuelle de l'Furope et ajoute qu'une dépêche de Tatischew lui annonce que l'on compte beaucoup à Vienne sur la formation d'un parti royaliste en France [4], mais cependant il pense qu'il serait plus sûr de ne pas trop fonder nos calculs sur des espérances et des données tant qu'elles ne seront pas confirmées par des indications positives et plus dignes de foi.

En sus Nesselrode porte à la connaissance de l'empereur que le comte Orlow vient de perdre sa sœur mariée au sénateur Bésobrasow, morte en couche.

se m'est incompréhensible militairement parlant, à moins de raisons qui ne nous soient pas connus. J'attends avec grande impatience les nouvelles de Diebitsch et celles de Londres, vous conviendrez qu'il n'y a pas une minute à perdre, surtout après ce que Pozzo nous dit, et je crois qu'il faut insister tant qu' il en est encore temps; plus tard, la chose sera tout à fait irréparable».

Собственноручная резолюція императора Николая.

«La lettre de l'empereur prouve que l'ami Orlow a eu le succès que je lui désirais; d'après les paroles de l'empereur, il peut prétendre au titre de vicaire de Fiquelmont; je vous charge de le dire à tous deux.

«Beaucoup de vrai, beaucoup de paroles et, en réalité, nous nous comprenons; et il n'y a rien à changer à notre marche.

1 По вѣнскому конгрессу Голландія и Бельгія были соединены подъ управленіемъ Вильгельма 1-го Оранскаго въ Нидерландское королевство. Бельгія, при извѣстіи о Іюльской революціи, будучи ближе всѣхъ къ Франціи и связана съ нею родствомъ языка и нравовъ, возмутилась.

Вслѣдствіе сего для усмиренія мятежниковъ король отправилъ въ Брюссель войска подъ начальствомъ принца Фридриха.

2 Графъ Дибичъ находился тогда въ Берлинѣ, съ порученіемъ склонить Пруссію къ подавленію бельгійской революціи вооруженною силою.

3 Графъ А. О. Орловъ, въ то время возвратившійся съ коронованія австрійскаго императора королемъ венгерскимъ.

4 Т.-е. партія, желавшая имѣть королемъ герцога Бордоскаго, въ пользу котораго Карлъ X отрекся отъ престола.

Библиотека "Руниверс"

«Je ne doute pas qu'il n'existe un parti, celui des renvoyés, s'entend, qui désire le retour du duc de Bordeaux. Mais Dieu nous préserve de dévier de notre marche pour nous fier à leurs chimères ou projets seuls.

«Dites lui combien j'ai été péniblement frappé par ce cruel malheur. Une mère de 14 enfants enlevée de cette affreuse manière est une idée qui peut nous frapper de terreur, tous, pères de famille, c'est vraiment horrible!»...

7.

Записка императора Николая графу Нессельроде.

Je vous transmets une lettre de mon beau-frère d'Orange [1], c'est celle que vous m'avez fait parvenir; elle vous mettra au fait de la manière dont le roi des Pays-Bas considère la forme indigne dont on lui a fait part des décision de la conférence. Vous savez que je partage tout à fait son opinion sous ce rapport. Je suis peiné de devoir vous engager à témoigner à Lieven et Matuszewicz qu'ils ont outre passé leur pouvoir, en consentant à opposer leur signature à un acte pareil; s'il pouvait être admissible vis-à-vis des traîtres et des rebelles, jamais il n'était permis vis-à-vis d'un roi justement offensé, mon ami et mon parent.

8.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{23\text{ января}}{4\text{ февраля}}$ 1831 года.

Il annonce que Metternich a reçu une lettre du prince Adam Czartoriski (président du sénat révolutionnaire de Varsovie) dans laquelle il offre la couronne de Pologne à

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Vous demanderez par Tatischew que l'on n'accorde point de passeports,

[1] Письма этого въ архивѣ министерства императорскаго двора не оказалось; вѣроятно, оно было возвращено государю.

Библиотека "Руниверс"

l'archiduc Charles et demande si l'Autriche lui accorderait un asile, ainsi qu'aux polonais qui chercheraient à s'y réfugier, en cas d'une catastrophe en Pologne. Le gouvernement Autrichien a répondu à Czartoriski qu'il ne serait donné aucune suite à sa proposition, mais que le consul d'Autriche à Varsovie était autorisé à lui délivrer un passeport sous un nom supposé, s'il en demandait un pour l'Autriche, et qu'il y serait gardé suivant les règles établis à l'égard des réfugiés polonais.

et à personne; mais que l'on nous livre, au contraire, tous ceux, qui chercheraient à se réfugier en Autriche».

9.

Князь Меттернихъ графу Фикельмону.

4-го февраля 1831 года.

Собственноручная резолюція императора Николая.

Il le prie de porter à la connaissance du gouvernement russe la copie d'une lettre, adressée de Paris au ministre de France à Constantinople Guilleminot, et dont l'auteur inconnu propose, en cas de guerre entre la Russie et la France, le plan suivant: 1) de décider la Porte et la Perse de reprendre les armes contre la Russie; 2) d'intéresser dans cette alliance l'Angleterre et 3) de soustraire la Grèce à l'influence russe, en changeant son président le comte Capodistrias. Ensuite, comme la Turquie peut mettre sur pied 300.000 hommes, la France n'enverrait qu'une division de 10.000 à 15.000 hommes, qui passerait, ainsi que les troupes turques, sous le commandement de Guilleminot. Cette division serait transportée aux Dardanelles par la flotte française, qui, aussitôt après le débarquement des troupes, irait détruire les forces navales russes de la mer Noire, ainsi que les établissements d'Odessa, de Sévastopol etc., tirerait tout parti de la Crimée et appuyerait, au moins moralement, les opérations des persans. Ces dispositions combinées mettraient évidemment la Russie dans la nécessité de diviser ses forces et par conséquent serviraient puissamment à la France.

«Le projet n'est pas mauvais; cela coïncide assez avec les nouvelles que nous avions déjà».

10.

Графъ Дибичъ графу Нессельроде.

11-го апрѣля 1831 года.

Собственноручная резолюція императора Николая.

Il fait part, qu'étant dans l'impossibilité d'entreprendre le passage de la haute Vistule, il a prié le comte Alopéus de

«Je doute infiniment que la permission puisse nous

Библиотека "Руниверс"

demander au roi de Prusse le passage à travers le pont de Thorn, car cette mesure, tenue en secret et dissimulée à l'ennemi par des démonstrations sur d'autres points, nous livrerait Varsovie après la première bataille avec les polonais.

11.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{17}{29}$ августа 1831 года.

Il fait part que pour donner suite à la proposition du cabinet de St. Pétersbourg d'établir un accord parfait et resserrer les liens entre les trois puissances continentales, Metternich propose d'établir à Vienne une conférence entre lui et les représentants de Russie et de Prusse.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Voilà le grand désir de Metternich, celui d'être à la tête des affaires, clair et nettement prononcé; or, comme nous savons à quoi nous en tenir sur lui par les antécédents, je n'y consentirai qu'en cas où la Prusse le voudrait et nous le proposerait de son côté».

12.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{13}{25}$ ноября 1831 года.

Il annonce que le prince Metternich, en lui donnant connaissance du traité, signé à Londres sur la base des 24 articles, auxquels le roi des Pays-Bas avait refusé d'accéder ne lui a pas caché combien il est mécontent de cette transaction et ne voyant pas dans son opinion particulière, comment les puissances pourraient refuser de ratifier ce traité, signé par leurs plénipotentiaires, désire que les cours de Russie, de Prusse et d'Autriche veuillent consigner dans une déclaration leurs principes, afin de constater l'irrégularité de la marche suivie par la conférence.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Vous connaissez mon opinion, je n'ai rien de plus à ajouter».

13.

Князь Ливенъ графу Нессельроде.

$\frac{8}{20}$ декабря 1831 года.

Ayant appris avec un profond regret l'impression défavorable qu'a causé à l'empereur la réception des décisions

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je ne change en rien l'opinion que j'ai de cet être accordée; ce n'est pas avec des dispositions aussi peu amicales du ministère qui l'on peut l'espérer, et le roi seul ne s'y décidera pas».

Библиотека "Руниверс"

de la conférence de Londres, Lieven ne saurait, pourtant, trouver dans sa conscience le moindre reproche à s'adresser dans cette grave circonstance. Il croit avoir agi selon les intérêts du service de sa majesté et même avoir compris parfaitement l'esprit des instructions dont il a été honoré, en adoptant la seule voie propre à maintenir l'union entre les cinq puissances et à conserver à l'Europe le bienfait de la paix.

acte, aussi honteux, qu'il nous a été dangereux par ses conséquences»

14.

Князь Ливенъ[1] графу Нессельроде.

Лондонъ. $\frac{15}{27}$ апрѣля 1832 года.

Il demande les ordres de sa majesté, s'il entre dans son intention de consommer l'élection du prince Othon [2], en cas qu'il n'y ait aucune perspective de le voir embrasser la religion grecque, car à la conférence il n'est plus question de ce sujet et on ne parle même que faiblement de faire élever ses enfants dans la sus-dite religion.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je ne puis nullement consentir à l'élection du prince Othon, sans l'engagement formel d'embrasser la religion grecque».

IV.

Декларація о войнѣ съ Турціей 1828 года.

Искреннее желаніе Россіи оставаться въ мирѣ съ Турецкою имперіею не исполнилось. Тщетно было долговременное терпѣніе нашего правительства, тщетны и тягостныя пожертвованія, сохраненію общаго спокойства имъ принесенныя: Россія наконецъ видитъ себя въ необходимости силою оружія обезпечить свои права и пользы на Востокѣ и принудить Оттоманскую Порту къ должному соблюденію договоровъ. Но, прибѣгая съ прискорбіемъ къ сему послѣднему средству удовлетворенія, государь императоръ желаетъ, чтобы причины объявляемой имъ войны, равно праведной и неизбѣжной, были въ полной мѣрѣ извѣстны свѣту.

Протекло шестнадцать лѣтъ отъ заключенія мира въ Бухарестѣ, и во все сіе время правительство оттоманское почти непрестанно отступало отъ постановленій, имъ утвержденныхъ, непрестанно изыскивало способы подъ разными предлогами останавливать или замедлять исполненіе данныхъ имъ обѣщаній. Случаи, доказывающіе сіе злѣйшее непріязненное стремленіе турецкой политики, были многочисленны. Министерство его императорскаго величества означитъ ихъ въ сей декларации. Нѣ-

[1] Уполномоченный посланникъ на Лондонской конференціи, занимавшейся греческими дѣлами.

[2] Послѣ отказа принца саксенъ-кобургскаго Леопольда принять греческую корону, лондонская конференція положила избрать въ греческіе короли баварскаго принца Оттона.

Библиотека "Руниверс"

сколько разъ, и особенно въ 1821 году. Порта открытыми оскорбительными дѣйствіями изъявляла свою ненависть къ Россіи; нынѣ она снова обнаруживаетъ свои враждебныя чувства всенародными актами и принятіемъ насильственныхъ мѣръ, уже извѣстныхъ Европѣ.

Въ тотъ самый день, когда, оставляя Константинополь, министры трехъ державъ, соединенныхъ безкорыстными для защищенія святой вѣры и страждущаго человѣчества постановленными условіями, еще объявляли Портѣ о живѣйшемъ желаніи своихъ монарховъ не разрывать съ нею мирныхъ связей и указывали ей вѣрныя къ сему средства, когда и Порта съ своей стороны также увѣряла въ миролюбіи [1], въ тотъ самый день она уже готовилась воззвать всѣ магометанскіе народы къ возстанію противъ Россіи, провозглашая, что наше правительство есть вѣчный неукротимый врагъ мусульманства, что оно умышляетъ разрушеніе Оттоманской имперіи и, торжественно признаваясь предъ вселенною, что въ переговорахъ о мирѣ она только искала времени и способовъ къ принятію мѣръ для войны и что, рѣшась заранѣе не исполнять важнѣйшихъ постановленій Аккерманской конвенціи, заключала ее съ тѣмъ, чтобъ нарушить,—Порта не могла не знать, что симъ признаніемъ она уничтожаетъ и всѣ прежніе договоры, Аккерманскою конвенціею подтвержденные: все показываетъ, что она предвидѣла слѣдствія и соображала съ ними свои поступки и намѣренія.

За воззваніемъ султана къ народу послѣдовали притѣснительныя для русскихъ распоряженія; нарушены преимущества присвоенныя нашему флагу, русскія суда задержаны, и начальники оныхъ силою принуждены продавать свои захваченные грузы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ; даже сіи неисправно платимыя несоразмѣрныя съ истинною цѣною товаровъ суммы еще уменьшены пониженіемъ достоинства монеты; вскорѣ потомъ объявлено всѣмъ подданнымъ Россіи, что они должны быть рабами Порты, или немедленно выѣхать изъ владѣній ея, и закрытіемъ Босфора остановлено всякое движеніе торговли въ Черномъ морѣ. Цвѣтущіе сею торговлею города наши терпятъ разорительные убытки, и весь полуденный край имперіи лишается единственнаго пути для сбыта своихъ произведеній, единственнаго средства выгодными промѣнами умножать свои богатства и оживлять промышленность жителей. Но симъ еще не ограничились непріязненныя дѣйствія Турціи. Въ то самое время, когда въ Константинополѣ принимались мѣры, столь явно противныя пользамъ Россіи, генералъ Паскевичъ послѣ ознаменованной славными успѣхами войны вступалъ въ мирные переговоры съ Персіею. Дворъ Тегеранскій уже изъявилъ согласіе на предложенныя ему условія, и вдругъ, противъ всѣхъ ожиданій, со стороны полномочныхъ Персіи стали оказываться холодность, желаніе отдалить заключеніе предначертаннаго договора: за отлагательствами слѣдовали споры, затрудненія; наконецъ обнаружилось и намѣреніе продолжать военныя дѣйствія. Причины сего нынѣ извѣстны Россіи изъ самыхъ достовѣрныхъ показаній: извѣстно, что паши въ сосѣдственныхъ турецкихъ областяхъ спѣшили вооружиться, и что Порта втайнѣ обѣщала помощь персіянамъ, чтобы занять нашу армію въ семъ краѣ.

[1] Въ письмѣ верховнаго визиря къ графу Нессельроде, за коимъ почти непосредственно слѣдовалъ гатти-шерифъ $\frac{8}{20}$ декабря.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ правительство турецкое, объявляя свѣту, что оно рѣшилось расторгнуть узы связующихъ его съ Россіею трактатовъ, уже на самомъ дѣлѣ ниспровергаетъ всѣ постановленія оныхъ, угрожая скорымъ начатіемъ войны, уже обременяетъ всѣми ея бѣдствіями подданныхъ Россіи, подрывая нашу торговлю и усиливаясь, хотя безъ успѣха, возжечь снова пламень сей войны тамъ, гдѣ онъ готовъ былъ угаснуть.

Нужно ли доказывать, что Россія не можетъ сносить сихъ оскорбленій и попускать продолженію столь явно враждебныхъ дѣйствій. Отказаться отъ естественныхъ выгодъ своего положенія, дозволить лишить себя правъ, пріобрѣтенныхъ побѣдами и договорами, равно славными и полезными, сіе значило бы унизить достоинство державы, измѣнить чести, измѣнить первому долгу правительствъ.

Права и обязанности Россіи въ семъ случаѣ тѣмъ священнѣе и очевиднѣе, что ея миролюбіе и умѣренность не могутъ подлежать сомнѣнію. Сколько разъ съ той незабвенной эпохи, какъ положенъ конецъ и успѣхамъ мятежей, и стремленію къ завоеваніямъ, Россія жертвовала своими особенными драгоцѣннѣйшими выгодами для обезпеченія тишины всеобщей. Европа отдаетъ справедливость ея безкорыстію, и память дѣйствій сей великодушной политики, спасительныхъ для свѣта, спасительныхъ для самой Турціи, навѣки сохранится въ бытописаніяхъ нашего времени. Но Турція, не имѣя правъ на снисходительность Россіи, не умѣетъ и цѣнить ее: она не знаетъ, сколь сообразны съ собственными ея пользами постановленія главныхъ трактатовъ ея съ нашимъ дворомъ, постановленія, коими Россія въ Кайнарджи, въ Яссахъ, въ Букарестѣ, признавъ и оградивъ политическое существованіе Порты и цѣлость владѣній ея, безъ сомнѣнія, способствовала продолженію бытія сей державы. Но едва былъ заключенъ послѣдній изъ сихъ трактатовъ, и Порта уже спѣшила воспользоваться тогдашними, славными по своимъ послѣдствіямъ, но затруднительными для Россіи обстоятельствами, чтобы невозбранно и безнаказанно измѣнять обязанностямъ, лишь только принятымъ ею. Народу сербскому было обѣщано всеобщее прощеніе: въ противность данному слову турецкія войска вторглись въ Сербію и ознаменовали свое шествіе грабежемъ и кровопролитіемъ. Княжествамъ Молдавскому и Валахскому предоставлялись на время льготы и разныя преимущества; Порта обременила ихъ новыми налогами, истощила доходы, довершила разореніе сего несчастнаго края. Она обязывалась препятствовать набѣгамъ Закубанскихъ горцевъ, и напротивъ явнымъ образомъ побуждала ихъ къ нападеніямъ на Россію. Съ тѣмъ вмѣстѣ продолжались споры о владѣніи крѣпостей, необходимыхъ для безопасности Азіатскихъ границъ нашихъ, споры, коихъ неосновательность Порта сама признала впослѣдствіи положеніями Аккерманской конвенціи, но, домогаясь возвращенія сихъ крѣпостей, она своими дѣйствіями доказывала, сколь онѣ нужны Россіи, ибо въ самомъ сосѣдствѣ нашемъ, на берегахъ Чернаго моря, заводила, ободряла противоестественный торгъ невольниками, благопріятствовала грабительствамъ, безпорядкамъ всякаго рода. Сего еще было недовольно: и тогда уже, какъ нынѣ, остановлены русскія суда въ Босфорѣ, конфискованы ихъ грузы, нарушены всѣ постановленія торговаго трактата 1783 года. Въ сіе самое время побѣды, благословенныя человѣчествомъ, вознаграждали подвиги незабвеннаго императора Александра чистѣйшею славою. Довершивъ святое дѣло освобожденія Европы, онъ могъ однимъ словомъ устремить свое могущественное воинство на Оттоманскую Порту. Но великая, миролюби-

Библиотека "Руниверс"

вая душа его не знала побужденій мести. Онъ пренебрегъ оскорбленія и не спѣшилъ требовать должнаго удовлетворенія за обиды, чтобы не возмутить всеобщей тишины, лишь водворенной въ Европѣ его попеченіемъ и усиліями. Не пользуясь особенными безчисленными выгодами тогдашняго положенія своего, императоръ Александръ хотѣлъ дѣйствовать однимъ убѣжденіемъ, и въ 1816 году вступилъ съ правительствомъ Оттоманскимъ въ переговоры, коихъ цѣлію было только обезпеченіе порядка, исполненіе взаимныхъ обязанностей, продолженіе мирныхъ, на обоюдной пользѣ основанныхъ сношеній. Залоговъ твердости сего порядка и мира онъ могъ бы искать силою оружія; Порта была не въ состояніи противиться ему.

Она не умѣла и постигнуть истинныхъ причинъ его умѣренности. Во все время переговоровъ турецкое правительство какъ будто старалось истощить великодушное терпѣніе императора Александра, отвергая съ упорствомъ его дружественныя предложенія, изъявляя сомнѣнія въ его миролюбіи, оспаривая права Россіи, даже явно пренебрегая могущество ея, не зная, что дѣйствія сего могущества были удерживаемы одною мыслію: жертвовать частными пользами общему благу и спокойству Европы. Но сіе спокойство едва ли могло быть возмущено разрывомъ съ Турціею. Имъ не нарушались связи Россіи съ ея союзниками; Турецкая имперія не была ни участницею, ни предметомъ негоціацій, коими въ 1814-мъ и 1815-мъ году, послѣ столькихъ раздоровъ, установленъ новый политическій порядокъ для просвѣщенныхъ народовъ міра, подъ щитомъ правительствъ, соединяемыхъ и воспоминаніями общей славы, и согласіемъ правилъ и намѣреній.

Въ теченіе пяти лѣтъ нашъ дворъ и посланникъ нашъ въ Константинополѣ съ неутомимымъ доброжелательствомъ старались объ утвержденіи мира; несмотря на нерѣшимость и умышленную медлительность Порты, наконецъ переговоры объ исполненіи нѣкоторыхъ статей трактата Букарестскаго приходили къ окончанію, какъ внезапно возстаніе морейскихъ грековъ и вторженіе въ Молдавію измѣнившаго долгу своему русскаго чиновника возбудили въ народѣ и правительствѣ турецкомъ слѣпую, яростную ненависть ко всѣмъ христіанамъ, данникамъ Порты, безъ различія виновныхъ и невинныхъ. Россія немедленно изъявила, сколь было противно ея видамъ и правиламъ безразсудное предпріятіе князя Ипсиланти. Какъ держава, покровительница княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, она безъ затрудненія дала свое согласіе на принятіе нужныхъ мѣръ для обороны и законнаго наказанія; но требовала отъ Порты, чтобы народъ, ни въ чемъ не преступившій своихъ обязанностей, не страдалъ за виновниковъ безпорядка. Сіи совѣты благоразумія отвергнуты, презрѣны; посланнику его императорскаго величества въ самомъ домѣ его нанесены личныя оскорбленія; почтеннѣйшіе сановники греческаго духовенства и патріархъ, глава ихъ, среди совершенія священныхъ обрядовъ нашей церкви, преданы въ руки палачей на смертную позорную казнь, и всѣ знатнѣйшіе христіане, ограбленные, поруганные, безъ суда и изслѣдованія гибли въ мукахъ; немногіе спасались бѣгствомъ. Сіи мѣры не могли прекратить смятеній: христіане гонимые вооружались, пламя войны распространялось повсюду. Вотще нашъ посланникъ еще старался быть полезенъ Портѣ, и въ нотѣ своей отъ 6-го іюля 1821 года означалъ ей вѣрнѣйшія, единственныя средства для возстановленія тишины; наконецъ, изъявивъ праведное негодованіе двора нашего противъ сихъ дѣйствій свирѣпаго изувѣрства, почти безпримѣрныхъ въ исторіи, онъ исполнилъ данное ему высочайшее повелѣніе и оставилъ Константинополь.

Библиотека "Руниверс"

Тогда всѣ союзныя съ Россіею державы, побуждаемыя однимъ чувствомъ желанія обезпечить всеобщій миръ, спѣшили своимъ посредствомъ и увѣщаніями отвратить опасности, грозившія Турціи и ослѣпленному ея правительству. Наше правительство съ своей стороны рѣшилось не требовать немедленнаго удовлетворенія, надѣясь еще согласить свои права и достоинство съ мѣрами предосторожности, кои въ тогдашнемъ положеніи Европы казались необходимы для сохраненія спокойства ея. Сіи новые знаки снисхожденія, сіи важныя пожертвованія Россіи были напрасны. Усилія нашихъ союзниковъ не могли побѣдить упорства Турціи. Вѣроятно, обманываясь и насчетъ истинныхъ побужденій императора Александра, и насчетъ своихъ собственныхъ силъ, она неуклонно стремилась къ истребленію христіанскихъ народовъ, ей подвластныхъ: война съ возставшими греками становилась день ото дня кровопролитнѣе, свирѣпѣе, несмотря на старанія, и тогда уже употребленныя для возстановленія мира въ Греціи. Порта угрожала и Сербіи, хотя спокойной и вѣрной въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей. Военное занятіе Молдавіи и Валахіи продолжалось, вопреки постановленій объ управленіи сихъ княжествъ, вопреки данныхъ великобританскому послу точныхъ обѣщаній и тогда уже, когда Россія, вѣря симъ обѣщаніямъ, рѣшилась возобновить свои прежнія сношенія съ правительствомъ Оттоманскимъ. Столь постоянная непріязненность наконецъ превзошла мѣру терпѣнія императора Александра. Въ октябрѣ 1825 года по его повелѣнію вручена министерству турецкому сильная протестація противъ дѣйствій его, и когда смерть безвременная пресѣкла дни сего обожаемаго подданными монарха, имъ было уже объявлено намѣреніе принудить Порту къ уваженію правъ Россіи.

Начало новаго царствованія ознаменовано новыми доказательствами умѣренности и любви къ миру. Вступая на престолъ прародителей, государь императоръ немедленно повелѣлъ открыть негоціацію съ Портой для соглашенія въ тѣхъ дѣлахъ, кои въ особенности касались Россіи. Вскорѣ потомъ, $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апрѣля}}$ 1826 года, его величество вмѣстѣ съ королемъ великобританскимъ предположили мѣры для посредничества, коего требовало общее благо Европы. Всѣми поступками, всѣми планами его императорскаго величества, видимо управляло постоянное, ревностное желаніе избѣгнуть крайностей. Съ одной стороны, государь императоръ, надѣясь, что согласнымъ дѣйствіемъ двухъ могущественныхъ державъ легко и скоро будетъ положенъ конецъ войнѣ, опустошающей Востокъ Европы, отказывался отъ всякаго отдѣльнаго, непосредственнаго участія и вліянія въ семъ важномъ дѣлѣ; съ другой, продолжая особенные переговоры съ Портою, его величество старался прекращеніемъ нашихъ съ нею споровъ устранить и сіе препятствіе къ примиренію грековъ съ правительствомъ турецкимъ. Въ сихъ обстоятельствахъ и въ семъ расположеніи открыта негоціація въ Аккерманѣ: она заключилась подписаніемъ дополнительной конвенціи къ трактату Букарестскому. Постановленія сего акта снова доказали умѣренность нашего правительства, всегда подчиняющаго расчеты политики требованіямъ справедливости и не дозволяющаго себѣ употреблять во зло ни выгодъ положенія, ни превосходства силъ и средствъ успѣха. Слѣдствіемъ Аккерманскаго соглашенія, столь полезнаго Портѣ, было назначеніе постоянной россійской миссіи въ Константинополь, и вскорѣ затѣмъ трактатъ $\frac{24 \text{ іюня}}{6 \text{ іюля}}$ 1827 года явилъ свѣту, что Россія не измѣняетъ правиламъ безкорыстной политики, кои служили основаніемъ постановленій протокола $\frac{23 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}}$. Предначертанными въ семъ трактатѣ мѣрами соглашаются права и же-

Библиотека "Руниверс"

ланія народа злосчастнаго съ цѣлостію, съ спокойствіемъ, съ истиннымъ благомъ Турецкой имперіи. Сіи спасительныя мѣры предложены Портѣ, и дворы союзные сильными, но исполненными дружелюбія увѣщаніями старались склонить ее къ прекращенію кровопролитія. Ей съ совершенною откровенностію сообщены всѣ планы союзныхъ державъ; объявлено, что въ случаѣ отказа флоты ихъ будутъ принуждены остановить продолженіе войны, которая по свойству своему равно противна и безопасности морей, и потребностямъ торговли, и нравственному чувству европейскихъ народовъ. Порта пренебрегла и сіи совѣты и предостереженія. Одинъ изъ ея военачальниковъ, заключивъ перемиріе, внезапно нарушилъ его и отважился на битву. Но и сраженіе Наваринское, необходимое слѣдствіе измѣны данному слову и нападенія безъ причины, было для державъ союзныхъ поводомъ къ новому изъявленію миролюбія, къ новымъ стараніямъ убѣдить Порту въ необходимости примиренія, доказать, сколь для нея важно утвердить спокойство Востока взаимными ручательствами и въ то же время посредствомъ благоразумныхъ, нетягостныхъ уступокъ оградить свою безопасность въ будущемъ.

На сіи представленія, на сіи усилія доброжелательства, правительство турецкое отвѣчало своимъ воззваніемъ къ народу $\frac{8}{20}$ декабря и принятіемъ мѣръ, изъ коихъ каждая есть нарушеніе договоровъ и правъ Россіи, и всѣ устремлены ко вреду ея, къ возбужденію въ сосѣдяхъ ея враждебныхъ противъ нея чувствъ и намѣреній, къ подрыву ея торговли и уменьшенію благосостоянія.

Долгъ чести, обязанность охранять пользы своихъ подданныхъ не дозволяютъ Россіи оставаться въ такихъ отношеніяхъ съ Турціею. Государь императоръ объявляетъ войну Оттоманской Портѣ; онъ объявляетъ ее съ прискорбіемъ, но и съ твердою увѣренностію, что въ теченіе минувшихъ шестнадцати лѣтъ истощены всѣ средства для спасенія Турціи отъ бѣдствій, коихъ она сама будетъ виною.

Причины сей войны достаточно показываютъ, что будетъ предметомъ ея.

Она есть слѣдствіе политики правительства турецкаго; сіе правительство должно быть обязано удовлетворить Россію за убытки отъ войны и за убытки торгующихъ подданныхъ его императорскаго величества. Государь императоръ предпринимаетъ сію войну для необходимаго охраненія трактатовъ, нарушенныхъ, какъ бы не признаваемыхъ Портою; успѣхи оной должны на будущее время обезпечить надежными ручательствами дѣйствительность и точное исполненіе договоровъ. Наконецъ сей войны требуютъ важнѣйшія пользы Черноморской торговли, коей благосостояніе зависитъ отъ свободы сообщеній чрезъ Босфоръ, и однимъ изъ предметовъ усилій и попеченія Россіи будетъ открытіе свободнаго плаванія въ Босфорѣ всѣмъ народамъ Европы.

Но и принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россія, вопреки разглашеніямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенія. Если бы намѣренія нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенію Турецкой имперіи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ безчисленныхъ, непрестанно представлявшихся случаевъ къ разрыву. Россія не имѣетъ и видовъ честолюбія; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ, ему подвластныхъ. Объявляя войну Портѣ по особеннымъ не имѣющимъ связи съ трактатомъ $\frac{24 \text{ іюня}}{6 \text{ іюля}}$ причинамъ, оно не отступаетъ отъ постановленій сего договора. Заключая оный, Россія не могла

Библиотека "Руниверс"

отказаться отъ охраненія своихъ собственныхъ правъ, или взять на себя обязанность сносить оскорбленія и не требовать должныхъ вознагражденій. Но всѣ условія, всѣ правила, въ семъ актѣ начертанныя, будутъ ею въ точности наблюдаемы. Союзники ея всегда найдутъ въ ней готовность вмѣстѣ съ ними изыскивать средства для исполненія положеній лондонскаго трактата. И долгъ христіанства, и влеченіе чувствъ, коими человѣчество справедливо гордится, равно требуютъ совершенія взаимно данныхъ союзными державами обѣщаній; Россія во всякомъ случаѣ будетъ содѣйствовать имъ постоянно, усердно, и выгодами своего особеннаго положенія воспользуется лишь для того, чтобы скорѣе достигнуть цѣли договора $\frac{24\text{ іюня}}{6\text{ іюля}}$, не измѣняя ни въ чемъ ни свойства, ни дѣйствій его.

Государь императоръ рѣшился не покидать оружія, доколѣ безопасность и пользы державы его не будутъ обезпечны на основаніяхъ, въ сей декларации означенныхъ. Онъ твердо уповаетъ на помощь Всевышняго. Богъ, сильный въ браняхъ, слышитъ молитвы чистыхъ сердцемъ и благословитъ правое дѣло.

V.

Переписка по поводу предполагавшагося участія польской арміи въ войнѣ съ Турціей.

Note particulière et secrète

(цесаревича Константина Павловича).

№ 87.

Варшава.
19-го ноября (1-го декабря) 1827 г.

Le colonel Katassanoff, commandant le cordon des cosaques frontières du côté de Kalisz, vient d'arriver à Varsovie pour me rendre compte de l'avis qui lui est parvenu quant à l'ordre de mobilisation donné au 5 corps Prussien cantonné dans le grand duché de Posen. Son rapport coïncidant avec des notions qui me sont parvenues d'autre part, j'ai dû y attacher la plus sérieuse attention, et jugeant que dans ce cas le 1-er et 2-me corps cantonnés à Koenigsberg, Danzig et Thorn, ainsi que le 6-me corps occupant la basse Silésie du côté de Breslau u. Neisse devaient avoir reçu des dispositions semblables, j'ai mis des agents intelligents et sûrs en campagne, afin de recevoir à cet égard les renseignements les plus précis...

Des notions qui font suite à celles que j'ai eu l'honneur de transmettre à votre majesté imperiale et royale par mon rapport du 5 (17) dernier, et que je joins ici, confirment pleinement l'avis reçu par le colonel Katassanoff sur la mobilisation du 5-e corps Prussien. Votre majesté y verra de plus par les adoucissements apportés aux peines encourues par Uminski, Krzyzanowski et Milzynski à Posen, et prévenus de complicité dans l'affaire de l'association patriotique Polonaise, combien le gouvernement Prussien semble user de ménagement envers les polonais, combien aussi toutes leurs démonstrations patriotiques paraissent tolérées et même encouragées [1].

[1] Изъ нихъ одинъ Уминскій приговоренъ былъ къ заключенію въ крѣпости на 6 лѣтъ, но съ зачисленіемъ ареста въ этотъ срокъ.

Библиотека "Руниверс"

«La manière dont le roi s'exprime surtout sur le général Um'nski, donne lieu à penser qu'il sera bientôt gracié.

«Le cri de guerre paraît être unanime; polonais ou prussiens, ils sa souhaitent ous, quoique chacun sous un autre rapport. Les polonais croient que la guerre deviendra générale et que le résultat ne pourra être que propice pour leur patrie; les allemands espèrent que le roi prendra les armes pour affaiblir la prépondérence de la Russie, et ils espèrent que conjointement avec l'Autriche, l'Allemagne cherchera à la diminuer. Le public a déjà aperçu l'appareil guerrier, il ne sait cependant pas quel en est le véritable motif.

Voici un fait qui, à la suite d'une infinité d'autres vient à l'appui de cette observation. Depuis quelque temps on remarquait que le mot de Portorico était devenu une espèce de mot d'ordre parmi les polonais de Posen, qui se signalent par leur patriotisme, c'était toujours entre eux de Portorico dont il était question, accompagné d'un grand éloge du tabac de Portorico. C'est récemment en fin que l'un de mes agents est parvenu à decouvrir l'allusion cachée sous ce terme d'argot. Il se vend sous l'adresse de Sponner à Ohlau en Silésie du tabac de Portorico, l'inscription est sur l'envelloppe, mais lorsqu'après avoir vidé le tabac, on retourne la feuille, elle offre alors l'effigie de Kosciuszko entouré de toutes les armes de l'insurrection.

«Le 13 (25) il y a eu à Posen un bal patriotique (soi-disant pour les députés) chez m-r Mikorski, président de la cour de justice dans cette ville. Il n'y a eu d'invités que ceux de la noblesse, en omettant les individus qui portent des noms allemands, comme p. e. le comte Blankensee, le comte Unruh etc. et ceux des polonais qui ne sont pas envisagés comme bon polonais. Aussi n'y avait-il aucun employé prussien, ni aucun militaire. Les dames étaient en grande partie costumées à la polonaise; des habits de velour cramoisi brodés en argent, des robes en satin blanc avec des cocardes cramoisies; telle était aussi la toilette de plusieurs jeunes gens, qui s'étaient habillés à la polonaise. On a ouvert le bal par la polonaise de Kosciuszko, qu'on a répétée une douzaine de fois, et on a dansé ensuite presque toujours la masure de Dębrowski...

Sa majesté l'empereur et roi témoigne sa reconnaissance à son altesse impériale monseigneur le grand duc Constantin pour les notions importantes communiquées dans la note part. et secr. du 19 Novembre (1 Décembre) № 87. Sa majesté pense que la nouvelle donnée par le colonel Katassonoff et confirmée par l'agent secret sur l'armement de la Prusse, tout en méritant considération, n'est pourtant pas de nature à motiver des appréhensions sérieuses, sa majesté ne pouvant concilier dans son opinion des projets et des préparatifs hostiles, avec les sentiments d'amitié et le désir constant de maintenir le bon accord, que ne cesse pas manifester sa majesté le roi de Prusse, son beau-père, dont le caractère franc et loyal est aussi bien connu de monsegnieur le grand duc Constantin que de l'empereur et roi. Il en coûte d'autant plus à sa majesté d'ajouter foi à l'indication d'une conduite perfide de la part du gouvernement prussien, que dans ce moment elle attend l'arrivée du prince Grillaume, son beau-frère, qui n'aurait point choisi pour une visite d'amitié fraternelle, le moment où dans le cabinet du roi son père on travaillerait à rompre avec la Russie la bonne intelligence fondée par les actes[1] de feu sa

[1] Въ черновомъ отпускѣ зачеркнуто «bienfaits» и замѣнеоо «actes».

Библиотека "Руниверс"

majesté l'empereur Alexandre de glorieuse mémoire et cimentés par les liens les plus sacrés. Sa majesté pense même que ce prince pourra porter quelques eclaircissement sur les vues de la Prusse qu'on n'a pas voulu confier à la route ordinaire. Cependant sa majesté ne désire rien négliger pour savoir la vérité la plus exacte et se mettre en mesure de résister à une attaque imprévue, ou à déjouer des projets aussi injustes que perfides; elle est en outre persuadée que sa majesté imperiale donnera de son côté, avec le zèle et la profonde intelligence dont elle a donnée tant d'éminentes preuves, tous ses soins à être bien instruite des menées secrètes et des démarches de nos voisins pour être prêt à s'y opposer quand elles deviendront évidentes. Sa majesté ne manquera pas de tenir monseigneur le grand duc au courant de tout ce qu'elle apprendra et espère que son altesse en agira de même à son égard comme elle l'a toujours fait jusqu'ici.

Quant au nouvelles de Posen découvrant la fermentation des esprits dans le sens soi-disant patriotique, l'empereur et roi les juge de la plus haute importance et suppose que cet état de choses n'est pas isolément à Posen un cas accidentel, mais pourrait bien être qu'une suite des trames des sociétés secrètes dans les provinces qui ont appartenues à l'ancien royaume de Pologne.

Monseigneur le grand duc étant à même d'observer de près les individus et les choses, et par là de juger si cette idée est fondée, sa majesté s'en repose entièrement sur son altesse impériale[1].

Цесаревичъ Константинъ генералъ-адъютанту Киселеву.

Варшава. 20-го ноября 1827 года.

№ 118.

Павелъ Дмитріевичъ.

За доставленныя мнѣ свѣдѣнія при письмѣ вашего превосходительства къ начальнику главнаго штаба моего отъ 6-го сего ноября о заграничныхъ происшествіяхъ я обращаюсь къ вамъ съ особенною благодарностію и прошу ваше превосходительство принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

Константинъ.

P. S.

Подполковникъ Катасановъ, стоящій на кордонѣ въ городѣ Калишѣ, донесъ, что 5-й Прусскій корпусъ, стоящій въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, получилъ по экстраочтѣ 8 (20) ноября предписаніе о приведеніи себя на военное положеніе. Сіе повелѣніе подтверждается и донесеніемъ секретнаго агента изъ Познани, который прибавляетъ, что поляки выводятъ изъ онаго свои виды, а прусскіе офицеры предполагаютъ, что ежели начнется война между Россіею и Турціею, то пруссаки, соединясь съ австрійцами, будутъ препятствовать Россіи увеличиться и уничтожатъ вліяніе ея надъ Германіею. Поляки въ своемъ смыслѣ и пруссаки въ своемъ громко говорятъ о войнѣ. Съ моей стороны взяты всѣ возможныя мѣры объ узнаніи истины. Прошу довести сіи извѣстія до свѣдѣнія господина главнокомандующаго.

[1] Списано съ чернового отпуска, писаннаго рукою г.-а. Адлерберга и исправленнаго рукою графа Дибича.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Генералъ-адъютантъ Киселевъ цесаревичу.

Тульчинъ. 26-го ноября 1827 г.

Ваше императорское высочество.

Удостоясь получить письмо вашего высочества отъ 20-го текущаго мѣсяца, я немедленно исполнилъ приказаніе ваше, представивъ оное для свѣдѣнія г. генералу Ф—ла.

Съ нынѣ отходящею экстрапочтою я отправилъ черезъ Радзивилловскаго почтмейстера къ графу Курутѣ расписаніе австрійскаго корпуса, на границѣ нашей и турецкой расположеннаго. По свѣдѣніямъ (которыя, однако же, требуютъ подтвержденія) войско сіе стягивается въ Трансильваніи, гдѣ учреждаются большіе хлѣбные запасы, и куда валахскій господарь отправилъ уже нѣсколько транспортовъ съ пшеницею.

Между боярами появилась партія, явно провозглашающая, что покровительство Австріи есть для нихъ спасительное и которымъ отклонится разореніе, имъ нынѣ угрожающее.

Другія свѣдѣнія болѣе или менѣе положительныя даютъ право заключить, что преднамѣренія сей державы весьма противны нашимъ, и что они готовятся предупредить насъ въ занятіи Валахіи. Г. главнокомандующій о семъ представилъ на благоуваженіе его императорскаго величества и ожидаетъ рѣшительнаго повелѣнія на случай внезаннаго перехода границы и встрѣчи съ австрійскими войсками.

Почитая за особенное счастіе быть угоднымъ вашему императорскому высочеству и со всѣмъ усердіемъ исполнять волю вашу, я по настоящимъ обстоятельствамъ буду доводить до свѣдѣнія вашего высочества о всѣхъ тѣхъ пограничныхъ свѣдѣніяхъ, которыя вниманія достойны быть могутъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія имѣю счастіе пребыть
вашего императорскаго высочества
всепокорнѣйшій слуга
П. Киселевъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ цесаревича.

Варшава. 3-го мая 1828 г.

Доходили до меня свѣдѣнія, что прусское правительство принимаетъ мѣры къ укрѣпленію города Познани; но я не давалъ сему вѣры, какъ слухамъ неосновательнымъ. Послѣ того сіе начало подтверждаться по получаемымъ письмамъ и разсказамъ пріѣзжающихъ, а нынѣ находящіеся въ Калишѣ начальникъ польской жандармской команды и командиръ донского казачьяго полка, подполковникъ Катасановъ 2-й, доносятъ, что на построеніе крѣпости ассигновано прусскимъ правительствомъ два милліона талеровъ, и пріѣхалъ туда для сего инженерный генералъ Раухъ съ 5-ю офицерами, да и посыланный отъ меня навстрѣчу ея императорскому высочеству, великой княгинѣ саксенъ-веймарской Маріи Павловнѣ, состоящій при мнѣ генералъ-майоръ Фенишъ слышалъ сіе на границѣ отъ прусскихъ офицеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ всеподданнѣйшихъ донесеній и рапортовъ цесаревича.

Свѣдѣнія изъ Австріи и Пруссіи.

18-го ноября 1827 года.

Генералъ отъ кавалеріи Редеръ въ Познани получилъ эстафетой 8 (20) ноября изъ Берлина повелѣніе о приготовленіи 5-го корпуса, коимъ онъ командуетъ, къ совершенной военной готовности.

22-го ноября 1827 года.

Прусскія войска приготовляются къ походу, только не извѣстно куда. Всѣ корпусные командиры вызываются въ Берлинъ.

25-го ноября 1827 года.

Транспортъ съ военными снарядами и полный экипажъ подвижныхъ походныхъ печей отправленъ изъ Ольмюца въ Лембергъ и Буковину.

Idem.

(Notes recueillies par un agent du grand duc à l'etranger).

La Prusse est vivement alarmée des mouvements qui ont eu lieu en France; elle a de l'inquiétude pour ses provinces Rhénanes; on a surpris plusieurs correspondances d'un très haute importance; si la chose continue, des troupes de toutes armes seront envoyées pour renforcer le corps d'armée qui se trouve sur le Rhin.

Un courrier est arrivé il y a quelques jours de Berlin à Posen avec des ordres secrets de sa majesté le roi pour les généraux qui commandent les troupes, de se tenir prêts au premier signal. Dès que l'Autriche osera faire la moindre démarche hostile, le corps d'armée Prussien, qui occupe maintenant la Saxe, la Silésie et le grand duché de Posen, et qui est fort de 100.000 hommes, doit aussitôt avancer et s'emparer de la Bohême. Cet ordre est tenu dans le plus grand secret par les généraux, et ce n'est que par un heureux hasard qu'il est parvenu à la connaissance du correspondant, qui a lu lui même la dépêche qui n'est encore connue que des généraux Roeder (командиръ 5-го корпуса) et Bothe (командиръ дивизіи).

28-го ноября 1827 года.

1) Нѣкоторымъ австрійскимъ полкамъ дано приказаніе, чтобы они сблизились къ россійскимъ границамъ и расположились по квартирамъ, начиная занимать оныя отъ австрійскаго мѣстечка Черновицъ, что въ Буковинѣ, до конца россійской границы; также имѣютъ занять сіи войска мѣста противу турецкаго мѣстечка Стефанешти, на границѣ состоящаго. Движеніе сихъ войскъ должно начаться въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ.

2) Австрійцы не вѣрятъ, чтобы весь турецко-египетскій флотъ былъ сожженъ, или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ дать тому вѣры, а утверждаютъ, что малая и совсѣмъ незначительная часть флота истреблена, почему никакихъ толковъ о семъ пораженіи турокъ еще не открывается.

3) Въ Австріи предписано сдѣлать резервнымъ войскамъ разборъ.

Библиотека "Руниверс"

Цесаревичъ графу Сакену.

3-го декабря 1827 года.

Начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи генералъ-майоръ Рейбницъ, вслѣдствіе секретнаго моего ему предписанія, дабы по мѣстному его нахожденію близъ австрійской границы всемѣрно старался узнавать въ подробности секретнѣйшимъ образомъ посредствомъ тайныхъ агентовъ о всемъ происходящемъ въ австрійской Галиціи и въ особенности въ г. Лембергѣ, отъ 29-го ноября доноситъ, что въ австрійской Галиціи формируется обсерваціонный корпусъ, по словамъ однихъ—изъ 30.000, а по словамъ другихъ—изъ 60.000 человѣкъ; ожидаютъ также тамъ въ скорости большого рекрутскаго набора. Запасные провіантскіе магазейны долженствуютъ быть въ непродолжительномъ времени учреждены, но въ какихъ именно мѣстахъ и въ какомъ количествѣ, еще не извѣстно, какъ только то, что въ Лембергѣ назначено 300 человѣкъ хлѣбопековъ.

Онъ получилъ также отъ Радзивилловскаго пограничнаго почтмейстера секретное увѣдомленіе, что австрійскій 30.000-й корпусъ формируется въ Офенѣ.

По другимъ свѣдѣніямъ, обсерваціонный корпусъ въ 30.000 человѣкъ формируется въ Венгріи въ Офенѣ.

Извѣстіе объ истребленіи соединенными эскадрами большой части турецко-египетскаго флота въ бывшемъ морскомъ сраженіи при Наваринѣ крайне изумило всѣхъ въ Галиціи, при чемъ въ разговорахъ многіе изъявляли большое сожалѣніе о потерѣ, понесенной Портою, и утвердительно говорили о войнѣ съ нею Россіи.

3-го декабря 1827 года.

Во всей австрійской арміи получено повелѣніе быть въ совершенной готовности и произвесть рекрутскій наборъ для укомплектованія войскъ.

...Un corps prussien de la province septentrionale composé de 50.000 h. a reçu l'ordre secret de se tenir prêt pour marcher vers les frontières autrichiennes. On fait rentrer les congédiés dans leurs corps. On parle en Prusse que l'Autriche s'arme et qu'elle a fait des contrats en Dalmatie pour différents objets de la marine.

Свѣдѣнія изъ Австріи:

3-го декабря 1827 года.

Le général Hohenegg qui depuis quelque temps se trouve de sa personne à Czernowitz, a de fréquentes communications avec la Turquie. C'est encore lui qui est chargé de surveiller le mouvement des troupes Russes sous les ordres du maréchal Wittgenstein; il expédie tous les jours des estafettes à Léopold, adressées au général Fresnel.

Варшава. 5-го (17-го) декабря 1827 года.

Le commandant de la gendarmerie des palatinats de Kalisz annonce qu'il n'y a plus de doute que 3 corps prussiens ont reçu l'ordre secret de se tenir prêt pour marcher et que la seconde levée (Landwehr 2-te Aufgeboth) soi aussi disposée au premier ordre donné pour occuper les forteresses.

Библиотека "Руниверс"

Le general Ziethen qui commande à Breslau reçoit maintenant très souvent des estafettes. La gendarmerie prussienne depuis quelques semaines fait très souvent des enquêtes sur nos frontières, pour savoir ce qui se passe chez nous. Les Landraths du pays avoisinant nos frontières doivent de même prendre des renseignements du mouvement de notre pays et ont l'ordre de faire leurs rapports aux autorités supérieures.

Варшава. 7-го (19-го) декабря 1827 г. (Свѣдѣнія изъ Данцига отъ 1-го (13-го) декабря).

Les bruits sur l'ordre de mobilisation donné aux corps d'armée prussiens se sont rependus ici depuis quelques jours par des lettres particulières de Berlin.

Отъ цесаревича.

Варшава. 10-го (22-го) декабря 1827 года.

Изъ Пруссіи.

Toute l'armée est moralement sur le pied de guerre, car l'on présume qu'il est de toute impossibilité que la Prusse reste dans l'inaction si ses deux formidables voisins tirent l'épée. Ainsi chaque militaire de tel grade que ce soit fait d'avance ses plans de campagne, le public civil se mêle de la conversation, et en général le royaume entier, anticipant ainsi sur les événements, semble être prêt à marcher.

Ce qu'il y a de positif porte: que l'on travaille dans les arsenaux et les laboratoires, chose qui dans cette saison n'avait pas eu lieu aucune année.

Que les officiers de cavalerie qui sont moins biens montés cherchent à se procurer de meilleurs chevaux.

Que dans les instructions des régiments de toutes armes on s'occupe beaucoup plus des détails qui ont rapport à la guerre qu'à d'autres fins.

Que les officiers de génie et ceux qui ont rapport avec cette arme, se pourvoient d'instruments de papier à dessein et autres petites bagatelles relatives à leur branche de service militaire.

Le dire général est:

Que le corps de Magdebourg servira d'abord de réserve à celui du Rhin et il s'y rendrait aussitôt, si la France était révolutionnée. Que celui de la vieille Prusse et celui de Berlin et Poméranie se rendront en Silésie, ainsi l'évacuation de la vieille Prusse et de la Poméranie ne font pas présumer qu'on ait conçu de l'inquiétude du côté de la Russie.

Изъ Австріи.

La politique ainsi que la partie militaire est beaucoup plus mobilisée en Autriche qu'en Prusse.

Il est presque indubitable que l'on formera deux grands corps d'armée, l'un dans les environs de Semlin et l'autre en Transylvanie. Il est à présumer que les troupes de la Galicie se réuniront dans la Bukovine et environs, car l'on a commencé à former des magasins de cette contrée.

Библиотека "Руниверс"

Его императорскому величеству

отъ его императорскаго высочества цесаревича

рапортъ.

Начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майоръ Рейбницъ, отъ 6-го сего декабря доноситъ, что получены имъ извѣстія изъ Лемберга, что 60-ть тысячъ австрійскихъ войскъ уже тронулись въ походъ къ границѣ турецкой, для лучшаго оной укрѣпленія. Таковое же свѣдѣніе получилъ одинъ австрійской службы офицеръ отъ родственниковъ своихъ изъ Вѣны, и слухъ о семъ носится по Лембергу; войска же, расположенныя въ окрестностяхъ Лемберга, получили уже вторичное предписаніе быть въ готовности къ походу, но куда — неизвѣстно. Въ прочемъ подтверждаются всѣ тѣ же слухи, о которыхъ вслѣдствіе донесеній генералъ-майора Рейбница было доведено до высочайшаго вашего императорскаго величества свѣдѣнія отъ меня.

О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи

Константинъ цесаревичъ.

№ 177.
14-го (26-го)
декабря 1827 года.
Варшава.

Австрія.

1-го января 1828 года.

Il est très possible que le corps de réserve cantonné en Hongrie se réunisse à celui qui se trouve en Galicie et qu'alors le prince de Hesse-Hombourg prendrait le commandement des troupes réunies.

Составъ резервнаго корпуса . . .	28 баталіоновъ,
	48 эскадроновъ.
Корпусъ въ Галиціи	29 баталіоновъ,
	2 полка драгунскихъ,
	3 » chevaux légers,
	2 » гусарскихъ.

Соединенная сила этихъ двухъ корпусовъ простирается до 70.000 человѣкъ.

Cette armée devra être opposée aux troupes sous les ordres de son altesse impériale, si jamais la Russie voulait faire la guerre à la Turquie, pour réaliser des projets particuliers, et non dans le but de soustraire la Grèce de la persécution des musulmans.

Пруссія.

7-е января.

Le 5-me, ainsi que le 6-me corps d'armée sont prêts à marcher, mais personne ne bouge.

La négligence dans laquelle on laisse toutes les places fortes situées aux frontières autrichiennes et le soin avec lequel on approvisionne et l'on répare les fortifications du côté de la Pologne, l'activité qu'on met à achever les forti-

Библиотека "Руниверс"

fications de Thorn, sans égard à la saison, à côté de la proche parenté des souverains, l'étroite amitié qui les unit, l'appel clandestin des semestriers, tout cela déroute les combinaisons politiques de ceux qui ont l'habitude de les faire, et jusqu'à ce moment il n'y a pas d'opinion fixe en Prusse, ni dans le civil, ni dans l'armée.

Турція.

La nouvelle de la prise d'Erivan ayant été connue à Constantinople a produit une sensation désagréable et a intimidé les esprits. Ce n'est plus la paix de la Perse avec la Russie qu'on craint dans la capitale, c'est l'acceptation d'un traité d'alliance offensif et défensif qu'on y disait exister en projet entre la Russie et la Perse, et comme la Porte ne compte pas beaucoup sur la fidélité des pachas de Bagdad et de Bapora, qui n'ont pas encore aboli les janissaires et vers les pachalics desquels tous les individus qui ont appartenu à ce corps et ont eu le bonheur de se soustraire à la persécution, se sont portés en masse ne pouvant non plus compter sur les chrétiens de l'Arménie et de la Natolie, la Porte se trouve vivement alarmée de ce côté là, et il ne serait pas étonnant qu'une grande partie des renforts attendus d'Asie reçoivent l'ordre de veiller à la sureté des frontières de l'Arménie.

...L'organisation des corps d'armée turcs ne pourrait avoir lieu qu'après l'arrivée des troupes d'Asie, lesquelles ne sont attendues à Constantinople que les derniers jours du mois de Mars, ou au commencement d'Avril.

Пруссія.

Варшава. 14-го февраля 1828 года.

L'armée est prête à être mise sur le pied de guerre; deux corps d'armée sont mobiles, c'est à dire prêts à marcher dans les 24 heures; le reste peut être rendu mobile en très peu de temps, vu que depuis plusieurs mois on s'est déjà préparé à cette opération. Si une levée de boucliers a lieu en Europe et si rien ne fait changer la politique que la Prusse vient d'adopter, il est évident que, dans les circonstances présentes, la Russie n'a rien à craindre de ce côté là, puisque en cas d'allerte, les troupes de la vieille Prusse auraient à quitter leurs cantonnements et marcher en arrière, pour se placer dans le talon de la Silésie.

Австрія.

Le prince Metternich désire une réunion en congrès des monarques ou des plénipotentiaires pour s'entendre, dit-il, sur les affaires de l'Europe, car vu les distances et souvent le défaut d'intelligence des différents ministres, l'on peut compromettre le sort des monarchies, allumant une guerre générale, et combien n'éviterait on pas de calamités à la pauvre humanité, si l'on voulait s'entendre. Car, dit-il, il ne faut se fier à la Russie, ni à cette espèce de politique stationnaire qu'elle semble avoir adoptée, non seulement qu'elle veut passer pour ne vouloir toucher à rien, mais elle semble reculer; oui, dit-il, mais c'est pour mieux sauter; et si l'on n'empêche pas l'empereur Nicolas de faire le

Библиотека "Руниверс"

lus petit pas en avant, on ne saurait déterminer où il voudrait s'arrêter, si jamais il prend la résolution de faire ce petit pas.

Quant à l'Angleterre et à la France, elles auront, dit-on, assez à faire chez elles, pour enser au dehors; ce sera encore à l'Autriche à arrêter le débordement des torrents, c'est encore à elle, dit-il, à maintenir l'équilibre, à elle à sauver l'humanité.

Отъ цесаревича.

Варшава. 4-го (16-го) мая 1828 года.

Изъ Австріи.

Le prince de Metternich ainsi que tous ceux reconnus être de ses amis, ou ceux partisans de son système sont au désespoir de ne pouvoir pas détourner la Russie des projets qu'elle va mettre à exécution, de la résolution qu'elle a adoptée. On a pris à Vienne pour ainsi dire un deuil politique, on attend avec anxiété l'issu des événements, on ne doute pas de sa réussite et des avantages que la Russie en retirera.

On se déchaîne contre le duc de Wellington, on boude l'ambassadeur d'Angleterre, on fait la mine à celui de Prusse. En attendant tout s'est arrêté. Aucun envoi d'hommes, ni même de munitions, ni en Hongrie, ni d'aucun côté; seuls les courriers sont en activité.

...On vient de faire une nouvelle levée de recrues, avec lesquelles on a mis au 1-er Mai tout le corps de Galicie au grand complet de guerre.

On procède à l'achat de 6.000 chevaux de cavalerie, afin de mettre tous les régiments de cavalerie, faisant partie du corps d'armée de Galicie à 950 chevaux de dragons et chevaux légers et à 1.200 chevaux ceux des hussards.

Всеподданнѣйшая записка цесаревича Константина Павловича.

Варшава.
1-го (13-го) іюня 1828 года.
№ 43.

En exécution des ordres qu'il a plu à votre majesté impériale et royale de m'adresser, j'ai choisi 18 officiers de son armée royale polonaise, pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs. En mettant ci près sous vos yeux la liste de ces militaires, j'ai l'honneur de vous exposer, sire, que parmi eux se trouvent 7 sous-lieutenants, qui, bien qu'il n'appartiennent point au quartier-maîtrat général, ni au corps du génie, ainsi que votre majesté a daigné le prescrire, n'ont été placés dans la ligne, à leur sortie de l'école d'application, que faute de vacances et pour ne pas demeurer inactifs, car selon leurs études et leurs connaissances, ils auraient du être agrégés au quartier-maîtrat général et au corps du génie.

Comme dans le nombre de ces 18 officiers se trouve le colonel du quartier-maîtrat général Hauke, qui a été employé jusqu'à présent auprès du général d'infanterie d'Auvray, pour la démarcation avec l'Autriche et qui, à cet effet, séjourne actuellement à Kamieniec-Podolski, je fais diriger tous ces officiers vers cette ville, en enjoignant au colonel Hauke de se rendre conjointement avec eux à l'armée active et de s'y mettre à la disposition du major-général comte Diebitsch.

Constantin.

Библиотека "Руниверс"

Liste nominative des officiers destinés à se rendre à l'armée impériale qui agit contre les turcs.

1828.

Quartier-maîtrat général.

Отмѣтки графа Чернышева.

Hauke, Joseph, colonel	auprès de sa majesté l'empereur et roi.

Quartier-maîtrat général de la garde royale.

Szymanowski, Félix	auprès du major-général comte Diebitsch.
Chrzanowski, Albert	capitaines. auprès du feldmaréchal comte Wittgenstein.

Quartier-maîtrat général:

Breza, Joseph	auprès du général Kisseleff, chef de l'état major de la 2-de armée.
Kijeński, Ignace	sous-lieutenants, à l'état major général de la 2-de armée.
Matgorzewicz, Jacques	
Potkanski, Adolphe	
Piedzicki, Julien	auprès du comte Souchtelen.

Corps du génie.

Wilson, Joseph	capitaine, auprès du général Trousson, chef du génie de la 2-de armée.
Szultz, Auguste	lieutenant, auprès du général Kisseleff.
Szymonski, Michel	sous-lieutenant, auprès du général Trousson.

Régiments de ligne.

Sous-lieutenants:

Malczewski, Julien. . . .	du 4-e de ligne . . .	Ces officiers se sont trouvés à l'école d'application et ont été placés, à leur sortie de l'école, dans ces régiments; mais d'après leurs études et leurs connaissances ils étaient destinés à entrer au quartier-maîtrat.
Stryjeński, Alexandre . . .	du régiment des chasseurs à pied de votre majesté impériale et royale № 1	
Ledochowski, Francois. . .	du 6-e de ligne . . .	
Borchard, Conrad	du 2-e de ligne . . .	
Swieszewski, Jean. . . .	du 4-e chasseurs à pied	id.
Strzemieczny, Mathieu . .	du même	destinés au corps du génie.
Nynkowski, Constantin . .	du 3-e chasseurs à pied	

Constantin.

Въ аттестаціи каждаго изъ поименованныхъ здѣсь офицеровъ упомянуто о его знаніяхъ по своей спеціальности и языкамъ. По русскому языку большинство comprend le russe.

Библиотека "Руниверс"

Отмѣтки графа

Чернышева.

Malczewski, Julien. . . .	— auprès de son altesse impériale monseigneur le grand duc Michel.	Полковникъ Гауке сопровождалъ императора Николая, при отъѣздѣ его изъ арміи осенью 1828 г. моремъ, имѣя порученіе въ Варшаву къ его высочеству цесаревичу.
Stryjeński, Alexandre . . .	— auprès de colonel Hauke.	1-го (13-го) октября въ рапортѣ графу Дибичу (à bord du «Paris») сказано:
Ledochowski, François . .	à l'etat major général	....«le capitaine Szymanowski du quartier-maîtrat général de la garde est après moi le plus ancien officier. Votre excelence daignera donc pendant mon absence faire adresser à cet officier les ordres concernant les officiers polonais détachés à l'armée impériale».
Borchard, Conrad		
Swieszewski, Jean. . . .		
Strzemieczny, Mathieu. . .	de la 2-de armée.	
Nynkowski, Constantin . .	— à Varna auprès du comte Souchtelen.	Тотъ же капитанъ завѣдывалъ вновь посланными офицерами и въ 1829 г.

Всеподданнѣйшая записка цесаревича Константина Павловича.

№ 24.

Варшава. 15-го (27-го) марта 1829 г.

J'ai l'honneur de porter à la connaissance de votre majesté impériale et royale que conformément à ses hautes intentions, qui m'ont été communiquées par son aide de camp général comte Czernicheff, j'ai fait choix de 19 officiers du quartier-maîtrat général et du corps du génie de l'armée royale polonaise, pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs. Ces officiers dont les noms se trouvent consignés dans la liste ci-jointe, quitteront incessamment Varsovie, et à leur arrivée au quartier général de la 2-de armée ils se mettront à la disposition du commandant en chef général d'infanterie comte Diebitsch.

Constantin.

Библиотека "Руниверс"

Liste nominative des officiers destinés à se rendre à l'armée impériale activement employée contre les turcs.

Quartier-maîtrat général.

Szymanowski, Félix . .	capitaines aux gardes.
Chrzanowski, Albert . .	
Potkanski, Adolphe . .	lieutenants.
Matgorzewicz, Jacques. .	
Butryn, Nicodème . . .	
Breza, Joseph	
Kijeński, Ignace . . .	
Zandrowicz, François . .	
Pięzicki, Julien . . .	sous-lieutenant.

Corps du génie.

Szymanowski, Vincent. .	lieutenants.
Rossmann, Frédéric . .	
Iodko, Constantin . . .	
Wieszniewski, Félix . .	
Szultz, Auguste. . . .	
Leszcyński, François . .	
Bielinski, Edouard . . .	
Szymonski, Michel . . .	
Dunin, Félix	
Zelewski, Theophile . .	sous-lieutenant.

Constantin.

Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1829 г. великій князь доноситъ, что вмѣсто поручика Лесчинскаго назначенъ поручикъ инженернаго же корпуса Brodowski (Joseph).

Etat nominatif de m.m-rs les officiers du corps du génie de l'armée polonaise, détachés à l'armée impériale russe, activement employée contre les turcs en 1829.

Lieutenants:	Brodowski,
	Szymanowski,
	Rossmann,
	Iodko,
	Wiszniewski,
	Szultz,
	Bielinski,
	Dunin,
Sous-lieutenant:	Zelewski,

Ce 13-го (25-го) Mai 1829.

Le lieutenant du génie Brodowski.

Библиотека "Руниверс"

Войскъ польскихъ, корпуса инженеровъ.

Поручики: Бродовскій.
Шимановскій.
Росманъ.
Іодко.
Вишневскій
Шульцъ.
Бѣлинскій.
Дунинъ.

Подпоручикъ: Желевскій.

Etat major général impérial et royal.

St.-Pétersbourg,
ce $\frac{26 \text{ Mars}}{9 \text{ Avril}}$ 1829.

Section de l'armée polonaise.

A son altesse impériale monseigneur le grand duc Constantin Césarewitch

rapport

de l'aide de camp général comte Czernicheff dirigeant l'état major général de sa majesté impériale et royale.

L'empereur et roi ayant pris lecture du rapport de votre altesse impériale du $\frac{15}{27}$ Mars № 24, relativement au choix qu'elle a fait de 19 officiers polonais pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs, m'a chargé, monseigneur, de vous témoigner sa pleine et entière satisfaction pour l'empressement que votre altesse impériale a bien voulu mettre dans l'exécution de ses hautes intentions.

L'aide de camp général comte Czernicheff.

Графъ Дибичъ цѣсаревичу.

С.-Петербургъ. 9-го ноября 1827 года.

№ 472.

Государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ донести вашему императорскому высочеству, что полученныя на-дняхъ извѣстія о бывшемъ морскомъ сраженіи между флотами союзныхъ державъ и турецкимъ подъ командою Ибрагимъ-паши, въ которомъ надъ послѣднимъ одержана совершенная побѣда, дѣлаютъ войну съ турками весьма вѣроятною.

Хотя до сего времени не получено еще достовѣрныхъ извѣстій о разрывѣ Портою существующихъ между нами мирныхъ отношеній, но легко статься можетъ, что

Библиотека "Руниверс"

турки, можетъ быть, рѣшатся перейти Дунай и разорить княжества Молдавію и Валахію, или, можетъ быть, дерзнутъ нанести какое либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополѣ, или кому либо изъ пословъ союзныхъ державъ.

Если бы случилось то или другое, то сіе будетъ уже явнымъ знакомъ разрыва Портою существующаго между нами мира, и тогда должно будетъ съ нашей стороны принять рѣшительныя мѣры къ войнѣ.

По симъ обстоятельствамъ нынѣ же дано повелѣніе генералъ-фельдмаршалу, графу Витгенштейну, что если бы онъ получилъ отъ пребывающаго въ Яссахъ консула нашего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Минчіаки, въ сходство особаго даннаго ему предписанія, офиціальное донесеніе о переходѣ турокъ чрезъ Дунай въ княжества Молдавію и Валахію, или что турки сдѣлали какое либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополѣ, либо которому нибудь изъ пословъ союзныхъ державъ, въ таковомъ случаѣ приказалъ бы немедленно войскамъ, подъ начальствомъ его состоящимъ, перейти черезъ Прутъ и занять княжества Молдавію и Валахію, сходно съ предначертаннымъ для сего планомъ.

По таковому положенію дѣлъ государь императоръ на случай могущей быть войны съ турками изволитъ имѣть слѣдующія предположенія.

1) Коль скоро 2-я армія перейдетъ черезъ Прутъ, то въ подкрѣпленіе оной назначить 3-й пѣхотный корпусъ.

2) Въ то же время ближайшія къ театру войны губерніи, въ томъ числѣ и Подольскую, объявить на военномъ положеніи.

3) Какъ политика Австріи до сего времени была въ томъ сомнительномъ положеніи, что въ случаѣ открытія войны съ турками мы должны опасаться, дабы она не сдѣлала противъ насъ непріязненныхъ движеній, то для необходимой въ семъ случаѣ осторожности и для охраненія границъ нашихъ отъ стороны Австріи учредить изъ войскъ польской арміи, изъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса и изъ резервнаго корпуса войскъ, подъ начальствомъ вашего императорскаго высочества состоящихъ, обсерваціонную армію подъ предводительствомъ вашего высочества, присоединивъ 1-ю гусарскую дивизію попрежнему къ 1-му пѣхотному корпусу.

4) Въ подкрѣпленіе же сей обсерваціонной арміи назначить изъ 1-й арміи 1-й и 2-й пѣхотные и гренадерскій корпуса и резервную кавалерію подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Сакена.

О сихъ предположеніяхъ государь императоръ повелѣлъ мнѣ донести вашему императорскому высочеству только для предварительнаго вашего свѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы ваше высочество, впредь до дальнѣйшаго объясненія дѣлъ съ турками и до полученія особеннаго высочайшаго разрѣшенія, не дѣлая еще никакого исполненія въ отношеніи составленія обсерваціонной арміи, благоволили нынѣ сдѣлать одно только соображеніе: какимъ образомъ предположеніе сіе можетъ быть выполнено, и что для того нужно? а какъ на приведеніе польскихъ войскъ въ военное положеніе потребуются издержки, равномѣрно таковыя же потребуются и для войскъ Литовскаго корпуса по военному времени, то на что именно и какая сумма нужна особо для польской арміи и особо для войскъ Литовскаго корпуса? и обо всемъ ономъ почтили бы меня заблаговременно увѣдомленіемъ для доклада его величеству.

Библиотека "Руниверс"

Цесаревичъ графу Дибичу.

14-го апрѣля 1828 года.

Графъ Иванъ Ивановичъ.

Видя изъ объявленныхъ распоряженій, что составляется резервъ войскъ для 2-й арміи, гвардія выступаетъ въ походъ, и по дошедшимъ извѣстіямъ воспослѣдуетъ отбытіе государя императора къ арміи. Насчетъ же войскъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ, была только извѣстная вашего сіятельства переписка о предполагаемомъ составѣ обсерваціонной арміи, какъ же по заведенному съ нѣсколькихъ лѣтъ по волѣ блаженной памяти государя императора Александра Павловича порядку къ 1-му іюня каждаго года войска Литовскаго корпуса и польской арміи собираются всегда въ кампаменты и въ лагери, именно литовская уланская дивизія къ Несвижу, 24-я пѣхотная дивизія къ м. Скиделю, 25-я къ м. Млынову, съ ихъ артиллеріею, гренадеры резервнаго корпуса къ м. Цехановцу, а польская армія къ Варшавѣ, а какъ таковой сборъ можетъ отдалить нѣкоторыя войска отъ австрійской границы, какъ-то: Брестской и Бѣлостокской пѣхотные полки находятся первой въ Брестъ-Литовскѣ, а другой въ Кобринѣ, имъ же надобно итти въ лагерь за Гродно; также изъ м. Шерешева 24-й артиллерійской бригадѣ, что̀ сдѣлаетъ разницы дней 15, равномѣрно литовская уланская дивизія изъ Слонима къ Несвижу отдалится назадъ, и нѣкоторые полки и артиллерія польской арміи равно отдалятся отъ австрійской границы къ Варшавѣ, то по сему случаю и въ теперешнемъ положеніи дѣлъ я остаюсь въ нерѣшимости дать мои приказанія насчетъ свода войскъ въ кампаменты и лагери, время же къ сему уже приближается, и потому нужнымъ почелъ обратиться къ вашему сіятельству не офиціальнымъ отношеніемъ и чрезъ сіе письмо и просить не оставить увѣдомить меня, можетъ ли быть сдѣлано распоряженіе, какъ прежде было, къ своду войскъ въ кампаменты и лагери, въ тѣ же мѣста, или не назначатся ли другіе, и не имѣется ли въ виду особенныхъ какихъ распоряженій.

Въ ожиданіи на сіе вашего извѣщенія прошу ваше сіятельство принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія.

Константинъ.

Высочайшій отвѣтъ на письмо цесаревича къ графу Дибичу отъ 14-го апрѣля 1828 года.

По случаю отсутствія начальника главнаго штаба, государь императоръ, раскрывъ письмо его императорскаго высочества цесаревича къ графу Дибичу отъ 14-го сего апрѣля, поспѣшаетъ имѣть честь увѣдомить его высочество, что по настоящимъ сношеніямъ австрійскаго двора съ нами не только не предвидится настоятельной надобности къ приведенію въ исполненіе извѣстныхъ его высочеству предположеній насчетъ гласнаго состава обсерваціонной арміи, но напротивъ поведеніе австрійскаго кабинета подаетъ теперь еще менѣе сомнѣній, нежели прежде. Основываясь на семъ, государь императоръ не видитъ никакого затрудненія въ томъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы сборъ польскихъ войскъ не могъ производиться нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ окрестностяхъ Варшавы; желательно только, чтобы нѣкоторая часть пѣхоты въ видѣ гарнизона оставалась въ крѣпости Замостьѣ для вящшей безопасности отъ наглаго нападенія.

Въ отношеніи войскъ Литовскаго корпуса его величество столь же мало видитъ препятствій въ сборѣ 25-й пѣхотной дивизіи къ мѣстечку Млынову и гренадеръ резервнаго корпуса къ м. Цехановцу. Что касается до 24-й пѣхотной дивизіи, то удобнѣе бы казалось собрать оную вмѣсто мѣстечка Скиделя къ Бресту-Литовскому, а литовскую уланскую дивизію, если есть возможность, также у Бреста, или въ недальнемъ отъ онаго разстояніи. Впрочемъ всѣ сіи предположенія государь императоръ совершенно предоставляетъ благоусмотрѣнію его высочества, ибо и къ самому изложенію мнѣнія своего его величество приступилъ потому единственно, что его высочество въ обыкновенной предусмотрительности своей изволилъ обратиться по сему предмету съ вопросомъ къ начальнику главнаго штаба.

VI.

Письмо А. П. Ермолова императору Николаю [1].

Орелъ. 16-го января 1828 года.

Ваше императорское величество.

Щедрую награду вашего императорскаго величества, изліянную на меня, даже за предѣлы служенія моего, даръ сей единаго великодушія, превосходящій заслуги мои, превышающій силы содѣлаться его достойнымъ, пріемлю я съ чувствами чистѣйшей благодарности вѣрноподданнаго—съ благоговѣніемъ!

Знаю, государь, сколько мала жертва сія передъ милостію высокою, скорблю, не имѣя случая посвятить достойнѣйшую!

Исполненный щедротъ вашего императорскаго величества, дерзаю возносить единое желаніе: да воззрѣніе на меня благотворящаго мнѣ государя не возбудитъ завистующихъ моему счастію.

Вашего императорскаго величества

вѣрноподданный

отставной генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

---

1 Это письмо написано Ермоловымъ по случаю того, что императоръ Николай повелѣлъ увеличить его пенсію до 30.000 р. вмѣсто получаемыхъ имъ 14.000 р.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Письмо князя П. М. Волконскаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Odessa.
27 Juillet 1828.

Madame.

Il m'est impossible d'exprimer à votre majesté impériale tout ce que nous avons éprouvés ce matin par la surprise la plus agréable que nous a fait sa majesté l'empereur par son arrivée inattendue. A midi étant tranquillement dans ma chambre à préparer une expédition de courrier pour l'empereur, j'entends tirer le canon sur mer. J'envoie mon secrétaire reconnaître ce que c'était, et ne le voyant pas venir, j'entendis redoubler la canonade, et je sors pour m'en assurer moi-même. J'apperçois une fregate suivie d'un pyroscaphe, qui saluaient le pavillon de l'impératrice, et je vois en même temps flotter l'étendart impérial au gros màt du bâtiment; j'ai tout de suite dit à l'impératrice qui était venue également pour voir le vaisseau, que cela ne pouvait être que l'empereur, et en braquant notre télescope nous reconnûmes l'empereur. Je ne saurais vous exprimer, madame, le bonheur de l'impératrice et de la grande duchesse, qui toutes les deux courraient et criaient de joie. Un moment après nous vîmes la fregate jeter l'ancre et faire descendre à mer les bateaux sur lesquels est arrivé à terre l'empereur avec le grand duc Michel, les généraux Wassiltchikoff, Alex. Benkendorff, Adlerberg, le comte de Nesselrode, le comte Stanislas Potocki, le comte Matoussevicz, les aides de camp de l'empereur Serge Strogonoff, Lazareff, Korsakoff, l'aide de camp du grand duc Bibikoff, celui de Benkendorff Tolstoi, m-r Taneeff, le médecin du grand duc Wyllie et le peintre Worobieff.

L'entrevue de leurs majestés était extrêmement touchante, et grâce à Dieu l'empereur et le grand duc se portent à merveille. Sa majesté après avoir ordonné au maréchal de continuer à fortifier la position de Choumla, est allé voir celle devant Varna, et de là s'est embarqué à bord d'une fregate pour nous faire une visite, pendant que l'on travaille aux fortifications devant Choumla.

Il n'y a pas de doute qu'il ne pouvait mieux employer son temps, et faire une surprise plus grande que celle là, aussi sa majesté nous a rendue tous extrêmement heureux par sa présence.

J'ai tout de suite pensé à votre majesté impériale, combien cela pourrait vous faire plaisir, si vous pouviez vous trouver ici pour le moment, et je n'ai pas voulu manquer l'occasion de la poste pour annoncer à votre majesté impériale le bonheur que nous éprouvons.

Je suis,
madame, etc.
le prince Pierre Volkonsky.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Письмо императора Николая графу Дибичу.

Лагерь при Козлуджѣ.

21-го іюля 1828 года.

Мы дошли благополучно сюда. До Енибазара ничего не произошло, и я уже отпустилъ свой полкъ съ шестью орудіями, ибо рота ждала насъ у большого кургана. Тутъ встрѣтилъ я и осадное артиллерійское отдѣленіе и въ конвоѣ 328 выздоровѣвшихъ и раненыхъ изъ-подъ Браилова, въ совершенномъ порядкѣ. Но едва прошли ихъ, какъ прискакалъ казакъ отъ кургана, гдѣ стояла рота, съ донесеніемъ, что тутъ до 200 турокъ. Мы остановились, и покуда одинъ эскадронъ казаковъ пошелъ развѣдывать, я послалъ за артиллеріею и за своимъ полкомъ; они скоро прибыли; между (тѣмъ) мы слышали нѣсколько выстрѣловъ и (видѣли) въ трубкѣ налѣво на горѣ человѣкъ 15 турокъ съ ружьями. Посланный адъютантъ донесъ, что генералъ Свѣчинъ привелъ уже другую роту, и что дорога пуста; тогда прошли мы весьма спокойно, но я продержалъ при себѣ весь конвой; послѣ привала у Туркъ-Арнаутлара пошли мы сюда съ 19-мъ Егерскимъ полкомъ и остальными конными орудіями. На дорогѣ видѣлъ я роту Одесскаго полка въ редутѣ и работы у фонтана. Но мнѣ кажется, что необходимо при самомъ фонтанѣ имѣть постъ, ибо съ редута нельзя мѣшать разбойникамъ стрѣлять по тѣмъ, которые за водой ходятъ; я приказалъ сіе исправить. Также необходимо на горѣ близъ большого кургана имѣть постоянно роту; вода есть напротивъ въ колодцѣ; а мѣсто сіе такъ важно, что тутъ бываютъ всѣ разбои, и сегодня нашли тамъ нѣсколько головъ; велите сіе сейчасъ исполнить.

Здѣсь нашелъ я жандармскаго офицера съ (почтою) посылкою отъ Меншикова ко мнѣ и къ фельдмаршалу; я не сомнѣваюсь, что онъ успѣетъ занять позиціи у берега; но жалкое состояніе лошадей отъ непростительнаго безпорядка меня крайне огорчаетъ; посему я рѣшился свой полкъ и всю Донскую роту вести туда, но не ранѣе, какъ пріѣдетъ ко мнѣ донесеніе чрезъ Деллингсгаузена. Завтра же пошлю Строгонова съ двумя ротами очистить и занять опасный постъ. Здѣсь есть 4 воловъ и рота; но она двигаться не можетъ отъ надежа воловъ, которыхъ нало множество по всей дорогѣ, но всего болѣе позади самаго лагеря и здѣсь, и очевидно, что отъ безкормицы. При Енибазарѣ корму много, и тамъ нало ихъ меньше; надо испробовать велѣть имъ все за лагеремъ сгрузить и сейчасъ порожнія фуры отправить, или складку дѣлать въ Енибазарѣ и оттуда возить ежедневно только нужную пропорцію. Надо велѣть Абакумову сейчасъ устроить продовольствіе овсомъ для Варны. Здѣсь стоитъ эскадронъ 1-го Бугскаго полка; они шесть недѣль не видали овса; пятый только день что начали получать. На нихъ тоже считать нельзя. Велите отправить всѣ обозы моего полка и Донской роты сюда, гдѣ если и не застанутъ насъ, то могутъ подъ прикрытіемъ слѣдовать. Вотъ покуда все, что узналъ. Про Бенкендорфа ничего не знаемъ, но около двухъ часовъ былъ пресильный дымъ къ сторонѣ Праводъ.

Меня крайне тревожитъ состояніе транспортовъ, ибо здѣсь нигдѣ никакого корму имъ нѣтъ; потому надо непремѣнно усилить мѣры противъ Варны, дабы, по крайней

Библиотека "Руниверс"

мѣрѣ, сократить имъ путь, и хотя нѣсколько облегчить ихъ трудъ, иначе мы скоро станемъ въ пень. Призовите Абакумова и сами потрудитесь повѣрить всѣ его распоряженія. Если мнѣ дорога на Варну отсюда будетъ заперта, я рѣшусь итти на Базарджикъ, хотя кругомъ, но хочу быть въ Варнѣ, чтобъ судить своими глазами.

Желаю покуда, чтобъ у васъ все шло хорошо и по нашему вчерашнему условію, въ чемъ поручаю вамъ особенно имѣть строгій присмотръ и настояніе моимъ именемъ. Да благословитъ Богъ наше предпріятіе; оно трудно, но смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Мой поклонъ графу; прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ, вѣрьте дружбѣ вамъ

искреннаго

Николая.

IX.

Распоряженіе императора Николая по случаю отъѣзда къ арміи въ Турецкую кампанію въ 1828 году.

Графъ Викторъ Павловичъ, графъ Петръ Александровичъ и князь Александръ Николаевичъ. Находя нужнымъ на время отсутствія моего изъ столицы учредить для однообразнаго и безостановочнаго отправленія дѣлъ, на усмотрѣніе мое поступающихъ, особенную комиссію и назначивъ васъ членами оной, признаю за благо изложить здѣсь кратко волю мою касательно ея состава и дѣйствій.

1) Любезнѣйшій братъ мой, великій князь Михаилъ Павловичъ, имѣетъ быть членомъ сей комиссіи и присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ оной, когда находится въ С.-Петербургѣ.

2) Должность предсѣдательствующаго на сихъ собраніяхъ будетъ исправлять старшій изъ присутствующихъ.

3) Комиссія въ представленіи дѣлъ на усмотрѣніе мое, а равно и въ сношеніяхъ съ министромъ финансовъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ, съ морскимъ министромъ и статсъ-секретаремъ, управляющимъ моею собственною канцеляріею, и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ должна слѣдовать правиламъ, подробно опредѣленнымъ въ наказѣ ея, въ двухъ секретныхъ отъ сего числа на имя ваше указахъ и двухъ также секретныхъ указахъ правительствующему сенату отъ сего же числа.

4) Порядокъ для внесенія дѣлъ въ комиссію и для исполненія рѣшеній ея по министерствамъ финансовъ, военному и морскому и по собственной канцеляріи моей установляется особенными съ симъ вмѣстѣ данными министру финансовъ, управляющему военнымъ министерствомъ, морскому министру и статсъ-секретарю моему тайному совѣтнику Муравьеву инструкціями. Они обязаны предъявить сіи инструкціи въ комиссію.

5) Всѣ дѣйствія комиссіи за исключеніемъ лишь чрезвычайныхъ случаевъ, кои означены въ секретныхъ на имя ваше указахъ, должны оставаться въ тайнѣ.

Пребываю благосклонный къ вамъ

Николай.

С.-Петербургъ
24 апрѣля
1828 года.

Библиотека "Руниверс"

Господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Кочубею, генералу отъ инфантеріи графу Толстому и дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну.

Поручивъ вамъ главное наблюденіе за сохраненіемъ порядка и тишины въ государствѣ, я на ваше общее попеченіе возлагаю принятіе нужныхъ для сего мѣръ и въ томъ случаѣ, если Всевышнему будетъ угодно пресѣчь дни мои во время отсутствія моего изъ столицы. Для руководства вашего въ сихъ обстоятельствахъ постановляются слѣдующія правила.

1) Офиціальное извѣстіе о кончинѣ моей долженствуетъ быть сообщено вамъ любезнѣйшимъ братомъ моимъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, если онъ будетъ свидѣтелемъ оной; въ противномъ же случаѣ начальникомъ моего главнаго штаба или тѣмъ, кто въ сіе время при мнѣ старшій находиться будетъ.

2) Къ извѣстію имѣетъ быть приложено подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ кончины моей, утвержденное подписью медицинскихъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей.

3) До полученія сего офиціальнаго извѣстія вы обязаны наблюдать, чтобы, несмотря на большую или меньшую достовѣрность всякихъ иныхъ свѣдѣній, всѣ правительственныя и судебныя мѣста въ имперіи продолжали дѣйствовать именемъ моимъ, на основаніи законовъ; получивъ же оное по означенному выше сего порядку, вы имѣете немедленно донести о томъ любезнѣйшему брату моему, великому князю Михаилу Павловичу, который въ силу постановленія манифеста моего отъ 28-го января 1826 года облекается саномъ и властью правителя государства и за подписаніемъ своимъ издаетъ манифестъ отъ лица наслѣдника моего, сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной ему присягѣ.

4) Если въ сіе время любезнѣйшій братъ мой, великій князь Михаилъ Павловичъ, будетъ въ отсутствіи, то манифестъ наслѣдника моего, вслѣдствіе даруемаго вамъ чрезъ сей указъ полномочія, подписывается вами, и до прибытія правителя государства въ С.-Петербургъ вамъ предоставляется право завѣдывать всѣми дѣлами управленія, посылая указы и повелѣнія отъ имени новаго императора, за общимъ вашимъ подписаніемъ.

Николай.

С.-Петербургъ.
24 апрѣля
1828 года.

Господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Кочубею, генералу отъ инфантеріи графу Толстому и дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну.

Оставляя столицу мою на неопредѣленное время и желая, чтобы и въ продолженіе отсутствія моего могли всегда и съ надлежащею скоростію быть принимаемы дѣйствительныя мѣры для охраненія общественнаго спокойствія, я призналъ за благо ввѣрить вамъ главное о семъ попеченіе. Вслѣдствіе сего вы имѣете непрестанно и тщательно наблюдать за положеніемъ и ходомъ дѣлъ въ государствѣ, отличая между оными тѣ, въ коихъ по самому свойству ихъ или особеннымъ обстоятельствамъ времени можетъ быть нужно приступить немедленно къ какимъ либо распоряженіямъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій управленія. Къ дѣламъ сего

Библиотека "Руниверс"

рода принадлежатъ всѣ относящіяся къ чрезвычайнымъ случаямъ, въ коихъ можетъ быть угрожаема внутренняя или внѣшняя безопасность государства: бунты, открытіе злоумышленій, нашествіе непріятеля, голодъ, появленіе моровой язвы или иной опустошительной заразы и т. д. Въ сихъ случаяхъ и вообще въ обстоятельствахъ чрезвычайной важности вы имѣете, послѣ предварительнаго между вами соглашенія, предъявивъ государственному совѣту, правительствующему сенату и комитету министровъ, какъ сей секретный указъ, такъ и приложенный къ оному также секретный указъ правительствующему сенату, дѣйствовать по благоусмотрѣнію вашему съ полною властію, предписывая, если будетъ нужно, небыкновенныя выдачи денежныхъ казенныхъ суммъ, движеніе войскъ, удаленіе чиновниковъ, не исключая и самыхъ высшихъ, арестованіе изобличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ государственномъ преступленіи людей и дѣлая всѣ распоряженія, кои будутъ признаны необходимыми для соблюденія или возстановленія порядка и тишины въ государствѣ. Въ силу даннаго вамъ чрезъ сей указъ полномочія всякій главноначальствующій по военной и гражданской части обязанъ исполнять ваши предписанія, какъ именные указы мои, и дѣйствіе сей ввѣряемой вамъ чрезвычайной власти будетъ продолжаться до полученія отъ меня новыхъ о семъ новелѣній. О всѣхъ происшествіяхъ и открываемыхъ умыслахъ, коими общественное спокойствіе можетъ быть болѣе или менѣ нарушено или угрожаемо, а равно и о принимаемыхъ вами мѣрахъ противодѣйствія или предосторожности, вы имѣете безъ малѣйшаго отлагательства доводить до моего свѣдѣнія.

Николай.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля
1828 г.

Указъ правительствующему сенату.

Признавая необходимымъ для пользы ввѣренныхъ намъ отъ Бога подданныхъ, чтобы и во время отсутствія нашего изъ столицы могли всегда и съ надлежащею скоростію быть принимаемы дѣйствительнѣйшія мѣры для охраненія общественнаго спокойствія, мы разсудили за благо снабдить особеннымъ на чрезвычайные случаи полномочіемъ членовъ государственнаго совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кочубея, главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ генерала отъ инфантеріи графа Толстого и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына. Давъ имъ нужныя для руководства ихъ предписанія въ секретномъ отъ сего числа на имя ихъ указѣ, мы повелѣли имъ предъявить сей указъ правительствующему сенату, когда по усмотрѣнію ихъ будетъ въ семъ надобность, а правительствующему сенату повелѣваемъ сообразоваться въ точности съ волею нашею, въ оном указѣ изъявленною.

Николай.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля
1828 г.

Библиотека "Руниверс"

Наказъ

учрежденной на время отсутствія моего комиссіи.

I.

По случаю отъѣзда моего къ дѣйствующей арміи учреждается на время моего отсутствія изъ столицы особенная комиссія, которая будетъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи часть дѣлъ, по установленному нынѣ порядку на усмотрѣніе мое подносимыхъ.

II.

Для сего статсъ-секретарь, управляющій моею собственною канцелярію, вноситъ въ сію комиссію всѣ поступающіе въ сію канцелярію журналы и меморіи государственнаго совѣта и комитета министровъ, доклады и рапорты правительствующаго сената, представленія и донесенія комиссіи прошеній, министровъ и другихъ главноначальствующихъ, а равно и военныхъ генералъ-губернаторовъ, военныхъ губернаторовъ и прочихъ начальствъ, не исключая изъ того и дѣла, подлежащія тайнѣ. Министры финансовъ и морской и управляющій военнымъ министерствомъ, руководствуясь данными особенными постановленіями, вносятъ сами въ присутствіе комиссіи означенныя въ сихъ наставленіяхъ дѣла.

III.

Доклады святѣйшаго синода также поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе комиссіи чрезъ I отдѣленіе собственной моей канцеляріи. По дѣламъ, коихъ разрѣшеніе будетъ зависѣть отъ комиссіи, объявляются моимъ именемъ повелѣнія оберъ-прокурору святѣйшаго синода чрезъ посредство управляющаго моею собственною канцеляріею статсъ-секретаря.

IV.

Комиссія для разсмотрѣнія и отправленія поручаемыхъ ея вѣдѣнію дѣлъ собирается въ комнатахъ Зимняго или одного изъ загородныхъ дворцовъ моихъ; старшій изъ находящихся въ собраніи членовъ, исправляющій должность предсѣдателя, въ присутствіи прочихъ вскрываетъ вступающія въ оную бумаги.

V.

Комиссія, въ силу особеннаго симъ даннаго ей на время отсутствія моего изъ столицы права, можетъ объявляемыми отъ имени моего, чрезъ предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, или чрезъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, или же чрезъ управляющаго моею собственною канцеляріею статсъ-секретаря, повелѣніями дѣлать слѣдующія распоряженія.

1) Обращать къ исполненію мнѣнія государственнаго совѣта, единогласно или большинствомъ голосовъ принятыя, по дѣламъ тяжебнымъ и уголовнымъ, по коимъ

Библиотека "Руниверс"

не требуется указа за собственнымъ моимъ подписаніемъ, а равно и положенія комитета министровъ на томъ же основаніи.

2) Также обращать къ исполненію мнѣнія комиссіи прошеній.

3) Разрѣшать не опредѣленныя въ общемъ расписаніи расходовъ выдачи денежныхъ и казенныхъ суммъ, на основаніи даннаго о семъ наставленія министру финансовъ.

4) Разрѣшать назначеніе чрезвычайныхъ слѣдствій.

5) Разрѣшать увольненіе въ отпускъ на срочное время.

6) Утверждать удаленіе отъ мѣстъ и преданіе суду чиновниковъ, изобличаемыхъ въ преступленіи.

7) Разрѣшать выдачу пенсій на основаніи правилъ утвержденнаго мною въ 6-й день декабря 1827 года устава о пенсіяхъ.

Всѣ прочія дѣла и въ особенности проекты какихъ либо новыхъ законовъ, учрежденій и уставовъ комиссія представляетъ на мое усмотрѣніе. Она также представляетъ мнѣ сокращенныя вѣдомости о дѣлахъ, ею рѣшенныхъ, означая, когда сіи дѣла имѣютъ нѣкоторую важность, и причины постановляемыхъ ею рѣшеній.

VI.

Всѣ указы мои и повелѣнія, препровождаемыя въ комиссію, отъ нея сообщаются или объявляются по принадлежности, чрезъ предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, или чрезъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, или же чрезъ статсъ-секретаря, управляющаго собственною моею канцеляріею.

VII.

Комиссія съ особеннымъ вниманіемъ печется о предохраненіи государства отъ всего, что можетъ явно или тайно угрожать общественному спокойствію. Для сего главнокомандующій въ С.-Петербургѣ сообщаетъ ей всѣ нужныя посредствомъ полиціи или инымъ образомъ получаемыя имъ свѣдѣнія. Извѣстія сего рода отъ прочихъ начальствъ поступаютъ въ 1-е отдѣленіе моей собственной канцеляріи и управляющимъ оною статсъ-секретаремъ представляются комиссіи.

VIII.

Комиссія рѣшаетъ всѣ представляющіеся въ разсматриваемыхъ ею дѣлахъ вопросы по большинству голосовъ, и отвѣтственность за принимаемыя ею мѣры остается на тѣхъ, кои составляли большинство.

IX.

Въ дѣлахъ важныхъ и вообще, когда сіе будетъ признано нужнымъ, комиссія составляетъ журналы своихъ засѣданій. Въ оныхъ означаются рѣшенія комиссіи, а равно и особенныя мнѣнія членовъ ея и присутствующихъ въ оной по дѣламъ своего вѣдомства министровъ морского и финансовъ, и управляющаго военнымъ министерствомъ. Сіи журналы могутъ быть составляемы или статсъ-секретаремъ, управляю-

Библиотека "Руниверс"

щимъ моею собственною канцеляріею, или министрами финансовъ и морскимъ, и управляющимъ военнымъ министерствомъ, по дѣламъ, ими въ комиссію вносимымъ, или же по особеннымъ распоряженіямъ и подъ надзоромъ комиссіи. Рѣшенія ея приводятся въ исполненіе по установленному въ V-й статьѣ порядку объявляемыми отъ имени моего повелѣніями. Въ случаяхъ, когда нужны указы за моимъ подписаніемъ, комиссія представляетъ мнѣ проекты сихъ указовъ съ подробными реестрами или записками.

X.

1-е отдѣленіе собственной канцеляріи моей принимаетъ и отправляетъ дѣла по существующему нынѣ порядку, соображаясь съ постановленными въ семъ наказѣ правилами.

Николай.

X.

Письмо императора Николая I-го графу Дибичу отъ 21 августа 1828 года.

Odessa. $\frac{\text{le 21 Août.}}{1828.}$

Yvélitch vient d'arriver dans ce moment même, et je ne sais que vous dire, cher ami, si je suis plus indigné ou plus affligé de ce qui s'est passé chez vous. Depuis mon départ et votre maladie, il me paraît que tout s'est endormie et va à l'envers du sens commun. L'affaire du 14 n'a pas de nom et vous pouvez dire de ma part au maréchal que je ne comprends pas comment il peut se faire, s'il sait qu'il commande une armée russe, que les turcs ont pu rester en possession d'une redoute Russe sous son nez pendant 12 heures de suite. La perte des canons est encore plus honorable; en voila déjà 8 au pouvoir des turcs, et qu'a-t-on fait depuis que l'on est à Choumla? Est ce ainsi que l'on remplit les ordres bien positifs que j'y ais laissé. Quand dans votre dernier rapport vous me disiez que les turcs ont détruit le village de Straja, je me suis d'abord douté qu'il voulait soit y faire une nouvelle batterie soit y placer une redoute ou bien nous attaquer sur ce point; comment personne ne s'en est il douté chez vous?— L'abandon d'Eski Stamboul est une autre belle chose! Et que fait-on donc de toute l'immense artillerie qui est là; est elle là uniquement pour faire crever les chevaux d'inanition et sans tirer un coup de canon; enfin qu'est ce que le maréchal pense donc, s' pense! Enfin tout cela est pitoyable et détestable. Le rapport d'Abakoumof est ce qui m'inquiéte le plus; tout peut se refaire mais si nous n'avons pas de quoi nourir l'armée! que reste t-il à faire que de s'en aller au plustôt et c'est un beau résultat d'atteint après tous les sacrifices inutiles de portés. Je vous autorise de suite à accorder le plan que vous proposez; cependant j'ordonne que le maréchal reste avec son état major près du corps qui restera à Enibazar, c'est là sa place et je saurais me passer de lui à, Warna; vous venez me joindre avec le reste du 3-e corps et le 20-me chasseurs et laissez la division de chasseurs à cheval à Kosloudgi comme grande réserve pour couvrir nos communications, et pour appuyer soit à droite le maréchal soit Madatof si on le repous-

Библиотека "Руниверс"

sait, soit nous, si nous avions besoin d'elle. Je pars cet après dîner. Les batteries de complétement du 3 corps doivent être près de vous déjà d'après la marcheroute que je tiens de Witt; celui de la 9-e division est à Bazardjik pour le 1 Septembre; et celui de la 8-e le 14; faites les venir de suite vous joindre. Je vous ai déjà dis que ceux de la 7 et 10 sont déjà à Warna. Vous aurez vu que nous nous sommes presque rencontré d'idée avec vous. La batterie de siège devra marcher vers Warna et non par l'autre rive du Liman. Je ferais arriver la garde si déjà elle ne l'aura pas fait de manière à y être pour le 29. Ayez bien soin de faire évacuer les malades et blessés sur Varna ou Kowarna, et j'espère aussi que vous aurez pensé à ne pas compromettre l'artillerie que vous renvoyez. Il faut aussi songer à ne pas compromettre la route de Silistrie, et en tous cas prévenir Rott de prendre bien garde à lui. Quelles mesures avez vous pris pour nourrir le corps de Scherbatof? j'espère que l'on n'aura pas négligé d'y songer à temps. Tout ce que je vous écris est pour le cas probable que Varna ne soit pas tombé; s'il l'était ce que Dieu veuille, alors il faut tenir devant Choumlà et nous attendre.

Je suis navré de tout ce tableau, et je vous assure que je ne sais trop comment nous nous en tirerons. Faites connu haut que je suis fort mécontent des chefs et que c'est eux seuls que j'accuse de tout ce qui arrive. A revoir, mon cher ami.

Tout à vous

N.

Ma femme vous dit mille choses. J'ai signé le manifeste pour 4 de 500.

P. S. Dans votre note vous me dites être disposé à ne faire ce mouvement que quand, arrivé devant Warna, j'en voyais la nécessité; mais je préfère vous délier les bras dès ce moment pour prévenir les événements et ne pas vous laisser dans l'inactitude sur ce que vous avez à faire. Ainsi, si après son arrivée, le comte Woronzof jugeait qu'après l'arrivée de la garde il peut cerner complètement la place et se flatter de la réduire bientôt, et que vous, vous ne voyez point de danger à rester devant Choumla, et que vous y ayez encore de quoi vivre, vous pourrez rester. Si non, suivez le plan proposé et auquel j'accède, mais de grâce sauvez les malades et les blessés et l'artillerie. Si vous restez à Choumla, il faut par un coup d'éclat remonter l'esprit de la trouppe; l'on s'était toujours proposé de prendre la redoute de Мачинъ, ne serait-ce donc pas possible à tenter? Si vous quittez Choumlà, probablement l'on vous suivra; il serait possible même qu'on le fasse avec imprudence, et que nous pourrions en profiter; une fois dans la pleine il serait plus que probable qu'avec notre nombreuse artillerie et notre bonne infanterie nous pourrions les battre; pensez y bien et que Dieu vous assiste.

Библиотека "Руниверс"

XI.

Манифестъ императора Николая о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны 24-го октября 1828 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Всевышнему было угодно поразить Насъ новымъ страшнымъ ударомъ. Мы лишились Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Болѣзнь, слабая вначалѣ и внезапно усилившаяся, двадцать четвертое сего мѣсяца въ два часа пополуночи положила конецъ Ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящаемы исполненію обязанностей высокой добродѣтели. Въ терзаніяхъ сердца, смиряясь предъ таинственнымъ испытующимъ Насъ Промысломъ, Мы обращаемся и къ любезному Намъ народу. Горесть наша есть горесть всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и только въ ихъ усердномъ участіи Мы можемъ находить услажденіе. Оплакивая незабвенную Родительницу Нашу, они вмѣстѣ съ Нами вознесутъ мольбы къ Благому и въ строгостяхъ Богу, да успокоитъ Онъ на лонѣ Своемъ Ея кроткую душу, бывшую вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей; а Намъ и всему отягченному скорбію Дому Нашему, да ниспошлетъ силы и утѣшенія свыше. Данъ въ столичномъ градѣ Нашемъ Санктпетербургѣ, двадцать четвертое октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ двадцать восьмое, царствованія же Нашего въ третіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ октября 24 дня 1828 года.

Библиотека "Руниверс"

XII.

Приказъ цесаревича Константина Павловича польской арміи 16-го октября 1828 года.

Ordre de jour

à

l'armée polonaise.

Au quartier général
à Varsovie.

Le $\frac{16}{28}$ Octobre 1828.

№ 44.

Le succès des armes de sa majesté l'empereur et roi, ayant subjugé à son pouvoir Varna le $\frac{29 \text{ Septembre}}{11 \text{ Octobre}}$, sa majesté impériale et royale daigna se rappeller que depuis près de quatre siècles révolues le roi Vladislas III, un de ses prédécesseurs, perdit la vie au milieu d'un combat mémorable livré aux turcs sous les murs de cette ville.

Voulant honorer les mânes du jeune héros d'un souvenir éclatant, sa majesté l'empereur et roi de Pologne a bien voulu ordonner, que 12 pièces d'artillerie, du nombre de celles prises dans cette forteresse, soyent conduites à Varsovie afin d'y être gardées en mémoire de la chute décisive de Varna.

Publiant par le présent ordre cette preuve de la sollicitude paternelle de sa majesté pour ses sujets polonais, je ne doute point, connaissant l'esprit dont est animée l'armée polonaise, qu'elle saura apprécier cette haute faveur à laquelle désormais seront attachés tant de souvenirs brillants, qui, je suis sûr, lui présenteront un nouveau sujet de s'en rendre digne par une fidélité inébranlable et un dévouement sans bornes.

Le commandant en chef

Constantin.

XIII.

ИСЬМО цесаревича Константина Павловича барону Розену 21-го октября 1828 года.

Любезнѣйшій баронъ Григорій Владимировичъ.

Препровождаю при семъ къ вамъ два полученныя мною донесенія отъ подольскаго гражданскаго губернатора, которыя по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить. Изъ оныхъ вы усмотрите: 1) что изъ-подъ Шумлы наши войска отступили 8-го октября, простоявъ тамъ напрасно три мѣсяца и сдѣлавъ большую потерю въ людяхъ,

Библиотека "Руниверс"

а объ лошадяхъ можете судить, какъ велика оная, изъ препровождаемой при семъ записки, выписанной изъ доставленнаго мнѣ журнала отъ генералъ-адъютанта Киселева, которыхъ въ 10 дней отъ 5-го до 16-го сентября пало болѣе 800, и, по сему разсчитывая, можно себѣ вообразить, сколько оныхъ пропало до 8-го октября и далѣе, и 2) главная квартира 2-й арміи будетъ въ г. Бузео, дальше даже отъ Дуная, какъ бывало въ прежнія войны, ибо оная обыкновенно располагалась въ Букарестѣ, а гвардія будетъ стоять въ Подольской губерніи. Изъ журнала же генералъ-адъютанта Киселева видно, что получено было донесеніе отъ генералъ-адъютанта князя Щербатова, что тогда, когда онъ шелъ съ своимъ корпусомъ къ Силистріи, онъ по недостатку продовольствія въ крѣпости Гирсовѣ и по дорогѣ отъ оной къ Силистріи принужденъ былъ дать войскамъ другое направленіе, — коли нѣтъ продовольствія даже внутри по сю сторону Дуная, какъ же судить о томъ, что далѣе.

Вы въ письмѣ ко мнѣ отъ 15-го октября говорите, что при началѣ войны не полагали, чтобы турки послѣ уничтоженія янычаръ могли въ такое короткое время замѣнить ихъ столь храбрыми и преданными войсками, скажу вамъ на сіе, что государь императоръ изволилъ прислать мнѣ нынѣ одного турецкаго барабанщика нынѣшнихъ регулярныхъ войскъ, ему лѣтъ 20-ть отъ роду, весьма проворенъ и остръ; онъ сынъ янычара, который убитъ во время истребленія ихъ, и у него самого, имѣвъ онъ тогда 15 лѣтъ, прострѣлена насквозь шея. Коль скоро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, то съ перваго взгляда на его стойку я тотчасъ увидѣлъ, что это французское дѣло; когда же онъ сталъ дѣлать ружьемъ, то я въ семъ болѣе еще удостовѣрился, и несмотря на то, что барабанщикъ меня чрезвычайно удивилъ, такъ ловко, проворно и твердо прометалъ всю экзерцицію, что никакъ ожидать сего нельзя было, а руку откидывалъ такъ живо, что, можетъ быть, не лучше сего дѣлаютъ здѣсь въ 4-мъ польскомъ полку; онъ, кромѣ турецкаго, не знаетъ другого языка, но манера и звукъ командныхъ словъ, которыя онъ произносилъ по-турецки, есть совершенно французскіе, да и всѣ бои на барабанѣ, которые онъ билъ, французскіе же. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, что въ турецкой арміи множество теперь французскихъ и итальянскихъ офицеровъ, считаютъ ихъ до 2.000 и даже въ каждой ротѣ по два и по три [1]; англичанъ же и нѣмцевъ вовсе нѣтъ. Слѣдственно у насъ весьма ошиблись, начиная войну, что съ турками весьма легко будетъ управиться, и вышло совсѣмъ тому противное, что́ и на дѣлѣ теперь подтвердилось.

Препровождаю еще для любопытства вашего приказъ, отданный по флоту, который прошу ко мнѣ возвратить. Изъ онаго вы замѣтите объявленную благодарность за вырѣзку турецкаго флота. Таковое выраженіе предоставить бы дѣлать султану и его капитанъ-пашѣ, а не нашимъ морскимъ начальникамъ употреблять.

Всегда васъ съ дружбою уважающій

«Константинъ».

---

1 «Это дѣйствія французскихъ либераловъ, которые за то, что покойный государь укротилъ ихъ при Наполеонѣ, мстятъ теперь Россіи. И французскіе журналисты и газетчики, которые насъ прежде подстрекали къ войнѣ противу турокъ, теперь острятъ свое жало насчетъ нашихъ неудачъ и порицаютъ оную войну. Журналъ, доставленный отъ генералъ-адъютанта Киселева, при семъ препровождается, который по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить».

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Записка генералъ-адъютанта Васильчикова по поводу кампаніи 1828 года.

Aperçu sur la campagne de l'année 1828.

La campagne qui vient de se terminer par un beau fait d'arme, n'a cependant pas répondu à l'attente de l'Europe; elle n'a pas eu les résultats qu'on s'en était promis; elle a laissé la question de la paix à résoudre, elle a ouvert un vaste champ aux intrigues des cabinets. Il faut donc se préparer à une nouvelle campagne en mettant à profit l'expérience que l'on a acquise, éviter de retomber dans les mêmes fautes qui ont empêché d'arriver à des résultats plus positifs.

Le but de cet aperçu consiste à rechercher les causes qui ont fait manquer la campagne et indiquer les moyens propres à assurer les succès de celle qui doit se faire. Je n'ai pas l'intention de présenter un plan d'opérations, encore moins celle de m'ériger en critique sévère, je veux uniquement mettre sous les yeux de mon souverain les remarques que j'ai été à même de faire. A la fin de ma carrière militaire, malade comme je le suis, je ne puis être taxé ni d'ambition, ni d'intrigues; je serai trop heureux, si une seule des idées que contient cet aperçu, pourra être reconnu utile et servir à la gloire de mon souverain.

Il ne faut pas rechercher les causes qui ont fait manquer cette campagne ni dans une ligne d'opération mal choisie, ni dans des fautes de stratégie ou de tactique, ni enfin dans la supériorité et les talents de l'ennemi; il est facile de les reconnaître dans les erreurs de calculs sur le nombre des troupes qui devaient être employés et dans les faux renseignements que l'on a eu sur les moyens offensifs du sultan et l'esprit qui animait ses troupes; on a méprisé son ennemi, on a malheureusement cru pouvoir faire une marche triomphale jusqu'à Constantinople et l'on a voulu méconnaître les difficultés sans nombre que cette guerre présentait. Pour s'en convaincre il s'agit seulement de jeter les yeux sur les forces avec lesquelles on faisait marcher un empereur de Russie à la conquête de l'empire Ottoman; on verra que cette armée de Xerxès, comme l'appelait les diplomates étrangers à St.-Petersbourg, comptait à peine 90.000 hommes sous les armes. C'est avec ces forces que l'on devait occuper la Moldavie et la Walachie, bloquer les forteresses du Danube, faire le siège de Braïloff et marcher sur Varna et Schoumla; n'est-il pas clair que l'espoir de réussir avec d'aussi faibles moyens, ne pouvait être basé que sur la conviction, que les forteresses du Danube tomberaient à notre approche et que Choumla était une position ouverte, comme le disaient des individus qui prétendaient l'avoir reconnu.

On a voulu rejeter les résultats de cette campagne sur l'occupation de la petite Valachie et sur le siège de Braïloff; mais en supposant même que ce fut une faute (quoique je suis bien loin d'en convenir), cela ne change en rien mon raisonnement; car nous n'avions dans la petite Valachie que 6.000 hommes, le corps de Voïnoff ne dépassait pas 25.000 combattants; en convertissant le siège de cette place en blocus, il était impossible d'y employer moins de 10.000 hommes, car c'est un point beaucoup

Библиотека "Руниверс"

trop rapproché de nos communications; la chute de Braïloff a entraîné celle de Hirsowa, Matchine, Toultchi et Kustendjy, sans elle il est certain que toutes ces places auraient tenues et auraient occupés quatre brigades au moins; où est donc le surcroit de forces que nous avons perdu en assiégeant Braïloff? Est-ce les 6.000 hommmes que nous avions en Petite Valachie qui nous manquaient pour avancer sur Varna et Choumla. A peine la campagne commencée que les militaires expérimentés au camp de Karatay, prévoyaient déjà qu'elle était manquée; au lieu de 100.000 hommes qui auraient du s'y trouver, l'oeil étonné en comptait à peine 18.000; cinq semaines du temps le plus précieux furent perdus à concentrer les corps isolés et pour accélérer la réunion de 50.000 hommes, on fut obligé de permettre la libre sortie des garnisons des forteresses du Danube, qui allèrent renforcer les troupes que nous allions combattre. Certes la réunion d'aussi faibles moyens ne peut s'expliquer, que par de faux renseignements sur les localités et la résistence qu'on devait rencontrer. Mais pouvait-on s'y méprendre? pouvait-on méconnaître le caractère ferme et résolu du sultan? pouvait-on ignorer, que si les turcs sont faciles à vaincre en plaine, ils défendent aussi bien qu'aucune autre troupe leurs retranchements et leurs murailles? pouvait-on ne pas savoir qu'en marchant sur Varna et Choumla, on entrait dans un pays de défilés et de montagnes, et qu'outre les troupes, on aurait sur les bras une population armée et fanatique? pouvait-on enfin ignorer la force de la position de Choumla et croire que 50.000 hommes, dans un terrain coupé et difficile, suffiraient pour frapper des coups décisifs? Il est donc clair que le chef d'état major a basé les préparatifs de cette guerre sur des renseignements peu exactes, et qu'il a évité toute discussion avec des militaires dont l'expérience pouvait en fournir de plus positifs. Le génie même ne sanrait faire tout par lui-même, et il n'y a pas d'hommes de talent qui puissent se passer des idées d'autrui. C'est sur cette vérité que j'ose appeler l'attention de l'empereur; la majesté impériale n'a pas d'homme d'un génie supérieur ni dans ses armées, ni dans ses conseils, auquel pourrait exclusivement et avec pleine sécurité remettre le soin des préparatifs d'une seconde campagne; mais elle a plusieurs hommes de talents, dont l'expériences et les idées ne sont pas à négliger; en réunissant en comité ceux d'entre eux dont les qualités inspireraient le plus de confiance, et leur faisant discuter en sa présence le plan d'opération, et les mesures nécessaires pour en assurer le succès, elle se mettrait à meme de juger le pour et le contre, et adopterait l'opinion qui lui conviendrait. Une discussion partielle avec ces mêmes individus serait plus tôt nuisible qu'utile; on ne raisonne bien qu'entouré de tous les renseignements nécessaires et ce n'est que du choc des opinions que jaillit la vérité. Il ne faudrait pas que ce comité fût nombreux, trois ou quatre individus suffiraient; on y appelerait les généraux gouverneurs des provinces qui doivent fournir les subsistances; on réglerait le tout avec eux et environné de tous les renseignements, on combinerait les moyens de faire peser également sur toute la Russie les sacrifices que la guerre éxigerait. Cette mesure inspirerait de la confiance et mettrait la personne de l'empereur à couvert de tout reproche.

Cet aperçu comme je l'ai déjà dit n'ayant pour but que de relever les fautes commises dans les préparatifs de cette guerre, afin de les éviter dans la campagne qui doit se faire, je commencerai par signaler comme faute principale l'admission d'un maréchal au commandement de l'armée lorsque l'empereur la dirige en personne; un pareil conflit de pouvoir ne saurait être utile; l'histoire des temps modernes nous en fournit plus

Библиотека "Руниверс"

d'une preuve; car si le maréchal est un homme de talent et de mérite, il ne voudra pas jouer le simulaire d'un général en chef, si au contraire le choix tombe sur un homme sans moyens, qui se laisse faire, je ne vois pas de qu'elle utilité il pourrait être. En vain me dira-t-on que l'empereur ne peut entrer lui-même dans les détails de l'administration de l'armée, et que c'est pour cela qu'un général en chef nécessaire; je ferai à cette objection la même réponse, qu'un homme de talent ne voudra pas se borner à faire l'intendant de l'armée, et qu'un homme sans moyens ne l'administrera pas, mais la désorganisera. En supposant même que l'on trouve un homme de mérite qui voulut faire abnégation totale d'amour propre, son chef d'état major se trouvera dans une position aussi fausse que difficile, le conflit des deux autorités, du général en chef et du chef de l'état major de l'empereur, embarrassera et entravera son travail; il se trouvera sous la direction de l'un et de l'autre, obligé de complaire à tous les deux, il n'osera exécuter les ordres de son général en chef, sans avoir l'approbation du chef d'état major de l'empereur, il perdra son temps en négociations puériles, les affaires s'accumuleront, les décisions se ressentiront du trop de précipitation et le désordre s'en suivra. J'ai été à même de juger, combien, ce que j'avance ici, est positif et je ne crains pas d'être contredit; or en partant du principe que la centralisation et l'unité du pouvoir est une des premières conditions d'une armée bien organisée, je persiste à croire, que lorsque l'empereur commande en personne, un général en chef est un rouage de trop, qui entrave le mouvement de la machine. La faute que je viens de signaler a été, j'ose le dire, la source de bien des erreurs; au lieu de réunir à St.-Petersbourg tous les individus qui devaient coopérer aux préparatifs de la guerre et entourés de tous les renseignements possibles, discuter et arrêter un plan qui embrassa toutes les parties administratives; par ménagement pour le maréchal on lui abandonna le soin de régler l'approvisionnement et l'administration de l'armée; son chef d'état major homme de beaucoup d'esprit, de loyauté et d'activité manquait d'expérience; voyant la nullité des moyens de son chef, il craignit de prendre une trop grande responsabilité sur lui, de là vinrent des questions, des correspondances, des retards et même des bévues. Le siège de Braïloff éprouva des entraves faute de matériaux nécessaires; le passage du Danube ne dut son éxécution qu'a la ferme volonté de l'empereur; à peine entré en Bulgarie, les communications se trouvèrent interrompues par l'oubli des chevaux nécessaires pour transporter les courriers; à peine la campagne commencée, que les troupes se trouvèrent sans viande et sans sel; ce dernier article avait été totalement oublié, le premier devait être fourni par des réquisitions, dans un pays ou jamais nos troupes n'avaient rencontré une poule; les hôpitaux dénués de tout, manquaient même de chirurgiens pour soigner les malades; les bâtiments qui apportaient l'approvisionnement de l'armée, restaient plusieurs semaines dans la rade, faute de bras pour les décharger; les convois marchaient sans escortes et si nous n'en avons perdu que peu, ce n'est qu'à l'ordre admirable dans lequel ils marchaient et la sottise de notre ennemi; on avait accumulé des equipages de ponts, tandis qu'on n'avait pas de rivières à passer et on avait négligé de se donner des ponts à chevalets portatifs, indispensables pour traverser un pays où chaque ruisseau devient un torrent à la moindre pluie.

Ces erreurs inouies prouvent non seulement l'incohérence et le peu d'ensemble que l'on a mis dans les préparatifs de la guerre, mais mettent au jour l'incapacité des employés de l'administration de l'armée. Si le chef d'état major manquait d'expérience,

Библиотека "Руниверс"

le quartier maître général en avait non seulement moins, mais était encore dénué d'activité et de coup d'oeil. Le général de service était un homme au dessous du médiocre, sans ordre, sans activité, sans la moindre prévoyance; l'intendant général était bien loin d'avoir les qualités nécessaires pour un poste aussi essentiel; ignorant, incapable de grandes combinaisons, sans prévoyance, sans aucune idée de la guerre. Voilà sur qui roulait l'administration d'une armée commandée par l'empereur en personne.

Mais; qui prendre, me dira-t-on, où sont les hommes de talent et d'expérience? C'est là où j'en voulais venir pour signaler un principe dont je ne puis admettre l'utilité. Rien de plus juste que d'employer un général à la tête d'une troupe qu'il a commandé en temps de paix, pour peu qu'on lui reconnaisse de la capacité; mais si ce général n'est arrivé aux grades supérieurs que grâce à son ancienneté et à des promotions trop fréquentes, s'il n'a ni instruction, ni moyens, s'il n'est bon enfin qu'à former des troupes et non à les mener au combat, ce principe peut devenir la source de bien des malheurs. Les promotions par tour de rôle sans égard à la capacité de l'individu promus, écrasent le vrai mérite, lui inspirent du dégoût et avilissent les rangs. Un bon colonel peut devenir un bien mauvais général, et un bon général de division peut se trouver très déplacé à la tête d'un corps. Or avancer 30 généraux sur lesquels il n'y en a peut-être pas dix d'employables, c'est augmenter inutilement les dépenses, jeter de la défaveur sur les rangs et faire par là un mal réel à l'armée. C'est au principe que je viens de signaler qu'il faut attribuer la composition d'un état major aussi étrange; on n'a voulu déplacer personne, et au lieu d'entourer l'empereur de gens dont l'expérience et les talents promettaient de ne pas compromettre sa gloire, on préféra d'en abandonner le soin à des mains novices et sans antécédents. Pourquoi n'avoir pas appelé Toll à St.-Pétersbourg et ne lui avoir pas donné la place de Kisselef, qui aurait très bien commandé une division, et ne pouvait pas se trouver offensé d'être remplacé par le général Toll? Pourquoi n'avoir pas fait commander la cavalerie par le comte Pahlen, qui certes aurait mieux fait que Ridiger, que l'on n'a que trop employé? On conviendra qu'un général de service plus capable que Baikoff et un intendant général plus distingué que Melgounoff était aisé à trouver. Ce n'est donc pas les hommes qui manquaient, c'est l'application du principe que je viens de combattre, qui a donné lieu à une réunion d'hommes d'une capacité aussi nulle.

Je finirai par une vérité que personne j'espère ne me contestera: c'est que ni le passage du Danube, ni la prise de Varna n'auraient eu lieu, sans la ferme volonté et la prévoyance de l'empereur; on se serait obstiné à attaquer de vive force ou à bloquer Choumla, on y aurait mené les gardes et on aurait consumé la saison des opérations sans aucun résultat. Toutes les erreurs que je viens de relever viennent à l'appui d'un principe que je crois incontestable, c'est que dans les opérations de la guerre, en présence de l'ennemi, celui qui commande ne doit prendre conseil que de ses lumières; mais pour préparer une campagne, on ne saurait assez s'entourer de gens expérimentés et capables. Je persiste donc à croire, que pour assurer le succès de celle qui va se faire, il faudrait que l'empereur, sans perdre de temps, appela près de lui les individus dont les lumières et l'expérience lui sont connus; qu'il les chargea de discuter en sa présence le plan de campagne, aussi bien que les moyens à employer pour en assurer le succès; qu'il les entoura de tous les renseignements possibles et que tous ceux qui doivent coopérer à l'éxécution administratif du plan qui sera arrêté, se trouvassent à St.-Pétersbourg pour recevoir leurs instructions. Je ne puis assez le répéter: la guerre contre la Turquie est

Библиотека "Руниверс"

purement administrative, l'empereur a bien autre chose à faire que de s'occuper des détails minutieux qu'exigent les préparatifs d'une campagne, son chef d'état major est trop surchargé d'affaires pour pouvoir suffire seul à cette besogne; il est donc indispensable qu'il se trouve entouré d'individus capables de l'aider dans une opératton aussi compliquée. Cette mesure me paraît d'autant plus nécessaire, que l'horizon politique n'est pas clair, que l'hiver peut nous amener plus d'un ennemi que les circonstances exigeront peut-être un grand développement de forces, que le temps presse, et qu'il est urgent de prendre les mesures les plus efficaces, pour que la campagne prochaine puisse commercer les premiers jours d'Avril et que les retards et le désordre qui ont eu lieu dans la formation des réserves sous les ordres du comte de Witt, ne puissent se répéter, si non, les plus belles combinaisons militaires ne produiront que de tristes résultats.

XV.

Переписка по поводу секретнаго комитета 4 сентября 1829 года.

Графъ Нессельроде графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 7 (19) сентября 1829 г.

Vous avez désiré obténir pour la mi-Septembre des reponses aux différentes questions que vous avez, mon cher comte, soumises à l'empereur dans votre note du 13 Août. Nous cherchons aujourd'hui à tous satisfaire autant qu'il peut être au pouvoir des hommes de prévoir et de juger d'aussi loin tous les cas qui peuvent se présenter. La quintessence de notre conseil s'est réuni; l'empereur a bien voulu honorer nos aperçus de son suffrage et vous recevez par le premier courrier les conclusions de notre première séance. Je vous invite surtout à lire un mémoire de Dachkoff fait vraiment de main de maître, et où les avantages de la conservation de l'empire Ottoman en Europe sont exposés avec tant de clareté qu'ils crèvent les yeux par leur évidence. Dieu veuille que notre travail et nos délibérations soient inutiles, car plus on médite l'immense question de la chute de l'empire Ottoman, plus on s'enfonce dans un labyrinthe de difficultés et de complications les unes plus inextricables que les autres. Ainsi, mon cher comte, faites nous la paix et comptez sur la reconnaissance que vous porteront tous ceux qui savent un peu penser et raisonner en Russie. C'est la plus belle gloire qui puisse rejaillir sur le règne de l'empereur.

Conformément à mes promesses, je vous envoie, mon cher comte, les dernières dépêches de Londres; j'y ajoute un rapport du prince Lieven reçu hier et qui est encore plus satisfaisant. Sie werden daraus ersehen, wie die Leute alle von Kreutz gekrochen sind; tout ce que vous diront et vous insinueront Gordon et Guilleminot n'a plus la moindre valeur aujourd'hui. L'affaire est entre vos mains, ces officieux ambassadeurs ne peuvent plus faire aucun bien aux négociations et très peu de mal, lorsqu'on considère l'attitude magnifique où nous placent vos victoires. Vous en tirerez sûrement tout le fruit possible, et c'est dans cette conviction que je vous renouvelle mes plus invariables amitiés.

Nesselrode.

Voici une lettre de notre excellent comte Kotchubey.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Чернышевъ Дибичу.

7-го сентября 1829 г.

Le motif de l'expédition du présent courrier, cher comte, est tout diplomatique; il vous porte le premier protocole de nos discussions sur la plus grave et la plus importante des questions du temps présent. L'empereur a parfaitement approuvé les vues et les principes qui y sont développés, tout en désirant que vous n'ayez nullement besoin de ces bases générales pour vos opérations ultérieures et qu'une paix honorable et solide soit déjà définitivement arrêtée, au moment où les dépêches d'aujourd'hui vous parviendront. Notre comité se composait du comte Kotschoubey, le prince A. Galitzine, Tolstoy, Nesselrode, Dachkoff et moi; nous avons mûrement pesé la question et notre vote unanime a été la nécessité de faire tout ce qui dépendra de nous pour conquérir au plutôt la paix sans en venir au bouleversement de l'empire Ottoman en Europe, à moins que la force des circonstances ne nous y oblige par des causes indépendantes de notre volonté. En adoptant ce principe nous avons pesé les avantages et les désavantages de l'un et de l'autre de ces cas et nous avons été à même de nous convaincre combien le premier serait préférable pour nous que le second, qui ne manquerait pas d'entraîner des complications à l'infini et devenir une nouvelle source de calamités quelques glorieuses qu'en soyent les apparences. Tout ce qui nous revient même de Constantinople nous fait espérer qu'en tenant un langage ferme, sévère et imposant, vous êtes déjà parvenu opposer votre signature à un traité le plus glorieux et le plus avantageux qu'ait jamais connu la Russie. Nous attendons de vos nouvelles avec la dernière impatience, pénétrés comme nous le sommes tous de l'impérieuse nécessité de ne pas perdre de temps; à l'heure qu'il est, non seulement Constantinople, mais tous les cabinets de l'Europe sont frappés de stupeur, tous ont été pris au dépourvu par vos victoires, ce dont nous pouvons nous permoder par le changement de langage que l'on tient vis à vis de nous, mais si on leur donnait le temps de se reconnaître il en serait assurément autrement. Nesselrode vous instruit de tout cela en détail, cher comte, en mon particulier je jouis de toute mon âme de ce que la majeure partie des voeux que j'ai formé pour vous ce réalise et le Ciel vous a accordé déjà une gloire historique à laquelle j'espère vous allez mettre le comble. Les nouvelles que nous avons reçues directement de Constantinople, en date $\frac{29}{17}$ août, nous ont instruit de l'émeute qui y a eu lieu ainsi que des exécutions commandées par le sultan; quelqu' affligeantes qu'elles soyent, elles ont au moins le côté favorable de ce que le gouvernement existant a pris le dessus et qu'il désire sincèrement la conclusion de la paix. Que Dieu bénisse tous vos efforts et les couronne d'un entier succès, chaque bruit de voiture que nous entendons nous fait croire à l'arrivée d'un courrier de votre part, vu que vos dernières dépêches étaient du 17 et que nous devons en recevoir incessamment.

L'extra-poste d'aujourd'hui a apporté les rapports de Paskévitch en date du 7 août; ils n'annoncent rien d'important depuis son combat de Harti, il va se porter en avant sur la route de Sivas pour disperser quelques nouveaux rassemblements, mais il paraît qu'ils ne sont pas bien considérables; différents pachas entrent en accommodement avec lui, ce qui améliore sa position; la forteresse de Millisherd lui a envoyé ses clefs. Il est toujours un peu inquiet pour Bajazet, il l'a cependant renforcé autant qu'il a pu.

Библиотека "Руниверс"

Je vous demande pardon pour ma lettre, elle est écrite très à la hâte à la suite d'une manoeuvre sur la route de Vibourg et au moment d'un départ pour Czarskoyé Selo et vous savez, cher comte, tout ce qui vous tombe sur le corps dans un pareil moment.

Agréez l'expression de tous mes voeux pour vous, ainsi que de mes sentiments aussi sincères que devoués et cela pour la vie.

Czernicheff.

Графъ Дибичъ графу Чернышеву.

Адріанополь. 23-го сентября 1829 г.

Recevez, mon bon et cher ami, mes remercîments pour vos lettres du 7, 10 et 12 Septembre; tous ces feldjegher sont allé supérieurement bien et surtout Sigismond 2 et Bravoi qui nous sont arrivés en moins de 9 jours, avec tous les entraves des quarantaines—chose presqu'incroyable; je les recommande, comme les connaissant de longue date, à votre protection, étant persuadé que dans ce corps il faut toujours une égale et prompte justice, en récompense comme en sévérité.

Je vous suis bien reconnaissant pour la part que vous prenez à la brillante récompense que notre chéri et auguste maître a daigné m'accorder, je m'honore de connaître les saints devoirs qu'elle m'inspire et je prie Dieu qu'il me donne les forces de les remplir.

J'ai lu avec une attention extrême votre mémoire du comité secret sur nos relations avec la Porte Ottomane; partageant sur l'ensemble entièrement l'opinion de nos premiers hommes d'état, persuadé que la gloire de notre maître et celle de la Russie, qui en est inséparable, demandent dans le cas actuel supérieurement une telle décision; je voudrais cependant qu'on ne se fasse pas illusion sur la nécessité de prévoir la mort d'un malade qui ne vit plus que des remèdes palliatifs et qu'on s'occupe sans délai et sans préjuger du danger et en augmentant même si l'on le croit possible pour le guérir tous les moyens qu'on possède — des conséqnences énormes de cette mort politique — qui malheureusement me paraît inévitable encore de notre temps d'après tout ce que je vois.

Je crois que le soutien que Paskéwitch a accordé aux janissaires n'est pas dans les règles de la politique droite et loyale de notre souverain — ainsi que de trop grandes espérances données aux arméniens, malgré je crois les opinions personelles dn comte Erivansky, qui je crois extrêmement justes sous ce rapport depuis qu'il est devenu chef. Son caractère loyal et entreprenant ne lui permettra pas des démarches révolutionnaires, mais lui fera passer outre, là, où il ne voit pas une instigation directe et où des espérances vagues pourraient contribuer à la gloire de nos armes. C'est j'espère le seul point où nos vues et nos principes ne sont pas les mêmes, avec ce digne camarade; les expériences de 1813 et 1814 et ceux des années plus paisibles de 1815—1818 ont assis mes idées sur ces points de vue politique; je puis me tromper, mais je suis sur que je ne changerai pas d'une conviction, dont les exemples les plus augustes m'ont prouvé la justice.

Veuillez, cher comte, porter aux pieds de sa majesté ma reconnaissance profonde pour la nomination de Laczinoff et de Tolstoy; j'aime à être persuadé qu'ils seront des serviteurs utiles et fidèles. Je suis bien reconnaissant, cher comte, de l'attention que vous avez eu de communiquer à ma femme la récompense que sa majesté a daigné m'accorder; comme

Библиотека "Руниверс"

elle a toujours vu mon coeur à ouvert elle aura pressentie d'avance ma joie et ma reconnaissance et je vous le dois, cher ami.

Je ne comprend pas comment vous avez pu prendre sur vous le reproche que j'adresse au département de médecine sur le manque de médecins; je sais fort bien que ce n'est pas vous et pas même le département, qui en soit la cause et c'est sous ce point de vue même, que je vous ai envoyé le papier, croyant que cela vous donnerait une meilleure occasion d'insister contre les préjugès de Wyllie qui dans des pareils cas aime à s'adresser directement au souverain, fort des mérites incontestables qu'il a dans sa partie, mais qu'il diminue quelquefois par une opiniàtreté et un amour propre exagérés.

Je vous suis bien reconnaissant, cher ami, pour ce que vous me dites sur les sentiments que me portent mes braves frères d'armes. Je sais que j'ai eu le bonheur de m'acquérir leur confiance et leur amour, mais je les défie aussi de m'aimer plus que je ne les aime. Cet amour est un noble héritage de notre immortel bienfaiteur commun et je m'honore de le partager avec celui qui suit si dignement ses traces — aussi ce sentiment pur et profond ne se relàchera jamais en faiblesse.

Ce n'est que par le courrier prochain que je pourrai vous répondre sur la dislocation de la 1-re armée, que vous m'avez envoyé. Vous ne dites rien de la 2-me à laquelle il ne resterait que 3 divisions d'infanterie jusqu'au de la 20.000; de ces trois divisions, il faudra deux pour occuper le pays qui nous restera en garantie pendant plusieurs années, il n'en resterait donc qu'une pour occuper les provinces qui sont d'une richesse immense en blé, qui ont une quantité de places fortes et des ports de mer qui demandent des garnisons considérables; et elle devrait encore servir de garde de cordon en cas d'un danger de contagion. Il me paraît donc qu'il faudrait un corps de plus à la 2-de armée ou si l'empereur ne veut pas le conserver, de rapprocher un corps d'armée de la 1-ére dans les cantonnements de la Podolie et des cercles polonais du gouvernement de Kieff. Je vous répète que je vous répondrai plus au long avec le feldjegher prochain.

Le pacha de Scodra qui n'a rien fait pendant toute la campagne commence à faire le fier, apparemment pour sauver la tête; je méprise ces fanfaronnades, mais je saurai les punir avec l'aide dè Dieu, s'il ferait la moindre chose contraire aux stipulations de la paix.

Adieu, cher et bon ami, encore une fois bien de remercîments pour l'amitié dont vos dernières lettres me sont un si fidèle témoignage.

Tout à vous J. Diebitsch Zabalkański.

XVI.

Всеподданнѣйшее донесеніе секретнаго комитета императору Николаю.

Его императорскому величеству.

Вашему императорскому величеству угодно было при отъѣздѣ вашемъ къ дѣйствующей арміи составить особую комиссію и избрать насъ къ отправленію въ оной дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Бывъ удостоены таковой монаршей довѣренности, мы старались всѣми силами оправдать оную и если дѣйствія наши въ чемъ либо не отвѣчали ожиданіямъ вашего величества, то, конечно, не отъ недостатка рвенія, не только и сполнять, но и угадывать волю вашу.

Благополучное и столь желанное всѣми возвращеніе вашего величества въ столицу оканчиваетъ дѣйствія наши, посему мы поставляемъ непремѣннымъ долгомъ отдать вашему императорскому величеству сокращенный, но на строгой истинѣ основанный отчетъ о тѣхъ предметахъ, кои по ходу дѣлъ и по вліянію, какое настоящія обстоятельства на общее мнѣніе имѣли, заслуживать могутъ нѣкоторое вниманіе.

Вашему императорскому величеству, конечно, пріятно будетъ, что во все время отсутствія вашего не имѣли мы никогда надобности прибѣгать ни къ какимъ строгимъ или рѣшительнымъ мѣрамъ, на кои, по уполномочію вашему, мы имѣли право.

Сему не обязаны мы какимъ либо распоряженіямъ нашимъ, какому либо направленію, отъ высшаго правительства данному. Расположеніе умовъ внутри имперіи есть вообще совершенно удовлетворительно. Спокойствіе вездѣ было сохранено, и не видно было нигдѣ и ни въ какомъ сословіи никакихъ порывовъ къ новизнамъ. Владѣльцы, имѣющіе недвижимую собственность, естественно и желать оныхъ не могутъ; но не знаменовалось ничего, что бы заключать заставляло, что и классъ, имъ подвластный, сноситъ досель съ нетерпѣніемъ зависимость свою, и если открывались иногда въ продолженіе сего времени небольшія движенія крестьянъ, то сіе происходило или отъ притѣсненія ихъ или отъ невѣжества и иногда отъ непонятія при исполненіи рѣшеній судебныхъ и другихъ случаяхъ.

Такое положеніе, безъ сомнѣнія, долго еще сохранено быть можетъ, если правительство въ дѣйствіяхъ своихъ постоянно руководствоваться будетъ благоразуміемъ и справедливостью, съ твердостію соединенными.

Извѣстно, что намѣренія вашего величества, частно въ разныхъ случаяхъ ознаменованныя, произвели весьма полезное внутри государства вліяніе, таковы суть: предписанія и наблюденіе за успѣшнымъ производствомъ дѣлъ и въ особенности уголовныхъ; уменьшеніе колодниковъ въ тюрьмахъ; распоряженія къ прекращенію злоупотребленій при рекрутскихъ наборахъ; облегченіе при производствѣ самой тягостной для народа повинности, исправленія и содержанія дорогъ, на тѣхъ стѣснительныхъ правилахъ, коими до послѣднихъ временъ въ отбываніи сей повинности руководствовались; сокращеніе отчасти въ многихъ губерніяхъ земскихъ повинностей вообще и многія другія мѣры въ частности, выгодное впечатлѣніе произведшія. Но должно признаться, что именно, по мѣрѣ оказаннаго же вашимъ величествомъ благорасположенія къ подданнымъ вашимъ, всѣ внутри пребываютъ въ нѣкоторомъ ожиданіи, что симъ не ограничите вы, всемилостивѣйшій государь, благотворныя намѣренія ваши, и что общими и существенными мѣрами довершите вы великое предназначеніе ваше. По мѣрѣ сихъ ожиданій и чувствъ признательности, благословенія общія доселѣ на васъ вездѣ распространялись.

Если столь удотлетворительныя свѣдѣнія можно рѣшительно представить вашему императорскому величеству о расположеніи умовъ внутри государства, то не можно ничего сказать и въ предосужденіе здѣшней столицы. Главнокомандующій оною, по начальству своему и по подчиненности ему III-го отдѣленія собственной вашего величества канцеляріи, утвердительно всегда удостовѣрялъ, что не доходило до него

Библиотека "Руниверс"

ничего, что бы хотя малѣйшее сомнѣніе о расположеніи умовъ или о какихъ либо замыслахъ порождало. По свѣдѣніямъ графа Толстого, кромѣ шалостей, либо молодости, либо разврату свойственныхъ и во всѣхъ большихъ городахъ неизбѣжныхъ, ничего здѣсь не происходило.

Обративъ вниманіе вашего величества на таковое положеніе государства въ отношеніи внутренняго спокойствія его, мы должны привлечь оное на одно весьма важное обстоятельство. Мы уже имѣли счастіе представлять вашему императорскому величеству о дѣлахъ раскольниковъ. Мысль, что гоненіе на нихъ обращается, начинаетъ между ими утверждаться. Духовенство наше всегда было склонно преслѣдовать ихъ за вѣру, но какъ въ прошедшія времена таковое дѣйствіе не имѣло не только никакихъ успѣховъ и напротивъ утверждало еще болѣе ихъ въ расколѣ и ожесточало, такъ и нынѣ отъ одинакихъ началъ ожидать должно тѣхъ же послѣдствій. Неудовольствіе столь значительной массы простого и грубаго народа (до 4-хъ милліоновъ душъ) можетъ имѣть во всякое время важныя неудобства, наипаче же нынѣ, когда желать должно, чтобы и малѣйшее волненіе не тревожило правительства. Нужно, чтобъ въ секретномъ комитетѣ о раскольникахъ свѣтскіе члены, послѣдуя постоянно симъ началамъ, старались удерживать духовныхъ сотоварищей своихъ отъ всякихъ покушеній, сему противныхъ.

Въ войнѣ принимаемо было всѣми большое участіе. Независимо отъ самолюбія и нѣкоторой гордости, русскимъ свойственной, войны съ турками вообще у насъ въ народѣ всегда производили болѣе впечатлѣнія, нежели войны европейскія. Въ настоящемъ случаѣ, когда съ войною сопряжена въ народѣ мысль угнетенія единовѣрцевъ нашихъ, и что мы дѣйствуемъ для спасенія ихъ, она привлекла особое участіе въ среднемъ классѣ и въ простомъ народѣ, чувствами духовенства нашего подкрѣпляемое.

Отъ таковыхъ расположеній порождалась живѣйшая радость, когда доходили извѣстія объ успѣхахъ оружія нашего, и скорбь, столь же сильная, когда въ послѣднее время разносились слухи о неудачахъ нашихъ. Не должно, однакожъ, скрыть отъ вашего величества, что и въ семъ послѣднемъ случаѣ, когда много происходило толковъ о недостаткѣ способовъ, противъ непріятеля употребленныхъ, о разныхъ распоряженіяхъ военныхъ, о планахъ операцій и проч.,—ничего лично вашему величеству не было приписуемо и напротивъ, когда положеніе войскъ нашихъ подъ Шумлою завязалось, и когда изъявляемо было опасеніе, что, можетъ быть, должно будетъ оставить и обложеніе Варны, то единое и общее желаніе изъявляемо было, чтобъ ваше величество сюда возвратились. Сохраненіе ваше было предметомъ всѣхъ желаній. Всѣ изъявляли опасеніе, чтобы при усиліяхъ непріятеля, которыя, можетъ быть, и въ увеличенномъ видѣ представлялись, при сильныхъ покушеніяхъ его и при вредномъ вліяніи климата, а наипаче въ трудное осеннее время, жизнь ваша или здоровье не подверглись опасности. Тутъ слышанъ былъ отголосокъ, что война съ Турціею заслуживаетъ ли, чтобъ ваше величество арміею предводительствовали? Не должно умолчать, однакожъ, о многихъ сужденіяхъ, насчетъ начальства надъ арміею происходившихъ, и нерѣдко встрѣчался вопросъ: кому начальство сіе ввѣрено быть можетъ? Здравый разсудокъ въ заключеніяхъ своихъ не позволялъ ошибаться. Въ семъ отношеніи есть мнѣніе общее, довольно рѣшительное, и ваше величество нынѣ сами въ томъ удостовѣриться изволите.

Библиотека "Руниверс"

Внутреннее положеніе государства въ отношеніи богатства есть довольно страдательное. Государство не имѣло еще времени поправиться послѣ отечественной войны, потому ли, что не были приняты мѣры исправленія, или что мѣры сіи были недостаточны. Произведенія наши изобилуютъ почти вездѣ, но нѣтъ онымъ сбыту, и цѣны на все удерживаются самыя низкія; обороты денежные почти ничтожны, и министръ финансовъ въ комиссіи неоднократно отзывался, что онъ ожидаетъ, и сіе вѣроятно, большихъ въ сборѣ податей недоимокъ.

Въ семъ положеніи, если война продолжится, и будетъ вторая кампанія, не можно будетъ прибѣгать ни къ какимъ новымъ прямымъ налогамъ, они разорили бы остальной классъ зажиточныхъ въ простомъ народѣ людей, нынѣ за неимущихъ подати уплачивающихъ. Должно будетъ обращаться къ другимъ средствамъ, къ займамъ, къ какимъ либо косвеннымъ налогамъ или способамъ, какъ-то: къ таможеннымъ сборамъ, къ оборотамъ по банкамъ (кромѣ выпуска новыхъ ассигнацій) и проч. и въ особенности къ возможному уменьшенію расходовъ вездѣ, гдѣ только можно, и къ введенію въ расходахъ самаго строгаго порядка и отчетности во всѣхъ частяхъ, разумѣя тутъ и издержки на войну.

Учрежденіе реквизицій внутри государства произвело вообще невыгодное впечатлѣніе. Въ прошлыя наши съ турками войны, если и были иногда чинимы требованія разныхъ вещей, то всегда платили за нихъ деньги. Реквизиціи чинимы были только въ отечественную войну. Впрочемъ какъ бы ни были онѣ учреждаемы, реквизиціи не могутъ быть уравнительны для тѣхъ жителей, на коихъ онѣ упадаютъ, и несравненно полезнѣе было бы покупать предметы, для войскъ нужные, или и, требуя оные отъ земли, платить деньги, ибо симъ способомъ обращеніе оныхъ могло бы увеличиться; недоимки могли бы успѣшнѣе поступать, и тягость пала бы не на нѣсколько губерній, но на государство, обязанное совокупно нести все бремя войны.

Изъ опыта нашего и вообще изъ опыта болѣе или менѣе всѣхъ государствъ заключить можно, что немалая осторожность нужна въ разрѣшеніи мѣръ, нерѣдко министрами финансовъ предлагаемыхъ. Многіе изъ нихъ при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ занимаются предпочтительно тѣмъ, чтобъ удовлетворять требованіямъ, не останавливаясь на томъ, какое дѣйствіе способы, ими предлагаемые, произведутъ. Не могутъ ли они разстроить благосостоянія частнаго, на коемъ основано общественное? Не произойдетъ ли справедливыхъ жалобъ на правительство? Не знаменуя здѣсь никого, мы только хотѣли изложить передъ вашимъ величествомъ примѣры, вездѣ и всѣмъ извѣстные, и обратить вниманіе вашего величества, при случаѣ какихъ либо новыхъ финансовыхъ мѣръ. Драгоцѣнно будетъ, конечно, для васъ, всемилостивѣйшій государь, всегда имѣть въ виду все то, что сохранить и утвердить можетъ къ вамъ любовь и приверженность подданныхъ вашихъ.

Въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ дѣла производились съ успѣхомъ, соотвѣтствующимъ намѣреніямъ вашего величества. Мы никогда не упускали принимать въ нихъ участіе, и развѣ только по болѣзни кого нибудь изъ насъ, или по какимъ либо особеннымъ занятіямъ, дозволяли мы себѣ, и то весьма рѣдко, въ собраніяхъ сихъ верховныхъ установленій не присутствовать. Въ правительствующемъ сенатѣ, сколько извѣстно, болѣе успѣшности въ производствѣ дѣлъ примѣчается. По крайней мѣрѣ, менѣе поступаетъ изъ сената дѣлъ въ государственный совѣтъ за разногласіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Рескрипты вашего императорскаго величества, на имена наши данные, имѣемъ счастіе у сего представить, донося, не благоугодно ли будетъ повелѣть государственному совѣту и правительствующему сенату внести къ вашему величеству тѣ секретные указы, кои вашимъ величествомъ при отъѣздѣ вашемъ имъ были даны.

Вѣдомость о дѣлахъ въ комиссіи, собственно вашимъ императорскимъ величествомъ учрежденной, произведенныхъ, у сего имѣемъ счастіе повергнуть на высочайшее усмотрѣніе. Число онымъ было велико, но не можемъ мы не донести вашему величеству, что въ множествѣ тѣхъ предметовъ, кои по установившемуся порядку вашему величеству представляются и въ отсутствіе ваше въ комиссію поступившихъ, находятся не въ маломъ числѣ такіе, которые, обременяя ваше величество и похищая столь драгоцѣнное время ваше, могли бы при постановленіи правилъ опредѣлительныхъ быть безъ всякаго неудобства министрами разрѣшаемы.

Счастливы будемъ мы, если ваше величество въ семъ краткомъ изложеніи найти изволите доказательство нашего усердія и приверженности къ священной особѣ вашей. Никакія другія побужденія нами не руководили.

Графъ В. Кочубей.
Графъ П. Толстой.
Князь Александръ Голицынъ.

16-го октября 1828 года.

Реестръ бумагамъ, рѣшеннымъ и принятымъ къ свѣдѣнію:

Итого	3199
Представлено его императорскому величеству прямо отъ комиссіи	290
Чрезъ I-е Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи	97
Итого докладныхъ записокъ	387
Изъ нихъ возвращено	322
» » не возвращено	65
Сверхъ сего утверждено объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній	297
По всѣмъ симъ бумагамъ было составлено журналовъ	575
Всего въ комиссіи въ производствѣ было	4458

Реестръ журналамъ.

1) Журналовъ, поступившихъ въ I-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи: общихъ дневныхъ.	175
особенныхъ.	381
Журналовъ, поступившихъ въ III-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи.	5
Журналовъ, поступившихъ въ комиссію прошеній.	27

Библиотека "Руниверс"

XVII.

Письма графа Чернышева графу Дибичу по поводу болѣзни императора Николая I въ 1829 году.

6-го ноября 1829 г.

Je commence, mon cher comte, par accuser la réception de votre lettre et de vos dépêches du 16 Octobre et de vous en exprimer toute ma reconnaissance. Malheureusement sa majesté n'a pu voir de toute votre expedition que votre lettre particulière. Le 29 au soir l'empereur s'est trouvé indisposé et depuis ce jour une fièvre catharale, suite d'un gros refroidissement, s'est déclarée avec assez de violence pour l'obliger à garder le lit depuis quatre à cinq jours, avant ce temps sa majesté m'appelait sans papiers et j'avais la possibilité de lui soumettre verbalement quelques affaires pressées, mais depuis qu'elle est alitée, Chreyton et Rauch qui le traitent, ont absolument exigé qu'elle suspende toute espèce d'occupation et ni moi, ni personne n'a plus travaillé avec sa majesté; lorsque j'ai quelque chose de très intéressant à porter à sa connaissance, c'est l'impératrice qui a la bonté de se charger de le lui dire et de me transmettre ses ordres. Connaissant votre coeur et votre dévouement pour notre cher souverain, je me hâte de vous dire que les médecins n'ont aucune espèce d'inquiétude, la fièvre est forte, mais n'offre aucun symptome alarmant; dans les commencements l'empereur se faisait lire les papiers, mais l'attention soutenue qu'il devait y donner augmentait la chaleur et c'est pour éviter toute irritation que les médecins ont défendu le travail; les deux dernières nuits il a dormi assez bien, la fièvre sans céder d'une manière marquante, a cependant perdu de son intensité et tous les efforts des médecins tendent à rétablir la transpiration; ils ne sont jusqu' à présent parvenu à leur but que partiellement, mais dès qu'elle sera générale, l'objet de tous nos voeux, le rétablissement de notre auguste malade sera très prompt. J'ai pris le parti de vous expédier ce courrier principalement pour vous instruire du véritable état des choses et afin d'éviter toute autre manière d'expliquer l'indisposition de sa majesté. J'espère que par le prochain courrier j'aurai le bonheur de vous informer de l'entier rétablissement de l'empereur, ou du moins que son état sera tel qu'il n'éxigera plus les précautions que l'on a jugées nécessaires aujourd'hui.

J'ai instruit le comte Nesselrode de ma présente expédition et il va répondre à vos dernières dépêches; le courrier que vous avez dû recevoir du prince Lieven, vous a porté une communication qui vous a probablement indigné. L'empereur m'a dit à cette occasion qu'il était sûr, qu'en apprenant ce nouvel acte de mauvaise foi, de duplicité et en même temps de sottise, de la part des turcs, vous sauteriez bien haut. En effet cet acte ne peut être qualifié que de démence et on ne sait plus quel nom donner à ceux, qui après avoir été à vos pieds pour sauver l'empire Ottoman, ont probablement conseillé ou du moins reçu cet acte et l'ont transmis à leurs cours sans vous en faire part!! Heureusement que le langage ferme et énergique de nos plénipotentiaires à Londres est parvenu à faire reculer le ministère anglais devant l'idée de profiter de cet acte de félonie et il est probable, que cette misérable machination tombera à plat, comme toutes

Библиотека "Руниверс"

celles, que nos envieux et soi-disants amis n'ont cessé de tramer depuis deux ans à leur propre honte et détriment!

Le rapport que je vous adresse aujourd'hui sur la rentrée des troupes, est entièrement dans le sens des ordres suprêmes, que je vous ai transmis par notre dernier courrier. L'empereur vous ayant déjà autorisé à garder pour l'hiver en Moldavie le 2-d et le 3-ème échelons, ce qui outre les raisons de sollicitude et de ménagement pour les troupes elles mêmes, peut aujourd'hui avoir aussi un but politique et renforcer votre influence morale, je n'y vois rien de changé, si ce n'est qu'en place du 1-er échelon que vous nous aviez indiqué précédemment, vous dirigez le 2-d échelon, et comme le comte Worontzoff nous a écrit, qu'il pourrait facilement cantonner trois divisions d'infanterie en Bessarabie, l'établissement des 5-ème et 6-ème divisions ne peut souffrir aucune difficulté; quant à la 2-de des hussards, s'il ne pourra pas la garder dans cette contrée à défaut d'écuries, il dépend de lui de la mettre en quarantaine et après sa purification la diriger, d'après son opinion, au delà du Dniestre. C'est dans ce sens que j'ai écrit hier au comte Worontzoff et je l'ai engagé au nom de l'empereur de se mettre en fréquentes communications avec vous et demander vos décisions sur les différents cas qui peuvent survenir, car les ordres suprêmes qu'on pourrait donner d'ici sur chacun d'eux, arriverait toujours trop tard.

La sottise des turcs a encore été cause d'une nouvelle effusion de sang, toute à leur détriment du côté de Paskévitch et que vos sages dispositions auraient pu prévenir; vous en connaîtrez les détails par la feuille ci-jointe, c'est fâcheux, mais c'est une leçon des plus que ces maraboux reçoivent et dont l'impressiou leur restera.

Les nouvelles que je reçois dans ce moment sur la santé de notre cher empereur sont grâce au Ciel de plus en plus meilleures, il vient de passer une troisième bonne nuit et son état est plus satisfaisant; si j'ai encore quelques détails à vous donner sur ce sujet si important pour notre coeur avant le départ du courrier je le ferai sans faute; en attendant agréez, cher comte, l'expression de mon tendre et inaltérable attachement pour vous.

Czernicheff.

Czeffkine va se marier ces jours-ci.

6-го ноября вечеромъ
1828 г.

L'empereur, comme je vous l'ai écrit ce matin, mon cher comte, a passé une très bonne nuit, mais comme la fièvre était toujours là et ne diminuait pas, les médecins ont jugé nécessaire de le saigner, ce qui a eu lieu à 2 heures; le sang tiré a prouvé, que sa majesté avait une fièvre inflammatoire et combien cette opération était indispensable; c'est Arendt qui a été appelé pour la faire; lui et ses autres collègues m'ont dit positivement que sa majesté n'avait aucune des parties intérieures de son corps affectées; ils n'attendaient de résultat marquant que 24 heures après la saignée; ils assurent que la maladie est sérieuse, mais que jusqu'à ce moment il n'y a pas de danger réel. Dieu veuille nous accorder ce mieux que nous appellons de tous nos voeux et de toutes les facultés de l'âme: ce soir l'empereur a pris deux tasses de thé avec plaisir et paraît assez calme. Je vous envoie les bulletins d'hier et d'avant hier, quant à celui d'aujourd'hui, je vous l'ai décrit. Indépendamment des inquiétudes et des angoisses que me cause

Библиотека "Руниверс"

la maladie de l'empereur, je me trouve dans un cruel embarras pour l'expédition des affaires; j'en termine plusieurs dans le sens des ordres suprêmes que j'avais déjà reçu, mais beaucoup d'autres s'accumuleront et comme la convalescence de sa majesté sera longue et qu'il lui faudra de grands ménagements, j'aurai de la peine de remettre les affaires au courant.

Adieu, cher comte, j'espère d'expédier un courrier dans quelques jours et que la Divine Providence de la Russie me procurera l'inexprimable bonheur de pouvoir vous annoncer des nouvelles tout à fait tranquillisantes.

Tout à vous

Czernicheff.

13-го ноября 1829 года.

Je ne vous expédie ce courrier, cher comte, que pour vous tranquilliser sur la santé de notre cher empereur. Les 7-ème et 8-ème jours de la maladie, les médecins n'avaient plus aucun doute sur l'existence d'une fièvre inflammatoire, aussi se sont-ils décidé à une saigné au bras, exécutée par Arendt, qui depuis ce moment a été adjoint aux deux autres; cette saignée n'a pas produit de soulagement marquant; le pouls quoiqu' un peu tombé, était toujours resté entre 96 et 100 par minute; la peau continuait à être sèche et aucun indice de transpiration n'avait annoncé cette salutaire crise; la nuit du 9-me au 10-me jour avait été très agitée et comme on s'était aperçu d'une forte chaleur à la tête et d'une espèce d'assoupissement durant la journée, on a jugé nécessaire l'application des sangsues; le lendemain nous avons été ivres de joie en apprenant d'abord le matin qu'une forte sueur couvrait la tête de notre auguste malade et ensuite que tout le corps avait transpiré copieusement durant près de 4 heures. Depuis ce bien heureux moment le mieux continue progressivement; hier matin encore le pouls était 76 par minute, et après l'excellente nuit d'aujourd'hui il est tombé à 62, même au dessous de la pulsation ordinaire. Actuellement il ne reste plus qu'une grande faiblesse, signe évident d'une absence totale de la fièvre. Sa majesté se trouve dans un véritable état de convalescence, qui d'après l'avis des médecins nécessitera les plus grands ménagements; ils nous conjurent tous de ne soumettre à l'empereur de quelque temps que des sujets qui ne lui fassent pas de peine et ne l'assujetissent pas à un travail trop prolongé; ces précautions sont tout à fait essentielles pour éviter une rechute. Vous ne pouvez pas vous faire d'idée, cher comte, dans quel état nous nous sommes trouvés, tant que la crise n'avait pas eu lieu; la consternation était générale; chacun cherchait à lire sur le visage des médecins ce qu'il avait à craindre ou à espérer, et la cruelle épreuve par laquelle nous venons de passer, a donné la mesure de tous les sentiments que l'on a voué à sa majesté et de la manière dont l'apprécie. Quant à moi personnellement, je ne chercherai point à vous décrire ce que j'ai éprouvé, car personne plus que vous ne peut le comprendre; j'étais écrasé et par les angoisses présentes et par les déchirants souvenirs du passé. Dieu dans sa miséricorde nous a accordé le plus cher de nos biens, l'entière et pleine sécurité sur la santé de notre maître chéri et je me trouve heureux de pouvoir vous l'annoncer.

Outre ce sujet principal et essentiel, je n'ai rien de particulier à vous annoncer aujourd'hui. Je vous envoie les bulletins jusqu'au 12 inclusivement, mes lettres y servent de complément.

Библиотека "Руниверс"

J'ai vu le comte Toll; il a beaucoup changé et ne s'est pas bien trouvé d'abord après son retour; actuellement il va mieux; comme il est arrivé les tous premiers jours de la maladie de l'empereur il n'a pas pu voir sa majesté, qui m'a chargé d'ailleurs d'aller le voir et de lui dire de sa part de commencer par se bien soigner et de ne songer à sortir que lorsqu'il se trouverait entièrement remis. Le sénateur Besrodnoy est aussi arrivé depuis 5 à 6 jours; il est venu chez moi et je l'ai trouvé assez bien portant quoiqu' un peu maigri.

Vous concevez que ne pouvant point travailler avec l'empereur, j'ai peu de papier de service à vous transmettre; si quelques unes de vos présentations seront un peu arriérées, ne m'en voulez point, car il se passera encore un peu de temps avant que je puisse soumettre à sa majesté tout ce qui s'est encombré depuis ces 15 jours.

Je vous demande pardon de ne pas vous répondre aujourd'hui sur votre question au sujet des épaulettes; je vais faire venir chez moi Bittner et après l'avoir consulté, je soumettrai mes idées à l'empereur; vous savez comme il aime à décider ces questions lui même.

A l'empressement que je mets à vous instruire de notre joie commune, cher comte, vous reconnaîtrez un ancien ami qui connaît et apprécie votre coeur et vous restera éternellement et sincèrement dévoué

A. Czernicheff.

Nesselrode vous accuse la réception des ratifications qui nous ont été apportées par un feldjeger il y a trois jours. Boudberg n'est pas encore arrivé; si tôt qu'il viendra je le rappelerai à la bienveillance de l'empereur.

Czefkine s'est marié avant-hier et a l'air fort heureux.

16-го ноября 1829 года.

Le comte Tolstoy nous a mis tous dans un cruel embarras; veuillez bien, cher comte, garder pour vous seul, ce que mon entière confiance en vous m'engage à vous dire. Malgré que l'empereur se trouve en pleine convalescence, que grâce au Ciel tout indice de fièvre a cessé et qu'a dater d'avant hier on ne publiera plus de bulletins sur son état de santé; cependant vu son état de faiblesse et d'irritation de nerfs, il est encore alité et les médecins et surtout l'impératrice ont trouvé nécessaire de lui défendre tout espèce de travail durant quelques jours encore et comme il commence à faire venir quelques uns de nous chez lui iniquement pour causer, les médecins nous ont bien recommandé à tous de ne lui rien dire qui puisse lui déplaire ou lui causer la moindre irritation. Le prince Gallitzin, Wolkonsky, Menchikoff, moi et Adlerberg, ainsi que Benkendorff avons été les seuls appelés jusqu' à la journée d'hier et avons fidèlement observé ce qui nous a été recommandé.

Hier matin sa majesté a fait venir le comte Tolstoy, qui n'a rien eu de plus pressé, que de lui dire qu'une fregate anglaise La Blonde ayant passé le détroit a été à Sévastopol, s'est rendu ensuite à Odessa. Nesselrode, Menchikoff et moi avions reçu le même avis, mais présumant que cette nouvelle fâcherait l'empereur, nous nous étions arrangés à ne porter cette circonstance à la connaissance de sa majesté que dans quelques jours; il ne nous était pas entré en tête que Tolstoy aurait eu la même nouvelle par les colonies militaires et encore moins qu'il aurait l'imprudence d'en parler sans consulter personne.

Библиотека "Руниверс"

Effectivement ce que nous avions craint est arrivé; l'empereur a été extrêmement irrité, en apprenant qu'un bâtiment de guerre anglais avait paru et dans la mer Noire et devant nos ports et a ordonné qu'on vous expédie immédiatement un courrier, afin que vous exigiez de la Porte le libre passage d'un de nos vaisseaux de guerre qui se trouvent dans le golphe de Bourgas, pour aller au devant de Ribeaupierre et son retour dans la mer Noire, ainsi que celui de la frégate qui amenerait ce ministre. Tout ce que Nesselrode et Menchikoff ont soumis à sa mejesté pour mitiger ces conditions a échoué et les offices que vous recevrez en date d'aujourd'hui en feront preuve. Il est certain que le prétexte que le capitaine anglais met en avant d'avoir voulu exercer son équipage, ne peut-être consideré comme valable dans aucun cas et ne peut point tromper; mais d'un autre côté la dureté des conditions exigées peut compliquer nos relations amicales avec la Porte à peine établies et faire naître des discussions désagréables avec l'Angleterre. Aussi Nesselrode compte-t-il sur votre esprit conciliant pour arranger la chose aussi bien que vous en aurez la possibilité; je vous réitère, cher comte, ma demande de garder tout cela pour vous seul.

N'ayant eu jusqu'à ce moment que des conversations avec l'empereur, je n'ai presque pas d'offices à vous expédier, mais j'espère que d'ici à très peu de jours je commencerai à soumettre à sa majesté les papiers les plus pressés; il faudra encore du temps pour déblayer tout ce que j'ai sur ma table, car il faudra y aller avec beaucoup de ménagement.

Ne sachant pas trop comment décider la question que vous m'avez adressée au sujet des épaulettes de votre régiment, orné du chiffre, du N-os et des marques de votre dignité actuelle, j'en ai parlé à l'empereur; sa majesté a eu la bonté de me dire qu'elle se chargeait de vous en commander une paire et d'expliquer à Bittner comment il faut qu'il s'y prenne.

Vous n'avez pas à vous plaindre de notre paresse, voici au moins de dix jours le 3-me courrier que je vous expédie; j'étais sûr de vous rendre service. en vous tenant parfaitement au fait de ce qui se passe chez nous.

Agréez l'expression réitérée de tous les sentiments que vous me connaissez pour vous.

Comte A. Czernicheff.

28-го ноября 1829 года.

Je vous suis bien reconnaissant, mon cher comte, pour vos deux lettres du 31 Octobre et du 7 de ce mois; l'empereur a dicté lui même à Adlerberg une lettre pour vous; son contenu vous prouvera que j'ai eu raison en vous prévenant qu'on ne vous accorderait pas Neidhart; je n'ai rien à me reprocher à cet égard; j'ai rappelé cette affaire plus de dix fois à sa majesté et en ai toujours reçu des réponses évasives; quant à Neidhart lui même, je dois lui rendre la justice de dire qu'il était tout disposé à partir et que la détermination de sa majesté à son égard a paru lui faire de la peine. L'empereur vous désignera quelques individus pour le poste que vous lui assigniez, je ne sais jusqu'à quel point ils pourront vous convenir.

L'empereur va grâce à Dieu infiniment mieux, mais il est encore faible et son état exige de grands ménagements; les jambes surtout le servent encore mal; jusqu'à ce moment je n'ai pas encore eu de travail réglé avec sa majesté, mais de simples conversations, je me suis borné à lui soumettre les lettres particulières de votre part, ainsi que de la part du grand duc et de Paskévitch; depuis quelques jours il s'est fait lire par Adler-

Библиотека "Руниверс"

berg les papiers qui s'étaient accumulés dans son cabinet. Il m'a dit lui même qu'il tenait essentiellement à déblayer ce fatras et se mettre en courant; mais ces occupations forcées l'ont parfois bien fatigué en dépit des médecins; l'empereur m'a dit que ce serait fini aujourd'hui et que dès demain il commencerait avec moi pour terminer ce qui s'est encombré durant sa maladie. Vous concevez que je ferai tout mon possible pour lui abréger le travail.

J'ai profité d'un de mes entretiens avec sa majesté pour lui parler de votre demande du 1.600.000 r. des sommes conditionnelles pour le foin et les portions de viande; j'ai déjà intimé au ministre des finances l'ordre suprême de vous délivrer ces sommes; j'espère que vous ne serez pas en attendant dans un embarras d'argent, vu que toutes les sommes des appointements pour le tiercal vous ont été déjà envoyées et qu'il y a beaucoup de troupes qui dépassent la frontière dans le courant de ce mois et qui n'auront plus droit à la paye de guerre.

J'ai été désolé d'apprendre la mort de Hermann; l'empereur ne le sait pas encore et m'avait ordonné d'après votre opinion de le mettre à l'ordre du jour comme chef d'état major du premier corps. Comme Paskévitch ne veut pas de Hastford et qu'il s'est entiché de Joukoffsky qui a été дежурный штабъ-офицеръ près du grand duc, nous lui garderons son poste précédent jusqu'à son retour. Le choix de Paskévitch est tout à fait inconvenant, d'abord parce que l'individu n'a pas les qualités requises pour un pareil poste, et puis parce que c'est le frère de l'intendant, de manière que toute l'administration serait une oeuvre de famille; d'un autre côté, avec un caractère comme celui de Paskévitch il est impossible de lui imposer un chef d'état major contre son gré, les affaires en souffriraient, ainsi que l'individu envoyé d'ici.

J'ai soumis à l'empereur votre désir concernant Pierre Pahlen; sa majesté m'a répondu que probablement en faisant cette demande vous avez encore ignoré qu'elle l'avait nommé chef du régiment de Soumm et le rescrit qui lui a été adressé et qu'on pourrait avoir cette récompense en vue pour l'avenir.

Toll va presque tout à fait bien et m'a fait dire avant hier qu'il était prêt à sortir; je crois que l'empereur va le voir un de ces jours.

Adieu, cher comte, recevez l'expression de mon ancien et invariable attachement pour vous.

Comte A. Czernicheff.

28-го декабря 1829 года.

Je vous remercie infiniment, cher comte, pour votre lettre du 5 de ce mois. J'ai été charmé de voir que vous ne vous plaignez plus de votre santé, ce qui me fait espérer qu'au moyen des mesures de précaution que vous avez prises, le petit accès dont vous m'aviez parlé dans la précédente ne s'est plus renouvellé.

Grâce au Ciel le rétablissement de l'empereur est parfait et sa majesté a repris toutes ses habitudes, même la parade où elle va à cheval, vu que ses jambes ont encore conservé de la faiblesse. D'après l'avis des médecins l'empereur travaille peu le soir et l'arrange de manière à terminer toutes ses affaires le matin à moins de cas extraordinaires. Sa majesté a ét parfaitement contente du premier résultat de la mission d'Orloff et de sa manière d'agir; la position brillante où il se trouve, le langage qu'il peut tenir, sont la conséquence non seulement de vos victoires, mais aussi de la conduite ferme, juste

Библиотека "Руниверс"

et bienveillante que vous avez tenu et fait observer d'une manière si exemplaire dans les pays conquis; c'est un hommage sincère que tout le monde se plait à vous rendre.

La situation du 2-d corps est très affligeante et demande de promptes mesures pour réparer ses pertes; l'empereur a déjà fait partir le comte Paul Pahlen pour en prendre le commandement en Bessarabie; vu la maladie de Habbe, sa majesté lui a donné Weymarn pour remplir les fonctions de chef d'état major, jusqu'à ce que le corps arrive à ses quartiers permanents; plus tard Weymarn ira prendre le 1-r corps dont il a été nommé chef d'état major. Avant d'avoir reçu vos lettres, l'empereur avait déjà décidé que les troupes du 2-d corps séjourneraient provisoirement dans les quartiers qu'avait occupé la garde; elles y resteront assez longtemps pour se reposer, recevoir tous les renforts de leurs réserves, ainsi que les effets d'habillements et d'équipement de Balta et ce n' est qu'après leur complète organisation, qu'on décidera leur marche à leurs quartiers permanents. Dans la dislocation approuvée par sa majesté pour ces cantonnements de repos il y a place pour les 4-e, 5-e, 6-e et 8-e d'infanterie, la 2-me de hussards et le 4-me corps de cavalerie; plus tard ces troupes seront remplacées pour le même but par celles que vous renverrez aussi en Russie. Les nouvelles que Mouhanoff vient de nous apporter de la 1-re brigade de la 4-me de lanciers (du Boug) sont très satisfaisantes; elle a été bien plus heureuse pour sa marche, elle a peu de malades et n'a pas éprouvé de pertes d'hommes; nous ne savons encore rien de la 8-me d'infanterie.

L'empereur a daigné accorder la 3-me Wladimir à Boudberg et la 2-de St. Anne à Mouhanoff; en sus sa majesté a fait nommer Boudberg votre aide de camp, voulant poser en principe que les maréchaux pouvaient avoir des colonels pour aides de camp. Boudberg vient d'obtenir un congé de 15 jours pour aller voir sa mère et à son retour vous sera expédié de suite.

Je suis dans toutes les horreurs des derniers moments qui précèdent la confirmation du budjet; j'ai fait l'impossible pour la réduire autant que possible avec toutes les troupes que l'on veut garder; le total est même moindre que ce qui a été donné en 1828, eh bien, malgré cela Cancrin crie tapage et demande d'une manière fort peu polie des diminutions tout à fait extravagantes; je sais que lui même est embarrassé; mais il n'y a que l'empereur lui seul qui puisse décider de nouvelles réductions de troupes, ou de bâtisses, car celles qui ont été ordonnées sont de très peu d'importance. Je vous avoue qu'après tous les déboires que j'ai éprouvé depuis près de trois ans à cet égard épuisent ma patience.

Mon humeur n'est pas couleur de rose, au milieu de toutes mes tribulations, c'est pourquoi je vais terminer ma lettre, d'ailleurs l'empereur vous écrit lui même. Je joins ici un ordre du jour pour les nouveaux boutons que nous allons mettre à dater du 1-er de Janvier; la chose ayant été ordonnée assez tard, nous n'en aurons que très peu de prêts pour ce jour, cependant je vous en envoie pour l'uniforme de général; plus tard je vous en enverrai d'autres.

Adieu, cher comte, recevez l'assurance de toute mon amitié et de mon sincère dévouement.

Comte A. Czernicheff.

Je vous félicite sur la nouvelle année et vous la désire bonne et heureuse; celle qui vient de s'écouler a été bien glorieuse pour vous.

Библиотека "Руниверс"

XVIII.

Политическая записка императора Николая Павловича.

Ecrit autographe de sa majesté l'empereur Nicolas.

(Sans date).

La gravité des circonstances présentes, dans leur rapport avec les intérêts directs de la Russie, m'a amené à me rendre compte à moi même des impressions qu'elle me fait éprouver. Le résultat de cet examen devant le tribunal de ma conscience semble me tracer mes devoirs.

La position géographique de la Russie est si heureuse qu'elle la rend presqu'indépendante, quant à ses propres intérêts, de ce qui se passe en Europe; elle n'a rien à appréhender; ses frontières lui suffisent, elle ne peut rien désirer sous ce rapport et par conséquent elle ne devrait être inquiétante pour personne. Les circonstances qui ont amené la conclusion des traités existants datent d'une époque, où la Russie, après avoir vaincu et anéanti l'agression inouie de Napoléon, venait en libératrice aider l'Europe à secouer le joug qui l'oppressaits. Mais le souvenir des bienfaits s'efface plutôt que celui des injures; déjà à Vienne la mauvaise foi faillit rompre l'union à peine cimentée et il ne fallut rien moins qu'un nouveau danger connu pour rallier franchement les puissances à celui qui, déjà une fois leur libérateur, était toujours généreux.

Durant les 10 années qui suivirent, l'union parut étroite entre la Russie, l'Autriche et la Prusse. Cependant plus d'une fois, ces deux puissances s'écartèrent du sens littéral ou des principes fondamentaux, sur lesquels étaient basés les traités d'alliance. Ce fut toujours la patience ou la modération de l'empereur qui sut ramener à la vraie soie, ou cacher la divergence d'opinion, par son inépuisable désir de sauver l'apparence de l'intimité la plus parfaite. Lorsque la Providence l'enleva à la Russie, nous vîmes bientôt qu'à côté des plus belles assurances l'Autriche trahissait ses arrières pensées; la Prusse nous fut plus longtemps fidèle il est vrai, mais une différence notable se fit voir entre les rapports personnels avec le roi et ceux avec son ministère.

Toute fois, il n'y eut point de divergence éclatante jusqu'à l'infâme révolution de Juillet. Nous avions des longtemps prévu cet affreux événement et nous avions épuisé près de Charles X et de ses ministres tous les moyens de persuasion que l'amitié et nos bons rapports admettaient. Tout fut en vain. Dès lors nous n'hésitâmes pas à prononcer fortement le blâme contre les démarches illégales de Charles X, mais pouvions nous en même temps reconnaître un maître légitime à la France que celui qui par tous les droits y devait être appelé? C'était faire notre devoir et rester fidèle aux principes qui avaient dirigé toutes les démarches des alliés depuis 15 ans. Cependant nos alliés sans se conseiller avec nous sur une démarche aussi grave, aussi décisive, s'empressèrent par leur reconnaissance de couronner la révolte et l'usurpation, démarche fatale, incompréhensible et à laquelle il faut attacher le chaînon des désastres qui depuis cet instant n'ont cessé de pleuvoir sur l'Europe. Nous resistâmes, car nous le devions; je ne cédai que pour le

Библиотека "Руниверс"

seul motif de conserver l'union; mais il était facile à prévoir, qu'après un pareil exemple de lâcheté aussi subversive, la série d'événements et de démarches en conséquence ne pouvait s'arrêter là, et en effet Bruxelles suivit bientôt l'exemple de Paris. Là, l'autorité royale avait eu tort, car c'était elle qui avait donné présence à la révolte pour éclater; à Bruxelles, au contraire, rien de ce genre n'avait eu lieu, si non des bienfaits de la part du souverain. Cependant, le même principe fut adopté, il fut dit: le pays ne reconnaît plus un ancien maître, donc c'est un pays indépendant; hâtons nous de le reconnaître pour tel et constituons le. en lui donnant un maître. Mais le souverain était encore maître de son ancien patrimoine, qui, ne pensant qu'à son honneur, n'hésita pas à s'épuiser en efforts pour le soutenir, exemple sublime et qui eut mérité un meilleur sort et un maître plus digne de l'apprécier!

Ainsi qu'il fut fait pour la France, sans en consulter au préalable avec leur ancien allié, l'Autriche et la Russie se sont hâtées de promettre leur accession, mais nous avons, dès le commencement, suivi une voie plus noble et, seuls champions du principe de justice, nous avons su braver le courroux de l'Angleterre et de France. Pouvons nous sans nous déshonorer changer de conduite?

Mais laissons là la question d'honneur et parlons seulement intérêt. Y en a-t-il pour nous à consentir à ce nouvel acte d'iniquité? est-ce conserver l'union antique que de travailler en commun à détruire notre propre ouvrage? L'antique alliance existe-t-elle encore, quand deux des puissances vont directement dans le sens contraire de ce qui motiva l'antique alliance? existe-t-elle encore quand la Prusse nous fait pressentir que même en cas d'une invasion française en Autriche, elle n'accordera que son appui moral à cette dernière! Est-ce là, grand Dieu, l'alliance créée par notre immortel empereur? conservons ce feu sacré intact et ne le déshonorons pas par une accession muette aux actes de lâcheté et d'iniquité des puissances qui ne prétendent à notre alliance que quand elles veulent de nous pour complices à de pareils actes; conservons, dis-je, le feu sacré pour le moment solennel, qu'aucune force humaine ne peut éviter, ne peut retarder, moment où la lutte entre la justice et le principe infernal doit éclater. Ce moment est proche, soyons pour lors, nous la bannière, à laquelle forcément et pour leur propre salut viendront se rallier une seconde fois ceux qui tremblent dans ce moment.

Nous avons reconnu le fait de l'indépendance de la Belgique, parce que le roi des Pays-Bas l'a reconnu lui-même; mais ne reconnaissons pas Léopold [1], car nous n'avons aucun droit de pouvoir le faire, tant que le roi des Pays-Bas ne le reconnait pas. Mais en même temps, ne cachons pas notre désaprobation manifeste de la conduite double et fausse du roi et retirons nous de la conférence.

Si la France et l'Angleterre s'unissent pour tomber sur la Hollande, nous protesterons, car nous ne pouvons faire plus, mais du moins le nom russe n'aura pas été souillé par la complicité d'un pareil acte. Notre langage à l'Autriche et à la Prusse doit toujours être le même, il doit leur faire connaître constamment le danger de la route qu'ils suivent et leur démontrer que c'est eux qui s'éloignent des principes de l'alliance; que nous ne ferons jamais la même faute, car nous y verrions la perte irréparable de la bonne cause, qu'au moment du danger l'on nous verra toujours prêts à voler au secours de nos

[1] Принцъ Леопольдъ Кобургскій. избранный въ бельгійскіе короли Лондонскою конференціею.

Библиотека "Руниверс"

alliés qui reviendraient à nos anciens principes; mais que, dans le cas contraire, jamais la Russie ne sacrifiera ni ses trésors, ni le sang précieux de ses soldats.

Voilà ma confession, elle est grave, décisive; elle nous place dans une position neuve, isolée, mais j'ose le dire honorable et digne de nous. Qui oserait nous attaquer? et si l'on osait, je serais sûr de l'appui de la nation, car elle apprécierait sa position et saurait punir, avec l'aide de Dieu, l'audace des agresseurs.

XIX.

Прибавленіе къ №. 39 «Сѣверной Пчелы».

1-го апрѣля 1830 года.

Письмо изъ Москвы, отъ 19-го марта.

Живая радость обитателей древней столицы русской была непродолжительна. Москва снова опустѣла по отбытіи царя, явившагося среди насъ на немного дней и уже оставившаго насъ. Наши русскія сердца говорятъ намъ, что нынѣшнее пребываніе государя императора въ Москвѣ отрадно было его великой душѣ: свѣтлый сердечнымъ удовольствіемъ взоръ его высказывалъ сію утѣшительную мысль, при каждомъ воззрѣніи нашемъ на надежду-государя.

Воспоминаніе о пребываніи государя въ Москвѣ теперь стало дорого намъ, и каждая подробность сего событія такъ же драгоцѣнна намъ, какъ надежда, что вскорѣ, можетъ быть, онъ опять также нежданнымъ вѣстникомъ счастія посѣтитъ свою добрую Москву. Мы обѣщали передать соотечественникамъ нашимъ извѣстія о пребываніи государя въ Москвѣ: исполняемъ наше обѣщаніе.

Государь императоръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга марта 2-го числа и, по краткомъ пребываніи въ военныхъ поселеніяхъ, предпринялъ путь изъ Новагорода въ Москву. Во 2-мъ часу ночи на 7-е марта онъ былъ уже въ стѣнахъ Кремля. Рано поутру узнали о семъ въ Москвѣ, какъ будто земля голосъ дала, и Кремль былъ уже полонъ народа; толпы ожидали вокругъ дворца, когда въ 12 часу государь вышелъ изъ дворца и пѣшкомъ отправился въ Успенскій соборъ. Народъ радостно зашумѣлъ, стѣснился, не давалъ дороги, ловилъ руки государя и цѣловалъ, восхищенный любовью и веселостью, какія видны были на лицѣ монарха. Полагая, что государь изъ собора пройдетъ чрезъ большой дворецъ, иные бросились туда; другіе побѣжали къ экзерцигаузу, гдѣ собранъ былъ 30-й Егерскій полкъ. Когда государь явился на разводъ сего полка, Моховая и Кремлевскій садъ были усѣяны народомъ, и множество экипажей стояло тамъ. Шумъ, говоръ, кликъ: «ура», раздавались повсюду. По всей Москвѣ гремѣлъ въ то же время колокольный звонъ, послѣ отправленія благодарственнаго молебствія о благополучномъ прибытіи государя въ Москву. Послѣ сего государь посѣтилъ Чудовъ монастырь, примыкающій къ Николаевскому дворцу, гдѣ онъ остановился, и священный Москвѣ по мощамъ

Библиотека "Руниверс"

св. Алексія митрополита, доставившаго Москвѣ житіе мирное, какъ говорилъ Димитрій Донской, срѣтая святителя. Засимъ, государь выѣхалъ изъ Кремля, и осматривалъ два заведенія, коими ознаменовала для Москвы память свою матерь его, императрица Марія Ѳеодоровна: институтъ ордена св. Екатерины, гдѣ съ 1803 года воспитывается всегда болѣе 200 дворянскихъ дѣвицъ, и Маріинскую больницу для бѣдныхъ, гдѣ безденежно врачуется по царскому милосердію множество безпомощныхъ больныхъ. Ввечеру вся Москва была иллюминована.

Марта 8-го по утру, было во дворцѣ представленіе государю императору гг. сенаторовъ и почетнаго дворянства. Потомъ государь присутствовалъ на разводѣ 2-го Учебнаго Карабинернаго полка, въ экзерциргаузѣ, а по возвращеніи во дворецъ было представлено ему московское почетное купечество. Въ сей день государь посѣтилъ кадетскій корпусъ, нѣкогда бывшій въ Смоленскѣ и Костромѣ, но въ послѣдніе годы царствованія императора Александра переведенный въ Москву и нынѣ именующійся Московскимъ; также находящееся рядомъ съ корпусомъ Военно-сиротское отдѣленіе кантонистовъ. Каждый шагъ въ Москвѣ говоритъ памяти: кадетскій корпусъ помѣщается въ обширномъ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ нѣкогда былъ домъ сподвижника Петрова, Лефорта, и гдѣ построена была юнымъ Петромъ первая потѣшная крѣпость, отъ которой отгрянули потомъ русскіе громы въ концахъ міра. Къ обѣденному столу во дворецъ приглашены были особы первыхъ двухъ классовъ. Вечеромъ въ домѣ благороднаго собранія данъ концертъ, въ которомъ присутствовали государь императоръ и его высочество принцъ Прусскій.

Марта 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ церкви Чудова монастыря, былъ въ присутствіи государя, въ экзерциргаузѣ, смотръ Рязанскаго пѣхотнаго полка и 15-й артиллерійской бригады, батарейной № 1-го роты. Потомъ посѣщалъ онъ важнѣйшее изъ благотворительныхъ Московскихъ заведеній, Воспитательный Домъ—городъ благотворенія, въ Москвѣ воздвигнутый, если можно такъ выразиться, смотря на обширныя зданія Воспитательнаго Дома, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и гдѣ, въ умилительномъ воспоминаніи, соединяется для насъ память объ основательницѣ его, великой Екатеринѣ, и матери сиротъ, Маріи. Вечеръ провелъ государь императоръ у генералъ-адъютанта князя Щербатова, въ небольшомъ семейномъ его кругѣ.

Марта 10-го, послѣ смотра Рижскаго пѣхотнаго полка въ экзерциргаузѣ, государь посѣтилъ Вдовій домъ, еще одинъ изъ памятниковъ незабвенной императрицы Маріи, основанный въ 1803 году, откуда, призрѣнныя благотвореніемъ, вдовы сердоболія несутъ отраду и попеченіе къ одрамъ болящихъ. Великолѣпный обѣденный столъ былъ у князя Н. Б. Юсупова. Посѣтивъ потомъ князя А. М. Урусова, государь императоръ былъ на большомъ вечерѣ у московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Здѣсь было повторено представленіе живыхъ картинъ, въ первый разъ представленныхъ 29 декабря прошлаго 1829 года. Особы избраннаго общества московскаго составляли и публику, и дѣйствующія лица въ картинахъ. Антракты заняты были пѣніемъ и игрою на фортепіано отличныхъ талантами любителей и любительницъ музыки.

Марта 11-го, въ присутствіи государя отправлена была въ Чудовомъ монастынѣ панихида. Исполнивъ долгъ сына, благоговѣющаго къ памяти родителя, государь спѣшилъ доставить подданнымъ неожиданную радость. По изъявленному

Библиотека "Руниверс"

государемъ императоромъ наканунѣ желанію лично видѣть состояніе русской промышленности, находящимся въ Москвѣ (по особенному порученію министра финансовъ) чиновникомъ бароном Мейендорфомъ, въ однѣ сутки устроена была въ залахъ дворца выставка произведеній московской промышленности. Тутъ находились московскіе фабриканты и заводчики. Мы разскажемъ подробнѣе о семъ событіи впослѣдствіи, чтобы не прерывать здѣсь журналъ пребыванія государя, излагаемый въ краткомъ очеркѣ. Послѣ смотра въ экзерциргаузѣ 29-го Егерскаго полка государь въ сей день посѣтилъ два благотворительныя заведенія: Петропавловскую больницу, основанную родителемъ его въ 1763 году, въ благодарность Богу за исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни, и больницу Голицынскую, памятникъ человѣколюбія, оставленный потомству княземъ А. М. Голицынымъ. Отсюда, обозрѣвъ строящуюся подлѣ Голицынской, огромную Градскую больницу, государь былъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

Такъ протекли пять дней. Жители Москвы не вѣдали, что 12-го марта назначенъ былъ выѣздъ государя императора изъ Москвы. Въ 1 часу по полудни, въ сей день происходилъ въ экзерциргаузѣ смотръ 30-го Егерскаго полка; въ ознаменованіе монаршаго благоволенія, подполковникъ Пантелеевъ произведенъ былъ въ полковники, и капитанъ Куртьяновъ въ майоры. Потомъ государь посѣтилъ Военный госпиталь, находящійся на Введенскихъ горахъ и основанный Петромъ Великимъ. Ввечеру назначенъ былъ въ домѣ благороднаго собранія концертъ въ пользу Глазной лѣчебницы. Его составляли любители и любительницы музыки, не ожидавшіе, что ихъ безкорыстное состраданіе къ болящимъ братіямъ будетъ награждено столь блистательно посѣщеніемъ монарха. Государь прибылъ въ концертъ въ 10 часу. Никогда, кажется, не являлись съ такимъ блескомъ музыкальные таланты лучшаго московскаго общества, какъ въ сей вечеръ, оживленные его присутствіемъ. Артистовъ наемныхъ не было ни одного; но мы забывали ихъ, слушая арію Меркаданте, пѣтую (съ хоромъ) Е. А. Акуловою; речитативъ и романсъ изъ Теобальда и Изолины, пѣтые А. С. Шереметевою, дуэтъ изъ Семирамиды, пѣтый Е. А. Акуловою и П. А. Бартеневою. Игра на фортепіано Е. А. Рахмановой (рондо Гуммеля) и превосходная игра Е. П. Озеровой (концертъ Риса) и отлично разыгранныя увертюры Керубини и Вебера, и финалъ Регини (П. А. Бартенева, гг. Фе и Фельцманъ, тріо, съ хоромъ) дополнили удовольствіе многочисленной публики. Провожая государя взорами и сердцами, и все еще мало наглядѣвшись на него, мы думали, что увидимъ его завтра, что онъ еще погоститъ въ Москвѣ. Печально услышали мы на другой день, что, возвратясь изъ концерта во дворецъ, въ самую полночь онъ выѣхалъ изъ Москвы.

Вотъ всѣ извѣстныя намъ подробности пребыванія государя императора въ Москвѣ, продолжавшагося шесть дней, столь краткаго, столь неожиданнаго, столь незабвеннаго для насъ и—осмѣливается прибавить—для него. Эти шесть дней будутъ прекрасны не только въ лѣтописяхъ Москвы, но и въ лѣтописяхъ его царствованія: ихъ означитъ не громъ побѣдъ, не звукъ оружія, но память народная, переживающая преданія браней.

Государь провелъ сіи дни среди неожидавшаго его народа и видѣлъ, что можетъ одинъ взоръ, одно слово его. Народъ видѣлъ царя своего, и это великодушіе, эта внушающая благоговѣніе, неизмѣняемая кротость и простота, съ какою

Библиотека "Руниверс"

всюду являлся, всюду виденъ былъ повелитель шестой части Свѣта[1], возвышали и умиляли душу. Посвящая въ тишинѣ кабинета большую часть дня трудамъ, которыми рѣшаются жребій царей и народовъ, счастіе и судьба нѣсколькихъ сотъ милліоновъ, въ остальное время государь былъ въ Москвѣ или благотворителемъ, или добрымъ собесѣдникомъ, участникомъ радости и веселія своихъ подданныхъ. Мы перечислили посѣщенныя имъ благотворительныя и учебныя заведенія; но надобно знать, каковы были сіи посѣщенія. Въ каждомъ являлся онъ попечительнымъ, ободрялъ, награждалъ, хвалилъ доброе, кротко наставлялъ неисправное, входилъ во всѣ подробности; въ кадетскомъ корпусѣ онъ говорилъ и игралъ съ дѣтьми, довольный отличнымъ порядкомъ сего заведенія. — «Не жалѣйте издержекъ для добра— пусть только будетъ хорошо»!—сказалъ онъ въ другомъ заведеніи. Золотыя слова!— Мы упоминали о 50-ти тысячахъ, опредѣленныхъ имъ для бѣдныхъ обитателей Москвы. За билетъ для концерта Глазной лѣчебницы онъ приказалъ выдать 5.000 рублей. Милости, награды, ободренія изливались отъ него на все, заслужившее награду.

Выставка издѣлій московской промышленности будетъ для насъ всегда памятна. Огромная зала во дворцѣ заставлена была столами, около стѣнъ поставлены были нарочно сдѣланныя рамы, и блестящая выставка, составленная въ нѣсколько часовъ, слѣдственно, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, была неоспоримымъ доказательствомъ истины, какъ быстро, какими исполинскими шагами идетъ Россія по всѣмъ частямъ общественнаго богатства и образованія. Тутъ находились произведенія русскихъ прядиленъ хлопчатой бумаги, шелки русской размотки, мериносовая шерсть съ русскихъ овчарень, бумажныя, шелковыя, хрустальныя издѣлія, столовое бѣлье, стальныя вещи, иглы, перчатки, табакерки, фарфоръ, бронза, шали, химическія произведенія. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное исчисленіе того, что являла любопытная выставка во дворцѣ, и потому не упоминаемъ ни обо всѣхъ находившихся на ней предметахъ, ни объ именахъ гг. фабрикантовъ и заводчиковъ. Чтобъ судить хотя нѣсколько правильно объ успѣхахъ нашей промышленности въ послѣдніе годы, приведемъ только слѣдующіе немногіе примѣры: въ Россіи выпрядено уже было въ прошломъ году до 55.000 пудовъ хлопчатой бумаги, а въ нынѣшній годъ сіе число удвоится; изъ 32.000 пудовъ шелка, употребляемыхъ промышленностію Москвы ежегодно, 14 тысячъ получается уже изъ Закавказскихъ областей, въ томъ числѣ 4.000 пудовъ изъ новоприобрѣтенныхъ отъ Персіи областей. Въ 1803 году у насъ вовсе не было мериносовой тонкой шерсти; теперь мы отпускаемъ оной ежегодно за границу на нѣсколько милліоновъ рублей, и въ Англіи рѣшительно не различаютъ русской шерсти отъ лучшей саксонской. Химическія произведенія нынѣ всѣ у насъ туземныя, и въ послѣдніе годы доведены до такого совершенства, что удивляютъ дешевизною и не могутъ бояться соперничества иностранцевъ. На выставкѣ можно было вдругъ видѣть и многообразіе, и совершенствованіе, и пользу промышленности русской. Многіе заводчики и фабриканты находились тутъ,

[1] Говорятъ, что Петръ Великій составилъ карту земного шара и раздѣлилъ ее не на четыре извѣстныя тогда части свѣта, но на пять: пятая — была Россія. Мысль геніальная: почитать Россію выходящею изъ границъ всѣхъ другихъ обыкновенныхъ государствъ, совершенно оправдывается огромностію, многообразіемъ и исторіею Россіи.

Библиотека "Руниверс"

каждый при своихъ издѣліяхъ. Государь разсматривалъ все съ величайшимъ вниманіемъ, разговаривалъ со всѣми безъ различія, разспрашивалъ каждаго, слушалъ замѣчанія, сужденія, заставлялъ каждаго забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ, и изливать душу въ простыхъ, неприготовленныхъ словахъ. «Стоило пріѣхать въ Москву для того только, чтобы видѣть это изображеніе нашей промышленности»,—сказалъ наконецъ монархъ, оставляя восхищенное собраніе фабрикантовъ и заводчиковъ, обѣщая имъ всѣ пособія и поощренія и не различая въ словахъ своихъ себя отъ своихъ подданныхъ.

Счастлива Русская земля! И простое описаніе, простое изложеніе того, что мы видѣли, слышали, чувствовали, можетъ показаться пристрастнымъ. Мы не имѣемъ повторить здѣсь, что говорятъ и въ слухъ мыслятъ въ Москвѣ о государѣ; не смѣемъ, ибо не дерзаемъ оскорбить высокаго чувства души, съ какимъ отвергаетъ онъ всякую наружную почесть, всякій блескъ, все, что можетъ показаться лестію. Но мы желали бы, чтобы всѣ слова, все пребываніе въ Москвѣ государя были записаны и пересказаны будущимъ поколѣніямъ историкомъ, скрывшимся въ толпѣ добраго Русскаго народа, который достоинъ своего государя.

О, сколь монархъ благополученъ,
Что знаетъ россами владѣть!

— сказалъ безсмертный пѣснопѣвецъ, и мы невольно повторяемъ слова его, ибо надобно было видѣть Москву, съ 7-го по 13-е марта, чтобы понять духъ русскій, горячій въ любви, пламенный въ изъявленіи чувства. Не знаемъ, какъ узналъ народъ, гдѣ будетъ государь; толпа бѣжала за нимъ повсюду. Едва успѣвалъ онъ пріѣхать куда нибудь, какъ улица стѣснялась народомъ и пестрѣлась экипажами. Въ концертѣ Глазной лѣчебницы сборъ, за всѣми расходами, простирался до 30.000 рублей; послѣ сего, не диво, что въ огромныхъ залахъ и на хорахъ главной залы было тѣсно; что экипажи тянулись на нѣсколько верстъ, и разъѣздъ, при всемъ порядкѣ и быстротѣ, продолжался съ 12-ти до 5-ти часовъ по полуночи. Въ одинъ изъ выѣздовъ государя, на Троицкомъ мосту, ведущемъ изъ Кремля къ экзерциргаузу, народъ тѣсно окружилъ сани государя.—«Перестаньте, уроните!»—говорилъ государь ласково народу.—«Нѣтъ, нѣтъ, батюшка: русскіе не уронятъ своего государя!»—восклицалъ народъ, и едва согласился оставить сани: такихъ словъ не выдумаютъ...

Казалось, монархъ нашъ хотѣлъ пощадить насъ отъ горести разлуки съ нимъ и удалить всѣ изъявленія народнаго восторга при отъѣздѣ своемъ: Москва подвигнулась бы за нимъ, если бы знала, что разстается съ своимъ государемъ.

Но нѣтъ! Москва не разсталась съ нимъ, и до сихъ поръ всюду о немъ только слово, о немъ только бесѣда, и въ богатыхъ чертогахъ, и въ бѣдныхъ домахъ. Разсказъ о праздникѣ московскихъ мануфактуристовъ лучше нашихъ словъ покажетъ, что чувствуетъ Москва, покажетъ, что и въ его отсутствіи Онъ съ нами любовью къ нему.

Бывшіе на выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій во дворцѣ, фабриканты и заводчики хотѣли ознаменовать сіе радостное для нихъ событіе празднествомъ въ кругу своемъ. Марта 18-го, собрались они въ залѣ Купеческаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ богатый обѣдъ; въ собраніи ихъ находились г. московскій гражданскій губер-

Библиотека "Руниверс"

наторъ, многіе вельможи и чиновники. Порядокъ, при общемъ удовольствіи, былъ совершенный. Провозглашены были тосты за здравіе государя императора, его августѣйшаго семейства; чувство яркое являлось при сихъ священныхъ именахъ, но все еще молчаливо скрывалось оно въ душахъ собесѣдниковъ. Послѣ желанія здравія уважаемому всѣми г. министру финансовъ, его сотрудникамъ, начальникамъ Москвы, предложено было за здоровье барона Мейендорфа, бывшаго учредителемъ выставки во дворцѣ. Тогда почтенный старецъ, гражданинъ московскій, М. П. Титовъ, просилъ удостоить вниманія, и одинъ изъ бывшихъ тутъ гражданъ, обращаясь къ барону Мейендорфу, сказалъ ему слѣдующее:

«Милостивый государь!

«По русскому обычаю, пожелавъ долголѣтія православному русскому царю и здравія добрымъ его вельможамъ, просимъ дать мѣсто нашей рѣчи и позволить высказать вамъ немного сердечныхъ словъ, которыя залегли въ душахъ нашихъ.

«Мы собрались здѣсь торжествовать тотъ счастливый день, когда въ стѣнахъ нашей старой, бѣлокаменной Москвы явился царь нашъ, когда мы увидѣли среди насъ того, кто потрясаетъ одною рукою Тегеранъ и Стамбулъ, и въ другой держитъ судьбу полуміра, прикрывъ державною порфирою треть Азіи и треть Европы. Онъ явился такъ, какъ по преданіямъ являлись нѣкогда его благочестивые отчичи и дѣдичи: не царемъ — но отцемъ; не грознымъ — но милостивымъ; не великолѣпнымъ — но великимъ. Такъ! только нынѣ поняли мы, что̀ значитъ величіе, когда безъ стражи, безъ громовъ, безъ царедворцевъ, мы видѣли избранника Божія, и благоговѣніе проникало въ насъ отъ одного взора его; душа русская кипѣла отъ одного слова его; любовь къ нему сливалась съ счастіемъ нашимъ, какъ душа съ тѣломъ.

«Какое же чувство вспыхнуло въ насъ, когда въ его царскіе чертоги мы принесли плоды нашего труда, разостлали предъ нимъ наши издѣлія и говорили ему: «Взгляни, государь! когда твои воины громятъ твердыни Азіи и Царьграда; когда ты проводишь ночи безъ сна и дни въ трудахъ, мысля, заботясь о правосудіи, о истинѣ, о благѣ нашемъ, мы также не хотимъ остаться недостойными тебя, мы въ своихъ хижинахъ, въ своихъ домахъ, среди мирныхъ семействъ нашихъ, трудимся для общаго благоденствія; хотимъ умножить богатства и преуспѣяніе нашего отечества фабриками, мануфактурами, издѣліями; хотимъ отнять не оружіемъ, но умомъ, дѣятельностью, трудомъ вѣковыя богатства изъ рукъ чужеземцевъ, разлить ихъ въ нѣдрахъ отечества, споспѣшествовать ими — и тебѣ крѣпить землю Русскую, и согражданамъ нашимъ быть полезными и помогать тебѣ, и дѣтямъ нашимъ быть полезными и помогать Тебѣ, и дѣтямъ нашимъ просвѣщаться, въ страхѣ Божіемъ и любви къ добру и правдѣ.

«Вы, милостивый государь, были свидѣтелемъ того времени, когда онъ, какъ въ родной семьѣ, сталъ среди насъ, бесѣдовалъ съ нами, ободрилъ насъ привѣтливымъ словомъ, освѣтилъ пріязненнымъ взоромъ... Красный былъ этотъ для насъ день, и долго, долго будемъ мы бесѣдовать, говорить, вспоминать объ немъ: онъ оживилъ насъ новою жизнію въ трудахъ нашихъ.

«Вамъ принадлежитъ честь, вы были виною сего незабвеннаго для насъ событія... Не думайте, чтобы мы хотѣли оскорбить васъ хвалою, чтобы мы заставили васъ гордиться словами нашими! Близъ царя нѣтъ гордости; у русскаго нѣтъ слова

Библиотека "Руниверс"

на лесть! Скажемъ, какъ говорили предки наши: да будетъ намъ стыдно, если мы васъ забудемъ! Вы, какъ вѣрный сынъ отечества, еще будете полезнымъ землѣ Русской — да сопутствуетъ же вамъ наше благословеніе — останетесь ли вы въ предѣлахъ отчизны, или, по волѣ царя, перейдете на берега Рейна, Сены и Темзы! Въ грустный часъ, когда тяжело будетъ вашему сердцу, въ преклонной старости, когда вы станете отдыхать послѣ трудовъ вашихъ, вспомните 11 марта 1830 года, вспомните, что васъ любятъ и помнятъ въ Москвѣ, и вамъ будетъ радостно, какъ радостно теперь намъ съ вами, добрымъ нашимъ гостемъ.

«Но, если вы и оставите на время Россію для пользы Россіи, то прежде будете вы въ Сѣверной столицѣ, счастливой пребываніемъ нашего Монарха: вы увидите его, будете съ нимъ бесѣдовать, и мы препоручаемъ вамъ наше душевное слово:

«Передайте ему наши чувства; скажите ему, какъ любятъ его въ Москвѣ; скажите ему, что мы, простые граждане, понимаемъ его царскую душу, душу великаго человѣка; мы, простые граждане, горячо молимся за него, и крѣпкою стѣною стоимъ и всегда станемъ окрестъ престола его; что мы понимаемъ достоинство человѣка, имъ признанное въ обхожденіи съ нами, въ словахъ и дѣлахъ его; что мы готовы на дѣло, на просвѣщеніе, на обогащеніе Россіи промышленностью, наукою, честью гражданскою... Пусть вѣритъ онъ, что мы уже сознаемъ добро, честь и просвѣщеніе... Передайте ему и то, чего нельзя пересказать вамъ словами: жаръ сердецъ нашихъ; слезы радости, какія заставилъ онъ насъ проливать; руки, воздѣтыя за Него къ Богу; передайте ему перлъ вѣнца его — любовь народную, и то чувство, съ какимъ мы повторяемъ: «Боже, храни царя!» Пусть идетъ онъ впереди насъ, благословенный Богомъ, а мы не посрамимъ земли Русскія!

«Простите, что желая мы не можемъ, не умѣемъ говорить много. Вотъ все, что мы хотѣли сказать вамъ, милостивый государь, и если вы не забудете Москвы, будете помнить объ ней, помнить объ этой минутѣ, — намъ не останется прибавить ничего болѣе, кромѣ того, что да сохранитъ васъ Промыслъ всегда въ радости и счастіи».

Впечатлѣнія, произведеннаго сими простыми, безыскусственными словами, невозможно описать: всѣ присутствовавшіе, безъ изъятія, плакали во время рѣчи; громкое «ура!» загремѣло послѣ окончанія оной, и шумный восторгъ продолжался нѣсколько времени. Трогательно было видѣть, какъ безъ различія чиновъ и званій сердца чувствовали одно, рѣчи выражали одно. Сіи слезы, сіи слова — ихъ ничто не изгладитъ въ лѣтописи царствованія Николая, и чего не обѣщаетъ въ будущемъ Русскій народъ при такомъ царѣ!

XX.

Записка, поданная графомъ Дибичемъ, передъ отъѣздомъ въ Берлинъ, императору Николаю.

Copie de la note rédigée par feu m-r le maréchal comte Diebitsch Zabalkanski en sortant de son audience de congé près de sa majesté impériale à l'occasion de son d part pour Berlin le — de l'année 1830 et dont l'original a été brûlé d'après la volonté du défunt.

Библиотека "Руниверс"

Sa majesté l'empereur croit de la plus haute importance dans les circonstances actuelles de s'entendre avec son auguste beau-père en tout et de la manière la plus précise, tant sur la conduite à tenir pour le moment, que sur les mesures à prendre pour l'avenir. Sa majesté croit, que dans un cas aussi important les explications par écrit ne seraient pas suffisantes, qu'elles ne pourraient pas rendre toujours avec assez de précision le sens même de la pensée et comme elle désire surtout que sa majesté le roi connaisse entièrement les plus secrétes pensées de son coeur dans cette importante affaire, elle a choisi le maréchal comte Diebitsch-Zabalkanski et s'étant ouvert à lui avec une entière confiance, elle l'a chargé de rendre à sa majesté le roi tous les détails de ces sentiments.

Sa majesté désire en tout et avec une entière confiance se régler d'après les conseils de son auguste beau-père suivre dans sa politique une marche entièrement conforme à celle de la Prusse et regarder l'opinion de sa majèsté le roi comme si elle venait de son frère, feu l'empereur d'auguste mémoire. Elle croit d'un autre côté devoir prononcer de sa part son opinion avec une entière franchise. L'empereur en déplorant les malheurs dans lesquels la conduite inconcevable et illégale du roi Charles X a rejeté de nouveau la France et l'Europe entière et étant indigné de la conduite faible des princes de la branche aînée, ainsi que du jacobinisme du duc d'Orléans, ne peut pourtant pas se refuser de reconnaître ce dernier comme devenu le chef légitime de la France par sa nomination comme lieutenant du royaume par le roi Charles X, que lui a même renvoyé le reste de ses braves et fidèles gardes, mais ce n'est que dans cette qualité de lieutenant de Henri V que sa majesté peut regarder le duc d'Orléans comme pouvoir légitime et sa majesté ne pourra changer la persuasion de son coeur que le duc de Bordeaux est le seul légitime roi de France, et que ce n'est qu'après sa mort ou son abdication personnelle que le duc d'Orléans deviendrait roi légitime.

L'empereur malgré cette opinion inébranlable n'est pas d'avis qu'une intervention immédiate dans les affaires intérieures de la France serait désirable. Le roi Charles X ayant signé le premier la charte qui a été octroyée sous l'égide des cours alliées a renoncé par là même au droit de demander leur secours. Une invasion en France sans aggression préalable de la part du gouvernement actuel serait donc probablement regardé par tout le peuple français comme suite de désirs ambitieux d'affaiblir encore leur pays et si même les succès des alliés les rendraient victorieux dans une guerre vraisemblablement devenue nationale, il serait difficile de fixer après le sort de la France vu l'extrême enfance du duc de Bordeaux qui ne pourrait trouver de tuteurs légitimes que dans la famille d'Orléans même.

Mais d'un autre côté l'empereur croit de la plus haute importance de garder dans les déclarations des cours alliées le langage fort de la légitimité pure et simple seul garant solide d'une tranquillité stable des empires et qui ne peut voir dans le duc d'Orléans que le lieutenant du royaume. Si des raisons majeures porteraient les autres cours alliées a réconnaître l'état actuellement existant en France, sa majesté croit que cela ne pourrait être qu'avec de fortes garanties des intentions du chef actuel du gouvernement ou peut-être en suite d'une abdication faite par Charles X au nom de son petit-fils, quoiqu'une telle abdication serait toujours une chose très peu légitime. Elle ne se refuseroit pas à suivre alors l'exemple de ses alliés en sacrifiant sa conviction intérieure au bonheur et à la tranquillité de l'Europe, mais elle garderait toujours dans son coeur le sentiment qu'il n'y a de roi légitime en France que Henri V. Elle s'honorera de n'avoir cédé que le der-

Библиотека "Руниверс"

nier à la persuasion de ses augustes alliés et elle ne pourra jamais changer le sentiment intime de mépris que la conduite jacobine du duc d'Orléans lui a suggéré.

Sa majesté prévoit encore la possibilité que le roi Charles X ou le dauphin voyant la conduite du duc d'Orléans contraire à leurs espérances reviennent sur leur résolution et voudraient reprendre les rênes du gouvernement. L'empereur regarderait une telle conduite non seulement comme inconvenante mais comme intièrement illégitime; elle ne pourrait au contraire ne pas voir un principe légitime dans des mouvements pour soutenir la cause de Henri V.

L'empereur partage de tout son cosur les voëux de sa majesté le roi sur le maintien de la paix générale, mais elle ne peut pas se faire illusion sur le peu d'espérances que les circonstances actuelles peuvent donner à ce désir générale. Le bouleversement actuel accéléré par les mesures illégales du gouvernement précédent a été marqué par une marche entièrement démocratique, les changements subversifs faits dans la charte dans le moment même ou on prétend ne s'être insurgé que pour la maintenir, sont tous dans le même sens et entre les déclarations du duc d'Orléans sur les raisons qui le font restaurer les couleurs soi-disant nationales, ses discours à la Chambre des députés, l'entier abandon de celle des pairs et les mesures tout à fait illégales par lesquelles on veut la réduire à une entière soumission et surtout ce gouvernement créé et sanctionné par la popularité du roi et une foible partie d'une chambre qui n'existait pas encore légalement ne peuvent pas rassurer sur les suites. L'empereur voyant l'extrême faiblesse avec laquelle le duc d'Orléans cède à toutes les propositions du parti révolutionnaire a la persuasion que ce dernier ira de pas à pas à demander des concession jusqu'aux institutions entièrement républicaines on forcera le prince à revenir à une opposition tardive qui selon toute vraisemblance amenera les mêmes résultats et avec elles toutes les suites aggressives et tous les malheurs qu'avait produit la première révolution.

Sa majesté désire de tout son coeur que ses appréhensions ne se réalisent pas, mais elle ne se pardonnerait pas de ne pas les avoir montrés d'après sa conviction et de ne pas prendre d'avance toutes les mesures pour rencontrer avec force et énergie toute agression qu'un pareil ordre de choses pourra amener. Elle ne croit pas que dans ce moment des démarches ostensibles puissent être utiles; elles pourraient au contraire augmenter le mouvement des esprits en France, mais il est de toute urgence d'unir les idées des cours alliées pour un cas d'agression qui peut arriver plutôt qu'on ne s'y attend et de se préparer même aux cas d'une guerre d'intérêt national auxquels la conservation d'Alger disputée par l'Angleterre pourra donner la première occasion.

Dans tous les cas l'empereur désire agir d'un entier accord avec ses alliés, mais il lui importe surtout d'en être avec son auguste beau-père. Le désir le plus vif de sa majesté est qu'en cas de guerre contre la France les troupes prussiennes et russes agissent avec la même unité de sentiments qui leur a fait remporter les glorieux succès de 1813 et 1814: elle désire qu'autant que possible l'action de ses troupes dont la masse sera conforme à la grandeur et l'importance du but, se lie entièrement à celle des armées prussiennes, qu'elles soient entremêlées autant que cela ne peut nuire à l'unité de l'organisation générale et que les armées puissent contribuer de toutes leurs forces au plan général d'opération que sa majesté le roi aurait approuvé ou approuverait pour le cas d'une guerre.

Библиотека "Руниверс"

Ayant destiné le maréchal comte Diebitsch Zabalkanski au commandement des troupes destinées pour cette guerre, qui du premier moment se trouveront composées de 14 divisions d'infanterie et de 12 divisions de cavalerie tant russes que polonais et connaissant la confiance que daigne lui accorder sa majesté le roi, l'empereur l'a chargé de la communication des détails nécessaires. Il est autorisé de même de convenir avec les personnes que sa majesté le roi désignerait sur tout ce qui toucherait la marche et les opérations des troupes.

D'après la règle ci-dussus énoncée de ne donner pour le moment aucun signe hostile, l'empereur attendra de sa majesté le roi l'avis quand les événements en France se prononceront de manière que sa majesté ne pourra plus croire la guerre inévitable, pour mettre ses troupes en état de guerre et les faire rapprocher de la frontière ce qui demande un temps de 4—5 mois pour les plus éloignées. Si cependant une invasion des français, surtout dans les provinces rhénanes ou en Belgique rendra un secours partiel prompt et surtout la certitude publique sur la coopération russe désirable et que la saison le permis l'empereur se propose de faire transporter par mer à l'endroit qu'il plairait à sa majesté le roi la 2-de division de la garde russe avec son artillerie.

L'empereur en attendant l'appel de sa majesté le roi pour le départ des troupes compte après avoir donné les ordres nécessaires voler à Berlin pour se consulter encore personnellement avec son auguste beau-père et pour combattre à ses côtés les ennemis du repos général.

Рукою графа Чернышева:

St.-Pétersbourg,
le 11 Février 1832.

Conforme à l'original.

L'aide de camp général comte Czernicheff.

XXI.

Письмо императора Николая графу Чернышеву отъ 5 октября 1830 года.

Moscou, $\frac{5 \text{ Octobre}}{1830.}$ Москва. 5-го октября 1830 г.

Les dépêches que je viens de recevoir. mon cher ami, sont de telle nature, qu'il s'agit sans délai de prendre des mesures d'exécution pour notre entrée en campagne. Le roi des Pays-Bas vient de m'écrire pour me demander en vertu des traités existants un secours militaire. Son impatience à cet égard est telle, que Guillaume me demande en son nom, s'il est possible, l'envoi d'une partie des troupes par eau. Vous sentez vous même que la chose n'est pas faisable dans cette saison. Cette demande tardive, si elle était venue

Библиотека "Руниверс"

un mois plus tôt, toutes mes mesures étaient prises pour pouvoir y adhérer. Voici ce dont il s'agit maintenant. Vous commencerez par informer le maréchal Sacken que le 1-r et le 2-d corps, ainsi qne le 3-e et 5-e de cavalerie de réserve, doivent immédiatement être mis lur le pied de guerre. Vous savez déjà par l'office d'Edouard, que l'ordre a été donné directement au 5-e corps de cavalerie de réserve de marcher en Wolhynie pour se rapprocher de la frontière. J'envois demain l'ordre au 3-e de cavalerie de réserve (déjá sur le pied de guerre) de marcher en Podolie et d'y prendre des cantonnements en passant provisoirement sous les ordres de Sacken; de même l'ordre a été donné à la 3-e division d'infanterie de se concentrer vers Wilna. Voilà à quoi se bornent les mesures déjà prises. Il faut immédiatement commencer l'achat des chevaux d'artillerie pour les 12 pièces et ceux du trains (фуршгаты) et pour que cette mesure soit le plus promptement exécutée, vous communiquerez l'ordre d'y procéder directement au comte Pierre Pahlen pour son corps; vous informerez de même mon frère Constantin, qu'il ait à exécuter immédiatement la même mesure pour toute son armée dans la composition qui lui avait été prescrite pour le cas de marche. Vous aurez soin à ce que toutes les mesures soient exécutées avec le plus d'épargnes possibles, et vous vous concerterez la dessus avec le ministre des finances et Grabovsky. Je ne parle pas encore ni des grenadiers, ni de la garde, car je ne les ferai bouger qu'à la dernière nécessité; d'ailleurs les grenadiers peuvent marcher dans 15 jours et nos mesures sont prises en conséquence. Vous écrirez aussi à Pierre Pahlen, tout en informant le maréchal Sacken, de faire passer les 4 bataillons des 4 régiments de ligne de la 4-e division à Riga, pour y faire garnison et les deux bataillons de chasseurs de la même division à Dunabourg. La 1-re division devra être concentrée le plus près possible de la frontiëre Prussienne, de façon à faire tête de colonne. Je propose pour accélérer la mise au complet des chevaux de la 4-e et 8 brigade d'artillerie pour les fondre dans les autres, quitte à les remplacer par des chevaux nouvellement achetés. Vous informerez de même mon frère, que du moment où le 1-r corps se met sur le pied de guerre, la 1-e division de hussards doit rentrer sous les ordres de Pahlen, il s'entend de soi même, que tous les semestriers des corps, qui doivent marcher, doivent être immédiatement rappelés. Vous informerez de toutes ces mesures Constantin par courrier et de même Dieblitsch, qui doit se trouver près de lui, ou qui est sur son retour. Faites en part à Nesselrode, à qui cette lettre à vous servira d'ample réponse. Le premier contingent dont comme membre de l'alliance je suis contribuable, sera formé de l'armée aux ordres de mon frère, je lui en écris moi-même demain. D'après mon calcul, à moins de deux mois de temps nous ne pouvons être prêts à marcher, du moins avec le tout. Ainsi chaque instant de gagné là dessus sera d'un grand prix. Reste à savoir si rien que la connaissance de ces préparatifs formidables, dont loin de faire un secret vous pouvez parler hautement, quoique sans affectation, ne préviendra déjà une guerre, que nous désirons tous sincèrement éviter. Vous informerez directement le général Witzleben des mesures, qui viennent d'être ordonnées, en lui disant, pour être soumis au roi, que dès ce moment ci je regarde nos armées comme déjà rèunies, que je désire par conséquent, que pour tout ce qui est rapports militaires entre nous, toute forme diplomatique soit mise de côté, que vous avez ordre de le tenir constamment au courant de tout ce qui se fera chez nous et que je serai trés reconnaissant au roi, s'il daignait permettre qu'on en usât de même à mon égard, dans les formes les plus simples et les plus directes. En voila assez j'espère pour le premier moment, où avec

Библиотека "Руниверс"

l'aide de Dieu je serai hors du choléra et des quarantaines. auxquelles je ne pourrai échapper. Grâce au bon Dieu, la maladie diminue chez nous et surtout en intensité. Calmez Cancrin sur ces premières dépenses et tachez de les diminuer le plus possible.

Tout à vous

N.

Hâtez la marche des cosaques.

XXII.

Письмо императора Николая Павловича графу Дибичу.

С.-Петербургъ. $\frac{1}{13}$ ноября 1830 года.

St.-Pétersbourg, le $\frac{1}{13}$ Novembre 1830.

Pour le coup, mon cher ami, je perds patience; d'une lettre à l'autre vous m'annoncez ou le départ d'un courrier décisif ou bien votre prochain départ; et voilà bientôt deux mois que ni l'un ni l'autre n'arrive, voilà pour vous l'énigme de ce que je ne vous répondais pas à vos lettres; je voulais répondre à du positif. et ce positif n'arrivait pas. Enfin hier ma femme a reçu une lettre du roi qui lui dit vous avoir encore gardé près de lui pour des raisons importantes. Je veux du moins que vous sachiez que nous nous portons bien, qu'avec l'aide de Dieu nos préparatifs de guerre vont bien et que pour le $\frac{10}{22}$ Décembre nous pourrons marcher avec les 1-r, 2-d, Lithuanie, Polonais et grenadiers, et la cavalerie de réserve; pour ôter même le doute aux résolutions que j'ai fortement et irrévocablement prises, j'ai fait annoncer le tout dans les journaux. Je suis plus convaincu que jamais, que s'il y a encore un moyen de prévenir la guerre, c'est en prouvant aux jacobins de tous les pays que l'on n'a point peur d'eux, que l'on est partout sous les armes et que si même dans ses impénétrables décrets la Providence a résolu que nous devons périr, nous périrons avec honneur et sur la brèche; tel est mon sentiment depuis cinq ans; tel il sera toute ma vie; je voudrais communiquer cette manière de voir partout et à tous; en attendant fesons notre devoir.

L'empereur d'Autriche désire que les armées soient mises sous votre commandement, je n'ai eu garde de refuser, comme une marque de confiance flatteuse et comme un gage de ses intentions. Je suis parfaitement satisfait des sentiments de nos militaires, tous sont prêts et enchantés de marcher, et moi je prie Dieu, qu'il n'en soit pas besoin. Constantin ne veut pas marcher comme commandant en chef; il demande être placé sous les ordres de qui je voudrai.

Mille choses à toutes mes connaissances, si vous êtes encore à Berlin, où je vous adresse ces lignes. Ma femme vous dit mille choses et moi je vous embrasse, étant pour la vie votre sincèrement affectionné.

Nicolas.

Библиотека "Руниверс"

XXIII.

Письмо графа Чернышева графу Дибичу.

9-го ноября 1830 года.

Il règne une si grande incertitude sur l'époque de votre retour ici et même sur votre arrivée à Varsovie, cher comte, que j'ai obtenu la permission de sa majesté de vous expédier un courrier par Varsovie à Berlin, afin d'être sûr de ne pas vous manquer. Le but de cette expédition est de vous mettre parfaitement au fait de tout ce qui a été fait ici concernant les préparatifs militaires, ainsi que de la direction que sa majesté compte donner aux différents corps destinés à marcher, pour atteindre le premier point du rassemblement général de l'armée. J'entrerais dans quelques détails sur ces divers points, indépendamment de ceux que vous trouverez dans les annexes à ma lettre. J'espère, cher comte, que vous serez content des mesures ordonnées et de l'extrême activité que nous avons mise à leur exécution.

Malgré qu'il y ait encore des gens assez aveugles pour croire à la possibilité de conjurer l'orage par des conférences et des négociations, la question actuelle est une question d'existence, une question de vie et de mort entre les gouvernements légitimes et la démagogie dans ce qu'elle peut avoir de plus dégoûtant et de plus cynique; il est temps d'opposer une barrière d'airain à cet horrible débordement, qui dans un an, dans quelques mois peut être, embrassera une bonne partie de l'Europe et alors où seraient les moyens de répression. Si les cabinets de Londres, de Berlin et de Vienne avaient pensé là dessus comme l'a fait notre maître chéri, qui dés les premiers instants n'a pas hésité à évaluer toutes les conséquences de ces déplorables événements à leur juste valeur, il y a bien longtemps que le mal aurait dejà été coupé jusque dans sa racine. Quoiqu'il en soit, comme il est de notre devoir de persévérer dans notre marche, de prêcher d'exemple et d'être prêts à tout événement, je vais vous parler de nos formidables préparatifs et de l'époque où toutes les troupes vont être prêtes à marcher.

Vous savez déjà par ma dernière communication que les 1-er et 2-d corps d'infanterie, les 3-e et 5-e de cavalerie, le corps de Lithuanie, celui de réserve sous les ordres de monseigneur le grand duc Constantin et l'armée polonaise ont reçu l'ordre d'achever leurs préparatifs pour le 10 Décembre. Depuis l'empereur a ordonné que la 1-re division de hulans et la 3-ème de grenadiers se tiennent aussi prêtes à marcher le 20 Décembre.

Les détails de toutes les mesures administratives qui ont été prescrites sont consignés dans les notes sub lit. A et B. vous y trouverez aussi tout ce qui a trait aux parcs d'artillerie, aux hôpitaux, à l'habillement des troupes etc.

Les préparatifs pour l'armée polonaise et les corps de réserve de son altesse impériale ont été suspendus, par suite de votre communication à son altesse; leur mise à exécution dépend uniquement de ce que vous lui annoncerez à votre passage par Varsovie; les ordres suprêmes lui ont déjà été expédiés à cet égard, ainsi que les sommes dont elle peut avoir besoin. Monseigneur vient de me prévenir cependant qu'il a ordonné de procéder à l'achat des chevaux pour la brigade des grenadiers comme étant plus éloignée des frontières extérieures du royaume.

Библиотека "Руниверс"

Indépendamment de la 3-ème de grenadiers, l'empereur a déjà décidé l'achat des chevaux d'artillerie et de train pour les 1-ère et 2-de de grenadiers de manière que tout le corps deviendra disponible à peu près à la même époque.

Malgré les difficultés et embarras extrêmes qu'éprouve l'administration militaire à cause de ce maudit choléra morbus, et par suite de l'établissement des quarantaines dans la pluspart des gouvernements de l'Europe et de la suspension totale des affaires dans les commissions de Moscou, de Kasan, de Varsovie et autres, et la stagnation des fabriques, ce qui nous place dans une situation telle qu'il n'en a jamais existé de pareille, j'espére qu'avant le départ des troupes tous les corps auront reçu les годовыя вещи et le drap gris pour les capotes по сроку 1831 года; c'est un tour de force dont je serai redevable à l'activité et à l'énergie de Linden.

Je puis vous assurer que toutes les troupes seront décidement prêtes à marcher avant le 1-er de Janvier; le 2-d corps a reçu beaucoup de vieux soldats et sa force ne sera pas de beaucoup moindre que celle du 1-er corps. En général la suspension du nouveau recrutement ne portera pas beaucoup de préjudice aux corps destinés à marcher, car d'après les dispositions de l'empereur, les réserves ont versé dans les troupes actives tout ce qu'elles ont pu d'hommes formés et recevront en place des recrues, de plus nous en avons pris aussi au corps de Finlande.

Je vous envoye, cher comte, pour votre propre connaissance un petit tableau en résumé de toutes les dépenses que coûteront à l'état ces grands préparatifs et ce que l'administration militaire a pris sur son propre compte indépendamment d'effets, d'habillements pour plus de $\frac{1.500}{\text{m.}}$r. que nous livrerons en sus; il y aura encore à défalquer du total ce que les colonies militaires dépensent de leur côté et dont je n'ai pas encore une connaissance exacte, ainsi que le nombre de chevaux de train qui sont revenus de Turquie et que le comte Sacken a eu ordre d'employer pour les parcs au lieu d'en acheter de nouveaux. Je dois ajouter que d'après ce tableau les dépenses sont partagés en deux cathégories: 1-e, en предварительные, c'est à dire, celles qui ont été nécessaires pour mettre les troupes en ètat de marcher et qui toutes sont déjà partis, et 2-d, en послѣдующіе qui resteront à faire dès qu'il sera décidé qu'on se mettera en campagne.

Voici, mon cher comte, un résumé de tout ce qui a été fait pour les préparatifs, j'espère que cela obtiendra vos suffrages; je n'ai pas parlé de la garde, parcequ'il n'y a pas eu encore d'ordre pour la préparer, mais comme l'empereur la destine à marcher, nous avons pris toutes nos mesures pour qu'il n'y est pas de retard pour la bouger dès qu'il en sera question.

Actuellement je vais vous parler de la direction que l'empereur compte donner à toutes ces troupes et de ce qu'il désire que vous fassiez à ce sujet à Varsovie; j'espère que la détermination de sa majesté sera entièrement dans votre sens, car elle est dans vos principes et que vous n'aurez rien contre. L'intention de l'empereur est de profiter de la position saillante du royaume de Pologne pour y réunir toute l'armée, à l'exception de la garde, qui prendrait par Tilsitt, Koenigsberg, la grande chaussée de Berlin.

Sa majesté m'a ordonné da faire un projet de dislocation à grand trait de tous les corps qui devraient occuper le royaume et préparer les marches routes par divisions dans l'ordre dans lequel elle devraient se placer dans leurs quartiers. L'empereur considère cette concentration de toutes les forces comme un point de rassemblement et de

Библиотека "Руниверс"

repos indispensable pour les troupes après la longue marche qu'elles exécuteront et leur court séjour sur les lieux donnera le temps à toutes les branches de l'administration intérieure de l'armée de s'organiser: le but de l'empereur consiste aussi dans l'épargne que l'entretient momentané de l'armée produira au trésor impérial, car sa majesté est dans l'intention d'en charger le gouvernement polonais qui doit à notre trésor plus de 30 millions, qu'on avait l'idée d'employer aux fortifications de Brest et dont on pourra défalquer cette dépense. Le désir de l'empereur est donc que vous communiquiez cela confidentiellement à monseigneur le grand duc et au prince Lubecky et preniez vos arrangements avec eux pour tout ce qui concerne la subsitance des troupes; malgré que sa majesté pense que ce point d'arrêt ne doit pas dépasser les 15 jours, cependant elle voudrait que l'on prépare tout ce qu'il faut aux troupes pour un mois comme je le dis dans ma note. Dès que vous m'instruirez du résultat de vos conférences à cet égard, j'enverrai sur les lieux un colonel de l'état major pour tous les arrangements de détails. Vous verrez sur la carte que tous les corps sont placés de manière à pouvoir suivre les directions que vous leur avez indiquées dans votre note; du reste les ayant tous sous la main, il dépendra de vous de les porter dans telle direction que les circonstances du moment pourront l'exiger. Le comte Toll que l'empereur designe comme votre chef d'état major a été invité par moi avant hier pour voir et entendre tout ce qui a été fait chez nous, il a partagé entièrement ces dispositions premières et notre avis à cet égard.

Ma lettre est si longue et je suis si pressé que je vous demande pardon de son décousu; j'espère cependant que je suis parvenu à vous mettre au fait de ce dont il s'agit.

Les nouvelles de Moscou sont bien meilleures; la mortalité diminue et le nombre de ceux qui se rétablissent augmente. Dans le gouvernement de Vladimir, de Jaroslaw elle a presque cessé, mais par contre la maladie fait des grands ravages à Kharkoff et Kherson ainsi qu'à Nicolaïeff; à Odessa il n'y a eu que de légers indices.

Quelques désastreux que soyent les résultats de ce fléau, je considère la contagion morale qui règne en Europe encore plus funeste; pourrions nous y appliquer un remède décisif et l'extirper entièrement.

L'empereur, grâce au Ciel, se porte bien et me charge de vous dire mille choses de sa part; sa majesté vous a écrit depuis peu par une estafette qui est partie pour Berlin. Nous allons attendre de vos nouvelles avec impatience; c'est de ce que vous nous manderez que dépendront nos dispositions ultérieures et la marche des troupes.

N'oubliez pas de sonder Lubecky quant à la direction de l'intendance à laquelle il est si important de songer d'avance; jusqu'à ce moment nous n'avons personne en vue pour ce poste si important.

Agréez, cher comte, l'expression réitérée de mon inaltérable dévouement et amitié.

Tout à vous

comte A. Czernicheff.

Библиотека "Руниверс"

XXIV.

Манифестъ императора Николая отъ 25-го января (6-го февраля) 1831 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ Нашимъ отъ 12 Декабря минувшаго года Мы объявили вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о возникшемъ въ Царствѣ Польскомъ возмущеніи. Тогда, въ самомъ праведномъ Нашемъ негодованіи на мятежниковъ, готовясь смирить и наказать ихъ, Мы еще утѣшали Себя надеждою спасти заблуждающихся и обольщенныхъ. Гласомъ истины и новыми знаками милосердія Мы хотѣли возвратить ихъ къ долгу и съ тѣмъ вмѣстѣ, ожививъ бодрость въ благомыслящихъ устрашенныхъ первыми ужасами бунта, дать имъ возможность остановить успѣхи онаго и счастливымъ противодѣйствіемъ доказать свѣту, что не весь народъ Царства Польскаго достоинъ презрѣннаго названія измѣнниковъ. Мы и нынѣ удостовѣрены, что сей народъ несчастный есть токмо слѣпая жертва не многихъ злодѣевъ. Но сіи вѣроломные продолжаютъ имъ властвовать: они готовятъ оружіе на Россію, въ безумствѣ своемъ призываютъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ къ предательству и наконецъ, 13 сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что Царствованіе Наше и Дома Нашего прекратилось въ Польшѣ, а что Тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ инаго Монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго, Судію дѣлъ и намѣреній, Повелѣли Нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ Отца, но съ спокойною твердостію Царя, исполняющаго священный долгъ Свой, Мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость Державы Нашей, соедините усердныя мольбы свои съ Нашими мольбами предъ Олтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе Наше, для пользы и самихъ Нашихъ противниковъ; да устранитъ скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, Десницею Его Намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ Намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Нашей Имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи. Вѣрные под-

Библиотека "Руниверс"

данные Наши! Сія цѣль достойна вашихъ трудовъ и усилій; вы привыкли не щадить ихъ за Насъ и Отечество. Данъ въ Санктпетербургѣ, 25-го Генваря, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать первое, Царствованія Нашего въ шестое.

XXV.

Письмо фельдмаршала Гнейзенау графу Чернышеву.

Познань. 12-го іюля 1831 года.

J'ai l'honneur d'accuser la réception de la lettre dont votre excellence m'a honor sous la date du 5/17 Juin. Je me sens profondement touché des paroles gracieuses dont sa majesté l'empereur votre auguste maître a daigné m'honorer, dévoué de coeur et d'âme que je suis à un monarque si vertueux, l'ami du roi mon auguste maître.

La mort prématurée du maréchal comte Diebitsch Zabalkanski m'a amèrement affligé. J'ai perdu en lui un digne ami dont j'ai eu occasion de reconnaître les qualités éminemment militaires dans nos guerres contre Napoléon.

A son successeur le maréchal comte Paskiewicz-Erivanski je continuerai tous les bons offices qui sont dans les limites de mes devoirs et dans notre position particulière. Les hautes qualités dont il a fait preuves en Asie laissent favorablement augurer pour la prompte réussite de ses dispositions militaires contre les insurgés, et j'espère qu'il mettra bientôt fin à la guerre scandaleuse que les turbulents polonais ont suscité à la Russie, eux qui jamais, depuis que la Pologne existe, n'ont joui du plus de tranquillité, ni de plus de prospérité nationale que sous le sceptre de l'empereur Alexandre de glorieuse mémoire et sous celui de sa majesté l'empereur actuellement regnant.

Sujet et serviteur de sa majesté le roi de Prusse et jaloux du bonheur et de la gloire de la monarchie Prussienne, je regarde comme un devoir de reconnaissance les voeux que je porte aux armes russes dans la lutte actuelle. Si l'empereur Alexandre, après la retraite de Napoléon du territoire russe, n'eut pas continué la poursuite de l'envahisseur de son empire, s'il n'eut pas continué la guerre, s'il se fut contenté de faire la paix avec lui, la Prusse serait encore sous l'influence de la France et l'Autriche n'aurait pas levé le bouclier contre elle. Alors point d'isle de S-te Hélène. Napoléon vivrait encore et Dieu sçait comment il aurait vengé sur d'autres les désastres qu'il avait essuyé chez vous. Notre indépendance actuelle, nous la devons à votre alliance et vous nous rendrez la justice que nous avons taché de la consolider par nos efforts.

Dans ce moment les correspondances de Varsovie nous apprennent que Skrzynecki avec son armée va passer par Modlin, apparemment pour se jeter sur les derrières de votre armée dont 15.000 hommes se trouvent déjà à Plock; je m'imagine qu'il y aura bataille sur la rive droite de la Vistule; qu'elle soit propice!

Votre excellence veuille agréer l'expression réitérée des sentiments d'amitié et d'affection avec lesquels j'ai l'honneur d'être son très humble ei très obéissant serviteur, le maréchal

comte de Gneisenau.

По ошибкѣ Гнейзенау поставилъ 1813 годъ.
Posen. 12 Juillet 1813.

Библиотека "Руниверс"

XXVI.

Собственноручная записка императора Николая о польскомъ вопросѣ [1].

Ecrit autographe de sa majesté l'empereur Nicolas.

La Pologne fut de tous temps la rivale, l'ennemie la plus implacable de la Russie; ce fut évident lors des événements qui amenèrent l'invasion de l'année 1812, et dans cette campagne ce furent encore les polonais, qui, plus acharnés que tous les autres contribuables de cette guerre, commirent le plus d'excès [2], par les mêmes sentiments de haine et de vengeance, qui les animaient dans toutes les guerres avec la Russie. Dieu ayant béni notre sainte cause, nos armées conquirent la Pologne. Ce fait est incontestable. L'an 1815, la Pologne a été donnée à la Russie par droit de conquête. L'empereur Alexandre crut assurer les intérêts de la Russie, en recréant la Pologne comme partie intégrante de l'empire, mais avec le titre de royaume, une administration et une armée distinctes. Il lui octroya une constitution, qui, en réglant son état futur, payait par un bienfait spontané tous les maux que la Pologne n'avait cessé de verser sur la Russie. C'était la vengeance d'une belle âme! mais ce but a-t-il été atteint?

J'ai dit plus haut, que le premier but était d'assurer les intérêts de l'empire, en recréant la Pologne heureuse et prospérant sous la protection et par les liens de la Russie. Il est bien positif que ce petit pays, ruiné, abîmé par des guerres continuelles, par les efforts d'une suite de révolutions, par le passage fréquent d'une domination à une autre, en 15 années de temps est parvenu à un état de prospérité remarquable; ses finances étaient non seulement suffisantes pour les besoins du pays, mais offraient un effectif dans le trésor, qui seul suffit, depuis près d'un an, à tous les besoins de la lutte actuelle. Enfin, une armée, créée à l'instar de celle de l'empire, fournie de tout et richement dotée dans les arsenaux, sans que le pays ait supporté aucune charge, parvenue à une rare perfection, a suffi pour former les cadres pour 100.000 hommes. Quel bien en est donc résulté à l'empire? Des sacrifices énormes ont été faits pour sa conquête, quoique confondus avec les autres opérations de l'année 1813 et 1814; d'autres tout aussi forts, durant 15 ans, ont été faits tant pour entretenir et doter l'armée, que pour armer les places et fournir à l'entretien onéreux du noyeau des troupes qui leur servait d'instructeur.

L'empire était inondé des produits polonais au détriment de sa propre industrie, enfin l'empire portait toutes les charges de son acquisition nouvelle, sans en avoir retiré d'autre avantage que l'effet moral d'un titre de plus à ceux du souverain. Mais le mal a été réel. Les provinces anciennement polonaises, voyant près d'eux leurs frères jouir d'une nationalité réelle, abusive même, pensèrent plus que jamais à se soustraire à la domination

[1] Записка эта написана собственною рукою императора Николая карандашемъ, отчасти уже стершимся, но при ней находится копія, переписанная рукою графа Нессельроде съ нѣкоторыми, впрочемъ, незначительными измѣненіями въ словахъ и фразахъ.

Настоящій списокъ снятъ съ подлинника и только въ тѣхъ его мѣстахъ, которыхъ невозможно было разобрать, съ копіи графа Нессельроде.

[2] Не разобрано. Вѣроятно, d'excès.

Библиотека "Руниверс"

de l'empire. Aussi à la première étincelle, on a vu ces provinces prêtes à se bouleverser et influencer ainsi de la manière la plus désastreuse sur les opérations de l'armée. Un autre mal, plus réel encore, était celui de l'exemple d'un ordre de choses conforme aux idées du jour, presqu'impraticable dans le royaume et par conséquent impossible dans l'empire. Les espérances qu'on a conçues portèrent un coup terrible au respect et à l'ordre public et amenèrent pour la première fois aux malheureux résultats découverts à la fin de 1825. Le coup porté, l'exemple donné, il est difficile de supposer que dans un temps de troubles et de bouleversements universels, ces idées ne continuent à germer, malgré l'expérience de leur illusion et de leurs suites désastreuses. En un mot, c'était détruire ce qui faisait la force de l'empire, c'est à dire, la conviction qu'il ne pouvait être fort et grand que sous un gouvernement monarchique et un souverain autocrate. Ce qui était faux dans la base, ne pouvait se soutenir longtemps. A la première secousse, l'édifice a croulé, les intérêts étant différemment compris dans les deux pays, il en résulta une divergence d'opinions sur une question vitale, sur celle d'envisager et de juger les crimes contre la sûreté de l'état et la personne du souverain. Ce qui fut regardé et puni comme tel dans l'empire fut justifié et trouva même des apologistes dans le royaume. Des embarras inextricables s'en suivirent, les esprits s'aigrirent, les polonais se fortifièrent dans leur dessein de se soustraire à la domination russe et amenèrent enfin à la catastrophe de l'année 1830.

Néanmoins toutes les voies de conciliation compatibles avec la dignité de la Russie furent encore tentées, mais en vain. Les serments furent partout violés, la trahison devint générale et toute possibilité d'un accommodement disparut. Ce fut alors que les armées russes s'ébranlèrent. Elles marchèrent pour venger leur honneur national blessè dans ce qu'il y a de plus sacré et par la plus noire des ingratitudes. D'inouis sacrifices en tout genre se font tous les jours pour atteindre ce but. Mais quand il aura été rempli et lorsque la question aura été tranchée par la voie des armes, que sera le résultat auquel il faudra viser? ou plutôt quel sera dans cette circonstance le véritable intérêt de la Russie?

Tout ce qui se fait et tout ce qui passe encore en Pologne prouve évidemment que le moment de la générosité est passé, l'ingratitude des polonais l'a rendue impossible et dans les arrangements qui la concernent tout doit être subordonné, à l'avenir, aux vrais intérêts de la Russie. Ce point admis, il est impossible de ne pas convenir que l'intérêt russe ne saurait se trouver dans la construction d'un royaume de Pologne, tel qu'il fut crée en 1815 et conservant sa constitution. Il s'agit non seulement de mettre la Pologne matériellement hors d'état de nuire à la Russie, mais il faut encore considérer quel dédommagement elle peut obtenir de ses pénibles sacrifices et quels avantages elle peut retirer de la possession de la Pologne? Le premier point est facile à répondre: rien ne peut payer la Russie des sacrifices et des pertes qu'elle n'a faits que pour venger l'honneur national. Quant à la seconde question, il me paraît que la Russie ne peut retirer de la Pologne, telle qu'elle est, aucun avantage réel, et ce qui est plus important encore, qu'il n'y a pas même de garantie pour l'empire, pour l'avenir, qui puisse lui assurer la paisible possession de ce pays. Fidèle donc au principe que j'ai mis en tête, c'est à dire, celui du véritable intérêt de la Russie, je crois que la seule manière de se rendre compte de cette question est la suivante.

La Russie est une puissance forte et heureuse par elle-même, elle ne doit jamais être menaçante pour les autres puissances ses voisines, ni pour l'Europe. Mais elle doit avoir

Библиотека "Руниверс"

une position imposante, défensive, telle à rendre toute agression impossible. En jettant les yeux sur la carte, l'on est effrayé de voir la frontière du territoire polonais de l'empire toucher presqu'à l'Oder, tandis que les flancs se trouvent retirés derrière le Niemen et le Boug pour s'appuyer à la Baltique près de Polangen et à la mer Noire près des bouches du Danube. Cette pointe contient une armée pour la maintenir dans la soumission. Ce pays ne rapporte rien à l'empire. Il ne peut au contraire exister que par les sacrifices continuels que l'empire doit lui faire pour qu'il puisse suffire aux besoins de son administration. Il est donc convaincant que les avantages de cette incommode possession sont nuls, les inconvenients graves, même menaçants. Reste à décider, comment pouvoir y remédier? Je n'y vois qu'un seul moyen, et le voici.

Déclarer que l'honneur russe a été amplement satisfait par la conquête du royaume, mais que la Russie n'avait pas d'intérêt à posseder une province dont l'ingratitude avait été aussi flagrante; que ses véritables intérêts lui dictaient de fixer ses frontières à la Vistule et au Narew, qu'elle abandonne le reste comme indigne de lui appartenir, en laissant à ses alliés le soin d'en faire l'usage qu'ils voudraient. Que fidèle, cependant, à ses principes, la Russie accordait à la portion du royaume qui lui resterait la jouissance de ses lois et institutions, en tant qu'elles seraient compatibles avec les vrais intérêts futurs. Que le titre de royaume de Pologne resterait attaché à cette portion du pays et pour que ce nom porté par une autre fraction ne recréa point un nouvel état hostile à la Russie, ce qu'elle ne souffrirait en aucun cas.

XXVII.

Собственноручная записка императора Николая отъ $\frac{7}{19}$ апрѣля 1831 года о планѣ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ.

Tous les avantages que nous possédions à l'ouverture de la campagne ont été totalement perdus par une suite de circonstances malheureuses, qu'il est inutile de répéter ici, mais qui pour le moment rendent l'issue de la guerre problématique. Notre armée est forcée de se replier vers les frontières pour se concentrer et pour tâcher de trouver les moyens de subsistance qui lui manquent totalement et qui menacent de ne pouvoir être rassemblés ni bientôt, ni même en quantité suffisante, par la pénurie et l'on peut même dire la famine qui régne en Wolhynie, et le manque total de tout ce que nous pouvoins espérer de la Lithuanie, depuis que ce pays est en insurrection.

Il est permis de douter que l'ennemi nous permette de réunir même, par son inaction, nos nouveaux moyens et le plus probable est, que profitant de son initiative il cherchera soit à surprendre nos cantonnements fort étendus, ou à battre nos détachements fort isolés à Zéléchof et surtout à Tyrchin, où même à tenter un coup contre la garde. Quand même il vous serait permis de reprendre l'offensive dans la direction de la haute Vistule, nous serons forcés de passer de rechef par un pays épuisé, fort mal disposé contre nous et qui stratégiquement ne nous offre aucun avantage, nous portant après le passage dans un pays, où la résistance sera opiniâtre, car cette partie du royaume est connue pour

Библиотека "Руниверс"

être la plus belliqueuse. Toute communication de l'empire se fera difficilement et tous nos transports devront toujours passer par le même pays épuisé, que nous sommes forcés d'abandonner dans ce moment-ci. Après le passage il faudra se couvrir de la gauche exposée aux insultes de tout ce qui se forme du côté de Cracovie et rétraverser un pays, en approchant de Varsovie, que l'ennemi a épuisé à dessein, nous attendant de ce côté. Je propose en échange un tout autre plan. Le voici.

Faire à l'instant même les marchés, même les plus onéreux, pour former des magasins en blé et fourage tout le long de la frontière prussienne, en Prusse même, ce dont il est facile de convenir avec ce gouvernement, directement par Tengoborsky. Au lieu de faire appuyer la garde sur la gauche vers le Bug, de la laisser où elle est, ou même de la retirer plus au fond du Palatinat vers Augustof, de faire filer tout ce qui arrive du 2-e corps vers Lomza. En même temps tout le 3-e corps approcherait des frontières avec le 4-e de cavalerie de réserve et la 5-e de lanciers pour renforcer Rüdiger dans ses positions actuelles. Tous ces corps seraient remplacés à fur et mesure par les nouveaux bataillons de réserve des 24, 25, 26 divisions qui sont déjà à la hauteur de Novgorod—Wolynsk, et par une partie de la 18-e division à Kamenetz. Le 6-e corps (les restes) réuni aux bataillons de réserve, qui devaient former la nouvelle 26-e seraient réunis près de Brest, où près de Terespol, où l'on ferait incontinent commencer une tête de pont, et le tout sous les ordres de Sacken le maréchal.

En même temps tout le reste de l'armée, c'est à dire les 1-r et le corps de grenadiers avec le 3-e corps de cavalerie de réserve et le détachement de la garde de Varsovie avec sa brigade de grenadiers, fileraient à droite par Droguitschin, Melniky ou Nur sur Ostrolenka, où tous les derniers moyens de subsistance devraient être dirigés de suite.

Tout le pays entre le Weprj et le Bug devrait être abandonné à des forts partisans, et bien choisis pour être tenu au courant des mouvements de l'ennemi. Kreutz avec la 1-re de dragons couvrirait Rüdiger, et en cas de nécessité se retirerait comme Rüdiger lui même dans nos frontières et ne rentrerait en Pologne, que pour talonner ce qui se replierait. L'armée étant parvenue à Ostrolenka, marcherait ayant fait rentrer le détachement de Sacken, le 2-e corps sur Pultusk et Sierotsk, suivis par les grenadiers; arrivé à ce point important, l'on y laisserait un bataillon de sapeurs et une ou deux brigades pour le remettre en état de défense, et y tenir garnison. Le 1-r corps suivi de la garde marcherait par la route parallèle sur Pzaznitz et Ciehanof, et toute l'armée se réunirait à Plonsk; si l'ennemi débouchait de Modlin, pour chercher une bataille on la lui livrerait avec des forces supérieures, s'il ne bougeait pas, l'armée laisserait momentanèment le 2-e corps à Plonsk et chercherait un passage à Plotzk ou au dessous, pour lequel on ferait louer ou acheter des bateaux en Prusse. Il va sans dire que la droite du 1-r corps et de celui de la garde aurait un détachement léger pour marcher par Mlava, Biezun sur Lipno, pour explorer tout ce pays et en assurer la tranquillité. A Néchava l'on pourait aussi faire lancer un partisan sur l'autre rive pour nettoyer la rive opposée.

Le point le plus avantageux sur la carte me paraîtrait devoir être Plotsk; il est possible qu'il s'en trouve de meilleur. Le passage effectué le cours de la Vistule nous assure nos subsistances. Il faudra tâcher de se porter de suite avec toutes les forces réunies par Gombin pour gagner la chaussée et marcher directement contre l'ennemi pour le chercher et le battre, s'il n'aura pu empêcher le passage, ce sera à Sochatschef probablement qu'il cherchera à livrer bataille, la position y étant forte et bonne.

Библиотека "Руниверс"

Ce plan d'opération hardi, mais nullement avantureux, offre l'immense avantage d'assurer nos approvisionnements et d'en être à fort peu de distance et de surprendre l'ennemi qui ne s'y attendra nullement, car l'on fera toujours mine de vouloir conserver ses préparatifs à Tirchin, et enfin, il coupe la communication morale de l'ennemi avec l'Europe qui passe par la Prusse.

Telle est mon opinion, vous me répondrez et ferez selon votre conviction à vous deux avec Toll, mais j'en exige la réfutation par écrit.

XXVIII.

Два всеподданнѣйшихъ донесенія графа Толя о кончинѣ графа Дибича.

29-го мая 1831 г., подъ Полтускомъ д. Клещево.

1.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести вашему императорскому величеству о горестной внезапной кончинѣ господина главнокомандующаго, графа Дибича Забалканскаго, умершаго нынѣ въ 12-мъ часу до полудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней.

Вчерашняго 28-го числа рано утромъ онъ нѣсколько жаловался, что дурно себя чувствуетъ; но, однако, весь день казался совершенно здоровымъ, обѣдалъ и вообще кушалъ по-обыкновенному, былъ веселъ и ни малѣйшаго не подавалъ поводу къ какому либо не только опасенію, но даже сомнѣнію. Вечеромъ легъ онъ, по обыкновенію, въ послѣдніе дни принятому, около 10-ти часовъ; вскорѣ послѣ былъ разбуженъ для нѣкоторыхъ нужныхъ по службѣ дѣлъ, и во все время сіе казался столь же здоровымъ, какъ и веселымъ. Вдругъ около третьяго часа ночи почувствовалъ себя дурно, призвалъ людей, запретя имъ, однако, кого либо будить и даже доктора призвать. Въ четвертомъ только часу видя нездоровіе свое усливающимся, онъ приказалъ позвать лейбъ-медика Шлегеля, но кого либо другого возбранилъ тревожить. Вслѣдъ за прибытіемъ своимъ докторъ усмотрѣлъ признаки холеры, кои постепенно увеличились до самой несомнѣнной и даже сильной степени. Изверженія и испорженія продлились нѣсколько часовъ. Немедля пущена была кровь, поставлены пьявки, употреблены сильнѣйшія средства къ оттиранію и преподаны всѣ возможныя пособія. Графъ оставался все въ совершенной памяти; подходящихъ къ нему лицъ, кромѣ медицинскихъ, просилъ немедля удаляться, опасаясь сообщить имъ заразу. Около семи часовъ усилія медиковъ вывели потъ, и больной нѣсколько успокоился; до того времени корчи немного показывались, и страданія ограничились болѣе жаромъ и дрожью; послѣ осьмого часа они начались частью въ ногахъ; частью же боль бросилась во внутренность, и терзанія, съ перемежками продолжавшіяся до 10-ти почти часовъ, казались чрезмѣрными. Около 10-ти часовъ вопль страждущаго нѣсколько уменьшился, но силы жизненныя видимо ослабѣвали; дыханіе дѣлалось постепенно труднѣе;

Библиотека "Руниверс"

вскорѣ наступилъ родъ безжизненности, прерываемой лишь рѣдкими движеніями головы; взглядъ совершенно потухъ, и наконецъ въ 11¼ часовъ невозвратная потеря наша свершилась, и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армію достойнаго ея предводителя.

Среди столь горестнаго положенія я знаю всю важность лежащихъ на мнѣ обязанностей и смѣю завѣрить ваше императорское величество, что къ усерднѣйшему выполненію оныхъ направлены будутъ всѣ мои усилія и вся безусловная моя къ службѣ преданность. Главнокомандующему угодно было уже утромъ приказать мнѣ принять командованіе арміею. Я съ симъ вмѣстѣ исполню сіе и приму временное, до полученія повелѣній вашего императорскаго величества, начальство надъ арміею, согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными. Всѣ дѣйствія мои будутъ направлены къ той же цѣли и сходно съ тѣми же видами, о коихъ главнокомандовавшій самъ неоднократно доводилъ уже до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, особенно въ послѣднихъ собственныхъ донесеніяхъ своихъ.

По важности настигшихъ насъ обстоятельствъ я считаю обязанностью отправить сіе донесеніе мое немедля и вдвойнѣ, чрезъ Брестъ и чрезъ Пруссію.

Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзамировано и до времени сложено въ Ломзѣ, а буде возможнымъ окажется, то въ Пруссіи. Насчетъ дальнѣйшаго отправленія онаго я испрашиваю повелѣнія вашего императорскаго величества.

Генералъ-адъютантъ графъ Толь.

2.

29-го мая 1831 г., д. Клещево.

Изъ всеподданнѣйшаго донесенія моего вашему императорскому величеству усмотрѣть изволите роковую участь, постигшую побѣдоносную армію вашего императорскаго величества. Я, согласно учрежденія большой дѣйствующей арміи, принялъ временно командованіе надъ оною и посвящу всѣ мои слабыя силы и способности слѣдовать видамъ и предположеніямъ покойнаго генералъ-фельдмаршала. За всѣмъ тѣмъ, я, какъ истинный сынъ отечества и вѣрный слуга вашего императорскаго величества, не могу умолчать, что скорое назначеніе главнокомандующаго надъ оною необходимо, ибо я чувствую себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность, о чемъ предварительно въ письмахъ покойнаго фельдмаршала сіе чистосердечное мое признаніе доведено было до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Съ назначеніемъ же новаго главнокомандующаго я готовъ, буде вашему императорскому величеству угодно, остаться въ нынѣ занимаемой мною должности; въ противномъ же случаѣ всеподданнѣйше прошу о назначеніи меня, согласно представленія покойнаго генералъ-фельдмаршала, въ письмѣ его отъ 11-го числа къ вашему императорскому величеству изложеннаго[1]. Въ заключеніе еще присовокупить обязываюсь, что для пользы службы полагаю я необходимымъ, хотя на первое время

[1] Въ письмѣ графа Дибича отъ 11-го мая 1831 года главнокомандующій сообщалъ о необходимости даровать графу Толю временный отдыхъ вслѣдствіе совершеннаго упадка его физическихъ силъ послѣ трудной зимней кампаніи.

Библиотека "Руниверс"

командованія новаго главнокомандующаго, оставить всѣхъ главныхъ начальниковъ управленія главнаго штаба арміи въ теперешнемъ его составѣ.

Съ чувствами всеподданнѣйшей преданности имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій

графъ К. Толь.

XXIX.

Предположеніе графа Паскевича-Эриванскаго о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ въ маѣ 1831 года.

1.

Предполагая переходъ Вислы ниже Варшавы, нужно настоятельно просить прусское правительство, дабы оно позволило заготовить въ крѣпости Торнѣ 100.000 четвертей провіанта и 100.000 четвертей овса. Тѣмъ лучше, если и въ другихъ мѣстахъ въ Пруссіи, по назначенію главнокомандующаго, фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго, будетъ сдѣлано таковое заготовленіе; также въ Торнѣ приготовить мостъ, или суда для моста, и притомъ до ста большихъ лодокъ, называемыхъ берлинскими, ходящихъ по Вислѣ и подымающихъ до ста человѣкъ, на коихъ 10.000-й корпусъ можетъ быть переправленъ въ одинъ разъ, для сдѣланія тотъ же часъ на той сторонѣ тетъ-де-пона и потомъ для устроенія моста. Такимъ образомъ переправа можетъ быть готова въ 48 часовъ.

2.

На мѣстѣ переправы при устроеніи моста сдѣлать сильныя укрѣпленія съ обѣихъ сторонъ; въ сихъ укрѣпленіяхъ должны быть сложены: 1) магазейны, 2) всѣ военные запасы, 3) госпитали и 4) обозы, неудобные къ движенію.

3.

Имѣть осадную артиллерію и осадный паркъ, хотя одну комплектную роту и по 100 выстрѣловъ на орудіе.

4.

Нанять въ Пруссіи для поднятія магазейновъ до 4.000 большихъ повозокъ, которыхъ тамъ можно найти большое количество. Симъ самымъ можно уменьшить обозы, столь обременительные при переправѣ. Денегъ не жалѣть для заплаты подводчикамъ.

5.

Если бы по непредвидимымъ обстоятельствамъ найдено было выгоднѣе сдѣлать переходъ на верхней Вислѣ, то и въ такомъ случаѣ сіи приготовленія въ Пруссіи весьма нужны, ибо, обошедши по лѣвой сторонѣ Вислы Варшаву, можно стать такимъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ, чтобы имѣть соединеніе съ магазейномъ, находящимся въ Торнѣ, и притомъ предполагаемое на Вислѣ близъ Торна укрѣпленіе, заключая въ себѣ депо и переправу, будетъ нужно, какъ для доставленія запасовъ, такъ и во избѣжаніе двухъ коммуникаціонныхъ линій.

6.

Устроивши такимъ образомъ сей пунктъ, итти на Варшаву.

XXX.

Письмо императора Николая князю Паскевичу отъ 4-го сентября 1831 года.

Царское Село. 4-го (16-го) сентября 1831 года.

Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу! Слава тебѣ, мой старый отецъ командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство? Безпокойство, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24 числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дня, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти, и наконецъ то счастіе, то неоцѣнимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника?

Ты съ помощію Бога всемилосерднаго поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства; а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благороднаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой попрежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи, больно носить мундиръ и въ таковые дни быть прикованну къ столу, подобно мнѣ, несчастному.

Потеря наша велика, но благодарю Бога, что не больше; если вспомнить, что брать должно было, и что симъ пріобрѣтено, такъ почти сказать можно, что даже весьма умѣренна. Надо надѣяться, что безуміе поляковъ не доведетъ ихъ до того, чтобы вновь начать дѣйствія на другомъ пунктѣ, для того важно будетъ, что заключатъ съ Бергомъ, который отлично дѣйствовалъ.

Армію, то-есть нижнихъ чиновъ, кромѣ плѣнныхъ, лучше всего распустить всю по домамъ, отобравъ, разумѣется, все оружіе. Офицерамъ считаю лучше дать паспорты на выѣздъ за границу царства. Тогда мы ихъ избавимся и возвратно не впустимъ. Генераламъ нашего времени велѣть ѣхать всѣмъ въ Москву, придавъ офицеровъ для провожанія, но не арестуя. Чарторижскаго, Лелевеля и подобныхъ арестовать и подъ строгимъ карауломъ отправить въ Кіевъ или Бобруйскъ, впредь до повелѣнія. Такъ же поступить со всѣми редакторами газетъ и журналовъ, кои въ Варшавѣ, или индѣ попадутся.

Библиотека "Руниверс"

Ты назначилъ графа Витта и весьма хорошо избралъ, ибо его я тебѣ предложить хотѣлъ. Теперь не могу немного не побранить тебя за то, что вопреки обѣщанію мнѣ ты столько подвергался опасности, что надо одной милости Божіей приписать, что хуже съ тобой не случилось. Всѣ въ одинъ голосъ тебя въ томъ винятъ; и точно что бъ было съ арміею и со всѣмъ дѣломъ, ежелибъ тебя не стало! ужасно и подумать, и ты самъ видишь, что при такихъ герояхъ, какъ тѣ, которые у тебя служатъ, некого ободрять своимъ примѣромъ. Стало, полно шалить, отецъ-командиръ.

Ты хорошо сдѣлалъ, что отпустилъ и Толя и Нейдгарта, а Горчакова и Берга я утверждаю, но послѣдняго не балуй; его надо держать сильно въ рукахъ, а то занесется. Ежели Богъ привелъ къ тому, что точно кончено, то въ особой запискѣ найдешь мои предположенія и предложенія по нѣкоторымъ предметамъ, которые тебѣ предоставляю приноровить къ твоимъ намѣреніямъ, елико сіе возможно будетъ. Главный предметъ—успокоеніе края и возстановленіе въ немъ порядка; второй, столь же важный—устройство арміи, дабы къ веснѣ быть ей сильну, готову и бодру физически и морально, дабы духъ заразы умственной до нея не добрелъ; сіе отмѣнно важно. Все означено въ моей запискѣ.

Необходимо, не теряя времени, приступить къ устройству крѣпкой цитадели въ Варшавѣ. Пунктъ я избираю близъ, или, лучше сказать, вокругъ Александровскихъ казармъ, какъ мѣсто въ краю города, на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ, и гдѣ есть казармы и строенія на 6 тысячъ гарнизону; сверхъ того, тутъ былъ мостъ новый, который тѣмъ важенъ намъ, что переправа черезъ него—не черезъ городъ. Вотъ планъ, на которомъ примѣрно начертилъ я главныя линіи. Вели сообразить на мѣстѣ тщательно и пришли мнѣ детальный планъ съ твоими мыслями и не медля вели начать работу, употребя нашихъ саперъ и жителей по наряду или найму, но лучше по наряду, платя хорошую плату изъ городскихъ суммъ.

Чѣмъ скорѣе цитадель поспѣетъ, тѣмъ лучше. Хорошо бы и Модлинъ намъ получить поскорѣе, тогда весь край нашъ. Извѣстія изъ Персіи лучше, и кажется, что теперь еще будетъ тише; Геленджикъ также занятъ.

$^{5}/_{17}$. Сейчасъ я возвратился отъ молебна, гдѣ мы усердно за тебя и всѣхъ героевъ молились; дай Богъ, чтобы все уже кончено было. Поручаю тебѣ изъявить всей арміи мою благодарность и удовольствіе за ихъ безсмертный подвигъ и поспѣшить представленіемъ къ наградамъ достойныхъ.

Къ тебѣ отправляется всего для 1, 2 и 3 корпусовъ по 5.400 человѣкъ въ каждый, а въ Гренадерскій 9 тысячъ человѣкъ; сверхъ того, по 200 артиллеристовъ въ каждый корпусъ и въ гренадерскую артиллерію 300 человѣкъ; вотъ все, что нынѣ прислать можно. Къ веснѣ же подойдетъ больше, такъ что съ ними и съ выздоравливающими и плѣнными будетъ комплектъ. Жена тебѣ сама пишетъ. Сегодня вышла въ первый разъ въ церковь. Да хранитъ тебя Богъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и дастъ тебѣ счастливо довершить святое дѣло къ чести, и славѣ, и пользѣ Россіи. Моя благодарность и дружба тебѣ принадлежитъ навѣки.

Твой искренно доброжелательный Н.

Дѣйствующую армію составить изъ:

Гренадерскаго,
1 пѣхотнаго,

Библиотека "Руниверс"

2 пѣхотнаго,
3 пѣхотнаго,
3 резервнаго кавалерійскаго,
4 резервнаго кавалерійскаго,
20 казачьихъ полковъ.

Гренадерскій корпусъ, какъ сильнѣйшій и самый готовый къ дѣйству, поставить корпусной квартирой въ Калишѣ. 1-й пѣхотный въ Плоцкомъ воеводствѣ, 2-й пѣхотный въ Ловичѣ корпусной квартирой и 3-й пѣхотный влѣво отъ него до краковскихъ окрестностей, 3-й резервный кавалерійскій въ Варшавѣ и Ловичѣ по казармамъ, а 4-й резервный кавалерійскій въ Кутнѣ и и Колло до Петрокова.

Въ Варшаву присылать поочередно по дивизіи помѣсячно отъ 1 и 2 корпусовъ, дабы долгой стоянкой не обременять и не баловать въ соблазнахъ города.

Сводная бригада 8-й дивизіи перейдетъ въ Модлинъ для постояннаго гарнизона; гвардія и кавалерія ея пойдутъ покуда въ Вильно и Гродно зимовать, доколь обстоятельства не объяснятся.

Казачьи полки станутъ по границѣ или индѣ, гдѣ нужно будетъ.

Укрѣпленія Варшавы срыть жителями, по непремѣнному наряду, какъ строены ими же были.

Обратить все вниманіе на возстановленіе устройства полковъ по всѣмъ частямъ, пославъ, коль скоро можно будетъ, генералъ-адъютанта Исленьева, Шипова и генералъ-майора Бергмана, произвесть инспекторскіе смотры всѣмъ полкамъ 1, 2 и 3-го корпусовъ, дабы имѣть настоящее понятіе объ ихъ состояніи и нуждахъ, и указать сейчасъ, какъ способы все привесть въ должный видъ и порядокъ, и основать правильную доучку молодыхъ полковъ и ожидаемыхъ къ нимъ резервовъ.

Уравнять полки плѣнными.

Стараться заподрядить сукно для шинелей изъ фабрикъ края.

Въ артиллерію послать генералъ-майора Сухозанета для осмотра и устройства. Въ кавалерію изъ флигель-адъютантовъ, знающихъ кавалерійскую службу. Для всего дать печатныя образцовыя вѣдомости, по образцу того, что сдѣлано было послѣ Турецкой кампаніи, что долженъ знать генералъ Обручевъ.

Велѣть въ Варшавѣ обыскать всѣ польскія знамена и штандарты бывшей нашей арміи и прислать ко мнѣ. Найти и у насъ взятыя и отослать въ комиссаріатъ. Всѣ революціонныя вещи, какъ-то: шнагу или шарфъ Костюшки, взять и прислать сюда въ Преображенскій соборъ, равно изъ церквей убрать всѣ турецкія знамена.

Отыскать и прислать ко мнѣ всѣ мундиры покойнаго императора, равно всѣ вещи, собственно ему принадлежавшія въ его кабинетѣ. Убрать троны и прочія къ сему вещи и отправить въ Брестъ. Черезъ нѣкоторое время велѣть генералу Бергу поручить кому знающему взять и, осторожно уложивъ, отправить въ Брестъ университетскую библіотеку и кабинетъ медалей, равномѣрно и библіотеку de la Société des belles lettres.

Словомъ, убрать понемногу все, что имѣетъ историческую національную цѣнность, и доставить сюда; равно и флагъ съ королевскаго замка. Велѣть опечатать архивы и банкъ.

Библиотека "Руниверс"

Поручить дипломатическому чиновнику найти всю переписку мятежнаго правительства съ заграничными своими агентами, въ особенности въ Лондонѣ и Парижѣ. Оно важно, ибо многое намъ откроетъ коварство, которое хорошо изобличить.

Съ прибытіемъ Энгеля, велѣть временному правительству открыть свои дѣйствія и обратить особое вниманіе на то, чтобъ скопить всѣ могущія остаться индѣ суммы.

Новыя бумажки, революціоннымъ правительствомъ въ ходъ пущенныя, уничтожить и объявить, что ни онѣ, ни другія какія либо квитанціи, или бумаги сего правительства, нигдѣ въ платежѣ не будутъ приняты и не имѣютъ болѣе никакого значенія.

Революціонныхъ кокардъ носить не дозволять.

Насчетъ національной гвардіи ожидать буду твоего мнѣнія.

Школу піаристовъ, подъ предлогомъ постройки цитадели, велѣть закрыть, а монаховъ сего ордена имѣть подъ самымъ строгимъ присмотромъ.

Вотъ и все на первый случай.

XXXI.

Манифестъ объ окончаніи польской войны 1831 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Возженная измѣной война прекратилась: народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ, и тѣ слабые остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду Нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ Нами Державъ и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные Наши! возвѣщая васъ о семъ торжествѣ истинно утѣшительномъ, ибо имъ возстановляются спокойствіе и порядокъ, Мы такъ же, какъ при началѣ сей горестной для сердца Нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами Царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ Наше правое дѣло. Первая мысль Наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесутся къ Престолу Его. Онъ въ непсповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ подвергнуть Насъ новымъ, тягостнымъ испытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новые знаки Своей къ Намъ благости, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя Наши войска, сію необоримую ограду Отечества, покрылъ новымъ блескомъ славы. Храбрые воины Наши оправдали Нашу довѣренность. Прославленные подвигами на берегахъ Евфрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопамятномъ бо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе семи мѣсяцевъ непрерывавшемся походѣ умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимовѣрные труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самою природою поставляемыми, и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившихъ достоянія и крови народа, ими вовлеченнаго въ преступленіе, и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ мужествомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ жизни и собственности побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкорыстіемъ и человѣколюбіемъ ознаменованы и всѣ дѣйствія Нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ. Помня слова Наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ заблуждающихся и всѣхъ возвращающихся къ долгу принимали, какъ братьевъ. Россіяне! съ помощью Небеснаго Промысла, Мы довершимъ начатое Нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два сплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ Нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей Государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія.

Данъ въ Санктпетербургѣ въ шестый день Октября въ лѣто отъ Рождестаа Христова тысяча восемь сотъ тридцать первое, Царствованія же Нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

XXXII.

Донесеніе о холерѣ въ 1831 году.

1.

Начальникъ 1-го округа корпуса жандармовъ отъ 22-го іюня 1831 года донесъ, что въ Каретной и Рождественской частяхъ, на улицахъ, въ коихъ учреждены временныя больницы по случаю болѣзни холеры, со дня ея появленія собиралась ежедневно толпа праздныхъ и любопытныхъ людей, болѣе изъ низшаго сословія, трактующихъ о ходѣ сей болѣзни. Вчерашняго же числа, вѣроятно, по случаю праздника собралось въ Рождественской части болѣе, чѣмъ въ прочіе дни, народа, окружили больницу и начали выходить изъ послушанія полиціи. Въ 5-мъ часу пополудни частный приставъ донесъ о семъ сборищѣ оберъ-полицмейстеру, который, пріѣхавъ туда, приказалъ собравшейся толпѣ разойтиться. Въ это время одинъ пьяный изъ толпы бросилъ камнемъ въ окно больницы и вышибъ два стекла, не причинивъ впрочемъ дальнѣйшаго вреда. Какъ этотъ человѣкъ, такъ и другіе, около семи, замѣченные въ буйствѣ, взяты полиціею подъ стражу.

Библиотека "Руниверс"

Оберъ-полицмейстеръ приказалъ полиціи рѣшительно разогнать народъ и въ ту же минуту послалъ къ плацъ-майору просить наряда караула для охраненія больницы и отъ С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона приказалъ выслать конную команду на случай усиленія безпорядковъ; почему, по полученіи такого приказанія, въ 10 часу вечера отряжены отъ дивизіона 2 оберъ, 3 унтеръ-офицера и 16 рядовыхъ, съ конми отправился и самъ командиръ дивизіона. Команда прибыла къ Рождественской больницѣ въ 10 часовъ, но народъ почти весь уже разошелся. Въ 11 часовъ прибылъ караулъ, и по приказанію оберъ-полицмейстера оставлена половина команды жандармовъ для ночного патруля.

Утромъ сего числа собирался также народъ небольшими кучками у больницы въ домѣ Таирова, на Сѣнной.

2.

Записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу.

Ce lundi matin.

Nous avons eu quelques accidents fâcheux et tumultueux; mais on les exagère trop. Je suis persuadé qu'avec de l'énergie et des mesures sages on parviendra à bout de les prévenir pour l'avenir. En voici les détailes véridiques.

Aujourd'hui à 8 heures et demi du matin on a amené à l'hôpital central, placé à la Sennoï maison Taïroff, un malade frappé de choléra. Tout d'un coup se sont attroupés une foule de peuple: on a ouvert la voiture qui a été brisée et on en a tiré le malade qui n'a été pas encore retrouvé jusqu'à 10 heures et demi du matin. De plus la foule a brisé les vitres dans deux fenêtres du rez-de-chaussée de la maison Taïroff. Les propos étaient virulentes: «point de guérison; qu'avons nous à faire des médecins; ce sont eux et la maudite police qui font plus de mal que le choléra. On encombra les hôpitaux des dens qui sont pour la plupart incommodés seulement, ou même bien portants. Nous sommes tous des russes, nous sommes tous compatriotes, nous réprimerons les injustices de la police et des médecins. L'empereur est notre père, il va arriver; nous nous jeterons à ses pieds, les persécutions cesseront; au reste, en réprimant celles-ci chacun ne fait que son devoir comme russe et bon citoyen...».

Des mesures de sûreté ont été prises de suite par la présence d'esprit de l'officier de police du second quartier, nommé Kretchetoff. Un officier allait à la tête de 30 hommes relever la garde de la Sennoï; Kretchetoff lui dit: c'est ici qu'il faut monter la garde, voilà un mouvement populaire, il s'agit de défendre l'hôpital. Le colonel de la gendarmerie Panoff se trouvait par hasard sur la place et persuada l'officier de suivre ce conseil, et l'ordre fut rétabli de suite. Plus tard, des détachements de cosaques et de gens d'arme arrivaient sur la place. Il paraît que l'ordre ne sera pas troublé d'avantage.

D'après le premier aperçu, les colporteurs-boulangers paraissent avoir donné l'impulsion au mouvement; on en a arrêté trois, ainsi qu'un individu qui avait arrêté la voiture, où se trouvait le malade. Pour le moment il est impossible de donner des renseignements plus positifs sur la direction du mouvement. Très certainement il y a des moteurs et des instigateurs. Le fait est que l'esprit dans la classe ouvrière et mercantile, surtout des colporteurs (разносчики), est foncièrement mauvais.

Библиотека "Руниверс"

Je viens de recevoir des rapports que la nuit déjà il y avait eu des attroupements à la Sennoï et qu'on y avait maltraité des guéritiers (будочники).

Il y a eu également un mouvement populaire à l'hôpital central Рождественской части, mais beaucoup moins violent et qu'on a d'abord appaisé.

Des propos circulent avec véhémence de bouche en bouche et il ne faut pas se dissimuler que le mouvement et la disposition des esprits doivent attirer l'attention du gouvernement. La vigilance et la modération doivent caractériser les mesures de celui-ci, pour ne pas augmenter le mal.

J'ajoute ici un exposé que j'avais ordonné avant-hier déjà à Kobervein de coucher sur papier et qu'il m'a remis hier. Je n'ai pas le temps de le rendre un peu plus lisible; mais vous le comprendrez tel quel.

Je viens de sortir de chez le général Essen, qui m'a reçu parfaitement bien. J'y ai rencontré le général Vassiltchikoff et m-r Peroffsky. Le comité se rassemblera ce soir à six heures. Dieu veuille que le général Vassiltchicoff y introduit plus d'énergie, c'est ce qui manque au brave et excellent général Essen, ainsi que le nom russe et partant la popularité. Attributions immanquables dans ces circonstances si graves.

Demain je vous entretiendrai avec plus de détail sur toutes ces choses.

Je n'ai qu'un seul désir, c'est celui de pouvoir suffir à ma besogne.

Je vous expédie encore sous ce pli une lettre populaire, projetée par Gretch, qu'il proposera aujourd'hui au comité, pour être inserée dans son journal. Je la trouve très bonne et, après avoir parlé moi-même à plusieurs individus de la classe des colporteurs, je suis persuadé qu'elle ne manquera pas d'effet. Je me suis abouché aussi avec Ritter, qui m'a donné une petite note que je n'ai pas le temps de traduire.

Les plaintes contre quelques majors de quartier sont très forts et je crois qu'elles ne sont pas tout à fait dénuées de fondement. M'autorisez vous à en parler au général Essen, ou au comité?

3.

Записка Кобервейна.

On a remarqué dès le commencement de la maladie affligeante de la choléra dans cette ville, d'un côté des appréhensions exagérées, d'un autre côté une insouciance comdamnable dans les classes plus élevées et formées de la société—tandis qu'une apathie, presque totale, paraissait régner dans les classes inferieures. Que ces classes moins instruites voyent tout de travers, et qu'influencées peut être par des meneurs malveillants jugent presque toujours mal et faux en fait de politique et qu'elles croyent bonnement à des choses qu'elles ne voyent pas; ceci est peut-être naturel et même inséparable de l'insuffisance de leurs moyens intellectuels; mais qu'elles refusent la croyance à ce qu'ils voyent et qui est palpable—qu'elles méconnaissent la sollicitude paternelle pour leur sort—qu'elles s'y opposent non seulement, mais qu'elles osent anéantir d'une main rebelle ce que la clémence du souverain a fait pour leur bien dans la prévoyance paternelle; ceci serait un phénomène inexplicable si on attribuait a eux mêmes la source de pareils traits d'ingratitude, qui sous tous les rapports font leur malheur. A portée par les localités depuis deux jours à être témoin attentif des événements, et dépourvu de toute partialité, je crois de mon devoir d'en dire ce que j'ai remarqué.

Библиотека "Руниверс"

Dès le commencement de la maladie on pouvait aisement remarquer que les mesures prises par le gouvernement pour le salut physique des habitants ne convenaient pas trop au peuple puisqu'elles rétrécissent un peu les habitudes de l'intempérance; mais ces mesures mêmes offraient au moins un asyle contre les suites malheureuses de cette intempérance et le malheureux coupable ou non y trouvait le moyen de mourir soigné, ou de se sauver la vie. La mortalité rapide qui se manifestait aurait du être la meilleure preuve pour ces brutes, que la maladie existait effectivement, malgré ce qu'assuraient les fausses insinuations de gens perfides du contraire. Il n'y a ouvertement que les insinuations de coquins qui ont séduits cette populace effrénée et malheureuse aux excès tumultueux des dernières journées. On a remarqué partout dans les attroupements sur les rues ainsi que dans les cabaks des gens, inconnus au reste, qui menaient la parole faisant accroire qu'il n'existait pas de choléra et comme l'évidence de la mortalité et des malades parlait contre eux, on se donnait la peine de faire sentir au peuple que l'établissement des hôpitaux n'avait d'autres buts que d'y laisser périr les malheureux faute de soin et de nourriture soutenant la connivence des médecins pour le même but par leur traitement se prévalant pour preuve de leurs assertions des anecdotes forgées sur le compte de la choléra à Moscou où on avait agi de même.

Les malades arrivaient en voitures avec un valet de police sur le derrière; tous ces transports excitaient des attroupements et surtout dans la rue qui donne sur l'hôpitale et on raisonnoit déjà dimanche assez haut, pour évoquer quelques mesures de sûreté plus énergique, il aurait suffi si on avait d'abord garni les deux issues de cette rue de trouppes suffisantes, au lieu que tout le dimanche il n'y en a eu que quelques soldats de police au lasaret. Ce n'est qu'après les excès de la nuit dans d'autres quartiers, et qu'on a cru voir quelque mécontentement que quelques gendarmes sont survenus, par malheur les médecins ou la police ont commis des bévues assez grossières exprès ou non. On a envoyé comme atteints de maladie de la choléra des gens en voiture qui ont été ivres la veille et qu'à la suite de l'ivresse on a pris pour malades. A l'arrivée à l'hôpital on a forcé la voiture qui a été cassée par le peuple et on a affranchi le soi-disant malade avec des cris de hourrah la choléra et de là et toute la journée la rue a été obstruée de peuple et de curieux. Vers deux heures le commandant Bachutzky y est venu mais encore sans rien effectuer. Enfin vers neuf heures du soir passé le gouverneur militaire y a passé ainsi que Bachutzky une seconde fois; j'ignore ce qu'ils ont parlé mais quelqu'un m'assura que le gouverneur lui-même a dit au peuple qu'il n'y a pas de choléra, que l'empereur viendrait le lendemain (comme aujourd'hui) qu'ils devaient être tranquiles et partant ventre à terre ainsi que le sieur Bachutsky dans la 2 voiture ils ont été accompagnés des hourras ou plutôt des huées d'un peuple très nombreux le long de la rue des jardins jusqu'à la rue de Catherinenhof traversant à moitié. Dans le même moment ou plutôt déjà un peu avant on a forcé le peu de soldats et on a pillé, en jettant tous les ustensils dans la rue, la maison en affranchissant les malades; on m'assure même qu'on a emporté des morts. Cette expédition finie j'ai entendu moi-même que des mutins se sont mis en marche pour la Подьяческая où il y avait un autre hôpital primaire auquel on a fait subir le même sort et à d'autres peut-être encore. Aussi m'assure-t-on aujourd'hui que les mutins ont pillé dans le Щукинъ дворъ. Aureste tout le sandale provient d'insinuations de malve-

Библиотека "Руниверс"

illants, de la faiblesse de la police dont je n'ai vu le dimanche que deux à trois officiers, de la bévue, je ne sais à qui la faute d'envoyer comme malades des gens qui n'étaient qu'à demi ivres encore. Des mesures trop faibles ne faisant venir du militaire que vers les onze heures, ou au moins dans ce quartier là, aulieu que dans la journée tout aurait été calmé et fini sans effusion de sang ni pillage et de la participation de la canaille qui une fois en train ne cesse pas si facilement.

Il faut que j'observe encore que d'après tous les renseignements on craint que l'affaire n'est pas encore appaisée et que d'après des propos de gens dans la nuit on n'attendait pour recommencer que la journée d'aujourd'hui. Aussi m'averti-t-on qu'à entendre parler d'une intention de révolte dans les fabriques de la couronne de fonderie et chez le fabricant Berthe et d'autres menaces.

4.

Записка, на которой рукою фонъ-Фока написано:

«Jamais la caricature n'a existé: ce ne sont que de mauvais propos, auxquels il faut s'attendre, mais très heureusement, ils sont très rares jusqu'à l'heure qu'il est».

L'apparition enfin de la choléra dans la ville, les aveux du gouvernement sur son existence, ainsi que les mouvements qu'on se donne pour en restreindre la propagation et la crainte de cette maladie persécutrice, tout ceci ne laisse pas de faire une profonde impression sur l'esprit du public, en même temps cependant cela n'empêche pas de provoquer les mauvaises têtes à faire courir une caricature dont on m'assure positivement l'existence quoique jusq'à présent je n'ai pu parvenir à la voir moi-même, le sujet en est pris à ce qu'on prétend de la maladie en question même et des moyens employés par le gouvernement pour l'éviter ou en retenir aumoins les ravages. On assure qu'on y voit le rassemblement de differentes personnes du gouvernement en forme de comité de discussion et de personnes de l'art médical, que la personne du ministre Zakrewsky y joue un grand rôle; qu'on voit dans les airs au dessus flotter l'ordre de S-e André et d'autres rubans de décorations, beaucoup d'assignats et des mottos analogues à l'idée de caricature de l'inventeur etc.

5.

Записка начальника 1-го округа конныхъ жандармовъ отъ 23-го іюня 1831 года.

Послѣ отправленія вчерашней моей записки я былъ на Сѣнной площади, гдѣ нашелъ небольшое число народа разнаго званія, но больше, однако, обыкновеннаго, были и во фракахъ какъ бы для любопытства.

Тутъ узналъ я, что передъ симъ толпа народа насильно освободила везомыхъ въ лазаретной каретѣ больныхъ въ холерную гошпиталь, но потомъ усмирилась. Въ 8 часовъ вечера узналъ я, что толпы вновь собираются, отправился тотчасъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ мнѣ, что онъ приказалъ собираться войскамъ, а мнѣ велѣлъ собирать сколько можно болѣе жандармовъ и съ ними быть какъ наскорѣе на Сѣнную площадь, что̀ немедленно и было мною учинено.

Библиотека "Руниверс"

По прибытіи, толпы разсѣялись и попрятались въ домахъ. Нѣсколько подозрительныхъ лицъ взято и отведено въ крѣпость. Находились тутъ всѣ генералы: Васильчиковъ, Закревскій, Депрерадовичъ, Перовскій, оберъ-полицмейстеръ и проч.

Безъ особенныхъ строгихъ мѣръ, я полагаю, обойтиться нельзя.

6.

Записка 23-го іюня.

La nouvelle enfin décidée sur la mort du grand duc Constantin qui déjà depuis avant-hier existait partout a été précédée les derniers jours de nouvelles l'une plus folle et absurde que l'autre, dont le bruit de trahison et de sa connivance avec les polonais n'a pas été le moindre. On se permettait de soutenir que cette triste découverte avait enfin forcé sa majesté l'empereur de le rappeler très serieusement et de prendre des mesures de sûreté, qu'enfin la mort a mis fin à tous ces embarras de politique. Mais on ne cesse pas pour cela de jaser encore sur le compte du défunt. Il n'est pas difficile de remarquer que la conduite de ce prince en Pologne lui avait totalement éloigné l'esprit du peuple. On assure qu'on a fait d'ici des envois à la rencontre du corps pour le faire ammener ici.

Et on a désapprouvé même cette mesure, disant (ceux qui prétendent qu'il es mort aussi de la choléra) qu'après le mal, qu'il a causé avant sa mort, on veut encore le propager après son décès. On remarque peu de part a ce triste événement.

7.

Tableau du mouvement de l'émeute populaire depuis le matin du 22 Juin 1831 jusqu'á 3 heures après midi du 23.

Рукою государя написано:

«Tout cela est l'exacte vérité; il faut que vous partez de suite, si vous le pouvez, pour aider de vos conseils sur les lieux et me tenir au conrant de tout».

Après la tentative qui a échouée le 21 въ Рождественской части pour enfoncer l'hôpital central, on en a fait une pareille au Marché au foin. L'hôpital, maison Тапровъ, était le but de mire. Le mouvement a commencé à 8 heures et demi par le brisement d'une voiture où il y avait deux malades; ceux ci furent renvoyés et le peuple menaça hautement la police et surtout les médecins de les assommer, comme causes des abus, qui se commettaient, en mettant au nombre des malades des gens qui étaient gris ou se portaient bien. Le désordre alla toujours en croissant, et cela de deux en deux heures. Le gouverneur militaire se décida à paraître lui-même sur la place; il était sept heures et demi du soir, la force armée n'avait point encore été appelée.

Il pérora les mutins, mais tout en ourrah, ceux-ci brisérent encore une autre voiture sous ses yeux. Il quitta la

Библиотека "Руниверс"

place. Le désordre était à son comble. L'hôpital central, maison Тапровъ, n'offrit dans l'espace d'une demi-heure qu'un amas de décombres, rien n'échappa à la fureur des mutins; tout fut brisé en éclats. Il était huit heures et demi du soir. On se décida alors à appeler la force armée, dont la présence seule suffit pour en imposer au peuple; après avoir fait tout le mal possible et assommé le médecin de l'hôpital, ce même peuple ne fit pas le moindre opposition, ce qui prouve que le mouvement n'a point eu de but politique. Cependant, il faut avouer d'autre part, que la continuation de ce même mouvement pendant la matinée d'aujourd'hui, 23 Juin, doit nécessairement faire supposer que le peuple cherche encore à faire quelque chose et qu'il doit être fortement incité par des moteurs. Cela est palpable. Plus de cent personnes ont été arrêtées. Le résultat des interrogatoires qu'on leur a fait subir, n'est pas encore connu, de sorte qu'il n'y a que des suppositions vagues à faire pour le moment sur cet objet. Pour rendre hommage à la vérité, il faut dire que la menace de cerner les maisons a fait une impression défavorable, que peut être il y a eu des irrégularités de commises par la police, et le moyen que cela soit autrement, qu'enfin au lieu d'appeler la force armée le soir, il eut été bien plus avantageux de la faire douze heures plutôt. L'événement l'a prouvé, car personne n'a bougé et il est probable qu'on parviendra bientôt à rétablir l'ordre, mais le désordre a été commis impunément, la populace a obtenu une victoire sur le pouvoir public, et les souffleurs, les provocateurs, enfin les Erostrates se tiennent à l'ombre et rient sous cape. C'est là un mal affreux, il faut le dire; mais espérons que la présence du souverain mettra un terme aux mouvements tumultueux d'une populace insensée. Elle demande à grands cris la clôture des hôpitaux pour arrêter les progrès du mal, dit-elle, et celui-ci doit naturellement recevoir de nouvelles forces par le rassemblement de masses de cinq mille forcenés ou bêtes brutes. Beaucoup de personnes pensent, que le motif allégué par la populace n'est qu'apparent, car comment supposer que la multitude se décide, sans une raison majeure, à abandonner ses occupations pour imiter la populace de Rome dans le Forum, et prendre un si vif intérêt à l'abolition des mesures sanitaires. Il n'y a, surtout parmis les militaires, qu'un cri, le coup part des sarmates. Le 23 environ à une heure avant midi, l'empereur s'est rendu à la Сѣнная. Le peuple s'inclina devant lui; il s'écria aussitôt: «Prosternez vous devant l'Être Suprème, que vous avez offensé, à genoux, tous à genoux». On obéit, c'était

Библиотека "Руниверс"

en face de l'église. Ensuite il continua de la sorte: «Qu'avez vous fait insensés? Je rougis de honte pour vous aux yeux de l'univers. Etes vous des français ou des polonais, je ne reconnais plus en vous des russes. J'ai perdu un frère chéri; la conduite des mutins de Pologne a été cause de sa mort, voulez vous par la vôtre être cause de la mienne? Me voila, je ne vous crains pas! Dieu me donnera la force de vous ramener à l'ordre. Vous avez pêché en versant le sang d'un médecin, bienfaiteur de vos frères souffrants. Oui, vous avez pêché contre le Ciel; comment répondrai-je à l'Etre Suprême, auquel par mon serment je suis responsable de vos actions. Oui, vous avez gravement pêché. Retirez vous, rentrez dans vos maisons, et je vous ordonne d'obeir, comme à moi-même, au gouverneur militaire, il a pour vous les sentiments d'un père. Obéissez!»—La foule se dissipa sur le champ. Demain on pourra donner des détails plus positifs sur le résultat et les effets du discours paternel de l'empereur.

8.

Другая записка о томъ же.

Mardi, le 23 Juin 1831.

A onze heures et vingt minutes sa majesté l'empereur est arrivée à l'isle Ielaguine, où l'attendaient le général gouverneur et le grand-maître de police, le ministre comte Zakréwsky, le général en chef Vassiltchikoff, le général Perowsky et le comte Moden.

A une heure et dix minutes sa majesté s'approcha de la Сѣнная en arrivant par la Садовая et à commencer de la Bibliothèque Impériale tout le cortège allait à petits pas comme suit:

En avant, à trois pas de la calèche impériale le comte Orloff à cheval, alors en calèche sa majesté l'empereur et le prince Menchykoff, puis le général Perowsky, le général Vassiltchykoff, Zakréwsky, des aides de camps, Arndt, le docteur, et le feldjeger. Tout l'ensemble faisant un beau aspect solennel, en approchant près du ou entre le corps des gardes et l'église Спасъ, sa majesté fit halt, se leva en calèche, y resta de bout, jetta bas son manteau, et ordonna au peuple: Поближе! Поближе! Я никого не боюсь!» puis: «На колѣнки! падайте на колѣнки!. Montrant sur l'église: «Креститесь! молитесь Богу!» Tout le monde se mit à genoux et fit la croix; alors l'empereur, menaçant du doigt droit, dit au peuple d'un ton ferme: «Что вы вчера надѣлали?» (выражаясь съ большимъ гнѣвомъ). «Вы меня предъ всѣмъ свѣтомъ осрамили! Что вы—французы или поляки! (Все громче). Вы лѣкаря убили; русскій ли это сдѣлаетъ? (mit mehr erzürnt). Вы предъ Богомъ грѣшны! Какъ я буду отвѣчать за васъ Богу! Я присягалъ, а вы меня осрамили. Знали скорбь мою, что я любимаго брата поте-

Библиотека "Руниверс"

рялъ, котораго огорченія уморили, вы и меня хотите уморить! Уморите! (mit Schmerz). Кто изъ васъ хочетъ приступить?» et dans ce moment présente au peuple sa poitrine (mit Tränen in Augen). C'était si touchant que tout le monde pleurait à chaudes larmes comme l'empereur lui-même; cela dura certes une minute et demi, lorsque sa majesté recommença: «Подумайте, что вы надѣлали, что вы не французы, не поляки, но русскіе! за мною на колѣни, на колѣни, просите у Бога прощенія!» Tout tomba à genoux et c'est là qu'on voyait du véritable repentir dans la plupart des présents. «Чтобъ мнѣ этого болѣе не было! буду наказывать! Не боюсь никого, сошлю туда, туда! Помните мои слова! Я все сдержу!» Là-dessus on commença à avancer et après avoir fait le tour de la Сѣнная en s'arrêtant plusieurs fois, sa majesté retourna chez elle en recommendant au peuple d'obéir au général-gouverneur et à chaque place au nom de sa majesté l'empereur. Un панихида au Спасъ conclut le tout.

Le 23 Juin, à 2 heures après-midi.

9.

Третья записка.

Le 23 Juin, soir.

Les attroupements de la populace dans les environs de l'hôpital dans la maison Taïroff sur le Marché de foin et la rue des Jardins augmentait depuis ce matin malgré les patrouilles militaires nombreuses, lorsque vers une heure après midi arriva sa majesté l'empereur qui fit le tour de la petite rue où se trouve l'hôpital et la partie de la rue des Jardins ainsi que sur le Marché de foin.

Sa majesté y fut reçu aux acclamations du peuple nombreusement rassemblé. L'empereur leur parla serieusement en les engageant à l'obéissance aux ordres des autorités, en ajoutant que ce n'étaient ni des français ni des polonais qu'il leur convenait d'écouter, de suivre les ordres du général qu'il leur avait fixé en montrant sur le gouverneur militaire, et qu'il punirait rigoureusement toute desobéissance à ses ordres; et remarquant dans la foule un homme, une sorte de bonnet sur la tête, sa majesté daigna s'informer qui il était; apprenant que c'était un polonais, elle le fit arrêter. Sa majesté avait aussi ordonné d'arrêter un homme parmi la foule qui avait osé se pleindre de la manière dont on traitait les malades, mais elle lui pardonna, d'après ce que m'assurent des gens qui se trouvaient très près. En partant avec les mêmes acclamations sa majesté engagea (en partant) les spectateurs de se disperser et d'aller à leurs affaires sans s'attrouper dans la rue, en ordonnant aux militaires présents sous les armes de faire leur devoir sans égard pour les contrevenants, en promettant de punir rigoureusement toute contrevention, aussi le peuple après le départ de l'empereur s'écoula peu à peu et tout fut tranquille pendant toute la journée. Les patrouilles de toutes armes se suivaient dans la journée. La seule observation a été faite, que les rues donnants des deux côtés sur le Marché de foin étaient remplies pendant toute la journée jusque vers onze heures du soir de promeneurs, parmi lesquels le beau sexe ne manquait pas malgré la crainte de choléra,— beaucoup de monde a parcouru même l'hôpital, apparemment que c'était permis, quoique j'ignore quelle peut être le but de cette permission pour la déracination de la maladie. Au reste tout a été parfaitement tranquille.

Après le départ de sa majesté on a célébré une панихида en pleine rue sur le Marché de foin en présence du gouverneur militaire.

Библиотека "Руниверс"

10.

Записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу (возвращена отъ государя).

Ce mercredi, à 3 heures après-midi.

Quoique les esprits se trouvent encore dans une fermentation assez saillante, mais il n'y a absolument rien d'inquiétant pour le moment. La publication d'aujourd'hui fera beaucoup de bien et ôtera aux moteurs le moyen d'exciter le peuple. Au reste les mesures sont prises en tout cas. Il y a aujourd'hui une grande fête à la Yamskaja et au Глазовъ кабакъ; mais j'espère que cela passera sans grand tumulte.

Je vous expédie un tas de notices et d'autres papiers. Je n'ai pas le temps de me résumer; à chaque mot que j'écris, on vient m'interrompre; et il faut absolument écouter tout le monde. Je n'ai pas un moment à moi. Le soir derechef comité. Je prierai qu'on me dispense au moins d'assister à ce grand tas de discussions de contabilité et autres futilités avec les curateurs; je me chargerai volontiers de tout ce qui a trait aux réglements administratifs et de tout ce qui regarde la police. Mais en perdant six heures de la journée à siéger dans le salon du général Essen, je me déroute parfaitement dans ma propre besogne qui pour le moment est plus important que jamais.

11.

Записка, писанная рукою дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бекендорфу.

Рукою государя:

«Nous en parlerons au long; je puis dire avec vérité que hier j'ai été fort content; et cela doit aller de mieux en mieux».

Ce jeudi matin.

Je vous expédie les notices qui me sont parvenues sur la journée d'hier en y ajoutant les observations suivantes.

Quoique les attroupements continuaient en plusieurs endroits et que la fermentation se prononçait avec force, les propos et les raisonnements avaient cependant parfaitement changés de couleur. La masse se prononçait hautement en faveur du gouvernement. On entendait dire qu'il fallait absolument prouver à l'empereur qu'il était trompé et que le peuple avait raison de soutenir qu'on le tuait gratuitement. La suite de cela fut que la populace se mit à arrêter et à molester des individus qu'elle soupçonnoit de distribuer du poison et de provoquer les esprits, comme c'est dit dans les bulletins.

J'ai parlé moi-même avec plusieurs разносчики qui comprennent parfaitement le mal de la chose. Ils me disaient tous: «Вотъ Батюшка насъ побранилъ и прогнѣвался на

Библиотека "Руниверс"

насъ! Надо быть каменному, чтобы не прослезиться; да и самъ Батюшка плакалъ. Но вотъ вамъ Богъ, ни одинъ изъ нашихъ братій ярославскихъ и коренныхъ русскихъ не буянилъ—это одни фабричные!»

La circonstance la plus désastreuse est celle, que la foule ne veut absolument pas croire à l'existence de la maladie. Rien ne peut le convaincre en cela; et plus malheureusement encore on rencontre un grand nombre de vieux gens de la classe des marchands et même de celle des employés, bien intentionnés, qui sont du même avis.

Vous entendez encore dans la foule les propos suivants: «Государь Батюшка самъ сказалъ, что нѣтъ холеры; что поляки и французы на насъ ее насылаютъ, и что надо ловить мошенниковъ».

Mais le plus grand malheur et le plus réel est celui, que nous n'avons pour le moment point de police. Les officiers de police sont tellement effarouchés qu'on n'en voit plus sur les rues. Je viens de sortir de chez le comte Orloff, auquel j'ai été heureux de pouvoir parler tout franchement à coeur ouvert. Il m'a beaucoup tranquillisé en m'assurant que vous nous arriverez ces jours-ci, mon excellentissime chef, pour rester chez nous quelque temps. J'ai commencé à respirer un peu plus librement après cette nouvelle.

Je ne vois rien d'éminement dangereux dans l'état actuel des choses; mais il faut immanquablement mettre fin à ces attroupements et à cette effervescence de la populace. Cela peut devenir de jour en jour plus grave et en fatiguant trop la troupe, nous pourrions aisement corrompre l'esprit de celle-ci, qui jusqu'à ce moment est excellent.

Aujourd'hui tout a en ville, jusqu' a l'heure qu'il est, un aspect plus tranquille. On ne voit point d'attroupements, chacun semble vaquer à sa besogne. Mais dans le moment même on vient de me dire qu'il y a eu un attroupement à la Yamskaja, mais que tout a été dispersé par la présence de quelques troupes armées.

Il y a une vingtaine de personnes qui m'entourent. Je vous envoie quelques papiers et vous embrasse très respectueusement de tout mon coeur.

Библиотека "Руниверс"

12.

Приложенныя записки.

I.

Le 25 Juin 1831.

La journée d'hier a offert un nouvel objet d'attention publique. Jusque vers le midi la tranquillité paraissait régner partout ce n'est qu'à cette époque qu'on a vu commencer des arrestations, exécutés pour la plus grande parti par des gens du peuple même, sur des individus qui presque tous étaient bien habillés, parmis lesquels on a remarqué même des employés et même un officier de police, il y en avait très peu qui eussent l'air d'appartenir à la populace. Les arrestations ont continuées jusque vers minuit et plus tard elles étaient sous escorte militaire. Des patroulles parcourraient les différentes rues en grand nombre et chaque transport d'arrestants ne manquait pas d'être accompagné d'un attroupement de peuple. Non-seulement parmi le peuple, mais aussi dans le public de meilleures classes on soutenait que ces arrestations se faisaient contre des polonais suspects d'empoisonnement—plusieurs personnes de tout état m'ont assurés avoir été témoins oculaires d'empoisonnements intentionnés par des inconnus chez des colporteurs de pain, de boissons etc.—et mille anecdotes se repandent là-dessus dans le publique et généralement on a trouvé le moyen de faire sentir au peuple que la maladie régnante n'a été causée que par les empoisonnements, à la poursuite desquels on était dans ce moment. On ne parle partout que de cet objet; on assure que jusqu'à 1500 même 3000 personnes, la plus grande partie étrangers, appartiennent à ce complot, et que ceux qui y appartiennent tâchent de se fourrer partout dans les restaurations, cabaks, marchés publics, le camp, parmi les soldats, et pour chercher à exercer leur métier. On inculpe même des médecins et jusqu'à la police d'y appartenir—en appuyant ces assertions d'histoires et anecdotes controuvées apparemment. Si le tout est une invention, cela a été au moins très bien exécuté; car il serait difficile, même de la peine perdue, de vouloir disvader quelconque, tant on en paraît convaincu presque généralement. Parmi les arrestants on ne remarquait que peu d'individus maltraités et tous furent remis aux autorités militaires. Quant à la police qui est en très mauvais odeur chez le peuple, elle était invisible en uniforme, mais il en fourmillait en frac. On assure que par ordre de sa majesté trois généraux ont été nommés encore pour aides de gouverneur militaire, parmi lesquels on nomme Wassiltchykoff et le prince Troubetskoy.

On raconte que de deux frères médecins Leblanc l'un a manqué d'être tué par la populace et que l'autre s'est suicidé; et on raconte publiquement des horreurs sur le compte des médecins et la police.

On m'assure que les arrestations recommencent déjà aujourd'hui, et comme c'est un jour de fête et une foule de gens oisifs dans les rues, ne serait ce pas nécessaire de continuer les patrouilles et même d'en doubler et augmenter le nombre.

Библиотека "Руниверс"

II.

25 Juin 1831.

La journée d'hier a été presqu'aussi orageuse que celle du 22 d. c. Provoquer le désordre est toujours le point de mire des malveillants. Ils ont seulement changé de mode d'agression. Lundi on a combattu le choléra, les médecins; hier, 24 d. c., on s'est déchaîné contre les empoisonneurs, vrais ou prétendus; car jusqu'à présent, il n'y a pas encore de preuves matérielles pour établir le fait. Hier encore la populace intimement convaincue de la vérité de ce fait, s'est arrogée le droit de faire la police elle-même, et une foule d'incarcérations ont eu lieu. Въ Ямской, ainsi que dans tous les carrefours du quartier de la Владимирская, il y a eu force attroupements, et les vociférations contre la police n'ont pas discontinués un seul instant. Il est vrai de dire, que la sûreté individuelle n'était rien moins qu'étayée, que l'état d'érection où nous sommes est pénible, et qu'enfin il est à craindre, que la foule armée ne perde et ses forces et sa patience. Cependant autant que l'état actuel des choses durera, sa présence est et sera notre palladium. Beaucoup de militaires, de gens comme il faut, de prêtres mêmes, ont l'idée fixe, que c'est l'action des empoisonneurs, et les exactions de la police, surtout la protection qu'elle accorde à ceux-ci, qui constituent la véritable cause du mal. Il est plus vraisemblable de poser en fait, que ce mal provient et peut augmenter par l'absence de la police qui est frappée de paralysie dans ce moment, et par l'avantage qu'a eu la populace le 22 Juin de faire à sa guise impunément, pendant une demi journée seulement. Le bas peuple et la moyenne classe presqu'entière ont la conviction intime, que les empoisonneurs sont la cause des décès qu'ont eu lieu jusqu'aujourd'hui. A l'église de la Сѣнная, pendant la messe, on a arrêté, en ma présence, un homme soupçonné d'avoir du poison dans ses poches. Plusieurs faux délateurs, qui avaient amené des prétendus empoisonneurs au corps de garde de la Сѣнная, ont été fustigés publiquement sur le perron par les cosaques. La promenade d'hier à la Ямская a été plutôt tumultueuse que populeuse. On y a répandu la fausse nouvelle qu'un médecin y avait été assommé. Un mal bien grand est que bien de gens s'obstinent à croire que les empoisonnements et les empoisonneurs existent réellement, tandis que le bulletin d'aujourd'hui signale officiellement ces deux faits comme faux et controuvés.

III.

Le 25 Juin 1831.

Рукою государя:

«Malheureusement il est vrai de dire qu'un homme a été amené au régiment Séménoffsky par le peuple, comme empoisonneur; et il s'est trouvé qu'il avait quelque chose de semblable à l'exament de médecin. L'on

Après avoir été hier dès le matin partout où l'on pouvait juger de la disposition du peuple, j'ai l'honneur de soumettre les remarques sur ce dont j'ai pu me convaincre sur les lieux. L'aspect alarmant des tumultes depuis trois jours a changé de face et n'offre plus cette inquiétude d'une cohérence dangereuse pour le moment; l'apparition de sa majesté l'empereur au milieu de ce peuple excité, son énergie, sa conduite souveraine divine, mémorable à jamais, ont été couronnés de l'effet salutaire qui nous rapproche dès hier à l'espoir que sous peu des jours l'impression de sa haute

Библиотека "Руниверс"

fait une enqûete dessus, et il paraît que c'était un polonais».

volonté prononcée avec tant d'influance dominera sur tout le peuple.

Déjà dans tous les attroupements hier on entendait généralement: Спаси Богъ, государя! онъ не виноватъ! Спаси Богъ его! побранилъ насъ, но, какъ отецъ, охраняетъ насъ отъ гибели! Partout on voyait des groupes autour d'un грамотей qui lisait à haute voix l'annonce du général-gouverneur et un ура général: Ура, государь! отецъ нашъ! спаситель! —était le signe pour se disperser de tous les côtés et rapporter aux siens le contenu de l'annonce.

La fête à la Ямская en général s'est passé en ordre; vers la fin l'esprit de vin par ci et là encore agissait, mais ce n'était plus l'esprit excité des premiers jours.

Un officier de police fut encore maltraité près de la maison Бѣлозерской и Пашкова, les autres se cachérent dans la première et cela finit par là. J'ai vu cet officier encore à une heure la nuit,—il était lui-même ivre mort! à peine pouvant se porter sur ses pieds, il radotait чепуху en se cachant de maison en maison.

La police malheureusement est à bas! soit ce qu'il en est de sa faute, mais à tout pas elle est encore en danger et cependant il en faut une! C'est le plus pressant de la remettre sur pied respecté!

La nomination du comte Orloff et prince Troubetskoy se porte de bouche en bouche avec ravissement! Le peuple et les habitants de Pétersbourg le partagent.

Toutes les troupes sont d'une conduite distinguée, même jusqu' aux tartars, respectés et craints. La gendarmerie donne preuve de tout son mérite, à travers le plus grand tumulte l'on voyait partout ce crédit et cette considération qu'on lui porte. La morale et le savoir faire qui les guide du premier au dernier sont admirables, leur apparition déjà intimide et influe respect, on n'entend que de tout côté: полно, полно, смотри, жандармъ ѣдетъ! Jamais il n'y en aura de trop sur le pied où ils se trouvent.

Aujourd'hui tout est tranquille excepté une petite répétition des empoisonneurs pris par des dworniks.

C'est un objet sur lequel je n'ose pas encore me prononcer, mais d'après ce que j'ai vu de mes propres yeux en 7 occasions; établissez une enquête sûre et d'abord, car il y en a—ne fut ce que du chlore en poudre ou liquide qui dissipent et versent de tous les côtés.

Les prêtres catholiques —croyez le moi—y sont compris. Les polonais n'osent plus sortir. Cela doit se débrouiller.

Библиотека "Руниверс"

13.

Записка, писанная рукою дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока.

Ce dimanche, à 3 heures après-midi.

Рукою государя:

«Les bruits sur le compte de notre famille sont singuliers et me paraissent prouver que l'on travaille le peuple uniquement pour l'inquiéter».

La fête d'hier a été chômée avec la retenue la plus prononcée. Les années passées, à pareil jour, il y a eu ordinairement un rassemblement de plusieurs milliers de personnes, et cela avait toujours l'air d'une foire de village—cette fois-ci il y a eu à peine trois cent personnes. Tous les individus du bas peuple parlaient de leur désir de quitter Pétersbourg, et ceux qui sont domiciliés à une couple de centaine de verstes se mettent déjà en route.

Les разносчики, que j'ai vu le matin, m'assurent la même chose. Je crois qu'il sera bon de ne pas les empêcher dans l'exécution de ce dessein. Les propos qui circulaient étaient les suivants: воля ихъ, а отравляютъ, и это дѣло поляковъ (la troupe même commence par-ci par-là à partager cet opinion).—Мы правду говоримъ.—Все будетъ скоро ладно... можетъ быть, еще немного поиграютъ, но бѣды не будетъ.

Dans toute autre circonstance que celle-ci, la présence de la force armée eut été foncièrement inutile; mais hier elle n'a rien gâté. Certes, rien de marquant ne serait arrivé, mais cependant il y aurait eu de bruit. Or, personne n'a soufflé.

On a eu occasion de remarquer, pendant le courant de la journée, que le peuple et principalement les marchands reconnaissent qu'il n'y a pas de doute sur la présence de l'épidémie. Vous rencontrez déjà souvent des marchands et surtout des femmes des classes inférieurs qui tiennent un mouchoir trempé de vinaigre devant le nez.

Les réglements sanitaires sont encore très défectueux. Pas plus tard que hier il y avait à l'hôpital d'Oboukhoff (la partie des cholériques) 60 cadavres exposés sur l'herbe qui attendaient l'inhumation, manque de cercueils. On a d'abord pris de mesures sérieuses. Au comité d'hier, Kounoff fit le rapport qu'il avait déjà trouvé de l'emplacement pour 4 hôpitaux et que le reste s'arrangerait de même.

Chaque dimanche, vers les trois heures après midi, tous les ouvriers et toute la populace oisive se rassemble ordinairement près de l'Apraxin Dwor. Il faut donc observer tout ce que s'y fera. Toutes les mesures sont prises pour

Библиотека "Руниверс"

cela. Humainement pensant, je suis parfaitement tranquille, mais comme employé public je dois être sur mes gardes et parler après coup.

On prédisait l'arrivée pour ce soir de quelques masses d'ouvriers du Стеклянный заводъ, du Чугунный заводъ, etc., j'ai expédié des furets sur les différentes routes; mais l'on m'assure qu'on ne laissera partir personne.

Ce lundi, à 3 heures après-midi.

Dieu soit béni! chez nous tout est parfaitement tranquille, hormis les propos, qui vont toujours leur train. Le bas peuple quitte en masse la capitale pour retourner dans ses foyers. D'après les nouvelles que j'ai pu recueillir je porte le compte de ces émigrants à 6 milles, mais le calcul de la police le fait monter au delà de 10 milles individus. La mortalitè parmi cette classe est très forte et ils commencent à se convaincre de l'existence du fléau et manifestent déjá beaucoup de terreur.

J'ai entendu de mes propres oreilles que quelques individus de la basse classe, mieux disposés, disaient aux autres, qui manifestaient leur envie de quitter la ville: «Ступайте съ Богомъ, у насъ чище воздухъ будетъ».

Il faudrait nécessairement lever les quarantaines qui étaient établies pour nous préserver du mal. Cela continue toujours avec les mêmes exactions, et cela désespère la basse classe. Un cocher qui m'a servi plusieurs années, en est arrivé hier et m'a raconté des horreurs. A Ladoga même il y a eu un tumulte, mais qui a été d'abord apaisé. Mais pourquoi ces mesures si le mal se trouve dèjà au milieux de nous?

Une mesure serait encore indispensable et elle serait d'abord exécutée si l'on pouvait la faire glisser d'en haut. Il est constaté que la plupart des chalands des cabaks fuyent pour le moment la capitale, craignants d'être pris en partie dans leurs propres filets. Ces gueux se sont pour la plupart dispersés dans les cabarets et tavernes qui se trouvent hors de la ville sur les grandes routes de Царское Село et de Péterhof. Mes limiers en poursuivent plusieurs, mais ils ne peuvent que voir et rapporter. Ils ne peuvent guère agir, crainte d'être assommés.

Il faut en charger la police districtoriale. J'en ai prévenu le comte Orloff qui m'a conseillé de vous en parler.

Dans le nombre de malades que montre le gouverneur général ne se trouvent pas ceux du militaire. C'est ce que m'assure le comte Orloff, qui m'a dit de même que le nom-

Рукою государя:

«Il faut vous arranger avec Wolckonsky pour employer à cette mesure les gendarmes revenant de Ropcha, que l'on pouvait distribuer par égales personnes à Красный кабакъ et Соломенный et avec l'autre mettre aussi à quatre bras et sur la Néva».

Рукою графа Бенкендорфа:

«L'empereur a voulu mettre Wassiltckihoff, dites le lui et à Essen et faites donner de suite les ordres, Пановъ surveillera le tout. On peut employer à cela ce même peloton en y ajoutant un officier et plus de gendarmes encore s'il le faut».

Библиотека "Руниверс"

bre de ces derniers ne se monte qu'à 50 et quelques individus. C'est qu'on vient de m'affirmer aussi dans la chancellerie du général Essen.

Ce vendredi, à 3 heures après-midi.

Dieu soit loué, chez nous tout reprend de nouveau une physionomie calme et tranquille. L'empereur a été hier soir inopinément en ville et s'en est persuadé lui-même. Je ne dirai pas que la fermentation parmi le peuple se soit totalement apaisée, mais cela ne manquera pas d'arriver. Malheureusement, nous avons encore quelques fêtes publiques ces jours-ci: demain Самсонія, après demain dimanche et lundi Петра и Павла. Les cabaks seront beaucoup hantés et les ouvriers paresseux cherchent à se récréer. J'espère cependant que tout passera au mieux; ou que le petit camp sur l'esplanade de la forteresse impose beaucoup et que les mesures prises en général sont bonnes et approuvées. Malgré cela, l'idée fixe des empoisonneurs est trop enracinée dans la foule pour être combattue de sitôt avec succès.

Hier soir tard, dans la nuit, j'ai rencontré, ainsi que ce matin, de bonne heure, quelques troupes de paysans, parmi lesquels je reconnu quelques uns de ceux qui viennent dans ma maison comme разносчики. Ils étaient tous un peu gris et m'apostrophèrent ainsi: «Полно, батюшка, полно; теперь все кончено, ужъ болѣе ничего не будетъ». — «Да не врете ли?» — «Вотъ вамъ Христосъ, батюшка, не будетъ».

J'ai passé quelques heures de la matinée chez le comte Orloff, pour concerter le plan de nos enquêtes sous main. Le comte a prié l'empereur de lui subordonner le général Чихачевъ. Cet individu peut nous rendre beaucoup de services dans ces circonstances. Il connaît la capitale comme personne et se mettra en quatre pour se remettre dans l'opinion de l'empereur. Le comte le connaît parfaitement et ne lui permettra pas de se donner des airs. Au reste je suis persuadé qu'il prendra la peau de mouton.

Ce samedi, à 3 heures après-midi.

Рукою государя написано: Dieu soit béni!

Votre commission concernant l'expédition des gendarmes dans les environs de Ropcha a d'abord été mise à exécution, et le colonel Panoff avec le détachement des gendarmes s'est mis en route vers minuit. Je crois cependant que tout ceci n'est qu'une fausse alarme. Personne n'en sait rien ici. Il est vrai qu'il y a eu un village débrûlé, et si la sécheresse continue, il y en aura certainement encore d'autres qui subiront le même sort, mais par suite de négligence, comme c'est ordinairement le cas dans cette saison et par toute la Russie. Mais on n'a entendu rien, même parmi le peuple, des incendiaires ou de quelque chose de pareil. Au reste l'expédition partie nous éclairera à ce sujet.

Hier il y a eu un petit tumulte parmi les gens de la fonderie du ministre des finances. On y avait envoyé du militaire qui l'a d'abord apaisé et l'on a arrêté les principaux mutins.

Библиотека "Руниверс"

En ville tout se passe tranquillement et on n'attend rien de saillant jusqu'à l'heure qu'il est. Le peuple se rassemble pour chômer la fête de l'église de Sampson sur le côté de Vibourg. On a pris des mesures sous main, en tout cas. Comme c'est presque vis à vis de ma petite cabane d'été, je surveillerai moi même de près tout ce qui s'y passera.

XXXIII.

Манифестъ по поводу холеры въ 1831 году.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Посвятивъ всѣ дѣйствія и мысли Наши попеченію о благѣ Богомъ врученнаго и любезнаго Намъ народа, Мы видѣли съ сокрушеннымъ сердцемъ распространеніе эпидемической болѣзни холеры въ предѣлахъ Имперіи Нашей. Покорствуя неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, Мы не преминули употребить всѣ возможныя усилія для поданія помощи страждущимъ и для огражденія отъ заразы тѣхъ мѣстъ, въ кои она еще не проникла. Въ минувшемъ году, при первомъ извѣстіи, что свирѣпствовавшая за Кавказомъ холера миновала сей оплотъ и приближалась постепенно ко внутреннимъ губерніямъ, Правительство нашлось въ необходимости предписать строгія полицейскія и врачебныя мѣры: но въ самомъ началѣ приведеніе оныхъ въ дѣйство встрѣтило въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторыя затрудненія со стороны простого народа. Вмѣсто того, чтобы съ христіанскимъ смиреніемъ нести сіе тяжкое испытаніе, отъ Бога ниспосланное, и охотно подвергнуться мѣрамъ, для общаго спасенія предпринимаемымъ, люди легкомысленные во многихъ мѣстахъ старались противодѣйствовать симъ мѣрамъ, единственно потому, что оныя не могли согласоваться съ обыкновеннымъ ихъ образомъ жизни и выгодами ихъ промышленности. Но бдительнымъ и строгимъ надзоромъ затрудненія сіи были отклонены: дѣятельныя врачебныя средства ослабили силу болѣзни въ Москвѣ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ она уже появилась; а соблюденіе карантинныхъ правилъ спасло отъ нея многіе города и самую Столицу, отъ коей зараза и тогда была въ близкомъ разстояніи. При семъ съ признательностію вспоминаемъ Мы отличный подвигъ, оказанный всѣми сословіями первопрестольной столицы Москвы. Пламенѣя всегда рвеніемъ къ пользамъ и славѣ Отечества, они и при постигшемъ ихъ бѣдствіи явили всякой хвалы и подражанія достойный примѣръ христіанскаго смиренія, единодушнаго усердія и безусловнаго повиновенія всѣмъ мѣрамъ, Правительствомъ предписаннымъ.

Съ наступленіемъ нынѣшней весны, появленіе холеры сперва въ Ригѣ, а потомъ въ Рыбинскѣ, средоточіи водяныхъ сообщеній столицы съ внутренними губерніями,

Библиотека "Руниверс"

снова указало необходимость учредить карантины для безопасности С.-Петербурга; но между тѣмъ болѣзнь, быстро распространяясь по пути водяного сплава, около половины Іюня достигла столицы. Немедленно всѣ нужныя мѣры, еще въ минувшемъ году приготовленныя, были приняты. Но простой народъ, сомнѣваясь въ необходимости и пользѣ оныхъ и подстрекаемый злонамѣренными людьми, покусился насильственно сопротивляться распоряженіямъ начальства: въ безразсудной злобѣ устремился на блюстителей порядка и на врачей, жертвовавшихъ жизнію для облегченія страждущаго человѣчества, и пришелъ въ чувство тогда только, когда личнымъ присутствіемъ Нашимъ увѣрился въ справедливомъ негодованіи, съ какимъ узнали Мы о его буйствѣ; когда увѣрился, что нарушители общаго покоя и благоустройства не избѣгнутъ достойнаго наказанія.

Вслѣдъ за симъ разнеслись нелѣпые слухи о мнимыхъ причинахъ видимой въ народѣ смертности. Не взирая на объявленія, изданныя Правительствомъ для всеобщаго успокоенія, легковѣрные усомнились въ существованіи заразительной болѣзни, донынѣ въ Россіи не знаемой, но извѣстной во многихъ странахъ Востока и ужасными опустошеніями бытіе свое ознаменовавшей, и приписали бѣдствіе свое отравѣ. Сіи разглашенія не имѣли въ столицѣ важныхъ послѣдствій, но, распространясь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и особливо на пути изъ С.-Петербурга въ Москву, подали поводъ къ смятеніямъ и неустройствамъ. Злодѣйства, несвойственныя доброму и православному народу Русскому, совершены въ городѣ Старой Руссѣ и въ округахъ Военнаго Поселенія Гренадерскаго Корпуса, гдѣ поселяне, ожесточенные слухами объ отравѣ, обратили подозрѣнія свои на врачей и на собственныхъ начальниковъ, и забыли Святою Церковію повелѣваемое повиновеніе властямъ предержащимъ. Нынѣ возстановленъ уже тамъ повсемѣстно должный порядокъ: виновные предаются въ руки Правительства самими заблужденными и главнѣйшіе изъ нихъ подвергнутся примѣрному, законному наказанію.

Мы увѣрены, что всѣ Наши вѣрноподданные съ равнымъ негодованіемъ узнаютъ о преступныхъ покушеніяхъ людей, дерзнувшихъ противодѣйствовать Отеческимъ Нашимъ попеченіямъ. Сколь болѣзненно будетъ сердцу каждаго истинно русскаго, когда, преклонивъ слухъ свой къ ложнымъ и нелѣпымъ внушеніямъ, онъ потомъ увидитъ себя виною или участникомъ неустройствъ, коихъ жаждутъ враги Россіи; когда убѣдится, что неразумѣемъ или легкомысліемъ своимъ препятствовалъ успѣху распоряженій, имѣющихъ единственною цѣлію общее спасеніе и многими примѣрами уже оправданныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители съ вѣрою и надеждою на Бога встрѣтили ниспосланное отъ Него бѣдствіе и съ вѣрноподданническою покорностію послѣдовали всѣмъ велѣніямъ Правительства, сѣмя заразы истреблено въ непродолжительномъ времени: и въ самой столицѣ, по возстановленіи порядка, нынѣ болѣзнь видимо прекращается. Такъ и вездѣ да будетъ! Да не дерзаетъ никто подъ видомъ сомнѣнія въ существованіи болѣзни возставать противъ властей, закономъ установленныхъ! На мѣстныя начальства и на помѣщиковъ возлагаемъ Мы особенное попеченіе о томъ, чтобы предписанія высшаго Правительства были вездѣ непремѣнно и съ точностію исполняемы; чтобы никто не дозволялъ себѣ ни малѣйшаго самоуправства: и чтобы неповинующіеся своему начальству или же помѣщику, а также распространители ложныхъ объ отравѣ слуховъ, были подвергаемы всей строгости законовъ. Но каждый сынъ Церкви, каждый сынъ Отечества да пріемлетъ

Библиотека "Руниверс"

безъ ропота постигшее насъ зло за дѣйствіе гнѣва Божія и да способствуетъ пресѣченію онаго, возсылая молитвы къ милосердію Всевышняго и употребляя средства, кои данный отъ Него разумъ указуетъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ шестой день Августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать первое, Царствованія же Нашего въ шестое.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Николай.

XXXIV.

Письма императора Николая къ графу П. А. Толстому.

1.

Царское Село. 18-го іюля 1831 г.

Послѣ 14 дней совершенной безызвѣстности о тебѣ и арміи твоей, сего дня утромъ получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, изъ Вильны отъ 15-го числа. По смыслу онаго полагать долженъ, что ты писалъ мнѣ 10-го числа, но сіе письмо до меня не дошло, и, какъ выше сказалъ, даже посторонних свѣдѣній или слуховъ никакихъ сюда не доходило, и ставило насъ въ самое затруднительное положеніе. Имѣвъ отъ Ѳ. П. Паскевича извѣстія уже отъ 8-го числа, послѣ благополучной переправы всей арміи чрезъ Вислу, подобная неизвѣстность становилась еще менѣе понятна, тѣмъ болѣе, что и графъ Паскевичъ до 8-го числа никакихъ отъ тебя увѣдомленій не получалъ съ самаго твоего пріѣзда въ армію. Одни пруссаки извѣщали его кое-какъ о томъ, что въ Литвѣ происходило. Положеніе его было самое затруднительное, но Богъ помогъ ему оное превозмочь славно и совершить безъ выстрѣла переправу, которая столь долго казалась непреодолимою преградой. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что отправилъ войска, къ арміи принадлежащія; но крайне жаль, что голова оныхъ могла пройти Ковно только 13-го числа, ибо ранѣе 1-го августа никто изъ нихъ не дойдетъ до Вислы! Минута важная, ибо нынѣ на-дняхъ все рѣшиться должно! Да поможетъ намъ всемогущій и всемилосердый Богъ!

Движеніе Дембинскаго крайне непріятно, боюсь, чтобъ не направился онъ на Несвижъ, дабы истребить наши артиллерійскіе запасы; въ семъ случаѣ Станкевичъ не довольно будетъ силенъ, чтобъ его отбить, въ особенности, если край въ возстаніи.

Между тѣмъ здѣсь у насъ въ военномъ поселеніи произошло для меня самое прискорбное и весьма важное происшествіе. Тѣ же глупые толки и разглашенія, что и въ Петербургѣ, произвели бунтъ сначала въ Старой Руссѣ, гдѣ звѣрски убиты Манжосъ, Мевесъ и лѣкаря; прибытіе 2 бат. съ 4 орудіями остановило своеволіе; но въ то же время въ округахъ 1-й и 3-й бригадъ, но въ особенности въ артиллерійскомъ округѣ бунтъ сдѣлался всеобщій; били и терзали всѣхъ почти баталіонныхъ командировъ и офицеровъ, кои едва, и то не всѣ, спаслись. Эйлеръ принялъ хорошія мѣры, и 1-я бригада приведена уже въ порядокъ; но баталіону, отправленному въ въ артиллерію, стрѣляли и даже изъ орудій, но посланный баталіонъ подъ командой спасителя Малеева прогналъ ихъ за 20 верстъ и занялъ штабъ. Между тѣмъ толпы

Библиотека "Руниверс"

артиллеристовъ разграбили сосѣдніе помѣщичьи дворы и дѣлаютъ ужасъ окрестностей. Тоже были безпорядки и въ Коростени. Но что всего хуже, въ Австрійскомъ полку убили баталіоннаго командира Бутовича, и, кажется, резервный сей баталіонъ въ томъ участвовалъ. Въ Старой же Руссѣ 10-й рабочій почти весь участвовалъ въ бунтѣ. Я посылаю завтра Орлова, графа Строгонова и князя Долгорукова, чтобъ моимъ именемъ возстановить порядокъ. Но не ручаюсь, чтобъ успѣли, и тогда поѣду самъ. Все сіе крайне меня огорчаетъ.

Такъ какъ на Литвѣ почти все кончено, и скоро войска 4-го корпуса и 2-го резервнаго кавалерійскаго сойдутся съ войсками, подчиненными графу Сакену, то я считаю твое пребываніе гораздо полезнѣе здѣсь, чѣмъ въ Вильнѣ. Если завтра не получу лучшихъ извѣстій отъ Эйлера, коему велѣлъ себѣ ежедневно доносить, то велю тебѣ не медля сюда быть съ Клейнмихелемъ, чтобы возстановить должный порядокъ. 4-й корпусъ и 2-ю резервную кавалерійскую подчиню графу Сакену, равно какъ и 4-ю сводную дивизію; а резервы могутъ относиться по формировкѣ сюда. Бунтъ въ Новгородѣ важнѣе, чѣмъ бунтъ въ Литвѣ, ибо послѣдствія быть могутъ страшныя! Не дай и сохрани насъ отъ того милосердый Богъ, но я крайне безпокоюсь. Войска, участвовавшія въ бунтѣ, велѣлъ я обезоружить, раскассировать и отправить не медля врозь и малыми частями въ 13-ю и 15-ю дивизіи на распредѣленіе, чтобъ изъ корня вырвать. Вообще надо сдѣлать примѣръ самый строгій.

Повторяю, пиши чаще и обстоятельнѣе, ибо наиболѣе догадкой узнаю, что дѣлалось, и ни одного подробнаго рапорта не получалъ.

Вѣрь моей дружбѣ.

Н.

Здѣсь болѣзнь скоро уменьшается.

2.

Царское Село. 22-го іюля 1831 г.

Донесеніе твое, Петръ Александровичъ, отъ 10-го числа получилъ я третьяго дня, а сейчасъ дошли два письма твои: первое—съ извѣстіемъ о появленіи Ромарино, второе—въ отвѣтъ на мое письмо отъ 15-го числа. Сличая числа отправленія твоихъ донесеній съ тѣми, въ кои они до меня доходятъ, ты долженъ самъ видѣть ясно, въ какомъ я положеніи нахожусь и могъ ли быть симъ доволенъ. Послѣ рапорта отъ 3-го, рапортъ отъ 15-го числа получилъ я здѣсь 18-го, стало, пробылъ пятнадцать дней безъ малѣйшаго свѣдѣнія о тебѣ, тогда какъ рапортъ твой отъ 10-го прибылъ сюда 20-го числа! И только отъ того, что вмѣсто должнаго направленія посланъ былъ курьеръ съ посторонними порученіями на Минскъ. Нынѣ обстоятельства столь трудны, столь сложны, что каждая минута дорога, потеря одной минуты можетъ быть причиною неисчислимыхъ бѣдствій. Я никакъ не могу согласиться на отъѣздъ твой, даже по причинѣ болѣзни, ибо, сколько бъ ни желалъ, по тому, что происходитъ въ поселеніяхъ, имѣть тебя при себѣ, но присутствіе твое на Литвѣ, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, признаю необходимымъ. Признаюсь, что я ожидалъ подобнаго новаго покушенія, ибо сіе одно можетъ продлить войну, въ чемъ весь расчетъ поляковъ, по наущенію Франціи. Такъ какъ, къ несчастію, не удалось уничтожить Дембинскаго, и нынѣ онъ, соединясь съ Ромарино, составитъ

Библиотека "Руниверс"

вновь сильный отрядъ, тебѣ должно не медля соединить все и употребить всѣ усилія, чтобъ совершенно уничтожить сей замыселъ. Для того считай г. Крейца съ его войсками въ твоемъ распоряженіи, если бъ весь его корпусъ или часть онаго потребовалась къ скорѣйшему достиженію уничтоженія Дембинскаго и Ромарино. Считаю присутствіе твое въ Гроднѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ, необходимымъ; надо стараться не раздроблять силъ, но придвинуть и соединить все, что можно, чтобъ нанести рѣшительный ударъ, вѣроятно, въ то же время, какъ и генералъ Розенъ съ своей стороны дѣйствовать будетъ. Не полагаю, чтобъ на Ломзу или на Герстенцвейга обратились большія силы, иначе что жъ останется противъ графа Паскевича, который по вчерашнему его рапорту отъ 14 (26-го) числа изъ Нешавы пишетъ, что на другой день выступаетъ къ Варшавѣ, и то подъ Сухачевымъ непріятель его ждетъ, сильно укрѣпясь. Ты изъ сего видишь, что довѣренность моя къ тебѣ не переставала, но не переставало во мнѣ никогда чувство требовать отъ тѣхъ, кои облечены моей довѣренностію, чтобъ исполняли свой долгъ, какъ то подобаетъ. Аминь!

Сейчасъ получилъ я первый рапортъ Орлова. Въ Австрійскомъ полку пришло опять все въ должный порядокъ; есть надежда и на прочіе округа 1-й дивизіи, коихъ посланные были у меня. Въ Медвѣдѣ все пребыло спокойно; но въ Коростенѣ подобно прочимъ, кромѣ одного округа 2-й дивизіи, буйства и злодѣйства были страшныя; коростенскіе были у меня въ искреннемъ раскаяніи, жду послѣдствій. Резервные баталіоны Кіевскій и графа Аракчеева рѣшительно вышли изъ повиновенія, прочія 2 дивизіи мало надежны, также и артиллерія гренадеръ. Тѣ же двѣ роты, кои остались въ своемъ округѣ, дѣйствуютъ заодно съ бунтовщиками, перебивъ офицеровъ. Надо итти смѣло, осторожно и взять строгія мѣры. Орловъ дѣйствуетъ умно и прекрасно. Но Эйхеръ, Леонтьевъ и Томашевскій совершенно потеряли голову, и боюсь, чтобъ не уронили совершенно духъ въ остальныхъ войскахъ. По всему этому и дабы имѣть хоть одно довѣренное лицо при себѣ, знающее порядокъ дѣлъ военнаго поселенія, крайне бы нуженъ мнѣ былъ Клейнмихель, если ты его одного можешь мнѣ прислать, оставя весь штабъ при себѣ. Такъ какъ ты не довѣряешь Довре, я предлагаю тебѣ на время Деллингсгаузена, если Крейцъ тобой употребленъ будетъ. Подумай и рѣшись скорѣе. Вотъ все, что имѣлъ тебѣ сказать; говорю всегда всю правду, какъ есть, это долгъ мой и нравъ мой. Я на правду себѣ никогда не сержусь; позволь себя поставить въ примѣръ. Прощай и вѣрь моей дружбѣ.

Н.

3.

Царское Село. 28-го іюля 1831 г.

Въ дорогѣ на обратномъ пути изъ поселеній получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, за которое благодарю, какъ и за нынѣшнюю твою исправность въ перепискѣ со мной. Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Вели возвѣстить пушечными выстрѣлами вѣрной Вильнѣ; пусть они видятъ, что Богъ не оставляетъ тѣхъ, кои на него одного возлагаютъ свою надежду. Въ Новгородѣ нашелъ я всѣ власти съ длинными запуганными лицами сверхъ всякаго вѣроятія; все голову потерялo, и вотъ причина

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ убійствамъ и невѣроятнымъ неистовствамъ, кои къ несчастію были почти вездѣ. Но пріѣздъ Орлова, потомъ мой приказъ, все сіе кончилъ. Я одинъ пріѣхалъ прямо въ Австрійскій полкъ, который велѣлъ собрать въ манежѣ и нашелъ все на колѣняхъ и въ слезахъ и чистомъ раскаяніи. На другой день въ Новгородѣ видѣлъ три резервныхъ баталіона Австрійскихъ и 1 и 2-й Карабинерныхъ и три кадровыхъ баталіона 1-й и 2-й дивизій, равно 24 орудія своднаго артиллерійскаго 1-го и 2-го корпуса. Пѣхота посредственна и требуетъ взять въ руки по фронту, артиллерія въ порядкѣ, но нова. Потомъ поѣхалъ въ полкъ наслѣднаго принца, гдѣ менѣе было грѣха, но нашелъ то же раскаяніе и большую глупость въ людяхъ, потомъ въ полкъ короля Прусскаго; они всѣхъ виновнѣе, но столь глубоко чувствуютъ свою вину, что можно быть увѣрену въ ихъ покорности. Тутъ инвалидная рота прескверная, которую я уничтожу. Потомъ—въ полкъ графа Аракчеева; то же самое, покорность совершенная и раскаяніе. Но тутъ мастеровая рота готова была къ бунту; и я ихъ при себѣ отправилъ вонъ въ походъ. Я тутъ обѣдалъ и вездѣ все по дорогѣ нашелъ въ порядкѣ. Замѣть, что, кромѣ Орлова и Чернышева, я былъ одинъ среди ихъ, и все лежало ницъ! Вотъ русскій народъ! Въ Старой Руссѣ все приходитъ къ порядку, а въ Медвѣдѣ все такъ оставалось и во все время; безподобно. Есть черты умилительныя, но долго все описывать. Всѣ резервные баталіоны я вывожу съ артиллеріей въ Гатчино, а тамъ ставлю кадры одни и 3 гренадер. 4 бат.—Холера, слава Богу, совсѣмъ пропадаетъ.

Жду съ нетерпѣніемъ возвращенія Клейнмихеля. Если же самъ можешь пріѣхать, то и то бы лучше. Отвѣчай скорѣе. Изъ арміи имѣю извѣстія отъ 19-го изъ Гомбина, и все шло хорошо. Тылъ войска поставленъ очень хорошо, но въ Ковнѣ нужно бы хоть два орудія на случай.

Прощай и вѣрь моей дружбѣ

Н.

Жена тебѣ кланяется.

4.

Царское Село. 1-го августа 1831 г.

Письмо твое отъ 27-го числа получилъ я третьяго дня, Петръ Александровичъ, и радуюсь, что все начинаетъ приходить въ порядокъ, и дѣло, на тебя возложенное, приведено симъ къ окончанію. Клейнмихель прибылъ, но за карантиномъ я его еще не видѣлъ. Хотя, благодаря Богу, дѣла въ Новгородѣ и Старой Руссѣ улучшились, но требуютъ непремѣнно строгаго разбора, а, можетъ быть, и силы, дабы прійти въ должное устройство. Не сомнѣваюсь, что графъ Орловъ исполнитъ первое, второе же и разборъ грѣховъ одинъ ты можешь сдѣлать, ибо мнѣ нѣтъ возможности ни часто, ни долго отлучаться; потому считаю твой пріѣздъ сюда нынѣ же необходимымъ, потомъ ѣхать въ Москву можешь и на сколько тебѣ потребуется. Открываются важныя упущенія г. Полуектова и нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, и все сіе требуетъ строгаго и безпристрастнаго разбора, но безъ слабости и съ полнымъ познаніемъ сего дѣла. Увѣдомивъ о твоемъ отъѣздѣ графа Сакена и велѣвъ Савоини вступить въ командованіе сходно предписанію, отправься тѣмъ путемъ, который предпочтешь сюда, отпустивъ и г. Довре и прочій штабъ. Здѣсь все въ порядкѣ. Изъ арміи получилъ извѣстія изъ Ловича, который намъ отданъ безъ выстрѣла, что̀ отмѣнно важно. Одно затрудненіе отъ карантиновъ Пруссіи для нашего продовольствія, что̀ крайне все затрудняетъ. Но съ

Библиотека "Руниверс"

помощію Божіею и это превозмочь можно. Жена поправляется и тебѣ кланяется. Вчера тяжелый былъ мнѣ день, свиданіе съ сестрой и съ тѣломъ брата; больнымъ я пріѣхалъ домой.

Прощай, вѣрь моей дружбѣ.

Н.

5.

Царское Село. 6 августа 1831 г.

Я получилъ два письма твои, Петръ Александровичъ: одно—третьяго дня, отъѣзжая въ Красное Село, другое—отъ 2-го августа, за которое весьма благодарю, равно какъ и за сообщеніе добрыхъ вѣстей отъ Розена; дай Богъ, чтобъ они оказались справедливыми. По извѣстіямъ изъ Полангена носилась тамъ молва, будто новыя шайки мятежниковъ изъ Августовскаго воеводства намѣревались ворваться къ намъ; хорошо бы сему помѣшать, дабы не дать вновь разстроиться порядку, съ толикими трудами нынѣ только еще возстановленному. Въ Красномъ Селѣ видѣлъ я Клейнмихеля, который мнѣ передалъ всѣ твои порученія. Я утвердилъ предположеніе объ отправленіи пѣхотныхъ резервовъ, съ тою только разницею, чтобъ направить ихъ не на Ковно, а на Гродно, дабы на всякій случай имѣть ихъ подъ рукою и ближе. Здѣсь, слава Богу, идетъ все очень хорошо. Въ поселеніяхъ приходитъ все въ порядокъ. зачинщиковъ и убійцъ выдаютъ сами поселяне. Резервные баталіоны частью уже прибыли, частію уже идутъ. Екатеринославскій баталіонъ покрылъ себя славой примѣрнымъ духомъ своимъ и дѣйствіемъ противъ бунтовщиковъ своего округа, точно геройски. Когда всѣ соберутся, я ихъ осмотрю въ Гатчинѣ и отошлю къ арміи по двѣ роты съ баталіона, ибо пора полки усилить, а къ намъ пришло и идетъ довольно рекрутъ. Я тебя жду въ такомъ случаѣ, если въ Литвѣ спокойно, въ противномъ случаѣ увѣренъ, что ты не выѣдешь, не обезопасивъ вновь ввѣренный тебѣ край. Такъ какъ Храповицкій убѣдительно проситъ его уволить отъ должности, то я назначаю на его мѣсто сенатора Горголи, человѣка способнаго, проворнаго и строгаго. Вотъ и все. Жена благодаритъ тебя и кланяется; она уже другой день какъ встала. Уланъ мой здоровъ. Прощай. вѣрь моей дружбѣ.

Н.

Библиотека "Руниверс"

Въ видѣ дополненія къ настоящему тому помѣщаемъ двѣ статьи покойнаго Н. К. Шильдера, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ царствованія императора Николая Павловича. Одна изъ нихъ «Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ» была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1899 года, а другая «Императоръ Николай I и освобожденіе христіанскаго Востока»—въ «Русской Старинѣ» 1892 года.

Кромѣ того, считаемъ умѣстнымъ также помѣстить здѣсь списанные Н. К. Шильдеромъ съ подлинной рукописи отрывки изъ записокъ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, обнимающіе время 1832—1837 годовъ и заключающіе въ себѣ весьма важный матеріалъ для біографіи императора Николая. Изъ этихъ отрывковъ одинъ, относящійся къ 1832 году, былъ напечатанъ Н. К. Шильдеромъ въ «Русской Старинѣ» 1898 года, а два, относящіеся къ 1835 и 1837 годамъ,—въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1903 года.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ.

I.

Весело встрѣтили въ Петербургѣ масленицу 1848 года; начался рядъ ежедневныхъ баловъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе всего столичнаго общества. Всѣ эти увеселенія должны были завершиться 22-го февраля, въ воскресенье, folle journée у наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ Петербургѣ никто не предвидѣлъ въ то время приближенія той страшной политической грозы, которая готова была разразиться надъ Европою; о подобномъ бѣдствіи также мало думали, какъ и о возможности вторичнаго появленія холеры въ нашей столицѣ,— несчастія, также выпавшаго на долю злосчастнаго 1848 года. Всѣ эти печальныя событія надолго повергли умы въ самое тревожное состояніе.

21-го февраля, въ субботу, государь получилъ изъ Варшавы телеграфическую депешу, сообщавшую, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука, графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства, въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствующей герцогини Орлеанской.

Это извѣстіе быстро разнеслось по городу, но никто не предугадывалъ, что за отреченіемъ короля немедленно послѣдуетъ полное крушеніе Іюльской монархіи и провозглашеніе республики. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ всѣмъ: «Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète»,—его высочество ошибся лишь двумя мѣсяцами въ своей оцѣнкѣ парижскихъ событій.

22-го февраля, состоялся назначенный балъ у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ двумъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ девять часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные.

Библиотека "Руниверс"

Гриммъ въ своей біографіи императрицы Александры Ѳеодоровны представилъ намъ слѣдующую картину этого достопамятнаго дня.

«Залы были наполнены какъ блескомъ огней, такъ и блескомъ туалетовъ; взглядъ на беззаботную танцующую массу людей могъ породить увѣренность, что находишься въ вѣчномъ царствѣ мира и счастія. Но вдругъ раскрываются двери шумной залы; взоры всѣхъ устремляются туда, и черезъ дверь выходитъ на середину залы императоръ, съ сумрачнымъ видомъ, съ бумагой въ рукѣ, подаетъ знакъ, музыка обрывается на полутактѣ, и танцующее общество по его мановенію замираетъ въ безмолвной неподвижности. Послѣ нѣсколькихъ секундъ боязливаго ожиданія услышали, какъ государь громовымъ голосомъ возвѣстилъ на всю залу: «Sellez vos chevaux, messieurs: la république est proclamée en France!» Затѣмъ онъ покинулъ залу, и балъ прекратился».

Такъ пишетъ Гриммъ.

Въ дѣйствительности же обстановка, при которой парижскія вѣсти нарушили общее веселіе собраннаго во дворцѣ общества, была нѣсколько иная.

Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ происходили танцы, быстро вошелъ императоръ Николай Павловичъ съ какими-то бумагами въ рукѣ и сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ о переворотѣ во Франціи и о бѣгствѣ короля изъ Парижа,—слова, оставшіяся непонятными для большинства присутствовавшаго здѣсь общества. Затѣмъ государь направился въ кабинетъ наслѣдника цесаревича; за нимъ послѣдовала сперва царская фамилія, а за нею понемногу устремились туда же и прочіе приглашенные. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ поручилъ принцу Александру Гессенскому (брату цесаревны) прочесть также громко чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, приложенное къ этой депешѣ. Въ депешѣ было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій оттуда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя находящійся въ этомъ городѣ прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ спѣшилъ представить государю съ особою эстафетою: во Франціи была провозглашена республика.

Вечеромъ того же 22-го февраля къ цесаревичу должны были собраться остальные приглашенные. Государь вышелъ позднѣе обыкновеннаго и, увидѣвъ стоявшихъ вмѣстѣ князя Александра Сергѣевича Меншикова, нашего посланника въ Вѣнѣ графа Медема и статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Qu'en dites vous? Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbécile, quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pour-

Библиотека "Руниверс"

tant mes prévisions viennent de s'accomplir: и подѣломъ ему, прекрасно, безподобно! il sort par la même porte par laquelle il est entré». Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ же духѣ и повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови».

Въ дальнѣйшихъ затѣмъ разговорахъ государь высказывалъ мнѣніе, что было бы любопытно знать, что скажетъ обо всемъ случившемся Англія, и какъ желательно было бы, чтобы французы въ минутномъ неистовствѣ своемъ тотчасъ устремились на Рейнъ, «тогда, прибавилъ онъ, нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то коммунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что нибудь подобное и у себя».

Наслѣдникъ цесаревичъ съ своей стороны замѣтилъ, что если вообще нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «le principe», и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галлерей и проч.

Очевидецъ приводитъ съ своихъ замѣткахъ и такое мнѣніе: одинъ изъ присутствовавшихъ восхвалялъ допетровскую Русь, когда мы были отдѣлены отъ Европы, и благодаря одушевлявшимъ въ то время русское населеніе чувствамъ, событія, подобныя случившимся теперь во Франціи, прошли бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ образомъ.

Императоръ Николай оставался на балѣ очень недолго и вскорѣ удалился во внутренніе покои, сопровождаемый графомъ Нессельроде. Среди разнородныхъ чувствъ и мыслей, овладѣвшихъ собравшимся обществомъ, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, даже молодежь участвовала въ нихъ какъ бы нехотя, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы кружки, среди которыхъ толковали о случившемся до пресыщенія. Наконецъ наступило время разъѣзда. Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе, не понимавшіе духа времени и не слѣдившіе за проявленіемъ различныхъ зловѣщихъ движеній, ознаменовавшихъ въ послѣднее время жизнь европейскихъ народовъ, «витали, какъ слѣпые или какъ бы въ другомъ мірѣ», пишетъ очевидецъ. Не можетъ быть,—восклицали эти голоса,—статочное ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были такъ увѣрены, что живемъ среди самой прозаической эпохи, и вдругъ, неожиданнымъ образомъ попадаемъ въ полный разгаръ революціи 1789 года!

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе государственнаго совѣта, но и оно, подобно вчерашнему балу у цеса-

Библиотека "Руниверс"

ревича, утратило свой обычный характеръ. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа угрожалъ обратиться почти въ громкій разговоръ. Обычное затишье въ столичной жизни, неразлучное съ наступленіемъ великаго поста, на этотъ разъ вполнѣ отсутствовало. Общественное вниманіе до такой степени сосредоточилось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки начавшейся грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ. Весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе недоумѣвали и тревожились, когда оказывалось, что самыя газеты, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ, приносили одни противорѣчія, недомолвки или извѣстія мало достовѣрныя.

22-го февраля государь, пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье (Mercier de Lostende), котораго очень жаловалъ; принимая его, уже какъ частнаго человѣка, Николай Павловичъ, не стѣсняясь, высказалъ ему со всею откровенностію истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, заключавшіяся въ томъ, что Іюльская монархія рушилась, какъ и возникла, путемъ революціи.

Въ тотъ же день, когда Мерсье имѣлъ аудіенцію у императора, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову. Онъ передалъ имъ, именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи съ ихъ стороны совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ, каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется право выѣхать изъ Россіи.

Февральская революція, взволновавшая собою не только всѣ высшіе слои русскаго общества, вызвала также толки среди народа и солдатъ, которые по-своему старались объяснить смыслъ совершившихся за границею событій. Приведемъ здѣсь для примѣра одно забавное истолкованіе слова «республика» и смысла парижскаго переворота, придуманное нашими солдатами въ эту смутную пору.

Государь нашъ,—говорили они,—далъ французскому королю денегъ въ займы. Наступилъ срокъ уплаты; король не платитъ. Нечего дѣлать, государь пишетъ, пишетъ, а все толку нѣтъ; вотъ напослѣдокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что дескать вашъ королъ занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ; заставьте же его. И народъ разсудилъ, что государь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣжалъ съ деньгами. Вотъ народъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; потолковали промежъ себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали распублику.

Библиотека "Руниверс"

Явилась также остроумная карикатура. Представлены три бутылки, одна съ шампанскимъ, пробка вылетѣла, и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, короля, принцевъ, министровъ и проч. Это — Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короли, гросгерцоги, герцоги и т. п. Это — Германія. Наконецъ третья бутылка — съ русскимъ нѣнникомъ; пробка обтянута крѣпкой бичевкой и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это — Россія.

II.

Начавшееся въ февралѣ революціонное движеніе въ Европѣ не ограничилось одною Франціей. Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, не замедлили оправдаться: нѣмцы дѣйствительно затѣяли нѣчто подобное и у себя. Вскорѣ послѣдовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и наконецъ даже въ Вѣнѣ, въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжествовавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха.

Переворотъ, совершившійся съ такою легкостью въ Парижѣ, не замедлилъ отразиться на настроеніи императора Николая Павловича, придавъ ему на первыхъ порахъ воинственный оттѣнокъ.

Владимиръ Ивановичъ Панаевъ сохранилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ князя Петра Михайловича Волконскаго о первомъ докладѣ его у государя, 23-го февраля, на другой день послѣ описаннаго нами бала у наслѣдника цесаревича.

«Министръ возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися щеками, — пишетъ Панаевъ. — Это было всегда для меня знакомъ, что онъ имѣлъ съ государемъ какое нибудь преніе.

«— Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?

«— Да.

«— Отъ чего?

«— Поспорилъ съ государемъ.

«— О чемъ?

«— Хочетъ воевать.

«Хотя сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ: «съ кѣмъ?»

«— Съ французами.

«— За что?

«— За то, что прогнали Филиппа.

«— Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

«— Ну, вотъ, поди-те. Говоритъ, что черезъ два мѣсяца поставитъ на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не

Библиотека "Руниверс"

найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300.000, а есть ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать? — «Деньги? — возразилъ государь: — да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги». — «Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте-ка попросить теперь — не дадутъ ни гроша». — «Ну, — продолжалъ князь, — кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія».

Князь Волконскій былъ правъ, сдѣлавъ это заключеніе. Такъ и случилось. Благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали верхъ въ умѣ государя надъ этими порывами личнаго мужества, направленными къ безкорыстному поддержанію законнаго порядка въ Европѣ. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили внѣшній миръ. Руководствуясь этими соображеніями, императоръ Николай Павловичъ предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію къ нашимъ западнымъ границамъ. Въ этомъ смыслѣ посланы были инструкціи нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границею.

Не всѣ, однако, приближенныя къ императору Николаю Павловичу лица рѣшились бы, подобно князю Волконскому, высказать государю въ минуты его воинственнаго одушевленія столько правды и въ столь рѣзкой формѣ; едва ли старый ветеранъ Александровскаго царствованія нашелъ бы много подражателей. Для подтвержденія этой истины достаточно указать на образъ дѣйствій князя Варшавскаго, находившагося во время этихъ происшествій въ Петербургѣ. На взглядахъ, высказываемыхъ фельдмаршаломъ, ясно отражалось то же воинственное увлеченіе, черезъ которое прошелъ и государь. «Къ веснѣ, — говорилъ знаменитый «отецъ-командиръ», — мы можемъ выставить 370.000 войска и съ нимъ пойдемъ и раздавимъ всю Европу».

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію деньги? — возразилъ ему графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей? — спросилъ графъ Киселевъ.

— Кому? А на что жъ Паскевичъ? — отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ. — Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось, Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Библиотека "Руниверс"

Но по прошествіи нѣсколькихъ дней Паскевичъ совершенно перемѣнилъ тонъ: онъ уже началъ говорить о безполезности внѣшнихъ съ нашей стороны дѣйствій и о большей необходимости охранять внутреннее спокойствіе. Однимъ словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го февраля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на другой ладъ и являлся сторонникомъ мира.

III.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая Павловича было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностью къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему или его семьѣ лицъ почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, смотрѣть, какъ рушились вокругъ него престолы, и попирались среди революціоннаго вихря, охватившаго всю Европу, священныя преданія прежнихъ политическихъ вѣрованій. Каждая телеграфическая депеша сообщала, каждый курьеръ привозилъ извѣстія о новыхъ требованіяхъ народовъ и о новыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ правительствами, потерявшими окончательно голову. Революція повсемѣстно торжествовала, а потому можно было быть увѣреннымъ, что молчаніе Россіи не будетъ продолжительнымъ.

9-го марта, во время прогулки по Большой Морской, государь встрѣтилъ статсъ-секретаря барона Корфа. «Ну, что,—сказалъ ему императоръ,—хороши вѣнскія штуки! Я сбираюсь позвать тебя къ себѣ и поручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ показать, какъ всѣ эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie, чтобъ было порѣзче. Подожду еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ позову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда».

Дѣйствительно, государь призвалъ къ себѣ барона Корфа черезъ нѣсколько дней, 13-го марта, въ субботу, къ 12-ти часамъ, по полученіи извѣстія о революціи въ Берлинѣ. Баронъ Корфъ явился въ назначенное время и взялъ съ собою составленный имъ послѣ разговора съ государемъ проектъ манифеста. Передъ кабинетомъ императора Корфъ встрѣтилъ выходившаго оттуда графа Нессельроде.— «L'empereur veut vous charger d'écrire un manifeste approprié aux circonstances», сказалъ графъ. Въ отвѣтъ на эти слова Корфъ разсказалъ канцлеру о встрѣчѣ съ государемъ и о заготовленномъ проектѣ. Нессельроде сообщилъ тогда, что государь уже написалъ свой проектъ мани-

Библиотека "Руниверс"

феста, котораго онъ, канцлеръ, еще не читалъ: но прибавилъ, что просилъ государя приказать сообщить ему окончательную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда Корфъ предложилъ графу Нессельроде выслушать привезенный проектъ манифеста, канцлеръ не только вполнѣ его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что съ своей стороны не видитъ надобности перемѣнить въ немъ ни одного слова.

Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельроде уже уѣхалъ, изъ кабинета государя вышелъ графъ А. Ѳ. Орловъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи, утирая рукою слезы: «Ахъ, Боже мой, — сказалъ онъ, обратившись къ барону Корфу, — что за человѣкъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи по манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ, и что лучше, конечно, никто не напишетъ. Et effectivement, vous pourriez y mettre un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de cœur. C'est juste ce qu'il faut à notre nation. Impossible de faire mieux».

Едва Орловъ успѣлъ это сказать, какъ его собесѣдника позвали къ государю.

Императоръ Николай Павловичъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола. — «Qu'est ce que vous avez là?» — спросилъ государь.

«У меня былъ въ рукахъ мой проектъ, — пишетъ баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ.

«— Sire, comme vous avez daigné m'énoncer vos idées au sujet du manifeste, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas.

«— Ну, хорошо, nous verrons cela après, а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которыя ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ.

«И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выражавшіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго отъ словъ Орлова я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ, но онъ не допустилъ и обнялъ меня. — Какое счастіе, какое благословеніе неба, — вскричалъ я, — что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ съ вашею энергіею, съ вашею душею, съ вашею любовію къ намъ!

«Содержаніе отвѣта состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ мы всѣ одинаково, а, бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ дѣла. Но моего проекта государь уже не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ.

Библиотека "Руниверс"

«— Теперь, — сказалъ онъ, — поѣзжай домой и уложи все это хорошенько на бумагу.

«— И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?

«— Нѣтъ, принеси опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

«Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наслѣдника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и, прослезившись, сказалъ: «Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ палъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоцѣнное воспоминаніе на цѣлую жизнь».

«Дома, въ типи кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторыя изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной моей восторженности, превосходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ.

«Поутру государь принялъ меня въ официальномъ своемъ кабинетѣ, наверху, а въ это время — въ домашнемъ, внизу.

«— Какъ, ты уже готовъ? — спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

«— Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

«— Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство; voyons.

«И я вслѣдъ затѣмъ прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ завѣтныхъ его мыслей и чувствъ.

«— Очень хорошо, — сказалъ онъ, — передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

«— Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

«— Что такое? Говори.

«— Не позволите ли включить въ манифестъ хотя два слова о дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностью, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

Библиотека "Руниверс"

— Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?

Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

«— Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь пусть будетъ такъ, какъ есть. Я попрошу только тебя съѣздить къ Нессельроде и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершенно въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать объ нихъ, если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, перепиши лучше самъ своею рукою, а теперь покуда прощай, и большое спасибо».

Изъ дворца баронъ Корфъ, согласно приказанію государя, отправился къ канцлеру. Нессельроде, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, о которыхъ упоминаетъ редакторъ манифеста въ своемъ разсказѣ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по предположенію графа Нессельроде, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то канцлеръ отказался отъ всякихъ возраженій и предпочелъ оставить все, какъ было написано.

Манифестъ, переписанный рукою барона Корфа, былъ подписанъ въ тотъ же день, въ субботу, 13-го числа; но государь выставилъ на немъ 14-е марта. Въ ночь успѣли его напечатать, а въ воскресенье манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ, а вслѣдъ за нимъ, по распоряженію государя, пропѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Въ воскресенье, рано утромъ, у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которою онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожавшимъ и прерывавшимся голосомъ. Окончивъ чтеніе манифеста, онъ первый возгласилъ «ура». Тутъ раздался общій нескончаемый крикъ; всѣ бросились цѣловать ему руки, и, по свидѣтельству современника, «сцена достигла высшей степени умиленія». Между тѣмъ находившіяся тутъ же маленькія дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

Библиотека "Руниверс"

Грозный манифестъ императора Николая Павловича 1848 года возвѣщалъ слѣдующее:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими неспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей Богомъ намъ ввѣренной Россіи.

«Но да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Появленіе манифеста 14-го марта навело В. П. Панаева на слѣдующія размышленія:

«Этотъ грозный манифестъ, въ которомъ порядочно досталось всѣмъ революціонерамъ, произвелъ на тогдашнихъ демагоговъ, а ихъ полна была Европа, самое непріятное и враждебное для насъ впечатлѣніе, которое и не замедлили они выразить въ своихъ журналахъ и выказать на дѣлѣ, стараясь возмутить Польшу. Думаю, что государь поступилъ бы осмотрительнѣе, если бы вмѣсто барона Корфа потребовалъ къ себѣ старика князя Волконскаго. Можетъ быть, тогда манифестъ этотъ остался бы не изданнымъ, и мы имѣли бы менѣе враговъ за границею. Но Николай Павловичъ зналъ, что встрѣтитъ въ князѣ противорѣчіе, и потому, къ сожалѣнію, не позвалъ его».

Благодаря полному отсутствію въ Россіи въ 1848 году политической прессы, нельзя встрѣтить въ изданіяхъ того времени какой либо оцѣнки правительственнаго акта 14-го марта; единственное исключеніе составлялъ «Journal de St.-Pétersbourg», издававшійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Нессельроде призналъ необходимымъ помѣстить въ своемъ органѣ объясненіе истиннаго смысла и значенія обнародованнаго манифеста.

Библиотека "Руниверс"

Приведемъ здѣсь содержаніе статьи, напечатанной тогда въ «Journal de St.-Pétersbourg»:

«Мы надняхъ сообщили высочайшій манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣрноподданный царя, конечно, понялъ значеніе сего манифеста. Это возгласъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный языкъ, которымъ русскіе цари во дни испытанія обыкновенно взываютъ къ своему народу. Но за границею дѣйствія нашего правительства часто перетолковываются совершенно въ превратномъ смыслѣ, а потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго манифеста.

«Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгріи, въ Пруссіи и въ Германіи, вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ и даже въ полуофиціальныхъ газетахъ. Правительствамъ, которыя были низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіей тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою изъ-за чуждыхъ намъ распрей. Россію старались представлять какимъ-то страшилищемъ. Тогда какъ мы никому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

«Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъявленіемъ; ибо мы не мнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ Россія когда либо нарушила права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

«Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ, въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе, тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

«Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ Германіи, ни во Франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы

Библиотека "Руниверс"

еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобы спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

«Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе себѣ свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не принимаетъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

«Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ царей.

«Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя, формы правленія имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобы поколебали благонадежныя и прочныя ея установленія, столь для нея драгоцѣнныя. Она не потерпитъ, чтобы чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа; чтобы подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей покусились отторгнуть какую либо изъ частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство имперіи.

«Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно или нѣтъ ея выгодамъ вмѣшиваться, и до какой именно степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народомъ.

«Но она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея ручательствомъ, и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и иного какого либо распредѣленія областей подобное измѣненіе обратилось въ ущербъ имперіи.

«Дотолѣ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ, Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ нападать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательствъ на независимость и

Библиотека "Руниверс"

неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость».

Въ заключеніе остается сказать, что, несмотря на всѣ комментаріи графа Нессельроде, въ Западной Европѣ продолжали смотрѣть на манифестъ 1848 года, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, другіе полагали, что предстоитъ готовиться уже и внутри Россіи къ смутамъ и безпорядкамъ; многіе же признавали изданіе манифеста преждевременнымъ. Между тѣмъ, вникая ближе въ свойства характера императора Николая Павловича, слѣдуетъ признать, что избранная имъ форма проявленія своей державной воли была вполнѣ естественною и не могла быть иною. Одушевлявшее государя чувство возстановить мощною рукою нарушенный въ Европѣ законный порядокъ настолько соотвѣтствовало самымъ завѣтнымъ его мыслямъ, что никакія убѣжденія, никакіе доводы, внушаемые благоразумною осторожностію, не могли бы отклонить его отъ принятаго рѣшенія; поле для дѣйствія въ желаемомъ государемъ смыслѣ пока еще не открывалось, а потому тѣмъ болѣе неудержимо влекло его высказаться, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и, конечно, сдѣлать это со свойственнымъ ему рыцарскимъ прямодушіемъ.

19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

IV.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и, по выраженію одного писателя, «все казалось покоренным, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать», но, тѣмъ не менѣе, политическое броженіе на западѣ Европы все-таки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

Уже во время описаннаго выше бала въ Зимнемъ дворцѣ, 22-го февраля, князь А. С. Меншиковъ нашелъ возможнымъ сказать цесаревичу, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отзывается и въ преподаваніи наукъ и въ направленіи журналовъ.

Библиотека "Руниверс"

«Да, очень дурны журналы, — отвѣчалъ ему цесаревичъ, — и ежели что въ нихъ такое встрѣтится, то покажите мнѣ» [1].

Подобная же мысль пришла въ голову и статсъ-секретарю, барону М. А. Корфу. Но онъ не ограничился разговоромъ, а прибѣгъ и къ перу. По его мнѣнію, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба журнала, пользуясь, какъ пишетъ баронъ Корфъ, «малоразумiемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и, по проповѣдуемымъ ими подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ формами, коммунистическимъ идеямъ, могли сдѣлаться небезопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы его оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностію есть священный долгъ каждаго изъ насъ въ такое опасное время болѣе, чѣмъ когда либо, что я буду тутъ дѣйствовать, не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства, и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочество, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени».

Баронъ Корфъ исполнилъ данный ему совѣтъ и отослалъ записку къ цесаревичу 23-го февраля вечеромъ, на другой день по полученіи извѣстія о провозглашеніи во Франціи республики.

23-го февраля баронъ Корфъ былъ приглашенъ обѣдать къ наслѣднику, который объявилъ своему гостю, что государь учредилъ подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особый комитетъ, состоящій изъ графа Александра Григорьевича Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), Дмитрія Петровича Бутурлина и барона Корфа. «Ваша записка пришла какъ нельзя болѣе кстати», — прибавилъ цесаревичъ. — «Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а, воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту».

[1] Изъ дневника князя А. С. Меншикова 1848 года.

Библиотека "Руниверс"

27-го февраля члены вновь созданнаго комитета получили отъ шефа жандармовъ, графа Орлова, слѣдующее офиціальное извѣстіе:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество, по докладѣ моемъ по сему предмету, собственноручно написать изволилъ:

«Необходимо составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т.-е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря Корфа, генералъ-адъютанта графа Строганова 2 и статсъ-секретаря Дегая [1]. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія комитета начать немедля».

Князь Меншиковъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Получилъ отъ графа Орлова сообщеніе высочайшаго повелѣнія, что мнѣ быть предсѣдателемъ комитета о проступкахъ цензуры въ пропускѣ недозволенныхъ статей въ журналахъ, т.-е. родъ слѣдствія надъ министромъ просвѣщенія графомъ Уваровымъ; порученіе весьма непріятное».

4-го марта состоялось у князя Меншикова первое засѣданіе комитета, а 7-го марта государь призвалъ его «для отмѣны послѣдовавшаго сего же дня приказанія призвать редакторовъ журналовъ въ Третье Отдѣленіе для внушенія имъ не либеральничать въ газетахъ. Порученіе это,—пишетъ князь Меншиковъ,—возложено на мой цензурный комитетъ. Причиною тому графъ Орловъ, который не хотѣлъ принять на свою часть этого порученія и съ такимъ сердцемъ, что государь ему уступилъ. По этому случаю я имѣлъ съ Орловымъ размолвку. При семъ государь приказалъ мнѣ объявить Уварову, чтобы съ завтрашняго дня всѣ статьи журнальныя были подписаны редакторами. По этому случаю я былъ у Уварова, который убѣдился, что я не инквизиторъ».

11-го марта на засѣданіе цензурнаго комитета, собраннаго въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, призваны были редакторы журналовъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ, и имъ объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры».

Учрежденный тогда комитетъ просуществовалъ слишкомъ мѣсяцъ; онъ привелъ къ тому, что у государя родилась мысль учредить подъ

[1] Вслѣдъ затѣмъ къ составу комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ.

Библиотека "Руниверс"

непосредственнымъ своимъ руководствомъ всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью вмѣсто прежняго временнаго комитета учрежденъ былъ 2-го (14-го) апрѣля 1848 года постоянный, изъ члена государственнаго совѣта, Д. Н. Бутурлина, и статсъ-секретарей, барона Корфа и Дегая, съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ былъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ къ себѣ трехъ членовъ вновь образованнаго комитета, императоръ Николай объявилъ, что поручаетъ имъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію. «Такъ какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы,—сказалъ государь,—то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными».

Комитетъ этотъ, какъ его называетъ баронъ Корфъ, родъ нароста въ нашей администраціи, существовалъ до 1856 года подъ названіемъ Комитета 2-го апрѣля; личный составъ комитета только видоизмѣнялся, и въ заключеніе косвенный творецъ его, баронъ Корфъ, сдѣлался предсѣдателемъ комитета до упраздненія имъ же вызваннаго къ жизни нароста въ нашей администраціи. Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 году, предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная, или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства [1]. Спрашивается: какимъ образомъ могла существовать при такихъ условіяхъ какая бы то ни было печать? Кончилось тѣмъ, какъ ниже будетъ разсказано, что даже государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія.

[1] Разсуждая впослѣдствіи уже въ царствованіе императора Александра II-го объ этомъ комитетѣ въ своихъ запискахъ, баронъ Корфъ нашелъ возможнымъ разомъ похвалить учрежденіе комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ его упраздненіе. Этотъ бюрократическій фокусъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь дословно:

«Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее довѣріе государя, и если въ началѣ своего существованія комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію (?), принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого внѣшняго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализировало дѣйствіе и власть самого министерства, вредя косвенно всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удостоены высочайшаго вниманія (въ 1856 году), и вслѣдствіе того комитетъ 2-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу моему, закрытъ».

Библиотека "Руниверс"

Князь Меншиковъ разсказываетъ, что по учрежденіи комитета 2-го апрѣля Д. П. Бутурлинъ былъ въ большихъ попыхахъ и признавался ему, что онъ находится въ затруднительномъ положеніи, ибо не можетъ себѣ дать отчета, въ чемъ состоять должны обязанности комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ. Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ негласнымъ доносомъ; ударъ направленъ былъ противъ графа Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія и вмѣсто того назначенъ былъ «въ цензурно-фискальный комитетъ, то-есть уже не скрытнымъ, а явнымъ доносчикомъ».

Положеніе дѣлъ того времени и духъ его выясняются позднѣйшимъ разговоромъ императора Николая съ барономъ Корфомъ, случившимся на платформѣ Царскосельской желѣзной дороги.

Государь заговорилъ о цензурномъ комитетѣ и замѣтилъ, что послѣднее замѣчаніе о какомъ-то анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» неважно, но прибавилъ: «однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло».

— Государь,—отвѣчалъ Корфъ,—мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить даже что нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—прошу и впредь также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками» послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну; совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго арго. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ видимо приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь,—заключилъ государь,—и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

Продолжая затѣмъ рѣчь о томъ же предметѣ, государь сказалъ еще барону Корфу:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ, и даже болѣе, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ критиковать его дѣйствія, унижать его славу, унижая черезъ то славу самой Россіи?

Графиня Блудова, вспоминая въ своихъ запискахъ о дѣятельности Бутурлина въ 1848 году, признаетъ Дмитрія Петровича, котораго когда-то въ шутку называли «Boutourline-Jomini», остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, но замѣчаетъ, что батюшка ея и предсѣдатель негласнаго комитета совершенно разошлись въ мнѣніи насчетъ цензуры.

Библиотека "Руниверс"

Она пишетъ, что Бутурлинъ по врожденной рѣзкости и деспотизму характера доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? «Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

«— Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть [1] опасныя выраженія,—отвѣчалъ Бутурлинъ.

«— Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей?—сказалъ мой отецъ.

«— Такъ что жъ? — возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ:—если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее».

Трагикомическій эпизодъ произошелъ съ комитетомъ 1851 году. Бутурлинъ уже умеръ, и въ комитетѣ предсѣдательствовалъ баронъ Корфъ. Знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ давала представленія въ Москвѣ и привела зрителей въ неописуемый восторгъ, который превзошелъ даже предѣлы приличія. Кончилось тѣмъ, что москвичи изъ-подъ ея экипажа выпрягли лошадей и возили ее на себѣ, при чемъ должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Въ Петербургѣ стало извѣстно, что всѣ эти неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что, впрочемъ, выраженію ихъ не препятствовали офиціально.

Вдругъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта 1851 года, № 64) появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые представились барону Корфу почти столько же неумѣстными, какъ и восторженность москвичей.

Приведемъ здѣсь содержаніе стиховъ въ статьѣ, озаглавленной:

«Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года.

«Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ съ букетами, вѣнками и разными драгоцѣнными коврами неистово стремятся къ театральной площади.

[1] Графиня Блудова приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ акаѳиста, которыя Бутурлинъ признавалъ опасными:

«Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ . . . . . «Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр. и пр.

Библиотека "Руниверс"

ПРОХОЖІЙ ГОВОРИТЪ:

«Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи матушки святой?
Куда несутъ дары златые,
Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгія,
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ царь державный,
Нашъ европейскій богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный царь-отецъ?

СТАРИКЪ.

«Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно
(Старикъ невольно отвѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей, обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ царь! А лишь приманкой
Въ кіатеръ сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

ПРОХОЖІЙ.

«Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ-матушкѣ Руси!
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать, нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету,
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества».

Въ Петербургѣ заговорили, что эти стихи напечатаны были по высочайшему повелѣнію; но какъ высшему цензурному комитету ничего не было о томъ сказано, то предсѣдатель призналъ противнымъ долгу службы удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи напечатанныхъ стиховъ.

Въ виду указанныхъ соображеній въ комитетѣ состоялся слѣдующій журналъ:

Библиотека "Руниверс"

«Комитетъ по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статься, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на высочайшее воззрѣніе».

Излишнее усердіе не всегда бываетъ полезнымъ; эта истина получила новое подтвержденіе и въ разсматриваемомъ случаѣ. Слухи о томъ, что стихи были напечатаны по высочайшему повелѣнію, оказались справедливыми. Къ ужасу членовъ комитета и его чрезъ мѣру усерднаго предсѣдателя, представленный журналъ возвращенъ былъ государемъ съ слѣдующею собственноручною надписью: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачество части московскихъ тунеядцевъ».

Виновникомъ происшедшаго недоразумѣнія оказался графъ Орловъ; онъ позабылъ своевременно предупредить комитетъ о томъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ» появятся стихи, высочайше одобренные. Государь, попрекнувъ въ этомъ упущеніи графа Орлова, прибавилъ: «За то комитетъ порядкомъ погонялъ меня».

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Николай и освобожденіе Христіанскаго Востока.

Въ «Русской Старинѣ», въ замѣткахъ по поводу Восточной войны 1853—1856 годовъ, была высказана мысль, что если со временемъ появится въ печати обширная собственноручная переписка императора Николая, прерывавшаяся только за нѣсколько дней до кончины государя и обнимающая собою всѣ политическіе и военные вопросы того времени, то это будетъ лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ этому державному вождю Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но каждое вновь открываемое историческое свидѣтельство, касающееся этой эпохи и вообще тридцатилѣтія съ 1825 по 1855 годъ, служитъ только подтвержденіемъ справедливости высказаннаго тогда взгляда.

Къ числу такихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, доселѣ еще не сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, относится, безъ сомнѣнія, помѣщенная ниже собственноручная записка императора Николая о восточномъ вопросѣ, предназначавшаяся для государственнаго канцлера графа Нессельроде; она написана государемъ въ началѣ ноября 1853 года, въ то время, когда недоброжелательство западныхъ державъ (въ особенности же Англіи) къ Россіи обрисовалось уже съ достаточною ясностію. До сихъ поръ ни одинъ историкъ Восточной войны 1853—1856 годовъ не упомянулъ объ этой запискѣ, и никто не подозрѣвалъ о томъ новомъ направленіи русской политики, которое намѣревался придать ей императоръ Николай въ 1853 году. Преданія священнаго союза, связавшія Россію по рукамъ и по ногамъ, готовы были, наконецъ, прерваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить въ свои законныя права. Но злой рокъ воспрепятствовалъ осуществленію благихъ намѣреній государя, и на Россію обрушились безпримѣрныя испытанія...

Вотъ что начерталъ императоръ Николай для вразумленія своего канцлера.

Библиотека "Руниверс"

«Les déclarations inqualifiables de lord Aberdeen, l'intention avouée d'entraver nos opérations sur mer et de permettre, cependant, d'agir contre nous par cette voie, exigent de notre part une combinaison telle à nous mener directement à notre but, en augmentant nos moyens d'action et en les mettant à l'abri des atteintes anglaises.

«Il semble que le gouvernement anglais, tout en prenant fait et cause pour les turcs, entrevoit dans un prochain avenir que cet empire ne peut durer en Europe et combine déjà comment il pourra faire tourner contre nous les conséquences de cette crise, en se mettant peut-être à la tête de l'émancipation des chrétiens d'Europe, quitte à les organiser ensuite de façon à créer leur future existence dans les conditions qui seraient contraires à nos plus grands intérêts.

«N'est-il donc pas de notre devoir impérieux de prévenir cet infâme calcul, en déclarant dès à présent à toutes les puissances que, reconnaissant l'inutilité des efforts communs pour ramener le gouvernement turc à des sentiments de justice, et forcés à une guerre dont l'issue ne peut être définie, nous restons fidèles à notre principe déjà proclamé de renoncer, s'il est possible, à toute conquête, mais que nous reconnaissons que le moment est venu de rétablir l'indépendance des états chrétiens en Europe, tombés depuis des siècles sous le joug Ottoman. Qu'en prenant l'initiative de cette résolution sainte, nous en appelons à toutes les nations chrétiennes, pour se joindre à nous dans ce but sacré! Qu'il ne s'agit pas seulement des chrétiens du rit orthodoxe grec, mais du sort de tous les chrétiens sans distinction, soumis à la domination musulmane en Europe. Ainsi donc que nous déclarons vouloir l'indépendance réelle des moldavo-valaques, des serbes, des bulgares, des bosniaks et des grecs; que chacune de ces nations entre dans la jouissance du pays qu'elle habite depuis des siècles, que chacune se gouverne par l'homme de son choix, élu par eux-mêmes et pris parmi leurs nationaux.

«Je pense qu'un appel ou déclaration faite ainsi doit subitement faire changer de face à l'opinion de toute la chrétienté et ramener, peut-être, à des idées plus justes sur ce grave événement, et au moins le faire échapper à la direction exclusive et mal intentionnée du gouvernement anglais.

«Je ne vois que ce seul moyen d'en finir avec le mauvais vouloir anglais, car il n'est pas croyable, après une déclaration semblable qu'ils puissent encore se joindre aux turcs pour combattre contre les chrétiens.

«Il s'entend que l'organisation future des provinces émancipées doit être remise à une entente commune, après que le premier but sera atteint. Il n'est pas douteux qu'il offrira encore maintes difficultés, mais elles ne seront pas invincibles, j'en ai l'intime conviction, et d'ailleurs,

Библиотека "Руниверс"

si nous réussissons dans ce que nous voulons, nous aurons plus de chances à faire prévaloir nos intentions pour le reste.

«Il serait urgent de sonder les dispositions de ces provinces, en envoyant sur les lieux des individus intelligents et sans plus tarder pour obtenir le plus vite possible des données exactes sur le véritable esprit des populations et sur le secours que l'on pourrait en attendre. Des individus comme Ковалевскій seraient précieux pour cela. Il s'agirait des serbes et des bosniaks, car nous savons ce qui en est des bulgares, et il faudrait faire appeler ici incontinent une députation de notables moldaves et valaques, pris parmi ce qu'il y a de plus raisonnable, parmi les boyars et le clergé, pour leur faire connaître nos intentions pour leur avenir, à les gagner à ce projet».

[Переводъ]. «Непозволительныя заявленія лорда Абердина, заключающія въ себѣ явное намѣреніе затруднить наши дѣйствія на морѣ и въ то же время дозволеніе дѣйствовать противъ насъ этимъ же путемъ [1], вынуждаютъ насъ обратиться къ комбинаціи, способной вести насъ прямо къ нашей цѣли, увеличивъ наши средства дѣйствія и обезпечивъ ихъ отъ нападеній англичанъ.

«Кажется, что англійское правительство, вступаясь за турокъ, предвидитъ, что существованіе ихъ имперіи въ Европѣ сдѣлается невозможнымъ въ весьма близкомъ будущемъ, и теперь уже соображаетъ свои дѣйствія такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность обратить противъ насъ послѣдствія этого кризиса. Для этого, можетъ быть, оно само встанетъ во главѣ освобожденія европейскихъ христіанъ съ цѣлью дать имъ затѣмъ такое устройство, чтобы условія ихъ будущаго существованія шли совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами.

«Не представляется ли, слѣдовательно, нашимъ настоятельнымъ долгомъ предупредить этотъ постыдный расчетъ и объявить теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю безполезность общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь справедливости и вынужден-

[1] Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предприметъ противъ положенія, занятаго Россіею въ княжествахъ, на лѣвомъ берегу Дуная, пока война не будетъ перенесена на правый берегъ; затѣмъ Англія предупреждала, что она доставитъ матеріальную поддержку Турціи только въ случаѣ атаки, направленной нами съ моря, противъ одного изъ турецкихъ черноморскихъ портовъ. Принимая подобную систему дѣйствій, Англія утверждала, что она, тѣмъ не менѣе, не находится съ нами въ разрывѣ.

На депешѣ барона Бруннова, сообщившаго это оригинальное рѣшеніе лондонскаго кабинета 26-го октября 1853 г., императоръ Николай написалъ;

«C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des anglais. Ainsi c'est la guerre avec nous. Soit».

Синопскій бой произошелъ 18-го ноября; англо-французскій флотъ вступилъ въ Черное море 22-го декабря 1853 года. Н. Ш.

Библиотека "Руниверс"

ные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны нашему провозглашенному уже принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время возстановить независимость христіанскихъ народовъ въ Европѣ, подпавшихъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, оттоманскому игу. Принимая на себя починъ этого святого дѣла, мы приглашаемъ всѣ христіанскія націи присоединиться къ намъ для достиженія этой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о христіанахъ грекокатолическаго вѣроисповѣданія, но и о судьбѣ всѣхъ христіанъ, безъ всякаго различія, подвластныхъ въ Европѣ мусульманскому владычеству. Такимъ образомъ, мы провозглашаемъ желаніе дѣйствительной независимости молдаво-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страною, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и управлялся человѣкомъ по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ.

«Я думаю, что сдѣланное такимъ образомъ воззваніе или заявленіе должно произвести быструю перемѣну во мнѣніи всего христіанскаго міра и, быть можетъ, возвратитъ его къ болѣе правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи или, по крайней мѣрѣ, освободитъ его отъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководства англійскаго правительства.

«Я вижу только одно это средство, способное положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы послѣ подобнаго заявленія они все-таки рѣшились примкнуть къ туркамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними сражаться противъ христіанъ.

«Само собою разумѣется, что послѣ достиженія первоначальной цѣли будущее устройство освобожденныхъ областей должно быть предоставлено общему соглашенію. Нѣтъ сомнѣнія, что оно представитъ еще немало затрудненій, но я вполнѣ убѣжденъ, что разрѣшеніе ихъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій. Къ тому же, если успѣхъ увѣнчаетъ наши намѣренія, то представится болѣе вѣроятія одержать верхъ и въ остальныхъ нашихъ намѣреніяхъ.

«Было бы крайне необходимо послать безъ малѣйшаго замедленія въ эти области способныхъ людей, чтобы ознакомиться съ ихъ положеніемъ и собрать на мѣстѣ какъ можно скорѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ настроеніи мѣстныхъ жителей и о содѣйствіи, на которое мы можемъ разсчитывать со стороны ихъ. Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого весьма полезны. Это слѣдовало бы сдѣлать по отношенію къ сербамъ и боснякамъ, такъ какъ все, что касается до болгаръ, намъ уже извѣстно. Сверхъ того, слѣдуетъ немедленно вызвать сюда изъ Молдавіи и Валахіи депутацію, избранную изъ самыхъ

Библиотека "Руниверс"

разсудительныхъ бояръ и духовныхъ лицъ, чтобы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями насчетъ ихъ будущности и тѣмъ склонить ихъ на сторону этого проекта».

Императоръ Николай передалъ эту записку гр. Нессельроде и по поводу содержавшихся въ ней мыслей имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Легко себѣ представить, съ какимъ ужасомъ престарѣлый представитель преданій 1815 года выслушалъ смѣлыя предположенія, высказанныя при этомъ свиданіи государемъ. Чтобы поколебать рѣшимость императора Николая, графъ Нессельроде ухватился за вѣрное средство: онъ выставилъ противорѣчіе этого проекта съ политическимъ направленіемъ, котораго неуклонно придерживались почти полстолѣтія, и невозможность для консервативной Европы (l'Europe conservatrice) слѣдовать за Россіею по этому новому пути. Не довольствуясь словеснымъ опроверженіемъ и выраженными сомнѣніями, графъ Нессельроде представилъ государю 8-го ноября 1853 года еще записку [1], въ которой доказывалъ невозможность для насъ вызвать возстаніе христіанъ, не становясь въ то же время въ противорѣчіе съ основными правилами, которыми мы до сихъ поръ руководствовались, и не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ консервативную Европу возможности присоединиться къ намъ и согласиться съ нами. Она будетъ имѣть право, писалъ графъ Нессельроде, возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана.

По мнѣнію канцлера, вопросъ этотъ можетъ представиться совершенно въ иномъ видѣ въ томъ случаѣ, когда съ наступленіемъ весны мы будемъ вынуждены необходимостію вести противъ Порты безпощадную войну; если въ это время, что весьма вѣроятно, христіане безъ всякаго съ нашей стороны подстрекательства возстанутъ поголовно, тогда мы можемъ принять ихъ возстаніе, какъ совершившійся фактъ.

[1] «Le dernier entretien que sa majesté a daigné lui accorder,—пишетъ графъ Нессельроде,—lui a laissé une cruelle impression, ayant eu le malheur de lui déplaire. Regardant comme un devoir, sacré de ne lui déguiser aucune de ses pensées et de lui soumettre ses doutes sur des projets que sa conscience lui fait juger dangereux aux intérêts de la Russie, il soumet à l'empereur un mémoire sur les écueils que sa majesté rencontrerait dans son chemin, en exécutant le plan exposé dans la note précédente».

(Переводъ): «Послѣдній разговоръ, которымъ его величеству угодно было удостоить меня, оставилъ во мнѣ самое тягостное впечатлѣніе, такъ какъ я имѣлъ несчастіе не угодить его величеству. Но, почитая своимъ священнымъ долгомъ не скрывать отъ его величества ни одной изъ своихъ мыслей и представлять свои сомнѣнія относительно проектовъ, которые совѣсть моя заставляетъ меня считать опасными для интересовъ Россіи, представляю при семъ записку о тѣхъ камняхъ преткновенія, которые его величество встрѣтитъ на пути своемъ при выполненіи плана, изложеннаго въ его предыдущей запискѣ». Н. Ш.

Библиотека "Руниверс"

При рѣшительномъ движеніи значительныхъ силъ, которыя мы должны будемъ выставить на театрѣ военныхъ дѣйствій, и при согласованіи этого движенія съ возстаніемъ христіанъ, Оттоманская имперія не будетъ въ состояніи выдержать такого удара и перестанетъ существовать. Конечно, Англія и Франція не возьмутъ на себя труда вновь завоевать шагъ за шагомъ въ пользу султана освобожденную уже территорію, защищаемую Россіею и христіанскими народами, готовыми умереть съ оружіемъ въ рукахъ за свою національную независимость. Тогда независимость эта можетъ быть провозглашена Россіею предъ лицомъ всего міра, и это будетъ носить на себѣ характеръ такого безпристрастія и великодушія (un tel caractère de désintéressement et de générosité), что недоброжелательность и недобросовѣстность не будутъ въ состояніи ея оспорить. Вслѣдствіе этого графъ Нессельроде признавалъ необходимымъ теперь же развѣдать о настроеніи населеній, о которыхъ идетъ рѣчь, и собрать точныя данныя о средствахъ борьбы, которыми они будутъ располагать, а также о размѣрѣ денежной помощи, которая будетъ необходима имъ для пріобрѣтенія оружія и боевыхъ припасовъ.

Императоръ Николай возражалъ государственному канцлеру. «Я не раздѣляю вашего чувства безопасности; я убѣжденъ, что англичане, весьма мало разборчивые въ своихъ дѣйствіяхъ, лишь только убѣдятся въ томъ, что успѣхъ войны склоняется на нашу сторону, не задумаются перемѣнить роль и тотчасъ же пожелаютъ присвоить себѣ дѣло освобожденія христіанъ, чтобы лишить насъ иниціативы въ этомъ предпріятіи. Преслѣдуя, безъ всякаго стѣсненія, исключительно свои личные интересы, они постараются придать дѣлу освобожденія такое направленіе, которое, по ихъ мнѣнію, окажется для насъ самымъ вреднымъ. Должны ли мы допустить это? — полагаю, что нѣтъ. Провозглашеніе освобожденія должно быть сдѣлано нами лишь тогда, когда мы будемъ навѣрное знать, что христіане не только желаютъ освобожденія, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, но что они готовы дѣйствовать, не щадя жизни и съ напряженіемъ всѣхъ ихъ усилій при нашей поддержкѣ» [1].

[1] «Je ne partage pas votre sécurité, je suis convaincu que les anglais fort peu scrupuleux dans leurs moyens d'action, sitôt convaincus que les chances de la guerre tournent en notre faveur, n'hésiteront pas à changer de rôle, et dès ce moment, voudront s'ériger en libérateurs des chrétiens, pour nous frustrer de l'initiative de ce rôle, se livrer à leurs combinaisons sans gêne, pour donner telle direction à l'émancipation qu'ils jugeront nous être le plus nuisible. Devons nous le permettre? — je pense que non. La déclaration de l'émancipation ne doit être faite par nous avant que nous ne sachions pour sûr que les chrétiens non-seulement la désirent, ce qui n'est pas douteux, mais qu'ils sont prêts à l'agression au prix de leur sang et de tous leurs efforts soutenus par nous».

Библиотека "Руниверс"

Мнѣніе графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено въ долгій ящикъ, и благопріятный моментъ безвозвратно утраченъ.

26-го декабря 1853 года баронъ Мейендорфъ донесъ изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, представители четырехъ великихъ державъ настаиваютъ у Оттоманской Порты на освобожденіи ея христіанскихъ подданныхъ. Императоръ Николай написалъ на этой депешѣ слѣдующія многознаменательныя слова: «Вотъ оно, правъ ли я?»

Библиотека "Руниверс"

Записки графа А. Х. Бенкендорфа (1832—1837 гг.).

1832 годъ.

Европа, ревнуя къ нашему могуществу и симпатизируя польскому возстанію, какъ ослаблявшему наши силы, была, однако же, бездѣйственною свидѣтельницею новыхъ успѣховъ нашего оружія, распущенія польской арміи и всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыми государь старался поставить царство Польское въ бо́льшую гармонію съ прочими частями своей имперіи. Кабинеты вѣнскій и берлинскій, одинаково съ петербургскимъ заинтересованные въ покореніи Польши, отдѣлились отъ общаго вопля и искренно обрадовались прекращенію тѣхъ смутъ, которыхъ отголосокъ проникалъ уже въ ихъ предѣлы. Люди разсудительные въ Англіи и Франціи не оспаривали, что польскій бунтъ справедливо вынудилъ императора Николая употребить всю силу и строгость для его подавленія, и соглашались, хотя и съ сожалѣніемъ, что усмиреніе этого буйнаго края есть одна изъ необходимыхъ гарантій мира и спокойствія Европы. Но либералы и оппозиціонная партія въ парижскихъ и лондонскихъ камерахъ громко требовали отъ своихъ правительствъ, чтобы они вступились за поляковъ и принудили Россію къ исполненію вѣнскаго трактата, которымъ утверждена независимость Польши, съ подчиненіемъ только ея конституціонному царю, въ лицѣ русскаго императора. Французское и англійское министерства должны были, по виду, уступить народнымъ крикамъ и обѣщали свое посредничество передъ русскимъ правительствомъ. Они предписали своимъ посламъ замолвить слово въ пользу поляковъ; но положительный отвѣтъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ отнялъ у нихъ всякую охоту поднимать офиціально голосъ по такому дѣлу, на которое государь справедливо смотрѣлъ, какъ на подлежащее исключительно его суду и не имѣющее ничего общаго съ нашею внѣшнею политикою. Итакъ, имъ пришлось замолчать,

Библиотека "Руниверс"

предоставивъ оппозиціи горланить въ Парижѣ и Лондонѣ. Газеты старались выместить безполезность и безсиліе попытокъ ихъ правительствъ самыми ѣдкими и желчными статьями противъ Россіи, а государь, презирая ихъ разглагольствованія, продолжалъ развивать и приводить въ дѣйствіе свои планы.

Затѣмъ на первый планъ выдвинулось голландско-бельгійское дѣло. Франція склонялась въ пользу новаго Бельгійскаго королевства, порожденнаго революціею, а Англія, Австрія, Пруссія и Россія держали сторону Голландіи. Такая разность въ видахъ и взглядахъ замедлила окончательное рѣшеніе дѣла. Франція хотѣла присвоить себѣ и держать за собою вліяніе на судьбы Бельгіи, которое давали ей географическое положеніе этой страны и тождественность языка, нравовъ и интересовъ ея населенія. Англія ревновала къ своей соперницѣ, и одно лишь сродство интересовъ и принциповъ, одна лишь ненависть англійскихъ министровъ къ чистымъ монархіямъ могли привести ихъ союзу съ Франціей, наперекоръ исторіи и положенію обоихъ государствъ. Голландскій король оттягивалъ дѣло, въ надеждѣ разрыва между первостепенными державами, а съ нимъ всеобщей войны, полезной для личныхъ его интересовъ. Леопольдъ, бывшій герцогъ Кобургскій и овдовѣвшій супругъ принцессы Каролины англійской, поддавался интригамъ кабинета Людовика-Филиппа, который чрезъ посредство стараго хитреца Талейрана старался склонить министерство англійское въ пользу герцога Леопольда, уже предъизбраннаго королемъ французовъ въ супруги своей дочери и слѣдовательно въ вассалы Франціи. Протоколы писались одинъ за другимъ, противорѣчили между собою, не вели ни къ чему, а между тѣмъ заставляли Голландію, Бельгію, Пруссію и Францію держать войска на военной ногѣ. Императоръ Николай уступилъ просьбѣ прусскаго короля и общему желанію, рѣшился сдѣлать попытку склонить короля голландскаго къ меньшей настойчивости и на этотъ конецъ отправилъ къ нему графа Орлова. Но король, отличавшійся упорнымъ нравомъ и все надѣявшійся, что возгорится европейская война, воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ нашего посла. Тогда графъ Орловъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ дворъ, министры и публика приняли его со всѣмъ почетомъ, подобавшимъ великому монарху, котораго онъ являлся представителемъ, и личнымъ качествамъ самого графа, привлекшимъ къ нему безъ различія всѣ партіи. Послѣ этой попытки нашъ государь предоставилъ времени рѣшеніе голландско-бельгійскаго вопроса, какъ не состоявшаго ни въ какомъ непосредственномъ прикосновеніи къ выгодамъ и пользамъ Россіи.

Между тѣмъ, при возстановившемся въ западныхъ нашихъ губерніяхъ порядкѣ и спокойствіи, государь освободилъ ихъ отъ управленія на военномъ положеніи, подъ которымъ онѣ находились еще со временъ

Библиотека "Руниверс"

императора Александра. Эта мѣра произвела въ краѣ самое благопріятное впечатлѣніе, послуживъ доказательствомъ, съ одной стороны, довѣрія правительства, съ другой — окончательнаго прекращенія обстоятельствъ, принуждавшихъ оное къ такимъ предосторожностямъ.

Съ окончаніемъ устройства царства Польскаго на новыхъ началахъ, временное тамошнее правительство было закрыто, и фельдмаршалъ Паскевичъ, командовавшій расположенными въ Варшавѣ войсками, сталъ также во главѣ гражданскаго управленія, съ званіемъ намѣстника царскаго и предсѣдателя совѣта управленія, составленнаго изъ русскихъ и польскихъ чиновниковъ, а также изъ управляющихъ разными частями, замѣнившихъ прежнихъ министровъ. Число войскъ въ царствѣ было ограничено однимъ корпусомъ. Сверхъ того, велѣно было образовать тамъ жандармскій корпусъ, на подобіе учрежденнаго въ Россіи, изъ поляковъ и русскихъ, и инвалидныя команды по воеводствамъ, сформировавъ ихъ изъ тѣхъ офицеровъ и солдатъ польской арміи, которые со времени усмиренія мятежа вели себя безукоризненно. Начальниками опредѣлены штабъ-офицеры нашей службы. Изъ числа офицеровъ, поляковъ, предавшихся великодушію государя, отличившимся покорностію и неимущимъ назначено содержаніе, соотвѣтственное прежнимъ ихъ чинамъ. Наконецъ сироты военныхъ и дѣти бѣдныхъ офицеровъ, по упраздненіи Калишскаго кадетскаго корпуса, отправлены на казенный счетъ въ корпуса петербургскіе и московскіе, а солдаты размѣщены по нашимъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ. Имущество зачинщиковъ и главныхъ дѣятелей бунта, а также тѣхъ, кои, не воспользовавшись амнистіею, остались за границей, было подвергнуто секвестру, какъ въ предѣлахъ царства, такъ равно и во всемъ Западномъ краѣ, впредь до разбора лежавшихъ на нихъ долговъ и окончательной конфискаціи сихъ имѣній въ казну.

Наконецъ, въ распоряженіе намѣстика царства были отпущены значительныя суммы для пособій помѣщикамъ, фабрикантамъ и крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ бунта и войны. Правительство закупило въ Россіи огромные гурты скота для раздачи въ царствѣ нуждавшимся въ немъ. Кромѣ того, была назначена особая комиссія для разбора показаній о потеряхъ, понесенныхъ мирными жителями или тѣми, которые оставались вѣрными своей присягѣ. Впослѣдствіи, основываясь на изысканіяхъ этой комиссіи, государственное казначейство щедро вознаградило ихъ за потери, чтобы такимъ образомъ всемѣрно изгладить слѣды этой бѣдственной войны.

Въ наступившую затѣмъ зиму не случилось ничего особеннаго, замѣчательнаго, и государь, пользуясь общимъ миромъ и спокойствіемъ, неусыпно занимался разными проектами и преобразованіями по гражданской части. Въ городскомъ населеніи учреждено было новое сословіе

Библиотека "Руниверс"

почетныхъ гражданъ, для удержанія людей торговаго сословія отъ необдуманныхъ и безполезныхъ, какъ для нихъ, такъ и для общаго дѣла, переходовъ въ гражданскую службу.

Строгій указъ запретилъ всѣ азартныя игры, въ послѣднее время сильно развившіяся въ нашемъ обществѣ и разорившія многихъ молодыхъ людей и даже отцовъ семействъ.

Измѣнена была система мѣдныхъ денегъ нашихъ, дававшая дотолѣ поводъ къ вывозу ихъ въ значительномъ количествѣ за границу и даже къ спекуляціямъ на противозаконный ихъ переливъ. Военное министерство получило новое образованіе черезъ упраздненіе званія начальника главнаго штаба и учрежденіе военнаго совѣта. Наконецъ, сдѣланы были также перемѣны въ устройствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ томъ же году праздновался, 17-го февраля, столѣтній юбилей 1-го кадетскаго корпуса. Въ присутствіи приглашенныхъ къ этому торжеству всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, кадеты съ наслѣдникомъ престола въ ихъ рядахъ прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, передъ монументомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, одного изъ первыхъ воспитанниковъ сего корпуса. Потомъ послѣ молебствія въ корпусной церкви императорская фамилія, приглашенныя особы и кадеты были угощены завтракомъ въ залѣ корпуснаго зданія, гдѣ помѣщается его музей, и въ тѣхъ комнатахъ, которыя занималъ нѣкогда любимецъ Петра Великаго, князь Меншиковъ, выстроившій этотъ домъ для собственнаго своего жилища, а потомъ обѣдомъ въ Георгіевской и Бѣлой залахъ Зимняго дворца.

Въ началѣ мая государь принялъ въ торжественной аудіенціи депутацію, явившуюся изъ царства Польскаго для принесенія благодарности за дарованную его жителямъ амнистію. Придворные, члены государственнаго совѣта, сенаторы, городскія дамы, военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, гдѣ государь съ императрицею и наслѣдникомъ стали на ступеняхъ трона. Депутація, состоявшая изъ 12-ти знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ царства, была введена попарно и приблизилась къ трону, между выстроенными по обѣ стороны залы дворцовыми гренадерами. Князь Антонъ Радзивиллъ, непричастный къ безумнымъ замысламъ своихъ соотечественниковъ, произнесъ рѣчь отъ имени депутаціи.

Эта сцена, столь уничижительная для Польши, произвела самое благопріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при ней русскихъ и нѣкоторымъ образомъ примирила національное самолюбіе видомъ унынія и покорности нашихъ укрощенныхъ враговъ.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ свѣта завязалась новая политическая сумятица, которая опять возбудила къ намъ недовѣріе и зависть

Библиотека "Руниверс"

европейскихъ кабинетовъ. Могущественный паша египетскій Мехмедъ-Али, давно уже негодовавшій на свое зависимое положеніе, вдругъ, подъ предлогомъ неблагодарности Порты Оттоманской за принесенную имъ жертву посылкою для усмиренія Греціи своего сына и лучшихъ своихъ войскъ, поднялъ забрало и провозгласилъ себя врагомъ своего повелителя, султана. Интриги кабинетовъ парижскаго и находящагося подъ его вліяніемъ лондонскаго подожгли это возстаніе своими обѣщаніями точно такъ же, какъ прежде они раздували огонь революціи бельгійской и польской. Императоръ Николай, всегда благородный и послѣдовательный въ своей политикѣ, забылъ, что Турція вѣками враждуетъ противъ Россіи, и, чтобы дать разительное доказательство своихъ стремленій къ поддержанію законныхъ властей, поспѣшилъ отозвать изъ Египта нашего консула. Мехмедъ-Али чрезвычайно огорчился этимъ знакомъ неодобренія его дѣйствій, польстившимъ Портѣ, и который Франція и Англія старались съ своей стороны истолковать, какъ новую честолюбивую попытку нашего правительства. Но государь, не ограничиваясь этимъ, велѣлъ предложить султану прямую свою помощь, войсками или флотомъ, въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ признаетъ это нужнымъ. Турки, однако же, сами слишкомъ хитрые и недовѣрчивые, чтобы положиться на благородное великодушіе Россіи, отклонили ея предложеніе. А Франція и Англія, съ цѣлью изгладить выгодное впечатлѣніе, произведенное русскими предложеніями на умы турокъ, поспѣшили и съ своей стороны сдѣлать подобное же предложеніе, такъ что все ограничилось одною перепискою. Никто не повѣрилъ искренности императора Николая, и приготовились: Мехмедъ-Али къ нападенію, слабая Порта къ защитѣ, а Лондонъ и Парижъ къ вооруженному нейтралитету, которому главную силу давали интриги ихъ посольствъ въ Константинополѣ и прописки находившихся въ Египтѣ ихъ агентовъ.

Въ теченіе этого времени Людовикъ-Филиппъ, продолжавшій, несмотря на тѣсный союзъ съ политикой Англіи, ревновать къ этой всегдашней соперницѣ Франціи, искалъ случая сблизиться съ русскимъ монархомъ, уже принимавшимъ въ свои руки вѣсы Европы. Хотя близкая связь съ Франціей обѣщала парализовать виды англійскаго министерства, враждебнаго нашимъ интересамъ и вообще монархическимъ началамъ, однако императоръ Николай, питая естественное отвращеніе къ хищнику законнаго трона Бурбоновъ, вѣжливо отклонилъ всѣ вкрадчивыя его предложенія. Это не остановило Людовика-Филиппа въ достиженіи его плановъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ маршала Мортье, поручивъ ему всемѣрно стараться пріобрѣсти благорасположеніе императора и установить между обоими монархами сношенія менѣе прежнихъ холодныя. Мортье былъ принятъ со всѣмъ почетомъ, приличествовавшимъ старому и храброму воину, тридцать лѣтъ сражавшемуся муже-

Библиотека "Руниверс"

ственно подъ знаменами республики и Наполеона. Государь почтилъ его своимъ довѣріемъ и пріобрѣлъ взаимно всю пріязнь престарѣлаго маршала, но въ политическомъ отношеніи дѣла остались, какъ были, и въ разговорахъ своихъ съ Мортье государь избѣгалъ даже произносить когда либо имя короля французовъ.

Англія прислала также своего посла въ Петербургъ, но совсѣмъ съ другой цѣлью, именно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе охладить отношенія между Россіей и Франціей, утвержденныя въ продолженіе двухъ вѣковъ взаимными интересами, торговлей и обоюдною симпатіею сихъ націй. Лордъ Грей выбралъ для этой миссіи своего зятя, лорда Дургама, отчаяннаго либерала, человѣка заносчиваго, желчнаго и врага всѣхъ самодержавныхъ правительствъ, въ особенности же русскаго. Англійское министерство хотѣло употребить этого сварливаго и ненавидѣвшаго насъ посла орудіемъ для истолкованія по-своему опасности, грозящей конституціонной Европѣ со стороны Россіи, чтобы оправдать черезъ сіе передъ англійской націей тѣ жертвы, которыхъ намѣревалось требовать отъ нея (т.-е. отъ англійской націи) для вооруженія и, можетъ быть, уже и для нападенія на императора Николая.

Съ такими непріязненными намѣреніями Дургамъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ на линейномъ кораблѣ, чтобы обозрѣть наши морскія силы, которыхъ возрожденіе пугало Великобританію, и изыскать средства къ возможному ихъ сокрушенію. Въ самую минуту прибытія англійскаго корабля въ Кронштадтъ туда случайно пріѣхалъ государь на пароходѣ «Ижора», и наша эскадра, по нѣскольку разъ въ годъ выходившая изъ этого порта и снова въ него возвращавшаяся, производила морскіе маневры. Государь, сидя въ шлюпкѣ, на которую сошелъ съ парохода, одною рукою правилъ рулемъ, а другою придерживалъ у себя на колѣняхъ шестилѣтняго своего сына, генералъ-адмирала русскаго флота, Константина Николаевича, и такимъ образомъ объѣзжалъ суда. Въ этомъ видѣ англійскій посолъ и экипажъ его корабля впервые увидѣли монарха Сѣвера,—котораго ихъ газеты изображали недоступнымъ тираномъ, — окруженнаго офицерами въ сюртукахъ и фуражкахъ. Эта простота, это отсутствіе всякаго этикета, это личное приготовленіе царственнаго младенца къ будущему его поприщу, на самыхъ первыхъ порахъ поразили лорда Дургама, воображавшаго себѣ лицо русскаго самодержца не иначе, какъ среди пышнаго двора и бдительныхъ тѣлохранителей; но удивленіе его еще болѣе возросло, когда подплылъ къ его кораблю флигель-адъютантъ, приглашавшій его отъ имени государя на «Ижору», какъ онъ есть, въ томъ же костюмѣ и безъ всякихъ церемоніальныхъ приготовленій. По прибытіи посла на царскій пароходъ, государь принялъ его съ тѣмъ радушіемъ и тою прирожденною ему искренностію, которыя отстраняли всякую принужденность и тотчасъ

Библиотека "Руниверс"

вселяли довѣріе. Введя Дургама въ свою каюту, онъ безъ всякихъ предисловій и фразъ тотчасъ вступилъ съ нимъ въ пространный и задушевный разговоръ о цѣли его миссіи, о дѣлахъ Европы, о началахъ, руководствующихъ прямодушною политикою Россіи, и о личномъ своемъ желаніи оставаться въ добромъ и искреннемъ согласіи съ Англіей, ибо хотя министры ея могутъ временно слѣдовать тому или другому направленію, но постоянные народные интересы и опытъ прошедшаго ясно указываютъ на пользу и необходимость дружественныхъ сношеній между обѣими державами. Дургамъ вышелъ изъ этой аудіенціи въ совершенномъ изумленіи и съ инымъ совсѣмъ понятіемъ о государѣ. Едва бросивъ якорь у береговъ Россіи, онъ познакомился съ ея монархомъ, услышалъ отъ него лично то, что могъ бы желать услышать отъ министра иностранныхъ дѣлъ, узналъ такія вещи, которыя въ другихъ государствахъ сдѣлались бы ему извѣстными развѣ лишь послѣ долгихъ трудовъ и поисковъ, и съ самой первой минуты сталъ въ такія близкія и довѣрчивыя отношенія къ главѣ имперіи, какія для самыхъ искусныхъ дипломатовъ бываютъ большею частью плодомъ долголѣтнихъ соприкосновеній. Человѣкъ умный и благородный, лордъ Дургамъ тотчасъ понялъ императора Николая, пересталъ сомнѣваться въ правотѣ его намѣреній и правдивости его словъ и, польщенный успѣхомъ столь быстрымъ и столь новымъ въ лѣтописяхъ дипломатіи, сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ того монарха, въ которомъ предубѣжденіе и либеральный взглядъ на вещи и лица заставляли его дотолѣ такъ грубо ошибаться. Все время миссіи лорда Дургама было для него рядомъ самыхъ пріятныхъ ощущеній и сопровождалось добрымъ согласіемъ. А донесенія его, въ которыхъ его личность не позволяла никому подозрѣвать пристрастія въ пользу самодержавнаго императора, образумили лондонскій кабинетъ и разсѣяли его прежнія ложныя предубѣжденія. Англійскій посолъ уже никогда болѣе не измѣнялъ составленнаго имъ мнѣнія о государѣ и уѣзжая чувствовалъ то же удивленіе и довѣренность, которыя были плодомъ этого перваго свиданія.

На слѣдующее утро государь сдѣлалъ парадный смотръ флоту, по окончаніи котораго посѣтилъ англійскій корабль. Онъ присутствовалъ на немъ при обѣдѣ матросовъ и со стаканомъ въ рукѣ провозгласилъ здоровье англійскаго короля. Капитанъ и офицеры были приглашены къ обѣденному столу въ Петергофъ, присутствовали на безподобномъ праздникѣ 1-го іюля и потомъ на красносельскихъ маневрахъ и уѣхали въ совершенномъ восхищеніи отъ императора Николая, флотъ котораго при пріѣздѣ своемъ хотѣли уничтожить. Петергофское общество, блескъ двора, изящество праздниковъ, стройная красота нашего войска, все это было для нихъ ослѣпительнымъ зрѣлищемъ, совершенно противопо-

Библиотека "Руниверс"

ложнымъ тѣмъ понятіямъ о деспотизмѣ и общемъ мракѣ да ожидающей ихъ ненависти, съ которыми они прибыли.

Тогда были у насъ въ большой модѣ Ревельскія морскія купальни, и лѣтомъ 1832 года отправили туда великихъ княженъ Марію, Ольгу и Александру Николаевнъ [1], въ сопровожденіи оберъ-шталмейстера князя Долгорукова и наставницы ихъ, г-жи Барановой. Мнѣ данъ былъ отпускъ на нѣсколько дней на мызу мою Фалль, и я съ семьею удостоился счастія принять тамъ августѣйшихъ дочерей моего императора, которыя провели у насъ цѣлый день.

Государь, постоянно занятый реформами въ западныхъ нашихъ губерніяхъ и убѣдившись въ послѣднюю революцію въ дурномъ духѣ, господствовавшемъ въ римско-католическихъ монастыряхъ, которые и вообще представляли скорѣе вертепъ разврата, нежели домъ молитвы, возобновилъ дѣйствіе папской буллы, издавна пришедшей въ забвеніе, чтобы обители, вмѣщающія въ себѣ не болѣе шести монашествующихъ, упразднять, съ распредѣленіемъ братіи въ другіе монастыри того же ордена. Хотя эта мѣра и соотвѣтствовала строгой буквѣ закона, однако произвела громкій вопль между поляками, прикрытый похвальною привязанностію къ вѣрѣ, но въ сущности возбужденный желаніемъ втайнѣ упрекнуть правительство въ проступкѣ противъ вѣротерпимости и правосудія. Это не помѣшало, однако же, дѣйствительно закрыть довольно много монастырей, съ переводомъ изъ нихъ монашествующихъ, а другіе обратить въ православные храмы, малочисленность и бѣдность которыхъ огорчали простое населеніе этого края, почти все принадлежащее къ господствующей церкви. Богатая и знаменитая Почаевская лавра, которая въ рукахъ уніатовъ служила во время революціи притономъ для бунтовщиковъ, была возвращена православію. Такимъ образомъ, государь старался снова поднять въ этихъ издревле русскихъ губерніяхъ православное вѣроисповѣданіе, пережившее тамъ польское завоеваніе и всѣ ухищренія латинянъ, которые, не успѣвъ задушить въ народѣ привязанность его къ вѣрѣ отцовъ, примѣнили ее къ латинской вѣрѣ—вымышленіемъ уніи, подчинили ее главѣ римско-католической церкви въ лицѣ папы и, наконецъ, отторгли отъ нея древнее русское дворянство, всѣ ея богатства и всѣ воспоминанія, которыми она жила въ народномъ преданіи.

Въ продолженіе лѣта 1832 года Дагестанскія горы сдѣлались на границѣ Персіи театромъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Отважный фанатикъ Кази-Мулла возбудилъ воинственныя племена Закавказья противъ креста и противъ русскаго владычества. Прославившись своею набожностію и увлекательной силой слова, онъ вознамѣрился разыгры-

[1] Цѣлью поѣздки великихъ княженъ былъ собственно Добберанъ, но по случаю открывшейся тамъ холеры онѣ остались въ Ревелѣ.

Библиотека "Руниверс"

вать роль пророка и покровителя исламизма и безъ труда собралъ подъ свое знамя многочисленныя толпы горцевъ, всегда жаждущихъ боя и добычи и глубоко ненавидящихъ христіанство. Пробѣгая край съ алкораномъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой, Кази-Мулла напалъ врасплохъ на нѣкоторые изъ нашихъ постовъ и перерѣзалъ ихъ. Эта удача еще болѣе его ободрила и вмѣстѣ съ тѣмъ оживила всегдашнія надежды персіянъ и кавказскихъ племенъ сокрушить наше владычество въ этомъ краѣ. Вскорѣ изъ скопища, первоначально собравшагося около Кази-Муллы, съ присоединеніемъ новыхъ сборищъ горцевъ, составилась многолюдная армія, страшная своимъ фанатизмомъ. Главнокомандующій баронъ Розенъ поспѣшилъ направиться противъ нея во главѣ стянутыхъ имъ силъ и открылъ непріятеля, занимавшаго почти неприступныя высоты, которыхъ вся выгода была на сторонѣ горцевъ, сроднившихся съ своими, едва проходимыми тропами и извилистыми крутизнами дикихъ горъ.

Наши храбрые солдаты преодолѣли всѣ эти препятствія, взобрались на скалы, перекинулись черезъ овраги и пропасти и, сбивъ Кази-Муллу со всѣхъ его позицій, отважно бросились наконецъ на штурмъ укрѣпленной его засады. Бой былъ продолжителенъ и кровопролитенъ, но побѣда осталась за Розеномъ. Множество горцевъ пало подъ штыками нашихъ удальцевъ, и самъ Кази-Мулла заплатилъ жизнію за свою фанатическую попытку. Съ его смертью все возвратилось къ порядку, и кавказскія племена, устрашенныя своею неудачею, перестали сопротивляться. Джаробѣлоканскій край, гдѣ суровые лезгины столько лѣтъ вели съ нами упорную борьбу, поспѣшилъ покориться и прислать аманатовъ.

1-го сентября государь отправился для обозрѣнія внутреннихъ губерній Россіи. Мы поѣхали на Лугу и Великія Луки, гдѣ его величество осмотрѣлъ нѣсколько полковъ гренадерскаго корпуса, отличавшихся своими подвигами въ послѣднюю Польскую кампанію. Они уже были частію укомплектованы и имѣли совершенно прежній прекрасный видъ. На слѣдующей станціи намъ встрѣтилось нѣсколько сотъ польскихъ военноплѣнныхъ, предназначенныхъ къ поступленію въ ряды нашей арміи. Государь осмотрѣлъ каждаго поодиночкѣ, спросилъ о полкахъ, въ какихъ кто служилъ во время революціи, и по засвидѣтельствованію препровождавшаго ихъ офицера о добромъ ихъ поведеніи выбралъ нѣкоторыхъ въ гренадеры, а другихъ въ полки, расположенные въ Финляндіи, а остальныхъ въ Балтійскій флотъ. Я роздалъ имъ деньги, и они отправились въ дальнѣйшій путь въ восторгѣ отъ милостей того императора, противъ котораго сражались единственно подъ вліяніемъ измѣнническихъ внушеній.

Ночью мы пріѣхали въ Смоленскъ, городъ, прославившійся въ нашихъ лѣтописяхъ своими вѣковыми несчастіями и представлявшій въ продол-

Библиотека "Руниверс"

женіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ нашествія Наполеона груду развалинъ и пепла. Императоръ Александръ началъ возобновлять его, а императоръ Николай вновь воскресилъ его посредствомъ значительныхъ денежныхъ пособій пострадавшимъ жителямъ и возведеніемъ важныхъ казенныхъ построекъ. Все въ немъ было ново, вездѣ кипѣла работа и хотя мѣстами еще отдѣльно торчали трубы, и обгорѣлыя стѣны указывали на слѣды разрушенія, постигшаго этотъ древній городъ, но уже онъ обрисовывался въ возобновленномъ его видѣ: прекрасные дома, большія общественныя зданія, отдѣланныя заново церкви, чудесная больница, обширныя казармы свидѣтельствовали о возвращающемся благосостояніи города и о попечительности правительства. Государь все объѣхалъ и осмотрѣлъ со свойственною ему наблюдательностью, указалъ разныя новыя постройки и улучшенія, въ томъ числѣ поправку древнихъ городскихъ стѣнъ, дважды въ теченіе двухъ вѣковъ выдержавшихъ непріятельскій натискъ; велѣлъ также замѣнить новымъ достойнымъ подвига памятникомъ ничтожный монументъ, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ разстрѣлянъ смоленскій дворянинъ Энгельгардтъ, который предпочелъ смерть позору служить французамъ. По осмотрѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ на полѣ сраженія, гдѣ Наполеонъ развернулъ свои многочисленныя полчища, государь продолжалъ путь къ Бобруйску и остался очень доволенъ всѣми работами, произведенными тамъ съ послѣдняго его посѣщенія. Оттуда, черезъ Козелецъ, въ которомъ государь пробылъ три дня для осмотра войскъ, мы поѣхали въ Кіевъ. Здѣсь государь остановился, какъ и въ прежнія свои поѣздки, у Печерской лавры, а на другой день осматривалъ на крѣпостной эспланадѣ нѣсколько резервныхъ батальоновъ и 6-ю уланскую дивизію, особенно сильно пострадавшую въ польской войнѣ. Съ престарѣлымъ фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ онъ обошелся со всею ласкою и дружбою, соотвѣтствовавшими его преклоннымъ лѣтамъ, заслугамъ и особенно ревностному усердію къ службѣ, нисколько не охладившемуся отъ дѣйствія времени. По осмотрѣ государемъ публичныхъ заведеній и обширныхъ работъ, долженствовавшихъ обратить Кіевъ въ крѣпость первостепенной важности, и по пріемѣ властей и главныхъ жителей города, мы выѣхали изъ него съ наступленіемъ ночи. Зажженная по этому случаю прекрасная иллюминація еще и вдалекѣ обрисовывала для насъ живописное положеніе Кіева и контуры богатыхъ его храмовъ.

Слѣдующее утро застало насъ въ Лубнахъ, главномъ складочномъ мѣстѣ аптекарскихъ матеріаловъ для войскъ, расположенныхъ на югѣ имперіи. Осмотрѣнными здѣсь тремя полками 1-й драгунской дивизіи государь остался недоволенъ и, къ большому своему сокрушенію, вмѣсто похвалъ, которыя онъ такъ любилъ разсыпать, вынужденъ былъ бранить. Сходя съ лошади, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ; это насъ

Библиотека "Руниверс"

сильно встревожило, тѣмъ болѣе, что докторъ его отсталъ въ пути. Къ счастію, государь скоро оправился до такой степени, что могъ продолжать путь свой до Полтавы. Страшныя жары чрезвычайно затрудняли предстоящіе осмотры. Полтава носила на себѣ слѣды дѣятельности, водворившейся въ его царствованіе во всѣхъ частяхъ управленія. Городъ украсился, а малороссійскіе казаки, составляющіе главную часть городского населенія, только что передъ тѣмъ получили новое образованіе, съ большею точностію опредѣлившее ихъ повинности и ихъ отношенія къ властямъ и болѣе обезпечившее этотъ классъ отъ притѣсненій мелкихъ чиновниковъ.

Изъ Полтавы намъ довольно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы доѣхать до Харькова, жители котораго съ живою радостію встрѣтили своего юнаго монарха. По выслушаніи краткаго молебствія въ соборѣ, государь подробно осмотрѣлъ университетъ и остался недоволенъ худою постройкою его зданій, которыя, сооруженныя за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ огромными издержками, мѣстами угрожали уже разрушеніемъ. Студенты имѣли довольно порядочный видъ, и ректоръ хвалилъ ихъ добронравіе и прилежаніе, но вообще это заведеніе казалось не вполнѣ отвѣчающимъ своему назначенію. Единственною, совершенно удовлетворительною частью представлялась медицина, особенно же родовспомогательная клиника. Государь похвалилъ, побранилъ и кончилъ свой обзоръ указаніемъ на необходимость разныхъ перемѣнъ.

Потомъ онъ посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, созданный благотворной рукой покойной его родительницы и перешедшій въ главное управленіе августѣйшей его супруги. Здѣсь все было прекрасно и все дышало тѣмъ порядкомъ и тою материнскою заботливостію, которыми вообще отличались заведенія императрицы Маріи, этого ангела благотворительности. Только помѣщеніе, частію деревянное, показалось государю не совсѣмъ удобнымъ, и онъ самъ выбралъ болѣе обширное у городской заставы, при которомъ находился большой садъ. Затѣмъ, по осмотрѣ городской тюрьмы и богоугодныхъ заведеній, мы перенеслись въ Чугуевъ, центральный пунктъ украинскихъ военныхъ поселеній, гдѣ ожидали насъ въ сборѣ дивизіи кирасирская и уланская. Въ прежнія времена чугуевское населеніе выставляло десяти-эскадронный уланскій полкъ, который отличался красотой людей и лошадей, равно какъ и преданностію и мужествомъ. Но въ предыдущее царствованіе воинственное племя чугуевскихъ казаковъ было переформировано въ военныя поселенія, по безпощадно строгой и жестокой системѣ графа Аракчеева, измѣнившей видъ этого небольшого, но богатаго края, и превратившей его въ пространную казарму; эта система нарушила всѣ права собственности и водворила повсюду горькое раскаяніе. Множество казаковъ, посѣдѣвшихъ подъ ружьемъ и покрытыхъ славными ранами,

Библиотека "Руниверс"

было переселено изъ родного края и осуждено умереть въ мѣстахъ, для нихъ чуждыхъ, частію даже въ Сибири, и всѣ эти ужасы совершились въ царствованіе самое мягкосердое, подъ скипетромъ самымъ просвѣщеннымъ, при государѣ, который спасъ Россію и Европу отъ Наполеонова рабства! Виною тому была одна слѣпая его довѣренность къ Аракчееву, котораго имя чугуевскіе казаки будутъ проклинать до позднѣйшаго потомства.

Императоръ Николай уже облегчилъ положеніе этихъ несчастныхъ въ настоящемъ, но не могъ исправить бѣдствій, перенесенныхъ ими въ прошедшемъ. Стараясь отвратить зло, по крайней мѣрѣ, на будущее время, онъ сдѣлалъ множество важныхъ и благодѣтельныхъ перемѣнъ въ устройствѣ этихъ поселеній.

Собранное войско было въ самомъ блестящемъ положеніи и отличалось красотою и выѣздкою лошадей, а нижніе чины и офицеры превосходно знали свое дѣло. Мы провели тутъ три дня посреди ученій и хозяйственныхъ осмотровъ. Государь разсыпалъ щедрыя награды и почтилъ милостивымъ пріемомъ депутацію коренныхъ жителей поселеній, стекавшихся отовсюду съ хлѣбомъ и солью.

Въ Бѣлгородѣ заслужила особенное высочайшее одобреніе 2-я драгунская дивизія, какъ находившаяся подъ командою генерала Граббе, одного изъ прощенныхъ заговорщиковъ 14-го декабря 1825 г., отличившагося въ Турецкую войну. Государь, не видавшій Граббе съ той минуты, какъ онъ былъ приведенъ передъ него въ качествѣ преступника, поблагодарилъ возстановившаго свою честь генерала и вообще обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково. Граббе былъ растроганъ до глубины души и сказалъ мнѣ со слезами: «я болѣе въ долгу передъ государемъ, чѣмъ кто либо другой изъ его подданныхъ, и я сумѣю заслужить его милость и великодушіе».

Въ Воронежѣ при исправленіи фундамента древняго собора открыли гробъ архіепископа Митрофанія, кончившаго свою жизнь въ царствованіе Петра Великаго, особенно къ нему благоволившаго. Его тѣло, облаченіе и гробъ были найдены нетлѣнными, и это открытіе, вмѣстѣ съ сохранившеюся въ преданіяхъ блаженною жизнью святителя, привлекало въ Воронежъ множество вѣрующихъ, жаждавшихъ поклониться его мощамъ. Вскорѣ вѣсть объ ихъ нетлѣнности и объ исходящихъ отъ нихъ чудесахъ распространилась по всей Россіи, и общій голосъ нарекъ Митрофанія святымъ. Синоду поручено было изслѣдовать это дѣло, и государь, согласивъ на его приговоръ, подтвердившій общее мнѣніе, послалъ въ Воронежъ камергера Бибикова для присутствованія при открытіи мощей, которое совершилось съ подобавшею торжественностью. Съ тѣхъ поръ Воронежскій соборъ сдѣлался цѣлью богомолья вѣрующихъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Бобруйскѣ государь получилъ письмо отъ императрицы, совѣтовавшей и ему поклониться св. Митрофанію. Онъ не замедлилъ это исполнить. Измѣненный маршрутъ привелъ насъ въ Воронежъ. Коляска едва могла двигаться среди толпы, ожидавшей государя на улицахъ и у собора. Войдя въ древнія стѣны собора, государь съ благоговѣніемъ припалъ къ ракѣ святителя. На слѣдующее утро онъ подробно осмотрѣлъ госпитали, тюрьму, школу кантонистовъ, приказалъ спланировать площади и произвести разныя другія улучшенія. Народъ вездѣ бѣжалъ за нимъ съ неумолкаемыми криками восторга.

Изъ Воронежа поѣхали мы въ Рязань, гдѣ государя встрѣтили съ тѣмъ же энтузіазмомъ. Онъ остановился въ огромномъ домѣ нѣкоего Рюмина, который изъ мелочныхъ торговцевъ сдѣлался милліонеромъ и употреблялъ свои богатства самымъ благороднымъ образомъ на помощь бѣднымъ и украшеніе города.

Время года было уже довольно позднее, и перепадали частые дожди. Въ Рязанской губерніи мы ѣхали по ужаснымъ дорогамъ, изрытымъ слѣдовавшими въ Москву обозами и гуртами. Государь разгнѣвался и рѣшилъ предложить къ изслѣдованію и обсужденію новую систему шоссейныхъ дорогъ, начавъ съ путей, ведущихъ къ Москвѣ. Впослѣдствіи онъ неусыпно занимался осуществленіемъ этой мысли и, приведя ее въ исполненіе, стяжалъ вѣчную благодарность торговцевъ и путешественниковъ. На проѣздъ 200 верстъ, отдѣляющихъ Рязань отъ Москвы, мы употребили почти двое сутокъ и, пробывъ въ древней столицѣ только три дня, перелетѣли въ Петербургъ въ 36 часовъ. Императрица ожидала своего разрѣшенія, и нѣжная къ ней любовь августѣйшаго супруга ускорила наше возвращеніе. Спустя нѣсколько дней, родился великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Въ теченіе минувшаго лѣта Мехмедъ-Али, въ существѣ уже независимый повелитель Египта, продолжалъ свои приготовленія къ наступательной войнѣ противъ султана. Уже онъ переступилъ черезъ границы подвластныхъ ему областей, и сынъ его, Ибрагимъ-паша, вошелъ завоевателемъ и бунтовщикомъ въ сосѣднія провинціи. Уже войска султана отступали передъ нимъ, и все мѣстное населеніе призывалось къ возстанію. Ибрагимъ не таилъ намѣренія отца своего: сокрушить державу, управлявшую мусульманами со временъ Магомета, и, если нужно, проникнуть до Константинополя, чтобы ниспровергнуть колеблющійся тронъ султана. Онъ гласно возвѣщалъ преобразованіе Турецкой имперіи, отмѣну всѣхъ европейскихъ нововведеній и возвратъ къ обычаямъ и одеждѣ предковъ. Турки, недовольные этими нововведеніями и уничтоженные послѣднею войною съ Россіей, охотно внимали его обѣщаніямъ и лишь весьма слабо защищали интересы своего монарха, неумѣстными перемѣнами почти совсѣмъ утратившаго народную любовь.

Библиотека "Руниверс"

Армія его, худо устроенная и худо управляемая, отступала передъ египетскою, и частые побѣги увеличивали силы противниковъ. Англія и Франція только на словахъ сулили Портѣ свою помощь, но ничѣмъ не старались остановить вторженіе Мехмеда-Али. Въ этомъ положеніи дѣлъ нашъ великодушный императоръ возобновилъ прежній свой вызовъ прислать Турціи вспомогательное войско и пригласилъ Англію и Францію способствовать дѣйствительными мѣрами къ предупрежденію паденія Порты Оттоманской. Обѣ сіи державы, не отказывая прямо, отвѣчали уклончиво и употребили свой вѣсъ у Дивана лишь для того, чтобы понудить его отклонить предложеніе императора Николая. Все, чего удалось намъ достигнуть, ограничилось просьбою Порты о посылкѣ съ нашей стороны въ Египетъ лица для переговоровъ. Выборъ государя палъ на генерала Н. Н. Муравьева, долго воевавшаго за Кавказомъ и изучившаго обычаи и характеръ турокъ. Сѣвъ въ Крыму на фрегатъ, онъ проплылъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Александрію и былъ принятъ Мехмедомъ-Али со всѣми внѣшними знаками почтенія и даже преданности русскому царю. Ихъ переговоры ведены были втайнѣ и внѣ интригъ иностранныхъ консульствъ. Муравьевъ, сознавая все достоинство роли Россіи въ этомъ дѣлѣ, требовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій и покорности султану, обѣщая взамѣнъ свои услуги у Порты для полюбовнаго соглашенія и забвенія прошлаго. Мехмедъ-Али согласился и, разсыпаясь въ увѣреніяхъ уваженія и довѣрія, отправилъ Ибрагиму приказаніе остановить всякое дальнѣйшее движеніе. Таковъ былъ почти неожиданный успѣхъ этой миссіи: Ибрагимъ пріостановился, и турки могли оправиться. Но, къ несчастію, подозрительность и зависть Англіи и Франціи испортили дѣло черезъ посылку въ Египетъ Галиль-паши, того самаго, который пріѣзжалъ въ Петербургъ благодарить государя за Адріанопольскій миръ. Корабль, на которомъ прибылъ Галиль-паша, бросилъ якорь возлѣ фрегата Муравьева. Не снесясь съ Муравьевымъ, Галиль-паша преклонился передъ Мехмедомъ-Али и не скрылъ всѣхъ опасеній Дивана, а черезъ то познакомилъ честолюбиваго врага съ выгодами его положенія и со слабостію средствъ, которыми владѣлъ султанъ. Муравьевъ воротился чрезъ Константинополь въ Россію. Порта замѣтила, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно свою ошибку, а Англія и Франція обрадовались, что имъ удалось уничтожить покровительственное вліяніе Россіи. Вскорѣ за тѣмъ турецкій агентъ былъ принужденъ оставить Египетъ, и непріятельскія дѣйствія возобновились.

Библиотека "Руниверс"

1833-й годъ.

Армія султана подъ личнымъ предводительствомъ визиря была разбита въ двухъ сраженіяхъ. Въ ней обнаруживался дурной духъ; племена Малой Азіи открыто взяли сторону побѣдителя; константинопольское населеніе волновалось и громко роптало противъ нововведеній султана, желало торжества Ибрагиму; турецкій флотъ подъ командою того же Галиль-паши, который такъ неловко испортилъ удачно поведенные переговоры Муравьева, не принялъ боя, предложеннаго ему морскими силами Мехмедъ-Али, и укрылся въ Мраморное море; азіатскія провинціи съ ихъ крѣпостями быстро падали, одна за другою, передъ побѣдоносными египтянами; всѣ средства защиты были истощены; посланники англійскій и французскій, продолжая свои обѣщанія, равнодушно смотрѣли на осуществленіе плановъ мятежнаго паши и на приближающееся паденіе Порты. Уже тогда только устрашенный султанъ созналъ, гдѣ ему должно искать спасенія, и обратился къ нашему императору съ усиленными просьбами о той помощи, отъ которой прежде такъ упорно отказывался. Извѣстіе о семъ пришло въ Петербургъ въ воскресенье масленицы. Государь и императрица были въ это время на танцовальномъ завтракѣ у графа Кочубея, пригласившаго къ себѣ все высшее общество столицы. Государь дважды удалялся изъ шумнаго собранія почти незамѣтно, всего на какой нибудь часъ, а между тѣмъ ему этого времени достаточно было для передачи своихъ приказаній министрамъ: иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому. Въ тотъ же вечеръ отправили курьеровъ съ повелѣніемъ уже готовой заранѣе бригадѣ плыть на линейныхъ корабляхъ въ Константинополь, подъ начальствомъ того же самаго генерала Муравьева, только что возвратившагося изъ египетской своей миссіи. Всего черезъ 12-ть дней отъ полученія извѣстія, а именно 8-го февраля, корабли наши, съ двумя пѣхотными полками, артиллеріею и нѣсколькими сотнями казаковъ, уже плыли по Босфору, къ крайнему удивленію иностранныхъ посольствъ, къ живой радости султана и къ испугу всѣхъ приверженцевъ честолюбивыхъ замысловъ египетскаго паши. Хотя это неожиданное появленіе нашего вспомогательнаго отряда тотчасъ удержало Ибрагима отъ дальнѣйшихъ дѣйствій, однако, по новому ходатайству Порты и для большаго еще обезпеченія успѣха, въ подкрѣпленіе къ первой бригадѣ послали еще другую также на судахъ, которыми увеличились наши морскія силы подъ стѣнами древней Византіи. Войска были высажены на Азіатскій берегъ, противъ Терапіи, а небольшой отрядъ турецкой гвардіи, оставшійся еще въ распоряженіи султана, расположился возлѣ нашего и отданъ былъ подъ команду Муравьева. Между тѣмъ, при необходи-

Библиотека "Руниверс"

мости соединить въ этой экспедиціи подъ одно главное завѣдываніе часть политическую съ управленіемъ флота и сухопутнаго войска, въ Константинополь былъ посланъ графъ Орловъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Султанъ осыпалъ его почестями; открытое и любезное обращеніе графа привлекло къ нему всѣ партіи, и онъ внушилъ полное къ себѣ довѣріе даже самымъ мнительнымъ сановникамъ Порты, а дисциплина и отличное поведеніе нашихъ войскъ изгладили всѣ слѣды той недовѣрчивости, которую турки, по старинной своей ненависти къ русскимъ, не могли не ощутить на первыхъ порахъ появленія нашихъ войскъ вблизи ихъ столицы. Иностранные дипломаты, испуганные этимъ новымъ усиленіемъ нашего значенія въ такомъ краѣ, который Англія и Франція желали видѣть подчиненнымъ лишь своему вліянію, всемѣрно старались возбудить въ умахъ султана и его совѣтниковъ прежній страхъ и прежнія подозрѣнія противъ Россіи, но миновавшая опасность была слишкомъ велика, и помощь наша слишкомъ дѣйствительна, чтобы ихъ наговоры могли потрясти то чувство благодарности, которымъ Турція считала себя обязанною русскому императору.

Орловъ заявилъ, что срокъ пребыванія въ Турціи ввѣренныхъ главному его начальству сухопутныхъ и морскихъ силъ будетъ зависѣть отъ поведенія египетскаго паши, что послѣдній обѣщалъ генералу Муравьеву прекратить непріятельскія дѣйствія и возвратиться къ покорности, что онъ не сдержалъ своего слова, и что непремѣнная воля императора Николая есть принудить его къ тому; слѣдственно, что иностраннымъ державамъ, желающимъ удаленія нашихъ войскъ, остается лишь употребить свое вліяніе на Мехмедъ-Али, и какъ только египтяне начнутъ отступать и обезпечатъ должнымъ образомъ прочность мира, такъ и русскія войска не замедлятъ оставить турецкія владѣнія.

Твердый тонъ Орлова, приготовленія нашего отряда къ долговременной стоянкѣ въ занятыхъ имъ мѣстахъ, наконецъ доброе согласіе, продолжавшее господствовать между нами и турками, убѣдили дипломатію, что ей остается только помогать Орлову въ его намѣреніяхъ. Иностранныя посольства въ Константинополѣ отправили нарочныхъ офицеровъ къ Ибрагиму съ приглашеніемъ прекратить военныя дѣйствія, а къ отцу его съ приглашеніемъ ускорить исходатайствованіе у Порты прощенія его бунта.

Пока эти посланцы спѣшили въ Египетъ, а по всѣмъ большимъ дорогамъ скакали курьеры съ извѣстіемъ о прибытіи нашего флота въ Константинополь, графъ Орловъ давалъ праздники султану и посламъ, устраивалъ на берегахъ Босфора и на своихъ корабляхъ великолѣпныя иллюминаціи и показывалъ туркамъ русскія военныя эволюціи. Нашему вѣку дано было видѣть необычайное зрѣлище: русскихъ войскъ, пришедшихъ спасти Порту Оттоманскую, столѣтіями враждовавшую съ

Библиотека "Руниверс"

Россіей, войскъ, за три года до того заставлявшихъ трепетать Константинополь, а теперь дружественно стоявшихъ подъ его стѣнами; наконецъ русскихъ судовъ, которыхъ выстрѣлы раздавались у входа въ проливъ, защищавшихъ теперь столицу Турціи отъ мятежнаго паши, наперекоръ зависти и морскому владычеству Англіи. Соединенныя усилія посольствъ и страхъ, внушенный присутствіемъ нашихъ войскъ, скоро привели къ рѣшенію вопроса. Мехмедъ-Али согласился признать себя вассаломъ Турціи и платить ей дань. Ибрагимъ получилъ повелѣніе отступить. Постановлено было точнѣе опредѣлить границы подъ гарантіею заинтересованныхъ державъ, и всѣ затрудненія были устранены.

Орловъ послалъ офицера главнаго штаба Дюгамеля удостовѣриться въ отступленіи Ибрагима и объявилъ, что ждетъ лишь его донесенія, чтобы возвратиться съ своимъ отрядомъ въ Россію. Никто не вѣрилъ въ близость отступленія, однако едва только Дюгамель донесъ, что Ибрагимъ удалился до назначеннаго нами пункта, Орловъ испросилъ прощальную аудіенцію у султана, и весь вспомогательный корпусъ уже плылъ по Босфору, салютуя спасенной имъ столицѣ. Иностранцы изумились столь точному исполненію даннаго слова. Дипломаты только еще обсуждали, какъ бы исторгнуть проливы изъ нашихъ рукъ, а наши войска уже находились внѣ предѣловъ Турціи. Это великодушіе заставило умолкнуть нашихъ враговъ, привязало къ намъ султана, увеличило значеніе наше на Востокѣ и страхъ, внушаемый нами западу. Орловъ заключилъ съ Портою оборонительный и торговый трактатъ, по которому дарованы были и новыя льготы коммерческимъ судамъ всѣхъ націй при проходѣ ихъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ. По подписаніи трактата Орловъ уѣхалъ, осыпанный подарками и изъявленіями благодарности ему и его монарху. Султанъ роздалъ ордена всѣмъ начальникамъ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ и установилъ особую медаль для всѣхъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, участвовавшихъ въ этой достопамятной экспедиціи. Нашъ государь съ своей стороны также велѣлъ выбить въ память о ней медаль, которою были награждены всѣ наши войска, находившіяся въ Константинополѣ[1].

Въ ту же зиму, когда все это происходило на далекомъ Востокѣ, государь, не развлекаясь сими событіями, дѣятельно занимался своимъ постояннымъ трудомъ — улучшеніемъ внутренняго управленія государства. Кромѣ переформированія всѣхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ нашей арміи, вслѣдствіе дознанной опытами послѣднихъ войнъ малочисленности ихъ состава, на что при превосходномъ устройствѣ военной отчетности потребовалось не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — важнѣйшимъ событіемъ этой эпохи было изданіе «Свода законовъ»,

[1] Императоромъ Николаемъ отмѣчено: «Неправда, у насъ за эту экспедицію медали не было дано, а таковая была учреждена за минувшую войну 1828 и 1829 годовъ».

Библиотека "Руниверс"

приведеннаго къ окончанію неусыпными трудами М. М. Сперанскаго, подъ бдительнымъ надзоромъ самого государя. Этотъ огромный трудъ, столько разъ со временъ Петра Великаго безплодно переначинаемый, былъ наконецъ довершенъ всего въ восемь лѣтъ.

31 января императоръ Николай неожиданно явился въ государственный совѣтъ и, занявъ мѣсто между его членами, произнесъ длинную и подробную рѣчь, поразившую всѣхъ своею ясностію, послѣдовательностью и силою, о необходимости для Россіи систематическаго свода изданныхъ въ разныя времена законовъ, еще сохраняющихъ свою силу. Онъ заключилъ ее тѣмъ, что этотъ «Сводъ» теперь оконченъ, и всякому члену предоставляется выразить свое мнѣніе о его достоинствѣ и о той эпохѣ, съ которой, по разсмотрѣніи его во всѣхъ частяхъ, онъ долженъ будетъ воспріять свою силу. Министръ юстиціи Дашковъ представилъ нѣкоторыя замѣчанія собственно на редакцію «Свода», не оспаривая впрочемъ основной его идеи, и всѣ прочіе члены признали ее въ высшей степени полезной. Сперанскій и государь не отстаивали своей работы, сознаваясь, что и она, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, можетъ имѣть свои недостатки. Положено было: «Сводъ» обнародовать, присвоивъ ему съ этого же времени силу закона, и назначить двухлѣтній срокъ на представленіе отъ подлежащихъ властей всѣхъ замѣчаній, какія, по опыту и познаніямъ ихъ, могли бы представиться по той или другой статьѣ. По окончаніи этого достопамятнаго засѣданія, государь, не выходя изъ совѣта, обнялъ Сперанскаго и надѣлъ на него снятую съ себя самого Андреевскую звѣзду, въ награду славнаго его труда, памятника долговѣчнѣйшаго, чѣмъ всѣ завоеванія, столь часто обращающіяся въ несчастія народовъ.

16-го мая государь предпринялъ новую поѣздку по своей имперіи. Мы остановились прежде всего въ Псковѣ, въ которомъ онъ еще не бывалъ. Переночевавъ здѣсь и осмотрѣвъ на другой день общественныя заведенія, государь отправился въ Динабургъ, гдѣ за окончаніемъ уже всѣхъ работъ онъ желалъ лично присутствовать при освѣщеніи крѣпости. Гарнизонъ и всѣ расположенныя въ окрестностяхъ войска были разставлены на валѣ, по всѣмъ извилинамъ куртинъ и бастіоновъ. Послѣ торжественнаго богослуженія въ церкви всѣ вышли на тотъ бастіонъ, который предназначенъ былъ для поднятія крѣпостного флага, и когда послѣдній взвился на верхъ мачты, войска и крѣпостныя орудія салютовали освященію этой величественной и грозной твердыни. Особенно примѣчательнаго случилось тутъ то, что въ минуту окропленія флага святой водою и потомъ поднятія его всѣхъ насъ оросило дождемъ при совершенно чистомъ и ярко сіявшемъ небѣ. Солдатамъ это показалось особеннымъ чудомъ, изліяніемъ милости Божіей на новую крѣпость, и ихъ «ура» загремѣло отъ того еще громче. За симъ го-

Библиотека "Руниверс"

сударь въ предшествіи духовенства со святою водою и въ сопровожденіи своей свиты обошелъ весь валъ и всѣ стоявшія на немъ войска, которыя отдавали ему честь. Величественное это зрѣлище привлекло множество народа изъ всѣхъ окрестностей. Въ заключеніе церемоніи войска, сойдя съ вала, выстроились въ колонны за эспланадою, гдѣ государь сдѣлалъ имъ смотръ.

Изъ Динабурга мы поѣхали въ Ригу, по дорогѣ на древній Кокенгузенскій замокъ, лежащій на крутомъ берегу Двины. Во весь этотъ путь я находился въ смертельномъ безпокойствѣ вслѣдствіе полученныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній о покушеніи на жизнь государя, замышляемомъ будто бы именно въ этой мѣстности. Онъ, всегда увѣренный въ покровительствѣ Божіемъ, не обращалъ на эти слухи, дошедшіе до него, ни малѣйшаго вниманія и спалъ въ коляскѣ сномъ праведнаго. Я же, сидя возлѣ него, безпрестанно глядѣлъ во всѣ стороны и старался бодрствовать за него. Намъ было писано изъ Лондона, Парижа и Гамбурга, а, кромѣ того, мы прочли въ нѣсколькихъ перехваченныхъ письмахъ, что цѣлое, довольно многочисленное общество, состоящее большею частію изъ польскихъ выходцевъ, поклялось лишить жизни государя, и что для исполненія этого гнуснаго замысла выбраны окрестности Динабурга и Риги. Я послалъ нѣсколько человѣкъ впередъ провѣдать дорогу; но убійцѣ такъ легко скрыться подъ одеждою крестьянина или просителя, что часто одинъ только счастливый случай можетъ способствовать его открытію. Единственная предосторожность, дозволенная мнѣ государемъ, состояла въ томъ, что у насъ на козлахъ сидѣлъ линейный казакъ, одинъ изъ числа тѣхъ 20-ти, которые въ Петербургѣ причислены къ гвардейскому корпусу.

Слухъ объ этомъ замыслѣ распространился и въ публикѣ; русскіе, путешествовавшіе по Германіи, писали о немъ своимъ родственникамъ въ Петербургѣ, какъ о вещи гласной, для предваренія о томъ государя. Въ Пруссіи и Польшѣ назначали эпохою убійства его именно эту поѣздку. Петербургская публика испугалась и умоляла меня со всѣхъ сторонъ о величайшей осмотрительности. Но съ императоромъ Николаемъ не могло быть рѣчи о какихъ либо мѣрахъ предосторожности: онѣ были чужды его свойствамъ и тому безпредѣльному упованію, которое онъ полагалъ на Провидѣніе. «Богъ — мой стражъ! — говаривалъ государь въ подобныхъ случаяхъ: — и если я уже не нуженъ болѣе для Россіи, то онъ возьметъ меня къ Себѣ!»

На этотъ разъ все, однако же, миновалось благополучно. Мы прибыли въ Ригу среди дня, проѣхавъ, по обыкновенію, цѣлую ночь. Рижскіе жители приняли государя тѣмъ съ большимъ восторгомъ, что уже и въ Ригѣ сталъ извѣстенъ названный слухъ. Въ слѣдующее утро при разводѣ на эспланадѣ я замѣтилъ, что впереди народа вездѣ становп-

Библиотека "Руниверс"

лись съ испытующимъ взглядомъ дворяне и почетнѣйшіе граждане, какъ бы стѣною окружая государя для огражденія его отъ злонамѣренныхъ попытокъ.

Войска, стоявшія въ Ригѣ, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя такъ храбро сражались въ Польшѣ, подъ начальствомъ графа Палена. Государь остался доволенъ имъ.

Осмотрѣвъ все заслуживающее его вниманія и почтивъ присутствіемъ балъ въ залѣ Черноголовыхъ, государь отправился въ Ревель. По выѣздѣ изъ Риги, насъ очень удивило множество щеголеватыхъ всадниковъ, которые до половины второй станціи то обгоняли насъ, то ѣхали навстрѣчу, не теряя изъ вида государевой коляски. Оказалось, что это были молодые дворяне и купцы, которые подъ видомъ прогулки разсыпались по всей дорогѣ для сопровожденія и возможнаго охраненія государя. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ такимъ знакомъ преданности, и эта свита отстала наконецъ отъ насъ только по успленнымъ его настояніямъ.

У въѣзда въ Екатеринентальскій садъ, въ обѣденную пору, насъ встрѣтило цѣлое общество, пріѣхавшее изъ Петербурга въ Ревель, по уговору со мною, навѣстить меня въ моемъ Фаллѣ. То были датскій посланникъ графъ Блумъ, вице-канцлеръ графъ Нессельроде, оберъ-шенкъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ и графъ Матусевичъ. Государь тотчасъ пригласилъ ихъ къ себѣ во дворецъ и очень весело принялъ эту веселую компанію.

Часть флота, стоявшая въ это время на Ревельскомъ рейдѣ, своимъ присутствіемъ еще болѣе украшала и безъ того безподобный видъ съ дворцоваго балкона. Государь, узнавъ, что императрица ѣдетъ тоже въ Ревель, чтобы сдѣлать ему сюрпризъ, тотчасъ по окончаніи обѣда сѣлъ одинъ въ маленькую фельдъегерскую бричку и поскакалъ навстрѣчу своей супругѣ. Спустя нѣсколько часовъ, громкія «ура» возвѣстили ихъ пріѣздъ. Императрица еще въ первый разъ была въ Ревелѣ и въ томъ дворцѣ, который, бывъ нѣкогда жилищемъ Петра Великаго и его супруги, болѣе вѣка стоялъ въ запустѣніи. Императоръ Николай и императрица Александра были первою императорскою четою, поселившеюся временно въ этомъ дворцѣ, послѣ великихъ ихъ предшественниковъ.

Черезъ день послѣ своего пріѣзда государь съ императрицею почтили посѣщеніемъ мой скромный Фалль. Это было 27-е мая, день перехода нашей арміи черезъ Дунай, въ 1828 году. Государь, вспомнивъ о томъ, милостиво отозвался, что ему пріятно провести этотъ день у меня. Сады, домъ, его убранство, все понравилось государю. Передъ обѣдомъ сдѣлали большую прогулку, а за столомъ онъ умѣлъ

Библиотека "Руниверс"

придать всѣмъ истинную веселость и непринужденность. Къ ночи же мы цѣлымъ обществомъ возвратились въ Ревель.

На слѣдующій день государь сдѣлалъ смотръ флоту, который салютовалъ изъ всѣхъ орудій. Императорскій флагъ также со временъ Петра Великаго не развѣвался на Ревельскомъ рейдѣ. Подъ вечеръ государь сѣлъ на одинъ изъ кораблей эскадры и велѣлъ дать ей сигналъ къ отплытію. Очень слабый вѣтеръ медленно понесъ суда, и мы съ берега долго могли любоваться этимъ величественнымъ зрѣлищемъ. Императрица со свойственною ей привѣтливостію и ласкою собрала вокругъ себя всѣхъ моихъ петербургскихъ гостей и все высшее ревельское общество; народъ и дѣти толпились около нея; она со всѣми разговаривала и радовалась общему усердію и веселію. Послѣ ужина императрица сѣла на пароходъ «Ижора» и скоро догнала флотъ, слѣдовавшій къ Свеаборгу, который государю хотѣлось ей показать. Оттуда они поѣхали вмѣстѣ водою же въ Петергофъ, а я съ моими гостями проѣхалъ прямо въ Фалль и черезъ нѣсколько недѣль возвратился къ отправленію моихъ обязанностей.

Слухи о польскихъ злоумышленіяхъ оправдались послѣдствіями: въ іюнѣ 1833 года явилось изъ-за границы нѣсколько эмиссаровъ; одни изъ нихъ прокрались въ царство Польское, и отсюда часть ихъ успѣла проникнуть даже въ Виленскую губернію; другіе же, разсчитывая на сочувствіе своихъ соотечественниковъ, сбросили личину и вторглись вооруженною рукою въ наши предѣлы со стороны Галиціи, бросились на казачьи пикеты, оберегавшіе пограничную линію, безчеловѣчно умертвили нѣсколько солдатъ, захваченныхъ ими врасплохъ въ ближнихъ избахъ, и подняли знамя національнаго возстанія. Собранный наскоро небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ устремился противъ этой шайки, упоенной ложными надеждами и шампанскимъ. Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ эти полоумные патріоты обратились въ бѣгство съ тою же поспѣшностью, съ какою ворвались къ намъ. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ, а остальные спаслись, лишь благодаря быстротѣ своихъ лошадей и близости границы. Точно также и другіе эмиссары, вкравшіеся къ намъ для воззванія къ мятежу, разбѣжались во всѣ стороны, и нѣкоторые изъ нихъ тоже были пойманы или выданы своими единоземцами. Такъ окончилась нелѣпая и гнусная попытка, послужившая только новымъ доказательствомъ безразсудства этой націи. Несчастные ввели въ бѣду многихъ своихъ родственниковъ, равно какъ и мирныхъ жителей, не донесшихъ по слабости или по излишней довѣренности объ ихъ убѣжищахъ. Судъ надъ попавшими къ намъ въ руки былъ коротокъ: тѣхъ, которые обагрили себя кровью нашихъ солдатъ, умертвили, другихъ сослали или заключили въ тюрьмы. Старались обвинять какъ мож-

Библиотека "Руниверс"

но меньше людей, и вскорѣ объ этихъ безумцахъ вспоминали, лишь проклиная ихъ за усилившіяся, по поводу ихъ покушенія, мѣры строгости и надзора со стороны правительства. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, по имени Шиманскій, пойманный въ Литвѣ и осужденный къ висѣлицѣ, вымолилъ себѣ жизнь искреннимъ раскаяніемъ и показаніями, казавшимися чистосердечными. Его привезли въ Петербургъ, гдѣ я говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ. Онъ излилъ передо мною, казалось, всю душу; назвалъ всѣхъ соучастниковъ; передалъ мнѣ всѣ замыслы парижскихъ революціонныхъ комитетовъ, средства, употребляемыя ими для обольщенія легкомысленныхъ умовъ, требуемую ими присягу и даваемыя ими ихъ адептамъ инструкціи, наконецъ показанія свои заключилъ просьбой дозволить ему служить нашему государю, обѣщая при этомъ служить съ тѣмъ же усердіемъ и рвеніемъ, съ какими служилъ дѣлу, признаваемому теперь имъ самимъ за безчестное и преступное. Я ему повѣрилъ, и онъ получилъ полную свободу, а его мать, бывшая въ отчаяніи отъ поведенія сына и находившаяся, притомъ, въ большой бѣдности, была успокоена назначеніемъ ей денежнаго пособія. Шиманскій, растроганный такимъ великодушіемъ, уѣхалъ въ Германію и доставилъ мнѣ изъ Берлина, а послѣ изъ Франкфурта, весьма полезныя указанія о демагогическихъ замыслахъ противъ Россіи. По прибытіи же въ Парижъ, онъ вдругъ написалъ мнѣ гнуснѣйшее письмо, наполненное самыхъ грязныхъ ругательствъ противъ императора Николая и угрозъ противъ жизни того, кто избавилъ его отъ смерти.

Тѣмъ же лѣтомъ мнѣ доложили объ одномъ молодомъ полякѣ, желающемъ сообщить мнѣ наединѣ какую-то тайну. Я принялъ его въ моемъ кабинетѣ, и онъ сознался безъ всякой утайки, что пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отомстить за порабощенное свое отечество и освободить міръ отъ тирана Николая. Лучшимъ доказательствомъ того, что у него достало бы духу для исполненія такого замысла, можетъ служить его настоящее сознаніе; слыша за границей о постыдномъ будто бы рабствѣ Польши и повѣривъ всему сообщенному ему и прочитанному имъ тамъ, онъ считалъ Россію несчастною, а государя ненавидимымъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, сойдясь съ нѣкоторыми своими соотечественниками, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ ихъ на свободѣ, нѣкоторыхъ на службѣ и въ орденахъ и всѣхъ отдающихъ справедливость высокимъ качествамъ государя; что такое же удивленіе возбуждено было въ немъ благосостояніемъ, спокойствіемъ и довольствомъ жителей этой великолѣпной и обширной столицы; наконецъ, что посреди встрѣченныхъ вездѣ знаковъ любви и преданности къ императору Николаю ненависть его превратилась въ благоговѣніе, когда онъ увидѣлъ государя, и теперь онъ пришелъ предать себя тому наказанію, какое за-

Библиотека "Руниверс"

служивастъ замышленное имъ преступленіе. Я отвѣчалъ, что его раскаяніе и признаніе достаточно очищаютъ преднамѣренную имъ вину, что онъ остается на свободѣ, и что о всемъ слышанномъ я доложу государю. Спустя нѣсколько дней, онъ былъ вытребованъ въ Петергофъ, и я вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ кабинетъ его величества. Государь принялъ его съ тою простотою и съ тѣмъ искреннимъ прямодушіемъ, которыя всегда такъ поражали имѣвшихъ счастіе впервые видѣть нашего монарха. Онъ разспросилъ молодого человѣка о его жизни и причинахъ его рѣшимости. Полякъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ повторилъ все уже сказанное мнѣ. На вопросъ государя о будущихъ его планахъ онъ отвѣчалъ, что желаетъ посвятить всю свою жизнь службѣ царской. «Гдѣ?» — «Въ царствѣ Польскомъ», и государь велѣлъ мнѣ написать фельдмаршалу Паскевичу, чтобы онъ опредѣлилъ молодого человѣка на службу и употребилъ бы его по его желанію и способностямъ. Послѣдній, вышедъ изъ государева кабинета въ неописанномъ волненіи, пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Я сумѣю заслужить такія милости и такое великодушіе безпредѣльною моею преданностью».

Въ этомъ году еще одинъ бичъ поразилъ Россію и далъ государю новый случай обнаружить свою дѣятельность и свою отеческую заботливость о ввѣренной ему странѣ. Имперія почти на всемъ ея пространствѣ была постигнута неурожаемъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земля не дала ровно ничего. Травы погорѣли, хлѣбъ не уродился, огороды стояли пустые, и даже картофель весь погибъ. Многочисленныя стада овецъ, главное богатство плодородныхъ южныхъ нашихъ губерній, гибли тысячами отъ недостатка корма. Рогатый скотъ дохъ, и малороссійскіе крестьяне теряли съ нимъ послѣднія средства къ существованію. На широкихъ равнинахъ земли войска Донского и на Кавказской линіи лучшіе и многочисленнѣйшіе табуны лошадей исчезали за неимѣніемъ ни пастбищъ, ни даже воды, изсякшей отъ продолжительной засухи. Вездѣ сельское населеніе было доведено до крайности, и жителямъ многихъ мѣстностей грозили всѣ ужасы голодной смерти.

Государь настоятельно повелѣлъ комитету министровъ озаботиться о мѣрахъ отвращенія народныхъ бѣдствій и обезпеченія продовольствія и будущихъ посѣвовъ; разослалъ своихъ флигель-адъютантовъ для надзора за раздачею хлѣба и денегъ наиболѣе нуждающимся. Снабдивъ начальниковъ губерній и предводителей дворянства особыми полномочіями, велѣлъ открыть повсемѣстно казенные магазины и сдѣлать значительныя покупки хлѣба въ нѣмецкихъ портахъ для восполненія недостатка; наконецъ предназначилъ изъ государственнаго казначейства для покрытія настоятельныхъ нуждъ свыше 20-ти милліоновъ рублей.

Библиотека "Руниверс"

Невѣроятная дѣятельность государя, которую онъ умѣлъ сообщить и мѣстнымъ властямъ, спасла Россію отъ голода и еще болѣе увеличила къ нему любовь и благодарность.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду австрійскій императоръ Францъ изъявлялъ желаніе лично познакомиться съ нашимъ государемъ. Революціи французская и бельгійская, безумный польскій мятежъ, который отозвался и въ Галиціи, волненія въ Италіи и Швейцаріи, преобразовательныя доктрины въ Англіи и порывы къ общему равенству въ Германіи, — все это вмѣстѣ испугало вѣнскій дворъ и заставило его забыть обычную свою завистливость къ могуществу Россіи и искать возобновить тѣ связи съ нею, которыя въ 1814 и 1815 годахъ возвратили Австріи ея независимость и первенство въ Германіи. Посолъ австрійскій въ Петербургѣ, графъ Фикельмонъ, уже умѣлъ ловко и вмѣстѣ прямодушно подготовить это сближеніе, указанное мудрою и предусмотрительною политикою, и необходимость котораго сами мы давно видѣли.

Пруссія, всегда шаткая въ своихъ планахъ, всегда возбуждаемая воинственнымъ и неосторожнымъ жаромъ своихъ принцевъ, въ противоположность съ постояннымъ спокойствіемъ своего короля, раздвоенная въ своихъ правительственныхъ началахъ между монархической арміей и либеральнымъ среднимъ сословіемъ, также чувствовала необходимость снова присоединиться къ старому союзу, воскресившему ее въ 1814 и 1815 годахъ и представлявшему единственный якорь спасенія противъ конституціонныхъ и демагогическихъ идей, волновавшихъ ея провинціи.

Австрія и Пруссія сознали наконецъ, что императоръ Николай былъ краеугольнымъ камнемъ, о который должны были опираться сила монархическихъ державъ и миръ Европы. Онъ одинъ могъ сопротивляться замысламъ демократіи и революціоннаго движенія, связавшаго Лондонъ съ Парижемъ.

Отсюда родилась мысль о личномъ совѣщаніи между монархами Австріи, Пруссіи и Россіи, съ жаромъ воспринятая императоромъ Николаемъ, постигавшимъ всю ея необходимость для поддержанія мощною его рукою колебавшихся троновъ. Но, чтобы не слишкомъ встревожить прочіе кабинеты созваніемъ офиціальнаго конгресса, онъ рѣшился свидѣться съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ порознь съ каждымъ. Для этого свиданія король прусскій выбралъ Шведтъ, а австрійскій императоръ городокъ Мюнхенгрецъ.

15-го августа, вечеромъ, государь, взявъ съ собою князя Волконскаго, графа Орлова и меня [1], сѣлъ у Петергофа на пароходъ «Ижора». Къ разсвѣту мы были уже въ открытомъ морѣ и разсчитывали

[1] Въ свитѣ находились еще генералъ-адъютантъ Адлербергъ и флигель-адъютантъ князь Суворовъ.

Библиотека "Руниверс"

уже заранѣе день и часъ нашего прибытія въ Штетинъ, куда отправили наши экипажи для переѣзда въ Швед'ъ. Вдругъ сталъ разыгрываться вѣтеръ, и постепенно развилось страшное волненіе, отъ котораго нашъ легкій пароходъ, построенный лишь для прогулокъ между Петергофомъ и Кронштадтомъ, бросало, какъ мячикъ. Къ тому же «Ижора» вмѣщала въ себѣ топлива только на трое сутокъ, и при бурѣ, замедлявшей нашъ ходъ, мы рисковали остаться въ морѣ безъ угольевъ. Капитанъ судна объявилъ, что необходимо обождать конца бури, укрывшись въ сосѣдней бухтѣ у Эстляндскихъ береговъ, и мы, покоряясь его приговору, принуждены были стать на якорь, въ виду лѣсистыхъ береговъ, верстахъ въ сорока отъ Ревеля. Качка была и тутъ страшная, вѣтеръ не ослабѣвалъ, стало очень холодно. Капитанъ крайне тревожился нашимъ положеніемъ, и самъ государь начиналъ безпокоиться о потерѣ времени, зная, что король пріѣдетъ въ Швед'ъ къ назначенному дню, а принцъ прусскій уже выѣхалъ въ Штетинъ навстрѣчу намъ. Впослѣдствіи мы узнали, что эта буря свирѣпствовала на всей Балтикѣ и, потопивъ множество судовъ, дала поводъ иностраннымъ газетчикамъ разгласить, что императоръ Николай былъ поглощенъ волнами со всею своею свитою.

Уже слишкомъ двѣнадцать часовъ какъ насъ нестерпимо качало на брошенныхъ якоряхъ, при ежеминутной опасности, если бы цѣпи порвались, быть выброшенными на утесистый берегъ. Вѣтеръ не перемѣнялъ направленія и продолжалъ гудѣть все съ одинаковою силою. Тогда капитанъ предложилъ, какъ единственное средство выйти изъ этого тягостнаго положенія, итти по вѣтру, обратно въ Кронштадтъ. Государь собралъ насъ въ свою каюту на совѣщаніе и весело потребовалъ мнѣнія этого импровизированнаго совѣта. Мы поспѣшили согласиться съ капитаномъ, и «Ижора» быстро понеслась къ Кронштадту, къ великой радости Волконскаго, небольшого охотника до бурь, тутъ же заказавшагося ѣхать когда нибудь впредь водою. 17-го, вечеромъ, мы прибыли въ Петергофъ, но нашли его уже опустѣвшимъ. Дворъ уже переѣхалъ въ Царское Село, а у пристани не было даже катера, чтобы перевезти насъ на берегъ. Государь со мною переѣхалъ туда на маленькой пароходной гичкѣ и тотчасъ отправился въ дрожкахъ въ Стрѣльну, откуда полетѣлъ на перекладной въ Царское Село, велѣвъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ для приготовленій къ поѣздкѣ въ Пруссію сухимъ путемъ. Буря на сушѣ была такъ же сильна, какъ и въ морѣ; въ Петербургѣ вода, чрезвычайно повысясь въ Невѣ и въ каналахъ, затопила нѣсколько кварталовъ, а вѣтромъ поломало и вырвало съ корнями множество деревъ. Всѣ въ городѣ трепетали за жизнь государя, и извѣстіе о его благополучномъ возвращеніи распространило общую радость.

Библиотека "Руниверс"

На другой день вечеромъ государь и я уже катились въ коляскѣ по Нарвскому тракту. Лошади были заготовлены вездѣ на мое имя, и мы пронеслись, не останавливаясь до прусской границы. На станціяхъ въ Россіи, разумѣется, узнавали государя, а въ Таурогенѣ управляющій таможнею, не зная, что заключить изъ такого инкогнито, ограничился глубокимъ поклономъ нашей коляскѣ. Проѣхавъ съ такою же быстротою черезъ Тильзитъ и Кёнигсбергъ, мы только въ Эльбингѣ вышли изъ коляски, чтобы позавтракать, пока смазывали колеса. Государь продолжалъ, къ большому своему удовольствію, разыгрывать роль моего адъютанта, что часто давало поводъ къ смѣшнымъ сценамъ съ почтмейстерами. Проскакавъ такимъ образомъ пятеро сутокъ, ни разу не обѣдавши, мы остановились на той станціи, гдѣ дорога въ Шведтъ отдѣляется отъ Берлинскаго шоссе, чтобы выбриться и смѣнить бѣлье. Здѣсь, пока хозяйка готовила намъ кофе, почтмейстеръ вступилъ въ разговоръ съ мнимымъ моимъ адъютантомъ, который занимался своимъ туалетомъ стоя, тогда какъ я преспокойно сидѣлъ передъ столомъ. На вопросъ, есть ли въ Шведтѣ какія нибудь свѣдѣнія о плаваніи государя, почтмейстеръ съ самодовольнымъ видомъ разсказалъ о полученномъ имъ сію минуту частномъ письмѣ, извѣщающемъ, что русскій императоръ вчера благополучно сошелъ на берегъ въ Штетинѣ, къ успокоенію чрезвычайно тревожившейся о немъ королевской фамиліи. «Слышите ли, генералъ?» — сказалъ мнѣ государь. — «Слава Богу», — отвѣтилъ я и благодарилъ почтмейстера за добрую вѣсть. На третьей станціи оттуда, государь одѣлся въ прусскій генеральскій мундиръ и остальную до Шведта дорогу сдѣлалъ одинъ, въ приготовленной для фельдъегеря бричкѣ. Я старался не отставать отъ него въ нашей коляскѣ, но онъ ускакалъ далеко впередъ, и въ то время, какъ король предавался жестокому безпокойству, а наслѣдный принцъ не сходилъ съ плотины у гавани, чтобы тотчасъ дать знать, когда покажется «Ижора», — государь вдругъ появился въ Шведтскомъ дворцѣ съ совсѣмъ противоположной стороны. Радость о его прибытіи была общая, какъ въ королевскомъ семействѣ, такъ и между всѣми военными и жителями, знавшими, какою опасностью буря угрожала зятю ихъ короля.

Въ Шведтѣ, сверхъ членовъ королевской фамиліи и наслѣднаго принца Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, супруга сестры нашей императрицы, находились только герцогъ Кумберландскій, первый генералъ-адъютантъ короля, Вицлебенъ, и прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Ансильонъ.

Насъ помѣстили во дворцѣ, гдѣ въ 1805 году, т.-е. 28 лѣтъ тому назадъ, при возвращеніи корпуса графа Толстого изъ Ганновера въ Россію, мы были представлены королю, дотолѣ союзнику Франціи, а тутъ вдругъ рѣшившемуся перейти на нашу сторону и объявить себя противъ Наполеона, за что сей послѣдній черезъ годъ отомстилъ занятіе-

Библиотека "Руниверс"

емъ всей Пруссіи и принудилъ короля удалиться въ Мемель. Въ то время, еще очень молодой, я былъ очарованъ красотой королевы и старался посредствомъ ея фрейлинъ отвлечь ее отъ союза съ Франціей и побудить дѣйствовать въ томъ же смыслѣ своимъ вліяніемъ на короля. На несчастіе Пруссіи, это намъ тогда вполнѣ удалось. Теперь я былъ снова въ томъ же дворцѣ съ моимъ могущественнымъ монархомъ, также искавшимъ склонить прусскій кабинетъ къ совершенному единодушію съ русскимъ, чтобы соединить силы обѣихъ державъ для отраженія всякаго нападенія извнѣ и для совокупной борьбы противъ революціи, гдѣ бы она ни зародилась.

Ансильонъ съ самыхъ первыхъ минутъ разговора развилъ довольно многословно и въ изысканныхъ фразахъ свои политическія идеи, свои опасенія и надежды; онъ заключилъ тѣмъ, что уже настало время перестать быть снисходительнымъ къ разрушительнымъ доктринамъ, угрожающимъ Германіи и цѣлой Европѣ, и что только посредствомъ тѣснѣйшаго союза между Россіею, Австріею и Пруссіею можно остановить разливъ тѣхъ конституціонныхъ утопій, которыя со временъ хищническаго занятія французскаго престола Людовикомъ-Филиппомъ увлекаютъ всѣ умы и колеблютъ всѣ троны. Генералъ Вицлебенъ выражался менѣе сильно и короче; изъ его словъ проглядывало опасеніе разрыва съ Франціей и съ нѣмецкими либералами, которыхъ силы онъ, впрочемъ, преувеличивалъ. Вицлебенъ былъ органъ добрыхъ началъ своего монарха, который ясно видѣлъ зло и вполнѣ постигалъ дѣйствительнѣйшія средства къ его искорененію, но котораго лѣта, прежнія несчастія и теперешнія привычки побуждали желать мира и страшиться войны. Ансильонъ, напротивъ, являлся органомъ наслѣднаго принца, нѣкогда его питомца, который, подобно младшимъ своимъ братьямъ, считалъ прусскую армію первою въ мірѣ и требовалъ войны, какъ требовали ее прусскіе принцы и генералы передъ Іенскою битвою. Самыя событія доказали, однако же, что и Ансильонъ прикрывалъ извѣстными фразами лишь свою слабость или отсутствіе доброй воли. Когда государь изъявилъ свое положительное желаніе, чтобы прусскій министръ ѣхалъ съ нимъ въ Мюнхенгрецъ для поддержки его въ переговорахъ съ австрійскимъ правительствомъ, то Ансильонъ, видя, что въ настоящемъ случаѣ уже нельзя отыграться словами, прямо отказался сопутствовать императору Николаю, прибавивъ даже крайне неловко, что его присутствіе въ Мюнхенгрецѣ не соотвѣтствовало бы достоинству короля. «Какъ! — вскричалъ тутъ нашъ государь: — такъ меня смѣютъ обвинять въ такомъ требованіи, которое унизило бы достоинство моего тестя?» и, увлеченный крайнимъ раздраженіемъ, въ присутствіи принцевъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ излился противъ наглаго министра. Между тѣмъ, самъ король избѣгалъ всякой серіозной бесѣды съ государ-

Библиотека "Руниверс"

ремъ, ограничиваясь одними свиданіями съ нимъ въ семейномъ кругу и изъявленіями ему самой нѣжной, истинно отеческой внимательности и дружбы; потому и переговоры принимали болѣе видъ сплетней, въ которыя всѣ вмѣшивались безъ толка и безъ результата, всякій по личнымъ своимъ видамъ и убѣжденіямъ. Государя все это глубоко огорчало, тѣмъ болѣе, что самъ онъ изъяснялся со всею искренностью и прямотою, свойственными его характеру, его привязанности къ королю и его сочувствію къ судьбамъ Пруссіи, политическому существованію которой грозили гораздо бо́льшія опасности, чѣмъ Австріи и особливо чѣмъ Россіи. Эта безплодная болтовня подняла въ немъ желчь, и онъ внезапно занемогъ. Тутъ, по своему обыкновенію, онъ заперся въ своей комнатѣ, легъ на дорожную постель, состоявшую всего изъ кожанаго мѣшка, набитаго сѣномъ, и запретилъ кого либо къ себѣ впускать, даже и врача, такъ какъ собственный его докторъ, Арендтъ, дожидалъ насъ съ прочими особами свиты за нѣсколько станцій отъ Мюнхенгреца. Испуганный камердинеръ прибѣжалъ сказать мнѣ, что государю очень не хорошо. Я вошелъ къ больному безъ доклада и съ большими усиліями едва убѣдилъ его принять королевскаго доктора, который пощупалъ пульсъ и, прописавъ лѣкарство, объявилъ мнѣ, что государь въ опасности. Окаменѣвъ отъ ужаса, я не зналъ, на что рѣшиться: послать ли нарочнаго за Арендтомъ, который во всякомъ случаѣ поспѣлъ бы не прежде двухъ сутокъ, или пригласить другого доктора изъ Берлина, такъ какъ королевскій докторъ, по отзыву нашего посланника при прусскомъ дворѣ, Рибопьера, не пользовался особенною репутаціею. Всѣ члены королевскаго дома собрались въ аванзалѣ въ смертельной тревогѣ. Государь уснулъ, и я черезъ щель въ дверяхъ слѣдилъ за всѣми его движеніями. Когда онъ проснулся, я вошелъ къ нему въ душевномъ волненіи и доложилъ, что король съ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть. При этихъ словахъ государь вскочилъ съ постели, потребовалъ одѣваться и самъ твердою поступью пошелъ къ августѣйшему своему тестю. Всѣ наши безпокойства разомъ прекратились, и я снова занялся дорожными нашими сборами.

Послѣ рѣшительнаго отказа Ансильона ѣхать при государѣ, необходимо было употребить съ нашей стороны всѣ старанія, чтобы Пруссія на мюнхенгрецкое свиданіе назначила какое нибудь другое довѣренное лицо, безъ чего союзъ трехъ державъ,—главная цѣль нашей поѣздки,—остался бы безъ всякаго внѣшняго проявленія. Послѣ продолжительныхъ толковъ и колебаній и довольно ясно выказаннаго Пруссіей равнодушія, рѣшено было, чтобы ѣхалъ наслѣдный принцъ, но только до прусской границы, гдѣ ему остаться, въ ожиданіи приглашенія австрійскаго императора въ Мюнхенгрецъ. Желаніе государя слѣдственно исполнялось, и для Европы, слѣдившей за обоими этими свиданіями, они

Библиотека "Руниверс"

свидѣтельствовали объ единодушіи, господствующемъ между тремя монархами. Намъ, однако же, дѣло представлялось въ иномъ видѣ, открывая печальную перспективу на слабое сотоварищество Пруссіи и на малонадежную помощь ея кабинета, всегда шаткаго, хитраго и недовѣрчиваго. Король, всѣ члены его дома, нѣсколько генераловъ и офицеровъ питали искреннюю привязанность къ нашему государю; но могущество Россіи внушало всѣмъ зависть; тщеславіе пруссаковъ не позволяло имъ искать въ немъ благотворнаго оплота. Принцы и молодое поколѣніе офицеровъ слишкомъ на себя надѣялись; мечтая о военной славѣ, они домогались войны съ Франціей. Въ этихъ видахъ они склонялись къ союзу, видя въ немъ лишь средство къ нападенію, тогда какъ въ сущности союзъ предназначался для избѣжанія войны, столь горячо желаемой французскими и нѣмецкими революціонерами.

Образъ нашей жизни въ четыре дня, проведенные въ Шведтѣ, былъ довольно однообразенъ. Собирались къ завтраку, потомъ въ часъ къ обѣду, за которымъ сидѣло до 50-ти человѣкъ, и въ $5^1/_2$ къ чаю, послѣ котораго разыгрывались маленькіе фарсы въ дворцовомъ театрѣ, затѣмъ ужинъ, и въ 10 всѣ расходились.

Государь при всѣхъ поѣздкахъ обыкновенно пускался въ путь въ полночь; но въ виду недавняго нездоровья государя король уговорилъ его выѣхать въ 10 часовъ утра, 27-го числа. Онъ поѣхалъ съ наслѣднымъ принцемъ, а я съ полковникомъ Грёбеномъ. Въ слѣдующую ночь мы испытали всю прелесть непоссированныхъ дорогъ и неловкости нѣмецкихъ почтарей. Государя завезли въ поле, а меня опрокинули, при чемъ сломалась коляска, и почтальонъ сильно ушибся. Принцъ прусскій былъ взбѣшенъ этими непріятными приключеніями, заставившими государя пожать плечами, а меня—съ сожалѣніемъ вспомнить о поѣздкахъ нашихъ по Россіи.

На послѣдней прусской станціи, гдѣ наслѣдный принцъ остановился въ ожиданіи приглашенія австрійскаго императора, государя встрѣтилъ посолъ нашъ при вѣнскомъ дворѣ, Татищевъ, котораго онъ посадилъ съ собою въ коляску до Мюнхенгреца. Императоры сошлись другъ съ другомъ очень привѣтливо и со всевозможною искренностью. Престарѣлый и почтенный Францъ, Несторъ коронованныхъ главъ въ Европѣ, былъ видимо тронутъ, заключая въ объятія молодого преемника того Александра, котораго помощь возвратила ему потерянную державу, и дружбою котораго онъ всегда такъ дорожилъ. Николай Павловичъ, съ своей стороны, тотчасъ и со всею искренностью вступилъ въ роль нѣжнаго и почтительнаго племянника, смотрѣвшаго на императора Франца, какъ на брата и сослуживца императора Александра, котораго, по разности лѣтъ и по двадцатипятилѣтнему его царствованію, нашъ государь всегда считалъ истиннымъ своимъ отцомъ. Столь же искренняя

Библиотека "Руниверс"

и сердечна была и встрѣча съ императрицею, трогавшею каждаго заботливою любовью къ августѣйшему своему супругу. Пытливый взглядъ австрійскихъ царедворцевъ съ первыхъ минутъ убѣдился въ совершенномъ согласіи, водворившемся между обоими монархами, а непринужденная скромность нашего государя и почтительная его предупредительность къ ихъ императору, льстя народному самолюбію, вскорѣ уничтожили всѣ предубѣжденія противъ русскаго самодержца, посѣянныя ложью и недоброжелательствомъ.

Въ Мюнхенгрецъ не былъ приглашенъ никто изъ прочихъ членовъ австрійскаго дома, и вообще старались придать этому свиданію, какъ можно менѣе блеска въ обстановкѣ; поэтому выборъ самаго мѣста свиданія и палъ на этотъ незначительный городокъ, собственность одного изъ сопменныхъ потомковъ знаменитаго въ тридцатилѣтнюю войну Валленштейна. Оба монарха помѣщались въ обширномъ замкѣ, въ которомъ нашлось еще довольно мѣста и для великой княгини Маріи Павловны, пріѣхавшей въ Мюнхенгрецъ съ супругомъ своимъ гросъ-герцогомъ Веймарскимъ для свиданія съ государемъ. Прибывшій нѣсколькими днями позже герцогъ Нассаускій остановился въ мѣстечкѣ. Онъ познакомился съ Николаемъ Павловичемъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра и особенно дружески съ нимъ сошелся.

Опередившій насъ нѣсколькими днями графъ Нессельроде уже до нашего пріѣзда вошелъ въ переговоры съ княземъ Меттернихомъ, стоявшимъ на дѣлѣ, по достоинствамъ своимъ, во главѣ вѣнскаго кабинета. Князь, судившій о нашемъ государѣ не по газетнымъ возгласамъ, а по его дѣйствіямъ, питалъ къ нему самое глубокое уваженіе, а императоръ Николай, съ своей стороны, имѣлъ высокое мнѣніе о талантахъ и ловкости этого стараго кормчаго искусной и лукавой австрійской политики. Оба готовились къ свиданію съ нѣкоторымъ смущеніемъ, въ чемъ послѣ и сознались другъ другу. При этомъ свиданіи, происходившемъ въ первое утро послѣ нашего пріѣзда, государь ясно и прямо изобразилъ Меттерниху критическое положеніе, въ которое Европа поставлена самими ея монархами, находящимися подъ гнетомъ постояннаго опасенія либераловъ, заимствующихъ главную свою силу отъ недостатка единодушія между Австріею и Пруссіею, тогда какъ, соединившись искренно между собою и съ Россіею, эти три державы могли бы остановить потокъ революціи, обуздать Францію и Англію и сохранить спокойствіе, или, въ послѣдней крайности, одолѣть знамя мятежа и подавить, по меньшей мѣрѣ, въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ возрастающіе плевелы новой пропаганды. Государь продолжалъ далѣе, что Россія, какъ менѣе другихъ государствъ подверженная опасности, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ интересы Австріи и Пруссіи, что она отнюдь не хочетъ вмѣшиваться въ политическія распри, до нея прямо

Библиотека "Руниверс"

не относящіяся, желая лишь быть надежною опорою для своихъ союзниковъ, но что не допуститъ также чужого вмѣшательства въ вопросы, непосредственно до нея касающіеся, какъ, напримѣръ, польскій и турецкій; наконецъ, что рѣшеніе послѣдняго вопроса должно принадлежать исключительно Россіи съ Австріей, какъ единственнымъ державамъ, коихъ владѣнія смежны съ турецкими.

Князь Меттерних былъ изумленъ поразительною вѣрностію картины, нарисованной ему императоромъ Николаемъ, и призналъ его виды и намѣренія столь справедливыми и полезными въ особенности для Австріи, что поспѣшилъ и по чувству и по разсудку изъявить полное свое согласіе съ ними и, поблагодаривъ государя, торжественно поручился за дружественное и искреннее содѣйствіе своего монарха къ ихъ исполненію. Когда они вышли изъ кабинета, всѣ уже были собраны къ обѣду. Я коротко зналъ Меттерниха въ 18** году въ Парижѣ, гдѣ сблизили насъ любовныя интриги; мы сошлись слѣдственно, какъ старинные знакомцы. «Мюнхенгрецкія конференціи окончены, — сказалъ онъ мнѣ, — бывало, на такихъ съѣздахъ толковали и марали бумагу по цѣлымъ мѣсяцамъ, а у вашего государя другая метода. Онъ въ одинъ часъ все покончилъ и рѣшилъ, такъ что мнѣ къ сказанному имъ не остается ничего прибавить». Старый дипломатъ всячески превозносилъ русскаго императора и разсказывалъ всѣмъ, что сдѣлался его министромъ, такъ какъ сего требовали интересы Австріи и всей монархической Европы. Дѣйствительно, Нессельроде не могъ довольно нахвалиться тѣмъ, какъ съ этихъ поръ Меттернихъ велъ дѣла; между ними не было больше никакихъ споровъ, все шло съ общаго согласія, и кабинеты вѣнскій и петербургскій совершенно соединились въ своей охранительной политикѣ.

На первыхъ порахъ обращеніе князя Меттерниха и особенно молодой его жены съ императорскою четою очень насъ озадачило. Настоящими царями являлись они, а не скромный Францъ и его супруга. Дѣло состояло въ томъ, что императоръ совершенно ввѣрился министру, отъ души преданному его особѣ и его славѣ и занимавшему не легкій свой постъ съ высокимъ искусствомъ и со всѣмъ рвеніемъ. Престарѣлый Францъ, утомленный долговременнымъ царствованіемъ, исполненнымъ столькихъ превратностей, полагался на Меттерниха во всѣхъ дѣлахъ и политическихъ, и домашнихъ, оставляя себѣ лишь внутреннюю администрацію и высшее наблюденіе за правосудіемъ, въ которомъ многолѣтняя опытность и неукорізненное безпристрастіе стяжали ему любовь и благоговѣніе отъ всѣхъ сословій его державы.

Десять дней пребыванія нашего въ Мюнхенгрецѣ проведены были очень тихо, какъ бы въ деревнѣ у какого нибудь богатаго помѣщика. Императоръ Францъ, въ маленькой коляскѣ парою, которою самъ правилъ,

Библиотека "Руниверс"

возилъ нашего государя на охоту, гдѣ они забавлялись стрѣляніемъ фазановъ и другой дичи. Обѣдали всегда всѣ вмѣстѣ, а послѣ обѣда мы играли въ бильярдъ, подъ управленіемъ милой княгини Меттерних. Вечеромъ, выписанные изъ Праги актеры давали представленія на маленькомъ театрѣ въ замкѣ, при звукахъ полковой музыки, нисколько не уступавшей лучшимъ оркестрамъ. Вблизи Мюнхенгреца собрано было нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, двѣ артиллерійскія батареи, одинъ кирасирскій и одинъ гусарскій полкъ, которыхъ австрійскій императоръ представилъ нашему государю на смотръ, привлекшій множество народа изъ Праги и окрестностей. Войско было хорошее, но въ отношеніи къ обученію стояло еще на той же степени, какъ въ эпоху семилѣтней войны. На другой день австрійскій императоръ назначилъ императора Николая шефомъ осмотрѣннаго наканунѣ гусарскаго полка. Черезъ два дня государь, уже одѣтый въ мундиръ своего новаго полка, училъ его и, проведя его церемоніальнымъ маршемъ передъ императорскою четою, пріѣхавшей къ концу ученія, отдалъ ей честь и поднесъ почетный рапортъ. Его безподобная наружность, къ которой какъ нельзя болѣе шелъ венгерскій костюмъ, его прекрасная посадка на лошади и серьезная степенность, съ которою онъ являлся тутъ въ роли полкового командира, произвели самое благопріятное впечатлѣніе на зрителей и восхитили весь полкъ, съ гордостью видѣвшій у себя во главѣ могущественнѣйшаго владыку и красивѣйшаго мужчину во всей Европѣ. Собравъ вокругъ себя офицеровъ, государь въ милостивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ передалъ имъ свои мысли о ихъ обязанностяхъ въ отношеніи монарха Австріи и свои чувства искренней къ нему привязанности. Эти слова, равно какъ и все поведеніе государя, почтеніе, которое онъ оказывалъ Францу I, нѣжная его внимательность къ императрицѣ, откровенность съ придворными, вѣжливость съ дамами, его одинокія прогулки во фракѣ между народомъ, всѣхъ очаровали и душевно привязали къ нему австрійскую императорскую чету. Францъ I, прося его дружбы и покровительства слабому и болѣзненному своему наслѣднику, объявилъ, что въ духовномъ своемъ завѣщаніи поставилъ въ обязанность послѣднему не предпринимать ничего, когда онъ будетъ на престолѣ, безъ совѣта императора Николая. Всѣхъ насъ престарѣлый императоръ также осыпалъ своими ласками, а меня лично часто удостоивалъ откровенными, веселыми и остроумными бесѣдами, нерѣдко смѣшa своимъ чисто вѣнскимъ акцентомъ.

Въ Мюнхенгрецѣ, какъ и въ Шведтѣ, условились окончательно въ томъ, что на польскій вопросъ станутъ смотрѣть впредь, какъ на общій всѣмъ тремъ державамъ; что будутъ дѣйствовать противъ революціи, гдѣ бы она ни находилась, совокупными силами, и что уже ни одинъ нарушитель общественнаго спокойствія не найдетъ себѣ убѣжища ни

Библиотека "Руниверс"

въ которой изъ этихъ державъ, но будетъ преданъ въ руки правосудія въ той изъ нихъ, гдѣ его захватятъ.

Простившись въ восхищеніи другъ отъ друга, мы проѣхали безостановочно до Модлина, оставивъ Варшаву вправѣ.

Въ публикѣ опять много носилось слуховъ о замыслахъ на жизнь государя, и при вѣсти о его поѣздкѣ въ Польшу вся Россія трепетала за драгоцѣнные его дни. При немъ не было никого, кромѣ меня и ѣхавшаго за нашею коляскою фельдъегеря. Фельдмаршалъ Паскевичъ разставилъ по почтовымъ домамъ небольшіе казачьи конвои, но государь запретилъ имъ за собою слѣдовать. На станціяхъ онъ бралъ прошенія отъ поляковъ, милостиво съ ними разговаривалъ и не принималъ ни малѣйшихъ мѣръ предосторожности, какъ бы среди вѣрнаго русскаго народа.

Въ Модлинъ мы прибыли ночью, въ страшную темноту, по проливному дождю, совершенно испортившему вновь проложенную дорогу. Князь Паскевичъ, выѣхавшій навстрѣчу государю, въ Ловичъ, сопровождалъ его до новой крѣпости, близъ которой собраны были корпуса Ридигера и Крейца.

Модлинская крѣпость, выстроенная Карломъ XII во время побѣдоносныхъ его войнъ съ Польшей, была потомъ совсѣмъ запущена при слабыхъ правителяхъ этого края, пока не обновилъ ея нѣсколько Наполеонъ при вторженіи своемъ въ Россію. Польская революція 1830 года, во время которой поляки поспѣшили вооружить Модлинъ и усилить его разными новыми укрѣпленіями, доказала императору Николаю всю важность этого пункта, находящагося въ 40 верстахъ отъ Варшавы, при сліяніи Нарева съ Вислой, господствующаго надъ всею мѣстностью. Немедленно по усмиреніи бунта государь самъ начертилъ планъ для возведенія тутъ обширной и сильной крѣпости, исполненіе сего возложилъ на дѣятельнаго Паскевича, переименовавъ Модлинъ Новогеоргіевскомъ. Все утро по пріѣздѣ онъ употребилъ на обозрѣніе работъ, начатыхъ едва за полтора года передъ тѣмъ и уже значительно подвинувшихся. Послѣобѣденное время было посвящено осмотру пѣхотнаго лагеря, и трудно описать восторгъ, съ которымъ храбрые побѣдители Польши привѣтствовали своего монарха. Варшава, узнавъ, что владыка ея судебъ находится такъ близко отъ нея, просила позволенія прислать въ Модлинъ депутацію, для вымоленія у государя согласія имѣть счастье принять его въ своихъ стѣнахъ. Онъ велѣлъ отвѣчать, что пріѣхалъ для свиданія съ своею арміей, которой онъ всегда былъ доволенъ, но что Варшаву, столь разгнѣвавшую его, посѣтитъ тогда, когда ея жители снова заслужатъ его благоволеніе. Впрочемъ, гражданскія и военныя власти были вызваны въ Модлинъ и удостоились чести представиться государю.

Библиотека "Руниверс"

Войска, стоявшія въ Варшавѣ, внутри царства и въ Брестѣ, нужны были на своихъ мѣстахъ, и потому подъ Модлиномъ собрано было только 44.000 человѣкъ. Но герцогъ Нассаускій и генералы австрійскіе и прусскіе были восхищены ихъ выправкою и красотою. Объѣхавъ ряды, государь велѣлъ отдать честь фельдмаршалу, водившему эти войска къ побѣдѣ, и первый закричалъ «ура», которое повторилось за нимъ, какъ раскатъ грома. Послѣ маневровъ, которыми государь остался очень доволенъ, онъ съ княземъ Паскевичемъ, герцогомъ Нассаускимъ, принцемъ Рейссомъ и нѣсколькими прусскими офицерами подъѣхалъ къ Варшавѣ и въ шлюпкѣ присталъ къ цитадели, сооружавшейся въ то время вокругъ Александровскихъ казармъ, по плану, начерченному также самимъ государемъ. Всѣ орудія этого укрѣпленія были направлены на Варшаву, съ цѣлью разгромить ее при первой искрѣ бунта. Радостные клики возвѣстили столицѣ, что его величество у ея воротъ. Государь былъ столько же доволенъ, какъ и удивленъ громадностью и изяществомъ работъ въ новой крѣпости, возведенной, казалось, руками титановъ. Подъ ночь государь переѣхалъ въ той же шлюпкѣ на правый берегъ Вислы, гдѣ ждала его коляска, и возвратился въ Новогеоргіевскъ, откуда на слѣдующій день, утромъ, мы предприняли обратный путь по Ковенскому шоссе.

Остановившись только на нѣкоторое время въ Остроленкѣ, гдѣ генералъ Бергъ, одинъ изъ участниковъ происходившаго тамъ блестящаго дѣла, объяснилъ государю всѣ его подробности, мы прибыли въ Царское Село 16-го октября вечеромъ.

Въ этотъ годъ государь, постоянно занятый мыслью сблизить и укрѣпить связь между населеніемъ возвращенныхъ отъ Польши губерній и коренными русскими, основалъ въ Кіевѣ, взамѣнъ упраздненныхъ Виленскаго университета и Волынскаго лицея, новый университетъ св. Владимира. Онъ надѣялся чрезъ обученіе въ немъ поляковъ вмѣстѣ съ русскими изгладить въ первыхъ мечты о независимости и самобытности Польши и вообще удалить ихъ отъ вреднаго вліянія польскаго духа. Мѣстомъ для новаго университета былъ выбранъ Кіевъ, съ одной стороны, какъ древняя колыбель православія, съ другой— какъ штабъ-квартира 1-й арміи, что̀ представляло всѣ удобства надзора за многочисленнымъ сборищемъ молодыхъ людей.

Въ концѣ ноября прибылъ въ Петербургъ Ахметъ-паша, присланный султаномъ для изъявленія его благодарности за быструю и безкорыстную помощь, оказанную нами Портѣ въ минуту опасности. Онъ былъ принятъ съ такими же церемоніями и почестями, какъ нѣкогда Галиль-паша. Кромѣ общаго старанія двора и публики быть ему пріятными, Ахметъ-паша достигъ еще сложенія части той суммы, которую Порта обязалась заплатить намъ по Адріанопольскому трактату.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время Москва была напугана частыми пожарами, повторявшимися въ разныхъ частяхъ города. Приписывая эти пожары то злоумышленникамъ, то мщенію поляковъ, простирая даже подозрѣніе на полицейскихъ чиновниковъ, жители проводили ночи безъ сна, укладывали свои пожитки и частью выѣзжали изъ города. Было поймано нѣсколько мошенниковъ, и по Москвѣ разнеслись нелѣпые слухи объ открытіяхъ, сдѣланныхъ будто бы на слѣдствіи. Распространившійся въ древней столицѣ паническій страхъ скоро привлекъ въ нее нашего неутомимаго государя. Мы пріѣхали туда поздно вечеромъ, къ изумленію, но и къ великой радости всѣхъ жителей. Утромъ, когда государь пошелъ пѣшкомъ на поклоненіе святынѣ Кремлевскихъ соборовъ, обычная толпа тѣснилась по его пути, наполняя воздухъ восторженными кликами. Съ его появленіемъ возвратилась къ москвичамъ успокоительная надежда, что пожары прекратятся, и весь городъ превозносилъ добраго царя, никогда не забывающаго своей первопрестольной столицы въ часы испытаній. Со всѣмъ тѣмъ, на другой же день вечеромъ, загорѣлся въ Замоскворѣчьѣ деревянный домъ, окруженный множествомъ такихъ же. Государь взялъ меня съ собой, и мы прибыли на пожаръ почти вмѣстѣ съ пожарными трубами. Онъ лично принялъ команду надъ ними и распоряжался, стоя посреди узкаго загроможденнаго двора, у самаго пламени. Пожарные въ его присутствіи работали съ неимовѣрнымъ усердіемъ и безстрашіемъ и менѣе чѣмъ черезъ полчаса осилили огонь. Сгорѣлъ только охваченный огнемъ домъ. Два дня спустя, загорѣлось снова на бульварѣ близъ казармъ. Государь прибылъ туда съ тою же поспѣшностью, и въ нѣсколько минутъ домъ, горѣвшій, какъ костеръ, былъ разобранъ до послѣдняго бревна, и огонь потушенъ. Несмотря на увеличившуюся темноту, толпившійся вокругъ пожарища народъ тотчасъ узналъ отъѣзжающаго царя и съ громкими «ура» долго бѣжалъ за его коляскою.

Напослѣдокъ открыли дѣйствительно нѣсколько зажигателей. Судъ надъ ними былъ коротокъ, и ихъ прогнали сквозь строй на мѣстѣ преступленія каждаго. Эти наказанія успокоили жителей, не сомнѣвавшихся, что виновные были открыты, только благодаря высочайшему присутствію. Пожары прекратились, а съ этимъ вмѣстѣ возвратилось сознаніе безопасности и чувство довѣрія, выражавшіяся въ благоговѣйной благодарности къ избавителю города, совершившему въ нѣсколько дней то, чего полиція не могла достигнуть цѣлые мѣсяцы.

Пробывъ въ Москвѣ шесть сутокъ, половину которыхъ государь посвящалъ, какъ всегда, обозрѣнію общественныхъ заведеній, мы вернулись въ Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

1834-й годъ.

Съ наступленіемъ зимы начались, какъ всегда, балы и увеселенія. Всѣ, кому общественное положеніе дозволяло приглашать къ себѣ императорскій домъ, наперерывъ, другъ передъ другомъ, спѣшили пользоваться этимъ правомъ. Императрица, милостиво принимая такія приглашенія и внося вездѣ съ собою веселость и непринужденность, съ каждымъ годомъ пріобрѣтала болѣе и болѣе любви въ народѣ. Все существованіе ея, казалось, было посвящено единственно счастью ея супруга и дѣтей, общественной благотворительности и желанію всѣмъ быть пріятною. Обожаемая семействомъ и приближенными, не вмѣшиваясь никогда въ дѣла, какъ развѣ для исходатайствованія у государя какой нибудь милости или прощенія, она являлась въ глазахъ своихъ подданныхъ земнымъ ангеломъ и идеаломъ домашняго счастья. Но пока Россія наслаждалась всѣми благословеніями мира и отеческаго правленія, постоянно двигавшаго всѣ части впередъ, пока у насъ все совершенствовалось, и народныя сословія скрѣплялись общею любовью къ престолу,— остальная Европа бушевала, и народы ея были раздираемы духомъ партій и политическими ученіями, рѣзко одно другому противоположными.

Въ Англіи, къ торіямъ и вигамъ, которыхъ старинная вражда ожила теперь съ новой силой, присоединилась третья партія—либераловъ, осуждавшихъ древнюю англійскую конституцію и, въ желаніи своемъ все преобразовать, слѣпо стремившихся къ анархіи и народнымъ смутамъ.

Во Франціи безпрестанно возобновлялись кровопролитія, и вся мудрость новаго короля не могла избавить ее отъ вѣчнаго междоусобія. Легитимисты, вѣрные семейнымъ преданіямъ, требовали воцаренія Генриха V-го; доктринеры—охраненія хартіи въ томъ видѣ, какъ она была пересоздана революціею, возведшею на тронъ Людовика-Филиппа; республиканцы— возвращенія ко временамъ директоріи; анархисты—просто безпорядка; наконецъ наполеонисты, сами не зная, чего хотѣли, горевали о томъ, что миновалось время завоеваній и грабежей. Всѣ эти партіи во взаимномъ ихъ столкновеніи глубоко ненавидѣли другъ друга, и каждая стремилась къ возобладанію надъ прочими. Въ Парижѣ безпрерывно являлись охотники, старавшіеся возмутить народъ; національная гвардія то и дѣло созывалась для разогнанія сборищъ или для усмиренія бунтовъ. Линейныя войска, которымъ все это смертельно надоѣло, только и выжидали минуту, чтобы разъ навсегда покончить дѣло съ мятежниками. Король, лавируя между всѣми этими партіями, старался только о томъ, чтобы не давать имъ воли, обуздывать разрушительныя ихъ страсти, сохранить миръ и образомъ своихъ дѣйствій пріобрѣсти довѣріе европейскихъ кабинетовъ. Лондонскіе и парижскіе журналы съ своей стороны продол-

Библиотека "Руниверс"

жали возбуждать умы противъ Россіи и проповѣдывать общій крестовый походъ для устраненія ярма, которое, по ихъ словамъ, императоръ Николай усиливается возложить на весь міръ.

Португалія, подъ гнетомъ коварнаго покровительства Англіи, все еще была раздѣлена на два враждебные стана, боровшіеся между собою изъ-за двухъ претендентовъ на ея корону: дона-Педро и дона-Мигуеля.

Въ Испаніи неблагоразумная королева, въ одинаковой степени жаждавшая и власти и удовольствій, была свидѣтельницею отступленія своей арміи передъ домомъ-Карлосомъ, явившимся изъ Англіи, чтобы потребовать обратно свои права на престолъ своего государства. Простой офицеръ, Зумалакарегви, одинъ приуготовившій и усилившій партію претендента, уже успѣлъ пріобрѣсти военную славу и сдѣлаться надеждою испанцевъ, привязанныхъ къ своимъ привилегіямъ и къ древнему роду своихъ королей.

Италія волновалась при содѣйствіи парижской пропаганды и карбонаризма, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливающагося въ Неаполѣ, въ Римѣ и на сѣверѣ полуострова. Только 80-ти-тысячная армія удерживала явное возстаніе.

Швейцарія являлась дѣятельнымъ притономъ демагогическихъ обществъ; итальянцы, поляки, французы и нѣмцы учреждали тамъ свои сборища и увлекали въ свои разрушительные замыслы даже мирныхъ туземцевъ этого края, столь долго слывшаго образцемъ истинной свободы. Толпа бродягъ ворвалась оттуда въ Сардинскія владѣнія, но вскорѣ, обезоруженная и разсѣянная, вернулась въ Швейцарію для приготовленія тамъ новыхъ средствъ къ безпорядкамъ и междоусобной враждѣ.

Южная Германія была наполнена легко воспламеняющимися матеріалами. Сходбища недовольныхъ устраивались тамъ почти публично, и во Франкфуртѣ, напримѣръ, дошло до того, что шайка молодыхъ безумцевъ напала вооруженною рукой на гауптвахту. Шведтское и Мюнхенгрецкое свиданія возвратили, однако же, нѣкоторую бодрость германскимъ владѣтелямъ, и бунтовщиковъ вездѣ преслѣдовали и усмиряли.

Одна Россія оставалась въ своей неподвижности грозною наблюдательницею этихъ политическихъ бурь, страшная для мятежниковъ и ободрительная для монарховъ.

У насъ въ это время готовилось зрѣлище болѣе отрадное, долженствовавшее утвердить силу и прочность нашей державы. Наслѣдникъ престола, великій князь Александръ Николаевичъ, достигнувъ 16-тилѣтняго возраста, вступилъ въ опредѣленное государственными законами для его сана совершеннолѣтіе. Онъ соединялъ въ себѣ все, чего въ этомъ возрастѣ можно желать отъ молодого царевича, предназначеннаго къ такимъ высокимъ судьбамъ. Статный ростомъ, съ прелестнымъ лицомъ, въ которомъ выражались мягкосердечіе и мыслительность, съ благород-

Библиотека "Руниверс"

ною, привлекательною осанкою, съ врожденною вѣжливостью. Онъ умѣлъ такъ же хорошо самъ вести бесѣду, какъ и съ пользою слушать другихъ. Ловкій во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, онъ прекрасно ѣздилъ верхомъ и отличался во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ; прилежный къ урокамъ, выказывалъ всегда большую любознательность и быстро успѣвалъ во всѣхъ наукахъ; нѣжно почтительный къ родителямъ, любя ихъ со всею горячностію своихъ лѣтъ, былъ заботливъ къ своимъ сестрамъ и меньшимъ братьямъ и искренно привязанъ къ товарищамъ своихъ игръ и уроковъ, молодому графу Вьельгорскому и Паткулю; наконецъ не оставлялъ ничего желать ни своимъ родителямъ, ни публикѣ, которая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась.

Назначивъ 22-е апрѣля, день Пасхи, днемъ торжественнаго освященія его совершеннолѣтія, государь пожелалъ, чтобы этой церемоніи придана была вся пышность и важность, достойныя событія и соотвѣтственныя древнимъ преданіямъ нашего царскаго дома.

Къ часу пополудни Зимній дворецъ наполнился приглашенными. Члены государственнаго совѣта, сенаторы, дипломатическій корпусъ, придворные и военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору заняли указанныя въ церемоніалѣ мѣста. Всѣ залы отъ внутреннихъ покоевъ императрицы до дворцоваго собора были окаймлены отрядами гвардейскихъ полковъ, а воспитанники военноучебныхъ заведеній, эти будущіе слуги молодого цесаревича, поставлены въ портретной галлереѣ 1812 года, какъ ближайшемъ покоѣ къ церкви, гдѣ ему надлежало присягнуть на управленіе ими нѣкогда, съ правдою и заботливою вѣрностію къ славѣ отечества. Въ самой церкви были положены на особомъ столѣ передъ алтаремъ императорскія регаліи, возлѣ аналоя съ св. Евангеліемъ и крестомъ.

Въ 2 часа государь, императрица, наслѣдникъ въ казачьемъ мундирѣ и прочіе члены императорскаго дома вошли, предшествуемые дворомъ, въ церковь, гдѣ встрѣтилъ ихъ митрополитъ Серафимъ со всѣмъ высшимъ духовенствомъ. Глубокое молчаніе воцарилось между присутствующими, и всѣ взоры обратились на императорскую чету и августѣйшаго ея первенца.

Къ этому случаю сочинено было святѣйшимъ синодомъ особое молебствіе, котораго прекрасныя и умилительныя слова растрогали всѣхъ присутствующихъ. По окончаніи его, государь подвелъ своего сына къ аналою; поднявъ руку къ небу, наслѣдникъ цесаревичъ твердымъ и внятнымъ голосомъ началъ читать присягу, также по этому поводу вновь составленную. Но по мѣрѣ того, какъ царственный юноша подвигался впередъ въ своемъ чтеніи, голосъ его слабѣлъ, и волненіе очевидно увеличивалось. Нѣкоторыя слова, прерванныя всхлипываніемъ, онъ принужденъ былъ повторять. Къ концу присяги слезы струились по его

Библиотека "Руниверс"

прекрасному лицу. Онѣ навернулись и на глазахъ августѣйшаго его родителя, стоявшаго возлѣ сына, какъ бы для ободренія его при исполненіи этого священнаго и торжественнаго обряда. Императрица смотрѣла на эту сцену, исполненная умиленія нѣжнѣйшей супруги и матери.

Прочитавъ присяжный листъ, наслѣдникъ подписалъ его и рыдая бросился на грудь своего отца, послѣ чего они вмѣстѣ подошли къ императрицѣ, которая заключила ихъ въ свои объятія, и тогда всѣ трое изобразили высоко умилительную группу. Трудно было представить себѣ картину трогательнѣе и прекраснѣе. У всѣхъ присутствующихъ занялось дыханіе, у всѣхъ текли слезы; конечно, каждый изъ нихъ призывалъ благословеніе Божіе на этотъ тройственный оплотъ благоденствія и славы Россіи. Торжественную минуту возвѣстили столицѣ 301 выстрѣлъ съ крѣпости и съ стоявшей передъ дворцемъ флотиліи и общій колокольный звонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ.

Вслѣдъ за симъ, всѣ перешли изъ церкви въ Георгіевскую залу, гдѣ на другомъ аналоѣ также лежали св. Евангеліе и крестъ, а на ступеняхъ трона стояли знаменщики и полковые адъютанты съ знаменами всѣхъ полковъ и кадетскихъ корпусовъ; только знамя Донского атаманскаго полка, какъ символъ начальствованія наслѣдника надъ всѣми казачьими войсками, держали передъ самымъ аналоемъ.

Императрица стала на высшей ступени трона, великія княжны ниже ея, а первые чины двора за ними по обѣ стороны.

Государь снова подвелъ къ аналою своего сына, который прочелъ и подписалъ тутъ вторичную военную присягу. Воспитанники военно-учебныхъ заведеній, стоявшіе широкою улицею отъ входа въ залу, и дворцовые гренадеры, поставленные противъ трона, сдѣлали на караулъ, музыка заиграла народный гимнъ, и знамена преклонились къ подножію трона.

Спустя нѣсколько дней, петербургское дворянство дало императорскому дому въ ознаменованіе общей радости о совершившемся торжествѣ великолѣпный балъ.

Лѣто 1834 года прошло, какъ обыкновенно, въ переѣздахъ между Царскимъ Селомъ, Петергофомъ, Елагинымъ, Кронштадтомъ и Красносельскимъ лагеремъ, въ ученіяхъ, маневрахъ и смотрахъ сухопутныхъ войскъ и флота.

30-е августа, какъ день бывшаго тезоименитства покойнаго государя, было назначено для открытія воздвигнутаго въ честь его памятника, столько же колоссальнаго по своимъ размѣрамъ, сколько колоссальны были кампаніи 1812-го, 1813-го и 1814-го годовъ, въ которыхъ Россія и Европа стяжали столь блестящій успѣхъ, благодаря лишь непоколебимой твердости покойнаго Александра. Мысль о сооруженіи этого памятника родилась у государя тотчасъ по восшествіи его на престолъ, и онъ начерталъ самъ

Библиотека "Руниверс"

для него рисунокъ, а потомъ, руководивъ работами, пожелалъ совершить освященіе его со всѣмъ величіемъ и блескомъ, достойными подвиговъ знаменитаго его предшественника.

Съ этою цѣлію были сдѣланы слѣдующія предварительныя распоряженія: въ Петербургъ собрано болѣе 100.000 войска и приглашены всѣ военные начальники, имѣвшіе честь служить въ царствованіе императора Александра, вслѣдствіе чего столица наполнилась старыми, израненными генералами, во главѣ которыхъ стояли фельдмаршалы Паскевичъ и Витгенштейнъ; построенъ, спиною къ экзерцигаузу, восходившій до его крыши и примыкавшій къ дому министерства иностранныхъ дѣлъ, амфитеатръ; выстроена на всемъ протяженіи противоположнаго дворцу полукруга эстрада, которая поднималась до второго этажа домовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и главнаго штаба, и сверхъ того балконы и всѣ окна обоихъ огромныхъ зданій приспособлены къ занятію ихъ зрителями; наконецъ, надъ главными воротами Зимняго дворца воздвигнутъ изящный, крытый перистиль во вкусѣ, соотвѣтствующемъ архитектурѣ дворца, довольно просторный для помѣщенія на немъ всего двора. Отъ него шли на площадь въ обѣ стороны широкія лѣстницы.

Король прусскій самъ желалъ прибыть къ этому торжеству въ память своего освободителя и друга, но, бывъ удержанъ отъ того нездоровьемъ, прислалъ вмѣсто себя своего сына, принца Вильгельма, а въ видѣ депутаціи отъ прусской арміи, въ воспоминаніе совокупныхъ дѣйствій ея въ 1813 и 1814 годахъ съ нашими войсками, по нѣскольку человѣкъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, выбранныхъ по всей гвардіи и арміи изъ числа участвовавшихъ въ этихъ достопамятныхъ кампаніяхъ.

Въ день 30-го августа все петербургское населеніе уже съ ранняго утра было на ногахъ; всякій торопился занять мѣсто; всѣ окна и балконы наполнились домами; Адмиралтейскій бульваръ былъ усѣянъ народомъ, который покрывалъ и крыши. Но небо застилали черныя тучи, мрачныя, какъ былъ мраченъ 1812 годъ, предшествовавшій прославленію Александра, и событія, послѣдовавшія по его кончинѣ.

Государь также съ ранняго утра поѣхалъ въ Невскую лавру для присутствованія тамъ при богослуженіи. Къ 10 часамъ всѣ были на своихъ мѣстахъ. Грохотъ отъ экипажей прекратился. Памятникъ, завѣшенный отъ подножія до начала стержня бѣлымъ покрываломъ, возвышался въ грозномъ одиночествѣ посреди пустой площади. Огромной массы войскъ не было никому видно; они стояли густыми колоннами въ выходящихъ на площадь улицахъ, сокрытыми отъ всѣхъ зрителей.

Въ 11 часовъ государь подъѣхалъ верхомъ къ поставленной у Адмиралтейской площади пушкѣ и велѣлъ трижды изъ нея выпалить. По первому выстрѣлу войска выстроились, по второму стали подъ ружье и по третьему выстрѣлу вдругъ со всѣхъ сторонъ двинулись на площадь,

Библиотека "Руниверс"

которая въ нѣсколько мгновеній, какъ бы по удару волшебнаго жезла, вся ими наполнилась. Эта внезапность имѣла для всѣхъ зрителей поразительность театральной перемѣны декораціи.

Военная свита государя, фельдмаршалы и старѣйшіе полные генералы стали верхомъ у одной изъ лѣстницъ эстрады, за ними построились, направо отъ дворцовыхъ воротъ, военноучебныя заведенія въ составѣ 6-ти батальоновъ, а налѣво 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. Остальныя войска размѣщены были, какъ вокругъ самаго памятника, занявъ собою всю Дворцовую площадь, кромѣ пространства между нимъ и дворцомъ, такъ и на Адмиралтейской площади; артиллерію же разставили между дворцомъ и Адмиралтейскимъ бульваромъ и по набережнымъ Дворцовой и Англійской и у Биржи на Васильевскомъ островѣ. На Невѣ вытянулся передъ дворцомъ рядъ легкихъ фрегатовъ, яхтъ и пароходовъ. Всего было подъ ружьемъ 86 батальоновъ и 106 эскадроновъ, съ 248 орудіями, не считая крѣпостныхъ и находившихся на судахъ. Вся эта масса, подобной которой по числу никогда еще не являлось на такомъ небольшомъ пространствѣ, была обмундирована заново и блестѣла столько же выправкою, сколько красотой людей и лошадей. Государь съ обнаженною шпагою въ рукѣ лично ею командовалъ. Въ то же время дворцовые гренадеры, эти ветераны нашихъ побѣдъ, окаймили ступени обѣихъ лѣстницъ эстрады. Во всемъ огромномъ стеченіи войскъ и народа царствовала глубокая тишина. Всѣ взгляды были обращены къ могущественному самодержцу, воздававшему такую дань памяти своего предшественника. Вскорѣ на дворцовой эстрадѣ показалась императрица, въ предшествіи высшаго духовенства, окруженная государственными сановниками и дворомъ. При появленіи ея войска отдали честь. Тогда на дворцовой эстрадѣ началось молебствіе, и по данному сигналу всѣ войска, а за ними и всѣ зрители, обнажили головы. Государь сошелъ съ лошади и при молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ, находясь между дворцомъ и памятникомъ, спиною къ послѣднему, съ стоявшими въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него наслѣдникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Прусскимъ, преклонился на одно колѣно. Никогда еще нашъ императоръ не казался намъ такъ прекрасенъ и такъ великъ, какъ въ ту минуту, какъ онъ приникъ передъ Царемъ царствующихъ, и когда его примѣру въ тотъ же мигъ послѣдовали все войско и тысячи зрителей, окружавшихъ площадь, даже до стоявшихъ на крышахъ. Чувство благоговѣнія навѣяло на всѣхъ такое глубокое безмолвіе, что слова молитвы можно было разслышать на всѣхъ концахъ площади. Наконецъ, при возглашеніи вѣчной памяти императору Александру, покрывало, скрывавшее подножіе памятника, упало на землю, поддерживавшіе со всѣхъ сторонъ это покрывало орлы преклонились, государь повернулся лицомъ къ колоннѣ, и общее молчаніе превати-

Библиотека "Руниверс"

лось въ оглушительные клики «ура», къ которымъ присоединилась пальба изъ всѣхъ орудій съ набереженъ, рѣки и крѣпостныхъ валовъ. Раскаты выстрѣловъ, какъ удары грома, то приближались съ трескомъ, то удалялись, то снова подходили, звуча вокругъ подножія памятника.

Въ это время императрица, предшествуемая духовенствомъ и сопровождаемая всею блестящею своею свитою, спустилась съ эстрады и обошла вокругъ памятника, который былъ окропленъ святою водою. Облачное небо вдругъ прояснилось, яркое солнце засіяло надъ величественнымъ зрѣлищемъ, и лучи его представились всѣмъ, какъ бы исходящіе отъ самого Всевышняго, освящающаго дань благодарной памяти, приносимой Николаемъ тѣни Александра.

Когда императрица возвратилась на эстраду, государь, приведя самъ къ монументу роту гренадеръ дворцовыхъ, приставилъ къ нему на вѣчныя времена часового изъ среды этихъ александровскихъ ветерановъ. Затѣмъ, войска, по данному сигналу, опять очистили площадь, чтобы построиться къ церемоніальному маршу.

Государь во главѣ своего штаба, имѣя при себѣ принца Прусскаго, проѣхалъ мимо памятника и, опустивъ передъ нимъ шпагу, сталъ возлѣ него. Тогда начался церемоніальный маршъ, который открыли военно-учебныя заведенія. Пѣхота проходила батальонными колоннами, одна рядомъ съ другою, со всѣми полковыми знаменами впереди — построеніе совсѣмъ новое, придуманное самимъ государемъ собственно на этотъ случай, чтобы ускорить проходъ войскъ и придать ему видъ еще болѣе величественный. Пѣшая артиллерія въ колоннахъ побригадно; кавалерія тѣмъ же порядкомъ, какъ и пѣхота, дивизіонными колоннами, всѣ три въ одинъ рядъ [1]; конная артиллерія въ такомъ же построеніи, какъ и пѣшая, — всѣ эти огромныя массы войскъ, одинаково щеголеватыя, проходили съ одинаковою стройностью и ровностью, постепенно исчезали, такъ что подъ конецъ площадь снова очистилась, и на всемъ ея пространствѣ былъ виденъ только государь съ своей свитою.

Императрица четыре года не видалась съ августѣйшимъ своимъ родителемъ, о здоровьѣ котораго были получены дурныя извѣстія. Рѣшивъ провести съ нимъ нѣкоторое время, она уѣхала въ Берлинъ 6-го сентября, а государь на слѣдующій день отправился въ Москву, гдѣ въ этотъ разъ знали о его пріѣздѣ. Онъ намѣревался проѣхать оттуда черезъ Нижній въ Казань и возвратиться обратно черезъ Орелъ, въ окрестностяхъ котораго былъ собранъ драгунскій корпусъ. Но проливные дожди, испортивъ дороги, побудили его перемѣнить планъ и ѣхать прямо въ Орелъ, остановившись въ Тулѣ только для ночлега. Устрой-

[1] Императоромъ Николаемъ отмѣчено: «C'est faux; en colonnes de régiment par escadrons».

Библиотека "Руниверс"

ство драгунскаго корпуса было одною изъ любимыхъ идей императора Николая въ общей цѣпи преобразованій, введенныхъ имъ постепенно въ нашей арміи. Этотъ корпусъ состоялъ изъ 8-ми до 10-ти эскадронныхъ полковъ, и въ каждомъ полку два эскадрона были вооружены пиками для защиты и конвоированія лошадей, въ то время какъ прочіе спѣшиваясь формировались въ пѣхотные батальоны. Настоящій смотръ превзошелъ всѣ ожиданія, доказавъ, что мысль государя была превосходно постигнута и исполнена.

По возвращеніи нашемъ въ Москву, погода нѣсколько поправилась, и послѣ двухдневнаго отдыха мы пустились въ Ярославль, гдѣ, несмотря на возобновившійся дождь, государь обозрѣлъ всѣ новыя постройки, нивеллировку Волжской набережной, батальонъ кантонистовъ, Демидовскій лицей, больницы, церкви и монастыри. Потомъ въ большой шлюпкѣ, на рулѣ которой сидѣлъ самъ государь, мы переѣхали на противоположный берегъ Волги, гдѣ ждали насъ наши коляски, и прибыли вечеромъ къ Ипатьевскому монастырю, столь знаменитому въ лѣтописяхъ Россіи. Ограда была вся обставлена народомъ, а у монастырскихъ воротъ ожидалъ настоятель съ братіею. Всѣ думали, что въ коляскѣ ѣдетъ кто нибудь изъ свиты, и государя узнали тогда только, когда, выйдя изъ экипажа, онъ подошелъ къ кресту. Въ одно мгновеніе вся толпа бросилась къ нему, и при общемъ натискѣ я лишь съ трудомъ удержался на ногахъ. Государь медленно слѣдовалъ за монахами, которые съ факелами въ рукахъ освѣщали ему путь въ церковь. Это вступленіе потомка Романовыхъ въ ту уединенную обитель, изъ которой нѣкогда юный Михаилъ исшелъ на Русское царство, эти черныя фигуры монаховъ, факелы, народный восторгъ—все вмѣстѣ невольно уносило воображеніе въ далекое прошедшее. За стеченіемъ народа мы съ большимъ трудомъ могли подняться на церковную паперть, и еще бо́льшаго труда стоило выйти изъ церкви черезъ сплошную массу. Послѣ краткаго молитвословія государь пошелъ въ покои, которые занималъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и его родительница, и съ любопытствомъ осматривалъ всѣ закоулки этихъ тѣсныхъ келлій, откуда истекло величіе и могущество его дома. При этомъ обозрѣніи государя сопровождали только архимандритъ и я.

Ипатьевскій монастырь видѣлъ дотолѣ въ стѣнахъ своихъ изъ числа всѣхъ нашихъ самодержцевъ одну только Екатерину II. Императорскимъ домомъ не было внесено никакихъ вкладовъ для его обогащенія, и даже не было принимаемо мѣръ для поддержанія древнихъ его стѣнъ. Кострома, впадающая здѣсь въ Волгу, ежегодно подмываетъ берегъ, на которомъ возвышается обитель, и церковь, какъ и корпусъ съ келліями, стояли при нашемъ посѣщеніи полуобрушившимися. Государь велѣлъ все исправить, а берегъ укрѣпить каменною одеждою для защиты ограды отъ разлива рѣки.

Библиотека "Руниверс"

Изъ монастыря мы проѣхали по мосту черезъ рѣку Кострому въ городъ того же имени, гдѣ отведена была намъ квартира на площади. Богатая иллюминація освѣщала толпы, не дававшія почти проѣзда нашей коляскѣ и продолжавшія кричать, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ подъ нашими окнами, такъ что у насъ отъ этого шума разболѣлась голова, и я долженъ былъ нѣсколько разъ высылать сказать, что его величеству угодно отдохнуть.

Утромъ государь посѣтилъ прекрасный и обширный соборъ и разныя городскія заведенія, принялъ мѣстныхъ чиновниковъ и дворянство, также депутацію отъ историческаго рода Сусаниныхъ, которыхъ потомство въ эту эпоху уже возросло до 123 человѣкъ. При такомъ размноженіи, они, несмотря на богатые дары отъ царя Михаила, давно обѣднѣли; но при всей бѣдности никогда ни одинъ изъ нихъ не запятналъ славнаго своего имени участіемъ въ какомъ нибудь преступленіи, и всѣ пользовались въ краѣ безукоризненною славою. Государь въ продолжительной и милостивой бесѣдѣ съ ихъ депутаціей подробно разспрашивалъ объ ихъ бытѣ и, велѣвъ губернатору представить записку о мѣрахъ къ возстановленію того благоденствія, въ которое нѣкогда возвелъ ихъ родоначальникъ императорскаго дома, указалъ, чтобы впредь всѣ дѣти Сусаниныхъ, въ случаѣ изъявленнаго на то желанія со стороны ихъ родителей, были воспитываемы на казенный счетъ.

10-го октября мы прибыли въ Нижній рано утромъ, въ безподобную погоду, когда въ городѣ всѣ еще спали. Послѣ кратковременнаго отдыха государь прежде всего поѣхалъ въ вновь перестроенный соборъ и здѣсь спустился въ склепъ, гдѣ покоится прахъ великаго Козьмы Минина. Два столѣтія онъ лежалъ въ церкви безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній. Императоръ Николай велѣлъ сдѣлать для его останковъ приличную гробницу и поставить ее въ соборномъ склепѣ, рядомъ съ гробами древнихъ нижегородскихъ владѣтельныхъ князей.

Естественно, въ Нижнемъ болѣе всего интересовали государя постройки, возведенныя для склада товаровъ, привозимыхъ на Нижегородскую ярмарку изъ всѣхъ частей имперіи, изъ Европы, Средней Азіи и даже Китая. Будучи начаты еще въ царствованіи императора Александра, когда ярмарку перевели изъ Макарьева въ Нижній, эти постройки были возложены на генерала Бетанкура и стоили милліоны, а между тѣмъ общее мнѣніе долго утверждало, что мѣсто для нихъ неискусно выбрано, а самыя постройки такъ плохи, что имъ грозитъ постоянная опасность отъ разлива Оки, впадающей здѣсь въ Волгу.

Мы пріѣхали въ такое время, когда ярмарка уже давно окончилась, и огромный кварталъ, занимаемый только на время ея продолженія, стоялъ совершенно пустымъ. Все вниманіе наше сосредоточилось слѣдовательно на зданіяхъ и на земляныхъ работахъ, служащихъ имъ

Библиотека "Руниверс"

фундаментомъ. Государь былъ пріятно изумленъ, какъ величіемъ и красотою общаго расположенія, такъ и неожиданною прочностію всѣхъ построекъ, которыя мы думали, по слышанному нами, найти въ самомъ жалкомъ видѣ. Первою заботою государя было изыскать средства на необходимый ремонтъ сихъ огромныхъ сооруженій, для чего дотолѣ не было ассигновано никакихъ суммъ.

Мѣстоположеніе Нижняго вообще чрезвычайно понравилось государю, и онъ самъ предназначилъ разныя украшенія для этого города, велѣвъ развести въ древней его части, обнесенной еще высокою зубчатою стѣною, общественный садъ, и выбралъ мѣсто для построенія большой казармы. Сверхъ того, онъ пригласилъ городскихъ обывателей снести нѣкоторые старые дома и избы, лѣпившіеся на берегу рѣки, и замѣнить ихъ набережною и улицею съ домами и магазинами для торговли.

Его величество изъѣздилъ весь городъ, все въ немъ осмотрѣлъ, мѣстами хвалилъ, мѣстами бранилъ и окончилъ свое двухсуточное пребываніе въ Нижнемъ присутствіемъ на данномъ отъ дворянства балѣ, послѣ котораго мы отправились во Владиміръ.

Въ этомъ древнемъ городѣ, нѣкогда цвѣтущемъ и соперничествовавшемъ съ Москвою, а теперь обратившемся въ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и наименѣе населенныхъ губернскихъ городовъ, государь началъ, какъ всегда, молитвой въ соборѣ, древней усыпальницѣ многихъ великихъ князей. Другой, меньшій храмъ, бывшій домовою церковью здѣшнихъ властителей, также обратилъ на себя наше вниманіе. Въ городской тюрьмѣ государь былъ вынужденъ сдѣлать строгій выговоръ членамъ владимирскаго дворянства, которые, принявъ на себя попеченіе о ней, ограничились только тѣмъ, что расписали стѣны и нисколько не заботились о томъ, чтобы содержать ее въ опрятности. Зато его величество остался очень доволенъ богоугодными заведеніями и домомъ умалишенныхъ.

Владиміръ, какъ и Нижній, впервые имѣли счастье видѣть государя. Не нужно говорить о восторгѣ, съ которымъ его встрѣчали жители. Давка въ обоихъ городахъ, вездѣ, гдѣ онъ показывался, увеличивалась еще болѣе отъ того, что его величество здѣсь, какъ и во всѣхъ своихъ поѣздкахъ, строго запрещалъ полиціи разгонять или останавливать народъ и даже гнѣвался, если замѣчалъ, что кого нибудь толкнули, чтобы очистить ему дорогу.

Возвратившись въ Москву, мы нашли прибывшаго туда, по желанію государя, наслѣдника цесаревича, котораго сопровождалъ зять мой, князь Ливенъ, отозванный изъ Лондона для занятія почетнаго мѣста перваго ментора при будущемъ монархѣ Россіи. Москвичи душевно обрадовались свиданію съ цесаревичемъ, котораго любили называть своимъ, и

Библиотека "Руниверс"

который, теперь уже настоящій молодой человѣкъ, утвердилъ присягою вѣрность свою царю и родинѣ. Государь съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ Москва дѣлитъ свою любовь между нимъ и его первенцемъ, и выставлялъ послѣдняго всюду съ чувствомъ отца, наслаждающагося успѣхами своего сына.

Проведя вмѣстѣ въ Москвѣ съ недѣлю, они вмѣстѣ воротились въ Петербургъ въ одной коляскѣ, а я занялъ мѣсто наслѣдника въ его экипажѣ, о бокъ съ княземъ Лпвеномъ.

У великой княгини Елены Павловны родилась дочь, и 27-го октября происходило въ Зимнемъ дворцѣ ея крещеніе. Послѣ трехкласснаго обѣда, заключившаго это торжество, государь, взявъ съ собою наслѣдника, вернулся въ Аничковскій дворецъ, гдѣ жилъ послѣ пріѣзда изъ Москвы, и тутъ приказалъ ему быть готовымъ ѣхать съ нимъ черезъ часъ въ Берлинъ. Я одинъ зналъ заранѣе объ этой поѣздкѣ и, не посмѣвъ дѣлать къ ней никакихъ приготовленій, чтобы не огласить ея тайны, послалъ только утромъ того дня къ министру финансовъ за нѣсколькими тысячами червонныхъ, не опредѣляя впрочемъ, на какую надобность. Выйдя изъ-за стола, я поторопился домой захватить эти деньги и паспортъ для проѣзда по Пруссіи, въ которомъ государь значился генераломъ Николаевымъ, а наслѣдникъ — его адъютантомъ Романовымъ. Мнѣ казалось, что все это я исполнилъ съ возможною поспѣшностію, но, прибывъ въ Аничковскій дворецъ, нашелъ государя и наслѣдника уже совсѣмъ готовыми садиться въ коляску. Не то было съ находившимся при воспитаніи цесаревича генераломъ Кавелинымъ, который имѣлъ приказаніе ѣхать со мною, вслѣдъ за государемъ, въ наслѣдничьей коляскѣ, и не понималъ, какъ можно требовать, чтобы онъ такъ скоро уложился и простился съ семьею. Его досада на то много насмѣшила государя и увеличила забавную сторону суматохи, произведенной нашимъ внезапнымъ отъѣздомъ между придворными чиновниками и прислугою. Въ городѣ никто не подозрѣвалъ намѣренія государя, а онъ уже катился по Рижскому тракту.

Я воротился домой для нужныхъ распоряженій касательно экипажей и свиты и, по медленности моего спутника, не пріученнаго къ такой быстротѣ, могъ выѣхать не прежде полуночи. Мы ѣхали такъ скоро, какъ только могли, не останавливаясь нигдѣ ни на минуту, и все-таки прибыли въ Берлинъ полусутками послѣ государя. Огромное пространство между нашею и прусскою столицею онъ промчался въ пять дней!

Совершенно неожиданное появленіе государя среди королевской фамиліи исторгло у всѣхъ радостное восклицаніе. Императрица была внѣ себя, а король, вернувшійся послѣ обѣда въ свой маленькій дворецъ, едва успѣлъ получить извѣстіе о новопріѣзжемъ, какъ тотъ уже былъ

Библиотека "Руниверс"

въ его объятіяхъ. Весь Берлинъ пришелъ въ восторгъ отъ этого любезнаго сюрприза, который польстилъ самолюбію его населенія.

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Пруссіи и особенно въ ея столицѣ было сильно возстановлено противъ государя французскими и нѣмецкими журналистами, возгласами поляковъ и завистію къ могуществу Россіи, такъ что императоръ Николай утратилъ здѣсь прежнюю популярность, и ему дѣйствительно приписывали всѣ пороки и дурныя свойства, которыя были вымышлены одною лишь злобою и досадою либераловъ. При дворѣ и между приближенными къ королевскому дому, впрочемъ, тотчасъ замѣтили, что онъ сохранилъ всѣ прежнія свои качества: то же самое прямодушіе, ту же доброту, ту же непринужденную привѣтливость, а его почтительная предупредительность къ особѣ короля, нѣжная пріязнь ко всѣмъ членамъ королевскаго дома, любовь къ императрицѣ и своему сыну постепенно снова привлекли къ нему сердца и въ массѣ публики и расположили опять въ его пользу всѣ сословія.

Король, несмотря на сопротивленіе государя, оберегавшаго его здоровье отъ вліянія дурной погоды въ такую позднюю пору года, захотѣлъ показать его величеству свое войско и устроилъ съ этою цѣлью парадъ «Подъ липами», на которомъ, проѣзжая во главѣ гвардіи, отдалъ честь своему зятю. Государь бросился къ старцу и поцѣловалъ его въ плечо. Это выраженіе сыновней почтительности было подмѣчено съ особеннымъ удовольствіемъ всѣми зрителями. Потомъ, когда проходили кирасирскій полкъ имени нашего императора и уланскій, котораго шефомъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ[1], какъ государь, такъ и наслѣдникъ поспѣшили стать въ главѣ своихъ полковъ и отдать честь королю. При видѣ цесаревича, ѣхавшаго передъ фронтомъ съ необыкновенною ловкостію, престарѣлый его дѣдъ былъ тронутъ до слезъ и тутъ же выпросилъ у государя своему внуку, взамѣнъ оберъ-офицерскихъ эполетъ, полковничьи. Все это вмѣстѣ придало параду такой благородный и умилительный характеръ, что не только высшее общество и войско, но и простолюдины почувствовали себя растроганными. По окончаніи парада нашъ государь и его сынъ сами повели отряды своего имени полковъ, отвозившіе штандарты во дворецъ, и толпа слѣдовала за ними на площадь и на дворцовый дворъ съ громкими изъявленіями пріязни. Въ слѣдующіе дни, уступая просьбамъ генераловъ, государь всякое утро выѣзжалъ верхомъ за Бранденбургскую заставу и присутствовалъ тамъ при полковыхъ ученіяхъ, а однажды и онъ и наслѣдникъ сами учили свои полки. Послѣднее зрѣлище привлекло на мѣсто ученія множество народа и офицеровъ Берлинскаго гарнизона, и всѣ были восхищены

[1] Императоромъ Александромъ II отмѣчено: «Я былъ назначенъ шефомъ еще въ 1829 году».

Библиотека "Руниверс"

ловкостію нашихъ полковыхъ командировъ, равно какъ совершеннымъ ихъ знаніемъ прусскаго военнаго устава.

По утрамъ императоръ Николай въ статскомъ сюртукѣ прохаживался по берлинскимъ улицамъ совершенно одинъ. Эта довѣренность и простота обращенія окончательно расположили къ нему умы, изгладивъ вполнѣ всѣ предубѣжденія, внушенныя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ зложелательствомъ и клеветою.

Государь съ первой минуты своего пріѣзда объявилъ, что онъ прибылъ въ Берлинъ единственно для свиданія съ королемъ и его семействомъ и потому не станетъ заниматься политикою, ни принимать у себя министровъ, чтобы не могли иначе перетолковать цѣль его поѣздки. За всѣмъ тѣмъ, снисходя къ настоятельнымъ убѣжденіямъ, онъ допустилъ изъятіе для нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, и принималъ ихъ въ маленькомъ своемъ кабинетѣ, служившемъ вмѣстѣ и уборною и рабочею. Всѣ удостоившіеся этой чести выходили въ восторгѣ отъ его любезности и отъ того здраваго, свѣтлаго и вѣрнаго ума, которымъ была запечатлѣна обрисованная имъ картина положенія разныхъ державъ.

Въ короткое время нашего пребыванія въ Берлинѣ мы имѣли вновь случай убѣдиться въ нелѣпой шаткости мнѣній, господствующей въ представительныхъ правительствахъ. Пришли извѣстія изъ Парижа: одно, что французское министерство въ цѣломъ его составѣ смѣнено новымъ; другое, тремя днями позже, что министерство, едва смѣненное, снова возстановлено въ прежнемъ его составѣ. Такая вѣчная колеблемость, уничтожая всякую послѣдовательность въ дѣйствіяхъ и не давая ни одному начальнику времени вникнуть въ свою часть, уже начинала открывать глаза самимъ либераламъ касательно невыгодъ, сопряженныхъ съ представительною формою правленія.

Въ Берлинѣ мы были ежедневно приглашаемы къ обѣденному столу при дворѣ: или въ покояхъ императрицы, или въ залахъ большого дворца, или въ томъ, гдѣ жилъ король, или, наконецъ, у кого либо изъ принцевъ. Вечера проводили либо въ театрѣ, помѣщаясь въ большой королевской ложѣ, или на балахъ, дававшихся въ это время въ Берлинѣ только членами королевскаго дома, чтобы не заставлять истрачиваться прусскихъ вельможъ, недовольно для того богатыхъ. Нашъ посланникъ при прусскомъ дворѣ одинъ изъ всѣхъ частныхъ лицъ удостоился чести принять у себя своихъ монарховъ. Король съ своей стороны не упустилъ ничего, чтобы окружить пребываніе августѣйшихъ своихъ гостей въ Берлинѣ всѣми возможными удовольствіями. Предупредительность его простерлась до того, что у него, разумѣется, уже заранѣе обучены были пѣвчіе изъ туземныхъ пѣть въ нашей посольской церкви по-русски и тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какой употребляется петербургскою придворною пѣвческою капеллою.

Библиотека "Руниверс"

Пробывъ въ Берлинѣ двѣнадцать дней, государь выѣхалъ 13-го ноября въ полночь; императрица же вмѣстѣ съ наслѣдникомъ оставили эту столицу нѣсколькими днями позже.

Я занялъ опять обычное мѣсто въ государевой коляскѣ, и мы поѣхали черезъ Бреславль, не останавливаясь до Ловича, гдѣ дожидался государя фельдмаршалъ Паскевичъ, а оттуда, отдохнувъ лишь нѣсколько часовъ, слѣдовали далѣе на Варшаву тѣмъ трактомъ, которымъ шла наша армія въ послѣднемъ дѣйствіи кровавой польской драмы. По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, взгляды наши съ любопытствомъ и удовольствіемъ останавливались на позиціяхъ, которыя были укрѣплены мятежниками и съ такимъ мужествомъ взяты съ боя нашими войсками. Наконецъ въ Волѣ, за двѣ версты отъ Варшавской городской черты, мы вышли изъ коляски, чтобы подробнѣе осмотрѣть верки, возведенные въ этомъ мѣстечкѣ, о прежнемъ существованіи котораго свидѣтельствовала лишь сохранившаяся церковь, пронизанная ядрами. Хотя съ тѣхъ поръ прошло три года, и хотя снѣгъ скрывалъ глубину рвовъ, все нельзя было не дивиться силѣ этихъ укрѣпленій и той львиной храбрости, которая, несмотря на мужественную защиту многочисленныхъ вражескихъ силъ, умѣла преодолѣть всѣ эти препятствія. Видъ Воли есть величественнѣйшій памятникъ и для полководца и для его арміи, а Паскевичу выпалъ счастливый удѣлъ быть самому живымъ истолкователемъ этого несокрушимаго памятника его славы. Государь обошелъ всѣ укрѣпленія и изъявилъ фельдмаршалу и нѣкоторымъ изъ находившихся тутъ генераловъ, также участвовавшимъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, свое благоволеніе въ такихъ милостивыхъ выраженіяхъ, которыя порадовали ихъ, конечно, еще болѣе, чѣмъ всѣ полученныя за это дѣло ордена.

Изъ Воли мы отправились прямо въ Александровскую цитадель. Поляки приняли тамъ своего монарха съ усердіемъ, весьма странно противорѣчившимъ образу ихъ дѣйствія за четыре года передъ тѣмъ. Точно также привѣтствовали государя громкими кликами при обозрѣніи имъ укрѣпленій и при осмотрѣ корпуса графа Ридигера. На лицахъ зрителей выражались радость, надежда и вмѣстѣ изумленіе, что побѣдитель ихъ съ такою довѣрчивостію является посреди народной толпы, потому что за нимъ не слѣдовали даже и казаки, обыкновенно сопровождавшіе экипажъ фельдмаршала.

Послѣ смотра государь въ маленькой коляскѣ съ однимъ фельдмаршаломъ объѣхалъ нѣкоторые кварталы Варшавы и вышелъ у дворца, чтобы сдѣлать визитъ княгинѣ Паскевичъ. Потомъ, пересѣвъ въ дорожную коляску, онъ отправился въ Новогеоргіевскъ, гдѣ провелъ двое сутокъ въ разныхъ осмотрахъ и въ занятіяхъ съ фельдмаршаломъ дѣлами царства.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Ковна, гдѣ также былъ сдѣланъ смотръ части корпуса генерала Оффенберга, и гдѣ государь принялъ съ докладомъ генералъ-губернатора князя Долгорукова, мы свернули съ шоссе, и восемь дюжихъ лошадей ѣдва могли тащить нашу легкую коляску по жмудскимъ дорогамъ, обратившимся отъ ноябрьскихъ дождей въ непроѣздныя грязи. Къ закату солнца мы прибыли въ Шавли, куда по маршруту въ этотъ же день ожидалась императрица на возвратномъ пути ея изъ Берлина.

Государь остановился въ отведенномъ для его ночлега домѣ шавльскаго помѣщика, графа Дмитрія Зубова, и тотчасъ занялся привезенными изъ Петербурга бумагами, доставлявшимися оттуда и въ этотъ разъ, какъ и во всѣ его поѣздки, дважды или трижды въ недѣлю, и за которыя онъ, несмотря на утомленіе отъ дороги, немедленно принимался, хотя бы то было и ночью, никогда не задерживая ихъ у себя долѣе полутора сутокъ, а часто возвращая съ ними курьера даже черезъ двѣнадцать часовъ послѣ его пріѣзда.

Около 9-ти часовъ вечера доложили, что ѣдетъ императрица. Государь выбѣжалъ навстрѣчу преднамѣренно въ сюртукѣ Кавалергардскаго полка, котораго она шефъ.

Дороги были такъ дурны, что всѣ экипажи свиты, тяжело нагруженные, отстали, и императрица, не имѣя съ собою ничего для смѣны, принуждена была занять у хозяйки даже нужное для ночлега бѣлье. Въ этомъ же положеніи находилась и сидѣвшая въ каретѣ у императрицы великая княжна Марія Николаевна, что̀ не помѣшало, однакожъ, всѣмъ очень весело поужинать и разстаться уже послѣ 11-ти часовъ. Наслѣдникъ, переночевавъ, тотчасъ продолжалъ свой путь на Ригу.

Несмотря на всѣ ожиданія, кареты съ горничными не пріѣхали еще и къ утру, и сколько ни старались продолжить время завтрака, надо было, наконецъ, рѣшиться ѣхать далѣе безъ нихъ. Государь, сѣвъ въ карету къ императрицѣ и оставивъ великую княжну въ Шавляхъ до прибытія ея экипажа, приказалъ мнѣ также дождаться камеръ-юнгферъ и потомъ взять одну изъ нихъ съ собою, въ его коляскѣ, съ самонужнѣйшими вещами. Остальные экипажи прибыли, только спустя часовъ пять или шесть по отъѣздѣ государя, и я тотчасъ поспѣшилъ исполнить данное мнѣ приказаніе; но мы поспѣли въ Митаву уже часомъ послѣ выѣзда оттуда императорской четы. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ она удостоила принять обѣдъ, оставалось еще много начальствовавшихъ лицъ, дворянъ и дамъ, и князь Волконскій рѣшился остаться тутъ въ ожиданіи пріѣзда великой княжны, которая отстала далеко позади меня, и съ которою нельзя было рисковать переправиться, при наступившей уже ночной темнотѣ, черезъ Двину у Риги.

Я прибылъ къ этой переправѣ съ моею спутницею въ 11-ть часовъ ночи. Государя и императрицу перевезли черезъ рѣку на особо прито-

Библиотека "Руниверс"

товленномъ для того большомъ поромѣ, посредствомъ прикрѣпленныхъ къ воротамъ, на противоположномъ берегу, канатовъ. Но ледъ на Двинѣ такъ уже сгустился, что переправа даже и на этомъ суднѣ совершилась съ чрезвычайнымъ трудомъ, и государь, во избѣжаніе всякихъ приключеній, запретилъ перевозить другихъ въ продолженіе ночи. Несмотря на то и на крикъ и вопль моей камеръ-юнгферы, зная, какъ она необходима императрицѣ, я отважился нарушить это запрещеніе и въ отысканной у берега лодкѣ, собравъ наскоро нѣсколько матросовъ, пустился съ Божіею помощью въ путь. Скопившійся у берега ледъ сначала долго насъ задерживалъ, но потомъ при довольно сильномъ и благопріятномъ вѣтрѣ мы подняли парусъ, и наша лодка кое-какъ прорѣзала себѣ проходъ сквозь льдины, такъ что черезъ полчаса, несмотря на туманъ, застилавшій отъ насъ даже городскіе огни, мы причалили къ противоположному берегу, откуда тотчасъ поѣхали во дворецъ. Здѣсь неожиданное появленіе камеръ-юнгферы чрезвычайно обрадовало императрицу уже готовившуюся итти опочивать. Она милостиво и съ свойственною ей ласкою поблагодарила меня за все вынесенное для ея удобства.

На слѣдующее утро стоило большихъ трудовъ перевезти черезъ рѣку Марію Николаевну. Ледъ уже сплошною массою остановился на Двинѣ, такъ что пришлось его прорубать и увеличить число рабочихъ при воротахъ. Я съ наслажденіемъ любовался безподобнымъ личикомъ 15-тилѣтней великой княжны, выражавшимъ совершенное спокойствіе, въ рѣзкую противоположность съ чертами князя Волконскаго, пришедшаго въ себя только тогда, когда онъ ступилъ на землю.

По увеличившемуся, вслѣдствіе шавельской встрѣчи, числу экипажей, требовавшихъ и большаго числа лошадей, рѣшено было наслѣднику со мною ѣхать впередъ, а ихъ величествамъ остаться еще на день въ Ригѣ. Наслѣдникъ сѣлъ въ свою коляску съ Кавелинымъ, а я ѣхалъ за ними съ государевымъ докторомъ. За нѣсколько станцій до Петербурга былъ уже санный путь, и мы пересѣли въ сани, высланныя къ намъ навстрѣчу.

26-го ноября благополучно прибыли въ Петербургъ и ихъ величества.

1835-й годъ.

Въ началѣ весны 1835 года государь разсудилъ ѣхать въ Москву. Отправившись туда 26-го апрѣля, мы по дорогѣ останавливались: въ Колпинѣ для обозрѣнія основаннаго тамъ Петромъ Великимъ и во многомъ улучшеннаго императоромъ Николаемъ завода; въ одномъ изъ прежнихъ военныхъ поселеній, обращенномъ теперь въ казармы для

Библиотека "Руниверс"

Гродненскаго гусарскаго полка; въ Новгородѣ — для осмотра гвардейскихъ драгунъ и, наконецъ, во вновь учрежденномъ иждивеніемъ графа Аракчеева и названномъ по его имени кадетскомъ корпусѣ, гдѣ государь присутствовалъ при ужинѣ воспитанниковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ насъ, пріѣхали также въ Москву сперва императрица съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а потомъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, восхитившіе народъ особенно тѣмъ, что они выѣзжали одѣтые въ національномъ костюмѣ.

Время стояло прекрасное, и 1-го мая, въ день гулянья подъ Сокольниками, императорская фамилія смотрѣла на стеченіе экипажей и пѣшеходовъ изъ павильона, выстроеннаго для этого случая въ серединѣ рощи, а потомъ сама каталась въ экипажахъ по аллеямъ, при радостномъ «ура» толпы.

Прямо съ этого гулянья дворъ переселился на дачу, купленную государемъ у графини Орловой, откуда открывался очаровательный видъ на Москву-рѣку, на орошаемые ею луга и на весь городъ. Обширность дома и его пристроекъ позволила и всѣмъ намъ тутъ же помѣститься; только, къ сожалѣнію, съ слѣдующаго дня начались холода, вѣтеръ, дожди и даже снѣгъ, заставившіе насъ пожалѣть о рановременномъ переѣздѣ изъ Кремля. При такой погодѣ жизнь на дачѣ не представляла никакихъ удовольствій, и потому ихъ старались возмѣстить балами, спектаклями и большими или меньшими собраніями у императрицы.

Между тѣмъ, время у государя шло въ Москвѣ своимъ порядкомъ. Высочайшее вниманіе было обращено въ особенности на кадетскій корпусъ, на университетъ, на украшеніе города и на поправленіе отставшаго нѣсколько въ выправкѣ и движеніяхъ армейскаго корпуса, подъ командою князя Хилкова. Кромѣ того, государь каждое утро ѣздилъ въ Кремль для пріема военнаго генералъ-губернатора съ бумагами и прочихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему доклады, а потомъ въ часъ сходилъ на площадь передъ дворцомъ, для присутствованія при разводѣ. Здѣсь государя забавляло ставить трехъ младшихъ сыновей своихъ на линію вмѣсто офицеровъ, къ большому наслажденію публики, ежедневно собиравшейся сюда во множествѣ въ экипажахъ и пѣшкомъ. Императрица, съ своей стороны, часто посѣщала и подробно осматривала Воспитательный Домъ и дѣвичьи институты, перешедшіе въ ея благодѣтельное завѣдываніе по наслѣдству отъ покойной императрицы-матери.

Въ это же время наступилъ въ Москвѣ срокъ публичной выставки мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, которая была устроена съ большимъ вкусомъ и изяществомъ въ домѣ Дворянскаго собранія, при единодушномъ стремленіи всѣхъ фабрикантовъ отличиться передъ своимъ царемъ. Императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ вним-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ осматривала всю выставку, разспрашивая производителей о каждой мелочи и ободряя ихъ своимъ поощреніемъ.

Наконецъ, государь, чрезвычайно довольный видѣннымъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ главныхъ экспонентовъ и, изъявивъ имъ свою благодарность за успѣхи ихъ производствъ, прибавилъ, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направленіе и можетъ лишь итти къ дальнѣйшему еще развитію, необходимо и правительству и фабрикантамъ обратить свое вниманіе на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. Это, продолжалъ онъ, попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ. Въ заключеніе онъ сослался на примѣръ двухъ фабрикантовъ, находившихся тутъ же въ числѣ прочихъ и особенно отличавшихся обращеніемъ своимъ съ рабочими, прибавивъ, что велитъ доносить себѣ о всѣхъ тѣхъ, которые послѣдуютъ этому примѣру, чтобы имѣть удовольствіе явить имъ за то знаки своего благоволенія.

Когда погода нѣсколько поправилась, императорская фамилія изъявила желаніе посѣтить нѣкоторыя окрестныя дачи. Министръ двора, князь Волконскій, удостоился чести принять ее къ обѣду въ своей прекрасной подмосковной, верстахъ въ 20-ти отъ города. По убранству дома и содержанію садовъ можно было подумать, что хозяинъ всегда въ ней живетъ, тогда какъ, напротивъ, въ продолженіе сорока лѣтъ служебныя обязанности позволили ему провести тамъ всего лишь нѣсколько дней. Такимъ же образомъ имѣлъ счастіе принять императорскую фамилію въ безподобной своей «мельницѣ» постоянный московскій житель, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, пользовавшійся особеннымъ высочайшимъ благорасположеніемъ. Сверхъ того, государь почтилъ своимъ посѣщеніемъ подмосковную графа Шереметева, уже 50 лѣтъ остававшуюся необитаемою и, несмотря на то, все еще сохранявшую слѣды прежняго великолѣпія и богатства. Государя въ особенности заняло находящееся въ тамошнемъ домѣ, или, лучше сказать, дворцѣ, многочисленное собраніе портретовъ вельможъ и сановниковъ вѣка Петра Великаго и Елисаветы, и онъ велѣлъ князю Волконскому просить согласія настоящаго владѣльца, въ то время флигель-адъютанта его величества, на снятіе копій съ нѣкоторыхъ изъ этихъ портретовъ, недоставшихъ въ эрмитажной и дворцовыхъ коллекціяхъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ нѣсколько частныхъ дачъ, государь пожелалъ взглянуть и на свои собственныя. Онъ посѣтилъ сперва Царицыно, не удовлетворившее его, впрочемъ, ни своимъ мѣстоположеніемъ, ни остатками сооруженнаго тамъ нѣкогда Екатериною II и впо-

Библиотека "Руниверс"

слѣдствіи полуразвалившагося дворца, почему онъ предположилъ выстроить вмѣсто него со временемъ или казарму, или какое нибудь училище; затѣмъ государь обозрѣлъ Коломенское съ оставшеюся отъ древнихъ его зданій только одною дворцовою церковью. Взойдя по довольно высокой лѣстницѣ въ бесѣдку, построенную въ новѣйшее время на мѣстѣ старинныхъ царскихъ чертоговъ, государь былъ пораженъ открывшимся изъ нея восхитительнымъ видомъ на Москву и ея окрестныя села и деревни. «Вотъ, — сказалъ онъ, — гдѣ я поставлю дворецъ: рожденіе въ этомъ мѣстѣ Петра Великаго и безподобный видъ на древнюю столицу достаточно говорятъ, что здѣсь слѣдуетъ быть царскому жилью». Спустившись оттуда, государь вмѣстѣ съ императрицею вошелъ въ древнюю церковь и, увидѣвъ тамъ три четы, которыхъ бракъ благословлялся въ это время, приказалъ мнѣ потребовать ихъ на слѣдующее утро въ Кремлевскій дворецъ. Здѣсь императрица лично вручила молодымъ разные подарки, а я роздалъ имъ отъ имени государя нѣсколько сотъ рублей.

Пробывъ въ Москвѣ около мѣсяца, дворъ возвратился въ лѣтнія свои жилища окрестъ Петербурга.

Государь уѣхалъ прежде императрицы, въ ночь съ 21-го на 22-е мая, и по дорогѣ осмотрѣлъ войска сначала въ Твери, а потомъ въ Торжкѣ. По прибытіи въ Новгородъ, онъ пересѣлъ на пароходъ военныхъ поселеній, и мы отправились въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь настоятелемъ въ то время былъ архимандритъ Фотій, прославившійся благоговѣйнымъ уваженіемъ, которое онъ умѣлъ внушить къ себѣ добродѣтельной графинѣ Орловой-Чесменской, уже нѣсколько лѣтъ посвящавшей огромныя свои богатства на украшеніе этой обители. Никто не ожидалъ пріѣзда государя; въ монастырѣ все было тихо, и мы, не встрѣтивъ ни души, вошли въ главный его соборъ; тамъ молился одинъ монахъ. Государь, также помолившись, осмотрѣлъ великолѣпныя ризы и оклады на иконахъ, и только при выходѣ его изъ собора разнеслась по монастырю вѣсть, что въ стѣнахъ его — императоръ.

Фотій пришелъ навстрѣчу его величеству и, несмотря на все желаніе казаться совершенно спокойнымъ, былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ отъ этого неожиданнаго пріѣзда. Къ большому нашему изумленію, вслѣдъ за нимъ явилась и графиня Орлова, совершенно счастливая высочайшимъ посѣщеніемъ такой обители, которой она была благодѣтельницею и почти начальницею. Присутствіе женщины въ мужскомъ монастырѣ могло бы казаться соблазнительнымъ, если бы репутація графини не ставила ее превыше всякаго подозрѣнія. Она сопровождала государя въ больницу и по всѣмъ церквамъ, какъ бы сама официально принадлежа къ этому монастырю. Фотій съ своей стороны такъ растерялся, что позабылъ о всѣхъ почестяхъ, воздаваемыхъ въ подобныхъ случаяхъ главѣ государства и церкви.

Библиотека "Руниверс"

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, государь велѣлъ вытребовать его въ Невскую лавру для наученія впредь лучше исполнять свои обязанности.

Дворъ, проведя нѣсколько дней на Елагиномъ острову, переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ для государя начались обычныя лѣтнія его занятія: поѣздки въ Кронштадтъ и въ Красносельскій лагерь, въ 1835 году тѣмъ болѣе привлекавшій его вниманіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ былъ, для поправленія своего здоровья, на Карлсбадскихъ водахъ, и гвардейскимъ корпусомъ временно командовалъ вмѣсто него достойный, но израненный генералъ Бистромъ, которому недоставало силъ поддерживать строгость заведеннаго великимъ княземъ порядка.

Въ Петергофъ въ это лѣто пріѣхали и оставались тамъ во все продолженіе пребыванія царской фамиліи сестра императрицы съ супругомъ своимъ, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ, и герцогъ Нассаускій. Праздникъ 1-го іюля былъ еще великолѣпнѣе обыкновеннаго. Потомъ начались большіе маневры, въ которыхъ мы доходили до Гатчины.

Пока Петербургъ веселился и наслаждался самымъ безмятежнымъ спокойствіемъ, въ Парижѣ приготовлено было цареубійство, и дѣло шло о смертныхъ казняхъ. Извѣстный замыселъ Фіески, не достигшій настоящей своей цѣли, но стоившій, однако, жизни престарѣлому и храброму маршалу Мортье, испугалъ Францію и, возмутивъ своею дерзостью остальную Европу, былъ какъ бы новымъ призывомъ для всѣхъ правительствъ вооружиться противъ гнуснаго скопища, поклявшагося ниспровергнуть троны и разрушить общественный порядокъ. Теперь было необходимѣе, чѣмъ когда либо, чтобы сѣверные кабинеты гласно заявили свѣту единство началъ, связывавшихъ ихъ союзъ, тѣмъ болѣе, что кончина Франца I-го вдохнула революціонерамъ новыя надежды и вселила общій страхъ въ правительства.

Рѣшенъ былъ новый съѣздъ трехъ монарховъ, но на этотъ разъ долженствовавшій сопровождаться всѣмъ блескомъ военныхъ торжествъ, достойнымъ воспоминаній совокупныхъ побѣдъ 1813 и 1814 годовъ, изъ числа соучастниковъ которыхъ оставался на престолѣ уже одинъ только король Прусскій.

Мѣстомъ свиданія съ нимъ нашего государя избрали городъ Калишъ, какъ ближайшій пунктъ къ границамъ Пруссіи. Для сего послано было туда заблаговременно, на присоединеніе къ корпусу, стоявшему въ царствѣ Польскомъ, по взводу отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка [1], что̀ составило вмѣстѣ три эскадрона, въ прибавку

[1] Рукою императора Николая написано:

«Les premiers pelotons des grenadiers et les premières compagnies de carabiniers».

Библиотека "Руниверс"

къ которымъ слѣдовалъ еще изъ южныхъ военныхъ поселеній кирасирскій принца Альберта Прусскаго полка. Два баталіона гвардіи, составленные изъ всѣхъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, 4 орудія отъ 3-хъ артиллерійскихъ бригадъ гвардейскаго корпуса, гренадерскій полкъ имени короля Прусскаго и 1 баталіонъ гренадерскаго полка имени наслѣднаго принца Прусскаго были собраны въ Ораніенбаумѣ для отправленія моремъ въ Данцигъ.

14-го іюля, послѣ напутственнаго молебствія, подъ открытымъ небомъ, передъ Ораніенбаумскимъ дворцомъ, государь самъ повелъ всѣ знамена къ катерамъ, и въ то же время всѣ войска этого отряда направились, по отдѣленіямъ, къ шлюпкамъ, которыя должны были доставить ихъ къ назначеннымъ для ихъ перевозки пароходамъ. Это движеніе было исполнено съ чрезвычайною точностью, и видъ длиннаго ряда судовъ, наполненныхъ сверкающими штыками и постепенно, въ опредѣленныхъ интерваллахъ, отдѣлявшихся отъ берега въ направленіи каждаго къ своему пароходу, представлялъ безподобное зрѣлище, котораго красоту увеличивало ярко сіявшее солнце.

Король Прусскій съ своей стороны также велѣлъ образовать отряды изъ всѣхъ полковъ своей гвардіи и вмѣстѣ съ кирасирскимъ имени императора Николая полкомъ расположить ихъ лагеремъ неподалеку отъ Калиша.

1-го августа государь съ императрицею, великою княжною Ольгою Николаевною, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ съ его супругою, герцогомъ Нассаускимъ и маленькимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, носившимъ титулъ генералъ-адмирала, отправились на пароходѣ «Геркулесъ» также въ Данцигъ. Графъ Орловъ и я удостоились чести быть на одномъ съ ними суднѣ, а остальная свита, дамы и кавалеры, поѣхала въ одно съ нами время на пароходѣ «Ижора». Князь П. М. Волконскій, назначенный сопровождать императрицу во время ея путешествія по Германіи, уѣхалъ впередъ сухимъ путемъ.

Нашъ переѣздъ, благопріятствуемый прекраснымъ временемъ, былъ истинною прогулкою, и одинъ только герцогъ Нассаускій пролежалъ всѣ пять дней въ морской болѣзни. Мѣстами къ намъ подходили фрегаты или бриги, отряженные отъ нашего флота для принятія приказаній государя, если бы такія понадобились, а миляхъ въ 20-ти отъ прусскихъ береговъ весь флотъ пришелъ намъ настрѣчу на всѣхъ парусахъ и по отсалютованіи императорскому флагу повернулъ назадъ для сопровожденія «Геркулеса»; но при ослабшемъ между тѣмъ вѣтрѣ нашъ пароходъ вскорѣ оставилъ за собою парусныя суда. Къ закату солнца открылись данцигскія колокольни, и мы убавили ходъ, чтобы войти въ каналъ, начинающійся въ пяти или шести верстахъ передъ

Библиотека "Руниверс"

городомъ. Оба берега этого канала были заняты любопытными, а у пристани ожидали власти, военныя и гражданскія, подъ краснымъ шатромъ, устроеннымъ для пріема ихъ величествъ, возлѣ котораго стояли почетный караулъ и приготовленные для нихъ экипажи.

Солнце уже сѣло, огонь орудій съ данцигскихъ укрѣпленій рисовался въ темнотѣ, и гулъ выстрѣловъ величественно смѣшивался со звономъ колоколовъ и съ кликами толпы. Но шатеръ былъ устроенъ такъ неискусно, что нашъ «Геркулесъ» едва не опрокинулъ его своимъ колесомъ, и почти невозможно было сойти тутъ на берегъ. Вслѣдствіе того государь съ императрицею и своими спутниками съѣхалъ въ катерѣ и, обнявъ принца Прусскаго, высланнаго королемъ ему навстрѣчу, отправился къ отведенному для нихъ помѣщенію. Городъ былъ иллюминованъ, и все его населеніе радостно привѣтствовало государя и августѣйшую дочь своего короля. Это былъ первый русскій монархъ, который со временъ Петра Великаго явился въ стѣнахъ Данцига, столько разъ испытавшаго силу нашего оружія и въ 1806 году такъ мужественно защищеннаго нашими войсками противъ полчищъ Наполеона.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, императрица съ своимъ братомъ отправилась въ Берлинъ, а государь съ принцемъ Нидерландскимъ и Нассаускимъ герцогомъ поѣхалъ въ Калишъ. Въ Торнѣ, незадолго до нашего проѣзда, загорѣлся большой мостъ, и мы, проѣзжая по немъ, видѣли еще сторожевыхъ его солдатъ. Зажигатели остались неоткрытыми; въ этой злонамѣренной попыткѣ подозрѣвали, можетъ быть, не безъ основанія поляковъ, думавшихъ воспользоваться безпорядкомъ для какого нибудь покушенія противъ особы государя. На границѣ царства Польскаго онъ отпустилъ приготовленный для него конвой, и мы проѣхали до Калиша краемъ, еще кипѣвшимъ горькою ненавистью къ Россіи, совершенно одни.

Фельдмаршалъ Паскевичъ принялъ его величество во главѣ генераловъ, командовавшихъ разными частями расположенныхъ въ лагерѣ войскъ, стоя у праваго фланга почетнаго караула передъ дворцомъ, убраннымъ со вкусомъ для короля Прусскаго и сестеръ императрицы, принцессы Нидерландской и гросъ-герцогини Мекленбургской. Для этого пребыванія отдѣлали также заново городской театръ, выстроили огромную залу, въ которой удобно могли помѣститься за обѣденными столами 300 человѣкъ, и въ флигеляхъ дворца, равно какъ и во многихъ частныхъ домахъ, отвели квартиры для принцевъ и другихъ особъ, приглашенныхъ или испросившихъ позволеніе присутствовать при калишскихъ маневрахъ. Къ большому изумленію тамошнихъ жителей, государь безъ всякой свиты обошелъ пѣшкомъ по всѣмъ приготовленнымъ для знатнѣйшихъ особъ помѣщеніямъ, стараясь, чтобы все въ

Библиотека "Руниверс"

нихъ было удобно и прилично. Потомъ онъ осмотрѣлъ два лагеря, раскинутые за городомъ, одинъ для пѣхоты и другой для кавалеріи. Первый, заключавшій внутри себя пустое мѣсто для ожидаемыхъ прусскихъ войскъ, былъ расположенъ по гребню огромной отлогости, господствовавшей надъ городомъ и всѣми окрестностями. Влѣво отъ оставленной пустоты находились палатки для государя и для Прусскаго короля съ ихъ свитами, а внутри лагеря возвышался убранный оружіями и трофеями деревянный шатеръ, въ которомъ находилась обширная зала для обѣдовъ; съ устроеннаго надъ нимъ бельведера былъ очаровательный видъ на лагерь и всю окружающую мѣстность.

Государь сдѣлалъ предварительный смотръ войскамъ, въ видѣ приготовленія къ тому, къ которому ожидались Прусскій король и столько иностранныхъ принцевъ и генераловъ. Потомъ онъ забавлялся ученіемъ конно-мусульманскаго полка, составленнаго изъ магометанъ, обитающихъ въ Закавказскомъ краѣ. Эти воины, числомъ около 500, были богато одѣты, по образцу персіянъ, въ разноцвѣтныя одежды, что придавало имъ чуждый для остальной Европы видъ азіатскаго войска. Раздѣлившись на двѣ партіи, они начали нападать другъ на друга съ необыкновенною ловкостью и удалью, но постепенно до того разгорячились, что государь призналъ нужнымъ положить конецъ ихъ стычкѣ и велѣлъ всѣмъ собраться вокругъ ихъ знамени. Партія, находившаяся напротивъ знамени, вообразивъ, что приказано его схватить, бросилась на него съ такою стремительностію, что произошла очень серіозная ошибка; знаменщикъ, сбитый съ лошади, вмѣстѣ съ своими товарищами совсѣмъ не въ шутку защищалъ ввѣренную ему святыню; посыпались сабельные удары, съ той и съ другой стороны полилась кровь, и государь, кинувшись между сражавшихся, едва успѣлъ съ нашею помощью разогнать и усмирить враждебныя партіи. Послѣ того они прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ, съ криками «ура» и съ видомъ величайшаго самодовольства [1].

По окончаніи этихъ предварительныхъ распоряженій государь поѣхалъ въ Лигницъ въ Силезіи, гдѣ его ожидали императрица, король Прусскій, принцы Прусскаго дома, эрцъ-герцогъ австрійскій Фердинандъ съ дядею своимъ, эрцъ-герцогомъ Іоганномъ, наслѣдный герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою своею, сестрою нашей императрицы, и нѣсколько другихъ еще принцевъ, которые всѣ собрались поклониться русскому императору и присутствовать при сборѣ прус-

[1] Императоръ Николай, читая записки графа Бенкендорфа, сдѣлалъ противъ этого мѣста замѣтку:

«C'est un poème! Cela ne fut pas si sérieux et il n'y eut heureusement ni coups de sabre, ni sang, mais c'en fut bien près et ce n'est qu'avec peine que je parvins à les calmer».

Библиотека "Руниверс"

ского корпуса. Туда же прибылъ изъ своей поѣздки по Германіи и Михаилъ Павловичъ.

Прусскій лагерь находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и на другой день послѣ нашего пріѣзда стоявшій тамъ корпусъ, числомъ около 20.000 человѣкъ, былъ выведенъ на парадъ; но отъ многочисленнаго стеченія любопытныхъ, верхами, въ экипажахъ и пѣшкомъ, которые, несмотря на всѣ подтвержденія, даже со стороны самого короля, очень мало обращали вниманія на соблюденіе порядка, церемоніальный маршъ такъ разстроился, что парадъ сдѣлался похожъ больше на какую-то сумятицу.

Въ числѣ иностранцевъ, съѣхавшихся отовсюду въ Лигницъ, находился также австрійскій генералъ, принцъ Ваза. Онъ заставилъ о позволеніи прибыть туда написать жену свою къ императрицѣ, а когда ея письмо осталось безъ отвѣта, то сказалъ князю Меттерниху, что считаетъ это молчаніе за знакъ согласія, и, несмотря на отзывъ Меттерниха, что съ императоромъ Николаемъ опасно играть въ пословицы, все-таки пріѣхалъ въ Лигницъ. Прусскій кабинетъ, находившійся не менѣе нашего въ тѣсныхъ связяхъ съ шведскимъ королемъ Карломъ-Іоганномъ, былъ столько же раздосадованъ этимъ пріѣздомъ, какъ и нашъ государь. Одинъ изъ адъютантовъ короля шведскаго, находившійся также въ Лигницѣ и приглашенный въ Калишъ, пришелъ сказать мнѣ, что онъ будетъ въ тяжкой необходимости отказаться отъ этой чести, если принцъ Ваза получитъ приглашеніе тамъ присутствовать, и даже найдется въ необходимости выѣхать изъ Лигница, такъ какъ всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ шведской службѣ, строго приказано избѣгать встрѣчи съ претендентомъ на шведскій престолъ. Государь поручилъ мнѣ объяснить эрцъ-герцогу Фердинанду, что сколько его величеству ни непріятно отклонять пріемъ въ своихъ владѣніяхъ генерала, носящаго австрійскій мундиръ и возбуждающаго сочувствіе своими несчастіями, однако онъ вынуждается къ тому политическими отношеніями и искренностью своего союза съ королемъ шведскимъ; въ то же время велѣно было сказать шведскому адъютанту, что государь проситъ его остаться въ Лигницѣ и беретъ это на свою отвѣтственность передъ его монархомъ, которому и изложилъ все дѣло въ письмѣ къ графу Сухтелену, нашему посланнику при шведскомъ дворѣ. Кончилось тѣмъ, что шведскій офицеръ былъ чрезвычайно польщенъ такою милостивою любезностью государя, а принцъ Ваза, поставленный своею опрометчивостью въ самое непріятное положеніе, воротился въ Вѣну изливаться въ жалобахъ передъ тамошними дамами, которыхъ онъ былъ любимцемъ.

Въ Лигницѣ король ежедневно собиралъ у себя всѣхъ принцевъ и знатныхъ иностранцевъ на большіе обѣды и вечера; городъ далъ балъ,

Библиотека "Руниверс"

довольно плохенькій и худо освѣщенный, а войско угостило насъ подготовленнымъ заранѣе ученьемъ, послѣ котораго пошло къ Доманзе въ Силезіи, гдѣ стоялъ лагеремъ другой прусскій корпусъ, и куда всѣ мы также поѣхали. Государь съ императрицею были тамъ помѣщены въ старинномъ замкѣ графа Бранденбурга, лежащемъ въ очаровательной мѣстности и окруженномъ прекрасными видами, а король поселился въ другомъ частномъ замкѣ, въ пяти верстахъ отъ Доманзе и въ двухъ отъ лагеря. Всѣ окрестные дома были заняты принцами и свитою, что̀ придало этому красивому краю особенное оживленіе. Большая галлерея близъ жилища короля служила столовою для всѣхъ королевскихъ гостей, число которыхъ увеличивалось приглашавшимися къ столу дамами и окрестными помѣщиками. Въ лагерѣ былъ устроенъ большой баракъ, внутри драпированный, въ которомъ корпусъ офицеровъ далъ балъ всѣмъ августѣйшимъ особамъ, присутствовавшимъ при этомъ военномъ сборищѣ. Иногда король пріѣзжалъ также обѣдать къ нашему государю въ Доманзе, куда въ такихъ случаяхъ звали столько гостей, сколько позволяло мѣсто. По вечерамъ собирался тамъ лишь самый небольшой кружокъ, почти исключительно состоявшій изъ семейства императрицы и немногихъ лицъ, составлявшихъ свиту ея и государеву. Утро проводили на ученіяхъ, смотрахъ и маневрахъ.

28-го августа, нашъ императорскій домъ перебрался въ Калишъ, куда государь пріѣхалъ въ 2 часа пополуночи, а императрица, принявшая еще на пути балъ, данный ей городомъ Бреславлемъ, въ 8 часовъ вечера.

На слѣдующій день прибыли туда и иностранные принцы, а 30-го числа, въ день тезоименитства наслѣдника цесаревича, послѣ церковнаго парада и богослуженія въ походной церкви, государь въ 3 часа отправился на границу царства для встрѣчи августѣйшаго своего тестя, съ которымъ и возвратился часа черезъ два въ Калишъ. Здѣсь, на дворцовомъ дворѣ, ожидалъ почетный караулъ съ стоявшими на правомъ его флангѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ и всѣми генералами. Пройдя передъ фронтомъ, король былъ встрѣченъ на дворцовой лѣстницѣ августѣйшею своею дочерью, которая провела почтеннаго старца въ приготовленные для него покои, тѣ самые, гдѣ онъ жилъ въ 1813 году, когда изгнаніе французовъ изъ нашихъ предѣловъ и пораженіе ихъ нашими побѣдоносными войсками предвѣщало Пруссіи и остальной Европѣ близкое освобожденіе, — тѣ самые покои, гдѣ за 22 года передъ симъ Александръ I, предавая забвенію совокупное дѣйствіе Пруссіи съ Наполеономъ противъ Россіи, протягивалъ Фридриху-Вильгельму III руку помощи и подписывалъ союзъ съ Пруссіею противъ ея притѣснителя. Король, глубоко тронутый этими воспоминаніями давно минувшихъ дней,

Библиотека "Руниверс"

столь многозначительныхъ въ судьбѣ обоихъ государствъ, былъ еще болѣе растроганъ нѣжною попечительностью къ нему любимой дочери и могущественнаго зятя и пріемомъ этихъ славныхъ невиданныхъ имъ съ Парижа русскихъ войскъ, которыя приводили ему на память опасности и побѣды 1812—1814 годовъ.

Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, всѣ находящіеся въ Калишѣ и въ лагерѣ генералы и офицеры собрались въ полной парадной формѣ на площади передъ дворцомъ, а за ними стали въ густыхъ колоннахъ полковые музыканты, барабанщики, флейтщики и горнисты, числомъ слишкомъ полторы тысячи. Какъ только король показался на балконѣ, его привѣтствовали единодушнымъ «ура», и музыка заиграла маршъ, сочиненный имъ самимъ, въ бытность его еще наслѣднымъ принцемъ, и потомъ національный нашъ гимнъ. Грандіозность этой сцены поразила всѣхъ присутствовавшихъ столько же, сколько тронула доблестнаго сотоварища и друга императора Александра.

На слѣдующее утро прусскія войска присоединились у Калиша къ нашимъ, и король верхомъ ожидалъ на правомъ ихъ флангѣ государя, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею, бывшею также верхомъ. Пруссаки приняли ихъ величества съ криками «ура», заимствованными отъ нашихъ войскъ въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ.

Въ свитѣ царской, кромѣ названныхъ уже выше прусскихъ принцевъ, австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, герцога Нассаускаго, Нидерландскаго и Мекленбургъ-Шверинскаго, находились еще герцогъ Кумберландскій, наслѣдные принцы Гессенъ-Дармштадтскій и Гессенъ-Кассельскій, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, принцы Карлъ и Фридрихъ Шлезвигъ-Голстинскіе и множество иностранныхъ генераловъ и офицеровъ. Сверхъ того, прибыла въ Калишъ и супруга прусскаго короля, княгиня Лигницъ.

Пока вся эта блестящая свита слѣдовала за обоими монархами передъ фронтомъ прусскаго корпуса, наши войска выстроились впереди своего лагеря такимъ образомъ, что между двумя образованными ими стѣнами оставался широкій проходъ; потомъ государь со своимъ штабомъ сталъ на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, а императрица заняла мѣсто на правомъ флангѣ у кавалергардскаго взвода, и король повелъ свой корпусъ къ центру лагеря. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ между рядами нашихъ войскъ, знамена и штандарты преклонялись, и крики нашихъ солдатъ смѣшивались съ звуками музыки и пушечною пальбою, сопровождавшею это торжественное шествіе. Дойдя до назначеннаго для нихъ мѣста, пруссаки, въ свою очередь, выстроились въ двѣ линіи, и наши войска, подъ предводительствомъ государя и съ императрицею на флангѣ кавалергардовъ, прошли между ихъ рядами, привѣтствуемыя такими же изъявленіями, какими прежде встрѣчали прус-

Библиотека "Руниверс"

саковъ. Въ этомъ соединеніи войскъ двухъ сильныхъ націй и вообще во всемъ этомъ пріемѣ было что-то рыцарское и могучее, расшевелившее всѣ сердца. Солдаты цѣловались между собою, какъ братья, офицеры пріязненно жали другъ другу руки, и оба монарха обнялись въ виду обѣихъ армій.

Все было приготовлено въ лагерѣ для обильнаго продовольствія прусскихъ солдатъ и для стола и для удобствъ офицеровъ. Послѣднихъ угощали въ большой залѣ, устроенной посреди лагеря, наши гвардейскіе офицеры, а принадлежавшіе къ свитамъ короля и принцевъ, равно какъ и прочіе иностранцы, обѣдали за роскошнымъ гофмаршальскимъ столомъ въ залѣ возлѣ дворца. Вечеромъ всѣмъ раздавались даровые билеты на нѣмецкій спектакль, для котораго, чтобы не лишить короля любимаго и ежедневнаго его развлеченія, была выписана труппа изъ Берлина.

Слѣдующій день, 1-е сентября, падалъ на воскресенье. Сперва всѣ собрались къ православному богослуженію въ походной церкви, устроенной посреди лагеря, вокругъ которой наши войска были разставлены въ огромныхъ карре; потомъ всѣ перешли нѣсколько сотъ шаговъ далѣе къ мѣсту, гдѣ прусскія войска, такимъ же образомъ разставленныя, слушали проповѣдь лютеранскаго пастора и пѣли свои церковные гимны. Такое сліяніе двухъ вѣроисповѣданій, двухъ богослуженій, въ одномъ лагерѣ, въ присутствіи двухъ монарховъ, стоявшихъ во главѣ этихъ двухъ различныхъ церквей, служило живымъ символомъ обоюдной ихъ вѣротерпимости, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что все это происходило въ краѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, которая отличается своею нетерпимостью и фанатизмомъ.

Покамѣстъ въ лагерѣ отправлялась божественная служба, на широкой равнинѣ передъ нимъ собраны были мусульманскій полкъ, черкесы и кавказскіе линейные казаки. Вокругъ нихъ образовался огромный амфитеатръ изъ солдатъ обѣихъ націй, передъ которыми тѣснились верхомъ и пѣшкомъ всѣ иностранные офицеры, жаждавшіе полюбоваться никогда не виданнымъ ими зрѣлищемъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ, возлѣ артиллерійской батареи, сталъ царственный хозяинъ со всѣми своими августѣйшими гостями, и по данному имъ сигналу началось ристаніе. Татары, черкесы и казаки, въ разнообразныхъ и богатыхъ своихъ нарядахъ, пустили вскачь своихъ лошадей, нападая одни на другихъ и увертываясь отъ ударовъ съ свойственными имъ ловкостію и быстротою. То летя впередъ, то уклоняясь, какъ молнія, въ сторону, то толпою, то поодиночкѣ, то наконецъ стоя на лошадяхъ и въ этомъ положеніи стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ, наконецъ, по одному знаку своихъ офицеровъ, строясь и разсыпаясь съ одинаковымъ проворствомъ, они всѣхъ изумили и своими атлетическими формами, и стремительно-

Библиотека "Руниверс"

стію своихъ лошадей, и собственною своею удалью. Соединивъ въ себѣ Европу съ Азіею, этотъ праздникъ напоминалъ собою времена крестовыхъ походовъ.

Слѣдующіе дни Калишскаго съѣзда были посвящены парадамъ, ученьямъ и маневрамъ, на которыхъ блистательная выправка и точность движеній нашихъ войскъ вызвали общее удивленіе иностранцевъ.

Давались также большіе обѣды и другія празднества разнаго рода. При одномъ изъ нихъ, данномъ нашимъ монархомъ отъ лица всего лагеря, 2.000 музыкантовъ исполнили королевскій маршъ и слишкомъ 600 полковыхъ пѣвчихъ пропѣли куплеты въ честь короля, сочиненные простымъ солдатомъ и положенные на музыку моимъ адъютантомъ Львовымъ, съ аккомпанементомъ выстрѣловъ изъ 18-ти орудій. Въ заключеніе великолѣпнаго фейерверка бомбардировался нарочно выстроенный за лагеремъ городокъ съ высокими минаретами. Его зажгли гранатами, постепенно взрывавшими фугасы, состоявшіе изъ безчисленнаго множества ракетъ. Это было точно изверженіе огнедышащей горы.

Простившись съ нашими генералами и офицерами въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, король оставилъ Калишъ 10-го сентября. Государь проводилъ его до границы царства. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ изъ лагеря прусскій отрядъ, а потомъ началось обратное движеніе и нашихъ войскъ. При послѣднемъ прощаньѣ государь собралъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ и благодарилъ ихъ такъ милостиво, что они въ слезахъ бросились цѣловать ему руки и колѣни. При общемъ натискѣ лошадь его едва могла устоять на ногахъ.

Возвратившись въ сопровожденіи Паскевича ко дворцу, передъ которымъ стояла въ карауле рота Орловскаго егерскаго полка, государь приказалъ солдатамъ привѣтствовать новаго своего шефа — князя Варшавскаго, которымъ этотъ полкъ былъ сформированъ въ 1810 году. Милость сія была для всѣхъ совершенною неожиданностію.

Утромъ на другой день императрица отправилась въ Теплицъ, а государь послѣдовалъ за нею днемъ позже и въ Бреславлѣ остановился отужинать съ королевскою фамиліею.

На австрійской границѣ ожидалъ государя князь Лихтенштейнъ, а въ Нейшольцѣ встрѣтилъ его богемскій оберъ-бургграфъ, графъ Хотекъ. Касательно лошадей австрійцы такъ безпечно распорядились, что хорошихъ едва доставало подъ государеву коляску, а во всѣ прочіе экипажи запрягали крестьянскихъ, съ негодною упряжью и дрянными кучерами, что въ этихъ гористыхъ мѣстахъ грозило ежеминутною опасностію. Къ ночи мы прибыли въ какой-то маленькій городокъ, гдѣ въ довольно плохой гостинницѣ рѣшился переночевать государь, а Лихтенштейнъ, Хотекъ и я должны были удовольствоваться какою-то харчев-

Библиотека "Руниверс"

нею, гдѣ едва нашли чего поѣсть. Свита государева нагнала насъ уже на слѣдующее утро.

За двѣ станціи до Теплица ожидалъ придворный экипажъ, и Хотекъ умолялъ меня убѣдить государя остановиться тутъ на нѣкоторое время, чтобы онъ, Хотекъ, могъ предварить своего императора, желавшаго выѣхать навстрѣчу нашему. Его величество слышать о томъ не хотѣлъ и, переодѣвшись въ полковничій мундиръ венгерскихъ гусаровъ, поспѣшилъ отправиться съ княземъ Лихтенштейномъ. Я съ Хотекомъ въ другой коляскѣ выѣхалъ нѣсколько ранѣе, и хотя послѣднему велѣно было ѣхать впередъ, однако государь скоро обогналъ нашихъ крестьянскихъ лошадокъ, и мы потеряли его изъ вида. Хотекъ совершенно растерялся, кричалъ, бранился, сулилъ огромные тринкгельды, а я, смѣясь внутренно надъ забавнымъ отчаяніемъ моего спутника, старался утѣшить его тѣмъ, что императоръ австрійскій вѣрно проститъ ему замедленіе, происшедшее единственно по винѣ нашего государя. «Если бы императоръ и простилъ меня, — отвѣчалъ онъ, — то мнѣ все-таки страшно достанется отъ князя Меттерниха!»

Мы добрались до Теплица уже полчаса послѣ того, какъ оба монарха встрѣтились тамъ на улицѣ. Помѣщеніе нашей императорской четѣ было отведено въ домѣ князя Клари, вмѣстѣ съ австрійскою; но послѣдняя занимала бельэтажъ, а первую помѣстили въ верхнемъ этажѣ, точно будто бы гостями тутъ были австрійцы.

Постепенно прибыли въ Теплицъ и всѣ калишскіе наши гости, бывшіе уже прежде въ Лигницѣ и въ Доманзе, въ томъ числѣ и прусскій король. Однажды, сидя въ этомъ обществѣ за обѣдомъ у австрійскаго императора, я шепнулъ гросъ-герцогинѣ Мекленбургской, что мы — точно труппа странствующихъ актеровъ, переряжающихся по мѣрѣ прибытія въ каждый городъ.

Впрочемъ общество наше въ Теплицѣ увеличилось еще нѣсколькими новопріѣзжими: эрцъ-герцогомъ Карломъ, княземъ Меттернихомъ, нашимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ, графомъ Колловратомъ и нѣсколькими нѣмецкими принцами съ ихъ свитами. Городъ былъ набитъ биткомъ. Вѣнцы съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и даже страхомъ ожидали этой встрѣчи обоихъ императоровъ, опасаясь за сравненіе.

Контрастъ былъ въ самомъ дѣлѣ поразителенъ. Рядомъ съ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ мірѣ, исполненнымъ силы нравственной и физической, являлось какое-то слабенькое существо, тщедушное и тѣломъ и духомъ, какой-то призракъ монарха, стоявшій по осанкѣ и рѣчи ниже самыхъ рядовыхъ людей. Нужна была вся вѣжливость и ласковая привѣтливость императора Николая, чтобы утаить отъ зоркихъ глазъ австрійцевъ, сколько онъ изумленъ этою фигурою; но его обращеніе

Библиотека "Руниверс"

съ Фердинандомъ, всегда предупредительное, дружеское и даже почтительное, вскорѣ привлекло къ нему сердца всей австрійской свиты и, въ особенности, молодой императрицы, которая оцѣнила съ благодарностію трудное положеніе нашего государя. Можно смѣло сказать, что его австрійскій сотоварищъ былъ высшей ничтожностію и какъ бы совсѣмъ не существовалъ. Онъ едва даже могъ удерживать въ памяти наши фамиліи и на все, что мы ни старались говорить ему съ видомъ, будто бы не примѣчаемъ совершенной его ограниченности, отвѣчалъ лишь полусловами, совсѣмъ не клеившимися съ предметомъ разговора.

Но тѣмъ благороднѣе и величественнѣе было зрѣлище, даваемое свѣту австрійскою націею и управлявшими ею министрами. Все благоговѣло передъ тропомъ, почти празднымъ; все соединялось вокругъ власти, представлявшей одинъ призракъ монарха. Всѣ управленія и начальства слѣдовали по пути, указанному покойнымъ Францемъ, котораго боготворимая память, какъ благотворная тѣнь витала надъ ихъ рѣшеніями и дѣйствіями. Князь Меттернихъ продолжалъ всѣмъ руководить, раздѣляя заботы правленія съ графомъ Колловратомъ, болѣе занимавшимся финансовою частью, и съ графомъ Кламмомъ, завѣдывавшимъ военными дѣлами. Этотъ тріумвиратъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ истинную императорскую власть; всѣ про него знали, и всѣ, однако же, скрывали это отъ самихъ себя, давая видъ, что повинуются только волѣ императора.

Тѣмъ же самымъ высокимъ духомъ почтенія и преданности къ его особѣ дышали всѣ сословія, начиная отъ членовъ царственнаго дома и до послѣдняго крестьянина: слыша ихъ слова и видя усердіе, можно бы подумать, что ими управляетъ человѣкъ, вполнѣ достойный стоять во главѣ ихъ прекрасной страны. Но сколько это ни представлялось почтеннымъ и достойнымъ удивленія, такой порядокъ вещей ничѣмъ не упрочивался въ настоящемъ, и гроза висѣла надъ его будущимъ.

Меттернихъ, эрцъ-герцоги Іоганнъ и Карлъ и молодая императрица обратились къ благородному и твердому характеру нашего государя, ища въ немъ покровительственной опоры, и предались ему съ безграничною и самою чистосердечною довѣренностью. Императоръ Николай свято помнилъ данное имъ Францу обѣщаніе быть попечителемъ его сына и оплотомъ его имперіи. Онъ съ обычною ревностною своею дѣятельностію выслушивалъ все повѣряемое ему австрійскими министрами и отъ искренняго сердца помогалъ имъ своими совѣтами. Для него уже не существовало тайнъ въ австрійской администраціи, и всѣ радовались этому благодатному и могущественному покровительству.

Въ Теплицѣ собирались къ обѣду почти всегда у австрійскаго императора, который, принимая у себя, скорѣе походилъ на мебель, чѣмъ на хозяина. Вечеромъ иногда бывали въ театрѣ, а потомъ день оканчи-

Библиотека "Руниверс"

вался всегда въ салонѣ танцами или концертами въ присутствіи всѣхъ монарховъ и принцевъ, императрицъ и принцессъ, кромѣ только Фердинанда, рѣдко тутъ появлявшагося. Однажды вечеромъ, когда и онъ тамъ показался, я побѣжалъ доложить о томъ государю, разговаривавшему съ кѣмъ-то поодаль. Его величество тотчасъ поспѣшилъ навстрѣчу Фердинанду и привѣтствовалъ его глубокимъ поклономъ; но бѣдный юродивый, незнакомый даже съ обыкновенными свѣтскими приличіями или чуждавшійся ихъ изъ неодолимой робости, отвѣчалъ государю однимъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы и въ ту же минуту отвернулся отъ него. Сама императрица наша, сколько ни старалась пріучить его къ себѣ, никакъ не могла въ томъ успѣть.

Подъ Теплицемъ собраны были гусарскій полкъ имени императора Николая, одинъ уланскій полкъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и немного артиллеріи. Послѣ римско-католической обѣдни, отправленной въ палаткѣ, среди очаровательной долины близъ города, этимъ войскамъ сдѣланъ былъ смотръ. Фердинанда посадили на лошадь со всѣми предосторожностями, употребляемыми для какой нибудь трусливой дамы. Онъ поѣхалъ впередъ шагомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на русскаго императора. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ нимъ и передъ обѣими императрицами, сидѣвшими вмѣстѣ въ коляскѣ. Нашъ государь ѣхалъ впереди своего полка и, отсалютовавъ, какъ простой полковникъ, подскакалъ къ австрійской императрицѣ съ почетнымъ рапортомъ.

Нѣсколько дней позже было произведено, въ честь нашего государя, въ двухъ миляхъ отъ Теплица, нѣчто въ родѣ ученья—маневровъ, при которыхъ австрійскій императоръ не присутствовалъ.

Въ другой разъ императоръ Николай, въ блестящемъ венгерскомъ мундирѣ, училъ свой гусарскій полкъ на Кульмскомъ полѣ, гдѣ за двадцать одинъ годъ передъ тѣмъ гвардія его брата положила первую основу дальнѣйшихъ успѣховъ союзниковъ. Къ этому ученью пріѣхали обѣ императрицы, августѣйшія сестры государыни, и прусскій король, и государь представилъ свою супругу полку, разговаривая и шутя съ простыми гусарами, къ крайней ихъ радости. Фердинандъ, заставивъ себя съ полчаса дожидаться, явился наконецъ въ коляскѣ, и приближеннымъ лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить его сѣсть на лошадь, чтобы проѣхать передъ фронтомъ и принять честь отъ полковника, что, впрочемъ, онъ сдѣлалъ, тоже не обращая вниманія на этого полковника-императора. Но когда полкъ развернулся, чтобы пройти передъ Фердинандомъ церемоніальнымъ маршемъ, онъ вдругъ удалился, и ничто уже не могло убѣдить его вернуться. Государю пришлось провести полкъ передъ императрицами, возлѣ которыхъ сталъ король прусскій. Позднее прибытіе Фердинанда къ ученью, уклоненіе потомъ сѣсть на лошадь и,

Библиотека "Руниверс"

наконецъ, непостижимый капризъ, увлекшій его съ мѣста въ ту самую минуту, когда его присутствіе тутъ было всего необходимѣе, крайне огорчили и смутили безподобныхъ австрійцевъ, еще болѣе страдавшихъ отъ нелѣпостей своего монарха при сравненіи его съ нашимъ императоромъ.

Покойный Францъ еще въ 1813 году предположилъ воздвигнуть на Кульмскомъ полѣ памятникъ въ воспоминаніе одержанной тамъ побѣды, но исполненіе этого намѣренія отчего-то замедлилось. Теперь Меттернихъ приготовилъ торжество, долженствовавшее осуществить эту мысль, и для котораго не могло быть выбрано пристойнѣйшей минуты. На мѣстѣ, гдѣ предназначалось воздвигнуть памятникъ, поставили модель его въ настоящихъ размѣрахъ, а вокругъ собрали всѣ находившіяся въ окрестностяхъ войска. Къ предстоящему торжеству стеклось все теплицкое населеніе, и явились вмѣстѣ священники римско-католическій, лютеранскій и одинъ православный [1], а также выписанные изъ Петербурга дворцовые гренадеры изъ числа сражавшихся и раненыхъ въ Кульмскомъ боѣ. Въ назначенный часъ пріѣхали и помѣстились въ красивой бесѣдкѣ всѣ три монарха, обѣ императрицы и всѣ принцы и принцессы. Чудеснѣйшая погода благопріятствовала празднику, на которомъ изъ участниковъ славнаго тройственнаго союза присутствовалъ уже одинъ только прусскій король. Совершена была панихида по положившихъ свой животъ въ этой достопамятной битвѣ [2]; наши старые гренадеры, отдавая честь памяти своихъ сотоварищей, заливались слезами, и всѣ присутствовавшіе были глубоко растроганы. Церемонія окончилась закладкою фундамента для памятника. Три ружейные и пушечные залпа огласили при этомъ долину и повторились эхомъ окрестныхъ горъ и лѣсовъ.

Государь въ тотъ же день послалъ андреевскія ленты подвижникамъ Кульмскаго боя: графу Остерману и Ермолову, давно уже оставившимъ поприще служебной дѣятельности и, конечно, никакъ не воображавшимъ, чтобы русскому монарху, въ далекомъ уголкѣ Богеміи, пришли на память прежнія ихъ заслуги.

Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ князь Меттернихъ старался еще болѣе со мной сблизиться и показывалъ мнѣ возможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, съ цѣлью опровергать посредствомъ дѣльныхъ и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границею о Россіи и ея монархѣ, и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу,

1 Подчеркнутыя слова зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано: «C'est faux».

2 Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ: «C'est faux; il y eût consécration d'après le rite catholique de la première pierre du monument à élever».

Библиотека "Руниверс"

обладавшему журналистикою. Послѣднее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россіи и Австріи и на распространеніе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участіи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы съ журналами. Вслѣдствіе того, мой чиновникъ, разъѣзжавшій по Германіи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращавшій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи и, введя его во всѣ подробности ея механизма, черезъ то самое согласить наши обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью.

Мы оставили Теплицъ, пробывъ въ немъ какую нибудь недѣлю. Государь ѣхалъ съ императрицею, а я слѣдовалъ за ними въ государевой коляскѣ. Въ крѣпости Терезіенштадтъ, назначенной для ночлега ихъ величествъ, мы нашли эрцъ-герцога Іоганна, который, въ качествѣ начальника инженеровъ, принялъ государя и поднесъ ему всѣ планы укрѣпленій. На другое утро мѣстный гарнизонъ былъ выведенъ на ученіе съ пальбою, а между тѣмъ открыли шлюзы, чтобы наполнить водою крѣпостные рвы, и государь, въ сопровожденіи эрцъ-герцога съ генералами и офицерами, подробно осмотрѣлъ всѣ крѣпостныя работы и строенія. Оттуда мы въ прелестную погоду поѣхали въ Прагу, видъ которой издалека поразилъ всѣхъ насъ сходствомъ съ Москвою.

Государя съ императрицею везли придворныя лошади, а я слѣдовалъ непосредственно за ними на почтовыхъ, но при подъемѣ на гору въ Градчину мои лошади запутались въ постромкахъ, и я отсталъ. Главная лѣстница къ замку была наполнена зрителями, и у нижнихъ ея ступеней ожидали князь Меттернихъ и Татищевъ, а на верхнихъ австрійскій императоръ съ своею супругою, эрцъ-герцогами и дворомъ. Я выскочилъ изъ коляски и спросилъ, гдѣ нашъ государь, Меттернихъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же самымъ вопросомъ. Дѣло было въ томъ, что государя привезли другою дорогою, и всему австрійскому двору пришлось отправиться въ крайнемъ смущеніи на поискъ тѣхъ августѣйшихъ гостей, для пріема которыхъ онъ собственно и собрался.

Библиотека "Руниверс"

Я, съ своей стороны, также довольно сконфуженный одиночнымъ появленіемъ моей персоны, вмѣшался въ толпу и пошелъ отыскивать назначенный мнѣ для квартиры домъ, который оказался окруженнымъ высокими стѣнами, совершенно заслонявшими всякій видъ. Вообще все отзывалось безпорядкомъ, царствовавшимъ при австрійскомъ дворѣ вслѣдствіе отрицательнаго положенія его монарха. Такъ, напримѣръ, пріѣхавъ въ Прагу именно для пріема и угощенія императорской четы, забыли бездѣлицу: приготовить для нея комнаты. Только за нѣсколько часовъ до прибытія нашего государя князь Меттерних, пожелавъ лично удостовѣриться, все ли устроено, какъ слѣдуетъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что ничего не сдѣлано, и въ досадѣ прибѣжалъ къ своей императрицѣ доложить о томъ. Тогда она поспѣшила выбраться съ супругомъ изъ собственныхъ покоевъ и уступить ихъ своимъ августѣйшимъ гостямъ.

Постепенно собралась въ Прагу и большая часть принцевъ и принцессъ, слѣдовавшихъ за нами съ самаго Лигница. Всѣ, больше или меньше, подверглись такимъ же недосмотрамъ и промахамъ въ отношеніи къ ихъ помѣщенію. Король прусскій сюда не пріѣхалъ и отправился ожидать государя съ императрицею въ Силезію.

Прага была всякій вечеръ великолѣпно иллюминована, а утро проходило въ смотрахъ и ученіяхъ тамошняго гарнизона. Императоръ Николай со всевозможною предупредительностью занималъ вездѣ второе мѣсто, кромѣ ученій, на которыя Фердинандъ не отваживалъ своей тщедушной особы. Нашъ государь, въ венгерскомъ мундирѣ, восхищалъ всѣхъ многочисленныхъ зрителей, отовсюду стекавшихся посмотрѣть на него. При парадномъ спектаклѣ въ театрѣ, оба императора съ своими супругами находились вмѣстѣ въ одной ложѣ; но нашъ сѣлъ позади, такъ что всѣ обращенныя къ нему рукоплесканія имѣли видъ, будто бы относятся къ Фердинанду, отвѣчавшему на нихъ неловкимъ киваніемъ головы. Большой балъ при дворѣ былъ очень многолюденъ, и все, что Прага и ея окрестности могли выставить изъ общества дамъ, съѣхалось сюда щегольнуть своими брильянтами и богатствами Богеміи. Наша 13-ти-лѣтняя великая княжна Ольга Николаевна, впервые явившаяся при этомъ случаѣ въ публикѣ, сіяла красотою и граціею. Достойною спутницею ея на балѣ была прелестная и живая дочь эрцъ-герцога Карла, вступившая впослѣдствіи въ супружество съ королемъ Неаполитанскимъ.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ Прагѣ всѣ августѣйшіе гости начали готовиться къ отъѣзду, и мы собрались отправиться въ Силезію, какъ вдругъ утромъ, когда уже поданы были экипажи, государь, подойдя къ Фердинанду, сказалъ ему: «у меня есть до васъ просьба; позвольте мнѣ съѣздить въ Вѣну, чтобы засвидѣтельствовать мое почтеніе вдовствующей императрицѣ, ва-

Библиотека "Руниверс"

шей матушкѣ и вдовѣ друга брата моего Александра и моего». Этотъ неожиданный вызовъ очень тронулъ бѣднаго Фердинанда, который принялъ его съ живою радостію и благодарностію [1]. Затѣмъ государь попросилъ у князя Меттерниха письма къ его женѣ; и мы немедленно покатили въ Вѣну. Императрица же направилась къ Фишбаху, замку дяди своего, принца Вильгельма.

Тайна поѣздки въ Вѣну не была повѣрена никому, кромѣ меня, и лишь наканунѣ уже вечеромъ я послалъ впередъ фельдъегеря заказывать лошадей на мое имя. Только по утру, въ день отъѣзда, было сообщено о нашемъ планѣ Татищеву, и онъ вручилъ мнѣ ключи отъ вѣнскаго своего кабинета, такъ какъ государь намѣревался остановиться въ посольскомъ домѣ.

Князь Лихтенштейнъ, готовившійся садиться въ коляску, чтобы слѣдовать за нами въ Силезію, узналъ о перемѣнѣ маршрута, къ крайнему своему изумленію, только въ самую минуту отъѣзда. Всѣ были въ восторгѣ отъ этой любезной внимательности государя.

Благодаря огромнымъ тринкгельдамъ, которыми я щедро надѣлялъ почтальоновъ, и рвенію князя Лихтенштейна, всѣми средствами старавшагося оживить хладнокровную флегму почтосодержателей, которымъ еще никогда не приходилось видѣть такихъ спѣшныхъ путешественниковъ, мы мчались съ обычною нашею быстротою и въ дорогѣ немало тѣшились строгимъ инкогнито государя, ѣхавшаго въ качествѣ моего адъютанта. Я принималъ возможно серіозный видъ и по временамъ дѣлалъ молодымъ офицерамъ моей свиты выговоры за ихъ шумъ и громкій смѣхъ, а на одной станціи, пригласивъ отужинать съ собою почтосодержателя, мы очень забавлялись его кислымъ расположеніемъ духа.

Переѣздъ былъ совершенъ всего въ одинъ сутки,— неслыханная скорость для этого края, гдѣ ни почтальоны, ни ихъ лошади, ни сами проѣзжіе никогда не торопятся.

Подъѣзжая къ Вѣнѣ, государь взялъ къ себѣ въ коляску князя Лихтенштейна, а я сѣлъ съ молодымъ адъютантомъ послѣдняго, и мы поѣхали, моя коляска впереди, прямо къ посольскому дому, не обративъ на себя вниманія прохожихъ, кромѣ нѣсколькихъ только лицъ, узнавшихъ меня и казавшихся удивленными моимъ внезапнымъ появленіемъ. Ворота дома были заперты, и когда я выскочилъ изъ коляски, швей-

[1] Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ:

«C'est faux; nous revenions de l'exercice à tir d'artillerie en caléche, quand je lui demandais ses ordres pour Vienne; il me répondit comme si la chose était tout ordinaire, qu'il me chargeait de ses compliments à l'impératrice-mère, et ce ne fut que quand l'impératrice régnante marqua sa surprise, qu'il comprit qu'il y avait quelque chose sortant de l'ordinaire».

Библиотека "Руниверс"

царь, при видѣ русскаго генерала, за которымъ слѣдовалъ еще другой экипажъ, такъ сильно раззвонился, что слуги и чиновники сбѣжались со всѣхъ сторонъ, какъ бы по набату. Одинъ изъ лакеевъ узналъ меня и повелъ по парадной лѣстницѣ, не замѣчая, кто идетъ за мною, а когда я спросилъ, гдѣ кабинетъ посла, показалъ ключъ отъ него, то и этотъ лакей и всѣ прочіе посмотрѣли на меня съ удивленіемъ. Тутъ государь, шедшій позади меня, обратился съ вопросомъ къ другому лакею, родомъ русскому, не видывалъ ли онъ когда нибудь его фигуры на петербургскихъ улицахъ, и этотъ вопросъ поразилъ всѣхъ, точно электрическій ударъ. Я едва успѣлъ велѣть затворить снова ворота и никого не впускать, какъ вся улица была полна народомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, только что заложили посольскій экипажъ, государь, переодѣвшись, поѣхалъ въ Шенбрунъ къ императрицѣ-матери. Вѣсть о его пріѣздѣ разнеслась по городу съ быстротою молніи, и мнѣ вскорѣ принесли записку отъ княгини Меттерних, упрашивавшей меня пріѣхать къ ней; между тѣмъ мои комнаты наполнились чиновниками посольства и лицами, присланными отъ разныхъ властей столицы, чтобы удостовѣриться въ справедливости этой вѣсти. Князь Эстергази, австрійскій посолъ при англійскомъ дворѣ, только за день передъ тѣмъ видѣвшій государя въ Прагѣ и увѣренный, что онъ теперь въ Силезіи, пріѣхавъ въ Вѣну черезъ три часа послѣ насъ, былъ пораженъ общимъ движеніемъ на улицахъ и, не давая никакой вѣры извѣстію, которымъ встрѣтили его домашніе, поспѣшилъ тотчасъ въ нашъ посольскій домъ, гдѣ мы вмѣстѣ съ нимъ похохотали надъ его изумленіемъ.

Княгиня Меттерних бросилась мнѣ на шею, когда я объявилъ ей, что государь послѣ обѣденнаго стола у императрицы пріѣдетъ лично вручить ей письмо отъ князя.

Любезная внимательность, оказанная государемъ черезъ пріѣздъ его въ Вѣну вдовѣ императора Франца, о которомъ память была еще такъ жива въ этой столицѣ, расположила къ нему всѣхъ, отъ членовъ императорскаго дома и до самыхъ низшихъ сословій. Дамы толпами стояли на лѣстницѣ и въ сѣняхъ посольскаго дома, чтобы взглянуть на Николая; на улицахъ народъ бѣжалъ за его каретою. Въ слѣдующее утро государь, во фракѣ, прохаживался съ княземъ Лихтенштейномъ[1] по городу, зашелъ по дорогѣ въ нѣсколько магазиновъ и накупилъ тамъ подарковъ для августѣйшей своей супруги; потомъ по возвращеніи домой онъ поѣхалъ съ княземъ же, въ простой извозчичьей каретѣ, въ монастырь, гдѣ покоится прахъ императора Франца. Дверь въ склепъ имъ отворилъ монахъ, который былъ свидѣтелемъ трогательнаго благоговѣнія, выразившагося на лицѣ государя въ минуту, когда онъ прибли-

[1] Рукою императора Николая написано: «Non, seul».

Библиотека "Руниверс"

зился къ завѣтной гробницѣ. Это поклоненіе останкамъ монарха, обожаемаго австрійцами, еще болѣе увеличило энтузіазмъ вѣнскихъ жителей къ императору Николаю, а везшій его извозчикъ сдѣлался предметомъ общаго любопытства и множества эстамповъ, появившихся въ магазинахъ.

Княгиня Меттернихъ, осчастливленная пріемомъ у себя государя, умоляла меня убѣдить его повторить еще разъ свой визитъ къ ней вечеромъ. Опасаясь, можетъ быть, остаться наединѣ съ прелестнѣйшею женщиною, самымъ обворожительнымъ образомъ предавшеюся увлеченію своей радости, государь взялъ съ собою меня; но оказалось, что и она, движимая, вѣроятно, тѣмъ же страхомъ уединенной бесѣды съ красивѣйшимъ мужчиною въ Европѣ, вооружилась противъ него присутствіемъ двухъ замужнихъ своихъ падчерицъ. Свиданіе было чрезвычайно любезно съ обѣихъ сторонъ, но нѣсколько принужденно.

Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда отправили курьера за эрцъ-герцогомъ палатиномъ. Онъ на другой день пріѣхалъ къ августѣйшему своему шурину, котораго видѣлъ только однажды въ Петербургѣ, и то двухлѣтнимъ ребенкомъ, въ то время, когда сочетался бракомъ съ великою княжною Александрою Павловною[1].

Вѣнскіе сановники домогались чести быть представленными нашему императору, и войска также непремѣнно желали явиться передъ нимъ; но мнѣ уже впередъ дано было приказаніе отклонить всѣ подобныя просьбы, объявляя, что государь пріѣхалъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе императрицѣ и на слѣдующій день долженъ ѣхать. Изъятіе было сдѣлано только для чиновниковъ нашего посольства и еще для нѣкоторыхъ русскихъ, находившихся въ ту минуту въ Вѣнѣ. Государь былъ съ визитомъ у графини Чернышевой[2], жены нашего военнаго министра, отъ которой послалъ курьера передать ея мужу въ Россіи вѣсть о появленіи своемъ въ столицѣ Австріи.

Послѣ обѣда мы отправились обратно тѣмъ же путемъ. Почтосодержатели и почтальоны, зная въ этотъ разъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, принимали насъ вездѣ съ радостными лицами, смѣясь сами надъ мистификаціею, въ которую были введены. Ровно черезъ сутки государя уже встрѣчали въ Прагѣ супруга Фердинанда и даже самъ онъ изъявленіями живѣйшей благодарности за посѣщеніе ихъ столицы; я съ своей стороны занялся сборами къ нашему отъѣзду, назначенному въ тотъ же вечеръ.

Въ это время зашелъ ко мнѣ князь Меттернихъ, который, исполненный восторга отъ милостей нашего государя къ его женѣ, прочелъ

[1] Рукою императора Николая написано: «Et un moment à Heidelberg, au quartier général de l'empereur Alexandre, l'année 1815».

[2] Императоромъ Николаемъ приписано: «Et chez la princesse Liechtenstein-mère».

Библиотека "Руниверс"

мнѣ ея письмо и еще другое, въ такомъ же духѣ, отъ эрцгерцога Людвига, и сверхъ того оставилъ въ моихъ рукахъ на память слѣдующее донесеніе, только что полученное имъ отъ вѣнскаго генералъ-губернатора Оттенфельса:

«Со времени послѣдняго донесенія моего вашему сіятельству отъ 7-го октября (н. с.) мы были очевидцами событія, столь чрезвычайнаго и столь неожиданнаго, что никогда не повѣрили бы ему безъ свидѣтельства собственныхъ нашихъ глазъ. Когда вчера, въ 2 часа пополудни, мнѣ прибѣжали сказать, что въ Вѣну пріѣхалъ русскій императоръ, и что онъ остановился въ домѣ своего посольства, я счелъ принесшаго мнѣ эту вѣсть за лунатика. Но мое изумленіе и невѣріе вскорѣ превратились въ чувство благоговѣйнаго умиленія, когда императоръ Николай поѣхалъ въ Шенбрунъ для изъявленія своихъ пріязненныхъ чувствъ нашей вдовствующей императрицѣ. Не берусь передавать вашему сіятельству подробностей кратковременнаго пребыванія его величества съ нашей столицѣ. Вы изволите прочесть ихъ въ письмѣ вашей супруги, имѣвшей честь дважды принять у себя августѣйшаго гостя. Но не могу умолчать о томъ въ высшей степени благопріятномъ впечатлѣніи, которое великодушная мысль русскаго монарха и образъ ея исполненія произвели на здѣшнюю публику. Это событіе одно громче и положительнѣе всѣхъ самыхъ краснорѣчивыхъ дипломатическихъ актовъ свидѣтельствуетъ о тѣсномъ союзѣ, связывающемъ оба августѣйшіе дома».

Въ полночь, простившись съ австрійскимъ дворомъ, мы сѣли въ коляску и поѣхали черезъ Траутенау въ Фишбахъ, куда прибыли къ обѣду. Король съ императрицею, дочерью и нѣсколькими принцами своего дома ожидали насъ въ прекрасномъ готическомъ замкѣ принца Вильгельма, куда собралось и много окрестныхъ владѣльцевъ. Здѣсь государь простился съ королемъ и съ своею супругою, которая отсюда возвратилась прямо въ Царское Село.

Въ полночь съ 1-го на 2-ое октября мы отправились въ царство Польское и 4-го октября, по вечеру, прибыли въ Лазенкскій дворецъ, который нашли иллюминованнымъ, какъ бывало въ 1830 году въ вѣрной еще намъ Польшѣ. Фельдмаршалъ просилъ о дозволеніи представить на слѣдующее утро городскую депутацію, долженствовавшую поднести приготовленный заранѣе адресъ, выражавшій самую благоговѣйную преданность. Государь соизволилъ на принятіе депутаціи, но отозвался, что говорить будетъ не она, а самъ онъ.

Рано утромъ была введена въ залу эта депутація, и я озаботился, чтобы при ея пріемѣ не было никого, кромѣ князя Паскевича и варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Панкратьева.

Государь говорилъ такъ сильно и ясно, что рѣчь его не могла не произвести самаго глубокаго впечатлѣнія на слушателей. Видя, какъ

Библиотека "Руниверс"

оно выражалось на ихъ лицахъ, и не сомнѣвался, что всѣ газеты немедленно заговорятъ объ этой достопамятной рѣчи, я попросилъ Панкратьева тотчасъ положить ее на бумагу, чтобы передачею въ истинномъ видѣ словъ государя въ печати парализовать всѣ могущіе возникнуть вымыслы и преувеличеніе.

Эта рѣчь дѣйствительно и появилась во всѣхъ современныхъ журналахъ въ томъ самомъ видѣ, какъ была записана Панкратьевымъ подъ моимъ наблюденіемъ. Она произвела огромное дѣйствіе на поляковъ, которые, находя ее строгою, однако же во всѣхъ частяхъ правдивою, ласкали себя надеждою, что слова ихъ монарха предвѣщаютъ конецъ заслуженной ими опалы[1]. И хотя наши враги и либералы всѣхъ странъ

[1] Приводимъ здѣсь рѣчь, сказанную императоромъ Николаемъ депутатамъ Варшавы.

«Я знаю, господа, что вы хотѣли обратиться ко мнѣ съ рѣчью; я даже знаю ея содержаніе, и именно для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, какъ вы меня въ томъ хотите увѣрить.

«И какъ мнѣ имъ вѣрить, когда вы мнѣ говорили то же самое наканунѣ революціи? Не вы ли сами, тому пять лѣтъ, тому восемь лѣтъ, говорили мнѣ о вѣрности, о преданности и дѣлали мнѣ такія торжественныя завѣренія преданности? Нѣсколько дней спустя, вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

«Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору сдѣдовало, который осыпалъ васъ благодѣяніями, который покровительствовалъ (vous a favorisés) вамъ болѣе, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ, который сдѣлалъ изъ васъ націю самую цвѣтущую и самую счастливую, — императору Александру I вы заплатили самою черною неблагодарностью.

«Вы никогда не хотѣли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили свое счастье. Я вамъ говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное положеніе, и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться, такъ какъ я вижу васъ и говорю съ вами въ первый разъ послѣ смутъ.

«Господа, нужны дѣйствія, а не слова. Надо, чтобы раскаяніе имѣло источникомъ сердце; я говорю съ вами не горячась, вы видите, что я спокоенъ; я не злопамятенъ и буду вамъ дѣлать добро вопреки васъ самихъ. Фельдмаршалъ, находящійся здѣсь, приводитъ въ исполненіе мои намѣренія, содѣйствуетъ примѣненію моихъ воззрѣній и также печется о вашемъ благосостояніи. (При этихъ словахъ члены депутаціи кланяются фельдмаршалу).

«Господа, что же доказываютъ эти поклоны? Прежде всего, надо выполнять свои обязанности и вести себя, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ. Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ.

«Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накличете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и и вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву, и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова.

«Мнѣ тяжело говорить это вамъ, — очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣть будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностью моему правительству.

«Я знаю, что ведется переписка съ чужими краями, что сюда присылаютъ предосудительныя сочиненія, и что стараются развращать умы. Но при такой границѣ,

Библиотека "Руниверс"

поспѣшили выставить эти слова, какъ живое доказательство враждебнаго духа, гнѣздящагося еще въ Польшѣ противъ ея царя, и какъ выраженіе продолжающагося въ немъ самомъ раздраженія и чувства мести противъ поляковъ, однако люди благоразумные и безпристрастные видѣли въ рѣчи императора Николая напротивъ отголосокъ благородной искренности и твердости монарха, который, не обращаясь къ обыденнымъ фразамъ милости и обѣщаній, предпочитаетъ имъ, какъ въ бесѣдѣ отца, слова не прикрашенной, вразумляющей дѣтей его истины.

Послѣ этой аудіенціи государь въ коляскѣ съ княземъ Паскевичемъ поѣхалъ по варшавскимъ улицамъ и осмотрѣлъ Александровскую цитадель, которая уже была не только почти совсѣмъ устроена, но и вооружена орудіями, направленными на Варшаву, въ подтвержденіе словъ государя о грозящей городу, въ случаѣ новой дерзкой попытки, неизбѣжной карѣ. Посреди цитадели уже возвышался и тотъ памятникъ, котораго сооруженіе императору Александру предназначено было народнымъ представительствомъ въ 1830 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до безразсуднаго приговора, произнесеннаго тѣмъ же самымъ собраніемъ о сверженіи съ престола преемника благодѣтеля Польши.

Слѣдующую ночь мы провели въ Новогеоргіевскѣ, гдѣ государь осмотрѣлъ войска и всѣ укрѣпленія, также уже почти оконченныя, и присутствовалъ на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ при опытахъ надъ новыми ракетами, которыми, менѣе чѣмъ въ полчаса, были разрушены широкія аппроши, вооруженныя осадными орудіями. Потомъ, отобѣдавъ наскоро, мы отправились въ Брестъ-Литовскій, становившійся также первостепенною крѣпостію, и послѣ трехъ дней, посвященныхъ осмотру и маневрированію корпуса генерала Крейца, поѣхали въ Кіевъ.

Вслѣдствіе посланнаго мною туда впередъ приказанія не дожидаться государя, если онъ будетъ позже 9-ти часовъ вечера, мы, пріѣхавъ уже почти въ полночь, застали иллюминацію потухающею, площадь передъ Печерскою лаврою совершенно безлюдною и самую церковь запертою. Вся обитель, эта колыбель русскаго иночества, которую намъ никогда не случалось видѣть иначе, какъ кипящею народомъ, была погружена

какъ ваша, наилучшая полиція въ мірѣ не можетъ воспрепятствовать тайнымъ сношеніямъ. Старайтесь сами замѣнить полицію и устранить зло.

«Хорошо воспитывая своихъ дѣтей и внушая имъ начала религіи, вѣрность государю, вы можете пребыть на добромъ пути.

«Среди всѣхъ смутъ, волнующихъ Европу, и среди всѣхъ ученій, потрясающихъ общественное зданіе, Россія одна остается могущественною и неприкосновенною.

«Повѣрьте мнѣ, господа, принадлежать Россіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастіе. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять всѣ свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всѣхъ васъ, и, несмотря на все происшедшее, мое правительство будетъ всегда заботиться о вашемъ благосостояніи.

«Помните хорошенько, что я вамъ сказалъ».

Библиотека "Руниверс"

въ сонъ и безмолвіе. Мнѣ едва удалось отыскать монаха, который намъ отперъ двери собора. Пока онъ зажигалъ нѣсколько мѣстныхъ свѣчей, только одна лампада, тускло теплившаяся передъ иконою, освѣщала наши шаги подъ этими древними сводами. Государь запретилъ сказывать о своемъ прибытіи митрополиту и кому либо изъ братіи и, припавъ на колѣни, болѣе четверти часа провелъ въ уединенной, благоговѣйной молитвѣ о своей семьѣ и своемъ царствѣ. Въ таинственномъ полумракѣ этого величественнаго храма, пережившаго столько вѣковъ, вызывавшаго въ душѣ столько религіозныхъ и историческихъ воспоминаній, насъ было всего лишь трое, и я не помню, чтобы мнѣ случалось когда нибудь въ жизни молиться съ такимъ умиленіемъ. Ночь и окружавшая насъ тишина еще болѣе располагали къ благочестивымъ думамъ, чѣмъ торжественность церковнаго обряда и стеченіе народа.

Государь остановился у генералъ-губернатора, графа Гурьева, и утромъ вновь осмотрѣлъ, въ числѣ другихъ общественныхъ заведеній, университетъ св. Владимира, въ аудиторіи котораго уже начинало стекаться значительное число уроженцевъ западныхъ губерній.

Укрѣпленія вокругъ Кіева замѣтно подвинулись впередъ съ послѣдняго посѣщенія нами этого города, и огромная оборонительная казарма уже была подведена подъ крышу. Она особенно порадовала государя тѣмъ, что для ея цоколя былъ употребленъ камень, не уступавшій въ красотѣ граниту и даже походившій на лабрадоръ, который отыскали по личнымъ его указаніямъ, вопреки общему мнѣнію, утверждавшему, что въ этомъ краѣ не существуетъ камня. Между тѣмъ выпавшій уже въ довольно большомъ количествѣ снѣгъ значительно затруднялъ переходы наши по необитаемымъ пустырямъ, по которымъ мы пробирались къ укрѣпленіямъ съ дѣятельною живостью, отличавшею императора Николая, особенно во всемъ, касавшемся до инженерной части. По осмотрѣ этихъ укрѣпленій и потомъ небольшого отряда войскъ, государь возвратился домой и вскорѣ вышелъ къ собраннымъ, по его приказанію, въ залахъ графа Гурьева университетскимъ студентамъ и воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній, которыхъ милостиво увѣщевалъ хорошо себя вести, старательно учиться и въ особенности прилежать къ русскому языку, исключенному дотолѣ глупымъ польскимъ патріотизмомъ изъ круга домашняго воспитанія.

Среди этой толпы молодыхъ людей вдругъ явился англійскій посолъ лордъ Дургамъ, отправившійся къ своему петербургскому посту чезъ Константинополь и Одессу, чтобы увѣриться собственными глазами въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ и въ приготовленіяхъ нашихъ на Черномъ морѣ, въ которыхъ англійское министерство все еще доискивалось чего-то непріязненнаго противъ Турціи. Дургамъ на дѣлѣ убѣдился въ противномъ. Съ одной стороны, султанъ въ пріемной своей

Библиотека "Руниверс"

аудіенціи поручилъ ему кланяться императору Николаю, какъ великодушному своему союзнику и покровителю, а, съ другой, для опроверженія неосновательныхъ опасеній лондонскаго кабинета, государь просилъ Дургама послать въ наши черноморскіе порты англійскаго морского офицера, принадлежавшаго къ посольской свитѣ, пригласивъ двухъ другихъ офицеровъ той же свиты сопровождать себя въ дальнѣйшемъ пути и присутствовать при смотрахъ войскъ; и то и другое Дургамъ принялъ съ благодарностію.

Онъ былъ пораженъ всѣмъ, дотолѣ имъ встрѣченнымъ въ Россіи, въ особенности же качествами нашихъ высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ сравненіи съ тѣми, которымъ обыкновенно ввѣряется мѣстное управленіе въ Англіи. Все, что онъ видѣлъ у насъ, говорило въ нашу пользу и совершенно уничтожало предубѣжденія, вывезенныя Дургамомъ съ собою изъ своего отечества; гдѣ онъ ожидалъ найти произволъ и бѣдность, тамъ ему представлялись напротивъ порядокъ, безопасность и довольство, и онъ продолжалъ свой путь къ нашей столицѣ, исполненный чувствъ удивленія къ благородному характеру императора Николая и къ огромнымъ средствамъ его державы.

Послѣ прекраснаго обѣда у графа Гурьева мы поѣхали почевать къ графинѣ Браницкой въ Бѣлую Церковь, въ окрестностяхъ которой были собраны 4-й корпусъ подъ командою генерала Кайсарова и 1.600 человѣкъ безсрочноотпускныхъ, которые послѣ 20-ти лѣтъ, проведенныхъ во фронтѣ, доживали остальныя пять лѣтъ своей срочной службы въ отпуску въ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Этотъ классъ людей созданъ былъ по личной мысли императора Николая, наперекоръ сильнымъ возраженіямъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и моимъ.

Я находилъ въ этой новой мѣрѣ лишь одну невыгоды для арміи въ томъ, что она теряла заслуженнѣйшихъ своихъ воиновъ, посѣдѣвшихъ подъ оружіемъ и въ военной дисциплинѣ; а для государства въ томъ, что въ немъ образовывалось новое сословіе, могущее обратиться ему въ тягость и угрожать при безпорядкахъ опасностію общественному спокойствію.

Государь, напротивъ, видѣлъ въ этихъ людяхъ на случай войны резервы къ укомплектованію своихъ войскъ, а въ мирное время разсадникъ для замѣщенія разныхъ должностей по домашнему хозяйству и въ казенныхъ заведеніяхъ, и считалъ справедливымъ, чтобы солдатамъ, утомленнымъ двадцатилѣтнею службою и отличавшимся неукоризненнымъ поведеніемъ, дана была возможность отдохнуть отъ трудовой жизни, пользуясь спокойнымъ бытомъ на родимомъ пепелищѣ. Число этихъ людей, не получавшихъ во время отпуска ни жалованья, ни пайковъ, но только сохранявшихъ мундиры и шинели, въ это время простиралось во всемъ государствѣ уже тысячъ до шестидесяти. Изъ нихъ

Библиотека "Руниверс"

упомянутые 1.600 человѣкъ еще впервые были собраны къ смотру, и изъ всего ихъ числа не явились только трое, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ.

Для принятія начальства надъ сформированными изъ нихъ временными командами созваны были офицеры, находившіеся въ тѣхъ же губерніяхъ, въ годовомъ отпуску, и, по снабженіи безсрочноотпускныхъ оружіемъ и всею нужною амуниціею, они образовали изъ себя два баталіона, три эскадрона и артиллерійскую полуроту.

Государь былъ восхищенъ бодрымъ видомъ и отличною выправкою этихъ людей, представлявшихъ осуществленіе одной изъ любимыхъ его идей. Распуская ихъ снова по домамъ, онъ щедро всѣхъ наградилъ.

Корпусъ Кайсарова удовлетворилъ государя менѣе осмотрѣнныхъ имъ въ Калишѣ и Брестъ-Литовскѣ корпусовъ Ридигера и Крейца, и его величество поручилъ фельдмаршалу преимущественно заняться этимъ войскомъ, которое должно было вскорѣ смѣнить въ царствѣ корпусъ Ридигера, переходившій во внутреннія губерніи.

Проведя четыре дня въ Александріи, въ имѣніи графини Браницкой, государь отправился въ Новую Прагу, гдѣ графъ Виттъ показалъ ему заведенія и запасы кирасирскаго принца Альберта Прусскаго полка, изумившіе своимъ богатствомъ бывшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ, а оттуда мы продолжали нашъ путь черезъ Полтаву и Харьковъ въ Чугуевъ, главный пунктъ 1-го корпуса поселенной кавалеріи, находившейся подъ командою генерала Никитина. Здѣсь государь остался совершенно доволенъ сколько фронтовымъ образованіемъ собранныхъ къ смотру полковъ, столько и обученіемъ кантонистовъ и всѣми хозяйственными заведеніями и сожалѣлъ, что позднее время года, при оставшемся еще намъ довольно продолжительномъ объѣздѣ, не позволяло ему долѣе оставаться съ такимъ превосходнымъ войскомъ.

21-го октября мы прибыли въ Курскъ. Эта губернія съ нѣкотораго времени была довольно худо управляема, и хотя послѣдній губернаторъ ея, богачъ Демидовъ, сыпалъ деньги, чтобы поправить ея положеніе, однако при слабомъ характерѣ и маломъ знаніи дѣла онъ этими деньгами немного принесъ губерніи пользы. Преемникъ его былъ генералъ Муравьевъ[1], человѣкъ очень дѣятельный, очень строгій и ненавидимый всѣми за жестокость его обхожденія и крутой нравъ. Дѣла шли лучше, но неудовольствіе на него господствовало всюду. По представленію Муравьева было смѣщено нѣсколько чиновниковъ, и ни въ одной губерніи меня не осыпали такимъ огромнымъ числомъ просьбъ и жалобъ на имя государя, какъ въ Курскѣ.

[1] Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ, виленскій генералъ-губернаторъ и графъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Орлѣ ожидала насъ 2-я дивизія драгунскаго корпуса. Здѣсь уже выпалъ глубокій снѣгъ, и стояли сильные морозы. Въ ту минуту, какъ я скакалъ за государемъ, проѣзжавшимъ передъ фронтомъ, моя лошадь, поскользнувшись, упала со всего размаха, и, прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, лошади государевой свиты пронеслись черезъ меня и такъ помяли, что я принужденъ былъ сѣсть въ коляску и вернуться домой. Къ счастію, все кончилось нѣсколькими шишками и синяками.

На другой день, послѣ ученья, мы пустились въ путь по страшной погодѣ и по такой же погодѣ прибыли въ Тулу [1].

Этотъ городъ, за три года передъ тѣмъ, весь выгорѣлъ, и правительство оказало жителямъ его значительныя денежныя пособія деньгами и даровало имъ разныя льготы. Хотя Тула начинала снова возникать изъ пепла, и, между прочимъ, оружейный заводъ возобновилъ прежнюю свою дѣятельность, однако слѣды пожара видны еще были почти повсемѣстно. Государь объѣхалъ всѣ улицы, указывая разныя улучшенія и даруя новыя пособія при благодарныхъ кликахъ бѣжавшаго за нимъ народа.

По мѣрѣ приближенія къ концу нашего странствованія, нетерпѣніе государя свидѣться съ императрицею все больше и больше возростало, и находя, что мы не довольно скоро подвигаемся впередъ, онъ выѣхалъ изъ Тулы въ перекладныхъ пошевняхъ, взятыхъ со станціи, за которыми я слѣдовалъ въ другихъ такихъ же. Но едва онъ тронулся съ мѣста, какъ крики толпы испугали лошадей, и онѣ понесли вдоль улицы, образовавшей здѣсь довольно крутой спускъ. При видѣ явной опасности я совсѣмъ растерялся; но государь, ставъ на ноги въ пошевняхъ, схватилъ вожжи и своею атлетическою силою скоро успѣлъ сдержать лошадей.

Проѣхавъ нѣсколько станцій далѣе, мы встрѣтили высланныя къ намъ государевы сани и по чудесному первопутку перелетѣли 140 верстъ, отдѣляющія Тулу отъ Москвы, въ 7 часовъ. Изъ Москвы до Царскаго Села мы промчались всего въ 38 часовъ, хотя, по случаю еще не вездѣ установившейся зимней дороги, должны были нѣсколько разъ пересаживаться изъ саней въ коляску.

1836-й годъ.

Польскіе эмигранты все еще продолжали питать преступные свои замыслы и тѣмъ болѣе прилагали къ нимъ ревности и коварства, чѣмъ больше, вслѣдствіе дурного ихъ поведенія за границею, охлаждались тамъ участіе и симпатіи, возбужденныя ихъ дѣломъ въ началѣ возстанія.

[1] Рукою императора Николая написано: «Durant l'exercice le chasse neige devint si fort, que deux loups s'égarèrent et se trouvèrent entre deux lignes».

Библиотека "Руниверс"

Средоточіемъ и исходною точкою ихъ злоумышленій въ послѣднее время сдѣлался Краковъ.

Одинъ полякъ, который наблюдалъ, по моему порученію, за однимъ тайнымъ обществомъ, считавшимъ его въ числѣ значительнѣйшихъ своихъ членовъ, возбудилъ противъ себя подозрѣніе и былъ убитъ близъ Кракова. Гласныя изъявленія ненависти противъ трехъ покровительствующихъ державъ, породивъ нѣсколько соблазнительныхъ сценъ въ этой маленькой и нелѣпой республикѣ, привели дворы Петербургскій, Вѣнскій и Берлинскій къ рѣшенію положить разъ навсегда конецъ подобнымъ неустройствамъ. Въ назначенный день отряды войскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ вступили въ предѣлы республики и, подъ командою австрійскаго генерала, заняли городъ Краковъ. Нѣкоторые изъ виновниковъ послѣднихъ сценъ были взяты подъ стражу, другіе успѣли спастись бѣгствомъ и перенести въ Парижъ и Лондонъ возгласы свои противъ этого «нарушенія народнаго права», хотя одна статья Вѣнскаго трактата именно уполномочивала три державы къ возстановленію въ Краковѣ порядка, если бы мѣстныя средства оказались недостаточными къ тому или худо направляемыми.

Иностранные журналы разразились ругательствами противъ «акта тиранніи деспотическихъ правительствъ», послѣдовалъ обмѣнъ нѣсколькихъ нотъ, и дѣло тѣмъ и покончилось. Спустя нѣсколько недѣль, союзныя войска выступили изъ республики, оставивъ въ ней австрійскій отрядъ, который, по всей вѣроятности, никогда уже оттуда не выйдетъ.

Краковская республика была, конечно, однимъ изъ несчастнѣйшихъ и противныхъ всякой здравой политикѣ произведеній Вѣнскаго конгресса, и сохраненіе этого притона польской національности въ самомъ средоточіи польскихъ владѣній трехъ державъ, равно, какъ созданіе конституціоннаго Польскаго царства, имѣли весь видъ ухищреній, изобрѣтенныхъ врагами Россіи, тогда какъ, напротивъ, то и другое было исключительнымъ порожденіемъ всемогущей воли императора Александра. Эти либеральные порывы со стороны самодержавнаго монарха, наперекоръ мнѣнію и совѣтамъ довѣреннѣйшихъ его сановниковъ и интересамъ его народа, всегда останутся одною изъ загадокъ нашего вѣка.

Балы и другія зимнія увеселенія въ С.-Петербургѣ приближались къ концу съ наступленіемъ масленицы, къ которой, по обыкновенію, вся Адмиралтейская площадь покрылась балаганами.

2-го февраля, въ воскресенье, съ часа пополудни, всѣ они наполнились зрителями. Въ одномъ самомъ обширнѣйшемъ изъ нихъ и наиболѣе посѣщаемомъ публикою давала свои представленія труппа Лемана; балаганъ этотъ могъ вмѣстить въ себѣ слишкомъ 500 человѣкъ, и въ немъ всѣ мѣста всегда были заняты. Я только что сѣлъ обѣдать, какъ

Библиотека "Руниверс"

увидѣлъ въ окно густой дымъ, поднимавшійся съ площади, вслѣдствіе чего тотчасъ туда поспѣшилъ, но былъ предупрежденъ государемъ.

Онъ ходилъ, крайне разстроенный, кругомъ Лемановскаго балагана, который пылалъ сверху донизу, и сквозь одну стѣну котораго, прорубленную топорами, виднѣлась масса искаженныхъ и полуобгорѣлыхъ тѣлъ одно надъ другимъ. Пожарные лѣзли въ пламя, чтобы вытаскивать тѣхъ изъ несчастныхъ, въ которыхъ оставались еще признаки жизни, и складывали вынесенныхъ на снѣгъ, а отсюда ихъ перевозили въ ближайшія залы Адмиралтейства, для поданія первой помощи. Все это, вмѣстѣ съ стонами лежавшихъ на снѣгу, съ воплемъ тѣхъ, которые, успѣвъ сами выбѣжать въ началѣ пожара, разлучены были отъ родныхъ, оставшихся въ зданіи, наконецъ съ общимъ ужасомъ народа, столпившагося вокругъ этого страшнаго зрѣлища, представляло самую раздирательную картину. Матери искали дѣтей, оторванныхъ отъ нихъ во время безпорядочнаго бѣгства или отставшихъ отъ страха, мужья звали своихъ женъ, а полиція работала съ самоотверженіемъ и усердіемъ, превосходившими всякую похвалу. Государь, стоя возлѣ самаго балагана и подвергаясь ежеминутной опасности отъ валившихся отовсюду горящихъ бревенъ и досокъ, отдавалъ свои приказанія со всею заботливостію отца, спасающаго своихъ дѣтей; его настоящая горесть, весь его видъ имѣли что-то поразительное, тронувшее всѣхъ свидѣтелей этого бѣдствія. Онъ старался ободрять пожарныхъ, ускорять поданіе помощи извлекаемымъ изъ пламени еще живыми и утѣшать тѣхъ, которые окружали его въ слезахъ. Всѣ среди ужасовъ этой плачевной сцены смотрѣли на него, какъ бы на ангела-хранителя.

46 человѣкъ, болѣе или менѣе изуродованныхъ, было спасено, а слишкомъ 100 тѣлъ вытащено изъ огня мертвыми; прочіе исчезли съ самымъ балаганомъ, который сгорѣлъ до тла, оставивъ по себѣ на снѣгу огромное черное пятно, еще въ продолженіе нѣсколькихъ дней свидѣтельствовавшее о несчастіи, поразившемъ столько семействъ.

Огонь показался сперва между кулисами, которыя были вскорѣ имъ совсѣмъ объяты. Занавѣсь въ то время былъ опущенъ, но когда Леманъ убѣдился, что не будетъ въ силахъ совладѣть съ пожаромъ, то велѣлъ поднять занавѣсъ и закричалъ зрителямъ, чтобы они спасались. Въ первую минуту подумали, что это какой нибудь фарсъ съ его стороны; но когда увидѣли, что дѣло не на шутку, всѣ бросились къ выходамъ; сидѣвшіе въ первыхъ мѣстахъ довольно легко вышли изъ балагана, остальные же, и это была самая большая часть, занимавшіе амфитеатръ, которымъ надо было спускаться къ дверямъ по лѣстницамъ, опрокидываясь другъ на друга, стѣснились до такой степени,

Библиотека "Руниверс"

что только самымъ первымъ можно было вырваться изъ горѣвшаго зданія [1].

Государь оставилъ площадь тогда лишь, когда всѣ его приказанія были исполнены, и велѣлъ доносить себѣ ежедневно утромъ и вечеромъ о положеніи несчастныхъ, спасенныхъ изъ огня. Часъ спустя, онъ прислалъ за мною. Я нашелъ его въ слезахъ и глубоко пораженнаго ужаснымъ зрѣлищемъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Послѣдовало повелѣніе составить комитетъ изъ меня, губернскаго предводителя дворянства, князя В. В. Долгорукова, и генералъ-адъютанта Дьякова, чтобы привести въ извѣстность число жертвъ этого несчастнаго приключенія и положеніе оставшихся послѣ нихъ семействъ, для оказанія пособія неимущимъ и призрѣнія сиротъ. Сумма, назначенная въ распоряженіе этого комитета изъ казны, вскорѣ увеличилась 30.000 рублей, собранными по подпискѣ, въ которой участвовалъ и весь императорскій домъ. Всѣ были призрѣны и обезпечены. Печальное утѣшеніе для пережившихъ, но единственное, которое было во власти человѣческой!

На Оттоманской Портѣ оставалась еще значительная недоимка въ счетъ суммы, слѣдовавшей Россіи по Адріанопольскому трактату. При разстройствѣ финансовъ Турціи, вслѣдствіе возстанія египетскаго паши и бунта въ нѣкоторыхъ другихъ изъ ея областей, государь сложилъ всю эту недоимку и такимъ образомъ великодушно изгладилъ послѣдніе слѣды войны, вынужденной въ 1828 году непріязненными дѣйствіями султана.

Силистрія, остававшаяся въ нашихъ рукахъ въ видѣ залога по этому дѣлу, была сдана туркамъ со всею артиллеріею, которою мы вооружили ея стѣны.

Такая добровольная уступка, сдѣланная вопреки всѣмъ предвидѣніямъ европейскихъ державъ, несказанно обрадовала султана, пріятно изумила кабинеты Вѣнскій, Лондонскій и Парижскій и прекратила на минуту всякое злословіе, такъ что даже наиболѣе враждебные Россіи журналы принуждены были, по крайней мѣрѣ, временно смолкнуть.

Въ зиму 1836 года, въ постоянномъ попеченіи объ улучшеніи всѣхъ частей управленія, государь утвердилъ проекты новаго образованія министерствъ военнаго и морскаго, чрезвычайно упростившіе дѣлопроизводство, далъ новыя преимущества дворянству царства Польскаго, поставленному, по Наполеонову кодексу, въ уровень со всѣми другими сословіями, и Чесменскій дворецъ, сооруженный императрицею Екатериною II въ воспоминаніе знаменитой побѣды графа Орлова надъ турецкимъ флотомъ, предназначилъ обратить въ заведеніе

[1] Извѣстно, что давка, сдѣлавшаяся причиною погибели нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, произошла главнѣйшимъ образомъ отъ того, что всѣ двери балагана отпирались внутрь его.

Библиотека "Руниверс"

для призрѣнія престарѣлыхъ инвалидовъ, не имѣющихъ возможности снискать себѣ пропитаніе. Послѣ соотвѣтственныхъ тому перестроекъ и распространенія зданій этотъ инвалидный домъ былъ торжественно освященъ 30-го іюня, въ присутствіи всего императорскаго дома и знатныхъ сановниковъ.

Съ наступленіемъ лѣта гвардейскій корпусъ выступилъ въ лагерь, а дворъ переѣхалъ въ Александрію близъ Петергофа. Десятилѣтніе неусыпные труды довели нашъ флотъ до предназначенной ему степени комплекта, и государь пожелалъ обозрѣть его въ полномъ составѣ. Никогда еще Балтика не видѣла такой многочисленной морской силы, и весь блескъ этого зрѣлища императоръ Николай положилъ посвятить памяти великаго ея зиждителя. На сей конецъ былъ вывезенъ изъ Петербургской крѣпости тотъ маленькій ботъ, на которомъ нѣкогда Петръ Великій плавалъ и учился первымъ началамъ морского искусства на окрестныхъ въ Москвѣ озерахъ, и которому, тридцать лѣтъ спустя, онъ воздалъ такую честь на Кронштадтскомъ рейдѣ, среди военныхъ нашихъ судовъ, уже покрытыхъ лаврами побѣдъ надъ шведами.

Ботъ, по отсалютованіи ему всѣми орудіями Петербургской крѣпости, былъ перевезенъ при почетномъ караулѣ въ Кронштадтскій портъ. Затѣмъ 3-го іюля, для срѣтенія этого праотца нашего флота, были выстроены на Кронштадтскомъ рейдѣ 26 линейныхъ кораблей въ первой, 16 фрегатовъ во второй и какихъ нибудь 20 легкихъ судовъ въ третьей линіи; въ самомъ Кронштадтѣ — гребная флотилія и наконецъ передъ флотомъ — фрегаты, бриги и яхты съ кадетами морского корпуса, всего 92 вымпела.

По пріѣздѣ изъ Петергофа государя, со всѣмъ императорскимъ домомъ, военною свитою и множествомъ приглашенныхъ кавалеровъ и дамъ, «Ижора», везшая царскую фамилію, стала у линіи флота, и тогда показался пароходъ «Геркулесъ», посреди котораго, на обитыхъ краснымъ сукномъ подмосткахъ, возвышался знаменитый ботъ, съ императорскимъ надъ нимъ флагомъ и стоявшими вокругъ на стражѣ адмиралами, офицерами и дворцовыми гренадерами. Минута, въ которую при появленіи его раздался общій залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, съ флотиліи и всего флота, была истинно величественна и поразительна. Она походила какъ бы на духовную церемонію, невольно внушавшую благоговѣніе, или на надгробное слово, произносимое въ честь исполинской тѣни зиждителя и морскихъ силъ и всего величія Россіи. Вслѣдъ затѣмъ всѣ суда расцвѣтились флагами. Въ этотъ день выведенный изъ забвенія ботъ праздновалъ свое воскресеніе точно такъ же, какъ и русскій флотъ воскрешенъ былъ мощною волею Николая.

Черезъ два дня всѣ суда попли въ море. Государь на «Геркулесѣ» вскорѣ ихъ настигъ. Съ его величествомъ ѣхалъ лордъ Дургамъ, а од-

Библиотека "Руниверс"

ному морскому капитану англійской службы данъ былъ особый корветъ, чтобы открыть ему возможность еще лучше изучить устройство нашего флота, съ его достоинствами и недостатками, что произвело на этихъ господъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе въ пользу прямоты и искренности императора Николая.

Несмотря на свѣжую погоду и очень сильный вѣтеръ, государь цѣлый день оставался на платформѣ надъ колесами, наблюдая за маневрами и давая сигналы. Подъ вечеръ мы бросили якорь въ маленькой бухтѣ у береговъ острова Гохланда, и когда фрегатъ, на которомъ находился генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, сталъ по полученному имъ приказанію вблизи нашего парохода, то государь съѣхалъ на него, чтобы обнять молодого своего сына, готовимаго имъ быть нѣкогда душею нашихъ морскихъ силъ. Остальныя суда крейсировали въ эту ночь вокругъ острова; но къ утру противный намъ вѣтеръ такъ разыгрался, что флоту данъ былъ сигналъ итти обратно къ Кронштадту; на пути же, когда солнце разсѣкло висѣвшія надъ нами тучи, и вѣтеръ нѣсколько пріутихъ, государь велѣлъ судамъ раздѣлиться на двѣ половины и атаковать другъ друга. Маневры эти продолжались нѣсколько часовъ и были исполнены отчетливо, съ полнымъ знаніемъ дѣла и къ совершенному удовольствію государя и его гостей.

Съ окончаніемъ этихъ морскихъ смотровъ наступала очередь сухопутныхъ. Къ гвардейскому корпусу присоединился гренадерскій, пришедшій изъ Новгородскихъ поселеній, и въ маневрахъ, продолжавшихся нѣсколько дней и доведшихъ насъ до Гатчины, Сиверицъ и Кипени, приняло участіе около 60.000 человѣкъ. Государь былъ неутомимъ: цѣлый день на конѣ подъ дождемъ, вечеромъ у бивачнаго огня, въ бесѣдѣ съ молодыми людьми своей свиты или въ рядахъ войскъ, окружавшихъ его маленькую палатку, онъ большую часть ночи проводилъ за государственными дѣлами, которыхъ теченіе нисколько не замедлялось отъ этого развлеченія государя съ своими войсками, составлявшаго, по его сознанію, единственное и истинное для него наслажденіе.

Именно во время самаго разгара военныхъ увеселеній сего рода разсмотрѣнъ и утвержденъ былъ государемъ новый рекрутскій уставъ, значительно облегчившій эту народную тягость и черезъ раздѣленіе государства для очереднаго ея отправленія на двѣ полосы приведшій рекрутство въ размѣры обыкновенной повинности; вмѣстѣ съ уставомъ обнародованы были особыя инструкціи для флигель-адъютантовъ и жандармскихъ офицеровъ, которыхъ съ нѣкотораго времени государь началъ командировать по губерніямъ, для надзора за порядкомъ и правильностію при сдачѣ и свидѣтельствованіи рекрутъ.

8-го августа, въ полночь, мы выѣхали изъ Петергофа по Московскому тракту, и насъ везли такъ скоро, что 9-го утромъ я разбудилъ

Библиотека "Руниверс"

государя, спавшаго во всю дорогу, уже у Новгородской заставы. По осмотрѣ имъ въ Новгородѣ нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ и рекрутъ, а въ Подсолнечной Горѣ 16-й пѣхотной дивизіи, мы прибыли къ ночи 10-го числа въ Москву, гдѣ трехдневное наше пребываніе прошло точно такъ же, какъ и въ прежніе наши пріѣзды, въ осмотрахъ, ученіяхъ, разъѣздахъ и безпрестанной дѣятельности.

Изъ древней нашей столицы мы отправились 13-го числа въ полночь черезъ Владиміръ, Ковровъ, Вязники и Горбатовъ въ Нижній, куда насъ ожидали только къ ночи, а между тѣмъ мы прибыли въ часъ пополудни. Во время проѣзда по улицамъ и по спуску съ горы, ведущему къ Волгѣ, никто насъ не узналъ, и уже только на мосту, соединяющемъ городъ съ островомъ, на которомъ располагается ярмарка, вдругъ замѣтили государя, и вѣсть о его пріѣздѣ пронеслась, какъ электрическая искра. Мостъ мгновенно наполнился народомъ, и лишь съ величайшимъ трудомъ мы могли пробраться сквозь толпу ко дворцу, занимаемому на время ярмарки губернаторомъ, и гдѣ государь намѣревался остановиться, чтобы быть въ центрѣ торговаго движенія. Здѣсь восторгъ народный превзошелъ все, что мнѣ до тѣхъ поръ случалось видѣть: это былъ общій энтузіазмъ всей имперіи и всѣхъ населяющихъ ее разнообразныхъ народовъ и племенъ. Къ ярмаркѣ собрались купцы, ремесленники, извозчики и рабочіе изъ всѣхъ губерній, въ числѣ слишкомъ 260.000; все это хотѣло видѣть государя и поклониться ему; площадь передъ дворцомъ, аркады, образующія нижній его этажъ, и всѣ окрестныя улицы представляли одну сплошную массу народа, не переставшую оглашать воздухъ своими кликами.

Къ пріѣзду государя явились въ Нижній, по его волѣ, министръ финансовъ, графъ Канкринъ, и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, графъ Толь.

На слѣдующій день, отслушавъ литургію въ ярмарочномъ соборѣ, государь принялъ мѣстное дворянство и депутатовъ отъ купечества разныхъ губерній, и послѣ продолжительной бесѣды о ярмарочной торговлѣ и о препятствіяхъ, полагаемыхъ ея развитію дурными дорогами, тутъ же велѣлъ графу Толю заняться этимъ предметомъ и, въ особенности, средствами къ уничтоженію страшной грязи, которою при малѣйшемъ дождѣ покрывалось все занятое ярмаркою пространство. Потомъ государь обозрѣвалъ ряды лавокъ и магазиновъ, а также работы по спуску къ рѣкѣ и другія, указанныя имъ въ послѣднее здѣсь пребываніе; наконецъ, имѣя въ виду объѣхать въ будущемъ году кавказскія и закавказскія наши владѣнія, велѣлъ представить себѣ купцовъ астраханскихъ, тифлисскихъ, кизлярскихъ, армянскихъ, дербентскихъ и ширванскихъ, вслѣдъ за которыми принялъ еще бухарцевъ, мордвинъ, черемисовъ и чувашей, со всѣми ими долго и милостиво разговаривая.

Библиотека "Руниверс"

Происходилъ еще при насъ въ Нижнемъ смотръ собранныхъ изъ ближайшихъ губерній безсрочноотпускныхъ, въ числѣ 392 унтеръ-офицеровъ и 2.200 рядовыхъ, которые восхитили государя своимъ здоровымъ и веселымъ видомъ. Сверхъ того исходатайствовали позволеніе представиться ему и вышедшіе въ чистую отставку солдаты, которыхъ находилось тутъ около ста, и которымъ всѣмъ роздано было денежное награжденіе. При осмотрѣ безсрочноотпускныхъ, происходившемъ за городомъ, стеченіе народа и давка были такъ велики, что коляска государя едва могла къ нему проѣхать, а мы всѣ добрались до нашихъ экипажей только съ опасностію жизни.

Дождливая погода и топкая грязь побудили государя продолжать путь изъ Нижняго въ Казань не сухимъ путемъ, а Волгою, на принадлежавшемъ одному астраханскому купцу пароходѣ, который весь вычистили и приготовили для этой цѣли. Я устроилъ на палубѣ кухню; трюмъ, по удаленіи изъ него всей клади, превратилъ въ комнату съ маленькими отдѣленіями для свиты; для самого государя отгородилъ хорошенькую каюту, оклеивъ ее обоями, и наконецъ велѣлъ запастись нужною на весь путь провизіею.

18-го августа государь сѣлъ на этотъ пароходъ у моста. Все ярмарочное населеніе стеклось проводить его, и какъ мостъ, такъ и оба берега, до домовыхъ крышъ, были усыпаны народомъ, занявшимъ также всѣ барки и лодки на рѣчкѣ. Это огромное многолюдство на сушѣ и на водѣ, этотъ лѣсъ мачтъ, унизывавшихъ рѣку, вмѣстѣ съ криками народа и звономъ всѣхъ колоколовъ, придали нашему отъѣзду нѣчто истинно величественное. Надо только было итти самымъ медленнымъ ходомъ и брать всевозможныя предосторожности, чтобы не наѣхать на которую либо изъ барокъ, или не потопить маленькихъ лодокъ, тѣснившихся вокругъ нашего парохода.

Къ сожалѣнію, погода была не хороша, и намъ при нашемъ плаваніи лишь по временамъ удавалось любоваться видомъ Волжскихъ береговъ, въ этихъ мѣстахъ столько же разнообразныхъ, сколько населенныхъ, и мелькавшихъ передъ нашими глазами съ соединенною быстротою рѣчного теченія и увлекавшихъ насъ паровъ. Рыбаки, искусно причаливая къ нашему судну, бросали въ него рыбу; депутаціи отъ городовъ и селеній въ маленькихъ лодкахъ подвозили намъ хлѣбъ и соль; мужчины и женщины входили въ воду по поясъ, чтобы только поближе наглядѣться на своего родимаго, появленіе котораго въ этихъ мѣстностяхъ было неслыханнымъ дивомъ.

20-го августа, на разсвѣтѣ, мы завидѣли берега Казани и, чтобы не пріѣхать слишкомъ рано, уменьшили нашъ ходъ.

На берегу ожидалъ военный губернаторъ Стрекаловъ съ экипажами для нашего переѣзда въ городъ, отстоящій отъ Волги въ 6-ти верстахъ.

Библиотека "Руниверс"

Государь былъ удивленъ царствовавшею въ Казани опрятностію, множествомъ украшающихъ ее изящныхъ церквей и другихъ зданій и видомъ общаго довольства, проявлявшагося въ экипажахъ, нарядахъ и магазинахъ. Мнѣ, бывшему въ Казани 34 года тому назадъ, она показалась совсѣмъ новымъ городомъ.

Проѣхавъ съ большимъ трудомъ въ соборъ сквозь толпу народа, между которымъ магометане нисколько не уступали въ усердіи кореннымъ русскимъ, мы оттуда пошли пѣшкомъ по стѣнамъ древняго кремля, нѣкогда столь долго сопротивлявшагося московскому могуществу. При этой прогулкѣ у государя родилась мысль возобновить во вкусѣ той эпохи, когда надъ Россіею еще тяготѣло татарское иго, старинный ханскій дворецъ, мѣсто котораго еще указывала одна сохранившаяся башня, и онъ велѣлъ представить себѣ планъ сего возобновленія. Потомъ мы осмотрѣли разныя новыя постройки и городскія заведенія, въ томъ числѣ университетъ, гдѣ государь остался въ особенности доволенъ обсерваторіею и залами рекреаціонною и библіотекою, отзываясь, что университетское зданіе вообще есть лучшее, какое ему когда либо случалось видѣть въ этомъ родѣ.

На слѣдующій день государь велѣлъ представить себѣ мужчинъ и женщинъ всѣхъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ Казанскую губернію, въ праздничныхъ національныхъ ихъ нарядахъ. Татарки, никогда не снимающія своихъ покрывалъ въ присутствіи мужчинъ, рѣшились, однако же, сдѣлать изъятіе для своего царя и, казалось, очень были польщены честью представить ему собою образцы своей народности. Государь вникалъ въ подробности ихъ костюмовъ, милостиво со многими разговаривалъ и велѣлъ мнѣ надѣлить всѣхъ подарками для ихъ туалетныхъ принадлежностей, что̀ несказанно обрадовало этихъ дамъ.

За городомъ государь осматривалъ оба мѣстные гарнизонные баталіона и безсрочноотпускныхъ Казанской губерніи, собранныхъ подъ начальствомъ храбраго генерала Скобелева, у котораго оставалась одна только рука, и та только съ двумя пальцами. Поступивъ въ военную службу изъ солдатскихъ рекрутъ, онъ за 38 лѣтъ передъ тѣмъ парадировалъ въ Казани на этомъ же самомъ мѣстѣ унтеръ-офицеромъ армейскаго полка, передъ родителемъ императора Николая. Императору Павлу случилась нужда, для которой должно было укрыться отъ глазъ собравшейся къ параду публики; онъ спрятался за ряды, возлѣ самаго Скобелева, и молодой унтеръ-офицеръ такъ полюбился императору, что онъ приказалъ великому князю Александру Павловичу дать ему 200 рублей. Такой богатый подарокъ возбудилъ въ Скобелевѣ охоту и далъ ему возможность купить себѣ книгъ и начать кое-чему учиться; съ этихъ поръ счастіе начало ему благопріятствовать, и онъ, при похвальномъ

Библиотека "Руниверс"

поведеніи, отличался такою блестящею храбростію во всѣхъ бояхъ, что достигъ наконецъ генералъ-лейтенантскаго чина и званія начальника всей резервной армейской пѣхоты. Среди воспоминаній о первыхъ, именно на этомъ мѣстѣ, шагахъ своихъ на служебномъ поприщѣ, онъ не могъ удержаться отъ слезъ, опуская шпагу передъ императоромъ Николаемъ, третьимъ монархомъ, которому несъ вѣрную и честную службу.

Государь, имѣя въ виду, что главнѣйшую часть Казанскаго населенія составляютъ татары, пожелалъ почтить покорность и неукорпзненную вѣрность этихъ своихъ подданныхъ посѣщеніемъ соборной ихъ мечети, въ которой муфти встрѣтилъ его рѣчью, выражавшею всю преданность и благодарность его единовѣрцевъ, глубоко осчастливленныхъ столь необычною царскою милостью. Дѣйствительно, на ихъ лицахъ отпечатана была живая радость, которую они продолжали изъявлять громкими кликами, до тѣхъ поръ пока наша коляска не скрылась изъ вида.

Наконецъ, государь посѣтилъ еще часовню, воздвигнутую, въ видѣ пирамиды, на Арскомъ полѣ, за городскимъ предмѣстіемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ при Іоаннѣ Грозномъ преданы были землѣ русскіе воины, павшіе во время осады и взятія Казани.

Передъ выѣздомъ изъ этого города государь пожаловалъ награды военному губернатору, попечителю учебнаго округа и нѣкоторымъ другимъ мѣстнымъ чиновникамъ и принялъ балъ отъ тамошняго дворянства.

Ровно въ полночь и прямо съ этого бала мы отправились въ дальнѣйшій путь, при такомъ же стеченіи народа, какъ бы отъѣзжали среди дня. Катеръ вѣдомства путей сообщенія перевезъ насъ черезъ Волгу въ темную, но тихую и пріятную ночь. На той сторонѣ наши экипажи были окружены жителями селенія, которое тянется по берегу на очень большомъ протяженіи.

Спустя полсутки, мы уже были въ Симбирскѣ, котораго народонаселеніе тѣмъ больше обрадовалось своему царю, что со временъ Петра Великаго ни одинъ изъ нашихъ монарховъ не посѣщалъ этого города. Время здѣсь, какъ и вездѣ, было проведено въ осмотрахъ, при которыхъ государь въ особенности остался доволенъ Елисаветинскимъ институтомъ, тутъ же получившимъ отъ его щедротъ въ пособіе 10.000 рублей. Сверхъ того, государь призналъ нужнымъ лично обозрѣть тотъ длинный и крутой спускъ, идущій къ Волгѣ, который лишаетъ Симбирскъ всѣхъ выгодъ его положенія. Мы спустились въ тарантасахъ, какъ единственномъ возможномъ здѣсь экипажѣ, до большого селенія, лежащаго на самомъ берегу Волги и пользующагося тѣми удобствами, которыя должны бы принадлежать Симбирску. На возвратномъ пути мы должны были подыматься на другую, еще болѣе крутую гору,

Библиотека "Руниверс"

на которую сдва втащили насъ лошади. Оттуда слѣдуя по береговому гребню, на которомъ расположенъ Симбирскъ, государь послѣ разныхъ поисковъ самъ указалъ мѣсто для проложенія отлогаго спуска, къ устроенію котораго и велѣлъ немедленно приступить.

Послѣ обѣда мы отправились въ Пензу, куда и прибыли на слѣдующій день въ сумерки. Этотъ хорошенькій городокъ и улыбающіяся, покрытыя нивами и полями окрестности его очень понравились государю.

При осмотрѣ, между прочимъ, тюрьмы, его величество даровалъ прощеніе нѣсколькимъ крестьянамъ, содержавшимся въ ней за бунтъ, случившійся въ одномъ изъ Симбирскихъ удѣльныхъ имѣній. Болѣе же всего обратилъ на себя его вниманіе образцовый садъ, разведенный, по приказанію императора Александра, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пензы, въ которомъ на большомъ пространствѣ красовались всевозможныя фруктовыя деревья, роскошные цвѣтники и растенія всѣхъ климатовъ, и который служилъ разсадникомъ для сосѣднихъ губерній и предметомъ изученія для садоводовъ. Отличное содержаніе и богатое разнообразіе этого сада тѣмъ болѣе насъ изумили, что мы прежде не подозрѣвали даже и самаго его существованія, а какъ вся заслуга въ семъ новомъ и столь полезномъ дѣлѣ принадлежала нѣмцу садовнику, разведшему и украсившему тотъ садъ, то государь призналъ справедливымъ наградить его Владимирскимъ крестомъ,—милость, отъ неожиданности которой нашъ нѣмецъ едва не умеръ съ радости.

Изъ Пензы мы поѣхали на Тамбовъ.

1837-й годъ.

Зима 1837 года была въ Петербургѣ менѣе обыкновеннаго шумна. На праздникахъ и балахъ отозвалось еще не совсѣмъ возстановившееся здоровье государя, и всѣ гласно выражали единодушное желаніе, чтобы онъ поболѣе берегъ себя, какъ единственный оплотъ благоденствія Россіи и вмѣстѣ какъ страшилище для всѣхъ народныхъ волненій.

2-го марта, присутствуя въ засѣданіи комитета министровъ, я вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что едва доѣхалъ оттуда къ себѣ и тотчасъ слегъ въ постель; жены и дѣтей моихъ я не засталъ дома, и когда они вернулись, на мнѣ уже не было лица. Послали за моимъ докторомъ, но онъ самъ лежалъ больной, и тогда пригласили Арендта. Онъ подалъ надежду, что не далѣе какъ въ нѣсколько дней поставитъ меня на ноги; но я отвѣчалъ, что онъ ошибается, и что я чувствую себя чрезвычайно дурно, хотя и не могу растолковать, чѣмъ я страдаю. На слѣдующее утро я пригласилъ къ себѣ графа Орлова и просилъ

Библиотека "Руниверс"

его взять на себя исполненіе важнѣйшихъ дѣлъ, какія могли бы случиться по моему управленію, и едва успѣлъ отдать соотвѣтственныя тому приказанія начальникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ частей, какъ ослабъ до такой степени, что жизнь моя висѣла на волоскѣ.

Узнавъ объ опасномъ моемъ положеніи, государь тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ, но, чтобы не напугать меня, показалъ видъ, будто бы цѣлью его пріѣзда было только переговорить со мною о нѣкоторыхъ дѣлахъ; выходя же, накрѣпко запретилъ моимъ директорамъ вести со мною дѣловой разговоръ и даже входить ко мнѣ, а моего зятя, князя Бѣлосельскаго, послалъ за другимъ еще докторомъ, такъ что съ моимъ, между тѣмъ оправившимся, и съ двумя, которыхъ привезъ еще Арендтъ, этихъ господъ вышло пятеро. При видѣ такого многолюднаго консиліума и всего, что вокругъ меня происходило, я догадался, что нахожусь въ отчаянномъ положеніи; но почти ни на минуту не лишался памяти и не ощущалъ безпокойства, свойственнаго умирающимъ. Меня трогало до слезъ попеченіе обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ; но положеніе мое, несмотря на многократныя посѣщенія врачей, нисколько не улучшалось. Государь имѣлъ терпѣніе внимательно слѣдить за ихъ преніями, происходившими за двѣ комнаты отъ той, гдѣ я лежалъ, и всячески оживлялъ ихъ. Меня облѣпили испанскими мухами, горчишниками, піявками, заставляли глотать почти ежеминутно Богъ знаетъ какія микстуры, и я всему этому повиновался съ покорностію ребенка.

Наконецъ, спустя десять дней, опасность какъ будто бы миновала; но вторичный приступъ болѣзни—послѣдствіе слишкомъ шумнаго выраженія радости близкихъ ко мнѣ—еще болѣе приблизилъ меня къ могилѣ. Тогда государь, заѣзжавшій ко мнѣ каждое утро, а не рѣдко и по вечерамъ, еще строже запретилъ кого нибудь ко мнѣ впускать; самъ же онъ продолжалъ почасту сидѣть у моей постели, разсказывать о такихъ новостяхъ, которыя, по его мнѣнію, могли меня развлекать безъ обремененія моихъ умственныхъ силъ, въ особенности же объ участіи, которое возбудила моя болѣзнь во всѣхъ сословіяхъ, и о письмахъ, полученныхъ по случаю ея изъ разныхъ городовъ. Это общее участіе превзошло всѣ самыя тщеславныя мои надежды; домъ мой сдѣлался мѣстомъ сборища для бѣдныхъ и богатыхъ, для знатныхъ и для людей, совершенно независимыхъ по своему положенію, для дамъ высшаго общества, какъ и для простыхъ мѣщанокъ: всѣ хотѣли знать, что со мною дѣлается; лѣстница была уставлена людьми, присылавшимися отъ своихъ господъ, а улица передъ домомъ—толпою народа, приходившаго навѣдываться о моемъ здоровьѣ.

Государь, выходя отъ меня, лично удостоивалъ передавать имъ самыя свѣжія вѣсти.

Въ православныхъ церквахъ просили священниковъ молиться за меня; такія же молитвы произносились въ лютеранскихъ и армянскихъ

Библиотека "Руниверс"

церквахъ, даже въ магометанскихъ мечетяхъ и еврейскихъ синагогахъ.

Наконецъ, монархи прусскій, австрійскій и шведскій, равно какъ и высшее общество ихъ столицъ, осыпали меня лестными знаками своего вниманія.

Я имѣлъ счастье заживо услышать себѣ похвальное надгробное слово, и это слово, величайшая награда, какой можетъ удостоиться человѣкъ на землѣ, состояло въ слезахъ и сожалѣніяхъ бѣдныхъ, сирыхъ, невѣдомыхъ, въ общемъ всѣхъ соболѣзнованіи и особенно въ живомъ участіи моего царя, который своимъ сокрушеніемъ и нѣжными заботами являлъ мнѣ лучшій и высшій знакъ своего милостиваго благорасположенія. При той должности, которую я занималъ, это служило, конечно, самымъ блестящимъ отчетомъ за 11-ти-лѣтнее мое управленіе, и думаю, что я былъ едва ли не первый изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи, котораго смерти страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою. Эта болѣзнь была для меня истиннымъ торжествомъ, подобнаго которому еще не испытывалъ никто изъ нашихъ сановниковъ. Двое изъ моихъ товарищей, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ службы и никогда не скрывавшіе ненависти своей къ моему мѣсту, къ которой, быть можетъ, немного примѣшивалась и зависть къ моему значенію у престола, оба сказали мнѣ, что кладутъ оружіе передъ этимъ единодушнымъ сочувствіемъ публики, и съ тѣхъ поръ оказывали мнѣ постоянную пріязнь.

Но болѣе всѣхъ наслаждался этимъ торжествомъ государь, видѣвшій въ немъ одобреніе своего выбора и той твердости, съ которою онъ поддерживалъ меня и мое мѣсто противъ всѣхъ зложелательныхъ внушеній.

Недѣли черезъ три, когда меня перенесли изъ спальной въ залу, въ которой я лежалъ еще на диванѣ въ халатѣ, почтила меня посѣщеніемъ наша ангелъ-императрица, и наслѣдникъ цесаревичъ удостоивалъ навѣдываться ко мнѣ не одинъ разъ.

Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, опасность миновала; но выздоровленіе шло чрезвычайно медленно, и, что главное, не возвращались силы. Врачи настаивали на поѣздкѣ въ чужіе края, но я рѣшительно объявилъ, что поѣду только въ любезный мой Фалль. Государь, располагая предпринять въ концѣ іюля продолжительное путешествіе на югъ имперіи и въ Закавказье и непремѣнно желая имѣть меня съ собою, твердилъ мнѣ безпрестанно о принятіи всевозможныхъ мѣръ и предосторожностей въ теченіе лѣта, чтобы быть въ силахъ ему сопутствовать.

Наконецъ, 12-го мая, повезли меня къ казенному пароходу, на которомъ я долженъ былъ совершить мой переѣздъ моремъ. Вся Англійская набережная была усыпана зрителями и лицами, собравшимися взглянуть на меня и пожелать мнѣ добраго пути. Эти проводы были

Библиотека "Руниверс"

для меня очень трогательны, но истощили мои послѣднія силы. Многіе знакомые и даже люди посторонніе провожали меня до Кронштадта.

Такъ какъ петербургскіе мои врачи находили, что воздухъ Фалля, по возвышенности моего имѣнія, можетъ въ первые дни быть для меня вреденъ, то государь приказалъ, чтобы на эти дни приготовили мнѣ въ Ревелѣ его Екатерингальскій дворецъ. Когда меня привезли туда, тамъ уже ждалъ фельдъегерь, присланный отъ его величества освѣдомиться, какъ я совершилъ морское путешествіе.

Въ Фаллѣ силы мои стали видимо возвращаться, и черезъ нѣсколько недѣль мнѣ уже позволялось бродить, хотя все еще съ большою осторожностію, по безподобнымъ моимъ рощамъ и садамъ. Это былъ еще первый совершенный покой, которымъ дано было мнѣ наслаждаться послѣ 38-ми лѣтъ дѣятельной службы. Я собирался возвратиться въ Петербургъ къ 25 іюня, дню рожденія государя, но онъ положительно мнѣ это запретилъ, требуя, чтобы я пріѣхалъ, какъ и прежде предполагалось, въ концѣ іюля. Почти ежедневно его величество присылалъ ко мнѣ нарочнаго курьера, и его письма сохраняются въ Фаллѣ, какъ драгоцѣнное доказательство монаршаго ко мнѣ благоволенія.

12-го іюля я оставилъ Фалль и, чтобы испытать мои силы, проѣхалъ до Петербурга не останавливаясь. Императорская фамилія была на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, куда и я отправился. Императрица, увидѣвъ меня съ балкона своего дворца, позвала къ себѣ, а, нѣсколько минутъ спустя, вошелъ государь и заключилъ меня въ свои объятія. Мы ушли къ нему въ кабинетъ, и онъ сталъ разспрашивать о моемъ здоровьѣ; я съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ сознаться, что мои силы еще не позволяютъ думать о дальней и утомительной поѣздкѣ, и что вмѣсто какой нибудь пользы отъ меня могли бы послѣдовать въ ней лишь хлопоты и остановка. Онъ велѣлъ позвать Арендта, который объявилъ, что такое путешествіе убьетъ меня, и что мнѣ необходимо еще нѣсколько мѣсяцевъ покоя. Государь раздѣлялъ и самъ это мнѣніе и милостиво изъявилъ сожалѣніе свое о томъ, что не можетъ взять меня съ собою. Рѣшено было, что въ путешествіе мѣсто мое заступитъ графъ Орловъ. Онъ находился въ то время въ Лондонѣ, куда посланъ былъ поздравить молодую королеву Викторію съ восшествіемъ ея на престолъ; но его вскорѣ ждали обратно. Я, съ моей стороны, поѣхалъ въ Петербургъ осмотрѣться въ моихъ канцеляріяхъ, уже цѣлые пять мѣсяцевъ мною заброшенныхъ, и вступилъ въ исправленіе обычной моей должности.

31-го іюля императрица отправилась въ Москву, гдѣ ее ожидалъ цесаревичъ, уже возвратившійся изъ Сибири. Государь въ тотъ же день поѣхалъ черезъ Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ и Кіевъ въ Вознесенскъ, гдѣ впослѣдствіи соединились съ нимъ императрица

Библиотека "Руниверс"

и цесаревичъ, а я вернулся въ Фалль, горюя о томъ, что мнѣ не удастся быть съ его величествомъ въ Грузіи, гдѣ я впервые началъ боевую службу, и въ Землѣ войска Донского, посреди котораго оставалось еще столько храбрецовъ, моихъ сотоварищей на полѣ битвъ.

Императрица на пути своемъ изъ Москвы въ Вознесенскъ посѣтила Воронежъ и остановилась прямо у собора, въ которомъ почиваютъ мощи святителя Митрофанія; вечеромъ она съ великою княжною Маріею Николаевною и княземъ Волконскимъ вторично посѣтила соборъ, гдѣ провела цѣлый часъ въ уединенной молитвѣ, и наконецъ на слѣдующее утро, передъ самымъ своимъ выѣздомъ, снова туда заѣхала. Вѣсть объ этомъ благочестивомъ поклоненіи императрицы новопрославленному святителю разнеслась по всѣмъ концамъ Россіи и исполнила радости сердца всего православнаго ея населенія.

Въ концѣ сентября я возвратился изъ Фалля, чтобы снарядить въ путь великихъ княженъ Ольгу и Александру Николаевнъ и трехъ младшихъ великихъ князей. Они ѣхали въ Москву для встрѣчи тамъ сначала ихъ августѣйшей родительницы, а потомъ родителя. Все это юное поколѣніе жило въ Царскомъ Селѣ и приняло меня съ тою радостью, съ какою молодость всегда привѣтствуетъ вѣсть о всякой поѣздкѣ. Мы отправились вмѣстѣ и спокойно ѣхали до Москвы цѣлыхъ шесть сутокъ. Для меня такой образъ путешествія былъ совершенною новостью. Тремя днями послѣ насъ прибыла въ Кремлевскій дворецъ и императрица.

При дворѣ въ это время крайне безпокоились о государѣ, зная, что онъ за Кавказомъ, откуда обратный путь лежалъ черезъ горы, обитаемыя непріязненнымъ намъ населеніемъ. Одинъ я, которому были извѣстны нравы горцевъ, ихъ благоговѣніе къ имени русскаго царя, никогда не обвиняемаго ими въ злоупотребленіяхъ или строгости его чиновниковъ и, напротивъ, составляющаго единственную ихъ надежду на лучшую будущность,—одинъ я утверждалъ, что жизнь государя безопаснѣе между этими полудикими племенами, чѣмъ была бы въ образованныхъ странахъ Европы, гдѣ демагогія уже полвѣка какъ подрыла уваженіе къ коронованнымъ главамъ и готова посягнуть на того, который одинъ могущественною своею рукою охраняетъ и троны и спокойствіе народовъ.

Предвидѣніе мое оправдалось. 28-го октября, вечеромъ, государь благополучно прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ августѣйшимъ своимъ наслѣдникомъ.

Государь принялъ меня необыкновенно милостиво и ласково, говоря, что онъ, несмотря на всю заботливость о немъ графа Орлова, на каждомъ шагу чувствовалъ мое отсутствіе. Потомъ его величество велѣлъ мнѣ быть у него на слѣдующее утро вмѣстѣ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ и военнымъ министромъ, графомъ Чернышевымъ. Въ это утро, въ продолженіе трехъ часовъ, потомъ опять вечеромъ, съ 7-ми до

Библиотека "Руниверс"

9-ти часовъ, и наконецъ еще на слѣдующій день утромъ, отъ 8-ми до 11-ти, онъ разсказалъ намъ всю поѣздку, день за днемъ, съ необыкновенною ясностью, точностью и подробностью.

Возвратившись къ себѣ, я поспѣшилъ положить его разсказъ на бумагу. Вотъ, но только въ краткомъ очеркѣ, сущность слышаннаго мною въ продолженіе этихъ восьми часовъ. Я ввожу здѣсь государя въ первомъ лицѣ, какъ будто бы разсказъ былъ имъ самимъ записанъ.

«Я остановился, за двѣ версты не доѣзжая Пскова, чтобы осмотрѣть строящіяся тутъ, вблизи шоссе, прекрасныя зданія полковыхъ штабовъ 2-й гренадерской дивизіи, а въ самомъ Псковѣ осматривалъ городскую больницу, тюремный замокъ, полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ, гимназію съ принадлежащимъ къ ней пансіономъ и четыре баталіона 1-й пѣхотной дивизіи.

«Въ Динабургѣ, куда мы пріѣхали 2-го августа въ 6 часовъ вечера, я, кромѣ 2-й пѣхотной дивизіи и гренадерскаго сапернаго баталіона, подробно осмотрѣлъ вновь построенный арсеналъ, провіантскіе магазины и крѣпостныя работы. Все идетъ тамъ прекрасно; но весенніе разливы еще продолжаютъ много портить, а укрѣпленіе песчанаго грунта валовъ потребуетъ еще немало издержекъ и трудовъ. Шоссе, выходящее изъ тетъ-де-пона, безподобно и много краситъ мѣстность.

Въ Ковно мы прибыли 4-го августа, въ 2 часа утра, и я сдѣлалъ маневры собранному тамъ 1-му корпусу, которымъ остался очень доволенъ. Окрестности Ковна представляютъ превосходную мѣстность для смотровъ и ученій, довольно притомъ обширную и разнообразную, на которой можно маневрировать въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

«Тутъ случилось происшествіе, очень меня огорчившее, а все-таки прекрасное. Маневры заключились штурмомъ города, и голова колонны, подъ командою дивизіоннаго начальника Мандерштерна, остановилась на самомъ берегу Нѣмана, отъ котораго поромы, чтобы придать всему больше сходства съ настоящею войною, отведены были къ противоположному берегу. Проѣзжая мимо этого отряда, я сказалъ въ шутку: «Ну, что жъ, только-то! Чего вы тутъ ждете?». И вдругъ Мандерштернъ, принявъ сказанное мною за приказаніе, далъ лошади шпоры и исчезъ въ глубинѣ рѣки, а за нимъ бросилась и вся первая рота. Съ большимъ трудомъ вытащили его изъ воды; къ счастію, никто не утонулъ; но бѣднякъ Мандерштернъ, уже безъ того страдавшій отъ старыхъ ранъ, схватилъ жестокую горячку. На другой день я пошелъ къ нему, чтобы освѣдомиться о его здоровьѣ и попенять за то, что онъ принялъ мои слова за серіозныя. Позднѣйшія извѣстія о немъ, благодаря Богу, совершенно успокоительны; но эта черта показываетъ человѣка.

«Оставивъ Ковно 9-го числа, осмотрѣвъ по пути бывшую грекоуніатскую, а теперь нашу православную Почаевскую лавру, я въѣхалъ

Библиотека "Руниверс"

въ Вильну въ 10 часовъ вечера. Всѣ улицы были наполнены народомъ, принявшимъ меня съ изъявленіями большой радости; это — вещь, которая не приказывается и которая все-таки хороша, хотя я не слишкомъ разсчитываю на привязанность ко мнѣ этихъ молодцовъ. Благодаря генералъ-губернатору, князю Долгорукову, городъ много выигралъ относительно опрятности и вида довольства.

«Утромъ рано, помолившись въ соборѣ, я зашелъ въ католическій каѳедральный соборъ, гдѣ ждали меня ксендзы съ крестомъ и святою водою, а потомъ смотрѣлъ два баталіона егерскаго князя Кутузова полка. Цитадель совершенно господствуетъ надъ городомъ, и мы поступили очень хорошо, поставивъ ее здѣсь, на случай, если бы этимъ господамъ вздумалось опять зашалить.

«По осмотрѣ военнаго госпиталя, я принялъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, дворянство и духовенство. Католическому архіерею я внушилъ строгимъ тономъ, какъ важны его обязанности, и какъ духовенство должно подавать собою прихожанамъ примѣръ доброй нравственности и преданности правительству. Съ дворянами я говорилъ и о прошедшемъ и о томъ, что будущее въ ихъ рукахъ, и что оно зависитъ отъ ихъ покорности и удаленія отъ себя нелѣпыхъ надеждъ на національную самобытность, возбуждаемыхъ, къ собственной ихъ гибели, преступными безумцами. Очень знаю тайныя объ этомъ мысли мѣстныхъ дворянъ, но были бы они только спокойны, а остальное придетъ, вѣроятно, съ слѣдующимъ поколѣніемъ.

«Видѣлъ я также бывшій университетъ, преобразованный теперь въ медико-хирургическую академію, и нашелъ, что воспитанники имѣютъ надлежащій видъ и сдѣлали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Директоръ отлично ведетъ свое дѣло. Наконецъ, осматривалъ я еще объ гимназіи, больницу сестеръ милосердія, римско-католическую духовную академію, благородный пансіонъ и богоугодныя заведенія: все хорошо и въ порядкѣ.

«Былъ приготовленъ парадный балъ, и всѣ чрезвычайно желали, чтобы я на немъ присутствовалъ и тѣмъ явилъ какъ бы забвеніе всего прошлаго; но мнѣ показалось, что послѣ всѣхъ надѣланныхъ ими гадостей это еще слишкомъ рано. Дамы, собиравшіяся соблазнить меня, очень огорчились моимъ отказомъ; но я долженъ сказать, что вообще принимали меня въ городѣ съ улыбающимися лицами, и народъ при всѣхъ моихъ выѣздахъ усердно вокругъ меня толпился.

«Послѣ обѣда я отправился въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, гдѣ остановился только у собора. Этотъ городъ нисколько не украшается и попрежнему скученъ и бѣденъ.

«До Бобруйска мы добрались поздно ночью. Утромъ 12-го августа я смотрѣлъ 5-ю пѣхотную дивизію и крѣпостныя работы. И здѣсь, и

Библиотека "Руниверс"

въ Динабургѣ я всегда любуюсь ими съ особеннымъ удовольствіемъ; все мною посаженное уже разрослось въ огромныя деревья, особенно итальянскіе тополи. Госпиталь меня взбѣсилъ. Представьте себѣ, что чиновники заняли для себя лучшую часть зданія, и то, что предназначалось для больныхъ, обращено въ залы гг. смотрителя и докторовъ. За то я коменданта посадилъ на гауптвахту, смотрителя отрѣшилъ отъ должности и всѣхъ отдѣлалъ по-своему.

«На слѣдующій день, по осмотрѣ двухъ саперныхъ баталіоновъ и временнаго госпиталя, мы, отстоявъ обѣдню въ лагерѣ, пустились въ Черниговъ, гдѣ я только зашелъ въ соборъ, и 14-го августа въ 9 часовъ вечера вышли у Печерской лавры въ Кіевѣ.

«Я побранилъ графа Гурьева, который вмѣсто того, чтобы встрѣтить передъ лаврою, дожидался у отведенной для меня квартиры, на правомъ флангѣ почетнаго караула. Мой выговоръ ему не полюбился, но онъ былъ заслуженный. Поутру я смотрѣлъ 3-й корпусъ, который вполнѣ меня удовлетворилъ, слушалъ обѣдню въ лаврѣ, посѣтилъ возобновленный Софійскій соборъ, былъ въ Михайловскомъ Златоверховскомъ монастырѣ и объѣхалъ городъ. Послѣдній улучшается съ каждымъ годомъ, и надо отдать справедливость графу Левашеву, въ управленіе котораго было сдѣлано очень много къ его украшенію. Арсеналъ, богато всѣмъ снабженный, есть, конечно, одно изъ красивѣйшихъ зданій въ своемъ родѣ.

«16-го августа я дѣлалъ маневры 3-му корпусу и обозрѣвалъ работы по возведенію крѣпости, которая заключитъ въ себя весь Кіевъ, для охраненія тамошнихъ огромныхъ военныхъ запасовъ. Работы подвигаются, но медленно, за встрѣчающимися на каждомъ шагу мѣстными препятствіями; строятъ хорошо, и открытый мною камень лучше мрамора. Работа по постройкѣ постояннаго моста черезъ Днѣпръ представляетъ большія трудности и будетъ стоить громадныхъ суммъ; но нечего дѣлать: это—предметъ первостепенной важности.

«Военные госпитали я нашелъ въ отличномъ состояніи; университетъ развивается; число студентовъ возрастаетъ, и русскій языкъ идетъ успѣшно; но случаются еще глупыя польскія выходки. У нѣсколькихъ студентовъ нашли пасквильные стишонки, и хотя этому ребячеству не придали очень справедливо большей важности, чѣмъ оно заслуживало, однако надо держать ухо востро. Попечитель хорошій человѣкъ, но не довольно энергическій; я приказалъ написать Уварову (министру народнаго просвѣщенія), чтобы онъ пріѣхалъ сюда лично на все взглянуть и дать всему должное направленіе. Впрочемъ у студентовъ порядочный видъ; они смотрѣли на меня съ удовольствіемъ, и многіе изъ нихъ русѣютъ, что̀ не слишкомъ нравится нѣкоторымъ изъ родителей.

Библиотека "Руниверс"

«Послѣ обѣда, поклонившись святымъ мощамъ въ пещерахъ, я отправился въ Вознесенскъ, куда прибылъ 17-го августа, въ 11-ть часовъ ночи, къ общему удивленію, потому что меня ждали пятью днями позже; зато и пріѣхалъ я первый изъ всѣхъ».

Прерву на минуту разсказъ государя, чтобы объяснить цѣль его пріѣзда въ Вознесенскъ. На огромной тамошней равнинѣ, орошаемой Бугомъ, предназначенъ былъ сборъ колоссальныхъ массъ кавалеріи. 1-й, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, сводный корпусъ изъ двухъ дивизій, принадлежавшихъ къ пѣхотнымъ корпусамъ, дивизія 40 эскадроновъ, образованныхъ изъ безсрочноотпускныхъ восьми сосѣднихъ губерній, и резервные эскадроны всей кавалеріи собраны и расположены были съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею въ окрестностяхъ Вознесенска.

Къ кавалеріи еще присоединились 12 резервныхъ баталіоновъ 5-го корпуса и 16 баталіоновъ съ 3-мя батареями артиллеріи, составленныхъ изъ безсрочныхъ тѣхъ же восьми губерній.

Неусыпными трудами графа Витта мѣстечко Вознесенскъ, дотолѣ лишь штабъ-квартира одного изъ кираспрскихъ полковъ, было менѣе, чѣмъ въ годъ, превращено въ настоящій городъ, съ дворцомъ для царской фамиліи, обширнымъ садомъ, театромъ, около двухъ десятковъ большихъ домовъ для знатныхъ особъ и до полутораста меньшихъ для свиты и приглашенныхъ на этотъ смотръ генераловъ и офицеровъ. Тутъ было соединено все, что только могло потребоваться для комфорта и даже для утонченной роскоши. Меблировка дворца представляла образецъ лучшаго вкуса, и изъ Одессы и Кіева были выписаны торговцы всѣхъ родовъ и лучшіе рестораторы. Для гостей было приготовлено до 200 экипажей и 400 верховыхъ лошадей. Прибавлю, что всѣ зданія были каменныя и построены чрезвычайно прочно. Все имѣло видъ настоящаго волшебства!

Зрителями явились въ Вознесенскъ: изъ своихъ, кромѣ императрицы, наслѣдника, великаго князя Михаила Павловича съ супругою и великой княжны Маріи Николаевны, множество корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ изъ всей арміи, нѣсколько гвардейскихъ генераловъ и почти всѣ генералъ- и флигель-адъютанты; изъ иностранцевъ: австрійскій эрцъ-герцогъ Іоаннъ; прусскіе принцы Августъ и Адальбертъ; принцъ Фридрихъ Виртембергскій; герцогъ Бернгардъ Веймарскій съ своимъ сыномъ; герцогъ Лейхтенбергскій изъ Баваріи; австрійскій посолъ, графъ Фикельмонъ, и генералы австрійскіе: князь Виндишгрецъ и Гаммерштейнъ съ 24-мя офицерами, и прусскіе: Натцмеръ и Бюрнеръ съ 8-ю офицерами, англійскій генералъ Арбутнотъ, два датскихъ офицера и отъ султана Муширъ-Ахметъ-паша съ 6-ю офицерами.

Всѣ эти господа пріѣзжали постепенно, и для нихъ всѣхъ достало помѣщеній, экипажей и лошадей.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ огромный военный сборъ сильно занялъ чужестранные журналы и навелъ безпокойство на кабинеты парижскій и лондонскій, при вѣчной ихъ подозрительности къ Россіи. Австрія и Пруссія, хотя имъ ближе были извѣстны планы нашего правительства, тоже, однако, остались не совсѣмъ довольны показомъ съ нашей стороны такихъ силъ и, въ завистливости своей, всячески старались увѣрить и себя и другихъ, что тутъ гораздо менѣе войска, чѣмъ утверждаютъ, и что притомъ оно дурно обучено.

Одна Турція, вполнѣ довѣряя императору Николаю, какъ своему благодѣтелю и спасителю, не обнаруживала никакого неудовольствія противъ такого чрезвычайнаго сбора войскъ близъ ея границъ, а посолъ султана съ многочисленною своею свитою видѣлъ для Оттоманской Порты въ развитіи нашихъ военныхъ силъ скорѣе оплотъ, нежели какую либо опасность.

«Я не утерпѣлъ, — продолжалъ государь, — чтобы не взглянуть на собранныя войска тотчасъ же по прибытіи, и на слѣдующее утро былъ уже среди нихъ. Безконечная долина казалась нарочно созданною для сосредоточенія на ней такой огромной силы, и не могу вамъ выразить, что я чувствовалъ, подъѣхавъ къ ней. 350 эскадроновъ со 144-мя конными орудіями, вытянутые въ пять линій, представляли зрѣлище такое величественное и новое, что первою моею мыслію было возблагодарить вмѣстѣ съ ними Бога. Поразительно было смотрѣть на громадную массу всадниковъ, обнажившихъ головы для молитвы. Въ эту минуту я гордился принадлежать имъ и быть ихъ начальникомъ. Послѣ молебствія войска прошли передо мною церемоніальнымъ маршемъ; все блистало красотою и выправкою: люди, лошади, обмундировка, сбруя, все казалось вылитымъ по одному образцу. Я вполнѣ наслаждался, и видѣнное тутъ превзошло мои ожиданія. Духъ этого войска тоже превосходный, потому что такого блестящаго состоянія можно достигнуть только ревностнымъ и совокупнымъ усердіемъ начальниковъ и солдатъ. Они приняли меня съ восторгомъ, выражавшимся на всѣхъ лицахъ. Мнѣ уже не было причины сомнѣваться относительно впечатлѣнія, которое этотъ сборъ войскъ произведетъ на иностранцевъ.

«19-го августа я смотрѣлъ пѣхоту, и она хороша, а баталіоны безсрочныхъ — превосходны.

«На другой день я дѣлалъ маневры всей кавалеріи и боялся, что ея численность меня затруднитъ, но люди такъ хорошо выучены, а начальники такъ внимательны, что все шло въ совершенствѣ.

«Послѣ обѣда я осматривалъ госпитали, устроенные по случаю сбора такой массы людей въ одномъ мѣстѣ; найденный въ нихъ порядокъ не оставлялъ ничего желать лучшаго. Впослѣдствіи было немало больныхъ глазами отъ пыли и жары.

Библиотека "Руниверс"

«21-го августа, драгунскія дивизіи и артиллерійскія батареи производили въ моемъ присутствіи стрѣльбу въ цѣль. Видно, что онѣ надъ этимъ порядочно поработали: мишени были всѣ разстрѣляны.

«22-го августа, въ день моей коронаціи, я слушалъ обѣдню въ пѣхотномъ лагерѣ, а послѣ обѣда мнѣ показывали конскіе заводы поселенныхъ полковъ. Кобылы хороши, и есть нѣсколько замѣчательныхъ жеребцовъ; только въ породѣ для кирасиръ остается еще желать улучшенія.

«23-го августа, въ 8-мь часовъ утра, сидя у эрцъ-герцога Іоганна, я велѣлъ ударить тревогу, и менѣе чѣмъ въ полчаса все было въ строю и подъ ружьемъ.

«27-го августа, рано утромъ я выѣхалъ навстрѣчу къ императрицѣ съ которою и вернулся въ Вознесенскъ. Насъ встрѣтили передъ городомъ, верхами, всѣ генералы и штабъ-офицеры, какъ изъ числа гостей, такъ и принадлежавшіе къ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ, что составило огромнѣйшую свиту. Ночью пріѣхалъ и старшій мой сынъ прямо изъ Сибири. Вы можете себѣ представить, какъ я радъ былъ съ нимъ увидѣться. Саша много выигралъ отъ этой поѣздки и совершенно возмужалъ.

«Жена моя присутствовала при большомъ парадѣ, который удался еще лучше перваго, сдѣланнаго мною въ видѣ репетиціи. Иностранцы были изумлены красотою и выправкою нашихъ войскъ, которыя могли поспорить съ гвардіею, а въ отношеніи къ подбору и выѣздкѣ лошадей еще чуть ли не стояли выше ея. Потомъ были у насъ ученія и маневры».

Государь разсказалъ ихъ во всей подробности и при этомъ обнаружилъ удивительную память, передавъ всѣ ихъ частности.

«Наконецъ, пришлось разстаться съ Вознесенскомъ, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль я испытывалъ одни наслажденія; признаюсь, что разставаніе съ этимъ прекраснымъ и добрымъ войскомъ мнѣ было очень тяжело. Простившись со всѣми и поблагодаривъ графа Витта, который въ этомъ случаѣ выказался истиннымъ волшебникомъ, я 4-го сентября, въ полдень, выѣхалъ въ Николаевъ, а жена съ Мери [1] отправились прямо въ Одессу.

«Въ Николаевѣ я началъ съ осмотра Минскаго пѣхотнаго полка, который нашелъ въ крайне дурномъ положеніи, въ такомъ дурномъ, что, благодаря Бога, уже давно ничего подобнаго не видывалъ. Николаевъ улучшился, и выстроенныя въ немъ новыя зданія очень хороши. Госпитали, казармы, гидрографическое депо, штурманское училище, кабинетъ моделей въ адмиралтействѣ, магазины и мастерскія — все это

[1] Такъ императоръ Николай всегда называлъ свою дочь, великую княжну Марію Николаевну.

Библиотека "Руниверс"

очень меня удовлетворило. На верфи строятся два линейныхъ корабля, одинъ 120-ти, другой 80-ти-пушечный, которые будутъ безподобны. При мнѣ спустили три транспортныхъ судна, и потомъ я присутствовалъ при посаженіи на суда двухъ сотенъ Азовскихъ казаковъ, которыхъ повезли на Кавказскій берегъ.

«По прибытіи изъ Николаева въ Одессу я 6-го сентября вмѣстѣ съ Сашею и братомъ Михаиломъ посѣтилъ соборъ, гдѣ жена моя уже была наканунѣ, послѣ чего смотрѣлъ на площади два баталіона Подольскаго егерскаго полка. Они оказались не лучше полка, видѣннаго мною въ Николаевѣ, за что досталось отъ меня не на шутку генералу Муравьеву [1].

«Одесса чрезвычайно украсилась со времени моего послѣдняго въ ней пребыванія, и меня поразило множество новыхъ, изящныхъ въ ней зданій. Не могу не отдать полной справедливости графу Воронцову: онъ сдѣлалъ просто чудеса. Я только не скрылъ отъ него, что остался не доволенъ полиціею: она совершенно бездѣйствуетъ, и тотчасъ видно, что не умѣетъ заставлять себѣ повиноваться. Вечеромъ городъ далъ намъ балъ, столько же изысканный и утонченный, какъ любой въ Петербургѣ.

«7-го сентября я осмотрѣлъ въ подробности карантинъ, котораго устройство и порядокъ изумили иностранцевъ, и въ особенности эрцъ-герцога Іоганна; это, конечно, одно изъ лучшихъ заведеній въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Я поблагодарилъ и наградилъ карантинныхъ чиновниковъ [2]. Осмотрѣвъ потомъ Дѣвичій институтъ благородныхъ дѣвицъ, которымъ управляетъ и который показывала мнѣ императрица, я обозрѣлъ еще тюремный замокъ, больницы и арестантскую роту.

«8-е сентября было посвящено осмотру учебныхъ заведеній. Ришельевскій лицей въ превосходномъ порядкѣ, и науки идутъ тамъ очень успѣшно; училища для евреевъ обоего пола тоже хорошо содержатся.

9-го сентября, въ 11 часовъ утра, императрица, Мери, наслѣдникъ и я вмѣстѣ съ нашими гостями отправились на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» въ Севастополь. Въ 25-ти миляхъ оттуда мы встрѣтили весь Черноморскій флотъ, вышедшій къ намъ навстрѣчу. Видъ былъ безподобный. Я велѣлъ судамъ сдѣлать нѣсколько построеній, которыя за-

[1] Николаю Николаевичу, командовавшему въ то время 5-мъ корпусомъ, вскорѣ потомъ оставившему службу, а впослѣдствіи назначенному главнокомандующимъ на Кавказѣ и взявшему въ 1855 году Карсъ.

[2] Противъ подчеркнутыхъ словъ императоръ Николай написалъ:

«Fort à tort, car grâce à leur négligence huit jours après la peste fut introduite dans la ville et, peu s'en est fallu, dans tout l'empire».

Библиотека "Руниверс"

ключились общимъ салютомъ нашему пароходу, когда на немъ взвился императорскій флагъ.

«10-го сентября мы ѣздили въ монастырь св. Георгія, выстроенный на отвѣсной скалѣ надъ моремъ, послѣ чего я инспектировалъ часть пѣхоты 5-го корпуса, приходящую каждое лѣто въ Севастополь на крѣпостныя работы, и нашелъ ее столько же слабою по фронтовой части, какъ и представленную мнѣ въ Николаевѣ и Одессѣ. Это, поистинѣ, непростительно, и я не думалъ, что въ нашей арміи еще существуютъ подобныя войска.

«Работы въ гавани, быстро подвигающіяся впередъ, можно назвать исполинскими, и онѣ обратятъ Севастополь въ одинъ изъ первыхъ портовъ въ мірѣ, но еще много остается додѣлать. Теперь снимаютъ цѣлую каменную гору, чтобы выстроить тутъ адмиралтейство, казармы и прекрасную церковь. Водопроводъ для снабженія водою корабельныхъ доковъ есть также работа гигантская.

«Въ полдень я проводилъ мою жену на Сѣверную сторону, откуда она поѣхала въ Бахчисарай, а мы съ наслѣдникомъ осмотрѣли сперва Инкерманскую бухту,— часть того огромнаго залива, который образуетъ гавань, и въ которомъ было бы мѣсто укрыться всѣмъ европейскимъ флотамъ вмѣстѣ, а потомъ береговыя укрѣпленія. Милости просимъ теперь сюда англичанъ, если они хотятъ разбить себѣ носъ!

«12-го сентября мы обошли сухопутные и морскіе госпитали, магазины и адмиралтейскія заведенія: все это такъ хорошо, какъ только позволяютъ то старыя и ветхія зданія.

«Утро 13-го сентября я употребилъ на подробный обзоръ флота и нашелъ его въ превосходнѣйшемъ положеніи касательно порядка, опрятности и выправки людей, но матеріальная часть еще отстала отъ Балтійскаго; есть суда старыя, но экипажи безподобны.

«Вечеромъ я поѣхалъ къ женѣ въ Бахчисарай. Находящійся здѣсь старинный ханскій дворецъ возобновленъ въ прежнемъ вкусѣ, и все убранство для него нарочно выписано изъ Константинополя. 14-го сентября мы отправились всѣ вмѣстѣ на южный Крымскій берегъ и частью верхомъ объѣхали этотъ край, прелестный и своими видами, и растительностью. Оконченное нами теперь шоссе —чудо: оно выровняло пропасти и превратило головоломныя тропинки въ спокойную дорогу, по которой ѣдутъ въ экипажахъ. Слѣдуя черезъ Артекъ, Массандру, Ялту и Оріанду, мы пріѣхали въ очаровательную Алупку графа Воронцова. Его замокъ еще не оконченъ, но онъ будетъ одною изъ прекраснѣйшихъ виллъ, какую только можно себѣ представить.

«Оставивъ тутъ у Воронцова мою жену, я самъ съ сыномъ въ Ялтѣ опять сѣлъ на «Сѣверную Звѣзду», которая повезла насъ къ азіатскимъ берегамъ. Вѣтеръ, уже и прежде довольно свѣжій, превра-

Библиотека "Руниверс"

тился почти въ бурю, и насъ ужасно качало. 21-го сентября, утромъ, мы, однако же, добрались до Геленджика. Орудія изъ крѣпости и изъ лагеря генерала Вельяминова салютовали императорскому флагу и возвѣстили нашъ пріѣздъ Кавказскимъ горамъ, которыя еще впервые видѣли русскаго монарха. Вѣтеръ такъ волновалъ море, что мы съ большимъ лишь трудомъ могли спуститься въ шлюпку и причалить къ берегу; другая же шлюпка, которая везла нашихъ людей, принуждена была возвратиться къ пароходу [1].

«Мы отправились прямо въ лагерь, гдѣ войско ожидало насъ подъ ружьемъ. Но буря, все еще усиливавшаяся, такъ свирѣпствовала, что взводы въ буквальномъ значеніи шатались то взадъ, то впередъ; знамена держали по три, по четыре человѣка; даже я самъ, довольно, какъ вы знаете, сильный, едва могъ стоять на ногахъ и двигаться съ мѣста. Слѣдственно о церемоніальномъ маршѣ нельзя было и думать; за всѣмъ тѣмъ отрядъ представился прекрасно. Это — старые воины, съ воинственнымъ и внушающимъ довѣріе видомъ, и никогда ни одно войско не принимало меня лично съ такимъ восторгомъ; они замѣтно наслаждались при видѣ своего государя.

«Всѣ стихіи, повидимому, вооружились противъ насъ; вода, казалось, рвалась насъ поглотить, вѣтеръ дулъ съ невыразимою свирѣпостью, а тутъ еще въ прибавку надъ Геленджикомъ вспыхнуло пламя.

«Вельяминовъ тотчасъ поскакалъ на пожаръ, а за нимъ поѣхали мы.

«Горѣли провіантскіе магазины, а отъ нихъ занялось и сѣно, котораго было тутъ сложено нѣсколько милліоновъ пудовъ. Огонь и дымъ носились надъ артиллерійскимъ паркомъ, наполненнымъ порохомъ и заряженными гранатами. Мы ходили среди этого пламени, а солдаты съ величайшимъ хладнокровіемъ складывали снаряды въ свои шинели.

«Намъ захотѣлось ѣсть, но вѣтеръ опрокинулъ и обѣдъ и кухню. Вечеромъ я думалъ вернуться на пароходъ, но за бурею не представлялось къ тому никакой возможности. Надо было поневолѣ остаться съ голоднымъ желудкомъ и пережидать въ дрянномъ, холодномъ домишкѣ, когда утихнетъ вѣтеръ.

«Я съѣздилъ осмотрѣть госпиталь и навѣстилъ генерала Штейбена (Steuben), опасно раненнаго въ одномъ изъ послѣднихъ дѣлъ противъ горцевъ. Боюсь, что мы потеряемъ этого храбраго офицера [2].

«Только на слѣдующій день, въ 5 часовъ послѣ обѣда, можно было возвратиться на пароходъ, который между тѣмъ также подвергался большой опасности. Я былъ радъ, что все это видѣлъ и мой сынъ, которымъ остался очень доволенъ при этомъ случаѣ.

[1] Императоръ Николай написалъ съ боку: «C'est faux».

[2] «Je crois qu'il se trompe et que j'ai vu le général Steuben à Anapa». (Замѣтка императора Николая).

Библиотека "Руниверс"

«Въ 11 часовъ вечера мы бросили якорь передъ Анапою и 24-го сентября посѣтили эту крѣпость, гдѣ я смотрѣлъ гарнизонъ и госпиталь. Въ 4 часа послѣ обѣда мы уже были въ Керчи. Этотъ городъ много выигрываетъ отъ каботажнаго судоходства и становится значительнымъ. Новая набережная въ немъ прекрасна, постоянно производимыя раскопки уже открыли много замѣчательныхъ предметовъ древности; музей все болѣе и болѣе наполняется, и нѣсколько любопытныхъ вещей будетъ отправлено въ Петербургъ, между прочимъ найденная въ одной гробницѣ золотая маска превосходной работы, изображающая женское лицо.

«Въ Керчи я простился съ Сашею. Онъ направился черезъ Алупку въ дальнѣйшее свое путешествіе по Россіи, а я на «Сѣверной Звѣздѣ» въ Редутъ-Кале, куда прибылъ 27 сентября и гдѣ нашелъ главноуправляющаго барона Розена.

«Въ нѣсколькихъ верстахъ за этимъ гадкимъ, окруженнымъ болотами и нездоровымъ мѣстечкомъ меня встрѣтилъ князь Дадіанъ, владѣтель Мингреліи, съ многочисленною свитою. Его наружность и нарядъ были одинаково странны. При мѣстномъ своемъ костюмѣ онъ вздумалъ нахлобучить себѣ на голову нашу генеральскую шляпу.

«На ночлегъ мы прибыли въ селеніе Зугдиды, гдѣ приготовлено было для меня помѣщеніе во дворцѣ того же князя Дадіана, въ большой залѣ, раздѣленной красивыми занавѣсками на спальню и кабинетъ. Насъ приняла княгиня, жена владѣтеля, огромная и дюжая, на которую стоитъ только посмотрѣть, чтобы увѣриться, что распоряжается всѣмъ она, а не тщедушный ея супругъ.

«Княгиня, впрочемъ, достойная женщина, оказавшая намъ большія услуги въ послѣднюю войну противъ турокъ, такъ что безъ нея, можетъ статься, поколебалась бы вѣрность къ Россіи ея мужа, на котораго дѣйствовали и Оттоманская Порта своими прельщеніями и нѣкоторые изъ его придворныхъ коварными совѣтами [1]. Мингрельское дворянство приготовило для меня почетный каваулъ, замѣчательный по нарядамъ и красотѣ людей. Они всѣ показали мнѣ большое усердіе и преданность, которыя въ этихъ племенахъ не могутъ быть притворными, и приняли меня съ добрымъ русскимъ «ура».

«На другой день князь Дадіанъ со всею его свитою проводилъ насъ до своихъ границъ, гдѣ ожидалъ меня управляющій Имеретіею съ

[1] Подчеркнутыя слова зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано:

«C'est faux».
«C'est du roman».

Библиотека "Руниверс"

своими князьями и дворянами, которые въ Кутаисѣ составили мой почетный караулъ. Ихъ наряды и вообще вся обстановка переносили меня въ сказочный міръ тысячи и одной ночи.

«29 сентября, рано утромъ, послѣ представленія мнѣ имеретинскаго архіепископа Софронія, митрополита Давида и разныхъ мѣстныхъ мелкихъ владѣльцевъ, я осмотрѣлъ госпиталь, уѣздное училище и казармы 10-го линейнаго Черноморскаго баталіона, а въ 10 часовъ пустился въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи всѣхъ этихъ князьковъ и дворянъ, ѣхавшихъ за мною до границы Грузіи.

«На Молицкомъ постѣ, гдѣ я ночевалъ, ждали грузинскій гражданскій губернаторъ и предводитель дворянства съ князьями и дворянами и съ окрестными почетными старшинами. Вся дорога отъ Редутъ-Кале до Молицкаго поста, по которой въ прежнее время можно было пробираться съ трудомъ только пѣшеходу, вновь устроена стараніями барона Розена и, представляя совершенно удобный проѣздъ для экипажей, сблизила такимъ образомъ страны, хотя и смежныя, но не имѣвшія прежде между собою никакого сообщенія.

«30 сентября мы пріѣхали въ Сурамъ, а 1 октября въ 7 часовъ вечера въ Ахалцыхъ, прославившій нашего Паскевича. У «страшнаго окопа» меня привѣтствовали мѣстные беки и старшины переселенныхъ изъ Эрзерума армянъ. 2 октября, осмотрѣвъ городскія заведенія и мечеть, обращаемую въ православный соборъ, я отправился на ночь въ Ахалкалаки, а 3-го—въ Гумры, гдѣ приняли меня съ обычными привѣтствіями старшины армянъ, переселившихъ сюда изъ Карса. Меня поразили огромныя работы, предпринятыя по сооруженію этой новой крѣпости, настоящаго оплота для Грузіи и пункта, откуда можно угрожать одновременно и Турціи и Персіи, которыхъ границы здѣсь почти сливаются. Мѣстоположеніе крѣпости единственное, на отвѣсной скалѣ, далеко господствующей надъ оттоманскими владѣніями. Каменная одежда уже вся окончена съ тою тщательностью, какую мы привыкли видѣть въ лучшихъ нашихъ крѣпостяхъ, и здѣсь надо было отдать полную справедливость барону Розену и инженеру, управлявшему работами, какъ за быстроту возведенія послѣднихъ и превосходное ихъ очертаніе, такъ и за бережливость, почти невѣроятную, съ которою все это построено.

«Я пожелалъ лично положить первый камень въ основаніе церкви, которая будетъ сооружена во имя св. мученицы, царицы Александры, и перекрестилъ Гумры въ Александрополь.

«Въ этой ближайшей къ оттоманскимъ предѣламъ крѣпости нашей явился ко мнѣ эрзерумскій сераскиръ Магометъ-Аседъ-паша, присланный отъ султана съ привѣтствіемъ и съ богатыми дарами, состоявшими изъ лошадей, шалей и оружія. Онъ сказалъ мнѣ, что вы-

Библиотека "Руниверс"

бранъ для этой миссіи своимъ повелителемъ, какъ начальникъ смежныхъ турецкихъ областей, и присланъ за моими приказаніями.

«Въ деревнѣ Мастеры мы вступили въ Армянскую область. Ожидавшіе меня тутъ армянскіе беки и мелики и курдскіе старшины сопровождали насъ до нашего ночлега въ Сардарь-Абадѣ.

«Здѣсь край становится еще живописнѣе. Араратъ открывается во всемъ своемъ величіи, образуя задній планъ картины, и невольно переноситъ мысль къ воспоминанію о сѣдой старинѣ.

«Спустившись въ долину, я увидѣлъ передъ собою выстроенную къ бою безподобную конницу кенгерли, въ однообразномъ одѣяніи и на чудесныхъ лошадяхъ; начальникъ ея, Эсханъ-ханъ, подскакавъ ко мнѣ, отрапортовалъ по-русски, какъ бы офицеръ нашихъ регулярныхъ войскъ. Съ этою свитою я подъѣхалъ къ знаменитому Эчміадзинскому монастырю, передъ которымъ встрѣтилъ меня армянскій патріархъ Іоанессъ — верхомъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ рѣчь и потомъ опять, сѣвъ верхомъ, продолжалъ вмѣстѣ со мною шествіе къ стѣнамъ древней своей обители, этого капитолія армянской народности и религіи. Епископы и архимандриты, тоже всѣ верхами, придавали нашему поѣзду что-то странное и почти театральное; лошадь патріарха вели подъ уздцы два шатира, или скорохода, а за нимъ ѣхало человѣкъ 50 почетной его стражи въ полумонашескомъ одѣяніи, и два духовныхъ сановника, одинъ съ его посохомъ, а другой съ хоругвей, что̀ означало соединеніе въ лицѣ патріарха власти духовной съ свѣтскою и военною. Наконецъ, впереди всѣхъ патріаршій конюшій велъ двухъ заводныхъ лошадей подъ богатыми попонами. Когда мы въ такой процессіи подъѣхали къ стѣнамъ Эчміадзина, звонъ всѣхъ колоколовъ монастырскихъ и ближайшихъ церквей слился съ пѣніемъ духовныхъ стихиръ и съ криками народа, отовсюду сбѣжавшагося. Внѣ монастырской ограды стояли монахи, и два епископа во всемъ архіерейскомъ облаченіи поднесли мнѣ: одинъ—приложиться чудотворную икону, а другой—хлѣбъ и соль. Патріархъ отдѣлился отъ меня у Сѣверныхъ воротъ собора, чтобы войти въ южныя и принять меня передъ алтаремъ, тоже въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и со всѣмъ блескомъ своего сана. Здѣсь Іоанессъ произнесъ вторую привѣтственную рѣчь, и затѣмъ своды древняго храма огласились пѣніемъ стихиръ на срѣтеніе царя, не раздававшихся здѣсь въ теченіе семи вѣковъ. Приложившись къ мощамъ, почивающимъ въ соборѣ болѣе тысячелѣтія, я все съ тою же многочисленною свитою обошелъ ризницу, синодальныя палаты, семинарію, типографію и трапезу, а потомъ зашелъ къ патріарху, который, призывая на меня и на мое потомство благословеніе Божіе, вручилъ мнѣ въ даръ часть животворящаго креста Господня.

Библиотека "Руниверс"

«По выходѣ изъ монастыря, своими богатствами не вполнѣ отвѣтившаго моимъ ожиданіямъ, я сдѣлалъ смотръ конницы кенгерли, которая сопровождала меня оттуда до Эривани. Здѣсь, помоливши въ соборѣ [1], я удалился въ приготовленный для меня домъ, очень радуясь возможности наконецъ отдохнуть.

«6-го октября я принялъ наслѣдника персидскаго трона Валіята, дитя семи лѣтъ, при которомъ находился посолъ отъ шаха. Посадивъ мальчика, очень хорошенькаго, къ себѣ на колѣни, я обратился къ послу съ весьма серьезною рѣчью, изъяснивъ ему, что всѣ его увѣренія прекрасны на словахъ, но что я не могу довѣрять имъ, пока Персія не только поощряетъ побѣги нашихъ солдатъ, но и образуетъ изъ нихъ особое войско, что я требую выдачи этихъ дезертировъ въ наискорѣйшемъ времени, безъ чего буду считать Персію въ непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ; наконецъ, что, строго наблюдая съ моей стороны всѣ трактаты, я сумѣю принудить и шаха къ точному ихъ исполненію. Впрочемъ мы разстались съ посломъ добрыми друзьями, и онъ подарилъ мнѣ отъ имени шаха прекрасныхъ лошадей, жемчугу и множество шалей.

«Переночевавъ въ этотъ день въ Чухлы, а 7-го въ Кади, я 8-го октября, въ 3 часа пополудни, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тифлисъ. Прибытіе мое было возвѣщено пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ; множество народа наполняло улицы и плоскія крыши домовъ, а разнообразіе богатыхъ одѣяній туземцевъ представляло прекрасный видъ. Не могу иначе изобразить вамъ радушіе сдѣланнаго мнѣ пріема, какъ сравнивъ его съ встрѣчами, дѣлаемыми мнѣ всегда здѣсь, въ Москвѣ, и нельзя не дивиться, какъ чувства народной преданности къ лицу монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, которое, сознаюсь къ моему стыду, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ.

«Тифлисъ—большой и прекрасный городъ, съ азіатскою внутренностію, но съ предмѣстьями уже въ нашемъ вкусѣ и со многими домами, которые не обезобразили бы и Невскаго проспекта.

«Утромъ, 9-го октября, помолившись въ Успенскомъ соборѣ, посреди огромнаго стеченія народа, я присутствовалъ при разводѣ отъ Эриванскаго карабинернаго полка, въ полдень принималъ хановъ и почетныхъ лицъ разныхъ горскихъ племенъ, собравшихся въ Тифлисъ къ моему пріѣзду, и потомъ осматривалъ корпусный штабъ, больницу, арсеналъ, казармы Кавказскаго сапернаго баталіона, устроенную при немъ школу съ училищемъ для молодыхъ грузинскихъ дворянъ и тюрьму. Все оказалось въ отличномъ порядкѣ.

[1] «Que j'avais fait bâtir». (Замѣтка императора Николая).

Библиотека "Руниверс"

«10-го октября я слушалъ обѣдню въ церкви св. Георгія и смотрѣлъ войска, составляющія тифлисскій гарнизонъ. Хороши, въ особенности артиллерія.

«11-го октября, послѣ развода, бывшаго отъ своднаго учебнаго баталіона, и осмотра военнаго госпиталя, комиссаріатскаго депо и шелкомотальной фабрики, я принялъ грузинскихъ князей и дворянъ, составлявшихъ мой конвой и теперь содержавшихъ караулъ передъ моею комнатою. Они явились верхомъ на лучшихъ своихъ коняхъ и въ богатѣйшихъ нарядахъ, и соперничали между собою въ скачкѣ и въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Одинъ ловчѣе другого, и между ними было немало такихъ, которые свели бы съ ума нашихъ дамъ.

«Вечеромъ я присутствовалъ на довольно многолюдномъ балѣ. Дамы были большею частью въ національномъ костюмѣ, скрадывающемъ талію и вообще не слишкомъ граціозномъ, тогда какъ сами по себѣ многія изъ нихъ блестятъ истинно восхитительною красотою, чего нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, въ массѣ объ ихъ умѣ.

«Видѣнное мною въ Грузіи вообще довольно меня удовлетворило. Положеніе дорогъ и Гумрійская крѣпость свидѣтельствуютъ о попечительности барона Розена, но въ администраціи есть разные закоренѣлые безпорядки, превосходящіе всякое вѣроятіе. Сенаторъ баронъ Ганъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ревизующій этотъ край, открылъ множество вещей ужасныхъ, которыя, начавшись, впрочемъ, задолго до управленія барона Розена, должны были до крайности раздражить здѣшнее населеніе, сколько оно ни привыкло къ слѣпой покорности. Вездѣ страшное самоуправство и мошенничество. Въ числѣ прочихъ частей, и военные начальники позволяли себѣ неслыханныя злоупотребленія.

«Такъ, князь Дадіанъ, зять барона Розена и мой флигель-адъютантъ, командовавшій полкомъ всего въ 16-ти верстахъ отъ Тифлисской заставы, выгонялъ солдатъ и особенно рекрутъ рубить лѣсъ и косить траву, нерѣдко еще въ чужихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и потомъ промышлялъ этою своею добычею въ самомъ Тифлисѣ, подъ глазами начальства; кромѣ того, онъ заставлялъ работать на себя солдатскихъ женъ и выстроилъ съ своими солдатами, вмѣсто казармы, мельницу, а въ отпущенныхъ ему на то значительныхъ суммахъ даже не подѣлился съ бѣдными нижними чинами; наконецъ этотъ молодчикъ сданныхъ ему 200 человѣкъ рекрутъ, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ строю, заставилъ, босыхъ и необмундированныхъ, пасти своихъ овецъ, воловъ и верблюдовъ. Это было уже черезчуръ, и по дошедшему до меня о томъ первому свѣдѣнію я въ ту же минуту отправилъ на мѣсто моего флигель-адъютанта Васильчикова, изслѣдованіемъ котораго все было раскрыто точно такъ, какъ я вамъ сейчасъ разсказалъ. Въ виду такихъ мерзостей надо было показать примѣръ строгаго взысканія.

Библиотека "Руниверс"

«У развода я велѣлъ коменданту сорвать съ князя Дадіана, какъ недостойнаго оставаться моимъ флигель-адъютантомъ, аксельбантъ и мой шифръ, а самого его тутъ же съ площади отправить въ Бобруйскую крѣпость для преданія неотложно военному суду.

«Не могу сказать вамъ, чего стоила моему сердцу такая строгость, и какъ она меня разстроила; но въ надеждѣ, поражая виновнѣйшаго изъ всѣхъ, собственнаго моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющаго, спасти прочихъ полковыхъ командировъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ подобнымъ же злоупотребленіямъ, я утѣшался тѣмъ, что исполнилъ святой свой долгъ. Здѣсь это было бы дѣйствіемъ самовластнымъ, безполезнымъ и предосудительнымъ; но въ Азіи, удаленной огромнымъ разстояніемъ отъ моего надзора, при первомъ моемъ появленіи передъ Закавказскою моею арміею, необходимъ былъ громовый ударъ, чтобы всѣхъ устрашить и, вмѣстѣ, чтобы доказать храбрымъ моимъ солдатамъ, что я умѣю за нихъ заступиться. Впрочемъ, я вполнѣ чувствовалъ весь ужасъ этой сцены и, чтобы смягчить то, что было въ ней жестокаго для Розена, тутъ же подозвалъ къ себѣ сына его, преображенскаго поручика, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ за Варшавскій штурмъ, и назначилъ его моимъ флигель-адъютантомъ на мѣсто недостойнаго его шурина.

«Я выѣхалъ изъ Тифлиса 12-го октября рано утромъ. Мнѣ дали кучера, который или не зналъ своихъ лошадей, или не умѣлъ ими править. Этотъ дуракъ началъ съ того, что сталъ ихъ стегать передъ спускомъ съ довольно большой крутизны, нѣсколько разъ прикасающейся къ краю бездонной пропасти. Вдругъ лошади понесли. Признаюсь вамъ, что минута была не шуточная. Опасность грозила очевидная, безъ всякаго средства спасенія; я всталъ въ коляскѣ, чтобы пособить кучеру сдержать лошадей, однако напрасно; мнѣ пришла нелѣпая мысль выскочить изъ коляски, но Орловъ разумно догадался удержать меня. Мы уже видѣли передъ глазами смерть, какъ вдругъ сильнымъ толчкомъ опрокинулся экипажъ, и насъ отбросило въ сторону; я перекувырнулся нѣсколько разъ и тѣмъ на этотъ разъ отдѣлался; Орловъ порядочно ушибся; коляска, опрокинувшись, легла на два пальца отъ пропасти, въ которую безъ этого паденія мы неминуемо были бы сброшены; а какъ коляска находилась близко отъ края дороги, доказательство вамъ то, что обѣ уносныя повисли надъ пропастью на однихъ недоуздкахъ, удержанныя единственно тяжестью опрокинутаго экипажа. Мы встали на ноги, немножко ошеломленные нашимъ полетомъ, и возблагодарили Бога за чудесное спасеніе.

«Между тѣмъ весь передокъ коляски былъ сломанъ. Такъ какъ у насъ въ Тифлисѣ имѣлась запасная, то я оставилъ на мѣстѣ Орлова распорядиться экипажами, а самъ продолжалъ путь верхомъ, на каза-

Библиотека "Руниверс"

чьей лошади, и упалъ всѣмъ, какъ снѣгъ на голову, въ Квишетъ, у подножія главнаго перевала Кавказскаго хребта.

«13-го октября я сѣлъ опять на лошадь, чтобы переѣхать черезъ эту исполинскую цѣпь, отдѣляющую Европу отъ Азіи. Въ долинѣ стояла еще прекрасная осень, а на горныхъ вершинахъ мы были встрѣчены 6-ти-градуснымъ морозомъ, и наши лошади каждую минуту скользили. Дорога, проложенная черезъ эти горы, скалы и стремнины, есть одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго искусства надъ природою. Вездѣ теперь можно ѣхать въ каретѣ четверкою въ рядъ, и только глазъ пугается окружающихъ ужасовъ.

«На ночлегѣ въ Владикавказѣ меня ожидали мой конвой черкесовъ и линейныхъ казаковъ, возвращавшихся изъ Петербурга по выслугѣ срока своей службы, и депутаты отъ разныхъ горскихъ племенъ. Надо было видѣть взгляды, съ которыми мои молодцы казаки слѣдили за каждымъ движеніемъ этихъ господъ, изъ которыхъ, правда, у многихъ были настоящія разбойничьи рожи.

«Я растолковалъ депутатамъ, чего желаю отъ ихъ единоплеменниковъ не для увеличенія могущества Россіи, а для собственнаго ихъ блага и для спокойствія ихъ семействъ; сказалъ имъ далѣе, что они, для удостовѣренія въ истинѣ моихъ словъ, могутъ спросить присутствующаго тутъ муллу, который, по моему повелѣнію, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, чтобы учить магометанскому закону ихъ собратій и дѣтей, ввѣренныхъ моему воспитанію, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я требую только, чтобы они жили спокойно, наслаждаясь благами своей прекрасной родины, и не покушались бороться противъ неодолимой для нихъ силы русскаго оружія.

«Они, кажется, вразумились моими словами, и мы разстались пріятелями; притомъ всѣ изъявляли желаніе проводить меня до Екатеринодара. Такимъ образомъ, въ моемъ конвоѣ было, по крайней мѣрѣ, вчетверо болѣе враговъ, чѣмъ своихъ, и всѣ усердствовали защищать меня противъ самихъ же себя. Все это представляло довольно любопытное зрѣлище. Нѣкоторые изъ отцовъ просили меня взять ихъ дѣтей на воспитаніе.

«Надо сказать, что до сихъ поръ мѣстное начальство принималось за свое дѣло совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ; вмѣсто того, чтобы покровительствовать, оно только утѣсняло и раздражало; словомъ, мы сами создали горцевъ, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже ихъ. Я много толковалъ объ этомъ съ Вельяминовымъ, стараясь внушить ему, что хочу не побѣдъ, а спокойствія; и что и для личной его славы, и для интересовъ Россіи надо стараться приголубить горцевъ и привязать ихъ къ русской державѣ, ознакомивъ этихъ дикарей съ выгодами порядка, твердыхъ законовъ и просвѣщенія; что безпре-

Библиотека "Руниверс"

станныя съ ними стычки и вѣчная борьба только все болѣе и болѣе удаляютъ ихъ отъ насъ и поддерживаютъ воинственный духъ въ племенахъ, безъ того любящихъ опасности и кровопролитіе.

«Я самъ тутъ же написалъ Вельяминову новую инструкцію и приказалъ учредить въ разныхъ пунктахъ школы для дѣтей горцевъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ ихъ обрусенію и къ смягченію ихъ нравовъ. Надѣюсь, что Вельяминовъ меня понялъ, и впередъ дѣло пойдетъ лучше. Розенъ сдѣлалъ много хорошаго, но по слабости своей еще больше попустилъ безпорядковъ и злоупотребленій, такъ что зло беретъ верхъ надъ добромъ, и я велѣлъ Орлову присовѣтовать ему просить увольненія отъ должности. Надо позаботиться о немедленномъ его замѣщеніи, и я уже написалъ князю Паскевичу, чтобы онъ уступилъ мнѣ Головина.

«Осмотрѣвъ въ Владикавказѣ военный госпиталь и въ Пятигорскѣ, 16-го октября, все заведеніе минеральныхъ водъ, офицерскую больницу, казармы военно-рабочей команды, церковь и гулянья, я къ ночи переѣхалъ въ Георгіевскъ, гдѣ успѣлъ взглянуть на арсеналъ и госпиталь. Тутъ я принялъ депутацію закубанскихъ племенъ и сказалъ имъ почти то же самое, что прежде говорилъ другимъ депутатамъ въ Владикавказѣ.

«Я осмотрѣлъ находящіяся въ Ставрополѣ войска, а потомъ военный госпиталь, который размѣщенъ по частнымъ домамъ; при сильномъ движеніи черезъ этотъ городъ на линію и въ Грузію необходимо поскорѣе выстроить для военнаго госпиталя большое особое зданіе.

«До Ставрополя сопровождали меня мои черкесы и казаки, никакъ не согласившіеся уступить другимъ чести меня конвоировать; они сбирались скакать еще и далѣе, но я не допустилъ ихъ до того и простился тутъ съ этими людьми, показавшими мнѣ истинно трогательную преданность.

«19-го октября, въ 3 часа пополудни, я прибылъ въ Аксайскую станицу на Дону, гдѣ ждалъ меня мой сынъ, въ качествѣ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Остатокъ дня и всю ночь я чувствовалъ себя очень нехорошо, такъ что даже принужденъ былъ принять лѣкарство и провести все 20-е число въ Аксаѣ. На слѣдующій день мы отправились въ Новочеркасскъ, куда въѣхали верхами. У заставы насъ встрѣтилъ наказной атаманъ, весь израненный старикъ Власовъ, съ генералами своего штаба, множествомъ офицеровъ и толпою любопытныхъ, которые всѣ проводили насъ до собора. Тутъ стоялъ войсковой кругъ, съ войсковыми регаліями, посреди которыхъ архіерей и прочее духовенство встрѣтили меня съ крестомъ и святою водою.

«Выйдя изъ церкви, я взялъ изъ рукъ храбраго Власова атаманскую булаву и вручилъ ее наслѣднику, въ знакъ главнаго его началь-

Библиотека "Руниверс"

ствованія надъ всѣми казачьими войсками. Пальба изъ всѣхъ орудій города возвѣстила введеніе его въ должность.

«22-го октября новый атаманъ представилъ мнѣ войска, собранныя подъ Новочеркасскомъ. Всего было въ конномъ строю до 18.000 человѣкъ. Кромѣ четырехъ гвардейскихъ эскадроновъ, полковъ атаманскаго и учебнаго и артиллеріи, все прочее — совершенная дрянь: негодныя лошади, люди, дурно одѣтые, сами офицеры, плохо сидящіе на конѣ. Къ искреннему моему сожалѣнію, все это показалось мнѣ скорѣе толпою мужиковъ, нежели военнымъ строемъ. Продолжительный миръ и довольство обабили казаковъ: они обратились просто въ земледѣльцевъ, какъ иначе и быть не могло при отдаленности ихъ отъ границъ и отъ всякой опасности. Надо будетъ подумать о преобразованіи ихъ устройства.

«За обѣдомъ у меня, къ которому были приглашены всѣ генералы и полковники, я откровенно высказалъ имъ мое мнѣніе. Старые усачи сами стыдились того плохого положенія, въ которомъ вывели передъ меня свое войско.

«Вечеромъ я былъ на балѣ и не могу сказать, чтобы дамы поразили меня своею красотою или изяществомъ своихъ манеръ; но устройство и роскошь праздника еще болѣе меня убѣдили, что казаки промѣняли прежнюю суровость своихъ нравовъ на утонченныя наслажденія образованности. Къ несчастію, для возстановленія прославленной ихъ удали нужна бы продолжительная война. Это послѣднее явленіе въ драмѣ моего путешествія не было утѣшительно.

«23-го октября, утромъ, вы выѣхали въ Воронежъ, куда прибыли 24-го, вечеромъ. Поблагодаривъ тамъ Бога и святого его угодника за благополучное совершеніе длиннаго и труднаго пути, я уже нигдѣ болѣе не останавливался до Москвы».

Государь, располагая осмотрѣть еще войска въ Чугуевѣ и Ковнѣ и побывать въ Варшавѣ, всемѣрно ускорялъ нашу поѣздку и уже успѣлъ выиграть нѣсколько дней противъ маршрута. Мы мчались съ ужасающею быстротою, впрочемъ по хорошей дорогѣ и на славныхъ лошадяхъ. Ночная темнота, застигшая насъ по выѣздѣ изъ Пензы, нисколько не умалила скорости нашей ѣзды. Государь и я крѣпко спали въ коляскѣ, какъ вдругъ, въ часъ пополуночи, 26-го августа, насъ разбудилъ крикъ форейтора и кучера; лошади понесли, и почти въ ту же минуту коляска опрокинулась съ грохотомъ пушечнаго выстрѣла. «Это ничего!»—вскричалъ государь. Очутившись, самъ не знаю какъ, на ногахъ возлѣ опрокинутаго экипажа, я увидѣлъ кучера государева, Колчина, и камердинера Малышева (спдѣвшаго также на козлахъ) лежащими безъ чувствъ; паденіе коляски и родъ небольшого вала, на который свернули лошади, тотчасъ остановили ихъ стремительный бѣгъ. «Выходите!»—

Библиотека "Руниверс"

закричалъ я государю; но такъ какъ онъ не отвѣтилъ, то я схватилъ его за воротникъ шинели и вытащилъ изъ коляски; тутъ, увидѣвъ, что ему сдѣлалось дурно, я, поддерживая его, отвелъ и посадилъ въ ровъ, окаймлявшій дорогу и находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ коляски[1]. Первыя его слова были: «Я чувствую, что у меня переломлено плечо; это хорошо: значитъ, Богъ вразумляетъ меня, что не надо дѣлать никакихъ плановъ, не испросивъ Его помощи». Въ это время показался прохожій: то былъ старый отставной солдатъ, съ увѣшенною медалями грудью. Я подозвалъ его и, давъ подержать факелъ, принесенный рейткнехтомъ, который прибѣжалъ въ испугѣ съ передовой телѣги, приказалъ остаться при государѣ, пока я съ рейткнехтомъ посмотрю, какъ помочь кучеру и камердинеру; послѣдній, весь въ крови, стоналъ, а первый не давалъ никакого признака жизни. Тогда я послалъ рейткнехта въ его телѣгѣ за врачемъ и другимъ экипажемъ на ближайшую станцію — городокъ Чембаръ, до котораго намъ оставалось всего пять верстъ. Государь между тѣмъ разговаривалъ съ державшимъ факелъ солдатомъ и самъ, приподнявшись, чтобы пособить намъ ухаживать за камердинеромъ, замѣтилъ, что у меня ушибъ на лбу, чего я прежде сгоряча не почувствовалъ. Тутъ настигъ насъ слѣдовавшій всегда за государемъ фельдъегерь, котораго я тотчасъ отослалъ обратно, ускорить сколько можно прибытіе лейбъ-медика Арендта, ѣхавшаго въ одной колескѣ съ генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ и отставшаго въ пути. Покамѣстъ, я досталъ изъ кармана коляски хересу, которымъ обмылъ окровавленное лицо камердинера, принудивъ и государя, у котораго всякую минуту дѣлалась дурнота, выпить нѣсколько глотковъ. Видя передъ собою сидящимъ на голой землѣ, съ переломленнымъ плечомъ могущественнаго владыку шестой части вселенной, которому свѣтилъ старый инвалидъ, и, кромѣ меня, никто не прислуживалъ, я былъ невольно пораженъ этою наглядною картиною суеты и ничтожества земного величія. Государю пришла та же самая мысль, и мы разговорились объ этомъ съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, которое невольно внушала подобная минута.

До возвращенія изъ города рейткнехта прошелъ добрый часъ. Государь велѣлъ пріѣхавшему врачу заняться кучеромъ, который пришелъ между тѣмъ въ чувство, и камердинеромъ и уложить ихъ въ при-

[1] Эти слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ: «Ce n'est pas exact. Quand Benkendorf fut debout, il me dit: sortez, sire; je lui répondis: c'est facile à dire sortez, mais je ne puis me soulever, je sens que mon épaule craque; et avec le plus pénible effort je parvins à me dégager de la voiture dont heureusement pour moi le soufflet avait été levé, ce qui probablement nous sauva la vie; à peine debout, je me sentis défaillir et le dis à Benkendorf».

Библиотека "Руниверс"

бывшую коляску, а самъ, не допустивъ осмотрѣть своего перелома, сѣлъ въ нашу, поднятую пріѣхавшими людьми; но когда движеніе экипажа стало усиливать его страданія, то вышелъ изъ него и пошелъ дальше пѣшкомъ. Въ это время подскакали Арендтъ съ Адлербергомъ, а я побѣжалъ впередъ, чтобы похлопотать о какомъ нибудь помѣщеніи въ Чембарѣ. Тамъ все было погружено въ сонъ, и только разбуженный рейткнехтомъ городничій ждалъ у заставы. Отправившись вмѣстѣ съ нимъ къ уѣздному училищу, какъ единственному дому, въ которомъ, по его словамъ, представлялась возможность помѣстить нашего больного, я приказалъ наскоро очистить и освѣтить этотъ домъ и пустился назадъ навстрѣчу къ государю. Онъ уже дошелъ покуда до города и чувствовалъ себя крайне утомленнымъ; но, войдя въ импровизированную для него квартиру, сталъ шутить и, потребовавъ бумаги и карандашъ, написалъ императрицѣ цѣлыхъ четыре страницы въ такомъ юмористическомъ тонѣ, что, слушая это письмо, мы не могли удержаться отъ смѣха. Оно было тотчасъ отправлено съ нарочнымъ фельдъегеремъ; затѣмъ государь велѣлъ мнѣ дать знать во всѣ мѣста, чрезъ которыя лежалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ, чтобы его туда не ждали, а Адлербергу, завѣдывавшему въ пути военною частію, приказалъ разослать такія же извѣщенія князю Паскевичу, военному министру и начальникамъ собранныхъ на разныхъ пунктахъ войскъ. Уже только послѣ всего этого онъ, обратившись къ Арендту, сказалъ: «Ну, теперь твоя очередь, вотъ тебѣ моя рука: займись ею». Въ продолженіе всей перевязки онъ шутилъ съ нами и милостиво старался ободрить чембарскаго эскулапа, сильно переконфуженнаго неожиданною честью ухаживать за своимъ монархомъ.

У государя дѣйствительно оказалась переломленною ключица.

Когда его уложили, я принялся за всѣ нужныя распоряженія для помѣщенія свиты и возвращенія передовой коляски, находившейся съ прочими камердинерами государевыми уже въ Тамбовѣ. Городокъ, въ которомъ мы принуждены были устроиться, одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ въ цѣлой имперіи, не представлялъ никакихъ мѣстныхъ рессурсовъ; поэтому надо было тотчасъ позаботиться о снабженіи нашей кухни нужными припасами, добыть какую нибудь мебель, выписать изъ Москвы вина, образовать родъ пожарной команды на случай огня въ нашемъ деревянномъ домишкѣ, покрытомъ въ большей его части соломою; наконецъ устроить движеніе курьеровъ и дать повсемѣстно знать о новой резиденціи государя. Все это обошлось безъ особенныхъ затрудненій. Безсрочноотпускные изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ поспѣшили къ намъ со всѣхъ концовъ губерніи, съ просьбою употребить ихъ въ дѣло; первыхъ я опредѣлилъ въ комнатную прислугу, а вторыхъ въ составъ полицейской команды. Чембарскіе жители цѣлыми

Библиотека "Руниверс"

днями окружали наше скромное жилище въ грустномъ молчаніи, составляя такимъ образомъ постоянную царскую стражу и удаляя всякій шумъ: даже и между собою они шептались на ухо, какъ бы въ комнатѣ самого больного. Сосѣдніе помѣщики наслали фруктовъ и запасовъ всякаго рода, и кладовыя нашего дорожнаго метрдотеля Миллера вскорѣ обильно всѣмъ наполнились. Изъ окрестностей навезли даже цвѣтовъ и померанцевыхъ деревьевъ для убранства оконъ и комнатъ. Дамы и люди богатые и бѣдные пріѣзжали за сто, за двѣсти верстъ, точно на богомолье, чтобы освѣдомляться о здоровьѣ государя и въ надеждѣ какъ нибудь на него взглянуть. По мѣрѣ того, какъ слухъ о несчастномъ приключеніи долеталъ до сосѣднихъ губерній, стали являться посланные и отъ тамошнихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, съ разспросами о положеніи обожаемаго монарха. Ежедневно выходилъ бюллетень, за подписаніемъ Арендта и мѣстнаго врача, очень смышленаго молодого человѣка, и этотъ бюллетень пересылался въ Москву, въ Петербургъ и по всѣмъ трактамъ, шедшимъ отъ Чембара. Я едва успѣвалъ отписываться на письма, которыя приходили ко мнѣ съ нарочными. Вся имперія была въ тревожномъ испугѣ, и Чембаръ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ страховъ и всѣхъ надеждъ. Въ Петербургѣ императрица съ тою твердостію, которою она умѣетъ вооружаться въ важныхъ случаяхъ, старалась умѣрять народныя опасенія, съ одной стороны, часто показываясь передъ публикою на островахъ, а, съ другой, сообщая каждому, кто только имѣлъ къ ней доступъ, утѣшительныя извѣстія, ежедневно получавшіяся сю въ письмахъ государя, столько же пространныхъ, сколько и написанныхъ всегда въ самомъ веселомъ тонѣ. Но въ сущности было не совсѣмъ то. Государь жестоко страдалъ. Въ началѣ нашего пребыванія въ Чембарѣ стояли тамъ страшные жары, и плохенькій домикъ нашъ, обратившійся во дворецъ повелителя Россіи, не представлялъ никакого пріюта отъ томительной духоты. Въ первую минуту врачи не замѣтили, что, кромѣ ключицы, было переломлено и верхнее ребро, отъ чего естественно усугублялись боли. Впрочемъ больной, если по временамъ и жаловался, то и тутъ проявлялъ ту желѣзную твердость характера, которая ставила его такъ высоко надъ другими людьми, даже и при перенесеніи физическихъ страданій. Онъ продолжалъ заниматься дѣлами, какъ бы въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ; курьеры привозили всѣ текущіе доклады министровъ, и все было имъ высылаемо обратно обыкновеннымъ порядкомъ. Въ свободныя минуты государь читалъ газеты и даже романы, но скучалъ этимъ чтеніемъ, въ постоянной тревогѣ о безпокойствѣ своей семьи и своего народа и о разстройствѣ, происшедшемъ въ его маршрутѣ. Онъ боялся, кромѣ того, чтобы императрица не рѣшилась сама пріѣхать въ Чембаръ, что могло бы повредить ея здоровью и еще

Библиотека "Руниверс"

болѣе напугать всю Россію. Хотя онъ еще въ первомъ своемъ письмѣ именно запретилъ ей думать о такой поѣздкѣ, о чемъ написалъ и князю Волконскому (министру императорскаго двора), однако, зная нѣжную къ себѣ привязанность своей супруги, все продолжалъ опасаться, чтобы она не нарушила его запрещенія, и я на этотъ случай уже готовилъ для нея домъ присутственныхъ мѣстъ.

Врачи объявили, что надо пробыть въ Чембарѣ, по крайней мѣрѣ, три недѣли и потомъ дѣлать самые короткіе переѣзды. Эта перспектива еще болѣе волновала нетерпѣливый нравъ государя и даже замедляла его выздоровленіе. Притомъ первая перевязка, которую сняли только черезъ трое сутокъ, такъ сдавила ему животъ, что къ прежнимъ страданіямъ прибавились еще желудочныя судороги, съ нестерпимыми болями. Бѣдный Арендтъ не зналъ, что начать, особенно потому, что больной не соглашался принимать большую часть его лѣкарствъ, или сердился, когда они не доставляли ему облегченія. Разъ, ночью, государь почувствовалъ себя такъ дурно, что даже потребовалъ священника для напутствія къ смерти, и между тѣмъ все это, по точному и строгому его приказанію, должно было оставаться тайною и для императрицы и для всѣхъ. Во мнѣ лично такая таинственность, усиливая тяготѣвшую на мнѣ отвѣтственность, не могла не увеличивать еще болѣе тревожной заботы. Въ присутствіи больного я всегда старался казаться спокойнымъ и веселымъ; но сердце мое было истерзано, и я вполнѣ обрисовывалъ себѣ весь ужасъ моего положенія въ отношеніи къ императрицѣ, къ наслѣднику престола и къ цѣлой имперіи. Дорожные мои спутники, Адлербергъ и прусскій полковникъ Раухъ, въ особенности же Арендтъ, съ ранняго утра приходили изливаться передо мною въ жалобахъ и плакать, и мнѣ же еще доводилось утѣшать ихъ и ободрять унывавшаго лейбъ-медика. Утромъ до обѣда и потомъ опять послѣ стола я оставался у государя по цѣлымъ часамъ, стараясь развлекать его разговорами; въ промежутки моего отсутствія Адлербергъ поутру приносилъ ему бумаги по военному министерству, а вечеромъ что нибудь читалъ. Кромѣ того, въ Чембаръ были вызваны съ докладами командиръ черноморскаго флота Лазаревъ и начальникъ кавалерійскихъ военныхъ поселеній графъ Виттъ, которыхъ государь, по прежнему маршруту, думалъ видѣть въ Чугуевѣ; часто также наѣзжали разные другіе генералы, флигель-адъютанты и проч., что̀ хотя нѣсколько разгоняло скуку нашей однообразной жизни. Иногда государь прохаживался по двору своего дома, и тогда, счастливый, какъ узникъ, вырвавшійся изъ своей тюрьмы, любилъ встрѣчаться и шутить съ нами. Но желудочныя боли, ежедневно возвращавшіяся, очень его безпокоили; пребываніе въ Чембарѣ становилось ему съ каждымъ часомъ нестерпимѣе, и желаніе скорѣе оставить этотъ несносный городъ все сильнѣе

Библиотека "Руниверс"

высказывалось, отражаясь и на расположеніи его духа. Трехнедѣльный срокъ казался ему цѣлою вѣчностью. Арендтъ, котораго все болѣе пугало и состояніе здоровья больного и его раздражительность, не могъ не видѣть, что потерялъ его довѣріе. Однажды бѣднякъ, изливая мнѣ, весь въ слезахъ, свое сокрушеніе, объявилъ, что единственнымъ средствомъ успокоить моральное раздраженіе государя считаетъ отъѣздъ изъ Чембара, хотя, съ другой стороны, движеніе экипажа можетъ увеличить страданія отъ перелома. Я расчелъ, что изъ двухъ бѣдъ послѣдняя — меньшая, и, несмотря на то, что съ нашего приключенія не минуло еще и двухъ недѣль, мы порѣшили отправиться въ путь черезъ четверо сутокъ. Вѣсть о томъ неописуемо обрадовала государя, и я тотчасъ занялся дорожными сборами. Но едва прошли первыя сутки, какъ государь вдругъ потребовалъ меня къ себѣ и, сидя на постели, съ сверкающими глазами, съ суровымъ выраженіемъ лица, почти закричалъ мнѣ: «Я ѣду непремѣнно завтра утромъ въ 9 часовъ, и если вы не можете везти меня, то уйду пѣшкомъ». Никогда еще въ жизни онъ не выражался со мною такимъ повелительнымъ и рѣзкимъ тономъ. Видя его въ этомъ положеніи, я только спросилъ, переговорено ли уже объ этомъ съ докторами. «Это не ихъ дѣло»,—возразилъ онъ въ томъ же тонѣ. Тогда я отвѣчалъ, что сдѣлаю сейчасъ всѣ нужныя распоряженія, хотя не легко собраться въ какіе нибудь двѣнадцать часовъ. Едва, однако, я принялся за дѣло, какъ меня снова позвали къ государю. Выраженіе лица и голосъ его уже были опять обычные и, по докладу моему, что все будетъ готово къ назначенному времени, онъ тотчасъ развеселился и приказалъ мнѣ наградить всѣхъ прислуживавшихъ ему въ Чембарѣ, а также раздать значительныя суммы въ церковь, въ училище и на бѣдныхъ.

Въ слѣдующее утро государь былъ одѣтъ уже съ семи часовъ и торопилъ всѣхъ къ отъѣзду. Поблагодаривъ городничаго, уѣзднаго предводителя дворянства, жандармскаго полковника и безсрочныхъ, прислуживавшихъ въ комнатахъ, онъ пошелъ пѣшкомъ въ церковь, въ которую втѣснилось все чембарское населеніе. Послѣ краткаго молебствія мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ усѣлись въ выписанную мною нарочно изъ Пензы длинную, низкую и казавшуюся болѣе спокойною, чѣмъ коляска, линейку и, напутствуемые благословеніями толпы, пустились въ дорогу по прекраснѣйшей погодѣ.

Прожитыя нами въ Чембарѣ двѣ недѣли, съ 26-го августа по 9-е сентября, казались мнѣ цѣлымъ годомъ, и я не менѣе государя радовался, что мы оставляемъ это скучное мѣсто. Первыя 20 верстъ все шло безподобно, и государь шутилъ съ Арендтомъ надъ медициною вообще и надъ его невѣжествомъ въ частности. По потомъ возобновились желудочныя судороги, и, пересѣвъ въ свою коляску, уже одинъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы скрыть отъ насъ свои страданія, онъ пріѣхалъ на ночлегъ совсѣмъ разнемогшійся и въ дурномъ расположеніи духа. Городокъ Кирсановъ, въ которомъ мы ночевали, не могъ, къ несчастію, доставить больному большихъ удобствъ, и рано утромъ мы въ ужасное ненастье тронулись далѣе, сильно встревоженные положеніемъ государя.

Второй ночлегъ былъ въ Тамбовѣ, куда мы пріѣхали въ 2 часа пополудни. Встрѣчи государю въ его путешествіяхъ по Россіи вездѣ, особенно же въ губернскихъ городахъ, бывали всегда самыя шумныя, но здѣсь случилось совершенно противное; огромныя массы народа, въ экипажахъ и пѣшкомъ, правда, точно также тѣснились вокругъ государевой коляски, но въ совершенномъ молчаніи, боясь обезпокоить его малѣйшимъ шумомъ. Эта благоговѣйная тишина, плодъ такихъ чистыхъ побужденій, говорила сердцу еще краснорѣчивѣе, чѣмъ всѣ восторженные клики, къ которымъ въ продолженіе десяти лѣтъ народная любовь пріучила государя. Толпа цѣлый день не покидала площади передъ домомъ, гдѣ онъ остановился, и, храня все то же безмолвіе, не отрывала глазъ отъ временнаго жилища своего монарха. Утромъ, при оставленіи нами Тамбова, дамы въ экипажахъ старались объѣхать государеву коляску, чтобы имѣть счастіе взглянуть на него; когда же мы выѣхали на широкую столбовую дорогу, то началась настоящая скачка: одни экипажи стремились опередить другіе, рискуя ежеминутно быть опрокинутыми, что̀ продолжалось нѣсколько верстъ. Эта живая панорама счастливыхъ и хорошенькихъ личекъ, безпрестанно мелькавшихъ передъ глазами государя и ежеминутно смѣнявшихся новыми, очень его забавляла.

Слѣдующіе ночлеги были въ Козловѣ, Ряжскѣ, Рязани и Коломнѣ, и вездѣ насъ принимала та же самая благоговѣйная тишина со стороны народныхъ массъ, какъ бы всѣ онѣ были связаны одною электрическою нитью. Здоровье нашего больного нисколько, однако же, не поправлялось, и вмѣстѣ съ безпокойствомъ Арендта возрастали и наши страхи. По прибытіи въ Москву, государь прослѣдовалъ ее почти во всю длину, отъ Коломенской заставы до Орловской своей дачи, сидя въ коляскѣ одинъ, чтобы имѣть болѣе простора для своей руки. Мы вдвоемъ съ Арендтомъ пріѣхали получасомъ позже и нашли его крайне разгнѣваннымъ. Всѣмъ городскимъ властямъ заранѣе было запрещено встрѣчать или ожидать государя; но никому не дано было предвидѣть, что у каждой изъ безчисленныхъ церквей, мимо которыхъ лежалъ его путь, будетъ выходить духовенство съ крестами и святою водою. Это заставляло его безпрестанно снимать фуражку и прикладываться къ крестамъ, тогда какъ онъ для обереженія руки былъ весь обложенъ подушками и валькими.

Вслѣдствіе того государь приказалъ мнѣ вытребовать къ себѣ правившаго должность военнаго генералъ-губернатора графа Толстого и

Библиотека "Руниверс"

московскаго коменданта и сдѣлать имъ его именемъ строгій выговоръ. Послѣ обѣда я доложилъ его величеству, что не могъ исполнить полученнаго приказанія, потому что и Толстой и комендантъ предупреждали духовенство не дѣлать такой встрѣчи, которая въ обычаѣ единственно при въѣздѣ императора въ Москву передъ коронаціею; но митрополитъ, вопреки тому, именно велѣлъ всѣмъ причтамъ встрѣтить государя у церковныхъ папертей, въ томъ предположеніи, что это будетъ принято знакомъ благоговѣйнаго сочувствія къ выздоровленію монарха.

— Такъ вымой голову митрополиту,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Государь обѣщалъ намъ отдохнуть въ Москвѣ нѣсколько времени и потомъ останавливаться въ дорогѣ на каждую ночь; но его нетерпѣніе взяло верхъ, и я получилъ приказаніе сготовиться къ отъѣзду не далѣе, какъ на слѣдующій день. Утромъ, отслушавъ обѣдню въ домовой церкви и принявъ графа П. А. Толстого (правившаго должность военнаго генералъ-губернатора) и князя С. М. Голицына (предсѣдателя опекунскаго совѣта, весьма любимаго императорскимъ домомъ), государь сѣлъ въ коляску опять одинъ и, отъѣзжая, сказалъ мнѣ, что будетъ обѣдать на второй станціи отъ Москвы. Вмѣсто того, прибывъ на эту станцію, онъ немедленно потребовалъ лошадей и, нигдѣ не останавливаясь, примчался въ Царское Село такъ скоро, что при всей прыти мы поспѣли туда уже часомъ послѣ него. Императрица и вся царственная семья несказанно обрадовались внезапному появленію своего больного, а самъ онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, что отдѣлался отъ несноснаго Чембара и могъ снова обнять всѣхъ своихъ. Когда я пришелъ во дворецъ, всѣ уже сидѣли вмѣстѣ за столомъ. Меня тотчасъ позвали въ столовую, и императорская чета поблагодарила меня отъ полноты сердца: государь за всѣ мои заботы о немъ въ продолженіе этого несчастнаго путешествія, а императрица за то, что я привезъ ей ея супруга.

Государь провелъ въ Царскомъ Селѣ безвыѣздно двадцать дней. 8-го октября онъ съѣздилъ въ Петербургъ, но только на двое сутокъ, и потомъ, вернувшись обратно въ осеннюю свою резиденцію, оставался тамъ до 7-го ноября, медленно оправляясь отъ послѣдствій своего паденія...

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Переѣздъ двора въ Москву.—Прибытіе цесаревича Константина Павловича.—Коронація императора Николая Павловича.—Милости и облегченія по случаю коронаціи.—Реформа въ придворномъ вѣдомствѣ.—Награды.—Отъѣздъ цесаревича Константина Павловича. — Письма его къ императору Николаю и Лагарпу.—Коронаціонныя празднества.—Отношенія императора Николая къ А. С. Пушкину. — Бенкендорфъ и Пушкинъ. — Поэтъ Полежаевъ.— Нерасположеніе государя къ А. П. Ермолову.—Запутанность дѣлъ въ Грузіи.— Посылка на Кавказъ генералъ-адъютанта Паскевича.—Разрывъ съ Персіей.— Побѣда подъ Елисаветполемъ.— Интриги противъ Ермолова. — Аккерманская конвенція. — Сводъ мнѣній декабристовъ о внутреннемъ положеніи государства. — Назначеніе графа Кочубея предсѣдателемъ комитета министровъ.— Указъ о народномъ образованіи.—Цензурный уставъ.—Посѣщеніе государемъ сената. — Назначеніе великаго князя Михаила Павловича командующимъ гвардейскимъ корпусомъ.—Его требовательность и горячность. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Графъ Аракчеевъ. — Его письмо императору Николаю Павловичу.—Увольненіе Аракчеева отъ управленія военными поселеніями.—Исторія съ письмомъ императора Александра.—Паденіе Магницкаго и Рунича. . . . 39

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Пріѣздъ въ Петербургъ цесаревича Константина Павловича. — Заботы императора Николая Павловича о возрожденіи флота. — Образованіе морского министерства. — Рожденіе великаго князя Константина Николаевича. — Переписка государя съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.— Посылка на Кавказъ барона Дибича. — Увольненіе Ермолова. — Назначеніе новыхъ министровъ: графа Чернышева военнымъ, князя Долгорукова юстиціи и Закревскаго внутреннихъ дѣлъ. — Письма Ермолова къ Погодину и Устрялову.—Военныя дѣйствія въ Персіи.—Взятіе Эривани.—Переговоры Паскевича съ Аббасъ-Мирзой.—Заключеніе мира въ Туркманчаѣ.—Награды Паскевичу.— Отношенія къ нему государя.—Отношенія цесаревича Константина Павловича къ Ермолову.—Польскія тайныя общества 86

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Греческія дѣла.—Лондонскій договоръ.—Истребленіе турецкаго флота при Наваринѣ.—Послѣдствія Наваринской битвы.—Разрывъ съ Турціей.—Переписка государя съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ по поводу участія въ военныхъ дѣйствіяхъ польской арміи.—Отъѣздъ императора Николая Павловича въ дѣйствующую армію.—Учрежденіе временной верховной комиссіи.—Планы военныхъ дѣйствій противъ Турціи.—Составъ дѣйствующей арміи. 103

ГЛАВА ПЯТАЯ. Открытіе военныхъ дѣйствій противъ Турціи. — Возвращеніе запорожцевъ, бѣжавшихъ за Дунай.—Многовластіе въ арміи.—Переправа черезъ Дунай.—Некрасовцы.—Покореніе придунайскихъ крѣпостей.—Взятіе Анапы.— Осада Варны. — Движеніе арміи къ Шумлѣ. — Безцѣльныя операціи противъ Шумлы. — Отъѣздъ императора Николая Павловича въ Одессу. — Неудачи. —

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

СТРАН.

Неудовольствія государя противъ главнокомандующаго, графа Витгенштейна.— Возвращеніе государя въ лагерь подъ Варной. — Сдача Варны. — Окончаніе кампаніи.—Опасный переѣздъ государя въ Одессу на кораблѣ «Императрица Марія».— Возвращеніе въ Петербургъ.— Расположеніе арміи на зимнія квартиры.—Побѣды Паскевича въ Азіатской Турціи.—Взятіе Карса.—Болѣзнь и кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Принцъ Евгеній Виртембергскій.— Учрежденіе IV Отдѣленія собственной его величества канцеляріи 127

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Планъ кампаніи 1829 года. — Записка П. В. Васильчикова. — Засѣданіе особаго Комитета.— Увольненіе графа Витгенштейна.— Назначеніе главнокомандующимъ Дибича. — Начало военныхъ дѣйствій. — Занятіе Эрзерума.— Коронованіе императора Николая Павловича въ Варшавѣ.— Поѣздка государя въ Берлинъ. — Возвращеніе въ Варшаву. — Побѣда при Кулевчѣ. — Подвигъ Козарскаго.—Сдача фрегата «Рафаилъ».—Поѣздка государя по Россіи.—Взятіе Силистріи.—Пріѣздъ въ Петербургъ персидскаго принца Хозревъ-Мирзы. — Учрежденіе особаго секретнаго Комитета. — Переходъ черезъ Балканы. — Занятіе Адріанополя. — Заключеніе мира съ Турціей. — Награды по этому случаю. — Мнѣнія объ Адріанопольскомъ договорѣ. — Болѣзнь императора Николая Павловича.—Ея благополучный исходъ. 192

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Турецкое посольство въ Петербургѣ.—Аудіенція Галиль-паши у государя. — Записка, составленная по этому случаю. — Бесѣда государя съ Галиль-пашей передъ его отъѣздомъ. — Осмотръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ военныхъ поселеній. — Неожиданный пріѣздъ государя въ Москву.—Выставка мануфактурной промышленности.—Возвращеніе государя въ Петербургъ.—Созваніе польскаго сейма.—Пребываніе государя въ Варшавѣ.— Рѣчь императора представителямъ Польскаго королевства.—Отъѣздъ государя изъ Варшавы.—Холера.—Государственный переворотъ во Франціи.—Бесѣда государя съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, барономъ Бургоэномъ.— Поѣздка въ Финляндію.—Аудіенція барона Бургоэна у государя.—Политическая переписка императора Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.—Письма графа Дибича въ Берлинъ.—Письмо государя французскому королю.—Поѣздка въ Москву.—Бельгійская революція.—Политическая исповѣдь императора Николая Павловича.—Приготовленія къ войнѣ и дипломатическіе переговоры.—Возмущенія въ Варшавѣ.—Отступленіе цесаревича Константина Павловича изъ Варшавы.—Польскіе депутаты у государя.—Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ дѣйствующей арміи противъ поляковъ . 265

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Манифестъ о войнѣ.— Начало военныхъ дѣйствій.— Нерѣшительность графа Дибича. — Гроховское сраженіе. — Неудовольствіе государя медленностью Дибича. — Письма его по этому поводу. — Записка императора Николая Павловича о новомъ раздѣлѣ Польши.—Записка о польскихъ дѣлахъ Паскевича.—Кончина графа Дибича.—Назначеніе главнокомандующимъ графа Паскевича.— Тягостное положеніе цесаревича Константина Павловича.— Его кончина.—Холера въ Петербургѣ.—Уличные безпорядки.—Государь усмиряетъ народъ на Сѣнной площади. — Прекращеніе холеры.— Бунтъ военныхъ поселянъ.—Поѣздка государя въ военныя поселенія.—Штурмъ и взятіе Варшавы.— Окончаніе польско-русской войны. — Взглядъ императора Николая Павловича на дальнѣйшія отношенія къ Польшѣ.—Поѣздка государя въ Москву.—Свиданіе съ Ермоловымъ.—Отобраніе экземпляровъ польской конституціи.—Кончина княгини Ловичъ. — Увольненіе Закревскаго и назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ Блудова. — Вліяніе польскаго возстанія на императора Николая Павловича. 333

ПРИМѢЧАНІЯ 401

ПРИЛОЖЕНІЯ 493

ДОПОЛНЕНІЯ 619

Библиотека "Руниверс"

ИЛЛЮСТРАЦІИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

Александра Ѳеодоровна, императрица.

— Въѣздъ ея въ Москву. Съ литографіи того времени. Стр. 13.

— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 89.

— Съ гравюры Райта. Стр. 93.

— На верхней террасѣ Ольгина острова въ Петергофѣ. Съ сепіи съ натуры Чернышева. Стр. 105.

— На парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Стр. 169.

— Съ литографіи Гольдбаха, сдѣланной съ портрета Разумихина. Стр. 385.

— Вмѣстѣ съ великими княжнами Ольгой, Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Александра Николаевна, великая княжна. Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Стр. 131.

— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Маріей Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Александръ Николаевичъ, цесаревичъ, обозрѣвающій маневры изъ павильона Дудергофскаго дворца. Съ литографіи Иванова, сдѣланной съ картины Чернецова. Стр. 209.

— Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 217.

— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.

Аракчеевъ, графъ, Алексѣй Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Бенкендорфъ, графъ, Александръ Христофоровичъ (въ свитѣ императора Николая Павловича). Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.

Васильчиковъ, князь, Ларіонъ Васильевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Стр. 289.

Вилламовъ, Григорій Ивановичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 281.

Витгенштейнъ, графъ, Петръ Христіановичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ. Стр. 243.

Виттъ, графъ, Иванъ Осиповичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлереѣ» Зимняго дворца. Стр. 77.

Волконскій, князь, Петръ Михайловичъ (въ свитѣ императора Николая Павловича). Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевской залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.

Галиль-паша. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Histoire de Turquie». Стр. 313.

Гауке, графъ, военный министръ царства Польскаго. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Стр. 341.

Гейденъ, графъ, Логгинъ Петровичъ. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Стр. 241.

Гельмгутъ, генералъ польской арміи. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Стр. 335.

Грейгъ, Алексѣй Самойловичъ. Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ. Стр. 293.

Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Стр. 253.

Дибичъ-Забалканскій, графъ, Иванъ Ивановичъ. Съ портрета того времени, писаннаго масляными красками. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 353.

Долгоруковъ, князь, Алексѣй Алексѣевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Стр. 217.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 41.

Жомини, баронъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 249.

Закревскій, Арсеній Андреевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Ранделя. Стр. 221.

Канкринъ, графъ, Егоръ Францовичъ. Съ литографіи Мишелиса, сдѣланной съ портрета Крюгера. Стр. 225.

Каподистрія, графъ, Иванъ Антоновичъ. Съ гравированнаго портрета Милова, 1822 года. Стр. 307.

Карлъ X, французскій король. Съ гравюры Метцерони. Стр. 317.

Козарскій, Александръ Ивановичъ. Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Осокинымъ. Стр. 297.

Библиотека "Руниверс"

Кодрингтонъ, англійскій адмиралъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 237.

Константинъ Павловичъ, великій князь. Съ гравированнаго портрета Карделли. Стр. 19.

—— Поклоненіе его тѣлу. Факсимиле гравюры 1831 года. Стр. 367.

- -- Съ портрета, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 321.

Константинъ Николаевичъ, великій князь. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 89.

Конференція въ Аккерманѣ въ 1826 году. Съ литографіи того времени Кавея, сдѣланной съ картины Гульманделя. Стр. 49.

Кочубей, графъ, Викторъ Павловичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Стр. 53.

Лейхтенбергскій, герцогъ, Максимиліанъ. Съ литографіи того времени. Стр. 161.

Ливенъ, князь, Карлъ Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго масляными красками. Стр. 59.

Лобановъ-Ростовскій, князь, Дмитрій Ивановичъ. Съ портрета, принадлежащаго князю А. Е. Лобанову-Ростовскому. Стр. 213.

Любецкій. князь. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Стр. 325.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Библіографическимъ Запискамъ» 1892 года. Стр. 65.

Марія Ѳеодоровна, императрица. Кончина ея. Съ гравюры того времени П. Ѳедорова. Стр. 279.

Марія Николаевна, великая княжна. Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Стр. 129.

- --- Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Мармонъ, французскій маршалъ. Съ гравированнаго портрета Калена. Стр. 21.

Меншиковъ, князь, Александръ Сергѣевичъ. Съ литографіи Басина, сдѣланной съ портрета А. Брюлова. Стр. 193.

Михаилъ Павловичъ, великій князь.

—— Съ литографіи того времени. Стр. 177.

—— Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Стр. 185.

- -- Съ портрета, писаннаго Ладурнеромъ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 185.

- - Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.

Нессельроде, графъ, Карлъ Васильевичъ. Съ гравированнаго портрета Гоффмейстера. Стр. 25.

Николай Павловичъ, императоръ.

—— Съ литографіи Шмидта. Стр. 3.

—— Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры карандашемъ Крюгеромъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова). Стр. 3.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

— Въѣздъ его въ Москву. Съ литографіи того времени. Стр. 13.
— Съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 89.
— Въ формѣ прусскаго кирасирскаго его имени полка. Съ портрета, приложеннаго къ исторіи полка, изданной въ 1842 году. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 129.
— Съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Съ литографіи того времени. Стр. 161.
— На охотѣ. Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. П. Щукина въ Москвѣ. Стр. 165.
— Съ императрицей Александрой Ѳеодоровной на парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Стр. 169.
— Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Стр. 185.
— На денныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Стр. 197.
— На ночныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Стр. 201.
— На бивуакѣ. Съ литографіи Шварца. Стр. 205.
— Съ акварели съ натуры. Стр. 257.
— Переправа его черезъ Дунай въ 1828 году. Съ гравюры Петрова, сдѣланной съ рисунка Звѣрева. Стр. 259.
— Посѣщеніе имъ генералъ-адъютанта Сухозанета. Съ литографіи Корна. Стр. 377.
— Въѣздъ его въ Москву во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Стр. 379.
— Въ саняхъ на набережной Невы. Съ рисунка Тимма, сдѣланнаго съ картины Сверчкова. Стр. 381.
— Вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.
— Съ портрета масляными красками, писаннаго въ 1842 г. и принадлежащаго Н. Н. Буху. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 289.

Ольга Николаевна, великая княжна, вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Орловъ, графъ, Алексѣй Ѳедоровичъ. Съ гравированнаго портрета Турнера. Стр. 359.

Паскевичъ-Эриванскій, графъ, Иванъ Ѳедоровичъ.
— Съ гравированнаго портрета Киселева. Стр. 45.
— Съ портрета акварелью Эртингера. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 369.

Полежаевъ, Александръ Ивановичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Исторіи русской словесности» Полевого. Стр. 32.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета, писаннаго Кипренскимъ. Стр. 29.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ. Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Храбро-Василевской. Стр. 87.

Сакенъ, графъ. Фабіанъ Вильгельмовичъ. Съ рисунка съ натуры Киля. (Изъ собранія А. О. Думберга). Стр. 73.

Библиотека "Руниверс"

Сухозанетъ, генералъ. Посѣщеніе его императоромъ Николаемъ. Съ литографіи Корна. Стр. 377.

Толстой, графъ, Петръ Александровичъ. Съ рѣдчайшей гравюры Доу. Стр. 245.

Толь, баронъ, Карлъ Ѳедоровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 291.

Фонъ-Фокъ, Максимъ Яковлевичъ. Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Стр. 285.

Хозревъ-Мирза. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 301.

Храповицкій. Матвѣй Евграфовичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлереѣ» Зимняго дворца. Стр. 291.

Чернышевъ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 81.

Шаховской, князь, Иванъ Леонтьевичъ. Съ литографіи Поля. Стр. 69.

Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ. Съ миніатюры, принадлежащей Н. К. Шильдеру. Стр. 275.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры въ альбомъ С. Д. Пономаревой. Стр. 57.

Эссенъ, графъ, Петръ Кирилловичъ. Съ литографіи того времени. Стр. 369.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Варна, крѣпость; видъ ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры генерала К. А. Шильдера. Стр. 267.

— Взятіе ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 269.

Варшава.

— Дворецъ въ Лазенкахъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 321.
— Дворецъ намѣстника. Съ гравюры прошлаго столѣтія. Стр. 323.

Москва.

— Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны. Съ литографіи того времени. Стр. 13.
— Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Стр. 379.
— Кремль въ началѣ XIX столѣтія. Съ акварели того времени, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 97.

Петербургъ.

— Эрмитажъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Стр. 109.
— Полицейскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 121.
— Марсово поле въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 133.
— Симеоновскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 145.

Библиотека "Руниверс"

— Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 181.
— Соборъ Спаса Преображенія. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Стр. 309.
— Сѣнная площадь въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Гаузера. Стр. 373.
— Дворцовый мостъ и набережная Васильевскаго острова въ 1806 году. Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 208.

Петергофъ.

— Императорское семейство въ Монплезирѣ. Съ литографіи Бегрова. Стр. 99.
— Ольгинъ и Царицынъ острова. Съ акварели Шарлеманя. Стр. 101.
— Верхняя терраса Ольгина острова. Съ сепіи Чернышева. Стр. 105.

Рущукъ, крѣпость: видъ съ русской батареи въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 261.

Шумла, крѣпость. Видъ ея въ 1828 году. Съ акварели того времени. Стр. 273.

Эрзерумъ. Взятіе его въ 1829 году. Съ литографіи Гостейна, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 305.

Вступленіе русской арміи въ Адріанополь 8-го августа 1829 года. Съ рисунка съ натуры очевидца. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 305.

Входъ въ Наваринскую бухту. Съ рисунка Вебера. Стр. 233.

Битва при Наваринѣ. Съ рисунка тушью того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 235.

Бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году. Съ картины того времени. Стр. 389.

Заключеніе мира въ Туркманчаѣ 10 февраля 1828 года. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. Стр. 229.

Обученіе рекрутъ въ Николаевское время. Съ рисунка А. Васильева. Стр. 173.

Посѣщеніе императорскимъ семействомъ тоней противъ Каменнаго острова въ Петербургѣ. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Стр. 157.

Публичное объявленіе о коронаціи императора Николая I въ Москвѣ. Съ литографіи того времени Куртена. Стр. 9.

Польское возстаніе 1830—1831 годовъ.

— Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ. Съ акватинты Дитриха. Стр. 329.
— Медовая улица 17 ноября 1830 г. Съ акватинты Дитриха. Стр. 337.
— Взятіе инсургентами тюрьмы въ Варшавѣ. Съ акватинты Дитриха. Стр. 339.
— Мостъ Собіесскаго въ Лазенкахъ. Съ акватинты Дитриха. Стр. 343.
— Бельведеръ 17 ноября 1830 года. Съ акватинты Дитриха. Стр. 347.
— Арсеналъ 17 ноября 1830 г. Съ акватинты Дитриха. Стр. 353.
— Засада. Эпизодъ изъ войны 1831 г. Съ акварели Зауервейда. Стр. 355.
— Штурмъ укрѣпленія Воли 25 августа 1831 года. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной по рисунку Тимма. Стр. 363.

Свиданіе графа Паскевича съ наслѣдникомъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирзой, въ Дейкарганѣ, въ 1828 году. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 249.

Библиотека "Руниверс"

Семейство императорское въ Монплезирѣ въ Петергофѣ. Съ литографіи Бегрова. Стр. 99.

Сраженіе при Гроховѣ въ 1831 году. Съ польской литографіи того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 337.

Типы петербургскіе въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ рисунковъ съ натуры Щедровскаго. (Изъ собранія П. И. Ваулина).

— Въ пивной. Стр. 113.
— Разносчики. Стр. 117.
— Шарманщики. Стр. 137.
— Швейцаръ и продавецъ щетокъ. Стр. 141.
— Дворникъ и почталіонъ. Стр. 149.
— Мастеровые. Стр. 153.

Факсимиле.

— Заглавный листъ книги «Собраніе портретовъ», изданной въ 1825 г. Стр. 187.
— Заглавный листъ «Мѣсяцеслова» на 1826 годъ. Стр. 189.

Форма офицеровъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка въ 1826 году. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной съ рисунка Теребенева. Стр. 171.

Автографы.

I.

Письмо великаго князя Константина Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Ma tres chere Maman!

Je me mets tres humblement a Vos pieds pour Vous remercier des nouvelles que Vous daignés me doner de ma Soeur, grace a Dieu que le tout va bien et j'espere que dans peu notre malade sera parfaitement retablie. Dieu voit combien je le desire. C'est a 7 heures du soir, ma tres chere Maman, que j'ai eu le bonheur de recevoir Votre lettre consolative et je Vous l'avourai que d'impatience j'ai envoyé a une heure un homme a moi pour avoir de nouvelles. Pardonés moi mon impatience mais il sagit de Cateau. Demain j'aurai le bonhhur de me presenter a Vous, ma tres chere Maman, ver les deux heures et j'aurai de mème le bonheur de Vous remercier de vive voix pour Votre gracieux souvenir.

C'est avec le devouement le plus sincere et le respect le plus profond que j'ai l'honneur d'etre

Ma tres chere Maman

Votre très humble, tres obeissant et tres fidel fils

Contantin.

Strelna
le 22 Aout
810
7 heures du soir.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

Библиотека "Руниверс"

II.

Письмо князя А. Н. Голицына князю П. М. Волконскому.

Mon Prince.

D'après les ordres de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth, que vous m'avez communiqués, j'ai pris les renseignemens necessaires sur la manière de faire la donation de Kamennoi Ostroff au Grand-Duc Michel.

D'après l'acte de la Famille Impériale toute affaire de Famille doit être adressée a l'Empereur qui la termine par un rescript ou un oukaze; par consequent il me semble que si Sa Majesté l'Impératrice voulait ecrire une lettre a l'Empereur en l'informant qu'Elle a disposé de Kamennoi Ostroff en faveur du Grand-Duc et priant Sa Majesté de donner Ses ordres en conséquence l'Empereur alors donnera un oukaze a la Гофъ-интендантская pour qu'elle remette Kamennoi Ostroff d'après la volonté de l'Impératrice au Grand-Duc.

Pour ce qui concerne la volonté de l'Impératrice que l'entretien de Kamennoi Ostroff ne soit pas a charge au Grand-Duc et qu'il soit assigné sur des 400 m Roubles offerts en augmentation des 600 m R. de l'argent de Poche de Sa Majesté—j'ai eu l'honneur d'en faire mon rapport a l'Empereur. Sa Majesté m'a chargé de faire les dispositions necessaires pour cela en y ajoutant qu'Il se faisoit un plaisir de remplir les ordres de l'Impératrice Elisabeth et qu'il veut etre toujours le caissier pour ces 400 m Roubles.

J'aurai l'honneur de vous informer combien il faudra pour l'entretien de Kamennoi Ostroff. Agreez je vous prie en meme tems l'expression des sentimens les plus distingués de votre tout devoué

serviteur le Prince
Alexandre Galitzin.

St Petersbourg
le 16 fevrier 1826.

P.S. L'Empereur m'a chargé encore de vous ecrire sur Monsieur Longuinoff. Il voudrait savoir, si Sa Majesté l'Imperatrice trouverait bon que l'Empereur lui confere l'ordre de St. Anne de la 1-re classe. Si vous trouverez une occasion favorable de me mettre aux piés de l'Imperatrice vous m'obligerez infiniment.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 65).

III.

Записка А. П. Ермолова.

D'après les détails de l'engagement que le detachement de la compagnie eut avec l'ennemi, je crois voir que les soldats, peu confiants dans leur nombre, ont du se conduire de manière à ne pas vous rendre très content d'eux ainsi que moi. Une ou deux rencontres sans succès peuvent gater l'esprit des autres et vous ne réussirés pas à le remettre facilement. Ce n'est pas à un Timmermann de commander un bataillon, qui, en but à un ennemi rusé, exige un chef actif, entreprenant et capable de faire observer l'ordre nécéssaire avec exactitude et severité.

Yermoloff.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 81).

Библиотека "Руниверс"

IV.

Письмо М. М. Сперанскаго В. В. Шнейдеру.

En vous remettant les livres que vous avez bien voulu me prêter et en y ajoutant les memoires de Bourienne, je vous proposerais, monsieur, de venir partager avec moi mon diner de gruau à 4 heures et nous parlerons de la philosophie de Platon. Agreez mes hommages.

Speransky.

Samedi.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 113).

V.

Письмо Д. П. Рунича А. Д. Балашеву.

Позвольте мнѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство о благосклонномъ извѣщеніи меня, въ какой день и въ которомъ часу могу имѣть честь быть у васъ, не разстроивая обыкновенныхъ занятій вашихъ? Я имѣю неотложную надобность въ личномъ объясненіи съ вами; памятуя всегда лестное для меня расположеніе, коего удостоивать меня изволили, и пребывая съ глубокопочитаніемъ и преданностію

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга.
Дмитрій Руничъ.

С. Петербургъ.
27 Декабря
1834 года.

Отвѣтъ А. Д. Балашева Д. П. Руничу.

А. Д. Балашевъ, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе Его Превосходительству Дмитрію Павловичу, честь имѣетъ увѣдомить, что завтрешній день собирается въ путь въ Рязанскую свою деревню.

30 Декабря 1834.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 145).

VI.

Письмо М. Л. Магницкаго Д. П. Руничу.

Благодарю, любезнѣйшій Дмитрій Павловичъ, за дружеское ваше участіе. Вчера въ вечеру очень плохо приходило. Средства мои однакожъ помогли; а сегодня долѣчилъ меня К. Ал. Ник. увѣдомя, что Государь приказалъ Гурьеву сегодня же поднести указъ о той землѣ. которую я просилъ. Я знаю, что вамъ будетъ сіе пріятно. и потому сообщаю.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 153).

Библиотека "Руниверс"

VII.

Письмо графа А. И. Чернышева императору Николаю Павловичу.

Sire.

Privé du bonheur le plus inapréciable à mon coeur, celui de combattre sous Vos yeux et de donner à Votre Majesté Impériale de nouvelles preuves de dévouement sur le champ de bataille: qu'il me soit permis du moins, de porter à Vos pieds, Sire, mes félicitations et mes voeux ardents, à l'occasion du 25 Juin!

Je n'ai point profité jusqu'à ce moment, de la permission que Votre Majesté a daigné m'accorder de lui écrire, parceque l'état satisfaisant de la marche des affaires et l'esprit calme et tranquile de Pétersbourg ne m'ont point fourni de sujet assez intéressant pour être porté à sa connoissance. Tout ce que je puis dire à ce sujet, c'est que tous et chacun en particulier, pénétrés du sentiment de leur devoir et de l'esprit de Votre Majesté, travaillent avec accord et confiance et redoublent de zèle, pour continuer l'activité et l'énergie, que Votre Majesté Impériale a su imprimer à l'expédition des affaires.

On est ivre de joie ici, de l'heureux début de la campagne et du brillant passage du Danube; les sentimens d'attachement à Votre Personne, Sire, et de l'honneur national se développent de la manière la plus honorable; toutes les pensées et tous les voeux Vous accompagnent et l'on se croit en droit de tout attendre des glorieux travaux de Votre Majesté et de sa brave armée! Il n'y a que la contenance des étrangers qui contraste singulièrement avec la joie générale; ils paroissent effrayés et jaloux et du succés qui accompagne toutes les entreprises de Votre Majesté et de l'unanimité des voeux et des pensées qu'ils voyent régner ici.

Après Vous avoir porté, Sire, le plus grand sacrifice de ma vie, je ferai tout ce qui sera humainement possible, pour me rendre digne de Votre confiance dans la pénible sphère d'activité où il Vous a plu de me placer.

Je suis avec le plus profond respect Sire
de Votre Majesté Impériale
Le sujet le plus dévoué

C-te A. Czernicheff.

Ce 13. Juin 1828.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 161).

VIII.

Черновой отпускъ письма императора Николая графу Чернышеву, писанный Д. В. Дашковымъ, съ собственноручной припиской государя.

C'est parfait, mais je vous prie de croire que je serai fort ambarassé si je devais composer une lettre aussi bien ecrite; всякое дѣло мастера боится.

Je vous remercie, mon cher Comte, pour la lettre affectueuse que vous m'avez adressée en date du 13 Juin et que j'ai lue avec un veritable plaisir. J'apprécie le sacrifice que vous Me faites de vos inclinations en demerant éloigné du champ des bataille. Mais un homme vraiement devoué a son pays le sert partout avec le même zèle, quel que soit le cercle d'activité qu'il se trouve appeler à remplir. Moi meme. premier serviteur de notre patrie commune, je lui offre souvents de pareils sacrifices. D'ailleurs votre reputation militaire est si bien et depuis si longtemps etablie parmi vos compagnons d'armes, que la

Библиотека "Руниверс"

conviction de l'utilité réelle dont votre presence et vos travaux Me sont a Petersbourg, doit vous satisfaire pleinement.

Je suis tres content du temoignage que vous Me rendez sur le zele des employés de l'Etat et sur la tranquillité qui regne dans la capitale. L'attitude des etrangers et les sentiments qui les animent Me sont assez indifferens, comme vous le savez fort bien; les voeux de ceux qui j'estime Me suffisent.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 169).

IX.

ПРИКАЗЪ РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ.

Миръ съ Персіею, славный и полезный Отечеству, не положилъ еще конца знаменитымъ подвигамъ Россійскаго воинства. Брань справедливая прекращена съ одной стороны: но съ другой предстоитъ намъ новая брань, столько же справедливая, для защиты чести нашей и правъ, купленныхъ цѣною крови Русской. Великодушное терпѣніе Благословеннаго Александра было уже истощено враждебными поступками Турецкаго Правительства: нынѣ сіе Правительство преисполнило мѣру и явно сложило съ себя личину дружелюбія, едва утвердивъ миръ священнѣйшими клятвами. Мы идемъ пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ.

Воины! сражаясь съ народами просвѣщенными, искусными въ битвѣ, вы пріобрѣли славу неувядаемую, не одною храбростію побѣждая, но и благодушіемъ. Безотвѣтное повиновеніе Начальникамъ, строгое соблюденіе порядка и милосердіе къ побѣжденнымъ, были всегда отличительною чертою Русскихъ ратниковъ. Отъ того мирные граждане вездѣ столь же радовались вашему пришествію, и вами побѣжденные именовали васъ избавителями. Вы сохраните и нынѣ сію драгоцѣнную славу: простирая дружелюбно руку къ единовѣрцамъ нашимъ, поражайте строптивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ; щадите достояніе, домы и самые храмы враговъ, хотя и другую вѣру исповѣдающихъ. Такъ велитъ наша вѣра, Святое ученіе Спасителя! Преклонившій къ себѣ кротостію и человѣколюбіемъ ожесточенныхъ, защитившій сироту и вдовицу—наравнѣ съ храбрѣйшимъ въ боѣ будетъ близокъ къ Моему сердцу.

Воины Русскіе! Вы не обманете Моихъ ожиданій. Съ нами Богъ, вѣнчающій побѣдами доблесть и правду!

На подлинномъ подписано
Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Николай.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 14 дня 1828 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 193).

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

X.

Письмо графа И. Ѳ. Паскевича графу Симоничу.

Mon cher Conte, je vous remercie de votre lettre. Je suis extrememens contemp de tout vos disposition, aies du pin pour votre detachement au moin pour 6 ou 7 jours. Peut etre je viendre vous rejoindre, autremens vous marcheré sur le grand chemin de Trapesonde et de la vous fairai votre retrete, sur Beibourt. tout nos bagage iron tout drois sur cette route, a Dieu je vous remerçie beaucoup.

Votre tres humble serviteur.

C: Jean Paskevitch d'Erivan.

1829 le 15 d'Aou.
Camp de temlia.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 201).

XI.

Факсимиле первой страницы статута ордена св. Анны 1829 года.

Божіею поспѣшествующею милостію

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій:

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Нова-города Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія земли, и Армянскія области; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 219).

XII.

Письмо графа И. И. Дибича барону Б. К. Тизенгаузену.

Geliebter Schwager.

Herzlichen dank für deine Briefe u. die Beweise der Freundschaft die sie enthalten Verzeihe mir wenn ich dir nur in wenig Zeilen antworte. Herzlich freut es mich das du mit deiner Lage zufrieden scheinst: ich hoffe dasz dies auch zukünftig der Fall sein

Библиотека "Руниверс"

wird. Da ich nicht weiss ob Balitsky noch in Witebsk ist u. im Gegentheil glaube dasz er sich Wilna genähert gaben wird so bitte den Feldjäger Fürsten Nikolaus Chovansky zur Bestellung zu geben wenn du nicht in Witebsk.

Lebe wohl.

Dein treuer Schwager u.

Freund I. Dibitsch-Sabalkansky.

Kleschevo bei Pultusk
d. 25 May 1831.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 273).

XIII.

Факсимиле трехъ печатныхъ стихотвореній Д. П. Рунича.

I.

На побѣды Русскихъ

въ Польшѣ.

Возмнилъ Ляхъ буйный, вѣроломный
Измѣной Россовъ устрашить:
Скрывая въ сердцѣ духъ къ нимъ злобный,
Мечталъ ихъ кровью мечь острить.
Но кто сражалъ сыновъ Беллоны?
Кто Россовъ удержалъ полетъ!
Что нѣтъ ихъ мужеству препоны,
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.
И въ полѣ, и въ окопахъ, равныхъ
Себѣ не встрѣтилъ храбрый Россъ!
Съ времянъ непамятныхъ и давныхъ,
Среди побѣдъ, гигантъ возросъ.
Когда сыны Героевъ—Славы,
Кѣмъ, гдѣ они побѣждены?
Основы Росскія Державы
Мечами ихъ утверждены.
И сжели ихъ силы ратны
Могла судьба остановить,
Умѣли груди ихъ булатны
Гранитны стѣны проломить.
И Сену и Дунай смирили,
И Альпы, и Кавказъ прешли;
Являлись гдѣ,—все покорили,
И въ храмъ безсмертія вошли.

Д. Руничъ.

С. Петербургъ.
18 Сентября 1831.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

II.

На побѣды

князя Варшавскаго.

Отъ Эривана до Варшавы
Побѣдъ твоихъ промчался слухъ,
И что потомки Росской славы
Съ тобой явили предковъ духъ!
Не лавры ихъ, сей слухъ докажетъ,
Побѣды, храбрость, ихъ удѣлъ:
И штурмъ Варшавскій лишь покажетъ,
Что мужеству ихъ—смерть предѣлъ.

Д. Руничъ.

С. Петербургъ.
13 Сентября 1831.

III.

Къ портрету

князя Варшавскаго

графа

Паскевича-Эриванскаго.

Гнѣздо предательства, измѣны,
Онъ въ основаньи разгромилъ,
Чтожъ въ духѣ Русскихъ нѣтъ премѣны,
Варшавскимъ штурмомъ подтвердилъ!

Д. Руничъ.

С. Петербургъ
6 Сентября 1831.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 377).

XIV.

Карантинный билетъ.

БИЛЕТЪ

Отъ Начальника Вышневолоцкаго Карантина.

Объявитель сего Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Буткова дворовой человѣкъ Петръ Каревъ въ Вышневолоцкомъ Карантинѣ выдержалъ опредѣленной 14-ти дневный терминъ и выпущенъ изъ Карантина 20-го числа Генваря мѣсяца 1831 года въ благополучномъ состояніи.

Генералъ-Маіоръ Набоковъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 385).

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СОЧ. Н. К. ШИЛЬДЕРА «ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ».

(Крупныя цифры обозначаютъ страницы текста, мелкія — страницы примѣчаній).

А.

Абакумовъ, Андрей Ивановичъ, сенаторъ 1770 — 1841 г., т. II, 114, 159, 179, 428, 437, 533, 534, 539.

Аббасъ-Мирза, персидскій военачальникъ, т. II, 27, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 212, 241, 420.

Абердинъ, Джорджъ-Гамильтонъ-Гордонъ, графъ, англійскій дипломатъ 1784—1860 г., т. II, 249, 641.

Абдулъ-Кадиръ, Бей, т. II, 459.

Августа, принцесса саксенъ-веймарская, впослѣдствіи супруга императора германскаго Вильгельма I, т, I, 494; т. II, 226.

Августинъ, архіепископъ московскій, 1766—1818 (А. В. Виноградскій), т. I, 72.

Августъ, принцъ прусскій, т. II, 743.

Авраамъ (А. И. Шумилинъ), архіепископъ ярославскій, † 1844 г., т. I, 671.

Аврамовъ, полковникъ Казанскаго полка, декабристъ, т. I, 242, 629, 659, 676, 695, 701, 736.

Аврамовъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 697, 702, 742.

Ага, графъ, французскій дипломатъ, т. II, 226.

Ададуровъ, Алексѣй Петровичъ, тайный совѣтн., сенаторъ, 1758—1835 г., т. I, 671.

Адальбертъ, принцъ прусскій, т. II, 743.

Аделунгъ, Фридрихъ Павловичъ, 1768—1843, преподавалъ имп. Николаю I нѣмецкій, латинскій и греческій языки, — историкъ, археологъ, т. I, 27, 32, 34.

Фонъ-**Аделькасъ**, Эмануилъ Богдановичъ, псковскій губернаторъ, т. II, 14.

Адлербергъ, Владимиръ Ѳедоровичъ, графъ, 1790—1884, товарищъ дѣтства имп. Николая, — впослѣдствіи министръ императорскаго двора, т. I, 6, 20, 26, 31, 46, 85, 100, 182, 186, 254, 285, 287, 475, 484, 497, 498, 501; т. II, 150, 174, 232, 310, 391, 412, 415, 415, 419, 439, 452, 457, 463, 517, 532, 559, 560, 670, 758, 759, 761.

Адлербергъ, Юлія Ѳедоровна, гувернантка имп. Николая I, т. I, 4, 6, 16, 26.

Акулова, Е. А., т. II, 567.

Акуловъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 677, 700, 702, 749.

Алединскій, Александръ Павловичъ, генералъ, кавалеръ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, т. I, 28, 41, 477.

Александра Николаевна, вел. княгиня 1825—1844 г., т. I. 170; т. II, 654, 739.

Александра Павловна, великая княжна, впослѣдствіи эрцгерцогиня австрійская,

Библиотека "Руниверс"

супруга эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго. † 1801 г., т. I, 3, 473; т. II, 718.

Александра Ѳеодоровна, императрица 1798—1860 г., т. I, 47, 58, 60, 61, 64, 76, 83, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 96, 98, 99, 108, 110, 111, 112, 114, 116, 118, 120, 146, 147, 148, 156, 158, 159, 160, 162, 170, 179, 183, 184, 193, 292, 294, 356, 474, 478, 481, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 503, 582, 591, 594, 606, 610, 613, 635; т. II, 8, 13, 120, 124, 130, 156, 216, 224, 228, 272, 384, 388, 431, 437, 620, 666, 698, 702.

Александръ I, императоръ 1777—1825 г., т. I, 2, 3, 6, 14, 15, 31, 34, 36, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 66, 72, 74, 76, 78, 80, 84, 87, 88, 92, 94, 96, 98, 100, 106, 108, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 131, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 184, 187, 188, 191, 192, 193, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 208, 210, 212, 213, 215, 216, 219, 220, 221, 222, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 233, 235, 236, 244, 245, 251, 252, 253, 254, 255, 262, 264, 266, 281, 295, 296, 304, 306, 309, 310, 311, 312, 319, 322, 324, 325, 333, 347, 349, 350, 353, 354, 355, 358, 359, 363, 364, 376, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 394, 395, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 412, 418, 419, 420, 422, 426, 436, 437, 446, 450, 454, 461, 462, 464, 473, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 482, 484, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 508, 517, 519, 524, 526, 528, 529, 532, 536, 541, 545, 566, 573, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 603, 606, 607, 608, 612, 617, 620, 635, 641, 642, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 665, 705; т. II, 7, 8, 16, 23, 31, 35, 37, 39, 40, 43, 46, 47, 50, 53, 60, 63, 64, 74, 79, 80, 98, 112, 115, 117, 122, 125, 188, 196, 212, 213, 214, 217, 222, 226, 227, 228, 241, 260, 264, 268, 277, 280, 287, 299, 303, 334, 345, 380, 382, 383, 386, 390, 409, 410, 412, 432, 443, 449, 488, 489, 493, 494, 496, 500, 502, 511, 512, 513, 517, 530, 566, 580, 581, 624, 649, 656, 675, 676, 685, 686, 687, 688, 690, 706, 707, 716, 718, 720, 721, 733, 735.

Александръ II, императоръ, 1818—1881 г., т. I, 70, 112, 114, 122, 156, 164, 256, 293, 437, 448, 475, 489, 491, 498, 535, 541, 634, 644; т. II, 67, 124, 216, 219, 228, 230, 374, 402, 619, 627, 628, 635, 683, 691, 692, 693, 697, 744, 746, 749.

Александръ, герцогъ виртембергскій, ген. отъ кав. русск. служб., членъ госуд. сов., авторъ «Записокъ», † 1833 г., т. I, 304.

Александръ, принцъ гессенскій, 1823—1888 г., т. II, 620.

Алопеусъ, Давидъ Максимовичъ, графъ, дипломатъ, 1769—1831 г., т. II, 507.

Альбедиль, Петръ Романовичъ, баронъ, оберъ-гофмейстеръ, 1770—1831 г., т. I, 85.

Альбрехтъ, Александръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, род. 1788 г., т. I, 132.

Альбрехтъ, принцъ прусскій, младшій братъ императрицы Александры Ѳеодоровны, т. II, 272, 275.

Амалія, принцесса баденская, сестра императрицы Елизаветы Алексѣевны, т. I, 477.

Амвросій, архіепископъ московскій и калужскій, † 1771 г., т. I, 766.

Амуратъ II, турецкій султанъ. 1421—1451 г., т. II, 439.

Ангулемскій, герцогъ, Луи-Антуанъ Бурбонъ, 1775—1844 г., т. II. 286.

Андреевичъ 2-й, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 674, 691, 700, 725.

Андреевъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 698, 702, 744, 751.

Анна Павловна, великая княжна, впослѣдствіи супруга Вильгельма II, короля нидерландскаго, т. I, 13, 14, 26, 28. 38, 59, 64, 78, 81, 476, 494, 550. 554.

Анна Ѳеодоровна, 1-я супруга цесаревича Константина Павловича, 1781—1860 г., т. I, 127, 131, 476.

Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, литературный критикъ и біографъ, 1812—1887 г., т. II, 15, 405.

Анненковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 677, 693, 701, 731, 751, 753.

Ансильонъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 1767—1837 г., т. II, 672, 673. 674.

Антонинъ, Маркъ-Аврелій, императоръ римскій, философъ-стоикъ, (121 — 180 г.), т. I, 114.

Антроповъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 774.

Апоньи, графъ, австрійскій дипломатъ, т. II, 504.

Апраксинъ, Владимиръ Степановичъ, графъ, генералъ-майоръ, 1796—1833 г., т. II, 310.

Апраксинъ, графъ, Степанъ Ѳедоровичъ, генералъ-майоръ, † 1830 г., т. I, 284.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ, 1768 — 1836 г., ген. отъ инф., любимецъ имп. Александра I, т. I, 42, 103, 108, 142, 143, 163, 164, 174, 177, 178, 179, 187, 203, 225, 230, 236, 238, 244, 245, 246, 292, 310, 328, 339, 349, 350, 251, 352, 353, 354, 355, 493, 494, 505, 508, 516, 524, 525, 615, 627, 629, 630, 631; т. II, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 80, 370, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 486, 487, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 500, 501, 502, 614, 615, 657, 658, 698.

Арбузовъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 279, 655, 656, 657. 675, 692, 700, 727, 756.

Арбутнотъ, англійскій генералъ, т. II, 743.

Арендъ, Николай Ѳедотовичъ, лейбъ-медикъ, 1785 — 1859 г., т. I, 297, 514; т. II, 260, 310, 362, 364, 557, 558, 600, 674. 735, 736, 738, 758, 759, 760, 761, 762, 763.

Библиотека "Руниверс"

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ, статистикъ, историкъ и географъ, 1789 — 1865 г., т. II, 62.

Арсеньевъ, Никита Васильевичъ, директоръ военно-сиротскаго дома, 1783 — 1843 г., т. II, 494.

Арсеньевъ, Павелъ Ивановичъ, 1770 — 1840 г., воспитатель великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, т. I, 16, 41, 476.

д'Артуа, т. I, 566.

Арцыбашевъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 774.

Аталэнъ, французскій генералъ, т. II, 303, 304.

Ахвердовъ, Николай Исаевичъ, 1755 — 1817 г., ген.-лейт., кавалеръ и преподаватель русской исторіи и географіи имп. Николая I, т. I, 16, 19, 20, 21, 23, 27, 28, 37, 64, 474, 475, 550, 551, 552, 553, 558.

Ахметъ, паша, т. II, 680.

Аэанасьевъ, генералъ, т. II, 366.

Б.

Багратіонъ, Петръ Ивановичъ, князь, генералъ, герой Отечественной войны, 1765—1812 г., т. I, 127.

Байковъ, генералъ, т. II, 204, 547.

Бакунинъ, Илья Модестовичъ, ген.-майоръ, 1800—1841 г., т. I. 290.

Баженовъ, Василій Ивановичъ, 1757 — 1799 г., вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ, т. I, 8.

Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ, 1770—1837 г., ген.-адъютантъ, спб. ген. губернаторъ и министръ полиціи, чл. гос. с., т. I, 426, 442, 670.

Валугьянскій, Михаилъ Андреевичъ, 1769—1847 г., ученый юристъ, преподаватель имп. Николая I, начальникъ II отдѣленія Собств. Е. В. канцеляріи, сенаторъ, т. I, 18 32, 64, 460, 461, 463, 546.

Варанова, Юлія Ѳедоровна, графиня, воспитательница дѣтей имп. Николая I, т. I, 1790—1864 г., т. II, 654.

Барановъ, Дмитрій Осиповичъ, сенаторъ, 1773—1835 г., т. I, 424, 442, 520.

Барановъ, Платонъ Ивановичъ, дѣйств. ст. сов., директоръ сенатскаго архива, т. I, 463, 546.

Барклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, князь, 1761 — 1818 г., военный министръ, ген.-фельдмаршалъ, т. I. 58, 103, 104. 106, 487; т. II, 29, 406, 448, 497.

Барсуковъ, Николай Платоновичъ, писатель-историкъ, род. 1838 г., т. II, 419.

Вартенева, Парасковья Арсеньевна, фрейлина, † 1873 г., т. II, 567.

Вартеневъ, Петръ Ивановичъ, редакторъ-издатель «Русскаго Архива», р. 1829 г., т. I, 476.

Варыковъ, т. I, 640.

Варятинскій, князь, штабсъ-ротмистръ, декабристъ. т. I, 640, 660, 662, 675, 689, 700, 722, 735, 752.

Васаргинъ, Николай Васильевичъ, поручикъ. декабристъ, т. I, 663, 676, 693, 701. 731, 751.

Ватенковъ, Гавріилъ Степановъ., 1795—1863 г.. декабристъ, авторъ «Записокъ», т. I. 164, 267, 272, 279, 458, 459, 676, 694, 701. 734, 751; т. II, 31.

Ватюшковъ, Павелъ Львовичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1765 — 1848 г., т. I, 671.

Вахметьевъ, Алексѣй Николаевичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1774 — 1841 г., т. II, 61, 412.

Вашуцкій, Павелъ Яковлевичъ, генер.-отъ-инф., петербургскій комендантъ, т. I, 284, 614, 670; т. II, 596.

Везбородко, Александръ Андреевичъ, свѣтл. князь, канцлеръ, 1746—1799 г., т. I. 8.

Везобразова, жена сенатора, † 1830 г., т. II, 505.

Безродный, Василій Кирилловичъ, сенаторъ, † 1847 г., т. I, 671.

Велингсгаузенъ, Ѳеддей Ѳаддеевичъ, извѣстн. мореплаватель, военн. губернаторъ Кронштадта. т. II, 413.

Венигсенъ, Леонтій Леонтьевичъ, графъ, ген.-отъ-кав., 1745—1826 г., т. I, 420, 540.

Венкендорфъ, Александръ Христофоровичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, чл. госуд. сов., 1783—1844 г., т. I, 15, 245, 246, 262. 281, 286. 291, 307, 308, 326, 329, 332, 334, 355, 356, 394, 428. 440, 443, 451, 452, 455. 456, 464, 465, 466, 468, 470, 483, 522, 523, 524, 525, 541, 544; 545, 546, 600, 601, 602, 780 782; т. II, 1, 4, 7, 12, 16, 17, 18, 19, 28, 32. 37, 38. 54, 63, 64. 76, 80, 92, 102, 113, 125, 126, 129. 130. 134, 136, 142, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 162, 169, 170, 172, 174, 176, 180, 185. 187, 216, 219, 220, 223, 224, 226, 227, 228. 229, 235, 236, 238, 239, 240, 254, 260, 261. 262, 263, 264, 274. 277, 280, 282, 283, 287. 288, 305, 306, 310, 324, 327, 328, 331, 338. 362, 364, 366, 370, 374, 375, 385, 387, 389. 392, 403, 405, 408, 410, 411, 412, 413, 414, 418, 423, 425. 427, 433, 437, 438, 439, 451, 455, 456, 458, 462, 463. 464, 466, 469, 472, 473, 474, 475. 486, 488, 532, 559. 594, 602, 608, 647, 670, 702, 704, 728.

Венкендорфъ, Константинъ Христофоровичъ, генералъ-адъютантъ, 1785—1829 г., т. I. 478; т. II, 85, 144, 419, 420, 438, 533

Вэргманъ, Александръ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, членъ военн. совѣта, † 1849 г., т. II, 591.

Вергъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, графъ, генералъ-фельдмаршалъ, 1790—1874 г., т. II. 140. 204, 480, 589, 590, 591, 680.

Вернетти, монсиньоръ, посолъ папы. т. II, 401.

Вернсдорфъ, графъ, т. I, 596; т. II, 227. 320.

Библиотека "Руниверс"

Берстель, подполковникъ, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 743, 751.

Вертъ, фабрикантъ, т. II, 597.

Вестужевъ, Алекс. Алекс., штабсъ-капитанъ, декабристъ (Марлинскій), т, I, 267, 301, 510, 511, 651, 652, 653, 654, 657, 658, 674, 691, 701, 725, 751, 653, 754, 756; т. II, 31.

Вестужевъ, Михаилъ Александровичъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 277, 279, 291, 337, 511, 515, 516, 655, 675, 694, 701, 733.

Вестужевъ, Николай Александровичъ, капитанъ-лейтонантъ, декабристъ. т. I, 238, 262, 266, 268, 271, 277. 279, 300, 337, 509, 511, 524, 545, 652, 657, 658, 675. 694. 701, 733.

Вестужевъ, Петръ, мичманъ, декабристъ, т. I, 677. 699, 702, 744, 751,

Вестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 365, 660, 662, 663, 674, 687, 704. 719, 721, 752, 753.

Ветанкуръ, Альфонсъ Августовичъ, генералъ-адъютантъ, † 1863 г., т. II, 690.

Ветлингъ, т. I, 11.

Вечасновъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 674. 690, 700, 724.

Вибиковъ, Александръ Николаевичъ, тайный совѣтникъ, дипломатъ, т. II, 658.

Вибиковъ, Дмитрій Гавриловичъ, ген.-отъ-инф., министръ внутр. дѣлъ, членъ гос. сов., 1792—1870 г., т. I, 286, 546, 599, 781; т. II. 140, 532.

Вилевичъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Вильбасовъ, Василій Алексѣевичъ, историкъ, род. 1838 г., т. I, 532.

Вирнеръ, прусскій генералъ, т. II, 743.

Вирчъ, англичанка, вела переписку съ имп. Николаемъ I. т. I, 541.

Бисмаркъ, князь, германскій канцлеръ, т. I, 315, 519.

Вистромъ, Карлъ Ивановичъ, ген.-отъ инфантеріи (1770—1838 г.), т. I, 124, 256, 260, 273, 274, 308, 510, 601, 602, 670; т. II, 167, 168, 172, 701.

Витнеръ, прусскій генералъ, т. II, 559.

Влокъ, дипломатъ, т. I, 488.

Вломе, графъ, датскій посланникъ, т. I, 340, 343; т. II, 124, 435, 666.

Влудовъ, Дмитрій Николаевичъ, графъ, предс. гос. сов. и комит. министр., 1785—1864 г., т. I. 431. 432. 433, 642; т. II, 15, 33, 392. 407.

Влудова, графиня, т. II, 636. 637.

Блюхеръ, Гебгардъ Леберехтъ, князь, прусскій фельдмаршалъ, 1742—1819 г., т. I, 58.

Бобринскій, графъ, отст. корнетъ, декабристъ, т. I, 240. 625, 642, 776.

Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, поручикъ, декабристъ, т. I, 676. 698. 702, 745.

Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, поручикъ, декабристъ, т. I. 676, 695. 701. 736.

Богдановъ, генералъ-майоръ морской артиллеріи. † 1831 г.. т. II. 366.

Богдановъ, подпоручикъ. декабристъ, т. I. 779.

Воденштедтъ, Фридрихъ, авторъ «Воспоминаній», т. I. 540.

Водиско 1, лейтенантъ, декабристъ. т. I, 444. 677, 699, 702, 747, 751.

Водиско 2, мичманъ, декабристъ. т. I, 677. 696, 701. 739.

Болгарскій, Василій Ивановичъ. сенаторъ, 1769—1833 г., т. I, 442.

Болотниковъ, Алексѣй Ульяновичъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., 1760—1828 г., т. I, 501, 670.

Вордоскій, герцогъ, см. **Генрихъ V** (графъ Шамборъ).

Борисовъ 1, Петръ, отст. подпоручикъ, декабристъ, т. I, 247, 458, 674, 689, 697, 700, 721, 740.

Борисовъ 2, Андрей, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 458, 684, 689, 700, 721.

Воровковъ, Александръ Дмитріевичъ, тайный совѣтникъ, † 1856 г., т. I, 262, 328, 330, 336, 423, 424, 431, 432, 437, 438, 444, 508, 514, 541; т. II, 31, 78, 79, 407.

Вороздинъ, Андрей Михайловичъ. сенаторъ, 1763—1838 г., т. I, 238.

Вороздинъ, Николай Михайловичъ, ген.-адъют., ген.-отъ-кавалеріи, 1777—1830 г., т. I, 237, 239, 442, 443, 623; т. II, 123.

Бортнянскій, Дмитрій Степановичъ, духовный композиторъ, 1757—1825 г., т. I, 27.

Ворхардъ, Конрадъ, т. II, 525, 526.

Вотъ, генералъ прусской арміи, т. II, 519.

Вошнякъ, Александръ Карловичъ, т. I, 178, 605.

Вравуа, фельдъегерь, т. II, 550.

Врагинъ, сержантъ, т. I, 599.

Враницкая, Александра Васильевна, графиня, оберъ-гофмейстерина, 1754—1838 г., т. II, 723, 724.

Вревернъ, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 775.

Вреза, Іосифъ, т. II, 525, 527.

Фонъ-деръ-**Вригенъ,** Александръ Ѳедоровичъ, декабристъ, т. I, 448, 652, 653, 677, 698, 702, 743, 753.

Вриммеръ, Эдуардъ Владимировичъ, генералъ отъ артиллеріи, 1797—1874 г., т. II, 418.

Де-**Вриньоле-Санъ,** представитель сардинскаго короля на коронаціи импер. Николая I, т. II, 401.

Вродовскій, Іосифъ, т. II, 527, 528.

Вроке, поручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Врунновъ, Филиппъ Ивановичъ, графъ, дипломатъ, 1797—1875 г., т. II, 642.

Будбергъ, Александръ Ивановичъ, баронъ, генералъ-адъютантъ, 1798—1876 г., т. II, 476, 477, 559, 562.

Вулатовъ, Александръ Михайловичъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 271, 272, 295, 509.

Вулгари, Андрей, графъ, декабристъ, т. I, 236, 239, 240, 624, 625, 778.

Вулгари, Николай, графъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 236, 238. 239. 240, 242, 246, 444, 623. 624, 625. 626, 640. 677, 698, 702. 743, 751.

Библиотека "Руниверс"

Вулгари, Спиридонъ, графъ, декабристъ, т. I, 778.
Вулгари, Яковъ, графъ, декабристъ, т. I, 236, 621, 625.
Вулгаринъ, Іосифъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 423.
Вулгаринъ, Ѳаддей Бенедиктовичъ, писатель, 1789—1859 г., т. I, 450.
Вураковъ, т. I, 240.
Вурашовъ, т. I, 625.
Вургоэнъ, Поль, баронъ, французскій дипломатъ, 1791—1864 г., т. II, 284, 285, 289, 290, 299, 378, 380, 383. 466.
Вурмейстеръ, Д. П., адъютантъ кн. А. С. Меньшикова, т. II, 436.
Вурцовъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 242, 629, 658, 659, 779.
Вуссе, докторъ, т. I, 83.
Вуташевичъ-Петрашевскій, Михаилъ Васильевичъ, т. I, 513.
Вутовичъ, баталіонный командиръ Австрійскаго полка, убитый во время холернаго бунта, т. II, 613.
Вутринъ, Никодимъ, т. II, 527.
Вутурлинъ, Дмитрій Петровичъ, членъ государственнаго совѣта, военный историкъ, 1790—1849 г., т. II, 204, 633, 634, 635, 636, 637.
Выстрицкій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 446, 776.
Вѣлинскій, сенаторъ, предсѣдатель, суда надъ польскими заговорщиками, т. II, 98, 99, 100, 423.
Вѣлинскій, Эдуардъ, т. II, 527, 528.
Вѣлозерская, петербургская домовладѣлица, т. II, 606.
Вѣлосельскій, князь, т. II, 736.
Вѣлоусовъ, фельдъегерскій офицеръ, т. I, 229, 232, 248, 252.
Вѣльченко, поручикъ, декабристъ, т. I, 776.
Вѣляевъ 1-й, мичманъ, декабристъ, т. I, 676, 696, 701, 737, 755.
Вѣляевъ 2-й, мичманъ, декабристъ, т. I, 676, 696, 701, 737, 755.
фонъ-**Вюловъ,** прусскій офицеръ, т. I, 82.

В.

Вагнеръ, дворянинъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.
Вадбольскій, князь, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 774.
Вадковскій, Ѳедоръ Васильевичъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 177, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 320, 362, 363, 520, 526, 227, 600, 601, 623, 624, 625, 626, 627, 631, 632, 633, 638, 639, 640, 641, 675, 690, 700, 724, 743, 752, 753.
Вадковскій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 777.
Ваза, принцъ, австрійскій генералъ, т. II, 705.
Валишевскій, авторъ «Записокъ», т. I, 500.
Валіятъ, наслѣдн. персидск. принцъ, т. II, 752.
Валленштейнъ, Альбрехтъ, герцогъ, 1583—1634 г., т. II, 676.
Васильевъ, Владимиръ Ѳедоровичъ, графъ, т. I, 393, 532, 533.
Васильчиковъ, Алексѣй Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1854 г., т. I, 671.
Васильчиковъ, Дмитрій Васильевичъ, ген. отъ кавалеріи, чл. госуд. сов., † 1859, т. II, 753.
Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, предсѣд. гос. сов. и комитета министровъ, 1774—1847 г., т. I, 66, 126, 149, 156, 190, 290, 291, 428, 442, 501, 575. 600, 601, 602, 670; т. II, 37, 150, 187, 197, 198, 199, 200, 364, 408, 448, 450, 532, 544, 595, 598, 600, 604, 608.
Васильчиковъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 777.
Вахрушевъ, чиновникъ, т. I, 622.
Веденяпинъ 1-й, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 698, 702, 744, 751.
Веденяпинъ 2-й, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 675, 700, 702, 746, 751.
Веймарскій герцогъ, Бернгардъ, т. II, 743.
Веймарскій герцогъ, Карлъ-Фридрихъ, т. II, 676.
Веліо, Іосифъ Іосифовичъ, ген. отъ кав., царскосельскій комендантъ, 1795—1867 г., т. I, 290, 300.
Веллингтонъ, Артуръ, герцогъ, полководецъ, 1769—1852 г., т. I, 80, 400, 405, 407, 412, 413, 414, 415, 416, 537, 538, 539; т. II, 524.
Вельяминовъ, Алексѣй Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, 1785—1838 г., т. I, 575; т. II, 748, 755, 756.
Веригинъ, Н. В., авторъ, «Записокъ», т. I, 490.
Веселовскій, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 775.
Вигель, Филиппъ Филипповичъ, авторъ «Записокъ», 1786—1856 г., т. I, 485.
Викторія, англійская королева, 1819—1901 г., т. II, 738.
Вилламовъ, Григорій Ивановичъ, статсъ-секретарь, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., 1771—1842 г., т. I, 38, 181, 182, 406, 476, 496. 611, 613, 617; т. II, 189, 190, 441.
Виллié, Яковъ Васильевичъ, баронетъ, лейбъ-медикъ, 1765—1854 г., т. I, 95, 154, 172, 180, 489, 496, 611, 612; т. II, 532, 551.
Вильгельмина, прусская принцесса, т. I, 596.
Вильгельмъ I, 1779—1888 г., принцъ прусскій, впослѣдствіи императоръ германскій, король прусскій, т. I, 54, 83, 85, 86, 87, 88, 92, 94, 96, 98, 99, 100, 106, 110, 144, 146, 152, 154, 155, 159, 203, 322, 399, 404, 405, 407, 479, 489, 491, 593; т. II, 224, 226, 566, 686, 688, 703.

Библиотека "Руниверс"

Вильгельмъ I, король виртембергскій, 1781—1864 г., т 1, 64.

Вильгельмъ II, король нидерландскій 1792—1849 г., т. I, 64, 78, 144, 407, 494; т. II, 124, 294, 308, 504, 505. 574.

Вильгельмъ, Фридрихъ-Карлъ, принцъ прусскій, 3-й сынъ кор. Фридриха-Вильгельма II, род. 1783—1851 г., т. I, 158; т. II, 716. 719.

Вильдерметъ, воспит. принцессы Шарлотты, впослѣдствіи императрицы Александры Ѳеодоровны, т. I, 83.

Вильмансъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 776.

Вильсонъ, Іосифъ, т. II, 525.

Виндишгрецъ, Альфредъ, князь, австрійскій генералъ, 1787—1862 г., т. II, 743.

Вистицкій, Григорій Степановичъ, тайн. сов., сенаторъ, 1765—1836 г., т. I, 671.

Витгенштейнъ, Петръ Христіановичъ, кн., генералъ-фельдмаршалъ, 1768—1842 г., т. I. 159, 165, 238, 240, 244, 299, 355, 363; т. II, 8, 29, 71, 112, 114, 122, 123, 124, 128, 132, 135, 136, 140, 144, 147, 150, 159, 176, 178, 191, 192, 194, 195, 196, 202, 203, 204, 205, 208, 406, 423, 424, 436, 437, 443, 444, 445, 447, 448, 450, 451, 520, 525, 529, 686.

Ваттъ, Иванъ Осиповичъ, графъ, ген. отъ кав., начальникъ южныхъ военныхъ поселеній, т. I, 178, 238, 239, 242, 365, 492, 506, 526, 603, 604, 634; т. II, 22, 46, 160, 390, 391. 432, 540, 290, 724, 743, 745, 761.

Вицлебенъ, прусскій генералъ, т. I, 165; т. II, 308, 575, 672, 673.

Вишневскій, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 677, 700, 702, 748.

Вишневскій, Феликсъ, т. II, 527, 528.

Владиславъ, король польскій и венгерскій, 424—444 г., т. II, 171, 172, 223, 439, 542.

Власовъ, Максимъ Григорьевичъ, генералъ отъ кавалеріи, наказной атаманъ войска Донского, 1767—1848 г., т. II, 756.

Воиновъ, Александръ Львовичъ, ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи, 1770—1830 г., т. I, 160, 162, 182, 186, 262, 281, 284, 286, 356, 493, 499, 502, 613, 614, 616, 670, 689, 723, 756; т. II, 37, 123, 127, 128, 150, 544.

Волковъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 779.

Волконская, Екатерина Алексѣевна, княгиня, статсъ-дама, т. I, 85.

Волконскій, Петръ Михайловичъ, свѣтл. князь, министръ имп. двора, ген.-фельдмаршалъ, 1776—1852 г., т. I, 34, 60, 151, 172, 182, 183, 199, 216, 248, 251, 310, 358, 395, 396, 406, 421, 426, 489, 497, 503, 504, 526, 586, 612, 617, 618, 619, 634; т. II, 8, 39, 77, 80, 124, 156, 162, 226, 327, 362, 418, 436, 473, 532, 559, 608, 623, 624, 629, 670, 671, 696, 697, 699, 702, 739, 761.

Волконскій, Сергѣй Григорьевичъ, князь, генералъ-майоръ, декабристъ, т. I, 244, 320. 520, 528, 659, 660, 662, 674, 690, 691, 701, 723, 726, 751.

Волконская, Марія Николаевна, жена предыдущаго, т. I, 458.

Вольгемутъ, Иванъ Николаевичъ, преподаватель франц. языка великимъ князьямъ, Николаю и Михаилу Павловичамъ, т. I, 82, 565,

Волькенштейнъ, А., т. II, 438.

фонъ-**Вольскій,** полковникъ, декабристъ, т. I. 777.

Вольфъ, колл. сов., кавалеръ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, т. I, 28.

Вольфъ, штабъ-лѣкарь, декабристъ, т. I, 675, 694, 701, 732.

Воробьевъ, камердинеръ имп. Александра I, т. I, 615.

Воробьевъ, Максимъ Никифоровичъ, профессоръ живописи, 1787—1854 г., т. II, 532.

Воронецкій, князь, т. I, 597.

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, свѣтл. князь, генералъ-фельдмаршалъ, 1782 — 1856 г., т. I, 81, 152, 247, 347, 416, 505, 625, 670; т. II, 28. 92, 113, 130, 157, 160, 162, 164, 170, 174, 175, 207, 254, 283, 405, 427, 437, 540, 557, 746, 747.

Воронцовъ, Семенъ Романовичъ, графъ, дипломатъ, посолъ въ Лондонѣ, дѣйств. тайн. сов., 1744—1832 г., т. I, 7, 8, 9, 72, 77, 127, 483.

Воронцовъ-Дашковъ, Иванъ Иларіоновичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., оберъ-церемоніймейстеръ, 1790 — 1854 г., т. II, 666.

Ворцель, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Враницкій, полковникъ, декабристъ, т. I, 675, 699, 702, 747, 751.

Вреде, Карлъ-Филиппъ, князь, баварскій фельдмаршалъ, 1767—1839 г., т. I, 400.

Выгодовскій, канцелярист, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 743.

Высочинъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 777.

Вьельгорскій, Іосифъ Михайловичъ, гр., совоспитанникъ имп. Александра II, 1817—1839 г., т. II, 684.

Вьельгорскій, М. Ю., графъ, оберъ-шенкъ, 1788—1856 г., т. I, 474.

Вяземскій, Петръ Андреевичъ, князь, тов. мин. нар. просв., чл. госуд. сов., 1792—1878 г., т. I, 294, 296, 516; т. II, 384, 488, 489,

Вяземскій, князь, корнетъ, декабристъ, т. I. 777.

Г.

Гааке, графиня, прусская оберъ-гофмейстерина, т. I, 83.

Гагаринъ, Иванъ Алексѣевичъ, князь, сенаторъ, 1771—1832 г., т. I, 671.

Гагаринъ, Павелъ Павловичъ, князь, предс. госуд. сов., 1789—1872 г., т. I, 211, 212; т. II, 497.

Библиотека "Руниверс"

Галиль, паша, турецкій полководецъ, т. II, 265, 266, 271, 272, 282, 464, 660, 661, 680.
Галяминъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 779.
Гаммерштейнъ, австрійскій генералъ, т. II, 743.
Ганъ, Павелъ Васильевичъ, баронъ, тайный совѣтникъ, чл. госуд. сов., † 1847 г., т. II, 753.
Гангебловъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 774.
Гассанъ, ханъ, персидскій военачальникъ, т. II, 86, 420.
Гассанъ, паша. т. II, 136, 268.
Гастфордъ, Густавъ Христофоровичъ, генер. отъ инф., чл. госуд. сов., 1790—1874 г., т. II, 561.
Гаугребенъ, баронъ, т. I, 4.
Гауке, Маврикій Ѳедоровичъ, военн. мин. царства Польскаго, 1775—1830 г., т. I, 375, 380, 531; т. II, 327, 463.
Гауке, Іосифъ, графъ, генералъ-майоръ, 1790—1837, т. II, 172, 439, 524, 525, 526.
Гачки, паша, т. II, 212.
Гвоздевъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 775.
Гебель, командиръ Черниговскаго полка, т. I, 365, 721.
Гежелинскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, дѣйств. ст. сов., управл. дѣлами комитета министровъ, т. I, 353, 524, 525.
Гейденъ, Логгинъ Петровичъ, графъ, адмиралъ, 1772—1850 г., т. II, 103, 105, 234, 242, 423, 424.
Гейкингъ, бар., Карлъ Александровичъ, авторъ «Записокъ», дѣйств. тайн. совѣтн., сенаторъ, 1751—1809 г., т. I, 10, 474.
Гейсмаръ, Ѳедоръ Климентьевичъ, баронъ, ген. отъ кав., 1783—1848 г., т. I, 365; т. II, 433, 440.
Гейтесбюри, лордъ, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, т. II, 299.
Генрихъ V, графъ Шамборъ, претендентъ на французскій тронъ, † 1883 г., т. II, 286, 288, 300, 467, 572, 573, 682.
Генрихъ VII, король англійскій, † 1509 г., т. I, 589.
Генрихъ VIII, король англійскій, т. I, 589.
Гентцъ, Фридрихъ, нѣмецкій публицистъ и австрійскій дипломатъ, 1764—1832 г., т. I. 539; т. II, 30, 256,
Георгій Ольденбургскій, принцъ, тверской генералъ-губернаторъ, † 1812 г., т. II, 310.
Георгъ IV, Августъ-Фридрихъ, англійскій король, 1762—1830 г., т. I, 78, 79; т. II, 107.
Георгъ, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ, великій герцогъ мекленбургъ-стрелицкій, 1779 — 1860 г., т. I, 158, 159, 165.
Герлахъ, прусскій генералъ, т. I, 405, 537.
Германъ, генералъ, т. I, 251; т. II, 561.
Германъ, Карлъ Ѳедоровичъ, статистикъ, проф. Спб. унив., членъ академіи наукъ, 1767—1838 г.. т. II, 62.
Геруа, Александръ Клавдіевичъ, инж.-генералъ, членъ военнаго совѣта, † 1852 г., т. I, 309; т. II, 8.
Герцбергъ, прусскій министръ, т. I, 383.
Гильеминo, графъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ, т. II, 246, 251, 459, 507.
Гладкій, Іосифъ Михайловичъ, атаманъ запорожцевъ, 1789—1866 г., т. II, 130, 131, 136, 433.
Гладковъ, Иванъ Васильевичъ, генералъ-лейтенантъ, 1766—1832 г., т. I, 671.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ, писатель, 1776—1847 г., т. II, 35.
Глинка, Григорій Андреевичъ, наставникъ имп. Николая I, проф. русск. слов., 1776—1818 г., т. I, 30, 66, 72, 78, 79, 481, 482, 575, 578, 581.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, писатель, декабристъ, т. I, 224, 544, 752, 753, 778.
Глиноецкій, Н., т. II, 420.
Глѣбовъ, коллежскій секретарь, декабристъ, т. I, 678, 696, 701, 738.
Гнейзенау, Августъ, графъ, прусскій фельдмаршалъ, 1760—1831 г., т. II, 356, 484, 581.
Годеніусъ, корнетъ, декабристъ, т. I. 776.
Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Васильевичъ, генералъ-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, 1772—1843 г., т. I, 66, 72, 77, 79, 80, 81, 186, 284, 285, 300, 329, 332, 350, 356, 451, 454, 481, 482, 483, 484, 498, 576, 578, 579, 581; т. II, 7.
Голицына, княгиня, т. I, 610.
Голицынъ, Александръ Николаевичъ, князь, оберъ-прокуроръ святѣйш. синода, мин. народн. просв., членъ госуд. сов., 1773—1844 г., т. I, 139, 140, 141, 143, 172, 187, 188, 192, 194, 200, 203, 212, 266, 329, 332, 939, 404, 405, 426, 491, 493, 500, 524, 616; 779: т. II, 43, 44, 80, 119, 187, 250, 261, 418, 534, 535, 536, 549, 555, 559.
Голицынъ, Андрей Борисовичъ, князь, т. I, 285, 513.
Голицынъ, Валеріанъ, князь, камеръ-юнкеръ, декабристъ, т. I, 676, 698. 702. 745, 751, 753.
Голицынъ, Владиміръ Сергѣевичъ, князь, сенаторъ, 1794—1868 г., т. I, 597.
Голицынъ, Дмитрій Владимировичъ. князь, ген.-губ. московскій, чл. госуд. сов., 1771—1844 г., т. I, 142, 143, 197, 210, 247, 325, 503, 536, 615; т. II, 276, 566.
Голицынъ, Дмитрій Михайловичъ, дѣйств. тайн. сов., учредитель больницы въ Москвѣ. 1721—1793 г., т. II, 567.
Голицынъ, Павелъ, князь, декабристъ. т. I, 774.
Голицынъ, Сергѣй Михайловичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта, 1774—1855 г., т. I, 210; т. II, 699, 764.
Голицынъ, князь, начальникъ почтъ. т. I, 243, 245, 246.
Головинъ, Евгеній Александровичъ, генералъ-адъютантъ, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., 1782—1858 г., т. I, 308, 518; т. II, 167, 366, 756.
Головкинъ, Юрій Александровичъ, графъ, членъ госуд. сов., сенаторъ, 1749—1846 г.. т. I, 412.

Библиотека "Руниверс"

Головнинъ, Василій Михайловичъ, вице-адмиралъ, писатель, 1776—1831 г., т. I, 776.

Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 545, 674, 689, 700, 722, 746.

Горголи, Иванъ Савичъ, сенаторъ, дѣйствит. тайный сов., 1770—1862 г., т. II, 616.

Гордонъ, англійскій посланникъ въ Константинополѣ, т. II, 246, 251, 459.

Горленко, полковникъ, декабристъ, т. I, 778.

Гордискій, Андрей, министръ иностр. дѣлъ въ Польшѣ, т. II, 390, 489.

Горожанскій, поручикъ, декабристъ, т. I, 778.

Горсткинъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 778.

Горчаковъ, Алексѣй Ивановичъ, князь, управляющій военнымъ министерствомъ, ген. отъ инфант., 1769—1817 г., т. I, 60.

Горчаковъ, Михаилъ Дмитріевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, 1793—1861 г., т. I, 242; т. II, 140, 480, 590.

Гофманъ, майоръ, т. I, 240, 624, 641.

Граббе, Павелъ Христофоровичъ, графъ, генер. отъ инф., чл. госуд. сов., 1787—1875 г., т. I, 446, 544, 545, 639, 640, 779; т. II, 419, 658.

Грабовъ, прусскій полковникъ, т. I, 83.

Грабовскій, Станиславъ, графъ, генер.-контролеръ царства Польскаго, † 1845 г., т. I, 375, 379, 380, 388, 531, 532; т. II, 327, 422, 423, 473, 575.

Грабовскій, Францискъ, графъ, сенаторъ, т. I, 375, 380, 531.

Грёбенъ, прусскій свитскій офицеръ, т. II, 675.

Гревсъ, полковникъ, т. I, 625.

Грей, лордъ, англійскій государственный дѣятель, 1764—1845 г., т. II, 652.

Грейгъ, Алексѣй Самойловичъ, адмиралъ, командиръ Черноморскаго флота 1775—1845 г., т. I, 576, 776; т. II, 122, 142, 148, 150, 151, 155, 174, 232, 233, 234, 413, 424.

Гречъ, Николай Ивановичъ, тайный совѣтникъ, писатель, 1787—1867 г., т. I, 449, 450, 495, 515, 543.

Гржимайло, рекетмейстеръ въ государ. совѣтѣ царства Польскаго, т. I, 531; т. II, 98.

Грибовскій, Адріанъ Моисеевичъ, статсъ-секретарь Екатерины II, авторъ «Записокъ», 1766—1833 г., т. I, 433, 543; т. II, 280, 464.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, русскій драматургъ, посланникъ въ Персіи, 1795—1829 г., т. II, 212, 452.

Гриммъ, Фридрихъ-Мельхіоръ, баронъ, публицистъ-дипломатъ, 1723—1807 г., т. I, 1, 2, 383, 384.

Гриммъ, біографъ императрицы Александры Ѳеодоровны, т. I, 90, 485; т. II, 620.

Гриммъ, камердин. императ. Николая I, т. I, 183, 294.

Гродецкій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Грольманъ, генералъ, начальникъ генеральнаго штаба въ Пруссіи, т. I, 84.

Громницкій, поручикъ, декабристъ, т. I, 675, 693, 701, 729.

Грохольскій, графъ, т. II, 423.

Груберъ, Гавріилъ, генералъ іезуитскаго ордена, 1740—1805 г., т. II, 422.

Гружевскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Грушецкій, Владимиръ Сергѣевичъ, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ, † 1839 г., т. I, 671.

Гудима, поручикъ, декабристъ, т. I, 778.

Гурьевъ, Дмитрій Александровичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., мин. фин., членъ гос. сов., 1751—1825 г., т. I, 152, 162, 179, 576, 581, 608, 610; т. II, 449.

Гурьевъ, Николай Дмитріевичъ, графъ, тайн. сов., дипломатъ 1789—1849 г., т. I, 503, 525; т. II, 452, 504.

Гурьевъ, графъ, кіевскій ген.-губернат., т. II, 722, 723, 742.

Гурьевъ, Семенъ, поручикъ, т. I, 763, 764.

Гурьевъ, Иванъ, капитанъ-поручикъ, т. I, 763, 764.

Гурьевъ, Петръ, квартирмистръ, т. I, 763, 764.

Гусевъ, фельдъегерь, т. I, 506.

Гуссейнъ, паша, т. II, 143, 146, 158, 159, 176.

Д.

Давидъ (кн. Церетели), митрополитъ имеретинскій, † 1853 г., т. II, 750.

Давыдовъ, Василій Львовичъ, отставн. полковникъ, декабристъ, т. I, 238, 458, 660, 674, 690, 700, 724.

Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ, 1781—1839, ген.-лейт., партизанъ войны 1812 г., поэтъ, т. I, 104, 487; т. II, 10, 342, 389, 489.

Дадіановъ, фельдъегерскій офицеръ, т. II, 243.

Дадіанъ Мингрельскій, князь, т. II, 749, 753, 754.

Даль, Владиміръ Ивановичъ, писатель, этнографъ, 1801—1872 г., т. II, 35.

Дамасъ, франц. министръ иностр. дѣлъ, т. I, 399, 537.

Даниловъ, Иванъ Даниловичъ, сенаторъ, 1768—1852 г., т. II, 403.

Дантонъ, дѣятель франц. революціи, мин. юстиціи, 1759—1794 г., т. II, 107, 112, 424.

Дараганъ, камеръ-пажъ императр. Александры Ѳеодоровны, т. I, 96, 98, 99, 486.

Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов., мин. юстиціи, чл. госуд. сов., 1784—1839 г., т. I, 546; т. II, 124, 250, 548, 549, 664.

Дебровскій, т. II, 516.

Девонширскій, герцогъ, т. II, 12.

Библиотека "Руниверс"

Дегай, Павелъ Ивановичъ, сенаторъ, 1792—1848 г., т. II, 634, 635.

Фонъ-**Дезинъ,** Вилимъ Петровичъ, адмиралъ, сенаторъ, 1740—1826 г., т. I, 501.

Деллингсгаузенъ, Иванъ Ѳедоровичъ, баронъ, ген.-адъют., † 1845 г., т. II, 533, 614.

Дельвигъ, Антонъ Антоновичъ, баронъ, поэтъ, 1798—1831 г., т. II, 14.

Дембекъ, каноникъ, участникъ польск. заговора, т. I, 531; т. II, 98.

Дембинскій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 612, 613, 614.

Демидовъ, Николай Ивановичъ, генер.-адъютантъ, ген.-отъ-инфант., сенат., 1771—1833 г., т. I, 356, 575, 631; т. II, 724.

Демидовъ, коллежскій совѣтникъ, т. I, 542, 665.

Дениско, участникъ польскаго заговора, т. II, 423.

Депрерадовичъ, Николай Ивановичъ, ген.-адъют., 1767 — 1843 г., т. II, 178, 452, 598.

Дерамеръ, участникъ польск. заговора, т. II, 423.

Державинъ, Гаврилъ Романовичъ, дѣйствит. тайн. сов., мин. юстиціи, сенаторъ, поэтъ, 1743—1816 г., т. I, 3, 112.

Дернбергъ, графъ, генералъ-майоръ, ганноверскій посланникъ въ Спб., т. I, 348; т. II, 124.

Джанотти, преподаватель инженерныхъ наукъ импер. Николая I, т. I, 20, 35, 41, 64, 478.

Джафетъ, паша, т. II, 268.

Дибичъ, Иванъ Ивановичъ, баронъ, генералъ-лейтен., военный писатель, 1758—1822 г., т. I, 11.

Дибичъ-Забалканскій, Иванъ Ивановичъ, графъ, ген.-фельдмаршалъ, членъ госуд. сов. 1785—1831 г., т. I, 100, 144, 151, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 198, 206, 213, 214, 216, 231, 233, 234, 235, 236, 243, 244, 246, 247, 251, 299, 329, 330, 352, 358, 360, 362, 363, 366, 394, 398, 409, 429, 452, 454, 458, 486, 493, 495, 496, 499, 502, 503, 504, 507, 515, 523, 525, 526, 527, 536, 541, 545, 603, 608, 611, 612, 613, 617, 619, 620, 622, 623, 626, 628, 631, 632, 633, 638, 639, 673, 678, 781; т. II, 7, 8, 15, 20, 22, 23, 24, 46, 48, 54, 58, 63, 64, 66, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 85, 86, 119, 122, 123, 124, 128, 132, 144, 148, 149, 150, 152, 158, 159, 160, 161, 165, 170, 174, 176, 178, 187, 188, 194, 195, 196, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 223, 224, 230, 231, 232, 236, 238, 239, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 251, 252, 254, 255, 256, 259, 260, 262, 263, 264, 282, 284, 302, 303, 308, 315, 316, 317, 319, 320, 322, 328, 330, 336, 338, 340, 342, 343, 344, 352, 353, 354, 355, 356, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 428, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 444, 445, 446, 447, 450, 451, 452, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 468, 469, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 490, 505, 507, 517, 524, 526, 528, 530, 533, 534, 539, 548, 549, 550, 551, 556, 571, 572, 574, 575, 576, 577, 581, 586, 587, 588, 524.

Дибичъ-Забалканская, Анна Егоровна, статсъ-дама, 1798—1830 г., т. II, 461.

Дивовъ, Павелъ Григорьевичъ, кавалеръ велик. князей Николая и Михаила Павловичей, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1765—1841 г., т. I, 28, 291, 316, 318, 444, 446, 455, 501, 503, 505, 516, 517, 523, 525; т. II, 6, 36.

Дивовъ, мичманъ, декабристъ, т. I, 676, 692, 700, 729, 751, 755.

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, 1760—1837 г., министръ юстиціи, баснописецъ, писатель, т. I, 162, 292, 418, 493, 516.

Добринскій, поручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Довнаровичъ, т. II, 423.

Доврe, Ѳедоръ Филипповичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1766—1846 г., т. II, 440, 524, 614, 615.

Долгоруковъ, Алексѣй Алексѣевичъ, князь, министръ юстиціи, 1767 — 1834 г., т. II, 79.

Долгоруковъ, Василій Васильевичъ, князь, оберъ-шталмейстеръ, 1786—1858 г., т. I, 85, 287; т. II, 654.

Долгоруковъ, Николай Андреевичъ, князь, генер. отъ кавалеріи, 1794—1847 г., т. I, 597; т. II, 613, 696, 741.

Долгоруковъ, Николай Васильевичъ, князь, гофмаршалъ, т. II, 728.

Дороѳеевъ, матросъ, т. II, 756.

Дочевскій, т. II, 423.

Друцкой-Горскій, князь, статск. совѣтн., декабристъ. † 1849 г., т. I, 300, 517, 677, 685, 754.

Друцкой-Любецкій, Ксаверій Францевичъ, князь, т. II, 214.

Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, генер.-лейтенантъ, управляющ. III отдѣленіемъ, 1792—1862 г., т. II, 634.

Дубенскій, Николай Порфирьевичъ, сенаторъ, 1825 г., т. I, 671.

Дубецкій, Іосифъ Петровичъ, авторъ «Записокъ», т. II, 433.

Дунинъ, Феликсъ, т. II, 527, 528.

Дургамъ, лордъ, англійскій политическ. дѣятель, 1792—1840 г., т. II, 652, 653, 722, 723, 729.

Дурновъ, флигель-адъютантъ, т. I, 285.

Дьяковъ, Петръ Николаевичъ, генер.-адъютантъ, сенаторъ, т. II, 728.

Дюгамель, Александръ Осиповичъ, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, 1801—1880 г., т. II, 663.

Дю-Пюже, преподаватель французскаго языка импер. Николая I, т. I, 27, 32, 475, 555.

Библиотека "Руниверс"

Е.

Евгеній Виртемберскій, принцъ, генер. отъ инфантеріи русск. службы 1788, † 1857, т. I, 13, 208, 210, 292, 295, 297, 298, 304, 305, 306, 308, 333, 334, 503, 516, 517, 518, 519, 523; т. II, 124, 150, 158, 168, 176, 187, 188, 204, 396, 428, 438, 443, 446, 472, 490.

Евгеній (Е. А. Болховитиновъ), митрополитъ кіевскій и галицкій, 1767—1837 г., т. I, 515, 671; т. II, 6, 236, 238.

Евдокія Ѳеодоровна, рожденная Лопухина, 1-я супруга Петра I, 1669—1731 г., т. I, 132.

Езерскій, графъ, членъ сейма, т. II, 326, 327, 473.

Екатерина II, императрица, 1729 — 1796 г., т. I, 1, 2, 3, 6, 9, 10, 14, 112, 118, 123, 174, 383, 384, 386, 388, 389, 475, 489, 490, 499, 532, 533, 543, 666; т. II, 464, 556, 689, 699, 728.

Екатерина Павловна, великая княжна, впослѣдствіи супруга Вильгельма I, короля виртембергскаго, т. I, 13, 58, 64, 81, 118, 550; т. II, 310.

Елена Павловна, супруга вел. князя Михаила Павловича, т. I, 148, 156, 180, 193, 501, 610, 612; т. II, 692.

Елизавета Александровна, вел. княжна, дочь императора Александра I, 1806 — 1808 г., т. I, 476.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга императора Александра I, 1779—1826 г., т. I, 58, 87, 92, 94, 99, 114, 116, 143, 162, 172, 175, 180, 182, 183, 247, 395, 396, 418, 421, 422, 447, 476, 477, 485, 489, 491, 540, 612, 613, 618: т. II, 1, 392, 699.

Елизавета Петровна, императрица, 1709—1761 г., т. I, 454, 769; т. II, 32.

Елизавета, королева англійская, 1533—1603, т. I, 589.

Елизавета, принцесса баварская, впослѣдствіи супруга короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, 1801 — 1873 г., т. I, 494.

Енохинъ, Иванъ Васильевичъ, лейбъ-медикъ, тайный совѣтникъ, 1791—1863 г., т. II, 310.

Ентальцовъ, подполковн., декабристъ, т. I, 662, 676, 697, 702, 740.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, генер. отъ артилл., членъ госуд. сов., 1772—1861 г., т. I, 162, 251, 272, 327, 426, 479, 488, 515, 597; т. II, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 80, 82. 83, 84, 85, 92, 94, 95, 122, 388, 389, 390, 406, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421. 422, 452, 479, 531, 624, 713.

Ж.

Жебровскій, секретарь графа Плинскаго, декабристъ, т. I, 778.

Желевскій, Ѳеофилъ, т. II, 527, 528.

Желтухинъ, Петръ Ѳедоровичъ, генер.-лейтенантъ, 1776—1829 г., т. II, 60, 61, 204.

Жемчужниковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Жеребцовъ, Дмитрій Сергѣевичъ, дѣйств. статск. сов., новгородскій губернаторъ, т. I, 524, † 30.

Жиро, историкъ-юристъ, 1802—1882 г., т. I, 64.

Жомини, Генрихъ, баронъ, генералъ русской службы, стратегъ, 1779—1869 г., т. II, 124.

Жуковъ, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 778.

Жуковскій, Александръ Михаиловичъ, генералъ-майоръ, † 1856 г., т. II, 561.

Жуковскій, Василій Андреевичъ, тайн. совѣтн., воспитатель импер. Александра II, поэтъ, 1783—1852 г., т. I, 94, 112, 117, 184 266, 419, 497, 498, 499; т. II, 216.

Жуфруа, т. I, 592.

З.

Заблоцкій, участникъ польскаго заговора, т. II, 98.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳеновичъ, государственный дѣятель и писатель, 1807—1881 г., т. II, 434.

Завалишинъ, Д., лейтенантъ, декабристъ, т. I, 434, 516, 517, 652, 676, 692, 700, 727.

Завитаевъ, камердинеръ императ. Александра I, т. I, 405.

Завиша, дворянинъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Загорѣцкій, поручикъ, декабристъ, т. I 676, 678. 702, 742.

Заикинъ, подпоручикъ. декабристъ, т. I. 676, 698, 702, 745.

Заіончекъ, Іосифъ, 1752 — 1826, генералъ, намѣстникъ царства Польскаго, т. I, 420.

Закревскій, Арсеній Андреевичъ, графъ, генер.-адъют., мин. внутренн. дѣлъ, 1783—1865 г., т. I, 152, 198, 225, 356, 426, 615,

Библиотека "Руниверс"

670, 775; т. II, 39, 79, 126, 288, 331, 364, 392, 393, 394, 461, 433, 489, 490, 597, 598, 600.

Залускій, графъ, флигель-адъютантъ, т. II, 167.

Залускій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 98.

Замойскій, Станиславъ Андреевичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., президентъ сената царства Польскаго, т. I, 375, 380, 531; т. II, 98, 281.

Зандровичъ, Францъ, т. II, 527.

Зарѣцкій, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Зассъ, Андрей Андреевичъ, ген.-лейтен., т. I, 240, 624, 631, 633.

Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ, дѣйств. статск. сов., романистъ, драматургъ, авторъ «Записокъ», 1794—1871 г., т. I, 207, 503, 513.

Зубовъ, Дмитрій Александровичъ, графъ, генералъ-майоръ, 1764—1836 г., т. II, 696.

Зубовъ, Платонъ Александровичъ, князь, генералъ отъ инфант., членъ госуд. сов., 1767—1822 г., т. I, 11, 474.

Зумалакарегви, испанскій офицеръ, т. II, 683.

Зыковъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 778.

И.

Ибрагимъ-Афетъ, вице-король египетскій, 1789—1840 г., т. I, 416; т. II, 104, 440, 659, 660, 661, 662, 663.

Ибрагимъ, паша, т. II, 528.

Ивановъ, провіантскій чиновн. 10 класса, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 735.

Ивашевъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 676, 694, 701, 732, 751.

Ивашкевичъ, отставной майоръ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Ивеличъ, Маркъ Константиновичъ, гр., сенаторъ, 1740—1825 г., т. II, 159, 539.

Игнатьевъ, Дмитрій Львовичъ, генер.-майоръ, 1782—1833 г., т. I, 286.

Игнатьевъ, Павелъ Николаевичъ, графъ, генер.-адъютантъ, членъ государств. сов., 1797—1879 г., т. II, 472.

Измайловъ, Михаилъ Михаиловичъ, дѣйствит. тайн. сов., московскій генер.-губерн., сенаторъ, † 1800 г., т. I, 2.

Изяславъ, князь полоцкій, 981—1001 г., т. I, 384.

Инзовъ, Иванъ Никитичъ, генералъ отъ инфантеріи, новороссійскій генер.-губерн., 1768—1845 г., т. II, 434.

Иннокентій, архіепископъ херсонскій (Иванъ Евсеевичъ Борисовъ), 1800—1857 г., т. II, 637.

Ипсиланти, Александръ Константиновичъ, генералъ-майоръ русской службы, † 1828 г., т. II, 512.

Искрицкій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 774.

Исленьевъ, Николай Александровичъ, генер.-адъют., ген.-лейтенантъ, † 1851 г., т. I, 285, 286, 631; т. II, 591.

І.

Іаковъ II, король англійскій, 633—701 г., т. I, 339.

Іоанессъ, армянскій патріархъ, т. II, 751.

Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, царь и великій князь всея Руси, 1440—1505 г., т. I, 64.

Іоаннъ Антоновичъ, 1740—1764 г., т. I, 764, 765.

Іоаннъ Безземельный, король англійск., т. I, 589.

Іоганнъ, эрцъ-герцогъ австрійск., 1782—1859 г., т. II, 704, 711, 714, 743, 745, 746.

Іодко, Константинъ, т. II, 527, 528.

Іомейко, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

К.

Кавелинъ, Александръ Александровичъ, генералъ отъ инфант., членъ госуд. сов., 1793—1850 г., т. I, 285, 492, 498; т. II, 692, 697.

Кази-Мулла, горскій имамъ, † 1832 г., т. II, 654, 655.

Казнаковъ, Геннадій Ивановичъ, ген.-майоръ, 1792—1851 г., т. I, 609.

Кайсаровъ, Паисій Сергѣевичъ, генер., 1783—1844 г., т. II, 723, 724.

Фонъ-**Кампенгаузенъ,** Бальтазаръ Бальтазаровичъ, баронъ, тайн. сов., мин. внутр. дѣлъ, членъ госуд. сов., 1772—1823 г., т. I, 542.

Канкринъ, Егоръ Францевичъ, графъ, мин. финансовъ, чл. госуд. сов., 1774—1845 г., т. I, 151, 196, 304, 501, 512; т. II, 54, 80, 254, 308, 319, 410, 432, 448, 449, 471, 562, 576, 731.

Библиотека "Руниверс"

Каннингъ, Джорджъ, англійскій госуд. дѣятель, 1770—1827 г., т. I, 412, 416, 539.

Каподистрія, Іоаннъ, графъ, русскій и греческій госуд. дѣятель, 1776—1831 г., т. I, 381; т. II, 250, 427, 503.

Капуданъ-паша, Изетъ Мегметъ, т. II, 169, 234, 268.

Караблиновъ, секретарь Казанскаго университета, экстраординарный профессоръ, т. II, 60.

Каразинъ, Василій Назаровичъ, статскій совѣтникъ, 1773—1842 г., т. I, 528.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ, дѣйств. ст. сов., исторіографъ, 1766—1826 г., т. I, 3, 144, 162, 254, 255, 266, 291, 292, 294, 296, 334, 418, 419, 420, 462, 493, 507, 516, 517.

Карасевскій, Александръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, т. I, 330.

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ, актеръ, авторъ «Записокъ», 1805 — 1879 г., т. I, 514.

Карвацкій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Карвицкій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Карлъ, принцъ шлезвигъ-голштинскій, т. II, 707.

Карлъ V, германскій императоръ, т. I, 120.

Карлъ X, французскій король, 1757—1836 г., т. I, 172, 400, 539; т. II, 1, 107, 284, 288, 295, 298, 300, 312, 316, 467, 470, 505, 507, 563, 572, 573.

Карлъ XII, король шведскій, 1682—1718 г., т. II, 679.

Карлъ, принцъ прусскій, братъ короля Вильгельма I, т. I, 54, 87, 607, 609; т. II, 1, 173, 286.

Карлъ-Іоаннъ XIV, король шведскій, 1764—1844 г., т. I, 417, 540; т. II, 286, 705.

Карлъ-Людвигъ-Іоаннъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1771—1847 г., т. II, 710, 711, 715.

Донъ-**Карлосъ,** Карлъ-Марія-Хозе-Исидоръ, испанскій инфантъ, 1788—1855 г., т. II, 683.

Карно, Лазарь-Николай-Маргеритъ, дѣятель французской революціи, 1753—1823 г., т. II, 107, 112, 424.

Каролина, принцесса англійская, т. II, 648.

Карцовъ, Петръ Кондратьевичъ, адмир., чл. госуд. сов., сенаторъ, 1746—1830 г., т. I, 501, 670.

Касаткинъ, Тихонъ, придворный лакей, прикосновенный къ дѣлу Мировича, т. I, 765.

Катассановъ 1, полковникъ, т. II, 515, 516.

Катассановъ 2, подполковникъ, т. II, 518.

Каховской, Петръ Андреевичъ, отст. поручикъ, декабристъ, т. I, 297, 443, 456, 513, 651, 652, 653, 654, 656, 657, 674, 688, 704, 720, 725, 744.

Кашкинъ, губернскій секретарь, декабристъ, т. I, 778.

Кіенскій, Игнатій, т. II, 525, 527.

Кирьяковъ, Николай Дмитріевичъ, генералъ, т. I, 487.

Кирьяковъ, комиссіонеръ гр. Булгари, т. I, 625.

Кирѣевъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 675, 693, 701, 730.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ инф., мин. госуд. им., чл. госуд. сов., 1788—1872 г., т. I, 162, 240, 363, 364, 424, 426, 527, 625; т. II, 80, 113, 120, 123, 126, 128, 130, 132, 134, 135, 136, 158, 204, 207, 254, 431, 432, 433, 434, 437, 445, 446, 451, 459, 517, 518, 525, 543, 547, 624.

Кистеръ, генералъ прусской арміи, т. II, 124.

Кламмъ, графъ, австрійскій государств. дѣятель, т. II, 711.

Клейнмихель, Петръ Андреевичъ, графъ, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, чл. госуд. совѣта, 1793—1869 г., т. I, 41, 42, 328, 339, 353, 525, 615; т. II, 8, 45, 57, 80, 499, 501, 613, 614, 615, 616.

Кленковскій, т. II, 423.

Клингеръ, Ѳедоръ Ивановичъ, ген.-лейт., директоръ Пажеск. корп. и попечитель учебнаго округа въ Дерптѣ, 1752—1831 г., т. I, 11, 474.

Клокачевъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вице-адмир., 1768—1823 г., т. I, 21.

Кноррингъ, Богданъ Ѳедоровичъ, баронъ, ген. отъ инфантеріи, 1776—1826 г., т. I, 132.

Княжевичъ, Карлъ, польскій генералъ, 1762—1842 г., т. I, 376, 530.

Княжнинъ, Борисъ Яковлевичъ, ген. отъ инфантеріи, сенаторъ, 1777—1854 г., т. I, 516.

Кобервейнъ, т. II, 595.

Ковалевскій, Егоръ Петровичъ, публицистъ-писатель, авторъ книги «Графъ Блудовъ и его время», 1811—1868 г., т. I, 410, 411, 538; т. II, 74, 406, 417, 642, 643.

Кодрингтонъ, Эдуардъ, адмиралъ англійскаго флота, 1770—1851 г., т. II, 105, 107, 108.

Кожевниковъ, подпоручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, декабристъ, т. I, 774.

Кожевниковъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 699, 702, 718, 752.

Кожуховскій, библіотекарь госуд. сов. царства Польскаго, т. I, 531.

Козарскій, Александръ Ивановичъ, т. II, 233.

Козловъ, майоръ, т. I, 527.

Козодаевъ, Александръ Васильевичъ, сенаторъ, 1776—1854 г., т. I, 443.

Кокошкинъ, Сергѣй Александровичъ, сенаторъ, 1785—1861 г., т. II, 310, 393.

Колачковскій, генералъ, т. I, 168, 492, 494.

Колзаковъ, Павелъ Андреевичъ, адъютантъ велик. кн. Константина Павловича, впослѣдствіи адмиралъ, † 1864 г., т. I, 214, 215, 375, 380, 504, 531.

Коловратъ, графъ, австрійскій государственный дѣятель, 1788—1861 г., т. II, 710, 711.

Библиотека "Руниверс"

Кологривовъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 776.

Колокольцовъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 775.

Колошинъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 752, 753, 776.

Колчинъ, кучеръ имп. Николая I, т. II, 757.

Комаровъ, подполковникъ, т. I, 242, 629, 659, 752.

Комаровскій, Евграфъ Ѳедотовичъ, графъ, ген.-адъют., сенаторъ, авторъ «Записокъ», 1769—1843 г., т. I, 323, 324, 325, 442, 520, 670; т. II, 7, 403.

Коновницынъ, графъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 677, 699, 702, 747, 751.

Коновницынъ, Иванъ, графъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 774.

Коновницынъ, Петръ Петровичъ, графъ, генер.-адъют., военный министръ, 1766—1822 г., 41, 42, 50, 51, 53, 56, 58, 59, 60, 66, 478, 479, 481, 481, 511, 565, 566, 568, 569, 570.

Коновницына, т. I, 780.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, 1827—1892 г., т. II, 66, 252, 633, 652, 698, 702, 730.

Константинъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, † 1831 г., т. I, 3, 6, 10, 15, 58, 90, 98, 108, 114, 118, 120, 122, 127, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 143, 144, 147, 152, 154, 155, 166, 169, 170, 174, 180, 182, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 217, 218, 219, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 246, 248, 250, 252, 254, 255, 256, 258, 262, 264, 266, 267, 268, 272, 281, 284, 285, 287, 288, 289, 294, 266, 298, 300, 301, 302, 304, 310, 313, 316, 318, 322, 326, 327, 331, 344, 345, 350, 360, 362, 365, 366, 367, 370, 373, 375, 376, 379, 382, 383, 386, 387, 389, 390, 392, 393, 395, 408, 409, 413, 416, 421, 432, 448, 473, 474, 476, 480, 490, 491, 492, 493, 494, 496, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 509, 516, 517, 518, 520, 521, 522, 523, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 538, 539, 541, 544, 598, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 634, 635, 636, 637, 642, 643, 644, 646, 647, 649, 650, 667, 749, 750, 754; т. II, 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10, 27, 31, 55, 56, 59, 63, 66, 75, 92, 94, 95, 96, 98, 99, 108, 110, 112, 115, 116, 119, 132, 156, 159, 172, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 191, 206, 214, 215, 218, 219, 230, 234, 277, 299, 315, 316, 318, 319, 320, 330, 333, 338, 340, 342, 357, 358, 360, 361, 362, 372, 374, 382, 390, 401, 402, 403, 404, 406, 409, 411, 412, 418, 420, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 433, 435, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 458, 459, 467, 468, 469, 470, 472, 473, 474, 475, 484, 485, 486, 503, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 524, 525, 526, 527, 530, 542, 543, 575, 577, 598.

Корниловъ, Алексѣй Михайловичъ, сенаторъ, 1764—1835 г., т. I, 671.

Корниловъ, Владиміръ Алексѣевичъ, вице-адмиралъ, 1806—1854 г., т. II, 425.

Корниловичъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 238, 247, 298, 658, 676, 695, 701, 736, 747, 751.

Корсаковъ, генералъ, т. I, 21; т. II, 532.

Корсаковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Корфъ, Модестъ Андреевичъ, баронъ, впослѣдствіи графъ, директоръ Имп. Публичной библіотеки, чл. госуд. сов., 1800—1872 г., т. I, 4, 7, 25, 30, 31, 32, 34, 36, 70, 134, 200, 202, 203, 235, 256, 260, 349, 424, 428, 455, 461, 462, 475, 484, 490, 491, 494, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 505, 506, 507, 509, 512, 513, 514, 515, 518, 534, 541; т. II, 16, 392, 393, 402, 489, 620, 625, 626, 628, 629, 633, 634, 635, 636, 637.

Костюшко, Ѳаддей, послѣдній полководецъ Польской республики, 1746—1817 г., т. I, 376, 529, 530; т. II, 516, 591.

Кочубей, Викторъ Павловичъ, графъ, впослѣдствіи князь, мин. внутр. дѣлъ, предсѣд. госуд. сов., 1768—1834 г., т. I, 118, 306, 430, 472, 542, 574; т. II, 31, 32, 33, 37, 119, 187, 200, 250, 392, 393, 407, 408, 450, 489, 534, 535, 536, 548, 549, 555, 661.

Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, надворн. сов., публицистъ, обществ. дѣят., авторъ «Записокъ», 1806—1883 г., т. I, 163, 493, 523, 545.

Кошкаровъ, капитанъ, т. I, 599.

Краевскій, Андрей Александровичъ, писатель-журналистъ, 1810—1889 г., т. II, 636.

Красницкій, поручикъ, декабристъ, т. II, 775.

Краснокутскій, оберъ-прокуроръ сената, дѣйств. статскій совѣтникъ, декабристъ, т. I, 545, 675, 698, 702, 745, 752.

Красовскій, Аѳанасій Ивановичъ, генералъ, † 1843 г., т. II, 35, 85, 91, 204, 238, 451, 458.

Крассовскій, гренадеръ, т. I, 749.

Крафтъ, Логгинъ Юрьевичъ, профессоръ физики, академикъ имп. акад. наукъ, 1743—1814 г., т. I, 28, 32, 475.

Крейтонъ, лейбъ-медикъ, т. I, 72, 482, 582; т. II, 182, 260, 556.

Крейцъ, Кипріанъ Антоновичъ, графъ, генералъ отъ кавалеріи, 1777—1850 г., т. II, 614, 679, 721, 724.

Кречетовъ, полицейскій офицеръ, т. II, 594.

Кривцовъ, Александръ Ивановичъ, ген.-лейтенантъ, 1784—1851 г., т. I, 375, 380, 531.

Кривцовъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 677, 697, 702, 741, 751.

Криницкій, протопресвитеръ, т. I, 114, 184, 186.

Кроузе, адъюнктъ Казанскаго университета, сподвижникъ Магницкаго, т. II, 61.

Крузенштернъ, Иванъ Ѳедоровичъ, адмиралъ, 1770—1846 г., т. II, 413.

Круковецкій, Янъ, графъ, польскій генералъ, 1770—1850 г., т. II, 336, 387.

Кршижановскій, подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго конно-егерскаго полка, т. I, 532, т. II, 98, 515.

Крюденеръ, баронесса, т. I, 479, 480.

Библиотека "Руниверс"

Крюковъ 1, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 693, 701, 731.

Крюковъ 2, поручикъ, декабристъ, т. I, 238, 675, 693, 701, 730.

Кудашевъ, князь, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Кузьминъ, декабристъ, т. I. 446.

Кукольникъ, Василій Григорьевичъ, преподаватель вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, юристъ, 1765—1821 г., т. I, 18, 32.

Кумани, Михаилъ Николаевичъ, адмиралъ, 1770—1865 г., т. II, 210.

Кумберландскій, герцогъ, Эрнстъ-Августъ, т. II, 707.

Куновъ, т. II, 607.

Куракина, Наталья Ивановна, княгиня, статсъ-дама, 1767—1831 г., т. II, 366.

Куракинъ, Алексѣй Борисовичъ, князь, мин. внутр. дѣлъ, чл. госуд. сов., 1759—1829 г., т. I, 292, 438, 501, 502, 503, 508, 616, 670.

Куракинъ, Борисъ Алексѣевичъ, князь, тайн. сов., сенаторъ, 1783—1850 г., т. I, 671.

Куртьяновъ, т. II, 567.

Курута, Дмитрій Дмитріевичъ, графъ, начальникъ штаба цесаревича Константина Павловича, ген. отъ инф., сенаторъ, 1770 -1836 г., т. I, 132, 213, 214, 218, 222, 225, 375, 380, 504, 531; т. II, 8, 94, 458, 518.

Кутайсовъ, Александръ Ивановичъ, графъ, генералъ, 1784—1812 г., т. I, 14, 442.

Кучковскій, генералъ-штабъ-докторъ, дѣйств. статскій совѣтникъ, т. I, 504.

Кушелевъ, Егоръ Александровичъ, сенаторъ, 1765—1825 г., т. I, 501.

Кушниковъ, Сергѣй Сергѣевичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1765—1839 г., т. I, 442, 670.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, коллежскій асессоръ, декабристъ, т. I, 289, 295, 428, 444, 459, 515, 675, 689, 701, 723, 744, 756.

Кюхельбекеръ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 515, 677, 696, 701, 739, 751.

Кэмбель, англійская придворная дама, т. I, 81.

Л.

Лаваль, Иванъ Степановичъ, дѣйств. тайн. сов., 1778—1846 г., т. I, 301.

Лавровъ, Иванъ Павловичъ, тайн. сов., сенаторъ, 1768—1836 г., т. I, 442, 544.

Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитатель имп. Александра I, 1754—1838 г., т. I, 11, 18, 42, 76, 118, 134, 385, 475, 489, 532, 536, 567; т. II, 10, 405.

Лазаревъ, адъютантъ имп. Николая I, т. I, 196, 218, 219, 222, 232, 504, 506, 615.

Лазаревъ, Михаилъ Петровичъ, адмиралъ, 1788—1851 г., т. II, 425, 532, 761.

Лайонъ, Евгенія Васильевна, няня имп. Николая I, т. I, 3, 4, 16, 26, 27, 28.

Лакруа, Поль, французскій историкъ и романистъ, 1806—1884 г., т. I 37, 475, 476, 477, 479, 480, 482, 483, 484, 519; т. II, 435, 439.

Ламздорфъ, Матвѣй Ивановичъ, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., графъ, 1745—1828 г., т. I, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 36, 39, 41, 42, 44, 50, 51, 52, 76, 77, 92, 94, 474, 476, 478, 479, 480, 482, 486, 549, 551, 556, 558, 562, 565, 567, 568.

Ламздорфъ, Константинъ Матвѣевичъ, т. I, 549.

Ламбертъ, Карлъ Осиповичъ, графъ, генер. отъ инф., сенаторъ, 1773—1843 г., т. I, 442, 670.

Ланчъ, т. I, 597.

Ланжеронъ, Александръ Ѳедоровичъ, графъ, ген. отъ инф., новороссійскій ген.-губ., 1765—1831 г., т. I, 152, 670; т. II, 178, 195, 204, 366, 446.

Ланской, Василій Сергѣевичъ, дѣйств. тайн. сов., мин. внутр. дѣлъ, чл. госуд. сов., 1762—1831 г., т. I, 152, 381, 429, 464, 471, 501, 542, 670.

Ланской, Дмитрій Сергѣевичъ, тайн. сов., чл. госуд. сов., † 1833 г., т. I, 671.

Лаппа, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 700, 702, 748, 752.

Лаферронэ, графъ, французскій посолъ при русскомъ дворѣ, т. I, 311, 342, 343, 347, 348, 368, 372, 373, 399, 402, 403, 412, 453, 524, 528; т. II, 296, 298.

Лачиновъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Лачиновъ, статскій совѣтникъ, т. II, 550.

Лебланъ, медикъ, т. II, 604.

Лебцельтернъ, графъ, австрійскій посолъ при русскомъ дворѣ, т. I, 348, 416, 424.

Левашовъ, Василій Васильевичъ, графъ, ген.-адъют., предсѣд. госуд. сов., 1783—1848 г., т. I, 280, 287, 288, 289, 298, 329, 332, 523, 597; т. II, 742.

Ледоховскій, Францъ, т. II, 525, 526.

Лейхтенбергскій, герцогъ, т. II, 743.

Лелевель, сеймовый посолъ, т. I, 532; т. II, 476, 589.

Леманъ, т. II, 726, 727.

Леманъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 774.

Ленкевичъ, т. II, 428.

Леонтьевъ, Николай Николаевичъ, генералъ-майоръ, 1776—1831 г., т. II, 614.

Леопольдъ I, король бельгійскій, 1790—1865 г., т. I, 80; т. II, 314, 469, 509, 564, 648.

Леопольдъ, Карлъ-Фридрихъ, великій герцогъ баденскій, т. I, 399.

Леопольдъ II, императоръ австрійскій, † 1792 г., т. I, 8.

Леопольдъ, великій герцогъ тосканскій, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1797—1870 г., т. II, 520.

Лерошжакеленъ, французскій эмигрантъ, т. II, 296.

Лефортъ, Францъ Яковлевичъ, адмиралъ Петра I, 1656—1699 г., т. II, 566.

Библиотека "Руниверс"

Лещинскій, Францъ, т. II, 527.

Ливенъ, Карлъ Андреевичъ, князь, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., мин. нар. просв., 1766—1844 г., т. I, 442, 670; т. II, 36.

Ливенъ, Христофоръ Андреевичъ, князь, дипломатъ, посолъ въ Лондонѣ, 1777—1838 г., т. I, 74, 78, 481, 483, 581, 582, 583, 585; т. II, 103, 105, 287, 290, 427, 465, 466, 506, 508, 509, 548, 691, 692.

Ливенъ, Дарья Христофоровна, жена предыдущаго, † 1857 г., т. I, 81, 483.

Ливенъ, Шарлотта Карловна, свѣтлѣйш. княгиня, воспитательница великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, 1742—1828 г., т. I, 1, 3, 4, 6, 26, 88, 92, 461, 473; т. II, 8, 403.

Лигницъ, кн., графиня Гогенцоллернъ, урожд. графиня Гаррахъ, морганатическая супруга прусск. кор. Фридриха III, т. I, 158, 159, 494; т. II, 707.

Лизицкій, польскій писатель, т. I, 532; т. II, 422.

Линденъ, т. II, 578.

Липуновъ, сподвижникъ Магницкаго, бухгалтеръ Казанскаго университета, т. II, 60.

Лисовскій, поручикъ, декабристъ, т. I, 675, 697, 702, 741, 751.

Литта, Юлій Помпеевичъ, графъ, оберъ-камергеръ, чл. госуд. сов., 1763—1839 г., т. I, 190, 263, 500, 501.

Лихаревъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 238, 675, 697, 702, 740.

Лихтенштейнъ, Іоаннъ-Іосифъ, князь, австрійскій генералъ, 1760—1836 г., т. II, 709, 710, 716, 717.

Ллойдъ, т. I, 64.

Лобановъ-Ростовскій, Дмитрій Ивановичъ, князь, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., мин. юстиціи, 1752—1832 г., т. I, 187, 192, 196, 198, 252, 254, 266, 286, 288, 292, 316, 438, 499, 501, 507, 616; т. II, 36, 79.

Лобановъ-Ростовскій, Яковъ Ивановичъ, князь, оберъ-камергеръ, военн. мин., чл. госуд. сов., 1760—1831 г., т. I, 501, 616, 670.

Ловичъ, Іоанна Антоновна, урожд. гр. Грудзинская, вторая супруга цесаревича Константина Павловича, т. I, 132, 134, 166, 170, 180, 205, 213, 230, 491; т. II, 4, 218, 219, 220, 357, 360, 361, 362, 374, 392, 458.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, натуралистъ, филологъ, литераторъ, членъ академіи наукъ 1711—1765 г. т. I, 8.

Лонгиновъ, Николай Михаловичъ, статсъ-секретарь, д. тайн. сов., чл. госуд. сов., сенаторъ, 1775—1853 г.; т. I, 421, 510.

Лондыревъ, рейткнехтъ имп. Николая I, т. I, 285.

Лопухинъ, Петръ Васильевичъ, князь, предсѣдатель государств. совѣта 1753—1827 г., т. I, 182, 187, 188, 190, 191, 195, 196, 219, 221, 232, 252, 254, 263, 264, 292, 438, 443, 446, 460, 499, 501, 502, 503, 507, 508, 509, 520, 542, 613, 614, 670; т. II, 3[illegible].

Лопухинъ, декабристъ, т. I, 320.

Лосевъ, юнкеръ, декабристъ, т. I, 776.

Лореръ, майоръ, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 736.

Лоттумъ, камергеръ прусскаго двора, т. I, 83.

Луиза, королева, супруга Фридриха-Вильгельма III, мать имп. Александры Ѳеодоровны, 1776—1810 г., т. I, 61, 83, 485.

Лукаду, прусскій майоръ, т. I, 83.

Лукинъ, Михаилъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 676, 693, 701, 730.

Лукьяновичъ, П., т. II, 439.

Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, т. I, 375, 529, 545, 575, 663.

Лутковскій, мичманъ, декабристъ, т. I, 776.

Львовъ, сенаторъ, т. I, 66, 575.

Львовъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, оберъ-гофмейстеръ, композиторъ, 1799—1870 г., т. I, 474, т II, 709.

Любецкій, князь, министръ финансовъ царства Польскаго, т. II, 2, 4, 326, 327, 402, 473, 579.

Любимовъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 779.

Люблинскій, дворянинъ, декабристъ, т. I, 675, 697, 702, 740, 751.

Людвигъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1784—1864 г., т. II, 719.

Людинсгаузенъ, Вольфъ, баронъ, т. II, 140.

Людовикъ XIV, король французскій, 1638—1715 г., т. II, 287.

Людовикъ XVI, Августъ, король французскій, 1754—1793 г., т. I, 475, 519.

Людовикъ XVIII, король французскій 1755—1824, т. I, 54, 477, 482, 567.

Людовикъ, Филиппъ, король французскій, 1773—1850 г., т. II, 288, 300, 303, 305, 311, 488, 619, 621, 623, 648, 651, 673, 682.

Люце, генералъ-майоръ, т. II, 486.

Лядуховскій, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 779.

М.

Мавринъ, Семенъ Филипповичъ, сенаторъ, 1772—1850 г., т. I, 671.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, попечитель Казанскаго учебн. округа, 1778—1835 г., т, II, 39, 60, 61, 62, 412.

Магометъ-Асетъ, паша, т. II, 750.

Мадатовъ, Валерьянъ Григорьевичъ, князь, генералъ-лейтенантъ, 1782—1828 г., т. II, 140, 160, 529.

Маевскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 98.

Библиотека "Руниверс"

Майборода, Аркадій, капитанъ Вятскаго пѣх. полка, т. I, 178, 235, 242, 243, 244, 247, 362, 507, 526, 620, 621, 622, 628, 629, 662.

Майковъ, Аполлонъ Александровичъ, директоръ императорскихъ театровъ, т. I, 512, 514.

Макіавелли, итальянскій дипломатъ, 1469—1527 г., т. II, 110, 426.

Максутовъ, Петръ, князь, т. I, 429, 542.

Малаховскій, Казимиръ, польскій генералъ, участникъ возстанія, 1765—1845 г., т. II, 336.

Малаховскій, Густавъ, т. I, 532.

Малеевъ, т. II, 612.

Малиновскій, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 776.

Малышевъ, камердинеръ имп. Николая I, т. II, 757.

Мальцевъ, секретарь русскаго посольства въ Тегеранѣ, т. II, 212.

Мальчевскій, Юліанъ, т. II, 525, 526.

Малютинъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 774.

Мандерштернъ, Евгеній Егоровичъ, генералъ-лейтенантъ, 1796 — 1866 г., т. II, 740.

Манжосъ, т. II, 612.

Мансуровъ, Павелъ Александровичъ, тайн. сов., сенаторъ, 1759—1834 г., т. I, 671.

Мантейфель, графъ, адъютантъ гр. Милорадовича, т. I, 197, 244, 247, 503.

Маратъ, Жанъ Поль, 1744 — 1793 г., французскій революціонеръ, членъ конвента, т. I, 371, 510.

Маріанна, принцесса, т. I, 158.

Марія Александровна, императрица, супруга Александра II, 1824—1880 г., т. I, 485.

Марія Николаевна, вел. княгиня, супруга Максимиліана, герц. лейхтенбергск., 1819—1876 г., т. I, 146, 166; т. II, 124, 156, 437, 654, 696, 697, 739, 743, 745, 746.

Марія Павловна, великая княжна, впослѣдствіи герцогиня саксенъ-веймарская † 1859 г., т. I. 1, 6, 41, 78, 136, 137, 166, 476, 477, 494, 550, 553, 595, 598, 609; т. II, 226, 404, 518, 676.

Марія Ѳеодоровна, императрица, супруга имп. Павла I, 1859—1828 г., т. I, 1, 2, 3, 6, 8, 13, 14, 16, 18, 19, 22, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 37, 38, 39, 40, 42, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 66, 68, 72, 74, 76, 78, 79, 81, 87, 88, 92, 94, 98, 99, 102, 103, 108, 114, 117, 118, 124, 128, 129, 130, 131, 137, 139, 143, 146, 171, 174, 179, 180, 181, 183, 184, 192, 203, 206, 207, 208, 215, 220, 227, 229, 231, 250, 282, 292, 293, 294, 304, 305, 306, 333, 334, 395, 405, 421, 447, 474, 476, 477, 478, 480, 481, 482, 483, 484, 490, 495, 497, 500, 504, 506, 512, 518, 562, 564, 565, 566, 568, 569, 572, 573, 576, 577, 578, 579, 581, 583, 585, 609, 617, 620, 643; т. II, 1, 8, 43, 124, 154, 180, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 401, 409, 436, 438, 441, 493, 494, 500, 532, 541, 566, 657.

Марія, принцесса саксенъ-веймарская, т. I, 494.

Маркевичъ, Андрей Ивановичъ, ген.-лейтен., преподаватель военныхъ наукъ имп. Николая I, т. I, 35, 64.

Мармонъ, Огюстъ Фредерикъ-Луи, герцогъ Рагузскій, франц. маршалъ, 1774—1852 г., т. II, 1, 2, 12, 401, 402.

Мартенсъ, Оедоръ Оедоровичъ, профессоръ международнаго права въ Петербургскомъ унив., род. 1845 г., т. I, 538; т. II, 460.

Мартосъ, Алексѣй Ивановичъ, авторъ «Записокъ», т. I, 487.

Мартыновъ, майоръ, декабристъ, т. I, 775.

Марченко, Василій Романовичъ, дѣйств. тайн. сов., государств. секретарь, 1782—1840 г., т. I. 292, 489, 512, 516, 541.

Матгожевичъ, Яковъ, т. II, 525, 527.

Матусевичъ, графъ, дипломатъ 1796—1842 г., т. II, 124, 159, 506, 532, 666.

Матюнина, т. I, 597.

Махмутъ II, султанъ турецкій, 1785—1839 г, т. I, 539; т. II, 106, 191, 265, 271, 450.

Мевесъ, т. II, 612.

Мегметъ-Али, вице-король египетскій, 1769—1849 г., т. II, 104, 651, 659, 660, 661, 662, 663.

Мегмедъ-Гади, турецкій дипломатъ, т. I, 416.

Мегметъ-Садикъ-Ефенди, т. II, 459.

Медемъ, Павелъ Ивановичъ, графъ, тайный совѣтникъ, дипломатъ, 1800 — 1854 г., т. II, 620.

Мейендорфъ, Петръ Казимировичъ, баронъ. членъ госуд. сов., 1796—1863 г., т. II, 567, 570.

Мейендорфъ, Феликсъ Казимировичъ, баронъ, дипломатъ, † 1870 г., т. II, 620, 646.

Мекленбургъ-Шверинскій, наслѣдный принцъ, т. I, 399; т. II, 704, 707.

Меллеръ-Закомельскій, Петръ Ивановичъ, бар., генералъ отъ арт., военный министръ († 1823 г.), т. I, 152.

Мельгуновъ, генералъ-майоръ, т. II, 428, 547.

Меншиковъ, Александръ Данидовичъ, свѣтл. князь, генералиссимусъ, 1673—1729 г., т. II, 55, 650.

Меншиковъ, Александръ Сергѣевичъ, князь, ген.-адъют., адм., морской министръ, чл. госуд. совѣта, 1787—1869 г., т. I, 102, 123, 163, 164, 358, 486, 487, 493, 519, 525; т. II 27, 64, 65, 66, 80, 103, 122, 123, 142, 148, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 164, 165, 170, 262, 288, 364. 392, 407, 413, 436, 437, 438, 461, 463, 472, 481, 533, 559, 560, 600, 620, 632, 633, 634, 636.

Меньковъ, Петръ Кононовичъ, генералъ-лейтенантъ, военн. писатель, 1814—1875 г., т. II, 406, 484.

Мердеръ, Карлъ Карловичъ, генер.-адъют., ген.-майоръ, воспитатель императора Александра II-го, 1787—1834 г., т. I, 156, 492; т. II, 216.

Мерсье, французскій дипломатъ, т. II, 622.

Библиотека "Руниверс"

Мертенсъ, Василій Ѳедоровичъ, сенаторъ, 1762—1839 г., т. I, 671.

Меттерниховъ, князь, австрійскій канцлеръ, 1773—1859 г., т. I, 56, 155, 163, 410, 415, 416, 436, 437, 492, 539; т. II, 107, 111, 112, 192, 258, 424, 426, 457, 504, 505, 506, 507, 508, 523, 524, 623, 676, 677, 705, 710, 711, 713, 714, 715, 716, 718.

Меттерниховъ, княгиня, т. II, 678, 717, 718.

Мечниковъ, Евграфъ Ильичъ, сенаторъ, 1770—1836 г., т. I, 671.

Мещерскій, Владиміръ Петровичъ, князь, писатель, т. I, 489.

Мещерскій, Петръ Сергѣевичъ, князь, оберъ-прокуроръ синода, сенаторъ, 1777—1856 г., т. II, 500.

донъ-**Мигуель,** Марія-Эваристъ, претендентъ на португальскій престолъ, 1802—1866 г., т. II, 683.

Миклашевскій, подполковникъ, декабристъ, т. I, 752, 778.

Микорскій, т. II, 516.

Микулинъ, Василій Яковлевичъ, генералъ-адъютантъ, т. I, 285.

Миллеръ, мэтръ-д-отель имп. Николая I, т. II, 760.

Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, графъ, петербургск. ген.-губ., чл. госуд. сов., †1825 г., т. I, 149, 163, 182, 183, 186, 188, 189, 190, 194, 197, 198, 204, 207, 208, 211, 212, 226, 243, 244, 245, 246, 247, 260, 262, 270, 289, 284, 285, 292, 297, 298, 300, 301, 304, 324, 331, 332, 349, 352, 447, 448, 457, 496, 498, 499, 500, 502, 503, 504, 505, 508, 512, 513, 518, 602, 613, 614, 615, 616, 636, 667, 668, 688, 689, 720, 721, 750; т. II, 60.

Мильцинскій, т. II, 515.

Мининъ, герой смутн. времени, †1616 г., т. I, 327; т. II, 690.

Минкина, Настасья Ѳедоровна, домоправительница гр. Аракчеева, т. I, 177, 179; т. II, 412, 498, 498, 500, 501, 502.

Минчіаки, дѣйств. ст. сов., дипломатъ, т. II, 112, 424, 529.

Мирабо, дѣятель французской революціи, род. 1749 г., т. II, 466.

Миріанъ, царевичъ, сенаторъ, т. I, 671.

Мировичъ, Василій, подпоручикъ, т. I, 653, 764, 765.

Митрофановъ, епископъ воронежскій, 1623—1703 г., т. II, 658, 659, 739.

Митьковъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 650, 676, 693, 701, 731, 752, 753.

Михайловскій-Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген., военный историкъ, авторъ «Дневника», 1790 — 1848 г., т. I, 15, 54, 55, 119, 144, 176, 354, 356, 395, 409, 489, 490, 493, 495, 525, 536, 671; т. II, 47, 245, 246, 405, 410, 459.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, род. 1832 г., т. II, 659, 698.

Михаилъ Павловичъ, великій князь 1798—1848 г., т. I, 4, 6, 7, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 25, 26, 36, 41, 47, 50, 54, 55, 56, 87, 88, 92, 94, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 108, 124, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 148, 156, 166, 175, 180, 190, 196, 202, 206, 213, 214, 216, 220, 226, 227, 228, 230, 231, 232, 252, 256, 259, 263, 264, 266, 282, 286, 287, 288, 289, 290, 301, 306, 308, 315, 316, 332, 336, 349, 356, 381, 404, 405, 407, 421, 454, 459, 476, 477, 478, 480, 481, 486, 487, 490, 495, 501, 503, 506, 515, 524, 553, 554, 555, 560, 568, 569, 570, 596, 599, 603, 619, 620, 631, 634, 635, 636, 637, 638, 643, 689, 701, 723, 744, 756; т. II, 4, 6, 8, 37, 76, 91, 119, 123, 124, 127, 128, 140, 148, 150, 175, 183, 184, 216, 218, 230, 237, 277, 327, 358, 374, 378, 391, 408, 437, 440, 441, 454, 473, 483, 485, 526, 532, 534, 535, 619, 687, 701, 706, 743, 746.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 1596—1645 г., т. II, 689, 690.

Мицельскій, капитанъ, адъютантъ цесаревича, т. I, 532.

Моденъ, Гавріилъ Францевичъ, графъ, оберъ-егермейстеръ, 1774—1833 г., т. I, 110, 356, 487, 488, 494, 496; т. II, 600.

Мозалевскій, декабристъ, т. I, 446.

Мозгалевскій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 699, 702, 746, 751.

Мозганъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 735.

Моисеевъ, унтеръ-офицеръ, т. I, 749.

Моллеръ, Антонъ Васильевичъ, адмиралъ, морской министръ 1764—1848 г., т. II, 64, 66.

Моллеръ, Ѳедоръ Васильевичъ, вице-адмиралъ, т. I, 487.

Мольтке, Гельмутъ Карлъ Бернгардъ, графъ, германскій фельдмаршалъ, 1800—1891 г., т. II, 106, 137, 142, 143, 168, 178, 210, 234, 434, 435, 438, 440.

Монтекукули, графъ Раймундъ, австрійскій полководецъ, военный писатель 1609—1681 г., т. II, 471.

Монферанъ, Августинъ Антоновичъ, дѣйств. ст. сов., архитекторъ 1784—1858 г., т. I, 537.

Мордвиновъ, Николай Семеновичъ, графъ, адмиралъ, предсѣд. департ. государст. экономіи госуд. сов., 1754—1845 г., т. I, 190, 264, 272, 320, 322, 423, 426, 501, 520, 521, 541, 670.

Моренгеймъ, баронъ, т. I, 375, 380, 531.

Морковъ, Аркадій Ивановичъ, графъ, дипломатъ, чл. госуд. сов., 1747—1827 г., т. I, 501, 616, 670.

Мортемаръ, графъ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, род. 1787 г., т. II, 124, 298, 304.

Мортье, французскій маршалъ, 1768—1835 г., т. II, 651, 652, 701.

Мохнацкій, Маврикій, 1803—1835 г., польскій писатель, т. I, 384.

Мошинскій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 152.

Мощенскій, графъ, т. II, 423.

Музовской, Николай Васильевичъ, протоіерей, оберъ-священникъ, † 1848 г., т. I, 64, 83, 90.

Муръ, Томасъ, англійскій поэтъ, 1799—1852 г., т. I, 146.

Муравьевъ, Александръ Никитичъ, декабристъ, т. I, 363, 436, 444, 542, 543, 675, 696, 701, 737, 751, 755.

Библиотека "Руниверс"

Муравьевъ, Александръ Николаевичъ, декабристъ, впослѣдствіи нижегородскій губернаторъ, 1791 — 1864 г., т. I, 452, 520, 543, 677, 697, 702, 739, 751.

Муравьевъ, Артамонъ Захаровичъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 458, 663, 675, 690, 700, 724, 751.

Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ государств. совѣта, 1796—1866 г., т. II, 272, 724.

Муравьевъ, Никита, капитанъ, декабристъ, т. I, 238, 242, 244, 247, 320, 444, 621, 650, 653, 660, 661, 674, 691, 701, 726, 751, 752, 753, 754, 755, 780.

Муравьевъ, Николай Назаровичъ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, † 1845 г., т. I, 546; т. II, 37, 407, 534.

Муравьевъ, Николай Николаевичъ, генералъ отъ инфантеріи, намѣстникъ Кавказа, 1794 — 1866 г., т. II, 660, 661, 662, 746.

Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ, сенаторъ 1769—1851 г., т. I, 424, 520.

Муравьевъ-Апостолъ, Ипполитъ Ивановичъ, т. I, 446.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ, отст. подполковникъ, декабристъ, т. I, 366, 436, 414, 527, 639, 640, 641, 650, 651, 652, 657, 660, 661, 663, 674, 689, 701, 721, 751, 752, 753, 754, 755.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 365, 366, 443, 452, 456, 527, 528, 639, 640, 658, 659, 662, 663, 674, 687, 704, 719, 752, 753.

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, графъ, Василій Валентиновичъ, оберъ-шенкъ, 1775—1836 г., т. II, 666.

Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, 1795—1862 г., т. II, 119.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 777.

Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 677, 700, 702, 749.

Мутіусъ, офицеръ прусской службы, т. I, 83.

Мухановъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 676, 695, 701, 734.

Мухановъ, Сергѣй Ильичъ, оберъ-шталмейстеръ, т. I, 582.

Мухановъ, т. II, 562.

Муширъ-Ахметъ, паша, т. II, 743.

Мысловскій, Петръ Николаевичъ, протоіерей членъ росс. акад., 1777—1846 г., т. I, 444, 454, 456.

Мюфлингъ, Фридрихъ, прусскій фельдмаршалъ, историкъ, 1775—1851 г., т. II, 228, 247, 269, 272, 274, 457, 459.

Мятлева, т. I, 597.

Н.

Назимовъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 678, 698, 702, 745.

Наполеонъ I, императоръ французскій, 1769—1821 г., т. 35, 38, 42, 44, 46, 48, 54, 68, 84, 104, 400, 533, 566; т. II, 30, 92, 218, 268, 299, 311, 382, 421, 429, 466, 543, 581, 652, 656, 672, 679, 703, 706.

Наполеонъ III, императоръ французскій, 1808—1873 г., т. I, 639.

Нарышкинъ, Кириллъ Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ 1786—1838 г., т. I, 110, 264, 487, 488.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, ген.-адъют., ген.-лейтенантъ, † 1845 г., т. I, 132.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, 1733—1799 г., т. I, 3.

Нарышкинъ, М. М., т. I, 163.

Нарышкинъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 677, 696, 701, 738, 752.

Нассаускій, герцогъ, т. II, 676, 680, 701, 702, 703, 707.

Натцмеръ, прусскій генералъ, т. I, 83, 84, 85, 86, 90, 92, 94, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 484, 485, 486, 487, 488, 489; т. II, 743.

Нахимовъ, Павелъ Степановичъ, адмиралъ, герой севастопольской обороны, 1803—1855 г., т. II, 234, 425.

Нащокинъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Невенгловскій, дворянинъ, декабристъ, т. I, 776.

Неджибъ-Сулейманъ-Ефенди, т. II, 265.

Нейдгартъ, Александръ Ивановичъ, ген. отъ инф., военный писатель, 1784—1845 г., т. I, 186, 282, 283, 499, 614, 616; т. II, 328, 352, 454, 480, 482, 560, 590.

Нелидова, Екатерина Ивановна, камеръ-фрейлина имп. Маріи Ѳеодоровны, 1758—1834 г., т. I, 98, 486.

Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1834 г., т. I, 671.

Немоевскій, Бонавентура, т. II, 376.

Непенинъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 778.

Нессельроде, Карлъ Васильевичъ, графъ, государственный канцлеръ, 1780—1862 г., т. I, 75, 76, 80, 92, 190, 250, 262, 358, 368, 410, 414, 416, 424, 482, 501, 505, 525, 535, 559, 585, 670, 776; т. II, 79, 80, 105, 107, 112, 124, 150, 174, 187, 212, 240, 248, 250, 252, 254, 256, 259, 260, 262, 287, 308, 310, 319, 327, 424, 427, 428, 459, 460, 461, 462, 464, 465, 469, 471, 473, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 532, 548, 549, 556, 559, 560, 575, 582, 621, 625, 626, 628, 629, 632, 640, 644, 645, 646, 666, 676, 677.

Нессельроде, Марія Дмитріевна, графиня, жена предыдущаго, статсъ-дама, т. I, 204, 224, 503, 507, 508, 509, 518, 519; т. II, 186, 449, 452.

Библиотека "Руниверс"

Никитинъ, Алексѣй Петровичъ, графъ. генералъ отъ кавалеріи, членъ госуд. сов., 1777—1858 г., т. II, 724.

Никитинъ, коллежск. сов., сенатскій чиновникъ, т. I. 196, 252.

Николаева, М. С., авторъ «Записокъ», т. II, 418.

Николаевъ, Степанъ Степановичъ, ген.-лейт., т. I, 178, 235, 238, 239, 241, 244, 247, 362, 363, 507, 622, 623, 625, 626, 628, 631, 632, 633, 638, 639.

Николаи, Андрей Львовичъ, баронъ, президентъ академіи наукъ, 1738—1820 г., т. I, 6, 8.

Николаи, Павелъ Андреевичъ, баронъ, дипломатъ, 1777—1847 г., т. I, 72, 77, 483.

Николай Николаевичъ, великій князь, 1835—1891 г., т. II, 372, 487, 614, 698.

Новоменскій, губернскій регистраторъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Новосильцева, Екатерина Владимировна, т. I, 608, 610.

Новосильцевъ, Владиміръ Дмитріевичъ, флигель-адъютантъ, т. I, 237, 495, 607.

Новосильцевъ, М. М., т. I, 531.

Новосильцевъ, Николай Николаевичъ, дѣйст. тайн. сов., предсѣд. госуд. сов., 1761—1836 г., т. I, 214, 375, 380, 381; т. II, 214, 390, 452, 454.

Новосильцевъ, адъютантъ московск. ген.-губ., т. I, 615.

Норовъ, отст. подполковникъ, декабристъ, т. I, 676, 694, 701, 732.

Ностицъ, прусскій генералъ, т. II, 116, 124, 174.

Нынковскій, Константинъ, т. II, 525, 526.

О.

Оболенскій, Евгеній Петровичъ, князь, поручикъ, декабристъ, т. I, 163, 262, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 286, 288, 298, 301, 433, 434, 448, 458, 508, 510, 511, 513, 650, 651, 653, 654, 656, 657, 674, 688, 700, 720, 752, 753, 755, 756.

Оболенскій, князь, поручикъ, декабристъ, т. I, 778.

Обресковъ, Михаилъ Алексѣевичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1756—1842 г., т. I, 671.

Обручевъ, Владиміръ Аѳанасьевичъ, генералъ отъ инфантеріи 1795—1866 г., т. II, 204, 459, 591.

Одоевскій, Александръ Ивановичъ, князь, корнетъ, декабристъ, т. I, 511, 675, 696, 701, 738.

Ожаровскій, Адамъ Петровичъ, гр., ген.-адъют., ген. отъ кав., сенаторъ 1776—1855 г., т. 480, 597.

Озерецковскій, жандармскій офицеръ, т. II, 714.

Озерова, Е. П., т. II, 567.

Олейниковъ, врачъ, т. II, 436.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ, дѣйств. тайн. сов., статсъ-секр., членъ госуд. сов., 1763—1843 г., т. I, 188, 192, 195, 196, 198, 202, 203, 263, 499, 500, 508, 542, 616.

Оливъ, Вильгельмъ Николаевичъ, т. II, 429.

Ольга Николаевна, вел. княгиня, впослѣдствіи королева Виртембергская, т. I, 148; т. II, 654, 702, 715, 739.

Ольгердъ, великій князь литовскій, 1341—1377 г., т. I, 384.

Ольденборгеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, тайный совѣтникъ, 1790—1873 г., т. II, 57.

Ольшевскій, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 775.

Омеръ-Вріоне, турецкій полководецъ, т. II, 167, 168, 169, 178.

Опочининъ, Ѳедоръ Петровичъ, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., 1779—1852 г., т. I, 127, 196, 232, 375, 378, 379, 382, 383, 494, 502, 529, 531, 532; т. II, 10, 93, 94, 214, 320, 342, 357, 358, 361, 472, 484, 485.

Опперманъ, Карлъ Ивановичъ, графъ, инж. генералъ, 1756—1831 г., т. I, 35, 48, 670; т. II, 239, 356.

Оранскій, принцъ, см. Вильгельмъ II, кор. нидерландскій.

Оржитскій, отст. штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 677, 699, 702, 746.

Орловъ, Алексѣй Осдоровичъ, князь, ген.-адъют., предс. госуд. совѣта, 1787—1862 г., т. I, 123, 124, 282, 286, 356, 358, 489, 523; т. II, 67, 80, 125, 174, 224, 244, 254, 262, 265, 266, 294, 302, 303, 338, 354, 371, 389, 451, 463, 464, 483, 484, 505, 561, 600, 608, 609, 613, 614, 615, 622, 626, 633, 634, 639, 648, 662, 663, 670, 702, 735, 738, 739, 754, 756.

Орловъ, Григорій Владиміровичъ, графъ, тайн. сов., сенаторъ, т. I, 671.

Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, генералъ-майоръ, декабристъ, т. I, 162, 238, 320, 356, 446, 447, 520, 523, 544, 545, 640, 752, 777.

Орловъ-Денисовъ, Василій Васильевичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ кав., 1780—1843 г., т. I, 396, 405.

Орлова-Чесменская, Анна Алексѣевна, графиня, 1785—1848 г., т. II, 1, 12, 401, 405, 417, 698, 700.

Орловъ-Чесменскій, Алексѣй Григорьевичъ, графъ, адмиралъ, 1737—1808 г., т. II, 728.

Оскерко, т. II, 423.

Оссолинскій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Остерманъ-Толстой, Александръ Ивановичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, † 1857, т. II, 713.

Островскій, дворянинъ, декабристъ, т. I, 776.

Оттенфельсъ, австрійскій дипломатъ, т. I, 415; т. II, 258, 719.

Оттонъ II Рыжій, римскій имп., 955—983 г., т. I, 32, 565.

Библиотека "Руниверс"

Оттонъ, принцъ баварскій, впослѣдствіи король греческій Оттонъ I-й, 1815—1867 г., т. II, 509.

Оффенбергъ, Оедоръ Петровичъ, баронъ, генералъ отъ кавалеріи, 1789—1856 г., т. II, 696.

П.

Павелъ I, императоръ 1754—1801 г., т. I, 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 26, 49, 127, 131, 154, 224, 255, 311, 312, 450, 473, 475, 489, 490, 495, 764; т. II, 44, 185, 499, 500, 733.

Павловъ, поручикъ Черниговскаго полка, т. I, 366.

Павловскій, Станиславъ Андреевичъ, медикъ-хирургъ, т. II, 436.

Паленъ, Павелъ Петровичъ, графъ, генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ, 1775—1834 г., т. II, 423, 481, 547, 762.

Паленъ, Петръ Алексѣевичъ, графъ, ген. отъ кавалеріи, петербургскій ген.-губ., 1745—1825 г., т. I, 295, 420.

Паленъ, Петръ Петровичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-инспекторъ кавалеріи, 1778—1864 г., т. II, 204, 324, 481, 531, 575, 666.

Паленъ, Фридрихъ Петровичъ, графъ, дипломатъ, дѣйств. тайн. сов., 1781—1863 г., т. II, 127, 204, 244.

Палицынъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 779.

Панаевъ, Владимиръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, писатель, 1792—1859 г., т. II, 623, 629.

Панкратьевъ, варшавскій военный генералъ-губернаторъ, т. II, 352, 719, 720.

Пановъ, Николай Ивановичъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 287, 675, 692, 700, 728, 750.

Пановъ, Оедоръ Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, 1804—1870 г., т. II, 594, 609.

Пановъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 774.

Пантелеевъ, полковникъ, т. II, 567.

Папа-Христо, Григорій Аргировичъ, вице-адмиралъ, 1780—1848 г., т. II, 174.

Парижскій, графъ, принцъ Людовикъ Филиппъ Альбертъ Орлеанскій, 1838—1894 г., т. II, 619.

Парротъ, Георгъ Фридрихъ, русскій физикъ, другъ имп. Александра I-го, 1767—1852 г., т. I, 76; т. II, 383, 488.

Паскевичъ, Иванъ Оедоровичъ, князь Варшавскій, графъ Эриванскій, ген.-фельдмаршалъ, 1782—1856 г., т. I, 46, 102, 103, 104, 124, 126, 127, 227, 477, 485, 487, 490, 670; т. II, 22, 24, 26, 27, 28, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 80, 81, 83, 85, 86, 88, 89, 90, 92, 93, 103, 114, 179, 191, 196, 211, 212, 240, 242, 243, 244, 254, 255, 259, 260, 263, 264, 344, 349, 352, 355, 356, 365, 366, 370, 372, 374, 375, 376, 380, 384, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 395, 406, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 446, 451, 461, 462, 465, 481, 482, 484, 487, 488, 489, 490, 510. 550, 557, 560, 561, 581, 588, 589, 590, 612, 614, 624, 625, 649, 669, 679, 680, 686, 695, 703, 706, 709, 719, 721, 750, 756, 759.

Паскевичъ, Елизавета Алексѣевна, статсъ-дама, супруга фельдмаршала, 1795—1856 г., т. II, 695.

Паскевичъ, Оедоръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, сынъ фельдмаршала, т. II, 376, 612.

Паскевичъ, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 777.

Паткуль, Александръ Владимировичъ, генер.-адъютантъ, совоспитанникъ имп. Александра II-го, т. II, 684.

Пацъ, Людовикъ Михаилъ, графъ, участникъ польскаго возстанія, 1780—1835 г., т. II, 395.

Пашкова, т. I, 597.

Пашковъ, Василій Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, членъ госуд. совѣта, 1762—1838 г., т. I, 501.

Пашковъ, петербургскій домовладѣлецъ, т. II, 606.

Педицкій, Юліанъ, т. II, 525, 527.

Донъ-Педро, т. II, 683.

Перетцъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 778; т. II, 31.

Перовскій, Василій Алексѣевичъ, графъ, ген.-адъют., ген.-отъ-кав., чл. госуд. сов., 1794—1857 г., т. I, 285, 498; т. II, 436, 595, 598, 600.

Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 238, 240, 242, 243, 244, 320, 362, 363, 369, 374, 443, 447, 448, 456, 517, 520, 627, 528, 541, 544, 621, 625, 629, 638, 639, 640, 641, 642, 650, 651, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 674, 686, 691, 696, 704, 718, 752, 753, 754.

Пестовъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I. 674, 691, 700, 727.

Петръ I, императоръ, 1672—1725 г., т. I, 47, 132, 200, 286, 348, 456, 666, 762; т. II, 16, 36, 125, 144, 184, 220, 287, 566, 567. 568, 636, 650, 664, 666, 667, 697, 699, 700, 703, 729, 834.

Петръ III, императоръ, 1728 — 1762 г., т. I, 15, 495.

Пироговъ, Ипполитъ Ивановичъ, генералъ, т. I, 242.

Писаревъ, мичманъ, декабристъ, т. I, 776.

Плещеевъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 776.

Плещеевъ, т. I, 94.

Плисовъ, Моисей Гордеевичъ, профессоръ Петербургскаго унив., 1782—1853 г., т. II, 62.

Плихта, секретарь госуд. совѣта царства Польскаго, т. I, 531; т. II, 98.

Повало-Швейковскій, полковникъ, декабристъ, т. I, 654, 675, 692, 700, 720, 751, 752.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, профессоръ Московскаго унив., 1800 — 1875 г., т. I, 420, 516, 546; т. II, 82, 83, 389, 417, 419, 489.

Библиотека "Руниверс"

Поджіо, отст. подполковникъ, декабристъ, т. I, 650, 661, 662, 663, 675, 690, 700, 723, 727, 752.

Поджіо, отст. штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 676, 695, 701, 735, 751.

Пожарскій, Дмитрій Михайловичъ, князь, герой смутнаго времени, 1578 — 1642 г., т. I, 327.

Поздѣевъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Полежаевъ, Александръ Ивановичъ, поэтъ, 1805—1838 г., т. II, 20.

Полетика, Петръ Ивановичъ, сенаторъ, 1778—1842 г., т. I, 671.

Поливановъ, отст. полковникъ, декабристъ, т. I, 677, 698, 702, 742, 751, 753.

Полиньякъ, графъ, отст. полковникъ, декабристъ, т. I, 776.

Полуектовъ, Борисъ Владимировичъ, генералъ отъ инфантеріи, † 1834 г., т. II, 615.

Понятовскій, Іосифъ-Антоній, князь, 1762—1813 г., т. II, 218.

Поповъ, Михаилъ Максимовичъ, тайн. совѣтникъ, авт. «Записокъ», † 1872 г., т. I, 516.

Порошинъ, Семенъ Андреевичъ, преподаватель математики имп. Павла I, авторъ «Дневника» 1741—1769 г., т. I, 18.

Потаповъ, Алексѣй Николаевичъ, ген.-адъют., ген. отъ кав., 1772—1847 г., т. I, 152, 182, 186, 222, 223, 224, 231, 251, 330, 332, 499, 506, 613, 616; т. II, 14.

Потемкинъ, Яковъ Алексѣевичъ, ген.-адъют., ген.-губернаторъ Волынской и Подольской губ., т. I, 602.

Потканскій, Адольфъ, т. II, 525, 527.

Потоцкій, Станиславъ Станиславовичъ, графъ, оберъ-церемоніймейстеръ, 1785 — 1831 г., т. II, 124, 150, 164, 174, 366, 532.

Поццо-ди-Борго, Карлъ-Андрей, графъ, русскій дипломатъ, 1764 — 1842 г., т. I, 410, 411, 412, 538; т. II, 8, 192, 292, 304, 462, 464, 505.

Прибытковъ, капитанъ, т. I, 284.

Прокешъ-Остенъ, австрійскій дипломатъ, т. II, 424.

Прондзинскій, подполковникъ польской квартирмейстерской части, т. I, 531.

Протасовъ, Алекс. Протасьевичъ, 1726—1796 г., т. I, 18.

Прусскій принцъ, см. Вильгельмъ I, имп. германскій.

Пряниишниковъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Пугачевъ, Емельянъ, 1726 — 1775 г., т. I, 766, 767.

Пузинъ, майоръ, т. I, 625, 626.

Пузыревскій, Александръ Казимировичъ, генералъ отъ инфантеріи, военный историкъ, род. 1845 г., т. II, 336, 475.

Пуласскій, штабсъ-ротмистръ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Пустошкинъ, Семенъ Аѳанасьевичъ, адмиралъ, 1750—1846 г., т. II, 413.

Путята, адъютантъ, декабристъ, т. I, 775.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 1800—1837 г., т. I, 428, 515, т. II, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 405.

Пущинъ, Иванъ, коллежскій асессоръ, декабристъ, т. I, 163, 270, 279, 428, 510, 511, 515, 650, 675, 691, 700, 726, 753, 754.

Пущинъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 240, 677, 699, 702, 748, 752.

Пыхачевъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 777.

Р.

Радзивиллъ, Антонъ, князь, т. II, 650.

Радзивиллъ, Елизавета, княжна, т. I, 159.

Радзивиллъ, Михаилъ, князь, временный диктаторъ польскаго возстанія, 1778—1850 г., т. II, 336, 340.

Радофиникинъ, Константинъ Константиновичъ, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., сенаторъ, 1760—1838 г., т. II, 271.

Раевскій, Николай Николаевичъ, 1771—1829, генералъ отъ кавалеріи, герой Отечественной войны, т. I, 66, 162, 238, 575.

Растопчинъ, Ѳедоръ Васильевичъ, графъ, московскій военный губ., 1763—1828 г., т. I, 7, 127, 420, 429, 490, 540.

Ратмановъ, Макаръ Ивановичъ, вице-адмиралъ, 1772—1833 г., т. II, 413.

Раупахъ, Эрнстъ, профессоръ Петербургскаго университета и драматическій писатель, 1783—1852 г., т. II, 62.

Раутенштраухъ, Іосифъ, директоръ путей сообщенія царства Польскаго, † 1842 г., т. I, 375, 380, 531.

Раухъ, Егоръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ, 1790—1864 г., т. II, 260, 556.

Раухъ, прусскій инженерный генералъ, т. II, 518.

Раухъ, полковникъ прусской арміи, т. II, 761.

Рахманова, Е. А., т. II, 567.

Рачинскій, капитанъ, декабристъ, т. I, 775.

Редеръ, генералъ прусской арміи, т. II, 519.

Рейбницъ, Карлъ Павловичъ, генералъ-лейтенантъ, чл. воен. сов., † 1843 г., т. II, 520. 522.

Рейсъ-Эффенди, т. II, 107, 464.

Рейсъ, принцъ, т. II, 680.

Ренкевичъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 777.

Репнинъ, Николай Григорьевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, 1779—1845 г., т. I, 639.

Библиотека "Руниверс"

Рибопьеръ, Александръ Ивановичъ, графъ, оберъ-камергеръ, чл. госуд. совѣта, 1783—1865 г., т. I, 348, 416, 524; т. II, 106, 107, 423, 424, 428, 560, 674.

Ридигеръ, Оедоръ Васильевичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, членъ госуд. сов., 1783—1856 г., т. II, 140, 143, 376, 547, 585, 679, 695, 724.

Римскій-Корсаковъ, Николай Петровичъ, вице-адмиралъ, 1793—1848 г., т. II, 436.

де-Риньи, французскій адмиралъ, т. II, 105, 424.

Робеспьеръ, 1758—1794 г., дѣятель французской революціи, членъ конвента, т. I, 371, 510.

Роговской, Михаилъ Мартыновичъ, генералъ отъ инфантеріи, † 1881 г., т. II, 140.

Родовицкій, т. II, 423.

Рожновъ, Петръ Михайловичъ, адмиралъ, кронштадтскій военный губернаторъ, 1763—1839 г., т. II, 288, 413.

Розановъ, чиновникъ, т. I, 542, 664.

Розенъ, Андрей, баронъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 271, 338, 339, 434, 437, 509, 511, 524, 543, 545, 678, 696, 701, 739.

Розенъ, Григорій Владимировичъ, баронъ, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, 1781—1841 г., т. II, 324, 439, 481, 542, 614, 655, 749, 750, 753, 754, 756.

Розенъ, баронъ, флигель-адъютантъ, сынъ предыдущаго, т. II, 754.

Ройе, прусскій дипломатъ, т. II, 246, 247.

Рокицкій, т. II, 423.

Романовъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 778.

Ромарино, участникъ польскаго возстанія, т. II, 375, 380, 613, 614.

Ромеръ, дѣйств. ст. сов., участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Рославлевъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 776.

Россель, Джонъ, лордъ, англійскій государств. дѣятель, 1792—1878 г., т. II, 426.

Росси, Карлъ Ивановичъ, дѣйств. ст. сов., архитекторъ, 1775—1849 г., т. I, 537.

Россманъ, Фредерикъ, т. II, 527, 528.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ инф., чл. госуд. сов., 1803—1860 г., т. I, 256, 258, 259, 260, 273, 274, 275, 276, 277, 507, 508.

Ротъ, Логгинъ Осиповичъ, генералъ отъ инфантеріи, т. I, 103, 241, 242, 244, 362, 365, 395, 507, 622, 628, 629, 654; т. II, 123, 127, 160, 176, 178, 195, 433, 447.

фонъ-**Руге,** подполковникъ, декабристъ, т. I, 779.

Рудзевичъ, Александръ Яковлевичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1776 — 1829 г., т. I, 238, 239, 240, 247, 625; т. II, 23, 123, 127, 132, 134, 176, 177, 204, 408.

Ружицкій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 376.

Румовскій, Степанъ Яковлевичъ, орд. профессоръ астрономіи, попечитель Казанскаго университета, 1732—1812 г., т. I, 8.

Румянцевъ, Николай Петровичъ, графъ, министръ коммерціи, а потомъ иностранныхъ дѣлъ, впослѣдствіи государственный канцлеръ, 1754—1826 г., т. I, 420.

Румянцевъ, Петръ Александровичъ (Задунайскій), графъ, 1725—1796 г., генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 8; т. II, 254, 497, 650.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, 1780—1860 г., т. II, 62, 412.

Рыбинскій, Матвѣй, польскій генералъ, 1784—1874 г., т. II, 376.

Рылѣевъ, Кондратій Оедоровичъ, отст. подпоручикъ, поэтъ, декабристъ, т. I, 112, 114, 163, 179, 238, 262, 266, 267, 268, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 298, 300, 301, 335, 337, 370, 443, 447, 448, 452, 456, 511, 541, 544, 650, 651, 652, 653, 654, 656, 657, 658, 674, 686, 687, 704, 718, 752, 753, 754.

Рылѣева, жена предыдущаго, т. I, 779.

Рынкевичъ, дворянинъ, декабристъ, т. I, 775.

Рѣпинъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 279, 675, 696, 701, 738, 756.

Рюль, Иванъ Оедоровичъ, 1769—1847 г., лейбъ-медикъ, т. I, 41, 52, 184, 477, 613, 614; т. II, 182, 186, 187, 441.

Рюминъ, Гавріилъ Васильевичъ, т. II, 659.

С.

Сабанскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Саблуковъ, Николай Александровичъ, генералъ, чл. госуд. сов., авторъ «Воспоминаній», 1776—1848 г., т. I, 134, 263, 473, 490.

Сабуровъ 2-й, ротмистръ, декабристъ, т. I, 774.

Савари, французскій министръ полиціи, † 1833 г., т. I, 464, 561.

Савва Исаевъ, придворный духовникъ, протоіерей, 1740—1801 г., т. I, 1, 3.

Савенко, денщикъ декабриста Пестеля, т. I, 242, 629.

Савоини, Іеронимъ Яковлевичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1766—1836 г., т. II, 615.

Саврасовъ, Иванъ Оедоровичъ, тайный совѣтн., сенаторъ, т. I, 30, 41, 66, 72, 78; 79, 477, 482, 483, 575, 576, 578, 581.

Сакенъ, Фабіанъ Вильгельмовичъ, графъ, ген.-фельдмаршалъ, чл. госуд. сов., 1752—1837 г., т. I, 248, 251, 299, 355, 363, 366, 367, 507, 526, 527, 528, 631, 632; т. II, 8, 76, 178, 195, 202, 203, 236, 308, 418, 429, 445, 450, 452, 479, 529, 575, 578, 585, 613, 615, 656.

Салтыковъ, Александръ Николаевичъ, князь, чл. госуд. сов., 1775—1837 г., т. I, 442, 670.

Библиотека "Руниверс"

Салтыковъ, Николай Ивановичъ, свѣтл. князь, воспитатель имп. Александра I, генер.-фельдмаршалъ, чл. госуд. сов., † 1816 г., т. I, 3, 10.

Салтыковъ, Сергѣй Николаевичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1776—1828 г, т. I, 501.

Сальватори, Антоній, т. II, 54, 410.

Самойлова, т. I, 597.

де-Сангленъ, т. II, 22.

Свешевскій, Иванъ, т. II, 525, 526.

Свиньинъ, Павелъ Петровичъ, писатель и журналистъ, 1788—1839 г., т. II, 403.

Свиньинъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Свистуновъ, Петръ Николаевичъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 625, 640, 641, 677, 693, 701, 730, 751, 753.

Свѣчинъ, Никаноръ Михайловичъ, генералъ-лейтенантъ, т. II, 533.

Седжеръ, Кирлъ Ивановичъ, преподаватель англійск. языка имп. Николая I, дѣйств. ст. сов., 1788—1840 г., т. I, 32.

Сеймуръ, Джорджъ Гамильтонъ, англійскій дипломатъ, род. 1797 г., т. I, 538.

Семеновъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 752, 753, 778.

Семичевъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 774.

де-Сенъ-При, Эмануилъ, Луи-Мари, виконтъ, т. I, 400, 401, 402, 403, 404, 537.

Сенявинъ, Дмитрій Николаевичъ, 1763—1831 г., адмиралъ, чл. госуд. сов., т. I, 358, 670; т. II, 103, 413.

Сераскиръ, паша, т. II, 212.

Серафимъ (Стефанъ Вас. Глаголевскій), митрополитъ петербургскій, 1763—1843 г., т. I, 198, 262. 288, 515, 637; т. II, 6, 684.

Сержпутовскій, т. II, 423.

Сиверсъ, Егоръ Карловичъ, графъ, ген.-лейтенантъ, 1779—1827 г., т. I, 124.

Сивининъ, т. I. 236.

Сипягинъ, Николай Мартьяновичъ, генералъ-адъютантъ, ген.-лейтен., 1785—1828 г., т. II. 71, 91, 415, 416.

Скарятинъ, фанен-юнкеръ, декабристъ, т. I, 240, 625, 633, 640, 641, 778.

Скобелевъ, Иванъ Никитичъ, ген. отъ инф., комендантъ Петербургской крѣп., † 1849 г., т. I, 459; т. II, 733.

Скольмировскій, Ипполитъ, декабристъ, т. I, 775.

Скржинецкій, Янъ, польскій генералъ, 1778—1860 г., т. II. 336, 340, 342, 354, 581.

Смирнова, Александра Осиповна, рожденн. Россетъ, придворная дама, писательница, 1810—1882 г., т. I, 544, 545; т. II, 16, 17, 405.

Смирновъ, штабъ-лѣкарь, т. I, 755, 756.

Соболевскій, Игнатій, графъ, управл. мин. юстиціи царства Польскаго, † 1840 г., т. I, 380, 531.

Соллогубъ, камеръ-юнкеръ, т. I, 85.

Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ, графъ, писатель, 1814—1882 г., т. I, 280, 512.

Соловьевъ, баронъ, декабристъ, т. I, 446.

Солтыкъ, графъ, сенаторъ, каштелянъ царства Польскаго, т. I. 531; т. II, 98.

Софроній, архіепископъ имеретинскій, † 1841 г., т. II, 750.

Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, гр., государственный дѣятель, 1772—1839 г., т. I, 187, 254, 255, 256, 272, 423 424, 432, 442, 443, 460. 461, 462, 463, 499, 501, 513, 541, 543, 545. 616. 670; т. II, 50, 62, 393, 664.

Спиридовъ, майоръ, декабристъ, т. I, 674, 689, 700, 722.

Спиро, т. I, 239, 624.

Спонтини, Гаспаро, композиторъ, 1774—1851 г., т. I, 146.

Стааль, Карлъ Густавовичъ, генералъ отъ кавалеріи, московскій комендантъ, 1777—1853 г., т. II, 391.

Станкевичъ, участникъ польскаго возстанія, т. II, 612.

Станферъ, Филиппъ, авторъ «Переписки», т. I, 532, 536.

Стасовъ, Василій Петровичъ, архитекторъ-академикъ, 1769—1848 г., т. II, 461.

Стединкъ, графъ, шведскій фельдмарш., 1746—1837 г., т. II, 1.

Стоговъ, Эразмъ Ивановичъ, т. II, 475.

Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ, тайн. совѣтн., сенаторъ, 1778—1826 г., т. I, 424, 541.

Столыпинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, ген.-майоръ, 1785—1826 г., т. I, 162.

Столыпинъ, генералъ-лейтенантъ, воен. севастопольскій губерн., † 1830 г., т. II, 282.

Стофрегенъ, Конрадъ, дѣйств. статскій сов., лейбъ-медикъ, т. I, 172.

Странгфордъ, англійскій посолъ, т. I, 248.

Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ, 1782—1856 г., т. I, 283. 284, 285, 615; т. II, 732.

Стремичный, Матвѣй, т, II. 525, 526.

Стріенскій, Александръ, т. II, 525, 526.

Строганова, Адель, т. I, 597.

Строгановъ, Александръ Григорьевичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, членъ госуд. сов., т. II, 633, 634.

Строгановъ, Григорій Александровичъ, графъ, дѣйств. тайн. совѣтн., членъ госуд. сов., 1769—1857 г., т. I, 415, 442, 670; т. II, 8.

Строгановъ, Сергѣй Григорьевичъ, гр., генералъ-лейтенантъ, членъ госуд. сов., 1794—1882 г., т. II, 532, 533, 613.

Стройниковъ, капитанъ 2-го ранга, т. II, 233, 234.

Струмило, титулярный совѣтн., участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Стюрлеръ, полковникъ, командиръ Гренадерскаго полка, т. I, 298, 300, 301, 331, 667, 688, 720, 750.

Суворовъ, Александръ Аркадьевичъ, гр. Рымникскій, князь Италійскій, генералъ-отъ-инфантеріи, генер.-инспекторъ кавалеріи, т. II, 167, 375, 670.

Суворовъ, Александръ Васильевичъ, 1720—1800 г., графъ Рымникскій, свѣтл. князь Италійскій, генералиссимусъ, т. I, 4; т. II, 116, 254. 343, 429, 497.

Библиотека "Руниверс"

Сукинъ, Александръ Яковлевичъ, ген.-адъют, ген. отъ инфант., членъ госуд. сов., 1765—1837 г., т. I. 356, 501, 670.

Сумароковъ, Павелъ Ивановичъ, сенаторъ, т. I, 671.

Суттофъ, Александръ Николаевичъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 196, 278, 279, 298, 511, 655, 658, 675, 692, 700, 728, 750, 754.

Сухиновъ, декабристъ, т. I, 446.

Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ Николаевской академіи, т. I, 282, 290: т. II, 438, 591.

Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, историкъ-литераторъ, 1828—1901 г., т. II, 17, 18, 405.

Сухоруковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Сухтеленъ, Павелъ Петровичъ, графъ, генер.-адъют., оренбургскій ген.-губернат., 1788—1833 г., т. II, 91, 134, 144, 406, 414, 420, 430, 525, 526.

Сухтеленъ, Петръ Корнеліевичъ, генер., дипломатъ, 1751—1836 г., т. II, 705.

Т.

Танровъ, петербургскій домовладѣлецъ, т. II, 594, 598, 599, 601.

Талейранъ-Перигоръ, Шарль Морисъ, французскій дипломатъ, 1754—1838 г., т. I, 47; т. II, 648.

Танѣевъ, Александръ Сергѣевичъ, дѣйствит. тайн. совѣтн., статсъ-секр., членъ госуд. сов., 1785—1866 г., т. II, 532.

Тарасовъ, Дмитрій Клементьевичъ, тайн. совѣтн, почетный лейбъ-хирургъ, 1792—1866 г., т. I. 404, 537.

Тарновскій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Татищевъ, Александръ Ивановичъ, гр., генералъ отъ инфант., военный министръ, 1763—1833 г., т. I, 152, 195, 196, 251, 262, 328, 329, 330, 332, 356, 423, 431, 444, 501, 508; т. II, 8, 78, 79.

Татищевъ, Дмитрій Павловичъ, дѣйств. тайный сов., оберъ-камергеръ, дипломатъ, 1769—1845 г., т. I, 416; т. II, 431, 504, 505, 506, 508, 675, 710, 714, 716.

Татищевъ, Сергѣй Спиридоновичъ, публицистъ, род. 1846 г., т. I, 372, 524, 528, 537.

Тизенгаузенъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 545, 675, 697, 702, 741.

Тизенгаузенъ, Б. К., баронъ, т. II, 328, 465, 474.

Титовъ, Михаилъ Ивановичъ, коммерц. совѣтникъ, 1767—1835 г., т. II. 570.

Титовъ, Николай Алексѣевичъ, генер.-лейтен., 1800—1875 г., т. I, 286.

Титовъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Тихоновъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I., 777.

Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ, оберъ-прокур. святѣйш. син.. мин. нар. пр., мин. внутр. дѣлъ, 1828—1889 г., т. I, 312.

Толстой, Дмитрій Николаевичъ, графъ, тайный сов., писатель подъ псевдонимомъ Знаменскій, 1806—1874 г., т. I, 520, 523.

Толстой, Петръ Александровичъ, графъ, генер. отъ инфант., членъ государств. сов., 1761—1844 г., т. I, 325, 327, 442, 576, 581, 670, 781; т. II, 68, 71, 76, 119, 187, 250, 261, 262, 310, 327, 344, 405, 416, 451, 465, 473, 486, 487, 490, 532, 534, 535, 536, 549, 550, 553. 555, 559, 612, 613, 614. 615, 616, 672, 763, 764.

Толстой, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 640, 678, 697, 702, 741, 751.

Толстой, Яковъ, адъютантъ главнаго штаба, декабристъ, т. I, 775.

Толь, Карлъ Ѳедоровичъ, графъ, генер.-адъют.. генер. отъ инфант., авторъ «Записокъ». 1777 — 1742 г., т. I, 54, 100, 251 298, 486; т. II, 200, 202, 203, 204, 206, 207, 232, 246, 247, 254. 319, 328, 338, 352, 354, 355, 450, 451, 479. 480, 482, 484, 547, 559, 579, 586, 587, 588, 590, 731.

Томашевскій, Алексѣй Михайловичъ, генералъ-майоръ, т. II, 614.

Торсонъ, К., капитанъ-лейтенантъ, декабристъ, т. I, 267, 279, 509, 524, 652, 676, 694, 701, 733, 751.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, 1818 — 1884 г.. т. I, 486, 487.

Трубецкой, Василій Сергѣевичъ, князь, ген. отъ кав., членъ госуд. сов., сенаторъ, 1776—1841 г., т. I, 186.

Трубецкой, Николай Ивановичъ, князь, оберъ-гофмейстеръ, членъ госуд. сов., сенаторъ, 1796—1874 г., т. I, 327.

Трубецкой, Петръ Ивановичъ, князь, ген. отъ кав.. сенаторъ, 1798—1871 г., т. II, 230, 456, 604.

Трубецкой, Сергѣй Петровичъ, князь, полковникъ, декабристъ, т. I. 270, 271, 272, 273. 280, 285, 298, 301, 335, 342, 370, 424, 448. 458, 498, 502. 503. 505, 509, 510, 511, 515, 633, 640, 641, 651, 652, 654, 655, 666, 657, 658, 662, 674 688, 700, 720, 734, 752, 753. 780.

Труссонъ, Иванъ, Христіановичъ, генералъ-лейтенантъ, т. II, 525.

Трухинъ, майоръ, т. I, 366.

Трухсесъ, графиня, прусская придворная дама, т. I, 83.

Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, 1784 — 1845 г., т. I, 334, 523; т. II, 489.

Тургеневъ, Александръ Михайловичъ, статскій совѣтникъ, директоръ медицинск. деп., 1772 —1863 г., т. II, 405.

Тургеневъ, Николай Ивановичъ. писатель, 1789 — 1871 г., т. I, 334, 447, 448, 523, 650, 678, 685, 692, 700, 752, 753, 754

Библиотека "Руниверс"

Тутолминъ, Иванъ Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., т. I, 190.
Тухачевскій, Николай Сергѣевичъ, ст. сов., тульскій губернаторъ, т. I, 396.
Тучковъ 1-й, Сергѣй Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, т. II, 130, 131.
Тыртовъ, мичманъ, декабристъ, т. I, 776.
Тышковскій, дворянинъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.
Тютчевъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 675, 693, 701, 729.

У.

Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., мин. народн. пр., президентъ акад. наукъ, 1786—1855 г., т. I, 94; т. II, 82, 634, 635, 636, 742.
Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ кав., чл. госуд. сов., 1773—1824 г., т. I, 126, 160, 162, 418, 439, 540.
Уманецъ, О. М., т. II. 416.
Уминскій, участникъ польскаго возстанія. т. II, 336, 515, 516.
Урусовъ, Александръ Михайловичъ, князь, дѣйств. т. сов., чл. госуд. сов., сенаторъ, 1766—1853 г., т. II, 566.
Устряловъ, Николай Герасимовичъ, историкъ, професс. Петерб. университета, 1805—1870 г., т. I, 80, 81, 82, 83, 419.
Устряловъ, Ѳедоръ Герасимовичъ, главный редакторъ свода военныхъ постановленій, р. 1808 г., т. II. 82.
Ушаковъ, Александръ Клеониковичъ, генералъ отъ инфантеріи, авторъ «Записокъ», 1803—1879 г., т. II, 140, 144, 148, 152, 436.
Ушаковъ, Аполлонъ, поручикъ, сообщникъ Мировича, т. I, 765.
Ушаковъ, Павелъ Петровичъ, кавалеръ при велик. князѣ Николаѣ Павловичѣ, ген. отъ инфант., 1779 — 1853 г., т. I, 16, 477.
Ушакова, фрейлина, т. I. 85, 240, 625.

Ф.

Фаленбергъ, подполковникъ, декабристъ, т. I. 675, 695, 701, 735, 751.
Фе, т. II, 567.
Фелькерзамъ, т. II, 243.
Фелькнеръ, Владимиръ Ивановичъ, ген.-лейтенантъ, авт. «Записокъ», 1803—1871 г., т. I, 516.
Фельцманъ, т. II, 567.
Феншъ, Андрей Семеновичъ, ген. отъ инф., сенаторъ, т. I, 671; т. II, 518.
Фердинандъ I, австрійскій императоръ, род. 1793 г., т. II, 711. 712, 715, 716, 718.
Фердинандъ, Карлъ-Іосифъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1781—1850 г., т. I, 400; т. II, 704, 705.
Фетъ-али-Ханъ, шахъ персидскій, т. II,88.
Фіеска, т. II, 701.
Фикельмонъ, графъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, т. II, 299, 505, 507, 670, 743.
Филаретъ, митрополитъ московскій (Вас. Мих. Дроздовъ), 1782 — 1867 г., т. I, 139, 140, 142, 143, 187, 203, 210, 323, 324, 325, 522; т. II, 6, 276, 306.
Филипповъ, А. А., т. II, 418.
Фогель, полицейскій агентъ, т. I, 512, 513.
Фокъ, Михаилъ Максимовичъ, директоръ канцеляріи III отдѣленія, т. I, 355, 464, 525; т. II, 418, 594, 597, 602, 607.
Фокъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 700, 702, 749.
Фонвизинъ, Михаилъ Алексѣевичъ, отставной генералъ-майоръ, декабристъ, т. I, 338, 435, 524, 676, 695, 701, 734, 751, 752, 755.
Фонтонъ, Іосифъ Петровичъ, дѣйствит. статск. сов., дипломатъ, т. II, 266, 452, 461, 464.
Фотій, архимандритъ, настоятель Юрьевскаго монастыря, 1792—1838 г., т. I, 225; т. II, 44, 700.
Фохтъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 662, 677, 699, 702, 746.
Франкъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 777.
Францъ I, Іосифъ Карлъ, императоръ австрійскій, 1768—1835 г., т. I, 154, 416, 567; т. II, 107, 444, 670, 675, 677, 678, 701, 711, 713, 717.
Фредерика, прусская принцесса, т. I, 593.
Фредериксъ, Александръ Андреевичъ, баронъ, ген.-лейт., † 1849 г., т. I, 233, 235, 246, 247, 506, 638.
Фредериксъ, генер.-майоръ, т. I, 282, 298, 381, 667, 692.
Фрейштедтъ, баронесса, авторъ «Воспоминаній», т. I. 477, 480.
Фридрихъ Вильгельмъ III, король прусскій, 1770—1840 г., т. I, 121, 485, 489, 495, 572; т. II, 116, 225, 315, 320, 356, 706.
Фридрихъ, принцъ виртембергскій, т. II, 707, 743.
Фридрихъ, принцъ шлезвигъ-голштинскій, 1829—1880 г., т. II, 707.
Фридрихъ II Великій, король прусскій, 1712—1786 г., т. I, 103, 104.
Фридрихъ, Георгъ Людвигъ, принцъ — см. Вильгельмъ II.
Фрикенъ, полковникъ. т. I, 630.

Библиотека "Руниверс"

Фроловъ 2-й, подпоручикъ, декабристъ, т. I. 675, 694, 701, 732.
Фроловъ 4-й, подполковн., декабристъ, т. I, 774.
Фурманъ, Андрей, капитанъ. декабристъ, т. I. 445. 544, 675, 698, 702, 746, 751.
Фуше, Жозефъ. французскій мин. полиціи, 1763—1820 г., т. I. 464.

Х.

Хвостовъ, Василій Семеновичъ, тайный сов. сенаторъ, † 1832 г., т. I, 671.
Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1757—1835 г., т. I, 671.
Хвощинскій, полковникъ, т. I, 513, 692, 729, 749.
Хилковъ, Степанъ Александровичъ, кн., ген.-лейт., 1786—1854 г., т. II, 698.
Хитрова, Елизавета Михаиловна, † 1839 г., т. II, 488.
Хитрово, Сергѣй Петровичъ, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ, 1748 — 1827 г., т. I, 671.
Хлопицкій, Іосифъ, польскій генералъ, диктаторъ польскаго возстанія, 1771—1854 г., т. II, 326. 336.
Хлоповскій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 360.
Хованскій, Николай Николаевичъ, кн., генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, 1777—1837 г., т. II, 360.
Фонъ-деръ-**Ховенъ,** П. Р., авторъ «Воспоминаній», т. II, 486.
Ходзько, участникъ польск. заговора, т. II. 102.
Хоенегъ, австрійскій ген., т. II, 520.
Хозревъ, мирза, т. II, 212, 240, 241.
Хозревъ, паша, т. II, 106.
Хотекъ, графъ, намѣстникъ Богеміи, 1783—1868 г., т. II, 709, 710.
Хотынцовъ I, подполковн., декабристъ, т. I, 773.
Храповицкій, Матвѣй Евграфовичъ. генералъ-адъют., генер. отъ инфант., членъ госуд. совѣта, т. I, 398; т. II, 78, 125, 310, 433. 616.
Хрущовъ, Алексѣй, коллежскій асессоръ. т. I, 763, 764.
Хрущовъ, Петръ, поручикъ, т. I, 763. 764.
Хшановскій, Альбертъ, т. II, 525, 527.

Ц.

Цебриковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 675, 685, 700, 702, 755, 756.
Цебриковъ, лейтенантъ, т. I. 755, 756.
Цитенъ, генералъ прусской арміи, т. II, 230, 521.
Цишевскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.
фонъ-**Цолликоферъ,** командиръ прусск.. Бранденбургскаго кирасирскаго полка. т. I. 484.

Ч.

Чарковскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.
Чарторижская, Изабелла Фортуната, княгиня, 1743—1835 г., т. II, 235.
Чарторижскій, Адамъ Георгъ, князь, государственный дѣятель при Александрѣ I, польскій патріотъ, 1770—1861 г., т. II, 235, 476, 506, 507, 589.
Чаусовъ, фельдъегерскій офицеръ, т. I, 454.
Чевкинъ, Константинъ Владимировичъ, ген.-адъют., членъ госуд. сов., сенаторъ, 1803—1875 г., т. II, 252, 461, 557, 559.
Черкасовъ, баронъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 677, 698, 702, 742.
Черновъ, Константинъ, подпор. Семеновскаго полка. т. I, 179, 238, 495.
Черноглазовъ, подпоручикъ. декабристъ. т. I, 779.
Чернышева, Анна Родіоновна, графиня. т. I. 625; т. II, 718.
Чернышевъ, Александръ Ивановичъ. свѣтл. князь, ген.-адъют.. ген. отъ кавалеріи, военн. мин.. предс. госуд. сов., † 1857 г., т. I. 243, 244, 247, 299, 330, 363, 423, 451, 454, 507, 524, 622, 633, 634, 638; т. II, 8. 54, 55, 56, 57, 58, 68, 71, 76, 78, 79, 80, 119. 187, 200, 247, 250, 252, 254, 262, 270, 288, 289, 290, 292, 308, 310, 318, 352, 365, 386. 391, 410, 411, 414, 415, 416, 418, 430, 434, 450, 460, 461, 463, 464, 465, 469, 470, 481, 486, 489, 525, 526. 528. 549, 550, 556, 557. 558, 559, 560. 561. 562, 574. 577, 579, 581, 615, 739.
Чернышевъ, Григорій Ивановичъ, графъ. оберъ-шенкъ, † 1831 г.. т. I, 85.
Чернышевъ, Захаръ, графъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 239, 240, 244, 246. 247. 320. 520, 623, 625, 678, 697, 702, 742.

Библиотека "Руниверс"

Чертковъ, Иванъ Васильевичъ, генералъ-лейтенантъ, † 1848 г., т. II, 390.

Чесовниковъ, т. II, 60.

Чефаридзевъ, Семенъ, подпоручикъ, прикосновенный къ дѣлу Мировича, т. I, 765.

Чижовъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 678, 698, 702. 745.

Чихачовъ, полицмейстеръ, т. I, 164.

Чихачевъ, генералъ, т. II, 609.

Чичеринъ, Петръ Александровичъ, ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи, 1778—1841 г., т. I, 152, 302, 492; т. II, 163.

Ш.

Шабанскій, т. II, 423.

Шамбо, секретарь прусскаго короля, т. I, 83.

Шарлеманъ, Іосифъ Ивановичъ, профессоръ архитектуры, 1782—1861 г., т. I, 172.

Шарлотта, супруга Леопольда I, короля бельгійскаго, т. I, 78, 80.

Шатобріанъ, Франсуа-Огюстъ, 1769—1848 г., т. I, 151, 349, 482, 492.

Шахиревъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 699, 702. 746, 751.

Шаховской, Александръ Александровичъ, князь, ст. сов., чл. академіи наукъ, драматургъ, 1772—1846 г., т. I, 207, 503.

Шаховской, Иванъ Леонтьевичъ, князь, генералъ отъ инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, 1776—1860 г., т. II, 46, 340, 476, 477.

Шаховской, Николай Леонтьевичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1758—1836 г., т. I, 671.

Шаховской, Ѳедоръ, князь, отст. майоръ, декабристъ, т. I, 676, 685, 698, 702, 755.

Шварцъ, полковникъ, т. I, 599, 600, 602.

Шелеръ, генералъ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ, т. I, 62, 92; т. II, 299.

Шембекъ, участникъ польскаго возстанія. т. II, 336.

Шенингъ, Н. П., авторъ «Записокъ», т. I, 505.

Шеншинъ, Василій Никаноровичъ, ген.-адъют., ген.-лейтен., 1784—1831 г., т. I, 242, 282, 298, 300, 331, 356, 621, 667, 692, 729, 749.

Шервудъ-Вѣрный, Иванъ Васильевичъ, 1798—1867 г., т. I, 177, 178, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 362, 450, 451, 467, 468, 495, 506, 507, 545, 622, 623, 626, 627, 639, 640, 641, 642.

Шереметева, А. С., т. II, 567.

Шереметевъ, Дмитрій Николаевичъ, графъ, т. II, 699.

Шефлеръ, генералъ-майоръ, т. II, 366.

Шиллеръ, секретарь прусскаго двора, т. I. 83

Шильденъ, баронъ, оберъ-гофмаршалъ прусскаго двора, т. I, 61, 63, 83, 159, 165, 481, 485, 572, 573, 591.

Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, 1786—1854 г., т. II, 166, 167, 170, 238.

Шимановскій, Винцентъ, т. II, 527, 528.

Шимановскій, Феликсъ, т. II, 525, 527.

Шиманскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 668.

Шимковъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 675, 696, 701, 737, 746.

Шимонскій, Михаилъ, т. II, 525, 527.

Шиповъ, Сергѣй Павловичъ, ген.-адъют., ген. отъ инфант., сенаторъ, 1790—1876 г., т. I, 288, 359; т. II, 591.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ, адмиралъ, мин. народн. просв., чл. госуд. сов., 1754—1841 г., т. I, 187, 188, 203, 266, 500, 501, 509, 512, 516, 616, 625, 626, 670; т. II, 20, 33, 35, 36, 79, 407, 408.

Шишковъ, капитанъ, т. I, 238, 240, 247.

Шкуринъ, Павелъ Сергѣевичъ, генералъ-майоръ, т. II, 58, 412.

Шлегель, Иванъ Богдановичъ, лейбъ-медикъ, 1787—1851 г., т. II, 586.

Шлифенъ, графъ, прусскій офицеръ, т. I, 83, 90.

Шмидтъ, прусскій консулъ въ Варшавѣ, т. II, 320.

Шнейдеръ, нѣмецкій писатель, т. I, 147, 491.

Штейбенъ, Николай Карловичъ, баронъ, генералъ-майоръ, т. II, 748.

Штейнбокъ, графъ, офицеръ, т. I, 241, 628.

Штейнгель, Владиміръ Ивановичъ, баронъ, отставн. подполковникъ, декабристъ, т. I, 274, 434, 503, 653, 656, 657, 676, 694, 701, 733, 751; т. II, 31.

Штокмаръ, лейбъ-медикъ Бельгійскаго двора, т. I, 80, 81, 483.

Шторхъ, Генрихъ (Андрей Карловичъ), 1766 — 1835 г., преподаватель политич. экономіи имп. Николая I-го, т. I, 18, 32, 38, 266.

Шторхъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Шуазель, т. I, 597.

Шувалова, графиня, фрейлина имп. Александры Ѳеодоровны, т. I, 85.

Шульгинъ, А. С., генер.-майоръ, оберъ-полицмейстеръ, т. I, 516.

Шультенъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Шульцъ, Августъ, т. II, 525, 527, 528.

Библиотека "Руниверс"

Щ.

Щепиловъ, декабристъ, т. I, 721.
Щепинъ-Ростовскій, князь, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 277, 278, 298, 655, 674, 692, 700, 729, 749, 750.
Щербатовъ, Алексѣй Григорьевичъ, князь, генералъ-адъют., членъ госуд. сов., 1777—1848 г., т. I, 633, 640, 654; т. II, 76, 176.
Щербатовъ, князь, біографъ Паскевича, т. I, 477, 486, 487, 490; т. II, 88, 406, 414, 415, 420, 421, 462, 481, 484, 540, 543, 566.
Щипилла, декабристъ, т. I, 446.
Щулеповъ, Петръ Петровичъ, тайн. сов., сенаторъ. † 1832 г., т. I, 671.

Э.

Эйхлеръ, т. II, 612, 613, 614.
Эльслеръ, Фанни, балер., 1810—1884 г., т. II, 637, 639.
Эмманюель (Еманюель), Егоръ Арсеньевичъ, ген. отъ кавал., 1777—1837 г., т. I, 670; т. II, 91, 352.
Энгель, Оедоръ Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., сенаторъ, † 1837 г., т. I, 442; т. II, 331, 592.
Энгельгардтъ, Александръ Николаевичъ, т. I, 577, 581.
Энгельгардтъ, Павелъ Ивановичъ, отст. полковникъ, † 1812 г., т. II, 656.
Эристовъ, Георгій Евсеевичъ, князь, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, 1795—1863 г., т. II, 87.
Эссенъ, Петръ Кирилловичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, военный ген.-губ. Спб., членъ госуд. сов., 1772—1844 г., т II, 364, 595, 602, 608, 609.
Эстергази, князь, австрійскій дипломатъ, т. II, 717.
Эсханъ, ханъ, т. II, 751.
Эюбъ, паша, т. II, 136, 268.

Ю.

Юрасовъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 775.
Юсуповъ, Николай Борисовичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., † 1831 г., т. II, 12, 566.
Юсуфъ, паша, т. II, 169, 268, 439.
Юшневскій, генералъ интендантъ 2-ой арміи, декабристъ, т. I, 240, 242, 363, 545, 621, 625, 659, 663, 674, 691, 700, 725, 752.
Юшневскій, чиновникъ интендантства, 9-го класса, декабристъ, т. I, 774.

Я.

Яблоновскій, Антонъ, князь, участникъ польскаго заговора, т. II, 162.
Яблоновскій, Максимиліанъ Антоновичъ, князь, сенаторъ, † 1846 г., т. I, 379, 382, 529, 531.
Ягеллонъ (Ягайло), 1348—1434 г., король польскій, великій князь литовскій, т. I, 384; т. II, 171.
Ядвига, королева польская, жена Ягелло, 1370—1399 г., т. I, 384.
Языковъ, Николай Михайловичъ, поэтъ, 1773—1845 г., т. II, 17.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 277, 278, 285, 298, 370, 452, 458, 510, 511, 513, 514, 515, 544, 653, 656, 657, 675, 690, 700, 723, 735.
Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ, отставн. капитанъ, декабристъ, т. I, 337, 444, 527, 536, 663, 675, 691, 701, 727, 751, 752, 755.

Ѳ.

Ѳедоровъ, матросъ, т. I, 756.
Ѳеоктистовъ, Е., т. II, 424.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ

ПОРТРЕТОВЪ, РИСУНКОВЪ И ГРАВЮРЪ.

Портреты императора Николая I.

Николай I. Съ акварели, рисованной съ натуры Рокштулемъ въ 1821 году. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ въ началѣ книги). Т. I. Стр. 1.

— Въ кабріолетѣ вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной. Съ гравюры начала прошлаго столѣтія. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 113.

Въ костюмѣ Аларика, царя бухарскаго. Изъ рѣдкаго изданія «Lalla Roukh». Divertissement exécuté au chateau royal de Berlin le 27 janvier 1821. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 137.

Съ гравюры Робинзона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 273.

Съ польской литографіи 1825 года. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ) Т. I. Стр. 289.

Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 297.

Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ, по копіи, сдѣланной проф. Швабомъ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 353.

— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Т. I. Стр. 13.

— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 65.

— На сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Съ литографіи Рябцова, сдѣланной съ рисунка В. Садовникова. Т. I. Стр. 261.

Съ гравированнаго портрета Годара. Т. I. Стр. 269.

— Съ литографіи Шмидта. Т. II. Стр. 3.

— Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры карандашемъ Крюгеромъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова). Т. II. Стр. 3.

— Въѣздъ его въ Москву. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 13.

— Съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 89.

— Въ формѣ прусскаго кирасирскаго его имени полка. Съ портрета, приложеннаго къ исторіи полка, изданной въ 1842 году. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 129.

— Съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 161.

Библиотека "Руниверс"

— На охотѣ. Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. П. Щукина въ Москвѣ. Т. II. Стр. 165.
— Съ императрицей Александрой Ѳеодоровной на парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Т. II. Стр. 169.
— Съ силуета съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Т. II, стр. 185.
— На денныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Т. II. Стр. 197.
— На ночныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Т. II. Стр. 201.
— На бивуакѣ. Съ литографіи Шварца. Т. II. Стр. 205.
— Съ акварели съ натуры. Т. II. Стр. 257.
— Переправа его черезъ Дунай въ 1828 году. Съ гравюры Петрова, сдѣланной съ рисунка Звѣрева. Т. II. Стр. 259.
— Посѣщеніе имъ генералъ-адъютанта Сухозанета. Съ литографіи Корна. Т. II. Стр. 377.
— Въѣздъ его въ Москву во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Т. II. Стр. 379.
— Въ саняхъ на набережной Невы. Съ рисунка Тимма, сдѣланнаго съ картины Сверчкова. Т. II. Стр. 381.
— Вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.
— Съ портрета масляными красками, писаннаго въ 1842 году и принадлежащаго Н. Н. Буху. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 289.

Портреты разныхъ лицъ.

Александра Николаевна, великая княжна. Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Т. II. Стр. 131.
— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Маріей Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.

Александра Ѳеодоровна, императрица. Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 297.
— Съ портрета, писаннаго Гессе въ Берлинѣ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 369.
— Съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ и великой княгиней Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 385.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 67.
— Съ портрета Гебауера 1817 года. Т. I. Стр. 71.
— Пріѣздъ ея въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Т. I. Стр. 173.
— Въѣздъ ея въ Москву. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 13.
— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 89.

Библиотека "Руниверс"

— Съ гравюры Райта. Т. II. Стр. 93.
— На верхней террасѣ Ольгина острова въ Петергофѣ. Съ сепіи съ натуры Чернышева. Т. II. Стр. 105.
— На парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Т. II. Стр. 169.
— Съ литографіи Гольдбаха, сдѣланной съ портрета Разумихина. Т. II. Стр. 385.
— Вмѣстѣ съ великими княжнами Ольгой, Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.

Александръ Николаевичъ, цесаревичъ. Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и императрицей Александрой Ѳеодоровной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 297.
— Съ портрета, писаннаго Доу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 329.
— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великой княжной Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 385.
— Цесаревичъ, обозрѣвающій маневры изъ павильона Дудергофскаго дворца. Съ литографіи Иванова, сдѣланной съ картины Чернецова. Т. II. Стр. 209.
— Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 217.
— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.

Александръ Павловичъ, императоръ. Съ гравюры Одуена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Бурдономъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 57.
— Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Ср. 97.
— Съ гравюры Райта. Т. I. Стр. 344.

Анна Ѳеодоровна, великая княгиня. Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 125.

Аракчеевъ, графъ, Алексѣй Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 33.

Валугьянскій, Михаилъ Андреевичъ. Съ литографіи Мюнстера. Т. I. Стр. 433.

Васаргинъ, Николай Васильевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 453.

Ватенковъ, Гавріилъ Степановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1889 года. Т. I. Стр. 465.

Венкендорфъ, графъ, Александръ Христофоровичъ. Съ литографіи Поля. Т. I. Стр. 439.
— Въ свитѣ императора Николая Павловича. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.

Вестужевъ, Михаилъ Александровичъ (декабристъ). Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ «Русской Старинѣ» 1896 года. Т. I. Стр. 361.

Вестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій). Съ портрета, рисованнаго акварелью и принадлежащаго П. Я. Дашкову. Т. I. Стр. 367.

Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1898 года. Т. I. Стр. 289.

Вригенъ, Александръ Ѳедоровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 457.

Библиотека "Руниверс"

Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланный съ портрета, писаннаго его отцомъ. Т. I. Стр. 95.

Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Т. II. Стр. 289.

Вилламовъ, Григорій Ивановичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 281.

Вильгельмъ, принцъ Прусскій. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Unser Heldenkaiser», изд. въ 1896 г. въ Берлинѣ. Т. I. Стр. 86.

Витгенштейнъ, графъ, Петръ Христіановичъ. Съ гровюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ. Т. II. Стр. 243.

Виттъ, графъ, Иванъ Осиповичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлереѣ» Зимняго дворца. Т. II. Стр. 77.

Воиновъ, Александръ Львовичъ. Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 181.

Волконскій, князь, Петръ Михайловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. I. Стр. 43.

Въ свитѣ императора Николая Павловича. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевской залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.

Волконскій, князь, Сергѣй Григорьевичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ его «Записками». Т. I. Стр. 385.

Воронцовъ, графъ, Семенъ Романовичъ. Съ рѣдкаго карандашнаго рисунка того времени. Т. I. Стр. 17.

Воронцовъ, графъ, Михаилъ Семеновичъ. Съ гравированнаго портрета Райта. Т. I, Стр. 335.

Галиль-паша. Съ портрета, приложеннаго, къ книгѣ «Histoire de Turquie». Т. II. Стр. 313.

Гауке, графъ, военный министръ царства Польскаго. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Т. II. Стр. 341.

Гейденъ, графъ, Логгинъ Петровичъ. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Т. II. Стр. 241.

Гельмгутъ, генералъ польской арміи. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Т. II. Стр. 335.

Георгъ, принцъ-регентъ англійскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 57.

Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ. Съ гравированнаго портрета Аоанасьева. Т. I. Стр. 413.

Голенищевъ-Кутузовъ, Петръ Васильевичъ. Съ литографіи Клюквина. Т. I. Стр. 51.

Голицынъ, князь, Александръ Николаевичъ. Съ портрета, писаннаго Брюловымъ и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Т. I. Стр. 141.

Голицынъ, князь, Дмитрій Владимировичъ. Съ литографіи прошлаго столѣтія Ноля. Т. I. Стр. 275.

Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 461.

Грейгъ, Алексѣй Самойловичъ. Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ. Т. II. Стр. 293.

Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Т. II. Стр. 253.

Дибичъ-Забалканскій, графъ, Иванъ Ивановичъ. Съ портрета того времени, писаннаго масляными красками. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 353.

— Съ гравюры Райта, сдѣланной зъ портрета Доу. Т. I. Стр. 209.

Долгоруковъ, князь, Алексѣй Алексѣевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Т. II. Стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

Евгеній, принцъ Виртембергскій. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 201.

Екатерина II, императрица. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Ламми въ 1794 году. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 17.

Елена Павловна, великая княгиня. Съ литографіи Погонкина. Т. I. Стр. 157.

Елисавета Алексѣевна, императрица. Съ гравюры Карделли, сдѣланной съ портрета, писаннаго Рейхелемъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 73.

— Съ гравюры Райта. Т. I. Стр. 345.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 41.

Жомини, баронъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 249.

Закревскій, Арсеній Андреевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Ранделя. Т. II. Стр. 221.

Канкринъ, графъ, Егоръ Францевичъ. Съ литографіи Мишелиса, сдѣланной съ портрета Крюгера. Т. II. Стр. 225.

Каподистрія, графъ, Иванъ Антоновичъ. Съ гравированнаго портрета Милова, 1822 года. Т. II. Стр. 307.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ. Съ гравированнаго портрета Уткина. Т. I. Стр. 283.

Карлъ X, французскій король. Съ гравюры Метцерони. Т. II. Стр. 317.

Каховской, Петръ Андреевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 357.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Крюгера. Т. I. Стр. 305.

Клейнмихель, Петръ Андреевичъ. Съ литографіи Поля. Т. I. Стр. 39.

Кондрингтонъ, англійскій адмиралъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 237.

Козарскій, Александръ Ивановичъ. Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Осокинымъ. Т. II. Стр. 297.

Коновницынъ, Петръ Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 35.

Константинъ Николаевичъ, великій князь. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 89.

Константинъ Павловичъ, великій князь. Съ миніатюры, принадлежащей его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Т. I. Стр. 121.

— Съ гравюры, изданной въ 1825 году съ подписью: «Его величество императоръ Константинъ Павловичъ». Т. I. Стр. 205.

— Съ гравированнаго портрета Карделли. Стр. 19.

— Поклоненіе его тѣлу. Факсимиле гравюры 1831 года. Т. II. Стр. 367.

— Съ портрета, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 321.

Кочубей, графъ, Викторъ Павловичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Т. II. Стр. 53.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ. Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 257.

Ламздорфъ, графъ. Матвѣй Ивановичъ. Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламздорфу. Т. I. Стр. 24.

— Съ портрета, принадлежащаго графу Константину Николаевичу Ламздорфу. Т. I. Стр. 25.

Ланской, Василій Сергѣевичъ. Съ портрета масляными красками. Т. I. Стр. 351.

Лаферронэ, графъ. Съ портрета, приложеннаго къ его «Воспоминаніямъ». Т. I. Стр. 293.

Библиотека "Руниверс"

Лейхтенбергскій, герцогъ, Максимиліанъ. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 161.
Ливенъ, князь, Карлъ Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго масляными красками. Т. II. Стр. 59.
Ливенъ, графиня, Шарлотта Карловна. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. I. Стр. 9.
Лобановъ-Ростовскій, князь, Дмитрій Ивановичъ. Съ портрета, принадлежащаго князю А. Е. Лобанову-Ростовскому. Т. II. Стр. 213.
Ловичъ, княгиня. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 г. Т. I Стр. 129.
Лопухинъ, князь, Петръ Васильевичъ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго. Т. I. Стр. 189.
Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 401.
Любецкій, князь. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Т. II Стр. 325.
Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Библіографическимъ Запискамъ» 1892 года. Т. II. Стр. 65.

Марія Николаевна, великая княжна.

— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 385.
— Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Т. II. Стр. 129..
— Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.

Марія Ѳеодоровна, императрица.

— Съ гравированнаго портрета Карделли. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 41.
— Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 5.
— Кончина ея. Съ гравюры того времени П. Ѳедорова. Т. II. Стр. 279.

Мармонъ, французскій маршалъ. Съ гравированнаго портрета Калена. Т. II. Стр. 21.
Меншиковъ, князь, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета съ натуры, на камнѣ Эстерейна. Т. I. Стр. 299.
— Съ литографіи Басина, сдѣланной съ портрета А. Брюлова. Т. II. Стр. 193.
Мердеръ, Карлъ Карловичъ. Съ литографіи Мюнстера. Т. I. Стр. 167.

Милорадовичъ, графъ, Михаилъ Андреевичъ.

— Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 187.
— Нанесеніе ему смертельной раны 14-го декабря 1825 г. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 449.

Михаилъ Павловичъ, великій князь.

— Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Т. I. Стр. 13.
Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 89.
— Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 153.
— Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 177.
Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Т. II. Стр. 185.
— Съ портрета, писаннаго Ладурнеромъ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 185.
— Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ. Т. II. Стр. 1.

Библиотека "Руниверс"

Мордвиновъ, графъ, Николай Семеновичъ.

—— Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. I. Стр. 425.

Муравьевъ, Артамонъ Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 377.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 371.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 313.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова Т. I. Стр. 311.

Натцмеръ, прусскій генералъ. Съ портрета, приложеннаго къ его біографіи, изданной въ 1876 году въ Берлинѣ. Т. I. Стр. 61.

Нессельроде, графъ, Карлъ Васильевичъ. Съ рѣдкой литографіи прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 55.

—— Съ гравированнаго портрета Гоффмейстера. Т. II. Стр. 25.

Новосильцевъ, Николай Николаевичъ. Съ портрета Каневскаго 1832 года. Т. I. Стр, 217.

Оболенскій, князь, Евгеній Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 241.

Одоевскій, князь, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1886 г. Т. I. Стр. 397.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ. Съ гравюры Уткина. Т. I. Стр. 193.

Ольга Николаевна, великая княжна, вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.

Олперманъ, графъ, Карлъ Ивановичъ. Съ рисунка съ натура Киля. Т. I. Стр. 33.

Орловъ, графъ, Алексѣй Ѳедоровичъ. Съ гравюры Вендрамини, Т. I. Стр. 249.

—— Съ гравированнаго портрета Турнера. Т. II. Стр. 359.

Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года. Т. I. Стр. 391.

Орловъ-Денисовъ, графъ, Василій Васильевичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 321.

Павелъ I, императоръ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной по рисунку Аткинсона. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 33.

Пановъ, Николай Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова Т. I. Стр. 253.

Паскевичъ, графъ, Иванъ Ѳедоровичъ. Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Реймерса. Т. I. Стр. 43.

—— Съ гравированнаго портрета Киселева. Т. II. Стр. 45.

—— Съ портрета акварелью Эртингера. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 369).

Пестель, Павелъ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Т. I. Стр. 441.

Полежаевъ, Александръ Ивановичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Исторіи русской словесности» Полевого. Т. II. Стр. 32.

Поццо-ди-Ворго, графъ. Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія. Т. I. Стр. 329.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета, писаннаго Кипренскимъ Т. II. Стр. 29.

Рибопьеръ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ акварели Брюлова 1829 года. Т. I. Стр. 341.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры на камнѣ Клемомъ. Т. I. Стр. 227.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ. Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Храбро-Васильевской. Т. II. Стр. 87.

Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова, Т. I. Стр. 233.

Библиотека "Руниверс"

Сакенъ, графъ. Фабіанъ Вильгельмовичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 303.

— Съ рисунка съ натуры Киля. (Изъ собранія А. О. Думберга). Т. II. Стр. 73.

Свистуновъ, Петръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 445.

Сиверсъ, графъ, Егоръ Карловичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія Т. I. Стр. 91.

Сперанскій, графъ, Михаилъ Михайловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 221.

Сутгофъ. Александръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 449.

Сухозанетъ, генералъ. Посѣщеніе его императоромъ Николаемъ. Съ литографіи Корна. Т. II. Стр. 377.

Толстой, графъ, Петръ Александровичъ. Съ рѣдчайшей гравюры Доу. Т. II. Стр. 245.

Толь, баронъ, Карлъ Оедоровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. II. Стр. 291.

Трубецкой, князь, Сергѣй Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 237.

Уваровъ, Оедоръ Петровичъ. Съ литографіи Клюквина. Т. I. Стр. 101.

Филаретъ, митрополитъ московскій. Съ гравированнаго портрета Пожалостина. Т. I. Стр. 137.

Фонъ-Фокъ, Максимъ Яковлевичъ. Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Т. II. Стр. 285.

Фридрихъ-Вильгельмъ, король прусскій.

Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 97.

Съ портрета изъ «Исторической портретной галлереи», изданной Брукманомъ. Т. I. Стр. 49.

Хозревъ-Мирза, Съ литографіи начала прошлаго столѣтія Т. II. Стр. 301.

Храповицкій, Матвѣй Евграфовичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлереѣ» Зимняго дворца. Т. II. Стр. 291.

Чернышевъ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. II. Стр. 81.

Шаховской, князь. Иванъ Леонтьевичъ. Съ литографіи Поля. Т. II. Стр. 69.

Шервудъ-Вѣрный, Иванъ Васильевичъ. Съ фотографіи, принадлежащей его дочери. Т. I. Стр. 185.

Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ. Съ миніатюры, принадлежащей Н. К. Шильдеру. Т. II. Стр. 275.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры въ альбомъ С. Д. Попомаревой. Т. II. Стр. 57.

Эссенъ, графъ, Петръ Кирилловичъ. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 369.

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 245.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Битва при Наваринѣ. Съ рисунка тушью того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 235.

Бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году. Съ картины того времени. Т. II. Стр. 389.

Варна, крѣпость: видъ ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры генерала К. А. Шильдера. Т. II. Стр. 267.

— Взятіе ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 269.

Библиотека "Руниверс"

Варшава.

—— Дворецъ въ Лазенкахъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 321

— Дворецъ намѣстника. Съ гравюры прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 323.

— - Виньетка къ «Полярной Звѣздѣ» 1861 года, изданной Герценомъ, съ портретами пяти декабристовъ. (Факсимиле). Т. I. Стр. 407.

Вступленіе русской арміи въ Адріанополь 8-го августа 1829 года. Съ рисунка съ натуры очевидца. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 305.

Входъ въ Наваринскую бухту. Съ рисунка Вебера. Т. II. Стр. 233.

Заключеніе мира въ Туркманчаѣ 10 февраля 1828 года. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. Т. II. Стр. 229.

Конференція въ Аккерманѣ въ 1826 году. Съ литографіи того времени Кавея, сдѣланной съ картины Гульманделя. Т. II. Стр. 49.

Лицей Царскосельскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 29.

Москва.

—— Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича и императрицы Александры Осодоровны. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 13.

– Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Т. II. Стр. 379.

- Кремль въ началѣ XIX столѣтія. Съ акварели того времени, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 97.

Нанесеніе графу Милорадовичу смертельной раны 14-го декабря 1825 года. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 449.

Народная сцена въ окрестностяхъ С.-Петербурга въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 133.

Обученіе рекрутъ въ Николаевское время. Съ рисунка А. Васильева. Т. II. Стр. 173.

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ. Съ картины, принадлежащей графу Граббе. Т. I. Стр. 317.

Петербургъ.

· Аничковскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Т. I. Стр. 73.

· Тотъ же дворецъ и Невскій проспектъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры того времени. Т. I. Стр. 77.

- -- Елагинскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. (Съ акватинты Мартенса. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 169.

—— Зимній дворецъ и Дворцовая набережная въ 1806 году. Съ гравюры Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 401.

—- Калинкинскій пивоваренный заводъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 115.

– Литовскій замокъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 97.

– – Михайловскій замокъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 281.

- - - Мраморный дворецъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 265.

– Мясной рынокъ въ 1794 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 92.

- Набережная рѣки Фонтанки у Калинкина моста въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 105.

—- Сенатская площадь въ 1806 году. Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 105.

—- Симеоновскій мостъ и Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры Иванова. Т. I. Стр. 161.

—- Сытный рынокъ въ 1801 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 145.

Библиотека "Руниверс"

Петербургъ.

— Эрмитажъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Т. II. Стр. 109.
— Полицейскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 121.
— Марсово поле въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 133.
— Симеоновскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. 145.
— Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 181.
— Дворцовый мостъ и набережная Васильевскаго острова въ 1806 году. Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 208.
— Соборъ Спаса Преображенія. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Т. II. Стр. 309.
— Сѣнная площадь въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Гаузера. Т. II. Стр. 373.

Петергофъ.

— Императорское семейство въ Монплезирѣ. Съ литографіи Бегрова. Т. II. Стр. 99.
— Ольгинъ и Царицынъ острова. Съ акварели Шарлеманя. Т. II. Стр. 101.
— Верхняя терраса Ольгина острова. Съ сепіи Чернышева. Т. II. Стр. 105.

Польское возстаніе 1830 -1831 годовъ.

— Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ. Съ акварели Дитриха. Т. II. Стр. 329.
— Медовая улица 17 ноября 1830 года. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 337.
— Взятіе инсургентами тюрьмы въ Варшавѣ. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 339.
— Мостъ Собіесскаго въ Лазенкахъ. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 343.
— Бельведеръ 17 ноября 1830 года. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 347.
— Арсеналъ 17 ноября 1830 г. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 353.
— Засада. Эпизодъ изъ войны 1831 г. Съ акварели Заѣервейда. Т. II. Стр. 355.
— Штурмъ укрѣпленія Воли 25 августа 1831 года. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной по рисунку Тимма. Т. II. Стр. 363.

Посѣщеніе императорскимъ семействомъ тоней противъ Каменнаго острова въ Петербургѣ. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Т. II. Стр. 157.

Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Т. I. Стр. 173.

— короля прусскаго для встрѣчи великаго князя Николая Павловича въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Т. I. Стр. 171.

Публичное объявленіе о коронаціи императора Николая I въ Москвѣ. Съ литографіи того времени Куртена. Т. II. Стр. 9.

Рущукъ, крѣпость; видъ съ русской батареи въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 261.

Свиданіе графа Паскевича съ наслѣдникомъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирзой, въ Дейкарганѣ, въ 1828 году. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 249.

Семейство императорское въ Монплезирѣ въ Петергофѣ. Съ литографіи Бегрова. Т. II. Стр. 99.

Сраженіе при Гроховѣ въ 1831 году. Съ польской литографіи того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 337.

Библиотека "Руниверс"

Типы петербургскіе въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ рисунковъ съ натуры Щедровскаго. (Изъ собранія П. И. Ваулина).

— Въ пивной. Т. II. Стр. 113.
— Разносчики. Т. II. Стр. 117.
— Шарманщики. Т. II. Стр. 137.
— Швейцаръ и продавецъ щетокъ. Т. II. Стр. 141.
— Дворникъ и почталіонъ. Т. II. Стр. 149.
— Мастеровые. Т. II. Стр. 153.
— Типы солдатъ въ концѣ царствованія Александра I. Съ рисунка того времени. Т. I. Стр. 107.

Факсимиле.

— Заглавный листъ книги «Собраніе портретовъ», изданной въ 1825 г. Т. II. Стр. 187.
— Заглавный листъ «Мѣсяцеслова» на 1826 годъ. Т. II. Стр. 189.

Форма русскихъ войскъ.

— Кондукторъ главнаго инженернаго училища и солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 81.
— Офицеры лейбъ-гвардіи Павловскаго полка въ 1826 году. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной съ рисунка Теребенева. Т. II. Стр. 171.
— Офицеръ Гренадерскаго корпуса. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 89.
— Офицеръ роты главнаго инженернаго училища и офицеръ лейбъ-гвардіи Саперная баталіона. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 104.
— Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1800 году. Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Пиратскаго. Т. I. Стр. 109.
— Форма того же полка въ 1818 году. Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Пиратскаго. Т. I. Стр. 113.
— Четырнадцатое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ. Съ фототипіи, приложенной къ «Русскому Архиву» 1893 года. (Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ). Т. I. Стр. 265.

Шумла, крѣпость. Видъ ея въ 1828 году. Съ акварели того времени. Т. II. Стр. 273.

Эрзерумъ. Взятіе его въ 1829 году. Съ литографіи Гостейна, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 305.

Автографы.

— Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на русскомъ языкѣ. Т. I. Стр. 81. На отдѣльномъ листѣ.
— Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на французскомъ языкѣ. Т. I. Стр. 89. На отдѣльномъ листѣ.
— Записка А. П. Ермолова. Т. II. Стр. 81. На отдѣльномъ листѣ.
— Карантинный билетъ. Т. II. Стр. 385. На отдѣльномъ листѣ.
— Клятвенное обѣщаніе. Т. I. Стр. 225. На отдѣльномъ листѣ.
— Манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Павловича. Т. I. Стр. 49. На отдѣльномъ листѣ.
— Объявленіе о кончинѣ императора Александра Перваго и присягѣ императору Константину Павловичу, напечатанное въ «Русскомъ Инвалидѣ» 29-го ноября 1825 года. Т. I. Стр. 185. На отдѣльномъ листѣ.
— Объявленіе о розыскѣ В. К. Кюхельбекера. Т. I. Стр. 457. На отдѣльномъ листѣ.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ.

— Письмо великаго князя Константина Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Т. II. Стр. 49. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо великаго князя Николая Павловича къ цесаревичу Константину Павловичу. Т. I. Стр. 129. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо великаго князя Николая Павловича къ князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. Т. I. Стр. 161. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу. Т. I. Стр. 105. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо барона К. Ѳ. Толя генералу Красовскому. Т. I. Стр. 337. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ женѣ одного изъ декабристовъ. Т. I. Стр. 464. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо графа П. Х. Витгенштейна П. И. Пестелю. Т. I. Стр. 313. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо графа И. И. Дибича барону Б. К. Тизенгаузену. Т. II. Стр. 273. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо И. И. Дибича цесаревичу Константину Павловичу. Т. I. Стр. 417. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо графа И. Ѳ. Паскевича графу Симоничу. Т. II. Стр. 201. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо графа А. И. Чернышева императору Николаю Павловичу. Т. II. Стр. 161. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо князя А. Н. Голицына князю П. М. Волконскому. Т. II. Стр. 65. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо М. Л. Магницкаго Д. П. Руничу. Т. II. Стр. 153. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо Д. П. Рунича А. Д. Балашеву и отвѣтъ А. Д. Балашева Д. П. Руничу. Т. II. Стр. 145. На отдѣльномъ листѣ.

— Письмо М. М. Сперанскаго В. В. Шнейдеру. Т. II. Стр. 113. На отдѣльномъ листѣ.

— Подорожная по указу императора Константина Павловича. Т. I. Стр. 249. На отдѣльномъ листѣ.

— Прибавленіе къ № 145 «Сѣверной Пчелы». Т. I. Стр. 209. На отдѣльномъ. листѣ.

— Приказъ россійскимъ войскамъ. Т. II. Стр. 193. На отдѣльномъ листѣ.

— Факсимиле первой страницы статута ордена св. Анны 1829 года. Т. II. Стр. 219. На отдѣльномъ листѣ.

— Факсимиле трехъ печатныхъ стихотвореній Д. П. Рунича. Т. II. Стр. 377. На отдѣльномъ листѣ.

— Черновой отпускъ письма императора Николая графу Чернышеву, писанный Д. В. Дашковымъ, съ собственноручной припиской государя. Т. II. Стр. 169. На отдѣльномъ листѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"